ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503 (print)

ISSN 2949-205X (online)

Индекс подписки
в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием (Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по отраслям науки: **5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ОБРАЗОВАНИЕ
и ПРАВО
научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам философии, социологии, педагогики, юриспруденции, образования, а также правовому мониторингу, инновационным технологиям и реформе образования в России и мире

Председатель редакционного совета:
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Юлия Дребезгова

Дизайн:
Александр Черкасов

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

5.1.1. "Теоретико-исторические правовые науки";

5.1.2. "Публично-правовые (государственно-правовые) науки";

5.1.3. "Частно-правовые (цивилистические) науки".

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University.
Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.)
Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджментасоциологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волов – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО “Казанский Государственный Институт Культуры”

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО “Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)”

Первый заместитель главного редактора: М.С. Шайхуллин, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: Р.Б. Гандалоев, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета

Научная специальность: 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»

А.В. Гаврилин, доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой

А.А. Дорская, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В.Э. Меламуд, доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ

Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета

Р.Ф. Степаненко, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

В.Е. Усанов, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Научная специальность: 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

О.Н. Булаков, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

И.В. Дойников, доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

В.О. Миронов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Г.Д. Садовникова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА)

М.С. Халиков, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

А.В. Барков, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Е.В. Богданов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Е.В. Воевода, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

В.П. Камышанский, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования РФ

А.Н. Левушкин, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

А.А. Спектор, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Н.П. Ходакова, доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Х.С. Шагбанова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член–корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел РФ

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Анисифоров Т.С. * Финансовый суверенитет как основа безопасного и эффективного функционирования финансовой системы Российской Федерации. 15

Шикула И.Р., Кузьмин К.Е. * Уголовно-правовая политика России и зарубежных стран в сфере контроля за оборотом цифровой валюты и противодействия теневым финансовым потокам. 20

Агабабян Г.Г. * Особенности применения информационных технологий в сфере миграции. 24

Мерджанова Л.А. * Публично-правовой статус цифровых платформ в управлении земельными ресурсами (на примере Единой цифровой платформы «Национальная система пространственных данных»). 29

Гришак А.И. * Публично-правовые гарантии защиты государственного служащего от необоснованного увольнения в связи с автоматизацией управленческих процессов. 38

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Кобзева Е.И., Химич Т.М., Панина С.А. * Генезис прав человека в условиях глобальной цифровизации: трансформация классических свобод, цифровой конституционализм и сравнительно-правовой дискурс. 45

Игнатьева М.В. * Эффективность правовых норм в области прав человека: теоретические аспекты и проблемы правоприменения. 50

Андрейцо С.Ю. * Проблемы защиты отдельных прав и свобод: право на труд, право на неприкосновенность частной жизни, запрет пыток. 53

Викторов А.О. * Реализация права на обжалование служебных решений как проявление профессиональной правовой культуры сотрудников УИС. 57

Волкова А.С. * Юридические риски и защита прав потребителей при несанкционированных операциях по банковским картам. 64

Ибрагимова Э.С., Халиков А.С., Абушева А.Г. * Этические проблемы рождения ребенка из пробирки - ЭКО, репродукция. 70

Купряшин В.С., Петров А.А., Моисеенко М.И. * Пределы ограничения конституционных прав граждан в рамках чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации: правовые гарантии и чрезвычайный надзор. 78

Машкин Н.А., Ильин А.Ю. * Правовые аспекты социального обслуживания населения в Российской Федерации 88

Потапова Ю.Э. * Актуальные вопросы реализации права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной администрации. 96

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Гурылева М.Э., Карданова Л.Д., Амирова Р.Р. * Нравственные ценности Конституции Российской Федерации в системе биоэтического образования студентов медицинского университета. 102

Булаков О.Н. * Федерализм как правовая идея и конституционная категория. 107

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Овчинников И.И. * Компетенция местного самоуправления (дискуссионные аспекты оптимизации правового регулирования). 114

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Anisiforov T.S. * Financial sovereignty as the foundation for the secure and efficient functioning of the financial system of the Russian Federation. 15

Shikula I.R., Kuzmin K.Y. * Criminal law policy in Russia and foreign countries regarding the regulation of digital currency circulation and counteracting shadow financial flows. . . . 20

Aghababyan G.G. * Features of the use of information technologies in the field of migration. 24

Merzhanova L.A. * Public-legal status of digital platforms in land resource management (a case study of the unified digital platform “National Spatial Data System”). 29

Grishak A.I. * Public law guarantees of protection of a civil servant from unjustified dismissal in connection with the automation of administrative processes. 38

HUMAN RIGHTS

Kobzeva E.I., Khimich T.M., Panina S.A. * The genesis of human rights in the context of global digitalization: Transformation of classical freedoms, digital constitutionalism, and comparative legal discourse. 45

Ignatyeva M.V. * The effectiveness of legal norms in the field of human rights: Theoretical aspects and law enforcement challenges. 50

Andreitco S.Yu. * Protection of individual rights and freedoms: Right to work, right to privacy, prohibition of torture 53

Viktorov A.O. * Exercising the right to challenge service decisions as a manifestation of the professional legal culture of penal system officers. 57

Volkova A.S. * Legal risks and consumer protection in case of unauthorized bank card transactions. 64

Ibragimova E.S., Khalikov A.S., Abusheva A.G. * Ethical issues related to having a child in a test tube — IVF, reproduction. 70

Kupryashin V.S., Petrov A.A., Moiseenko M.I. * Limits on the restriction of citizens' constitutional rights within the emergency procedure code of the Russian Federation: Legal safeguards and emergency supervision. 78

Mashkin N.A., Ilyin A.Yu. * Legal aspects of social services for the population in the Russian Federation. 88

Potapova Yu.E. * Current issues of realization of the right of citizens of the Russian Federation to appeal to the authorities public administration. 96

THEORY OF CONSTITUTIONAL LAW

Guryleva M.E., Kardanova L.D., Amirova R.R. * Moral values of the Constitution of the Russian Federation in the system of bioethical education of medical university students 102

Bulakov O.N. * Federalism as a legal idea and constitutional category. 107

PUBLIC LAW

Ovchinnikov I.I. * Competence of local self-government (problems of optimization of legal regulation). 114

Юн Л.В., Якимова У.А. * Применение искусственного интеллекта в избирательном процессе Российской Федерации: риски и возможные перспективы. 123

Костюк М.Ф., Кунц Е.В. * Конституционализация уголовного права: воздействие Конституции РФ на нормы УК РФ и УИК РФ. 128

Захаров А.Е. * Информационно-технологический уровень взаимодействия элементов механизма государства в цифровую эпоху. 132

Барикаева А.Ф. * Правовое регулирование инвестиционной деятельности на муниципальном уровне: системно-правовая модель и направления совершенствования 141

Гиреев И.Б. * Эволюция и правовые основы регулирования межбюджетных трансфертов в России. 147

Елчуев Э.И. * Критерии оценки качества оказания государственных услуг: российский и зарубежный опыт. 154

Деханов С.А. * Гражданско-правовая правосубъектность публично-правовых образований и юридических лиц публичного права: российский и зарубежный опыт. 161

Баранов Д.А. * Государственный контроль в сфере высшего образования как публично-правовая гарантия реализации права на образование. 168

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Доманов В.В. * Перспективы развития специализированных судов в России: опыт Китайской Народной Республики. 175

Тарасов А.А., Тарасов Е.А. * Историко-правовой анализ антисемитского законодательства в Европе: роль в защите прав человека, противодействии экстремизму и терроризму. 181

Абзалова А.М. * Зарубежный опыт конституирования института федеральных территорий. 192

Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. * Меры социальной защиты в Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам: эффективность правового регулирования и правоприменительная практика. . . 198

Олимзода Д.Д. * Оружие как источник повышенной опасности в праве Российской Федерации и Республики Таджикистан. 209

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Петухова М.В., Кокорев А.В., Шалькова В.А. * Экономические реформы в истории России. 216

Савина Е.А. * Исторические традиции кодификации в России и их влияние на советское право. 222

Каландаришвили З.Н., Шелепов Д.В. * Система правового воспитания в СССР: организационные основы, достоинства и недостатки. 229

Гарафутдинов И.М. * Нормативное правовое регулирование институтов гражданского общества в субъектах РФ: понятие, история становления и развитие. 236

Воротилина Т.В., Шульженко И.С., Кантария-Невретдинова Е.А. * Отдельные аспекты правового регулирования бесплатной юридической помощи в России. . . 242

Андрюхина О.В. * Московская торговая биржа как институт представительства предпринимателей в Российской Империи (историко-правовой аспект). 247

Шайдуллина В.К. * Участники оборота цифровых (виртуальных) активов в России и Азербайджане: от специальных статусов к функциональной сопоставимости. . . . 253

Yun L.V., Yakimova U.A. * The use of artificial intelligence in the electoral process of the Russian Federation: risks and prospects. 123

Kostyuk M.F., Kunts E.V. * Constitutionalization of criminal law: The impact of the Constitution of the Russian Federation on the norms of the Criminal Code and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. 128

Zakharov A.E. * The information and technological level of interaction between the elements of the state mechanism in the digital era. 132

Barikaeva A.F. * Legal regulation of investment activity at the municipal level: system-legal model and areas for improvement. 141

Gireev I.B. * Evolution and legal framework of intergovernmental transfers regulation in Russia. 147

Elchuev E.I. * Criteria for assessing the quality of public services: Russian and foreign experience. 154

Dekhanov S.A. * Civil-law legal personality of public-law entities and legal entities of public law: Russian and foreign experience. 161

Baranov D.A. * State control in higher education as a public-law guarantee of the right to education. 168

HISTORY OF STATE AND LAW IN FOREIGN COUNTRIES

Domanov V.V. * Prospects for the development of specialized courts in Russia: The experience of the People's Republic of China. 175

Tarasov A.A., Tarasov E.A. * Historical and legal analysis of antisemitic legislation in Europe: The role in human rights protection and countering extremism and terrorism. . . . 181

Abzalova A.M. * Foreign experience of Constitution institute of federal territories. 192

Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.H. * Social protection measures in the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam: the effectiveness of legal regulation and law enforcement practice. 198

Olimzoda D.D. * Weapons as a source of increased danger in the law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. 209

HISTORY OF STATE AND LAW IN RUSSIA

Petukhova M.V., Kokorev A.V., Shalkova V.A. * Economic reforms in the history of Russia. 216

Savina E.A. * Historical traditions of codification in Russia and their influence on Soviet law. 222

Kalandarishvili Z.N., Shelepov D.V. * The legal education system in the USSR: organizational foundations, advantages and disadvantages. 229

Garafutdinov I.M. * Legal regulation of civil society institutions in the constituent entities of the Russian Federation: concept, history of formation, and development 236

Vorotilina T.V., Shulzhenko I.S., Kantariya-Nevretdinova E.A. * Certain aspects of legal regulation of free legal aid in Russia. 242

Andriukhina O.V. * The Moscow trade exchange as an institution representing entrepreneurs in the Russian Empire (historical and legal aspect). 247

Shaidullina V.K. * Participants in the circulation of digital (virtual) assets in Russia and Azerbaijan: from special statuses to functional comparability. 253

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Груздев И.М. * Пределы исполнительского иммунитета единственного жилого помещения в свете новейшей практики Конституционного Суда Российской Федерации 260

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Гусаим И.В., Эриашвили Н.Д. * О важности социо-аксиологического подхода к праву Алексея Ивановича Клименко для современной теории и философии права. . . . 264

Абрамова Е.А. * К вопросу о правовой природе мер защиты: понятие и классификация. 272

Журавлев Б.Ю. * Нетипичные и ненормативные источники права: общее и особенное. 279

Бровкин Д.В. * К вопросу о теоретико-методологических аспектах организационно-правового обеспечения общественной безопасности: вызовы и стратегии совершенствования. 283

Сотников А.В. * Проблема терминологической идентификации совокупности проявлений деформации правосознания. 287

Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Выезды осужденных женщин, отбывающих лишение свободы, за пределы исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы: правовой и психологический анализ. 292

Омельченко В.О. * Искусственный интеллект и правосознание: теоретико-правовая проблема «правовых галлюцинаций». 298

Папчихин П.С. * О сущности мер процессуального принуждения как превентивно-обеспечительных конструкций в праве. 304

ИННОВАЦИИ

Казберов П.Н., Кулакова С.В. * Инновации в воспитательной работе с личным составом силовых структур: анализ современных требований к задачам и методам 309

Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Социальная работа с осужденными как современный прогрессивный институт их исправления: теоретико-правовой анализ. 315

Крысанова-Кирсанова И.Г., Гук В.А. * О доктринальных подходах к определению цифровой валюты как объекта гражданских прав. 323

Носков И.А. * Краудсорсинговые платформы и общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов как инструмент выявления пробелов в праве. 328

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Валов К.Д. * Правовое регулирование самообследования и декларирования соблюдения обязательных требований в системе государственного контроля (надзора) за предпринимательской деятельностью. 337

Кырлан М.Г. * Генезис правового регулирования инвестиционной деятельности кредитных организаций в России и Азербайджане: от общих истоков к самостоятельным моделям. 342

Николаев Р.О. * Смарт-контракт как гражданско-правовое средство формирования цифровой среды доверия в предпринимательском обороте. 348

Новожилов И.С. * Юридическое опосредование интересов третьих лиц при осуществлении прав участников коммерческих корпораций. 353

Киселёва А.А. * Пределы влияния мотивированного мнения налогового органа на содержание налоговой обязанности. 362

CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCEDURE

Gruzdev I.M. * Limits of execution immunity for the sole dwelling in light of the latest case law of the Constitutional Court of the Russian Federation. 260

INTERPRETATION OF LAW

Gusaim I.V., Eriashvili N.D. * On the importance of Alexey Ivanovich Klimenko's socio-axiological approach to law for modern theory and philosophy of law. 264

Abramova E.A. * On the legal nature of protective measures: concept and classification. 272

Zhuravlev B.Yu. * Atypical and non-normative sources of law: general and specific aspects. 279

Brovkin D.V. * On the theoretical and methodological aspects of the organizational and legal framework for ensuring public safety: challenges and strategies for improvement. 283

Sotnikov A.V. * The problem of terminologically identifying the various manifestations of distorted legal consciousness 287

Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Visits of convicted women serving their sentences outside correctional institutions of the penal system: legal and psychological analysis. 292

Omelchenko V.O. * Artificial intelligence and legal consciousness: the theoretical and legal problem of “legal hallucinations”. 298

Papchikhin P.S. * On the essence of procedural coercion measures as preventive-security structures in law. 304

INNOVATIONS

Kazberov P.N., Kulakova S.V. * Innovations in educational work with law enforcement personnel: analysis of modern requirements for objectives and methods. 309

Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Social work with condemned persons as a modern progressive institution for their correction: theoretical and legal analysis. 315

Krysanova-Kirsanova I.G., Guk V.A. * On doctrinal approaches to defining digital currency as an object of civil rights. 323

Noskov I.A. * Crowdsourcing platforms and public discussion of draft normative legal acts opportunities for identifying gaps in law and risks of digitalization. 328

LAW AND ECONOMICS

Valov K.D. * Legal regulation of self-examination and declaration of compliance with mandatory requirements in the system of state control (supervision) over entrepreneurial activity. 337

Kyrlan M.G. * The genesis of legal regulation of investment activities of credit institutions in Russia and Azerbaijan: from common origins to distinct models. 342

Nikolaev R.O. * Smart contract as a civil-law means of forming a digital trust environment in business circulation 348

Novozhilov I.S. * Legal mediation of third-party interests in the exercise of the rights of members of commercial corporations. 353

Kiseleva A.A. * The limits of the influence of a tax authority’s “reasoned opinion” on the content of a tax obligation. . . 362

Толкачева О.П. * Финансово-правовое регулирование деятельности самозанятых граждан в Российской Федерации. 368

Машкин Н.А., Ильин А.Ю. * Гражданско-правовой аспект статуса индивидуального предпринимателя. 378

Наумова Н.В., Курская М.Д. * Правовые механизмы защиты участников долевого строительства: владимирский кейс. 383

Макарян В.А. * Направления совершенствования законодательства в сфере осуществления предпринимательской деятельности как фактор укрепления экономической безопасности Российской Федерации. 389

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Романов М.А. * Персонализация права в контексте цифровизации правотворчества. 394

Сотников А.В. * Деформация правосознания сотрудников федеральной службы судебных приставов. 398

Гасаналиева А.Ш. * Методологический плюрализм и функциональная интеграция подходов к исследованию правообразования. 403

Игнатьева М.В. * Правопонимание как фактор повышения эффективности правового регулирования и правоприменения. 410

Олейников О.В., Петрушин К.И., Агаджанян Д.А. * Проблемы правового регулирования человеческого контроля над искусственным интеллектом в России и пути их решения. 415

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Верес В.С. * Концептуальные проблемы дифференциации административной ответственности участников оборота маркированных товаров: системно-правовой анализ статьи 15.12 КоАП РФ. 423

Приданникова О.А. * Административно-правовой статус участников ведомственного контроля в органах дознания МВД России. 429

Гордиенко В. * Административно-правовое регулирование миграционного контроля в Российской Федерации: современное состояние и направления совершенствования. 436

Боброва И.А. * К вопросу о теоретико-методологических основах квалификации административных правонарушений, совершаемых с применением интернет-технологий 442

Ленский В.М. * Проблемные вопросы регулирования административной ответственности за распитие алкогольной продукции в общественных местах. 445

АДВОКАТУРА И АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Степанов И.Л. * Взаимное признание статуса адвоката в законодательстве России и Беларуси: проблемы и перспективы при формировании правовой системы Союзного государства. 452

Тюрина Н.Е., Федченков А.В. * Независимость адвокатского самоуправления и защита профессиональных прав адвокатов в Российской Федерации в свете международно-правовых стандартов. 458

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Анастасов С.М. * Критерий творческого характера как условие охраноспособности фотографического произведения в российском и зарубежном праве. 465

Дрожжинова С.А., Шуваев А.В. * Специфика использования материально-правовых и процессуальных способов защиты прав авторов на онлайн-курсы. 473

Tolkacheva O.P. * Financial and legal regulation of the activities of self-employed citizens in the Russian Federation 368

Mashkin N.A., Ilyin A.Yu. * The civil law aspect of the status of an individual entrepreneur. 378

Naumova N.V., Kurskaya M.D. * Legal mechanisms for the protection of participants in shared-equity construction: the Vladimir case. 383

Makaryan V.A. * Directions for improving legislation in the field of entrepreneurial activity as a factor in strengthening the economic security of the Russian Federation. 389

LAW FORMATION AND LAWMAKING

Romanov M.A. * Personalization of law in the context of the digitalization of law-making. 394

Sotnikov A.V. * Deformation of the legal consciousness of employees of the federal bailiff service. 398

Gasanalieva A.Sh. * Methodological pluralism and functional integration of approaches to the study of law formation. 403

Ignatyeva M.V. * Legal understanding as a factor in enhancing the effectiveness of legal regulation and law enforcement. 410

Oleynikov O.V., Petrushin K.I., Agadzhanyan D.A. * Issues regarding the legal regulation of human control over artificial intelligence in Russia and ways to address them. 415

ADMINISTRATIVE LAW

Veres V.S. * Conceptual problems of differentiating administrative liability of participants in the circulation of marked goods: a systemic legal analysis of article 15.12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. 423

Pridannikova O.A. * Administrative and legal status of participants in departmental control in the bodies of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 429

Gordienco V. * Administrative-legal regulation of migration control in the Russian Federation: current state and directions for improvement. 436

Bobrova I.A. * On the theoretical and methodological foundations of classifying administrative offenses committed using internet technologies. 442

Lenskiy V.M. * Issues concerning the regulation of administrative liability for the consumption of alcoholic beverages in public places. 445

THE BAR AND ADVOCACY

Stepanov I.L. * Mutual recognition of the status of a lawyer in the legislation of Russia and Belarus: problems and prospects in the formation of the legal system of the union state. 452

Tyurina N.E., Fedchenkov A.V. * Independence of bar self-government and protection of lawyers' professional rights in the Russian Federation in the light of international legal standards. 458

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Anastasov S.M. * The criterion of creative character as a condition for the copyrightability of a photographic work under Russian and foreign law. 465

Drozhzhinova S.A., Shuvaev A.V. * Specific features of using substantive and procedural methods to protect authors' rights to online courses. 473

Мулик Д.М. * Цифровая копия исполнителя: пределы действия статей 1317 и 152.1 ГК РФ и согласие на использование голоса и внешности в кинопроизводстве. . . 479

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Николайченко О.В. * Указания суда при рассмотрении гражданских дел и их правовое значение для исполнения нижестоящими судами процессуальных обязанностей 488

Белоус К.К. * Проявление социальной солидарности в российском правосудии: от доктрины к практическому воплощению. 494

Эльмурзаев А.В., Ашуров Т.К. * Видеоконференц-связь в гражданском судопроизводстве в соответствии с гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации: влияние на право на защиту и оценку доказательств 505

Мастрюков А.С. * Иски прокурора о признании недействительными сделок, совершённых в нарушение контрсанкционного законодательства. 510

Мерджанова Л.А. * Судебная защита прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости земельных участков в условиях цифровой неопределенности 519

Беляев И.Р. * Иностранные ограничительные меры как препятствие исполнению арбитражного решения. . . 529

Герц А.М. * Quis custodiet ipsos custodes? Стратегии процессуального поведения прокурора в делах о несостоятельности. 536

Еркин А.А., Гасанов Н.В., Дьякова Н.В. * Недоброкачественная судебная экспертиза: процессуальные механизмы оспаривания, распределение расходов и ответственность эксперта. 542

Николаев Д.О. * Разграничение искового и административного судопроизводства по делам о возмещении вреда, причиненного органами публичной власти. 550

Спирица Е.В. * Неавторизованный источник в обосновании экспертного вывода: случай двустороннего цитирования одной стенограммы. К проблеме источниковедческого контроля в судебно-психологической экспертизе достоверности показаний. 557

Эльмурзаев А.В., Михеев А.А. * Проблемные аспекты исполнения судебных постановлений в механизме регистрации общей долевой собственности на недвижимость 568

Голев И.Б. * Проблема дисбаланса между обязанностями и правами арбитражных управляющих при проведении процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве). 574

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Иванова С.А., Кондратюк Д.Л. * Правовые проблемы наследования в корпоративных организациях. 578

Левин М.Г. * Основания и последствия недействительных сделок при банкротстве. 587

Добровинская А.В. * От вины к риску; трансформация гражданско-правовой ответственности в условиях цифровизации. 591

Карягина В.С., Макаров Т.Г. * Договор дарения недвижимости: особенности правового регулирования. 596

Рымкевич Я.А. * Применение искусственного интеллекта для повышения эффективности медиативных соглашений: правовые вызовы цифровой эпохи. 603

Mulik D.M. * Digital replica of a performer: The limits of articles 1317 and 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation and consent to the use of voice and appearance in film production. 479

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Nikolaychenko O.V. * Court instructions in the consideration of civil cases and their legal significance for the performance of procedural obligations by lower courts. 488

Belous K.K. * The manifestation of social solidarity in Russian justice: from doctrine to practical implementation 494

Elmurzaev A.V., Ashurov T.K. * Videoconferencing in civil proceedings in accordance with the civil procedure code of the Russian Federation: Impact on the right to defense and assessment of evidence. 505

Mastryukov A.S. * Prosecutor's lawsuits seeking to invalidate transactions concluded in violation of countersanction legislation. 510

Merzhanova L.A. * Judicial protection of entrepreneurs' rights in challenging the cadastral value of land plots in conditions of digital uncertainty. 519

Belyaev I.R. * Foreign restrictive measures as an obstacle to the enforcement of arbitral awards. 529

Gerts A.M. * Quis custodiet ipsos custode? Procedural strategies of the prosecutor in bankruptcy cases. 536

Erkin A.A., Gasanov N.V., Dyakova N.V. * Poor-quality forensic examination: procedural mechanisms for challenging it, distribution of costs, and the expert's liability 542

Nikolayev D.O. * Differentiation of claim and administrative proceedings in cases of compensation for damage caused by public authorities. 550

Spiritsa E.V. * An unauthorised source in the justification of an expert conclusion: a case of one transcript cited by both sides. On source criticism in forensic psychological assessment of statement credibility. 557

Elmurzaev A.V., Mikheev A.A. * Problematic aspects of enforcing judicial decisions within the mechanism of registration of common shared ownership of real estate. 568

Golev I.B. * The issue of imbalance between the duties and rights of the insolvency administrator in the course of procedures applied in insolvency (bankruptcy) cases. . . 574

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Ivanova S.A., Kondratyuk D.L. * Legal problems of inheritance in corporate organizations. 578

Levin M.G. * Grounds and consequences of invalid transactions in bankruptcy. 587

Dobrovinskaya A.V. * From guilt to risk; the transformation of civil liability in the context of digitalization. 591

Karyagina V.S., Makarov T.G. * Real estate donation agreement: features of legal regulation. 596

Rymkevich Ya.A. * The application of artificial intelligence to improve the efficiency of mediation agreements: legal challenges of the digital era. 603

Гущин М.С. * Трансформация добросовестности в приобретательной давности. 608

Матвеенко А.С. * Решения о присуждении в деликтных патентных спорах. 615

Балеевская Т.А. * Правовая природа и место добросовестности в системе гражданского права. 623

Андрейцо С.Ю. * Проблемы защиты прав социально-уязвимых категорий в России и направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики (на материалах Санкт-Петербурга). 629

Вильданова М.М. * О совершенствовании страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов в Российской Федерации. 633

Ханукаев Г.С. * Коррупция в сфере страхования: современное состояние и эмпирические данные. 641

Рассохов И.Р. * Обеспечение конкуренции на товарных рынках лекарственных препаратов: проблемные аспекты 647

Шикула И.Р., Зыкова А.О. * Ответственность за нарушение маркировки интернет-рекламы участников рекламной цепочки. 653

Венина О.А., Огородников В.И. * Исследование и организация сотрудничества психологических и социальных служб при внедрении программ пробации. 658

Викторов А.О. * Профессиональная правовая культура сотрудников УИС при обеспечении равенства осуждённых с инвалидностью. 665

Маруха Е.Р. * Приостановление осуществления права голоса члена сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива как альтернатива исключению 672

Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Современные особенности законодательного регулирования замещения должностей в уголовно-исполнительной системе по конкурсу. 681

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Меграбян А.К. * Эволюция представлений о спорте и его правовом регулировании: от античной традиции к цифровой эпохе. 687

Смирнов В.А. * Особенности правового статуса спортсменов-инвалидов как субъектов права социального обеспечения. 696

Никитина Л.М., Сабирзянова Ф.Ф., Шершунова В.Н., Хасанзянов И.И. * Формирование системы адаптивной физической культуры в Казанском федеральном университете: перспективы. 709

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Клочкова А.В., Захаренко Н.А. * Нейросетевые инструменты в академических практиках. 715

Орешникова К.С. * Проблемы и перспективы функционирования цифрового механизма реализации права на высшее образование. 720

Баранов Д.А. * Принцип технологической нейтральности в публично-правовом регулировании реализации права на высшее образование. 729

Линьков В.В., Ширяева С.В. * Комплексный подход в теории и практике образования. 735

Тыкыл-Оол А.С. * О правовых формах участия родителя в воспитании ребенка по российскому семейному законодательству и судебной практике. 743

Gushchin M.S. * Transformation of good faith in acquisitive prescription. 608

Matveenko A.S. * Award decisions in tort patent disputes 615

Baleevskaya T.A. * The legal nature place of good faith in the civil law system. 623

Andreitco S.Yu. * Problems of protecting the rights of socially vulnerable categories in Russia and areas of improving legislation and law enforcement practice (based on materials from St. Petersburg). 629

Vildanova M.M. * On improving civil liability insurance for owners of hazardous facilities in the Russian Federation 633

Hanukaev G.S. * Corruption in insurance: current state and empirical evidence. 641

Rassokhov I.R. * Ensuring competition in pharmaceutical product markets: challenging aspects. 647

Shikula I.R., Zykova A.O. * Liability of advertising chain participants for violations related to internet advertising labeling. 653

Venina O.A., Ogorodnikov V.I. * Research and organization of cooperation between psychological and social services in the implementation of probation programs. 658

Viktorov A.O. * Professional legal culture of penitentiary staff in ensuring equality of convicts with disabilities. 665

Marukha E.R. * Temporary suspension of a member's voting right in agricultural credit consumer cooperatives as an alternative to expulsion. 672

Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Modern features of the legislative regulation of the replacement of positions in the penal system by competition. 681

SPORTS LAW

Megrabyan A.K. * The evolution of concepts of sport and its legal regulation: from antiquity to the digital era. 687

Smirnov V.A. * Specifics of the legal status of athletes with disabilities as subjects of social security law. 696

Nikitina L.M., Sabirzyanova F.F., Shershunova V.N., Khasanzyanov I.I. * Development of an adaptive physical education system at Kazan Federal University: prospects 709

MODERNIZATION OF EDUCATION

Klochkova A.V., Zakharenko N.A. * Neural-network tools in academic practices. 715

Oreshnikova K.S. * Problems and prospects of the digital mechanism for implementing the right to higher education 720

Baranov D.A. * The principle of technological neutrality in public-law regulation of the right to higher education. . . 729

Linkov V.V., Shiryaeva S.V. * A comprehensive approach in the theory and practice of education. 735

Tykyl-Ool A.S. * The legal forms of joint parenting under Russian family law and judicial practice. 743

Майстренко Г.А. * Воспитание и образование несовершеннолетних осужденных в России: историко-правовая эволюция и современная модель образовательной ресоциализации. 749

Казберов П.Н. * Духовно-нравственное воспитание курсантов образовательных организаций ФСИН России: анализ средств воспитательной работы. 756

Орешникова К.С. * Цифровая инфраструктура реализации права на высшее образование в Российской Федерации. 761

Марчук С.А. * Повышение эффективности психофизической подготовки студентов транспортного вуза на основе мониторинга прикладных физических качеств. 769

Смирнова О.М., Ибрагимова Е.М., Зиннатуллина А.Н. * К вопросу о правовых проблемах регулирования социальных гарантий работников образовательных организаций. 774

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лукашенко Д.В. * Правовое обеспечение достижения метапредметных результатов общего образования в цифровой образовательной среде. 779

Унатлоков В.Х., Ежова О.Н., Никандров Э.Ю., Крапивин О.В., Анкушин А.В. * Педагогическая подготовка курсантов ведомственных вузов ФСИН России: проблемы и пути решения. 784

Дмитриев Г.Г., Бодяков В.Н. * Педагогическое воздействие на несовершеннолетних осужденных как взаимодействие принципов и методов. 790

Кужугет А.А., Пугачев Р.В., Лозовая А.И. * Влияние миофасциального релиза на корреляционные взаимосвязи функциональных параметров организма студентов с различным уровнем двигательной активности. 796

Родионова М.С., Шахова Е.А. * Применение искусственного интеллекта в обучении высшей математике в вузах 803

Лукашенко Д.В. * Психологическая диагностика когнитивной нагрузки и учебной саморегуляции студентов в гибридной цифровой образовательной среде (направления ФСИН России). 810

Романенко Е.С. * К вопросу развития психологической модели профессионального потенциала курсантов-психологов в образовательных организациях ФСИН России 815

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Абрамова Н.В., Коновалова Е.Г. * Эффективность правовых гарантий: обеспечение трудовой занятости в рамках социальной политики государства. 822

Шленчак В.В. * Лизинг рабочей силы как особая форма договорного взаимодействия в сфере трудовых отношений. 832

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Амирова З.Б. * К вопросу профилактики побоев и истязаний: криминологические и виктимологические аспекты 836

Тарасов А.А. * Цифровая виктимологическая профилактика терроризма: правовое просвещение и образовательные практики. 840

Бровкин Д.В. * К вопросу о противодействии экстремистской деятельности в сети Интернет: формы и методы распространения и способы пресечения. 849

Долева О.А. * Противодействие использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступления. 853

Maistrenko G.A. * Upbringing and education of juvenile convicts in Russia: historical and legal evolution and the contemporary model of educational resocialization. 749

Kazberov P.N. * Spiritual and moral education of cadets in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: analysis of educational tools. 756

Oreshnikova K.S. * Digital infrastructure for the implementation of the right to higher education in the Russian Federation. 761

Marchuk S.A. * Improving the efficiency of psychophysical training of students of a transport university based on monitoring applied physical qualities. 769

Smirnova O.M., Ibragimova E.M., Zinnatullina A.N. * On the legal issues regarding the regulation of social guarantees for employees of educational organizations. 774

PEDAGOGICAL SCIENCES

Lukashenko D.V. * Legal support for achieving metasubject outcomes in general education within a digital learning environment. 779

Unatlokov V.Kh., Ezhova O.N., Nikandrov E.Yu., Krapivin O.V., Ankushin A.V. * Pedagogical training of cadets at FSIN Russia departmental higher education institutions: challenges and solutions. 784

Dmitriev G.G., Bodyakov V.N. * Pedagogical influence on juvenile offenders as an interaction of principles and methods 790

Kuzhuget A.A., Pugachev R.V., Lozovaya A.I. * The effect of myofascial release on the correlations between functional parameters of the body in students with varying levels of physical activity. 796

Rodionova M.S., Shakhova E.A. * Application of artificial intelligence in teaching higher mathematics in universities 803

Lukashenko D.V. * Psychological diagnostics of cognitive load and academic self-regulation in students within a hybrid digital educational environment (focus areas of the Federal Penitentiary Service of Russia). 810

Romanenko E.S. * On the development of a psychological model of the professional potential of psychology cadets in educational institutions of the Russian Federal Penitentiary Service (FSIN). 815

LABOR LAW

Abramova N.V., Konovalova E.G. * The effectiveness of legal guarantees: ensuring employment within the framework of the state's social policy. 822

Shlenchak V.V. * Workforce leasing as a specific form of contractual interaction in labor relations. 832

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Amirova Z.B. * On the issue of preventing beatings and torture: criminological and victimological aspects. 836

Tarasov A.A. * Digital victimological prevention of terrorism: legal education and educational practices. 840

Brovkin D.V. * On the issue of countering extremist activity on the internet: forms and methods of dissemination and methods of suppression. 849

Doleva O.A. * Countering the use of information and telecommunication technologies in organizing a crime. . 853

Кухтяева Е.А., Абдулкеримова М.Ш. * Принцип соразмерности наказания: конституционные требования и их реализация в уголовном наказании. 862

Баранов Д.А. * Уголовно-правовая охрана права на образование в условиях цифровой трансформации. . . 868

Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Актуальные вопросы формирования законопослушного поведения лиц, совершивших преступления в молодом возрасте, и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы. 874

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Полякова Я.Н., Зинина Н.А. * Личность в исправительном учреждении. 880

Фиалковская Е.В. * Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения несовершеннолетних осуждённых в воспитательной колонии. 886

Царькова Е.Г. * Биометрический анализ и распознавание поведения для прогнозирования угроз безопасности в учреждениях УИС: технологические возможности и правовые ограничения. 893

Рамхен А.А. * Динамика исполнительных производств неимущественного характера в деятельности ФССП России: статистический анализ за 2021–2025 годы. 898

Полякова Я.Н. * Формирование личности как системный и целенаправленный процесс в исправительном учреждении. 904

Дмитриев Г.Г. * Основа формирования эффективных отношений осужденных в исправительном учреждении 910

Лукашенко Д.В., Бодяков В.Н. * Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование профессиональной виктимности сотрудников ФСИН России. 913

Викторов А.О. * Внеслужебное поведение сотрудников УИС: пределы его оценки в контексте профессиональной правовой культуры. 919

Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Актуальные вопросы предупреждения преступлений среди лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества и состоящих на учете уголовно-исполнительной инспекции. 926

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Фиалковская Е.В. * Цифровое неравенство как препятствие ресоциализации несовершеннолетних осужденных 932

Чабан А.О. * Налоговый мониторинг как формат «бесконтактного» контроля в период цифровизации: перспективы и влияние на малый и средний бизнес. 939

Скобилева И.В. * Цифровизация нотариальной деятельности в Российской Федерации: правовые основы, преимущества, риски и пути адаптации. 946

Мных П.С. * Искусственный интеллект в юридической деятельности: ответственность, добросовестность и достоверность. 953

Калинина Е.В. * Искусственный интеллект в механизме урегулирования частно-правовых споров посредством медиации. 960

Боброва И.А. * К вопросу о проблемных аспектах правовой квалификации интернет-правонарушений: подходы к совершенствованию нормативного регулирования. . 966

Ковалькова Е.Ю., Алемпеев Г.С. * Гражданско-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в облачных экосистемах организаций. 970

Kukhtyaeva E.A., Abdulkerimova M.Sh. * The principle of proportionality of punishment: constitutional requirements and their implementation in criminal punishment. 862

Baranov D.A. * Criminal-law protection of the right to education in the context of digital transformation. 868

Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Current issues of developing law-abiding behavior among persons who committed crimes at a young age and are serving sentences in correctional institutions of the penal system. 874

PENAL LAW

Polyakova Ya.N., Zinina N.A. * The formation of moral responsibility in prison. 880

Fialkovskaya E.V. * Pedagogical support of professional self-determination of juvenile convicts in an educational colony. 886

Tsarkova E.G. * Biometric analysis and behavior recognition for predicting security threats in penitentiary institutions: technological capabilities and legal restrictions. 893

Ramkhen A.A. * Dynamics of non-property enforcement proceedings within the activities of the FSSP of Russia: a statistical analysis for 2021–2025. 898

Polyakova Ya.N. * Correction as a systematic and targeted process of personality formation. 904

Dmitriev G.G. * The basis for developing effective relationships among convicts in a correctional institution 910

Lukashenko D.V., Bodyakov V.N. * Socio-psychological determinants influencing the development of professional victimization among personnel of the Federal Penitentiary Service of Russia. 913

Viktorov A.O. * Off-duty conduct of penal system officers: limits of its assessment in the context of professional legal culture. 919

Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Topical issues of crime prevention among persons serving sentences without isolation from society and registered with penal enforcement inspectorates. 926

DIGITAL LAW

Fialkovskaya E.V. * Digital inequality as an obstacle to the resocialization of juvenile convicts. 932

Chaban A.O. * Tax monitoring as a form of «contactless» control in the era of digitalization: Prospects and implications for small and medium-sized business. 939

Skobileva I.V. * Digitalization of notarial activities in the Russian Federation: legal foundations, benefits, risks, and pathways to adaptation. 946

Mnykh P.S. * Artificial intelligence in the provision of legal services: contractual liability, good faith, and reliability of legal information. 953

Kalinina E.V. * Artificial intelligence in the mechanism for the settlement of private-law disputes through mediation. . . 960

Bobrova I.A. * On the issue of problematic aspects of the legal qualification of internet offenses: approaches to improving regulatory frameworks. 966

Kovalkova E.Yu., Alempeev G.S. * Civil law regulation of the use of artificial intelligence in cloud ecosystems. . . . 970

Карпенко М.С. * Смарт-контракты и токенизация недвижимости в Российской Федерации: правовой статус, риски и перспективы регулирования. 976

Бровкин Д.В. * К вопросу о технологических методах и средствах противодействия и нейтрализации деструктивного контента в цифровой среде. 983

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Александров И.А., Иванов А.А. * Позитивная экологическая ответственность и экологический налог. 987

Булатов Т.Р. * Актуальные проблемы экологического законодательства в сфере охраны атмосферного воздуха в Российской Федерации. 994

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Некрасова К.И., Степанов Р.И., Подвигина Л.Н., Лазукина Н.Ю., Якушева М.Е. * Страхи будущих матерей и причины отложенного материнства. Спецификация страха беременности и родов у женщин. 999

Кулиев Д.Т. * Причины совершения грехов согласно положениям шариата. 1005

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Котова Е.С. * Сущность, цели и функции права в теории Виноградова. 1010

Рыжова Ю.В. * Роль института дворцового коменданта в обеспечении безопасности императора в конце XIX – начале XX вв.. 1016

Савина Е.А. * Теоретико-правовые основы модернизации законодательства: взгляд через призму научного наследия В. В. Лазарева. 1021

Алюков И.Д. * Эволюция критериев существенных дефектов с девятнадцатого века по настоящее время: историко-правовой анализ. 1027

Karpenko M.S. * Smart contracts and real estate tokenization in Russian Federation: legal status, risks and regulatory prospects. 976

Brovkin D.V. * On the issue of technological methods and means of countering and neutralizing destructive content in the digital environment. 983

ENVIRONMENTAL LAW

Alexandrov I.A., Ivanov A.A. * Positive environmental responsibility and environmental tax. 987

Bulatov T.R. * Current problems of environmental legislation in the field of air quality protection in the Russian Federation 994

HISTORY AND CULTURE

Nekrasova K.I., Stepanov R.I., Podvigina L.N., Lazukina N.Yu., Yakusheva M.E. * Fears of future mothers and the causes of delayed motherhood. Specification of the fear of pregnancy and childbirth in women. 999

Kuliev D.T. * The reasons for the commission of the sins according to the provisions of sharia. 1005

LEGAL ARCHIVE

Kotova E.S. * The essence, goals, and functions of law in the theory of Vinogradoff. 1010

Ryzhova Yu.V. * The role of the palace commandant's institute in ensuring the emperor's security in the late 19th – early 20th centuries. 1016

Savina E.A. * Theoretical and legal foundations of modernization of legislation: a look through the prism of V. V. Lazarev's scientific heritage. 1021

Alyukov I.D. * The evolution of criteria for material defects from the nineteenth century to the present: a historical and legal analysis. 1027

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-15-19

АНИСИФОРОВ Тим Сергеевич,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
тел: +7-915-047-93-75,
e-mail: tsanisiforov@msal.ru

ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА БЕЗОПАСНОГО И ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу относительно новой для отечественной финансово-правовой науки категории «финансовый суверенитет». В ней раскрыты содержание и уровень правового обеспечения финансового суверенитета, его видовая структура. Особое внимание уделено комплексной правовой природе финансового суверенитета, позволяющей рассматривать его в различных качествах. Обосновано, что финансовый суверенитет выступает основой для безопасного и эффективного функционирования финансовой системы нашего государства.*

Ключевые слова: *финансово-правовое регулирование, финансовая система Российской Федерации, финансовая безопасность, финансовый суверенитет, укрепление финансового суверенитета государства.*

Для цитирования: *Анисифоров Т. С. Финансовый суверенитет как основа безопасного и эффективного функционирования финансовой системы Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 15–19.*

ANISIFOROV Tim Sergeevich,
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL),
Moscow, Russia

FINANCIAL SOVEREIGNTY AS THE FOUNDATION FOR THE SECURE AND EFFICIENT FUNCTIONING OF THE FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the concept of "financial sovereignty," a relatively new category in domestic financial-legal scholarship. It explores the content and level of legal safeguards for financial sovereignty, as well as its structural varieties. Particular attention is paid to the multifaceted legal nature of financial sovereignty, which allows it to be viewed from various perspectives. The article substantiates the argument that financial sovereignty serves as the foundation for the secure and efficient functioning of the state's financial system.*

Key words: *financial-legal regulation, financial system of the Russian Federation, financial security, financial sovereignty, strengthening the state's financial sovereignty.*

For citation: *Anisiforov T. S. Financial sovereignty as the foundation for the secure and efficient functioning of the financial system of the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):15–19. (In Russ.).*

Введение. Суверенитет, объясняет Е.Ю. Грачева, «явление абстрактное, многоаспектное и многоуровневое, проявляющееся в деятельности государства в экономической, политической и иных социальных сферах» [1, с. 66]. Суверенитет государства в различных сферах позволяет судить о его успехах на международной арене, при этом из-за безусловной интеграции национальных финансов в мировую финансовую систему невозможно признание полного суверенитета Российской Федерации в финансовой сфере.

Индикаторами современного состояния финансового суверенитета могут служить различные показатели, но если руководствоваться «новопринятой» методикой в качестве основных воспринимаются две их группы: во-первых, показатели, отражающие уровень развития финансового рынка Российской Федерации, а, во-вторых, показатели его устойчивости к внешнеэкономическим факторам (пункты 2, 3 Методики расчета показателей состояния финансового суверенитета Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.03.2026 № 434-р). На примере хотя бы валового внутреннего продукта, участвующего в формировании ряда показателей, можно засвидетельствовать противоречивую картину: с одной стороны, фиксируется замедление экономического роста (в 2025 г. до 1,0 % и, согласно прогнозу, в 2026 г. еще до 0,8 %); с другой, переориентация российской экономики на внутренние источники, в том числе финансирования, что позволяет снижать уязвимость перед «экономическими санкциями» и одновременно укреплять финансовый суверенитет. То есть при всей значимости институализации оценок состояния финансового суверенитета Российской Федерации с точностью признать достоверность итоговых выводов вряд ли получится, поскольку они напрямую будут зависеть от стабильности и сопоставимости значений, участвующих в расчетных формулах.

Несмотря на это, утверждение Методики следует рассматривать в качестве важного шага в публичном управлении финансами и правовом обеспечении финансового суверенитета Российской Федерации, создающего дополнительные юридические предпосылки для формирования национальной финансовой системы, которая бы функционировала в рамках собственного правового поля.

Результаты исследования. Исследования по теме финансового суверенитета длительное время носили характер общетеоретических и исторических и только в последние годы стали чаще получать правовое звучание. При этом благодаря своей многоаспектности тема входит в предмет изучения различных юридических наук, включая конституционное, административное, международное публичное и, конечно, финансовое право. Последнее занимает центральное, системообразующее место в изучении финансового суверенитета, для чего имеется несколько веских причин.

Первая причина – обладание финансовым правом исключительной возможностью целостного охвата всех без исключения направлений публичных финансовых отношений, чего не может быть сделано в рамках других публичных правовых отраслей.

Вторая причина состоит в особом предназначении финансового права, его норм в вопросе материализации государственного суверенитета в финансовой и других сферах. Закономерно, что государство, не обладающее финансовой самостоятельностью и независимостью, не может быть суверенным в политическом, военном, социально-культурном и иных отношениях.

Третья причина заключается в том, что финансовый суверенитет – это непосредственный инструмент и результат для существования общественных отношений, складывающихся в ходе осуществления публичной властью финансовой деятельности по собиранию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств для достижения стоящих перед обществом целей и задач [2, с. 780]. Поэтому нормы финансового права, регулирующие данные отношения, одновременно связаны и с регулированием отношений в области обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации.

Вопрос о том, как именно следует рассматривать финансовый суверенитет в рамках финансового права, не является решенным. Он может быть раскрыт как объект финансово-правового (или шире – публично-правового) регулирования, или как объект финансово-правовой охраны, или как критерий эффективности финансово-правового регулирования, или как элемент правового статуса публично-правового образования, и в иных качествах. Как бы там ни было, любой из ука-

занных вариантов предполагает его раскрытие в качестве сложносоставного, динамичного (то есть изменчивого) явления, обеспеченного различными, прежде всего, публично-правовыми формами.

Анализ определений ученых и специалистов темы свидетельствует об использовании всех перечисленных подходов. При этом обращает внимание, что даже в большинстве юридических исследований преобладают его общетеоретические, а не отраслевые определения. Н.А. Саттарова под финансовым суверенитетом понимает «возможность государства обладать соответствующими властными полномочиями при осуществлении финансовой деятельности, способность самостоятельно принимать решения и возможность обеспечивать реализацию поставленных задач в сфере публичных финансов» [3, с. 15–17]. В этой же работе формулируется другой важный тезис, в котором обосновывается соотношение финансового суверенитета с категориями «финансовая безопасность» и «финансовая система». Так, финансовая безопасность представляется в виде состояния защищенности финансовой системы, а финансовый суверенитет – независимости государства в управлении финансовыми отношениями, причем и то, и другое, с чем следует согласиться, имеет непосредственное отношение к нормальному функционированию финансовой системы, всех ее звеньев.

Н.В. Омелехина также констатирует, что современная предметная основа финансового суверенитета тесно связана с финансовой системой государства, однако из-за неопределенности последней (в том числе нелегализованности и многоаспектности) затруднено и «создание предметного контура финансового суверенитета» [4, с. 19–32].

В другой работе читаем, что финансовый суверенитет – это «самостоятельное и независимое осуществление государством финансовой деятельности в целях выполнения стоящих перед ним задач и реализации государственных функций» [5, с. 6–8]. Довольно часто встречаются работы, в которых подчеркивается связь финансового суверенитета с имеющимися у государства полномочиями в области образования, распределения и использования бюджетных средств, независимостью и самостоятельностью в сфере осуществления бюджетной политики. Подобные подход неизбежно порождают узкие трактовки финансового суверенитета, сводящие его к конкретному виду, бюджетному, налоговому или фискальному суверенитета, что, конечно же, не позволяет отразить всей полноты данного явления. В результате исследовательское внимание смещается в сторону отдельных видов финансового суверенитета [6-10], тогда как комплексные работы, в которых он рассматривается как целостное явление, встречаются реже.

Финансовый суверенитет объективно имеет системную природу. Это означает, с одной стороны, необходимость признания его видового многообразия и выделения конкретных видов, а, с другой, их обязательной взаимной связанности между собой, позволяющей только в рамках единой совокупности обеспечивать реальный финансовый суверенитет государства. Понимая финансовый суверенитет как системное явление, Е.Ю. Грачева при раскрытии сущности его отдельного вида представляет, к примеру, налоговый суверенитет как подсистему финансового суверенитета, а не «изолированную» категорию [11, с. 78–85]. Вне сомнения, что разносторонняя финансовая деятельность государства определяет целесообразность обеспечения наряду с налоговым суверенитетом таких видов финансового суверенитета как бюджетный, валютный, суверенитет платежной системы, в банковской сфере и другие. Значение каждого из них в обеспечении финансового суверенитета велико и предполагает реализацию государством разнообразных и масштабных функций в рамках осуществления публичной финансовой деятельности.

Наиболее широкий взгляд на проблематику финансового суверенитета, на наш взгляд, предполагает его рассмотрение в качестве комплексного объекта финансово-правового регулирования и охраны. С позиций действующей правовой доктрины под объектом регулирования принято понимать то, по поводу чего субъекты вступают в общественные отношения, а охраной – то, что подлежит защите, в случае, когда такое отношение нарушено. Финансовый суверенитет обладает высокой ценностью как с точки зрения правового регулирования, так и правовой защиты от противоправных посягательств. При этом в регулятивном отношении он обеспечивает структуризацию компетенции государства в финансовой сфере, а в охранительном – становится объектом финансово-правовой защиты от угроз, посягающих на реализацию соответствующей публично-правовой компетенции в финансовой сфере, ее материальную основу. Практическая осязаемость в данном случае достигается при реализации суверенных полномочий в финансовой сфере, то есть переходе от абстрактного финансового суверенитета к публичной финансовой деятельности государства, которое обязано его обеспечивать и укреплять. Н.В. Омелехина в этой связи, исследуя правовую сущность финансового суверенитета, верно указывает на «отсутствие содержательного анализа полномочий государства, формирующих юридическое наполнение финансового суверенитета,

отсутствие внятной концепции системы суверенных прав и суверенных обязанностей государства в финансовой сфере» [4, с. 19–32]. Через объяснение реализации полномочий по обеспечению финансового суверенитета возможно точнее провести границу между тем, что конкретно государство создает и упорядочивает, и что защищает.

Основная причина, по которой возникает сложность в понимании финансового суверенитета в рассматриваемых качествах, заключается в отсутствии у него четкой предметной основы. Так как финансовый суверенитет проявляется в рамках функционирования финансовой системы государства, именно ее общественные отношения должны быть предметом для регулирования. При этом финансовый суверенитет (полномочия компетентных органов в области его обеспечения и укрепления) не может быть реализован вне финансовой системы государства, которая входит в предмет финансового права. Чтобы перейти из абстрактной декларации в реальный инструмент регулирования его следует привязать к конкретной институционально выраженной сфере, какой выступает финансовая система. Общественные отношения, складывающиеся в рамках функционирования и развития финансовой системы государства, непосредственно влияют на систему и структуру финансового права, то есть в полном объеме охвачены финансово-правовым регулированием. В результате финансовый суверенитет и финансовая система – принадлежащие современному финансовому праву категории и явления.

Заключение. Финансовый суверенитет, подытожим, представляет собой сложное финансово-правовое явление, которое в регулятивном отношении (как объект финансово-правового регулирования) «выстраивает» работу всей финансовой системы государства, а в охранительном (как объект финансово-правовой охраны) – обеспечивает для нее защиту, опираясь при этом в том числе на нормативно установленные показатели, отражающие уровень развития институтов и основных звеньев финансовой системы, их устойчивость к внутренним и внешнеэкономическим факторам.

Список литературы:

[1] Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 344 с.

[2] Грачева Е.Ю. Финансовое право, его предмет // Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е.Ю. Грачевой, Р.Е. Артюхина. – Москва : Проспект, 2024. – 928 с.

[3] Саттарова Н.А. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет государства: вопросы взаимосвязи // Финансовое право. 2023. № 11. С. 15–17.

[4] Омелехина Н.В. Финансовый суверенитет государства: проблемы актуального правового контента // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8. С. 19–32.

[5] Ягофарова И.А. Финансовый суверенитет Российской Федерации в условиях евразийской интеграции // Финансовое право. 2024. № 9. С. 6–8.

[6] Красюков А.В. Налоговый суверенитет: понятие и содержание // Налоги. 2023. № 1. С. 31–36.

[7] Карасева М.В. Налоговая оговорка, гражданское право и налоговый суверенитет // Финансовое право. 2023. № 4. С. 11–16.

[8] Садчиков М.Н. Правосубъектность публично-правовых образований в аспекте налогового суверенитета Российского государства // Налоги. 2021. № 5. С. 13–17.

[9] Петрова, Г. В. Основные векторы стратегического партнерства России в евразийских и международных интеграционных процессах и политико-правовые проблемы защиты валютного и бюджетного суверенитета / Г. В. Петрова // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2015. – № 2(3). – С. 14–22.

[10] Омелехина, Н. В. К вопросу о фискальном суверенитете государства / Н. В. Омелехина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 17–23.

[11] Грачева, Е. Ю. Налоговый суверенитет как подсистема финансового суверенитета / Е. Ю. Грачева // Вестник Российской академии наук. – 2026. – Т. 96, № 1. – С. 78–85.

References:

[1] Financial Sovereignty of the State: Theory and Legal Reality: A Monograph / Ed. by E. Yu. Gracheva. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. – 344 p.

[2] Gracheva E. Yu. Financial Law and Its Subject Matter // Encyclopedia of Russian Financial Law / Ed. by E. Yu. Gracheva, R. E. Artyukhin. – Moscow: Prospekt, 2024. – 928 p.

[3] Sattarova N. A. Financial Security and Financial Sovereignty of the State: Issues of Interrelation // Financial Law. 2023. No. 11. pp. 15–17.

[4] Omelekhina N. V. Financial Sovereignty of the State: Issues of Current Legal Content // Topical Problems of Russian Law. 2025. No. 8. pp. 19–32.

[5] Yagofarova I. A. Financial Sovereignty of the Russian Federation in the Context of Eurasian Integration // Financial Law. 2024. No. 9. pp. 6–8.

[6] Krasyukov A. V. Tax Sovereignty: Concept and Content // Taxes. 2023. No. 1. pp. 31–36.

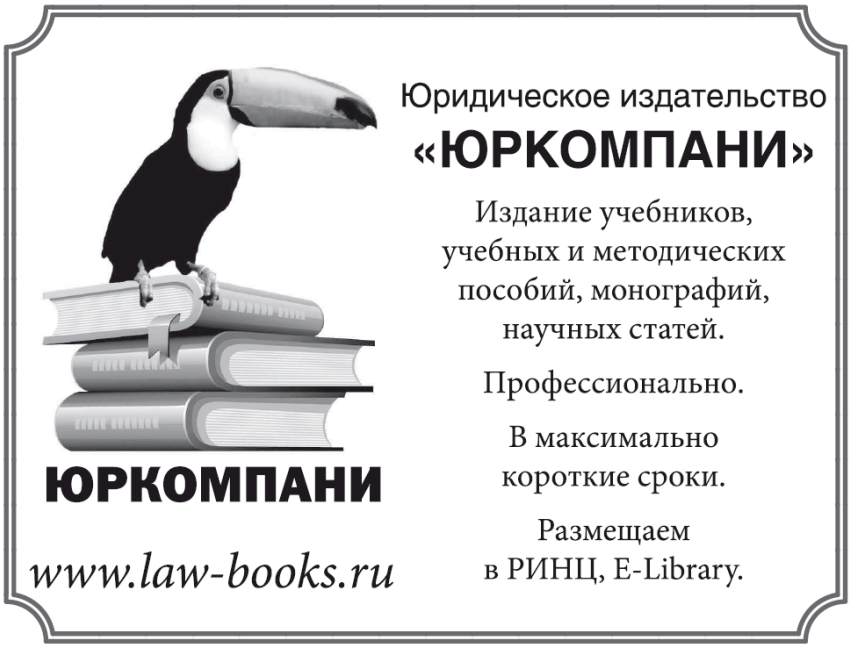
[7] Karaseva M. V. Tax Clause, Civil Law, and Tax Sovereignty // Financial Law. 2023. No. 4. pp. 11–16.

[8] Sadchikov M. N. Legal Personality of Public-Law Entities in the Context of the Tax Sovereignty of the Russian State // Taxes. 2021. No. 5. pp. 13–17.

[9] Petrova, G. V. Key Vectors of Russia's Strategic Partnership in Eurasian and International Integration Processes and the Political-Legal Challenges of Protecting Monetary and Budgetary Sovereignty / G. V. Petrova // International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law. – 2015. – No. 2(3). – pp. 14–22.

[10] Omelekhina, N. V. On the Issue of a State's Fiscal Sovereignty / N. V. Omelekhina // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law. – 2014. – Vol. 10, No. 1. – pp. 17–23.

[11] Gracheva, E. Yu. Tax Sovereignty as a Subsystem of Financial Sovereignty / E. Yu. Gracheva // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2026. – Vol. 96, No. 1. – pp. 78–85.



Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-20-23

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
профессор кафедры прикладного правоведения
и междисциплинарных
юридических исследований факультета
«Высшая школа прикладной юриспруденции» ФГАОУ ВО
«Российский государственный гуманитарный университет»;
профессор Департамента экономики, управления и права
Института гуманитарных наук ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»,
доктор юридических наук, доцент;
Член экспертного совета комитета Государственной
Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства
и детства,
академик РАЕН;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

КУЗЬМИН Кирилл Евгеньевич,
заместитель начальника линейного отдела полиции
в порту «Северный» ЛО МВД России на ВТ,
e-mail: kirill_kuzmin03@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ ЗА ОБОРОТОМ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВЫМ ФИНАНСОВЫМ ПОТОКАМ

Аннотация. *Данная работа посвящена проблемам уголовно-правовой политики в сфере оборота цифровой валюты. Рассматриваются особенности цифровой валюты, анализируется эволюция российского законодательства о цифровых финансовых активах, а также проводится сравнительный анализ с опытом зарубежных стран. Выявлена ключевая проблема отечественной уголовно-правовой политики - разрыв между регулятивными нормами Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ и охранительными нормами УК РФ. В целях устранения указанного пробела предложено дополнение статей 174, 174.1 УК РФ квалифицирующим признаком легализации с использованием цифровой валюты, а также установление ответственности за организацию незаконной деятельности по обмену цифровых активов. Обоснован вывод о необходимости построения уголовно-правовой политики на сочетании стимулирующих и охранительных начал, а также о криминологическом потенциале цифрового рубля как инструмента профилактики теневых финансовых потоков.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, цифровой рубль, уголовно-правовая политика, криптовалюта, блокчейн, легализация преступных доходов.*

Для цитирования: *Шикула И. Р., Кузьмин К. Е. Уголовно-правовая политика России и зарубежных стран в сфере контроля за оборотом цифровой валюты и противодействия теневым финансовым потокам // Образование и право. 2026. № 10. С. 20–23.*

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Professor at the Department of Applied Legal Studies and Interdisciplinary Legal Research, "Higher School of Applied Jurisprudence"
Faculty, Russian State University for the Humanities (RSUH);
Professor at the Department of Economics, Management, and Law, Institute of Humanities, Moscow City University (MCU);
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;
Member of the Expert Council of the State Duma Committee on the Protection of Families, Paternity, Maternity, and Childhood;
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)

KUZMIN Kirill Yevgenyevich,
Deputy Head of the Linear Police Division at the "Severny" (Northern) Port, Linear Division of the Russian Interior Ministry on Water Transport

CRIMINAL LAW POLICY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES REGARDING THE REGULATION OF DIGITAL CURRENCY CIRCULATION AND COUNTERACTING SHADOW FINANCIAL FLOWS

Annotation. *This paper addresses issues concerning criminal law policy in the sphere of digital currency circulation. It examines the specific characteristics of digital currency, analyzes the evolution of Russian legislation on digital financial assets, and provides a comparative analysis with the experience of foreign countries. A key issue in domestic criminal law policy is identified: the disconnect between the regulatory provisions of Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020, and the protective (punitive) provisions of the Criminal Code of the Russian Federation. To address this gap, it is proposed that Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation be amended to include the use of digital currency as a qualifying element for the offense of money laundering (legalization of proceeds from crime). Furthermore, it is proposed that liability be established for organizing illicit activities involving the exchange of digital assets. The study concludes that criminal law policy should be structured by balancing incentive-based and protective measures, and highlights the criminological potential of the digital ruble as a tool for preventing shadow financial flows.*

Key words: *digital currency, digital ruble, criminal law policy, cryptocurrency, blockchain, legalization of proceeds from crime.*

For citation: *Shikula I. R., Kuzmin K. Y. Criminal law policy in Russia and foreign countries regarding the regulation of digital currency circulation and counteracting shadow financial flows. Education and law. 2026;(10):20–23. (In Russ.).*

Стремительное развитие цифровых технологий в современном мире привело к появлению принципиально новых объектов имущественного оборота, среди которых особое место занимает цифровая валюта. Данный актив имеет множество особенностей, не характерных привычным материальным ценностям. Так, например, стоит отметить, что данный вид валюты сочетает в себе свойства платежного средства, инвестиционного актива и инструмента накопления, оставаясь при этом вне традиционных механизмов государственного контроля за оборотом денежных средств. Еще одной особенностью следует выделить децентрализованный характер выпуска и обращения цифровой валюты и анонимность участников транзакций, что создает благоприятные условия формирования теневых финансовых потоков, легализацию доходов, полученных преступным путем, уклонение от уплаты налогов и совершение иных общественно опасных деяний, что в свою очередь ставит перед современной наукой уголовного права выработку принципиально новой политики в данной сфере. Российская Федерация за последние годы значительно усовершенствовала законодательную политику в области цифровых активов и прошла путь от правовой неопределенности к формированию законодательной базы, включающей нормы о цифровых финансовых активах и цифровой валюте.

Ярким примером выступает введение цифрового рубля в нашей стране, что стало одним из наиболее значимых событий в развитии рос-

сийской финансовой системы последних лет, так как впервые за долгое время в России появилась новая форма национальной валюты. Правовой фундамент этого процесса был заложен Федеральным законом от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ, который внес изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, а также в Федеральные законы о Центральном банке РФ и национальной платежной системе. Именно этот акт определил цифровой рубль как форму российского рубля в виде цифрового кода, которая выпускается Банком России. Таким образом, с 1 сентября 2026 года в России началось массовое внедрение третьей формы национальной валюты, наряду с наличными и безналичными денежными средствами. На наш взгляд, это в значительной степени снизит уровень преступлений в области теневых финансовых потоков.

Что касается зарубежных стран, то большинство из них за последние годы накопили разнообразный опыт противодействия использования цифровых активов в противоправных целях. В зарубежной практике можно выделить три базовые модели. Запретительная модель основана на исключении криптовалют из легального оборота либо на резком ограничении операций с ними. Ее достоинство видится в ясности публичного сигнала, однако практический эффект неоднозначен: спрос на цифровые активы может уйти в серые каналы, что снижает возможности идентификации участников и налогового учета. Модель строгого допуска признает цифровую валюту имуществом или активом, но ограничивает платежную функцию и переносит акцент на налогообложение, контроль посредников и предупреждение преступности. Российский режим ближе к данной модели [1, с. 128–132]. Расширенная модель допускает использование криптоактивов и в инвестиционном, и в расчетном обороте, но связывает такую свободу с лицензированием, требованиями к резервам, внутреннему контролю, раскрытию информации и ответственности посредников. Следует принять во внимание опыт Японии, которая легализовала оборот цифровых валют в 2017 году, включив их в закон о платежных услугах, однако установила строгие лицензионные требования к криптобиржам и уголовные санкции за деятельность без лицензии, что позволило совместить развитие инноваций с защитой интересов государства. В целом, большинство азиатских стран уже имеют надежную правовую базу (Сингапур, Корея, Таиланд и др.), которая обеспечивает стабильное внедрение цифровой валюты в финансовую систему страны. Например, регуляторный подход Сингапура, в сочетании с такими факторами, как низкие налоговые ставки, стабильная финансовая инфраструктура и широкое внедрение криптовалют, укрепили позиции страны как ведущего центра цифровых активов как на региональном, так и на глобальном уровне [4, с. 914–920]. В некоторых странах, где криптовалюта не является официальным средством платежа, тем не менее, оплата ею товаров услуг не запрещена законодательством, с учетом соблюдения всех налоговых требований, например, Германия, Португалия, США, Канада и др. Вместе с тем, внимания заслуживает и опыт Китая, где избрана наиболее жесткая политика регулирования цифровых активов, так как с 2021 года любые операции с криптовалютой признаны незаконными, а ее майнинг полностью запрещен, что сопровождалось активным развитием собственной цифровой валютой, получившей название цифровой юань, что в свою очередь выступает финансовым тоталитаризмом для граждан КНР, но вместе с тем обеспечивает государству полный контроль над движением денежных средств внутри страны, что положительной сказывается на минимизации уровня цифровой преступности. Проведенный сравнительный анализ наглядно демонстрирует нам, что несмотря на различие подходов к цифровой валюте, общей тенденцией уголовно-правовой политики становится постепенный отказ от полного игнорирования цифровых активов в пользу включения их в правовое поле с одновременным усилением ответственности за использование таких активов в преступных целях [2, с. 149–182].

Для Российской Федерации с учетом изложенного зарубежного опыта представляется целесообразным дальнейшее развитие уголовно-правовой политики по нескольким направлениям, среди которых можно выделить закрепление в уголовном законодательстве четких квалифицирующих признаков преступлений, совершаемых с использованием цифровой валюты, установление специальной ответственности за организацию незаконного обмена цифровых активов и деятельность нелегальных обменных площадок, вместе с внедрением официальных платформ для обмена цифровых активов на материальные средства. Немаловажным аспектом остается подготовка кадров в правоохранительных органах РФ, способных расследовать преступления в цифровой среде, а также развитие экспертных подразделений, способных расследовать преступления с использованием технологий блокчейн, поскольку без надлежащего технического и практического сопровождения вводимых законодательных норм, они станут малоэффективными [3, с. 43–54]. В данном случае, внедрение в нашей стране цифрового рубля следует рассматривать не только как экономическую новацию, но и как инструмент криминоло-

гической профилактики, так как прозрачность финансовых операций на платформе Банка России существенно ограничивает возможности сокрытия незаконных доходов и позволяет отслеживать всю цепочку движения денежных средств, что в перспективе способно вытеснить значительную часть теневых расчетов из анонимного сегмента в контролируемое государством пространство.

Вместе с тем, несмотря на очевидные достижения отечественного законодательства в рассматриваемой области, ключевой проблемой уголовно-правовой политики России остается разрыв между регулятивным и охранительными нормами УК РФ в сфере оборота цифровой валюты. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" признал цифровую валюту имуществом для целей отдельных законодательных актов и установил запрет на ее использование в качестве средства платежа за товары, работу и услуги, однако нарушение данного запрета до настоящего времени не обеспечено соразмерными санкциями уголовной ответственности, что превращает уже существующую правовую норму в формальность, лишенную действующего охранительного механизма со стороны законодательства. Уголовный кодекс Российской Федерации в настоящее время не содержит специальных составов, учитывающих специфику цифровой валюты как предмета и средства совершения преступления. Решение поставленной проблемы видится в модернизации уголовного законодательства. Так, например, одним из наиболее перспективных направлений совершенствования правовой системы видится дополнение статьи 174 и 174.1 УК РФ квалифицирующим признаком совершения легализации с использованием цифровой валюты, либо цифровых финансовых активов. Также целесообразно дополнение ст. 187 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию незаконной деятельности по обмену цифровой валюты, осуществляемой без включения оператора в реестр, предусмотренный статьей 7 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". Предлагаемые изменения позволят устранить существующий пробел между регулированием цифровых активов и уголовно-правовыми санкциями финансовой системы, обеспечив при этом фундаментальные принципы уголовного права, связанные с законностью, справедливостью и гуманизмом, так как ответственность будет наступать лишь за деяния, связанные с уклонением от установленных государством процедур оборота цифровой валюты.

Таким образом, дальнейшее развитие уголовно-правовой политики России в рассматриваемой сфере должно строиться на сочетании стимулирующих и охранительных началах, которые будут обеспечивать гражданам правовую определенность и прозрачность всех процессов. В свою очередь лица, использующих преимущества цифровой валюты для сокрытия преступных доходов, должны подвергаться неотвратимой и соразмерной ответственности, четко регламентируемой законодательством, что в конечном итоге будет способствовать укреплению финансового суверенитета государства и доверия граждан к национальной цифровой инфраструктуре.

Список литературы:

[1] Лёксин М.Р. Зарубежные модели правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Название журнала. – 2026. – № 7. – С.128 – 132.

[2] Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 149–182.

[3] Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 43–54.

[4] Шастина А.Р. Публично-правовое регулирование цифровой валюты (криптовалюты): зарубежный опыт / А.Р. Шастина. // Baikal Research Journal. — 2025. — Т. 16, № 3. — С. 914–920.

References:

[1] Leksin M.R. Foreign Models of Legal Regulation for Digital Financial Assets and Digital Currency // Journal Title. – 2026. – No. 7. – pp. 128–132.

[2] Zaynutdinova E.V. Models of Legal Regulation for the Circulation of Digital Rights and Digital Currency // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2023. – Vol. 16. – No. 4. – pp. 149–182.

[3] Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Digital Financial Assets: Challenges and Prospects for Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. – 2020. – Vol. 15. – No. 6 (115). – pp. 43–54.

[4] Shastina A.R. Public-Law Regulation of Digital Currency (Cryptocurrency): International Experience / A.R. Shastina // Baikal Research Journal. – 2025. – Vol. 16, No. 3. – pp. 914–920.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-24-28

АГАБАБЯН Гарик Геворгович,
аспирант 1 года обучения,
кафедра экономических и финансовых расследований,
Высшая школа государственного аудита
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
тел.: +7-916-551-33-09,
e-mail: agababyan.garik@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Аннотация. *В последние годы в Российской Федерации увеличиваются миграционные потоки из стран ближнего зарубежья. В связи с этим увеличивается потребность в повышении эффективности осуществления миграционного контроля и учета в сфере миграции как в отношении только прибывших иностранцев, так и в отношении трудовых мигрантов, которые уже длительное время прибывают на территории Российской Федерации. Для осуществления миграционного контроля правоохранительными органами, в частности Главным управлением по вопросам миграции МВД России, внедряются и применяются различные информационные технологии для учета и контроля за мигрантами, позволяющие преодолеть и автоматизировать ряд рутинных юридических задач, а также исключить ошибки при осуществлении миграционного учета. В данной статье рассматриваются тенденции дальнейшего развития информационных технологий, которые применяются при осуществлении миграционного контроля в Российской Федерации и приводятся предложения по их совершенствованию.*

Ключевые слова: *миграция, миграционный контроль, миграционная безопасность, противодействие миграционной преступности, миграционный учет, информационные технологии в сфере миграции, цифровизация административных отношений.*

Для цитирования: *Агабабян Г. Г. Особенности применения информационных технологий в сфере миграции // Образование и право. 2026. № 10. С. 24–28.*

AGHABABYAN Garik Gevorgovich,
1-st year postgraduate student,
Department of Economic and Financial Investigations,
Higher School of Public Audit
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

FEATURES OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF MIGRATION

Annotation. *Migration flows from neighboring countries have been increasing in the Russian Federation in recent years. In this regard, there is an increasing need to improve the effectiveness of migration control and accounting in the field of migration, both for newly arrived foreigners and for migrant workers who have been arriving in the territory of the Russian Federation for a long time. In order to carry out migration control by law enforcement agencies, in particular the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, various information technologies are being introduced and used to account for and control migrants, allowing them to overcome and automate a number of routine legal tasks, as well as to eliminate errors in the implementation of migration registration. This article examines the trends in the further development of information technologies that are used in the implementation of migration control in the Russian Federation and provides suggestions for their improvement.*

Key words: *migration, migration control, migration security, countering migration crime, migration accounting, information technologies in the field of migration, digitalization of administrative relations.*

For citation: *Aghababyan G. G. Features of the use of information technologies in the field of migration. Education and law. 2026;(10):24–28. (In Russ.).*

В настоящее время информационные технологии активным образом внедряются в различные сферы общественных отношений, включая юридическую практику, в частности правоохранительную деятельность. Сфера миграционных отношений также не является исключением.

Внедрение информационных технологий в миграционную сферу является также одним из ключевых направлений модернизации государственного управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Понятие информационных технологий находит отражение на законодательном уровне в рамках Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, в соответствии с которым: процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. При этом информационная система определяется как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств [1].

Активном образом за последние годы и в рамках концепции информатизации, данные системы стали внедряться в сферу миграционных отношений, что вызывает необходимость в их более подробном рассмотрении в рамках данной статьи.

За последние годы сфера миграции активно подвергается цифровизации, что обусловлено рядом детерминант:

Во-первых, информационные технологии в сфере миграции позволяют упростить миграционный контроль и учет в рамках реализации концепции «Цифрового профиля мигранта». Данное нововведение позволяют правоохранительным органам осуществлять миграционных учет в автоматизированном виде, что исключает ряд правоприменительных ошибок, которые обусловлены «человеческим фактором».

Во-вторых, миграционный учет с использованием информационных технологий позволяет сократить административные издержки, путем переноса ряда рутинных задач в автоматизированную форму.

В-третьих, информационные технологии в информационной сфере позволяют свети к минимуму взаимодействие между субъектом миграционного контроля (т.е. правоприменительным органом) и мигрантом, что позволяет исключить коррупциогенный фактор.

В-четвертых, информационные системы и технологии сокращают временные издержки и ускоряют процесс подачи необходимых документов со стороны мигрантов в органы государственной власти.

Таким образом, общую тенденцию, обусловленную информатизацией миграционных отношений, следует признать позитивной новеллой в рамках формирования открытых и прозрачных процедур миграционного контроля.

Информационные технологии в сфере миграции и особенности их применения находят отражение в рамках статьи 10 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ, где на нормативном-правовом уровне раскрывается, что «органы миграционного учета на основе получаемых сведений об иностранном гражданине, формируют государственную информационную систему миграционного учета [2].

Данная система на сегодняшний день включает в себя следующие компоненты:

- центральный банк данных по учету иностранных граждан, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации;

- подсистему автоматизированного учета мигрантов подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации;

- банк данных об осуществлении иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации;

- база биометрических персональных данных, полученных Министерством внутренних дел Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации в отношении мигрантов;

- банк данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, ходатайствующих о признании беженцами, лиц, признанных беженцами, лиц, обратившихся с заявлением о предоставлении временного убежища, лиц, получивших временное убежище, и прибывших с ними членов их семей, а также выдаваемых им документов, в том числе содержащих электронный носитель информации;

- иных информационных систем, содержащих информацию об иностранных гражданах и лицах без гражданства [3].

При этом данная система является закрытой и доступ предоставляется правоохранительным органам для учета и контроля за мигрантами, что позволяет формировать единые централизованные базы данных, аккумулирующие биометрическую, дактилоскопическую и персональную информацию. Благодаря этому достигается высокий уровень идентификации личности, оперативное выявление нарушений визового режима и фактов нелегальной миграции.

Рассматриваемая информационная система также позволяет осуществлять статистический анализ миграционных потоков и нарушений, которые совершаются мигрантами.

Так, по данным МВД России, число мигрантов в стране снизилось за 2025 год почти на 10%. Так, на начало 2025 года оно составляло 6,3 млн человек, а на январь 2026 года - 5,7 млн. человек [6]. При этом, количество совершаемых в России иностранцами преступлений в первом квартале 2025 года выросло на 15,3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [12].

Данные показатели свидетельствуют о том, что с одной стороны информационные системы в сфере миграции увеличивают уровень прозрачности рассматриваемых отношений, как с другой стороны, проблема миграции в России продолжает привлекать «острое» внимание из-за высокого уровня преступности, которая исходит со стороны мигрантов.

При этом информационные системы повышают степень прозрачности отношений в данной сфере. Так, в январе 2026 года подразделения по вопросам миграции МВД России предоставили 3,3 млн. государственных услуг в отношении мигрантов. Наиболее востребованными остаются следующие услуги:

- автоматизированная регистрация граждан по местам пребывания и жительства;

- выдача и замена документов, удостоверяющих личность мигранта;

- адресно-справочная информация;

- подача документов для миграционного учета иностранцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что иностранные граждане все чаще используют электронные сервисы для получения миграционных услуг.

В ближайшее время иностранные граждане смогут в электронной форме подать заявление об оформлении ребенку приобретенного по рождению гражданства Российской Федерации [7].

Вышеизложенные аргументы позволяют сделать вывод о том, что система миграционного учета в России активным образом развивается и усовершенствуется. Однако возможности единой информационной системы миграционного контроля в современных реалиях продолжают оставаться ограниченными.

При этом можно привести еще одно направление в рамках информатизации миграционного процесса.

В разрезе развития политики цифровизации всех сфер общественных отношений, в миграционной сфере находит распространение механизм электронных виз. Первичный запуск электронных виз планировался на начало 2021 года, но был отложен из-за ограничений, связанных с пандемией. В процессе подготовки к запуску в 2020 году Правительство утвердило правила их оформления и список пунктов пропуска. В настоящее время этот список был расширен [10].

С начала 2024 года в России стартовала разработка цифрового профиля мигрантов. При этом работа до сих пор не завершена. Новый профиль позволит агрегировать информацию из различных ведомств о мигранте и о его деятельности на территории Российской Федерации. В частности, планируется включение биометрических данных мигрантов, а также всех разрешительных документов и документов, касающихся их трудовой деятельности.

В связи с увлечением уровня миграционной преступности, статистика по которой приводилась ранее, важным становится усиление контроля за социальными сетями и средствами связи. Представляется, что будет усилена работа правоохранительных органов по мониторингу и выявлению сайтов, распространяющих информацию террористического и экстремистского характера, а также предлагающих услуги по организации незаконной миграции.

Также в контексте уголовно-правового механизма активным образом применяются различные информационно-телекоммуникационные технологии в сфере противодействия миграционным преступлениям. Инновационной является идея о запуске проекта «Цифрового профиля мигранта» [9]. Так, запуск цифрового профиля для иностранных граждан запланирован в пилотном режиме на 2025 год. Данная платформа подразумевает регистрацию в информационной системе мигранта еще до въезда на территорию российского государства. Министр МВД России отметил, что: «Массив собранных данных пополнился еще 2 млн собранных образцов, что позволило раскрыть 2,5 тыс. преступлений, совершенных гражданами других государств» [8].

Приведенные тенденции видятся в качестве

основных на современном этапе развития миграционных отношений в Российской Федерации, но далеко не единственными.

При противодействии миграционной преступности существенное значение образует система «Умный город», которая позволяет отслеживать поведение людей в общественных местах. Данная информационная система полезна и для целей противодействия различным миграционным правонарушениям. Так, система «Умный город» выявляет преступления мигрантов, используя сеть камер видеонаблюдения с технологией распознавания лиц, интегрированную с базами данных МВД (ЕЦХД). Таким образом, данная система автоматически сопоставляет лица в общественных местах и метро с реестрами правонарушителей, отслеживает их маршруты, выявляет нарушения миграционного учета и фиксирует соучастников [11].

При этом видится целесообразным сформулировать следующие предложения, направленные на повышение эффективности функционирования информационных систем в сфере миграции [4].

В целях обеспечения миграционной безопасности видится целесообразным усилить контроль за частными информационными ресурсами, которые предоставляют услуги для мигрантов, например, обусловленные оказанием таких услуг как:

- юридическая помощь иностранным гражданам;

- оказание услуг по приобретению российского гражданства;

- трудоустройству мигрантов и др.

С одной стороны, подобные услуги могут осуществляться на законных основаниях и предоставлять возможность мигранту получить определенный комплекс юридических услуг, как с другой стороны, такие услуги могут включать коррупциогенные признаки. При этом следует учитывать и проблему, что подобные сайты могут находиться на зарубежных платформах или сервера таких систем находиться в юрисдикции иного государства [5].

Целесообразно осуществлять мониторинг подобных «подозрительных» информационных систем и применять к ним блокировку в рамках межведомственного взаимодействия МВД и Роскомнадзора России. Для осуществления правомерности блокировки такой информационный системы видится целесообразным выделить критерии «подозрительной информационной системы» в сфере миграции.

На основании вышеизложенного необходимо сформулировать ряд выводов в рамках данной статьи.

Во-первых, современный этап цифровизации миграции характеризуется переходом от простой автоматизации учета (электронные базы данных, предоставление госуслуг) к использованию сложных аналитических систем.

Во-вторых, информационные системы упрощают процесс подачи документов, ускоряют проверку и снижают бюрократическую нагрузку в сфере миграционных отношений.

Наконец, в данной статье подчеркивается, что в России на современном этапе сохраняется потребность в формировании новых административно-правовых режимов для управления миграцией с использованием цифровых технологий, а также механизмов противодействия незаконной миграции.

В целях осуществления прозрачности данных отношений необходимо усилить контроль за частными информационными системами, которые предоставляют теневые юридические услуги в отношении мигрантов, путем выявления и последующей блокировки таких ресурсов.

Комплекс данных мероприятий позволит усилить миграционную и информационную безопасность в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета, № 165, 29.07.2006.

[2] Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // URL: Российская газета, № 156, 20.07.2006.

[3] Постановление Правительства РФ от 14.02.2007 № 94 (ред. от 01.11.2022) «О государственной информационной системе миграционного учета» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66227/ (дата обращения: 12.09.2026).

[4] Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Миграционная политика России: проблемы формирования, перспективы развития // Миграционное право. — 2025. — № 4. — С. 4–8.

[5] Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Обеспечение миграционной безопасности в условиях современной России // Миграционное право. — 2025. — № 3. — С. 3–6.

[6] «Ведомости»: число мигрантов в России сократилось на 10% // Ведомости. URL: https://tass.ru/obschestvo/26281909 (дата обращения: 12.09.2026).

[7] «Мигрант ID»: что это такое, зачем

он нужен и как будет работать «Мигрант ID»: что это такое, зачем он нужен и как будет работать // РБК. URL: https://www.rbc.ru/base/12/05/2025/6800fbc39a79470c3680c5f9 (дата обращения: 12.09.2026).

[8] В РФ начали создание цифрового профиля иностранца в целях контроля за миграцией // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/953666 (дата обращения: 12.09.2026).

[9] Пилот по цифровому профилю мигранта планируют запустить в 2025 году // ComNews.ru. URL: https://www.comnews.ru/content/236044/2024-11-01/2024-w44/1009/pilot-cifrovomu-profilyu-migranta-planiruyut-zapustit-2025-godu (дата обращения: 12.09.2026).

[10] Правительство расширило перечень пунктов пропуска для въезда в Россию по единой электронной виз // Правительство России официальный сайт. URL: http://government.ru/news/48649/ (дата обращения: 12.09.2026).

[11] Система распознавания лиц за 3,5 года помогла выявить около 1,5 тыс. преступников в Москве // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Как_устроена_система_распознавания_лиц_в_Москве#:~:text=Как%20отметили%20в%20ведомстве%2C%20«Сфера,она%20передает%20информацию%20в%20полицию. (дата обращения: 12.09.2026).

[12] Число преступлений мигрантов в РФ в I квартале выросло на 15,3% // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/24204329 (дата обращения: 12.09.2026).

References:

[1] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" (latest revision) // Rossiyskaya Gazeta, No. 165, July 29, 2006.

[2] Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006 (as amended on July 31, 2025), "On the Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" (with amendments and additions, effective as of March 1, 2026) // Rossiyskaya Gazeta, No. 156, July 20, 2006.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation No. 94 of February 14, 2007 (as amended on November 1, 2022), "On the State Information System for Migration Registration" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66227/ (accessed: September 12, 2026).

[4] Khabibulin A. G., Mursalimov K. R. Russia's Migration Policy: Challenges in Formation and Prospects for Development // Migration Law. — 2025. — No. 4. — pp. 4–8.

[5] Khabibulin A. G., Mursalimov K. R. Ensuring Migration Security in Contemporary Russia // Migration Law. — 2025. — No. 3. — pp. 3–6.

[6] Vedomosti: Number of Migrants in Russia Has Decreased by 10% // Vedomosti. URL: https://tass.ru/obschestvo/26281909 (accessed: 12.09.2026).

[7] "Migrant ID": what it is, why it is needed, and how it will work // RBC. URL: https://www.rbc.ru/base/12/05/2025/6800fbc39a79470c3680c5f9 (accessed: 12.09.2026).

[8] Russia begins creating a digital profile for foreign nationals to monitor migration // Interfax. URL: https://www.interfax.ru/russia/953666 (accessed: 12.09.2026).

[9] Pilot project for a digital migrant profile planned for 2025 // ComNews.ru. URL: https://www.comnews.ru/content/236044/2024-11-01/2024-w44/1009/pilot-cifrovomu-profilyu-migranta-planiruyut-zapustit-2025-godu (accessed: 12.09.2026).

[10] Government expands list of entry points for travel to Russia via unified electronic visa // Official website of the Government of Russia. URL: http://government.ru/news/48649/ (accessed: 12.09.2026).

[11] Facial recognition system helps identify approximately 1,500 criminals in Moscow over 3.5 years // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Как_устроена_система_распознавания_лиц_в_Москве#:~:text=Как%20отметили%20в%20ведомстве%2C%20«Сфера,она%20передает%20информацию%20в%20полицию. (accessed: 12.09.2026).

[12] Number of crimes committed by migrants in the Russian Federation increased by 15.3% in the first quarter // TASS. URL: https://tass.ru/obschestvo/24204329 (accessed: 12.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-29-37

МЕРДЖАНОВА Линара Айдеровна,
старший преподаватель кафедры предпринимательского и экологического права юридического факультета, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия, тел.: +7-978-734-437-1, e-mail: mer-linar@yandex.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В УПРАВЛЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ «НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДАННЫХ»)

Аннотация. *В статье исследуется публично-правовой статус цифровых платформ, функционирующих в сфере управления земельными ресурсами, на примере Единой цифровой платформы «Национальная система пространственных данных» (далее — ЕЦП НСПД). Анализируется нормативно-правовая основа создания и функционирования платформы, её место в системе государственного управления земельным фондом, характер полномочий, осуществляемых посредством платформенной инфраструктуры. Рассматриваются вопросы разграничения публично-правовых и частноправовых элементов в деятельности ЕЦП НСПД, проблемы правосубъектности цифровых платформ в земельно-правовых отношениях. Обосновывается, что ЕЦП НСПД обладает признаками публично-правового института — государственной информационной системы с властно-распорядительными функциями — и требует адекватного правового оформления соответствующего статуса. Особое внимание уделяется анализу правовых коллизий, возникающих при взаимодействии платформы с существующими кадастровыми, регистрационными и градостроительными системами. Делается вывод о необходимости формирования специальной правовой категории «цифровая публичная платформа управления земельными ресурсами» как самостоятельного субъекта земельного и административного права.*

Ключевые слова: *цифровая платформа, национальная система пространственных данных, управление земельными ресурсами, публично-правовой статус, государственная информационная система, земельное право, цифровизация государственного управления, пространственные данные, кадастр недвижимости, земельный фонд, административное право, платформенное регулирование, информационная инфраструктура, земельный контроль, цифровая трансформация.*

Для цитирования: *Мерджанова Л. А. Публично-правовой статус цифровых платформ в управлении земельными ресурсами (на примере Единой цифровой платформы «Национальная система пространственных данных») // Образование и право. 2026. № 10. С. 29–37.*

MERZHANOVA Linara Aiderovna,
Senior Lecturer at the Department of Entrepreneurial and Environmental Law, Faculty of Law, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

PUBLIC-LEGAL STATUS OF DIGITAL PLATFORMS IN LAND RESOURCE MANAGEMENT (A CASE STUDY OF THE UNIFIED DIGITAL PLATFORM “NATIONAL SPATIAL DATA SYSTEM”)

Annotation. *This article examines the public-law status of digital platforms operating in the sphere of land resource management, using the Unified Digital Platform "National Spatial Data System" (hereinafter — UDP NSDS) as a case study. It analyzes the regulatory framework governing the platform's creation and operation, its position within the state land management system, and the nature of the powers exercised through the platform's infrastructure. The article addresses the distinction between public-law and private-law elements in the activities of the UDP NSDS, as well as issues regarding the legal personality of digital platforms within land-law relations. It argues that the UDP NSDS exhibits the characteristics of a public-law institution — specifically, a state information system endowed with regulatory and administrative authority — and requires an appropriate legal definition of this status. Particular attention is paid to analyzing legal conflicts arising from the platform's interaction with existing cadastral, registration, and urban planning systems. The article concludes that there is a need to establish a specific legal category — "digital public platform for land resource management" — as an independent subject of land and administrative law.*

Key words: *digital platform, National Spatial Data System, land resource management, public-law status, state information system, land law, digitalization of public administration, spatial data, real estate cadaster, land stock, administrative law, platform regulation, information infrastructure, land control, digital transformation.*

For citation: *Merzhanova L. A. Public-legal status of digital platforms in land resource management (a case study of the unified digital platform “National Spatial Data System”). Education and law. 2026;(10):29–37. (In Russ.).*

Введение

Актуальность темы исследования. Цифровая трансформация государственного управления земельными ресурсами выступает одним из ключевых направлений современной публично-правовой политики Российской Федерации. Создание Единой цифровой платформы «Национальная система пространственных данных» (далее — ЕЦП НСПД) ознаменовало качественный переход от разрозненных информационных систем к интегрированной инфраструктуре, претендующей на роль центрального узла всех юридически значимых операций с земельными ресурсами. Между тем правовая доктрина существенно отстаёт от темпов институциональных преобразований: категориальный аппарат земельного и административного права не располагает адекватными инструментами для описания феномена цифровой платформы как субъекта публично-правовых отношений [1].

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, ЕЦП НСПД уже фактически участвует в принятии решений, имеющих правовые последствия для правообладателей земельных участков, однако её публично-правовой статус остаётся нормативно неопределённым. Во-вторых, интеграция ЕГРН, данных дистанционного зондирования Земли, адресных реестров, сведений кадастровой оценки и градостроительной документации порождает коллизии между источниками пространственных данных, не имеющие законодательно закреплённого механизма разрешения. В-третьих, использование платформенных алгоритмов в земельном контроле (надзоре) ставит вопросы о допустимости автоматизированного выявления нарушений, правовой силе таких «индикаций» и ответственности за ошибки платформы. В-четвёртых, отсутствие специальной правовой категории, описывающей цифровую публичную платформу в земельной сфере, создаёт состояние правовой неопределённости, сопоставимое по рискам с иными случаями нормативного запаздывания в регулировании цифровых технологий [2].

Степень научной разработанности темы. Общетеоретические и административно-правовые аспекты цифровизации публичного управления исследовались в работах Э.В. Талапиной, Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногора, Ю.А. Тихомирова, В.Д. Зорькина, В.Н. Южакова [1; 2; 10; 11; 28]. Правовой режим информации, государственных информационных систем и электронных документов анализировался Л.К. Терещенко, А.И. Савельевым, В.В. Архиповым [5; 12; 14]. Земельно-правовые вопросы управления земельными ресурсами и кадастрового учёта рассматривались И.А. Иконицкой, С.А. Боголюбовым, О.И. Крассовым, С.С. Улюкаевым, С.А. Липским, А.А. Варламовым, С.А. Гальченко [3; 4; 7; 8; 18; 20]. Контрольно-надзорная проблематика, включая земельный контроль, освещалась в трудах С.М. Зырянова, П.П. Серкова, А.А. Ялбулганова, Б.А. Воронина, О.А. Кожевникова [9; 22; 23; 24; 25].

Вместе с тем комплексного исследования публично-правового статуса ЕЦП НСПД как самостоятельного правового института в системе земельного и административного права до настоящего времени не проводилось. Существующие работы касаются либо общих вопросов цифровизации государственного управления, либо отдель-

ных видов государственных реестров, либо контрольно-надзорной деятельности. Проблема квалификации цифровой платформы одновременно как технического инструмента, как государственной информационной системы и как потенциального субъекта публично-правовых отношений остаётся доктринально нерешённой.

Цель и задачи исследования. Цель статьи — комплексная характеристика публично-правового статуса цифровых платформ в управлении земельными ресурсами на примере ЕЦП НСПД, определение её места в системе публично-правового регулирования земельных отношений и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

проанализировать нормативно-правовую основу создания и функционирования ЕЦП НСПД;

выявить и систематизировать публично-правовые функции, осуществляемые посредством платформенной инфраструктуры;

исследовать проблемы правосубъектности цифровых платформ в земельно-правовых отношениях;

проанализировать правовые коллизии, возникающие при взаимодействии ЕЦП НСПД с ЕГРН, кадастровыми, регистрационными и градостроительными системами;

определить особенности участия платформы в государственном земельном контроле (надзоре);

обосновать необходимость введения в научный оборот категории «цифровая публичная платформа управления земельными ресурсами»;

сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования статуса ЕЦП НСПД.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-логический, системно-структурный, функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, а также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, толкования правовых норм и прогнозирования. Их применение позволило рассмотреть ЕЦП НСПД в единстве её нормативной основы, функционального содержания и практических правовых последствий.

Основные результаты исследования. В результате проведённого анализа установлено, что ЕЦП НСПД не может быть сведена к техническому инструменту или рядовой государственной информационной системе. Платформа обладает признаками публично-правового института, поскольку осуществляет функции информационного обеспечения административных решений в земельной сфере, обеспечения публичного оборота земельных участков, государственного земельного надзора и межведомственной координации. Обосновано, что правосубъектность платформы носит ограниченный характер, а наиболее адекватной моделью ответственности является распределённая ответственность участников информационного взаимодействия за качество пространственных данных. Предложена научная категория «цифровая публичная платформа управления земельными ресурсами», выявлены ключевые правовые пробелы и сформулированы направления совершенствования законодательства: определение правовой силы сведений ЕЦП НСПД, закрепление оснований автоматизированного выявления нарушений, установление механизмов ответственности за недостоверность платформенных данных и регулирование автоматизированных административных решений.

Правовая основа создания и функционирования ЕЦП НСПД

Правовую основу создания Национальной системы пространственных данных составляет постановление Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2021 года № 1240 «О федеральном проекте "Национальная система пространственных данных"», которым определены концептуальные контуры интегрированной инфраструктуры пространственных данных. Указанный акт закрепил за Росреестром статус оператора системы и определил перечень ведомств — участников информационного взаимодействия. Концептуально НСПД строится как платформа конвергенции сведений Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), Государственного фонда данных дистанционного зондирования Земли, адресного реестра, данных кадастровой оценки и иных источников пространственной информации [3].

Федеральный закон от 30 декабря 2015 года № 431-ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных» сформировал базовую категориальную систему, в рамках которой понятие пространственных данных получило легальное определение. Вместе с тем данный закон принимался в период, предшествующий активной фазе цифровизации государственного управления, и не предполагал создания единой платформенной инфраструктуры в её нынешнем виде. В результате между содержанием закона и реальными задачами ЕЦП НСПД образовался нормативный разрыв, который не преодолён по сей день [4].

Существенную роль в правовом оформлении платформенной инфраструктуры играет Фе-

деральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определяющий правовой режим государственных информационных систем. Применительно к ЕЦП НСПД принципиально важны нормы об операторах государственных информационных систем, об обязательности сведений государственных реестров, о правовом значении электронных документов, формируемых в информационных системах [5]. Однако специфика платформы как инструмента не просто хранения, но и генерации юридически значимых решений в сфере управления земельными ресурсами указанным законом не охватывается.

Ключевое значение для понимания правовой природы ЕЦП НСПД имеет её соотношение с ЕГРН, правовой режим которого установлен Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Сведения ЕГРН обладают презумпцией достоверности, а их включение в реестр влечёт определённые правовые последствия, прямо установленные законом. Интеграция ЕГРН в платформенную архитектуру НСПД порождает вопрос о том, сохраняет ли сведение реестровую природу при его агрегировании, трансформации и визуализации посредством платформенных инструментов [6].

Публично-правовые функции ЕЦП НСПД

Анализ функционального содержания ЕЦП НСПД позволяет выделить несколько групп публично-правовых функций, осуществляемых посредством платформенной инфраструктуры. Первая группа — функции информационного обеспечения государственного управления земельными ресурсами: формирование аналитических срезов состояния земельного фонда, мониторинг использования земель, выявление признаков нарушения земельного законодательства на основе данных дистанционного зондирования. Осуществление указанных функций непосредственно влияет на принятие административных решений в земельной сфере, что придаёт платформе характер инструмента публичной власти [7].

Вторая группа — функции обеспечения публичного оборота земельных участков: формирование единого цифрового пространства сведений, необходимых для совершения сделок, предоставления земельных участков из публичной собственности, принятия градостроительных решений. В данном контексте ЕЦП НСПД выступает инфраструктурой публичного доверия — аналогом нотариальной системы в сфере верификации пространственных данных. Такая характеристика имеет непосредственные правовые последствия: недостоверность сведений платформы должна порождать особые механизмы ответственности и защиты прав [8].

Третья группа — функции государственного земельного контроля (надзора). Интеграция платформы с системами автоматического выявления нарушений земельного законодательства, с реестрами объектов самовольного строительства, с информационными системами ФНС России фактически превращает ЕЦП НСПД в инструмент цифрового государственного надзора. При этом правовые основания для автоматизированного выявления нарушений земельного законодательства посредством платформенных инструментов в действующем законодательстве закреплены лишь фрагментарно [9].

Четвёртая группа — координационные функции межведомственного взаимодействия в земельной сфере. ЕЦП НСПД должна обеспечить единообразие сведений, используемых различными органами государственной власти при принятии решений о земельных участках, — что фактически означает наделение платформы полномочиями арбитра в случаях расхождения данных различных систем. Закрепление такого арбитражного статуса в нормативных актах является одной из ключевых нерешённых задач правового обеспечения платформы [10].

Совокупность перечисленных функций свидетельствует о том, что ЕЦП НСПД занимает место в системе государственного управления, выходящее за рамки технического инструмента. Платформа фактически участвует в осуществлении публичных полномочий, хотя формально-юридически субъектом этих полномочий остаётся Росреестр как её оператор [11].

Правосубъектность цифровых платформ в земельных отношениях

Вопрос о правосубъектности цифровых платформ относится к числу наиболее дискуссионных в современной юридической науке. Применительно к ЕЦП НСПД данный вопрос приобретает особое практическое измерение: от его решения зависит определение надлежащего ответчика в случаях, когда платформа формирует недостоверные пространственные данные, влекущие нарушение прав участников земельных отношений [12].

В доктрине административного права сложились три основных подхода к квалификации правового статуса государственных информационных систем. Первый подход рассматривает информационную систему исключительно как объект правовых отношений — технический инструмент в руках государственного органа-оператора, не обладающий самостоятельной правосубъектностью. При таком подходе все правовые последствия функционирования системы атрибутируют-

ся оператору [13]. Второй подход признаёт за информационными системами ограниченную правосубъектность в части ответственности за достоверность генерируемых ими сведений, выстраивая аналогию с правовым статусом публичных реестров. Третий подход, характерный для доктрины цифрового права, рассматривает крупные государственные платформы как самостоятельные правовые институты, требующие специального правового режима [14].

Применительно к ЕЦП НСПД наиболее обоснованным представляется второй подход с существенными оговорками. С одной стороны, платформа не может считаться полноценным субъектом права в том смысле, в котором им является юридическое лицо или государственный орган. С другой стороны, редукция всех правовых последствий функционирования платформы к действиям её оператора — Росреестра — игнорирует реальную сложность функциональной архитектуры НСПД, в создании и наполнении которой участвуют многочисленные государственные органы и их информационные системы [15].

Правовая модель, в наибольшей мере соответствующая природе ЕЦП НСПД, может быть описана через категорию «распределённой ответственности» за достоверность пространственных данных: каждый участник информационного взаимодействия несёт ответственность за качество предоставляемых им данных, а оператор платформы — за интеграцию, актуализацию и доступность сводных сведений. Эта модель требует законодательного закрепления, которое в действующем праве отсутствует [16].

Значимым аспектом проблемы правосубъектности является вопрос о природе автоматизированных решений, принимаемых посредством платформенных алгоритмов. Если ЕЦП НСПД в автоматическом режиме формирует заключение об отсутствии пересечений земельного участка с зонами с особыми условиями использования территории — является ли такое заключение административным актом? Может ли оно быть оспорено в административном или судебном порядке? Действующее законодательство не содержит ответов на эти вопросы, что порождает правовую неопределённость для участников земельных отношений [17].

Правовые коллизии, возникающие при взаимодействии ЕЦП НСПД с иными системами

Введение ЕЦП НСПД в практику государственного управления обнажило многочисленные коллизии между её функциями и действующими правовыми институтами в сфере земельных отношений. Наиболее значимые из них связаны с соотношением сведений платформы и сведений ЕГРН, который в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ является единственным источником достоверной информации о земельных участках как объектах недвижимости [6].

Платформа агрегирует сведения из множества источников, в том числе результаты дистанционного зондирования Земли, которые могут свидетельствовать о фактических характеристиках земельного участка, отличающихся от зарегистрированных в ЕГРН. Возникает коллизия между реестровыми данными, обладающими презумпцией достоверности, и фактическими данными дистанционного зондирования. Действующее законодательство не устанавливает правил разрешения такой коллизии, что создаёт правовую неопределённость для органов государственной власти, использующих платформенные данные при принятии управленческих решений [18].

Аналогичная коллизия возникает между сведениями ЕЦП НСПД и документами территориального планирования — генеральными планами, правилами землепользования и застройки. Указанные документы имеют самостоятельную правовую природу, утверждаются органами публичной власти соответствующего уровня и порождают юридические последствия независимо от их отражения в информационных системах. Интеграция градостроительных данных в платформу создаёт риск «деформализации» градостроительных решений — их превращения из нормативных актов в элементы информационного массива [19].

Особую проблему представляет правовое регулирование обновления сведений платформы. Земельный фонд Российской Федерации характеризуется динамичным изменением характеристик земельных участков — в результате изменения категорий земель, установления охранных зон, проведения кадастровых работ, принятия актов органов публичной власти. Скорость актуализации данных ЕЦП НСПД и порядок внесения изменений нормативно не урегулированы в полной мере, что создаёт риск использования устаревших данных при принятии юридически значимых решений [20].

Существенной проблемой является также правовое регулирование доступа к данным платформы. Часть сведений ЕЦП НСПД имеет режим открытых данных, тогда как другая часть — включая, например, данные о защитных зонах объектов критической инфраструктуры — составляет информацию ограниченного доступа. Правовые основания для разграничения открытых и закрытых данных, а также порядок предоставления доступа к закрытым данным уполномоченным субъектам нормативно закреплены недостаточно чётко

[21, с. 78].

ЕЦП НСПД в системе государственного земельного контроля (надзора)

Одним из наиболее значимых публично-правовых аспектов ЕЦП НСПД является её роль в системе государственного земельного контроля (надзора), реформированного Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [22]. Указанный закон ввёл в российское административное право концепцию риск-ориентированного контроля и автоматизированного выявления нарушений обязательных требований, что создало нормативную почву для интеграции платформенных технологий в контрольно-надзорную деятельность.

Применительно к государственному земельному надзору ЕЦП НСПД создаёт принципиально новые возможности для выявления нарушений: сопоставление данных дистанционного зондирования с кадастровыми сведениями позволяет в автоматизированном режиме обнаруживать самовольное занятие земельных участков, нецелевое использование земель, неиспользование сельскохозяйственных угодий [23]. При этом платформенный механизм выявления нарушений порождает существенные правовые вопросы.

Первый вопрос касается правовой квалификации автоматизированного выявления признаков нарушения: является ли оно поводом для проведения контрольного (надзорного) мероприятия в смысле Федерального закона № 248-ФЗ? Если да, то каким образом должна быть документально оформлена «индикация» нарушения, полученная от информационной системы? Действующее положение о государственном земельном надзоре, утверждённое постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 1081, не содержит ответа на этот вопрос [24].

Второй вопрос связан с допустимостью использования данных ЕЦП НСПД в качестве доказательства при привлечении к административной ответственности за нарушения земельного законодательства. Административно-правовая доктрина выработала требования к допустимости доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях; соответствие платформенных данных этим требованиям нуждается в нормативном закреплении [25].

Третий вопрос — об ответственности за ошибочное выявление нарушений посредством платформенных алгоритмов. Если земельный надзорный орган инициировал контрольное мероприятие на основании данных ЕЦП НСПД, которые впоследствии оказались недостоверными, и это повлекло имущественный ущерб для правообладателя земельного участка, — наступает ли ответственность государства? Статья 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации создаёт общую основу для возмещения вреда, причинённого государственными органами, однако механизм её применения к ситуациям платформенной ошибки требует специального нормативного регулирования [26].

Направления совершенствования правового регулирования

Системный анализ правового положения ЕЦП НСПД позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования. В доктринальном плане представляется обоснованным введение в научный оборот категории «цифровая публичная платформа управления земельными ресурсами» как самостоятельного правового института, занимающего особое место в системе публично-правового регулирования земельных отношений [27].

Данная категория должна охватывать следующие содержательные характеристики: во-первых, интегрированный характер платформы как точки конвергенции сведений из множества источников государственной информации о земельном фонде; во-вторых, властно-ориентированный характер функций платформы, выражающийся в обеспечении принятия административных решений в земельной сфере; в-третьих, публично-правовую ответственность оператора платформы за достоверность и актуальность агрегируемых данных; в-четвёртых, особый порядок оспаривания действий и сведений платформы, учитывающий распределённый характер ответственности за качество данных [28].

В нормативно-правовом плане необходимо принятие специального федерального закона или внесение целевых изменений в действующее законодательство по ряду ключевых направлений. Во-первых, требуется законодательное определение правовой силы сведений ЕЦП НСПД в соотношении со сведениями ЕГРН и иных государственных реестров и информационных систем в земельной сфере. Во-вторых, необходимо закрепить правовые основания и порядок автоматизированного выявления нарушений земельного законодательства посредством платформенных механизмов. В-третьих, следует установить режим ответственности за недостоверность платформенных данных, причинившую ущерб участникам земельных отношений [29].

Международный опыт правового регулирования цифровых платформ в публичном управлении, складывающийся прежде всего в практике Европейского союза, свидетельствует о том, что правовое оформление статуса государственных

цифровых инфраструктур является неотъемлемым условием доверия к ним со стороны участников регулируемых отношений [30, с. 189]. В России формирование надлежащего правового статуса ЕЦП НСПД приобретает особое значение в контексте масштабов земельного фонда страны и значимости земельных отношений для экономического развития.

Внедрение искусственного интеллекта и алгоритмических систем в функционирование ЕЦП НСПД ставит перспективную задачу правового регулирования автоматизированных административных решений в земельной сфере. Опыт европейского регулирования искусственного интеллекта (Регламент ЕС об искусственном интеллекте 2024 года) демонстрирует возможные подходы к правовому обеспечению надлежащего процесса при принятии алгоритмических решений, затрагивающих права частных лиц [31]. Адаптация этих подходов к российской правовой системе применительно к ЕЦП НСПД представляет собой актуальную задачу правовой науки.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Единая цифровая платформа «Национальная система пространственных данных» занимает в системе государственного управления земельными ресурсами место, существенно выходящее за рамки технического инструмента. Платформа осуществляет функции, имеющие непосредственное публично-правовое значение: информационного обеспечения административных решений в земельной сфере, обеспечения публичного оборота земельных участков, государственного земельного надзора, межведомственной координации. Совокупность этих функций придаёт ЕЦП НСПД признаки публично-правового института.

Вместе с тем правовое оформление публично-правового статуса платформы остаётся существенно неполным. Действующее законодательство не обеспечивает надлежащего регулирования правовой силы платформенных данных в соотношении с данными специализированных государственных реестров, не устанавливает порядка оспаривания автоматизированных решений, формируемых платформой, не закрепляет механизмов ответственности за недостоверность платформенных данных.

Преодоление указанных правовых пробелов требует как доктринальной разработки категории «цифровая публичная платформа управления земельными ресурсами», так и системных законодательных преобразований. Ключевыми задачами правового регулирования должны стать: нормативное определение правовой силы сведений ЕЦП НСПД; законодательное закрепление оснований автоматизированного выявления нарушений земельного законодательства посредством платформы; создание механизмов распределённой ответственности за качество платформенных данных; правовое регулирование автоматизированных административных решений в земельной сфере.

Формирование адекватного публично-правового статуса ЕЦП НСПД является необходимым условием эффективного функционирования платформы как инструмента государственного управления земельными ресурсами и обеспечения прав участников земельных отношений в условиях цифровой трансформации.

Список литературы:

[1] Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015. 184 с.

[2] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

[3] Варламов А.А., Гальченко С.А. Управление земельными ресурсами. М.: ГУЗ, 2019. 312 с.

[4] Иконицкая И.А. Земельное право Российской Федерации. М.: Норма, 2020. 352 с.

[5] Терещенко Л.К. Правовой режим информации. М.: Юриспруденция, 2017. 344 с.

[6] Алексеев В.А. Регистрация прав на недвижимость. М.: Проспект, 2021. 224 с.

[7] Боголюбов С.А. Земельное право. М.: Юрайт, 2022. 376 с.

[8] Крассов О.И. Земельное право современной России. М.: Дело, 2020. 624 с.

[9] Ялбулганов А.А. Государственный земельный контроль: правовые основы // Реформы и право. 2021. № 3. С. 18–29.

[10] Тихомиров Ю.А. Государственное управление: вопросы теории и практики. М.: Норма, 2021. 256 с.

[11] Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая.

[12] Архипов В.В. Правосубъектность цифровых технологий // Закон. 2020. № 5. С. 28–41.

[13] Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права. М.: Юристъ, 2000. 336 с.

[14] Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2016. 543 с.

[15] Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. М.: Норма, 2020. 576 с.

[16] Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

544 с.

[17] Черногор Н.Н., Залоило М.В. Концептуальные проблемы правотворчества в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 80–95.

[18] Улюкаев С.С. Земельное право. М.: Норма, 2022. 288 с.

[19] Трутнев Э.К., Бандорин Л.Е. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2018. 912 с.

[20] Липски С.А. Земельная политика и земельный строй России. М.: ГУЗ, 2021. 380 с.

[21] Куликов М.Ю. Правовое регулирование открытых данных в России // Информационное право. 2022. № 2. С. 72–81.

[22] Зырянов С.М. Административный надзор. М.: Юриспруденция, 2021. 256 с.

[23] Воронин Б.А. Правовое обеспечение государственного земельного контроля // Аграрный вестник Урала. 2021. № 4. С. 50–60.

[24] Кожевников О.А. Реформа контрольно-надзорной деятельности // Российский юридический журнал. 2021. № 5. С. 83–94.

[25] Серков П.П. Административная ответственность в российском праве. М.: Норма, 2019. 480 с.

[26] Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2021. Т. 3. 736 с.

[27] Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки высоких технологий в праве // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 35–52.

[28] Южаков В.Н. Цифровая трансформация государственного управления. М.: Дело, 2020. 244 с.

[29] Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М.: Статут, 2019. 458 с.

[30] Hildebrandt M. Law for Computer Scientists and Other Folk. Oxford: Oxford University Press, 2020. 312 p.

[31] Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств. М.: Статут, 2016. 336 с.

References:

[1] Talapina E.V. Public Administration in the Information Society (Legal Aspect). Moscow: Yurisprudentsiya, 2015. 184 p.

[2] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Context of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. pp. 85–102.

[3] Varlamov A.A., Galchenko S.A. Land Resource Management. Moscow: GUZ, 2019. 312 p.

[4] Ikonitskaya I.A. Land Law of the Russian Federation. Moscow: Norma, 2020. 352 p.

[5] Tereshchenko L.K. Legal Regime of Information. Moscow: Yurisprudentsiya, 2017. 344 p.

[6] Alekseev V.A. Registration of Rights to Real Estate. Moscow: Prospekt, 2021. 224 p.

[7] Bogolyubov S.A. Land Law. Moscow: Yurayt, 2022. 376 p.

[8] Krassov O.I. Land Law of Modern Russia. Moscow: Delo, 2020. 624 p.

[9] Yalbulganov A.A. State Land Control: Legal Foundations // Reforms and Law. 2021. No. 3. pp. 18–29.

[10] Tikhomirov Yu.A. Public Administration: Issues of Theory and Practice. Moscow: Norma, 2021. 256 p.

[11] Zorkin V.D. Law in the Digital World // Rossiyskaya Gazeta. 2018. May 30.

[12] Arkhipov V.V. Legal Personality of Digital Technologies // Zakon. 2020. No. 5. pp. 28–41.

[13] Kutafin O.E. Subjects of Constitutional Law. Moscow: Yurist, 2000. 336 p.

[14] Saveliev A.I. E-Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation. Moscow: Statut, 2016. 543 p.

[15] Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law. Moscow: Norma, 2020. 576 p.

[16] Lapach V.A. The System of Objects of Civil Rights. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2002. 544 p.

[17] Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Conceptual Problems of Law-Making in the Context of Digitalization // Journal of Russian Law. 2021. No. 3. pp. 80–95.

[18] Ulyukaev S.S. Land Law. Moscow: Norma, 2022. 288 p.

[19] Trutnev E.K., Bandorin L.E. Commentary on the Urban Planning Code of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2018. 912 p.

[20] Lipski S.A. Land Policy and the Land System of Russia. Moscow: GUZ, 2021. 380 p.

[21] Kulikov M.Yu. Legal Regulation of Open Data in Russia // Information Law. 2022. No. 2. pp. 72–81.

[22] Zyryanov S.M. Administrative Supervision. Moscow: Yurisprudentsiya, 2021. 256 p.

[23] Voronin B.A. Legal Framework for State Land Control // Agrarian Bulletin of the Urals. 2021. No. 4. pp. 50–60.

[24] Kozhevnikov O.A. Reform of Control and Supervisory Activities // Russian Juridical Journal. 2021. No. 5. pp. 83–94.

[25] Serkov P.P. Administrative Liability in Russian Law. Moscow: Norma, 2019. 480 p.

[26] Civil Law / ed. by A.P. Sergeyev. Moscow: RG-Press, 2021. Vol. 3. 736 p.

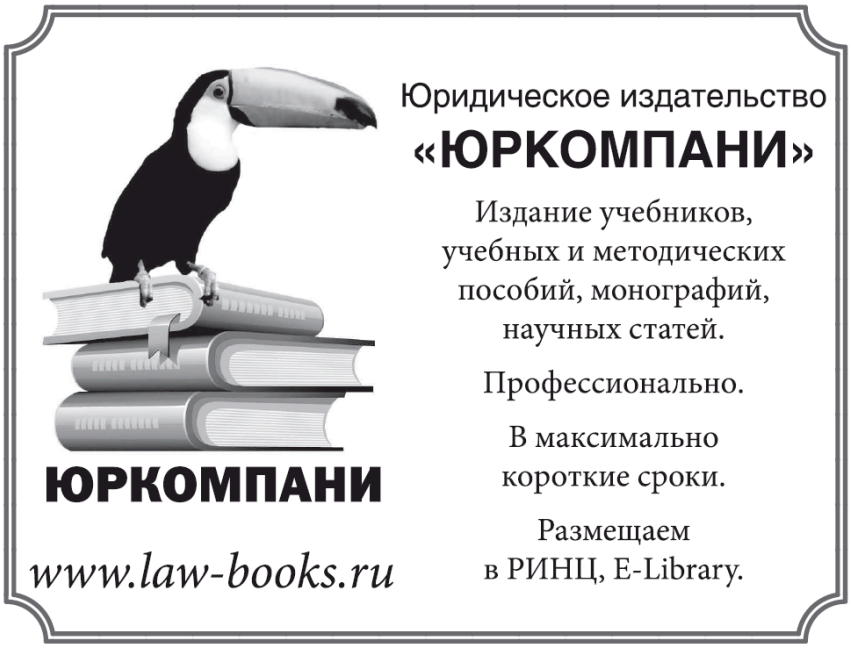
[27] Naryshkin S.E., Khabrieva T.Ya. A Mechanism for Assessing High Technologies in Law // Journal of Russian Law. 2021. No. 2. pp. 35–52.

[28] Yuzhakov V.N. Digital Transformation of Public Administration. Moscow: Delo, 2020. 244 p.

[29] Zimnenko B.L. International Law and the Legal System of the Russian Federation. Moscow: Statut, 2019. 458 p.

[30] Hildebrandt M. Law for Computer Scientists and Other Folk. Oxford: Oxford University Press, 2020. 312 p.

[31] Sarbash S.V. Elementary Dogmatics of Obligations. Moscow: Statut, 2016. 336 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-38-44

ГРИШАК Александр Иванович,
аспирант АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
г. Москва, Российская Федерация,
тел.: +7-915-409-91-13,
e-mail: stk_261@mail.ru

Научный руководитель:
САЦКЕВИЧ Татьяна Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
г. Москва, Российская Федерация,
тел.: +7-902-361-01-04,
e-mail: tsackevich@fa.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО ОТ НЕОБОСНОВАННОГО УВОЛЬНЕНИЯ В СВЯЗИ С АВТОМАТИЗАЦИЕЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу публично-правовых гарантий защиты государственного служащего от необоснованного увольнения в условиях цифровой трансформации государственного управления и внедрения автоматизированных систем. Рассматривается соотношение оснований увольнения, предусмотренных Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации», и новых вызовов, связанных с автоматизацией управленческих процессов. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательных механизмов защиты прав государственных служащих при сокращении штата в связи с внедрением цифровых технологий, включая процедуру оценки профессиональных компетенций и приоритетное право на замещение вакантных должностей.*

Ключевые слова: *государственная гражданская служба; гарантии государственных служащих; необоснованное увольнение; автоматизация управленческих процессов; цифровая трансформация; защита трудовых прав; сокращение штата; правовой статус государственного служащего.*

Для цитирования: *Гришак А. И. Публично-правовые гарантии защиты государственного служащего от необоснованного увольнения в связи с автоматизацией управленческих процессов // Образование и право. 2026. № 10. С. 38–44.*

GRISHAK Alexander Ivanovich,
Postgraduate Student,
Moscow University of Finance and Law (MFUA)

Academic Supervisor: SATSKEVICH Tatiana Konstantinovna, PhD in Law, Associate Professor, Moscow University of Finance and Law MFUA

PUBLIC LAW GUARANTEES OF PROTECTION OF A CIVIL SERVANT FROM UNJUSTIFIED DISMISSAL IN CONNECTION WITH THE AUTOMATION OF ADMINISTRATIVE PROCESSES

Annotation. *The article is devoted to the analysis of public law guarantees of protection of a civil servant from unjustified dismissal in the context of the digital transformation of public administration*

and the introduction of automated systems. The article examines the correlation between the grounds for dismissal provided for by the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" and new challenges associated with the automation of administrative processes. The author concludes that it is necessary to improve legislative mechanisms for protecting the rights of civil servants in the event of staff reduction due to the introduction of digital technologies, including the procedure for assessing professional competencies and the priority right to fill vacant positions.

Key words: *state civil service; guarantees for civil servants; unjustified dismissal; automation of administrative processes; digital transformation; protection of labour rights; staff reduction; legal status of a civil servant.*

For citation: *Grishak A. I. Public law guarantees of protection of a civil servant from unjustified dismissal in connection with the automation of administrative processes. Education and law. 2026; (10):38–44. (In Russ.).*

Цифровая трансформация государственного управления, являющаяся одной из приоритетных задач Российской Федерации, сопровождается внедрением автоматизированных информационных систем, технологий искусственного интеллекта и электронного документооборота в деятельность органов государственной власти. С одной стороны, это позволяет повысить эффективность управленческих процессов, сократить сроки принятия решений и минимизировать влияние человеческого фактора. С другой стороны, автоматизация объективно ведёт к сокращению потребности в определённых категориях государственных служащих, что создаёт риски необоснованного увольнения и нарушений их трудовых прав.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о системе публично-правовых гарантий, обеспечивающих защиту государственного служащего от необоснованного увольнения в условиях автоматизации. Проблема усугубляется отсутствием в действующем законодательстве чётких критериев оценки профессиональных компетенций государственных служащих применительно к новым цифровым условиям, а также недостаточной процедурной регламентацией процесса высвобождения кадров в связи с технологическими изменениями.

Цель данной статьи – охарактеризовать существующие пробелы в правовом регулировании оснований и процедуры увольнения государственного служащего в связи с автоматизацией управленческих процессов и предложить направления совершенствования законодательства.

Современный этап развития государственной службы характеризуется активным внедрением цифровых платформ, систем электронного взаимодействия и автоматизированных процедур принятия решений. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», цифровая трансформация государственного и муниципального управления определена в качестве одной из приоритетных национальных целей. В рамках её реализации предусмотрено достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, а также государственного управления, что предполагает создание платформенных решений и автоматизацию значительной части управленческих процессов. Кроме того, Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2025 г. № 1009 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» внесены корректировки в акты, регулирующие прохождение государственной службы, в том числе в части представления служащими сведений о доходах и расходах, что отражает последовательный курс на цифровизацию кадровых процессов и усиление антикоррупционных механизмов.

Автоматизация затронула такие направления деятельности государственных служащих, как делопроизводство, обработка обращений граждан, контроль и надзор, кадровая работа, ведение реестров и баз данных. Внедрение систем электронного документооборота и «безбумажных» технологий снижает потребность в служащих, выполняющих технические и вспомогательные функции. Прогнозируется, что в ближайшие 5–7 лет под риском сокращения окажутся до 30% должностей государственной гражданской службы, связанных с рутинными операциями.

Вместе с тем, действующее законодательство не содержит специальных оснований увольнения государственных служащих в связи с автоматизацией или цифровой трансформацией. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает такие основания, как сокращение должностей гражданской службы (пункт 8.2 части 1 статьи 37), а также несоответствие замещаемой должности вследствие недостаточной квалификации, подтверждённой результатами аттестации (пункт 3 части 1 статьи 37).

Однако практика применения указанных оснований в условиях технологической модернизации показывает их недостаточную эффективность: аттестационные процедуры не адаптированы к оценке цифровых компетенций, а сокращение штата не учитывает приоритетного права служащих на замещение вакантных должностей с учётом их переподготовки.

Публично-правовые гарантии государственного служащего представляют собой совокупность правовых средств и механизмов, направленных на обеспечение стабильности служебных отношений, защиту прав и законных интересов служащего, а также на предотвращение произвольных увольнений. В отличие от трудовых гарантий, закреплённых в Трудовом кодексе Российской Федерации, публично-правовые гарантии имеют следующие особенности: основаны на конституционном праве граждан на равный доступ к государственной службе (статья 32 Конституции РФ); направлены на обеспечение устойчивости и эффективности государственного аппарата; реализуются через специальные административные и судебные процедуры.

Система публично-правовых гарантий включает: гарантии стабильности служебных отношений (запрет на увольнение по инициативе представителя нанимателя без оснований, предусмотренных законом); гарантии профессионального развития (право на дополнительное профессиональное образование, переподготовку и повышение квалификации); гарантии социальной защищённости (сохранение денежного содержания на период трудоустройства при сокращении, право на выходное пособие); процедурные гарантии (обязательность предварительного уведомления о сокращении, предложение всех вакантных должностей, учёт преимущественного права на замещение должности): гарантии судебной защиты (право обжалования увольнения в судебном порядке).

В условиях автоматизации особое значение приобретают гарантии профессионального развития, а также процедурные гарантии, связанные с оценкой компетенций и приоритетным правом на замещение должностей.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить следующие ключевые проблемы. Во-первых, отсутствие чётких критериев оценки цифровых компетенций. Действующая система аттестации государственных служащих (статья 48 Федерального закона № 79-ФЗ) ориентирована преимущественно на оценку знаний законодательства и опыта работы, но не включает системную проверку цифровых навыков и способности работать в автоматизированной среде. В результате служащие, не обладающие требуемыми компетенциями, могут быть уволены по основанию несоответствия замещаемой должности, однако сама процедура оценки остаётся формальной и не позволяет объективно определить степень такого несоответствия.

Проблема отсутствия четких критериев оценки цифровых компетенций усугубляется неопределенностью правового режима цифрового профиля самого служащего. Как справедливо отмечают С.Ю. Адонина и Т.Н. Михеева, действующее российское законодательство не содержит легального определения понятия «цифровой профиль служащего в органах публичной власти», что оставляет данную сферу общественных отношений в «серой зоне» правового регулирования [1]. Авторы обоснованно указывают на тесную интеграцию цифрового профиля служащего с цифровым профилем физического лица и предлагают осуществлять профилирование на единой государственной цифровой платформе, что обеспечило бы единство кадрового пространства и равный доступ органов публичной власти к необходимой информации [1]. Данный вывод имеет прямое отношение к проблеме защиты служащего от необоснованного увольнения, поскольку отсутствие четкого правового режима сбора и использования данных о служащем создает риски произвольных кадровых решений на основе алгоритмической обработки непроверенной или неполной информации.

Системный анализ рисков автоматизированного принятия решений в публичном управлении представлен в работе Э.В. Талапиной, относящей к ним информационную асимметрию, непонятность алгоритмов и «якорение» – излишнее доверие к алгоритмической рекомендации, превращающее её в фактически единственное основание решения. Автор указывает на угрозы праву на информацию, равенству и судебной защите, поскольку доказать факт нарушения и причинения вреда крайне затруднительно, и обосновывает необходимость нормативного обеспечения транспарентности алгоритмов и юридической защиты человека от автоматизированных решений [2]. Данный вывод напрямую проецируется на государственную службу, где цифровой профиль служащего может выступать основанием кадровых решений без возможности понять и оспорить их логику.

Развивая тему цифрового профилирования, А.М. Цирин обоснованно указывает на необходимость разработки научно обоснованных критериев оценки (скоринга) государственных гражданских служащих, учитывающих в числе прочих требований соблюдение ими системы ограничений, запретов и обязанностей, требований к служебному

поведению [3]. Автор подчёркивает взаимосвязь анализа изменений сведений и идентификаторов цифрового профиля с обеспечением соблюдения служащими антикоррупционных стандартов, что определяет потребность в качественной аналитике цифрового профиля [3]. Данный вывод имеет прямое отношение к проблеме защиты служащего от необоснованного увольнения: использование скоринговых технологий при оценке кадров требует не только технического, но и правового обеспечения, включая гарантии от произвольного применения алгоритмических решений.

Во-вторых, отсутствие специальных процедур сокращения в связи с автоматизацией. Внесение изменений в штатное расписание органа государственной власти, обусловленных внедрением цифровых технологий, не сопровождается особыми процедурами. В результате служащие, чьи функции автоматизируются, могут быть уволены без предоставления им возможности профессиональной переподготовки или перевода на иные должности в том же органе.

Теоретико-правовую основу такого подхода составляет позиция М.В. Преснякова и С.Е. Чаннова, которые рассматривают государственную службу как публично-правовое отношение между государством и служащим, а не как разновидность трудового найма, и потому настаивают на необходимости автономной системы оснований и процедур прекращения служебных отношений. Авторы обоснованно указывают, что действующее законодательство, некритично реципируя трудоправовые конструкции, воспроизводит их лишь фрагментарно, порождая пробелы и неоправданно широкое усмотрение представителя нанимателя, что особенно опасно при организационно-штатных мероприятиях. Применительно к автоматизации управленческих процессов это означает, что сокращение должностей требует не заимствования трудовых процедур, а формирования собственных служебно-правовых гарантий, обеспечивающих стабильность служебных отношений [4].

В-третьих, недостаточность мер по переподготовке и трудоустройству. Действующим законодательством предусмотрено право государственного служащего на переподготовку, однако оно не является обязанностью представителя нанимателя. При сокращении штата служащему предлагаются вакантные должности, но предложение о прохождении переподготовки для замещения таких должностей не является обязательным, что существенно ограничивает возможности служащего сохранить статус государственного служащего.

Показательно, что отмеченные дефекты носят системный характер и распространяются на все виды публичной службы. Как обоснованно отмечает М.В. Пресняков, законодательство о государственной службе представляет собой эклектичную систему из нескольких разнородных массивов, вследствие чего гарантии при увольнении по инициативе представителя нанимателя решаются в разных законах неединообразно, без объективных к тому причин, что нарушает конституционный принцип равенства и затрудняет правоприменение. Особую озабоченность автора вызывает то, что служебное законодательство не воспроизводит социальные гарантии, предусмотренные для беременных женщин и лиц с семейными обязанностями, оставляя их регулирование исключительно трудовому праву, тогда как в условиях цифровизации и сокращения штата такие служащие оказываются наименее защищёнными [5].

В-четвертых, проблемы преимущественного права на замещение должности. В соответствии со статьёй 31 Федерального закона № 79-ФЗ, при сокращении должностей преимущественное право на замещение вакантной должности предоставляется служащему с более высокой квалификацией, большим стажем работы и более высокими результатами профессиональной деятельности. Однако в условиях автоматизации указанные критерии не учитывают способность служащего к освоению новых цифровых технологий, что создаёт риски для служащих с большим опытом, но недостаточными цифровыми навыками.

Фундаментальной проблемой, лежащей в основе всех перечисленных частных затруднений, является концептуальная неготовность традиционных правовых конструкций к ситуациям, когда управленческое решение фактически принимается автономной системой. Как справедливо отмечает Н.В. Архиереев, развитие автономных устройств, наделённых искусственным интеллектом, порождает феномен «разрыва ответственности» (responsibility gap), при котором поведение системы не может быть разумно предсказано человеком, что делает невозможным возложение ответственности на конкретное лицо по традиционным правилам деликтной ответственности [6].

Применительно к сфере государственной службы это означает, что принцип «только владелец отвечает за свою вещь» или классическая модель вины должностного лица перестают соответствовать реальности распределённого управления и алгоритмической автономии. Если решение об увольнении или кадровом перемещении формально санкционировано представителем нанимателя, но фактически сгенерировано алгоритмом на основе анализа цифрового профиля служащего, возникает вопрос: кто несёт ответственность за необоснованное увольнение – руководи-

тель, разработчик системы или сама система?

Н.В. Архиереев обоснованно указывает на отсутствие в российском законодательстве комплексного правового режима для автономных разумных устройств, что подтверждает актуальность адаптации зарубежного опыта [6]. Для целей настоящей работы принципиально важно, что данный «разрыв ответственности» напрямую затрагивает правовой статус государственных служащих, использующих такие системы в административной деятельности. Как и в случае с общей проблемой регулирования ИИ, здесь требуется не просто техническое, но и глубокое правовое переосмысление, включая разработку специальных процедур, обеспечивающих защиту служащего от произвольных решений, даже если они были приняты с использованием автоматизированных систем.

Более глубокий срез обозначенных проблем раскрывает В.И. Кузнецов, рассматривающий цифровизацию, информатизацию и интеллектуализацию как последовательные этапы жизненного цикла средств и методов управления обществом, а не изолированные явления [7]. Исследователь обоснованно указывает, что государственная служба, будучи «доверена» информационным технологиям, начинает утрачивать человеческий аспект, двигаясь к неконтролируемым и непредсказуемым результатам управленческих процессов [7]. Для целей настоящей работы принципиально важно, что данный вывод напрямую затрагивает правовой статус государственных служащих: «оцифрованные» институты государственной службы оказываются подчинёнными скрытому, далеко не всегда ощущаемому внешнему воздействию, что создаёт риски произвольных кадровых решений, в том числе при автоматизации управленческих процессов.

В контексте цифровизации кадровых процессов заслуживает внимания опыт внедрения биометрических технологий в избирательный процесс [8]. Биометрическая идентификация, основанная на совокупности изображения лица и голоса, обеспечивает высокую точность установления личности и снижение рисков фальсификаций, что напрямую соотносится с проблемой защиты государственного служащего от произвольных кадровых решений, основанных на алгоритмической обработке недостоверных данных [8, с. 357]. Предложение авторов о необходимости синхронизации Портала «Госуслуги», Единой биометрической системы (ЕБС) и ведомственных реестров [8, с. 360] может быть экстраполировано на сферу государственной службы, где создание единого защищённого контура верификации данных служащего способствовало бы снижению рисков необоснованных увольнений, связанных с ошибками автоматизированных систем.

Существенный вклад в осмысление правовых рисков цифрового профилирования вносят О.А. Степанов и Д.А. Басангов, которые указывают, что внедрение цифрового профилирования в практику публичного управления может привести к формированию разрыва между формально закреплёнными правами и фактической способностью их реализации [9]. Особую озабоченность исследователей вызывает риск создания «ранжированного» общества, в котором доступ к публичным услугам начинает зависеть от результатов цифрового профилирования, а не от норм законов, действующих равным образом в отношении всех лиц [9]. Данный вывод имеет прямое отношение к проблеме защиты служащего от необоснованного увольнения, поскольку результаты алгоритмической оценки цифрового профиля могут влиять на кадровые решения без возможности для служащего понять логику алгоритма и оспорить её.

Анализ судебной практики показывает рост числа споров, связанных с увольнением государственных служащих по основаниям несоответствия замещаемой должности или сокращения штата в контексте цифровизации. Среди ключевых правовых позиций, выработанных судами, можно выделить следующие:

1.Увольнение по основанию несоответствия замещаемой должности признаётся обоснованным только при условии надлежащего проведения аттестации и объективной оценки профессиональных компетенций служащего. Отсутствие в аттестационном листе конкретных критериев оценки цифровых навыков может служить основанием для признания увольнения незаконным.

2.При сокращении штата представитель нанимателя обязан предлагать служащему все вакантные должности, соответствующие его квалификации. Отказ от предложения должности, требующей иных (цифровых) компетенций, без предоставления возможности переподготовки рассматривается судами как нарушение процедуры сокращения.

3.Необоснованное увольнение служащего, чья должность была сокращена в связи с автоматизацией, но который мог быть переведён на иную должность без ущерба для служебной деятельности, признаётся нарушением права служащего на защиту от произвольного увольнения.

Указанные правовые позиции подтверждают необходимость совершенствования законодательных механизмов, обеспечивающих баланс между интересами государства в повышении эффективности управления и правами государственных служащих на защиту от необоснованного увольнения

На основе проведённого анализа предлагаются следующие направления совершенствования законодательства. Во-первых, требуется законодательное закрепление дополнительных оснований увольнения. Необходимо дополнить Федеральный закон № 79-ФЗ положением, согласно которому введение автоматизированных систем и сокращение должностей в связи с этим признаётся самостоятельным основанием для изменения штатного расписания, требующим особой процедуры уведомления и предложения служащим вакантных должностей с учётом их переподготовки.

Во-вторых, внедрение механизма обязательной переподготовки. Следует установить обязанность представителя нанимателя направлять служащего, должность которого подлежит сокращению в связи с автоматизацией, на профессиональную переподготовку по востребованным направлениям. Финансирование переподготовки должно осуществляться за счёт средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации.

В-третьих, разработка профессиональных стандартов с учётом цифровых компетенций. Необходимо утвердить профессиональные стандарты государственной гражданской службы, содержащие перечень цифровых компетенций, обязательных для замещения должностей. Внесение соответствующих изменений в должностные регламенты и проведение аттестации с учётом данных стандартов позволит объективно оценивать соответствие служащих замещаемым должностям. Аттестация должна проводиться с учётом оценки способности служащего работать с автоматизированными системами, а также его готовности к освоению новых технологий. В состав аттестационных комиссий целесообразно включать специалистов в области информационных технологий. Предоставить государственным служащим возможность обжалования решений аттестационной комиссии и действий представителя нанимателя при увольнении в связи с автоматизацией в упрощённом порядке, с возложением на представителя нанимателя бремени доказывания объективности причин увольнения.

Таким образом, автоматизация управленческих процессов является объективной реальностью, требующей адаптации правового регулирования государственной гражданской службы к новым условиям. Действующая система публично-правовых гарантий защиты государственного служащего от необоснованного увольнения, сформированная до массового внедрения цифровых технологий, не в полной мере отвечает современным вызовам. Основные проблемы связаны с отсутствием чётких критериев оценки цифровых компетенций, недостаточностью механизмов переподготовки и трудоустройства, а также несовершенством процедур сокращения и аттестации.

Предложенные направления совершенствования законодательства – закрепление специального основания увольнения, внедрение обязательной переподготовки, разработка профессиональных стандартов и совершенствование аттестационных процедур – позволят обеспечить баланс между потребностью государства в эффективном управлении и правом государственного служащего на защиту от необоснованного увольнения. Реализация указанных мер будет способствовать укреплению доверия к государственной службе, повышению её престижа и привлекательности, а также обеспечению социальной стабильности в условиях цифровой трансформации.

Список литературы:

[1] Адонина С.Ю., Михеева Т.Н. Цифровой профиль служащего в органах публичной власти: вопросы информационного и административного права // Журнал российского права. 2026. № 8. С. 107-121.

[2] Талапина Э.В. Автоматизированное принятие решений в государственном управлении: теоретический разбор возможностей // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 60-73.

[3] Цирин А.М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 97–109.

[4] Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика / под ред. Г.Н. Комковой. М.: Научная книга, 2008. 411 с.

[5] Пресняков М.В. Гарантии при увольнении государственных и муниципальных служащих по инициативе представителя нанимателя (руководителя) // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 69-79.

[6] Архиереев Н.В. Искусственный интеллект и автономные устройства: правовые аспекты регулирования // Хозяйство и право. 2026. № 1. С. 22-37.

[7] Кузнецов В.И. Институты государственной службы в условиях информационной среды // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 108–128.

[8] Фролова Т. Ю., Сацкевич Т. К., Дудченко О. С., Сакаев В. Т. Биометрия в избирательном процессе: зарубежный опыт и перспективы внедрения в Российской Федерации // Юридическая наука. 2026. № 8. С. 357–361.

[9] Степанов О.А., Басангов Д.А. О правовых особенностях и рисках реализации цифрово-

го профилирования // Российская юстиция. 2024. № 1. С. 59–69.

References:

[1] Adonina S.Yu., Mikheeva T.N. The Digital Profile of an Official in Public Authorities: Issues of Information and Administrative Law // Journal of Russian Law. 2026. No. 8. pp. 107–121.

[2] Talapina E.V. Automated Decision-Making in Public Administration: A Theoretical Analysis of Possibilities // Journal of Russian Law. 2022. No. 11. pp. 60–73.

[3] Tsirin A.M. Digital Profiling in the Civil Service: Concept and Prospects for Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 10. pp. 97–109.

[4] Presnyakov M.V., Channov S.E. Administrative-Legal Regulation of Employment Relations in the Public Sector: Theory and Practice / ed. by G.N. Komkova. Moscow: Nauchnaya Kniga, 2008. 411 p.

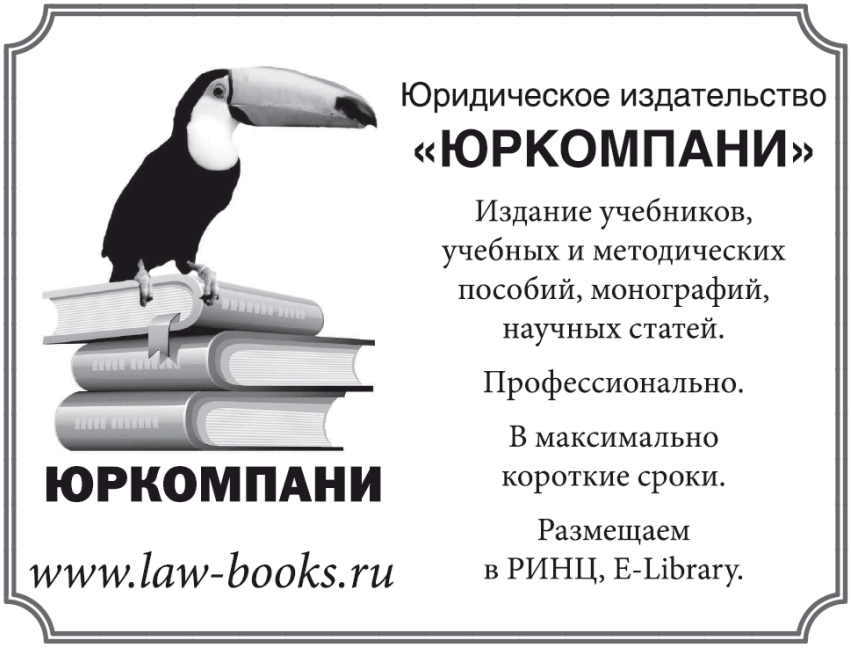
[5] Presnyakov M.V. Guarantees upon the Dismissal of State and Municipal Employees at the Initiative of the Employer's Representative (Head) // Journal of Russian Law. 2024. No. 6. pp. 69–79.

[6] Arkhiereev N.V. Artificial Intelligence and Autonomous Devices: Legal Aspects of Regulation // Economy and Law. 2026. No. 1. pp. 22–37.

[7] Kuznetsov V.I. Civil Service Institutions in an Information Environment // Journal of Russian Law. 2023. No. 12. pp. 108–128.

[8] Frolova T. Yu., Satskevich T. K., Dudchenko O. S., Sakaev V. T. Biometrics in the Electoral Process: International Experience and Prospects for Implementation in the Russian Federation // Legal Science. 2026. No. 8. pp. 357–361.

[9] Stepanov O. A., Basangov D. A. On the Legal Specifics and Risks of Implementing Digital Profiling // Russian Justice. 2024. No. 1. pp. 59–69.



ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-45-49

КОБЗЕВА Е.И.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс», РУТ МИИТ,
e-mail: mail@law-books.ru

ХИМИЧ Т.М.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс», РУТ МИИТ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАНИНА С.А.,
старший преподаватель кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс», РУТ МИИТ,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕНЕЗИС ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ СВОБОД, ЦИФРОВОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

Аннотация. *В статье исследуется процесс генезиса прав человека в условиях перехода к парадигме «цифрового пространства 2.0» (по состоянию на 2026 год). На основе теоретических положений Т.Ю. Алферовой анализируется мутация классических свобод. Раскрывается сущность цифрового конституционализма. Проводится комплексный обзор дискурса зарубежных ученых (Дж. Балкина, Ш. Зубофф, Л. Флориди, П. Валке), выявляя ключевые западные концепции защиты цифровых прав. На основе сравнительно-правового анализа и доклада Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0» формулируется специфика отечественной модели, направленной на баланс между цифровым суверенитетом, технологическим развитием и защитой человеческого достоинства.*

Ключевые слова: *права человека, цифровизация, классические свободы, цифровой конституционализм, информационные фидуциарии, надзорный капитализм, цифровое пространство 2.0, Совет при Президенте РФ по правам человека, Алферова, зарубежный дискурс.*

Для цитирования: *Кобзева Е. И., Химич Т. М., Панина С. А. Генезис прав человека в условиях глобальной цифровизации: трансформация классических свобод, цифровой конституционализм и сравнительно-правовой дискурс // Образование и право. 2026. № 10. С. 45–49.*

KOBZEVA E.I.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory of Law, Civil Law, and Civil Procedure, RUT MIIT

KHIMICH T.M.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory of Law, Civil Law,
and Civil Procedure, RUT MIIT

PANINA S.A.,
Senior Lecturer at the Department of
Theory of Law, Civil Law,
and Civil Procedure, RUT MIIT

THE GENESIS OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION: TRANSFORMATION OF CLASSICAL FREEDOMS, DIGITAL CONSTITUTIONALISM, AND COMPARATIVE LEGAL DISCOURSE

Annotation. *This article examines the genesis of human rights during the transition to a "digital space 2.0" paradigm (as of 2026). Drawing on the theoretical framework of T.Yu. Alferova, the study analyzes the mutation of classical freedoms and explores the essence of digital constitutionalism. It provides a comprehensive overview of the discourse among international scholars (J. Balkin, S. Zuboff, L. Floridi, P. Valcke), identifying key Western concepts regarding the protection of digital rights. Based on a comparative legal analysis and the report by the Presidential Council for Civil Society and Human Rights of the Russian Federation titled "Digital Transformation and the Protection of Citizens' Rights in the Digital Space 2.0," this paper outlines the specific features of the Russian model, which seeks to strike a balance between digital sovereignty, technological development, and the protection of human dignity.*

Key words: *human rights, digitalization, classical freedoms, digital constitutionalism, information fiduciaries, surveillance capitalism, digital space 2.0, Presidential Council for Civil Society and Human Rights of the Russian Federation, Alferova, international discourse.*

For citation: *Kobzeva E. I., Khimich T. M., Panina S. A. The genesis of human rights in the context of global digitalization: Transformation of classical freedoms, digital constitutionalism, and comparative legal discourse. Education and law. 2026;(10):45–49. (In Russ.).*

По состоянию на сентябрь 2026 года глобальная цифровизация перестала быть технологическим трендом, трансформировавшись в онтологическую среду человеческого бытия. Переход к экосистемам на базе генеративного и автономного искусственного интеллекта, а также массовое внедрение нейроинтерфейсов обозначили рубежи «цифрового пространства 2.0». В этих условиях классическая теория прав человека сталкивается с экзистенциальным вызовом. Целью данной статьи является анализ генезиса прав человека через призму трансформации классических свобод, феномена цифрового конституционализма и сравнительно-правового дискурса с опорой на труды Т.Ю. Алферовой, концепции зарубежных ученых и аналитику Совета при Президенте РФ по правам человека (СПЧ).

Опираясь на концептуальные положения, сформулированные в исследованиях Т.Ю. Алферовой, необходимо признать, что цифровизация не отменяет классические права, но подвергает их радикальной *мутации*. Алферова справедливо указывает на дуализм цифрового бытия: гражданин одновременно существует в физической и виртуальной реальностях, где его «цифровой аватар» и массивы данных становятся объектами правового регулирования.

Классические свободы трансформируются следующим образом:

Свобода слова: Из права на беспрепятственное выражение мнения она трансформируется в проблему *алгоритмической модерации*. Свобода слова в пространстве 2.0 зависит не от прямого цензора-государства, а от проприетарных алгоритмов транснациональных IT-корпораций.

Право на неприкосновенность частной жизни: Из «права быть оставленным в покое» оно эволюционирует в «право на когнитивную приватность» — защиту нейроданных, биометрических паттернов и внутренних психических процессов от считывания внешними устройствами.

Свобода волеизъявления: Подвергается эрозии из-за предиктивной аналитики и микротаргетинга, которые способны манипулировать поведением пользователя на подсознательном уровне.

Как отмечает Алферова, субъект права в

цифровую эпоху рискует быть редуцированным до набора данных (data-объекта), поэтому генезис современных прав человека направлен на восстановление его субъектности и предотвращение «цифровой деперсонализации».

Ответом на вызовы пространства 2.0 становится формирование *цифрового конституционализма* — системы принципов, ограничивающих вмешательство как государства, так и частных цифровых монополий в автономию личности.

Цифровой конституционализм базируется на трех столпах:

Цифровой суверенитет государства: право нации определять правила цифрового оборота и защищать инфраструктуру от внешнего деструктивного воздействия.

Неприкосновенность цифровой личности: конституционный запрет на тотальную алгоритмическую слежку и использование биометрии без осознанного, специфического согласия.

Право на «аналоговый оффлайн»: гарантия того, что отказ от использования цифровых сервисов (цифровой абстиненс) не должен ущемлять базовые социально-экономические права гражданина.

Глобальный характер цифровизации породил масштабный академический дискурс за рубежом. К 2026 году западная юридическая мысль прошла путь от констатации факта существования «цифровых прав» до разработки сложных доктрин по ограничению власти IT-гигантов и алгоритмов. Можно выделить три магистральных направления в зарубежном дискурсе:

А. Концепция «Информационных фидуциариев» и квазигосударств Американский ученый Дж. Балкин выдвинул ставшую классической в англосаксонском праве теорию «информационных фидуциариев». Он доказывает, что IT-платформы, обладая монополией на внимание и данные пользователей, должны нести фидуциарные (доверительные) обязанности, аналогичные обязанностям врачей или адвокатов, действуя исключительно в интересах пользователей, а не в погоне за прибылью. Развивая эту мысль, К. Клоник в работе «The New Governors» характеризует транснациональные корпорации как «новых правителей» (квазигосударства), которые фактически осуществляют цензуру и регулирование публичных пространств. Зарубежный дискурс здесь фокусируется на необходимости подчинения корпоративного кода принципам прав человека.

Б. Критика «Надзорного капитализма» и борьба за когнитивную свободу Ш. Зубофф и ее последователи исследуют феномен «надзорного капитализма». В условиях 2026 года, когда ИИ анализирует не только клики, но и микромимику и нейросигналы, Зубофф утверждает, что классического «права на приватность» уже недостаточно. Зарубежные ученые вводят понятие *когнитивной свободы* и *свободы волеизъявления*, защищая право человека на «непредсказуемость» и защиту от алгоритмического детерминизма.

В. Онтология «Инфосферы» и цифровое достоинство

Европейский философ и юрист Л. Флориди предлагает рассматривать цифровую и физическую среды как единое пространство «онлайн-жизни». В этой парадигме стирается грань между онлайн- и офлайн-нарушениями. П. Валке и другие европейские исследователи развивают концепцию «цифрового достоинства», утверждая, что унижение в виртуальной реальности или алгоритмическая дискриминация наносят такой же ущерб правам человека, как и физические посягательства.

Западная наука делает акцент на *горизонтальном* действии прав человека (защите от корпораций) и *онтологическом* слиянии человека с машиной. Однако этот дискурс часто страдает излишней абстрактностью и недооценкой роли государства как гаранта социальных прав в цифровой среде.

Сопоставление зарубежного дискурса с отечественной доктриной позволяет выявить специфику российского подхода. Если европейская модель (GDPR, AI Act) делает акцент на жестком государственном регулировании данных, а американская — на фидуциарных обязанностях корпораций, то российская модель, отраженная в докладе СПЧ *«Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0»*, предлагает *гуманистически-государственный (социально-суверенный)* подход.

Анализ Доклада СПЧ позволяет выделить ключевые тезисы, формирующие российскую доктрину:

Преодоление цифрового неравенства и алгоритмической дискриминации. В отличие от западного фокуса на приватности, СПЧ акцентирует внимание на *социальных* рисках. Алгоритмическая предвзятость при назначении пособий, кредитовании или мониторинге ведет к скрытой дискриминации. СПЧ настаивает на праве гражданина на «человеческое обжалование» решения, принятого ИИ.

Защита от корпоративного феодализма в рамках суверенитета. Доклад СПЧ, соглашаясь с тезисами Балкина о квазигосударственной природе IT-гигантов, предлагает решать эту проблему не через частноправовые фидуциарные отношения, а через публично-правовое регулирование,

антимонопольные меры и обеспечение цифрового суверенитета РФ.

Право на цифровую гигиену как новая свобода. СПЧ формулирует позитивную обязанность государства: не просто регулировать среду, но и обеспечивать *право на цифровую грамотность*. Гражданин должен быть защищен от дипфейков, кибермошенничества и манипуляций со стороны ИИ.

Баланс безопасности и свободы. Внедрение систем предиктивной аналитики и распознавания лиц в целях национальной безопасности не должно приводить к созданию «паноптикума». Необходим жесткий законодательный фильтр и общественный контроль, что перекликается с идеями цифрового конституционализма

Зарубежный дискурс предоставляет ценный понятийный аппарат (информационные фидуциарии, когнитивная свобода, онлайф). Однако подход, легитимизированный в Докладе СПЧ, смещает фокус с *прав потребителя данных* (Запад) на *права человека как гражданина*. Российская модель стремится к созданию «социально ориентированного цифрового государства», где технологии выступают инструментом реализации конституционных прав, а не самоцелью.

Генезис прав человека в условиях глобальной цифровизации представляет собой непрерывный процесс адаптации классических свобод к реалиям «цифрового пространства 2.0». Опираясь на теоретические выкладки Т.Ю. Алферовой о дуализме цифрового бытия и обогащая их концептуальным аппаратом зарубежных ученых (фидуциарная теория, критика надзорного капитализма), можно констатировать, что классические права требуют нового инструментария защиты.

Цифровой конституционализм становится необходимым каркасом, ограничивающим произвол в виртуальной среде. При этом сравнительно-правовой анализ показывает, что именно концепция, изложенная в Докладе СПЧ «Цифровое пространство 2.0», предлагает наиболее сбалансированный подход. Он сочетает защиту цифрового суверенитета государства с приоритетом гуманистических ценностей, гарантируя, что в эпоху автономного искусственного интеллекта и нейроинтерфейсов человек остается высшей ценностью, субъектом права и творцом цифрового будущего, а не объектом алгоритмической обработки.

Список литературы:

[1] Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0». — М.: СПЧ, 2021 (с последующими актуализациями и аналитическими записками до 2025 г.). 84 с.

[2] Алферова Т.Ю. Цифровизация права: трансформация классических свобод и формирование нового правового статуса личности // Журнал российского права. — 2022. — № 4. С. 120-141.

[3] Зорькин В.Д. Цифровой конституционализм: глобальные вызовы и российские реалии // Журнал Конституционного правосудия. — 2023. — № 2. С. 1-12.

[4] Кобзева Е.И. К вопросу об обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Журнал Национальная ассоциация ученых. - 2017. - № 6. – С. 68-70.

[5] Balkin J.M. Information Fiduciaries and the First Amendment // UC Davis Law Review. — 2018. — Vol. 51. (Фундаментальная работа по концепции информационных фидуциариев). P. 1183-1234.

[6] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — PublicAffairs, 2019 (и последующие статьи автора 2023-2025 гг. о когнитивном суверенитете). 704 p.

[7] Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. — Oxford University Press, 2014 (переизд. с дополнениями, 2022). 248 p.

[8] Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. — 2018. — Vol. 131.

[9] Valcke P. Digital Constitutionalism: The Role of the Council of Europe and the EU // European Data Protection Law Review. — 2024. — Vol. 10.

[10] Конституция Российской Федерации (с изменениями, внесенными Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Report of the Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights. "Digital Transformation and the Protection of Citizens' Rights in the Digital Space 2.0." — Moscow: HRC (Council for Civil Society and Human Rights), 2021 (with subsequent updates and analytical notes through 2025). 84 p.

[2] Alferova T.Yu. Digitalization of Law: The Transformation of Classical Freedoms and the Formation of a New Legal Status for the Individual // Journal of Russian Law. — 2022. — No. 4. pp. 120–141.

[3] Zorkin V.D. Digital Constitutionalism: Global Challenges and Russian Realities // Journal of Constitutional Justice. — 2023. — No. 2. pp. 1–12.

[4] Kobzeva E.I. On the Issue of Ensuring Human and Civil Rights and Freedoms // Journal of the National Association of Scholars. — 2017. — No. 6. pp. 68–70.

[5] Balkin J.M. Information Fiduciaries and the First Amendment // UC Davis Law Review. — 2018. — Vol. 51. (A foundational work on the concept of information fiduciaries). pp. 1183–1234.

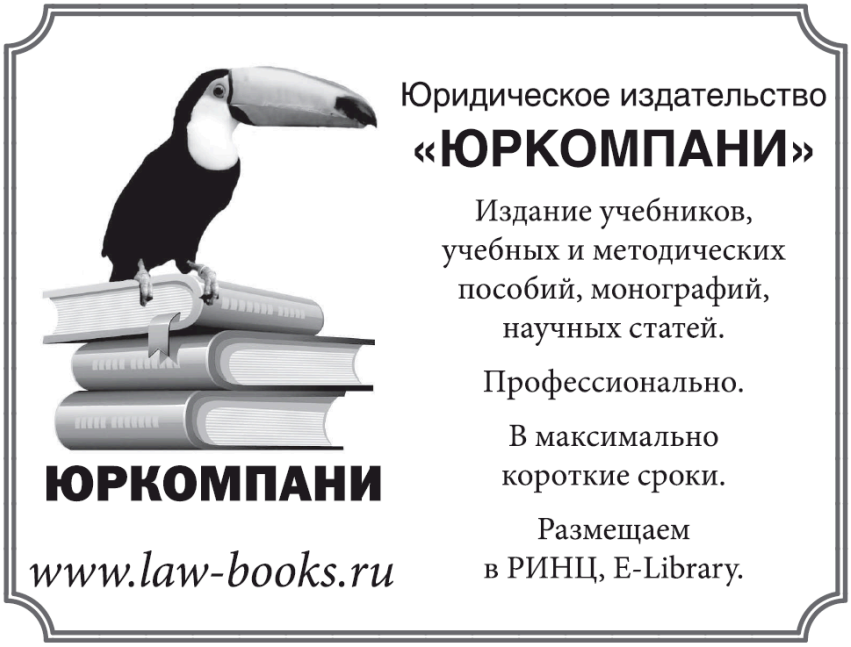
[6] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — PublicAffairs, 2019 (and subsequent articles by the author from 2023–2025 regarding cognitive sovereignty). 704 p.

[7] Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. — Oxford University Press, 2014 (reprinted with additions, 2022). 248 p.

[8] Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. — 2018. — Vol. 131.

[9] Valcke P. Digital Constitutionalism: The Role of the Council of Europe and the EU // European Data Protection Law Review. — 2024. — Vol. 10.

[10] Constitution of the Russian Federation (as amended by the Law of the Russian Federation on an Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020, No. 1-FKZ). // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (accessed: 05.09.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-50-52

ИГНАТЬЕВА М.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
Федерального государственного бюджетного
образовательного
учреждения высшего образования «Российский
государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»;
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Федерального государственного бюджетного
образовательного
учреждения высшего образования «Российский
государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: imarina.79@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема эффективности норм права в области прав человека. Изучены точки зрения о различных типах правопонимания, рассмотрено разнообразие взглядов о понятии эффективности правовых норм, а также факторов, которые влияют на эффективность и результат деятельности правовых норм в области прав человека.*

Ключевые слова: *правопонимание, эффективность правового регулирования, правоприменение, права человека, правопонимание.*

Для цитирования: *Игнатьева М. В. Эффективность правовых норм в области прав человека: теоретические аспекты и проблемы правоприменения // Образование и право. 2026. № 10. С. 50–52.*

IGNATYEVA M.V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of International Law,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of General Theoretical
Legal Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

THE EFFECTIVENESS OF LEGAL NORMS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS: THEORETICAL ASPECTS AND LAW ENFORCEMENT CHALLENGES

Annotation. *The article examines the issue of the effectiveness of legal norms in the field of human rights. It analyzes various approaches to the understanding of law and explores diverse perspectives on the concept of the effectiveness of legal norms, as well as the factors influencing the effectiveness and impact of such norms in the human rights sphere.*

Key words: *understanding of law, effectiveness of legal regulation, law enforcement, human rights.*

For citation: *Ignatyeva M. V. The effectiveness of legal norms in the field of human rights: Theoretical aspects and law enforcement challenges. Education and law. 2026;(10):50–52. (In Russ.).*

В современном мире права человека стали главным показателем справедливости и развития любого государства. В большинстве стран закреплены базовые свободы прав человека и подписаны главные международные конвенции. Однако, всего этого недостаточно, чтобы человек чувствовал себя в безопасности. Главный вопрос и проблема заключается в эффективности правовых норм — то есть в том, насколько эти законы работают и выполняют свою основную цель. Сегодня между теорией права и практикой существует серьезный разрыв, законы активно создаются, но механизмы их применения часто не работают на должном уровне. Существует ряд проблем, которые связаны с правоприменением, к ним относятся: бюрократия, коррупция, пробелы в законодательстве и низкое правосознание граждан и все эти пункты мешают нормам работать в полную силу.

Попробуем разобрать теоретические основы эффективности права и проблемы, которые мешают государству и обществу защищать права человека. Эффективность правовых норм зависит **механизмов защиты** и деятельности государства в этой сфере. В современном мире существует огромный пробел, который обусловлен недостатком национального механизма защиты прав [2]. Отсутствие такого механизма приводит к снижению эффективности норм права, их правоприменения.

Основной проблемой можно выделить - низкий уровень правовой культуры и недоступность населения к защите своих прав. Отдаленные регионы очень плохо оснащены современными технологиями и населению малодоступна информация о защите прав и возможность оперативно реагировать на возникающие проблемы. Для этого необходимо проводить какие – то информационные семинары для граждан, чтобы давать им возможность защищать свои права [1].

Основными факторами неэффективности правовых норм в сфере защиты прав человека можно выделить следующие:

-противоречия, возникающие в правовых нормах;

- нечеткие, размытые формулировки;

-отсутствие четких и понятных механизмов защиты;

-низкий уровень жизни и недоступность защиты для многих слоев общества;

-несовершенная правоприменительная практика;

-низкая правовая культура, отсутствие знаний своих прав и возможности их защиты;

- отсутствие финансовых ресурсов на реализацию многих прав человека;

-отставание от новых реалий мира.

Главной задачей должно быть повышение эффективности таких норм путем их конкретизации, доступности всем, возможности защиты своих прав, а также разработки новых норм в условиях меняющегося мира. Все эти факторы помогли бы повысить качество сотрудничества государств в этой области, привело бы к формированию новых как национальных, так и международных механизмов защиты прав граждан.

Главной проблемой общества является то, что основная масса населения не знает и не понимает, что содержится в нормах. В этом случае необходимо создать условия качественной работы правотворческих органов, которые непосредственно создают эту норму и планируют ее результативность.

В современной российской юридической науке эффективность права и его норм не рассматриваются как самостоятельная проблема. Этот вопрос только затрагивается при рассмотрении проблемы о повышении «качества» норм права, что, на наш взгляд, не совсем правильно.

Как известно, итог принятия любого закона – это результат, которого хотели достичь с помощью него, но не всегда цель достигается.

Самый хороший вариант - это полное достижение той цели, которая изначально стояла перед законодателями. Но это идеальный вариант и как правило, не всегда это происходит на все сто процентов.

Второй вариант исхода — это частично выполненная задача, правовая норма работает, но не в полной мере. То есть ее эффективность не настолько обширна и полна как хотелось бы. И такую норму уже невозможно назвать «качественной», и она не достигает поставленной перед ней цель.

Третий вариант исхода скорее всего неэффективный и может не иметь результата, а иногда даже отрицательный результат. О чем может это говорить, о том, что изначально норму не проработали, не сделали предварительный анализ, экспертизу. В таком случае норма вызывает негативные последствия и здесь уже в полной мере можно говорить о том, что ни о какой эффективности нормы речи не идет.

Еще одной проблемой в этой сфере является разграничение сфер в эффективности правовых

норм. Так, М.Д. Шаргородский указывал, что эффективность, это не особенность правового регулирования, а объективная возможность, которая требует соблюдения ряда правил» [6].

Есть еще такое понятие как реальная эффективность, она определяется рядом факторов:

-соответствие принятых норм общественному мнению,

-работа правоприменительных органов и др.

Теоретики права сходятся во мнении, что эффективность нормы права возможна тогда, когда основные цели правового регулирования полностью реализуются. Делая вывод, можно отметить, что взаимосвязь «цель – результат» необходима для эффективной реализации норм права.

Стоит разобраться какой из перечисленных факторов наиболее важный, многие ученые считают, что эффективность правовой нормы невозможно без реализации и правоприменения, так как это процесс, который необходим для того, чтобы соблюсти все условия для эффективности. Существует и другой подход к пониманию эффективности права, он говорит о том, что в случае, если хоть один фактор отсутствует, то речь может идти уже об неэффективности правовых норм. В этом вопросе следует отметить точку зрения В. В. Лапаевой, которая под эффективностью права, понимает взаимодействие социального интереса и правообразующего интереса [3]. И. Л. Честнов, предлагает антропологическую программу измерения эффективности права [5].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: эффективность правовых норм в области прав человека нельзя оценивать только по количеству принятых законов. Настоящая эффективность измеряется тем, насколько защищенным чувствует себя человек в повседневном образе жизни.

Теория права дает нам отличную базу и стандарты, но без отлаженной системы правоприменения эти стандарты остаются лишь словами на бумаге.

Для того, чтобы преодолеть кризис правоприменения, необходим комплексный подход [4]. А именно: государству нужно не просто устранять пробелы в законах, но и реформировать работу судов и правоохранительных органов.

Важно, чтобы процедура защиты прав была простой, доступной, прозрачными, чтобы каждый гражданин без проблем мог воспользоваться механизмом защиты своих прав.

Только тогда, можно будет говорить, что правоприменительная практика и уровень правовой культуры в обществе вырастет.

Список литературы:

[1] Арнаутова А.А. Средства повышения эффективности нормативных правовых актов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М. 2018. № 4. С. 22.

[2] Дорская А.А. Проблемы цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов. М., 2019. С. 18-28.

[3] Деменишин Д.О. Пути повышения эффективности правового регулирования // The Newman in Foreign policy, № 40, 2018. С. 25-27.

[4] Рыбаков В.А. Критерии определения эффективности права // Правоприменение. 2019. № 2, С. 5-13.

[5] Честнов И.Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции // Журнал_ЮрАиК.2022. № 1. С. 21-26.

[6] Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность.Л.1973. С. 58.

References:

[1] Arnautova A.A. Means of Enhancing the Effectiveness of Normative Legal Acts // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). Moscow, 2018. No. 4. P. 22.

[2] Dorskaya A.A. Problems of Digitalization in the Legal Sphere: Key Research Directions // Transformation of Legal Reality in the Digital Age: A Collection of Scientific Papers. Moscow, 2019. Pp. 18–28.

[3] Demenishin D.O. Ways to Improve the Effectiveness of Legal Regulation // The Newman in Foreign Policy, No. 40, 2018. Pp. 25–27.

[4] Rybakov V.A. Criteria for Determining the Effectiveness of Law // Law Enforcement (Pravoprimenenie). 2019. No. 2. Pp. 5–13.

[5] Chestnov I.L. Anthropology as a Methodology for Postmodern Jurisprudence // Journal_YurAiK. 2022. No. 1. Pp. 21–26.

[6] Shargorodsky M.D. Punishment, Its Purposes and Effectiveness. Leningrad, 1973. P. 58.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-53-56

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: andreytso@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВ И СВОБОД: ПРАВО НА ТРУД, ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ЗАПРЕТ ПЫТОК

Аннотация. *В статье рассматривается ряд правовых проблем, связанных с различными аспектами защиты отдельных прав и свобод (на труд, неприкосновенность частной жизни, защиту от пыток. Автор анализирует имеющиеся исследования по проблеме, обращается к практике работы органов государственной власти и общественных организаций. В статье приводится ряд авторских рекомендаций, связанных с исследуемыми правами. Частично анализируется и зарубежный опыт. Рекомендации адресованы конкретным органам государственной власти. Предложения были апробированы в ходе исследовательской и практической деятельности автора в правоохранительных органах и аппарате Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге.*

Ключевые слова: *права человека, право на труд, государственные органы.*

Для цитирования: *Андрейцо С. Ю. Проблемы защиты отдельных прав и свобод: право на труд, право на неприкосновенность частной жизни, запрет пыток // Образование и право. 2026. № 10. С. 53–56.*

ANDREITCO Sergej Yuryevich,
PhD, Law, Associate Professor of the Department of public law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS: RIGHT TO WORK, RIGHT TO PRIVACY, PROHIBITION OF TORTURE

Annotation. *The article examines a number of legal issues related to various aspects of the protection of individual rights and freedoms (to work, privacy, protection from torture. The author analyzes the available research on the problem, refers to the practice of the work of state authorities and public organizations. The article provides a number of copyright recommendations related to the rights under study. Foreign experience is also partially analyzed. The recommendations are addressed to specific public authorities. The proposals were tested during the research and practical activities of the author in law enforcement agencies and the office of the Commissioner for Human Rights in St. Petersburg.*

Key words: *human rights, right to work, state bodies.*

For citation: *Andreitco S. Yu. Protection of individual rights and freedoms: Right to work, right to privacy, prohibition of torture. Education and law. 2026;(10):53–56. (In Russ.).*

Актуальность исследования проблем правозащитной деятельности в современной России обусловлена комплексом причин. В их числе разрыв в оценке уровня их обеспеченности, проблемы взаимодействия различных субъектов механизма защиты прав человека между собой. Необходим анализ имеющихся типовых нарушений, а также имеющихся рекомендаций по восстановлению нарушенных прав [1-5].

Материалы статьи включают данные ежегодных и специальных докладов уполномоченных по правам человека, материалов органов прокуратуры, судебной практики, аналитических материалах правозащитных организаций. Использовались и многочисленные научные публикации по правозащитной тематике [1-7].

Результатом исследования стали разработанные на основе указанных материалов научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию правозащитной деятельности в России.

Одной из важнейших проблем связанных с реализацией отдельных прав и свобод является защита от пыток.

Комитет против пыток ООН (Комитет) отмечает, что в Российской Федерации пытки до настоящего времени не криминализированы в УК РФ как отдельный состав преступления, а также обращает внимание, что определение понятия «пытки», данное в примечании к статье 117 УК РФ, является более узким, чем определение, содержащееся в Конвенции. Комитет настаивает, что ответственность за пытки представители правоохранительных органов должны нести с самого начала любого ограничения ими свободы человека. Ситуация не изменилась и после изменений УК РФ в 2022 году.

Комитет также отмечает, что Российской Федерацией в его адрес не представляется статистика о фактах пыток, дифференцированная по ведомственной принадлежности, по числу расследованных уголовных дел, по сообщениям о фактах применения пыток и по числу предъявленных обвинений.

Следует отметить, что правоохранительные органы не всегда демонстрируют готовность воспринимать сигналы правозащитников о возможных противоправных действиях в отношении задержанных в отделах полиции.

Одним из важнейших прав человека является право на жилище. Для совершенствования его защиты в субъектах РФ при формировании годовых жилищных планов следует определять резервный фонд, в том числе для возможности исполнения судебных решений по предоставлению гражданам жилых помещений государственного жилищного фонда. Необходимо рассмотреть вопрос об организации эффективной системы сбора опасных отходов у населения, в том числе химических отходов, отработанных масел, лекарственных средств, бытовых электроприборов, компьютерной и оргтехники.

Говоря о праве на труд, отметим, что одним из широко распространенных и существенных нарушений трудовых прав работников является прикрытие фактических трудовых отношений фиктивными гражданско-правовыми договорами. На недопустимость подобных действий, их противоречие действующему законодательству в 2009 году указал КС РФ. Ранее положения о необходимости противодействия скрытым формам трудовых отношений были сформулированы в Рекомендации МОТ от 15.06.2006 № 198 «О трудовом правоотношении».

Между тем требования трудового законодательства, запрещающие любые проявления дискриминации при приеме на работу, а также необоснованный отказ в трудоустройстве, работодателями часто игнорируются.

Среди типичных нарушений законодательства о занятости: несоблюдение работодателями порядка информирования органов занятости о высвобождении рабочих мест, игнорирование требований о квотировании рабочих мест для трудоустройства инвалидов.

Право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь, социальное обеспечение и социальную защиту гарантировано Конституцией РФ и закреплено международным правом (Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, уставом Всемирной организации здравоохранения и др.).

При установлении социальных гарантий на уровне субъекта РФ законодатель должен руководствоваться принципом социальной справедливости, соблюдать баланс частных интересов граждан и публичных интересов, а также принимать во внимание социально-экономическое положение и возможности субъекта.

«Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого» - данное высказывание, как нельзя лучше дает понять, насколько тесно связанны между собой персональные данные каждого человека. Права на защиту чести и доброго имени, тайны связи, семейной жизни т.д. обычно не касаются одного человека, а полномочия разглашать информацию доступны только их обладателю. Тут и возникает вопрос о разграничении и присвоении человеку статуса «обладателя».

В исследовании данного вопроса необходимо обратиться к опыту зарубежных стран, поскольку в Европейских странах и США он имеет больший срок реализации, а значит и служит наглядным примером для выявления ошибок и приобретения ценной информации для использования ее в России.

За рубежом право на частную жизнь имеет такое же огромное значение, как и в России. Важную роль во всем мировом опыте играет французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года, которая и по сей день является основой французского конституционного права. Основной идеей Декларации является принадлежность каждому человеку прав и свобод от рождения.

За несоблюдение данных конституционных и других правовых установлений налагается уголовная ответственность, гарантируемая Уголовным Кодексом РФ (Особенная часть, глава 19, ст.137,

ст.138, ст.139 гл.), касательно данного права можно также рассмотреть к применению ст.155 УК РФ разглашение тайны усыновления и ст.310 УК РФ, разглашение данных предварительного расследования. К сожалению, опыт российских судов по защите прав на неприкосновенность частной жизни граждан совсем не велик, однако в последнее время наблюдается тенденция к увеличению исков по данной категории, что означает и возрастание беспокойства граждан за приватность личной информации.

Неприкосновенность частной жизни необходима для поддержания в человеке правового статуса гражданина. С ее помощью человек реализует себя в той или иной сфере жизнедеятельности. Здесь большую роль играет индивидуальность каждого человека, которая мешает дать точное, обобщающее определение частной жизни, а тем более установить правовые рамки для ее регулирования.

Еще одна значимая проблема по реализации защиты обсуждаемого права - это недостаточная осведомленность большей части населения о своих правах. Недостаточная правовая пропаганда и не проведение мер по донесению до населения страны основных мыслей по правам человека, приводят к тому, что уже сейчас государство не в силах контролировать распространение соответствующих нарушений. Многие граждане просто закрывают глаза на неправомерное посягательство их личной жизни лишь потому, что не имеют понятия, какие права и свободы им предоставлены государством, а тем более как бороться с посягательством на эти права.

Вместе с тем, личностная безопасность в России не полностью соответствует времени. Проблема заключается и в отставании отечественных технологий перед зарубежными фирмами, что вынуждает прибегать к их помощи, что в свою очередь предоставляет реальную угрозу несанкционированного доступа к обрабатываемой информации. Важен и тот факт, что не существует соответствующих и реально действующих механизмов контроля за неправомерным сбором информации.

Латентность добычи личной информации также является играющим фактором в проблеме защиты личной жизни. Ведь большинство людей могу и не догадываться о сборе, хранении и распространении их личной информации. К сожалению, это один из практически не решаемых на данный момент факторов, т.к. нет реальной возможности отслеживания и вычисления правонарушителей.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что причины незащищенности частной жизни очень разносторонние, что тоже является неким барьером к их преодолению, поскольку и методы борьбы приходится искать соответствующие.

Для понимания всех насущных проблем, связанных с рассматриваемым правом, вычисления их корня, и поиска оптимального способа борьбы с ними, безусловно, нужно вмешательство со стороны государства, коррекция существующих законов и внесение новых поправок необходимы. Но главным же остается изменение в сознании самого общества, понимание людей всей важности проблемы и желание ее устранению — вот главный залог успеха.

Рекомендации по совершенствованию рассматриваемых прав:

Государственной Думе:

внести изменения в УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность сотрудников правоохранительных органов и иных лиц за организацию и участие в пытках граждан, в том числе с целью добиться дачи показаний, с учетом дефиниции пыток, содержащейся в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

внести изменения в Федеральный закон от 15.07.1995 № ЮЗ-ФЗ, приравняв к местам содержания под стражей конвойные помещения судов общей юрисдикции и специальные автомобили конвоирования (в целях распространения на лиц, содержащихся в указанных помещениях и специальном автотранспорте, гарантий защиты прав лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений);

принять Федеральный закон, регулирующий порядок организации деятельности по эксплуатации технических приспособлений для массовых развлечений (аттракционов).

Генеральной прокуратуре РФ принять организационные меры (в том числе издать организационно-распорядительный акт), направленные на повышение эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов военного следствия, оперативно-розыскной деятельностью органов Федеральной службы безопасности.

МВД России активизировать проведение мероприятий профилактической направленности по линии охраны общественного порядка в целях предупреждения правонарушений в общественных местах. Активизировать профилактическую работу по выявлению и своевременному отстранению от управления транспортными средствами водителей, находящихся в состоянии алкогольного, токсического, наркотического опьянения.

Список литературы:

[1] Авакьян С.А. Статус человека и гражданина: необходимы конституционные уточнения / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. - 2023. - № 8. - С. 19–22.

[2] Буренкова М.А. Ограничение конституционного права гражданина на выезд из страны в целях обеспечения общественного порядка и исполнения судебных решений/М.А. Буренкова // Конституционное и муниципальное право. Издательство группы «Юрист». - 2025. - № 04. – С. 17-28.

[3] Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус личности в России/ Л.А. Нудненко. - М.: Издательство Юрайт, 2024. - 121 с.

[4] Павликов С.Г. К вопросу об ограничении конституционных прав (на примере предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий)/ С.Г. Павликов // Конституционное и муниципальное право. - 2020. - № 8. - С. 54–55.

[5] Попович М.М. Защита прав граждан при ограничении права на свободу передвижения / М.М. Попович // Право и управление. – 2023. - № 6. - С. 39-46.

[6] Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. — 3-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 512 с.

[7] Юрковский, А. В. Права человека: учебник / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, Е. Л. Иванова; под редакцией А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025 – 318 с.

References:

[1] Avakyan S.A. The Status of an Individual and a Citizen: Constitutional Clarifications Are Needed / S.A. Avakyan // Constitutional and Municipal Law. - 2023. - No. 8. - pp. 19–22.

[2] Burenkova M.A. Restriction of a Citizen's Constitutional Right to Leave the Country for the Purpose of Ensuring Public Order and the Enforcement of Court Decisions / M.A. Burenkova // Constitutional and Municipal Law. "Yurist" Group Publishing House. - 2025. - No. 04. – pp. 17–28.

[3] Nudnenko L.A. The Constitutional and Legal Status of an Individual in Russia / L.A. Nudnenko. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. - 121 p.

[4] Pavlikov S.G. On the Issue of Restricting Constitutional Rights (Using the Example of Entrepreneurial Activity in the Sphere of Digital Technologies) / S.G. Pavlikov // Constitutional and Municipal Law. - 2020. - No. 8. - pp. 54–55.

[5] Popovich M.M. Protection of Citizens' Rights in the Event of Restrictions on the Right to Freedom of Movement / M.M. Popovich // Law and Management. – 2023. - No. 6. - pp. 39–46.

[6] Human Rights: A Textbook / Ed. by E.A. Lukasheva. — 3rd ed., revised. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. — 512 p.

[7] Yurkovsky A.V. Human Rights: A Textbook / A.V. Yurkovsky, K.N. Evdokimov, E.L. Ivanova; edited by A.V. Yurkovsky. – Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025 – 318 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-57-63

ВИКТОРОВ Артем Олегович,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
тел.: 8 (999) 218-02-28,
e-mail: viktorovguap@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ РЕШЕНИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ УИС

Аннотация. *Исследуется осуществление сотрудником уголовно-исполнительной системы права на защиту собственных прав при оспаривании дисциплинарного взыскания и увольнения со службы. Научная проблема заключается в соотношении служебной подчинённости и самостоятельного использования правовых средств защиты. Цель работы состоит в установлении условий, при которых обжалование может рассматриваться как проявление профессиональной правовой культуры, и пределов такой оценки. Применены формально-юридический метод, системное толкование нормативных положений и понятийное разграничение; аргументы проверены на двух модельных ситуациях. Анализируется специальный порядок разрешения служебных споров, установленный Федеральным законом от 19.07.2018 № 197-ФЗ и ведомственными актами. Разграничены первоначальное служебное решение и решение руководителя по возникшему спору, соответствующие сроки обращения, а также внесудебная и судебная формы защиты. Обосновано, что подача жалобы сама по себе не нарушает законную дисциплину и не доказывает незаконность оспариваемого решения. Профессиональная правовая культура может проявляться в юридической оценке обстоятельств, добросовестном обосновании требования и использовании доступной процедуры. Однако качество формулировок, наличие юридической помощи и исход дела не позволяют самостоятельно оценивать её уровень. Результатом исследования является разграничение осуществления субъективного права, качества правового поведения заявителя и правомерности реакции руководства. Предлагаются исполнение действующих гарантий регистрации и вручения решения, организационное разъяснение порядка защиты и нормативное уточнение требований к мотивировке решения по служебному спору. Сделан вывод о совместимости обжалования с единоначалием при условии подчинения управленческого решения правовой проверке. Выводы имеют теоретико-правовой характер и не устанавливают распространённость нарушений или мотивы поведения сотрудников в конкретных учреждениях.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система; сотрудник УИС; профессиональная правовая культура; субъективное право; правовое поведение; служебный спор; обжалование служебных решений; служебная дисциплина; судебная защита.*

Для цитирования: *Викторов А. О. Реализация права на обжалование служебных решений как проявление профессиональной правовой культуры сотрудников УИС // Образование и право. 2026. № 10. С. 57–63.*

VIKTOROV Artem Olegovich,
Lecturer, Department of Civil Law,
Saint-Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation

EXERCISING THE RIGHT TO CHALLENGE SERVICE DECISIONS AS A MANIFESTATION OF THE PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF PENAL SYSTEM OFFICERS

Annotation. *The article examines how penal system officers exercise the right to protect their own rights when challenging disciplinary sanctions and dismissal from service. The research problem concerns the relationship between service subordination and the independent use of legal remedies. The aim is to establish the conditions under which challenging a service decision may be regarded as a manifestation of professional legal culture and to identify the limits of this assessment. The study employs formal legal analysis, systematic interpretation of legal provisions and conceptual distinctions; its arguments are examined through two hypothetical scenarios. It analyses the special procedure for resolving service disputes established by Federal Law No. 197-FZ of 19 July 2018 and departmental regulations. The initial service decision is distinguished from the superior's subsequent decision on the dispute, alongside the respective time limits and the extrajudicial and judicial avenues of redress. The article argues that lodging a complaint does not in itself violate lawful discipline or establish that the contested decision is unlawful. Professional legal culture may be manifested in the legal assessment of circumstances, a good-faith explanation of the claim and the use of an available procedure. However, the quality of drafting, the involvement of legal assistance and the outcome of proceedings cannot independently establish its level. The study distinguishes the exercise of a subjective right, the quality of the applicant's legal conduct and the lawfulness of the management response. It proposes enforcing existing guarantees for registering applications and delivering decisions, providing practical information on remedies, and introducing more specific requirements for reasoned decisions on service disputes. The conclusion is that challenging decisions is compatible with unity of command where management decisions are subject to legal scrutiny. The findings are theoretical and legal; they do not establish the prevalence of violations or officers' motives in individual institutions.*

Key words: *penal system; penal system officer; professional legal culture; subjective right; legal conduct; service dispute; challenging service decisions; service discipline; judicial protection.*

For citation: *Viktorov A. O. Exercising the right to challenge service decisions as a manifestation of the professional legal culture of penal system officers. Education and law. 2026; (10):57–63. (In Russ.).*

Введение

Сотрудник уголовно-исполнительной системы (далее также УИС) реализует публичные полномочия и остаётся носителем собственных служебных прав. При оспаривании взыскания или увольнения требование подчиняться управленческому решению сочетается с возможностью поставить его законность под сомнение. Возникает вопрос: при каких условиях такая самостоятельность проявляет профессиональную правовую культуру?

Для исследования значимы анализ сознательного правового поведения у К. Е. Кордобовской [1], понимание правового мышления как способности оценивать обстоятельства и обосновывать решения у С. А. Софроновой [2, с. 85–87], разграничение природы служебного спора и форм его разрешения у Э. Л. Лещины [3, с. 21–23]. Однако перенос требований к профессиональной деятельности на поведение заявителя нуждается в ограничениях: право на защиту принадлежит и тому, кто недостаточно точно сформулировал требование.

Цель статьи состоит в определении условий и пределов оценки обжалования как проявления профессиональной правовой культуры. Для этого устанавливается содержание специального права на защиту, исследуется его соотношение с подчинённостью и разграничивается поведение участников спора. Проверяется гипотеза: культурное значение имеет способ осмысления и защиты права, тогда как факт обращения и исход дела недостаточны для оценки личности. Использованы формально-юридический метод, системное толкование и понятийное разграничение. Регулирование проверено по состоянию на 17 сентября 2026 г. Две рассматриваемые ситуации являются модельными. Предмет ограничен защитой собственных прав сотрудника со специальным званием и, применительно к увольнению, гражданина, ранее проходившего службу. Обращения осуждённых, положение гражданских служащих и работников, состоящих в трудовых отношениях, не исследуются.

Право на обжалование служебных решений в правовом положении сотрудника УИС

Служебным решением в статье признаётся индивидуальное властное решение уполномоченного руководителя, определяющее права, обязанности либо состояние служебного правоотношения конкретного сотрудника. Выбраны дисциплинарное взыскание и увольнение. Первоначальный приказ следует отличать от последующего решения по служебному спору: первое создаёт оспариваемое последствие, второе выражает результат проверки требования сотрудника. Их смешение

меняет предмет защиты и применимый срок.

Конституционные основания исследования составляют статьи 45 и 46 Конституции РФ о государственной и судебной защите прав. Статья 33 гарантирует право на обращение, однако не определяет специальную процедуру служебного спора. Статья 32 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» предусматривает правовую защиту персонала, охрану его чести и достоинства. Служебный статус не устраняет потребности в проверке решений самого нанимателя.

А. А. Попов подчеркивает обеспечительную роль прав сотрудника по отношению к исполнению обязанностей [4, с. 45]. Такая связь объясняет специфику статуса, но не исчерпывает его содержания. Право оспорить увольнение сохраняет самостоятельное значение после прекращения службы. Защита поэтому не должна обусловливаться доказательством полезности требования для учреждения. При этом оценка разрозненности регулирования, данная автором в 2015 г., не переносится на современное законодательство без учёта изменений.

Специальное регулирование установлено Федеральным законом от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (далее Закон № 197-ФЗ). Пункт 14 части 1 статьи 11 закрепляет право на рассмотрение служебного спора. Статья 74 связывает такой спор с неурегулированными разногласиями по применению законодательства, иных нормативных актов и контракта. Простое недовольство оценкой руководителя ещё не раскрывает юридического предмета разногласия; в обращении необходимо определить, какое решение и какое последствие требуется проверить.

Часть 3 статьи 74 предусматривает письменное обращение к непосредственному руководителю, а при несогласии с решением или невозможности рассмотрения по существу допускает обращение к прямому руководителю либо в суд. Часть 4 прямо называет судебную защиту как альтернативу обращению к перечисленным руководителям. В системной связи со статьёй 46 Конституции РФ и пунктом 14 части 1 статьи 11 Закона № 197-ФЗ эти положения не позволяют требовать прохождения всей ведомственной иерархии. По части 4 статьи 3 ГПК РФ обязательность досудебного порядка должна следовать из федерального закона; субординация сама по себе его не создаёт.

Ведомственное рассмотрение конкретизировано Порядком, утвержденным приказом Минюста России от 11.09.2019 № 200. Применяются также пункты 43–47 Дисциплинарного устава УИС, утвержденного приказом Минюста России от 12.09.2019 № 202. Устав допускает рапорт в произвольной форме и запрещает передавать его руководителю, действия которого обжалуются. Общая норма об обращении к непосредственному начальнику не требует направлять жалобу на взыскание тому же лицу для проверки собственного решения. Срок определяется объектом защиты. По части 4 статьи 74 за разрешением спора обращаются в течение трёх месяцев со дня, когда сотрудник узнал или должен был узнать о нарушении права; по увольнению установлен один месяц со дня ознакомления с приказом. Решение руководителя по уже рассмотренному спору обжалуется в суд в течение десяти дней со дня вручения его копии (часть 8). Этот срок не является общим сроком оспаривания первоначального взыскания. Пункт 44 Устава о трёх месяцах со дня ознакомления с приказом применяется с учётом приоритета федерального закона и специального месячного срока по увольнению.

Продление срока руководителем и его восстановление судом также не тождественны. Часть 5 статьи 74 допускает продление перечисленными в ней руководителями сроков части 4 при уважительных причинах пропуска; она не наделяет начальника полномочием восстановить срок судебной защиты вместо суда. В отношении первоначального обращения в суд вопрос разрешается с учётом субсидиарного применения статьи 392 ТК РФ на основании части 2 статьи 3 Закона № 197-ФЗ. Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 требует оценки причин пропуска и не допускает отказа в принятии иска лишь из-за истечения срока. Для десятидневного срока части 8 статья 74 отдельного правила восстановления не содержит: заявителю необходимо поставить этот вопрос перед судом и обосновать препятствия к своевременному обращению. Автоматическое распространение ведомственного продления на данный срок из закона не следует.

Публичная природа отношений не предопределяет применение КАС РФ. Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 исключает служебные споры, включая прохождение государственной службы, из административного судопроизводства. Требования об оспаривании взыскания и увольнения рассматриваются в гражданском процессе: сотрудник выступает истцом, соответствующий субъект служебного правоотношения выступает ответчиком. Его определение зависит от оспариваемого решения и полномочий учреждения или органа. Предложе-

ния Э. Л. Лещины о развитии административной процессуальной формы [5, с. 54–55] следует отличать от действующего порядка. По части 2 статьи 3 Закона № 197-ФЗ трудовое законодательство применяется лишь к отношениям, не урегулированным специальными актами. Нельзя заимствовать из ТК РФ иной момент начала срока по увольнению. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» также не заменяет статью 74: часть 2 его статьи 1 исключает обращения, рассматриваемые по процедуре другого федерального закона. Ошибка в выборе порядка затрудняет защиту, но не доказывает недобросовестность сотрудника.

Обжалование служебного решения и пределы служебной подчиненности

Единоначалие обеспечивает распределение ответственности и согласованное исполнение служебных задач. Его смысл не состоит в недоступности приказа для проверки. Статья 4 Закона № 197-ФЗ соединяет единоначалие с обязательностью приказов, отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону. Статья 47 включает в дисциплину соблюдение порядка реализации предоставленных прав. Следовательно, законная процедура защиты совместима с дисциплиной.

С. В. Горностаев раскрывает служебную лояльность через отношение к долгу и вытекающим из статуса обязательствам, отмечая зависимость поведения от ситуационных факторов [6, с. 69–71]. Такое понимание позволяет разграничить личную преданность начальнику, соблюдение закона и служебную лояльность. Само несогласие ещё не подтверждает полезности выбранного способа действий. Оспаривание собственного взыскания совместимо с исполнением иных законных распоряжений.

Необходимо различать подачу жалобы, приостановление оспариваемого решения и получение неправомерного приказа. Статья 74 не устанавливает автоматического приостановления вследствие обращения. По части 9 статьи 52 сотрудник считается привлечённым к дисциплинарной ответственности со дня издания приказа либо публичного устного объявления замечания или выговора. Обеспечение иска требует отдельного разрешения судом вопроса по статьям 139–140 ГПК РФ с проверкой оснований и соразмерности меры; оно не означает гарантированного восстановления на службе. Несогласие с взысканием не позволяет самовольно прекратить исполнение обязанностей.

При получении неправомерного приказа оценивается требуемое действие. Подпункт «б» пункта 5 и пункты 10, 14 Устава связывают исполнение с законностью приказа; пункт 17 о беспрекословном исполнении толкуется в этой связи. Сообщение о правовом препятствии и постановка вопроса об отмене приказа отличаются от отказа работать из-за кадрового спора. Формальное распоряжение не оправдывает заведомо незаконное действие. Вместе с тем предположение о незаконности нуждается в проверке и не освобождает сотрудника от ответственности за самостоятельное нарушение.

Дисциплинарная оценка требует собственного основания ответственности. А. М. Колосков разграничивает её виды через основания, последствия и компетенцию применяющих санкции субъектов [7, с. 44–45]. В. Н. Закопырин исследует проблемы замещения административной ответственности дисциплинарной без надлежащего учёта её оснований [8]. Для нашего предмета существенно, что отрицательный исход обжалования не заменяет установления проступка. Реакция руководителя оценивается по самостоятельным фактам, а не по неудаче заявителя в споре.

Первая модельная ситуация: сотруднику объявлен письменный выговор за просрочку задания. Он признаёт задержку, но указывает на позднюю передачу необходимого документа. Руководитель считает, что сотрудник мог своевременно сообщить о препятствии либо получить документ иначе. Спор касается содержания обязанности, доступных способов исполнения, вины и соразмерности взыскания. Требование отмены выговора может оказаться обоснованным или ошибочным; обе возможности совместимы с добросовестным обращением.

Часть 8 статьи 52 требует до взыскания затребовать письменное объяснение. При служебной проверке статья 54 предусматривает объективное установление обстоятельств и вины, представление ходатайств и документов, ознакомление с заключением с соблюдением требований о тайне. Последнее не тождественно неограниченному доступу ко всем материалам. Ознакомление с личным делом закреплено отдельно пунктом 8 части 1 статьи 11. Отсутствующий документ сотрудник может обозначить, указав его значение и место нахождения; в суде содействие в истребовании доказательств осуществляется по ходатайству согласно статье 57 ГПК РФ.

В этом споре культурное значение имеет готовность отличить факт просрочки от предположения о невиновности, назвать проверяемые обстоятельства и уточнить позицию после их исследования. От руководителя требуется предметная оценка возражений. Р. В. Нагорных связывает развитие дисциплинарной ответственности с гарантиями лица и ограничением административного

усмотрения [9, с. 93–95]. Однако добротное изложение жалобы не предрешает отмену взыскания, а недостатки объяснения не устраняют обязанность установить обстоятельства проступка.

Вторая модельная ситуация: гражданин оспаривает увольнение за грубое нарушение дисциплины и требует восстановления на службе. После ознакомления с приказом он получил юридическую помощь и обратился в суд в пределах месяца. Проверке подлежат основание прекращения контракта, обстоятельства нарушения и порядок увольнения. Привлечение представителя не доказывает низкой правовой культуры: признание пределов собственной компетенции может быть разумным выбором. Вместе с тем знания юриста нельзя автоматически приписывать заявителю.

Если гражданин сначала получил решение руководителя по спору, для его судебного обжалования значимы вручение копии и десятидневный срок части 8 статьи 74. Повторное письмо не обязательно является новым решением по спору и не возобновляет срок автоматически. Когда спор не разрешён, ожидание ответа также нельзя считать безусловной гарантией сохранения срока первоначального судебного обращения. Причины пропуска требуют самостоятельного обоснования. Различение документов и последствий обращения поэтому важнее количества жалоб.

Индивидуальная защита не отменяет обязанности сохранять охраняемые сведения по пункту 7 части 1 статьи 12 Закона № 197-ФЗ. Представление материалов уполномоченному органу по установленным правилам отличается от публичного распространения. Обжалование не является забастовкой или коллективным служебным спором, исключённым частью 2 статьи 74. Правовой характер процедуры не зависит от раздражения сотрудника или его личного ощущения несправедливости.

Условия проявления профессиональной правовой культуры при защите служебных прав

Следует раздельно оценивать три вопроса: осуществление права через доступную форму защиты; качество поведения заявителя, включая сообщённые факты, обоснование и соблюдение процедуры; правомерность реакции руководства, определяемую компетенцией, порядком и основаниями решения. Один ответ не заменяет остальных. Законный отказ совместим с корректным поведением сотрудника, а удовлетворение требования не делает безупречными все использованные им способы воздействия.

Сотрудник может правильно распознать нарушение, но ошибиться в норме; понимать норму, но не иметь документа. Его действия ограничены информацией, временем и доступностью помощи. Поэтому оценке подлежит поведение в установленных обстоятельствах, а не сходство жалобы с профессионально составленным иском. Повторность обращения, недостаток юридических ссылок или отказ в требовании сами по себе не доказывают злоупотребления правом: для этого нужны самостоятельные основания.

Отсутствие жалобы может объясняться признанием решения законным, устранением нарушения, личными издержками спора или выбором иной допустимой защиты. Возможны опасения неблагоприятной аттестационной оценки и ухудшения служебных отношений, но без специальных данных нельзя утверждать распространённость этих мотивов. Отсутствие обращений не доказывает отсутствия нарушений. Поэтому число жалоб и доля удовлетворённых требований непригодны как самостоятельные показатели профессиональной правовой культуры.

Руководитель создаёт условия защиты, но не подменяет собой поведение сотрудника. Подпункт «в» пункта 7 Устава запрещает ущемление прав и преследование по личным мотивам. Пункты 8–10 Порядка № 200 предусматривают рассмотрение документов заявителя и учреждения, возможность присутствия заявителя по его желанию и представления дополнительных материалов. Требование полностью доказать нарушение до принятия обращения противоречило бы смыслу процедуры. Соблюдение гарантий не означает обязанности согласиться с требованием.

О. Г. Ананьев предлагал апелляционные дисциплинарные комиссии для защиты сотрудников от необъективных решений [10, с. 59]. Однако новая инстанция может воспроизвести служебную зависимость и увеличить продолжительность защиты. В действующей модели её необходимость требует отдельного доказательства. Проведённый анализ обосновывает более ограниченное решение: повысить проверяемость предусмотренной процедуры и содержательность ответа на доводы заявителя.

Первая мера является исполнением действующих обязанностей. Часть 6 статьи 74 и пункт 6 Порядка № 200 требуют регистрации обращения в день подачи; часть 7 статьи 74 устанавливает месячный срок рассмотрения; пункт 12 Порядка предусматривает вручение копии решения в течение трёх рабочих дней после принятия либо отправку заказным письмом с уведомлением. Необходимо обеспечивать соблюдение и подтверждаемость этих действий. Их значение состоит в возможности установить юридически значимые даты дальнейшей защиты; новой гарантии здесь не предлагается.

Вторая мера улучшает организацию работы: доступная памятка при ознакомлении с решением. Она должна различать три срока статьи 74, разъяснять регистрацию рапорта, получение решения, ознакомление с документами, право обратиться в суд и за юридической помощью. Памятка не может становиться обязательной формой жалобы или дополнительным условием её принятия. Она уменьшает информационную неопределённость, но не заменяет квалификации конкретного спора.

Третья мера требует изменения регулирования. Пункт 11 Порядка № 200 предусматривает подготовку и утверждение решения без развёрнутых требований к мотивировке. Предлагается закрепить обязанность указывать установленные обстоятельства, оценённые материалы, применённые нормы, ответы на существенные доводы, порядок и срок дальнейшего обжалования. Это позволит отличать проверку требования от формального подтверждения первоначального приказа. Объём мотивировки определяется сложностью спора; раскрывать охраняемую тайну или повторять неотносимые материалы не требуется. Новая инстанция при этом не создаётся.

Общая предпосылка этих мер состоит в доступности процедуры и юридически объяснимой реакции на её использование. Из неё не следует обязанность оспаривать любое сомнительное решение. Профессиональная правовая культура может проявляться и в принятии обоснованного отказа, исправлении собственной ошибки, прекращении спора после устранения нарушения. Значение имеет осмысленность выбора, а не постоянная конфликтность.

Заключение

Исследование поддерживает гипотезу в ограниченном смысле: обжалование может проявлять профессиональную правовую культуру через распознавание проблемы, обоснование позиции и использование процедуры. Само право на защиту существует независимо от качества этих действий. Подача жалобы, отказ от неё и судебный успех недостаточны для вывода об уровне культуры конкретного сотрудника.

Результат состоит в раздельной оценке осуществления права, поведения заявителя и правомерности реакции руководства. Это позволяет согласовать самостоятельность сотрудника с единоначалием: законное решение обязательно, но его проверка не превращается в нарушение подчинённости. Практическое значение имеют исполнение действующих гарантий, понятность порядка защиты и мотивировка решения. Вывод ограничен индивидуальной защитой собственных служебных прав и не заменяет исследования мотивов обращений или культуры персонала конкретного учреждения.

Список литературы:

[1] Кордобовская, К. Е. Правовая культура и ее проявления как предмет научных исследований / К. Е. Кордобовская // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11, № 1. С. 26–30.

[2] Софронова, С. А. Правовое мышление как профессиональная компетенция и способы его формирования / С. А. Софронова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3 (39). С. 84–88.

[3] Лещина, Э. Л. Правовая природа служебных споров о законности наложения дисциплинарных взысканий / Э. Л. Лещина // Lex russica. 2021. Т. 74, № 9 (178). С. 21–31.

[4] Попов, А. А. Проблемы нормативного закрепления основных прав и обязанностей сотрудника уголовно-исполнительной системы как элементов его правового статуса / А. А. Попов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 44–47.

[5] Лещина, Э. Л. Конкуренция процессуальных форм рассмотрения судами служебных дисциплинарных споров / Э. Л. Лещина // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 1 (134). С. 49–59.

[6] Горностаев, С. В. Проблемы формирования служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы / С. В. Горностаев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 69–72.

[7] Колосков, А. М. Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы / А. М. Колосков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 8. С. 44–46.

[8] Закопырин, В. Н. Актуальные вопросы привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к административной ответственности / В. Н. Закопырин // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1–4), № 1. С. 12–15.

[9] Нагорных, Р. В. Совершенствование института дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты / Р. В. Нагорных // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 91–97.

[10] Ананьев, О. Г. О развитии института социально-правовой защиты сотрудников УИС средствами специального внутреннего разбирательства их дел по допущенным нарушениям служебного характера / О. Г. Ананьев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 9. С. 58–60.

References:

[1] Kordobovskaya, K. E. Legal Culture and Its Manifestations as a Subject of Scientific Research / K. E. Kordobovskaya // Advances in Law Studies. 2023. Vol. 11, No. 1. pp. 26–30.

[2] Sofronova, S. A. Legal Thinking as a Professional Competence and Methods of Its Development / S. A. Sofronova // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2017. No. 3 (39). pp. 84–88.

[3] Leshchina, E. L. The Legal Nature of Service-Related Disputes Concerning the Lawfulness of Imposing Disciplinary Sanctions / E. L. Leshchina // Lex Russica. 2021. Vol. 74, No. 9 (178). pp. 21–31.

[4] Popov, A. A. Issues Regarding the Normative Establishment of the Fundamental Rights and Duties of Penal System Personnel as Elements of Their Legal Status / A. A. Popov // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2015. No. 3 (31). pp. 44–47.

[5] Leshchina, E. L. Competition Between Procedural Forms for the Judicial Review of Service-Related Disciplinary Disputes / E. L. Leshchina // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 1 (134). pp. 49–59.

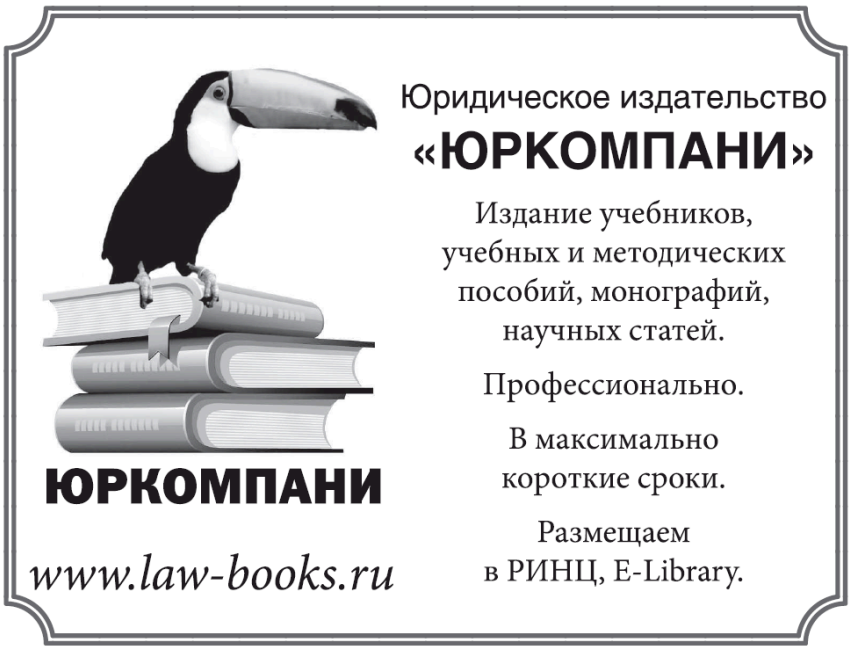
[6] Gornostaev, S. V. Challenges in Fostering Professional Loyalty Among Penal System Personnel / S. V. Gornostaev // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2015. No. 3 (31). pp. 69–72.

[7] Koloskov, A. M. Specifics of Disciplinary Liability for Personnel of the Penal Enforcement System / A. M. Koloskov // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2009. No. 8. pp. 44–46.

[8] Zakopyrin, V. N. Current Issues Regarding the Imposition of Administrative Liability on Personnel of the Penal Enforcement System / V. N. Zakopyrin // Penal Enforcement Law. 2019. Vol. 14 (1–4), No. 1. pp. 12–15.

[9] Nagornykh, R. V. Improving the Institution of Disciplinary Liability for Personnel of the Penal Enforcement System: Theoretical and Applied Aspects / R. V. Nagornykh // Penitentiary Science. 2026. Vol. 20, No. 1 (73). pp. 91–97.

[10] Ananyev, O. G. On the Development of the Institution of Social and Legal Protection for Penal Enforcement System Personnel through Specialized Internal Inquiries into Alleged Service-Related Misconduct / O. G. Ananyev // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2010. No. 9. pp. 58–60.



Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-64-69

ВОЛКОВА Анастасия Сергеевна,
2 курс, Высшая школа права (факультет)
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ВЕНГЕРОВСКИЙ Евгений Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтеха,
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ РИСКИ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ ОПЕРАЦИЯХ ПО БАНКОВСКИМ КАРТАМ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые механизмы защиты прав клиентов банков при несанкционированных операциях по платежным картам. Анализируются действующие нормы российского законодательства, регулирующий порядок расчетов и возврата денежных средств, а также юридическую ответственность кредитных организаций. Исследуется правоприменительная практика, и выявляются основные риски, с которыми могут столкнуться держатели банковских карт.*

Ключевые слова: *банковская карта, несанкционированная операция, защита прав потребителей, возврат денежных средств, кредитная организация.*

Для цитирования: *Волкова А. С. Юридические риски и защита прав потребителей при несанкционированных операциях по банковским картам // Образование и право. 2026. № 10. С. 64–69.*

VOLKOVA Anastasia Sergeevna,
Plekhanov Russian University of Economics

Scientific supervisor:
VENGEROVSKY Evgeny Leonidovich,
Plekhanov Russian University of Economics

LEGAL RISKS AND CONSUMER PROTECTION IN CASE OF UNAUTHORIZED BANK CARD TRANSACTIONS

Annotation. *The article discusses the legal mechanisms for protecting the rights of bank customers in case of unauthorized payment card transactions. The current norms of Russian legislation regulating the procedure for settlements and refunds of funds, as well as the legal responsibility of credit institutions, are analyzed. The law enforcement practice is investigated and the main risks that bank cardholders may face are identified.*

Key words: *bank card, unauthorized operation, consumer protection, refund, credit institution.*

For citation: *Volkova A. S. Legal risks and consumer protection in case of unauthorized bank card transactions. Education and law. 2026;(10):64–69. (In Russ.).*

На сегодняшний день банковские карты являются одним из ключевых элементов финансовой инфраструктуры. Именно благодаря стремительному развитию цифровых технологий постепенно преобразовалась российская банковская система. А именно, это обусловлено активным внедрением безналичных платежных систем и дистанционным обслуживанием банка, что привело как к положительным результатам (например, увеличилась скорость и частота выполнения опе-

раций и обслуживания в банках через приложения), так и к отрицательным (например, увеличилось число нарушений прав потребителей при несанкционированных операциях). В подтверждении мысли обратимся к статистическим данным Банка России, где представлены следующие данные: объем операций с использованием банковских карт в 2025 году превысил 154,3 трлн. рублей, чем в предыдущие года, а число эмитированных карт на конец года составило 500 млн. единиц [14]. Но вместе наблюдается тенденция, роста количества операций, проведенных без согласия клиентов, так в 2023 году это число составило 15,7 млн. рублей, что на 10% больше, чем было в 2022 году, а количество мошеннических операций с использованием платежных карт было самым высоким среди остальных типов операций и составило 984,77 тыс. операций [15]. Поэтому, в этих условиях вопрос юридической защиты владельцев банковских карт приобретает особую актуальность.

Ведь банковская карта (как физическая, так и виртуальная) является основным платежным инструментом, в связи, с чем и приобретает статус наиболее уязвимого объекта посягательства на совершение противоправных действий, где чаще всего слабой сторон выступает потребитель, чьи права нарушаются. И именно на него ложится бремя доказывания своей добросовестности. Поэтому данной теме стоит уделить особое внимание, с целью улучшения и внедрения эффективных правовых механизмов защиты их прав.

Правовое регулирование отношений в сфере банковских карт представляет комплексную систему норм, включающее в себя как непосредственно банковское, так и гражданское законодательство. В свою очередь ключевую роль играет Федеральный закон от 27.06.2011 № 161–ФЗ «О национальной платёжной системе», который впервые закрепил обязанность оператора по переводу денежных средств возместить клиенту сумму несанкционированной операции [2]. Но вместе с этим, практика применения данных норм выявляет ряд серьезных проблем, которые требуют научного переосмысления. Например, ситуация, когда суд встает на сторону банка, и если клиент банка не сможет доказать свою добросовестность, в этом случае в возврате денежных средств отказывают [5]. Далее следует более подробно рассмотреть: каким образом закрепляются такие отношения и как осуществляется защита прав потребителей.

Договор об использовании электронного средства платежа является основой правоотношений между банком и клиентом в сфере безналичных расчетов. Предметом договора являются услуги, оказываемые банком по дистанционному распоряжению средствами на счет клиента с использованием электронного средства платежа, а также по обмену электронным документооборотом.

Наиболее типичная конструкция такого договора определяется Федеральным законом от 27.06.2011 № 161–ФЗ «О национальной платёжной системе», а также Положением Банка России от 29.06.2021 № 762–П «О правилах осуществления перевода денежных средств» [4]. Так ч. 4 ст. 9 данного Федерального закона закрепляет за оператором обязанность информировать клиента о каждой совершенной операции по его счету. Банк обязывается уведомлять клиента о каждой операции с использованием ЭСП посредством SMS–информирования, push–уведомлений или иными, заранее согласованными, способами. Как отмечает С.А. Устимова, система уведомлений является одним из важнейших способов защиты прав потребителей в условиях цифровизации рынка банковских услуг [13].

Какие же существуют эффективные механизмы, предусмотренные в договоре, чтобы защитить права потребителей при несанкционированных операциях по банковским картам?

В соответствие с ч. 3.1-3.11 ст. 8 ФЗ № 161-ФЗ устанавливаются условия антифрод–контроля, что является особой системой мониторинга подозрительных операций. Например, Оператор по переводу денежных средств обязан осуществить проверку наличия признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента, а именно без согласия клиента или с согласия клиента, полученного под влиянием обмана или при злоупотреблении доверием, до момента списания денежных средств клиента. Как показывает исследование, проведенное Д.А. Степаненко, антифрод–системы являются средством предупреждения преступлений в банковской сфере, но, все же, их эффективность может варьироваться между кредитными организациями [11].

В том числе договор определяет лимиты операций, которыми являются максимальные суммы переводов, и снятия наличных денежных средств за определенный период времени. Эти ограничения служат дополнительным механизмом защиты клиента при несанкционированном доступе к ЭСП.

И наконец, договор закрепляет порядок блокировки электронного средства платежа по инициативе клиента или банка, а также механизм оспаривания операций. Согласно данным Банка России за 2024 год, банк вернули клиентам лишь 9,9% похищенных средств, что может свидетельствовать о недостаточной эффективности суще-

ствующих механизмов возврата [16].

Входе исследования было выявлено, что несмотря на наличие законодательных гарантий защиты потребителей банковских услуг, кредитные организации продолжают активно использовать договорные конструкции для перераспределения рисков несанкционированных операций на клиентов. Так, анализ типовых договоров крупнейших российских банков, позволяет выделить несколько ключевых способов такого перераспределения.

Во–первых, это ограничение сроков уведомления. Согласно ч. 11 ст. 9 Федерального закона № 161–ФЗ устанавливает, что клиент обязан уведомить банк не позднее дня, следующего за днем получения уведомления о совершении операции, однако многие банки в своих договорах устанавливают дополнительные условия, к примеру, сокращенные сроки уведомления – «незамедлительно», «в течение часа после получения оповещения о совершении несанкционированной операции». Такие формулировки создают правовую неопределенность и позволяют банку отказать в возмещении похищенных денежных средств, ссылаясь на несвоевременность обращения клиента [9].

Во–вторых, многие типовые договоры содержат условия, согласно которым клиент несет полную ответственность за все операции, совершенные с использованием ПИН–кода или же одноразового пароля (One time password), поскольку банки квалифицируют ввод корректного ПИН–кода как надлежащую авторизацию операции. Между тем, судебная практика показывает, что введение злоумышленником ПИН–кода, который стал ему известен вследствие мошеннических действий или психологического давления, не означает добровольное согласие клиента на проведение операции [5]. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2026 г. № 5-КГ26-78-К2, ярко отражена данная ситуации, так как ВС РФ отменил решения трех инстанций, где ранее было отказано ответчику в удовлетворении его исковых требований, и определил, что именно банку надлежало установить, что намерение заключить договор исходило от клиента банка и надлежащим образом идентифицировать его [17]. А в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 г. № 78-КГ25-12-К3 выделил основные моменты, которые должны учитываться судами при разрешении такого рода дел: во-первых, соответствие сделки только внутренним правилам банка является недостаточным при разрешении таких дел, так как судам также следует проверять на соответствии нормам материального права (в частности, нормам о письменной форме сделки и ее заключении); во-вторых, нужно проверять квалификацию использования кода-подтверждения как простой электронной подписи[18].

Как отмечает А.В. Токолов, методы психологического давления становятся все более изощренными, а возложение на потребителя обязанности противостоять профессиональным мошенникам противоречат принципу защиты слабой стороны [12].

В–третьих, ряд банков включают в договоры положения, которые фактически перекладывают бремя доказывания несанкционированного характера операции на клиента, что противоречит ч. 15 ст. 9 Федерального закона № 161, которая возлагает это бремя непосредственно на оператора. В.В. Самойлова подчеркивает, что Банк России, как мегарегулятор, должен активнее контролировать соблюдение императивных норм в типовых договорах кредитными организациями [10].

Пределы допустимости подобных договорных условий определяются несколькими факторами. Прежде всего, статья 16 Закона «О защите прав потребителей» запрещает включать в договор условия, которые ущемляют права потребителей по сравнению с правилами, установленными законами [3].

Таким образом, из этого следует, что условия договора, которые ухудшают положение клиента относительно гарантий, которые предусмотрены Законом № 161–ФЗ, являются ничтожными. Кроме того, согласно ст. 428 ГК РФ, присоединившаяся к договору сторона вправе требовать расторжения или изменения условий договора, если он содержит явно обременяющие ее условия, которые она не приняла бы при наличии возможности участвовать в определении условий договора [1].

Соответственно выделим основные разновидности (виды) несанкционированных операций. Основываясь на правовой доктрине и правоприменительной практике, принято выделять несколько типов несанкционированных операций, которые совершаются с банковскими картами. Самый распространенный вид - это физическое хищение карты с последующим ее использованием. При этом если операция совершена без ввода ПИН–кода (например, бесконтактная оплата), бремя доказывания согласия клиента полностью лежит на банке.

Еще один вид это скимминг, то есть копирование данных магнитной полосы карты через специальные устройства, устанавливаемые на банкоматы. Н.В. Морозова отмечает, что, несмотря на переход к чиповым картам, данный вид мошенничества по–прежнему распространен в ряде регионов [8].

Фишинг и социальная инжинерия это получение конфиденциальных сведений путем обмана, с использованием поддельных сайтов, звонков от имени банка, а также иных методов психологического воздействия. Согласно исследованию, проведенному А.Р. Манукяном, мошенничество с использованием ЭСП приобретает все более сложные формы. А М.А. Желудков указывает на появление дропперства, как нового вида соучастия в хищении чужих денежных средств [7].

Так какие существуют юридические риски для держателей банковских карт?

Анализ существующей правоприменительной практики позволяет выделить следующие юридические риски, с которыми могут столкнуться владельцы банковских карт. Кредитная организация может отказать в возврате денежных средств, ссылаясь на пропуск клиентом срока уведомления, который установлен договором, либо на факт ввода корректного ПИН–кода при совершении оспариваемой операции. При этом процент возврата таких денежных средств остается крайне низким, согласно данным на 2024 год, он составил всего 9,9%.

Также, рассматривая ч. 15 ст. 9 Федерального закона № 161–ФЗ согласно которой, в случае если клиент направил оператору уведомление об утрате электронного средства платежа (далее - ЭСП) и (или) о его использовании без согласия клиента, он обязан возместить клиенту сумму указанной операции, совершенной до момента направления клиентом - физическим лицом уведомления. Хоть бремя доказывания вины лежит на банке (чтобы не возмещать денежные средства, ему нужно доказать, что именно клиент нарушил порядок использовании ЭСП), физическому лицу также нужно доказать несколько фактов: факт списания денежных средств со счета, своевременное уведомление банка, обстоятельства отсутствия добровольного согласия на операцию. Но нередко на практике сроки рассмотрения таких заявлений о хищении денежных средств могут составлять от 30 до 60 дней, в течение которых клиент не имеет доступа к своим денежным средствам.

Так, какие же существуют эффективные способы защиты прав клиентов?

Действующее законодательство предоставляет клиентам несколько механизмов защиты. Во–первых, клиент вправе направить претензию в банк в порядке, который предусмотрен ст. 9 Закона № 161–ФЗ, с требованием возместить ему сумму несанкционированной операции.

Если банк откажет клиенту, то он вправе обратиться с жалобой в Банк России, поскольку он осуществляет надзор за соблюдением прав потребителей финансовых услуг [10]. (В том числе, клиент имеет право обратиться в суд с иском о защите прав потребителя, при этом он вправе требовать компенсации морального вреда и штрафа в размере 50% от присужденной суммы за неудовлетворение требований в добровольном порядке, согласно п. 6 ст. 13 Закона № 2300–1 «О защите прав потребителей».

Стоит также отметить Федеральный закон № 369–ФЗ от 24.07.2023, который стал важным шагом в усилении защиты прав потребителей, поскольку он обязывает банк проверять переводы на предмет наличия счета получателя в базе данных Банка России о мошеннических операциях и возвращать денежные средства клиенту в течение 30 дней. Однако, как отмечает Т.И. Абдурагимова в своем исследовании, цифровая трансформация платежных систем порождает новые виды мошенничества, которые требуют постоянного мониторинга и адаптации правовых механизмов защиты [6].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие законодательных механизмов защиты прав клиентов при несанкционированных операциях с банковскими картами, их практическая реализация сталкивается с рядом проблем. Часто в практике сталкиваются с ситуациями, когда кредитные организации посредством договоров фактически перераспределяют риски и бремя доказывания на потребителей (клиентов). Но вступление в силу Федерального закона № 369–ФЗ представляет собой большой шаг в сфере усиления механизмов защиты прав клиентов, однако низкий процент возврата похищенных денежных средств свидетельствует о необходимости пересмотра подхода к ответственности кредитных организаций и усилению контроля со стороны Банка России.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51–ФЗ // Российская газета. –1994. – № 5. – Ст. 410.

[2] Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161–ФЗ «О национальной платежной системе) // Собрание законодательстваРоссийской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

[3] Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей» (ред. от 28.12.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15.– Ст. 766.

[4] Положение Банка России от 29.06.2021 г. № 762–П «О правилах осуществления перевода денежных средств» // Вестник Банка России. – 2021. – № 58.

[5] Обзор судебной практики Верховного Су-

да Российской Федерации № 2, 3 (2024), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024 // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/411009144/ (дата обращения: 06.04.2026).

[6] Абдурагимова, Т.И. Цифровая трансформация платежных систем: проблемы мошенничества и перспективы развития средств и методов обнаружения / Т.И. Абдурагимова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – Т. 9, № 3(35). – С. 453–461.

[7] Желудков, М.А. Дропперство как новый вид соучастия в хищении денежных средств / М.А. Желудков // Право: история и современность. –2025. – Т. 9, № 3. – С. 378–388.

[8] Морозова, Н.В. Защита банковских карт от мошенников / Н. В. Морозова, С.З. Дугужева, А.А. Батдыева // Естественно–гуманитарныеисследования. – 2023. – № 6(50). – С. 568–571.

[9] Рождественская, Т.Э., Гузнов, А.Г., Ефимова, Л. Г. Частное банковское право: учебник. – М.: Проспект, 2021. – 776 с.

[10] Самойлова, В.В. Роль Банка России в защите прав потребителей финансовых услуг // Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2024. – № 2. – С.134–146.

[11] Степаненко, Д.А. Антифрод как криминалистическое средство предупреждения преступлений в банковской сфере / Д.А. Степаненко // Дискуссия. – 2024. – № 1(122). – С. 128–138.

[12] Токолов, А.В. Социальная инженерия в вопросах обеспечения информационной безопасности / А.В. Токолов // Криминологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 175–182.

[13] Устимова, С.А. Защита прав потребителей банковских услуг в условиях развития цифровых технологий/ С.А. Устимова // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 202–205.

[14] Банк России. Статистика национальной платёжной системы за 2025 год. // Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/nps/ (дата обращения: 30.03.2026):.

[15] Банк России. Отчёт о несанкционированных операциях с использованием платёжных карт в 2023 году. // Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/fraud_2023/ (дата обращения: 30.03.2026).

[16] Банк России. Обзор операций, совершённых без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2024 год. // Банк России. – URL: https://cbr:ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 06.04.2026).

[17] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2026 г. № 5-КГ26-78-К2 // Гарант. – URL: https://www.garant.ru/news/2243758/ (дата обращения 09.10.2026).

[18] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 г. № 78-КГ25-12-К3 // ЛегалАкт. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08072025-n-78-kg25-12-k3-uid-78rs0022-01-2023-000364-77/ (дата обращения 09.10.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994 // Rossiyskaya Gazeta. – 1994. – No. 5. – Art. 410.

[2] Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011, "On the National Payment System" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 27. – Art. 3872.

[3] Law of the Russian Federation No. 2300-1 of February 7, 1992, "On Protection of Consumer Rights" (as amended on December 28, 2025) // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. – 1992. – No. 15. – Art. 766.

[4] Regulation of the Bank of Russia No. 762-P of June 29, 2021, "On the Rules for Executing Money Transfers" // Bulletin of the Bank of Russia. – 2021. – No. 58.

[5] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2, 3 (2024), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2024 // Garant. – URL: https://base.garant.ru/411009144/ (accessed: April 6, 2026).

[6] Abduragimova, T.I. Digital Transformation of Payment Systems: Fraud-Related Challenges and Prospects for Developing Detection Tools and Methods / T.I. Abduragimova // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2025. – Vol. 9, No. 3(35). – pp. 453–461.

[7] Zheludkov, M.A. "Dropping" (Money Muling) as a New Form of Complicity in the Theft of Funds / M.A. Zheludkov // Law: History and Modernity. – 2025. – Vol. 9, No. 3. – pp. 378–388.

[8] Morozova, N.V., Duguzheva, S.Z., Batdyeva, A.A. Protection of Bank Cards Against Fraudsters // Natural and Humanitarian Studies. – 2023. – No. 6(50). – pp. 568–571.

[9] Rozhdestvenskaya, T.E., Guznov, A.G., Efimova, L.G. Private Banking Law: A Textbook. – Moscow: Prospekt, 2021. – 776 p.

[10] Samoylova, V.V. The Role of the Bank of Russia in Protecting the Rights of Financial Service Consumers // Bulletin of the RSUH (Russian State University for the Humanities). Series: "Economics.

Management. Law." – 2024. – No. 2. – pp. 134–146.

[11] Stepanenko, D.A. Anti-Fraud Measures as a Forensic Tool for Crime Prevention in the Banking Sector / D.A. Stepanenko // Discussion. – 2024. – No. 1(122). – pp. 128–138.

[12] Tokolov, A.V. Social Engineering in the Context of Ensuring Information Security / A.V. Tokolov // Criminological Journal. – 2024. – No. 4. – pp. 175–182.

[13] Ustimova, S.A. Protection of Consumer Rights for Banking Services in the Context of Digital Technology Development / S.A. Ustimova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3. – pp. 202–205.

[14] Bank of Russia. Statistics of the National Payment System for 2025. // Bank of Russia. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/nps/ (accessed: March 30, 2026).

[15] Bank of Russia. Report on Unauthorized Transactions Involving Payment Cards in 2023. // Bank of Russia. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/fraud_2023/ (accessed: March 30, 2026).

[16] Bank of Russia. Overview of Transactions Carried Out Without the Voluntary Consent of Financial Institution Clients in 2024. // Bank of Russia. – URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (accessed: April 6, 2026).

[17] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 18, 2026, No. 5-KG26-78-K2 // Garant. – URL: https://www.garant.ru/news/2243758/ (accessed: October 9, 2026).

[18] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 8, 2025, No. 78-KG25-12-K3 // LegalAct. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08072025-n-78-kg25-12-k3-uid-78rs0022-01-2023-000364-77/ (accessed October 9, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-70-77

ИБРАГИМОВА Эмина Султанахмедовна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет» Россия, г.Махачкала, e-mail: mail@law-books.ru

ХАЛИКОВ Абдулхалик Султансаидович,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет», Россия, г.Махачкала, e-mail: mail@law-books.ru

АБУШЕВА Аида Гаджимурадовна,
студентка 2 курса Педиатрического Факультета, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет», Россия, г.Махачкала, e-mail: abusheva.aida@inbox.ru

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА ИЗ ПРОБИРКИ - ЭКО, РЕПРОДУКЦИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные этические проблемы применения экстракорпорального оплодотворения как метода вспомогательной репродуктивной технологии. Анализируются вопросы репродуктивной автономии, информированного добровольного согласия, статуса эмбриона, криоконсервации, донорства половых клеток, преимплантационного генетического тестирования и суррогатного материнства. Особое внимание уделяется правовым и социальным аспектам ВРТ, включая конфиденциальность, защиту интересов будущего ребёнка и доступность медицинской помощи. Обосновывается необходимость соблюдения принципов биоэтики и профессиональной ответственности медицинских работников при использовании репродуктивных технологий.*

Ключевые слова: *экстракорпоральное оплодотворение, вспомогательные репродуктивные технологии, бесплодие, синдром гиперстимуляции яичников, эффективность ЭКО, этические аспекты, правовое регулирование.*

Для цитирования: *Ибрагимова Э. С., Халиков А. С., Абушева А. Г. Этические проблемы рождения ребенка из пробирки - ЭКО, репродукция // Образование и право. 2026. № 10. С. 70–77.*

IGRAGIMOVA Emina Sultanakhmedovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy and Humanities, Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia

KHALIKOV Abdulkhalik Sultansaidovich,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy and Humanities, Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia

ABUSHEVA Aida Gadzhimuradovna,
2nd-year student, Faculty of Pediatrics, Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia

ETHICAL ISSUES RELATED TO HAVING A CHILD IN A TEST TUBE — IVF, REPRODUCTION

Annotation. *The article examines the main ethical issues associated with the use of in vitro fertilization as an assisted reproductive technology. It addresses reproductive autonomy, informed consent, the moral status of the embryo, cryopreservation, gamete donation, preimplantation genetic testing, and surrogacy. Particular attention is paid to the legal and social aspects of assisted reproduction, including confidentiality, the protection of the future child's interests, and access to medical care. The article emphasizes the importance of bioethical principles and the professional responsibility of healthcare workers in the application of reproductive technologies.*

Key words: *In vitro fertilization, assisted reproductive technologies, infertility, ovarian hyperstimulation syndrome, the effectiveness of IVF, ethical aspects, legal regulation.*

For citation: *Ibragimova E. S., Khalikov A. S., Abusheva A. G. Ethical issues related to having a child in a test tube — IVF, reproduction. Education and law. 2026;(10):70–77. (In Russ.).*

Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) является одним из наиболее значимых достижений современной репродуктивной медицины. Данная технология позволяет преодолевать отдельные формы женского и мужского бесплодия посредством осуществления оплодотворения яйцеклетки вне организма женщины с последующим переносом полученного эмбриона в полость матки. В настоящее время ЭКО рассматривается не только как метод лечения нарушений репродуктивной функции, но и как сложный социально-медицинский феномен, затрагивающий вопросы человеческого достоинства, автономии личности, семейных отношений, статуса эмбриона, доступности медицинской помощи и границ допустимого вмешательства в естественные процессы воспроизводства человека.

Актуальность изучения этических проблем ЭКО обусловлена тем, что развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) значительно расширило возможности человека в сфере деторождения. При этом техническая возможность осуществить определённую медицинскую процедуру не означает автоматической этической приемлемости всех вариантов её применения. Врач, пациент, медицинская организация и государство сталкиваются с необходимостью согласовывать различные интересы: стремление человека иметь ребёнка, обязанность медицинского работника не причинить вред, необходимость защиты будущего ребёнка, уважение к человеческому эмбриону и обеспечение справедливого доступа к медицинским технологиям. Таким образом, ЭКО представляет собой область, в которой медицинские решения тесно переплетаются с правовыми, философскими, религиозными и социальными представлениями [6].

Вспомогательные репродуктивные технологии включают комплекс методов, при которых отдельные этапы зачатия и раннего развития эмбриона осуществляются вне организма женщины. К ним относятся экстракорпоральное оплодотворение, интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида (ИКСИ), криоконсервация половых клеток и эмбрионов, использование донорских ооцитов и сперматозоидов, преимплантационное генетическое тестирование, внутриматочная инсеминация и суррогатное материнство. ЭКО может применяться при трубном, эндокринном, иммунологическом, мужском факторе бесплодия, эндометриозе, снижении овариального резерва, а также при бесплодии неясного генеза. При этом показания и ограничения к применению ВРТ определяются медицинскими критериями, состоянием здоровья пациентов и действующим нормативным регулированием. В Российской Федерации порядок

использования ВРТ установлен, в частности, приказом Министерства здравоохранения России от 31.07.2020 № 803н [4; 9].

Классический цикл ЭКО включает несколько последовательных этапов: обследование пациентов, оценку овариального резерва и сперматогенеза, контролируемую стимуляцию яичников, пункцию фолликулов, получение ооцитов, оплодотворение in vitro, культивирование эмбрионов, при необходимости проведение генетического тестирования, криоконсервацию либо перенос эмбриона в полость матки и последующее наблюдение за наступлением беременности. Каждый этап имеет собственные медицинские риски и этические последствия. Например, гормональная стимуляция может сопровождаться синдромом гиперстимуляции яичников, пункция фолликулов является инвазивным вмешательством, а перенос нескольких эмбрионов повышает вероятность многоплодной беременности и связанных с ней осложнений. Поэтому этическая оценка ЭКО должна учитывать не только желаемый результат, но и соотношение предполагаемой пользы и возможного вреда.

Одним из базовых принципов медицинской биоэтики является принцип автономии пациента. Он предполагает право человека получать достоверную информацию о состоянии своего здоровья, предлагаемых методах лечения, вероятности успеха, возможных осложнениях и альтернативных вариантах медицинской помощи [8]. В контексте ЭКО принцип автономии приобретает особое значение, поскольку лечение бесплодия часто сопровождается эмоциональным напряжением, длительным ожиданием беременности, финансовыми расходами и психологической уязвимостью. Пациент может испытывать давление со стороны родственников, супруга или социальных представлений о «полноценной семье». В подобных обстоятельствах согласие на процедуру не всегда является результатом полностью свободного и рационального выбора [7].

Информированное добровольное согласие при проведении ЭКО должно включать разъяснение этапов лечения, вероятности наступления беременности и рождения живого ребёнка, рисков для женщины и будущего потомства, возможности отмены отдельных процедур, особенностей обращения с неиспользованными эмбрионами, условий криоконсервации и правовых последствий применения донорского материала. Недопустимо сводить информирование пациента исключительно к сообщению о стоимости программы и предполагаемом проценте наступления беременности. Медицинский работник обязан объяснить, что положительный результат переноса эмбриона не гарантирует нормального течения беременности и рождения здорового ребёнка. Такой подход соответствует принципу уважения к личности пациента и препятствует превращению медицинской услуги в коммерческое обещание.

Особую этическую проблему представляет вопрос о границах репродуктивной автономии. С одной стороны, желание человека иметь ребёнка относится к важным личным и семейным решениям. С другой стороны, репродуктивный выбор не может рассматриваться как абсолютное право требовать от медицинской организации любую желаемую процедуру независимо от медицинских показаний, безопасности и интересов других лиц. Репродуктивная автономия реализуется в рамках профессиональных стандартов, законодательства и принципа непричинения вреда. Например, врач не должен проводить медицински неоправданные вмешательства только под влиянием настойчивого требования пациента, если они создают существенный риск для его здоровья.

Не менее важным является принцип благодеяния, предполагающий ориентацию медицинской помощи на благо пациента, и принцип непричинения вреда. При ЭКО эти принципы требуют индивидуальной оценки клинической ситуации. Медицинская целесообразность не должна определяться исключительно количеством полученных ооцитов или эмбрионов. Стремление повысить вероятность беременности посредством увеличения числа переносимых эмбрионов может приводить к многоплодной беременности, преждевременным родам, низкой массе тела новорождённых и повышению перинатальной заболеваемости. В связи с этим современная репродуктология ориентируется на более безопасные стратегии, включая перенос одного эмбриона в подходящих клинических ситуациях.

Этическое значение имеет и вопрос о допустимости криоконсервации эмбрионов. В процессе ЭКО нередко формируется несколько эмбрионов, часть которых не переносится в текущем цикле. Они могут быть подвергнуты замораживанию с целью последующего использования. Криоконсервация позволяет снизить необходимость повторной стимуляции яичников и повысить эффективность лечения, однако одновременно создаёт проблему определения дальнейшей судьбы эмбрионов. Возможны ситуации, когда пациенты отказываются от дальнейшего лечения, утрачивают контакт с медицинской организацией, разводятся, умирают или меняют репродуктивные планы. Возникает вопрос: кто вправе принимать решения о хранении, переносе, передаче другим лицам, использовании в научных целях или прекращении хранения эмбрионов?

Данная проблема имеет не только меди-

цинское, но и философско-правовое измерение. Эмбрион на ранней стадии развития не может самостоятельно выражать волю, однако его потенциальная возможность стать человеком вызывает различные этические позиции. В рамках биоэтики существуют подходы, рассматривающие эмбрион как особую форму человеческой жизни, требующую повышенной защиты, и подходы, акцентирующие внимание на его биологическом статусе до имплантации и отсутствии сформированной способности к самостоятельному существованию. Различия во взглядах обусловлены мировоззренческими, религиозными, философскими и правовыми основаниями. В отечественной научной литературе вопрос о соотношении репродуктивных прав, достоинства личности и статуса эмбриона рассматривается как одна из центральных проблем биомедицинской этики [2; 11; 12].

Этическая сложность усиливается при решении вопроса о неиспользованных эмбрионах. С одной стороны, уничтожение эмбрионов может восприниматься как морально неприемлемое действие лицами, придающими эмбриону высокий нравственный статус. С другой стороны, бессрочное хранение всех эмбрионов невозможно по организационным, медицинским и экономическим причинам. Передача эмбрионов другим реципиентам также связана с необходимостью получения добровольного согласия генетических родителей, обеспечения конфиденциальности и решения вопросов будущего родства. Поэтому до начала лечения пациентам необходимо предоставлять ясную информацию о возможных вариантах обращения с эмбрионами и фиксировать их волеизъявление в установленном порядке.

Отдельный комплекс этических вопросов связан с применением донорских половых клеток. Донорство сперматозоидов и ооцитов позволяет преодолеть некоторые формы бесплодия, при которых использование собственных гамет невозможно либо связано с высоким риском передачи наследственного заболевания. Однако участие донора изменяет традиционное представление о происхождении ребёнка. В репродуктивном процессе могут одновременно присутствовать генетическое, гестационное и социальное родительство. Генетический родитель передаёт наследственный материал, гестационный родитель вынашивает беременность, а социальный родитель осуществляет воспитание и заботу о ребёнке. Такое разделение функций материнства и родительства формирует новые семейные и антропологические модели [3; 5].

Донорство гамет требует соблюдения принципов добровольности, конфиденциальности, медицинского отбора и информированного согласия. Донор должен быть осведомлён о характере процедуры, возможных медицинских последствиях и правовых условиях участия. При этом необходимо предотвращать коммерческую эксплуатацию лиц, находящихся в экономически неблагоприятном положении. Если финансовое вознаграждение становится основным мотивом участия, возникает риск того, что донор будет недооценивать медицинские последствия или скрывать сведения о состоянии здоровья. Следовательно, система донорства должна обеспечивать медицинскую безопасность и исключать давление на донора [14].

Существенной проблемой является соотношение конфиденциальности донорства и права ребёнка знать сведения о своём генетическом происхождении. Анонимность донора традиционно обосновывается необходимостью защиты частной жизни участников программы и поддержания стабильности семейных отношений. Однако генетическая информация может иметь важное значение для диагностики наследственных заболеваний, оценки индивидуальных рисков и формирования личной идентичности. По мере развития генетических баз данных и доступности коммерческих генетических тестов абсолютная анонимность становится всё более сложной для обеспечения. Поэтому в научной дискуссии рассматриваются различные модели: сохранение полной анонимности, предоставление ограниченной медицинской информации или возможность получения идентифицирующих сведений по достижении ребёнком определённого возраста. Вопрос требует баланса между интересами донора, родителей и самого ребёнка.

Применение преимплантационного генетического тестирования (ПГТ) также сопровождается этическими дилеммами. ПГТ может использоваться для выявления определённых генетических нарушений у эмбрионов до переноса в полость матки. Его медицинская ценность особенно значима в семьях с высоким риском передачи моногенных заболеваний или некоторых хромосомных нарушений. Вместе с тем возникает вопрос о границах допустимого отбора эмбрионов. Если генетическое тестирование применяется для предупреждения тяжёлого наследственного заболевания, оно обычно обосновывается принципом предотвращения страдания и защиты здоровья будущего ребёнка. Однако расширение показаний до выбора признаков, не связанных с серьёзной патологией, может привести к евгеническим тенденциям, дискриминации людей с инвалидностью и представлению о том, что человеческая ценность определяется соответствием определённому набору генетических характеристик.

Этическая проблема ПГТ заключается так-

же в необходимости учитывать ограничения метода. Генетическое исследование не является абсолютной гарантией здоровья будущего ребёнка. Оно направлено на выявление конкретных генетических или хромосомных особенностей и не позволяет исключить все возможные заболевания, включая многие мультифакториальные состояния, осложнения беременности и патологии, возникающие после рождения. Следовательно, медицинское консультирование должно формировать у пациентов реалистичное понимание возможностей генетической диагностики. Этические вопросы преконцепционного и преимплантационного тестирования рассматриваются в современной медицинской генетике в связи с проблемами автономии, репродуктивной ответственности, генетической дискриминации и границ медицинского вмешательства [5].

Отдельного внимания заслуживает проблема социального неравенства при использовании ВРТ. ЭКО является технологически сложной медицинской процедурой, требующей квалифицированного персонала, специализированного оборудования, лабораторной инфраструктуры и значительных финансовых затрат. Несмотря на существование программ государственного финансирования, доступ к ВРТ может различаться в зависимости от региона проживания, уровня дохода, информированности пациента, наличия медицинских показаний и возможностей конкретной медицинской организации. В результате репродуктивные технологии способны не только снижать медицинские последствия бесплодия, но и формировать новые формы социального неравенства [1].

Социальное неравенство проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, лица с более высоким доходом могут позволить себе дополнительные попытки ЭКО, расширенное генетическое тестирование, использование донорских программ и лечение в медицинских организациях с высокой технической оснащённостью. Во-вторых, пациенты из отдалённых регионов могут сталкиваться с необходимостью поездок в крупные медицинские центры, дополнительными расходами на проживание и транспорт. В-третьих, различия в доступе к достоверной информации могут влиять на своевременность обращения за медицинской помощью. Таким образом, формальное наличие права на получение ВРТ не всегда означает фактическую доступность соответствующей медицинской помощи.

Вопрос справедливости приобретает особое значение в условиях ограниченных ресурсов здравоохранения. Государственное финансирование программ ЭКО предполагает необходимость определения критериев отбора пациентов, порядка распределения квот и оценки медицинской эффективности. С этической точки зрения такие критерии должны быть прозрачными, медицински обоснованными и недискриминационными. Недопустимо, чтобы доступ к лечению определялся исключительно социальным статусом, семейным положением или субъективным отношением отдельных должностных лиц. Вместе с тем государственная политика должна учитывать не только число проведённых процедур, но и качество медицинской помощи, безопасность беременности и здоровье детей, родившихся в результате ВРТ.

ЭКО оказывает влияние и на общественное представление о материнстве. Традиционно материнство воспринималось как единство генетического, биологического, гестационного и социального компонентов. Современные ВРТ позволяют разделять эти составляющие. Женщина может быть генетической матерью, если используется её ооцит, гестационной матерью — при вынашивании беременности, либо социальной матерью, осуществляющей воспитание ребёнка при использовании донорского материала. Философско-антропологический анализ «нового» материнства показывает, что развитие репродуктивных технологий требует переосмысления устоявшихся представлений о природе родительства, телесности и семейной идентичности [3].

Изменение структуры родительства может сопровождаться психологическими трудностями. Женщина, использующая донорский ооцит, может испытывать тревогу относительно генетической связи с ребёнком. Мужчина, ставший отцом при помощи донорской спермы, может переживать сомнения, связанные с биологическим происхождением ребёнка. В подобных ситуациях медицинская помощь должна включать не только соматическое обследование, но и психологическое консультирование. Специалисту важно избегать оценочных суждений и помогать пациентам осознанно принимать решение о методе лечения. Основной акцент должен делаться на способности будущих родителей обеспечивать заботу, безопасность и эмоциональное благополучие ребёнка.

Главная этическая дилемма суррогатного материнства связана с риском превращения женского организма в объект договора или коммерческой услуги. Сторонники данной практики подчёркивают, что она может быть формой добровольной помощи людям, лишённым возможности самостоятельно выносить ребёнка. Критики обращают внимание на то, что экономически уязвимая женщина может соглашаться на беременность под влиянием финансовой необходимости, а значит, её согласие не всегда является полностью свободным. Для предупреждения эксплуатации необхо-

димы медицинское и психологическое обследование суррогатной матери, независимое консультирование, правовая защита, обеспечение медицинской помощи и чёткое регулирование финансовых и родительских вопросов [10; 13].

Дополнительные сложности возникают в случае осложнений беременности, выявления патологии плода, необходимости медицинского вмешательства или изменения решения одной из сторон. Например, могут возникать разногласия по поводу прерывания беременности, медицинских показаний к кесареву сечению, количества переносимых эмбрионов или дальнейшей судьбы ребёнка. Поэтому договорные отношения не должны рассматриваться как единственный механизм разрешения всех конфликтов. Необходимы гарантии защиты здоровья суррогатной матери и ребёнка, а также обеспечение приоритета медицинских показаний и принципов профессиональной этики.

Религиозные и мировоззренческие позиции также влияют на оценку ЭКО. В различных религиозных традициях существуют неодинаковые представления о допустимости оплодотворения вне организма, донорства гамет, криоконсервации эмбрионов и суррогатного материнства. В частности, православная биоэтика уделяет значительное внимание достоинству человеческой жизни, целостности брака, нравственной ответственности за рождение ребёнка и недопустимости некоторых способов разделения деторождения и супружеских отношений. При этом медицинский работник должен уважать мировоззрение пациента, не навязывая ему собственные религиозные или антирелигиозные убеждения. Этическое консультирование должно быть направлено на информированный выбор и предотвращение конфликта между медицинской рекомендацией и личными ценностями пациента [12].

ЭКО также связано с вопросом коммерциализации репродукции. Современная репродуктивная медицина функционирует в условиях сочетания медицинской помощи и рынка услуг. С одной стороны, платная медицина способствует развитию технологий, повышению качества лабораторной диагностики и расширению возможностей лечения. С другой стороны, коммерческий характер репродуктивных программ может формировать у пациентов завышенные ожидания и представление о ребёнке как о результате медицинского заказа. Этически недопустимо использовать эмоциональную уязвимость людей, страдающих бесплодием, для навязывания ненужных процедур, необоснованного увеличения стоимости лечения или обещания гарантированного результата.

В связи с этим особую роль играет профессиональная ответственность врача-репродуктолога и эмбриолога. Медицинские специалисты должны соблюдать принципы доказательной медицины, информировать пациентов о вероятностях и ограничениях метода, обеспечивать конфиденциальность медицинской информации и предотвращать конфликт интересов. Важным условием является также корректное ведение медицинской документации, идентификация биологического материала и соблюдение правил его хранения. Ошибки при маркировке ооцитов, сперматозоидов или эмбрионов способны привести к тяжёлым медицинским, психологическим и правовым последствиям, поэтому система контроля качества в эмбриологической лаборатории имеет не только техническое, но и этическое значение.

Конфиденциальность при проведении ЭКО охватывает сведения о диагнозе бесплодия, результатах обследований, факте использования донорского материала, генетических исследованиях, количестве полученных эмбрионов и исходах лечения. Разглашение такой информации без законных оснований может нарушить право пациента на частную жизнь и привести к стигматизации. Особенно чувствительными являются сведения о донорстве гамет, генетическом происхождении ребёнка и применении суррогатного материнства. Медицинский персонал обязан соблюдать врачебную тайну и предоставлять информацию только лицам, имеющим соответствующие законные основания.

Правовое регулирование ВРТ направлено на установление прав и обязанностей участников репродуктивных программ, определение требований к медицинским организациям, закрепление порядка получения согласия и регулирование вопросов родительства. Однако развитие технологий происходит быстрее, чем формирование единообразных правовых механизмов. В научной литературе отмечается, что отдельные аспекты ВРТ требуют дальнейшего совершенствования, поскольку затрагивают одновременно медицинское право, семейное право, гражданско-правовые отношения и биоэтику [2; 4; 9].

Особое значение имеет защита прав ребёнка, родившегося в результате ВРТ. Ребёнок не должен рассматриваться исключительно как объект репродуктивного проекта взрослых. Его интересы должны учитываться при принятии решений о переносе эмбрионов, использовании донорского материала, раскрытии генетической информации, определении родительского статуса и обеспечении медицинского наблюдения. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребёнка предполагает, что любые репродуктивные технологии должны применяться с учётом будущего физического, психического и социального благополучия человека.

Таким образом, этические проблемы ЭКО нельзя свести к вопросу о том, допустимо ли оплодотворение вне организма. Основная сложность заключается в необходимости комплексной оценки всей системы отношений, возникающих при применении ВРТ. Этическое решение должно учитывать автономию пациента, медицинскую безопасность, права будущего ребёнка, статус эмбриона, справедливость доступа, защиту доноров и суррогатных матерей, конфиденциальность и ответственность медицинских специалистов. Только междисциплинарный подход позволяет избежать односторонней оценки данной технологии.

Практическое значение изучения этических проблем ЭКО заключается в возможности применения биоэтических принципов в деятельности медицинского работника. Специалист среднего медицинского персонала участвует в подготовке пациентов к обследованиям и процедурам, контролирует выполнение врачебных назначений, соблюдение санитарно-эпидемиологических требований, ведение медицинской документации и психологическое сопровождение пациентов.

При работе с пациентами, проходящими программу ЭКО, необходимо прежде всего соблюдать принцип информированного добровольного согласия. Пациентам следует разъяснять, что ЭКО является многоэтапным методом лечения, который не гарантирует наступления беременности и рождения здорового ребёнка. Медицинский работник должен предоставлять информацию в доступной форме, не создавать ложных ожиданий и не оказывать давления при принятии решения о начале или продолжении лечения.

Важной обязанностью является сохранение врачебной тайны. Сведения о диагнозе бесплодия, результатах обследований, использовании донорского материала, генетическом тестировании и исходах лечения относятся к конфиденциальной медицинской информации. Их разглашение без законных оснований может нарушить права пациента и привести к психологическим и социальным последствиям.

Практическая работа также включает наблюдение за состоянием женщины во время стимуляции яичников и после инвазивных процедур. При появлении выраженной боли в животе, тошноты, рвоты, одышки, быстрого увеличения массы тела или уменьшения диуреза необходимо своевременно информировать врача, поскольку подобные симптомы могут указывать на осложнения, в том числе синдром гиперстимуляции яичников. Соблюдение медицинских протоколов, точная идентификация биологического материала и контроль документации являются важными условиями безопасности репродуктивной помощи.

При неудачном результате ЭКО медицинский работник должен проявлять тактичность и эмпатию. Недопустимо обвинять пациентку в неэффективности лечения или обесценивать её переживания. При необходимости следует рекомендовать консультацию профильного специалиста, включая психолога или врача-репродуктолога. Таким образом, практическая этика ЭКО основывается на уважении достоинства пациента, обеспечении безопасности, конфиденциальности и недопущении дискриминации.

Экстракорпоральное оплодотворение является важным методом лечения бесплодия, однако его применение сопровождается рядом этических проблем. К ним относятся вопросы репродуктивной автономии, информированного согласия, статуса эмбриона, криоконсервации, донорства половых клеток, преимплантационного генетического тестирования, суррогатного материнства и доступности медицинской помощи.

Этическая оценка ЭКО должна основываться на принципах благодеяния, непричинения вреда, уважения человеческого достоинства, справедливости и конфиденциальности. Особого внимания требуют защита интересов будущего ребёнка, предупреждение эксплуатации доноров и суррогатных матерей, а также обеспечение равного доступа пациентов к современным репродуктивным технологиям.

Медицинский работник должен не только участвовать в выполнении лечебных мероприятий, но и обеспечивать уважительное отношение к пациенту, содействовать его информированному выбору, соблюдать врачебную тайну и своевременно выявлять возможные осложнения. Следовательно, развитие ЭКО должно сопровождаться не только совершенствованием медицинских технологий, но и дальнейшим развитием правовых и биоэтических механизмов их регулирования.

Список литературы:

[1] Богомягкова Е. С., Ломоносова М. В. Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства // ЖССА. 2017. № 3. С. 180-198.

[2] Боннер А. Т. и др. Правовые проблемы искусственного оплодотворения: монография. М.: Проспект, 2020. 291 с.

[3] Воронина О. А. «Новое» материнство: философско-антропологический взгляд // Философская школа. 2018. № 6.

[4] Горбунова О. В. Принципы правового регулирования оказания медицинских услуг с применением вспомогательных репродуктивных технологий // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3.

[5] Гребенщикова Е. Г. Этические проблемы преконцепционного генетического тестирования // Медицинская генетика. 2025. Т. 24. № 4. С. 4–11.

[6] Девятовская К. В. Соматические права как новое поколение прав // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2018. № 13.

[7] Исупова О. Г., Русанова Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в российской Федерации и за рубежом: практика применения // Народонаселение. 2021. № 4.

[8] Казахстан Р. Чалова Л. Р. [Диссертационное исследование].

[9] Конокин Д. В., Матвеева Н. А. Вспомогательные репродуктивные технологии в Российской Федерации и за рубежом: практика применения // Образование и право. 2024. № 2. С. 104-109.

[10] Коноплянникова Т. В., Кучуб Н. А., Шагивалеева И. З. Правовые и морально-нравственные аспекты суррогатного материнства // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4 (148). С. 99-104.

[11] Летов О. В. Актуальные проблемы биоэтики (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия. 2003. № 2. С. 96–119.

[12] Михель Д. В., Резник О. Н. Биомедицина и вызов христианским ценностям: православная биоэтика в эпоху биомедицинских технологий // Вопросы теологии. 2022. № 2. С. 241-259.

[13] Нечаева И. И. Социальные аспекты суррогатного материнства: освещение в СМИ и экспертная оценка // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. № 3. С. 47-74.

[14] Никитин А. И. Следует ли улучшать демографические показатели с помощью вспомогательных репродуктивных технологий? // Биосфера. 2010. № 3. С. 386-391.

References:

[1] Bogomyagkova E. S., Lomonosova M. V. Assisted Reproductive Technologies: On the Question of New Forms of Social Inequality // ZhSSA (Journal of Social Studies and Anthropology). 2017. No. 3. pp. 180–198.

[2] Bonner A. T. et al. Legal Issues of Artificial Insemination: A Monograph. Moscow: Prospekt, 2020. 291 p.

[3] Voronina O. A. "New" Motherhood: A Philosophical-Anthropological Perspective // Philosophical School. 2018. No. 6.

[4] Gorbunova O. V. Principles of Legal Regulation for the Provision of Medical Services Involving Assisted Reproductive Technologies // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. No. 3.

[5] Grebenshchikova E. G. Ethical Issues in Preconception Genetic Testing // Medical Genetics. 2025. Vol. 24. No. 4. pp. 4–11.

[6] Devyatovskaya K. V. Somatic Rights as a New Generation of Rights // Bulletin of Polotsk State University. Series D: Economic and Legal Sciences. 2018. No. 13.

[7] Isupova O. G., Rusanova N. E. Assisted Reproductive Technologies in the Russian Federation and Abroad: Practice and Application // Population. 2021. No. 4.

[8] Kazakhstan R., Chalova L. R. [Dissertation Research].

[9] Konokin D. V., Matveeva N. A. Assisted Reproductive Technologies in the Russian Federation and Abroad: Practice and Application // Education and Law. 2024. No. 2. pp. 104–109.

[10] Konoplyannikova T. V., Kuchub N. A., Shagivaleeva I. Z. Legal and Moral-Ethical Aspects of Surrogacy // Law and State: Theory and Practice. 2017. No. 4 (148). pp. 99–104.

[11] Letov O. V. Current Issues in Bioethics (Summary Review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 3, Philosophy. 2003. No. 2. pp. 96–119.

[12] Mikhel D. V., Reznik O. N. Biomedicine and the Challenge to Christian Values: Orthodox Bioethics in the Era of Biomedical Technologies // Issues in Theology. 2022. No. 2. pp. 241–259.

[13] Nechaeva I. I. Social Aspects of Surrogacy: Media Coverage and Expert Assessment // Communicology: Electronic Scientific Journal. 2022. No. 3. pp. 47–74.

[14] Nikitin A. I. Should Demographic Indicators Be Improved Through Assisted Reproductive Technologies? // Biosphere. 2010. No. 3. pp. 386–391.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-78-87

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,
студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

ПЕТРОВ Артём Антонович,
студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: lordpetrotema@gmail.com

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: mmimi1963@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РАМКАХ ЧРЕЗВЫЧАЙНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ НАДЗОР

Аннотация. *В настоящей статье авторами исследуется фундаментальная конституционно-правовая проблема, связанная с доктринальным обоснованием и легитимацией масштабной кодификации чрезвычайного законодательства Российской Федерации. Центральным объектом научного анализа выступает авторская концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ) — единого материально-процессуального кодифицированного акта, призванного систематизировать разрозненный массив экстраординарных норм. Целью исследования является комплексное разрешение теоретического противоречия (аксиологического дуализма) между императивом признания прав человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ) и необходимостью ситуационного ограничения правового статуса граждан ради спасения населения и защиты конституционного строя (ст. 56 Конституции РФ) в условиях абсолютно всех чрезвычайных ситуаций. В статье подробно обосновывается правовая природа института «чрезвычайного надзора» органов прокуратуры (ст. 129 Конституции РФ) как ключевого оперативного*

фильтра, замещающего традиционный судебный контроль непосредственно в момент действия чрезвычайной ситуации. Основным результатом исследования стала разработка и легитимация модели отложенного (последующего) судебного контроля, который переносится на пост-экстраординарный период ради обеспечения физической безопасности судей, участников процесса и исключения бюрократических проволочек, влекущих потерю человеческих жизней. Авторами доказано, что итоговый конституционный контроль за применением ЧПК РФ должен быть возложен на Президента Российской Федерации как гаранта Конституции. Разработанная концепция позволяет полностью ликвидировать правовые «белые пятна», преодолеть коллизии чрезвычайного законодательства и устранить деструктивный страх должностных лиц перед принятием волевых и нестандартных решений в условиях дефицита времени.

Ключевые слова: *чрезвычайно-процессуальный кодекс, прокуратура, Конституция, конституционное право, кодификация законодательства, чрезвычайный надзор, ограничение прав, право на жизнь, Президент Российской Федерации, отложенный судебный контроль.*

Для цитирования: *Купряшин В. С., Петров А. А., Моисеенко М. И. Пределы ограничения конституционных прав граждан в рамках чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации: правовые гарантии и чрезвычайный надзор // Образование и право. 2026. № 10. С. 78–87.*

KUPRYASHIN Viktor Sergeyevich,
Student, Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev, Saint Petersburg, Russia

PETROV Artyom Antonovich,
Student, Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev, Saint Petersburg, Russia

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Administrative Law and Process, Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev, Saint Petersburg, Russia

LIMITS ON THE RESTRICTION OF CITIZENS' CONSTITUTIONAL RIGHTS WITHIN THE EMERGENCY PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL SAFEGUARDS AND EMERGENCY SUPERVISION

Annotation. *In this article, the authors explore a fundamental constitutional and legal problem related to the doctrinal justification and legitimization of a large-scale codification of the emergency legislation of the Russian Federation. The central object of the scientific analysis is the authors' concept of the Emergency Procedure Code of the Russian Federation (EPC RF) — a unified substantive and procedural codified act designed to systematize a fragmented array of extraordinary norms. The purpose of the study is a comprehensive resolution of the theoretical contradiction (axiological dualism) between the imperative of recognizing human rights as the supreme value (Article 2 of the Constitution of the RF) and the need for situational restriction of the legal status of citizens for the sake of saving the population and protecting constitutional order (Article 56 of the Constitution of the RF) under conditions of absolutely all emergencies. The article substantiates in detail the legal nature of the institution of "emergency supervision" of the prosecutor's office (Article 129 of the Constitution of the RF) as a key operational filter that replaces traditional judicial control directly during the period of an emergency. The main result of the study was the development and legitimization of a model of deferred (subsequent) judicial control, which is transferred to the post-extraordinary period to ensure the physical safety of judges and participants in the process and to eliminate bureaucratic delays resulting in the loss of human lives. The authors prove that the final constitutional control over the application of the EPC RF must be vested in the President of the Russian Federation as the guarantor of the Constitution. The developed concept allows for the complete elimination of legal "blind spots," the overcoming of conflicts in emergency legislation, and the removal of the destructive fear of officials before making strong-willed and non-standard decisions under time constraints.*

Key words: *emergency Procedure Code, prosecutor's office, Constitution, constitutional law, codification of legislation, emergency supervision, restriction of rights, right to life, President of the Russian Federation, deferred judicial control.*

For citation: *Kupryashin V. S., Petrov A. A., Moiseenko M. I. Limits on the restriction of citizens' constitutional rights within the emergency procedure code of the Russian Federation: Legal safeguards and emergency supervision. Education and law. 2026;(10):78–87. (In Russ.).*

Введение

Динамика современных геополитических, техногенных, природных и гибридных вызовов предъявляет принципиально новые требования к гибкости, оперативности и системной монолитности государственного аппарата Российской Федерации. В условиях перманентной трансформации угроз национальной безопасности традиционные, ординарные правовые режимы демонстрируют объективную ограниченность. Действующее чрезвычайное законодательство России характеризуется крайней степенью фрагментарности, дисперсности и децентрализации. Нормативные массивы, регулирующие правоотношения в периоды чрезвычайного, военного положения, а также при ликвидации масштабных катастроф, рассредоточены по десяткам федеральных конституционных законов, федеральных законов и подзаконных актов. Подобная дезинтеграция нормативного материала неизбежно порождает глубокие межотраслевые коллизии, двусмысленность толкования и системные правовые «белые пятна». На практике правовая неопределенность экстраординарных режимов приводит к наиболее опасному деструктивному феномену — психологическому и профессиональному страху должностных лиц исполнительных органов и силовых ведомств действовать в нестандартных ситуациях. Опасаясь последующего обвинения в превышении полномочий или нарушении жестких ординарных процессуальных регламентов, сотрудники упускают критическое время. Прямым следствием таких бюрократических проволочек становятся необратимые потери и упущенные человеческие жизни. Выходом из данного затяжного доктринального и практического тупика призвана стать предлагаемая нами концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ). Данный кодекс задуман нами не просто как очередной нормативный акт, а как комплексный, сквозной кодифицированный федеральный закон, объединяющий основы материального и процессуального чрезвычайного права подобно классическим межотраслевым связкам уголовного и гражданского законодательства, однако реализующий эту интеграцию в предметном поле единого источника права. ЧПК РФ должен стать универсальным, предельно понятным и доступным «операционным алгоритмом», опираясь на который любое должностное лицо в любой нештатной ситуации сможет мгновенно сориентироваться, принять законное решение и спасти людей до получения прямых указаний от вышестоящего руководства. Настоящая статья посвящена исключительно конституционно-правовому измерению данной кодификации, определению пределов ограничений прав граждан и легитима-

цией чрезвычайных полномочий органов власти через призму Основного Закона страны.

Теоретические основы и методы исследования

Методологический фундамент настоящего исследования базируется на системе общенаучных и специальных юридических методов, обеспечивающих объективность и глубину теоретических обобщений. В качестве базового доктринального основания нами использована концепция конституционного аксиологического дуализма и классическая теория государственной необходимости. Диалектический метод позволил исследовать внутренние противоречия между статичным характером правовых гарантий личности и динамической природой экстраординарных угроз государственности. Метод системно-структурного анализа применен для обоснования макроструктуры чрезвычайного законодательства и доказательства необходимости его интеграции в единый кодифицированный супер-акт (ЧПК РФ). Важнейшее значение в работе имеет формально-юридический метод, с помощью которого осуществлен критический анализ нормативного содержания статей 2, 55, 56 и 129 Конституции РФ. На основе сравнительно-правового метода была сопоставлена природа ординарного судебного контроля и предлагаемого нами института прокурорского чрезвычайного надзора. Наконец, метод юридического моделирования позволил сконструировать непротиворечивую модель отложенного судебного контроля и систему президентского конституционного фильтра, исключающую риски разбалансировки государственного механизма.

Аксиологический дуализм статей 2 и 56 Конституции РФ

В конституционном праве соотношение статьи 2 и статьи 56 Конституции РФ образует фундаментальную доктринальную коллизию между эксплицитным признанием человека высшей ценностью и необходимостью защиты государственного суверенитета в чрезвычайных условиях. Противоречие выражается в аксиологическом дуализме, где императивная норма о безусловном приоритете прав личности (ст. 2) вступает в иерархический конфликт с ситуационным регулятором (ст. 56), легитимизирующим временное ограничение правового статуса граждан ради сохранения самого государственного института. Научное разрешение данного парадокса базируется на принципе пропорциональности и концепции государственной необходимости, согласно которым временное ограничение прав трактуется не как их отрицание, а как вынужденный стратегический инструмент спасения конституционного строя, без которого дальнейшая институциональная реализация и защита прав человека становятся невозможными. Осмысление конституционного базиса экстраординарного регулирования требует преодоления дезинтеграции существующих материальных и процессуальных деноминаций чрезвычайного права. Проблематика развертывания скоординированных действий уполномоченных органов упирается в концептуальный вакуум высшего порядка. В связи с этим заслуживает особого внимания позиция, подчеркивающая первичность теоретико-правового ядра: «Фундаментальная проблема начинается с отсутствия четкого конституционного концепта, что создает предпосылки для дальнейшей разобщенности на уровне отраслевого регулирования». [1, с. 134]. Данный тезис наглядно демонстрирует, что без преодоления аксиологических разночтений в рамках самого конституционного права, отраслевые законы обречены на порождение системных противоречий. Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации конструируется нами как нормативное воплощение единой конституционной стратегии, устраняющей упомянутую разобщенность и хаос нормативного планирования. Критерии соразмерности ограничений прав личности государственным интересам безопасности верифицируются в юридической науке через классическую четырехэтапную пропорциональность, требующую одновременного соблюдения легитимности цели, пригодности, необходимости и сбалансированности вводимых мер. Ограничение признается правомерным, если оно направлено исключительно на защиту конституционно значимых ценностей (легитимная цель), способно эффективно устранить угрозу национальной безопасности (пригодность), представляет собой наименее обременительное средство из всех возможных альтернатив (необходимость как отсутствие более мягких мер), а приобретаемое общественное благо по своему масштабу явно перевешивает тяжесть наносимого правовому статусу личности ущерба (пропорциональность в узком смысле). Мы убеждены, что в момент развертывания любой нештатной ситуации (будь то масштабная катастрофа, теракт или вооруженный конфликт) право абсолютно всех людей (включая граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства) на жизнь и физическую безопасность стоит неизмеримо выше любой процедурной бюрократии. Если для спасения населения требуется незамедлительное ограничение отдельных правомочий, любые формальные юридические вопросы и споры должны быть сознательно перенесены на более поздний период — когда никому не будет угрожать непосредственная смертельная опасность. Рассматривая правовую природу ограничений, необходимо

учитывать их полифункциональное назначение. «Ограничение как особое средство воздействия на общественные отношения может выполнять несколько функций. Прежде всего, оно является основной формой государственного принуждения, в силу чего возможна реализация юридической ответственности, которая также представляет собой ограничение основных прав человека, в чем проявляется карательная функция ограничений. Кроме того, ограничения могут выполнять превентивную функцию, направленную на сдерживание распространения определенных угроз или неправомерного поведения субъектов. Помимо этого, ограничение носит стимулирующий характер, заставляя государства разрабатывать меры реагирования на нестандартные ситуации, которые могут появиться в будущем. Но при этом надо учитывать положения конституционного законодательства, которое четко устанавливает предельность ограничений путем обозначения целей его введения, принципов установления и т. д.» [2, с. 56]. Этот доктринальный подход полностью корреспондирует нашей концепции: Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации призван не просто легитимировать государственное принуждение, но и, реализуя превентивную и стимулирующую функции, задать четкие нормативные границы, выход за которые невозможен ни при каких обстоятельствах.

В процессе реализации правоограничительных мер недопустимо скатывание к тоталитарному правопониманию и полному усечению правосубъектности. Любые изъятия из ординарного правового статуса должны опираться на безупречный нормативный фундамент, что напрямую согласуется с устоявшимися доктринальными ориентирами: «Правомерное ограничение конституционных прав возможно лишь при наличии легитимной законодательной нормы, прошедшей процедуру публичного обсуждения, принятой в установленном конституцией порядке и, что особенно важно, доступной для ознакомления и недвусмысленно ясной как для правоприменителя, так и для самого гражданина» [3, с. 139].

В контексте нашей концепции это означает, что Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации планируется как полноценный, стабильный кодифицированный закон, проходящий через все стадии прозрачной парламентской дискуссии в Государственной Думе, что предопределяет его изначальную легитимность и исключает неопределенность содержания для субъектов правоотношений. При этом нормативно-правовые рамки ЧПК РФ строго подчинены конституционным ограничениям. Статья 56 (ч. 3) Конституции РФ содержит императивный запрет на ограничение прав, предусмотренных статьями 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Основного Закона.

Разрабатываемый кодекс безусловно гарантирует их абсолютную неприкосновенность; посягательство на данные права или их процессуальный пересмотр в условиях ЧС доктринально исключены, так как это полностью разрушило бы основы правового государства. Ограничения в рамках ЧПК РФ будут касаться исключительно тех прав и свобод, временное сужение которых классически признается допустимым при введении экстраординарных режимов, например, ограничение права на свободный поиск и распространение информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), вводимое с целью пресечения деструктивной паники, умышленной дезинформации и обеспечения режима секретности в зоне проведения спасательных операций. Данные положения отражают общую магистральную тенденцию развития современного конституционализма, где правоограничительная практика государств стремится к системной упорядоченности: «Конституционные положения об ограничениях прав и свобод человека и гражданина являются необходимым элементом современной конституционной регламентации положения личности. В современном мире существует определенная тенденция в конституционном регулировании ограничений прав и свобод личности — все более детальное описание как самих ограничений, так и условий их введения, действия и применения» [4, с. 85].

Единая кодификация в рамках Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как раз позволяет реализовать этот тренд, детально зафиксировав материальные условия и строгие процессуальные рамки применения каждого временного ограничения, минимизируя субъективное усмотрение отдельных должностных лиц.

Концепция единого материально-процессуального кодекса (ЧПК РФ)

С точки зрения конституционного права, ключевой порок современного чрезвычайного законодательства заключается в отсутствии генеральной кодификации. Наличие множества разрозненных законов, таких как Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 02.11.2023), Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 13.12.2024) и Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 08.08.2024), порождает опасную правовую энтропию. Как справедливо подчеркивается в современных научных исследованиях: «Современная действительность повышает актуальность

изучения правовой природы специальных административно-правовых режимов в контексте вопроса соразмерности вводимых мер, включающих различные формы государственного принуждения» [5, с. 187]. Именно соразмерность принуждения выступает главным критерием его конституционности, а достичь этой соразмерности в условиях хаотичного распределения норм по разным актам невозможно. Обращаясь к сущностным характеристикам экстраординарных административно-правовых режимов, следует признать, что «введение чрезвычайного режима позволяет установить особый порядок функционирования общества, ограничить определенные права и свободы граждан, а также предоставить дополнительные полномочия государственным органам для управления ситуацией. Это может включать в себя введение комендантского часа, временное ограничение передвижения, запрет на проведение массовых мероприятий и другие меры. Однако использование чрезвычайного режима должно быть обоснованным и соответствовать принципам законности, необходимости и пропорциональности. Во время чрезвычайного режима государственные органы должны обеспечивать защиту прав и свобод граждан, а также минимизировать негативные последствия для общества» [6, с. 2]. Конкретно эти фундаментальные требования обоснованности, законности и пропорциональности, предъявляемые к любому чрезвычайному режиму, должны быть сквозной идеей всего Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации, пронизывающей каждый его институт и каждую процедуру, чтобы исключить саму возможность произвольного усмотрения при введении комендантского часа, ограничении передвижения или иных чувствительных для населения мер. Особого внимания требует тот факт, что риски существенного ущемления законных интересов субъектов резко возрастают при практической реализации принудительных механизмов в отношении лиц, обладающих специфическим правовым статусом.

Наша научная позиция по данному вопросу полностью коррелирует с выводами современных исследователей: «Анализ научных подходов и судебной практики показывает, что наибольшие конституционные риски связаны с теми мерами административно-процессуального принуждения, которые непосредственно затрагивают свободу и личную неприкосновенность человека, включая доставление, административное задержание и помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации.

Существенные риски возникают и при применении мер, вмешивающихся в сферу частной жизни и собственности, таких как личный досмотр, изъятие вещей и документов, а также различные виды освидетельствования» [7, с. 67]. Чтобы предотвратить превращение этих рисков в системные нарушения прав, Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации берет под особую защиту уязвимые категории лиц в зоне действия экстраординарного режима. Кодекс призван установить исчерпывающий, закрытый перечень оснований и жесткий алгоритм применения мер принуждения как к гражданам России, так и к иностранным гражданам и лицам без гражданства, исключая любой административный произвол в отношении их свободы, собственности и личной неприкосновенности. Важнейшим аргументом в пользу кодификации и создания единых алгоритмов немедленного реагирования выступает характер современных угроз, в частности, экстремистской направленности.

«Нарушения основополагающих прав и свобод граждан, провоцируемые экстремистской активностью, можно сказать, представляют собой наиболее деструктивный и социально опасный результат данного явления, а противодействие этому усложняется наличием многообразных форм экстремистских проявлений, а также необходимостью немедленного и масштабного реагирования на указанные проявления» [8, с. 147]. Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации, будучи универсальным операционным алгоритмом, позволит уполномоченным органам в условиях, когда счет идет на минуты, действовать на опережение, не дожидаясь многоступенчатых согласований, и тем самым предотвращать наиболее деструктивные последствия экстремистских атак и иных чрезвычайных ситуаций, спасая жизни людей. Наша концепция предполагает создание Чрезвычайно-процессуального кодекса РФ как единого ядра, стягивающего воедино материальные деликты, основания введения ограничений и четкие процессуальные алгоритмы действий. ЧПК РФ должен обладать статусом кодифицированного федерального закона в своей сфере, по аналогии с Гражданским или Уголовным кодексами. Цель кодификации — собрать концептуальные основы экстраординарного регулирования и выстроить прямые отсылочные связи к профильным законам в области федеральной безопасности.

Это позволит создать монолитный правовой фундамент, исключающий коллизии нормативных актов между собой. ЧПК РФ распространяет свое действие абсолютно на все чрезвычайные ситуации, независимо от их природы. Когда закон прост, понятен и кодифицирован, государствен-

ные служащие на местах четко осознают пределы своих прав и обязанностей. Мы подчеркиваем, что создание ЧПК РФ преследует цель не хаотичного ужесточения режима, а, напротив, строжайшего упорядочивания чрезвычайного законодательства. Это фундаментальный законотворческий процесс, который должен пройти все стадии чтений в Государственной Думе без спешки, с детальной проработкой каждого института, чтобы на выходе получить готовый, филигранно выверенный федеральный закон, не требующий бесконечных последующих доработок и оперативно защищающий права граждан.

Конституционная природа «чрезвычайного надзора» прокуратуры

Согласно ст. 129 Конституции Российской Федерации на прокуратуру возложены обязанности по осуществлению надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Поэтому институт «Чрезвычайного надзора» — это не принципиально новые полномочия для прокуратуры, а расширение и так обеспеченных Конституцией прав по защите государства и граждан. Длительное судебное санкционирование в условиях ЧС тормозит все службы и создаёт не нужную бюрократию, что прямо противоречит конституционным обязанностям государственных органов по защите населения.

Все расширенные полномочия прокуроров в рамках ЧПК РФ будут прописаны и полностью соответствовать Конституции Российской Федерации, поэтому коллизии и расхождения с законодательством изначально будут предотвращены за счёт высокого качества закона. В рамках конституционно-правовой дискуссии замена предварительного судебного санкционирования чрезвычайным прокурорским надзором не нарушает конституционный принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции РФ. Судебная власть по своей природе является инстанцией беспристрастной, но неизбежно процедурной, коллегиальной и сравнительно медлительной.

Возникает закономерный вопрос: каким образом суд физически сможет решать срочные, секундные оперативно-тактические вопросы в условиях жесткой чрезвычайной ситуации в режиме 24/7?

Ответ очевиден — в условиях реальной катастрофы ординарные судебные процедуры окажутся парализованы. Более того, перенос верификации и проверок на пост-экстраординарный период продиктован прямой заботой о безопасности самих судей, аппарата судов и остальных участников процесса, которые не должны становиться мишенями в зоне ЧС. Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что в ординарной, не экстраординарной правовой действительности именно судебная система выполняет незаменимую роль фильтра, отсекающего несоразмерные и произвольные вторжения в права личности. Доктрина справедливо подчеркивает: «Граница между правомерным ограничением и фактическим отрицанием, зачастую размыта и подвержена интерпретациям, поэтому так важна роль независимой судебной системы.

Ключевым критерием для определения того, является ли ограничение правомерным или фактическим отрицанием, служит принцип пропорциональности. Ограничение должно быть соразмерным преследуемой цели, то есть необходимо установить баланс между интересами общества и правами конкретного человека» [9, с. 52]. Однако именно в условиях чрезвычайной ситуации, когда сам суд физически не может функционировать в прежнем режиме, а каждая минута промедления грозит гибелью людей, принцип пропорциональности не отменяется, но временно воплощается через иной институциональный механизм — прокуратуру, действующую в режиме чрезвычайного надзора, с обязательным последующим судебным контролем.

Таким образом, прокуратура, функционирующая в рамках централизованной и жестко иерархичной вертикали, берет на себя бремя немедленного «чрезвычайного надзора» за законностью действий исполнительных органов. Все ограничения прав граждан, санкционированные прокурором, носят сугубо временный характер. Полноценный же судебный контроль наступает сразу после официальной отмены соответствующей чрезвычайной ситуации. Принципиально важно, чтобы временный характер вводимых мер не превращался в неопределенно длящийся. В этой связи мы опираемся на фундаментальное положение процессуальной науки: «Любое правоограничение в досудебном производстве является временной мерой, применение которой осуществляется в рамках установленных законом сроков, какая-либо неопределенность в данном вопросе или чрезмерная его длительность может привести к несоразмерности используемых средств и преследуемой цели» [10, с. 141]. Указанный тезис, выработанный применительно к досудебному производству, приобретает универсальное значение для всех правоограничений, вводимых в рамках Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Именно поэтому в структуре Кодекса сроки действия каждой ограничительной меры, равно как и сроки незамедлительного инициирования процедуры судебной верификации после отмены

чрезвычайного режима, должны быть прописаны императивно и не подлежать расширительному толкованию, что полностью исключает неопределенность и гарантирует соразмерность. Конкретные сроки и механизмы реализации этого перехода будут детально регламентированы в самой структуре ЧПК РФ и вынесены за рамки текущей конституционно-правовой дискуссии. Предлагаемый подход не ликвидирует правосудие, а трансформирует его во времени во имя спасения человеческих жизней.

Президентский конституционный контроль в системе ЧПК РФ

Поскольку ЧПК РФ призван регулировать наиболее критические аспекты бытия государства и общества, его функционирование не может быть отдано на откуп исключительно ведомственному регулированию. Архитектурным элементом правовых гарантий в предлагаемой нами модели выступает Президент Российской Федерации. В соответствии с духом и буквой Основного Закона, именно Президент является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, определяющим основные направления внутренней и внешней политики. В системе координат ЧПК РФ Президент РФ осуществляет итоговый, высший конституционный контроль за применением кодекса. Именно к главе государства сходится вся надзорная информация от Генерального прокурора и отчеты органов исполнительной власти. Президент выступает в роли надведомственного арбитра, контролирующего, чтобы применение ЧПК РФ осуществлялось строго в границах, очерченных законом, и исключительно в целях ликвидации угроз национальной безопасности. Это исключает риски перерастания чрезвычайных мер в произвол отдельных ведомств или должностных лиц на местах.

Заключение

Резюмируя проведенное исследование, мы приходим к ряду принципиальных выводов, имеющих фундаментальное значение для науки конституционного права. Разработанная нами авторская концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса РФ (ЧПК РФ) выступает законным, конституционно обоснованным ответом на критическую фрагментарность современного экстраординарного законодательства. Предложенная кодификация полностью устраняет правовой вакуум, ликвидирует межотраслевые коллизии и снимает с должностных лиц деструктивный страх перед принятием решений в условиях ЧС, что в конечном итоге позволяет избежать упущенного времени и спасти человеческие жизни. Аксиологический дуализм статей 2 и 56 Конституции РФ научно разрешается в пользу признания абсолютного материального приоритета права человека на жизнь и безопасность над формальными процессуально-бюрократическими регламентами ординарного периода.

Институт «чрезвычайного надзора» прокуратуры органично вытекает из ст. 129 Конституции РФ, а перенос традиционного судебного контроля на пост-экстраординарный период (после отмены режима ЧС) полностью оправдан соображениями оперативности государственного управления и защиты самих представителей судебной ветви власти. Высшим гарантом законности применения ЧПК РФ выступает Президент Российской Федерации, осуществляющий итоговый конституционный контроль за функционированием всей системы чрезвычайного реагирования. Принятие ЧПК РФ позволит перевести чрезвычайное управление в России на качественно новый, системный и безупречный с точки зрения Конституции уровень. Представленная концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса РФ и института «чрезвычайного надзора» прокуратуры является открытой научной платформой для дальнейших доктринальных дискуссий. Мы не позиционируем предложенную модель как догму и отчетливо понимаем масштабность стоящей перед правовой наукой задачи.

Настоящей публикацией мы приглашаем ведущих отечественных ученых-конституционалистов, теоретиков права, а также профильных специалистов-практиков в области национальной безопасности и представителей органов прокуратуры к открытому и всестороннему обсуждению положений ЧПК РФ. Мы полностью открыты к конструктивным предложениям, критике и совместной междисциплинарной работе, направленной на формирование итогового текста кодекса, который ляжет в основу будущей монографии и станет надежным щитом для защиты граждан и государства в любых нештатных ситуациях.

Создание Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации внесет решающий вклад в преодоление тех проблем правового статуса личности, которые сегодня обоснованно выделяются в правовой доктрине. «В настоящее время к актуальным проблемам правового статуса личности можно отнести: гарантии правового статуса личности, недопустимость произвольного ограничения прав и свобод, низкий уровень правосознания и правопонимания у граждан. Немаловажной проблемой правового статуса личности является реальность прав и свобод» [11, с. 72]. Четкая, кодифицированная и внутренне непротиворечивая система чрезвычайных норм, доступная для понимания каждым гражданином, сама по себе выступает мощнейшей гарантией против произвольного ограничения прав. Она повышает уровень правосознания, поскольку делает преде-

лы возможного и должного поведения государства и личности в экстраординарных условиях прозрачными и предсказуемыми, тем самым обеспечивая подлинную реальность конституционных прав и свобод даже в самые критические моменты существования общества и государства.

Список литературы:

[1] Купряшин В.С. Концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как инструмент систематизации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2026. № 2. С. 133-142.

[2] Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Ограничение прав и свобод человека в условиях новых глобальных вызовов (обобщение опыта пандемии) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 55-68.

[3] Сатушиева А.Х., Мурзаканова А.Ю. Конституции ограничивают ограничения прав и свобод граждан в сложившейся государственной безопасности: баланс между теорией правового государства и формой реализации // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 138—143.

[4] Подмарев А.А. Правовые позиции Конституционного Суда России по проблемам ограничения прав и свобод человека и гражданина (практика 2023 г.) // Вестник ПАГС. 2024. № 6. С. 84-94.

[5] Шурухнова Д.Н., Комовкина Л.С. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях реализации специальных административно-правовых режимов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 187-192.

[6] Кондратьева А.М. Чрезвычайный режим как особый административно-правовой режим // МНИЖ. 2024. № 4 (142). С. 1-4.

[7] Трегубов И.С. Проблемы ограничения конституционных прав личности при применении мер административно-процессуального принуждения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 59-67.

[8] Колоколова М.В. К некоторым вопросам о пределах конституционных прав человека в контексте противодействия экстремистской деятельности // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 146.

[9] Ващенко Б. М. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 4. С. 51-56.

[10] Ткачёва Е.С. Критерии выбора процессуального порядка ограничения конституционных прав личности в досудебном производстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 137-143.

[11] Юн Л.В., Никонов В.Л., Грачева К.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: проблемы и пути их решения // Юридический вестник ДГУ, ДГУ. 2024. 2024. Т. 49. № 1 (69). С. 71-77.

References:

[1] Kupryashin V.S. The Concept of an Emergency Procedural Code of the Russian Federation as a Tool for Systematizing Legislation in the Sphere of Ensuring National Security // Education and Law. 2026. No. 2. pp. 133–142.

[2] Kolotkina O.A., Yagofarova I.D. Restriction of Human Rights and Freedoms in the Face of New Global Challenges (Generalizing the Experience of the Pandemic) // Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series. 2024. Vol. 166, Book 3. pp. 55–68.

[3] Satushieva A.Kh., Murzakanova A.Yu. Constitutions Limit the Restriction of Citizens' Rights and Freedoms in the Context of State Security: A Balance Between the Theory of the Rule-of-Law State and the Form of Implementation // Public Service and Personnel. 2026. No. 1. pp. 138–143.

[4] Podmarev A.A. Legal Positions of the Constitutional Court of Russia Regarding the Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms (2023 Practice) // Bulletin of the Povolzhye Institute of Management (PAGS). 2024. No. 6. pp. 84–94.

[5] Shurukhnova D.N., Komovkina L.S. Ensuring Human and Civil Rights and Freedoms During the Implementation of Special Administrative-Legal Regimes // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 5. pp. 187–192.

[6] Kondratyeva A.M. The Emergency Regime as a Specific Administrative-Legal Regime // International Research Journal (MNIZh). 2024. No. 4 (142). pp. 1–4.

[7] Tregubov I.S. Issues Regarding the Restriction of an Individual's Constitutional Rights During the Application of Administrative-Procedural Coercive Measures // Bulletin of the VIPK of the Russian Interior Ministry. 2026. No. 1 (77). pp. 59–67.

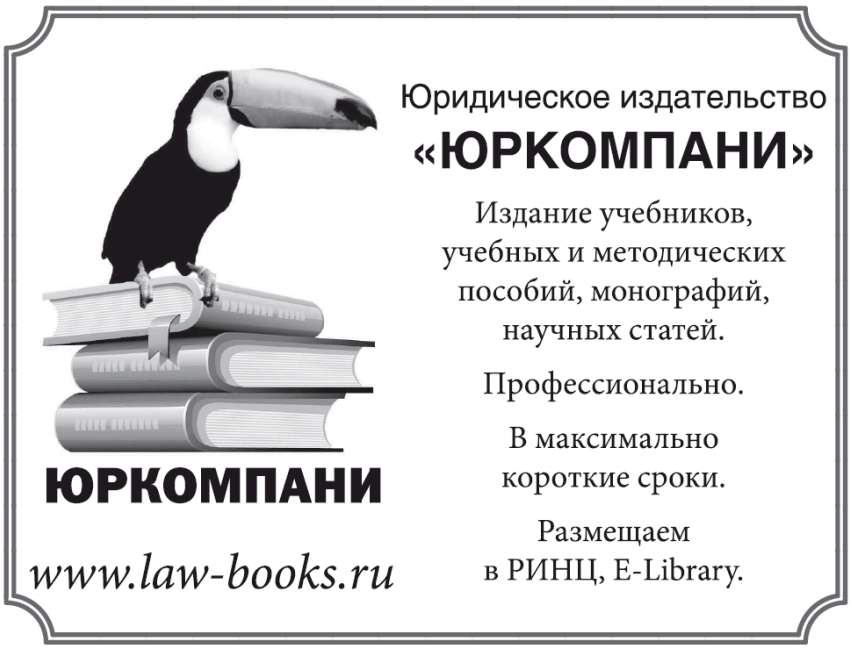
[8] Kolokolova M.V. On Certain Issues Concerning the Limits of Constitutional Human Rights in the Context of Countering Extremist Activity // Eurasian Advocacy. 2025. No. 5 (76). p. 146.

[9] Vashchenko B.M. Constitutional and Legal Foundations for Restricting the Rights and Freedoms of Humans and Citizens in the Russian Federation // Forensic Expertise and Research. 2025. No. 4. pp. 51–56.

[10] Tkacheva E.S. Criteria for Selecting the Procedural Order for Restricting an Individual's Constitutional Rights During Pre-trial Proceedings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Russian Interior Ministry. 2024. No. 2 (55). pp. 137–143.

[11] Yun L.V., Nikonov V.L., Gracheva

K.A. Restriction of the Rights and Freedoms of Humans and Citizens: Problems and Potential Solutions // Legal Bulletin of DSU (Dagestan State University). 2024. Vol. 49. No. 1 (69). pp. 71–77.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-88-95

МАШКИН Николай Афанасьевич,
профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ имени Г. В. Плеханова,
доктор исторических наук, профессор,
e-mail: Mashkin.N.A@mail.ru

ИЛЬИН Александр Юрьевич,
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ имени Г. В. Плеханова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры юриспруденции
Херсонского государственного педагогического
университета,
e-mail: Aleksandr_kun@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В современных условиях социальная защита сталкивается с новыми вызовами, такими как рост социальной напряженности, неравномерность распределения ресурсов, усложнение демографической структуры населения, что требует постоянного совершенствования правового регулирования в этой сфере. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования социального обслуживания, принципы и функции социального обеспечения, а также возможные пути совершения законодательства.*

Ключевые слова: *органы государственной власти, социальная политика, социальная защита, социальная помощь, пенсионеры, инвалиды.*

Для цитирования: *Машкин Н. А., Ильин А. Ю. Правовые аспекты социального обслуживания населения в Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 88–95.*

MASHKIN Nikolai Afanasyevich,
Professor in the Department of State-Legal
and Criminal-Legal Disciplines at
Plekhanov Russian University of Economics,
Doctor of Historical Sciences, Professor

ILYIN Alexander Yuryevich,
Associate Professor in the Department of State-Legal and
Criminal-Legal Disciplines at
Plekhanov Russian University of Economics,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Jurisprudence
at Kherson State Pedagogical University

LEGAL ASPECTS OF SOCIAL SERVICES FOR THE POPULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In the current environment, social protection faces new challenges—such as rising social tension, unequal resource distribution, and an increasingly complex demographic structure—which necessitate the continuous improvement of legal regulation in this sphere. The article examines the legal regulation of social services, the principles and functions of social security, and potential avenues for legislative reform.*

Key words: *state authorities, social policy, social protection, social assistance, pensioners, persons with disabilities.*

For citation: *Mashkin N. A., Ilyin A. Yu. Legal aspects of social services for the population in the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):88–95. (In Russ.).*

Право на социальную защиту и социальное обеспечение является одним из фундаментальных прав каждого человека и гражданина. Поскольку любое государство заинтересовано в поступательном экономическом развитии, которое невозможно без повышения уровня жизни и доходов населения и снижения уровня бедности, органами государственной власти большое внимание должно уделяться именно мерам по социальной защите своего населения. В этой связи устойчивое государственное развитие во многом зависит от грамотной и взвешенной социальной политики, реализуемой в государстве.

В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации, государство закрепляет за собой статус социального, что предполагает проведение политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни и свободное развитие каждого человека [1]. Социальный характер российского государства проявляется в его обязанностях по защите прав граждан в сферах труда, здравоохранения, социальной поддержки и обеспечении справедливого распределения общественных благ.

Законодательные нормы, закрепленные в Конституции Российской Федерации, формируют основу государственной политики в социальной сфере. В частности, государство гарантирует охрану труда и здоровья населения, установление минимального размера оплаты труда, а также предоставляет меры поддержки семьям, включая защиту материнства, отцовства и детства. Важнейшей задачей социальной политики является также обеспечение прав и интересов инвалидов и пожилых граждан, что реализуется через развитие системы социальных служб, а также установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [2].

Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ, в редакции от 26.07.2026 г. «О государственной социальной помощи» [3] является базовым нормативным актом, определяющим общие подходы к предоставлению государственной социальной поддержки гражданам. Он устанавливает основные принципы предоставления мер поддержки гражданам, закрепляет их права на социальное обеспечение и формирует правовую основу для функционирования системы социальной защиты на федеральном и региональном уровнях. Закон систематизирует компетенции различных органов власти, включая федеральные органы, органы субъектов Российской Федерации и муниципальные структуры, обеспечивая четкое разграничение полномочий и ответственность за предоставление социальной помощи, включая как денежные выплаты, так и предоставление набора социальных услуг.

Особое внимание в законе уделено организации предоставления государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг, включая социальное обслуживание, информирование граждан о мерах поддержки, регистрацию получателей и взаимодействие с органами исполнительной власти на различных уровнях. Закон закрепляет порядок назначения и прекращения оказания помощи, определяет основания для отказа в предоставлении социальных услуг, а также регулирует вопросы оплаты и финансирования предоставляемых услуг за счет федерального и регионального бюджета. Такая комплексная регламентация создает правовую основу для адресного и эффективного оказания социальной помощи, способствует повышению прозрачности и подотчетности системы, а также обеспечивает защиту прав граждан в различных кризисных и социально уязвимых ситуациях [4]. В 2026 году в Федеральный закон № 178-ФЗ внесены изменения — их закрепили Федеральным законом от 26.07.2026 № 275-ФЗ, вступишим в силу 26 июля 2026 года. Основное новшество касается **порядка подачи заявления на набор социальных услуг** для отдельных категорий граждан. В статью 6.7 Закона № 178-ФЗ добавлена **часть 2.1**. Она закрепила право на **однократную подачу** заявления в территориальный орган СФР (который осуществляет ежемесячную денежную выплату) с 1-го числа месяца, следующего за месяцем подачи. Например, это касается инвалидов.

Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ, в редакции от 26.12.2024 года «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [5] представляет собой комплексный нормативно-правовой акт, формирующий правовую основу для организации и предоставления социальных услуг в стране. Закон определяет предмет регулирования социального обслуживания, устанавливает правовые, организационные и процедурные основы деятельности органов государственной власти, поставщиков социальных услуг и получателей помощи. В числе ключевых положений закона – закрепление принципов социального обслуживания, включая гуманизм, доступность, адресность и комплексность оказываемой поддержки, а также обеспечение конфиденциальности информации о получателях услуг. Эти положения создают фундамент для системного подхо-

да к оказанию социальной помощи гражданам, находящимся в кризисных или уязвимых ситуациях, и направлены на повышение эффективности работы социальной сферы.

Особое внимание закон уделяет правам и обязанностям участников системы социального обслуживания. Для получателей социальных услуг предусмотрены гарантии своевременного и полного получения помощи, право на выбор поставщика услуг, а также участие в формировании индивидуальной программы обслуживания. Закон регламентирует обязанности поставщиков социальных услуг, включая обеспечение качества, прозрачности и информационной открытости деятельности, а также соблюдение стандартов предоставления помощи. Кроме того, закон устанавливает порядок организации социального обслуживания, включая формирование и ведение реестров поставщиков и получателей услуг, использование информационных систем и проведение независимой оценки качества предоставляемой поддержки, что способствует повышению эффективности и подотчетности всей системы.

Данный закон также определяет формы и виды социального обслуживания, включая срочные социальные услуги. Он регулирует вопросы финансирования, устанавливая порядок предоставления социальных услуг бесплатно или на возмездной основе, а также закрепляет механизмы государственного и общественного контроля за деятельностью поставщиков услуг. Комплексное регулирование межведомственного взаимодействия позволяет координировать работу органов власти, социальных учреждений, медицинских, образовательных и общественных организаций для оперативного реагирования на потребности граждан. Таким образом, Закон № 442-ФЗ формирует системную, прозрачную и адресную модель социального обслуживания, обеспечивая законность, защиту прав граждан и повышение социальной устойчивости общества.

Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ, в редакции от 1.09. 2026 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», [6] направлен на обеспечение комплексной социальной поддержки лиц с ограниченными возможностями. Закон закрепляет меры социальной поддержки, льготы и компенсации, а также регламентирует порядок предоставления государственной социальной помощи этой категории граждан, обеспечивая их равный доступ к социальным благам и услугам.

Помимо финансовой поддержки, закон предусматривает комплекс мер социальной интеграции инвалидов, включая доступ к образовательным, реабилитационным и трудовым программам. Это создает правовую основу для социальной адаптации инвалидов и обеспечивает соблюдение их прав в различных сферах общественной жизни, способствуя повышению качества их жизни и интеграции в социум. 1.09.2026 года, внесены поправки в Закон № 442-ФЗ, на основании Федерального закона от 29.12.2025 № 552-ФЗ. Их цель — дальше развивать доступную среду для людей с инвалидностью. В связи с чем:

Расширены требования по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры (школы, больницы, магазины, культурные учреждения).

Повышена доступность инженерной и транспортной инфраструктуры (пандусы, специальные подъёмники, адаптированный транспорт).

Введены дополнительные меры по созданию условий доступности в сфере туризма и туристской индустрии.

Приказ Минтруда России от 9 января 2023 г. № 1н «Об утверждении Примерного порядка предоставления срочных социальных услуг» [7] устанавливает единые методические и организационные подходы к оказанию срочной социальной помощи гражданам, находящимся в экстренных жизненных ситуациях. Документ определяет стандарты предоставления услуг, регламентирует порядок взаимодействия учреждений социального обслуживания с органами власти и другими субъектами социальной защиты, а также формирует правовую основу для оперативного реагирования на потребности граждан. Применение данного приказа позволяет систематизировать практику предоставления срочных социальных услуг, обеспечить согласованность действий различных органов и повысить эффективность социальной поддержки наиболее уязвимых категорий населения.

Социальная политика Российской Федерации неразрывно связана с динамикой общественных отношений, изменениями в социальной структуре и уровнем благосостояния граждан. Она представляет собой комплекс мер, направленных не только на поддержку уязвимых слоев населения, но и на создание условий для самореализации личности, повышения качества жизни и укрепления социальной справедливости. В этом контексте государство выступает не только гарантом социальной защиты, но и активным участником процессов социального развития, способствуя формированию общества, ориентированного на принципы солидарности, равенства и гуманизма [8].

21 июля 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ о национальных целях развития страны на период до 2030 года [9]. В соответствии с данным документом Прави-

тельству Российской Федерации было поручено до 30 октября 2020 года разработать комплексный план мероприятий, направленный на достижение поставленных целей, а также внести соответствующие корректировки в национальные проекты. Особое внимание уделено обеспечению приоритетного финансирования мероприятий, реализуемых в рамках данной стратегии.

Национальные цели развития представляют собой систему целевых ориентиров, направленных на комплексное социально-экономическое развитие государства, повышение качества жизни граждан и укрепление конкурентных позиций России на международной арене. Основные направления включают:

Сохранение населения и повышение его благополучия – снижение уровня бедности, повышение ожидаемой продолжительности жизни, улучшение демографических показателей.

Возможности для самореализации и развития талантов – модернизация системы образования, повышение доступности и качества образовательных услуг, развитие системы профессиональной подготовки.

Комфортная и безопасная среда для жизни – развитие жилищной инфраструктуры, повышение уровня благоустройства, экологическая безопасность и рациональное использование природных ресурсов.

Достойный и эффективный труд, успешное предпринимательство – создание условий для развития малого и среднего бизнеса, повышение производительности труда, формирование конкурентоспособной экономики.

Цифровая трансформация – внедрение цифровых технологий в государственное управление, экономику, образование и социальную сферу, формирование единого цифрового пространства.

Реализация данных целей требует системного подхода, включая нормативно-правовое регулирование, финансовую поддержку и контроль за эффективностью исполнения мероприятий. Национальные проекты, корректируемые в соответствии с новой стратегией, представляют собой механизм, обеспечивающий достижение поставленных ориентиров в установленные сроки.

По определению Р. Баркера, социальное обслуживание представляет собой «предоставление конкретных социальных услуг людям для удовлетворения потребностей, необходимых для их нормального развития, людям, зависящим от других, то есть тем, кто не может самостоятельно заботиться о себе» [10]. Е. Мачульская уточняет это определение, подчеркивая, что социальное обслуживание включает комплекс мероприятий социальной поддержки, оказания социальных, медицинских, психолого-педагогических и социально-правовых услуг, финансовую помощь, а также меры социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации [11].

Важным аспектом правового регулирования социального обслуживания является закрепление понятия социальных услуг, которые составляют его содержимое. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определяет социальные услуги как «действия или мероприятия в сфере социальных услуг по оказанию постоянной, периодической, единовременной помощи, включая неотложную помощь, гражданину в целях улучшения условий его жизни и/или повышения его способности самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности» [12]. При этом закон не дает самостоятельного определения социального обслуживания как понятия, что подчеркивает его нормативно-практическую функцию как системы предоставления социальных услуг. Иными словами, юридически социальные услуги являются конкретной формой реализации социального обслуживания, а социальное обслуживание выступает более широким понятием, охватывающим организацию, координацию и методическое обеспечение деятельности по оказанию этих услуг.

Функции социального обслуживания представляют собой комплекс взаимосвязанных направлений, обеспечивающих поддержку граждан в разнообразных жизненных ситуациях и способствующих реализации социальной политики государства. Эти функции можно рассматривать как систему мер, направленных на социальную защиту, экономическое и политическое выравнивание, а также интеграцию различных категорий населения в социально-экономическое пространство

Так, политическая функция социального обслуживания заключается в формировании условий, обеспечивающих достойный уровень жизни для всех граждан, вне зависимости от их материального положения, социального статуса или профессиональной деятельности. Она направлена на снижение социального неравенства и выравнивание уровня жизни различных слоев населения, что является ключевым элементом стабилизации общественных отношений и предотвращения социальных конфликтов. В рамках данной функции государство реализует меры по обеспечению социальной справедливости, включая доступ к базовым социальным благам, образовательным и медицинским услугам, а также поддержку уязвимых категорий граждан. Кроме того, политическая функция способствует укреплению легитимности

государственных институтов и повышению доверия населения к органам власти через создание эффективной системы социального обеспечения [13].

Экономическая функция социального обслуживания выражается в предоставлении материальной и имущественной поддержки гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. К таким ситуациям относятся утрата трудоспособности вследствие болезни или инвалидности, потеря кормильца, временная или постоянная неспособность к трудовой деятельности, а также другие обстоятельства, приводящие к снижению дохода. Экономическая функция включает не только прямые выплаты и пособия, но и частичное возмещение дополнительных расходов, связанных с социальной адаптацией и реабилитацией граждан. Важно отметить, что экономическая функция социального обслуживания имеет двоякий характер: с одной стороны, она направлена на поддержку отдельного индивида или семьи, с другой — на стимулирование устойчивого развития отдельных отраслей экономики и формирование условий для вовлечения населения в активные экономические процессы. Через систему материальной помощи государство может поддерживать потребительский спрос, снижать уровень бедности и способствовать социальной мобильности, что в совокупности укрепляет экономическую стабильность общества в целом [14].

Демографическая функция социального обслуживания направлена на поддержание и укрепление демографического потенциала государства через обеспечение условий для рождения, воспитания и оздоровления нового поколения. Она включает меры, способствующие росту численности населения, улучшению здоровья граждан и увеличению продолжительности жизни. Реализация демографической функции выражается в предоставлении государственных и муниципальных программ поддержки семей с детьми, создании условий для раннего развития и полноценного воспитания ребенка, обеспечении доступности медицинской помощи, профилактических и оздоровительных мероприятий. Особое значение демографическая функция приобретает в контексте демографической политики, направленной на снижение смертности, увеличение продолжительности активной трудоспособной жизни и формирование здорового поколения, способного к эффективной социальной и экономической активности [15].

Социально-реабилитационная функция предполагает комплекс мер, направленных на удовлетворение специфических потребностей нетрудоспособных, инвалидов и пожилых граждан. Основной целью этой функции является сохранение, восстановление и поддержание психических, физических и социальных возможностей человека. Социально-реабилитационная функция реализуется через организацию специализированной медицинской и социальной помощи, профессиональную реабилитацию, психологическую поддержку и социальную адаптацию. Она обеспечивает возможность для интеграции уязвимых категорий населения в общественную жизнь, поддерживает их независимость и снижает риск социальной изоляции. Важной частью этой функции является междисциплинарный подход, когда социальная работа, медицина и педагогика объединяются для комплексного сопровождения граждан, находящихся в состоянии социальной или физической уязвимости.

Защитная функция социального обслуживания заключается в предоставлении гражданам системной поддержки при возникновении сложных жизненных ситуаций, связанных с возрастными, материальными, психологическими или физическими трудностями. Она обеспечивает социальную безопасность и снижает уязвимость населения, предотвращает обострение социальных проблем и способствует восстановлению утраченных возможностей. Защитная функция реализуется через меры экстренной социальной помощи, социальное страхование, психологическое сопровождение, юридическую поддержку и предоставление льгот, направленных на минимизацию последствий кризисных ситуаций. С точки зрения научного анализа, защитная функция является ключевым элементом системы социальной политики государства, обеспечивая баланс между индивидуальными потребностями граждан и устойчивостью социально-экономической системы в целом [16].

Адаптивная функция социального обслуживания ориентирована на содействие активной адаптации граждан к постоянно изменяющимся условиям социальной среды. Она направлена на обеспечение возможности для успешного включения личности в общественные, экономические и культурные процессы посредством предоставления социальных услуг, обучения, консультирования и поддержки. Адаптивная функция обеспечивает гибкость индивида в условиях трансформации социальной среды, позволяя эффективно реагировать на изменения в трудовой, образовательной, семейной и иных сферах жизни. Адаптивная функция социального обслуживания является инструментом социальной интеграции, снижения уровня дезадаптации и предотвращения маргинализации отдельных групп населения, что имеет критическое значение для поддержания устойчивости общества в целом.

Диагностическая функция выполняет роль

системного инструмента выявления актуальных социальных проблем и потребностей граждан. Она направлена на сбор, анализ и оценку информации о социальном состоянии отдельных категорий населения, семейных и индивидуальных обстоятельствах, а также выявление факторов, препятствующих полноценной социальной адаптации и реализации жизненного потенциала. Диагностическая функция обеспечивает обоснованное принятие решений органами социального обслуживания, разработку эффективных программ поддержки и профилактики социального риска. В научной литературе подчеркивается, что точная диагностика является основой для планирования социально-реабилитационной работы, оценки ее эффективности и оптимизации ресурсов социального обеспечения [17].

Коррекционная функция социального обслуживания направлена на исправление социально-психологических норм поведения, личностных характеристик и навыков, которые не соответствуют общепринятым стандартам социальной жизни. Она реализуется через социально-педагогическое сопровождение, психологическое консультирование, тренинги, групповые и индивидуальные программы коррекции, а также через интеграцию образовательных и воспитательных мер. Основная цель коррекционной функции — способствовать социализации индивида, формированию у него конструктивных поведенческих моделей и адаптивных стратегий взаимодействия с обществом. С научной точки зрения, коррекционная функция является ключевым элементом комплексного подхода социального обслуживания, обеспечивая не только поддержку, но и изменение условий и навыков, необходимых для полноценного функционирования личности в социуме [18].

Превентивная функция социального обслуживания направлена на предупреждение возникновения социальных проблем и поддержание стабильного уровня жизни граждан. Она ориентирована на минимизацию рисков социальной дезадаптации, снижение вероятности конфликтных ситуаций и предотвращение негативных последствий для отдельных категорий населения, особенно тех, кто относится к группам повышенного риска, включая несовершеннолетних, пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями, а также социально уязвимые семьи. Превентивная функция реализуется через профилактические программы, социальное консультирование, образовательные и информационные мероприятия, а также через мониторинг социального поведения и условий жизни граждан. С точки зрения научного подхода, эффективность превентивной функции определяется способностью системы социального обслуживания не только реагировать на возникающие проблемы, но и прогнозировать их развитие, создавая условия для устойчивой социальной интеграции и предотвращения социального напряжения.

Сопровождающая функция обеспечивает системную обратную связь между гражданином и специалистом социальной службы, что позволяет корректировать методы и формы предоставляемой помощи для достижения оптимальных результатов. Она заключается в постоянном взаимодействии, консультировании, мониторинге и поддержке граждан на протяжении всего периода оказания социальных услуг. Сопровождающая функция создает условия для адаптации и эффективного вовлечения гражданина в социальные, образовательные и профессиональные процессы, способствуя максимальной реализации его потенциала. На научном уровне эта функция рассматривается как механизм повышения результативности социального обслуживания, так как обеспечивает динамическое и индивидуализированное реагирование на потребности и изменения в жизненной ситуации гражданина.

Патронажная функция социального обслуживания предполагает непрерывное наблюдение за гражданином с целью своевременного выявления признаков социальной дезадаптации, ухудшения состояния здоровья или нарушений психосоциальной адаптации. Она направлена на раннее выявление проблем и оперативное вмешательство, позволяющее предотвратить усугубление кризисных ситуаций и ускорить процесс социальной реабилитации. Патронажная функция реализуется через регулярные визиты специалистов, мониторинг состояния семьи или индивида, оценку социальных и бытовых условий, а также через координацию с другими социальными и медицинскими институтами [19].

Опекунская функция социального обслуживания направлена на защиту прав и интересов наиболее уязвимых категорий граждан, включая недееспособных взрослых и детей. Она реализуется через устройство таких лиц в опекунские семьи, приемные семьи или специализированные учреждения, обеспечивая их безопасность, надлежащий уход, воспитание и социальную интеграцию. Основная цель опекунской функции заключается в создании условий, при которых недееспособные граждане и дети получают комплексную поддержку, позволяющую компенсировать ограничения самостоятельной жизнедеятельности и формировать устойчивые механизмы социальной адаптации.

Духовно-идеологическая функция социального обслуживания представляет собой комплекс

мер по моральной, культурной и социально-психологической поддержке граждан, направленных на формирование ценностных ориентиров и укрепление социальной сплоченности. Эта функция проявляется как инструмент реализации государственной политики по формированию благоприятной моральной и культурной среды, включая образовательные, просветительские и воспитательные программы, мероприятия по популяризации здорового образа жизни, духовного и культурного развития. Духовно-идеологическая функция способствует укреплению моральных норм, социального доверия и гражданской ответственности, что в свою очередь повышает эффективность всей системы социального обслуживания. В научной литературе она рассматривается как важный компонент комплексной социальной поддержки, обеспечивающий не только удовлетворение материальных и физиологических потребностей граждан, но и формирование устойчивых нравственных и ценностных ориентаций, способствующих гармонизации общественных отношений [20].

Таким образом, социальное обслуживание следует рассматривать как комплексную систему мер и действий, направленных на удовлетворение жизненно важных потребностей граждан, включающую предоставление социальных услуг, организационное и правовое обеспечение их реализации, а также механизм контроля за качеством и эффективностью предоставления помощи. Такой подход позволяет объединить теоретические и практические аспекты исследования, формируя целостное понимание социального обслуживания как социального института и предмета правового регулирования, что имеет особое значение для анализа действующей системы социальных гарантий и разработки предложений по ее совершенствованию в современных условиях.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.

[2] Хабибуллина Р.М. Понятие, формы и виды социального обслуживания граждан / Р.М. Хабибулина // Экономика и социум. - 2021. - № 5-2 (84). - С.477-493.

[3] О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. - № 3. - Ст. 8956.

[4] Смирнова Е.М. Развитие социальной помощи в России // Специфика педагогического образования в регионах России. - 2019. - № 2. - С.45-46.

[5] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. - № 8. - Ст. 9658.

[6] О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. - № 6. - Ст. 4256.

[7] Об утверждении Примерного порядка предоставления срочных социальных услуг: Приказ Минтруда России от 9 января 2023 г. № 1н // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443875/ (дата обращения: 16.09.2026).

[8] Чернышева Е.В., Бычкова Л.В. Социальная защита населения как важнейший элемент социальной политики государства / Е.В. Чернышева, Л.В. Бычкова // Политика, экономика и инновации. - 2023. - № 1 (48). - С.10-15.

[9] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. - № 3. - Ст. 4884.

[10] Баркер Р. Словарь социальной работы / Р. Баркер.- М.: Логос, 2017. - С.113.

[11] Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения / Е.Е. Мачульская.-М.: Международный центр финансово-экономического развития, 2017. - С. 171.

[12] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. - № 8. - Ст. 5689.

[13] Малофеев И.В. Социальные услуги в системе социального обслуживания населения: монография / И.В. Малофеев - М.: Дашков и К, 2020. - 172 с.

[14] Павловская О.Ю. Социальное обслуживание по новым правилам: проблемные аспекты теории и практики / О.Ю. Павловская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2019. - № 2. - С. 242-248.

[15] Аверин А.Н., Понеделков А.В., Рябчевский А.Н. Социальные услуги в системе социального обслуживания / А.Н. Аверин, А.В. Понеделков А.В., А.Н. Рябчевский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2025. - № 1. - С.159-165.

[16] Нацун Л.Н. Установки и практики активного долголетия среди лиц с инвалидностью и без неё / Л.Н. Нацун // Siberian Socium. - 2022. - Т. 6, № 4 (22). - С. 77-94.

[17] Комкова Г.Н., Торосян Р.А., Сычев В.Б. Право социального обеспечения. Практикум. / Г.Н. Комкова, Р.А. Торосян, В.Б. Сычев. – М: Юрайт, 2024. – 212 с.

[18] Комкова Г.Н. Право социального обеспечения. Практикум: учебное пособие для академического бакалавриата / Г.Н. Комкова, Р.А. Торосян, В.Б. Сычев. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 188 с.

[19] Дизер О.А., Абдулманова И.В. Организационно-правовые аспекты противодействия бродяжничеству и попрошайничеству в Российской Федерации / О.А. Дизер, И.В. Абдулманова // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2023. - № 3 (53). - С.46-52.

[20] Право социального обеспечения: учебник для академического бакалавриата / В. Ш. Шайхатдинов [и др.]; под редакцией В. Ш. Шайхатдинова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 717 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta, December 25, 1993, No. 237.

[2] Khabibullina R.M. Concept, Forms, and Types of Social Services for Citizens / R.M. Khabibullina // Ekonomika i Sotsium (Economy and Society). – 2021. – No. 5-2 (84). – pp. 477–493.

[3] On State Social Assistance: Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 3. – Art. 8956.

[4] Smirnova E.M. Development of Social Assistance in Russia // Specifics of Pedagogical Education in the Regions of Russia. – 2019. – No. 2. – pp. 45–46.

[5] On the Foundations of Social Services for Citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 442-FZ of December 28, 2013 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 8. – Art. 9658.

[6] On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 6. – Art. 4256.

[7] On Approval of the Model Procedure for the Provision of Urgent Social Services: Order of the Ministry of Labor of Russia No. 1n of January 9, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443875/ (accessed: 16.09.2026).

[8] Chernysheva E.V., Bychkova L.V. Social Protection of the Population as a Crucial Element of State Social Policy / E.V. Chernysheva, L.V. Bychkova // Politics, Economics and Innovation. – 2023. – No. 1 (48). – pp. 10–15.

[9] On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020, No. 474 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 3. – Art. 4884.

[10] Barker R. The Social Work Dictionary / R. Barker. – Moscow: Logos, 2017. – p. 113.

[11] Machulskaya E.E. Social Security Law / E.E. Machulskaya. – Moscow: International Center for Financial and Economic Development, 2017. – p. 171.

[12] On the Foundations of Social Services for Citizens in the Russian Federation: Federal Law dated December 28, 2013, No. 442-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 8. – Art. 5689.

[13] Malofeev I.V. Social Services within the Social Service Delivery System: A Monograph / I.V. Malofeev. – Moscow: Dashkov i K, 2020. – 172 p.

[14] Pavlovskaya O.Yu. Social Services Under New Regulations: Problematic Aspects of Theory and Practice / O. Yu. Pavlovskaya // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. - 2019. - No. 2. - pp. 242-248.

[15] Averin A. N., Ponedelkov A. V., Ryabchevsky A. N. Social Services within the Social Service System / A. N. Averin, A. V. Ponedelkov, A. N. Ryabchevsky // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. - 2025. - No. 1. - pp. 159-165.

[16] Natsun L. N. Attitudes and Practices Regarding Active Longevity Among Persons With and Without Disabilities / L. N. Natsun // Siberian Socium. - 2022. - Vol. 6, No. 4 (22). - pp. 77-94.

[17] Komkova G. N., Torosyan R. A., Sychev V. B. Social Security Law: A Practical Course / G. N. Komkova, R. A. Torosyan, V. B. Sychev. – Moscow: Yurait, 2024. – 212 p.

[18] Komkova G. N. Social Security Law: A Practical Course — A Textbook for Academic Bachelor's Programs / G. N. Komkova, R. A. Torosyan, V. B. Sychev. – Moscow: Yurait Publishing House, 2019. – 188 p.

[19] Dizer O. A., Abdulmanova I. V. Organizational and Legal Aspects of Counteracting Vagrancy and Begging in the Russian Federation / O.A. Dizer, I.V. Abdulmanova // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (53). – pp. 46–52.

[20] Social Security Law: A Textbook for Academic Bachelor's Degree Programs / V. Sh. Shaikhatdinov [et al.]; edited by V. Sh. Shaikhatdinov. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. – 717 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-96-101

ПОТАПОВА Юлия Эдиковна,
аспирант кафедры конституционного и административного права частного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский юридический университет», e-mail: 1148191@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу системных проблем, возникающих при реализации конституционного права граждан на обращение в условиях развития цифровых технологий. На основе статистических данных, анализа законодательства и судебной практики определены основные нормативные пробелы: отсутствие на федеральном уровне понятий «публично значимые функции», «коллективное обращение», «сообщение»; неопределенность порядка исчисления сроков (календарные или рабочие дни, влияние нерабочих и праздничных дней, начало течения срока); предоставление формальных ответов. Отдельно рассмотрены вопросы, возникающие после внесения поправок, обязывающих авторизацию через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА). Делается вывод о необходимости системного реформирования института обращений.*

Ключевые слова: *обращения граждан, Федеральный закон об обращениях, Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), сроки рассмотрения обращений, формальный ответ, отписка, цифровое неравенство, публично значимые функции, коллективные обращения.*

Для цитирования: *Потапова Ю. Э. Актуальные вопросы реализации права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной администрации // Образование и право. 2026. № 10. С. 96–101.*

POTAPOVA Yulia Edikovna,
Postgraduate student at the Department of Constitutional and Administrative Law, Private Educational Institution of Higher Education «Siberian Law University»

CURRENT ISSUES OF REALIZATION OF THE RIGHT OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO APPEAL TO THE AUTHORITIES PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of systemic problems that arise when exercising citizens' constitutional right to petition in the context of the development of digital technologies. Based on statistical data, an analysis of legislation and judicial practice, the main regulatory gaps have been identified: the absence at the federal level of the concepts of «publicly significant functions», «collective petition», and «communication»; the uncertainty regarding the procedure for calculating deadlines (calendar or working days, the impact of non-working and public holidays, the starting point of the deadline); and the provision of formal responses. Issues arising after the introduction of amendments requiring authorization through the Unified Identification and Authentication System (UIAS) are examined separately. The conclusion is drawn that systemic reform of the appeals system is necessary.*

Key words: *citizens' appeals, the Federal Law on Appeals, the Unified Identification and Authentication System (EISIA), the timeframe for considering appeals, a formal response, a perfunctory reply, digital inequality, publicly significant functions, collective appeals.*

For citation: *Potapova Yu. E. Current issues of realization of the right of citizens of the Russian Federation to appeal to the authorities public administration. Education and law. 2026;(10):96–101. (In Russ.).*

Доверие общества к государству формируется посредством эффективного механизма обратной связи между ними. Статья 33 Конституции Российской Федерации закрепляет право граждан обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления. Ежегодно в органы публичной администрации поступают миллионы обращений. Статистика обращений в Администрацию Президента Российской Федерации свидетельствует о высокой активности граждан в 2025 году: 674 910 обращений, 108 067 запросов информации и 210 253 сообщения. Наибольшее количество обращений (71,378%) поступило в форме электронного документа.

На протяжении более двадцати лет основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок реализации права граждан Российской Федерации на обращение, является Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее — Закон № 59-ФЗ). Закон определил, что обращение должно быть рассмотрено своевременно, объективно и всесторонне с направлением мотивированного ответа по существу поставленных вопросов, но, несмотря на многолетнюю практику его применения, возникает еще много вопросов при его реализации.

Во-первых, Закон № 59-ФЗ содержит ряд нормативных пробелов. В частности – неопределенность понятия «публично значимые функции». Согласно статье 1 Закона № 59-ФЗ, его действие распространяется на обращения, направленные в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также в организации, осуществляющие публично значимые функции. До настоящего времени ни сам Закон № 59-ФЗ, ни иные нормативные акты федерального уровня не раскрывают данного определения. В законодательстве СНГ также отсутствует его четкое толкование, несмотря на то, что на эту проблему указывали многие исследователи. Такая неопределенность способствует росту судебных разбирательств, где предметом является вопрос распространения действия Закона № 59-ФЗ на конкретные организации, которые не являются государственными органами или органами местного самоуправления.

Некоторые субъекты пытаются самостоятельно восполнить данный пробел в законодательстве. Например, в Республике Башкортостан законодательно закреплен перечень организаций, выполняющих публично значимые функции – это государственные учреждения, муниципальные учреждения, государственные унитарные предприятия, муниципальные унитарные предприятия, а также иные организации, которым функции делегированы соответствующими правовыми актами.

Однако отсутствие на федеральном уровне определения понятий «публично значимые функции» либо «организация, осуществляющая публично значимые функции» создает неопределенность в сфере действия права на обращение. Таким образом, Законом № 59-ФЗ необходимо определить, какие организации могут выполнять публично значимые функции в целях устранения правовой неопределенности.

Следующее понятие, которое отсутствует в Законе № 59-ФЗ и вызывает многочисленные споры – «коллективные обращения». Законодательно не установлены требования к его составу, формату и порядку ответа (кому в таких случаях направлять ответ – всем или кому-то одному?). Субъекты решают данную проблему разными подходами, которые не совпадают. Например, в Алтайском крае коллективным считается обращение двух и более граждан, в Московской области – обращение по общему вопросу, в Башкортостане – обращение группы граждан или объединений, в Татарстане – обращение двух и более граждан, объединений, в том числе юридических лиц, а также обращение, принятое путем голосования или сбора подписей участников митинга или собрания. Для единообразия применения данное определение необходимо закрепить на федеральном уровне.

Внесение изменений в законодательство породило некоторую несогласованность в понятийном аппарате, в частности при разграничении понятий «обращение» и «сообщение». Закон № 59-ФЗ не содержит определения понятия «сообщение» как самостоятельной категории. Однако из определения заявления следует, что заявлением является в том числе «сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц…». Следовательно, сообщение – это не самостоятельная категория, а элемент конкретного вида обращения.

В настоящее время активно используется Платформа обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» (далее – ПОС), работа которой регламентирована постановлением Правительства Российской Федерации. Все поступающие на ПОС сигналы от граждан именуются «сообщениями», независимо от их содержания, однако сроки рассмотрения таких сообщений различны. Часть сообщений рассматривается в 10-дневный срок, часть — в 30-дневный срок, а некоторые – в сокращенные сроки (от 1 до 5 дней). Критерии отнесения сообщений к какой-либо категории, в соответствии с которой определяется срок рассмотрения, на законодательном уровне не закреплены. Граждане, направившие сообщение, не понимают, в каком порядке и в какой срок им ждать ответа. Такая же неопределенность существует и для исполнителей, и часто для сообщений, требующих проработки вопроса, устанавливаются сокращенные сроки.

Законом № 59-ФЗ установлена обязанность по направлению ответа по существу поставленных вопросов, но если сообщение рассматривается как отдельная категория, то гарантии, установленные Законом, могут на нее не распространяться. Таким образом, в Законе № 59-ФЗ или ином акте необходимо ввести категорию «сообщение» и предусмотреть критерии, устанавливающие сроки рассмотрения сообщений в зависимости от их характера, и закрепить возможность использования сокращенных сроков для отдельных категорий.

Во-вторых, не менее важным является вопрос исчисления сроков. Закон № 59-ФЗ устанавливает сроки совершения юридически значимых действий – регистрации, рассмотрения, переадресации, продления рассмотрения и направления ответа. Соблюдение установленных сроков является гарантией обеспечения своевременности и эффективности рассмотрения обращений, однако сам Закон № 59-ФЗ не определяет порядок исчисления таких сроков. Указанный пробел порождает неопределенность, как для граждан, так и для органов власти и приводит к многочисленным спорам. Так, не установлено, в каких именно днях (календарных или рабочих) исчисляются сроки. При разрешении неурегулированных вопросов применяется системный подход с учетом норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и других отраслей законодательства. Согласно статье 190 ГК РФ, «…срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами». Вместе с тем ГК РФ не конкретизирует какие дни имеются в виду (рабочие или календарные) в случаях, когда это прямо не указано.

На практике сроки, установленные Законом № 59-ФЗ, применяются как календарные дни. Степкин С.П. отмечает, что «по общему правилу исчисления сроков (ст. 190 ГК РФ) в Законе № 59-ФЗ имеются в виду календарные дни, что часто делает невозможным исполнение данной нормы Закона, например, если количество обращений носит массовый характер и, соответственно, ведет к нарушению Закона № 59-ФЗ» [5]. В некоторых случаях органы власти, работая эффективно, могут оказаться в положении нарушителей, когда количество обращений превышает возможности сотрудников, чтобы качественно отработать каждый документ. Нарушение сроков в таких случаях может являться основанием для жалоб граждан и поводом для обращения в суд.

Некоторые субъекты пытаются устранить данную неопределенность. Например, Камчатский край законодательно устанавливает, что сроки исчисляются в календарных днях. Аналогичные указания встречаются в законах Московской области. Использование рабочих дней скорее является исключением, которое применяется только для отдельных процедур. Так, законом Ямало-Ненецкого автономного округа предусмотрен срок для уведомления гражданина о принятии обращения «в течение 7 рабочих дней». Большинство же субъектов используют общие формулировки без уточнения, как в федеральном законе. Примерами являются Омская область, Краснодарский край (до одного месяца), Республика Татарстан (30 дней).

Различная практика, используемая в системе органов власти, требует единообразия и внесения соответствующих уточнений именно на федеральном уровне.

Проблема исчисления сроков существует также при регистрации обращения. Часть 3 статьи 8 Закона № 59-ФЗ предусматривает, что обращение должно быть зарегистрировано «в течение трех дней с момента поступления», однако на практике часто возникают объективные трудности, которые могут привести к нарушениям. Например, как рассчитать срок регистрации обращения, если оно поступило 2 января, а организация начинает работу с 12 января? В данном случае обращаемся к статье 193 ГК РФ, согласно которой, «если последний день срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день». Данная позиция подтверждается материалами судебной практики.

Дополнительно присутствует неопределенность при исчислении начала течения срока. В случае если мы руководствуемся статьей 191 ГК РФ, срок исчисляется со следующего дня после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало, тогда обраще-

ние должно рассматриваться со следующего дня после его регистрации (на второй день после регистрации). Однако Закон № 59-ФЗ указывает, что обращение «рассматривается в течение 30 дней со дня регистрации». Таким образом, обращение должно быть рассмотрено в течение 30 календарных дней, включая тот день, когда оно было зарегистрировано.

После регистрации (которая осуществляется в течение 3 дней) обращение подлежит рассмотрению. Срок рассмотрения обращения составляет 30 дней. Таким образом, общий период с момента поступления обращения до истечения срока рассмотрения может достигать 33 дней. Данный факт также способствует появлению жалоб со стороны граждан на искусственное затягивание сроков, влечет поступление новых обращений в органы власти и увеличивает нагрузку на должностных лиц, которые вынуждены разъяснять порядок исчисления сроков.

Проблема исчисления сроков появляется и при рассмотрении обращений. Закон № 59-ФЗ формально указывает, что обращения должны рассматриваться и в выходные, и в праздничные дни, что прямо противоречит трудовому законодательству. Действие ГК РФ в таком случае распространяется только на окончание срока рассмотрения обращения. Продолжительные выходные дни (новогодние каникулы) не являются основанием для продления сроков рассмотрения обращений граждан и ответ на обращение должен быть дан в установленные законом сроки, независимо от выходных и праздничных дней. Такая ситуация значительно сокращает срок рассмотрения обращения и может повлиять на качество направляемого ответа.

Отдельную проблему представляет собой соотношение сроков, установленных Законом № 59-ФЗ, и специальных сроков рассмотрения, предусмотренных иными федеральными законами. Как отмечает С.П. Степкин, «особый порядок рассмотрения жалоб на действия судебного пристава-исполнителя установлен Федеральным законом «Об исполнительном производстве», а жалоб на действия прокурора, следователя, органа дознания — нормами УПК РФ» [4]. На практике нередко возникают случаи привлечения должностных лиц по статье 5.59 КоАП РФ за нарушение сроков, установленных Законом № 59-ФЗ, при рассмотрении обращений, которые подлежат рассмотрению в специальном порядке. Такое «смещение регулирования процессуальных правоотношений в сторону административно-правовых» [4] порождает правовую неопределенность, при которой нарушение срока становится не виной должностных лиц, а проблемой, не урегулированной законом [3].

Следующей проблемой является формальность ответов, которая может вытекать как следствие из других проблем, таких как ограниченные сроки рассмотрения, большой объем поступивших на рассмотрение обращений в конкретный орган власти. В юридической науке формальный ответ определяют, как документ, который создает только видимость разбирательства по обращению, а фактически уклоняются от разъяснений по существу поставленных вопросов [2]. Выделим основные критерии формальных ответов:

1. Ответ не по существу. Вместо конкретных разъяснений по доводам заявителя включает в себя цитирование правовых актов, не связывая их с фактическими обстоятельствами.

2. Ответ замещается шаблонными формулировками («обращение рассмотрено, нарушений не выявлено»).

3. Переадресация без уведомления заявителя о результатах рассмотрения.

Судебная практика показывает, что формальный ответ, который не содержит разрешения доводов заявителя, может быть расценен как нарушение порядка рассмотрения обращений, то есть если ответ содержит информацию, доступную в сети Интернет, но не затрагивает суть поставленных вопросов, это не свидетельствует о незаконном бездействии, если сам ответ направлен в срок и содержит доступную информацию. Однако, если ответ в заключительной части не содержит выводов о наличии (отсутствии) нарушений по жалобе заявителя и не рассматривает все доводы заявителя, то это может быть признано неправомерным.

Вместе с тем отписка является формально безупречным ответом, к которому сложно придраться при проведении проверки. Ответ ради ответа, который защищает автора от обвинения в бездействии, но не двигающий ситуацию с места, имитируя обратную связь с органом власти. Привлечь автора отписки к ответственности достаточно сложно, так как статья 5.59 КоАП РФ наказывает за нарушение порядка рассмотрения обращений (несоблюдение сроков и нарушение правил перенаправления), а случаи, когда ответ дан, но по сути является пустым, под нее не подпадают [1].

Следующий вопрос в контексте Закона № 59-ФЗ касается перехода на электронную форму взаимодействия граждан с органами власти. С развитием цифровых технологий во всех сферах деятельности человека, выросло количество обращений, направленных в электронном виде, однако проблемы их рассмотрения сохраняются. Электронные приемные и ПОС упрощают подачу

обращений, но одновременно создают условия для предоставления формальных ответов.

С 1 января 2025 года вступили в силу поправки в Закон № 59-ФЗ. Основное изменение – обязательное использование федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», а также иных государственных систем, обеспечивающих идентификацию и аутентификацию при направлении ответа в электронной форме (часть 1.1 статьи 7). С 30 марта 2025 года указанные механизмы действуют в полном объеме, однако их эффективность пока остается под вопросом. Эта мера направлена в первую очередь на пресечение злоупотребления своими правами недобросовестных заявителей, которые дезорганизуют работу органов публичной власти всех уровней (например, путем массовых спам-рассылок).

Однако данная практика может создавать ограничения для лиц, не имеющих подтвержденной записи. К их числу относится значительная доля пожилых людей, жителей удаленных районов, и они фактически утрачивают возможность оперативно получать ответы в электронной форме. Оформление подтвержденной учетной записи для таких групп населения может быть затруднительным из-за территориальной удаленности удостоверяющего центра (МФЦ) либо недостатка цифровых навыков. Даже если у гражданина есть доступ к сети, нестабильное интернет-покрытие малонаселенных пунктов превращают авторизацию через Единый портал порой в невыполнимую задачу, что противоречит принципу равенства перед законом [6].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что реализация права граждан на обращение в органы публичной администрации в современных условиях сталкивается с комплексом системных проблем. Действующий Закон № 59-ФЗ, несмотря на неоднократные изменения, сохраняет ряд недостатков. Отсутствие нормативного понятия «публично значимые функции» порождает противоречивую судебную практику, например, когда статус организации определяется в каждом конкретном случае. Неразрешенным остается вопрос о разграничении понятий «сообщение» и «обращение», что создает риски необоснованного распространения гарантий, предусмотренных Законом № 59-ФЗ, на сообщения, так и их ограничения. Несовершенство юридической техники проявляется в проблеме исчисления сроков.

По-прежнему значимой остается проблема предоставления формальных ответов. Ее причинами выступают не только недобросовестность отдельных сотрудников, но и высокая нагрузка на аппарат органов публичной администрации, сжатые сроки и отсутствие стимула к качественной и детальной проработке запросов.

Совокупность указанных обстоятельств свидетельствует о необходимости комплексной модернизации института обращений граждан в целях повышения эффективности обратной связи между гражданином и государством.

Список литературы:

[1] Калинина С.В. Состав правонарушения по ст. 5.59 КоАП РФ: формальные и содержательные аспекты // Российский юридический журнал. — 2022. — № 1. — С. 70–77.

[2] Савоськин А.В. Проблемы эффективности рассмотрения обращений граждан: от «отписки» к реальному ответу // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 110–118.

[3] Сергеев А.А. Административная ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан: парадоксы правоприменения // Административное право и процесс. – 2024. – № 7. – С. 27–31.

[4] Степкин С.П. Пределы применения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российский юридический журнал. - 2022. - № 1. С. 73-85.

[5] Степкин С. П. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. No 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: проблемы и противоречия // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 4. — С. 76–85.

[6] Талапина Э.В. Право на обращение в цифровой среде: новые вызовы и старые барьеры // Журнал российского права. – 2023. – № 11. – С. 79–91.

References:

[1] Kalinina S.V. Elements of an Offense under Article 5.59 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Formal and Substantive Aspects // Russian Juridical Journal. — 2022. — No. 1. — pp. 70–77.

[2] Savoskin A.V. Challenges in the Effective Handling of Citizens' Appeals: From "Formalistic Replies" to Substantive Responses // Constitutional and Municipal Law. — 2024. — No. 3. — pp. 110–118.

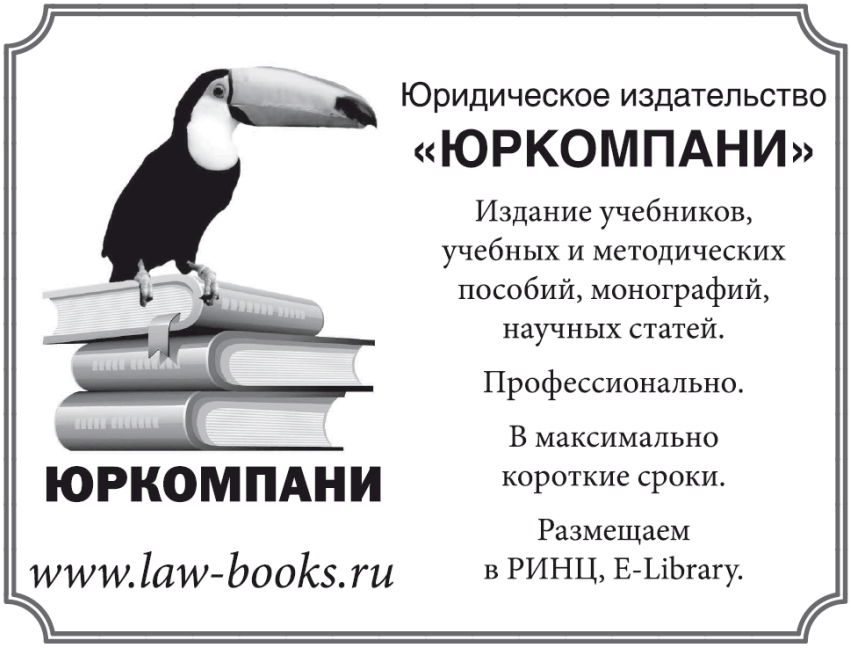
[3] Sergeyev A.A. Administrative Liability for Violating the Procedure for Handling Citizens' Appeals: Paradoxes in Law Enforcement // Administrative Law and Process. — 2024. — No. 7. — pp. 27–31.

[4] Stepkin S.P. Scope of Application of the Federal Law "On the Procedure for Handling Appeals of Citizens of the Russian Federation" // Russian Juridical Journal. — 2022. — No. 1. — pp.

73–85.

[5] Stepkin S.P. Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006, "On the Procedure for Handling Appeals of Citizens of the Russian Federation": Problems and Contradictions // Lex Russica. — 2022. — Vol. 75. — No. 4. — pp. 76–85.

[6] Talapina E.V. The Right to Submit Appeals in a Digital Environment: New Challenges and Persistent Barriers // Journal of Russian Law. — 2023. — No. 11. — pp. 79–91.



ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-102-106
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ГУРЫЛЕВА Марина Элисовна,
Казанский государственный медицинский университет,
Казань, Россия, тел.: +7-917-392-27-06,
e-mail: meg4478@mail.ru

КАРДАНОВА Лейла Дадашевна,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, тел.: +7-928-708-47-07,
e-mail: leilakardanova@yandex.ru

АМИРОВА Римма Рашитовна,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, тел.: +7-903-314-04-51,
e-mail: arimma60@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ БИОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. *Актуальность данного исследования определяется трансформацией системы высшего образования в Российской Федерации в условиях становления новой политической реальности. Система нравственных ценностей, заданная экономическими и политическими изменениями российской действительности в 90-е годы 20 века, спустя три десятилетия переосмысляется. Как никогда ранее, особую значимость приобретает конституционная аксиология, которая, формируя нормы-принципы, одновременно создаёт духовно-нравственное пространство мировоззрения человека. Положения Конституции РФ, являясь нормами основополагающего характера, создают условия морально-правового содержания всех законов РФ, в том числе в сфере здравоохранения. В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан» сформулированы нормы, конкретизирующие фундаментальные конституционные принципы о высочайшей ценности жизни, уважении человеческого достоинства. Новейшие достижения в области биологии, генной инженерии успешно интегрируются в процесс оказания медицинской помощи, что способствует повышению качества жизни каждого человека. Одновременно передовые научные достижения способствуют дегуманизации охраны здоровья граждан. В сложившихся обстоятельствах возникла потребность в переосмыслении духовных смыслов образовательного процесса медицинского университета. Именно общеобязательность конституционно-правовых норм создаёт устойчивость морально-этическим ценностям биоэтического образования будущих врачей, которые, согласно российской традиции, всегда были носителями высоких духовных идеалов милосердия, справедливости, благородства.*

Ключевые слова: *биоэтика, конституционная аксиология, образование, воспитание, этические нормы, охрана здоровья граждан, медицинская деятельность.*

Для цитирования: *Гурылева М. Э., Карданова Л. Д., Амирова Р. Р. Нравственные ценности Конституции Российской Федерации в системе биоэтического образования студентов медицинского университета // Образование и право. 2026. № 10. С. 102–106.*

GURYLEVA Marina Elisovna,
Kazan State Medical University,
Kazan, Russia

KARDANOVA Leila Dadashevna,
Kabardino-Balkarian State University named after. HM. Berbekova, Nalchik, Russia

AMIROVA Rimma Rashitovna,
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

MORAL VALUES OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF BIOETHICAL EDUCATION OF MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS

Annotation. *The relevance of this study is determined by the transformation of the higher education system in the Russian Federation in the context of the formation of a new political reality. The system of moral values set by the economic and political changes in Russian reality in the 1990s is being reinterpreted three decades later. Constitutional axiology is acquiring particular significance as never before, since, while forming principle-norms, it simultaneously creates a spiritual and moral space for a person's worldview. The provisions of the Constitution of the Russian Federation, being norms of a fundamental nature, create the conditions for the moral and legal content of all laws of the Russian Federation, including in the field of healthcare: in the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens," norms are formulated that concretize the fundamental constitutional principles concerning the highest value of life and respect for human dignity. The latest achievements in biology and genetic engineering are being successfully integrated into the process of providing medical care, which helps improve the quality of life of every person. At the same time, advanced scientific achievements contribute to the dehumanization of the protection of citizens' health. Under the current circumstances, a need has arisen to rethink the spiritual meanings of the educational process at a medical university. It is precisely the universally binding nature of constitutional and legal norms that gives stability to the moral and ethical values of the bioethical education of future doctors, who, according to Russian tradition, have always been bearers of the high spiritual ideals of mercy, justice, and nobility.*

Key words: *bioethics, constitutional axiology, education, upbringing, ethical norms, protection of citizens' health, medical activity.*

For citation: *Guryleva M. E., Kardanova L. D., Amirova R. R. Moral values of the Constitution of the Russian Federation in the system of bioethical education of medical university students. Education and law. 2026;(10):102–106. (In Russ.).*

В Российской Федерации (далее – РФ) в 2011 году был принят Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан» (далее – ФЗ № 323). Его нормы формируют правовое поле регулирования общественных отношений в сфере здравоохранения.

Здоровье – безусловная высочайшая ценность для каждого человека. Поэтому к здравоохранению и медицине предъявляются высочайшие требования нравственно-этического характера.

ФЗ № 323 в отдельных своих положениях формулирует взаимосвязь этических и правовых норм. Так, в статье 6 ФЗ 323 указано, что интересы пациента являются приоритетными и медицинский работник реализует их через соблюдение этических и моральных норм, проявляя уважительное и гуманное отношение. Статья 73 формулирует норму-принцип: в своей профессиональной деятельности он должен руководствоваться постулатами медицинской этики и деонтологии [2].

Честность, врачебный долг, забота, высочайшее уважение к жизни человека, благодарность, справедливость, доброжелательность, благородство – вот те ценности, которых должен придерживаться будущий врач, давая Клятву по завершении своего обучения в медицинском университете (ст. 71 ФЗ № 323) [2].

В условиях современного этико-морального плюрализма профессиональные сообщества вырабатывают представление о единой системе нравственных профессиональных ценностей. В 1994 г. приняты Этический кодекс российского врача, Кодекс профессиональной этики психиатра и кодексы других медицинских специальностей. В 90-е годы 20 века это стало важной вехой становления этических принципов медицинской деятельности медицинского работника в услови-

ях разрушения незыблемых постулатов советской идеологии и становления правовой аксиологии, выраженной в новой Конституции РФ [1].

В юридической науке тема конституционных ценностей является дискуссионной: это и проблемы дефиниции, и критериев формализации, и систематизации. В соответствующей научной литературе представлено самое широкое разнообразие не только методологических, но и практических подходов. Поиск универсальных критериев классификации конституционных ценностей выявляет одну незыблемую категорию – нравственные ценности [6], которые создают ядро конституционно-правовых ценностей. Стоит отметить, что критерии определения данного понятия приобрели конкретизацию в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Для широкого политико-юридического контекста важно, что в данном нормативно-правовом акте указаны и критерии деструктивности (деструктивной идеологии) как антагонистически неприемлемые для здорового развития общественных отношений принципы.

К началу 20-х годов 21 века общественно-политическая жизнь нашего государства подошла к важнейшему этапу осмысления 30 лет исторических преобразований во всех сферах жизни российского общества. В этот период начался процесс подготовки изменений конституционных норм.

Еще в 2008 году председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в статье «Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод» отметил, что Конституционный Суд РФ все чаще обращает внимание на ценностный потенциал положений ныне действующего основного закона. Все конституционные ценности «образуют системное единство и находятся в определенном иерархическом соподчинении» [4]. Таким образом подчеркнуто, что Конституция РФ не только политико-юридический документ, а он формирует и иерархию общеобязательных конституционно-правовых ценностей.

1 июля 2020 года на общенародном голосовании были внесены изменения, благодаря которым в Конституции появились нормы-принципы, включающие в себя нравственные категории – доверие, уважение, солидарность, патриотизм, гражданственность.

Вслед за этими изменениями Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании» дополнил ряд положений: теперь процесс образования невозможен без воспитания духовно-нравственных ценностей (ст. 2) [3], что отражает важность гуманизации образования, в том числе медицинского, так как процессы технологизации стали доминировать, а в системе охраны здоровья граждан они приобрели противоречивое этическое звучание. Так, новые репродуктивные технологии, возможности генетических вмешательств, роботизация, использование искусственного интеллекта открыли новые перспективы в возможностях восстановления здоровья человека. При этом стремительный научно-технический прогресс в медицине и биологии явно опережает нравственно-философское осмысление внедрения новых технологий в повседневную практику медицины. Данные противоречия способствуют возникновению морально-этических дилемм. Например, насколько идея экстракорпорального оплодотворения не нарушает естественную природу формирования начала жизни человека? где проходит граница дозволенного в процессе трансплантации органов и тканей человека от донора? каковы границы вмешательства в геном человека? Правовое поле регулирования таких вмешательств находится в процессе становления, а уже принятые законы во многом являются модельными, что способствует возникновению законодательных пробелов. Поэтому развитие биоэтических принципов в философской мысли имели большое прикладное значение, результатом чего сформировалась наука биоэтика, которая ставит вопросы, ищет ответы и формулирует этические позиции регулирования новейших достижений биомедицины.

В этих условиях был естественным процесс интеграции достижений академической науки в образовательные стандарты высшего медицинского образования: появилась учебная дисциплина «Биоэтика», целью которой стало формирование мировоззрения будущего медицинского работника. В условиях политико-идеологического дисбаланса 90-х годов смыслообразующие нравственные постулаты биоэтического сознания стали тем единственным фундаментом, способствующим формированию духовной сущности профессии врача. Они формировались не только в процессе философского осмысления новой реальности, но и выкристаллизовывались в межгосударственных документах. Например, это Рекомендации о сотрудничестве государств-участников СНГ по приведению медицинского образования в соответствие с обучающей программой ЮНЕСКО по биоэтике [7], принятые 14 мая 2009 г. на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

Данные Рекомендации основываются на международном биоэтическом праве (Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека, Всеобщая декларация ЮНЕСКО о био-

этике и правах человека и др.). Они направлены на интеграцию международной практики обучения будущих медицинских работников (в среднеспециальных, в высших учебных заведениях и в системе дополнительного образования) в постсоветские образовательные системы. Отмечается, что подходы и методики должны ориентироваться на унифицированные морально-этические подходы, сформулированные в обучающей программе по биоэтике ЮНЕСКО.

Международная политическая обстановка в 2009 году развивалась согласно принципам экономической глобализации. Государства переосмысляли свою национально-культурную идентичность в рамках создания единой цивилизационной общности «человечество». Общечеловеческие ценности, формулируемые в международно-правовых актах этого периода, старались быть имплемецированными в национальные законодательства и региональные документы, например, стран-участниц СНГ, способствовали мягкой адаптации данных норм в социально-экономическое и культурное пространство отдельно взятого государства.

Сегодня, вслед за конституционными изменениями идеологических смыслов нашей жизни (изменения, внесённые в ныне действующую Конституцию в ходе референдума в 2020 г.), образовательные стандарты высшего медицинского образования опираются и на систему духовно-нравственных ценностей, изложенных в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5].

С развитием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» расширяются возможности каналов социализации. Социальные сети стали самым востребованным инструментом формирования мировоззренческих, а значит, и ценностных установок молодёжи. Безусловно, являясь каналом распространения массовой культуры, в условиях слабого правового регулирования всего контента виртуальной реальности, размывается единая аксиологическая система. Этим могут воспользоваться деструктивные сообщества, а цифровая массовая культура порой является единственным источником информации в молодёжной среде. В данных условиях перед образованием стоит задача создания серьёзного и вместе с тем доступного для понимания молодёжи контента в рамках образовательных стандартов. В первую очередь этому должны способствовать все дисциплины гуманитарного цикла. Поэтому так важно преподавание не только биоэтических ценностей у студентов медицинского университета, но и посредством междисциплинарного взаимодействия с предметами правоведческого характера (правоведение, правовые основы деятельности врача, медицинское право), выстраивать у студентов-медиков нравственные и мировоззренческие установки, сформулированные в Конституции Российской Федерации.

Учёные-юристы неоднократно обращали внимание на важность учёта принципов биоэтики при создании правовых механизмов регулирования новых достижений медицины. К сожалению, они отмечают, что до сих пор отсутствует конкретизация данных принципов в законодательных актах Российской Федерации [8]. Решая острые биоэтические проблемы (суррогатное материнство и ЭКО, трансплантация органов и тканей человека, сохранение биоперсональных данных, эвтаназия и др.) и врачи, и юристы едины в мнении о том, что некоторые этические принципы в современных условиях всё больше и больше приобретают чёткую культурно-историческую идентичность в соответствии с традициями государства.

Благородство высших смыслов медицинской профессии заключается в оказании помощи любому нуждающемуся независимо от национальной, культурной, расовой, идеологической принадлежности. Этот врачебный принцип лежит в основе исцеления от любой болезни во всём мире. Стремление международного медицинского сообщества к единообразию лечебных подходов изложено в Международной классификации болезней, которая регулярно пересматривается Всемирной организацией здравоохранения. Но политизация некоторых сложных медицинских проблем самоидентификации личности вызвала необходимость приостановить действие Международной классификации болезни 11-го пересмотра на территории Российской Федерации, так как ряд её положений противоречит «традиционным моральным и духовно-нравственным ценностям, защита которых предусмотрена законодательством Российской Федерации» [9].

Таким образом, предстоящая реформа высшего медицинского образования должна основываться не только на новейших технологических достижениях, но и сохранить нравственную основу формирования врачебного мышления в соответствии с конституционными ценностями.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 4398.

[2] Федеральный закон «Об основах охра-

ны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21.11.2011 г. // Собрание законодательства РФ. — 28 ноября 2011 г. — № 48. — Ст. 6724.

[3] Федеральный закон «Об образовании» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.

[4] Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3.

[5] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 15.08.2026).

[6] Бурла В.М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. -2024. – Т. 19. – № 3. – С. 11-26.

[7] Рекомендации о сотрудничестве государств-участников СНГ по приведению медицинского образования в соответствие с обучающей программой ЮНЕСКО по биоэтике. // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/902181151?ysclid=mvl4hp91oc610805978 (дата обращения: 15.08.2026).

[8] Латынцев А.В. Правовые механизмы учета принципов биоэтики в сфере охраны интеллектуальной собственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 2. С. 85-103.

[9] Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2024 № 200-р «О приостановлении плана мероприятий по внедрению Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра (МКБ-11)» // Легалакт. URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-31012024-n-200-r-o-priostanovlenii/ (дата обращения: 15.08.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (Part I). — Art. 4398.

[2] Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011, "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. — November 28, 2011. — No. 48. — Art. 6724.

[3] Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2012. — No. 53 (Part 1). — Art. 7598.

[4] Zorkin V.D. A Value-Based Approach to the Constitutional Regulation of Rights and Freedoms // Journal of Russian Law. — 2008. — No. 12. — P. 3.

[5] Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022, "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed: August 15, 2026).

[6] Burla V.M. "Constitutional Values" as a Scientific Category: Issues of Definition, Formalization, and Systematization // Actual Problems of Russian Law. — 2024. — Vol. 19. — No. 3. – Pp. 11–26.

[7] Recommendations on Cooperation Among CIS Member States Regarding the Alignment of Medical Education with the UNESCO Bioethics Core Curriculum. // Kodeks. URL: https://docs.cntd.ru/document/902181151?ysclid=mvl4hp91oc610805978 (accessed: 15.08.2026).

[8] Latyntsev A.V. Legal Mechanisms for Incorporating Bioethical Principles into the Sphere of Intellectual Property Protection // Moscow University Law Bulletin. Series 11. Law. 2025. No. 2. Pp. 85–103.

[9] Order of the Government of the Russian Federation dated January 31, 2024, No. 200-r “On the Suspension of the Action Plan for the Implementation of the International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems, 11th Revision (ICD-11)” // Legalacts. URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-31012024-n-200-r-o-priostanovlenii/ (accessed: 15.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-107-113

БУЛАКОВ Олег Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры публичной власти и правового положения личности,
Институт Правоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия,
e-mail: bulakov62@yandex.ru

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ПРАВОВАЯ ИДЕЯ И КОНСТИТУЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. *Федерализм принадлежит к числу базовых категорий конституционного права, поскольку через него раскрывается не только территориальная организация государства, но и способ распределения публичной власти, политической ответственности и правотворческой компетенции. В самом общем виде федерализм можно определить как конституционно оформленный принцип организации сложного государства, при котором публичная власть институционально распределяется между общефедеральным уровнем и субъектами федерации, а автономия последних юридически гарантируется и сочетается с государственной целостностью, верховенством федеральной конституции и участием субъектов в формировании общегосударственной воли.*

Ключевые слова: *федерализм, конституция, публичная власть, федеративное устройство, государственная власть, права человека.*

Для цитирования: *Булаков О. Н. Федерализм как правовая идея и конституционная категория // Образование и право. 2026. № 10. С. 107–113.*

BULAKOV Oleg Nikolaevich,
Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Public Authority and Legal Status of the Individual, Institute of Jurisprudence Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia

FEDERALISM AS A LEGAL IDEA AND CONSTITUTIONAL CATEGORY

Annotation. *Federalism is one of the basic categories of constitutional law, since it reveals not only the territorial organization of the state, but also the method of distributing public power, political responsibility and legal competence. In its most general form, federalism can be defined as a constitutionally formalized principle of organizing a complex state, in which public power is institutionally distributed between the federal level and the subjects of the federation, and the autonomy of the latter is legally guaranteed and combined with state integrity, the supremacy of the federal constitution and the participation of subjects in the formation of national will.*

Key words: *federalism, constitution, public power, federal structure, state power, human rights.*

For citation: *Bulakov O. N. Federalism as a legal idea and constitutional category. Education and law. 2026;(10):107–113. (In Russ.).*

В юридическом смысле федерализм выражает особую форму вертикального разделения власти. Если классическое разделение властей отвечает на вопрос о распределении функций между законодательной, исполнительной и судебной властью, то федерализм отвечает на иной вопрос: между какими территориальными уровнями публичной власти распределяются предметы ведения, полномочия, ответственность и ресурсы. Поэтому федерализм нельзя сводить ни к административному районированию, ни к политическому компромиссу между центром и регионами. [1] Его нормативное ядро состоит в конституционном признании нескольких уровней публичной власти, каждый из которых действует в пределах собственной компетенции и имеет институциональные гарантии от произвольного поглощения другим уровнем. [2]

Термин «федерализм» происходит от латинского foedus, означающего союз, договор, соглашение. Однако современная теория федерализма давно вышла за пределы договорной этимологии. Федерация может возникнуть в результате объединения ранее самостоятельных политических образований, но может формироваться и путем конституционного преобразования единого государства в сложное государство с территориальной автономией субъектов. Поэтому этимология помогает понять идею союза, но не исчерпывает юридическую природу федерализма. [3]

В западной конституционной мысли федерализм традиционно рассматривался как средство соединения двух начал: общего правления по вопросам, требующим единой политики, и самостоятельного правления по вопросам, имеющим региональное значение. Дж. Мэдисон, анализируя американскую модель, указывал на смешанный характер власти в федеративной республике: она не является ни полностью национальной, ни полностью конфедеративной, поскольку соединяет прямое действие общефедеральной власти на граждан и участие штатов в федеральном устройстве. [4]

Классическое правовое понимание федерации связано с идеей разделенной компетенции. К. Уир выводил федеративность из наличия двух уровней управления, каждый из которых в пределах собственной сферы является координированным, а не подчиненным другому. Эта формула важна именно для юридической науки: федерализм существует там, где территориальные уровни власти не только фактически взаимодействуют, но и обладают конституционно определенными, судебно защищаемыми полномочиями. [5]

Современные исследования уточняют эту формулу. Федерализм понимается не как статичная конструкция, а как процесс постоянного согласования полномочий, ресурсов и ответственности. В федеративном государстве неизбежно возникают пересечения компетенции, поскольку большинство общественных задач — экономика, социальная защита, образование, природопользование, инфраструктура, цифровое развитие — не укладываются в жестко изолированные «полки» федерального и регионального регулирования. Поэтому зрелость федерализма определяется не только тем, как компетенция записана в конституции, но и тем, как действует механизм координации, судебного контроля, бюджетного выравнивания и политического представительства субъектов. [6]

Юридическими признаками федерализма являются: во-первых, наличие единого федеративного государства, обладающего государственной целостностью и общим суверенитетом; во-вторых, существование субъектов федерации, имеющих конституционно признанный статус, территорию, систему органов публичной власти и собственное законодательство; в-третьих, разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и субъектами; в-четвертых, верховенство федеральной конституции и федеральных законов в пределах федеральной компетенции; в-пятых, участие субъектов в осуществлении федеральной власти, прежде всего через парламентское представительство или иные институциональные формы; в-шестых, наличие процедур разрешения федеративных споров. [7] При этом решающим является не набор внешних признаков, а характер компетенции субъектов. Если территория имеет собственные органы, но их полномочия целиком зависят от обычного закона центра и не защищены конституционно, речь идет о децентрализации или автономии в унитарном государстве. Если же компетенция территориального уровня закреплена в конституции, а ее изменение требует специальных процедур и не может быть произведено простым административным решением, появляется федеративное качество государства. [8]

Федерализм предполагает единство правового пространства, но это единство не означает унификацию всех сфер общественной жизни. В федерации действует сложная модель единства и различия: по вопросам общегосударственного значения обеспечивается единое регулирование, а по вопросам региональной специфики допускается собственное правотворчество субъектов. Именно поэтому федерализм является правовой формой управляемого разнообразия. Он не разрушает государственное единство, а делает его более гибким, позволяя учитывать неодинаковость территорий без превращения этой неодинаковости в политическую дезинтеграцию. [9, ст. 4, 5, 15, 71-73, 76]

Содержание федерализма раскрывается через категорию компетенции. Компетенция включает не только перечень вопросов, по которым орган вправе принимать решения, но и пределы этих решений, формы их осуществления, ответственность за результат, финансовое обеспечение и процедуры взаимодействия с иными органами. [10] В федеративном государстве именно компетенция является юридическим языком баланса между центром и субъектами. [11] Поэтому спор о федерализме почти всегда оказывается спором о том, кто вправе регулировать соответствующую сферу, кто финансирует ее реализацию, кто несет политическую и юридическую ответственность перед гражданами. [12]

Федерализм необходимо отличать от конфе-

дерации. Конфедерация представляет собой союз государств, сохраняющих международно-правовую самостоятельность и передающих общим органам ограниченный круг полномочий. В конфедерации общий центр обычно действует через государства-участники, а не непосредственно через граждан; участники сохраняют качество суверенных государств и могут обладать правом выхода. Федерация, напротив, является единым государством, в котором субъекты не обладают международным суверенитетом, а федеральная власть действует непосредственно на всей территории страны и в отношении населения. [13]

Не менее важно различать федерализм и автономию. Автономия может существовать как в федеративном, так и в унитарном государстве. Ее смысл состоит в признании за определенной территорией, сообществом или институтом самостоятельности в пределах установленной законом сферы. Федерализм шире автономии: он предполагает не только самостоятельность субъектов, но и их включение в общую конструкцию государственной власти, разграничение компетенции, участие в федеральных институтах и конституционные гарантии статуса. [9, ст. 11, ч. 3; ст. 78, ч. 2-3]

Федерализм отличается и от регионализма. Регионализм подчеркивает социально-экономическую, культурную или политическую роль регионов, но сам по себе не указывает на юридическую форму государства. Регионалистская политика может проводиться в унитарном государстве через административную децентрализацию, специальные экономические режимы, территориальное планирование и поддержку местных идентичностей. Федерализм же означает, что территориальное многообразие институционализировано в структуре государственной власти и имеет конституционно-правовое значение. [14]

Наконец, федерализм не совпадает с местным самоуправлением. Местное самоуправление является формой осуществления народом власти на муниципальном уровне и решает вопросы местного значения. Субъект федерации — это элемент государственного устройства, обладающий государственной властью в пределах своей компетенции. Поэтому муниципальный уровень может быть включен в единую систему публичной власти, но он не становится субъектом федерации: его природа, объем полномочий и конституционные гарантии иные. [9, ст. 12, 130-133]

В науке конституционного права используются различные классификации федерализма. По способу возникновения различают федерации, образованные путем объединения ранее самостоятельных политических единиц, и федерации, возникшие вследствие конституционной децентрализации ранее единого государства. Первая модель условно именуется интеграционной: она направлена на создание более крупного политического союза. Вторая модель может быть названа деволюционной: она используется для конституционного закрепления территориального многообразия внутри ранее более централизованного государства. [15]

По характеру распределения компетенции федерализм может быть дуалистическим и кооперативным. Дуалистический федерализм стремится к относительно четкому разграничению сфер: федерация действует в одной области, субъекты — в другой. Кооперативный федерализм исходит из того, что значительная часть публичных задач требует совместного регулирования и согласованных действий. Современные федерации в основном развиваются в направлении кооперативных моделей, поскольку социальное государство, инфраструктурная политика, экологическая безопасность, здравоохранение и цифровизация требуют межуровневой координации. [16]

По степени симметрии различают симметричный и асимметричный федерализм. Симметрия означает равный конституционный статус субъектов во взаимоотношениях с федерацией. Асимметрия проявляется в том, что отдельные субъекты обладают особенностями статуса, связанными с историей, национально-культурной спецификой, экономическими условиями или договорными механизмами. Важно подчеркнуть: асимметрия не всегда означает неравноправие. Она допустима в той мере, в какой особенности статуса не подрывают единство федерации, равенство граждан и общие гарантии конституционного строя. [9, ст. 65-66]

По политико-правовой функции федерализм может быть интеграционным, стабилизационным и инновационным. Интеграционная функция состоит в объединении территорий в единое государство. Стабилизационная — в предотвращении чрезмерной централизации и конфликтов между центром и регионами. Инновационная — в возможности регионального правового и управленческого эксперимента, когда субъекты апробируют решения, которые затем могут быть распространены на всю федерацию. Последняя функция особенно значима для будущего федерализма: в условиях технологических изменений и неодинаковой плотности населения именно региональный уровень может быстрее адаптировать публичное управление к местным потребностям. [17]

В Российской Федерации федерализм закреплен как одна из характеристик государства: Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской

формой правления. В основах конституционного строя содержится концентрированное определение российского федеративного устройства: государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации, а также равноправие субъектов во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. [9, ст. 1, 5] Эти признаки образуют не факультативный набор, а взаимосвязанную конституционную конструкцию. [18]

Российская модель является конституционной федерацией. Историческое значение Федеративного договора 1992 г. не отменяет того обстоятельства, что действующий статус субъектов определяется прежде всего Конституцией Российской Федерации. Федеративный договор и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий могут иметь значение лишь в пределах, не противоречащих Конституции. Следовательно, федеративные отношения в России не являются простым результатом политического соглашения центра и регионов; они встроены в основы конституционного строя и ограничены принципами суверенитета Российской Федерации, территориальной целостности и верховенства Конституции. [17]

Субъекты Российской Федерации обладают собственной правовой организацией. Республики имеют конституции и законодательство; края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа имеют уставы и законодательство. Статус субъекта может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и соответствующего субъекта в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Тем самым Конституция закрепляет одновременно единство федерации и правовую индивидуальность ее территориальных элементов. [19]

Ключевое значение имеет статья 73 Конституции РФ, согласно которой вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения субъекты обладают всей полнотой государственной власти. [9, ст. 5, ч. 3; ст. 73] Эта формула не превращает субъект в суверенное государство, но подтверждает, что региональная власть не является исключительно административным продолжением федерального центра. Она обладает собственным конституционным основанием и вправе осуществлять правовое регулирование по вопросам, не отнесенным к ведению Российской Федерации и совместному ведению. [20]

Одновременно российский федерализм характеризуется сильным началом единства публичной власти. Конституция относит к ведению Российской Федерации организацию публичной власти и установление системы федеральных органов государственной власти, а также предусматривает единую систему исполнительной власти в пределах федерального ведения и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения. Федеральный закон № 414-ФЗ развивает эту линию, устанавливая общие принципы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. [21]

Правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют особое значение для понимания российского федерализма. В постановлении по делу о Конституции Республики Алтай Суд указал, что суверенитет принадлежит Российской Федерации как единому государству, а признание республик государствами не означает наличия у них суверенитета в международно-правовом или конституционном смысле. При этом Суд подчеркнул, что отрицание суверенитета субъекта не отменяет принадлежащей ему полноты государственной власти вне пределов федерального и совместного ведения. [17] Эта позиция демонстрирует центральную особенность российской модели: федерализм соединяется с единым государственным суверенитетом. [22]

Разграничение предметов ведения и полномочий является операционным центром федерализма. В Конституции РФ закреплены три основные сферы: предметы ведения Российской Федерации, предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов, а также остаточная компетенция субъектов. Такая трехзвенная модель позволяет сочетать единое регулирование общегосударственных вопросов с региональным правотворчеством и совместным решением задач, требующих координации.

Предметы ведения Российской Федерации охватывают основы государственного суверенитета, федеративное устройство, гражданство, регулирование и защиту прав и свобод, федеральную собственность, основы единого рынка, федеральный бюджет, оборону и безопасность, внешнюю политику, судоустройство, уголовное и гражданское законодательство, процессуальное законодательство, федеральное коллизионное право и иные сферы, требующие общенационального единства. Эти вопросы не могут быть переданы субъектам таким образом, чтобы была разрушена единая государственность. Совместное ведение отражает кооперативную природу современного федерализма. В этой сфере федеральный законодатель устанавливает общие правила, а субъекты принимают законы и иные нормативные правовые

акты в соответствии с федеральными законами. Совместное ведение охватывает защиту прав и свобод, вопросы владения и распоряжения природными ресурсами, охрану окружающей среды, общие вопросы образования, науки, культуры, социальной защиты, административное, трудовое, семейное, жилищное, земельное и иное законодательство, а также общие принципы организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. [23]

Остаточная компетенция субъектов имеет самостоятельное значение. Вне пределов федерального и совместного ведения субъекты осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. В случае противоречия между федеральным законом и актом субъекта, изданным в пределах такой собственной компетенции, Конституция предусматривает приоритет акта субъекта. Эта норма выражает не слабость федеральной власти, а юридическую зрелость федерализма: федеральный законодатель не вправе произвольно расширять собственную компетенцию за счет региональной сферы. [24]

На практике разграничение полномочий не является разовым актом. Оно постоянно уточняется через федеральные законы, договорные и соглашательские механизмы, бюджетные трансферты, административные процедуры, правовые позиции судов и политическую практику. Поэтому федерализм следует понимать как режим конституционно ограниченной динамики: компетенция может развиваться, но ее изменение не должно уничтожать автономию субъектов, подменять региональную ответственность федеральным администрированием или создавать правовую неопределенность для граждан. [25]

Федерализм выполняет несколько взаимосвязанных функций. Первая — интеграционная. Федерализм позволяет удерживать в рамках единого государства территории с различной историей, экономической структурой, культурной спецификой и уровнем развития. Для многонациональных и пространственно протяженных государств эта функция имеет не только организационное, но и конституционно-идентификационное значение: государство признает внутреннее многообразие не как угрозу, а как элемент собственного устройства.

Вторая функция — демократическая. Федерализм приближает публичную власть к населению, создает дополнительные центры политической ответственности и расширяет возможности участия граждан в управлении делами государства. Если все значимые решения концентрируются на едином уровне, демократический процесс неизбежно становится менее чувствительным к локальным интересам. Федеративная организация, напротив, позволяет гражданам влиять на публичную политику через федеральные и региональные институты одновременно. [26]

Третья функция — гарантийная. Вертикальное разделение власти ограничивает концентрацию публичной власти в одном центре и создает дополнительные механизмы контроля. Субъекты федерации могут выступать как институциональные участники обсуждения федеральной политики, как носители региональных интересов и как площадки для выявления ошибок централизованного регулирования. Однако гарантийная функция федерализма работает только при наличии реальной компетенции субъектов, финансовых ресурсов и процедур судебной защиты. [6]

Четвертая функция — управленческая. Разные территории имеют неодинаковые социально-экономические условия, плотность населения, транспортную доступность, климатические ограничения, демографическую структуру и бюджетные возможности. Федерализм позволяет адаптировать правовые и управленческие решения к таким различиям. Особенно это важно в сферах социальной поддержки, образования, здравоохранения, пространственного развития, экологии, цифровой инфраструктуры и регулирования региональных рынков труда. [27]

Пятая функция — инновационная. Субъекты федерации способны выступать лабораториями правового и административного эксперимента. Региональный эксперимент не означает произвол: он должен осуществляться в пределах Конституции, прав и свобод граждан, единого экономического пространства и федеральных стандартов. Но именно федерализм позволяет избежать одной из главных слабостей чрезмерно централизованного государства — медленной адаптации к новым вызовам. С этой точки зрения будущее федерализма связано не только с вопросом о полномочиях регионов, но и с вопросом о качестве межуровневого управления данными, ресурсами и ответственностью. [28]

Для российского конституционного права федерализм имеет особое значение. Он выражает пространственную, национально-культурную и историческую сложность российского государства, но одновременно ограничен принципами единого суверенитета Российской Федерации, государственной целостности, верховенства Конституции и равноправия субъектов. Российская Федерация не является союзом суверенных государств; ее субъекты обладают государственной властью в пределах компетенции, но не обладают суверенитетом и правом сецессии. [17] Наиболее точное

понимание федерализма должно быть, на наш взгляд, институциональным и динамическим. Федерализм - это не только структура государства, но и механизм постоянного распределения, согласования и судебной защиты полномочий. Его эффективность измеряется не количеством уровней власти, а тем, насколько ясно распределены полномочия, обеспечены ресурсы, защищены права граждан, сбалансированы интересы центра и субъектов и сохранено единство правового пространства.

Список литературы:

[1] Майсурадзе К. А. Парламентаризм и парламент: сходство и различия // Образование и право. — 2025. — № 6. — С. 103–108.

[2] Wheare K. C. Federal Government. 4th ed. London: Oxford University Press, 1963. P. 10-15.

[3] Burgess M. Comparative Federalism: Theory and Practice. London; New York: Routledge, 2006. P. 1-14.

[4] Madison J. Federalist No. 39 // The Federalist Papers. New York, 1788.

[5] Friedrich C. J. Trends of Federalism in Theory and Practice. New York: Praeger, 1968. P. 7-9.

[6] Watts R. L. Comparing Federal Systems. 3rd ed. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008. P. 8-17.

[7] Riker W. H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown and Company, 1964. P. 11-13.

[8] Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1945. P. 317-324.

[9] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.08.2026).

[10] Шеленговский П. Г. Конституция Российской Федерации как нормативная основа и регулятор взаимодействия органов государственной власти с общественными институтами // Образование и право. — 2025. — № 11. — С. 86–91.

[11] Андреева Д. Ю. Проблема обеспечения защиты прав граждан в системе местного самоуправления новых регионов Российской Федерации // Юридическая наука и практика. — 2025. — № 3. — С. 13–17.

[12] Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М.: Юринформцентр, 2001. С. 38-56.

[13] Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий...» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 898.

[14] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 45-73.

[15] Stepan A. Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. No. 4. P. 19-34.

[16] Hueglin T. O., Fenna A. Comparative Federalism: A Systematic Inquiry. 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 2015. P. 31-48.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай...» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

[18] Волков О. Е. Проблема полномочий Совета Федерации в общей структуре власти Российской Федерации // Образование и право. — 2025. — № 5. — С. 134–137.

[19] Медушенков Ф. В. Конституционная система защиты права на личную неприкосновенность: понятие, структура и функциональные компоненты // Образование и право. — 2026. — № 9. — С. 143–149.

[20] Эриашвили Н. Д. Об укреплении федерализма посредством присоединения вновь образованных субъектов Российской Федерации // Образование и право. — 2025. — № 5. — С. 13–16.

[21] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

[22] Булаков О. Н. Государственная защита прав и свобод как конституционный принцип прав и свобод // Образование и право. — 2026. — № 7. — С. 89–96.

[23] Каскулов И. А. Система конституционных принципов российского федерализма // Образование и право. — 2017. — № 4. — С. 83–89.

[24] Марков Р. С., Чепрасов М. Н., Юрина П. А., Мологина П. И. Правореализация конституционной новеллы о федеральных территориях: к итогам первого пятилетия эксперимента // Образование и право. — 2026. — № 2. — С. 143–149.

[25] Булаков О. Н. Конституционный статус парламента в Российской Федерации // Образование и право. — 2025. — № 12. — С. 97–99.

[26] Виноградова Е. В. К вопросу о федерализме как принципе территориального устройства современной России // Образование и право. — 2024. — № 2. — С. 62–65.

[27] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. С. 246-263.

[28] Burgess M. In Search of the Federal Spirit: New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism. Oxford: Oxford University

Press, 2012. P. 24-47.

References:

[1] Maisuradze K. A. Parliamentarism and Parliament: Similarities and Differences // Education and Law. — 2025. — No. 6. — pp. 103–108.

[2] Wheare K. C. Federal Government. 4th ed. London: Oxford University Press, 1963. pp. 10–15.

[3] Burgess M. Comparative Federalism: Theory and Practice. London; New York: Routledge, 2006. pp. 1–14.

[4] Madison J. Federalist No. 39 // The Federalist Papers. New York, 1788.

[5] Friedrich C. J. Trends of Federalism in Theory and Practice. New York: Praeger, 1968. pp. 7–9.

[6] Watts R. L. Comparing Federal Systems. 3rd ed. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008. pp. 8–17.

[7] Riker W. H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown and Company, 1964. pp. 11–13.

[8] Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1945. pp. 317–324.

[9] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: August 17, 2026).

[10] Shelengovsky P. G. The Constitution of the Russian Federation as a Normative Basis and Regulator of the Interaction Between Public Authorities and Civil Society Institutions // Education and Law. — 2025. — No. 11. — pp. 86–91.

[11] Andreeva D. Yu. The Issue of Ensuring the Protection of Citizens' Rights Within the Local Self-Government System of the New Regions of the Russian Federation // Legal Science and Practice. — 2025. — No. 3. — pp. 13–17.

[12] Tikhomirov Yu. A. Theory of Competence. Moscow: Yurinformtsentr, 2001. pp. 38–56.

[13] Federal Treaty of March 31, 1992, "On the Delimitation of Scopes of Jurisdiction and Powers..." // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. No. 17. Art. 898.

[14] Lijphart A. Democracy in Plural Societies. Moscow: Aspekt Press, 1997. pp. 45–73.

[15] Stepan A. Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. No. 4. pp. 19–34.

[16] Hueglin T. O., Fenna A. Comparative Federalism: A Systematic Inquiry. 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 2015. pp. 31–48.

[17] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 7, 2000, No. 10-P "In the Case Concerning the Constitutionality of Certain Provisions of the Constitution of the Altai Republic..." // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 25. Art. 2728.

[18] Volkov O. E. The Issue of the Powers of the Federation Council within the General Power Structure of the Russian Federation // Education and Law. — 2025. — No. 5. — pp. 134–137.

[19] Medushenkov F. V. The Constitutional System for Protecting the Right to Personal Inviolability: Concept, Structure, and Functional Components // Education and Law. — 2026. — No. 9. — pp. 143–149.

[20] Eriashvili N. D. On Strengthening Federalism through the Incorporation of Newly Formed Subjects of the Russian Federation // Education and Law. — 2025. — No. 5. — pp. 13–16.

[21] Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021, "On the General Principles of the Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (Part I). Art. 8973.

[22] Bulakov O. N. State Protection of Rights and Freedoms as a Constitutional Principle of Rights and Freedoms // Education and Law. — 2026. — No. 7. — pp. 89–96.

[23] Kaskulov I. A. The System of Constitutional Principles of Russian Federalism // Education and Law. — 2017. — No. 4. — pp. 83–89.

[24] Markov R. S., Cheprasov M. N., Yurina P. A., Mologina P. I. Implementation of the Constitutional Provision Regarding Federal Territories: Assessing the Results of the First Five Years of the Experiment // Education and Law. — 2026. — No. 2. — pp. 143–149.

[25] Bulakov O. N. The Constitutional Status of the Parliament in the Russian Federation // Education and Law. — 2025. — No. 12. — pp. 97–99.

[26] Vinogradova E. V. On the Issue of Federalism as a Principle of the Territorial Organization of Modern Russia // Education and Law. — 2024. — No. 2. — pp. 62–65.

[27] Baglay M. V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook. Moscow: Norma; INFRA-M, 2018. pp. 246–263.

[28] Burgess M. In Search of the Federal Spirit: New Theoretical and Empirical Perspectives in Comparative Federalism. Oxford: Oxford University Press, 2012. pp. 24–47.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-114-122
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ОВЧИННИКОВ Иван Иванович,
профессор департамента публичного права
НИУ «Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
e-mail: iovchinnikov@hse.ru

КОМПЕТЕНЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена научными и практическими задачами развития современного местного самоуправления.*

В статье проводится сравнительный анализ развития законодательных установлений о субъектах компетенционных правоотношений в местном самоуправлении, раскрывается роль муниципальных образований в реализации компетенции местного самоуправления в различные периоды его становления в нашей стране, исследуется субъектность населения, органов и должностных лиц местного самоуправления в системе муниципальных компетенционных правоотношений.

Осуществляемое в нашей стране в последние годы систематическое обновление законодательства о местном самоуправлении позволяет выявить общую тенденцию к отнесению наиболее важных компетенций к ведению муниципальных образований, а роль самоуправляющегося населения и органов местного самоуправления как бы вторична. Новый Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» определил муниципальное образование в качестве публично-правового образования, что актуализирует необходимость анализа его сущности и компетенционных возможностей в условиях функционирования единой системы публичной власти.

В статье акцентируется внимание на дальнейшем совершенствовании правовых основ муниципальной компетенции, необходимости расширения различных форм вовлечения граждан в решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: *компетенция местного самоуправления; муниципальное образование; предметы ведения; полномочия; население; публично-правовое образование; органы местного самоуправления; субъекты местного самоуправления.*

Для цитирования: *Овчинников И. И. Компетенция местного самоуправления (дискуссионные аспекты оптимизации правового регулирования) // Образование и право. 2026. № 10. С. 114–122.*

OVCHINNIKOV Ivan Ivanovich,
Professor, Department of Public Law,
National Research University Higher School of Economics,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation

COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT (PROBLEMS OF OPTIMIZATION OF LEGAL REGULATION)

Annotation. *The relevance of the study is due to the scientific and practical tasks of the development of modern local self-government.*

The article conducts a comparative analysis of the development of legislative provisions on the subjects of competence legal relations in local self-government, reveals the role of municipalities in the implementation of the competence of local self-government in different periods of its formation in our country, studies the subjectivity of the population, bodies and officials of local self-government in the system of municipal competence legal relations.

The systematic updating of the legislation on local self-government in our country in recent years makes it possible to identify a general trend towards the attribution of the most important competencies of the municipal level to municipalities, and not to the self-governing population and local self-government bodies. The new Federal Law of March 20, 2025 No 33-FZ "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" defined a municipality as a public legal entity, which actualizes the need to analyze its essence and competence capabilities in the context of the functioning of a unified system of public authority.

The article focuses on the further improvement of the legal framework of municipal competence, the need to expand various forms of involvement of citizens in solving issues of direct support of the population.

Key words: *competence of local self-government; municipality; subjects of jurisdiction; powers; population; public-legal entity; local self-government bodies; subjects of local self-government.*

For citation: *Ovchinnikov I. I. Competence of local self-government (problems of optimization of legal regulation). Education and law. 2026;(10):114–122. (In Russ.).*

Российский и зарубежный опыт организации местного самоуправления показывает, что деятельность государственной власти может быть эффективной только при условии, что она основывается на жизнеспособной системе самоорганизации населения. Почти все государственные решения, касающиеся интересов граждан, так или иначе проходят через местные органы, реализуются в деятельности местных сообществ. Население ощущает результаты государственной политики и оценивают ее, прежде всего, через призму удовлетворения своих жизненных потребностей и интересов. Самоуправление формирует основы понимания людьми своей причастности к осуществлению власти на местном уровне, собственной ответственности за непосредственное решение вопросов обеспечения своей жизнедеятельности на территории проживания [2].

С переходом нашей страны в конце 80-х - начале 90-х годов XX века к организации местного самоуправления, его компетенция стала важнейшим началом реализации публично-властного характера местного самоуправления, осуществления его задач и функций средствами организационного, финансово-экономического и правового характера [4, с. 249-250; 5, с.22].

В последующем государство стало более предметно определять систему взаимодействия органов государственной власти с органами местного самоуправления. Включение органов местного самоуправления, наряду с органами государственной власти, в единую систему публичной власти (ст. 132 Конституции РФ) позволяет создать модель, с помощью которой гарантируются самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий, необходимая материально-финансовая база и, вместе с тем, сохраняется возможность влияния органов государственной власти на деятельность органов местного самоуправления, усиливается их взаимодействие в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения.

Уяснение потенциала этой, по сути, новой модели, ее особенностей и тенденций развития нуждается во всестороннем и системном изучении. Необходимы правовая оценка тех инструментов, посредством которых она вводится, установление степени их соответствия нормам Конституции Российской Федерации, федерального и регионального законодательства, учет практики реализации компетенции местного самоуправления. Важно определить, позволяет ли современная модель обеспечить реальную эффективность местной власти, создает ли она возможность решения вопросов местного значения на основе принципов самоорганизации, саморегулирования и самоконтроля, с одной стороны, и приведет ли она к образованию единого и эффективного механизма управления как в центре, так и на местах - с другой.

Компетенцию местного самоуправления [6, с. 57] классифицируют по различным основаниям:

по форме закрепления различают:

- конституционные полномочия местного самоуправления, изложенные в Конституции РФ, конституциях и уставах субъектов Российской Федерации (например, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, ст. 130 Конституции РФ);

- законодательные полномочия, закрепленные в федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении, в отраслевых законах;

- уставные полномочия, закрепленные в уставах муниципальных образований;

- регламентные полномочия, предусмотренные в регламентах представительных органов и местных администраций;

2) по форме деятельности выделяют видовые полномочия, или обусловленные операционным делением (по руководству, управлению, решению, участию, организации, разработке, координации, контролю и др.). Полномочия этой группы различным образом комбинируется при любом виде деятельности муниципальных органов;

3) по содержанию различают представительские, нормотворческие, организационно-распорядительные, контрольные, то есть те полномочия, посредством которых местная власть выполняет соответствующие функции представительского, правотворческого, управленческого и контрольного свойства.

Основу правового регулирования компетенционных аспектов местного самоуправления составляют конституционные положения о том, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью (ст.130 Конституции РФ). Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения, а также в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи. Кроме того, они могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их исполнения материальных и финансовых средств (ст. 132). Отражены в Конституции РФ и основные формы осуществления гражданами местного самоуправления путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и иные органы местного самоуправления [5].

Закрепленные Конституцией РФ самостоятельность и организационная обособленность местного самоуправления от органов государственной власти сформировали в юридической науке различные взгляды на пределы конституционного закрепления правомочий местного самоуправления. Придавая местному самоуправлению не менее важную роль, чем иным институтам демократической системы общества [3, с. 20], многие исследователи отмечают проблемы при определении объема компетенции, ее разграничении между субъектами муниципально-правовых отношений и способами правового закрепления.

На современном этапе муниципальной реформы в нашей стране анализ роли и места таких субъектов муниципально-правовых отношений как население, муниципальное образование, органы местного самоуправления в реализации компетенции местного самоуправления становится актуальной научной задачей. Ее постановка обусловлена, в частности, тем, что за весь период организации местного самоуправления в нашей стране за субъектами муниципально-правовых отношений законодательно по-разному закрепляются составляющие общепризнанную структуру компетенции: *предметы ведения* (сферы деятельности, вопросы местного значения) и *полномочия* (права и обязанности субъектов по предметам ведения).

Определенные выводы можно сделать, принимая во внимание основополагающие документы в области местного самоуправления. Так, Европейская хартия местного самоуправления исходит из того, что под местным самоуправлением понимается *право и реальная способность органов местного самоуправления* регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения… Это положение не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой *форме прямого участия граждан*, если это допускается законом [7]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что участие населения в местном самоуправлении и, следовательно, в реализации компетенции местного самоуправления в европейских странах носит ограниченный характер.

Важно выяснить и роль муниципального образования в осуществлении компетенции местного самоуправления.

В научной литературе нашло поддержку суждение о том, что муниципальное образование, как территория, в границах которой население и (или) органы местного самоуправления осуществляют решение вопросов местного значения, должно усиливать свое самостоятельное значение в муниципальных компетенционных правоотношениях [1, с. 56-129].

Вместе с тем, как отмечалось, в статье 130 Конституции РФ акцентируется внимание на том, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение *населением* вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8] местное самоуправление – форма осуществления народом своей

власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией РФ и действующим законодательством, самостоятельное и под свою ответственность *решение населением непосредственно и (или) через органы местного* самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций (часть 2 ст. 1). Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [9] (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ) определяет местное самоуправление как форму самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах установленных Конституцией Российской Федерации и законами полномочий.

Таким образом, напрашивается вполне вывод о том, что если самоуправляется проживающее на определенной территории население, которое непосредственно и (или) через органы местного самоуправления решает вопросы местного значения, то и перечень этих вопросов необходимо отнести к ведению населения и (или) органов местного самоуправления соответствующего муниципального образования. Представляется, что такой подход не противоречит и международным стандартам, закрепленным, в частности, в Европейской хартии местного самоуправления. Нельзя не согласиться с мнением Ю. А. Тихомирова, считавшего, что главным социальным и правообразующим источником компетенций всех видов является народ [6, с.52].

Анализ предшествующего законодательства позволяет выявить основные способы закрепления института компетенции на местном уровне.

В советский период с учетом действовавшего принципа полновластия Советов компетенция местных органов государственной власти всегда рассматривалась в качестве одного из главных, стержневых элементов организации и функционирования их системы. Например, Законом РСФСР «О районном Совете народных депутатов РСФСР» [10] подробно закреплялись права и обязанности не района, как административно-территориальной единицы, а конкретно районного Совета народных депутатов в различных отраслях и сферах деятельности: планирования, учета и отчетности; бюджетно-финансовой работы; сельского хозяйства; землепользования, водопользования, лесного хозяйства, использования недр и охраны природы; промышленности; строительства, планировки и застройки; дорожного строительства, транспорта и связи; жилищного, коммунального хозяйства и благоустройства; торговли и общественного питания; бытового обслуживания; народного образования; культурно-просветительной работы; здравоохранения, физической культуры и спорта; труда и подготовки кадров; социального обеспечения; обеспечения социалистической законности, охраны государственного и общественного порядка, прав граждан, осуществления народного контроля; оборонной работы.

Следует отметить, что по каждому направлению деятельности формулировки полномочий районного Совета: «руководит», «осуществляет контроль», «принимает решения», «утверждает», «содействует», «назначает», «организует», «оказывает помощь», «регистрирует», «обеспечивает», «рассматривает» и др. позволяли депутатам, работникам исполнительного комитета Совета четко представлять вид и форму их конкретных действий и необходимых актов.

Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [11] закреплял основы определения компетенции *органов* местного самоуправления, которые наделялись законодательством собственной компетенцией с учетом возможности ее самостоятельной реализации на первичном территориальном уровне (сельсовет, поселок (район), город (район в городе). Однако в законе весьма лаконично излагались экономическая и финансовая основы местного самоуправления и лишь отдельные полномочия органов местного самоуправления в указанных сферах.

В Российской Федерации первый в области местного самоуправления Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» [12] был принят 6 июля 1991 г. Он также закреплял принципы определения компетенции *органов* местного самоуправления, акцентируя внимание на подробном урегулировании компетенции местных Советов и местной администрации различных территориальных уровней в сферах хозяйственного и социально-культурного строительства. Кроме того, в Законе перечислялись вопросы, решаемые исключительно представительным органом на сессии Совета, полномочия председателя Совета, заместителя председателя Совета, постоянных комиссий Совета, главы местной администрации. Представляется, что с точки зрения детальной проработки в законе предметов ведения и полномочий органов местного самоуправления, была создана хорошая основа для их практической реализации.

Иной подход к закреплению компетенции местного самоуправления был предложен Федеральным законом от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления

в Российской Федерации» [13]. В нем не была учтена сложившаяся к этому времени практика подробного изложения вопросов местного значения и полномочий, применительно к органам местного самоуправления различных территориальных уровней. В ст. 6 Закона к ведению *всех муниципальных образований* был отнесен единый перечень предметов ведения (вопросов местного значения), а также и отдельные государственные полномочия, которыми могли наделяться органы местного самоуправления. Однако конкретные полномочия для осуществления указанных вопросов местного значения законом не были предусмотрены.

Очевидно, что такой способ закрепления компетенции нельзя признать удачным, поскольку не мог быть единым перечень вопросов местного значения для разных муниципальных образований, прежде всего, из-за существенных различий в объеме местных дел и в возможностях решения вопросов местного значения. Поэтому дальнейшее разграничение этих вопросов между муниципальными образованиями осуществлялось уже законами субъектов Российской Федерации, с последующим отражением в уставах соответствующих муниципальных образований.

Не было определенности и в полномочиях органов местного самоуправления, которые должны были уставами муниципальных образований наделяться собственной компетенцией. Закон закрепил лишь несколько вопросов исключительного ведения представительных органов местного самоуправления. По всем остальным полномочиям представительного органа, главы муниципального образования, иных органов местного самоуправления (местная администрация в законе вообще не упоминалась и потому относилась к иным органам) содержались отсылки к уставу муниципального образования.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», оставил закрепление вопросов местного значения за *муниципальными образованиями.* Отдельными статьями были определены перечни вопросов местного значения для городского, сельского поселения; муниципального района; муниципального, городского округа; внутригородского района (статьи 14-16.2). Кроме того, органы местного самоуправления этих муниципальных образований получили права на решение предусмотренных законом дополнительных вопросов, непосредственно не отнесенных к вопросам местного значения.

Логичным развитием такого подхода в правовом регулировании компетенции было бы закрепление конкретных полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения отдельно каждого вида муниципальных образований. Однако в ст. 17 закона были закреплены общие полномочия органов местного самоуправления всех видов муниципальных образований, без учета особенностей этих территорий. Таким образом, получалось, что даже при изменении статуса муниципального образования и отнесенных к его ведению вопросов местного значения, объем полномочий органов местного самоуправления этого муниципального образования с точки зрения федерального закона не изменялся.

Практика развития местного самоуправления в нашей стране показала востребованность разделения единого содержания компетенции на две части и закреплять одну часть – вопросы местного значения - за муниципальным образованием, а вторую часть – полномочия по решению этих вопросов – за органами местного самоуправления? В статье 2 Федерального закона № 131-ФЗ понятием муниципального образования охватывается определенная территория, наделенная статусом городского или сельского поселения, муниципального района, муниципального округа, городского округа, городского округа с внутригородским делением, внутригородского района либо внутригородской территории города федерального значения. Как самостоятельная территория каждое муниципальное образование может быть преобразовано: разделено, объединено, упразднено, наделено либо лишено определенного статуса (статьи 13-13.1 Федерального закона № 131-ФЗ), что детерминирует изменение перечня отнесенных к ведению муниципального образования вопросов местного значения и полномочий органов местного самоуправления по их решению. Поэтому отсутствие конкретики в урегулировании полномочий органов местного самоуправления каждого территориального уровня сохраняло их функциональную неопределенность.

Законодательное закрепление новых позиций муниципального образования в местном самоуправлении заметно активизировало в последние годы развитие научных исследований, посвященных различным аспектам функционирования муниципальных образований. Не был забыт и предыдущий опыт правового регулирования статуса муниципальных территорий. Например, Гражданским кодексом РФ (часть первая) установлено (ст. 124), что муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами.

Постепенно данный подход стал приме-

няться и в муниципально-правовых отношениях. Наиболее последовательно такая тенденция получила свое отражение в Федеральном законе № 131-ФЗ, который существенно повысил роль муниципального образования в качестве самостоятельного субъекта в важнейших муниципальных правоотношениях и, особенно, в осуществлении компетенции местного самоуправления.

По мнению ряда исследователей, научный анализ правового положения муниципального образования дает основания для определения его как отдельного, самостоятельного, основополагающего института местного самоуправления. Так, И. В. Бабичев высказал ряд идей о том, что муниципальные образования, отдельные виды муниципальных образований, территория муниципального образования, органы местного самоуправления и даже сами граждане – это все муниципальные юридические конструкции, что муниципальное образование и его население – разные системы и потому они могут иметь разные цели, конфликт которых может быть источником развития. Именно муниципальное образование как юридическая конструкция является центральным (основным) элементом системы местного самоуправления. Эту систему, собственно, и составляют именно муниципальные образования различных видов, находящиеся в соответствующем правовом окружении и связанные между собой разнообразными взаимоотношениями в группы, образующие вертикально и горизонтально интегрированные структуры. В систему местного самоуправления автор включает также объединения муниципальных образований в субъектах Российской Федерации, единое общероссийское объединение муниципальных образований, правоотношения элементов системы между собой и с государством и цель системы как «системообразующий фактор». Кроме того, муниципальное образование признается основным субъектом-объектом местного самоуправления, что составляет его главную правовую особенность. Население, институциональные местные сообщества, органы местного самоуправления являются, по мнению автора, лишь *элементами муниципального образования* [14; 15]. Таким образом, вполне может сложиться впечатление о том, что самоуправляется вовсе не население, как это установлено ст. 130 Конституции РФ, а именно муниципальное образование.

По мнению О. И. Баженовой муниципальное образование представляет собой один из элементов социальной структуры общества, обладает правоспособностью и даже является одним из видов юридических лиц [1, с. 92-94].

После таких характеристик, видимо, не должны возникать вопросы о том, почему именно за муниципальными образованиями законом закреплены соответствующие вопросы местного значения.

Между тем, даже в советский период вопросы комплексного развития административно-территориальных единиц (сельсоветов, поселков, районов, городов, районов в городах, автономных образований, краев, областей) относились к ведению не этих территорий, а, что представляется вполне логичным, к ведению соответствующих местных Советов, действующих на данных территориях. Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [16] аналогично закреплял основы определения компетенции органов местного самоуправления, а не территорий. Принципы определения *компетенции органов* местного самоуправления, а также полномочия местных Советов и местной администрации в конкретных областях и сферах деятельности были детально урегулированы, как отмечалось, и в Законе РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» [17].

Таким образом, основанием к восхождению института муниципального образования к компетенционным вершинам местного самоуправления послужили установления Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Компетенция оказалась необоснованно разделенной на отдельные структурные элементы и откровенно плохо регламентировалась в тексте закона. Вопреки предшествующему опыту правового регулирования, один элемент компетенции - *предметы ведения (вопросы местного значения)* - теперь были отнесены к ведению муниципальных образований, которые даже получили право «принимать к своему рассмотрению» и некоторые дополнительные вопросы. К слову, конструкция изначально явно нелогичная, так как не может территория что-то принять к своему рассмотрению. Если бы закон отнес вопросы местного значения к ведению самоуправляющегося населения и (или) органов местного самоуправления, то это было бы понятно. Однако законодатель предпочел подчеркнуть территорию в реализации компетенции местного самоуправления.

Видимо понимая, что такой подход к закреплению компетенции, когда законом устанавливается лишь перечень вопросов местного значения, а полномочия по их решению должны самостоятельно определяться в уставе каждого конкретного муниципального образования, нельзя считать удачным и достаточным для полноценного и эффективного функционирования местного самоуправления, законодатель разрешил допол-

нительно применять положения статей 49-76 (о полномочиях органов местного самоуправления) утратившего силу Закона РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР. Даже с учетом того, что указанный закон был разработан и вступил в силу еще в советский период, имел другие перечни вопросов местного значения и, естественно, соответствующие полномочия по их решению, все же эта мера давала возможность определять в уставах такие полномочия органов местного самоуправления, которые основывались на конкретных законодательных установлениях, прошедших апробацию предыдущей (с 1991 г.) практикой становления и развития местного самоуправления в нашей стране.

Муниципальные образования наделяются и другими очень важными правомочиями. Так, с учетом положений ст. 215 части первой ГК РФ городские и сельские поселения, а также другие муниципальные образования стали признаваться еще и *собственниками муниципальной собственности*. До 1995 года этот вопрос решался иначе. Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» устанавливал, что распоряжение и управление коммунальной собственностью осуществляют *от имени населения* административно-территориальных единиц соответствующие Советы народных депутатов и уполномоченные ими органы. В Законе РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» говорилось, что муниципальная собственность является *достоянием населения* соответствующей территории (статья 37), а распоряжение и управление объектами муниципальной собственности осуществляют местные Советы и местные администрации в соответствии с разграничением компетенции (статья 38). Конституция Российской Федерации (статья 130) содержит положение о том, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью (ст.132).

Конституционные установления и положения ГК РФ своеобразно были учтены в Федеральном законе от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ. Он признавал правомочия собственника муниципальной собственности за муниципальным образованием, от имени которого права собственника осуществляли органы местного самоуправления, однако предусматривал (ст. 29) и возможность осуществления прав собственника в отношении муниципальной собственности в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований, *непосредственно населением*. Позднее, в Федеральном законе от 25 сентября 1997 г. «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» [18] отмечалось (ст. 2), что права собственника в отношении местных финансов осуществляются *от имени населения* муниципального образования органами местного самоуправления или непосредственно населением муниципального образования в соответствии с его уставом.

Очевидно, что на протяжении нескольких лет в законодательстве боролись две тенденции: признавать ли собственниками муниципальной собственности самоуправляющееся население и органы местного самоуправления или признавать собственником муниципальное образование, от имени которого права собственника осуществляют органы местного самоуправления. В ст. 51 Федерального закона № 131-ФЗ четко отражена вторая тенденция: *органы местного самоуправления от имени муниципального образования* самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются муниципальным имуществом в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Аналогичное положение закреплено и в ст. 64 нового Федерального закона от 29 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Установления статьи 51 Федерального закона № 131-ФЗ и статьи 64 Федерального закона № 33-ФЗ могут служить предпосылками для отстранения самоуправляющегося населения от непосредственного участия в решении вопросов муниципальной собственности в большинстве муниципальных образований (кроме тех, в которых полномочия представительного органа по 131-ФЗ осуществляет сход граждан). Закон не предусматривает и действенных механизмов контроля населения за осуществлением органами местного самоуправления полномочий собственника муниципального имущества. В числе последствий такого законодательного регулирования одного из наиболее важных вопросов местного самоуправления можно назвать криминализацию муниципальных имущественных отношений и злоупотребления со стороны должностных лиц органов местного самоуправления.

Тенденция усиления территориальной составляющей в организации и осуществлении компетенции местного самоуправления проявляется и в других федеральных законах. Так, в соответ-

ствии с Федеральным законом от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [10; 19] муниципальные образования являются уже и *нанимателями для муниципальных служащих.* Но поскольку самой территории это осуществить невозможно, постольку законодатель вышел на опробованный с муниципальной собственностью путь: *от имени муниципального образования* полномочия нанимателя осуществляет представитель нанимателя (работодатель). Однако муниципальное образование, как территория, естественно не может самостоятельно реализовать это полномочие и определить представителя нанимателя. Закон помогает муниципальному образованию разрешить созданную им же ситуацию и сам устанавливает круг представителей нанимателя (работодателей): глава муниципального образования, руководитель органа местного самоуправления, председатель избирательной комиссии муниципального образования или иное лицо, уполномоченное исполнять обязанности представителя нанимателя (работодателя). Возникает вопрос: если в итоге сам закон определяет конкретных должностных лиц, решающих вопросы муниципальной службы, то зачем вовлекать в этот процесс еще и территорию - муниципальное образование? Почему все действия обязательно должны совершаться от имени территории?

Складывается впечатление, что пока нет заинтересованности в том, чтобы законодательно закреплять право непосредственно самоуправляющегося населения и (или) органов местного самоуправления выступать нанимателями муниципальных служащих, чтобы за ними, а не за территорией, закреплялись вопросы местного значения и определялись полномочия по их решению, чтобы население, органы местного самоуправления, а не территория, наделялось правомочиями собственника муниципальной собственности.

Можно предположить, что оставляя решение все этих вопросов за муниципальными образованиями, законодатель как бы подразумевал все это за органами местного самоуправления и населением, проживающим в этих муниципальных образованиях. Ведь иначе, вопреки концепции местного самоуправления, население утрачивает свою причастность к решению наиболее важных вопросов местного значения. Однако законодатель находит возможность, когда это, с его точки зрения, целесообразно, использовать в компетенционных отношениях категории «население», «органы местного самоуправления».

Например, отдельные государственные полномочия передаются (ст. 19-20 Федерального закона № 131-ФЗ; ст. 33-34 Федерального закона № 33-ФЗ) для осуществления не соответствующим муниципальным образованиям (что вполне можно было ожидать, учитывая общую парадигму данного Закона), а непосредственно органам местного самоуправления. Тем самым законодатель показал, что «население», «органы местного самоуправления» и «муниципальное образование» в его понимании не одно и то же. Когда затрагиваются интересы органов государственной власти и необходимо обеспечить осуществление передаваемых отдельных государственных полномочий, привлечь к ответственности исполнителей, тогда закон четко определяет и порядок наделения такими полномочиями, и порядок контроля, и механизм ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления. Конечно, муниципальное образование к ответственности не привлечешь и потому эта конструкция в данном случае не применима. Следовательно, нельзя считать случайным наделение не населения, не органов местного самоуправления, а именно муниципальных образований предметами ведения, полномочиями собственника муниципальной собственности, нанимателя муниципальных служащих, делая их главным звеном местного самоуправления.

Нельзя не признать, что подмена населения как основного и главного субъекта местного самоуправления юридической конструкцией муниципального образования, некорректна, прежде всего, по отношению к положениям статьи 130 Конституции Российской Федерации.

С принятием Федерального закона № 33-ФЗ начался новый этап в практике правового закрепления компетенции местного самоуправления. Теперь закон (ст. 32) не содержит отдельных *перечней вопросов* местного значения муниципальных образований. Акцент сделан на закреплении *полномочий* органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Эти вопросы и полномочия по их решению разграничены на три части: а) полномочия, не подлежащие перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти; б) полномочия органов местного самоуправления, которые законом субъекта РФ могут перераспределяться для осуществления органами государственной власти субъекта РФ; в) полномочия, которые считаются перераспределенными для осуществления органами государственной власти субъекта РФ, но законом субъекта могут перераспределяться для осуществления органами местного самоуправления.

Данная конструкция предполагает большую законотворческую деятельность субъектов Российской Федерации. Поэтому не случайно, что

положения ст. 32, как и положения ст. 37, определяющей права органов местного самоуправления на осуществление полномочий, не отнесенных к полномочиям органов местного самоуправления, вступают в силу только с 1 января 2028 г.

Список литературы:

[1] Баженова О.И. Муниципальное образование как субъект права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 56-129.

[2] Лексин И. В. Территориальное устройство России: Конституционно-правовые проблемы. – М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 126-131.

[3] Либоракина М. И. Проблемы и перспективы местного самоуправления: независимая экспертиза реформы. – М., 2003. – С. 20.

[4] Постовой Н. В. Правовое регулирование основ и компетенции местного самоуправления в России. – М.: Юриспруденция. 1999. С. 249-250.

[5] Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов. – М.: 1986. С. 22.

[6] Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. – М.: Норма. 2004. С. 57.

[7] Собрание законодательства РФ. 1998. № 15. Ст. 1695.

[8] Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[9] Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст.1200.

[10] Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1986, № 6, ст. 176, № 23, ст 637.

[11] Ведомости СНД и ВС СССР, 1990, № 16, ст. 267.

[12] Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1991, № 29, ст. 1010.

[13] Собрание законодательства РФ, 1995, № 35, Ст. 3506.

[14] Бабичев И. В. Муниципальные юридические конструкции: системно-структурный анализ: Автореф. дисс. … докт. юрид. наук. М., 2010. С. 7 – 11.

[15] Бабичев И. В. К вопросу о структуре территориального публичного коллектива (населения) муниципального образования и местных сообществ // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 51-58.

[16] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

[17] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

[18] Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст.4464.

[19] Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

References:

[1] Bazhenova O. I. The Municipality as a Subject of Law. Moscow: Moscow University Press, 2010, pp. 56–129.

[2] Leksin I. V. The Territorial Structure of Russia: Constitutional and Legal Issues. Moscow: LENAND, 2014, pp. 126–131.

[3] Liborakina M. I. Problems and Prospects of Local Self-Government: An Independent Expert Review of the Reform. Moscow, 2003, p. 20.

[4] Postovoy N. V. Legal Regulation of the Foundations and Competence of Local Self-Government in Russia. Moscow: Yurisprudentsiya, 1999, pp. 249–250.

[5] Kutafin O. E., Sheremet K. F. The Competence of Local Soviets. Moscow, 1986, p. 22.

[6] Tikhomirov Yu. A. The Theory of Competence. Moscow: Norma, 2004, p. 57.

[7] Collected Legislation of the Russian Federation, 1998, No. 15, Item 1695.

[8] Collected Legislation of the Russian Federation, 2003, No. 40, Item 3822.

[9] Collected Legislation of the Russian Federation, 2025, No. 12, Item 1200.

[10] Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1986, No. 6, Item 176; No. 23, Item 637.

[11] Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the USSR, 1990, No. 16, Item... 267.

[12] Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1991, No. 29, Item 1010.

[13] Collection of Legislation of the Russian Federation, 1995, No. 35, Item 3506.

[14] Babichev, I. V. *Municipal Legal Constructs: A Systemic-Structural Analysis*: Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences. Moscow, 2010, pp. 7–11.

[15] Babichev, I. V. "On the Question of the Structure of the Territorial Public Collective (Population) of a Municipality and Local Communities," *Constitutional and Municipal Law*, 2012, No. 6, pp. 51–58.

[16] Gazette of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR, 1990, No. 16, Item 267.

[17] Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR, 1991, No. 29, Item 1010.

[18] Collection of Legislation of the Russian Federation, 1997, No. 39, Item 4464.

[19] Collection of Legislation of the Russian Federation, 2007, No. 10, Item 1152.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-123-127
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЮН Лариса Владимировна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mail@law-books.ru

ЯКИМОВА Ульяна Алексеевна,
студентка Юридического факультета Казанского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», e-mail: mail@law-books.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РИСКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовых и социально-политических аспектов внедрения технологий искусственного интеллекта в избирательный процесс Российской Федерации. Авторы рассматривают современное состояние нормативно-правового регулирования, выявляют ключевые риски использования искусственного интеллекта, включая манипуляцию общественным мнением, создание дипфейков и угрозу принципу свободных выборов, а также предлагают возможные перспективы и пути решения возникающих проблем. Делается вывод о необходимости формирования сбалансированного подхода, сочетающего технологическое развитие с защитой конституционных прав граждан.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, избирательный процесс, дипфейки, правовое регулирование, агитация, цифровые права, электоральная демократия.*

Для цитирования: *Юн Л. В., Якимова У. А. Применение искусственного интеллекта в избирательном процессе Российской Федерации: риски и возможные перспективы // Образование и право. 2026. № 10. С. 123–127.*

YUN Larisa Vladimirovna,
Associate Professor at the Department of State and Legal Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

YAKIMOVA Ulyana Alekseevna,
Student at the Faculty of Law, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education)

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ELECTORAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION: RISKS AND PROSPECTS

Annotation. *This article analyzes the legal and socio-political aspects of integrating artificial intelligence technologies into the electoral process of the Russian Federation. The authors examine the current state of legal regulation and identify key risks associated with the use of artificial intelligence—such as the manipulation of public opinion, the creation of deepfakes, and threats to the principle of free elections—while also proposing potential future developments and solutions to emerging challenges. The article concludes that a balanced approach is required, one that combines technological advancement with the protection of citizens' constitutional rights.*

Key words: *artificial intelligence, electoral process, deepfakes, legal regulation, campaigning, digital rights, electoral democracy.*

For citation: *Yun L. V., Yakimova U. A. The use of artificial intelligence in the electoral process of the Russian Federation: risks and prospects. Education and law. 2026;(10):123–127. (In Russ.).*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее -ИИ) оказывает все более ощутимое воздействие на различные сферы общественной жизни, включая политическую. Избирательный процесс, являющийся одной из фундаментальных основ конституционного строя, не остается в стороне от этих трансформаций. В Российской Федерации, как и в других государствах, все чаще поднимается вопрос о возможности и допустимости применения ИИ в ходе подготовки и проведения выборов.

По мнению К.А. Костенкова с одной стороны, цифровые технологии открывают новые возможности для самовыражения, применение системы искусственного интеллекта в государственном управлении, избирательном процессе укрепляет демократию, а с другой применение цифровых технологий создают риски нарушения основополагающих идей, принципов всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [1, с. 68, 69].

При этом как справедливо отмечают, Т.П. Черкасова и О.В. Позднякова особый интерес представляет ситуация в Российской Федерации, где цифровизация госуправления и политической сферы активно продвигается, но правое регулирование ИИ не имеет четкой законодательной базы [4, с. 193]

В рамках данного исследования акцент сделан на проведении комплексного анализа рисков и перспектив применения искусственного интеллекта в избирательном процессе Российской Федерации сквозь призму анализа современного состояния правового регулирования ИИ в избирательном процессе; выявления основных рисков, связанных с использованием нейросетей в политических коммуникациях; рассмотрение возможных перспектив легального применения ИИ для повышения эффективности избирательных кампаний; формулировка предложений по совершенствованию законодательства с учетом позиций ведущих ученых и практиков.

Правовое регулирование применения технологий ИИ в избирательном процессе Российской Федерации находится на начальной стадии формирования. Как отмечает Заместитель председателя Совета по развитию цифровой экономики при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А.Г. Шейкин, мы видим, что нейросети становятся частью повседневной коммуникации — от создания агитационных материалов до анализа общественных настроений. Если этот процесс не будет грамотно урегулирован, он действительно может привести к злоупотреблениям [5].

Существенный шаг в направлении правового регулирования был сделан в апреле — мае 2026 года, когда Государственная Дума приняла, а Президент РФ подписал закон, вносящий изменения в избирательное законодательство. Данный закон вводит запрет на использование в предвыборной агитации изображения или воспроизведение голоса, в том числе вымышленного или умершего человека, созданные с применением информационных технологий. Как пояснил председатель Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников, данный законопроект призван стать гарантией того, что в центре избирательного процесса остался живой человек с его искренним выбором, а не синтетическая картинка, созданная для политического маркетинга [6].

Новеллы законодательства предусматривают, что использование голоса или изображения реального человека, созданных с помощью ИИ, допускается только при наличии письменного согласия гражданина России старше 18 лет, форма которого утверждается Центральной избирательной комиссией РФ. Кроме того, закон разрешает использовать цифровой образ и голос выдвинутого кандидата, а сам кандидат может применять свои ИИ-копии в агитационных материалах. Однако, как обоснованно отмечает И.Д. Навагин, существующее регулирование пока не охватывает весь спектр возможных правоотношений, связанных с применением ИИ на выборах. Ученый рассматривает проблему выбора между «жестким» ограничением использования ИИ и «мягким» регулиро-

ванием, допускающим его применение с определенными оговорками. Автор приходит к выводу о необходимости учета практики конституционных судов зарубежных государств и выработки универсальных подходов к решению данной проблемы [2, с. 20] .

Ф.В. Ниточкин, анализируя перспективы внесения изменений в законодательство о выборах, направленных на легализацию использования технологий ИИ, подчеркивает, что ключевым вопросом остается сохранение базовых принципов избирательного права — свободного и добровольного участия граждан в выборах, достоверности волеизъявления [3, с. 28].

Помимо проблем, связанных с правовым регулированием в результате применения ИИ в избирательном процессе, могут возникать многочисленные риски, некоторые из которых будут рассмотрены в данном исследовании.

Риски, связанные с внедрением ИИ в избирательный процесс, носят комплексный характер и затрагивают конституционные права граждан, принципы демократического волеизъявления и основы информационной безопасности. Наиболее значимые из них могут быть систематизированы по следующим основаниям.

Одним из наиболее опасных рисков является возможность использования нейросетей для целенаправленного манипулирования общественным мнением. Как отмечает первый заместитель председателя комиссии Общественной палаты РФ А.Н. Асафов, данные ВЦИОМ показывают, что 52% взрослого населения и 79% подростков доверяют информации, предоставляемой нейросетями [7]. Это создает благоприятную почву для воздействия на электоральный выбор граждан. Особую опасность представляет микротаргетирование — технология создания индивидуальных профилей избирателей с учетом их настроений и предпочтений с последующей персонализированной рассылкой агитационных материалов. Использование ИИ в социальных сетях для микротаргетирования становится все более значимым фактором, влияющим на выборные процессы в различных странах. При этом многие граждане не осознают, что взаимодействуют с алгоритмами, не понимая механизмов скрытого воздействия на свои политические предпочтения.

А.Н. Асафов обращает внимание на еще один аспект манипулятивного потенциала ИИ — возможность создания имитации экспертных оценок, которая может использоваться для дискредитации итогов голосования. Нейросети могут генерировать выводы о якобы некорректности результатов выборов, которые впоследствии распространяются в социальных сетях и воспринимаются избирателями как объективное заключение [7].

Технология создания дипфейков (фальшивых изображений, аудио- и видеозаписей, имитирующих действия и высказывания реальных лиц) представляет собой одну из наиболее прямых и очевидных угроз для избирательного процесса. Как неоднократно отмечалось на различных экспертных площадках, существует риск создания с помощью нейросетей «цифровых двойников» политических деятелей, чьи высказывания и действия могут быть сфальсифицированы с целью воздействия на избирателей.

Председатель Центральной избирательной комиссии РФ Э.А. Памфилова подчеркивает, что необходимо обращать внимание на попытки использования нейросетей для дискредитации электоральных процессов [8].

А.Г. Шейкин обоснованно полагает, что сегодня назрела необходимость в разработке и принятии комплексного закона, который определит границы применения ИИ в избирательном процессе и закрепит ответственность за нарушения в этой сфере. По его мнению, главная задача государства — обеспечить баланс между инновациями и безопасностью: ИИ способен значительно повысить эффективность выборных кампаний, но при этом существует риск подмены реальной политической дискуссии технологической манипуляцией [5].

Одним из эффективных механизмов правового регулирования может стать обязательная маркировка материалов, созданных с помощью искусственного интеллекта. Как отмечает А.Г. Шейкин, обсуждается возможность введения «водяных знаков» для синтетических изображений и текстов, что позволит избирателям отличать достоверную информацию от сгенерированной нейросетями [5].

Важной перспективой является создание российских нейросетевых платформ для использования в избирательных процессах. Как отмечает заместитель начальника управления Президента по мониторингу социльных процессов Б. А. Рапопорт, государствам важно как можно быстрее «внести в ИИ элементы государственной идеологии», и лидером в этом процессе является Китай. Российская Федерация, обладая значительным научно-техническим потенциалом, также могла бы разработать собственные решения в этой сфере, что позволило бы минимизировать риски, связанные с использованием зарубежных технологий [9].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что применение искусственного интеллекта в избирательном процессе Российской Федерации представляет собой сложный и много-

гранный феномен, требующий взвешенного правового подхода. С одной стороны, технологии ИИ открывают новые возможности для совершенствования избирательных процедур, персонализации политической коммуникации и повышения эффективности избирательных кампаний. С другой стороны, их использование сопряжено с серьезными рисками, среди которых наиболее значимыми являются манипуляция общественным сознанием, создание и распространение дипфейков, а также угроза информационному суверенитету.

Принятый в 2026 году закон, ограничивающий использование ИИ-образов в предвыборной агитации, представляет собой важный, но лишь первый шаг в формировании комплексного правового регулирования. Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути установления четких правил маркировки контента, созданного с помощью нейросетей, усиления ответственности за злоупотребления в этой сфере и стимулирования создания отечественных технологических решений.

Представляется, что ключевым принципом правового регулирования применения ИИ в избирательном процессе должен стать принцип «человека в центре»: искусственный интеллект должен дополнять человеческий интеллект, выполняя функции аналитического инструмента, но не подменяя собой человека в принятии политических и ценностных решений.

Список литературы:

[1] Костенков К.А. Цифровые технологии в избирательном процессе: доверие граждан и достоверность результатов // Образование и право. 2023. № 11. С. 67-70.

[2] Навагин И.Д. Искусственный интеллект в избирательном процессе: практика использования и подходы к регулированию // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 10. С. 19-22.

[3] Ниточкин Ф.В. Искусственный интеллект и будущее электоральной демократии // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 2. С. 27-30.

[4] Черкасова Т. П., Позднякова О. В. Использование искусственного интеллекта в политических процессах: опыт Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 191–203.

[5] В СФ считают, что ИИ способен повысить эффективность выборных кампаний. // СенатИнформ. URL: https://www.senatinform.ru/news/v_sf_schitayut_chto_ii_sposoben_povysit_effektivnost_vybornykh_kampaniy/ (дата обращения 11.09.2026).

[6] Приняты изменения, направленные на совершенствование избирательного законодательства. // Государственная Дума. URL: http://duma.gov.ru/news/63426/ (дата обращения 11.09.2026).

[7] В ОП заявили об опасности влияния ИИ на политические решения граждан // Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/politics/56437449-v-op-zayavili-ob-opasnosti-vliyaniya-ii-na-politicheskie-resheniya-grazhdan/#1 (дата обращения 12.09.2026).

[8] Электоральные эксперты обсудили роль искусственного интеллекта в выборных процессах // Нижегородская Правда. URL: https://pravda-nn.ru/news/elektoralnye-eksperty-obsudili-rol-iskusstvennogo-intellekta-v-vybornyh-protsessah/#1 (дата обращения 12.09.2026).

[9] В России анонсировали создание ИИ «для выборов» — в него хотят встроить «элементы государственной идеологии» // Новая газета. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2026/03/24/v-rossii-anonsirovali-sozdanie-ii-dlia-vyborov-v-nego-khotiat-vstroit-elementy-gosudarstvennoi-ideologii-news (дата обращения 11.09.2026).

References:

[1] Kostenkov K.A. Digital Technologies in the Electoral Process: Public Trust and the Reliability of Results // Education and Law. 2023. No. 11. pp. 67–70.

[2] Navagin I.D. Artificial Intelligence in the Electoral Process: Implementation Practices and Regulatory Approaches // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 10. pp. 19–22.

[3] Nitochkin F.V. Artificial Intelligence and the Future of Electoral Democracy // Electoral Legislation and Practice. 2025. No. 2. pp. 27–30.

[4] Cherkasova T.P., Pozdnyakova O.V. The Use of Artificial Intelligence in Political Processes: The Experience of the Russian Federation // State and Municipal Administration. Scholarly Notes. 2025. No. 2. pp. 191–203.

[5] The Federation Council Believes AI Can Enhance the Efficiency of Election Campaigns // SenatInform. URL: https://www.senatinform.ru/news/v_sf_schitayut_chto_ii_sposoben_povysit_effektivnost_vybornykh_kampaniy/ (accessed September 11, 2026).

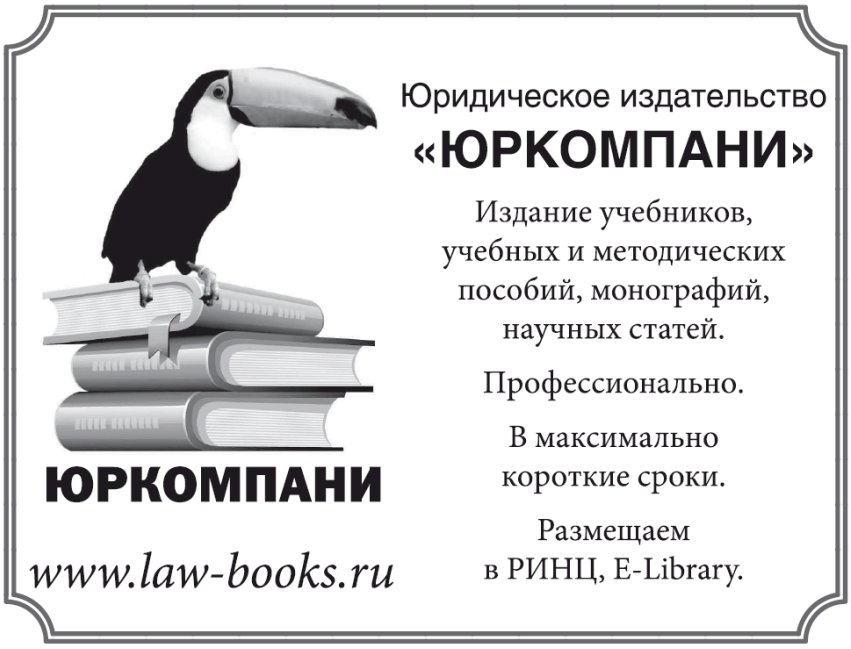
[6] Amendments Adopted to Improve Electoral Legislation // State Duma. URL: http://duma.gov.ru/news/63426/ (accessed September 11, 2026).

[7] The Civic Chamber Warns of the Risks Posed by AI Influence on Citizens' Political Decisions // Rambler. URL: https://news.rambler.ru/politics/56437449-v-op-zayavili-ob-opasnosti-vliyaniya-ii-na-politicheskie-resheniya-grazhdan/#1 (accessed 12.09.2026).

[8] Electoral experts discuss the

role of artificial intelligence in election processes // Nizhegorodskaya Pravda. URL: https://pravda-nn.ru/news/elektoralnye-eksperty-obsudili-rol-iskusstvennogo-intellekta-v-vybornyh-protsessah/#1 (accessed 12.09.2026).

[9] Russia announces development of an AI "for elections" — plans include incorporating "elements of state ideology" // Novaya Gazeta. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2026/03/24/v-rossii-anonsirovali-sozdanie-ii-dlia-vyborov-v-nego-khotiat-vstroit-elementy-gosudarstvennoi-ideologii-news (accessed 11.09.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-128-131

КОСТЮК Михаил Федорович,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор, e-mail: kost-mf@yandex.ru

КУНЦ Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: 73kuntc@mail.ru

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ВОЗДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ НА НОРМЫ УК РФ И УИК РФ

Аннотация. *В настоящее время ведется активная работа по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего борьбу с преступностью на различных ее стадиях. Это вызвано тем, что гуманизация исполнения наказания может быть осуществлена только на прочной научно обоснованной правовой основе. В связи с этим хотелось бы отметить, что любой закон, каким бы хорошим он ни был, требует высокой правовой культуры от лиц, занимающихся правоприменительной деятельностью. В связи с этим, особое требование предъявляется к воздействию Конституции Российской Федерации на формирование источников уголовного и уголовно-исполнительного права.*

Ключевые слова: *гуманизация, права человека, положения, Конституция РФ, уголовное право, уголовно-исполнительное право.*

Для цитирования: *Костюк М. Ф., Кунц Е. В. Конституционализация уголовного права: воздействие Конституции РФ на нормы УК РФ и УИК РФ // Образование и право. 2026. № 10. С. 128–131.*

KOSTYUK Mikhail Fedorovich,
Professor at the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor

KUNTS Elena Vladimirovna,
Chief Researcher, Department for the Development of Methodologies for the Execution of Sentences Related to Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime, Center for Research on Security in Penitentiary Institutions, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor

CONSTITUTIONALIZATION OF CRIMINAL LAW: THE IMPACT OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE NORMS OF THE CRIMINAL

CODE AND THE PENAL ENFORCEMENT CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Active work is currently underway to improve criminal and criminal-executive legislation regulating the fight against crime at its various stages. This is because humanization of punishment can only be achieved on a solid, scientifically sound legal basis. In this regard, it should be noted that any law, no matter how good, requires a high level of legal culture from those involved in law enforcement. Therefore, special attention is paid to the influence of the Constitution of the Russian Federation on the formation of sources of criminal and penal law.*

Key words: *humanization, human rights, provisions, Constitution of the Russian Federation, criminal law, penal enforcement law.*

For citation: *Kostyuk M. F., Kunts E. V. Constitutionalization of criminal law: The impact of the Constitution of the Russian Federation on the norms of the Criminal Code and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):128–131. (In Russ.).*

Эволюция юридической глобализации способствуют унификации внутринационального права по подобию и в соответствии с общепринятыми принципами права, которые положительным образом зарекомендовали себя в разрешении различных по степени своей сложности правовых и социальных конфликтов, а также в процессе достижения юридического баланса частных и публичных интересов.

Нормы международного права декларируют соблюдение прав и свобод человека. Например, преамбула Всеобщей декларации прав человека 1948 года содержит, что одной из важных составляющих правового государства является необходимость в надлежащей защите человека со стороны государства, которое обязано последовательно и постоянно повышать степень юридической защищенности внутри страны, дабы у людей не возникло желания осуществить восстание против беззакония и тирании [2].

В положениях ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года отмечается, что каждое государство возлагает на себя обязательства принимать все необходимые меры в соответствии со своими внутренними конституционными процедурами для постоянного совершенствования и развития механизмов правовой защиты каждого человека в случае, если его правам и законным интересам это потребуется [10].

Таким образом, в вышеуказанных международно – правовых актов подчеркивается стремлении к повышению уровня правовой защищенности, что подразумевает добровольное возложение на каждое государство различных императивных обязательств, смысл исполнения которых заключается в создании такой правовой системы, которая будет оперативно, а значит и эффективно защищать каждого человека, в том числе в сфере уголовной юстиции. Фундаментом для развития подобной идей в российском законодательстве служат нормы главного закона нашей страны – Конституции Российской Федерации [4].

В советский период времени, и в настоящее время, отсутствуют фундаментальные научные исследования относительно роли Конституции РФ как источника уголовного законодательства [5, с. 104]. Очевидно, что уголовное право по своей природе не допускает применение закона по аналогии, что очевидно не позволяет оперативным образом устранить возникшие противоречия, коллизии или внезапно образовавшиеся, но при этом, назревшие в обществе проблемы, требующие безотлагательной правовой оценки. Подобное положение недопустимо в уголовном праве, поскольку оно не способствует ни эффективной защите граждан, ни тем более восстановлению и поддержанию социальной справедливости. Именно социальная справедливость и защита конкретной личности от противоправного уголовного деяния представляет из себя приоритетное целевое направление, которое следует из смысла и толкования многих международно – правовых актов, которые ориентируют внутреннего законодателя постоянно совершенствовать свою внутреннюю нормативную – правовую базу для того, чтобы она полноценным образом отвечала современным вызовам. Права и свободы человека представляют из себя не только письменные законы об их высшей ценности, но и являются реально действующими, представляется невозможным без установления системного и последовательного развития, которое невозможно представить без осуществления тех или иных изменений.

Изучение практики показывает, что причиной несправедливости приговоров, которые иногда заканчиваются осуждением длительному сроку лишения свободы, а по некоторым делам, квалификация преступления осуществляется по части статьи, предусматривающей ответственность за

более строгое преступление.

Взгляды о назначении строгих мер наказания часто находят поддержку в правовой пропаганде, периодической печати, где можно прочитать возмущение или одобрение [11, с. 2-4].

Если проанализировать законотворческий процесс относительно изменений в отечественное уголовное законодательство, то следует отметить, что основная цель была направлена на усиление уголовно-правовой охраны национальных интересов, используя при этом дополнительные механизмы, но этот процесс практически всегда сопровождался с ужесточение уголовного закона [7, с. 48].

Термин источник права, представляется наиболее широким понятием, под которым понимается не только внешнее закрепление юридической мысли законодателя на материальном носителе в виде кодекса или свода законов, но и проблематика правопонимания и правоприменения, соотношение естественного и позитивного права, а также допустимость существования системной иерархий формальных источников в рамках конкретной отрасли права [1]. Давая определение источнику уголовного права в широком смысле, большая часть авторов, фактически декларирует тезис о том, что только письменный нормативно – правовой акт, принятый в строго установленной законодательной процедуре, может быть наделен силой источника уголовного права [9], что не отвечает широкому пониманию смыслового содержания источника уголовного права, поскольку он фактически ограничивает круг источников по формальным (письменным) критериям. При этом полностью опровергать указанную позицию нельзя, поскольку она продиктована мировоззрением позитивистской школы права, в которой, как известно закон всегда представляет из себя письменный документ [6]. Под материальным содержанием понимается весь спектр общественных отношении, которые возникают в уголовной сфере, тогда как юридическая форма есть конкретный механизм, направленный на поддержание и обеспечение правопорядка, законности и обоснованного правоприменения. Вся проблема источников права, к слову, имеющая место быть не только в уголовном праве, но и в целом в романо – германской правовой семье, заключается в неспособности юридической формы (то есть письменного источника) в полной мере обеспечить должное регулирование общественных отношении, которые развиваются крайне стремительно [8].

Важным аспектом, отражающим мощнейший потенциал норм Конституции Российской Федерации, является тот факт, что многие нормы уголовно-исполнительного закона основаны на конституционно-правовых началах и идеях [3, с. 119].

Очевидно, что законодательные основы уголовного и уголовно-исполнительного права России продиктованы не игнорированием формального подхода в нормативно – правовом регулирования уголовного и уголовно-исполнительного права. Целесообразно не отождествлять форму и источники права, поскольку термин источник права гораздо более широкое по своему правому содержанию понятие, чем форма права, которая является лишь основой источника, его отправной точкой.

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Государство и право. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000 год. С. 84.

[2] Всеобщая декларация прав человека (Принята Генеральной ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета». - 05.04.1995. - № 67.

[3] Голубовский В. Ю. Роль Конституции Российской Федерации в процессе преобразования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. В 2-х частях, Самара, 19–20 июня 2025 года. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2025. – С. 118-121.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.09.2026).

[5] Костюк М. Ф., Кунц Е.В. Конституционно-правовая основа отраслевых принципов // Образование и право. – 2025. – № 9. – С. 103-106.

[6] Кругликов Л.Л. Источники и составные части уголовного законодательства Российской Федерации // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи 1982 - 2002. Ярославль, 1999. 200 с.

[7] Кунц Е. В. Роль традиционных семейных ценностей при определении направлений уголовной и уголовно-исполнительной политики // Защита, сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Сборник трудов научно-практической конференции, Луганск, 24 декабря 2025 года. – Луганск: Луганская академия Следственного комитета РФ, 2026. – С. 44-50.

[8] Кутафин О.Е. Источники конституционного права. М., 2002. 348 с.

[9] Малиновский А.А. Конституция как источник уголовного права в зарубежных странах // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 1. С. 13-16.

[10] Международный пакт о гражданских и политических права (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 – ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // «Библиотека российской газеты». - 1999 год. - № 22 – 23.

[11] Смирнов Л., Разумов С. Наказание в виде лишения свободы // Советская юстиция. 1988. № 13. С. 2-4.

References:

[1] Alekseev S. S. State and Law. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow, 2000. P. 84.

[2] Universal Declaration of Human Rights (Adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. – April 5, 1995. – No. 67.

[3] Golubovsky V. Yu. The Role of the Constitution of the Russian Federation in the Process of Transforming Criminal and Penal-Executive Legislation // Penal-Executive System: Legislation, Theory, and Practice: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, dedicated to the memory of the Russian penitentiary scholar, Honored Jurist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts, Samara, June 19–20, 2025. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. – Pp. 118–121.

[4] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Legal Reference System "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: September 13, 2026).

[5] Kostyuk M. F., Kunts E. V. Constitutional and Legal Basis of Branch-Specific Principles // Education and Law. – 2025. – No. 9. – Pp. 103–106.

[6] Kruglikov L. L. Sources and Components of the Criminal Legislation of the Russian Federation // Problems in the Theory of Criminal Law: Selected Articles 1982–2002. Yaroslavl, 1999. 200 p.

[7] Kunts E. V. The Role of Traditional Family Values in Defining the Directions of Criminal and Penal Policy // Protection, Preservation, and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Proceedings of the Scientific-Practical Conference, Lugansk, December 24, 2025. – Lugansk: Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026. – pp. 44–50.

[8] Kutafin O. E. Sources of Constitutional Law. Moscow, 2002. 348 p.

[9] Malinovsky A. A. The Constitution as a Source of Criminal Law in Foreign Countries // International Criminal Law and International Justice. 2017. No. 1. pp. 13–16.

[10] International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966, by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // "Biblioteka Rossiyskoy Gazety" [Library of the Russian Gazette]. 1999. Nos. 22–23.

[11] Smirnov L., Razumov S. Punishment in the Form of Deprivation of Liberty // Sovetskaya Yustitsiya [Soviet Justice]. 1988. No. 13. pp. 2–4.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-132-140
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЗАХАРОВ Андрей Евгеньевич,
аспирант Государственного университета управления,
Москва, Россия;
e-mail: andriano98zaharov@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛЕМЕНТОВ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. *Расширение цифрового взаимодействия государственных органов приводит к формированию устойчивых информационно-технологических связей, способных воздействовать на фактические условия осуществления юридически установленной компетенции. Цель исследования состоит в определении государственно-правового значения таких связей и обосновании информационно-технологического уровня взаимодействия элементов механизма государства. Методологическую основу составили системный и функциональный подходы, формально-юридический метод, а также сопоставление нормативно закрепленного порядка осуществления полномочий с фактическими условиями их реализации в цифровой среде. В результате исследования разграничены информационно-технологическая асимметрия, технологическая взаимозависимость и компетенционная зависимость элементов механизма государства. Показано, что различия в доступе к государственным данным, информационным системам и цифровой инфраструктуре сами по себе не свидетельствуют о нарушении принципа разделения властей, однако приобретают государственно-правовое значение, если начинают влиять на самостоятельность осуществления полномочий. На примерах парламентского контроля, деятельности Счетной палаты Российской Федерации и информационного взаимодействия судебных органов показано, что цифровая инфраструктура способна изменять фактические условия реализации компетенции без ее формального перераспределения. Сделан вывод о необходимости правового обеспечения такого цифрового взаимодействия, которое препятствует переходу объективной технологической взаимозависимости в компетенционную зависимость.*

Ключевые слова: *механизм государства, цифровизация, компетенция, информационно-технологический уровень, информационно-технологическая асимметрия, технологическая взаимозависимость, компетенционная зависимость, разделение властей.*

Для цитирования: *Захаров А. Е. Информационно-технологический уровень взаимодействия элементов механизма государства в цифровую эпоху // Образование и право. 2026. № 10. С. 132–140.*

ZAKHAROV Andrey Evgenyevich,
postgraduate student, State University of Management,
Moscow, Russia

THE INFORMATION AND TECHNOLOGICAL LEVEL OF INTERACTION BETWEEN THE ELEMENTS OF THE STATE MECHANISM IN THE DIGITAL ERA

Annotation. *The expansion of digital interaction among public authorities creates stable information-technological links that may affect the actual conditions for exercising legally established competence. The purpose of the study is to determine the state-legal significance of such links and to substantiate the information-technological level of interaction between elements of the state mechanism. The methodological basis includes systemic and functional approaches, the formal legal method, and a comparison of the legally established procedure for exercising powers with the actual conditions of their implementation in the digital environment. The study distinguishes information-technological asymmetry, technological interdependence, and competence dependence between*

elements of the state mechanism. Differences in access to public data, information systems, and digital infrastructure do not in themselves indicate a violation of the separation of powers, but acquire legal significance when they begin to affect the independent exercise of public authority. Examples of parliamentary control, the Accounts Chamber of the Russian Federation, and digital interaction involving courts demonstrate that digital infrastructure can change the actual conditions for exercising competence without its formal redistribution. The study concludes that legal regulation should ensure digital interaction while preventing objective technological interdependence from developing into competence dependence.

Key words: *state mechanism, digitalization, competence, information-technological level, information-technological asymmetry, technological interdependence, competence dependence, separation of powers.*

For citation: *Zakharov A. E. The information and technological level of interaction between the elements of the state mechanism in the digital era. Education and law. 2026;(10):132–140. (In Russ.).*

Введение

Современное взаимодействие государственных органов все в большей степени осуществляется посредством государственных информационных систем, цифровых платформ и механизмов межведомственного обмена данными. Для теории механизма государства это ставит проблему, которая не исчерпывается оценкой технической эффективности таких решений: сохраняется ли фактическая самостоятельность осуществления компетенции, если необходимые для нее данные или цифровая инфраструктура находятся в распоряжении другого субъекта?

Юридически положение государственного органа определяется его компетенцией и местом в системе публичной власти. Однако нормативное закрепление полномочия само по себе еще не показывает, какими фактическими возможностями располагает его носитель для осуществления этого полномочия в цифровой среде. Поэтому предметом настоящего исследования выступает не уровень цифровизации отдельных органов как таковой, а возникающее соотношение между юридическим распределением компетенции и информационно-технологическими условиями ее реализации.

Цель статьи состоит в определении государственно-правового значения этого соотношения и в обосновании категорий, позволяющих описать его применительно к взаимодействию элементов механизма государства.

Источниковую основу исследования составили работы по теории механизма государства и компетенции, нормативные правовые акты, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и официальные материалы государственных органов о функционировании цифровой инфраструктуры и межведомственном информационном обмене. Использованы системный и функциональный подходы, формально-юридический метод, а также сопоставление нормативно закрепленного порядка осуществления полномочий с фактическими условиями их реализации в цифровой среде.

Теоретической основой исследования выступает понимание механизма государства не только как определенной организационной структуры, но и как функционирующей системы. Э. П. Григонис обращает внимание на деятельность и взаимодействие составляющих государственную организацию элементов, что позволяет учитывать динамическую сторону механизма государства наряду с его организационным строением. [1]

Системный и функциональный аспекты механизма государства во взаимосвязи рассматривают Р. Г. Валиев и Г. В. Шашкарова. Для настоящего исследования данный подход имеет принципиальное значение, поскольку позволяет анализировать не только состав государственных органов, но и связи, возникающие между ними при реализации компетенции и осуществлении функций государства. [2]

В отечественной теории государства институциональная сторона механизма государства традиционно связывается с системой государственных органов, посредством которых осуществляется государственная власть. Так, М. И. Байтин определяет механизм государства через систему государственных органов, объединённых общими принципами организации и обеспечивающих осуществление задач и функций государства [3]. Вместе с тем для исследования цифровизации существенное значение приобретает не только состав такой системы, но и фактический порядок взаимодействия её элементов.

Вместе с тем распространение цифровой инфраструктуры ставит дополнительный вопрос: в какой мере фактические информационно-технологические условия взаимодействия соответствуют юридически установленному распределению государственно-властных полномочий. Именно этот аспект образует проблемное поле настоящего исследования.

Информационное обеспечение осуществления государственных функций само по себе не является новым явлением. В юридической литературе значение информационных процессов для государственной деятельности исследовалось Ю. Г. Просвириным [4], А. Б. Венгеровым [5], И. Л. Бачило [6] и другими авторами. Однако цифровизация существенно изменяет масштаб и характер таких процессов: информационная инфраструктура в отдельных случаях становится фактическим условием осуществления юридически закреплённой компетенции.

Информационно-технологические связи элементов механизма государства в условиях цифровизации

Проведенный анализ позволяет выделить информационно-технологический уровень взаимодействия элементов механизма государства. Он отражает фактические связи, возникающие при использовании государственных данных, информационных систем, цифровых платформ и иной инфраструктуры, необходимой для осуществления государственно-властной компетенции. Его значение проявляется в тех случаях, когда носитель полномочия и субъект, обеспечивающий цифровые условия его реализации, не совпадают.

В современных исследованиях цифровизации государственного управления отмечается, что внедрение цифровых технологий способно затрагивать не только техническую организацию отдельных процедур, но и содержание управленческих процессов и способы взаимодействия органов публичной власти. Данные вопросы получили развитие в работах Е. И. Добролюбовой, В. Н. Южакова, А. А. Ефремова, И. Р. Гумерова и других исследователей [7–9]. Вместе с тем применительно к механизму государства принципиальным становится вопрос о пределах, за которыми подобные изменения приобретают уже государственно-правовое значение.

При этом сам по себе факт внедрения цифровой технологии в деятельность государственного органа еще не свидетельствует о трансформации механизма государства. Если цифровое решение изменяет отдельные способы и операции в деятельности соответствующего органа, не затрагивая осуществление его государственно-властной компетенции и системные связи с другими элементами механизма государства, речь идет преимущественно о цифровой модернизации. Цифровая трансформация имеет место тогда, когда вызываемые цифровизацией изменения приобретают устойчивый характер и затрагивают осуществление государственно-властной компетенции либо системные связи между элементами механизма государства. При этом изменение состава государственных органов или формальное перераспределение их полномочий не является обязательным условием такой трансформации.

Рассмотрение информационно-технологического взаимодействия элементов механизма государства требует прежде всего определить его соотношение с юридически установленным распределением государственно-властной компетенции.

В.Е. Чиркин, рассматривая единство государственной власти и разделение ее ветвей, также обращает внимание на то, что разделение властей предполагает не только их разграничение, но и взаимодействие в процессе осуществления государственной власти [10].

Особое значение для исследования самостоятельности элементов механизма государства имеет категория компетенции. Ю.А. Тихомиров рассматривает компетенцию как сложную правовую категорию, характеризующую установленный объем и содержание публичной деятельности соответствующего субъекта, и специально обращается к вопросам ее реализации, изменения и перераспределения [11]. Такой подход позволяет разграничить юридически установленную компетенцию государственного органа и конкретные организационные способы ее осуществления.

Таким образом, установленное законодательством распределение компетенции между элементами механизма государства может сохраняться, тогда как фактические технологические условия осуществления соответствующих полномочий изменяются. Это позволяет выделить особый информационно-технологический уровень взаимодействия элементов механизма государства, на котором носитель государственно-властного полномочия и субъект, обеспечивающий цифровые условия его реализации, могут не совпадать.

Выделение информационно-технологического уровня не означает, что информационное взаимодействие между государственными органами возникает исключительно в условиях цифровизации. Обмен сведениями, необходимыми для осуществления полномочий, существовал и ранее. Специфика современного этапа состоит в другом: доступ к государственным данным, информационным системам и цифровой инфраструктуре способен становиться устойчивым условием фактического осуществления юридически установленной компетенции. Поэтому государственно-правовое значение имеет не сам информационный обмен между элементами механизма государства, а степень зависимости самостоятельного осуществления их полномочий от органи-

зации цифрового взаимодействия.

Само по себе подобное несовпадение, на наш взгляд, не свидетельствует о нарушении принципа разделения властей. Современный механизм государства объективно не может строиться на технологической изоляции составляющих его элементов, поскольку использование единых информационных ресурсов и инфраструктурных решений является одним из условий эффективного государственного управления. Однако принципиальное значение приобретает вопрос о пределах такой технологической взаимозависимости. В частности, необходимо определить, не создает ли управление цифровой инфраструктурой одним субъектом фактическую возможность воздействовать на осуществление государственно-властной компетенции, принадлежащей другому субъекту.

В связи с этим цифровая трансформация позволяет поставить проблему разделения властей несколько шире традиционного вопроса о нормативном разграничении компетенции. Если юридически установленный объем полномочий государственного органа остается неизменным, но возможность их фактического осуществления оказывается обусловлена доступом к цифровым данным, информационной системе или иным технологическим ресурсам, находящимся в распоряжении другого субъекта, возникает необходимость оценки не только юридического, но и фактического распределения возможностей осуществления государственной власти.

Выделение информационно-технологического уровня взаимодействия позволяет поставить следующий вопрос: одинаковы ли фактические технологические возможности различных элементов механизма государства при осуществлении закрепленной за ними компетенции?

Именно на данном уровне, по нашему мнению, возникает явление, которое можно обозначить как информационно-технологическую асимметрию элементов механизма государства. Под такой асимметрией предлагается понимать обусловленное цифровой трансформацией различие фактических возможностей элементов механизма государства по доступу к государственным данным, средствам их обработки и анализа, цифровым платформам и иной информационной инфраструктуре, способное оказывать влияние на условия осуществления установленной законодательством государственно-властной компетенции.

При этом информационно-технологическая асимметрия не должна изначально оцениваться как отрицательное явление. Различия в объеме используемых данных и цифровых ресурсов объективно обусловлены неодинаковым характером функций законодательных, исполнительных и судебных органов. Государственный орган не должен обладать цифровыми ресурсами, не требующимися для реализации его компетенции, исключительно ради обеспечения технологического равенства с другими органами. Государственно-правовое значение такая асимметрия приобретает тогда, когда различие технологических возможностей начинает оказывать влияние на самостоятельность или фактическую возможность осуществления другим субъектом принадлежащей ему компетенции.

Именно поэтому дальнейший анализ цифровой трансформации механизма государства через призму принципа разделения властей целесообразно осуществлять не с позиции формального сопоставления уровня цифровизации законодательной, исполнительной и судебной власти, а посредством определения характера возникающих между ними технологических связей и оценки их влияния на самостоятельность осуществления государственно-властных полномочий.

Развивая мысль о принципе самостоятельности органов государственной власти, Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал на факт того, что взаимодействие различных элементов механизма государства само по себе не противоречит принципу разделения властей. Значение имеет характер такого взаимодействия и степень его влияния на возможность самостоятельного осуществления соответствующим органом принадлежащих ему полномочий. Рассматривая вопрос взаимодействия законодательной и исполнительной власти, суд указал, что участие законодательного органа субъекта Российской Федерации в формировании исполнительного органа власти не противоречит основам конституционного строя, однако такое участие не должно приводить к парализации деятельности органов исполнительной власти и лишать их самостоятельности при осуществлении принадлежащих им полномочий. [12]

Представляется, что данная правовая позиция может быть применена и к отношениям, возникающим между элементами механизма государства в процессе использования цифровой инфраструктуры. В данном случае принципиальное значение имеет не сам факт технологического взаимодействия различных органов, а степень его влияния на самостоятельность осуществления принадлежащей каждому из них компетенции. Использование информационной системы, цифровой платформы или информационных ресурсов, функционирование которых обеспечивается другим государственным органом, не свидетельствует само по себе о возникновении недопустимой зависимости между соответствующими субъектами.

Однако для государственно-правовой оценки недостаточно установить само наличие различий в технологических возможностях государственных органов. Необходимо определить, каким образом такие различия проявляются в процессе фактического осуществления принадлежащей им компетенции.

Вышеизложенное позволяет разграничить нормативное закрепление компетенции государственного органа и фактические условия ее осуществления. Первое характеризует юридически установленный объем государственно-властных полномочий, тогда как вторые отражают наличие реальных условий для их осуществления. В условиях цифровизации к числу таких условий относятся: доступ к необходимым государственным данным, возможность использования информационных систем и цифровых сервисов, их устойчивое функционирование, а также доступность предусмотренных соответствующими системами средств обработки и анализа информации. Следовательно, нормативное закрепление полномочия не во всех случаях означает наличие у его носителя полной фактической возможности самостоятельно реализовать данное полномочие в цифровой среде.

Также на первый план выступает разграничение юридической и технологической зависимости элементов механизма государства. Юридическая зависимость непосредственно устанавливается нормами права и является частью предусмотренного законом порядка взаимодействия государственных органов, например при необходимости согласования, утверждения или контроля определенных решений. Технологическая зависимость имеет иную природу и возникает в тех случаях, когда реализация собственной компетенции предполагает использование данных, информационной системы или иной цифровой инфраструктуры, функционирование которой организационно или технически обеспечивается другим субъектом.

В тоже время наличие технологической зависимости также не свидетельствует о нарушении принципа разделения властей. Современная цифровая форма организации государственной деятельности объективно предусматривает возможность совместного использования информационных ресурсов и постоянный обмен данными между элементами механизма государства. Однако правовое значение приобретает степень такой зависимости и, прежде всего, наличие у субъекта, обеспечивающего функционирование соответствующей цифровой инфраструктуры, возможности посредством ее администрирования влиять на самостоятельное осуществление другим субъектом принадлежащего ему государственно-властного полномочия.

Такой подход согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда РФ относительно недопустимости фактического присвоения одной ветвью государственной власти полномочий, составляющих содержание компетенции другой. В частности, в Постановлении от 12 апреля 2002 г. № 9-П Конституционный Суд РФ при рассмотрении вопросов соотношения гарантий парламентской деятельности и полномочий судебной власти исходил одновременно из необходимости защиты депутатской деятельности от неправомерного вмешательства и исключительного характера конституционных прерогатив судебной власти при разрешении вопросов, отнесенных к ее ведению. [13]

Применительно к цифровой трансформации данная правовая позиция позволяет поставить проблему фактического воздействия на осуществление чужой компетенции без ее формальной передачи. Субъект, обеспечивающий создание, эксплуатацию или техническое администрирование цифровой системы, используемой другим государственным органом, не приобретает вследствие этого полномочий последнего. В тоже время технические возможности управления такой системой потенциально способны создавать дополнительные средства воздействия на условия осуществления соответствующей государственно-властной деятельности. Отсюда следует, что юридическое разграничение компетенции должно сохранять свое значение не только применительно к непосредственным властным решениям государственных органов, но и при определении правового режима цифровой инфраструктуры, посредством которой такие решения принимаются и реализуются.

В связи с этим представляется возможным разграничить технологическую взаимозависимость и компетенционную зависимость элементов механизма государства. Технологическая взаимозависимость характеризует объективно возникающие связи между государственными органами, обусловленные использованием общих данных, информационных систем, цифровых платформ и иных технологических ресурсов. Компетенционная зависимость возникает в том случае, если особенности таких связей позволяют одному субъекту посредством принадлежащих ему технологических возможностей определять условия осуществления, ограничивать либо фактически препятствовать самостоятельной реализации государственно-властной компетенции другого субъекта.

При этом речь идет не об изменении нормативного содержания компетенции или формаль-

ном перераспределении полномочий, а об изменении фактических условий самостоятельного осуществления юридически установленной компетенции.

Таким образом, обозначенные категории позволяют конкретизировать ранее выделенное явление информационно-технологической асимметрии элементов механизма государства. Информационно-технологическая асимметрия характеризует различие цифровых возможностей соответствующих субъектов; технологическая взаимозависимость — объективные связи, возникающие между ними в процессе использования цифровой инфраструктуры; компетенционная зависимость возможное государственно-правовое последствие такого взаимодействия, при котором технологические возможности одного субъекта начинают оказывать влияние на самостоятельность осуществления компетенции другого. Именно недопущение перехода технологической взаимозависимости в компетенционную зависимость, на наш взгляд, должно рассматриваться в качестве одного из условий сохранения принципа разделения властей в процессе цифровой трансформации механизма государства.

Обсуждение

Сформулированные положения могут быть конкретизированы на примерах взаимодействия различных элементов механизма российского государства, при котором юридически установленное распределение компетенции сочетается с различным характером их информационно-технологической взаимозависимости.

Ярким примером, демонстрирующим изменение фактического соотношения возможностей элементов механизма государства в условиях цифровизации является информационное обеспечение парламентского контроля. При сохранении установленной законодательством компетенции Федерального Собрания эффективность ее реализации во многом определяется возможностью получения и анализа информации, формируемой в деятельности органов исполнительной власти.

Проведенное Государственной Думой исследование проблем парламентского контроля прямо указывает на отсутствие доступа парламентариев к цифровым системам сбора и анализа данных о ходе реализации национальных и федеральных проектов, государственных программ. В числе способов устранения данного барьера предлагается создание единой цифровой системы государственного, в том числе парламентского, контроля и предоставление Государственной Думе более широкого объема информации о реализации государственных программ. [14]

Приведенный пример показывает, что юридически закрепленная контрольная компетенция не обеспечивает равенства фактических информационно-технологических возможностей, контролирующего и контролируемого элементов механизма государства. Следовательно, возникающая в цифровой среде информационно-технологическая асимметрия способна воздействовать на фактическое соотношение элементов механизма государства без изменения установленного законом распределения их компетенции.

Иной расклад сил между элементами механизма государства прослеживается в деятельности Счетной Палаты РФ. Законодательством за Счетной Палатой закреплено право получать постоянный доступ к федеральным государственным информационным системам, необходимым для осуществления внешнего государственного аудита (контроля), а также запрашивать сведения о составе данных ведомственных информационных систем объектов контроля. [15]

Необходимость такого регулирования обусловлена особенностью контрольной деятельности: значительная часть информации, необходимой Счетной палате, первоначально формируется и хранится в информационных системах контролируемых государственных органов. Это подтверждается и Регламентом Счетной палаты, предусматривающим обработку информации из федеральных государственных информационных систем, операторами которых являются различные федеральные органы исполнительной власти, посредством предоставленного удаленного доступа.

В отличие от рассмотренного выше парламентского контроля, здесь законодатель предусматривает специальный цифровой механизм сокращения информационной зависимости контролирующего элемента механизма государства от контролируемого. Следовательно, информационно-технологическая асимметрия не является неизбежным следствием цифровизации: она может компенсироваться посредством правового обеспечения непосредственного доступа одного элемента механизма государства к цифровым ресурсам другого без изменения установленного распределения их компетенции.

Рассмотренные примеры относятся преимущественно к контрольной деятельности, однако информационно-технологическая взаимозависимость элементов механизма государства проявляется и при осуществлении иных государственных функций.

Так в процессе осуществления судопроизводства судебные органы власти с помощью интернет-платформы ГАС «Правосудие» осуществляют электронное взаимодействие с различными

органами исполнительной власти (ФНС России, ФССП России, МВД России и др.) для получения информации, имеющей значение при рассмотрении судебных дел. Однако Совет судей Архангельской области в 2023 г. среди проблем такого взаимодействия прямо отметил нестабильную работу соответствующего программного комплекса, длительное ожидание ответов и необходимость повторного направления запросов. [16]

Стоит отметить, что проблема оказалась не единичной. В 2024 году в Архангельской области проблема с функционированием ГАС «Правосудие» повторилась. [17] Технические сбои в работе программы привели к дублированию бумажного и электронного обмена и длительному ожиданию ответов, а в октябре того же года комплекс межведомственного взаимодействия функционировал не в полном объеме. Также указанная проблема возникла не только в Архангельской области. В Республике Калмыкия аналогичный комплекс, обеспечивающий взаимодействие судов посредством СМЭВ с Росреестром, ФНС России, Федеральным казначейством, ФССП России, МВД России и другими органами, был недоступен с 4 марта по 27 июня 2024 г. [18]

Приведенные случаи показывают, что юридическая самостоятельность элемента механизма государства не исключает его информационно-технологической взаимозависимости с другими его элементами. Компетенция суда при технической недоступности соответствующих ресурсов не изменяется, однако затрудняется цифровое получение информации, необходимой для осуществления его деятельности. Следовательно, цифровизация формирует дополнительный уровень связей между элементами механизма государства, устойчивость которого начинает влиять на фактические условия реализации принадлежащих им функций.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что цифровая трансформация непосредственно не изменяет установленное правом распределение компетенции между элементами механизма государства, однако способна воздействовать на фактические возможности ее реализации. В связи с этим при характеристике взаимодействия элементов механизма государства в условиях цифровизации представляется необходимым учитывать наряду с компетенционным уровнем, определяющим юридическое распределение полномочий, также информационно-технологический уровень, отражающий фактические возможности соответствующих субъектов по получению и использованию данных и цифровых средств, необходимых для осуществления принадлежащей им компетенции. Несоответствие указанных уровней может приводить к возникновению информационно-технологической асимметрии, при которой формальная самостоятельность и объем компетенции элемента механизма государства не соответствуют его фактическим возможностям по их реализации.

Именно такое несовпадение, на наш взгляд, позволяет говорить об информационно-технологической асимметрии элементов механизма государства. Она не означает нарушения принципа разделения властей или формального перераспределения полномочий. Речь идет о более сложном явлении: при сохранении прежнего юридического положения государственных органов цифровизация может менять их фактические возможности во взаимодействии друг с другом, а следовательно, влиять и на реальную эффективность контрольных и иных связей между ними.

В связи с этим представляется, что цифровая трансформация меняет не столько сам состав механизма государства, сколько характер связей между его элементами. Информационные системы и цифровые платформы не становятся самостоятельными носителями государственной власти и не заменяют государственные органы. Однако они уже не могут рассматриваться исключительно как нейтральные технические средства, поскольку от организации цифровой среды все в большей степени зависит то, насколько полно отдельные элементы механизма государства способны реализовывать предоставленные им полномочия и взаимодействовать между собой.

Следовательно, одной из задач правового регулирования цифровой трансформации механизма государства становится сохранение самостоятельности осуществления государственно-властной компетенции при объективном расширении информационного обмена и совместного использования цифровой инфраструктуры его элементами.

Список литературы:

[1] Григонис Э. П. Механизм государства (теоретико-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Э. П. Григонис. – Санкт-Петербург, 2000. – 430 с.

[2] Валиев Р. Г. Механизм государства: системный и функциональный аспекты / Р. Г. Валиев, Г. В. Шашкарова // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 54–59.

[3] Байтин М. И. Механизм современного Российского государства // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 4–15.

[4] Просвирнин Ю. Г. Информационная функция государства // Журнал российского права. – 2002. – № 3. С. 29-35.

[5] Венгеров А. Б. Категория «информация» в понятийном аппарате юридической науки // Советское государство и право. – 1977. – № 10. – С. 70–78.

[6] Бачило И. Л. Право и закон: инфокоммуникационный аспект // Информационное право. – 2012. – № 3. – С. 3–10.

[7] Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Клочкова Е. Н., Талапина Э. В., Старцев Я. Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 114 с.

[8] Гумеров И. Р. Цифровая трансформация государственного управления в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2022. – № 3. – С. 91–92.

[9] Ефремов А. А. К формированию механизма выявления и устранения системных правовых ограничений цифровизации государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 59–61.

[10] Чиркин В. Е. Законодательная власть / В. Е. Чиркин. – Москва: Норма, 2008. – 336 с.

[11] Тихомиров Ю. А. Теория компетенции / Ю. А. Тихомиров. – Москва: Юринформцентр, 2001. – 355 с.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 N 9-П "По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края". // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36278/ (дата обращения: 16.08.2026).

[14] Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Цифровизация парламентского контроля: проблемы и перспективы развития: информационно-аналитические материалы. М.: Государственная Дума, 2021. // URL: официальный материал Государственной Думы (дата обращения: 16.08.2026).

[15] Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649. Ст. 14, ч. 1, пп. 4, 5.

[16] Постановление Совета судей Архангельской области от 18.05.2023 «О состоянии оснащенности программно-техническими средствами для функционирования программных комплексов ГАС "Правосудие" в судах и ПИ АМИРС на судебных участках мировых судей области, а также об обеспечении информационного межведомственного взаимодействия» // Совет судей Архангельской области. URL: https://ark.ssrf.ru/dokumienty/postanovlieniia/sovieta-sudiei/50995 (дата обращения: 16.08.2026).

[17] Постановление Совета судей Архангельской области от 22.05.2025 «О состоянии оснащенности программно-техническими средствами». // Совет судей Архангельской области. URL: https://ark.ssrf.ru/dokumienty/postanovlieniia/sovieta-sudiei/57911 (дата обращения: 16.08.2026).

[18] Постановление Совета судей Республики Калмыкия от 20.06.2025 № 32 «О результатах выполнения Поручения филиалам ФГБУ "Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие»" в субъектах Российской Федерации на 2024 год». // Совет судей Республики Калмыкия. URL: https://kl.ssrf.ru/dokumienty/postanovlieniia/sovieta-sudiei/58534 (дата обращения: 16.08.2026).

References:

[1] Grigonis E. P. The Mechanism of the State (Theoretical and Legal Aspect): Doctoral Dissertation in Law: 12.00.01 / E. P. Grigonis. – Saint Petersburg, 2000. – 430 p.

[2] Valiev R. G. The Mechanism of the State: Systemic and Functional Aspects / R. G. Valiev, G. V. Shashkarova // Gaps in Russian Legislation. – 2021. – Vol. 14. – No. 6. – pp. 54–59.

[3] Baitin M. I. The Mechanism of the Modern Russian State // Pravovedenie. – 1996. – No. 3. – pp. 4–15.

[4] Prosvirnin Yu. G. The Information Function of the State // Journal of Russian Law. – 2002. – No. 3. – pp. 29–35.

[5] Vengerov A. B. The Category of "Information" in the Conceptual Apparatus of Legal Science // Soviet State and Law. – 1977. – No. 10. – pp. 70–78.

[6] Bachilo I. L. Law and Legislation: The Infocommunication Aspect // Information Law. – 2012. – No. 3. – pp. 3–10.

[7] Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Efremov A. A., Klochkova E. N., Talapina E. V., Startsev Ya. Yu. The Digital Future of Public Administration Based on Results. – Moscow: Delo Publishing House, RANEPA, 2019. 114 p.

[8] Gumerov I. R. Digital Transformation of Public Administration in Russia // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. – 2022. – No. 3. – pp. 91–92.

[9] Efremov A. A. Towards the Development of a Mechanism for Identifying and Eliminating Systemic Legal Constraints on the Digitalization of Public Administration // Public Administration Issues. – 2020. – No. 4. – pp. 59–61.

[10] Chirkin V. E. Legislative Power / V. E. Chirkin. – Moscow: Norma, 2008. – 336 p.

[11] Tikhomirov Yu. A. Theory of Competence / Yu. A. Tikhomirov. – Moscow: Yurinformtsentr, 2001. – 355 p.

[12] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 21, 2005, No. 13-P “On the Case Concerning the Constitutionality of Certain Provisions of the Federal Law ‘On General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation’ in Connection with Complaints from Several Citizens” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 3. Art. 336.

[13] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 12, 2002, No. 9-P, "On the case concerning the constitutionality of the provisions of Articles 13 and 14 of the Federal Law 'On General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation,' in connection with a complaint filed by citizen A.P. Bykov, as well as inquiries from the Supreme Court of the Russian Federation and the Legislative Assembly of Krasnoyarsk Krai." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36278/ (accessed: August 16, 2026).

[14] State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. *Digitalization of Parliamentary Oversight: Challenges and Prospects for Development: Information and Analytical Materials.* Moscow: State Duma, 2021. // URL: official material of the State Duma (accessed: August 16, 2026).

[15] Federal Law No. 41-FZ of April 5, 2013, "On the Accounts Chamber of the Russian Federation" // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2013, No. 14, Art. 1649. Article 14, Part 1, Subparagraphs 4, 5.

[16] Resolution of the Council of Judges of Arkhangelsk Oblast dated May 18, 2023, "On the Status of Software and Hardware Provision for the Operation of the 'Justice' (GAS 'Pravosudie') Automated System in Courts and the AMIRS Software Suite at the Judicial Precincts of Justices of the Peace in the Oblast, as well as on Ensuring Interdepartmental Information Exchange" // Council of Judges of Arkhangelsk Oblast. URL: https://ark.ssrf.ru/dokumienty/postanovlieniia/sovieta-sudiei/50995 (accessed: 16.08.2026).

[17] Resolution of the Council of Judges of the Arkhangelsk Region dated May 22, 2025, “On the Status of Provision with Software and Technical Equipment.” // Council of Judges of the Arkhangelsk Region. URL: https://ark.ssrf.ru/dokumienty/postanovlieniia/sovieta-sudiei/57911 (accessed: 16.08.2026).

[18] Resolution of the Council of Judges of the Republic of Kalmykia dated June 20, 2025, No. 32, “On the Results of the Implementation of the Directive Issued to the Branches of the Federal State Budgetary Institution ‘Information and Analytical Center for the Support of the GAS “Justice”’ in the Subjects of the Russian Federation for 2024.” // Council of Judges of the Republic of Kalmykia. URL: https://kl.ssrf.ru/dokumienty/postanovlieniia/sovieta-sudiei/58534 (accessed: 16.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-141-146

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Международного научно-исследовательского центра
судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: СИСТЕМНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется правовое регулирование инвестиционной деятельности на муниципальном уровне в условиях трансформации законодательства о местном самоуправлении и формирования единой системы публичной власти. Обосновывается, что муниципальная инвестиционная деятельность не сводится к расходованию средств местного бюджета или к реализации отдельных концессионных проектов, а представляет собой комплексную публично-правовую функцию муниципального образования, направленную на создание инфраструктурных, имущественных, организационных и информационных условий для привлечения частного капитала к решению задач локального развития.*

Ключевые слова: *инвестиции, муниципальное образование, местное самоуправление, концессионное соглашение, муниципальная собственность, инвестиционный стандарт.*

Для цитирования: *Барикаева А. Ф. Правовое регулирование инвестиционной деятельности на муниципальном уровне: системно-правовая модель и направления совершенствования // Образование и право. 2026. № 10. С. 141–146.*

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences, Researcher at the
International Research Center for Forensic Science and Research

LEGAL REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITY AT THE MUNICIPAL LEVEL: SYSTEM-LEGAL MODEL AND AREAS FOR IMPROVEMENT

Annotation. *The article examines the legal regulation of investment activity at the municipal level in Russia in the context of the transformation of local self-government legislation and the formation of a unified system of public authority. The author substantiates that municipal investment activity should be understood not merely as budgetary spending or isolated concession projects, but as a complex public-law function aimed at creating infrastructural, property, organizational and information conditions for attracting private capital to local development.*

Key words: *investments, municipal entity, local government, concession agreement, municipal property, investment standard.*

For citation: *Barikaeva A. F. Legal regulation of investment activity at the municipal level: system-legal model and areas for improvement. Education and law. 2026;(10):141–146. (In Russ.).*

Инвестиционная деятельность на муниципальном уровне в современной России приобретает значение не вспомогательного экономического инструмента, а самостоятельного элемента публичного управления территориальным развитием. Именно муниципальный уровень оказывается наиболее близким к инфраструктурным потребностям населения, земельным и имущественным ресурсам, локальным предпринимательским инициативам, объектам коммунальной, транспортной, социальной и туристской инфраструктуры. Поэтому вопрос о правовом регулировании муниципальной инвестиционной деятельности имеет не только прикладное, но и конституционно-правовое значение: без инвестиционного наполнения экономическая самостоятельность местного самоуправления остается формальной [1].

Конституционная основа такой постановки

вопроса заключается в признании муниципальной собственности самостоятельной формой собственности, в закреплении самостоятельности органов местного самоуправления при управлении муниципальным имуществом, формировании, утверждении и исполнении местного бюджета, а также в включении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти при сохранении их институциональной природы как органов, не входящих в систему органов государственной власти. Новое законодательство о местном самоуправлении развивает данную конструкцию через функциональную, экономическую и контрольную архитектуру муниципального управления. Одновременно переходный период реформы местного самоуправления продлен до 1 января 2028 г., что сохраняет практическое значение ряда положений Федерального закона № 131-ФЗ и требует аккуратного применения обеих нормативных моделей. [10]

Базовый федеральный закон об инвестиционной деятельности регулирует инвестиционную деятельность, осуществляемую в форме капитальных вложений, определяет правовые и экономические основы такой деятельности и гарантии равной защиты прав, интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности. [11] Однако этот закон не формирует специальной конструкции «муниципальной инвестиционной деятельности». Он лишь задает общую рамку, в которой органы местного самоуправления могут взаимодействовать с инвесторами, использовать договорные механизмы, участвовать в капитальных вложениях, обеспечивать реализацию прав инвесторов в пределах своей компетенции [5].

В научной литературе муниципальная инвестиционная деятельность справедливо связывается с целенаправленной деятельностью органов местного самоуправления по привлечению финансовых средств инвесторов для формирования экономической основы решения вопросов местного значения. [7] Данное определение нуждается в развитии с учетом современного законодательства: сегодня муниципальная инвестиционная деятельность включает не только привлечение средств, но и подготовку инвестиционного предложения, обеспечение правового режима земельного участка, синхронизацию проекта с документами территориального планирования, сопровождение разрешительных процедур, предоставление муниципального имущества, участие в МЧП и концессиях, цифровую информационную открытость и постпроектный контроль результата [8].

Представляется, что под муниципальной инвестиционной деятельностью следует понимать осуществляемую органами местного самоуправления в пределах их компетенции организационно-правовую, имущественную, бюджетную, информационную и договорную деятельность, направленную на создание условий для вложения частного, публичного или смешанного капитала в развитие объектов и территорий муниципального образования, обеспечение инфраструктурных потребностей населения, повышение доходной базы местного бюджета и достижение целей социально-экономического развития. Такое определение позволяет избежать двух крайностей: чрезмерного отождествления муниципальной инвестиционной деятельности с предпринимательством муниципалитета и, напротив, сведения ее к пассивному администрированию обращений инвесторов [9].

Муниципальное образование в инвестиционной сфере может выступать в нескольких юридических качествах. Во-первых, как публичный субъект, принимающий муниципальные правовые акты и организующий сопровождение проектов. Во-вторых, как собственник муниципального имущества, способный предоставлять объекты во владение, пользование, аренду, концессию или иные законные формы. В-третьих, как участник бюджетных отношений, планирующий капитальные расходы, муниципальные программы и возможные обязательства по соглашениям. В-четвертых, как носитель градостроительной компетенции, обеспечивающий предсказуемость территориального развития. В-пятых, как публичный партнер либо концедент в проектах, предполагающих привлечение частного капитала для создания или реконструкции инфраструктуры [2].

Именно множественность правовых ролей муниципального образования объясняет сложность регулирования. Инвестор фактически взаимодействует не с «одним окном» в юридическом смысле, а с системой муниципальных функций: имущественной, земельной, градостроительной, финансовой, закупочной, контрольной, информационной. Если эти функции не соединены единым регламентом сопровождения, правовой режим становится непредсказуемым, а инвестиционный проект превращается в последовательность административных согласований без единого ответственного центра [3].

Экономическая основа местного самоуправления традиционно включает муниципальную собственность, средства местных бюджетов и имущественные права муниципальных образований. В новой модели законодательства эта триада сохранена в главе об экономической основе местного самоуправления, где закреплены муниципальное имущество, владение, пользование и распоряжение им, местные бюджеты, расходы и доходы, закупки, самообложение, инициативные проекты,

межбюджетные трансферты и муниципальные заимствования. [12] В инвестиционном аспекте эта конструкция требует функционального прочтения: экономическая основа — не только статический имущественный фонд, но и ресурс развития, способный при надлежащем правовом оформлении генерировать инфраструктурный и бюджетный эффект. [4]

Муниципальная собственность в инвестиционной сфере выполняет три функции. Первая - обеспечительная: имущество используется для решения задач непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и вопросов местного значения. Вторая - проектная: объект муниципальной собственности может стать предметом концессионного соглашения, МЧП, аренды с инвестиционными обязательствами, сервитутного или инфраструктурного соглашения. Третья - гарантийная: наличие оформленных прав на имущество и землю снижает транзакционные издержки инвестора, позволяет сформировать «готовые площадки» и делает муниципальное предложение сопоставимым с региональными и федеральными мерами поддержки.

Средства местного бюджета, напротив, не должны восприниматься как основной источник инвестирования. Бюджетное право ограничивает принятие долгосрочных обязательств, требует включения расходов в муниципальные программы, соблюдения процедур закупок, управления муниципальным долгом и оценки расходных полномочий. [13] Поэтому роль местного бюджета в инвестиционном процессе состоит прежде всего в подготовке инфраструктуры, софинансировании отдельных элементов проекта, обеспечении публичной части обязательств по концессионным соглашениям и МЧП, а также в создании цифровой, проектной и экспертной инфраструктуры сопровождения инвесторов.

Имущественные права муниципального образования образуют третий, часто недооцененный элемент инвестиционного режима. Речь идет не только о праве собственности, но и о правах аренды, сервитутах, правах требования, обязательствах по договорам, правах на результаты проектной документации, градостроительных решениях, правах муниципальных учреждений и предприятий. Отсутствие инвентаризации таких прав делает инвестиционную политику декларативной. Муниципалитет не может предложить инвестору качественный проект, если не способен документально подтвердить правовой титул на землю, статус объекта, наличие ограничений, инженерную обеспеченность и допустимые параметры использования территории.

Таким образом, правовое регулирование инвестиционной деятельности на муниципальном уровне должно быть связано с управлением экономической основой местного самоуправления. Муниципальная инвестиционная политика — это не «дополнение» к имущественной политике, а способ превращения муниципального имущества и бюджетных полномочий в правовой механизм развития территории. Такой подход согласуется с выводами современных исследований о взаимосвязи размера экономической базы муниципального образования и реальной самостоятельности органов местного самоуправления. [6]

Система источников регулирования муниципальной инвестиционной деятельности имеет многоуровневый характер. На федеральном уровне ее основу составляют Конституция Российской Федерации, законодательство о местном самоуправлении, инвестиционной деятельности, стратегическом планировании, бюджетной системе, муниципально-частном партнерстве, концессиях, закупках, земле, градостроительстве, конкуренции, налогах, развитии малого и среднего предпринимательства. На региональном уровне принимаются законы о поддержке инвестиционной деятельности, инвестиционные стратегии, документы регионального инвестиционного стандарта, порядки сопровождения проектов, меры налогового и имущественного стимулирования. На муниципальном уровне формируются устав, стратегия социально-экономического развития, муниципальные программы, правила землепользования и застройки, порядки управления имуществом, регламенты сопровождения инвестиционных проектов, положения об инвестиционном уполномоченном или проектном офисе, решения о МЧП, концессиях и предоставлении муниципальных активов.

Федеральный закон о стратегическом планировании устанавливает правовую основу разработки документов стратегического планирования, включая документы муниципального уровня в случаях, предусмотренных законодательством. [14] Для инвестиционной деятельности это принципиально: инвестиционный проект должен быть не случайной инициативой инвестора, а элементом экономически согласованной стратегии. В противном случае муниципалитет вынужден принимать решения ad hoc, не имея критериев приоритетности проектов, оценки инфраструктурной нагрузки и связи с бюджетными возможностями.

Особое значение имеют методические рекомендации Минэкономразвития России по организации системной работы по сопровождению инвестиционных проектов муниципальными образованиями с учетом регионального инвестиционного стандарта. [15] Их правовая природа является

«мягкой»: они не заменяют муниципальные правовые акты, но задают управленческую модель, которую целесообразно нормативно закреплять на уровне муниципального образования. Такая модель включает инвестиционный профиль, ответственного уполномоченного, регламент сопровождения, межведомственную координацию, учет проектов, информирование инвестора и обратную связь. При этом слабость рекомендаций состоит в том, что они не создают непосредственно субъективных прав инвестора и не устанавливают санкций за несоблюдение муниципалитетом сроков сопровождения.

На практике муниципальные инвестиционные стандарты формируются как совокупность локальных документов: инвестиционного паспорта или профиля, инвестиционной карты, перечня площадок, регламента сопровождения проектов, положения о комиссии или штабе, соглашений с региональными институтами развития, KPI инвестиционного уполномоченного. Агентство стратегических инициатив в рамках Национального рейтинга инвестиционного климата оценивает усилия публичной власти по созданию благоприятных условий ведения бизнеса и выявлению лучших практик, что усиливает значение унифицированных процедур и публичной отчетности. [16] Однако рейтинг преимущественно регионален; муниципальный уровень пока остается зависимым от региональной методологии и качества ее «приземления» на конкретные территории.

Следовательно, муниципальное регулирование не должно механически копировать региональные акты. Его задача - юридически описать локальный инвестиционный маршрут: какие органы участвуют, какие документы подаются, в какие сроки рассматриваются, как устраняются межведомственные разногласия, какие муниципальные активы могут быть вовлечены, как обеспечивается публичность информации и как оценивается достижение результата. Наиболее эффективной формой является единый муниципальный правовой акт «О сопровождении инвестиционных проектов на территории муниципального образования», связанный с правилами управления имуществом, градостроительными документами, муниципальными программами и бюджетным процессом.

Муниципальный инвестиционный стандарт следует рассматривать не как самостоятельный источник права федерального уровня, а как организационно-правовой комплекс, который приобретает обязательность через муниципальные правовые акты. Его ценность состоит в стандартизации поведения администрации: инвестор должен понимать, кто отвечает за проект, какие сведения необходимы, какие сроки действуют, где размещена информация о площадках, как получить консультацию, как разрешаются проблемы подключения к инфраструктуре и какие гарантии публичности предоставляются. Содержание муниципального инвестиционного стандарта целесообразно раскрывать через десять элементов: 1) инвестиционный профиль территории; 2) публичный перечень инвестиционных площадок; 3) цифровую инвестиционную карту; 4) инвестиционного уполномоченного; 5) проектный офис или межведомственную комиссию; 6) регламент сопровождения проектов; 7) соглашение о сопровождении или дорожную карту; 8) механизм взаимодействия с региональным институтом развития; 9) мониторинг сроков и проблемных вопросов; 10) ежегодный публичный отчет о результатах привлечения инвестиций. Такая структура позволяет перевести инвестиционную политику из декларативной плоскости в процедурную.

Инвестиционный профиль муниципального образования должен содержать не рекламное описание территории, а юридически значимую информацию: сведения о свободных земельных участках, форме собственности, категории земель, территориальной зоне, градостроительном регламенте, наличии обременений, доступности инженерных сетей, транспортной связности, экологических ограничениях, возможностях подключения, мерах муниципальной и региональной поддержки. Если профиль содержит недостоверные или устаревшие сведения, он превращается в источник правового риска. Поэтому следует закрепить обязанность администрации актуализировать профиль не реже одного раза в квартал, а изменения по ключевым площадкам публиковать незамедлительно.

Регламент сопровождения инвестиционных проектов должен иметь нормативную, а не исключительно информационную природу. В нем необходимо определить критерии признания проекта инвестиционным, стадии сопровождения, перечень документов, сроки ответа, основания отказа в сопровождении, порядок формирования дорожной карты, механизм межведомственного урегулирования, правила ведения реестра проектов, формы коммуникации с инвестором, порядок закрытия проекта и оценки результата. Особую роль должен играть принцип «одного ответственного лица»: инвестор может взаимодействовать с разными органами, но внутри администрации должен быть назначен координатор, несущий ответственность за прохождение проекта.

Слабым местом действующей практики остается отсутствие юридической связи между инвестиционным стандартом и муниципальной ответственностью. Если администрация наруша-

ет собственный регламент, инвестор часто не имеет эффективного средства защиты, кроме общих процедур обжалования бездействия. Поэтому в муниципальных актах целесообразно закреплять обязанность мотивированного письменного ответа по каждому этапу сопровождения, внутреннюю служебную ответственность должностных лиц за нарушение сроков, рассмотрение проблемных вопросов на комиссии, а также возможность передачи информации в региональный орган, ответственный за инвестиционный климат. Это не создает избыточного давления на муниципалитет, но дисциплинирует административный процесс.

Заключение

Правовое регулирование инвестиционной деятельности на муниципальном уровне представляет собой комплексный межотраслевой режим, в котором соединяются конституционные гарантии местного самоуправления, экономическая основа муниципального образования, инвестиционное законодательство, стратегическое планирование, земельно-имущественное регулирование, бюджетные ограничения, МЧП, концессии, закупки, налоговые и конкурентные требования. Его главная особенность состоит в том, что муниципалитет не обладает полной свободой инвестиционного нормотворчества, но именно он обеспечивает юридическую и инфраструктурную «посадку» проекта на конкретной территории.

Муниципальная инвестиционная деятельность должна пониматься как публично-правовая функция развития территории, а не как факультативная работа администрации с обращениями бизнеса. Ее содержание включает подготовку активов, сопровождение проектов, выбор правовой формы, координацию органов, обеспечение публичности, контроль исполнения соглашений и оценку социально-экономического эффекта. Такой подход позволяет связать инвестиционную деятельность с реальной экономической самостоятельностью местного самоуправления.

Наиболее перспективной моделью является муниципальный инвестиционный цикл, основанный на инвестиционном профиле территории, цифровой карте активов, регламенте сопровождения, проектном офисе, публичном реестре проектов, правовой экспертизе соглашений и постпроектном мониторинге. Эта модель требует не столько расширения декларативных полномочий муниципалитетов, сколько юридической стандартизации процедур, повышения качества имущественного учета, профессионализации проектной подготовки и прозрачности публичных обязательств.

С учетом реформы местного самоуправления и продленного переходного периода до 1 января 2028 г. особое значение приобретает согласование старой и новой моделей муниципального законодательства. Инвестиционное регулирование не должно стать заложником институциональной перестройки. Напротив, именно инвестиционная деятельность способна стать практическим критерием эффективности новой архитектуры публичной власти на местах: если муниципалитет способен подготовить территорию, обеспечить правовую определенность, привлечь капитал и получить измеримый общественный результат, значит экономическая функция местного самоуправления наполняется реальным содержанием.

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 928 с.

[2] Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008. 592 с.

[3] Еремян В. В. Муниципальное право России: учебник. М.: Юрайт, 2024. 464 с.

[4] Кабанова Е. И. Правовые основы и практика реализации муниципально-частного партнерства // Юрист. 2018. № 4. С. 34–39.

[5] Никитская Е. Ф., Валишвили М. А., Горбачёва И. А. Экономико-правовые аспекты инвестиционной деятельности муниципальных образований // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11. С. 197–203.

[6] Новикова Н. В., Егорова Н. В. Характеристика ключевых элементов экономической основы местного самоуправления // Экономика и социум. 2025. № 1. С. 512–520.

[7] Самсонов А. И. Муниципально-правовое регулирование инвестиционной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 48–54.

[8] Шор И. М. Государственно-частное партнерство в коммунально-энергетической сфере: достигнутые результаты, проблемы и вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 503–511.

[9] Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации // Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 04.06.2026).

[10] Федеральный закон от 09.04.2026 № 85-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 04.06.2026).

[11] Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Россий-

ской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения: 04.06.2026).

[12] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 04.06.2026).

[13] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 04.06.2026).

[14] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 04.06.2026).

[15] Приказ Минэкономразвития России от 26.09.2023 № 672 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458881/ (дата обращения: 04.06.2026).

[16] Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ // Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/. (дата обращения: 04.06.2026).

References:

[1] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: A Course of Study. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 928 p.

[2] Bondar N. S. Local Self-Government and Constitutional Justice: The Constitutionalization of Municipal Democracy in Russia. Moscow: Norma, 2008. 592 p.

[3] Eremyan V. V. Municipal Law of Russia: A Textbook. Moscow: Yurayt, 2024. 464 p.

[4] Kabanova E. I. Legal Foundations and Implementation Practice of Municipal-Private Partnerships // Yurist (The Jurist). 2018. No. 4. pp. 34–39.

[5] Nikitskaya E. F., Valishvili M. A., Gorbacheva I. A. Economic and Legal Aspects of Investment Activity in Municipalities // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 11. pp. 197–203.

[6] Novikova N. V., Egorova N. V. Characteristics of Key Elements of the Economic Basis of Local Self-Government // Ekonomika i Sotsium (Economy and Society). 2025. No. 1. pp. 512–520.

[7] Samsonov A. I. Municipal Legal Regulation of Investment Activity // Gaps in Russian Legislation. 2016. No. 2. pp. 48–54.

[8] Shor I. M. Public-Private Partnerships in the Utilities and Energy Sector: Achievements, Problems, and Challenges // RUDN Journal of Public and Municipal Administration. 2023. Vol. 10. No. 4. pp. 503–511.

[9] National Rating of the Investment Climate in the Constituent Entities of the Russian Federation // Agency for Strategic Initiatives. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (accessed: 04.06.2026).

[10] Federal Law No. 85-FZ of April 9, 2026 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: 04.06.2026).

[11] Federal Law No. 39-FZ of February 25, 1999, "On Investment Activity in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (accessed: 04.06.2026).

[12] Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025, "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government within a Unified System of Public Authority" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (accessed: 04.06.2026).

[13] Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of July 31, 1998 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed: 04.06.2026).

[14] Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014, "On Strategic Planning in the Russian Federation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed: June 4, 2026).

[15] Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 672 of September 26, 2023 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458881/ (accessed: June 4, 2026).

[16] National Rating of the Investment Climate in the Constituent Entities of the Russian Federation // Agency for Strategic Initiatives. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (accessed: June 4, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-147-153

ГИРЕЕВ Ибрагим Бекханович,
аспирант кафедры финансового права
Московского Государственного Юридического
Университета им. О.Е. Кутафина,
e-mail: ibragi.gireev2000@mail.ru

Научный руководитель:
ЦАРЕГРАДСКАЯ Юлия Константиновна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры финансового права,
тел. кафедры: 8 (499) 244-88-88 доб. 774,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭВОЛЮЦИЯ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция правового регулирования межбюджетных трансфертов в России. Анализируются механизмы перераспределения публичных финансов на основных этапах развития российской государственности: в Древней Руси, в период Московского централизованного государства, в Российской империи, в советский период и на современном этапе. Выявляются закономерности становления современной модели межбюджетных отношений, а также исторические предпосылки формирования категории «межбюджетные трансферты».*

Ключевые слова: *межбюджетные трансферты, финансовая устойчивость, бюджетный федерализм, история бюджета, межбюджетные отношения, бюджетное регулирование.*

Для цитирования: *Гиреев И. Б. Эволюция и правовые основы регулирования межбюджетных трансфертов в России // Образование и право. 2026. № 10. С. 147–153.*

GIREEV Ibragim Bekkhanovich,
Postgraduate Student, Department of Financial Law,
Kutafin Moscow State Law University

Academic Supervisor:
TSAREGRADSKAYA Yulia Konstantinovna,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Department of Financial Law

EVOLUTION AND LEGAL FRAMEWORK OF INTERGOVERNMENTAL TRANSFERS REGULATION IN RUSSIA

Annotation. *The article examines the evolution of legal regulation of intergovernmental transfers in Russia. The mechanisms of public finance redistribution at the main stages of Russian statehood development are analyzed: in Ancient Rus, during the Moscow centralized state, in the Russian Empire, in the Soviet period and at the present stage. The patterns of formation of the modern model of intergovernmental relations, as well as historical prerequisites for the formation of the category "intergovernmental transfers", are revealed.*

Key words: *intergovernmental transfers, financial stability, fiscal federalism, budget history, intergovernmental relations, budget regulation.*

For citation: *Gireev I. B. Evolution and legal framework of intergovernmental transfers regulation in Russia. Education and law. 2026;(10):147–153. (In Russ.).*

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления исторических закономерностей становления системы межбюджетных трансфертов, выступающих ключевым инструментом обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации. Изучение процессов аккумуляции и перераспределения публичных финансов на различных этапах развития российской государственности позволяет выявить преемственность институтов и определить исторические предпосылки формирования современной модели межбюджетных отношений.

Степень научной разработанности проблемы. В дореволюционной и советской историографии вопросы бюджетного регулирования оставались на периферии научных изысканий, уступая место изучению налогообложения и социально-экономических аспектов феодального строя [1, с. 111]. Исследователи сосредоточивались преимущественно на частном землевладении и классовых противостояниях, тогда как механизмы формирования и перераспределения публичных денежных фондов долгое время не получали детальной проработки [1, с. 111]. Сложившаяся ситуация свидетельствует о наличии определённого пробела в отечественной историографии: исследования финансовых отношений древнерусского периода долгое время не являлись приоритетным направлением. Отдельные авторы склонны были начинать историю российских финансов лишь с эпохи Средневековья, фактически исключая из научного оборота анализ финансовых институтов Древней Руси. Восполнение этого пробела представляется важной задачей современной историко-экономической науки.

Цель статьи — выявить закономерности эволюции правового регулирования межбюджетных трансфертов в России и определить исторические предпосылки формирования их современной модели.

Задачи: рассмотреть бюджетную практику Древней Руси; проанализировать становление институциональных основ межбюджетных отношений в Русском централизованном государстве; исследовать развитие бюджетного механизма в XVIII — первой половине XIX в.; охарактеризовать советскую модель межбюджетных отношений; раскрыть этапы становления современной модели межбюджетных трансфертов.

Методы исследования: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный.

Бюджетная практика Древней Руси

В практике функционирования древних государств термин «бюджет» отсутствовал; он восходит к средневековой Европе, где первоначально обозначал финансовый план государства, представляемый парламенту [2, с. 53]. В Российской империи на рубеже XIX–XX веков данный термин был хорошо знаком специалистам, однако в законодательной практике не использовался [3, с. 12–13].

Бюджетная практика на территории Древней Руси зарождается в IX столетии с началом регулярных сборов дани, однако первые институционализированные инструменты перераспределения с фиксированными нормативами появляются лишь в X веке [2, с. 53]. Наполнение княжеской казны происходило преимущественно за счёт налоговых изъятий, основную массу которых составляла дань, взимавшаяся как с подвластных восточнославянских племён, так и с покорённых соседних народов. Сбор дани осуществлялся в натуральной форме: скот, пушнина, мёд, воск, продукты питания служили основными платёжными средствами. Помимо регулярных податей, княжеские доходы пополнялись за счёт пошлин и судебных штрафов — вир, дорожных сборов (мыта), а также платежей, связанных с брачными союзами (выводная куница) [4, с. 5–6]. В условиях отсутствия формализованной налоговой системы процедура изъятия дани носила во многом стихийный характер, не имела чётких нормативных оснований, что нередко провоцировало племенные волнения и делало невозможным достоверное планирование доходной части казны [2, с. 53].

Обращение к «Повести временных лет» позволяет реконструировать систему инструментов, с помощью которых в Древнерусском государстве осуществлялась аккумуляция и последующее перераспределение публичных средств. При этом важно разграничивать собственно расходы и инструменты перераспределения — те механизмы, посредством которых материальные ценности перемещались между уровнями управления: от центра к периферии, от княжеской казны к церкви, от государства к дружине и населению.

Одним из первых институционализированных инструментов перераспределения стала налоговая реформа княгини Ольги, проведённая в середине X в. Летопись под 6455 (947) годом сообщает: «Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ — оброки и дани, и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты» [4, с. 19]. Сущность данного инструмента состояла не просто в упорядочении сбора дани, а в создании территориальной сети пунктов аккумуляции ресурсов (погостов) с одновременным установлением фиксированных размеров платежей (уроков) [5, с. 83–87].

Ключевым элементом перераспределения

являлось установление пропорций: «И възложи на ня дань тяжьку, и двѣ части идета Киеву, а третьяя — Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ Ольжинъ город» [4, с. 19]. Данное свидетельство позволяет говорить о появлении прообраза бюджетного разграничения доходов между центральным уровнем (Киев) и территориальным образованием (Вышгород). Установление фиксированной пропорции (2:1) свидетельствует о формировании устойчивого механизма, при котором часть собранных средств централизованно перераспределялась, а часть оставалась в распоряжении местной администрации. Это можно рассматривать как раннюю форму вертикальных межбюджетных отношений.

Следующим значимым инструментом перераспределения стало установление церковной десятины. Князь Владимир Святославич, завершив строительство Десятинной церкви, провозгласил: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов...» [4, с. 39]. Десятина представляет собой классический пример целевого вертикального перераспределения с чётко заданным нормативом (10% от всех княжеских доходов). Перераспределение носило регулярный характер; оно было закреплено письменно с санкцией за нарушение; средства направлялись на содержание религиозной инфраструктуры, выполнявшей социальные и образовательные функции [6, с. 6–7, 12–13, 24]. Это один из первых примеров нормативно закреплённого межбюджетного трансферта в Российском государстве.

Инструментом децентрализованного перераспределения являлась передача территорий в управление с правом сбора доходов. Летопись под 6370 (862) г. фиксирует: «И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро» [4, с. 6]. Назначенное лицо содержалось за счёт сборов с подвластной территории («кормления»), что освобождало центральную казну от прямых расходов на содержание администрации, но создавало систему перераспределения, при которой часть публичных доходов оставалась на местах [7, стб. 155]. Это можно квалифицировать как исторический прообраз бюджетного федерализма.

Таким образом, в Древнерусском государстве X–XI вв. отсутствовала единая формализованная бюджетная система. Однако летописные источники позволяют реконструировать несколько разнородных, но уже институционализирующихся инструментов перераспределения публичных ресурсов.

Становление институциональных основ межбюджетных отношений в Русском централизованном государстве (XV–XVII вв.)

Процесс объединения русских земель вокруг Москвы в XV–XVI вв. потребовал перестройки механизмов мобилизации и распределения государственных ресурсов. Прежняя система, при которой местные администраторы («кормленщики») обеспечивались за счёт прямых сборов с подведомственных территорий, не отвечала задачам укрепления единого государства. На смену разрозненным платежам приходит более упорядоченная система аккумуляции и распределения публичных доходов [8, с. 10–19].

До реформ Ивана IV содержание наместников и волостелей осуществлялось за счёт сборов с населения — «кормов». Значительная часть средств оставалась в распоряжении местных властей. Перелом наступил с проведением земской реформы 1555–1556 гг. Вместо прежнего порядка вводилось выборное самоуправление. Сборы, ранее шедшие на содержание наместников, были заменены общегосударственным налогом — «кормленым окупом», который направлялся в центральную казну, а затем распределялся среди служилых людей в виде жалованья [9]. С финансовой точки зрения это означало перемещение контрольных функций по сбору и распределению доходов от местных властей к центру. Был создан прообраз вертикального перераспределения.

В XVI столетии начала складываться приказная система управления. В 1554–1555 гг. был учреждён Приказ Большого прихода — первый общегосударственный финансовый орган, в ведении которого находился сбор основных прямых и косвенных налогов, а также финансирование армии, государственного аппарата и царского двора [10, стб. 155]. Одновременно функционировали территориальные приказы (чети), которые аккумулировали налоги с определённых территорий и направляли их на выплату жалованья местным служилым людям [11, с. 2]. Прослеживается разделение доходных источников между общегосударственным и территориальными уровнями — прообраз распределения ресурсов между звеньями бюджетной системы [19].

Важной вехой стало появление государственных бюджетных росписей. В 1680 г. была составлена первая сводная роспись доходов и расходов Московского государства: доходы оценивались в 1 220 367 руб., расходы — в 1 125 323 руб. [13, с. 5–7]. Документ детализировал источники поступлений и направления затрат, что даёт основания считать его прообразом единого бюджета. В 1655 г. был учреждён Приказ счётных дел — орган, призванный вести учёт доходов и расходов в общегосударственном масштабе [11, с. 2].

Таким образом, в XV–XVII вв. сложились

институциональные предпосылки для будущей системы межбюджетных отношений. Ключевым этапом стала замена кормлений общегосударственным налогом, что обеспечило концентрацию финансовых ресурсов в центре и их последующее перераспределение через казну. Приказная система заложила механизм разделения доходных источников между общегосударственным и региональным уровнями. Однако финансовая система сохраняла фрагментарность, а перераспределение ресурсов носило административно-целевой характер.

Развитие бюджетного механизма в XVIII — первой половине XIX в.

В петровский период (1689–1725) Россия перешла к системной организации государственных финансов. В 1718–1719 гг. были учреждены Камер-коллегия (сбор доходов), Штатс-контор-коллегия (распределение средств) и Ревизион-коллегия (контроль) [12, с. 72–73]. Тем самым было положено начало разделению функций планирования, исполнения и проверки бюджета. Однако механизмы финансовой поддержки территорий оставались эпизодическими.

Существенный вклад в становление отечественных бюджетных принципов внесла реформаторская деятельность М.М. Сперанского. В «Плане финансов» 1810 г. были сформулированы ключевые положения: балансирование доходной и расходной частей казны, целесообразное использование государственных ресурсов в границах утверждённых ассигнований, реформирование налоговой системы, придание бюджету юридической силы закона, открытость бюджетных процедур [12, с. 147–149]. Многие из этих начинаний не нашли полного воплощения при жизни Сперанского, но заложенные им ориентиры надолго определили направление бюджетных преобразований.

Реформы 1860-х гг., проведённые при министре финансов М.Х. Рейтерне и государственном контролёре В.А. Татаринове, обеспечили введение единой бюджетной росписи, установление гласности бюджета и создание системы государственного контроля [13]. Ключевым нововведением стало правило, согласно которому любые расходы должны были предусматриваться в бюджетной росписи. Одновременно земские учреждения (с 1864 г.) получили право устанавливать местные налоги и формировать самостоятельные бюджеты [13]. Это создало объективную потребность в выравнивании бюджетной обеспеченности территорий.

Вместе с тем исследуемый период характеризуется отсутствием сложившихся механизмов регулярной финансовой поддержки регионов. Перераспределение средств между центром и территориями носило преимущественно административно-распорядительный характер и не имело последовательной правовой регламентации.

Советская модель межбюджетных отношений

В советский период механизмы межбюджетного регулирования претерпели существенную эволюцию — от разрозненных форм финансовой поддержки территорий к централизованной системе планового перераспределения ресурсов. Поскольку в СССР отсутствовал термин «межбюджетные отношения» в современном понимании, исследователи применяют это понятие в расширительном толковании — как отношения между уровнями единой бюджетной системы [14, с. 55]. Бюджетная система СССР с конца 1930-х до начала 1990-х годов была организована по принципу вертикальной административной подчинённости.

Первый этап формирования советской модели относится к началу 1920-х годов. После выделения местных бюджетов из общегосударственного в 1921 г. IX Всероссийский съезд советов определил местные бюджеты как «абсолютно необходимое дополнение к общегосударственному бюджету, дающее ресурсы местам для советского строительства» [15, с. 290–294]. Постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «О бюджетных правах Союза ССР и входящих в его состав союзных республик» установило, что в состав единого государственного бюджета входят общесоюзный бюджет и бюджеты союзных республик; исполнение осуществляется на основе единства кассы; в доходную часть бюджетов союзных республик могли включаться дотации из общесоюзных средств при наличии дефицита.

В 1924–1931 гг. основной формой межбюджетного регулирования выступали субвенции — целевые государственные пособия местным бюджетам, требовавшие долевого участия их средств. Субвенции обладали стимулирующим эффектом, поскольку предполагали софинансирование и контроль за целевым использованием. Однако с укреплением планового хозяйства система субвенций уступила место более централизованным механизмам. Налоговая реформа 1930 г. и Постановление ЦИК и СНК СССР от 31 декабря 1931 г. «О республиканских и местных бюджетах» закрепили в качестве главной формы бюджетного регулирования систему отчислений от общегосударственных налогов и доходов [16, с. 75–77]. Доходы между уровнями бюджетной системы распределялись на основе единых нормативов, дифференцированных в зависимости от потребностей каждого бюджета.

В послевоенный период сложилась устойчи-

вая система распределения доходов по уровням. В союзный бюджет зачислялись налог с оборота, платежи из прибыли союзных предприятий, налоги с населения, доходы от внешней торговли. В бюджеты союзных республик и местные бюджеты поступали платежи из прибыли предприятий республиканского и местного подчинения, сельскохозяйственный налог, подоходный налог с колхозов, местные налоги и сборы. Закреплённых доходов для покрытия расходных обязательств нижестоящих уровней было недостаточно, что делало необходимым применение механизмов бюджетного регулирования [14, с. 56].

Функции регулятора выполняло Министерство финансов СССР, которое устанавливало дифференцированные нормативы отчислений от регулирующих доходов для каждого нижестоящего бюджета. Использовались две основные формы: отчисления от регулирующих доходов (в размере до 100% контингента соответствующего дохода) и дотации из вышестоящего бюджета для покрытия недостающих источников [16, с. 75–77]. Отличительной чертой советской модели являлось то, что межбюджетное регулирование было одновременно инструментом финансового выравнивания и реализации общесоюзных приоритетов. Для ликвидации экономической и культурной отсталости национальных республик государство обеспечивало более быстрый рост их бюджетов: за годы первых пятилеток бюджеты союзных республик выросли в 8–14 раз, причём основная часть средств выделялась из союзного бюджета [15, с. 290–291].

К середине 1980-х годов на фоне ослабления централизованного контроля и распространения идей «регионального хозрасчёта» начался процесс постепенной децентрализации бюджетных отношений. Однако принципиальные основы системы не изменились вплоть до распада СССР [17, с. 5].

Таким образом, советская система межбюджетных отношений представляла собой вертикально интегрированную модель, в рамках которой вышестоящие бюджеты выступали основными регуляторами доходов нижестоящих уровней. Сбалансированность бюджетов достигалась за счёт централизованного перераспределения и дотаций из союзного бюджета.

Становление современной модели межбюджетных отношений в Российской Федерации

Процесс формирования действующей системы межбюджетных отношений в Российской Федерации проходил в несколько этапов.

Первый этап (1991–1993 гг.) характеризовался становлением национальной налоговой системы, основанной на концепции «регулирующих налогов» [18, с. 1–3]. Произошло расширение фискальных полномочий региональных и муниципальных органов, однако межбюджетные отношения отличались высокой степенью субъективизма, что предопределило значительную дифференциацию бюджетной обеспеченности территорий. Практиковалось изъятие излишков доходов нижестоящих бюджетов в вышестоящие.

На втором этапе (1994–1998 гг.) была предпринята первая попытка системного реформирования межбюджетных отношений. Концепция реформирования предполагала создание более прозрачного механизма финансовой поддержки субъектов Федерации, основанного на оценке бюджетной обеспеченности регионов с использованием единой методики учёта налогового потенциала и расходных потребностей. В 1994 г. был учреждён Федеральный фонд финансовой поддержки регионов, а распределение дотаций на выравнивание стало осуществляться по формализованным правилам. Однако нормативно-правовая база оставалась недостаточной [18, с. 1–3].

Принятие Бюджетного кодекса РФ в 1998 г. стало поворотным моментом, закрепившим общие принципы бюджетного законодательства, правовые основы функционирования бюджетной системы и порядок регулирования межбюджетных отношений. Вплоть до 2004 г. в законодательных актах использовались термины «финансовая помощь» и «финансовая поддержка». Лишь с принятием Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» в правовой оборот было введено понятие «межбюджетные трансферты», а с 1 января 2005 г. соответствующая категория была закреплена в гл. 16 Бюджетного кодекса РФ.

Исторический обзор показывает, что на каждом этапе развития российской государственности механизмы бюджетного перераспределения выполняли сходную функцию: обеспечение сбалансированности нижестоящих бюджетов за счёт ресурсов вышестоящего уровня. На современном этапе указанные механизмы получили законодательное закрепление в категории «межбюджетные трансферты». Раскрытие их правовой природы имеет не только доктринальное, но и практическое значение, поскольку именно трансферты выступают основным инструментом «регулируемой сбалансированности» бюджетов, а следовательно, играют ключевую роль в обеспечении финансовой устойчивости как отдельных публично-правовых образований, так и всей бюджетной системы Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Валеров А.В. Становление денежно-кредитных отношений в Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2007. № 4. С. 111.

[2] Химич Т.М. Развитие бюджетного законодательства в России с IX в. – 1862 г.: историко-теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219). С. 53.

[3] Комягин Д.Л. Бюджетное право: учебник для вузов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 12–13.

[4] Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 1996. С. 5–6, 6, 19, 39.

[5] Анисимов К.А., Жих М.И. Древляне. Этногенез, социальная и политическая история // Исторический формат. 2025. № 1. С. 83–87.

[6] Костромин К.А. Происхождение и функция древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Палеоросия. 2014. № 1. С. 6–7, 12–13, 24.

[7] Кормление // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 7. Стб. 155.

[8] Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси / отв. ред. А.А. Зимин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1988. С. 10–19.

[9] Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. 10-е изд. Петроград, 1917. Ч. 2. Гл. «Годы 1550–1564».

[10] Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 11. Стб. 155.

[11] Моняк С.Г. Становление и развитие системы органов государственного финансового контроля в России (середина XVII – конец XVIII века) // Философия права. 2010. № 5. С. 2.

[12] Муравьева Л.А. Финансовая политика Петра Великого // Финансы и кредит. 2007. № 9 (249). С. 72–73.

[13] Бельский К.С. Финансово-правовые преобразования в XIX столетии. Финансовые реформы Александра I и «План финансов» М.М. Сперанского // Государство и право. 2020. № 12. С. 147–149.

[14] Нещадим Е.Г. О содержании бюджетной реформы В.А. Татаринова 1862–1868 гг. // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 5–7.

[15] Бесчеревных В.В., Коган М.Л., Куфакова Н.А. и др. Советское финансовое право: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Бесчеревных, С.Д. Цыпкин. М.: Юридическая литература, 1982. С. 55–56.

[16] Матьянова Е.С., Бабаян О.А. Становление и развитие бюджета и бюджетного права в Российском государстве: исторические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3. С. 290–294.

[17] Ягофаров Р.Р. К вопросу о понятии межбюджетных трансфертов (исторические аспекты) // Власть. 2009. № 8. С. 75–77.

[18] Гранберг А.Г. Проблемы межрегиональных экономических отношений // Экономика и математические методы. 1990. № 1. С. 5.

[19] Лишин М.В. Становление системы межбюджетных отношений: история и современное состояние // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. № 5. С. 1–3.

References:

[1] Valerov A.V. The Formation of Monetary and Credit Relations in Ancient Rus // Vestnik of Saint Petersburg University. Economics. 2007. No. 4. P. 111.

[2] Khimich T.M. The Development of Budgetary Legislation in Russia from the 9th Century to 1862: A Historical-Theoretical Aspect // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 3 (219). P. 53.

[3] Komyagin D.L. Budgetary Law: A Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: HSE Publishing House, 2020. Pp. 12–13.

[4] The Tale of Bygone Years / text preparation, translation, articles, and commentary by D.S. Likhachev. St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 5–6, 6, 19, 39.

[5] Anisimov K.A., Zhikh M.I. The Drevlians: Ethnogenesis, Social and Political History // Historical Format. 2025. No. 1. Pp. 83–87.

[6] Kostromin K.A. The Origin and Function of the Old Russian Church Tithe and Its Western European Analogues // Paleorosia. 2014. No. 1. Pp. 6–7, 12–13, 24.

[7] Kormlenie (Maintenance/Provisioning) // Soviet Historical Encyclopedia: in 16 vols. / ed. by E.M. Zhukov. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1961–1976. Vol. 7. Col. 155.

[8] Kashtanov S.M. Finances of Medieval Rus / Eds. A.A. Zimin, V.L. Yanin. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 10–19.

[9] Platonov S.F. A Complete Course of Lectures on Russian History. 10th ed. Petrograd, 1917. Part 2. Chapter: “The Years 1550–1564.”.

[10] Soviet Historical Encyclopedia: in 16 vols. / Ed. E.M. Zhukov. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1961–1976. Vol. 11. Col. 155.

[11] Monyak S.G. The Formation and Development of the System of State Financial Control Bodies in Russia (Mid-17th – Late 18th Century) // Philosophy of Law. 2010. No. 5. P. 2.

[12] Muravyeva L.A. The Financial Policy of Peter the Great // Finance and Credit. 2007. No. 9

(249). Pp. 72–73.

[13] Belsky K.S. Financial-Legal Transformations in the 19th Century: The Financial Reforms of Alexander I and the “Financial Plan” of M.M. Speransky // State and Law. 2020. No. 12. Pp. 147–149.

[14] Neshchadim E.G. On the Content of V.A. Tatarinov’s Budget Reform of 1862–1868 // Society and Law. 2011. No. 1 (33). Pp. 5–7.

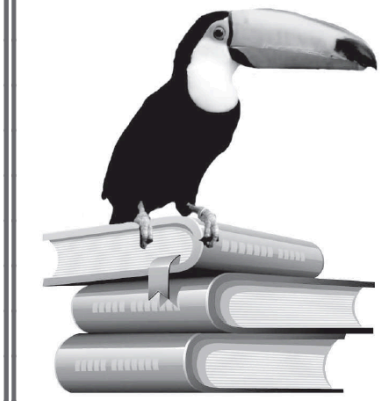
[15] Bescherevnykh V.V., Kogan M.L., Kufakova N.A. et al. *Soviet Financial Law: A Textbook for Higher Education Institutions*, eds. V.V. Bescherevnykh and S.D. Tsypkin. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1982, pp. 55–56.

[16] Matyanova E.S., Babayan O.A. The Formation and Development of the Budget and Budgetary Law in the Russian State: Historical Aspects. *Law and State: Theory and Practice*, 2021, no. 3, pp. 290–294.

[17] Yagofarov R.R. On the Concept of Interbudgetary Transfers (Historical Aspects). *Vlast* (Power), 2009, no. 8, pp. 75–77.

[18] Granberg A.G. Problems of Interregional Economic Relations. *Economics and Mathematical Methods*, 1990, no. 1, p. 5.

[19] Lishin M.V. The Formation of the System of Interbudgetary Relations: History and Current State. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2020, no. 5, pp. 1–3.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-154-160
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЕЛЧУЕВ Эльвин Ильхамович,
аспирант направления подготовки
5.2.3 Региональная и отраслевая экономика
кафедры туризма и социальных коммуникаций
факультета наук и социальных технологий
Образовательного учреждения профсоюзов
высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»,
тел. +7 926 379 1004,
e-mail: Elchuev2014@yandex.ru

Научный руководитель:
КЛЮКИНА Дина Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры наук и социальных коммуникаций
факультета социальных наук и технологий
Образовательного учреждения профсоюзов
высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»,
тел. 8-999-552-96-93,
e-mail: falileeva142@mail.ru

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье рассмотрена проблема формирования критериев оценки качества оказания государственных услуг. Определена необходимость учета специфики государственных услуг, как объекта оценки качества, их публично-правового характера, отсутствия рыночной конкуренции при оказании, особенностей отдельных видов услуг. На основе зарубежного и российского опыта оценки качества государственных услуг обоснована необходимость комплексного подхода (формирование системы критериев), предложен авторский подход, основанный на объединении нормативного, процессного и результативного уровней. Определено, что отдельные критерии не позволяют оценить качество, требуется формирование модели из нескольких критериев с включением объективных и субъективных параметров.*

Ключевые слова: *оценка, оценка качества, услуга, государственная услуга, критерии, система критериев, качество оказания государственных услуг, мониторинг, регламент, проактивные услуги.*

Для цитирования: *Елчуев Э. И. Критерии оценки качества оказания государственных услуг: российский и зарубежный опыт // Образование и право. 2026. № 10. С. 154–160.*

ELCHUEV Elvin Ilkhamovich,
postgraduate student in the field of study
5.2.3 Regional and Sectoral Economics,
Department of Tourism and Social Communications,
Faculty of Social Sciences and Technologies,
Trade Union Higher Education Institution
"Academy of Labor and Social Relations"

Academic Supervisor:
KLYUKINA Dina Vladimirovna,
Candidate of Economic Sciences (PhD in Economics),
Associate Professor,
Professor at the Department of Tourism and Social Communications,
Faculty of Social Sciences and Technologies,
Trade Union Higher Education Institution "Academy of Labor and Social Relations"

CRITERIA FOR ASSESSING THE QUALITY OF PUBLIC SERVICES: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *The article considers the problem of forming criteria for assessing the quality of public services. The necessity of taking into account the specifics of public services as an object of quality assessment, their public-legal nature, the lack of market competition in the provision, and the specifics of certain types of services is determined. Based on the foreign and Russian experience in assessing the quality of public services, the need for an integrated approach (the formation of a system of criteria) is substantiated, and the author's approach based on combining the normative, process and effective levels is proposed. It is determined that individual criteria do not allow assessing quality, it is necessary to form a model from several criteria with the inclusion of objective and subjective parameters.*

Key words: *assessment, quality assessment, service, public service, criteria, criteria system, quality of public services, monitoring, regulations, proactive services.*

For citation: *Elchuev E. I. Criteria for assessing the quality of public services: Russian and foreign experience. Education and law. 2026;(10):154–160. (In Russ.).*

Построение цифрового государства и цифровой экономики актуализирует проблему качества оказания государственных услуг. Перевод подавляющего большинства оказываемых населению услуг в цифровой - электронный вид привел к росту скорости оказания таких услуг, доступности для получателей, снижению коррупционных рисков. Казалось бы, цифровизация деятельности государства в сфере оказания услуг должна повысить прозрачность, прослеживаемость, наладить обратную связь, выступить основой для оценки качества оказания услуг. Вместе с тем, сложность общественных отношений и разных жизненных ситуаций, необходимость взаимодействия различных ведомств при оказании услуг, рождает новые проблемы, способные негативно повлиять на качество.

1. Государственная услуга как объект оценки качества

До установления критериев оценки качества оказания государственных услуг необходимо определить сущность государственной услуги как объекта оценки. В соответствии с Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 N 210-ФЗ, под государственной услугой следует понимать деятельность соответствующего органа власти, осуществляемую по запросам заявителей в рамках властных полномочий. Можно согласиться с позицией некоторых исследователей в том, что нормативно установленное определение государственной услуги отражает процессный подход к ее оказанию [5]. Действительно, для заявителя целью обращения выступает результат - в виде получения документа, разрешения, определенного статуса [6]. Таким образом, государственная услуга выступает результатом (и конечной целью) взаимодействия уполномоченного государственного органа, и обратившегося за оказанием услуги. При этом специфика государственной услуги заключается в следующем:

- предоставление такой услуги является деятельностью, обязательной для предоставляющий ее стороны;
- государственная услуга отличается от иных услуг тем, что ее объем и качество не регулируются спросом и предложением в классическом понимании (отсутствие рыночной конкуренции);
- государственная услуга оказывается специальным субъектом - государственным органом (или муниципальным органов власти - в случае передачи полномочий с вышестоящего уровня власти);
- деятельность по оказанию государственных услуг регламентирована внутренними локальными актами органов власти;

- отказаться от получения государственной услуги потребитель чаще всего не имеет права, если она необходима для дальнейшей реализации его законных прав и интересов (регистрация недвижимости, наследственные права).

Приведенная специфика государственных услуг как объектов оценки качества позволяет выделить компоненты такой оценки: оценке подлежит непосредственная деятельность органа государственной власти, оказывающего услугу, оценивается достижение цели обратившегося (т.е. получение услуги как фактического результата деятельности органа власти), наряду с этим оценку должны получить и скорость оказания услуги, доступность ее предоставления, а в условиях цифровизации - возможность сокращения времени за счет межведомственного взаимодействия.

Учитывая, что выявленная специфика позволяет отграничить государственные услуги от иных видов услуг, согласимся с мнением Э.В. Талапиной, Д.Ю. Козяр (Двинских) [8] о том, что такие услуги требуют особого подхода к оценке качества, при котором учитывается не лояльность клиента, а соответствие регламентам и публичным стандартам. Таким образом, сама сущность государственной услуги как результата деятельности органа государственной власти или муниципального органа власти по переданным полномочиям, предполагает определенную специфику оценки качества (определения применимых критериев). Кроме того, многообразие видов государственных услуг требует уточнения критериального аппарата, поскольку разные виды услуг предполагают разный результат. В научных источниках можно выделить классификации государственных услуг по разным основаниям. Так, Я.А. Швец [12] предлагает разделять их:

- по сфере деятельности (разрешительные, социальные, административные);

- по способу предоставления (очные, дистанционные, проактивные);

- в соответствии с категорией получателей (физические, юридические лица, иные органы власти).

Соответственно, для разных видов услуг разными будут выступать и критерии оценки качества. В частности, своевременность выплат будет выступать основным критерием для социальных услуг, законность и обоснованность решений органов власти - главным критерием для разрешительных видов услуг.

Периодическая оценка качества повышает результативность управления. Эффективность такой оценки напрямую зависит от выбранных критериев [10], не вызывает сомнения, что измерить качество одним или двумя показателями невозможно, требуется система, охватывающая доступность информации об услуге и удовлетворенность конечным результатом, процессом оказания, скоростью и пр. К.С. Десятов замечает: формальная проверка сроков и состава документов не всегда отражает реальную удовлетворенность граждан [3]. Например, услуга может быть предоставлена в установленный законом срок, но с нарушением комфортности (длинные очереди, некорректное поведение сотрудников). Как объект оценки качества государственные услуги характеризуются: публично-правовой природой, множеством видов, ростом цифровизации предоставления, отсутствием рыночных механизмов саморегуляции. Перечисленные особенности требуют формирования новых подходов к оценке качества – на основе многомерных критериальных систем. При этом активное внедрение проактивных государственных услуг, то есть, услуг, инициируемых государством при наступлении определенных событий в жизни граждан (выход на пенсию, рождение ребенка) в беззаявительном порядке нивелирует такие критерии оказания качества услуг, как время предоставления, ожидания в очереди, при это вводя новые критерии (точности прогнозирования потребностей, своевременности и полноты предоставления информации, уведомления) [2]. Можно заключить, что цифровизация приводит к необходимости пересмотра оценочных критериев.

2. Российский и зарубежный опыт в подходах к оценке качества государственных услуг

Исследуя вопросы оценки качества оказания государственных услуг и установления критериев, можно выделить два основополагающих подхода:

- подход, основанный на измеряемых параметрах (объективный, позволяет получить конкретные, измеримые показатели);

- подход, основанный на субъективных оценках в виде опросов удовлетворенности получателей услуг.

К.Ю. Диброва [4] подчеркивает, что методики социологических опросов и рейтингования активно используются в зарубежных странах. Такие инструменты, как SERVQUAL, CAF применяются в США и странах ЕС. Использование методик «тайный покупатель», регулярных панельных опросов выступает обычной практикой в США и Канаде. Публичность оценки качества в Великобритании определяется системой показателей эффективности, публикуемых в открытом доступе.

Российская практика (ввиду исторически сложившегося в советское время опыта плановой экономики) склонна ориентироваться на объективные критерии. Вместе с тем, формирование системы МФЦ, независимой оценки качества, позво-

лило с иных позиций подойти к решению проблемы оценки и выработки критериев. В результате разными авторами научных исследований. выделяются следующие группы критериев:

- наиболее простые для измерения, но фиксирующие лишь формальное соответствие, а не реальное качество [1] нормативно-регламентные критерии. К ним можно отнести оценку соблюдения административных процедур при оказании государственных услуг в виде сроков предоставления, учета оснований для отказа, необходимого перечня документов;

- характеризующие процесс оказания услуги (процессуально-организационные). К ним можно отнести время ожидания в очереди, удобство работы с порталом госуслуг, компетентность сотрудников, доступность помещений МФЦ для маломобильных граждан и пр. Как отмечают Е.Е. Новичкова, Д.В. Зинченко [7], именно эти критерии в наибольшей степени определяют оценку гражданами качество работы органов власти. Повторность обращения за оказанием одной и той же услуги в данном случае может выступить одним из негативно характеризующих качество критериев [5];

- характеризующие результат оказания услуги в виде достижения цели обращения (результативно ориентированные критерии). Не всегда соблюдение регламента оказания услуг фактически приводит к получению нужного результата, что должно учитываться при оценке качества. В данном случае завершение процедуры оказания услуги вовремя не может свидетельствовать о высоком ее качестве, если фактически заявитель не получил того, за чем обращался.

В российской практике можно выделить подходы (А.А. Шевченко, М.А. Махотенко) [10], предлагающие учитывать региональную специфику оказания государственных услуг. В крупных городах с развитой цифровой инфраструктурой оценка качества предполагает введение критериев оценки электронных сервисов. При этом в сельской местности востребованными остаются наличие МФЦ, выездные формы обслуживания. Кроме того, при оценке качества услуг в электронном виде наряду с необходимостью учета доступности портала, удобства навигации, необходимо также учитывать уровень защищенности персональных данных, возможность получения обратной связи, консультирования в онлайн-режиме [2].

Сравнивая российский и зарубежный опыт, можно увидеть разницу в формировании критериев оценки качества оказания услуг государством. В зарубежном опыте традиционным является учет субъективного мнения получателей услуг. В российской практике большее внимание уделяется критериям формального соблюдения административных регламентов.

3. Авторский подход к оценке качества государственных услуг

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать авторский подход к оценке качества. Предлагаемая модель носит название «трехуровневая динамическая система критериев» (ТДСК). Она интегрирует объективные и субъективные показатели, а также учитывает жизненный цикл услуги. ТДСК включает три уровня: входной (нормативно-ресурсный), процессный (организационно-коммуникационный) и результативный (целевой). Входной уровень предполагает оценку качества и достаточности правового регулирования, регламентации и ресурсного обеспечения услуги. В таком случае оценку получают полнота административного регламента, доступность информации, достаточность материальных и кадровых ресурсов, квалификация персонала. Оценка проводится посредством экспертных методов, предполагает анализ документов.

Второй уровень (процессный) оценивает непосредственно процесс взаимодействия гражданина с органом власти или МФЦ. Критерии этого уровня: время ожидания в очереди (для очных услуг), удобство интерфейса и стабильность работы (для электронных услуг), вежливость и компетентность сотрудников, количество повторных обращений, доля обращений, разрешенных в установленный срок. С.С. Ванюшин подчеркивает, что процессные критерии наиболее чувствительны к повседневной работе и могут быть измерены как с помощью объективных данных (лог-файлы, таймеры), так и с помощью опросов [1]. Д.Д. Чвилев предлагает использовать также такой показатель, как доля жалоб, признанных обоснованными [11].

Третий уровень (результативный) оценивает, достиг ли получатель той цели, ради которой он обращался за услугой. Это самый сложный для измерения уровень, поскольку цели могут быть размытыми или отсроченными. Полагаем, что в данном случае можно предложить в качестве критериев следующие:

- выявление мнения получателей, удовлетворенных полученным при оказании госуслуги результатом, процессом оказания услуги – доли случаев, когда результат не был достигнут как итог первого обращения;

- отсутствие необходимости последующего обжалования, корректировки;

- полнота оказанной услуги (в виде реального результата, а не исполнения для установления результата – «услуга оказана» (примером может быть реальное трудоустройство, а не формальная

постановка в службе занятости на учет в качестве безработного).

Представляется, что «результативные» критерии должны быть привязаны к социально значимым для получателей результатам [7; 9].

Авторская модель предполагает (в качестве условия дифференциации) установление взвешенных результатов (динамическое свойство) в зависимости от этапа жизненного цикла госуслуги. На начальном этапе, устанавливаются регламенты по оказанию, проектируется сама услуга, для услуг в электронной форме – задается алгоритм оказания, при этом доминирующим выступает первый уровень. С момента, когда услуга уже оказывается (пройдена пилотная стадия внедрения) – второй уровень. Стратегический аудит оказания услуги и перенастройка сервисов, смена алгоритмов предполагают третий уровень (мониторинг в динамике). Подобное распределение приводит к сбалансированности модели.

Определяющим условием для релевантной оценки выступает разработка методики сбора, систематизации и анализа данных. По каждому критерию должны быть установлены целевые значения (бенчмарки) и периодичность измерения. Например, время ожидания в очереди целесообразно измерять ежемесячно, а удовлетворенность результатом – раз в полгода через выборочные опросы. Внедрение проактивных услуг требует модификации критериев: для них процессный уровень трансформируется, а результативный выходит на первый план.

Предлагаемый авторский подход также учитывает дифференциацию услуг по категориям сложности и категориям получателей. В частности, массовые услуги (получение справок, сведений из органов власти) главным при оценке выступить скорость, удобство для получателей. Сложные, юридически значимые услуги (регистрация недвижимости в ЕГРН, например) требуют оценки полноты оказания услуги и отсутствия ошибок (а также безосновательных отказов в предоставлении). Выявленные особенности предполагают гибкую настройку весовых коэффициентов для каждой из групп таких услуг.

4. Практические аспекты внедрения авторской модели и сравнительный анализ

Переход к предложенной системе критериев изменит процедуры наблюдения. Сбор информации по критериям должен быть максимально автоматизирован, например, время ожидания можно фиксировать посредством электронной очереди, а количество повторных обращений отслеживать через единую базу данных. Проблемным остается вопрос мониторинга оценки качества оказания государственных услуг (позволяющий в настоящее время оценить данную деятельность в отношении отдельных государственных органов по ограниченному объему показателей [13]. Внедрение авторской модели потребует пилотного тестирования (например, на нескольких МФЦ) с обязательной организацией обратной связи. Предложенная модель оценки предполагает объединение объективных показателей с результатами субъективной оценки (на уровне опросов населения).

Заключение

Проведенное исследование показало, что оценка качества оказания государственных услуг выступает сложным процессом в виду того, что формализованные критерии оценки не сформированы, отсутствуют и единые подходы к их формированию. Полагаем, что оценка должна учитывать, прежде всего, специфику государственных услуг (их публично-правовую природу, фактическое отсутствие рыночной конкуренции в виду государства - как субъекта оказания услуг, специфику отдельных видов услуг). Сравнение зарубежного и российского опыта оценки качества оказания государственных услуг позволило выявить направленность оценки на субъективные критерии в зарубежном опыте и приоритетность в установлении формализованных критериев оценки исполнения норм административных регламентов - в российской практике. Общей тенденцией выступает переход от единичных критериев оценки качества к комплексным формализованным моделям, включающим как объективные, так и субъективные индикаторы. Авторская критериальная система оценки предполагает отслеживание качества на этапах жизненного цикла услуги. При этом предполагается автоматический сбор данных, что потребует пилотного тестирования. Тенденции перехода к проактивному формату обслуживания населения требуют доработки критериев оценки качества для электронных и прогностических сервисов. Предложенный подход на практике позволит повысить эффективность государственного управления и доверия населения к органам власти.

Список литературы:

[1] Ванюшин С.С. Методы оценки качества государственных услуг и работы многофункциональных центров // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности : XXIII Международная конференция, XXI Международный конкурс научных и научно-методических работ, II Международный конкурс «Нейросетевой рисунок», Москва, 10–11 ноября 2022 года. – Москва : Издательство «Экон-Информ», 2022. – С. 23–28.

[2] Вишневская Ю.А., Писарев

А.В. Проблематика качества оказания услуг в электронном виде // Проблемы науки. – 2021. – № 3 (62). – С. 4–8.

[3] Десятов К.С. Проблемы и пути совершенствования методологии оценки качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг // ExLegis: правовые исследования. – 2022. – № 4. – С. 8–10.

[4] Дибирова К.Ю. К проблеме оценки удовлетворенности качеством бюджетных услуг в западной и отечественной социологии // ИСОМ. – 2017. – № 1-2. – С. 36–41.

[5] Лебедева Е.П. Повышение качества государственных услуг // Проблемы экономики, организации, государственного управления и права : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 14 июня 2023 года. – Ставрополь : ООО «СЕКВОЙЯ», 2023. – С. 438–439.

[6] Мешвез А.А. Понятие предоставления государственных услуг в России // Социально-экономические процессы современного общества : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 16 мая 2025 года. – Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2025. – С. 248–250.

[7] Новичкова Е.Е., Зинченко Д.В. Оказание государственных услуг населению. Повышение качества и доступности их предоставления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2 (105). – С. 64–74.

[8] Талапина Э.В., Козяр (Двинских) Д.Ю. Критерии оценки качества и перспективы внедрения проактивных государственных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 2. – С. 7–26.

[9] Терехова А.Н. Оценка качества предоставляемых государственных (муниципальных) услуг // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 8 (34). – С. 1–6.

[10] Фомичева А.Р., Кравченко Л.А. Мониторинг государственных и муниципальных услуг как инструмент повышения качества государственного управления // Перспективные направления развития государственного и муниципального управления : материалы I Международной научно-практической конференции, Симферополь, 12 ноября 2024 года. – Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 422–425.

[11] Чвилев Д.Д. Качество государственных и муниципальных услуг как объект оценки и управления // Транспортное дело России. – 2014. – № 4. – С. 123–126.

[12] Швец Я.А. К вопросу о классификации государственных услуг // Молодежь и наука: реальность и будущее : Материалы XI Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 28 марта 2018 года / Редколлегия: Т.Н. Рябченко, Е.И. Бурьянова. – Невинномысск : Невинномысский институт экономики, управления и права, 2018. – С. 485–487.

[13] Шевченко А.А., Махотенко М.А. Мониторинг качества и доступности предоставления государственных услуг в Ростовской области // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. – 2022. – № 2. – С. 319–324.

References:

[1] Vanyushin S.S. Methods for Assessing the Quality of Public Services and the Performance of Multifunctional Centers // Modern Information Technologies in Education, Science, and Industry: XXIII International Conference, XXI International Competition of Scientific and Methodological Works, II International "Neural Network Drawing" Competition, Moscow, November 10–11, 2022. – Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2022. – pp. 23–28.

[2] Vishnevskaya Yu.A., Pisarev A.V. Issues Regarding the Quality of Electronically Provided Services // Problems of Science. – 2021. – No. 3 (62). – pp. 4–8.

[3] Desyatov K.S. Challenges and Ways to Improve the Methodology for Assessing the Quality and Accessibility of State and Municipal Services // ExLegis: Legal Research. – 2022. – No. 4. – pp. 8–10.

[4] Dibirova K.Yu. On the Issue of Assessing Satisfaction with the Quality of Publicly Funded Services in Western and Russian Sociology // ISOM. – 2017. – No. 1-2. – pp. 36–41.

[5] Lebedeva E.P. Improving the Quality of Public Services // Problems of Economics, Organization, Public Administration, and Law: Collection of Scientific Articles from the International Scientific and Practical Conference, Stavropol, June 14, 2023. – Stavropol: SEKVOIYA LLC, 2023. – pp. 438–439.

[6] Meshvez A.A. The Concept of Providing Public Services in Russia // Socio-Economic Processes in Modern Society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, May 16, 2025. – Cheboksary: Publishing House "Sreda", 2025. – pp. 248–250.

[7] Novichkova E.E., Zinchenko D.V. Provision of Public Services to the Population: Improving Quality and Accessibility // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 2 (105). – pp. 64–74.

[8] Talapina E.V., Kozyar (Dvinskikh) D.Yu. Criteria for Assessing Quality and Prospects for Implementing Proactive Public Services // Public

Administration Issues. – 2024. – No. 2. – pp. 7–26.

[9] Terekhova A.N. Assessing the Quality of Provided Public (Municipal) Services // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. – 2018. – No. 8 (34). – pp. 1–6.

[10] Fomicheva A.R., Kravchenko L.A. Monitoring Public and Municipal Services as a Tool for Improving the Quality of Public Administration // Promising Directions in the Development of Public and Municipal Administration: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference, Simferopol, November 12, 2024. – Simferopol: "Arial" Publishing House and Printing Press LLC, 2024. – pp. 422–425.

[11] Chvilev D.D. The Quality of Public and Municipal Services as an Object of Assessment and Management // Transport Business of Russia. – 2014. – No. 4. – pp. 123–126.

[12] Shvets Ya.A. On the Issue of Classifying Public Services // Youth and Science: Reality and Future: Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference, Nevinnomyssk, March 28, 2018 / Editorial Board: T.N. Ryabchenko, E.I. Buryanova. – Nevinnomyssk: Nevinnomyssk Institute of Economics, Management and Law, 2018. – pp. 485–487.

[13] Shevchenko A.A., Makhotenko M.A. Monitoring the Quality and Accessibility of Public Service Provision in the Rostov Region // Intellectual Resources for Regional Development. – 2022. – No. 2. – pp. 319–324.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-161-167
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

университет просвещения, профессор кафедры гражданского права, Российская таможенная академия,
ORCID:0000-0002-6231-9821, daad95@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию участия публично-правовых образований и сходных с ними правовых институтов в гражданских правоотношениях в России и зарубежных странах. Ни один современный правопорядок не может существовать без данных правовых институтов, активных участников гражданского оборота. В России — это публично-правовые образования, а во многих зарубежных странах — юридические лица публичного права. То, что в гражданском законодательстве РФ конструкция юридического лица публичного права не применяется, имеет определенный исторический подтекст. Однако на доктринальном уровне концепция юридического лица публичного права всегда вызывала научный интерес. Разработке этого вопроса посвящены труды Г. Ф. Шершеневича, М. И. Кулагина, Н. Н. Лазаревского, В. Е. Чиркина, С. И. Архипова, Т. Я. Хабриевой и О. Я. Ястребова. Обращаясь к зарубежному опыту на примере Германии, Швейцарии и Австрии, автор анализирует организационно-правовые формы юридических лиц публичного права, особенности их правосубъектности и признаки юридических лиц публичного права. Публично-правовые корпорации, учреждения и фонды создаются на основании закона или административного акта, выполняют публично значимые задачи, наделяются властными полномочиями, имеют специальную (целевую) правоспособность, а также двойственную публично-частную природу, проявляющуюся в том, что такие лица выступают субъектами публичного права при осуществлении властных функций и субъектами частного права при участии в гражданско-правовых отношениях. В гражданском законодательстве РФ такую двойственную публично-частную природу, с большими оговорками, имеют публично-правовые компании и государственные корпорации. В статье проводится разграничение публично-правовых компаний и государственных корпораций по порядку создания, учредительным документам, целям, управлению и контролю. Обосновывается необходимость дальнейшего доктринального осмысления и возможной законодательной институционализации категории юридического лица публичного права.*

Ключевые слова: *юридическое лицо публичного права; корпорация; учреждение; фонд; публично-правовое образование; публично-правовая компания; государственная корпорация; участники гражданских правоотношений; специальная правоспособность; сравнительно-правовой анализ; зарубежный опыт.*

Для цитирования: *Деханов С. А. Гражданско-правовая правосубъектность публично-правовых образований и юридических лиц публичного права: российский и зарубежный опыт // Образование и право. 2026. № 10. С. 161–167.*

DEKHANOV Sergey Alexandrovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Constitutional and Civil Law,
State University of Education,
Professor at the Department of Civil Law,
Russian Customs Academy

CIVIL-LAW LEGAL PERSONALITY OF PUBLIC-LAW ENTITIES AND LEGAL ENTITIES OF PUBLIC LAW: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *The article is devoted to a comparative legal study of the participation of public-law entities and similar legal institutions in civil legal relations in Russia and foreign countries. No modern legal order can exist without these legal institutions, which are active participants in civil turnover. In Russia, these are public-law entities, while in many foreign countries they are legal entities of public law. The fact that the construction of a legal entity of public law is not applied in the civil legislation of the Russian Federation has a certain historical subtext. However, at the doctrinal level, the concept of a legal entity of public law has always attracted scholarly interest. The works of G. F. Shershenevich, M. I. Kulagin, N. N. Lazarevsky, V. E. Chirkin, S. I. Arkhipov, T. Ya. Khabrieva, and O. Ya. Yastrebov are devoted to the development of this issue. Turning to foreign experience, using the example of Germany, Switzerland, and Austria, the author analyzes the organizational-legal forms of legal entities of public law, the features of their legal personality, and the characteristics of legal entities of public law. Public-law corporations, institutions, and foundations are created on the basis of law or an administrative act, perform publicly significant tasks, are vested with powers of authority, have special (targeted) legal capacity, and also have a dual public-private nature, manifested in the fact that such persons act as subjects of public law when exercising public-authority functions and as subjects of private law when participating in civil-law relations. In the civil legislation of the Russian Federation, with great reservations, public-law companies and state corporations have such a dual public-private nature. The article distinguishes public-law companies and state corporations by the procedure of creation, constituent documents, goals, management, and control. The necessity of further doctrinal understanding and possible legislative institutionalization of the category of legal entity of public law is substantiated.*

Key words: *legal entity of public law; corporation; institution; foundation; public-law entity; public-law company; state corporation; participants in civil legal relations; special legal capacity; comparative legal analysis; foreign experience.*

For citation: *Dekhanov S. A. Civil-law legal personality of public-law entities and legal entities of public law: Russian and foreign experience. Education and law. 2026;(10):161–167. (In Russ.).*

Российское гражданское право — сложное социальное явление, в котором могут возникать проблемы и трудности. Одни из них разрешаются быстро и эффективно, другие переходят «по наследству» юристам из поколения в поколение. К таковым относится и проблема юридического лица публичного права, точнее, нерешённость вопроса о том, в каком виде эта юридическая конструкция должна существовать в российском гражданском праве.

В современный период в российском гражданском праве институт юридического лица публичного права фактически заменён конструкцией публично-правового образования. Публично-правовое образование — это форма участия Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципалитетов в частноправовых отношениях на началах равенства с юридическими и физическими лицами.

В отличие от России, во многих зарубежных странах используется не конструкция публично-правового образования, а конструкция юридического лица публичного права.

Правовая индивидуальность лиц публичного права, в отличие от лиц частного права, основана не на Privatautonomie, а на специальном законе или государственном акте.

Юридические лица публичного права — это относительно самостоятельные управленческие единицы и одновременно участники непосредственного государственного управления.

Публично-правовой статус юридического лица публичного права возникает с момента его учреждения, а для участия в частноправовых отношениях оно наделяется специальной гражданской правосубъектностью, как правило, без издания отдельного государственного акта.

Термин «юридическое лицо публичного права» (нем. Juristische Personen des öffentlichen Rechts, фр. personnes morales de droit public) используется в законодательстве ФРГ, Австрии, Испании, Италии, Швейцарии, Франции, имеющем как общие черты, так и существенные различия.

Проведем краткий сравнительный анализ правового регулирования юридического лица публичного права в немецкоязычных странах.

Основы правового статуса юридических лиц публичного права заложены в Германском гражданском уложении (§ 89 BGB) [23]. К ним относятся: die Körperschaft (корпорация), die Anstalt (учреждение), die Stiftung (фонд). При этом организационно-правовые формы юридических лиц публичного права не кодифицированы в одном законе, а регулируются специальными федеральными и земельными законами.

К корпорациям публичного права (Körperschaften des öffentlichen Rechts) относятся объединения, основанные на членстве (на-

пример, коммуны, торгово-промышленные палаты, университеты), Учреждения публичного права (Anstalten des öffentlichen Rechts), в отличие от корпораций, членства не имеют, их главная задача — обеспечение телерадиовещание для населения, а KfW финансирование общественно значимых проектов для населения (например, ARD — Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der Bundesrepublik Deutschland — Объединение публично-правовых телерадиокомпаний Федеративной Республики Германия (чаще: Ассоциация публично-правовых вещательных корпораций Германии); ZDF — Zweites Deutsches Fernsehen — Второе немецкое телевидение; KfW — Kreditanstalt für Wiederaufbau — Кредитное учреждение по восстановлению; в русскоязычной литературе обычно передаётся как Банк развития Германии KfW или Кредитный институт реконструкции и т.д.)

Третьей разновидностью юридических лиц публичного права являются фонды публичного права (Stiftungen des öffentlichen Rechts) — имущественные комплексы, созданные для реализации публичных целей (например, Университет Гёттингена).

Публично-правовые юридические лица в Швейцарии также представлены публично-правовой корпорацией (Körperschaften des öffentlichen Rechts), то есть объединением лиц, основанным на членстве, созданным для выполнения государственных задач и наделённым властными полномочиями (абз. 1 ст. 59 ZGB [28]); публично-правовыми учреждениями (öffentlich-rechtliche Anstalt), то есть юридическими лицами, созданными для выполнения административных задач, не основанными на членстве; и публично-правовым фондом (öffentlich-rechtliche Stiftung).

Публично-правовой фонд (öffentlich-rechtliche Stiftung) — имущественный комплекс, обособленный для выполнения публичной задачи, без членов и пользователей (например, Швейцарский национальный парк).

В сравнении с Германий в законодательстве Швейцарии предусмотрена еще одна четвертная организационно-правовая форма реализации публичных интересов-публично-правовое предприятие в частноправовой форме.

В абз. 1 ст. 59 ZGB отдельно упоминаются публично-правовые церковные корпорации и учреждения, которые также регулируются публичным правом [28].

В Австрии понятие «корпорация публичного права» (Körperschaft öffentlichen Rechts) является налоговым собирательным термином, охватывающим все юридические лица публичного права.

Согласно § 1 Abs. 3 Z 2 KStG 1988 (Körperschaftsteuergesetz) [26], к ним относятся все юридические лица, прямо признанные таковыми законодателем.

Возникновение: юридические лица публичного права создаются законом или административным актом на основе законодательного уполномочия либо признаются таковыми.

В силу § 1 Abs. 1 AHG (Amtshaftungsgesetz) [22], носителями ответственности являются Союз, земли, коммуны и другие корпорации публичного права.

Ключевое отличие от частных юридических лиц, как уже было сказано ранее, — двойственная природа: они действуют как субъекты публичного права при выполнении властных функций и как субъекты частного права при участии в гражданском обороте (что прямо закреплено, например, в § 89 BGB) [23].

Таким образом, несмотря на незначительные различия в терминологии, общие признаки лиц публичного права в этих трёх странах сохраняются:

Создание законом.

Публичные задачи.

Властные полномочия.

Особая правоспособность (§ 89 BGB, Art. 52, 59 ZGB) [23; 28].

Всё вышесказанное позволяет сделать следующие общие выводы.

Критерий создания. Создание законом в широком смысле либо актами органов публичной власти.

Критерий формы. Строго говоря, нельзя точно установить организационно-правовые формы, в которых могут осуществлять свою деятельность юридические лица публичного права. Приведённые примеры показывают, что в ФРГ, Швейцарии и Австрии юридические лица публичного права осуществляют свою деятельность в форме корпораций, учреждений и фондов.

Критерий цели — создаются для реализации социально значимых целей или публично-правовых функций. На них могут возлагаться контрольные и фискальные функции.

Критерий публичных полномочий — административно-властные и распорядительные полномочия.

Критерий правоспособности — строго целевая: как правило, юридические лица публичного права могут осуществлять только деятельность, указанную в учредительных документах или законе.

Критерий целевого имущества. Имущество защищается от взыскания со стороны кредиторов.

Критерий бюджетного финансирования. Часто финансируются за счёт средств соответ-

ствующего бюджета.

Критерий государственной службы. Работники юридических лиц публичного права часто имеют статус государственных служащих.

Критерий специальной подсудности. Как правило, например во Франции, все споры с участием таких лиц подчинены административным судам [24].

Плюралистический критерий. В европейской доктрине плюралистический критерий — это подход к идентификации юридического лица публичного права, при котором его публичный характер устанавливается не на основании отдельно взятого критерия, а через совокупность критериев: публичных полномочий, способа образования, формы, интегрированности с публичной властью. Плюралистический критерий признаётся в доктрине более предпочтительным по сравнению с попытками использовать отдельно взятые критерии [15; 18].

При разработке Концепции развития гражданского законодательства (2009 г.) [5] предпринимались попытки инкорпорировать институт юридического лица публичного права и в российское законодательство, однако они были отвергнуты, так как законодатель признал эту конструкцию чуждой российскому правопорядку и не имеющей практической необходимости.

В определенном смысле это можно объяснить и недостаточной разработанностью научной доктрины по этому вопросу.

Несмотря на то что проблематикой юридического лица публичного права занимались крупные российские современные ученые, такие как С.И. Архипов, П.В. Крашенников, В.Е. Чиркин, Т.Я. Хабриева, О.А. Ястребов, так и классики отечественного гражданского права: М.И. Кулагин, Н.И. Лазаревский, Г.Ф. Шершеневич, следует признать, что, очевидно, их влияние на эту проблематику было недостаточным с тем, чтобы изменить воззрение законодателя по этому вопросу [2; 10; 15; 9; 18–21; 11; 17].

Впервые в российской литературе термин «юридическое лицо публичного права» использовал Шершеневич, который утверждал, что «на первом месте среди юридических лиц публичного права находится государство-казна» [15, с. 72]. А вот Н.И. Лазаревский считал, что юридическое лицо публичного права — этот термин «условный» [15]. По словам М.И. Кулагина, «юридическое лицо публичного права имеет государственно-властные полномочия, ему присущи особый порядок назначения управляющих, которые являются носителями государственной воли, а также публичные права и обязанности» [11]. В.Е. Чиркин в своей монографии «Юридическое лицо публичного права» сделал вывод о том, что «в последние десятилетия термин “юридическое лицо” вышло за пределы гражданского права. Он появился в актах конституционного и административного права, что уже само по себе означает придание этому термину междисциплинарного характера» [15]. Юридическому лицу публичного права посвящена докторская диссертация ректора РУДН имени Патриса Лумумбы О.А. Ястребова [21]. В последние десятилетия вышло значительное количество научных статей и отдельные монографии по данной теме [1; 2; 9; 12; 14; 18; 19].

Несмотря на то что в РФ нет формального института юридического лица публичного права, его функциональные аналоги существуют в виде: публично-правовых образований (о них кратко было сказано ранее); публично-правовых компаний; государственных корпораций.

Публично-правовые компании

По состоянию на 2026 год в России создано шесть публично-правовых компаний (ППК). Каждая из них учреждена отдельным нормативным актом и имеет уникальные цели:

ППК «Фонд развития территорий».

ППК «Российский экологический оператор».

ППК «Военно-строительная компания».

ППК «Единый заказчик в сфере строительства».

ППК «Единый регулятор азартных игр».

ППК «Роскадастр».

Публично-правовой природой обладают также государственные корпорации. В доктрине статус государственных корпораций оценивается как «гибридный», сочетающий частноправовые и публично-правовые черты [14].

Правовой статус публично-правовой компании (ППК) и государственной корпорации (ГК) имеет много общего, но между ними есть и ряд существенных отличий, которые проявляются в порядке создания, учредительных документах, управлении и контроле.

Порядок создания и учредительные документы.

Государственная корпорация создаётся на основании специального федерального закона. Для её создания не требуется учредительных документов, предусмотренных ст. 52 ГК РФ (устава или учредительного договора) [4]. Все ключевые положения о её деятельности, включая наименование, цели, органы управления, порядок реорганизации и ликвидации, определяются непосредственно в этом законе.

Публично-правовая компания может быть создана на основании федерального закона или указа Президента РФ. Однако, в отличие от ГК, она обязательно действует на основании устава,

который утверждается Правительством РФ. Таким образом, ППК имеет учредительный документ — устав, а также решение о создании [7].

Цели создания и правоспособность.

Цели создания: ГК создаются для осуществления «социальных, управленческих или иных общественно полезных функций». Цели ППК сформулированы шире и включают «проведение государственной политики, предоставление государственных услуг, управление государственным имуществом, обеспечение модернизации и инновационного развития экономики, осуществление контрольных, управленческих и иных общественно полезных функций» [7].

Правоспособность.

Государственная корпорация и публично-правовая компания обладают специальной (целевой) правоспособностью, то есть могут иметь гражданские права и нести обязанности, соответствующие целям их деятельности, предусмотренным в учредительных документах.

Управление и контроль.

Это ключевое содержательное отличие, которое и стало одной из причин создания новой организационно-правовой формы.

Государственная корпорация.

Структура органов управления и их компетенция определяются индивидуально для каждой ГК специальным федеральным законом.

Публично-правовая компания.

Законодательство устанавливает унифицированную, обязательную для всех ППК систему органов управления. К ним относятся: Наблюдательный совет, генеральный директор (единоличный исполнительный орган) и правление (коллегиальный исполнительный орган) [7].

Имущественная база (основа.)

Государственная корпорация учреждается на основе имущественного взноса Российской Федерации. Переданное имущество становится собственностью самой государственной корпорации.

Публично-правовая компания также создаётся Российской Федерацией, но Закон № 236-ФЗ [7] не акцентирует внимание на «имущественном взносе» как на единственном способе формирования имущества. Имущество ППК формируется за счёт передаваемого государственного имущества и иных источников и также принадлежит ей на праве собственности.

Таким образом, ключевые отличия лежат в процедурной и управленческой плоскостях:

Учредительные документы: ГК действует только на основе закона, ППК — на основе закона (или указа) и устава.

Управление: структура органов ГК определяется индивидуально, а для ППК законом установлена единая модель с обязательным Наблюдательным советом, что усиливает контроль.

Цели: у ППК они сформулированы более широко.

В юридической доктрине существует обоснованная позиция, что, несмотря на формальные различия, правовой статус ГК и ППК демонстрирует существенное сходство, а их функциональное назначение в системе публичного управления во многом идентично [1; 3].

По состоянию на 2026 год в России существует 7 государственных корпораций. Их перечень закреплён в нормативных актах, в частности в Постановлении Правительства РФ от 16 августа 2023 г. № 1340.

Список государственных корпораций РФ.

Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом».

Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос».

Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех».

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ».

Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов».

Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий» (АО «Роснано»).

Государственная корпорация — Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства.

Таким образом, в мире существуют различные правовые модели участия государства, его территориальных образований (субъектов федерации) и муниципалитетов в частноправовой сфере на началах равенства и имущественной самостоятельности — от юридических лиц публичного права, представленных различными организационно-правовыми формами, до публично-правовых образований, публично-правовых компаний и государственных корпораций. Выбор той или иной модели правового регулирования зависит от многих факторов: от признания или непризнания доктрины дихотомии частного права, от выбора модели построения гражданского кодекса (институционная или пандектная модель), от того, насколько масштабно государство представлено в частноправовой сфере, от развитости гражданско-правовой науки, от исторических традиций.

Список литературы:

[1] Артемьева Е.В., Захаров А.С. Правовой статус публично-правовых компаний // Экономика. Право. Общество. — 2020. — № 2. — С. 45–52.

[2] Архипов С.И. Субъект права: теоретиче-

ское исследование. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 469 с.

[3] Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). — М.: Деловой двор, 2017. // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/57211961/?ysclid=mvl156lxk8812126147 (дата обращения: 10.09.2026).

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[5] Концепция развития законодательства о юридических лицах: проект рекомендован Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (протокол № 68 от 16.03.2009) // Вестник гражданского права. — 2009. — № 2.

[6] Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 145.

[7] Федеральный закон от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27. — Ст. 4169.

[8] Федеральный закон от 30.12.2021 № 448-ФЗ «О публично-правовой компании "Роскадастр"» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 1. — Ст. 46.

[9] Хабриева Т.Я. Современные подходы к классификации юридических лиц. К 90-летнему юбилею В.Е. Чиркина // Журнал российского права. — 2014. — № 10. — С. 5–17.

[10] Крашенинников П.В. (ред.) Публично-правовые образования в частном праве: постатейный комментарий главы 5 Гражданского кодекса Российской Федерации. — М.: Статут, 2010. — 206 с.

[11] Кулагин М.И. Избранные труды. — М.: Статут, 1997. — 330 с.

[12] Намаев Т.Ф. Особенности правового статуса публично-правовых образований как субъектов гражданского права по аналогии с юридическими лицами // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 5. — С. 98–102.

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2005. — № 4.

[14] Романовская О.В. Правовой статус государственных корпораций в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. — 2013. — № 1(1). — С. 128-136.

[15] Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. — М.: Норма, 2007. — 351 с.

[16] Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. — М.: Норма, 2022. — 352 с.

[17] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Статут, 2005. — 462 с.

[18] Ястребов О.А. Основы правового положения юридических лиц публичного права зарубежных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2008. — № 4. — С. 55–63.

[19] Ястребов О.А. Опорные категории построения теоретической конструкции юридического лица публичного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2009. — № 1. — С. 5–14.

[20] Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: концептуальные основы общей теории. — М.: Наука, 2009. — 237 с.

[21] Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 451 с.

[22] Amtshaftungsgesetz (AHG) (Австрия): § 1 абз. 1. // Jusline. URL: https://www.jusline.at/gesetz/ahg (дата обращения: 10.09.2026).

[23] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) (Германия): § 89 — ответственность за органы; несостоятельность. // BGB. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html (дата обращения: 10.09.2026).

[24] Code général des impôts (Франция): Article 256 B. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069577/ (дата обращения: 10.09.2026).

[25] Decreto Legislativo 30 marzo 2001, n. 165 (Италия): Art. 1, comma 2. // Ministero dell'Economia e delle Finanze. URL: https://www.rgs.mef.gov.it/_Documenti/VERSIONE-I/e-GOVERNME1/Contabilit/Normativa/DLgs-n.-165-30-03-2001.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

[26] Körperschaftsteuergesetz 1988 (KStG 1988) (Австрия): § 1 абз. 3 п. 2. // Jusline. URL: https://www.jusline.at/gesetz/kstg (дата обращения: 10.09.2026).

[27] Ley 40/2015, de 1 de octubre, de Régimen Jurídico del Sector Público (Испания). // BOE. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-10566 (дата обращения: 10.09.2026).

[28] Schweizerisches Zivilgesetzbuch (ZGB) (Швейцария): Art. 52, 59. // ZGBOR.ch. URL: https://zgbor.ch/ (дата обращения: 10.09.2026).

References:

[1] Artemyeva E.V., Zakharov A.S. Legal Status of Public-Law Companies // Economics. Law. Society.

— 2020. — No. 2. — pp. 45–52.

[2] Arkhipov S.I. The Subject of Law: A Theoretical Study. — St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2004. — 469 p.

[3] Borisov A.N. Commentary on Federal Law No. 236-FZ of July 3, 2016, "On Public-Law Companies in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Article-by-Article). — Moscow: Delovoy Dvor, 2017. // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/57211961/?ysclid=mvl156lxk8812126147 (accessed: September 10, 2026).

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[5] Concept for the Development of Legislation on Legal Entities: Draft recommended by the Presidential Council for the Codification and Improvement of Civil Legislation (Minutes No. 68 of March 16, 2009) // Civil Law Bulletin (Vestnik grazhdanskogo prava). — 2009. — No. 2.

[6] Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996, "On Non-Profit Organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 3. — Art. 145.

[7] Federal Law No. 236-FZ of July 3, 2016, “On Public-Law Companies in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2016. — No. 27. — Art. 4169.

[8] Federal Law No. 448-FZ of December 30, 2021, “On the Public-Law Company ‘Roskadastr’” // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 1. — Art. 46.

[9] Khabrieva T.Ya. Modern Approaches to the Classification of Legal Entities: On the Occasion of V.E. Chirkin’s 90th Birthday // Journal of Russian Law. — 2014. — No. 10. — pp. 5–17.

[10] Krasheninnikov P.V. (ed.) Public-Law Entities in Private Law: Article-by-Article Commentary on Chapter 5 of the Civil Code of the Russian Federation. — Moscow: Statut, 2010. — 206 p.

[11] Kulagin M.I. Selected Works. — Moscow: Statut, 1997. — 330 p.

[12] Namaev T.F. Specifics of the Legal Status of Public-Law Entities as Subjects of Civil Law, by Analogy with Legal Entities // Gaps in Russian Legislation. — 2012. — No. 5. — pp. 98–102.

[13] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 14, 2005, No. 8-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. — 2005. — No. 4.

[14] Romanovskaya O.V. Legal Status of State Corporations in the Russian Federation // Science. Society. State. — 2013. — No. 1(1). — pp. 128–136.

[15] Chirkin V.E. Legal Entity of Public Law. — Moscow: Norma, 2007. — 351 p.

[16] Chirkin V.E. Legal Entity of Public Law. — Moscow: Norma, 2022. — 352 p.

[17] Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. — Moscow: Statut, 2005. — 462 p.

[18] Yastrebov O.A. Foundations of the Legal Status of Public Law Entities in Foreign Countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. — 2008. — No. 4. — pp. 55–63.

[19] Yastrebov O.A. Foundational Categories for Constructing a Theoretical Framework for a Public Law Entity // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. — 2009. — No. 1. — pp. 5–14.

[20] Yastrebov O.A. Legal Entity of Public Law: Conceptual Foundations of a General Theory. — Moscow: Nauka, 2009. — 237 p.

[21] Yastrebov O.A. Legal Entity of Public Law: A Comparative Legal Study: Dissertation for the degree of Doctor of Legal Sciences. — Moscow, 2009. — 451 p.

[22] Amtshaftungsgesetz (AHG) (Austria): § 1, para. 1. // Jusline. URL: https://www.jusline.at/gesetz/ahg (accessed: 10.09.2026).

[23] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) (Germany): § 89 — liability for corporate bodies; insolvency. // BGB. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html (accessed: 10.09.2026).

[24] Code général des impôts (France): Article 256 B. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069577/ (accessed: 10.09.2026).

[25] Decreto Legislativo 30 marzo 2001, n. 165 (Italy): Art. 1, para. 2. // Ministero dell'Economia e delle Finanze. URL: https://www.rgs.mef.gov.it/_Documenti/VERSIONE-I/e-GOVERNME1/Contabilit/Normativa/DLgs-n.-165-30-03-2001.pdf (accessed: 10.09.2026).

[26] Körperschaftsteuergesetz 1988 (KStG 1988) (Austria): § 1, para. 3, item 2. // Jusline. URL: https://www.jusline.at/gesetz/kstg (accessed: 10.09.2026).

[27] Ley 40/2015, de 1 de octubre, de Régimen Jurídico del Sector Público (Spain). // BOE. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-10566 (accessed: 10.09.2026).

[28] Schweizerisches Zivilgesetzbuch (ZGB) (Switzerland): Art. 52, 59. // ZGBOR.ch. URL: https://zgbor.ch/ (accessed: 10.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-168-174
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

БАРАНОВ Даниил Александрович,
старший преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: Dann89818061715@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования как элемента публично-правового механизма реализации конституционного права на образование. Обосновывается положение о том, что контроль в образовательной сфере не должен сводиться исключительно к проверке соблюдения организациями формальных обязательных требований. Его назначение заключается также в обеспечении фактической доступности и надлежащего качества образования, соблюдении прав обучающихся и предупреждении нарушений, способных препятствовать реализации права на образование. Анализируются положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», а также действующего Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования. Рассматриваются лицензирование, государственная аккредитация, контрольные мероприятия, профилактика нарушений и последствия выявления несоблюдения обязательных требований. Особое внимание уделяется высшему образованию и необходимости оценивать контрольные процедуры с позиции сохранения образовательных прав обучающихся. Предлагаются направления совершенствования контроля, включая усиление правозащитной направленности, учет цифровых форм образовательной деятельности и закрепление процедур восстановления нарушенного права.*

Ключевые слова: *право на образование, высшее образование, государственный контроль, государственный надзор, образовательная деятельность, Рособрнадзор, государственная аккредитация, лицензирование, права обучающихся, качество образования, публично-правовой механизм, цифровизация образования.*

Для цитирования: *Баранов Д. А. Государственный контроль в сфере высшего образования как публично-правовая гарантия реализации права на образование // Образование и право. 2026. № 10. С. 168–174.*

BARANOV Daniil Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Department of Public Law,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

STATE CONTROL IN HIGHER EDUCATION AS A PUBLIC-LAW GUARANTEE OF THE RIGHT TO EDUCATION

Annotation. *The article examines state control and supervision in higher education as an element of the public-law mechanism for implementing the constitutional right to education. The author argues that educational control should not be reduced to a formal verification of mandatory requirements by educational organizations. Its public purpose also includes ensuring actual accessibility and appropriate quality of education, protecting students' rights and preventing violations capable of obstructing the exercise of the right to education. The article analyzes the Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation", Federal Law No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation", and the current Regulation on federal state control (supervision) in education. Licensing,*

state accreditation, control measures, preventive measures and legal consequences of violations are considered. Particular attention is paid to higher education and to the need to assess control procedures from the perspective of preserving students' educational rights. Directions for improving control are proposed, including strengthening its rights-protective orientation, taking digital forms of educational activity into account, and establishing procedures for restoring violated rights.

Key words: *right to education, higher education, state control, state supervision, educational activity, Rosobrnadzor, state accreditation, licensing, students' rights, quality of education, public-law mechanism, digitalization of education.*

For citation: *Baranov D. A. State control in higher education as a public-law guarantee of the right to education. Education and law. 2026;(10):168–174. (In Russ.).*

Конституционное право на образование относится к числу основных социальных прав человека и гражданина. В соответствии с частью 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование, а государством гарантируется, в частности, на конкурсной основе бесплатность высшего образования в государственных или муниципальных образовательных организациях. Реализация этого права предполагает не только формальное наличие образовательных программ и возможность поступления в образовательную организацию, но и существование устойчивой системы публичных гарантий, обеспечивающих законность образовательной деятельности и защиту обучающегося [1].

Одним из таких механизмов выступает государственный контроль (надзор) в сфере образования. В Федеральном законе № 273-ФЗ государственная регламентация образовательной деятельности включает лицензирование, государственную аккредитацию и государственный контроль (надзор). Тем самым законодатель связывает допуск образовательной организации к деятельности, подтверждение соответствия установленным требованиям и последующий контроль в единую систему публично-правового регулирования [2].

Для сферы высшего образования значение государственного контроля является особенно существенным. Высшее образование связано с длительным образовательным процессом, государственной аккредитацией программ, реализацией федеральных государственных образовательных стандартов, выдачей документов об образовании, использованием бюджетных средств и предоставлением обучающимся значительного объема публично значимых услуг. Нарушение требований в этой сфере способно повлечь последствия, выходящие за пределы отношений между образовательной организацией и государственным органом: обучающийся может столкнуться с невозможностью продолжить обучение, получить предусмотренный программой результат, пройти аттестацию либо воспользоваться установленными законом гарантиями.

В этой связи целью настоящего исследования является определение места и значения государственного контроля в механизме реализации права на высшее образование, а также формулирование предложений по совершенствованию контрольной деятельности с учетом интересов обучающихся. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы.

Государственный контроль в сфере образования необходимо рассматривать как часть более широкого публично-правового механизма реализации права на образование. Такой механизм включает нормативное закрепление права, установление обязанностей государства и образовательных организаций, процедуры предоставления образовательных услуг, механизмы контроля и надзора, а также способы защиты и восстановления нарушенных прав. Следовательно, контроль не является самостоятельной целью публичного управления: его значение определяется теми общественными ценностями, которые посредством контрольной деятельности охраняются.

Статья 90 Федерального закона № 273-ФЗ устанавливает, что государственная регламентация образовательной деятельности направлена на установление единых требований осуществления образовательной деятельности и процедур, связанных с установлением и проверкой соблюдения таких требований. В состав государственной регламентации включены лицензирование, государственная аккредитация и государственный контроль (надзор) [2]. Из этого следует, что контрольная функция государства непосредственно связана с обеспечением законности образовательной деятельности.

Статья 93 Федерального закона № 273-ФЗ определяет предмет федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования через соблюдение обязательных требований законодательства об образовании, включая лицензионные требования, требования федеральных государственных образовательных стандартов и требования к выполнению аккредитационных показа-

телей. Закон также предусматривает контроль соблюдения требований доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры и предоставляемых услуг [3]. Таким образом, законодатель уже связывает контроль не только с организационными параметрами деятельности вуза, но и с условиями фактической доступности образования.

Показательно, что современное регулирование контроля построено с учетом положений Федерального закона № 248-ФЗ. Данный закон закрепляет общие принципы государственного контроля, включая законность, предупреждение нарушений, защиту охраняемых законом ценностей и соразмерность вмешательства государства. Для образовательной сферы это имеет особое значение, поскольку контрольная процедура сама по себе не должна создавать необоснованные препятствия для нормальной деятельности образовательной организации и одновременно должна быть способна выявлять нарушения, затрагивающие права обучающихся [4].

Следовательно, контроль в сфере высшего образования следует определять как осуществляемую уполномоченными публичными субъектами деятельность по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений обязательных требований образовательного законодательства, направленную в конечном счете на обеспечение законности образовательной деятельности, качества и доступности образования и защиту прав участников образовательных отношений.

Связь государственного контроля с правом на образование наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда нарушение обязательных требований непосредственно отражается на положении обучающегося. Например, несоблюдение образовательной организацией требований к реализации образовательной программы может повлечь сокращение предусмотренного учебного содержания; нарушение требований к проведению промежуточной или государственной итоговой аттестации может затронуть возможность подтверждения освоения образовательной программы; ненадлежащее обеспечение специальных условий способно ограничить доступ к образованию обучающихся с инвалидностью.

При этом традиционная модель контроля зачастую ориентируется на деятельность организации как контролируемого лица. С позиции реализации конституционного права необходимо дополнить этот подход правозащитным критерием: при оценке выявленного нарушения следует устанавливать, затронуло ли оно права конкретных обучающихся, каким образом это произошло и какие меры необходимы для восстановления их положения. Иначе контрольное производство может завершиться фиксацией нарушения и применением санкции, тогда как индивидуальное образовательное право останется фактически невосстановленным.

Федеральный закон № 273-ФЗ предусматривает специальное регулирование последствий выявления нарушений. Согласно статье 93.1 в случае выявления нарушения требований законодательства об образовании контрольный орган выдает организации, допустившей нарушение, предписание об устранении выявленного нарушения [5]. Для публично-правового механизма реализации права на образование принципиально важно, чтобы устранение нарушения понималось не только как приведение локальных документов или организационных процедур в соответствие с законом, но и как устранение последствий нарушения для обучающихся.

Представляется целесообразным закрепить в нормативном регулировании более четкую связь между предметом контрольного мероприятия и восстановлением образовательных прав. Если нарушение повлекло незаконное лишение обучающегося возможности пройти аттестацию, получить образовательный ресурс, воспользоваться предусмотренной формой обучения или реализовать иное право, предписание должно содержать конкретный порядок восстановления соответствующей возможности. Такая конструкция позволила бы сделать контроль не только карательным или пресекательным, но и восстановительным.

Особое значение имеет принцип доступности образования. Статья 43 Конституции Российской Федерации устанавливает общую гарантию права на образование, а Федеральный закон № 273-ФЗ конкретизирует требования к доступности образовательной среды. В 2026 году Минпросвещения России утвердило перечень нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается в рамках федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования. В перечень включено значительное число положений Федерального закона № 273-ФЗ, затрагивающих организацию образовательного процесса, права обучающихся, требования к образовательным программам и условиям их реализации [6].

Государственная аккредитация и государственный контроль выполняют различные, но взаимосвязанные функции. Аккредитация направлена на подтверждение соответствия образовательной деятельности установленным требованиям и показателям, тогда как контроль обеспечивает проверку соблюдения обязательных требований в процессе деятельности организации. В совокупно-

сти они формируют механизм публичной гарантии того, что образовательная организация осуществляет деятельность в пределах установленных законом параметров.

Для реализации права на высшее образование принципиально важно различать качество образования как результат образовательной деятельности и качество условий ее осуществления. Контроль не должен подменять собой академическую автономию университета, однако государство вправе устанавливать минимальные обязательные требования, нарушение которых создает угрозу правам обучающихся. Именно на этом уровне проходит граница между допустимым публичным контролем и вмешательством в вопросы, относящиеся к профессиональной самостоятельности образовательной организации.

Проблема приобретает дополнительную сложность в условиях цифровой трансформации. Современный вуз использует электронные информационно-образовательные среды, государственные информационные системы, электронный документооборот, системы идентификации и различные цифровые сервисы. Соответственно, соблюдение образовательного законодательства все чаще зависит не только от действий преподавателя или администрации, но и от корректности функционирования информационной инфраструктуры.

Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 997, определяет порядок организации и осуществления федерального государственного контроля. Контроль осуществляют Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки и уполномоченные органы субъектов Российской Федерации [7]. В условиях цифровизации предмет контрольной деятельности объективно расширяется: оценке подлежат не только документы и помещения, но и информационные процессы, цифровые записи и иные данные, имеющие значение для проверки соблюдения обязательных требований.

В этой связи представляется необходимым сформировать единый подход к оценке цифровых элементов образовательной деятельности. Если цифровая система непосредственно влияет на зачисление, учет результатов обучения, проведение аттестации, предоставление образовательных материалов или формирование юридически значимых документов, ее функционирование должно рассматриваться как часть условий реализации права на образование. Технический характер соответствующего решения не должен исключать его из предмета публичного контроля, если последствия его работы затрагивают права обучающихся.

Современное законодательство о государственном контроле ориентировано не только на выявление уже совершенных нарушений, но и на их предупреждение. Для сферы высшего образования профилактическая составляющая имеет особое значение, поскольку многие нарушения способны причинить обучающемуся ущерб до того момента, когда контрольный орган получит возможность провести проверку. Например, ненадлежащее информирование о порядке обучения, нарушение сроков совершения образовательных процедур или некорректная организация цифрового взаимодействия могут привести к пропуску обучающимся юридически значимого срока.

Профилактика должна быть ориентирована не только на контролируемую организацию, но и на предотвращение нарушения прав конкретных участников образовательных отношений. Поэтому перспективным представляется развитие форм профилактического взаимодействия, при которых образовательной организации предоставляются разъяснения относительно требований законодательства, а также рекомендации по устранению выявленных условий, способных привести к нарушению прав обучающихся.

Такой подход соответствует природе публичного контроля в социальной сфере. Государство заинтересовано не столько в увеличении количества выявленных нарушений, сколько в устойчивом соблюдении обязательных требований. Для образовательных организаций профилактика позволяет заранее устранить недостатки, а для обучающихся снижает вероятность наступления негативных последствий. В результате контроль приобретает превентивную функцию и становится частью системы обеспечения права на образование.

Цифровая трансформация образования изменяет и формы государственного контроля. Значительный объем информации об образовательной деятельности уже существует в электронном виде. Контрольный орган может использовать сведения информационных систем, официальных сайтов образовательных организаций, электронных баз и иных цифровых источников. Статья 93 Федерального закона № 273-ФЗ прямо предусматривает возможность истребования информационных баз, банков данных и иных носителей информации с предоставлением доступа к ним, если такие сведения необходимы для оценки соблюдения обязательных требований [3].

Одновременно расширение цифровых возможностей контроля создает дополнительные требования к законности обработки информации. Контрольный орган должен иметь нормативное основание для получения конкретных данных, со-

блюдать ограничения в сфере персональных данных и обеспечивать информационную безопасность. Для обучающегося принципиально важно, чтобы цифровизация контроля не превращалась в неограниченное накопление сведений о его образовательной деятельности.

Представляется необходимым закрепить принцип функциональной достаточности контрольных данных: государственный орган должен получать только тот объем информации, который объективно необходим для решения конкретной контрольной задачи. Доступ к сведениям должен быть связан с предметом контрольного мероприятия, фиксироваться в информационной системе и обеспечивать возможность последующей проверки законности действий должностных лиц.

Еще одна проблема связана с использованием автоматизированных инструментов анализа данных. Если алгоритм выявляет несоответствие или формирует сигнал о возможном нарушении, такой результат не должен автоматически рассматриваться как окончательное юридически значимое решение. Необходима возможность проверки исходных данных, установления обстоятельств конкретного случая и, при необходимости, участия должностного лица, способного оценить правовое значение выявленного обстоятельства. Это особенно важно в образовательной сфере, где формально одинаковая ситуация может иметь различные последствия для разных обучающихся.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько направлений совершенствования государственного контроля в сфере высшего образования. Первым является нормативное закрепление правозащитной направленности контроля. Предмет контрольной деятельности должен рассматриваться не только через соблюдение требований организацией, но и через обеспечение установленных законом прав обучающихся.

Вторым направлением является развитие восстановительной составляющей контрольных предписаний. Если нарушение затронуло образовательные права конкретных лиц, в предписании целесообразно устанавливать обязанность образовательной организации устранить не только формальное нарушение, но и его последствия. Это может включать восстановление доступа к образовательному ресурсу, предоставление дополнительного срока, повторное проведение аттестационной процедуры или иное действие, необходимое для восстановления положения обучающегося.

Третьим направлением является формирование единых требований к контролю цифровой образовательной среды. В законодательстве целесообразно определить минимальные требования к надежности информационных систем, регистрации юридически значимых действий, фиксации технических сбоев и восстановлению доступа обучающегося к цифровым образовательным сервисам. Техническая неисправность системы, находящейся под контролем образовательной организации, не должна автоматически ухудшать правовое положение обучающегося.

Четвертым направлением является повышение прозрачности контрольных процедур. Образовательная организация и обучающийся должны иметь возможность понимать, какие обязательные требования проверяются, какие данные используются, по каким основаниям принято решение и каким способом возможно его обжалование. Такая прозрачность особенно важна при цифровом контроле, поскольку сложность информационной системы не должна становиться препятствием для реализации процессуальных прав участников образовательных отношений.

Пятым направлением является развитие профилактического контроля. До применения мер реагирования необходимо, когда характер нарушения это позволяет, обеспечить образовательной организации возможность устранить недостатки. Одновременно для грубых нарушений, непосредственно создающих угрозу правам обучающихся, должны сохраняться эффективные пресекательные механизмы. Таким образом, контрольная система должна сочетать профилактику, выявление, пресечение и восстановление.

Государственный контроль (надзор) в сфере высшего образования представляет собой не только инструмент государственного управления образовательными организациями, но и элемент публично-правового механизма реализации конституционного права на образование. Его значение определяется способностью государства обеспечить соблюдение обязательных требований, которые создают необходимые условия для получения образования, подтверждения результатов обучения и защиты прав обучающихся.

Современное законодательство уже содержит значительный набор средств государственного воздействия: лицензирование, государственную аккредитацию, федеральный государственный контроль, профилактические мероприятия, предписания и иные меры реагирования. Вместе с тем анализ показывает необходимость более последовательного соединения контрольной функции с задачей восстановления нарушенного образовательного права. Сам факт привлечения образовательной организации к ответственности не всегда означает восстановление положения обучающегося.

В условиях цифровой трансформации со-

держание государственного контроля закономерно расширяется. Цифровые информационные системы становятся частью механизма реализации образовательного права, поэтому их надежность, законность обработки данных и корректность юридически значимых операций должны учитываться при оценке соблюдения обязательных требований. При этом цифровизация контроля должна сопровождаться гарантиями прозрачности, минимизации обрабатываемых данных и возможности проверки автоматизированных результатов.

Таким образом, перспективная модель контроля в сфере высшего образования должна сочетать законность, профилактику, соразмерность государственного вмешательства, защиту обучающихся и восстановление нарушенных прав. Такой подход позволяет рассматривать государственный контроль не как внешнее ограничение деятельности университета, а как необходимый элемент публичной гарантии права каждого на образование.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.

[3] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5007.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

[5] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. III). – Ст. 5424.

[7] Перечень нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования. Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере образования: утв. Министерством просвещения Российской Федерации 11 июня 2026 г.

[8] Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 576 с.

[9] Авдеенкова М. П., Дмитриев С. В. Конституционное право Российской Федерации: курс лекций. – М.: Норма, 2004. – 688 с.

[10] Еленева Ю. Я., Можаровская А. А., Демушкин Д. И. Цифровая трансформация образовательных организаций высшего образования: современное состояние, задачи, риски // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 1149–1170.

[11] Абарникова Е. Б. Цифровая трансформация высшего образования: реальные проблемы и возможные пути решения // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2021. – № 5. С. 36-51.

[12] Жадобина Н. Н., Лукиянчина Е. В. Цифровая образовательная среда: проблемы и их решения в вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 6. С. 27-32.

[13] Дрондин А. Л. Цифровая трансформация и качество высшего образования // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 1 (66). – С. 457–461.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – Dec. 25.

[2] Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (Part I). – Art. 7598.

[3] Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020, "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5007.

[4] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

[5] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3451.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation No. 997 of June 25, 2021, "On Approval of the Regulation on Federal State Control (Supervision) in the Sphere of Education" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (Part III). – Art. 5424.

[7] List of Regulatory Legal Acts (or Specific Provisions Thereof) Containing Mandatory Requirements. Federal State Control (Supervision) in

the Sphere of Education: Approved by the Ministry of Education of the Russian Federation on June 11, 2026.

[8] Alekseev, S. S. General Theory of Law: A Textbook. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2008. – 576 p.

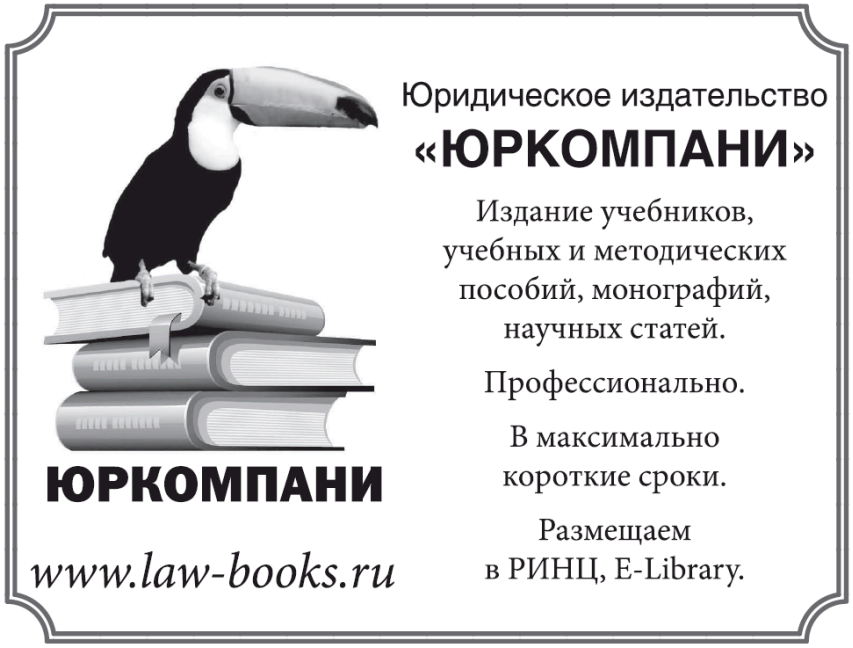
[9] Avdeenkova, M. P., & Dmitriev, S. V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Course of Lectures. – Moscow: Norma, 2004. – 688 p.

[10] Eleneva, Yu. Ya., Mozharovskaya, A. A., & Demushkin, D. I. Digital Transformation of Higher Education Institutions: Current Status, Challenges, and Risks // Economics, Entrepreneurship and Law. – 2024. – Vol. 14, No. 4. – pp. 1149–1170.

[11] Abarnikova, E. B. Digital Transformation of Higher Education: Real-World Problems and Potential Solutions // Information Society: Education, Science, Culture, and Technologies of the Future. – 2021. – No. 5. – pp. 36–51.

[12] Zhadobina, N. N., & Lukiyanchina, E. V. Digital Educational Environment: Challenges and Solutions in Higher Education Institutions // Modern Problems of Science and Education. – 2024. – No. 6. – pp. 27–32.

[13] Drondin, A. L. Digital Transformation and the Quality of Higher Education // Business. Education. Law. – 2024. – No. 1 (66). – Pp. 457–461.



ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-175-180

ДОМАНОВ Владислав Викторович,
аспирант 3 курса кафедры
конституционного и международного права
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СУДОВ В РОССИИ: ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *В статье рассмотрено законодательное регулирование деятельности специализированных судов в Российской Федерации, проанализированы предпосылки их создания с учетом опыта Китайской народной республики и сложившейся статистики рассмотрения судебных дел в России по категориям и субъектам. Сделан вывод, что при несомненных достоинствах специализированных судов - повышение уровня обоснованности выносимых судебных решений в полном соответствии с законом (качество судебных решений), создание специализированных судов в России является менее приоритетной задачей по сравнению с задачей совершенствования действующей судебной системы с точки зрения более широкого внедрения информационных технологий, повышения уровня оснащенности судов материально-техническими средствами, увеличение численности судей, помощников судей, секретарей судебного заседания.*

Ключевые слова: *специализированный суд, суд по интеллектуальным правам, административные суды, суд по земельным вопросам, ювенальная юстиция, суды по трудовым спорам, суды по делам несовершеннолетних, судебная статистика, совершенствование судебной системы.*

Для цитирования: *Доманов В. В. Перспективы развития специализированных судов в России: опыт Китайской Народной Республики // Образование и право. 2026. № 10. С. 175–180.*

DOMANOV Vladislav Viktorovich,
a third-year postgraduate student
at the Department of Constitutional and International Law
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SPECIALIZED COURTS IN RUSSIA: THE EXPERIENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Annotation. *The article examines the legislative regulation of the activities of specialized courts in the Russian Federation, analyzes the prerequisites for their creation, taking into account the experience of China and the established statistics of the consideration of court cases in Russia by categories and subjects. It is concluded that with the undoubted advantages of specialized courts - increasing the level of validity of court decisions in full compliance with the law (the quality of court decisions), the creation of specialized courts in Russia is a lower priority compared to the task of improving the current judicial system in terms of wider introduction of information technologies, increasing the level of equipment of courts with logistical means, increase in the number of judges, assistant judges, secretaries of the court session.*

Key words: *specialized court, intellectual property rights court, administrative courts, land court, juvenile justice, labor courts, juvenile courts, judicial statistics, improvement of the judicial system.*

For citation: *Domanov V. V. Prospects for the development of specialized courts in Russia: The experience of the People's Republic of China. Education and law. 2026;(10):175–180. (In Russ.).*

В Российской Федерации создание специализированных судов предусмотрено и закреплено на законодательном уровне. Стоит отметить, что специализированные суды могут рассматривать только гражданские и административные споры, подсудные судам общей юрисдикции, а также экономические и иные споры, подсудные арбитражным судам. [16]

Единственным учрежденным в 2011 году и действующим специализированным судом в России является Суд по интеллектуальным правам, который входит в систему федеральных арбитражных судов РФ. Порядок его деятельности и предмет рассматриваемых споров регулируется соответствующей главой Арбитражного процессуального кодекса РФ. [1]

В научном сообществе ведутся дискуссии по вопросу необходимости создания специализированных судов в России. Некоторые ученые отмечают, что создание специализированных судов требует, в первую очередь, повышение квалификации судей для всестороннего и объективного рассмотрения споров и вынесения законного и обоснованного решения, что обусловлено спецификой подсудных специализированным судам споров [12]. Существует мнение, что специализированные должны быть учреждены в том случае, когда существующие суды и обращающиеся в них субъекты сталкиваются с затруднениями, которые не могут быть устранены при сохранении прежней структуры и процедур, что приводит к установлению дополнительных правил судопроизводства при сохранении единства и целостности судебной системы. [15]

Российскому государству известны попытки учреждения специализированных судов.

Долгое время на уровне высших государственных органов существовала идея создания специализированных административных судов. Верховный суд в 2000 году внес в Государственную Думу проект федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации». [10] В первом чтении указанный законопроект был принят, однако дальнейшего развития не получил. [9] Итогом всех попыток стало принятие в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), который в рамках административного судопроизводства регулирует рассмотрение административных дел судами общей юрисдикции.

Также на уровне юридического сообщества высказывались идеи создания земельных судов, [17] а также трудовых судов. [14]

Широко обсуждалась идея создания ювенальных судов, что обусловлено спецификой субъектного состава (участие в споре несовершеннолетних детей) и необходимостью подготовки судей, а также изменением существующих процессуальных норм [7]. Указанная идея нашла свое практическое применение – в некоторых субъектах РФ в районных судах были созданы составы, которые рассматривали исключительно дела с участием несовершеннолетних [5].

Таким образом, в Российской Федерации обсуждались и даже предпринимались попытки создания специализированных судов, однако практического применения эти идеи не получили. При этом, существуют страны, в которых специализированные суды внедрены в судебную систему и эффективно функционируют. В качестве примера рассмотрим опыт Китайской народной республики.

Судебные органы КНР включают в себя Верховный народный суд, местные народные суды, военные суды (трибуналы) и другие специальные народные суды (ч. 1 ст. 124 Конституции КНР). [6] Специализированные народные суды обладают следующими особенностями.

Во-первых, специализированные народные суды создаются для рассмотрения специфических и определенных категорий дел (в отличии от местных народных судов, в основе создания которых лежит территориальный принцип.

Во-вторых, специализированным народным судам подсудны дела с особенным предметом спора (дела в сфере железнодорожного транспорта, в сфере лесного хозяйства и др.).

В-третьих, формирование кадрового состава специализированных народных судов отличается местных народных судов. Например, в отличии от председателя Верховного народного суда КНР, председатель Военного народного суда не избирается Всекитайским собранием народных представителей, а назначается председателем Верховного народного суда по согласованию с Центральным военным советом [18].

В КНР действуют следующие специализированные суды: [8]

Военные суды (рассматривают споры в сфе-

ре государственной безопасности, защиты правопорядка, а также дела, в которых затрагиваются права и законные интересы военнослужащих).

Морские суды (рассматривают споры в сфере мореплавания и морской торговли).

Суды железнодорожного транспорта (рассматривает гражданские дела и хозяйственные споры в сфере железнодорожных перевозок, а также уголовные дела по преступлениям, совершенным на железнодорожных линиях и транспорте).

Суды лесного хозяйства (рассматривают споры, связанные с природоохраной и защитой лесного фонда, а также уголовные дела, связанные с порчей лесных территорий).

Обратимся к статистическим данным. Всего за 2024 год в России было рассмотрено 28 419 934 гражданских дел. Из всех дел, рассмотренных в 2024 году, 10 310 991 – споры, вытекающие из жилищного законодательства, 792 163 – споры, вытекающие из семейных правоотношений, 212 559 – споры о защите прав потребителей, 175 099 – дела особого производства, 101 328 – трудовые споры, 143 807 – споры, связанные с наследованием имущества и др.

При этом, административных дел за 2024 год было рассмотрено 4 702 406, из них подавляющее большинство – 4 103 689 – о взыскании обязательных платежей и санкций. Стоит отметить тенденцию ежегодного роста количества дел в производстве судебных органов [13].

Таким образом, в настоящее время специализированных судов общей юрисдикции в России не существует.

Из приведенной выше статистки видно, что судебная система России рассматривает различные категории дел как по субъектному составу, так и по предмету спора. Все категории дел, будь то гражданские, административные или уголовные, рассматриваются только судами общей юрисдикции. Конечно, в судах существует негласное «разделение» судей на тех, кто рассматривает только гражданские или уголовные дела (а в некоторых судах есть судьи, которые рассматривают только административные дела). Но это деление, хотя по факту часто и возникающее по инициативе руководства судебного органа, носит весьма нестабильный характер из-за постоянной «текучки» кадров в судах.

Статус судьи един: он должен уметь квалифицированно и качественно рассмотреть любое дело любой категории, однако на практике, ввиду огромного количества дел и большой нагрузки, судьи вынуждены специализироваться на конкретной категории дел, чтобы успевать их рассматривать. В особенно крупных судах, помимо простого деления на «гражданских» и «уголовных» судей, существует более узкое разделение – на судей по семейным спорам, по жилищным спорам, по трудовым спорам и т.д.

Таким образом, по факту в Российской Федерации в условиях отсутствия широкого распространения специализированных судов имеет место специализация судей. Например, уголовные дела в отношении несовершеннолетних в судах как первой, так и второй инстанций должны рассматриваться наиболее опытными судьями, существует необходимость обеспечения их профессиональной компетентности путем обучения и переподготовки не только по вопросам права, но и по вопросам педагогики, социологии, подростковой психологии, криминологии, виктимологии, применения ювенальных технологий, используемых в рамках процессуального законодательства. [11]

Если в нашей судебной системе имеется устоявшийся порядок разделения судей по категории рассматриваемых дел, необходимо ли учредить в России специализированные суды?

Приведенный выше анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что система специализированных судов может успешно существовать и функционировать в рамках судебной системы государства. Например, в 2022 году китайские суды вынесли решение более чем по 246,1 тысячи делам, связанным с окружающей средой и природными ресурсами, были приняты меры по единому судебному толкованию законодательства, регулирующего вопросы сохранения лесов и животного мира [2], в чем особую роль сыграли специализированные суды лесного хозяйства. Также, по данным Верховного народного суда (ВНС) КНР, с 2018 по 2022 годы по всей стране было рассмотрено 76 тысяч споров в области морского права с иностранной составляющей, за этот период было выпущено несколько руководств по предоставлению юридических услуг для создания зон свободной торговли и качественного развития, что было бы невозможно без участия специализированных морских судов. [3]

По итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

В настоящее время в России законодательно закреплена возможность создания и функционирования специализированных судов, делались попытки их учреждения, однако реализовано это не было

С одной стороны, создание специализированных судов (например, по семейным делам, по административным делам, по трудовым спорам и др.) поможет разгрузить судебные органы и непосредственно судей, что может увеличить качество рассмотрения различных категорий дел, ведь для рассмотрения дела в специализированном суде

от судей и их аппарата потребуется наличие специальных познаний в соответствующей отрасли права. Создание специализированных судов возможно на уровне субъектов РФ, а если субъекты малочисленные по населению – на уровне нескольких субъектов/округов.

С другой стороны, создание специализированных судов в Российской Федерации потребует реализации целого комплекса организационных мероприятий, требующих значительного финансирования, в то время как совершенствование действующей судебной системы с точки зрения более широкого внедрения информационных технологий, повышения уровня оснащенности судов материально-техническими средствами, увеличение численности судей, помощников судей, секретарей судебного заседания, прочего персонала судов, строительство новых зданий судов представляется более актуальным и эффективным.

Список литературы:

[1] “Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации” от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС “КонсультантПлюс”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 25.11.2025).

[2] «В 2022 году суды КНР рассмотрели четверть миллиона «экологических» дел». Окно в Китай. 05.06.2023. // Газета Труд. URL: www.trud.ru/article/05-06-2023/1508061_v_2022_godu_sudy_knr_rassmotreli_chetvert_milliona_ekologicheskix_del.html (дата обращения: 10.06.2025).

[3] «Суды Китая за пять лет рассмотрели более 95 тыс. дел с иностранной составляющей». // Москва. РАПСИ. 09.03.2023. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20230309/308731453.html?ysclid=ljshnarid8582978407 (дата обращения: 10.06.2025).

[4] Маточкина М.С. Ювенальные суды в современной России: концепция и практика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4. С. 54-60.

[5] Ермолаев К.А. Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (48). С. 48-58.

[6] Конституция Китайской Народной Республики (в ред. 2018 года). // Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/?ysclid=ljs9pqbv4v169781507 (дата обращения: 10.06.2025).

[7] Маточкина М.С. Ювенальные суды в современной России: концепция и практика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4. С. 54-60.

[8] Организационная структура народных судов Китая. // Китайский информационный Интернет-центр. URL: russian.china.org.cn/russian/65630.htm (дата обращения: 10.06.2025).

[9] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 ноября 2000 г. № 824-III ГД «О проекте Федерального конституционного закона “О федеральных административных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49, ч. 5. – Ст. 7257.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2000 года № 29 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в порядке осуществления права законодательной инициативы проекты федеральных конституционных законов "О федеральных административных судах в Российской Федерации", "О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и "О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон "О военных судах Российской Федерации" // Верховный Суд Российской Федерации. URL: www.vsrf.ru/documents/own/7891/?ysclid=ljs9bjgx6s72873327 (дата обращения: 10.06.2025).

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 28.10.2021) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 10.06.2025).

[12] Приженников А.Н. Перспективы развития специализированных судов в России // Юридические исследования. 2014. № 6. С. 116 - 129.

[13] Судебная статистика РФ. Интернет-ресурс. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm1/t/71/s/0 (дата обращения: 22.06.2025).

[14] Сыченко Е.В., Немышева Е.И. Судебная защита индивидуальных трудовых прав специализированными судебными органами // Журнал правовых и экономических исследований, 2012, 3: С. 34–37.

[15] Тутынина, Е. Г. Исторические аспекты специализации судов как одно из направлений судебной политики // Молодой ученый. 2017. № 21.1 (155.1). С. 103-106.

[16] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) "О судебной системе Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обраще-

ния: 10.06.2025).

[17] Эксперты настаивают на создании специализированного суда // Российская Бизнес-газета - Бизнес и власть: № 18(947). URL: https://rg.ru/2014/05/13/a963456.html (дата обращения: 10.06.2025).

[18] Юрковский А.В. Особенности судебной системы Китайской Народной Республики // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sudebnoy-sistemy-kitayskoy-narodnoy-respubliki (дата обращения: 24.06.2025).

References:

[1] “Arbitration Procedural Code of the Russian Federation” dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on April 1, 2025) // “ConsultantPlus” legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (accessed: November 25, 2025).

[2] “In 2022, PRC Courts Handled a Quarter of a Million ‘Environmental’ Cases.” Window to China. June 5, 2023. // Trud Newspaper. URL: www.trud.ru/article/05-06-2023/1508061_v_2022_godu_sudy_knr_rassmotreli_chetvert_milliona_ekologicheskix_del.html (accessed: June 10, 2025).

[3] “Over Five Years, Chinese Courts Have Handled More Than 95,000 Cases Involving a Foreign Element.” // Moscow. RAPSI. March 9, 2023. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20230309/308731453.html?ysclid=ljshnarid8582978407 (accessed: June 10, 2025).

[4] Matochkina M.S. Juvenile Courts in Modern Russia: Concept and Practice // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 4. pp. 54–60.

[5] Ermolaev K.A. Prospects for the Development of Specialized Judicial Bodies in the Russian Federation // Izvestiya VUZov. Volga Region. Social Sciences. 2018. No. 4 (48). pp. 48–58.

[6] Constitution of the People's Republic of China (as amended in 2018). // Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/?ysclid=ljs9pqbv4v169781507 (accessed: 10.06.2025).

[7] Matochkina M.S. Juvenile Courts in Modern Russia: Concept and Practice // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 4. pp. 54–60.

[8] Organizational Structure of the People's Courts of China. // China Internet Information Center. URL: russian.china.org.cn/russian/65630.htm (accessed: 10.06.2025).

[9] Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated November 22, 2000, No. 824-III GD “On the Draft Federal Constitutional Law ‘On Federal Administrative Courts in the Russian Federation’” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 49, Part 5. – Art. 7257.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 19, 2000, No. 29 “On Submitting to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, in the Exercise of the Right of Legislative Initiative, Draft Federal Constitutional Laws ‘On Federal Administrative Courts in the Russian Federation,’ ‘On Amendments to the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation,”’ and ‘On Amendments and Additions to the Federal Constitutional Law “On Military Courts in the Russian Federation”’” // Supreme Court of the Russian Federation. URL: www.vsrf.ru/documents/own/7891/?ysclid=ljs9bjgx6s72873327 (accessed: June 10, 2025).

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011, No. 1 (as amended on October 28, 2021) “On Judicial Practice in Applying Legislation Governing the Specifics of Criminal Liability and Punishment of Minors” // Legal Reference System “Consultant Plus.” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (accessed: June 10, 2025).

[12] Prizhennikov A.N. Prospects for the Development of Specialized Courts in Russia // Legal Studies (Yuridicheskie issledovaniya). 2014. No. 6. P. 116–129.

[13] Judicial Statistics of the Russian Federation. Online resource. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm1/t/71/s/0 (accessed: 22.06.2025).

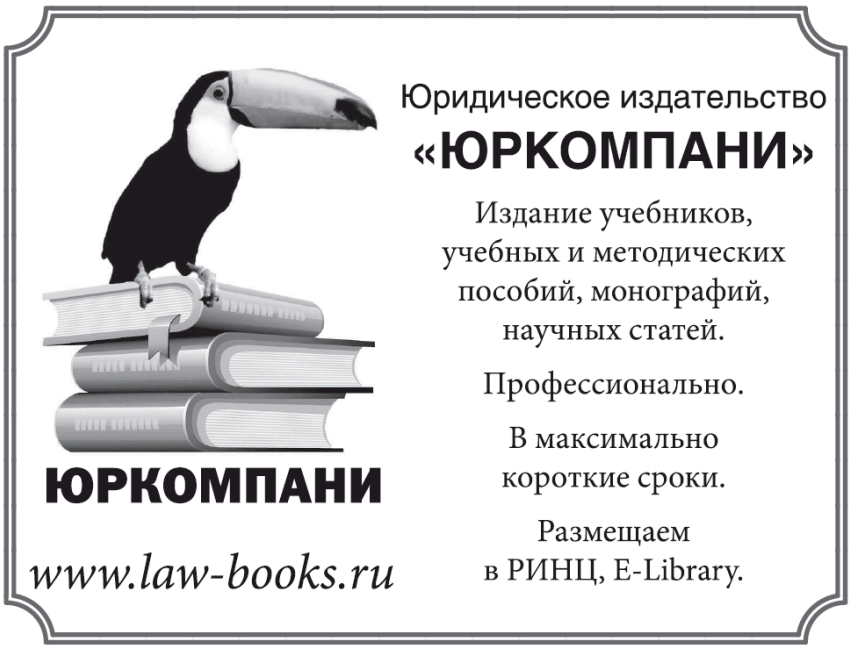
[14] Sychenko E.V., Nemysheva E.I. Judicial Protection of Individual Labor Rights by Specialized Judicial Bodies // Journal of Legal and Economic Studies, 2012, 3: pp. 34–37.

[15] Tutynina E.G. Historical Aspects of Court Specialization as a Direction of Judicial Policy // Young Scientist. 2017. No. 21.1 (155.1). pp. 103–106.

[16] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996 (as amended on April 16, 2022) "On the Judicial System of the Russian Federation" (with amendments and additions, effective from January 1, 2023) // "Consultant Plus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (accessed: 10.06.2025).

[17] Experts Insist on the Creation of a Specialized Court // Rossiyskaya Biznes-Gazeta – Business and Authority: No. 18 (947). URL: https://rg.ru/2014/05/13/a963456.html (accessed: 10.06.2025).

[18] Yurkovsky A.V. Features of the Judicial System of the Chinese... ...of the People's Republic // Siberian Legal Bulletin. 2004. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sudebnoy-sistemy-kitayskoy-narodnoy-respubliki (accessed: 24.06.2025).



Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-181-191
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
ORCID: 0009-0004-9220-7638,
e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ТАРАСОВ Евгений Александрович,
студент Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
ORCID:0009-0006-8717-4995,
e-mail: evaltarasov@edu.hse.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ АНТИСЕМИТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕ: РОЛЬ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация. *Статья посвящена историко-правовому анализу антисемитского законодательства в Европе (от антиеврейских конституций Кодекса Феодосия IV–V вв. до Нюрнбергских расовых законов 1935 г.), признанных преступными Международным военным трибуналом. Исследуется трансформация правового обоснования дискриминации (от религиозно-обусловленных ограничений позднеримского и средневекового канонического права к расово-биологической дискриминации национал-социалистической Германии). Аргументировано показано, что при смене доктринального основания правовые механизмы — маркировка, сегрегация, запрет смешанных браков, экспроприация, изгнание — воспроизводились и в последующих исторических этапах. Рассматривается контрастная правовая модель Калишского статута 1264 г. Обосновывается значение правового анализа исторической дискриминации для современного противодействия экстремизму, терроризму и защиты прав человека.*

Ключевые слова: *антисемитское законодательство, история европейского права, Нюрнбергские законы, правовая дискриминация, защита прав человека, противодействие экстремизму.*

Для цитирования: *Тарасов А. А., Тарасов Е. А. Историко-правовой анализ антисемитского законодательства в Европе: роль в защите прав человека, противодействии экстремизму и терроризму // Образование и право. 2026. № 10. С. 181–191.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

TARASOV Evgeny Aleksandrovich,
Undergraduate Student at the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF ANTISEMITIC LEGISLATION IN EUROPE: THE ROLE IN HUMAN RIGHTS PROTECTION AND COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM

Annotation. *The article presents a historical and legal analysis of antisemitic legislation in Europe — from the anti-Jewish constitutions of the Theodosian Code (4th–5th centuries) to the Nuremberg racial laws of 1935, recognized as criminal by the International Military Tribunal. The transformation of the legal rationale for discrimination is examined: from religiously based restrictions of late Roman and medieval canon law to the racial-biological discrimination of National Socialist Germany. The study demonstrates that while the doctrinal foundation shifted, the legal mechanisms of discrimination — marking, segregation, prohibition of mixed marriages, expropriation, and expulsion — were reproduced at each historical stage. The contrasting legal model of the Statute of Kalisz (1264) is examined. The relevance of legal analysis of historical discrimination for modern countering extremism and terrorism and human rights protection is substantiated.*

Key words: *antisemitic legislation, history of European law, Nuremberg laws, legal discrimination, human rights protection, countering extremism, Statute of Kalisz.*

For citation: *Tarasov A. A., Tarasov E. A. Historical and legal analysis of antisemitic legislation in Europe: The role in human rights protection and countering extremism and terrorism. Education and law. 2026;(10):181–191. (In Russ.).*

Эволюция европейского права включает длительный — насчитывающий не менее шестнадцати столетий — период существования обособленного законодательства, регулировавшего и ограничивавшего права еврейского населения. От первых антисемитских конституций императора Константина, вошедших в Кодекс Феодосия, до Нюрнбергских законов 1935 года, признанных преступными Международным военным трибуналом, прослеживается смена доктринальных оснований дискриминации при постоянстве и преемственности применения правовых механизмов.

Актуальность темы определяется связью между правовым наследием антисемитского законодательства и формированием современного международного гуманитарного и уголовного права, а также отечественного антиэкстремистского законодательства. Так, Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг. стал отправной точкой для Универсальной декларации прав человека (1948), Конвенции о предупреждении преступления геноцида (1948) и формирования системы международного уголовного правосудия [1]. Универсальная декларация, провозгласившая в статье 2, что каждый человек должен обладать всеми правами и свободами «без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения», стала прямым правовым ответом на опыт нацистской дискриминации и заложила фундамент современной системы защиты прав человека [1].

В Российской Федерации базовым антиэкстремистским нормативно-правовым актом выступает Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в преамбуле которого сказано, что он принимается «в целях защиты прав и свобод человека и гражданина». Первый из основных принципов противодействия экстремистской деятельности, закрепленный статьей 2, является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» [2].

Аналогичным образом Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» называет первым принципом «обеспечение и защиту основных прав и свобод человека и гражданина» [3].

Статья 19 Конституции Российской Федерации гарантирует «равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии и запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [4]. Защита прав человека является не сопутствующей, а конституирующей целью противодействия экстремизму и терроризму.

Рассуждая о степени научной разработанности темы исследования, стоит отметить, что антисемитизм традиционно изучается в рамках исторической дисциплины. Исследователь С.Г. Лозинский разграничил религиозный и социальный антисемитизм, указав, что раннее средневековье не знало антисемитизма экономического [5]. Г. Ленгмюр ввел понятие «химерического антисемитизма» для периода XII–XV вв., когда антиеврейские представления утратили связь с реальностью и приобрели мифологический характер [6]. Дж. Коэн предложил концепцию «герме-

невтического еврея» — риторической конструкции в христианском теологическом дискурсе [7]. П. Фредриксен проанализировала амбивалентность правового положения евреев в Кодексе Феодосия — «нестабильную терпимость» [8]. В отечественной науке В. Е. Цивилева (2025) рассмотрела правовое положение иудеев на латинском Западе IV — начала VII в. [9]. Так же заслуживает внимания исследование эволюции российского уголовно-правового института противодействия терроризму (от первых упоминаний в Уголовном уложении 1903 г. до современных антитеррористических законов) [10]. Р. Геллатели в фундаментальном исследовании гестапо и немецкого общества показал, что успешность проведения в жизнь расовой политики зависела от готовности рядовых граждан доносить о подозреваемых «преступлениях», в том числе в сфере сексуальных отношений между евреями и неевреями [11]. Однако собственно правовой — догматический и компаративистский — анализ эволюции дискриминационных норм и их значения для современного противодействия экстремизму и защиты прав человека разработан недостаточно.

Целью статьи является исследование эволюции правовых механизмов дискриминации евреев в европейском праве, выявление соотношения преемственности и разрыва в доктринальных обоснованиях антисемитского законодательства и обоснование значения данного анализа для современного противодействия экстремизму, терроризму и защиты прав человека. Для этого проанализированы ключевые правовые акты от Кодекса Феодосия до Нюрнбергских законов, выявлена структурная преемственность правовых механизмов дискриминации, рассмотрена альтернативная правовая модель Калишского статута, продемонстрирована связь исторических дискриминационных механизмов с современным антиэкстремистским законодательством и системой защиты прав человека.

Методологическая база для исследования включает историко-правовой (догматический) анализ текстов нормативных актов, сравнительно-правовой метод и дихроническое сравнение (сопоставление правовых институтов разных эпох с целью выявления структурных закономерностей).

Кодекс Феодосия (*Codex Theodosianus*; далее — CTh.), опубликованный 15 февраля 438 г. и вступивший в силу 1 января 439 г., — первая всеобъемлющая кодификация имперских конституций, в которой антиеврейские нормы были впервые собраны в единую систему; соответствующие положения сосредоточены в титулах 8 и 9 16-й книги [12, 13]. Правовой подход Кодекса носил двойственный характер: с одной стороны, он ограничивает прозелитизм и межконфессиональные контакты, с другой — формально гарантировал правовой статус иудаизма как дозволенной религии.

В сфере противодействия прозелитизму обращение христианина в иудаизм каралось конфискацией имущества (CTh. 16.8.7, 352 г.), а христиане, придерживающиеся иудейских обрядов, преследуются. Конституция CTh. 16.8.19 (409 г.) называла иудаизм «извращением, чуждым Римской империи», и устанавливает, что отступление от христианской веры хуже смерти. По оценке исследователей, эти положения фактически приравнивали религиозное отступничество к «преступлению против величества». Запрещались также браки между евреями и христианками (CTh. 16.8.6) и обрезание рабов-неиудеев (CTh. 16.9.1). Существенным ограничением был запрет на владение рабами-христианами, многократно повторенный в законодательстве (CTh. 16.9.2 от 399 г.; 16.9.4 от 417 г.; 16.9.5 от 423 г.), — систематическое повторение свидетельствует о слабой реализуемости нормы на практике [12, 13].

Одновременно Кодекс содержит защитные нормы. Конституция CTh. 16.8.9 (393 г.) прямо декларировала, что «секта иудеев не запрещена никаким законом», а CTh. 16.8.21 (412 г.) устанавливала, что евреи не должны подвергаться преследованию за веру и что их имущество не может изыматься без законного основания. Новообращенные в христианство иудеи были защищены от насилия (CTh. 16.8.5) и сохраняли право на наследство (CTh. 16.8.28) [12, 13].

П. Фредриксен охарактеризовала эту модель как «нестабильную и непостоянную терпимость», воспроизводившуюся в правовых практиках Средневековья [13]. В. Е. Цивилева отмечала, что запрет на владение христианскими рабами регулярно нарушался вплоть до VII в.: папе Григорию Великому (590–604) неоднократно приходилось вмешиваться для освобождения христианских рабов у иудеев [9].

Правовое значение Кодекса определяется его рецепцией в постримском праве. Бревиарий Алариха (506 г.) — непосредственная компиляция текстов Кодекса Феодосия, обеспечившая сохранение примерно четверти его состава. Через Бревиарий римско-правовые нормы оказали влияние и на другие варварские кодексы, включая Салическую правду франков, однако это влияние носило косвенный, а не прямой характер. Норма о «дозволенности иудаизма» (CTh. 16.8.9), опиравшаяся на авторитет римского права, на протяжении столетий сохраняла значение юридического прецедента, ограничивавшего произвол светских и церковных властей при попытках полного изгна-

ния евреев [13].

Противоречивую эволюцию демонстрирует каноническое право, которое прошло исторический путь трансформации от отдельных элементов защиты к закреплению сегрегации еврейского населения. Отправной точкой для этого послужила папская булла «Sicut Iudaeis» («Как евреи»), обнародованная около 1120 года Римским папой Каликстом II. В ней под угрозой отлучения от церкви запрещалось принуждать евреев к крещению, причинять им вред либо мешать отправлению их религиозных обрядов. На протяжении Средневековья эта линия защиты неоднократно подтверждалась более чем двадцатью папами — от Александра III (1179) до Николая V (1447) [14].

Вместе с тем, как показал исследователь К. Стоу, подобная защита изначально была встроена в жесткие теологические рамки. Иудаизм допускался, а евреи могли рассчитывать на покровительство лишь при условии, что не будут «строить козни против христианства» [15]. Само это условие фактически закрепляло подчиненное положение защищаемой группы.

Дальнейшее сужение правовых гарантий прослеживается в решениях церковных соборов. Третий Латеранский собор (1179), принявший 27 канонов, усилил ограничительную линию. Канон 26 запрещал христианам поступать в услужение к евреям и мусульманам, одновременно закрепляя преимущество показаний христианина перед показаниями иудея в суде [16].

Еще более решительный поворот связан с Четвертым Латеранским собором (1215), где из 70 принятых канонов как минимум четыре непосредственно касались положения евреев. Канон 67 устанавливал меры против ростовщической деятельности еврейского населения. Канон 68 предписывал отличать евреев и мусульман по внешнему виду: они обоего пола обязаны были носить особую одежду «в каждой христианской провинции и во все времена», чтобы избежать «запрещенных смешений». Канон 69 лишал евреев права занимать публичные должности; в нем прямо говорилось: «богохульник Христа не может осуществлять власть над христианами». К числу дополнительных ограничений относились запрет появляться в общественных местах в Страстную неделю и обязанность уплачивать церковную десятину [17].

Особую значимость имеет канон 68, который стал первым формальным церковным предписанием о внешней отметке (маркировке), позволявшей выделять евреев среди прочих жителей. Примечательно, что вскоре после собора папа Иннокентий III в послании к французским епископам попытался уравновесить эту линию, указав, что введение особой одежды не должно создавать угрозы жизни еврейского населения. Таким образом, в политике папства одновременно уживались охранительные и ограничительные начала.

Светские власти довольно быстро восприняли церковные установки. Так, синод в Нарбонне (1227) в каноне 3 предписал носить на груди овальный отличительный значок [17].

Во Франции король Людовик IX в 1269 году обязал евреев носить желтые знаки на груди и спине, а в Англии еще раньше, в 1218 году, король Генрих III издал указ, поддержавший решения Латеранского собора [18]. Указанные меры показывают, как канонические установления быстро проникали в светское право и последовательно закрепляли практики внешнего выделения и социального отстранения.

Светское средневековое законодательство последовательно закрепляло практики изгнания, которые стали логическим продолжением ранее сложившихся сегрегационных мер. Ярким примером выступает эдикт Эдуарда I от 18 июля 1290 г., которым всем евреям предписывалось покинуть Англию ко Дню всех Святых — 1 ноября. Хотя сам текст эдикта утрачен, сохранились распоряжения, адресованные шерифам, что позволяет судить о механизме реализации решения. Оценки численности изгнанных существенно разнятся: английская историография, опирающаяся на налоговые документы, сообщает примерно о 2000 человек; Еврейская энциклопедия Брокгауза—Ефрона приводит цифру 16 000; Электронная еврейская энциклопедия называет «около четырех или десяти тысяч» при общей численности населения Англии порядка 3,5 млн [19; 20]. Англия стала первым европейским королевством, осуществившим общенациональное изгнание еврейского населения.

Во Франции подобная политика приобретала циклический характер: конфискация имущества, изгнание, возвращение за выкуп и новое изгнание. Филипп II Август в 1182 г. изгнал евреев, а в 1198 г. допустил их возвращение. Позднее, в 1306 г., Филипп IV вновь распорядился об изгнании, конфисковав имущество общины. Оценки числа изгнанных в 1306 г. колеблются от нескольких тысяч до 100 000 — последняя цифра приводится Еврейской энциклопедией Брокгауза—Ефрона, однако современные исследователи считают ее завышенной [19; 20]. Окончательное изгнание евреев из Франции осуществил Карл VI в 1394 г.

Наиболее масштабным актом стал Альгамбрский декрет от 31 марта 1492 г., поставивший ультиматум: крещение или выезд до 31 июля. Оценки численности покинувших Испанию крайне противоречивы — от 50 до 300 тыс. человек. По последним данным, из Кастилии выехали 80–110

тыс., из Арагона — 10–12 тыс. при совокупном населении обоих королевств около 850 тыс. [20; 21]. За возвращение на территорию королевства предусматривалось наказание в виде смертной казни и конфискации имущества. Формальная отмена Альгамбрского эдикта произошла лишь в 1968 г. по решению испанского правительства [21; 22].

Калишский статут, изданный 8 сентября 1264 года князем Болеславом Благочестивым, представляет собой правовую альтернативу западноевропейскому тренду на сегрегацию и изгнание. Документ из 36 статей гарантировал свободу вероисповедания, передвижения и торговли, а также выводил внутренние споры еврейской общины из юрисдикции городских судов, подчиняя их княжескому суду и суду еврейского судьи [23]. Так, статья 35 обязывала соседей-христиан приходить на помощь еврею при ночном нападении под угрозой штрафа в 30 шиллингов. Для обвинения в ритуальном убийстве требовалось шесть свидетелей — три христианина и три еврея, поскольку, как отмечалось в тексте, «по своему закону иудеи обязаны воздерживаться от всякой крови» [23].

Оригинал статута исторически не сохранился. Текст известен по подтверждениям Казимира Великого (1334, 1364, 1367), а позднее — Казимира IV (1453) и Сигизмунда I (1539) [23; 24]. Польский историк-юрист Р. Губе в XIX веке полагал, что дошедший текст представляет собой подделку XV столетия, изготовленную в политических целях [23].

Современные исследователи, в частности М. Хлебенек (2017), эту точку зрения не разделяют [23; 24]. По его мнению, Калишский статут не был изолированным феноменом. Он восходит к серии среднеевропейских привилегий, прототипом которых послужила грамота Фридриха Воинственного (Австрия, 1244), дополненная Пржемыслом Оттокаром (Богемия, 1254) статьей против ложных обвинений в ритуальном убийстве [23]. Таким образом, статут представляет собой звено в цепи восточноевропейских правовых актов, обеспечивавших защиту еврейского населения.

Устойчивость еврейских привилегий в Польше объяснялась прежде всего экономическим фактором, состоявшем в потребности государства в торговой и финансовой деятельности евреев, а также относительно слабым влиянием канонического права, имевшего в Польше скорее моральный, нежели юридический, авторитет [23]. В то же время с XVI века началась постепенная ухудшение правового положения евреев. Вводились ограничения в торговле, запрещался найм христианских слуг, устанавливались требования о минимальном расстоянии между еврейскими и христианскими домами [25].

В целом Калишский статут представляет собой исторический прецедент правовой защиты меньшинства, юридически закреплявший равенство перед судом и свободы вероисповедания. В этом смысле он предвосхитил правовые принципы, которые спустя столетия были сформулированы в международном праве прав человека.

Изданный в марте 1685 года Людовиком XIV «Черный кодекс» (Code Noir) объединил в одном документе расовое, религиозное и антисемитское законодательство. Статья 1 предписывала изгнать всех евреев из французских колоний в течение трех месяцев, объявляя их «заявленными врагами христианского имени» под угрозой конфискации личности и имущества. В 2026 году Национальное собрание Франции проголосовало за формальную отмену этого документа. Французская революция стала поворотным пунктом в правовом положении евреев. 27 сентября 1791 года Учредительное собрание приняло постановление об их полной эмансипации. Однако 17 марта 1808 года Наполеон издал так называемый «позорный декрет», частично ограничивший права еврейского населения, в том числе запретивший евреям заниматься рядом профессий, селиться в определенных департаментах и требовать выплаты долгов [26].

Эмансипация распространялась по Европе неравномерно. Так, в Нидерландах законы эмансипации не были отменены даже после падения Наполеона. Независимая Бельгия (1831) провозгласила равенство всех граждан в конституции. В Италии эмансипация вводилась по мере продвижения французской армии. Цизальпинская республика признала гражданские права евреев в 1797 году, Римская — в 1798 году, — но после реставрации была отменена и восстановлена лишь в ходе революций 1848–1849 годов. В Австрии эдикт Иосифа II «О терпимости» (1782) разрешил венским евреям приобретать недвижимость и получать высшее образование, но не отменил специальный налог и не разрешил создание общины. Либеральная конституция 1867 года формально отменила все правовые ограничения. В Пруссии эмансипация была объявлена в 1812 году (с откатом после 1815 года), в Германской империи — в 1871 году, в Великобритании — к 1890 году. В Российской империи около 150 статей, содержавших антиеврейские ограничения, были отменены лишь Временным правительством в 1917 году [27].

Таким образом, процесс эмансипации занял более столетия и шел двумя путями: революционным (Франция, Нидерланды, Италия) и реформистским (Австрия, Пруссия, Великобритания). К концу XIX века в большинстве стран Западной и Центральной Европы юридические ограничения

прав евреев были сняты, хотя негласная дискриминация сохранялась.

Ядро расового законодательства Третьего рейха составили принятые 15 сентября 1935 года единогласно на съезде Национал-социалистической немецкой рабочей партии в Нюрнберге три закона. Эти акты были опубликованы в имперском вестнике законов [28] и впоследствии признаны преступными Международным военным трибуналом (1945–1946 гг.); в настоящее время они не имеют юридической силы [29].

Закон о гражданстве Рейха разделил всех проживающих в Германии людей на две категории. Гражданином Рейха мог быть лишь подданный «немецкой или родственной крови», доказавший «желание и способность преданно служить германскому народу и Рейху». Полными политическими правами наделялись только граждане Рейха. Евреи же переводились в разряд «подданных государства» без политических прав [30]. Закон об охране немецкой крови и немецкой чести запрещал браки и внебрачные связи между евреями и подданными «немецкой или родственной крови». Такие браки признавались недействительными. Кроме того, евреям запрещалось нанимать домашних работниц немецкого происхождения моложе 45 лет [28; 30].

Постановление от 14 ноября 1935 года ввело псевдонаучное расовое определение еврейства по числу еврейских дедушек и бабушек: три-четыре — «полный еврей», два — «мишлинг первой степени», один — «второй степени» [31]. Правовой комментарий к этим нормам был составлен Гансом Глобке и Вильгельмом Штуккартом. Всего на основе Нюрнбергских законов было издано 13 постановлений, последовательно закрывавших евреям доступ практически ко всем профессиям и сферам общественной жизни [30; 31].

Ключевая правовая инновация нацистского законодателя состояла в переходе от религиозного критерия еврейства к расово-генеалогическому. Средневековое каноническое право дискриминировало евреев по признаку веры: крещение теоретически снимало ограничения. Нюрнбергские же законы не оставляли пути к легальному выходу из дискриминируемой группы. Сам термин «антисемитизм» был введен Вильгельмом Марром в 1879 году именно для обозначения новой, расовой формы антиеврейской вражды, отличной от религиозного антииудаизма [30].

Статистика показывает, как правовая норма переходила в репрессивную практику. По данным официальной статистики Третьего рейха, в 1938 году по Закону об охране немецкой крови было вынесено 434 обвинительных приговора, из которых 282 — в отношении евреев [30]. По данным Энциклопедии Холокоста, тысячи людей обвинялись в «расовом осквернении» или бесследно исчезали в концентрационных лагерях [31]. Из примерно 500 тысяч евреев, проживавших в Германии к 1933 году, к 1939 году эмигрировали около 280 тысяч [31].

Осуждение Нюрнбергских законов Международным военным трибуналом стало переломным моментом в истории защиты прав человека. Нюрнбергский процесс определил новые виды международных преступлений, прочно вошедших в международное право: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности [29]. Принципы Нюрнбергского трибунала, закрепленные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года, оказали прямое влияние на содержание Универсальной декларации прав человека 1948 года, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Международных пактов о правах человека 1966 года. Статья 14 Европейской конвенции прямо запрещает дискриминацию при пользовании правами и свободами по признаку «пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения» [32].

Сопоставление правовых практик разных эпох выявляет устойчивые юридические механизмы дискриминации при полной смене их идеологического обоснования. Так, механизм визуальной маркировки сохранялся более семи столетий от предписания Четвертого Латеранского собора (1215) об отличительной одежде — через указ Людовика IX (1269) о желтых знаках во Франции — до нацистской желтой звезды Давида (1941). В то же время при идентичной правовой конструкции различался ключевой элемент. В Средние века выход из дискриминируемой группы теоретически допускался через крещение, а в нацистской системе такая возможность исключалась.

Сегрегационные практики в истории правового регулирования стран Европы также демонстрируют преемственность. Запрет христианам служить у евреев (1179) эволюционировал в институт гетто (1555) и воспроизвелся в Нюрнбергских законах в виде запрета на найм немецкой прислуги. Аналогична и линия запрета на смешанные браки — от конституции Феодосия I (438) до Закона об охране немецкой крови (1935).

Экспроприация имущества при изгнаниях (Англия, 1290; Франция, 1306; Испания, 1492) с запретом на вывоз ценностей (Альгамбрский декрет) позже трансформировалась в политику «ариизации» и конфискаций в нацистской Германии (1938–1939). Сходная логика прослеживается и в развитии практик принудительного перемещения от средневековых эдиктов об изгнании — к

принудительной эмиграции (1933–1939) и далее к депортациям (1941–1945).

При этом доктринальные основания кардинально различались. Средневековое право закрепляло подчиненный статус евреев на теологической основе. Они рассматривались как свидетели библейских событий, которые должны сохраниться до Второго пришествия. Булла «Sicut Iudaeis» допускала им «законную свободу» при условии лояльности. Национал-социалистическое право опиралось на псевдонаучные расово-биологические постулаты: еврейство трактовалось как неустранимый наследственный признак, не зависящий ни от веры, ни от ассимиляции. Правовые разработки Глобке и Штуккарта придали этой идеологии формально-юридическую оболочку, заменив конфессиональный критерий на генеалогический.

Вместе с тем европейская правовая традиция не была однородной. Так, Калишский статут (1264) показывает, что существовали и недискриминационные правовые модели. Их жизнеспособность определялась не доктринальными установками, а социально-экономическими потребностями и политической волей местных властей.

Результаты проведенного историко-правового анализа имеют прикладную ценность для противодействия экстремизму, терроризму и защиты прав человека, поскольку раскрывают воспроизводимые структурные модели правовой дискриминации от маркировки и сегрегации через запрет смешанных браков к экспроприации и изгнанию, где каждая стадия институционально подготавливает последующую.

Нюрнбергский процесс впервые квалифицировал такую последовательность как преступную, а позднее Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.) закрепила универсальное определение дискриминации как любых различий и ограничений по расовым и этническим признакам, умаляющих права и свободы [33].

В российском правовом поле аналогичные запреты отражены в Федеральном законе № 114-ФЗ, прямо пресекающем пропаганду исключительности или неполноценности по социальным, расовым, национальным, религиозным и языковым признакам [2].

Вместе с тем, исторические механизмы дискриминации, несмотря на прошедшие десятилетия, сохраняют потенциал к воспроизводству в современных экстремистских и террористических практиках. Их структурная логика прослеживается в спектре противоправных деяний — от отдельных нападений на синагоги в Питтсбурге (2018) [34] и Галле (2019) [35] до скоординированных атак в Дагестане (2024) [36], а также предотвращенных ФСБ России угроз в отношении московских синагог [37]. Приведенная динамика позволяет констатировать трансформацию правовой стигматизации в насильственные формы воздействия.

Отдельные элементы указанных механизмов получили нормативно-правовую оценку в действующем законодательстве. В частности, административная ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование запрещенной символики предусмотрена ст. 20.3 КоАП РФ [38]; при этом повторность деяния, совершенного лицом, уже подвергнутым административному наказанию, образует состав преступления, закрепленный в ст. 282.4 УК РФ [39]. Кроме того, сегрегационные практики в системе международного уголовного права квалифицируются как преступления против человечности согласно Римскому статуту МУС [40]. С учетом изложенного отдельные правонарушения допустимо рассматривать не как изолированные эпизоды, а как элементы системной экстремистской деятельности, охватываемой составами ст. 282.1 и 282.2 УК РФ [41].

Фундаментом современной ответственности за подобные деяния выступают нюрнбергские принципы, утвержденные резолюцией ГА ООН от 11 декабря 1946 г. [41], согласно которым должностное положение и исполнение преступного приказа не освобождают от ответственности. Эта логика легла в основу международных трибуналов и национального регулирования, включая статью 357 УК РФ о геноциде.

Защита прав человека выступает не вспомогательным, а базовым элементом антиэкстремистской стратегии. Дискриминация прямо признается формой экстремистской деятельности. Исторический опыт показывает, что дискриминационные нормы, формально легитимные в свое время (от Кодекса Феодосия до Нюрнбергских законов), по сути, нарушали нынешний принцип равенства, закрепленный сегодня в статье 19 Конституции РФ [4] и статье 2 Всеобщей декларации прав человека [1].

Стратегия противодействия экстремизму в РФ (Указ Президента № 1124 от 28 декабря 2024 г.) [42] прямо ставит задачу недопущения любых форм дискриминации и формирования в обществе неприятия экстремистской идеологии, опираясь на критерии раннего выявления дискриминационных норм (неотменяемость статуса, его наследуемость и всеобъемлющий характер ограничений).

Таким образом, своевременная правовая превенция дискриминации составляет неотъемлемый элемент сбалансированной антитеррористической стратегии. Она снижает социальную напря-

женность, препятствует радикализации и укрепляет доверие к правовым институтам, одновременно выступая гарантией соблюдения прав человека. Предотвращение дискриминации является не второстепенной задачей, а необходимым условием эффективной и легитимной системы безопасности личности, общества и государства.

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

[2] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 28.12.2024). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 12.09.2026).

[3] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.12.2024). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 12.09.2026).

[4] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.09.2026).

[5] Лозинский С. Г. Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время. — М., 1929. — 164 с.

[6] Langmuir G. Toward a Definition of Antisemitism. — Berkeley : University of California Press, 1990. — 417 p.

[7] Cohen J. Living Letters of the Law: Ideas of the Jew in Medieval Christianity. — Berkeley : University of California Press, 1999. — 451 p.

[8] Fredriksen P. Augustine and the Jews: A Christian Defense of Jews and Judaism. — New York : Doubleday, 2008. — 495 p.

[9] Цивилева В. Е. Иудео-христианские взаимоотношения на позднеантичном латинском Западе в IV — начале VII в. : дис. … канд. ист. наук. — Нижний Новгород, 2025. — 320 с.

[10] Тарасов А. А. Исторический аспект возникновения и развития уголовно-правового института противодействия терроризму в российском законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2026. — № 1 (64). — С. 290–300.

[11] Gellately R. The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy, 1933–1945. — Oxford : Oxford University Press, 1990. — 297 p.

[12] Codex Theodosianus / ed. Th. Mommsen, P. Meyer. — Berlin : Weidmann, 1905. — Lib. XVI, tit. 8.

[13] Кодекс Феодосия // Православная энциклопедия. — М., 2014. — Т. 40. — С. 342–343.

[14] Simonsohn Sh. The Apostolic See and the Jews. — Toronto : Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1991. — 784 p.

[15] Stow K. Discussion by Kenneth Stow // Quest. Issues in Contemporary Jewish History. — 2021. — No. 20.

[16] Латеранский III собор // Православная энциклопедия. — М., 2014. — С. 133-137.

[17] Латеранский IV собор // Православная энциклопедия. — М., 2011. — Т. 40. — С. 140–152.

[18] Англия // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1908. — Т. 2. — Стлб. 860–870.

[19] Еврейская энциклопедия : свод знаний о евреействе и его культуре в прошлом и настоящем : в 16 т. / под общ. ред. А. Гаркави, Д. Гинцбурга, Л. Каценельсона. — Санкт-Петербург : О-во для науч. евр. изд. Брокгауз—Ефрон, 1908–1913. VIII с., 960 стб., 5 л. ил.

[20] Электронная еврейская энциклопедия ОРТ. URL: // eleven.co.il (дата обращения: 15.09.2026).

[21] Альгамбрский эдикт (1492) // Викитека : свободная библиотека. URL: // ru.wikisource.org/wiki/Альгамбрский_эдикт?ysclid=mu2mdmhy2b277465973 (дата обращения: 15.09.2026).

[22] Изгнание евреев из Испании // Википедия : свободная энциклопедия. URL: // ru.wikipedia.org/wiki/Изгнание_евреев_из_Испании?ysclid=mu2mexpk2c627300195 (дата обращения: 15.09.2026).

[23] Болеслав Благочестивый и генеральная грамота 1264 г. // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1906. — Т. 4. — Стлб. 780–782.

[24] Hlebionek M. Bolesław Pobożny. Wielkopolska na drodze do zjednoczonego królestwa. — Kraków : Avalon, 2017. — 226 s.

[25] Правовое положение евреев в Речи Посполитой в XVI–XVIII веках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. С. 19-50.

[26] Эмансипация // Электронная еврейская энциклопедия ОРТ. URL: // eleven.co.il/jewish-history/modern-era/15084/ (дата обращения: 12.09.2026).

[27] Проблема статуса еврейского населения России и Германии в конце XIX — начале XX в. //

Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2018. С. 71-84.

[28] Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre // Reichsgesetzblatt I. — 1935. — S. 1146–1147.

[29] Нюрнбергский процесс: его роль в формировании системы международного уголовного права // Вестник науки и образования. — 2020.

[30] Андреева Е. А. Нацистское антисемитское законодательство в Германии (1933–1945 гг.) // Ученые записки РГСУ. — 2013. — Т. 2, № 3 (116). С. 50-54.

[31] Холокост: Энциклопедия / под ред. У. Лакера. М. : РОССПЭН, 2005. 814 с.

[32] Значение Нюрнбергского процесса в развитии прав человека // Государство и право: теория и практика : материалы конференции. — М. : Молодой ученый, 2019. С. 37-40.

[33] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации : принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 дек. 1965 г. // ООН. URL: un.org (дата обращения: 12.09.2026).

[34] Jury in Pittsburgh Synagogue Shooting Trial Condemns Gunman to Death // The New York Times. – 2023. – 2 Aug. URL: nytimes.com (дата обращения: 12.09.2026).

[35] Far-right terrorist sentenced to life in prison for German synagogue shooting on Yom Kippur // ABC News. – 2020. – 22 Dec. URL: abc.net.au (дата обращения: 12.09.2026).

[36] СК возбудил дело о теракте по факту нападений в Дербенте и Махачкале // Известия. – 2024. – 23 июня. URL: iz.ru (дата обращения: 12.09.2026).

[37] ФСБ пресекла попытку теракта в культовом еврейском учреждении в Москве // Известия. – 2024. – 11 апр. URL: iz.ru (дата обращения: 12.09.2026).

[38] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1. // Собрание законодательства Российской Федерации. URL: szrf.ru (дата обращения: 12.09.2026).

[39] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. // Собрание законодательства Российской Федерации. URL: szrf.ru (дата обращения: 12.09.2026).

[40] Римский статут Международного уголовного суда : принят в г. Риме 17 июля 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 44. – Ст. 4381.

[41] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 дек. 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала». // ООН. URL: un.org (дата обращения: 12.09.2026).

[42] Указ Президента Российской Федерации от 28 дек. 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». // Официальный портал правовой информации России. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2026).

References:

[1] Universal Declaration of Human Rights: adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) of Dec. 10, 1948 // UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

[2] Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002, "On Counteracting Extremist Activity" (as amended on Dec. 28, 2024) // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (accessed: Sept. 12, 2026).

[3] Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006, "On Counteracting Terrorism" (as amended on Dec. 28, 2024) // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (accessed: Sept. 12, 2026).

[4] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on Dec. 12, 1993 (including amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation: No. 6-FKZ of Dec. 30, 2008; No. 7-FKZ of Dec. 30, 2008; No. 2-FKZ of Feb. 5, 2014; No. 11-FKZ of July 21, 2014; and No. 1-FKZ of March 14, 2020). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 12.09.2026).

[5] Lozinsky S. G. The Social Roots of Antisemitism in the Middle Ages and Modern Times. — Moscow, 1929. — 164 p.

[6] Langmuir G. Toward a Definition of Antisemitism. — Berkeley: University of California Press, 1990. — 417 p.

[7] Cohen J. Living Letters of the Law: Ideas of the Jew in Medieval Christianity. — Berkeley: University of California Press, 1999. — 451 p.

[8] Fredriksen P. Augustine and the Jews: A Christian Defense of Jews and Judaism. — New York: Doubleday, 2008. — 495 p.

[9] Tsivileva V. E. Judeo-Christian Relations in the Late Antique Latin West (4th – Early 7th Centuries): Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. — Nizhny Novgorod, 2025. — 320 p.

[10] Tarasov A. A. The Historical Aspect of the Emergence and Development of the Criminal

Law Institution for Countering Terrorism in Russian Legislation // Vestnik of Voronezh State University. Series: Law. — 2026. — No. 1 (64). — pp. 290–300.

[11] Gellately R. The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy, 1933–1945. — Oxford: Oxford University Press, 1990. — 297 p.

[12] Codex Theodosianus / ed. Th. Mommsen, P. Meyer. — Berlin: Weidmann, 1905. — Book XVI, Title 8.

[13] Theodosian Code // Orthodox Encyclopedia. — Moscow, 2014. — Vol. 40. — pp. 342–343.

[14] Simonsohn Sh. The Apostolic See and the Jews. — Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1991. — 784 p.

[15] Stow K. Discussion by Kenneth Stow // Quest. Issues in Contemporary Jewish History. — 2021. — No. 20.

[16] Third Council of the Lateran // Orthodox Encyclopedia. — Moscow, 2014. — pp. 133–137.

[17] Fourth Council of the Lateran // Orthodox Encyclopedia. — Moscow, 2011. — Vol. 40. — pp. 140–152.

[18] England // Brockhaus and Efron Jewish Encyclopedia. — St. Petersburg, 1908. — Vol. 2. — Cols. 860–870.

[19] Jewish Encyclopedia: A Compendium of Knowledge Regarding Jewry and Its Culture, Past and Present: in 16 vols. / ed. by A. Harkavy, D. Gintsburg, L. Katsenelson. — St. Petersburg: Society for Scientific Jewish Publications (Brockhaus–Efron), 1908–1913. VIII p., 960 cols., 5 leaves of illustrations.

[20] ORT Electronic Jewish Encyclopedia. URL: // eleven.co.il (accessed: 15.09.2026).

[21] Alhambra Decree (1492) // Wikisource: The Free Library. URL: // ru.wikisource.org/wiki/Альгамбрский_эдикт?ysclid=mu2mdmhy2b277465973 (accessed: 15.09.2026).

[22] Expulsion of Jews from Spain // Wikipedia: The Free Encyclopedia. URL: // ru.wikipedia.org/wiki/Изгнание_евреев_из_Испании?ysclid=mu2mexpk2c627300195 (accessed: 15.09.2026).

[23] Bolesław the Pious and the General Charter of 1264 // Brockhaus and Efron Jewish Encyclopedia. — St. Petersburg, 1906. — Vol. 4. — Cols. 780–782.

[24] Hlebionek M. Bolesław Pobożny. Wielkopolska na drodze do zjednoczonego królestwa [Bolesław the Pious: Greater Poland on the Path to a United Kingdom]. — Kraków: Avalon, 2017. — 226 p.

[25] Legal Status of Jews in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th–18th Centuries // Perm University Herald. Juridical Sciences. — 2017. — pp. 19–50.

[26] Emancipation // ORT Electronic Jewish Encyclopedia. URL: // eleven.co.il/jewish-history/modern-era/15084/ (accessed: 12.09.2026).

[27] The Issue of the Status of the Jewish Population in Russia and Germany in the Late 19th and Early 20th Centuries // Perm University Herald. Juridical Sciences. — 2018. — pp. 71–84.

[28] Law for the Protection of German Blood and German Honor // Reichsgesetzblatt I. — 1935. — pp. 1146–1147.

[29] The Nuremberg Trials: Their Role in Shaping the System of International Criminal Law // Bulletin of Science and Education. — 2020.

[30] Andreeva E. A. Nazi Antisemitic Legislation in Germany (1933–1945) // Scientific Notes of the Russian State Social University (RSSU). — 2013. — Vol. 2, No. 3 (116). — pp. 50–54.

[31] The Holocaust: An Encyclopedia / ed. by W. Laqueur. — Moscow: ROSSPEN, 2005. — 814 p.

[32] The Significance of the Nuremberg Trials for the Development of Human Rights // State and Law: Theory and Practice: Conference Proceedings. — Moscow: Molodoy Ucheny [Young Scientist], 2019. — pp. 37–40.

[33] International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination: adopted by UN General Assembly Resolution 2106 (XX) of Dec. 21, 1965 // UN. URL: un.org (accessed: 12.09.2026).

[34] Jury in Pittsburgh Synagogue Shooting Trial Condemns Gunman to Death // The New York Times. — 2023. — Aug. 2. URL: nytimes.com (accessed: 12.09.2026).

[35] Far-right terrorist sentenced to life in prison for German synagogue shooting on Yom Kippur // ABC News. – 2020. – Dec. 22. URL: abc.net.au (accessed: 12.09.2026).

[36] Investigative Committee opens terrorism case following attacks in Derbent and Makhachkala // Izvestia. – 2024. – June 23. URL: iz.ru (accessed: 12.09.2026).

[37] FSB thwarts attempted terrorist attack on a Jewish religious institution in Moscow // Izvestia. – 2024. – Apr. 11. URL: iz.ru (accessed: 12.09.2026).

[38] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, dated Dec. 30, 2001, No. 195-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1, Part 1. – Art. 1. // Collected Legislation of the Russian Federation. URL: szrf.ru (accessed: 12.09.2026).

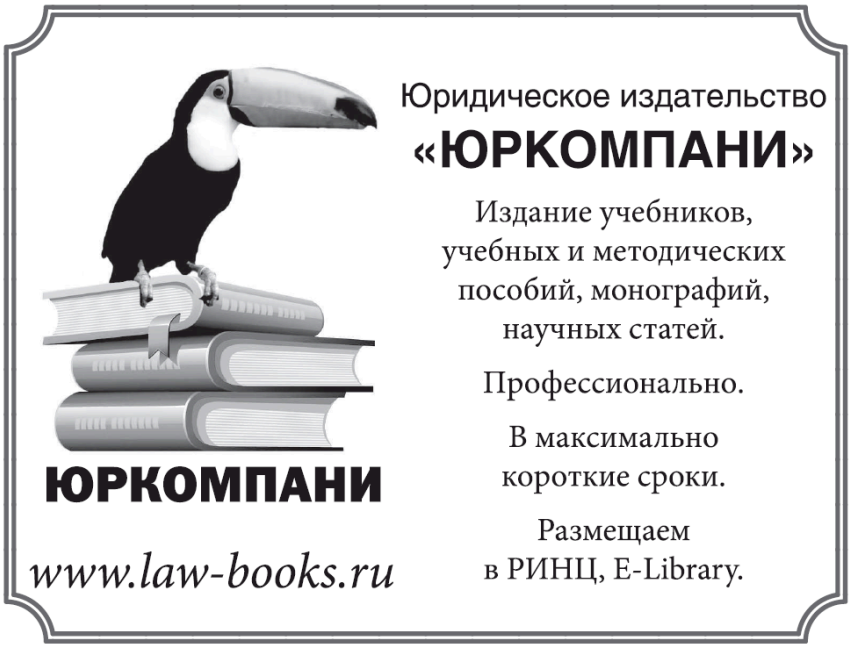
[39] Criminal Code of the Russian Federation, dated June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954. // Collected Legislation of the Russian Federation. URL: szrf.ru (accessed: 12.09.2026).

[40] Rome Statute of the International Criminal Court: adopted in Rome on July 17, 1998 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 44. – Art. 4381.

[41] UN General Assembly Resolution 95 (I)

of Dec. 11, 1946, “Affirmation of the Principles of International Law Recognized by the Charter of the Nürnberg Tribunal.” // UN. URL: un.org (accessed: Sept. 12, 2026).

[42] Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 of Dec. 28, 2024, “On the Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation.” // Official Portal of Legal Information of Russia. URL: pravo.gov.ru (accessed: Sept. 12, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-192-197

АБЗАЛОВА Айгуль Маратовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
e-mail: aabzalova12@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КОНСТитУИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *Статья посвящена конституционно-правовому анализу института федеральных территорий в зарубежных странах. На основе сравнительно-правового исследования учредительных актов ряда федеративных государств (Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Венесуэла, Индия, Малайзия, Мексика, Пакистан, США) автором формулируются универсальные и специализированные конституционные принципы создания таких территориальных единиц. Делается вывод об отсутствии данных принципов в отечественном конституционном праве. В целях уточнения представления о сущности и природе введенного в отечественное конституционное право института федеральных территорий, а также устранения существующих проблем и недостатков правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе их создания и функционирования, констатируется необходимость имплементации установленных в рамках сравнительно-правового исследования конституционных принципов в российское законодательство.*

Ключевые слова: *конституция, государственно-территориальное устройство, территория государства, федеральная территория, публичная власть.*

Для цитирования: *Абзалова А. М. Зарубежный опыт конституирования института федеральных территорий // Образование и право. 2026. № 10. С. 192–197.*

ABZALOVA Aigul Maratovna,
PhD in law, Associate Professor
of the department of state law disciplines,
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

FOREIGN EXPERIENCE OF CONSTITUTION INSTITUTE OF FEDERAL TERRITORIES

Annotation. *The article is devoted to a constitutional and legal analysis of the institution of federal territories in foreign countries. Based on a comparative legal study of the founding acts of a number of federal states (Australia, Argentina, Belgium, Brazil, Venezuela, India, Malaysia, Mexico, Pakistan, the USA), the author formulates universal and specialized constitutional principles for the creation of such territorial units. The conclusion is drawn that these principles are absent in domestic constitutional law. In order to clarify the understanding of the essence and nature of the institution of federal territories, which has been introduced into domestic constitutional law, as well as to address the existing problems and shortcomings in the legal regulation of social relations arising in the process of their creation and operation, it is necessary to implement the constitutional principles established within the framework of a comparative-legal study into Russian legislation.*

Key words: *the constitution, the state-territorial structure, the territory of the state, the federal territory, public authority.*

For citation: *Abzalova A. M. Foreign experience of Constitution institute of federal territories. Education and law. 2026;(10):192–197. (In Russ.).*

С появлением в 2020 году в тексте Конституции Российской Федерации федеральных территорий [19; 20] интерес со стороны научного сообщества к данным территориальным единицам не угасает [3; 5; 18]. В научных трудах и публикациях нашли отражение различные стороны рассматриваемого института, вместе с тем не уделено должного внимания конституционно-правовым основам создания и функционирования федеральных территорий. Восполнение отмеченного пробела позволит сформулировать предложения по улучшению конституционно-правового регулирования функционирования федеральных территорий в России, а также рассмотреть перспективы их развития в обозримом будущем.

При решении поставленной задачи необходимо отметить, что описание территории в конституциях зарубежных стран встречается нечасто, однако общим правилом является провозглашение в учредительных актах принципов управления принадлежащей территории, основ территориального деления и территориального устройства публичной власти в нем [21, с. 261]. Наличие таких принципов, с одной стороны, способствуют обеспечению правопорядка, с другой, – предопределяет контуры развития правовых институтов [2, с. 26]. На основании вышеизложенного данному аспекту предлагается уделить особое внимание с последующим изложением соответствующих выводов.

Основой конституционно-правового регулирования функционирования федеральных территорий выступает наиболее общая норма, закрепленная в учредительном акте государства.

Установлено, что закрепленным на конституционном уровне правом создания территорий с особым статусом воспользовались не все центральные органы власти федеративных государств. Так, например, в Бельгии предусмотрена возможность установления особого статуса в отношении некоторой части территории провинций (посредством изъятия территории субъекта), однако данная норма до настоящего времени осталась нереализованной [8, ст. 5].

В зависимости от степени выраженности правового регулирования института федеральных территорий в учредительных актах зарубежных государств предлагается выделить:

— учредительные акты, в которых положения о федеральных территориях консолидированы в главе, разделе (Бразилия, Индия);

— нормы, содержащиеся в отдельных статьях, посвященных территориальному устройству государства, организации органов государственной власти, местного самоуправления и др. (Австралия, Канада, Мексика, Пакистан);

— нормы, предусматривающие возможность установления центрального управления, часто со ссылкой на дополняющий закон (Аргентина, Бельгия, Венесуэла, США).

В этой связи необходимо обратить внимание на отечественный опыт, когда в тексте Конституции Российской Федерации закрепляется общая норма о наличии возможности создания федеральных территорий, но сущность термина не раскрывается, так же как и принципы их создания.

Понятие «федеральных территорий» (федеральные округа, федеральные владения, союзные территории, территории и др.), как правило, в зарубежных актах конституционного уровня не раскрывается, поэтому определить сущность таких территорий позволяет более подробный анализ конституционных норм.

Согласно Конституции Венесуэлы «районами федерального подчинения являются морские острова, не включенные в территорию какого-либо штата, а также острова, которые сформировались или появились в территориальном море или в той его части, которая покрывает континентальную платформу» [10, ст. 17]. В Соединенных Штатах Америки о федеральном округе говорится в разд. 8 ст. 1 Конституции США [15], в частности, что площадь этой территории не должна превышать определенного размера (десять квадратных миль), законодательная власть в границах федерального округа по всем вопросам принадлежит исключительно Конгрессу, территория федерального округа образуется в результате уступки территории штатами, территория федерального округа предназначена в качестве места пребывания правительства. Согласно Конституции Австралии: «территориями» (territories) признается «любая территория, уступаемая каким-либо штатом и вошедшая в состав Австралийского союза, помещенная Королевой в ведение Австралийского союза или приобретенная Австралийским союзом другим способом». Вместе с тем уточняется, что в целях управления такой территорией Парламент уполномочен принимать закон, а также санкционировать представительство территории в палатах Парламента на тех условиях и пределах, какие сочтет нужным [6, п. 6 ст. 128, ст. 122].

Вместе с тем встречается использование наименований географических объектов: согласно Конституции Мексики национальная территория в том числе включает в себя «прибрежные острова и рифы», а также «острова Гваделупа и Ревильягигедо», расположенные в Тихом океане. «Прибрежные острова и рифы», «острова» употребляются в качестве синонимов федеральных территорий, так как согласно конституции находятся в прямой зависимости от правительства страны [14, ст. 48]. В Конституции Бельгии законодатель не прибега-

ет к использованию определенного термина, но акцентирует внимание на *особом статусе территории*, связанном с осуществлением непосредственной федеральной исполнительной власти в ее границах [8, ст. 5], а термин «федеральная территория» в этом государстве используется в значении всей территории государства [8, ст. 196].

Конституирование федеральных территорий в национальное территориальное устройство государства осуществляется с использованием различных юридических конструкций. Так, национальная территория Венесуэлы «*состоит* из штатов, столичного района, районов федерального подчинения и федеральных территорий» [10, ст. 16]; «территория Индии *включает в себя*: территории Штатов; союзные территории; а также другие территории, которые могут быть *приобретены*» [11, ст. 1], территория Пакистана *включает в себя* провинции, федеральный столичный округ, федеральные территории управления племенами и территории, которые включены или могут быть включены в состав Пакистана [12, ст. 1.]; в Бразилии «федеральные территории *дополняют* союз, их *создание*, преобразование в штат или восстановление в первоначальном штате регулируется дополняющим законом» [9, ст. 18], посредством *изъятия* территории из провинциального деления в Бельгии [8, ст. 5], *создание* федеральных территорий в определенных районах штатов Венесуэлы [10, ст. 16].

На основании изложенного предлагается следующая классификация территориальных изменений в связи с созданием и функционированием федеральных территорий:

— в зависимости от территориальной принадлежности: территориальные изменения внутригосударственной территории (например, путем выделения части территории из состава территории субъекта федерации); внешние территориальные изменения, осуществляемые за пределами территории федерации (например, в результате приобретения новых территорий различными способами (покупка, завоевание, на основании соглашения или в результате войны и др. [4, с. 485]);

— по способу образования: путем отделения части территории от любого штата (Малайзия); объединения двух и более союзных территорий или части их территорий (Индия); присоединения внегосударственных территорий или другим способом (Пакистан); предоставления или приобретения Союзом (Австралия); «избрания» из числа имеющихся штатов в качестве местопребывания федеральной власти (Мексика);

— способу изменения территории федеральной территории: увеличение или уменьшение союзной территории;

— в зависимости от наличия возможности преобразования в штат всей или части территории федеральной территории (Бразилия, Венесуэла, Мексика); присоединения союзной территории к территории штата (Индия).

В учредительных актах дополнительно могут оговариваться некоторые условия: обязательное наличие рекомендации Президента, а также мнение легислатуры штата (Индия); одобрение заинтересованного населения (путем плебисцита) и Национального Конгресса (Бразилия); согласие Парламента штата и одобрение большинством избирателей штата путем голосования (Австралия); предварительная уступка легислатурами одной или более провинций территории для местопребывания федерального правительства (Аргентина).

Значимыми представляются нормы, устанавливающие статус территории федеральной территории как не входящей в состав территории «материнского» субъекта, т.е. в состав территории того субъекта, откуда федеральная территория была выделена. Так, в Конституции Малайзии установлено, что федеральные территории Куала-Лумпур, Путраджая и Лабуан не относятся к территории штатов, из состава территории которых они были выделены [13, ст. 1]; в Бельгии на основании закона предусматривается возможность изъятия территории из провинциального деления с целью подчинить их центральной власти [8, ст. 5]; в Австралии – об «уступке» штатом управления территорией [6, ст. 122]; в Аргентине – «не входят в состав территорий провинций» [7, ст. 75].

В свою очередь некоторыми конституционными актами предусматривается возможность установления ограничений в части размера площади выделяемой для федеральных нужд территории – речь идет о территориях, в границах которых располагается федеральное правительство (США – «не более десяти квадратных миль» в соответствии с разд. 8 Конституции США, Австралия – «местонахождение Правительства Австралийского союза определяется Парламентом в пределах территории, которая предоставлена или приобретена Австралийским союзом, является собственностью Австралийского союза и находится в штате Южный Уэльс, на расстоянии не менее ста миль от Сиднея. Данная территория должна включать в себя область *не менее ста квадратных миль* и состоять пропорционально из земель Короны, предоставленных Австралийскому союзу бесплатно»), устанавливается конкретная цель создания и функционирования федеральной территории (в целях политической организации – в Венесуэле, местопребывание Правительства Соединенных Штатов – в США, федеральных властей

– в Мексике, федерального правительства – в Аргентине).

Примечательной представляется установленная в учредительных актах ряда зарубежных государств обязанность федеральных государственных органов соблюдать определенные *согласительные процедуры* на стадии разработки законопроекта о создании федеральной территории с заинтересованными субъектами конституционно-правовых отношений (субъектами федерации, населением), по результатам которых может быть принято соответствующее решение (путем народного референдума, проводимого в соответствующей местности (Венесуэла); заключения договора (Пакистан); заключения соглашений (Малайзия).

Степень участия в управлении государственными делами и на уровне местного самоуправления образуемых на федеральных территориях органов публичной власти и населения в границах таких территорий также имеет свои особенности и зависит от выбранной конституционно-правовой модели федеральной территории [1]. Основы правового регулирования такого рода правоотношений устанавливаются в конституционно-правовых нормах. При этом необходимо отметить, что наличие в составе территории одного государства нескольких федеральных территорий вовсе не означает их равнозначный конституционно-правовой статус (например, Индия, Малайзия, Австралия).

На основании изложенного можно сделать вывод о различиях в оформлении детализации положений, конституирующих федеральные территории, а также об отсутствии унифицированного подхода к их формализации. Вместе с тем проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сформулировать конституционные принципы, устанавливаемые при создании федеральных территорий.

К числу универсальных принципов предлагается относить: установленную учредительным актом возможность создания федеральных территорий и конкретизацию (но не установление) статуса федеральных территорий принимаемым высшими органами государственной власти законодательным актом; определение (конкретизация) и изменение статуса федеральных территорий, осуществляемые федеральными органами государственной власти; наличие установления о невхождении федеральной территории в состав территории субъекта (субъектов) федерации.

К числу специализированных принципов предложено относить: необходимость учета мнения местного населения; наличие согласия органов государственной власти субъекта/субъектов федерации о выделении части/всей территории для нужд федерации; установление пределов границ федеральной территории.

В отечественном опыте конституирования федеральных территорий отмеченные принципы отсутствуют, что в целом препятствует формированию четкого представления об этих территориальных единицах. По справедливому замечанию И. В. Лексина, авторы не определили, что представляет собой данная территория в их понимании, зарезервировав тем самым возможность для широчайшей интерпретации этого термина в подконституционных актах [16, с. 30]. Вопрос о том будут ли отечественные федеральные территории аналогами зарубежных федеральных территорий был (на момент принятия поправки) и остается актуальным в настоящее время. С одной стороны, авторы этой поправки опирались на зарубежный опыт [22, с. 24], с другой – использование в тексте Конституции Российской Федерации термина «федеральные территории» не означает совпадение его содержательной составляющей с зарубежным аналогом. В качестве примера может быть приведен отечественный опыт заимствования федеральных округов, который абсолютно несопоставим с институтом столичного территориального управления других федеративных государств [17].

Однако с созданием первой и пока единственной федеральной территории – федеральной территории «Сириус», можно констатировать что имплементация рассмотренных принципов, во-первых, во многом может устранить возникшие вопросы относительно сущности и природы данных территориальных единиц, во-вторых, – устранить трудности в правовом регулировании института федеральных территорий в процессе их создания и функционирования.

Список литературы:

[1] Абзалова, А. М. Конституционно-правовые модели федеральных территорий / А.М. Абзалова // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 36-43.

[2] Алешкова, И. А. Принципы конституционного права : опыт комплексного исследования и применения : монография / И. А. Алешкова ; под общ. ред. И. А. Умновой-Конюховой. – М. : РАН, ИНИОН, 2022. – 223 с.

[3] Бочкарева, Е. А. Правовое обеспечение статуса Федеральной территории «Сириус» // Государство и право. – 2025. – № 6. – С. 66-76.

[4] Ирхин, И. В. Конституционно-правовой статус неинкорпорированных территорий США / И. В. Ирхин // Правоведение. – 2018. – Т. 62. – № 3. – С. 484–500.

[5] Кондрашев, А. А. Федеральные тер-

ритории в территориальном устройстве России: проблемы конституционного статуирования / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 8. – С. 37-46.

[6] Конституция Австралийского Союза. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=23 (дата обращения: 06.10.2026).

[7] Конституция Аргентинской Республики. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=358 (дата обращения: 06.10.2026).

[8] Конституция Королевства Бельгия. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=157 (дата обращения: 06.10.2026).

[9] Конституция Федеративной Республики Бразилия. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=563 (дата обращения: 06.10.2026).

[10] Конституция Боливарианской Республики Венесуэла. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=1090 (дата обращения: 06.10.2026).

[11] Конституция Республики Индия. // Официальный сайт Законодательного департамента Индии. URL: https://legislative.gov.in/sites/default/files/ COI...pdf (дата обращения: 06.10.2026).

[12] Конституция Исламской Республики Пакистан. // Официальный сайт Национальной ассамблеи Пакистана. URL: https://na.gov.pk/uploads /documents/1333523681_951.pdf (дата обращения: 06.10.2026).

[13] Конституция Федерации Малайзия. // Официальный сайт федерального законодательства Малайзии. URL: https://worldconstitutions.ru/?s=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%B7%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 06.10.2026).

[14] Конституция Мексиканских Соединенных Штатов. Ст. 42. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (дата обращения: 06.10.2026).

[15] Конституция Соединенных Штатов Америки. // Официальный сайт Конгресса Соединенных Штатов Америки. URL: https:// constitution. congress.gov/constitution/ (дата обращения: 06.10.2026).

[16] Лексин, И. В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений / И. В. Лексин // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – №. 8. – С. 28–33.

[17] Мазуров, В. Ю. Федеральные округа в территориальной системе организации государственной власти в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Валентин Юрьевич Мазуров. – М., 2015. – 48 с.

[18] Матвеев, П. В. Конституционно-правовые особенности реализации социальной политики в федеральной территории «Сириус» / П. В. Матвеев // Конституционное и муниципальное право. – 2026. – № 4. – С. 35-40.

[19] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации : [от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

[20] О федеральной территории «Сириус» : федер. закон : [от 22 дек. 2020 г. № 437-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 8583.

[21] Территория в публичном праве : монография / С. В. Нарутто и др. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 320 с.

[22] Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – М. : Норма. ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

References:

[1] Abzalova, A. M. Constitutional and Legal Models of Federal Territories / A. M. Abzalova // Law and Right (Zakon i pravo). – 2023. – No. 3. – pp. 36–43.

[2] Aleshkova, I. A. Principles of Constitutional Law: An Experience of Comprehensive Research and Application : Monograph / I. A. Aleshkova ; ed. by I. A. Umnova-Konyukhova. – Moscow : RAS, INION, 2022. – 223 p.

[3] Bochkareva, E. A. Legal Framework for the Status of the "Sirius" Federal Territory // State and Law (Gosudarstvo i pravo). – 2025. – No. 6. – pp. 66–76.

[4] Irkhin, I. V. Constitutional and Legal Status of Unincorporated Territories of the USA / I. V. Irkhin // Jurisprudence (Pravovedenie). – 2018. – Vol. 62. – No. 3. – pp. 484–500.

[5] Kondrashev, A. A. Federal Territories in the Territorial Structure of Russia: Issues of Constitutional Establishment / A. A. Kondrashev // Constitutional and Municipal Law. – 2025. – No. 8. – pp. 37–46.

[6] Constitution of the Commonwealth of Australia. // Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=23 (accessed:

06.10.2026).

[7] Constitution of the Argentine Republic. // Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=358 (accessed: 06.10.2026).

[8] Constitution of the Kingdom of Belgium. // Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=157 (accessed: 06.10.2026).

[9] Constitution of the Federative Republic of Brazil. // Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=563 (accessed: 06.10.2026).

[10] Constitution of the Bolivarian Republic of Venezuela. // Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=1090 (accessed: 06.10.2026).

[11] Constitution of the Republic of India. // Official website of the Legislative Department of India. URL: https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI... pdf (accessed: 06.10.2026).

[12] Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. // Official website of the National Assembly of Pakistan. URL: https://na.gov.pk/uploads/documents/1333523681_951.pdf (accessed: 06.10.2026).

[13] Constitution of the Federation of Malaysia. // Official website of federal legislation of Malaysia. URL: https://worldconstitutions.ru/?s=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%B7%D0%B8%D0%B8 (accessed: 06.10.2026).

[14] Constitution of the United Mexican States. Art. 42. // Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=51 (accessed: 06.10.2026).

[15] Constitution of the United States of America. // Official website of the United States Congress. URL: https://constitution.congress.gov/constitution/ (accessed: 06.10.2026).

[16] Leksin, I. V. Federal Territories in Russia: Prospects and Challenges in Implementing Constitutional Innovations / I. V. Leksin // Constitutional and Municipal Law. – 2021. – No. 8. – pp. 28–33.

[17] Mazurov, V. Yu. Federal Districts within the Territorial System of State Power Organization in the Russian Federation: Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences: 12.00.02 / Valentin Yuryevich Mazurov. – Moscow, 2015. – 48 p.

[18] Matveev, P. V. Constitutional and Legal Features of the Implementation of Social Policy in the "Sirius" Federal Territory / P. V. Matveev // Constitutional and Municipal Law. – 2026. – No. 4. – pp. 35–40.

[19] On Improving the Regulation of Certain Issues Regarding the Organization and Functioning of Public Authority: Law of the Russian Federation on an Amendment to the Constitution of the Russian Federation: [dated March 14, 2020, No. 1-FKZ] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 11. – Art. 1416.

[20] On the "Sirius" Federal Territory: Federal Law: [dated Dec. 22, 2020, No. 437-FZ] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 52 (Part 1). – Art. 8583.

[21] Territory in Public Law: Monograph / S. V. Narutto et al. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2017. – 320 p.

[22] Khabrieva, T. Ya. Thematic Commentary on the Law of the Russian Federation on an Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues Regarding the Organization and Functioning of Public Authority" / T. Ya. Khabrieva, A. A. Klishas. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. – 240 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-198-208

АНТОНОВА Наталья Владиславовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
отдела социального законодательства
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Ответственный секретарь
Комиссии по юридической науке АЮР,
e-mail: natalli_an@mail.ru

БАСАНГОВ Денис Анатольевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории правового мониторинга и социологии права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: report.izak@yandex.ru

БУЙ Данг Хьеу,
доктор юридических наук, доцент, старший советник
Юридического факультета Nguyen Tat Thanh University
(Ho Chi Minh City, Vietnam),
лектор гражданского права,
e-mail: bdhieu@ntt.edu.vn

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. *Статья посвящена анализу эффективности правового регулирования мер социальной защиты и практике их применения в Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам. На основе обобщения законодательства о социальной защите и социальном обеспечении, материалов судебной практики и доктринальных источников исследована система мер социальной защиты и значимые этапы их реформирования в Российской Федерации, а также проблемы, возникающие в правоприменительной практике, что нередко обусловлено неверным пониманием принципов, лежащих в основе правовой регламентации таких мер. Отдельное внимание уделяется позитивному опыту Социалистической Республики Вьетнам в области реформирования социальной защиты. Обосновывается вывод о том, что эффективность правового регулирования таких мер определяется не их количеством, а системностью и определённостью правовых норм, финансовой обеспеченностью, процедурной доступностью и наличием действенных гарантий судебной защиты. Авторами предлагаются направления совершенствования законодательства двух стран.*

Ключевые слова: *меры социальной защиты (поддержки), социальное обеспечение, эффективность правового регулирования, правоприменительная практика, «монетизация льгот», принцип адресности, принцип всеобщности, судебная защита, Российская Федерация (Россия), Социалистической Республики Вьетнам (Вьетнам).*

Для цитирования: *Антонова Н. В., Басангов Д. А., Буй Д. Х. Меры социальной защиты в Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам: эффективность правового регулирования и правоприменительная практика // Образование и право. 2026. № 10. С. 198–208.*

ANTONOVA Natalia Vladislavovna,
Candidate of Law,
Senior Researcher, Department of Social Legislation,
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation,
Executive Secretary,
Commission on Legal Science, Russian Academy of Law

BASANGOV Denis Anatolyevich,
Candidate of Law,
Senior Researcher, Laboratory of Legal Monitoring
and Sociology of Law,
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation

BUI Dang Hieu,
Doctor of Law, Associate Professor,
Senior Advisor, Faculty of Law,
Nguyen Tat Thanh University,
Ho Chi Minh City, Vietnam

SOCIAL PROTECTION MEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM: THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. *The article is devoted to an analysis of the effectiveness of the legal regulation of social protection measures and the practice of their application in the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. Based on a synthesis of legislation on social protection and social security, materials from judicial practice, and doctrinal sources, the system of social protection measures and the key stages of their reform in the Russian Federation have been examined, as well as the problems arising in law enforcement practice, which are often due to a misunderstanding of the principles underlying the legal regulation of such measures. Special attention is paid to the positive experience of the Socialist Republic of Vietnam in the field of reforming social protection. The conclusion is substantiated that the effectiveness of the legal regulation of such measures is determined not by their quantity, but by the systematic nature and clarity of the legal norms, financial support, procedural accessibility, and the presence of effective guarantees for judicial protection. The authors propose areas for improving the legislation of the two countries.*

Key words: *social protection (support) measures, social security, effectiveness of legal regulation, law enforcement practice, «monetization of benefits», targeted approach principle, universal approach principle, judicial protection, the Russian Federation (Russia), the Socialist Republic of Vietnam (Vietnam).*

For citation: *Antonova N. V., Basangov D. A., Bui D. H. Social protection measures in the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam: the effectiveness of legal regulation and law enforcement practice. Education and law. 2026;(10):198–208. (In Russ.).*

Вопрос о том, насколько эффективно действующее законодательство обеспечивает реальную защиту прав граждан, относится к числу ключевых для многих отраслей российского права, включая право социального обеспечения. Нормативное закрепление широкого перечня прав в области социальной защиты и социального обеспечения само по себе не гарантирует их фактической реализации. Как показывает практика, между провозглашённой мерой социальной защиты и её реальным получением гражданином нередко возникает разрыв, порождаемый как недостатками правового регулирования, так и трудностями правоприменения [1; 2; 3; 7; 8; 9; 10; 12; 13; 27].

Понятие *«меры социальной защиты»* в современном российском законодательстве не имеет легального определения, что само по себе является одной из причин неопределённости в правовом регулировании [4; 17, с. 18-21]. В нормативных актах используются близкие, но не тожде-

ственные термины: «меры социальной защиты», «меры социальной поддержки», «меры социальной помощи», «социальные гарантии», «льготы и преимущества» [17, с. 563-570]. Такое терминологическое разнообразие осложняет как правоприменение, так и научный анализ [4].

В научной литературе под мерами социальной защиты понимается широкий перечень социальных выплат и социальных услуг, компенсаций, медицинская помощь и санаторно-курортное лечение, обеспечение жилыми помещениями и земельными участками, а также другие меры, установленные федеральным и (или) региональным законодательством [17, с. 563-570; 21]. Именно такой широкий подход позволяет охватить все виды социальных гарантий, которые в законодательстве именуются мерами социальной защиты (поддержки), и рассматривать их как единую, хотя и внутренне неоднородную, систему.

В настоящем исследовании предлагается оценить эффективность правового регулирования мер социальной защиты в Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам и дать предложения по его совершенствованию. Для этого предлагается рассмотреть систему мер социальной защиты (поддержки), а также значимые этапы ее реформирования в России, где такие меры функционируют уже более 20 лет; выявить типичные дефекты их правовой регламентации; исследовать позитивный опыт Вьетнама по реформированию мер социальной защиты (поддержки) и сформулировать направления совершенствования законодательства двух стран.

1. Система мер социальной защиты (поддержки) в Российской Федерации и ее трансформация: от льгот и преимуществ к адресному социальному предоставлению.

Отметим, что термин «меры социальной защиты» носит более широкий, собирательный характер применительно к другому термину «меры социальной поддержки», который появился в российском законодательстве с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (далее – Закон о «монетизации» льгот) [32]. Данным нормативным правовым актом в целях обеспечения сохранения и даже возможного повышения ранее достигнутого уровня социальной защиты граждан (с учетом специфики их правового и имущественного положения, а также других обстоятельств) была качественно преобразована действовавшая система льгот и преимуществ. В результате с 1 января 2005 года многие льготы и преимущества были заменены различными мерами социальной поддержки, устанавливаемыми как на федеральном, так и на региональном уровне, дифференцированно по видам мер и кругу обеспечиваемых лиц.

Другие значимые новеллы в отношении мер социальной защиты (поддержки) были связаны с закреплением их особого характера, обусловленного принципом адресности социального предоставления, что явилось важнейшим итогом Конституционной реформы 2020 (ч. 7 ст. 75 Конституции Российской Федерации). Данным принцип обязывает законодателя выявлять нуждающиеся категории граждан-получателей мер социальной поддержки и на законодательном уровне (федеральном и (или) региональном) присваивать им соответствующий статус – малоимущий (малообеспеченный) гражданин, нетрудоспособный гражданин (инвалид, в том числе ребенок-инвалид, инвалид с детства, ребенок до 18 лет и др.), одинокая мать, ветеран труда, ветеран боевых действий, ветеран Великой Отечественной войны, гражданин, пострадавший от радиационных аварий и катастроф, и др., что позволяет таким получателям рассчитывать на определенные гарантии и виды социальной поддержки.

Представляется важным, что терминологическая составляющая мер социальной защиты, раскрывающая себя в содержании преамбулы и нормах Закона о «монетизации» льгот намного шире, чем мер социальной поддержки, поскольку она охватывает целостную систему регуляторов, среди которых и правовые, и экономические гарантии, а также конкретные виды выплат, натуральных предоставлений и льгот, именуемые мерами социальной поддержки. Иными словами, меры социальной защиты – это общий каркас, направленный на то, чтобы обеспечить человеку минимальный уровень безопасности и возможностей, в то время как меры социальной поддержки являются его внутренним инструментом и представляют собой различные виды социального предоставления определённым категориям населения [6; 7; 26].

Это объясняет и внутреннюю неоднородность системы мер социальной защиты (поддержки), которая включает несколько крупных блоков:

– денежные выплаты (социальные пособия, компенсации, субсидии, ежемесячные денежные выплаты, дополнительные выплаты и доплаты);

– натуральные предоставления (социальные услуги, медицинская помощь и лечение, лекарственное обеспечение, санаторно-курортное лечение, социальное обслуживание, обеспечение жилыми помещениями, земельными участками, техническими средствами реабилитации);

– льготы и преимущества (скидки по оплате жилья и коммунальных услуг, бесплатный или льготный проезд, первоочередное и внеочередное обслуживание, налоговые и иные льготы).

Подобное разнообразие видов социального предоставления отражает сложную природу мер социальной защиты: они одновременно выступают инструментом социальной политики, элементом конституционной гарантии права на социальное обеспечение и способом компенсации социальных рисков [6; 7; 25; 34].

По этой причине с целью унификации типов и видов социального предоставления, охватываемых термином меры социальной защиты (поддержки), в 2017 году Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации был утвержден их классификатор (с рекомендациями по применению) (далее – Классификатор), которым были введены единые принципы учета таких мер, а также обеспечена реализация информационно-справочной функции в рамках Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) [33; 34]. Классификатор показывает, что меры социальной защиты (поддержки) включают не только различные виды государственной социальной помощи (поддержки), обеспечиваемые в соответствии с нормами Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее – Закон о государственной социальной помощи), но также блага и гарантии в области социального обслуживания, обязательного социального страхования и государственного пенсионного обеспечения.

Отметим, что качественная трансформация мер социальной защиты (поддержки) с 1 января 2005 года также сопровождалось разграничением компетенций Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области установления и финансирования таких мер.

К компетенции федерального центра были отнесены меры социальной поддержки инвалидов и участников Великой Отечественной войны, бывших несовершеннолетних узников фашизма, ветеранов боевых действий, лиц, награждённых знаком «Житель блокадного Ленинграда», членов семей умерших инвалидов и участников Великой Отечественной войны, всех категорий инвалидов, граждан, подвергшихся воздействию радиации. К ведению субъектов Российской Федерации были отнесены меры социальной поддержки жертв политических репрессий, ветеранов труда, ветеранов военной службы, пенсионеров, тружеников тыла.

Следствием такого разграничения явилась региональная дифференциация, при которой объём и содержание гарантий для одних и тех же категорий получателей стали различаться в зависимости от места жительства, что породило неравенство, обусловленное бюджетными возможностями субъектов Российской Федерации [1; 6; 7]. Представители юридической науки справедливы во мнении, что такая дифференциация является опасной тенденцией в условиях неизбежного перехода от натуральных льгот к денежным компенсациям, поскольку она препятствует полноценной реализации права на меры социальной поддержки как наиболее чувствительные для населения виды социального предоставления [1; 6; 7]. Эффективность правовой регламентации таких мер во всех случаях требует учёта исторического опыта их правового регулирования, который обнаруживает необходимость соблюдения эквивалентности замещения одних социальных (материальных) благ другими, а также их целевого характера, процедурной доступности и ресурсной обеспеченности [21; 22].

Такой вывод применим не только к результатам реформы по «монетизации льгот» (2004-2005 гг.), но и Конституционной реформы 2020. По верному замечанию ученых, законодательство об адресных мерах социальной защиты (поддержки) будет эффективным только в том случае, если в ходе проектирования новых норм законодатель не допустит конкуренции базовых принципов социального обеспечения – всеобщности и адресности [7; 12]. В противном случае правовая регламентация таких мер может привести к несправедливому «отсечению» от благ и гарантий социальной защиты широкого круга граждан, действительно в ней нуждающихся [12]. Показательным примером является трансформация ежемесячного пособия для семей с детьми до 17 лет и беременных женщин (с 2023 г. – единого пособия), когда смещение вектора социальной поддержки в сторону малоимущих не только позволило совершить максимальных охват всех нуждающихся, но и фактически сузило круг граждан, хоть и не являющихся малоимущими, но по ряду оснований объективно претендующих на аналогичный перечень благ и гарантий, которые были положены им ранее [10; 12].

2. Некоторые дефекты правовой регламентации мер социальной защиты (поддержки) в Российской Федерации.

– *множественность и фрагментарность нормативного регулирования* является одним из ключевых дефектов. До сих пор в праве социального обеспечения не принято единого кодифицированного акта, который позволил бы упорядочить правовое регулирование, усилить темпоральность норм о мерах социальной защиты (поддержки). В настоящее время действует множество федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, ведомственных актов, а также нормативных правовых актов субъ-

ектов РФ. Такая множественность затрудняет правоприменение, порождает дублирование и противоречия, а иногда и прямые коллизии. Это также способствует тому, что в законодательстве отсутствует универсальный перечень мер социальной защиты (поддержки) и единые критерии нуждаемости. Определяемые региональным законодателем круг обеспечиваемых лиц, виды, формы, основания и объём социального предоставления имеют широкую вариативность [7; 12];

– *терминологическая неопределённость*, которая сопровождается отсутствием легальных определений ключевых понятий – «меры социальной защиты», «меры социальной поддержки», «социальные гарантии», «нуждаемость», «трудная жизненная ситуация» [4; 14]. Так, например, в Законе о государственной социальной помощи используется понятие «трудная жизненная ситуация», однако его содержание детально раскрывается лишь в Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», в ст. 15 которого приводится перечень обстоятельств, которые «ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности гражданина». Понятие «нуждаемость» как основание для оказания государственной социальной помощи вообще не имеет легального определения, что порождает сложности в толковании и применении соответствующих норм;

– *несовершенство механизма реализации отдельных мер и ограниченность судебной защиты*. В числе примеров обеспечение земельными участками на льготной основе, что сопровождается многолетними очередями, предоставлением участков, непригодных для использования (без инфраструктуры, в удалённых районах), возможностью реализации права только через альтернативные способы (денежная компенсация) и др. Судебная практика по таким делам противоречива: одни суды признают недопустимым предоставление заведомо непригодных участков, другие исходят из буквального соблюдения процедуры [37; 38]. Схожие проблемы имеются в области обеспечения жилыми помещениями на льготной основе. Разграничение полномочий между федеральным центром и субъектами РФ в сфере социального обслуживания и лекарственного обеспечения привело к усложнению организации предоставления социальных услуг, лекарственных средств.

В совокупности с ограниченностью бюджетного финансирования реализация права на отдельные меры социальной защиты (поддержки) недоступна для многих нуждающихся (дефицит лекарственных препаратов, ограниченность перечня социальных услуг и учреждений социального обслуживания в отдельных регионах и др.) [11; 19; 20; 26]. В последние годы сформировалась разветвлённая система мер социальной защиты (поддержки) участников специальной военной операции и членов их семей, регламентированная как федеральным, так и региональным законодательством [2]. Однако, специальный нормативный правовой акт, охватывающий все меры такой поддержки как по кругу обеспечиваемых лиц, так и по видам социального предоставления, до настоящего времени не принят. Отдельные законопроекты, предлагающие принятие такого акта, нуждаются в существенной доработке, поскольку они не в полной мере учитывают терминологию действующих федеральных законов и не согласованы с рядом специальных нормативных правовых актов, в числе которых Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах».

3. Опыт Социалистической Республики Вьетнам.

В ранее опубликованных работах мы говорили о том, что новеллы вьетнамского законодателя, основанные на принципах адресности и всеобщности социального обеспечения, равенства и социальной справедливости, могут лечь в основу модельных законов и кодексов в области социального обеспечения стран БРИКС [5; 7]. Для Российской Федерации это представляет интерес в контексте стремления систем социального обеспечения России и Вьетнама к универсальности [7; 18; 31].

Отметим, что в 2024–2026 гг. во Вьетнаме была проведена масштабная реформа системы социального обеспечения [18]. Ее основу, как и многих развитых стран, составила двухмерная стратегия Международной организации труда (МОТ), в рамках которой сочетание вертикального (расширение охвата социальным обеспечением) и горизонтального (распространение гарантий на новые категории населения и новые социальные риски) измерений не только позволило повысить уровень социальной защиты населения, но и способствовало эффективности норм законодательства о социальном обеспечении [5; 31].

Важными достижениями стали:

– *снижение минимального трудового (страхового) стажа.* Так, Закон о социальном страховании 2024 г., вступивший в силу 1 июля 2025 года, позволил снизить минимальный страховой стаж, необходимый для получения пенсии по старости с 20 до 15 лет [28]. Это изменение распространилось как на обязательное, так и на добровольное социальное страхование. Реформа, ориентированная на повышение социальной защищенности граждан, позволила решить проблему «высокого порога включения» в действующую модель соци-

ального страхования во Вьетнаме: теперь такой моделью охвачена значительная часть работников неформального сектора, лиц с прерванным трудовым (страховым) стажем и тех, кто начал участвовать в страховой системе в зрелом возрасте. При этом важно, что равные условия участия в страховых пенсионных правоотношениях были закреплены также за лицами, добровольно вступившими в такие правоотношения [35];

– *социальная (пенсионная) выплата для пожилых граждан (аналог социальной пенсии в России)*. С 1 июля 2025 года во Вьетнаме была введена социальная (пенсионная) выплата (*trợ cấp hưu trí xã hội*) [35]. Согласно Постановлению № 176/2025 /ND-CP (от 30 июня 2025 года) [29], право на неё имеют две категории граждан: лица, достигшие 75 лет и старше, не получающие страховую пенсию или пособие по обязательному социальному страхованию либо размер таких выплат ниже уровня, установленного данным Постановлением; и лица в возрасте от 70 до 75 лет, относящиеся к бедным (малоимущим, включая малоимущие семьи), не получающие пенсию или страховые пособия (или их размер ниже установленного Постановлением) и обратившиеся за социальной выплатой с заявлением в Народный комитет коммуны по месту жительства (лично, онлайн и (или) почтой). При этом мера не ограничивается денежной выплатой, она также включает пособие на погребение и медицинскую помощь из государственного бюджета;

– *повышение стандарта социальной помощи* с 5 октября 2026 г., для тех, кому помощь уже была назначена, расчет пособий с учетом нового стандарта был произведен с 1 июля 2026 г. (Постановление № 335/2026/ND-CP) [30]. С учетом нового стандарта максимальная сумма социальной помощи, которую могут получать пожилые люди, сегодня составляет 1 620 000 донгов в месяц (по курсу на октябрь 2026 г. – 5366 руб.) [35]. При этом важной социальной гарантией в области мер социальной защиты (поддержки) во Вьетнаме выступает гарантия суммирования различных социальных выплат по одному социально значимому основанию обеспечения, но во всех случаях не выше максимального стандарта социальной помощи. При этом в отдельных экономически благополучных провинциях (например, Куангнинь, Хайфон) могут устанавливаться дополнительные местные надбавки;

– *цифровизация процедуры предоставления мер социальной защиты (поддержки), а также в области обязательного социального страхования, страхования от безработицы, медицинского страхования и социального обслуживания* – Постановление № 813/QD-BHXH (2026) о принятии Плана по реализации прорывных достижений в науке, технологиях, инновациях, цифровой трансформации и Проекта 06 на период 2026-2030 гг. (заменило Постановление № 3023/ QD-BHXH от 10 октября 2025 г.) [36]. В ходе развития портала государственных услуг системы социального обеспечения Вьетнама предполагается, что доля онлайн-заявок на государственные услуги к 2030 г. достигнет не менее 90 %, а доля онлайн-платежей –не менее 80 % [36]. При этом важные новеллы сосредоточены в области обеспечения возможности получения социальных выплат при смене места жительства и др.

Опыт Вьетнама показывает:

– снижение минимального страхового стажа во Вьетнаме является ключевым инструментом расширения реального охвата населения социальными гарантиями в области обязательного социального страхования (далее – ОСС) и, прежде всего, пенсионного. Для России, где минимальный страховой стаж составляет 15 лет, опыт Вьетнама подтверждает обоснованность минимального порога вхождения в систему ОСС, но актуализирует вопрос о стимулировании добровольного участия для лиц неформальной (теневой) занятости, поскольку именно они составляют основную группу риска остаться за пределами системы;

– различные социальные выплаты, ориентированные на единый стандарт социальной помощи (их суммирование по одному социально значимому основанию обеспечения, но во всех случаях не выше максимального стандарта социальной помощи), для лиц, не охваченных системой ОСС, выполняют незаменимую функцию на этапе, когда страховая система ещё не обеспечивает достаточного покрытия (в России актуально для бюджетного пособия по безработице);

– цифровизация процедур предоставления социальных выплат (страховых и бюджетных) во всех случаях повышает доступность мер социальной защиты (поддержки). В новой реальности социального обеспечения данное направление развития выступает приоритетным как для России, так и для Вьетнама [36; 39].

4. Направления совершенствования законодательства о мерах социальной защиты (поддержки) в России и Вьетнаме.

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие направления повышения эффективности правового регулирования мер социальной защиты (поддержки) в странах.

– необходима систематизация законодательства о таких мерах защиты (поддержки) внутри государств. Это позволило бы устранить множественность и противоречивость нормативного регулирования, унифицировать терминоло-

гию, установить общие принципы и гарантии социального предоставления;

– при установлении и реализации мер социальной защиты (поддержки) следует руководствоваться принципами адресности и всеобщности социального обеспечения, где адресность не должна приводить к необоснованному сужению круга получателей, а критерии нуждаемости должны быть объективными, прозрачными и не создавать препятствий для реализации права на такие меры. Опыт Вьетнама, сочетающий снижение страхового стажа с введением универсальной выплаты для лиц, не охваченных ОСС, показывает, что адресность и всеобщность социального обеспечения могут дополнять друг друга, а не конкурировать;

– введение универсального стандарта социальной помощи в России (на примере опыта Вьетнама), единого на всей территории страны при сохранении права субъектов РФ на повышение уровня социальных гарантий за счёт собственных средств, позволило бы снизить необоснованную региональную дифференциацию;

– необходимо совершенствование механизма реализации права на отдельные меры: установление чётких процедур и требований к качеству предоставляемых социальных благ (например, пригодности земельных участков и жилых помещений), а также ответственности должностных лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей;

– необходимо расширение гарантий судебной защиты: появление разъяснений высших судов по ключевым вопросам применения законодательства о социальной защите, допущение взыскания компенсации за длительное неисполнение обязанности по предоставлению мер защиты (поддержки), обеспечение реального исполнения судебных решений;

– необходим мониторинг эффективности мер социальной защиты (поддержки) с использованием современных цифровых инструментов, что позволило бы своевременно выявлять проблемы правоприменения и корректировать законодательство. По верному замечанию Д.А. Басангова, цифровизация в праве (в том числе в контексте правового мониторинга и управления) представляет собой самостоятельное направление развития, требующее методологического осмысления [15; 16; 23; 24; 25]. Опыт цифровизации процедуры предоставления значимых социальных услуг в России и Вьетнаме – это не только вопрос эффективности, но и вопрос доступности социальных гарантий для их получателей.

В заключение отметим, что меры социальной защиты (поддержки) представляют собой сложную, внутренне неоднородную систему (как страховой, так и бюджетной направленности), включающую денежные выплаты, натуральные предоставления, льготы и преимущества. Правовая природа таких мер определяется сочетанием принципов адресности и всеобщности социального обеспечения, противопоставление которых снижает эффективность социальной защиты, что находит отражение в правоприменительной практике.

Таким образом, эффективность правового регулирования в заданной области общественных отношений может быть достигнута не количеством установленных льгот и гарантий, а их системностью, терминологической определённостью, ресурсной обеспеченностью, процедурной доступностью и правом на судебную защиту. Только комплексный подход позволит превратить меры социальной защиты (поддержки) из декларативных и перманентных социальных гарантий в реально действующий инструмент обеспечения достойной жизни и социальной справедливости.

Список литературы:

[1] Антонова Н. В. Направления совершенствования законодательства о бюджетном пособии на ребенка // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 82-86.

[2] Антонова Н. В. Правовое регулирование социальной защиты и социального обеспечения участников СВО и членов их семей: общее состояние и перспективы развития / Н. В. Антонова // Образование и право. – 2025. – № 5. – С. 68-81.

[3] Басангов Д. А. Комментарий к Федеральному закону от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»: (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 266-ФЗ): (постатейный) / Д. А. Басангов ; Д. А. Басангов ; отв. ред. Л. В. Андриченко. – Москва: Юстицинформ, 2007. – 176 с.

[4] Антонова Н.В., Астаева М.Г. Оценочные понятия в праве социального обеспечения (теоретико- правовой аспект) // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: Сборник научных трудов, Москва, 25 сентября 2019 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. – С. 241-246.

[5] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. Новая реальность социального обеспечения: актуальные направления реализации двухмерной стратегии МОТ // Образование и право. – 2025. – № 10. – С. 94-102.

[6] Антонова Н.В., Басангов Д.А. Меры социальной защиты в Российской Федерации: приоритет двухмерной стратегии МОТ? // Юридическое образование - путь к успеху: Материалы междуна-

родной научно-практической конференции, посвященной 30-летию юридического факультета Московского гуманитарного университета, Москва, 13 ноября 2025 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2025. – С. 99-106.

[7] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. Меры социальной защиты: всеобщность и (или) адресность? // Международный научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 60-67.

[8] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. Цифровизация современной культуры правотворчества: сравнительно-правовой анализ опыта Российской Федерации и социалистической Республики Вьетнам // Образование и право. – 2026. – № 6. – С. 529-539.

[9] Антонова Н.В., Басангов Д.А., Хьеу Б.Д. Трансформация культуры правотворчества в России и Вьетнаме: взаимодействие правовых традиций и цифровых технологий // Российский научный вестник. – 2026. – № 6. – С. 128-138.

[10] Антонова Н.В., Еремина О.Ю. Особенности трансформации прав лиц с семейными обязанностями на социальные выплаты в условиях перманентного научно-технологического развития // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 245-258.

[11] Антонова Н.В., Еремина О.Ю. Система долговременного ухода как институт социального обслуживания: российский и зарубежный опыт // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2022. – № 4. – С. 38-49.

[12] Антонова Н.В., Пашенцев Д.А. Социальная поддержка семей с детьми в Российской Федерации и Республике Беларусь: проблемы совершенствования // Трудовое и социальное право. – 2023. – № 3(47). – С. 40-45.

[13] Антонова Н.В., Чирикова О.А. Правовой обычай в отношениях по социальному обеспечению: вопросы теории и практики // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9, № 1(37). – С. 43-49.

[14] Басангов Д.А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ: специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Басангов Денис Анатольевич. – Москва, 2004. – 22 с.

[15] Басангов Д.А. Развитие высоких технологий в соотношении с обеспечением конституционных прав личности / Д. А. Басангов // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность : Материалы VI Международной научно-практической конференции , Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 20-24.

[16] Басангов Д.А. Цифровизация в праве Евразийского экономического союза: правовой мониторинг и вопросы методологии / Д. А. Басангов // Образование и право. – 2025. – № 5. – С. 118-127.

[17] Галаганов В.П., Антонова Н.В. Право социального обеспечения: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп.. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2021. – 612 с.

[18] Лыонг М. Х. Система социального обеспечения Вьетнама: достижения, новые вызовы и перспективы развития // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2019. – Т. 32, № 2. – С. 100-105.

[19] Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях гибридного правоприменения / А. Н. Савенков, М. А. Камболов, И. А. Дроздов [и др.]. – Москва: Институт государства и права РАН, 2025. – 464 с.

[20] Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации / А. Н. Савенков, М. А. Камболов, И. А. Дроздов [и др.]. – Москва: Институт государства и права РАН, 2024. – 430 с.

[21] Пашенцев, Д. А. Социальная функция государства в современных условиях // Вестник Академии права и управления. – 2017. – № 3(48). – С. 89-93.

[22] Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Преодоление бедности в России: исторический опыт и современные тенденции правового регулирования // Образование и право. – 2018. – № 9. – С. 317-323.

[23] Степанов О.А., Басангов Д.А. Цифровая трансформация управленческой сферы деятельности в регионах Российской Федерации / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 50-58.

[24] Степанов О.А., Басангов Д.А. О правовой регламентации цифрового контроля жизнедеятельности личности // Российская юстиция. – 2026. – № 5. – С. 69-80.

[25] Степанов О. А., Басангов Д. А. Обзор возможностей использования цифровых технологий в целях противодействии коррупции // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 49-54.

[26] Социальные выплаты в Российской Федерации: межотраслевой подход к правовому регулированию : Научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, А. В. Белякова, О. Ю. Еремина [и др.]. – Москва : Издательство Проспект, 2021. – 192 с.

[27] Усова О.А., Грищук В.А. Социальная под-

держка различных категорий населения в Российской Федерации: эффективность, проблемы функционирования системы // Общество, экономика, управление. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 18-23.

[28] Luật Bảo hiểm xã hội 2024 (Закон о социальном страховании 2024 года) // Cổng thông tin điện tử Chính phủ nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. URL: https://vanban.chinhphu.vn (дата обращения: 13.09.2026).

[29] Nghị định 176/2025/NĐ-CP về trợ cấp hưu trí xã hội (Постановление № 176/2025 о социальной пенсионной выплате) // Cổng thông tin điện tử Chính phủ nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. URL: https://vanban.chinhphu.vn (дата обращения: 13.09.2026).

[30] Nghị định 335/2026/NĐ-CP về điều chỉnh mức trợ cấp hưu trí xã hội (Постановление № 335/2026 о повышении размера социальной пенсионной выплаты) // Cổng thông tin điện tử Chính phủ nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam. URL: https://vanban.chinhphu.vn (дата обращения: 13.09.2026).

[31] Social security developments and trends – Europe 2024. ISSA. URL: https://www.issa.int/html/developments-trends-Europe2024/ (дата обращения: 13.09.2026).

[32] Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации2 и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

[33] Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 8.

[34] Классификатор (перечень) мер социальной защиты (поддержки) Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (вместе с рекомендациями по применению), URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/1/294916-klassifikator-mer-sotsialnoy-zashchity-podderzhki#I1 (дата обращения: 13.09.2026).

[35] Подробная информация о последних ежемесячных выплатах социальных пособий во Вьетнаме (дата обращения – 5 октября 2026 г.) // Газета «Дан Три», URL: https://www.vietnam.vn/ru/chi-tiet-muc-tro-cap-xa-hoi-hang-thang-moi-nhat (дата обращения: 13.09.2026).

[36] Развитие науки и техники, инноваций и цифровой трансформации в сфере социального страхования во Вьетнаме период 2026-2030 годов, URL: https://www.vietnam.vn/ru/phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-va-chuyen-doi-so-ve-bao-hiem-xa-hoi-giai-doan-2026-2030 (дата обращения: 13.09.2026).

[37] Определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2026 г. № 946-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации городского округа город Тверь Тверской области на нарушение конституционных прав подпунктом 6 статьи 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=887253 (дата обращения: 13.09.2026).

[38] Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2026 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 статьи 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации, пунктов 4, 5 и 6 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», части 2 статьи 9 Закона Иркутской области «О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность граждан» в связи с жалобой администрации городского округа муниципального образования города Братска Иркутской области». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530561/ (дата обращения: 13.09.2026).

[39] Putilo N.V., Volkova N.S., Antonova N.V. Robotization in the area of labor and employment: On the verge of the fourth industrial revolution // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 60-75.

References:

[1] Antonova N. V. Directions for Improving Legislation on Budget-Funded Child Allowances // Gaps in Russian Legislation. – 2017. – No. 5. – pp. 82–86.

[2] Antonova N. V. Legal Regulation of Social Protection and Social Security for Participants in the Special Military Operation (SMO) and Their Family Members: Current Status and Prospects for Development / N. V. Antonova // Education and Law.

– 2025. – No. 5. – pp. 68–81.

[3] Basangov D. A. Commentary on Federal Law No. 4528-1 of February 19, 1993, "On Refugees" (as amended by Federal Law No. 266-FZ of December 30, 2006): (Article-by-Article Commentary) / D. A. Basangov; Ed. by L. V. Andrichenko. – Moscow: Yustitsinform, 2007. – 176 p.

[4] Antonova N. V., Astaeva M. G. Evaluative Concepts in Social Security Law (Theoretical and Legal Aspect) // The Language of Law-Making in the Context of the Digitalization of Social Relations: Collection of Scientific Papers, Moscow, September 25, 2019. – Moscow: INFRA-M Scientific Publishing Center LLC, 2019. – pp. 241–246.

[5] Antonova N. V., Basangov D. A., Bui D. Kh. The New Reality of Social Security: Current Directions for Implementing the ILO's Two-Dimensional Strategy // Education and Law. – 2025. – No. 10. – pp. 94–102.

[6] Antonova N.V., Basangov D.A. Social Protection Measures in the Russian Federation: A Priority for the ILO's Two-Dimensional Strategy? // Legal Education – A Path to Success: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Faculty of Law at Moscow University for the Humanities, Moscow, November 13, 2025. – Moscow: Moscow University for the Humanities, 2025. – pp. 99–106.

[7] Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.H. Social Protection Measures: Universality and/or Targeted Support? // International Scientific Bulletin. – 2025. – No. 11. – pp. 60–67.

[8] Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.H. Digitalization of Modern Law-Making Culture: A Comparative Legal Analysis of the Experience of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam // Education and Law. – 2026. – No. 6. – pp. 529–539.

[9] Antonova N.V., Basangov D.A., Hieu B.D. Transformation of Law-Making Culture in Russia and Vietnam: The Interaction Between Legal Traditions and Digital Technologies // Russian Scientific Bulletin. – 2026. – No. 6. – pp. 128–138.

[10] Antonova N.V., Eremina O.Yu. Specifics of the Transformation of Rights to Social Benefits for Individuals with Family Responsibilities in the Context of Ongoing Scientific and Technological Development // Education and Law. – 2023. – No. 8. – pp. 245–258.

[11] Antonova N.V., Eremina O.Yu. The Long-Term Care System as an Institution of Social Service: Russian and International Experience // Black Holes in Russian Legislation. – 2022. – No. 4. – pp. 38–49.

[12] Antonova N.V., Pashentsev D.A. Social Support for Families with Children in the Russian Federation and the Republic of Belarus: Issues of Improvement // Labor and Social Law. – 2023. – No. 3(47). – pp. 40–45.

[13] Antonova N.V., Chirikova O.A. Legal Custom in Social Security Relations: Theoretical and Practical Issues // Economics. Law. Society. – 2024. – Vol. 9, No. 1(37). – pp. 43–49.

[14] Basangov D.A. Doctrinal Constitutional Interpretation in the Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation: Specialty 12.00.02 "Constitutional Law; Constitutional Judicial Process; Municipal Law": Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences / Basangov Denis Anatolyevich. – Moscow, 2004. – 22 p.

[15] Basangov D.A. The Development of High Technologies in Relation to Ensuring the Constitutional Rights of the Individual / D. A. Basangov // The Life of Law: Legal Theory, Legal Tradition, and Legal Reality: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 19, 2021. – Krasnodar: Kuban State University, 2021. – pp. 20–24.

[16] Basangov D. A. Digitalization in the Law of the Eurasian Economic Union: Legal Monitoring and Methodological Issues / D. A. Basangov // Education and Law. – 2025. – No. 5. – pp. 118–127.

[17] Galaganov V. P., Antonova N. V. Social Security Law: Textbook. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: KnoRus Publishing House LLC, 2021. – 612 p.

[18] Luong M. H. Vietnam's Social Security System: Achievements, New Challenges, and Development Prospects // Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. – 2019. – Vol. 32, No. 2. – pp. 100–105.

[19] Interdisciplinary Protection of Labor and Social Rights in the Context of Hybrid Law Enforcement / A. N. Savenkov, M. A. Kambolov, I. A. Drozdov [et al.]. – Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2025. – 464 p.

[20] Interdisciplinary Protection of Labor and Social Rights in the Context of Social Transformation / A. N. Savenkov, M. A. Kambolov, I. A. Drozdov [et al.]. – Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – 430 p.

[21] Pashentsev, D. A. The Social Function of the State in Modern Conditions // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2017. – No. 3(48). – pp. 89-93.

[22] Pashentsev, D. A., Zaloilo, M. V. Overcoming Poverty in Russia: Historical Experience and Modern Trends in Legal Regulation // Education and Law. – 2018. – No. 9. – pp. 317-323.

[23] Stepanov, O. A., Basangov, D. A. Digital Transformation of the Management Sphere in the

Regions of the Russian Federation / O. A. Stepanov, D. A. Basangov // Russian Justice. – 2023. – No. 7. – pp. 50-58.

[24] Stepanov, O. A., Basangov, D. A. On the Legal Regulation of Digital Control Over an Individual's Life Activities // Russian Justice. – 2026. – No. 5. – pp. 69-80.

[25] Stepanov, O. A., Basangov, D. A. An Overview of the Potential for Using Digital Technologies to Counteract Corruption // Russian Journal of Legal Studies. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – pp. 49-54.

[26] Social Payments in the Russian Federation: An Interdisciplinary Approach to Legal Regulation : A Scientific-Practical Handbook / N. V. Antonova, A. V. Belyakova, O. Yu. Eremina [et al.]. – Moscow : Prospekt Publishing House, 2021. – 192 p.

[27] Usova, O. A., Grishchuk, V. A. Social Support for Various Population Groups in the Russian Federation: Effectiveness and Operational Challenges of the System // Society, Economy, Management. – 2019. – Vol. 4, No. 1. – pp. 18–23.

[28] Law on Social Insurance 2024 // Government Portal of the Socialist Republic of Vietnam. URL: https://vanban.chinhphu.vn (accessed: 13.09.2026).

[29] Decree No. 176/2025/ND-CP on Social Pension Benefits // Government Portal of the Socialist Republic of Vietnam. URL: https://vanban.chinhphu.vn (accessed: 13.09.2026).

[30] Decree No. 335/2026/ND-CP on Adjusting the Amount of Social Pension Benefits // Government Portal of the Socialist Republic of Vietnam. URL: https://vanban.chinhphu.vn (accessed: 13.09.2026).

[31] Social security developments and trends – Europe 2024. ISSA. URL: https://www.issa.int/html/developments-trends-Europe2024/ (accessed: 13.09.2026).

[32] Federal Law No. 122-FZ of August 22, 2004, "On Amending Legislative Acts of the Russian Federation and Repealing Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Laws 'On Amendments and Additions to the Federal Law "On General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation"' and 'On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation'" // Collected Legislation of the Russian Federation (SZ RF). 2004. No. 35. Art. 3607.

[33] Federal Law No. 388-FZ of December 29, 2015, "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Accounting for and Improvement of the Provision of Social Support Measures, Based on the Obligation to Observe the Principle of Targeted Provision and the Application of Need-Based Criteria" // Collected Legislation of the Russian Federation (SZ RF). 2016. No. 1 (Part I). Art. 8.

[34] Classifier (List) of Social Protection (Support) Measures of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation (including recommendations for application), URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/1/294916-klassifikator-mer-sotsialnoy-zashchity-podderzhki#l1 (accessed: September 13, 2026).

[35] Detailed information on the latest monthly social welfare payments in Vietnam (accessed: October 5, 2026) // *Dân Trí* newspaper, URL: https://www.vietnam.vn/ru/chi-tiet-muc-tro-cap-xa-hoi-hang-thang-moi-nhat (accessed: September 13, 2026).

[36] Development of Science, Technology, Innovation, and Digital Transformation in the Social Security Sector in Vietnam (2026–2030), URL: https://www.vietnam.vn/ru/phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-va-chuyen-doi-so-ve-bao-hiem-xa-hoi-giai-doan-2026-2030 (accessed: 13.09.2026).

[37] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 16, 2026, No. 946-O "On the Refusal to Accept for Consideration a Complaint Filed by the Administration of the Tver Urban District (Tver Region) Regarding the Violation of Constitutional Rights by Subparagraph 6 of Article 39.5 of the Land Code of the Russian Federation, in Conjunction with Article 16 of the Federal Law 'On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation'." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=887253 (accessed: 13.09.2026).

[38] Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 2, 2026, No. 20-P "In the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Subparagraph 6 of Article 39.5 of the Land Code of the Russian Federation; Clauses 4, 5, and 6 of Part 1 of Article 16 of the Federal Law 'On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation'; and Part 2 of Article 9 of the Law of the Irkutsk Region 'On the Free Provision of Land Plots into the Ownership of Citizens,' in Connection with a Complaint Filed by the administration of the urban district of the municipality of the City of Bratsk, Irkutsk Region." // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530561/ (accessed: 13.09.2026).

[39] Putilo N.V., Volkova N.S., Antonova N.V. Robotization in the area of labor and employment: On the verge of the fourth industrial revolution // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 60-75.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-209-215
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ОЛИМЗОДА Джомии Джамшед,
Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя,
Москва, Россия,
e-mail: jomii.olimzoda@mail.ru

ОРУЖИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена возрастанием угроз общественной безопасности, связанных с оборотом оружия, а также наличием пробелов и терминологической неопределенности в регулировании его как источника повышенной опасности в праве Российской Федерации и Республики Таджикистан. Несмотря на развитие законодательства, сохраняется необходимость выработки единых подходов к квалификации оружия и определению гражданско-правовой ответственности за причиненный вред.*

Целью статьи является проведение сравнительно-правового анализа правового режима оружия как источника повышенной опасности в указанных государствах, выявление проблем регулирования и разработка предложений по его совершенствованию.

Материалы и методы. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. В качестве эмпирической базы использованы нормы российского и таджикского законодательства, судебная практика, статистические данные и современные научные источники.

В результате исследования установлено, что российское законодательство характеризуется более высокой степенью нормативной определенности за счет закрепления презумпции отнесения оружия к источникам повышенной опасности и применения режима безвиновной ответственности. В Республике Таджикистан аналогичный подход реализуется преимущественно через правоприменение при более строгом ограничении гражданского оборота оружия. Выявлены ключевые проблемы: отсутствие легальной дефиниции источника повышенной опасности, размытость понятийного аппарата, недостаточная регламентация ответственности в отдельных ситуациях, а также ограниченность механизмов компенсации вреда.

В заключение обоснована необходимость унификации терминологии, введения обязательного страхования гражданско-правовой ответственности владельцев оружия и совершенствования механизмов контроля. Уникальность исследования заключается в интеграции сравнительного анализа с практико-ориентированными предложениями, направленными на формирование целостной модели регулирования, обеспечивающей баланс частных и публичных интересов в сфере оборота оружия.

Ключевые слова: *оружие, источник повышенной опасности, гражданско-правовая ответственность, незаконный оборот оружия, возмещение вреда, безопасность.*

Для цитирования: *Олимзода Д. Д. Оружие как источник повышенной опасности в праве Российской Федерации и Республики Таджикистан // Образование и право. 2026. № 10. С. 209–215.*

OLIMZODA Jomii Jamshed,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot',
Moscow, Russia

WEAPONS AS A SOURCE OF INCREASED DANGER IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Annotation. *The relevance of the study is due to the increasing threats to public safety associated with arms trafficking, as well as the presence of gaps and terminological uncertainty in regulating it as a source of increased danger in the law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Despite the development of legislation, there remains a need to develop unified approaches to the qualification of weapons and the definition of civil liability for harm caused.*

The purpose of the article is to conduct a comparative legal analysis of the legal regime of weapons as a source of increased danger in these states, identify regulatory problems and develop proposals for its improvement.

Materials and methods. The paper uses formal legal, comparative legal and systematic methods. The norms of Russian and Tajik legislation, judicial practice, statistical data and modern scientific sources are used as an empirical basis.

As a result of the study, it was found that Russian legislation is characterized by a higher degree of regulatory certainty due to the consolidation of the presumption of attributing weapons to sources of increased danger and the application of a regime of innocent responsibility. In the Republic of Tajikistan, a similar approach is implemented mainly through law enforcement with stricter restrictions on the civilian circulation of weapons. Key problems have been identified: the lack of a legal definition of the source of increased danger, the vagueness of the conceptual framework, insufficient regulation of liability in certain situations, as well as limited mechanisms for compensation for harm.

In conclusion, the necessity of unifying terminology, introducing compulsory insurance of civil liability of gun owners and improving control mechanisms is substantiated. The uniqueness of the study lies in the integration of comparative analysis with practice-oriented proposals aimed at forming a holistic regulatory model that ensures a balance of private and public interests in the field of arms trafficking.

Key words: *weapons, source of increased danger, civil liability, illicit arms trafficking, compensation for damage, public safety.*

For citation: *Olimzoda D. D. Weapons as a source of increased danger in the law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Education and law. 2026;(10):209–215. (In Russ.).*

Оружие традиционно рассматривается в юридической доктрине как объект, обладающий повышенной степенью опасности для окружающих. Его применение способно причинить тяжкий вред жизни и здоровью людей, что обуславливает необходимость особого правового режима обращения с ним. В последние годы проблема оборота оружия приобрела особую остроту в связи с ростом угроз общественной безопасности. Например, в Республике Таджикистан, пережившей вооруженный гражданский конфликт, по данным МВД за 30 лет из незаконного оборота изъято свыше 39 тысяч единиц огнестрельного оружия [4], а в одной лишь кампании 2016 г. за 20 дней у населения было конфисковано 250 единиц оружия [4]. Несмотря на длительную политику разоружения населения со времен окончания конфликта (указ о всеобщем изъятии оружия у населения был принят еще в 1994 г.), власти по-прежнему выражают обеспокоенность значительным количеством нелегального оружия на руках у граждан. В 2014 г. в Республике Таджикистан были внесены поправки в законодательство, обязывающие изъять из гражданского оборота также и травматическое оружие – шаг, продиктованный стремлением минимизировать случаи его неправомерного применения.

В Российской Федерации актуальность ужесточения контроля за оружием возросла на фоне резонансных преступлений с его использованием (включая случаи массовой стрельбы). В 2022 г. на фоне общегосударственных вызовов было отмечено резкое (почти на 30%) увеличение числа преступлений, совершенных с использованием оружия и боеприпасов, однако благодаря усилению мер контроля в январе-сентябре 2023 г. наблюдалось снижение таких преступлений на 5,7% [6]. При этом руководство страны отмечает приток нелегального оружия с территорий вооруженных конфликтов и ставит задачу укрепления нормативной базы в сфере оборота оружия.

Повышенная опасность оружия обусловлена как его поражающими свойствами, так и невозможностью полного контроля над последствиями его использования. В юридической доктрине понятие «источник повышенной опасности» описывает деятельность или объекты, эксплуатация которых связана с высоковероятным риском причинения вреда, несмотря на принимаемые меры предосторожности. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 2010 г. разъясняется, что под источником повышенной опасности понимается любая деятельность, создающая повышенную вероятность причинения вреда вследствие невозможности полного контроля со стороны человека, а также деятельность по

использованию предметов, обладающих такими свойствами. Оружие, безусловно, подпадает под данное определение.

При этом в научных кругах отсутствует единое мнение относительно точного содержания этого понятия и критериев отнесения тех или иных объектов к источникам повышенной опасности. Ученые указывают на необходимость законодательного закрепления четкой дефиниции источника повышенной опасности, поскольку ныне действующее регулирование грешит неопределенностью терминологии (в том числе таких понятий, как «владелец источника повышенной опасности», «деятельность, представляющая повышенную опасность», «вина потерпевшего» и др.) [1, с. 315; 5, с. 148]. Отсутствие разъяснений по этим вопросам в постановлениях высших судебных инстанций приводит к неоднородности практики и дискуссиям в доктрине.

Таким образом, существует объективная проблема: как в законодательстве, так и в правоприменении Российской Федерации и Республики Таджикистан необходимо достижение баланса между правами добросовестных владельцев оружия и обеспечением безопасности общества, устранение пробелов и противоречий в регулировании ответственности за ущерб от оружия.

Законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан традиционно относит оружие к объектам, ограниченным в гражданском обороте, устанавливая специальные условия владения и использования. Оба государства дают сходные легальные определения понятию *«оружие»*. Так, Федеральный закон РФ «Об оружии» № 150-ФЗ от 13.12.1996 г. определяет оружие как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Аналогичное определение содержится в Законе Республики Таджикистан «Об оружии» № 939 от 19.03.2013 г. (ст. 1).

Оба определения включают такую дополнительную функцию, как подача сигналов. Однако следует отметить неоднозначность этого признака: очевидно, что не всякое оружие по своей природе предназначено для подачи сигналов (например, холодное оружие явно не имеет сигнального назначения) [7, с. 108-111]. Тем не менее, наличие данного элемента в дефиниции подчеркивает широкий охват понятия оружия в законах обеих стран.

Ключевой характеристикой оружия с точки зрения гражданского права является то, что оно рассматривается в качестве источника повышенной опасности. В российском законодательстве содержится прямое на это указание. Таджикский законодатель приводит лишь примерный перечень опасной деятельности: эксплуатация транспортных средств, механизмов, электроэнергии высокого напряжения, взрывчатых веществ и т.п.

В 2021 г.: российский законодатель напрямую закрепил особый режим оружия. Согласно поправкам, внесенным Федеральным законом № 231-ФЗ от 28.06.2021 г., любое оружие по умолчанию считается источником повышенной опасности. Это означает, что теперь на уровне закона устранены возможные разночтения – владение оружием автоматически влечет применение режима повышенной опасности. Как следствие, владелец оружия несет обязанность возместить вред, причиненный его оружием, независимо от наличия вины.

Обозначенный принцип отражает установленную ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) норму об ответственности владельца источника повышенной опасности в виде строгой (безвиновной) ответственности: вред, причиненный источником повышенной опасности, подлежит возмещению владельцем независимо от его вины. Исключения возможны лишь в случаях действия непреодолимой силы или умысла потерпевшего, что прямо предусмотрено законом. Так, например, если владелец оставил ружье без присмотра, и посторонний случайно выстрелом из него повредил чужое имущество, ответственность перед потерпевшим все равно понесет владелец оружия.

Таким образом, законодательное закрепление оружия в качестве источника повышенной опасности в Российской Федерации устранило неопределенность, ранее существовавшую в судебной практике (когда суды должны были каждый раз решать, относится ли конкретный предмет к источнику опасности).

В Республике Таджикистан аналогичная норма содержится в ст. 1204 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ). И хотя напрямую оружие там не упоминается, тем не менее, подход таджикских судов также основан на признании оружия объектом повышенной опасности с вытекающей объективной ответственностью владельца.

Более того, законодательство Республики Таджикистан изначально отличается большей строгостью в части допустимости владения оружием гражданами. Закон РТ «Об оружии» устанавливает, что боевое оружие полностью выведено из гражданского оборота – его обращение разрешено только для нужд силовых структур по особым постановлениям правительства. Гражданскому же обороту подлежит ограниченный перечень видов оружия (охотничье огнестрельное гладкоствольное и спортивное оружие, некоторые виды пнев-

матического, газового оружия и т.д.), при этом сразу после принятия закона 2013 г. в стране продолжилось ужесточение режима. С 2014 г. полностью запрещено гражданское травматическое оружие – ранее выданные лицензии на так называемое «оружие ограниченного поражения» были аннулированы, и оборот травматических пистолетов прекращен. Кроме того, в Республике Таджикистан запрещено ношение холодного оружия, а также любых ножей и колюще-режущих предметов вне специально предусмотренных случаев [2].

Для сравнения, в Российской Федерации гражданским лицам разрешено владение охотничьим огнестрельным оружием (в том числе нарезным – после 5 лет стажа обладания гладкоствольным), спортивным, холодным клинковым оружием для национальных костюмов, газовыми баллончиками и ограниченно – травматическим оружием самообороны (с 21 года). В обеих странах установлен возрастной ценз 21 год для получения лицензии на оружие (в РФ после реформ 2021 г., за исключением отдельных категорий граждан, таких как прошедшие военную службу). Владелец оружия обязан получить соответствующее разрешение органов внутренних дел (в Российской Федерации – подразделения Росгвардии, в Республике Таджикистан – милиции МВД). Закон требует надлежащих условий хранения оружия и предусматривает проверки. Например, в Российской Федерации введена обязательная периодическая проверка условий хранения оружия по месту жительства, создается Федеральный кадастр оружия и его владельцев [3]. В Республике Таджикистан каждое приобретенное оружие также должно быть зарегистрировано, а о продаже, дарении или выводе оружия из владения владелец обязан уведомлять органы внутренних дел.

Поскольку оружие признано источником повышенной опасности, особое значение имеет механизм компенсации причиненного с его помощью вреда. Гражданское законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан устанавливает принцип, по которому *владелец оружия несет ответственность перед потерпевшими вне зависимости от своей вины.* Это правило стимулирует владельцев к максимально осторожному обращению с оружием.

Следует, однако, учитывать различные ситуации причинения вреда: оружие может оказаться в чужих руках, быть использовано в рамках служебной деятельности, либо применено самим владельцем для защиты. Закон предусматривает специальные подходы к таким ситуациям. Так, если вред причинен сотрудником организации при обращении с оружием (например, полицейским при исполнении служебных обязанностей), то обязанность возмещения вреда возлагается не на самого сотрудника, а на соответствующую организацию (работодателя). Это следует из общих норм о материальной ответственности юридического лица за действия своих работников (ст. 1068 ГК РФ, ст. 1193 ГК РТ) и подтверждается позицией судебной практики: сотрудник, использующий служебное оружие, не признается «владельцем источника повышенной опасности» в контексте гражданско-правовой ответственности, таким владельцем считается ведомство или организация, которому принадлежит оружие. Например, ущерб, причиненный правомерным применением табельного огнестрельного оружия сотрудником полиции, подлежит возмещению за счет государства (соответствующего бюджета), а не из личных средств стрелявшего сотрудника. Данный подход обеспечивает защиту потерпевших, одновременно не ставя полицейских и иных сотрудников перед риском непосильной личной ответственности при исполнении долга.

Другой важный аспект – причинение вреда при самообороне. Закон допускает правомерное применение оружия гражданами в состоянии необходимой обороны, однако устанавливает пределы таковой. Превышение пределов необходимой обороны может влечь не только освобождение владельца оружия от гражданско-правовой ответственности (поскольку вред причинен при обстоятельствах, исключающих противоправность деяния), но и наступление для него уголовной ответственности. В Российской Федерации нередки случаи, когда гражданин, применивший оружие против преступника, сам становился обвиняемым по ст. 108 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Убийство при превышении пределов обороны» или ст. 114 УК РФ «Причинение тяжкого вреда при превышении обороны»). Аналогичные нормы есть и в Уголовном кодексе Республики Таджикистан (далее – УК РТ), а именно в ст.ст. 107, 114 УК РТ).

Правоприменительная практика обеих стран показывает схожесть подходов: факты явной обороны иногда трактуются как превышение, что указывает на необходимость более четких критериев правомерности самообороны с оружием. Владение оружием возлагает на гражданина повышенную ответственность и требует знаний норм самообороны, чтобы защитник не был впоследствии привлечен к ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

Помимо гражданско-правовой ответственности, закон предусматривает и уголовно-правовые санкции в сфере обращения с оружием. Так, в Российской Федерации целый ряд составов (ст.ст. 222, 223, 226 УК РФ и др.) устанавливает наказание

за незаконное приобретение, сбыт, хранение, ношение, изготовление оружия и боеприпасов. Аналогичные нормы предусматриваются и в таджикском законодательстве: например, ст. 195 УК РТ предусматривает ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, соотносимую по сути со ст. 222 УК РФ.

Таким образом, лица, нарушающие установленный разрешительный порядок владения оружием или использующие оружие в преступных целях, несут уголовную ответственность (вплоть до лишения свободы).

Административное законодательство дополняет эту систему мерами ответственности за менее опасные правонарушения (нарушение правил хранения, ношения, несвоевременное уведомление органов о приобретении или продаже оружия и т.п. ведет к штрафам или конфискации оружия) [2].

В целом, российская и таджикская правовые системы исповедуют комплексный подход к обеспечению безопасности в сфере оборота оружия: сочетание гражданско-правовых механизмов (обязательная ответственность владельца за вред, страхование риска), административного надзора (лицензирование, учет оружия, проверки условий хранения), а также уголовно-правовых запретов и наказаний за незаконные деяния – все это направлено на минимизацию угроз общественной безопасности.

Несмотря на постоянное развитие законодательства, остаются нерешенные вопросы. Одним из таких является терминологическая недостаточность. Как отмечалось, термин «источник повышенной опасности» до сих пор не закреплен законодательствах обоих государств отдельным определением [1, с. 314]. В результате его толкование основывается на примерах и разъяснениях судебных органов, что не всегда обеспечивает единообразие.

Необходимо унифицировать обозначенное понятие на законодательном уровне, возможно, принятием специального закона, регулирующего условия возмещения вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Такой закон мог бы детально определить критерии отнесения объектов к числу опасных, распределение ответственности между различными субъектами (например, владельцем оружия и лицом, непосредственно его применившим, если это разные люди), особенности компенсации вреда при групповых инцидентах и т.д.

Кроме того, дискуссионным остается вопрос о корректности формулировок действующего закона. Так, следует отметить размытость понятия «владелец источника опасности» применительно к случаям аренды или временного пользования оружием. В этой связи заслуживает внимания новелла российского законодательства 2023 г., вводящая правовой механизм временной передачи оружия: теперь охотник-владелец оружия может официально передать свое оружие другому лицу для использования в охоте на ограниченный срок при соблюдении ряда условий (наличие у получателя охотничьего билета, совместное нахождение с владельцем, оформление акта передачи). Эта мера восполняет пробел, ранее существовавший в практике (когда неформальная передача ружья товарищу по охоте могла трактоваться как незаконная). Однако подобное регулирование требует развития: целесообразно предусмотреть более широкие возможности контролируемого временного пользования оружием (например, в спортивных тирах, при обучении обращению с оружием) с четкими критериями ответственности в таких случаях.

Отдельный вопрос – введение обязательного страхования гражданской ответственности владельцев оружия. Речь идет о том, чтобы каждый владелец огнестрельного оружия был обязан оформить страховой полис, покрывающий ущерб, который может быть причинен третьим лицам в результате неосторожного обращения с оружием. Подобно тому, как уже давно реализовано обязательное страхование ответственности автовладельцев (ОСАГО) для автотранспорта, страхование ответственности владельцев оружия могло бы создать дополнительный экономический стимул к соблюдению правил безопасности и обеспечить гарантированную компенсацию потерпевшим в случае несчастных случаев. На данный момент ни в Российской Федерации, ни в Республике Таджикистан такой обязанности нет; вопрос о ее введении требует тщательной оценки – в частности, определения размера страховых сумм, порядка выплаты по страховке при умышленных преступлениях с оружием и пр. Тем не менее, учитывая повышенную общественную опасность оружия, эта идея выглядит перспективной.

Наконец, следует упомянуть о международном опыте и сотрудничестве. Проблема нелегального распространения оружия носит трансграничный характер. Обе рассматриваемые страны участвуют в глобальных и региональных инициативах по противодействию незаконному обороту оружия. Так, Российская Федерация ратифицировала Протокол ООН по огнестрельному оружию (2001 г.) и реализует меры экспортного контроля. Республика Таджикистан, граничащая с нестабильным Афганистаном, активизировала взаимодействие с соседними государствами по перекрытию каналов контрабанды оружия. Обмен информацией, совместные операции силовых структур

и приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами – важные направления работы, снижающие риски поступления оружия в преступный оборот.

Кроме того, особую актуальность для Республики Таджикистан имеет продолжающаяся кампания по добровольной сдаче населением незаконно хранящегося оружия (предоставление амнистии и вознаграждений сдающим оружие). За последние годы регулярно проводятся профилактические операции МВД, такие как операция «Нож» в Душанбе в 2019-2024 гг., в ходе которой изымались тысячи единиц холодного оружия у граждан [2]. Только за одну неделю августа 2024 г. столичная полиция конфисковала у нелегальных торговцев и прохожих 20 тыс. единиц различных ножей, кастетов, дубинок и других запрещенных предметов. Это наглядно демонстрирует масштаб проблемы и решимость властей ее пресечь.

Российский опыт также свидетельствует, что комплексный подход – сочетание превентивных мер, просвещения граждан об ответственности, ужесточение наказаний за оружейные преступления и одновременное облегчение процедуры добровольной сдачи оружия – способен дать положительные результаты в виде снижения преступности, связанной с оружием.

Таким образом, оружие объективно представляет собой источник повышенной опасности, и правовые системы Российской Федерации и Республики Таджикистан исходят из необходимости специального регулирования этого объекта. Несмотря на различия в деталях законодательства, в целом прослеживается единая концепция: право на владение оружием неразрывно связано с повышенной ответственностью его владельца перед обществом.

Российское законодательство в последнее пятилетие претерпело существенные изменения, направленные на повышение безопасности: обновленный ФЗ «Об оружии» прямо называет оружие источником повышенной опасности; усилены требования к возрасту, здоровью и благонадежности владельцев; введены новые меры контроля (цифровой реестр, проверки условий хранения и пр.).

Республика Таджикистан, учитывая собственный исторический опыт и сохраняющиеся риски, изначально выстроила более жесткий режим: значительно сужен круг видов оружия, доступных гражданам, действуют тотальные запреты на определенные категории оружия (травматическое, холодное) и регулярно проводятся мероприятия по разоружению населения.

В ходе исследования выявлены проблемы, связанные с отсутствием законодательного определения источника повышенной опасности и связанных понятий; наличием терминологических неточностей, которые могут затруднять правоприменение (например, спорное выражение «действие деятельности» в тексте норм); недостаточностью дифференциации ответственности в особых ситуациях (например, причинение вреда при самообороне или при использовании оружия третьими лицами).

Для решения обозначенных проблем предлагается комплекс мер.

1) Следует развивать институт гражданско-правовой ответственности владельцев оружия: рассмотреть вопрос о введении обязательного страхования ответственности, что обеспечило бы гарантию возмещения ущерба потерпевшим и стимулировало более ответственное обращение с оружием.

2) Продолжить совершенствование контрольных механизмов – как административных (усовершенствование системы учета оружия, лицензирования, медицинского контроля за владельцами), так и профилактических. Необходимо усиливать просветительскую работу среди владельцев оружия о правилах безопасного обращения и пределах самообороны, поскольку от уровня правовой культуры напрямую зависит безопасность.

3) Сохранять фокус на пресечении незаконного оборота оружия: опыт обеих стран показывает, что пролонгированные кампании по изъятию нелегального оружия, ужесточение наказаний за контрабанду и сбыт, межгосударственное сотрудничество (особенно актуальное для Республики Таджикистан, граничащей с зонами повышенного риска) дают ощутимый эффект по снижению вооруженной преступности.

Таким образом, на основе сравнительного анализа российского и таджикского законодательства сформулированы конкретные предложения по его совершенствованию с учетом современных вызовов. Реализация указанных рекомендаций позволит укрепить режим законного оборота оружия, повысить уровень общественной безопасности и одновременно соблюсти законные права граждан и организаций. Баланс между правом на оружие и безопасностью общества может быть достигнут лишь при условии эффективного правового регулирования и строгого контроля, дополняемых высокой правовой культурой и ответственностью самих владельцев оружия.

Список литературы:

[1] Алгазин И. И., Корючина И. А. Правовое понятие «источник повышенной опасности» // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3.

С. 313-322.

[2] Аслонова Н. Операция «Нож»: В Душанбе изъято 20 тысяч единиц холодного оружия // Asia+. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/laworder/20240808/operatsiya-nozh-v-dushanbe-izyato-20-tisyach-edinits-holodnogo-oruzhiya (дата обращения: 14.09.2026).

[3] В России появится официальный кадастр оружия и патронов. Что он будет из себя представлять // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/07/15/ruzhpark-kultury.html (дата обращения: 14.09.2026).

[4] В Таджикистане увеличился незаконный оборот оружия. Диалог (новостной портал). 01.02.2016 // Диалог. Таджикистан и мир. URL: https://dialog.tj/world/foundation/v-tadzhikistane-uvelichilsya-nezakonnyy-oborot-oruzhiya (дата обращения: 14.09.2026).

[5] Макаров П. А., Санин С. Д. Источник повышенной опасности: понятие и применение в судебной практике // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 145-149.

[6] Путин сообщил, что в Россию с территории Украины нелегально попадает оружие // ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/19134149 (дата обращения: 14.09.2026).

[7] Титов С. Д. Сигнальное оружие: определение правового статуса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1 (15). С. 108-111.

References:

[1] Algazin I. I., Koryuchina I. A. The Legal Concept of a "Source of Increased Danger" // Siberian Legal Review. 2023. No. 3. pp. 313–322.

[2] Aslonova N. Operation "Knife": 20,000 Edged Weapons Seized in Dushanbe // Asia+. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/laworder/20240808/operatsiya-nozh-v-dushanbe-izyato-20-tisyach-edinits-holodnogo-oruzhiya (accessed: 14.09.2026).

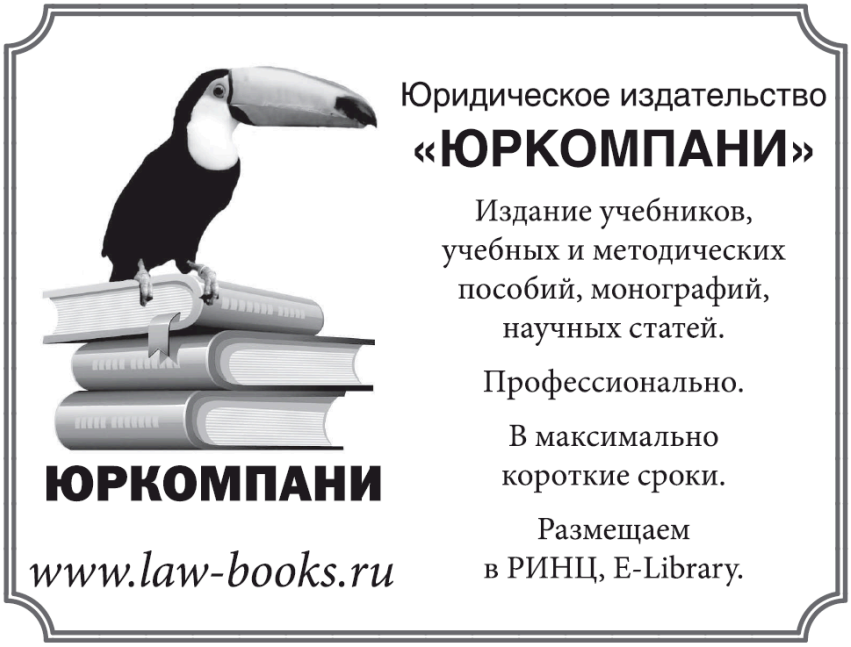
[3] Russia to Introduce an Official Cadastre of Weapons and Ammunition: What Will It Entail? // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2025/07/15/ruzhpark-kultury.html (accessed: 14.09.2026).

[4] Illegal Arms Trafficking on the Rise in Tajikistan. Dialog (news portal). 01.02.2016 // Dialog. Tajikistan and the World. URL: https://dialog.tj/world/foundation/v-tadzhikistane-uvelichilsya-nezakonnyy-oborot-oruzhiya (accessed: 14.09.2026).

[5] Makarov P. A., Sanin S. D. Source of Increased Danger: Concept and Application in Judicial Practice // Issues of Russian Justice. 2025. No. 37. pp. 145–149.

[6] Putin stated that weapons are entering Russia illegally from the territory of Ukraine // TASS. URL: https://tass.ru/politika/19134149 (accessed: 14.09.2026).

[7] Titov S. D. Signal weapons: defining their legal status // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2011. No. 1 (15). pp. 108–111.



ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-216-221
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ПЕТУХОВА Марина Вениаминовна,
кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и экономической теории,
Академия Государственной противопожарной службы
МЧС России,
Москва, Россия,
e-mail: mpetukhova1945@mail.ru

КОКОРЕВ Александр Васильевич,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,
e-mail: avkokorev@fa.ru

ШАЛЬКОВА Валерия Анатольевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и экономической теории,
Академия Государственной противопожарной службы
МЧС России,
Москва, Россия,
e-mail: 7783704@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается история экономических реформ в России от конца XIX века до современного периода. Особое внимание уделено трансформационным процессам постсоветского времени, начавшимся в 1991 году с распадом СССР и переходом от плановой экономики к рыночной. Анализируются ключевые этапы реформирования: либерализация цен и ваучерная приватизация начала 1990-х годов, финансовый кризис и дефолт 1998 года, период экономической стабилизации и роста 2000–2008 годов, институциональные реформы в сфере денежно-кредитной политики, санкционное давление с 2014 года и политика импортозамещения, экономические последствия пандемии COVID-19, а также трансформация экономики после начала специальной военной операции в 2022 году. Исследование базируется на анализе эволюции концептуальных подходов к реформированию российской экономики и оценке практических результатов реализованных преобразований. Делается вывод о циклическом характере модернизационных процессов в России и определяющей роли взаимодействия экономических, политических и социальных факторов в определении траектории экономического развития страны.*

Ключевые слова: *экономические реформы, история экономики России, либерализация цен, приватизация, дефолт, плановая экономика, рыночная экономика, денежно-кредитная политика, санкционное давление, импортозамещение, экономический рост.*

Для цитирования: *Петухова М. В., Кокорев А. В., Шалькова В. А. Экономические реформы в истории России // Образование и право. 2026. № 10. С. 216–221.*

PETUKHOVA Marina Veniaminovna,
professor in the Department of History and Economic Theory,
State Fire Academy of EMERCOM of Russia,
Moscow, Russia

KOKOREV Alexander Vasilievich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Economic Theory,
Financial University under the Government of the
Russian Federation,
Moscow, Russia

SHALKOVA Valeria Anatolyevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department
of History and Economic Theory,
Academy of the State Fire Service EMERCOM of Russia
Moscow, Russia

ECONOMIC REFORMS IN THE HISTORY OF RUSSIA

Annotation. *The article examines the history of economic reforms in Russia from the end of the 19th century to the modern period. Special attention is paid to the transformation processes of the post-Soviet period, which began in 1991 with the collapse of the USSR and the transition from a planned economy to a market economy. The key stages of the reform are analyzed: price liberalization and voucher privatization in the early 1990s, the financial crisis and default in 1998, the period of economic stabilization and growth in 2000-2008, institutional reforms in the field of monetary policy, sanctions pressure since 2014 and import substitution policy, the economic consequences of the COVID-19 pandemic, as well as the transformation of the economy after the start of a special military operation in 2022. The research is based on an analysis of the evolution of conceptual approaches to the reform of the Russian economy and an assessment of the practical results of the implemented transformations. The conclusion is made about the cyclical nature of modernization processes in Russia and the determining role of the interaction of economic, political and social factors in determining the trajectory of the country's economic development.*

Key words: *economic reforms, economic history of Russia, price liberalization, privatization, default, planned economy, market economy, monetary policy, sanctions pressure, import substitution, economic growth.*

For citation: *Petukhova M. V., Kokorev A. V., Shalkova V. A. Economic reforms in the history of Russia. Education and law. 2026;(10):216–221. (In Russ.).*

Экономическая история России представляет собой последовательность масштабных преобразовательных усилий, направленных на преодоление отставания от наиболее развитых стран и обеспечение устойчивого хозяйственного роста. Каждый из реформационных циклов — будь то великие реформы 1860-х годов, столыпинская аграрная реформа, нэповский эксперимент, косыгинские преобразования или рыночная трансформация 1990-х — ставил перед собой задачу качественного обновления хозяйственного механизма. Однако результаты этих усилий неизменно оказывались далеки от первоначальных замыслов, а социальная цена преобразований нередко превышала ожидаемую.

Данная статья не ставит целью исчерпывающее описание всех реформационных эпизодов. Её задача - выявление устойчивых закономерностей, повторяющихся проблем и структурных ограничений, которые определяли ход и исход экономических реформ в России независимо от исторической эпохи и политического устройства. Такой подход позволяет рассматривать реформы не как череду разрозненных событий, а как целостный процесс, обладающий внутренней логикой и воспроизводящимися противоречиями.

Одним из наиболее значимых этапов экономического реформирования в дореволюционной России стала денежная реформа Сергея Юльевича Витте, осуществлённая в 1895–1897 годах. Данная реформа установила золотой стандарт рубля, ввела свободный обмен кредитных билетов на золото и провела девальвацию национальной валюты, что способствовало притоку иностранных капиталов и ускорению промышленного роста. Введение золотого стандарта повысило доверие к рублю на международных финансовых рынках и создало благоприятные условия для индустриализации страны. В начале XX века продолжилась модернизация аграрного сектора в рамках столыпинских реформ, направленных на создание класса частных земельных собственников и повыше-

ние производительности сельского хозяйства. Эти преобразования заложили основы для формирования рыночных отношений в аграрной сфере, хотя их реализация была прервана событиями Первой мировой войны и революционными потрясениями 1917 года [6; 9; 10].

В советский период экономические реформы носили ограниченный характер ввиду доминирования плановой системы хозяйствования. Тем не менее, отдельные реформаторские инициативы оказали существенное влияние на развитие экономики. В 1920-е годы была реализована политика Новой экономической политики (НЭП), предполагавшая временное допущение рыночных элементов и частной инициативы в условиях восстановления экономики после Гражданской войны.

В 1965–1970 годах при председателе Совета Министров СССР Алексее Николаевиче Косыгине была проведена экономическая реформа, направленная на перевод предприятий и колхозов на хозрасчёт и расширение их самостоятельности. Косыгинская реформа способствовала росту советской экономики в период восьмой пятилетки (1966–1970 годы) и стимулировала развитие крупных инфраструктурных проектов, таких как Байкало-Амурская магистраль, Волжский автомобильный завод, Камский автомобильный завод и нефтепровод «Дружба». Однако дальнейшее углубление реформ было ограничено идеологическими и политическими факторами.

К концу 1980-х годов советская экономика оказалась в состоянии глубокого системного кризиса, характеризовавшегося хроническим дефицитом товаров народного потребления, снижением темпов экономического роста, растущим бюджетным дефицитом и неконтролируемым ростом денежной массы. В этих условиях в октябре 1991 года Верховный Совет РСФСР утвердил экономическую программу, разработанную группой молодых реформаторов во главе с Егором Гайдаром, которая предусматривала радикальный переход от плановой экономики к рыночной. Основными элементами программы Гайдара стали либерализация цен, то есть освобождение цен от государственного регулирования, и приватизация — передача государственной собственности в частные руки. 2 января 1992 года были отпущены оптовые и розничные цены, за исключением цен на регулируемые товары, такие как хлеб, молоко и транспортные услуги, которые были повышены государством. Это решение, известное как «шоковая терапия», положило начало решительному переходу от советского планового народного хозяйства к постсоветской рыночной экономике [5].

Либерализация цен, проведённая в начале 1992 года, немедленно привела к резкому скачку инфляции, что стало одним из наиболее болезненных последствий реформ для населения. Миллионы россиян в одночасье оказались за чертой бедности, поскольку их сбережения, накопленные в советский период, были обесценены гиперинфляцией. Тем не менее, сторонники реформ утверждали, что в конкретных политических и экономических условиях конца 1991 года был невозможен другой подход к осуществлению преобразований. Одновременно с либерализацией цен правительство Гайдара разрешило гражданам и компаниям совершать валютные операции, что ознаменовало начало либерализации внешнеэкономической деятельности. Эти меры, хотя и вызвали значительные социальные издержки, создали базовые институты рыночной экономики и заложили фундамент для последующих структурных реформ [1; 7].

С 1 октября 1992 года в России началась масштабная программа приватизации государственной собственности, автором которой стал Анатолий Борисович Чубайс. Каждому гражданину РСФСР был выдан приватизационный чек, известный как «ваучер», дававший право на получение части государственной собственности. Ваучерная приватизация представляла собой беспрецедентный в мировой истории эксперимент по одновременной передаче огромного массива государственных активов в частные руки.

Программа приватизации осуществлялась в два основных этапа: «малая приватизация» объектов торговли и услуг и «большая приватизация» промышленных предприятий через систему приватизационных купонов. К середине 1990-х годов значительная часть государственной собственности перешла в частные руки, что способствовало формированию класса собственников и созданию основ рыночной экономики. Однако масштабная приватизационная кампания 1995–1996 годов, известная как «залоговые аукционы», вызвала широкую общественную критику и способствовала концентрации собственности в руках ограниченного круга лиц, получивших впоследствии название «олигархи». Критики приватизации указывали на то, что многие ценные активы были проданы по ценам, значительно ниже их рыночной стоимости, что привело к огромным потерям для государственного бюджета и способствовало социальному расслоению общества. Тем не менее, сторонники реформ утверждали, что приватизация была необходима для разрушения монополии государственной собственности и создания условий для развития конкурентной рыночной среды [2; 11].

Параллельно с либерализацией цен и приватизацией правительство Гайдара осуществляло реорганизацию финансовой и банковской систе-

мы страны. Была проведена налоговая реформа, заложившая основы современной налоговой системы России. Началась работа по созданию двухуровневой банковской системы, в которой Центральный банк России выполнял функции мегарегулятора, а коммерческие банки обслуживали потребности предприятий и населения. Программа финансовой стабилизации, разработанная в октябре 1991 года, к середине 1992 года потерпела неудачу на главном направлении: не удалось добиться сбалансированности бюджета и остановить инфляцию, хотя были осуществлены важные структурные реформы, включая начало программы приватизации, налоговую реформу и переход к внутренней конвертируемости рубля. Высокая инфляция сохранялась на протяжении всех 1990-х годов, что создавало значительные трудности для экономического планирования и долгосрочных инвестиций.

Кульминацией экономических трудностей 1990-х годов стал финансовый кризис и дефолт 1998 года, который признан главным экономическим кризисом в новейшей истории России. Случившийся летом 1998 года финансовый «взрыв» напрямую связан как с тяжестью перехода от плановой социалистической экономики к экономике рыночной, так и с ошибками, сделанными на этом пути. Толчок к возникновению кризиса дали два внешних фактора: резкое снижение мировых цен на товары топливно-энергетического комплекса, составлявших основную статью российского экспорта, и вспыхнувший в середине 1997 года кризис в Юго-Восточной Азии, обваливший курсы национальных валют Малайзии, Индонезии, Бангладеш, Бирмы и Таиланда. Эти внешние шоки усугубили внутренние структурные проблемы российской экономики, прежде всего хронический бюджетный дефицит [3; 9].

Непосредственной причиной принятия решений от 17 августа 1998 года стало отсутствие у Правительства Российской Федерации средств, необходимых для исполнения своих долговых обязательств по государственным краткосрочным облигациям (ГКО) и облигациям федерального займа (ОФЗ), а также резкое ухудшение условий привлечения для этого новых займов. Комиссия Совета Федерации, расследовавшая обстоятельства дефолта, установила, что причиной возникновения долгового кризиса стало «завышение доходности ГКО — ОФЗ практически с первых же месяцев их размещения, что привело к осуществлению „пирамидального“ принципа обслуживания накапливаемого государственного долга, согласно которому для погашения обязательств по уже размещённым ГКО — ОФЗ производилась эмиссия новых займов». 17 августа 1998 года правительство России объявило о следующих мерах: расширение валютного коридора, что фактически означало девальвацию рубля; девальвация рубля по отношению к доллару; объявление дефолта по внутренним обязательствам (ГКО, ОФЗ); отказ поддерживать курс рубля дальше. В период с 17 августа по 17 ноября 1998 года доллар к рублю по курсу Центрального банка Российской Федерации подорожал на 167,1 процента.mirros.

Последствия дефолта 1998 года оказались крайне тяжёлыми для российской экономики и населения. Уровень инфляции по итогам 1998 года составил 84,5 процента против 11 процентов в 1997 году. Произошло резкое падение реальных доходов и уровня жизни населения, обесценивание рубля, спад производства. Экономика упала более чем в два раза, рубль — более чем в три. Одним из главных последствий решения 17 августа стала неуправляемая трёхкратная девальвация рубля, следствием которой стал взрывной рост цен. Дефолт 1998 года имел и долгосрочные последствия для доверия в российской экономике. Итогами этих двух кризисов во многом стало недоверие: народа — к власти, власти — к частному бизнесу. Тем не менее, парадоксальным образом кризис 1998 года создал условия для последующего экономического восстановления, поскольку девальвация рубля повысила конкурентоспособность российских товаров на внутреннем и внешнем рынках [6].

После финансового кризиса и дефолта 1998 года, вызванного несвоевременным и ошибочным исполнением реформ 1990-х годов, в России начался период устойчивого экономического роста. С 2000 года экономическое развитие страны определялось результатами ранее проведённых реформ и экономической политикой правительства Михаила Касьянова.

В 2000-е годы были реализованы дополнительные институциональные реформы, направленные на совершенствование экономической системы. Важным этапом стала налоговая реформа, в ходе которой была введена плоская шкала налога на доходы физических лиц в размере 13 процентов, что способствовало легализации доходов и расширению налоговой базы. Была проведена монетизация льгот, заменившая натуральные льготы денежными выплатами. В этот период было введено бюджетное правило, по которому нефтегазовые доходы при цене нефти выше 20 долларов за баррель направлялись в стабилизационный фонд, что позволило накопить значительные финансовые резервы и снизить зависимость бюджета от конъюнктуры нефтяного рынка. Высокие цены на нефть в 2000-е годы способствовали быстрому росту экономики, увеличе-

нию реальных доходов населения и укреплению макроэкономической стабильности.

В последующие годы были реализованы дополнительные институциональные реформы, направленные на совершенствование денежно-кредитной политики. С ноября 2014 года Центральный банк России перешёл к политике плавающего валютного курса, отменив регулярные валютные интервенции. С начала 2015 года Банк России внедрил режим инфляционного таргетирования, что позволило повысить предсказуемость монетарной политики и снизить инфляционные ожидания. Эти реформы позволили Банку России более эффективно реагировать на внешние шоки и поддерживать макроэкономическую стабильность. Переход к плавающему курсу рубля обеспечил автоматическую адаптацию экономики к изменениям внешних условий, а инфляционное таргетирование способствовало последовательному снижению инфляции до однозначных значений [4; 10].

Новый этап в истории экономических реформ России начался в 2014 году после присоединения Крыма и начала конфликта на востоке Украины, что привело к введению западных санкций против российских компаний, банков и физических лиц. Санкционное давление ограничило доступ российских эмитентов к международным рынкам капитала, затруднило импорт высокотехнологичной продукции и создало дополнительные вызовы для экономического развития. В ответ на санкционное давление российское правительство запустило политику импортозамещения, направленную на развитие отечественного производства и снижение зависимости от импорта. Были приняты меры поддержки сельского хозяйства, промышленности и других отраслей экономики. Особое внимание уделялось развитию агропромышленного комплекса, что позволило России не только обеспечить продовольственную безопасность, но и стать крупным экспортёром сельскохозяйственной продукции.

Глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, охватившая мир в 2020–2021 годах, нанесла серьёзный удар по российской экономике. Введение ограничительных мер, направленных на сдерживание распространения вируса, привело к временному закрытию многих предприятий сферы услуг, торговли и общественного питания. По итогам 2020 года российская экономика продемонстрировала спад, хотя его масштабы оказались меньше, чем во многих других странах. Правительство России приняло беспрецедентные меры поддержки экономики и населения, включая прямые выплаты семьям с детьми, субсидии предприятиям, пострадавшим от пандемии, и расширение программ льготного кредитования. Эти меры позволили смягчить социальные последствия кризиса и ускорить восстановление экономики в 2021 году.

24 февраля 2022 года Россия начала специальную военную операцию на территории Украины, что привело к резкому ужесточению санкционного давления со стороны западных стран. Были введены масштабные санкции против финансовой системы, энергетического сектора, промышленности и транспортных компаний России. Многие западные компании объявили об уходе с российского рынка, были заморожены значительные активы Банка России за рубежом. В ответ на эти вызовы российское правительство осуществило комплекс мер по адаптации экономики к новым условиям. Были введены ограничения на движение капитала, повышены ключевые процентные ставки для стабилизации финансовой системы, запущены программы поддержки импортозамещения в критически важных отраслях. Произошла переориентация внешнеэкономических связей с западных стран на государства Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки.

Экономика России продемонстрировала неожиданную устойчивость к санкционному давлению. Благодаря накопленным в предыдущие годы резервам, гибкости экономической политики и способности бизнеса адаптироваться к изменяющимся условиям удалось избежать коллапса финансовой системы и обеспечить положительную динамику экономического роста в последующие годы. Произошла структурная трансформация экономики, ускорилось развитие отечественных производств в различных отраслях [8].

Таким образом, история экономических реформ в России демонстрирует циклический характер модернизационных процессов, обусловленный взаимодействием экономических, политических и социальных факторов. От денежных реформ конца XIX века до трансформации 1990-х годов и институциональных преобразований начала XXI века российское государство последовательно стремилось адаптировать экономическую систему к вызовам времени. При этом эффективность реформ во многом определялась не только теоретической обоснованностью предлагаемых мер, но и способностью реформаторских команд обеспечить политическую поддержку и социальную приемлемость преобразований. Современный этап экономического развития России характеризуется поиском новой модели роста в условиях санкционного давления, геополитической нестабильности и структурных изменений в мировой экономике. Успех дальнейших реформ будет зависеть от способности государства и об-

щества найти баланс между необходимостью модернизации экономики и обеспечением социальной стабильности, между интеграцией в мировую экономику и защитой национальных экономических интересов.

Список литературы:

[1] Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 448 с.

[2] Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности / В. А. Мау. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2016. — 488 с.

[3] Стрижкова Л. А. Экономика России в 2020–2022 годах: переход на новую модель развития / Л. А. Стрижкова // Вопросы статистики. — 2023. — Т. 30, № 4. — С. 6–23.

[4] Лымарь М., Реентович А., Синяков А. Экономика экспортера-сырья в «новой реальности»: количественные и структурные параметры / М. Лымарь, А. Реентович, А. Синяков // Вопросы экономики. — 2022. — № 12. — С. 44–71.

[5] Андреев М. Ю., Полбин А. В. Оценка макроэкономических эффектов от ожидаемого сокращения нефтегазовых доходов / М. Ю. Андреев, А. В. Полбин // Вопросы экономики. — 2023. — № 4. — С. 5–28.

[6] Компаративный анализ экономических реформ в России и Китае // Экономические отношения. — 2023. — Т. 13, № 1. — С. 1–18.

[7] Экономика России в условиях рестрикций, пандемии COVID-19 и санкционного давления / А. В. Бузгалин [и др.] // Экономические отношения. — 2025. — Т. 15, № 1. — С. 1–22.

[8] Глухова О. С., Щесняк К. Е. Влияние кризиса 1998 года на деятельность российских коммерческих банков в условиях трансформации рыночной модели экономики / О. С. Глухова, К. Е. Щесняк // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1-1. — С. 800.

[9] Остапенко В. М. Финансовый кризис 1998 года в России: истоки и итоги / В. М. Остапенко // Современная экономика: проблемы и решения. — 2014. — № 5. — С. 70–85.

[10] Марченко А. В. Антикризисная политика в России после дефолта 1998 года: исторические уроки / А. В. Марченко // Проблемы современной экономики. — 2017. — № 4 (64). — С. 69–72.

[11] Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 гг. // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2024. — № 3. — С. 45–62.

References:

[1] Gaidar E. T. Death of the Empire. Lessons for modern Russia / E. T. Gaidar. — 2nd ed., rev. and additional - Moscow: ROSSPEN, 2006. - 448 p.

[2] Mau V. A. Crises and lessons. Russian Economy in an Era of Turbulence / V. A. Mau. - Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2016. - 488 p.

[3] Strizhkova L. A. Russian Economy in 2020–2022: transition to a new model of development / L. A. Strizhkova // Questions of Statistics. - 2023. - T. 30, No. 4. - P. 6–23.

[4] Lymar M., Reentovich A., Sinyakov A. Economics of a raw material exporter in the “new reality”: quantitative and structural parameters / M. Lymar, A. Reentovich, A. Sinyakov // Questions of Economics. - 2022. - No. 12. - P. 44–71.

[5] Andreev M. Yu., Polbin A. V. Assessment of macroeconomic effects from the expected reduction in oil and gas income / M. Yu. Andreev, A. V. Polbin // Questions of Economics. - 2023. - No. 4. - P. 5–28.

[6] Comparative analysis of economic reforms in Russia and China // Economic relations. - 2023. - T. 13, No. 1. - P. 1–18.

[7] The Russian Economy Amidst Restrictions, the COVID-19 Pandemic, and Sanctions Pressure / A. V. Buzgalin [et al.] // Economic Relations. — 2025. — Vol. 15, No. 1. — pp. 1–22.

[8] Glukhova O. S., Shchesnyak K. E. The Impact of the 1998 Crisis on the Operations of Russian Commercial Banks During the Transformation of the Market Economic Model / O. S. Glukhova, K. E. Shchesnyak // Modern Problems of Science and Education. — 2015. — No. 1-1. — p. 800.

[9] Ostapenko V. M. The 1998 Financial Crisis in Russia: Origins and Outcomes / V. M. Ostapenko // Modern Economy: Problems and Solutions. — 2014. — No. 5. — pp. 70–85.

[10] Marchenko A. V. Anti-Crisis Policy in Russia Following the 1998 Default: Historical Lessons / A. V. Marchenko // Problems of the Modern Economy. — 2017. — No. 4 (64). — pp. 69–72.

[11] The Labor Market and Employment in Russia, 2020–2024 // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. — 2024. — No. 3. — pp. 45–62.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-222-228

САВИНА Елена Александровна,
аспирант отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства,
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации (ИЗиСП)»,
Ведущий специалист-эксперт отдела законодательства,
Главного управления Минюста России по Москве,
Член ассоциации историков права,
e-mail: elena.sa93@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КОДИФИКАЦИИ В РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКОЕ ПРАВО

Аннотация. *В статье предложена авторская концепция эволюции кодификационной традиции России в советский период через призму институциональной преемственности правовой формы. Обосновывается тезис о том, что советская кодификация не являлась разрывом с дореволюционной моделью, а представляла собой её структурную трансформацию при смене идеологического основания. Показано, что сохранение отраслевой систематизации, деления на Общую и Особенную части, а также научной подготовки проектов кодексов свидетельствует о преемственности юридической техники. Вместе с тем изменение социально-политической направленности законодательства привело к обновлению нормативного содержания и формированию двухуровневой федеративной модели кодификации. Делается вывод о диалектическом сочетании устойчивости правовой формы и изменчивости её идеологического наполнения как ключевой особенности советского этапа развития российского законодательства.*

Ключевые слова: *кодификация, правовая традиция, советское право, преемственность, юридическая техника, федерализм, систематизация законодательства, Основы законодательства, кодекс, институциональная трансформация.*

Для цитирования: *Савина Е. А. Исторические традиции кодификации в России и их влияние на советское право // Образование и право. 2026. № 10. С. 222–228.*

SAVINA Elena Aleksandrovna,
Postgraduate Student, Department of Theory of Law
and Interdisciplinary Studies of Legislation,
Federal State Research Institution “Institute of Legislation
and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation” (ILCL),
Leading Specialist-Expert, Legislation Department,
Main Directorate of the Ministry of Justice
of the Russian Federation for Moscow,
Member of the Association of Legal Historians

HISTORICAL TRADITIONS OF CODIFICATION IN RUSSIA AND THEIR INFLUENCE ON SOVIET LAW

Annotation. *The article presents the author’s concept of the evolution of the Russian codification tradition during the Soviet period through the prism of institutional continuity of legal form. It is argued that Soviet codification did not constitute a rupture with the pre-revolutionary model but rather represented its structural transformation under new ideological foundations. The preservation of branch systematization, the division into General and Special Parts, and the scientific preparation of draft codes demonstrate continuity in legal technique. At the same time, the shift in socio-political orientation led to a substantive renewal of legal regulation and to the formation of a*

two-level federal model of codification. The study concludes that the Soviet stage of Russian legal development was characterized by a dialectical combination of stability in legal form and variability in ideological content.

Key words: *codification, legal tradition, Soviet law, continuity, legal technique, federalism, systematization of legislation, Fundamentals of legislation, code, institutional transformation.*

For citation: *Savina E. A. Historical traditions of codification in Russia and their influence on Soviet law. Education and law. 2026;(10):222–228. (In Russ.).*

Введение

Изучение кодификационных процессов в первые годы советской власти является важным для понимания исторических основ формирования отечественного права. Ранний советский период характеризовался сочетанием революционных идей и преемственности дореволюционной юридической техники, что проявилось в проектах «Руководящих начал» 1919 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Историческая традиция российской кодификации определяла системность, пандектную структуру и научно-доктринальное сопровождение законодательства, тогда как идеологические установки нового государства трансформировали содержание правовых норм. В дальнейшем федеративная модель СССР сформировала двухуровневую систему законодательства, в которой союзный центр устанавливал общие начала, а республики принимали отраслевые кодексы. Анализ кодификационного опыта 1920–1960-х гг. позволяет проследить преемственность структурных форм, научного подхода к проектированию права и стремление к унификации, что имеет значение для понимания исторической эволюции советского и современного российского законодательства. Цель статьи - выявить ключевые механизмы взаимодействия дореволюционных традиций и революционного правотворчества в формировании советской кодификации и показать их роль в становлении отраслевых кодексов.

Вопрос кодификации в первые годы советской власти невозможно рассматривать вне исторической традиции систематизации права, сложившейся в Российской империи. Уже в дореволюционный период кодификационные проекты - от «Свода законов» до отраслевых уложений - формировали устойчивую модель правового упорядочения, основанную на идее целостного нормативного корпуса с внутренней логикой и иерархией. [13] Эта традиция, несмотря на революционный разрыв 1917 г., оказала существенное влияние на формирование советской правовой системы, включая уголовное право.

В первые месяцы советской власти предусматривалось создание «Свода законов Российской революции», который должен был заменить имперский Свод. Как отмечал П.И. Стучка, прежнее законодательство символически отвергалось, однако сама идея систематизированного собрания норм свидетельствовала о сохранении кодификационного типа правового мышления. [2] Наибольшая проработка касалась судоустройства и уголовного права, при этом использовались дореволюционные источники - Судебные уставы 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г., что демонстрирует преемственность юридико-технических конструкций.

Реализация универсального Свода не состоялась: партийное руководство настаивало на формировании принципиально новой системы права. Вследствие этого была принята стратегия подготовки систематических собраний действующих актов, последующего принятия отраслевых кодексов и регулярного обновления законодательства.

В декабре 1917 г. Наркомат юстиции инициировал проект Советского уголовного уложения как переходного документа между имперским и новым правопорядком. Уже к марту 1918 г. был подготовлен проект, во многом воспроизводивший положения Уголовного уложения 1903 г. и дополненный декретами советской власти. [12]

Ситуация усложнилась в годы Гражданской войны, когда наркомат возглавили П.И. Стучка, затем Д.И. Курский. На первый план вышла идея уголовного права, основанного на социалистическом правосознании и принципах революционной законности. Декрет от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР» предписывал руководствоваться социалистическим правосознанием при отсутствии законодательства, что обозначило усиление идеологического критерия правоприменения.

Тем не менее традиция кодификации сохранялась как инструмент институционализации власти. В.И. Ленин подчёркивал необходимость систематизации законодательства для функционирования государства, что сформировало требования к структуре, языку и логике нормативных актов. Существенным этапом стала частичная кодификация в форме «Руководящих начал по уголовному праву» 1919 г., подготовленных П.И. Стучкой, М.Ю. Козловским, Д.И. Курским и другими. [10] Документ выполнял функцию кодифицированной Общей части уголовного права, сочетая революционную идеологию с элементами дореволюционной юридической техники - системным делением на главы, формулировкой дефиниций, структури-

рованием норм.

«Руководящие начала» закрепляли понятие преступления, цели и виды наказаний, институты стадии совершения преступления и соучастия, основы условного осуждения. При этом сохранялись принципы классической школы уголовного права, включая личную вину и недопустимость наказания малолетних и душевнобольных.

Закреплённый в «Руководящих началах» перечень наказаний носил примерный характер, что свидетельствовало о сохранении значительной судейской дискреции и отказе от имперского принципа строгой определённости. [5] Вместе с тем объединение ключевых институтов Общей части в едином акте отражало преемственность кодификационного метода, характерного для российской правовой традиции. Новый этап кодификационной работы был связан с XI Всероссийской конференцией РКП(б) (1921 г.), которая придала кодификации статус партийной директивы и подчеркнула необходимость регулирования новых социально-экономических отношений. В период НЭПа возросла потребность в нормативной стабильности, поскольку фрагментарная регламентация «Руководящих начал» уже не соответствовала задачам централизованного государства. [9]

Усиление государственной вертикали требовало унификации судебной практики и чёткого определения оснований ответственности. Д.И. Курский настаивал на концепции «революционной законности» как основе новой системы права, сочетавшей строгую ответственность с укреплением пролетарского суда. Проект Уголовного кодекса РСФСР 1920-1922 гг. создавался в условиях дефицита квалифицированных юристов, что осложняло соблюдение требований законодательной техники. Тем не менее общая схема кодекса, предложенная М.Ю. Козловским, сохраняла пандектную систематику дореволюционной кодификации.

В разработке Общей части УК РСФСР 1922 г. значительную роль сыграл Д.И. Курский, а проект мыслился как модельный акт для унификации уголовного законодательства союзных республик. [5] Обсуждение проходило на съездах работников юстиции, в губернских отделах и научных учреждениях, включая Институт советского права, с участием М.М. Исаева, что свидетельствует о включении доктринального компонента в кодификационный процесс. Дискуссии 1921-1922 гг. выявили противоречие между сторонниками строгой кодификации и защитниками «революционного правосознания» [8]. Итоговая редакция кода закрепила пандектную структуру - Общую и Особенную части - и стала первым завершённым отраслевым кодексом советского периода. УК 1922 г. отличался компактностью и лаконичностью, а подготовленный научно-практический комментарий обеспечивал формирование устойчивой доктринальной среды. Концептуально значительное влияние оказала социологическая школа уголовного права, идеи «опасного состояния» трансформировались в учение о «социально опасной личности», что предопределило институты рецидива и мер воспитательного воздействия. Общая часть закрепила классово окрашенное определение преступления через категорию общественной опасности и вины, сохранив пандектную структуру и форму институтов дореволюционной систематики [3].

Термин «наказание» использовался как мера социальной защиты, демонстрируя напряжение между юридической традицией и идеологическими установками. В сфере вины и покушения сохранялась преемственность с Уложением 1903 г., однако введение норм о мерах к «социально опасным элементам» показывало расширение превентивного начала. [17] Особенная часть продолжила группировку составов по объекту посягательства, при этом приоритет государственных преступлений и дефиниция контрреволюционного деяния отражали идеологическую политизацию уголовного права при сохранении дореволюционной техники кодификации.

Юридико-технически кодекс отличался более высокой степенью формализации санкций по сравнению с «Руководящими началами» 1919 г., переходом от примерного перечня к системе относительно определённых наказаний, что подчёркивал М.Н. Гернет. Одновременно сохранялись элементы дискреции, связанные с аналогией закона и категорией «опасного состояния», что впоследствии вызвало критику [11].

В целом УК РСФСР 1922 г. стал важнейшим этапом эволюции отечественной кодификационной традиции. Он подтвердил устойчивость российской модели отраслевой систематизации и научного сопровождения законодательного процесса, но наполнил её иным социально-политическим содержанием. Тем самым советская уголовная кодификация продемонстрировала не разрыв, а трансформацию исторической традиции: сохранение формы при радикальном обновлении нормативной идеологии. [18]

Проблема исторической преемственности российской кодификации в 1920-1930-е гг. требует выхода за пределы традиционной схемы «разрыв - преемственность». Представляется методологически продуктивным рассматривать советскую кодификацию не как отрицание дореволюционной модели и не как её простое продолжение, а как феномен структурной трансформации правовой формы при идеологической переориентации со-

держания [6]. Иначе говоря, в рассматриваемый период произошло не разрушение кодификационной традиции, а её институциональная адаптация к новому типу государственности [4].

В дореволюционной России кодификация развивалась в логике юридического рационализма, ориентированного на системность, иерархичность и формальную определённость норм. Эта логика получила концентрированное выражение в Свод законов Российской империи, который закрепил представление о праве как о внутренне упорядоченной системе, поддающейся научной обработке и нормативной унификации. Существенно, что в рамках этой модели кодификация рассматривалась не только как технический, но и как государственно-политический акт: она обеспечивала управляемость огромной имперской территории через унификацию правового пространства.

Советская власть, декларируя разрыв с «буржуазным правом», фактически унаследовала именно этот - системно-организационный - аспект кодификационной культуры. Уже сам факт создания специализированных органов по систематизации законодательства свидетельствует о том, что новая власть осознавала необходимость нормативной централизации. Однако принципиальное отличие заключалось в ином понимании функций права. Если дореволюционная кодификация стремилась стабилизировать сложившиеся общественные отношения, то советская кодификация выступила инструментом их трансформации [14].

В этой связи предлагается выделить три уровня эволюции кодификационной традиции в 1920-1930-е гг.

Первый уровень - формально-структурный. Советские кодексы начала 1920-х гг. воспроизводят классическую отраслевую модель, характерную для континентальной правовой семьи: деление на общую и особенную части, иерархия источников, систематическая группировка институтов. Эта конструкция не была «буржуазной» по своей природе; она являлась универсальной формой юридической рациональности. Таким образом, структурная преемственность оказалась глубже идеологического разрыва.

Второй уровень - функционально-целевой. В дореволюционной модели право выполняло преимущественно охранительную и регулятивную функции.

В советской концепции 1920-х гг. оно стало средством социального конструирования. Кодекс превратился из акта фиксации существующего порядка в нормативный проект будущего. Именно поэтому кодификация в условиях НЭПа имела двойственный характер: она одновременно стабилизировала экономический оборот и задавала границы допустимой частной инициативы.

Третий уровень - идеологико-доктринальный. Советская правовая теория исходила из классовой обусловленности права. Однако на практике кодификационная деятельность неизбежно опиралась на научные методы систематизации, разработанные ещё дореволюционной юриспруденцией. Возник своеобразный парадокс: при отрицании прежней теоретической базы использовались её понятийные инструменты. Тем самым сформировалась гибридная модель, в которой идеологическая интерпретация сочеталась с традиционной юридической техникой. [19]

Особого внимания заслуживает период конца 1920-х - начала 1930-х гг. Здесь кодификация начинает приобретать черты нормативной централизации, соотносимой уже не с имперской, а с планово-административной логикой управления. Усиление союзного начала, формирование общесоюзных «Основ законодательства», унификация правового пространства - всё это свидетельствует о переходе от отраслевой автономии к модели нормативной иерархии, подчинённой политическому центру. При этом форма кодекса сохраняется, но её внутренняя автономия постепенно сокращается [15].

Предлагаемая концепция позволяет по-новому оценить и проблему так называемого «свертывания кодификации» в 1930-е гг. Речь шла не о прекращении систематизации, а о смене её приоритетов: кодификация уступила место директивному нормотворчеству, однако ранее созданные кодексы продолжали выполнять функцию системообразующих актов. Таким образом, кодификационная традиция не исчезла, а была встроена в административно-командную модель управления. [7]

С методологической точки зрения целесообразно рассматривать советскую кодификацию как этап институциональной адаптации российской правовой формы к новому социально-политическому содержанию. В этом смысле 1920-1930-е гг. стали лабораторией правового синтеза, где дореволюционная системность и революционная идеология образовали особый тип нормативной организации. Этот тип отличался высокой степенью централизации, при сохранении внешних признаков классической кодексовой структуры. [20]

Следовательно, историческая традиция российской кодификации проявилась не столько в сохранении конкретных норм или институтов, сколько в устойчивости самой идеи права как системного, иерархически организованного и научно оформленного нормативного массива. Именно эта идея пережила смену политических режимов и обеспечила преемственность юридической куль-

туры в условиях радикальной социальной трансформации. [21]

Федеративная конструкция СССР предопределила особую модель советского законодательства, где исторические традиции российской кодификации получили новое институциональное выражение. Если дореволюционная Россия строила единство права через централизованную систематизацию норм, то советское государство сохранило идею иерархически организованного законодательства, наполняя её социалистическим содержанием. С образованием СССР законодательство стало двухуровневым: союзный центр устанавливал общие начала, республики принимали отраслевые кодексы. Проекты общесоюзных кодексов 1930-1940-х гг. разрабатывались с участием ведущих специалистов - Д.И. Курского, Н.В. Крыленко, Е.Г. Ширвиндта, Я.Ф. Миколенко, Д.М. Генкина и др., что подчеркивало научно-организованный характер кодификации. [1] Конституция 1936 г. формально расширила полномочия Союза, однако политические изменения середины 1950-х гг. вернули большую часть кодификации на республиканский уровень при сохранении союзных Основ. Общесоюзные Основы и республиканские кодексы 1961-1964 гг. реализовали двухуровневую модель, объединяя централизующие и федеративные начала [16]. В советской кодификации проявилась преемственность дореволюционной системности и научной подготовки проектов, хотя содержание и политическая направленность отражали специфику социалистического государства. Попытка создания Гражданского кодекса СССР в 1938-1951 гг. показала сложность совмещения централизованной модели с федеративной структурой. Историческая традиция кодификации обеспечивала системность, иерархичность и научную проработку нормативного материала на всех этапах развития советского права. Современная практика РФ опирается на опыт XX в., сочетая централизующие и федеративные подходы при создании целостных нормативных актов.

Анализ кодификационных процессов в советский период показывает, что преемственность с дореволюционной системой права проявлялась не столько в конкретных нормах, сколько в методологической и структурной логике формирования кодексов. Интересно, что сохранение классической пандектной модели позволило юристам сохранять системность и предсказуемость норм даже в условиях идеологически насыщенного правотворчества [14].

При этом трансформация содержания кодексов отражала потребности нового социального строя и политической реальности: нормы были ориентированы на укрепление социалистического государства, регулирование общественных отношений и адаптацию к федеративной структуре СССР. Такое сочетание структуры и нового функционального наполнения создаёт уникальный феномен «юридической гибкости» - способность правовой формы адаптироваться к меняющимся задачам государства, не теряя внутренней логики.

Дополнительно следует подчеркнуть роль кодификации как инструмента легитимации власти: через систематизацию и унификацию норм государство формировало единый правовой горизонт, создавая основу для прогнозируемости и контроля. В то же время научно-доктринальное сопровождение кодексов способствовало формированию профессиональной среды и закреплению юридической экспертизы, что отражает устойчивость института права даже в условиях радикальных политических изменений.

Таким образом, советская кодификация выступала одновременно инструментом политики, социальной инженерии и юридической систематизации, демонстрируя способность правовой техники интегрировать традицию и инновацию.

Заключение

Исследование показывает, что советская кодификация стала примером успешной институциональной адаптации: историческая традиция российской систематизации законодательства не была утрачена, а получила новую интерпретацию в контексте социалистической государственности и федеративной структуры СССР.

Феномен советской кодификации иллюстрирует способность права сохранять свою внутреннюю организацию и методологию при радикальном изменении идеологического и социального содержания. Это позволило обеспечить преемственность юридической техники, создавать устойчивые нормативные структуры и формировать правовую культуру, способную интегрировать научные и практические подходы.

Выводы исследования имеют актуальное значение для современного этапа развития российской кодификации: опыт сочетания структурной системности и идеологической трансформации может быть использован при проектировании межотраслевых кодексов, совершенствовании нормативной базы и построении механизмов федеративного регулирования, обеспечивая баланс между целостностью правовой системы и адаптацией к социально-политическим реалиям.

Список литературы:

[1] Брауде И. Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. - Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Пра-

вительстве Российской Федерации, 2010. - 160 с.

[2] Бреев А. В. О становлении политико-правовых взглядов П. И. Стучки // Управленческое консультирование. - 2015. - № 10 (82).

[3] Власова Т., Лесовая Т. Кодификация права: отдельные проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2025. - № 1. - С. 17–27.

[4] Галай Ю. Г. К истории кодификации российского гражданского права: опыт деятельности Комиссии по проектированию гражданского уложения 1882 г. // Публикации ВШЭ. - 2022. - С. 1–16.

[5] Герцензон А. А. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР и их историческое значение // Проблемы социалистического права. - 1938. - № 3. - С. 8–12.

[6] Горячковская Ю. М., Исаенко В. А. Кодификация в системе форм систематизации законодательства // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 8 (224).

[7] Из истории кодификации законодательства РФ о государственной службе: 1990-е годы // ResearchGate. - 2025. - С. 1–10.

[8] Исаев М. М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. - Ленинград: Государственное издательство, 1927. - 187 с.

[9] Козаченко И. Я. Исторический опыт криминализации: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Российское право: образование, практика, наука. - 2019. - № 2. - С. 3–34.

[10] Окунева М. О. Влияние социологической школы на кодификацию советского уголовного законодательства в период с 1917 по 1922 г. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2016. - № 4.

[11] Розенблюм Д. С. Земельное право РСФСР. - Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1929. - 496 с.

[12] Токарева С. Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex Russica. - 2019. - № 10 (155).

[13] Фетищев Д. В., Галузо В. Н., Меньшенин П. А. О систематизации законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. - 2025.

[14] Шатковская Т. В., Клеветова Е. Исторические формы техники кодификации в России (на примере Свода законов Российской империи) // Вестник Поволжского института управления РАНХиГС. - 2024. - С. 44–55.

[15] Шатковская Т. В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности // Правовой порядок и правовые ценности. - 2023. - № 1.

[16] Ящук Т. Ф. Проекты кодификации общесоюзного законодательства СССР (конец 1920-х - начало 1950-х гг.) // Государство и право. - 2024. - № 10. - С. 216–223.

[17] История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев [и др.]; под ред. Ю.П. Титова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2012. - С. 297.

[18] Трикоз, Е. Н. Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридико-технические особенности / Е. Н. Трикоз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 890-920.

[19] Проблемы совершенствования советского законодательства : Труды / Редакционная коллегия: И.Н. Кузнецов (главный редактор), Е.В. Болдырев, М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, М.Я. Булошников, И.Ф. Казьмин, В.А. Копылов, М.Л. Захаров, В.С. Пронина, С.А. Яни. Том 26. – Москва : Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, 1983. – 232 с.

[20] Кодификация права: отдельные проблемные вопросы // Вестник СПбМВД. -2025. - С. 1 8.

[21] Колчин, А. А. Кодификационные процессы в сфере советского права: историко-юридический аспект / А. А. Колчин, Ю. А. Мышко // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2023. – № 1(26). – С. 7-15.

References:

[1] Braude I. L. Selected Works: Essays on Legislative Technique. Selected Issues Regarding the System of Soviet Law. — Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. — 160 p.

[2] Breev A. V. On the Development of the Political and Legal Views of P. I. Stuchka // Management Consulting. — 2015. — No. 10 (82).

[3] Vlasova T., Lesovaya T. Codification of Law: Selected Problematic Issues // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — No. 1. — pp. 17–27.

[4] Galay Yu. G. On the History of the Codification of Russian Civil Law: The Experience of the Commission for Drafting a Civil Code (1882) // HSE Publications. — 2022. — pp. 1–16.

[5] Gertsenzon A. A. Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR and Their Historical Significance // Problems of Socialist Law. — 1938. — No. 3. — pp. 8–12.

[6] Goryachkovskaya Yu. M., Isaenko

V. A. Codification within the System of Forms of Legislative Systematization // Law and State: Theory and Practice. — 2023. — No. 8 (224).

[7] From the History of the Codification of Russian Federation Legislation on the Civil Service: The 1990s // ResearchGate. — 2025. — pp. 1–10.

[8] Isaev M. M. Fundamental Principles of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics. — Leningrad: State Publishing House, 1927. — 187 p.

[9] Kozachenko I. Ya. The Historical Experience of Criminalization: On the 100th Anniversary of the "Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR" // Russian Law: Education, Practice, Science. – 2019. – No. 2. – pp. 3–34.

[10] Okuneva M. O. The Influence of the Sociological School on the Codification of Soviet Criminal Legislation (1917–1922) // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. – 2016. – No. 4.

[11] Rozenblum D. S. Land Law of the RSFSR. – Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1929. – 496 p.

[12] Tokareva S. N. The Codification of Criminal Law in the Early Years of Soviet Power: From Continuity to Autonomy // Lex Russica. – 2019. – No. 10 (155).

[13] Fetishchev D. V., Galuzo V. N., Menshenin P. A. On the Systematization of Legislation in Newly Formed Subjects of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. – 2025.

[14] Shatkovskaya T. V., Klevetova E. Historical Forms of Codification Technique in Russia (A Case Study of the Digest of Laws of the Russian Empire) // Bulletin of the Volga Institute of Administration (RANEPA). – 2024. – pp. 44–55.

[15] Shatkovskaya T. V. Key Directions of the Russian Federation's State Policy in the Sphere of Intellectual Property // Legal Order and Legal Values. - 2023. - No. 1.

[16] Yashchuk, T. F. Projects for the Codification of All-Union Legislation of the USSR (Late 1920s – Early 1950s) // State and Law. - 2024. - No. 10. - pp. 216–223.

[17] History of the State and Law of Russia: A Textbook / V. M. Kleandrova, R. S. Mulukaev, et al.; ed. by Yu. P. Titov. - 2nd ed., revised and supplemented. - Moscow: Prospekt, 2012. - p. 297.

[18] Trikoz, E. N. The Model of Soviet Criminal Law Codification: Methodological and Legal-Technical Features / E. N. Trikoz // RUDN Journal of Law. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – pp. 890–920.

[19] Problems of Improving Soviet Legislation: Proceedings / Editorial Board: I. N. Kuznetsov (Editor-in-Chief), E. V. Boldyrev, M. I. Braginsky, S. N. Bratus, M. Ya. Buloshnikov, I. F. Kazmin, V. A. Kopylov, M. L. Zakharov, V. S. Pronina, S. A. Yani. Vol. 26. – Moscow: All-Union Research Institute of Soviet Legislation, 1983. – 232 p.

[20] Codification of Law: Selected Problematic Issues // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs (Vestnik SPbMVD). -2025. - P. 1–8.

[21] Kolchin, A. A. Codification Processes in the Sphere of Soviet Law: A Historical-Legal Aspect / A. A. Kolchin, Yu. A. Myshko // Humanitarian Studies of Central Russia. – 2023. – No. 1(26). – P. 7–15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-229-235
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КАЛАНДАРИШВИЛИ Зураб Нодарович,
заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

ШЕЛЕПОВ Демид Владимирович,
аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
e-mail: demidantanta@yandex.ru

СИСТЕМА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СССР: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ, ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Аннотация. *В статье исследуются особенности становления и развития системы правового воспитания в советский период российской истории, а также возможности использования советского опыта для совершенствования модели правового воспитания, существующей в современной России. На основе анализа нормативных правовых актов, регулирующих вопросы правового воспитания, а также научных исследований автором раскрываются основные особенности развития советской модели правового воспитания, выявляются присущие данной модели достоинства и недостатки. В результате обосновывается вывод о том, что советский опыт может быть использован как образец для совершенствования современной российской системы правового воспитания, однако использование данного опыта предполагает критическое осмысление недостатков советской модели, а также адаптацию ее положительных характеристик к потребностям построения демократического правового государства.*

Ключевые слова: *демократическое правовое государство, историко-правовой анализ, правовая культура, правовая политика, правовая пропаганда, правовое воспитание, правовое просвещение, правосознание, советская модель правового воспитания.*

Для цитирования: *Каландаришвили З. Н., Шелепов Д. В. Система правового воспитания в СССР: организационные основы, достоинства и недостатки // Образование и право. 2026. № 10. С. 229–235.*

KALANDARISHVILI Zurab Nodarovich,
Head of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activities,
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

SHELEPOV Demid Vladimirovich,
Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activities
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences

THE LEGAL EDUCATION SYSTEM IN THE USSR: ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS, ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Annotation. *The article examines the specific features of the establishment and development of the legal education system during the Soviet period of Russian history, as well as the potential for using the Soviet experience to improve the model of legal education in modern Russia. Based on an analysis of normative legal acts regulating legal education, along with relevant scientific research, the author outlines the main developmental features of the Soviet legal education model and identifies its inherent advantages and disadvantages. Consequently, the study concludes that the Soviet experience can serve as a template for improving the modern Russian system of legal education. However, applying this experience requires a critical reassessment of the Soviet model's shortcomings, as well as the adaptation of its positive attributes to the needs of building a democratic state governed by the rule of law.*

Key words: *democratic state governed by the rule of law, historical and legal analysis, legal culture, legal policy, legal propaganda, legal education, legal enlightenment, legal consciousness, Soviet model of legal education.*

For citation: *Kalandarishvili Z. N., Shelepov D. V. The legal education system in the USSR: organizational foundations, advantages and disadvantages. Education and law. 2026;(10):229–235. (In Russ.).*

Актуальность темы настоящего исследования определяется тем фактом, что эффективная организация системы правового воспитания в современной России имеет существенное значение для борьбы с различными формами деформации правосознания, построения демократического правового государства, создания условий для поддержания законности и правопорядка. При этом эффективное функционирование системы правового воспитания, как представляется, может быть обеспечено только при условии, что данная система будет учитывать особенности исторического развития российского общества и государства. В связи с изложенным особый интерес представляет советский опыт организации правового воспитания, подробный анализ которого, как представляется, позволит выявить как достоинства советской системы, так и присущие ей недостатки, а также определить, какие ее элементы могут быть использованы в современной России.

В современной российской доктрине существует множество подходов к пониманию категории «правовое воспитание». З. Н. Каландаришвили, например, утверждает, что правовое воспитание следует рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле, по мнению автора, данный термин означает процесс формирования правового сознания и правовой культуры личности, происходящий под влиянием широкого круга факторов, включая общественно-политические, социально-экономические и иные. В узком смысле правовое воспитание характеризуется автором как целенаправленный педагогический процесс воздействия на сознание людей, цель которого заключается в формировании у них устойчивых правовых представлений, знаний и убеждений [6, с. 136].

И. Н. Правкина и И. В. Правкин полагают, что в широком смысле правосознание охватывает процесс накопления и углубления правовых знаний, а в узком смысле – непрерывное воздействие государства и гражданского общества на личность с целью формирования у нее определенной иерархии ценностей и стимулирования правовой активности [15, с. 190].

О. В. Балашов считает, что исследуемое понятие означает целенаправленный процесс воздействия государства и общественных организаций на личность, направленный на формирование позитивного правосознания за счет передачи правового опыта и усвоения личностью правовых явлений и фактов [2, с. 272].

Несмотря на существующие различия в подходах к пониманию анализируемой правовой категории, практически все исследователи признают особую роль правового воспитания в процессе формирования правосознания и правовой культуры личности.

З. Н. Каландаришвили, к примеру, относит правовое воспитание к числу структурных элементов правовой культуры, оказывающих наиболее эффективное воздействие на процесс правовой социализации личности [7, с. 42].

Н. В. Тюменева акцентирует внимание на роли правового воспитания в правовой социализации человека, утверждая, что оно не только способствует повышению уровня правовой культуры и правосознания индивида, но и играет роль вспомогательного элемента механизма правового регулирования [18, с. 118]. Изложенное предполагает, что процесс правового воспитания не предполагает создания конкретных правовых норм или иных юридически обязательных правил поведения, однако обеспечивает восприятие уже существующих норм личностью и их практическую реализацию за счет формирования определенных убеждений и установок.

Признавая особую роль правового воспи-

тания, российское научное сообщество одновременно ссылается на существование у российской системы правового воспитания ряда недостатков.

Н. В. Быкова, например, указывает на недостаточное внимание к вопросам правового воспитания в образовательных учреждениях, фактическое игнорирование необходимости обучения российской молодежи законам и правилам поведения в обществе. Не меньше внимания автор уделяет недостаточному уровню правовой культуры родителей, утверждая, что многие из них не обладают необходимыми правовыми знаниями и, как следствие, не способны передать такие знания своим детям [5, с. 146].

Внимание данному вопросу также уделяет С. В. Матвиенко, указывая, что низкая эффективность правового воспитания в современной России связана с фрагментарностью и неполнотой правового регулирования данной сферы, недостаточным вниманием к вопросам правового воспитания в ходе образовательного процесса как в учреждениях среднего, так и высшего образования, а также недостаточно высоким уровнем подготовки многих педагогов, который препятствует эффективной передаче правовых знаний молодежи [11, с. 585].

При этом современные исследователи не только перечисляют недостатки системы правового воспитания, но и предлагают способы решения этих проблем. Внимания в данном случае заслуживает то обстоятельство, что многие авторы указывают на необходимость учитывать советский опыт организации правового воспитания.

Так, например, О. В. Адаева прямо заявляет, что при развитии системы правового воспитания в современной России необходимо учитывать опыт предыдущих периодов политико-правового развития государства, анализировать существовавшие на различных этапах исторического развития противоречия и пробелы в правовом регулировании [1, с. 54].

Удачной представляется позиция Ю. А. Круглова, который обращает внимание на необходимость критического осмысления советского опыта правового воспитания и сохранения тех его элементов, которые не утратили значения в современных условиях. К их числу автор относит коллективистскую ответственность и социальную активность, которые должны рассматриваться во взаимосвязи с гуманистическими ценностями современного правового государства и правозащитными ориентирами, основанными на положениях международного права [9, с. 78].

Следует обратить внимание на недопустимость точного копирования советской модели, поскольку она, обладая определенными преимуществами в сравнении с современной, одновременно характеризовалась целым рядом особенностей, несовместимых с идеей построения демократического правового государства, включая существование единой государственной идеологии и приоритет обязанностей личности над ее правами.

Как обоснованно утверждает исследователь Л. В. Юн, вся правовая культура советского периода была скреплена идеологическими догмами, которым фактически придавалась сила закона. Идеологические установки в советской системе фактически не существовали отдельно от права, а соблюдение закона должно было основываться не только на страхе наказания, но и на внутреннем убеждении граждан в справедливости социалистического права. Одновременно автор обращает внимание на то, что задачей системы образования и системы правового воспитания в анализируемый исторический период являлось формирование у граждан единообразных представлений об истории, государстве и праве. Результатом данного процесса автор называет укоренение в общественном сознании коллективистских и уравнительных установок, а также представлений о том, что интересы государства имеют приоритет над интересами отдельно взятой личности [19, с. 111].

По утверждению В. Е. Семенова, вся система советского правового воспитания строилась на принципе партийности и была направлена на формирование у молодежи марксистско-ленинского мировоззрения, которое должно было выступать в качестве идеологической основы для формирования правовых взглядов всех классов и групп советского общества [17, с. 155].

Переходя к непосредственному анализу особенностей советской модели правового воспитания, следует обратить внимание на то, что ее формирование началось уже в первые годы после создания советского государства. Так, после принятия Конституции РСФСР 10 июля 1918 года V Всероссийский съезд советов поручил Народному комиссариату просвещения ввести во всех учебных заведениях на территории государства изучение основных положений Конституции, их разъяснение и толкование.

Непосредственное внимание вопросам правового воспитания уделял В. И. Ленин, утверждая, что каждый представитель народных масс должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог принимать участие в обсуждении законов государства, выборе своих представителей, а также в проведении политики, направленной на воплощение положений законов в жизнь [10, с. 157].

Следует отметить, что советские граждане вовлекались в обсуждения важнейших правовых актов. Так, Постановлением Президиума Цен-

трального Исполнительного Комитета СССР от 11 июня 1936 года проект новой Конституции был вынесен на всенародное обсуждение. На практике данная возможность главным образом реализовывалась путем направления гражданами писем с конкретными предложениями о содержании глав и статей нового Основного закона [14].

После вступления в силу новой Конституции для обучающихся 7–10-х классов было организовано ознакомление с положениями Основного закона, а для обучающихся 7-х классов введен самостоятельный предмет «Конституция СССР».

В 1958 году в 10-х классах средних школ было введено преподавание курса «Конституция СССР», причем в рамках данного курса предполагалось ознакомление обучающихся не только с положениями Основного закона, но и с основами гражданского, трудового, колхозного, семейного и уголовного права.

Однако наиболее активное развитие советская политика в области правового воспитания получила в 1960–1970-х годах. Именно в этот исторический период советским государством был принят целый ряд актов, непосредственно затрагивавших вопросы правового воспитания, а необходимость совершенствования соответствующей системы неоднократно подчеркивалась высшими должностными лицами и находила отражение в официальных документах. Так, в 1962–1963 годах в средних школах было введено преподавание курса обществоведения, в рамках которого в том числе рассматривались вопросы советского государства и права, в частности, вопросы о правах и обязанностях советских граждан, поддержании социалистической законности и юридической ответственности.

Однако вопросы правового воспитания не ограничивались образовательными программами. Особого внимания заслуживает принятое 23 июня 1966 года Постановление Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (далее – ЦК КПСС) и Совета министров СССР № 571 «О мерах по усилению борьбы с преступностью».

В тексте данного документа указывалось, что, несмотря на общее снижение уровня преступности, в СССР наблюдается тенденция к росту числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, одной из причин чего является недостаточно эффективная воспитательная работа. С целью решения данной проблемы в постановлении был изложен широкий перечень мер, направленных на повышение эффективности воспитательной деятельности. В частности, документ возлагал на руководителей государственных органов в области образования, педагогические коллективы, а также руководителей предприятий, учреждений и колхозов обязанность уделять повышенное внимание вопросам воспитания молодежи. Одновременно документ предписывал предпринять меры для создания системы контроля за воспитанием. Соответствующие вопросы должны были обсуждаться на партийных, комсомольских и профсоюзных собраниях, а также на сессиях местных советов.

Постановление также предусматривало систематическую публикацию в печати материалов, содержащих разъяснения законодательства, прав и обязанностей граждан, роли органов государственной власти, в первую очередь суда, прокуратуры и милиции, а также информацию о наиболее важных судебных процессах, способных оказывать на граждан воспитательное воздействие.

Исследователь О. В. Адаева уделяет особое внимание периоду 1970-х годов, отмечая, что его характерной чертой являлось восприятие правового воспитания в качестве одного из стратегических направлений деятельности государства. В качестве конкретных мер, направленных на развитие системы правового воспитания в анализируемый период, исследователь выделяет формирование системы правового образования и преподавания дисциплин, связанных с правом, включая «Основы советского государства и права» и «Основы правоведения» [1, с. 55].

Следует обратить внимание на то, что в исследуемый период был принят ряд постановлений, прямо затрагивающих вопросы правового воспитания. Так, постановление ЦК КПСС от 15 сентября 1970 года «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся» подчеркивало особое значение высокого уровня правосознания и распространения юридических знаний среди населения. Внимания также заслуживает постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 года «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве», которое предписывало органам государственной власти всех уровней принимать меры по повышению эффективности правовой работы с населением, обеспечению соблюдения законности на предприятиях и в организациях, а также привлечению юридических работников к разработке и осуществлению мер, направленных на соблюдение плановой и договорной дисциплины.

Важно подчеркнуть, что перечисленные постановления не ограничивались декларативными положениями, а предусмотренные ими меры получили практическое воплощение. Как отмечают Л. А. Королева, А. Г. Вазерова и И. Ю. Асяев, во исполнение указанных постановлений органы внутренних дел активизировали работу по пропаганде советского права, разрабатывали планы

мероприятий по усилению правовой пропаганды, а в городские и районные органы внутренних дел направлялись методические рекомендации, содержавшие указания о порядке и содержании выступлений работников милиции перед населением по вопросам советского права, в том числе по радио и телевидению [8, с. 21].

Значение правового воспитания в исследуемый исторический период подчеркивалось в том числе и руководством страны. Так, в 1971 году Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем выступлении на XXIV съезде Партии заявил, что уважение к праву и закону должно стать личным убеждением каждого человека [4, с. 81].

Одним из направлений практического воплощения данной установки, как представляется, можно назвать вовлечение граждан в процесс разработки новой Конституции. Как и в 1936 году, в ходе разработки проекта Конституции СССР от 7 октября 1977 года было организовано общественное обсуждение. По утверждению В. Е. Семенова, в этот процесс активно вовлекалась, в том числе, советская молодежь. Всего в обсуждении проекта приняло участие более 140 миллионов человек, высказавших в совокупности более 400 тысяч предложений, часть из которых впоследствии была учтена при работе над текстом Конституции [17, с. 57].

Внимания также заслуживает Постановление ЦК КПСС от 27 февраля 1978 года «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды», в котором указывалось, что лекционная пропаганда заняла важное место в духовной жизни страны, превратившись в один из факторов формирования научного мировоззрения, активной жизненной позиции и высоких идейно-политических качеств советских людей. Также указывалось на то, что важное место в лекционной работе занимало разъяснение внутренней и внешней политики партии, документов XXV съезда КПСС и Конституции СССР. С учетом изложенного предписывалось обеспечить дальнейшее повышение уровня лекционной пропаганды.

Важность правового воспитания подчеркивалась и в более поздних документах. Так, Программа КПСС, принятая в 1986 году, указывала на особую роль правового воспитания в осуществлении идейно-воспитательной работы. В частности, документ подчеркивал значимость воспитания гражданственности, уважения к советским законам и правилам социалистического общежития, а также формирования нетерпимости к нарушениям социалистической законности [16].

Изложенный материал демонстрирует, что в советский период отечественной истории была сформирована достаточно развитая система правового воспитания, включавшая разработку и принятие государственных правовых актов, посвященных вопросам правового воспитания, организацию правового обучения, правовую пропаганду и информирование населения, а также деятельность государственных органов, образовательных учреждений и общественных организаций в данной области.

Вместе с тем, неверно было бы идеализировать советскую модель. Помимо того факта, что она развивалась под влиянием государственной идеологии, ей были свойственны и иные существенные недостатки. Так, по утверждению В. Е. Семенова, многие меры в области правового воспитания выполнялись лишь формально либо не выполнялись вовсе, при этом низкой эффективностью отличалась и система контроля за их выполнением [17, с. 63].

А. И. Петров рассматривает проблемы советской системы правового воспитания на примере деятельности органов прокуратуры и указывает, что на практике четкого разграничения между правовым просвещением и обычным информированием населения о деятельности органов прокуратуры не проводилось. Как следствие, в качестве мероприятий в области правового воспитания рассматривались как выступления сотрудников о результатах деятельности прокуратуры, так и выступления, связанные с разъяснением положений законодательства [13, с. 33].

Распад СССР ознаменовал собой существенные изменения в функционировании системы правового воспитания. Несмотря на то, что российское государство продолжило уделять определенное внимание данному вопросу, на практике при создании новой системы правового воспитания возник целый ряд проблем, что широко признается учеными.

Так, В. С. Нерсесянц еще в 2004 году указывал, что в России фактически отсутствует налаженная система правового воспитания, и подчеркивал, что организация воспитательной работы необходима, поскольку в массовом правосознании сохраняется нигилистическое отношение к праву [12, с. 277].

Спустя более 20 лет проблема организации эффективной системы правового воспитания все еще остается актуальной. А. Г. Бордакова, к примеру, отмечает наличие целого ряда проблем в организации системы правового воспитания и подчеркивает необходимость выработки государством целостной политики, направленной на повышение уровня правовой культуры населения, формирование уважения граждан к закону и повышение эффективности работы правоохранительных органов [3, с. 38].

По утверждению Н. В. Тюменева, в период 1990-х годов одновременно с отказом от государственной идеологии и ограничением того влияния, которое государственная власть могла оказывать на правовое воспитание за счет выведения из-под ее контроля идеологической сферы, правовое воспитание стало гораздо более ограниченно использоваться в качестве средства, способствующего повышению правовой культуры и правосознания граждан. Однако уже к началу 2000-х годов сформировалось понимание того, что отказ от механизмов воспитательного воздействия оказался неоправданным и преждевременным и привел к широкому распространению правового нигилизма, который сохраняется в России и в настоящий момент [18, с. 120].

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что функционирование системы правового воспитания в Российской Федерации сопряжено с рядом проблем, связанных в том числе с недостаточной эффективностью государственной политики в данной сфере.

В связи с этим представляется логичным вывод о том, что советский опыт организации системы правового воспитания, характеризовавшийся активной деятельностью государства по распространению правовых знаний среди населения, регулярной разработкой и принятием нормативных правовых актов, определявших направления государственной политики и предусматривавших конкретные меры в области правового воспитания, может быть использован для совершенствования современной российской системы правового воспитания. Принципиальное значение при этом имеют устранение недостатков, свойственных советской модели, и ее адаптация к современным условиям, предполагающим построение демократического правового государства. Как представляется, игнорирование недостатков советской модели создает риски развития формального подхода к правовоспитательной деятельности, а также подмены формирования уважительного отношения к праву идеологическим воздействием.

Список литературы:

[1] Адаева О. В. Специфика осуществления правовоспитательной деятельности в период развития советского общества // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2020. — № 5. — С. 54–57.

[2] Балашов О. В. Правовое воспитание в контексте современного образовательного процесса // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6, № 3 (23). — С. 269–277.

[3] Бордакова А. Г. Реализация правового воспитания в Российской Федерации: проблемы и пути их решений // Юридическая наука. — 2024. — № 7. — С. 35–39.

[4] Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта 1971 г. М.: Политиздат, 1971. – 135 с.

[5] Быкова Н. В. Правовое воспитание в России на современном этапе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2024. — Вып. 1. — С. 143–150. С. 146.

[6] Каландаришвили З. Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / З. Н. Каландаришвили. — Санкт-Петербург, 2004. — 176 с.

[7] Каландаришвили З. Н. Роль правовой культуры в правовой социализации // Ленинградский юридический журнал. — 2009. — № 3. — С. 35–43.

[8] Королева Л. А., Вазерова А. Г., Асяев И. Ю. Правовое воспитание населения в СССР в начале 1970-х гг. (по материалам Пензенской области) // Образование и наука в современном мире. Инновации. — 2021. — № 1 (32). — С. 18–23.

[9] Круглов А. Ю. Педагогические концепции правового воспитания: от Коменского и Песталоцци к современным образовательным подходам // Advances in Law Studies. — 2026. — № 1. — С. 76–80.

[10] Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. — М. : Изд-во политической литературы, 1970. — Т. 36. — 774 с.

[11] Матвиенко С. В. Актуальные вопросы правового просвещения современной российской молодежи: проблемы и пути решения // Образование и право. — 2026. — № 4. — С. 584–587.

[12] Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсесянц. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 560 с.

[13] Петров А. И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / А. И. Петров. — Нижний Новгород, 2019. — 249 с.

[14] Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР к главе X, ст. ст. 121, 122, 123, 124, 125, 127 // Государственный архив РФ. — Ф. 3316. — Оп. 41. — Д. 84. — 1936. — 103 л.

[15] Правкина И. Н., Правкин И. В. Правовое воспитание в современном обществе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 5 (154). — С. 188–194.

[16] Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция) // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25

февраля — 6 марта 1986 года. Стенографический отчет. — М., 1986. — Т. 1. — С. 554–622.

[17] Семенов В. Е. Правовое воспитание молодежи: историко-теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Ставрополь, 2001. — 195 с.

[18] Тюменева Н. В. Правовое воспитание и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — № 2 (157). — С. 118–126.

[19] Юн Л. В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. — Казань, 2019. — 206 с.

References:

[1] Adaeva O. V. Specifics of Implementing Legal Education Activities During the Development of Soviet Society // Gaps in Russian Legislation. Legal Journal. — 2020. — No. 5. — pp. 54–57.

[2] Balashov O. V. Legal Education in the Context of the Contemporary Educational Process // Current Issues of State and Law. — 2022. — Vol. 6, No. 3 (23). — pp. 269–277.

[3] Bordakova A. G. The Implementation of Legal Education in the Russian Federation: Challenges and Potential Solutions // Legal Science. — 2024. — No. 7. — pp. 35–39.

[4] Brezhnev L. I. Report of the Central Committee of the CPSU to the 24th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. March 30, 1971. Moscow: Politizdat, 1971. — 135 p.

[5] Bykova N. V. Legal Education in Russia at the Present Stage // Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. — 2024. — Issue 1. — pp. 143–150. p. 146.

[6] Kalandarishvili Z. N. Deformation of the Legal Consciousness of Youth and Legal Methods for Overcoming It: A Theoretical-Legal Aspect : Diss. … Candidate of Legal Sciences : 12.00.01 / Z. N. Kalandarishvili. — Saint Petersburg, 2004. — 176 p.

[7] Kalandarishvili Z. N. The Role of Legal Culture in Legal Socialization // Leningrad Legal Journal. — 2009. — No. 3. — pp. 35–43.

[8] Koroleva L. A., Vazerova A. G., Asyaev I. Yu. Legal Education of the Population in the USSR in the Early 1970s (Based on Materials from the Penza Region) // Education and Science in the Modern World. Innovations. — 2021. — No. 1 (32). — pp. 18–23.

[9] Kruglov A. Yu. Pedagogical Concepts of Legal Education: From Comenius and Pestalozzi to Modern Educational Approaches // Advances in Law Studies. — 2026. — No. 1. — pp. 76–80.

[10] Lenin V. I. Complete Collected Works: in 55 vols. — Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. — Vol. 36. — 774 p.

[11] Matvienko S. V. Current Issues in the Legal Education of Contemporary Russian Youth: Problems and Solutions // Education and Law. — 2026. — No. 4. — pp. 584–587.

[12] Nersesyants V. S. General Theory of Law and the State: A Textbook / V. S. Nersesyants. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. — 560 p.

[13] Petrov A. I. Legal and Organizational Foundations of the Activities of the Prosecutor's Office Regarding the Legal Education of the Population: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.11 / A. I. Petrov. — Nizhny Novgorod, 2019. — 249 p.

[14] Letters from citizens containing proposals regarding Chapter X (Articles 121, 122, 123, 124, 125, and 127) of the draft Constitution of the USSR // State Archive of the Russian Federation (GARF). — Fond 3316. — Opis 41. — File 84. — 1936. — 103 sheets.

[15] Pravkina I. N., Pravkin I. V. Legal Education in Modern Society // Bulletin of the Saratov State Law Academy. — 2023. — No. 5 (154). — pp. 188–194.

[16] Program of the Communist Party of the Soviet Union (new edition) // XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union, February 25 – March 6, 1986: Stenographic Report. — Moscow, 1986. — Vol. 1. — pp. 554–622.

[17] Semenov V. E. Legal Education of Youth: A Historical-Theoretical Aspect : Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences : 12.00.01. — Stavropol, 2001. — 195 p.

[18] Tyumeneva N. V. Legal Education and Its Role in the Mechanism of Legal Regulation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. — 2024. — No. 2 (157). — pp. 118–126.

[19] Yun L. V. Modern Legal Understanding in the Evolution of Russian Legal Culture in the Post-Soviet Period : Dissertation for the degree of Candidate... legal Sciences: 12.00.01. - Kazan, 2019. - 206 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-236-241

ГАРАФУТДИНОВ Ильшат Маратович,
Аспирант кафедры конституционного и административного права,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
e-mail: garafutdinov2517@mail.ru

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СУБЪЕКТАХ РФ: ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретико-правовые и нормативные основы регулирования институтов гражданского общества в субъектах Российской Федерации. Анализируются основные научные подходы к понятию гражданского общества, его институциональная природа. Особое внимание уделяется конституционным положениям и федеральному законода-тельству, определяющим правовой статус и формы деятельности институтов гражданского общества, а также их роли во взаимодействии с органами публичной власти. Исследуется специфика регионального нормативного правового регулирования, выявляются различия и пробелы в закреплении механизмов развития и поддержки институтов гражданского общества в законодательстве субъектов РФ. Делается вывод о фрагментарности и несистемности регионального правового регулирования, что обусловливает необходимость его дальнейшего совершенствования и выработки единых подходов.*

Ключевые слова: *гражданское общество, институты гражданского общества, субъекты РФ, законодательство, конституционное право.*

Для цитирования: *Гарафутдинов И. М. Нормативное правовое регулирование институтов гражданского общества в субъектах РФ: понятие, история становления и развитие // Образование и право. 2026. № 10. С. 236–241.*

GARAFUTDINOV Ilshat Maratovich,
Postgraduate student,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

LEGAL REGULATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, HISTORY OF FORMATION, AND DEVELOPMENT

Annotation. *The article examines the theoretical-legal and regulatory foundations for the regulation of civil society institutions within the constituent entities of the Russian Federation. It analyzes key scholarly approaches to the concept of civil society and its institutional nature. Particular attention is paid to constitutional provisions and federal legislation that define the legal status and operational forms of civil society institutions, as well as their role in interacting with public authorities. The study explores the specific characteristics of regional legal regulation and identifies differences and gaps in the legislative provisions regarding mechanisms for the development and support of civil society institutions across the constituent entities of the Russian Federation. The article concludes that regional legal regulation is fragmented and lacks a systematic approach, necessitating further improvement and the development of unified approaches.*

Key words: *civil society, civil society institutions, constituent entities of the Russian Federation, legislation, constitutional law*

For citation: *Garafutdinov I. M. Legal regulation of civil society institutions in the constituent entities of the Russian Federation: concept, history of formation, and development. Education and law. 2026;(10):236–241. (In Russ.).*

Нельзя не согласиться с тем, что «неотъемлемым атрибутом конституционного государства, в основе которого находится конституционный строй, является гражданское общество» [1, с. 77]. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью институтов гражданского общества в современном социально-правовом развитии Российской Федерации. Взаимодействие триады субъектов «государство-общество-личность» представляет собой ключевую теоретико-правовую конструкцию, отражающую специфику современного конституционного развития и функционирования институтов гражданского общества. Институты гражданского общества выполняют значимую социальную функцию, обеспечивают участие граждан в управлении делами государства, осуществление общественного контроля, а также реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Цель статьи состоит в формировании целостного представления о нормативном правовом регулировании институтов гражданского общества в субъектах Российской Федерации и выявлении основных направлений его развития. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ федеральных и региональных нормативных правовых актов.

Единого понимания гражданского общества как в конституционно-правовой науке, так и в общетеоретической теории права не выработано. Причинами тому являются многоаспектность этой категории. Ещё Р.А. Алексеев указывал: «далеко не всякое общество, состоящее из граждан, является гражданским. … Гражданское общество – это особая структура отношений людей в обществе …» [2, с. 7]. Следовательно, автор рассматривает гражданское общество как качественное состояние общества в целом. Аналогичной позиции придерживается Н.И. Матузов: «гражданское общество – это более высокая ступень в развитии социальной общности, мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности. В классическом варианте гражданское общество складывалось вне и помимо государства, заполняя ниши, свободные от государственно-властного воздействия. Оно во многом противостояло государству, отвоевывало у него пространство для самоорганизации и ставило пределы вмешательства в свою жизнь» [3, с. 83].

Другие авторы, среди которых теоретик Т.Н. Радько, рассматривают гражданское общество как достижение обществом в целом определённой ступени своего развития. Автор предлагает использовать следующее определение: «историческая ступень развития человеческой организации, социальная общность, основанная на определенных критериях взаимного сотрудничества, взаимодействии» [4, с. 675].

Схожей позиции придерживается В.М. Шмаров. Однако его понимание гражданского общества представлено в более широком смысле, автором в определение включены ключевые признаки рассматриваемой категории: «гражданское общество – это определенная историческая ступень развития социума, современная форма человеческой общности, независимая от государства, но находящаяся с ним в диалектическом противоречивом единстве, в котором человек признается высшей ценностью, соблюдаются и защищаются его права и свободы, а самостоятельные и независимые индивиды создают путем самоорганизации некую негосударственную общность людей, объединенную по различным признакам в определенные формирования и действующую в целях удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей и реализации потенциальных возможностей сообщества и отдельных личностей» [5].

Для формирования целостного представления о нормативном правовом регулировании институтов гражданского общества в субъектах РФ важно обратиться к институциональной теории гражданского общества. В рамках этой концепции гражданское общество представлено как «система независимых от государства самоорганизованных социальных институтов, выступающих в роли посредника между гражданами и организациями, с одной стороны, и органами публичной власти, с другой, с целью обеспечения условий для реализации и удовлетворения индивидуальных и коллективных интересов частных лиц» [6].

К таковым в литературе относятся: 1) личность; 2) семья; 3) частные предприятия и хозяйственные организации; 4) экономические ассоциации и объединения; 5) профсоюзы; 6) местное сообщество; 7) социальные группы и слои населения, средний класс; 8) религиозные организации; 9) общественные объединения; 10) политические партии; 11) политические и общественные движения; 12) независимые СМИ [7]. Необходимо отметить, что в некоторых случаях, например в Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан, утвержденной Указом Президента РТ от 03.07.2008 № УП-312, к числу институтов гражданского общества относят Общественные палаты регионов, что прямо противоречит ключевым характеристикам таких субъектов.

В условиях федеративного устройства особое значение приобретает функционирование институтов гражданского общества на уровне субъектов Российской Федерации, где происходит непосредственное взаимодействие гражданского

общества с органами публичной власти.

Обращаясь к истории, важно указать, что «процесс становления и развития гражданского общества в России начался в 80-е годы прошлого столетия и проходил в условиях распада политической системы, господствовавшей в стране на протяжении более семи десятилетий. … Само понятие «гражданское общество» было введено в политический и научный оборот в 90-е годы» [8].

Принятая всенародным голосованием в 1993 г. Конституция Российской Федерации является фундаментом для нормативного правового регулирования институтов гражданского общества. Само понятие в Основном законе не определено и упоминается всего один раз – в п. «е.1» ст. 114 Конституции РФ: в результате проведения Конституционной реформы 2020 г. перечень полномочий Правительства РФ был расширен и дополнен полномочием по осуществлению мер по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечению их участия в выработке и проведении государственной политики.

Однако Конституцией РФ отдельное регулирование этих общественных отношений в статьях или главах не закреплено. Внесение таких изменений предлагалось, и не раз [9] – в частности, в свете упомянутой реформы.

Регулирование основ гражданского общества находит отражение в следующих положениях Конституции РФ:

– допускается политическое многообразие (ст. 13);

– закрепляется право граждан на объединение (в т.ч. создание профессиональных и общественных союзов) в ст. 30;

– провозглашается равный доступ граждан к управлению государством в ст. 32;

– гарантируется право граждан на обращение в органы власти в ст. 33;

– регламентируется право на защиту прав и свобод всеми законными способами (ст. 45) и др.

Ряд законодательных актов федерального уровня регулирует вопросы, связанные с осуществлением деятельности институтов гражданского общества. К таковым относятся:

– Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», один из первых законов, который установил порядок создания, деятельности и прекращения общественных объединений в государстве;

– Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», регулирующий правовой статус некоммерческих организаций, их организационно-правовые формы, порядок деятельности, права и обязанности, фискальные и юридические аспекты их деятельности;

– Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулирующий правовой статус и деятельность религиозных организаций;

– Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», которым урегулирован правовой статус политических партий;

– Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», определяющий правовые основы деятельности Общественной палаты Российской Федерации, которая обеспечивает взаимодействие граждан и институтов гражданского общества с органами публичной власти, учет их потребностей и интересов, защиту прав и свобод, а также осуществление общественного контроля;

– Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», которым в 2012 г. был введен специальный режим для некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента; с 1 декабря 2022 г. соответствующее регулирование консолидировано Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»;

– Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым урегулирован правовой статус «нежелательных организаций» и иные акты.

Примечательно и то, что Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» при определении понятия «противодействие коррупции» прямо относит институты гражданского общества к числу субъектов противодействия коррупции, несмотря на отсутствие общего легального определения таких институтов.

Региональное законодательство развивает идеи, заложенные в нормативных правовых актах федерального уровня. Как отмечается в литературе, «доктрина гражданского общества в современной России получила хотя и весьма поверхностное, но тем не менее нормативное закрепление в ряде законодательных актов регионального уровня, что само по себе очень значимо» [10].

Нельзя не указать на то, что субъекты Российской Федерации обладают определённой автономией в вопросах правового регулирования деятельности гражданского общества. Хотя эта работа ведётся во взаимодействии с федеральными органами власти, региональные власти всё же располагают заметным пространством для соб-

ственных решений, что позволяет учитывать особенности и потребности конкретных территорий.

Вместе с тем действующее нормативно-правовое регулирование данной сферы на региональном уровне характеризуется отсутствием системности и единых подходов, что свидетельствует о наличии резервов для его совершенствования.

Упоминается «гражданское общество» в основных законах таких субъектов, как:

– Конституция Республики Дагестан (преамбула: «…стремясь к становлению гражданского общества и созданию благоприятных условий для свободного развития всех дагестанцев»);

– Устав Краснодарского края (преамбула: «… стремясь утвердить принципы правового государства и гражданского общества…»);

– Конституция Республики Башкортостан (ст. 100: «Органы публичной власти в Республике Башкортостан способствуют развитию гражданского общества и обеспечивают коллективное участие народа и граждан в управлении делами Республики Башкортостан и в местном самоуправлении, осуществлении принадлежащих им властных полномочий») и др.

В Конституции Республики Хакасия, Уставе Пензенской области и основных законах ряда иных регионов «гражданское общество» не упоминается вовсе. Рассматривая законодательство Республики Татарстан, следует отметить, что в Конституции Республики Татарстан гражданское общество прямо не упоминается. Ряд статей (ст. 44, 45, 51 и др.) косвенно регулируют вопросы, связанные с институтами гражданского общества. В Законе РТ от 27.04.2017 № 24-ЗРТ «Об Общественной палате Республики Татарстан» гражданское общество регулируется через создание и деятельность Общественной палаты Республики Татарстан как института посредничества, участия и общественного контроля. Законом урегулировано:

– включение граждан и некоммерческих организаций в принятие решений (закрепляет право некоммерческих организаций выдвигать кандидатов в Общественную палату; обеспечивает представительство разных социальных и профессиональных групп; создает канал влияния общества на государственную политику (ст. 1, 2, 6-7);

– общественный контроль и взаимодействие с властью через Общественную палату Республики Татарстан (предусматривается осуществление общественного контроля за деятельностью органов публичной власти и организаций в установленных законом случаях; Палата вправе участвовать в общественной экспертизе и иных формах общественного контроля; государственные органы и органы местного самоуправления рассматривают обращения и иные документы Палаты в порядке, установленном законом) и т.д.

Как отмечает И.А. Старостина, «региональное законотворчество как субфедеральный уровень регулирования должно создавать новые, отражающие специфику конкретного субъекта РФ, правовые нормы, а не воспроизводить (дублировать, копировать) общероссийские правила поведения. Это вытекает из самой природы федеративного государства. На региональном уровне наиболее контрастны взаимосвязи общественных институтов и органов государственной власти, необходимость тех и других подчиняться праву и закону, потребность в государственном регулировании различных общественных процессов, традиций и т. д.» [11, с. 119].

Вместе с тем обозначенная автономия субъектов Российской Федерации в регулировании деятельности институтов гражданского общества не носит абсолютного характера и реализуется в пределах, очерченных федеральным законодательством. Именно на этом стыке региональной нормативной инициативы и федерального регулирования возникают правовые ограничения, влияющие на содержание региональной политики в сфере развития гражданского общества. К числу таких ограничений относятся последствия приобретения статуса иностранного агента в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее – законодательство об иностранных агентах).

В условиях развития законодательства об иностранных агентах особую актуальность приобретает вопрос соотношения статуса иностранного агента и правового положения институтов гражданского общества. Согласно Федеральному закону № 255-ФЗ иностранным агентом может быть признано, в частности, российское юридическое лицо или общественное объединение без образования юридического лица, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее виды деятельности, предусмотренные ст. 4 данного Закона. Таким образом, действующее регулирование не сводит основания приобретения статуса только к иностранному финансированию и политической деятельности. Приобретение статуса иностранного агента влечет специальные обязанности и ограничения, установленные, прежде всего, ст. 9 и 11 Федерального закона № 255-ФЗ.

По состоянию на 16 сентября 2026 г. законопроект № 656348-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования деятельности Общественной палаты Российской Федерации)», внесенный 26.06.2024 г. и принятый Государствен-

ной Думой в первом чтении 24.09.2024 г., остается на рассмотрении Государственной Думы; рассмотрение во втором чтении, планировавшееся на 28.01.2026 г., было перенесено на более поздний срок. Законопроект предусматривает, в частности, дополнительные ограничения для иностранных агентов в сфере общественного контроля и участия в деятельности общественных палат. Следовательно, указанные положения на дату актуализации статьи не являются действующим правом и должны характеризоваться именно как предлагаемые изменения.

В случае принятия законопроекта № 656348-8 предлагаемые изменения будут влиять на нормативное регулирование институтов гражданского общества не только на федеральном уровне, но и в субъектах Российской Федерации. Региональным органам власти потребуется учитывать новые федеральные ограничения при формировании общественных палат и организации иных форм общественного контроля.

Одновременно с этим в законодательстве субъектов РФ сужается круг организаций, которые могут признаваться институтами гражданского общества в публично-правовом смысле. Фактически формируется разграничение между гражданскими объединениями как формой социальной активности и институтами гражданского общества как элементами системы взаимодействия общества и государства. Такое разграничение, представляется, усиливает регулятивную роль государства в определении допустимых форм гражданского участия и снижает самостоятельность в данной сфере.

При этом следует подчеркнуть, что законодательство об иностранных агентах безусловно выступает инструментом обеспечения безопасности публичных интересов и защиты государственного суверенитета от внешнего воздействия. Вместе с тем его применение не должно приводить к подрыву самой основы гражданского общества. В данном контексте принципиальное значение приобретает соблюдение баланса между необходимостью предотвращения недобросовестного иностранного влияния и гарантией свободы деятельности институтов гражданского общества.

Недопустимым является как формальное, так и расширительное толкование критериев иностранного агентства, способное повлечь необоснованное отнесение общественных объединений и некоммерческих организаций к числу иноагентов и, как следствие, их исключение из механизмов общественного участия. Поддержание такого баланса особенно важно для субъектов Российской Федерации, поскольку именно на региональном уровне реализуются практики взаимодействия публичной власти и гражданского общества, от которых во многом зависит эффективность и легитимность государственного управления.

Несмотря на закрепление основ гражданского общества в Конституции Российской Федерации и развитие соответствующих положений в федеральном законодательстве, вопросы конкретизации правового статуса институтов гражданского общества и их деятельности в законодательстве субъектов РФ остаются недостаточно урегулированными. Законодательные акты регионов, как правило, содержат лишь общие положения, не обеспечивающие полноценного нормативного оформления механизмов взаимодействия публичной власти и институтов гражданского общества. Причиной тому является недостаточная разработанность указанных вопросов на федеральном уровне. Регионы, имея полномочия на выработку собственной политики в этой сфере, всё же сталкиваются с отсутствием единых подходов, что влияет на эффективность гражданского общества в Российской Федерации в целом.

Список литературы:

[1] Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 587 с.

[2] Алексеев Р. А. Гражданское общество. Проблемы становления и развития в России (правовой аспект): монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 93 с.

[3] Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 3. С. 83–93.

[4] Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. 744 с.

[5] Шамаров В. М. Гражданское общество: содержание понятия // Вестник Екатерининского института. 2019. № 3 (47). С. 137–146.

[6] Гацолати В. Э. Концептуальные подходы к пониманию гражданского общества в современном правоведении // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 4. С. 284–292.

[7] Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 528 с.

[8] Буторов С. А. Становление и развитие гражданского общества в России: история и современность // Сервис +. 2019. № 3. С. 68–75.

[9] Смирнов Д. А., Струсь К. А. Конституция гражданского общества: от теории к практике // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6. С. 238–243.

[10] Жинкин С. А., Высоцкая Л. П. О характеристиках гражданского общества в контексте реализации принципов правового государства в

современной России // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 4. С. 12–16.

[11] Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы: монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015. 652 с.

References:

[1] Kozlova E. I., Kutafin O. E. Constitutional Law of Russia: A Textbook. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Yurist, 2004. 587 p.

[2] Alekseev R. A. Civil Society: Issues of Formation and Development in Russia (Legal Aspect) — A Monograph. Moscow: INFRA-M, 2018. 93 p.

[3] Matuzov N. I. Civil Society: Essence and Basic Principles // Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Pravovedeniye (Proceedings of Higher Educational Institutions. Legal Studies). 1995. No. 3. pp. 83–93.

[4] Radko T. N. Theory of State and Law: A Textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2009. 744 p.

[5] Shamarov V. M. Civil Society: Content of the Concept // Vestnik Yekaterininskogo Instituta (Bulletin of the Ekaterininsky Institute). 2019. No. 3 (47). pp. 137–146.

[6] Gatsolati V. E. Conceptual Approaches to Understanding Civil Society in Modern Legal Studies // Probely v Rossiyskom Zakonodatelstve (Gaps in Russian Legislation). 2022. Vol. 15, No. 4. pp. 284–292.

[7] Constitutional Law: A University Course — A Textbook in 2 Volumes / Ed. by A. I. Kazannik, A. N. Kostyukov. Moscow: Prospekt, 2015. Vol. 2. 528 p.

[8] Butorov S. A. Formation and Development of Civil Society in Russia: History and Modernity // Servis + (Service +). 2019. No. 3. pp. 68–75.

[9] Smirnov D. A., Strus K. A. The Constitution of Civil Society: From Theory to Practice // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2013. No. 6. pp. 238–243.

[10] Zhinkin S. A., Vysotskaya L. P. On the Characteristics of Civil Society in the Context of Implementing the Principles of a Rule-of-Law State in Modern Russia // Bulletin of the Faculty of Law, Southern Federal University. 2020. Vol. 7, No. 4. pp. 12–16.

[11] Civil Society as a Guarantee of Political Dialogue and Countering Extremism: Key Constitutional and Legal Issues: Monograph / Head of the Authorial Team and Editor-in-Chief S. A. Avakyan. Moscow: Yustitsinform, 2015. 652 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-242-246

ВОРОТИЛИНА Татьяна Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова;
доцент кафедры гуманитарных и социальных наук,
Российский технологический университет – МИРЭА, Москва,
e-mail: Vorotilina@mail.ru

ШУЛЬЖЕНКО Ирина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)», Москва,
e-mail: irina_shulzhenko@bk.ru

КАНТАРИЯ-НЕВРЕТДИНОВА Екатерина Анзоровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова,
e-mail: Kantariya.EA@rea.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

Аннотация. *Актуальность работы определяется необходимостью совершенствования правозащитного механизма в целом и определение места в нем такого правового средства, как оказание бесплатной юридической помощи. Не смотря на наличие правового регулирования обозначенной области общественных отношений, назрела необходимость совершенствования правового регулирования и практики реализации субсидированной государством правовой помощи, гарантированной отдельным гражданам Конституцией РФ.*

Ключевые слова: *правозащитный механизм, права человека, бесплатная юридическая помощь, правозащитная система.*

Для цитирования: *Воротилина Т. В., Шульженко И. С., Кантария-Невретдинова Е. А. Отдельные аспекты правового регулирования бесплатной юридической помощи в России // Образование и право. 2026. № 10. С. 242–246.*

VOROTILINA Tatyana Viktorovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics;
Associate Professor at the Department of Humanities and
Social Sciences
Russian Technological University – MIREA,
Russia, Moscow

SHULZHENKO Irina Sergeevna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Head of the Department of Civil Law and Procedure, Institute of business career, Moscow

KANTARIYA-NEVRETDINOVA Ekaterina Anzorovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics

CERTAIN ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF FREE LEGAL AID IN RUSSIA

Annotation. *The relevance of this work is determined by the need to improve the human rights mechanism as a whole and to define the place of free legal aid within it. Despite the existence of legal regulation in this area of public relations, there is a pressing need to improve the legal framework and implementation practices for state-subsidized legal aid, guaranteed to individual citizens by the Constitution of the Russian Federation.*

Key words: *human rights mechanism, human rights, free legal aid, human rights system.*

For citation: *Vorotilina T. V., Shulzhenko I. S., Kantariya-Nevretdinova E. A. Certain aspects of legal regulation of free legal aid in Russia. Education and law. 2026;(10):242–246. (In Russ.).*

В статье 48 Основного закона Российской Федерации гарантируется право на получение бесплатной правовой помощи. Спецификой исследуемого нами субъективного права является его использование для защиты других прав.

В условиях бурно развивающихся общественных отношений весьма актуальным представляется вопрос о доступности юридической помощи малообеспеченным гражданам.

Современное отечественное законодательство предоставляет возможность получения бесплатной юридической помощи как по уголовным, так и по гражданским делам. Обязанность по обеспечению граждан бесплатной юридической помощью возложена на публичные органы власти, а также негосударственные правоохранительные. Наиболее значимое место в правозащитном механизме занимает профессиональное адвокатское сообщество, особенно в связи с оказанием юридической помощи по уголовным делам.

Нельзя не отметить, что проблематике реализации бесплатной юридической помощи в отечественной правовой доктрине уделяется внимание. Так, те или иные вопросы правового регулирования названных общественных отношений поднимаются в работах таких исследователей, как В.Н.Белин, О.Н.Бондарь, В.В.Варфоломеев, А.П.Зрелов, О.Ю.Кривоносова, А.Ю.Меркулова, Г.Б.Мирзоев, И.Б.Михайловская, А.С.Плетень, Г.М.Резник, В.Р.Хакимов, Е.С.Шугрина. Следует также обратить внимание на фундаментальные диссертационные исследования А.И.Бугаренко [2], А.А.Васильева [3], О.В.Пудовой [7], Т.Н.Карпенко [4], В.В. Россиева [8].

Бесплатная юридическая помощь известна как принцип pro bono (что в переводе с латыни означает: ради общественного блага [5]). Во многих странах на сегодняшний день институт «pro bono» выступает одним из элементов развитого гражданского общества. В России оказание бесплатной помощи поощряется в разных формах ее проявления: это и консультативная деятельность юридических центров, определенных министерств и ведомств, повсеместная практика создания Юридических клиник на базе высших учебных заведений и т.п. Качество такой помощи специалисты оценивают как крайне не высокое, это объясняется поверхностным характером оказываемых консультаций и иными причинами, но сам факт появления такого вида деятельности в нашей стране должен расцениваться как положительная тенденция, появление ещё одного способа обеспечения механизмом государственной власти права гражданина на бесплатную квалифицированную помощь.

Безусловно, необходимо отметить именно значение квалифицированной юридической помощи, ее эффективность.

Сущностной характеристикой исследуемого субъективного права является предоставление

гражданам правовых средств осуществления и защиты их прав и свобод. Бесплатная юридическая помощь содержит в себе конкретные действия, направленные на выполнение указанного права. Например, выбор конкретного нормативно-правового акта, относящегося к воплощению права, трактовки его сущности, написание и оформление соответствующим образом определенных документов, правильный выбор надлежащего органа, способного решить конкретные проблемные вопросы, реализация представительства во всех судах, а также иных государственных и негосударственных структур.

Исследуемое нами право является конституционным правом человека, его можно проклассифицировать по различным основаниям и отнести, соответственно, к позитивным, относительным, личным правам конкретных субъектов.

Как известно, субъектами любых правоотношений являются их участники. Рассмотрим далее субъектов правоохранительной деятельности, наделенных правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи, а также лиц, которым оказывается такая помощь. Первую группу субъектов составляют лица и организации, оказывающие бесплатную юридическую помощь, а вторую – лица, ее получающие.

В начале XXI века очевидной стала проблема реализации на практике предусмотренного ст. 48 Конституции Российской Федерации права на квалифицированную юридическую помощь. Координирующим органом в систематизации законодательства об оказании бесплатной юридической помощи, а также в организации работы в данной области является Министерство юстиции. Именно Минюст ведет учет деятельности адвокатов в государственной системе оказания бесплатной юридической помощи [6], это, в основном, количественные данные, связанные с оказанием юридической помощи.

На сегодняшний день в России наличествует две взаимосвязанные системы бесплатной юридической помощи: государственная и негосударственная. Субъекты государственной системы перечислены в ст.15 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ, а участники негосударственной системы перечислены в ст. 22 этого же нормативного правового акта.

В рамках данного исследования обратимся особо к юридическим клиникам, рассмотрим их в качестве структурного подразделения системы бесплатной юридической помощи. Они могут создаваться высшими юридическими учебными заведениями на добровольных началах.

В работе юридических клиник реализуют свои способности и компетенции студенты последних курсов образовательных организаций, входящих в систему высшего образования. Деятельность студенчества находится под контролем профессорско-педагогического состава высшего учебного заведения, при этом именно педагоги несут ответственность за действия обучающихся в связи с оказанием бесплатной юридической помощи.

Следует обратить внимание на одну проблему, а именно: правовой статус юридических клиник российским законодателем урегулирован недостаточно четко, из-за этого возникают определенные сложности в их практической деятельности. Можно с уверенностью утверждать, что назрела реальная необходимость разработки и включения в образовательную программу по направлению подготовки «Юриспруденция» специальной дисциплины по формированию компетенций в сфере оказания бесплатной юридической помощи.

Далее обратимся непосредственно к участникам правоохранительных отношений по получению бесплатной юридической помощи (самим гражданам, нуждающимся в такой помощи). По данным доклада Минюста России за 2025 год правом на субсидируемую государством бесплатную юридическую помощь могут воспользоваться более 23% населения страны.

Законодательство перечисляет случаи, в которых может быть оказана бесплатная юридическая помощь, а также лиц, которым такая помощь полагается [9]. Считаем вполне оправданным, что такая помощь предоставляется лишь по отдельным социально значимым вопросам.

Необходимо отметить, что региональное законодательство в целях эффективной реализации федерального законодательства устанавливает дополнительные гарантии обеспечения населения юридической помощью, для этого в большей части субъектов Российской Федерации приняты соответствующие подзаконные нормативные акты [1].

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что во всех регионах России сформирована нормативная база для оказания своими адвокатами бесплатных юридических услуг в рамках исполнения ФЗ № 324. Более того, отельные регионы стремятся расширить перечень субъектов, которым такие услуги оказываются на безвозмездной основе.

Учитывая положительный опыт некоторых регионов по расширению перечня лиц, которым может быть оказана бесплатная юридическая помощь, следует обратить внимание на проблему достижения социальной справедливости и социальной ориентированности при оказании такой помощи.

Итак, отметим, что субъекты правоохранительной деятельности, наделенные правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи определены на законодательном уровне, перечень таких субъектов является закрытым. Что касается субъектов, которым оказывается такая помощь, то их перечень также закреплен законодательно. К лицам, имеющим право на получение бесплатной юридической помощи, относятся граждане, которые либо принадлежат к социально незащищенной группе, либо по определенным причинам имеют право пользоваться социальными льготами.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что несмотря на некоторую изученность проблематики правового регулирования и правоприменительной деятельности отдельных субъектов правоотношений по оказанию бесплатной юридической помощи, еще остается достаточно обширный пласт проблем в данной сфере, в частности: на региональном уровне не в полной мере реализуется принцип равенства доступа к такой помощи (в ряде субъектов РФ отсутствуют государственные юридические бюро); не разработан механизм привлечения искусственного интеллекта при оказании подобной помощи, что в целом, могло бы повысить показатели реализации принципа доступности юридической помощи.

Список литературы:

[1] Белов И.В. Государственные юридические бюро как субъекты оказания бесплатной юридической помощи: // Материалы международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников. Саратов, 2015. С. 12.

[2] Бугаренко А.И. Теория, правовые аспекты и практика оказания гражданам бесплатной юридической помощи адвокатами: автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.

[3] Васильев А.А. Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 26 с.

[4] Карпенко Т.Н. Институт бесплатной юридической помощи в России: историко-теоретическое правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2025. 22 с.

[5] Морщакова Т.Г. Конституционные основы организации и реформирования системы квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 59.

[6] Приказ Минюста России от 12 ноября 2012 г. № 206 (ред. от 26.04.2018) «Об утверждении форм и сроков представления документов, связанных с участием адвокатов в деятельности государственной системы бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 10.09.2026).

[7] Пудова О. В. Бюджетное обеспечение деятельности адвокатов по оказанию бесплатной юридической помощи: автореф. дис… канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.

[8] Россиев В.В. Реализация права на бесплатную юридическую помощь в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2025. 30 с.

[9] Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. 23 ноября 2011 г. № 263.

References:

[1] Belov I.V. State Legal Bureaus as Providers of Free Legal Aid // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference for Postgraduate Students, Faculty, and Practitioners. Saratov, 2015. P. 12.

[2] Bugarenko A.I. Theory, Legal Aspects, and Practice of Providing Free Legal Aid to Citizens by Advocates: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2010. 28 p.

[3] Vasiliev A.A. The Constitutional Right to Free Qualified Legal Aid in the Russian Federation: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. Saratov, 2012. 26 p.

[4] Karpenko T.N. The Institution of Free Legal Aid in Russia: A Historical-Theoretical Legal Study: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. Belgorod, 2025. 22 p.

[5] Morshchakova T.G. Constitutional Foundations for Organizing and Reforming the System of Qualified Legal Aid in the Russian Federation // Comparative Constitutional Review. 2015. No. 5. P. 59.

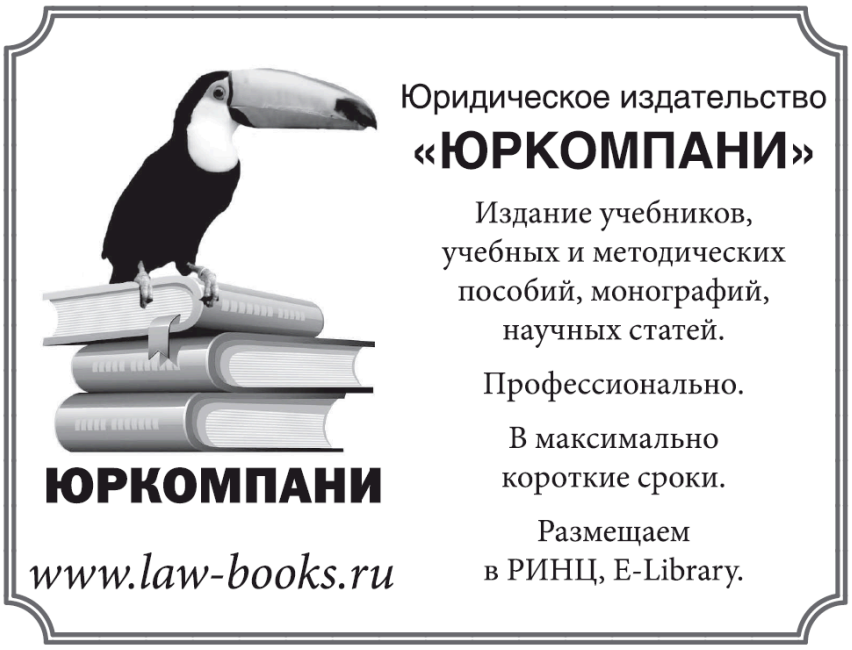
[6] Order of the Ministry of Justice of Russia No. 206 dated November 12, 2012 (as amended on April 26, 2018) "On Approving the Forms and Timeframes for Submitting Documents Related to the Participation of Advocates in the State System of Free Legal Aid in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information URL: http://www.pravo.gov.ru. (accessed: September 10, 2026).

[7] Pudova O. V. Budgetary Funding for the Provision of Free Legal Aid by Lawyers: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2011. 25 p.

[8] Rossiev V. V. Exercise of the Right to Free Legal Aid in the Russian Federation: Abstract of

Candidate of Legal Sciences Dissertation. Kemerovo, 2025. 30 p.

[9] Federal Law No. 324-FZ of November 21, 2011, "On Free Legal Aid in the Russian Federation" (current version) // Rossiyskaya Gazeta. November 23, 2011, No. 263.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-247-252
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

АНДРЮХИНА Оксана Валерьевна,
Торгово-промышленная палата Российской Федерации,
главный эксперт Департамента законотворческой деятельности,
e-mail: aov@tpprf.ru

МОСКОВСКАЯ ТОРГОВАЯ БИРЖА КАК ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *В статье исследуется история возникновения и развития Московской биржи как института представительства предпринимательства Российской империи. Автор анализирует эволюцию правовых обычаев и законодательных инициатив, начиная с указа Петра I 1703 года и до принятия Устава Московской биржи 1870 года. Особое внимание уделяется созданию Московского биржевого комитета в 1839 году, его полномочиям, включая квазисудебные функции по делам о несостоятельности, регулированию деятельности биржевых маклеров и артелей. Показано, что биржа выполняла функции торгово-промышленной палаты, а её правовой статус окончательно закрепился в Уставе 1870 года, предоставившем биржевому обществу права юридического лица. Рассматриваются прецеденты Правительствующего Сената, укрепившие юрисдикцию биржевых комитетов. Делается вывод о сочетании купеческого самоуправления и государственного надзора, а также о ценности исторического опыта для современного регулирования биржевой деятельности.*

Ключевые слова: *Московская биржа, московский биржевой комитет, правовое регулирование, Устав 1870 года, торгово-промышленная палата, квазисудебные функции, биржевые маклеры, артели.*

Для цитирования: *Андрюхина О. В. Московская торговая биржа как институт представительства предпринимателей в Российской Империи (историко-правовой аспект) // Образование и право. 2026. № 10. С. 247–252.*

ANDRIUKHINA Oksana Valeryevna,
Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation,
Chief Expert of the Department of Legislative Activity

THE MOSCOW TRADE EXCHANGE AS AN INSTITUTION REPRESENTING ENTREPRENEURS IN THE RUSSIAN EMPIRE (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Annotation. *The article examines the history of the emergence and development of the Moscow Stock Exchange as an institution representing entrepreneurship in the Russian Empire. The author analyzes the evolution of legal customs and legislative initiatives, starting with Peter I's decree of 1703 and ending with the adoption of the Charter of the Moscow Exchange in 1870. Special attention is paid to the establishment of the Moscow Exchange Committee in 1839, its powers, including quasi-judicial functions in insolvency cases, and the regulation of the activities of stockbrokers and artels. It is shown that the exchange performed the functions of a chamber of commerce and industry, and its legal status was finally consolidated in the Charter of 1870, which granted the exchange society the rights of a legal entity. The precedents of the Governing Senate, which strengthened the jurisdiction of exchange committees, are examined. The conclusion is drawn about the combination of merchant self-government and state supervision, as well as about the value of historical experience for the modern regulation of exchange activities.*

Key words: *Moscow Exchange, Moscow Exchange Committee, legal regulation, 1870 Charter, Chamber of Commerce and Industry, quasi-judicial functions, stockbrokers, artels.*

For citation: *Andriukhina O. V. The Moscow trade exchange as an institution representing entrepreneurs in the Russian Empire (historical and legal aspect). Education and law. 2026;(10):247–252. (In Russ.).*

Изучение истории возникновения и развития крупнейшего и наиболее авторитетного биржевого комитета России - Московской биржи представляет значительный интерес. Это связано с тем, что биржа являлась не просто местом совершения торговых сделок, но и специфическим институтом представительства предпринимательства, ее деятельность затрагивала нормы торгового, административного и гражданского права Российской империи. Отмечаем, что создание биржи в Москве стало результатом длительного процесса эволюции правовых обычаев и законодательных инициатив, направленных на упорядочение торговли. Московский биржевой комитет фактически выполнял функции торгово-промышленной палаты.

До начала XX века основным центром представительства российского капитала являлась Московская биржа, объединившая вокруг себя предпринимателей не только центральной, но и всей европейской части России. На протяжении десятилетий биржа оказывала существенное влияние на ход экономического развития страны [1, с. 38].

В России биржи являлись представительскими организациями. Правовой основой для становления биржевой деятельности в России послужил указ Петра I, датированный 1703 годом. Данный нормативный акт, ориентированный на западноевропейскую модель, определил открытие первой товарной биржи. Её деятельность интерпретировалась как особый механизм организации торговли, вексельного производства, а также систематизации сведений о судоходстве и коммерческом обороте. Согласно формулировке Г.Л. Рубинштейна, цель создания такого пространства заключалась в том, чтобы «каждый купец и продавец в один час повся дни тех может найти, с которыми нужда есть видеться» [2, с. 23].

В зарубежной практике биржа определялась как «узко замкнутая корпорация, защищающая и обеспечивающая интересы своих членов. Ее хозяевами являются биржевые дельцы, которые сами устанавливают условия участия в биржевой торговле, как членов биржи, так и посторонних лиц» [3, с. 149].

Московский биржевой комитет был учрежден на базе Московской биржи в 1839 году. До этого торговля в Москве осуществлялась на основе обычного права. После 1812 года купечество собиралось в среднем проходе с Ильинки на Гостиный двор, после на крыльце и прилегающем тротуаре. Торговля происходила под открытым небом, являясь, по сути, квазибиржевой деятельностью. Правовой статус этих сходок был неопределенным. Власти пытались регулировать их административными методами [7].

В Москве была сосредоточена вся российская торговля как отечественными, так и зарубежными товарами, и, конечно, отсутствие удобного места для торговли сильно снижало ее авторитет.

Вопрос о постройке биржи поднимался в 1817 году московским купцом 3-й гильдии Никифором Лежневым, затем в 1828 году московским военным генерал-губернатором князем Голицыным было передано градскому главе А.А. Мазурину предложение от московского купечества об обустройстве биржи. В постановлении от 6 апреля 1828 года, подписанном первостатейными купцами, констатировалась «необходимость» учреждения биржи, так как «замечательная столица не имеет удобного места для своих коммерческих сношений» [4, с. 4].

Таким образом, сложились объективные предпосылки для правового оформления биржевой деятельности. Экономическое развитие требовало перехода от устных обычаев к писаным нормам, регулирующим порядок совершения сделок и место проведения.

Процесс создания Московской биржи сопровождался сложной бюрократической процедурой, а также столкновением интересов различных групп купечества. В 1831 году министр финансов граф Е.Ф. Канкрин представил императору соображения о построении биржи. В документе от 20 ноября 1831 года подчеркивалось, что «построение в Москве биржи заменит чувствительный недостаток и будет иметь выгодное влияние на самый ход торговли» [4, с. 5].

Правовой анализ этого документа позволяет выделить два основных подхода к выбору места. Первый предполагал строительство отдельного здания за Гостиным двором (на месте рыбного ряда), второй - постройку обыкновенного дома с большим залом напротив Гостиного двора. В предложении Е.Ф. Канкрина уже содержалась идея совмещения биржи с коммерческим судом, что свидетельствует о стремлении государства интегрировать торговые и судебные функции в едином правовом пространстве.

Однако реализация этих планов столкнулась с правовыми и имущественными спорами. В 1832 году был создан особый комитет для рассмотрения проектов, в состав которого вошли как государственные чиновники (сенатор А.А. Башилов,

архитектор О.И. Бове), так и представители купечества (И.М. Ярцев, М.И. Титов, И.Н. Рыбников и др.) [4, с. 6]. Это свидетельствует о формировании модели государственно-частного партнерства в решении инфраструктурных задач.

Особый комитет признал место у рыбного ряда неудобным. В дальнейшем рассматривались разные варианты устроения биржи: за собором Василия Блаженного приобрести ряд лавок купцов, стоящий напротив Гостиного двора дом купчихи Веры Алексеевой. Однако и эти проекты не были реализованы, потому что император Николай I их не одобрил. Это привело к новому этапу поисков, в ходе которых рассматривался даже вариант постройки биржи напротив памятника Минину и Пожарскому.

Лишь 29 октября 1835 года доклад генерал-губернатора князя Д.В. Голицына был одобрен. Ключевым правовым аргументом стало признание того, что «Москва, будучи средоточием внутренней, а не внешней торговли, не нуждается в слишком пространной бирже, как в Санкт-Петербурге. Поэтому было решено ограничиться одной биржевой залой без всяких других принадлежностей» [4, с. 10]. Это решение закрепило специфику правового статуса Московской биржи как учреждения, ориентированного преимущественно на внутренний рынок.

1 июля 1836 года состоялась торжественная закладка биржевого здания. Правовым сопровождением этого события стало составление документа, в котором были детально прописаны порядок совершения закладки и приглашения почетных лиц. В закладную доску была внесена надпись, удостоверяющая, что биржевой зал заложен «на Всемилостивейше пожалованный... капитал» [4, с. 11]. Постройка здания была окончена только во второй половине 1839 года. После освящения биржи 8 ноября 1839 года она была открыта.

Несмотря на то, что в построенном здании было намного удобнее проводить торги, особенно в зимнее время, торговцы по привычке все равно собирались на крыльце гостиного двора. С целью пресечения таких собраний вне здания новой биржи обращались к полицмейстеру, собственникам гостиного двора. Только в 1860 году все-таки удалось перенести собрания с улицы в здание.

Стоит отметить, что с момента образования Московской биржи вплоть до 1860 года биржевое купечество было разрозненным, не имело правового статуса, деятельность была связана с подготовкой незначительных справок, получением объявлений и содержанием здания [4, с. 16]. Свое развитие биржа получила с начала постройки железной дороги, устройства кредитных учреждений. Правительство стало обращаться в Московский биржевой комитет за мнением купечества по различным проектам. Купечество также обращалось с заявлениями по возникающим вопросам торговли и промышленности.

В связи с быстрым развитием торговли в Москве в 1863 году было принято решение произвести за счет купеческого общества расширение здания биржи. После постройки здания в соответствии с постановлением собрания выборного купеческого сословия от 19 марта 1876 года здание было предоставлено в пользование московскому биржевому обществу навсегда.

Важнейшим этапом правового оформления биржи стало учреждение биржевого комитета. Ранее открытия Московской биржи 16 ноября 1837 года был утвержден биржевой комитет, на который были распространены правила для Санкт-Петербургского биржевого комитета. «Биржевой комитет являлся органом, через который местное биржевое купечество и промышленники вступали в сношения с Министерством финансов и другими правительственными ведомствами, - и заявляло правительству о своих нуждах и чаяниях» [5, с. 13-14].

Московская биржа была подчинена Министерству финансов, департаменту внешней торговли, с 1 января 1865 года – департаменту торговли и мануфактур.

11 ноября 1839 года началась деятельность Московского биржевого комитета. Первые его распоряжения касались устройства биржи, передачи строительным комитетом здания биржи, принятия решения о распространении требований устава Санкт-Петербургского биржевого комитета, назначения заседаний и маклеров.

Состав биржевого комитета за все время его существования претерпевал изменения. Количество записавшихся в биржу увеличивалось, так, в 1840 году – 370, в 1864 году – 541, в 1874 году – 1375, в 1880 году – 1499 человек. (МБ с. 72) Первоначально старшины избирались на трехлетний срок. Однако 12 января 1859 года последовало Высочайшее утверждение мнения Государственного совета об избрании в Московский биржевой комитет особого председателя, что ознаменовало важный этап в развитии самоуправления купечества.

Правовой статус биржевого комитета был окончательно закреплен Уставом Московской биржи, утвержденным 20 марта 1870 года. Этот документ предоставил биржевому обществу права юридического лица. Как было отмечено: «с этого времени началась новая жизнь биржи, как организованного надлежащим образом учреждения - деятельность биржевого общества, как юридического лица, поставленного наряду со всеми други-

ми существующими обществами и сословиями» [4, с. 18].

По мнению Федотова В.И., устав Московской биржи был примером для других как уже существовавших, так и вновь создаваемых бирж [6, с. 51]. Он разграничил компетенцию собрания выборных и биржевого комитета. Комитет занимался посредничеством в спорных делах, удостоверением торговых обычаев, назначением экспертов, выдачей свидетельств для перевода конкурсов и учреждением администраций по торговым делам. Биржевой комитет выполнял функции квазисудебного органа по делам о несостоятельности. Решения биржевого комитета могли обжаловаться в Правительствующий Сенат. Например, в 1870 году Сенат рассматривал жалобу на допущение администрации по делам казанского торгового дома «Крупеников и К°». Было признано, что законы об администрациях не ограничивают открытие администрации местом пребывания должника, а требуют лишь заявление просьбы большинством наличных кредиторов [4, с. 27]. Этот прецедент укрепил правовой статус биржевых комитетов как органов, уполномоченных принимать решения, имеющие юридическую силу.

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование деятельности биржевых маклеров. Институт гоф-маклеров уходит корнями к указу Петра I от 17 марта 1717 года [4, с. 38]. Однако на Московской бирже их статус долгое время оставался неопределенным. Лишь 4 мая 1842 года было утверждено положение о маклерах при Московской бирже.

Порядок выборов маклеров неоднократно менялся. В 1864 году был установлен порядок, при котором выборы производились посредством баллотирования в собрании не менее 1/3 голосов торгующего купечества, причем избранными считались получившие не менее 2/3 голосов. Позже это большинство было заменено половинным. В 1875 году право производства выборов маклеров было предоставлено выборным биржевого общества [4, с. 42-44].

Значительный интерес представляет правовое регулирование биржевых артелей. В 1863 году купечество обратилось в биржевой комитет с заявлением о необходимости составления правил об артелях, чтобы эти правила имели «законодательную силу, как для артельщиков, так и для хозяев». Проект устава о биржевых артелях был представлен на утверждение, однако министр финансов постановил ввести их в виде опыта на 3 года [4, с. 51-52]. Это яркий пример экспериментального правового регулирования, характерного для эпохи великих реформ.

Принятие Устава 1870 года стало кульминацией правового оформления Московской биржи. Устав определил структуру управления, права и обязанности выборных, порядок ведения дел. В последующие годы в Устав вносились изменения. В частности, в 1872, 1875 и 1876 годах были приняты дополнения, касающиеся порядка избрания должностных лиц и организации работы комитета [4, с. 54, 56]. Эти изменения отражали адаптацию правовых норм к меняющимся экономическим условиям, в частности, к развитию фондового рынка и железнодорожного строительства.

На собраниях выборных рассматривались проекты нового вексельного устава (1862), вопрос о свободном обращении бумаг на предъявителя (1864), об ответственности надписателей по векселям (1868), о проекте положения о биржевых нотариусах (1875) [4, с. 29–37]. Это свидетельствует о том, что биржевое общество активно участвовало в законотворческом процессе, выступая в качестве экспертной площадки для Министерства финансов.

При биржевом комитете была создана библиотека, в которой содержались законы и распоряжения правительства, статистические материалы по делам торговли и промышленности, сведения об иностранном законодательстве в сфере торговли. Особое внимание заслуживает «Свод Полного Собрания Законов Российской Империи».

Как указывает историк Епифанова Л.М. в своем исследовании про деятельность Московского биржевого комитета: «Изучение истории и деятельности одной из крупнейших представительных организаций буржуазии России продемонстрировало, что эти организации являлись одним из важнейших элементов практики предпринимательства в качестве рычагов и орудий воздействия на органы власти для создания возможно более благоприятных условий предпринимательской деятельности. Представительные организации отражали функционирование буржуазии и ее отдельных групп в социально-экономической сфере. Экономические составляющие являлись определяющим элементом, однако экономическое постоянно продуцировало социальное, что было связано, в конечном счете, с генеральными процессами, происходящими в истории буржуазии во второй половине XIX - начале XX в» [4, с. 26].

Возникновение Московской биржи явилось итогом многовековой эволюции правовых обычаев и законодательных инициатив. Долгое время в Москве, как центре оптовой торговли, не существовало оптимальной юридической конструкции биржевого учреждения.

Правовой статус Московской биржи формировался под непосредственным влиянием столичного (санкт-петербургского) законодательства.

Вплоть до принятия самостоятельного устава в 1870 году биржевой комитет руководствовался правилами, изданными для Санкт-Петербургского биржевого комитета. С одной стороны, такое положение дел обеспечивало единство правового пространства в сфере биржевой торговли и унификацию процедур, с другой стороны, не учитывало в полной мере специфику московского торгового оборота.

Принятие Устава Московской биржи 1870 года стало ключевым этапом институционализации биржевого общества, которое приобрело статус юридического лица, что позволило ему самостоятельно участвовать в гражданско-правовых отношениях и выступать субъектом торгового оборота. Биржевой комитет получил широкие полномочия, включая посредничество в торговых спорах, удостоверение торговых обычаев, назначение экспертов и учреждение администраций по делам несостоятельных должников. Таким образом, был создан механизм саморегулирования торгово-промышленной деятельности под контролем государства.

Юрисдикционная деятельность Московской биржи не ограничивалась экономической сферой. Институт администраций по торговым делам, созданный при биржевом комитете, представлял собой механизм альтернативного разрешения дел о несостоятельности, позволявший обходиться без общих судебных инстанций. Правительствующий Сенат в решениях 1844, 1872, 1882 и 1886 гг. подтвердил правомерность открытия таких администраций и определил подсудность связанных с ними дел, что свидетельствует о закреплении за биржевыми органами особой юрисдикции в торгово-правовой сфере.

Таким образом, к 1889 году Московская биржа представляла собой сложный институт представительства предпринимательства, в деятельности которого сочетались элементы купеческого самоуправления и государственного надзора. Опыт её создания и функционирования является ценным источником для изучения истории российского торгового права и может быть учтён при анализе современных процессов институционализации рынка, особенно в части соотношения частноправовых и публично-правовых начал в регулировании биржевой деятельности.

Список литературы:

[1] Национальная программа «Российская деловая культура» / Торгово-промышленная палата Российской Федерации ; под ред. Центра интегрированного обучения «ITC» и Н. Быкова. – Москва : ТОО «Офсет Принт Москва», 1997. – 138 с.

[2] Рубинштейн, Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – 394 с.

[3] Воронов, К. Г. Организация и техника внешней торговли / К. Г. Воронов, К. А. Павлов. – Москва : Международные отношения, 1970. – 360 с.

[4] Найденов, Н. А. Московская биржа 1839–1889 : очерк возникновения и деятельности / Н. А. Найденов. – Москва : Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889. – 130 с.

[5] Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / А. М. Рыбаков [и др.] ; предисл. С. Н. Катырина. – Москва : ТПП РФ : АИРО-XXI, 2014. – 432 с.

[6] Федотов, В. И. Торгово-промышленные палаты. Ч. 1. История / В. И. Федотов ; под ред. С. А. Смирнова. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 260 с.

[7] Епифанова, Л. М. Московский биржевой комитет как представительная организация буржуазии (1870–1913 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Епифанова Лилия Михайловна. – Москва, 1998. – 26 с.

References:

[1] National program “Russian Business Culture” / Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation; edited by Center for Integrated Training "ITC" and N. Bykov. – Moscow: LLP “Offset Print Moscow”, 1997. – 138 p.

[2] Rubinshtein, G. L. Development of internal trade in the USSR / G. L. Rubinshtein. – Leningrad: Publishing house Leningr. University, 1964. – 394 p.

[3] Voronov, K. G. Organization and technology of foreign trade / K. G. Voronov, K. A. Pavlov. – Moscow: International Relations, 1970. – 360 p.

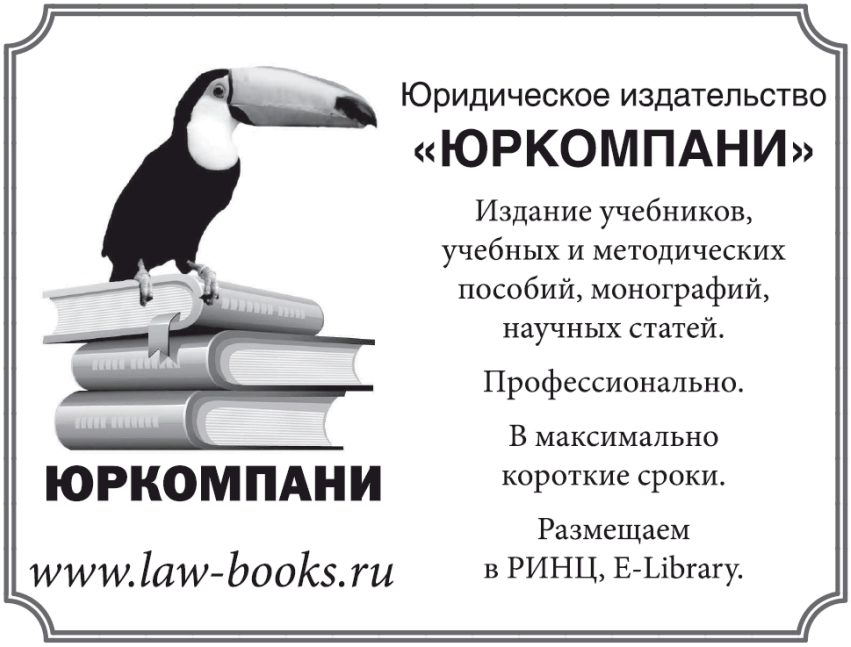
[4] Naydenov, N.A. Moscow Exchange 1839–1889: an outline of its origins and activities / N.A. Naydenov. – Moscow: Typo-lithography of the company I. N. Kushnerev and Co., 1889. – 130 p.

[5] Chambers of Commerce and Industry and Exchange Committees of Russia during the First World War / A. M. Rybakov [etc.] ; preface S. N. Katyrina. – Moscow: Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation: AIRO-XXI, 2014. – 432 p.

[6] Fedotov, V.I. Chambers of Commerce and Industry. Part 1. History / V. I. Fedotov; edited by S. A. Smirnova. – Saratov: Publishing house Sarat. University, 2000. – 260 p.

[7] Epifanova, L. M. The Moscow Stock Exchange Committee as a Representative Organization of the Bourgeoisie (1870–1913): Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate

of Historical Sciences (Specialty 07.00.02) / Liliya Mikhailovna Epifanova. – Moscow, 1998. – 26 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-253-259

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна,
кандидат юридических наук, доцент
Центра практической юриспруденции и
цифровых компетенций
Юридического факультета Государственного
академического
университета гуманитарных наук, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-2716-9282,
тел.: +7 (968) 865-74-74,
e-mail: vk.shaydullina@gmail.com

УЧАСТНИКИ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ (ВИРТУАЛЬНЫХ) АКТИВОВ В РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ОТ СПЕЦИАЛЬНЫХ СТАТУСОВ К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОПОСТАВИМОСТИ

Аннотация. *В статье сопоставляются правовые подходы России и Азербайджана к определению круга лиц, участвующих в обороте цифровых (виртуальных) активов, и их правового положения. Исследование опирается на новый российский закон о цифровых валютах и цифровых правах 2026 г., азербайджанское законодательство о противодействии легализации преступных доходов и акты центрального банка, а также на данные о реестрах и регуляторной песочнице.*

Показано, что цифровой оборот не порождает новых субъектов гражданского права: его участниками выступают уже известные правопорядку лица, наделяемые специальным статусом в зависимости от выполняемой функции. Российское право распределяет функции размещения, учета, обмена, посредничества и майнинга между несколькими поименованными категориями профессиональных участников, азербайджанское – объединяет их в широкой категории поставщика услуг виртуальных активов.

Делается вывод, что сближение двух правопорядков должно касаться не наименований участников, а гражданско-правовых последствий их деятельности: порядка возникновения и перехода прав, содержания обязанностей перед обладателем актива и оснований ответственности. Функциональный подход ФАТФ может служить общим ориентиром для такой работы.

Ключевые слова: *цифровые права; цифровая валюта; виртуальный актив; субъект гражданского права; оператор информационной системы; цифровой депозитарий; поставщик услуг виртуальных активов; майнинг; Российская Федерация; Азербайджанская Республика.*

Для цитирования: *Шайдуллина В. К. Участники оборота цифровых (виртуальных) активов в России и Азербайджане: от специальных статусов к функциональной сопоставимости // Образование и право. 2026. № 10. С. 253–259.*

SHAIDULLINA Venera Kamilevna,
Candidate of Legal Sciences; Associate Professor,
Center for Practical Jurisprudence and Digital Competencies,
Faculty of Law, State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia

PARTICIPANTS IN THE CIRCULATION OF DIGITAL (VIRTUAL) ASSETS IN RUSSIA AND AZERBAIJAN: FROM SPECIAL STATUSES TO FUNCTIONAL COMPARABILITY

Annotation. *The article compares the approaches of Russia and Azerbaijan to defining the range of persons involved in the circulation of digital (virtual) assets and their legal status. The study*

draws on the new Russian law on digital currencies and digital rights of 2026, Azerbaijani anti-money laundering legislation and central bank acts, as well as data on registers and the regulatory sandbox.

It is shown that digital circulation does not create new subjects of civil law: its participants are persons already known to the legal system who acquire a special status depending on the function they perform. Russian law distributes the functions of placement, recording, exchange, intermediation and mining among several named categories of professional participants, whereas Azerbaijani law brings them together in the broad category of a virtual asset service provider.

The article concludes that convergence of the two legal systems should concern not the names of participants but the civil-law consequences of their activities: the rules on the creation and transfer of rights, the content of duties owed to the asset holder and the grounds of liability. The functional approach of the FATF may serve as a common reference point for this work.

Key words: *digital rights; digital currency; virtual asset; subject of civil law; information system operator; digital depository; virtual asset service provider; mining; Russian Federation; Republic of Azerbaijan.*

For citation: *Shaidullina V. K. Participants in the circulation of digital (virtual) assets in Russia and Azerbaijan: from special statuses to functional comparability. Education and law. 2026;(10):253–259. (In Russ.).*

Введение

Правовое регулирование цифровых (виртуальных) активов долгое время строилось вокруг вопроса об объекте: что представляет собой цифровой актив и можно ли включить его в систему объектов гражданских прав. Однако по мере формирования рынка на первый план выходит другой вопрос – кто и в каком качестве участвует в обороте таких активов. От ответа на него зависят распределение обязанностей между сторонами, выбор лица, отвечающего перед обладателем актива, и сама возможность защитить нарушенное право.

Для сравнения российского и азербайджанского права этот вопрос особенно актуален. В 2026 г. в России принят Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», который существенно расширил и детализировал круг профессиональных участников. Азербайджанское регулирование развивается иначе: базовые категории участников закреплены в законодательстве о противодействии легализации преступных доходов, а специальный режим рынка виртуальных активов еще формируется [12].

Цель статьи – выявить, как каждая из двух правовых систем определяет участников оборота цифровых (виртуальных) активов, сопоставить избранные подходы и определить, в каком направлении возможно их сближение.

Доктринальные подходы к субъекту цифрового оборота

Первоначально внимание исследователей было сосредоточено на двух фигурах – лице, выпускающем актив, и его приобретателе, тогда как профессиональный посредник оставался в тени. Между тем уже ранние работы о цифровых финансовых активах показывали, что открытость записей в распределенном реестре сочетается с регулируемой инфраструктурой: выпуск возможен лишь в информационных системах, операторы которых включены Банком России в специальный реестр [10], а доступ к сведениям об активе определяется правилами соответствующей системы [5]. Отсюда следует, что состав участников задается не технологией как таковой, а регуляторными решениями, преследующими цели публичного контроля и защиты слабой стороны.

В литературе оператор информационной системы и оператор обмена отнесены к профессиональным участникам финансового рынка, опосредующим выпуск и обращение цифровых активов [3]. Их особый статус обусловлен выполняемыми функциями, публично-правовыми требованиями и включением в реестр, но не выводит их за пределы общего правового положения юридических лиц. Этот функциональный подход представляется наиболее продуктивным: участников целесообразно различать не по формальным признакам (физическое или юридическое лицо, резидент или нерезидент), а по содержанию выполняемой функции – эмиссии, учета, организации торгов, посредничества, подтверждения записей, надзора.

Важно и то, что появление новых участников инфраструктуры не означает появления новых субъективных прав. Е.А. Суханов характеризует цифровые права как «не новый вид субъективных гражданских прав (…), а лишь их новую («цифровую») форму» [9]. Применительно к субъектному составу это означает, что «оператор», «цифровой депозитарий» или «поставщик услуг» представляют собой не новые виды правосубъектности, а специальные статусы известных гражданскому праву лиц. Поэтому изучать следует не особых субъектов, а специальные правовые режимы их деятельности.

Связь правового режима актива с участниками инфраструктуры отмечается и при разграничении цифровых финансовых активов и бездокументарных ценных бумаг: одним из критериев выступают наличие посредника и архитектура информационной системы [4]. Вместе с тем содержание удостоверяемых прав определяет решение о выпуске, а не оператор: оператор устанавливает правила системы, способы учета и порядок доступа. Следовательно, взаимосвязь объекта и субъекта проявляется в законодательном распределении функций между эмитентом, оператором и обладателем. Для невзаимозаменяемых токенов, где такие функции нормативно не распределены, условия осуществления прав фактически определяет платформа, и специальное регулирование призвано превратить этот фактический контроль в юридически оформленные обязанности [8]. Наконец, терминологическая неопределенность цифрового регулирования [11] и дискуссия о том, являются ли цифровые права объектом или лишь формой закрепления прав [2], подтверждают, что квалификация объекта и определение статуса участника – связанные, но самостоятельные вопросы.

Участники оборота по российскому законодательству

Базовый уровень субъектного состава образуют эмитенты и обладатели цифровых прав. В отличие от профессиональных участников, их статус не зависит от лицензии или включения в реестр Банка России. Эмитентом может быть юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, а также орган публичной власти, принимающий обязательства от имени публично-правового образования. Последнее создает нормативную предпосылку для оформления таких обязательств в цифровой форме, однако их допустимость в каждом случае должна оцениваться с учетом бюджетного законодательства. Обладатель цифрового права определяется через способ учета: при учете на цифровом счете – по приходной записи, при учете на адресе-идентификаторе – по доступу, предоставленному цифровым депозитарием, либо по владению ключом доступа и праву распоряжаться активом от своего имени. Круг обладателей не ограничен российскими лицами, однако возможность приобрести конкретный выпуск зависит от решения о выпуске и категорий доступности, устанавливаемых Банком России.

Центральное место в инфраструктуре сохраняет оператор информационной системы – российское хозяйственное общество, включенное в реестр Банка России. Размещение цифровых прав осуществляется путем внесения записей оператором по указанию эмитента, поэтому возникновение права связано не только с волеизъявлением сторон, но и с юридически значимым учетным действием. Отношения оператора с эмитентом оформляются договором об оказании услуг по размещению, заключаемым путем присоединения к правилам системы; оператор может быть и эмитентом собственных прав. Помимо учетной функции, он вправе содействовать заключению договоров путем сопоставления заявок либо совершать сделки за свой счет в интересах третьих лиц, что влечет обязанность выявлять конфликты интересов и управлять ими. Закон допускает также размещение и перевод цифровых прав в иностранную информационную систему. Это частично отвечает на проблему права, применимого к трансграничным операциям с цифровыми правами [6], но не устраняет ее: содержание права определяется российским законодательством, тогда как учет в иностранной системе может подчиняться иному правопорядку.

Самостоятельным участником становится цифровой депозитарий, который ведет цифровые счета, обеспечивает учет и переход цифровых валют и цифровых прав и предоставляет доступ к адресам-идентификаторам; расчетный депозитарий обслуживает сделки, заключенные на организованных торгах. При этом функции учета не отделены от оператора жестко: цифровые права могут учитываться в системе как оператора, так и депозитария, а депозитарий вправе открывать у оператора счет номинального держателя. Поэтому российскую модель правильнее описывать как многоуровневую систему учета с допустимым сочетанием функций, а не как их строгое институциональное разделение.

Круг участников расширен за счет традиционных посредников финансового рынка: организатора торговли, брокера, доверительного управляющего, клиринговой организации. Отдельный статус получает организация, осуществляющая обмен цифровых валют, деятельность которой определена через систематическое совершение сделок от своего имени и за свой счет вне организованных торгов (не менее двух сделок в месяц на сумму свыше 3,5 млн руб.). Закон тем самым воспроизводит известный финансовому рынку принцип функциональной специализации посредников, что соответствует ранее высказанному в литературе выводу о сближении цифровой инфраструктуры с традиционными институтами [7], но дополняет его особенностями цифровой среды – адресами-идентификаторами и взаимодействием с иностранными системами.

Допуск на рынок построен по модели регулируемого входа. Оператор, цифровой депозитарий и обменная организация должны быть российски-

ми хозяйственными обществами, включенными в реестры Банка России; к ним предъявляются требования к собственным средствам (для обменной организации закон прямо устанавливает минимум в 15 млн руб.), к программно-техническим комплексам на территории России, внутреннему контролю и управлению рисками, деловой репутации руководителей и владельцев значительных долей, а также обязанность членства в саморегулируемой организации. Такие требования повышают защищенность обладателей активов, но одновременно увеличивают стоимость входа на рынок; двойственный характер регулирования, одновременно ограничивающего и открывающего возможности, отмечался и применительно к прежнему закону [1].

Особую группу составляют лица, осуществляющие майнинг, участники и организаторы майнинг-пулов и операторы майнинговой инфраструктуры. Майнинг охватывает вычисления как для выпуска цифровой валюты, так и для подтверждения записей, поэтому майнер лишь частично сопоставим с валидатором и не совпадает ни с эмитентом, ни с оператором. Граждане без статуса предпринимателя могут заниматься майнингом в пределах установленного лимита энергопотребления; следовательно, эта деятельность не всегда является предпринимательской. Контроль здесь распределен между налоговым органом и органами, определяемыми Правительством Российской Федерации, а не сосредоточен у Банка России.

Положение приобретателей дифференцируется не через ограничение правоспособности, а через режимы допуска к отдельным активам: права, ограниченные в обращении решением о выпуске; права только для квалифицированных инвесторов; права, доступные после тестирования; права без ограничений. Для цифровых валют предусмотрен отдельный режим тестирования и годовой предел приобретения для неквалифицированных инвесторов, не применяемый к внешнеторговым расчетам. Соблюдение ограничений возложено прежде всего на инфраструктурных участников, а их нарушение влечет, например, обязанность оператора выкупить права у приобретателя. Банк России выступает основным регулятором финансовой инфраструктуры, располагающим полномочиями от ведения реестров до обращения в суд с заявлением о ликвидации, однако в целом российскую модель точнее характеризовать как сочетание централизованного финансового надзора с распределенным контролем в сфере майнинга.

Участники оборота по азербайджанскому законодательству

Первичный контур участников в Азербайджанской Республике задан Законом от 30 декабря 2022 г. № 781-VIQ «О борьбе с легализацией имущества, полученного преступным путем, и финансированием терроризма». Закон относит поставщиков услуг виртуальных активов к финансовым учреждениям и обязанным лицам и определяет их функционально: через обмен виртуальных активов на национальную валюту, валютные ценности или иные виртуальные активы, их перевод, организацию сделок и хранения, а также финансовые услуги, связанные с приобретением, продажей и первичным размещением таких активов.

Более подробный перечень участников содержат Правила проведения операций с виртуальными активами, утвержденные решением Правления Центрального банка Азербайджанской Республики от 24 февраля 2023 г. № 11/1: владелец актива, бенефициар, поставщик услуг, а также поставщики со стороны отправителя и получателя. Однако вступление Правил в силу отложено до принятия актов о деятельности поставщиков услуг, а по содержанию они посвящены надлежащей проверке клиентов, передаче сведений по цепочке операции и целевым финансовым санкциям. Они не определяют гражданско-правового положения обладателя актива и не разграничивают статусы обменной организации, хранителя или организатора торгов. Поэтому азербайджанскую модель на данном этапе следует характеризовать как функциональную и преимущественно публично-правовую.

Переход к полноценному регулированию связан с законодательным пакетом, представленным на утверждение в 2026 г.: по позиции Центрального банка, организации, работающие с криптоактивами, должны будут получать лицензию и находиться под постоянным надзором. Опубликованные сведения пока не позволяют утверждать, что будущий закон закрепит закрытый перечень специализированных статусов, сопоставимый с российским. Недопустимо и отождествлять азербайджанское лицензирование с включением в реестры Банка России: это разные механизмы допуска. Сближение двух правопорядков можно констатировать лишь на общем уровне – в переходе к обязательному публично-правовому допуску профессиональных участников и последующему надзору.

Нормативный состав и фактическая инфраструктура

Сопоставление нормативного состава с фактической инфраструктурой подтверждает различие стадий развития двух рынков. В России новый режим опирается на уже сложившийся сегмент цифровых финансовых активов: на конец 2025 г. в реестре Банка России состояли 19 операторов

информационных систем, из них 13 вели активную деятельность; за 2025 г. было размещено 2007 выпусков на 1,65 трлн руб.; к 20 августа 2026 г. число операторов выросло до 25, то есть на 31,6 %. В Азербайджане постоянного реестра поставщиков услуг пока нет, и показательными остаются данные регуляторной песочницы: в двух циклах было подано 35 заявок, к тестированию допущено восемь проектов (22,9 %), из которых пять (62,5 %) непосредственно связаны с виртуальными активами.

С цивилистической точки зрения эти данные важны не сами по себе. Они показывают, что в России функции уже закреплены за специализированными субъектами, и договорные обязанности и ответственность могут распределяться между оператором, депозитарием, брокером и другими участниками. В Азербайджане апробируемые модели чаще соединяют обмен, перевод, посредничество и хранение в одном лице. Соответственно, российская модель тяготеет к множественности специализированных обязательственных связей, а азербайджанская – к концентрации нескольких обязанностей в одном договорном контрагенте, что непосредственно влияет на определение лица, отвечающего перед обладателем актива.

Функциональный и институциональный подходы

Оба правопорядка формируют состав участников с учетом Рекомендаций ФАТФ. Рекомендация 15 требует регулировать, лицензировать или регистрировать поставщиков услуг виртуальных активов, а само понятие такого поставщика построено функционально – через обмен, перевод, хранение, администрирование активов и связанные с их размещением финансовые услуги. Статус тем самым зависит не от наименования участника и не от технологии, а от содержания его деятельности.

Азербайджанское регулирование почти непосредственно воспроизводит эту логику: единая категория поставщика охватывает разнородные по экономическому содержанию операции, а Правила 2023 г. различают роли участников конкретной операции. Российский законодатель избрал институционально-функциональный путь: вместо общей категории закреплено несколько самостоятельных статусов, содержание каждого из которых определяется через перечень функций. Поэтому противопоставлять российскую модель как институциональную азербайджанской как функциональной было бы упрощением – различие состоит прежде всего в степени нормативной дифференциации.

Функциональный подход ФАТФ может служить общим ориентиром для обоих государств не в смысле замены национальных категорий единым понятием, а в смысле недопущения ситуации, когда экономически однородная деятельность выпадает из регулирования лишь потому, что ее технологическая или договорная форма не названа законом. Для России это означает необходимость четко разграничивать смежные функции, прежде всего оператора и цифрового депозитария, допуская их правомерное сочетание. Для Азербайджана – последовательно конкретизировать общую категорию поставщика, дифференцируя требования к обмену, хранению, посредничеству и иным функциям в зависимости от их рисков, не создавая при этом обязательно отдельный вид юридического лица для каждой из них.

Отдельного внимания требует трансграничный аспект. Российский закон вводит категорию иностранного цифрового инструмента и допускает взаимодействие с иностранными системами; азербайджанские Правила выделяют поставщиков со стороны отправителя и получателя именно потому, что виртуальный актив может передаваться между поставщиками разных государств. Однако трансграничных участников точнее рассматривать не как особый вид субъекта, а как характеристику правоотношения: один и тот же поставщик, депозитарий или владелец актива может действовать в иностранной системе или с иностранным контрагентом. Соответствующие вопросы решаются через применимое право, юрисдикцию и признание юридических последствий операций, а не через создание новой категории правосубъектности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Оборот цифровых (виртуальных) активов не создает новых субъектов гражданского права: его участниками выступают уже известные правопорядку лица, получающие специальный статус в зависимости от выполняемой функции. В России такой статус закрепляется за несколькими поименованными категориями профессиональных участников, в Азербайджане – за широкой функциональной категорией поставщика услуг виртуальных активов.

Определяющее значение имеет не наименование участника, а содержание его прав и обязанностей. Действия оператора, депозитария или поставщика услуг могут быть юридическими фактами, с которыми связаны возникновение, учет и переход имущественных прав. Сочетание нескольких функций в одном лице не требует запрета, если обеспечены разграничение обязанностей, предотвращение конфликта интересов и возможность определить ответственное перед обладателем актива лицо.

Сближение российского и азербайджанского регулирования должно быть направлено не на унификацию наименований профессиональных участников, а на согласование гражданско-правовых последствий их деятельности: правил возникновения и перехода прав, содержания обязанностей перед обладателем, порядка исполнения договоров, способов защиты и оснований ответственности. Соотношение диспозитивных и императивных норм при этом должно определяться характером функции, степенью профессионального участия и объемом рисков, которые деятельность создает для обладателей активов.

Список литературы:

[1] Агеев В. Н., Власов А. В. Потенциал применения цифровых финансовых активов // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 6. С. 100-112.

[2] Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33, № 1. С. 90-99.

[3] Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М.: Проспект, 2023. 240 с.

[4] Захаркина А. В. Цифровые финансовые активы через призму учения о бездокументарных ценных бумагах // Ex jure. 2022. № 3. С. 55-69.

[5] Иванова С. А., Горбачева О. Ю. Юридическое содержание конструкции «цифровые финансовые активы» // Образование и право. 2024. № 5. С. 201-205.

[6] Кузьменков М. Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3. С. 152-159.

[7] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 124-134.

[8] Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12. С. 84-93.

[9] Суханов Е. А. Проблемы развития российского частного права: избранные труды 2018–2023 гг. М.: Статут, 2023. 384 с.

[10] Харитонова Ю. С., Санникова Л. В. Цифровые финансовые инструменты для социализации частного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 208-224.

[11] Цареградская Ю. К. Трансформация предмета финансово-правового регулирования в условиях развития цифровой экономики // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2020. 256 с.

[12] Шайдуллина В. К. Проблемы гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов в международных расчетах на примере законодательства Российской Федерации и Азербайджанской Республики // Современное право. 2025. № 6. С. 126–130.

References:

[1] Ageev V. N., Vlasov A. V. The Potential for the Use of Digital Financial Assets // Financial Journal. 2020. Vol. 12, No. 6. pp. 100–112.

[2] Agibalova E. N. Digital Rights within the System of Objects of Civil Rights // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2020. Vol. 33, No. 1. pp. 90–99.

[3] Gracheva E. Yu., Sitnik A. A., Papaskua G. T. Legal Regulation of the Use of Financial Technologies in the Context of the Digitalization of the Russian Economy: A Monograph / ed. by E. Yu. Gracheva, A. A. Sitnik. Moscow: Prospekt, 2023. 240 p.

[4] Zakharkina A. V. Digital Financial Assets through the Lens of the Doctrine of Non-Documentary Securities // Ex Jure. 2022. No. 3. pp. 55–69.

[5] Ivanova S. A., Gorbacheva O. Yu. The Legal Content of the Concept of "Digital Financial Assets" // Education and Law. 2024. No. 5. pp. 201–205.

[6] Kuzmenkov M. Yu. Conflict-of-Laws Regulation of the Circulation of Digital Rights // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16, No. 3. pp. 152–159.

[7] Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Specifics of the Legal Status of an Operator of an Information System in Which Digital Financial Assets Are Issued, and an Operator of a Digital Financial Asset Exchange, as Entities Facilitating Digital Financial Technologies // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 9 (85). pp. 124–134.

[8] Sitnik A. A. NFTs as an Object of Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 12. pp. 84–93.

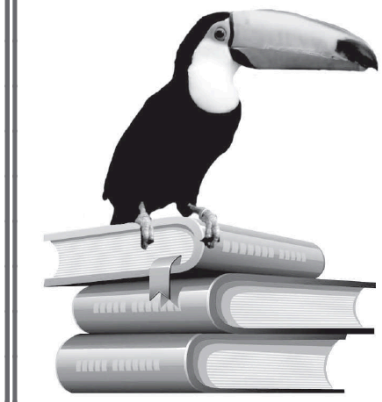
[9] Sukhanov E. A. Issues in the Development of Russian Private Law: Selected Works 2018–2023. Moscow: Statut, 2023. 384 p.

[10] Kharitonova Yu. S., Sannikova L. V. Digital Financial Instruments for the Socialization of Private

Law // Tomsk State University Journal of Law. 2021. No. 39. pp. 208–224.

[11] Tsaregradskaya Yu. K. Transformation of the Subject Matter of Financial Law Regulation in the Context of the Developing Digital Economy // Actual Problems of Financial Law in the Context of the Digitalization of the Economy: A Monograph / ed. by E. Yu. Gracheva. Moscow: Prospekt, 2020. 256 p.

[12] Shaidullina V. K. Issues of Civil Law Regulation of Digital Financial Assets in International Settlements: A Case Study of the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan // Sovremennoe Pravo (Modern Law). 2025. No. 6. pp. 126–130.



www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-260-263
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ГРУЗДЕВ Илья Максимович,
соискатель кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»,
420008, РФ, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлёвская, д. 18,
e-mail: kkafedra983@gmail.com

ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В СВЕТЕ НОВЕЙШЕЙ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу эволюции пределов исполнительского иммунитета единственного жилого помещения гражданина-должника в практике Конституционного Суда РФ. Автор прослеживает переход от формального применения ст. 446 ГПК РФ, при котором иммунитет действовал безотносительно к характеристикам жилья, к современному дифференцированному подходу, основанному на критерии недобросовестного поведения должника. Проанализированы правовые позиции, сформулированные в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П, от 26 апреля 2021 г. № 15-П и от 4 июня 2024 г. № 28-П, а также их развитие в практике по делам о банкротстве граждан. Обоснован вывод о том, что ключевым критерием ограничения иммунитета выступает не факт «роскошности» жилья как таковой, а установленное судом злоупотребление правом со стороны должника. Сформулированы предложения по совершенствованию процессуального механизма ограничения исполнительского иммунитета.*

Ключевые слова: *исполнительский иммунитет, единственное жилье, обращение взыскания, Конституционный Суд РФ, злоупотребление правом, банкротство граждан, замещающее жилье, исполнительное производство.*

Для цитирования: *Груздев И. М. Пределы исполнительского иммунитета единственного жилого помещения в свете новейшей практики Конституционного Суда Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 260–263.*

GRUZDEV Ilya Maksimovich,
postgraduate student, Department of Environmental,
Labor Law and Civil Procedure,
Kazan (Volga Region) Federal University

LIMITS OF EXECUTION IMMUNITY FOR THE SOLE DWELLING IN LIGHT OF THE LATEST CASE LAW OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyzes the evolution of the limits of execution immunity for a debtor's sole dwelling in the case law of the Constitutional Court of the Russian Federation. The author traces the shift from the formal application of Article 446 of the Civil Procedure Code, under which immunity applied regardless of the characteristics of the dwelling, to the modern differentiated approach based on the criterion of the debtor's bad faith conduct. The legal positions formulated in the Constitutional Court's Rulings of 14 May 2012 No. 11-P, 26 April 2021 No. 15-P and 4 June 2024 No. 28-P are analyzed, together with their development in personal bankruptcy case law. It is concluded that the key criterion for limiting immunity is not the "luxury" character of the dwelling as such, but a*

court finding of abuse of right by the debtor. Proposals are formulated for improving the procedural mechanism for limiting execution immunity.

Key words: *execution immunity, sole dwelling, foreclosure, Constitutional Court of the Russian Federation, abuse of right, personal bankruptcy, substitute housing, enforcement proceedings.*

For citation: *Gruzdev I. M. Limits of execution immunity for the sole dwelling in light of the latest case law of the Constitutional Court of the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):260–263. (In Russ.).*

Введение

Институт исполнительского иммунитета единственного жилого помещения представляет собой одну из фундаментальных гарантий прав должника в исполнительном производстве, обеспечивающую реализацию конституционного принципа достоинства личности и права на жилище. Правовую основу данного института составляют абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, ст. 101 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», а также ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [10].

Актуальность темы обусловлена тем, что на протяжении длительного времени суды применяли данную норму формально, отказывая в обращении взыскания на любое единственное жилье независимо от его площади, стоимости и характеристик, что приводило к ситуациям, когда состоятельные должники успешно сохраняли дорогостоящие активы под защитой иммунитета, списывая многомиллионные долги [1]. За последние годы Конституционный Суд РФ трижды формулировал новые правовые позиции по данному вопросу, что делает необходимым их системное осмысление.

Материалы и методы

Методологическую основу составили формально-юридический и историко-правовой методы, позволившие проследить эволюцию правовых позиций Конституционного Суда РФ. Эмпирическую базу исследования составили Постановления Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 14 мая 2012 г. № 11-П, от 26 апреля 2021 г. № 15-П и от 4 июня 2024 г. № 28-П, положения ст. 446 ГПК РФ, ст. 213.25 Закона о банкротстве, а также материалы правоприменительной практики.

Обзор литературы

Коллективная работа Л.Ю. Михеевой, М.Л. Гальперина, В.В. Яркова и других авторов, опубликованная непосредственно после принятия Постановления № 15-П, содержит развернутый научно-практический анализ данного акта и оценку того, насколько эффективно Конституционный Суд разрешил давно назревшую проблему пределов исполнительского иммунитета [2]. С.С. Гриценко исследует вопрос о пределах действия исполнительского иммунитета применительно к единственному жилью [3]. И. Джафаров прослеживает формирование нового вектора судебной практики по данной категории дел [4]. К.С. Данилов, М.К. Стоянова и И.В. Низовцев анализируют актуальные проблемы правоприменения правила об имущественном иммунитете на жилое помещение в процедуре банкротства гражданина [5]. Отдельного внимания заслуживают исследования смежных вопросов недобросовестного поведения должника: Е.А. Плешаков и Д.Н. Коновалов рассматривают проблему дарения имущества супругу с целью недопущения обращения на него взыскания в будущем как один из типичных случаев злоупотребления правом, тесно связанный с проблематикой единственного жилья [6], а А. Митрахович анализирует особенности наследования в деле о банкротстве гражданина, в том числе применительно к жилым помещениям [7].

Несмотря на значительный объем публикаций, посвященных отдельным постановлениям Конституционного Суда РФ, комплексного анализа эволюции всех трех правовых позиций (2012, 2021 и 2024 годов) в их системной связи и с учетом критерия добросовестности как объединяющего начала в доктрине представлено не было, что определяет задачу настоящей статьи.

Результаты

Первый этап: Постановление № 11-П (2012 г.). Конституционный Суд РФ признал, что исполнительский иммунитет распространяется на единственное жилое помещение должника даже в случаях, когда оно по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности должника и членов его семьи в жилище. Одновременно Суд предписал законодателю внести изменения, позволяющие обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора в таких случаях, однако соответствующее законодательное решение принято не было [1; 2].

Второй этап: Постановление № 15-П (2021 г.). Конституционный Суд РФ уточнил, что исполнительский иммунитет не является абсолютным: суд вправе отказать в его применении, если обращение взыскания на жилое помещение не оставит должника без пригодного для проживания жилища, позволит погасить существенную часть

долга, а при продаже жилья с торгов и предоставлении должнику замещающего жилья по социальной норме его место жительства не изменяется. Принципиально важным является и другое разъяснение Суда: отказ в защите прав, образующих исполнительский иммунитет, допустим, если само приобретение жилого помещения, формально защищенного иммунитетом, состоялось со злоупотреблениями со стороны должника [2].

Третий этап: Постановление № 28-П (2024 г.). Конституционный Суд РФ распространил исполнительский иммунитет на денежные средства, оставшиеся после реализации в процедуре банкротства единственного жилого помещения должника, обремененного ипотекой, и погашения требований залогового кредитора, поскольку предназначение этих средств — приобретение должником нового пригодного для проживания жилья, что согласуется с общими правилами обращения взыскания на заложенную недвижимость и распределения вырученных от ее реализации сумм [9]. Тем самым Суд обеспечил баланс ценностей, отраженных в ст. 35 и 40 Конституции РФ, распространив логику имущественного иммунитета не только на само жилое помещение, но и на его денежный эквивалент, необходимый для реализации права на жилище.

Развитие подходов применительно к недобросовестному поведению должника. Судебная практика по делам о банкротстве граждан последовательно развивает критерий добросовестности как основание ограничения иммунитета. Типичными случаями недобросовестного поведения, выявляемыми судами, являются: искусственное создание статуса единственного жилья (в частности, посредством безвозмездного отчуждения доли в жилом помещении родственнику с последующим приобретением права на это же жилое помещение в порядке наследования); заключение брачных договоров и соглашений о разделе имущества, направленных на выведение ликвидного жилья из-под угрозы обращения взыскания [6]; а также совершение сделок дарения имущества супругу в аналогичных целях [6; 7]. Во всех перечисленных случаях суды применяют к должнику предусмотренные законом последствия злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), опираясь на правовую позицию, сформулированную в Постановлении № 15-П.

Обсуждение

Анализ эволюции правовых позиций Конституционного Суда РФ показывает последовательный переход от формального критерия (наличие/отсутствие статуса единственного жилья) к материальному, содержательному критерию добросовестности приобретения и сохранения такого статуса. Это принципиально важно для правоприменительной практики: суды не вправе ограничивать иммунитет лишь на основании того, что жилое помещение объективно превышает разумные потребности должника («роскошное» жилье), — необходимо установление конкретных недобросовестных действий, направленных на создание или сохранение защищенного статуса. Такой подход соответствует общеправовому принципу недопустимости злоупотребления правом и одновременно защищает добросовестных должников от произвольного лишения единственного жилья — по аналогии с тем, как ограничения оборота отдельных объектов недвижимости в целом устанавливаются законом исходя из специфики субъекта и назначения имущества, а не произвольно правоприменителем [8].

Вместе с тем практика выявляет и нерешенные проблемы. Во-первых, отсутствует законодательно закрепленная процедура предоставления замещающего жилья: расходы на его приобретение, порядок выбора и утверждения условий такого предоставления определяются судами ad hoc, что порождает неединообразие практики [5]. Во-вторых, остается дискуссионным вопрос о применении описанных критериев к жилым помещениям, находящимся в общей долевой собственности должника и лиц, не являющихся сторонами исполнительного производства [3]. В-третьих, распространение иммунитета на денежные средства, вырученные от продажи ипотечного жилья (Постановление № 28-П), поставило перед правоприменителем новый вопрос о процедуре обособления и защиты таких средств от требований иных, необеспеченных ипотекой кредиторов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что за период 2012–2024 годов Конституционный Суд РФ последовательно сформировал дифференцированную модель исполнительского иммунитета единственного жилого помещения, ключевым элементом которой выступает не характеристика самого жилья, а добросовестность поведения должника при его приобретении и сохранении. Данный подход представляется обоснованным, поскольку обеспечивает баланс между конституционным правом должника на жилище и имущественными интересами кредиторов, не допуская при этом использования иммунитета в качестве инструмента злоупотребления правом. Дальнейшее развитие института требует законодательного закрепления процедуры предоставления замещающего жилья и уточнения правового режима денежных средств, защищенных иммунитетом в силу Постановления № 28-П.

Список литературы:

[1] Исполнительное производство: учебник / К.Л. Брановицкий, Д.В. Бурачевский, В.В. Долганичев [и др.]; под общ. ред. В.В. Яркова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 558 с.

[2] Михеева Л.Ю., Гальперин М.Л., Ярков В.В., Мифтахутдинов Р.Т., Безруков А., Гонгало Б., Улетова Г., Ерохова М.А., Клеточкин Д. Исполнительский иммунитет в отношении единственного жилья: разрубил ли Конституционный Суд гордиев узел? // Закон. 2021. № 5. С. 18–30.

[3] Гриценко С.С. К вопросу о пределах действия исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья // Право и экономика. 2022. № 6. С. 31-36.

[4] Джафаров И. Исполнительский иммунитет единственного жилья должника: новый вектор судебной практики // Жилищное право. 2021. № 9. С. 67–70.

[5] Данилов К.С., Стоянова М.К., Низовцев И.В. Актуальные проблемы правоприменения правила об имущественном иммунитете на жилое помещение в процедуре банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 7. С. 45-51.

[6] Плешаков Е.А., Коновалов Д.Н. Договор дарения имущества супругу с целью недопущения обращения на него взыскания в будущем: пробелы в законодательстве // Вестник арбитражной практики. 2023. № 4. С. 101-105.

[7] Митрахович А. Наследование в деле о банкротстве гражданина // Жилищное право. 2024. № 6. С. 105-112.

[8] Секушин С.В. Об истоках ограничений в обороте недвижимого имущества и «неполном» праве собственности ОАО «РЖД» // Хозяйство и право. 2023. № 9. С. 45-58.

[9] Мизинова В.С. Особенности обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. 2014. Вып. 4. С. 220–227.

[10] Андриянова Т.С. Особенности обращения взыскания на имущество должника: от норм закона до практической реализации // Молодой ученый. 2026. № 4 (607). С. 226–227.

References:

[1] Enforcement Proceedings: A Textbook / K.L. Branovitsky, D.V. Burachevsky, V.V. Dolganichev [et al.]; ed. by V.V. Yarkov. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Statut, 2023. 558 p.

[2] Mikheeva L.Yu., Galperin M.L., Yarkov V.V., Miftakhutdinov R.T., Bezrukov A., Gongalo B., Uletova G., Erokhova M.A., Kletochkin D. Enforcement Immunity Regarding a Debtor's Sole Residence: Has the Constitutional Court Cut the Gordian Knot? // Zakon. 2021. No. 5. pp. 18–30.

[3] Gritsenko S.S. On the Limits of Enforcement Immunity Regarding a Sole Residence // Law and Economics (Pravo i ekonomika). 2022. No. 6. pp. 31–36.

[4] Dzhafarov I. Enforcement Immunity for a Debtor's Sole Residence: A New Vector in Judicial Practice // Housing Law (Zhilishchnoye pravo). 2021. No. 9. pp. 67–70.

[5] Danilov K.S., Stoyanova M.K., Nizovtsev I.V. Current Issues in the Application of the Rule on Property Immunity for Residential Premises in Bankruptcy Proceedings // Property Relations in the Russian Federation (Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii). 2023. No. 7. pp. 45–51.

[6] Pleshakov E.A., Konovalov D.N. A Gift Agreement for Property Transferred to a Spouse to Prevent Future Foreclosure: Legislative Gaps // Bulletin of Arbitration Practice. 2023. No. 4. pp. 101–105.

[7] Mitrakhovich A. Inheritance in the Context of Individual Bankruptcy Proceedings // Housing Law. 2024. No. 6. pp. 105–112.

[8] Sekushin S.V. On the Origins of Restrictions on Real Estate Circulation and the "Incomplete" Property Rights of Russian Railways (RZD) // Economy and Law. 2023. No. 9. pp. 45–58.

[9] Mizinova V.S. Specifics of Foreclosure on Mortgaged Real Estate // Vestnik of Saint Petersburg University. Series 14: Law. 2014. Issue 4. pp. 220–227.

[10] Andriyanova T.S. Specifics of Foreclosure on a Debtor's Property: From Legal Provisions to Practical Implementation // Young Scientist. 2026. No. 4 (607). pp. 226–227.

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-264-271
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ГУСАИМ Иван Вячеславович,
научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН), e-mail: mail@law-books.ru

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД Россииимени В.Я. Кикотя, e-mail: mail@law-books.ru

О ВАЖНОСТИ СОЦИО-АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КЛИМЕНКО ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация. *Потребность современной юридической науки в ценностной методологии обусловлена исчерпанностью инструментального понимания права как системы норм. Актуальные явления правовой действительности – устойчивость правового нигилизма, цифровая трансформация правового регулирования, появление феноменов, не укладывающихся в классические конструкции правосубъектности, – ставят вопрос не о тексте закона, а о ценностных основаниях права и механизме их формирования. Ответом на этот запрос выступает социо-аксиологический подход к праву, разработанный А.И. Клименко и рассматривающий право как систему конвенциональных правовых ценностей, выработанных в публичном правовом дискурсе.*

Цель и задачи исследования: Научное исследование направлено на обоснование теоретической и практической значимости социо-аксиологического подхода к праву А.И. Клименко для современной теории и философии права. Основные направления исследовательской работы включают:

Концептуализацию содержания социо-аксиологического подхода и выявление его познавательного потенциала;

Определение места подхода в типологии правопонимания и его отграничение от нормативистского, естественно-правового, либертарно-юридического и постклассического типов;

Обоснование продуктивности соединения подхода с социогуманитарной концепцией права в единой модели «ценности – интересы – баланс – правопорядок»;

Раскрытие значения подхода для осмысления конституционных ценностей и прав человека как верховного уровня ценностной системы права;

Проверку объяснительной силы подхода применительно к вызовам цифровой эпохи.

Актуальность исследования обусловлена тем, что аксиологическая проблематика в отечественной юриспруденции длительное время разрабатывалась преимущественно в философско-умозрительном ключе, тогда как научная, социологически верифицируемая аксиология права остаётся недостаточно востребованной. Между тем именно ценностный уровень права оказывается сегодня под наибольшим давлением – со стороны технологизации правовой деятельности, деформаций правосознания и распространения симулятивных форм права.

Методы исследования: общенаучные методы анализа, синтеза и системного подхода; частнонаучные методы юриспруденции (формально-юридический, сравнительно-правовой); аксиологический и социологический методы, соответствующие логике самого исследуемого подхода.

Результаты. Установлено, что социо-аксиологический подход А.И. Клименко представляет собой самостоятельный тип правопонимания, не сводимый к признанным типам: норма в нём мыслится как форма выражения ценности, а сами правовые ценности – как относительные, историчные, но объективно познаваемые результаты общественной конвенции. Впервые подход рассмотрен в соединении с социогуманитарной концепцией права В.И. Червонюка, что позволило представить единую модель «ценности – интересы – баланс – правопорядок». Показано, что подход обеспечивает методологически единый ответ на ключевые вызовы современности: феномен «цифровой диктатуры» интерпретируется как утрата конвенционального характера правовых ценностей, а симулякры права – как имитация конвенции без её фактического наличия.

Практическая значимость определяется возможностью применения подхода как методологического основания для аксиологической экспертизы законопроектов и цифровых регуляторных решений, оценки качества закона, анализа деформаций правосознания и выработки критериев допустимости цифровизации в сфере действия права.

Ключевые слова: *социо-аксиологический подход к праву, А.И. Клименко, правовые ценности, конвенциональность, правовой дискурс, типология правопонимания, баланс интересов, конституционные ценности, цифровизация права, правовой нигилизм.*

Для цитирования: *Гусаим И. В., Эриашвили Н. Д. О важности социо-аксиологического подхода к праву Алексея Ивановича Клименко для современной теории и философии права // Образование и право. 2026. № 10. С. 264–271.*

GUSAIM Ivan Vyacheslavovich,
Research Fellow at the Center for Security Studies
Russian Academy of Sciences (CIPB RAS)

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker
of the Education Sphere of the Russian Federation, Laureate
of the Russian Government Prize in the Field of Education,
Professor of the Department of Civil and Labor Law,
Civil Procedure
of the Moscow Order of Honor of the University
f the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

ON THE IMPORTANCE OF ALEXEY IVANOVICH KLIMENKO'S SOCIO-AXIOLOGICAL APPROACH TO LAW FOR MODERN THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

Annotation. *The need of modern legal science for an axiological methodology is determined by the exhaustion of the instrumental understanding of law as a system of norms. Current phenomena of legal reality – the persistence of legal nihilism, the digital transformation of legal regulation, the emergence of phenomena that do not fit into classical constructions of legal personality – raise the question not of the text of the law, but of the value foundations of law and the mechanism of their formation. The response to this demand is the socio-axiological approach to law developed by A.I. Klimenko, which considers law as a system of conventional legal values elaborated in public legal discourse.*

Purpose and objectives: The study aims to substantiate the theoretical and practical significance of A.I. Klimenko's socio-axiological approach to law for modern theory and philosophy of law. The main directions of the research include:

Conceptualization of the content of the socio-axiological approach and identification of its cognitive potential;

Determination of the approach's place in the typology of legal understanding and its demarcation from the normativist, natural-law, libertarian-legal and postclassical types;

Substantiation of the productivity of combining the approach with the socio-humanitarian concept of law in a unified «values – interests – balance – legal order» model;

Disclosure of the approach's significance for understanding constitutional values and human rights as the supreme level of the value system of law;

Testing the explanatory power of the approach in relation to the challenges of the digital era.

Relevance of the study is determined by the fact that axiological issues in Russian jurisprudence have long been developed predominantly in a philosophical and speculative vein, while a scientific, sociologically verifiable axiology of law remains insufficiently in demand. Meanwhile, it is the value level of law that is currently under the greatest pressure – from the technologization of legal activity, deformations of legal consciousness and the spread of simulative forms of law.

Research methods: general scientific methods of analysis, synthesis and systems approach; specific methods of jurisprudence (formal-legal, comparative-legal); axiological and sociological methods corresponding to the logic of the approach under study.

Results. It is established that A.I. Klimenko's socio-axiological approach represents an independent type of legal understanding, irreducible to the recognized types: the norm is conceived in it as a form of expression of value, and legal values themselves – as relative, historical, but objectively cognizable results of social convention. For the first time, the approach is considered in combination with V.I. Chervonyuk's socio-humanitarian concept of law, which made it possible to present a unified model «values – interests – balance – legal order». It is shown that the approach provides a methodologically unified answer to the key challenges of our time: the phenomenon of «digital dictatorship» is interpreted as the loss of the conventional nature of legal values, and legal simulacra – as an imitation of convention without its actual presence.

Practical significance is determined by the possibility of applying the approach as a methodological basis for axiological examination of draft laws and digital regulatory decisions, assessment of the quality of law, analysis of deformations of legal consciousness and development of criteria for the admissibility of digitalization in the sphere of law.

Key words: *socio-axiological approach to law, A.I. Klimenko, legal values, conventionality, legal discourse, typology of legal understanding, balance of interests, constitutional values, digitalization of law, legal nihilism.*

For citation: *Gusaim I. V., Eriashvili N. D. On the importance of Alexey Ivanovich Klimenko's socio-axiological approach to law for modern theory and philosophy of law. Education and law. 2026; (10):264–271. (In Russ.).*

Введение

Вопрос о том, что делает право правом, звучит с особой остротой: правовой нигилизм, цифровая трансформация регулирования и новые феномены обращены не к тексту закона, а к ценностным основаниям права. Традиционный инструментарий отечественной теории права к ответу не приспособлен: нормативистская оптика изучает право «в норме», тогда как запрос общества относится к праву «в действии» и «в значении».

Исчерпанность классических типов правопонимания фиксирует доктрина: как констатирует И.Л. Честнов, юридические парадигмы утрачивают универсальность, а право обнаруживает многомерность, не сводимую к нормативному измерению [1, с. 8]. Однако отказ от классики альтернативы не создаёт: аксиологическая проблематика разрабатывалась в философско-умозрительном ключе, что закрепило представление о правовых ценностях как о материи произвольной и непознаваемой.

В этом контексте особый интерес представляет наследие Алексея Ивановича Клименко – доктора юридических наук, начальника кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. В работах 2015–2022 годов он разрабатывал социо-аксиологический подход, в основании которого – смена исследовательского ракурса: право предстаёт не системой норм и не отражением вечных ценностей, а системой конвенциональных ценностей, выработанных обществом в публичном правовом дискурсе. Системная оценка конструкции – её место в типологии правопонимания, связь с теорией интересов, применимость к вызовам цифровой эпохи – в литературе не дана. Задача исследования – показать значение социо-аксиологического подхода А.И. Клименко для теории и философии права и почему сегодня он приобретает практическую значимость.

1. Социо-аксиологический подход к праву А.И. Клименко: сущность и методологический

потенциал

Исходный пункт концепции А.И. Клименко – критика видения права как системы норм: нормативизм, ставящий ценностное суждение в зависимость от нормы, в принципе не позволяет анализировать ценностный уровень права. В противовес этому право мыслится как система ценностей, чья специфика определяется конвенциональностью: они вырабатываются не откровением и не произволом законодателя, а в публичном правовом дискурсе, ориентированном на договор. Как подчеркивает А.И. Клименко, правовые ценности синтетичны и конвенциональны, «надстроены» над абсолютными ценностями, а актом их формирования выступает конвенциональный факт – результат «совмещения» стандартов правовой идеологии государства и гражданского общества [2, с. 103].

Подход претендует на статус именно научной аксиологии: исследуемые ценности – результат социальной конвенции, подтверждённой практикой, и потому объективны и познаваемы. Смысловую структуру дискурса задают антиномии идеи права – порядка и справедливости, свободы и ответственности. Место правовой идеологии в этой конструкции раскрыто учёным ранее: она легитимирует право, позиционирует правовые ценности как высшую ценность и ограничивает государственный аппарат [3, с. 25]. Доктринальную весомость концепции подтверждает её рецепция: как отмечают Р.А. Каламкарян и В.М. Шумилов, монография А.И. Клименко о правовой идеологии отличается глубиной проработки конвенции государства и гражданского общества как основания единства правовой системы [4, с. 166].

Однако концептуализировать подход – значит определить и его координаты среди иных способов понимания права.

2. Место социо-аксиологического подхода в типологии правопонимания

Классическая типология В.С. Нерсесянца выделяет легизм, юснатурализм и либертарно-юридический тип – по тому, что признаётся решающим признаком права: закон, природная справедливость либо мера свободы [5, с. 5]; в развитие последнего учёный обосновывает концепцию, где сущность права составляет формальное равенство и равная мера свободы [6, с. 3].

На этом фоне специфика подхода А.И. Клименко вырисовывается отчётливо. От нормативизма он отграничен радикально: норма – не источник, а форма выражения ценности. От естественно-правовой традиции – тем, что ценности не вечны: они относительны, историчны, пересматриваются в дискурсе. Тоньше различие с либертарным типом: там ценность свободы аксиоматична, у А.И. Клименко любая правовая ценность конвенциональна – держится не на природе вещей, а на согласии. Либертарная концепция отвечает на вопрос «какова высшая ценность права?»; социо-аксиологический подход ставит более фундаментальный вопрос: «каким образом что-либо вообще становится ценностью права?». Отсюда и особое понимание сущности права: как пишет А.И. Клименко, право имеет ценностную природу и классово-конвенциональную сущность, а сущность современного права носит публично-дискурсивный характер – право есть результат хоть и не равного, однако договора [7, с. 8].

Запрос на такую методологию фиксируется и в смежных традициях: как указывает В.И. Червонюк, позитивистская методология в принципе не предполагала исследования права «в действии», ограничивая науку изучением права «в норме» [8, с. 316]. Вместе с тем подход, объявляющий право системой ценностей, обязан показать, как ценности реально регулируют поведение.

3. От ценностей к регуляции: связка «ценности – интересы – баланс» в структуре права

Ответ даёт сопряжение подхода с учением В.И. Червонюка о праве как согласованном интересе: если ценности формируются в дискурсе, то материальным содержанием дискурса выступают интересы, а результатом конвенции – их согласование. Генетическую связь права и интересов В.И. Червонюк подтверждает эмпирически: контент-анализ законодательства 2017–2021 гг. показал, что доля принципиально новых законов составляет лишь около четырёх процентов, а основная часть правотворчества – корректировка действующих регуляторов под изменившиеся интересы [9, с. 197]. Право предстаёт непрерывным процессом согласования – то есть, в терминах А.И. Клименко, непрерывным производством конвенций.

Принципиально, что согласование имеет аксиологическое измерение: как отмечают И.В. Калинский и В.И. Червонюк, баланс интересов выступает одновременно идеей права, правовой ценностью и юридической конструкцией [10, с. 38]. Здесь концепции взаимно обосновывают друг друга: теория интересов получает аксиологическое завершение, теория конвенциональных ценностей – социологическое наполнение.

Ценностный слой права структурирован и обладает регулятивной силой. В.И. Червонюк показывает: принципы права – не «идеи» и не «нормы», а критерии действительности норм и самостоятельные регуляторы, призванные усиливать действие ценностей права [11, с. 95]; юридические аксиомы, в свою очередь, выражают рациональное и ценностное одновременно, составляя «золотой фонд» правовых установлений [12, с. 164].

При этом интерес не становится юридически значимым лишь в силу упоминания в законе: полемизируя с позитивизмом, В.И. Червонюк связывает его правовую природу с естественно-правовой природой прав человека [13, с. 12] – позитивное признание лишь фиксирует конвенцию, складывающуюся в дискурсе.

Ценностный подход имеет и практическое выражение: проблема качества закона не исчерпывается специально-юридическими характеристиками и требует целостного взгляда [14, с. 488]; а сама целостность права – интегративное свойство, недоступное нормативизму и идентифицирующее право как регулятор, противостоящий социальной энтропии [15, с. 37], – держится на единстве ценностного основания.

4. Конституционные ценности и права человека как верховный уровень ценностной системы права

Верховным выражением конвенции выступает Конституция – не столько текст, сколько зафиксированный результат базового общественного соглашения. Как подчёркивают В.И. Червонюк и И.В. Калинский, действительная ценность Конституции познаваема лишь при выходе за пределы традиционного инструментария конституционного права [16, с. 107] – содержание ценностей в тексте подтверждает не их правовое качество, а соответствие формальной Конституции «действительной». При этом, как отмечают В.И. Червонюк и П.В. Бойцов, «конституционный романтизм» должен уступать место реализму, оценивающему фактическую реализацию провозглашённых ценностей [17, с. 93]: конвенция существует лишь постольку, поскольку подтверждается практикой.

Вершиной иерархии выступают права человека, обладающие, по В.И. Червонюку, собственной нормативностью и смыслообразующей ролью в правообразовании [18, с. 167]. Здесь подход обретает главный рабочий инструмент: как показывает А.И. Клименко, «серьёзное отношение к правам» есть готовность разрешать антиномии идеи права в пользу человека как высшей ценности [19, с. 15]. Именно на уровне высших ценностей подход встречается с самыми острыми вызовами современности.

5. Социо-аксиологический подход перед лицом современных вызовов: цифровизация, искусственный интеллект, симулякры

Цифровая трансформация обычно обсуждается технократически – как вопрос эффективности. Панораму инноваций (правовая инженерия, большие данные в законодательствовании, экспериментальные правовые режимы) описал В.И. Червонюк, подчеркнув: цифровая реальность не только меняет действие права, но и реструктурирует саму юридическую науку [20, с. 273]. Социо-аксиологический подход задаёт этой панораме иной вопрос: не «что технологически возможно?», а «что ценностно допустимо?». Показательно, что сама оценка инноваций неизбежно аксиологична: В.И. Червонюк вводит понятие социально-правовой ценности юридических технологий и связывает её с пределами их допустимого применения [21, с. 37]. Допустимость цифровизации определяется соответствием конвенциональным ценностям – и подход А.И. Клименко из описательного становится критериальным.

Не менее значима трансформация восприятия права в цифровой среде [22, с. 298]: если ценности формируются в публичном дискурсе, то цифровизация дискурса трансформирует сам механизм их производства. Отсюда предельная опасность – феномен «цифровой диктатуры», требующий выработки критериев допустимости цифровизации [23, с. 82]: в терминах подхода это утрата конвенционального характера ценностей, навязанных архитектурой цифровой среды. Самый тонкий вызов – эпоха симулякров: как показывают В.И. Червонюк и М.В. Баранова, акты-симулякры и нарративы метамодерна порождают гиперреальность, где символическое вытесняет действительное [24, с. 225]. Подход даёт точный критерий различения: симулякр ценности имитирует согласие, не будучи его результатом.

Ответом на вызовы служит способность подхода работать на стыке права и практики: он позволяет оценивать правовую практику по соответствию конвенциональным ценностям, не разрушая нормативной определённости [25, с. 77]. Теоретическое основание работоспособности – материалистическое понимание ценностей как обусловленных интересами и потребностями социальных акторов результатов общественной практики [26, с. 58] – и делает подход научным инструментом анализа правовой реальности, включая производимую алгоритмами.

Выводы

Во-первых, социо-аксиологический подход А.И. Клименко – целостная научная методология, рассматривающая право как систему конвенциональных ценностей, выработанных в публичном дискурсе; в отличие от философской аксиологии, её предмет – объективные, подтверждённые практикой результаты соглашения.

Во-вторых, подход занимает самостоятельное место в типологии правопонимания: он не сводится к нормативизму, естественному праву, либертарному и постклассическому типам.

В-третьих, его соединение с социогуманитарной концепцией В.И. Червонюка образует работоспособную модель «ценности – интересы –

баланс – правопорядок».

В-четвёртых, подход обеспечивает небанальное понимание конституционных ценностей и прав человека как смыслообразующего элемента правообразования.

В-пятых, вызовы цифровой эпохи – «цифровая диктатура», симулякры – получают в его рамках единую интерпретацию как формы давления на конвенциональный механизм производства правовых ценностей.

Заключение

Значение подхода А.И. Клименко в том, что он снимает ложную альтернативу между «холодным» нормативизмом и неверифицируемой философией ценностей: право предстаёт договором о ценностях, непрерывно перезаключаемым обществом. В эпоху давления технологий и симулякров наука, способная изучать ценности, – условие сохранения права как права. Перспектива развития подхода – его операционализация: критерии оценки законодательства, цифровых режимов и правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Постклассическая теория права = Postclassical theory of law [Текст] = Postclassical theory of law : [монография] / И. Л. Честнов ; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.). – Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.

[2] Клименко, А. И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки / А. И. Клименко // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 4 (87). – С. 102–107.

[3] Клименко А.И. Система сущностных и природных функций правовой идеологии // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-suschnostnyh-i-prirodnyh-funktsiy-pravovoy-ideologii (дата обращения: 27.09.2026).

[4] Каламкарян Р. А., Шумилов В. М. А.И. Клименко. Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2017. 384 с. // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 166–168.

[5] Нерсесянц В. С. Типология правопонимания // Право и политика. 2001. № 10. С. 4–14.

[6] Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

[7] Клименко, А. И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории / А. И. Клименко // История государства и права. – 2022. – № 1. – С. 7–16.

[8] Червонюк, В. И. Действие конституции в контексте современного правопонимания / В. И. Червонюк // Научные труды. Российская академия юридических наук. Том. Выпуск 19. – Москва : ООО «Издательство «Юристъ», 2019. – С. 316–324.

[9] Червонюк, В. И. Интерес как первопричина правообразования и доминанта изменений законодательства / В. И. Червонюк // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 196–208.

[10] Калинский, И. В. Баланс интересов как идея права, общеправовой концепт (правовая ценность), юридическая конструкция и технологии обеспечения / И. В. Калинский, В. И. Червонюк // Криминологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 37–43.

[11] Червонюк, В. И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции / В. И. Червонюк // Государство и право. – 2021. – № 10. – С. 86–96.

[12] Червонюк, В. И. Юридические аксиомы как правовой регулятор и консолидирующий структуру права компонент / В. И. Червонюк // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 2. – С. 163–169.

[13] Червонюк, В. И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека / В. И. Червонюк // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 12–23.

[14] Червонюк, В. И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации / В. И. Червонюк // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 488–503.

[15] Червонюк, В. И. Идея целостности права и ее концептуализация современной теорией и философией права / В. И. Червонюк // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4 (44). – С. 37–42.

[16] Червонюк, В. И. Ценность конституции: конституционные ожидания и конституционная практика (сравнительно-правовой анализ) / В. И. Червонюк, И. В. Калинский // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 4. – С. 107–112.

[17] Червонюк, В. И. Конституция как социально-правовая ценность (современный контекст) / В. И. Червонюк, П. В. Бойцов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 93–96.

[18] Червонюк, В. И. Нормативность как свойство прав человека (смыслообразующая роль прав человека в правообразовании) / В. И. Червонюк // Вестник экономической безопас-

ности. – 2025. – № 3. – С. 167–173.

[19] Клименко, А. И. Антиномии идеи права и серьезное отношение к правам / А. И. Клименко // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 15–18.

[20] Червонюк, В. И. Инновационные юридические технологии / В. И. Червонюк // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 273–293.

[21] Червонюк, В. И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 3. Социально-правовая ценность, уровни и сферы применения технологических инноваций в праве в условиях цифровизации / В. И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 37–41.

[22] Червонюк, В. И. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 7. Инновационные технологии восприятия и осуществления права / В. И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 298–304.

[23] Червонюк, В. И. Статья 9. Пределы технологизации (и цифровизации) в сфере действия права и феномен цифровой диктатуры. Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности / В. И. Червонюк // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 82–86.

[24] Червонюк, В. И. Символизация (антисимуляция символического) в механизме действия права: традиционная оценка и нарративы эпохи метамодерна / В. И. Червонюк, М. В. Баранова // Юридическая техника. – 2026. – № 20. – С. 225–243.

[25] Клименко, А.И. Проблема легализации правовой практики: социо-аксиологический подход // Философия права. 2018. № 3 (86). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-legalizatsii-pravovoy-praktiki-sotsio-aksiologicheskiy-podhod (дата обращения: 27.09.2026).

[26] Клименко, А. И. Марксистские основания современной философии права / А. И. Клименко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15, № 6. – С. 58–76.

References:

[1] Postclassical Theory of Law [Text] = Postclassical theory of law : [monograph] / I. L. Chestnov ; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, St. Petersburg Law Institute (branch). – St. Petersburg : ALEF-Press, 2012. – 649 p.

[2] Klimenko, A. I. A Socio-Axiological Approach to Law and Its Significance for Modern Legal Science / A. I. Klimenko // Yurist-Pravoved. – 2018. – No. 4 (87). – pp. 102–107.

[3] Klimenko, A. I. A System of Essential and Natural Functions of Legal Ideology // Space and Time (Prostranstvo i Vremya). 2015. No. 3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-suschnostnyh-i-prirodnyh-funktsiy-pravovoy-ideologii (accessed: 27.09.2026).

[4] Kalamkaryan, R. A., Shumilov, V. M. A. I. Klimenko. Legal Ideology of a Modern Politically Organized Society. Moscow: Norma, 2017. 384 p. // State and Law (Gosudarstvo i pravo). – 2018. – No. 7. – pp. 166–168.

[5] Nersesyants, V. S. Typology of Legal Understanding // Law and Politics (Pravo i politika). 2001. No. 10. pp. 4–14.

[6] Nersesyants, V. S. Philosophy of Law: A Libertarian-Legal Concept // Problems of Philosophy (Voprosy filosofii). – 2002. – No. 3. – pp. 3–15.

[7] Klimenko, A. I. A Socio-Axiological Approach to Comprehending the Nature and Essence of Law, and Its Significance for the Philosophy of Law and General Legal Theory / A. I. Klimenko // History of State and Law. – 2022. – No. 1. – pp. 7–16.

[8] Chervonyuk, V. I. The Operation of the Constitution in the Context of Contemporary Legal Understanding / V. I. Chervonyuk // Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences. Vol. 19. – Moscow: Yurist Publishing House LLC, 2019. – pp. 316–324.

[9] Chervonyuk, V. I. Interest as the Root Cause of Law-Formation and a Determinant of Legislative Change / V. I. Chervonyuk // Legal Technique. – 2023. – No. 17. – pp. 196–208.

[10] Kalinsky, I. V., & Chervonyuk, V. I. The Balance of Interests as an Idea of Law, a General Legal Concept (Legal Value), a Legal Construct, and a Mechanism for Ensuring Legal Order / I. V. Kalinsky, V. I. Chervonyuk // Criminological Journal. – 2021. – No. 3. – pp. 37–43.

[11] Chervonyuk, V. I. Principles of Law within the Structure of Legal Regulators: Methodological Approaches to Understanding Legal Principles in the Discourse of Domestic Jurisprudence / V. I. Chervonyuk // State and Law. – 2021. – No. 10. – pp. 86–96.

[12] Chervonyuk, V. I. Legal Axioms as a Regulatory Mechanism and a Component Consolidating the Structure of Law / V. I. Chervonyuk // Bulletin of Economic Security. – 2025. – No. 2. – pp. 163–169.

[13] Chervonyuk, V. I. "Legitimate Interests": A Traditional Perspective (Positivist Interpretation) and an Assessment within the Context of the Natural-Law Nature of Human Rights / V. I. Chervonyuk // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

– 2022. – No. 2 (58). – pp. 12–23.

[14] Chervonyuk, V. I. The Quality of Law: A Modern Concept and Issues of Democratization / V. I. Chervonyuk // Legal Technique. – 2014. – No. 8. – pp. 488–503.

[15] Chervonyuk, V. I. The Idea of the Integrity of Law and Its Conceptualization in Modern Legal Theory and Philosophy / V. I. Chervonyuk // Altai Legal Bulletin. – 2023. – No. 4 (44). – pp. 37–42.

[16] Chervonyuk, V. I. The Value of a Constitution: Constitutional Expectations and Constitutional Practice (A Comparative Legal Analysis) / V. I. Chervonyuk, I. V. Kalinsky // International Journal of Constitutional and State Law. – 2018. – No. 4. – pp. 107–112.

[17] Chervonyuk, V. I. The Constitution as a Socio-Legal Value (Modern Context) / V. I. Chervonyuk, P. V. Boytsov // Law and State: Theory and Practice. – 2020. – No. 12 (192). – pp. 93–96.

[18] Chervonyuk, V. I. Normativity as a Property of Human Rights (The Meaning-Forming Role of Human Rights in Legal Development) / V. I. Chervonyuk // Bulletin of Economic Security. – 2025. – No. 3. – pp. 167–173.

[19] Klimenko, A. I. Antinomies of the Idea of Law and a Serious Approach to Rights / A. I. Klimenko // Law and Rights. – 2018. – No. 12. – pp. 15–18.

[20] Chervonyuk, V. I. Innovative Legal Technologies / V. I. Chervonyuk // Legal Technique. – 2021. – No. 15. – pp. 273–293.

[21] Chervonyuk, V. I. Innovations in Law: Modern Legal Technologies in the Context of Digital Reality. Article 3. Socio-Legal Value, Levels, and Spheres of Application of Technological Innovations in Law under Conditions of Digitalization / V. I. Chervonyuk // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 4. – pp. 37–41.

[22] Chervonyuk, V. I. Innovations in Law: Modern Legal Technologies in the Context of Digital Reality. Article 7. Innovative Technologies for the Perception and Implementation of Law / V. I. Chervonyuk // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 6. – pp. 298–304.

[23] Chervonyuk, V. I. Article 9. The Limits of Technologization (and Digitalization) in the Sphere of Law and the Phenomenon of Digital Dictatorship. Innovations in Law: Modern Legal Technologies in the Context of Digital Reality / V. I. Chervonyuk // International Journal of Constitutional and State Law. – 2021. – No. 1. – pp. 82–86.

[24] Chervonyuk, V. I. Symbolization (Anti-simulation of the Symbolic) in the Mechanism of the Operation of Law: Traditional Assessment and Narratives of the Metamodern Era / V. I. Chervonyuk, M. V. Baranova // Legal Technique (Yuridicheskaya tekhnika). – 2026. – No. 20. – pp. 225–243.

[25] Klimenko, A. I. The Problem of Legalizing Legal Practice: A Socio-Axiological Approach // Philosophy of Law (Filosofiya prava). 2018. No. 3 (86). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-legalizatsii-pravovoy-praktiki-sotsio-aksiologicheskiy-podhod (accessed: 27.09.2026).

[26] Klimenko, A. I. Marxist Foundations of Modern Philosophy of Law / A. I. Klimenko // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 15, No. 6. – pp. 58–76.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-272-278

АБРАМОВА Екатерина Алексеевна,
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»,
Тольятти, Россия,
тел.: +7 (8482) 44-92-42,
e-mail: office@tltsu.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕР ЗАЩИТЫ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правовой природы мер защиты, их понятию и классификации. Актуальность темы обусловлена отсутствием легального определения мер защиты в законодательстве и множественности подходов к его выявлению. Анализируются различные подходы к формулировке определения от отождествления мер защиты со способами защиты гражданских прав до признания их самостоятельной правовой категорией. Так меры защиты представляют собой разновидность правовосстановительных санкций, закрепленных в охранительных нормах и обеспеченных государственным принуждением. Проведена классификация мер защиты по целевому назначению: восстановительные, пресекательные, превентивные, сфере применения, характеру правового воздействия, субъекту применения и основанию возникновения: законные и договорные. Делается вывод, что меры защиты являются самостоятельной правовой категорией, выполняющей восстановительную, пресекательную и превентивную функции, но всегда лишенной карательного элемента.*

Ключевые слова: *меры защиты, юридическая ответственность, способы защиты гражданских прав, правовая природа, классификация мер защиты, восстановительная функция, охранительные правоотношения.*

Для цитирования: *Абрамова Е. А. К вопросу о правовой природе мер защиты: понятие и классификация // Образование и право. 2026. № 10. С. 272–278.*

ABRAMOVA Ekaterina Alekseevna,
Togliatti State University,
Togliatti, Russia

ON THE LEGAL NATURE OF PROTECTIVE MEASURES: CONCEPT AND CLASSIFICATION

Annotation. *The article is devoted to the study of the legal nature of measures of protection, their concept and classification. The relevance of the topic is due to the absence of a legal definition of measures of protection in legislation and the multiplicity of approaches to its identification. Various approaches to formulating the definition are analyzed, from identifying measures of protection with means of protection of civil rights to recognizing them as an independent legal category. Thus, measures of protection are a type of restorative sanctions enshrined in protective norms and ensured by state coercion. A classification of measures of protection is carried out according to their purpose: restorative, preventive (suppressive), preventive (precautionary); by scope of application, by nature of legal impact, by subject of application, and by grounds of origin: statutory and contractual. It is concluded that measures of protection are an independent legal category performing restorative, suppressive and preventive functions, but always devoid of a punitive element.*

Key words: *protective measures, legal liability, methods of civil rights protection, legal nature, classification of protective measures, restorative function, protective legal relations.*

For citation: *Abramova E. A. On the legal nature of protective measures: concept and classification. Education and law. 2026;(10):272–278. (In Russ.).*

Правовая природа мер защиты остается одной из наиболее дискуссионных тем. В настоящее время отсутствует легальное определение понятия мер защиты в законодательстве, существует множественность подходов формулировки определения, начиная от филологических через семантику базовых слов можно вывести содержание, до формулировки понятия относительно отраслей права.

Еще одной особенностью определения правовой природы мер защиты является смешение мер защиты с мерами ответственности. Вопрос о соотношении мер защиты и мер юридической ответственности приобрел особую актуальность после принятия изменений в Гражданский кодекс РФ, расширивших перечень способов защиты гражданских прав, закрепленных в статье 12 ГК РФ. В своей совместной работе Д.А. Липинский и А.Г. Бессолицын «О разграничении мер защиты и мер юридической ответственности» проводят детальный анализ признаков, позволяющих разграничить эти правовые явления [15].

Они выделяют такие критерии, как:

- закрепление в различных частях правовой нормы (диспозиции или санкции);

- основания применения;

- наличие или отсутствие карательной функции и осуждения;

То есть нечеткость критериев разграничения этих правовых явлений приводит к ошибочной квалификации применяемых судом мер, что негативно скажется на защите прав участников гражданского оборота.

А.А. Кравченко ставит своей целью решить именно проблему разграничения этих мер. Автор критикует подходы как жестко разграничивающие, так и отождествляющие меры защиты и ответственности. Особое внимание он уделяет практическим целям этого разграничения, что напрямую связано с вопросом о последствиях для судебной практики [13].

Понимание мер защиты как особой разновидности правовых средств, отличающихся от санкций юридической ответственности по целевой направленности и правовым последствиям.

Анализ источников показывает отсутствие единообразия в понимании сущности мер защиты. Часть ученых рассматривает их в качестве синонима способов защиты гражданских прав, как например М. А. Рожков прямо указывает, что «мера защиты» является синонимом слова «способ защиты». Она определяет способы защиты как «меры, прямо предусмотренные законом» [19].

Есть исследователи, которые рассматривают меру защиты как самостоятельную правовую категорию, примером такой позиции является исследование А.Г. Бессолицына, он прямо утверждает, что юридические меры защиты - это самостоятельная юридическая категория, являющаяся составляющей более широкого явления - защиты права [3].

Есть так же мнение отождествления с мерами государственного принуждения, так Тузов Д.О интерпретирует способы защиты как «закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера». Такое разнообразие подходов объясняется сложностью самого феномена правовой защиты, включающего множество разноуровневых элементов. [21]

Доктор юридических наук, профессор, Д.Н. Кархалев определяет меры защиты как санкции, делая акцент на их восстановительной природе: «Гражданско-правовые меры защиты - это предусмотренные законом санкции (правовые средства), которые применяются в принудительном порядке или осуществляются добровольно в форме восстановления положения, существовавшего до нарушения...», то есть действие происходит без возложения на нарушителя дополнительных неблагоприятных последствий карательного характера [9].

В общеправовом смысле санкция - это не просто наказание, санкция является частью правовой нормы, которая указывает на неблагоприятные последствия для лица, нарушившего установленное правило. Санкции бывают карательные с целью наказать правонарушителя, возложив на него дополнительные, ранее не существовавшие обязанности или лишения. А также санкции бывают правовосстановительные или как их еще называют компенсационные, их целью является восстановить нарушенное право, принудить нарушителя исполнить ту обязанность, которую он и так должен был выполнить, но не сделал этого добровольно [1, с. 17].

В своей монографии «Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве» Д.Г. Нохрин пишет, что «…санкции процессуальных норм, которыми устанавливаются меры защиты, подразделяются на правовосстановительные и санкции ничтожности», то есть правовосстановительные санкции направлены на восстановление нарушенных субъективных прав и принудительное исполнение обязанностей, а также отождествляет меры защиты с правовосстановительными санкциями. [18]

Определяющим признаком мер защиты выступает их компенсационная, а не штрафная функция, поскольку достаточно самого факта нарушения субъективного права или законного интереса.

Важнейшим критерием разграничения мер

защиты и мер ответственности является основание их применения. Если юридическая ответственность требует наличия состава правонарушения, включая вину, то меры защиты применяются при объективно-противоправном поведении – даже когда вина отсутствует, К.И. Дюк в своей диссертации «Процессуальные меры защиты в российском праве» обобщает эти позиции. Она отмечает, что все авторы, занимающиеся исследованием фактических оснований мер защиты, единодушны в том, что вина не является необходимым условием для их применения, в отличие от мер юридической ответственности. Для применения мер защиты достаточно самого факта несоблюдения правового предписания [3].

В качестве примера, можно выделить применение мер защиты при отсутствии вины, обязанность владельца источника повышенной опасности возместить причиненный вред, что закреплено в статье 1079 Гражданского кодекса РФ «юридические лица и граждане, чья деятельность связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, взрывчатых веществ и т.п.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности» [5, ст. 1079].

Ключевая особенность наступление ответственности независимо от вины владельца источника. Закон устанавливает лишь два основания для освобождения от ответственности: если владелец докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего [8, с. 51].

Другое существенное отличие состоит в функциональной направленности. Меры юридической ответственности одновременно реализуют карательную (штрафную), превентивную и компенсационную функции, при этом их основной целью является наказание правонарушителя. В отличие от них, меры защиты лишены карательной функции и выполняют прежде всего восстановительную функцию, однако в ряде случаев могут также реализовывать превентивную (предупредительную) функцию, когда их применение направлено на пресечение действий, создающих угрозу нарушения права в будущем [2, с. 38].

Так правовая природа мер защиты определяется через их санкционную сущность. Меры защиты представляют собой разновидность правовосстановительных санкций, закрепленных в охранительных нормах права и обеспеченных возможностью государственного принуждения. Как санкции они выступают реакцией правовой нормы на нарушение установленного запрета или неисполнение обязанности, однако в отличие от карательных (штрафных) санкций, реализующих меры юридической ответственности, правовосстановительные санкции лишены карательного элемента и направлены исключительно на восстановление нарушенного права или пресечение противоправного поведения. Именно санкционная природа отличает меры защиты от иных правовых средств: мер самозащиты, и мер оперативного воздействия и одновременно позволяет рассматривать их как самостоятельную форму защиты права, не сводимую к мерам ответственности [18].

Отсутствие легального определения мер защиты в действующем законодательстве создает значительные теоретические и правоприменительные сложности. В этой ситуации классификация мер защиты определяющее значение, поскольку при отсутствии понятия именно через выявление видовых признаков и оснований деления раскрывается их правовая природа, функциональная нагрузка и отличительные черты. Классификация мер защиты может проводиться по нескольким основаниям. Наиболее значимыми представляются следующие критерии:

по целевому назначению;

по сфере применения (отраслевой принадлежности);

по характеру правового воздействия;

по субъекту применения;

по основанию возникновения.

Каждый из этих критериев позволяет высветить определенную грань правовой природы мер защиты, В диссертационном исследовании А.Г. Бессолицына «Цели и функции юридических мер защиты» классификация мер защиты проводится через анализ их функций. Он обосновывает наличие у мер защиты восстановительной, предупредительной, регулятивной и пресекательной функций. Эта классификация по функциональной направленности фактически совпадает с делением по целевому назначению [18].

По целевому назначению меры защиты подразделяются на пресекательные, восстановительные и превентивные (предупредительные) [20].

Восстановительные меры направлены на возвращение сторон в то положение, которое и было до нарушения права. Их целью является полное устранение негативных последствий правонарушения: истребование имущества из чужого незаконного владения (виндикация), возврат неосновательного обогащения (кондикция), присуждение к исполнению обязанности в натуре. Именно в этой группе мер наиболее ярко проявляется восстановительная функция [3].

Пресекательные меры направлены на прекращение противоправных действий, нарушающих право или создающих угрозу такого наруше-

ния в будущем. В качестве примеров можно выделить запрет на использование объекта интеллектуальной собственности, пресечение незаконного строительства, запрет на распространение сведений, порочащих деловую репутацию. Эти меры не восстанавливают нарушенное право в его первоначальном состоянии, они останавливают продолжающееся нарушение. Их существование доказывает, что функциональный потенциал мер защиты также реализуют пресекательную функцию [10].

Превентивные (предупредительные) меры направлены на предотвращение возможных нарушений в будущем. Их специфика заключается в том, что они применяются до наступления самого нарушения, то есть они не реагируют на уже совершенное правонарушение. Примером может служить запрет деятельности, создающей угрозу причинения вреда ст. 1065 ГК РФ. Наличие превентивных мер подтверждает, что меры защиты выполняют не только восстановительную, но и предупредительную функцию [5, ст. 1056]. Таким образом, классификация по целевому назначению наглядно демонстрирует, что правовая природа мер защиты не сводится исключительно к восстановительной функции – они также выполняют пресекательную и превентивную функции. Однако при всем функциональном разнообразии все виды мер защиты объединяет общий сущностный признак – отсутствие карательного элемента, что и составляет их главное отличие от мер юридической ответственности.

По сфере применения различают меры защиты вещных прав, как например виндикация, негаторный иск, признание права собственности, обязательственных прав (принуждение к исполнению обязательства в натуре, удержание имущества, отказ от договора), личных неимущественных прав (опровержение сведений, запрет на использование изображения гражданина), исключительных прав (признание недействительным предоставления правовой охраны, пресечение контрафактного использования) [10].

По характеру правового воздействия меры защиты делятся на правопризнающие, правопресекающие и правовосстанавливающие. Правопризнающие меры устанавливают наличие или отсутствие спорного права, признание права собственности, признание сделки недействительной, установление отцовства. Правопресекающие прекращают противоправное состояние: изъятие имущества из незаконного владения, пресечение недобросовестной конкуренции. Правовосстанавливающие компенсируют последствия нарушения: возмещение убытков, ремонт поврежденной вещи, восстановление нарушенного владения [3, с. 51].

По субъекту применения выделяют меры, применяемые судом, меры самозащиты и меры оперативного воздействия. Судебные меры реализуются через механизм государственного принуждения: признание права, взыскание убытков, расторжение договора по иску одной из сторон. Меры самозащиты осуществляются непосредственно управомоченным лицом: необходимая оборона, крайняя необходимость, удержание вещи. Меры оперативного воздействия применяются кредитором в одностороннем порядке при нарушении обязательства должником: отказ от исполнения договора, отказ в передаче товара до оплаты, реализация удерживаемого имущества [11, с.72].

По основанию возникновения различают законные и договорные меры защиты. Н.В. Южанин в своей статье «Меры оперативного воздействия и секундарные права» анализирует оперативные меры защиты в договорных правоотношениях как меры неюрисдикционной формы защиты гражданских прав. Он прямо указывает, что к мерам оперативного воздействия «традиционно относятся способы защиты гражданских прав в договорных правоотношениях, которые предусмотрены законом и соглашением сторон» Законные меры прямо предусмотрены нормативными актами и не зависят от волеизъявления сторон. Договорные меры устанавливаются соглашением сторон [22].

Правовая природа мер защиты остается дискуссионной темой и имеет различное толкование у исследователей и основывается на анализе функций и классификации. Отсутствие легального определения порождает множественность подходов к тому что же такое меры юридической защиты, от отождествления мер защиты со способами защиты гражданских прав, как об этом пишет М.А. Рожкова до признания их самостоятельной правовой категорией в исследовании А.Г. Бессолицына. Исходя из классификаций по целевому назначению, которую проводит Д.Н. Кархалев, меры защиты являются разновидностью правовосстановительных санкций, что позволяет отграничить их от карательных санкций являющихся мерами юридической ответственности [19].

Ключевым отличием мер защиты от мер ответственности можно выделить отсутствие карательной функции и осуждения, а также применение при противоправном поведении без вины и направленность на восстановление нарушенного права или пресечение правонарушения, а не на наказание. Функциональный анализ демонстрирует, что меры защиты выполняют восстановительную, пресекательную, превентивную и регулятивную функции, однако их объединяет отсутствие карательного элемента.

Классификация мер защиты по целевому назначению восстановительные, пресекательные, превентивные, сфере применения, характеру воздействия, субъекту и основанию возникновения позволяет раскрыть их правовую природу через функциональное назначение, восстановление, пресечение, предупреждение. Особое значение имеет деление по основанию возникновения на законные и договорные меры, что подчеркивает их гибкость и востребованность в договорных отношениях. [22]

Опираясь на правовую природу, можно прийти к выводу о том, что меры защиты - это самостоятельная правовая категория, представляющая собой разновидность правовосстановительных санкций, закрепленных в охранительных нормах и обеспеченных государственным принуждением. Их сущность состоит в принудительном восстановлении нарушенного права или пресечении противоправного поведения без возложения на нарушителя дополнительных карательных обременений.

Основанием применения мер защиты выступает объективно-противоправное поведение, что допускает применение мер защиты при отсутствии вины.

Список литературы:

[1] Ардашкин, В. Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 711 / Ардашкин В. Д. — Томск, 1968. — 17 с.

[2] Белов В.А. Способы, средства и меры защиты гражданских прав: проблемы разграничения понятий // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 35–48.

[3] Бессолицын, А. Г. Цели и функции юридических мер защиты : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бессолицын Александр Георгиевич ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2008. — 177 с. — Библиогр.: с. 159–177.

[4] Гармаев Ю.П. Гарантии гражданских прав: единичные способы защиты и их системная связь // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4. С. 12–19.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[6] Дроздова А.В. К вопросу о понятии мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3. С. 48–56.

[7] Дюк, К. И. Процессуальные меры защиты в российском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дюк Кристина Ивановна. — Тольятти, 2017. — 247 л.

[8] Зубков А.С. О понятии и сущности мер административного пресечения // Право и государственность. 2024. № 4 (5). С. 49–53.

[9] Карпович О.Г. Меры защиты и меры ответственности в контексте проблемы понятия материальной ответственности работодателя // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 42–47.

[10] Кархалев Д. Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. — 2023. — Т. 20, № 1. — С. 55–63.

[11] Кархалев Д.Н. Меры оперативного воздействия в гражданском праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2. С. 68–84.

[12] Костюков Е.А. Общие и специальные способы защиты гражданских прав // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2023. № 3. С. 28–37.

[13] Кравченко А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. — 2015. — № 2. — С. 94-104.

[14] Липинский Д.А. Понятие меры юридической ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. № 4. С. 103–112.

[15] Липинский Д.А., Бессолицын А.Г. О разграничении мер защиты и мер юридической ответственности // Современное право. — 2013. — № 4. — С. 12-14.

[16] Липинский Д. А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты : монография / Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2021. — 139, [1] с.

[17] Малеина М.Н. Принцип ответственности за вину и невиновная юридическая ответственность: проблема совместимости // Государство и право. 2023. № 5. С. 5–15.

[18] Нохрин, Дмитрий Герольдович. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.15 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Москва, 2006. — 29 с.

[19] Рожкова М.А. Понятие и классификация способов защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 6. С. 33–42.

[20] Сарбаш С.В. О способах обеспечения исполнения обязательств как способах защиты // Вестник гражданского права. 2023. № 1. С. 65–81.

[21] Тузов Д.О. К вопросу о разграничении мер защиты субъективных прав и ответственности

в трудовом праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 2. С. 88–97.

[22] Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex Russica. — 2016. — № 8. — С. 21–32.

[23] Jansen N. The Idea of Legal Responsibility // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34, № 2. P. 221–252.

[24] Vincent N.A. A Compatibilist Theory of Legal Responsibility // Criminal Law and Philosophy. 2013. DOI: 10.1007/s11572-013-9249-2. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11572-013-9249-2 (дата обращения: 22.06.2026).

References:

[1] Ardashkin, V. D. Protective (Preventive) Measures in Soviet Administrative Law: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences; Specialty 711 / V. D. Ardashkin. — Tomsk, 1968. — 17 p.

[2] Belov, V. A. Methods, Means, and Measures for the Protection of Civil Rights: Issues of Conceptual Differentiation // Herald of Civil Law. 2023. No. 2. pp. 35–48.

[3] Bessolitsyn, A. G. Goals and Functions of Legal Protective Measures: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences; Specialty 12.00.01 / Alexander Georgievich Bessolitsyn; Kazan State University (named after V. I. Ulyanov-Lenin). — Kazan, 2008. — 177 p. — Bibliogr.: pp. 159–177.

[4] Garmaev, Yu. P. Guarantees of Civil Rights: Individual Methods of Protection and Their Systemic Interconnection // Siberian Legal Bulletin. 2023. No. 4. pp. 12–19.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 24, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[6] Drozdova, A. V. On the Concept of Civil Law Liability Measures for Non-Performance of Obligations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022, No. 3, pp. 48–56.

[7] Dyuk, K. I. Procedural Protective Measures in Russian Law: Candidate of Legal Sciences Dissertation: 12.00.01 / Kristina Ivanovna Dyuk. — Tolyatti, 2017. — 247 p.

[8] Zubkov, A. S. On the Concept and Essence of Administrative Enforcement Measures // Law and Statehood. 2024, No. 4 (5), pp. 49–53.

[9] Karpovich, O. G. Protective Measures and Measures of Liability in the Context of the Concept of an Employer's Material Liability // Labor Law in Russia and Abroad. 2023, No. 1, pp. 42–47.

[10] Karkhalev, D. N. Civil Law Forms of Protective Relations // Siberian Legal Review. 2023, Vol. 20, No. 1, pp. 55–63.

[11] Karkhalev, D. N. Operational Enforcement Measures in Russian Civil Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024, No. 2, pp. 68–84.

[12] Kostyukov, E. A. General and Special Methods for the Protection of Civil Rights // Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2023, No. 3, pp. 28–37.

[13] Kravchenko, A. A. The Relationship Between Protective Measures and Measures of Liability as Methods for Protecting Subjective Civil Rights // Russian Legal Journal. 2015, No. 2, pp. 94–104.

[14] Lipinskiy D.A. The Concept of the Measure of Legal Liability // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga Region University. 2022. No. 4. pp. 103–112.

[15] Lipinskiy D.A., Bessolitsyn A.G. On Distinguishing Between Protective Measures and Measures of Legal Liability // Modern Law. 2013. No. 4. pp. 12–14.

[16] Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. Legal Liability, Sanctions, and Protective Measures: A Monograph. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2021. 139, [1] p.

[17] Maleina M.N. The Principle of Liability Based on Fault and Liability Without Fault: The Problem of Compatibility // State and Law. 2023. No. 5. pp. 5–15.

[18] Nokhrin, Dmitriy Geroldovich. State Coercion in Civil Legal Proceedings: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences (PhD equivalent), Specialty 12.00.15. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2006. 29 p.

[19] Rozhkova M.A. The Concept and Classification of Methods for Protecting Civil Rights // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 6. pp. 33–42.

[20] Sarbash S.V. On Methods of Securing the Performance of Obligations as Methods of Protection // Bulletin of Civil Law. 2023. No. 1. pp. 65–81.

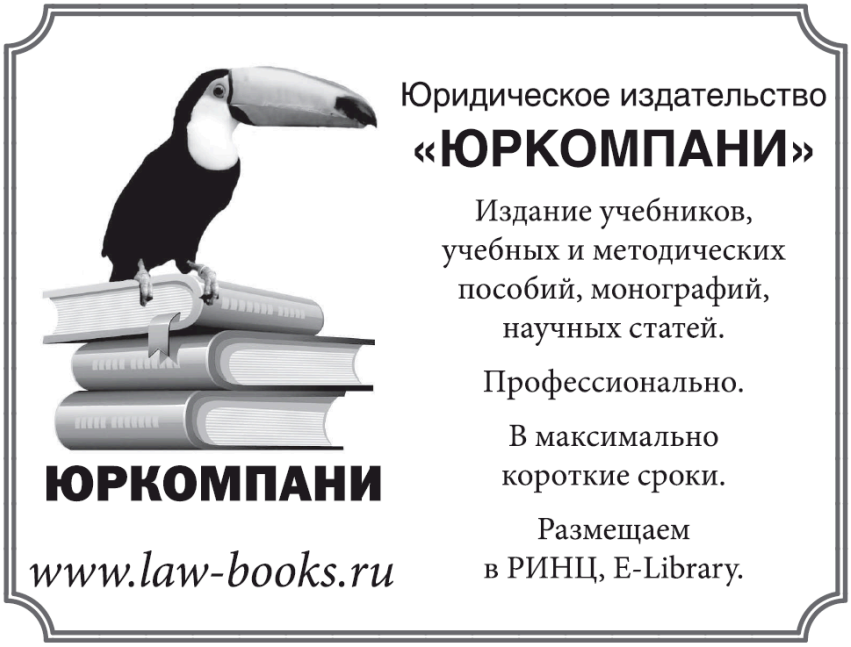
[21] Tuzov D.O. On the Distinction Between Measures for the Protection of Subjective Rights and Legal Liability in Labor Law // Tomsk State University Journal of Law. 2023. No. 2. pp. 88–97.

[22] Yuzhanin N.V. Operational Enforcement Measures and Secundary Rights // Lex Russica. 2016. No. 8. pp. 21–32.

[23] Jansen N. The Idea of Legal Responsibility // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34, No. 2. pp. 221–252.

[24] Vincent N.A. A Compatibilist Theory of Legal Responsibility // Criminal Law and Philosophy. 2013. DOI: 10.1007/s11572-013-9249-2. URL: https:

//link.springer.com/article/10.1007/s11572-013-9249- 2 (accessed: 22.06.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-279-282

ЖУРАВЛЕВ Богдан Юрьевич,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия, тел.: +7-910-171-23-20,
e-mail: dogovorgd2026@mail.ru

НЕТИПИЧНЫЕ И НЕНОРМАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. *Автор статьи анализирует проблему соотношения понятий «ненормативный источник права» и «нетипичный источник права». Выделены три подхода к понятию «нетипичный источник права», обоснована истинность одного из них. Проведенное исследование позволило констатировать, что ненормативные источники права являются частным проявлением нетипичности. Сделан вывод о необходимости разграничения данных категорий для целей юридической доктрины и практики правотворчества.*

Ключевые слова: *нетипичные источники права, ненормативные источники права, правовое регулирование, источники права.*

Для цитирования: *Журавлев Б. Ю. Нетипичные и ненормативные источники права: общее и особенное // Образование и право. 2026. № 10. С. 279–282.*

ZHURAVLEV Bogdan Yuryevich,
Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov,
Vladimir, Russia

ATYPICAL AND NON-NORMATIVE SOURCES OF LAW: GENERAL AND SPECIFIC ASPECTS

Annotation. *The author analyzes the relationship between the concepts of "non-normative source of law" and "atypical source of law." Three approaches to the concept of an "atypical source of law" are identified, and the validity of one of them is substantiated. The study leads to the conclusion that non-normative sources of law represent a specific manifestation of atypicality. It is concluded that distinguishing between these categories is necessary for the purposes of legal doctrine and law-making practice.*

Key words: *atypical sources of law, non-normative sources of law, legal regulation, sources of law.*

For citation: *Zhuravlev B. Yu. Atypical and non-normative sources of law: general and specific aspects. Education and law. 2026;(10):279–282. (In Russ.).*

Традиционным для отечественной юридической науки остается подход, согласно которому правовое регулирование осуществляется путем принятия и (или) санкционирования и реализации норм права, содержащихся в определенных источниках (выраженных в специальной форме). Центральное место в системе источников права в странах романо-германской правовой семьи занимают нормативные правовые акты различного уровня, которые в своей совокупности образуют систему законодательства, понимаемую в широком смысле.

Нормы права, выраженные в специальных формах (источниках), содержат каталог основных субъективных прав и юридических обязанностей физических лиц, организаций, правовой режим осуществления отдельных видов деятельности, закрепляют полномочия органов публичной власти – фактически, образуют «правовой каркас» жизнедеятельности общества.

Современное состояние правового регулирования общественных отношений характеризуется постоянным увеличением нормативного массива, модернизацией системы и структуры нормативных правовых актов и иных источников (форм) права, трансформация их содержания и формы. Магистральным направлением развития правовой системы является адаптация нормативной систе-

мы к динамичной социальной среде, меняющейся под воздействием технологических и иных детерминант. Данный процесс весьма многогранен: адаптация происходит путем принятия органами власти новых норм, внесения изменений в существующие, конкретизация норм в актах нижестоящего уровня и правоприменительной практике. Изменениям подвергается и система источников права как таковая.

Некоторое время назад теоретики государства и права были вынуждены констатировать появление особой группы источников (форм) права, не отвечающих классическим представлениям о них. Речь, в данном случае, идет об источниках права, в той или иной степени не соответствующих традиционным представлениям о правовых предписаниях и называемых в различных исследованиях нетипичными, атипичными, атипическими, нетрадиционными. При этом степень несоответствия «типичному» может быть различной.

Отдельно в современной правовой науке исследуется вопрос о так называемых ненормативных источниках права (например, так называемых «ненормативных законах» - это такие источники права, которые по своей форме относятся к законодательству, но по сути таковыми не являются).

В настоящей статье будет рассмотрено соотношение данных понятий (нетипичный источник права и ненормативный источник права). Для этого в начале автором будут охарактеризованы нетипичные источники права, потом – ненормативные, в завершение сделаны выводы об их соотношении. Представляется, что данные умозаключения будут иметь значение для юридической доктрины и правоприменительной практики.

Анализируя научную литературу, можно сделать вывод о том, что сложилось несколько подходов к характеристике нетипичности.

Согласно первому из них, нетипичными источниками называют «классические» источники права, не нашедшие широкого распространения в юридической практике. Так, общеизвестно, что к числу источников права в теоретико-правовой науке относят нормативные правовые акты, прецеденты (судебные и административные), правовые обычаи, договоры нормативного содержания, правовую доктрину. Безусловно, не все из них имеют одинаковую степень распространенности. Спецификой отличаются источники в странах, относящихся к разным правовым семьям (классический пример: в странах романо-германской (континентальной, европейской) правовой семьи преобладающим источником является нормативный правовой акт; в странах англо-саксонской правовой семьи (семьи общего права) – судебный прецедент; в странах с серьезным влиянием религиозного фактора имеет место правовая доктрина).

А. В. Кузьмин, Н. А. Ушаков под нетипичными источниками права понимают «форму выражения санкционированного государством нормативного правового предписания, отличающегося нетрадиционной легализацией (решения Конституционного суда РФ), неопределенной apriori юридической силой (международные договоры и акты межгосударственных организаций) или неопределенными apriori содержанием и условиями легитимизации (правовой обычай), занимающего незначительное место в регулятивной системе и правоприменительной практике» [1].

А. Я. Рыженков, О. А. Яковлева постулируют, что к нетипичным источникам гражданского права относится судебный прецедент, правовой обычай и правовая доктрина [2].

На наш взгляд, нераспространенность источника в юридической практике не должна служить единственным и (или) основным критерием нетипичности, так как на распространенность источника в той или иной стране в тот или иной период влияют различные факторы (временной, конкретно-исторический, географический и проч.). Более того, в современных условиях наблюдается конвергенция правовых систем, выражающаяся, в том числе, изменении значения тех или иных источниках права.

Согласно другому подходу, нетипичные источники права представляют собой формы внешнего выражения и закрепления правовых норм, в той или иной степени (по тем или иным признакам) не соответствующие «классическим» признакам источника права.

Данная позиция разделяется авторами как в общеправовой, так и отраслевой научной литературе. Т. П. Ведешкина, рассматривая вопрос о нетипичных источниках применительно к сфере трудоправового регулирования, предлагает относить к ним такие источники, которые не соответствуют определенным признакам: обязательность для всех, объективированность, охват неопределенного круга лиц, неоднократность применения, издание в установленном порядке и проч. Резюмируя свои суждения, она предлагает относить к таким источникам такие, которые не обладают признаками «типичности» и причисляет к ним: акты судебных инстанций; внутренние установления религиозных организаций; внутренние акты организаций; кодексы этики, обычаи и обыкновения и проч. [3]

Проявления «нетипичности» могут быть различными. Например, нетипичность может выражаться в наименовании; в особенностях реализации; в юридико-техническом оформлении акта-документа и проч.

Достаточно подробный перечень нетипичных источников предлагает К. Б. Лазорин: государственные реестры; экспериментальные; временные нормативные правовые акты; производные (специальные) нормативные правовые акты; национальные (федеральные) информационные регистры; рекомендательные нормативные правовые акты; рамочные конвенции (соглашения); инвестиционные проекты; федеральные (национальные) каталоги; меморандумы; стратегии, декларации, конвенции и иные нетипичные нормативные правовые акты федерального, регионального и муниципального уровней [4].

Есть позиция, согласно которой к нетипичным актам относятся «документы нетипичной правовой природы» [5]: например, концепции, стратегии, доктрины, программы и проч.

Согласно третьему подходу, нетипичный источник права – частноправовой договор. Например, такой позиции придерживается А. В. Бухалов. Он мотивирует свою позицию тем, что договор порождает права и обязанности для лиц, его заключивших [6]. С данным тезисом, несмотря на некоторую распространенность в исследованиях, трудно согласиться: договор есть проявление воли двух субъектов, и он создает права и обязанности лишь для лиц, его заключивших, не обладает при этом признаками нормативности, общеобязательности и другим (в совокупности составляющим подавляющее большинство) признакам источника права.

Резюмируя свои рассуждения относительно объема понятия «нетипичный источник права», констатируем следующее. На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется вторая позиция, согласно которой нетипичный источник права – это источник права, в той или иной степени не отвечающий содержательным (нормативность, общеобязательность, неперсонифицированность) или внешним (название, юридико-техническое воплощение) признакам. Эту позицию разделяют некоторые ученые, которые к нетипичным источникам права относят такие источники, которые отличаются нетипичными признаками, например: «нехарактерность для нашей национально-правовой системы; субсидиарный характер применения; отсутствие четких правотворческих процедур их формирования; неофициальность выраженных в них юридических норм; наличие в них индивидуальных норм» [7].

Отсюда следует, что ненормативный источник права являет собой частный случай нетипичности, его определенное проявление.

Ненормативный источник права, как следует из его названия, - такой источник, который не обладает признаком (характеристикой) нормативности, которая, в свою очередь, позволяет определять общее правило поведения, определенную планку для неограниченного круга лиц.

Анализ практики правового регулирования позволяет заключить, что в современном мире критерий нормативности не является универсальным свойством источников права и права в целом.

Примерами ненормативных источников права являются ненормативные законы о бюджете, указы Президента РФ об объявлении государственных наград и проч.

В отличие от «нормативных» источников права, они:

- адресованы определенному субъекту (субъектам);

- прекращают свое действие после однократного применения и (или) иным образом ограничены по срокам.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, понятие «нетипичный источник права» - более широкое понятие, чем понятие «ненормативный источник права». Можно сказать, что ненормативность – частное проявление нетипичности (атипичности). При этом не каждый нетипичный источник является ненормативным (известны и другие признаки нетипичности).

Во-вторых, трансформация системы источников права – закономерный процесс, отражающий необходимость адаптации правовой системы к изменяющимся общественным отношениям. Монистический подход, в основе которого – приоритет нормативного правового акта, трансформируется в плюрализм источников права, что связано, в том числе, с необходимостью оперативного ответа на изменяющуюся правовую реальность.

В-третьих, при объективной необходимости издания ненормативных законов и иных источников права важно не нарушить принцип правовой определенности. Необходимо обеспечить баланс между стабильностью правовой системы и гибкостью для реализации задач публичного управления.

Таким образом, соотношение ненормативных и нетипичных источников права описывается через обращение к диалектическому взаимодействию общего и частного. Вполне очевидно, что отказ от позитивистского взгляда в пользу более широкого понимания самой концепции «источник права» отвечает потребностям правовой науки и практики. Перед законодателем стоит задача, опираясь на научные воззрения, определить критерии разграничения правовых явлений, характеризующихся определенными чертами источников права, и, тем самым, обеспечить баланс между реализацией принципа правовой определенности и гибко-

сти в правовом регулировании.

Исследование ненормативных источников права, являющихся разновидностью нетипичных форм права, должно базироваться на междисциплинарном и межотраслевом подходах, учитывать как формально-юридические (общеправовые и отраслевые), так и социологические, технологические аспекты их функционирования. Это остается одной из ключевых задач теории государства и права.

Список литературы:

[1] Кузьмин А. В., Ушаков Н. А. Нетипичные источники в системе формально-юридических источников российского права // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 78–83.

[2] Рыженков, А. Я. "Нетипичные" источники гражданского права / А. Я. Рыженков, О. А. Яковлева // Бизнес в законе. – 2012. – № 1. – С. 36-38.

[3] Ведешкина, Т. П. Нетипичные источники российского трудового права: понятие, виды / Т. П. Ведешкина // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – № 1. – С. 47-55.

[4] Лазорин К. Б. Методологические предпосылки общетеоретического исследования феномена «нетипичные нормативные правовые акты» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 19–28.

[5] Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4–25.

[6] Бухалов, А. В. Договор как нетипичный источник частного права (к постановке проблемы) / А. В. Бухалов // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 2(8). – С. 182-190.

[7] Петров, К. В. Нетипичные источники российского права / К. В. Петров, В. А. Сапун, М. Г. Смирнова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1(64). – С. 7-16.

References:

[1] Kuzmin A. V., Ushakov N. A. Atypical Sources within the System of Formal Legal Sources of Russian Law // Sociology and Law. 2022. Vol. 14. No. 1. pp. 78–83.

[2] Ryzhenkov A. Ya., Yakovleva O. A. "Atypical" Sources of Civil Law // Business in Law. 2012. No. 1. pp. 36–38.

[3] Vedeshkina T. P. Atypical Sources of Russian Labor Law: Concept and Types // Electronic Supplement to the Russian Legal Journal. 2022. No. 1. pp. 47–55.

[4] Lazorin K. B. Methodological Premises for a General Theoretical Study of the Phenomenon of "Atypical Normative Legal Acts" // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (68). pp. 19–28.

[5] Malko A. V., Gayvoronskaya Ya. V. Doctrinal Acts as a Primary Instrument of Legal Policy // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 1. pp. 4–25.

[6] Bukhalov A. V. The Contract as an Atypical Source of Private Law (Framing the Problem) // Leningrad Legal Journal. 2007. No. 2(8). pp. 182–190.

[7] Petrov, K. V. Atypical Sources of Russian Law / K. V. Petrov, V. A. Sapun, M. G. Smirnova // Russian Legal Journal. – 2009. – No. 1(64). – pp. 7–16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-283-286

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
тел.: 8 - 960-233-80-64,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования в данной статье выступает организационно-правовой механизм обеспечения общественной безопасности. Автор проводит комплексный анализ его структуры и оценивает эффективность применяемых сегодня мер по нейтрализации угроз. Особое внимание уделено разработке практических предложений, направленных на совершенствование механизмов защиты общественной безопасности в современных условиях.*

Ключевые слова: *общественый порядок, общественная безопасность, подготовка, полиция, угроза, профилактика, прпотиводействие, противоправность, механизм, структура, законодательство.*

Для цитирования: *Бровкин Д. В. К вопросу о теоретико-методологических аспектах организационно-правового обеспечения общественной безопасности: вызовы и стратегии совершенствования // Образование и право. 2026. № 10. С. 283–286.*

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor, Department of Specialized and
Automotive Equipment,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law)

ON THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING PUBLIC SAFETY: CHALLENGES AND STRATEGIES FOR IMPROVEMENT

Annotation. *The subject of this article is the organizational and legal mechanism for ensuring public safety. The author provides a comprehensive analysis of its structure and evaluates the effectiveness of current measures aimed at neutralizing threats. Particular attention is paid to developing practical proposals designed to improve the mechanisms for safeguarding public safety in the contemporary environment.*

Key words: *public order, public safety, training, police, threat, prevention, counteraction, illegality, mechanism, structure, legislation.*

For citation: *Brovkin D. V. On the theoretical and methodological aspects of the organizational and legal framework for ensuring public safety: challenges and strategies for improvement. Education and law. 2026;(10):283–286. (In Russ.).*

Снижение эффективности механизмов обеспечения общественной безопасности может привести к ряду нежелательных и серьезных последствий, что, в свою очередь, неизбежно окажет влияние на общее состояние национальной безопасности, являющееся ключевым аспектом для стабильности и благополучия любого государства.

Нестабильная мировая социально-политическая ситуация, высокий уровень криминогенности, появление ранее неизвестных преступных деяний, угрозы, связанные с внешними миграционными процессами, а также угрозы террористического и диверсионного характера свидетельствуют о том, что в настоящее время спектр угроз и вызовов для состояния общественной безопасности в Российской Федерации выглядит достаточно серьезно.

Анализ современного состояния организационно-правового механизма обеспечения общественной безопасности позволяет выделить проблемные аспекты его функционирования, а, следовательно, определить основные направления его дальнейшего развития, что будет способствовать созданию условий для снижения потенциала возникающих угроз общественной безопасности, включающих преступные и иные противоправные посягательства.

Тактика обеспечения общественной безопасности правоохранительными органами в целом проявляется как повседневный, непрерывный процесс, включающий в себя проведение оперативно-розыскных мероприятий, патрулирование на улицах, контроль за соблюдением правил дорожного движения, обеспечение безопасности на массовых мероприятиях и т.д.

Существующие проблемы с одной стороны объективно обусловлены динамикой противоправной практики в анализируемой сфере, а с другой стороны связаны с игнорированием актуальных тенденций ее формирования и развития, что не позволяет в опережающем формате воздействовать на соответствующее противоправное поведение.

Организационно-правовой механизм обеспечения общественной безопасности представляет собой комплексную систему, которая включает в себя разнообразные меры, охватывающие не только нормативно-правовую базу, но и экономическую, организационную и иные меры по предупреждению и пресечению угроз общественной безопасности и ликвидации последствий их проявлений.

На сегодняшний день во многих городах России установлены системы видеонаблюдения с опцией распознавания лиц: «Интегра-Видео-РЛ», «VisionLabs», аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» и пр.

АПК «Безопасный город» является совокупностью функциональных и технических требований к аппаратно-программным средствам, нормативных правовых актов и регламентов межведомственного взаимодействия, направленных на противодействие угрозам общественной безопасности, правопорядку и безопасности среды обитания, формирующих вместе с действующими федеральными системами обеспечения безопасности интеллектуальную многоуровневую систему управления безопасностью субъекта Российской Федерации в целом и муниципального образования в частности, за счет прогнозирования, реагирования, мониторинга и предупреждения возможных угроз, а также контроля устранения последствий чрезвычайных ситуаций.

Кроме того в рамках АПК «Безопасный город» для обеспечения общественной безопасности сотрудники полиции используют стационарные видеокамеры, установленные в местах с массовым пребыванием граждан и сложной криминогенной обстановкой.

Система распознавания лиц представляет собой технологию, позволяющую проводить сопоставление визуальных данных субъекта с цифровым изображением или видеоизображением, занесенным в специализированную базу.

Технология распознавания лиц является одним из наиболее передовых направлений в области биометрической идентификации.

Она функционирует на основе создания и поддержания обширной базы данных, в которую заранее заносятся уникальные биологические характеристики лиц пользователей. Такие данные включают в себя различные параметры, такие как расстояние между глазами, форма носа, контуры челюсти и множество других индивидуальных особенностей.

В контексте реализации служебных предписаний, правоохранительные органы опираются на высокую точность и надежность данной технологии, что позволяет им не только выполнять поставленные перед ними задачи, но и обеспечивать высокий уровень безопасности общества, предотвращая преступления и поддерживая порядок. Таким образом, использование технологии распознавания лиц становится неотъемлемой частью современной системы обеспечения правопорядка и безопасности граждан.

С учетом стремительного развития технологий и увеличения интереса к БПЛА, в т.ч. для целей обеспечения общественной безопасности, ученые и эксперты пришли к необходимости систематизировать и классифицировать различные типы данных устройств.

Разновидности БПЛА позволяет не только лучше понимать их функциональные возможности и предназначение, но и способствует более эффективному использованию этих современных технологий в практической деятельности, поскольку они оснащенны современными сенсорами и камерами, способны обеспечивать высокий уровень контроля за общественным порядком, что делает их незаменимым инструментом в арсенале правоохранительных органов.

Использование на БПЛА систем видеофиксации, в т.ч. камер ночного видения и тепловизионных камер с возможностью трансляции снимаемой информации в режиме реального времени, значительно расширяет возможности полиции по получению необходимой информации о состоянии общественного порядка.

В ввиду серьезности восприятия объективной действительности и неспособности критически воспринимать поступающую информацию молодежь как социальная группа является наиболее уязвимой для внешнего воздействия и распространения идеологии экстремизма.

Среди проблем обеспечения общественной безопасности следует также выделить и коррупционные проявления в обществе. Коррупция порождает инфляционные процессы, деформирует общественное сознание, нарушает принципы социальной справедливости, подрывает силу и авторитет закона, государственных институтов, ведет к ущемлению прав и законных интересов хозяйствующих субъектов и граждан, а также делает государство уязвимым к внешним и внутренним угрозам, что особенно актуально в современном общественно-политическом контексте.

Современное общество на данный период времени переживает серьезную проблему, оказывающую прямое влияние на состояние общественной безопасности, – молодежный инфантилизм, который зачастую перерастает в криминальные деяния.

Девиантное поведение является следствием сложного и неоднозначного сочетания целого комплекса внешних и внутренних факторов.

Вместе с тем, в зависимости от специфики сферы деятельности, специалисты апеллируют преимущественно к разным началам, исследуя и объясняя девиантное поведение как таковое и факторы, вызывающие и усиливающие отклоняющееся поведение.

Актуальной проблемой обеспечения общественной безопасности в настоящее время можно признать незаконную (нелегальную) миграцию, а также преступность мигрантов. Российская Федерация, в силу своих географических характеристик, политических событий, а также положения на международной арене, всегда характеризовалась и характеризуется активным участием в миграционных процессах, что порождает необходимость системного управления миграционными процессами и проведения эффективной миграционной политики.

В современных условиях увеличивается роль государства в сфере миграционной политики, в особенности органов исполнительной власти, так как с ее помощью обеспечивается исполнение вступивших в силу нормативных правовых актов, осуществляется управление государственной собственностью, происходит обеспечение общественной безопасности, обеспечиваются права, свободы и законные интересы человека и гражданина.

В современных условиях особую актуальность приобретает разработка, принятие и внедрение МВД России отдельных методических рекомендаций, направленных на противодействие специфическим угрозам общественной безопасности и методические рекомендации способствуют укреплению общественной безопасности, особенно в свете таких серьезных и актуальных проблем, как распространение экстремистских и террористических проявлений, коррупция, а также увеличение числа правонарушений, совершаемых с использованием современных информационных технологий.

Методические рекомендации МВД России должны стать основой для формирования эффективной системы мер по обеспечению безопасности граждан и общества в целом.

Подводя итоги проведенногго исследования, совершенно целесообразно отметить, что постоянное совершенствование организационно-правового механизма обеспечения общественной безопасности является основным для достижения целей по обеспечению стабильности и порядка в обществе.

Кроме того, обозначенное обязывает все субъекты, включая государственные органы, общественные организации и самих граждан, на реализацию совместных усилий и стремлений к созданию условий, при которыхабсолютно, безсомнений обеспечит безопасность каждого индивида и общества в целом , что впоследствии будет гарантировать полную защиту.

Список литературы:

[1] О полиции: Федер. закон [принят Гос. Думой 07.02.2011] // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[2] Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [утв. Распоряжением Правительства РФ от

03.12.2014] // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50, ст. 7220; 2019. № 15 (часть IV), ст. 1803.

[3] Об участии граждан в охране общественного порядка: Федер. закон [принят Гос. Думой 02.04.2014] // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14, ст. 1536; 2022. № 27, ст. 4620.

[4] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [утв. Президентом РФ 02.07.2021] // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

[5] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [утв. Президентом РФ 14.11.2013] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 20.09.2024).

References:

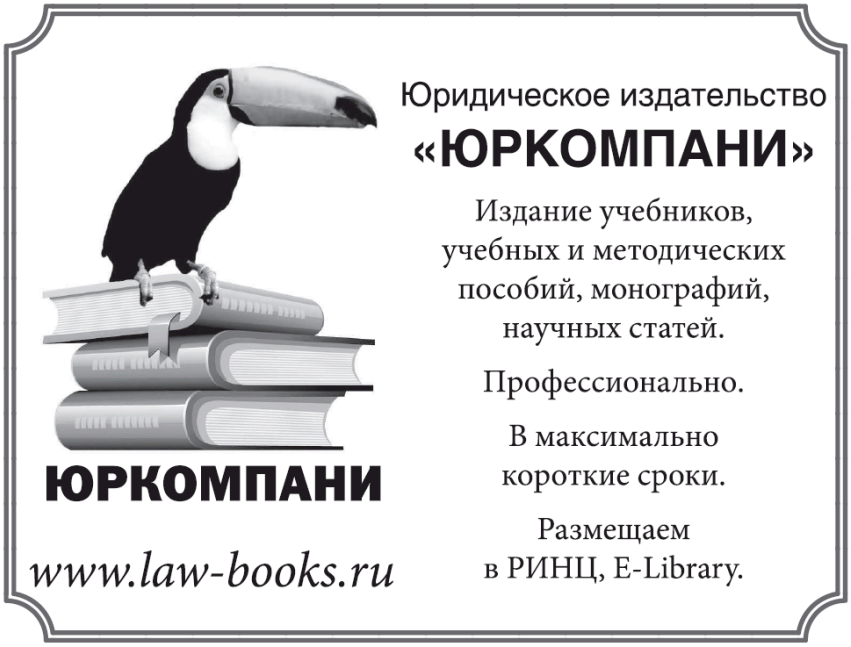
[1] On the Police: Federal Law [adopted by the State Duma on Feb. 7, 2011] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.

[2] Concept for the Construction and Development of the "Safe City" Hardware and Software Complex [approved by Directive of the Government of the Russian Federation on Dec. 3, 2014] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 50, Art. 7220; 2019. No. 15 (Part IV), Art. 1803.

[3] On the Participation of Citizens in the Maintenance of Public Order: Federal Law [adopted by the State Duma on Apr. 2, 2014] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 14, Art. 1536; 2022. No. 27, Art. 4620.

[4] National Security Strategy of the Russian Federation [approved by the President of the Russian Federation on July 2, 2021] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II), Art. 5351.

[5] Concept of Public Security in the Russian Federation [approved by the President of the Russian Federation on Nov. 14, 2013] // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (accessed: Sept. 20, 2024).



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-287-291

СОТНИКОВ Александр Владиславович,
ассистент кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: av.sotnikov01@gmail.com

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВОКУПНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. *Статья представляет собой междисциплинарное исследование, посвященное анализу содержания термина «форма деформации правосознания» и определению категориальных признаков, отличающих данный термин от научных определений «тип», «вид». Цель научного исследования заключается в комплексном изучении совокупности научных наименований, используемых с целью обозначения проявлений деформации правосознания, объема их значений и дифференцирующих признаков. Анализ теоретических трудов позволяет констатировать отсутствие в научном сообществе системного подхода к выбору термина, обозначающего комплекс многообразных проявлений искаженного правосознания. Автор рассматривает различные окказиональные употребления терминов «форма», «вид», «тип», которые конкурируют на страницах современных научных трудов при обозначении результатов патологических процессов индивидуального правосознания. Предпринятое исследование позволяет повысить терминологическую точность в данной предметной области, унифицировать понятийный аппарат и усилить методологические основы научного поиска в изучаемой предметной области. Автор приходит к выводу о том, термин «форма деформации», наиболее частотный в научных публикациях, обладает многоаспектным содержанием, охватывающим всю совокупность проявлений деформации правосознания.*

Ключевые слова: *правосознание, форма деформации правосознания, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, терминологический аппарат, вид деформации, тип деформации.*

Для цитирования: *Сотников А. В. Проблема терминологической идентификации совокупности проявлений деформации правосознания // Образование и право. 2026. № 10. С. 287–291.*

SOTNIKOV Alexandr Vladislavovich,
assistant of the Department of the Civil Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE PROBLEM OF TERMINOLOGICALLY IDENTIFYING THE VARIOUS MANIFESTATIONS OF DISTORTED LEGAL CONSCIOUSNESS

Annotation. *This paper presents an interdisciplinary study analyzing the content of the term «form of deformation of legal consciousness» and identifying the categorical features that distinguish it from the scientific definitions «type» and «kind». The aim of the study is to comprehensively examine the set of scientific terms used to designate manifestations of the deformation of legal consciousness, the scope of their meanings, and their differentiating features. An analysis of theoretical works makes it possible to conclude that the scholarly community lacks a systematic approach to selecting a term to denote the complex of diverse manifestations of distorted legal consciousness. The author examines various contextual uses of the terms «form», «kind», and «type», which compete in contemporary scholarly publications when referring to the outcomes of pathological processes in individual legal consciousness. The study undertaken helps improve terminological precision in this subject area, standardize its conceptual apparatus, and strengthen the methodological foundations of scholarly inquiry in the field. The author concludes that the term «form of deformation», which is most frequently*

used in scholarly publications, has a multidimensional content encompassing the entire range of manifestations of the deformation of legal consciousness.

Key words: *legal consciousness, form of deformation of legal consciousness, legal nihilism, legal infantilism, terminological apparatus, kind of deformation, type of deformation.*

For citation: *Sotnikov A. V. The problem of terminologically identifying the various manifestations of distorted legal consciousness. Education and law. 2026;(10):287–291. (In Russ.).*

В настоящее время наша страна находится на новом витке эволюционного развития и претерпевает преобразования в различных сферах социальной жизни: возвращение доминирующих позиций традиционных ценностей, которые ранее на несколько десятилетий покинули общественную парадигму; переосмысление статуса российского государства, как цивилизационного образования; обращение к нравственным основам в риторике представителей власти; высокий уровень научного прогресса; значительная степень внедрения результатов научно-исследовательской деятельности в различных предметных областях. Все названные ранее преобразования свидетельствуют о исторической трансформации социокультурного контекста.

Тем не менее в российской правовой реальности формируется парадоксальная ситуация. При сформированной правовой системе по-прежнему сохраняются правонарушения, традиционно совершаемые правоохранителями [1]. Как правило существование подобных правонарушений исследователи связывают с одной или несколькими детерминантами, наличие которых прослеживается в нескольких сферах общественной жизни. Вместе с тем, по замечанию В. Е. Сизова и В. Г. Жукова «представляя собой тяжелую социальную проблему общества, в настоящее время деформация правового сознания достигла значительного масштаба» [2, с. 131]. Данная точка зрения представляется справедливой, поскольку выявляет глубинную причину совершения правонарушений профессионалами в области права.

Исследования, посвященные деформации правосознания направлены на выявление отдельных аспектов этой проблемы, а именно «причины деформации правосознания, последствия деформации правосознания, способы борьбы с деформацией правосознания, понятие деформации правосознания, история формирования исследовательских позиций относительно сущности деформации правосознания, формы деформации правосознания и т.д.» [3, с. 130]. Именно поиску корректного наименования общей совокупности проявлений деформации правосознания посвящена данная научная статья.

Решение обозначенной проблемы способствует:

Повышению терминологической точности;

Унификации научного терминологического аппарата;

Усилению консолидации в сфере академической коммуникации.

Анализ теоретического материала, а именно научных статей, монографических трудов и диссертационных исследований, свидетельствует об ускользании названной проблемы из поля зрения авторов и произвольном применении различных терминов для обозначения совокупности отклонений, обусловленных состоявшейся деформацией правосознания.

Тем не менее теоретический материал позволяет выявить несколько обозначений, применяемых авторами при идентификации всей совокупности проявлений состоявшейся деформации правосознания. К таким обозначениям относятся следующие: тип, вид и форма деформации правосознания, которые несмотря на различное семантическое значение в некоторых публикациях используются как аналогичные, взаимозаменяемые термины.

Например, наименование «тип» проявляется в самом начале научной публикации В. И. Колтуновой и В. А. Зайцева: «В статье рассматриваются различные аспекты правосознания и основные типы деформации правосознания, такие как правовой инфантилизм, правовой идеализм (фетишизм), правовой нигилизм, феномен перерождения правосознания и другие» [4, с. 31]. Применив указанное обозначение, авторы не останавливаются на нем и далее в тексте статьи используют уже обозначение «форма», а именно: «В научной и учебной литературе существует несколько классификаций форм деформации правосознания» [4, с. 33].

Также отдельные проявления деформации правосознания имеют отличные друг от друга наименования у разных авторов. Например, Н. Л. Орехова утверждает: «По нашему мнению, самая тяжелая форма деформации профессионального правосознания – его перерождение в преступную форму» [5, с. 58]. М. А. Мазуренко в рамках своей публикации относит перерождение профессионального правосознания к типам деформации правосознания [6]. Возникает вопрос о корректном выборе термина, обозначающего совокупность признаков, сопровождающих иска-

жение правовых взглядов.

При этом на наличие устоявшегося наименования не влияет распространенность отдельного проявления деформации. Например, в некоторых публикациях «правовой нигилизм» относят к видам деформации: «При анализе деформированного правосознания можно выделить несколько наиболее распространённых видов его дефектов. Прежде всего, это правовой нигилизм — отрицающее отношение к праву, отсутствие веры в закон как социального регулятора» [7, с. 349], а в других – уже к формам: «Рассматривая право через призму современных реалий и отечественного опыта, мы можем заметить, что злободневной проблемой является одна из форм деформации правосознания части граждан – правовой нигилизм» [8, с. 325]. Аналогичная проблема встречается и при исследовании «правового инфантилизма», который менее распространен, чем «правовой нигилизм». Содержание некоторых публикаций указывает на отнесение «правового инфантилизма» к разновидностям деформированного правосознания: «Правовой инфантилизм

как разновидность искаженного правосознания» [9, с. 112]; иная публикация содержит утверждение, что «правовой инфантилизм» – это форма: «Одной из наиболее мягких форм деформации правосознания является правовой инфантилизм» [10, с. 17].

Кроме того, можно заметить, что авторская позиция постепенно изменяется на протяжении научной деятельности исследователя. Например, позиция А. А. Малиновского в первом десятилетии XXI отличается от его взглядов в третьем десятилетии того же столетия. Так, в более ранней публикации автор утверждает: «В юридической науке принято выделять несколько видов деформаций индивидуального правосознания: правовой инфантилизм, правовой негативизм, правовой нигилизм и правовой идеализм» [11, с. 173]. Однако в труде прошлого года мнение исследователя меняется, и все многообразие проявлений деформации правосознания получает наименование «формы деформации правосознания» [12, с. 325].

Использование различных терминов возможно не только в рамках одной публикации, но даже в одном предложении. Иллюстрацией подобного положения свидетельствует научная публикация Р. Ш. Дадаевой и М. М. Магдилова: «В основном в работе затрагиваются вопросы, касающиеся деформации профессионального правосознания работников правоохранительного блока, в частности сотрудников органов внутренних дел, форм ее проявления и основных видов, таких, как правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой фетишизм и перерожденное правосознание» [13, с. 149].

Не меньшей дискуссионностью обладают утверждения, указывающие на наличие «форм проявления» у всей совокупности негативных признаков, носящих наименование «форма». В таком случае велик риск смыслового дублирования информации, что сделает научный язык избыточно сложным и не будет способствовать пониманию сути высказывания. Так, исследователи Е. А. Магомедова, М. В. Курзаков, Ю. А. Дударева, Ю. С. Киселева, в рамках аннотации к научной публикации утверждают, что «в статье характеризуется такая форма деформации правового сознания как правовой нигилизм. С учетом принципа историзма, как элемента методологии научного исследования, авторы характеризуют истоки возникновения правового нигилизма в России, а далее раскрывают различные формы его проявления» [14, с. 3].

Схожая формулировка появляется в исследовании Д. М. Писарик. Автор заявляет, что «в настоящее время правовой нигилизм получил широкое распространение и существует в различных формах и проявлениях» [15, с. 212]. В данном случае происходит разделение на «формы» и «проявления», хотя автор в рамках своей работы не конкретизирует, что необходимо считать формой, а что проявлением правового нигилизма, не указывает на признаки, характеризующие первую и вторую категории [15].

Тем не менее исследование связанного с данной проблемой научного материала, опубликованного с 2021 по 2026 годы, свидетельствует о тенденции в научном сообществе использовать в качестве наиболее распространенного наименования всей совокупности проявлений состоявшейся деформации правосознания термина «формы деформации». Подобный подход проявляется при анализе трудов Р. А. Осипова, О. И. Федосеевой, С. А. Сирина [16; 17; 18].

Кроме того, представляется, что используемые варианты наименования всей совокупности искажений имеют различное значение, что подтверждается словарными дефинициями. А именно:

«форма – это категория, описывающая внешние проявления» [19];

«вид – это большая однородная группа» [19];

«тип – это разновидность чего-либо, отличающаяся общностью основных свойств» [19].

Исходя из исследования теоретических публикаций, а также семантики отдельных терминов необходимо представить ряд выводов в качестве заключения данного исследования:

В настоящее время в научном сообществе отсутствует консолидированная точка зрения от-

носительно наименования всей совокупности проявлений деформации правосознания;

Успешный поиск описанного выше наименования позволит решить несколько вопросов:

- повышение терминологической точности;
- унификация понятийного аппарата;
- усиление консолидации научного сообщества на основе единого терминологического аппарата в исследуемой области юриспруденции.

3) Предлагается использовать термин «форма деформации» ввиду распространенности в научном сообществе и более полного отражения описываемой категории в качестве наименования всей совокупности проявлений деформации правосознания, потенциально способных охватить правосознание отдельного лица.

Список литературы:

[1] Преступления правоохранителей. // Российская газета. URL: https://rg.ru/sujet/3818?ysclid=mtra9076cp813920876 (дата обращения: 07.09.2026).

[2] Сизов В. Е., Жуков В. Г. Основные проблемы формирования профессионального правосознания сотрудников полиции на современном этапе // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 130-135.

[3] Щанкина Л.Н., Больбат П.Н., Каян В.А. Деформация правосознания: причины, последствия, проблемы и пути их решения // Вестник Академии права и управления. 2025. № 3. С. 129 – 134.

[4] Колтунова В. И., Зайцев В. А. Правосознание и его деформации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 31-33.

[5] Орехова Н. Л. Деформации правового сознания: разновидности, исторические и социокультурные причины // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 57-69.

[6] Мазуренко М. А. Деформация правосознания как причина правонарушений // Epomen. Global. 2026. № 72. С. 55-61.

[7] Подкопаев В. Н., Вернер А. С. Дефекты правового сознания: виды, причины возникновения и последствия // Молодой ученый. 2026. № 22 (625). С. 348-352.

[8] Малафеева Л. А. Советский и постсоветский этапы формирования правового нигилизма в российской истории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 4-2 (115). С. 324–329.

[9] Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как разновидность искаженного правосознания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 4 (70). С.111–115.

[10] Антонова А. В. Правовой инфантилизм как форма деформации правосознания // Вестник научных конференций. 2017. № 9-3 (25). С. 16–17.

[11] Малиновский А. А. Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правосознания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 6 (281). С. 171–181.

[12] Малиновский А. А. Теория права и государства: учебно-методическое пособие. – Москва, 2025. – 592 с.

[13] Дадаева Р.Ш., Магдилов М.М. Особенности деформации профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Том 34. Вып. 4. С. 148–151.

[14] Магомедова Е.А., Курзаков М.В., Дударева Ю.А., Киселева Ю.С. Правовой нигилизм в России: исторические корни и современное состояние // Дневник науки. 2024. № 8 (92). URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2024/8/law/Magomedova_Kurzakov_Dudareva_Kiseleva.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

[15] Писарик, Д. М. Основные формы выражения и пути преодоления правового нигилизма // Молодой ученый. 2024. № 27 (526). С. 212-214.

[16] Осипов Р. А. Деформация правосознания личности в современном российском обществе // Тамбовский правовой вестник. 2021. № 2. С. 25–29.

[17] Федосеева О. И. Влияние институциональных кризисов на деформацию правосознания граждан // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2021. № 1 (55). С. 14–20.

[18] Сирин С. А. Ценностно-нормативные детерминанты деформации правового сознания личности // Теория и практика общественного развития. 2022. № 5. С. 34–39.

[19] Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: https://slovarozhegova.ru/?ysclid=mocyojpp7d872527318 (дата обращения: 24.04.2026).

References:

[1] Crimes by Law Enforcement Officers. // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/sujet/3818?ysclid=mtra9076cp813920876 (accessed: 07.09.2026).

[2] Sizov V. E., Zhukov V. G. Key Issues in the Development of Professional Legal Consciousness Among Police Officers at the Present Stage // Bulletin of the Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry. 2019. No. 1. pp. 130–135.

[3] Shchankina L. N., Bolbat P. N., Kayan V. A. Deformation of Legal Consciousness: Causes, Consequences, Problems, and Potential Solutions // Bulletin of the Academy of Law and Management.

2025. No. 3. pp. 129–134.

[4] Koltunova V. I., Zaitsev V. A. Legal Consciousness and Its Deformations // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 9 (225). pp. 31–33.

[5] Orekhova N. L. Deformations of Legal Consciousness: Varieties, Historical and Sociocultural Causes // Leningrad Legal Journal. 2019. No. 1 (55). pp. 57–69.

[6] Mazurenko M. A. Deformation of Legal Consciousness as a Cause of Offenses // Epomen. Global. 2026. No. 72. pp. 55–61.

[7] Podkopaev V. N., Verner A. S. Defects in Legal Consciousness: Types, Causes, and Consequences // Young Scientist. 2026. No. 22 (625). pp. 348–352.

[8] Malafeeva L. A. The Soviet and Post-Soviet Stages in the Formation of Legal Nihilism in Russian History // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2026. No. 4-2 (115). pp. 324–329.

[9] Kordobovskaya K. E. Legal Infantilism as a Variety of Distorted Legal Consciousness // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (70). pp. 111–115.

[10] Antonova A. V. Legal Infantilism as a Form of Deformation of Legal Consciousness // Bulletin of Scientific Conferences. 2017. No. 9-3 (25). pp. 16–17.

[11] Malinovsky A. A. Legal Egocentrism as a Variety of Deformation of Individual Legal Consciousness // Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence (Pravovedenie). 2008. No. 6 (281). pp. 171–181.

[12] Malinovsky A. A. Theory of Law and State: A Study and Methodological Manual. – Moscow, 2025. – 592 p.

[13] Dadaeva R. Sh., Magdilov M. M. Specifics of the Deformation of Professional Legal Consciousness Among Internal Affairs Personnel // Bulletin of Dagestan State University. 2019. Vol. 34. Iss. 4. pp. 148–151.

[14] Magomedova E. A., Kurzakov M. V., Dudareva Yu. A., Kiseleva Yu. S. Legal Nihilism in Russia: Historical Roots and Current State // Diary of Science (Dnevnik Nauki). 2024. No. 8 (92). URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2024/8/law/Magomedova_Kurzakov_Dudareva_Kiseleva.pdf (accessed: 24.04.2026).

[15] Pisarik, D. M. Main Forms of Expression and Ways to Overcome Legal Nihilism // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. 2024. No. 27 (526). pp. 212–214.

[16] Osipov, R. A. Deformation of an Individual's Legal Consciousness in Contemporary Russian Society // Tambov Legal Bulletin. 2021. No. 2. pp. 25–29.

[17] Fedoseeva, O. I. The Impact of Institutional Crises on the Deformation of Citizens' Legal Consciousness // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). pp. 14–20.

[18] Sirin, S. A. Value-Normative Determinants of the Deformation of an Individual's Legal Consciousness // Theory and Practice of Social Development. 2022. No. 5. pp. 34–39.

[19] Ozhegov's Explanatory Dictionary (Online). URL: https://slovarozhegova.ru/?ysclid=mocyojpp7d872527318 (accessed: 24.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-292-297
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

ВЫЕЗДЫ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, ЗА ПРЕДЕЛЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые и психологические особенности выездов осужденных женщин, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, за пределы исправительных учреждений. В процессе ее реализации использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по теме. Во исполнение норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, осужденным женщинам, отбывающим лишение свободы, предоставляются дополнительные (в отличие от мужчин) права и социальные гарантии, определяющие их правовое положение (правовой статус). Данный подход законодателя определяется не только гендерными особенностями, социально-демографическими, уголовно-правовыми, криминологическими и психологическими характеристиками женщин, отбывающих лишение свободы, но также наличием у них малолетних детей, содержащихся в домах ребенка ИК, несовершеннолетнего ребенка-инвалида и детей в возрасте до 14 лет, проживающих за территорией ИК с родственниками, опекунами, детских домах во время отбывания женщиной уголовного наказания. Правовые и психологические особенности выезда осужденных женщин, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС за их пределы закреплен в статье 97 УИК РФ, а также в 18 разделе (пунктах 283-293.2) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС 2022 г. К специальным основаниям выезда осужденных женщин, отбывающих лишение свободы за пределы ИУ, кроме характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения относятся наличие у них: детей в домах ребенка ИК; несовершеннолетнего ребенка-инвалида за пределами ИК и являющихся единственным родителем; ребенка в возрасте до 14 лет вне ИК. По указанным основаниям осужденным женщинам, отбывающим лишение свободы, предоставляются выезды за пределы ИУ сроком от 10 до 15 суток без учета времени на дорогу туда и обратно.*

Право осужденных женщин, отбывающих лишение свободы на выезд за пределы ИУ является одним из проявлений гуманного подхода в отечественной уголовной и уголовно-исполнительной политике, существенно влияющем на состояние и динамику современной женской преступности, снижения количества осужденных женщин, содержащихся в ИУ УИС. Повторности и рецидива совершения женщинами преступлений в современных условиях.

Ключевые слова: *осужденные женщины, лишение свободы, выезды за пределы исправительного учреждения, уголовно-исполнительная система, администрация учреждения, несовершеннолетние, порядок предоставления выездов.*

Для цитирования: *Ковалев О. Г., Мельникова О. В. Выезды осужденных женщин, отбывающих лишение свободы, за пределы исправительных учреждений уголовно-исполни-*

тельной системы: правовой и психологический анализ // Образование и право. 2026. № 10. С. 292–297.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU
Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines,
Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary
Service of Russia

VISITS OF CONVICTED WOMEN SERVING THEIR SENTENCES OUTSIDE CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM: LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. *The purpose of the study was the legal and psychological features of the visits of convicted women serving criminal sentences in the form of imprisonment outside correctional institutions. In the process of its implementation, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as scientific publications on the topic were analyzed. Pursuant to the norms of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, convicted women serving their sentences are provided with additional (unlike men) rights and social guarantees that determine their legal status. This approach of the legislator is determined not only by the gender characteristics, socio-demographic, criminal law, criminological and psychological characteristics of women serving imprisonment, but also by the presence of their young children in the homes of children with disabilities, a minor child with a disability and children under the age of 14 living outside the territory of the Republic with relatives, guardians, orphanages, while a woman is serving a criminal sentence. The legal and psychological features of the departure of convicted women serving imprisonment in the Penitentiary Institution outside their borders are fixed in Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as in Section 18 (paragraphs 283-293.2) of the Internal Regulations of the Penitentiary Institution 2022 To the special grounds for the departure of convicted women serving imprisonment outside the Penitentiary Institution, except for the nature and severity the committed crime, time served, personality and behavior include the presence of: children in the homes of the IC child; a minor disabled child outside the IC and being the only parent; a child under the age of 14 outside the IC. For these reasons, convicted women serving their sentences are granted trips outside the prison for a period of 10 to 15 days, excluding travel time there and back. The right of convicted women serving prison sentences to travel outside the penitentiary is one of the manifestations of a humane approach in domestic criminal and penal enforcement policy, which significantly affects the state and dynamics of modern female criminality, reducing the number of convicted women held in penitentiary institutions. The recurrence and recidivism of crimes committed by women in modern conditions.*

Key words: *convicted women, incarceration, visits outside correctional institutions, penal enforcement system, institution administration, minors, procedure for providing visits.*

For citation: *Kovalev O. G., Melnikova O. V. Visits of convicted women serving their sentences outside correctional institutions of the penal system: legal and psychological analysis. Education and law. 2026;(10):292–297. (In Russ.).*

Введение. Наиболее строгим видом уголовного наказания, закрепленном в национальном уголовном законе (статье 56 УК РФ) и применяемом судами к женщинам, совершившим опасные и особо опасные преступления является лишение свободы [1]. Осужденные женщины отбывают его исключительно в исправительных колониях (далее ИК) общего режима в соответствии с нормами отечественного уголовно-исполнительного законодательства [2, с. 355-360].

Во исполнение норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, осужденным женщинам, отбывающим лишение свободы, предоставляются дополнительные (в отличие от мужчин) права и социальные гарантии, определяющие их правовое положение (правовой статус) [3, с. 81-83]. Данный подход законодателя определяется не только гендерными особенностями, социально-демографическими, уголовно-правовыми, криминологическими и психологическими характеристиками женщин, отбывающих лишение свободы, но также наличием у них малолетних детей, содержащихся в домах ребенка ИК, несовершеннолетнего ребенка-инвалида и детей в возрасте до 14 лет, проживающих за территорией ИК с родственниками, опекунами, детских домах во время отбывания женщиной уголовного наказания.

Особенно ярко реализация правового статуса осужденной к лишению свободы женщины проявляется в предоставление ей дополнительных прав на выезд за пределы исправительного учреждения (далее ИУ), в котором она отбывает наказание. Реализация администрацией ИУ указанного права, несомненно позитивно отражается на степени исправления женщины, ее ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Способствует формированию таких положительных психологических характеристик как установки, системы отношений и направленности личности, включая коррекцию криминальных мотивов с позиций использования положительных эмоций [4, с. 14-17]. Психолого-педагогического воздействия на криминальную мотивацию осужденных женщин, сформированную дои их осуждения [5, с. 398-402]. Развития целеполагания и жизненных планов, психических познавательных процессов. Купированию негативных эмоциональных состояний, влияющих на развитие у женщины стресса, депрессии, фрустрации [6]. Профилактики деструктивного и суицидального поведения, на которое кроме указанных факторов оказывают влияние условия отбывания лишения свободы, определяемые ими запреты и ограничения [7, с. 20-23]. Преодолении деформации правосознания и правовой культуры осужденных женщин в условиях ИУ [8, с. 22-24].

Таким образом, одним из пенитенциарных направлений реализации дополнительных прав и социальных гарантий осужденных женщин, отбывающих лишение свободы в ИУ является предоставление им администрацией учреждений выездов за пределы ИУ по дополнительным специфическим основаниям.

Теоретическое значение и прикладная востребованность данного правового института предопределила выбор темы специального теоретико-эмпирического исследования, результаты которого отражены в настоящей научной статье.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических особенностей выездов осужденных женщин, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, за пределы ИУ использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по теме.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ законодательных и ведомственных правовых актов в сфере исполнения уголовных наказаний показал, что правовые и психологические особенности выезда осужденных женщин, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС за их пределы закреплен в статье 97 УИК РФ, а также в 18 разделе (пунктах 283-293.2) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС (далее ПВР УИС), утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

Уголовно-исполнительный закон к специальным, дополнительным основаниям выезда осужденных женщин, отбывающих лишение свободы за пределы ИУ, кроме характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения отнес наличие у них:

детей в домах ребенка ИК;

несовершеннолетнего ребенка-инвалида за пределами ИК и являющихся единственным родителем;

ребенка в возрасте до 14 лет вне ИК.

Так, осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка ИК, может быть разрешен выезд за пределы ИУ для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до 15 суток, без учета времени для проезда туда и обратно [9]. Согласно данным эмпирического исследования, данная правовая норма имеет значительный психолого-терапевтический эффект и позитивно влияет на психологическую адаптацию к ИУ различных категорий осужденных женщин, отбывающих лишение свободы [10].

Осужденным женщинам, имеющим вне ИК несовершеннолетнего ребенка-инвалида и являющимся единственным родителем, могут быть разрешены четыре выезда в год для свидания с ребенком на срок до 15 суток каждое, без учета

времени для проезда туда и обратно [11]. Подобный гуманный подход законодателя, безусловно, позитивно отражается на профилактике возможного противоправного поведения осужденной женщины, отбывающей лишение свободы, повышает эффективность проводимой в ИУ воспитательной работы [12, с. 160-167]. Влияет не только на психологические, но криминологические характеристики осужденных женщин [13, с. 81-89].

Осужденным женщинам, имеющим вне ИК ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем, могут быть разрешены два выезда в год для свидания с ребенком на срок до 10 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно [14].

Порядок разрешения осужденным женщинам, отбывающим лишение свободы, выезды за пределы ИУ определяется разделом 18 ПВР ИУ УИС 2022 г. [15].

Таким образом, право осужденных женщин, отбывающих лишение свободы на выезд за пределы ИУ является одним из проявлений гуманного подхода в отечественной уголовной и уголовно-исполнительной политике, существенно влияющем на состояние и динамику современной женской преступности, снижения количества осужденных женщин, содержащихся в ИУ УИС [16, с. 47-51. Повторности и рецидива совершения женщинами преступлений в современных условиях [17, с. 303-307].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Во исполнение норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, осужденным женщинам, отбывающим лишение свободы, предоставляются дополнительные (в отличие от мужчин) права и социальные гарантии, определяющие их правовое положение (правовой статус).

Данный подход законодателя определяется не только гендерными особенностями, социально-демографическими, уголовно-правовыми, криминологическими и психологическими характеристиками женщин, отбывающих лишение свободы, но также наличием у них малолетних детей, содержащихся в домах ребенка ИК, несовершеннолетнего ребенка-инвалида и детей в возрасте до 14 лет, проживающих за территорией ИК с родственниками, опекунами, детских домах во время отбывания женщиной уголовного наказания.

Правовые и психологические особенности выезда осужденных женщин, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС за их пределы закреплен в статье 97 УИК РФ, а также в 18 разделе (пунктах 283-293.2) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС 2022 г.

К специальным основаниям выезда осужденных женщин, отбывающих лишение свободы за пределы ИУ, кроме характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения относятся наличие у них: детей в

домах ребенка ИК; несовершеннолетнего ребенка-инвалида за пределами ИК и являющихся единственным родителем; ребенка в возрасте до 14 лет вне ИК. По указанным основаниям осужденным женщинам, отбывающим лишение свободы, предоставляются выезды за пределы ИУ сроком от 10 до 15 суток без учета времени на дорогу туда и обратно.

Право осужденных женщин, отбывающих лишение свободы на выезд за пределы ИУ является одним из проявлений гуманного подхода в отечественной уголовной и уголовно-исполнительной политике, существенно влияющем на состояние и динамику современной женской преступности, снижения количества осужденных женщин, содержащихся в ИУ УИС [16, с. 47-51. Повторности и рецидива совершения женщинами преступлений в современных условиях.

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 1044 с.

[2] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения прав осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима // Право и управление. 2026. № 1. С. 355-360.

[3] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[4] Кирсанова О.С., Ковалев О.Г. эмоции в структуре криминальной мотивации // Вестник Московского университета МВД России 2009. № 9. С. 14-17.

[5] Ковалев О.Г. Вопросы криминальной мотивации женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Образование и право. 2024. № 7. С. 398-402.

[6] Кирсанова О.С. Психология криминальной мотивации женщин, осужденных к лишению свободы // Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2011. 175 с.

[7] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.С. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[8] Ковалев О.Г. Роль воспитательной работы в формировании правосознания осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 1. № 12 (165). С. 22-24.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011. 448 с.

[10] Кастерина Н.В. Психологическая адаптация в исправительных учреждениях впервые осужденных женщин с невротическими проявлениями и зависимостью от психоактивных веществ // Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2009. 181 с.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[12] Ковалев О.Г., Иконникод Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[13] Ковалев О.Г., Якименко А.Ю. Криминологическая характеристика женской преступности // В сборнике Инновации в развитии туризма, профессионального туристского образования и управления. Материалы 12 Международной научной школы магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 2022. С. 81-89.

[14] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[15] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru. URL: https://base.garant.ru/404953247/?ysclid=mvimk3911d902819915 (дата обращения 08.07.2026).

[16] Ковалев О.Г. Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной

России на динамику и состояние женской преступности // В сборнике: Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Псков, 2023. С. 47-51.

[17] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Историко-правовой анализ регулирования рецидива в отечественном законодательстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 303-307.

References:

[1] Criminal Law of Russia. Special Part: Textbook / O. G. Kovalev, O. Ya. Baev. Moscow, 2007. 1044 p.

[2] Kovalev O. G. On the Issue of Respecting the Rights of Convicts Serving Sentences of Imprisonment in General-Regime Correctional Colonies // Law and Administration. 2026. No. 1. pp. 355–360.

[3] Kovalev O. G., Zaitseva S. I. The Legal Status of Convicts and Its Influence on the Organization of Operational-Search Activities // Trends in the Development of Science and Education. 2023. No. 94-4. pp. 81–83.

[4] Kirsanova O. S., Kovalev O. G. Emotions in the Structure of Criminal Motivation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 9. pp. 14–17.

[5] Kovalev O. G. Issues Regarding the Criminal Motivation of Women Serving Sentences in Correctional Institutions // Education and Law. 2024. No. 7. pp. 398–402.

[6] Kirsanova O. S. Psychology of Criminal Motivation in Women Sentenced to Imprisonment // Dissertation for the degree of Candidate of Psychological Sciences / Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service. Ryazan, 2011. 175 p.

[7] Balamut A. N., Kovalev O. G., Dikopoltsev D. S. A Theoretical Analysis of Comprehensive Psycho-Correctional Programs Aimed at Suicide Prevention Among Suspects, Accused Individuals, and Convicts (Organizational, Social, and Psychological Aspects) // Penal System: Law, Economics, Management. 2023. No. 1. pp. 20–23.

[8] Kovalev O.G. The Role of Educational Work in Shaping the Legal Consciousness of Convicted Women Serving Sentences in Correctional Institutions // Global Scientific Potential. 2024. Vol. 1. No. 12 (165). pp. 22–24.

[9] Commentary on the Penal Code of the Russian Federation (Article-by-Article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011. 448 p.

[10] Kasterina N.V. Psychological Adaptation in Correctional Institutions of First-Time Convicted Women with Neurotic Manifestations and Psychoactive Substance Dependence // Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences / Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan, 2009. 181 p.

[11] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[12] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Issues in Organizing Educational Work in Correctional Institutions as Part of Preventing Unlawful Behavior Among Convicts // Perspectives of Science. 2024. No. 3 (174). pp. 160–167.

[13] Kovalev O.G., Yakimenko A.Yu. Criminological Characteristics of Female Crime // In: Innovations in the Development of Tourism, Professional Tourism Education, and Management. Proceedings of the 12th International Scientific School for Master's Students, PhD Candidates, and Young Researchers. Moscow, 2022. pp. 81–89.

[14] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article commentary) / Moscow, 2008. 448 p.

[15] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022, No. 110 "On Approval of the Internal Regulations for Pre-trial Detention Centers of the Penal System, Internal Regulations for Correctional Institutions, and Internal Regulations for Correctional Centers of the Penal System" // Garant.ru. URL: https://base.garant.ru/404953247/?ysclid=mvimk3911d902819915 (accessed July 8, 2026).

[16] Kovalev O.G. The Influence of Criminal and Penal Policy in Modern Russia on the Dynamics and State of Female Crime // In: The Penal System, the State, and Society: Issues of Interaction. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation. Pskov, 2023. pp. 47–51.

[17] Kovalev O.G., Semenova N.V. A Historical-Legal Analysis of the Regulation of Recidivism in Domestic Legislation // Innovations. Science. Education. 2021. No. 33. pp. 303–307.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-298-303
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ОМЕЛЬЧЕНКО В.О.,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Частного образовательного
учреждения высшего образования
«Юридический институт», Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +79833112299,
e-mail: Omel-vit@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА «ПРАВОВЫХ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ»

Аннотация. *Статья посвящена теоретико-правовому анализу феномена «правовых галлюцинаций» искусственного интеллекта и его влияния на правосознание. Обосновывается, что генерация системой искусственного интеллекта недостоверной юридической информации представляет собой не только техническую проблему, но и самостоятельный вопрос теории права. Правовая галлюцинация определяется как недостоверная юридическая информация, сформированная системой в форме, внешне похожей на достоверное правовое знание. Показано, что техническая ошибка сама по себе не изменяет правосознание: она приобретает теоретико-правовое значение тогда, когда такая информация принимается человеком за достоверное правовое знание и используется им при выборе юридически значимого поведения. Разграничиваются три уровня явления: техническая ошибка системы, правовая галлюцинация как информационный продукт и ложное правовое знание человека. Проводится различие между ложным правовым знанием и юридической ошибкой. Сделан вывод о необходимости развития теоретико-правовых представлений о правовом знании и правовой информации с учётом распространения искусственного интеллекта как нового посредника между человеком и правовой действительностью.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосознание, правовые галлюцинации, ложное правовое знание, правовая информация, правовое знание, юридическая ошибка, цифровизация права, теория права.*

Для цитирования: *Омельченко В. О. Искусственный интеллект и правосознание: теоретико-правовая проблема «правовых галлюцинаций» // Образование и право. 2026. № 10. С. 298–303.*

OMELCHENKO V.O.,
Postgraduate student of the Department of Theory and History
of State and Law, Private Educational Institution of
Higher Education
“Law Institute”, Saint- Petersburg, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LEGAL CONSCIOUSNESS: THE THEORETICAL AND LEGAL PROBLEM OF “LEGAL HALLUCINATIONS”

Annotation. *The article is devoted to a theoretical and legal analysis of the phenomenon of “legal hallucinations” of artificial intelligence and its impact on legal consciousness. It is substantiated that the generation of unreliable legal information by an artificial intelligence system is not only a technical problem, but also an independent issue of legal theory. A legal hallucination is defined as unreliable legal information generated by a system in a form that outwardly resembles reliable legal knowledge. It is shown that a technical error by itself does not alter legal consciousness: it acquires theoretical and legal significance when such information is accepted by a person as reliable legal knowledge and is used by that person in choosing legally significant behavior. Three levels of the*

phenomenon are distinguished: a technical error of the system, a legal hallucination as an information product, and false legal knowledge of a person. A distinction is drawn between false legal knowledge and legal error. The article concludes that theoretical and legal approaches to legal knowledge and legal information should be further developed, taking into account the spread of artificial intelligence as a new mediator between the individual and legal reality.

Key words: *artificial intelligence, legal consciousness, legal hallucinations, false legal knowledge, legal information, legal knowledge, legal error, digitalization of law, legal theory.*

For citation: *Omelchenko V. O. Artificial intelligence and legal consciousness: the theoretical and legal problem of "legal hallucinations". Education and law. 2026;(10):298–303. (In Russ.).*

Введение

Развитие систем искусственного интеллекта постепенно меняет способы получения и обработки правовой информации. Если ранее основными источниками правового знания для гражданина выступали нормативные правовые акты, судебные решения, юридическая литература и профессиональная консультация, то сегодня значительная часть такой информации может быть получена посредством цифровых систем, способных самостоятельно сформировать ответ на поставленный правовой вопрос.

Генеративные системы искусственного интеллекта заслуживают здесь отдельного внимания. Они заметно упрощают доступ к правовой информации, но одновременно ставят вопрос о достоверности того, что человек получает на выходе. Ответ системы может выглядеть убедительно и при этом содержать несуществующую норму, вымышленный судебный акт или ошибочную квалификацию ситуации. В зарубежной литературе для таких случаев используется термин «hallucination». Проблема сохраняется и в специализированных юридических системах: исследование 2025 г. показало, что заметная доля ответов и ссылок в ведущих ИИ-инструментах для юридического поиска оказывается ошибочной [4].

Для теории права важна не сама по себе техническая ошибка. Сложнее другое: что происходит, когда недостоверная юридическая информация, сформированная искусственным интеллектом, воспринимается человеком как достоверное правовое знание. Тогда проблема выходит за пределы техники. Она касается механизма формирования правосознания, поскольку представление лица о содержании права входит в его отношение к правовой действительности и сказывается на последующем поведении.

В работе предлагается разграничение трёх уровней: технической ошибки системы искусственного интеллекта, правовой галлюцинации как недостоверной информации и ложного правового знания человека. Ошибка искусственного интеллекта приобретает значение для теории права лишь тогда, когда человек принимает такую информацию за достоверное знание о праве. В этом случае искусственный интеллект выступает посредником между человеком и правовой информацией и может участвовать в формировании его представлений о праве.

Правосознание и искусственный интеллект

Правосознание — одна из традиционных категорий теории права. Обычно оно понимается как совокупность представлений, оценок, чувств и установок субъектов относительно права и правовых явлений [1]. В его структуре выделяют знание о праве, оценочное отношение к нему и волевые элементы, связанные с выбором поведения. В настоящей работе правосознание берётся прежде всего со стороны знания, как совокупность правовых представлений, с помощью которых человек ориентируется в правовой действительности. Оценочные и волевые компоненты, составляющие предмет самостоятельных исследований, здесь не рассматриваются.

Правосознание не формируется в вакууме. Чтобы у человека возникли представления о праве, он должен получать информацию о нормативных предписаниях, правах и обязанностях, деятельности государственных органов, практике реализации законодательства. Связь правосознания и правовой информации уже становилась предметом отечественных исследований. Процесс правового информирования непосредственно влияет на формирование правовых представлений граждан [2].

Цифровизация меняет здесь главным образом способ получения правовой информации. Человек может не обращаться непосредственно к тексту закона или судебному акту: он формулирует вопрос для системы искусственного интеллекта и получает готовое объяснение. При этом система представляет ответ не как набор найденных документов, а как связное высказывание, приспособленное к конкретной ситуации пользователя.

Так искусственный интеллект начинает выполнять функцию посредника между субъектом и правовой информацией. Ошибка в первичном источнике права и ошибка посредника имеют различный механизм воздействия. Нормативный правовой акт непосредственно содержит юриди-

ческое предписание. Генеративная система такого предписания не создаёт, но может создать у человека представление о том, что определённое предписание существует. Возникает расхождение между правовой действительностью и её цифровым представлением. В этой зоне и возникает проблема «правовых галлюцинаций».

Правовые галлюцинации и ложное правовое знание

Термин «галлюцинация» применительно к искусственному интеллекту — техническая метафора. Он не означает наличия у системы психического состояния или способности воспринимать несуществующие объекты. Речь идёт о формировании системой правдоподобного, но недостоверного содержания [6].

В юридической сфере подобный феномен приобретает самостоятельное значение. Правовая информация обладает повышенной нормативной нагрузкой: её содержание может использоваться для определения прав, обязанностей, запретов, способов защиты и юридических последствий поведения.

Правовую галлюцинацию искусственного интеллекта можно определить как недостоверную юридическую информацию, сформированную системой в форме, внешне похожей на достоверное правовое знание. Такая информация может содержать несуществующую статью закона, судебное решение или правовую позицию; искажать содержание существующей нормы или судебной практики; либо соединять существующие нормы и факты таким образом, что формируется не соответствующая праву юридическая квалификация. Во всех этих случаях система формирует правдоподобное, но недостоверное описание права.

Здесь важно разграничить три уровня рассматриваемого явления, которые в практической литературе нередко отождествляются.

Начать стоит с технической ошибки искусственного интеллекта. Это сбой системы, в результате которого сформированное содержание не соответствует правовой действительности. Сама по себе такая ошибка ещё не затрагивает правосознание человека.

Иначе обстоит дело с правовой галлюцинацией. Она представляет собой недостоверное содержание, обладающее внешними признаками достоверного правового знания. Правовая галлюцинация существует в цифровой среде и ещё не стала частью сознания человека.

На уровне правосознания возникает уже третье явление — ложное правовое знание субъекта. Это представление о правовой действительности, сформировавшееся у человека на основе информации, которая выглядит юридически достоверной, но объективно не соответствует существующему праву.

Правовая галлюцинация и ложное правовое знание — не синонимы, а разные уровни одного процесса. Первое принадлежит цифровой среде, второе — сознанию субъекта. Переход между ними и составляет предмет теоретико-правового анализа.

Необходимо также различать незнание права, ошибочное понимание права, ложное правовое знание и юридическую ошибку. Если человек не располагает необходимой информацией о праве, речь идёт о незнании. Когда существующее правовое содержание воспринимается неправильно, можно говорить об ошибочном понимании. В случае ложного правового знания человек уверен в том, что определённое юридическое содержание существует, хотя в действительности его нет или оно существенно отличается от действующего права. Юридическая ошибка возникает уже при оценке юридически значимых обстоятельств и выборе поведения. Поэтому ложное правовое знание характеризует содержание правосознания, а юридическая ошибка — его использование при оценке конкретной ситуации.

Влияние недостоверной информации на правосознание

Не всякая ошибка искусственного интеллекта влияет на правосознание. Такое влияние возникает тогда, когда недостоверная информация выглядит достоверной, принимается человеком за правовое знание и используется им при выборе поведения. Если человек воспринимает ответ системы лишь как предварительную информацию и проверяет его по официальному источнику, воздействие на правосознание будет минимальным. Когда же полученный ответ воспринимается как достоверное описание действующего права, ложное содержание становится частью субъективного правового знания.

Решающим является момент, когда информация, созданная системой, становится частью представления человека о праве. Этот процесс можно обозначить как интериоризацию правовой информации. В этот момент техническая ошибка приобретает значение для теории права. До него мы имеем дело либо с технической ошибкой, либо с правовой галлюцинацией как информационным продуктом, но не с состоянием правосознания.

Авторская модель этого перехода выглядит так:

ошибка ИИ → недостоверная, но убедительная правовая информация → принятие её человеком → формирование ошибочного представления о праве → юридически значи-

мое поведение.

Такое разграничение даёт возможность рассматривать последствия ошибок искусственного интеллекта и как техническую, и как теоретико-правовую проблему.

Многое здесь зависит от того, насколько человек доверяет информационному посреднику. Чем выше воспринимаемый авторитет системы, тем реже её ответ подвергается критической проверке. Техническая ошибка может получить продолжение в сознании человека, где складывается своеобразная установка: «система сообщила — значит, так в праве и есть». Эта установка ослабляет самостоятельную проверку правовой информации и меняет механизм формирования индивидуального правосознания [3].

Существенную роль играет правдоподобие формы. Недостоверная информация, очевидно противоречащая здравому смыслу, с меньшей вероятностью будет принята субъектом. Напротив, структурированный ответ, содержащий ссылки на статьи, названия судов, даты решений и юридическую терминологию, способен создавать у пользователя впечатление достоверности. Современные рекомендации для юридической практики прямо указывают на опасность того, что ИИ-галлюцинации могут выглядеть убедительно и при этом содержать вымышленные правовые источники [5]. Проблема заключается как в ложности содержания, так и в форме его предъявления.

Практика использования ИИ и проблема юридически значимого поведения

Теоретико-правовое значение рассматриваемого явления наиболее очевидно в тот момент, когда ложное правовое представление начинает влиять на поведение. Гражданин может получить от системы сведения о том, что определённое действие запрещено законом, хотя никакого запрета в действительности нет, и отказаться от реализации принадлежащего ему права. Бывает и наоборот: система сообщает о наличии права или способа защиты, которых законодательство не предусматривает, и субъект действует исходя из этого представления, сталкиваясь затем с юридическими последствиями.

Из этого не следует, что ошибка искусственного интеллекта автоматически превращается в юридическую ошибку самого субъекта. Фактическое влияние информации и юридическая оценка поведения — разные вещи. Получение недостоверной информации может объяснять, как формировалось поведение. Вопрос о юридических последствиях требует самостоятельной оценки обстоятельств: характера информации, возможности её проверки, профессионального статуса лица, его обязанности проявлять необходимую осмотрительность. Ложное правовое знание способно выступать исходным фактором последующего юридически значимого поведения и входить в причинную цепочку, значимую для решения вопроса об ответственности. Детальное раскрытие этого аспекта выходит за рамки настоящей работы.

По данным базы AI Hallucination Cases, по состоянию на 18 июля 2026 г. зафиксировано 1 782 судебных дела, связанных с использованием сфабрикованных ИИ цитат или контента. Рост идёт по экспоненте: около 200 дел в середине 2025 года, 719 к январю 2026 года, 1 227 к началу апреля, 1 598 к 9 июня и 1 782 к 18 июля 2026 года [11].

В деле Mata v. Avianca, Inc. (S.D.N.Y., 2023) адвокат сослался на шесть несуществующих судебных решений, сгенерированных ChatGPT. Ссылки выглядели правдоподобно, с номерами дел, названиями судов и датами, и были использованы при подаче процессуального документа. Результатом стали судебные санкции [10]. В деле Butler Snow (N.D. Ala., 2025) трое адвокатов включили в ходатайства пять «полностью выдуманных» ссылок на дела; судья подчеркнула, что фабрикация правовых источников «требует существенно большей ответственности, чем выговоры и скромные штрафы». Субъектами здесь выступили профессиональные юристы. Формирование ложного правового представления возможно как на уровне обыденного, так и на уровне профессионального правосознания.

Российская практика также даёт значимые примеры. Определением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.05.2026 по делу № А27-7831/2025 на кемеровскую компанию «ЦСС» наложен штраф 50 000 рублей по ст. 119 АПК РФ за ссылки на несуществующие определения Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и арбитражных судов округов [8]. Суд отметил, что подготовка жалобы с помощью технологий искусственного интеллекта не является оправданием, поскольку «ответственность за достоверность сгенерированного текста несёт лицо, участвующее в деле и использовавшее указанную технологию». Этот случай позволяет предположить наличие перехода от информационного продукта к использованию недостоверного содержания субъектом в юридически значимой деятельности. Внутренний процесс принятия информации непосредственно судебным актом не устанавливается, а реконструируется на основании факта использования недостоверных ссылок в процессуальном документе.

На нормативном уровне Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15

«О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» закреплено, что участвующие в деле лица, представившие сведения о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду [9]. Такое регулирование можно рассматривать как одну из форм нормативной реакции на риски использования искусственного интеллекта при формировании юридически значимой информации.

Заключение

Ответ на поставленный во введении вопрос оказывается сложнее, чем простое указание на ненадёжность искусственного интеллекта. Генерация недостоверной юридической информации приобретает теоретико-правовое значение не в момент её создания системой, а в момент, когда она становится частью представлений человека о праве.

Это позволяет разграничить три уровня рассматриваемого явления: техническую ошибку системы, правовую галлюцинацию как информационный продукт и ложное правовое знание субъекта. Разграничение имеет не терминологический, а содержательный характер: оно показывает, что техническая ошибка и состояние правосознания — разные явления, и что переход между ними не автоматичен. Правовая галлюцинация принадлежит цифровой среде, ложное правовое знание — сознанию человека.

Проведённое разграничение позволяет также отделить ложное правовое знание от юридической ошибки: первое характеризует содержание правосознания, вторая — его использование при оценке конкретной ситуации.

Приведённые примеры подтверждают практическую значимость такого разграничения, хотя и не позволяют рассматривать его как результат исчерпывающей эмпирической проверки.

Искусственный интеллект в рассмотренном контексте выступает не только способом получения правовой информации, но и посредником, через которого человек формирует представления о праве. Поэтому развитие теории правосознания требует учитывать новые способы получения и восприятия правовой информации, связанные с использованием систем искусственного интеллекта.

Список литературы:

[1] Петренко И. А., Курзаков М., Магомедова Е. А. Влияние цифровизации на правосознание населения в современной России: сущность и проблемные аспекты // Cifra: Право. 2025. № 3 (7). С. 103-126.

[2] Горбатенко Г. В. Теоретико-правовой аспект влияния правосознания на формирование эффективной правовой системы // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 27–31.

[3] Шамаров В. М. Трансформация содержания понятия «правосознание» в условиях специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 26–31.

[4] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22, No. 2. P. 216–242.

[5] James C. B. The New Normal: AI Hallucinations in Legal Practice // Montana Lawyer. 2026. Vol. 51, No. 1. P. 12–15.

[6] Lee Hyeong Seok. The Legal Responsibility Framework of Generative AI Hallucinations and Normative Design for the Protection of Fundamental Rights // Legal Theory & Practice Review. 2026. Vol. 14, No. 1. P. 49–88.

[7] Sanchez-Graells A. Responsibly Buying Artificial Intelligence: A 'Regulatory Hallucination' // Current Legal Problems. 2024. Vol. 77, No. 1. P. 81–126.

[8] Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.05.2026 по делу № А27-7831/2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=221111 (дата обращения: 22.09.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534842/ (дата обращения: 22.09.2026).

[10] Mata v. Avianca, Inc., No. 22-cv-1461 (S.D.N.Y. June 22, 2023) (sanctions order). // Web Archive. URL: https://web.archive.org/web/20240213030046/https://casetext.com/case/mata-v-avianca-inc-2/ (дата обращения: 22.09.2026).

[11] AI Hallucination Cases Database // D. Charlotin. URL: https://www.damiencharlotin.com/hallucinations/ (дата обращения: 22.09.2026).

References:

[1] Petrenko I. A., Kurzakov M., Magomedova E. A. The Impact of Digitalization on the Legal Consciousness of the Population in Modern Russia: Essence and Problematic Aspects // Cifra: Law. 2025. No. 3 (7). pp. 103–126.

[2] Gorbatenko G. V. The Theoretical-Legal Aspect of the Influence of Legal Consciousness on the Formation of an Effective Legal System // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs

of Russia. 2021. No. 3. pp. 27–31.

[3] Shamarov V. M. Transformation of the Content of the Concept of "Legal Consciousness" in the Context of the Special Military Operation // Military-Legal Journal. 2024. No. 5. pp. 26–31.

[4] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22, No. 2. pp. 216–242.

[5] James C. B. The New Normal: AI Hallucinations in Legal Practice // Montana Lawyer. 2026. Vol. 51, No. 1. pp. 12–15.

[6] Lee Hyeong Seok. The Legal Responsibility Framework of Generative AI Hallucinations and Normative Design for the Protection of Fundamental Rights // Legal Theory & Practice Review. 2026. Vol. 14, No. 1. pp. 49–88.

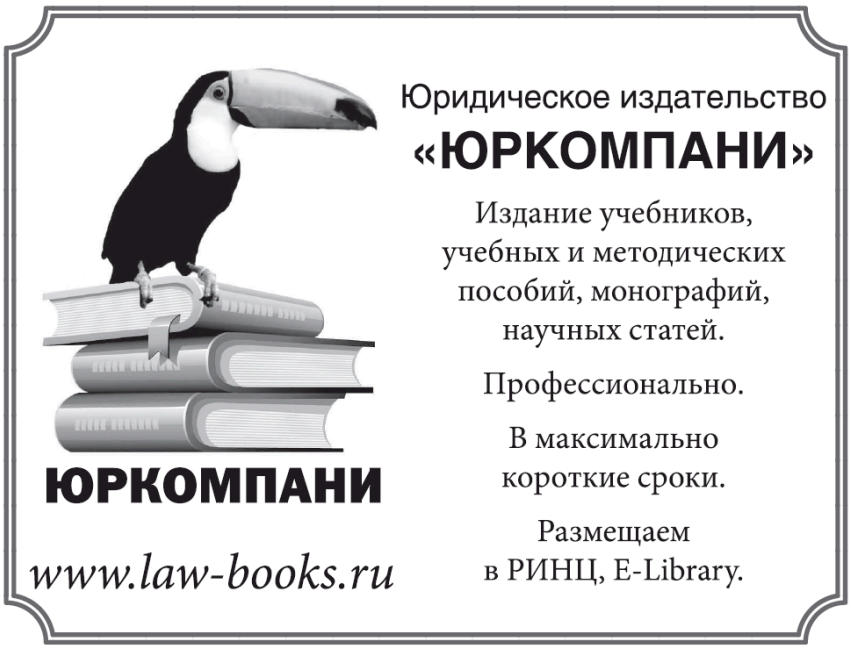
[7] Sanchez-Graells A. Responsibly Buying Artificial Intelligence: A 'Regulatory Hallucination' // Current Legal Problems. 2024. Vol. 77, No. 1. pp. 81–126.

[8] Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated May 14, 2026, in Case No. A27-7831/2025. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=221111 (accessed: September 22, 2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 21, 2026, No. 15 "On the Preparation of Civil Cases for Trial." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534842/ (accessed: September 22, 2026).

[10] Mata v. Avianca, Inc., No. 22-cv-1461 (S.D.N.Y. June 22, 2023) (sanctions order). // Web Archive. URL: https://web.archive.org/web/20240213030046/https://casetext.com/case/mata-v-avianca-inc-2/ (accessed: September 22, 2026).

[11] AI Hallucination Cases Database // D. Charlotin. URL: https://www.damiencharlotin.com/hallucinations/ (accessed: September 22, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-304-308
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ПАПЧИХИН Павел Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, 141,
ORCID автора: 0009-0001-5128-9997,
тел.: 89272014834,
e-mail: papchihin@urlife.pro

О СУЩНОСТИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ КАК ПРЕВЕНТИВНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРАВЕ

Аннотация. *В настоящей статье отражены результаты апробации научного исследования теоретико-правового феномена превентивно-обеспечительных конструкций в праве. Предмет исследования в статье составляют превентивно-обеспечительные конструкции в уголовном судопроизводстве, в том числе задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения. Данные правовые конструкции проанализированы с учетом концепции превентивно-обеспечительных конструкций в праве. Выявляется превентивно-обеспечительная сущность анализируемых конструкций. Определено значение превентивно-обеспечительных конструкций в уголовном судопроизводстве, в том числе с точки зрения теории правового государства и аксиологии права.*

Ключевые слова: *обеспечение, превентивно-обеспечительные конструкции в праве, меры процессуального принуждения, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения, правовое государство.*

Для цитирования: *Папчихин П. С. О сущности мер процессуального принуждения как превентивно-обеспечительных конструкций в праве // Образование и право. 2026. № 10. С. 304–308.*

PAPCHIKHIN Pavel Sergeevich,
postgraduate student of the Department of Civil and Arbitration Procedure of Samara State University of Economics

ON THE ESSENCE OF PROCEDURAL COERCION MEASURES AS PREVENTIVE-SECURITY STRUCTURES IN LAW

Annotation. *This article presents the results of a study examining the theoretical-legal phenomenon of preventive-security structures in law. The subject of the research comprises preventive-security structures in criminal proceedings, including the detention of a suspect, preventive measures, and other measures of procedural coercion. These legal mechanisms are analyzed through the lens of the broader concept of preventive-security structures in law. The article identifies the preventive-security nature of the structures under analysis and defines their significance in criminal proceedings, particularly from the perspectives of the theory of the rule-of-law state and legal axiology.*

Key words: *security, preventive-security structures in law, measures of procedural compulsion, measures of restraint, other measures of procedural compulsion, rule-of-law state.*

For citation: *Papchikhin P. S. On the essence of procedural coercion measures as preventive-security structures in law. Education and law. 2026;(10):304–308. (In Russ.).*

Введение

В современном российском законодательстве закреплены различные превентивно-обеспечительные конструкции, отличающиеся по множеству критериев. Такие конструкции рассредоточены по множеству отраслей законодательства. Среди анализируемых конструкций следует отметить превентивно-обеспечительные конструкции, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве. Научный интерес вызывают проблемы, связанные с отнесением таких правовых конструкций к превентивно-обеспечительным конструкциям в праве и применением таких правовых конструкций. Кроме того, с точки зрения теоретико-правовой науки и философско-правовой науки, не оценено влияние анализируемых конструкций на уголовный процесс. Отсутствует и точка зрения о причинно-следственной связи уголовно-процессуальных превентивно-обеспечительных конструкций и процессом эволюции правового государства.

Обзор литературы.

Настоящее исследование является междисциплинарным, что предопределяет теоретическую базу статьи. Так, фундаментальные вопросы сущности мер процессуального принуждения рассмотрены И. Я. Фойницким. Философско-правовые вопросы и аксиологический аспект правовых средств поднимаются в трудах П. П. Ланга и О. Ю. Рыбакова. Проблемы методологии юридической науки, оценки эффективности правовых конструкций раскрываются в работах Е. В. Луневой, О. И. Зазнаева и В. В. Королева, Р. А. Ромашова и Е. Г. Шукшиной, З. Ф. Сафина и А. Г. Демиевой.

Данные и методы

Методология настоящего исследования представлена комплексом научных методов. В частности, исследование превентивно-обеспечительной сущности анализируемых конструкций требует использования методов индукции и дедукции. В работе использован также формально-юридический метод и метод правовой классификации.

Результаты исследования

Правовое регулирование анализируемых превентивно-обеспечительных конструкций основано на Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [13] (далее – УПК РФ). УПК РФ закрепляет следующие превентивно-обеспечительные конструкции: задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения.

Всякая превентивно-обеспечительная конструкция в праве является юридической конструкцией, которая, предупреждая нарушение права, направлена либо на создание возможности для реализации субъективного права и исполнения юридически значимой обязанности, либо на устранение обстоятельств, препятствующих реализации субъективного права и исполнению юридически значимой обязанности. Ключевая роль данного определения отводится обеспечению – юридической категории, которая означает: в позитивном смысле – создание возможности для реализации субъективного права и исполнения юридически значимой обязанности, а в негативном смысле – устранение обстоятельств, препятствующих реализации субъективного права и исполнению юридически значимой обязанности [6, с. 38]. Перейдем к рассмотрению обеспечительной сущности анализируемых конструкций, закрепленных в УПК РФ.

Задержание подозреваемого

Задержание подозреваемого применяется уполномоченным лицом по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из предусмотренных УПК РФ оснований. Сущность данной конструкции состоит в ограничении свободы задержанного лица с целью подтверждения подозрения в совершении преступления либо оснований применения к такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Государство, ограничивая такое лицо в свободе, стремится сохранить такое лицо в безопасности на время подтверждения подозрения в совершении преступления. При этом в отношении задержанного лица осуществляется предупреждение совершения им преступлений.

Меры пресечения

В УПК РФ закреплены следующие меры пресечения, перечень которых является исчерпывающим, а именно: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу.

Конструкции мер пресечения сформулированы законодателем следующим образом. Такие меры имеют общие основания для их избрания, а именно: наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый:

- либо скроется от дознания, предварительного следствия или суда,
- либо может продолжать заниматься преступной деятельностью,
- либо может угрожать свидетелю, иным участникам

уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем

воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В теории под мерами пресечения в уго-

ловном процессе понимаются предусмотренные законом средства воздействия на обвиняемого или подозреваемого, которые заключаются в лишении или ограничении его свободы, угрозе имущественных потерь или установлении за этими лицами присмотра [1, с. 151]. Превентивно-обеспечительная сущность мер пресечения заключается в ограничении свободы задержанного лица с целью подтверждения подозрения в совершении преступления либо оснований применения к такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Государство, ограничивая такое лицо в свободе, стремится сохранить такое лицо в безопасности на время подтверждения подозрения в совершении преступления. При этом в отношении задержанного лица осуществляется предупреждение совершения им преступлений. Законодатель не ограничивается мерами пресечения и задержанием подозреваемого. В УПК РФ закреплены также иные меры процессуального принуждения, которые следует более подробно рассмотреть.

К иным мерам процессуального принуждения, закрепленным в УПК РФ, относятся следующие: 1) обязательство о явке, 2) привод, 3) временное отстранение от должности, 4) наложение ареста на имущество, 5) приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи, 6) денежное взыскание. Такие меры применяются в случае воспрепятствования производству по уголовному делу [5, с. 127]. Следовательно, применением анализируемых мер предупреждается совершение подозреваемым или обвиняемым преступлений, в том числе преступлений против правосудия, связанных с производством по соответствующему уголовному делу. Обеспечительный эффект иных мер процессуального принуждения состоит в устранении опасности нарушения исполнения обязанностей уполномоченных должностных лиц по производству по уголовному делу.

Представляется логичным перейти к определению значения мер процессуального принуждения как превентивно-обеспечительных конструкций в праве.

И. Я. Фойницкий писал, что существо мер судебного принуждения состоит в том, что суд для достижения правосудия уполномочен налагать на частных лиц различные ограничения, доходящие в некоторых «до степени, близкой к наказанию», временно лишать таких лиц благ [12, с. 313, 314, 315]. Следует учитывать, что в ч. 1 ст. 6 УПК РФ закреплена глобальная цель уголовного процесса: с одной стороны, защита прав и законных интересов потерпевших и, с другой стороны, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом прослеживается и связь современной юридической науки и дореволюционного правоведения, сохранение культурно-исторических традиций [3, с. 24].

Мы уже говорили, применительно к превентивно-обеспечительным конструкциям в арбитражном судопроизводстве, что такие конструкции поддерживают становление и существование правового государства, выражают действие принципов правового государства [7, с. 51].

Следует учитывать следующее. Системное толкование ст. 1, 6 УПК РФ позволяет прийти к следующим выводам. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции Российской Федерации [14]. Во исполнение данной нормы закреплено назначение уголовного судопроизводства. И далее, принципы уголовного судопроизводства, являясь основными положениями высшей степени общности, обусловлены единой целью – целью уголовного процесса. Данная цель при этом определена во исполнение ст. 2 Конституции Российской Федерации, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью. Достижение данной цели создаст предпосылку для экономического роста и иных социально полезных результатов [2, с. 73]. Кроме того, данная цель опосредует становление, в том числе социального согласия, правового партнерства личности и государства [9, с. 203, 211].

Следовательно, превентивно-обеспечительные конструкции в уголовном судопроизводстве направлены на реализацию принципов правового государства, достижение социального согласия, укрепление экономического роста государства.

Следует учитывать, что превентивно-обеспечительные конструкции в уголовном судопроизводстве, будучи правовыми средствами, выступают также средствами преодоления правоприменительных конфликтов [8, с. 46]. Кроме того, анализируемые правовые конструкции имеют важное методологическое значение, поскольку являются комплексными правовыми конструкциями. Именно методология включает в себя анализ категорий науки, системы научного знания [4, с. 164]. Отметим, что все превентивно-обеспечительные конструкции в праве выполняют одновременно и юридико-превентивную, и обеспечительную функцию. Такой феномен обусловливает потенциально широкий научный интерес к превентивно-обеспечительным конструкциям в уголовно-процессуальном законодательстве в силу следующего. Анализируемые конструкции, по предмету, являются личными, имеют множество разновидностей и потому нуждаются в надлежащем регулировании и

применении [11, с. 206, 207, 209]. Изложенное позволяет прийти к выводу об актуальности концепции превентивно-обеспечительных конструкций в праве и, в частности, в уголовно-процессуальном законодательстве, для развития методологии юридической науки. К исследованию анализируемых правовых конструкций может применяться метод единства и дифференциации [10, с. 41].

Основные итоги проведенного исследования

Представляются обоснованными следующие выводы. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве являются превентивно-обеспечительными конструкциями в праве, которые, направлены, во-первых, на предупреждение нарушение прав граждан и юридических лиц, а во-вторых, на создание возможности для реализации полномочий лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, либо на устранение обстоятельств, препятствующих реализации полномочий соответствующих лиц.

Значение мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве особенно высоко при определении эффективности преодоления правовых конфликтов, ценности правовых средств и достижении социального согласия в обществе.

Концепция превентивно-обеспечительных конструкций в уголовном судопроизводстве имеет важное значение для совершенствования методологии юридической науки, развития теоретико-правовой и философско-правовой науки, науки уголовного процесса.

Список литературы:

[1] Папчихин, П. С. Понятие обеспечения как юридической категории в российском праве / П. С. Папчихин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6 (234). – С. 36–39.

[2] Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – 13-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 576 с.

[3] Основания и цели избрания иных мер уголовно-процессуального принуждения / Е. В. Быкадорова, Н. В. Манилкин, А. В. Афанасьев, А. Е. Смиюха // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 2 (206). – С. 126–129.

[4] Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. / И. Я. Фойницкий ; общ. ред., послесл., примеч., крат. биогр. сведения Смирнова А. В. – Перепеч. с 3-го изд., СПб., 1910. – Санкт-Петербург : АЛЬФА, 1996. – 605 с.

[5] Ланг, П. П. Аксиологические основы юридической герменевтики / П. П. Ланг // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 1 (41). – С. 20–26.

[6] Папчихин, П. С. Обеспечительные конструкции в арбитражном процессе: попытка нового осмысления / П. С. Папчихин // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 26. – Москва : ООО «Издательская группа «Юрист», 2026. – С. 46–51.

[7] Королев, В. В., Зазнаев, О. И. Социальный институт как предмет современных научных интерпретаций / В. В. Королев, О. И. Зазнаев // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148, № 1. – С. 68–76.

[8] Рыбаков, О. Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства / О. Ю. Рыбаков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 1 (282). – С. 202–211.

[9] Ромашов, Р. А., Шукшина, Е. Г. Механизм преодоления юридических конфликтов в сфере правоприменительной деятельности / Р.А. Ромашов, Е.Г. Шукшина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3 (27). – С. 40–48.

[10] Лунева, Е. В. Методологические подходы к исследованию права рационального природопользования / Е. В. Лунева // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. № 11. – С. 163–182.

[11] Скачкова, О. С., Папчихин, П. С. О классификации превентивно-обеспечительных конструкций в праве / О. С. Скачкова, П. С. Папчихин // Вестник Института экономических исследований. – 2026. – № 2 (42). – С. 199–210.

[12] Сафин, З. Ф., Демиева, А. Г. Единство и дифференциация как метод исследования предпринимательских правоотношений / З. Ф. Сафин, А. Г. Демиева // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / Отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – Москва : Статут, 2018. – С. 33–44.

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 22 ноября 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[14] Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 19.08.2026).

References:

[1] Papchikhin, P. S. The Concept of "Securing"

(Obespechenie) as a Legal Category in Russian Law / P. S. Papchikhin // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 6 (234). – pp. 36–39.

[2] Bezlepkin, B. T. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Article-by-Article) / B. T. Bezlepkin. – 13th ed., revised and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2016. – 576 p.

[3] Grounds and Objectives for Selecting Other Measures of Criminal-Procedural Coercion / E. V. Bykadorova, N. V. Manilkin, A. V. Afanasyev, A. E. Smiyukha // Agrarian and Land Law. – 2022. – No. 2 (206). – pp. 126–129.

[4] Foynitsky, I. Ya. A Course in Criminal Procedure. Volume II / I. Ya. Foynitsky; edited by, with an afterword, notes, and a brief biography by A. V. Smirnov. – Reprinted from the 3rd ed. (St. Petersburg, 1910). – St. Petersburg: ALFA, 1996. – 605 p.

[5] Lang, P. P. Axiological Foundations of Legal Hermeneutics / P. P. Lang // Bulletin of the Moscow City University (MGPU). Series: Legal Sciences. – 2021. – No. 1 (41). – pp. 20–26.

[6] Papchikhin, P. S. Interim Relief Mechanisms in Arbitration Proceedings: An Attempt at a New Conceptualization / P. S. Papchikhin // Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences. Issue 26. – Moscow: Publishing Group "Yurist" LLC, 2026. – pp. 46–51.

[7] Korolev, V. V., Zaznaev, O. I. The Social Institution as a Subject of Contemporary Scholarly Interpretations / V. V. Korolev, O. I. Zaznaev // Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities. – 2006. – Vol. 148, No. 1. – pp. 68–76.

[8] Rybakov, O. Yu. Social Consensus in Russia: Possibilities for the Individual and the State / O. Yu. Rybakov // Proceedings of Higher Educational Institutions. Legal Studies (Pravovedenie). – 2009. – No. 1 (282). – pp. 202–211.

[9] Romashov, R. A., Shukshina, E. G. A Mechanism for Resolving Legal Conflicts in the Sphere of Law Enforcement/Application Activity / R. A. Romashov, E. G. Shukshina // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2005. – No. 3 (27). – pp. 40–48.

[10] Luneva, E. V. Methodological Approaches to the Study of the Law of Rational Natural Resource Use / E. V. Luneva // Journal of Russian Law. – 2021. – Vol. 25, No. 11. – pp. 163–182.

[11] Skachkova, O. S., Papchikhin, P. S. On the Classification of Preventive and Safeguarding Legal Mechanisms / O. S. Skachkova, P. S. Papchikhin // Bulletin of the Institute for Economic Research. – 2026. – No. 2 (42). – pp. 199–210.

[12] Safin, Z. F., Demieva, A. G. Unity and Differentiation as a Method for Studying Entrepreneurial Legal Relations / Z. F. Safin, A. G. Demieva // Methodological Problems of Civil Law Research: A Collection of Scientific Articles. Yearbook. Issue 3. 2018 / Eds. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. – Moscow: Statut, 2018. – pp. 33–44.

[13] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [Text]: Federal Law No. 174-FZ of November 22, 2001 (as amended on July 26, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – December 24, 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.

[14] Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru. (accessed: August 19, 2026).

ИННОВАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-309-314
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
AuthorID: 772928,
ORCID: 0000 0003 2233 0230,
e-mail: mail@law-books.ru

КУЛАКОВА Светлана Владимировна,
кандидат педагогических наук,
начальник отдела ФКУ НИИ ФСИН России,
AuthorID: 732147,
ORCID: 0000-0001-8688-2021,
e-mail: mail@law-books.ru

ИННОВАЦИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ СИЛОВЫХ СТРУКТУР: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ЗАДАЧАМ И МЕТОДАМ

Аннотация. *В статье рассмотрены актуальные вопросы организации воспитательной работы с личным составом силовых структур на примере сотрудников пенитенциарной системы и полиции в контексте современных вызовов и запросов общества и государства. Целью статьи является анализ современных требований к задачам и методам системы воспитательной работы с сотрудниками силовых структур. Методами и методиками выступили: анализ исторических, архивных материалов в области воспитательной работы с сотрудниками силовых ведомств; нормативной правовой базы и научной литературы по воспитанию и развитию личности; определение новаций в области методов воспитательного воздействия, направленных на формирование профессионально-важных, патриотических и духовно-нравственных качеств, высокой социальной ответственности. Результатами исследования стали: определение наиболее распространенной и разработанной формы воспитательного воздействия – коллективной, включающей внутреннюю (СПК, организационная культура) и внешнюю составляющие; выявление инновационных направлений воспитательной работы (творческие студии, медиапроекты, проектно-групповые подходы); обоснование необходимости системного подхода к воспитанию личного состава с учетом духовно-нравственных и патриотических ценностей.*

Ключевые слова: *силовые структуры; система воспитательной работы; личный состав; пенитенциарная система; инновации; формы и методы воспитания; патриотическое воспитание.*

Для цитирования: *Казберов П. Н., Кулакова С. В. Инновации в воспитательной работе с личным составом силовых структур: анализ современных требований к задачам и методам // Образование и право. 2026. № 10. С. 309–314.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Candidate of Psychological Sciences,
Leading Researcher at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

KULAKOVA Svetlana Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of a Department at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

INNOVATIONS IN EDUCATIONAL WORK WITH LAW ENFORCEMENT PERSONNEL: ANALYSIS OF MODERN REQUIREMENTS FOR OBJECTIVES AND METHODS

Annotation. *This article examines the current issues of organizing educational work with law enforcement personnel in the context of contemporary challenges and demands of society and the state. The purpose of the article is to analyze modern requirements for the objectives and methods of the educational work system with law enforcement personnel. The methods include: analysis of historical and archival materials on educational work with law enforcement officers; regulatory framework and scientific literature on education and personal development; identification of innovations in educational methods aimed at developing professionally important, patriotic, spiritual and moral qualities, and high social responsibility. The results of the study are: identification of the most widespread and developed form of educational influence – the collective form, including internal (SPK, organizational culture) and external components; identification of innovative areas of educational work (creative studios, media projects, project-group approaches); substantiation of the need for a systematic approach to educating personnel taking into account spiritual, moral and patriotic values.*

Key words: *law enforcement agencies; educational system; personnel; penitentiary system; innovations; forms and methods of education; patriotic education.*

For citation: *Kazberov P. N., Kulakova S. V. Innovations in educational work with law enforcement personnel: analysis of modern requirements for objectives and methods. Education and law. 2026;(10):309–314. (In Russ.).*

Введение. Современные вызовы ставят новые задачи в области воспитания личности гражданина России, определяя и уточняя основные направления воспитательного воздействия на сотрудников силовых структур как основной инструмент защиты общества. Вопросы профессионального воспитания персонала (органов правопорядка, пенитенциарной системы и т.д.) устанавливались с момента создания силовых структур [2].

Подтверждение этому можно найти в нормативных документах прошлых столетий, требующих от персонала не только знания, исполнения и регулярного изучения законодательства, но и высокой нравственности, проявления таких морально-нравственных качеств личности, как человеколюбие, честность, ответственность и воля в выполнении обязанностей, бескорыстие и верность службе [4].

Направления воспитания персонала силовых ведомств менялись в зависимости от политических, социально-экономических и т.д. задач, стоящих перед государством, изменяясь от служения Ея Императорскому Величеству к решению партийно-политических задач партийных съездов, а затем к реализации концепций и т.д., при этом использовались воспитательные методы начиная от церковного покаяния до агитационно-политических, а затем интегративных, коучинговых и профайлинговых [3]. Вместе с тем требования к личности сотрудника, его морально-нравственным качествам, патриотизму и социальной ответственности оставались неизменными, требуя от него четкого исполнения законодательства, социальных норм, высокого культурного уровня и т.д.

Современные исследования подтверждают, что эффективность воспитательной работы с сотрудниками силовых структур во многом зависит от системности и комплексности применяемых методов, а также от учета актуальных вызовов, включая цифровизацию и гуманизацию пенитенциарной политики [6]. Приоритетным направлением становится формирование у личного состава ценностей гражданственности и патриотизма [1].

Цель статьи – анализ современных требований к задачам и методам системы воспитательной работы с сотрудниками силовых структур с учетом современных вызовов и запросов общества и государства.

Методы исследования: анализ исторических, архивных материалов в области воспитательной работы с сотрудниками силовых ведомств; нормативной правовой базы и научной литературы по воспитанию и развитию личности; определение новаций в области методов воспитательного воздействия, направленных на формирование профессионально-важных, патриотических и духовно-нравственных качеств, высокой социальной ответственности [3].

Результаты исследования. Система профессионального сопровождения сотрудников пенитенциарных учреждений направлена на развитие профессиональных компетенций, верности служебному долгу, гражданственности, патриотизма, что актуализирует потребность в изучении и

анализе новаций в области сопровождения персонала и воспитательной работы [2].

Нами проводится ежегодный мониторинг состояния практики воспитательной работы в пенитенциарной системе, включающий ревизию путей, методов и средств воспитательного воздействия, инновационных методов работы [3; 5; 12].

Современная система воспитания работников пенитенциарной системы условно разделена на отдельные формы (индивидуальную, групповую и коллективную), имеющие свои составляющие.

Индивидуальная форма строится на постулате, что каждый работник является личностью, носителем уникального набора качеств, свойств, умений, возможностей и ограничений, которые можно гармонично сочетать и развивать путем вовлечения его в мероприятия воспитательного характера, не вызывая сопротивления, а, наоборот, способствуя развитию интереса к данной деятельности.

Групповая форма направлена на формирование и развитие отдельных групп работников, а также членов их семей, членов самодеятельных и творческих коллективов, общественных объединений.

Коллективная форма воспитательной работы условно разделена на две основные составляющие: внутреннюю (организационную культуру и поддержание благоприятного СПК) и внешнюю – организацию и сопровождение общественной активности работников.

Коллективная форма воспитательной работы наиболее распространена в пенитенциарных учреждениях и является наиболее разработанной, разноплановой и непрерывной. Это наставническая деятельность, работа ветеранских и иных общественных организаций, работа с подрастающим поколением, участие работников в различных массовых всероссийских и региональных акциях, поддержка общественных инициатив (субботников, кроссов, сборов и т.д.), добровольческих объединений, культурная, досуговая и спортивная деятельность [5].

Ежегодный мониторинг практики воспитательной работы с персоналом показывает, что работа ведется повсеместно и охватывает не только сотрудников и членов их семей, но и включает такие категории лиц, как учащиеся кадетских классов и военно-патриотических клубов, слои населения, нуждающиеся в благотворительной помощи (детские дома, дома инвалидов, ветераны и т.д.), другие формы гражданского участия, предоставление услуг, донорство и иную деятельность, которая осуществляется добровольно [3].

В рамках патриотического воспитания, поддержания традиционных духовно-нравственных ценностей проводится большая работа по сбору и сохранению материалов, отражающих памятные события в истории России, родного края, воспитанию примерами опыта ветеранов [1]. Повсеместно проводятся мероприятия по увековечиванию памяти погибших работников (ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны), благоустройство захоронений, уборка и реставрация памятников и т.д. Данные мероприятия охватывают не только сотрудников, курсантов и членов их семей, но повсеместно проводятся для подрастающего поколения, учеников кадетских классов, военно-патриотических клубов и других слоев населения.

В целях формирования объективной общественной оценки деятельности силовых структур, пропаганды традиций силовых ведомств, информирования и оказания организационно-практической, методической помощи сотрудникам и курсантам, совершенствования деятельности по социальной защите сотрудников, курсантов и членов их семей, координации и обеспечения надлежащего контроля за ее состоянием проводятся общие собрания, торжественные поздравления личного состава руководством (торжественные церемонии принятия присяги, вручения погон и др.), проводятся встречи работников, курсантов и членов их семей с ветеранами службы, ветеранами боевых действий, сотрудниками и ветеранами силовых структур, других министерств и ведомств [5].

Инновационными в уходящем году стали мероприятия, посвященные празднованию юбилея Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. Это и торжественные собрания, парады и возложения цветов, и культурно-массовые и спортивные мероприятия, посвященные Победе в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества, и встречи с ветеранами и участниками Великой Отечественной войны, СВО, и участие во всероссийских акциях, конкурсах и мероприятиях. Инновационными также определены интерактивные конкурсы, викторины и акции, участие персонала в масштабных акциях, кроссах, соревнованиях и турнирах.

Результаты исследования позволяют утверждать, что система воспитания персонала силовых структур переходит на новый уровень, наличие значительной научной базы, методологии, плановости позволяет вводить новации в области усовершенствования как нормативной правовой базы воспитательной работы, так и инновационных методов, позволяющих расширять области задач воспитания политико-воспитательной и культурно-просветительной работы до определенных

указаниями Правительства РФ и в своей сути содержащих основы реализации государственно-политической, морально-психологической подготовки, индивидуальной воспитательной работы, информационно-пропагандистской работы и т.д., реализуемых по таким направлениям, как патриотическое, профессиональное, правовое, этическое, физическое воспитание [1; 6].

Анализ актуальных исследований 2025–2026 годов показывает, что в силовых структурах разрабатываются проекты приказов, закрепляющих использование подведомственных творческих студий и культурных коллективов в воспитательной работе с личным составом [10]. Так, например, в МВД России предлагается ввести новые внештатные подразделения – творческие студии, которые будут заниматься историческими реконструкциями, созданием мемориалов, организацией театрализованных постановок и концертов. По мнению экспертов, участие в творческой работе поможет сотрудникам снять психологическую нагрузку и переключиться, при этом участие должно быть строго добровольным [9].

Современные исследования подчеркивают важность когнитивного компонента патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел. Формирование прочной знаниевой основы, на которой зиждется фундамент патриотических чувств, требует использования актуальной и креативной медиаинформации, видеоконтента и интерактивных форматов в ходе воспитательной работы с курсантами и молодыми сотрудниками [11].

Исследования технологии патриотического воспитания сотрудников российской полиции акцентируют внимание на необходимости противодействия антипатриотизму как деструктивному педагогическому фактору. Разрабатываются специальные технологии, направленные на формирование устойчивой патриотической позиции, включающие работу с социальными сетями и медиапространством [8; 9].

Современные подходы к формированию духовно-нравственных ценностей у курсантов образовательных организаций силовых ведомств в ходе индивидуальных воспитательных бесед демонстрируют эффективность аксиологического и диалогического подходов, а также методов педагогического наблюдения, групповой и индивидуальной беседы, опроса [13].

Анализ практики морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников силовых структур выявляет такие актуальные вызовы, как профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, воздействие экстремальных факторов и недостаточная унификация подходов в различных ведомствах. Предлагаются практико-ориентированные пути совершенствования: внедрение индивидуального психофизического тренинга, разработка межведомственных стандартов, усиление реабилитационных мероприятий и использование дистанционных технологий [12].

Таким образом, инновационные направления воспитательной работы с личным составом силовых структур включают:

– творческие студии и культурные коллективы как форма психологической разгрузки и творческой самореализации;

– медиапроекты и видеоконтент для формирования когнитивного компонента патриотизма;

– проектно-групповые подходы и неформальное образование;

– индивидуальные псих ofофизические тренинги и дистанционные технологии;

– технологии противодействия антипатриотизму в социальных сетях;

– аксиологический и диалогический подходы в индивидуальной воспитательной работе.

Выводы, заключение. Проведенное исследование показывает, что система воспитательной работы с личным составом силовых структур в современных условиях претерпевает существенные изменения, обусловленные как внешними вызовами (геополитическая ситуация, информационное противоборство, цифровизация), так и внутренними потребностями ведомств.

Первое. Наиболее распространенной и разработанной формой воспитательного воздействия остается коллективная форма, включающая внутреннюю (организационная культура и социально-психологический климат) и внешнюю (общественная активность) составляющие. При этом именно внешняя составляющая демонстрирует наибольший инновационный потенциал, поскольку предполагает вовлечение сотрудников в добровольческую, профориентационную, патриотическую и социально значимую деятельность, что способствует не только формированию профессионально важных качеств, но и укреплению социального статуса силовых структур в обществе.

Второе. Инновационные формы воспитательной работы (творческие студии, медиапроекты, исторические реконструкции, театрализованные постановки) приобретают особую значимость в контексте профилактики профессиональной деформации и эмоционального выгорания сотрудников, что подтверждается актуальными исследованиями в области морально-психологического обеспечения.

Третье. Формирование патриотических и духовно-нравственных ценностей требует интеграции когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, что достигается через исполь-

зование актуального медиаконтента, индивидуальных воспитательных бесед на основе аксиологического и диалогического подходов, а также через системное противодействие антипатриотическим влияниям в цифровом пространстве.

Четвертое. Эффективность воспитательной работы с личным составом силовых структур напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки субъектов воспитательного процесса – руководителей, наставников, психологов, а также от системности и преемственности воспитательных воздействий на всех этапах служебной деятельности.

Пятое. Дальнейшее развитие системы воспитательной работы требует разработки межведомственных стандартов, унификации подходов к морально-психологическому обеспечению, внедрения дистанционных и цифровых технологий, а также постоянного мониторинга эффективности применяемых методов и форм.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) Статья 110. Основные формы и методы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 21 июня 2005 г. № 91 «Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123461/ (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Казберов П.Н. Развитие воспитательной работы с персоналом силовых структур // Образование и право. 2026. № 3. С. 262-265.

[4] Казберов П.Н. Формирование профессионально-важных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России: анализ средств, методов и методик // Право и управление 2023. № 7. С. 244-248.

[5] Казберов П.Н. Содержательные элементы воспитательной работы с проявлениями религиозной доктрины лиц, осужденных за экстремистские и террористические преступления // Образование и право. 2026. № 7. С. 352-356.

[6] Гайдай М.К., Кузьмина Г.А. Психологические особенности патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1 (95). С. 141-147.

[7] Дизер О.А., Беляева Е.Г. Воспитательная работа как средство предотвращения отклоняющегося поведения сотрудников органов внутренних дел // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4, № 1. С. 127–134.

[8] Марченко Г.В., Смородина В.А., Чимаров С.Ю., Косолапов А.Д. Идейный концепт патриотизма в воспитательной работе с сотрудниками органов внутренних дел: современные подходы и технологии : монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 175 с.

[9] Рожков А.А. Организация политико-воспитательной работы в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 257–264.

[10] Лавринов В.В. Морально-психологическое обеспечение деятельности сотрудников силовых структур // Правда и закон. 2025. № 4(34). С. 97–101.

[11] Кулакова С.В., Трифонов С.С. Повышение эффективности функционирования института наставничества как одного из ключевых звеньев индивидуальной воспитательной работы, проводимой с молодыми сотрудниками // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 1. С. 29–33.

[12] Лучшие информационно-пропагандистские и просветительские средства, используемые в воспитательной работе по формированию профессионально значимых качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / А.В. Вилкова, С.В. Кулакова, П.Н. Казберов [и др.]. Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022. 82 с.

References:

[1] Penal Code of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997 (as amended on June 11, 2022), Article 110: Basic Forms and Methods of Educational Work with Individuals Sentenced to Imprisonment // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (accessed: September 15, 2025).

[2] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 91 of June 21, 2005, "On Approval of the Instructions for Organizing Educational Work with Convicts in Juvenile Correctional Facilities of the Federal Penitentiary Service" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123461/ (accessed: September 15, 2025).

[3] Kazberov P.N. Development of Educational Work with Personnel of Law Enforcement and Security Agencies // Education and Law. 2026. No. 3. pp. 262–265.

[4] Kazberov P.N. Formation of Professionally Important Qualities in Cadets of Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: An Analysis of Means, Methods, and Techniques // Law and Management. 2023. No. 7. pp. 244–248.

[5] Kazberov P.N. Substantive Elements of Educational Work Addressing Religious Doctrine Among Individuals Convicted of Extremist and Terrorist Offenses // Education and Law. 2026. No. 7. pp. 352–356.

[6] Gaiday M.K., Kuzmina G.A. Psychological Aspects of Patriotic Education for Personnel of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (95). pp. 141–147.

[7] Dizer O.A., Belyaeva E.G. Educational Work as a Means of Preventing Deviant Behavior Among Personnel of Internal Affairs Bodies // Russian Journal of Deviantology. 2024. Vol. 4, No. 1. pp. 127–134.

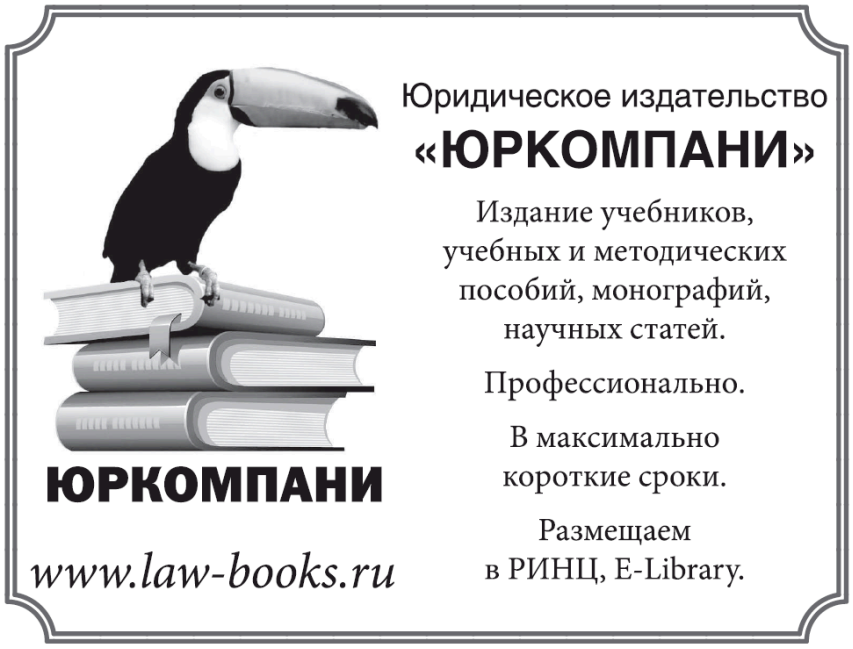
[8] Marchenko G.V., Smorodina V.A., Chimarov S.Yu., Kosolapov A.D. The Ideological Concept of Patriotism in Educational Work with Personnel of Internal Affairs Bodies: Modern Approaches and Technologies: A Monograph. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 175 p.

[9] Rozhkov A.A. Organization of Political-Educational Work within Internal Affairs Bodies // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (106). pp. 257–264.

[10] Lavrinov V.V. Moral and Psychological Support for the Activities of Personnel in Law Enforcement and Security Agencies // Truth and Law. 2025. No. 4 (34). pp. 97–101.

[11] Kulakova S.V., Trifonov S.S. Enhancing the Effectiveness of the Mentorship System as a Key Component of Individual Educational Work with Young Personnel // Penal System: Law, Economics, Management. 2021. No. 1. pp. 29–33.

[12] The Best Information, Propaganda, and Educational Tools Used in Developmental Work to Shape Professionally Significant Qualities in Personnel of the Penal System of the Russian Federation / A.V. Vilkova, S.V. Kulakova, P.N. Kazberov [et al.]. Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. 82 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-315-322
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПРОГРЕССИВНЫЙ ИНСТИТУТ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые основы регулирования социальной работы с осужденными, ее прогрессивного влияния на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту их прав и законных интересов. Для ее достижения применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. Осуществлялся контент-анализ законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России. Изучались научные публикации по вопросам проведения социальной работы с осужденными. Социальная работа с осужденными организована и осуществляется в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в УИС на основе общих принципов и подходов, распространенных в отечественной юридической, социальной, психологической и педагогической науках. Этим обусловлен ее комплексный, междисциплинарный характер. Основные элементы социальной работы отражены в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах, позволяющих называть ее полноценным правовым институтом, обязательным к применению в определенных условиях специальными субъектами. На современном этапе развития отечественной системы исполнения уголовных наказаний актуальной и релевантной является осуществление социальной работы с осуждёнными сотрудниками специализированных подразделений, а также других служб учреждений УИС с использованием специфических организационно-правовых и психолого-педагогических мер. Социальная работа с осужденными представляет собой сложный, многоплановый правовой институт, отраженный в национальном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Ее можно рассматривать как комплекс правовых, социально-психологических и педагогических мер, направленных на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и подготовку правопослушного поведения после отбытия уголовного наказания. Ее активное применение в пенитенциарной практике, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, позитивно влияет на достижение целей и задач исполнения наказаний. По мере развития рассмотренного института, возможна постановка вопроса о модернизации статьи 9 УИК РФ, включении социальной работы в одно из средств исправления осужденных, наряду с режимом, воспитательной работой, общественно полезным трудом, получением общего образования, профессионального обучения и общественного воздействия, регламентированными указанной правовой нормой.*

Ключевые слова: *осужденные, социальная работа, правовой институт, исправление, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, защита прав, учреждения уголовно-исполнительной системы.*

Для цитирования: *Ковалев О. Г., Мельникова О. В. Социальная работа с осужденными как современный прогрессивный институт их исправления: теоретико-правовой анализ // Образование и право. 2026. № 10. С. 315–322.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU
Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines,
Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary
Service of Russia

SOCIAL WORK WITH CONDEMNED PERSONS AS A MODERN PROGRESSIVE INSTITUTION FOR THEIR CORRECTION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The purpose of the study was to examine the legal basis for regulating social work with convicts, its progressive impact on the correction of convicts, their resocialization, social adaptation, and social rehabilitation, as well as the protection of their rights and legitimate interests. To achieve this goal, the study employed the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and specific scientific): synthesis, comparison, analogy, generalization, and participant observation. The study also conducted a content analysis of legislative and departmental legal acts issued by the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. Additionally, the study examined scientific publications on the implementation of social work with convicts. Social work with convicts is organized and carried out in institutions that carry out criminal punishments in the penal system on the basis of general principles and approaches common in domestic legal, social, psychological, and pedagogical sciences. This explains its complex and interdisciplinary nature. The main elements of social work are reflected in legislative and departmental regulations, which allow us to consider it a full-fledged legal institution that must be applied under certain conditions by specific entities. At the current stage of development of the domestic system of criminal punishment, it is relevant and important to carry out social work with convicted employees of specialized units, as well as other services of correctional facilities, using specific organizational, legal, psychological, and pedagogical measures. Social work with convicts is a complex and multifaceted legal institution that is reflected in national legislation and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. It can be considered as a complex of legal, socio-psychological, and pedagogical measures aimed at the correction of convicts, their resocialization, social adaptation, and social rehabilitation, as well as the protection of their rights and the preparation of law-abiding behavior after serving their criminal sentences. Its active application in penitentiary practice and the execution of non-isolating punishments has a positive impact on achieving the goals and objectives of punishment. As the institution develops, it may be necessary to modernize Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation and include social work as one of the means of correction for convicts, along with the regime, educational work, socially useful labor, general education, vocational training, and social influence, as specified in this legal norm.*

Key words: *convicts, social work, legal institution, correction, resocialization, social adaptation, social rehabilitation, protection of rights, institutions of the penal system.*

For citation: *Kovalev O. G., Melnikova O. V. Social work with condemned persons as a modern progressive institution for their correction: theoretical and legal analysis. Education and law. 2026; (10):315–322. (In Russ.).*

Введение. Современным релевантным правовым институтом, направленным на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, является социальная работа, организуемая в учреждениях, исполняющих уголовные наказания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС). На развитие и совершенствования данного института ориентирует важнейший директивный документ в сфере исполнения наказаний – Концепция развития УИС на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р. В разделе 3 данного документа, в качестве одной из целей Концепции указано исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству Российской Федерации и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными [1].

Теоретико-правовое исследование содержание и особенностей социальной работы с осужденными показало, она организована и осуществляется в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в УИС на основе общих принципов и подходов, распространенных в отечественной юридической, социальной, психологической и педагогической науках. Этим обусловлен ее комплексный, междисциплинарный характер. Основные элементы социальной работы отражены в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах, позволяющих называть ее полноценным правовым институтом, обязательным к применению в определенных условиях специальными субъектами. В этом контексте она представляет собой специфическую профессиональную деятельность, направленную на защиту прав, поддержку уязвимых слоев населения, а также на их реабилитацию и адаптацию в обществе. Ученые, изучающие теоретические особенности и практическое содержание современной социальной работы выделяют в ней такие ключевые элементы как клиентскую базу (объекты, на которые она направлена), формы поддержки и места применения [2, с. 27-31]. Подобный системный подход детерминирует развитие отдельного направления по профессии социальный работник, тематических образовательных стандартов высшего профессионального образования, реализуемых по указанной специальности в образовательных организация, включая подведомственные ФСИН России.

Контент-анализ определений социальной работы, осуществляемой с осужденными в процессе реализации уголовно-исполнительных правоотношений, предложенных исследователями и содержащихся в нормативных правовых актах, позволил выделить основные подходы ее интерпретации, состоящие в:

обеспечении социальной работой прав и законных интересов осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых [3, с. 136-140];

органической взаимосвязи социальной работы с воспитательной работой, как средством исправления осужденных, педагогической деятельностью, осуществляемой сотрудниками служб и подразделений учреждений УИС [4, с. 9-12];

осуществлении социальной работы в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях (далее ИУ) УИС [5, с. 189-191];

проведении социальной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее УИИ) [6, с. 184-189];

осуществление социальной работы с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в следственных изоляторах (далее СИЗО) УИС [7, с. 415-422];

организации социальной работы при осуществлении исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации во исполнение Федерального закона от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [8, с. 2-7];

реализация социальной работы по профилактике противоправного поведения осужденных, противодействия их криминальной субкультуре и деформированному правосознанию, предупреждению повторного совершения преступлений, общего и специального рецидива [9, с. 13-16];

осуществление социальной работы с несовершеннолетними, отбывающими лишение свободы в воспитательных колониях (далее ВК) [10, с. 290-295];

проведение социальной работы с несовершеннолетними, осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества [11, с. 22-30];

осуществление социальной работы с осужденными – инвалидами, отбывающими наказание в ИУ [12, с. 18-24];

отдельными категориями осужденных, составляющих социальную группу риска (детьми-сиротами и оставшимися без попечения родителей, беременными женщинами, женщинами, имеющими при себе детей; лицами, не имеющими определенного места жительства, утратившими социальные связи) [13].

Указанные и другие правовые аспекты регламентации социальной работы с осужденными ожидают своего комплексного изучения, предложенного в настоящей статье.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых основ регулирования социальной

работы с осужденными, ее прогрессивного влияния на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. Осуществлялся контент-анализ законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России. Изучались научные публикации по вопросам проведения социальной работы с осужденными.

Основные результаты. Теоретико-правовое изучение нормативных правовых актов и научных публикаций по вопросам социальной работы с осужденными позволяет определить ее как комплекс правовых, социально-психологических и педагогических мер, направленных на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и подготовку правопослушного поведения после отбытия уголовного наказания. Таким образом, социальная работа с осужденными направлена на эффективное достижение целей (важнейшая из которых – исправление осужденных) и задач исполнения уголовных наказаний (приоритетными являются их ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация) [14, с. 337-342].

В настоящее время создана и постоянно совершенствуется нормативно-правовая база, регулирующая разнообразные вопросы осуществления социальной работы с осужденными. Она осуществляется на двух основных уровнях: законодательном и ведомственном, включая следующие правовые акты:

Федеральный закон 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»;

Федеральный закон 2013 г. № 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации";

Федеральный закон 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

Федеральный закон 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»;

«Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2025);

Приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»;

Приказ Министерства юстиции РФ от 29.11.2023 г. № 350 (ред. от 22.01.2026) «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Указанные законодательные и ведомственные правовые акты Минюста России наряду с концептуальными положениями, обосновывающими необходимость осуществления социальной работы с осужденными, содержат следующие принципиальные организационно-правовые механизмы, определяющие ее особенности и содержание:

субъекты, реализующие анализируемый вид деятельности (подразделения социальной работы, а также другие подразделения ИУ во взаимодействии с медицинскими организациями УИС и в пределах их компетенций) [15];

комплекс специальных организационных и психолого-педагогических мероприятий по осуществлению социальной работы [16];

определение осужденных, нуждающихся в оказании социальной помощи в рамках социальной работы с учетом особенностей учреждения, где они отбывают наказание и состоят на учете [17, с. 268-272];

реализацию прав осужденных, отбывающих уголовные наказания при осуществлении социальной работы, в соответствии с уголовно-исполнительным законом (статьями 12, 109, 103, 180-182 УИК РФ) [18];

проведение сотрудниками подразделений социальной работы социальной диагностики осужденных параллельно с их психодиагностикой, осуществляемой психологами учреждений УИС в исполнение Правил внутреннего распорядка СИЗО, ИУ и исправительных центров (далее ИЦ) 2022 года [19];

осуществление социальной работы с отдельными категориями осужденных, нуждающихся в социальной помощи (инвалидами, несовершеннолетними, в том числе детьми-сиротами и оставшимися без попечения родителей, беременными женщинами, женщинами, имеющими при себе детей; лицами, не имеющими определенного места жительства, утратившими социальные связи).

Таким образом, материалы проведенного исследования подтвердили, что на современном этапе развития отечественной системы исполнения уголовных наказаний актуальной и релевантной является осуществление социальной работы с осуждёнными сотрудниками специализированных подразделений, а также других служб учреждений УИС с использованием специфиче-

ских организационно-правовых и психолого-педагогических мер. Социальная работа с осужденными представляет собой сложный, многоплановый правовой институт, отраженный в национальном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Его активное применение в пенитенциарной практике, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, позитивно влияет на достижение целей и задач исполнения наказаний.

По мере развития рассмотренного института, возможна постановка вопроса о включении социальной работы в одно из средств исправления осужденных, наряду с режимом, воспитательной работой, общественно полезным трудом, получением общего образования, профессионального обучения и общественного воздействия, регламентированными статьей 9 УИК РФ [20].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, состоявшейся в Самарском юридическом институте ФСИН России 11 января 2024 года. Доклад на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;

Межрегиональном научно-практическом семинаре «Правовые основы и практика реализации законодательства о пробации», состоявшемся в Санкт-Петербургском университете ФСИН России 7 февраля 2024 года. Доклад на тему: «Особенности прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»;

Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 17–18 апреля 2025 г. в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему «Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ».

Заключение. Социальная работа с осужденными организована и осуществляется в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в УИС на основе общих принципов и подходов, распространенных в отечественной юридической, социальной, психологической и педагогической науках. Этим обусловлен ее комплексный, междисциплинарный характер. Основные элементы социальной работы отражены в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах, позволяющих называть ее полноценным правовым институтом, обязательным к применению в определенных условиях специальными субъектами.

На современном этапе развития отечественной системы исполнения уголовных наказаний актуальной и релевантной является осуществление социальной работы с осуждёнными сотрудниками специализированных подразделений, а также других служб учреждений УИС с использованием специфических организационно-правовых и психолого-педагогических мер. Социальная работа с осужденными представляет собой сложный, многоплановый правовой институт, отраженный в национальном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Его активное применение в пенитенциарной практике, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, позитивно влияет на достижение целей и задач исполнения наказаний.

По мере развития рассмотренного института, возможна постановка вопроса о модернизации статьи 9 УИК РФ, включении социальной работы в одно из средств исправления осужденных, наряду с режимом, воспитательной работой, общественно полезным трудом, получением общего образования, профессионального обучения и общественного воздействия, регламентированными указанной правовой нормой [20].

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/400739567/?ysclid=mvimvx9sjb173864844 (дата обращения 18.07.2026).

[2] Лузгин С.А. О теоретических основах социально-педагогической работы сотрудников УИС с осужденными // В сборнике: Актуальные проблемы социально-педагогической деятельности. Материалы 10 Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной видному ученому-педагогу, профессору Кураеву Василию Исидоровичу. Под общей редакцией И.В. Гороховой, М.Н. Филиппова. Коломна, 2022. С. 27-31.

[3] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Актуальные вопросы защиты права осужденных на социальное обеспечение // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 136-140.

[4] Багреева Е Г. О совершенствовании воспитательной и социальной работы с осужденными в свете реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 4. С. 9-12.

[5] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[6] Ковалев О.Г. К вопросу взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с субъектами пробации в свете реализации Федерального закона 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Право и управление. 2024. № 10. С. 184-189.

[7] Ковалев О.Г. Права лиц, содержащихся под стражей в свете реализации федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» 1995 № 103-ФЗ и Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (сравнительно-правовой анализ) // Право и управление. 2026. № 4. С. 415-422.

[8] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Становление и развитие института пробации в современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 2-7.

[9] Казберов П.Н., Ковалев О.Г. Профилактика криминальной субкультуры несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 13-16.

[10] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Профилактика повторных преступлений несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и пенитенциарной практики // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 290-295.

[11] Ковтуненко Л.В., Вилкова А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних в рамках исполнительной пробации // Антропогогика. 2025. № 1 (17). С. 22-30.

[12] Ковалев О.Г., Маркова Т.А. Изучение особенностей инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы // В сборнике: Психология 21 века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов 3 Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России. В 3-х частях. Под общей редакцией Д.В. Сочивко. Рязань, 2021. С 18-24.

[13] Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола / Тверь, 2025. 321 с.

[14] Ковалев О.Г. Исправление, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация осужденных как цель и задачи современной теории отечественного уголовно-исполнительного права // Право и управление. 2025. № 6. С. 337-342.

[15] Приказ Министерства юстиции РФ от 29.11.2023 г. № 350 (ред. от 22.01.2026) «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/?ysclid=mvimzsv9pa370358845 (дата обращения 19.07.2026).

[16] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011. 448 с.

[17] Левин А.А., Кузнецов М.И. Организация социальной работы с осужденными на современном этапе развития УИС: опыт УФСИН России по Рязанской области // В сборнике: Организационно-правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню

российской науки. Рязань, 2022. С. 268-272.

[18] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[19] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/404953247/?ysclid=mvin0qqkge575071685 (дата обращения 19.07.2026).

[20] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.АМосква, 2006. 148 с.

References:

[1] Order of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021, No. 1138-r "On Approval of the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030" // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/400739567/?ysclid=mvimvx9sjb173864844 (accessed July 18, 2026).

[2] Luzgin S.A. On the Theoretical Foundations of Socio-Pedagogical Work by Penal System Staff with Convicts // In: Current Issues in Socio-Pedagogical Activity. Proceedings of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) dedicated to the prominent scholar and educator Professor Vasily Isidorovich Kurayev. Edited by I.V. Gorokhova and M.N. Filippov. Kolomna, 2022. pp. 27–31.

[3] Kovalev O.G., Semenova N.V. Topical Issues Regarding the Protection of Convicts' Rights to Social Security // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 136–140.

[4] Bagreeva E.G. On Improving Educational and Social Work with Convicts in the Context of Penal System Reform // Penal System: Law, Economics, Management. 2005. No. 4. pp. 9–12.

[5] Kovalev O.G. Issues Concerning the Observance of Convicts' Rights in Correctional Institutions of the Penal System // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189–191.

[6] Kovalev O.G. On the Interaction Between Penal Inspection Agencies and Probation Stakeholders in Light of the Implementation of Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, “On Probation in the Russian Federation” // Law and Administration. 2024. No. 10. pp. 184–189.

[7] Kovalev O.G. The Rights of Persons Held in Custody in Light of the Implementation of Federal Law No. 103-FZ of 1995, “On the Custody of Suspects and Accused Persons,” and the Internal Regulations for Pre-trial Detention Centers within the Penal System (A Comparative Legal Analysis) // Law and Administration. 2026. No. 4. pp. 415–422.

[8] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The Emergence and Development of the Probation Institution within the Contemporary Russian Penal System // Penal System: Law, Economics, Administration. 2026. No. 1. pp. 2–7.

[9] Kazberov P.N., Kovalev O.G. Prevention of Criminal Subculture Among Juvenile Convicts // Penal System: Law, Economics, Administration. 2022. No. 6. pp. 13–16.

[10] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Prevention of Recidivism Among Juvenile Convicts: Theoretical and Penitentiary Practice Issues // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 290–295.

[11] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Kovalev O.G. Psychological and pedagogical support for minors within the framework of executive probation // Anthropogogika. 2025. No. 1 (17). pp. 22–30.

[12] Kovalev O.G., Markova T.A. Studying the characteristics of individuals with disabilities serving sentences of imprisonment // In: Psychology of the 21st Century: Challenges, Quests, and Vectors of Development. Proceedings of the 3rd All-Russian Symposium of Psychologists (with international participation), dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. In 3 parts. Edited by D.V. Sochivko. Ryazan, 2021. pp. 18–24.

[13] Extreme Psychology and Pedagogy: Modern Trends and Promising Research. Collection of round-table papers / Tver, 2025. 321 p.

[14] Kovalev O.G. Correction, resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of convicts as the goals and objectives of contemporary Russian penal law theory // Law and Management. 2025. No. 6. pp. 337–342.

[15] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated November 29, 2023, No. 350 (as amended on January 22, 2026), "On the Resocialization, Social Adaptation, and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in Accordance with Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, 'On Probation in the Russian Federation'" // ConsultantPlus

Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/?ysclid=mvimzsv9pa370358845 (accessed July 19, 2026).

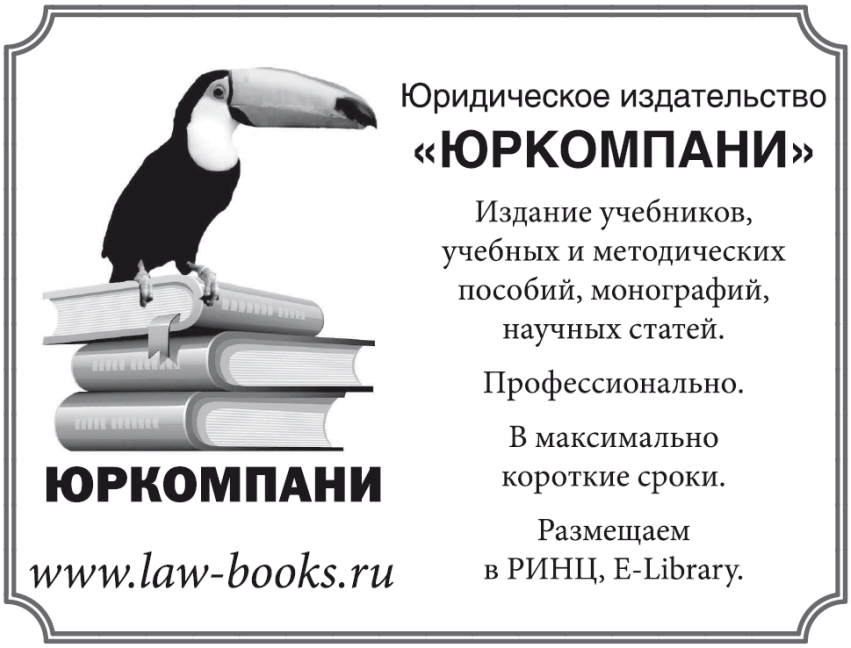
[16] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (Article-by-Article) // A. V. Brilliantov, V. V. Geranin, S. M. Zubarev, L. P. Dubrovitsky, V. S. Epaneshnikov, V. A. Kazakova, O. G. Kovalev, S. V. Kudeneev, O. B. Lysyagin, E. V. Lyadov, A. S. Mikhlin, V. I. Seliverstov, O. V. Filimonov. Moscow, 2011. 448 p.

[17] Levin A. A., Kuznetsov M. I. Organization of Social Work with Convicts at the Current Stage of Development of the Penal Enforcement System: Experience of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia for the Ryazan Region // In the collection: Organizational and Legal Support for the Activities of the Penal Enforcement System: Problems and Prospects for Development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of A. I. Zubkov—Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, and Professor—and to the Day of Russian Science. Ryazan, 2022. pp. 268–272.

[18] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / A. V. Brilliantov, V. V. Geranin, S. M. Zubarev, L. P. Dubrovitsky, V. S. Epaneshnikov, V. A. Kazakova, O. G. Kovalev, S. V. Kudeneev, O. B. Lysyagin, E. V. Lyadov, A. S. Mikhlin, O. V. Filimonov, V. I. Seliverstov (article-by-article commentary) / Moscow, 2008. 448 p.

[19] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 Order No. 110 “On Approval of the Internal Regulations for Pre-trial Detention Centers of the Penal System, the Internal Regulations for Correctional Institutions, and the Internal Regulations for Correctional Centers of the Penal System” // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/404953247/?ysclid=mvin0qqkge575071685 (accessed July 19, 2026).

[20] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / I. L. Trunov, O. V. Filimonov, L. K. Aivar, A. S. Mikhlin, A. Ya. Grishko, V. L. Geikhman, O. G. Kovalev, A. A. Tolkachenko, Yu. V. Truntsevsky, Ya. V. Lobov, A. S. Samoylov, G. Kh. Shabanov, S. N. Sharapov, E. V. Sereda, V. A. Kazakova. Moscow, 2006. 148 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-323-327
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КРЫСАНОВА-КИРСАНОВА И.Г.,
доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, Москва, Россия, тел.: 8-906-784-53-88, e-mail: gajde@mail.ru

ГУК В.А.,
заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, Москва, Россия, тел.: 8-985-972-50-34, e-mail: vira-6@yandex.ru

О ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. *В статье анализируются нормы гражданского права, определяющие правовую природу и сущность цифровой валюты. Особое внимание уделяется правовому режима оборота цифровой валюты в Российской Федерации, производится анализ подходов к определению «цифровая валюта». Также изучаются вопросы прав и обязанностей субъектов – владельцев цифровой валюты.*

Ключевые слова: *право собственности, субъекты обязательственных правоотношений, имущество, цифровые права, защита гражданских прав.*

Для цитирования: *Крысанова-Кирсанова И. Г., Гук В. А. О доктринальных подходах к определению цифровой валюты как объекта гражданских прав // Образование и право. 2026. № 10. С. 323–327.*

KRYSANOVA-KIRSANOVA I.G.,
Associate Professor, Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Moscow, Russia

GUK V.A.,
Deputy Head, Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Moscow, Russia

ON DOCTRINAL APPROACHES TO DEFINING DIGITAL CURRENCY AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Annotation. *The article analyzes the norms of civil law that define the legal nature and essence of digital currency. Special attention is paid to the legal regime governing the circulation of digital currency in the Russian Federation, and an analysis is carried out of the approaches to defining*

“digital currency.” The issues of rights and obligations of subjects – owners of digital currency – are also examined.

Key words: *property right, subjects of obligatory legal relations, property, digital rights, protection of civil rights.*

For citation: *Krysanova-Kirsanova I. G., Guk V. A. On doctrinal approaches to defining digital currency as an object of civil rights. Education and law. 2026;(10):323–327. (In Russ.).*

Процесс совершенствования законодательства в сфере цифровых прав имеет продолжительную историю, которая началась в рамках принятия в 2020 году Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. Законодательно цифровая валюта как объект отсутствовала в нормах права, но при этом существует несколько различных точек зрения на ее природу. Доктринальные исследования и многие судебные решения, принимаемые российскими судами, свидетельствуют о том, что цифровая валюта все же может признаваться имуществом.

В 2024 году был принят и с 1 ноября 2024 года вступил в силу закон о легализации майнинга криптовалют (Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ"О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"). Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ"О цифровых валютах и цифровых правах"(далее – Закон № 282-ФЗ) – устанавливает основные правила правового регулирования рынка цифровых валют.

В соответствии с положениями гражданского законодательства, которые определяют перечень объектов правовых отношений в сфере гражданского оборота, к имуществу относятся вещи, в том числе движимые и недвижимые, наличные деньги и документарные ценные бумаги, имущественные права, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права [11]. Следует отметить, что термин имущество может пониматься в различных смыслах, однако, если рассматривать его в юридическом значении, то существующие подходы к пониманию этой собирательной категории весьма различны. К примеру, Шершеневич Г.Ф. понимал имущество как совокупность имущественных отношений, в которых находится лицо, не включая в него нематериальное содержание. При этом чисто личные отношения (например, право на имя, честь) в это понятие не включаются. Мысль о том, что имущество представляет собой систему прав и обязанностей, которые принадлежат конкретному лицу, и дают ему возможности ими распоряжаться дала возможности для развития целого доктринального подхода. В современной доктрине этот подход получил дальнейшее развитие: имущество обычно определяют как совокупность вещей, имущественных прав (активы) и обязанностей (пассивы) субъекта [1].

Известно, что отношения собственности возникают из принадлежности имущества конкретному лицу – собственнику. Категория собственности, тесно связанная с имуществом, также становилась предметом исследований в разных отраслях научных знаний. Философская наука издревле изучала вопросы собственности и ее плоды стали прочной основой для формирования правового фундамента государства. Философская наука также не дает однозначного ответа на вопрос, как следует понимать собственность, имущество, вещь. Данные понятия тесно связаны с понятием «благо», и трактовалось на протяжении длительного времени как с морально-этических похиций, так и с рационально-матриалистических. О собственности писали многие философы на протяжении веков: Платон и Аристотель, Георгий Плифон, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, Ж.-Ж. Руссо… и др. [9, с.1329] При этом базовая категория «вещь» в философском контексте трактуется как часть материального мира, которая имеет пространственные характеристики и существует во времени. Эта категория нашла наиболее четкое толкование и в юридических нормах [3].

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона раскрывает понятие имущества как «всю совокупность юридических отношений личности (субъекта прав), могущую быть оцененной на деньги, или известный комплекс этих отношений. Поэтому в состав И. входят: а) вещи и связанные с ними юрид. отношения, увеличивающие или уменьшающие их ценность; б) обязательства в смысле как требования, так и обязанностей; в) все остальные права и обязанности (имущественные) личности (авторские права, право участия, концессии и т. д.)» [12].

Анализируя признаки вещи как гражданско-правовой категории, можно прийти к выводу, что ее материальность, принадлежность конкретному лицу и юридическая обособленность с достаточной ясностью дает представление о круге таких объектов в гражданском обороте. Трудно не согласиться с мнением о том, что «что включение в действующую систему объектов гражданских прав новых объектов должно осуществляться через оценку свойств таких объектов с точки зрения воз-

можности их отнесения к уже поименованным в статье 128 ГК РФ объектам» [2, с 95]. Кроме вещей в данной статье указаны и иные группы объектов гражданских прав, которые также обладают как общими, так и специфическими признаками [4].

Статья 2 ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» содержит понятие цифровой валюты через термин «имущество», которое представлено совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которое предлагается и (или) может быть принято в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которого отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем такого имущества, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам [13]. Такое определение не содержит классических признаков «вещи» как объекта гражданских прав, однако подчеркивает правовые возможности использования и распоряжения таким имуществом, а также четкую связь цифровой валюты с информационной системой.

В информационной системе электронные средства служат для материализации данных имущественных прав. Этот процесс реализуется с помощью электронных средств в рамках информационной системы. В результате, цифровые права фактически подтверждают права на традиционные объекты гражданских прав, даже если они представлены в цифровом формате [5].

До принятия данного акта были отдельные судебные решения, согласно которым криптовалюта признавалась имуществом, при этом дискуссионные вопросы по определению правовой природы и сущности цифровой валюты оставались в различных отраслях права. Такое положение вещей объясняется тем, что перечень объектов гражданских прав в законе не является исчерпывающем, что дает основания применения норм по аналогии [5].

Согласно новым нормам цифровая валюта помимо гражданского законодательства признается имуществом налогового, исполнительного производства, уголовно-процессуального законодательства. Так, Налоговый кодекс закрепил правила налогообложения, Уголовный кодекс разрешает ее арест и конфискацию [6].

Отметим, что цифровая валюта представляет собой более широкое понятие чем криптовалюта. Эмиссия и учёт транзакций криптовалюты происходят в распределённой сети с использованием криптографии. В криптовалюте нет единого центра контроля и гаранта по обязательствам перед ее владельцами в отличии от цифровых валют. Во многих государствах цифровые валюты не признаются официальным средством платежа, так же как и в Российской Федерации, поскольку риски неправомерных действий при обороте таких объектов при отсутствии единого контроля государства слишком велики. В целом, до сих пор в мире не существует универсального правового режима использования криптовалюты, однако отчетливо заметны законодательные тенденции создания информационных систем национальных цифровых валют с жесткими режимами их использования. Например, законодатели Индии, Китая, Бразилии и многих других государств тем или иным способом вводят финансовые институты, позволяющие совершать сделки с цифровыми валютами. При этом существуют страны, в которых «частная» валюта или криптовалюта имеет значительный оборот. Так, по данным CBDC (Цифровых Валют Центрального Банка) только три государства в мире ввели свои цифровые валюты в широкий оборот для населения: Багамские острова 2020 г., Ямайка 2022 г. и Нигерия 2021 г. Эти национальные валюты выпускаются и контролируются Центральными банками государств эмитентов. Основные задачи которых сводятся к обеспечению доступа к финансовым услугам жителей отдаленных островов архипелага Багамские Острова), где физически отсутствуют банковские отделения и банкоматы; повышение прозрачности денежных потоков по сравнению с наличными расчетами; сохранение работоспособности платежной системы во время стихийных бедствий [8].

Кроме того, в качестве основного барьера внедрения остается недоверие общества к цифровому контролю со стороны государства, устойчивая практика обращения наличных банкнот и наличие смартфонов у всех слоев населения.

Учитывая специфику цифровой валюты, можно говорить об отсутствии аналогов в классической трактовке, а именно: такая валюта не является вещью, поскольку не имеет материального воплощения, а является записью в блокчейне; не деньги, поскольку не имитируется государством и не обеспечивается им; не относится к результатом интеллектуальной деятельности, поскольку возникает в результате работы программного протокола; не относится к обязательствам, поскольку не имеет обязанного лица, не закрепляет конкретное право требования к субъекту [10].

Кроме того, объект ограничен в обороте, по-

скольку законодательно установлен запрет приема цифровой валюты в качестве платы за товары, работы или услуги. Однако, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 20.01.2026 № 2-П указал на защиту прав связанных с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах [7].

Принятое постановление делает акцент на том, что при нормативном закреплении в базовых федеральных законах (включая № 115-ФЗ от 7 августа 2001 года «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», № 127-ФЗ от 26 октября 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)», № 229-ФЗ от 2 октября 2007 года «Об исполнительном производстве», № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») и в Налоговом кодексе РФ законодатель устанавливает статус цифровой валюты как имущественного актива для конкретных целей, прямо признает ее имущественные свойства в рамках указанных сфер общественных отношений. Так, с января 2025 года вступили в силу положения Налогового кодекса, определяющие специфику налогообложения операций с цифровой валютой, включая деятельность по майнингу. Ввиду технической сложности, новизны и динамичного развития цифровых валют действующее законодательство не устанавливает их универсального правового статуса для отношений, прямо не урегулированных законом. Формирование их полноценного нормативного регулирования в текущей правовой системе пока не завершено.

Наряду с этим суд подчеркивает, что цифровая валюта не подпадает ни под одну из существующих классификаций объектов гражданских прав. Это дает основание квалифицировать ее как вид виртуальных активов. Согласно дефиниции Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), под ними понимается цифровое выражение ценности, способное к обращению или переводу в цифровой среде и предназначенное для использования в платежных или инвестиционных целях. При этом в понятие виртуальных активов не входит цифровое выражение фиатных денег, ценных бумаг и иных финансовых инструментов в трактовке ФАТФ.

Наряду с этим необходимо констатировать, что цифровые валюты и иные виртуальные активы все чаще вовлекаются в экономический оборот в качестве востребованного инструмента приобретения материальных благ и имущественных прав, что свидетельствует об их высокой оборотоспособности. Кроме того, динамика социальных отношений указывает на то, что стоимостное выражение цифровой валюты, определяемое в денежном или ином эквиваленте, признается не только субъектами гражданского права, активно применяющими цифровые технологии, но и - во все возрастающих масштабах - государственными институтами, пускай даже в некоторых аспектах ее применение пока ограничено рамками экспериментально-правовых режимов.

В 2026 году продолжается работа по созданию нормативной базы для организованных торгов цифровыми валютами. Банк России разрабатывает требования к цифровым депозитариям и правила учета активов, поскольку у цифровой валюты нет эмитента и реестра владельцев, единственная связь актива человеком это приватный ключ, которым подписываются операции. Поэтому законодательно вводятся две функции: хранение актива и учета прав на него.

Можно прогнозировать, что в дальнейшем развитие цифровых инструментов будет способствовать совершенствованию безопасного оборота цифровых валют ведь основная причина жестких ограничений правового режима их использования состоит в рисках мошеннических и иных противоправных деяний в отношении всех субъектов гражданского права.

Таким образом, можно сказать утвердительно, что место такой валюты еще будет претерпевать изменения, но на сегодняшний день, ее чаще относят к категории «иное имущество». Консерватизм законодателя с одной стороны и современные тенденции диктуют концепцию «цифровых прав» в действующей редакции гражданского кодекса, привели к соблюдению баланса между признанием экономической ценности и возможности оборота и жестких ограничений по использованию в качестве платежного средства.

Список литературы:

[1] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 2011. 682 с.

[2] Кресс В.В. Понятие имущества как гражданско-правовой категории / Экономика.Право.Общество, Т. 9, № 2 (38), 2024. С. 92-100.

[3] Лапач Л. Понятие «имущество» в российском праве и Конвенции защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. № 1. 18 с.

[4] Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.:

Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 544 с.

[5] Лысенко А. Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. 200 с.

[6] Наретя В.П., Томашевский К.Л. Использование криптовалюты для выплаты заработной платы: анализ зарубежного опыта правового регулирования и его применимость в Российской Федерации. Трудовое право России и за рубежом. 2025, № 3. С. 35-38.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 N 2-П "По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича". // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524655/ (дата обращения: 18.09.2026).

[8] Староверова О.В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Цивилист. 2022, № 3. С. 6-15.

[9] Шеве З. Н. Понятие собственности в социально-философском смысле // Вестник Башкирского университета. 2011. № 4. С. 1329-1332.

[10] Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. - М.: Статут, 2003. 247 с.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301, ст 128.

[12] Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. URL: http://vehi.net/brokgauz/index.html (дата обращения: 18.09.2026).

[13] Федеральный закон от 4 августа 2026 г. N 282-ФЗ "О цифровых валютах и цифровых правах". // Российская газета, 11 августа 2026 г. N 178-179.

References:

[1] Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract Law. Book One: General Provisions. Moscow: Statut, 2011. 682 p.

[2] Kress V. V. The Concept of Property as a Civil Law Category // Economics. Law. Society, Vol. 9, No. 2 (38), 2024. pp. 92–100.

[3] Lapach L. The Concept of "Property" in Russian Law and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // Russian Justice. 2003. No. 1. 18 p.

[4] Lapach V. A. The System of Objects of Civil Rights: Theory and Judicial Practice. St. Petersburg: Yuridichesky Tsentr Press, 2002. 544 p.

[5] Lysenko A. N. Property in the Civil Law of Russia. Moscow: Delovoy Dvor, 2010. 200 p.

[6] Naretya V. P., Tomashevsky K. L. The Use of Cryptocurrency for Wage Payments: An Analysis of Foreign Legal Regulation and Its Applicability in the Russian Federation // Labor Law in Russia and Abroad. 2025, No. 3. pp. 35–38.

[7] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 20, 2026, No. 2-P "On the Case Concerning the Constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law 'On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation,' in Connection with a Complaint Filed by Citizen Dmitry Igorevich Timchenko." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524655/ (accessed: 18.09.2026).

[8] Staroverova O.V. Legal Regulation of Digital Financial Assets and Digital Currency // Tsivilist [Civilist]. 2022, No. 3. pp. 6–15.

[9] Sheve Z.N. The Concept of Property in a Socio-Philosophical Sense // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]. 2011, No. 4. pp. 1329–1332.

[10] Shershenevich G.F. The Science of Civil Law in Russia. – Moscow: Statut, 2003. 247 p.

[11] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Sobranie zakonodatelstva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], December 5, 1994, No. 32, Art. 3301, Art. 128.

[12] Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. URL: http://vehi.net/brokgauz/index.html (accessed: 18.09.2026).

[13] Federal Law dated August 4, 2026, No. 282-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights" // Rossiyskaya Gazeta, August 11, 2026, No. 178–179.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-328-336

НОСКОВ Иван Александрович,
аспирант Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
тел.: +79778993445,
e-mail: ivanko571@mail.ru

Научный руководитель:
ЗАЛОИЛО Максим Викторович,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
тел. +79778993445,
e-mail: ivanko571@mail.ru

КРАУДСОРСИНГОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ

Аннотация. *Статья посвящена цифровым краудсорсинговым платформам как форме общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов и их возможностям для раннего выявления пробелов в праве. Опираясь на труды научной школы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, автор соотносит понятия правотворческого краудсорсинга и общественного обсуждения и анализирует практику федерального портала regulation.gov.ru и интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Показано, что портал regulation.gov.ru построен по модели обсуждения готового текста и выявляет главным образом пробелы в пределах предмета проекта, тогда как «Российская общественная инициатива» аккумулирует сведения о неурегулированных потребностях, но не имеет гарантированной связи с правотворческим процессом. Систематизированы риски цифровизации общественных обсуждений: цифровое неравенство, формализация участия при информационной перегрузке, преобладание организованных интересов, коммуникативный разрыв между гражданином и разработчиком, непрозрачность автоматизированной обработки замечаний. С учетом инициативного проекта федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (издания 2013, 2019 и 2021 гг.) обоснованы элементы модели институционализации краудсорсинга: обязательность обсуждения проектов, затрагивающих права граждан, определенность статуса замечаний и мотивированный ответ разработчика, раннее обсуждение на основе публичных планов правотворческой деятельности, сопряжение площадок и правовое просвещение участников.*

Ключевые слова: *краудсорсинг, общественное обсуждение, проект нормативного правового акта, пробелы в праве, правотворчество, regulation.gov.ru, «Российская общественная инициатива».*

Для цитирования: *Носков И. А. Краудсорсинговые платформы и общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов как инструмент выявления пробелов в праве // Образование и право. 2026. № 10. С. 328–336.*

NOSKOV Ivan Aleksandrovich,
postgraduate student of the Institute of Legislation
and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation

Academic Supervisor:
ZALOILO Maksim Viktorovich,
Candidate of Legal Sciences, Leading Research Fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

CROWDSOURCING PLATFORMS AND PUBLIC DISCUSSION OF DRAFT NORMATIVE LEGAL ACTS OPPORTUNITIES FOR IDENTIFYING GAPS IN LAW AND RISKS OF DIGITALIZATION

Annotation. *The article examines digital crowdsourcing platforms as a form of public discussion of draft normative legal acts and their potential for the early identification of gaps in law. Drawing on the works of the scientific school of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, the author correlates the concepts of law-making crowdsourcing and public discussion and analyzes the practice of the federal portal regulation.gov.ru and the Internet resource «Russian Public Initiative». It is shown that regulation.gov.ru follows the model of discussing a ready-made text and mainly reveals gaps within the subject matter of a draft, whereas the «Russian Public Initiative» accumulates information on unregulated needs but lacks a guaranteed link to the law-making process. The risks of digitalizing public discussions are systematized: the digital divide, formalization of participation under information overload, the predominance of organized interests, the communication gap between citizens and drafters, and the opacity of automated processing of comments. Taking into account the initiative draft federal law «On Normative Legal Acts in the Russian Federation» (2013, 2019 and 2021 editions), the elements of a model for institutionalizing crowdsourcing are substantiated: mandatory discussion of drafts affecting citizens' rights, a defined status of comments and a reasoned response from the drafter, early discussion based on public law-making plans, the linkage of platforms, and legal education of participants.*

Key words: *crowdsourcing, public discussion, draft normative legal act, gaps in law, law-making, regulation.gov.ru, Russian Public Initiative.*

For citation: *Noskov I. A. Crowdsourcing platforms and public discussion of draft normative legal acts opportunities for identifying gaps in law and risks of digitalization. Education and law. 2026; (10):328–336. (In Russ.).*

Введение

Цифровая трансформация права относится к числу важнейших направлений исследований научной школы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП). В работах Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора право рассматривается в двойном качестве: оно становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации» [19, с. 85]. Государство же, как отмечает Т.Я. Хабриева, «по-разному реагирует на вызовы цифровой реальности, пытаясь управлять происходящими трансформациями и регулировать новые, а также видоизменяющиеся общественные отношения» [18, с. 5].

Эти положения получили развитие в коллективных трудах Института. Влияние цифровых технологий на нормотворческую деятельность исследовано в монографии «Цифровизация правотворчества: поиск новых решений» [20], изменения самого государства, его устройства и функций — в монографии «Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды» [10]. Пробелам в праве в условиях смены технологического уклада и интенсивной цифровизации посвящен сборник научных трудов под общей редакцией Д.А. Пашенцева и М.В. Залоило [16], а вызовам, с которыми сталкиваются доктрина и практика правотворчества, — сборник, подготовленный под ответственной редакцией В.В. Лазарева по материалам Общероссийского годового собрания теоретиков права [15]. За пределами ИЗиСП эта проблематика разрабатывается в исследованиях правотворческого краудсорсинга [3], коллективной работы над текстами законопроектов [1] и практики электронных петиций [2].

Цифровизация открывает новые возможности правотворчества и выявления пробелов права. Классические механизмы — доктринальный анализ, экспертиза, судебная практика — фиксируют пробелы, как правило, уже в процессе правоприменения, когда ситуация успела проявиться

в спорах. Перенос общественного обсуждения в сеть Интернет позволяет получить отклики будущих субъектов правоотношений еще до ее принятия, а цифровые краудсорсинговые платформы превращают разные мнения в общий массив сведений о практических затруднениях, которые проект оставляет без ответа. Среди направлений развития законотворчества в условиях цифровизации Д.А. Пашенцев выделяет «более активное использование общественного обсуждения законопроектов в интернете в законотворческой деятельности и, как следствие, дальнейшее развитие технологий правотворческого краудсорсинга» [14, с. 35].

Вместе с тем отечественный опыт показывает, что сам по себе перенос обсуждения в цифровую среду не гарантирует результата. Площадки существуют, но их связь с правотворческим процессом остается слабой, а цифровая форма участия порождает собственные риски. Ключевой проблемой остается недостаточная институционализация краудсорсинга.

Цель исследования — определить, в какой мере российские цифровые площадки общественного обсуждения способны служить инструментом раннего выявления пробелов в праве, и обосновать условия их институционализации с учетом рисков цифровизации. Для ее достижения решаются следующие задачи: соотнести понятия правотворческого краудсорсинга и общественного обсуждения; проанализировать практику портала regulation.gov.ru и интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»; оценить доктринальные предложения и положения инициативного проекта ИЗиСП о нормативном закреплении общественного обсуждения; систематизировать риски цифровизации общественных обсуждений. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ опубликованных данных о функционировании площадок.

Пробелы в праве и правотворческий краудсорсинг: теоретические основания

Учение о пробелах в праве получило в отечественной теории систематическую разработку в монографии В.В. Лазарева, где пробелы исследованы в единстве с путями их устранения [11]. Для настоящего исследования важно различие между пробелами, существующими с момента принятия акта, и пробелами, которые возникают позднее, когда в сферу правового регулирования входят новые отношения. Цифровизация существенно увеличивает долю пробелов второго рода. М.В. Залоило и Д.А. Пашенцев относят к основным направлениям ее влияния на национальный правопорядок частичное перемещение в виртуальное пространство и снижение роли закона как средства регулирования, а также увеличение востребованности более гибких по сравнению с существующими правовых форм и регуляторных механизмов [7, с. 196]. Если предмет регулирования расширяется быстрее, чем создаются нормы, пробел перестает быть случайным дефектом и становится закономерным следствием трансформации.

Отсюда практическое значение различения двух моделей законотворчества, проведенного Д.А. Пашенцевым. В «догоняющей» модели законодатель реагирует на появление новых сфер общественных отношений, появившихся в связи с развитием цифровых технологий, тогда как «опережающая» модель предполагает «опережающее принятие новых норм, ориентированное на результаты правового прогнозирования» [14, с. 33]. «Догоняющая» модель по своей природе воспроизводит пробелы: норма создается вслед за уже сложившимся отношением. «Опережающая» модель нуждается в источнике сведений о том, где пробел возникнет, и одним из таких источников может служить массовое участие будущих адресатов нормы в обсуждении проектов.

Связь общественного обсуждения с краудсорсингом прямо зафиксирована Н.Н. Черногором и М.В. Залоило. Институт общественного обсуждения, будучи способом взаимодействия общества и государства, оценивается ими также с позиций краудсорсинга. Авторы отмечают, «диалог гражданского общества и государства в этой области происходит в основном в сети «интернет», в общественном обсуждении, в частности, региональных нормативных актов общественное обсуждение осуществляется преимущественно в сети интернет [22, с. 76]. Краудсорсинг, таким образом, не противопоставляется общественному обсуждению, а описывает его технологическую сторону: обсуждение представляет собой правовую форму участия, краудсорсинг — способ собрать и обработать знание распределенного множества участников. В работе М.В. Залоило и Базыкина А.Ю. указаны возможности технологий краудсорсинг платформ для оперативного и своевременного редактирования проектов нормативных актов [5].

Для выявления пробелов существенна видовая дифференциация краудсорсинга. Е.С. Зайцева определяет правотворческий краудсорсинг как «вид онлайн-активности, в которой человек, государственный орган, некоммерческая организация или компания предлагают людям решить определенную задачу в форме свободного конкурса» и выделяет краудсорсинг проблем, идей и законопроектов [3, с. 37]. Пробел — это прежде всего неурегулированная потребность, поэтому ключевое значение здесь имеет краудсорсинг про-

блем: он нацелен на обнаружение того, чего в тексте нет.

В научной школе ИЗиСП краудсорсинг изучается как технология участия общества в выработке правотворческих решений [6] и встраивается в систему юридических технологий правотворчества, где общественное обсуждение и оценка регулирующего воздействия соседствуют с планированием, юридическим прогнозированием, правовым экспериментом и правовым мониторингом [4]. Из такого подхода следует практический вывод: ценность площадки определяется не числом собранных мнений, а ее местом в цепочке подготовки акта. Площадка, не связанная с планированием и прогнозированием, способна регистрировать разногласия, но не предупреждать пробелы.

Отечественный опыт подтверждает, что этот потенциал реален. В 2010 г. проекты федеральных законов «О полиции» и «Об образовании в Российской Федерации» обсуждались на специально созданных интернет-площадках. По данным, которые приводятся в работе Н.Н. Черногор и М.В. Залоило, сайт обсуждения законопроекта о полиции посетили более 1,5 млн человек, участие в обсуждении приняли не менее 16 тыс. человек, а число выраженных мнений превысило 40 тыс.; к проекту закона об образовании поступило 10 912 комментариев [22, с. 76]. Анализ работы вики-сообщества над текстом законопроекта об образовании, проведенный В.В. Буровым, Е.Д. Патаракиным и Б.Б. Ярмаховым, показал, что коллективная работа позволяет выявлять неточности и противоречия формулировок [1]. Однако этот опыт не получил прямого продолжения: без модерации, проверки предложений и их встраивания в официальную процедуру сообщество участников не становится устойчивым.

Портал regulation.gov.ru: обсуждение готового текста

Для проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития, возможность общественного обсуждения предусмотрена Указом Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Систему обсуждения проектов, подготавливаемых федеральными органами исполнительной власти, сформировали Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» и постановление Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения». Во исполнение этих актов создан официальный сайт regulation.gov.ru, на котором размещаются уведомления о подготовке проекта, его текст, сопроводительные материалы и сводка поступивших предложений, а авторизованный пользователь может оставить отзыв. Особенности федерального регулирования, включая ограниченный круг инициаторов обсуждения, подробно проанализированы Н.Н. Черногором и М.В. Залоило [22, с. 76–80].

Количественно портал рос быстро: к июню 2018 г. на нем было размещено более 51 тыс. проектов нормативных правовых актов [22, с. 83]. Однако рост числа проектов не сопровождался ростом участия. По приводимым Н.Н. Черногором и М.В. Залоило данным, публичное обсуждение «в среднем собирает 0,97 участника в расчете на один акт», а на проекты 47% актов не поступает ни одного отзыва [22, с. 83].

Сходная картина сохраняется и сегодня. По данным аналитического доклада Платформы сорегулирования и Центра стратегических разработок, в 2024 г. для рассмотрения были опубликованы 1 206 законопроектов, более 2 100 проектов актов Правительства РФ и свыше 5 000 ведомственных проектов. При этом замечания в рамках публичных процедур через портал поступили лишь к 251 подзаконному акту (9,8% от общего числа). Из 5 540 зафиксированных замечаний 54,3% были приняты, 10,7% учтены частично, 35% отклонены [9].

Эти данные допускают двоякое прочтение. Высокая доля принятых замечаний показывает, что там, где обсуждение состоялось, оно содержательно и влияет на текст. Но узость круга обсуждаемых актов свидетельствует о том, что диагностическая функция портала реализуется точечно.

Есть и более глубокое, структурное ограничение. Портал построен по модели краудсорсинга законопроектов: обсуждение начинается тогда, когда предмет регулирования уже определен разработчиком, и участник реагирует на предложенный текст. Такая площадка хорошо выявляет пробелы внутри предмета проекта — неполноту перечней, отсутствие необходимых процедур, — но почти не фиксирует пробелы за его пределами. Г.А. Зензинов, рассматривая публичное обсуждение как этап оценки регулирующего воздействия, подчеркивает: если проект к моменту анализа уже подготовлен, его результаты не будут иметь значения для разработчика [8]. Поэтому Н.Н. Черногор и М.В. Залоило связывают повышение отдачи от обсуждений с вынесением наиболее значимых проектов на портале в отдельные рубрики [22, с. 89–90]. Отдельно предлагается публикация плавно

правотворческой деятельности, которые позволят обсуждать замысел регулирования до того, как он воплотится в текст.

«Российская общественная инициатива»: краудсорсинг проблем со стороны общества

Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» (далее — РОИ) действует на основании Указа Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Выдвигать инициативы и голосовать за них могут граждане Российской Федерации, достигшие 18 лет и зарегистрированные в Единой системе идентификации и аутентификации. Федеральная инициатива подлежит рассмотрению, если в течение года после размещения получит не менее 100 тыс. голосов; для региональных и муниципальных инициатив порог составляет 5% постоянно проживающих жителей (для субъектов с населением свыше 2 млн человек — 100 тыс. голосов). После предварительной экспертизы инициатива направляется в экспертную рабочую группу, которая в срок, не превышающий двух месяцев, готовит экспертное заключение и решение о разработке нормативного правового акта и (или) иных мерах по ее реализации.

По своей природе РОИ — площадка краудсорсинга проблем и идей: гражданин формулирует не поправку к готовому тексту, а потребность в регулировании. Поэтому, в отличие от regulation.gov.ru, она способна обнаруживать пробелы, лежащие за пределами уже подготавливаемых проектов. Масштаб деятельности площадки значителен: к 2018 г. на ресурсе было размещено около 12 тыс. общественных инициатив [22, с. 86].

Однако связь между поддержкой инициативы и правотворческим результатом остается слабой. А.А. Волошинская назвала итоги работы ресурса парадоксальными: из девяти федеральных петиций, преодолевших 100-тысячный порог, реализована только одна, тогда как удовлетворены одиннадцать петиций, не набравших необходимого числа голосов [2, с. 47]. Формальный порог поддержки, таким образом, не является ни необходимым, ни достаточным условием. Для теории пробелов это означает, что сигнал о неурегулированной потребности, поступивший через РОИ, не имеет гарантированного пути к реализации.

Н.Н. Черногор и М.В. Залоило предлагают замкнуть этот контур: проект нормативного правового акта, разработанный в результате поддержанной общественной инициативы, по их мнению, «должен в дальнейшем выноситься на общественное обсуждение» [22, с. 86–87]. Реализация этого предложения соединила бы два вида краудсорсинга: проблема, выявленная через РОИ, получала бы продолжение в обсуждении проекта на regulation.gov.ru. Пока же выявленная гражданами потребность и работа над текстом акта разнесены по разным контурам.

Инициативный законопроект ИЗиСП как инструмент институционализации

Нормативная модель решения названных проблем была предложена научной школой ИЗиСП задолго до нынешнего этапа цифровизации. В инициативном проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» 2013 г. общественному обсуждению посвящена самостоятельная глава 8 (ст. 54–56). Согласно проекту, «проекты нормативных правовых актов, непосредственно затрагивающие права и свободы человека и гражданина или правовой статус общественных объединений, а также проекты нормативных правовых актов, регулирующие предпринимательскую деятельность, в обязательном порядке должны пройти процедуру общественного обсуждения»; срок подачи замечаний и предложений не может быть менее 60 дней для проектов федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации и 45 дней для проектов иных нормативных правовых актов, а заключение по результатам обсуждения размещается на официальном сайте правотворческого органа и включается в состав информационных материалов к проекту [17, с. 41–43].

Проект неоднократно перерабатывался: в 2019 г. вышло его пятое, в 2021 г. — шестое переработанное и дополненное издание [12; 13]. Последовательное переиздание показывает, что идея единого закона о нормативных правовых актах актуальна и востребована. В том же направлении аргументируют Н.Н. Черногор и М.В. Залоило: основы общественного обсуждения, по их мнению, следует закрепить в законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», а детальное регулирование — в специальном законе об общественном обсуждении проектов нормативных правовых актов [22, с. 74], поскольку «общественное обсуждение должно стать обязательным элементом правотворчества и правотворческого процесса» [22, с. 88–89].

Доктринальные предложения позволяют выделить элементы, без которых краудсорсинг не становится механизмом выявления пробелов. Первый — касается введения единой терминологии: Н.Н. Черногор и М.В. Залоило фиксируют несовпадение терминологии законодательства об общественном контроле, оперирующего понятием общественной экспертизы, и подзаконного регули-

рования общественного обсуждения [22, с. 80]. Второй — статус (юридическое значение) замечаний: авторы предлагают нормативно урегулировать характер результатов обсуждения и статус высказанных замечаний, а также не допускать коренных изменений текста проекта без должного обоснования [22, с. 81–82]. Третий — раннее начало обсуждения, которое обеспечивается публичным планированием правотворческой деятельности [22, с. 89–90].

Применительно к пробелам эти элементы целесообразно дополнить. Во-первых, разработчик должен быть обязан дать мотивированный ответ на каждое предложение, указывающее на неурегулированную ситуацию. Во-вторых, участнику следует предоставить право повторного внесения предложения, если отклоненный довод подтвердился в правоприменении после вступления акта в силу. В-третьих, необходим мониторинг судьбы выявленных пробелов, позволяющий участникам оценить, устранен ли пробел и не возник ли новый. Тем самым формируется обратная связь, без которой краудсорсинг остается лишь регистрацией мнений.

С учетом изложенного процесс выявления пробелов на цифровых площадках можно представить в виде трех этапов. Первый — сбор «симптомов»: участники описывают практические затруднения, не обязательно облекая их в юридические формулировки. Второй — верификация и фильтрация: сообщения проверяются на относимость к предмету регулирования, дублирующие и не относящиеся к проекту обращения отсеиваются. Третий — аналитическая обработка массива замечаний, в том числе автоматизированная: группировка по тематике и выявление повторяющихся описаний одной и той же ситуации. Первые два этапа в той или иной мере реализуются на действующих площадках, третий пока остается перспективным. Нормативное закрепление названных элементов наиболее последовательно осуществимо в федеральном законе о нормативных правовых актах, для которого инициативный проект ИЗиСП служит готовой основой, а применительно к законопроектам — также в Регламенте Государственной Думы.

Риски цифровизации общественных обсуждений

Цифровизация не только расширяет возможности общественного обсуждения, но и порождает собственные новые риски. Их учет необходим потому, что право, как подчеркивают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, само становится объектом воздействия цифровизации, в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия [19, с. 85]. Процедуры правотворчества не составляют исключения: перенесенные в цифровую среду, они приобретают новые свойства, в том числе нежелательные и труднопрогнозируемые.

Первый риск — цифровое неравенство. Н.Н. Черногор и М.В. Залоило указывают на сохраняющееся «„цифровое неравенство“ групп и слоев общества» [22, с. 83]. Для выявления пробелов это означает смену акцентов: адресаты нормы с невысокими цифровыми навыками реже других оказываются среди участников обсуждения, и именно их затруднения рискуют остаться незамеченными.

Второй риск — формализация участия при информационной перегрузке. Массовая публикация проектов при низкой вовлеченности создает ситуацию, когда процедура соблюдена, но обсуждение фактически не состоялось; приведенные ранее данные о доле актов без единого замечания [9; 22, с. 83] показывают, что этот риск уже реализовался. Н.Н. Черногор и М.В. Залоило связывают недостаточную популярность обсуждений, в частности, с многочисленностью принимаемых актов, не обладающих одинаковой общественной значимостью, и с отсутствием широко освещаемых планов правотворческой деятельности [22, с. 90].

Третий риск — преобладание организованных интересов. Когда круг участников узок, площадкой эффективнее других пользуются профессиональные участники — отраслевые ассоциации, крупные хозяйствующие субъекты, юридические консультанты и иные лоббистские структуры. Их замечания, как правило, квалифицированы и потому чаще принимаются, однако отражают прежде всего интересы организованных групп. Без механизмов выявления скоординированной активности краудсорсинг может превратиться в канал дополнительного давления на разработчика, а пробелы, значимые для неорганизованного большинства, — остаться в тени.

Четвертый риск — коммуникативный разрыв между гражданином и разработчиком. Граждане без юридического образования способны точно описать проблемную ситуацию, но не всегда могут перевести ее на язык правовых конструкций. Цифровая форма этот разрыв не устраняет, а иногда усиливает: интерфейс, рассчитанный на отзыв к конкретной статье, исключает описания ситуаций, не привязанных к тексту проекта. Не случайно в литературе, обобщенной Н.Н. Черногором и М.В. Залоило, встречаются предложения излагать выносимый на обсуждение проект в форме, доступной для неспециалистов [22, с. 82–83].

Пятый риск связан с автоматизированной обработкой замечаний, которая рассматривается как перспективное направление развития площадок. Алгоритм группирует и ранжирует сообщения по

критериям, неизвестным участникам, и редкое, но точное указание на пробел может затеряться среди массовых однотипных отзывов. Поэтому критерии такой обработки должны быть публичными, а итоговая оценка каждого замечания, указывающего на неурегулированную ситуацию, — оставаться за человеком.

Ответом на эти риски является не отказ от цифровых форм, а сочетание их правовой институционализации с правовым просвещением. Упрощенные интерфейсы, справочные сервисы и образовательные модули, разъясняющие, как описать практическую проблему так, чтобы разработчик мог ее использовать, повышают и качество сигналов, и представительность участников. В этом смысле развитие правотворческого краудсорсинга оказывается задачей не только законодательной техники, но и правового образования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, правотворческий краудсорсинг не противостоит общественному обсуждению, а описывает его технологическую сторону. Для выявления пробелов в праве ключевое значение имеет краудсорсинг проблем, ориентированный на обнаружение неурегулированных потребностей, а не на доработку готового текста.

Во-вторых, портал regulation.gov.ru построен по модели краудсорсинга законопроектов и выявляет преимущественно пробелы в пределах предмета проекта. Его диагностическая функция реализуется точечно: при высокой доле учтенных замечаний к девяти из десяти подзаконных актов замечания не поступают вовсе.

В-третьих, «Российская общественная инициатива» аккумулирует сведения о потребностях в регулировании, лежащих за пределами подготавливаемых проектов, однако не обеспечивает гарантированного перехода выявленной проблемы в правотворческий процесс.

В-четвертых, модель институционализации краудсорсинга должна включать: закрепление общественного обсуждения в федеральном законе о нормативных правовых актах с опорой на инициативный проект ИЗиСП; обязательность обсуждения проектов, затрагивающих права граждан; определенность статуса замечаний и мотивированный ответ разработчика; раннее обсуждение на основе публичных планов правотворческой деятельности; обязательное обсуждение проектов, подготовленных по итогам поддержанных общественных инициатив; мониторинг выявленных пробелов с обратной связью для участников.

В-пятых, цифровизация общественных обсуждений сопряжена с рисками цифрового неравенства, формализации участия, преобладания организованных интересов, коммуникативного разрыва и непрозрачности автоматизированной обработки замечаний. Их нейтрализация требует сочетания правовых гарантий с правовым просвещением участников.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку методик автоматизированного анализа замечаний, не утрачивающих единичные сигналы о пробелах, а также на сравнительно-правовой анализ российской и зарубежной практики правотворческого краудсорсинга.

Список литературы:

[1] Буров В.В., Патаракин Е.Д., Ярмахов Б.Б. Использование технологий краудсорсинга в законотворческой деятельности // Бизнес-информатика. 2011. № 2 (16). С. 12–19.

[2] Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. Т. 24, № 1. С. 47–51.

[3] Зайцева Е.С. Правотворческий краудсорсинг и его значение для установления пределов правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 36–43.

[4] Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. 184 с.

[5] Залоило М.В., Базыкин А.Ю. Применение технологии краудсорсинга при конструировании и редактировании текста нормативного правового акта // Язык, право и общество в координатах массмедиа: сб. мат. III Междунар. науч. конф. (Москва, ИЗиСП, 25–26 сентября 2019 г.) / под ред. И.В. Анненковой, Л.Р. Дускаевой; предисл. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, 2020. С. 160–163.

[6] Залоило М.В., Базыкин А.Ю. Современные технологии участия информационного российского общества в выработке правотворческих решений (на примере краудсорсинга) // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. С. 96–107.

[7] Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 2. С. 196–209.

[8] Зензинов Г.А. Публичное обсуждение, как этап проведения оценки регулирующего воздействия // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 127–132.

[9] Карта нормотворчества 2024: характеристика принятых актов, роль бизнеса / Платформа сорегулирования, Центр стратегических разработок. М., 2025. 39 с.

[10] Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. 244 с.

[11] Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения: монография. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 184 с.

[12] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 88 с.

[13] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона) / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, 2021. 96 с.

[14] Пашенцев Д.А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (43). С. 31–39.

[15] Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, В.Р. Авхадеев [и др.]; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. 344 с.

[16] Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д.Р. Алимова, С.А. Афанасьева, Л.Т. Бакулина [и др.]; под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

[17] Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М.: ИЗиСП, 2013. 70 с.

[18] Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16.

[19] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.

[20] Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. 234 с.

[21] Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: ИЗиСП: Юридическая фирма «Контракт», 2018. 144 с.

[22] Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 74–92.

References:

[1] Burov V.V., Patarakin E.D., Yarmakhov B.B. The Use of Crowdsourcing Technologies in Law-Making Activity // Business Informatics. 2011. No. 2 (16). pp. 12–19.

[2] Voloshinskaya A.A. “Russian Public Initiative”: Paradoxes of Domestic E-Democracy // Vlast’ (Power). 2016. Vol. 24, No. 1. pp. 47–51.

[3] Zaitseva E.S. Law-Making Crowdsourcing and Its Significance for Establishing the Limits of Legal Regulation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. pp. 36–43.

[4] Zaloilo M.V. Modern Legal Technologies in Law-Making: A Scientific and Practical Handbook / ed. by D.A. Pashentsev. Moscow: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2020. 184 p.

[5] Zaloilo M.V., Bazykin A.Yu. The Application of Crowdsourcing Technology in Drafting and Editing the Text of a Normative Legal Act // Language, Law, and Society in the Context of Mass Media: Proceedings of the 3rd International Scientific Conference (Moscow, IZiSP, September 25–26, 2019) / ed. by I.V. Annenkova, L.R. Duskaeva; preface by T.Ya. Khabrieva. Moscow: IZiSP, 2020. pp. 160–163.

[6] Zaloilo M.V., Bazykin A.Yu. Modern Technologies for the Participation of the Russian Information Society in the Development of Law-Making Decisions (The Case of Crowdsourcing) // Transformation of Legal Reality in the Digital Age: A Collection of Scientific Papers / Ed. by D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. Moscow: IZiSP: INFRA-M, 2019. pp. 96–107.

[7] Zaloilo M.V., Pashentsev D.A. The National Legal Order of Russia in the Context of Digitalization // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2019. Vol. 10, No. 2. pp. 196–209.

[8] Zenzinov G.A. Public Discussion as a Stage in the Regulatory Impact Assessment Process // Gaps in Russian Legislation. 2017. No. 4. pp. 127–132.

[9] Norm-Making Map 2024: Characteristics of Adopted Acts and the Role of Business / Co-regulation Platform, Center for Strategic Research. Moscow, 2025. 39 p.

[10] The Concept of a Digital State and a Digital Legal Environment: A Monograph / N.N. Chernogor, D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo [et al.]; Ed. by N.N. Chernogor, D.A. Pashentsev. Moscow: IZiSP:

Norma: INFRA-M, 2022. 244 p.

[11] Lazarev V.V. Gaps in Law and Ways to Eliminate Them: A Monograph. Reprint ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. 184 p.

[12] On Normative Legal Acts in the Russian Federation (draft federal law, initiated by the authors) / supervised by T.Ya. Khabrieva and Yu.A. Tikhomirov. 5th ed., revised and supplemented. Moscow, 2019. 88 p.

[13] On Normative Legal Acts in the Russian Federation (draft federal law) / supervised by T.Ya. Khabrieva and Yu.A. Tikhomirov. 6th ed., revised and supplemented. Moscow: IZiSP, 2021. 96 p.

[14] Pashentsev D.A. Main Trends and Specifics of Legislative Development in the Context of Digitalization and the Transition to a New Technological Paradigm // Vestnik MGPU (MCU Journal). Series: Legal Sciences. 2021. No. 3 (43). pp. 31–39.

[15] Law-Making in the 21st Century: Evolution of Doctrine and Practice (dedicated to the 90th anniversary of A.S. Pigolkin's birth): a collection of scholarly articles / T.Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev, V.R. Avkhadeev [et al.]; ed. by V.V. Lazarev. Moscow: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2022. 344 p.

[16] Gaps in Law in the Context of Digitalization: a collection of scholarly papers / D.R. Alimova, S.A. Afanasyeva, L.T. Bakulina [et al.]; under the general editorship of D.A. Pashentsev and M.V. Zaloilo. Moscow: Infotropik Media, 2022. 472 p.

[17] Draft Federal Law "On Normative Legal Acts in the Russian Federation" (initiative bill). Moscow: IZiSP, 2013. 70 p.

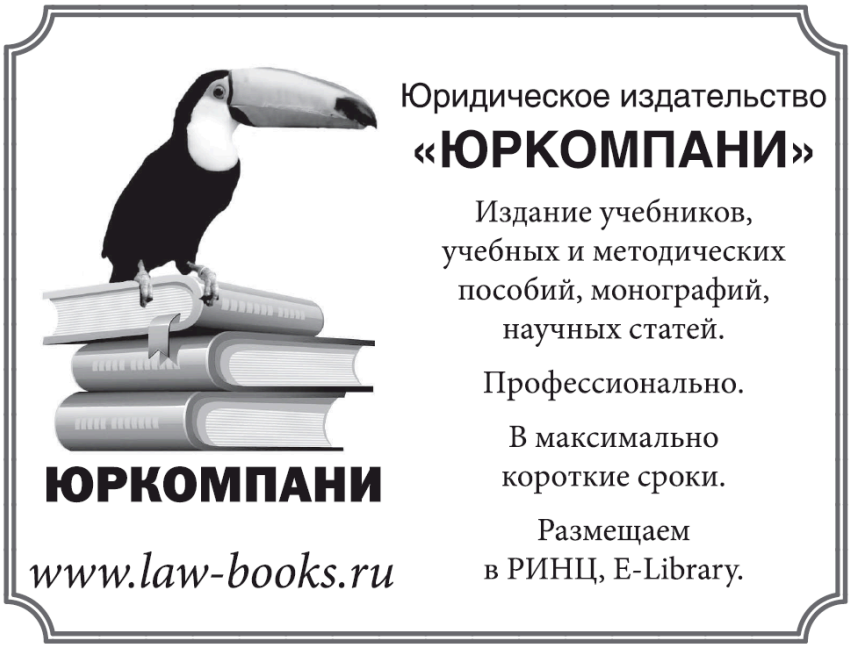
[18] Khabrieva T.Ya. Law Facing the Challenges of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 9 (261). pp. 5–16.

[19] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Context of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1 (253). pp. 85–102.

[20] Digitalization of Law-Making: Seeking New Solutions: a monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovina; ed. by D.A. Pashentsev. Moscow: IZiSP: INFRA-M, 2019. 234 p.

[21] Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Current Issues in Law-Making: a study guide. Moscow: IZiSP: Law Firm "Kontrakt", 2018. 144 p.

[22] Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Improving the Legal Regulation of Public Discussion of Draft Normative Acts // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. pp. 74–92.



ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-337-341
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ВАЛОВ Кирилл Дмитриевич,
старший преподаватель кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: kerill97@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ САМООБСЛЕДОВАНИЯ И ДЕКЛАРИРОВАНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового регулирования самообследования и декларирования соблюдения обязательных требований в системе государственного контроля (надзора) за предпринимательской деятельностью. Цель исследования состоит в выявлении особенностей правовой природы самообследования как профилактического мероприятия, определении юридического значения декларации соблюдения обязательных требований и установлении проблем действующего нормативного регулирования соответствующего механизма. В рамках исследования проанализированы положения Федерального закона № 248-ФЗ и Федерального закона № 247-ФЗ, подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные виды государственного контроля, а также материалы судебной практики и современные научные подходы к развитию профилактической модели контрольно-надзорной деятельности. Особое внимание уделено критериям получения высокой оценки по результатам самообследования, правовым последствиям принятия декларации, основаниям ее аннулирования и различиям отраслевого регулирования. Установлено, что действующее законодательство не в полной мере обеспечивает определенность критериев декларирования и единообразие его правовых последствий. Обоснована необходимость конкретизации содержания частей 3, 7 и 8 статьи 51 Федерального закона № 248-ФЗ, а также унификации отдельных положений подзаконных актов. Практическое значение исследования заключается в возможности использования сформулированных предложений при совершенствовании законодательства о государственном контроле (надзоре), разработке положений о видах контроля и методических документов контрольных органов, а также при формировании внутренних процедур комплаенса и самооценки предпринимательских субъектов.*

Ключевые слова: *государственный контроль, государственный надзор, предпринимательская деятельность, самообследование, обязательные требования, декларация соблюдения, профилактические мероприятия, добросовестность, комплаенс.*

Для цитирования: *Валов К. Д. Правовое регулирование самообследования и декларирования соблюдения обязательных требований в системе государственного контроля (надзора) за предпринимательской деятельностью // Образование и право. 2026. № 10. С. 337–341.*

VALOV Kirill Dmitrievich,
Senior Lecturer at the Department of Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

LEGAL REGULATION OF SELF-EXAMINATION AND DECLARATION OF COMPLIANCE WITH MANDATORY REQUIREMENTS IN THE SYSTEM OF STATE CONTROL (SUPERVISION) OVER ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation. *The article examines the legal regulation of self-assessment and declaration of compliance with mandatory requirements within the system of state control (supervision) over business activities. The purpose of the study is to identify the legal nature of self-assessment as a preventive measure, determine the legal significance of a declaration of compliance with mandatory requirements, and reveal deficiencies in the existing regulatory framework governing this mechanism. The study analyzes the provisions of Federal Law No. 248-FZ and Federal Law No. 247-FZ, subordinate regulatory acts governing particular types of state control, relevant judicial practice, and contemporary legal scholarship concerning the preventive model of control and supervisory activities. Particular attention is paid to the criteria for obtaining a high assessment following self-assessment, the legal consequences of filing a declaration, the grounds for its cancellation, and differences in sector-specific regulation. The research demonstrates that the current legislation does not fully ensure legal certainty of the declaration criteria or uniformity of its legal consequences. The article substantiates the need to clarify Parts 3, 7 and 8 of Article 51 of Federal Law No. 248-FZ and to harmonize certain provisions of subordinate regulations. The practical significance of the study lies in the possibility of using the proposed measures to improve legislation on state control, develop regulations governing specific types of control and methodological documents of supervisory authorities, and establish internal compliance and self-assessment procedures for business entities.*

Key words: *state control, state supervision, business activity, self-assessment, mandatory requirements, declaration of compliance, preventive measures, good faith, compliance.*

For citation: *Valov K. D. Legal regulation of self-examination and declaration of compliance with mandatory requirements in the system of state control (supervision) over entrepreneurial activity. Education and law. 2026;(10):337–341. (In Russ.).*

Введение

Современная модель государственного контроля (надзора) исходит из приоритета предупреждения нарушений. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) закрепляет в ч. 1 ст. 8 приоритет профилактических мероприятий перед контрольными (надзорными), а в ч. 2 – обязанность создавать стимулы к добросовестному соблюдению обязательных требований. В п. 6 ч. 1 ст. 45 самообследование включено в систему профилактических мероприятий, однако ч. 2 той же статьи не относит его к числу обязательных для каждого вида государственного контроля. Как отмечают А.С. Евдокимов, Ю.В. Ким и П.П. Сергун, современный этап реформирования характеризуется ими как «несистемный, незавершенный» [1]. Применительно к самообследованию это проявляется в значительном объеме отраслевого усмотрения при определении его содержания и последствий.

Данный механизм должен применяться во взаимосвязи с Федеральным законом «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (далее – Федеральный закон № 247-ФЗ). Часть 1 ст. 1 связывает обязательные требования с предпринимательской и иной экономической деятельностью и их оценкой в рамках государственного контроля. Статья 4 закрепляет принципы законности, обоснованности, правовой определенности, открытости, предсказуемости и исполнимости, а ч. 1 ст. 7 требует ясности и понятности обязательных требований. Следовательно, алгоритм самообследования не вправе фактически создавать дополнительные обязанности. К.М. Беликова и М.А. Ахмадова обоснованно указывают, что Федеральный закон № 248-ФЗ «имеет недостатки как административно-правового, так и прикладного характера» [2]. Проблема возникает, когда юридически значимый результат самопроверки зависит от недостаточно формализованных критериев, что обусловливает необходимость анализа нормативной конструкции самообследования и последующего декларирования соблюдения обязательных требований.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования в качестве основного материала использованы нормативные правовые акты, регулирующие организацию государственного контроля (надзора), профилактику нарушений обязательных требований и применение самообследования. К числу основных источников относятся Федеральный закон № 248-ФЗ и Федеральный закон № 247-ФЗ. Дополнительно исследованы положения Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей" от 25.06.2021 № 1005 и Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением обязательных требований к отдельным видам промышленной продукции" от 24.08.2026 № 1071. Для оценки особенностей правоприменения использо-

вано Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 05.04.2023 № 05АП-1248/2023 по делу № А24-6260/2022. Научную основу исследования составили публикации российских правоведов, посвященные реформированию контрольно-надзорной деятельности, профилактическим мероприятиям, мерам стимулирования добросовестности, проверочным листам и юридическим последствиям контрольной деятельности.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, примененный для анализа содержания ст. 45, 49 и 51 Федерального закона № 248-ФЗ и их соотношения с положениями Федерального закона № 247-ФЗ; системный метод, позволивший рассмотреть самообследование во взаимосвязи с иными профилактическими мероприятиями и механизмом оценки соблюдения обязательных требований; сравнительно-правовой метод, использованный при сопоставлении правовых последствий декларирования в отдельных видах федерального государственного контроля; а также анализ судебной практики. Дополнительно применена аналитическая интерпретация статистических данных, содержащихся в научной литературе и характеризующих интенсивность контрольной деятельности и применение административных наказаний. Совокупность указанных методов позволила установить особенности действующего механизма самообследования, выявить нормативные неопределенности и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования декларирования соблюдения обязательных требований.

Результаты и обсуждения

Статья 51 Федерального закона № 248-ФЗ в ч. 1 определяет самообследование как добровольную самостоятельную оценку соблюдения обязательных требований, а ч. 2 требует автоматизированного режима и гарантирует возможность прохождения процедуры без идентификации пользователя. Вместе с тем по ч. 3 декларация может быть принята только после идентифицированного самообследования и получения высокой оценки, если декларирование предусмотрено положением о виде контроля. Закон не раскрывает содержание «высокой оценки», тогда как ч. 7 передает контрольному органу утверждение методических рекомендаций. А.С. Евдокимов, П.П. Сергун и Г.П. Надежкина, анализируя проверочные листы, отмечают «гибкость предложенных правовых конструкций» [3]. Для самообследования она допустима лишь тогда, когда критерии оценки воспроизводят нормативно установленные требования и заранее доступны контролируемому лицу; иначе методический документ начинает определять объем публично-правовой возможности получить декларацию.

Части 4–6 ст. 51 Федерального закона № 248-ФЗ предусматривают регистрацию декларации, ее размещение на официальном сайте, возможность публичного и рекламного использования, срок действия от одного года до трех лет и обязанность представить уточненную декларацию при изменении сведений. Однако закон не устанавливает общей презумпции соблюдения требований и не освобождает обладателя декларации от контроля, поэтому ее стимулирующая ценность определяется отраслевыми нормами. А.С. Евдокимов и П.П. Сергун применительно к мерам стимулирования добросовестности выявляют «неполную проработанность механизма применения, мер поощрения, целевых показателей» [4]. Декларация способна стимулировать комплаенс лишь при наличии понятных и соразмерных правовых последствий.

Это подтверждает подзаконное регулирование. Постановление Правительства Российской Федерации "Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей" от 25.06.2021 № 1005 в п. 19 устанавливает трехлетний срок действия декларации, связывает ее с репутационным статусом и допускает новую декларацию не ранее чем через три месяца после исполнения решений по результатам контрольных мероприятий. Постановление Правительства Российской Федерации "Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением обязательных требований к отдельным видам промышленной продукции" от 24.08.2026 № 1071 закрепляет иной подход, так, по п. 12 действующая декларация при дополнительных условиях позволяет понизить категорию риска на одну категорию, а п. 31 устанавливает годичный срок ее действия и трехлетний запрет на повторное декларирование после аннулирования. Такая дифференциация свидетельствует о том, что при общей законодательной конструкции фактическое значение декларации существенно зависит от конкретного вида контроля, что требует установления единых федеральных критериев.

Особенно проблемна ч. 8 ст. 51 Федерального закона № 248-ФЗ: декларация аннулируется, если при обязательном профилактическом визите или контрольном мероприятии выявлены нарушения обязательных требований либо недостоверные сведения, представленные при самообследовании. Норма не различает нарушение, охваченное предметом самообследования и повлиявшее на высокую оценку, и иное нарушение; не установлен также критерий существенности

недостоверных сведений. Кроме того, при указании обязательного профилактического визита как основания аннулирования закон говорит о решении, принимаемом «по результатам контрольного (надзорного) мероприятия», что порождает вопрос о процессуальной форме решения по итогам профилактического визита. Как справедливо отмечают А.С. Евдокимов и П.П. Сергун, сохраняется «недостаточность правового регулирования системы профилактических мероприятий» [5], что применительно к декларации требует устранения указанной неопределенности.

Практическое значение профилактики подтверждают данные контрольной деятельности. По приведенным Е.В. Ширеевой данным, в 2020–2023 гг. контрольными органами в среднем проводилось около 341,7 тыс. проверок ежегодно: 408 тыс. в 2020 г., 266 тыс. в 2021 г., 339,1 тыс. в 2022 г. и 353,9 тыс. в 2023 г. [6]. По приведенным Е.В. Ширеевой данным, в 2023 г. по итогам проверок было назначено около 250,5 тыс. административных наказаний, включая 124,4 тыс. предупреждений и 124,1 тыс. штрафов; автор указывает примерно на 70 % случаев назначения наказаний [6]. Приведенные показатели подтверждают сохраняющуюся значимость последующего государственного реагирования на нарушения, вследствие чего самообследование и декларирование целесообразно рассматривать не как альтернативу контрольной деятельности, а как механизм предварительного выявления и добровольного устранения рисков нарушения обязательных требований.

Связь самообследования с иными профилактическими средствами следует из ч. 3 ст. 49 Федерального закона № 248-ФЗ: вместе с предостережением контролируемому лицу направляется адрес интернет-ресурса для самообследования, если оно предусмотрено соответствующим видом контроля. В.П. Лагаева рассматривает профилактический визит как инструмент предупреждения нарушений обязательных требований и поддержки предпринимателей при ограничении проверочной активности [7]. Такое понимание позволяет рассматривать самообследование не изолированно, а как часть комплекса правовых средств, ориентированных на добровольное приведение деятельности контролируемого лица в соответствие с обязательными требованиями.

Определенное значение для понимания места самообследования в системе профилактических мероприятий имеет судебная практика. В Постановлении Пятого арбитражного апелляционного суда от 05.04.2023 № 05АП-1248/2023 по делу № А24-6260/2022 суд, проверяя законность предостережения, применил ч. 3 ст. 49 Федерального закона № 248-ФЗ и указал на направление интернет-адреса для самообследования. Хотя предмет спора непосредственно не касался декларирования соблюдения обязательных требований, соответствующий подход показывает, что возможность проведения самообследования включается в установленную законом профилактическую процедуру, однако его результат сам по себе не заменяет предусмотренный законодательством порядок установления факта нарушения обязательного требования. Следовательно, развитие данного института должно сопровождаться четким разграничением результатов внутренней самооценки контролируемого лица и юридически значимых выводов контрольного органа.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что самообследование представляет собой самостоятельное профилактическое мероприятие, правовое значение которого существенно возрастает в случае последующего декларирования соблюдения обязательных требований. Вместе с тем действующая редакция ст. 51 Федерального закона № 248-ФЗ оставляет неурегулированными критерии получения высокой оценки, пределы нормативного содержания методических рекомендаций, связь выявленного нарушения с предметом проведенного самообследования и критерии аннулирования декларации. Дополнительная проблема состоит в неоднородности подзаконного регулирования, при котором различные виды государственного контроля устанавливают существенно отличающиеся сроки действия декларации, условия ее повторного получения и стимулирующие последствия.

Для устранения выявленных недостатков целесообразно изменить ст. 51 Федерального закона № 248-ФЗ. Часть 3 следует дополнить правилом, согласно которому критерии и порог высокой оценки устанавливаются положением о виде контроля, публикуются до начала применения и основываются исключительно на действующих обязательных требованиях; ч. 7 необходимо уточнить указанием, что методические рекомендации определяют только техническую процедуру и не могут вводить дополнительные критерии. В ч. 8 следует закрепить, что аннулирование допускается при нарушении, относящемся к предмету идентифицированного самообследования и способном повлиять на получение высокой оценки, либо при недостоверных сведениях, существенно повлиявших на результат. Одновременно необходимо прямо предусмотреть принятие решения по результатам соответственно обязательного профилактического визита или контрольного мероприятия и установить критерии срока повторного декларирования:

категорию риска, характер и повторность нарушения, факт его устранения и основание аннулирования.

После внесения соответствующих изменений п. 19 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 1005, и п. 31 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 1071, целесообразно привести к единому федеральному стандарту: базово допускать повторное декларирование после устранения нарушения и истечения трех месяцев, а трехлетний срок применять только при повторном существенном нарушении либо представлении недостоверных сведений, повлиявших на высокую оценку. При этом предусмотренное п. 12 второго Положения понижение категории риска следует сохранять только при наличии дополнительных признаков добросовестности. Реализация предложенного подхода позволит сохранить добровольную природу самообследования, придать декларации предсказуемое юридическое значение и развивать ее как элемент внутреннего контроля предпринимателя, не подменяющий публичный контроль частной самооценкой.

Список литературы:

[1] Евдокимов А. С., Ким Ю. В., Сергун П. П. Реформа контрольной и надзорной деятельности 2017–2025: организационно-правовой анализ // Административное право и процесс. 2024. № 7. С. 27–31.

[2] Беликова К. М., Ахмадова М. А. Значение реформы законодательства о государственном контроле (надзоре) для государства и бизнеса // Хозяйство и право. 2023. № 3 (554). С. 15–26.

[3] Евдокимов А. С., Сергун П. П., Надежкина Г. П. Проверочные листы, применяемые при осуществлении государственного контроля (надзора): организационно-правовой анализ // Административное право и процесс. 2023. № 9. С. 45–49.

[4] Евдокимов А. С., Сергун П. П. Меры стимулирования добросовестности — профилактическое мероприятие, используемое при осуществлении контроля, надзора: нормативно-правовой анализ // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 29–32.

[5] Евдокимов А. С., Сергун П. П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 53–59.

[6] Ширеева Е. В. Использование результатов контрольной (надзорной) деятельности на стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 68–72.

[7] Лагаева В. П. О профилактическом визите как новом мероприятии профилактики нарушений обязательных требований индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 69–71.

References:

[1] Evdokimov A. S., Kim Yu. V., Sergun P. P. Reform of Control and Supervisory Activities 2017–2025: An Organizational and Legal Analysis // Administrative Law and Process. 2024. No. 7. pp. 27–31.

[2] Belikova K. M., Akhmadova M. A. The Significance of the Reform of Legislation on State Control (Supervision) for the State and Business // Economy and Law. 2023. No. 3 (554). pp. 15–26.

[3] Evdokimov A. S., Sergun P. P., Nadezhkina G. P. Checklists Used in the Exercise of State Control (Supervision): An Organizational and Legal Analysis // Administrative Law and Process. 2023. No. 9. pp. 45–49.

[4] Evdokimov A. S., Sergun P. P. Measures to Encourage Compliance: A Preventive Tool Used in Control and Supervisory Activities — A Regulatory and Legal Analysis // Administrative Law and Process. 2024. No. 3. pp. 29–32.

[5] Evdokimov A. S., Sergun P. P. The System of Preventive Measures Applied in State Control (Supervision): A Regulatory Impact Assessment // Administrative Law and Process. 2023. No. 7. pp. 53–59.

[6] Shireeva E. V. The Use of Results from Control (Supervisory) Activities at the Stage of Initiating Administrative Offense Proceedings // Administrative Law and Process. 2025. No. 4. pp. 68–72.

[7] Lagaeva V. P. On the preventive visit as a new measure for preventing violations of mandatory requirements by individual entrepreneurs and legal entities // Administrative Law and Process. 2023. No. 6. pp. 69–71.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-342-347
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КЫРЛАН Марчел Георгиевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета, ведущий научный сотрудник Центра банковского консалтинга и прикладных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
ORCID: 0000-0002-6141-9388,
тел. (рабочий): +7 (495) 799-15-44,
e-mail: marcel_carlan2003@yahoo.com

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ОТ ОБЩИХ ИСТОКОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ МОДЕЛЯМ

Аннотация. *В статье прослеживается становление правового регулирования инвестиционной деятельности кредитных организаций в России и Азербайджане с конца XVIII в. до настоящего времени. Предложена периодизация, в основу которой положено изменение правовой формы привлечения капитала и роли банка в инвестиционном процессе.*

Показано, что в дореволюционный период инвестиционная функция банков складывалась в рамках общеимперского законодательства, но на территории Азербайджана приобрела отраслевую окраску, связанную с бакинской нефтедобычей. Советский период характеризуется огосударствлением инвестиционного процесса, при котором кредитная организация утратила самостоятельную частноправовую роль, а концессии остались кратковременным исключением.

После 1991 г. общая правовая основа двух государств сменилась самостоятельными моделями: в России инвестиционное законодательство строилось преимущественно на общих режимах, в Азербайджане решающее значение приобрели соглашения о разделе продукции и специальные режимы нефтегазового сектора.

Делается вывод, что историческая общность правовых конструкций облегчает сравнение и взаимное заимствование, однако не устраняет различий, сложившихся после обретения независимости. Эти различия необходимо учитывать при оценке современного, цифрового этапа развития банковских инвестиций.

Ключевые слова: *инвестиционная деятельность; кредитная организация; банк; история банковского законодательства; периодизация; концессия; соглашение о разделе продукции; Азербайджанская Республика; Российская Федерация; цифровизация.*

Для цитирования: *Кырлан М. Г. Генезис правового регулирования инвестиционной деятельности кредитных организаций в России и Азербайджане: от общих истоков к самостоятельным моделям // Образование и право. 2026. № 10. С. 342–347.*

KYRLAN Marcel Georgievich,
Candidate of Legal Sciences; Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law; Leading Research Fellow, Center for Banking Consulting and Applied Research, Financial University under the Government of the Russian Federation

THE GENESIS OF LEGAL REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES OF CREDIT INSTITUTIONS IN RUSSIA AND AZERBAIJAN: FROM COMMON ORIGINS TO DISTINCT MODELS

Annotation. *The article traces the development of legal regulation of investment activities of credit institutions in Russia and Azerbaijan from the late eighteenth century to the present. It proposes a periodisation based on changes in the legal form of raising capital and in the role played by banks in the investment process.*

In the pre-revolutionary period the investment function of banks developed within the general legislation of the Russian Empire, but in Azerbaijan it acquired a sectoral character linked to Baku oil production. The Soviet period was marked by state control over investment, under which credit institutions lost an independent private-law role, while concessions remained a short-lived exception.

After 1991 the common legal basis gave way to distinct national models: Russian investment legislation relied mainly on general regimes, whereas in Azerbaijan production sharing agreements and special regimes for the oil and gas sector became decisive.

The article concludes that the historical commonality of legal constructions facilitates comparison and mutual borrowing but does not remove the differences that emerged after independence. These differences must be considered when assessing the current, digital stage of bank investment.

Key words: *investment activity; credit institution; bank; history of banking legislation; periodisation; concession; production sharing agreement; Republic of Azerbaijan; Russian Federation; digitalisation.*

For citation: *Kyrlan M. G. The genesis of legal regulation of investment activities of credit institutions in Russia and Azerbaijan: from common origins to distinct models. Education and law. 2026;(10):342–347. (In Russ.).*

Введение

Инвестиционная деятельность кредитных организаций сегодня развивается в условиях быстрой технологической перестройки финансового рынка. Появляются новые объекты вложений, меняются способы оформления прав инвесторов, расширяется круг посредников. На этом фоне возрастает интерес к тому, из каких правовых конструкций выросло современное регулирование и какие из них сохраняют значение. Ответ на этот вопрос позволяет отделить действительно новые явления от тех, которые лишь воспроизводят в иной технической форме давно известные правовые решения.

Для сравнения российского и азербайджанского права исторический анализ имеет особое значение. На протяжении длительного времени правовое регулирование банковской и инвестиционной деятельности на территории обоих государств было единым: вначале в рамках законодательства Российской империи, затем в рамках советской правовой системы. Расхождение началось лишь после 1991 г., поэтому современные различия во многом объясняются тем, как каждая из стран распорядилась общим правовым наследием.

В отечественной литературе история банковского законодательства исследована достаточно подробно [5; 12], внимание уделялось и становлению правовых форм инвестиционной деятельности банков [11]. Однако сравнительный взгляд на развитие этих институтов в России и Азербайджане встречается значительно реже. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить основные этапы формирования правового регулирования инвестиционной деятельности кредитных организаций в двух государствах, определить общие закономерности и точки расхождения, а также показать значение полученных выводов для оценки современного этапа.

Критерии периодизации

Исследователи предлагают разные подходы к периодизации истории инвестиционного законодательства. Отправную точку истории инвестиционных отношений в России относят то к XVI столетию, то к рубежу XVII–XVIII вв., то к пореформенному XIX в., когда в стране начался капиталистический подъем [7]. Преобладает событийно-хронологический подход, при котором границы этапов определяются крупными нормативными актами или политическими переломами. Отмечается и циклический характер развития инвестиционной деятельности в России, при котором периоды притока капитала сменяются периодами его сокращения [15].

Представляется, что для целей гражданско-правового исследования этот подход следует дополнить функциональным критерием. Этапы целесообразно различать по тому, в какой правовой форме происходило привлечение капитала и какую роль в этом процессе играла кредитная организация: выступала ли она инструментом государственной финансовой политики, самостоятельным участником частного оборота или посредником, распределяющим чужие средства. Такой критерий позволяет сопоставлять российский и азербайджанский опыт, не сводя его к перечню дат, и объясняет, почему одни правовые конструк-

ции переживают смену политических режимов, а другие исчезают вместе с ними.

С учетом этого критерия можно выделить четыре периода: дореволюционный, советский, постсоветский и цифровой, начавшийся в 2020-е гг. Для Азербайджана внутри этой схемы приходится учитывать собственные рубежи: существование Азербайджанской Демократической Республики в 1918–1920 гг., более позднее, чем в России, установление советской власти и особую роль нефтяной отрасли на всех этапах [3; 10].

Дореволюционный период: от государственного кредита к акционерным банкам

На раннем этапе мобилизация капитала оставалась преимущественно делом государства. Главными инструментами служили эмиссия бумажных денег и внешние займы; символическое значение имел манифест 1768 г. об учреждении ассигнационных банков. Кредитные учреждения этого времени были продолжением казны и не выступали самостоятельными субъектами инвестиционного оборота. Частная инициатива в финансовой сфере проявлялась главным образом в торговле и биржевых операциях, правовое положение участников которых постепенно получало нормативное оформление, в том числе в Положении о биржевых маклерах, гоф-маклерах, аукционистах, нотариусах, корабельных маклерах, диспашерах и о биржевом комитете для надзора за благочинием биржевых собраний при Санкт-Петербургском порте, высочайше утвержденном 12 января 1831 г.

Перелом наступил в ходе реформ 1860-х гг. Учреждение в 1864 г. Петербургского частного коммерческого банка открыло период, в течение которого наряду с государственными кредитными учреждениями сложилась разветвленная сеть частных банков: акционерных коммерческих, земельных, городских общественных, обществ взаимного кредита. Именно в этой среде банк впервые приобрел черты самостоятельного участника инвестиционного процесса, способного привлекать средства частных лиц и направлять их в торговлю и промышленность. Исследования динамики операций коммерческих банков показывают постепенное усложнение этой деятельности вплоть до 1917 г. [14].

Устойчивость банковских инвестиций во многом определялась состоянием денежного обращения. Реформа 1895–1897 гг., введшая золотое обеспечение рубля, повысила доверие к российским активам и стала одним из условий активного притока иностранного капитала [1; 15]. Существенно, что иностранные вложения к началу XX в. были тесно связаны с акционерным сектором и банковской системой, хотя основным источником экономического роста постепенно становилось внутреннее накопление [1].

На территории современного Азербайджана действовало общеимперское законодательство, однако инвестиционные процессы имели выраженную отраслевую специфику. Отмена откупной системы в нефтяной промышленности и утверждение 1 февраля 1872 г. Правил о нефтяном промысле открыли нефтеносные участки для частных предпринимателей и положили начало притоку капитала в бакинскую нефтедобычу [13]. Вслед за этим появилась и кредитная инфраструктура: в 1874 г. в Баку открылись Общество взаимного кредита и отделение Государственного банка, позднее – городской общественный банк и отделения коммерческих банков [4].

Кредитные учреждения региона обслуживали прежде всего нефтяную отрасль: основу их операций составляли учет векселей и кредитование под обеспечение ценными бумагами и нефтяной продукцией. С конца 1880-х гг. в нефтяное дело пришел капитал банкирского дома Ротшильдов, который первоначально действовал в финансово-кредитной форме, а затем перешел к производственной и экспортной деятельности [6]. Параллельно местные предприниматели сами становились учредителями банков; показателен Бакинский купеческий банк, созданный в 1914 г. при участии крупных нефтепромышленников [4]. Тем самым уже в дореволюционный период в Азербайджане обозначилась связь банковских инвестиций с одной доминирующей отраслью – черта, которая проявится и в постсоветское время.

Советский период: огосударствление инвестиционного процесса

После 1917 г. правовые основы частного инвестирования были устранены. Декрет ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О национализации банков» и последовавшая национализация крупной промышленности сделали банк частью государственного хозяйственного механизма. В Азербайджане аналогичные преобразования развернулись после установления советской власти в 1920 г., и для региона они имели особенно глубокие последствия, поскольку дореволюционная нефтедобыча в значительной мере опиралась на иностранный капитал [8].

Кратковременным исключением стали концессии. Декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий» обещал иностранному инвестору защиту от изъятия имущества и от пересмотра договорных условий по воле государства. На бакинском направлении концессионный механизм применялся для привлечения зарубежных технологий бурения и эксплуатации скважин. Однако уже к рубежу 1920–1930-х гг. заключение новых кон-

цессий практически прекратилось; исследователи связывают это как с ограниченным экономическим эффектом, так и с конфликтами концессионеров с профсоюзными органами и закрытием для них доступа к кредиту советских банков [9]. Главный концессионный комитет был упразднен в 1937 г.

С гражданско-правовой точки зрения советский период важен не только как время отсутствия частного инвестиционного рынка. Он сформировал устойчивое представление о банке как об органе, распределяющем ресурсы по государственному плану, а не как о самостоятельном участнике договорных отношений, несущем собственный риск. Это представление пришлось преодолевать законодательству обеих стран после 1991 г. [5].

Постсоветский период: расхождение правовых моделей

Отправной точкой для России стали принятые 2 декабря 1990 г. Закон РСФСР № 394-1 «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» и Закон РСФСР № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР», которые заложили основу двухуровневой банковской системы [2]. Вслед за ними последовали Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» и Закон РСФСР от 4 июля 1991 г. № 1545-1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР». В 1999 г. их сменили Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» и Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Российская модель, таким образом, сложилась как система общих режимов, которые впоследствии дополнялись специальными правилами для отдельных территорий, институтов и стратегических отраслей, включая Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Азербайджан двигался иным путем. Закон Азербайджанской Республики от 15 января 1992 г. № 57 «О защите иностранных инвестиций» и Закон Азербайджанской Республики от 13 января 1995 г. № 952 «Об инвестиционной деятельности» создали общую законодательную основу, однако решающее значение для притока капитала приобрели соглашения о разделе продукции в нефтегазовой сфере. После утверждения парламентом и подписания Президентом такие соглашения получали силу закона и имели приоритет перед противоречащими им общими нормами. Закон Азербайджанской Республики от 13 февраля 1998 г. № 439-IQ «О недрах» определил общие правила пользования недрами, но не заменил индивидуальные договорные режимы крупных проектов.

Развитие банковской системы Азербайджана в эти годы прошло через этап формирования национальной системы, период быстрого роста числа коммерческих банков в условиях гиперинфляции и последующую оптимизацию в условиях макроэкономической стабилизации [10]. Принятие Закона Азербайджанской Республики от 16 января 2004 г. № 590-IIQ «О банках» открыло новый этап, связанный с укреплением регулирующей роли центрального банка [3]. Законом Азербайджанской Республики от 22 июня 2022 г. № 551-VIQ «Об инвестиционной деятельности» прежние законы 1992 и 1995 гг. были заменены единым актом, при этом переходные положения сохранили для инвесторов на десять лет более благоприятные условия, предоставленные прежним законодательством.

Сопоставление показывает, что общее наследие не предопределило одинаковых решений. Россия выбрала путь универсальных законодательных режимов, Азербайджан – сочетание общего законодательства с индивидуальными договорными режимами для ключевой отрасли. Для кредитных организаций это означало разную среду: в России банк встраивался в широкий и разнообразный инвестиционный рынок, в Азербайджане его инвестиционная роль долгое время определялась прежде всего потребностями нефтегазового сектора и обслуживающих его проектов.

Цифровой этап и значение исторического анализа

С 2020-х гг. можно говорить о новом этапе развития банковской инвестиционной деятельности. В России он связан с появлением специального регулирования цифровых финансовых активов и экспериментальных правовых режимов; в Азербайджане цифровая трансформация проявляется прежде всего в развитии финансовых технологий, платежной инфраструктуры и специальных регуляторных механизмов центрального банка. На этом этапе правовые модели двух государств развиваются параллельно, а не сближаются.

Исторический анализ позволяет увидеть, что многие проблемы цифрового этапа имеют давние аналоги. Вопрос о том, кто отвечает перед инвестором за сохранность вложений, ставился и при становлении акционерных банков; зависимость банковских инвестиций от одной отрасли характерна для Азербайджана с конца XIX в.; стремление государства одновременно привлечь капитал и сохранить контроль над ним прослеживается от концессионной политики 1920-х гг. до современ-

ных режимов контроля иностранных инвестиций. Это не означает, что прежние решения можно механически воспроизвести. Однако они позволяют оценить, какие правовые конструкции оказались устойчивыми, а какие зависели от конкретной экономической ситуации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Правовое регулирование инвестиционной деятельности кредитных организаций в России и Азербайджане выросло из общих истоков: законодательства Российской империи и советской правовой системы. Однако уже в дореволюционный период на территории Азербайджана сложилась отраслевая специфика, связанная с нефтяной промышленностью, которая определила особенности банковских инвестиций и в последующем.

Функциональный критерий периодизации, основанный на правовой форме привлечения капитала и роли банка, позволяет выделить четыре этапа: дореволюционный, когда банк постепенно становился самостоятельным участником частного оборота; советский, когда он был включен в систему государственного распределения ресурсов; постсоветский, когда в каждом из государств сложилась собственная модель; и цифровой, начавшийся в 2020-е гг.

Расхождение российской и азербайджанской моделей после 1991 г. выразилось прежде всего в соотношении общих и специальных режимов. Россия опиралась на универсальное инвестиционное законодательство, Азербайджан – на сочетание общих законов с индивидуальными договорными режимами нефтегазовых проектов. Эти различия сохраняют значение и сейчас, поэтому при сравнении современного регулирования, включая регулирование цифровых инвестиций, нельзя исходить из презумпции тождества правовых систем двух государств.

Историческая общность правовых конструкций облегчает взаимное понимание и заимствование удачных решений. Вместе с тем заимствование должно учитывать ту среду, в которой соответствующий институт сложился, и ту роль, которую в нем играет кредитная организация.

Список литературы:

[1] Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 320 с.

[2] Булатова Э. И., Дувалова Э. П. Правовое регулирование банковской деятельности: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. федер. ун-та, 2022. 184 с.

[3] Велиева Е. Ф. Особенности развития банковской системы Азербайджанской Республики на современном этапе // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2019. № 6. С. 77-80.

[4] Исмаилова А. М. Организация и деятельность кредитно-банковских учреждений в Бакинской и Тифлисской губерниях (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Былые годы. 2014. № 32 (2). С. 174-177.

[5] Карданова Л. К. Развитие законодательства о банках и иных кредитных организациях в России: историко-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 157 с.

[6] Косторниченко В. Н. Иностранный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 46-68.

[7] Кропотов Л. Г. Очерк истории правового регулирования инвестиционной деятельности в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2011. Вып. 3. С. 16-23.

[8] Курысь Н. В. Иностранные инвестиции: российская история (правовое исследование). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 288 с.

[9] Левин М. И., Шевелева И. В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 138-158.

[10] Мамедов З. Ф., Аббасбейли М. А., Валиев Э. Н., Вейсов Э. Н. Банковский сектор Азербайджана: новые тренды и перспективы // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 7. С. 775-783.

[11] Пекарская Л. А. Генезис правовых форм инвестиционной деятельности банков // Юрист. 2019. № 4. 49-55 с.

[12] Ручкин Р. О. Правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 196 с.

[13] Рустамова Д. Я. Развитие нефтяной промышленности Азербайджана в начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (34): в 2 ч. Ч. 1.

[14] Саломатина С. А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 305 с.

[15] Юзвович Л. И. Эволюционная парадигма инвестиционной деятельности в России // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-1. С. 188–193.

References:

[1] Bovykin V. I. Financial Capital in Russia on the Eve of the First World War. Moscow: ROSSPEN,

2001. 320 p.

[2] Bulatova E. I., Duvalova E. P. Legal Regulation of Banking Activity: A Textbook. Kazan: Kazan Federal University Press, 2022. 184 p.

[3] Velieva E. F. Specifics of the Development of the Banking System of the Republic of Azerbaijan at the Present Stage // Herald of Polotsk State University. Series D: Economic and Legal Sciences. 2019. No. 6. Pp. 77–80.

[4] Ismailova A. M. Organization and Activities of Credit and Banking Institutions in the Baku and Tiflis Governorates (Last Quarter of the 19th – Early 20th Century) // Bylye Gody (Past Years). 2014. No. 32 (2). Pp. 174–177.

[5] Kardanova L. K. Development of Legislation on Banks and Other Credit Organizations in Russia: A Historical-Legal Aspect: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Stavropol, 2004. 157 p.

[6] Kostornichenko V. N. Foreign Capital in the Oil Industry of Pre-Revolutionary Russia: Toward Developing a Periodization of the Process // Economic History: A Review / Ed. by L. I. Borodkin. Issue 10. Moscow, 2005. Pp. 46–68.

[7] Kropotov L. G. An Outline of the History of Legal Regulation of Investment Activity in Russia // Vestnik of Saint Petersburg University. Series 14: Law. 2011. Issue 3. pp. 16–23.

[8] Kurys N. V. Foreign Investments: A Russian History (Legal Study). St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2003. 288 p.

[9] Levin M. I., Sheveleva I. V. Foreign Concessions in the USSR in the 1920s: "Why Did They Part Ways?" // Voprosy Ekonomiki. 2016. No. 1. pp. 138–158.

[10] Mamedov Z. F., Abbasbeyli M. A., Valiyev E. N., Veysov E. N. The Banking Sector of Azerbaijan: New Trends and Prospects // Economics and Management. 2020. Vol. 26, No. 7. pp. 775–783.

[11] Pekarskaya L. A. The Genesis of Legal Forms of Investment Activity by Banks // Yurist. 2019. No. 4. pp. 49–55.

[12] Ruchkin R. O. Legal Regulation of Banking Activity in the Russian Federation: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2016. 196 p.

[13] Rustamova D. Ya. Development of the Oil Industry in Azerbaijan in the Early 20th Century // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice. 2013. No. 8 (34): in 2 parts. Part 1.

[14] Salomatina S. A. Commercial Banks in Russia: Dynamics and Structure of Operations, 1864–1917. Moscow: ROSSPEN, 2004. 305 p.

[15] Yuzvovich L. I. The Evolutionary Paradigm of Investment Activity in Russia // Fundamental Research. 2013. No. 10-1. pp. 188–193.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-348-352

НИКОЛАЕВ Рустем Олегович,
аспирант кафедры предпринимательского и энергетического права, юридический факультет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18, тел.: +7 987 238 24 34, e-mail: nikolaevrustem13@gmail.com

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДОВЕРИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ОБОРОТЕ

Аннотация. *Работа посвящена месту смарт-контракта среди гражданско-правовых средств формирования цифровой среды доверия в предпринимательских отношениях. Методологическую основу составили формально-юридический метод, примененный при толковании части второй статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации и норм о форме сделки, системный метод, использованный при определении соотношения смарт-контракта с договором и способами обеспечения исполнения обязательств, а также сравнительно-правовой метод. Обосновано, что смарт-контракт меняет саму конфигурацию доверия в обороте. Ожидание надлежащего поведения контрагента замещается расчетом на автоматическое исполнение, заложенное в программный код, вследствие чего доверие смещается с личности должника на технологию и на лиц, отвечающих за корректность ее работы. Показано, что такое смещение не устраняет потребности в гражданско-правовых средствах, а меняет их набор. Особое значение приобретают условия о порядке автоматического исполнения, заверения об обстоятельствах, распределение рисков сбоя и ответственность за дефект программного кода. Отдельное внимание уделено последствиям расхождения между текстом договора и его программной реализацией, а также затруднительности отмены ошибочно совершенной транзакции в распределенном реестре. Сформулированы предложения о договорных механизмах защиты добросовестной стороны и о пределах автоматизма исполнения в предпринимательском обороте.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, цифровая среда доверия, самоисполнимость, исполнение обязательства, предпринимательский оборот, программный код, распределение рисков, гражданско-правовые средства.*

Для цитирования: *Николаев Р. О. Смарт-контракт как гражданско-правовое средство формирования цифровой среды доверия в предпринимательском обороте // Образование и право. 2026. № 10. С. 348–352.*

NIKOLAEV Rustem Olegovich,
Postgraduate Student, Department of Business and Energy Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University

SMART CONTRACT AS A CIVIL-LAW MEANS OF FORMING A DIGITAL TRUST ENVIRONMENT IN BUSINESS CIRCULATION

Annotation. *The article examines the place of the smart contract among the civil-law means of forming a digital trust environment in business relations. The methodology includes formal legal interpretation of part two of Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation and of the rules on the form of transactions, systemic analysis of the relationship between the smart contract, the contract as such and the methods of securing performance of obligations, and comparative legal analysis. The study shows that the smart contract changes the very configuration of trust in commerce. The expectation of proper conduct by the counterparty is replaced by reliance on automatic performance embedded in the program code, so that trust shifts from the person of the debtor towards the*

technology and those responsible for its correct operation. This shift does not eliminate the need for civil-law means but alters their composition. Particular importance is acquired by terms governing automatic performance, representations of facts, allocation of failure risks and liability for defects in the program code. Proposals are formulated concerning contractual mechanisms protecting the bona fide party and the limits of automatic performance in business circulation.

Key words: *smart contract, digital trust environment, self-execution, performance of obligation, business circulation, program code, risk allocation, civil-law means.*

For citation: *Nikolaev R. O. Smart contract as a civil-law means of forming a digital trust environment in business circulation. Education and law. 2026;(10):348–352. (In Russ.).*

Введение

Распространение технологии распределенных реестров привело к появлению договорных конструкций, исполнение которых обеспечивается программными средствами. Классическая модель обязательства предполагает, что должник исполняет его добровольно, а при нарушении кредитор прибегает к мерам принуждения. В смарт-контракте исполнение заложено в программный код и производится при наступлении заданных условий без отдельного волеизъявления сторон.

Российское право отреагировало на эту конструкцию осторожно. Часть вторая статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает, что условиями сделки может быть предусмотрено исполнение обязательства без направленного на это отдельно выраженного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий [4]. Легального определения смарт-контракта закон при этом не дает.

Для предпринимательского оборота такая конструкция имеет прикладное значение. Автоматическое исполнение снижает издержки на контроль за контрагентом и сокращает потребность в обеспечительных механизмах. Одновременно возникает новый риск, связанный с качеством самого кода и работой информационной системы. Цель работы состоит в определении места смарт-контракта среди гражданско-правовых средств формирования цифровой среды доверия и в установлении того, какие средства защиты требуются участникам оборота при автоматическом исполнении.

Смарт-контракт в системе договорных конструкций

Доктринальные оценки правовой природы смарт-контракта разошлись довольно сильно. Одни авторы видят в нем электронную форму сделки, другие говорят о самостоятельной договорной конструкции, третьи рассматривают его как способ обеспечения исполнения обязательств. Последняя позиция встречает обоснованные возражения. О.С. Гринь, Е.С. Гринь и А.В. Соловьев приходят к выводу, что «смарт-контракт не может быть квалифицирован в качестве самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств» [5, с. 51]. Аргумент здесь прост по существу. Способы обеспечения, перечисленные в статье 329 Гражданского кодекса Российской Федерации, создают дополнительное имущественное обременение на случай нарушения, тогда как смарт-контракт работает до нарушения и вместо него.

Ближе к истине, как представляется, квалификация смарт-контракта как особого порядка исполнения обязательства, согласованного сторонами в договоре. Основанием возникновения прав и обязанностей остается сам договор. Программный код обслуживает стадию исполнения и в этом смысле производен от соглашения. Л.Г. Ефимова и О.Б. Сиземова, анализируя правовую природу смарт-контракта, также связывают его с договорной основой и с технологией распределенного реестра [6].

Служебный характер цифровой оболочки отмечается и применительно к смежным конструкциям. Как указывает Л.А. Новоселова, цифровые права представляют собой «способ оформления традиционных прав», не меняющий их существа [14, с. 35]. Тот же автор, исследуя токенизацию объектов гражданского права, подчеркивает, что перевод актива в цифровую форму сам по себе не создает нового объекта гражданских прав [8, с. 41]. Р.И. Ситдикова и Р.Б. Ситдиков связывают появление цифровых прав с потребностью закрепить в законе базовые категории для оборота новых цифровых объектов [11, с. 77]. Логика этих подходов применима и к смарт-контракту. Новой является техника исполнения, но не природа обязательства.

Самоисполнимость как механизм замещения доверия

Главная особенность смарт-контракта для целей настоящего исследования состоит в том, что он меняет адресата доверия. В обычном договоре кредитор полагается на добросовестность должника и на действенность мер принуждения. При автоматическом исполнении расчет строится на работе программы, а поведение должника после заключения договора теряет прежнее значение. А.И. Савельев еще в 2016 году обращал внимание на то, что распространение самоисполняемых конструкций ставит под вопрос привычные

представления договорного права [9].

Для характеристики цифровой среды доверия это обстоятельство имеет принципиальное значение. Смарт-контракт не создает доверия между сторонами. Потребность в доверии к контрагенту он снимает, перенося ее на технологию и на лиц, которые эту технологию обеспечивают. Такое перераспределение по своему механизму напоминает институт доверенной третьей стороны, который Д.Х. Валеев и А.Г. Нуриев рассматривают как источник юридически значимой информации в цифровом пространстве [1, с. 38]. Разница состоит в том, что роль посредника здесь исполняют программный код и информационная система.

Для предпринимательских отношений практический эффект очевиден. Е.Д. Ворникова верно замечает, что «доверие повышает лояльность контрагентов по отношению к субъектам предпринимательской деятельности» [3, с. 255]. Автоматическое исполнение позволяет вступать в оборот с контрагентом, деловая репутация которого неизвестна, поскольку риск неисполнения снимается техническими средствами. Вместе с тем сама цифровая среда доверия шире технологии. Она охватывает, по определению того же автора, «инфраструктуру общественных отношений, которая обеспечивает идентификацию и аутентификацию субъектов и объектов, конфиденциальность и безопасность данных, а также высокий уровень охраны и защиты прав субъектов цифровых отношений» [3, с. 256]. Смарт-контракт занимает в этой инфраструктуре место средства, гарантирующего исполнение, и не заменяет собой остальные ее элементы.

Пределы автоматизма и гражданско-правовые средства защиты

Автоматизм исполнения имеет обратную сторону. Программа исполняет то, что записано в коде, безотносительно к действительной воле сторон и к последующим изменениям обстоятельств. Ошибка в коде превращается в ошибку исполнения, причем исправить ее обычными средствами затруднительно. Распределенный реестр не предполагает отмены уже совершенной транзакции.

Первое средство защиты лежит в договорной плоскости. Стороны вправе согласовать порядок автоматического исполнения, перечень условий, при которых код срабатывает, и последствия расхождения между текстом договора и программной реализацией. Целесообразно прямо устанавливать приоритет текстовой части договора над кодом при выявлении такого расхождения. А.А. Волос справедливо связывает применение смарт-контрактов с необходимостью соблюдения основных принципов гражданского права [2], и приоритет согласованной воли сторон над технической реализацией этим принципам соответствует.

Второе средство связано с заверениями об обстоятельствах (статья 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации). Сторона, предоставившая код или информационную систему, может заверить контрагента в том, что программа соответствует согласованным условиям и работоспособна. Недостоверность такого заверения открывает путь к возмещению убытков и к отказу от договора. Для предпринимательского оборота этот инструмент удобен тем, что переносит риск дефекта на сторону, которая контролирует техническую часть.

Третье средство касается ответственности за сбой. Действующее законодательство о цифровых финансовых активах возлагало на оператора информационной системы обязанность возместить убытки, причиненные утратой сведений и нарушением работы системы [12]. Схожий подход прослеживается и в новом законодательстве о цифровых валютах и цифровых правах [13]. Распространение этой модели на отношения по автоматическому исполнению представляется обоснованным. Ответственность лица, обеспечивающего работу информационной системы, дополняет ответственность сторон договора и завершает конструкцию защиты.

Сочетание частных и публичных элементов здесь закономерно. Как заключает А.В. Михайлов, «в основе всего многообразия способов и средств правового регулирования лежит взаимодействие двух первичных приемов правового воздействия - частноправового и публично-правового» [7, с. 4]. Требования к информационным системам и к их операторам задаются публично, тогда как содержание отношений сторон определяется договором. Схожая двойственность отмечается и применительно к цифровым платформам, гражданско-правовой статус которых исследован А.В. Михайловым, О.А. Чепариной, М.Г. Щербаковым и Е.Б. Лауц [15].

Заключение

Смарт-контракт представляет собой согласованный сторонами порядок исполнения обязательства, реализуемый программными средствами. Самостоятельным способом обеспечения исполнения он при этом не является. Основанием возникновения прав и обязанностей остается договор.

Значение смарт-контракта для цифровой среды доверия состоит в перераспределении доверия. Ожидание надлежащего поведения контрагента замещается расчетом на автоматическое срабатывание кода, вследствие чего доверие смещается с личности должника на технологию и

на лиц, отвечающих за ее корректную работу. Потребность в гражданско-правовых средствах при этом сохраняется, меняется лишь их набор.

Из сказанного вытекает несколько предложений. В договорах, предусматривающих автоматическое исполнение, следует прямо закреплять приоритет текстовых условий над программной реализацией при их расхождении. Заверения об обстоятельствах разумно использовать как средство переноса риска дефекта кода на сторону, контролирующую информационную систему. Модель ответственности оператора информационной системы за сбой и утрату сведений заслуживает распространения на отношения по автоматическому исполнению обязательств. Наконец, сторонам целесообразно заранее определять порядок действий при невозможности отменить ошибочно совершенную транзакцию, включая обязанность вернуть неосновательно полученное. Такой набор средств позволяет сохранить преимущества автоматического исполнения, не оставляя добросовестного участника оборота без защиты.

Список литературы:

[1] Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Создание цифровой процессуальной среды доверия: сервисы третьей доверенной стороны в процессуальных отношениях как источник «квазипреюдициальной» информации в цифровом пространстве // Нотариус. – 2022. – № 3. – С. 37–40.

[2] Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. – 2018. – № 12. – С. 5–7.

[3] Ворникова Е.Д. Понятие цифровой среды доверия // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 251–257.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[5] Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. – 2019. – № 8. – С. 51–62.

[6] Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 23–30.

[7] Михайлов А.В. Особенности методов правового регулирования в предпринимательском праве // Предпринимательское право. – 2023. – № 4. – С. 2–9.

[8] Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.

[9] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–60.

[10] Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94–117.

[11] Ситдикова Р.И., Ситдиков Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 9 (204). – С. 75–80.

[12] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 10.09.2026).

[13] Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540983/ (дата обращения: 10.09.2026).

[14] Цифровые права как новый объект гражданского права / Л.А. Новоселова, А.В. Габов, А.И. Савельев // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.

[15] Mikhaylov A.V., Cheparina O.A., Tsherbakov M.G., Lauts E.B. Digital platform: features of civil status // AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research. – 2020. – Vol. 10. – Is. 2. – P. 176–179.

References:

[1] Valeyev D.Kh., Nuriyev A.G. Creating a Digital Procedural Environment of Trust: Third-Party Trusted Services in Procedural Relations as a Source of "Quasi-Prejudicial" Information in the Digital Space // Notarius. – 2022. – No. 3. – pp. 37–40.

[2] Volos A.A. Smart Contracts and the Principles of Civil Law // Rossiyskaya Yustitsiya (Russian Justice). – 2018. – No. 12. – pp. 5–7.

[3] Vornikova E.D. The Concept of a Digital Environment of Trust // Probely v Rossiyskom Zakonodatelstve (Gaps in Russian Legislation). – 2020. – Vol. 13. – No. 6. – pp. 251–257.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Sobraniye Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii (Collected Legislation of the Russian Federation). – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[5] Grin O.S., Grin E.S., Solovyev A.V. The Legal Construct of a Smart Contract: Legal Nature and Scope of Application // Lex Russica. – 2019. – No. 8. – pp. 51–62.

[6] Efimova L.G., Sizemova O.B. The Legal Nature of a Smart Contract // Bankovskoye Pravo (Banking Law). – 2019. – No. 1. – pp. 23–30.

[7] Mikhailov A.V. Specifics of Legal

Regulation Methods in Entrepreneurial Law // Predprinimatelskoye Pravo (Entrepreneurial Law). – 2023. – No. 4. – pp. 2–9.

[8] Novoselova L. “Tokenization” of Objects of Civil Law // Economy and Law. – 2017. – No. 12. – pp. 29–44.

[9] Saveliev A.I. Contract Law 2.0: “Smart” Contracts as the Beginning of the End for Classical Contract Law // Herald of Civil Law. – 2016. – No. 3. – pp. 32–60.

[10] Saveliev A.I. Certain Legal Aspects of Using Smart Contracts and Blockchain Technologies under Russian Law // Zakon. – 2017. – No. 5. – pp. 94–117.

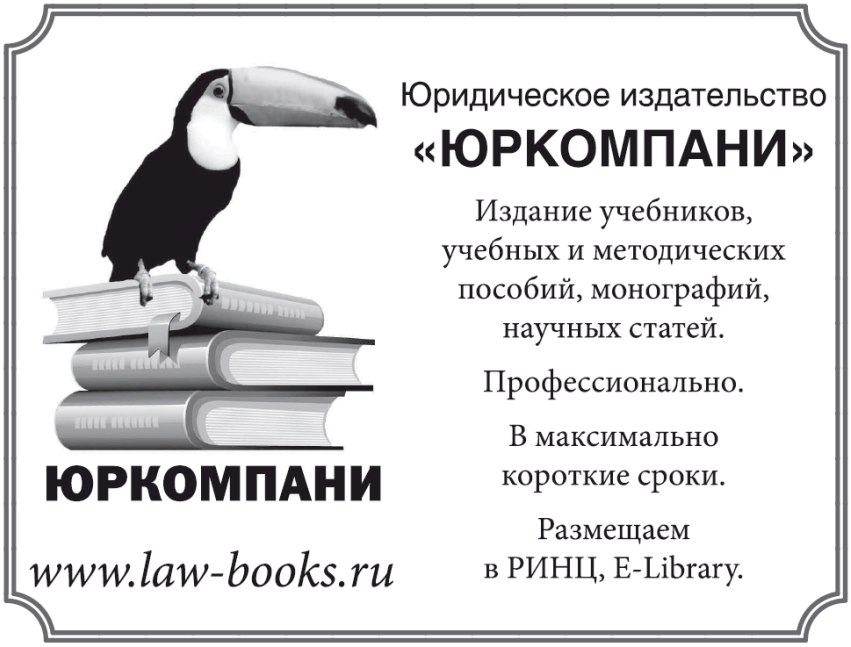
[11] Sitdikova R.I., Sitdikov R.B. Digital Rights as a New Type of Property Rights // Property Relations in the Russian Federation. – 2018. – No. 9 (204). – pp. 75–80.

[12] Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020, “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (accessed: September 10, 2026).

[13] Federal Law No. 282-FZ of August 4, 2026, “On Digital Currencies and Digital Rights.” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540983/ (accessed: 10.09.2026).

[14] Digital Rights as a New Object of Civil Law / L.A. Novoselova, A.V. Gabov, A.I. Saveliev // Zakon. – 2019. – No. 5. – pp. 31–54.

[15] Mikhaylov A.V., Cheparina O.A., Tsherbakov M.G., Lauts E.B. Digital platform: features of civil status // AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research. – 2020. – Vol. 10. – Iss. 2. – pp. 176–179.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-353-361

НОВОЖИЛОВ Илья Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
тел. кафедры: +7(343)251-76-67,
e-mail: il.novozhilov@yandex.ru

Научный руководитель:
ЧОРНОВОЛ Евгений Петрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ТРЕТЬИХ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Аннотация. *В статье исследуется юридическое опосредование интересов третьих лиц при осуществлении корпоративных прав участников коммерческих корпораций. Разграничиваются интерес третьего лица, принадлежность субъективного корпоративного права и порядок его осуществления. Договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [11] (далее по тексту – «ГК РФ»), рассматривается как наиболее определенная нормативная модель соответствующего опосредования. Обосновывается, что в рамках данной конструкции интерес третьего лица приобретает юридическое значение посредством обязательственной связи с участником, не изменяющей субъектной принадлежности корпоративного права. Для характеристики взаимодействия обязательственного и корпоративного правоотношений используется понятие «межправоотношенческое воздействие». Разграничиваются добровольно принятое участником договорное ограничение способа осуществления корпоративного права и более интенсивное воздействие, предполагающее возможность третьего лица определять последующее корпоративное поведение участника. Определяются основные пределы юридического опосредования интереса третьего лица, связанные с характером гражданско-правового основания воздействия, охраняемым законом интересом, содержанием и интенсивностью возникающей связанности, корпоративными обязанностями участника, требованиями добросовестности и запретом злоупотребления правом.*

Ключевые слова: *корпоративные права; осуществление корпоративных прав; коммерческие корпорации; третьи лица; интерес третьего лица; охраняемый законом интерес; юридическое опосредование; корпоративный договор; межправоотношенческое воздействие; договорное ограничение; автономия воли; добросовестность; злоупотребление правом.*

Для цитирования: *Новожилов И. С. Юридическое опосредование интересов третьих лиц при осуществлении прав участников коммерческих корпораций // Образование и право. 2026. № 10. С. 353–361.*

NOVOZHILOV Ilya Sergeevizh,
postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

Scientific supervisor:
CHORNOVOL Evgeniy Petrovich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

LEGAL MEDIATION OF THIRD-PARTY INTERESTS IN THE EXERCISE OF THE RIGHTS OF MEMBERS OF COMMERCIAL CORPORATIONS

Annotation. *The article examines the legal mediation of third-party interests in the exercise of corporate rights by members of commercial corporations. It distinguishes between a third party's interest, the entitlement to a subjective corporate right, and the manner in which that right is exercised. The agreement provided for in paragraph 9 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation is considered the most clearly defined statutory model of such mediation. It is argued that, within this model, a third party's interest acquires legal significance through an obligational relationship with the corporate member, without affecting the entitlement to the corporate right itself. To characterize the interaction between the obligational and corporate legal relationships, the concept of "inter-relational legal influence" is used. A distinction is drawn between a contractual restriction on the manner of exercising a corporate right voluntarily assumed by a member and a more intensive form of influence whereby a third party is able to determine the member's subsequent corporate conduct. The principal limits of the legal mediation of a third party's interest are identified with reference to the nature of the civil-law basis for such influence, the legally protected interest involved, the content and intensity of the resulting legal constraint, the member's corporate duties, the requirement of good faith, and the prohibition of abuse of rights.*

Key words: *corporate rights; exercise of corporate rights; commercial corporations; third parties; third-party interest; legally protected interest; legal mediation; corporate agreement; inter-relational legal influence; contractual restriction; autonomy of will; good faith; abuse of rights.*

For citation: *Novozhilov I. S. Legal mediation of third-party interests in the exercise of the rights of members of commercial corporations. Education and law. 2026;(10):353–361. (In Russ.).*

Введение

Развитие договорных механизмов регулирования корпоративных отношений обусловливает необходимость исследования случаев, в которых осуществление прав участника коммерческой корпорации юридически связывается с интересом лица, не являющегося носителем соответствующего права. Такая ситуация требует разграничения принадлежности корпоративного права и возможности иного субъекта воздействовать на порядок его осуществления. Само наличие у кредитора, инвестора, залогодержателя либо иного лица экономической заинтересованности в определенном корпоративном поведении участника еще не определяет юридического значения такого интереса; последнее возникает при наличии предусмотренной или допускаемой гражданским правом формы его опосредования.

Теоретические предпосылки исследования указанной проблемы сформированы в работах, посвященных категории интереса и осуществлению корпоративных прав. И. Е. Пономаренко разграничивает интерес и правовой интерес, связывая приобретение интересом правового качества с его включением в сферу юридического регулирования [6, с. 95-100]. А. Ю. Романов рассматривает интерес во взаимосвязи с потребностями субъекта и юридически значимым поведением, направленным на получение определенного блага [7, с. 19-23]. Проблематика осуществления корпоративных прав и их договорного регулирования исследуется И. А. Самойловым [8, с. 166-180], В. В. Долинской [2, с. 10-19], Е. В. Богдановым [1, с. 54-60]. Отдельные вопросы участия третьих

лиц в договорном регулировании корпоративного поведения рассматриваются А. А. Маркеловой [3, с. 33-35], К. А. Миннуллиной и Е. П. Татариновой [4, с. 74-79], Е. А. Чирковой [10, с. 34-41].

Вместе с тем, сохраняется необходимость системного объяснения того, каким образом самостоятельный интерес лица, не являющегося носителем конкретного корпоративного права, приобретает юридическое значение для порядка осуществления этого права. Разрешения требует вопрос о правовой связи между субъектом внешнего интереса и участником корпорации, а также о пределах, в которых обусловленность корпоративного поведения интересом иного лица совместима с сохранением за участником принадлежащего ему права.

Наиболее определенное нормативное выражение рассматриваемая проблема получила в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, допускающем заключение кредиторами общества и иными третьими лицами договора с участниками хозяйственного общества, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких лиц обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления. Действующая редакция нормы прямо предусматривает, в частности, возможность установления обязанности голосовать определенным образом, согласованно совершать иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли (акции) либо воздерживаться от их отчуждения.

В рамках настоящего исследования договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, рассматривается как наиболее определенная нормативная модель юридического опосредования интереса третьего лица при осуществлении прав участника коммерческой корпорации. Выводы, сформулированные на основе анализа данной конструкции, используются для выявления общих признаков исследуемого гражданско-правового механизма.

Цель исследования состоит в определении содержания юридического опосредования интереса третьего лица при осуществлении прав участника коммерческой корпорации и установлении пределов соответствующего воздействия. Для достижения данной цели необходимо разграничить интерес третьего лица и субъективное корпоративное право, определить правовую форму приобретения внешним интересом юридического значения, раскрыть взаимодействие возникающей обязательственной связи с корпоративным правоотношением и установить критерии допустимости обусловливания корпоративного поведения участника интересом иного субъекта.

Методологическую основу исследования составили методы анализа, синтеза и системного исследования, а также формально-юридический и сравнительный методы. Формально-юридический метод применен при анализе конструкции, закрепленной п. 9 ст. 67.2 ГК РФ; системный – при установлении взаимосвязи интереса третьего лица, гражданско-правовой формы его опосредования и осуществления права участника; сравнительный – при сопоставлении доктринальных подходов к правовой природе договорного воздействия третьих лиц на корпоративное поведение. Исследование ограничено юридически значимым воздействием на осуществление прав участника; фактическое экономическое влияние, не получившее гражданско-правового опосредования, рассматривается только в целях его отграничения от исследуемого явления.

Интерес третьего лица в механизме осуществления корпоративного права

Исследование юридического опосредования интересов третьих лиц предполагает разграничение интереса, субъективного корпоративного права и порядка его осуществления. Фактическая заинтересованность лица в деятельности корпорации либо в принятии определенного корпоративного решения сама по себе не свидетельствует о принадлежности ему корпоративного права и не создает юридической связанности участника.

В юридической литературе категория интереса характеризуется неоднозначно. И. Е. Пономаренко разграничивает интерес и правовой интерес, связывая приобретение интересом правового качества с его включением в сферу правового регулирования [6, с. 96]. А. Ю. Романов рассматривает интерес во взаимосвязи с потребностью субъекта и юридически значимым поведением, направленным на получение определенного блага [7, с. 20-21]. Применительно к исследуемой проблеме данные подходы позволяют исходить из того, что наличие интереса третьего лица еще не означает существования у него субъективного корпоративного права либо юридической возможности определять порядок его осуществления.

Необходимость такого разграничения обусловлена спецификой корпоративных правоотношений. С. Ю. Филиппова и И. С. Шиткина относят отношения, связанные с участием в корпорации, к гражданско-правовым, тогда как отношения, возникающие в связи с управлением корпорацией, дифференцируют в зависимости от их правовой природы [9, с. 3]. Следовательно, отсутствие корпоративного статуса не исключает возникновения у иного лица юридически значимого интереса в определенном поведении участника.

При этом понятие третьего лица требует уточнения. В п. 9 ст. 67.2 ГК РФ кредиторы и

иные третьи лица противопоставлены участникам хозяйственного общества. Данное нормативное значение не должно смешиваться с более широким функциональным пониманием третьего лица относительно конкретного субъективного права. Для целей настоящего исследования под третьим лицом предлагается понимать субъекта, не являющегося носителем того корпоративного права участника, на порядок осуществления которого направлено соответствующее юридическое воздействие, и обладающего самостоятельным интересом в определенном способе его осуществления. Такое определение используется исключительно как аналитическая конструкция и не направлено на изменение содержания категории «третьи лица», закрепленной в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ.

Ключевое значение имеет разграничение принадлежности корпоративного права и способа его осуществления. И. А. Самойлов рассматривает осуществление корпоративных прав участников коммерческих корпораций как самостоятельный предмет правового регулирования и указывает на возможность использования договорных средств при определении порядка их реализации [8, с. 166-180]. Изменение или ограничение способа осуществления права вследствие гражданско-правовой связанности его носителя не означает само по себе изменения субъектной принадлежности соответствующего права.

В связи с этим влияние интереса третьего лица следует отличать от двух смежных явлений. При фактическом воздействии на мотивы поведения участника отсутствует юридическая обязанность осуществить право определенным образом. При переходе корпоративного права изменяется его носитель. В исследуемой конструкции корпоративное право сохраняется за участником, однако порядок его осуществления юридически обусловливается самостоятельным интересом иного лица.

Для характеристики данного явления предлагается использовать понятие «юридическое опосредование интереса третьего лица», под которым в настоящем исследовании понимается возникновение предусмотренной либо допускаемой гражданским правом юридической связи, вследствие которой самостоятельный интерес третьего лица приобретает правовое значение для определения способа осуществления или неосуществления корпоративного права его носителем.

Таким образом, юридически значимое влияние интереса третьего лица предполагает наличие трех взаимосвязанных элементов: корпоративного права участника, самостоятельного интереса третьего лица и гражданско-правового основания, связывающего данный интерес с порядком осуществления права. Сам по себе внешний интерес не изменяет принадлежность корпоративного права и не создает обязанности его носителя. Такое значение возникает вследствие юридического опосредования, конкретные формы которого подлежат дальнейшему рассмотрению.

Договорное опосредование интереса третьего лица при осуществлении корпоративных прав

Выделение юридического опосредования интереса третьего лица предполагает установление гражданско-правовой формы, посредством которой внешний интерес приобретает значение для осуществления права его носителем. Наиболее определенно такой механизм выражен в договорном регулировании корпоративного поведения.

Связь корпоративного договора с осуществлением субъективных корпоративных прав получила отражение в цивилистической доктрине. В. В. Долинская характеризует корпоративный договор как договорную конструкцию, опосредующую корпоративные отношения [2, с. 10]. Е. В. Богданов характеризует корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении либо неосуществлении субъективных корпоративных прав, заключение которого предполагает добровольное ограничение участником свободы их индивидуального осуществления [1, с. 54–60]. Данные подходы позволяют рассматривать договор не как основание передачи корпоративного права, а как средство определения порядка его осуществления.

Специальная модель договорного опосредования интереса лица, которому соответствующее корпоративное право не принадлежит, закреплена в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. В соответствии с данной нормой кредиторы общества и иные третьи лица могут заключить с участниками хозяйственного общества договор, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких лиц обязуются осуществлять корпоративные права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления. К возможному содержанию такой обязанности отнесены, в частности, голосование определенным образом, согласованное совершение иных действий по управлению обществом, приобретение или отчуждение долей (акций), а также воздержание от их отчуждения. К указанному договору соответственно применяются правила о корпоративном договоре. Данная редакция п. 9 ст. 67.2 ГК РФ является действующей.

Конструкция п. 9 ст. 67.2 ГК РФ непосредственно разграничивает субъекта охраняемого законом интереса и носителя корпоративного права. Третье лицо становится стороной обязатель-

ственной связи с участником, тогда как корпоративное право продолжает принадлежать последнему. Юридический эффект договора заключается в возникновении обязанности участника относительно способа осуществления принадлежащего ему права, а не в переходе этого права к третьему лицу.

А. А. Маркелова рассматривает соответствующую конструкцию прежде всего как средство обеспечения интересов кредиторов и относит к возможным условиям такого договора ограничения, касающиеся принятия решений о реорганизации, ликвидации, отчуждении существенной части активов и выхода участника из общества [3, с. 33]. К. А. Миннуллина и Е. П. Татаринова также связывают договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, с защитой интересов кредитора и возможностью внешнего воздействия на отдельные аспекты корпоративного поведения участника [4, с. 75–76].

Правовая квалификация такого соглашения в доктрине остается дискуссионной. Е. А. Чиркова указывает на существование подхода, ограничивающего субъектный состав корпоративного договора участниками корпорации, и подхода, допускающего участие в соответствующей договорной конструкции иных лиц; сама автор обосновывает возможность рассмотрения договоров с такими лицами в числе разновидностей корпоративных соглашений [10, с. 34–35]. К. А. Миннуллина и Е. П. Татаринова используют применительно к п. 9 ст. 67.2 ГК РФ понятие «квазикорпоративный договор» [4, с. 75–76]. Для целей настоящего исследования разрешение данного классификационного вопроса не является определяющим. В дальнейшем используется нейтральное обозначение «договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ», поскольку предметом анализа выступает не его место в системе договорных типов, а механизм воздействия интереса третьего лица на осуществление корпоративного права.

Для раскрытия данного механизма необходимо разграничивать договорное обязательство участника и корпоративное правоотношение, в котором осуществляется соответствующее право. К. О. Осипенко, анализируя положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [12] и Экспертного заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, обращает внимание на разграничение договорного регулирования порядка осуществления прав участников и корпоративных правил, рассчитанных на третьих лиц [5, с. 26-27]. Указанное разграничение позволяет определить правовую конструкцию п. 9 ст. 67.2 ГК РФ через взаимодействие двух самостоятельных, но функционально связанных правоотношений.

Первое возникает между третьим лицом и участником корпорации: участник принимает на себя обязанность осуществлять принадлежащее ему корпоративное право определенным образом либо воздерживаться от его осуществления. Второе представляет собой корпоративное правоотношение, в рамках которого соответствующее право реализуется его носителем. Содержание первого правоотношения тем самым обусловливает поведение участника во втором, не изменяя принадлежности корпоративного права.

Для целей настоящего исследования такое взаимодействие предлагается обозначить как «межправоотношенческое воздействие». Под ним понимается обусловленность осуществления субъективного права в одном правоотношении содержанием юридической обязанности того же субъекта, возникшей в другом правоотношении. Применительно к п. 9 ст. 67.2 ГК РФ обязательственная связь между третьим лицом и участником определяет способ осуществления права в корпоративном правоотношении, сохраняя самостоятельность обоих правоотношений.

Соответственно, договорное опосредование может быть представлено посредством следующей последовательности: охраняемый законом интерес третьего лица – договорная связь с участником – юридическая связанность участника – осуществление либо неосуществление им корпоративного права определенным образом – корпоративно-правовой результат. Интерес третьего лица в такой модели реализуется посредством поведения носителя корпоративного права, а не путем приобретения третьим лицом самого права.

Договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, не исчерпывает возможных гражданско-правовых форм юридического опосредования внешнего интереса. К. А. Миннуллина и Е. П. Татаринова наряду с договорной конструкцией рассматривают и иные средства воздействия третьих лиц на осуществление корпоративных прав, в том числе связанные с залоговыми отношениями [4, с. 75]. Однако данные формы различаются характером юридической связи и интенсивностью воздействия, вследствие чего их отождествление с договорной моделью п. 9 ст. 67.2 ГК РФ не представляется обоснованным.

Таким образом, договорное опосредование интереса третьего лица состоит в возникновении гражданско-правовой связи, посредством которой интерес такого лица юридически обусловливает способ осуществления участником принадлежащего ему корпоративного права без изменения субъектной принадлежности этого права. Наличие подобной связи само по себе не означает до-

пустимости любого договорного ограничения корпоративного поведения. Определение пределов соответствующего воздействия требует учета основания, содержания и интенсивности возникшей связанности, а также требований, предъявляемых правопорядком к осуществлению корпоративных прав.

Пределы юридического опосредования интереса третьего лица

Наличие гражданско-правового основания воздействия интереса третьего лица на осуществление корпоративного права не означает допустимости любого установленного сторонами порядка корпоративного поведения. Договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, легализует возможность обусловить осуществление корпоративных прав охраняемым законом интересом третьего лица, однако соответствующая договорная связанность сохраняет действие общих начал гражданского законодательства, правил об осуществлении корпоративных прав и обязанностей участника корпорации. Действующая редакция п. 9 ст. 67.2 ГК РФ прямо допускает обязанность участника осуществлять корпоративные права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления.

Исходным основанием допустимости такой связанности выступает автономия воли участника. Согласно ст. 1 ГК РФ гражданские права приобретаются и осуществляются субъектами своей волей и в своем интересе; стороны свободны в установлении прав и обязанностей на основе договора и в определении его условий в пределах, установленных законодательством. Е. В. Богданов применительно к корпоративному договору связывает его заключение с добровольным ограничением участником свободы индивидуального осуществления субъективных корпоративных прав [1, с. 54]. Следовательно, договорная обязанность голосовать определенным образом либо воздерживаться от осуществления права сама по себе не свидетельствует об устранении автономии участника: свобода усмотрения реализуется им на стадии принятия соответствующего договорного обязательства.

В этой связи требует уточнения позиция А. А. Маркеловой, разграничивающей допустимое влияние третьего лица на мотивы корпоративного поведения и недопустимое замещение воли участника. Автор полагает, что обязанность голосовать в соответствии с указаниями третьего лица способна привести к фактической передаче права голоса [3, с. 34]. Вместе с тем сам факт юридической связанности участника не может служить достаточным критерием такого замещения, поскольку п. 9 ст. 67.2 ГК РФ непосредственно допускает принятие обязанности голосовать определенным образом.

Для целей настоящего исследования предлагается разграничивать предварительное договорное самоограничение участника и предоставление третьему лицу возможности самостоятельно определять последующий способ осуществления корпоративного права. В первом случае модель корпоративного поведения устанавливается при заключении договора самим носителем права. Во втором содержание будущего поведения определяется последующими волеизъявлениями внешнего субъекта, что характеризуется большей интенсивностью воздействия на осуществление права. Системное сопоставление п. 2 и п. 9 ст. 67.2 ГК РФ позволяет поставить вопрос о значимости данного различия: п. 9 допускает обязанность голосовать определенным образом, тогда как п. 2 запрещает устанавливать обязанность голосовать в соответствии с указаниями органов общества. Применительно к указаниям третьих лиц такое разграничение непосредственно законом не установлено и используется в настоящем исследовании как критерий оценки интенсивности внешнего воздействия.

Применительно к договорной модели п. 9 ст. 67.2 ГК РФ самостоятельным пределом выступает сохранение за участником положения носителя корпоративного права. Третье лицо приобретает основанное на договоре требование относительно поведения участника, однако в силу одного такого соглашения не приобретает его корпоративного статуса. Поэтому юридическое опосредование интереса третьего лица в рассматриваемой модели должно отличаться от конструкций, в которых закон непосредственно допускает осуществление отдельных правомочий иным субъектом. Данный критерий относится именно к договору, предусмотренному п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, и не может без дополнительного обоснования распространяться на все гражданско-правовые формы воздействия третьих лиц на корпоративные права.

Существенным ограничителем договорной автономии является указание п. 9 ст. 67.2 ГК РФ на цель обеспечения охраняемого законом интереса третьего лица. А. А. Маркелова отмечает неопределенность содержания данной категории и связывает ее расширительное толкование с риском использования договорного механизма во вред корпорации и ее участникам [3, с. 34]. Из конструкции нормы следует, что фактическая заинтересованность третьего лица в определенном корпоративном результате сама по себе недостаточна для обоснования установленной договором связанности. Интерес должен обладать качеством, позволяющим рассматривать его в качестве признава-

емого правопорядком объекта правовой охраны. Тем самым категория охраняемого законом интереса выполняет одновременно легитимирующую и ограничительную функции: обосновывает учет интереса внешнего субъекта и определяет предел договорного воздействия на осуществление корпоративного права.

Пределы соответствующего воздействия определяются также обязанностями участника перед корпорацией. Пункт 4 ст. 65.2 ГК РФ запрещает участнику совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, а также действия или бездействие, существенно затрудняющие либо делающие невозможным достижение целей, ради которых она создана. Наличие обязательства перед третьим лицом не устраняет данных требований. А. А. Маркелова в связи с этим обращает внимание на возможность противоречия между интересом внешнего субъекта и последствиями исполнения соответствующей договорной обязанности для общества [3, с. 34]. Следовательно, интерес третьего лица не приобретает безусловного приоритета перед правовыми обязанностями, вытекающими из корпоративного статуса участника.

Общими пределами юридического опосредования выступают требования добросовестности и запрет злоупотребления правом. Статья 1 ГК РФ закрепляет обязанность действовать добросовестно при установлении и осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей, а ст. 10 ГК РФ не допускает осуществления права с намерением причинить вред, действий в обход закона с противоправной целью и иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав. Вместе с тем добросовестность не должна подменять анализ конкретной договорной конструкции. Оценке подлежат основание воздействия, содержание принятой обязанности, характер охраняемого интереса, продолжительность и объем ограничения, а также последствия исполнения договора для корпорации и иных субъектов.

Значение имеет и интенсивность внешнего воздействия. Обязанность участника совершить определенное действие применительно к отдельному корпоративному решению отличается от длительной связанности, охватывающей значительную часть его управленческих правомочий, либо от предоставления третьему лицу возможности систематически определять корпоративное поведение. К. А. Миннуллина и Е. П. Татаринова рассматривают договор с кредитором по п. 9 ст. 67.2 ГК РФ в контексте средств внешнего корпоративного контроля [4, с. 75-76]. Однако наличие договорного ограничения не позволяет автоматически квалифицировать соответствующее отношение как корпоративный контроль. Такая квалификация требует самостоятельного установления возможности третьего лица оказывать определяющее воздействие на корпоративное поведение участника.

Аксиологическое содержание исследуемого механизма выражается в согласовании автономии носителя корпоративного права и охраняемого законом интереса третьего лица. Свобода участника предполагает возможность добровольно связать собственное будущее корпоративное поведение, тогда как признание интереса третьего лица юридически значимым позволяет использовать договор как средство его частноправового обеспечения. Ни одно из указанных начал не обладает безусловным приоритетом. В рамках предлагаемого подхода баланс интересов рассматривается не как самостоятельный критерий допустимости воздействия, а как результат применения конкретных гражданско-правовых предписаний и принципов, определяющих пределы договорной автономии.

Таким образом, допустимость юридического опосредования интереса третьего лица определяется совокупностью взаимосвязанных обстоятельств: наличием гражданско-правового основания воздействия и охраняемого законом интереса; добровольным принятием участником соответствующей связанности; сохранением в договорной модели п. 9 ст. 67.2 ГК РФ принадлежности корпоративного права участнику; содержанием, продолжительностью и интенсивностью ограничения; соблюдением корпоративных обязанностей, требований добросовестности и запрета злоупотребления правом. Предел допустимого воздействия определяется не самим фактом связанности корпоративного поведения интересом внешнего субъекта, а юридическими характеристиками и последствиями такой связанности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что самостоятельный интерес третьего лица приобретает юридическое значение для осуществления прав участника коммерческой корпорации не в силу самого факта заинтересованности в определенном корпоративном результате, а посредством предусмотренной либо допускаемой гражданским правом юридической связи. Для характеристики данного явления в настоящем исследовании используется понятие «юридическое опосредование интереса третьего лица».

Наиболее определенной нормативной моделью такого опосредования является договор, предусмотренный п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. В рамках данной конструкции субъект охраняемого законом интереса и носитель корпоративного права не совпадают: третье лицо приобретает основанное

на договоре требование относительно поведения участника, тогда как корпоративное право сохраняется за последним. Взаимодействие обязательственного правоотношения между третьим лицом и участником с корпоративным правоотношением, в котором осуществляется соответствующее право, обозначено в исследовании как межправоотношенческое воздействие.

Договорная связанность участника сама по себе не свидетельствует о переходе корпоративного права к третьему лицу либо об устранении самостоятельности его носителя. В связи с этим предложено разграничивать предварительное добровольное самоограничение участника, осуществляемое при принятии договорного обязательства, и более интенсивное воздействие, при котором третьему лицу предоставляется возможность самостоятельно определять последующий способ осуществления корпоративного права. Последняя модель требует самостоятельной оценки с учетом содержания и пределов соответствующей юридической связанности.

Допустимость юридического опосредования интереса третьего лица определяется совокупностью взаимосвязанных критериев: наличием гражданско-правового основания воздействия и охраняемого законом интереса; добровольным принятием участником соответствующего обязательства; сохранением принадлежности корпоративного права его носителю в договорной модели п. 9 ст. 67.2 ГК РФ; содержанием, продолжительностью и интенсивностью ограничения; соблюдением корпоративных обязанностей, требований добросовестности и запрета злоупотребления правом. Тем самым предел допустимого воздействия устанавливается не самим фактом учета интереса внешнего субъекта, а юридическими характеристиками и последствиями его опосредования.

Такое понимание позволяет разграничить юридически значимое влияние интересов третьих лиц, фактическое воздействие на корпоративное поведение, переход корпоративного права и отношения корпоративного контроля и создает основу для дальнейшего исследования иных гражданско-правовых форм опосредования интересов третьих лиц при осуществлении прав участников коммерческих корпораций.

Список литературы:

[1] Богданов Е. В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 54–60.

[2] Долинская В. В. Корпоративный договор // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 10–19.

[3] Маркелова А. А. Проблемы участия третьих лиц в корпоративном договоре // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4 (94). С. 33–35.

[4] Миннуллина К. А., Татаринова Е. П. Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ защиты прав кредиторов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6 (237). С. 74–79.

[5] Осипенко К. О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 176 с.

[6] Пономаренко И. Е. К вопросу о сущности правового интереса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 95–100.

[7] Романов А. Ю. К вопросу о понятии интереса (правовой аспект) // Вопросы экономики и права. 2013. № 11. С. 19–23.

[8] Самойлов И. А. Формы реализации корпоративных прав участников коммерческих корпораций: история, противоречия сегодняшнего дня, перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 166–180.

[9] Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Корпоративные правоотношения в гражданском законодательстве: десять лет спустя // Гражданское право. 2022. № 6. С. 3–13.

[10] Чиркова Е. А. Практика заключения корпоративных договоров с участием лиц, не являющихся участниками корпорации // Вестник арбитражной практики. 2019. № 5. С. 34–41.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

[12] «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // «Вестник ВАС РФ», № 11, ноябрь, 2009.

References:

[1] Bogdanov E. V. Corporate Agreement as an Arrangement for the Collective Exercise (or Non-Exercise) of Subjective Corporate Rights // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2015. No. 7. pp. 54–60.

[2] Dolinskaya V. V. Corporate Agreement // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. No. 2. pp. 10–19.

[3] Markelova A. A. Issues Regarding the

Participation of Third Parties in a Corporate Agreement // Russian Law: Education, Practice, Science. 2016. No. 4 (94). pp. 33–35.

[4] Minnullina K. A., Tatarinova E. P. Quasi-Corporate Agreement as an Extraordinary Means of Protecting Creditors' Rights // Property Relations in the Russian Federation. 2021. No. 6 (237). pp. 74–79.

[5] Osipenko K. O. Agreement on the Exercise of Rights of Participants in Business Entities under Russian and English Law. Moscow: Infotropic Media, 2016. 176 p.

[6] Ponomarenko I. E. On the Nature of Legal Interest // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2018. Vol. 18. No. 3. pp. 95–100.

[7] Romanov A. Yu. On the Concept of Interest (Legal Aspect) // Issues of Economics and Law. 2013. No. 11. pp. 19–23.

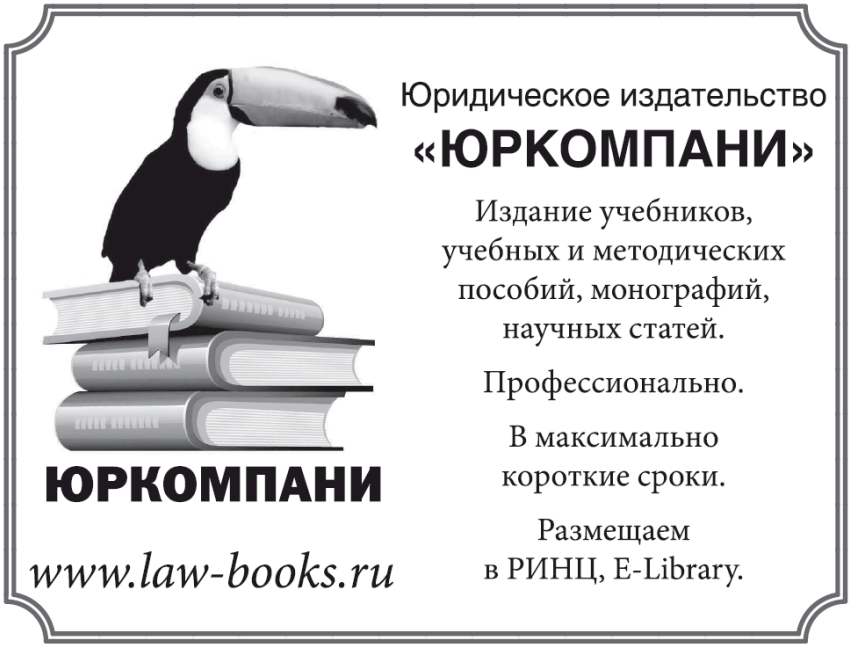
[8] Samoylov I. A. Forms of Exercising Corporate Rights by Participants in Commercial Corporations: History, Current Contradictions, and Prospects for Development // RUDN Journal of Law. 2023. Vol. 27. No. 1. pp. 166–180.

[9] Filippova S. Yu., Shitkina I. S. Corporate Legal Relations in Civil Legislation: Ten Years Later // Civil Law. 2022. No. 6. pp. 3–13.

[10] Chirkova E. A. Practice of Concluding Corporate Agreements Involving Persons Who Are Not Participants in the Corporation // Bulletin of Arbitration Practice. 2019. No. 5. pp. 34–41.

[11] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. No. 32. Art. 3301.

[12] "Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation" (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation, dated October 7, 2009) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 11, November 2009.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-362-367

КИСЕЛЁВА Анна Александровна,
магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДЕЛЫ ВЛИЯНИЯ МОТИВИРОВАННОГО МНЕНИЯ НАЛОГОВОГО ОРГАНА НА СОДЕРЖАНИЕ НАЛОГОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Аннотация. *Исследуется материально-правовое значение мотивированного мнения налогового органа в отношениях налогового мониторинга. Сопоставляются его квалификация в качестве акта толкования и подходы к признанию правоприменительной природы документа. На основе разграничения основания возникновения налоговой обязанности и ее индивидуальной конкретизации обосновывается подтверждающее действие мотивированного мнения. Отдельно рассматриваются пределы связанности налогового органа собственной правовой оценкой и последствия доверия налогоплательщика к такой оценке. Предлагается конкретизировать значение существенности раскрываемой информации и закрепить условия сохранения согласованной квалификации совершенных операций при последующем изменении административного толкования.*

Ключевые слова: *налоговый мониторинг, мотивированное мнение налогового органа, налоговая обязанность, правоприменительный акт, толкование права, правовая определенность, защита доверия налогоплательщика.*

Для цитирования: *Киселёва А. А. Пределы влияния мотивированного мнения налогового органа на содержание налоговой обязанности // Образование и право. 2026. № 10. С. 362–367.*

KISELEVA Anna Alexandrovna,
Master's student at the Russian Presidential Academy of National Economyand Public Administration

THE LIMITS OF THE INFLUENCE OF A TAX AUTHORITY'S "REASONED OPINION" ON THE CONTENT OF A TAX OBLIGATION

Annotation. *This article examines the substantive legal significance of a "reasoned opinion" issued by a tax authority within the framework of tax monitoring. It compares the characterization of such an opinion as an act of legal interpretation with alternative perspectives that view it as an act of law enforcement. By distinguishing between the grounds for the emergence of a tax obligation and its individual specification, the author substantiates the confirmatory effect of a reasoned opinion. The article further explores the extent to which a tax authority is bound by its own legal assessment, as well as the implications of a taxpayer's reliance on such an assessment. It is proposed that the concept of the "materiality" of disclosed information be more precisely defined, and that conditions be established to ensure that the agreed-upon classification of completed transactions remains valid even if the administrative interpretation subsequently changes.*

Key words: *tax monitoring, reasoned opinion of a tax authority, tax obligation, law enforcement act, legal interpretation, legal certainty, protection of taxpayer reliance.*

For citation: *Kiseleva A. A. The limits of the influence of a tax authority's "reasoned opinion" on the content of a tax obligation. Education and law. 2026;(10):362–367. (In Russ.).*

Обязательность мотивированного мнения налогового органа ставит вопрос о пределах индивидуального определения налоговой обязанности. Согласно пункту 7 статьи 105.30 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (далее – НК РФ), такое мнение подлежит исполнению налоговыми органами и организацией при проведении налогового мониторинга с предусмотренными законом исключениями [1]. Между тем размер обязательного платежа определяется посредством применения законодательных предписаний к обстоятельствам хозяйственной деятельности. Поэтому исследование юридической силы мотивированного мнения требует разграничения установления налоговой обязанности и властной оценки правильности ее исполнения.

Для обозначения предмета исследования налоговая обязанность рассматривается в материальном смысле как обязанность уплатить конкретный налог в размере, определенном законом применительно к соответствующим обстоятельствам. Пункты 1 и 2 статьи 44 НК РФ связывают ее возникновение с законодательно установленными основаниями и наступлением обстоятельств, предусматривающих уплату налога. В подобной конструкции юридическое значение хозяйственного факта предшествует его оценке инспекцией, вследствие чего правоприменительный документ фиксирует результат квалификации уже возникшего отношения. Применительно к планируемой операции такая квалификация приобретает условный характер, поскольку предполагает последующее совершение описанного действия.

Содержание мотивированного мнения показывает переход от общего предписания к оценке отдельной операции. Статья 105.30 НК РФ допускает обращение за мнением по совершенной или планируемой сделке, предусматривая учет выраженной позиции организацией. Следовательно, установленные законом последствия документа требуют выяснения его места среди актов толкования и индивидуальных правоприменительных актов.

В рамках интерпретационного подхода И.В. Дементьев рассматривает мотивированное мнение как акт толкования налоговых норм и фактов хозяйственной жизни, связывая его квалификацию с отсутствием возможности непосредственного принудительного исполнения [2]. Такой подход позволяет отделить разъяснение нормы от властного взыскания обязательного платежа, сохранив различие между познанием права и реализацией принуждения. Вместе с тем принудительное исполнение представляет один из способов обеспечения юридического предписания, поэтому его характеристика сама по себе оставляет открытым вопрос о природе акта. В отношении мотивированного мнения необходимо дополнительно установить, какое значение имеет обязанность инспекции придерживаться собственной позиции и какие правовые последствия возникают вследствие доверия организации к полученной оценке.

Иную трактовку развивает А.Р. Султанов, связывающий мотивированное мнение с применением нормы к конкретной хозяйственной операции и определением ее правовых последствий [3]. В исследовании О.И. Лютовой также обосновывается квалификация документа в качестве ненормативного индивидуального акта, посредством которого налоговый орган выражает позицию по рассматриваемому отношению [4]. Разделяя правоприменительную направленность этого подхода, считаем необходимым уточнить характер возникающего эффекта. Индивидуальная квалификация способна подтверждать содержание существующей обязанности, поэтому признание акта правоприменительным совместимо с сохранением закона в качестве основания обязательного платежа.

Близкую аргументацию предлагают Д.В. Винницкий и Д.А. Курочкин, обращая внимание на принятие мотивированного мнения внутри налогового контроля и окончательность выраженного в нем решения в пределах этой процедуры [5]. По нашему мнению, окончательность оценки следует разграничить с устойчивостью ее материальных последствий. Первая характеристика указывает на завершение рассмотрения вопроса инспекцией, вторая определяет пределы последующего воздействия на налоговое положение организации.

Наряду с приведенными подходами в обзоре А.Ю. Молиной выделяется дифференцированная квалификация мотивированного мнения в зависимости от инициатора его составления. При обращении организации документ рассматривается как акт толкования, при инициативе инспекции ему придается правоприменительное значение [6, с. 201-202]. Для материально-правового анализа подобный критерий представляется вспомогательным, поскольку в обоих случаях компетентный орган оценивает определенные обстоятельства посредством применения закона. Более существенное различие связано со временем совершения операции, от которого зависит подтверждение возникшей обязанности либо предварительное определение последствий будущего поведения.

С учетом обозначенного различия мотивированное мнение предлагаем рассматривать как индивидуальный правоприменительный акт, подтверждающий налоговую квалификацию раскры-

тых обстоятельств и связывающий налоговый орган выраженной оценкой в установленных законом пределах. Его интерпретационное содержание образует необходимую часть применения права, поскольку квалификация операции предполагает уяснение смысла нормы. В отношении будущей сделки подтверждающий эффект распространяется на оценку описанной модели поведения, приобретая значение для конкретной обязанности при ее фактической реализации. При рассмотрении совершенной операции инспекция соотносит возникшее отношение с законодательством, фиксируя результат юридической оценки. Различие предмета рассмотрения при таком понимании объясняет особенности действия документа во времени при единстве его правоприменительной природы.

Из предложенной квалификации следует производный характер содержащегося в мотивированном мнении определения налоговых последствий. Статья 17 НК РФ относит установление элементов налогообложения к законодательному регулированию, задавая пределы индивидуальной оценки обязательного платежа. Согласие организации с выводами инспекции при подобном понимании означает принятие предложенного способа применения закона к установленным обстоятельствам. Источником размера налоговой обязанности остается законодательное предписание, поэтому согласование позиции участников мониторинга требует оценки с точки зрения правильности квалификации операции и полноты ее фактического основания.

Практическое значение разграничения проявилось в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2025 № Ф05-461/2025 по делу № А40-305119/2023. Рассматривая спор АО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз», суд охарактеризовал мотивированное мнение как документ предупредительного и разъяснительного характера [7]. Одновременно суд исследовал применение показателя цены на газ при расчете налога на добычу полезных ископаемых, оценивая правильность расчета через содержание налоговой нормы и действовавшее регулирование цен. Для настоящего исследования существенна связь этих выводов. Приведенную аргументацию считаем подтверждением производного характера мнения, поскольку основание спорного платежа устанавливалось посредством применения нормы к обстоятельствам операции.

Судебная характеристика документа, таким образом, требует разграничения основания платежа и юридической силы индивидуальной оценки. По нашему мнению, разъяснительная функция совместима с правоприменительной природой мнения, поскольку объяснение нормы завершается ее отнесением к определенной операции. Проверка возможности взыскания налога по самому документу отвечает на вопрос о принуждении, оставляя для отдельного исследования связанность инспекции сформулированной позицией.

Дальнейшее исследование требует отделить влияние мотивированного мнения на определение основного платежа от его действия в охранительных налоговых отношениях. Подпункт 3 пункта 1 статьи 111 НК РФ относит выполнение такого мнения к обстоятельствам, исключающим вину налогоплательщика, одновременно устанавливая оговорку относительно полноты и достоверности представленных сведений. Юридический эффект здесь возникает вследствие поведения организации, сообразованного с официальной оценкой. Следование мнению приобретает значение при решении вопроса об ответственности, даже если впоследствии правильность исчисления налога получает иную оценку.

Другой охранительный эффект предусмотрен подпунктом 3 пункта 7 статьи 75 НК РФ, связывающим защиту от начисления пеней с возникновением недоимки вследствие выполнения мотивированного мнения. Названное основание касается компенсации последствий несвоевременного поступления платежа и имеет собственный предмет регулирования по отношению к оценке вины. Для его применения требуется причинная связь между выполнением мнения и возникшей недоимкой, при которой поведение организации обусловлено полученной официальной позицией.

Предусмотренные статьями 75 и 111 НК РФ гарантии различаются по предмету защиты с обязательностью мнения, закрепленной статьей 105.30 НК РФ. Первые регулируют последствия возникновения недоимки, вторая определяет связанность участников мониторинга установленной позицией. Поэтому вопрос об основном платеже подлежит самостоятельному разрешению на основании применимой нормы и пределов действия мнения. Выведение из защиты от пеней общего разрешения на пересмотр налоговой квалификации означало бы придание охранительной норме дополнительного содержания, требующего отдельного законодательного основания.

При определении пределов пересмотра отправным положением служит обязательность мнения для налоговых органов. Исключения из нее пункт 7 статьи 105.30 НК РФ связывает с качеством раскрытых сведений и соответствием им существенных обстоятельств совершенной операции. Отдельно предусмотрено значение изменения применимых нормативных положений. Системное толкование нормы, на наш взгляд,

предполагает сохранение выраженной квалификации при тождестве ее фактического и нормативного основания. Последующее предпочтение инспекцией другого варианта реализации затрагивает уже сформированную оценку, поэтому его последствия требуют рассмотрения через гарантии правовой определенности. В данной ситуации источник расхождения находится в деятельности правоприменителя, оценившего прежние обстоятельства по-новому.

Дополнительную сложность создает временная характеристика обязательности, поскольку пункт 7 статьи 105.30 НК РФ связывает ее с проведением мониторинга. При этом пункт 5.1 статьи 89 НК РФ допускает выездной контроль за охваченным мониторингом периодом в предусмотренных законом случаях, в частности со стороны вышестоящего налогового органа. Соотношение этих положений требует разграничения полномочия проверить исчисление налога и оснований изменить подтвержденную квалификацию. Завершение специальной формы контроля характеризует организацию деятельности инспекции, тогда как исполненная налоговая обязанность сохраняет связь с обстоятельствами этого периода.

Ориентир для определения материальных последствий изменения толкования содержится в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.2017 № 34-П по жалобе АО «Флот Новороссийского морского торгового порта» [8]. Суд связал защиту добросовестного налогоплательщика с существовавшей благоприятной правоприменительной практикой, распространив ее на обложение услуг за периоды до изменения судебного толкования. Тем самым правовая определенность получила материальное выражение через пределы налогообложения уже совершенной деятельности. Значение данной позиции для исследования состоит в признании допустимости защиты доверия применительно к самому платежу при наличии соответствующих конституционно-правовых оснований.

Названное дело касалось изменения устойчивой практики, поэтому применение сформулированного подхода к индивидуальному мнению требует дополнительного обоснования. Таким основанием, по нашему мнению, может служить адресное подтверждение налоговой квалификации после раскрытия существенных обстоятельств и последующее совершение операции в доверии к полученной оценке. Разрешенный вопрос определяет предмет охраны, ограничивая действие гарантии конкретными последствиями поведения.

В поиске способов обеспечения устойчивости официальной позиции Н.С. Коваленко и Е.М. Леонов предлагают в качестве компромиссного решения ограничить изменение мотивированного мнения по инициативе налогового органа определенным сроком, рассматривая пятилетний период [9]. Другой автор А.Ю. Молина также связывает сбалансированность мониторинга с установлением срока следования налоговым органом собственной позиции, учитывая возможность изменения законодательства [6, с. 203]. Развивая данное направление, считаем необходимым связать продолжительность защиты с обстоятельствами конкретного отношения. Единый календарный срок способен охватывать различные хозяйственные ситуации, тогда как юридическое значение доверия зависит от момента совершения операции и реализации подтвержденной модели поведения.

Для совершенной операции устойчивость квалификации целесообразно определять через сохранение ее фактического и нормативного основания, относя защиту к налоговым последствиям именно этой операции. Предварительное мнение о будущей сделке предполагает иной временной режим, поскольку организация еще выбирает условия хозяйственного поведения. Если до совершения сделки изменилось применимое законодательство, оценка ее последствий производится с учетом новых норм и правил их действия во времени. Поэтому уже реализованное доверие и ожидание будущего применения официальной позиции требуют различного правового обеспечения, соответствующего стадии формирования налоговой обязанности. Получение мнения после совершения операции предполагает оценку уже возникшей обязанности, поэтому охраняемое доверие здесь относится к выбору способа ее исполнения. Дополнительную защиту хозяйственного решения целесообразно связывать с предварительно полученной позицией, повлиявшей на совершение самой операции.

Разграничение стадий в таком случае позволяет уточнить значение ошибки при подготовке мотивированного мнения. Неверное истолкование нормы при полном раскрытии обстоятельств характеризует качество юридической оценки со стороны инспекции, тогда как искажение существенных сведений организацией затрагивает достоверность основания принятого решения. Распределение неблагоприятных последствий, по нашему мнению, следует связывать с источником расхождения и возможностью соответствующего участника обеспечить правильность той части оценки, которая относится к сфере его деятельности.

В связи с этим предлагаем конкретизировать материальный критерий неполноты информации для применения исключения из обязательности

мотивированного мнения. Юридическое значение следует придать такому расхождению между раскрытыми и действительными обстоятельствами, которое влияет на квалификацию операции либо размер обязательного платежа. Связь качества информации с содержанием принятого мнения уже заложена в пункте 7 статьи 105.30 НК РФ, поэтому предлагаемое уточнение развивает установленное регулирование. Существенность в данном случае определяется налоговыми последствиями соответствующего обстоятельства, позволяя отделить изменение основания оценки от технической погрешности в описании операции.

Различие можно показать на условном примере операции финансирования, раскрытой организацией для получения мотивированного мнения. Дополнительное соглашение, предусматривающее обязанность возврата переданной суммы, способно повлиять на квалификацию поступления денежных средств и требует учета при подготовке позиции инспекции. Техническая ошибка в номере платежного документа при достоверном раскрытии назначения перевода имеет иное значение, поскольку затрагивает идентификацию материала. При оценке такого расхождения существенна сохранность сведений о самой операции, позволяющих соотнести ее с примененной нормой. Утрата обязательности мнения в предложенной конструкции связывается с изменением налоговой квалификации, вызванным раскрытием значимого обстоятельства, ранее оставшегося за пределами оценки.

От изменения фактического основания следует отдельно рассматривать изменение применимого права. Новое законодательное регулирование воздействует на налоговые последствия в соответствии с правилами статьи 5 НК РФ, определяющими действие соответствующих актов во времени. Последующее административное толкование той же нормы представляет иной юридический факт, выражающий изменение оценки ее содержания компетентным органом. Смешение этих обстоятельств создает риск придания пересмотру ведомственной позиции значения законодательного изменения. Поэтому границы обязательности мотивированного мнения целесообразно связывать с конкретным основанием пересмотра, сохраняя различия между изменением нормы и изменением ее понимания.

Предложенная защита подтвержденной квалификации требует проверки с точки зрения равенства налогообложения. Сохранение ошибочной позиции для участника мониторинга способно поставить его в более благоприятное положение по отношению к организациям, исчисляющим налог на общих основаниях. Однако сопоставление положения налогоплательщиков требует учета различия, связанного с адресным подтверждением квалификации и последующим поведением в доверии к нему. Специальную гарантию, по нашему мнению, допустимо связывать с разрешением действительной правовой неопределенности при добросовестном раскрытии фактов. При однозначном законодательном предписании содержание обязанности определяется этим предписанием, сохраняя предусмотренную законом защиту от пеней и ответственности. В таком случае основанием охраны становится обоснованное доверие к разрешению спорного вопроса органом.

С учетом указанных ограничений предлагаем дополнить пункт 7 статьи 105.30 НК РФ правилом о сохранении подтвержденной квалификации совершенной операции при последующем изменении исключительно административного толкования. Защиту следует связать с разрешением действительной правовой неопределенности и добросовестным раскрытием существенных фактов при неизменности применимого регулирования. Отдельным условием предлагаем признать получение мнения до совершения операции, когда организация могла учесть его при выборе хозяйственного поведения. Правило целесообразно распространить на налоговые органы, осуществляющие последующий контроль, сохранив его действие после окончания мониторинга применительно к соответствующей операции. Подобное законодательное закрепление создаст материальное основание устойчивости налоговых последствий, согласованное со статьей 44 НК РФ.

В развитие предложенного правила следует конкретизировать пределы защиты при существенном искажении сведений, связав их с влиянием расхождения на содержание правового вывода. Изменение нормативного основания квалификации требует применения правил действия соответствующего акта во времени. Кроме того, последствия обязательных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации определяются содержанием принятого им решения, сохраняя приоритет конституционной оценки применимого регулирования.

Материально-правовое значение мотивированного мнения в предложенной модели раскрывается через разграничение подтверждения налоговой обязанности и возникновения защитной гарантии. Обязанность уплатить налог возникает из предусмотренных законодательством обстоятельств, получая индивидуальную оценку при их квалификации инспекцией. Для права на сохранение подтвержденных последствий необходим фактический состав, образуемый официальным разрешением спорного вопроса и добросовестной

реализацией описанной операции при раскрытии существенных фактов. Поэтому мотивированное мнение характеризуется правоподтверждающим действием в отношении основного платежа, одновременно участвуя в формировании нового правового основания защиты налогоплательщика. Содержание этой защиты определяется законом и выражается в связанности государства созданной им определенностью.

Список литературы:

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[2] Дементьев И.В. Конституционный Суд РФ о проблемах толкования налогового законодательства // Налоговед. 2016. № 7. С. 59-67.

[3] Султанов А.Р. Мотивированное мнение налогового органа как обжалуемый в суде ненормативный акт // Налоговед. 2023. № 8. С. 24-31.

[4] Лютова О.И. Мотивированное мнение налогового органа: правовая природа и возможности обжалования // Финансовое право. 2024. № 6. С. 19-21.

[5] Винницкий Д.В., Курочкин Д.А. Мотивированное мнение и проблемы контроля за качеством интерпретации налогового законодательства // Налоговед. 2023. № 8. С. 13-23.

[6] Молина А.Ю. Налоговый мониторинг: стоит ли рассчитывать на «полную взаимность» с налоговой службой? // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2026. Т. 28. № 2. С. 195-208.

[7] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2025 № Ф05-461/2025 по делу № А40-305119/2023 // ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/69373293/ (дата обращения: 03.09.2026).

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.2017 № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 49. Ст. 7532.

[9] Коваленко Н.С., Леонов Е.М. Мотивированные мнения налогового органа // Налоговед. 2020. № 11. С. 13-21.

References:

[1] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3824.

[2] Dementyev I.V. The Constitutional Court of the Russian Federation on Issues Regarding the Interpretation of Tax Legislation // Nalogoved. 2016. No. 7. pp. 59–67.

[3] Sultanov A.R. The Tax Authority's "Reasoned Opinion" as a Non-Normative Act Subject to Judicial Review // Nalogoved. 2023. No. 8. pp. 24–31.

[4] Lyutova O.I. The Tax Authority's "Reasoned Opinion": Legal Nature and Possibilities for Appeal // Financial Law. 2024. No. 6. pp. 19–21.

[5] Vinnitsky D.V., Kurochkin D.A. The "Reasoned Opinion" and Challenges in Monitoring the Quality of Tax Legislation Interpretation // Nalogoved. 2023. No. 8. pp. 13–23.

[6] Molina A.Yu. Tax Monitoring: Is It Reasonable to Expect "Full Reciprocity" from the Tax Service? // Asia-Pacific Region: Economy, Politics, Law. 2026. Vol. 28. No. 2. pp. 195–208.

[7] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated February 21, 2025, No. F05-461/2025 in Case No. A40-305119/2023 // GARANT.RU. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/69373293/ (accessed: 03.09.2026).

[8] Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 28, 2017, No. 34-P "In the case concerning the review of the constitutionality of Clause 8 of Article 75, Subclause 3 of Clause 1 of Article 111, and Subclause 23 of Clause 2 of Article 149 of the Tax Code of the Russian Federation, in connection with a complaint filed by the joint-stock company 'Fleet of the Novorossiysk Commercial Sea Port'" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 49. Art. 7532.

[9] Kovalenko N.S., Leonov E.M. Reasoned Opinions of the Tax Authority // Nalogoved. 2020. No. 11. pp. 13–21.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-368-377

ТОЛКАЧЕВА Ольга Петровна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансового учета и контроля
Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент,
тел.: +7(911) 267-44-39,
e-mail: olg-ol@mail.ru

ФИНАНСОВО - ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *К концу XX века в России начался процесс становления предпринимательского сектора, однако спустя годы подобная деятельность так и не превратилась в общепринятую практику для широкого круга граждан. Экспертные исследования свидетельствуют о том, что множество россиян продолжают осуществлять трудовую или коммерческую активность, минуя легитимные механизмы — без официальной регистрации или оформления трудовых соглашений. Хотя корни этой тенденции частично уходят в особенности национальной истории, актуальные последствия этого феномена проявляются сегодня и требуют немедленного реагирования. В качестве одного из путей преодоления обозначенной трудности была предложена модель самозанятости, привлекающая возможностью осуществлять легальную деятельность без необходимости обременять себя сложной бухгалтерией и значительным налоговым бременем. Проведение эксперимента по данной модели рассчитано на десять лет. Сейчас данный эксперимент приближается к своему экватору, что предоставляет уникальную возможность проанализировать накапливаемый опыт и осмыслить как плюсы, так и минусы нового подхода.*

Ключевые слова: *самозанятость, эксперимент, налог на профессиональный доход, государственная поддержка малого предпринимательства, «теневая» занятость.*

Для цитирования: *Толкачева О. П. Финансово-правовое регулирование деятельности самозанятых граждан в Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 368–377.*

TOLKACHEVA Olga Petrovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of Financial Accounting
and Control of the St. Petersburg University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor

FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF SELF-EMPLOYED CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *By the end of the 20th century, the process of developing the entrepreneurial sector began in Russia, but years later, such activity has not become a common practice for a wide range of citizens. Expert studies indicate that many Russians continue to engage in labor or commercial activity bypassing legitimate mechanisms — without official registration or formal employment agreements. Although the roots of this trend are partly rooted in the specifics of the country's history, the current consequences of this phenomenon are evident today and require an immediate response. As one of the ways to overcome the identified difficulty, a self-employment model was proposed, which is attractive due to the opportunity to carry out legal activities without having to burden oneself with complex bookkeeping and a significant tax burden. The experiment based on this model is planned to last ten years. Currently, this experiment is approaching its midpoint, which provides a unique opportunity to analyze the accumulated experience and reflect on both the advantages and disadvantages of the new approach.*

Key words: *self-employment, experiment, tax on professional income, state support for small businesses, "shadow" employment.*

For citation: *Tolkacheva O. P. Financial and legal regulation of the activities of self-employed citizens in the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):368–377. (In Russ.).*

Введение

На современном этапе развитие самозанятости и предпринимательства определяется воздействием меняющихся экономических условий, причем как внутренних, так и внешних. Особенно заметным оказался кризис, вызванный COVID-19: малый и средний бизнес понес существенные потери, вследствие чего государственная антикризисная политика была во многом переориентирована на их поддержку и восстановление [11, с. 55-72]. Конституционная основа такой деятельности закреплена в 34 Конституции Российской Федерации, однако ею регулирование не исчерпывается. Помимо базового конституционного разрешения, действует широкий массив норм гражданского, административного и налогового характера, который дополняется региональными и локальными правовыми актами. Значительная доля населения с возможностью трудиться не причисляется к категории работников, а некоторые представители этой группы вовлечены в неофициальную экономическую активность, тесно сопряженную с проявлениями экономических мошеннических схем [23, с.102-105].

Явление неформальной занятости в последние годы приобрело значительный размах и привело к ряду негативных последствий как для самих работников - например, невозможности получать трудовые и социальные гарантии, - так и для государственного сектора из-за утраты контроля и фискальных поступлений. Анализ действующего режима самозанятости в России в 2026 году выявил ряд значительных проблем, препятствующих экономическому и организационному росту граждан, занимающихся профессиональной деятельностью в индивидуальном порядке.

Цель данной статьи – проанализировать имеющиеся на текущий момент сведения о ходе практического этапа внедрения самозанятости, проанализировать ключевые проблемы, с которыми сталкиваются участники эксперимента с самозанятостью и сформулировать вероятные сценарий развития событий в ближайшей перспективе. В качестве предмета исследования выступает динамика развития самозанятости в контексте реализации государственного эксперимента, связанного с внедрением специального налогового режима, определяемого как «Налог на профессиональный доход».

Методы исследования: общеэкономические методы, методы статистического анализа данных, изучение и анализ нормативной базы, метод графического отображения информации.

Задачи исследования:

1. Проанализировать нормативные источники и научные позиции, посвящённые эксперименту по введению режима «Налог на профессиональный доход» для самозанятых граждан.

2. Изучить статистические сведения, отражающие изменения института самозанятости на этапе его практического применения.

3. Выявить и систематизировать сложности, возникающие при внедрении нового налогового режима у его участников и органов публичной власти.

4. Оценить предварительные результаты государственной меры, направленной на легализацию доходов от самостоятельной деятельности граждан.

5. Обосновать возможные направления дальнейшего развития самозанятости в России.

Новизна исследования заключается в сопоставлении и анализе тенденций развития самозанятости в рамках осуществления государственного эксперимента по введению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», а также проанализированы перспективы развития данного эксперимента. Результаты данного исследования содействуют формированию объективной оценки эффективности проводимой инициативы, а также способствуют выработке обоснованного решения относительно ее целесообразности продолжения. Материал адресован тем, кто интересуется актуальными направлениями и характерными чертами изменения института самозанятости в России.

Основная часть

В течение почти семи лет на территории России реализуется Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [29], который начался 1 января 2019 года и действие которого рассчитано вплоть до завершения 2028 года. В рамках реализации данной законодательной новации российские граждане и индивидуальные предприниматели, при выполнении установленных критериев, получают возможность перейти на структуру налогообложения, отличающуюся как простотой применения, так и привлекательностью в части фискальной нагрузки. Терминология «самозанятые» превратилась в собирательное определение лиц, зарегистрированных для уплаты Налога на профессиональный доход, охватывая одновременно широкую совокупность физических лиц и малых предпринимателей. Несмотря на устойчивое присутствие данного

понятия в публичном и правовом дискурсе, официальный юридический статус термина «самозанятость» на законодательном уровне, тем не менее, отсутствует.

Вопросы, связанные с самозанятостью, активно анализируются многочисленными исследователями, среди которых отмечаются работы разнообразных авторов: А.В. Аистов, 2005, с. 185-215, Ю.Н. Нестеренко, 2019, с. 78-89, З.Т. Голенкова, 2020, с. 821-836, В.В. Пациорковский, 2020, с. 88-103, А.В. Виленский, 2023, с 7-29, А.Ю. Чепуренко , 2025, с 20-34, О.В Забелина и др, 2023, с. 357-370, Н.М. Воловская, 2025, с.746-750, Е.И. Старикова, 2021, с. 1312-1314, А.В. Серова, 2022, с. 361-391, В.В. Кванина, 2025, с. 89-107, А.А. Сапфирова, 2024, с. 57-64 и др.

Обычно приводится лишь перечень характерных особенностей или областей, в которых разрешено действовать самозанятым лицам; при этом, как регламентирует законодательство, местные органы наделены правом расширять данный список. Аналитический разбор научной литературы демонстрирует: самозанятость, преимущественно, трактуется как самостоятельная профессиональная активность, заключающаяся в предоставлении услуг либо торговле товарами физическим или юридическим лицам согласно установленным законодательным требованиям; при этом особый акцент делается на автономном создании рабочего пространства, направленности деятельности на удовлетворение индивидуальных и общественных нужд, а также на извлечение дохода или прибыли от личного труда [6, с. 34-47].

В конце 2016 года (Федеральный закон 30.11.2016 N 401-ФЗ [30]) были внесены изменения в Налоговый кодекс РФ, направленные на легализацию доходов от определенных видов деятельности и создание нового статуса для граждан. Предполагалось, что это позволит официально оформить самостоятельные заработки и пополнит бюджет за счет налогов. Однако, по данным Захаровой К.А. [9, с. 171-182], эта инициатива не достигла поставленных целей. Основная масса тех, кто работал без официальной регистрации, продолжала избегать ее, поскольку считала, что затраты на соблюдение законодательства и уплату налогов перевешивают возможные риски обнаружения со стороны контролирующих органов. Власти, осознавая, что расходы на судебное преследование нелегальной деятельности значительно превышают потенциальные суммы взысканий, не стали менять свою политику. Как следствие, в 2017 году лишь менее тысячи человек в России получили статус самозанятых, в то время как неформально трудились около 25 миллионов человек, что составляет примерно четверть всего рабочего населения страны [2, с. 136-163].

Основная часть

С 1 января 2019 года вступил в силу специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», который внес существенные изменения в действующее законодательство. Данная модель отличается, в частности, пониженными налоговыми ставками: 4% от суммы поступлений от физических лиц и 6% от операций с юридическими лицами. К преимуществам данного режима также относится освобождение от обязанности использования контрольно-кассовой техники и ведения бухгалтерского учета. Вся отчетность перед налоговыми органами может быть представлена через специализированный сервис «Мой налог» или личный кабинет налогоплательщика, что обеспечивает высокий уровень удобства. Автоматическое формирование чеков и расчет задолженности перед налоговым органом являются неотъемлемой частью данного режима. При соблюдении установленных условий, данный налоговый режим доступен не только физическим лицам, но и индивидуальным предпринимателям.

Применение "налога на профессиональный доход" для самозанятых граждан сопряжено со значительными ограничениями. Одно из ключевых – невозможность заниматься видами деятельности, для которых требуется лицензия. Так, самозанятые не имеют права оказывать медицинские услуги, в то время как индивидуальные предприниматели, работающие по аналогичной налоговой системе, такую возможность сохраняют. Установленный лимит годового дохода в 2,4 миллиона рублей в рамках специального налогообложения создает существенное препятствие. Как только этот порог превышен, любые дополнительные доходы облагаются НДФЛ, что снижает преимущества для предпринимателей с активным ростом оборота.

Дополнительным тормозом для развития бизнеса является запрет на привлечение наемных работников, поскольку статус самозанятого обязывает выполнять все задачи самими работниками.

Также, поскольку самозанятые освобождены от уплаты НДФЛ, они лишены права на получение имущественных и социальных налоговых вычетов, которые позволяют уменьшить налогооблагаемую базу при расходах на образование, медицину и другие цели, что прямо предусмотрено законодательством.

Дополнительные ограничения порой проистекают не напрямую из норм, регулирующих статус самозанятых, а становятся следствием иных нормативных актов. Например, законодательство рассматривает переводы от самозанятых физических лиц на расчетный счет юридического лица

за приобретаемые товары (например, материалы или инструменты) как расчеты наличными, даже если используется безналичная форма оплаты. Следовательно, продавец обязан предоставить покупателю кассовый чек. Отсутствие у продавца необходимой контрольно-кассовой техники делает такую сделку нелегальной и невозможной для законного осуществления. [13, с. 46-58].

В различных муниципальных образованиях Российской Федерации функционируют специализированные институты, деятельность которых обеспечивается финансовыми поступлениями из государственного бюджета — к примеру, Фонды поддержки предпринимательства. Главная задача подобных учреждений заключается в предоставлении бесплатных юридических консультаций и комплексной поддержки бизнес-сообществу. Следует отметить, что статус самозанятого гражданина не приравнивается к положению индивидуального предпринимателя, вследствие чего оказание подобных услуг самозанятым лицам рассматривается как выходящий за рамки уставных целей таких организаций. В случае фактической поддержки гражданина, оформившего налог на профессиональный доход, ревизионные органы могут квалифицировать выделение средств как использование бюджетных ассигнований не по назначению, что повлечёт дальнейшие юридические и административные последствия.

Несмотря на объективное наличие целого комплекса юридических, бюрократических и инфраструктурных сложностей, большинство плательщиков налога на профессиональный доход не воспринимают эти барьеры как непреодолимые препятствия для ведения своего дела.

Поддержка легализации занятости строится не только на контроле, но и на системе стимулирующих мер, адресованных гражданам. Один из таких инструментов — программа «Социальный контракт», по которой уязвимым категориям предоставляется единовременная безвозмездная выплата, достигающая 350 тысяч рублей, если средства направляются на запуск собственного дела либо на развитие уже начатой предпринимательской практики. Основанием для получения такой помощи служит оформление статуса ИП либо режима самозанятости в соответствии с заключённым соглашением. Помимо этого, участники малого и среднего бизнеса в стране получают доступ к программам выгодного кредитования, таким как «Программа 1764», которая предусматривает льготную процентную ставку — не более 2,75 процента плюс ключевой показатель, установленный Центральным банком Российской Федерации [31].

В рамках реализации инициативы «Мой бизнес» предусмотрено предоставление грантов молодым предпринимателям и социально ориентированным компаниям, включая физических лиц с самозанятым статусом, чей возраст не превышает двадцати пяти лет; сумма этих субсидий варьируется от 100 до 500 тысяч рублей. На территории Арктической зоны данный финансовый инструмент приобретает ещё больший вес — здесь верхний предел грантовой поддержки достигает 1 миллиона рублей. Представителям фермерских хозяйств доступны специально выделяемые гранты, которые можно направить на приобретение сельскохозяйственных угодий, транспортных средств специализированного назначения, а также сельскохозяйственных животных.

Представленные аналитические материалы недвусмысленно свидетельствуют о том, что разнообразные финансовые стимулы и меры, направленные на поддержку предпринимательской инициативы, способствуют укреплению тенденции легализации малых форм бизнеса и развития самозанятости в целом [18, с. 177-187; 19, с. 3-6]. Статистические данные Федеральной налоговой службы показывают явное лидерство нескольких сегментов на рынке легального фриланса. Наиболее востребованными среди плательщиков налога на профессиональный доход оказались автосервисные услуги, сфера информационных технологий, а также деятельность по наладке и починке разнообразного оборудования.

К тому же, следует принимать во внимание динамичность структуры самозанятости, обусловленную региональными особенностями, природно-климатическими различиями, варьирующейся плотностью населения, а также изменчивым спросом и предложением на продукцию, работы либо услуги, влиянием экономических спадов [8, с. 23-28] и широким набором иных обстоятельств [10, с. 1451-1468]. Примечательно, что более трети всех лиц, оформленных в статусе самозанятых в стране, сосредоточено преимущественно на территориях Москвы, Московского региона и Санкт-Петербурга.

Сейчас правила для самозанятых полностью заморожены, и менять их никто не планирует. Закон о налоге на профессиональный доход рассчитан до конца 2028 года, и в нем четко прописано: ни налоговые ставки, ни сам статус самозанятых трогать нельзя.

Будущее самозанятости напрямую зависит от того, насколько успешным будет признан текущий эксперимент. Анализ показывает, что такой исход вполне вероятен. Уже сейчас самозанятость позволила легализовать около трети ранее неформально работавших граждан и значительно увеличила поступления налога на профессиональный доход (см. таблицу 1).

Таблица 1. Динамика и тенденции пополняемости бюджета РФ за счет налога на профессиональный доход (составлено автором) [32; 33]

Год	Сумма налога в млрд руб.	Абсолютный прирост		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное значение одного % прироста	Коэф. роста	
		Цепной	Базисный (2019 г.)	Цепной	Базисный (2019 г.)	Цепной	Базисный (2019 г.)		Цепной	Базисный (2019 г.)
2019	0,374	-	0	-	100	-	0	-	-	0
2020	1,7	1,33	1,33	454,55	454,55	354,55	354,55	0,00374	4,55	4,55
2021	3,8	2,1	3,43	223,53	1016,04	123,53	916,04	0,017	2,24	10,16
2022	5,8	2,0	5,43	152,63	1550,8	52,63	1450,8	0,038	1,53	15,51
2023	8,8	3,0	8,43	151,72	2352,94	51,72	2252,94	0,058	1,52	23,53
2024	12,8	4,0	12,43	145,45	3422.46	45,45	3322,46	0,088	1,45	34,22
2025	15,9	3,1	15,53	124,22	4251,34	24,22	4151,34	0,128	1,24	42,51

Статистика таблицы 4 демонстрирует выраженную положительную динамику бюджетных поступлений. Структуру фискальных доходов от налога на профессиональный доход целесообразно проанализировать дифференцированно: по сегменту физических лиц (таблица 2) и по линии взаимодействия с юридическими лицами (таблица 3).

Таблица 2. Динамика пополняемости бюджета РФ за счет налога на профессиональный доход за счет физических лиц (составлено автором) [32; 33]

Год	ФЛ, млрд. руб.	Абсолютный прирост		Темп роста, 100%		Темп прироста, %		Абсолютное значение одного % прироста	Коэф. Роста	
		Цепной	Базисный (2019 г.)	Цепной	Базисный (2019 г.)	Цепной	Базисный (2019 г.)		Цепной	Базисный (2019 г.)
2019	0,074	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2020	0,4	0,33	0,33	540,54	540,54	440,54	440,54	0,00074	5,41	5,41
2021	0,9	0,5	0,83	225,00	1216,22	125,00	1116,22	0,004	2,25	12,16
2022	1,3	0,4	1,23	144,44	1756,76	44,44	1656,76	0,009	1,44	17,57
2023	1,9	0,6	1,83	146,15	2567,57	46,15	2467,57	0,013	1,46	25,68
2024	4,2	2,3	4,13	221,05	5675,68	121,05	5575,68	0,019	2,21	56,76
2025	5,6	1,4	5,53	133,33	7567,57	33,33	7467,57	0,042	1,33	75,67

Таблица 3. Динамика пополняемости бюджета РФ за счет налога на профессиональный доход за счет юридических лиц (составлено автором) [32; 33]

Год	ЮЛ, млрд. руб.	Абсолютный прирост		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное значение одного % прироста	Коэф. роста	
		Цепной	Базисный (2019 г.)	Цепной	Базисный (2019 г.)	Цепной	Базисный (2019 г.)		Цепной	Базисный (2019 г.)
2019	0,3	-	-	-		-		-	-	-
2020	1,3	1,0	1,0	433,33	433,33	333,33	333,33	0,003	4,33	4,33
2021	2,9	1,6	2,6	223,08	966,67	123,08	866,67	0,013	2,23	9,67
2022	4,5	1,6	4,2	155,17	1500,00	55,17	1400,00	0,029	1,55	15,00
2023	6,9	2,4	6,3	153,33	2300,00	53,33	2200,00	0,045	1,53	23,00
2024	8,6	1,7	8,3	124,64	2866,67	24,64	2766,67	0,069	1,25	28,67
2025	10,0	1,4	9,7	116,28	3333,33	16,28	3233,33	0,086	1,16	33,33

Представленные сведения (см. таблицы 2 и 3) подтверждают устойчивое увеличение бюджетных поступлений от обеих категорий плательщиков — как физических, так и юридических лиц.

Для оценки темпов этого роста проведем базисный анализ изменения общих налоговых сборов на основе данных таблицы 1. В качестве отправной точки (базы сравнения) принят предшествующий период. Расчет выполняется по стандартной формуле:

$$\text{ОПД} = \frac{\text{Текущийпериод}}{\text{Предшествующий период}}$$

$$\text{ОПД}_{2020} = \frac{1,7}{0,374} * 100 - 100 = 354,55\%$$

Далее рассчитываем относительный показатель динамики остальных лет по аналогии. В 2020 году общая сумма налогов выросла на 354,55% по сравнению с 2019 годом; в 2021 году на 123,53%; в 2022 году на 52,63%; в 2023 году на 51,72%; в 2024 году на 45,45%; в 2025 году на 24,23%. Исходя из расчетов, можно сделать вывод о том, что в период с 2019 года по 31.12.2025 года в динамике прослеживается четкая тенденция снижения общей суммы налоговых поступлений в России. Такая тенденция может привести к снижению темпов роста в будущих периодах.

Для более глубокого статистического анализа определим удельный вес налоговых отчислений физических и юридических лиц в общей структуре доходов за 2019–2025 года (таблица 7). Расчет структурных показателей производится по следующей формуле:

$$\text{ОПС} = \frac{\text{Показатель, характеризующийчастьсовокупности}}{\text{Показатель по всей совокупности в целом}}$$

Таблица 4. Доля налоговых поступлений от физических и юридических лиц в период с 2019 года по 31.12.2025 года в общей сумме налога на

профессиональный доход (составлено автором)

Год	*Общая сумма налогов млрд руб., в т.ч.:*	*ЮЛ, млрд. руб.*	*ОПС*	*ФЛ, млрд. руб.*	*ОПС*
2019	0,374	0,3	0,802	0,074	0,198
2020	1,7	1,3	0,765	0,4	0,235
2021	3,8	2,9	0,763	0,9	0,237
2022	5,8	4,5	0,776	1,3	0,224
2023	8,8	6,9	0,784	1,9	0,216
2024	12,8	8,6	0,672	4,2	0,328
2025	15,9	10,0	0,629	5,6	0,352

Исходя из данного показателя, можно сказать, что общая сумма поступления налогов приходится на юридических лиц, однако наблюдается тенденция увеличения доли налоговых поступлений от физических лиц с 19,8% до 35,2%, то есть на 15,4%.

В случае принятия решения о пролонгации специального налогового режима по окончании 2028 года на повестку дня встанет вопрос о некотором нормативном сходстве правового положения физических лиц на НПД и индивидуальных предпринимателей, выбравших ту же систему налогообложения. Дублирование их ключевых функций может спровоцировать масштабную реформу гражданского законодательства. Высока вероятность, что поправки в ГК РФ приведут к упразднению института ИП как самостоятельной организационно-правовой формы. В рамках этой трансформации бизнесу предложат альтернативу: при наличии наемного персонала или превышении лимита по выручке — зарегистрировать юридическое лицо, а в случае соответствия установленным критериям и ограничениям — продолжить деятельность в статусе самозанятого [14, с. 203-220].

Противоположный сценарий предполагает признание эксперимента неэффективным. При таком развитии событий с 1 января 2029 года особый правовой статус плательщиков НПД будет полностью упразднен. Чтобы остаться в правовом поле, гражданам придется в обязательном порядке сменить формат работы, зарегистрировавшись в качестве ИП или создав коммерческую организацию в соответствии с общими требованиями законодательства.

При всей успешности данного эксперимента, хочется отметить, что введение новых нормативных актов может привести к оттоку самозанятых из легального сектора опять в нелегальный.

С начала 2024 года вступил в силу Федеральный закон № 565-ФЗ, который расширил полномочия налоговых органов и Роструда. В регионах России теперь создаются специальные комиссии для борьбы с нелегальной занятостью. Параллельно Минтруд утвердил приказы № 40Н и № 640Н (от 28.11.2024), которые определяют, как ФНС будет отбирать компании для проверок. Хотя эти законы напрямую не касаются самозанятых, они влияют на компании, которые работают с ними. В случае, когда выявляются нарушения, самозанятые могут быть вызваны на беседу, и, если подозрения подтвердятся, их чеки могут быть аннулированы.

Важно, чтобы самозанятые граждане внимательно следили за тем, чтобы их отношения с заказчиками не маскировались под гражданско-правовые договоры с целью уклонения от уплаты налогов и страховых взносов. С 1 января 2025 года вступил в силу Федеральный закон № 206-ФЗ, который обязал всех самозанятых сдавать статистическую отчетность в Росстат. Это заметно изменило устоявшиеся способы ведения деятельности.

Такое ужесточение требований к учёту и необходимость регулярного взаимодействия с органами статистики могут подтолкнуть часть самозанятых к уходу в теневой сектор с целью уклонения от налогов. Государственный надзор за этой группой важен, но новые правила не должны создавать барьеров; они должны способствовать легализации и поддерживать развитие малого бизнеса.

Заключение

В текущих условиях государственная политика должна оставаться гибкой и продолжать поощрять переход бизнеса из тени в легальную плоскость. Это означает не только сохранять уже проверенные меры поддержки - субсидии на запуск дела, низкие налоговые ставки и бесплатные консультации для самозанятых - но и расширять инструментарий, чтобы учесть разные потребности людей и бизнесов. Конкретные дополнительные шаги могут включать:

Ежегодная корректировка предельного уровня дохода для самозанятых с учётом официального роста потребительских цен. Это позволит сохранить реальную покупательную способность тех, кто работает по упрощённому режиму, и предотвратить ситуацию, когда люди вынуждены уходить в тень только потому, что порог стал слишком низким по сравнению с инфляцией.

Придание самозанятым правового статуса, близкого к статусу индивидуального предпринимателя, через изменения в законах. Такая мера даст самозанятым возможность официально нанимать сотрудников, расширять бизнес и участвовать в более крупных проектах, не теряя при этом простоты отчётности и налогового режима, который сделал этот режим популярным.

Отмена или смягчение запретов на произ-

водство определённых категорий маркируемой продукции, в том числе в лёгкой промышленности. Это позволит малым производителям и ремесленникам работать открыто, выпускать товары для широкой продажи и не искать обходные пути из-за бюрократических ограничений.

Поэтапное внедрение этих мер - вместе с возможным продлением экспериментального периода по самозанятости - выглядит рациональным. Такой подход даст время для тестирования инструментов, корректировки правил и минимизации рисков злоупотреблений. В итоге это не только поможет системно снизить долю неформального сектора, но и создаст условия для того, чтобы у людей сформировалось более позитивное отношение к официальной занятости: они увидят ощутимые преимущества - доступ к кредитам, госзакупкам, соцзащите и возможности роста бизнеса.

Список литературы:

[1] Аистов, А. В. О развитии некоторых форм самозанятости в России в 1994-2002 годах / А. В. Аистов // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 9, № 2. – С. 185-215.

[2] Баринова, В А. Самозанятые в России: развитие сферы МСП или движение к «гаражной экономике» / В.А. Баринова, Ю.В. Царева, А.М. Шестоперов // Экономическая политика. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 136-163.

[3] Виленский, А. В. Российский институт самозанятости: развитие в контексте пространственных особенностей / А. В. Виленский // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 3. – С. 7-29.

[4] Воловская, Н. М. Ретроспективный обзор понятий «самозанятость» и «самозанятые граждане» / Н. М. Воловская // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 3(176). – С. 746-750.

[5] Голенкова, З. Т. Социологический портрет самозанятых в современной России / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, Т. И. Горина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 821-836.

[6] Ершова И. В. Феномен самозанятости: к пятилетнему юбилею правового режима / И. В. Ершова, В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко // Государство и право. – 2023. – № 1. – С. 34-47.

[7] Забелина, О. В. Международный опыт нормативно-правового регулирования самозанятости / О. В. Забелина, М. В. Сергеева // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 357-370.

[8] Зарипов В. М. Время новых налоговых решений / В. М. Зарипов // Закон. – 2024. – № 11. – С. 23-28.

[9] Захарова, К. А. Роль налога на профессиональный доход в обеспечении занятости и легализации трудовой деятельности населения / К. А. Захарова, Н. А. Бабурина, Д. А. Муравьев // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 2. – С. 171-182.

[10] Зимовец, А. В. Анализ мер поддержки субъектов российского предпринимательства в условиях антироссийских санкций / А. В. Зимовец, И. В. Маринова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2022. – № 1(35). – С. 26-31.

[11] Измайлова М. О. Влияние пандемии коронавируса на поступление налогов от самозанятых граждан в Российской Федерации / М. О. Измайлова // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 55-72.

[12] Кванина В. В. Оценка эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Кванина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2025. – № 55. – С. 89-107.

[13] Куницына, Н. Н. Занятость в неформальном секторе: причины негативных тенденций / Н. Н. Куницына, Е. И. Дюдикова, Ф. А. Лазба // Экономика и математические методы. – 2024. – Т. 60, № 1. – С. 46-58.

[14] Майкоглуян, Д. В. Эксперимент с самозанятостью граждан: анализ проблем и прогноз итогов / Д. В. Майкоглуян, А. В. Зимовец // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 203-220.

[15] Нестеренко, Ю. Н. Самозанятость в России: состояние и потенциал развития / Ю. Н. Нестеренко, Е. А. Протасова // Народонаселение. – 2019. – Т. 22, № 4. – С. 78-89.

[16] Носырева, И. Г. К вопросу о развитии самозанятости в России / И. Г. Носырева, Н. А. Белобородова // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 371-386.

[17] Пациорковский, В. В. Самозанятость - ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений / В. В. Пациорковский // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 1. – С. 88-103.

[18] Савенко Н. Е. Свобода экономической деятельности граждан в новых реалиях: многоаспектность категории / Н. Е. Савенко // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 491. – С. 177-187.

[19] Савченко Е. С. Концептуальная модель гармоничной экономики России: проблемы и суждения / Е. С. Савченко // АПК: экономика, управление. – 2022. – № 5. – С. 3-6.

[20] Сапфирова, А. А. Самозанятость и трудовые отношения: как обеспечить кадровую безопасность работодателя правовыми мерами? / А. А. Сапфирова // Законы России: опыт, анализ,

практика. – 2024. – № 8. – С. 57-64.

[21] Серова, А. В. Зависимая самозанятость: нестандартная форма занятости, ложная самозанятость и неформальная занятость / А. В. Серова // Трудовое право: национальное и международное измерение. Том 2. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2022. – С. 361-391.

[22] Старикова Е.И. Правовое регулирование самозанятых в зарубежных странах // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 12(137). – с. 1312-1314.

[23] Толкачева О. П. Экономическое мошенничество как угроза обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта / О. П. Толкачева // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4(23). – С. 102-105.

[24] Чепуренко А. Ю. Отношение россиян к предпринимательской деятельности в начале XXI века: основные тенденции / А. Ю. Чепуренко, Н. Д. Коленникова // Социологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 20-34.

[25] Hasanova S. General and special tax system as tools of socio-economic development / S. Hasanova // E3S Web of Conferences : 2nd International Conference on Environmental Sustainability Management and Green Technologies (ESMGT 2023), Novosibirsk, 28–29 сентября 2023 года. Vol. 451. – EDP Sciences: EDP Sciences, 2023. – P. 01030.

[26] Legal status of the self-employed person in the field of social protection in Ukraine / O. M. Yaroshenko, Yu. Yu. Ivchuk, L. Ju. Maliuha [et al.] // International Journal of Discrimination and the Law. – 2024.

[27] Oat Z. Legal Economic And Social Issues In Cis Countries Develpoment / Z. Bolat // Journal of Community Positive Practices. – 2022. – Vol. 22, No. S. – P. 3-4.

[28] Polezharova L. V. Windfall Profits of Russian Companies: Taxation vs Voluntary Contribution to the Budget / L. V. Polezharova, D. S. Gusev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2024. – Vol. 17, No. 3. – P. 528-539.

[29] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ. // Consultant.ru. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977 (дата обращения: 25.09.2026).

[30] Федеральный закон от 30.11.2016 N 401-ФЗ (в актуальной редакции от 02.07.2021) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Consultant.ru. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207915/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100394 (дата обращения: 25.09.2026).

[31] Дело в ставке: как изменилась программа льготного кредитования МСП «1764». Национальные проекты России. // национальныепроекты.рф. URL: https://национальныепроекты.рф/news/delo-v-stavke-kak-izmenilas-programma-lgotnogo-kreditovaniya-msp-1764 (дата обращения: 25.09.2026).

[32] Официальный портал Министерства Финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ (дата обращения: 25.09.2026).

[33] Платформа поставки данных ФНС России. // Geochecki-vpd.nalog.gov.ru. URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (дата обращения: 25.09.2026).

References:

[1] Aistov, A. V. On the Development of Certain Forms of Self-Employment in Russia, 1994–2002 / A. V. Aistov // HSE Economic Journal. – 2005. – Vol. 9, No. 2. – pp. 185–215.

[2] Barinova, V. A. The Self-Employed in Russia: Development of the SME Sector or a Shift Toward a "Garage Economy"? / V. A. Barinova, Yu. V. Tsareva, A. M. Shestoperov // Economic Policy. – 2023. – Vol. 18, No. 3. – pp. 136–163.

[3] Vilensky, A. V. The Russian Institution of Self-Employment: Development in the Context of Spatial Characteristics / A. V. Vilensky // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – No. 3. – pp. 7–29.

[4] Volovskaya, N. M. A Retrospective Review of the Concepts of "Self-Employment" and "Self-Employed Citizens" / N. M. Volovskaya // Economy and Entrepreneurship. – 2025. – No. 3(176). – pp. 746–750.

[5] Golenkova, Z. T. A Sociological Portrait of the Self-Employed in Contemporary Russia / Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova, T. I. Gorina // RUDN Journal of Sociology. – 2020. – Vol. 20, No. 4. – pp. 821–836.

[6] Ershova, I. V. The Phenomenon of Self-Employment: Marking the Fifth Anniversary of the Legal Regime / I. V. Ershova, V. A. Laptev, O. A. Tarasenko // State and Law. – 2023. – No. 1. – pp. 34–47.

[7] Zabelina, O. V. International Experience in the Legal Regulation of Self-Employment / O. V. Zabelina, M. V. Sergeeva // Labor Economics. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – pp. 357–370.

[8] Zaripov, V. M. A Time for New Tax Solutions / V. M. Zaripov // Law (Zakon). – 2024. – No. 11. – pp.

23–28.

[9] Zakharova, K. A. The Role of the Tax on Professional Income in Ensuring Employment and Legalizing the Labor Activities of the Population / K. A. Zakharova, N. A. Baburina, D. A. Muravyev // Population (Narodonaselenie). – 2025. – Vol. 28, No. 2. – pp. 171–182.

[10] Zimovets, A. V. Analysis of Support Measures for Russian Business Entities Amidst Anti-Russian Sanctions / A. V. Zimovets, I. V. Marinova // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. – 2022. – No. 1(35). – pp. 26–31.

[11] Izmailova, M. O. The Impact of the Coronavirus Pandemic on Tax Revenue from Self-Employed Citizens in the Russian Federation / M. O. Izmailova // Financial Journal. – 2022. – Vol. 14, No. 2. – pp. 55-72.

[12] Kvanina, V. V. Assessing the Effectiveness of Legislation in the Sphere of Entrepreneurial Activity / V. V. Kvanina // Tomsk State University Journal of Law. – 2025. – No. 55. – pp. 89-107.

[13] Kunitsyna, N. N. Employment in the Informal Sector: Causes of Negative Trends / N. N. Kunitsyna, E. I. Dyudikova, F. A. Lazba // Economics and Mathematical Methods. – 2024. – Vol. 60, No. 1. – pp. 46-58.

[14] Maykogluyan, D. V. An Experiment with Citizen Self-Employment: Analysis of Challenges and Forecast of Outcomes / D. V. Maykogluyan, A. V. Zimovets // Creative Economy. – 2024. – Vol. 18, No. 1. – pp. 203-220.

[15] Nesterenko, Yu. N. Self-Employment in Russia: Current State and Development Potential / Yu. N. Nesterenko, E. A. Protasova // Population. – 2019. – Vol. 22, No. 4. – pp. 78-89.

[16] Nosyreva, I. G. On the Development of Self-Employment in Russia / I. G. Nosyreva, N. A. Beloborodova // Labor Economics. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – pp. 371-386.

[17] Patsiorkovsky, V. V. Self-employment as a response by a segment of the economically active population to the crisis in standard labor relations / V. V. Patsiorkovsky // Population (Narodonaselenie). – 2020. – Vol. 23, No. 1. – pp. 88–103.

[18] Savenko, N. E. Freedom of economic activity for citizens in new realities: the multidimensional nature of the category / N. E. Savenko // Bulletin of Tomsk State University. – 2023. – No. 491. – pp. 177–187.

[19] Savchenko, E. S. A conceptual model for a harmonious economy in Russia: issues and perspectives / E. S. Savchenko // AIC: Economics, Management. – 2022. – No. 5. – pp. 3–6.

[20] Sapfirova, A. A. Self-employment and labor relations: how can employers ensure personnel security through legal measures? / A. A. Sapfirova // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2024. – No. 8. – pp. 57–64.

[21] Serova, A. V. Dependent self-employment: non-standard forms of employment, false self-employment, and informal employment / A. V. Serova // Labor Law: National and International Dimensions. Vol. 2. – Moscow: Norma Legal Publishing House, 2022. – pp. 361–391.

[22] Starikova, E. I. Legal regulation of the self-employed in foreign countries // Economics and Entrepreneurship. – 2021. – No. 12(137). – pp. 1312–1314.

[23] Tolkacheva O. P. Economic fraud as a threat to the economic security of a business entity / O. P. Tolkacheva // Bulletin of State and Municipal Administration. – 2016. – No. 4(23). – pp. 102–105.

[24] Chepurenko A. Yu. Russians' attitudes toward entrepreneurial activity at the beginning of the 21st century: key trends / A. Yu. Chepurenko, N. D. Kolennikova // Sociological Studies. – 2025. – No. 4. – pp. 20–34.

[25] Hasanova S. General and special tax system as tools of socio-economic development / S. Hasanova // E3S Web of Conferences: 2nd International Conference on Environmental Sustainability Management and Green Technologies (ESMGT 2023), Novosibirsk, September 28–29, 2023. Vol. 451. – EDP Sciencences, 2023. – P. 01030.

[26] Legal status of the self-employed person in the field of social protection in Ukraine / O. M. Yaroshenko, Yu. Yu. Ivchuk, L. Ju. Maliuha [et al.] // International Journal of Discrimination and the Law. – 2024.

[27] Oat Z. Legal Economic And Social Issues In CIS Countries Development / Z. Bolat // Journal of Community Positive Practices. – 2022. – Vol. 22, No. S. – P. 3-4.

[28] Polezharova L. V. Windfall Profits of Russian Companies: Taxation vs Voluntary Contribution to the Budget / L. V. Polezharova, D. S. Gusev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2024. – Vol. 17, No. 3. – P. 528-539.

[29] Federal Law No. 422-FZ of November 27, 2018, "On Conducting an Experiment to Establish a Special Tax Regime: 'Tax on Professional Income'." // Consultant.ru. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977 (accessed: September 25, 2026).

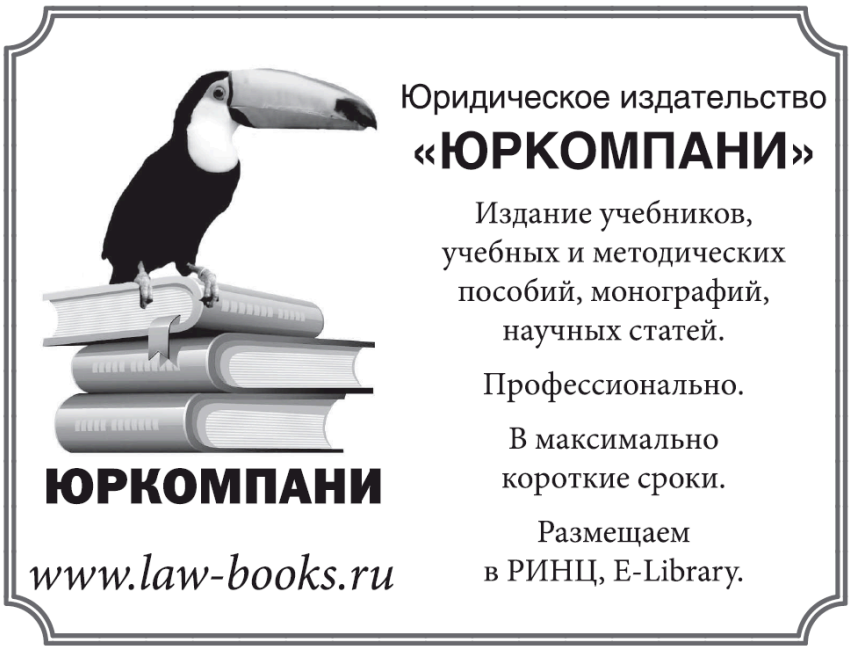
[30] Federal Law No. 401-FZ of November 30, 2016 (as amended on July 2, 2021), "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation." // Consultant.ru. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207915/

b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100394 (accessed: September 25, 2026).

[31] It's All About the Rate: How the "1764" Preferential Lending Program for SMEs Has Changed. National Projects of Russia. // natsionalnyeproekty.rf. URL: https://национальныепроекты.рф/news/delo-v-stavke-kak-izmenilas-programma-lgotnogo-kreditovaniya-msp-1764 (accessed: September 25, 2026).

[32] Official Portal of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/ (accessed: September 25, 2026).

[33] Data Delivery Platform of the Federal Tax Service of Russia. // Geochecki-vpd.nalog.gov.ru. URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (accessed: September 25, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-378-382

МАШКИН Николай Афанасьевич,
профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ имени Г. В. Плеханова,
доктор исторических наук, профессор,
e-mail: Mashkin.N.A@mail.ru

ИЛЬИН Александр Юрьевич,
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ имени Г. В. Плеханова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры юриспруденции
Херсонского государственного педагогического
университета,
e-mail: Aleksandr_kun@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Аннотация. *В статье рассматривается гражданско-правовой статус предпринимателя, его правовое положение в сфере предпринимательских отношений, которое сочетает черты обычного физического лица и профессионального участника рынка.*

Ключевые слова: *гражданский кодекс, предпринимательство, предпринимательская деятельность, имущество, индивидуальный предприниматель, принципы.*

Для цитирования: *Машкин Н. А., Ильин А. Ю. Гражданско-правовой аспект статуса индивидуального предпринимателя // Образование и право. 2026. № 10. С. 378–382.*

MASHKIN Nikolay Afanasyevich,
Professor at the Department of State-Legal
and Criminal-Legal Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics;
Doctor of Historical Sciences, Professor

ILYIN Alexander Yuryevich,
Associate Professor at the Department of State-Legal
and Criminal-Legal Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics;
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;
Associate Professor at the Department of Jurisprudence,
Kherson State Pedagogical University

THE CIVIL LAW ASPECT OF THE STATUS OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

Annotation. *The article examines the civil law status of an entrepreneur—specifically, their legal position within the sphere of entrepreneurial relations—which combines the characteristics of an ordinary individual and a professional market participant.*

Key words: *Civil Code, entrepreneurship, entrepreneurial activity, property, individual entrepreneur, principles.*

For citation: *Mashkin N. A., Ilyin A. Yu. The civil law aspect of the status of an individual entrepreneur. Education and law. 2026;(10):378–382. (In Russ.).*

Законодательное определение индивидуального предпринимателя содержится в п. 1 ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации: гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [1]. Однако за этой лаконичной формулировкой скрывается сложная правовая конструкция, сочетающая признаки физического лица и бизнесмена. Особенность статуса ИП проявляется и заключается в его функциональной роли: одновременно он действует в экономическом обороте наравне с юридическими лицами, но при этом не обособляет свое имущество в отдельный правовой режим и является физическим лицом.

Гражданско-правовое положение ИП характеризуется следующими особенными чертами. Во-первых, ИП — это физическое лицо, обладающее общей правоспособностью, однако акт государственной регистрации дает ему специальный правовой режим, позволяющий совершать сделки, направленные на систематическое получение прибыли. Как справедливо отмечается в современной литературе, предпринимательская правоспособность гражданина возникает не с момента рождения, а с момента достижения определенного возраста и выполнения административных процедур [6; с. 78-80].

Во-вторых, законодатель устанавливает презумпцию предпринимательского характера сделок, совершаемых зарегистрированным ИП. Согласно п. 3 ст. 23 ГК РФ, к предпринимательской деятельности граждан применяются правила о юридических лицах, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения [6]. Это означает, что ИП несет повышенные риски, включая ответственность независимо от вины в случаях, установленных законом (ст. 401 ГК РФ) [1, ст. 401, п. 3].

В-третьих, статус ИП проявляется в том, что одни нормы закона рассчитаны на любого гражданина (например, наследование имущества), а другие — только на зарегистрированного предпринимателя. Эта «двойственность» создает как преимущества (упрощенный порядок регистрации по сравнению с юрлицами), так и риски (субсидиарная ответственность личным имуществом). Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, сделки, совершенные ИП в рамках предпринимательской деятельности, презюмируются направленными на систематическое получение прибыли. Однако если тот же гражданин заключает договор найма жилого помещения для личного проживания, он выступает как обычное физическое лицо.

Согласно классическому подходу, разделяемому большинством российских ученых, индивидуальный предприниматель остается физическим лицом. Эта позиция подтверждается ст. 24 ГК РФ, согласно которой ИП отвечает по обязательствам всем своим имуществом, а не каким-либо обособленным «предпринимательским» имуществом [1, ст. 24]. Более того, в случае смерти ИП его права и обязанности переходят по наследству по общим правилам гражданского законодательства РФ. Законодательное определение предпринимательской деятельности, закреплено в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ [1, ст. 2, п. 1], содержит совокупность признаков, наличие которых в деятельности физического лица позволяет квалифицировать ее как предпринимательскую деятельность. В цивилистической науке вопрос о системе этих признаков остается дискуссионным, что создает определенные сложности для правоприменения [8, с. 46].

В доктрине были предприняты попытки систематизировать признаки предпринимательской деятельности. Так, В.Ф. Попондопуло предлагает различать общие (родовые) признаки, присущие любой свободной деятельности (самостоятельный и рисковый характер), и специфические признаки, отличающие именно предпринимательскую деятельность (направленность на систематическое извлечение прибыли и необходимость государственной регистрации) [9]. И.В. Ершова развивает этот подход, выделяя сущностные признаки (самостоятельность, рисковый характер, систематическое получение прибыли как цель деятельности) и формальные признаки (обязательная государственная регистрация) [10].

Рассмотрим каждый признак и его содержание.

Самостоятельность деятельности означает, что предприниматель действует по своей воли и в своем интересе, самостоятельно определяет направления и способы ведения бизнеса, выбирает контрагентов и устанавливает самостоятельно цены. Как верно отмечает Ю.П. Каширина, «важнейшими признаками предпринимательской деятельности являются самостоятельность предпринимателя, его ответственность, а также инновационный, творческий и рисковый характер этой деятельности» [8, с. 48]. Рисковый характер деятельности представляет собой категорию, означающую возможность наступления неблагоприятных имущественных последствий. Предпринимательский риск принципиально отличает предпринимательскую деятельность от иных видов экономической активности [8, с. 49]. Важно отметить, что риск является неотъемлемым свойством предпринимательства — предприниматель не может быть освобожден от ответственности за нарушение обяза-

тельств при осуществлении предпринимательской деятельности иначе как в случае непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Направленность на систематическое получение прибыли — ключевой признак. Совершение разовых сделок не относится и не будет квалифицироваться как предпринимательская деятельность. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 24.10.2006 № 18 разъяснил, что отдельные случаи продажи товаров лицом, не зарегистрированным в качестве ИП, не образуют состава правонарушения, если обстоятельства не свидетельствуют о направленности на систематическое получение прибыли [11]. На практике для установления систематичности суды учитывают такие факторы, как: регулярность совершения операций, наличие постоянных источников дохода, использование помещений и оборудования для коммерческих целей, привлечение наемных работников.

Государственная регистрация является формальным, но обязательным признаком. Как отмечается в научной литературе, «среди существенных признаков предпринимательской деятельности государственная регистрация носит формальный характер» [12]. Однако именно этот признак позволяет отграничить законную предпринимательскую деятельность от незаконной предпринимательской детальности. Отграничение ИП от юридических лиц и самозанятых. Принципиальное отличие ИП от юридических лиц заключается в отсутствии обособленного имущества — предприниматель отвечает по долгам всем принадлежащим ему имуществом (ст. 24 ГК РФ) [1, ст. 24]. Главное отличие от самозанятых (плательщиков налога на профессиональный доход) ИП отличается возможностью нанимать работников, заключать трудовые договоры с ними, разные ограничения по годовому доходу (у самозанятых — 2,4 млн руб.), а также обязанностью уплачивать страховые взносы независимо от наличия дохода [3, гл. 33.2]. Таким образом, признаки предпринимательской деятельности образуют целую систему, в которой каждый элемент имеет самостоятельное значение.

Имущественное положение ИП характеризуется отсутствием разделения на личное и предпринимательское имущество. Это одновременно и преимущество (не нужно формировать уставный капитал, вести бухгалтерский баланс), и главный риск физического лица — предприниматель отвечает по долгам всем своим имуществом, включая личные сбережения, недвижимость и иные активы.

С точки зрения российского права, между личным и предпринимательским имуществом нет юридической границы. Исключение составляет имущество, на которое взыскание не может быть обращено в силу гражданско-процессуального законодательства (единственное жилье, предметы домашней обстановки) [13]. Согласно ст. 24 ГК РФ, гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание [1, ст. 24]. Это означает, что:

ИП использует в деятельности личное имущество (жилые дома, дачи, автомобили), имущество, приобретенное специально для бизнеса (товары, оборудование, нежилые помещения), а также результаты интеллектуальной деятельности;

Кредиторы ИП вправе обратить взыскание на любое имущество должника, независимо от того, использовалось ли оно в предпринимательских целях или для личных нужд;

Исключение составляет имущество, на которое взыскание не может быть обращено в силу гражданско-процессуального законодательства РФ (ст. 446 ГПК РФ).

Важное нововведение 2026 года (Федеральный закон № 62-ФЗ от 23.03.2026) необходимо отметить, что законодатель уточнил режим единственного ипотечного жилья. Если единственное жилье находится в ипотеке (является предметом залога по кредитному договору), оно подлежит реализации в рамках процедуры банкротства.

Согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, несет ответственность за нарушение обязательств независимо от вины, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы. Это означает, что:

ИП не может ссылаться на отсутствие своей вины как на основание для освобождения от ответственности;

Единственное основание для освобождения — действие обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), которые невозможно было предвидеть и предотвратить;

Действия контрагентов, рыночные колебания, финансовые трудности не относятся к непреодолимой силе.

Верховный Суд РФ в Определении от 17 марта 2026 г. № 302-АФ26-43 подтвердил, что статус ИП не освобождает от публично-правовых обязанностей даже при отсутствии вины, если нарушение вызвано действиями контрагентов [14].

Проведенное исследование гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя в Российской Федерации с учетом изменений законодательства 2025-2026 годов позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Индивидуальный предприниматель представляет собой уникальный правовой статус — физическое лицо, которое в силу государственной регистрации приобретает особый правовой режим деятельности, характеризующийся профессиональным характером, повышенной ответственностью и необходимостью соблюдения публично-правовых формальностей. При этом единая правосубъектность гражданина.

2. Оценивая роль индивидуального предпринимательства в экономике России, следует признать, что этот институт выполняет не только экономическую, но и важнейшую социальную функцию. Экономисты справедливо отмечают, что сектор МСП в последнее время растет именно за счет индивидуальных предпринимателей, которые благодаря упрощенной системе налогообложения получают привилегированные возможности с меньшим налоговым бременем.

3. Дискуссия об упразднении статуса ИП в Государственной Думе не нашла свое отражение в действительности, так как это может нанести большой урон экономике России. Статус ИП создан для конкретных задач и сам по себе не является проблемой, а злоупотребления возможны в любой схеме, так что упразднение ИП не искоренит уклонение от налогов.

Анализ законопроектной деятельности в РФ позволяет прогнозировать следующие тенденции:

Цифровизация регистрационных процессов (в том числе автоматическая регистрация ИП через портал Госуслуг без участия человека).

Ужесточение требований к видам деятельности (снижение порога НДС до 20 млн руб., ведение отчетных кодов ОКВЭД в ЕГРИП, новые критерии для пониженных страховых взносов).

Особенности переходного периода 2025-2026 гг. создали ситуацию правовой неопределенности для предпринимателей. Законодатель, с одной стороны, принимает «послабляющие» законы, что смягчает ситуацию для ИП, а с другой — подрывает принцип стабильности законодательства. Предпринимателям приходится постоянно отслеживать изменения и оперативно подавать уведомления (например, о переходе на УСН до 1 июня 2026 г.), чтобы не потерять право на льготы.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: [принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.]: в ред. от 24 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 30. — Ст. 5120.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: [принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г.]: в ред. от 24 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 30. — Ст. 5121.

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ: [принят Гос. Думой 19 июля 2000 г.: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г.]: в ред. от 25 апр. 2026 г. // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340; Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 18. — Ст. 2101.

[4] О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ: [принят Гос. Думой 13 июля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 г.]: в ред. от 28 дек. 2024 г. // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3431; Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 52 (ч. I). — Ст. 8120.

[5] О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ: [принят Гос. Думой 6 июля 2007 г.: одобрен Советом Федерации 11 июля 2007 г.]: в ред. от 25 дек. 2025 г. // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 52 (ч. I).

[6] Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России : монография / В. С. Белых. — Москва: Проспект, 2025. — 480 с.

[7] Гуреева М. А. Ведение индивидуальной предпринимательской деятельности: учебник / М. А. Гуреева. — Москва: Инфра-Инженерия, 2026. — 320 с.

[8] Каширина Ю. П. К вопросу о понятии и признаках предпринимательской деятельности / Ю. П. Каширина // Юридический вестник. — 2024. — № 3. — С. 45–52.

[9] Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник. — 6-е изд. — М., 2024. — С. 34-36.

[10] Ершова И. В. Предпринимательское право: учебник. — 6-е изд. — М., 2025. — С. 52-55.

[11] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 окт. 2006 г. № 18. — П. 13.

[12] Предпринимательское право / под ред. С. Ю. Морозова. — С. 68.

[13] Гражданский процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ. — Ст. 446. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.

ru/document/cons_doc_LAW_39570/a67dde7f663104e7cffeff6d926f3a3e8ac36aa2/ (дата обращения: 09.08.2026).

[14] Определение Верховного Суда РФ от 17 марта 2026 г. № 302-АФ26-43 по делу № А33-38452/2024. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=881355 (дата обращения: 09.08.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 [adopted by the State Duma on October 21, 1994], as amended on July 24, 2025 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301; Collected Legislation of the Russian Federation. — 2025. — No. 30. — Art. 5120.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996 [adopted by the State Duma on December 22, 1995], as amended on July 24, 2025 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 5. — Art. 410; Collected Legislation of the Russian Federation. — 2025. — No. 30. — Art. 5121.

[3] Tax Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 117-FZ of August 5, 2000 [adopted by the State Duma on July 19, 2000; approved by the Federation Council on July 26, 2000], as amended on April 25, 2026 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2000. — No. 32. — Art. 3340; Collected Legislation of the Russian Federation. — 2026. — No. 18. — Art. 2101.

[4] On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs: Federal... Law No. 129-FZ of August 8, 2001: [adopted by the State Duma on July 13, 2001; approved by the Federation Council on July 20, 2001]: as amended on December 28, 2024 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 33 (Part I). — Art. 3431; Collected Legislation of the Russian Federation. — 2024. — No. 52 (Part I). — Art. 8120.

[5] On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation: Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007: [adopted by the State Duma on July 6, 2007; approved by the Federation Council on July 11, 2007]: as amended on December 25, 2025 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2007. — No. 31. — Art. 4006; Collected Legislation of the Russian Federation. — 2025. — No. 52 (Part I).

[6] Belykh V. S. Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia: Monograph / V. S. Belykh. — Moscow: Prospekt, 2025. — 480 p.

[7] Gureeva M. A. Conducting Individual Entrepreneurial Activity: Textbook / M. A. Gureeva. — Moscow: Infra-Inzheneriya, 2026. — 320 p.

[8] Kashirina Yu. P. On the Concept and Characteristics of Entrepreneurial Activity / Yu. P. Kashirina // Legal Bulletin. — 2024. — No. 3. — pp. 45–52.

[9] Popondopulo V. F. Commercial (Entrepreneurial) Law: Textbook. — 6th ed. — Moscow, 2024. — pp. 34–36.

[10] Ershova I. V. Entrepreneurial Law: Textbook. — 6th ed. — Moscow, 2025. — pp. 52–55.

[11] On Certain Issues Arising for Courts in the Application of the Special Part of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated Oct. 24, 2006, No. 18. — Para. 13.

[12] Entrepreneurial Law / ed. by S. Yu. Morozov. — p. 68.

[13] Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law dated Nov. 14, 2002, No. 138-FZ. — Art. 446. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/a67dde7f663104e7cffeff6d926f3a3e8ac36aa2/ (accessed: Aug. 9, 2026).

[14] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2026, No. 302-AF26-43, in case No. A33-38452/2024. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=881355 (accessed: 09.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-383-388

НАУМОВА Наталья Валерьевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и
муниципального права юридического факультета
Владимирского филиала РАНХиГС,
e-mail: natalya.naumova.69@list.ru

КУРСКАЯ Мария Дмитриевна,
студент юридического факультета
Владимирского филиала РАНХиГС,
e-mail: kurskayamd@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ВЛАДИМИРСКИЙ КЕЙС

Аннотация. *В работе исследуются правовые механизмы защиты обманутых дольщиков на примере жилых комплексов «Дуброва парк-2» и «Никитский посад» во Владимирской области. Анализируются причины возникновения проблемы, коллизии при банкротстве застройщиков, порядок выплаты компенсаций и альтернативные механизмы достройки. На основе владимирских кейсов и судебной практики предлагаются изменения в Федеральные законы № 214-ФЗ и № 127-ФЗ, в региональное законодательство. Особое внимание уделяется необходимости расчёта компенсаций по рыночной стоимости, приоритету достройки и введению обязательной строительной экспертизы.*

Ключевые слова: *обманутые дольщики, долевое строительство, банкротство застройщика, компенсационные выплаты, Владимирская область.*

Для цитирования: *Наумова Н. В., Курская М. Д. Правовые механизмы защиты участников долевого строительства: владимирский кейс // Образование и право. 2026. № 10. С. 383–388.*

NAUMOVA Natalya Valeryevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Municipal Law, Faculty of Law of
the Vladimir Branch of the RANEPA

KURSKAYA Maria Dmitrievna,
Law student,
Vladimir branch of the RANEPA

LEGAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN SHARED-EQUITY CONSTRUCTION: THE VLADIMIR CASE

Annotation. *The paper examines the legal mechanisms for protecting defrauded homebuyers using the examples of the residential complexes "Dubrova Park-2" and "Nikitsky Posad" in the Vladimir region. It analyses the causes of the problem, conflicts arising from developer bankruptcy, the procedure for compensation payments, and alternative mechanisms for completing construction. Drawing on the Vladimir cases and judicial practice, the author proposes amendments to Federal Laws No. 214-FZ and No. 127-FZ, to regional legislation. Particular attention is paid to the need to calculate compensation based on market value, the priority of completing construction, and the introduction of mandatory construction expertise.*

Key words: *defrauded homebuyers, shared-equity construction, developer bankruptcy, compensation payments, Vladimir region.*

For citation: *Naumova N. V., Kurskaya M. D. Legal mechanisms for the protection of participants in shared-equity construction: the Vladimir case. Education and law. 2026;(10):383–388. (In Russ.).*

Введение

Проблема защиты прав обманутых дольщиков является одной из наиболее острых в современной России. Вопреки изменениям в Федеральном Законе № 214-ФЗ от 30.12.2004 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в редакции от 24.06.2025 г.) и ужесточением требований к застройщикам, тысячи граждан сталкиваются с подобной проблемой. Владимирская область не является исключением. Жилые комплексы «Дуброва парк-2» и «Никитский посад» стали яркими примерами сбоя, связанного с уголовным преследованием застройщиков, процедурами банкротства и выбором между достройкой и компенсационными выплатами. В связи с этим актуальность работы обусловлена необходимостью анализа владимирских кейсов обманутых дольщиков и выработки предложений по внесению изменений в Федеральный закон № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» (в редакции от 10.06.2026 г.), а также в региональное законодательство Владимирской области. Проблематика работы обуславливает ее цель*:* анализ правовых и организационных проблем защиты прав обманутых дольщиков на примере ЖК «Дуброва парк-2» и «Никитский посад» и выработка рекомендаций по восстановлению их законных интересов.

Задачи работы определяются в представлении характеристики правовой природы долевого строительства и причин возникновения проблемы обманутых дольщиков; анализе механизма защиты прав граждан; выявлении правовых коллизий, возникающих при банкротстве застройщиков (очередность удовлетворения требований, определение размера компенсаций); формулировке предложений по совершенствованию федерального и регионального законодательства.

В ходе исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы познания. Диалектический метод позволил рассмотреть проблему защиты прав дольщиков в динамике, а системно-структурный – представить совокупность правовых мер как единый механизм. Формально-юридический метод использовался при анализе норм законодательства, сравнительно-правовой – для сопоставления механизмов восстановления прав дольщиков. Кроме того, применялись анализ документов и обобщение судебной практики.

Правовая природа долевого строительства и причины возникновения проблемы обманутых дольщиков

Для определения правовой природы долевого строительства необходимо разъяснить сущность договора долевого участия (далее – ДДУ). ДДУ по своему содержанию является обязательством, которое сочетает в себе элементы инвестирования и подряда. Именно это сочетание и порождает массовое явление обманутых дольщиков, поскольку право на квартиру возникает только после сдачи дома, а риск банкротства застройщика лежит на гражданине. К причинам возникновения трудностей также относятся: отсутствие механизма эскроу-счетов, недостаточность контроля региональных властей за использованием средств дольщиками, правовая неграмотность населения. Владимирская область в данном случае – яркий пример действия данных факторов. Ситуация вокруг ЖК «Дуброва парк-2» и «Никитский посад» стала кейсом, который демонстрирует как правовые коллизии в сфере долевого строительства, так и эволюцию подходов региональных властей и судебной системы к защите прав граждан.

Долгострои, возникшие по вине недобросовестных застройщиков, стали причиной трагедии на долгие годы для сотен семей, вложивших средства в покупку жилья. Ситуация осложняется еще тем, что наряду с поиском инвесторов для достройки объектов, практика правоприменения сталкивается с необходимостью разрешения сложных вопросов банкротства и выплаты компенсаций. Положение дел показывает, что простое ожидание решения проблемы со временем не работает.

Как справедливо отмечает Сенатор Российской Федерации от Владимирской области Владимир Киселёв, «проблема обманутых дольщиков – это реальная трагедия людей, и оставлять их наедине со своей бедой недопустимо. Региональные власти, выполняя задачу, поставленную Президентом Российской Федерации, вынуждены искать баланс между интересами пострадавших граждан, возможностями бюджета и привлекательностью региона для инвесторов» [5]. По мнению социологов, проблема дольщиков требует правового и общественного разрешения. Исследователи В.В. Василькова и Н.И. Легостаева отмечают, что «в современном мире для решения

социальных проблем, таких как проблема обманутых дольщиков, должны активно использоваться цифровые инструменты и публичные арены» [1]. Владимирский кейс подтверждает данный тезис, поскольку дольщики обоих ЖК активно взаимодействуют со СМИ, выходят на пикеты, обращаются к Президенту России. Их активность формирует эмоциональную насыщенность проблемы.

Механизмы защиты прав дольщиков на примере ЖК «Дуброва парк-2» и ЖК «Никитский посад»

История, связанная с ЖК «Дуброва парк-2», тянется уже более пяти лет. Застройщики обвиняются в хищении средств граждан в особо крупном размере. Они создавали видимость активного строения многоквартирных домов, фактически похищая средства граждан. Факт уголовного преследования не решает проблему, поскольку людям нужны либо готовые квартиры, либо возврат денег. Для дольщиков «Дуброва парк-2» ключевым событием на пути решения затянувшейся более чем на пять лет проблемы стало проведение общего собрания в ноябре 2025 года, на котором решалась судьба 1 и 4 корпусов дома. Заместитель регионального министра архитектуры и строительства Надежда Долинская пояснила, что «процедура банкротства застройщика обязывает конкурсного управляющего предлагать гражданам создание жилищно-строительного кооператива (ЖСК), однако этот путь сопряжен с необходимостью для дольщиков вносить дополнительные средства, что для многих является непосильной ношей.

Именно поэтому власти заранее проработали альтернативный вариант с привлечением инвестора – компании «CG Development»» [3]. Это решение демонстрирует применение на практике постановления Правительства РФ № 479 от 9 апреля 2024 года «Об утверждении Правил принятия решения о предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов для завершения строительства многоквартирного дома, в отношении которого застройщик признан банкротом», позволяющего предоставлять застройщикам земельные участки без торгов при условии выделения не менее 10% общей площади квартир обманутым дольщикам. В случае с «Дуброва парк-2» схема иная, но вектор направления един: создание условий, при которых инвестору выгодно заходить на проблемный объект. По итогам голосования дольщики отказались от создания ЖСК и выбрали передачу недостроенных корпусов инвестору, который обязался завершить строительство первого корпуса к 2028 году, а четвертого – к 2029-му без привлечения дополнительных средств. Это решение стало результатом работы регионального правительства, прокуратуры и лично губернатора. Однако если для первых двух корпусов «Дуброва парк-2» решение было найдено, то судьба масштабного пятого корпуса, где более 400 квартир, до сих пор вызывает вопросы. В феврале 2026 года собрание дольщиков этого корпуса сорвалось из-за отсутствия кворума – пришло около 4% участников. Тем не менее, состоявшийся диалог высветил новые аспекты защиты прав. Принято решение восстанавливать права граждан через выплаты за счет реализации имущества компании-банкрота, и эти выплаты могут начаться уже в конце 2026 года.

По данным региональной прокуратуры, на начало 2026 года в списке обманутых дольщиков Владимирской области числится более 1200 граждан. Для понимания масштаба: в соседней Ивановской области, где активно применялся механизм фонда защиты прав граждан, за аналогичный период было восстановлено более 85% прав дольщиков. Владимирская область только начинает выстраивать аналогичную систему, что отчасти объясняет текущее отставание.

Ситуация вокруг ЖК «Никитский посад» (застройщик «Ситистрой») представляет собой ещё более сложный юридический казус. Компания застройщика была признана банкротом в 2024 году. Однако дольщики этого объекта столкнулись с не просто с задержкой строительства, а с перспективой остаться и без квартир, и без денег в адекватном объеме. Основная проблема возникла в конце 2025 года, когда дольщики «Никитского посада» начали получать компенсации. Однако вместо полной стоимости квартир, было выплачено от 77% до 87% стоимости. Конкурсный управляющий объяснил данную ситуацию требованиями закона о банкротстве, согласно которому 13% суммы передаются новым кредиторам, чьи требования удовлетворятся в судебном порядке. Ситуация вызвала волну возмущения и стала поводом для обращений в прокуратуру. Дольщики «Никитского посада» просили проверить законность постановления правительства № 425 *от 16 июля 2024 года «*О мерах по завершению строительства проблемных объектов на территории Владимирской области» которое, по их мнению, нарушает права. Но главная проблема дольщиков в том, что компенсации рассчитываются по ценам 2017 года (на момент заключения договоров), тогда как рыночная стоимость жилья сегодня выросла в разы. Со стороны обманутых граждан решение проблемы заключается в использовании на «реанимацию» недостроя, заложенные в бюджете Правительства Владимирской области 368 миллионов рублей на выкуп дома на торгах. По расчетам, стоимость завершения строительства объекта составляет 442

миллиона рублей. Разницу в размере 74 миллиона рублей дольщики готовы софинансировать за свой счет.

Правовая коллизия, возникшая вокруг «Никитского посада», выводит проблему защиты прав дольщиков на новый уровень. Очевидно, что защита прав граждан не должна заканчиваться на формальной выплате компенсации, которая по своей сути не является эквивалентной. Замминистра Надежда Долинская пояснила, что споры с «дольщиками-подрядчиками» находятся в Арбитражном суде, и, если те докажут свою правоту, деньги из того самого 13-процентного резерва уйдут им [3]. Это означает, что добросовестные приобретатели могут так и не дождаться полной выплаты. Юристы, специализирующиеся на банкротстве застройщиков, подчеркивают, что подобные дела – это всегда балансирование на грани закона. Верховный Суд указывает, что «защита прав дольщиков не должна необоснованно ограничивать права добросовестных цессионариев, но и не должна позволять недобросовестным лицам обогащаться за счет пострадавших». В деле с «Никитским посадом» суду предстоит дать оценку каждой сделке: действительно ли человек вносил деньги, или же он лишь оформлял бумаги в счет выполнения работ, то есть по сути был партнером бизнеса, а не просто гражданином, желающим купить жилье.

Оценка эффективности правовых механизмов и пути совершенствования защиты прав обманутых дольщиков

Анализ владимирских кейсов позволяет сделать вывод, что региональные власти выбрали стратегию «гибкого подхода». Там, где возможно привлечь крупного инвестора («CG Development»), как в ЖК «Дуброва парк-2», делается ставка на достройку. Там, где объект имеет низкую строительную готовность (ЖК «Никитский посад»), делается ставка на компенсации. Однако размер выплат (77–87% от стоимости, расчёт по ценам 2017 года) и долгий путь их получения влекут серьёзные вопросы. Судебная практика, хоть и развивающаяся в сторону защиты покупателей, не обеспечивает оперативного решения проблем.

Согласно анализу судебной практики Арбитражного суда Владимирской области, за 2024-2025 годы, из 45 рассмотренных дел о банкротстве застройщиков только в 12 случаях дольщикам удалось добиться выплат в полном объеме (с учетом рыночной стоимости жилья), что составляет лишь 27%. В остальных ситуациях суды вставали на сторону кредиторов-подрядчиков, ссылаясь на формальное применение статьи 201.10 Закона о банкротстве от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в редакции от 10.06.2026 г).

Международный опыт (например, механизм эскроу-счетов в Германии, где средства дольщиков полностью защищены от притязаний кредиторов застройщика) показывает, что российская система нуждается в дополнительной законодательной доработке в части приоритета прав физических лиц-участников строительства перед юридическими лицами-кредиторами [2].

Анализируя ситуацию, считаем целесообразным предложить ряд мер, предотвращающих появление аналогичных ситуаций в будущем и позволяющих восстановить права пострадавших граждан.

Прежде всего необходимо урегулировать механизм предоставления компенсационных выплат. Предлагается дополнить статью 201.12 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» пунктом, установив, что при банкротстве застройщика размер компенсации участнику долевого строительства определяется исходя из рыночной стоимости аналогичного жилого помещения на момент выплаты (по заключению независимой экспертизы), а не из цены договора долевого участия.

Кроме этого, целесообразно законодательно закрепить диверсификацию механизмов достройки. Опыт «Дуброва парк-2» показал эффективность привлечения частного инвестора на условиях предоставления земельных участков без торгов. Предлагается внести изменения в статью 13 Федерального закона № 214-ФЗ, дополнив её пунктом 2.1, предусматривающим, что при степени готовности объекта более 50% (подтверждённой заключением независимой экспертизы) приоритетным способом восстановления прав участников долевого строительства является достройка объекта за счёт привлечения инвестора или государственного финансирования, а выплата компенсации допускается только при доказанной невозможности достройки.

Необходимо также установить обязанность застройщиков, не уложившихся в сроки, демонтировать объекты за свой счёт. Предлагается дополнить статью 18 Федерального закона № 214-ФЗ частью 7, обязывающей застройщика, по вине которого многоквартирный дом не введён в эксплуатацию в установленный срок и в отношении, которого принято решение о нецелесообразности достройки (при степени готовности менее 30% и отсутствии инвестора), осуществить снос объекта незавершённого строительства за свой счёт и привести земельный участок в пригодное для использования состояние. В случае неисполнения данной обязанности снос осуществляется за счёт средств федерального или регионального фонда с последующим взысканием расходов с застрой-

щика.

На региональном уровне целесообразно дополнить Закон Владимирской области от 13.07.2004 № 65-ОЗ (в редакции от 05.06.2025 г.) «О регулировании градостроительной деятельности на территории Владимирской области» следующими положениями: обязательное страхование ответственности застройщика перед участниками долевого строительства в размере не менее 30% от проектной стоимости объекта, покрывающее риски банкротства и нецелевого использования средств; создание регионального реестра недобросовестных застройщиков с публичным доступом (включение в реестр влечёт запрет на получение новых разрешений на строительство на территории области сроком на 5 лет); участие представителя правительства Владимирской области в наблюдательных советах всех ЖСК, создаваемых на проблемных объектах, с правом вето на финансовые решения, превышающие 1 миллион рублей; а также ежеквартальная публичная отчётность застройщиков, привлекающих средства граждан, перед профильным комитетом Законодательного Собрания области.

Эффективной мерой для предотвращения и разрешения ситуаций с обманутыми дольщиками является деятельность независимой строительной экспертизы. Она позволяет установить реальную степень готовности объекта, обоснованность сметы достройки и фактически понесённые затраты. Предлагается дополнить Федеральный закон № 214-ФЗ новой статьёй «Независимая строительная экспертиза объекта долевого строительства», установив, что при банкротстве застройщика конкурсный управляющий (или региональный фонд) обязан организовать проведение такой экспертизы за счёт средств застройщика (а при их отсутствии — за счёт фонда). Заключение экспертизы обязательно для определения целесообразности достройки, расчёта компенсации и принятия решения о сносе объекта. Экспертная организация должна быть аккредитована при Минстрое России и не иметь аффилированности с застройщиком.

Во Владимирской области уже предпринимаются меры для предотвращения похожих ситуаций в будущем. Примером тому является созданный «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства Владимирской области». В его рамках в 2024 году правительство приняло постановление, определяющее правила принятия решения фондом о целесообразности финансирования завершения строительства. Фонд вправе запрашивать дополнительную документацию, подтверждающую техническую готовность объекта. Такой подход позволяет гибко подходить к выделению средств и исключить риски нецелевого использования бюджетных денег.

Заключение

Таким образом, предложенные изменения на уровне федерального и регионального законодательства, включая введение обязательной строительной экспертизы, расчёт компенсаций по рыночной стоимости, страхование ответственности застройщиков позволяют создать эффективную систему защиты прав обманутых дольщиков. На наш взгляд, внедрение данных механизмов способно уменьшить риски появления новых проблемных объектов, обеспечить справедливое восстановление прав уже пострадавших граждан. Проблема обманутых дольщиков имеет системное решение, и представленный комплекс мер может служить основой для законодательного регулирования.

Список литературы:

[1] Василькова, В.В., Легостаева, Н.И. Цифровые публичные арены в конструировании социальных проблем (на примере проблемы обманутых дольщиков) // Журнал исследований социальной политики. – 2023. – Т. 21. – № 3. – С. 389–404.

[2] Козлова, Н.В., Филиппова, Т.А. Правовое регулирование банкротства застройщиков: проблемы и перспективы // Вестник гражданского права. – 2024. – № 1. – С. 78–95.

[3] Интервью заместителя министра архитектуры и строительства Владимирской области Н.В. Долинской // Владимирские ведомости. – 2025. – 25 ноября. – URL: https://vedomosti33.ru/interview/2025/11/25/dolinskaya (дата обращения: 06.09.2026).

[4] Отчет о деятельности Фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства Владимирской области за 2024 год // Официальный сайт Фонда. – URL: https://fond33.ru (дата обращения: 20.08.2026).

[5] Во Владимирской области продолжается рассмотрение уголовного дела застройщиков Друговых // Томикс33.рф. — URL: https://www.томикс33.рф/novosti/127592/ (дата обращения: 22.08.2026).

References:

[1] Vasilkova, V.V., Legostaeva, N.I. Digital Public Arenas in the Construction of Social Problems (The Case of "Deceived Equity Holders") // Journal of Social Policy Studies. – 2023. – Vol. 21. – No. 3. – pp. 389–404.

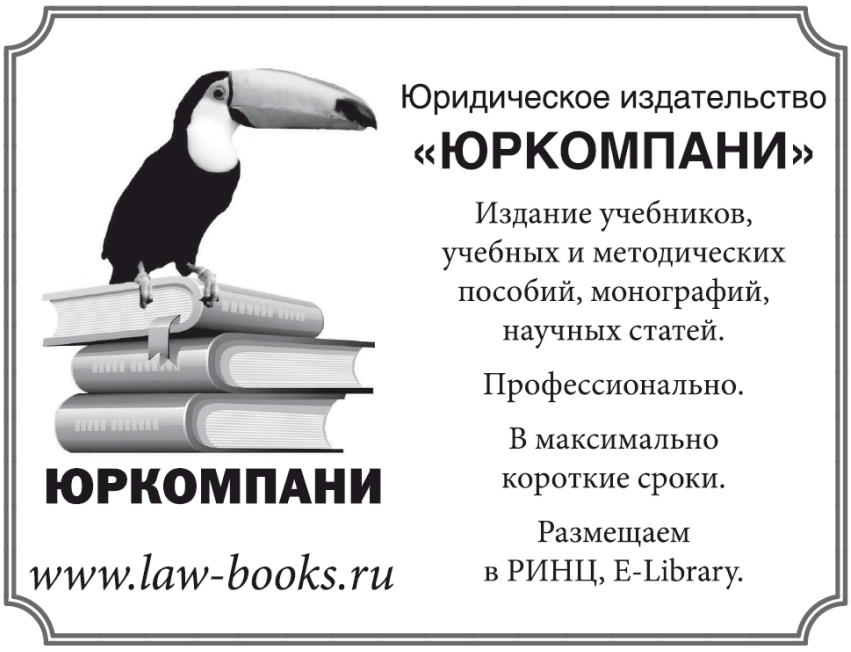
[2] Kozlova, N.V., Filippova, T.A. Legal Regulation of Real Estate Developer Bankruptcy: Challenges and Prospects // Civil Law Review. –

2024. – No. 1. – pp. 78–95.

[3] Interview with N.V. Dolinskaya, Deputy Minister of Architecture and Construction of the Vladimir Region // Vladimirskie Vedomosti. – 2025. – November 25. – URL: https://vedomosti33.ru/interview/2025/11/25/dolinskaya (accessed: 06.09.2026).

[4] Activity Report of the Fund for the Protection of the Rights of Citizens Participating in Shared-Equity Construction in the Vladimir Region for 2024 // Official Website of the Fund. – URL: https://fond33.ru (accessed: 20.08.2026).

[5] Criminal Case Against the Drugov Developers Continues in the Vladimir Region // Tomiks33.rf. – URL: https://www.томикс33.рф/novosti/127592/ (accessed: 22.08.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-389-393

МАКАРЯН Валико Александрович,
студент 1 курса магистратуры
Высшей школы государственного аудита МГУ имени
М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В Российской Федерации право на осуществление предпринимательской деятельности закрепляется в положениях основного закона – Конституции Российской Федерации. Предпринимательство является важнейшим институтом, необходимым как для формирования гражданского общества, так и обязательным условием для существования рыночной экономики. Однако в России наблюдается проблема низкого уровня предпринимательской активности и вовлеченности граждан в рассматриваемую сферу деятельности. Кроме того ежегодно в стране возрастает количество прецедентов несостоятельности (банкротства) различных индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Видится целесообразным развивать российское законодательство, регулирующее вопросы осуществления предпринимательской деятельности, обеспечивая субъектов хозяйственной деятельности дополнительными гарантиями и стимулами. В данной статьи приводятся авторские выводы и предложения, направленные на совершенствование законодательства в сфере осуществления предпринимательской деятельности для целей укрепления экономической и финансовой безопасности Российской Федерации.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, предпринимательство, преодоление признаков несостоятельности (банкротства), угрозы финансовой безопасности, финансовый суверенитет, рыночная экономика.*

Для цитирования: *Макарян В. А. Направления совершенствования законодательства в сфере осуществления предпринимательской деятельности как фактор укрепления экономической безопасности Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 389–393.*

MAKARYAN Valiko Aleksandrovich,
1st year master's student of the Higher School
of State Audit at Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In the Russian Federation, the right to engage in entrepreneurial activity is enshrined in the provisions of the basic law, the Constitution of the Russian Federation. Entrepreneurship is an essential institution necessary both for the formation of a civil society and a prerequisite for the existence of a market economy. However, in Russia there is a problem of a low level of entrepreneurial activity and involvement of citizens in the field of activity under consideration. In addition, the number of cases of insolvency (bankruptcy) of various individual entrepreneurs and legal entities is increasing annually in the country. It seems advisable to develop Russian legislation governing the conduct of entrepreneurial activities, providing economic entities with additional*

guarantees and incentives. This article presents the author's conclusions and proposals aimed at improving legislation in the field of entrepreneurial activity in order to strengthen the economic and financial security of the Russian Federation.

Key words: *economic security, entrepreneurship, overcoming signs of insolvency (bankruptcy), threats to financial security, financial sovereignty, market economy.*

For citation: *Makaryan V. A. Directions for improving legislation in the field of entrepreneurial activity as a factor in strengthening the economic security of the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):389–393. (In Russ.).*

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью предпринимательской деятельности как одного из ключевых элементов экономической системы, обеспечивающего рост благосостояния общества, создание рабочих мест и инновационное развитие. В условиях динамично изменяющейся экономической среды, глобализации рынков и усиления конкуренции особую важность приобретает обеспечение эффективной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Правовой механизм такой защиты представляет собой комплекс норм, институтов и процедур, направленных на предотвращение нарушений, восстановление нарушенных прав и обеспечение стабильности предпринимательской деятельности. Однако, несмотря на наличие развитой нормативной базы, на практике возникают проблемы, связанные с пробелами в законодательстве, недостаточной эффективностью правоприменительной практики и сложностью доступа к средствам правовой защиты. В этой связи исследование правового механизма защиты субъектов предпринимательской деятельности приобретает особую актуальность, так как позволяет выявить существующие проблемы и предложить пути их решения, что способствует созданию благоприятного правового климата для развития бизнеса.

Так, О.Н. Ермолова определяет, что предпринимательская деятельность характеризуется своей инновационной направленностью и осуществляется в целях удовлетворения потребностей физических лиц (потребителей) как участников рынка [7].

В работах Л.А. Хакимовой определяется, что предпринимательская деятельность является формой проявления экономической активности, которая предполагает не только извлечение прибыли, но и создание новых товаров, работ или услуг [10]. Таким образом, предпринимательская деятельность выступает основой для функционирования рыночных отношений. Также важно отметить, что без развития предпринимательства нельзя представить гражданского общества.

Гарантия предпринимательства раскрывается на конституционном уровне. Так в статье 34 Конституции РФ гарантируется, что «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [1].

Более деятельно, в статье 2 Гражданского кодекса РФ приводится основная легальная дефиниция к термину «предпринимательство» в рамках общих началах гражданского законодательства, следующим образом: как самостоятельная деятельность, которая осуществляется лицами на свой риск в целях систематического извлечения прибыли и при условии государственной регистрации в одной из организационно-правовых форм (индивидуальный предприниматель, самозанятый, в форме общества или товарищества) [4].

Основная цель предпринимательства заключается в регулярном, то есть систематическом извлечении прибыли от использования имущества, реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг. При этом законом установлено, что предпринимательская деятельность требует обязательной регистрации таких лиц в установленном порядке. В ином случае незарегистрированная предпринимательская деятельность образует признаки статьи 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» [2] или статьи 14.1. КоАПа РФ «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)» [3].

Важно отметить, что экономическая безопасность государства напрямую зависит от устойчивого развития предпринимательства, стимулируемого эффективным законодательством. Совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей предпринимательскую деятельность, является ключевым фактором укрепления экономической безопасности Российской Федерации.

Данное определение, хотя и охватывает ключевые признаки коммерческой деятельности, порождает немало вопросов. С одной стороны, оно не отделяет предпринимательство от иных форм осуществления экономической активности. С другой стороны – его формулировка вызывает дискуссии как в теории, так и на практике. Особенно спорным является размещение данной дефиниции именно в статье 2 Гражданского кодекса.

Многие исследователи отмечают, что такому важному институт как предпринимательство в рамках гражданского кодекса целесообразно выделить самостоятельную главу. Данное предложение возможно поддержать. Аналогичное предложение выражалось Е.А. Сухановым в рамках концепции нового гражданского кодекса [9].

Требуется более глубокий анализ самого понятия «предпринимательская деятельность». Существующая дефиниция нуждается в детализации, поскольку признаки предпринимательства неоднозначно трактуются в правоприменительной практике.

Рассмотрим признаки предпринимательства подробнее. Так, самостоятельность является одним из ключевых признаков предпринимательской деятельности. Самостоятельность предполагает независимость предпринимателя в принятии решений и осуществлении деятельности, что включает в себя как организационную, так и имущественную самостоятельность.

Систематичность предпринимательской деятельности подразумевает ее регулярный характер. В исследовании Ахметовой И.Н. подчеркивается, что разовые сделки не могут быть отнесены к предпринимательской деятельности, так как она предполагает постоянное осуществление деятельности, то есть важен факт извлечения прибыли не менее 2 раз [6]. Таким образом, под систематичностью предпринимательства следует понимать извлечение дохода более 2 раз хозяйствующим и зарегистрированным субъектом.

Извлечение прибыли является основной целью предпринимательской деятельности. Отмечается, что даже если деятельность не приносит прибыли на определенном этапе, тогда подобная деятельность все равно может считаться предпринимательской, если изначально была направлена на извлечение дохода.

Рисковый характер предпринимательской деятельности связан с неопределенностью результатов. Как указывает М.В. Мусина, предприниматель берет на себя риски, связанные с изменением рыночной конъюнктуры, конкуренцией и другими факторами [8]. Данный фактор характеризует предпринимательскую деятельность наиболее точно и привлекает внимание лиц, поскольку с одной стороны предпринимательская деятельность может приводить к неограниченным доходам, как с другой стороны может представляться нестабильной и в конечном итоге привести к несостоятельности (банкротству).

В юридической практике предпринимательской является лишь деятельность, которая зарегистрирована в одной из организационно-правовых форм. Легальный характер предпринимательской деятельности предполагает ее осуществление в рамках действующего законодательства. Незаконная деятельность не может быть признана предпринимательской, даже если она соответствует другим признакам. Также незаконное предпринимательство представляет угрозы для экономической безопасности страны, поскольку субъекты хозяйственной деятельности уходят в тень, что способствует развитию теневой экономики. Теневая экономика как угроза экономической безопасности раскрывается в качестве угрозы в Стратегии экономической безопасности России [5].

На современном этапе в России можно выделить несколько проблем, которые возникают в сфере предпринимательства, среди которых можно выделить:

Низкий уровень вовлеченности граждан в предпринимательскую деятельность (т.е. большинство граждан осуществляют трудовую деятельность по найму);

Высокая степень банкротств хозяйствующих субъектов (так, например, банкротами за 10 мес. 2025 г. стали 517,73 тыс. граждан) [11];

Отсутствие гарантий для предпринимателей и стимулом интеграции в предпринимательскую деятельность;

Высокий уровень недобросовестной конкуренции.

Для целей преодоления вышеописанных проблем целесообразно сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Во-первых, видится целесообразным пересмотреть структуру правового регулирования отношений в сфере предпринимательства путем переноса положений Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющие: «понятие и признаки предпринимательской деятельности», «порядок осуществления предпринимательской деятельности», «особенности регистрации предпринимателя» и «систему организационно-правовых форм осуществления предпринимательской деятельности», в качестве самостоятельной главы ГК РФ «Основы осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации».

Во-вторых, для стимулирования вовлеченности граждан в предпринимательскую деятельность целесообразно разработать ряд льгот, направленных на стимулирование новых предпринимателей, путем учреждения государственной программы «Открой свой бизнес», при участии в которой лицу предоставляется:

- налоговые каникулы (до 12 месяцев);
- предоставление под найм на льготных условиях помещения;

- стартовый целевой капитал, предоставляемый на закупку необходимого оборудования в объеме до 1 миллиона рублей.

Данная программа в целях избежания хищений бюджетных средств должна включать строгую отчетность и организацию таким предпринимателем не менее 2 рабочих мест для квалифицированных кадров с оплатой труда не менее 2 МРОТ по субъекту в отношении каждого работника.

В-третьих, для целей преодоления проблемы распространения недобросовестной конкуренции необходимо усилить полномочия Федеральной антимонопольной службы, путем предоставления данному контрольному органу дополнительного полномочия осуществлять выездные антимонопольные проверки в отношении субъектов среднего и крупного бизнеса.

В рамках данной статьи необходимо сформулировать вывод. Видится, что внедрение вышеперечисленных положений позволит укрепить сферу предпринимательства в России, а следовательно, и систему мер обеспечения экономической безопасности страны. Таким образом, совершенствование законодательства в сфере предпринимательской деятельности – непрерывный процесс, требующий постоянного мониторинга и адаптации к меняющимся экономическим условиям. Только комплексный подход, учитывающий интересы государства и предпринимателей, позволит создать благоприятные условия для устойчивого развития бизнеса и укрепления экономической безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5006.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[5] Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 20 ст. 2902.

[6] Ахметова И.Н. Самозащита и обеспечивающие ее институты в механизме реализации конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности // Юридический вестник ДГУ. 2022. № 2. С. 54.

[7] Ермолова О.Н. Принцип защиты прав субъектов предпринимательской деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 43.

[8] Мусина М.В. Гражданская правосубъективность индивидуальных предпринимателей // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 159.

[9] Суханов Е.А. О Концепции развития гражданского законодательства РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 5. С. 7-26.

[10] Хакимова Л.А. Специфика гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-1(62). С. 179.

[11] Банкротами за 10 мес. 2025 г. стали 517,73 тыс. граждан // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/business/1060183 (дата обращения: 19.08.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020). // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 5006.

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on December 29, 2025) (with amendments and additions, effective as of January 20, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, No. 25, Art. 2954.

[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on December 29, 2025) (with amendments and additions, effective as of January 9, 2026) // Rossiyskaya Gazeta, No. 256, December 31, 2001.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025, with amendments dated November 25, 2025) (with amendments and additions, effective as of August 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Art. 3301.

[5] Decree of the President of the Russian

Federation No. 208 dated May 13, 2017, "On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030" // Collected Legislation of the Russian Federation, May 15, 2017, No. 20, Art. 2902.

[6] Akhmetova I.N. Self-defense and the institutions that support it within the mechanism for exercising the constitutional right to freely use one's abilities and property for entrepreneurial activity // Legal Bulletin of DSU (Dagestan State University). 2022. No. 2. P. 54.

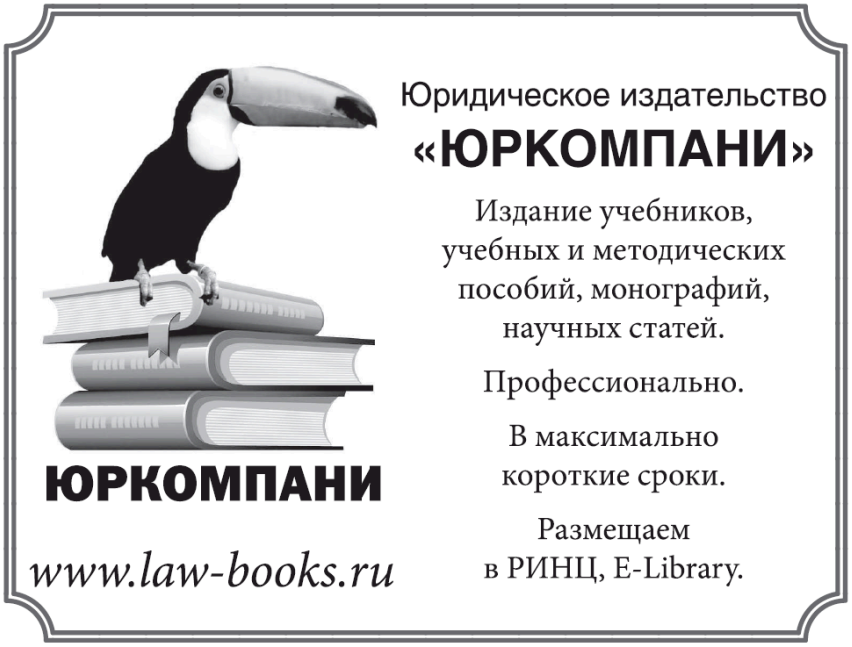
[7] Ermolova O.N. The principle of protecting the rights of subjects of entrepreneurial activity // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2019. No. 9. P. 43.

[8] Musina M.V. Civil legal personality of individual entrepreneurs // Young Scientist. 2019. No. 52 (290). P. 159.

[9] Sukhanov E.A. On the Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2010. No. 5. Pp. 7–26.

[10] Khakimova L.A. Specifics of the civil liability of an individual entrepreneur // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 11-1(62). P. 179.

[11] 517.73 thousand citizens declared bankrupt in the first 10 months of 2025 // Interfax. URL: https://www.interfax.ru/business/1060183 (accessed: August 19, 2026).



ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-394-397
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

РОМАНОВ Михаил Андреевич,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Россия,
e-mail: romanov.law33@yandex.ru

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. *В статье рассмотрена обусловленная цифровой трансформацией правотворчества персонализация права. Охарактеризованы основные исследовательские подходы к данному явлению. Описаны возможные направления персонализации права, риски и преимущества рассматриваемого феномена. Автор соотносит персонализацию права с классическими правоведческими понятиями и категориями (индивидуальное правовое регулирование, нормативное правовое регулирование, микронорма). Сделаны выводы относительно перспектив развития данного процесса.*

Ключевые слова: *цифровое правотворчество, персонализация права, цифровое право, правотворчество, микронорма.*

Для цитирования: *Романов М. А. Персонализация права в контексте цифровизации правотворчества // Образование и право. 2026. № 10. С. 394–397.*

ROMANOV Mikhail Andreevich,
Vladimir State University named after
Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov,
Vladimir, Russia

PERSONALIZATION OF LAW IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF LAW-MAKING

Annotation. *The article examines the personalization of law, which is driven by the digital transformation of law-making. The main research approaches to this phenomenon are characterized. Possible directions for the personalization of law, as well as the risks and benefits of this phenomenon, are described. The author relates the personalization of law to classical legal concepts and categories (individual legal regulation, normative legal regulation, micro-norm). Conclusions are drawn regarding the prospects for the development of this process.*

Key words: *digital law-making, personalization of law, digital law, law-creation, micro-norm.*

For citation: *Romanov M. A. Personalization of law in the context of the digitalization of law-making. Education and law. 2026;(10):394–397. (In Russ.).*

Перспективной концепцией, описывающей один из сценариев будущего развития норм права в условиях цифровизации, выступает модель «персонализации права» [1]. Данный подход основан на признании ограничений применения общих правил и основан на прогнозировании того, что в будущем эти ограничения будут преодолеваться с помощью алгоритмических систем, будут приниматься индивидуальные решения, основанные на юридических целях [2]. Апологеты данной концепции представляют общество с меньшим количеством универсальных правил в пользу принятия персонализированных решений, основанных на анализе данных посредством современных цифровых технологий, в том числе «обученных» на больших данных моделях искусственного интеллекта.

Персонализация права – одна из наиболее

изучаемых последние десятилетия явлений. Как отмечает Т. Я. Хабриева, персонализация права – одно из направлений эволюции права [3]. Научные изыскания по данному вопросу проводятся как в рамках теоретико-правовой и отраслевых юридических наук.

В доктрине концепт «персонализация права» интерпретируется в нескольких аспектах:

– как результат адаптации правовых норм под конкретного субъекта на основе анализа больших данных;

– как направление для исследования права сквозь личный опыт, моральную ответственность, «перенос абстрактных правовых норм в личную, эмоциональную, человеческую плоскость» [4].

Второе значение отражает психологический подход к праву. Большинство ученых-юристов, придерживающихся более распространенных точек зрения, персонализация права рассматривается в первом из приведенных значений. В сущности, персонализация права представляет собой процесс перехода от типичных норм к индивидуальным правилам, учитывающим личные характеристики субъекта, особенности его поведения, испытываемые им потребности и переживания.

Такая персонализация может осуществляться путем создания «гранулярных» правовых норм (норм, детализированных под конкретных лиц или группы лиц на основе анализа больших данных) или формируемых искусственным интеллектом «микродиректив».

В известной степени, персонализированное право иллюстрирует конвергенцию индивидуального и нормативного правового регулирования. По существу, она отражает изменения традиционной модели («схемы») правового регулирования, в которой процессы установления общеобязательных правил (правотворчество) и их применения к конкретной жизненной ситуации (правоприменение) разделены.

Как отмечает, В. В. Аргунов, «в теории персонализированного права под правом понимается традиционная норма права (правило поведения), индивидуализированная «электронным» путем в индивидуальном предписании (решении искусственного интеллекта, так называемой микродирективе)» [5].

Понятием микронорма – своего рода, предвестником персонализиированного права – оперировала Т. В. Кашанина.

Как отмечает И. А. Минникес, «точнее говорить не об индивидуальной норме, а об индивидуальном правиле поведения, которое предназначено только для участников конкретного правоотношения. Оно выработано на основе нормы права и является правилом поведения в конкретной ситуации и в случаях, прямо предусмотренных законом, имеет форму акта-документа» [6].

Анализ научной литературы и практики правового регулирования позволяет сделать вывод, что персонализированное право может быть востребованно:

– в рамках отношений в сфере защиты прав потребителей: например, для разных категорий потребителей будет представлена своя значимая информация о том или ином товаре (работе, услуге) [7];

– в контексте наследования (путем определения доли в наследственной массе в соответствии с отношениями, сложившимися между наследником и наследодателем при жизни последнего);

– при создании гражданско-правовых договоров с учетом всего комплекса взаимоотношений сторон, их статуса [8];

– в отношениях, связанных с установлением мер правовой ответственности;

– в страховании, управлении дорожным движением, на финансовом рынке [9];

– при установлении более высоких стандартов добросовестности для субъектов, деятельность которых является рискованной и даже опасной.

В первом приближении концепт персонализированного права близок концепции индивидуального правового регулирования (основанного на нормах позитивного права воздействия). Отличие современной персонализации от индивидуального правового регулирования состоит в масштабе явления и используемом инструментарии. Если индивидуальное правовое регулирование – по сути, ответ правовой системы на конкретную жизненную ситуацию, - является дискретным, то алгоритмическая персонализация проактивна и тотальна. Персонализация права предполагает, что посредством цифровых технологий, алгоритмов происходит точечная «надстройка» правового регулирования.

Этапы персонализации:

- сбор информации о субъекте, его юридически значимом поведении;

- прогнозирование его поведения (в том числе на основе больщих данных);

- формирование нормы ad hoc).

Как отмечается в литературе, «персонализация права предполагает адаптацию правовых норм, решений и процедур к индивидуальным характеристикам субъектов права (физических лиц, организаций) и ситуаций» [10].

Персонализация права – процесс, влекущий комплекс социально-правовых последствий: технологических, правовых, этических, экономи-

ческих. В эпоху цифровизации именно она определяет основные направления дискуссии по поводу перспектив развития юридической науки и практики.

Как и любое явление, обусловленное цифровизацией, персонализированное право имеет и преимущества, и недостатки. Персонализация права становится реализацией практической реализацией принципов справедливости, эффективности, равенства. Едва ли противоречит принципу справедливости ситуация, когда закон устанавливает более высокие стандарты должной осмотрительности для тех, кто подвергает общество большему риску, более строгие нормы для водителей, склонных к опасному вождению. То же верно и для защиты прав: персонализация предполагает более существенную правовую защиту тем потребителям, которые в ней больше нуждаются. На самом деле, многие законы можно адаптировать под конкретного человека. Возраст, с которого человек может водить машину, покупать алкоголь или осуществлять перелеты, может варьироваться в зависимости от индивидуальных показателей личности в целях обеспечения личности.

Персонализированное законодательство может быть достаточно «жестким», например, устанавливать «высокий», «средний» и «низкий» возраст для покупки алкоголя в зависимости от типа личности, или оно может быть более гибким, опираться на большие данные и реализовываться с помощью алгоритмов с индивидуальными директивами.

Реализация персонализации права может привести к возникновению рисков и угроз: например, может быть нивелирован принцип правовой определенности, под угрозой находится автономия воли. Ставится под сомнение реализация важной задачи объективного права – обеспечение равного масштаба возможностей и ограничений для каждого.

Еще одно из наиболее проблемных, «узких», мест – противоречие между персонализацией права и принципом всеобщности правового регулирования и правового равенства. Представляется, что нарушений здесь нет. Равенство проявляется в том, что при выборе средства правового регулирования и «объема» правового воздействия система учитывает разнообразные значимые критерии. Напротив, одинаковое отношение к субъектам, которое игнорирует различия между ними, едва ли справедливо. Это, по сути, и есть ключевое преимущество персонализированного права: даже если принадлежность к какой-либо группе влияет на правовое положение человека, к членам этой группы не относятся единообразно.

Подводя итог, отметим, что персонализированное право представляет собой достаточно новый концепт в теоретико-правовой науке. Практическое внедрение персонализированного права связано с определенными трудностями, проявляющимися в необходимости дать ответы на следующие вопросы: на каких данных будут обучаться алгоритмы; способствует ли он принципу справедливости; не приведете ли принцип к стигматизации отдельных социальных групп. Для минимизации рисков необходимо:

- сохранение обязательного человеческого контроля за принимаемыми решениями;

- обеспечение реализации фундаментальных правовых принципов (правовой определенности, равенства, справедливости, транспарентности и проч.)

- разработка этических стандартов реализации.

Персонализация права, осуществляемая посредством использования технологий искусственного интеллекта, распределенного реестра, представляет собой перспективное, но крайне неоднозначное направление развитие правовой системы. С одной стороны, она открывает возможности для более точного, эффективного и справедливого регулирования, учитывающего индивидуальные обстоятельства. По сути, наблюдается новое прочтение принципа правового равенства. С другой – под сомнение ставятся классические свойства права: нормативность, общеобязательность, формальное равенство.

На современном этапе общественного развития актуальными и наиболее реалистичным представляется внедрение ограниченных форм персонализации. Полагаем, что в перспективе отдельной отраслью правовой науке станет так называемая «персонализированная юриспруденция». Практическая деятельность юристов также будет отвечать принципам клиентоориентированного подхода в целях персонализации.

Список литературы:

[1] Personalizing Default Rules and Disclosure with Big Data. // Research Gate. URL: https: //www.researchgate.net/publication/256047335_ Personalizing_Default_Rules_and_Disclosure_with_ Big_Data (дата обращения: 11.08.2026).

[2] Porat A., Ben-Shahar O. Personalized Law: Different Rules for Different People. 2021. 264 p.

[3] Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.

[4] Абызова Е. Р. Понятие, сущность и особенности персонализация права // Аграрное и земельное право. – 2026. – № 8. – С. 30-34.

[5] Аргунов В. В. Теория «персонализиро-

ванного права» и гражданское судопроизводство: утопия или ближайшее будущее? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 2 (126). С. 33.

[6] Минникес И. А. Пределы индивидуального правового регулирования: новые аспекты проблемы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 2 (105). С. 16.

[7] Мисостишхов Т. З. Персонализированное право и фундаментальные права // Цифровое право. 2020. № 1 (4). С. 63.

[8] Зорькин В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 11.

[9] Батурин Ю. М. Информационное ателье»: омнимедиа и трансформация права // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 46, № 3. С. 16.

[10] Абызова Е. Р. Перспективы персонализации права // Российско-азиатский правовой журнал. 2026. № 1. С. 5–12.

References:

[1] Personalizing Default Rules and Disclosure with Big Data. // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/256047335_Personalizing_Default_Rules_and_Disclosure_with_Big_Data (accessed: 11.08.2026).

[2] Porat A., Ben-Shahar O. Personalized Law: Different Rules for Different People. 2021. 264 p.

[3] Khabrieva T. Ya. Identification of Law in Modern Social Regulation // Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy). 2021. No. 12. pp. 5–17.

[4] Abyzova E. R. The Concept, Essence, and Features of the Personalization of Law // Agrarian and Land Law. 2026. No. 8. pp. 30–34.

[5] Argunov V. V. The Theory of "Personalized Law" and Civil Legal Proceedings: A Utopia or the Near Future? // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2025. No. 2 (126). p. 33.

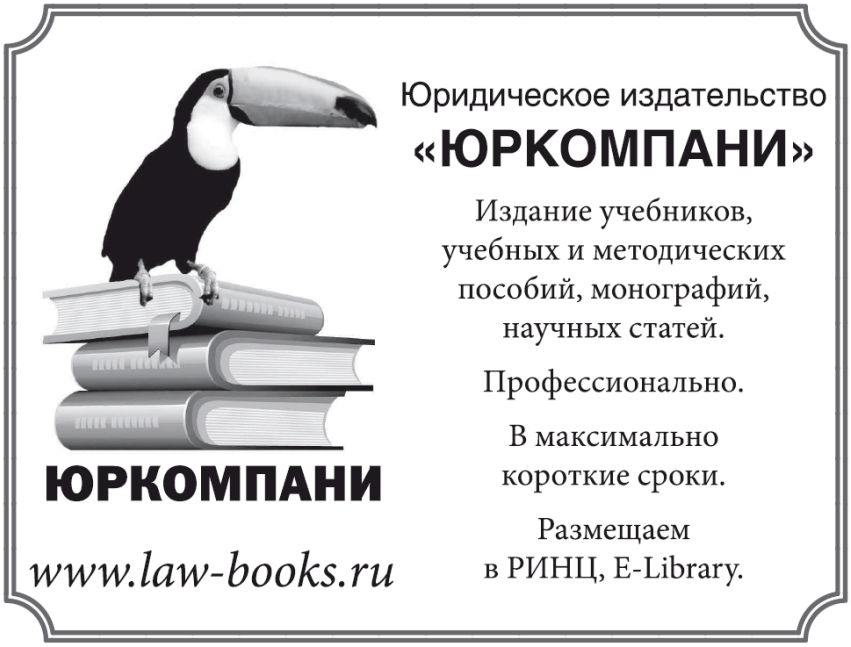
[6] Minnikes I. A. Limits of Individual Legal Regulation: New Aspects of the Problem // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Scientific and Practical Journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (105). p. 16.

[7] Misostishkhov T. Z. Personalized Law and Fundamental Rights // Digital Law. 2020. No. 1 (4). p. 63.

[8] Zorkin V. D. Providentia, or On the Law of the Future in the Era of Digitalization // State and Law. 2020, No. 6, p. 11.

[9] Baturin Yu. M. “Information Atelier”: Omnimedia and the Transformation of Law // Works on Intellectual Property. 2023. Vol. 46, No. 3, p. 16.

[10] Abyzova E. R. Prospects for the Personalization of Law // Russian-Asian Law Journal. 2026, No. 1, pp. 5–12.



Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-398-402

СОТНИКОВ Александр Владиславович,
ассистент кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: av.sotnikov01@gmail.com

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

Аннотация. *Статья представляет собой комплексное исследование, посвященное анализу специфических характеристик деформации профессионального правосознания сотрудников Федеральной службы судебных приставов. Актуальность исследования обусловлена, как необходимостью профилактики деструктивных процессов правосознания сотрудников правоохранительного блока, так и отсутствием релевантных научных трудов, рассматривающих явление деформации профессионального правосознания с юридической точки зрения. На основе анализа материалов нормативных правовых актов, теоретических исследований автор характеризует особенности функционирования сотрудников Федеральной службы судебных приставов. Особое внимание посвящено выявлению механизмов возникновения деформационных процессов в правосознании рассматриваемой категории сотрудников. В рамка данного исследования автор приходит к выводу о преобладании правового идеализма, правового инфантилизма и правового негативизма среди форм деформации профессионального правосознания сотрудников Федеральной службы судебных приставов.*

Ключевые слова: *Федеральная служба судебных приставов, деформации профессионального правосознания, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой идеализм.*

Для цитирования: *Сотников А. В. Деформация правосознания сотрудников федеральной службы судебных приставов // Образование и право. 2026. № 10. С. 398–402.*

SOTNIKOV Alexandr Vladislavovich,
assistant of the Department of the Civil Law
of the Saint-Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

DEFORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF EMPLOYEES OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE

Annotation. *The article presents a comprehensive study analyzing the specific characteristics of professional legal consciousness deformation among employees of the Federal Bailiff Service. The study is timely both because of the need to prevent destructive processes in the legal consciousness of law-enforcement personnel and because of the lack of relevant scholarly works examining the deformation of professional legal consciousness from a legal perspective. Drawing on an analysis of legislation and theoretical research, the author describes the working conditions of Federal Bailiff Service employees. Particular attention is given to identifying the mechanisms that give rise to deformation in this group's legal consciousness. The author concludes that legal idealism, legal infantilism, and legal nihilism are the predominant forms of deformation in the professional legal consciousness of Federal Bailiff Service employees.*

Key words: *Federal Bailiff Service, professional legal consciousness deformation, legal nihilism, legal infantilism, legal idealism.*

For citation: *Sotnikov A. V. Deformation of the legal consciousness of employees of the federal bailiff service. Education and law. 2026;(10):398–402. (In Russ.).*

Вторая четверть текущего столетия отличается продолжающимся отклонением от привычного мироустройства начала века. Данный процесс охватил тенденции, протекающие на разных уровнях и отличающиеся широтой охвата значительных областей объективной реальности. Усугубление межгосударственных конфликтов, перерастающих в военные противостояния; возвращение на доминирующие позиции в общественной парадигме традиционных ценностей в ряде государств; усиление влияния передовых научных достижений на существующие общественные отношения; переосмысление признаков, имманентно присущих основополагающим понятиям в некоторых западных странах, открывают перед нами мозаичную структуру современности.

Тем не менее, вопросы, традиционно входящие, как в предмет теории права, так и в поле зрения отечественных исследователей, не теряют своей актуальности, которая, если говорить о явлении, помещенном в название статьи, не будет утрачена в ближайшее время. Поскольку: «…актуальность исследования вопросов, имеющих связь с деформацией профессионального правосознания, подтверждается:

1) Судебной практикой;

2) Содержанием нормативных правовых актов;

3) Эмпирическими исследованиями;

4) Отсутствием единообразия в научном сообществе при решении связанных с деформацией профессионального правосознания теоретических проблем» [1, с. 249].

При этом, как правило большинство представителей отечественной науки исходя из содержания их научных трудов подразделяются на несколько исследовательских направлений:

История деформации правосознания (история становления и развития исследовательских подходов, генезис и эволюция деформации правосознания);

Теоретические проблемы деформации правосознания (Разработка понятийного аппарата, исследование базовых категорий, таких как «понятие», «форма», «проявление деформации»);

Формы деформации правосознания;

Деформация правосознания представителей российского общества (как правило, исходя из классификации по уровням правосознания: обыденное, профессиональное, научное).

В рамках данного исследования основное внимание будет уделено носителям профессионального правосознания – сотрудникам Федеральной службы судебных приставов, а также отдельным негативным проявлениям, которые потенциально способны исказить их правосознание. Подобный выбор обусловлен наличием нескольких причин:

Актуальность изучения деформации правосознания сотрудников правоохранительного блока (ОВД; ФСИН и т.д.).

Направленность большинства иных исследований на поиск способов построения здорового правосознания, а не на обнаружение его девиаций, относительно правосознания сотрудников ФССП;

Отсутствие на протяжении нескольких лет научных исследований, направленных на поиск форм деформации правосознания (большинство исследований имеют психологический, а не юридический характер и направлены на изучение профессиональной деформации).

Следовательно, исходя из представленных выше умозаключений, выявляется необходимость охарактеризовать ФССП путем указания следующих элементов, отражающих сущность рассматриваемого явления и встречающихся в большинстве научных работ на аналогичную тему [2, с. 29]:

Нормативная база, обеспечивающая корректное функционирование органа исполнительной власти;

Определение понятия ФССП;

Характерные черты;

Функции ФССП.

Обращение к массиву нормативных правовых актов позволило прийти к суждению о том, что большая часть регулятивного потенциала, обеспечивающего деятельность ФССП сконцентрирована в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве.

Основу правового регулирования предоставляет Конституция Российской Федерации в первых строках статьи 10: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [3].

Данное положение конкретизируется Указом Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти», который среди органов исполнительной власти выделяет ФССП [4].

В свою очередь, вопросы, напрямую связанные с отражением системы принудительного исполнения Российской Федерации, полномочиями органов принудительного исполнения, правами и обязанностями сотрудников соответствующего органа, урегулированы Федеральным законом «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 21.07.1997 № 118-ФЗ [5].

Исходя из содержания статьи 6.1. вышеназванного акта, а также теоретических источников,

определение ФССП будет представлено следующим образом: «Федеральная служба судебных приставов - система органов и должностных лиц, действующих в рамках федеральных органов юстиции, имеющих целью обеспечение принудительного исполнения отнесенных законом к их компетенции исполнительных документов, обеспечение установленного порядка деятельности судов, а также выполнение иных полномочий в соответствии с федеральным законом» [6, с. 89]. Данное определение отражает суть деятельности ФССП и встречается с незначительными изменениями в большинстве научных работ, однако оно само по себе не позволяет в полной мере охарактеризовать ФССП. Поэтому видится необходимым представить признаки, отражающие специфику рассматриваемой структуры, основываясь на содержании материалов, рассмотренных ранее:

ФССП входит в структуру органов исполнительной власти;

Координирование деятельности ФССП осуществляется Министерством юстиции Российской Федерации;

ФССП имеет внутреннюю систему;

Цель ФССП дуалистична: обеспечение принудительного исполнения и функционирования судов.

Понятие и признаки рассматриваемого органа исполнительной власти указывают косвенно на функции, которые он должен реализовывать. К ним, по замечанию О. В. Ильиной и Д. В. Фролова, относятся: «…обеспечение порядка и законности деятельности Конституционного Суда РФ; обеспечение порядка и законности деятельности Верховного Суда РФ; обеспечение порядка и законности деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов; приведение в жизнь (исполнение) решений и постановлений судов различной инстанции; приведение в жизнь (исполнение) решений иных органов власти в сфере исполнительного производства; реализация внутренних управленческих и организационных полномочий» [7, с. 47].

Соответственно, по замечанию Н. И. Арзамасцева: «Для решения стоящих перед данной службой задач судебные приставы наделяются имеющими свои особенности функциями и полномочиями, правами и обязанностями, необходимыми для принудительного исполнения решений судов» [8, с. 109]. Тем не менее представляется необходимым рассмотреть именно деформации правосознания, возникающие на фоне реализации данных полномочий, как следует из наименования и общей направленности данного исследования. Представляется, что рассмотрение данной проблемы целесообразно реализовывать путем раскрытия следующих вопросов, а именно:

Понятие деформации правосознания;

Механизм возникновения отдельной формы деформации;

Характерные для сотрудников ФССП формы деформации правосознания.

Первый вопрос из данного перечня является традиционным для содержания большинства научных публикаций, имеющих соприкосновение с рассматриваемой проблематикой на протяжении последних двух столетий. Отметим лишь, что в более ранней публикации была предпринята попытка предоставления комплексного определения данной категории, основанного на представлениях известных исследователей отечественной правовой науки, отражающего масштаб, значение и степень угрозы деформации правосознания, так: «деформация правосознания – это явление искажения, охватывающее правовую идеологию и правовую психологию, под воздействием которого у носителей формируется неадекватное отношение к правовой реальности, что может привести к общественно опасным последствиям» [9, с. 35].

Механизм генезиса искажения в сознании лица является во многом схожим для большинства представителей профессионального юридического сообщества, имеющих специальные звания, ввиду общности форм взаимодействия в коллективе, паттернов поведения, рабочих стереотипов. Поэтому становление и развитие деформации правосознания проходит по представленному ниже пути, минуя некоторые стадии за редким исключением: «1) наличие предпосылок, оказывающих определяющее воздействие на возможность возникновения деформации (изначально негативное отношение к закону, отсутствие заинтересованности при обучении юридической науке); 2) несоответствие субъективных ожиданий лица и объективной реальности; 3) постоянное, длящееся воздействие стрессогенных факторов; 4) появление неосознанных нарушений установленного порядка осуществления процессуальных действий; 5) закрепление негативных паттернов поведения» [10, с. 94].

Тем не менее, несмотря на общность самого явления и процесса искажения, происходящего в сознании лица, обладающего специальным званием и являющегося профессионалом в области права, специфика работы, деятельность по реализации полномочий имеют отличия у представителей различных ведомств, что оказывает определяющее воздействие на прогрессирование одной или нескольких отдельных форм деформации в сознании лица. Так, большинство исследователей и, в частности, М. В. Ширманов и М. С. Морозова утверждают, что: «В Федеральной службе судебных приставов России наиболее распространен-

ными формами деформации профессионального правового сознания … являются правовой инфантилизм и правовой негативизм» [11, с. 20].

Подобная точка зрения подтверждается на практике частично исходя из исследования Я. А. Корнеевой, А. Н. Зеляниной, Н. В. Мартиросовой: «Преобладающими типами профессиональной личностной деформации у сотрудников ОВД, ФСИН и ФССП являются авторитарность, сверхконтроль и консерватизм. При этом сверхконтроль был выражен на уровне выше среднего и имел более высокие значения у представителей ОВД и ФССП. Выученная беспомощность, наоборот, больше была выражена у сотрудников ФСИН» [12, с. 391].

Иное исследование Я. А. Корнеевой, А. В. Корнеевой, М. А. Тункиной, А. С. Юрьевой содержит схожую с представленной выше информацию: «Для судебных приставов характерен высокий уровень выраженности сверхконтроля, средний уровень авторитарности и консерватизма, сниженный уровень профессиональной агрессии и выученной беспомощности. Наименее выражены такие деформации, как поведенческий трансфер и тревожность» [13, с. 119]. Несмотря на то, что рассмотренные выше исследования носят психологический характер, они полезны при выявлении конкретных форм деформации правосознания, входящих в методологический аппарат юридической науки. Так, исходя из имеющихся материалов, становится возможным в качестве наиболее распространенных форм деформации правосознания сотрудников ФССП назвать «правовой идеализм» и «правовой инфантилизм». При этом «правовой негативизм» распространен реже, чем две ранее названные формы. Что подтверждается как продемонстрированными исследованиями, так и характером самих искажений.

Таким образом, в качестве завершения данной публикации надлежит представить следующие выводы:

Выбор темы обусловлен как ее актуальностью в современном мире, так и недостаточностью работ в русле данной проблематики;

Специфика деятельности ФССП характеризуется нормативной базой, понятием, признаками, а также функциями реализуемыми данным органом;

Особенности профессиональной деятельности в рамках ФССП оказывают влияние на возникновение и развитие таких форм деформации правосознания, как «правовой идеализм», «правовой инфантилизм», «правовой негативизм».

Список литературы:

[1] Сотников А. В. Актуальность исследования деформации профессионального правосознания в Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 4. С. 248 – 253.

[2] Ткаченко В.В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 28-34.

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144 (8198).

[4] Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 № 326 О структуре федеральных органов исполнительной власти // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2590.

[5] Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

[6] Ярков В. В. Исполнительное производство: учебник. Москва: Статут, 2023. –. 558 с.

[7] Ильина О. В., Фролов Д. В. Организационно-правовые основы административной деятельности Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации в сфере исполнительного производства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 3. С. 44–53.

[8] Арзамасцев Н. И. Особенности полномочий судебных приставов-исполнителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 106 – 114.

[9] Сотников А. В. Понятие деформации правосознания // Закон. Право. Государство. 2026. № 1 (49). С. 34-36.

[10] Сотников А. В. Деформация правосознания сотрудников правоохранительных органов // Закон. Право. Государство. 2025. № 4 (48). С. 94-95.

[11] Ширманов М. В., Морозова М. С. Проблема деформации профессионального правосознания государственных гражданских служащих Федеральной службы судебных приставов и пути ее преодоления // Актуальные вопросы безопасности государства и общества. Материалы круглого стола. 2019. С. 19-21.

[12] Корнеева Я. А., Зелянина А. Н., Мартиросова Н. В. Особенности профессиональной личностной деформации сотрудников ОВД, ФСИН и ФССП. Гигиена и санитария. 2022. № 101(4). С. 389-397.

[13] Корнеева Я. А., Корнеева А. В., Тункина

М. А., Юрьева А. С. Индивидуально-личностные качества сотрудников ФССП с различными типами профессиональной деформации. Acta biomedica scientifica. 2022. № 7(1). С. 114-128.

References:

[1] Sotnikov A. V. The Relevance of Studying the Deformation of Professional Legal Consciousness in the Russian Federation // Education and Law. 2026. No. 4. pp. 248–253.

[2] Tkachenko V. V. Improving the Organization of the Activities of the Bailiff Service // Problems of Law Enforcement Activity. 2018. No. 4. pp. 28–34.

[3] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008, No. 6-FKZ; December 30, 2008, No. 7-FKZ; February 5, 2014, No. 2-FKZ; and July 1, 2020, No. 11-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 144 (8198).

[4] Decree of the President of the Russian Federation dated May 11, 2024, No. 326, "On the Structure of Federal Executive Bodies" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 20. Art. 2590.

[5] Federal Law dated July 21, 1997, No. 118-FZ, "On the Bodies for Compulsory Enforcement of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 30. Art. 3590.

[6] Yarkov V. V. Enforcement Proceedings: A Textbook. Moscow: Statut, 2023. 558 p.

[7] Ilyina O. V., Frolov D. V. Organizational and Legal Foundations of the Administrative Activity of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation in the Sphere of Enforcement Proceedings // Electronic Scientific Journal "Science. Society. State". 2022. Vol. 10, No. 3. pp. 44–53.

[8] Arzamastsev N. I. Specifics of the Powers of Bailiffs-Executors // Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. 2019. No. 2. pp. 106–114.

[9] Sotnikov A. V. The Concept of Deformation of Legal Consciousness // Law. Justice. State. 2026. No. 1 (49). pp. 34–36.

[10] Sotnikov A. V. Deformation of Legal Consciousness Among Law Enforcement Personnel // Law. Justice. State. 2025. No. 4 (48). pp. 94–95.

[11] Shirmanov M. V., Morozova M. S. The Problem of Deformation of Professional Legal Consciousness Among Civil Servants of the Federal Bailiff Service and Ways to Overcome It // Current Issues of State and Societal Security. Proceedings of a Round Table. 2019. pp. 19–21.

[12] Korneeva Ya. A., Zelyanina A. N., Martirosova N. V. Specifics of Professional-Personal Deformation Among Personnel of Internal Affairs Bodies, the Federal Penitentiary Service, and the Federal Bailiff Service // Hygiene and Sanitation. 2022. No. 101(4). pp. 389–397.

[13] Korneeva Ya. A., Korneeva A. V., Tunkina M. A., Yuryeva A. S. Individual and personality traits of FSSP (Federal Bailiff Service) employees with various types of professional deformation. Acta Biomedica Scientifica. 2022. No. 7(1). pp. 114–128.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-403-409
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ГАСАНАЛИЕВА Алина Шарабутиновна,
аспирант ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ,
Москва, Россия,
тел.: 89387950000,
e-mail: dagtender@inbox.ru

Научный руководитель:
КАЛИНИН Алексей Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент кафедры
теории государства и права им. Г.В.Мальцева,
e-mail: kalinin-ay@ranepa.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется проблема методологического обеспечения правообразования как самостоятельного, многоуровневого и функционально-направленного процесса. Актуальность исследования обусловлена многообразием теоретических подходов к правообразованию, каждый из которых раскрывает отдельные стороны исследуемого явления, однако не обеспечивает целостного объяснения взаимосвязи детерминирующих факторов, нормативного содержания и фактических результатов правовых предписаний. Цель исследования заключается в определении познавательных возможностей и ограничений существующих научных подходов и обосновании методологических оснований их функциональной интеграции.*

Ключевые слова: *правообразование, методологический плюрализм, функциональный подход, системный подход, детерминирующие факторы, правотворчество, функциональная оценка, правореализация.*

Для цитирования: *Гасаналиева А. Ш. Методологический плюрализм и функциональная интеграция подходов к исследованию правообразования // Образование и право. 2026. № 10. С. 403–409.*

GASANALIEVA Alina Sharabutinovna,
Postgraduate Student, RANEPA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration),
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
KALININ Alexey Yuryevich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
G.V. Maltsev Department of the Theory of State and Law

METHODOLOGICAL PLURALISM AND FUNCTIONAL INTEGRATION OF APPROACHES TO THE STUDY OF LAW FORMATION

Annotation. *The article examines the issue of providing a methodological framework for law-making - understood as an autonomous, multi-level, and functionally oriented process. The study's relevance stems from the diversity of theoretical approaches to law-making; while each approach illuminates specific facets of the phenomenon, none offers a holistic explanation of the interrelationships between determining factors, normative content, and the actual outcomes of legal provisions. The study aims to identify the cognitive capabilities and limitations of existing scientific approaches and to substantiate the methodological grounds for their functional integration.*

Key words: *law formation, methodological pluralism, functional approach, systems approach, determining factors, law-making, functional assessment, implementation of law.*

For citation: *Gasanalieva A. Sh. Methodological pluralism and functional integration of approaches to the study of law formation. Education and law. 2026;(10):403–409. (In Russ.).*

Понимание правообразования как самостоятельного системного, многоуровневого и функционально направленного процесса предопределяет определение методологии его исследования. Если правообразование связывает общественно значимую потребность, систему детерминант, формирование правового интереса и правовой идеи, выбор юридического средства, нормативную формализацию и институционализацию предписания, то методология, определяет, что именно исследователь способен увидеть в правообразовании: формирование нормы как акт государственной воли, как отражение экономических отношений, как результат психических переживаний или как продукт социальной коммуникации. Соответственно от избранной методологии зависит и то, какие обстоятельства будут признаны детерминирующими и по каким признакам может оцениваться качество сформированного нормативного решения. Методология, ограниченная анализом только текста нормы либо только социальной среды его возникновения, неизбежно отражает лишь отдельный фрагмент исследуемого явления. Поэтому методологическая проблема состоит не в выборе одного универсального метода, а в обосновании исследовательской конструкции, позволяющей последовательно переходить от причин формирования нормативного содержания к его юридической форме и далее - к данным о фактическом действии сформированного предписания.

Правообразование находится на пересечении нескольких традиционных предметных областей общей теории права: генезиса права, правотворчества, источников права, юридической техники, механизма правового регулирования, эффективности права и правовой политики. Ни одна из них изолированно не охватывает правообразование в полном объеме. Поэтому так важно, чтобы методология сохраняла собственно юридическую природу объекта и одновременно обеспечивала исследование его социальных, институциональных и функциональных связей. В данном контексте основные задачи настоящего состоят в том, чтобы, во-первых, проследить формирование основных методологических подходов к исследованию правообразования, во-вторых, оценить их познавательные возможности и пределы применительно к предмету настоящего исследования, в-третьих, обосновать авторскую методологическую конструкцию, связывающую исследование детерминант правообразования с его функциональной оценкой.

В отечественной теории права сложилось понимание методологии как системы принципов, подходов и методов познания, обусловленной природой изучаемого объекта. При этом в последние десятилетия в литературе подчеркивается многообразие методологий современной теории права и необходимость их обоснованного выбора применительно к предмету исследования [11], а также отмечается смена методологических ориентиров, связанная с отказом от монистической методологии советского периода [12]. Так, Д. А. Керимов рассматривает методологию права как систему средств познания государственно-правовой действительности, обусловленной предметом и задачами юридического исследования [9]. Для настоящей работы существенно следствие из этой позиции: методы не могут перечисляться формально и применение каждого должно быть связано с конкретным свойством правообразования.

В.М. Сырых связывает логическую организацию общей теории права с последовательным соотнесением объекта, предмета, эмпирического основания, теории и метода [14]. Данное положение непосредственно применимо к исследованию правообразования в части того, что метод обосновывается через свойство объекта. Так, формально-юридический метод необходим при анализе нормативной конструкции, но недостаточен для выявления социальной потребности: социологический метод позволяет исследовать поведение адресатов, но сам по себе не устанавливает юридическую допустимость сформулированного предписания.

Применительно к правообразованию методологическая проблематика получила наиболее развернутое освещение в монографии А.Ю. Калинина, специально посвященной методологическим основам изучения процессов формирования права в России [7]. Существенно, что автор предлагает рассматривать в качестве методологической категории внутренний источник права, позволяющий связывать объективные условия формирования права с его внешними формами [8]. Тем самым методология исследования правообразования строится не только из заимствованных общенаучных методов, но и из собственных категорий теории правообразования. Методологическое значение категорий теории права специально обосновывалось А.М.Васильевым, показавшим, что система правовых категорий сама выпол-

няет функции инструмента познания [4].

Традиционно выделяется четыре уровня методологии: философский, общеначный, частнонаучный и специально-юридический. Исходный тезис настоящего параграфа состоит в том, что исследование правообразования не может основываться на одном научном подходе. Этот вывод вытекает из пяти особенностей объекта исследования.

Первая особенность состоит в том, что правообразование объединяет нормативные и социальные процессы. Его начальные звенья – возникновение потребности, формирование интересов – имеют социальную природу, а завершающие – нормативная формализация и институционализация – юридическую. Метод, адекватный одному из эти уровней, неизбежно оказывается несоответствующим другому.

Вторая особенность заключается во взаимодействии формальных и неформальных механизмов. Наряду с официальными процедурами правотворчества правообразование включает неофициальные каналы формирования правовой идеи – экспертные обсуждения, деятельность групп интересов, лоббирование. Кроме того, в обществе действуют так называемые неофициальные регуляторы, конкурирующие с официальным правом. Природа так называемого теневого права и его влияние на правосознание и общественные отношения исследованы в работах В.М.Баранова [3], Е.Н.Трикоз [15], Ю.Г.Арзамасова [2]. С методологической точки зрения теневое право представляет собой продукт правообразования, не прошедшего институционализацию либо противостоящего официальной норме, а его распространенность может служить индикатором дефекта официального правообразования: неисполнимости нормы, несоответствия ее содержания интересам адресатов, недопустимости правовых средств. Особую форму взаимодействия формальных и неформальных механизмов представляют регионы с выраженными традиционными нормативными системами. В Республике Дагестан, например, исторически взаимодействовали адат, шариат и государственное право. Классические исследования, основанные на сборе текстов обычного права и их историко-сравнительном анализе, позволяют исследовать спонтанное правообразование на документальном материале. Методологически это требует осторожности в переносе категорий государственного права на традиционные нормативные системы.

Третья особенность – зависимость правообразования от комплекса взаимосвязанных факторов. В литературе предложены различные классификации факторов. А.Ю.Калинин разграничивает внутренние и внешние факторы правообразования [8], Н.А. Придворов и В.В. Трофимов исследуют правообразующие факторы во взаимосвязи с правовыми интересами и правовой идеей [13]. Отметим, что в настоящем исследовании используется следующее рабочее понимание: детерминирующий фактор правообразования – это обстоятельство социальной действительности, которое, будучи осознанно как юридически значимое, участвует в формировании общественной потребности в правовом регулировании, в выборе юридического средства ее удовлетворения либо в обеспечении условий исполнения правового предписания. Методологическое следствие данного определения состоит в том, что значение фактора устанавливается через указание звена правообразования, на которое оно воздействует.

Четвертая особенность – необходимость оценки как текста нормы, так и фактического результат ее действия. Безупречно сформулированное предписание может закреплять изначально неправильное решение, а неблагоприятный результат реализации может объясняться не дефектом нормы, а недостатками правоприменения или изменением внешних условий. Поэтому исследование правообразования требует сочетания догматических средств анализа текста с эмпирическими средствами изучения его действия.

Пятая особенность – трансформация правообразования под воздействием цифровизации. Требования автоматизированной обработки нормативного материала вводят в правообразование новый ряд требований, среди которых формальная определенность и структурная согласованность предписаний, которые не исследуются традиционными методами в полном объеме.

Традиционно выделяются четыре уровня методологии: философский, общенаучный, частнонаучный и специально-юридический. И ни один из уровней не может быть исключен при исследовании правообразования, поскольку каждый из них соответствует определенному звену исследуемой категории. Так, философский уровень определяет понимание соотношения объективного и субъективного в формировании права, общенаучный выступает способом представления правообразования как целостного процесса, частнонаучный обеспечивает изучение отдельных групп детерминант и фактического действия права, а специально-юридический позволяет анализировать результат правообразования.

Таким образом правообразование представляет собой объект, природа которого определяет необходимость многоуровневой и междисциплинарной методологии. И в данном контексте ключевой вопрос состоит в том, какие подходы и в каком

соотношении способны обеспечить такую методологию.

Но прежде чем оценивать подходы, применимые к исследованию правообразования, необходимо разграничить два понятия, которые зачастую смешиваются: теоретические основы исследования (отвечают на вопрос, что известно об объекте) и методологический подход (отвечает на вопрос как объект исследовать). Под теоретической основной исследования понимается система научного знания о предмете - категории, закономерности, выводы, которые исследование понимает в качестве исходных. Под методологическим подходом понимается исходная познавательная позиция, задающая угол зрения на объект, принципы отбора и соединения методов.

С учетом этого разграничения рассмотрим сначала теоретические основы исследования правообразования, а затем – методологические подходы. Для каждой теории будут определены какое знание она дает исследованию и каковы пределы этого знания, а для каждого подхода – предмет анализа, исследовательские возможности и ограничения.

Теоретические основы исследования представлены:

1. Общей теорией права, которая дает исследованию категориальный аппарат и определяет природу связи между социальными условиями и нормой. Ее пределы обусловлены высоким уровнем абстракции, т.к. она объясняет, что такое правообразование, но не располагает инструментами анализа конкретного нормативного решения.

2. Теорией правотворчества, дающей знания об организованной деятельности компетентных субъектов по созданию, изменения и отмене норм права (субъектах, стадиях, процедурах, планировании). Ценность данной теории для настоящего исследования состоит в детальном описании институционального сегмента правообразования, в котором содержание нормы получает юридическую силу, а ограничения – в сосредоточенности на деятельности уполномоченных органов (как следствие формирование потребности, интересов и правовой идеи, предшествующих правотворческому решению, равно как и действие принятой нормы, остаются за пределами теории).

3. Теоретическими основами юридической техники, которые дают знания о правилах, приемах и средствах построения нормативного текста (структуре нормы, юридической терминологии, логической последовательности, системных связях). Для настоящего исследования данная теория служит источником требований к качеству юридической конструкции и языка нормы, а ее пределы-сосредоточенность на тексте (как уже упоминалось выше, техническая безупречность не свидетельствует об обоснованности самого решения).

4. Теорией правовой политики, которая дает знания о стратегии и приоритетах правового развития, о выборе целей и средств регулирования. Исследовательская ценность подхода состоит в том, что он объясняет почему из множества возможных решений избирается определенное и связывает правообразование с целями государственной политики. Ее пределы – ориентация на уровень стратегий и программ, а не качество нормативного решения, а также зависимость от политической конъюнктуры.

5. Теорией цифровизации права, которая дает знания о влиянии цифровых технологий на правообразование, о формах представления нормативного материала и автоматизации применения норм. Для целей настоящего исследования эта теория выступает источником требований формальной определенности, предъявляемых цифровой средой к нормативному предписанию. Ее пределы – риск приоритета технической формы над юридическим содержанием и сосредоточенность на формализуемых нормах в ущерб нормам, требующим оценочных понятий и усмотрения.

Методологические подходы исследования правообразования включают формально-юридический, системный, социологический и функциональный подходы.

Формально-юридический подход рассматривает правообразование через систему норм, исследуемую через анализ их текста, структуры и системных связей. Как отмечает Алексеев С.С., его предметом выступает нормативное предписание как результат правообразования [1]. Исследовательские возможности подхода состоят в точном анализе определённости, полноты, непротиворечивости предписания и его места в системе права, а ограничение - в неспособности объяснить, почему принято данное решение и какое его социальный результат.

Системный подход рассматривает правообразование как целостную категорию, элементами которой являются субъекты, стадии, процедуры, факторы и результаты. Исследовательские возможности подхода состоят в представлении правообразования как целостного процесса и выявление того, как изменение одного элемента отражается на других, а ограничение - в его описательном характере (системный подход раскрывает связи, но не содержит критериев, позволяющих оценивать качество отдельного нормативного решения).

Социологический подход рассматривает право в его социально контексте: условия возникновения норм, их действие, поведение адресатов, соотношение официального права и реаль-

но действующих регуляторов. Исследовательские возможности подхода состоят в эмпирическом изучении потребностей, ожиданий и поведенческих последствий, а ограничения - в недооценке нормативной структуры права и риск смешения социальной востребованности решения с его юридической обоснованностью.

Функциональный подход рассматривает правообразование через назначение социального установления и его последствия в системе, частью которой оно является. Исследовательские возможности подхода состоят в соединении нормы с ее назначением и последствиями, а ограничения - в исторически сложившейся ориентации на равновесие системы и недооценке конфликта, а также риск сведения анализа к проверке достижения заявленной цели без учета латентных последствий.

Проведенный анализ показывает, что каждая из теорий и каждый из подходов отражает лишь отдельную сторону правообразования. Общая теория права и теория правовой политики объясняют природу и направленность правообразования, но не дают инструментов анализа конкретного решения. Теория правоотворчества описывает его институциональный сегмент, но не то, что ему предшествует и следует за ним. Учение о юридической технике и формально юридический подход исследуют преимущественно нормативную форму и качество конструкции нормы, но не отвечает на вопрос почему принято именно это решение и как оно действует. Социологический подход выявляет фактическое действие права, но не обладает критериями юридического качества нормативного материала. Системный подход раскрывает связи между элементами правообразования, но не оценивает их. Теория цифровизации права сосредоточена на формализации и технологических решениях и в силу этого склонна рассматривать норму прежде всего как объект обработки.

Изолированное применение любого из этих средств ведет к характерным методологическим ошибкам. При доминировании формально-юридического анализа дефект правообразования отождествляется с дефектом текста, а юридико-техническая экспертиза подменяет оценку обоснованности решения. При доминировании социологического подхода неблагоприятный результат действия нормы автоматически приписывается ее содержанию. Хотя он может быть обусловлен недостатками правоприменения либо изменением условий. При доминировании политико-правового анализа качество решения подменяется его соответствием избранному курсу. При доминировании цифрового подхода формализуемость предписания превращается в самостоятельную цель.

Еще Б.А. Кистяковский, обосновывая методологический плюрализм, подчеркивал, что различные методы изучения права соответствуют различным сторонам этого явления и не могут подменять друг друга [10]. Однако механическое соединение теорий и подходов порождает эклектику, при которой выводы, полученные разными средствами, не сопоставляются. Следовательно, ни одна из теорий и ни один из подходов в отдельности не связывают причины принятия нормы, ее юридическую конструкцию и фактический социальный эффект, а их соединение требует определенного основания интеграции. Обоснованию этого основания предшествует определение системы методов, которыми располагает исследование.

Если подход задает угол зрения на объект, то метод представляет собой конкретный способ получения знания, посредством которого подход реализуется. Назначение каждого метода целесообразно раскрывать не через его общее определение, а через исследовательские задачи, которые с его помощью решаются. Такой способ изложения позволяет проверить применяется ли метод в работе фактически.

Диалектический метод составляет философскую основу исследования. Его применение в познании права обосновывается тем, что право развивается через разрешение противоречий между социальными потребностями и наличным нормативным материалом [6]. В исследовании правообразования он служит выявлению противоречий трех уровней: между изменившимися общественными отношениями и действующим регулирование; между конкурирующими интересами; между социальной целесообразностью и юридической допустимостью решения. Освобожденный от монистической схемы, сводившей детерминацию права к экономическим отношениям, диалектический метод позволяет рассматривать правообразование как процесс, в котором разнородные факторы взаимодействую, а не подчиняются одному из них.

Системный метод используется для анализа субъектов, стадий, процедур, факторов и результатов правообразования в их взаимосвязи. С его помощью определяется место правообразования относительно механизма правового регулирования, устанавливается взаимодействие групп детерминант и строится комплексная модель функциональной оценки.

Социологический метод служит исследованию социальных потребностей, ожиданий и поведенческих последствий нормативных решений. Он включает анализ документов, данных социологических опросов, статистической и правоприменительной информации.

Функциональный метод используется для сопоставления целей регулирования и фактически достигнутого результата, а также для выявления его латентных последствий нормативного решения. Его методологическое значение раскрывается ниже, поскольку функциональный подход составляет центральную основу исследования.

Формально-юридический метод служит анализу формы, структуры и юридической техники нормативных предписаний.

Правовое моделирование используется для построения комплексной модели функциональной оценки правообразования, включающей предварительную и последующую оценку.

Правовое прогнозирование служит оценке последствий правотворческих решений и определению направлений развития правообразования. Его связь со стратегией правотворчества обоснована в литературе [5].

Наряду с названными методами в исследовании правообразования применяются:

- историко-правовой метод - при анализе эволюции представлений о правообразовании и изменения роли детерминант в различные периоды;

- сравнительно-правовой метод - при сопоставлении процедур подготовки и оценки нормативных актов в различных правовых системах;

- герменевтический метод - при уточнении значения ключевых понятий и толковании нормативных текстов.

Выбор функционального подхода в качестве центральной методологической основы обусловлен тем, что именно он позволяет соединить три измерения правообразования: нормативное, социальное, результативное. Норма рассматривается в нем не как самодостаточный текст и не как отражение социальных условий, а как средство решения определенной задачи, качество которого проявляется в соотношении цели, содержания и результата.

Применительно к правообразованию функциональный подход реализуется в пяти аналитических операциях:

1. Сопоставление целей регулирования и содержания нормы: установление того, способная ли избранная юридическая конструкция в принципе обеспечить заявленную цель.

2. Анализ механизма реализации предписания: наличие процедур, ресурсов и субъектов, без которых норма не может действовать.

3. Изучение поведения адресатов: соответствует ли их реальное поведение тому, которое предполагалось при принятии нормы.

4. Оценка фактического регулятивного и социального результата, включая латентные последствия в смысле Р.Мертона.

5. Выявление обратной связи и оснований корректировки: установление того, какие сведения о действии нормы поступают и достаточны ли они для обоснованного изменения регулирования.

В результате единицей анализа становится не отдельная норма и не отдельный фактор, а связь:

Рисунок 1.

Вместе с тем функциональный подход имеет ограничения, которые должны быть методологически нейтрализованы. Автор полагает, что для этого необходимы три условия. Во-первых, функциональный анализ не может ограничиваться проверкой достижения заявленной цели, оценке подлежат и латентные последствия, которые могут быть значимее явных. Во-вторых, недостижение цели не является самостоятельным доказательством дефекта правообразования и, прежде чем квалифицировать результат как дефект нормы, необходимо исключить альтернативные объяснения (недостатки правоприменения, отсутствие ресурсов, изменение внешних условий). В-третьих, социальная полезность результата не устраняет требования юридической допустимости средства, т. е. функциональный подход дополняется нормативной оценкой на соответствие конституционным принципам.

Тем самым, функциональный подход выполняет интегрирующую роль: формально-юридический анализ обеспечивает оценку нормативной конструкции, социологический - данные о поведении адресатов и результате, системный - представление связей, а функциональный подход соединяет их в единый аналитический цикл.

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. - 2-е изд. - Москва : Проспект, 2008. - 565 с.

[2] Арзамасов Ю.Г. Борьба с влиянием теневого права на правосознание российских граждан и на современные общественные отношения // Представительная власть - XXI век. 2009. № 2/3. С. 4-6.

[3] Баранов В.М. Теневое право : монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД РФ, 2002. 164 с.

[4] Васильев А.М. Правовые категории (Методологические аспекты разработки системы категорий теории права). М.: Юрид.лит. 1976. 264 с.

[5] Гаврилов О.А. Стратегия правотворче-

ства и социальное прогнозирование. М.: ИГП РАН, 1993. 128 с.

[6] Денисов С.А. Использование диалектико-материалистического метода в познании права // Проблемы философии права и государства: сб. науч, ст. Вып. 2 Тюмень, 2003. С. 44-49.

[7] Калинин А.Ю. Методологические основы изучения процессов формирования права в России: монография. М.: Юрист, 2009. 632 с.

[8] Калинин А.Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (теоретико-историческое исследование): дис. … д-ра юрид.наук. СПб., 2010. 533 с.

[9] Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права : монография / Д. А. Керимов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : СГА, 2003. - 521 с.

[10] Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб: Изд-во Христиан.гуманит.и-та, 1998. 798 с.

[11] Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права: системная методология // История государства и права. 2009. № 19. с. 43-45.

[12] Мальцев Г.В. Право и «смена вех» в научной методологии // История государства и права. 2009. № 22. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=40538 (дата обращения: 01.10.2026).

[13] Придворов, Н. А. Правообразование и правообразующие факторы в праве : монография / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. - 400 с.

[14] Сырых В.М. Логические основания общей теории права: Элементный состав. В 2-х томах. Т. 1. - М.: Юрид. Дом "Юстицинформ", 2000. - 528 с.

[15] Трикоз Е.Н. «Теневое право» мил или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1. // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/5133999/ (дата обращения: 01.10.2026).

References:

[1] Alekseev S.S. General Theory of Law: Textbook / S. S. Alekseev. – 2nd ed. – Moscow: Prospekt, 2008. – 565 p.

[2] Arzamasov Yu.G. Combating the Influence of "Shadow Law" on the Legal Consciousness of Russian Citizens and on Contemporary Social Relations // Representative Power – 21st Century. 2009. No. 2/3. pp. 4–6.

[3] Baranov V.M. Shadow Law: Monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002. 164 p.

[4] Vasiliev A.M. Legal Categories (Methodological Aspects of Developing a System of Categories for the Theory of Law). Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1976. 264 p.

[5] Gavrilov O.A. Law-Making Strategy and Social Forecasting. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAN), 1993. 128 p.

[6] Denisov S.A. The Use of the Dialectical-Materialist Method in the Cognition of Law // Problems of the Philosophy of Law and the State: Collection of Scientific Articles. Issue 2. Tyumen, 2003. pp. 44–49.

[7] Kalinin A.Yu. Methodological Foundations for Studying the Processes of Law Formation in Russia: Monograph. Moscow: Yurist, 2009. 632 p.

[8] Kalinin A.Yu. Law Formation in Russia: Conceptual-Categorical and Structural-Functional Composition (A Theoretical-Historical Study): Dissertation for the degree of Doctor of Legal Sciences. St. Petersburg, 2010. 533 p.

[9] Kerimov D. A. Methodology of Law: Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law: A Monograph / D. A. Kerimov. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: SGA, 2003. – 521 p.

[10] Kistyakovsky B. A. Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg: Christian Humanitarian Institute Publishing House, 1998. – 798 p.

[11] Malakhov V. P. The Diversity of Methodologies in Modern Theory of State and Law: Systemic Methodology // History of State and Law. 2009. No. 19. pp. 43–45.

[12] Maltsev G. V. Law and the "Shift of Landmarks" in Scientific Methodology // History of State and Law. 2009. No. 22. // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=40538 (accessed: 01.10.2026).

[13] Pridvorov N. A. Law-Formation and Law-Forming Factors in Law: A Monograph / N. A. Pridvorov, V. V. Trofimov. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. – 400 p.

[14] Syrykh V. M. Logical Foundations of the General Theory of Law: Elemental Composition. In 2 volumes. Vol. 1. – Moscow: Legal House "Yustitsinform", 2000. – 528 p.

[15] Trikoz E. N. "Shadow Law": Myth or Reality // Legislation and Economics. 2005. No. 1. // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/5133999/ (accessed: 01.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-410-414

ИГНАТЬЕВА М.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
Федерального государственного бюджетного
образовательного
учреждения высшего образования «Российский
государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»;
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Федерального государственного бюджетного
образовательного
учреждения высшего образования «Российский
государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: imarina.79@mail.ru

ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется взаимосвязь между правопониманием и эффективностью правового регулирования. Автор подробно разбирает, как разные взгляды на природу права влияют на исполнение законов. В работе выделены главные факторы, сделан вывод о необходимости учитывать культурные и моральные ценности граждан.*

Ключевые слова: *правопонимание, эффективность правового регулирования, правовая культура, законы, государство, правоприменение.*

Для цитирования: *Игнатьева М. В. Правопонимание как фактор повышения эффективности правового регулирования и правоприменения // Образование и право. 2026. № 10. С. 410–414.*

IGNATYEVA M.V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of International Law,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of General Theoretical
Legal Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

LEGAL UNDERSTANDING AS A FACTOR IN ENHANCING THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *This article examines the relationship between the understanding of law and the effectiveness of legal regulation. The author analyzes in detail how differing views on the nature of law influence the implementation of laws. The study identifies key factors and concludes that it is essential to take into account the cultural and moral values of citizens.*

Key words: *understanding of law, effectiveness of legal regulation, legal culture, laws, state, law enforcement.*

For citation: *Ignatyeva M. V. Legal understanding as a factor in enhancing the effectiveness of legal regulation and law enforcement. Education and law. 2026;(10):410–414. (In Russ.).*

Каждое государство создает законы, чтобы поддерживать порядок, защищать граждан и развивать экономику. Процесс управления обществом с помощью законов называется **правовым регулированием**. Однако, далеко не каждый принятый закон работает так, как задумывали его действие изначально. Часто нормы остаются только на бумаге.

Эффективность законов никогда не зависит от какой-то одной причины, это всегда совокупность нескольких факторов:

Объективные факторы. Сюда относятся экономика и стабильность в стране. Если у государства нет денег на исполнение закона или в обществе идет жесткий кризис, даже самый лучший текст правил не сможет работать правильно.

Нормативные факторы. Закон должен быть написан понятным языком, без логических ошибок и противоречий с другими правилами.

Субъективные факторы. Это самый главный пункт. Сюда входят честность судей, грамотность полиции и общая **правовая культура** граждан.

Как правопонимание управляет эффективностью законов

Существует три основных взгляда на право, и каждый из них по-своему влияет на то, как работают законы:

Позитивистский взгляд. Здесь правом считают любой официальный приказ государства. Если власть написала документ — его надо выполнять. Плюс такого подхода: четкость и строгий порядок. Минус: если государство издаст несправедливый или глупый закон, люди будут выполнять его формально, без души, или начнут тихо бунтовать. Это снижает реальную пользу регулирования.

Естественный взгляд. При таком подходе люди верят, что высшие права (на жизнь, свободу, честность) даны человеку от рождения, и закон государства должен им подчиняться. Если закон нарушает эти права, общество считает его незаконным. Законы работают эффективно только тогда, когда они добрые и справедливые.

Интегративный (смешанный) взгляд. Это самый современный подход. Он объединяет силу государственного приказа и человеческую справедливость. Когда законы опираются и на авторитет власти, и на ценности людей, они достигают максимальной эффективности.

В современном мире правовое регулирование сталкивается с рядом вызовов, таких как:

быстрое развитие технологий, глобализация экономики, изменения климата и демографические изменения. Для эффективного решения этих проблем необходимо постоянное совершенствование законодательства и адаптация их к новым условиям жизни. Важным аспектом успешного правового регулирования является консультация с общественными организациями, экспертами, бизнес-сообществом и другими заинтересованными сторонами для обеспечения широкой обратной связи и учета различных точек зрения [8].

Одним из инструментов, способствующих повышению эффективности правового регулирования, является использование современных информационно-коммуникационных технологий.

Электронные порталы и интернет-ресурсы позволяют упростить доступ граждан к законодательству, предоставляя информацию об актуальных нормативных актах, изменениях в законодательстве и правах граждан. Также цифровизация правовых процессов способствует ускорению процедур, снижению бюрократии и повышению прозрачности деятельности органов власти [2].

Плюсами всех этих процессов является то, что эта систем полностью открыта, доступна и ей могут пользоваться все граждане. Она обеспечивает более упрощенную работу для суда, сокращает ожидание, волокиту и очереди, а также потерю каких-либо важных документов, что является частым явлением в различных организациях.

Все это может позволить участникам любого процесса спокойно и беспрепятственно отслеживать движение по конкретным делам, способствовать получению всех необходимых судебных и иных документов с помощью электронных средств.

Но, рассмотренные плюсы введения цифровизации в судебную систему и в иные органы дает возможность сделать вывод о том, что явными преимуществами такой вводимой системы могут быть: мобильность, быстрота, открытость, гласность правосудия. Помимо этого, можно выделить такой момент как независимость судей при рассмотрении конкретных дел, а это достаточно важный критерий, который необходим при рассмотрении эффективности правосудия и правоприменения.

В связи с этим необходимо рассмотреть следующие аспекты:

Во-первых, это проблемы, связанные с информацией, ее защитой. Этот вопрос остро стоит на повестке дня, так как эффективности в данном вопросе в настоящее время не достигнуто, и информация часто пропадает и используется в неправомерных деяниях. Еще одним острым вопросом является выделение огромных финансовых средств для защиты такой информации, что приводит к огромным тратам, но и это не способствует сто процентной защите участника любого процесса. Указанная проблема до сих пор

остается не решенной и нет возможности достичь результата в этой сфере.

Во-вторых, это разный уровень информационно-технического обеспечения судов в различных регионах. И, в связи с этим, невозможность применения всех возможных элементов электронного правосудия.

В-третьих, разная степень финансирования, отсутствие, либо недостаточное количество профессиональных кадров.

В-четвертых, это уровень информированности в данной сфере. Не все граждане в полной мере знакомы с такими функциями, которыми можно пользоваться для более эффективного процесса. Это приводит к невозможности полного введения цифровизации в данных сферах. И это процесс замедляет дальнейшее развитие и эффективность правоприменения.

Важным элементом правового регулирования является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина. Это касается основных прав таких как право на жизнь, свободу и собственность, но и права на равенство, справедливость, свободу слова и религию [6]. Также важно учитывать интересы уязвимых групп населения, таких как дети, пожилые люди, инвалиды и мигранты, и обеспечивать им особую защиту и поддержку со стороны государства.

В целом, эффективность правового регулирования зависит от его соответствия основным принципам правового государства, открытости и прозрачности, доступности для всех граждан. Всем это играет ключевую роль в обществе и определяет порядок и справедливость, а также эффективность данных процессов, которые напрямую влияют на стабильность правопорядка, защиту прав граждан и развитие государства. В связи с этим возникает необходимость изучения критериев, по которым можно оценить эффективность правового регулирования и правопонимания [4].

В данной статье мы рассмотрим важность эффективного правопонимания и правового регулирования, а также выявим основные факторы, влияющие на успешное функционирование юридической системы. Мы проанализируем практические примеры из различных стран и представим рекомендации по улучшению механизмов контроля за исполнением законов. Разберемся, как повысить осведомленность граждан о своих правах и возможностях защиты, чтобы обеспечить более справедливое и равноправное общество [1]. Что касается роли правопонимания, то можно отметить следующие положения. Эффективность правового регулирования неразрывно связана с правопониманием - умением осознавать и правильно интерпретировать нормы права.

Роль правопонимания заключается в том, что оно является основой для принятия правильных решений в области применения законов и нормативных актов. Таким образом можно отметить, что правовое регулирование – это, система норм и правил, призванная устанавливать порядок в обществе, регулировать отношения между людьми и государством, а также между субъектами права [3].

Правопонимание помогает достичь эффективности правового регулирования путем обеспечения понимания и исполнения законов со стороны всех субъектов правовых отношений. Корректное осмысление норм права способствует предотвращению правовых конфликтов, обеспечивает соблюдение прав и обязанностей граждан, а также способствует справедливому разрешению споров. Без правильного понимания правовых норм возникает риск неправомерных действий, нарушений закона и негативных последствий для общества в целом.

Необходимо также подчеркнуть, что основой для эффективного правопонимания, является комплексное изучение и анализ нормативных актов, прецедентов и судебной практики. Четкое и точное толкование законов способствует устойчивому развитию правовой системы и повышению общественной стабильности. Регулярное обновление нормативной базы к современным условиям позволяет своевременно реагировать на изменяющуюся действительность и эффективно решать возникающие вопросы.

Влияние принципов правопонимания на эффективность правового регулирования проявляется в том, что они способствуют повышению качества законов, обеспечивают их адекватность социальному порядку и потребностям общества. Таким образом, основные принципы правопонимания и их влияние на эффективность законодательства несомненно играют важную роль в формировании правовой системы. При соблюдении принципов правопонимания обеспечивается не только стабильность, но и эффективность правового регулирования, что необходимо для развития гражданского общества и соблюдения принципов правового государства.

Анализ механизмов правового регулирования и их роль в обеспечении справедливости подразумевает глубокое изучение основных инструментов, используемых для формирования и применения юридических норм и принципов. Важно понимать, что эффективность правопонимания и правового регулирования напрямую зависит от эффективности регуляторных механизмов, которые определяют структуру и функционирование правовой системы общества [8].

Важно также обратить внимание на роль механизмов правового регулирования в обеспечении справедливости через предоставление доступа к правовой защите и судебной защите для всех членов общества, независимо от их социального статуса, положения или мировоззрения. Это позволяет создать равные условия для реализации прав и свобод каждого индивида и способствует укреплению правового государства. Одним из важных моментов анализа является изучение применения правовых норм и механизмов регулирования в различных сферах жизни общества. Понимание эффективности данных механизмов в контексте различных социальных реалий позволяет выявить и устранить недостатки и противоречия, обеспечивая таким образом более справедливое и эффективное функционирование правовой системы [4].

Делая вывод можно отметить, что анализ механизмов правового регулирования и их роль в обеспечении справедливости является необходимым шагом на пути к улучшению правовой системы и обеспечению реальной защиты прав и интересов всех членов общества. Только через постоянное изучение, анализ и совершенствование правовых механизмов можно достичь идеала справедливого и равноправного общества.

Принятое решение судом может быть некорректным с допущением ошибок из-за невозможности оценить какие - либо факты или документы сторонами. В случае такой ситуации, в дальнейшем могут возникать проблемы и затягивания процесса [5].

Обратимся к такому вопросу, как взаимосвязь между правопониманием и правоприменением, которая является ключевым аспектом эффективности правового регулирования. Существуют определённые проблемы в этой области, которые затрудняют успешное применение законов и норм в реальной жизни. Одной из основных проблем является различное толкование законов различными субъектами права.

Таким образом, важность правопонимания в современном обществе неоспорима и имеет ключевое значение для эффективного правового регулирования. Поддержание высокого уровня правосознания в обществе способствует укреплению правовой дисциплины, справедливости и безопасности, что является фундаментом стабильности и развития современного общества.

Если правопонимание и законы расходятся, это может привести к непониманию, несоблюдению правил и, как следствие, к нарушениям [8].

Влияние правопонимания на эффективность правового регулирования обусловлено несколькими факторами:

– Во-первых, общее уважение к закону и его авторитет в глазах граждан имеют огромное значение. Если законы воспринимаются как честные, справедливые и необходимые, то люди более склонны следовать им. В этом случае контроль за соблюдением законов становится менее жестким, что способствует более гармоничным отношениям в обществе.

– Во-вторых, правопонимание может оцениваться через призму общественного мнения и нравственных норм. – Еще одним важным фактором является образование и информированность граждан. Чем более осведомлены люди о законах, тем лучше они могут соблюдать их, а также защищать свои интересы. Поэтому государственные органы и общественные институты должны активно работать над информированием граждан о правилах и нормах.

Таким образом, анализ влияния правопонимания на эффективность правового регулирования подчеркивает важность соответствия законов ценностям общества, уважения к праву, образованности и информированности граждан. Отсутствие понимания и принятия правовых норм может снизить эффективность правового регулирования и привести к нарушениям законов.

Чтобы правовое регулирование было по-настоящему эффективным, в государстве должен быть высокий уровень правовой культуры. Законы должны быть понятными и справедливыми, которые люди захотят выполнять добровольно. Все это позволит снизить уровень негативных факторов, которые влияют на эффективность правовых норм [5].

Список литературы:

[1] Деменишин Д.О. Пути повышения эффективности правового регулирования // The Newman in Foreign policy, № 40, 2018. С. 25-27.

[2] Дорская А.А. Проблемы цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов. М., 2019. С. 18-28.

[3] Евтягина В.Ф., Бандур В.Е. Правоприменение и правовое регулирование // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 30-33.

[4] Лустова О.С. Понятие, критерии и условия эффективности правовых норм // Вестник ЧелГУ.2004. № 1. С. 22-29.

[5] Пономарев К.Н. Результативность правоприменительной деятельности: факторы эффективности // Вестник экономической безопасности. 2019. № 6. С. 114-115.

[6] Попова Е.С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Актуальные

вопросы юридических наук: материалы V Международной научной конференции. 2019. С. 12-14.

[7] Рыбаков В.А. Критерии определения эффективности права // Правоприменение. 2019. № 2. С. 5-13.

[8] Цацалов О.О. К вопросу о принципах правосудия как принципах судебной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, № 7. 2017. С. 181-184.

[9] Яхьева М.Г. Критерии оценки эффективности правоприменения: правовые аспекты // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 4. С. 67-70.

References:

[1] Demenishin D.O. Ways to Improve the Effectiveness of Legal Regulation // The Newman in Foreign Policy, No. 40, 2018. pp. 25–27.

[2] Dorskaya A.A. Problems of Digitalization in the Legal Sphere: Key Research Directions // Transformation of Legal Reality in the Digital Age: A Collection of Scientific Papers. Moscow, 2019. pp. 18–28.

[3] Evtyagina V.F., Bandur V.E. Law Enforcement and Legal Regulation // Education. Science. Scientific Personnel. 2021. No. 1. pp. 30–33.

[4] Lustova O.S. The Concept, Criteria, and Conditions for the Effectiveness of Legal Norms // Bulletin of Chelyabinsk State University (Vestnik ChelGU). 2004. No. 1. pp. 22–29.

[5] Ponomarev K.N. The Efficacy of Law Enforcement Activity: Factors of Effectiveness // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 6. pp. 114–115.

[6] Popova E.S. Problems and Prospects for the Development of E-Justice // Current Issues in Legal Sciences: Proceedings of the V International Scientific Conference. 2019. pp. 12–14.

[7] Rybakov V.A. Criteria for Determining the Effectiveness of Law // Law Enforcement (Pravoprimeneniye). 2019. No. 2. pp. 5–13.

[8] Tsatsalov O.O. On the Question of the Principles of Justice as Principles of Judicial Activity // Gaps in Russian Legislation (Probely v rossiyskom zakonodatelstve). Legal Journal, No. 7. 2017. pp. 181–184.

[9] Yakhyeva M.G. Criteria for Evaluating the Effectiveness of Law Enforcement: Legal Aspects // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2012. No. 4. Pp. 67–70.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-415-422
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ОЛЕЙНИКОВ Олег Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры бизнес-процесса и экономической безопасности
НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-
информационных технологий - ИМСИТ»,
Краснодар, Россия,
e-mail: oleynikovnvr@mail.ru

ПЕТРУШИН Константин Игоревич,
студент 2 курса магистратуры,
направление подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»
НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-
информационных технологий - ИМСИТ»,
Краснодар, Россия,
e-mail: petrushin.k@xmail.ru

АГАДЖАНЯН Давид Арутюнович,
студент 2 курса,
направление подготовки 09.03.01
«Информатика и вычислительная техника»
НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-
информационных технологий - ИМСИТ»,
Краснодар, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В настоящем исследовании анализируются существующие правовые механизмы, призванные обеспечить эффективный человеческий контроль над функционированием систем искусственного интеллекта (ИИ). Особое внимание уделяется эволюции регуляторного подхода: от формальной концепции «человек в контуре», предполагающей лишь номинальное присутствие оператора, к более строгому стандарту «содержательного человеческого контроля». Последний требует, чтобы субъект не просто механически подтверждал действия алгоритма, но и обладал реальным пониманием логики работы ИИ, а также фактической возможностью своевременно вмешаться в его работу. В ходе исследования выявлены системные пробелы в действующем законодательстве, среди которых: отсутствие легального закрепления понятия человеческого контроля, явный технологический перекос в обязанностях разработчиков, делегирование стандартов маркировки синтетического контента на усмотрение частных соглашений, а также отсутствие специализированного режима юридической ответственности. На основе проведенного анализа авторами предложен комплекс конкретных мер, направленных на совершенствование нормативно-правовой базы.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, человек в контуре, содержательный человеческий контроль, большие фундаментальные модели, деликтная ответственность, маркировка синтетического контента.*

Для цитирования: *Олейников О. В., Петрушин К. И., Агаджанян Д. А. Проблемы правового регулирования человеческого контроля над искусственным интеллектом в России и пути их решения // Образование и право. 2026. № 10. С. 415–422.*

OLEYNIKOV Oleg Vladimirovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Department of Business Processes and Economic Security
Academy of Marketing and Social-Information
Technologies (IMSIT),
Krasnodar, Russia

PETRUSHIN Konstantin Igorevich,
2nd-year Master's student,
Field of study: 40.04.01 "Jurisprudence"
Academy of Marketing and Social-Information
Technologies (IMSIT),
Krasnodar, Russia

AGADZHANYAN David Arutyunovich,
2nd-year student,
Field of study: 09.03.01
"Informatics and Computer Engineering"
Academy of Marketing and Social-Information
Technologies (IMSIT),
Krasnodar, Russia

ISSUES REGARDING THE LEGAL REGULATION OF HUMAN CONTROL OVER ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA AND WAYS TO ADDRESS THEM

Annotation. *This study analyzes existing legal mechanisms designed to ensure effective human control over the functioning of artificial intelligence (AI) systems. Particular attention is paid to the evolution of the regulatory approach: from the formal "human-in-the-loop" concept—which implies only a nominal presence of an operator—to the more rigorous standard of "meaningful human control." The latter requires that an individual not merely provide a mechanical confirmation of an algorithm's actions, but also possess a genuine understanding of the AI's operational logic, as well as the practical ability to intervene in its functioning in a timely manner. The study identifies systemic gaps in current legislation, including the lack of a formal legal definition for "human control," a pronounced technological bias in the obligations imposed on developers, the delegation of standards for labeling synthetic content to private agreements, and the absence of a specialized legal liability regime. Based on this analysis, the authors propose a set of concrete measures aimed at improving the regulatory framework.*

Key words: *artificial intelligence, human-in-the-loop, meaningful human control, large foundational models, tort liability, labeling of synthetic content.*

For citation: *Oleynikov O. V., Petrushin K. I., Agadzhanyan D. A. Issues regarding the legal regulation of human control over artificial intelligence in Russia and ways to address them. Education and law. 2026;(10):415–422. (In Russ.).*

К 2026 году технологии искусственного интеллекта трансформировались из экспериментальных разработок в неотъемлемый элемент критической информационной и производственной инфраструктуры. Особую правовую обеспокоенность вызывает стремительное развитие агентных систем ИИ – автономных программных комплексов, способных выполнять многоуровневые задачи без необходимости постоянного прямого вмешательства человека. В этой связи возникает острый правовой парадокс: законодательство императивно требует сохранения человеческого контроля над ИИ, однако архитектура современных глубоких нейросетей зачастую делает осмысленное вмешательство либо технически нереализуемым, либо когнитивно бессмысленным для оператора.

Принятие Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 243-ФЗ) стало знаковым этапом в формировании

отечественного регулирования данной сферы [9]. Указанный акт вводит категорию больших фундаментальных моделей (БФМ), регламентирует требования к суверенным и национальным моделям, а также закрепляет обязанности разработчиков и механизмы маркировки контента. Тем не менее, закон оставляет без детальной проработки фундаментальный вопрос: каким образом гарантировать содержательный, а не декларативный, человеческий контроль над системами ИИ?

Целью данной работы является выявление пробелов в существующих механизмах человеческого надзора, комплексный анализ положений Федерального закона № 243-ФЗ и формулирование предложений по их нормативному совершенствованию.

Концепция содержательного человеческого контроля (Meaningful Human Control, MHC) над ИИ предполагает, что человек должен сохранять дееспособность и фактическую возможность оценивать обстановку, осознавать последствия принимаемых решений и нести за них персональную ответственность в процессе взаимодействия с интеллектуальными системами [1]. Ключевой тезис заключается в том, что человек не должен превращаться в формальную «галочку» или «резиновую печать» в цепочке автоматизированного принятия решений. Данная концепция базируется на трех столпах:

Осознанное принятие решений. Оператор обязан анализировать контекст, этические дилеммы и реальные риски, а не слепо подтверждать выводы, сгенерированные ИИ.

Персонификация ответственности. Даже в условиях высокой автономности системы, бремя ответственности за итоговое решение остается за человеком, особенно при функционировании ИИ в социально значимых и критических сферах.

Сохранение контроля в нештатных ситуациях. Принцип не подразумевает, что оператор должен непрерывно мониторить каждый шаг алгоритма. Он предполагает наличие надежных технических и организационных механизмов, позволяющих перехватить управление, если система допустила сбой или вошла в противоречивое состояние.

Иными словами, простого физического присутствия человека за пультом управления недостаточно. Оператор должен понимать логику работы системы и обладать реальными рычагами для своевременного вмешательства. Если сотрудник лишь нажимает кнопку «Подтвердить», не имея инструментов для верификации алгоритмической логики, мы имеем дело не с контролем, а с его опасной имитацией.

Подходы к обеспечению человеческого контроля над ИИ в различных правовых системах (ЕС, США, Китай и Россия) существенно различаются по степени императивности и детализации.

Европейский союз в статье 14 Регламента об искусственном интеллекте (EU AI Act, 2024) детально регламентирует архитектуру надзора за системами высокого риска. Документ содержит прямое предписание: система должна проектироваться таким образом, чтобы физическое лицо имело практическую и техническую возможность контролировать её функционирование, а при необходимости — оперативно вмешаться и остановить процесс. Если надзор существует исключительно на бумаге, не подкрепляясь реальными инструментами вмешательства, это квалифицируется как нарушение регламента [4].

В США базовым документом выступает «Система управления рисками с использованием искусственного интеллекта» (NIST AI RMF, 2023), которая пока носит рекомендательный характер. Однако на уровне отдельных штатов внедряются жесткие регуляторные требования. Так, в Нью-Йорке в соответствии с Законом об автоматизированных инструментах принятия решений в сфере занятости (Local Law 144) работодатели обязаны проводить независимый аудит алгоритмов, применяемых при найме персонала, на предмет выявления дискриминации кандидатов по защищаемым признакам: расе, этнической принадлежности или полу [5].

В Китае «Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта» (2023) возлагают на поставщиков услуг прямую ответственность за весь сгенерированный контент. Для минимизации рисков документ предписывает внедрение строгих технических и организационных барьеров: компании обязаны разрабатывать четкие регламенты маркировки синтетического контента, проводить регулярную оценку качества, осуществлять выборочные проверки и контролировать исполнение внутренних правил [6].

В России же Федеральный закон № 243-ФЗ пока ограничивается декларацией принципа «уважения автономии и свободы воли человека» (п. 4 ст. 4), не формулируя конкретных императивных требований к механизмам осуществления такого контроля [9].

Таблица 1. Требования к человеческому контролю в разных юрисдикциях

Предпосылки для выстраивания человеческого контроля заложены в положениях Федерального закона № 243-ФЗ, который дифференцирует большие фундаментальные модели ИИ на суверенные и национальные (ст. 6). Оба данных статуса предполагают, что разработчиком выступает

российское юридическое лицо, а обработка данных осуществляется на территории РФ. Статус суверенной модели дополнительно требует обеспечения полной технической воспроизводимости всего цикла разработки. Национальная модель обязывает, чтобы её ключевые характеристики определялись исключительно российским юридическим лицом.

Критерий	Россия	Китай	США	ЕС
Обязательность HITL	Декларируется как принцип	Обязательна для публичного контента	Рекомендательно; обязательна в отдельных штатах	Строго для высокого риска
Стандарт компетентности	Отсутствует	Проверка ценностей	Оценка рисков	«Правильное понимание»
Ответственность	Общий деликтный режим	Административная и уголовная	Договорная; деликтная	Презумпция вины поставщика
Маркировка	Платформы >500 тыс. пользователей	Обязательна	Фрагментарно	Обязательна

С позиции человеческого контроля это формирует важную правовую предпосылку: субъект контроля становится четко идентифицируемым. Российское юридическое лицо может быть привлечено к ответственности в рамках российской юрисдикции и обязано предоставлять необходимую документацию регуляторам. Более того, интерфейс и техническая документация должны быть представлены на русском языке, что является базовым условием для понимания оператором логики работы системы [13].

Однако данное регулирование имеет существенное ограничение. Закон четко определяет, кто осуществляет контроль, но не отвечает на вопросы, как именно и в каком объеме он должен осуществляться. Сам факт того, что разработчиком является отечественная компания, не гарантирует наличия внутри неё эффективных механизмов надзора. Российская организация вполне может эксплуатировать оператора по принципу «резиновой печати» — сотрудника, который лишь формально, без анализа, подтверждает решения алгоритма [14].

Статья 8 Федерального закона № 243-ФЗ закрепляет три основные обязанности разработчика:

- принятие организационных и технических мер по обеспечению безопасности модели;
- определение правил эксплуатации модели;
- ведение технической документации.

Все перечисленные обязанности ориентированы преимущественно на техническую безопасность, а не на проектирование эффективных механизмов человеческого надзора. Закон не обязывает разработчика доказывать, что его система «поддается эффективному человеческому пониманию», и не требует внедрения интерфейсов объяснимости (Explainable AI, XAI). Иными словами, человеческий контроль рассматривается законодателем как второстепенный придаток технической безопасности, а не как самостоятельное и равнозначное требование. Это вступает в противоречие с теорией MHC, согласно которой контроль должен быть заложен в архитектуру системы на этапе проектирования, а не добавляться постфактум.

Статья 9 Федерального закона № 243-ФЗ регламентирует механизм маркировки контента, созданного с помощью ИИ. Платформы с суточной аудиторией более 500 тысяч пользователей обязаны предоставлять пользователям функционал для размещения предупреждений о применении ИИ. Однако часть 2 статьи 9 устанавливает, что «формат, содержание и порядок размещения информационного предупреждения определяются соглашением между лицом, применяющим большую фундаментальную модель, и лицом, предоставляющим возможность её применения». Это означает, что стандарты маркировки делегируются на уровень рыночных соглашений, а не регулируются императивной нормой права. С точки зрения человеческого контроля это является нормативным дефектом: маркировка служит предварительным условием для получения надзирающим субъектом релевантной информации. Если стандарты определяются частными соглашениями, маркировка на различных платформах станет несопоставимой. В результате модератор или конечный пользователь не сможет сформировать целостную и достоверную картину. Кроме того, отсутствие единого законодательного стандарта создает высокие риски манипулятивного использования маркировки в целях введения потребителей в заблуждение.

Часть 2 статьи 10 Федерального закона № 243-ФЗ устанавливает широкое исключение из ответственности за использование объектов авторского права для обучения моделей. Если произведение является общедоступным и не защищено техническими средствами защиты, его допускается использовать для обучения без согласия правообладателя. С позиции человеческого контроля это также выступает структурным дефектом: правообладатель полностью исключается из процесса контроля над решением об использовании его интеллектуальной собственности. Он лишен возможности как запретить такое использование, так и получить информацию о нем [2; 3].

Статья 11 Федерального закона № 243-ФЗ содержит лишь отсылочную норму: «за нарушение настоящего Федерального закона... участники от-

ношений... несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Это означает, что при причинении вреда большой фундаментальной моделью ответственность будет регулироваться общими нормами ГК РФ (в частности, ст. 1064). Однако применимость этих общих деликтных норм к автономным системам ИИ сама по себе является острой и до конца не решенной доктринальной проблемой. Возникает классический «разрыв ответственности» (liability gap): вред причинен, но привлечь к ответственности конкретное виновное лицо крайне сложно, поскольку общие нормы или правила об ответственности за источник повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) плохо адаптированы к самостоятельным, непредсказуемым действиям нейросетей, не обладающих правосубъектностью.

Ранее проведенные эмпирические исследования демонстрируют, что операторы склонны к «эффекту автоматизации» — слепому доверию алгоритмическим решениям. В правоприменительной практике органов по защите данных ЕС (например, в решениях итальянского регулятора Garante и нидерландского AP в 2024–2025 гг.) формальное наличие человека, лишь механически нажимавшего кнопку «Подтвердить», не было признано действительным человеческим контролем. Это повлекло за собой наложение крупных штрафов за нарушение статьи 22 Общего регламента по защите данных (GDPR) [7].

При этом внедрение полноценного МНС (включая интерфейсы XAI, специализированное обучение персонала и ведение детальных журналов) неизбежно увеличивает операционные расходы компаний. Чрезмерно жесткое регулирование без гибких механизмов может привести к отказу бизнеса от внедрения ИИ или к «регуляторному арбитражу» — переносу разработок и серверов в юрисдикции с более либеральными правилами [15].

Для перехода от формального присутствия человека к содержательному контролю предлагается реализовать следующий комплекс мер:

1. Закрепить легальное определение содержательного контроля и дополнить Федеральный закон № 243-ФЗ положением о том, что человеческий контроль признается надлежащим только при одновременном соблюдении условий:

- система прошла сертификацию на соответствие международным или национальным стандартам управления рисками ИИ (например, ISO/IEC 42001:2023 и ISO/IEC 23894:2023) [10; 11];

- интерфейс системы обеспечивает объяснимость принимаемых решений в формате, доступном для понимания конкретным оператором;

- оператор обладает необходимой профессиональной компетенцией и выделенным временем для анализа и вмешательства.

2. Внедрить градуированную модель надзора, дифференцируя требования в зависимости от уровня потенциального риска (в увязке с положениями Национальной стратегии развития ИИ [12]):

Таблица 2.

Разработать и внедрить профессиональные стандарты для операторов высокорисковых систем, включая обязательные регулярные тренировки на симуляторах – по аналогии с системой управления ресурсами экипажа (Crew Resource Management) в авиации [8].

Дифференцировать режим ответственности и дополнить ст. 11 Федерального закона № 243-ФЗ специальными положениями:

Уровень риска	Режим надзора	Требования
Экстремально высокий (медицина, правосудие)	HITL (предварительное одобрение)	Система не может выполнить решение без явного одобрения человека
Средне-высокий (финансы, критическая инфраструктура)	HOTL (мониторинг + право вето)	Наблюдатель может отслеживать и отменять решение в реальном времени
Общий	Постфактумный аудит	Журналы работы системы доступны для проверки

- презумпция вины оператора, если система предоставила понятное объяснение своего решения, но оператор его проигнорировал;

- строгая (безвиновная) ответственность разработчика, если система функционировала как «чёрный ящик» и не предоставила оператору технических средств для выявления ошибки;

- императивное правило, согласно которому ссылка на «наличие человека в контуре» не освобождает от ответственности, если был обеспечен лишь формальный, фиктивный надзор.

Ввести обязательную трассируемость действий и вменить в обязанность операторам высокорисковых систем ведение защищенных от несанкционированной модификации журналов, фиксирующих входные данные, объяснение, сгенерированное ИИ, и конкретное действие оператора.

Восполнить правовой пробел в исключении для обучающих данных и включить в ст. 10 Федерального закона № 243-ФЗ право правообладателя на информацию: разработчик обязан уведомлять о факте включения произведения в обучающие массивы через организации коллективного управления правами или посредством публичного реестра.

Установить единый законодательный стандарт маркировки и дополнить ст. 9 Федерального

закона № 243-ФЗ императивными требованиями к формату и содержанию информационного предупреждения, исключив возможность передачи этих вопросов на усмотрение частного соглашения сторон.

Экономически стимулировать внедрение МНС. Для компенсации возросших операционных расходов целесообразно предусмотреть меры государственной поддержки (налоговые льготы, приоритет при осуществлении государственных закупок) для компаний, добровольно сертифицирующих свои системы на соответствие стандартам содержательного человеческого контроля.

Федеральный закон № 243-ФЗ заложил важную институциональную основу для российского регулирования сферы искусственного интеллекта. Разграничение суверенных и национальных моделей отражает обоснованное стремление государства к обеспечению технологического суверенитета. Однако с точки зрения правовых механизмов человеческого контроля данный закон пока остается рамочным актом, сфокусированным преимущественно на квалификации разработчика и вопросах технической безопасности. Переход к стандарту содержательного человеческого контроля требует фундаментальной смены правовой парадигмы: право должно оценивать не сам факт физического наличия человека в процессе, а его верифицируемую способность понять логику алгоритма и при необходимости отменить его решение. Реализация предложенных мер позволит устранить опасный «разрыв ответственности», обеспечить надежную защиту прав граждан и создать предсказуемые, прозрачные условия для добросовестных разработчиков технологий ИИ.

Список литературы:

[1] Булавинова, М. П. «Значимый человеческий контроль» как основа для этического и правового регулирования применения автономных систем / М. П. Булавинова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. – 2020. – № 4. – С. 14-29.

[2] Коряка, Д. А. Интеллектуальные права на объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта: сравнительный анализ российского и зарубежных подходов к регистрации и охране / Д. А. Коряка, О. В. Олейников // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях : Сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 06 февраля 2026 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2026. – С. 393-402.

[3] Карецкий, А. О. Правовой статус результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом: проблемы и перспективы / А. О. Карецкий, О. В. Олейников // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях : Сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 06 февраля 2026 года. Том 2. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2026. – С. 376-381.

[4] Регламент ЕС 2024/1689 Закон об искусственном интеллекте // Официальный журнал Европейского союза. – 2024. – L 168/1.

[5] Система управления рисками в области искусственного интеллекта (AI RMF 1.0). // Национальный институт стандартов и технологий (NIST) США. – 2023.

[6] Временные меры по управлению службами искусственного интеллекта в Китае (CAC, MIIT, MPS, NRTA, 10 июля 2023 г.). // Центр глобальной IT кооперации. URL: https://cgitc.ru/upload/iblock/a6e/3z053f61c763gcvx2bt2qiu6qbgvh87m.pdf?ysclid=muv2yz518725590961 (дата обращения: 18.07.2026).

[7] Положение об использовании искусственного интеллекта в автоматизированных процессах подбора персонала. – Постановление Итальянского управления по защите данных (Garante). № 150 от 2024 года.

[8] Руководство ИКАО по обучению, основанному на фактических данных (Doc 9995) и управлению ресурсами экипажа (Doc 9868) / Международная организация гражданской авиации (ИКАО). – 11-е изд., 2023.

[9] Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru. – 2026. – 26 июля.

[10] ISO/IEC 42001:2023. Информационные технологии – Искусственный интеллект — Система управления. – 2023. // Росстандарт. URL: https://rst.gov.ru:8443/file-service/file/load/1742995304141?ysclid=mvkscmqgjx904157401 (дата обращения: 18.07.2026).

[11] ISO/IEC 23894:2023. Информационные технологии – Искусственный интеллект — Руководство по управлению рисками. – 2023. // Росстандарт. URL: https://rst.gov.ru:8443/file-service/file/load/1682519677927?ysclid=mvksdsev6o523234720 (дата обращения: 18.07.2026).

[12] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Офи-

циальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. – 2019. – 11 октября.

[13] Паршин, Д. С. Влияние искусственного интеллекта на кибербезопасность: новые возможности и угрозы / Д. С. Паршин, Т. Г. Маглинова // Юность и Знания - Гарантия Успеха - 2025 : Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 25–26 сентября 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 234-236.

[14] Мадатова, О. В. Правовые основы ключевых отраслей права: учебное пособие / О. В. Мадатова, С. Ю. Субачев, О. Я. Мадатов. – Краснодар: АНО НИИ ЭПИТ, 2025. – 235 с.

[15] Бондаренко, И. А. Искусственный интеллект и проблема финансовой устойчивости / И. А. Бондаренко, Р. О. Яковцева // Экономический рост как основа устойчивого развития России : Сборник статей IX-ой Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 04–05 декабря 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 72-76.

References:

[1] Bulavinova, M. P. "Meaningful Human Control" as a Basis for the Ethical and Legal Regulation of the Use of Autonomous Systems / M. P. Bulavinova // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 8: Science Studies. Abstract Journal. – 2020. – No. 4. – pp. 14–29.

[2] Koryaka, D. A. Intellectual Property Rights to Objects Created Using Artificial Intelligence: A Comparative Analysis of Russian and Foreign Approaches to Registration and Protection / D. A. Koryaka, O. V. Oleynikov // Economic and Social Problems of Regional Development in Contemporary Conditions: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, Kursk, February 6, 2026. – Kursk: ZAO "Universitetskaya Kniga", 2026. – pp. 393–402.

[3] Karetsky, A. O. Legal Status of the Results of Intellectual Activity Created by Artificial Intelligence: Problems and Prospects / A. O. Karetsky, O. V. Oleynikov // Economic and Social Problems of Regional Development in Contemporary Conditions: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, Kursk, February 6, 2026. Volume 2. – Kursk: ZAO "Universitetskaya Kniga", 2026. – pp. 376–381.

[4] EU Regulation 2024/1689: Artificial Intelligence Act // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 168/1.

[5] Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). // National Institute of Standards and Technology (NIST), USA. – 2023.

[6] Interim Measures for the Management of Artificial Intelligence Services in China (CAC, MIIT, MPS, NRTA, July 10, 2023). // Center for Global IT Cooperation. URL: https://cgitc.ru/upload/iblock/a6e/3z053f61c763gcvx2bt2qiu6qbgvh87m.pdf?ysclid=muv2yz518725590961 (accessed: July 18, 2026).

[7] Regulation on the Use of Artificial Intelligence in Automated Recruitment Processes. – Resolution of the Italian Data Protection Authority (Garante) No. 150 of 2024.

[8] ICAO Guidance on Evidence-Based Training (Doc 9995) and Crew Resource Management (Doc 9868) / International Civil Aviation Organization (ICAO). – 11th ed., 2023.

[9] Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026, "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation." // Official Internet Portal of Legal Information: http://pravo.gov.ru. – 2026. – July 26.

[10] ISO/IEC 42001:2023. Information Technology — Artificial Intelligence — Management System. – 2023. // Rosstandart. URL: https://rst.gov.ru:8443/file-service/file/load/1742995304141?ysclid=mvkscmqgjx904157401 (accessed: July 18, 2026).

[11] ISO/IEC 23894:2023. Information technology — Artificial intelligence — Guidance on risk management. – 2023. // Rosstandart. URL: https://rst.gov.ru:8443/file-service/file/load/1682519677927?ysclid=mvksdsev6o523234720 (accessed: July 18, 2026).

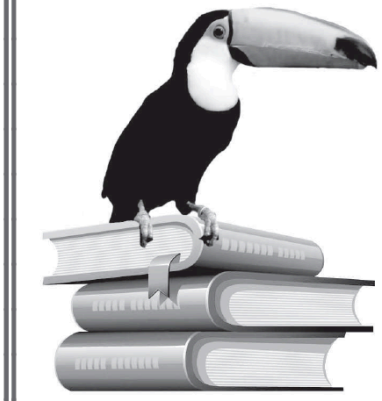
[12] Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 (as amended on February 15, 2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (including the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru. – 2019. – October 11.

[13] Parshin, D. S. The Impact of Artificial Intelligence on Cybersecurity: New Opportunities and Threats / D. S. Parshin, T. G. Maglinova // Youth and Knowledge — A Guarantee of Success — 2025: Collection of Scientific Articles from the 12th International Youth Scientific Conference. In 4 volumes, Kursk, September 25–26, 2025. – Kursk: ZAO "Universitetskaya Kniga", 2025. – pp. 234–236.

[14] Madatova, O. V. Legal Foundations of Key Branches of Law: A Textbook / O. V. Madatova, S. Yu. Subachev, O. Ya. Madatov. – Krasnodar: ANO NII EPIT, 2025. – 235 p.

[15] Bondarenko, I. A. Artificial Intelligence and the Problem of Financial Stability / I. A. Bondarenko, R. O. Yakovtseva // Economic Growth as a Basis for the Sustainable Development of Russia: Collection of Articles from the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, December 4–5, 2025.

– Kursk: ZAO "Universitetskaya Kniga", 2025. – pp. 72–76.



www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-423-428
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ВЕРЕС Владислава Сергеевна,
ведущий специалист по судебно-претензионной работе,
Акционерное общество Научно-технический центр «Модуль»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: VeresVS@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ОБОРОТА МАРКИРОВАННЫХ ТОВАРОВ: СИСТЕМНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 15.12 КОАП РФ

Аннотация. *Статья посвящена системно-правовому анализу дифференциации административной ответственности участников оборота маркированных товаров по статье 15.12 КоАП РФ. Цель работы состоит в выявлении дефектов действующей конструкции, при которой в одной норме пересекаются физическое отсутствие маркировки, нарушение порядка нанесения информации, цифровые сбои прослеживаемости и специальные составы по алкогольной, табачной и никотинсодержащей продукции. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также выборочный анализ судебных актов 2025 г. Автор приходит к выводу, что действующая модель недостаточно различает статус участника оборота, характер дефекта и степень фактической общественной вредности. Предлагается разграничить физический и цифровой критерии маркированности, уточнить доказательственные стандарты по частям статьи 15.12 КоАП РФ и ограничить конфискацию только теми товарами, которые образуют предмет конкретного административного правонарушения.*

Ключевые слова: *административная ответственность, обязательная маркировка, статья 15.12 КоАП РФ, маркированные товары, средство идентификации, ГИС МТ, Честный знак, конфискация, участники оборота товаров, цифровой контроль.*

Для цитирования: *Верес В. С. Концептуальные проблемы дифференциации административной ответственности участников оборота маркированных товаров: системно-правовой анализ статьи 15.12 КоАП РФ // Образование и право. 2026. № 10. С. 423–428.*

VERES Vladislava Sergeyevna,
Leading Specialist in Litigation and Claims,
Joint Stock Company Scientific and Technical Center «Module»,
Moscow, Russian Federation

CONCEPTUAL PROBLEMS OF DIFFERENTIATING ADMINISTRATIVE LIABILITY OF PARTICIPANTS IN THE CIRCULATION OF MARKED GOODS: A SYSTEMIC LEGAL ANALYSIS OF ARTICLE 15.12 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article offers a systemic legal analysis of administrative liability under Article 15.12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The study examines the overlap between physical absence of marking, defects in mandatory product information, failures in digital traceability and special liability regimes for alcohol, tobacco and nicotine-containing products. The author argues that the current model does not sufficiently distinguish between manufacturers, importers, wholesale intermediaries and retailers. The article proposes to separate physical and*

digital criteria of marking, clarify evidentiary standards and limit confiscation to goods that form the subject of the proven administrative offence.

Key words: *administrative liability, mandatory marking, Article 15.12, marked goods, identification code, digital traceability, Chestny Znak, confiscation, product circulation, administrative offence.*

For citation: *Veres V. S. Conceptual problems of differentiating administrative liability of participants in the circulation of marked goods: a systemic legal analysis of article 15.12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):423–428. (In Russ.).*

Введение

Обязательная маркировка в российском праве выросла из сравнительно узкого механизма борьбы с контрафактом в сложную инфраструктуру цифровой прослеживаемости. Закон о торговле определяет маркированный товар через два признака: на него нанесено средство идентификации, а достоверные сведения о нем содержатся в государственной информационной системе мониторинга [2]. Участник рынка потому отвечает не только за этикетку на упаковке. Он отвечает за кодовый след товара, за момент передачи сведений, за корректность статуса кода и за кассовую фиксацию выбытия при розничной продаже.

К маю 2026 г. перечень маркируемых товаров охватывает не только табак, обувь и меховые изделия. В него входят молочная продукция, безалкогольные напитки, консервы, медицинские изделия, товары легкой промышленности, отдельные виды электроники и строительных материалов. Такая экспансия меняет смысл статьи 15.12 КоАП РФ. Норма, созданная для санкционирования выпуска или продажи товара без обязательной информации, теперь обслуживает рынки с разной логистикой, разной ценой ошибки и разным уровнем угрозы для потребителя.

Здесь появляется неприятный для правоприменения разрыв. Производитель контролирует нанесение кода и первичный ввод в оборот; импортер связывает маркировочную обязанность с таможенной стадией; оптовик работает с партиями и электронными универсальными передаточными документами; розничный продавец видит товар уже на полке и отвечает за корректное выбытие через кассу. Одна и та же формула «товар без маркировки» в этих четырех ситуациях означает разное поведение. Иногда речь идет о сознательном обороте контрафакта. Иногда о задержке передачи сведений в ГИС МТ, что требует иной квалификации по статье 15.12.1 КоАП РФ.

Исследовательский вопрос поэтому формулируется узко: насколько статья 15.12 КоАП РФ действительно различает участников оборота маркированных товаров, а где она лишь воспроизводит общий запрет в разных редакциях. На наш взгляд, субъектная дифференциация в норме есть, но она задана грубо. Закон различает производство, ввод в оборот, продажу, хранение и перевозку, однако почти не учитывает, кто именно создал дефект прослеживаемости и мог ли последующий участник его обнаружить без специальных технических процедур.

Методология

Работа построена на системном анализе КоАП РФ, закона о торговле, акта 2025 г. об ужесточении санкций и материалов судебной статистики [1-4]. Дополнительно использованы публикации 2021-2026 гг., в которых маркировка рассматривается как инструмент административно-правового воздействия, форма государственного мониторинга, элемент налоговой прозрачности и объект таможенного контроля [5-10]. Такой набор источников позволяет не сводить тему к технике нанесения Data Matrix-кода.

Эмпирическая часть имеет разведочный характер. В нее включены судебные материалы 2025 г., где видны разные роли участников оборота: производитель пищевой продукции, розничный продавец обуви, организация, реализовавшая товары легкой промышленности с кодами, ранее выведенными из оборота, и продавец никотинсодержащей продукции, по делу которого суд частично ограничил конфискацию [11; 12]. Выборка не претендует на статистическую репрезентативность. Ее задача скромнее: показать, какие типы квалификационных ошибок повторяются в практике, и почему агрегированная статистика не раскрывает их содержания.

Системно-правовой анализ

Статья 15.12 КоАП РФ конструирует несколько деликтных режимов. Часть 1 адресована производителю и стадии первичного ввода в оборот. Часть 2 применяется к продаже, хранению, перевозке и приобретению для сбыта. Части 3 и 4 устанавливают более жесткие санкции для алкогольной, табачной и никотинсодержащей продукции. После Федерального закона от 3 февраля 2025 г. № 1-ФЗ санкционная нагрузка по специальным составам стала несопоставимо выше общего режима: для юридических лиц по части 4 штраф достигает 1,5 млн руб. с конфискацией предметов правонарушения [3].

При таком строении нормы центр тяжести смещается к правильному определению стадии оборота. Производитель и импортер отвечают за первичную легализацию товара в маркировочной системе. Оптовый посредник должен проверить приемку, передачу и сохранность кодов внутри товаропроводящей цепи. Розница, по общему правилу, несет ответственность за продажу товара, который к моменту реализации не отвечает обязательным требованиям. Но эта схема работает только при ясном ответе на один вопрос: дефект был физическим или цифровым?

Физический дефект очевиден: код отсутствует, нанесен с нарушением порядка, не читается, не соответствует товару либо вместо требуемого средства идентификации использован иной знак. Цифровой дефект тоньше. Товар может иметь корректный код на упаковке, но сведения о нем не переданы, переданы поздно или отражают неверный статус. Для таких случаев законодатель ввел статью 15.12.1 КоАП РФ, где санкция мягче и лучше соразмерна информационному нарушению [1]. Проблема начинается там, где отсутствие корректных сведений в системе трактуется как отсутствие маркированности вообще.

Такой подход опасен для розницы и малого бизнеса. Продавец может проверить код мобильным приложением, кассовой техникой, внутренним учетным модулем. Но он не всегда способен восстановить всю историю кода: кто заказал средство идентификации, кто ввел товар в оборот, кто передал сведения с задержкой, по какой причине код получил статус «выведен из оборота». Если суд не различает эти обстоятельства, деликтоспособность юридического лица превращается в почти автоматическую ответственность за любой сбой на предшествующей стадии.

Еще один дефект связан с широтой диспозиции. Статья 15.12 охватывает не только обязательную цифровую маркировку средствами идентификации, но и нарушения, связанные с нанесением информации на товар. Поэтому в один статистический массив попадают дела о Data Matrix-кодах, акцизных марках, недостоверной потребительской маркировке и специальных режимах по табачной продукции. Для научного анализа это плохо: нельзя сравнивать оборот немаркированных электронных испарителей и ошибку в составе пищевой продукции как однородные правонарушения.

Доказательственная модель также стала гибридной. Протокол осмотра и фототаблица уже не исчерпывают фактическую сторону дела. Надзорный орган использует сведения ГИС МТ, кассовые чеки, контрольную закупку, результаты сканирования приложения «Честный знак», уведомления о реализации, документы приемки и остатки на складе. На наш взгляд, для части 2 статьи 15.12 нужен преюдициальный порог доказывания цели сбыта: простое нахождение товара в помещении предпринимателя не должно автоматически заменять анализ назначения партии, ее учетного статуса и связи с конкретной реализацией.

Эмпирическая часть

Судебная статистика за 2024 г. показывает высокую применяемость статьи 15.12 КоАП РФ: наказание назначено почти по четырем из пяти рассмотренных дел [4]. Но показатель 78 процентов не раскрывает, какие дела завершались штрафом и какие конфискацией. Более того, 1 732 случая конфискации в агрегированном виде не отвечают на вопрос о предмете изъятия: конфисковывалась вся партия, только немаркированные единицы либо товар, принадлежность которого спорила другая организация.

Показателен кейс о пищевой продукции, рассмотренный мировым судьей в 2025 г. Суд квалифицировал выпуск продукции с недостоверной информацией на этикетке по части 1 статьи 15.12 КоАП РФ [11]. Для темы цифровой маркировки этот пример важен не фактическими обстоятельствами, а эффектом смешения: статья применяется к маркировке в широком потребительском смысле, хотя общественная дискуссия вокруг нее теперь связана прежде всего с системой прослеживаемости.

Другое дело касается розничной реализации обуви с отсутствующей или двойной маркировкой. Материалы сначала описывали ситуацию через производственно-вводную логику части 1, но суд перешел к части 2, поскольку фактически речь шла о продаже товара конечному покупателю. Это решение точнее отражает стадию оборота. Здесь видна простая, но часто недооцененная мысль: квалификация должна идти от роли лица в конкретном эпизоде, а не от абстрактного свойства товара.

В деле ООО «Максима Групп» спор строился вокруг товаров легкой промышленности с кодами, ранее выведенными из оборота. Суд использовал цифровые сведения системы мониторинга, сопоставил их с фактом реализации и подтвердил наказание [12]. Такая практика понятна, когда кодовый статус прямо связан с продажей. Осторожность нужна в другом: если статус кода изменился по причине сбоя интеграции или ошибки поставщика, розничному звену нельзя вменять тяжкий состав без проверки его фактических возможностей.

Воронежский материал о никотинсодержащей продукции показывает значение предметной конфискации. Суд не стал механически сохранять

изъятие всего обнаруженного товара и отделил легально маркированные стики от немаркированных электронных испарителей. Для статьи 15.12 это, пожалуй, один из самых прагматичных ориентиров: конфискация должна следовать за доказанным предметом правонарушения, а не за удобством упаковки, описи или складского хранения.

Обсуждение

Главный спор вокруг статьи 15.12 КоАП РФ упирается в юридическое значение цифровой прослеживаемости. Если считать маркированным только товар, по которому система видит корректную и полную историю, то любой информационный сбой можно довести до тяжелого состава. Если считать достаточным физическое наличие кода, можно ослабить контроль и открыть «серую зону» для повторного использования средств идентификации. Оба решения грубы. Нужен промежуточный критерий, привязанный к роли участника и к причине дефекта.

Для производителя такой критерий строже: он формирует первичную маркировочную запись и контролирует выпуск. Для импортера значим таможенный момент, поскольку проверка маркировки входит в процедуру допуска товара на рынок [10]. Для оптового звена решающим становится документальный разрыв между поступлением и передачей партии. Розничный продавец должен отвечать за продажу товара с очевидным физическим дефектом и за игнорирование проверяемого статуса кода, но не за всю скрытую историю оборота, если она не была доступна при обычной осмотрительности.

Санкционная шкала после 2025 г. усилила этот вопрос. Для алкоголя, табака и никотинсодержащей продукции жесткий режим оправдан высоким уровнем нелегального оборота и вредом для публичных интересов. Но перенос такой логики на информационные сбои в иных товарных группах создает эффект несоразмерности. Мы полагаем, что статья 15.12.1 КоАП РФ должна применяться как обычный состав для непредставления, просрочки или недостоверности сведений, если отсутствует доказанный физический оборот немаркированного товара.

Конфискация требует отдельной корректировки. В действующей практике она иногда воспринимается как обязательный хвост штрафа. Между тем предмет правонарушения должен быть установлен поштучно либо по однородной партии с понятным доказательственным основанием. Иначе административное наказание затрагивает имущество, которое не связано с нарушением, а в отдельных случаях и интересы лиц, не признанных виновными. Для оборота маркированных товаров это не мелочь: код наносится на единицу, значит и конфискационный вывод обязан быть единичным либо партийно обоснованным.

Выводы и рекомендации

Статья 15.12 КоАП РФ нуждается не в механическом ужесточении, а в более тонкой внутренней настройке. Ее диспозиции должны отчетливо разводить три группы нарушений: физическое отсутствие требуемой маркировки, дефект обязательной информации на товаре и цифровое нарушение передачи сведений. Пока эти группы сшиты одной формулой, правоприменитель вынужден сам решать, где заканчивается информационный проступок и начинается оборот немаркированного товара.

Субъектную дифференциацию оправдано закрепить прямо в норме или в примечании к ней. Производитель и импортер отвечают за первичное нанесение, заказ кодов и ввод в оборот. Оптовое звено отвечает за сохранность корректной идентификации при передаче партии. Розница отвечает за продажу и выбытие через кассу, а также за игнорирование очевидных признаков недопустимого товара. Цифровая просрочка без физического дефекта должна уходить в статью 15.12.1 КоАП РФ.

Для доказательственной практики нужен минимальный стандарт. По части 1 необходимы документы производства или ввоза, сведения о кодах и подтверждение стадии первичного оборота. По части 2 нужны доказательства реализации либо цели сбыта: чек, контрольная закупка, осмотр, фотофиксация, складские документы, связка с конкретной единицей товара. Для статьи 15.12.1 достаточно цифрового следа нарушения, но он должен быть связан с обязанностью конкретного участника, а не с общей неисправностью системы.

Санкции по специальным товарным группам следует сохранить жесткими при доказанном физическом нелегальном обороте. Для пограничных цифровых ситуаций, особенно у субъектов малого и среднего предпринимательства, предупреждение или умеренный штраф по статье 15.12.1 КоАП РФ выглядит правомернее, чем квалификация по тяжелым составам статьи 15.12. Здесь необходима осторожность в оценках: излишняя мягкость создаст стимул к обходу системы, но чрезмерная строгость превратит технический сбой в экономически разрушительное наказание.

Статистику по статье 15.12 КоАП РФ нужно публиковать по частям статьи, товарным группам, субъектам ответственности и видам наказаний. Без такой декомпозиции невозможно понять, против кого работает норма на практике. Авторский вывод поэтому предельно практичен: реформа статьи 15.12 должна начинаться не с новой санкции, а с более точного словаря, в котором «ввод в оборот», «оборот», «код, выведенный из оборо-

та» и «немаркированный товар» получают разные правовые значения.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред., действующая на 09.05.2026). Ст. 15.12, 15.12.1. // НормативКонтур. URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=503698&moduleId=1&pieceId=a15.12 (дата обращения: 09.05.2026).

[2] Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/ (дата обращения: 09.05.2026).

[3] Федеральный закон от 03.02.2025 № 1-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/411405303/ (дата обращения: 09.05.2026).

[4] Судебная статистика РФ. Показатели по отдельным правонарушениям за 2024 г.: строка по статье 15.12 КоАП РФ. // Агентство правовой информации. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 09.05.2026).

[5] Сморчкова Л.Н. Обязательная маркировка товаров средствами идентификации как инструмент административно-правового воздействия на экономические отношения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 2. С. 44-50.

[6] Коваленко Е.Г. Мониторинг оборота товаров как особая форма государственного контроля // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 1 (105). С. 108-113.

[7] Панова А.С. Правовое регулирование маркировки товаров в условиях цифровизации и параллельного импорта // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 2. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/markirovka_tovarov_sredstvami_identifikacii/ (дата обращения: 09.05.2026).

[8] Сморчкова Л.Н. К вопросу о методологии административно-правового регулирования в сфере экономики // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 15-18.

[9] Липко В.Д., Журавлев А.В. К вопросу об организации таможенного контроля товаров, подлежащих обязательной маркировке // Аудиторские ведомости. 2025. № 3. С. 78-84.

[10] Лянной Г.Г. Единая национальная система маркировки «Честный знак» как административно-организационный метод обеспечения безопасности предпринимательства или уничтожения малого и среднего его сегмента // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 173-178.

[11] Постановление мирового судьи Вологодской области по делу № 5-1148/2025 от 04.08.2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/7RnveHJI8xgP/ (дата обращения: 09.05.2026).

[12] Постановление мирового судьи Пресненского района г. Москвы по делу № 05-0043/378/2025 от 12.03.2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/F65dAEJmkZUW/ (дата обращения: 09.05.2026).

References:

[1] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended, in effect as of May 9, 2026). Articles 15.12, 15.12.1. // NormativKontur. URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=503698&moduleId=1&pieceId=a15.12 (accessed: May 9, 2026).

[2] Federal Law dated December 28, 2009, No. 381-FZ "On the Foundations of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation" (as amended on December 28, 2025, with amendments and additions effective from March 1, 2026). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/ (accessed: May 9, 2026).

[3] Federal Law dated February 3, 2025, No. 1-FZ "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses." // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/411405303/ (accessed: May 9, 2026).

[4] Judicial Statistics of the Russian Federation. Indicators for specific administrative offenses for 2024: entry for Article 15.12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. // Legal Information Agency. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1 (accessed: 09.05.2026).

[5] Smorchkova L.N. Mandatory Product Labeling with Identification Means as an Instrument of Administrative-Legal Influence on Economic Relations // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2021. Vol. 21. No. 2. pp. 44–50.

[6] Kovalenko E.G. Monitoring the Circulation of Goods as a Specific Form of State Control // Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2021. No. 1 (105). pp. 108–113.

[7] Panova A.S. Legal Regulation of Product

Labeling in the Context of Digitalization and Parallel Imports // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2023. No. 2. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/markirovka_tovarov_sredstvami_identifikacii/ (accessed: 09.05.2026).

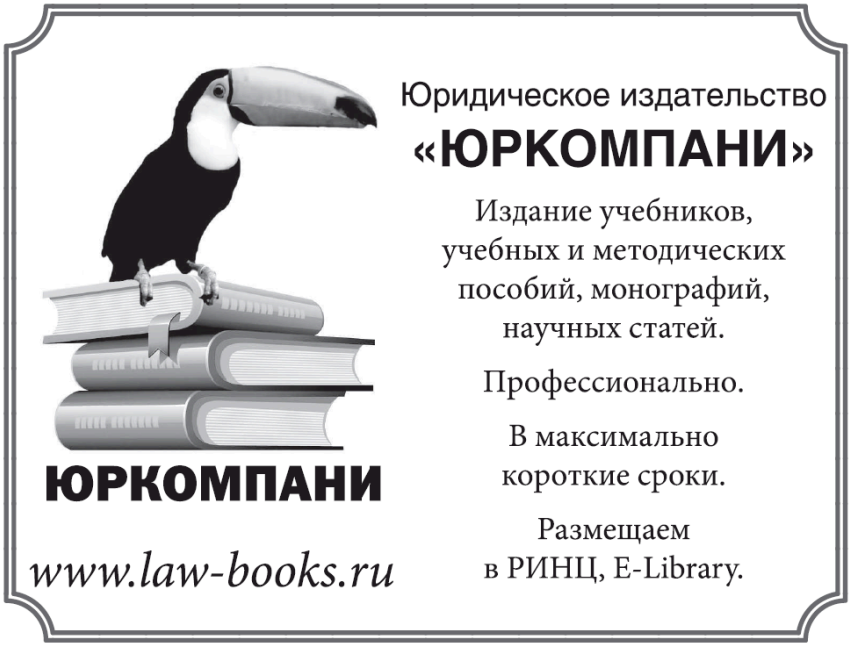
[8] Smorchkova L.N. On the Methodology of Administrative-Legal Regulation in the Economic Sphere // Administrative Law and Process. 2024. No. 6. pp. 15–18.

[9] Lipko V.D., Zhuravlev A.V. On the Organization of Customs Control for Goods Subject to Mandatory Labeling // Audit Bulletin (Auditorskie Vedomosti). 2025. No. 3. pp. 78–84.

[10] Lyannoy G.G. The Unified National Product Labeling System "Chestny Znak" (Honest Mark): An Administrative-Organizational Method for Ensuring Business Security or a Means to Destroy the Small and Medium-Sized Enterprise Sector // Eurasian Advocacy. 2026. No. 1 (78). pp. 173–178.

[11] Ruling of a Magistrate Judge in the Vologda Region, Case No. 5-1148/2025, dated August 4, 2025 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/7RnveHJI8xgP/ (accessed: May 9, 2026).

[12] Ruling of a Magistrate Judge in the Presnensky District of Moscow, Case No. 05-0043/378/2025, dated March 12, 2025 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/F65dAEJmkZUW/ (accessed: May 9, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-429-435

ПРИДАННИКОВА Ольга Андреевна,
Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
преподаватель кафедры основ
российской государственности и цивилистики,
e-mail: hramch@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ОРГАНАХ ДОЗНАНИЯ МВД РОССИИ

Аннотация. *Предметом исследования статьи выступает комплексная характеристика правового положения должностных лиц на которых возложены функции внутриведомственного контроля при осуществлении расследования в форме дознания в структурах МВД России. Нормативную и эмпирическую основу работы составили предписания действующего уголовно-процессуального законодательства, нормы федерального законотворчества, ведомственные подзаконные регуляторы, доктринальные труды в области уголовного процесса, а также правоприменительные позиции судебных инстанций. Детально раскрыта компетенция трех ключевых процессуальных фигур: руководителя органа дознания, руководителя профильного подразделения дознания и непосредственно лица, производящего дознание. В результате проведенного исследования выявлены некоторые недостатки в компетенциях контролирующих должностных лиц: отсутствие четкой границы между организационно-распорядительными и уголовно-процессуальными полномочиями, пробелы в законодательстве и нормативном регулировании, где наиболее значимой является невключение руководителя органа дознания в перечень субъектов, правомочных оценивать доказательную базу по внутреннему убеждению. Представлен аналитический метод зарубежных моделей организации внутриведомственного контроля основанный на детальном сравнении и сопоставлении нескольких объектов, явлений и документов для выявления общих черт, различий, преимуществ и недостатков за структурами правоохранительных органов при осуществлении уголовного преследования. По итогам проведенного исследования выработан комплекс рекомендаций по реформированию процессуального положения участников ведомственного контроля в органах дознания МВД России, которым необходимо преодолеть выявленные противоречия и конфликты между правовыми нормами, законами, интересами и компетенциями органов власти, а также обеспечить эффективность производства дознания.*

Ключевые слова: *ведомственный контроль, органы дознания, МВД России, административно-правовой статус, процессуальные полномочия, досудебное производство.*

Для цитирования: *Приданникова О. А. Административно-правовой статус участников ведомственного контроля в органах дознания МВД России // Образование и право. 2026. № 10. С. 429–435.*

PRIDANNIKOVA Olga Andreevna,
East Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Lecturer at the Department of Fundamentals
of Russian Statehood and Civics

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS IN DEPARTMENTAL CONTROL IN THE BODIES OF INQUIRY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. *The subject of this article is a comprehensive description of the legal status of officials who are entrusted with the functions of internal control during the investigation in the form of an inquiry in the structures of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The normative and empirical basis of the work was the prescriptions of the current criminal procedure legislation, the norms of federal lawmaking, departmental subordinate regulators, doctrinal works in the field of criminal procedure, as well as the law enforcement positions of judicial authorities. The competence of three key procedural figures is disclosed in detail: the head of the body of inquiry, the head of the relevant unit of inquiry and the person conducting the inquiry directly. As a result of the conducted research, some shortcomings in the competencies of controlling officials have been identified: the lack of a clear boundary between organizational and administrative and criminal procedural powers, gaps in legislation and regulatory regulation, where the most significant is the non-inclusion of the head of the body of inquiry in the list of subjects authorized to evaluate the evidence base based on internal conviction. An analytical method of foreign models of the organization of intradepartmental control is presented based on a detailed comparison and comparison of several objects, phenomena and documents to identify common features, differences, advantages and disadvantages of law enforcement structures in the conduct of criminal prosecution. Based on the results of the study, a set of recommendations has been developed to reform the procedural status of participants in departmental control in the bodies of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia, who need to overcome the identified contradictions and conflicts between legal norms, laws, interests and competencies of authorities, as well as ensure the effectiveness of inquiry proceedings.*

Key words: *departmental control, bodies of inquiry, the Ministry of Internal Affairs of Russia, administrative and legal status, procedural powers, pre-trial proceedings.*

For citation: *Pridannikova O. A. Administrative and legal status of participants in departmental control in the bodies of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Education and law. 2026; (10):429–435. (In Russ.).*

Проблематика внутриведомственного процессуального контроля в структурах дознания подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) на протяжении многих лет не утрачивает острого обсуждения и противопоставления противоречивых научных взглядов в уголовно-процессуальной доктрине. Для понимания природы дискуссий необходимо обратиться к нормативной правовой базе. Принятие Федерального закона (далее – ФЗ) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» от 30 декабря 2015 года № 440-ФЗ означало включение в текст УПК РФ новой нормы – статьи (далее – ст.) 40.2, которая наделила начальника органа дознания статусом автономного участника уголовного судопроизводства, определив объем его процессуальных правомочий. Между тем положения ст. 40.1 УПК РФ, закрепляющие круг полномочий руководителя специализированного подразделения дознания, остались без каких-либо изменений. Следствием одновременного функционирования указанных норм явилось формирование двухступенчатой модели ведомственного контроля, в рамках которой параллельно действуют два должностных лица – лицо, возглавляющее орган дознания, и руководитель профильного подразделения дознания, чьи компетенции в значительной части совпадают. Как справедливо констатирует Ю. А. Коротаева, сосуществование в системе дознания двух субъектов, наделенных по существу одинаковыми полномочиями, неизбежно влечет сведение контрольно-надзорных функций к формальным процедурам [1, с. 279].

Целью настоящего исследования является определение содержания и структуры административно-правового статуса участников ведомственного контроля в органах дознания системы МВД России, выявление нормативных противоречий и пробелов в регулировании их полномочий и формирование предложений по совершенствованию действующего законодательства.

В качестве основных источников проанализированы нормы УПК РФ и положения ФЗ от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». Организационно-правовые основы деятельности ОВД рассмотрены через призму Положения о МВД России, введенного в действие Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 года № 699 «Об утверждении Положения о МВД РФ и Типового положения о территориальном органе МВД РФ по субъекту РФ». Практическая составляющая работы представлена материалами судебных инстанций различных уровней, например, такими как постановления Московского городского суда, Тульского областного суда, а также статистическими данными, сформированными Главным информационно-аналитическим центром МВД РФ (далее

– ГИАЦ МВД России). Приняты во внимание диссертационные исследования А. В. Кульчаровой, Е. Ю. Стефановой и С. А. Табакова, а также научные публикации Ю. А. Коротаевой, Д. А. Степакова, О. В. Мичуриной и других авторов.

4 марта 2026 года на расширенном заседании коллегии МВД России по итогам 2025 года Министр внутренних дел Владимир Колокольцев обозначил, что органами внутренних дел (далее – ОВД) «предварительно расследовано более 640 тысяч деяний, 180 тысяч из них тяжкие и особо тяжкие», что на 8 % меньше по сравнению с 2024 годом [2]. Согласно данным ГИАЦ МВД России в 2024 году ОВД предварительно расследовано 695,1 тыс. преступлений, что составляет 77,3 % от общего числа расследованных деяний, из них 474,6 тысяч – преступления, следствие по которым необязательно (дознание) [3]. Качество ведомственного контроля за расследованием такого объема дел напрямую определяет эффективность уголовного преследования и соблюдение прав участников процесса. Между тем правовая наука устанавливает неопределенность в разграничении административных и процессуальных полномочиях между контролирующими субъектами [4, с. 70], противоречия в вопросах оценки доказательств [5, с. 7], а также отсутствие единообразной судебной практики.

Нормы действующего уголовно-процессуального законодательства РФ закрепляют целую систему внутриведомственного надзора за расследованием в форме дознания, построенный на взаимодействии трех субъектов, отнесенных к стороне обвинения: лица, возглавляющего орган дознания (ст. 40.2 УПК РФ), руководителя специализированного подразделения, осуществляющего дознание (ст. 40.1 УПК РФ) и непосредственного исполнителя расследования – дознавателя (ст. 41 УПК РФ). Правовое положение каждого из перечисленных субъектов характеризуется самостоятельным административно-правовым статусом, структурными компонентами которого выступают властные полномочия, объем правоспособности и дееспособности, а также совокупность юридических гарантий надлежащей реализации предоставленных компетенций. Параметры указанного статуса получают нормативное закрепление одновременно в двух правовых направлениях: в уголовно-процессуальном праве и в административном законодательстве, регулирующем порядок прохождения государственной службы в системе ОВД [6]. По обоснованному суждению О. В. Мичуриной, реализация органом дознания функций публично-властного характера с неизбежностью трансформирует его внутреннюю организацию: он обретает признаки целостной институциональной структуры, в рамках которой начальник органа, занимающий управленческую позицию, и подчиненные ему должностные лица, располагающие уголовно-процессуальной компетенцией, образуют единый функциональный механизм [7].

До вступления в силу ФЗ от 30 декабря 2015 года № 440-ФЗ нормативная характеристика начальника органа дознания в УПК РФ исчерпывалась кратким определением, содержавшимся в п. 17 ст. 5, где начальник органа дознания определялся исключительно как «должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель», при этом конкретный список его процессуальных правомочий законодателем не раскрывался. Е. Ю. Стефанова в рамках диссертационного исследования, защищенного в 2020 году, указала, что включение в УПК РФ специальной нормы полномочий начальника органа дознания (ст. 40.2) изменило подход в нормативном оформлении процессуального положения данного должностного лица, обеспечив переход к полной и официальной регламентации его компетенции [6]. В соответствии с УПК РФ в ОВД полномочия начальника органа дознания осуществляют начальники территориальных (линейных) управлений, отделов, отделений полиции, а также их заместители (ч. 3 ст. 40.2), при этом административно-управленческие и процессуальные полномочия возложены на одно лицо. Перечень полномочий начальника органа дознания по ч. 1 ст. 40.2 включает 11 пунктов, среди которых: утверждение обвинительного акта (п. 10), возвращение дела дознавателю с указаниями (п. 9), проверка материалов уголовного дела (п. 3), дача письменных указаний (п. 4). Между тем законодатель при формулировании положений о свободе оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) и правилах их допустимости (ст. 88 УПК РФ) оставил руководителя органа дознания за рамками субъектного состава данной процедуры. Это порождает доктринально значимый пробел, детально исследованный Д. А. Степаковым: указанное должностное лицо визирует обвинительный акт, однако с позиции буквального толкования закона лишено возможности квалифицировать доказательства как недопустимые [5, с. 8]. Л. К. Капустина дополняет эту позицию системным аргументом, обращаясь к содержанию п. 33 ст. 5 УПК РФ, где руководитель органа дознания фигурирует среди субъектов вынесения процессуальных решений – деятельности, неразрывно связанной с предварительным исследованием доказательственного материала. [5, с. 9]. Проведенный анализ показал, что данный разрыв между фактической обязанностью и

нормативным статусом требует законодательного устранения путем включения начальника органа дознания в текст ст. 17 УПК РФ.

Фигура руководителя специализированного подразделения, осуществляющего предварительное расследование в форме дознания, получила нормативное закрепление в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве сравнительно недавно. Данный участник судопроизводства со стороны обвинения был включен в систему процессуальных субъектов посредством принятия ФЗ № 90-ФЗ от 6 июня 2007 года, дополнившего статью 5 УПК РФ пунктом 17.1, содержащим понятие этого должностного лица. Введение указанной процессуальной фигуры было продиктовано потребностью в обеспечении надлежащего внутриведомственного контроля за полнотой, законностью и соблюдением сроков при производстве дознания. Помимо указанных правомочий, лицо, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, наделено процессуальной возможностью лично осуществлять расследование, приняв уголовное дело в собственное производство. В кандидатской диссертации А. В. Кульчаровой (2024 год) проведено детальное сравнение объема процессуальных правомочий данного должностного лица и руководителя органа дознания, по итогам которого автор констатировала наличие «дублирования отдельных контрольных функций». Обоснованность данного вывода подтверждается при обращении к нормативным актам. Так, правомочие по ревизии материалов находящегося в производстве уголовного дела одновременно предусмотрено для двух должностных лиц: руководителя органа дознания – в силу п. 3 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ – и лица, возглавляющего специализированное подразделение, – на основании п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ. Аналогичным образом законодатель закрепил за каждым из названных субъектов полномочие направлять дознавателю обязательные для исполнения письменные указания относительно хода расследования (п. 4 ч. 1 ст. 40.2 и п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ соответственно). Характеризуя специфику процессуальной роли руководителя подразделения дознания, О. В. Мичурина справедливо подчеркивала, что, реализуя полномочия промежуточного внутриведомственного контроля, указанное должностное лицо объективно ограничено в возможности распространить свою контрольную деятельность на такие направления, как координация с органами предварительного следствия и реализация иных институциональных функций, присущих ОВД в целом. [10, с. 102].

В данном контексте закономерно ставится проблема влияния многоуровневой системы ведомственного процессуального контроля на степень автономии лица, производящего дознание. Анализ нормативных предписаний, содержащихся в ч. 4 ст. 40.1 УПУ РФ, позволяет констатировать, что письменные предписания руководителя специализированного подразделения дознания носят императивный характер и подлежат безусловному выполнению со стороны дознавателя. Вместе с тем законодатель предусмотрел компенсаторный механизм: дознаватель наделен правом оспорить такие предписания, адресовав соответствующую жалобу вышестоящему должностному лицу – руководителю органа дознания либо надзирающему прокурору. Существенным ограничением данной гарантии выступает норма о том, что реализация права на обжалование не влечет за собой приостановления исполнения оспариваемых указаний – дознаватель обязан продолжать следовать им вплоть до получения решения по жалобе.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ определяет дознавателя в качестве должностного лица, наделенного компетенцией по ведению предварительного расследования в упрощенной форме (ст. 41 УПК РФ). Масштаб практической деятельности данного участника уголовного судопроизводства довольно значителен. По сведениям ГИАЦ МВД России в 2024 году подразделениями дознания доведены до завершения расследования более 408 тысяч уголовных дел. Закон закрепляет за дознавателем право на самостоятельное выполнение следственных и иных процессуальных действий, также, как и на принятие решений, за исключением ситуаций, когда законодатель предусматривает обязательное получение санкции начальника органа дознания, прокурора либо суда.

Вместе с тем реальное содержание указанной процессуальной автономии существенно сужается под воздействием параллельно функционирующего двухстепенного внутриведомственного контрольного механизма. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет констатировать, что функции проверочно-организационного характера нормативно распределены между двумя должностными лицами: руководителем органа дознания, чей статус регламентирован ст. 40.2 УПК РФ, и лицом, возглавляющим соответствующее структурное подразделение в порядке ст. 40.1 УПК РФ. Подобная параллельность правового регулирования неизбежно влечет за собой пересечение сфер ответственности указанных субъектов, а сами механизмы ведомственного контроля приобретают преимущественно формальный характер. В научной литературе обоснованно указывается на то, что концентрация широкого спектра как распоря-

дительных, так и ревизионных правомочий в руках руководителя органа дознания понижает процессуальную самостоятельность лица, непосредственно осуществляющего расследование в форме дознания (Ю. А. Коротаева). [3, с. 280]. Исследователь подчеркивает, что наложение сходных полномочий двух контролирующих руководителей друг на друга нередко приводит к формальному исполнению обязанностей, а не к повышению качества досудебного производства.

Сравнительный анализ позволяет выявить принципиально иные модели организации ведомственного надзора за деятельностью дознавателей. Так, в Республике Казахстан контрольная функция в отношении лиц, производящих дознание, сконцентрирована в руках единственного субъекта – начальника органа дознания (ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса РК). Согласно части 4 указанной статьи только данное должностное лицо «контролирует своевременность и законность действий дознавателей» по делам, расследуемым в формате дознания. Системное толкование нормы приводит к заключению о том, что казахстанский начальник органа дознания аккумулирует функции, которые в российской правовой системе распределены между несколькими руководителями, выступая единоличным контролирующим, процессуальным и административным центром. Подобная централизация упрощает систему ведомственного контроля и в отличие от российской модели исключает конкуренцию полномочий, что потенциально создает более благоприятные условия для реализации процессуальной самостоятельности лица, осуществляющего дознание [3, с. 280]. В законодательстве Германии (УПК ФРГ) вопросы ведомственного контроля за полицией при расследовании вынесены за пределы процессуального регулирования и отнесены к административной юрисдикции; руководство расследованием возлагается на прокуратуру [3, с. 282]. Подобный подход демонстрирует принцип разграничения административно-распорядительных и процессуальных функций.

Проведенный анализ показал, что ключевая проблема административно-правового статуса участников ведомственного контроля в органах дознания состоит в смешении двух видов полномочий. Начальник территориального органа ОВД выступает одновременно и администратором (руководит кадровой работой, материальным обеспечением, служебной дисциплиной) и субъектом уголовно-процессуальных отношений. Судебная практика подтверждает возникающие затруднения. Московский городской суд в апелляционном постановлении от 15 июля 2019 года по делу № 10-12469/2019 указал, что начальник ОМВД, «в отличие от руководителя следственного органа, не наделен полномочиями участвовать в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей» [3, с. 281]. В постановлении от 23 апреля 2019 года № 4у-1821/19 в практике Московского городского суда сформулирована позиция согласно которой лицо, занимающее должность заместителя руководителя подразделения, ответственного за поддержание общественного порядка, на основании положений статьи 40.2 УПК РФ обладает компетенцией, схожей компетенции руководителя органа дознания, что предоставляет реальную возможность оказывать воздействие на характер и содержание процессуальных решений, принимаемых в рамках расследования уголовного дела [3, с. 281]. Вместе с тем анализ судебных актов регионального уровня выявляет терминологические неточности. Так, в постановлении Тульского областного суда от 12.05.2015 (дело № 44у-56/2015) руководитель подразделения дознания назван «начальником группы дознания» – понятием, которое не закреплено ни в одной норме действующего уголовно-процессуального законодательства, и, следовательно, лишено правового содержания. [3, с. 281]. Подобные ошибки являются следствием размытости нормативных границ. А. В. Образцов (2024 год) обращает внимание на необходимость учета «иерархии властных субъектов уголовного процесса» при определении приоритетности полномочий [4].

Помимо процессуальных полномочий, следует учитывать организационно-управленческий уровень контроля. На федеральном уровне функцию внутриведомственного надзора за работой региональных органов, реализующих полномочия в сфере дознания, выполняет специализированная структура МВД России – Управление по организации дознания (Далее – УОД). Данное подразделение приобрело организационную автономию в рамках центрального аппарата после издания Указа Президента от 1 марта 2011 года № 248, закрепившего его независимый институциональный статус. В настоящее время именно на УОД возложена задача координации и контрольного сопровождения деятельности нижестоящих звеньев дознания на всей территории РФ [3]. УОД выполняет функции головного подразделения по выработке и реализации государственной политики в области дознания, координирует работу окружных и районных отделов дознания. В 2024 году 91,6 % всех зарегистрированных преступлений выявляются ОВД [3], а подразделения дознания расследуют значительную долю дел о преступлениях небольшой и средней тяжести. Нагрузка на дознавателей остается высокой, а организационный

контроль призван обеспечить равномерное распределение уголовных дел, соблюдение сроков расследования и качество принимаемых процессуальных решений.

На основе проведенного исследования можно предложить несколько направлений оптимизации административно-правового статуса участников ведомственного контроля. Во-первых, целесообразно включить начальника органа дознания в число субъектов оценки доказательств (ст. 17 и 88 УПК РФ), что устранит коллизию между обязанностью утверждения обвинительного акта и отсутствием нормативного права оценивать доказательства. Во-вторых, обоснованной видится модель, при которой весь спектр процессуально-контрольных правомочий в сфере расследования уголовных дел сосредоточивается у начальника подразделения дознания, тогда как начальник органа дознания реализует преимущественно координационно-управленческие и административно-распорядительные функции. Целесообразность подобного функционального разграничения подкрепляется доктринальными выводами Е. Ю. Стефановой, убедительно обосновавшей необходимость преодоления дуализма процессуального руководства между указанными субъектами. В-третьих, законодательного урегулирования требует процедура оспаривания дознавателем предписаний начальника органа дознания – по аналогии с порядком, регламентированным ч. 4 ст. 40.1 УПК РФ применительно к обжалованию указаний руководителя подразделения дознания.

Административно-правовой статус участников ведомственного контроля в органах дознания системы МВД России определяется совокупностью уголовно-процессуальных полномочий (ст. 40.1, 40.2, 41 УПК РФ) и административно-управленческих функций, вытекающих из их положения в иерархии ОВД. Проведенный анализ позволяет констатировать, что нормативно-правовая база в ее нынешнем состоянии закрепляет иерархически выстроенную систему ведомственного контроля, охватывающую три уровня должностных лиц – от руководителя органа дознания через руководителя соответствующего структурного подразделения до непосредственного исполнителя процессуальных решений. Существенным недостатком данной конструкции выступает идентичность ряда контрольно-надзорных правомочий, а также недостаточная дифференциация управленческо-организационной и уголовно-процессуальной составляющих в деятельности указанных субъектов. Наиболее существенными нормативными пробелами являются: отсутствие начальника органа дознания в перечне субъектов оценки доказательств; неурегулированность порядка обжалования дознавателем указаний начальника органа дознания; нечеткость разграничения контрольных полномочий между двумя руководителями. Тогда как зарубежный опыт свидетельствует о возможности упрощения системы ведомственного контроля путем сосредоточения процессуального контроля в руках одного субъекта либо вынесения административных функций за пределы уголовно-процессуального регулирования. Устранение выявленных проблем будет способствовать повышению процессуальной самостоятельности дознавателя и качества предварительного расследования в форме дознания.

Список литературы:

[1] Коротаева, Ю. А. Ведомственный процессуальный контроль за дознанием в России и в зарубежных странах / Ю. А. Коротаева // Бизнес. Образование. Право. — 2020. — № 2 (51). — С. 279–283.

[2] Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. // МВД Медиа. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/ (дата обращения: 13.09.2026).

[3] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года : статистический сборник / ФКУ «ГИАЦ МВД России». — М., 2025. — 68 с.

[4] Кульчарова, А. В. Соотношение процессуальных и административных полномочий начальника подразделения дознания и начальника органа дознания / А. В. Кульчарова // Научный портал МВД России. — 2022. — № 3. — С. 70–76.

[5] Степаков, Д. А. Начальник органа дознания как субъект оценки доказательств / Д. А. Степаков // Российский следователь. — 2024. — № 2. — С. 7–10.

[6] Стефанова, Е. Ю. Процессуальный статус начальника органа дознания в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Стефанова Елена Юрьевна ; Акад. упр. МВД России. — М., 2020. — 30 с.

[7] Мичурина, О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Мичурина Оксана Валерьевна. — М., 2008. — 55 с.

[8] Кульчарова, А. В. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Кульчарова Альбина Владимировна. — М., 2024. — 28 с.

[9] Мичурина, О. В. Процессуальное руководство начальника органа дознания и начальника подразделения дознания: конкуренция или взаи-

модействие / О. В. Мичурина // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 5. — С. 102–104.

References:

[1] Korotaeva, Yu. A. Departmental Procedural Oversight of Preliminary Inquiries in Russia and Foreign Countries / Yu. A. Korotaeva // Business. Education. Law. — 2020. — No. 2 (51). — pp. 279–283.

[2] Speech by Vladimir Kolokoltsev at an expanded meeting of the Board of the Russian Interior Ministry. // MVD Media. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/ (accessed: 13.09.2026).

[3] The State of Crime in Russia, January–December 2024: Statistical Compendium / Main Information and Analytical Center of the Russian Interior Ministry (GIATS MVD Rossii). — Moscow, 2025. — 68 p.

[4] Kulcharova, A. V. The Relationship Between the Procedural and Administrative Powers of the Head of an Inquiry Unit and the Head of an Inquiry Body / A. V. Kulcharova // Scientific Portal of the Russian Interior Ministry. — 2022. — No. 3. — pp. 70–76.

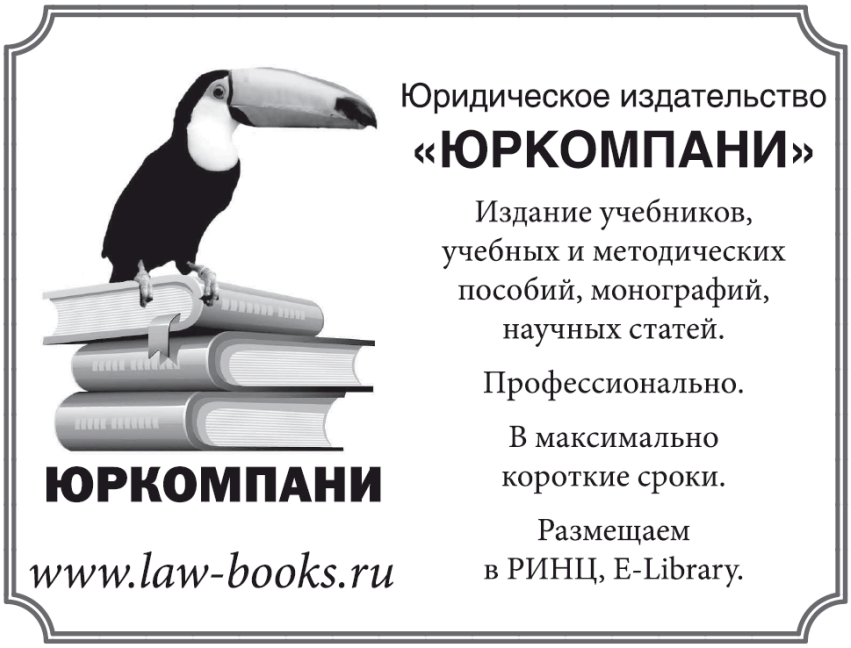
[5] Stepakov, D. A. The Head of an Inquiry Body as a Subject in the Evaluation of Evidence / D. A. Stepakov // Russian Investigator. — 2024. — No. 2. — pp. 7–10.

[6] Stefanova, E. Yu. The Procedural Status of the Head of an Inquiry Body in Criminal Proceedings : Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences : 12.00.09 / Stefanova, Elena Yuryevna ; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — Moscow, 2020. — 30 p.

[7] Michurina, O. V. The Concept of *Doznaniye* (Preliminary Inquiry) in the Criminal Procedure of the Russian Federation and Problems of Its Implementation within Internal Affairs Bodies : Abstract of a Doctoral Dissertation in Law : 12.00.09 / Michurina, Oksana Valeryevna. — Moscow, 2008. — 55 p.

[8] Kulcharova, A. V. Procedural Powers of the Head of a *Doznaniye* (Preliminary Inquiry) Unit in Russian Criminal Proceedings : Abstract of a Candidate of Legal Sciences Dissertation : 5.1.4 / Kulcharova, Albina Vladimirovna. — Moscow, 2024. — 28 p.

[9] Michurina, O. V. Procedural Direction by the Head of a *Doznaniye* (Preliminary Inquiry) Body and the Head of a *Doznaniye* Unit: Competition or Interaction? / O. V. Michurina // Bulletin of Economic Security. — 2016. — No. 5. — pp. 102–104.



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-436-441
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ГОРДИЕНКО Владимир,
аспирант 2-го курса очной формы обучения
кафедры частного права
Государственного университета управления,
e-mail: gordi8079@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *Исследование посвящено анализу государственно-управленческих и юридических механизмов надзора в сфере миграции на территории России. Анализируется нормативная основа регулирования, а также современные вызовы в сфере миграционной политики. Особое внимание уделяется цифровизации миграционного контроля на примере экспериментального мобильного приложения «Амина», внедрённого с 1 сентября 2025 г. в Москве и Московской области для дополнительного учёта иностранных граждан. Приводятся статистические данные МВД России и Совета Безопасности РФ за I квартал 2026 г., свидетельствующие о сокращении общего миграционного притока при одновременном росте доли легальных трудовых мигрантов. Обосновывается необходимость комплексного подхода к оптимизации миграционной политики, усиление ответственности работодателей, стимулирование легализации мигрантов.*

Ключевые слова: *административная ответственность, миграционный контроль, иностранные граждане, режим пребывания, административное выдворение, миграционное законодательство.*

Для цитирования: *Гордиенко В. Административно-правовое регулирование миграционного контроля в Российской Федерации: современное состояние и направления совершенствования // Образование и право. 2026. № 10. С. 436–441.*

GORDIENCO Vladimir,
Graduate student of the 2nd year of full-time education
departments of private law
State University of Management

ADMINISTRATIVE-LEGAL REGULATION OF MIGRATION CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Annotation. *The study is devoted to the analysis of state-administrative and legal mechanisms of supervision in the field of migration on the territory of Russia. The normative basis of regulation is analyzed, as well as modern challenges in the field of migration policy. Particular attention is paid to the digitalization of migration control using the example of the experimental mobile application "Amina", introduced on September 1, 2025 in Moscow and the Moscow region for additional accounting of foreign citizens. Statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Security Council of the Russian Federation for the first quarter of 2026 are presented, indicating a reduction in the overall migration inflow while simultaneously increasing the share of legal labor migrants. The necessity of a comprehensive approach to optimizing migration policy, strengthening employer responsibility, and stimulating the legalization of migrants is substantiated.*

Key words: *administrative liability, migration control, foreign citizens, residence regime, administrative expulsion, migration legislation.*

For citation: *Gordienco V. Administrative-legal regulation of migration control in the Russian Federation: current state and directions for improvement. Education and law. 2026;(10):436–441. (In Russ.).*

Миграция представляет собой объективный и неотъемлемый элемент функционирования любого суверенного государства. На территории Российской Федерации миграционные процессы исторически оказывали существенное воздействие на демографическую динамику и экономическое развитие страны. Становление системы правовых отношений в сфере миграции в России характеризуется высокой степенью сложности и многофакторностью. Ключевыми факторами данного процесса выступают, во-первых, социально-экономическая обусловленность, связанная с необходимостью освоения и заселения обширных территорий, во-вторых - геополитические приоритеты и стратегические интересы государства. В-третьих, целенаправленная политика государства, которая направлена на регулирование перемещения населения внутри страны и за её пределами [1].

Регулирование миграционных потоков представляет собой сложную задачу, предполагающую комплексный подход и систематическое совершенствование. Центральное место в данном процессе занимают административные процедуры: именно они устанавливают регламент взаимодействия государства с мигрантами, определяют порядок предоставления прав и фиксируют обязанности, подлежащие исполнению со стороны иностранных граждан.

Административно-правовое регулирование миграционного контроля в Российской Федерации охватывает правовые нормы, организационные механизмы и процедуры. Их назначение состоит в том, чтобы государство могло организовывать и контролировать перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства. Это касается въезда на территорию России, их пребывания и проживания, осуществления трудовой деятельности, а также выезда из страны. Целью данной системы является обеспечение законности, национальной безопасности и эффективная реализация государственной миграционной политики. Миграционный контроль представляет собой одну из форм государственного контроля в миграционной сфере и направлен на профилактику, обнаружение и пресечение нарушений миграционного законодательства. Его значение состоит в том, что он связывает в единый правовой режим процедуры допуска через границу, миграционного учёта, проверок законности нахождения и труда, а также применения мер принуждения, включая административное выдворение. Через административно-правовые инструменты, такие как регламенты, лицензии, квоты, разрешения, уведомления и учётные обязанности, государство регулирует миграционные потоки, защищает рынок труда и обеспечивает национальную безопасность.

Учитывая, что ведущая роль в поддержании общественной безопасности принадлежит органам внутренних дел и ведомствам уголовно-исполнительной направленности, их повседневная практика опирается преимущественно на нормы административного законодательства. Сегодня правоохранительный сегмент отечественного государственного механизма функционирует под влиянием двух параллельных процессов: активного внедрения цифровых технологий в работу ведомств и одновременного противодействия экспансии киберпреступности, противоправным деяниям в интернет-пространстве и повышению общественных требований к открытости институтов правопорядка [2].

Нормативную основу регулирования формируют Конституция РФ, Федеральный закон № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [3], Федеральный закон № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [4], Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5], а также КоАП РФ, устанавливающий административную ответственность за нарушения в данной сфере. Ключевыми функциями выступают контрольно-надзорная деятельность, учётно-регистрационные механизмы, разрешительно-ограничительные инструменты и меры принуждения и ответственности. В совокупности административно-правовое регулирование миграционного контроля обеспечивает баланс между защитой публичных интересов государства и соблюдением прав и законных интересов иностранных граждан и лиц без гражданства, законно находящихся на территории Российской Федерации.

По данным официальных источников МВД России и Совета Безопасности РФ, в I квартале 2026 года в Российскую Федерацию въехало 2,5 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 15% меньше, чем за аналогичный период 2025 года; исходя из этой динамики, въезд в I квартале 2025 года оценивается примерно в 2,94 млн человек. По состоянию на 1 апреля 2026 г. на территории России находилось 6,1 млн иностранных граждан (годом раньше - 6,8 млн). Одновременно с этим зафиксирован рост численности

иностранных граждан, обладающих легитимными документами для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Количество выданных разрешений на работу увеличилось на 36,9%, достигнув приблизительно 214 тысяч единиц. Поступления в бюджетную систему от функционирования патентной системы налогообложения за первый квартал 2026 года превысили 35 миллиардов рублей, что на 13% выше аналогичного показателя предыдущего отчётного периода. [6] Представленные статистические показатели подтверждают результативность действующей системы административно-правового регулирования в области миграционного контроля: российское государство добивается одновременного снижения общего объёма миграционных потоков и повышения удельного веса легально трудоустроенных иностранных работников. Вместе с тем сохраняется ряд системных проблем, обуславливающих необходимость дальнейшей оптимизации нормативно-правового регулирования и усиления механизмов административно-правовой защиты в данной сфере.

Неконтролируемые миграционные потоки создают серьёзные риски для обеспечения правопорядка, выступая фактором, способствующим развитию теневых финансовых схем, коррупционных практик и незаконной эксплуатации труда иностранных работников. Нахождение мигрантов вне системы официального учёта приводит к их социальной изоляции, включая ограничение доступа к медицинской помощи, размещение в жилых помещениях, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям, конфискацию личных документов работодателями в принудительном порядке, а также систематические нарушения законодательства в части своевременности и полноты выплаты заработной платы [7].

Влияние внешней трудовой миграции на экономику сочетает как стабилизирующие, так и деструктивные эффекты. Восполняя кадровый голод в строительстве, ЖКХ и потребительском обслуживании - нишах с низкой конкуренцией со стороны резидентов, - мигранты поддерживают устойчивость данных направлений. Однако актуальная статистика ставит под сомнение необходимую выгоду от масштабного привлечения работников без квалификации. Финансовое бремя по обеспечению правоохранительного контроля и поддержанию социальной сферы при размещении мигрантов с семьями способно превосходить их совокупный вклад в национальный продукт. Ситуация усугубляется существенной утечкой ликвидности: по официальной информации Банка России, объемы трансграничных частных переводов достигают порядка 2–2,5 млрд долларов ежегодно, изымая ресурсы из внутреннего оборота [8].

В интересах укрепления правопорядка и защиты публичной безопасности с осени 2025 года в границах столичного региона был запущен пилотный проект по учету иностранной рабочей силы. Базовым механизмом дистанционной фиксации и контроля за реальным местонахождением прибывающих зарубежных специалистов выступило специализированное мобильное приложение «Амина», функционирующее как цифровой инструмент превентивно-надзорного мониторинга. Правовую основу эксперимента устанавливает Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учёта иностранных граждан» [9].

Ключевая задача этого программного решения - в автоматическом режиме направлять в МВД России сведения о текущем местоположении смартфона, благодаря чему ведомство может оперативно сравнивать адрес, который иностранец указал при постановке на учёт, с его реальным местом нахождения. Приложение непрерывно считывает координаты устройства и передаёт их в информационные системы МВД, что позволяет выявлять расхождения между заявленным и фактическим адресом пребывания почти в реальном времени; если данные о геолокации не поступают несколько дней, система может инициировать проверку и, при необходимости, перевести пользователя в статус контролируемого лица с сопутствующими ограничениями.

В 2025 году ведомством реализованы системные меры по укреплению правопорядка в сфере миграции, усилению контроля за миграционными потоками, противодействию незаконной миграции. Благодаря запуску реестра контролируемых лиц, а также проведению мер профилактического характера, в том числе, внедрение системы «Амина» фиксируется увеличение количества граждан, соблюдающих требования законодательства в сфере трудовой миграции: число уведомлений о заключении трудового или гражданско-правового договора с мигрантами, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента, возросло на 25,9%, разрешения на работу – на 44,5%. При этом количество находящихся на территории страны неработающих иностранцев сократилось: несовершеннолетних – на 24,5%, женщин – на 7,6%. Общее число иностранных граждан уменьшилось на 8,6% – до 5,7 млн человек [10].

Внедрение цифровых инструментов в рамках системы «Амина» обеспечила значимое повышение эффективности контроля за трудовой

занятостью иностранных граждан. В целях дальнейшего совершенствования миграционной политики целесообразно реализовать следующий комплекс мер:

Усилить административную и уголовную ответственность работодателей за нарушения миграционного и трудового законодательства, в особенности за привлечение к работе нелегальных мигрантов. Без пропорционального усиления административной и уголовной ответственности работодателей цифровизация рискует остаться «контролем без последствий». По сведениям МВД России, в январе–сентябре 2025 г. контрольная деятельность в отношении работодателей стала более интенсивной: число внеплановых проверок увеличилось на 13,7%. Одновременно на 16,0% возросло количество нарушений миграционного законодательства - с 25 038 до 29 038 выявленных случаев. Совокупное число пресечённых правонарушений в миграционной сфере превысило 1 млн, что соответствует приросту на 8,5%. Кроме того, число возбужденных уголовных дел по ст. 322.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за организацию незаконной миграции, увеличилось с 1 694 до 2 467, или на 45,6%. Такая динамика указывает на устойчивое вовлечение работодателей и иных хозяйствующих субъектов в нарушения миграционных требований [11]. Даже при усилении государственного контроля и увеличении числа выявленных нарушений часть работодателей продолжает воспринимать административные штрафы как обычные операционные расходы. Это объясняется тем, что доход от привлечения нелегальной рабочей силы нередко существенно превышает финансовые потери, связанные с применением санкций. В результате цифровые средства надзора - мобильное приложение «Амина», реестр контролируемых лиц и автоматизированные учетные системы - позволяют обнаруживать нарушения, но сами по себе не обеспечивают их пресечения, если ответственность остается недостаточно ощутимой. В связи с этим требуется комплексное совершенствование мер воздействия за незаконное использование труда иностранных граждан. При повторном нарушении целесообразно предусмотреть существенное увеличение штрафа и возможность временного приостановления деятельности организации, а при неоднократном и систематическом несоблюдении миграционных требований - рассмотреть вопрос об уголовной ответственности руководителей. Эффективность цифрового контроля может быть обеспечена только при его сочетании с реальными правовыми и экономическими последствиями для нарушителей. Такой подход позволит перейти от простой фиксации миграционных правонарушений к их фактическому предупреждению и пресечению.

Необходимо создать благоприятные условия для легализации трудовых мигрантов посредством упрощения процедур получения разрешительных документов и минимизации административных препятствий, что будет способствовать переводу занятости из теневой сферы в легальное поле. При этом Верховный Суд РФ акцентирует внимание на том, что работодатель не имеет права привлекать иностранного работника к трудовой деятельности за пределами субъекта Российской Федерации, где был выдан патент, а также по специальности, не указанной в разрешительном документе [12]. Это свидетельствует о том, что процесс легализации обусловлен не только фактом получения патента, но и необходимостью соблюдения широкого спектра дополнительных требований. Рост количества таких требований и усложнение процедуры их документального подтверждения повышают вероятность непреднамеренных нарушений и, как следствие, перехода трудовых отношений в нелегальную плоскость. Совершенствование функционала мобильного приложения «Амина» открывает возможность перевода отдельных миграционных процедур в цифровой формат: иностранные граждане получают возможность уведомлять о фактическом месте пребывания через мобильное устройство без необходимости личного визита в территориальное подразделение МВД, что также упростит применение трудового патента за пределами региона выдачи и позволит расширить перечень профессий, доступных для иностранных работников.

Внедрить дифференцированный подход к предоставлению гражданства, ориентируясь на привлечение и закрепление в стране высококвалифицированных иностранных специалистов с востребованными профессиональными компетенциями. Необходимость применения дифференцированного подхода к приобретению гражданства Российской Федерации связана с тем, что действующее миграционное законодательство недостаточно учитывает задачу привлечения и долгосрочного сохранения высококвалифицированных иностранных специалистов. По итогам всего 2025 года гражданство Российской Федерации приобрели около 152,4 тыс. иностранцев, что на 27,1% меньше показателя 2024 года [13]. Эти данные показывают, что действующая система предоставления гражданства в недостаточной степени учитывает профессиональные знания и навыки иностранцев. В результате она не обеспечивает полноценного использования миграционного потенциала для сокращения нехватки кадров в стратегически важных отраслях экономики.

Данный подход предполагает согласование

миграционной политики с приоритетами демографического развития, потребностями рынка труда и интересами общественной безопасности. Основными элементами такой стратегии должны выступить: дифференцированный доступ к рынку труда в зависимости от уровня квалификации мигрантов, действенные механизмы их социальной и культурной адаптации, а также строгий контроль за соблюдением миграционного законодательства. Реализация указанных мер позволит не только восполнить дефицит рабочей силы в приоритетных секторах экономики, но и снизить уровень социальной напряжённости, обусловленный миграционными процессами, обеспечив тем самым устойчивую интеграцию иностранных работников в российское общество.

Список литературы:

[1] Новомлинская А. С., Кондракова И. А. История развития миграционных правоотношений в России // Вестник науки. 2026. № 3 (96). С. 173–181.

[2] Денисенко В. В. Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности в условиях современных вызовов // Вестник КРУ МВД России. 2026. № 1 (71). С. 6–11.

[3] Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 26.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 12.09.2026).

[4] Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата обращения: 12.09.2026).

[5] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 26.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 12.09.2026).

[6] О миграционной ситуации в Российской Федерации в I квартале 2026 года: комментарий аппарата Совета Безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации: офиц. сайт. 05.05.2026. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/4063/ (дата обращения: 12.09.2026).

[7] Серпионова А. И. Особенности влияния вынужденной миграции на миграционные процессы в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 91–93.

[8] Прудников А. С. Особенности правового регулирования прав трудящихся-мигрантов в современной России // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 155–158.

[9] Федеральный закон от 23.05.2025 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учёта иностранных граждан» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505834/ (дата обращения: 12.09.2026).

[10] В 2025 году МВД России усилило контроль за миграционными потоками [Электронный ресурс] // МВД МЕДИА : информ. портал МВД России. – 2025. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/v-2025-godu-mvd-rossii-usililo-kontrol-za-migratsionnymi-potokami/ (дата обращения: 12.09.2026).

[11] МВД России. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России по итогам 3 квартала 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/ (дата обращения: 13.09.2026).

[12] Постановление Верховного Суда РФ от 10.10.2025 № 47-АД25-14-К6 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2496100 (дата обращения: 12.09.2026).

[13] Мотызлевская П. Популярность гражданства РФ у иностранцев заметно упала // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8532262 (дата обращения: 14.09.2026).

References:

[1] Novomlinskaya A. S., Kondrakova I. A. History of the Development of Migration Legal Relations in Russia // Vestnik Nauki (Bulletin of Science). 2026. No. 3 (96). pp. 173–181.

[2] Denisenko V. V. Administrative-Legal Regulation of Law Enforcement Activity in the Context of Modern Challenges // Vestnik KRU MVD Rossii (Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia). 2026. No. 1 (71). pp. 6–11.

[3] Federal Law No. 114-FZ of August 15, 1996, "On the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry into the Russian Federation" (as amended on June 26, 2026) // "ConsultantPlus" Legal Reference System. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (accessed: September 12, 2026).

[4] Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006, "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" (as amended on July 31, 2025) //

"ConsultantPlus" Legal Reference System. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (accessed: September 12, 2026).

[5] Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002, "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" (as amended on June 26, 2026) // "ConsultantPlus" Legal Reference System. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (accessed: 12.09.2026).

[6] On the Migration Situation in the Russian Federation in the First Quarter of 2026: Commentary by the Office of the Security Council of the Russian Federation // Security Council of the Russian Federation: official website. 05.05.2026. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/4063/ (accessed: 12.09.2026).

[7] Serpionova A. I. Specifics of the Impact of Forced Migration on Migration Processes in the Russian Federation // Public Service and Personnel. 2024. No. 3. pp. 91–93.

[8] Prudnikov A. S. Specifics of the Legal Regulation of the Rights of Migrant Workers in Modern Russia // Criminological Journal. 2026. No. 1. pp. 155–158.

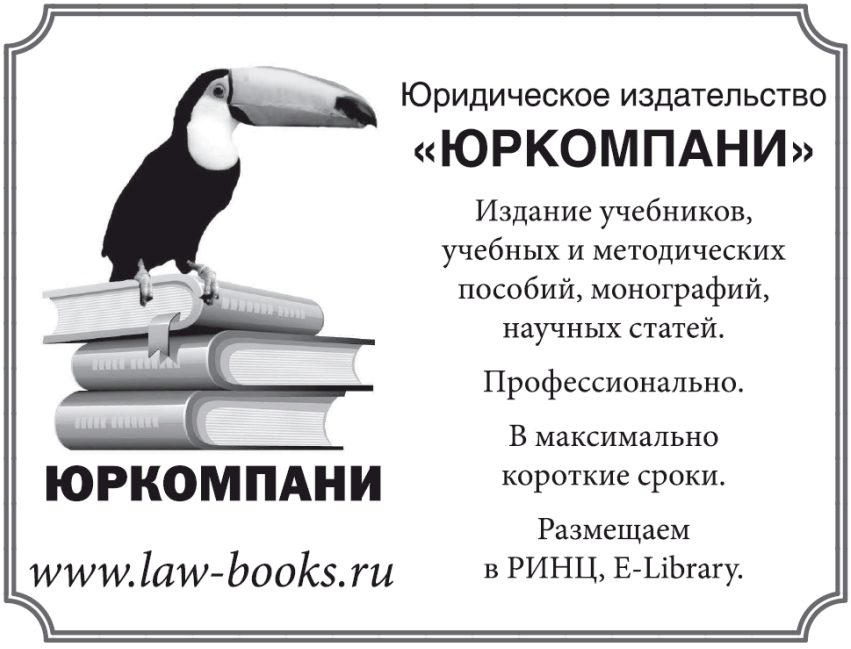
[9] Federal Law No. 121-FZ of May 23, 2025, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Conducting an Experiment to Implement Additional Mechanisms for Registering Foreign Citizens" (as amended on July 31, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505834/ (accessed: 12.09.2026).

[10] In 2025, the Russian Interior Ministry Strengthened Control over Migration Flows [Electronic resource] // MVD MEDIA: Information Portal of the Russian Interior Ministry. – 2025. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/v-2025-godu-mvd-rossii-usililo-kontrol-za-migratsionnymi-potokami/ (accessed: 12.09.2026).

[11] Ministry of Internal Affairs of Russia. Analytical report on the performance of migration units within the territorial bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs for the third quarter of 2025 [Electronic resource]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/ (accessed: 13.09.2026).

[12] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 10, 2025, No. 47-AD25-14-K6 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2496100 (accessed: 12.09.2026).

[13] Motyzlevskaya P. Popularity of Russian citizenship among foreigners has dropped significantly // Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8532262 (accessed: 14.09.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-442-444

БОБРОВА Ирина Анатольевна,
старший преподаватель кафедры
специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат психологических наук, доцент,
тел.: 8960-233-80-64,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ КВАЛИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Автор в своей научной статье анализирует теоретико-правовые основы административных правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет.*

Особое внимание уделено теоретическому осмыслению и выработке предложений по модернизации доктринальных основ административно-деликтного регулирования в высокотехнологичном секторе.

Ключевые слова: *административное правонарушение, ответственность, регулирование, информационный ресурс, интернет, анализ, правоприменительная практика, теоретико-правовая основа, цифровизация.*

Для цитирования: *Боброва И. А. К вопросу о теоретико-методологических основах квалификации административных правонарушений, совершаемых с применением интернет-технологий // Образование и право. 2026. № 10. С. 442–444.*

BOBROVA Irina Anatolyevna,
Senior Lecturer, Department of
Specialized and Automotive Equipment,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD in Psychology, Associate Professor

ON THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CLASSIFYING ADMINISTRATIVE OFFENSES COMMITTED USING INTERNET TECHNOLOGIES

Annotation. *In this research article, the author analyzes the theoretical and legal foundations of administrative offenses committed using the internet.*

Particular attention is paid to the theoretical understanding and development of proposals for modernizing the doctrinal foundations of administrative-tort regulation in the high-tech sector.

Key words: *administrative offense, responsibility, regulation, information resource, Internet, analysis, law enforcement practice, theoretical and legal framework, digitalization.*

For citation: *Bobrova I. A. On the theoretical and methodological foundations of classifying administrative offenses committed using internet technologies. Education and law. 2026;(10):442–444. (In Russ.).*

На современном этапе активного развития информационных технологий, пользователи информационных сетей, совершающих противоправные действия, в большей массе составов административных правонарушений, объективная сторона которых связана с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, являются формальными [1].

Объективная сторона, содержащая простой состав административного правонарушения, исчерпывается самим фактом совершения действия (бездействия), предусмотренного диспозицией нормы, и не требует наступления каких-либо материальных последствий (вреда, ущерба) или установления причинно-следственной связи меж-

ду деянием и такими последствиями.

Административные правонарушения, совершаемые с использованием сети Интернет, обладают рядом отличительных признаков, к числу которых относятся:

- высокая степень скрытности, в связи с чем основная масса потерпевших не заявляют о данных фактах в органы внутренних дел в виду того, что представляет собой совокупность объективных затруднений в обнаружении злоумышленника или же ввиду малозначительности вреда, что весьма сильно нарушает в связи с искажением, статистическую отчетность;

- международные масштабы использования серверного оборудования, распределенных вычислительных сетей и технических средств, физически расположенных на территории различных государств, что затрудняет проведение оперативно-разыскных мероприятий и привлечение виновных к ответственности;

- латентное использование информационной среды, где информационные технологии позволяют совершать противоправные деяния в анонимной форме, что затрудняет идентификацию злоумышленников и обеспечение неотвратимости наказания со стороны компетентных правоохранительных органов;

- высокие профессиональные познания и профессиональные навыки в области разработки программного обеспечения, администрирования информационных платформ, обеспечения сетевой безопасности и использования средств анонимного использования.

В общей совокупности, вышеуказанные признаки и элементы образуют специфический криминогенный фон, отличающий цифровую среду от традиционных правоотношений.

Действия злоумышленников приобретают латентный и международный характер, а общепринятые в административной деятельности профилактические методы, разработанные для материального мира, практически остаются недостаточно эффективными перед распределенными и автоматизированными системами [2].

Примечательно, что помимо правоохранительных органов в деятельность по противодействию рассматриваемым правонарушениям теперь вовлечены и финансовые органы, а также телекоммуникационные организации, что подтверждает тезис о том, что правонарушения, совершаемые с использованием сети Интернет, носят комплексный характер и требуют скоординированных усилий различных субъектов.

В отличие от ведомственных информационных массивов, традиционно функционировавших изолированно друг от друга и обменивавшихся данными посредством межведомственных запросов с длительными сроками исполнения, рассматриваемая система предполагает режим единого окна, в котором обрабатывается информация:

- о лицах, совершивших противоправные действия с использованием сети связи общего пользования, и (или) лицах, в отношении которых имеются признаки противоправных действий (маска серии (при наличии) и номер документа, удостоверяющего личность, маска идентификационного номера налогоплательщика, сетевой адрес, доменное имя, указатель страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, адрес электронной почты);

- об абонентских номерах, используемых в целях совершения телефонных вызовов и направления коротких текстовых сообщений, имеющих признаки противоправных действий;

- об абонентских номерах, на которые совершаются телефонные вызовы и направляются короткие текстовые сообщения, имеющие признаки противоправных действий;

- об идентификаторах участников государственной информационной системы;

- о признаках противоправных действий;

- о дате и времени выявления признака противоправного действия;

- об информационных ресурсах, распространяющих информацию, направленную на введение в заблуждение;

б) иная информация в соответствии со сценариями противодействия правонарушениям [3].

Важной особенностью рассматриваемой системы выступает ее проактивный компонент.

Наряду с реагированием на совершенные противоправные деяния, система должна осуществлять мониторинг информационного пространства в автоматическом режиме с целью выявления потенциальных угроз до момента их реализации, что обуславливает применение технологий анализа объемных данных и элементов искусственного интеллекта, позволяющих распознавать устойчивые паттерны противоправного поведения и инициировать превентивные меры без непосредственного участия человека на этапе первичной идентификации угрозы.

Эффективность государственной информационной системы будет определяться не столько техническими характеристиками и объемом финансирования, сколько качеством нормативно-правового регулирования процедур информационного обмена, уровнем подготовки кадров, способных работать в новой цифровой среде, а также реальной готовностью всех участников системы к переходу от ведомственной разобщенности к межведомственной кооперации. Решение указан-

ных организационно-правовых вопросов позволит обеспечить ожидаемое повышение эффективности противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием сети Интернет.

На современном этапе информационная сеть объективно устраняет различия между административными и уголовно наказуемыми деяниями, совершаемыми в информационном пространстве

В заключении проведенного исследования целесообразно отметить, что теоретико-правовые основы административных правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет, представляют собой сложный, многоаспектный феномен, находящийся на стыке административного, информационного и процессуального права.

Кроме того, рассмотренные признаки, факторы и системные закономерности создают необходимую теоретическую базу для последующего анализа проблем квалификации отдельных видов рассматриваемых правонарушений и выработки практических рекомендаций по совершенствованию административно-деликтного законодательства и правоприменительной деятельности в условиях цифровой реальности.

Список литературы:

[1] Новгородов Д.А. Совершение административного правонарушения в сети Интернет как квалифицирующий признак // Административное право и практика администрирования. 2022. № 2. С. 51-60.

[2] Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография / под ред. А.В. Минбалеева. М., 2020. 264 с.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 27.02.2026 г. № 200 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий» // СЗ РФ. 2026. № 14. Ст. 1747.

References:

[1] Novgorodov D.A. Committing an Administrative Offense on the Internet as a Qualifying Feature // Administrative Law and Administrative Practice. 2022. No. 2. pp. 51–60.

[2] Mechanisms and Models for the Regulation of Digital Technologies: A Monograph / ed. by A.V. Minbaleev. Moscow, 2020. 264 p.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation No. 200 dated February 27, 2026, “On Approval of the Regulation on the State Information System for Counteracting Offenses Committed Using Information and Communication Technologies” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2026. No. 14. Art. 1747.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-445-451
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЛЕНСКИЙ Владимир Михайлович,
Рязанский филиал, Московский университет

МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
тел.: 8-910-903-32-24,
e-mail: VMlenskiy@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПИТИЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные вопросы регулирования административной ответственности за распитие алкогольной продукции в общественных местах. Неконтролируемое потребление алкогольной продукции остается одной из нерешенных социальных дилемм как в международном масштабе, так и в пределах Российской Федерации. В этой связи автор осуществил исторический анализ противодействия российского государства пьянству, начиная с периода правления Ивана IV Грозного и завершая его эпохой властвования императора Петра I, подчеркивая неприятие властью разгульного бражничества населения.*

Приоритетное внимание автор уделяет анализу регионального законодательства, регулирующего употребление населением спиртных напитков. В качестве положительного примера рассматривается эффективное нормативное регулирование потребления алкогольной продукции в Вологодской области и Республике Карелия. Проводится анализ законодательного регулирования потребления алкоголя в ряде зарубежных стран.

Автор подвергает исследованию административно-правовой механизм регулирования потребления спиртосодержащей продукции в запрещенных местах, указывая на изъян отдельного положения статьи 20.20 КоАП РФ, выступающего в качестве отсылочной нормы, а также неполный перечень мест, в которых не допускается распитие спиртных напитков.

В качестве резолюции рекомендуется дополнительно в пункт 7 статьи Федерального закона № 171-ФЗ правилом, предоставляющим органам местного самоуправления устанавливать ограничения на продажу и потребление спиртосодержащей продукции в период проведения массовых мероприятий. Кроме того, автором аргументируется важность разделения в отдельные нормы административной ответственности за употребление алкоголя и потребление наркотических средств, как это осуществлено в административном законодательстве ряда зарубежных стран. В заключительной части статьи заостряется внимание на потребность комплексного подхода в регулировании административной ответственности за распитие алкогольной продукции в общественных местах, гармонируя отечественные правовые меры с профилактической деятельностью и позитивным международным опытом.

Ключевые слова: *распитие алкогольной продукции, общественное место, административная ответственность, профилактическая работа.*

Для цитирования: *Ленский В. М. Проблемные вопросы регулирования административной ответственности за распитие алкогольной продукции в общественных местах // Образование и право. 2026. № 10. С. 445–451.*

LENSKIY Vladimir Mikhailovich,
Ryazan Branch of the V.Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia

ISSUES CONCERNING THE REGULATION OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR THE CONSUMPTION OF ALCOHOLIC BEVERAGES IN PUBLIC PLACES

Annotation. *This article examines issues related to the regulation of administrative liability for the consumption of alcoholic beverages in public places. Uncontrolled alcohol consumption remains an unresolved social dilemma, both globally and within the Russian Federation. In this context, the author provides a historical analysis of the Russian state's efforts to combat drunkenness—spanning the reign of Ivan IV (the Terrible) through the era of Emperor Peter I—highlighting the authorities' opposition to excessive, unrestrained drinking among the population.*

The author focuses primarily on an analysis of regional legislation governing alcohol consumption. The effective regulatory frameworks implemented in the Vologda Region and the Republic of Karelia are highlighted as positive examples. The article also examines how alcohol consumption is regulated by law in several foreign countries.

The author investigates the administrative-legal mechanism for regulating the consumption of alcohol-containing products in prohibited areas. Specifically, the author points to a flaw in a provision of Article 20.20 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (which functions as a "referential" or "cross-reference" norm) and notes that the list of locations where alcohol consumption is prohibited remains incomplete.

As a recommendation, the author proposes amending Clause 7 of the Federal Law No. 171-FZ to grant local government bodies the authority to impose restrictions on the sale and consumption of alcohol-containing products during public events. Furthermore, the author argues for the importance of establishing separate administrative liability provisions for the consumption of alcohol and the use of narcotic substances—an approach already adopted in the administrative legislation of several other countries. In the concluding section, the author emphasizes the need for a comprehensive approach to regulating administrative liability for the consumption of alcoholic beverages in public places, aligning domestic legal measures with preventive efforts and drawing upon positive international experience.

Key words: *consumption of alcoholic beverages, public place, administrative liability, preventive work.*

For citation: *Lenskiy V. M. Issues concerning the regulation of administrative liability for the consumption of alcoholic beverages in public places. Education and law. 2026;(10):445–451. (In Russ.).*

Несмотря на всестороннее исследование наказаний, наступающих за распитие спиртных напитков в общественных местах, спорными остаются вопросы, сопряженные с местом данного правонарушения в системе административных наказаний. Не до конца определен статус категории «общественное место». Все это порой приводит к разночтению при применении рассматриваемого института. В связи с этим, догматичная интерпретация правовой сущности административной ответственности за потребление в запрещенных местах алкогольной продукции в современный период является злободневной, требующей эффективного решения.

Цель работы состоит в повышении эффективности реализации административного наказания за распитие спиртных напитков в общественных местах посредством корректирования его правовой регламентации. **Методологическую основу** исследования представляет следующая система научных методов: диалектический, исторический, аналитический, формально-логический, сравнительно-правовой.

Результаты: исследование позволило выявить ряд проблем, в правовой регламентации ответственности за распитие спиртных напитков в общественных местах, и сформулировать пути их решения.

Выводы: автор предлагает:

- дополнить пункт 7 статьи 16 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ[1] третьим абзацем, предоставляющим органам местного самоуправления право вводить ограничения или запрет на продажу и распитие спиртных напитков в дни проведения мероприятий с массовым участием населения;

- дифференцировать административную ответственность за распитие алкогольной продукции в запрещенных местах и потребление наркотических средств по разным правовым нормам …;

- установить минимально допускаемый для приобретения алкогольной продукции возраст че-

ловека – с 21 года.

Одной из наиболее распространенных международных социальных проблем любого общества выступает неконтролируемое потребление алкогольной продукции со стороны физических лиц. Не обошла стороной эта проблема и Российскую Федерацию. Распитие алкоголя в общественных местах зачастую приводит любителей Бахуса к необратимым последствиям. Среди них можно назвать административное преследование правонарушителей, наказание за допущенные правонарушения, возмещение материального ущерба потерпевшим, утрата трудоспособности как результат аморального образа жизни и ряд других неблагоприятных явлений.

Пьянство так же, как и преступность, неотделимы от общества. Это вовсе не означает, что государство должно самоустраниться от борьбы с этой вечной проблемой человечества. Антиалкогольная профилактика среди населения была, есть и всегда будет одной из главных целей любого государства.

Державное противодействие алкогольной зависимости на территории России имеет свои исторические корни. Так, например, еще в период правления Ивана IV Грозного пьяницы, в современном понимании этого слова, практически отсутствовали. Население страны увлекалось изготовлением и потреблением слабоалкогольной продукции, такой как медовуха, сикера (то, что может при неумелом употреблении «отсечь голову от туловища»).

Популярность некоторых изготовляемых на Руси алкогольных напитков заключалась в повсеместном их употреблении, а также в сравнении этого питья по калорийности с хлебом. К таким напиткам можно отнести пивной квас, полпивцо, бравиду ол, суслану и ряд других самодельных хмельных настоев. В народе такие напитки принято было называть жидким хлебом.

Одним из популярных лекарств 16 века являлась водка. Спиртовая настойка имела крепость не более 18° и при этом наполовину разбавлялась водой. Согласно Новгородской летописи 1533 года, водку должны были применять в медицинских целях [2, с. 107].

Несмотря на то что именно при царстве Ивана IV Грозного на Руси были открыты первые кабаки, пьяниц в общественных местах не наблюдалось. Что служило основанием подобного образа жизни людей, историкам с достоверной точностью установить не удалось.

При последующих государственных правителях появление в состоянии алкогольного опьянения физических лиц на улицах или нахождение жителей в таком виде в своих домах подвергалось наказанию. Пить безнаказанно можно было только в государственных питейных заведениях (кабаках). В противном случае нахождение граждан в состоянии опьянения влекло за собой их помещение в бочку с вином, которая называлась «Бражной тюрьмой». Таких лиц именовали «питухами» и не отпускали до вытрезвления из бочки.

В «Бражной тюрьме» пьяниц держали до тех пор, пока они не трезвели. Нахождение человека в винном растворе было для него тяжелой пыткой. Выделяющиеся из винного раствора уксусная и серная кислота, а также другие химические вещества, способствовали размягчению человеческой плоти, приводили порой к отслоению мяса от кости.

За повторное появление пьяниц на улице их били кнутами или подвергали тюремному заключению.

Во времена правления царя Алексея Михайловича (1645-1676) во все религиозные посты и в недельные дни запрещалась торговля вином. А жителям запрещалось самостоятельно изготавливать алкогольную продукцию [3, с. 548]. Лица, уличенные в тайном изготовлении водки, подвергались тюремному наказанию.

Император Петр I, поощряющий праздное времяпрепровождение своих вельмож, с одной стороны, заставлял употреблять их спиртные напитки, с другой стороны, выступал ярым противником алкоголизма. Поэтому в наказание подданным, злоупотребляющим спиртными напитками, вручалась для ношения на шее медаль, вес которой составлял около пуда [4, с. 109].

Отрицательное отношение к спиртному демонстрировало и русское духовенство. Так, например, патриарх Никон запрещал пьянствовать в монастырях, а ослушавшихся приказа ждала ссылка в Сибирь. В монашеской среде в те времена принято было регулярно проводить антиалкогольные проповеди [3, с. 585].

Проведенный исторический анализ, отражающий отношение русского государства к пьянству, однозначно свидетельствует о негативной оценке имущими власть правителями Руси этого пагубного явления. Несмотря на то, что отдельные усилия Российского государства в области противоборства с пьянством приводили общество к определенным положительным результатам, говорить о полном контроле над алкогольной ситуацией было еще рано. Свидетельством тому являются не сокращающиеся темпы роста пьянства в современной России.

В настоящее время значительное внимание ученых и небезразличных к будущему своей страны представителей общественности отводится проблеме детского алкоголизма.

Пагубность пьянства проявляется и в том, что общество быстрыми темпами черствеет. И как результат – социум вынужден констатировать такие характерные черты страдающих алкогольной зависимостью лиц, как повышенная агрессия, всеобъемлющее хамство, чрезмерная наглость и просто отсутствие уважения к окружающим.

В этой связи в отдельных регионах Российской Федерации принимаются комплексные программы и региональные нормативные акты, целью которых выступает как сокращение потребления населением спиртосодержащих напитков, так и уменьшение негативных последствий, ставших результатом их употребления. Так, например, в Закон Вологодской области от 14.10.2014 № 3437-ОЗ «Об установлении ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции и безалкогольных тонизирующих напитков» только в 2024-2026 годах внесено несколько изменений, касающихся реализации спиртосодержащих напитков, а также порядка их размещения в торговых точках[5]. В частности, региональным законодательством запрещается продажа алкогольной продукции в павильонах торгующих организаций, находящихся в подвалах и подземных этажах не только жилых домов, но любых строений. Также не допускается демонстративное выкладывание содержащей алкоголь продукции менее трех метров от кассы. Аналогичное законодательство с первого января 2026 года вступает в действие и в Республике Карелия.

С одной стороны, с определенной осторожностью следует судить об эффективности принятых региональными властями мер, направленных на сокращение потребления спиртных напитков. С другой стороны, нельзя оставлять без внимания проблему бесконтрольного употребления населением спиртных напитков.

Так, в результате принятых мер в 2025 году в Вологодской области примерно на 30% сократилось количество дорожно-транспортных происшествий с участием нетрезвых водителей. На 50% уменьшились случаи отравления граждан алкоголем, и на 9% стало меньше госпитализаций местных жителей с диагнозом алкогольного психоза.

В масштабах Российской Федерации в целом одним из регуляторов потребления в общественных местах спиртосодержащей продукции выступает статья 20.20 КоАП РФ. Часть первая этой нормы рассматривает в качестве административного правонарушения действия, выразившиеся в потреблении алкогольной продукции в местах, указанных в федеральном законодательстве в качестве территорий, на которых употребление спиртных напитков не допускается.

Находящаяся в части 1 статьи 20.20 отсылочная норма отправляет к федеральному закону, определяющему места, распитие спиртных напитков в которых не допускается [1]. К сожалению, обозначенный перечень мест, в которых воспрещается употребление спиртосодержащей и алкогольной продукции, не является исчерпывающим. Это происходит вследствие того, что, во-первых, в выше обозначенном федеральном законе наряду с конкретно называемыми местами, запрещается употребление алкоголя в иных общественных местах: дворах, подъездах, лестничных площадках, лифтах жилых домов, детских площадках и других обозначенных участках местности. Во-вторых, учитывая региональные и местные особенности отдельных населенных пунктов Российской Федерации, перечислить в федеральном законодательстве все общественные места, в которых запрещается употребление алкогольной продукции, не представляется возможным. Так, однозначно к общественным местам относятся территории муниципальных образований, задействованные органами местного самоуправления в качестве площадок проведения каких-либо мероприятий с массовым пребыванием людей. Это всевозможные юбилеи, конкурсы, праздники, рождественские купели, спортивные площадки, трассы и другие участки местности, которые в другие непраздничные дни, скорее всего являются безлюдными территориями.

Поэтому в связи с необходимостью уточнения локации общественного места, предлагаем дополнить пункт 7 статьи 16 обозреваемого нами Федерального закона [1] третьим абзацем следующего содержания: «В сельских поселениях или городских округах в рамках, установленных для них границ, органы местного самоуправления обладают правом принимать управленческие решения, направленные на ограничение или запрет продажи и употребления спиртосодержащей и алкогольной продукции в период проходящих на их территории мероприятий с массовым пребыванием людей».

Представляется, что подобная постановка вопроса может снять все сомнения в определении мест, которые можно назвать общественными и, следовательно, частично ограничить или запретить распитие на таких площадках алкогольной продукции.

Ответственность за потребление без врачебного назначения в общественных местах наркотических средств или психотропных веществ либо иных, вновь появившихся и создающих повышенную опасность психоактивных или одурманивающих веществ регулируется частями 2 и 3 статьи 20.20 КоАП РФ.

В свете обозначенного выглядит нерацио-

нальным размещение в одной административно-правовой норме институтов ответственности и за употребление алкогольной продукции в запрещенных местах (в иных местах запрет на ее употребление не распространяется) и ответственности за потребление наркотических средств, обладающих по своим свойствам и последствиям повышенной общественной опасностью.

Очевидность такой позиции не вызывает сомнения не только в пределах Российской Федерации, но и в мировом правовом поле. Так, например, в административном законодательстве Республики Казахстан такие нарушения, как распитие алкогольной продукции и употребление наркотических средств, закрепляются в нескольких нормативных правовых актах.

Так, в трех частях статьи 440 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях регулируется распитие физическими лицами спиртных напитков или их нахождение в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения [6]. Ответственность за потребление в общественных местах наркотических и психотропных веществ устанавливается в Казахстане отдельным законодательным актом [7].

Ответственность за распитие спиртных напитков в Узбекистане также закреплена в самостоятельной правовой норме. В частности, этому вопросу посвящена ст. 187 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности [8].

Приведенные примеры служат ярким свидетельством иной, чем в Российской Федерации конструкции нормы права, устанавливающей административную ответственность за потребление в общественных местах спиртосодержащей продукции.

В связи с чем имеющую место во многих зарубежных странах структуру построения административных норм, устанавливающих ответственность за употребление в общественных местах алкогольной продукции, в качестве самостоятельных правил целесообразно признать эффективной. Такой механизм имеет существенные отличия от регулирования ответственности, наступающей за потребление наркотических средств и психотропных веществ. Поэтому в проекте, новой редакции Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации вопросам ответственности в области оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции предназначается отдельная глава 25 [9].

Глава 26 Проекта КоАП РФ отдельно рассматривает ответственность за административные правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ…[9].

Представляется, что подобная постановка вопроса является эффективной. Она способствует четкой классификации мер административной ответственности по конкретным видам правонарушений.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что с помощью только мер наказания общество не справится с алкогольной зависимостью своих граждан. Необходима регулярная профилактическая работа по разным направлениям жизнедеятельности.

Среди множества имеющих место мер, направленных на снижение алкогольной зависимости, в первую очередь следует поддержать те предложения, которые ориентированы на увеличение предельного возраста молодых людей, с которого им разрешено приобретать в официальной продаже спиртные напитки: с 18 лет до 21 года. Сделать такой шаг необходимо исключительно для того, чтобы сохранить нашу молодежь от пагубного воздействия алкоголя [10]. Проведенное исследование позволяет автору внести предложение о дополнении пункта 7 статьи 16 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ4 [1]. абзацем, в котором органам местного самоуправления предоставляется право вводить ограничения или запрет на употребление алкогольной продукции в период проходящих на их территории акций с массовым пребыванием людей.

Представляется целесообразным наступающую за употребление алкогольной продукции в общественных местах ответственность регламентировать самостоятельно, отдельной нормой административного законодательства.

Аналогичным образом следует индивидуализировать ответственность, наступающую за употребление наркотических средств и психотропных веществ…

В заключение следует отметить, что проблема неконтролируемого потребления алкогольной продукции в нашем обществе со стороны физических лиц требует дальнейшего разрешения. Поэтому, для снижения алкогольной зависимости российского населения необходимо использовать не только имеющую место методику правового воздействия, но и обратить внимание на международный в этой сфере положительный опыт. Подобное сочетание комплексных антиалкогольных мер способно привести к сокращению темпов роста потребления населением спиртных напитков, в том числе и в общественных местах.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продук-

ции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ, 27.11.1995, № 48, ст. 4553.

[2] Казаченко Б.Н. Веселие пити, не может без того быти // Наука и жизнь – 2006. – № 2. – С.104-110.

[3] Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА КНИГА», 2017 – 1260 с.

[4] Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним (По документам Разрядного приказа) // Голос минувшего – 1915. – № 9. – С. 105-118.

[5] Закон Вологодской области от 14.10.2014 № 3437-ОЗ «Об установлении ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/3500202411290008. (дата обращения: 15.10.2026).

[6] Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях // Законодательство Ресупблики Кахастан. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ob_administrativnyh_pravonarusheniyah/440.htm. (дата обращения: 15.10.2026).

[7] Закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 года № 279-I «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020 г.). // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1375. (дата обращения: 15.10.2026).

[8] Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2015-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.10.2022 г.) // zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092. (дата обращения: 15.10.2026).

[9] Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020). Обзор подготовлен специалистами АО «Консультант Плюс» // http://pravo.gov.ru. – 30.01.2020. (дата обращения: 15.10.2026).

[10] Иван Мартынихин. Министерство Здравоохранения вынесло на обсуждение законопроект об увеличении до 21 года возраста продажи алкоголя. ПСПбГМУ им. И.П. Павлова; Российское Общество Психиатров // Российское Общество Психиатров (РОП). URL: https://psychiatr.ru/news/993 (дата обращения: 15.10.2026).

References:

[1] Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995 (as amended on March 26, 2022) "On State Regulation of the Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products, and on Limiting the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products" // Collected Legislation of the Russian Federation, November 27, 1995, No. 48, Art. 4553.

[2] Kazachenko B.N. "Merriment Lies in Drinking; One Cannot Do Without It" // Nauka i Zhizn (Science and Life) – 2006. – No. 2. – pp. 104–110.

[3] Kostomarov N.I. Russian History in the Biographies of Its Principal Figures. Complete single-volume edition. – Moscow: "ALFA KNIGA" Publishing House, 2017 – 1260 p.

[4] Sokolov V. Drunkenness in Rus' During the Era of the Early Romanovs and Measures to Combat It (Based on Documents from the Razryadny Prikaz / Military-Administrative Department) // Golos Minuvshego (Voice of the Past) – 1915. – No. 9. – pp. 105–118.

[5] Law of the Vologda Region No. 3437-OZ of October 14, 2014, "On Establishing Restrictions in the Sphere of Retail Sale of Alcoholic Products" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/3500202411290008. (accessed: October 15, 2026).

[6] Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses // Legislation of the Republic of Kazakhstan. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ob_administrativnyh_pravonarusheniyah/440.htm. (accessed: 15.10.2026).

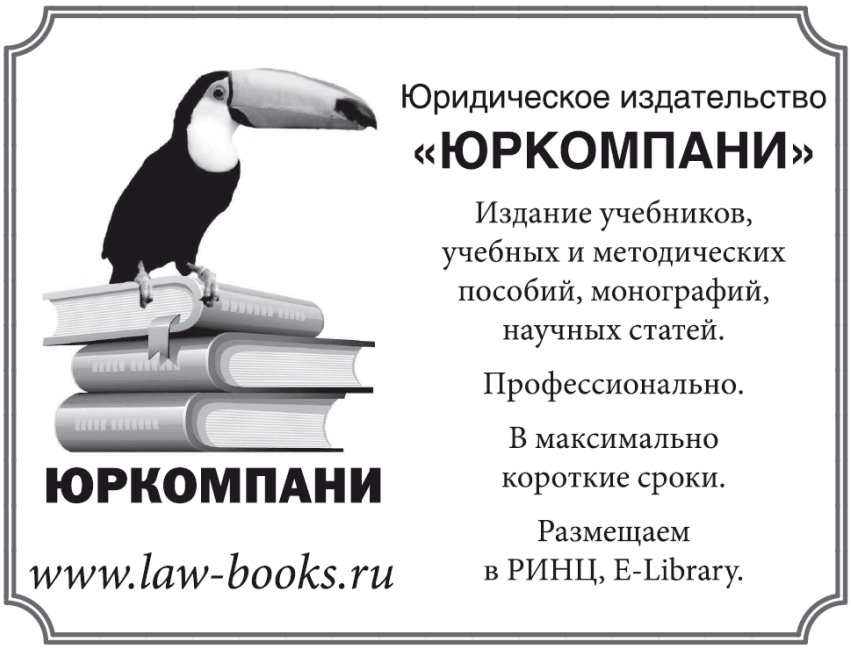
[7] Law of the Republic of Kazakhstan dated July 10, 1998, No. 279-I "On Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, Their Analogues and Precursors, and Measures to Counteract Their Illicit Trafficking and Abuse" (as amended and supplemented as of 07.07.2020). // Legislation of CIS Countries. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1375. (accessed: 15.10.2026).

[8] Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994, No. 2015-XII) (as amended and supplemented as of 27.10.2022) // zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092. (accessed: 15.10.2026).

[9] Draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (prepared by the Ministry of Justice of Russia; project ID: 02/04/01-20/00099059) (not submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; text as of 30.01.2020). Overview prepared by specialists at JSC

"Consultant Plus" // http://pravo.gov.ru. – 30.01.2020. (accessed: 15.10.2026).

[10] Ivan Martynikhin. The Ministry of Health has submitted for discussion a draft law to raise the legal age for purchasing alcohol to 21. Pavlov University (PSPbGMU); Russian Society of Psychiatrists // Russian Society of Psychiatrists (ROP). URL: https://psychiatr.ru/news/993 (accessed: 15.10.2026).



АДВОКАТУРА И АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-452-457
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

СТЕПАНОВ Игорь Леонидович,
адвокат, Адвокатская палата Московской области,
НКО коллегия адвокатов «Содействие»,
тел.: +79818019652,
e-mail: 11234@apmo.ru

ВЗАИМНОЕ ПРИЗНАНИЕ СТАТУСА АДВОКАТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В работе анализируются основные проблемы, возникающие в области взаимного признания статуса адвокатов на территории России и Беларуси. Отмечается что, несмотря на значительное количество заключенных между государствами-участниками Союзного государства соглашений и договоров, проблемы взаимного признания статуса адвокатов не нашли в указанных документах своего отражения. Вносятся конкретные предложения по устранению имеющихся правовых проблем в части взаимного признания адвокатов в России и Беларуси.*

Ключевые слова: *адвокат; адвокатская деятельность; адвокатура; статус адвоката; взаимное признание; Союзное государство.*

Для цитирования: *Степанов И. Л. Взаимное признание статуса адвоката в законодательстве России и Беларуси: проблемы и перспективы при формировании правовой системы Союзного государства // Образование и право. 2026. № 10. С. 452–457.*

STEPANOV Igor Leonidovich,
Lawyer, Moscow Region Bar Association,
Bar Association «Assistance»

MUTUAL RECOGNITION OF THE STATUS OF A LAWYER IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND BELARUS: PROBLEMS AND PROSPECTS IN THE FORMATION OF THE LEGAL SYSTEM OF THE UNION STATE

Annotation. *The paper analyzes the main problems hindering the mutual recognition of the status of lawyers in Russia and Belarus as participants in the Union State. It notes that, despite the significant number of agreements, treaties, and roadmaps concluded between the states, the issues related to the mutual recognition of lawyers' status have not been reflected in these documents. Specific proposals are made to address the existing legal problems regarding the mutual recognition of lawyers in Russia and Belarus.*

Key words: *lawyer; advocacy; bar association; lawyer's status; mutual recognition; Union State.*

For citation: *Stepanov I. L. Mutual recognition of the status of a lawyer in the legislation of Russia and Belarus: problems and prospects in the formation of the legal system of the union state. Education and law. 2026;(10):452–457. (In Russ.).*

Введение. Организация адвокатуры и правовое содержание адвокатской деятельности в России и Беларуси имеют существенные отличия. Прежде всего эти отличия обусловлены тем, что в современной России (после 1991 года) адвокатура развивалась на основе строгого соблюдения принципов независимости, корпоративности и самоуправления, что привело в итоге к таким, несомненно положительным явлениям, как многообразие форм адвокатской деятельности, закрепление права адвокатов на свободный выбор формы осуществления адвокатской деятельности, самостоятельное регулирование вопросов приобретения и прекращения адвокатского статуса. При этом вопреки законодательному закреплению принципов независимости адвокатов и самоуправления адвокатуры в Республике Беларусь, организация деятельности адвокатуры и адвокатских образований находится под строгим контролем государства и его органов. Однако, о необходимости развития корпоративных начал и закрепления корпоративных норм как в белорусском законодательстве, так и в Правилах профессиональной этики указывает в своих работах А.Г. Егорова [1, с.749].

Россия и Республика Беларусь более 25 лет осуществляют построение Союзного государства. В заключенном международном акте о его создании через призму гармонизации законодательства в странах-участниках закреплена декларативная цель – переход к единой правовой системе. За указанный период времени приняты многочисленные двусторонние акты, подписан ряд дорожных карт, которые регулируют вопросы гармонизации и унификации законодательства стран государств-участников, однако до настоящего времени на уровне Союзного Государства акты, определяющие на основе взаимности права и обязанности адвокатов и устанавливающие порядок взаимного признания статуса адвоката в России и Беларуси.

Вопросы взаимного признания статуса адвокатов в России и Беларуси находили свое отражение в работах немногих предшественников. В частности, этим проблемам уделяли внимание Мартинович И.И., Егорова А.Г., Муранов А.И., Пастухов М.И., Синичкин А.А., Мулгачев Д.Л., Крук В.С., Витковская Д.А. Вместе с тем фундаментальных исследований по данному вопросу не проводилось.

Следует отметить, что представители российской адвокатуры проявляют интерес к указанной проблеме [13], тогда как в Республике Беларусь данные вопросы в целом практически не затрагивают профессиональное сообщество.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании правового регулирования статуса адвоката в законодательстве России и Беларуси в контексте развития юридической перспективы их взаимного признания в странах Союзного государства России и Беларуси. Задачей данной работы является выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в целях реализации возможности по взаимному признанию адвокатского статуса в Союзном государстве. В основу статьи заложена методология, включающая общие и специальные методы, в числе которых диалектический и логический методы, методы индукции, дедукции, анализа и синтеза, системного анализа, сравнительный, описательный и иные методы научных исследований.

Результаты. В рамках совместных мероприятий адвокатур России и Белоруссии 6 октября 2023 года в городе Минске по итогам конференции на тему: «Адвокатура Республики Беларусь и Российской Федерации на пространстве Союзного государства. Актуальные вопросы адвокатской деятельности», было заключено Соглашение о сотрудничестве между Белорусской республиканской коллегией адвокатов (далее- БРКА) и Федеральной палатой адвокатов РФ. Следует отметить, что данное соглашение носит декларативный характер. По своей сути – это соглашение о дружбе и сотрудничестве, поддержке молодых адвокатов, принятию мер по взаимному укреплению престижа адвокатской профессии т т.д. Вместе с тем, указанное Соглашение не приблизило адвокатуры обеих стран к созданию правовых механизмов для двустороннего признания адвокатского статуса и интеграции институтов адвокатуры Российской Федерации и Республики Беларусь.

Статья 2 белорусского закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» закрепляет структуру системы законодательства, регулирующую указанную сферу и устанавливает, что: «законодательство об адвокатуре в РБ состоит из Конституции РБ, настоящего Закона и других нормативных правовых актов» [9]. В дополнение к указанным предписаниям норма ст. 7 того же Закона предписывает следующее обязательное требование: «адвокаты иностранных государств, действующие в соответствии с международными договорами РБ осуществляют деятельность после включения их в Реестр адвокатов, адвокатских бюро, юридических консультаций и специальных разрешений (лицензий) на право осуществления адвокатской деятельности в порядке, определяемом Министерством юстиции Республики Беларусь» [9].

Первоочередным условием для приобретения статуса адвоката в Республике Беларусь является ценз гражданства.

Указанное положение исключает возможность получения статуса адвоката в Беларуси

гражданами России, даже если они имеют белорусский диплом о высшем юридическом образовании.

Ситуация осложнена и различием в порядке регулирования вопросов о взаимном признании дипломов о высшем юридическом образовании. В России такое признание происходит автоматически в соответствии с международными договорами, независимо от того, гражданин России или Беларуси получил диплом белорусского вуза, а в свою очередь гражданин Беларуси - выпускник российского университета, вынужден пройти у себя в стране процедуру признания (легализации) такого диплома в соответствующим белорусском учреждении, которым выступает БГУО «Республиканский институт высшей школы».

Нормативное закрепление дефиниции «Гражданство Союзного государства» двустороннем договоре от 08.12.1999г. не повлекло за собой четкого правового определения данного статуса и его отождествления с гражданством РФ или РБ. Однако, в контексте современного миграционного законодательства России для граждан Республики Беларусь предусмотрена преференция: они имеют право на получение гражданства РФ без обязательного отказа от имеющегося гражданства РБ.

Российское законодательство не связывает получение статуса адвоката с обязательным наличием гражданства РФ у кандидата. Вследствие чего гражданин Республики Беларусь, отвечающий установленным законодательством об адвокатуре требованиям и условиям, вправе претендовать на получение данного статуса в России.

Как указывает А.А. Созвариев, «Российское законодательство содержит больше свободы для иностранных граждан в части вступления в российскую адвокатуру. Они могут подать документы на присвоения статуса адвоката при наличии у них юридического образования, полученного в российском вузе, и стажа работы» [12].

Подходы к регулированию деятельности иностранных адвокатов в России и Беларуси принципиально различаются. Российское законодательство разрешает белорусским адвокатам, включенным в специальный реестр Минюста РФ работать с неограниченным кругом клиентов, однако исключительно по законодательству Беларуси. В соседнем государстве в свою очередь же действует правило: иностранные адвокаты, включенные в соответствующий реестр, могут проводить дела по любым отраслям права, включая национальное и международное, но только при оказании правовой помощи своим согражданам.

Несмотря на ряд достоинств адвокатуры в Беларуси, в ней также существуют определенные особенности, не свойственные российской адвокатуре.

Прежде всего, к таким особенностям следует отнести тот факт, при котором адвокатская деятельность в Беларуси лицензируется государством и отнесена законодательством к лицензируемым видам деятельности, которая может реализовываться физическими лицами. Право на ведение адвокатской практики в Беларуси обусловлено лицензией, выдаваемой Министерством Юстиции Республики Беларусь на основании успешно сданного квалификационного экзамена. При этом наличие белорусского гражданства выступает неотъемлемым требованием для получения данного разрешения.

Согласно М. И. Пастухову, «несмотря на существование соглашений о правовом сотрудничестве, включая Договор о создании Союзного государства, белорусские правоохранительные органы продолжают отказывать российским адвокатам в участии в уголовных процессах» [8, с.23] (при защите своих соотечественников).

С ноября 2021 года в Республике Беларусь вступили в силу поправки в Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», в результате которых были нивелированы все альтернативные формы адвокатской деятельности, право выбора которых определялось непосредственно самими адвокатам и которые в местном адвокатском сообществе именовались «частной адвокатурой». С указанного момента перестали существовать адвокатские бюро и адвокаты, осуществляющие деятельность индивидуально (аналоги российских адвокатских кабинетов). Единственной разрешенной формой осуществления адвокатской деятельности в Беларуси стали юридические консультации в составе территориальных коллегий адвокатов.

А. А. Синичкин и Д. Л. Мулгачев пишут, «чтобы улучшить работу адвокатуры в Беларуси, можно предложить следующие меры: уменьшить влияние Минюста РБ путем передачи полномочий по лицензированию ведения адвокатской практики территориальным коллегиям адвокатов; возобновить иные формы адвокатского образования, помимо юридических консультаций; расширить возможность получения разрешений на ведение адвокатской практики гражданам РФ; ужесточить требования к высшему юридическому образованию для новых претендентов на статус адвоката до получения степени магистра, если имеется степень бакалавра по аналогичному направлению; уменьшить оказание правовой помощи за счет средств коллегий адвокатов; законодательно дополнить точный порядок раскрытия адвокатской информации с разрешения доверителя» [10, с.111].

Как в свою очередь указывает А. М. Резепкин, «раскрывая вопрос участия иностранных адвокатов, следует разобраться в понятиях, где ключевая роль отводится используемым двум из них: «иностранный гражданин, получивший статус адвоката» и «адвокат иностранного государства». Их главное отличие состоит в том, где иностранным гражданином приобретен статус адвоката: на территории России согласно законодательству об адвокатуре РФ, или на территории иностранного государства, резидентом которого он является. Важно отметить и третью разновидность названных понятий, где говорится об адвокате иностранного государства, который планирует приобрести адвокатский статус в России» [11, с.179].

Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о ведении реестра адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации», и решение Совета Федеральной палаты адвокатов России «О приобретении статуса адвоката иностранными гражданами и адвокатами иностранных государств на территории РФ» изначально запретили данную опцию. В указанных актах отмечалось, что возможность приобретения статуса адвоката РФ согласно п. 6 ст. 9 Закона об адвокатуре предоставлена только иностранным гражданам и лицам без гражданства в порядке, установленном этим законом.

Таким образом, возможность приобретения статуса адвоката в России лицом, являющимся одновременно адвокатом иностранного государства, действующим законодательством не предусмотрено. Отсюда можно сделать вывод, что иностранные граждане и лица без гражданства могут приобрести в России адвокатский статус лишь в том случае, если они не имеют такого статуса в своей стране, либо такой статус у указанных лиц прекращен.

А. И. Муранов отмечал в связи с этим следующее: «По мнению Совета, оказывается, что тот, кто адвокатом никогда не был, более достоин стать адвокатом в России, нежели тот, кто фактически в юриспруденции более сведущ» [12].

Действующими на уровне Союзного государства международными соглашениями о правовой помощи по различным категориям дел не предусмотрены положения о возможности привлечения иностранных адвокатов для защиты прав и законных интересов, что требует применения национального законодательства. Однако положения белорусского законодательства не позволяют допускать иностранных адвокатов в процесс рассмотрения дела, что прямо противоположно российской правовой практике, допускающей возможность защиты белорусскими адвокатами прав и интересов своих доверителей по различным категориям дел. Следовательно, как представляется, необходимо провести работы по гармонизации и унификации национальных законодательств, либо в соответствующие международные соглашения внести изменения, допускающие равные возможности для участия иностранных адвокатов в судебных процессах в России и Беларуси.

Заключение. Таким образом, для устранения имеющихся правовых проблем в части взаимного признания адвокатов в России и Беларуси необходимо:

1) гармонизировать и унифицировать нормы Законов об адвокатуре в России и Беларуси в отношении единообразного понимания содержания адвокатской деятельности и определения правового статуса адвокатов, их прав и обязанностей; в свою очередь, такая гармонизация и унификация правовых норм приведет к взаимному признанию и единому статусу адвокатов на уровне Союзного Государства, предоставит адвокатам Российской Федерации и Республики Беларусь право взаимного полноценного членства в любых адвокатских образованиях;

2) в нормативно-правовом поле, в частности в рамках единого правового акта Союзного государства закрепить положение о том, что в состав образований всех форм осуществления адвокатской деятельности вправе входить и работать в них лица, имеющие статус адвоката по законодательству об адвокатуре государства своей гражданской принадлежности, независимо от места приобретения статуса адвоката;

3) закрепить в законодательстве Беларуси право структурных подразделений российских адвокатских образований осуществлять адвокатскую деятельность в Беларуси с предоставлением им национального правового режима по тем категориям споров, где велика доля трансграничных правоотношений (семейные, наследственные, гражданские, уголовные правоотношения, международный коммерческий арбитраж и хозяйственные споры);

4) высшей формой взаимного признания адвокатов России и Беларуси должен стать соответствующий межгосударственный нормативный правовой акт (например, Декрет Союзного Государства о едином правового регулировании адвокатуры и адвокатской деятельности в России и Беларуси), которым может быть создана как в России, так и в Беларуси единая межгосударственная адвокатская палата Союзного Государства, в которую должны входить национальные адвокатские палаты и иные адвокатские образования, что, однако, вызывает определенные сомнения и поводы

для дискуссии, так как подобная новелла потребует соответствующего нормативного обеспечения;

5) на протяжение долгого времени обсуждается разработка унифицированной Конвенции Союзного государства о правовой помощи по различным категориям дел. В данный документ целесообразно включить норму, регламентирующую круг участников таких правоотношений. В частности это должно касаться статуса адвокатов, участвующих в разрешении трансграничных споров на территории любого из государств-участников.

Список литературы:

[1] Егорова А. Г. Социальная роль адвокатуры в Республике Беларусь и Российской Федерации / А. Г. Егорова. // Право в современном белорусском обществе, 2024. – № 19. – С. 746-754.

[2] Пастухов М. И. Новые поправки в белорусский закон об адвокатуре: их причины и последствия/М. И. Пастухов. // Евразийская адвокатура, 2021 –№ 4. – С. 37-40.

[3] Синичкин А. А. Адвокатура в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ / А. А. Синичкин, Д. Н. Мулгачев. // Oeconomia et Jus, 2025. – № 1. – С. 111-112.

[4] Муранов А. И. Российское регулирование отношений с иностранными элементами: некоторые аспекты правового статуса и деятельности иностранных адвокатов / А. И. Муранов. – М.: Городец, 2006. 143 с.

[5] Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г. «О создании Союзного государства» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 07.10.2026).

[6] Положение о базовой организации государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере адвокатской деятельности (утверждено 07.10.2024 г. решением Совета министров иностранных дел СНГ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=73039 (дата обращения: 07.10.2026).

[7] Хартия основополагающих принципов адвокатской деятельности, принятая на VI Петербургском Международном юридическом форуме 19 мая 2016 г. // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://fparf.ru/documents/international-acts/charter-fundamental-principles-of-advocacy/ (дата обращения: 07.10.2026).

[8] Концепция развития адвокатуры Республики Беларусь на период до 2030 года // Белорусская республиканская коллегия адвокатов. URL: https://brka.by/info/development-concept. (дата обращения: 07.10.2026).

[9] Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельность в Республике Беларусь» // Ведомости Национального Совета Республики Беларусь, 2011. – № 28. – Ст. 459.

[10] Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2002. – № 23. – Ст. 2102.

[11] Пастухов М. И. Адвокатура в Республике Беларусь: законодательство и практика / М. И. Пастухов. // Евразийская адвокатура, 2017. – № 4. – С. 22-27.

[12] В Тбилиси состоялась международная конференция, организованная Ассоциацией адвокатов Грузии. / Укрепление связей между адвокатурами различных стран и обмен опытом. // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://fparf.ru/news/fpa/ukreplenie-svyazey-mezhdu-advokaturami-razlichnykh-stran-i-obmen-opytom/ (дата обращения: 07.10.2026).

[13] У российских адвокатов в Беларуси нет тех прав, которые есть у белорусских коллег в России. / Юридическая помощь в пределах Союзного государства // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://fparf.ru/news/fpa/yuridicheskaya-pomoshch-v-predelakh-soyuznogo-gosudarstva/ (дата обращения: 07.10.2026).

References:

[1] Egorova A. G. The Social Role of the Bar in the Republic of Belarus and the Russian Federation / A. G. Egorova. // Law in Modern Belarusian Society, 2024. – No. 19. – pp. 746–754.

[2] Pastukhov M. I. New Amendments to the Belarusian Law on the Bar: Their Causes and Consequences / M. I. Pastukhov. // Eurasian Advocacy, 2021. – No. 4. – pp. 37–40.

[3] Sinichkin A. A. The Bar in the Russian Federation and the Republic of Belarus: A Comparative Legal Analysis / A. A. Sinichkin, D. N. Mulgachev. // Oeconomia et Jus, 2025. – No. 1. – pp. 111–112.

[4] Muranov A. I. Russian Regulation of Relations Involving Foreign Elements: Certain Aspects of the Legal Status and Activities of Foreign Lawyers / A. I. Muranov. – Moscow: Gorodets, 2006. 143 p.

[5] Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated December 8, 1999, "On the Creation of a Union State" // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_25282/ (accessed: October 7, 2026).

[6] Regulation on the Basic Organization of the Member States of the Commonwealth of Independent States (CIS) in the Sphere of Advocacy (approved on October 7, 2024, by a decision of the CIS Council of Foreign Ministers) // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=73039 (accessed: 07.10.2026).

[7] Charter of Fundamental Principles of Advocacy, adopted at the VI St. Petersburg International Legal Forum on May 19, 2016 // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation: official website. URL: https://fparf.ru/documents/international-acts/charter-fundamental-principles-of-advocacy/ (accessed: 07.10.2026).

[8] Concept for the Development of the Advocacy in the Republic of Belarus for the Period up to 2030 // Belarusian Republican Bar Association. URL: https://brka.by/info/development-concept (accessed: 07.10.2026).

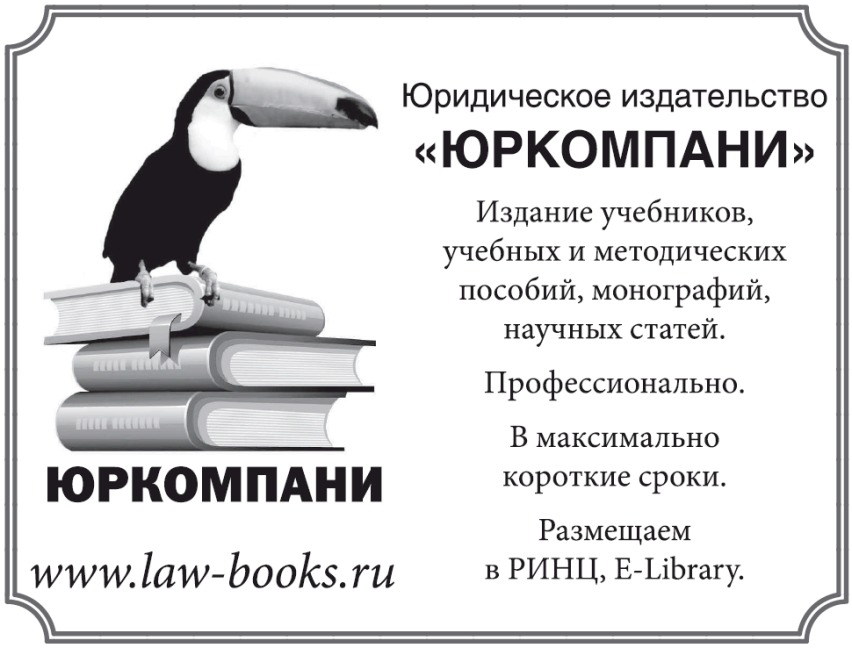
[9] Law of the Republic of Belarus dated December 30, 2011, No. 334-Z "On the Advocacy and Advocacy Activities in the Republic of Belarus" // Gazette of the National Council of the Republic of Belarus, 2011, No. 28, Art. 459.

[10] Federal Law dated May 31, 2002, No. 63-FZ "On Advocacy Activities and the Advocacy in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 23, Art. 2102.

[11] Pastukhov M. I. The Advocacy in the Republic of Belarus: Legislation and Practice / M. I. Pastukhov // Eurasian Advocacy, 2017, No. 4, pp. 22–27.

[12] An international conference, organized by the Georgian Bar Association, took place in Tbilisi. / Strengthening ties between the legal professions of various countries and exchanging experience. // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation: official website. URL: https://fparf.ru/news/fpa/ukreplenie-svyazey-mezhdu-advokaturami-razlichnykh-stran-i-obmen-opytom/ (accessed: 07.10.2026).

[13] Russian lawyers in Belarus do not possess the same rights that their Belarusian counterparts enjoy in Russia. / Legal assistance within the Union State // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation: official website. URL: https://fparf.ru/news/fpa/yuridicheskaya-pomoshch-v-predelakh-soyuznogo-gosudarstva/ (accessed: 07.10.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-458-464

ТЮРИНА Наталья Евгеньевна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры международного права
Казанский (Приволжский)
федеральный университет, профессор,
420008, Казань, ул. Кремлевская 18,
e-mail: tyurina.natal@yandex.ru

ФЕДЧЕНКОВ Александр Вячеславович,
аспирант кафедры международного права
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская 18,
e-mail: a.fedchenkov@ya.ru

НЕЗАВИСИМОСТЬ АДВОКАТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ

Аннотация. *В статье анализируется соответствие российской модели корпоративной защиты профессиональных прав адвокатов и дисциплинарной практики органов адвокатского самоуправления международно-правовым стандартам независимости адвокатуры, закрепленным в Основных принципах, касающихся роли юристов (1990), Стандартах независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов, Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(2000)21 и Международном пакте о гражданских и политических правах. Рассмотрены Положение о порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов 2024 г., официальная дисциплинарная статистика за 2021–2024 гг., изменения Кодекса профессиональной этики адвоката, а также резонансные случаи применения корпоративных санкций в связи с обращениями адвокатов в государственные органы и их публичными высказываниями («дело 32-х адвокатов», конфликты в адвокатских палатах ряда регионов, дело Д. Н. Талантова). Сделан вывод о смещении акцента с корпоративной обязанности по защите адвокатов на их индивидуальную самозащиту и о несоответствии ряда процедурных правил дисциплинарного производства принципам 26–29 Основных принципов. Предложены меры по совершенствованию законодательства и корпоративных актов.*

Ключевые слова: *адвокатура; независимость адвокатуры; адвокатское самоуправление; Федеральная палата адвокатов; дисциплинарная ответственность адвоката; профессиональные права адвокатов; Основные принципы, касающиеся роли юристов; свобода выражения мнений.*

Для цитирования: *Тюрина Н. Е., Федченков А. В. Независимость адвокатского самоуправления и защита профессиональных прав адвокатов в Российской Федерации в свете международно-правовых стандартов // Образование и право. 2026. № 10. С. 458–464.*

TYURINA Natalia Eugenevna,
Doctor of laws
Professor of the Department of International Law
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia, Full professor

FEDCHENKOV Alexander Viacheslavovich,
Postgraduate student of the Department of International Law
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

INDEPENDENCE OF BAR SELF-GOVERNMENT AND PROTECTION OF LAWYERS' PROFESSIONAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS

Annotation. *The article analyses whether the Russian model of corporate protection of lawyers' professional rights and the disciplinary practice of bar self-government bodies comply with the international standards of independence of the legal profession enshrined in the UN Basic Principles on the Role of Lawyers (1990), the IBA Standards for the Independence of the Legal Profession, Recommendation No. R(2000)21 of the Committee of Ministers of the Council of Europe and the International Covenant on Civil and Political Rights. The author examines the 2024 Regulation on the Protection of Lawyers' Professional Rights, official disciplinary statistics for 2021–2024, amendments to the Code of Professional Ethics of Lawyers, and high-profile cases of corporate sanctions imposed in connection with lawyers' appeals to state authorities and their public statements (the "case of 32 lawyers", conflicts in regional bar chambers, the case of D. N. Talantov). It is concluded that the emphasis has shifted from the corporate duty to protect lawyers to their individual self-defence, and that a number of procedural rules of disciplinary proceedings do not comply with Principles 26–29 of the Basic Principles. Measures to improve legislation and corporate acts are proposed.*

Key words: *legal profession; independence of the bar; bar self-government; Federal Chamber of Lawyers; disciplinary liability of lawyers; professional rights of lawyers; Basic Principles on the Role of Lawyers; freedom of expression.*

For citation: *Tyurina N. E., Fedchenkov A. V. Independence of bar self-government and protection of lawyers' professional rights in the Russian Federation in the light of international legal standards. Education and law. 2026;(10):458–464. (In Russ.).*

Введение

Независимость адвокатуры принято рассматривать прежде всего в аспекте ее отношений с государством. Однако не менее значимым является вопрос о том, насколько органы адвокатского самоуправления сами обеспечивают защиту профессиональных прав адвокатов и не превращаются ли они в канал опосредованного воздействия на профессию. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возложил на адвокатские палаты и Федеральную палату адвокатов (далее – ФПА) функцию представительства и защиты интересов адвокатов. Тем не менее за два десятилетия существования этой системы так и не сложился действенный механизм защиты социальных и профессиональных прав адвокатов [2], а каналы обратной связи между адвокатским сообществом и органами самоуправления во многом приобрели формальный характер [6].

Цель статьи – оценить соответствие российской модели корпоративной защиты профессиональных прав адвокатов и дисциплинарной практики органов адвокатского самоуправления международно-правовым стандартам независимости адвокатуры. Исследование основано на формально-юридическом и сравнительно-правовом методах, анализе корпоративных актов ФПА, официальной дисциплинарной статистики и отдельных резонансных случаев 2019–2025 гг.

Международные стандарты независимости адвокатуры и ее самоуправления

Основой международно-правового регулирования выступают Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. (далее – Основные принципы). Государства обязаны обеспечить, чтобы юристы могли выполнять свои обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства и не подвергались санкциям за действия, совершенные в соответствии с профессиональными обязанностями (принцип 16); при угрозе безопасности в связи с исполнением профессиональных обязанностей юристы должны получать надлежащую защиту (принцип 17); юристы не должны отождествляться со своими клиентами или делом клиентов (принцип 18). Юристы пользуются свободой выражения мнений, в том числе правом участвовать в публичном обсуждении вопросов права, отправления правосудия и защиты прав человека, без ограничения в профессиональной деятельности вследствие такой активности (принцип 23), а также правом создавать самоуправляемые профессиональные ассоциации, исполнительные органы которых действуют без внешнего вмешательства (принцип 24).

Принципиальное значение для темы имеют принципы 26–29, посвященные дисциплинарному производству: кодексы профессионального поведения устанавливаются самой профессией или

законодательством в соответствии с международными нормами; жалобы на юристов рассматриваются быстро и справедливо в рамках надлежащих процедур, включая право юриста на справедливое разбирательство и помощь представителя; дисциплинарные дела рассматриваются беспристрастным органом и подлежат независимому судебному пересмотру; все дисциплинарные процедуры определяются на основе кодекса профессионального поведения и в свете Основных принципов.

Аналогичные требования содержатся в Стандартах независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов (1990) и в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(2000)21 о свободе осуществления профессии адвоката, принцип VI которой требует соблюдения при дисциплинарном производстве всех требований справедливого разбирательства и принципа соразмерности санкций. Универсальные гарантии свободы выражения мнений и свободы ассоциаций закреплены в ст. 19 и 22 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП).

Практика Европейского суда по правам человека конкретизировала эти положения. В деле «Морис против Франции» (Большая палата, постановление от 23.04.2015, жалоба № 29369/10) Суд подтвердил право адвоката критиковать функционирование правосудия при наличии достаточной фактической основы и указал, что несоразмерные санкции оказывают «сдерживающее воздействие» на всю профессию [8]. Таким образом, международные стандарты рассматривают независимость адвоката как двустороннюю гарантию: от вмешательства государства и от произвольного воздействия со стороны собственной корпорации.

Давление на адвокатов и корпоративные механизмы защиты

Профессиональная деятельность адвокатов в России сопряжена со значительными рисками. По результатам исследования 2022 г., около 41 % опрошенных адвокатов сообщили о нарушениях их профессиональных прав [7]. Адвокаты, участвующие в общественно значимых делах, подвергаются давлению и преследованию [1]. Применительно к лицам, подвергаемым уголовному преследованию, деятельность их защитников нередко воспринимается силовыми ведомствами как продолжение активности самих доверителей, что прямо противоречит принципу 18 Основных принципов.

Сохраняется и проблема физического насилия. За период 2002–2025 гг. в открытых источниках зафиксированы убийства адвокатов (в частности, Э. Мусина в Московской области в 2006 г.), покушения, нападения и избиения в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Махачкале, Челябинске, Тульской области и других регионах. Отдельную группу составляют эпизоды насилия, незаконного лишения свободы и угроз со стороны должностных лиц: избиения адвокатов сотрудниками милиции и полиции в Кисловодске (2008), Махачкале (2010, 2019), Самаре (2012), Москве (2017); незаконный обыск у адвоката в Воронеже (2018); насильственное выдворение адвокатов из отдела полиции в Кабардино-Балкарской Республике (2020); избиение адвоката в Ульяновской области (2025) [1]. Значительная часть таких преступлений остается нераскрытой, что формирует своего рода «институциональную терпимость» к насилию в отношении адвокатов. При этом полная статистика посягательств на адвокатов Федеральной палатой адвокатов не ведется, хотя без нее невозможно оценить масштаб проблемы и выполнить обязанность по обеспечению безопасности юристов, вытекающую из принципа 17 Основных принципов.

Наряду с насилием распространены процессуальные меры, используемые как средство давления: личные досмотры, обыски по месту жительства, изъятие мобильных устройств, компьютерной техники и документации, включая материалы, составляющие адвокатскую тайну. Еще в 2015 г. миссия Международной комиссии юристов указывала, что адвокатские палаты должны активнее защищать адвокатов от давления, а сами адвокаты недостаточно используют корпоративные механизмы защиты [5, с. 23–24].

Ответом ФПА на эти вызовы стало Положение о порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов, утвержденное Советом ФПА 18 июня 2024 г. Документ декларирует цель формирования у правоохранительных и судебных органов «атмосферы нетерпимости» к нарушениям профессиональных прав адвокатов и детализирует действия, квалифицируемые как такие нарушения. Вместе с тем ключевым элементом Положения является приоритет самозащиты: на адвоката возлагается обязанность незамедлительно принимать «разумные и адекватные» меры для восстановления нарушенных прав, а при их безрезультатности – фиксировать нарушение и «при первой возможности» обращаться в комиссию при совете палаты. Поскольку понятие нарушения профессиональных прав сформулировано широко, у адвоката возникает риск ответственности за отсутствие оперативной реакции. Палаты вмешиваются лишь в наиболее серьезных случаях, а ФПА – в исключительных ситуациях и по собственной инициативе. Из числа субъектов защиты фактически исключены общественные объединения адвокатов и правозащитные организации, что

сужает гарантию, вытекающую из принципа 24 Основных принципов. Неопределенными остаются и используемые в Положении понятия «акты, затрагивающие интересы адвокатского сообщества» и «факт нарушения интересов адвокатской корпорации».

В октябре 2024 г. ФПА объявила о подготовке проекта федерального закона о введении в УК РФ ст. 149.1 «Нарушение права на получение квалифицированной юридической помощи». Сама по себе эта инициатива соответствует принципам 16 и 17 Основных принципов, однако ее эффективность будет зависеть от того, сопровождается ли она реальной готовностью корпоративных органов инициировать и поддерживать преследование виновных должностных лиц.

Дисциплинарная практика органов адвокатского самоуправления

Ключевым инструментом внутрикорпоративного контроля выступает дисциплинарное производство. По опубликованным ФПА данным, за 2021–2022 гг. квалификационные комиссии адвокатских палат рассмотрели 10 059 дисциплинарных дел при общем числе обращений и жалоб 26 700. По 3 469 делам производство прекращено, по 6 590 – установлены признаки дисциплинарного проступка. В 5 694 случаях (86,4 %) применены замечания и предупреждения, в 896 случаях (13,6 %) прекращен статус адвоката. Наиболее распространенным основанием прекращения статуса стало «неисполнение или ненадлежащее исполнение решений органов адвокатской палаты» (448 адвокатов); за неисполнение обязанностей перед доверителем статуса лишился 141 адвокат, в связи со вступлением в силу обвинительного приговора – 98. Из 168 исков об оспаривании дисциплинарных решений удовлетворено лишь 20. В 2023–2024 гг. замечания и предупреждения получили 5 511 адвокатов, статуса лишены 615, в том числе за неисполнение решений органов палаты – 322, за нарушение норм профессиональной этики – 174, за неисполнение обязанностей перед доверителем – 107, по иным основаниям – 12; судами отменены решения палат лишь по 17 делам.

Приведенные данные показывают, что почти половина случаев прекращения статуса связана не с нарушением обязанностей перед доверителем, а с неисполнением решений самих корпоративных органов. Подобная структура санкций свидетельствует о смещении дисциплинарной практики от защиты интересов доверителей к обеспечению внутрикорпоративной дисциплины. Еще в 2015 г. миссия Международной комиссии юристов отмечала отсутствие единообразной дисциплинарной практики и поступающие жалобы на произвольное прекращение статуса [5, с. 21].

Существенную роль в инициировании производств играет Министерство юстиции РФ, которое вправе вносить представления в адвокатские палаты. С учетом того, что значительная часть представлений отражает позицию правоохранительных органов – процессуальных оппонентов адвокатов, – отсутствие независимого фильтра при их рассмотрении создает предпосылки для использования дисциплинарного механизма как средства давления. После законодательных изменений 2024 г. эта практика получила прямое нормативное закрепление.

Изменения Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) также вызывают вопросы с точки зрения принципов 27–28 Основных принципов. В КПЭА включены оценочные положения, допускающие широкое толкование, а сфера его действия распространена на поведение адвоката вне профессиональной деятельности. Вместо презумпции добросовестности адвоката закреплена, по существу, презумпция добросовестности палаты, осуществляющей дисциплинарное производство. Адвокат лишен права заявлять отвод членам органа дисциплинарной юрисдикции; допускается рассмотрение дела в его отсутствие даже при уважительной причине неявки; допускается повторное рассмотрение дела по тому же факту после отмены судом решения палаты, а также возобновление ранее «отложенных» производств, если прежнее решение о прекращении статуса было отменено. Ограничение предмета судебного обжалования только процедурными вопросами было отменено лишь в 2023 г. Процедура обжалования в Комиссию по этике и стандартам ФПА остается непрозрачной и фактически заочной. Перечисленные правила трудно согласовать с требованиями справедливого разбирательства, беспристрастности органа и независимого судебного пересмотра. Суды, в свою очередь, редко применяют международные стандарты при оценке дисциплинарных решений, ограничиваясь поверхностной проверкой выводов квалификационных комиссий.

Преследование за реализацию права на обращение и свободу выражения мнения

Наиболее показательным примером конфликта между корпоративными органами и рядовыми адвокатами стало так называемое «дело 32-х адвокатов». После конференции 2 марта 2019 г. группа из 32 адвокатов поддержала обращение коллег из Республики Башкортостан и подписала открытое обращение к Председателю Следственного комитета РФ с просьбой обеспечить объективную проверку возможных злоупотреблений должностных лиц Адвокатской палаты Республики Башкортостан. Реакция последовала незамедли-

тельно: 17–18 апреля 2019 г. были приняты Разъяснение № 03/19 Комиссии по этике и стандартам ФПА, согласно которому обращение адвоката в государственные органы с требованием проверки органов адвокатского самоуправления свидетельствует о пренебрежении моральными устоями профессии и может служить основанием для дисциплинарного производства, а также резолюция Всероссийского съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики», квалифицировавшая подписание обращения как нарушение принципов корпоративности.

Эти акты вступают в противоречие с широким кругом норм, гарантирующих право на обращение в органы публичной власти: ст. 19 и 22 МПГПП, принципами 16 и 23 Основных принципов, ст. 33 Конституции РФ, допускающей ограничение этого права только федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), и ст. 6 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», запрещающей преследование гражданина в связи с его обращением [2]. Тем не менее в ряде палат (Нижегородской, Курганской, Московской областей, Краснодарского края) были возбуждены дисциплинарные производства в отношении подписантов, тогда как палаты Москвы и Санкт-Петербурга от этого отказались. Иск Адвокатской палаты Удмуртской Республики и ряда адвокатов о признании указанных актов недействительными был отклонен Хамовническим районным судом г. Москвы; вместе с тем суд констатировал отсутствие в оспариваемых актах прямого запрета на обращение адвокатов в государственные органы. Впоследствии сходные положения были включены в КПЭА.

Практика вмешательства ФПА в деятельность региональных палат прослеживается и в других эпизодах. В 2020 г. после неоднократных голосований президента Адвокатской палаты Республики Адыгея А. Ганжи против инициатив ФПА и участия палаты в оспаривании актов ФПА был поставлен вопрос о досрочном прекращении его полномочий, а затем – о прекращении его адвокатского статуса; суды отклонили его иски. Применение двух мер воздействия за одни и те же действия трудно согласовать с принципом non bis in idem, выраженным в п. 7 ст. 14 МПГПП. В 2022 г. в отношении Адвокатской палаты Ярославской области был по существу введен режим «внешнего управления» с назначением временно исполняющего обязанности президента из другого региона; аналогичные предписания выносились и в отношении Адвокатской палаты Оренбургской области. В апреле 2024 г. в Адвокатской палате Республики Дагестан на одном заседании совета замечания были объявлены 137 адвокатам (свыше 10 % адвокатского корпуса региона). В мае 2024 г. конференция Адвокатской палаты Удмуртской Республики была вынуждена самораспуститься после того, как около 50 делегатов покинули зал в знак несогласия с повесткой; руководство ФПА оценило их действия как «срыв» конференции и указало на возможность дисциплинарной оценки, а от делегатов потребовали письменных объяснений вне формальной дисциплинарной процедуры. Подобная практика ставит под сомнение соблюдение принципа 24 Основных принципов о самоуправляемом характере профессиональных ассоциаций.

Особое место занимает дело Д. Н. Талантова – первого президента Адвокатской палаты Удмуртской Республики и председателя правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018», последовательно выступавшего за независимость адвокатуры [3]. 28 июня 2022 г. он был заключен под стражу по обвинению в распространении заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил РФ и государственных органов (п. «а», «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ); впоследствии обвинение было дополнено п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Поводом послужили публикации в социальных сетях, содержащие оценочные суждения. При избрании меры пресечения следствие и суд ссылались, в том числе, на «род занятий» обвиняемого. 28 ноября 2024 г. Завьяловский районный суд Удмуртской Республики назначил наказание в виде семи лет лишения свободы с запретом на администрирование интернет-ресурсов; признак «использования служебного положения» суд вывел из того, что подсудимый длительное время возглавлял адвокатскую палату.

Дело получило широкий международный резонанс. Комитет ООН по правам человека в заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации (CCPR/C/RUS/CO/8, 2022) рекомендовал отменить ряд норм, необоснованно ограничивающих свободу выражения мнений, в том числе ст. 207.3 УК РФ, а по индивидуальному сообщению Д. Талантова применил срочные меры. Специальный докладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, Специальный докладчик ООН по ситуации с правами человека в Российской Федерации, Международная ассоциация юристов, Международная комиссия юристов и Совет адвокатских и юридических сообществ Европы (CCBE) указывали на несовместимость преследования с Основными принципами (принципы 16–18, 23) [4]. Реакция ФПА ограничилась сбором информации, ходатайством о смягчении меры пресечения и краткой публикацией о приговоре, не содержавшей соб-

ственной правовой оценки. Независимо от итогов судебного разбирательства, такая позиция корпоративного органа не соответствует принципу 16 Основных принципов, обязывающему обеспечивать адвокатам защиту от санкций за профессиональную и связанную с ней общественную деятельность.

Заключение

Анализ показывает, что российская модель корпоративной защиты профессиональных прав адвокатов не обеспечивает реализации международных стандартов независимости адвокатуры в полном объеме. Положение ФПА 2024 г. смещает акцент с корпоративной обязанности по защите адвокатов на их индивидуальную самозащиту, дисциплинарная практика ориентирована преимущественно на обеспечение внутрикорпоративной дисциплины, а процедурные правила КПЭА не в полной мере соответствуют требованиям принципов 26–29 Основных принципов. Применение дисциплинарных мер в связи с обращениями адвокатов в государственные органы и публичной критикой руководства палат формирует модель вынужденного конформизма, несовместимую с принципом 23 Основных принципов.

В целях приведения практики в соответствие с международными стандартами представляется целесообразным: закрепить в КПЭА презумпцию добросовестности адвоката, право на отвод членов дисциплинарных органов, запрет повторного рассмотрения дела по тому же факту и обязательность участия адвоката в разбирательстве при наличии уважительных причин неявки; разделить функции возбуждения и рассмотрения дисциплинарных производств, а представления органов юстиции рассматривать после предварительной независимой проверки; прямо закрепить в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» недопустимость дисциплинарной ответственности за обращение в органы публичной власти и за публичные высказывания по вопросам деятельности адвокатуры; возложить на ФПА обязанность вести и публиковать статистику посягательств на адвокатов и нарушений их профессиональных прав; признать за общественными объединениями адвокатов право участвовать в защите профессиональных прав наряду с палатами. Реализация этих мер позволила бы органам адвокатского самоуправления выполнять функцию, ради которой они создавались, – обеспечивать независимость профессии и защиту ее членов.

Список литературы:

[1] Попков А. Адвокатура под ударом: насилие, преследования и внутренние конфликты (неправительственный доклад международной правозащитной группы) // Евразийская адвокатура. 2019. № 3(40). С. 51-70.

[2] Балданцэрэн А. Скажем «нет!» дискриминации адвокатов внутри адвокатуры!: интервью с адвокатом Амгалан Балданцэрэн // Евразийская адвокатура. 2023. № 1(60). С. 9-20.

[3] Рагулин А. Дмитрий Талантов и «Инициатива 2018»: адвокаты и юристы за демократию и верховенство права // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (71). С. 25-80.

[4] Заявление Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018»: требуем прекращения… // Евразийская адвокатура. 2025. № 6 (77). С. 27-29.

[5] Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации: отчет миссии Международной комиссии юристов. Женева: Международная комиссия юристов, 2015. С. 88.

[6] Лаврова И. Социальные права и гарантии адвоката // SudNet. 2020. № 7. С. 365-371.

[7] Шварц О. Степень защищенности профессиональных прав адвокатов: краткое резюме результатов исследования – 2022. М.: Центр конституционных исследований, 2022. 41 с.

[8] Harris D., O'Boyle M., Bates E., Buckley C. Law of the European Convention on Human Rights. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. 1006 p.

References:

[1] Popkov A. The Legal Profession Under Attack: Violence, Persecution, and Internal Conflicts (A Non-Governmental Report by an International Human Rights Group) // Eurasian Advocacy. 2019. No. 3(40). pp. 51–70.

[2] Baldantseren A. Let's Say "No!" to Discrimination Against Lawyers Within the Legal Profession!: An Interview with Attorney Amgalan Baldantseren // Eurasian Advocacy. 2023. No. 1(60). pp. 9–20.

[3] Ragulin A. Dmitry Talantov and "Initiative 2018": Lawyers and Legal Professionals for Democracy and the Rule of Law // Eurasian Advocacy. 2023. No. 6(71). pp. 25–80.

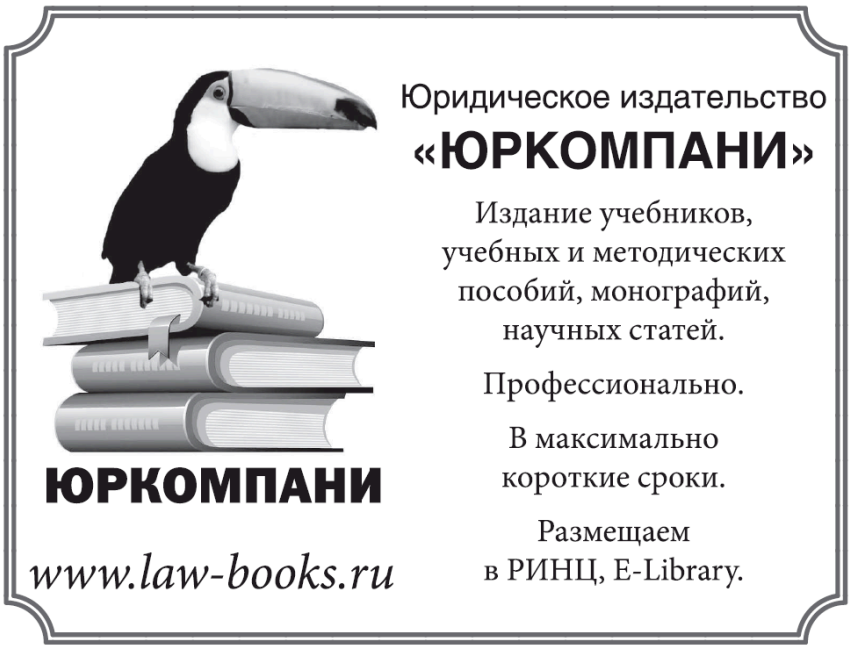
[4] Statement by the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Legal Professionals "Initiative 2018": We Demand an End to… // Eurasian Advocacy. 2025. No. 6(77). pp. 27–29.

[5] The Development of a Strong Legal Profession in the Russian Federation: A Report by a Mission of the International Commission of Jurists. Geneva: International Commission of Jurists, 2015. p. 88.

[6] Lavrova I. Social Rights and Guarantees for Lawyers // SudNet. 2020. No. 7. pp. 365–371.

[7] Shvarts O. The Extent of Protection for the Professional Rights of Lawyers: A Brief Summary of Research Findings – 2022. Moscow: Center for Constitutional Studies, 2022. 41 p.

[8] Harris D., O'Boyle M., Bates E., Buckley C. Law of the European Convention on Human Rights. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. 1006 p.



ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-465-472
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

АНАСТАСОВ Сократ Маркович,
магистрант 2 курса по программе «Частное право»
Института частного права Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: anastasov-sokrat@mail.ru

КРИТЕРИЙ ТВОРЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА КАК УСЛОВИЕ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Статья посвящена критерию творческого характера как условию охраноспособности фотографического произведения в системе исключительных прав. С переходом к цифровым технологиям фотография превратилась в один из наиболее массовых результатов творческой деятельности, что поставило перед правом задачу разграничения технического результата фиксации действительности и охраняемого объекта авторских прав. Для сопоставления содержания данного критерия проанализированы российская, германская, французская и английская модели его установления, различающиеся между собой по механизму, но обнаруживающие значительное сходство на содержательном уровне. Проведённый анализ позволил выявить как общие для рассмотренных правопорядков признаки творческого вклада фотографа, так и специфику российской модели, тяготеющей к субъективному, деятельностному пониманию творчества. Актуальность темы состоит в изучении содержания данного критерия применительно к фотографическому произведению и его значения для правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *исключительные права, фотографическое произведение, авторское право, творческий характер, охраноспособность, оригинальность, интеллектуальная деятельность, порог охраноспособности.*

Для цитирования: *Анастасов С. М. Критерий творческого характера как условие охраноспособности фотографического произведения в российском и зарубежном праве // Образование и право. 2026. № 10. С. 465–472.*

ANASTASOV Sokrat Markovich,
Master's student of the «Private Law» programme
of the Institute of Private Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE CRITERION OF CREATIVE CHARACTER AS A CONDITION FOR THE COPYRIGHTABILITY OF A PHOTOGRAPHIC WORK UNDER RUSSIAN AND FOREIGN LAW

Annotation. *The article examines the criterion of creative character as a condition for the protectability of a photographic work within the system of exclusive rights. With the shift to digital technologies, photography has become one of the most widespread results of creative activity, which has confronted the law with the task of distinguishing a technical result of the recording of reality from a protected object of copyright. To compare the content of this criterion, the article analyses the Russian, German, French and English models for its establishment, which differ from one another in mechanism while displaying considerable similarity at the substantive level. The analysis carried out has made it possible to identify both features of a photographer's creative contribution common to the legal systems examined and the specific character of the Russian model, which gravitates towards a subjective, activity-based understanding of creativity. The relevance of the topic lies in*

examining the content of this criterion as applied to the photographic work and its significance for law enforcement practice.

Key words: *exclusive rights; photographic work; copyright; creative character; protectability; originality; intellectual activity; threshold of protectability.*

For citation: *Anastasov S. M. The criterion of creative character as a condition for the copyrightability of a photographic work under Russian and foreign law. Education and law. 2026; (10):465–472. (In Russ.).*

Возникновение фотографии в XIX в. ознаменовало новый этап в истории визуальной фиксации действительности, связанный с получением изображения посредством сочетания оптических, механических и химических процессов. В дальнейшем фотографическая техника прошла путь от ранних фотохимических способов получения изображений к аналоговой фотографии на светочувствительных материалах, а затем в конце XX и начале XXI вв. - к цифровым технологиям формирования, обработки и воспроизведения изображения. Переход к цифровой фотографии существенно изменил не только техническую природу фотографического процесса, но и условия создания и распространения фотографических произведений: их многократное воспроизведение, практически мгновенное распространение и обработка стали доступны широкому кругу лиц. Фотография превратилась в один из наиболее массовых результатов творческой деятельности, одновременно характеризующийся высокой уязвимостью перед несанкционированным использованием и воспроизведением.

Актуальность исследования критерия творческого характера как условия охраноспособности фотографического произведения обусловлена спецификой самого процесса создания фотографии, предполагающего непосредственное взаимодействие творческого замысла автора и технических средств: камеры, объектива, светочувствительного материала либо цифрового сенсора и программного обеспечения. В связи с этим особую теоретическую и практическую значимость приобретает определение охраноспособности фотографии посредством критерия творческого характера труда автора и установление границы между техническим результатом фиксации действительности и фотографическим произведением как объектом исключительного права.

Стоит обратить внимание, что российское законодательство позволяет разграничить понятия «фотография» и «фотографическое произведение». Не всякий результат фотографической фиксации действительности может рассматриваться в качестве фотографического произведения, поскольку для возникновения авторско-правовой охраны необходимо наличие творческого характера деятельности лица, создавшего изображение. При этом авторско-правовая охрана не ограничивается произведениями, полученными посредством создания снимка с использованием фотокамеры: согласно подп. 1 п. 1 ст. 1259 ГК РФ к фотографическим произведениям, также, относятся произведения, полученные способами, аналогичными фотографии. Следовательно, разграничение фотографии как результата технической фиксации изображения и фотографического произведения как объекта авторского права должно осуществляться не столько исходя из используемой технологии, сколько с учётом характера деятельности лица, в результате которой создано соответствующее изображение. Определяющее значение в данном случае приобретает наличие самостоятельных творческих решений автора, позволяющих отличить произведение от результата исключительно технической фиксации действительности. При этом для признания соответствующего результата объектом авторского права имеет значение не только наличие творческого характера, но и объективная форма выражения произведения. Как отмечал В. П. Серебровский [1], объектом авторского права является продукт творческой деятельности автора, выраженный в известной конкретной форме, доступной для воспроизведения другими людьми. Применительно к фотографическим произведениям это означает, что результат творческой деятельности автора должен получить объективное выражение, позволяющее его восприятие и воспроизведение другими лицами.

Объём легальной конструкции является более широким по сравнению с техническим понятием фотографии как минимум в трёх аспектах. Во-первых, подпункт 1 п. 1 ст. 1259 ГК РФ прямо относит к фотографическим произведениям произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, воспроизводя при этом положение п. 1 ст. 2 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений [2]. Таким образом, авторско-правовая охрана может распространяться на фотограммы и рейограммы, созданные без использования фотокамеры, голографические изображения, сканограммы, результаты цифрового синтеза и фотомонтажа, а также иные результаты, полученные с использованием способов создания изображения, которые могут

появиться в результате дальнейшего развития технологий. Данная конструкция позволяет сохранить технологическую нейтральность правового регулирования и не связывать возможность авторско-правовой охраны исключительно с конкретным способом получения изображения.

Во-вторых, существование фотографического произведения как результата интеллектуальной деятельности не зависит от конкретного материального носителя, в котором оно выражено. Перевод изображения с плёночного негатива в цифровую форму, его последующая печать или размещение в информационно-телекоммуникационной сети не приводят к возникновению нового объекта авторского права. В то же время понятие фотографии в обыденном и техническом понимании чаще связывается непосредственно с конкретным результатом или экземпляром изображения.

В-третьих, правовая охрана распространяется не только на произведение в целом, но и на его часть, если такая часть обладает самостоятельным творческим характером. Согласно пункту 3 статьи 1259 ГК РФ частью произведения, которая может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта авторского права, является часть, отвечающая установленным законом требованиям. Применительно к фотографии таким объектом при наличии самостоятельного творческого характера может выступать отдельная часть изображения, если она отвечает требованиям, установленным пунктом 3 статьи 1259 ГК РФ, в том числе в результате кадрирования.

Вместе с тем наличие технического результата фотографической фиксации само по себе не свидетельствует о создании произведения. Результат, созданный исключительно посредством технической фиксации действительности и не содержащий самостоятельного творческого вклада автора, не отвечает установленному критерию охраноспособности. В зависимости от обстоятельств создания к таким результатам могут относиться изображения, автоматически полученные камерами видеонаблюдения, отдельные результаты служебной фотофиксации, а также изображения, создаваемые исключительно для технического воспроизведения существующих объектов. Следовательно, при решении вопроса об охраноспособности конкретной фотографии необходимо учитывать не только наличие объективно существующего изображения, но и характер деятельности лица, в результате которой оно было создано.

Показательным в данном отношении является законодательство Германии, в котором разграничение фотографических произведений и иных фотографических изображений закреплено непосредственно на уровне используемой терминологии. В соответствии с Законом об авторском праве Германии, а именно в соответствии с §2 Abs. 1 Nr. 5 UrhG к охраняемым произведениям относятся Lichtbildwerke, тогда как §72 UrhG предусматривает самостоятельную охрану Lichtbilder [3]. Как отмечает Н. А. Сидорина, немецкий закон об авторском праве различает произведения фотографического искусства (Lichtbildwerke), предусмотренные абз. 5 п. 1 § 2 UrhG, и обычные фотографии (Lichtbilder), охраняемые в соответствии с § 72 UrhG, различие между которыми заключается, в частности, в продолжительности срока правовой охраны [4]. Таким образом, германское законодательство предусматривает дифференциацию правового режима результатов фотографической деятельности в зависимости от их соответствия требованиям, предъявляемым к произведению.

Иную модель разграничения демонстрирует французское право, которое не проводит на уровне закона самостоятельного разграничения между «фотографическим произведением» и «фотографией», связывая вопрос об охраноспособности конкретного результата преимущественно с оценкой его оригинальности в судебной практике. Статья L. 112-2 Кодекса интеллектуальной собственности Франции относит к числу охраняемых «произведений духа» фотографические произведения и произведения, созданные с помощью способов, аналогичных фотографии, тем самым используя формулу, близкую к закреплённой в российском законодательстве [5]. Вместе с тем само отнесение фотографии к числу потенциально охраняемых объектов не означает автоматического возникновения авторско-правовой охраны: французская доктрина и судебная практика связывают её предоставление с наличием оригинальности, которая рассматривается через выражение индивидуального творческого вклада автора. При этом законодательство Франции не содержит исчерпывающего определения данного критерия, вследствие чего его содержание формируется преимущественно судебной практикой. При оценке оригинальности суды учитывают, в частности, осуществлённый фотографом выбор ракурса, кадрирования, освещения, композиции и иных элементов изображения, позволяющих установить наличие самостоятельных творческих решений. При этом техническое мастерство само по себе не является определяющим обстоятельством и оценивается во взаимосвязи с возможностью автора осуществлять свободный творческий выбор в конкретных условиях съёмки. Показательно, что данный подход может приводить к отказу в авторско-правовой охране отдельных репортажных и служебных фотографий, если обстоятельства их создания объективно ограничивали

возможность фотографа самостоятельно определять параметры изображения и принимать творческие решения. Данный подход представляет интерес в сравнении с российской моделью, поскольку при использовании сходной законодательной формулы о произведениях, созданных способами, аналогичными фотографии, французское право в значительной степени возлагает определение содержания критерия оригинальности на судебную практику. В российском праве, напротив, наличие творческого характера произведения предполагается, что следует из положений п. 1 ст. 1257 и п. 1 ст. 1259 ГК РФ и получило развитие в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 [6]. Такой подход имеет значение и для распределения бремени доказывания при рассмотрении вопроса об охраноспособности конкретного фотографического произведения.

Третью модель разграничения технического результата и охраняемого произведения демонстрирует английское право, которое исторически основывалось на отличном от континентального подхода понимании критерия охраноспособности. В соответствии с section 4(1)(a) Copyright, Designs and Patents Act 1988 фотография прямо отнесена к категории «artistic work» независимо от её художественных достоинств [7]. При этом традиционное понимание оригинальности связывалось не столько с наличием творческого замысла в континентальном понимании, сколько с тем, чтобы произведение не являлось копией другого результата и представляло собой самостоятельный результат труда, мастерства и усмотрения автора, что получило выражение в известном критерии «skill, labour and judgment» [8]. Такой подход отличался от континентального акцента на творческом характере деятельности, поскольку допускал авторско-правовую охрану результатов, при создании которых существенное значение имели профессиональное мастерство, затраченный труд и принятые автором решения, даже при отсутствии выраженного творческого замысла в традиционном понимании. Существенные изменения в подходе к определению оригинальности были обусловлены развитием права Европейского союза. В решении Суда ЕС по делу Infopaq (C-5/08) [9] критерий «собственного интеллектуального творения автора» (author's own intellectual creation), ранее закреплённый в отдельных директивах ЕС, был распространён на все категории произведений и конкретизирован применительно к воспроизведению части произведения, а впоследствии применён к фотографическим произведениям в решении по делу Painer (C-145/10) [10]. Данный подход повлиял на развитие английской судебной практики, в рамках которой критерий «skill, labour and judgment» стал соотноситься с более содержательным пониманием оригинальности, основанным на наличии самостоятельного интеллектуального вклада автора. При этом после выхода Великобритании из Европейского союза английские суды формально не связаны решениями Суда ЕС, однако в практике продолжается учёт сформировавшихся подходов, применение которых осуществляется в рамках самостоятельной национальной правовой системы. Сопоставление данной эволюции с российским регулированием позволяет отметить общее направление развития правовых подходов к охране фотографий: от оценки преимущественно технических и профессиональных характеристик создания результата к установлению самостоятельного творческого вклада автора. Российское законодательство, закрепив критерий творческого характера произведения в части четвёртой ГК РФ, изначально основывается на подходе, близком к континентально-европейскому пониманию охраноспособности, а не к исторически сложившейся английской модели «skill, labour and judgment».

Проведённое сопоставление трёх моделей показывает, что при формальном сходстве законодательных формулировок, предусматривающих охрану фотографий и произведений, созданных способами, аналогичными фотографии, содержание критерия охраноспособности определяется национальными правопорядками по-разному. Как отмечается в отечественной литературе применительно к практике Суда по интеллектуальным правам, презумпция творческого характера труда автора не означает автоматического признания любого результата, полученного техническим способом, объектом авторского права [11]. Такая презумпция лишь возлагает на лицо, оспаривающее творческий характер результата, обязанность доказать отсутствие необходимого творческого вклада, сохраняя за судом возможность опровергнуть данную презумпцию при рассмотрении конкретного дела. В этом отношении российский подход функционально сближается с французской моделью, поскольку при наличии более определённой законодательной формулы окончательная оценка содержания критерия охраноспособности также осуществляется судом. На общий характер данной тенденции указывают Л. Бентли и Б. Шерман, отмечающие, что содержание требования оригинальности в европейском праве после практики Суда ЕС стало определяться не столько формальными критериями труда и мастерства, сколько наличием свободных творческих решений автора [12].

Таким образом, техническая сторона фотографического процесса сама по себе не позволяет сделать вывод о наличии либо отсутствии

объекта авторского права. Фотокамера, объектив, цифровая матрица, программное обеспечение и иные технические средства являются инструментами создания изображения, тогда как вопрос о его охраноспособности определяется характером деятельности лица и наличием в результате самостоятельного творческого вклада. В связи с этим центральным для определения правового статуса фотографического произведения является вопрос о содержании и критериях творческого характера применительно к фотографической деятельности.

Проблема определения необходимого уровня творческого характера получила самостоятельное развитие в отечественной правовой доктрине. Так, А. В. Кашанин, исследуя критерий творческого характера в российском и зарубежном авторском праве, выделяет два исторически сформировавшихся подхода к его определению: субъективный и объективный [13]. В соответствии с объективным подходом основанием для предоставления авторско правовой охраны выступает не характер деятельности автора, а наличие творческих свойств непосредственно в созданном результате, что предполагает его определённую новизну по отношению к уже существующим произведениям. При таком подходе объектом оценки фактически становится результат творческой деятельности, тогда как сама деятельность его создателя имеет вторичное значение. Субъективный подход, напротив, связывает охраноспособность с самостоятельным и независимым созданием произведения в результате собственной творческой деятельности автора, не устанавливая в качестве обязательного условия объективную новизну полученного результата. Как отмечает А. В. Кашанин, именно субъективный подход получил преимущественное развитие в европейской доктрине и судебной практике, поскольку позволяет устанавливать относительно низкий минимальный уровень творчества: авторско правовая охрана может предоставляться произведениям, которые не обладают существенными отличиями от ранее созданных результатов, если доказано их самостоятельное создание. Объективный же подход, предполагающий установление новизны непосредственно в созданном результате, формирует более высокий порог охраноспособности. Формулировка п. 1 ст. 1257 ГК РФ, согласно которой автором признаётся гражданин, творческим трудом которого создано произведение, по своей нормативной конструкции тяготеет к субъективному, деятельностному пониманию творческого характера. Экстраполируя данный теоретический вывод на фотографические произведения, которые непосредственно Кашаниным в рассматриваемом контексте не исследуются, можно предположить, что выбранная российским законодателем модель потенциально допускает более низкий порог охраноспособности фотографии по сравнению с подходами, требующими установления объективной новизны результата. Вместе с тем такое следствие обусловлено общей деятельностной парадигмой охраноспособности, а не специальным регулированием фотографических произведений, что необходимо учитывать при оценке пределов авторско-правовой охраны фотографии.

Помимо субъективного и объективного подходов, в отечественной доктрине сформирован ряд иных критериев и уточняющих признаков творческого характера, которые имеют значение для определения охраноспособности фотографического произведения.

Во-первых, к таким признакам относится отсутствие технической предопределённости результата, непосредственно связанное с возможностью независимого повторения произведения. Сущность данного критерия заключается в том, что о наличии творческого характера может свидетельствовать объективная невозможность либо крайне низкая вероятность получения идентичного результата другим лицом, действующим самостоятельно и находящимся в тех же исходных условиях. Если содержание полученного результата в значительной степени определяется технологией, установленным стандартом или характером поставленной задачи, вследствие чего любой исполнитель с высокой вероятностью создаст аналогичное изображение, самостоятельный творческий вклад может отсутствовать либо иметь минимальное значение. Применительно к фотографии данный критерий приобретает особую значимость при осуществлении репродукционной, паспортной, кадастровой и иной технически стандартизированной съёмки, при которой такие параметры изображения, как ракурс, освещение и положение объекта, в значительной степени обусловлены целью и условиями съёмки, а не свободным усмотрением фотографа. Показательно, что содержание творческого вклада фотографа раскрывается в литературе через оценку именно тех действий, которые предполагают возможность самостоятельного выбора, — подбор экспозиции, размещение объекта в пространстве, работа со светом, построение композиции, выбор места и ракурса съёмки [14]. Обратный по содержанию вывод сформулирован в судебной практике: рассматривая один из споров, Суд по интеллектуальным правам исходил из того, что при съёмке отсутствовал аналитико-синтетический характер умственной деятельности фотографа, а сама съёмка сводилась к технической фиксации присутствия определённых лиц в конкретном месте, без реализации художествен-

ного замысла [15], - то есть именно отсутствие возможности варьировать перечисленные параметры по своему усмотрению стало основанием для отказа в признании творческого характера результата.

Во-вторых, в отечественной доктрине творческий характер труда традиционно рассматривался также через призму его интеллектуально-волевой природы. О. А. Красавчиков, характеризуя творческий труд, указывал на его интеллектуальный и духовный характер, отмечая, что «это труд сознания, труд духовный», а также связывал его осуществление со значительным расходом нервной энергии создателя [16]. Несмотря на то, что данный подход в настоящее время имеет преимущественно историко-теоретическое значение и не используется судебной практикой в качестве самостоятельного критерия охраноспособности, он позволяет проследить формирование современного представления о творчестве как об особом виде деятельности, отличающемся от механического или административно-организационного труда. В дальнейшем данное понимание получило нормативное выражение в положениях п. 1 ст. 1228 ГК РФ, согласно которым автором результата интеллектуальной деятельности признаётся гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат, тогда как техническое, консультационное, организационное и иное содействие само по себе не образует оснований для признания лица соавтором. Применительно к фотографии данный исторический подход позволяет обозначить границу между творческой деятельностью фотографа и механическим использованием технического устройства. В современном законодательстве указанное различие выражается уже не посредством категории «духовности» труда, а через требование его творческого характера, закреплённое в п. 1 ст. 1257 ГК РФ.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что критерий творческого характера как условие охраноспособности фотографического произведения представляет собой сложную юридическую конструкцию. В рассмотренных правопорядках он реализуется по разному: в российском праве посредством законодательной презумпции, во французском праве посредством судебной оценки оригинальности, в английском праве посредством исторически сложившегося критерия труда и мастерства, впоследствии скорректированного под влиянием европейского права. Вместе с тем на содержательном уровне наблюдается значительное сходство. Наличие творческого вклада оценивается с учётом самостоятельного выбора ракурса, кадрирования, освещения, композиции, постановки и иных параметров изображения. Напротив, техническая предопределённость результата и отсутствие возможности самостоятельного выбора могут свидетельствовать об отсутствии необходимого творческого характера.

На теоретическом уровне существенное значение имеет разграничение субъективного, деятельностного и объективного, результативного подходов к пониманию творчества, поскольку их выбор непосредственно влияет на порог охраноспособности. Ориентация российского законодательства на творческий характер труда автора, а не на объективную новизну созданного изображения позволяет отнести отечественную модель преимущественно к субъективному подходу и сближает её с континентальной правовой традицией. При этом охрана может предоставляться результатам, не обладающим существенной объективной новизной, если установлено их самостоятельное создание в результате творческой деятельности автора.

Таким образом, разграничение фотографии как результата технической фиксации и фотографического произведения как объекта авторского права не может основываться на одном формальном признаке. Охраноспособность должна определяться с учётом способа создания изображения, степени свободы творческого выбора и содержания полученного результата. Это предполагает дифференцированный подход к постановочной, репортажной и технически стандартизированной съёмке. С учётом сохраняющейся неопределённости содержания критерия творческого характера представляется целесообразным дальнейшее развитие судебных разъяснений применительно к фотографическим произведениям, включая конкретизацию обстоятельств, свидетельствующих о наличии либо отсутствии самостоятельного творческого вклада фотографа. вклада фотографа.

Список литературы:

[1] Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., Изд-во АН СССР. , 1956. - 283 с.

[2] Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (с доп. и изм. от 4 мая 1896 г., 13 ноября 1908 г., 20 марта 1914 г., 2 июня 1928 г., 26 июня 1928 г., 26 июня 1948 г., 14 июля 1967 г., 24 июля 1971 г., 2 октября 1979 г.) // Труд и право.- 1999.- № 5-6.

[3] UrhG : Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz) : in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. September 2016 (BGBl. I S. 2131), zuletzt geändert durch Artikel 25 des Gesetzes vom 23. Juni 2021 (BGBl. I S.

1858). // Bundesministerium der Justiz. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/ (дата обращения: 18.09.2026).

[4] Сидорина Н.А. Особенности квалификации произведений изобразительного и фотографического искусства как условие защиты прав и законных интересов их авторов в современном законодательстве России и Германии // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 45, № 2. С. 73–83.

[5] Code de la propriété intellectuelle : Article L. 112-2 (version en vigueur depuis le 11 mai 1994). // Légifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006278873/ (дата обращения: 18.09.2026).

[6] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. — 2019. — 6 мая (№ 96). — С. 7—10.

[7] Copyright, Designs and Patents Act 1988 : (c. 48), Section 1. // Legislation.gov.uk. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/1 (дата обращения: 18.09.2026).

[8] Skill, labour and judgment — критерий оригинальности в английском авторском праве: произведение охраняется, если оно происходит от автора и является результатом достаточного навыка, труда и суждения. См.: Ladbroke (Football) Ltd v. William Hill (Football) Ltd [1964] 1 W.L.R. 273 (H.L.).

[9] Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening, C-5/08 : Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009. // EUR-Lex. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62008CJ0005 (дата обращения: 18.09.2026).

[10] Eva-Maria Painer v. Standard VerlagsGmbH and Others, C-145/10 : Judgment of the Court (Third Chamber) of 1 December 2011. // EUR-Lex. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62010CJ0145 (дата обращения: 18.09.2026).

[11] Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с определением критериев творческой деятельности на примере фотографий : утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 июня 2024 г. № СП-22/13 // СПС "Гарант". URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409454023/ (дата обращения: 18.09.2026).

[12] Bently L., Sherman B., Gangjee D., Johnson P. Intellectual Property Law. Oxford University Press. 6th ed. 1296 p.

[13] Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 75-119.

[14] Валеева Н.Г. Гражданско-правовой статус режиссеров-постановщиков как исполнителей особого рода // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 195–203.

[15] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.02.2017 № С01-50/2017 по делу № А40-18182/2016. // СПС КонсультаньПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=28634 (дата обращения: 18.09.2026).

[16] Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. С. 466.

References:

[1] Serebrovsky V.I. Issues of Soviet Copyright Law. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. – 283 p.

[2] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886 (as amended and supplemented on May 4, 1896; November 13, 1908; March 20, 1914; June 2, 1928; June 26, 1948; July 14, 1967; July 24, 1971; and October 2, 1979) // Trud i pravo (Labor and Law). – 1999. – No. 5–6.

[3] UrhG: Act on Copyright and Related Rights (Copyright Act) – in the version published on September 9, 2016 (Federal Law Gazette I, p. 2131), as last amended by Article 25 of the Act of June 23, 2021 (Federal Law Gazette I, p. 1858) // Federal Ministry of Justice. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/ (accessed: September 18, 2026).

[4] Sidorina N.A. Specifics of Classifying Works of Fine Art and Photography as a Condition for Protecting the Rights and Legitimate Interests of Their Authors under the Current Legislation of Russia and Germany // Works on Intellectual Property. 2023. Vol. 45, No. 2. pp. 73–83.

[5] Intellectual Property Code (Code de la propriété intellectuelle): Article L. 112-2 (version in force since May 11, 1994). // Légifrance. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006278873/ (accessed: 18.09.2026).

[6] On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019, No. 10 // Rossiyskaya Gazeta. — 2019. — May 6 (No. 96). — pp. 7–10.

[7] Copyright, Designs and Patents Act 1988: (c. 48), Section 1. // Legislation.gov.uk. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/1 (accessed: 18.09.2026).

[8] "Skill, labour and judgment" — the criterion

for originality in English copyright law: a work is protected if it originates from the author and is the result of sufficient skill, labour, and judgment. See: Ladbroke (Football) Ltd v. William Hill (Football) Ltd [1964] 1 W.L.R. 273 (H.L.).

[9] Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening, C-5/08: Judgment of the Court (Fourth Chamber) of July 16, 2009. // EUR-Lex. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62008CJ0005 (accessed: 18.09.2026).

[10] Eva-Maria Painer v. Standard VerlagsGmbH and Others, C-145/10: Judgment of the Court (Third Chamber) of 1 December 2011. // EUR-Lex. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62010CJ0145 (accessed: 18.09.2026).

[11] Recommendations of the Scientific Advisory Council to the Intellectual Property Rights Court regarding the criteria for creative activity, with a focus on photographs: approved by the Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated 25 June 2024, No. SP-22/13 // "Garant" Legal Reference System. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409454023/ (accessed: 18.09.2026).

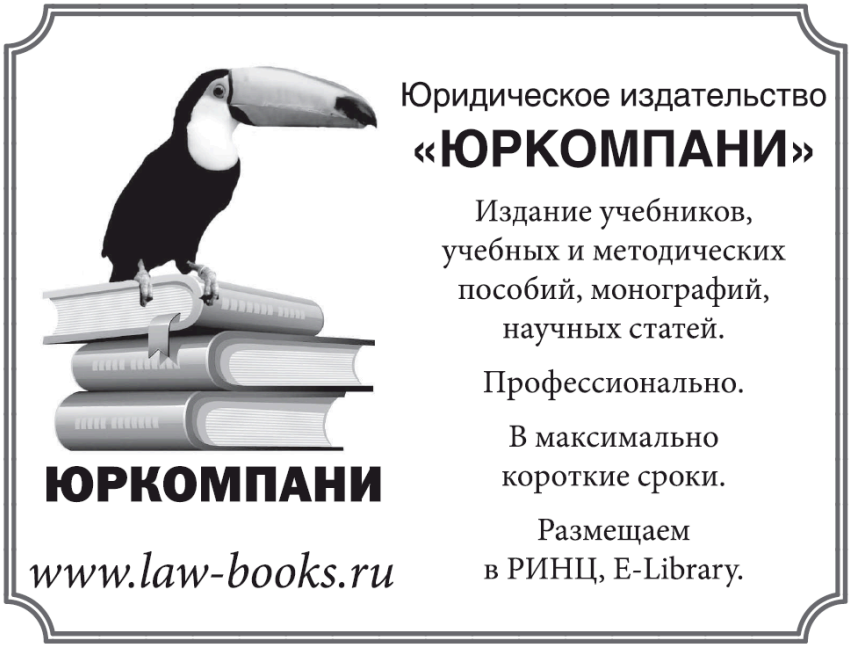
[12] Bently L., Sherman B., Gangjee D., Johnson P. Intellectual Property Law. Oxford University Press. 6th ed. 1296 p.

[13] Kashanin A.V. The Creative Nature as a Condition for the Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright Law // Civil Law Review (Vestnik grazhdanskogo prava). 2007. No. 2. pp. 75–119.

[14] Valeeva N.G. The Civil Law Status of Stage Directors as a Special Category of Performers // Perm Legal Almanac. 2018. No. 1. pp. 195–203.

[15] Ruling of the Intellectual Property Rights Court dated February 8, 2017, No. S01-50/2017, in case No. A40-18182/2016. // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=28634 (accessed: September 18, 2026).

[16] Krasavchikov O.A. Categories of the Science of Civil Law // Selected Works: in 2 vols. Moscow: Statut, 2005. Vol. 2. P. 466.



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-473-478

ДРОЖЖИНОВА Светлана Андреевна,
магистрант 2 курса,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет (СПбГЭУ),
Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +7-962-702-22-01,
e-mail: drozhzhinovasvetlana@yandex.ru

ШУВАЕВ Андрей Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет (СПбГЭУ),
Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +7-960-249-02-81,
e-mail: av_shuvaev@inbox.ru

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ АВТОРОВ НА ОНЛАЙН-КУРСЫ

Аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы защиты прав авторов на онлайн-курсы как на непоименованные объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде. Рассматриваются теоретические и практические сложности разграничения понятий «плагиат» и «контрафакция» в отсутствие законодательных дефиниций. Особое внимание уделяется формам защиты, превентивным мерам и процессуальным трудностям судебной защиты: определение надлежащего ответчика, фиксации нарушения, доказывание авторства. Обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия онлайн-курса и комплексного подхода к охране прав авторов в условиях цифровизации образования.*

Ключевые слова: *онлайн-курс, авторское право, плагиат, контрафакция, интеллектуальная собственность, депонирование, доказывание авторства.*

Для цитирования: *Дрожжинова С. А., Шуваев А. В. Специфика использования материально-правовых и процессуальных способов защиты прав авторов на онлайн-курсы // Образование и право. 2026. № 10. С. 473–478.*

DROZHZHINOVA Svetlana Andreevna,
2nd-year Master's Student,
Saint Petersburg State University of Economics (SPbGEU),
Saint Petersburg, Russia

SHUVAEV Andrey Valerievich,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law),
Associate Professor of the Department of Civil and Corporate Law,
Saint Petersburg State University of Economics (SPbGEU),
Saint Petersburg, Russia

SPECIFIC FEATURES OF USING SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL METHODS TO PROTECT AUTHORS' RIGHTS TO ONLINE COURSES

Annotation. *The article examines the current problems of copyright protection for online courses as non-enumerated objects of intellectual property in the digital environment. The theoretical and practical difficulties of distinguishing between the concepts of "plagiarism" and "counterfeiting"*

in the absence of legislative definitions are considered. Special attention is paid to the forms of protection, preventive measures, and procedural difficulties of judicial protection: identification of the proper defendant, recording of the infringement, and proving authorship. The necessity of legislative consolidation of the concept of an online course and an integrated approach to the protection of authorship rights in the context of digitalization of education is substantiated.

Key words: *online course, copyright, plagiarism, counterfeiting, intellectual property, deposit, proving authorship*

For citation: *Drozhzhinova S. A., Shuvaev A. V. Specific features of using substantive and procedural methods to protect authors' rights to online courses. Education and law. 2026;(10):473–478. (In Russ.).*

Цифровая трансформация образования привела к массовому появлению онлайн-курсов как объектов гражданского оборота. Однако их правовой режим в российском законодательстве до сих пор не определен, что создает повышенные риски для авторов. На практике одной из главных трудностей для авторов представляется защита своих интеллектуальных продуктов от незаконного копирования, использования в коммерческих целях и прямого присвоения. Существование системной проблемы подтверждает и судебная статистика.

В Российской Федерации количество дел о нарушении авторских и смежных прав в интернете неуклонно растет: 1545 дел было рассмотрено в 2022 году, 2078 – в 2023 году и 1672 дела – в 2024 году [8]. Эти данные свидетельствуют о том, что даже с учетом небольшого снижения дел в 2024 году, общая динамика говорит о том, что авторы все чаще прибегают к защите своих прав, в числе которых и права на онлайн-курсы, что актуализирует необходимость исследования эффективных способов их защиты. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению специфики материально-правовых и процессуальных способов защиты, необходимо дать определение «онлайн-курсам» и выявить их особенности.

На сегодняшний день легальная дефиниция онлайн-курса дается лишь в Постановлении Правительства РФ от 11.10.2023 № 1678, где онлайн-курс определен как учебный курс, реализуемый исключительно с применением электронного обучения и дистанционных технологий, который размещается на официальных сайтах образовательных организаций и образовательных платформах. Отсюда следует то, что онлайн-курс представляет собой разновидность учебного курса, который неотделим от цифровой среды и характеризуется своей интерактивностью и структурированностью.

При этом онлайн-курс рассматривается, прежде всего, как образовательный продукт, где не раскрывается его сложная структура как комплексного объекта авторского права, что создает практические трудности при квалификации нарушений и выборе способов защиты. Следовательно, требуется законодательное закрепление понятия онлайн-курса именно как объекта интеллектуальной собственности, отражающее его ключевые признаки.

На наш взгляд, под онлайн-курсами следует понимать целостную авторскую образовательную программу, реализуемую в цифровой среде, базирующуюся на электронном учебном курсе, состоящую в свою очередь не только из графических, текстовых, аудио-, видео- элементов созданных с применением творческого подхода, но и сочетающую в себе остальные разнообразные компоненты (программы для ЭВМ, комплекс образовательных и консультационных услуг по сопровождению обучения и другие) обеспечивающую интерактивное освоение учебного материала и направленную на достижение обучающимися определенных результатов через систему взаимодействия всех участников образовательного процесса в сети Интернет. Представляется, что данное определение вполне могло бы быть закреплено в ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Приведенное авторское определение позволяет выделить две основополагающие характеристики онлайн-курсов: во-первых, данный объект не сводится к какому-либо одному элементу, а представляет собой комплексный характер; во-вторых, он существует лишь в онлайн пространстве.

Комплексность означает, что онлайн-курс является синтетическим объектом, включающим в себя элементы литературных, аудиовизуальных и иных произведений, что усложняет его охрану как единого объекта. Виртуальность же, с одной стороны, обеспечивает легкий доступ для пользователей, а с другой – делает его крайне уязвимым для копирования и распространения. Данные черты, на наш взгляд, во многом и определяют специфику применения авторами различных материально-правовых и процессуальных способов защиты при нарушениях прав на онлайн-курсы. С какими же проблемами сталкиваются авторы?

Первой и весьма существенной проблемой материально-правового характера является неза-

конное использование всего онлайн-курса или его части. Очевидно, что данная проблема обусловлена виртуальным характером данного объекта, который позволяет с легкостью копировать текст, изображения и иные элементы онлайн-курса. Рассматривая данное нарушение, необходимо определить, в каком случае речь идет о «плагиате», а в каком о «контрафакции». Гражданский кодекс РФ не раскрывает понятий плагиата и контрафакции, что серьезно осложняет квалификацию.

Отечественный законодатель в ст. 146 УК РФ закрепляет «плагиат» как присвоение авторства, но, по справедливому замечанию Э.П. Гаврилова, оставляет открытым вопрос о круге объектов, которые могут стать предметом такого присвоения. Это создает зону неопределенности в правоприменительной практике [5, с. 52]. В связи с этим представляет интерес позиция В.С. Витко, который предлагает ограничивать предмет плагиата творческими результатами, прямо признаваемыми законом. Исходя из этой логики, к таким объектам следует относить произведения, программы для ЭВМ и смежные права, которые охраняются авторским правом [4, с. 71].

В доктрине, такие ученые-правоведы как А.А. Богустов, В.Н. Глонина и М.А. Рожкова обоснованно разграничивают контрафакцию и плагиат: первая представляет собой полное воспроизведение чужого труда, тогда как второй сводится к заимствованию отдельных фрагментов при подготовке собственного произведения [1, с. 192]. Обобщая вышесказанное, следует обратить внимание на то, что контрафакция не порождает нового произведения, а предполагает полное копирование чужого результата. При её обнаружении потерпевший автор вправе обратиться за двумя видами защиты: во-первых, компенсацией морального вреда (п. 1 ст. 1251 ГК РФ), во-вторых, применением мер ответственности за нарушение исключительных прав (ст. 1301 ГК РФ). Плагиат, в свою очередь, представляет собой заимствование отдельных элементов чужого труда при подготовке собственного объекта.

Вторая проблема вытекает из первой и заключается в сложности отслеживания нарушений в силу масштабов сети Интернет. Цифровая среда позволяет оперативно распространять скопированные материалы на множестве пиратских ресурсов, мониторинг которых представляет для правообладателя значительную организационную и техническую сложность. Специфика защиты прав на онлайн-курсы в данном случае заключается в возможности привлечения организаций коллективного управления авторскими правами, в частности Российского авторского общества (РАО). РАО осуществляет мониторинг использования произведений, сбор и распределение авторского вознаграждения, а также пресечение нарушений в случаях, когда индивидуальный контроль со стороны автора затруднителен. Критической позиции на счет данного способа защиты в доктрине придерживается такой ученый правовед, как Гаврилов Э.П. Автор обращает внимание на спорность правового режима регистрации в РАО. По его мнению, «такая процедура не только не предусмотрена действующим законодательством, но и может быть расценена как выход за пределы компетенции организации» [6, с. 78]. Более того, свидетельство РАО с формально-юридической точки зрения не подтверждает ни авторство, ни хронологический приоритет создания данного объекта заявителем. Его суть сводится лишь к одному – удостоверению того, что произведение существовало в объективной форме на определённую дату.

Несмотря на критику Гаврилова Э.П., суды признают справки РАО в качестве допустимых и относимых доказательств. Подтверждением тому служит Постановление суда по интеллектуальным правам от 13.03.2017 №С01-86/2017 по делу №А40-222624/2015, в котором авторство истца на песню «Южная ночь» было установлено судом на основании предъявленного им в материалы дела документов, а именно справки РАО.

Таким образом, на наш взгляд, несмотря на существующую критику формального статуса регистрации, практическая польза от взаимодействия с РАО, подтверждаемая судебной практикой, существенно превышает ее возможные минусы. Данный способ наиболее эффективен на начальном этапе создания произведения, позволяя автору минимизировать временные затраты на отслеживание неправомерного использования его авторского продукта.

Далее перейдем к анализу процессуальных проблем, с которыми чаще всего встречаются авторы онлайн-курсов. Первой и, пожалуй, самой сложной процессуальной проблемой является доказывание факта первоначального создания онлайн-курса. Как справедливо замечают И.А. Близнец и Р.Р. Ахметов: «презумпция авторства закреплена нормативно как на национальном уровне, так и на международном, что выражает следующее правило: лицо, указанное в качестве автора, будет является таковым, пока не будет доказано обратное» [2, с. 45]. Виртуальная природа такого контента делает его уязвимым для присвоения, а отсутствие обязательной регистрации порождает сложности с определением лица, которое ранее других создало и опубликовало произведение. Такие ученые-правоведы как Братусь Д.А. и Гонгало Б.М. приводят собственную классификацию форм защиты авторских и смежных прав и

выделяют юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты [3, с. 56]. Если неюрисдикционная форма защиты представляет собой самозащиту без обращения в официальные органы, то юрисдикционная представляет для нас больший интерес, поскольку при данном способе защиты ключевым доказательством является принцип временного приоритета, согласно которому автором признается лицо, ранее других опубликовавшее произведение. Однако на практике доказывание первоочередности создания онлайн-курса сопряжено со значительными трудностями, что зачастую приводит к материальным потерям для настоящего автора. Специфика защиты прав на онлайн-курсы в процессуальном аспекте заключается в необходимости использования специализированных способов фиксации доказательств. На сегодняшний день используются следующие способы: от простейших (письмо самому себе, хранение файлов в облачных сервисах с датой загрузки) до имеющих высокую юридическую силу (нотариальный протокол осмотра интернет-страницы, депонирование). Для комплексного виртуального объекта, каким является онлайн-курс, предпочтительным является использование превентивных мер фиксации, поскольку они позволяют зафиксировать все разнородные элементы курса (видео, тексты, графику) в их совокупности на определенную дату. Наиболее эффективным инструментом, на наш взгляд, является **депонирование**.

Депонирование представляет собой способ официального удостоверения того, что произведение существует в объективной форме с привязкой к конкретной дате. В своей работе А.Ю. Чурилов отмечает, что «в отличии от объектов промышленной собственности (изобретения, промышленные образцы и т.д.), права на которые возникают в результате государственной регистрации, авторские права не требуют соблюдения формальностей, что порождает проблему доказывания факта их создания» [7, с. 90]. Решением данной проблемы может служить депонирование, которое позволяет зафиксировать как сам факт существования объекта, так и информацию о правообладателе. Услуги по депонированию предоставляются специализированными сервисами (например, n'RIS) и позволяют получить свидетельство, имеющее силу письменного доказательства в судебном споре.

По нашему мнению, депонирование следует признать надежным средством превентивной защиты и весомым доказательством в суде способным решить проблему первенства создания онлайн-курса. Его преимущества на наш взгляд заключаются в широте охватываемых объектов (текстовые, аудио-, видео-, графические материалы и другие). К недостаткам депонирования мы относим цену, которая варьируется от количества файлов и срока хранения, а также невозможность изъятия материала до разрешения правового конфликта. Таким образом, депонирование наиболее эффективно именно как упреждающая мера, работающая по принципу опережения.

Второй процессуальной проблемой является фиксация нарушения как основания для обращения в суд. В случае обнаружения факта нарушения, например несанкционированного распространения курса на стороннем сайте, правообладателю необходимо незамедлительно инициировать процедуру досудебной защиты. Специфика защиты прав на онлайн-курсы в данном случае означает, что для комплексного виртуального объекта, фиксация нарушения должна осуществляться оперативно и с охватом всех элементов курса, размещенных на пиратском ресурсе. Первоначальным и очень важным этапом является заверение у нотариуса содержания интернет-страницы с указанием доменного имени и даты. Как показывает практика, данный способ является наиболее надежным для доказывания факта нарушения, поскольку позволяет зафиксировать доказательство, которое в любой момент может быть изменено или удалено. После этого направляется претензия ответственному лицу – как правило им является организатор домена, т.е. владелец сайта, лицо, обслуживающее сайт, либо третьи лица. Если же реакция отсутствует, претензия может быть направлена в хостинговую компанию, и только исчерпав эти досудебные варианты, следует обращаться с иском в суд. Приведем пример из судебной практики, а именно Определение Московского городского суда от 24.07.2024 № 2и-15713/2024 в котором Ш. просит суд принять предварительные обеспечительные меры на аудиовизуальные произведения онлайн-курсов «Годовой расклад в стиле коучинг» и других, которые размещены на страницах сайтов незаконно, на досудебные претензии ответа так и не поступило. Суд в своем определение удовлетворяет указанные требования и информирует о возможности подачи иска в общем порядке. Таким образом, соблюдение порядка действий очень важно, при защите прав на интеллектуальные объекты, каким является и онлайн-курс.

Третья процессуальная проблема, с которой автор онлайн-курса может столкнуться при подготовке претензии или искового заявления, заключается в определении надлежащего ответчика. Информация о владельце сайта, незаконно размещающего контент, зачастую скрыта или недостоверна, что создает большие трудности при обращении автора в суд. Судебная практика свидетельствует, что в доведении информации до всеобщего сведения в сети Интернет, как правило,

задействованы следующие лица: администратор домена, владелец сайта, провайдер хостинга, регистратор доменов, лицо, размещающее ссылки (оператор поисковой системы). В Постановлении Тринадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 23.06.2024 г. № 13АП-1569/2024 суд отметил, что если нарушение совершено на сайте, то по общему правилу надлежащим ответчиком по иску о защите исключительных прав является владелец сайта, поскольку именно он имеет возможность размещать и удалять информацию с сайта. Для установления владельца сайта можно использовать адвокатский запрос или специализированные сервисы, позволяющие получить информацию о доменном имени. Данный протокол впоследствии будет являться доказательством в суде, почему ответчиком является именно это лицо.

Подводя итог, важно осознавать, что гораздо проще предупредить наступление нарушения авторских прав, чем потом доказывать, кто на самом деле является автором онлайн-курса. Большинство перечисленных выше методов носят «реактивный» характер, то есть применяются после факта нарушения, в то время как «превентивные» (предупредительные) меры, такие как депонирование, гораздо эффективнее. Доказательства авторства на онлайн-курсы существуют в широком спектре – от простейших (письмо себе) до имеющих высокую юридическую силу (нотариальный протокол, депонирование).

В качестве заключения исследования специфики материально-правовых и процессуальных способов защиты авторов онлайн-курсов, можно обобщить ряд выводов:

несмотря на свое широкое распространение, онлайн-курсы на сегодняшний день не нашли специального правового регулирования, что приводит к большому числу судебных споров;

для надежной защиты прав авторов необходимо законодательное урегулирование: введение легальных определений онлайн-курса, плагиата и контрафакта в статью 2 ФЗ-№ 273 «Об образовании в Российской Федерации»;

3) онлайн-курс характеризуется двумя отличительными параметрами: комплексностью и виртуальностью, что во многом определяет специфику способов защиты, применяемых авторами;

4) для обеспечения надежной защиты от плагиата и контрафакции авторам необходимо действовать на опережение, используя превентивные меры. Одним из таких превентивных мер защиты следует назвать депонирование, которое представляет собой фиксацию объекта на определенную дату. Данный способ является одним из наиболее надежных способов фиксации авторства, с учетом того, что онлайн-курс содержит в себе различные элементы и используется онлайн;

5) что касается мониторинга нарушений в интернет-пространстве, его масштабность объективно затрудняет выявление всех случаев неправомерного использования контента. Одним из путей решения видится сотрудничество с организациями, осуществляющими коллективное управление авторскими правами, в частности с РАО;

6) защита прав на онлайн-курсы в судебном порядке сопряжена с процессуальными сложностями, которые проявляются в необходимости использования специализированных способов фиксации доказательств, прежде всего нотариального заверения содержания интернет-страницы для фиксации нарушения, а также в трудности определения надлежащего ответчика, обусловленной несовершенством механизмов раскрытия данных о владельцах сайтов, что требует от автора и его представителей особой осмотрительности.

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что такое относительно новое социальное явление, как онлайн-курсы, рано или поздно найдет должное правовое отражение в российском законодательстве. Только комплексный подход, сочетающий грамотное использование существующих материально-правовых и процессуальных способов с их дальнейшим совершенствованием, сможет обеспечить действенную защиту интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.

Список литературы:

[1] Богустов А.А., Глонина В.Н., Рожкова М.А. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. – Москва: Статут, 2018. – 271 с.

[2] Близнец И.А., Ахметов Р.Р. Депонирование произведений и презумпция авторства // Юрист. – 2024. – № 10. – С. 44 - 54.

[3] Братусь, Д.А. Защита авторских и смежных прав / Д.А. Братусь; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Б.М. Гонгало // УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, кафедра гражданского права, научное студенческое сообщество "Мысли и речи". – Москва: Статут, 2024. – 236 с.

[4] Витко, В.С. Концепция плагиата как негативного социально-правового явления // ИС. Авторское право и смежные права. – 2023. – № 4. – С. 71 -79.

[5] Гаврилов, Э.П. Понятие и термин "плагиат" в российском законодательстве // Хозяйство и право. – 2020. – № 1(516). – С. 52-60.

[6] Гаврилов, Э. "Формат" аудиовизуального произведения и некоторые вопросы права интел-

лектуальной собственности // Хозяйство и право. – 2016. – № 3(470). – С. 64-79.

[7] Чурилов, А.Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3. – С. 89 - 99.

[8] Судебная статистика РФ. URL: https://sudstat.ru/stats/gr/t/22/s/0 (дата обращения: 02.08.2026).

References:

[1] Bogustov A.A., Glonina V.N., Rozhkova M.A. The Civil Law Concept of Intellectual Property within the Russian Legal System: A Monograph / A.A. Bogustov, V.N. Glonina, M.A. Rozhkova, et al.; edited by M.A. Rozhkova. – Moscow: Statut, 2018. – 271 p.

[2] Bliznets I.A., Akhmetov R.R. Deposition of Works and the Presumption of Authorship // Yurist (The Jurist). – 2024. – No. 10. – pp. 44–54.

[3] Bratus D.A. Protection of Copyright and Related Rights / D.A. Bratus; edited by B.M. Gongalo, Doctor of Law, Professor // V.F. Yakovlev Ural State Law University, Department of Civil Law, Student Research Community "Thoughts and Speeches" ("Mysli i rechi"). – Moscow: Statut, 2024. – 236 p.

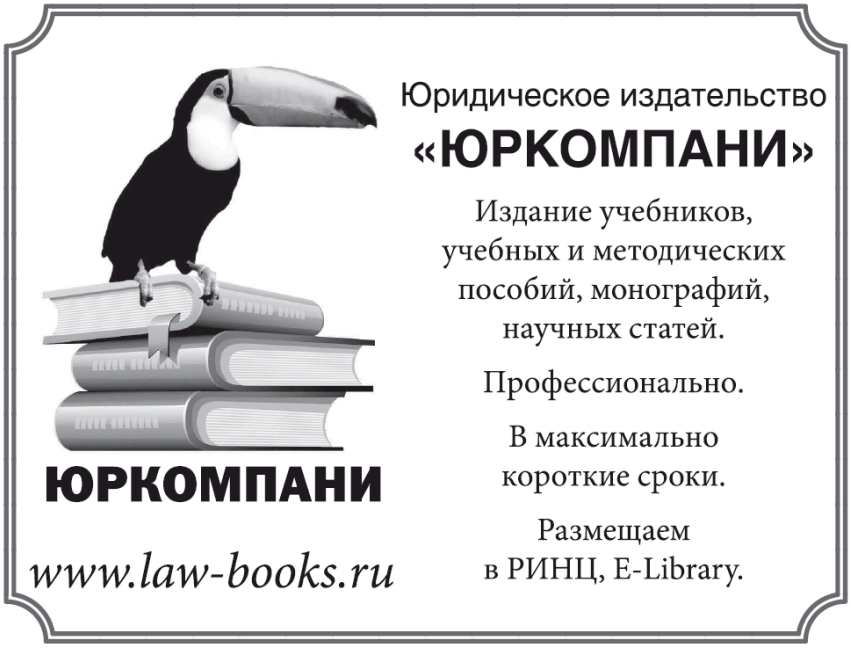
[4] Vitko V.S. The Concept of Plagiarism as a Negative Socio-Legal Phenomenon // IS. Avtorskoye pravo i smezhnye prava (Intellectual Property: Copyright and Related Rights). – 2023. – No. 4. – pp. 71–79.

[5] Gavrilov E.P. The Concept and Term "Plagiarism" in Russian Legislation // Khozyaystvo i pravo (Economy and Law). – 2020. – No. 1 (516). – pp. 52–60.

[6] Gavrilov E. The "Format" of an Audiovisual Work and Certain Issues of Intellectual Property Law // Khozyaystvo i pravo (Economy and Law). – 2016. – No. 3 (470). – Pp. 64–79.

[7] Churilov, A. Yu. Recording and Transfer of Exclusive Rights to Copyrighted Works via Smart Contracts: Myth or Reality? // Current Issues in Russian Law. – 2024. – No. 3. – Pp. 89–99.

[8] Judicial Statistics of the Russian Federation. URL: https://sudstat.ru/stats/gr/t/22/s/0 (accessed: 02.08.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-479-487
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

МУЛИК Данила Максимович,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия,
тел.: +7 901 713-84-81,
e-mail: danilmulik@yandex.ru

Научный руководитель:
САВИНА Виктория Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
тел. кафедры: +7 (495) 800-12-00, доб. 1074,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВАЯ КОПИЯ ИСПОЛНИТЕЛЯ: ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СТАТЕЙ 1317 И 152.1 ГК РФ И СОГЛАСИЕ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОЛОСА И ВНЕШНОСТИ В КИНОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена правовому режиму цифровой копии исполнителя — созданной с помощью генеративной модели реалистичной имитации голоса и внешнего облика актера, используемой в кинопроизводстве для досъемок, «омоложения», дубляжа и посмертного продолжения роли. Цель исследования — определить, в каких пределах нормы о смежных правах, изображении и голосе гражданина обеспечивают правомерное создание и использование такой копии и непрерывность цепочки прав продюсера. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Выделены пять видов юридически значимых операций с цифровой копией и показано, что ни один правовой режим не охватывает их все. Исключительное право на исполнение охраняет записи, используемые для обучения модели, но не результаты генерации и не материалы сканирования. Обучение модели на звуке или изображении фильма является отдельным использованием, требующим прямо выраженного согласия исполнителя (п. 4 ст. 1317 ГК РФ). Синтезированное изображение подпадает под ст. 152.1 ГК РФ, однако исключение о позировании за плату к цифровой копии неприменимо, а возможность отзыва согласия разрывает цепочку прав. Показано, что доводы об охране голоса режимом биометрических персональных данных и правами на фонограмму не подтверждают достаточности действующего регулирования применительно к кинопроизводству. Сформулированы рекомендации по договорному оформлению создания и использования цифровой копии. Предложено дополнить ст. 1317 ГК РФ пунктом 4.1, устанавливающим требования к содержанию такого договора, ограничивающим последствия отзыва согласия исполнителя для уже созданных фильмов и определяющим порядок посмертного использования цифровой копии.*

Ключевые слова: *цифровая копия исполнителя, исполнение, смежные права, изображение гражданина, голос, нематериальные блага, генеративная модель, аудиовизуальное произведение, персональные данные, цепочка прав.*

Для цитирования: *Мулик Д. М. Цифровая копия исполнителя: пределы действия статей 1317 и 152.1 ГК РФ и согласие на использование голоса и внешности в кинопроизводстве // Образование и право. 2026. № 10. С. 479–487.*

MULIK Danila Maksimovich,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Academic supervisor:
SAVINA Viktoriya Sergeyevna,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics

DIGITAL REPLICA OF A PERFORMER: THE LIMITS OF ARTICLES 1317 AND 152.1 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CONSENT TO THE USE OF VOICE AND APPEARANCE IN FILM PRODUCTION

Annotation. *The article examines the legal regime of a performer's digital replica: a realistic imitation of an actor's voice and appearance created with a generative model and used in film production for additional shooting, de-ageing, dubbing and posthumous continuation of a role. The aim is to determine how far the rules on related rights, the image of a citizen and the voice ensure the lawful creation and use of such a replica and the continuity of the producer's chain of title. Five types of legally significant operations with a digital replica are distinguished; no single legal regime covers all of them. The exclusive right to a performance protects the recordings used to train the model, but not the generated output or scanning materials. Training a model on the sound or image of a film is a separate use requiring the performer's express consent (Art. 1317(4) of the Civil Code). A synthesized image falls under Art. 152.1 of the Civil Code, but the paid posing exception does not apply, and the possibility of revoking consent breaks the chain of title. It is shown that arguments based on the biometric data regime and phonogram rights do not demonstrate that current regulation sufficiently protects the voice in film production. Recommendations on contractual arrangements for a digital replica are formulated. It is proposed to supplement Art. 1317 of the Civil Code with paragraph 4.1 setting requirements for such a contract, limiting the consequences of revocation of consent for completed films and governing posthumous use.*

Key words: *performer's digital replica, performance, related rights, image of a citizen, voice, intangible benefits, generative model, audiovisual work, personal data, chain of title.*

For citation: *Mulik D. M. Digital replica of a performer: The limits of articles 1317 and 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation and consent to the use of voice and appearance in film production. Education and law. 2026;(10):479–487. (In Russ.).*

Введение

Генеративные модели используются в кинопроизводстве не только для создания отдельных элементов фильма, но и для воспроизведения самого исполнителя: «омоложения» актера, досъемки реплик без него, дубляжа его голосом, «продолжения» роли после смерти. Во всех этих случаях продюсер работает уже не с записью игры, а с цифровой копией актера — моделью, обученной на записях голоса и изображения конкретного человека и способной порождать новые фрагменты, в которых этот человек узнаваемо говорит и действует. Доступные сегодня технологии позволяют создавать такие копии быстро и реалистично [1, с. 95].

Российское право не знает цифровой копии исполнителя как самостоятельной категории. Продюсеру приходится получать разрешения в рамках нескольких не согласованных между собой правовых режимов: смежных прав на исполнение (ст. 1304, 1313, 1315–1318 ГК РФ), охраны изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ), охраны голоса как нематериального блага (ст. 150 ГК РФ) и законодательства о персональных данных. У этих режимов разные основания, субъекты, сроки, правила об отзыве согласия и о посмертной охране. Поэтому неясно, какие права и у кого должен приобрести продюсер, чтобы фильм с цифровой копией актера имел непрерывную цепочку прав (англ. chain of title — совокупность правоустанавливающих документов, подтверждающих права изготовителя на все элементы фильма).

В доктрине проблема обсуждается в двух направлениях. Первое — поиск нового объекта: предлагается признать «цифрового двойника» объектом смежных прав [2] либо расширить перечень таких объектов с учетом «виртуальных исполнений», наделив «человека-прототипа» смежными правами и правом отзыва согласия [3, с. 482–483]. Второе — охрана голоса и внешности как нематериальных благ: обосновывается включение голоса в перечень охраняемых благ [4; 5; 6], исследуются технические параметры голоса, значимые для его охраны [7], предлагается ввести

«право на образ» [8], анализируются пробелы ст. 152.1 ГК РФ [9], обосновывается необходимость специальной охраны голоса и цифрового образа [10, с. 17]. Положение актеров затрагивается в этих работах лишь попутно [3; 6]. При этом не исследовано, как соотносятся режимы исполнения, изображения и голоса на разных стадиях создания цифровой копии и что из этого следует для цепочки прав на фильм.

Цель статьи — определить, в каких пределах действующие нормы о смежных правах, изображении и голосе гражданина обеспечивают правомерное создание и использование цифровой копии исполнителя в кинопроизводстве, и предложить решение для выявленного пробела. Задачи: разграничить юридически значимые операции с цифровой копией; установить пределы действия ст. 1315 и 1317 ГК РФ; определить применимость ст. 152.1 ГК РФ; оценить механизмы охраны голоса; сформулировать договорную модель и предложения по совершенствованию законодательства. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Цифровая копия исполнителя: понятие и юридически значимые операции

Термин «цифровая копия» (англ. digital replica) известен зарубежному праву: § 927 Трудового кодекса штата Калифорния (действует с 1 января 2025 г.) понимает под ней созданное компьютером и в высокой степени реалистичное электронное представление голоса или облика лица, при котором лицо либо не совершало соответствующих действий, либо характер его исполнения существенно изменен. Для целей настоящей статьи под цифровой копией исполнителя понимается созданная с помощью генеративной модели реалистичная цифровая имитация голоса и (или) внешнего облика конкретного исполнителя, позволяющая получать новые аудио- и видеоматериалы, в которых исполнитель представлен совершающим действия, которых он не совершал либо совершал иначе.

Следует различать модель — совокупность программ и параметров, полученных в результате обучения на записях конкретного лица, — и результат генерации, то есть конкретный аудио- или видеофрагмент. Целесообразно выделять пять видов таких операций: 1) получение исходных данных — запись исполнения при съемке, а также специальная запись, не связанная с ролью (сканирование лица и тела, запись фонетически сбалансированного набора фраз); 2) обучение модели; 3) генерация новых фрагментов — реплик, которые актер не произносил, или сцен, в которых он не снимался; 4) изменение записанного исполнения — коррекция артикуляции под дублированную фонограмму, «омоложение», замена отдельных слов; 5) использование полученного материала в фильме и за его пределами (трейлеры, реклама, продолжения). Операции 3 и 4 — не последовательные стадии, а альтернативные способы получения материала.

Пределы смежных прав: охраняется исполнение, но не цифровая копия

Исполнитель — гражданин, творческим трудом которого создано исполнение (ст. 1313 ГК РФ). Исполнение охраняется, если выражено в форме, допускающей его воспроизведение и распространение с помощью технических средств (подп. 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ). Исполнителю принадлежат исключительное право на исполнение, право авторства, право на имя и право на неприкосновенность исполнения (п. 1 ст. 1315 ГК РФ). Из этих положений вытекают три вывода.

Во-первых, исключительное право позволяет контролировать использование исходных данных, но только тех, которые являются исполнением. Обучение модели требует воспроизведения записей (подп. 5 п. 2 ст. 1317 ГК РФ). Для исполнения, записанного на съемках, значим п. 4 ст. 1317 ГК РФ: при заключении договора о создании аудиовизуального произведения согласие исполнителя на использование исполнения в составе этого произведения предполагается, а согласие на отдельное использование звука или изображения, зафиксированных в произведении, должно быть прямо выражено в договоре. Наиболее обоснованным представляется толкование, согласно которому извлечение звуковой дорожки или видеоряда для обучения модели — это отдельное использование звука или изображения, а не использование исполнения «в составе» фильма. Следовательно, без прямо выраженного согласия исполнителя такое обучение нарушает его исключительное право. Возможно и иное толкование: если для обучения используются фрагменты, где звук и изображение не разделяются, это можно представить как использование исполнения в составе произведения, охватываемое презумпцией. Такая неопределенность создает для обеих сторон риск различной квалификации использования исполнения. Не помогает продюсеру и п. 3 ст. 1317 ГК РФ, поскольку создание модели не относится к целям, для которых было получено согласие на запись.

Однако наиболее ценные для создания копии данные — результаты сканирования и записи технических фраз — могут вовсе не являться исполнением. Исполнитель участвует в исполнении произведения литературы, искусства или народного творчества (ст. 1313 ГК РФ). Демонстрация мимики перед сканером или чтение фонетическо-

го набора фраз, как правило, исполнением произведения не является. Такие материалы охраняются лишь как изображение и голос гражданина.

Во-вторых, исключительное право на исполнение не распространяется на результат генерации. Новая реплика, созданная моделью, не является исполнением актера, поскольку не создана его творческим трудом. Она не воспроизводит и записанное исполнение, поскольку в ней нет записанного фрагмента игры. Перечень способов использования в п. 2 ст. 1317 ГК РФ не называет переработку, а подражание тембру, манере речи или пластике использованием исполнения не является. Как отмечают О. В. Олейников и М. Ц. Акопян, в новом фильме исполнение «не воспроизводится – создается нечто иное» [3, с. 482]. Исключительное право охраняет записи исполнения, используемые для обучения модели, но не распространяется на результаты генерации. Лицензионный договор может ограничить цели использования модели, однако генерация не является использованием исполнения и не влечет ответственности по п. 3 ст. 1237 ГК РФ. Нарушаются лишь договорные обязательства, которые не связывают третьих лиц, например оператора генеративного сервиса.

Поэтому идея признать «цифрового двойника» новым объектом смежных прав [2; 3, с. 482] представляется неубедительной. Смежные права связаны с вкладом в создание определенного результата — творческим, как у исполнителя, либо организационным и инвестиционным, как у изготовителя фонограммы, организации вещания, изготовителя базы данных. Цифровая копия не является результатом творческого труда исполнителя. Сам П. И. Петкилёв допускает, что права на «двойника» могли бы принадлежать как лицу, организовавшему «оцифровку», так и «оцифрованному» лицу [2]. Однако при первом варианте такая конструкция действует не в интересах исполнителя: исключительное право на имитацию его облика возникает у продюсера или оператора модели. Предметом охраны в действительности являются голос и внешность человека, а не новый результат интеллектуальной деятельности.

В-третьих, изменение записанного исполнения (операция 4) затрагивает право на неприкосновенность — право на защиту исполнения от всякого искажения, то есть от изменений, приводящих к извращению смысла или нарушению целостности восприятия (подп. 4 п. 1 ст. 1315 ГК РФ). Техническая коррекция артикуляции, как правило, не извращает смысла исполнения и согласия не требует. Замена реплик или изменение эмоционального рисунка сцены может его извратить. Для автора закон прямо допускает внесение изменений в произведение с его согласия (п. 1 ст. 1266 ГК РФ). Ст. 1315 ГК РФ о согласии исполнителя не упоминает. Отсюда вопрос: исключает ли предварительное согласие исполнителя на описанные изменения квалификацию их как искажения? Если исключает, согласие становится инструментом распределения рисков. Если нет, продюсер несет риск требований самого исполнителя, а после его смерти — назначенного им лица или наследников, поскольку охрана неприкосновенности бессрочна (ст. 1316 ГК РФ). Согласие на конкретно описанные изменения следует считать осуществлением личного права, исключающим противоправность таких изменений. Общее же согласие «на любые изменения» по существу является отказом от права на неприкосновенность. Исполнитель признается автором исполнения (ст. 1313 ГК РФ), поэтому к его личным неимущественным правам применяется абз. 2 п. 2 ст. 1228 ГК РФ: они неотчуждаемы, а отказ от них ничтожен. Следовательно, общее согласие в этой части ничтожно.

Внешность исполнителя: пределы статьи 152.1 ГК РФ

Ст. 152.1 ГК РФ допускает обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, в том числе фотографии, видеозаписи или произведения изобразительного искусства, только с его согласия. Перечень форм изображения открыт. Решающим является не способ изготовления, а узнаваемость лица. Синтезированный кадр, на котором зритель узнает актера, является его изображением, поэтому ст. 152.1 ГК РФ применима к результату генерации. В этом смысле тезис о том, что статья защищает «лишь конкретное изображение, а не сам образ» [8, с. 26], требует уточнения. Облик в отрыве от изображения норма действительно не охраняет, однако каждое использование цифровой копии порождает новое изображение, которое должно охватываться согласием.

Уязвимость возникает при других операциях и связана с содержанием согласия. Во-первых, неочевидно, является ли обучение модели «использованием» изображения. Если понимать использование широко, как любое извлечение полезных свойств изображения, включая его копирование, обучение требует согласия по ст. 152.1 ГК РФ. Если связывать использование с доступом к изображению третьих лиц, обучение, не сопровождающееся обнародованием, выходит за пределы нормы и регулируется лишь законодательством о персональных данных. Первое толкование точнее отражает смысл нормы, поскольку именно обучение создает возможность неограниченного производства новых изображений. Но и при нем ст. 152.1 ГК РФ не определяет судьбу самой модели: ее результатом являются парамет-

ры, а не изображение, и правила п. 2 ст. 152.1 об изъятии материальных носителей к ним неприменимы.

Во-вторых, исключение для случаев, когда гражданин позировал за плату (подп. 3 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ), при буквальном толковании позволяет утверждать, что оплаченная съемка освобождает продюсера от получения согласия. Применительно к цифровой копии такое толкование недопустимо. Исключение относится к изображению, полученному при позировании, и к целям, ради которых оно проводилось, а кадры, синтезированные позднее, при позировании не получены. Иное толкование превратило бы плату за съемочный день в плату за бессрочную имитацию облика актера. Такая практика уже описана в литературе применительно к зарубежной киноиндустрии [6, с. 152].

В-третьих, согласие на использование изображения является сделкой, может содержать условия о сроке и способах использования и может быть отозвано. При этом лицо, обладавшее правом на использование изображения, вправе требовать возмещения причиненных отзывом убытков (пп. 46, 47, 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). В доктрине согласие квалифицируется и как двусторонняя сделка [11, с. 79], однако разъяснение Пленума об отзыве не делает исключения для согласия, включенного в договор. Вопрос о том, распространяется ли ст. 152.1 ГК РФ на изображение актера в роли или это изображение «поглощается» режимом исполнения, в законе не решен. Если распространяется, риск отзыва существует и для обычного фильма. Для цифровой копии он острее: исполнения в синтезированном кадре нет, и единственным основанием использования остается согласие, которое может быть отозвано. Отзыв лишает продюсера основания использовать уже созданные сцены, а возмещение убытков не восстанавливает цепочку прав.

Наконец, после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — родителей (абз. 2 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ). При отсутствии этих лиц согласие не требуется вовсе (абз. 2 п. 49 постановления Пленума № 25). Исполнитель не может при жизни ни дать такое согласие за близких, ни запретить им его давать. Исключительное право на исполнение переходит по наследству и действует в течение жизни исполнителя, но не менее пятидесяти лет (п. 1 ст. 1318 ГК РФ), а неприкосновенность исполнения охраняется бессрочно (ст. 1316 ГК РФ). Посмертная цифровая копия требует согласования с тремя потенциально разными кругами лиц, а воля самого исполнителя юридического значения не имеет.

Голос исполнителя: охрана без позитивного регулирования

Голос не является изображением, и ст. 152.1 ГК РФ к нему непосредственно неприменима. Применение ее по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ) возможно, но практикой не устоялось. Голос охраняется как нематериальное благо в силу открытого перечня п. 1 ст. 150 ГК РФ и защищается общими способами (ст. 12, 151 ГК РФ). Закон не устанавливает ни форму и содержание согласия на использование голоса, ни последствия его отзыва, ни круг лиц, управомоченных после смерти гражданина. Для сравнения: Пекинский интернет-суд в апреле 2024 г. (дело (2023) Jing 0491 Min Chu No. 12142) признал голос актрисы озвучивания объектом личного права, не зависящего от прав на записи, и потребовал для синтеза ее прямо выраженного согласия.

В доктрине выделены два подхода к охране голоса: через право интеллектуальной собственности (при использовании записи голоса) и как нематериального блага по аналогии с изображением [4, с. 184]. Еще в 1997 г. М. Н. Малеина предлагала признать право на индивидуальный облик и голос нетрадиционным личным неимущественным правом [5, с. 121]. Современные авторы обосновывают включение голоса в перечень нематериальных благ [5, с. 130] и указывают на уязвимость актеров дубляжа, в договоры с которыми включаются условия о пожизненном использовании записей их голоса [6, с. 152].

Законопроект № 718834-8, внесенный в Государственную Думу в сентябре 2024 г., предлагал дополнить ГК РФ ст. 152.3 об охране голоса по образцу ст. 152.1. Он не был поддержан Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и Правительством РФ; по данным Совета Федерации, работа над ним к сентябрю 2026 г. не завершена. Правительство сослалось на два довода: запись голоса является обработкой биометрических персональных данных, а сама запись — фонограммой, права на которую защищаются по правилам части четвертой ГК РФ [12, с. 27]. Н. В. Архиереев возражает, что при создании дипфейка живой голос служит эталоном для синтеза, а не объектом обработки [12, с. 27]. Применительно к кинопроизводству оба довода не подтверждают достаточности действующих механизмов, что следует уже из легальных определений.

Звуковая запись, включенная в аудиовизуальное произведение, фонограммой не является (подп. 2 п. 1 ст. 1304 ГК РФ). Следовательно, голос актера в фильме и при дубляже не охватывается правами на фонограмму. Если же голос записан

отдельно в студии, исключительное право на фонограмму принадлежит ее изготовителю — лицу, взявшему на себя инициативу и ответственность за первую запись звуков (ст. 1322 ГК РФ), то есть студии, а не носителю голоса. Синтезированная речь, кроме того, не является воспроизведением фонограммы, поскольку в ней нет записанных звуков.

Биометрическими персональными данными являются сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности (ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»). Второй признак в литературе нередко опускается [4, с. 185], между тем он имеет решающее значение. Студия, создающая модель голоса, личность актера не устанавливает, и специальный режим биометрических данных, в том числе требование письменного согласия, к ее деятельности не применяется. Запись голоса остается обычными персональными данными. Их обработка допускается без согласия, если она необходима для исполнения договора, стороной которого является субъект (п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона). Это основание действует для продюсера как стороны договора с актером. Если модель создает привлеченная студия, она обрабатывает данные по поручению продюсера, а такое поручение по общему правилу требует согласия субъекта (ч. 3 ст. 6 Закона). Этот режим накладывает на продюсера определенные ограничения. Обработка должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных целей (ч. 2 ст. 5), а по достижении цели данные подлежат уничтожению (ч. 4 ст. 21). Если параметры модели позволяют воспроизвести голос конкретного лица, есть основания считать их его персональными данными, и тогда требование об уничтожении распространяется на модель. Однако этот вопрос остается дискуссионным, а цели обработки определяются тем же договором, который составлен продюсером.

В итоге голос исполнителя оказывается наименее защищенным элементом цифровой копии: смежные права охватывают только записи исполнений, права на фонограмму ему не принадлежат, ст. 152.1 ГК РФ неприменима, а законодательство о персональных данных не регулирует содержание целей обработки.

Последствия для цепочки прав продюсера и договорная модель

Юридически значимые операции и применимые к ним режимы сведены в таблицу. Для каждой операции указано, охватывается ли она соответствующим режимом и что требуется от продюсера.

Таблица 1. Правовые режимы операций с цифровой копией исполнителя

Операция	Смежные права исполнителя	Изображение (ст. 152.1 ГК РФ)	Голос (ст. 150 ГК РФ, 152-ФЗ)
1. Получение исходных данных	Охватываются только записи исполнения роли; сканирование и чтение технических фраз не охватываются	Нужно согласие; исключение «позировал за плату» распространяется только на цели съемки	Специальных правил нет; обработка персональных данных допустима для исполнения договора
2. Обучение модели	Нужно прямо выраженное согласие на отдельное использование звука или изображения (п. 4 ст. 1317)	Спорно, является ли обучение использованием изображения; судьба модели не урегулирована	Обработка персональных данных ограничена целями договора (ч. 2 ст. 5 152-ФЗ)
3. Генерация новых фрагментов	Не охватывается: результат генерации не является исполнением	Нужно согласие, которое может быть отозвано в любое время (п. 49 Пленума № 25)	Только общая защита нематериального блага
4. Изменение записанного исполнения	Право на неприкосновенность (подп. 4 п. 1 ст. 1315); значение предварительного согласия не определено	Нужно согласие, которое может быть отозвано	Только общая защита нематериального блага
5. Использование, в т. ч. после смерти исполнителя	По лицензии; после смерти исключительное право у наследников, неприкосновенность охраняется бессрочно (ст. 1316, 1318)	После смерти — согласие детей и супруга, при их отсутствии — родителей; если их нет, согласие не требуется	Кто вправе давать согласие после смерти, закон не определяет

Ни один режим не охватывает все операции: даже безупречно оформленная лицензия на исполнение не охватывает генерацию, голос и посмертное использование, а согласие на использование изображения может быть отозвано.

В рамках действующего законодательства продюсеру следует оформлять цифровую копию отдельным соглашением. Это смешанный договор (п. 3 ст. 421 ГК РФ), включающий:

1) лицензию на использование исполнений для создания модели с прямо выраженным согласием на отдельное использование звука и изображения (п. 4 ст. 1317 ГК РФ);

2) согласие на использование изображения и голоса с указанием срока, способов использования и конкретных произведений, в которых может использоваться копия (п. 47 постановления Пленума № 25), а также определение целей обработки персональных данных;

3) согласие на конкретно описанные изменения записанного исполнения;

4) условия о модели: запрет передачи третьим лицам, в том числе оператору генеративного сервиса, и обязанность удалить ее по окончании срока;

5) вознаграждение за каждое новое использование, а не только за съемочные дни;

6) условие о посмертном использовании, выражающее волю исполнителя, которое, однако, не заменяет согласия лиц, названных в абз. 2 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ;

7) условие о возмещении убытков при отзыве согласия (п. 49 постановления Пленума № 25) и заверения исполнителя об отсутствии ранее данных третьим лицам согласий и исключительных обязательств в отношении его голоса и изображения (ст. 431.2 ГК РФ).

Такой договор снижает, но не устраняет риски отзыва согласия и неопределенности в отношении голоса.

Предложения по совершенствованию законодательства

Проблему можно было бы решить общей нормой об охране голоса по образцу ст. 152.1 ГК РФ, как предлагалось в законопроекте № 718834-8. Однако такая норма не решила бы вопросов, специфических для исполнителей: соотношения с п. 4 ст. 1317 ГК РФ, судьбы модели, вознаграждения и последствий отзыва согласия для уже созданного фильма. Полностью исключить отзыв также чрезмерно: исполнитель не смог бы прекратить производство новых материалов. Возможность отзыва согласия вытекает из разъяснения Пленума, а не из прямого указания закона, и законодатель вправе ее ограничить. Предлагается не исключить, а ограничить действие отзыва: он прекращает возможность создавать новые материалы, но не затрагивает произведения, в которые материалы уже правомерно включены. При таком подходе интересы исполнителя защищаются прежде всего на стадии заключения договора.

Размещение нормы в ст. 1317 ГК РФ требует пояснения, поскольку часть ее правил касается изображения и голоса, то есть нематериальных благ. Такой выбор обусловлен тем, что копия создается в рамках договора с исполнителем и экономически заменяет исполнение, а исключение презумпции п. 4 ст. 1317 ГК РФ может быть установлено только в этой статье. Во избежание коллизии необходимо и соответствующее дополнение ст. 152.1 ГК РФ, прямо определяющее приоритет специального правила.

Предлагается дополнить ст. 1317 ГК РФ пунктом 4.1:

«4.1. Цифровой копией исполнителя признается реалистичная цифровая имитация голоса и (или) внешнего облика исполнителя, созданная путем обработки записей его исполнений, изображений или голоса, в том числе с помощью программ для ЭВМ, и позволяющая получать новые звуковые или аудиовизуальные материалы, в которых исполнитель представлен совершающим действия, которых он не совершал либо совершал иначе.

Создание и использование цифровой копии исполнителя допускаются только на основании договора, заключенного с исполнителем в письменной форме. Правило первого предложения пункта 4 настоящей статьи к использованию исполнения для создания цифровой копии не применяется.

В договоре должны быть определены цели и способы использования цифровой копии, произведения, для создания которых она может быть использована, и размер вознаграждения или порядок его определения. При отсутствии в договоре условий о целях, способах использования и произведениях договор в соответствующей части считается незаключенным. Если срок в договоре не определен, договор считается заключенным на срок создания указанных в нем произведений.

Отзыв исполнителем согласия на использование его изображения или голоса прекращает право другой стороны создавать с помощью цифровой копии новые материалы, но не препятствует использованию произведений, в которые такие материалы были правомерно включены до отзыва. Лицо, отозвавшее согласие, возмещает другой стороне причиненные отзывом убытки.

При прекращении договора лицо, у которого находится цифровая копия, обязано уничтожить модель и иные данные, позволяющие получать с ее помощью новые материалы. Это правило не распространяется на материалы, правомерно включенные в произведения, а также на случаи, предусмотренные абзацем шестым настоящего пункта.

Использование цифровой копии исполнителя после его смерти допускается в пределах, прямо предусмотренных договором, заключенным исполнителем при жизни; в этой части смерть исполнителя договор не прекращает. При отсутствии таких условий использование допускается с согласия лиц, указанных в абзаце втором пункта 1 статьи 152.1 настоящего Кодекса, если исполнитель в письменной форме не запретил его».

Одновременно ст. 152.1 ГК РФ целесообразно дополнить пунктом 1.1: «Особенности обнародования и использования изображения исполнителя, полученного с помощью его цифровой копии, в том числе после его смерти, устанавливаются пунктом 4.1 статьи 1317 настоящего Кодекса. Правила абзаца второго пункта 1 настоящей статьи в этом случае применяются, если иное не предусмотрено договором, заключенным исполнителем при жизни».

Правовые последствия предлагаемых изменений состоят в следующем. Во-первых, норма охватывает цифровую копию независимо от источника данных, в том числе копию, созданную

по материалам сканирования, а спор о толковании п. 4 ст. 1317 ГК РФ снимается. Во-вторых, использование голоса исполнителя в составе цифровой копии получает прямое законодательное регулирование, а содержание необходимого согласия конкретизируется. Требование определенности близко к калифорнийскому правилу, но § 927 признает условие неисполнимым лишь при совокупности трех признаков, включая отсутствие у исполнителя представителя — юриста или профсоюза. Предлагаемая норма от представительства не зависит: в российском кинопроизводстве коллективные договоры не сложились, и такой критерий оставил бы большинство актеров без защиты. В-третьих, отзыв согласия сохраняется, как того требуют сторонники права отзыва [3, с. 483], но не лишает продюсера возможности использовать законченный фильм. Модель подлежит уничтожению при прекращении договора, что исключает ее бессрочное хранение. В-четвертых, посмертное использование подчиняется прежде всего воле самого исполнителя, а при ее отсутствии — согласию близких. Разрешение исполнителя не отменяет охраны неприкосновенности исполнения (ст. 1316 ГК РФ) и имущественных прав наследников на исполнение.

Норма не создает нового объекта прав и не распространяется на лиц, не являющихся исполнителями, например статистов; их положение требует отдельного исследования.

Заключение

1. Цифровая копия исполнителя не является объектом смежных прав: она не создана творческим трудом исполнителя и служит способом использования его голоса и внешности. Юридически значимы пять видов операций с ней: получение данных, обучение модели, генерация, изменение записанного исполнения и использование результата.

2. Исключительное право на исполнение охраняет записи исполнений, используемые для обучения модели, но не распространяется на результаты генерации и на материалы сканирования, не являющиеся исполнением произведения. Использование звука или изображения фильма для обучения модели по наиболее обоснованному толкованию является отдельным использованием, требующим прямо выраженного согласия исполнителя (п. 4 ст. 1317 ГК РФ).

3. Значение предварительного согласия исполнителя на изменение исполнения законом не определено. Согласие на конкретно описанные изменения следует считать осуществлением права на неприкосновенность, а общее согласие — отказом от него, ничтожным в силу абз. 2 п. 2 ст. 1228 ГК РФ.

4. Синтезированное изображение узнаваемого лица является его изображением в смысле ст. 152.1 ГК РФ. Исключение для случаев позирования за плату на цифровую копию не распространяется. Возможность отзыва согласия при отсутствии в кадре исполнения лишает продюсера устойчивого основания использования.

5. Доводы об охране голоса режимом биометрических персональных данных и правами на фонограмму не подтверждают достаточности действующего регулирования. Звуковая запись в составе фильма фонограммой не является, права на студийную фонограмму принадлежат ее изготовителю, а студия не использует голос для установления личности. Голос исполнителя защищен лишь общими нормами о нематериальных благах и принципом ограничения обработки персональных данных целями договора.

6. Предлагаемые п. 4.1 ст. 1317 и п. 1.1 ст. 152.1 ГК РФ распространяют специальный режим на любую цифровую копию исполнителя, требуют письменного договора с определенными целями и вознаграждением, устанавливают, что отзыв согласия прекращает лишь возможность создавать новые материалы, обязывают уничтожить модель при прекращении договора и ставят посмертное использование в зависимость прежде всего от воли исполнителя.

Список литературы:

[1] Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, вып. 1. С. 95–110.

[2] Петкилёв П. И. «Цифровой двойник» как новый объект смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 93–100.

[3] Олейников О. В., Акопян М. Ц. Проблема модернизации объектов смежных прав в условиях цифровой трансформации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 7. С. 480–484.

[4] Бахметьев П. В. Охрана индивидуального голоса человека: отечественный и зарубежный опыт // Право и практика. 2023. № 4. С. 184–188.

[5] Матвеев А. Г., Мартьянова Е. Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex jure. 2023. № 3. С. 118–131.

[6] Коннова В. И. Голос как нематериальное благо и личное неимущественное право человека: правовая защита в условиях глобальной цифровизации // Вопросы российской юстиции. 2025. № 35. С. 149–159.

[7] Будник А. Р. Просодия как элемент правовой охраны голоса гражданина // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53, № 2. С. 49–66.

[8] Смазнова А. К. Эксплуатация внешности в целях извлечения прибыли // Вестник права. 2025. № 4. С. 26–35.

[9] Бекиров А. Р. Регулирование охраны изображения гражданина: проблемные вопросы теории и практики // Фемида.Science. 2025. № 1 (16). С. 24–33.

[10] Бурдюг А. Д. Компенсация морального вреда за ИИ-сгенерированные голос и изображение // Вестник права. 2025. № 4. С. 17–25.

[11] Иванов А. В. К вопросу о форме согласия на использование изображения гражданина в Российской Федерации и Республике Беларусь: частноправовой взгляд // Образование и право. 2023. № 9. С. 75–79.

[12] Архиереев Н. В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 22–30.

References:

[1] Mosechkin I. N. Deepfake Technologies and Biometric Data: Directions for Criminal Law Regulation // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2025. Vol. 16, Iss. 1. pp. 95–110.

[2] Petkilev P. I. The "Digital Twin" as a New Object of Related Rights // Journal of the Court for Intellectual Property Rights. 2022. Iss. 4 (38). pp. 93–100.

[3] Oleynikov O. V., Akopyan M. Ts. The Problem of Modernizing Objects of Related Rights in the Context of Digital Transformation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2026. No. 7. pp. 480–484.

[4] Bakhmetiev P. V. Protection of an Individual's Voice: Domestic and Foreign Experience // Law and Practice. 2023. No. 4. pp. 184–188.

[5] Matveev A. G., Martyanova E. Yu. Civil Law Protection of a Human Voice in the Context of Its Synthesis and Subsequent Use // Ex Jure. 2023. No. 3. pp. 118–131.

[6] Konnova V. I. The Voice as an Intangible Asset and a Personal Non-Property Right: Legal Protection in the Era of Global Digitalization // Issues of Russian Justice. 2025. No. 35. pp. 149–159.

[7] Budnik A. R. Prosody as an Element of the Legal Protection of a Citizen's Voice // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 53, No. 2. pp. 49–66.

[8] Smaznova A. K. Exploitation of Appearance for Profit // Vestnik Prava [Herald of Law]. 2025. No. 4. pp. 26–35.

[9] Bekirov A. R. Regulation of the Protection of an Individual's Image: Theoretical and Practical Issues // Femida.Science. 2025. No. 1 (16). pp. 24–33.

[10] Burdyug A. D. Compensation for Non-Pecuniary Damage Related to AI-Generated Voice and Image // Vestnik Prava [Herald of Law]. 2025. No. 4. pp. 17–25.

[11] Ivanov A. V. On the Form of Consent for the Use of an Individual's Image in the Russian Federation and the Republic of Belarus: A Private Law Perspective // Obrazovanie i Pravo [Education and Law]. 2023. No. 9. pp. 75–79.

[12] Arkhiereev N. V. Legal Regulation of the Creation and Use of Deepfakes // Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika [The Rule-of-Law State: Theory and Practice]. 2025. No. 2 (80). pp. 22–30.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-488-493
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

НИКОЛАЙЧЕНКО Ольга Викторовна,
доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
кандидат юридических, доцент,
olga-nikolajchenko@yandex.ru

УКАЗАНИЯ СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ И ИХ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ НИЖЕСТОЯЩИМИ СУДАМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Аннотация. *В процессуальной цивилистической науке вопрос отмены судебного акта, сопровождающийся указанием вышестоящего суда, является значимым в исполнении судом процессуальных обязанностей. Данное обстоятельство раскрывает правовую характеристику указаний суда не только в толковании норм материального права, но и особенно при установлении фактических обстоятельств дела, их правильной квалификации. Различие мнений ученых о правовой природе указаний вышестоящих судов сводится к вопросам компетенции судебных органов, их полномочий. Вне поля зрения остается значение указаний судов для исполнения ими собственных процессуальных обязанностей. Совокупность методов научного познания, таких как анализ и синтез, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный позволили выявить самостоятельное правовое значение указаний судов при рассмотрении гражданских дел. Обязательность указаний вышестоящего суда о толковании закона и их обязательность для суда, вновь рассматривающего дело, следует рассматривать как процессуально-правовой механизм, обеспечивающий, во-первых, правильное применение норм материального права, в том числе его правильное истолкование; во-вторых, недопустимость необоснованного направления дела вышестоящим судом на новое рассмотрение.*

Ключевые слова: *указания суда, процессуальные обязанности суда, гражданское судопроизводство, стадии гражданского судопроизводства.*

Для цитирования: *Николайченко О. В. Указания суда при рассмотрении гражданских дел и их правовое значение для исполнения нижестоящими судами процессуальных обязанностей // Образование и право. 2026. № 10. С. 488–493.*

NIKOLAYCHENKO Olga Viktorovna,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure, Saratov State Law
Academy, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

COURT INSTRUCTIONS IN THE CONSIDERATION OF CIVIL CASES AND THEIR LEGAL SIGNIFICANCE FOR THE PERFORMANCE OF PROCEDURAL OBLIGATIONS BY LOWER COURTS

Annotation. *In procedural civil law, the issue of canceling a judicial act, accompanied by an instruction from a higher court, is significant in the performance of a court's procedural duties. This circumstance reveals the legal characterization of the court's instructions not only in the interpretation of substantive law norms, but also, and especially, in establishing the factual circumstances of the case and their correct classification. The difference in scholars' opinions regarding the legal nature*

of instructions from higher courts boils down to issues of the competence of judicial bodies and their powers. The significance of the courts' instructions for the performance of their own procedural duties remains outside the scope of consideration. The combination of scientific research methods, such as analysis and synthesis, formal-legal, comparative-legal, and system-structural methods, made it possible to identify the independent legal significance of the courts' instructions in the consideration of civil cases. The binding nature of the higher court's instructions regarding the interpretation of the law and their binding effect on the court re-examining the case.

Key words: *court instructions, procedural obligations of the court, civil proceedings, stages of civil proceedings.*

For citation: *Nikolaychenko O. V. Court instructions in the consideration of civil cases and their legal significance for the performance of procedural obligations by lower courts. Education and law. 2026;(10):488–493. (In Russ.).*

Исполнение судом процессуальных обязанностей находится под влиянием различных факторов, обусловленность которых определяется прямым указанием закона, а также его толкованием. Положения ч. 4 ст. 390, ч. 3 ст. 390.15 ГПК РФ придают указаниям кассационного суда общей юрисдикции и соответственно судебной коллегии Верховного Суда РФ обязательный характер для суда, вновь рассматривающего дело по существу.

Обязательность указаний вышестоящего суда о толковании закона подвергается учеными критике на том основании, что, во-первых, «законодатель не устанавливает каких-либо ограничений данному правилу и предоставляет судам кассационной инстанции слишком широкие полномочия», во-вторых, ограничивает нижестоящие суда «в самостоятельности принимаемого по делу решения при повторном рассмотрении» [1, с. 27, 29]. Приведенные аргументы справедливы, в связи с чем ученые рассматривают вопрос об укреплении процессуальных гарантий независимости нижестоящего суда в контексте права вышестоящего суда на дачу указаний о толковании закона [2, с. 45]. К числу таких гарантий относятся нивелирование обязательности указаний вышестоящих судов, восприятие их как рекомендации, а также диссонанс полномочий вышестоящего суда, который не является судом, рассматривающим дело по существу, с судом, который рассматривает дело по существу.

Востребованность вмешательства кассационной инстанции в вопросы права оправдана. Указания суда вышестоящей инстанции необходимы нижестоящему суду, чтобы правильно разрешить дело, решение по которому отменено, а также для того, чтобы правильно квалифицировать ошибки, допущенные первоначально при рассмотрении дела по существу. В этой связи Р.Ф. Каллистратова, балансируя между отрицанием обязательности указаний кассационных судов и признанием независимости судов, рассматривающих дело первоначально или повторно, указывала на их значимость в «быстрейшем разрешении гражданских споров с наименьшей затратой процессуальных средств» [3, с. 63].

Современный законодатель обращает внимание на два обстоятельства, которые необходимо учитывать в решении вопроса о балансе независимости судей и реализации задачи по правильному рассмотрению и разрешению гражданского дела. Первое – указания суд дает в адрес нижестоящего суда исключительно о толковании закона. Это означает, что суд, рассматривающий дело, свободен в оценке обстоятельств дела, доказательств, его сопровождающих, равно выводов, к которым может прийти суд, применяя норму материального права. Второе – указания вышестоящего суда являются обязательными только для суда, вновь рассматривающего дело. Такое положение не ограничивает независимость судов, рассматривающих дело по аналогичным спорам, и не предрешает выводы судов по квалификации фактических обстоятельств дела.

Указание кассационных судов обеспечивает, прежде всего, казуальное толкование закона, которое способствует не только предотвращению повторного совершения судебных ошибок при новом рассмотрении гражданского дела, но и правильное разрешение аналогичных дел. В этой связи обязательность указаний вышестоящего суда о толковании закона и их обязательность для суда, вновь рассматривающего дело следует рассматривать как процессуально-правовой механизм, обеспечивающий, во-первых, правильное применение норм материального права, в том числе его правильное истолкование; во-вторых, недопустимость необоснованного направления дела вышестоящим судом на новое рассмотрение. Однако о последнем обстоятельстве ученые не говорят, упуская из рассуждений, что в указаниях суда кассационной инстанции обнаруживается обоснованность действий суда вышестоящей инстанции, направляющей дело на новое рассмотрение дела по существу.

Обоснованность указаний суда вышестоящей инстанции по отношению к нижестоящему

суду следует воспринимать также как условие направления дела на новое рассмотрение. В указаниях суд вышестоящей инстанции формирует правовую позицию по делу, отражающую причины, которые не позволяют суду вышестоящей инстанции изменить обжалуемый судебный акт [8, с. 54] либо отменить постановление суда первой или апелляционной инстанции и принять новое судебное постановление, не передавая дело на новое рассмотрение.

Е.А. Борисова, ориентируясь на практику ГПК Австрии, Германии, Польши, справедливо отмечает, что важно сформулировать правило, которое позволит ограничить немотивированную отмену судебного решения и направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, обеспечить осуществление судом данного полномочия в интересах сторон, а не суда, не желающего отвечать за принятие судебного решения [4, с. 42]. В таком аспекте указание суда вышестоящей инстанции является значимым процессуально-правовым инструментом, которое обеспечивает законность судебных постановлений суда и определяет понятность аргументов суда вышестоящей инстанции, по которым лица, участвующие в деле, могут сделать вывод о допущенных нарушениях.

Несмотря на значимость указаний вышестоящих судов при повторном рассмотрении дела по существу, ГПК РФ категорично не определяет правом суда или его обязанностью является дача указаний в отношении суда нижестоящей инстанции. Надо признать, что случаи, когда суд, рассматривающий дело повторно, не принимает во внимание указания вышестоящего суда по рассматриваемому делу, единичны. Но они имеют место в практике судов. Поэтому нельзя согласиться с мнением ученых, которых подвергают сомнению формулировку закона об обязательности указаний суда [5, с. 561].

Невыполнение указаний суда кассационной инстанции Верховный Суд РФ квалифицирует как существенное нарушение норм процессуального права и является основанием к отмене судебного решения [10]. К числу таких оснований Верховный Суд РФ относит повторное рассмотрение дело в прежнем составе суда. Указание кассационной инстанции о рассмотрении дела в ином составе суда противоречит положениям ст. 17 ГПК РФ о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела. Диспозиция указанной статьи не ограничивает возможность судьи рассмотреть дело повторно по указанию суда кассационной инстанции. Однако, такое положение, когда дело рассматривается повторно в том же составе суда, противоречит ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, определяющее, что суд, осуществляя руководство процессом, должен сохранять независимость, объективность и беспристрастность.

Анализ судебной практики доказывает, что суд кассационной инстанции дает указания не только по вопросам толкования закона, но и по вопросам рассмотрения дела повторно в ином составе суда, что соответствует п. 2. ч. 1 ст. 390 ГПК РФ. Однако, указание на необходимость рассмотрения дела в ином составе суда следует конкретизировать как прямую процессуальную обязанность суда, соответствующую основополагающим началам гражданского процессуального права.

Исследуя правовую сущность указаний вышестоящих судов, следует отметить, что указания суда вышестоящих инстанций значительно расширяют судам кассационной инстанции их полномочия, тем самым ограничивая нижестоящие суды в самостоятельности решения, которое принимается по делу в случае повторного рассмотрения. На практике указанная норма толкуется с позиции, что любые предписания суда кассационной инстанции, в которых содержатся определения о направлении дела на новое рассмотрение, должны рассматриваться в качестве обязательных для суда, рассматривающего вновь дело. Однако ученые, несмотря на вполне объяснимую цель, отмечают, что правильное единообразное толкование права, обязательность указаний суда кассационной инстанции противоречит принципу независимости судей, суть которого выражена в подчинении их только закону [6, с. 146].

В процессуальной литературе учеными также подчеркивалось, что нужно отличать обязательность указаний кассационной инстанции по толкованию закона и запрет на указание: какая норма материального права должна быть применена при новом рассмотрении дела. Справедливость такого вывода не всегда соответствует правоприменительной практике, когда суд дает указание следующего характера: «при новом рассмотрении дела судам следует учесть изложенное, проверить доводы относительно наличия всей совокупности оснований для возложения на общество ответственности за причинение вреда, при необходимости разрешить вопрос о зачете затрат на рекультивацию, принять законные и обоснованные судебные акты» [11]. Приведенный пример демонстрирует тот факт, что суд вышестоящей инстанции в своих указаниях не ограничивается разъяснением нормы закона, а указывает на ряд определенных действий, которые надлежит совершить суду [9, с. 41], повторно рассматривающему дело. Подобное положение нельзя признать правильным на основании аргументов, приведен-

ных И.Н. Балашовой и Н.А. Батуриной.

Российский законодатель не указывает каким должно быть указание суда относительно нижестоящего суда. Единственным «маячком» является положение ч. 3 ст. 390 ГПК РФ, в котором определено, что кассационный суд общей юрисдикции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимущества одних доказательств перед другими и определять какое постановление должно быть принято при новом рассмотрении дела, учитывая, что новые доказательства судом кассационной инстанции общей юрисдикции не принимаются и не устанавливаются. Таким образом, возможности суда, кассационной инстанции общей юрисдикции, ограничены толкованием «буквы» закона относительно фактических обстоятельств дела.

Иную методологическую позицию и направление в деятельности судов кассационной инстанции можно увидеть в ГПК Республики Казахстан. Так, в ст. 4-1 ГПК Республики Казахстан определено, что указания о необходимости совершения процессуальных действий, изложенных в постановлении суда кассационной инстанции, в случае отмены судебных актов и передачи дела на новое рассмотрение обязательны для суда, вновь рассматривающего дело. Таким образом, вышестоящий суд предопределяет действия суда, которые надлежит совершить нижестоящему суду.

На практике российские судебные органы также придерживаются позиции о возможности судов вышестоящей инстанции давать указания не только относительно закона, подлежащего применению в данном деле в соответствии с ч. 2 ст. 379.7 ГПК РФ, но и действий, которые должен совершить суд, которому выдается соответствующее указание. Сказанное подтверждает практика. Так, Верховный Суд РФ определил, что «При новом рассмотрении дела суду надлежит учесть изложенное; исследовать доказательства, представленные лицами, участвующими в деле, в обоснование их доводов и возражений; на основании установленных обстоятельств принять законное и обоснованное решение, правильно применив нормы материального и процессуального права» [12]. В этой связи принципиальными для выяснения являются вопросы не только обязательности исполнения нижестоящими судами указаний вышестоящих, но и их содержательной характеристики, которой они должны соответствовать.

В толковом словаре русского языка можно найти толкование значения слова «указание» – распоряжение вышестоящего субъекта, обязательное для исполнения нижестоящим [7].

Учитывая изложенное, указание судов вышестоящих инстанций следует расценивать как ориентирующее требование, содержание которого раскрывается в постановлении судебного органа, являющего вышестоящим по отношении к тому судебному органу, в отношении которого оно направляется. Обязательность указаний вышестоящих судебных инстанций по отношению к нижестоящим предопределено достижением единообразия судебной практики и обеспечением законности, учитывая, что основанием для отмены или изменения судебного постановления судов нижестоящих инстанций является ошибка в применении норм материального права, когда суд при рассмотрении дела не применил закон, подлежащий применению, либо применил закон, но такой закон в конкретном случае применению не подлежит; если была допущена ошибка в толковании норм материального права, т.е. произошло неверное уяснение и разъяснение смысла и содержания нормы; если была допущена ошибка одновременно в применении и толковании норм материального права.

Толкование юридически значимых обстоятельств, на которое ссылался кассационный суд общей юрисдикции по делу, по существу также сводится к оценке доказательств. Исходя из запрета входить в оценку доказательств, суд кассационной инстанции также не вправе отдавать предпочтение оценке доказательств, данной одним из нижестоящих судов, поскольку это требует осуществления собственной оценки, что противоречит его полномочиям, предоставленным ч. 3 ст. 390 ГПК РФ.

Итак, судебная коллегия по гражданским делам не указала в чём заключаются нарушения норм об оценке доказательств со стороны суда апелляционной инстанции. Иная, отличная от произведённой судом первой инстанции, оценка доказательств судом апелляционной инстанции. Кроме того, суд кассационной инстанции не указал, какие действия и выводы суда апелляционной инстанции противоречат требованиям ст. 67 ГПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств. В настоящем случае кассационным судом общей юрисдикции при постановлении судебного акта не были соблюдены требования о его законности и обоснованности, а потому допущенные нарушения являются существенными и непреодолимыми, в связи с чем могут быть исправлены только посредством отмены судебного постановления [13].

Таким образом, высший судебный орган исходит из того, что в случае направления указания в адрес нижестоящего суда (оно рекомендуется)

следует указать, в чём заключается нарушения норм не только материального права, но процессуального права об оценке доказательств со стороны суда апелляционной инстанции.

Верховный суд РФ также стоит на позиции значимости нарушений относительно того, какие действия и выводы суда апелляционной инстанции противоречат требованиям ст. 67 ГПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, которые стали основанием для признания постановления суда незаконным и необоснованным, а допущенные нарушения являются существенными и непреодолимыми и могут быть исправлены только посредством отмены судебного постановления. В этой связи отмена судебного постановления судом вышестоящей инстанции – это не только констатация основания, в соответствии с которым оно должно быть отменено, это констатация тех нарушений, которые были допущены нижестоящим судом и послужили основанием для отмены соответствующего судебного постановления.

Следует признать значимой в реализации задач гражданского судопроизводства положение ранее действующего процессуального закона, а именно ст. 310 ГПК РСФСР, которое предусматривало указания кассационной инстанции на нарушение норм права, не являющиеся основанием к отмене решения в соответствии со ст. 306-308 ГПК РФ. Примечательна также юридическая техника ст. 310 ГПК РСФСР, которая не только предусматривала возможность указаний судом кассационной инстанции в отношении суда, рассмотревшего дело, но определяла формы выражения, в которой они могут быть. Так, кассационная инстанция должна была указать допущенные судом, рассматривающим дело, нарушения норм права как в кассационном определении, так и в специально вынесенном частном определении, правовое регулирование которого обеспечивала ст. 225 ГПК РСФСФ.

Анализ положений полномочий кассационного суда общей юрисдикции (ст. 390 ГПК РФ), полномочий судебной коллегии Верховного Суда РФ (ст. 390.15 ГПК РФ), Президиума Верховного Суда РФ при пересмотре судебных постановлений в порядке надзора (ст. 391.12 ГПК РФ) предусматривают возможность направления дела на новое рассмотрение в иной суд, в том числе с указанием на необходимость рассмотрения дела в ином составе судей. Представляется, что такое указание является излишним, учитывая положение ст. 17 ГПК РФ. Вместе с тем, на практике случаи, когда дело направляется не только в тот же судебный орган, но и тому судье, постановление которого обжалуется, не является редкостью. В этой связи следует законодательно урегулировать вопрос о повторном рассмотрении дела тем же составом суда или судей, который разрешал его первоначально, особенно если указаний суда вышестоящей инстанции не будет.

Учитывая принцип недопустимости повторного рассмотрения дела тем же судьей (составом суда) по той же инстанции, следует обязать суд, указывающий на разъяснения, обосновать конкретные причины, которые не позволяют указанному суду изменить обжалованный судебный акт или принять новое решение, а также внести изменения следующего характера «При направлении дела на новое рассмотрение суд обязан указать, какие процессуальные нарушения необходимо устранить и какие действия должны быть совершены судом, которому направляется дело на повторное рассмотрение».

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что указание кассационного суда является значимым процессуально-правовым инструментом, которое обеспечивает законное исполнение судом, повторно рассматривающим дело, его процессуальных обязанностей, а также обоснованность его судебного постановления, направленного в адрес нижестоящего суда, понятность аргументов об указаниях суда кассационной инстанции суда общей юрисдикции для суда, вновь рассматривающего дело, который может сделать вывод о допущенных им нарушениях, а также лицах, принимавших участие в рассмотрении дела.

Список литературы:

[1] Балашова И.Н. Обязательность указаний суда кассационной инстанции в свете действий принципа независимости судей в гражданском судопроизводстве // Цивилистический процесс: основные проблемы и тенденции развития / Мат. межд. научно-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Маргариты Андреевны Викут (1 октя 2012 г.) / Под ред. А.И. Зайцева. – Саратов: Издат. Центр «Наука», 2012. – С. 27–31.

[2] Пацация М.Ш. К вопросу о законодательных мерах по укреплению процессуальных гарантий независимости нижестоящего суда в контексте права вышестоящего суда на дачу обязательных указаний о толковании закона // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 3. – Т. 9. – С. 45–60.

[3] Каллистратова Р.Ф. Обязательность указаний вышестоящего суда при новом рассмотрении дела // Ученые записки ВИЮН. – Вып. 10. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 52–88.

[4] Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор в Концепции единого ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 5. – С. 40–46.

[5] Кнышев В.П., Потапенко С.В., Горохов Б.А. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пос. / Под ред. В.М. Жуйкова. – М., 2007. – 667 с.

[6] Балашова И.Н., Батурина Н.А. «Острые углы кассационного производства в гражданском судопроизводстве» // Вестник ВГУ. Серия право. – 2017. – № 4. – С. 144–150.

[7] Викисловарь – многофункциональный многоязычный словарь // URL.: https://ru.wiktionary.org/wiki/указание (дата обращения: 17.02.2026).

[8] Леонтьева Я. Е. Оспаривание сделок в банкротном процессе по основанию подозрительности // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 52-55.

[9] Малый А. Ф. Внесение изменений в устав общественной организации: некоторые особенности процедуры // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 36-41.

[10] Определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2025 г. № 18-ГК25-318-К4 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2501084 (дата обращения: 12.03.2026).

[11] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2022 г. по делу № А75-19000/2020 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/JP4xYh8EMxJE/?page=7&vsrf-txt=et (дата обращения: 17.01.2026).

[12] Определение Верховный Суд Российской Федерации от 17 мая 2023 г. по делу № А29-4305/2020 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/NJFUZOdod0UX/?page=6&vsrf-txt (дата обращения: 18.02.2026).

[13] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2024 г. № № 24-КГ24-3-К4 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2367188 (дата обращения: 18.03.2025).

References:

[1] Balashova I.N. The Binding Nature of Instructions from a Court of Cassation in Light of the Principle of Judicial Independence in Civil Proceedings // Civil Procedure: Key Issues and Trends in Development / Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Margarita Andreyevna Vikut, Doctor of Law, Professor, and Honored Scientist of the Russian Federation (October 1, 2012) / Ed. by A.I. Zaitsev. – Saratov: “Nauka” Publishing Center, 2012. – pp. 27–31.

[2] Patsatsiya M.Sh. On Legislative Measures to Strengthen Procedural Guarantees for the Independence of a Lower Court, in the Context of a Higher Court’s Authority to Issue Binding Instructions Regarding the Interpretation of the Law // Herald of Civil Procedure. – 2019. – No. 3. – Vol. 9. – pp. 45–60.

[3] Kallistratova R.F. The Binding Nature of Instructions from a Higher Court During the Re-examination of a Case // Scholarly Notes of the All-Union Institute of Legal Sciences (VIYuN). – Issue 10. – Moscow: Gosyurizdat, 1959. – pp. 52–88.

[4] Borisova E.A. Appeal, Cassation, and Supervisory Review within the Concept of a Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation // Arbitration and Civil Procedure. – 2015. – No. 5. – pp. 40–46.

[5] Knyshev V.P., Potapenko S.V., Gorokhov B.A. Practice of Applying the Civil Procedure Code of the Russian Federation: A Practical Guide / Ed. by V.M. Zhuykova. – Moscow, 2007. – 667 p.

[6] Balashova I. N., Baturina N. A. “Thorny Issues in Cassation Proceedings in Civil Litigation” // Vestnik VGU (Herald of Voronezh State University). Series: Law. – 2017. – No. 4. – pp. 144–150.

[7] Wiktionary – a multifunctional, multilingual dictionary // URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/указание (accessed: 17.02.2026).

[8] Leontyeva Ya. E. “Challenging Transactions in Bankruptcy Proceedings on the Grounds of Suspiciousness” // Law and Statehood. – 2026. – No. 2(11). – pp. 52–55.

[9] Maly A. F. “Amending the Charter of a Public Organization: Certain Procedural Features” // Law and Statehood. – 2026. – No. 1(10). – pp. 36–41.

[10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 28, 2025, No. 18-GK25-318-K4 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2501084 (accessed: 12.03.2026).

[11] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 25, 2022, in Case No. A75-19000/2020 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/JP4xYh8EMxJE/?page=7&vsrf-txt=et (accessed: 17.01.2026).

[12] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 17, 2023, in case No. A29-4305/2020 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/NJFUZOdod0UX/?page=6&vsrf-txt (accessed: February 18, 2026).

[13] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 14, 2024, No. 24-KG24-3-K4 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2367188 (accessed: March 18, 2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-494-504

БЕЛОУС Кирилл Константинович,
аспирант Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
тел.: 8(988)041-18-25,
e-mail: kirillbelous45@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВОСУДИИ: ОТ ДОКТРИНЫ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ВОПЛОЩЕНИЮ

Аннотация. *В статье исследуется феномен социальной солидарности как конституционно-правовой ценности и принципа, воплощённого в российском правосудии. Прослеживается путь от доктринальных истоков и практики Конституционного Суда РФ, предшествовавшей конституционной реформе, к прямому текстуальному закреплению солидарности в статье 75.1 Конституции РФ в 2020 году. Социальная солидарность сопоставляется со смежными конституционными категориями – принципами социального государства (ст. 7) и социальной справедливости, делается вывод об их взаимодополняющем, но не тождественном характере: социальное государство рассматривается как институциональная и целевая форма, тогда как солидарность выступает ценностно-нормативным началом, обосновывающим перераспределительные механизмы с участием общества.*

Методологическая основа исследования включает формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также аксиолого-телеологический подход к толкованию Конституции, который последовательно применялся Конституционным Судом РФ задолго до конституционной реформы.

На основе анализа решений Конституционного Суда РФ (включая «чернобыльское дело», постановление по вопросам капитального ремонта, дела о солидарной ответственности) раскрывается системообразующая роль данного принципа для публично-правовой и частноправовой сфер. Особое внимание уделяется фрагментарности восприятия социальной солидарности судами общей юрисдикции и арбитражными судами после 2020 года. Автор приходит к выводу, что, несмотря на конституционализацию, принцип пока не применяется как норма прямого действия, а используется преимущественно через воспроизводство правовых позиций Конституционного Суда РФ. Исследование вносит вклад в развитие доктрины конституционного права и может служить теоретическим ориентиром для правотворческих и правоприменительных органов, а также для образовательного процесса по дисциплинам «Конституционное право» и «Право социального обеспечения».

Ключевые слова: *социальная солидарность; социальное государство; социальная справедливость; Конституция РФ; конституционная реформа 2020 года; Конституционный Суд РФ; правосудие; солидаризм; конституционные ценности.*

Для цитирования: *Белоус К. К. Проявление социальной солидарности в российском правосудии: от доктрины к практическому воплощению // Образование и право. 2026. № 10. С. 494–504.*

BELOUS Kirill Konstantinovich,
Postgraduate Student at the Institute
of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

THE MANIFESTATION OF SOCIAL SOLIDARITY IN RUSSIAN JUSTICE: FROM DOCTRINE TO PRACTICAL IMPLEMENTATION

Annotation. *The article examines the phenomenon of social solidarity as a constitutional and legal value and principle embodied in Russian justice. It traces the path from the doctrinal origins and*

the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, which preceded the constitutional reform, to the direct textual consolidation of solidarity in Article 75.1 of the Constitution of the Russian Federation in 2020. Social solidarity is compared with related constitutional categories – the principles of the welfare state (Article 7) and social justice – and the conclusion is drawn that they are mutually complementary but not identical: the welfare state is viewed as an institutional and goal-oriented form, while solidarity acts as a value-normative foundation that justifies redistributive mechanisms involving society. The methodological basis of the study includes formal-legal and comparative-legal methods, as well as an axiological-teleological approach to the interpretation of the Constitution, which was consistently applied by the Constitutional Court of the Russian Federation long before the constitutional reform. Based on an analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (including the "Chernobyl case", the ruling on issues related to major repairs, and cases concerning joint and several liability), the system-forming role of this principle for the public law and private law spheres is revealed. Particular attention is paid to the fragmentary nature of the perception of social solidarity by courts of general jurisdiction and arbitration courts after 2020. The author concludes that, despite the constitutionalization, the principle is not yet applied as a norm of direct effect, but is used primarily through the reproduction of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The study contributes to the development of the doctrine of constitutional law and can serve as a theoretical guide for law-making and law-enforcement bodies, as well as for the educational process in the disciplines "Constitutional Law" and "Social Security Law".

Key words: *social solidarity, welfare state social partnership, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Reform of 2020, Constitutional Court of the Russian Federation, justice, solidarism, constitutional values.*

For citation: *Belous K. K. The manifestation of social solidarity in Russian justice: from doctrine to practical implementation. Education and law. 2026;(10):494–504. (In Russ.).*

Введение

Развитие в отечественной правовой доктрине подходов к содержанию принципа социальной солидарности в качестве одной из базовых конституционных ценностей стало результатом не столько конституционных преобразований 2020 года, сколько последствием фактической реализации указанного принципа в практике конституционного правосудия.

В целом категория солидарности принадлежит к числу тех правовых понятий, которые, будучи разработанными в социологической и философско-правовой мысли рубежа XIX–XX веков, обрели закрепление в конституционном праве многих современных правопорядков. Отечественная конституционная реформа 2020 года впервые ввела термин «социальная солидарность» в статью 75.1 Основного Закона. При этом было бы методологической ошибкой полагать, что указанный принцип появился в арсенале российских судов лишь в 2020 году. Напротив, к моменту его текстуального закрепления он уже прошел длительный путь формирования, прежде всего в практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС), который на протяжении трех десятилетий, опираясь на аксиолого-телеологический метод интерпретации Конституции, последовательно наполнял содержанием начала солидарности в социальной сфере.

Как общественное явление социальная солидарность имеет широкий круг векторов дальнейшего правоприменительного воплощения. При этом по прошествии более чем пяти лет с закрепления в конституционном тексте экономической, политической и социальной солидарности нельзя утверждать, что суды восприняли данный принцип в качестве нормы прямого действия. Судебные акты если и содержат упоминания социальной солидарности, то лишь в контексте воспроизводства правовых позиций КС применительно к конкретным категориям споров. Вместе с тем указанный принцип имеет общепризнанное доктринальное содержание, которое позволяет рассматривать социальную солидарность в качестве основополагающего принципа формирования правовой политики.

Доктринальная основа социальной солидарности как проявления справедливости

Не претендуя на общий охват различных философских и социологических исследований в данной области, которые можно исчислять ещё от трудов классиков Древней Греции и Древнего Рима, заметим, что *политико-правовая* доктрина солидаризма связана прежде всего с именем французского правоведа Л. Дюги (1859-1928), которого относят к представителям социологического подхода к пониманию конституции [3]. Опираясь на идеи О. Конта и Э. Дюркгейма, Дюги определял солидарность как факт взаимной зависимости людей, соединяющий их между собой в силу общности потребностей и разделения труда [8; 17, с. 45-53]. Он вслед за логикой рассуждений

Э. Дюркгейма различал две её формы: *по сходству*, которая возникает в обществе на основе естественных правил общежития, и *через разделение труда*, которая характерна для промышленно-развитых обществ и для которой необходимы легитимные публичные институты социального обеспечения, основанные на целесообразном распределении общего бремени между трудящимися. В общих чертах указанная классификация демонстрирует, что солидаризм предполагает или естественные (не требующие объяснения) или легитимируемые публичными институтами условия сотрудничества и взаимопомощи, находящиеся в балансе между жестким всеобщим уравниванием и крайними проявлениями индивидуализма.

Как писал русско-французский мыслитель Г. Д. Гурвич (1894–1965), «государственное позитивное право в полной мере воплощает право естественное, которое служит не критике существующего порядка, а *оправданию этого порядка*...» [6, с. 297] (курсив наш). Противопоставляя укоренённому в либеральной философии индивидуализму социальное право, Гурвич указывал, что правовое регулирование нацелено на партнёрство, взаимопомощь и установление мира [7], что предполагает его значимую публичную роль в распределении экономических благ. В этом отношении солидарность тесно связана с принципом справедливости правового регулирования, в рамках которого каждому обеспечиваются 1) условия для достойной жизни и 2) правовосстановительные механизмы защиты. В этой связи можно сделать вывод, что доктринальной основой солидарности является потребность в обеспечении стабильности и поддержания доверия граждан к публичной власти, что перекликается с конституционными принципами равенства и социальной справедливости, утвердившимися в отечественном правосудии и имеющими как неразрывную связь друг с другом [5], так и основания для конкуренции, в частности, в отмечаемых наукой и практикой случаях «справедливого неравенства» [2]. Отметим, что выражением справедливости в праве в более конкретном её выражении О.Э. Лейст видел отсутствие массового протеста посредством обеспечения соответствия права содержанию интересов влиятельных социальных групп и массовому (обыденному) правосознанию большей части общества [12, с. 93]. Таким образом, социальная справедливость и солидарность предполагают, как правило, соответствие права интересам большинства.

А.В. Ильин определил порядок реализации социальной солидарности следующим образом: «каждый член общества готов принять на себя дополнительные обязанности или отказаться от осуществления своего права ради улучшения социального или экономического положения одной социальной группы или нескольких групп или всего общества в целом» [1, с. 16]. В развитие данного определения П.Д. Блохин указывает, что «принцип социально-экономической солидарности предполагает заведомую для лица неэквивалентность производимых им взносов в «общий котел» (общественный фонд) тому экономическому благу (встречному предоставлению), которое оно получит в случае наступления определенных законом событий (рисков), что в конечном счете ведет к увеличению общественного благосостояния за счет средств наиболее состоятельных (экономически эффективных) членов социума (участников правоотношений)» [1, с. 10]. В качестве примера политической солидарности П.Д. Блохин приводит ситуации, когда в рамках механизмов избирательного права устанавливается возможность поддержки одними кандидатами или фракциями других, либо возможность формировать политические коалиции [1, с. 10]. В этом смысле солидарность представляет собой рациональное поведение, направленное на формирование правил взаимовыгодной поддержки.

Назначение принципа социально-экономической солидарности, по мнению П.Д. Блохина, заключается в том, что он «призван в известной мере скорректировать эгоцентрическую модель правового регулирования, основанную на началах свободы экономической деятельности, конкуренции и формального равенства, в коллективистском направлении, основанном, в свою очередь, на идеях социального государства, охраны достоинства личности и равенства неформального (фактического)» [1, с. 12].

Представленный обзор теоретических концепций социальной солидарности и справедливости демонстрирует рассогласованность отечественной доктрины в части понятийно-категориального аппарата, классификационных моделей, выделения общих и особенных черт солидаризма и справедливости. Вместе с тем можно в наиболее общих чертах заключить, что солидарность является условием справедливости правового регулирования, поскольку предполагает уважение прав и свобод другого, осознание публичных интересов. Можно даже заключить, что чем выше уровень солидарности в обществе – тем выше уровень правовой культуры. Наиболее очевидной отсюда видится связь социальной солидарности и провозглашением Российской Федерации социальным государством.

Социальная солидарность как принцип социального государства

Обозначенные конституционные ценности

представляют собой нормы-принципы предельно общего характера, которые конкретизируются, обретают формально-определенное содержание в правотворчестве и правоприменении [4, с. 109-27].

В российском конституционном праве принцип социального государства закреплён в статье 7 Конституции РФ. Эта норма относится к основам конституционного строя (глава 1) и обладает повышенной юридической защитой. В развитие данного положения конституционный текст конкретизирует, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Вместе с тем обозначенные направления государственно-правовой политике в большей мере обращены к органам государственной власти (поскольку устанавливают гарантии от имени Российской Федерации), но именно принцип социальной солидарности распределяет указанное бремя также на общественные институты, организации и граждан.

Подходы к задачам социального государства в доктрине также нельзя назвать однозначными.

Рассматривая содержание понятия социального государства О.Е. Кутафин указывал, что задачей такого государства является достижение общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности [10, с. 94]. С другой стороны, Н.В. Путило полагает, что главная задача социального государства состоит в создании надлежащих условий воспроизводства жизни человека как биологического существа и как субъекта различных видов общественной жизнедеятельности [11, с. 233]. Указанные подходы в определенной мере содержат конкурирующие индивидуалистическое и солидаристское содержание.

В Заключении от 16 марта 2020 года № 1-3 КС указал, что положения статьи 75.1 Конституции РФ направлены на достижение в государственной политике, правовом регулировании и правоприменительной практике *оптимального соотношения* индивидуальной свободы и общественной солидарности [18]. Тем самым Суд связал солидарность с фундаментальным балансом частного и публичного начал отечественной правовой системы. В этой части принцип социальной солидарности можно рассматривать как проявление коллективного, общезначимого направления в реализации социальной политики применительно к обществу в целом и в интересах каждого в отдельности.

Развёрнутую доктринальную позицию КС сформулировал в Информации от 14 ноября 2023 года, посвящённой конституционно-правовым аспектам обеспечения экономической, политической и социальной солидарности. КС подчеркнул, что, не присутствуя вплоть до 2020 года терминологически в тексте Конституции, солидарность субстанционально была изначально включена в систему конституционного регулирования, на что указывают закреплённые в преамбуле ценности гражданского мира и согласия, государственного единства, ответственности за благополучие России перед будущими поколениями [19], что также определяется целями социального государства. При этом КС в рассматриваемом информационном материале также указал, что содержание социальной солидарности находится в тесной взаимосвязи с нормативным наполнением принципов социального государства. Нормативное содержание социальной солидарности выражается во взаимных правах и обязанностях граждан и государства: праву на получение мер социальной защиты корреспондирует обязанность государства законодательно определить их условия, сформировать необходимые публичные финансовые ресурсы и создать систему органов, осуществляющих социальную политику [19].

Кроме того, Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас, комментируя поправки в Конституцию РФ от 2020 года, указывали, что нормы о социальной солидарности в конституционном тексте «направлены на расширение социальных гарантий граждан, в том числе в сфере труда, пенсионного обеспечения, социального страхования. Таким образом продолжается последовательная реализация принципов социального государства, составляющих одну из основ конституционного строя, а также государственной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина» [16, с. 72].

По итогам представленного в рамках настоящего пункта статьи краткого обзора категорий социального государства и социальной солидарности, вновь можно прийти, что направления их трактовки могут давать правоприменителю широкий простор для дальнейшего развития. Предельно-общий их характер по принципу «понятно каждому и не требует объяснения» вместе с тем не снимает с исследователя описать их соотношение тем или иным образом. В контексте проведенного исследования, можно утверждать, что социальное государство есть институциональная и целевая форма (тип государства и направление его политики), тогда как социальная солидарность – это ценностно-нормативное начало, которое наполняет социальное государство содержанием и обосновывает

перераспределительные механизмы при участии граждан, организаций, общественных институтов.

3. Принцип социальной солидарности в судебной практике

Конституционная реформа 2020 года ознаменовала, по выражению КС, «новый этап конституционализации начала солидарности». Термин «солидарность» встречается в обновлённом тексте дважды: в части 6 статьи 75 говорится о солидарности поколений как принципе формирования системы пенсионного обеспечения, а статья 75.1 закрепляет экономическую, политическую и социальную солидарность в качестве общих начал [15]. Возведение солидарности в статус конституционно-правовой ценности имеет принципиальное значение: в этом качестве она оказывается под дополнительной правовой защитой, в том числе посредством деятельности КС, и может использоваться как руководящее начало и мерило на всех стадиях правового регулирования [14].

Как отметил председатель КС В.Д. Зорькин, гуманистические начала судебной власти предполагают практическое воплощение в деятельности судов курса на социально ориентированное правосудие, а социальная солидарность покоится на взаимном доверии между властью и обществом [9, с. 4-5]. Заявленный в начале настоящей статьи тезис о том, что солидарность как конституционный принцип присутствовала в практике КС на протяжении длительного времени до её формального закрепления, подтверждается решениями, принятыми ещё в первые десять лет с даты принятия Конституции РФ 1993 г.

Обратимся к известному «чернобыльскому делу». В Постановлении от 19 июня 2002 года № 11-П, посвящённом возмещению вреда гражданам, пострадавшим вследствие чернобыльской катастрофы, КС, опираясь на статьи 1, 2 и 7 Конституции РФ во взаимосвязи со статьями 42 и 53, указал, что признание и обеспечение права на возмещение вреда здоровью составляет конституционную обязанность Российской Федерации как социального правового государства [20]. Примечательно, что в этом же решении Суд провёл важное разграничение: денежные компенсации чернобыльцам не основываются на принципе солидарности поколений (характерном для обязательного социального страхования), а являются формой возмещения вреда со стороны государства. Воспроизводство указанной доктринальной концепции справедливого распределения благ в интересах лиц, утративших трудоспособность по возрасту, позволило отграничить их от компенсаторных механизмов в интересах граждан, утративших трудоспособность, что вывело данные формы социальных выплат в специальную категорию.

Ярким примером прямого использования конструкции социальной солидарности стало Постановление КС от 12 апреля 2016 года № 10-П по делу о проверке конституционности положений Жилищного кодекса РФ о взносах на капитальный ремонт. Проверяя метод формирования фонда капитального ремонта по принципу «общего котла», при котором средства собственников одного дома могут направляться на ремонт других домов в пределах региона, КС признал спорные нормы конституционными. Обосновывая своё решение, КС указал, что такой подход «согласуется с принципами социальной солидарности и равенства, которые применительно к отношениям, связанным с организацией и проведением капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, предполагают совместное и равное участие всех собственников помещений в этих домах в создании финансовой основы» для их надлежащего содержания и «выступают тем самым в качестве необходимого условия устойчивого функционирования региональных систем капитального ремонта».

Постановление КС «по капремонту» утвердило практическое направление реализации принципа солидарности: он способен обосновывать конкретные обязанности частных лиц и одновременно служить критерием конституционности законодательных механизмов перераспределения. В последующим (растущие по сей день) взносы на капитальный ремонт утвердились в качестве общепризнанных и сформировали самостоятельный крупный рынок подрядов в области капитального ремонт многоквартирных домов.

Показательно и Постановление от 26 марта 2025 года, в котором КС, рассматривая конституционность статьи 322 Гражданского кодекса РФ о солидарной ответственности, подчеркнул недопустимость постановки исполнившего солидарное обязательство лица в положение потенциального конфликта с другими должниками, что нарушало бы статьи 2, 17, 18 и 21 Конституции РФ [21]. Это демонстрирует, что конституционный принцип солидарности воздействует и на частное право, задавая ценностные ориентиры даже для институтов частного права, позволяя сопоставлять гражданско-правовой институт солидарной ответственности и конституционный принцип социальной солидарности, что может иметь далеко идущие последствия, касающиеся распределения обязательств, в том числе в рамках процедур банкротства (например, определения очередности удовлетворения требований в зависимости от уровня социальной защищенности кредитора).

Согласно обозначенному широкому пониманию социальной солидарности, КС в судебном

постановлении ещё в 1997 году пришел к заключению, она направлена на соответствующее принципу справедливости перераспределение социальных благ между членами общества (от работающих к безработным, от здоровых к больным, от трудоспособных к нетрудоспособным и т.п.), в связи с чем предполагает и справедливое распределение обязанностей по уплате налогов и страховых взносов в системе обязательного социального страхования [22-26].

После 2020 года КС активно использует статью 75.1 Конституции РФ в качестве нормативного основания своих правовых позиций. Так, в постановлениях от 11 ноября 2021 года № 48-П и от 9 ноября 2022 года № 48-П Суд связал требования ясности и непротиворечивости законодательного регулирования, понятности механизма его действия с конституционным принципом солидарности [27]. Суд указал, что требование добросовестного поведения с учётом положений статьи 75.1 Конституции РФ в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах [19].

Исследование практики Верховного суда РФ и подведомственных ему судебных органов в свою очередь позволяет заключить, что принцип социальной солидарности применяется не во всей полноте его значений, что не позволяет реализовать функции данного принципа, направленные на развитие отечественной правовой системы. Отметим, однако, те направления, в которых суды исходили из широкого восприятия рассматриваемого принципа.

В частности, со ссылками на принцип социальной солидарности, закрепленный в статье 75.1 Конституции РФ, Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 17.04.2026 по делу № А55-20780/2023 указал, что «действующее градостроительное законодательство и Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" направлены на необходимость обеспечения сохранности находящихся на его территории объектов культурного наследия, а также иных объектов, представляющих собой историко-культурную ценность и в этих целях под контролем соответствующих органов охраны … осуществляется комплекс мероприятий, включая разработку градостроительных регламентов, касающихся размеров и пропорций зданий и сооружений, использования отдельных строительных материалов, цветового решения, запрета или ограничения размещения автостоянок, рекламы и вывесок, других ограничений, необходимых для обеспечения сохранности объектов культурного наследия и всех исторически ценных градоформирующих объектов данного поселения» [28]. В контексте земельных споров данный принцип применяется и судами общей юрисдикции [29].

Также Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 08.12.2025 по делу о банкротстве № А40-252313/2023 указал, что «с учетом положений статьи 75.1 Конституции РФ о социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности требование о добросовестном поведении в материально-правовых и процессуальных отношениях распространяется в силу его универсальности и на кредиторов, тем более осуществляющих предпринимательскую деятельность, которая, будучи профессиональной, самостоятельной и рисковой, может оказывать серьезное влияние на обеспечение прав и законных интересов множества иных лиц» [30]. Исходя из этого суд заключил, что кредиторы должны обращаться в суд с заявлением о привлечении к ответственности контролирующих должника лиц только удостоверившись в том, что сам должник не будет исполнять обязательство ни добровольно, ни принудительно. В обозначенном контексте социальная солидарность защищает должника в деле о банкротстве от недобросовестных действий его кредиторов. Примечательно, что тем же судом в другом банкротном деле в постановлении от 03.09.2025 по делу № А41-615/2020 отмечена обратная позиция, в пользу кредитора: «в рамках банкротных процедур законодатель – исходя из положений части 1 статьи 7 Конституции РФ о том, что политика России как социального государства направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека, а также ее статьи 75.1 об экономической и социальной солидарности – может вводить регулирование, влекущее приоритетное удовлетворение требований тех или иных категорий кредиторов» [31]. Вместе с тем заметим, что в рассматриваемом деле кредиторами выступали граждане – участники долевого строительства, а должником – компания-застройщик.

Принцип социальной солидарности упоминается и при обосновании изъятия имущества по коррупционным делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции [32-34]. В более широком контексте, касающимся толкования пределов реализации права собственности, судами указывается, что «реализация частного интереса лица может вступить в непреодолимое противоречие с интересами общего блага, нарушая тем самым положения статей 17 (часть 3) и 75.1 Конституции РФ о недопустимости осуществления прав с нарушением прав других лиц и об экономической и социальной солидарности» [35].

Кроме того, защита публичных интересов в практике судов общей юрисдикции получила развитие в контексте социальной солидарности начиная с административного дела по заявлению о признании недействующими пунктов 42, 42.1, 42.2, 42.3 указа мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ «Об этапах снятия ограничений, установленных в связи с введением режима повышенной готовности» [36].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно места и роли принципа социальной солидарности в российском правосудии.

Во-первых, генезис категории социальной солидарности как конституционно-правовой ценности представляет собой результат не столько конституционной реформы 2020 года, сколько длительной эволюции доктрины и правоприменительной практики. Восходя к идеям солидаризма Л. Дюги, опиравшегося на социологические концепции О. Конта и Э. Дюркгейма, а также к социально-правовым воззрениям Г. Д. Гурвича, категория солидарности была воспринята отечественной наукой и наполнена содержанием, позволяющим рассматривать её как условие справедливости правового регулирования. Текстуальное закрепление солидарности в статье 75.1 Конституции РФ стало, таким образом, юридическим оформлением уже сложившегося принципа, а не его учреждением.

Во-вторых, соотношение социальной солидарности с категориями социального государства (ст. 7) и социальной справедливости носит не тождественный, а взаимодополняющий характер. Социальное государство выступает институциональной и целевой формой – типом государства и направлением его политики, тогда как социальная солидарность представляет собой ценностно-нормативное начало, наполняющее эту форму содержанием и обосновывающее перераспределительные механизмы с участием граждан, организаций и общественных институтов. Именно солидарность распределяет бремя социальных обязательств не только на органы публичной власти, но и на общество в целом, тем самым корректируя эгоцентрическую модель правового регулирования в коллективистском направлении.

В-третьих, анализ практики КС подтверждает системообразующий характер принципа солидарности. При этом принцип солидарности проявляет способность воздействовать не только на публично-правовую, но и на частноправовую сферу, задавая ценностные ориентиры для норм и институтов гражданского права.

В-четвёртых, практика Верховного Суда РФ и нижестоящих судов свидетельствует о том, что по прошествии более пяти лет с момента конституционализации принцип социальной солидарности пока не воспринят судами как норма прямого действия во всей полноте его значений. Судебные акты преимущественно воспроизводят правовые позиции КС применительно к отдельным категориям споров, в частност, градостроительным и земельным, банкротным, коррупционным, административным и т.д. Показательна при этом разнонаправленность толкования данного принципа: в делах о банкротстве один и тот же принцип используется как для защиты должника от недобросовестных кредиторов, так и для приоритетного удовлетворения требований социально уязвимых категорий кредиторов. Искомым критерием применимости данного принципа выступает защита более слабой стороны правоотношения.

Таким образом, социальная солидарность выступает системообразующим началом социально ориентированного правосудия, покоящимся на взаимном доверии между властью и обществом. Вместе с тем сохраняющаяся рассогласованность понятийно-категориального аппарата доктрины и фрагментарность судебного применения указывают на то, что раскрытие функционального потенциала данного принципа остаётся задачей дальнейшего развития как правовой науки, так и правоприменительной практики. Последовательное восприятие судами социальной солидарности в качестве полноценного руководящего начала в рамках всех конституционных видов судопроизводства способно стать значимым фактором совершенствования отечественной правовой системы и повышения уровня правовой культуры общества.

Список литературы:

[1] ARS IURIS: сборник научных статей к юбилею Г.А. Гаджиева / М.В. Антонов, В.С. Белых, С.В. Белых и др.; под общ. ред. П.Д. Блохина, А.В. Ильина, Д.В. Тютина. М.: Статут, 2023. – 264 с.

[2] Бондарь Н.С. Конституционное равенство – базовая ценность правосудия: методологические основы исследования // Российская юстиция. 2025. № 12. С. 11–19.

[3] Варламова Н.В. Социетальный конституционализм: специфика конституционализации и проблема когерентности правопорядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 4. С. 167–186.

[4] Габов А.В. Баланс конституционных принципов свободы экономической деятельности и социального государства (на примере правовых позиций конституционного суда). Сборник научно-практических статей II Международной

научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (22 апреля 2015 года, г. Москва) / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского, 2015. С. 109–127.

[5] Гринберг В.Г. Проблемы социальной справедливости в борьбе двух идеологий // Моральные ценности развитого социализма. Вып. 2. М., 2981. – 72 с.

[6] Гурвич Г. Д. Философия и социология права. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 2004. – 847 с.

[7] Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. – 848 с.

[8] Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона / Л. Дюги; перевод с французского М. М. Сиверс; под редакцией и с предисловием профессора А. Г. Гойхбарга. М., 1919. – 110 с.

[9] Зорькин В.Д. Судебная власть перед вызовами времени // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 2(92). С. 1–40.

[10] Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. – 1040 с.

[11] Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): Монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 585 с.

[12] Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. – 279 с.

[13] Нерсесянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 3-15.

[14] Руденко В.В. Солидарность как конституционно-правовая ценность в России // Антиномии. 2025. Т. 25. вып. 1. С. 198–216.

[15] Садовникова Г.Д. Конституционная поправка 2020 года и развитие правовой основы экономических, социальных, экологических прав граждан // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9. С. 70–77.

[16] Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: «Норма: ИНФРА-М», 2020. – 237 с.

[17] Шапкин И.Н. Французская школа солидаризма: теоретические воззрения Леона Дюги. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 14(6). С. 45–53.

[18] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037 (дата обращения: 19.07.2026).

[19] Информация Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 г. «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020-2023 годов)». // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462470/ (дата обращения: 19.07.2026).

[20] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), федеральных законов от 12 февраля 2001 года “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» // Российская газета. 2002. 2 июля.

[21] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 марта 2025 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 322 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.Я. Сахаровой» // Российская газета. 2025. 26 марта.

[22] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.1998 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года “О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в Фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год” в связи с жало-

бами ряда граждан и запросами судов» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18002/ (дата обращения: 19.07.2026).

[23] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2007 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона “О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год” в связи с жалобой гражданки Т.А. Баныкиной» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67245/ (дата обращения: 19.07.2026).

[24] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2021 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 430 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.А. Беловой» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381958/ (дата обращения: 19.07.2026).

[25] Постановление Конституционного Суда РФ от 04.10.2022 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности пункта 17 части 1 статьи 30 Федерального закона “О страховых пенсиях” и статей 12 и 13 Федерального закона “О специальной оценке условий труда” в связи с жалобой гражданки И.В. Глущенко» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428197/ (дата обращения: 19.07.2026).

[26] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2022 г. № 56-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с жалобой гражданки А.А. Дробковой» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434929/ (дата обращения: 19.07.2026).

[27] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвёртой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона “О газоснабжении в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Ю. В. Тихонова». // Российская газета. 2021. 26 ноября.

[28] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.04.2026 по делу № А55-20780/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[29] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2026 № 88-5988/2026 // ГАС РФ «Правосудие». URL: sudrf.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[30] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.12.2025 г. по делу № А40-252313/2023 // // Картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[31] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.09.2025 г. по делу № А41-615/2020.

[32] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2026 № 88-10258/2026 // ГАС РФ «Правосудие». URL: sudrf.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[33] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2026 № 88-5452/2026 // ГАС РФ «Правосудие». URL: sudrf.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[34] Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.04.2026 № 88-2700/2026 // ГАС РФ «Правосудие». URL: sudrf.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[35] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2026 № 88-7279/2026 // ГАС РФ «Правосудие». URL: sudrf.ru (дата обращения: 19.07.2026).

[36] Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 по делу № 66а-3836/2022 // ГАС РФ «Правосудие». URL: sudrf.ru (дата обращения: 19.07.2026).

References:

[1] ARS IURIS: A Collection of Scholarly Articles in Honor of the Jubilee of G. A. Gadzhiev / M. V. Antonov, V. S. Belykh, S. V. Belykh, et al.; edited by P. D. Blokhin, A. V. Ilyin, and D. V. Tyutin. Moscow: Statut, 2023. – 264 p.

[2] Bondar, N. S. Constitutional Equality as a Fundamental Value of Justice: Methodological Foundations for Research // Rossiyskaya Yustitsiya [Russian Justice]. 2025. No. 12. pp. 11–19.

[3] Varlamova, N. V. Societal Constitutionalism: The Specifics of Constitutionalization and the Problem of Legal Order Coherence // Sravnitelnoye Konstitutsionnoye Obozreniye [Comparative Constitutional Review]. 2025. No. 4. pp. 167–186.

[4] Gabov, A. V. The Balance Between the Constitutional Principles of Freedom of Economic Activity and the Social State (Based on the Legal Positions of the Constitutional Court). In: Collection of Scholarly and Practical Articles from the II International Scientific and Practical Conference "Current Issues in Entrepreneurial and Corporate Law in Russia and Abroad" (April 22, 2015, Moscow) / E. A. Abrosimova, V. K. Andreev, L. V. Andreeva, et al.; edited by S. D. Mogilevsky and M. A. Egorova. Moscow: RANEPA (Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration), M. M. Speransky Faculty of Law, 2015. pp. 109–127.

[5] Grinberg, V. G. Problems of Social Justice in the Struggle Between Two Ideologies // Moral Values of Developed Socialism. Vol. 2. Moscow, 1981. – 72 p.

[6] Gurvitch G. D. Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; Faculty of Law of St. Petersburg State University Publishing House, 2004. – 847 p.

[7] Gurvitch G. D. Philosophy and Sociology of Law: Selected Works / translated by M. V. Antonov, L. V. Voronina. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2004. – 848 p.

[8] Duguit L. General Transformations of Civil Law Since the Napoleonic Code / L. Duguit; translated from French by M. M. Sivers; edited and with a preface by Professor A. G. Goykhbarg. Moscow, 1919. – 110 p.

[9] Zorkin V. D. Judicial Power Facing the Challenges of the Times // Journal of Constitutional Justice. 2023. No. 2(92). pp. 1–40.

[10] Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Ed. by V. D. Zorkin. 3rd ed., revised. Moscow: Norma; INFRA-M, 2013. – 1040 p.

[11] The Constitution of the Russian Federation: From a Vision of the Future to Reality (On the 20th Anniversary of Russia's Fundamental Law): Monograph / Ed. by T. Ya. Khabrieva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2014. – 585 p.

[12] Leist O.E. The Essence of Law: Problems in the Theory and Philosophy of Law. Moscow: Zertsalo-M, 2002. – 279 p.

[13] Nersesyants V.S. Law as a Necessary Form of Equality, Freedom, and Justice // Sociological Studies. 2001. No. 10. pp. 3–15.

[14] Rudenko V.V. Solidarity as a Constitutional-Legal Value in Russia // Antinomies. 2025. Vol. 25, Issue 1. pp. 198–216.

[15] Sadovnikova G.D. The 2020 Constitutional Amendment and the Development of the Legal Framework for Citizens' Economic, Social, and Environmental Rights // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2025. No. 9. pp. 70–77.

[16] Khabrieva T.Ya., Klishas A.A. Thematic Commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues Regarding the Organization and Functioning of Public Authority." Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. – 237 p.

[17] Shapkin I.N. The French School of Solidarism: Theoretical Views of Léon Duguit. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2024. No. 14(6). pp. 45–53.

[18] Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020, No. 1-Z // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037 (accessed: July 19, 2026).

[19] Information from the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 14, 2023: "Current Constitutional and Legal Aspects of Ensuring Economic, Political, and Social Solidarity: On the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation (Based on Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2020–2023)" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462470/ (accessed: July 19, 2026).

[20] Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 19, 2002, No. 11-P, "In the case concerning the constitutionality of certain provisions of the Law of the Russian Federation of June 18, 1992, 'On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Nuclear Power Plant Disaster' (as amended on November 24, 1995, and February 12, 2001), and the Federal Law of February 12, 2001, 'On Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Nuclear Power Plant Disaster"'" // Rossiyskaya Gazeta, July 2, 2002.

[21] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 11, 2025 No. 11-P "In the case of verifying the constitutionality of Article 322 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.Ya. Sakharova" // Rossiyskaya Gazeta. 2025. March 26.

[22] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 24, 1998 No. 7-P "In the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Articles 1 and 5 of the Federal Law of February 5, 1997 "On the tariffs of insurance contributions to the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, the State Employment Fund of the Russian Federation and the Compulsory Medical Insurance Funds for 1997" in connection with complaints a number of citizens and court requests" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18002/ (date of access: 07.19.2026).

[23] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2007 No. 4-P "In the case of verifying the constitutionality of the provisions of part one of Article 15 of the Federal Law "On the budget of the Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2002" in connection with the complaint of citizen T.A. Banykina" //

SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67245/ (access date: 07/19/2026).

[24] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/09/2021 No. 12-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraph 7 of Article 430 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.A. Belova" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381958/ (date of access: 07.19.2026).

[25] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 4, 2022 No. 40-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraph 17 of part 1 of Article 30 of the Federal Law “On Insurance Pensions” and Articles 12 and 13 of the Federal Law “On Special Assessment of Working Conditions” in connection with the complaint of citizen I.V. Glushchenko" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428197/ (date of access: 07.19.2026).

[26] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 21, 2022 No. 56-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of part 1 of Article 10 of the Federal Law “On additional measures of state support for families with children” in connection with the complaint of citizen A.A. Drobkova" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434929/ (date of access: 07/19/2026).

[27] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 11, 2021 No. 48-P “In the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 6 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, paragraph 1 of Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 32 of the Federal Law “On Gas Supply in the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Yu.V. Tikhonov." // Russian newspaper. 2021. November 26.

[28] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated April 17, 2026 in case No. A55-20780/2023 // Card file of arbitration cases. URL: kad.arbitr.ru (date of access: 07/19/2026).

[29] Determination of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04/08/2026 No. 88-5988/2026 // State Antimonopoly Service of the Russian Federation “Justice”. URL: sudrf.ru (access date: 07/19/2026).

[30] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated December 8, 2025 in case No. A40-252313/2023 // // Card file of arbitration cases. URL: kad.arbitr.ru (date of access: 07/19/2026).

[31] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated September 3, 2025 in case No. A41-615/2020.

[32] Determination of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 23, 2026 No. 88-10258/2026 // State Antimonopoly Service of the Russian Federation “Justice”. URL: sudrf.ru (access date: 07/19/2026).

[33] Determination of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 13, 2026 No. 88-5452/2026 // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. URL: sudrf.ru (access date: 07/19/2026).

[34] Determination of the Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04/02/2026 No. 88-2700/2026 // State Antimonopoly Service of the Russian Federation “Justice”. URL: sudrf.ru (access date: 07/19/2026).

[35] Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 04/07/2026 No. 88-7279/2026 // GAS RF “Justice”. URL: sudrf.ru (access date: 07/19/2026).

[36] Appeal ruling of the First Court of Appeal of General Jurisdiction dated December 13, 2022 in case No. 66a-3836/2022 // State Antimonopoly Service of the Russian Federation “Justice”. URL: sudrf.ru (access date: 07/19/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-505-509
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЭЛЬМУРЗАЕВ Асолтан Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Административное право и процесс»,
Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии
Е.Н. Зиничева,
e-mail: elmurzaev.78@mail.ru

АШУРОВ Турал Кенанович,
студент 4 курса,
Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии
Е.Н. Зиничева,
e-mail: turalasurov26@gmail.ru

ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗЬ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СООТВЕТСТВИИ С ГРАЖДАНСКИМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЛИЯНИЕ НА ПРАВО НА ЗАЩИТУ И ОЦЕНКУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В данной статье комплексно рассматривается институт видеоконференц-связи в гражданском судопроизводстве в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации с акцентом на статье 155.1 в условиях цифровой трансформации. Анализ охватывает правовую базу, судебную практику, риски и ограничения, а также влияние дистанционного формата на реализацию права на защиту и процедуру оценки доказательств, в частности, на достоверность свидетельских показаний и восприятия невербальной коммуникации. Особое внимание уделяется технологическим, идентификационным и процессуальным проблемам, которые напрямую влияют на качество показаний, достоверность доказательств и равенство процессуальных прав. На основе эмпирического анализа формулируются научно обоснованные рекомендации по совершенствованию нормативно-правового регулирования и практического применения технологий видеоконференц-связи в российском гражданском судопроизводстве.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство; видеоконференц-связь; ГПК РФ; статья 155.1; процессуальные гарантии; доказательства; свидетельские показания; идентификация; цифровизация правосудия; дистанционное участие.*

Для цитирования: *Эльмурзаев А. В., Ашуров Т. К. Видеоконференц-связь в гражданском судопроизводстве в соответствии с гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации: влияние на право на защиту и оценку доказательств // Образование и право. 2026. № 10. С. 505–509.*

ELMURZAEV Asoltan Valerievich,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Administrative Law and Process,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

ASHUROV Tural Kenanovich,
4th year student,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

VIDEOCONFERENCING IN CIVIL PROCEEDINGS IN ACCORDANCE WITH THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: IMPACT ON THE RIGHT TO DEFENSE AND ASSESSMENT OF EVIDENCE

Annotation. *The article examines the procedural aspects of videoconferencing in Russian civil proceedings with regard to Article 155.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The study addresses the legal grounds for remote participation, participant identification, confidentiality of communication with representatives, and the specific features of perceiving and assessing evidence presented through video communication. Particular attention is given to technological factors that may affect the exercise of procedural rights and the reliability of witness testimony. Based on the analysis, proposals are formulated to improve the legal regulation and practical application of videoconferencing in civil proceedings.*

Key words: *civil proceedings; videoconferencing; Civil Procedure Code; Article 155.1; procedural guarantees; evidence; witness testimony; identification; digitalization of justice; remote participation.*

For citation: *Elmurzaev A. V., Ashurov T. K. Videoconferencing in civil proceedings in accordance with the civil procedure code of the Russian Federation: Impact on the right to defense and assessment of evidence. Education and law. 2026;(10):505–509. (In Russ.).*

Расширение применения цифровых средств связи в гражданском судопроизводстве обусловило появление новых форм участия лиц в рассмотрении дел. Видеоконференц-связь позволяет обеспечить присутствие участника без его непосредственного нахождения в зале суда, однако такой формат одновременно требует дополнительных процессуальных гарантий. В российском гражданском процессе основное нормативное регулирование соответствующего механизма закреплено в статье 155.1 ГПК РФ [1].

Использование видеоконференц-связи способствует сокращению временных и организационных издержек, облегчает участие лиц, находящихся на значительном расстоянии от суда, и в целом расширяет доступ к судебной процедуре. Вместе с тем дистанционный формат не должен рассматриваться исключительно как техническое решение. Он затрагивает вопросы реализации права на защиту, конфиденциальности общения с представителем, достоверности показаний и полноценного исследования доказательств. Поэтому правовая оценка видеоконференц-связи должна учитывать не только ее преимущества, но и процессуальные риски.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном рассмотрении правовых, процессуальных и технологических аспектов применения видеоконференц-связи в гражданском судопроизводстве. Для ее достижения необходимо определить содержание процессуальных гарантий, действующих при дистанционном участии, выявить обстоятельства, способные повлиять на исследование доказательств, и сформулировать предложения по совершенствованию соответствующего регулирования.

Положения статьи 155.1 ГПК РФ предусматривают возможность участия лиц в судебном заседании посредством систем видеоконференц-связи при наличии соответствующей технической возможности. До начала заседания производится проверка личности участника, а сам дистанционный способ участия не должен приводить к ограничению принадлежащих ему процессуальных прав [3]. Таким образом, законодатель связывает допустимость использования технологии одновременно с технической обеспеченностью и сохранением процессуального статуса участника.

Это положение подчеркивает два фундаментальных требования:

техническая осуществимость;

сохранение процессуальных прав.

Практическое применение видеоконференц-связи в российских судах получило значительное распространение. Возможность удаленного участия особенно востребована в ситуациях, когда непосредственная явка в суд сопряжена с суще-

ственными временными или организационными затруднениями. При этом цифровой формат должен обеспечивать сторонам сопоставимые возможности для участия в исследовании материалов дела и реализации иных процессуальных прав. Подход к применению технологии как к самостоятельной процессуальной гарантии доступности правосудия отражается и в материалах Верховного Суда Российской Федерации [2].

Одним из центральных вопросов остается соотношение дистанционного участия и полноты процессуальной защиты. Само по себе подключение посредством видеосвязи не означает снижения объема прав участника, однако особенности организации такого участия могут создавать дополнительные ограничения. В частности, необходимо учитывать следующие обстоятельства: 1) возможность полноценного и конфиденциального взаимодействия стороны с представителем во время заседания; 2) особенности представления и непосредственного исследования вещественных доказательств в цифровой среде; 3) влияние дистанционного формата на восприятие поведения участника и его показаний [6].

ограниченная конфиденциальная коммуникация с представителем во время слушания, особенно если участник подключается из зала суда в другом месте или из помещения, где коммуникация контролируется;

ограниченная возможность изучать вещественные доказательства, поскольку видеоконференции часто используют цифровые дисплеи, которые не в полной мере передают материальные характеристики;

психологический недостаток, поскольку удаленные участники могут казаться менее заслуживающими доверия или вовлеченными [6].

При исследовании свидетельских показаний значение приобретает не только содержание сообщаемой информации, но и условия ее восприятия судом. При видеосвязи качество изображения и звука, задержка сигнала, угол обзора камеры и иные технические параметры могут изменять восприятие мимики, интонации и жестов. Кроме того, перебои соединения способны привести к пропуску части высказывания или нарушению последовательности его восприятия. При этом статья 155.1 ГПК РФ не устанавливает детализированных требований к техническим параметрам оборудования и единого алгоритма действий суда при возникновении подобных препятствий.

Самостоятельное значение имеет процедура установления личности дистанционного участника. Надежная идентификация необходима не только для подтверждения того, что к заседанию подключилось именно соответствующее лицо, но и для предотвращения вмешательства посторонних лиц в процесс. Использование визуальной проверки документа, удостоверяющего личность, может быть затруднено при недостаточном качестве изображения. В отличие от непосредственного присутствия в зале суда дистанционный формат также ограничивает возможность визуального контроля окружающей обстановки [5].

Получение показаний посредством видеоконференц-связи само по себе не является основанием для признания их менее достоверными. Вместе с тем суду следует учитывать условия, в которых такие показания были получены. Существенное значение могут иметь качество аудио- и видеосигнала, стабильность соединения, возможность свободного ответа на вопросы и отсутствие постороннего воздействия на свидетеля. Поэтому оценка доказательства должна осуществляться с учетом конкретных обстоятельств его получения, а не исключительно способа коммуникации [4].

Применение видеоконференц-связи сопровождается комплексом технологических и организационных трудностей. К ним относятся нестабильное интернет-соединение, различия в техническом оснащении судов, отсутствие унифицированных требований к качеству передачи аудио- и видеосигнала, а также риски несанкционированной записи. Отдельную группу составляют вопросы идентификации и контроля условий, в которых находится участник процесса. В отношении свидетеля возникает необходимость исключить получение подсказок либо иное воздействие со стороны третьих лиц [1].

Результаты проведенного анализа позволяют сформулировать ряд направлений совершенствования правового и организационного обеспечения видеоконференц-связи:

Разработать единые национальные технические стандарты для оборудования видеоконференц-связи, скорости интернета, качества записи и резервных каналов.

Ввести подробные принципы по идентификации, включая обязательное сканирование помещения, запрет на использование устройств за пределами экрана и дополнительную биометрическую верификацию.

Обеспечить конфиденциальность коммуникации между сторонами и представителями через безопасные цифровые каналы.

Установить процессуальные правила для устранения технических сбоев, включая автоматическое право на продолжение и перенос сроков.

Улучшить подготовку судей и персонала по оценке цифровых показаний.

Проведенный анализ показывает, что закрепление видеоконференц-связи в статье 155.1

ГПК РФ создало правовую основу для расширения дистанционных форм участия в гражданском судопроизводстве. Данный механизм способен повысить доступность судебной процедуры и сократить организационные издержки, однако его применение требует одновременного обеспечения процессуальных гарантий.

Таким образом, видеоконференц-связь следует рассматривать как самостоятельный инструмент организации участия в гражданском процессе, эффективность которого определяется не только технической возможностью подключения, но и качеством процессуальных гарантий. Дальнейшее развитие данного механизма предполагает уточнение положений статьи 155.1 ГПК РФ, формирование единых технических и организационных требований, а также определение понятного порядка действий суда при возникновении технических препятствий. Это позволит сочетать преимущества дистанционного участия с необходимыми требованиями к исследованию доказательств и реализации прав участников процесса.

Список литературы:

[1] Васильева А. А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-primeneniya-videokonferents-svyazi-i-veb-konferentsii-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 11.12.2025).

[2] Верховный Суд РФ. Новости. Использование систем видеоконференц-связи в судебных заседаниях : [сайт]. // Верховный Суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/34349/ (дата обращения: 10.12.2025).

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 10.12.2025).

[4] Миняйленко Н. Н., Кеклис А. Ю. Правовая цифровизация в российском гражданском судопроизводстве: проблемы и перспективы // Юридическая наука. 2022. № 6. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-tsifrovizatsiya-v-rossiyskom-grazhdanskom-sudoproizvodstve-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 10.12.2025).

[5] Самокаева В. В. Некоторые вопросы правовой регламентации судебного заседания в гражданском процессе с использованием систем видеоконференц-связи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11-3 (98). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-pravovoy-reglamentatsii-sudebnogo-zasedaniya-v-grazhdanskom-protsesse-s-ispolzovaniem-sistem-videokonferents (дата обращения: 07.12.2025).

[6] Федорова О. А. Особенности информационного обеспечения участников уголовного, гражданского, административного судопроизводства // Вестник науки. 2023. № 12 (69). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-informatsionnogo-obespecheniya-uchastnikov-ugolovnogo-grazhdanskogo-administrativnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 12.12.2025).

References:

[1] Vasilyeva A. A. Certain Issues Regarding the Use of Video Conferencing and Web Conferencing in Civil Litigation // Voprosy rossiyskoy yustitsii [Issues of Russian Justice]. 2020. No. 8. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-primeneniya-videokonferents-svyazi-i-veb-konferentsii-v-grazhdanskom-protsesse (accessed: 11.12.2025).

[2] Supreme Court of the Russian Federation. News. The Use of Video Conferencing Systems in Court Hearings : [website]. // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/34349/ (accessed: 10.12.2025).

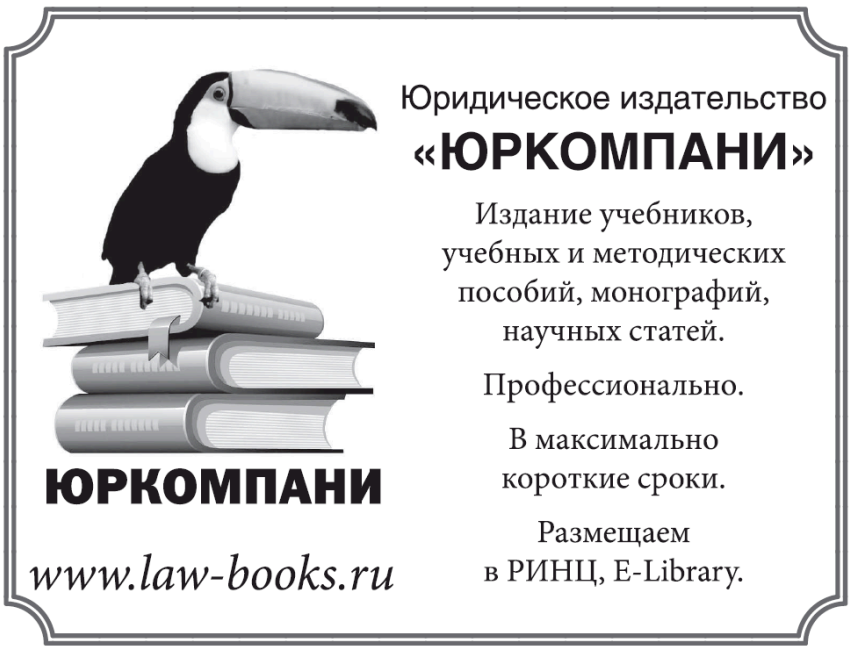
[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on July 31, 2025). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed: 10.12.2025).

[4] Minyaylenko N. N., Keklis A. Yu. Legal Digitalization in Russian Civil Litigation: Challenges and Prospects // Yuridicheskaya nauka [Legal Science]. 2022. No. 6. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-tsifrovizatsiya-v-rossiyskom-grazhdanskom-sudoproizvodstve-problemy-i-perspektivy (accessed: 10.12.2025).

[5] Samokaeva V. V. Certain Issues Regarding the Legal Regulation of Court Hearings in Civil Proceedings Using Video Conferencing Systems // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 11-3 (98). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-pravovoy-reglamentatsii-sudebnogo-zasedaniya-v-grazhdanskom-protsesse-s-ispolzovaniem-sistem-videokonferents (accessed: 07.12.2025).

[6] Fedorova O. A. Specifics of Information Support for Participants in Criminal, Civil, and Administrative Legal Proceedings // Bulletin of Science. 2023. No. 12 (69). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-informatsionnogo-obespecheniya-uchastnikov-ugolovnogo-

grazhdanskogo-administrativnogo-sudoproizvodstva (accessed: 12.12.2025).



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-510-518

МАСТРЮКОВ Александр Сергеевич,
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
Москва, Россия,
тел.:+7 925 915 24 26,
e-mail: blusterer22@yandex.ru

Научный руководитель:
МИЛОСЕРДОВ Никита Александрович,
старший преподаватель кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
кандидат юридических наук,
e-mail: nerget7@rambler.ru

ИСКИ ПРОКУРОРА О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ СДЕЛОК, СОВЕРШЁННЫХ В НАРУШЕНИЕ КОНТРСАНКЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию нового правового инструмента прокуратуры по защите публичного интереса Российской Федерации в отношениях с иностранными гражданами и государствами соответственно, используемого прокурором, в условиях контрсанкционных мер на примере его участия в судебных делах, выявлению особенностей его применения и разработке предложений по его дальнейшему совершенствованию. Методологическую основу составляют догматический, сравнительно-правовой, логический метод и социально-правовой эксперимент. В статье уделяется внимание проблеме баланса между вмешательством в частные правоотношения и защитой публичного интереса при участии прокурора в признании недействительными сделок, совершённых в нарушение контрсанкционного законодательства.*

Ключевые слова: *контрсанкционное законодательство, иск прокурора, прокурорская деятельность, санкции, публичный интерес, недружественные государства, недействительность сделки.*

Для цитирования: *Мастрюков А. С. Иски прокурора о признании недействительными сделок, совершённых в нарушение контрсанкционного законодательства // Образование и право. 2026. № 10. С. 510–518.*

MASTRYUKOV Alexander Sergeyevich,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
MILOSERDOV Nikita Alexandrovich,
Senior Lecturer at the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial-Investigative Activities,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Legal Sciences

PROSECUTOR'S LAWSUITS SEEKING TO INVALIDATE TRANSACTIONS CONCLUDED IN VIOLATION OF COUNTER-SANCTION LEGISLATION

Annotation. *The article is devoted to the study of a new legal instrument used by the prosecutor's office to protect the public interest of the Russian Federation in relations with foreign citizens and states, respectively, in the context of counter-sanctions measures — using the prosecutor's participation in court cases as an example; it identifies the specific features of its application and develops proposals for its further improvement. The methodological basis consists of dogmatic, comparative-legal, logical methods and a socio-legal experiment. The article focuses on the problem of balancing interference in private legal relations and the protection of the public interest when the prosecutor participates in declaring transactions invalid if they were carried out in violation of counter-sanctions legislation.*

Key words: *counter-sanctions legislation, prosecutor's claim, prosecutorial activity, sanctions, public interest, unfriendly states, invalidity of a transaction*

For citation: *Mastryukov A. S. Prosecutor's lawsuits seeking to invalidate transactions concluded in violation of counter-sanction legislation. Education and law. 2026;(10):510–518. (In Russ.).*

Введение. В связи с эскалацией санкционного давления на отечественную экономику и недружественных действий со стороны ряда иностранных государств, российская правовая система продолжает адаптироваться к новым вызовам. Одним из инструментов такой адаптации стало введение исков прокурора о признании недействительными сделок, совершённых с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры и меры воздействия на недружественные действия иностранных государств. Федеральным законом от 07.10.2022 № 387 [6] были внесены изменения в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ [7], позволившие прокурору обращаться в суд с иском о признании недействительности сделок, совершенных с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств, и о применении последствий недействительности таких сделок.

На практике это означает, что в случае, (1) если есть умысел против публичных интересов, (2) в случае совершения сделки в обход закона или (3) неполучения обязательного разрешения, прокурор вправе обратиться в суд.

Материалы и методы. В качестве примера приведём судебное дело № А41-6043/2024 [8], рассмотренное Арбитражным судом Московской области, в котором российская дочерняя компания перечислила около 13 миллиардов рублей в нарушение порядка исполнения обязательств перед иностранными кредиторами, предусмотренного Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 [9] (далее - Указ Президента РФ № 95), на что ответчик заявил, что меновые сделки не нарушают Указ Президента РФ № 95. Генеральная прокуратура РФ обосновала свои требования тем, что данная сделка, совершённая в результате последовательных действий для создания видимости добросовестного поведения [10], осуществлена в целях преодоления введённых специальных экономических мер и вывода из России средств в ущерб экономике государства. Выяснилось, что ответчик и иностранный кредитор входят в одну группу компаний, их юрисдикции (Нидерланды и Ирландия) недружественные [11] по отношению к Российской Федерации [12]. Стороны сделки не получили разрешение, выдаваемое Правительственной комиссией [13] по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации, а также не использовали счёт типа «С». В итоге суд пришел к выводу, что субъекты знали о специально введённых экономических мерах и сознательно осуществили вывод денежных средств из Российской Федерации.

В данном судебном деле интересно то, что банку не было известно о незаконном характере совершаемой сделки, поскольку ответчик до совершения спорных перечислений не информировал банк об их действительной цели, направленной на исполнение заемных обязательств перед иностранным лицом. Для применения последствий, указанных в статье 169 Гражданского кодекса РФ, необходимо доказать умысел у обеих сторон, однако банк являлся лишь исполнителем распоряжения, действовал добросовестно и в условиях отсутствия осведомленности о противоправной цели платежа, в связи с чем суд не стал привлекать данное лицо в качестве соответчика.

Помимо этого, в судебном деле упоминается словосочетание «публичный интерес». Верховный Суд РФ в своём постановлении № 25 [14] счёл, что применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ, под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределённого круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Необходимо указать на значимость закрепления данного термина в действующем российском

законодательстве. Какова же граница публичного интереса и существует ли она в действительности? В контексте контрсанкционных мер можно предположить, что эта граница заканчивается интересами экономического суверенитета, обороны страны, национальной безопасности. Важно сделать акцент на том, что в каждой сфере (отрасли права) необходимо своё закрепление понятия «публичный интерес», и оно может отличаться в зависимости от того, в какой сфере правоотношений они реализуются. Как справедливо отмечает Н. А. Милосердов, в арбитражном судопроизводстве публичный интерес не может трактоваться как некая совокупность, включающая частные интересы [1]. Публичный интерес отражает потребности общества и государства, которые признаются и защищаются правом.

Из толкования ч. 2 ст. 168 ГК РФ следует, что сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна. Прокурор, подавая иск в суд, должен выстроить последовательную позицию, в которой будет доказан факт нарушения процедуры с реальными последствиями. При этом в данном случае необходим разумный баланс между защитой публичных интересов и свободой гражданского оборота, в которой будут защищаться действительно важные публичные ценности без создания при этом дополнительных барьеров в сфере экономических отношений.

Важно сделать акцент на том, что суд ссылается на ст. 169 ГК РФ. Цель такой сделки - обойти ограничения, которые установило государство, а равно посягательство на публичный интерес. Суды, соглашаясь с прокурором, заявляют, что сделка противоречит основам правопорядка и нравственности. Как следует из материалов дела, ответчик знал об Указе Президента РФ № 95, что доказывает заведомый умысел - попытка обойти требования действующего законодательства, а вывод средств за рубеж - есть прямое посягательство на экономический суверенитет Российской Федерации и на основы правопорядка. Однако следует отметить, что ответчик приводил доводы о том, что эти средства были отправлены не с целью погашения договора займа, а в рамках договора поставки. Помимо этого, ответчик заявил, что в компетенции налогового органа не входит защита публичных интересов в сфере применения конкретных экономических мер и отрицал применение ст. 169 ГК РФ.

Почему суд выбрал ст. 169 ГК РФ, а не ст. 168 ГК РФ? По общему правилу, в соответствии, со ст. 167 ГК РФ, при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке (то есть двусторонняя реституция). В ст. 169 ГК РФ существует дополнительное положение, которое устанавливает правомочие суда взыскивать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно. Опираясь на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, суд указал, что стороны не просто нарушили нормы права, а сделали это с противоправной целью, что и позволило применить ст. 169 ГК РФ. В силу этого в подобных судебных разбирательствах, где есть обход публично-правового регулирования, нарушение публичного интереса, данное положение делает ст. 169 ГК РФ более жёстким правовым инструментом в сравнении со ст. 168 ГК РФ.

В контексте правоприменительной практики это судебное дело является очень важным, поскольку произошло увеличение границ использования вышеуказанной статьи ГК РФ. Суд продемонстрировал, что нарушение законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, может быть основанием для вывода о том, что сделка противоречит публичным интересам, а значит ничтожна.

Вывод. Таким образом, можно наблюдать тенденцию – в условиях санкционного давления суды всё чаще в подобных разбирательствах будут расширять действие ст. 169 ГК РФ, видя не просто нарушение закона, а антисоциальный характер сделки. При этом следует подчеркнуть необходимость баланса между защитой публичного интереса и риском излишнего вмешательства в частные правоотношения посредством расширительного толкования дефиниций «основы правопорядка», «нравственность».

Обсуждение. Представляется важным обратиться к положениям ст.ст. 8, 34, 75.1 Конституции Российской Федерации [15], которые гарантируют единство экономического пространства, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности и недопущение недобросовестной конкуренции. В частности, ст. 75.1 устанавливает, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества. Иными словами, органы прокуратуры должны искать баланс: с одной стороны, действительно пресекать нарушение контрсанкционного законодательства, а с другой стороны не создавать избыточных барьеров и, как следствие, не разрушать доверие между частным сектором и государством (взаимное доверие государства и общества). Не допускается использование надзорного органа с целью произвольного ущемления прав другого лица. На практике, если

прокурор обратился в суд ради того, чтобы «ликвидировать» бизнес частного лица в интересах третьих лиц, а не потому, что есть угроза нарушения публичного интереса, такой подход можно рассматривать как выходящий за рамки задачи обеспечения баланса, установленного Конституцией РФ. При этом необходимо учитывать, что ограничение надзорных полномочий прокуратуры может парализовать защиту публичных интересов в сфере экономики. В данном контексте следует рассмотреть и вопрос более точного и глубокого сотрудничества органов прокуратуры и Центрального Банка России вплоть до создания комиссии, в которые войдут представители вышеуказанных органов и будут способствовать развитию (изменению) законодательства, устанавливающего специальные экономические меры и меры воздействия на недружественные действия иностранных государств.

Видится необходимым подчеркнуть, что такой правовой инструмент, как признание стран дружественными – недружественными, будет являться эффективным только в том случае, если он будет подвижным. Представляется, что по динамике нормализации отношений с Российской Федерацией конкретное государство будет исключаться из такого списка, попутно получая определённые выгоды для экономического и иного взаимодействия. В свою очередь, недружественные государства и территории, наоборот, будут облагаться дополнительными экономическими обременениями при торговле с Россией (тарифы).

Обращаясь к англо-американскому праву, можно вспомнить про термин «Uberrima fides» [16], который означает «абсолютную добросовестность». Данный принцип предполагает возложение на сторону обязанности раскрывать в полном объеме соответствующие условия, обстоятельства и риски своему контрагенту [2]. Однако применительно к ситуации с контрсанкционным законодательством ввод повышенной осмотрительности при сделках с иностранными контрагентами (проявление так называемой «абсолютной добросовестности») будет скорее недостатком в силу того, что этот принцип зародился в системе общего права, имеющем доктринальную конструкцию, в то время как в континентальной системе права такого понятия нет, есть общий принцип добросовестности, закрепленный в ст. 10 ГК РФ. В соответствии с ним у сторон не установлена обязанность раскрывать контрагенту факты, о которых тот не спросил, если нет специального закона или пункта договора, устанавливающего такую повышенную, абсолютную добросовестность. Принцип «Uberrima fides» ставит стороны в формальное равенство (так как он применятся в страховом праве за рубежом [3]), чего не может быть в контрсанкционном законодательстве априори, поскольку находится в сфере публичного права и является вопросом национальной безопасности (защита суверенитета и национальных интересов [4]), ответной государственной политикой, которая не может быть отменена или изменена посредством раскрытия информации добросовестно. В контрсанкционном законодательстве внимание смещено на другую сферу - соответствуют ли действия конкретным правовым запретам (например, запретам, установленным указами Президента РФ № 81, № 95, официальным разъяснением Банка России от 02.06.2023 № 3-ОР [17]), а не уровню доверия между сторонами. Поэтому в случае введения принципа «Uberrima fides», когда любая сделка может быть квалифицирована как сделка, направленная на обход публично-правового регулирования, из возможных последствий такого решения видится лишь прекращение взаимодействия отечественных компаний с иностранными. Более того, возведение в ранг императивного правила, связанного с повышенной осмотрительностью, ведёт к тому, что существует превентивная вина российского бизнеса. С доктринальной точки зрения также будут наблюдаться проблемы, связанные с определением понятия «супердобросовестности» или «повышенной осмотрительности». Универсального теста на добросовестность компаний не существует. При этом суды ориентируются на совокупность обстоятельств, определяющих добросовестность (например, хронология правоотношений, наличие связи с недружественной юрисдикцией, использование/неиспользование специальных счетов). Введение понятия «супердобросовестности» без чёткого нормативного определения вызовет лишь разное толкование судами. Более продуктивным видится совершенствование практики доказывания умысла и схем обхода ограничений, установленных действующим законодательством.

Материалы и методы. Интересно рассмотреть судебное дело № А41-6043/2024 [18], в котором была совершена уступка права требования (цессия) российской компании. В соответствии с Указом Президента РФ № 95, выплаты, которые превышают более 10 миллионов рублей за один календарный месяц, должны блокироваться на счете типа «С». Истец находится в недружественном государстве. Иностранная компания-кредитор заключила договор цессии с российской организацией ввиду того, что заёмщик не мог перечислять деньги из-за условия, описанного выше (>10 миллионов рублей). Прямое взыскание денежных средств с ответчика в пользу истца в настоящее время невозможно.

На договор цессии также распространяется Указ Президента РФ № 95, поскольку такой договор прямо направлен на выгоду иностранной компании из недружественных стран (обход публично-правового регулирования [5]).

Важно отметить некоторую специфику, связанную с тем, что прокурор не пытается оспорить любую сделку с иностранной юрисдикцией. Его главная роль заключается в том, чтобы пресечь какие бы то ни было схемы, в которых участники сознательно и намеренно обходят закон, в том числе законодательство, устанавливающее специальные экономические меры, ради вывода средств за рубеж, подрывая тем самым экономический суверенитет Российской Федерации.

В контексте обхода публично-правового регулирования можно указать на то, что суды подразумевают, что происходит нарушение законодательства, устанавливающего специальные экономические меры: государство прямо вводит новые экономические меры для противодействия подрыву экономического суверенитета Российской Федерации, а компании, сознательно понимая итог своих действий, прибегают к обходу законодательства. Суд указывает на недопустимость такого поведения субъектами правоотношений, ссылаясь на ст.ст. 10 ГК РФ и 168 ГК РФ.

Обсуждение. Важно подчеркнуть, что при установлении всех обстоятельств дел не только суд уже на стадии разбирательства, но и прокурор должен проанализировать всю суть правоотношений субъектов. Безусловно, это одновременно и преимущество (обширное доказывание), но и недостаток, который заключается в том, что появляется почва для споров о том, где проводить черту между допустимой «оптимизацией» (структурирование сделки) и недобросовестным обходом публично-правового регулирования. При таком анализе может появиться субъективность, например, суды могут по-разному оценить обстоятельства.

В этом случае будет полезно привлечение прокурора при таких делах, где существует риск обхода контрсанкционных мер и где уже сам прокурор, на основании доводов истца, собственной проверки, будет высказывать своё мнение (как дополнительный взгляд для суда в спорных ситуациях). Подчеркнём, его задача - не заменить истца, а лишь дать независимую оценку - есть ли действительно нарушение публичного интереса или нет (в дополнении тезиса о том, что его роль сводится к тому, чтобы не помочь «задавить» неугодных (по мнению частных лиц), а обеспечить сохранность стратегических активов и безопасности государства).

Материалы и методы. В судебном деле № А40-46717/25-55-439 [19] было установлено, что с целью обхода установленного правового регулирования ответчиками заключены последовательные сделки: на первом этапе права требования к взысканию денежных средств (более 188 миллионов рублей) были переданы от компании – недружественного нерезидента (Кипр) (за неделю до своей ликвидации) в пользу компании дружественного нерезидента (КНР), затем дружественный нерезидент передаёт права требования резиденту РФ. Таким образом, участники, намеренно создав схему для «легализации» права требования, желали обойти ограничения, установленные Указом Президента РФ № 95. Очевидно, что участники знали об ограничениях, введённых в 2022 году, и сознательно шли в обход нормативных актов. Интересно рассмотреть и цепочку выстраивания доказывания со стороны прокурора (дробление платежей, чтобы не превысить запрет – использование «посредника» в лице дружественной юрисдикции – короткие интервалы, которые составили менее полутора месяцев). Суд также указывает определение «публичный интерес», повторяя разъяснение Верховного Суда, и отмечает, что правом на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства обладают все без исключения субъекты права в Российской Федерации.

Обсуждение. В данном судебном деле также указаны данные, которые были предоставлены Росфинмониторингом. В дополнение к предложению о создании комиссии между ЦБ РФ и Генеральной прокуратурой РФ, целесообразно было бы расширить полномочия Росфинмониторинга в части распространения практики представления специального заключения в случае судебных разбирательств такого характера.

Материалы и методы. Уникальным представляется дело №А41-101031/22 [20], в котором суд аннулировал коммерческую сделку в связи с отсутствием разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации. Истец (недружественный резидент) заключил договор купли-продажи ремонтно-технической базы с ответчиком на сумму 130 миллионов рублей. Однако в соответствии с Указом Президента от 01.03.2022 № 81 [13], такие сделки могут осуществляться на основании разрешений, выдаваемых Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации. При этом за разрешением обращений подано не было. Что интересно, покупатель уже после совершения сделки пытался обратиться в Министерство финансов РФ, однако разрешение он не получит - обращаться должен был недруже-

ственный нерезидент-продавец. Суд установил, что, во-первых, необходимо было разрешение Правительственной комиссии по контролю за иностранными инвестициями, и оно должно быть ДО, а не ПОСЛЕ самой сделки. Во-вторых, в этом случае должен был быть задействован счет типа «С». В итоге суд признал сделку недействительной путём применения положений ст. 10 ГК РФ, была применена двусторонняя реституция.

Суды всё чаще квалифицируют преднамеренный обход контрсанкционных мер как сделки, «совершенные с намерением сознательно нарушить принципы правопорядка или нравственности».

В рассматриваемом деле суд первой инстанции отказал в иске, сославшись на то, что сама сделка была одобрена внеочередным общим собранием участников общества с ограниченной ответственностью, однако апелляционная и кассационная инстанции отклонили указанный довод, поскольку формальное одобрение общества не может быть выше действующего законодательства, которое и было нарушено.

Заключение. Таким образом, суды последовательно квалифицируют нарушение констранскционного законодательства и специальных экономических мер через ст. 169 ГК РФ. Судебная практика показывает, что прокурору необходимо доказывать недобросовестность участников и их намеренное участие в нарушении действующего законодательства, помимо этого указывать на наличие связи с иностранной недружественной юрисдикцией, отсутствие необходимых разрешений со стороны российских государственных органов, а также саму хронологию действий сторон. Однако активное использование ст. 169 ГК РФ сопряжено с рисками размывания понятий «публичный интерес», «основы правопорядка», «нравственность». Судебная практика пытается опираться больше на содержание сделки, а не формы. Как представляется, прокурор не должен действовать один, необходима связь с другими органами, которые могут в соответствии со своими полномочиями предоставить собственный анализ спорных правоотношений. Выстраивание межведомственного взаимодействия будет призвано обеспечить всестороннее рассмотрение дела, поскольку контроль со стороны разных государственных органов будет призван уменьшить влияние частных лиц и не допустить развития такой ситуации, где любое дело в суде будет рассмотрено с одним определённым исходом. Эффективность исков прокуроров о признании недействительности сделок будет возрастать в случае системного взаимодействия с другими государственными органами, что позволит обеспечить соразмерность публичного вмешательства реальной угрозе экономическому суверенитету Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Милосердов Н. А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10 (131). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-interesy-v-prave-ponyatie-i-soderzhanie (дата обращения: 27.07.2026).

[2] Akhilesh Ganti. Understanding Uberrimae Fidei Contracts: Insurance and Good Faith // Investopedia. 2025. (Электронный ресурс) URL: https://www.investopedia.com/terms/u/uberrimae-fidei-contract.asp (дата обращения: 25.08.2026).

[3] The Federal Reporter. Volume 72. Cases argued and determined in the circuit courts of appeals and circuit and district courts of the United States // Google Books. 2014. (Электронный ресурс) URL: https://www.google.ru/books/edition/The_Federal_Reporter/WX0EZRnXqYsC?hl=ru&gbpv=1&kptab=overview (дата обращения: 25.08.2026).

[4] Бутакова Я.С. Российские «контрсанкции»: попытка определения правовой природы // Юридический вестник Самарского университета. 2025. (Электронный ресурс) URL: https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/28671 (дата обращения: 25.08.2026).

[5] Цахаев Мирза, Качура Валерия. Обход ограничений Указа Президента РФ № 95 ведет к признанию договора цессии недействительным // Линия Права. 2026. (Электронный ресурс) URL: https://www.lp.ru/media/obhod-ogranicheniy-ukaza-prezidenta-rf-95-vedet-k-priznaniyu-dogovora-tsessii-nedeystvitelnym-statya-valerii-kachura-i-mirzy-tsahaeva (дата обращения: 27.07.2026).

[6] Федеральный закон от 07.10.2022 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428321/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения 26.07.2026).

[7] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/de756afd3c81322d4c33912200383981a4e8d54f/ (дата обращения 27.07.2026).

[8] Картотека арбитражных дел (КАД). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8f068fb2-46d5-4b0e-b945-5bd28fa5fa2d/53e8f781-2d4e-

4ef8-bcfb-a941c6af94f7/A41-6043-2024_20240515_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 27.07.2026).

[9] Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 (ред. от 01.06.2026) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994/ (дата обращения 27.07.2026).

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/ (дата обращения 27.07.2026).

[11] Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения 27.07.2026).

[12] Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://base.garant.ru/71958400/ (дата обращения 27.07.2026).

[13] Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/ (дата обращения 27.07.2026).

[14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/c167a636661d96a3ef0cbfac022f30bd46398725/ (дата обращения 23.08.2026).

[15] Конституция Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/844d980197f23461acb5a6699db6e34227150003/ (дата обращения: 27.07.2026).

[16] Carter v Boehm (1766) 3 Burr 1905 // [Электронный ресурс] URL: https://apexinsurancebrokers.co.uk/insurance-cases/carter-v-boehm/ (дата обращения: 25.08.2026).

[17] Официальное разъяснение Банка России от 02.06.2023 № 3-ОР «О применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 года N 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами», Указа Президента Российской Федерации от 4 мая 2022 года № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами», Указа Президента Российской Федерации от 15 октября 2022 года № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций)», Указа Президента Российской Федерации от 3 марта 2023 года № 138 «О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448733/ (дата обращения: 25.08.2026).

[18] Картотека арбитражных дел (КАД). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f176b8ec-2df9-4c8a-b113-796bb8b7a162/2f7bfa75-1646-4118-aa00-f22e682f3874/A40-223280-2025_20251212_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.07.2026).

[19] Картотека арбитражных дел (КАД). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4cc5365f-e05f-41c8-84c0-90ac3789c62d/a810fb55-4802-46c6-8d06-aec8837528f1/A40-46717-2025_20250901_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.07.2026).

[20] Картотека арбитражных дел (КАД). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/450ff701-cc25-49e8-a402-6f0db9ec9443/4180ecb7-26d6-4604-8159-87b42764e3db/A41-101031-2022_20230511_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.07.2026).

References:

[1] Miloserdov N. A. Public Interests in Law: Concept and Content // Current Issues in Russian Law. 2021. No. 10 (131). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-interesy-v-prave-ponyatie-i-soderzhanie (accessed: 27.07.2026).

[2] Akhilesh Ganti. Understanding Uberrimae Fidei Contracts: Insurance and Good Faith // Investopedia. 2025. (Electronic resource) URL: https://www.investopedia.com/terms/u/uberrimae-fidei-contract.asp (accessed: 25.08.2026).

[3] The Federal Reporter. Volume 72. Cases argued and determined in the circuit courts of appeals

and circuit and district courts of the United States // Google Books. 2014. (Electronic resource) URL: https://www.google.ru/books/edition/The_Federal_Reporter/WX0EZRnXqYsC?hl=ru&gbpv=1&kptab=overview (accessed: 25.08.2026).

[4] Butakova Ya. S. Russian "Counter-Sanctions": An Attempt to Define Their Legal Nature // Legal Bulletin of Samara University. 2025. (Electronic resource) URL: https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/28671 (accessed: 25.08.2026).

[5] Tsakhaev Mirza, Kachura Valeria. Circumventing the Restrictions of the Decree of the President of the Russian Federation No. 95 Leads to the Invalidation of an Assignment Agreement // Liniya Prava (Legal Line). 2026. (Electronic resource) URL: https://www.lp.ru/media/obhod-ogranicheniy-ukaza-prezidenta-rf-95-vedet-k-priznaniyu-dogovora-tsessii-nedeystvitelnym-statya-valerii-kachura-i-mirzy-tsahaeva (accessed: 27.07.2026).

[6] Federal Law No. 387-FZ of October 7, 2022, "On Amendments to Article 52 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation and Article 45 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428321/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (accessed: 26.07.2026).

[7] Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/de756afd3c81322d4c33912200383981a4e8d54f/ (accessed: 27.07.2026).

[8] Arbitration Case File (KAD). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8f068fb2-46d5-4b0e-b945-5bd28fa5fa2d/53e8f781-2d4e-4ef8-bcfb-a941c6af94f7/A41-6043-2024_20240515_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed July 27, 2026).

[9] Decree of the President of the Russian Federation No. 95 dated March 5, 2022 (as amended on June 1, 2026) "On the Temporary Procedure for Fulfilling Obligations to Certain Foreign Creditors" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994/ (accessed July 27, 2026).

[10] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/ (accessed July 27, 2026).

[11] Directive of the Government of the Russian Federation dated March 5, 2022, No. 430-r (as amended on October 29, 2022), “On Approval of the List of Foreign States and Territories Committing Unfriendly Acts Against the Russian Federation, Russian Legal Entities, and Individuals” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (accessed July 27, 2026).

[12] Federal Law dated June 4, 2018, No. 127-FZ, “On Measures of Impact (Counteraction) Against Unfriendly Acts of the United States of America and Other Foreign States” (as amended and supplemented) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/71958400/ (accessed July 27, 2026).

[13] Decree of the President of the Russian Federation dated March 1, 2022, No. 81 (as amended on May 20, 2024), “On Additional Temporary Economic Measures to Ensure the Financial Stability of the Russian Federation” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/ (accessed July 27, 2026).

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated June 23, 2015, “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/c167a636661d96a3ef0cbfac022f30bd46398725/ (accessed August 23, 2026).

[15] Constitution of the Russian Federation // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/844d980197f23461acb5a6699db6e34227150003/ (accessed July 27, 2026).

[16] Carter v Boehm (1766) 3 Burr 1905 // [Electronic resource] URL: https://apexinsurancebrokers.co.uk/insurance-cases/carter-v-boehm/ (accessed August 25, 2026).

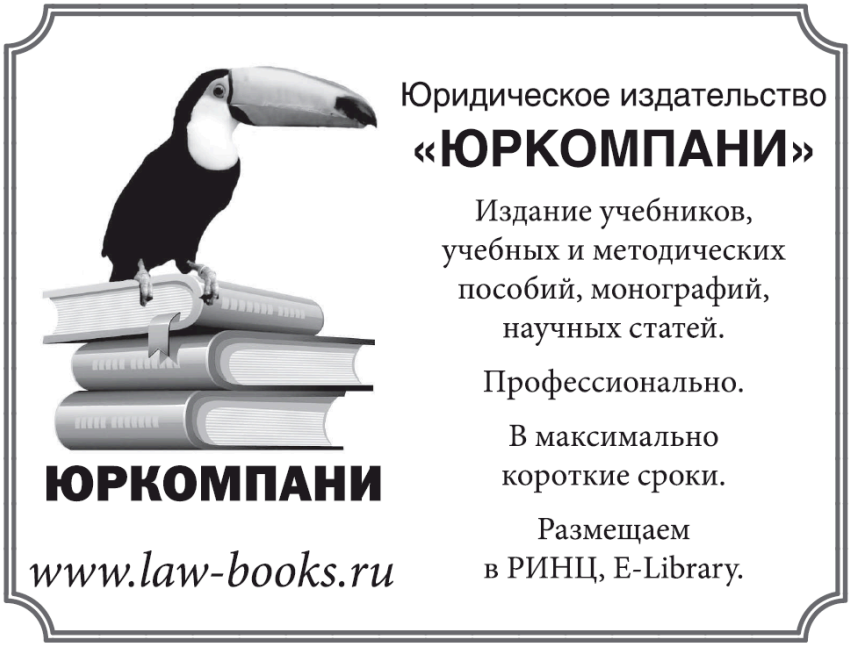
[17] Official Clarification by the Bank of Russia dated June 2, 2023, No. 3-OR, “On the Application of Certain Provisions of Decree of the President of the Russian Federation No. 81 of March 1, 2022, ‘On Additional Temporary Economic Measures to Ensure the Financial Stability of the Russian Federation,’ Decree of the President of the Russian Federation No. 95 of March 5, 2022, ‘On the Temporary Procedure for Fulfilling Obligations to Certain Foreign Creditors,’ Decree of the President of the Russian Federation No. 254 of May 4, 2022, ‘On the Temporary Procedure for Fulfilling Financial Obligations in the Sphere of Corporate

Relations to Certain Foreign Creditors,' Decree of the President of the Russian Federation No. 737 of October 15, 2022, 'On Certain Issues Regarding the Execution (Fulfillment) of Specific Types of Transactions (Operations),' and Decree of the President of the Russian Federation No. 138 of March 3, 2023, 'On Additional Temporary Economic Measures Related to the Circulation of Securities'" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448733/ (accessed: August 25, 2026).

[18] Arbitration Case File (KAD). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f176b8ec-2df9-4c8a-b113-796bb8b7a162/2f7bfa75-1646-4118-aa00-f22e682f3874/A40-223280-2025_20251212_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 27.07.2026).

[19] Arbitration Case File (KAD). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4cc5365f-e05f-41c8-84c0-90ac3789c62d/a810fb55-4802-46c6-8d06-aec8837528f1/A40-46717-2025_20250901_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 27.07.2026).

[20] Arbitration Case File (KAD). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/450ff701-cc25-49e8-a402-6f0db9ec9443/4180ecb7-26d6-4604-8159-87b42764e3db/A41-101031-2022_20230511_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: July 27, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-519-528
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

МЕРДЖАНОВА Линара Айдеровна,
старший преподаватель кафедры предпринимательского и экологического права юридического факультета, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия, тел.: +7-978-734-437-1, e-mail: mer-linar@yandex.ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ОСПАРИВАНИИ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. *В статье исследуется комплекс проблем, возникающих при судебной защите прав предпринимателей в спорах об оспаривании кадастровой стоимости земельных участков в условиях нарастающей цифровизации системы государственной кадастровой оценки. Анализируются особенности процессуального положения предпринимателя как субъекта оспаривания, исследуются материально-правовые и процессуальные механизмы защиты в административном и судебном порядке. Рассматривается влияние цифровой трансформации государственного кадастрового учёта на доказательственную базу по соответствующим категориям дел, обосновывается понятие «цифровой неопределённости» применительно к оспариванию результатов кадастровой оценки. Особое внимание уделяется проблеме использования цифровых данных и автоматизированных алгоритмов при формировании кадастровой стоимости, а также вопросам оспаривания таких результатов в суде. Делается вывод о том, что действующая система судебной защиты прав предпринимателей в данной сфере нуждается в совершенствовании с учётом вызовов цифровой трансформации кадастровых отношений.*

Ключевые слова: *кадастровая стоимость, оспаривание кадастровой стоимости, судебная защита, права предпринимателей, цифровая неопределённость, государственная кадастровая оценка, земельные участки, административный порядок, цифровизация, доказательственная база, комиссия по рассмотрению споров, рыночная стоимость, автоматизированные алгоритмы, кадастровый учёт, предпринимательская деятельность.*

Для цитирования: *Мерджанова Л. А. Судебная защита прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости земельных участков в условиях цифровой неопределенности // Образование и право. 2026. № 10. С. 519–528.*

MERZHANOVA Linara Aiderovna,
Senior Lecturer at the Department of Entrepreneurial and Environmental Law, Faculty of Law, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

JUDICIAL PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN CHALLENGING THE CADASTRAL VALUE OF LAND PLOTS IN CONDITIONS OF DIGITAL UNCERTAINTY

Annotation. *The article examines a range of issues arising from the judicial protection of entrepreneurs' rights in disputes challenging the cadastral value of land plots amidst the increasing digitalization of the state cadastral valuation system. It analyzes the specific procedural status of the entrepreneur as the party challenging the valuation and investigates the substantive and procedural*

mechanisms for protection through both administrative and judicial channels. The study considers the impact of the digital transformation of state cadastral registration on the evidentiary basis for these types of cases and substantiates the concept of "digital uncertainty" in the context of challenging cadastral valuation results. Particular attention is paid to the use of digital data and automated algorithms in determining cadastral value, as well as to the issues involved in challenging such results in court. The article concludes that the current system of judicial protection for entrepreneurs' rights in this area requires improvement to address the challenges posed by the digital transformation of cadastral relations.

Key words: *cadastral value; challenging cadastral value; judicial protection; rights of entrepreneurs; digital uncertainty; state cadastral valuation; land plots; administrative procedure; digitalization; evidentiary basis; dispute resolution commission; market value; automated algorithms; cadastral registration; entrepreneurial activity.*

For citation: *Merzhanova L. A. Judicial protection of entrepreneurs' rights in challenging the cadastral value of land plots in conditions of digital uncertainty. Education and law. 2026;(10):519–528. (In Russ.).*

Введение

Актуальность темы исследования. Кадастровая стоимость земельных участков занимает особое место в системе правового регулирования предпринимательской деятельности, поскольку непосредственно определяет размер земельного налога, арендной платы за земли публичной собственности, а также выкупную цену при приобретении земельных участков в собственность. Завышенная кадастровая стоимость влечёт за собой существенное увеличение финансовой нагрузки на хозяйствующих субъектов, что в условиях нестабильной экономической конъюнктуры способно поставить под угрозу саму возможность осуществления предпринимательской деятельности. В этих условиях судебная защита прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости земельных участков приобретает исключительно важное практическое значение [1].

Вместе с тем в последние годы система государственной кадастровой оценки переживает принципиальную трансформацию, обусловленную цифровизацией публичного управления. Переход к автоматизированным системам расчёта кадастровой стоимости, внедрение алгоритмических методов массовой оценки, формирование цифровых баз данных о характеристиках объектов недвижимости — всё это порождает качественно новые правовые проблемы. Предприниматель, оспаривающий результаты кадастровой оценки, сталкивается уже не только с классическими процессуальными трудностями доказывания, но и с принципиально новыми препятствиями: непрозрачностью алгоритмических методов, недоступностью исходных цифровых данных, невозможностью в полной мере проверить достоверность и полноту сведений, положенных в основу оценки [2].

Понятие «цифровой неопределённости» применительно к кадастровым отношениям в научной литературе разработано недостаточно. Между тем именно оно позволяет охватить весь спектр правовых рисков, порождаемых цифровой трансформацией государственной кадастровой оценки: от неопределённости в отношении применяемых методологических подходов и исходных данных до неясности относительно правового статуса автоматически формируемых документов. Академическое осмысление данной проблематики приобретает особую значимость в условиях активного реформирования законодательства о кадастровой оценке, начатого принятием Федерального закона от 3 июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» и продолжающегося по настоящее время.

Степень научной разработанности темы. Отдельные аспекты правового регулирования кадастровой стоимости и её оспаривания рассматривались в трудах Е.С. Болтановой [1], А.А. Варламова и С.И. Комарова [2; 6], И.А. Иконицкой [5], Н.Л. Лисиной [8], А.А. Ялбулганова [19] и других авторов. Проблемы цифровизации государственной кадастровой оценки затрагивались в работах И.А. Шаповалова [17], Н.Б. Щербакова [18]. Вместе с тем комплексного исследования механизмов судебной защиты прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости в условиях цифровой неопределённости до настоящего времени не проводилось. Не получили достаточной доктринальной разработки вопросы, связанные с влиянием алгоритмических методов оценки на доказательственную базу, а также с определением ответственности за ошибки автоматизированных систем.

Цель и задачи исследования. Цель настоящей статьи состоит в комплексном исследовании механизмов судебной защиты прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости земельных участков с учётом вызовов цифровой трансформации системы государственной кадаст-

ровой оценки. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: проанализировать правовую природу кадастровой стоимости и её значение для предпринимательской деятельности; исследовать развитие законодательства об оспаривании кадастровой стоимости; выявить процессуальные особенности рассмотрения соответствующих дел; раскрыть содержание категории «цифровая неопределённость» применительно к кадастровым спорам; определить проблемы судебной защиты в условиях цифровой неопределённости; проанализировать административный порядок оспаривания и его цифровую трансформацию; сформулировать направления совершенствования механизмов судебной защиты.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-логический, системно-структурный, функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, а также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, толкования правовых норм. Их применение позволило рассмотреть институт судебной защиты прав предпринимателей в единстве его нормативной основы, процессуальных особенностей и практических проблем, обусловленных цифровизацией кадастровой оценки.

Основные результаты исследования. В результате проведённого анализа установлено, что цифровая трансформация государственной кадастровой оценки порождает качественно новое состояние кадастровых правоотношений — цифровую неопределённость, при которой традиционные механизмы судебной защиты оказываются недостаточными. Обосновано, что содержание цифровой неопределённости раскрывается через информационную непрозрачность алгоритмических методов оценки, недоступность исходных данных, неурегулированность ответственности за алгоритмические ошибки и методологические затруднения при проведении судебной экспертизы. Предложены направления совершенствования законодательства: закрепление права доступа к исходным данным алгоритмической оценки; развитие института специализированной цифровой экспертизы; уточнение ответственности государственных бюджетных учреждений за алгоритмические ошибки; совершенствование процессуальных правил работы с цифровыми доказательствами.

Правовая природа кадастровой стоимости и её значение для предпринимательской деятельности

Правовая природа кадастровой стоимости остаётся дискуссионной в отечественной доктрине. Одни авторы рассматривают её как разновидность публично установленной стоимости, не имеющей непосредственного отношения к рыночным механизмам ценообразования [3]. Другие настаивают на том, что кадастровая стоимость по своей правовой природе представляет собой нормативно закреплённое приближение к рыночной стоимости, определяемое методами массовой оценки [4]. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в ряде определений, свидетельствует о том, что кадастровая стоимость, несмотря на свою публично-правовую природу, должна учитывать экономически обоснованные рыночные характеристики объекта.

Для предпринимательской деятельности кадастровая стоимость земельного участка имеет многоаспектное значение. Во-первых, она служит налоговой базой для исчисления земельного налога в соответствии с главой 31 Налогового кодекса Российской Федерации. Во-вторых, кадастровая стоимость является основой для расчёта арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, что непосредственно затрагивает интересы предпринимателей, арендующих публичные земли [5]. В-третьих, при выкупе арендуемых земельных участков в собственность их цена, как правило, определяется кратно кадастровой стоимости.

Такая многофункциональность кадастровой стоимости предопределяет её особое место в системе правового регулирования предпринимательства. Завышение кадастровой стоимости создаёт не просто дополнительную налоговую нагрузку, но системный дисбаланс в экономическом положении хозяйствующих субъектов. По данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, в последние годы значительно возросло число обращений с требованиями об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной, что свидетельствует о существенном расхождении между результатами массовой оценки и реальной стоимостью объектов [6].

Важно подчеркнуть, что применительно к предпринимателям проблема завышенной кадастровой стоимости приобретает особое измерение: речь идёт не только об имущественных потерях конкретного субъекта, но и о конкурентных диспропорциях, которые возникают в случаях, когда аналогичные по характеристикам земельные участки получают существенно различающуюся кадастровую стоимость вследствие методологических особенностей массовой оценки. В этом контексте защита прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости является одновременно и механизмом обеспечения индиви-

дуальных имущественных интересов, и инструментом поддержания здоровой конкурентной среды [7].

Развитие законодательства об оспаривании кадастровой стоимости

Законодательство об оспаривании кадастровой стоимости прошло несколько принципиальных этапов развития. Первоначально единственным механизмом защиты служило судебное обжалование, при котором предприниматель был вынужден нести все бремя доказывания несоответствия кадастровой стоимости рыночной. Отсутствие специализированного внесудебного порядка существенно затрудняло доступ к правосудию и делало оспаривание экономически нецелесообразным для многих субъектов малого и среднего предпринимательства [8].

Принятие Федерального закона от 29 июля 1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» заложило концептуальную основу для последующего развития института оспаривания кадастровой стоимости. Введение комиссий по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости, предусмотренное статьёй 24.18 указанного закона, сформировало альтернативный административный механизм защиты прав правообладателей. Однако практика функционирования таких комиссий определила целый ряд существенных недостатков: формальный подход к рассмотрению поступающих заявлений, высокий удельный вес отказов, а также процедурную непрозрачность принимаемых решений [9].

Концептуальный перелом в правовом регулировании рассматриваемой сферы был обусловлен принятием Федерального закона от 3 июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке». Названный закон закрепил принципиально иную институциональную модель: государственная кадастровая оценка отныне осуществляется исключительно специализированными государственными бюджетными учреждениями, учреждаемыми субъектами Российской Федерации. Данное решение диктовалось стремлением устранить выявленные злоупотребления в сфере независимой оценки. Вместе с тем оно породило новые правовые проблемы — прежде всего связанные с разграничением ответственности за ненадлежащее качество оценки и с обеспечением реальной независимости оценочной деятельности от интересов публичного собственника [10].

Существенную роль в формировании современной модели защиты прав при оспаривании кадастровой стоимости сыграло постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости». Несмотря на то что данное постановление принималось применительно к прежнему законодательству, многие его положения сохраняют актуальность и в условиях действия Федерального закона № 237-ФЗ. Примечательно, что именно этим постановлением Верховный Суд сформулировал ключевые правовые позиции относительно распределения бремени доказывания, требований к отчёту об оценке рыночной стоимости, а также порядка исчисления налоговых последствий пересмотра кадастровой стоимости.

Процессуальные особенности рассмотрения дел об оспаривании кадастровой стоимости

Процессуальная специфика рассмотрения дел об оспаривании кадастровой стоимости определяется их административно-правовой природой. Данная категория дел рассматривается по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) в судах общей юрисдикции, а именно — в верховных судах республик, краевых, областных судах по первой инстанции. Это означает, что предприниматель, обращающийся с заявлением об оспаривании кадастровой стоимости, выступает не в привычной для него роли стороны арбитражного процесса, а в качестве административного истца в суде общей юрисдикции [11].

Указанная особенность порождает практические трудности, обусловленные различием в процессуальных культурах и профессиональных компетенциях. Арбитражные дела, в которых предприниматели традиционно являются участниками, рассматриваются по правилам Арбитражного процессуального кодекса, предполагающим состязательность и равное положение сторон. Административное судопроизводство, напротив, исходит из презумпции неравенства сторон, чем и объясняется особый порядок распределения бремени доказывания. Однако в делах об оспаривании кадастровой стоимости такое неравенство фактически снимается: доказывать соответствие кадастровой стоимости рыночной должен административный истец. В результате эта категория дел по своей процессуальной логике сближается с гражданским судопроизводством [12].

Основным доказательственным документом при установлении кадастровой стоимости в размере рыночной выступает отчёт независимого оценщика о рыночной стоимости объекта. Требования к нему установлены Федеральным законом № 135-ФЗ и федеральными стандартами оценки. Как показывает практика, исход дела во многом зависит

от качества этого отчёта: суды чаще всего кладут в основу решения результаты судебной оценочной экспертизы, которая назначается для проверки достоверности представленных отчётов [13].

Вместе с тем при оспаривании кадастровой стоимости предпринимателями возникает серьёзная проблема — высокие финансовые издержки на формирование доказательственной базы. Подготовка качественного отчёта о рыночной стоимости коммерческой недвижимости и промышленных земельных участков нередко обходится в несколько сотен тысяч рублей. При этом экономический результат оспаривания зависит от разницы между кадастровой и рыночной стоимостью и от величины налоговой базы. Для малого и среднего бизнеса соотношение затрат и возможной выгоды часто делает такое оспаривание экономически неоправданным [14].

Цифровизация кадастровой оценки и цифровая неопределённость

Цифровизация государственной кадастровой оценки — многоплановый процесс. Он включает и инфраструктурные преобразования (создание и развитие Единого государственного реестра недвижимости, Федеральной государственной информационной системы ведения ЕГРН), и методологические изменения (переход к автоматизированным методам массовой оценки на основе алгоритмических моделей и больших данных). Правовые последствия этих преобразований для системы оспаривания кадастровой стоимости пока не получили в науке должного осмысления [1].

Одно из ключевых правовых последствий цифровизации — изменение доказательственной базы по делам об оспаривании кадастровой стоимости. Когда кадастровая стоимость рассчитывается алгоритмическими методами на основе цифровых баз данных, традиционные способы проверки достоверности оценки — анализ факторов стоимости, сопоставление с аналогами, проверка применённых подходов — уже не дают нужного результата. Предпринимателю, который хочет оспорить кадастровую стоимость, приходится не только доказывать её несоответствие рыночной, но и выявлять ошибки в исходных цифровых данных, заложенных в алгоритм оценки [2].

Здесь и возникает то, что мы называем «цифровой неопределённостью» в кадастровых отношениях: положение, при котором результат оценки недвижимости определяется алгоритмическими процессами, недоступными для непосредственной проверки заинтересованными лицами. Цифровая неопределённость проявляется в нескольких измерениях. Во-первых, это информационная непрозрачность: методологические алгоритмы массовой оценки не являются публично доступными в той мере, которая позволяла бы заинтересованным лицам воспроизвести расчёт. Во-вторых, это неопределённость исходных данных: предприниматель лишён возможности проверить полноту и достоверность сведений, использованных при оценке конкретного участка. В-третьих, это неопределённость ответственности: при выявлении ошибок в автоматически сформированных оценочных данных неясно, кто несёт ответственность — государственное бюджетное учреждение, разработчик алгоритма или орган, утвердивший методику [3].

Данные проблемы обострились в связи с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 года № 269-ФЗ, которым была введена обязательность применения субъектами Российской Федерации единой методики государственной кадастровой оценки и расширены полномочия государственных бюджетных учреждений по исправлению технических и методологических ошибок в отчётах об оценке. Закон предусмотрел механизм «бесплатного исправления ошибок», позволяющий собственникам обращаться непосредственно в учреждения с заявлениями об исправлении выявленных несоответствий [15]. Однако практическая реализация данного механизма выявила его ограниченность: понятие «методологической ошибки» трактуется учреждениями расширительно, что позволяет отказывать в исправлении сведений, когда допущенные погрешности носят оценочный характер.

Введение понятия «цифровая неопределённость» применительно к кадастровым спорам требует его концептуального обоснования. В общей теории права неопределённость трактуется как такое состояние нормативной системы, при котором однозначно определить правомерное поведение субъектов на основе действующих норм невозможно [16]. Применительно к кадастровым отношениям неопределённость получает ещё одно измерение — цифровое, которое связано с применением автоматизированных систем для принятия юридически значимых решений.

По нашему мнению, цифровая неопределённость в кадастровых спорах — это состояние правовой неопределённости, возникающее из-за использования алгоритмических методов при формировании юридически значимых показателей стоимости объектов недвижимости. В такой ситуации заинтересованные лица не имеют возможности в полной мере проверить достоверность, полноту и правомерность применённых методов и исходных данных теми средствами, которые предусмотрены действующим законодательством.

Это состояние проявляется в ряде характерных правовых аспектов. Первое из них —

проблема доступа к исходным данным. Законодательство о государственной кадастровой оценке предусматривает обязательность публикации отчётов об оценке, однако полный массив исходных данных, использованных при расчёте стоимости конкретного участка, как правило, не раскрывается. Между тем именно качество исходных данных — характеристики ценообразующих факторов, выборка объектов-аналогов, применённые поправочные коэффициенты — во многом определяет достоверность итогового результата оценки [17].

Второе проявление цифровой неопределённости связано с непрозрачностью алгоритмических моделей оценки. Современные системы массовой оценки всё активнее используют методы машинного обучения и нейросетевые алгоритмы, которые позволяют учитывать значительно большее количество ценообразующих факторов, чем традиционные регрессионные модели. Однако интерпретируемость таких алгоритмов существенно ниже: результат оценки может быть воспроизведён математически, но экономическое обоснование отдельных составляющих стоимости становится всё более затруднённым [18].

Третье проявление цифровой неопределённости — проблема юридической ответственности за алгоритмические ошибки. Действующее законодательство возлагает ответственность за результаты кадастровой оценки на государственные бюджетные учреждения, проводящие оценку. Однако в случаях, когда ошибки допущены на уровне алгоритма или исходных данных, реализация механизмов ответственности оказывается крайне затруднённой. Особую проблему представляет разграничение ошибок технических (подлежащих безусловному исправлению) и методологических (требующих иных механизмов оспаривания) [4].

Проблемы судебной защиты в условиях цифровой неопределённости

Цифровая неопределённость существенно осложняет судебную защиту прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости по нескольким направлениям. Первое из них — доказательственная проблема. Предприниматель, оспаривающий кадастровую стоимость, обязан представить отчёт об оценке рыночной стоимости, подготовленный независимым оценщиком. Однако если кадастровая стоимость завышена вследствие использования некорректных исходных данных — ошибочного определения вида разрешённого использования, неверного указания площади, использования недостоверных сведений о местоположении — доказать это значительно сложнее, чем просто представить альтернативную оценку рыночной стоимости [19].

Это связано с тем, что в подобных случаях надлежащим способом защиты является не установление кадастровой стоимости в размере рыночной, а исправление технической ошибки в сведениях Единого государственного реестра недвижимости. Однако разграничение технических ошибок (подлежащих исправлению в административном порядке) и методологических погрешностей (оспариваемых через специальную процедуру установления кадастровой стоимости) на практике вызывает значительные затруднения, которые в условиях цифровизации только усугубляются [5].

Второй аспект проблемы — судебная экспертиза в условиях цифровой неопределённости. При рассмотрении дел об оспаривании кадастровой стоимости суды, как правило, назначают судебную оценочную экспертизу для проверки достоверности представленного отчёта. Однако эксперт, анализирующий отчёт об оценке рыночной стоимости, оказывается в ситуации, когда он должен сравнить его не с реальными рыночными данными, а с результатом, полученным алгоритмическим путём. Это создаёт методологическую проблему: у эксперта нет полного доступа к исходным данным алгоритма, а значит, его заключение о достоверности кадастровой стоимости неизбежно будет строиться на неполных сведениях [6].

Третье направление проблем связано с временным аспектом судебной защиты. Рассмотрение дел об оспаривании кадастровой стоимости занимает в среднем от шести месяцев до полутора лет, если учитывать возможность назначения судебной экспертизы. За это время кадастровая стоимость может быть пересмотрена в плановом порядке — при проведении очередного тура государственной кадастровой оценки. В условиях цифровизации периодичность обновления данных сокращается, что увеличивает риск того, что к моменту вступления судебного решения в силу оно уже утратит значительную часть практического эффекта [20].

Административный порядок оспаривания и его цифровая трансформация

Параллельно с судебным существует административный порядок оспаривания кадастровой стоимости. Федеральный закон № 237-ФЗ предусматривает несколько механизмов внесудебной защиты: обращение в государственное бюджетное учреждение с заявлением об исправлении ошибок, обжалование в специальную комиссию при уполномоченном органе субъекта Российской Федерации, а также бюджетный механизм подачи декларации о характеристиках объекта [21].

Важно подчеркнуть, что для предпринимателей обязательный досудебный порядок не установлен — в отличие от физических лиц, которые,

согласно ранее действовавшей редакции законодательства, должны были сначала обратиться в комиссию. Это создаёт более благоприятный процессуальный режим для хозяйствующих субъектов, позволяя им непосредственно обращаться в суд. Вместе с тем административные механизмы защиты сохраняют практическую ценность как более оперативные и менее затратные инструменты [7].

Цифровизация существенно трансформировала административный порядок оспаривания. С одной стороны, внедрение электронных форм подачи заявлений, развитие портала государственных услуг и цифровых сервисов Росреестра повысили доступность административных механизмов защиты для предпринимателей. С другой стороны, принятие решений по заявлениям всё активнее переходит в автоматический режим, что создаёт риск формального подхода к рассмотрению индивидуальных обстоятельств конкретного дела [22].

Особую проблему представляет соотношение административного и судебного порядков защиты в условиях цифровой неопределённости. В случае, когда предприниматель обнаружил ошибку в исходных данных, заложенных в алгоритм оценки, он должен выбрать надлежащий способ защиты: либо требовать исправления технической ошибки в административном порядке, либо оспаривать кадастровую стоимость через установление её в размере рыночной в судебном порядке. Неверный выбор способа защиты неизбежно влечёт отказ в удовлетворении заявленных требований, что существенно затягивает восстановление нарушенных прав [8].

Направления совершенствования механизмов судебной защиты

На основе анализа действующего законодательства и сложившейся судебной практики представляется возможным выделить несколько ключевых направлений совершенствования механизмов судебной защиты прав предпринимателей, оспаривающих результаты кадастровой оценки в условиях цифровой неопределённости.

Первое направление предполагает законодательное закрепление права предпринимателя на доступ к исходным данным, положенным в основу определения кадастровой стоимости конкретного земельного участка. В настоящее время отчёты об оценке находятся в открытом доступе и содержат описание применённых методологических подходов, однако полный массив первичных сведений по каждому отдельному объекту по-прежнему остаётся закрытым. Законодательное закрепление права на доступ к таким данным способно существенно повысить результативность оспаривания в случаях, когда завышение кадастровой стоимости обусловлено использованием недостоверной либо неполной информации [9].

Второе направление — развивать институт специализированной цифровой экспертизы по делам об оспаривании кадастровой стоимости. В действующих федеральных стандартах судебной экспертизы отсутствуют нормы, которые учитывали бы особенности экспертного исследования результатов алгоритмической оценки. Если такие стандарты разработать, качество судебных экспертиз по этой категории дел возрастёт, а подходы к проверке достоверности кадастровой стоимости, рассчитанной автоматизированными методами, станут более единообразными [10].

Третье направление — законодательно урегулировать ответственность государственных бюджетных учреждений за алгоритмические ошибки, допущенные при формировании кадастровой стоимости. Существующий механизм, построенный на возмещении убытков от неверной оценки, на практике почти не применяется, в том числе потому, что доказать причинно-следственную связь между ошибками и имущественными потерями предпринимателя сложно. Если ввести специальный механизм компенсации за систематические ошибки алгоритмической оценки, это усилило бы ответственность учреждений и создало бы стимул повышать качество оценки [23].

Четвёртое направление связано с совершенствованием процессуальных норм, регулирующих рассмотрение дел об оспаривании кадастровой стоимости, с учётом специфики цифровых доказательств. В частности, представляется целесообразным включить в КАС РФ специальные положения, регламентирующие истребование судом цифровых данных, послуживших основой для формирования кадастровой стоимости, а также устанавливающие порядок оценки алгоритмических ошибок в качестве самостоятельного основания для пересмотра результатов оценки [24].

Зарубежный опыт

Значительный научный и практический интерес представляет зарубежный опыт урегулирования споров о кадастровой (налоговой) стоимости недвижимости в условиях цифровизации. В ряде государств — членов Европейского союза, прежде всего в Германии и Нидерландах, законодательство о массовой оценке недвижимости в целях налогообложения претерпело радикальную цифровую трансформацию, повлёкшую существенное обновление механизмов судебной защиты прав правообладателей [25].

Показательна в этом отношении нидерландская модель оценки недвижимости для целей налогообложения, получившая наименование си-

стемы WOZ (Waardering Onroerende Zaken). Данная система предусматривает развитые механизмы доступа налогоплательщиков к сведениям, использованным при расчёте оценочной стоимости объектов, что существенно повышает прозрачность оценочной процедуры и снижает вероятность возникновения необоснованных споров.

Немецкая модель, опирающаяся на систему налоговых органов и специализированные суды по налоговым делам (Finanzgerichte), предусматривает развитую систему административного оспаривания с последующим судебным контролем [26].

Опыт Эстонии, активно использующей цифровые технологии в системе государственного управления, представляет особый интерес с точки зрения сочетания цифровизации кадастровых процессов с сохранением доступных механизмов оспаривания для заинтересованных лиц. Эстонская модель предусматривает полную транспарентность исходных данных, использованных при оценке каждого конкретного объекта, что является прямым ответом на проблему цифровой неопределённости [27].

Анализ зарубежного опыта позволяет сформулировать несколько ключевых принципов, которые могли бы быть восприняты отечественным законодателем: принцип транспарентности алгоритмических методов оценки, принцип доступа заинтересованных лиц к исходным данным, принцип специализации судопроизводства по делам об оспаривании стоимости недвижимости, а также принцип пропорциональности затрат на оспаривание и возможного экономического эффекта [11].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, институт судебной защиты прав предпринимателей при оспаривании кадастровой стоимости земельных участков функционирует в условиях нарастающей цифровой неопределённости, обусловленной переходом к алгоритмическим методам массовой оценки. Введённое в научный оборот понятие «цифровая неопределённость» отражает качественно новое состояние кадастровых правоотношений, при котором традиционные механизмы судебной защиты оказываются недостаточными для полноценного обеспечения имущественных интересов предпринимателей.

Содержание цифровой неопределённости раскрывается через совокупность взаимосвязанных измерений: информационную непрозрачность алгоритмических методов оценки, недоступность исходных данных для их независимой проверки, неурегулированность вопроса об ответственности за алгоритмические ошибки, а также методологические затруднения при проведении судебной экспертизы в условиях неполноты сведений о применённых оценочных методах.

Действующее законодательство об оспаривании кадастровой стоимости, несмотря на существенные изменения, внесённые Федеральным законом № 237-ФЗ, не в полной мере учитывает вызовы цифровой трансформации оценочной деятельности. Выявленные пробелы свидетельствуют о необходимости системного совершенствования как материально-правовых, так и процессуальных норм, регулирующих защиту прав предпринимателей в данной сфере.

Механизм исправления ошибок, введённый Федеральным законом № 269-ФЗ, представляет собой позитивный шаг, однако его практическая эффективность ограничена неопределённостью критериев разграничения технических и методологических ошибок.

В-четвёртых, совершенствование механизмов судебной защиты прав предпринимателей в данной сфере требует комплексного подхода, включающего: закрепление права доступа к исходным данным алгоритмической оценки; развитие института специализированной цифровой экспертизы; уточнение законодательного регулирования ответственности за алгоритмические ошибки; совершенствование процессуальных правил работы с цифровыми доказательствами в делах об оспаривании кадастровой стоимости.

Перечисленные меры позволили бы обеспечить надлежащий баланс между публичным интересом в стабильности системы кадастровой оценки и частным интересом предпринимателей в защите от необоснованного завышения кадастровой стоимости их земельных участков.

Список литературы:

[1] Болтанова Е.С. Государственная кадастровая оценка: правовые проблемы и пути их решения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 4. С. 40–52.

[2] Варламов А.А., Комаров С.И. Государственная кадастровая оценка в условиях цифровой трансформации // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2022. № 3. С. 112–125.

[3] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.

[4] Землякова Г.Л. Новое законодательство о государственной кадастровой оценке: достоинства и недостатки // Аграрное и земельное право. 2017. № 9. С. 158–172.

[5] Иконицкая И.А. Проблемы оспаривания кадастровой стоимости земельных участков в ар-

битражных судах // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 149–163.

[6] Комаров С.И., Варламов А.А. Практика оспаривания кадастровой стоимости: анализ статистики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 6. С. 28–41.

[7] Кухаренко Т.А. Предприниматель как субъект налоговых правоотношений по земельному налогу // Финансовое право. 2021. № 1. С. 65–78.

[8] Лисина Н.Л. Особенности оспаривания кадастровой стоимости земельных участков, используемых в предпринимательской деятельности // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 84–97.

[9] Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и субъективное право: соотношение понятий // Правоведение. 2018. № 2. С. 138–155.

[10] Петрова Т.В. Правовые проблемы государственной кадастровой оценки // Экологическое право. 2019. № 4. С. 208–221.

[11] Рогалёва М.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел об оспаривании кадастровой стоимости по КАС РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 82–94.

[12] Сухова Е.А. Административное судопроизводство и защита прав предпринимателей // Законодательство и экономика. 2021. № 2. С. 127–141.

[13] Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 50–64.

[14] Хаустов Д.В. Доступность судебной защиты для субъектов малого предпринимательства при оспаривании результатов кадастровой оценки // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 191–204.

[15] Цветков И.В. Государственная кадастровая оценка в новых условиях: комментарий к изменениям законодательства // Хозяйство и право. 2021. № 5. С. 70–84.

[16] Черданцев А.Ф. Правовая неопределённость и методы её устранения // Правоведение. 2016. № 6. С. 48–63.

[17] Шаповалов И.А. Большие данные в системе государственной кадастровой оценки: правовые аспекты // Информационное право. 2022. № 2. С. 224–238.

[18] Щербаков Н.Б. Алгоритмические методы оценки недвижимости: юридические последствия // Право и цифровая экономика. 2023. № 1. С. 80–95.

[19] Ялбулганов А.А. Доказательственная база в делах об оспаривании кадастровой стоимости // Финансовое право. 2019. № 4. С. 106–119.

[20] Янкевич С.В. Временные аспекты судебной защиты прав при оспаривании кадастровой стоимости // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 138–151.

[21] Яргина Е.А. Декларация о характеристиках объекта как инструмент защиты прав в кадастровых отношениях // Нотариус. 2022. № 1. С. 82–94.

[22] Артамонов А.Н. Цифровые сервисы Росреестра: правовые возможности и ограничения // Государство и право. 2022. № 8. С. 59–71.

[23] Болдырев В.А. Гражданско-правовая ответственность государственных учреждений в сфере кадастровой оценки // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 48–61.

[24] Воронцова И.В. Цифровые доказательства в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 2. С. 106–119.

[25] Кириллова Е.А. Зарубежный опыт налогообложения недвижимости и оспаривания её стоимости // Финансовое право. 2020. № 7. С. 38–51.

[26] Николаев А.В. Правовые модели оценки недвижимости для целей налогообложения в праве ЕС // Московский журнал международного права. 2021. № 3. С. 181–196.

[27] Тихонравов Е.Ю. Цифровое государственное управление: опыт Эстонии и перспективы для России // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 2. С. 61–74.

References:

[1] Boltanova E.S. State Cadastral Valuation: Legal Issues and Ways to Address Them // Property Relations in the Russian Federation. 2021. No. 4. pp. 40–52.

[2] Varlamov A.A., Komarov S.I. State Cadastral Valuation in the Context of Digital Transformation // Land Management, Cadastre, and Land Monitoring. 2022. No. 3. pp. 112–125.

[3] Gribanov V.P. Exercise and Protection of Civil Rights. Moscow: Statut, 2001. 411 p.

[4] Zemlyakova G.L. New Legislation on State Cadastral Valuation: Merits and Drawbacks // Agrarian and Land Law. 2017. No. 9. pp. 158–172.

[5] Ikonitskaya I.A. Issues Regarding the Challenging of the Cadastral Value of Land Plots in Arbitration Courts // Journal of Russian Law. 2019. No. 2. pp. 149–163.

[6] Komarov S.I., Varlamov A.A. The Practice of Challenging Cadastral Value: A Statistical Analysis // Property Relations in the Russian Federation. 2020. No. 6. pp. 28–41.

[7] Kukharenko T.A. The Entrepreneur as a Subject of Tax Legal Relations Concerning Land Tax // Financial Law. 2021. No. 1. pp. 65–78.

[8] Lisina N.L. Specifics of Challenging the

Cadastral Value of Land Plots Used in Entrepreneurial Activity // Russian Law Journal. 2020, No. 5, pp. 84–97.

[9] Malko A.V., Subochev V.V. Legitimate Interest and Subjective Right: The Relationship Between the Concepts // Pravovedenie. 2018, No. 2, pp. 138–155.

[10] Petrova T.V. Legal Issues in State Cadastral Valuation // Environmental Law. 2019, No. 4, pp. 208–221.

[11] Rogaleva M.A. Procedural Specifics of Adjudicating Cases Challenging Cadastral Value under the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation // Arbitration and Civil Procedure. 2020, No. 3, pp. 82–94.

[12] Sukhova E.A. Administrative Legal Proceedings and the Protection of Entrepreneurs' Rights // Legislation and Economics. 2021, No. 2, pp. 127–141.

[13] Tikhomirov Yu.A. Public Law Regulation: Dynamics of Spheres and Methods // Journal of Russian Law. 2001, No. 5, pp. 50–64.

[14] Khaustov D.V. Accessibility of Judicial Protection for Small Business Entities Challenging the Results of Cadastral Valuation // Entrepreneurial Law. 2022, No. 1, pp. 191–204.

[15] Tsvetkov I.V. State Cadastral Valuation in a New Context: Commentary on Legislative Changes // Economy and Law. 2021, No. 5, pp. 70–84.

[16] Cherdantsev A.F. Legal Uncertainty and Methods for Its Resolution // Pravovedenie. 2016. No. 6. pp. 48–63.

[17] Shapovalov I.A. Big Data in the State Cadastral Valuation System: Legal Aspects // Information Law. 2022. No. 2. pp. 224–238.

[18] Shcherbakov N.B. Algorithmic Methods for Real Estate Valuation: Legal Consequences // Law and Digital Economy. 2023. No. 1. pp. 80–95.

[19] Yalbulganov A.A. The Evidentiary Basis in Cases Involving Challenges to Cadastral Value // Financial Law. 2019. No. 4. pp. 106–119.

[20] Yankevich S.V. Temporal Aspects of Judicial Protection of Rights in Challenges to Cadastral Value // Russian Justice. 2021. No. 3. pp. 138–151.

[21] Yargina E.A. Declaration of Property Characteristics as a Tool for Protecting Rights in Cadastral Relations // Notary. 2022. No. 1. pp. 82–94.

[22] Artamonov A.N. Digital Services of Rosreestr: Legal Possibilities and Limitations // State and Law. 2022. No. 8. pp. 59–71.

[23] Boldyrev V.A. Civil Liability of State Institutions in the Sphere of Cadastral Valuation // Journal of Russian Law. 2022. No. 6. pp. 48–61.

[24] Vorontsova I.V. Digital Evidence in Administrative Legal Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2023. No. 2. pp. 106–119.

[25] Kirillova E.A. Foreign Experience in Real Estate Taxation and Challenging Property Valuations // Financial Law. 2020. No. 7. pp. 38–51.

[26] Nikolaev A.V. Legal Models for Real Estate Valuation for Tax Purposes in EU Law // Moscow Journal of International Law. 2021. No. 3. pp. 181–196.

[27] Tikhonravov E.Yu. Digital Public Administration: The Estonian Experience and Prospects for Russia // State Power and Local Self-Government. 2022. No. 2. pp. 61–74.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-529-535
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

БЕЛЯЕВ Илья Романович,
аспирант кафедры правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
e-mail: 259122@edu.fa.ru

ИНОСТРАННЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ИСПОЛНЕНИЮ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются препятствия к признанию и приведению в исполнение решений по инвестиционным спорам с участием российских лиц, созданные ограничительными мерами Европейского союза, прежде всего пунктами 2a и 2b статьи 11, статьями 11e и 11f Регламента ЕС № 833/2014. Прослеживается распределение санкционного воздействия по стадиям инвестиционного спора: согласия на арбитраж, арбитражного разбирательства и исполнения решения. Обосновывается, что согласие государства на арбитраж, выраженное в двустороннем инвестиционном соглашении и защищенное оговоркой о «переживании» прекращения, не может быть избирательно им отозвано, в связи с чем санкционное воздействие сосредоточивается на стадии исполнения. Показано, что запрет признания по признаку статуса взыскателя вводит не предусмотренное статьей V Нью-Йоркской конвенции 1958 г. основание отказа. Сделан вывод, что лишение инвестора права, подтвержденного арбитражным решением, может образовывать самостоятельную косвенную экспроприацию, отделимую от первичного блокирования активов.*

Ключевые слова: *ограничительные меры, санкции, международный инвестиционный арбитраж, двусторонние инвестиционные соглашения, признание и приведение в исполнение арбитражных решений, Нью-Йоркская конвенция, публичный порядок, косвенная экспроприация.*

Для цитирования: *Беляев И. Р. Иностранные ограничительные меры как препятствие исполнению арбитражного решения // Образование и право. 2026. № 10. С. 529–535.*

BELYAEV Ilya Romanovich,
Postgraduate student of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

FOREIGN RESTRICTIVE MEASURES AS AN OBSTACLE TO THE ENFORCEMENT OF ARBITRAL AWARDS

Annotation. *The article examines the obstacles to the recognition and enforcement of investment arbitral awards involving Russian persons created by the restrictive measures of the European Union, primarily by paragraphs 2a and 2b of Article 11 and Articles 11e and 11f of EU Regulation No 833/2014. The author traces how the impact of sanctions is distributed across the stages of an investment dispute: consent to arbitration, the arbitral proceedings and the enforcement of the award. It is argued that the State's consent to arbitration, expressed in a bilateral investment treaty and protected by a survival clause, cannot be selectively withdrawn; the impact of sanctions is therefore concentrated at the enforcement stage. It is shown that a ban on recognition based on the status of the award creditor introduces a ground for refusal not provided for in Article V of the 1958 New York Convention. The author concludes that depriving an investor of a right confirmed by an arbitral award may constitute a separate indirect expropriation, severable from the initial freezing of assets.*

Key words: *restrictive measure, sanctions, investment arbitration, bilateral investment treaties, recognition and enforcement of arbitral awards, New York Convention, public policy, indirect expropriation.*

For citation: *Belyaev I. R. Foreign restrictive measures as an obstacle to the enforcement of arbitral awards. Education and law. 2026;(10):529–535. (In Russ.).*

Введение

Начиная с февраля 2022 г. количество иностранных ограничительных мер, введенных в отношении Российской Федерации, ее юридических лиц и граждан, достигло рекордных значений – так, уже по состоянию на 8 марта 2022 года Россия стала мировым лидером по количеству введенных в отношении нее ограничительных мер. В свою очередь, лидером по введению указанных мер является Европейский союз – 23 июля 2026 года был введен уже 21-й по счету пакет ограничительных мер в отношении Российской Федерации.

Введение односторонних ограничительных мер привело к тому, что физические и юридические лица из тех государств, которые принимают такие меры, стали отказываться от исполнения договоров, ранее заключенных с российскими лицами. Как следствие, возросло количество судебных и арбитражных разбирательств по поводу нарушения таких договоров. Так, согласно статистике Гонконгского международного арбитражного центра, в 2025 году Россия оказалась среди десяти стран с наибольшим количеством лиц-участников в спорах, рассматриваемых указанным арбитражным учреждением, а в 2023 году – заняла седьмое место [7].

Ряд крупных арбитражных учреждений, например, Арбитражный институт при Стокгольмской торговой палате, Международный арбитражный суд при Международной торговой палате и Гонконгский международный арбитражный центр, декларировали свою готовность обеспечивать независимое и беспристрастное рассмотрение споров с участием лиц, подпадающих под односторонние ограничительные меры [8]. Тем не менее, подсанкционные лица зачастую сталкиваются с техническими препятствиями к участию в разбирательстве в иностранном форуме – испытывают сложности при найме консультантов, оплате арбитражного сбора и не могут физически присутствовать в месте проведения слушаний [1, с. 295]. Эти обстоятельства вынуждают лицо, желающее обратиться с иском или просьбой об арбитраже, искать возможность передать спор на рассмотрение иного форума.

Во-первых, подсанкционное лицо может обратиться в российский суд на основании статьи 248.1 АПК РФ. Она дает возможность российскому суду установить собственную компетенцию, если в отношении заявителя применяются односторонние ограничительные меры, не позволяющие ему обратиться за защитой своих прав в тот форум, который согласован в договоре с контрагентом. Указанный механизм получил освещение в российской научной литературе [2].

Во-вторых, в ряде случаев подсанкционное лицо, чье право нарушено, может предъявить иск не к собственному контрагенту, а к самому государству, принявшему соответствующие ограничительные меры в одностороннем порядке. Такую возможность дает механизм международного инвестиционного арбитража, основанный на двусторонних инвестиционных соглашениях (далее – «**ДИС**») между государством происхождения инвестора и государством, получающим инвестиции (государство-реципиент). Для того, чтобы получить возможность обратиться в форум, согласованный в ДИС, подсанкционному лицу необходимо обосновать, что 1) оно может быть квалифицировано как инвестор в соответствии с ДИС (например, является юридическим лицом, зарегистрированным по праву стороны ДИС); 2) утраченное имущественное благо соответствует критериям инвестиции (капиталовложения), установленным в ДИС.

Для противодействия указанному способу защиты прав российских лиц Европейский союз в июле 2025 г. внес очередные поправки в собственный Регламент № 833/2014 (далее – «**Регламент ЕС**») – основной документ, содержащий секторальные ограничительные меры против Российской Федерации. Статья 11 Регламента ЕС, ранее содержавшая запрет удовлетворения исков подсанкционных лиц в судах стран ЕС, была дополнена пунктом 2a. Указанная норма Регламента ЕС запрещает признание и (или) приведение в исполнение в государствах – членах ЕС судебных актов и арбитражных решений, если они:

1) вынесены в разбирательствах за пределами государств-членов во исполнение или на основании разбирательств по урегулированию споров между инвестором и государством, возбужденных против государства-члена;

2) способны повлечь удовлетворение требований, связанных с мерами, введенными данным Регламентом или Регламентом ЕС № 269/2014 (основным актом ЕС, содержащим персональные санкции);

3) предъявлены к признанию и (или) приведению в исполнение подсанкционным лицом.

Также в статью 11 был внесен пункт 2b, который распространяет аналогичный запрет на производные от соответствующих разбирательств меры содействия.

Дополнительно в рамках указанных мер в Регламент ЕС были внесены статьи 11e и 11f. Первая из них предусматривает, что государства-члены ЕС обязаны принимать надлежащие меры для взыскания с подсанкционных лиц прямого и косвенного ущерба, включая судебные расходы, возникшего вследствие разбирательств по урегулированию споров между инвестором и государством, возбужденных против государства-члена в связи с односторонними ограничительными мерами. Причем взыскание осуществляется в судебном порядке в компетентных судах самих государств-членов. Аналогичное право на взыскание понесенного ущерба на тех же условиях предоставлено самому Европейскому союзу. В свою очередь, статья 11f возлагает на государства-члены обязанность заявлять все доступные возражения против признания и приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных против них в разбирательствах по урегулированию споров между инвестором и государством по поводу ограничительных мер.

Таким образом, Европейский союз принял всесторонние меры в отношении потенциальных арбитражных решений против собственных членов, устранив их исполнимость на собственной территории. Основной научной проблемой является правовая природа такого препятствия и совместимость этих ограничений с обязательствами государств – членов ЕС: обязанностью признавать и приводить в исполнение арбитражные решения (статья III Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., «Нью-Йоркская конвенция») и положениями ДИС об окончательности и обязательности решений, вынесенных в инвестиционном арбитраже.

Цель, задачи, гипотеза и методы исследования

Цель настоящей статьи – определить правовую природу препятствий исполнению арбитражных решений по инвестиционным спорам, созданных ограничительными мерами ЕС, и оценить их совместимость с международно-правовыми обязательствами государств – членов ЕС. Для ее достижения поставлены задачи: 1) проанализировать, как санкционное воздействие распределяется по стадиям разрешения инвестиционного спора – от согласия на арбитраж до исполнения решения; 2) соотнести запрет признания, установленный пунктом 2a статьи 11 Регламента ЕС, с основаниями отказа, предусмотренными статьей V Нью-Йоркской конвенции; 3) установить, может ли отказ в признании арбитражного решения быть квалифицирован как самостоятельный акт косвенной экспроприации.

Нами выдвигается гипотеза, согласно которой ограничение права на судебную защиту в инвестиционном арбитраже смещается к стадии исполнения арбитражного решения. Согласие государства на передачу инвестиционного спора международному арбитражу выражено заблаговременно и содержится в уже заключённом двустороннем инвестиционном соглашении. Это согласие имеет характер оферты, обращённой к неопределённому кругу инвесторов и акцептуемой самим фактом инициирования разбирательства. Избирательно отозвать это согласие – в отношении инвесторов одного государства – принимающая сторона не может, не допустив нарушения действующего ДИС. Вследствие этого санкционное воздействие переносится на другую стадию – признание и приведение решения в исполнение. На этом этапе инвестор, реализовавший предоставленное договором право на нейтральный форум и добившийся решения в свою пользу, лишается его экономической ценности. Если наше предположение верно, санкционное препятствие исполнению подлежит оценке не как процессуальное затруднение, а как вмешательство материально-правового свойства. Это означает, что «вторичное» лишение инвестора подтверждённого арбитражным решением имущественного права, юридически отделимое от «первичного» блокирования его активов, является отдельным актом экспроприации и порождает самостоятельное основание международной ответственности государства.

Для решения поставленных задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также гипотетико-дедуктивный метод, определивший логику изложения: выдвинутая гипотеза последовательно проверяется применительно к каждой стадии инвестиционного спора. Из частнонаучных методов применялись формально-юридический метод – при толковании положений регламентов ЕС № 833/2014 и № 269/2014, Нью-Йоркской конвенции, Вашингтонской конвенции 1965 г., Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и ДИС; метод анализа правоприменительной практики – при изучении решений инвестиционных трибуналов о косвенной экспроприации и об отказе в исполнении арбитражных решений; системный метод – при рассмотрении ограничительных мер ЕС как взаимосвязанной совокупности препятствий, действующих на разных стадиях спора.

Санкционное воздействие на стадиях согласия на арбитраж и арбитражного разби-

рательства

Исходной составляющей арбитражного разбирательства является достижение соглашения сторон о передаче потенциального спора на рассмотрение трибунала. В международном коммерческом арбитраже источником компетенции трибунала является арбитражное соглашение – как правило, в виде условия в договоре, реже – в виде отдельного документа. В свою очередь, в инвестиционном арбитраже согласие сторон формируется путем, с одной стороны, оферты от государства, содержащейся в ДИС, и, с другой стороны, акцепта этой оферты инвестором посредством инициирования разбирательства [3, para. 11–13; 4]. Это значит, что государство не может в одностороннем порядке отказаться от арбитража, не нарушив договор, который считается заключенным с момента акцепта.

Более того, до акцепта оферты инвестором государство уже является стороной иного обязательства, не являющегося гражданско-правовым – поскольку ДИС является международным договором, с момента его подписания государство является обязанным перед своим государством-контрагентом. При этом отказ от ДИС зачастую не позволит государству избежать статуса нарушителя – во многие ДИС внедрена оговорка о «переживании» прекращения (survival clause). Например, в ДИС между Россией и Венгрией 1995 года положение о праве инвестора передать спор в арбитраж находится в статье 8, при этом в пункте 3 статьи 12 указывается, что для инвестиций, которые осуществлены до прекращения действия ДИС, положения статей 1–11 будут оставаться в силе в течение пятнадцати лет после прекращения ДИС. Таким образом, государства ЕС ограничены в инструментах санкционного воздействия на компетенцию международного инвестиционного арбитража.

Следующая стадия разрешения инвестиционного спора – непосредственно само арбитражное разбирательство. Как указывалось выше в настоящей статье, на этом этапе ограничения имеют технический характер – присутствуют сложности с совершением платежей и трудности логистического характера. Отдельной проблемой является то, что арбитражные учреждения, уполномоченные администрировать спор согласно положениям ДИС, могут сами являться европейскими юридическими лицами. Примером является Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты, который является одним из доступных форумов в соответствии с упомянутым выше ДИС между Россией и Венгрией. Поскольку ограничительные меры ЕС являются обязательными для всех европейских лиц, Стокгольмская торговая палата откажется принимать от подсанкционного лица уплату арбитражного сбора до тех пор, пока оно не получит соответствующее разрешение от компетентного санкционного органа Швеции. На практике это означает, что инвестор из России, включенный в санкционные списки ЕС, при обращении с иском против страны-члена ЕС может быть лишен властями другой страны-члена ЕС возможности уплатить арбитражный сбор, что может свидетельствовать о конфликте интересов.

В таком случае инвестору остается обращаться в альтернативный форум, если таковой предусмотрен применимым ДИС – как правило, это Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) либо арбитраж ad hoc по Арбитражному регламенту Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Выбор альтернативного форума для российского инвестора, впрочем, ограничен. Российская Федерация подписала, но не ратифицировала Вашингтонскую конвенцию 1965 года, поэтому арбитраж в МЦУИС по правилам этой конвенции ему недоступен – за исключением дополнительной процедуры, если её допускает применимое ДИС.

Этим подтверждается выдвинутая ранее гипотеза. Препятствия на стадии разбирательства носят технический характер и преодолимы выбором форума, тогда как препятствие на стадии исполнения нормативно и выбором форума не преодолевается. Именно на эту стадию направлены рассмотренные выше пункты 2a и 2b статьи 11 и статьи 11e и 11f Регламента ЕС. А поскольку упрощенный механизм исполнения, предусмотренный статьями 53–55 Вашингтонской конвенции, российским лицам недоступен, исполнение решения подчиняется Нью-Йоркской конвенции, с которой названные нормы и вступают в коллизию, как рассмотрено ниже в настоящей статье.

Запрет признания и Нью-Йоркская конвенция

Нормативный запрет признания – последнее и наиболее радикальное из препятствий, с которыми сталкивается взыскатель. Ему предшествует ряд препятствий, существовавших и до 18-го пакета. Так, Регламент ЕС № 269/2014 запрещает прямо или косвенно предоставлять подсанкционным лицам денежные средства и экономические ресурсы – а значит, и производить исполнение по решению в их пользу. Соответственно, государство-член ЕС, даже признав решение, будет не вправе заплатить по нему без разрешения компетентного органа – то есть, по существу, без разрешения самого себя.

Показательно и распределение изъятий. Введённая в 2026 году в Регламент ЕС № 269/2014

статья 5c допускает разблокирование средств включённого в перечень лица по решению, вынесенному после его включения в санкционные списки, лишь если разбирательство инициировал сам этот субъект, и лишь в части арбитражных расходов в пользу стороны, не подпадающей под ограничения и не являющейся российским лицом. Ограничительный режим, таким образом, проницаем в одну сторону: проиграв спор, российский инвестор может возместить государству-члену ЕС расходы из замороженных средств; но выиграв его, не может получить присуждённое.

Статья III Нью-Йоркской конвенции (которая, как указано выше, будет применяться к решениям по инвестиционным спорам с российскими лицами) обязывает признавать арбитражные решения и приводить их в исполнение, а перечень оснований для отказа в статье V является исчерпывающим. Статья 11f Регламента ЕС, обязывая государства-члены заявлять все доступные возражения, по существу предписывает им ссылаться на публичный порядок (пункт 2(b) статьи V). Более того, в преамбуле вносящего изменения регламента запрет связан именно с публичным порядком.

Тем не менее, оговорка о публичном порядке предполагает оценку последствий признания конкретного решения, тогда как пункт 2a статьи 11 Регламента ЕС предрешает такой отказ заранее – по статусу истца и независимо от содержания решения. Представляется, что в таком случае это не применение конвенционного основания, а введение нового, что противоречит принципу *pacta sunt servanda* и запрету ссылаться на внутреннее право в оправдание неисполнения договора, как закреплено соответственно в ст. 26 и 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Отказ в признании арбитражного решения как косвенная экспроприация

Одним из предметов рассмотрения трибуналов по инвестиционным спорам является квалификация санкционной меры как экспроприации. Поскольку «заморозка» активов формально не лишает инвесторов титула в отношении их имущества, речь необходимо вести о косвенной экспроприации – то есть о мерах, равносильных экспроприации по своему экономическому эффекту. Признаки косвенной экспроприации практика инвестиционных трибуналов, по наблюдению С.В. Усоскина [5, с. 53–54], сводит к двум: к существенности вмешательства – имущество может сохранять физическую целостность и при этом утратить для собственника экономический смысл (например, см. Pope & Talbot Inc. v. The Government of Canada), и к его продолжительности; например, в деле Wena Hotels v. Egypt (дело МЦУИС No. ARB/98/4) для вывода об экспроприации оказалось достаточно годичного отстранения инвестора от управления гостиницами.

«Первичное» блокирование активов отвечает обоим признакам: включённое в перечень лицо не может ни распорядиться имуществом, поскольку любые операции с ним запрещены, ни пользоваться им, поскольку ему закрыт въезд, – и это положение сохраняется с 2022 года, а для части лиц с 2014 года.

Те же признаки применимы к вынесенному арбитражному решению. Определения капиталовложений в ДИС охватывают, как правило, и права требования по денежным средствам – например, см. ст. 1 Соглашения между Правительством СССР и Правительством Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 6 апреля 1989 года. Решение, подтверждающее такое право, «кристаллизует» это право и само становится защищаемым активом. Например, в деле Saipem v. Bangladesh (дело МЦУИС No. ARB/05/07) состав квалифицировал действия государственных судов, лишившие инвестора выгоды от арбитражного решения, как изъятие остаточных договорных прав, кристаллизованных в решении, то есть как экспроприацию. Отказ по пункту 2a статьи 11 Регламента ЕС отвечает обоим признакам: арбитражное решение утрачивает для взыскателя экономический смысл, а срок ограничения привязан к сроку действия санкций и заранее не определён.

Арбитражная практика выработала и ограничитель: отказ в исполнении арбитражного решения нарушает ДИС лишь тогда, когда он произволен, дискриминационен или недобросовестен [9; 10]. Как представляется, отказ по пункту 2a статьи 11 Регламента ЕС произволен, поскольку предрешён нормой и не зависит от сути решения; и дискриминационен, поскольку адресован категории инвесторов по признаку, не связанному с существом спора. О недобросовестности может свидетельствовать внутренняя противоречивость самого Регламента ЕС: его статья 11b предлагает лицам ЕС взыскивать убытки с тех, кто, по мнению ЕС, «извлёк выгоду» из российских механизмов временного управления иностранными активами, если соответствующий акт с точки зрения ЕС «незаконен в соответствии с… ДИС между государством-членом и Россией». Один и тот же акт, таким образом, предполагает неравный подход, поскольку, с одной стороны, опирается на ДИС как на источник притязаний европейских лиц, а с другой стороны, лишает российских инвесторов возможности реализовать свои права из тех же соглашений.

Следовательно, «вторичное» лишение инвестора подтверждённого решением права имеет признаки самостоятельной косвенной экспроприации, отделимой от «первичного» блокирования активов, и может порождать самостоятельное основание ответственности государства.

Для инвестора, получившего решение против государства – члена ЕС, практическое значение имеют два направления. Первое – исполнение за пределами ЕС. Во множестве юрисдикций применение ограничительных мер само по себе не является для национальных судов поводом отказывать в признании и приведении в исполнение арбитражных и судебных решений. Например, существует практика судов США и Швейцарии 2010-х годов по признанию и приведению в исполнение решений международных коммерческих арбитражей в пользу лиц из Ирана, несмотря на действие санкций в отношении этой страны [6]. Второе направление – самостоятельное требование к государству, отказавшему в признании, из «вторичной» экспроприации по модели дела Saipem v. Bangladesh.

Заключение

Проведённый анализ подтверждает выдвинутую гипотезу. Согласие государств – членов ЕС на инвестиционный арбитраж зафиксировано в ДИС и защищено оговорками о переживании прекращения, а препятствия на стадии разбирательства преодолимы выбором форума, поэтому санкционное воздействие сосредоточено на стадии исполнения. Уточнения гипотеза потребовала в одном: эта стадия – не единственное, а решающее место такого воздействия, поскольку ограничения сохраняются и в ходе разбирательства.

Запрет признания по пункту 2а статьи 11 Регламента ЕС венчает цепь препятствий, которая начинается с запрета выплачивать присуждённое без разрешения самого государства-должника. Лишение инвестора права, подтверждённого арбитражным решением, потенциально отвечает признакам косвенной экспроприации. Также этот запрет вводит отсутствующее в статье V Нью-Йоркской конвенции основание отказа и может вступать в противоречие с её статьей III, что ведёт к ослаблению универсальности международного арбитража.

Список литературы:

[1] Нальгиев, А. М., Блат, М. П. Место арбитража стало местом санкций: допустимость «адаптации» условия о месте арбитража в свете антироссийских ограничительных мер / А. М. Нальгиев, М. П. Блат непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 6. – С. 295–319.

[2] Ярков, В. В. Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ / В. В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 1. – С. 133–146.

[3] Law and Practice of International Commercial Arbitration / A. Redfern, M. Hunter, N. Blackaby, C. Partasides. – 4th ed. – London : Sweet & Maxwell, 2004. – 659 p.

[4] Paulsson, J. Arbitration Without Privity / J. Paulsson // ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. – 1995. – Vol. 10, No. 2. – P. 232–257.

[5] Усоскин, С. В. Определение косвенной экспроприации в практике арбитражей по договорам о поощрении капиталовложений / С. В. Усоскин // Закон. – 2011. – № 1. – С. 52–58.

[6] Лавров, А. Д. Влияние санкций на режим инвестиционного арбитража / А. Д. Лавров // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 2. – С. 99–108.

[7] Statistics // Сайт Гонконгского международного арбитражного центра (HKIAC). URL: https://hkiac.org/about-us/statistics/.

[8] Sanctions // Сайт Арбитражного института при Стокгольмской торговой палате. URL: https://sccarbitrationinstitute.se/en/ (дата обращения: 19.09.2026). (дата обращения: 19.09.2026).

[9] Frontier Petroleum Services Ltd. v. The Czech Republic // Italaw. URL: https://www.italaw.com/cases/documents/517 (дата обращения: 19.09.2026).

[10] GEA Group Aktiengesellschaft v. Ukraine // JURIS Arbitration Law. URL: https://arbitrationlaw.com/library/gea-group-aktiengesellschaft-v-ukraine-icsid-case-no-arb0816-germanyukraine-bit-award (дата обращения: 19.09.2026).

References:

[1] Nalgiev, A. M., Blat, M. P. The Seat of Arbitration Has Become a Site of Sanctions: Admissibility of “Adapting” the Clause on the Seat of Arbitration in Light of Anti-Russian Restrictive Measures / A. M. Nalgiev, M. P. Blat // Herald of Civil Procedure. – 2024. – No. 6. – pp. 295–319.

[2] Yarkov, V. V. Exclusive Jurisdiction of Russian Courts Under Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation / V. V. Yarkov // Herald of Civil Procedure. – 2025. – No. 1. – pp. 133–146.

[3] Law and Practice of International Commercial Arbitration / A. Redfern, M. Hunter, N. Blackaby, C. Partasides. – 4th ed. – London: Sweet & Maxwell, 2004. – 659 p.

[4] Paulsson, J. Arbitration Without Privity / J. Paulsson // ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. – 1995. – Vol. 10, No. 2. – pp. 232–257.

[5] Usoskin, S. V. Defining Indirect Expropriation in the Practice of Arbitral Tribunals Under Investment

Promotion Treaties / S. V. Usoskin // Zakon. – 2011. – No. 1. – pp. 52–58.

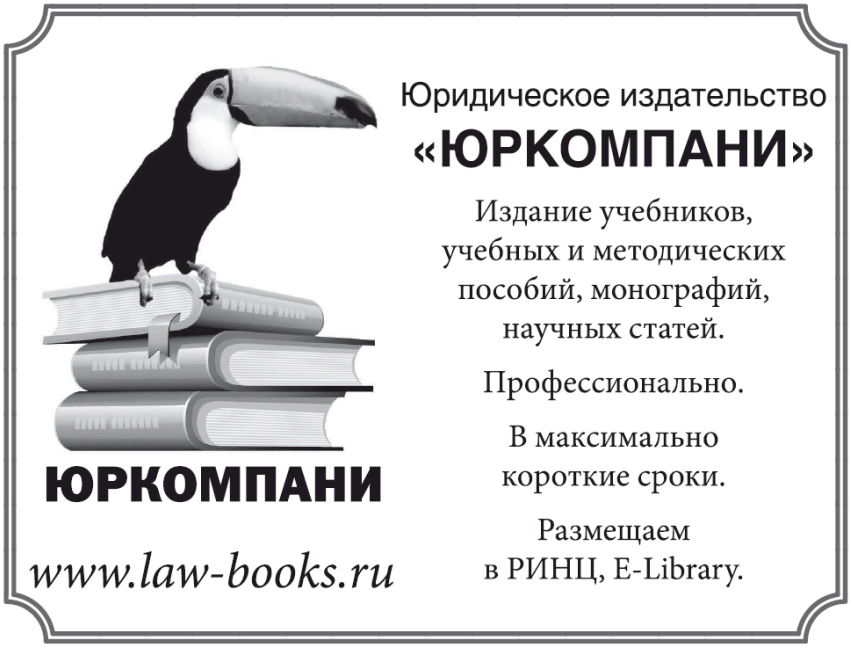
[6] Lavrov, A. D. The Impact of Sanctions on the Regime of Investment Arbitration / A. D. Lavrov // Herald of Arbitration Practice. – 2025. – No. 2. – pp. 99–108.

[7] Statistics // Website of the Hong Kong International Arbitration Centre (HKIAC). URL: https://hkiac.org/about-us/statistics/.

[8] Sanctions // Website of the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce (SCC). URL: https://sccarbitrationinstitute.se/en/ (accessed: 19.09.2026).

[9] Frontier Petroleum Services Ltd. v. The Czech Republic // Italaw. URL: https://www.italaw.com/cases/documents/517 (accessed: 19.09.2026).

[10] GEA Group Aktiengesellschaft v. Ukraine // JURIS Arbitration Law. URL: https://arbitrationlaw.com/library/gea-group-aktiengesellschaft-v-ukraine-icsid-case-no-arb0816-germanyukraine-bit-award (accessed: 19.09.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-536-541

ГЕРЦ Анастасия Михайловна,
заместитель начальника организационного управления –
начальник отдела организационного управления прокуратуры
Московской области; аспирант кафедры организации
судебной и прокурорско-следственной деятельности
МГЮА им. О.Е. Кутафина по специальности
«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»,
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

QUIS CUSTODIET IPSOS CUSTODES? СТРАТЕГИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию стратегий процессуального поведения прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) в арбитражном судопроизводстве Российской Федерации. В работе анализируется эволюция нормативного регулирования участия прокурора в банкротных делах. На основе обобщения судебной практики и доктринальных подходов выделяются четыре стратегические модели поведения прокурора: превентивная, процессуально-активная, апелляционно-кассационная и координационная. Автором формулируется вывод о стратегии и подходе к вступлению прокурора в банкротные дела, ограниченного категориями споров, затрагивающих жилищные права граждан, интересы градообразующих организаций и предприятий стратегического значения.*

Ключевые слова: *прокурор, несостоятельность, банкротство, стратегия процессуального поведения, арбитражный процесс, публичный интерес, статья 52 АПК РФ, жилищные права, состязательность.*

Для цитирования: *Герц А. М. Quis custodiet ipsos custodes? Стратегии процессуального поведения прокурора в делах о несостоятельности // Образование и право. 2026. № 10. С. 536–541.*

GERTS Anastasia Mikhailovna,
Prosecutor of the Organizational Management Department
of the Prosecutor's Office for the Moscow Region;
postgraduate researcher (applicant) at the Department
of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigation Activities,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
specializing in "Public Law (State-Legal) Sciences",
Moscow, Russia

QUIS CUSTODIET IPSOS CUSTODE? PROCEDURAL STRATEGIES OF THE PROSECUTOR IN BANKRUPTCY CASES

Annotation. *This article examines the prosecutor's procedural strategies in insolvency (bankruptcy) cases in the Russian Federation's arbitration courts. The paper analyzes the evolution of the regulatory framework governing prosecutorial involvement in bankruptcy cases. Based on a summary of judicial practice and doctrinal approaches, four strategic models of prosecutorial behavior are identified: preventive, procedurally active, appellate-cassation, and coordination. The author formulates a conclusion regarding the strategy and approach to prosecutorial intervention in bankruptcy cases, limited to categories of disputes affecting the housing rights of citizens, the interests of city-forming organizations, and enterprises of strategic importance.*

Key words: *prosecutor, insolvency, bankruptcy, procedural behavior strategy, arbitration process, public interest, Article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, housing rights, adversarial proceedings.*

For citation: *Gerts A. M. Quis custodiet ipsos custode? Procedural strategies of the prosecutor in bankruptcy cases. Education and law. 2026;(10):536–541. (In Russ.).*

«Quis custodiet ipsos custodes?» – кто устережет самих сторожей? [4] Восходящий к сатирам Ювенала вопрос сегодня звучит в современном российском арбитражном процессе. Если понимать под «стражами» всех участников судопроизводства (не только судебную власть), призванных обеспечивать законность, то прокурор в делах о несостоятельности оказывается в интересном положении: являясь формально «стражем закона» (custos legis), он сам нуждается в процессуальной определенности собственного поведения, чтобы его участие в деле не способствовало усилению одной из сторон процесса [7].

Этимология слова «прокурор» восходит к латинскому procurare – управлять, ведать, заботиться [11]. В римском частном праве прокуратор выступал как представитель стороны в суде либо управляющий имуществом. Позднее, в эпоху Российской империи, Петр I определил суть прокурорской должности формулой «Сей чин яко око наше», тем самым заложив понимание прокуратуры как инструмента публичного контроля, действующего от имени и в интересах государства. Если в XVIII веке око государево было призвано наблюдать за соблюдением законов в административной и судебной сферах, то сегодня в арбитражном процессе прокурор, участвуя в делах о несостоятельности, сталкивается с принципиально иной правовой средой – средой частноправовых отношений, где его вмешательство должно быть юридически обоснованным.

Институт несостоятельности (банкротства) – сложный конгломерат публичных и частных интересов. С одной стороны, законодательство о банкротстве призвано обеспечить справедливое удовлетворение требований кредиторов и восстановление платежеспособности добросовестных должников; с другой – оно служит для защиты публичного порядка, противодействия фиктивным и преднамеренным банкротствам, выводу активов и иным злоупотреблениям. Именно на стыке этих разнонаправленных векторов и располагается процессуальная фигура прокурора.

В отечественном нормативном контуре наблюдается поэтапное сокращение объема полномочий прокуратуры в сфере банкротства. Если ранее действовавшее законодательство – в частности, речь идет о Законе РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» – предусматривало право прокурора на обращение в суд с заявлением о возбуждении производства по делу о несостоятельности при наличии признаков умышленного или фиктивного банкротства, то Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» такого права прокурору уже не предоставил.

В действующем арбитражном процессуальном законодательстве основания и пределы участия прокурора в делах о несостоятельности определяются статьей 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Ее положения, при этом, носят общий характер и не учитывают специфики именно банкротных процедур. Как определяют И.А. Ахмадуллина, И.Н. Фардеева и В.Р. Нуриев, в силу этого участие прокурора в частноправовой части банкротных дел остается ограниченным, что затрудняет полноценную защиту прав социально уязвимых категорий граждан и снижает результативность прокурорского надзора как превентивного механизма публичного контроля [2].

Приведенная диспропорция между публично-правовой значимостью института банкротства и процессуальными возможностями прокурора по участию в соответствующих делах порождает несколько проблем:

расширение (или сужение) полномочий прокурора в абсолютном выражении;

выработка оптимальных стратегий его процессуального поведения – таких моделей реализации имеющихся правомочий, которые давали бы прокурору результативно выполнять свою публичную функцию, не нарушая при этом баланса частных интересов и принципа состязательности сторон.

Вторая проблема представляется наиболее комплексной и не решенной в сложившейся доктрине. Итак, необходимо исследовать стратегии процессуального поведения прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) как самостоятельной научной категории.

Под стратегией процессуального поведения прокурора понимается система взаимосвязанных процессуальных действий и решений, принимаемых прокурором на различных стадиях арбитражного процесса, направленных на достижение публично-правовых целей в рамках предоставленных законом полномочий. В отличие от тактики, которая предполагает выбор конкретных средств в конкретной процессуальной ситуации, стратегия охватывает долгосрочное планирование участия прокурора в деле с учетом неотъемлемых элементов:

процессуального статуса прокурора;

предмета спора;

состава участников;

характера защищаемого публичного интереса.

Основной вопрос заключается в следующем: каким образом прокурор, не обладая правом на инициирование дела о банкротстве, может реализовать свои надзорные и представительские функции в рамках уже возбужденного производства, и какие стратегические модели поведения являются наиболее адекватными различным типам банкротных ситуаций?

Процессуальный статус прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) в арбитражном судопроизводстве Российской Федерации следует раскрыть через положения ст. 52 АПК РФ. Согласно части 3 указанной статьи, прокурор, обратившийся в арбитражный суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, а в силу части 5 этой же статьи прокурор вправе вступить в дело на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности. При том, применительно к делам о банкротстве данная норма подвергается существенным ограничениям, вытекающим из специального характера банкротного законодательства.

Как было упомянуто, Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не предоставляет прокурору права на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом. Исключение прокурора из числа субъектов, наделенных правом на возбуждение дела о банкротстве, представляет собой, по мнению ряда авторов, преждевременное и не вполне оправданное ограничение его надзорных полномочий [6].

Парадокс процессуального положения прокурора в делах о несостоятельности заключается в том, что, будучи лишенным права на инициирование банкротного производства, он сохраняет возможность участия в уже возбужденном деле (при наличии условий, установленных частью 5 статьи 52 АПК РФ). Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 387-ФЗ указанная норма была дополнена положением, в соответствии с которым в целях обеспечения законности прокурор вправе вступить в дело о банкротстве в случае, если в рамках этого дела затрагиваются жилищные права граждан, в том числе несовершеннолетних. Оное нововведение, в свою очередь, направлено на предупреждение незаконного включения в конкурсную массу жилых помещений, являющихся единственным пригодным для проживания должника жильем.

На текущее время суды не пришли к единому мнению относительно того, когда прокурора можно привлечь к участию в банкротном деле и в каком именно процессуальном статусе, при этом отмечается тенденция, связанная с подменой прокурором кредитора или уполномоченного органа, а произвольное вступление прокурора в дело может неоправданно усилить процессуальные возможности одной из сторон. Это же, стоит отметить, нарушает принцип равенства и состязательности.

Указанные законодательные ограничения и доктринальные дискуссии формируют проблемное поле, в рамках которого выработка стратегий процессуального поведения прокурора приобретает не столько тактическое, сколько концептуальное значение. Под стратегией в настоящем исследовании понимается не совокупность разрозненных процессуальных действий, а система взаимообусловленных решений, принимаемых прокурором с учетом:

стадии арбитражного процесса, на которой осуществляется вступление в дело;

характера защищаемого публичного интереса;

объема имеющихся у прокурора процессуальных правомочий;

позиций иных лиц, участвующих в деле;

сложившейся судебной практики по аналогичным категориям споров.

Стратегическое мышление прокурора в банкротном деле, что неочевидно, предполагает в первую очередь прогнозирование развития дела и заблаговременное определение целей участия, среди которых могут быть выделены:

защита жилищных прав граждан – участников банкротных процедур;

обеспечение законности при формировании конкурсной массы и реализации имущества должника;

противодействие фиктивным и преднамеренным банкротствам;

защита трудовых прав работников должника в тех случаях, когда банкротство организации затрагивает интересы трудового коллектива.

Выделим некоторые устойчивые модели (стратегии) процессуального поведения прокурора в делах о несостоятельности.

Первая стратегия – превентивная, реализуемая на стадии до возбуждения дела о банкротстве либо на ранних этапах арбитражного производства. В рамках данной стратегии прокурор использует свои надзорные полномочия в досудебном порядке, выявляя нарушения законодательства о несостоятельности и принимая меры прокурорского реагирования. В ряде случаев так становится возможно предотвратить возбуждение необоснованного банкротного дела либо обеспечить защиту прав граждан до того, как они будут нарушены в ходе процедур банкротства.

Вторая стратегия – процессуально-активная, предполагающая вступление прокурора в уже возбужденное дело о банкротстве в порядке части 5 статьи 52 АПК РФ с последующим использованием всего комплекса процессуальных прав лица, участвующего в деле. То есть при наличии на то оснований суд вправе привлечь прокурора для участия в рассмотрении отдельных обособленных споров в деле о банкротстве с правами участвующего лица по ходатайству последнего либо по собственной инициативе. При этом, как разъяснено в пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции», основания для вступления прокурора в дело должны быть установлены законом и не могут толковаться расширительно [9].

Третья стратегия надлежит обозначить как апелляционно-кассационную. Она реализуется прокурором на этапах обжалования судебных актов, принятых по делу о банкротстве либо по отдельным обособленным спорам в рамках банкротного производства. Прокурор, участвовавший в деле в суде первой инстанции, обладает правом на подачу апелляционной и кассационной жалоб, а Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители – также правом на обращение с представлением о пересмотре судебных актов в порядке надзора. Особенно эта модель применима в тех случаях, когда судебные акты, принятые по делу о банкротстве, затрагивают жилищные или иные социально значимые права граждан, и (или) когда в ходе банкротных процедур допущены существенные нарушения закона, не получившие надлежащей оценки в судах нижестоящих инстанций.

Четвертая стратегия – координационная – заключается во взаимодействии прокурора с иными участниками банкротного процесса (арбитражного управляющего, уполномоченный орган, кредиторов и саморегулируемую организацию арбитражных управляющих). В соответствии с пунктом 2.16 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 11 марта 2022 г. № 140/20 [8], прокуроры ориентированы на вступление в порядке статей 51, 52 АПК РФ в дела о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, в том числе с иностранным участием, имеющие особую экономическую и социальную значимость, и в иные судебные процессы, затрагивающие права и экономические интересы государства, субъектов малого и среднего бизнеса, трудовых коллективов.

Важно подчеркнуть, что при осуществлении данной работы усилия прокуроров сосредоточены на обеспечении сохранности инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства, активов градообразующих предприятий, функционирующих в моногородах. То есть координационная стратегия предполагает согласование позиций и совместную выработку решений, направленных на достижение баланса частных и публичных интересов, а не процессуальное противодействие иным участникам дела.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении стратегий процессуального поведения прокурора с принципами арбитражного судопроизводства, в первую очередь с принципами законности, состязательности и равноправия сторон.

Включение прокурора в состав лиц, участвующих в деле о банкротстве, неизбежно вносит элемент публично-правового воздействия на частноправовые отношения, складывающиеся между должником и кредиторами. Именно этот аспект порождает наиболее острые дискуссии в доктрине и практике: ведь, действительно, с одной стороны участие прокурора призвано обеспечить законность и предотвратить злоупотребления в сфере банкротства. Последние, по данным судебной статистики, отмечены все более масштабным характером: только в 2023 году в арбитражные суды поступило свыше четырехсот тысяч заявлений о признании должника банкротом (превышает показатель 2022 года на треть). При этом количество должников – юридических лиц, в отношении которых приняты заявления к производству, за аналогичный период увеличилось с 17 128 до 45 890 [5].

С другой стороны, неограниченное или недостаточно обоснованное вмешательство прокурора в банкротные процедуры способно нарушить баланс интересов сторон и создать неоправданные преимущества для одной из них.

В связи с этим существует позиция, согласно которой участие прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) должно быть ограничено случаями, когда организация-должник принадлежит государству или находится в списке стратегических предприятий.

Возникает вопрос: а существует ли оптимальная стратегия процессуального поведения прокурора в делах о несостоятельности?

Такая стратегия гарантированно должна строиться на принципе соразмерности вмешательства характеру и степени угрозы публичным интересам – в этом смысле прокурор не должен стремиться к максимально широкому участию во всех без исключения банкротных делах; его стратегическая задача, напротив, заключается в выявлении тех категорий дел и тех конкретных процессуальных ситуаций, в которых его участие является допустимым и, более того, необходимым с точки зрения обеспечения законности и защиты

прав социально уязвимых категорий граждан.

К числу таких ситуаций, помимо прямо предусмотренных частью 5 статьи 52 АПК РФ случаев затрагивания жилищных прав граждан, следует отнести дела о банкротстве градообразующих организаций, предприятий оборонно-промышленного комплекса, организаций жилищно-коммунального хозяйства; дела, в которых имеются признаки фиктивного или преднамеренного банкротства, выявленные в ходе прокурорских проверок. При этом вступление прокурора в дело должно быть строго мотивированным, с обязательным указанием в ходатайстве на конкретные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости его участия для обеспечения законности.

Также стоит сказать, что суды достаточно сдержанно относятся к ходатайствам прокурора о вступлении в дело о банкротстве. Они требуют убедительного обоснования наличия публичного интереса, который не может быть защищен иными участниками процесса.

Такая позиция судов препятствует необоснованному расширению прокурорского вмешательства в частноправовую сферу, но в то же время стимулирует прокуроров к большей степени подготовленности и аргументации своих процессуальных действий. Значит, в конечном счете, такая судебная позиция способствует повышению качества прокурорского надзора в сфере несостоятельности.

Римская мудрость сохранила для нас максиму «Ubi jus, ibi remedium» – где право, там и защита [3]. Применительно к участию прокурора в делах о несостоятельности этот принцип трансформируется в императив «где публичный интерес, там должен быть прокурор».

Высшее право, как предрекалось в таких максимах, нередко оборачивается высшей несправедливостью – в случаях, когда формальное следование закону приводит к результатам, противоречащим его духу и социальному назначению.

Вот почему избранная прокурором стратегия процессуального поведения не может сводиться к применению всех доступных процессуальных инструментов. Предполагается осознанный выбор той модели участия в деле, способной предоставить максимальную защиту публичных интересов при минимальном вмешательстве в частноправовую автономию участников банкротных отношений.

Так, прокурор может следовать одному из четырех стратегических векторов поведения – превентивному, процессуально-активному, апелляционно-кассационному и координационному. И от качества выбора стратегии (в том числе соразмерности характеру защищаемого публичного интереса и конкретной процессуальной ситуации) на начальных этапах зависит результативность участия прокурора в делах о несостоятельности в целом. В конечном счете классическое и широко известное искусство добра и справедливости и составляет сущность права. Именно оно возводит гарант законности в сфере имущественных отношений, осложненных публично-правовым элементом, посредством мудрого сочетания юридической компетенции, стратегического мышления и понимания социальной миссии органов прокуратуры.

Список литературы:

[1] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 06.09.2026).

[2] Ахмадуллина, И.А. Особенности процессуального статуса прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) / И.А. Ахмадуллина, И.Н. Фардеева, В.Р. Нуриев. – Юридический вестник Дагестанского Государственного Университета, 2025. – Т. 57. – № 1. – С. 104-112.

[3] Васечко, В.Ю. Нормы судейской этики в свете максим римских юристов-классиков / В.Ю. Васечко. – Антиномии, 2022. – Т. 22. – Вып. 2. – С. 7-20.

[4] Залесны, Я. Стабильность законотворчества и применения права как предпосылка прочности общественного строя / Я. Залесны. – Московский юридический журнал, 2021. – С. 7-13.

[5] Маматов, М.В. Генезис процессуальных полномочий прокурора в сфере противодействия фиктивным и преднамеренным банкротствам / М.В. Маматов, И.А. Маслов. – Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. – № 2. – С. 84-92.

[6] Машинская, Н.А. Расширение полномочий прокурора в арбитражном процессе: возможность подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) / Н.А. Машинская. – Вопросы российской юстиции, 2023. – С. 473-481.

[7] Морозов, А. Прокурор ходатайствует о вступлении в дело о банкротстве. Как к этому отнесется суд / А. Морозов, В. Никулин. – Арбитражная практика, 2024. – № 3. – 5 с.

[8] Указание Генпрокуратуры России от 11.03.2022 N 140/20 (ред. от 30.10.2025) "Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограниче-

ний на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411734/ (дата обращения: 06.09.2026).

[9] Участие прокурора в рассмотрении судами дел о несостоятельности (банкротстве) // Приволжская прокуратура, 2024. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/ptp/activity/legal-education/explain/e2104455/ (дата обращения: 18.07.2026).

[10] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 10.06.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 06.09.2026).

[11] Филипенко, К.В. Прокуратура в России / К.В. Филипенко. – Актуальные проблемы современной юридической науки и практики, 2023. – Ч. 3. – С. 286-288.

References:

[1] "Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (with amendments and additions, effective from January 1, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (accessed: September 6, 2026).

[2] Akhmadullina, I.A., Fardeeva, I.N., & Nuriev, V.R. (2025). Specifics of the Procedural Status of a Prosecutor in Insolvency (Bankruptcy) Cases. *Legal Bulletin of Dagestan State University*, 57(1), 104–112.

[3] Vasechko, V.Yu. (2022). Norms of Judicial Ethics in Light of the Maxims of Classical Roman Jurists. *Antinomies*, 22(2), 7–20.

[4] Zalesny, Ya. (2021). Stability of Law-Making and Law Application as a Prerequisite for the Robustness of the Social Order. *Moscow Law Journal*, 7–13.

[5] Mamatov, M.V., & Maslov, I.A. The Genesis of the Procedural Powers of a Prosecutor in Combating Fictitious and Intentional Bankruptcies. – Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025. – No. 2. – pp. 84–92.

[6] Mashinskaya, N.A. Expanding the Prosecutor's Powers in Arbitration Proceedings: The Possibility of Filing an Application to Declare a Debtor Insolvent (Bankrupt) / N.A. Mashinskaya. – Issues of Russian Justice, 2023. – pp. 473–481.

[7] Morozov, A. The Prosecutor Petitions to Intervene in Bankruptcy Proceedings: How Will the Court Respond? / A. Morozov, V. Nikulin. – Arbitration Practice, 2024. – No. 3. – 5 p.

[8] Directive of the Prosecutor General's Office of Russia dated March 11, 2022, No. 140/20 (as amended on October 30, 2025) "On Strengthening Prosecutorial Oversight over the Execution of Laws and the Observance of Citizens' Rights in Connection with Measures Taken in the Russian Federation to Support the Economy and the Social Sphere, as well as in Connection with the Introduction of Certain Restrictions on Financial, Economic, and Other Activities" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411734/ (accessed: September 6, 2026).

[9] Participation of the Prosecutor in Court Proceedings Concerning Insolvency (Bankruptcy) // Privolzhskaya Prosecutor's Office, 2024. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/ptp/activity/legal-education/explain/e2104455/ (accessed: 18.07.2026).

[10] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 (as amended on June 10, 2026) "On Insolvency (Bankruptcy)" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (accessed: 06.09.2026).

[11] Filipenko, K.V. The Public Prosecutor's Office in Russia / K.V. Filipenko. – Current Issues in Modern Legal Science and Practice, 2023. – Part 3. – pp. 286–288.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-542-549
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЕРКИН Артем Александрович,
заместитель декана по дополнительному образованию, ресурсному обеспечению и цифровому развитию, научный сотрудник лаборатории правовой информатики и кибернетики Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, e-mail: a_erkin@law.msu.ru

ГАСАНОВ Назим Вадимович,
заместитель декана по развитию, экономике и финансам, младший научный сотрудник лаборатории правовой информатики и кибернетики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: n_gasanov@law.msu.ru

ДЬЯКОВА Наталия Владимировна,
старший научный сотрудник кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук, ORCID ID 0009-0000-8112-9479, e-mail: nata.law.msu@bk.ru

НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОСПАРИВАНИЯ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАСХОДОВ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭКСПЕРТА

Аннотация. *В статье исследуются процессуальные и материально-правовые механизмы защиты прав участников судопроизводства от недоброкачественной судебной экспертизы. Помимо традиционно выделяемых прямых затрат (стоимость экспертизы), обосновывается выделение "косвенных процессуальных убытков" — расходов на рецензирование, нотариальное обеспечение доказательств и юридическое сопровождение ходатайств, — которые подлежат взысканию по правилам о возмещении судебных издержек (ст. 98 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ). Кроме того, в целях совершенствования законодательства предложены конкретные поправки в ст. 18 ФЗ № 73-ФЗ, направленные на введение механизма безусловного возврата средств при признании заключения недопустимым доказательством. На основе анализа норм действующего законодательства и актуальной судебной практики авторы систематизируют основания для взыскания судебных издержек и привлечения экспертов к различным видам ответственности. Особое внимание уделяется проблеме возмещения расходов, понесенных на оплату исследований, выводы которых признаны недопустимыми или научно необоснованными. Обосновывается вывод о том, что эффективные механизмы оспаривания и финансового возмещения необходимы для обеспечения баланса интересов сторон, поддержания стандартов качества экспертной деятельности и защиты прав граждан от процессуальных злоупотреблений.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза, недоброкачественная экспертиза, экспертные ошибки, рецензия, оспаривание заключения эксперта, судебные издержки, возмещение убытков, распределение судебных расходов, ответственность эксперта, принцип состязательности, косвенные процессуальные убытки.*

Для цитирования: *Еркин А. А., Гасанов Н. В., Дьякова Н. В. Недоброкачественная судебная экспертиза: процессуальные механизмы оспаривания, распределение расходов и ответственность эксперта // Образование и право. 2026. № 10. С. 542–549.*

EKIN Artem Alexandrovich,
Deputy Dean for Additional Education,
Resource Support and Digital Development,
Researcher at the Laboratory of Legal Informatics and Cybernetics
of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University,
Candidate of Legal Sciences

GASANOV Nazim Vadimovich,
Deputy Dean for Development, Economics and Finance,
Junior Researcher at the Laboratory of Legal Informatics
and Cybernetics at the Faculty of Law
of Lomonosov Moscow State University

DYAKOVA Natalia Vladimirovna,
Senior Researcher at the Department of Criminalistics
of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University,
Candidate of Psychological Sciences

POOR-QUALITY FORENSIC EXAMINATION: PROCEDURAL MECHANISMS FOR CHALLENGING IT, DISTRIBUTION OF COSTS, AND THE EXPERT'S LIABILITY

Annotation. *The article examines the procedural and substantive legal mechanisms for protecting the rights of participants in legal proceedings from poor-quality forensic examination. In addition to the traditionally identified direct costs (the cost of the examination), the justification is provided for the allocation of "indirect procedural losses" — expenses for review, notarization of evidence, and legal support for petitions — which are subject to recovery under the rules on reimbursement of court costs (Article 98 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Article 110 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation). Furthermore, in order to improve the legislation, specific amendments have been proposed to Article 18 of Federal Law No. 73-FZ, aimed at introducing a mechanism for an unconditional refund of funds if the conclusion is deemed inadmissible as evidence. Based on an analysis of the provisions of the current legislation and relevant judicial practice, the authors systematize the grounds for recovering legal costs and holding experts liable for various types of responsibility. Special attention is paid to the issue of reimbursement of expenses incurred for the payment of studies whose conclusions are deemed inadmissible or scientifically unfounded. The conclusion is substantiated that effective mechanisms for challenging and obtaining financial compensation are necessary to ensure a balance of interests between the parties, maintain the quality standards of expert activities, and protect citizens' rights from procedural abuses.*

Key words: *forensic examination, substandard examination, expert errors, review, challenging an expert's conclusion, legal costs, compensation for damages, allocation of legal expenses, expert liability, adversarial principle, indirect procedural losses.*

For citation: *Erkin A. A., Gasanov N. V., Dyakova N. V. Poor-quality forensic examination: procedural mechanisms for challenging it, distribution of costs, and the expert's liability. Education and law. 2026;(10):542–549. (In Russ.).*

Введение

В современном судопроизводстве судебная экспертиза выступает ключевым инструментом установления фактических обстоятельств по гражданским, административным, уголовным и арбитражным делам. Экспертное заключение зачастую приобретает решающее значение для вынесения справедливого судебного решения, поскольку содержит выводы, основанные на специальных знаниях, выходящих за рамки компетенции суда и участников процесса. Именно эксперт, обладающий необходимой квалификацией, опытом и профессиональными навыками, способен прояснить обстоятельства, требующие узкоспециальных исследований: от оценки состояния объекта и анализа документов до установления причин события или идентификации веществ и следов.

Однако абсолютной истины не существует

ни в науке, ни в экспертной практике. Экспертное исследование — сложный многоэтапный процесс, достоверность результатов которого напрямую зависит от строгого соблюдения норм материального и процессуального права, а также утвержденных научных стандартов. В связи с этим проверка и оспаривание экспертных заключений становятся неотъемлемым элементом эффективной правовой защиты. Законодательство Российской Федерации, судебная и экспертная практика формируют механизмы, позволяющие выявлять и устранять ошибки, допущенные в ходе исследований.

В гражданском, арбитражном и административном процессе для этих целей применяются рецензирование, внесудебные исследования (в том числе с нотариальным удостоверением), допрос эксперта в судебном заседании, а также назначение дополнительной и повторной экспертиз [2; 5]. Кроме того, у сторон появляется возможность предъявлять материальные требования о возмещении расходов, понесенных вследствие некачественной экспертизы. Данные институты не только укрепляют принцип состязательности, но и повышают качество судебной защиты, предотвращая судебные ошибки, обусловленные экспертными просчетами.

Современные тенденции развития правосудия в России и за рубежом подчеркивают возрастающую роль независимой, квалифицированной и объективной судебной экспертизы. Представители научного и профессионального сообщества акцентируют внимание на необходимости постоянного совершенствования методик, процедур и систем контроля качества [2; 5; 8]. Ряд авторов справедливо отмечает, что обеспечение законности, справедливости и высокой доказательственной ценности экспертизы возможно только при условии эффективного функционирования механизмов оспаривания её выводов [3; 4; 7].

В статье исследуются процессуальные и материально-правовые механизмы защиты прав участников судопроизводства от недоброкачественной судебной экспертизы. Особое внимание уделяется проблеме возмещения расходов, понесенных на оплату исследований, выводы которых признаны недопустимыми или научно необоснованными.

Цель работы — системный анализ правовых оснований для взыскания судебных издержек и привлечения экспертов к ответственности. Исследование базируется на нормах действующего процессуального законодательства (Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [9] (ГПК РФ), Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации [10] (АПК РФ), Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации [11] (КАС РФ) и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [12] (УПК РФ)), на положениях Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [13]», а также на анализе актуальной судебной практики и доктринальных подходов.

Научная новизна заключается в авторской классификации убытков, возникающих вследствие недоброкачественной экспертизы. Помимо традиционно выделяемых прямых затрат (стоимость самой экспертизы), обосновывается выделение "косвенных процессуальных убытков" — расходов на рецензирование, нотариальное обеспечение доказательств и юридическое сопровождение ходатайств, — которые подлежат взысканию по правилам о возмещении судебных издержек (ст. 98 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ), а не по правилам о деликтной ответственности.

Разрешение данной проблемы имеет высокую практическую значимость. Эффективные механизмы оспаривания и финансового возмещения необходимы для обеспечения баланса интересов сторон, поддержания стандартов качества экспертной деятельности и защиты прав граждан и организаций от процессуальных злоупотреблений и экспертных ошибок.

Рецензирование как инструмент оспаривания и основания для возмещения расходов

В российском законодательстве понятие «рецензия на экспертное заключение» не закреплено. Однако процессуальные кодексы (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) предусматривают возможность привлечения специалиста — лица, обладающего специальными знаниями, — для разъяснения суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 188 ГПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ).

Рецензирование представляет собой профессиональную критическую оценку результатов, полученных судебным экспертом. Рецензия может быть подготовлена по инициативе одной из сторон или по запросу суда при возникновении сомнений в достоверности первичного заключения. В отечественной доктрине такой анализ трактуется как форма внешнего контроля качества, обеспечивающая прозрачность и научную обоснованность экспертных выводов [4; 6].

Цель рецензии — дать критическую оценку заключению эксперта на предмет его соответствия требованиям процессуального законодательства и профильного федерального закона (в частности, ст. 8 ФЗ № 73-ФЗ), выявить допущенные нарушения установленного порядка производства экспертизы, отступления от применимых эксперт-

ных методик, а также указать на логические, фактические и технические ошибки, ставящие под сомнение обоснованность, полноту и достоверность выводов. По своей сути рецензия не является процессуальной экспертизой и не заменяет собой первичное заключение. Однако она служит обоснованным аргументом для постановки выводов эксперта под сомнение, их исключения из доказательственной базы или — в определенных случаях — для назначения повторной или дополнительной экспертизы [5].

Судебная практика арбитражных судов последовательно занимает следующую позицию: рецензирование не является самостоятельным, прямо предусмотренным законом способом отмены экспертизы. Рецензии производятся по инициативе заинтересованной стороны, являются мнением частного лица и не могут сами по себе опровергать достоверность исследования, проведенного в рамках дела (Постановление Восьмого ААС от 08.07.2025 № 08АП-3139/2025 [14]; Постановление Седьмого ААС от 19.03.2025 № 07АП-680/2025 [15]).

Вместе с тем, согласно позиции Верховного Суда РФ, рецензия оценивается судом в совокупности с другими доказательствами (ст. 67 ГПК РФ [9], ст. 71 АПК РФ [10]), поскольку ни одно из них не имеет заранее установленной силы. Суды не вправе отказывать в приобщении рецензии к материалам дела.

Обязанность суда анализировать письменные заключения специалистов и критические замечания в адрес экспертизы прямо закреплена в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам [16]», а также подтверждена сложившейся практикой Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ [17].

Кроме того, Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ также допускает сомнение в выводах эксперта при обнаружении ошибок, противоречий или нарушений процедуры (ст. 8, 18 ФЗ № 73-ФЗ [18])».

Материально-правовые аспекты возмещения стоимости недоброкачественной экспертизы

Вопрос возмещения расходов на некачественную экспертизу актуален для всех участников судопроизводства. Под недоброкачественной экспертизой понимается исследование, не соответствующее требованиям объективности и научной обоснованности, заключение по которому не отвечает на поставленные вопросы, содержит фактические ошибки или внутренние противоречия.

В условиях платной экспертизы для сторон встает вопрос о возврате средств, если заключение признано судом недопустимым доказательством. Суд может взыскать убытки, если установит, что действия эксперта были не просто ошибочными, а связаны с нарушением методик, процессуальных норм или профессиональных стандартов, что повлекло реальный ущерб (затраты на услуги эксперта, на проведение повторной экспертизы, расходы на юридическую помощь). Согласно сводным статистическим данным Судебного департамента при ВС РФ, в 2023–2024 годах наблюдается рост числа назначений повторных экспертиз в гражданском процессе на 7% (согласно форме № 2 отчетов о работе судов). При этом анализ правоприменительной практики (на примере выборки решений районных судов г. Москвы за 2023 г.) показывает, что иски о взыскании стоимости первичной экспертизы удовлетворяются судами не более чем в 15–20% случаев, что свидетельствует о наличии необоснованного процессуального барьера для защиты прав добросовестных участников.

Для удовлетворения требований о возмещении расходов, по мнению ученых [2, 4], необходимо доказать совокупность условий:

Наличие судебного акта, признающего экспертизу недоброкачественной, а её выводы — недостоверными или недопустимыми (с обязательной ссылкой на мотивы).

Наличие документально подтвержденных убытков (договор, акты, платежные документы).

Причинно-следственную связь между некачественной работой эксперта и понесенными расходами.

Виды ответственности экспертов

Гражданско-правовая. Возникает при причинении убытков некачественным заключением (например, неверная оценка стоимости имущества при его разделе или ошибочное установление причин ДТП). Эксперт или экспертная организация обязаны возместить причиненные убытки в полном объеме.

Административная. Наступает за нарушение формальных требований к проведению исследований: несоблюдение сроков, ненадлежащее оформление заключения, отсутствие необходимых сертификатов или аккредитаций. Санкции варьируются от предупреждения до административного штрафа.

Уголовная. Эксперт может быть привлечен к ответственности по ст. 307 УК РФ (за дачу заведомо ложного заключения) и ст. 310 УК РФ (за разглашение данных предварительного расследования). Ключевым условием является доказанность прямого умысла — эксперт должен осознавать ложность выводов и желать (или сознательно до-

пускать) введения суда в заблуждение.

Дисциплинарная. Распространяется на сотрудников государственных экспертных учреждений. За нарушение трудовой дисциплины или ненадлежащее исполнение обязанностей, повлекшее брак в работе, сотруднику может быть вынесен выговор или применено увольнение.

Репутационная. Наступает в результате подрыва доверия к профессиональной деятельности эксперта. Последствиями становятся потеря заказов, снижение конкурентоспособности и исключение из саморегулируемых организаций или профессиональных объединений.

Процессуальные нюансы доказывания

Судебная защита расходов на некачественную экспертизу возможна только при наличии в материалах дела судебного акта, прямо признающего исследование недоброкачественным, а также подробного документального обоснования убытков. На практике суды часто взыскивают не только прямые затраты на оплату услуг первичного эксперта, но и расходы на повторные исследования, юридическое сопровождение, а также проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ [20]) в связи с затянувшимся процессом.

Что касается взыскания с бюджетных средств (если экспертиза проводилась государственным учреждением), то оно возможно лишь в порядке деликтной ответственности государства. Для этого вина конкретных должностных лиц должна быть установлена и подтверждена материалами внутренней служебной проверки или приговором суда [2]. Вопрос возмещения расходов на некачественную экспертизу актуален для всех участников судопроизводства, однако правовой режим взыскания существенно различается в зависимости от статуса экспертного учреждения.

Научная новизна исследования в данной части заключается в авторской классификации убытков, возникающих вследствие недоброкачественной экспертизы. В доктрине и судебной практике традиционно фокус смещается на прямые затраты — стоимость самой экспертизы. Мы обосновываем необходимость выделения категории **«косвенных процессуальных убытков»**. К ним относятся расходы на:

привлечение специалиста для подготовки рецензии;

нотариальное обеспечение доказательств (например, осмотр сайта или переписки до подачи иска);

юридическое сопровождение сложных ходатайств о назначении повторной экспертизы.

Принципиальное отличие данной категории заключается в механизме их взыскания. Если прямые затраты на экспертизу при деликтном споре требуют доказывания вины, то косвенные процессуальные убытки подлежат взысканию по правилам о возмещении судебных издержек (ст. 98 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ). Это освобождает сторону от необходимости доказывать вину эксперта, требуя лишь подтверждения связи этих расходов с рассматриваемым делом и признания первичного заключения недопустимым доказательством.

Что касается взыскания с бюджетных средств (если экспертиза проводилась государственным учреждением), то оно возможно лишь в порядке деликтной ответственности государства (ст. 1069 ГК РФ). На практике это создает для добросовестной стороны практически непреодолимый барьер. Для удовлетворения иска к государству необходимо доказать наличие совокупности условий:

наличие судебного акта, прямо признающего заключение эксперта недопустимым доказательством или содержащего выводы о грубых нарушениях методики;

наличие документально подтвержденных убытков;

установленную вину конкретных должностных лиц (эксперта).

Именно последний пункт является главным камнем преткновения. Вина не может презюмироваться самим фактом отмены экспертизы. Она должна быть подтверждена либо материалами внутренней служебной проверки (приказом о применении дисциплинарного взыскания к эксперту), либо вступившим в законную силу приговором суда (например, по ст. 307 УК РФ). В условиях, когда суды крайне редко направляют частные определения в адрес экспертных учреждений, а служебные проверки проводятся формально, добросовестный участник процесса фактически лишается права на реституцию.

Для решения этой проблемы авторами предлагается внести поправки в статью 18 ФЗ № 73-ФЗ, предполагающие введение механизма безусловного возврата средств при выявлении методологических ошибок без установления юридического состава вины эксперта в рамках гражданского иска к государству. В целях снижения нагрузки на судебную систему и защиты бюджетных средств, предлагается дополнить статью 18 ФЗ № 73-ФЗ пунктом 4, обязывающим руководителя государственного судебно-экспертного учреждения проводить внутреннюю проверку качества заключения по мотивированной жалобе стороны до момента фактической оплаты услуг. При выявлении грубых методологических нарушений, исключающих доказательственное значение исследования, руководитель учреждения обязан инициировать

процедуру добровольного возврата средств или соразмерного уменьшения стоимости, что позволит разрешить конфликт в досудебном порядке.

Заключение

Экспертное заключение занимает центральное место в системе доказательств во всех видах российского судопроизводства. Однако ни один специалист не застрахован от ошибок, методических упущений или проявлений недобросовестности. Именно поэтому отечественное процессуальное право предусматривает развитую систему механизмов оспаривания выводов эксперта, которые выступают гарантией законности, объективности и защищенности прав участников дела.

Оспаривание экспертного заключения выполняет двойную функцию. С одной стороны, оно служит барьером на пути возможных судебных ошибок и профессиональных злоупотреблений. С другой — обеспечивает реализацию фундаментальных принципов состязательности и равноправия сторон, являясь необходимым условием справедливого судебного разбирательства (на основе конституционных принципов, закрепленных в ст. 123 Конституции РФ [21]).

Для повышения эффективности судебной проверки экспертных выводов и минимизации рисков судебных ошибок необходимы:

дальнейшая гармонизация процессуальных кодексов и конкретизация судебных разъяснений;

развитие институтов независимой оценки (рецензирования) экспертиз и четкое определение их процессуального статуса;

повышение правовой и специальной грамотности участников процесса, а также представителей судейского корпуса.

Современная правоприменительная практика всё больше ориентируется на поиск баланса между авторитетом специального знания и уважением к принципу состязательности. Инструментарий оспаривания перестает быть лишь средством защиты частных процессуальных прав, трансформируясь в важный элемент судебного контроля, а также в инструмент профилактики коррупции и профессиональных злоупотреблений. В условиях стремительной цифровизации, появления новых технологий и отраслей знаний неуклонно возрастает значимость прозрачности, проверяемости и оспоримости экспертных выводов.

В целях снижения нагрузки на судебную систему обосновывается необходимость внесения изменений в ст. 18 ФЗ № 73-ФЗ, обязывающих руководителя государственного судебно-экспертного учреждения проводить внутреннюю проверку качества заключения по жалобе стороны до момента оплаты услуг и инициировать процедуру возврата средств в добровольном порядке при выявлении грубых методологических нарушений.

Таким образом, механизмы оспаривания заключений эксперта в современном российском праве — это не просто формальные процессуальные средства, но и реальные инструменты обеспечения справедливости и эффективности правосудия. Комплексное применение внесудебных исследований, допроса эксперта [1], назначения повторных экспертиз, рецензирования и механизма возмещения убытков позволяет защищать интересы сторон, минимизировать судебные ошибки и укреплять правовую культуру общества. Именно критический и взвешенный подход к проведению экспертиз и судебной оценке их результатов способен обеспечить главную ценность правосудия — вынесение справедливого, объективного и беспристрастного решения по делу.

Список литературы:

[1] Бурматова О. П. Допрос эксперта: проблемы правоприменения / О. П. Бурматова // Вестник юридической науки. — 2020. — № 4. — С. 112–118.

[2] Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза : практическое пособие / Е. И. Галяшина, Е. Р. Россинская. — Москва : Проспект, 2011. — 320 с.

[3] Гасанов Н. В. Судебно-экспертная деятельность: правовые основы, актуальные проблемы и перспективы развития // Законодательство. — 2025. — № 3. — С. 56–61.

[4] Моисеева Т. Ф. Судебная экспертиза. Введение в специальность : учебное пособие / Т. Ф. Моисеева, Н. П. Майлис. — Москва : РГУП, 2017. — 240 с.

[5] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. — Москва : Норма, 2006. — 384 с.

[6] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза. Сборник нормативных правовых актов : учебное пособие / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. — 3-е изд. — Москва : Проспект, 2023. — 432 с.

[7] Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / [ответственный редактор Е. Р. Россинская]. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 576 с.

[8] Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. — 6-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. — 368 с.

[9] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

[10] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

[11] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 06.03.2015, № 10, ст. 1391.

[12] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

[13] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ, 04.06.2001, № 23, ст. 2291.

[14] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2025 № 08АП-3139/2025 по делу № А46-4206/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=177926 (дата обращения: 09.10.2026).

[15] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2025 № 07АП-14525/2024 по делу № А45-11203/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=227608 (дата обращения: 09.10.2026).

[16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2011.

[17] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.04.2018 № 305-КГ17-15833 по делу № А40-118277/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=531606 (дата обращения: 09.10.2026).

[18] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 04.06.2001, № 23, ст. 2291.

[19] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2023–2024 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Форма № 2 (Раздел 1), Форма № 4. // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 09.10.2026).

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[21] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 04.07.2020.

References:

[1] Burmatova O. P. Questioning an Expert: Issues in Law Enforcement / O. P. Burmatova // Bulletin of Legal Science. — 2020. — No. 4. — pp. 112–118.

[2] Galyashina E. I. A Judge's Handbook: Forensic Expert Examination — A Practical Guide / E. I. Galyashina, E. R. Rossinskaya. — Moscow: Prospekt, 2011. — 320 p.

[3] Gasanov N. V. Forensic Expert Activity: Legal Foundations, Current Issues, and Prospects for Development // Legislation. — 2025. — No. 3. — pp. 56–61.

[4] Moiseeva T. F. Forensic Expert Examination: Introduction to the Field — A Study Guide / T. F. Moiseeva, N. P. Mailis. — Moscow: RGUP, 2017. — 240 p.

[5] Rossinskaya E. R. Forensic Expert Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings / E. R. Rossinskaya. — Moscow: Norma, 2006. — 384 p.

[6] Rossinskaya E. R. Forensic Expert Examination: A Collection of Regulatory Legal Acts — A Study Guide / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina. — 3rd ed. — Moscow: Prospekt, 2023. — 432 p.

[7] Forensic Expert Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings: A Monograph / [Editor-in-Chief E. R. Rossinskaya]. — 4th ed., revised and supplemented. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. — 576 p.

[8] Theory of Forensic Expertise (Forensic Expertology): Textbook / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin; ed. by E. R. Rossinskaya. — 6th ed., revised. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. — 368 p.

[9] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on July 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, November 18, 2002, No. 46, Art. 4532.

[10] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on July 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, July 29, 2002, No. 30, Art. 3012.

[11] Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian Federation, March 6, 2015, No. 10, Art. 1391.

[12] Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian

Federation, December 24, 2001, No. 52 (Part I), Art. 4921.

[13] Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001, "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation" (as amended and supplemented) // Collected Legislation of the Russian Federation, June 4, 2001, No. 23, Art. 2291.

[14] Ruling of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated July 8, 2025, No. 08AP-3139/2025, in case No. A46-4206/2024 // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS008&n=177926 (accessed: October 9, 2026).

[15] Ruling of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated February 26, 2025, No. 07AP-14525/2024, in case No. A45-11203/2024 // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=227608 (accessed: October 9, 2026).

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2010, No. 28 “On Forensic Expert Examination in Criminal Cases” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February 2011.

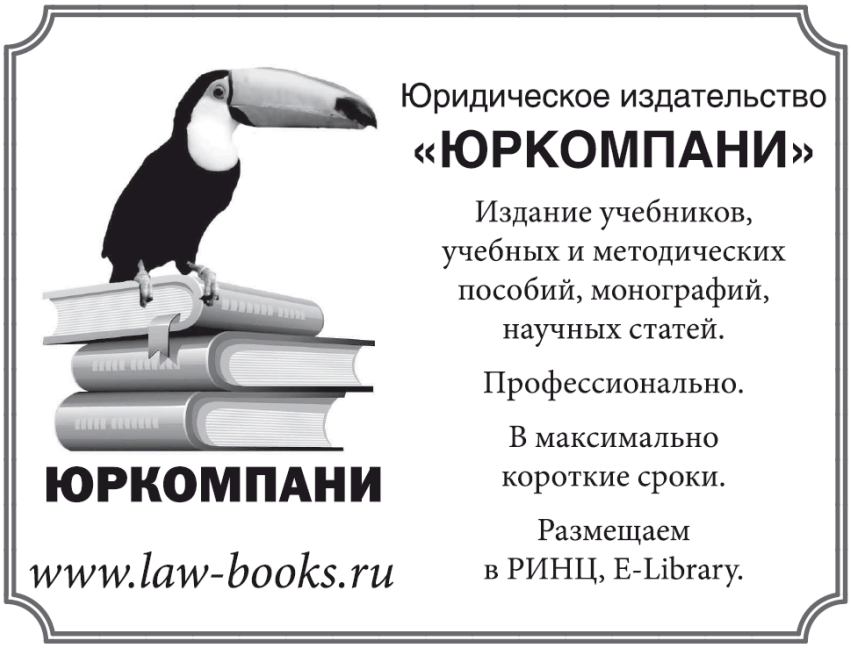
[17] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 26, 2018, No. 305-KG17-15833, in case No. A40-118277/2016 // “ConsultantPlus” Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=531606 (accessed: October 9, 2026).

[18] Federal Law dated May 31, 2001, No. 73-FZ “On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation” (as amended on July 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, June 4, 2001, No. 23, Art. 2291.

[19] Consolidated Statistical Data on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction for 2023–2024 // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Form No. 2 (Section 1), Form No. 4. // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (accessed: October 9, 2026).

[20] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Art. 3301.

[21] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, July 4, 2020.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-550-556

НИКОЛАЕВ Дмитрий Олегович,
аспирант кафедры
экологического, трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: nikolaevdmo@yandex.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ИСКОВОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *Статья посвящена определению надлежащей процессуальной формы рассмотрения требований о возмещении вреда, причиненного органами публичной власти, в условиях конкуренции гражданского (арбитражного) и административного судопроизводства. Анализируются доктринальные подходы к соотношению понятий судебной компетенции, подведомственности и подсудности. Обосновывается, что участие органа публичной власти в деле в качестве ответчика и необходимость оценки законности его действий не трансформируют автоматически частноправовое требование о возмещении вреда в публично-правовой спор. Критически рассматривается позиция, согласно которой установление незаконности властного поведения должно во всех случаях предшествовать компенсационному иску в рамках самостоятельного административного производства. На основе анализа практики Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека формулируется функционально-целевой критерий разграничения процессуальных форм: вид судопроизводства должен определяться не статусом причинителя вреда, а природой заявленного требования и целью судебной защиты.*

Ключевые слова: *исковое производство, административное судопроизводство, судебная компетенция, возмещение вреда, органы публичной власти, процессуальная форма.*

Для цитирования: *Николаев Д. О. Разграничение искового и административного судопроизводства по делам о возмещении вреда, причиненного органами публичной власти // Образование и право. 2026. № 10. С. 550–556.*

NIKOLAYEV Dmitry Olegovich,
Postgraduate student at the Department
of Environmental, Labor Law and Civil Procedure
of Kazan (Volga Region) Federal University

DIFFERENTIATION OF CLAIM AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN CASES OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY PUBLIC AUTHORITIES

Annotation. *The article is devoted to the definition of the appropriate procedural form for considering claims for compensation for damage caused by public authorities, in the context of competition between civil (arbitration) and administrative proceedings. The doctrinal approaches to the relationship between the concepts of judicial competence, jurisdiction, and venue are analysed. It is based on the fact that the participation of a public authority in the case as a defendant and the need to assess the legality of its actions do not automatically transform a private law claim for compensation of harm into a public law dispute. The position is critically examined, according to which the establishment of the unlawfulness of official conduct should, in all cases, precede the compensatory claim within the framework of independent administrative proceedings. Based on an analysis of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, a functional and target-oriented criterion for distinguishing between procedural forms is formulated: the type of legal proceedings should be determined not by the status of the claimant, but by the nature of the claimed right and the purpose of judicial protection.*

Key words: *claim proceedings, administrative proceedings, judicial competence, compensation for damage, public authorities, procedural form.*

For citation: *Nikolayev D. O. Differentiation of claim and administrative proceedings in cases of compensation for damage caused by public authorities. Education and law. 2026;(10):550–556. (In Russ.).*

Межотраслевой характер правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда публичной властью, обусловливает наличие конкуренции юрисдикций и неоднозначность правоприменительных подходов. В правовой доктрине и судебной практике сохраняется дискуссия относительно разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также допустимости рассмотрения соответствующих требований в порядке административного судопроизводства. Вследствие этого исследование судебной компетенции по делам о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, представляется необходимым элементом комплексного анализа данного правового института.

В научной литературе понятие судебной компетенции трактуется с разных позиций, при этом наблюдаются неоднозначные подходы к его взаимосвязи с категориями «подведомственность» и «подсудность». Например, Е.В. Васьковский описывал судебную компетенцию как «работу судебных органов, осуществляемую в пределах возложенных на них прав и обязанностей» [2, с. 445]. По мнению Д.Х. Валеева, представителя казанской правовой школы, компетенцию можно определить лишь применительно к конкретному суду, поскольку она тесно связана с подсудностью, то есть с кругом дел, которые относятся к ведению данного суда [1, с. 52]. Касаясь соотношения понятия «компетенция» с «подведомственностью» и «подсудностью», следует отметить, что преобладающее число исследователей считает: в случае отказа от термина «подведомственность» подсудность должна интерпретироваться шире, а компетенцию приравнивают к подведомственности [11]. В диссертационном исследовании Е.А. Овчинниковой компетенция представлена как «комплекс дел, которые суд или судья вправе рассматривать и разрешать»; при этом автор выделяет её типы, проводит различие между «компетенцией» и «полномочиями», где последние понимаются как «права, обязанности и инструменты для осуществления компетенции» [8].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о влиянии публичного элемента спора на выбор процессуальной формы. Наличие в деле органа публичной власти в качестве ответчика либо установление незаконности публично-властного акта не трансформирует автоматически частноправовое требование о возмещении вреда в публично-правовой спор. Процессуальная форма должна определяться не статусом ответчика, а характером заявленного требования и целью судебной защиты [9]. Если целью обращения в суд является восстановление имущественного или неимущественного блага путём компенсации вреда, соответствующее требование укладывается в рамки искового производства, независимо от того, в каком контексте был причинён вред.

Субъектный состав традиционно рассматривается в качестве исходного ориентира при разграничении юрисдикции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами [7, с. 18]. В делах о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, данный критерий проявляется прежде всего через правовой статус потерпевшего. Если в качестве истца выступает гражданин, защита его нарушенного права, как правило, осуществляется судами общей юрисдикции. Это соответствует общей логике гражданского судопроизводства, ориентированного на разрешение частноправовых споров с участием физических лиц, в том числе в случаях, когда ответчиком является публично-правовое образование либо государственный орган. При этом участие органа публичной власти в споре не рассматривается как обстоятельство, автоматически изменяющее юрисдикционную принадлежность дела. Особенность субъектного состава по делам о возмещении вреда, причиненного органами публичной власти, состоит в необходимости разграничивать фактического причинителя вреда, процессуального представителя публично-правового образования и субъекта имущественной ответственности.

Наряду с субъектным составом существенное значение имеет характер правоотношения, из которого вытекает требование о возмещении вреда. Несмотря на публичную природу деятельности причинителя вреда, само обязательство по его возмещению носит гражданско-правовой характер. Оно возникает вследствие нарушения субъективного права потерпевшего и направлено на компенсацию имущественных либо неимущественных потерь. Вследствие этого в доктрине обоснованно подчёркивается, что деликтные обязательства с участием публичной власти сохраняют частноправовую сущность, даже если противоправное поведение имело место в рамках реализации властных полномочий. Данный вывод

последовательно отражается и в правоприменительной практике, где подчёркивается, что публично-властный характер действий ответчика не трансформирует требование о возмещении вреда в публично-правовой спор.

Отдельного анализа заслуживает влияние предварительного оспаривания публично-властного акта или действия на определение юрисдикции. Нередко требование о возмещении вреда заявляется после признания соответствующего акта незаконным либо одновременно с таким требованием. Наличие элемента проверки законности публичного поведения не изменяет гражданско-правовой природы требования о компенсации вреда. В научной литературе по вопросу о возможности соединения требований высказаны различные позиции: одни авторы отрицают допустимость их совместного рассмотрения [10, с. 42; 12], другие допускают такое соединение при наличии процессуальных условий [6, с. 26; 13, с. 43; 15, с. 31].

Отдельно разъяснено, что акты налоговых и таможенных проверок не являются самостоятельным предметом оспаривания, поскольку носят вспомогательный характер и предназначены для фиксации выявленных нарушений. Аналогичный подход применяется к документам, удостоверяющим правовой статус лица или правовой режим имущества (свидетельства, удостоверения, справки, протоколы): судебному оспариванию подлежит не сам такой документ, а принятое на его основе властное решение. Требования о возмещении вреда, причинённого незаконными решениями, действиями или бездействием публичных субъектов, подлежат рассмотрению в самостоятельном исковом производстве [16].

В итоге анализ критериев разграничения юрисдикции позволяет констатировать, что судебная компетенция по делам о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, формируется на основе совокупной оценки субъектного состава, характера правоотношений и экономической направленности спора. Такой многофакторный подход обеспечивает гибкость правоприменения и позволяет учитывать специфику каждого конкретного дела, что имеет принципиальное значение для эффективной судебной защиты нарушенных прав.

Исследование процессуальной формы рассмотрения требований о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, позволяет констатировать устойчивое доминирование искового производства в гражданском процессе. Данный вывод обусловлен как материально-правовой природой соответствующих требований, так и логикой развития российского процессуального законодательства, ориентированного на обеспечение эффективной судебной защиты частных лиц от незаконных действий публичной власти. Исковое производство в гражданском процессе традиционно предназначено для разрешения споров о субъективных гражданских правах и обязанностях [4; 14]. Требование о возмещении вреда, независимо от статуса причинителя, направлено на восстановление нарушенного имущественного или неимущественного блага и носит компенсационный характер.

Вследствие этого обязательство по возмещению вреда, причинённого органами публичной власти, квалифицируется как гражданско-правовое деликтное обязательство, основанное на нормах главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации. Публично-властная природа деятельности ответчика не изменяет сущности спорного материального правоотношения, что последовательно подчёркивается как в доктрине, так и в судебной практике.

Применение искового производства позволяет в наибольшей степени реализовать принципы гражданского процесса, имеющие особое значение для дел о публично-причинённом вреде. Принцип состязательности обеспечивает равенство процессуальных возможностей сторон, включая возможность представления доказательств, заявления ходатайств и оспаривания позиции процессуального оппонента. Это приобретает особую значимость в спорах с участием органов публичной власти, обладающих значительным организационным и информационным ресурсом. Принцип диспозитивности, в свою очередь, позволяет потерпевшему самостоятельно определять объём и содержание заявленных требований, включая размер компенсации и основания ответственности.

Особенностью искового производства по делам о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, является специфика субъектного состава ответчиков. Формально ответчиком по делу выступает публично-правовое образование - Российская Федерация, субъект Российской Федерации либо муниципальное образование, от имени которого в процессе участвует соответствующий орган или главный распорядитель бюджетных средств. Такая конструкция направлена на обеспечение реальной исполнимости судебного решения и отражает публично-финансовую природу ответственности государства. Исковое производство в гражданском процессе предоставляет необходимые процессуальные механизмы для привлечения надлежащего ответчика и замены ненадлежащей стороны без прекращения производства по делу [5].

Вопрос о процессуальной форме рассмот-

рения требований о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, неизбежно выводит к доктринальной и практической дискуссии о применимости Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Появление КАС РФ и формирование административного судопроизводства как самостоятельной процессуальной формы объективно актуализировали вопрос о перераспределении судебной компетенции в сфере споров, возникающих из публично-властных отношений.

В доктрине существует позиция, согласно которой установление незаконности властного поведения должно происходить в рамках самостоятельного административного производства, а компенсационное требование должно рассматриваться как производное от результата такого оспаривания. Так, в диссертационном исследовании Величко М.Б. указано, что «рассмотрение вопроса о законности решения, действий (бездействия) субъекта публичной власти в исковом процессе в порядке косвенного судебного контроля при разрешении частного гражданско-правового требования о возмещении вреда в соответствии со ст. 1069 ГК РФ противоречит буквальному содержанию абз. 2 ст. 13 ГК РФ, поскольку установление обстоятельств совершения противоправного акта, действия (бездействия) и наличие вины субъекта публичной власти в причинении вреда, а также наличие причинной следственной связи между противоправным поведением и наступлением негативных последствий, должно происходить при признании соответствующего акта, действия (бездействия) недействительным, что предусматривает обязательное рассмотрение и разрешение данного требования как самостоятельного требования в форме административного судопроизводства…» [3, с. 214].

Приведенная позиция последовательно подчеркивает публично-правовую природу проверки законности властного поведения. Вместе с тем она приводит к обязательному процессуальному разделению требований и не учитывает возможность установления незаконности непосредственно в составе обстоятельств, образующих основание компенсационного иска.

Подобный подход сталкивается с существенными нормативными и концептуальными ограничениями. КАС РФ ориентирован прежде всего на судебный контроль за законностью и обоснованностью публично-властных решений, действий и бездействия. Его предметом является защита публичных субъективных прав в аспекте восстановления законности, а не компенсация имущественных потерь. Даже в тех случаях, когда КАС РФ допускает заявление сопутствующих требований, связанных с последствиями оспариваемых актов, соответствующие нормы носят фрагментарный характер и не формируют целостного механизма возмещения вреда в деликтном понимании.

На первоначальном этапе действия КАС РФ судебная практика исходила из более строгого разграничения требований, подлежащих рассмотрению в гражданском и административном судопроизводстве. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ в определении от 18 января 2017 г. № 56-КГ16-37 указала, что при объединении в одном заявлении нескольких требований они подлежат рассмотрению в различных процессуальных формах. Так, требование об оспаривании действий (бездействия) субъекта, наделённого публичными полномочиями, должно рассматриваться по правилам административного судопроизводства, тогда как требование о возмещении морального вреда рассматривается в порядке гражданского судопроизводства [17]. Указанная правовая позиция должна оцениваться с учетом последующего изменения законодательства. В действующей редакции часть 1.1 статьи 124 КАС РФ допускает соединение требования об оспаривании решения, действия или бездействия с требованием о компенсации причиненного ими морального вреда. Поэтому определение 2017 года характеризует предшествующий этап развития процессуального регулирования и не может использоваться как безусловное подтверждение невозможности совместного рассмотрения соответствующих требований.

Разграничение процессуальных форм необходимо обосновывать не отсутствием в КАС РФ состязательности, судебных расходов или компенсации морального вреда, а различием непосредственных целей судебной защиты. Оспаривание направлено на проверку законности решения, действия или бездействия публичного субъекта. Самостоятельный имущественный иск направлен на установление всех условий гражданско-правовой ответственности, определение размера реального ущерба или упущенной выгоды и присуждение компенсации.

Возможность заявления морального вреда в административном иске не означает переноса в административное судопроизводство всех деликтных требований. Следует различать сопутствующее требование о компенсации морального вреда, причиненного оспариваемым поведением, и самостоятельное требование о возмещении имущественных потерь.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что требования о возмещении вреда, не вытекающие непосредственно из публичного правоотношения [18], могут быть отдель-

но предъявлены в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства. Следовательно, действующее регулирование допускает дифференциацию процессуальной формы в зависимости от характера конкретного требования.

Наличие в доктрине позиции о целесообразности рассмотрения дел о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, в порядке административного судопроизводства нередко обосновывается ссылками на практику Европейского суда по правам человека, в частности на постановление от 10 января 2012 г. по делам «Ананьев и другие против России» (жалобы № 42525/07 и № 60800/08). В указанном решении Европейский суд, анализируя эффективность средств правовой защиты, применявшихся в российской правовой системе, дал оценку практике использования главы 25 ГПК РФ, регулировавшей порядок рассмотрения жалоб на действия и решения органов публичной власти.

Одновременно Европейский суд указал на существенный недостаток сложившейся практики: «неясно, может ли жалоба, поданная в порядке главы 25 ГПК РФ, сопровождаться обычным требованием о возмещении ущерба на основании статей 151 и 1064 ГК РФ и может ли она рассматриваться совместно в рамках одного разбирательства. Если объединение этих требований невозможно в силу закона или юридической практики – это будет возлагать чрезмерное бремя на заявителя, которому будет необходимо вначале вести судебное разбирательство для рассмотрения его жалобы по существу, а потом предъявлять решение о нарушении его прав в тот же суд и инициировать новое судебное разбирательство для получения компенсации» [19].

Данный аргумент используется сторонниками расширительного применения административного судопроизводства как подтверждение необходимости концентрации всех требований, вытекающих из публичного нарушения, в рамках одного процесса, аналогичного по своей природе современному административному судопроизводству. Однако исследование показывает, что выводы Европейского суда не свидетельствуют о предпочтительности административной процессуальной формы как таковой, а, напротив, указывают на необходимость эффективного компенсационного механизма, способного обеспечить восстановление нарушенных прав без чрезмерных процессуальных издержек для заявителя.

Таким образом, публично-правовой характер деятельности непосредственного причинителя вреда сам по себе не является достаточным основанием для переноса компенсационного спора в административное судопроизводство. Вид судопроизводства должен определяться не субъектным статусом причинителя и не отраслевой принадлежностью норм, нарушение которых повлекло причинение вреда, а природой заявленного материально-правового требования и непосредственной целью судебной защиты.

При оспаривании решения, действия или бездействия предметом судебной деятельности выступает проверка законности осуществления публичного полномочия и устранение возникших в публичном правоотношении нарушений. В деле о возмещении вреда непосредственным объектом судебной защиты является субъективное гражданское право потерпевшего на получение имущественной компенсации. Суд разрешает вопрос о существовании, содержании и размере гражданско-правовой обязанности публично-правового образования.

Гражданская исковая форма соответствует комплексному предмету доказывания по данной категории дел. В рамках одного производства суд устанавливает факт и характер нарушения, наличие вреда, состав и размер имущественных потерь, причинную связь, основания ответственности публично-правового образования, а также разрешает вопрос о присуждении денежной суммы за счет соответствующей казны. Основным результатом такого производства является не признание властного поведения незаконным как самостоятельный способ защиты, а возложение на ответчика гражданско-правовой обязанности возместить вред.

Перенос самостоятельных компенсационных требований в административное судопроизводство привел бы к смешению двух различных функций судебной защиты: непосредственной проверки законности публичного поведения и разрешения спора о гражданско-правовой обязанности по возмещению вреда. Публично-правовой элемент основания иска не должен изменять процессуальную форму, соответствующую природе основного материально-правового требования.

Закрепленная частью 1.1 статьи 124 КАС РФ возможность соединения требования об оспаривании решения, действия или бездействия с требованием о компенсации причиненного ими морального вреда не опровергает данного вывода. Эта норма направлена на процессуальную концентрацию взаимосвязанных требований и не формирует общего административно-процессуального порядка рассмотрения самостоятельных требований о возмещении имущественного вреда, включая реальный ущерб и упущенную выгоду.

Предварительное признание решения, действия или бездействия незаконным также не должно рассматриваться как универсальная пред-

посылка гражданского иска о возмещении вреда. Если специальным законом не установлено иное, суд вправе самостоятельно оценить законность публичного поведения как обстоятельство, входящее в предмет доказывания. Ранее принятый судебный акт об оспаривании может иметь преюдициальное значение при наличии предусмотренных процессуальным законодательством условий, но его отсутствие не исключает предъявления компенсационного требования.

Следовательно, разграничение гражданского и административного судопроизводства по рассматриваемой категории дел должно осуществляться по функционально-целевому критерию. Если непосредственной целью обращения является устранение незаконного властного решения и восстановление правового положения лица в публичном правоотношении, спор разрешается в административном судопроизводстве. Сохранение самостоятельных требований граждан о возмещении вреда в гражданском судопроизводстве обеспечивает соответствие процессуальной формы природе защищаемого права и позволяет разрешить в едином производстве весь состав гражданско-правовой ответственности публично-правового образования.

Список литературы:

[1] Арбитражный процесс: учебник / Отв. ред. Д.Х. Валеев и М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2010. 570 с.

[2] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

[3] Величко М.Б. Форма и порядок судебной защиты по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти, влекущих имущественные последствия: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2023. 285 с.

[4] Виды исков в гражданском судопроизводстве. Учебное пособие / Мясникова Н.К. / Под ред.: Кузнецов Н.В. Саратов: Изд-во Сарат. акад. права, 2002. 92 с.

[5] Дербишева О.А. Реализация права на защиту от заявленного иска ненадлежащим ответчиком в гражданском судопроизводстве: теоретические и практические аспекты // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. № 4. С. 108-114.

[6] Захаров Н.И. Административное судопроизводство: сложности применения и пробелы в законодательстве // Судья. 2017. № 3. С. 25-26.

[7] Малявина Н.Б. Проблема разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению различных категорий дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 18-22.

[8] Овчинникова Е.А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве. Краснодар, 2020. 249 с.

[9] Опалев Р.О. Арбитражная процессуальная форма и процессуальная форма административного судопроизводства: проблемы соотношения // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2021. № 1(57). С. 142-156.

[10] Остроумов А.А. О допустимости рассмотрения публично-правовых и гражданскоправовых требований в рамках одного производства по КАС России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 42-48.

[11] Петрова М.Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 148–153.

[12] Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Реформирование процессуального законодательства: цели, проблемы, тенденции. Москва : Международные отношения, 2018. 624 с.

[13] Соловьев А.А., Огнева К.О. К вопросу о рассмотрении гражданского иска в административном деле // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 36-43.

[14] Яковенко Е.В. Исковое производство в суде первой инстанции в гражданском процессе: учебное пособие / Е. В. Яковенко. Владивосток: Владивостокский государственный университет, 2024. 148 с.

[15] Ярков В.В. Подведомственность дел административного судопроизводства (на примере КАС РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 25-31.

[16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. N 21 "О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (дата обращения: 05.09.2026).

[17] Определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 18 января 2017 г. N 56-КГ16-37 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=491098 (дата обращения: 05.09.2026).

[18] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессу-

ального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (дата обращения: 05.09.2026).

[19] Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 «Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=291685 (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Arbitration Process: A Textbook / Eds. D.Kh. Valeev and M.Yu. Chelyshev. Moscow: Statut, 2010. 570 p.

[2] Vaskovsky E.V. A Course on Civil Procedure: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. Moscow: Statut, 2016. 624 p.

[3] Velichko M.B. Form and Procedure of Judicial Protection in Cases Challenging Decisions, Actions (or Inaction) of Public Authorities That Entail Property-Related Consequences: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2023. 285 p.

[4] Types of Claims in Civil Litigation: A Study Guide / Myasnikova N.K. / Ed. Kuznetsov N.V. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2002. 92 p.

[5] Derbisheva O.A. Exercising the Right to Defense Against a Claim Brought Against an Improper Defendant in Civil Litigation: Theoretical and Practical Aspects // Bulletin of the Faculty of Law, Southern Federal University. 2019. No. 4. pp. 108–114.

[6] Zakharov N.I. Administrative Litigation: Challenges in Application and Gaps in Legislation // Sudya (The Judge). 2017. No. 3. pp. 25–26.

[7] Malyavina N.B. The Problem of Delineating the Competence of Arbitration Courts and Courts of General Jurisdiction in Hearing Various Categories of Cases // Arbitration and Civil Procedure. 2022, No. 5, pp. 18–22.

[8] Ovchinnikova E.A. Competence and Powers of the Court (Judge) in Russian Criminal Proceedings. Krasnodar, 2020. 249 p.

[9] Opalev R.O. Arbitrazh (Commercial) Procedural Form and the Procedural Form of Administrative Legal Proceedings: Issues of Interrelation // Economic Justice in the Ural District. 2021, No. 1(57), pp. 142–156.

[10] Ostroumov A.A. On the Admissibility of Considering Public-Law and Civil-Law Claims Within the Framework of a Single Proceeding under the Code of Administrative Legal Proceedings of the Russian Federation // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016, No. 5, pp. 42–48.

[11] Petrova M.Yu. On the Interrelation of the Concepts of "Jurisdiction" (podvedomstvennost), "Venue" (podsudnost), and "Competence" // North Caucasus Legal Bulletin. 2023, No. 1, pp. 148–153.

[12] Prikhodko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. Reforming Procedural Legislation: Goals, Problems, and Trends. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2018. 624 p.

[13] Solovyev A.A., Ogneva K.O. On the Consideration of a Civil Claim within an Administrative Case // Administrative Law and Process. 2020, No. 5, pp. 36–43.

[14] Yakovenko E.V. Adjudication Proceedings in the Court of First Instance in Civil Litigation: A Study Guide / E. V. Yakovenko. Vladivostok: Vladivostok State University, 2024. 148 p.

[15] Yarkov V. V. Jurisdiction over Administrative Legal Proceedings (Using the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation as an Example) // Arbitration and Civil Procedure. 2017. No. 6. pp. 25–31.

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022, No. 21 "On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (accessed: 05.09.2026).

[17] Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 18, 2017, No. 56-KG16-37 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=491098 (accessed: 05.09.2026).

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (accessed: 05.09.2026).

[19] Judgment of the ECHR dated 10.01.2012, "Case of Ananyev and Others" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=291685 (accessed: 05.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-557-567
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

СПИРИЦА Евгений Валерьевич,
директор Международного центра детекции лжи и профайлинга (ICDS-GROUP), преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, юрист, психолог, антрополог, педагог, эксперт-профайле-верификатор, Москва, Россия, e-mail: info@icds-group.com

НЕАВТОРИЗОВАННЫЙ ИСТОЧНИК В ОБОСНОВАНИИ ЭКСПЕРТНОГО ВЫВОДА: СЛУЧАЙ ДВУСТОРОННЕГО ЦИТИРОВАНИЯ ОДНОЙ СТЕНОГРАММЫ. К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ

Аннотация. *Требование научной обоснованности экспертного исследования (ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ) предполагает проверяемость не только применённых процедур, но и источников, из которых заимствованы положенные в основу выводов положения. Настоящая работа описывает случай, в котором это требование не выполнено обеими сторонами профессионального спора одновременно. В 2016 г. опубликованы два документа противоположной направленности: монография о судебно-психологической экспертизе достоверности показаний с приложенным заключением экспертов по уголовному делу и информационное письмо, утверждённое научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, объявляющее такую экспертизу неправомерной. Показано, что оба документа опираются на один и тот же источник — неавторизованную стенограмму устного практического семинара, изданную без участия выступавшего, — и что в обоих случаях статус источника не был проверен. В первом случае учебная метафора («синдром Пиноккио») мигрировала из устной лекции в перечень признаков, по которым оценивалось психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего потерпевшего; во втором тот же текст послужил основанием для квалификации цитируемого лица как «практика из среды предпринимателей» — операции, представляющей собой генетическую ошибку. Отдельно разобрано внутреннее противоречие рассматриваемой методики: сформулированное её авторами требование обоснования весового вклада критериев не выполняется в их собственном заключении, где итоговый показатель выражен процентами с точностью до десятых долей. Предложен протокол источниковедческой проверки ссылочного аппарата, применимый как при производстве экспертизы, так и при её рецензировании. Основной вывод информационного письма о недопустимости установления достоверности показаний путём судебной экспертизы автором разделяется; предметом критики является не вывод, а способ его получения.*

Ключевые слова: *судебно-психологическая экспертиза; достоверность показаний; научная обоснованность; источниковедение; текстология; авторизованный текст; генетическая ошибка; весовые коэффициенты; ложная точность; профайлинг.*

Для цитирования: *Спирица Е. В. Неавторизованный источник в обосновании экспертного вывода: случай двустороннего цитирования одной стенограммы. К проблеме источниковедческого контроля в судебно-психологической экспертизе достоверности показаний // Образование и право. 2026. № 10. С. 557–567.*

SPIRITSA Evgeny Valeryevich,
Director of the International Center for Deception Detection and Profiling (ICDS-GROUP), Lecturer at Lomonosov Moscow State University,
Lawyer, Psychologist, Anthropologist, Educator, Expert Profiler-Verifier, Moscow, Russia

AN UNAUTHORISED SOURCE IN THE JUSTIFICATION OF AN EXPERT CONCLUSION: A CASE OF ONE TRANSCRIPT CITED BY BOTH SIDES. ON SOURCE CRITICISM IN FORENSIC PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF STATEMENT CREDIBILITY

Annotation. *The statutory requirement that forensic examination rest on a strictly scientific basis (Art. 8 of Federal Law No. 73-FZ) presupposes the verifiability not only of the procedures applied but also of the sources from which the underlying propositions are drawn. This paper describes a case in which that requirement was violated by both sides of a professional dispute simultaneously. In 2016 two documents of opposite orientation were published: a monograph on the forensic psychological assessment of statement credibility, with an appended expert opinion from a criminal case, and an information letter approved by the Scientific and Methodological Council of the Russian Federal Centre of Forensic Science (Ministry of Justice) and the Academic Council of the Serbsky Centre (Ministry of Health), declaring such examination inadmissible. Both documents are shown to rely on the same source — an unauthorised transcript of an oral practical seminar, published without the speaker's participation — and in both cases the status of that source went unverified. In the first, a teaching metaphor ("the Pinocchio syndrome") migrated from an oral lecture into the list of indicators used to assess the psycho-emotional state of a minor victim; in the second, the same text served as grounds for classifying the cited person as a "practitioner from the business community", an operation that constitutes a genetic fallacy. A separate section examines an internal contradiction of the methodology under review: the requirement of justifying the weight of each criterion, formulated by its own authors, is not met in their own expert opinion, where the final indicator is expressed as a percentage to one decimal place. A protocol of source verification is proposed, applicable both in the production of an expert opinion and in its review. The principal conclusion of the information letter — that statement credibility cannot be established by forensic examination — is shared by the author; what is criticised is not the conclusion but the manner in which it was obtained.*

Key words: *forensic psychological examination; statement credibility; scientific validity; source criticism; textual criticism; authorised text; genetic fallacy; criterion weighting; spurious precision; profiling.*

For citation: *Spiritsa E. V. An unauthorised source in the justification of an expert conclusion: a case of one transcript cited by both sides. On source criticism in forensic psychological assessment of statement credibility. Education and law. 2026;(10):557–567. (In Russ.).*

Введение. Источниковедческий контроль как условие проверяемости вывода

Статья 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [17] требует, чтобы экспертное исследование проводилось на строго научной и практической основе, а заключение было объективным, всесторонним и полным. Практическое содержание этого требования состоит в проверяемости: заключение должно быть построено так, чтобы независимый специалист мог пройти путь от исходных данных к выводу и установить, на чём каждый шаг держится.

Проверяемость обычно обсуждается применительно к процедуре — к описанию методики, полноте исходных материалов, воспроизводимости измерений. Значительно реже она обсуждается применительно к ссылочному аппарату. Между тем экспертное заключение, использующее психологические критерии, неизбежно опирается на внешние положения: перечни признаков, классификации, эмпирические обобщения. Эти положения заимствуются из литературы, и вопрос о том, из какой именно литературы они заимствованы, является не библиографической формальностью, а частью вопроса о научной обоснованности. Если содержательное положение держится на источнике, который не является научной публикацией, то обоснование отсутствует независимо от того, верно ли само положение.

Настоящая работа разбирает случай, в котором эта проверка не была произведена — причём не одной стороной, а обеими сторонами профессионального конфликта, независимо друг от друга и на одном и том же материале.

Случай представляет интерес по трём причинам. Во-первых, он документирован: оба документа опубликованы, обе цепочки заимствования прослеживаются постранично. Во-вторых, он симметричен: одна сторона использовала источник для обоснования методики, другая — для её дискредитации, и ни одна не проверила его статус. В-третьих, он показывает, каким образом учебная метафора, произнесённая на практическом семинаре, за четыре года превращается в элемент перечня признаков, применяемого к несовершеннолетнему в уголовном деле, — без единого акта недобросовестности на этом пути.

Тезис работы формулируется так: источниковедческий контроль есть необходимое условие научной обоснованности экспертного заключения, и это условие симметрично — оно в равной мере обязательно для того, кто на источник опирается, и для того, кто с его помощью опровергает.

1. Материал и метод

1.1. Материал

Материалом исследования выступают два опубликованных документа 2016 года.

Документ А. Монография В. Ф. Енгалычева, Г. К. Кравцовой и Е. Н. Холоповой «Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий)» [1] с приложенным к ней заключением экспертов по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, приводимым в качестве образца применения описываемой методики.

Документ Б. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы», утверждённое научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15.06.2016) и учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20.06.2016), опубликованное в журнале «Теория и практика судебной экспертизы» [2]. Документ подготовлен коллективом из двенадцати авторов и адресован следователям, судьям и прокурорам.

Документы находятся в отношении прямой полемики: документ Б разбирает документ А и признаёт описанную в нём методику научно необоснованной.

1.2. Процедура

Метод — документоведческий и источниковедческий анализ ссылочного аппарата: установление статуса цитируемых источников, прослеживание пути заимствования каждого положения от места его использования до места происхождения и сопоставление функции положения в источнике с функцией, которую оно приобретает в цитирующем тексте.

Дополнительно привлекается собственная позиция цитируемого лица (раздел 6) — не как аргумент в споре, а как фактическая справка о содержании устного выступления, поскольку именно расхождение между этим содержанием и его печатной передачей составляет предмет разбора.

1.3. Границы метода

Процедура не предполагает оценки истинности заимствованных положений: она устанавливает, обосновано ли их использование. Она не оценивает разбираемые документы в целом и не касается тех их частей, которые не связаны с разобранными ссылками. Она не устанавливает и намерения цитирующего: во всех разобранных случаях фиксируется совершённая операция, а не мотив, по которому она совершена. Наконец, процедура не является выборочным исследованием: разобран единичный случай, и заключения о распространённости описанной практики из него не следуют.

2. Понятийная рамка: авторизованный и неавторизованный текст

2.1. Текстологическое различение

Различение авторизованных и неавторизованных источников принадлежит текстологии и является в ней базовым. Авторизованным признаётся текст, прошедший авторскую подготовку к печати или прямо одобренный автором; неавторизованным — воспроизведение, произведённое без его участия. Классические руководства по текстологии [3; 4; 5] формулируют принцип последней авторской воли: научное издание воспроизводит тот текст, который автор признал выражающим его позицию, а записи, списки и посторонние передачи привлекаются лишь как вспомогательный материал с обязательной оговоркой об их статусе.

Различение не является ведомственной особенностью филологии. Оно отвечает на вопрос, имеющий прямое отношение к обоснованию: чьё утверждение цитируется. Ссылка на неавторизованный текст формально сохраняет фамилию, но фактически цитирует не автора, а его передачу третьим лицом — при том, что читатель ссылки этого не видит.

2.2. Устное выступление и научная публикация как разные жанры

Расшифровка устного выступления не стано-

вится научной публикацией в силу того, что она напечатана. Между двумя жанрами лежит работа, которую выполняет автор при подготовке текста: выверка формулировок, введение оговорок и квалификаторов, определение терминов, отделение иллюстрации от утверждения.

Устная речь на практическом семинаре организована иначе, и организована так не по небрежности, а по назначению. Она рассчитана на присутствующего слушателя, который только что разобрал механизм на примерах и удерживает контекст; она использует метафору как мнемоническое средство; она допускает ироническое словоупотребление, распознаваемое по интонации и не распознаваемое на бумаге. Все эти средства уместны в аудитории и становятся источником ошибки при переносе в письменный научный оборот, где интонация утрачивается, контекст не восстанавливается, а метафора читается как термин.

Существенно, что превращение метафоры в термин происходит не при произнесении и не при расшифровке, а при цитировании: именно ссылка присваивает фразе статус положения, на которое можно опереться. Ответственность за эту операцию лежит на цитирующем.

Различение устного и письменного регистров профессионального знания разобрано автором отдельно [6]; здесь оно привлекается лишь в той части, которая необходима для оценки допустимости ссылки.

2.3. Типология источников и допустимость ссылки

Изложенное различение сводится в таблицу, задающую для каждого типа текста допустимый режим ссылки (табл. 1).

Таблица 1. Типы текстов и допустимый режим ссылки

Тип текста	Авторская подготовка	Допустимость ссылки как на позицию автора
Монография, статья в рецензируемом издании	Полная	Допустима без оговорок
Учебное пособие, глава в коллективном труде	Полная	Допустима без оговорок
Препринт, авторская рукопись	Полная, без внешнего рецензирования	Допустима с указанием статуса
Опубликованный текст доклада, подготовленный автором	Полная	Допустима без оговорок
Расшифровка устного выступления, отредактированная и одобренная автором	Частичная, подтверждённая	Допустима с указанием жанра
Расшифровка устного выступления, изданная без участия автора	Отсутствует	Недопустима как изложение научной позиции; возможна лишь как объект описания с прямым указанием статуса
Раздаточный материал, конспект слушателя, запись обучающегося	Отсутствует	Недопустима

Строки таблицы различаются не качеством содержания, а наличием акта, которым автор принял текст на себя. Утверждение из последних двух строк может оказаться совершенно верным; но оно не является утверждением названного автора и не может обосновывать вывод со ссылкой на его авторитет.

3. Случай А: неавторизованная стенограмма в обосновании экспертного заключения

3.1. Позиция № 30 списка литературы

В заключении экспертов, приложенном к монографии [1], раздел «Список использованной литературы» содержит тридцать пять позиций (с. 231). Позиция № 30 сформулирована следующим образом: «Спирица Е. В. Профайлингово-полиграфическое исследование: лекции по 8 базовым адаптивным реакциям // Материалы семинара-тренинга… Екатеринбург, 2012».

Работы с такими выходными данными не существует. Существует практический семинар для полиграфологов, проведённый в Екатеринбурге 15–17 июня 2012 г. Аудиозапись семинара была расшифрована и издана брошюрой без участия выступавшего: текст не готовился им к печати, не согласовывался и до выхода не предъявлялся. По типологии таблицы 1 источник относится к предпоследней строке.

Существенно, что сама библиографическая запись содержит признаки, достаточные для опре-

деления статуса без всякого внешнего расследования: указание «материалы семинара-тренинга», отсутствие издательства, отсутствие ISBN. Проверка не требовала обращения к автору — она требовала прочтения собственной библиографической записи.

3.2. Структура ссылочного аппарата

Ссылки на цитируемое лицо в тексте заключения распределены следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Ссылки на цитируемое лицо в тексте экспертного заключения

№ сноски	Обосновываемое положение	Источник по описанию в заключении	Статус источника
308	Соотношение вербальной и невербальной составляющих сообщения	Материал 2011 г. без указания издательства и ISBN	Не установлен
309	Две формы лжи: умолчание и искажение	Материалы семинара, Екатеринбург, 2012	Неавторизованная стенограмма
312	Связь социального положения и объёма речевой продукции	«Курс лекций», 2011	Изданием не является
321	Схематизм изложения как признак	Материалы семинара, Екатеринбург, 2012	Неавторизованная стенограмма
328	«Синдром Пиноккио»	Материалы семинара, Екатеринбург, 2012	Неавторизованная стенограмма

Здесь необходима фактическая справка. До 2016 г. цитируемое лицо не публиковало монографий; первая книга вышла в издательстве «Питер» и посвящена психологии лжи и обмана. Курсов лекций и конспектов лекций он не составлял. Соответственно ни один из пяти источников таблицы 2 не является текстом, подготовленным и подписанным названным автором.

Три из пяти ссылок восходят к екатеринбургской стенограмме, и они не декоративны: на них держатся классификация форм лжи (сноска 309), признак схематизма изложения (сноска 321) и телесный признак (сноска 328) — то есть элементы содержательной части исследования.

Отдельного внимания заслуживает сноска 308. Положение о соотношении вербальной и невербальной составляющих сообщения восходит к экспериментам А. Мехрабиана и С. Ферриса [7], поставленным на изолированных односложных стимулах и не допускающим переноса на коммуникацию в целом, — ограничение, многократно описанное в литературе и указанное самим Мехрабианом. Таким образом, положение с известной историей некорректной экстраполяции введено в заключение через источник неустановленного статуса, минуя как первоисточник, так и его критику. Это иллюстрирует практический смысл источниковедческого контроля: ссылка на непроверенный источник не только не подтверждает положение, но и отсекает доступ к сведениям, которые его ограничивают.

3.3. Миграция учебной метафоры в перечень признаков

Наиболее существенное следствие обнаруживается на с. 300 заключения, в разделе, где эксперты отвечают на вопрос о признаках сокрытия обстоятельств.

Согласно опубликованному тексту, у допрашиваемого констатируется «паттерн нервного поведения»: передёргивание плечами, напряжение шейно-плечевого пояса, стремление изменить положение тела, глубокий вздох, «жест “рука-к-лицу”, в том числе — “синдром Пиноккио”», жесты-самоадаптеры, латентные задержки ответа, паузы. К словосочетанию «синдром Пиноккио» отнесена сноска 328, содержащая прямую цитату из екатеринбургской брошюры и отсылающая к ней как к источнику. Из перечня делается вывод, что перечисленные данные «могут свидетельствовать о том, что он находится в состоянии психоэмоционального напряжения, испытывает чувство беспокойства, страха».

Речь идёт о несовершеннолетнем тринадцати лет по делу о преступлении против половой неприкосновенности.

Проследим путь. Мнемонический образ, произнесённый в аудитории профессиональных полиграфологов, расшифрован третьим лицом; расшифровка издана; издание получило библиографическое описание; описание внесено в список литературы экспертного заключения; сноска на него присоединена к элементу перечня признаков; перечень положен в основание вывода о психоэмоциональном состоянии несовершеннолетнего. На каждом шаге операция выглядит рутинной. Ни один шаг не требует недобросовестности. Итог, однако, состоит в том, что фигура речи получила в судебном документе функцию признака.

Отметим, что само выражение «синдром Пиноккио» имеет собственную историю в специальной литературе: оно введено в описательный оборот А. Хиршем и Ч. Вольфом в разборе единичного случая [8] и уже там не имело статуса диагностического критерия — авторы описывали наблюдение, а не предлагали признак. Метаанализ поведенческих коррелятов обмана [9] не обнаруживает у прикосновения к лицу и носу значимой связи с обманом; систематический анализ корпуса

данных о невербальных признаках, выполненный Т. Люком [10] и озаглавленный по тому же литературному персонажу, показывает, что накопленные оценки величин эффекта существенно завышены публикационным сдвигом. Иными словами, положение, введённое в перечень признаков, к 2016 г. не имело эмпирической поддержки ни в одном из доступных обзоров — и установить это можно было, не обращаясь к автору стенограммы, а обратившись к литературе.

3.4. Реконструкция канала заимствования

Способ, которым брошюра попала в научный оборот, реконструируется по самому же изданию. В сведениях об экспертах (с. 227–228) перечислены документы о повышении квалификации одного из подписавших заключение, среди которых указан сертификат от 17.06.2012, выданный организацией — проводившей упомянутый семинар. Даты семинара — 15–17 июня 2012 г.; дата сертификата совпадает с его последним днём.

Совпадение объясняет происхождение источника: материал, полученный слушателем на практическом семинаре, впоследствии занял позицию в списке литературы судебной экспертизы. Между «раздаточный материал семинара» и «научный источник» лежит различие, зафиксированное в таблице 1; в данном случае оно было преодолено, по всей видимости, незаметно для участников. Механизм здесь типовой: текст, полученный в учебной ситуации, воспринимается как учебный материал, учебный материал — как изложение позиции преподавателя, изложение позиции — как позиция. Ни один переход не является сознательным решением; результатом становится ссылка, которую невозможно проверить.

4. Случай Б: тот же источник в документе, опровергающем методику

4.1. Совпадение источниковой базы

Информационное письмо [2] разбирает монографию [1] и признаёт описанный в ней подход научно необоснованным. В обоснование приводятся, в частности, цитаты из книги, сопровождаемые указанием на характер привлекаемых её авторами источников. Две такие цитаты воспроизводят высказывания того же лица, что и в разделе 3.

Первая — положение о связи служебного положения и лексикона — приводится со ссылкой на «курс лекций» 2011 г. Вторая — фрагмент о сказочном персонаже, у которого при произнесении неправды удлинялся нос, — со ссылкой на материалы екатеринбургского семинара 15–17 июня 2012 г., то есть на позицию № 30 списка литературы документа А.

Таким образом, документ, опровергающий методику, и документ, её обосновывающий, опираются в соответствующей части на один и тот же текст. Ни один из них не устанавливает его статуса. Различие между документами состоит в направлении вывода, а не в качестве источниковедческой работы.

Обстоятельство это заслуживает фиксации именно потому, что письмо предъявляет оппонентам претензию некритичного обращения с источниками — и в том же разделе воспроизводит источник, статус которого не проверен. Библиографические признаки, перечисленные в разделе 3.1 (отсутствие издательства, указание на материалы семинара), были доступны авторам письма в том же объёме, что и авторам монографии, поскольку письмо цитирует источник с полными выходными данными.

4.2. Квалификация автора как аргумент

Итоговая формулировка письма в этой части состоит в том, что авторы монографии «неоднократно не только ссылаются, но и обширно цитируют практиков из среды предпринимателей, что вызывает большие сомнения в научной обоснованности предлагаемых ими методов экспертного исследования».

Здесь совершается переход, требующий отдельного разбора. Из того, что автор цитируемого положения занят практической деятельностью вне научного учреждения, выводится сомнение в научной обоснованности положения. Логическая форма этого перехода известна как генетическая ошибка (genetic fallacy) — оценка утверждения по его происхождению, а не по его содержанию и обоснованию; в применении к лицу она описывается как обстоятельственный вариант аргумента к человеку [11]. Утверждение не становится ложным оттого, что его высказал практик, и не становится истинным оттого, что его высказал сотрудник института.

Существенно, что корректный аргумент в данном случае был доступен и не потребовал бы обращения к роду занятий цитируемого лица. Достаточно было указать: положение введено через источник, не являющийся научной публикацией; следовательно, оно не обосновано. Этот аргумент сильнее приведённого, поскольку не зависит от статуса автора и не опровергается предъявлением его публикаций. Замена его на аргумент от рода занятий ослабила позицию письма в том самом пункте, где она могла быть неуязвимой.

Отметим также, что квалификация вынесена без обращения к текстам, которые цитируемое лицо действительно подготовило и подписало. За четырнадцать лет ни авторы монографии, ни авторы письма не обращались к нему с запросом о статусе цитируемых материалов, хотя в первом случае

один из экспертов располагал документом, прямо связывающим его с источником (раздел 3.4).

4.3. Асимметрия требований как самостоятельная проблема

Ситуация, в которой требование верификации источников предъявляется оппоненту и не применяется к себе, имеет следствие, выходящее за пределы данного случая. Требование, применяемое избирательно, перестаёт быть методологическим и становится риторическим: оно уже не отделяет обоснованное от необоснованного, а лишь маркирует принадлежность. Практическое последствие для экспертной практики состоит в том, что рецензия на заключение, построенная по такому принципу, не даёт суду того, ради чего она назначается, — независимой проверки обоснованности.

5. Внутреннее противоречие методики: весовой вклад критериев

Настоящий раздел не связан с вопросом об источниках и разбирается независимо; он обнаруживается внутри документа А без привлечения внешних материалов.

5.1. Требование, сформулированное авторами

На с. 138 монографии [1] авторы разбирают методику другого исследователя и формулируют претензию: её недостатком является отсутствие обоснования весового коэффициента каждого отдельного критерия, вследствие чего суммарные показатели признаются необоснованными и вызывающими сомнения. На с. 108 те же авторы констатируют, что весовой вклад отдельных критериев не определён.

Претензия сформулирована корректно. Суммирование разнородных признаков в единый показатель предполагает решение о том, в какой мере каждый признак вносит вклад в итог; пока это решение не принято и не обосновано, сумма не интерпретируема.

5.2. Та же операция в собственном заключении

В приложенном заключении итог выражен следующим образом: показания «на 85 % не соответствуют критериям психологической достоверности»; далее приводятся значения 87,5 % и 88,9 %.

Способ получения этих величин восстанавливается по тексту: из девятнадцати критериев подсчитывается число присутствующих и отсутствующих, отношение переводится в проценты. Весовые коэффициенты не вводятся. Это в точности та операция, которая на с. 138 признана необоснованной, и она произведена при прямо констатированной на с. 108 неопределённости весового вклада.

Разность между 85 % и 87,5 % соответствует одному критерию из девятнадцати. Чтобы эта разность несла информацию, требуется допущение о равенстве вкладов всех критериев — например, о том, что логическая структура изложения и наличие извинения в адрес обвиняемого вносят в оценку одинаковый вклад. Такое допущение в тексте не сформулировано и не обосновано.

5.3. Условия допустимости равновзвешенного суммирования

Замечание требует уточнения, без которого критика была бы неточной. Равновзвешенное (единичное) суммирование предикторов не является само по себе методологическим дефектом: Р. Доуз показал [12], что «неправильные» линейные модели с единичными весами нередко превосходят как клиническое суждение, так и модели с оптимизированными весами, поскольку устойчивее к особенностям выборки. Однако результат Доуза получен при выполнении условий, каждое из которых существенно: предикторы отобраны как валидные относительно внешнего критерия; направление связи каждого предиктора с критерием установлено заранее; переменные приведены к сопоставимой шкале; модель проверена на данных с известным критерием.

Ни одно из этих условий в рассматриваемом случае не выполнено. Внешний критерий (установленная процессуальным путём достоверность показаний) в основании методики не использован, валидность отдельных критериев относительно него не измерена, направление и величина связи не установлены. При невыполненных условиях единичное взвешивание перестаёт быть допустимым упрощением и становится необоснованным допущением — что и зафиксировано самими авторами применительно к чужой методике.

5.4. Ложная точность и её процессуальное следствие

Отдельную проблему составляет форма представления результата. Величина, полученная делением целых чисел, не имеющих установленного веса, выражена с точностью до десятых долей процента. Такая запись сообщает читателю о точности измерения то, чего процедура не обеспечивает.

Процессуальное следствие существенно. Суд не обязан быть психологом и оценивает заключение по его внешним признакам обоснованности, руководствуясь общими правилами оценки доказательств [18]. Числовое выражение с десятичным знаком читается как результат измерения, а не как доля отмеченных пунктов перечня. При этом сам перечень, из которого получена доля, включает — как показано в разделе 3.3 — позиции, восходящие к неавторизованному источнику.

Обе проблемы соединяются в одной точке: количественная форма придаёт видимость точности содержанию, обоснованность которого не установлена.

Констатация не предполагает недобросовестности. Она фиксирует типовой механизм: числовой показатель воспринимается как более убедительный, чем словесная оценка, и потому вводится там, где основания для его вычисления отсутствуют.

6. Позиция цитируемого лица

Настоящий раздел изложен от первого лица, поскольку содержит фактическую справку о содержании устного выступления и о позиции, которую автор считает своей. Он вынесен из основного анализа сознательно: приведённые в разделах 3–5 наблюдения не зависят от того, верны ли приписанные мне положения.

6.1. О прикосновении к носу

Прикосновение к лицу и носу при стрессе имеет физиологическое объяснение: при выбросе катехоламинов изменяется кровенаполнение слизистой оболочки, возникает зуд, и человек непроизвольно тянется к лицу. Механизм описан и не является предметом спора.

Механизм, однако, не есть признак лжи. Прикосновение к носу само по себе не свидетельствует ни о лжи, ни о правдивости. Оно приобретает значение для специалиста лишь в соотнесении с базовой линией поведения конкретного человека и с содержанием обсуждаемого. Изолированного телесного маркера обмана не существует; это положение я излагаю на протяжении двадцати лет, и оно совпадает с состоянием эмпирической литературы [9; 10; 13].

Слово «синдром» в устном выступлении употреблено иронически — как обозначение распространённого заблуждения, а не как термин. В письменном научном тексте оно читается как термин. Расхождение между двумя прочтениями и составляет содержание проблемы, разбираемой в разделе 2.2.

6.2. О ключах глазного доступа

Поскольку окуломоторные «ключи глазного доступа» регулярно относят к рассматриваемой области, фиксирую позицию: я считаю их неработающими. Исследование Р. Уайзмана с соавторами [14], включавшее три эксперимента, не подтвердило связи направления взгляда с обманом ни в одном из них. По этому пункту моя позиция и позиция авторов информационного письма совпадают полностью.

Работа с достоверностью сообщаемой информации, которую я считаю обоснованной, опирается не на построения нейролингвистического программирования, а на представление о системном строении высших психических функций [15]: изменения речевой продукции и мимики рассматриваются как реакция на значимый стимул. В этой рамке «правда» и «ложь» не являются измеряемыми величинами; измеряется значимость стимула для конкретного лица и отклонение от его индивидуальной базовой линии. Развёрнуто эта позиция изложена в отдельной работе [16].

6.3. О выводе информационного письма

Основной вывод документа Б я разделяю. Установление достоверности показаний путём назначения судебной экспертизы на строго научной основе в настоящее время невозможно. Изолированных признаков лжи не существует; поведенческие корреляты не дают основания для вывода о правдивости; представление оценки достоверности в качестве экспертного заключения вводит суд в заблуждение и вторгается в компетенцию суда.

Предметом настоящей статьи является не этот вывод, а способ, которым он получен в разобранной части. Правильность вывода не сообщает правильности процедуре его получения. Это положение справедливо для экспертного заключения — и в той же мере справедливо для документа, который такое заключение критикует.

7. Обсуждение

Разобранный случай допускает обобщение в трёх направлениях.

Первое: симметричность требования. Обе стороны совершили одну и ту же операцию — использовали текст, не установив его статуса, и построили на нём утверждение. Одна сторона обосновывала методику, другая дискредитировала её источник. Совпадение операции при противоположности целей указывает на то, что причина лежит не в позиции сторон, а в отсутствии процедуры. Требование верификации источника, применяемое только к оппоненту, не выполняет своей функции; оно должно быть встроено в работу с собственным текстом.

Второе: механизм повышения статуса текста. Случай демонстрирует последовательность, в которой каждый шаг обратим, а результат — нет: устное высказывание → расшифровка третьим лицом → печатное издание → библиографическое описание → позиция в списке литературы → сноска в содержательной части → элемент перечня признаков → основание вывода. Статус текста повышается не решением, а прохождением цепочки, в которой ни одно звено не помечено как требующее проверки. Единственная точка, где цепочка может быть прервана без потерь, — момент составления библиографической записи, поскольку именно там признаки статуса ещё видны.

Третье: цена ошибки в судебном контексте. В научной публикации некорректная ссылка

влечёт погрешность изложения. В экспертном заключении она входит в основание вывода о конкретном лице. В разобранном случае это лицо — несовершеннолетний потерпевший по делу о преступлении против половой неприкосновенности. Различие в цене ошибки требует различия в строгости проверки, а не наоборот.

Ограничения настоящей работы очевидны и должны быть названы. Разобран единичный случай; статистических обобщений о распространённости описанной практики он не позволяет. Автор является лицом, чьи высказывания цитируются в обоих документах, и это обстоятельство зафиксировано в декларации конфликта интересов. Наконец, работа не оценивает документ А в целом и не касается тех его частей, которые не связаны с разобранными ссылками.

8. Практические следствия: протокол источниковедческой проверки

Из разобранного случая следует практическая процедура, не требующая ни дополнительных ресурсов, ни специальной квалификации. Она применима эксперту при подготовке заключения, рецензенту при его оценке и участнику процесса при заявлении ходатайства (табл. 3).

Таблица 3. Протокол проверки источника, положенного в основание содержательного положения

Шаг	Проверяемое обстоятельство	Признак несоответствия	Действие при несоответствии
1	Наличие выходных данных	Отсутствуют издательство, год, ISBN, сведения о рецензировании	Не использовать как обоснование
2	Жанр издания	«Материалы семинара», «тренинг», «курс лекций», «раздаточный материал», «расшифровка выступления»	Не использовать как изложение научной позиции
3	Наличие авторской подготовки	Издание подготовлено третьим лицом; сведения об авторской редактуре отсутствуют	Указать статус либо отказаться от ссылки
4	Совпадение с корпусом работ автора	Названного текста нет в списке публикаций автора	Проверить, обратиться к автору за подтверждением
5	Первоисточник положения	Положение имеет самостоятельный первоисточник, не указанный в ссылке	Сослаться на первоисточник и на его критику
6	Функция положения в источнике	В источнике положение является иллюстрацией, метафорой, оговоркой	Не переносить в статус признака или критерия
7	Роль положения в выводе	Положение входит в основание вывода о конкретном лице	Требования 1–6 применяются в полном объёме без исключений

Шаги 1–3 выполняются по одной библиографической записи и занимают минуты. В разобранном случае шага 2 было бы достаточно: описание источника содержало слова «материалы семинара-тренинга».

Отдельно отметим шаг 4 в его простейшей форме: обращение к автору цитируемого текста с вопросом о статусе издания. За четырнадцать лет такое обращение не было сделано ни одной из сторон, при том, что контактные сведения цитируемого лица не составляли тайны и один из экспертов располагал выданным им документом.

Заключение

Разобранный случай представляет собой не спор о приоритете и не эпизод профессиональной полемики, а документированную иллюстрацию отказа элементарной процедуры.

Неавторизованная расшифровка устного практического семинара получила в 2016 г. статус научного источника в двух документах противоположной направленности одновременно. В первом она обосновывает содержательные положения экспертного заключения, включая перечень

признаков, по которым оценивалось психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего потерпевшего; учебная метафора получила при этом функцию признака. Во втором она служит основанием квалификации цитируемого лица, вынесенной в форме генетической ошибки. Ни один из этих результатов не потребовал недобросовестности: достаточно было не проверить статус источника, признаки которого содержались в самой библиографической записи.

Независимо от вопроса об источниках в документе А обнаруживается внутреннее противоречие: требование обоснования весового вклада критериев, предъявленное авторами чужой методике, не выполнено в их собственном заключении, где итог выражен процентами с десятичным знаком при прямо констатированной неопределённости весов.

Основной вывод информационного письма — о невозможности установления достоверности показаний путём судебной экспертизы на строго научной основе — автором настоящей статьи разделяется. Критике подвергнут не вывод, а способ его получения в разобранной части. Правильный вывод не сообщает правильности процедуре, которой он получен; для документа, чьим центральным требованием к другим является научная обоснованность, это положение имеет силу в первую очередь.

Требование проверять статус источника не является привилегией одной из сторон и не относится к области профессионального этикета. Оно есть элемент научной обоснованности в том значении, которое придаёт этому понятию ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ, и предъявляется в равной мере к тому, кто на источник опирается, и к тому, кто с его помощью опровергает. Как только оно начинает применяться избирательно, проверка обоснованности замещается спором о принадлежности, а суд лишается того, ради чего экспертиза и её рецензирование существуют.

Список литературы:

[1] Енгалычев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 328 с.

[2] Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы»: утв. научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15.06.2016) и учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20.06.2016) // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 3 (43). — С. 64-73.

[3] Томашевский Б. В. Писатель и книга: очерк текстологии. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1959. — 280 с.

[4] Лихачёв Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — 2-е изд. — Л.: Наука, 1983. — 639 с.

[5] Рейсер С. А. Основы текстологии. — 2-е изд. — Л.: Просвещение, 1978. — 176 с.

[6] Спирица Е.В. Профайлинг: разграничение предметных областей и пределов обоснованного вывода // Международный научный вестник. — № 10. —2026. — С. 298-208.

[7] Mehrabian A., Ferris S. R. Inference of Attitudes from Nonverbal Communication in Two Channels // Journal of Consulting Psychology. — 1967. — Vol. 31, no. 3. — P. 248–252.

[8] Hirsch A. R., Wolf C. J. Practical Methods for Detecting Mendacity: A Case Study // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. — 2001. — Vol. 29, no. 4. — P. 438–444.

[9] DePaulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E., Muhlenbruck L., Charlton K., Cooper H. Cues to Deception // Psychological Bulletin. — 2003. — Vol. 129, no. 1. — P. 74–118.

[10] Luke T. J. Lessons From Pinocchio: Cues to Deception May Be Highly Exaggerated // Perspectives on Psychological Science. — 2019. — Vol. 14, no. 4. — P. 646–671.

[11] Walton D. Ad Hominem Arguments. — Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1998. — 336 p.

[12] Dawes R. M. The Robust Beauty of Improper Linear Models in Decision Making // American Psychologist. — 1979. — Vol. 34, no. 7. — P. 571–582.

[13] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[14] Wiseman R., Watt C., ten Brinke L., Porter S., Couper S.-L., Rankin C. The Eyes Don't Have It: Lie Detection and Neuro-Linguistic Programming // PLoS ONE. — 2012. — Vol. 7, no. 7. — e40259.

[15] Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. — М.: Педагогика, 1983. — 1136 с.

[16] Спирица Е.В. Язык без речи: навык как пропущенное звено между схемой и опытом в подготовке профайлеров. // Российский научный вестник. — № 10. — 2026. — С. 292-299.

[17] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Феде-

ральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ст. 8, 25). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 07.09.2026).

[18] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 74, 84, 204; глава 27). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 07.09.2026).

References:

[1] Engalychev V. F., Kravtsova G. K., Kholopova E. N. Forensic Psychological Expertise for Identifying Indicators of the Credibility/Lack of Credibility of Information Provided by Participants in Criminal Proceedings (Based on Video Recordings of Investigative Actions and Operational-Search Activities): A Monograph. — Moscow: Yurlitinform, 2016. — 328 p.

[2] Information Letter "On the Inadmissibility of Determining the Credibility of Testimony via Forensic Expertise," approved by the Scientific-Methodological Council of the Federal Budgetary Institution "Russian Federal Centre of Forensic Science" under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Minutes No. 6 dated June 15, 2016) and the Academic Council of the Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology named after V. P. Serbsky of the Ministry of Health of the Russian Federation (Minutes No. 7 dated June 20, 2016) // Theory and Practice of Forensic Science. — 2016. — No. 3 (43). — pp. 64–73.

[3] Tomashevsky B. V. The Writer and the Book: An Essay on Textology. — 2nd ed. — Moscow: Iskusstvo, 1959. — 280 p.

[4] Likhachev D. S. Textology: Based on Russian Literature of the 10th–17th Centuries. — 2nd ed. — Leningrad: Nauka, 1983. — 639 p.

[5] Reiser S. A. Fundamentals of Textology. — 2nd ed. — Leningrad: Prosveshcheniye, 1978. — 176 p.

[6] Spiritsa E. V. Profiling: delimitation of subject areas and limits of reasonable conclusion // International Scientific Bulletin. — No. 10. —2026. — pp. 298-208.

[7] Mehrabian A., Ferris S. R. Inference of Attitudes from Nonverbal Communication in Two Channels // Journal of Consulting Psychology. - 1967. - Vol. 31, no. 3. - P. 248–252.

[8] Hirsch A. R., Wolf C. J. Practical Methods for Detecting Mendacity: A Case Study // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. - 2001. - Vol. 29, no. 4. - P. 438–444.

[9] DePaulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E., Muhlenbruck L., Charlton K., Cooper H. Cues to Deception // Psychological Bulletin. - 2003. - Vol. 129, no. 1. - P. 74–118.

[10] Luke T. J. Lessons From Pinocchio: Cues to Deception May Be Highly Exaggerated // Perspectives on Psychological Science. — 2019. — Vol. 14, no. 4. - P. 646–671.

[11] Walton D. Ad Hominem Arguments. — Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1998. — 336 p.

[12] Dawes R. M. The Robust Beauty of Improper Linear Models in Decision Making // American Psychologist. - 1979. - Vol. 34, no. 7. - P. 571–582.

[13] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[14] Wiseman R., Watt C., ten Brinke L., Porter S., Couper S.-L., Rankin C. The Eyes Don't Have It: Lie Detection and Neuro-Linguistic Programming // PLoS ONE. — 2012. — Vol. 7, no. 7. — e40259.

[15] Vygotsky L. S. The History of the Development of Higher Mental Functions // Collected Works: in 6 vols. Vol. 3. — Moscow: Pedagogika, 1983. — 1136 p.

[16] Spiritsa E. V. Language Without Speech: Skill as a Missing Link Between Schema and Experience in the Training of Profilers // Russian Scientific Bulletin. — No. 10. — 2026. — P. 292–299.

[17] On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation: Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (Arts. 8, 25) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (accessed: 07.09.2026).

[18] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Arts. 74, 84, 204; Chapter 27) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 07.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-568-573

ЭЛЬМУРЗАЕВ Асолтан Валерьевич,
соавтор, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и процесса
Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии
Е.Н. Зиничева,
e-mail: elmurzaev.78@mail.ru

МИХЕЕВ Андрей Алексеевич,
научный исследователь,
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии
Е.Н. Зиничева,
e-mail: miheev.andrey2004@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В МЕХАНИЗМЕ РЕГИСТРАЦИИ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

Аннотация. *В статье исследуются особенности государственной регистрации прав на недвижимое имущество в случаях, когда основанием регистрационных действий является вступившее в законную силу судебное решение. Особое внимание уделяется отношениям общей долевой собственности, включая изменение размера долей, прекращение права одного участника, возникновение или подтверждение права другого лица, а также раздел общего имущества. Анализируется соотношение общих правил государственной регистрации и специальных положений Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Обосновывается вывод о том, что основные сложности правоприменения связаны не с отсутствием правового механизма, а с необходимостью последовательного разграничения общих и специальных норм при регистрации результатов судебного разрешения спора. Предлагаются направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *судебное решение, государственная регистрация недвижимости, ЕГРН, общая долевая собственность, государственный регистратор, Росреестр, раздел имущества, изменение долей, регистрация права, судебная защита.*

Для цитирования: *Эльмурзаев А. В., Михеев А. А. Проблемные аспекты исполнения судебных постановлений в механизме регистрации общей долевой собственности на недвижимость // Образование и право. 2026. № 10. С. 568–573.*

ELMURZAEV Asoltan Valeryevich,
Co-author, PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Administrative Law and Procedure,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

MIKHEEV Andrey Alekseevich,
Researcher,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

PROBLEMATIC ASPECTS OF ENFORCING JUDICIAL DECISIONS WITHIN THE MECHANISM OF REGISTRATION OF COMMON SHARED OWNERSHIP OF REAL ESTATE

Annotation. *The article examines the specific features of state registration of rights to real estate where a final court judgment serves as the basis for registration. Particular attention is paid to common shared ownership, including changes in ownership shares, termination of one person's right, emergence or confirmation of another person's right, and division of common property. The study analyzes the relationship between the general rules of state registration and the special provisions of Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015, "On State Registration of Real Estate." It is argued that the main difficulties in law enforcement are connected not with the absence of a legal mechanism, but with the need to distinguish consistently between general and special statutory provisions when registering the results of judicial resolution of disputes. Directions for improving legislation and law enforcement practice are proposed.*

Key words: *court judgment, state registration of real estate, Unified State Register of Real Estate, common shared ownership, state registrar, Rosreestr, division of property, modification of ownership shares, registration of rights, judicial protection.*

For citation: *Elmurzaev A. V., Mikheev A. A. Problematic aspects of enforcing judicial decisions within the mechanism of registration of common shared ownership of real estate. Education and law. 2026;(10):568–573. (In Russ.).*

Введение

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество обеспечивает определенность гражданского оборота и позволяет фиксировать в Едином государственном реестре недвижимости сведения о зарегистрированных правах и их обладателях. Особое значение регистрационная процедура приобретает в случаях, когда основанием для ее осуществления является вступившее в законную силу судебное решение.

В соответствии с частью 2 статьи 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации вступившие в законную силу судебные постановления обязательны для органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. [7] Пункт 5 части 2 статьи 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» относит вступившие в законную силу судебные акты к основаниям для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав. [8, п. 5 ч. 2 ст. 14]

Наиболее сложные вопросы возникают при регистрации прав, затрагивающих нескольких участников общей долевой собственности. Судебное решение может изменить размер долей, прекратить право одного участника, установить право другого лица либо повлечь прекращение общей собственности в результате раздела имущества.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью правильного определения порядка регистрации таких последствий. Ошибочное применение общих правил вместо специальных норм может привести как к необоснованному требованию заявлений всех участников, так и к осуществлению регистрационного действия без предусмотренных законом условий.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей государственной регистрации прав на недвижимое имущество, установленных вступившим в законную силу судебным решением, применительно к общей долевой собственности. Методологическую основу составили формально-юридический и системный методы.

1. Судебное решение как основание государственной регистрации

Судебное решение и государственная регистрация выполняют различные функции. Суд разрешает спор и устанавливает юридическое содержание правоотношения, тогда как орган регистрации прав отражает установленное судом положе-

ние в ЕГРН в предусмотренном законом порядке.

Согласно статье 58 Федерального закона № 218-ФЗ государственный кадастровый учет и (или) государственная регистрация прав на недвижимое имущество на основании решения суда осуществляются в соответствии с указанным Федеральным законом. [8, ч. 1 ст. 58] Следовательно, наличие вступившего в законную силу судебного акта не устраняет регистрационную процедуру, но определяет ее правовое основание.

Государственный регистратор не должен повторно разрешать спор о праве, рассмотренный судом. Вместе с тем при осуществлении государственной регистрации проверяются представленные документы, их соответствие установленным законом требованиям, а также наличие предусмотренных законом оснований и условий для осуществления регистрационных действий. [8, ст. 29]

Таким образом, регистрационная процедура должна обеспечивать реализацию судебного решения, не превращаясь при этом в повторное рассмотрение спора.

2. Общая долевая собственность и изменение размера долей

Общие правила обращения за государственной регистрацией установлены статьей 15 Федерального закона № 218-ФЗ. [8, ст. 15] Однако при регистрации прав общей собственности необходимо учитывать специальные положения статьи 42 указанного Закона.

Часть 2 статьи 42 предусматривает, что внесение изменений в Единый государственный реестр недвижимости в части размера долей в праве общей собственности осуществляется по заявлению всех участников долевой собственности, чьи доли в праве общей собственности изменяются, на основании документа, содержащего сведения о размере долей. Вместе с тем законодатель установил специальное правило: если изменение размера долей осуществлено вступившим в законную силу решением суда, с заявлением о внесении изменений в Единый государственный реестр недвижимости в части размера долей в праве общей долевой собственности может обратиться один из участников долевой собственности. [8, ч. 2 ст. 42]

Данная норма имеет принципиальное значение для регистрации результатов судебного разрешения спора. Если суд перераспределил доли между уже существующими участниками общей собственности, применение общего требования об обращении всех участников не требуется, поскольку часть 2 статьи 42 предусматривает специальное правило для изменения размера долей на основании вступившего в законную силу решения суда.

Следовательно, при изменении размера долей необходимо прежде всего определить основание такого изменения. Если оно возникло из соглашения участников, применяются соответствующие общие правила. Если же размер долей изменен вступившим в законную силу судебным решением, применяется специальное правило части 2 статьи 42 Федерального закона № 218-ФЗ.

3. Прекращение права одного лица и возникновение права другого

Изменение размера долей необходимо отличать от изменения состава правообладателей.

Часть 3 статьи 58 Федерального закона № 218-ФЗ предусматривает специальный порядок в случае, когда решением суда предусмотрено прекращение права на недвижимое имущество у одного лица либо установлено отсутствие у него права на недвижимое имущество и одновременно предусмотрено возникновение этого права у другого лица либо установлено наличие права у такого другого лица. [8, ч. 3 ст. 58] В этом случае государственная регистрация прав на основании решения суда может осуществляться по заявлению лица, у которого право возникает на основании решения суда либо право которого подтверждено решением суда. При этом заявление лица, чье право прекращается или признано отсутствующим, не требуется в предусмотренном законом случае.

Таким образом, статья 42 и часть 3 статьи 58 регулируют различные, хотя и взаимосвязанные ситуации. Первая направлена на изменение размера долей в существующем праве общей собственности, вторая — на регистрацию юридического результата, связанного с прекращением или отсутствием права одного лица и возникновением либо подтверждением права другого.

Особое значение это имеет при рассмотрении дел о разделе общего имущества. Результатом судебного решения может быть как изменение размера долей, так и прекращение общей собственности с возникновением самостоятельных прав на соответствующие объекты. Поэтому порядок регистрации должен определяться исходя из содержания судебного акта и конкретного юридического результата, установленного судом.

4. Значение резолютивной части судебного решения

Для реализации судебного решения в регистрационной процедуре существенное значение имеет содержание его резолютивной части. Документ, являющийся основанием для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, должен содержать информацию, необходимую для соответствующих регистрационных действий. [8, ч. 1 ст. 21]

Особенно важно это при разрешении споров об общей долевой собственности. Если судебный акт устанавливает права на недвижимое имущество, его содержание должно позволять определить объект недвижимости, право, его носителя и юридический результат, подлежащий отражению в ЕГРН.

Поэтому при рассмотрении споров о правах на недвижимое имущество суду необходимо формулировать юридический результат таким образом, чтобы после вступления решения в законную силу он мог быть реализован в установленном законом порядке.

При этом орган регистрации прав не вправе подменять суд и самостоятельно определять содержание установленного судом права. Его деятельность осуществляется в рамках предусмотренной законом процедуры государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав.

5. Нотариальная форма сделок и судебные решения

Отдельного разграничения требует применение правил о нотариальной форме сделок с долями.

Часть 1.1 статьи 42 Федерального закона № 218-ФЗ устанавливает обязательность нотариального удостоверения сделок по отчуждению или договоров ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество, за исключением предусмотренных законом случаев. [8, Ч. 1.1 ст. 42] Данное правило относится к сделкам и не устанавливает требования к судебным решениям как к самостоятельному основанию государственной регистрации.

Сделка и судебный акт имеют различную юридическую природу. В первом случае изменение права является результатом гражданско-правового волеизъявления участников, во втором — результатом разрешения спора судом.

Следовательно, если право непосредственно установлено или изменено вступившим в законную силу судебным решением, само по себе

правило о нотариальном удостоверении сделок с долями не означает необходимости заключения сторонами дополнительной гражданско-правовой сделки для реализации судебного решения.

Если же после судебного разбирательства стороны самостоятельно заключают сделку, такая сделка должна соответствовать установленным законодательством требованиям к ее форме и содержанию.

6. Соотношение общих и специальных норм

Проведенный анализ показывает, что статьи 15, 42 и 58 Федерального закона № 218-ФЗ должны применяться системно.

Статья 15 устанавливает общие правила определения лиц, по заявлениям которых осуществляются государственный кадастровый учет и государственная регистрация прав. [8, ст. 15, ч. 2 ст. 42] Статья 42 содержит специальные правила регистрации права общей собственности, в том числе изменения размера долей по вступившему в законную силу решению суда. [8, ч. 2 ст. 42] Статья 58 регулирует особенности государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на основании решения суда, в том числе устанавливает специальное правило для случаев прекращения или отсутствия права одного лица при возникновении либо подтверждении права другого. [8, ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 58]

Поэтому общая норма статьи 15 не должна применяться изолированно от специальных положений. Если судебным решением изменен только размер долей между существующими участниками, применяется часть 2 статьи 42. Если решение прекращает право одного лица или устанавливает отсутствие у него права и одновременно предусматривает возникновение либо наличие права другого лица, применяется специальное регулирование части 3 статьи 58.

Таким образом, ключевым критерием является не только наличие судебного решения, но и конкретное юридическое последствие, которое должно быть отражено в ЕГРН.

7. Направления совершенствования законодательства и практики

Действующее законодательство содержит специальные механизмы регистрации прав, установленных судебными решениями. В частности, часть 2 статьи 42 и часть 3 статьи 58 Федерального закона № 218-ФЗ уже предусматривают специальные правила для рассматриваемых ситуаций.

В связи с этим более целесообразным представляется обеспечение единообразного применения действующих норм. Определенное уточнение статьи 58 могло бы быть направлено на случаи, когда одно судебное решение одновременно изменяет размер долей, прекращает право одного лица и устанавливает возникновение либо подтверждение права другого.

В качестве возможного варианта уточнения можно предложить следующую формулировку:

«При государственной регистрации прав на основании вступившего в законную силу решения суда, предусматривающего одновременно изменение размера долей в праве общей долевой собственности, прекращение права одного лица и возникновение либо подтверждение права другого лица, применяются специальные правила, установленные статьей 42 и частью 3 настоящей

статьи».

Предлагаемое уточнение направлено не на создание нового основания государственной регистрации, а на обеспечение последовательного применения специальных положений в ситуациях, когда один судебный акт содержит несколько взаимосвязанных юридических последствий.

Не менее важным направлением является формирование единообразной судебной и административной практики и повышение точности формулировок судебных актов по спорам о недвижимости.

Заключение

Действующее законодательство предусматривает механизмы государственной регистрации прав на недвижимое имущество, установленных вступившими в законную силу судебными решениями.

Часть 2 статьи 42 Федерального закона № 218-ФЗ позволяет одному из участников долевой собственности обратиться за внесением изменений в ЕГРН в части размера долей, если соответствующее изменение произведено вступившим в законную силу решением суда. [8, ч. 2 ст. 42] Часть 3 статьи 58 регулирует случаи прекращения либо отсутствия права одного лица при возникновении или подтверждении права другого. [8, ч. 3 ст. 58]

Следовательно, при применении законодательства необходимо разграничивать общие и специальные нормы. Статья 15 должна применяться во взаимосвязи со специальными положениями статей 42 и 58 Федерального закона № 218-ФЗ.

Особое значение имеет содержание судебного решения. Точность определения объекта недвижимости, права, правообладателя, размера доли и иных юридических последствий позволяет определить содержание регистрационного действия, которое должно быть осуществлено на основании судебного акта.

Совершенствование правового регулирования целесообразно связывать преимущественно с устранением неопределенности при применении взаимосвязанных положений законодательства и формированием единообразной практики, а возможные законодательные изменения должны иметь уточняющий, а не дублирующий характер.

Список литературы:

[1] Алексеев В.А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 487 с.

[2] Лапаев И.С., Козлова Е.Н. Некоторые проблемные аспекты исполнения судебных актов в современной России // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 4 (28). С. 118–123.

[3] Мохов А.А., Воронцова И.В., Семёнова С.Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / отв. ред. А.А. Мохов. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2017. 384 с.

[4] Суханов Е.А. (отв. ред.). Гражданское право: учебник: в 4 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. Общая часть. М.: Статут, 2019. 576 с.

[5] Суханов Е.А. (отв. ред.). Гражданское право: учебник: в 4 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. М.: Статут, 2019. 464 с.

[6] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2020. 895 с.

[7] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 09.08.2026).

[8] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 09.08.2026).

References:

[1] Alekseev V.A. Real Estate Law of the Russian Federation: Concept and Types of Immovable Property — A Textbook for Higher Education Institutions. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Yurayt, 2022. 487 p.

[2] Lapaev I.S., Kozlova E.N. Certain Problematic Aspects of the Enforcement of Judicial Acts in Modern Russia // Science. Society. State. 2019. Vol. 7. No. 4 (28). pp. 118–123.

[3] Mokhov A.A., Vorontsova I.V., Semenova S.Yu. Civil Procedure (Civil Procedural Law) of Russia: A Textbook / Ed. by A.A. Mokhov. Moscow: Law Firm "Kontrakt", 2017. 384 p.

[4] Sukhanov E.A. (Ed.). Civil Law: A Textbook (in 4 volumes). 2nd ed., revised and supplemented. Vol. 1: General Part. Moscow: Statut, 2019. 576 p.

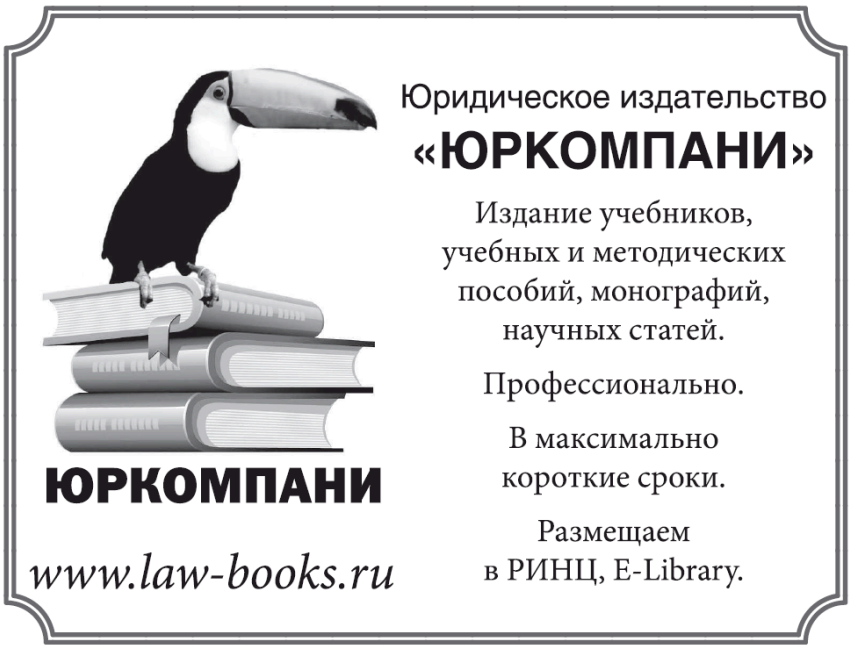
[5] Sukhanov E.A. (Ed.). Civil Law: A Textbook (in 4 volumes). 2nd ed., revised and supplemented. Vol. 2: Property Law; Inheritance Law; Intellectual Property Rights; Personal Non-Property Rights. Moscow: Statut, 2019. 464 p.

[6] Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law. Moscow: Statut, 2020. 895 p.

[7] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002. // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_39570/ (accessed: 09.08.2026).

[8] Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015, "On State Registration of Real Estate." // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (accessed: 09.08.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-574-577

ГОЛЕВ Игорь Борисович,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», магистрант кафедры гражданского права, e-mail: golevigor@mail.ru

ПРОБЛЕМА ДИСБАЛАНСА МЕЖДУ ОБЯЗАННОСТЯМИ И ПРАВАМИ АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУР, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Аннотация. *Автор настоящей статьи является действующим арбитражным управляющим. В статье анализируется дисбаланс между обязанностями и правами арбитражных управляющих. Актуальность темы обусловлена ростом числа дел о банкротстве, экономической значимостью института банкротства и социальными последствиями его неэффективности. Выявлены ключевые проблемы: недостаточные полномочия при обширных обязанностях, сложности с доступом к финансовой документации, зависимость финансирования от средств должника, высокая ответственность при ограниченной автономии, проблемы страхования и вознаграждения, поток необоснованных жалоб. Описаны последствия дисбаланса: повышенные риски для управляющих, снижение эффективности процедур банкротства. Предложены меры по совершенствованию законодательства – усиление полномочий управляющих, гарантирование минимального финансирования, упорядочение подачи жалоб. Реализация мер повысит эффективность института банкротства и стабильность экономики.*

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, проблема дисбаланса, банкротство, несостоятельность.*

Для цитирования: *Голев И. Б. Проблема дисбаланса между обязанностями и правами арбитражных управляющих при проведении процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) // Образование и право. 2026. № 10. С. 574–577.*

GOLEV Igor Borisovich,
Russian State University of Justice, Master's student of the Civil Law Department

THE ISSUE OF IMBALANCE BETWEEN THE DUTIES AND RIGHTS OF THE INSOLVENCY ADMINISTRATOR IN THE COURSE OF PROCEDURES APPLIED IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Annotation. *The article analyses the imbalance between the duties and rights of insolvency administrators. The topic is relevant due to the growing number of bankruptcy cases, the economic importance of the insolvency institution, and the social consequences of its inefficiency. Key issues include insufficient powers, limited access to financial documentation, funding dependence on the debtor's assets, high liability with limited autonomy, insurance and remuneration problems, and unsubstantiated complaints. Consequences are a reduced efficiency, and a shortage of qualified professionals. Proposed solutions: strengthening administrators' powers, guaranteeing minimum funding, streamlining complaints. These measures will enhance the insolvency framework's efficiency and economic stability.*

Key words: *insolvency administrator (practitioner), bankruptcy trustee, arbitration manager, bankruptcy, insolvency.*

For citation: *Golev I. B. The issue of imbalance between the duties and rights of the insolvency administrator in the course of procedures applied in insolvency (bankruptcy) cases. Education and law. 2026;(10):574–577. (In Russ.).*

Институт банкротства призван обеспечивать поддержание стабильности экономических отношений: он позволяет либо восстановить платёжеспособность проблемных предприятий, либо сформировать конкурсную массу и произвести погашение требований конкурсных кредиторов. В центре каждой процедуры банкротства находится арбитражный управляющий, от компетентности и эффективности действий которого напрямую зависят не только результаты дела о банкротстве, но и общее состояние деловой среды, инвестиционная привлекательность экономики страны.

Базовыми принципами деятельности арбитражных управляющих являются: деловая репутация; независимость; объективность; беспристрастность. Они в конечном счете должны послужить основой формирования профессиональной этики в среде арбитражных управляющих [1, с. 356].

Однако сегодня деятельность арбитражных управляющих осложняется системным дисбалансом между возлагаемыми на них обязанностями и предоставляемыми правами. Законодательство (прежде всего, Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] (далее – Закон о банкротстве)) наделяет управляющих обширным перечнем обязанностей, но не даёт инструменты для их реализации. Это создаёт серьёзные препятствия для эффективного проведения процедур банкротства и ставит под угрозу интересы всех участников процесса.

Анализ базовых элементов правового статуса арбитражного управляющего (п. 2 ст. 20, п. 2 ст. 20.2 Закона о банкротстве) позволяет сделать вывод, что арбитражный управляющий не принадлежит ни к категории предпринимателей, ни к категории работников по найму. В основе деятельности арбитражных управляющих лежит принцип саморегулирования.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 6 июня 2017 г. № 1167-0 по запросу Третьего арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности положений п. 3.1 ст. 14.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации сформировал позицию, согласно которой арбитражные управляющие имеют особый публично-правовой статус, предполагающий наделение их публичными функциями [6]. В настоящее время в статусе арбитражного управляющего преобладает целая система переданных ему публично-правовых функций и полномочий, составляющих основу его публично-правового статуса. Таким образом, арбитражного управляющего можно отнести к субъектам общего делегированного публичного управления [1, с. 339].

К практическим сложностям, с которыми сталкиваются управляющие, относятся: отсутствие эффективных механизмов истребования сведений и документов от госорганов и других лиц; высокая зависимость от финансирования процедур банкротства; неопределённость в вопросах вознаграждения и страхования; повышенный уровень ответственности.

Получение запрашиваемых управляющим сведений от регистрирующих госорганов и других лиц часто затягивается, при этом судебный механизм принуждения к предоставлению сведений неэффективен, привлечь к ответственности лиц, которые уклоняются от предоставления сведений, на практике сложно, что не позволяет управляющим в полной мере исполнять возложенные на них обязанности.

Текущие расходы на процедуры банкротства финансируются за счёт средств должника (ст. 20.6 Закона о банкротстве). При их отсутствии управляющий вынужден нести расходы за свой счёт либо рассчитывать на кредитора-заявителя (при его наличии), что создаёт для управляющего высокие финансовые риски и нередко приводит к получению им убытков. Финансовая зависимость от должника и отсутствие гарантированного финансирования ограничивают возможности управляющих.

Фиксированная часть вознаграждения арбитражного управляющего длительное время не индексируется и не сопоставима с обязанностями, возложенными на управляющего. Процентная часть вознаграждения зависит от размера выручки от реализации имущества должника, от объема погашения требований кредиторов и может быть снижена судом по ходатайству кредитора или должника. Сложившаяся неопределённость в вопросах, связанных с вознаграждением, снижает привлекательность профессии.

Страховые тарифы по страхованию ответственности управляющих не регулируются. В 2026 году стоимость страховки начинается от 100 тысяч рублей в год. При наличии повышенных страховых рисков стоимость может увеличиться в несколько раз. Конкуренция в сфере страхования ответственности арбитражных управляющих низкая, что даёт страховщикам возможность диктовать условия.

Основные проблемы страхования ответственности арбитражных управляющих в современных условиях можно раскрыть следующим образом: 1) существенное снижение количества страховщиков в сфере страхования ответственности арбитражных управляющих и ограничение возможности страхования в обществах взаимного страхования; 2) отсутствие нормативного закреп-

ления вмененного страхования как вида страхования; 3) отсутствие обязанности со стороны страховщиков заключать договоры страхования с арбитражными управляющими при наличии корреспондирующей обязанности заключить такой договор арбитражным управляющим для осуществления своей профессиональной деятельности; 4) непрозрачность механизма регулирования условий страхования и определении размера страховой премии для арбитражных управляющих; 5) существующая практика взыскания убытков с арбитражных управляющих при отсутствии нормативного ограничения по срокам [2, с. 31].

С целью оказания административного давления на управляющего, лица участвующие в деле, а также иные лица, злоупотребляя правом, имеют возможность подавать жалобы, содержащие недостоверные сведения, одновременно в арбитражный суд, в контролирующий орган, который рассматривает в том числе анонимные жалобы, в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих (СРО), в прокуратуру, в полицию. Жалобы ставят управляющего в положение «оправдывающегося», несмотря на отсутствие объективных оснований для их рассмотрения, при этом стоимость страхования ответственности для управляющего может увеличиться, а страховой тариф стать «заградительным». Поток необоснованных жалоб отвлекает управляющих от основной деятельности и увеличивает издержки.

Налицо обилие жалоб, из которых следует, что арбитражный управляющий, якобы, должен сделать для заявителя практически все, что угодно (только не на Луну полететь – на это пока не жаловались). Иногда жалобы содержат «крик души», мол, арбитражный управляющий просто бездействует, затягивает срок процедуры банкротства, да еще и требует чего-либо. Результат анализа таких жалоб очевиден [3, с. 34].

Арбитражные управляющие делились историями, когда десятки жалоб не подтверждались, но они понесли репутационные и финансовые потери, в том числе, – приведшие к увеличению страховой премии при заключении договоров обязательного страхования ответственности арбитражных управляющих [4, с. 13].

Решение обозначенных проблем имеет важное значение для повышения эффективности института банкротства в России, защиты прав кредиторов и должников, а также для создания благоприятных условий для профессиональной деятельности арбитражных управляющих.

В целях решения, обозначенных выше проблем, предлагается следующее.

1. Усилить полномочия арбитражного управляющего: открыть доступ к налоговой тайне, семейной тайне, кредитной истории, обработке персональных данных, ужесточить ответственность госорганов и других лиц за непредоставление непосредственно управляющему сведений и документов.

2. Гарантировать финансирование текущих расходов на проведение процедур банкротства: предусмотреть авансирование расходов за счёт внесения заявителем по делу о банкротстве денежных средств в размере, достаточном для опубликования сведений по делу, отправки запросов, уплаты госпошлин, организации собраний кредиторов и торгов в депозит арбитражного суда.

3. Упорядочить и сделать последовательной процедуру подачи жалоб на действия управляющего (первая инстанция – СРО, вторая инстанция – контролирующий госорган, третья инстанция – арбитражный суд).

4. Организовать систему страхования профессиональной ответственности с регулируемыми тарифами; законодательно закрепить механизмы возмещения дополнительных расходов на страхование при необоснованных жалобах.

Проведённый анализ проблемы дисбаланса между обязанностями и правами арбитражного управляющего при проведении процедур банкротства наглядно демонстрирует, что существующее правовое положение управляющих создаёт серьёзные препятствия для эффективного функционирования института несостоятельности в России.

Предложенные пути решения направлены на комплексное устранение дисбаланса. Реализация этих мер позволит: повысить эффективность процедур банкротства; обеспечить наиболее полное удовлетворение требований кредиторов; создать условия для восстановления платёжеспособности предприятий, когда это возможно; улучшить качество работы арбитражных управляющих за счёт снижения административной нагрузки; снизить риски и повысить привлекательность профессии арбитражного управляющего; укрепить доверие к институту банкротства со стороны бизнеса и общества.

Таким образом, решение проблемы дисбаланса – не просто вопрос улучшения правового статуса арбитражных управляющих, а необходимое условие для повышения эффективности сферы банкротства в России. Совершенствование законодательства в предложенном направлении будет способствовать созданию более справедливого, прозрачного и результативного механизма регулирования кризисных ситуаций на предприятиях, что отвечает интересам всех участников экономических отношений и способствует укреплению стабильности гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019. – 925 с.

[2] Механизм распределения рисков при страховании ответственности АУ // Арбитражный управляющий. 2025. № 1 (134). С. 31 – 33.

[3] Рассмотрение обращений в отношении арбитражных управляющих // Арбитражный управляющий. 2025. № 1 (134). С. 34 – 38.

[4] Эффективны ли жалобы и контроль // Арбитражный управляющий. 2025. № 5 (138). С. 7 – 14. Текст предоставлен оргкомитетом конгресса «Антикризисное управление – без границ».

[5] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 09.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru: (дата обращения: 29.05.2026).

[6] Официальный сайт Конституционного Суда РФ // Решения Конституционного Суда РФ. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision276681.pdf (дата обращения: 17.08.2026).

References:

[1] Insolvency (Bankruptcy): A Course of Study. In 2 volumes / Ed. by S.A. Karelina, Doctor of Law, Professor. Vol. 1. – Moscow: Statut, 2019. – 925 p.

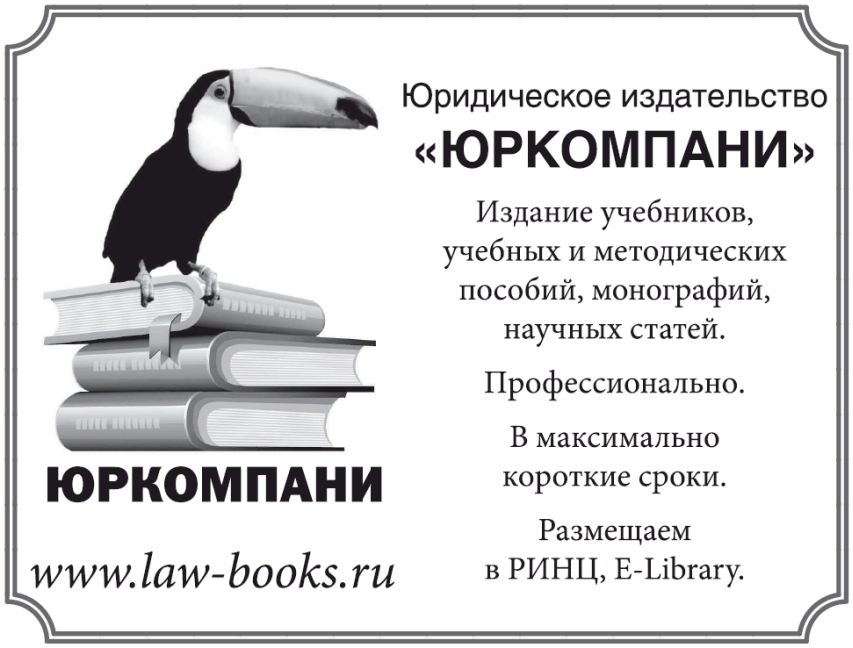
[2] Risk Distribution Mechanism in Liability Insurance for Arbitration Managers // Arbitration Manager. 2025. No. 1 (134). pp. 31–33.

[3] Review of Complaints Regarding Arbitration Managers // Arbitration Manager. 2025. No. 1 (134). pp. 34–38.

[4] Are Complaints and Oversight Effective? // Arbitration Manager. 2025. No. 5 (138). pp. 7–14. Text provided by the organizing committee of the "Crisis Management Without Borders" congress.

[5] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended on April 9, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (accessed: May 29, 2026).

[6] Official Website of the Constitutional Court of the Russian Federation // Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision276681.pdf (accessed: August 17, 2026).



ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.08.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-578-586
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», тел.: 89164735476, e-mail: Ivanovasa1@yandex.ru

КОНДРАТЮК Диана Лукинична,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданское право и процесс, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», тел.: 8 (978) 7389379, e-mail: kondratuk@inbox.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена системному анализу правовых проблем, возникающих при наследовании имущественных и корпоративных прав, связанных с участием гражданина в корпоративной организации. Особое внимание уделено коллизии между универсальным наследственным правопреемством и принципом автономии воли участников корпорации, правовому положению пережившего супруга, временному управлению наследственной долей, толкованию уставных ограничений, выбору надлежащего способа судебной защиты и определению действительной стоимости доли. Предлагается нормативно разграничить наследование имущественной составляющей участия и возникновение корпоративного членства, урегулировать промежуточный статус наследников и доверительного управляющего, а также унифицировать требования к уставным ограничениям и оценке наследуемого корпоративного актива.*

Ключевые слова: *наследование; корпоративные права; корпорация; общество с ограниченной ответственностью; акции; доля в уставном капитале; переживший супруг; доверительное управление; действительная стоимость доли; наследственное планирование.*

Для цитирования: *Иванова С. А., Кондратюк Д. Л. Правовые проблемы наследования в корпоративных организациях // Образование и право. 2026. № 10. С. 578–586.*

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor at the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics

KONDRATYUK Diana Lukinichna,
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Sevastopol State University

LEGAL PROBLEMS OF INHERITANCE IN CORPORATE ORGANIZATIONS

Annotation. *The article provides a systematic analysis of legal problems arising from the inheritance of property and corporate rights connected with participation in corporate entities under Russian law. Particular attention is paid to the conflict between universal succession and corporate*

autonomy, the status of a surviving spouse, interim management of inherited participatory interests, interpretation of charter restrictions, judicial remedies and valuation of an inherited LLC interest. Legislative proposals are formulated to distinguish succession to the proprietary component from acquisition of membership, regulate the interim status of heirs and trustees, and harmonize charter restrictions and valuation mechanisms.

Key words: *inheritance; corporate rights; corporation; limited liability company; shares; participatory interest; surviving spouse; trust management; actual value of interest; estate planning.*

For citation: *Ivanova S. A., Kondratyuk D. L. Legal problems of inheritance in corporate organizations. Education and law. 2026;(10):578–586. (In Russ.).*

Наследование корпоративных активов находится на пересечении наследственного, корпоративного, вещного, обязательственного и семейного права. Это обстоятельство предопределяет системную сложность соответствующих споров: наследственное право исходит из универсальности правопреемства и сохранения имущественной сферы наследодателя, тогда как корпоративное право допускает ограничения участия, обусловленные личностью участника, закрытостью состава корпорации и необходимостью защищать интересы продолжающего деятельность юридического лица. Чем выше концентрация капитала в доле или пакете акций и чем значительнее влияние наследодателя на управление, тем отчетливее проявляется конфликт между охраной наследственного имущества и стабильностью корпоративного контроля [7].

Актуальность темы усиливается распространением семейного и партнерского бизнеса, в котором доля в обществе с ограниченной ответственностью либо пакет акций нередко являются главным экономическим активом наследодателя. Смерть участника способна вызвать одновременно несколько юридически значимых последствий: открытие наследства, выдел супружеской доли, необходимость установления состава наследственной массы, учреждение доверительного управления, решение вопроса о допуске наследников в корпорацию, перераспределение голосов, выплату действительной стоимости доли и возникновение корпоративных споров.

Научная проблема состоит в том, что законодательство использует выражение «наследование прав, связанных с участием», однако в действительности в разных организационно-правовых формах наследуется неодинаковый юридический объект: акция как бездокументарная ценная бумага, доля в уставном капитале, пай, имущественное требование к корпорации либо совокупность прав, реализация которых зависит от последующего допуска наследника к членству. В литературе справедливо отмечается необходимость различать универсальное правопреемство в отношении экономической ценности корпоративного участия и приобретение полноценного корпоративного статуса [3; 4].

Согласно ст. 65.1 ГК РФ корпоративными юридическими лицами являются юридические лица, участники которых обладают правом участия (членства) и формируют высший орган корпорации. К ним относятся не только хозяйственные общества и товарищества, но также хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости и ряд иных организаций. Уже это перечисление демонстрирует, что категория «корпоративные права» шире сферы применения ст. 1176 ГК РФ, специально регулирующей наследование долей, паев и акций в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах.

Из данной системной несогласованности следует первый принципиальный вывод: не всякое членство в корпорации наследуется как субъективное право. В организациях, где членство имеет персональный, профессиональный, целевой или иной строго личный характер, смерть участника прекращает членское отношение, а наследованию могут подлежать лишь отдельные имущественные требования, если они прямо предусмотрены законом или уставом. Поэтому формула «наследование корпоративных прав» должна использоваться с оговоркой: наследование экономического объекта участия не всегда означает наследование членства.

В отношении коммерческих корпораций законодатель применяет несколько моделей. По п. 3 ст. 1176 ГК РФ акции входят в состав наследства, а наследники, к которым они перешли, становятся участниками акционерного общества. Для общества с ограниченной ответственностью действует иная конструкция: доля входит в наследство, но устав может поставить ее переход к наследнику в зависимость от согласия остальных участников. Аналогичным образом в полном товариществе и производственном кооперативе личность правопреемника может иметь определяющее значение. Таким образом, в законодательстве сосуществуют «автоматическая» и «условно-членская» модели наследственного правопреемства.

Юридически корректнее рассматривать корпоративное участие как сложный объект, включающий по меньшей мере три взаимосвязанных элемента: 1) имущественную ценность доли, пая или акции; 2) организационно-управленческие правомочия участника; 3) обязательственные и иные требования к корпорации, включая право на распределение прибыли и ликвидационную квоту. При наследовании эти элементы могут переходить не одновременно. Такое «расщепление» объясняет значительную часть практических конфликтов: наследник может иметь право на долю, но не обладать правом голосовать или назначать органы управления.

Наиболее сложные вопросы возникают в обществах с ограниченной ответственностью. Пункт 8 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" предусматривает переход долей к наследникам, если иное не установлено уставом; устав вправе требовать согласия остальных участников на такой переход. В сочетании со ст. 1176 ГК РФ это означает, что окончательное приобретение статуса участника в предусмотренных уставом случаях требует прохождения корпоративной процедуры.

Правовая позиция Президиума ВАС РФ, сформулированная еще в постановлении от 20.12.2011 № 10107/11 [9], сохраняет значение: если устав не содержит прямого специального требования о согласии на переход доли к наследникам, принявший наследство наследник приобретает права, удостоверяемые долей, со дня открытия наследства. Следовательно, общие формулы устава о принятии «новых участников» не должны автоматически толковаться как ограничение наследственного перехода. Такой подход защищает принцип правовой определенности и препятствует созданию уставных запретов путем расширительного толкования.

Однако последующая практика Верховного Суда РФ усилила значение корпоративной автономии. В определении от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 Суд указал, что приобретение имущественного права на долю не всегда тождественно приобретению корпоративного статуса. Эта логика была развита в определениях от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 и от 06.06.2023 № 310-ЭС23-663 [10; 11] применительно к пережившим супругам и наследникам. Тем самым судебная практика фактически закрепила концепцию разделения имущественного титула на корпоративный актив и права членства.

При этом определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 [12] имеет принципиальное корректирующее значение. Суд подчеркнул: ограничение перехода доли должно быть прямо и недвусмысленно выражено в уставе; неопределенность толкуется в пользу отсутствия ограничения. Если устав специально допускает свободный переход доли к наследникам, общая оговорка о согласии на переход доли третьим лицам не должна автоматически распространяться на наследников и пережившего супруга. Эта позиция представляется обоснованной, поскольку ограничение наследственного правопреемства должно отвечать повышенному стандарту определенности: оно влияет не только на отношения участников, но и на конституционно защищаемое право наследования.

Таким образом, центральная проблема ООО заключается не в допустимости уставного ограничения как такового, а в отсутствии четкого нормативного описания промежуточного состояния. Между днем смерти участника и моментом получения согласия, отказа в согласии, внесения записи в ЕГРЮЛ может пройти значительный период. Закон недостаточно ясно определяет, кто в это время осуществляет право голоса, инициирует собрания, получает информацию, оспаривает сделки, дает согласие на крупные корпоративные действия, несет риск падения стоимости бизнеса. Доверительное управление частично решает этот вопрос, но оно не является автоматическим и зависит от своевременных действий нотариуса и заинтересованных лиц.

Особую группу образуют споры о правах пережившего супруга. Если доля в ООО приобретена во время брака за счет общего имущества супругов, ее ценность входит в режим совместной собственности. Однако из этого не следует, что второй супруг при жизни зарегистрированного участника автоматически обладает корпоративными правами. Данная конструкция получила устойчивое подтверждение в практике Верховного Суда РФ: имущественная общность супругов и корпоративное членство — различные правовые состояния.

После смерти участника нотариальный выдел супружеской доли способен привести к возникновению параллельных правовых титулов: часть корпоративного актива принадлежит пережившему супругу как собственнику общего имущества, другая часть входит в наследственную массу. В определении № 305-ЭС22-26611 Верховный Суд РФ исходил из того, что уставное ограничение, направленное на сохранение персонального состава ООО, при соответствующей формулировке может распространяться и на супружескую долю. Иной подход позволял бы фактически обходить уставное требование о согласии посредством выдела имущества супругов.

В то же время дело № 306-ЭС23-11144 показало обратную сторону проблемы: если участники общества сами предусмотрели свободный переход доли к наследникам, переживший супруг не должен считаться «обычным третьим лицом» лишь потому, что часть прав возникла у него в результате выдела супружеской доли. Верховный Суд справедливо связал толкование устава с реальной волей участников и семейно-родственным контекстом. Отсюда следует практическое правило: уставное регулирование наследования должно отдельно и ясно отвечать на вопросы о наследниках, пережившем супруге и иных правопреемниках, а не ограничиваться общими категориями «третьих лиц».

На законодательном уровне целесообразно закрепить специальное правило: если устав устанавливает необходимость согласия на приобретение статуса участника наследником или пережившим супругом, такое ограничение должно быть сформулировано прямо применительно к соответствующей категории лиц и основанию перехода. В противном случае должно действовать предположение о свободном переходе. Это снизит количество споров о толковании устава и согласуется с принципом предсказуемости гражданского оборота.

Если требуемое уставом согласие не получено, доля переходит к обществу, а наследнику подлежит выплата ее действительной стоимости либо, с его согласия, выдача имущества такой же стоимости. Экономически это означает трансформацию наследуемого корпоративного актива в денежное требование к обществу. До конца 2025 г. именно механизм определения действительной стоимости был одним из наиболее конфликтных элементов: расчет на основе бухгалтерской отчетности мог существенно отклоняться от реальной стоимости бизнеса, особенно при наличии недвижимости, интеллектуальной собственности, клиентской базы, скрытых резервов.

Федеральный закон от 28.12.2025 № 514-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" существенно изменил этот режим. В ст. 23 Закона об ООО введен п. 9, позволяющий при несогласии получателя выплаты или общества с бухгалтерской стоимостью чистых активов определить ее исходя из рыночной стоимости активов и обязательств с привлечением оценщика. Кроме того, уставом может быть предусмотрено определение действительной стоимости непосредственно в размере рыночной стоимости доли или ее части.

Данная реформа в значительной степени устраняет прежний структурный дисбаланс между интересами корпорации и наследника. Отказ в членстве сохраняется как инструмент защиты персонального состава ООО, но его экономические последствия становятся более справедливыми. Вместе с тем проблема окончательно не решена. Рыночная стоимость чистых активов и рыночная стоимость самой доли — не идентичные категории. Уставная возможность перейти к оценке самой доли полезна, но зависит от предварительной воли участников. Представляется целесообразным закрепить для наследственного случая специальную презумпцию: при отказе в согласии наследник вправе требовать определения выплаты исходя из рыночной стоимости доли, если бухгалтерская стоимость чистых активов очевидно не отражает экономическую ценность бизнеса. Это особенно важно, когда отказ в членстве исходит от лиц, которые после перехода доли к обществу фактически получают возможность перераспределить корпоративный контроль. Механизм выплаты не должен создавать экономический стимул к отказу в наследственном правопреемстве ради приобретения доли по заниженной стоимости.

Акционерная модель внешне значительно проще. Пункт 3 ст. 1176 ГК РФ прямо устанавливает, что наследники, к которым перешли акции, становятся участниками акционерного общества. Устав акционерного общества не вправе поставить переход акций к наследнику в зависимость от согласия иных акционеров. Это соответствует природе акции как эмиссионной ценной бумаги и снижает значение личного элемента в акционерном обществе.

Однако автоматизм материального правопреемства не устраняет учетной стадии. По ст. 29 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 10.06.2026)

"О рынке ценных бумаг" права на бездокументарные эмиссионные ценные бумаги переходят с даты внесения приходной записи по лицевому счету или счету депо, а права, закрепленные ценными бумагами, следуют за учетным правом. Положение Банка России № 799-П [13] в редакции 2025 г. обязывает держателя реестра при наследовании зачислить ценные бумаги на лицевой счет наследника не позднее трех рабочих дней после представления свидетельства о праве на наследство. Следовательно, наследственное право и учетное право ценных бумаг должны быть согласованы через специальную регистрационную процедуру.

Проблемы возникают при множественности наследников. До раздела наследства акции могут оказаться в общей долевой собственности, что затрудняет осуществление прав голоса и распоря-

жение пакетом. Если наследуемый пакет является контрольным, задержка в его разделе способна повлиять на избрание совета директоров, одобрение сделок, выплату дивидендов и сохранение стратегического контроля. Поэтому применительно к акциям важность доверительного управления не меньше, чем для доли в ООО, хотя юридическая природа рисков иная: вопрос состоит не в допуске наследника в корпорацию, а в непрерывности управления пакетом до завершения наследственной процедуры.

Дополнительную сложность создают современные способы учета и цифровизации прав на ценные бумаги. Чем дальше юридический титул наследника от непосредственной записи в реестре эмитента и чем больше уровней номинального держания, тем выше значение своевременного взаимодействия нотариуса, депозитария и регистратора. Для крупного пакета акций наследственное планирование должно включать не только распоряжение о наследниках, но и документы, позволяющие обеспечить управление пакетом на переходный период.

В полных товариществах и производственных кооперативах личный элемент выражен особенно. Участие полного товарища предполагает предпринимательскую активность и повышенную ответственность, а членство в производственном кооперативе связано не только с имущественным паем, но и, как правило, с личным трудовым участием. Поэтому универсальное наследственное правопреемство объективно не может автоматически заместить умершего участника новым членом.

Для производственного кооператива ГК РФ также исходит из возможности приема наследников в члены кооператива, если иное не предусмотрено уставом; в противном случае им выплачивается стоимость пая. Современная литература отмечает, что практические трудности здесь связаны с порядком оценки пая, несколькими наследниками, соотношением норм ГК РФ и специальных законов, а также процедурой принятия нового члена [6].

Системная проблема состоит в отсутствии единых критериев, когда имущественное правопреемство должно вести к членству, а когда — только к компенсации. Для «персоналистских» корпораций законодатель мог бы использовать общую норму о том, что наследник приобретает имущественную составляющую участия безусловно, а членство возникает по правилам специального закона и устава. Такое решение устранило бы терминологическую иллюзию «наследования членства» и сделало бы более последовательным регулирование различных видов корпораций.

Статья 1173 ГК РФ предусматривает доверительное управление наследственным имуществом, если оно требует не только охраны, но и управления, прямо называя долю в уставном капитале корпоративного юридического лица, пай и ценные бумаги. Нотариус выступает учредителем управления; его целью является сохранение имущества и увеличение его стоимости. В завещании наследодатель вправе дать распоряжения по вопросам управления, включая указания о голосовании в высших органах корпораций. Эти нормы создают важный мост между наследственным и корпоративным правом. Тем не менее доверительное управление не всегда обеспечивает реальную непрерывность корпоративного контроля. Во-первых, его учреждение требует выявления имущества и организационных действий нотариуса; между смертью участника и заключением договора может возникнуть управленческий вакуум. Во-вторых, полномочия доверительного управляющего должны соотноситься с уставными ограничениями и структурой конкретной корпорации. В-третьих, при корпоративном конфликте остальные участники могут оспаривать объем полномочий управляющего или препятствовать его участию в собраниях. В-четвертых, для единственного участника ООО смерть собственника бизнеса способна создать критическую неопределенность в отношении назначения и контроля директора.

В научной литературе обоснованно подчеркивается значение не только для сохранения стоимости доли, но и для защиты интересов самой корпорации, включая возможность оспаривания сделок и взыскания убытков в переходный период [1,3]. Представляется, что для доли, предоставляющей существенное влияние на управление, закон должен устанавливать ускоренный нотариальный механизм: при подтвержденной смерти участника и наличии риска блокировки органов общества доверительное управление должно учреждаться в краткий срок без ожидания полного установления круга наследников.

Дополнительно целесообразно закрепить минимальный перечень корпоративных полномочий доверительного управляющего: участие и голосование на общих собраниях, получение информации, оспаривание явно убыточных или конфликтных сделок, принятие неотложных решений по назначению органов управления, если без этого деятельность корпорации становится невозможной. При этом распоряжение самой долей должно сохранять ограниченный характер, поскольку задача доверительного управления - сохранить наследственный актив, а не заменить окончательный раздел наследства.

В сфере наследования корпоративных прав

особое значение приобретает наследственное планирование, в частности при передаче семейного бизнеса по наследству. Несмотря на отсутствие легального определения, сложилось понимание наследственного планирования как деятельности по определению судьбы имущества наследодателя после его смерти.

Как указывают В.В. Гущин и А.В. Добровинская, тщательное планирование наследования семейного бизнеса следует рассматривать как новый вид оптимизации будущего наследования, иногда связанного с несколькими правопорядками, в интересах определения наиболее эффективных и доступных решений [2].

Наследственное планирование корпоративного участия не сводится только к завещанию. Устав, корпоративный договор, брачный договор, наследственный договор, завещательные распоряжения об управлении и конструкция личного фонда могут выполнять взаимодополняющие функции. Однако их юридическая совместимость пока недостаточно разработана. Особенно дискуссионен вопрос о судьбе обязательств наследодателя из корпоративного договора. Корпоративный договор имеет выраженный персональный характер, и автоматический переход всей договорной позиции к наследнику может противоречить воле других сторон [4]. Поэтому корпоративный договор целесообразно использовать прежде всего как инструмент предварительного согласования сценариев смерти участника: обязанность голосовать за прием наследника; порядок выкупа доли у наследников; механизм определения цены; сроки расчетов; правила временного управления; опцион или иные договорные механизмы, не противоречащие императивным нормам. При этом попытка полностью «обойти» наследственное законодательство корпоративным договором недопустима: он не может лишить наследника прав на имущество, которые возникают в силу закона или завещания.

Наследственный договор, напротив, способен непосредственно увязать переход имущества с обязанностями наследника и иными условиями, допустимыми законом. В современной литературе он рассматривается как перспективный инструмент передачи корпоративного бизнеса [8]. Его потенциал особенно значим в семейных компаниях, где собственнику важно не только назначить преемника, но и обеспечить согласованную смену управления. Однако практическая эффективность зависит от предварительной синхронизации наследственного договора с уставом общества: если устав требует согласия остальных участников, наследственный договор сам по себе не отменяет такого требования.

Одним из альтернативных способов определения потенциальных наследников бизнеса является использование конструкции опциона на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ). Данный механизм позволяет наследодателю участнику ООО посредством безотзывной оферты предоставить избранному им лицу право заключить договор купли-продажи доли на заранее определенных условиях, связав момент акцепта с наступлением его смерти.

Ключевой особенностью опциона на заключение договора, отличающей его от традиционных обязательственных конструкций, является юридическая природа возникающего на его основе права. По своей сути право по опциону не носит имущественного характера в классическом понимании, поскольку не предоставляет его обладателю непосредственного права на вещь или иное имущество. Оно представляет собой лишь возможность заключить сделку в будущем, предметом которой такое имущество станет.

В данном случае речь идет о секундарном праве, которое предоставляет управомоченному лицу юридическую возможность одностороннего воздействия на правовую сферу другого лица. Применительно к опциону это выражается в том, что держатель опциона обладает правом на акцепт безотзывной оферты, тогда как для оферента (владельца доли) секундарная природа оборачивается связанностью, не позволяющей ему в одностороннем порядке отказаться от данного им обещания.

Однако, именно секундарная природа опциона порождает сложные коллизии в сфере наследования. Как отмечает Парилова Е.В., остается нерешенным вопрос о том, возникает ли юридическая связанность наследников оферента той безотзывной офертой, которая была сформулирована наследодателем, если по сути отсутствуют возникшие конкретные обязательства имущественного характера, могут ли наследники решать судьбу оферты, руководствуясь принципом свободы договора - принять на себя вытекающие из нее обязательства или отказаться от них [5].

Представляется, что в данном случае ключевое значение имеет принцип универсальности правопреемства (п. 1 ст. 1110 ГК РФ). Поскольку опцион на заключение договора купли-продажи доли был предоставлен наследодателем при жизни и неразрывно связан с его личностью лишь в момент формирования воли, после его смерти в состав наследственной массы входит обязательство по ее исполнению при условии акцепта. Следовательно, наследники, принявшие наследство и получившие согласие на вступление в состав участников ООО, в случае акцепта оферты управомоченным лицом (потенциальным наслед-

ником бизнеса) обязаны совершить действия по купле-продаже доли. Иное толкование, допускающее возможность свободного выбора наследниками судьбы оферты, вступало бы в противоречие с принципом универсального правопреемства, предполагающим переход прав и обязанностей наследодателя в неизменном виде как единого целого.

Таким образом, следует признать, что наряду с традиционным наследственным договором опцион представляет собой альтернативный, легальный способ планирования перехода бизнеса на случай смерти. Риск оспаривания сохраняется, но он реален лишь в тех ситуациях, когда конструкция используется для заведомого нарушения прав обязательных наследников, а не для упорядочения передачи корпоративного контроля.

Практически оптимальная модель наследственного планирования корпоративного бизнеса должна включать аудит устава, семейного режима собственности, корпоративных договоров, структуры владения, учетной инфраструктуры ценных бумаг, состава органов управления и сценария временного управления после смерти ключевого участника. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов способно сделать даже юридически безупречное завещание недостаточным для сохранения бизнеса.

Наследственно-корпоративные споры отличаются сложностью определения надлежащей юрисдикции и способа защиты. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29.05.2012 № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" [14] исходил из того, что споры о включении акций, долей и паев в состав наследства, а также требования наследника о выплате действительной стоимости доли связаны с наследственными правоотношениями. Однако после получения наследником соответствующего титула спор может приобрести собственно корпоративный характер - например, при оспаривании его статуса участника, решений собрания либо перехода доли обществу.

Показательно определение № 306-ЭС23-11144. Верховный Суд РФ указал, что спор о праве на участие в юридическом лице не должен подменяться обжалованием действий регистрирующего органа. Если право лица на долю зарегистрировано в ЕГРЮЛ, но другое лицо оспаривает сам корпоративный титул, надлежащим способом может быть иск о передаче доли обществу по п. 18 ст. 21 Закона об ООО, а не требование к налоговому органу об исключении записи. Эта позиция имеет важное методологическое значение: реестр фиксирует правовое состояние, но не должен становиться процессуальным суррогатом разрешения корпоративного конфликта.

Для наследника выбор способа защиты зависит от стадии правоотношения. До разрешения вопроса о составе наследства применимы требования наследственного характера. После выдачи свидетельства могут возникать требования о признании права, о понуждении к предоставлению информации, о признании решений собрания недействительными, о выплате действительной стоимости доли, о взыскании убытков, а также корпоративные требования, направленные на восстановление прав корпорации. Между этими стадиями существует «серая зона», в которой интересы наследника могут защищаться доверительным управляющим.

Законодательству недостает единой процессуальной нормы о наследственно-корпоративных спорах. Практически полезным было бы разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, систематизирующее: 1) момент возникновения корпоративного статуса наследника в разных формах корпораций; 2) статус доверительного управляющего; 3) надлежащие способы защиты при неправильной записи в ЕГРЮЛ; 4) правила оспаривания корпоративных решений, принятых в период между смертью участника и оформлением наследства; 5) распределение бремени доказывания при споре о действительной стоимости доли.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько предложений de lege ferenda. Во-первых, ст. 1176 ГК РФ следует изложить через ясное разграничение имущественного наследования и корпоративного членства. Базовая формула могла бы устанавливать, что доля, пай или акция как имущественный объект входят в наследство, а приобретение статуса участника определяется законом и уставом соответствующей корпорации. Для акционерных обществ сохранялось бы автоматическое членство; для «персоналистских» корпораций - специальная процедура допуска.

Во-вторых, в Законе об ООО необходимо закрепить правило о повышенной определенности уставных ограничений: требование согласия на переход доли к наследникам, пережившим супругам или иным правопреемникам действует только при прямом указании соответствующей категории лиц и основания перехода. Неясные и противоречивые положения должны толковаться в пользу свободного перехода доли. Фактически такой подход уже сформирован Верховным Судом РФ в деле № 306-ЭС23-11144; его нормативное закрепление повысило бы предсказуемость оборота.

В-третьих, реформа действительной стоимости доли 2025 г. должна получить дальнейшее развитие применительно к наследованию. При отказе наследнику во вступлении в ООО экономическим ориентиром должна быть не формальная бух-

галтерская величина, а справедливая стоимость корпоративного актива. При существенном расхождении бухгалтерских и рыночных показателей наследник должен иметь безусловное право на независимую рыночную оценку. Особое внимание необходимо уделить предотвращению манипуляций стоимостью активов и обязательств в период после смерти участника.

В-четвертых, следует развивать правовые инструменты преемственности бизнеса: наследственный договор, завещательные распоряжения об управлении, корпоративный договор, механизмы опциона и личный фонд. Однако эти инструменты должны быть согласованы между собой. В законодательстве целесообразно прямо признать допустимость корпоративных соглашений, определяющих порядок действий участников при смерти одного из них, при условии соблюдения императивных наследственных прав и запрета злоупотребления правом.

В-пятых, требуется более четкая цифровая интеграция нотариальной и корпоративной инфраструктуры. Для ООО перспективно автоматизированное получение нотариусом актуальных сведений об уставе и ограничениях перехода доли, а для акций - обмен сведениями с регистраторами и депозитариями. Это позволит быстрее устанавливать состав наследства, учреждать управление и минимизировать риск корпоративных действий без учета смерти участника.

Заключение. Правовые проблемы наследования в корпоративных организациях обусловлены не столько недостатком отдельных норм, сколько столкновением двух базовых принципов: универсальности наследственного правопреемства и автономии корпоративной организации. Наследственное право стремится сохранить за наследником экономическую ценность имущества умершего, корпоративное — обеспечить устойчивость персонального состава и управления юридического лица. Современное российское право не выбирает один из этих принципов, а сочетает их в зависимости от организационно-правовой формы.

Наиболее сбалансированной представляется модель, при которой имущественная составляющая корпоративного участия наследуется безусловно, а членство наследника может зависеть от прямо установленного законом или недвусмысленно выраженного в уставе условия. При этом отказ в членстве должен сопровождаться экономически эквивалентной компенсацией, а переходный период - эффективным механизмом управления корпоративным активом. Закон № 514-ФЗ от 28.12.2025 сделал важный шаг в направлении справедливой оценки долей ООО, приблизив компенсационный механизм к реальной стоимости бизнеса.

Дальнейшее развитие регулирования должно быть направлено на устранение промежуточных неопределенностей: определить момент и объем прав наследника, стандартизировать уставные ограничения, расширить функциональность доверительного управления, синхронизировать семейно-правовой и корпоративный режимы, а также сформировать единый подход к судебной защите. Именно такая конструкция способна обеспечить одновременно защиту права наследования, устойчивость корпоративного управления и сохранение бизнеса как функционирующего экономического комплекса.

Список литературы:

[1] Батрова Т.А. Определение кандидатуры доверительного управляющего наследственным имуществом: проблемы и пути решения // Нотариус. 2025. N 1. С. 40 - 44.

[2] Гущин В. В., Добровинская А. В. Наследственное планирование семейного бизнеса // Образование и право. 2021. № 7, стр. 106.

[3] Ерчак С.В. Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 80–109.

[4] Зайпулаева Т.М. Применение корпоративного договора в наследственных правоотношениях: проблемы теории и практики // Теория и практика общественного развития. 2024. № 5. С. 268–275.

[5] Парилова Е.В. Коллизии наследственного и корпоративного права на примере опционных конструкций как инструмента наследования доли в обществе с ограниченной ответственностью // Современное право. 2025. № 6, с. 74-80.

[6] Ситько Н.Г. Наследование корпоративных прав в сельскохозяйственных производственных кооперативах // Нотариальный вестник 2024. № 2. С. 57–64.

[7] Севеева К.В. Правопреемство по опционным соглашениям в корпоративном праве при реорганизации и наследовании. М.: Статут, 2024.

[8] Терновая О.А. Актуальные проблемы наследования корпоративных прав участников обществ с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. 2023. № 5.

[9] "Вестник ВАС РФ", 2012, N 4.

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?

req=doc&base=ARB&n=756264 (дата обращения: 16.06.2026).

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.06.2023 № 310-ЭС23-663 по делу № А83-18084/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=764598 (дата обращения: 16.06.2026).

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2024 N 306-ЭС23-11144 по делу N А57-4383/2022 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=798305 (дата обращения: 16.06.2026).

[13] "Вестник Банка России", N 3, 26.01.2023.

[14] "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 7, июль, 2012.

References:

[1] Batrova T.A. Determining the Candidate for Trustee of Inherited Property: Challenges and Solutions // Notarius. 2025. No. 1. pp. 40–44.

[2] Gushchin V.V., Dobrovinskaya A.V. Succession Planning for Family Businesses // Education and Law. 2021. No. 7, p. 106.

[3] Erchak S.V. Protection of a Corporation's Subjective Rights and Legal Interests by the Heirs of a Participant // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17. No. 4. pp. 80–109.

[4] Zaypulaeva T.M. Application of Corporate Agreements in Inheritance Relations: Theoretical and Practical Issues // Theory and Practice of Social Development. 2024. No. 5. pp. 268–275.

[5] Parilova E.V. Conflicts Between Inheritance Law and Corporate Law: The Case of Option Structures as a Tool for Inheriting Shares in a Limited Liability Company // Modern Law. 2025. No. 6, pp. 74–80.

[6] Sitko N.G. Inheritance of Corporate Rights in Agricultural Production Cooperatives // Notarialny Vestnik. 2024. No. 2. pp. 57–64.

[7] Seveeva K.V. Legal Succession Under Option Agreements in Corporate Law During Reorganization and Inheritance. Moscow: Statut, 2024.

[8] Ternovaya O.A. Current Issues Regarding the Inheritance of Corporate Rights Held by Participants in Limited Liability Companies // Notarialny Vestnik. 2023, No. 5.

[9] *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2012, No. 4.

[10] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 6, 2023, No. 305-ES22-26611, in case No. A40-284789/2021 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=756264 (accessed: June 16, 2026).

[11] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 6, 2023, No. 310-ES23-663, in case No. A83-18084/2020 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=764598 (accessed: June 16, 2026).

[12] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2024, No. 306-ES23-11144, in case No. A57-4383/2022 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=798305 (accessed: June 16, 2026).

[13] "Bulletin of the Bank of Russia", No. 3, 01/26/2023.

[14] "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 7, July, 2012.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-587-590
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЛЕВИН Михаил Геннадьевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Международный юридический институт, г. Москва,
e-mail: mg_levin@mail.ru

ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические аспекты признания сделок недействительными в рамках процедур банкротства. Анализируется двухуровневая система оснований недействительности, включающая общие и специальные нормы. Рассматриваются особенности подозрительных сделок и сделок с предпочтением, условия их оспаривания и распределение бремени доказывания. Исследуется специфика правовых последствий недействительности в контексте банкротства, включая механизм односторонней реституции и трансформации требований контрагента в реестровые требования.*

Ключевые слова: *банкротство, недействительные сделки, подозрительные сделки, основания недействительных сделок, реституция, последствия, оспаривание сделок.*

Для цитирования: *Левин М. Г. Основания и последствия недействительных сделок при банкротстве // Образование и право. 2026. № 10. С. 587–590.*

evich, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute, Moscow, Russia

GROUNDS AND CONSEQUENCES OF INVALID TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY

Annotation. *The article examines the theoretical and practical aspects of invalidating transactions within bankruptcy proceedings. It analyzes the two-tier system of grounds for invalidity, encompassing general and special legal norms. The specifics of suspicious transactions and preferential transactions are considered, along with the conditions for challenging them and the allocation of the burden of proof. The study explores the distinctive features of the legal consequences of invalidity in the bankruptcy context, including the mechanism of unilateral restitution and the transformation of counterparty claims into register-based claims.*

Key words: *bankruptcy, invalid transactions, suspicious transactions, grounds for invalidity of transactions, restitution, consequences, challenging transactions.*

For citation: *Levin M. G. Grounds and consequences of invalid transactions in bankruptcy. Education and law. 2026;(10):587–590. (In Russ.).*

Институт банкротства призван обеспечить баланс интересов должника, оказавшегося неспособным исполнить свои обязательства, и его кредиторов, стремящихся получить справедливое удовлетворение своих требований. Однако должники нередко прибегают к различным уловкам, чтобы скрыть активы или вывести их из-под возможного взыскания в преддверии или в ходе процедуры банкротства. Как справедливо отмечает П. Е. Масюткина, анализ сделок должника и возврат необоснованно отчужденного имущества в конкурсную массу - одна из ключевых задач арбитражного управляющего, позволяющая максимально полно удовлетворить требования кредиторов [4].

Наиболее действенным инструментом в этой борьбе является правовой механизм оспаривания сделок должника. Его суть заключается в возможности признать недействительными действия, совершенные в определенный период до или во время банкротства, если они нанесли ущерб имущественной массе, за счет которой должны рассчитываться кредиторы. Важно подчеркнуть, что, как следует из анализа, проведенного Л. В. Барановой, законодатель вкладывает в понятие «сделка» для целей банкротства более широкий смысл, нежели в общем гражданском праве. К данному понятию относятся не только договоры, но и иные юридические действия, влекущие за собой изменение имущественного положе-

ния должника, например, выплата премий, уплата налогов или исполнение обязательств перед отдельными кредиторами [1].

В российском праве сложилась двухуровневая система оснований для признания сделок недействительными в деле о банкротстве: общие, регулируемые нормами Гражданского кодекса РФ [8], и специальные, регулируемые нормами Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5]. Как верно указывает Д. Н. Семенихин, данное разграничение порождает серьезные практические проблемы, связанные с конкуренцией норм и выбором наиболее выгодной для заявителя стратегии [6].

К общим основаниям относятся классические пороки сделки: несоответствие закону, мнимость или притворность, совершение под влиянием обмана, заблуждения или с целью, противной основам правопорядка и нравственности (статьи 10, 168, 170 ГК РФ) [8]. Специальные основания, закрепленные в главе III.1 Закона о банкротстве, делятся на две большие группы, подробно описанные Н. Е. Волковой: подозрительные сделки (статья 61.2 [5]) и сделки с предпочтением (статья 61.3 [5]) [2].

Подозрительные сделки, в свою очередь, могут быть двух видов:

- сделки с неравноценным встречным исполнением, к которым относятся договоры, по которым должник продал имущество по цене, существенно ниже рыночной, либо, напротив, приобрел активы по завышенной стоимости. Как поясняет П. Е. Масюткина, такие сделки оспариваются в пределах одного года до принятия заявления о банкротстве. Причем неравноценность может выражаться не только в цене, но и в иных условиях, например, в предоставлении чрезмерно длительной отсрочки платежа, что в итоге ведет к потере стоимости активов [4];

- сделки, совершенные с целью причинить вред имущественным правам кредиторов. Для признания сделки недействительной по этому основанию, которое распространяется на трехлетний период подозрительности, необходимо доказать, что другая сторона знала или должна была знать о такой цели должника. Само по себе наличие признаков неплатежеспособности не является безусловным доказательством недобросовестности контрагента, что требует от судов тщательного исследования всех обстоятельств.

Вторая группа специальных оснований - сделки с предпочтением - посягает на один из главных принципов банкротства: пропорциональность и очередность удовлетворения требований кредиторов. Речь идет о ситуациях, когда должник в преддверии банкротства «вдруг» погашает задолженность перед одним из кредиторов, например, аффилированным лицом, в то время как другие кредиторы остаются ни с чем. Как подчеркивает Н. Е. Волкова, для оспаривания такой сделки достаточно самого факта оказания предпочтения, если она совершена в течение месяца до принятия заявления о банкротстве. Если же сделка совершена в пределах шести месяцев, то необходимо доказать, что кредитор знал о неплатежеспособности должника [2]. Презумпция такого знания для заинтересованных лиц существенно упрощает задачу оспаривания.

Важно отметить, что, как пишет Т. В. Шевлякова, несмотря на наличие специальных норм, применение общих положений ГК РФ не исключается [9]. Однако, как следует из анализа Д. Н. Семенихина и многочисленных разъяснений высших судов, обращение к общим нормам, например, статьям 10 и 168 ГК РФ о злоупотреблении правом допустимо лишь тогда, когда сделка имеет пороки, выходящие за пределы диспозиции специальных статей 61.2 и 61.3 [6]. То есть если в действиях сторон присутствуют дополнительные, более глубокие нарушения, не охватываемые понятиями «неравноценность» или «предпочтение», что является так называемым субсидиарным характером применения общих норм, призванным предотвратить обход специальных сроков исковой давности и периодов подозрительности.

Выбор основания оспаривания влечет за собой и разные правовые последствия. Специальные последствия недействительности сделок в банкротстве имеют ярко выраженную реституционную природу, но с особенностями [3]. Как отмечает Л. В. Баранова, главное последствие - обязанность контрагента вернуть все полученное по сделке имущество в конкурсную массу должника [1]. При этом контрагент утрачивает право на встречное предоставление в натуре. Вместо этого его требование к должнику о возврате уплаченного, например, денег за проданный автомобиль, включается в реестр требований кредиторов и будет удовлетворяться в общем порядке и в соответствующую очередь. Таким образом, пострадавший контрагент превращается в одного из многих кредиторов, ожидающих расчета.

Если же сделка признается недействительной по общим основаниям ГК РФ, применяется двусторонняя реституция: каждая из сторон обязана вернуть другой все полученное. Однако в контексте банкротства, когда должник находится в процедуре, механизм реализации двусторонней реституции сталкивается с препятствиями. Как резонно замечает К. Л. Синицын, возврат имущества контрагенту из конкурсной массы напрямую противоречил бы цели процедуры - справедливо-

му удовлетворению всех кредиторов [7]. Поэтому даже при применении общих оснований суды, как правило, адаптируют последствия к банкротной специфике, ориентируясь на пополнение конкурсной массы и включение требований контрагента в реестр.

Серьезной доктринальной и практической проблемой является квалификация сделки как ничтожной или оспоримой. Изменения, внесенные в 2013 году в статью 168 ГК РФ, установили общую презумпцию оспоримости сделок, нарушающих требования закона. Как подчеркивает К. Л. Синицын, это нововведение вызвало активную дискуссию в научном сообществе [7]. В контексте банкротства этот вопрос имеет принципиальное значение. Если сделка ничтожна, то она недействительна с момента совершения независимо от судебного решения, и арбитражный управляющий может просто не учитывать права кредитора, основанные на такой сделке, при включении в реестр. Если же сделка оспорима, для лишения ее силы необходимо соответствующее судебное решение.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Институт оспаривания сделок должника является одним из ключевых и наиболее сложных механизмов в современном праве банкротства. Он направлен на решение двуединой задачи: пополнение конкурсной массы и восстановление справедливости в отношениях между кредиторами.

Во-первых, система оснований недействительности носит сложный, многоуровневый характер. Специальные банкротные основания (подозрительные сделки и сделки с предпочтением) являются приоритетными и детально регламентируют возможность оспаривания в зависимости от срока совершения сделки и осведомленности контрагента. Общие гражданско-правовые основания применяются субсидиарно, лишь при наличии у сделки пороков, выходящих за рамки специальных составов.

Во-вторых, правовые последствия недействительности в банкротстве имеют свою ярко выраженную специфику. Они подчинены главной цели - максимальному наполнению конкурсной массы. Поэтому классическая двусторонняя реституция уступает место одностороннему возврату имущества от контрагента должнику, а встречные требования последнего трансформируются в реестровые требования кредитора.

В-третьих, правоприменительная практика сталкивается с серьезными вызовами, главный из которых - защита прав добросовестных приобретателей. Существующие механизмы, безусловно, защищающие интересы кредиторов, порождают ситуации, когда справедливость по отношению к одной стороне (кредиторам) оборачивается несправедливостью по отношению к другой (добросовестному контрагенту). Дальнейшее совершенствование законодательства и формирование единообразной судебной практики должны быть направлены на поиск более тонкого баланса этих интересов, возможно, путем введения дополнительных гарантий для лиц, действовавших разумно и осмотрительно.

Список литературы:

[1] Баранова Л. В. Правовые последствия недействительности сделки несостоятельного должника // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных с международным участием. В 2-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 13–14 декабря 2024 года. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2025. – С. 3-5.

[2] Волкова Н. Е. Классификация оспариваемых при банкротстве сделок и соотношение по ним общих и специальных норм // Юридическая наука. – 2021. – № 4. – С. 63-65.

[3] Кархалев Д. Н. Относительная недействительность сделок // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 9(276). – С. 98-104.

[4] Масюткина П.Е. Особенности оспаривания сделок несостоятельного должника и правовые последствия признания их недействительными // Молодой ученый. - 2025. - № 27 (578). - С. 178-181.

[5] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.09.2026).

[6] Семенихин Д. Н. Вопросы разграничения общих и специальных оснований недействительности сделок должника // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 4(85). – С. 335-344.

[7] Синицын К. Л. Квалификация недействительных сделок по статье 168 ГК РФ: последствия отказа от классического подхода (на примере института банкротства) // Закон и право. – 2024. – № 5. – С. 190-195.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.09.2026).

[9] Шевлякова Т. В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства) // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 1565-1574.

References:

[1] Baranova L. V. Legal consequences of the invalidity of an insolvent debtor's transaction // Social Sciences and Humanities Amidst Modern Challenges: Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists with International Participation. In 2 parts, Komsomolsk-on-Amur, December 13–14, 2024. – Komsomolsk-on-Amur: Komsomolsk-on-Amur State University, 2025. – P. 3–5.

[2] Volkova N. E. Classification of transactions challenged in bankruptcy and the relationship between general and special rules governing them // Legal Science. – 2021. – No. 4. – P. 63–65.

[3] Karkhalev D. N. Relative invalidity of transactions // Property Relations in the Russian Federation. – 2024. – No. 9(276). – P. 98–104.

[4] Masyutkina P. E. Specifics of challenging an insolvent debtor's transactions and the legal consequences of declaring them invalid // Young Scientist. – 2025. – No. 27 (578). – P. 178–181.

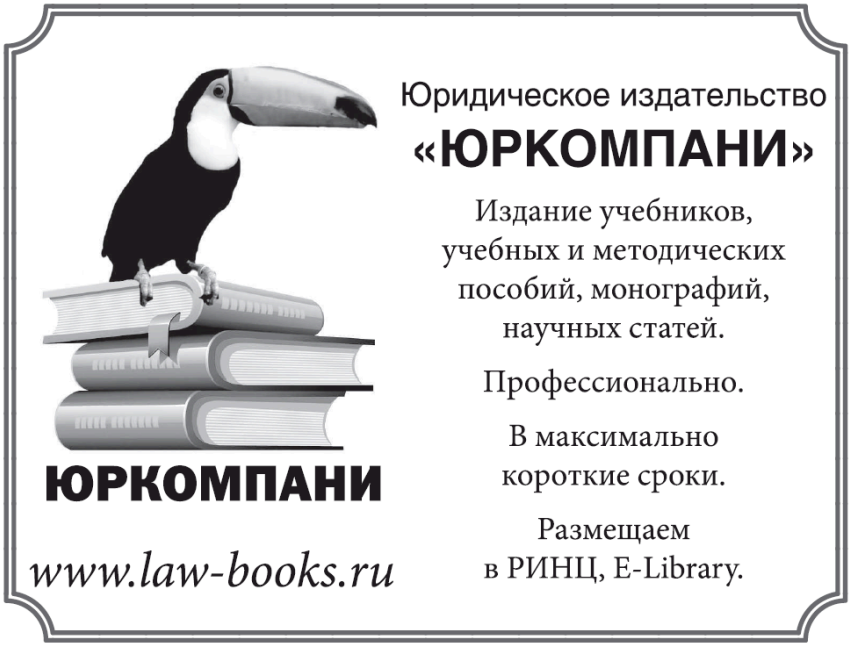
[5] On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 (as amended on December 29, 2025) (with amendments and additions entering into force on March 1, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. – URL: https://www.consultant.ru (accessed: 10.09.2026).

[6] Semenikhin D. N. Issues of distinguishing between general and special grounds for the invalidity of a debtor's transactions // Vestnik nauki. – 2025. – Vol. 3, No. 4(85). – P. 335-344.

[7] Sinitsyn K. L. Classification of invalid transactions under Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation: consequences of abandoning the classical approach (using the example of the bankruptcy regime) // Zakon i pravo. – 2024. – No. 5. – P. 190-195.

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // ConsultantPlus Legal Reference System. – URL: https://www.consultant.ru (accessed: 10.09.2026).

[9] Shevlyakova T. V. Invalid transactions in insolvency (bankruptcy) proceedings // Stolypinsky Vestnik. – 2022. – Vol. 4, No. 3. – P. 1565-1574.



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-591-595

ДОБРОВИНСКАЯ Алла Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общей юриспруденции
Российского Государственного Социального Университета,
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4,
тел.: + 7 (926) 691-26-60,
e-mail: Alla-dobro@list.ru

ОТ ВИНЫ К РИСКУ; ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена трансформацией института гражданско-правовой ответственности в условиях цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта, необходимостью постепенного изменения гражданско-правового регулирования от традиционной модели, основанной на принципе вины, к риск-ориентированным подходам. Предметом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с причинением вреда при использовании технологий искусственного интеллекта (ИИ), а именно - проблемы распределения гражданско-правовой ответственности между разработчиком, оператором и пользователем ИИ-систем. Цель исследования - выявить основные проблемы правового регулирования с учётом законодательства, складывающейся правоприменительной практики и зарубежного опыта, а также предложить направления его совершенствования. Методологическую основу включает комплекс методов познания: диалектический метод, метод анализа и синтеза, метод системного подхода, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод моделирования. Научная новизна работы заключается в обосновании критерия предсказуемости алгоритмического поведения как ключевого фактора дифференциации гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый ИИ и в разработке авторской редакции ст. 1064.1 ГК РФ, устанавливающей дифференцированную ответственность разработчика, оператора и пользователя ИИ-системы в зависимости от уровня риска, степени предсказуемости поведения системы и фактического контроля над алгоритмом. Эти предложения носят конкретный и практически реализуемый характер.*

Ключевые слова: *гражданско-правовая ответственность, деликт, искусственный интеллект, вина, риск, предсказуемость, источник повышенной опасности, разработчик ИИ-системы, оператор ИИ-системы, пользователь ИИ-системы.*

Для цитирования: *Добровинская А. В. От вины к риску; трансформация гражданско-правовой ответственности в условиях цифровизации // Образование и право. 2026. № 10. С. 591–595.*

DOBROVINSKAYA Alla Vladimirovna,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General
Jurisprudence Russian State Social University

FROM GUILT TO RISK; THE TRANSFORMATION OF CIVIL LIABILITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. *The relevance of the study is due to the transformation of the institution of civil liability in the context of digitalization and the introduction of artificial intelligence technologies, as well as the need to gradually shift civil law regulation from the traditional model based on the principle of fault to risk-based approaches. The subject of the study is social relations arising in connection with causing harm through the use of artificial intelligence (AI) technologies, specifically the problems of distributing civil liability between the developer, operator, and user of AI systems. The aim of the study is to identify the main problems of legal regulation, taking into account the legislation, the*

existing law enforcement practice, and foreign experience, as well as to propose ways to improve it. The methodological basis includes a set of cognitive methods: the dialectical method, the method of analysis and synthesis, the method of system approach, the formal-legal method, the comparative legal method, and the modeling method. The scientific novelty of the work lies in substantiating the criterion of predictability of algorithmic behavior as a key factor in differentiating civil liability for harm caused by AI, and in developing the author's version of Article 1064.1 of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes differentiated liability for the developer, operator, and user of an AI system depending on the level of risk, the degree of predictability of the system's behavior, and the actual control over the algorithm. These proposals are specific and practically implementable.

Key words: *civil liability, tort, artificial intelligence, fault, risk, predictability, source of increased danger, developer of an AI system, operator of an AI system, user of an AI system.*

For citation: *Dobrovinskaya A. V. From guilt to risk; the transformation of civil liability in the context of digitalization. Education and law. 2026;(10):591–595. (In Russ.).*

Цифровая трансформация общественных отношений ставит перед цивилистической наукой фундаментальные вопросы, без решения которых невозможно развитие гражданского законодательства. Активное внедрение технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) во все сферы жизнедеятельности выявило немало негативных последствий, связанных с причинением вреда автономными системами, в которых человек принимает опосредованное участие [1, с. 369].

В традиционной цивилистической доктрине генеральным основанием деликтной ответственности выступает принцип вины, зафиксированный в статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации: «вред, причинённый личности или имуществу, подлежит возмещению лицом, его причинившим». При этом ответственность наступает при наличии вины причинителя вреда, если иное не предусмотрено законом [2].

Вместе с тем гражданское право всегда допускало исключения из этого правила, в частности, ответственность владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), не зависящая от вины. Именно эта конструкция, как представляется, может стать основой для регулирования деликтных отношений с участием ИИ-систем [3, с. 12]. Однако простая аналогия с источником повышенной опасности не снимает всех проблем [4, с. 3].

Одним из наиболее сложных вопросов является определение круга лиц, выступающих субъектами гражданского правонарушения при использовании ИИ.

Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» предлагает установление имущественной (гражданско-правовой) ответственности разработчиков, операторов и пользователей, опирающейся на принцип вины. Однако, как справедливо отмечает Е.А. Суханов, такая модель не учитывает специфику ИИ-технологий, где установление вины конкретного лица может быть затруднительным или невозможным [3, с. 14].

Альтернативный подход предлагает Е.А. Проничева, распределеяя ответственность следующим образом:

1. Владелец (оператор) ИИ-системы несёт ответственность перед потерпевшим по общим правилам деликтного права.

2. Если оператор возместил вред, но докажет, что он возник из-за скрытого дефекта модели, который невозможно было выявить при приёмке, оператор может предъявить регрессный иск к разработчику.

3. Разработчик несёт ответственность за недостатки ИИ-системы, которые не были и не могли быть выявлены на этапе приёмки [6, с. 401-403].

Правоприменительная практика 2025-2026 гг. демонстрирует, что российские суды уже сталкиваются с вызовами, связанными с использованием ИИ, и вырабатывают первые подходы к распределению ответственности [7].

Принципиальным событием 2026 года стало поручение Председателя Верховного Суда РФ о проведении всестороннего анализа судебных дел, затрагивающих сферу использования технологий ИВ [10].

Перед судами поставлены задачи по оценке практики признания доказательствами документов, сформированных ИИ, и выбору надлежащего ответчика при возмещении вреда.

Анализ зарубежных подходов к регулированию ответственности за вред, причинённый ИИ показывает, что Европейский Союз последовательно движется по пути создания комплексной системы ответственности за вред, причинённый ИИ [11].

Германское право ответственности традиционно опирается на договорные и деликтные механизмы, которые не были разработаны для автономных ИИ. Однако с принятием пересмотренного Германского закона об ответственности за качество продукции, который вступает в силу 9

декабря 2026 года, ответственность расширяется на программное обеспечение и ИИ-системы [12].

Великобритания пошла по пути адаптации существующих механизмов общего права [13].

Италия пошла по пути принятия специального закона об искусственном интеллекте [14].

Таким образом, зарубежного опыта предлагает несколько моделей регулирования:

1. Европейская модель (продуктовая ответственность) - распространение строгой ответственности на ИИ как на продукт, связь compliance с liability, риск-ориентированный подход.

2. Американская модель (федеральное регулирование) - установление duty of care для разработчиков и операторов, солидарная ответственность.

3. Британская модель (адаптация общего права) - отказ от специального законодательства, опора на существующие деликтные механизмы, договорное распределение риска.

4. Итальянская модель (специальное законодательство) - принятие комплексного закона с разделом об ответственности.

Наиболее перспективным направлением трансформации гражданско-правовой ответственности представляется риск-ориентированный подход, но при этом необходимо разграничевать понятие риска и предсказуемости алгоритмического поведения [15, с. 118].

Предсказуемость выступает условием субъективной ответственности.

Традиционная модель деликтной ответственности, основанная на принципе вины, предполагает, что лицо способно предвидеть последствия своих действий и контролировать их. Современные нейросети функционируют на базе вероятностных моделей и статистических закономерностей, а не детерминированных алгоритмов [17].

Ключевым становится вопрос - насколько поведение ИИ-системы было предсказуемо для разработчика, оператора или пользователя?

Е.С. Селиванова и В.В. Саркисян отмечают, что статистически ожидаемые отклонения квалифицируются в рамках обычного предпринимательского риска, а выход за документально подтверждённые пределы тестирования может свидетельствовать о нарушении требований к управляемости системы [15, с. 122].

При высокой предсказуемости возможна субъективная (виновная) ответственность, а низкой предсказуемости при высокой автономности обосновывается переход к режиму строгой ответственности.

При практической реализации критерия предсказуемости необходимо смещение акцента на предварительную оценку решений о внедрении алгоритмических систем.

Поэтому наиболее перспективным направлением трансформации гражданско-правовой ответственности представляется интеграция риск-ориентированного подхода с критерием предсказуемости алгоритмического поведения, предполагающая дифференциацию ответственности в зависимости от уровня риска, степени предсказуемости и фактического контроля над алгоритмом.

Для реализации этой модели необходимо: закрепление правового статуса ИИ как сложного цифрового актива; введение в Гражданский кодекс РФ статьи 1064.1 о специальной ответственности; внедрение обязательного страхования ответственности операторов ИИ.

Важнейшим критерием при определении оснований и пределов ответственности должна стать предсказуемость алгоритмического поведения, позволяющая оценить управляемость системы и добросовестность разработчика и оператора.

На основе проведенного исследования автором предлагается введение в Гражданский кодекс РФ статьи 1064.1 в следующей редакции:

Ст. 1064.1. Ответственность за вред, причинённый искусственным интеллектом

1. Вред, причинённый деятельностью ИИ, подлежит возмещению лицом, осуществлявшим фактический контроль над ИИ, если иное не предусмотрено настоящей статьёй.

2. Разработчик ИИ несёт ответственность, если система отнесена к высокому риску, вред причинён вследствие недостатков системы, поведение системы было непредсказуемым для оператора и пользователя.

3. Оператор имеет право регрессного требования к разработчику при скрытом дефекте модели.

4. Пользователь несёт ответственность на общих основаниях, если не докажет отсутствие возможности предвидеть и предотвратить вред.

Список литературы:

[1] Лапшин В.Ф., Анисимов И.В. Уголовно-правовое значение вины в условиях цифровой трансформации общества // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения». Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 369–372.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[3] Суханов Е.А. Законопроект об искусствен-

ном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации // Lex russica. 2026. Т. 79. № 6. С. 9–21.

[4] Василевская Л.Ю. Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2025. № 4. С. 2–5.

[5] Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 31. Ст. 5123.

[6] Проничева Е.А. Особенности возложения гражданско-правовой ответственности за действия искусственного интеллекта // Закон и право. 2026. № 3. С. 399–405.

[7] Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

[8] Решение Арбитражного суда Приморского края от 17 февраля 2026 г. по делу № А51-16042/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

[9] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 февраля 2026 г. по делу № А40-251278/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

[10] Верховный Суд проведет масштабное обобщение судебной практики по делам, связанным с использованием искусственного интеллекта // Официальный сайт Верховного Суда РФ. 2026. 27 мая. URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

[11] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (AI Act) // OJ L Series. 2024. 12 July; Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products // OJ L Series. 2024. 18 November.

[12] Chambers Global Practice Guides. Artificial Intelligence 2026 – Germany. URL: https://practiceguides.chambers.com/ (дата обращения: 29.08.2026).

[13] UK Jurisdiction Taskforce. Legal Statement on Liability for AI Harms under the Private Law of England and Wales. July 2026.

[14] Legge 23 aprile 2026, n. 54 - Disposizioni in materia di intelligenza artificiale // Gazzetta Ufficiale. 2026. 23 aprile.

[15] Селиванова Е.С., Саркисян В.В. Предсказуемость алгоритмического поведения искусственного интеллекта как критерий гражданско-правовой ответственности и нормативного контроля // Российский юридический журнал. 2026. № 3. С. 112–125.

[16] Ижаев О.А., Кутейников Д.Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 35–47.

[17] Beckers A., Teubner G. Three Liability Regimes for Artificial Intelligence: Algorithmic Actants, Hybrids, Crowds. Bloomsbury Academic, 2023. P. 45.

References:

[1] Lapshin V.F., Anisimov I.V. The Criminal Law Significance of Culpability in the Context of the Digital Transformation of Society // Law in the Age of Artificial Intelligence: Emerging Challenges and Contemporary Tasks: A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Forum "VI Siberian Legal Readings." Tyumen: Tyumen State University Press, 2024, pp. 369–372.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 5, Art. 410.

[3] Sukhanov E.A. The Draft Law on Artificial Intelligence and Civil Law Issues of Digitalization // Lex Russica, 2026, Vol. 79, No. 6, pp. 9–21.

[4] Vasilevskaya L.Yu. Tort Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence: Challenges and Prospects for Development // Civil Law, 2025, No. 4, pp. 2–5.

[5] Federal Law dated July 26, 2026, No. 243-FZ "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 2026, No. 31, Art. 5123.

[6] Pronicheva E.A. Specifics of Imposing Civil Liability for the Actions of Artificial Intelligence // Law and Legislation, 2026, No. 3, pp. 399–405.

[7] Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated May 14, 2026, in case No. A27-7831/2025 // Arbitration Case File (Kartoteka arbitrazhnykh del). URL: https://kad.arbitr.ru/ (accessed: August 29, 2026).

[8] Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated February 17, 2026, in case No. A51-16042/2024 // Arbitration Case File (Kartoteka arbitrazhnykh del). URL: https://kad.arbitr.ru/ (accessed: August 29, 2026).

[9] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated February 5, 2026, in case No. A40-251278/2022 // Arbitration Case File (Kartoteka arbitrazhnykh del). URL: https://kad.arbitr.

ru/ (accessed: August 29, 2026).

[10] The Supreme Court to conduct a comprehensive review of judicial practice in cases involving the use of artificial intelligence // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. May 27, 2026. URL: https://www.vsrf.ru/ (accessed: August 29, 2026).

[11] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (AI Act) // OJ L Series. July 12, 2024; Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products // OJ L Series. November 18, 2024.

[12] Chambers Global Practice Guides. Artificial Intelligence 2026 – Germany. URL: https://practiceguides.chambers.com/ (accessed: 29.08.2026).

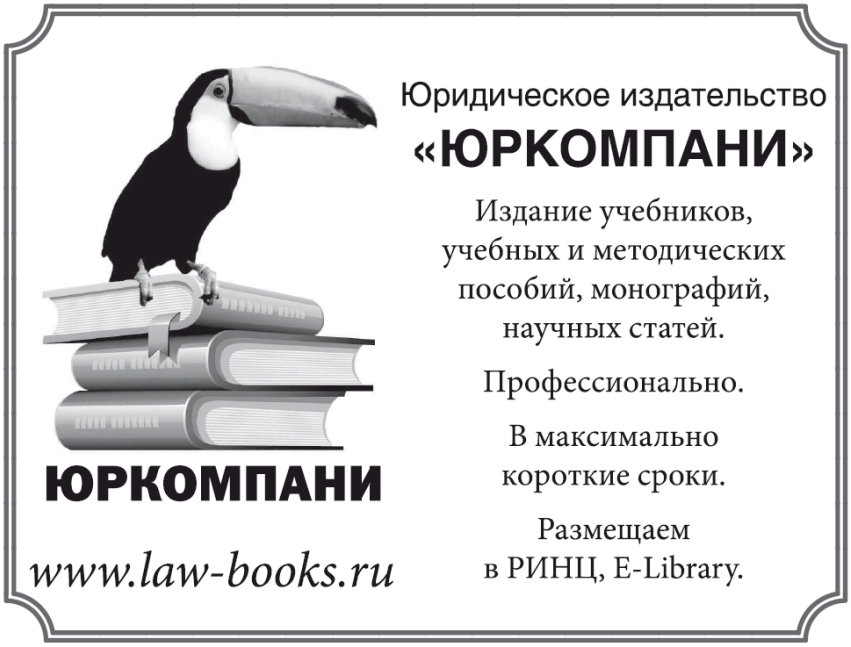
[13] UK Jurisdiction Taskforce. Legal Statement on Liability for AI Harms under the Private Law of England and Wales. July 2026.

[14] Law no. 54 of April 23, 2026 – Provisions on Artificial Intelligence // Official Gazette (Gazzetta Ufficiale). 2026. April 23.

[15] Selivanova E.S., Sarkisyan V.V. Predictability of the Algorithmic Behavior of Artificial Intelligence as a Criterion for Civil Liability and Regulatory Control // Russian Law Journal (Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal). 2026. No. 3. pp. 112–125.

[16] Izhaev O.A., Kuteynikov D.L. Artificial Intelligence Systems and Non-Contractual Civil Liability: A Risk-Based Approach // Lex russica. 2024. Vol. 77. No. 6. pp. 35–47.

[17] Beckers A., Teubner G. Three Liability Regimes for Artificial Intelligence: Algorithmic Actants, Hybrids, Crowds. Bloomsbury Academic, 2023. p. 45.



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-596-602
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КАРЯГИНА Вероника Сергеевна,
доцент кафедры гражданского права
Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент,
ORCID https://orcid.org/0000-0002-2683-3778,
RSCI SPIN: author code: 5905-7612, AuthorID: 782271,
e-mail: veronika.karjagina@rambler.ru

МАКАРОВ Тимофей Григорьевич,
доцент кафедры гражданского права
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент,
ORCID https://orcid.org/0000-0001-7355-1063,
AuthorID: 686060,
e-mail: timamakarov@mail.ru

ДОГОВОР ДАРЕНИЯ НЕДВИЖИМОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В настоящей статье авторами рассмотрены особенности правового регулирования договора дарения недвижимости как способа безвозмездной передачи недвижимости. Авторами дается определение данного договора, анализируются его признаки, такие как безвоздность, одностороння направленность и реальность либо консенсуальность в зависимости от того, когда имущество передается одаряемому: в настоящем или в будущем времени. Подробно раскрыт предмет договора, то есть те объекты недвижимости, по поводу которых может заключаться договор. При этом подчеркнуто, что в договоре должны быть представлены все индивидуальзирующие характеристики объекта недвижимости, то есть предмет договора должен быть четко определен. Авторами раскрыт субъектный состав договора дарения недвижимости. Отмечено, что заключить его могут как граждане, так и юридические лица с соблюдением требований к дееспособности. Отдельно освещены вопросы заключения договора дарения недвижимости, когда в качестве одаряемого выступает несовершеннолетний, а также вопросы заключения договора по поводу объекта недвижимости, находящегося в общей совместной собственности супругов. Сделан акцент на обязательном получении нотариального согласия супруга-сособственника на заключение договора дарения объекта недвижимости, входящего в состав общего имущества супругов. Проанализированы особенности формы договора дарения недвижимости. Рассмотрены вопросы о нотариальном удостоверении договора дарения недвижимости и о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость. Также проведено соотношение между отменой дарения и недействительностью договора дарения недвижимости. Рассмотрены основания признания договора недействительным.*

Ключевые слова: *договор дарения недвижимости, правовое регулирование, безвозмездность, нотариальное удостоверение, государственная регистрация.*

Для цитирования: *Карягина В. С., Макаров Т. Г. Договор дарения недвижимости: особенности правового регулирования // Образование и право. 2026. № 10. С. 596–602.*

KARYAGINA Veronika Sergeevna,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Kazan branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education "Russian State University
of Justice named after. V.M. Lebedev",
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

MAKAROV Timofey Grigorievich,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Federal State Educational Institution of Higher Education
"Kazan (Volga Region) Federal University",
Associate Professor of the Department of Civil Law
Kazan branch of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Russian State
University of Justice named after. V.M. Lebedev",
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

REAL ESTATE DONATION AGREEMENT: FEATURES OF LEGAL REGULATION

Annotation. *In this article, the authors examine the features of the legal regulation of a real estate gift agreement as a method of gratuitous transfer of real estate. The authors give a definition of this agreement, analyze its features, such as airlessness, one-sidedness and reality or consensuality, depending on when the property is transferred to the donee: in the present or in the future. The subject of the agreement is disclosed in detail, that is, those real estate objects regarding which an agreement can be concluded. At the same time, it is emphasized that the contract must contain all the individualizing characteristics of the property, that is, the subject of the contract must be clearly defined. The authors disclose the subject composition of the real estate donation agreement. It is noted that both citizens and legal entities can enter into it, subject to the requirements for legal capacity. Separately, the issues of concluding a real estate donation agreement when a minor acts as a donee, as well as issues of concluding an agreement regarding a property that is in the common joint ownership of spouses are covered. Emphasis is placed on the mandatory receipt of notarial consent of the spouse-co-owner to conclude a donation agreement for a property that is part of the common property of the spouses. The features of the form of real estate donation agreement are analyzed. The issues of notarization of a real estate donation agreement and state registration of the transfer of ownership of real estate are considered. The relationship between the cancellation of the donation and the invalidity of the real estate donation agreement is also drawn. The grounds for recognizing the contract as invalid are considered.*

Key words: *real estate donation agreement, legal regulation, gratuitousness, notarization, state registration.*

For citation: *Karyagina V. S., Makarov T. G. Real estate donation agreement: features of legal regulation. Education and law. 2026;(10):596–602. (In Russ.).*

Договор дарения недвижимости широко используется в повседневной жизни: родители дарят квартиры детям, одни родственники дарят другим земельные участки и т.д. Однако договор дарения недвижимости нельзя рассматривать только как проявление семейных отношений или желание помочь близкому человеку. Это полноценный гражданско-правовой договор по передаче имущества в собственность.

Целью исследования является формирование целостного представления об особенностях правового регулирования договора дарения недвижимости.

Договор дарения недвижимости представляет собой соглашение, согласно которому даритель на безвозмездной основе передает либо обязуется передать недвижимое имущество в собственность одаряемому.

Если говорить о признаках договора дарения недвижимости, то к их числу можно отнести его безвозмездный характер, предполагающий отсутствие встречного предоставления по договору; односторонне направленный характер, так как обязанность по передаче недвижимости присутствует

только у дарителя; реальность либо консенсуальность в зависимости от того, когда передается недвижимое имущество одаряемому - в настоящем или будущем времени. Если одаряемый получает недвижимость в настоящем времени, договор носит реальный характер, если в будущем (при обещании дарения) - консенсуальный характер.

Основным источником правового регулирования договора дарения недвижимости является Гражданский кодекс Российской Федерации [2] (далее - ГК РФ), а именно глава 32. Дарение является договором, а не односторонним обещанием передачи имущества. Для возникновения договорных отношений необходимо согласие обеих сторон. Даритель должен выразить волю на передачу имущества, а одаряемый — принять дар. Именно поэтому лицо не обязано принимать подарок. Закон предоставляет одаряемому право отказаться от дара. [10, с. 222]

Главной особенностью договора дарения является его безвозмездный характер. Безвозмездность означает, что одаряемый не обязан предоставлять дарителю какое-либо встречное имущество, деньги или иное имущественное благо. В этом смысле договор дарения уникален, так как для имущественного оборота безвозмездные отношения представляют исключение. [13, с. 295]

Договор дарения недвижимости имеет особенности по сравнению с дарением обычных вещей. Это связано с особым правовым режимом недвижимости. В соответствии с п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса РФ [1] недвижимостью являются здания, сооружения, то есть имущество, которое прочно связано с землей. Земельные участки также отнесены законодателем к числу недвижимых вещей.

Для договора дарения недвижимости важно точно определить его предмет. В договоре необходимо указать конкретный объект недвижимости: его адрес, площадь, кадастровый номер, иные индивидуализирующие характеристики. Наиболее распространенным предметом договора дарения является квартира. Это объясняется тем, что квартира - это один из наиболее значимых объектов имущества граждан. Жилой дом также может быть предметом договора дарения. Жилой дом связан с земельным участком, на котором он расположен. Поэтому при дарении жилого дома необходимо учитывать взаимосвязь прав на земельный участок и дом (п. 4 ст. 35 Земельного кодекса РФ [3], ст. 273 ГК РФ).

Земельный участок сам по себе является объектом недвижимости и может быть предметом договора дарения. Однако при его передаче необходимо учитывать особенности земельного законодательства. В договоре должны быть указаны кадастровый номер земельного участка, его площадь, категория земель, вид разрешенного использования (например, для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства). Эти сведения имеют практическое значение, поскольку определяют возможности использования участка новым собственником. Например, лицо получает в дар земельный участок, который невозможно использовать для строительства жилого дома. Поэтому при заключении договора необходимо всесторонне оценить правовой режим участка.

Договор дарения недвижимости, безусловно, предполагает наличие двух сторон: дарителя и одаряемого. Даритель выражает волю на передачу имущества, а одаряемый принимает решение о принятии дара. Без согласия одаряемого договор дарения недвижимости не будет заключен.

Если не касаться отношений представительства, то дарителем выступает собственник недвижимого имущества, сведения о котором внесены в реестр недвижимости. При подготовке договора дарения недвижимости необходимо установить: кто является собственником объекта, имеются ли обременения, отсутствуют ли запреты на совершение регистрационных действий. [7] При заключении договора необходимо убедиться, что лицо понимает содержание сделки, осознает ее последствия, действует добровольно. К сожалению, договор дарения недвижимости иногда заключается под влиянием насилия или угрозы. В п. 98 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [8] (далее - ПП ВС № 25) отмечается, что насилие или угроза могут иметь место не только со стороны контрагента по договору, но и со стороны третьего лица. Заключение договора под указанным влиянием может привести к признанию его судом недействительным по иску потерпевшего (п. 1 ст. 179 ГК РФ).

Одаряемым может быть любое лицо, если законом не установлены специальные ограничения. Наиболее часто одаряемыми становятся родственники. Однако родственные отношения не являются обязательным условием. Например, собственник квартиры может подарить ее своему другу, знакомому или какой-либо организации.

Одним из распространенных случаев является дарение недвижимости несовершеннолетним. Например, родители могут подарить ребенку квартиру или долю в праве собственности на нее. Такая сделка допускается, поскольку она направлена на увеличение имущества ребенка. Однако необходимо учитывать особенности правового положения несовершеннолетних. Несовершеннолетний может быть либо полностью недееспособным (с рождения и до 6 лет), либо частично

дееспособным (от 6 до 14 лет). В любом случае договор от имени одаряемого будет подписывать его законный представитель (ст. 28 ГК РФ). Если же несовершеннолетнему исполнилось 14 лет, договор в качестве одаряемого он подписывает сам, но при этом требуется письменное согласие законного представителя (ст. 26 ГК РФ).

Хотя в повседневной практике договор дарения недвижимости чаще всего заключается между гражданами, участниками такой сделки могут выступать и юридические лица. Юридическое лицо может быть как дарителем, так и одаряемым. При этом участие юридических лиц в договоре дарения имеет особенности, поскольку деятельность организаций связана с определенными целями создания и функционирования. Гражданское законодательство устанавливает запрет на дарение между коммерческими организациями, если стоимость дара превышает установленный законом предел (3 тысячи рублей), что связано с особенностями деятельности коммерческих юридических лиц (п. 1 ст. 575 ГК РФ). Коммерческая организация создается для извлечения прибыли, поэтому безвозмездная передача значительного имущества другой коммерческой организации может затрагивать интересы участников, кредиторов, иных заинтересованных лиц.

Распространенной ситуацией является дарение недвижимости одним из супругов. При этом необходимо учитывать режим супружеского имущества. В соответствии со ст. 34 Семейного кодекса РФ [4] (далее - СК РФ) приобретенное в период брака супругами имущество является их совместной собственностью, а в ст. 36 СК РФ представлены виды имущества каждого из супругов. При заключении договора дарения недвижимости важным является определение правового режима объекта недвижимости. Необходимо выяснить, входит ли объект в общее имущество супругов или является имуществом одного из них. Если недвижимость принадлежит супругу-дарителю, то распорядиться ей он может по своему усмотрению, в том числе подарить тому, кому хочет. Если же недвижимое имущество принадлежит супругам на праве общей совместной собственности, то подарить его один из супругов может только при наличии нотариального согласия другого супруга (ст. 35 СК РФ), так как последний является сособственником и в силу этого имеет возможность влиять на юридическую судьбу данного имущества. При этом следует помнить о п. 3 ст. 35 СК РФ и ст. 173.1 ГК РФ, согласно которым супруг, без нотариального согласия которого был заключен договор, имеет право требовать признания его недействительным только при условии, что будет доказана недобросовестность одаряемого. При добросовестности одаряемого договор невозможно признать недействительным. В этом случае добросовестный супруг, без нотариального согласия которого был заключен договор, может обратиться в суд с иском о разделе оставшейся части имущества, являющегося общим. При этом суд может отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе и присудить большую долю добросовестному супругу (п. 2 ст. 39 СК РФ).

Перейдем к рассмотрению формы исследуемого договора. Договор дарения недвижимости заключается в письменной форме (ст. 574, ст. 161 ГК РФ). Если стороны устно договорились о передаче какого-либо недвижимого имущества, необходимых юридических последствий это не повлечет. Существует мнение, что любой договор дарения недвижимости должен быть нотариально удостоверен. Это утверждение является неправильным. Сам по себе факт того, что предметом договора является недвижимость, не означает обязательного нотариального удостоверения договора дарения.

Закон устанавливает обязательное нотариальное удостоверение только для отдельных видов сделок. Это касается случаев, прямо предусмотренных законодательством. [5] Например, согласно п. 3 ст. 574 ГК РФ договор дарения недвижимости между гражданами заключается в обязательной нотариальной форме. Федеральный закон от 13 декабря 2024 года № 459-ФЗ [6] установил с 13 января 2025 года обязательное нотариальное удостоверение договоров дарения недвижимости, заключаемых между гражданами. Данное требование имеет свое обоснование. Указанное нововведение призвано защитить граждан, являющихся социально уязвимыми, к числу которых относятся пожилые граждане, инвалиды, те граждане, которые не обладают юридической грамотностью. Договоры дарения недвижимости, которые заключались в простой письменной форме выступали довольно распространенным способом отъема жилья. Статистика говорит об эффективности указанного нововведения. [12]

Особое значение нотариальное удостоверение имеет, когда речь идет о дарении доли в праве общей собственности на недвижимость. Если гражданин хочет подарить свою долю другому лицу, договор необходимо заключить в обязательной нотариальной форме (ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ). Причина такого регулирования заключается в повышенной сложности отношений общей собственности. При долевой собственности необходимо обеспечить защиту интересов всех участников. Нотариусу необходимо проверить, что содержание договора соответствует настоящим намерениям контраген-

тов и требованиям законодательства. [11]

Только с момента государственной регистрации можно говорить о возникновении права собственности на недвижимость у одаряемого (ст. 223, ст. 131 ГК РФ). Возможны ситуации, когда регистрация приостанавливается или в ее проведении отказывается. Причинами могут быть ошибки в документах, несоответствие договора требованиям закона, наличие ограничений или запретов. Например, в договоре неправильно указан кадастровый номер квартиры. В таком случае регистрирующий орган может приостановить процедуру до устранения недостатков.

Показательным примером из судебной практики является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2022 г. № 58-КГ21-13-К9 [9]. Даритель при жизни подписала договоры дарения квартиры и гаража, но документы на регистрацию перехода права собственности поданы не были. После ее смерти одаряемый подал иск о признании договоров заключенными и о вышеуказанной регистрации. Нижестоящие суды отказали, указав, что отсутствие государственной регистрации и факт продолжающегося проживания дарителя в квартире свидетельствуют о незаключённости договоров. Верховный Суд не согласился с этим подходом и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Вывод, который можно сделать в данном случае: отсутствие регистрации не свидетельствует о незаключенности договоров, а говорит только о том, что одаряемый не стал собственником при жизни дарителя.

ГК РФ предусматривает случаи, когда дарение запрещено, «за исключением обычных подарков» стоимостью не свыше трех тысяч рублей (ст. 575 ГК РФ). Недвижимость, разумеется, обычным подарком не является. Не допускается дарение от имени недееспособных и малолетних граждан их законными представителями. Это связано с необходимостью защиты интересов лиц, которые самостоятельно не могут в полном объеме оценить последствия отчуждения имущества. Например, родители не могут подарить принадлежащую малолетнему ребенку квартиру другому лицу, поскольку такая сделка фактически приводит к уменьшению имущества ребенка. Закон исходит из того, что представитель должен действовать исключительно в интересах представляемого лица.

Если речь идет о дарении доли в праве общей собственности на недвижимость, важным является понимание того, что доля представляет собой не конкретную часть объекта недвижимости, а часть права на него. Если доля гражданина в праве общей собственности на квартиру составляет 1/2, это не означает, что ему принадлежит отдельная половина квартиры. Это означает, что ему принадлежит половина права собственности на весь объект. Поэтому договор дарения доли отличается от дарения самостоятельного объекта недвижимости. При дарении доли преимущественное право ее приобретения другими сособственниками не действует в силу безвозмездности договора.

Несколько слов хотелось бы сказать об отмене дарения и о недействительности договора дарения недвижимости. При отмене прекращаются последствия договора, заключенного с соблюдений требований законодательства. Однако после заключения возникают обстоятельства, которые дают возможность отменить дарение. К числу оснований для отмены дарения относится покушение одаряемого на жизнь дарителя, жизнь членов его семьи или близких родственников либо умышленное причинение дарителю телесных повреждений (п. 1 ст. 578 ГК РФ). Если одаряемый совершает действия, грубо нарушающие интересы дарителя, закон позволяет поставить вопрос о возврате имущества.

Другое основание - это обращение с подарком, при котором создается риск его безвозвратной утраты, а подарок при этом имеет большую неимущественную ценность для дарителя (п. 2 ст. 578 ГК РФ). Для недвижимости это правило имеет особое значение. Например, гражданин подарил родовой дом своему родственнику. Дом имеет большое значение для семьи дарителя. После получения права собственности одаряемый начинает разрушать дом, не поддерживает его надлежащее состояние, допускает действия, которые могут привести к его уничтожению. В данном случае даритель также вправе требовать отмены дарения. Однако необходимо учитывать, что сам по себе конфликт между сторонами или ухудшение отношений не является достаточным основанием для отмены дарения.

Если суд принимает решение об отмене дарения, возникает вопрос о судьбе объекта недвижимости. Поскольку речь идет о недвижимости, последствия требуют внесения соответствующих изменений в Единый государственный реестр недвижимости.

Что касается недействительности договора, следует помнить о разграничении недействительных сделок на оспоримые и ничтожные. Первые признаются недействительными на основании судебного акта, а вторые недействительны независимо от судебного признания. Недействительность означает нарушение требований закона при заключении договора. Основаниями недействительности, в частности, являются совершение сделки гражданином, признанным недееспособ-

ным (ст. 171 ГК РФ), совершение сделки гражданином, не способным понимать значение своих действий (ст. 177 ГК РФ), совершение сделки под влиянием обмана, насилия, угрозы (ст. 179 ГК РФ).

Иногда гражданин при заключении договора не понимает его содержания. Например, ему сообщают, что договор связан с помощью по содержанию помещения, но на самом деле договор предполагает безвозмездный переход права собственности, то есть гражданина обманывают. В такой ситуации можно говорить о пороке воли дарителя и признании договора дарения недействительным как договора, заключенного под влиянием обмана.

На практике встречаются случаи, когда договор дарения используется для прикрытия другой сделки. Наиболее распространенный пример: фактически стороны договорились о продаже квартиры, но оформили договор дарения. Причины могут быть различными: желание избежать оформления купли-продажи, стремление скрыть реальные условия передачи имущества, попытка обойти права третьих лиц. В таком случае может возникнуть вопрос о притворности сделки. Суд при рассмотрении спора оценивает не название документа, а реальные отношения между сторонами. Если будет установлено, что под видом дарения фактически скрывалась другая сделка, будут применены нормы об этой сделке.

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Для договора дарения недвижимости характерны признаки безвозмездности, односторонней направленности и реальности либо консенсуальности в зависимости от того, когда передается недвижимость: в настоящем или будущем времени.

2. Каким бы не был объект недвижимости, он должен быть четко определен в договоре, чтобы условие о предмете считалось согласованным сторонами.

3. Сторонами договора могут быть как граждане, так и юридические лица. При этом стороны должны обладать соответствующим объемом дееспособности.

4. Юридическое лицо может выступать стороной договора дарения недвижимости. При этом не допускается дарение недвижимости между коммерческими организациями.

5. Дарение недвижимого имущества, находящегося в общей совместной собственности супругов, одним супругом допускается только при наличии нотариального согласия другого супруга. Если договор заключается без такого согласия, он может быть признан недействительным при условии, что доказана недобросовестность одаряемого. При добросовестности одаряемого сделка остается в силе, а у добросовестного супруга есть право обращения в суд с иском о разделе оставшейся части общего имущества.

6. Договор дарения недвижимости требует письменной формы. При заключении договора между гражданами требуется нотариальное удостоверение. Государственной регистрации подлежит переход права собственности на недвижимое имущество.

7. Доля в праве общей собственности на недвижимость представляет собой не конкретную часть объекта недвижимости, а часть права на него. При дарении доли преимущественное право ее приобретения другими сособственниками не действует в силу безвозмездности договора.

8. При отмене дарения недвижимости прекращаются последствия договора, заключенного в соответствии с требованиями законодательства, тогда как недействительность договора дарения недвижимости связана с нарушениями требований закона при его заключении.

Таким образом, договор дарения недвижимости - это важная гражданско-правовая конструкция, поскольку затрагивает вопросы перехода права собственности на наиболее ценные объекты имущества. Дарение недвижимости представляет собой сложный юридический механизм, который требует соблюдения требований гражданского, семейного, земельного законодательства.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

[3] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

[4] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[5] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.

[6] Федеральный закон «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 13.12.2024 № 459-ФЗ // Российская газета, 19 декабря 2024 г.

№ 288.

[7] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[9] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2022 г. № 58-КГ21-13-К9 // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=701554&ysclid=mtq2h6utcr470569443#PU6eSUVCB14BrWd4 (дата обращения: 06.09.2026).

[10] Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / Под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. — 543 с.

[11] Долгополова М.С., Петров И.В. Изменения нормативно-правового регулирования гражданских правоотношений в сфере приобретения, дарения и продажи недвижимости в Российской Федерации в 2025-2026 гг. // Epomen.Global. 2026. № 76. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-normativno-pravovogo-regulirovaniya-grazhdanskih-pravootnosheniy-v-sfere-priobreteniya-dareniya-i-prodazhi-nedvizhimosti (дата обращения: 04.09.2026).

[12] Еремеев М. А., Альфимова К. А. Договор дарения недвижимости в российском гражданском праве: проблемы правового регулирования и пути их решения // Научный Лидер. 2026. № 28 (281). URL: https://scilead.ru/article/12667-dogovor-dareniya-nedvizhimosti-v-rossijskom- (дата обращения: 04.09.2026).

[13] Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право. / Отв. редактор Е.А. Суханов. - 2-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2011. - 1208 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

[3] Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001, No. 136-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

[4] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

[5] Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries dated February 11, 1993, No. 4462-I // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. No. 10. Art. 357.

[6] Federal Law "On Amending Article 574 of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation" dated December 13, 2024, No. 459-FZ // Rossiyskaya Gazeta, December 19, 2024, No. 288.

[7] Federal Law dated July 13, 2015, No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4344.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated June 23, 2015, "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I, Part One, of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

[9] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58-KG21-13-K9 dated February 8, 2022 // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=701554&ysclid=mtq2h6utcr470569443#PU6eSUVCB14BrWd4 (accessed: 06.09.2026).

[10] Civil Law: Textbook: in 2 vols. Vol. 2 / Ed. by B.M. Gongalo. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Statut, 2017. — 543 p.

[11] Dolgopolova M.S., Petrov I.V. Changes in the Legal Regulation of Civil Law Relations Regarding the Acquisition, Gifting, and Sale of Real Estate in the Russian Federation in 2025–2026 // Epomen.Global. 2026. No. 76. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-normativno-pravovogo-regulirovaniya-grazhdanskih-pravootnosheniy-v-sfere-priobreteniya-dareniya-i-prodazhi-nedvizhimosti (accessed: 04.09.2026).

[12] Eremeev M. A., Alfimova K. A. The Real Estate Gift Agreement in Russian Civil Law: Issues of Legal Regulation and Ways to Address Them // Nauchny Lider [Scientific Leader]. 2026. No. 28 (281). URL: https://scilead.ru/article/12667-dogovor-dareniya-nedvizhimosti-v-rossijskom- (accessed: 04.09.2026).

[13] Russian Civil Law: Textbook: In 2 vols. Vol. II: Law of Obligations / Ed. by E. A. Sukhanov. — 2nd ed., stereotyped. — Moscow: Statut, 2011. — 1208 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-603-607
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

РЫМКЕВИЧ Яна Александровна,
кандидат политических наук,
доцент кафедры общетеоретических дисциплин
Северо-западного филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»,
тел.: +7921-355-46-84,
e-mail: iana_r@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕДИАТИВНЫХ СОГЛАШЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Аннотация. *В настоящей статье исследуется медиаторская деятельность, сфокусированная на этапе подготовки медиативного соглашения. Признавая, что в практике внесудебного разбирательства смысловое наполнение и интересы участников конфликта традиционно имеют приоритет над формальными аспектами, мы анализируем, как ИИ может усилить этот подход, минимизируя при этом юридические риски, возникающие на стадии фиксации договоренностей.*

Специалисты в области права внедряют искусственный интеллект посредством разнообразных инструментов, которые сегодня выступают в роли новых профессиональных стандартов.

Статья подробно рассматривает применение ИИ в процессе генерации и доработки формулировок медиативного соглашения. Этот процесс включает в себя лингвистический анализ исходных текстов, перефразирование для достижения максимальной ясности и нейтральности, а также автоматическую генерацию различных вариантов формулировок, позволяющих наилучшим образом отразить достигнутые сторонами договоренности.

Таким образом, статья демонстрирует, как современные технологии ИИ, будучи интегрированными в медиаторскую деятельность, способны не только оптимизировать формальные аспекты фиксации соглашений, но и обогатить смысловое содержание медиативных документов, обеспечивая тем самым более надежное и эффективное досудебное урегулирование споров.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, медиация, цифровизация, медиативное соглашение, досудебное урегулирование, институт медиации.*

Для цитирования: *Рымкевич Я. А. Применение искусственного интеллекта для повышения эффективности медиативных соглашений: правовые вызовы цифровой эпохи // Образование и право. 2026. № 10. С. 603–607.*

RYMKEVICH Yana Alexandrovna,
candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of General Theoretical
Legal Disciplines, North-west branch of the Federal State
Budget-Funded
Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF MEDIATION AGREEMENTS: LEGAL CHALLENGES OF THE DIGITAL ERA

Annotation. *This article examines mediation activities focused on the stage of preparing a mediation agreement. Recognizing that in practice, outside of court proceedings, the substantive content and interests of the conflict parties traditionally take precedence over formal aspects, we analyze how AI can enhance this approach while minimizing the legal risks that arise at the stage of formalizing the agreements.*

Legal professionals are implementing artificial intelligence through a variety of tools that today serve as new professional standards.

The article provides a detailed examination of the use of AI in the process of generating and refining the wording of a mediation agreement. This process involves a linguistic analysis of the source texts, rephrasing to achieve maximum clarity and neutrality, as well as automatically generating various wording options that best reflect the agreements reached by the parties.

Thus, the article demonstrates how modern AI technologies, when integrated into mediation activities, can not only optimize the formal aspects of documenting agreements but also enrich the semantic content of mediation documents, thereby ensuring more reliable and effective out-of-court dispute resolution.

Key words: *artificial intelligence, mediation, digitalization, pretrial dispute resolution, mediation agreement.*

For citation: *Rymkevich Ya. A. The application of artificial intelligence to improve the efficiency of mediation agreements: legal challenges of the digital era. Education and law. 2026;(10):603–607. (In Russ.).*

Введение

Сегодня процесс медиации эволюционирует от простой автоматизации процессов к внедрению интеллектуальных систем, влияющих на содержание правовых решений. С точки зрения правовой кибернетики, медиативное соглашение в цифровой среде становится гибридным продуктом взаимодействия человека и алгоритма. Это порождает риск «правовой энтропии» — снижения юридической определенности из-за непрозрачности работы ИИ.

В условиях, когда алгоритм становится «архитектором» условий соглашения, возникает острая потребность в алгоритмической прозрачности как фундаментальном условии реализации права на информированное волеизъявление во избежание потери доверия к досудебному разрешению споров.

Материалы и методы

Методологический фундамент исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, объединяющий общенаучные методы познания, частнонаучные юридические методы, а также специальные методы, выработанные на стыке права, цифровых технологий и этики.Выбор методов обоснован двойственной сущностью объекта: с одной стороны, это правовая природа медиативного соглашения, с другой — технологические и этические вызовы, возникающие при интеграции в него искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждения

Системы искусственного интеллекта (далее ИИ) пытаются воспроизвести когнитивные способности человека с помощью алгоритмов, представляющих собой математические команды, которые обеспечивают преобразование входных данных в выходные.

Технологии искусственного интеллекта, согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), определяются как совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [1].

В области гуманитарных наук, к которым относится и юриспруденция, ИИ чаще всего используют в работе, связанной с созданием и вычиткой текстов, включая проверку орфографии и анализ документов на предмет их сильных и слабых сторон с помощью специализированного программного обеспечения.

Согласно Стратегии государственной политики Российской Федерации по защите прав потребителей до 2030 года, закреплено следующее: «Разработка нормативного правового акта, предусматривающего создание и функционирование онлайн-сервиса досудебного урегулирования споров» [2], то есть интеграция алгоритмов ИИ в правовое поле распространяется на институты медиации, где обязательным завершающим этапом выступает формализация достигнутых договоренностей в виде медиативного соглашения.

Зарубежные авторы, такие как Х. М. Анцингер, Х. В. Кхан и другие, наиболее перспективной стратегией использования ИИ-технологий выделяют гибридную модель, где максимальная эффективность достигается не за

счёт полной автоматизации, а за счёт синергии. При предоставлении посреднических услуг ИИ берёт на себя обработку данных для конструирования схемы переговорного процесса в рамках сессий и подготовку проекта правового документа, а человек — стратегическое мышление, этическую оценку и творчество (эмпатию и понимание сторон конфликта).

В настоящий момент можно встретить литературу по набору промптов для сбора и анализа информации в юридической сфере как по составлению типовых правовых документов, так и по подбору судебной практики по отдельным вопросам. Возможно, в будущем появится программное обеспечение, представляющее собой экосистему для профессиональных медиаторов, которая при помощи конструктора поможет посреднику составить на заключительном этапе мировое или медиативное соглашение, которое «заключается в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения» [3].

В связи с текстуальной природой медиативного соглашения представляется целесообразным внедрение технологий ИИ в процесс его подготовки.

В данной парадигме роль медиатора трансформируется: он выступает не только как фасилитатор коммуникации, но и как соавтор, осуществляющий верификацию и концептуальную коррекцию сгенерированного контента. Его основная задача будет заключаться в минимизации когнитивных и технических искажений, а также в оптимизации временных затрат на составление документа.

Так, например, Дубровкина Н. С. указывает, что одним из условий придания юридической силы медиативному соглашению является «четкая идентификация сторон. В тексте должны быть указаны полные данные, позволяющие однозначно определить участников. Это требование вытекает из принципа определенности субъектного состава сделки (ст. 160 и ст. 432 ГК РФ) и минимизирует риски последующих споров о полномочиях подписавших лиц» [4].

К сожалению, в настоящее время наблюдаются технические ошибки при идентификации сторон из-за невнимательности составителей правовых документов.

Аналитический потенциал ИИ позволяет систематизировать результаты медиативных сессий и формулировать на их основе предиктивные предложения.

Искусственный интеллект способен обрабатывать огромные массивы информации с большей скоростью и точностью, чем человек, что делает его идеальным инструментом для создания предложений, которые можно будет включить в часть медиативного соглашения.

В случае открытого доступа искусственного интеллекта к материалам медиативных процедур и переписке конфликтующих сторон посредник с использованием специальных запросов способен идентифицировать общие и специфические аспекты спорных вопросов, а также предложить обязательства и сроки их реализации, устраивающие обе стороны.

Таким образом, процесс создания текста приобретает характер итеративного взаимодействия, в ходе которого медиатор осуществляет многократную артикуляцию и критическую интерпретацию данных, предложенных алгоритмом, обеспечивая тем самым точность и юридическую состоятельность итогового документа.

В этом контексте А. В. Бегичев подчеркивает значимость нотариального удостоверения медиативного соглашения как **«**наиболее удобный способ регулирования конфликта путём ведения взаимовыгодных переговоров» [5] через конструктивный диалог. Важным преимуществом данного подхода является возможность дистанционного удостоверения сделки, без совместного присутствия одной из сторон спора.

В связи с тем, что ограниченность ИИ основывается на том, что он «не обладает важнейшими предпосылками, свойствами и качествами человеческого интеллекта и сознания, а именно: подсознанием, переживанием, страхом смерти и потери близких, состраданием, чувствами, эмоциями, интуицией, словом, всем тем, что лежит в основе человеческого понимания, смыслообразования и творчества» [6, с.153].

Зарубежные исследователи выделяют такие недостатки ИИ, как алгоритмическая предвзятость, отсутствие прозрачности и проблемы с конфиденциальностью.

Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта закладывается еще на стартовых этапах: поскольку базы данных формируются и контролируются людьми, эффективность внедрения ИИ в медиативные процессы во многом определяется разработчиком платформы и качеством накапливаемой информации. На начальном этапе взаимодействия чат-бот способен выдавать ошибочные и даже рискованные советы из-за недостатка практического опыта. Для минимизации этих рисков целесообразно внедрять ИИ-технологии поэтапно, обеспечивая системе возможность самостоятельного обучения. Например, определяя при помощи нейросети предмет спора в итоговом документе, можно избежать

двусмысленности, четко указав на источник конфликта.

Поскольку высока вероятность наличия у посреднических структур корпоративных интересов, необходимо принимать во внимание риск корректировки их базовых характеристик под влиянием собственных ценностей и нормативных установок, что, в свою очередь, может отразиться на медиативном соглашении, например, в виде обязательного пункта в тексте.

Одним из решений проблемы конфиденциальности может стать: «(1) создание систем искусственного интеллекта, включающих функции обеспечения конфиденциальности, такие как анонимизация данных, и (2) обеспечение того, чтобы участники давали информированное согласие, чётко понимая, как будут использоваться их данные» [7, с. 3].

Следует учитывать, что ИИ предоставляет конфиденциальные сведения не из-за сбоя безопасности или несанкционированного доступа к уже накопленной информации, а благодаря анализу схожести моделей поведения в общем массиве данных, сформированном совместно.

Показателями эффективности применения ИИ-технологий при составлении медиативного соглашения могут выступать:

— снижение трансакционных издержек, особенно в трансграничных спорах, где расходы на коммуникацию, перевод, подготовку документов и координацию позиций сторон традиционно высоки;

— ускорение процедуры (например, переписывание соглашения до приемлемой формы может занять несколько минут с учётом типовых частей и оговорок);

— сокращение объёма документации, особенно если она будет храниться только в электронном виде;

— способность системы снижать риски алгоритмической предвзятости, непрозрачности и нарушения конфиденциальности (например, через анонимизацию данных и информированное согласие, подтверждающие волеизъявление сторон).

Заключение

В заключение следует отметить, что гибридная модель, при которой за человеком остаются функции контроля этики, справедливости и коммуникации, представляет собой не переходный этап, а устойчивую долгосрочную стратегию.

Гармоничный синтез технологических навыков и гуманистических принципов позволит эффективно использовать потенциал нейросетей, сохраняя при этом человекоцентричную природу медиации.

Главные правовые вызовы лежат в плоскости конфиденциальности, алгоритмической предвзятости и ответственности при использовании ИИ для подготовки медиативного соглашения.

В перспективе единая цифровая экосистема, признаваемая судебными органами, откроет новые возможности для организаций и частных лиц, предоставляющих услуги по медиации.

Нотариальный порядок удостоверения медиативного соглашения (включая дистанционный формат) станет оптимальным механизмом правового закрепления достигнутых договоренностей.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL:https://base.garant.ru/72838946/. (дата обращения: 10.08.2026).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2018 N 481-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.08.2017 N 1837-р» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294630/ (дата обращения: 10.08.2026).

[3] Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/a9a3e8f69c495a46eb599330dc1581772c0e4104/ (дата обращения 12.08.2026).

[4] Дубровкина Н. С. Устойчивость медиативного соглашения: обязательные условия // Вестник науки. 2026. № 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-mediativnogo-soglasheniya-obyazatelnye-usloviya (дата обращения: 16.08.2026).

[5] Бегичев А. В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovizatsii-vo-vzaimodeystvii-sudebnyh-i-notarialnyh-organov-v-primenenii-primiritelnyh-protsedur (дата обращения: 23.08.2026).

[6] Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А.А. Васильева. — Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2020. — 432 с.

[7] Hanna Ambaras Khan Artificial Intelligent (AI) in Business Mediation: A Tool to Empower Mediators //

International journal of academic research in business and social sciences Vol. 1 5 , No. 6, 2025 — P. 1-13.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019, No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended and supplemented) // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/72838946/ (accessed: August 10, 2026).

[2] Order of the Government of the Russian Federation dated March 23, 2018, No. 481-r "On Approval of the Action Plan for the Implementation of the State Policy Strategy of the Russian Federation in the Field of Consumer Rights Protection for the Period up to 2030, approved by Order of the Government of the Russian Federation dated August 28, 2017, No. 1837-r" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294630/ (accessed: August 10, 2026).

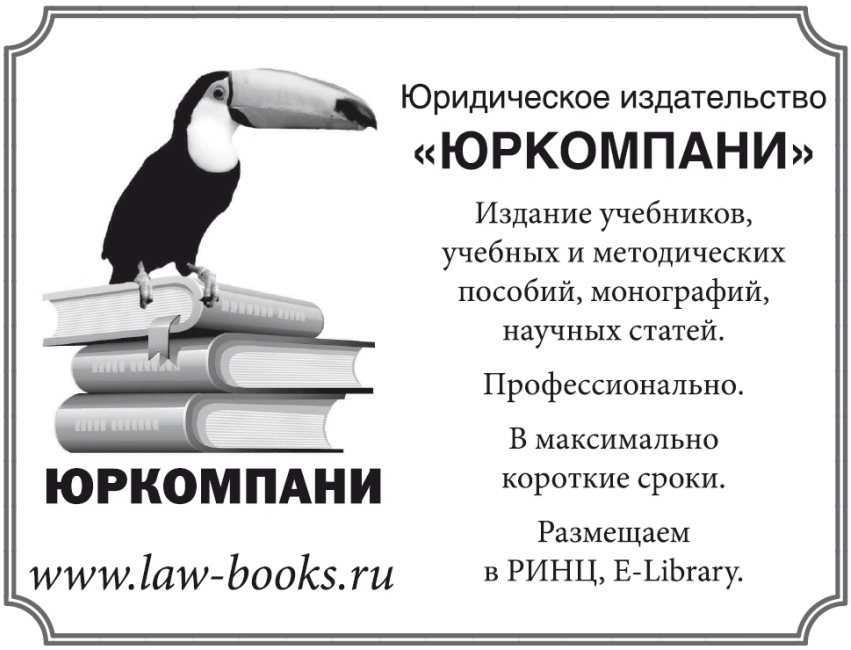
[3] Federal Law dated July 27, 2010, No. 193-FZ (as amended on July 26, 2019) "On the Alternative Procedure for Dispute Resolution with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/a9a3e8f69c495a46eb599330dc1581772c0e4104/ (accessed: August 12, 2026).

[4] Dubrovkina N. S. Stability of a Mediation Agreement: Mandatory Conditions // Vestnik Nauki (Bulletin of Science). 2026. No. 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-mediativnogo-soglasheniya-obyazatelnye-usloviya (accessed: 16.08.2026).

[5] Begichev A. V. The Role of Digitalization in the Interaction Between Judicial and Notarial Bodies in the Application of Conciliation Procedures // RUDN Journal of Law. 2022. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovizatsii-vo-vzaimodeystvii-sudebnyh-i-notarialnyh-organov-v-primenenii-primiritelnyh-protsedur (accessed: 23.08.2026).

[6] The Transformation of Law in the Digital Age: A Monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Altai State University; ed. by A. A. Vasiliev. — Barnaul: Altai University Press, 2020. — 432 p.

[7] Hanna Ambaras Khan. Artificial Intelligence (AI) in Business Mediation: A Tool to Empower Mediators // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences, Vol. 15, No. 6, 2025 — pp. 1–13.



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-608-614
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ГУЩИН Максим Станиславович,
аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Москва, Россия,
e-mail: badmax2001@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ

Аннотация. *В статье анализируется процесс трансформации условия о добросовестности владения в институте приобретательной давности, нашедший отражение в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ последних 10 лет. Несмотря на разъяснения высших судов, в судебной практике не сложилось единого подхода к рассматриваемому вопросу, что обуславливает актуальность выбранной темы.*

На примере ситуаций «неформальных» отчуждений недвижимости и приобретения выморочного имущества по давности владения разбираются новые критерии для признания давностного владельца добросовестным, затрагиваются вопросы выражения отказа от права, дается оценка взаимодействию собственника и давностного владельца в процессе приобретения права собственности по приобретательной давности, очерчиваются границы поведения добросовестного давностного владельца.

Автор приходит к выводу о наличии процесса дифференциации общего понятия добросовестности применительно к отдельным институтам вещного права, и объективизации условия о добросовестности применительно к институту приобретательной давности.

Ключевые слова: *вещное право, приобретательная давность, приобретение права собственности, добросовестность, субъективная добросовестность, объективная добросовестность, владение.*

Для цитирования: *Гущин М. С. Трансформация добросовестности в приобретательной давности // Образование и право. 2026. № 10. С. 608–614.*

GUSHCHIN Maxim Stanislavovich,
Postgraduate student of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF GOOD FAITH IN ACQUISITIVE PRESCRIPTION

Annotation. *The article analyses the process of transformation of the good-faith possession requirement in the institution of acquisitive prescription, as reflected in the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation over the past 10 years. Despite the clarifications provided by the higher courts, judicial practice has not developed a uniform approach to the issue under consideration, which accounts for the relevance of the chosen topic.*

Using the examples of «informal» alienations of real estate and the acquisition of escheat property by acquisitive prescription, the article examines new criteria for recognising a long-term (acquisitive prescription) possessor as a good-faith possessor, addresses the issues of expressing a renunciation of a right, evaluates the interaction between the owner and the long-term possessor in the process of acquiring ownership by acquisitive prescription, and outlines the boundaries of the behaviour of a good-faith long-term possessor.

The author concludes that there is a process of differentiation of the general concept of good faith in relation to individual institutions of property law, as well as an objectification of the good-faith requirement in relation to the institution of acquisitive prescription.

Key words: *property law, acquisitive prescription, acquisition of ownership, good faith, subjective good faith, objective good faith, possession.*

For citation: *Gushchin M. S. Transformation of good faith in acquisitive prescription. Education and law. 2026;(10):608–614. (In Russ.).*

Российский правопорядок дает возможность приобретать право собственности по давности только добросовестному владельцу, при этом условия давностного приобретения в законе не раскрываются. Данное обстоятельство, являющееся основной проблемой для единообразного понимания института приобретательной давности, порождает в юридическом сообществе дискуссию, в которой можно выделить два основных вопроса: нужно ли приобретательной давности условие о добросовестности владения, и, если ответ положителен, каково должно быть внутреннее содержание добросовестности.

В настоящей статье мы сосредоточимся на втором вопросе, полагая, что полное исключение условия о добросовестности из института приобретательной давности, заявленное в рамках проекта реформирования вещного права [4, с. 50], в ближайшем будущем не планируется ввиду продолжающегося развития его судебного толкования [5, с. 126-127].

Первое официальное разъяснение условий приобретательной давности было дано в совместном Постановлении ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 от 29.04.2010 [15] (далее – Постановление № 10/22). В нем был сформулирован подход, распространяющий понимание добросовестности приобретателя вещи от неуправомоченного отчуждателя на давностного владельца. Добросовестность в приобретательной давности, таким образом, вошла в ряд частных случаев проявления субъективной добросовестности, выраженной в извинительном заблуждении лица об отсутствии перехода к нему права собственности (формула «не знал и не мог знать»). Субъективный стандарт добросовестности ограничил круг применения приобретательной давности заблуждением по поводу фактических обстоятельств, выводя из-под действия рассматриваемого института многочисленные случаи, в которых давностный владелец знает об отсутствии у него надлежаще оформленного титула, но соблюдает остальные условия приобретения по давности.

Видя в такой ситуации наличие определенного дисбаланса защиты интересов собственника имущества и давностного приобретателя, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКГД ВС РФ) начала искать новый подход к условию о добросовестности. Черту под поисками в 2020 г. подвел Конституционный Суд, который, консолидировав правовые позиции Верховного Суда в Постановлении № 48-П от 26.11.2020 [13] (далее – Постановление № 48-П), описал логику изменения подхода к добросовестности, разграничив ее понимание для приобретательной давности и ограничении виндикации от добросовестного приобретателя. Основной довод такого решения кроется в различии целей вышеуказанных правовых институтов: целью приобретательной давности является возвращение имущества в гражданский оборот, включая, в частности, его надлежащее содержание, безопасное состояние, уплату налогов. Таким образом, при давностном приобретении, в отличие от ограничения виндикации, затрагивается не только частный интерес, но и публичный. Соответственно, извинительное незнание, закрепленное в составе ст. 302 ГК РФ, не должно являться обязательным условием для приобретения права собственности по давности владения. Высшие суды сделали акцент на возможности приобретения чужого имущества в рамках приобретательной давности, заключив, что в рассматриваемых случаях владелец способен знать об отсутствии у него правового титула. Вышеописанные изменения подхода связываются с экстраординарностью института: приобретательная давность используется только в случаях, когда «нормальная» связь собственника с вещью разорвана, и восстановить ее не представляется возможным из-за подверженности виндикационного требования исковой давности.

В судебной практике было указано на новые критерии для признания владельца добросовестным:

1) отсутствие нарушения чьих-либо прав (в первую очередь прав собственника);

2) соответствие поведения давностного владельца некоему усредненному «стандарту поведения собственника» на протяжении всего срока приобретательной давности.

Оговоримся, что данные критерии мы будем исследовать в рамках двух распространенных ситуаций приобретения по давности, которые рассматривались практикой высших судов:

1) т.н. «неформальные» отчуждения, при которых объекты недвижимости переходят к давностному владельцу по распорядительной сделке с пороком формы (в некоторых случаях к этому прибавляется неуправомоченный отчуждатель);

2) приобретение выморочного имущества (жилого помещения) лицом, связанным с бывшим собственником семейными, родственными или иными связями, не оформившем своих прав на него, но фактически проживающим в спорном объекте недвижимости [14] (сюда же входят споры

о приобретении по давности владения долей в общей собственности).

Перейдем к рассмотрению вышеуказанных критериев. Отсутствие нарушения чьих-либо прав определяется моментом завладения имуществом, которое должно быть непротивоправным; происходить внешне правомерными действиями. Данные критерии были выработаны в Определении СКГД ВС РФ от 20.03.2018 N 5-КГ18-3 [7] и далее воспроизведены в Постановлении № 48-П.

На наш взгляд, непротивоправность завладения можно понимать как отсутствие совершения преступления, правонарушения в отношении собственника при получении владения.

Концепция внешней правомерности ввиду отсутствия конкретики вызывает критику в рядах юридического сообщества: определить границы такой правомерности оказывается затруднительным [18, с. 206]. Можно предположить, что внешне правомерными действиями могут признаваться любые действия, соотносящиеся с волей собственника.

Из вышеуказанных рассуждений следует, что для установления добросовестности владельца важна оценка не только его собственного поведения (что следует из Постановления № 10/22), но и соотносящееся с ним поведение собственника приобретаемой по давности вещи. В сжатом виде весь первый критерий нового подхода можно описать следующим образом: выражая волю на отказ от своего права (далее – дереликция) в пользу владельца, собственник устраняется от имущества, теряя к нему правовой интерес (осуществляет т.н. «неформальную» дереликцию). Владелец же выражает волю на принятие вещи, завладевает ей непротивоправно, на основании определенной связи с собственником (такая связь может быть договорной, или же или же родственной (семейной)). Так, в частности, в Постановлении № 35-П указано, что необходимо учитывать правоожидания приобретения права собственности на выморочное имущество лицами, связанных с бывшим собственником родственными и (или) семейными узами. Значение установления воли на отчуждение имущества связано с внешней правомерностью завладения: если воля собственника изъявлена (например, написана расписка о принятии денежных средств по договору купли продажи, переданы ключи от объекта недвижимости), то владелец завладевает внешне правомерно, действуя в согласии с собственником. При этом правомерность остается мнимой, так как при наличии фактического основания не соблюдены формальные процедуры перехода права собственности.

Стоит оговориться, что даже при расширительном толковании добросовестности в ситуациях занятия чужой собственности без наличия каких-либо фактических оснований владельцу должно быть отказано в приобретении по давности как недобросовестному. Само по себе доброе отношение к вещи легко обнаружить у вора или незаконного оккупанта, установление же воли собственника на отчуждение имущества должно отсечь случаи самозахвата недвижимости.

Изменения можно обнаружить и в отношении понимания дереликции, которая, по мнению высших судов, не обязательно должна производиться путем совершения активных действий, как того требует ст. 236 ГК РФ (в доктрине так же превалирует мнение о невозможности осуществления дереликции путем бездействия [1]). Встает очевидный вопрос: как при отсутствии формализованной дереликции удостовериться, что собственник действительно утратил интерес к спорному имуществу? Высшие суды дают следующие маркеры: устранение от владения; неисполнение обязанностей по содержанию вещи, отсутствие возражений во время судебного разбирательства. Напротив, если титульный собственник занимает активную позицию в процессе, едва ли можно говорить об утрате интереса [8].

Описывая отношение собственника к своему праву, Верховный Суд использует формулировку «фактический отказ от права», которое исходит из длительного неосуществления предоставленных лицу правомочий. Неосуществление права само по себе не ведёт к его утрате, однако может создать предпосылку для этого. Данный тезис был впервые сформулирован в Постановлении КС РФ от 22.06.2017 N 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» [12] и применен к ситуации приобретения выморочного имущества. Впоследствии КС РФ расширил данную позицию на приобретение любого имущества, в т.ч., находящегося на праве частной собственности. Объяснение подобного подхода можно попробовать найти в следующем. Конструкция права собственности не ограничена временными рамками, однако объект такого права (недвижимая вещь) как часть физического мира подвержена износу и деградации с течением времени. Для удовлетворения своего правового интереса обладания недвижимостью собственнику необходимо поддерживать ее в надлежащем состоянии. С точки зрения публичного интереса, субъективное право собственности сохраняет смысл до тех пор, пока его осуществление обеспечивает сохранение вещи в должном виде. Как только связь собственника с вещью утрачивается, вещь начинает деградировать. В этом случае публичная власть должна

быть заинтересована в передаче вещи тому, кто готов нести обязанности по поддержанию вещи (коим является давностный владелец). В этом процессе видится одно из проявлений социальной функции собственности.

Перейдем ко второму критерию, связанному с оценкой действий давностного владельца. Владелец как бы подменяет собственника, встает на его место, принимая набор обязанностей, присущих собственнику, которые в общем виде включают действия по сохранению вещи. Этот аспект владения совпадает с пониманием бремени содержания имущества (ст. 210 ГК РФ): как юридическую обязанность, так и внутреннее стремление лица по использованию вещи как можно дольше (модель поведения рачительного хозяина) [2, с. 610]. При этом собственник, в силу полного господства над вещью, волен отказаться от любых действий по ее поддержанию, однако бремя содержания имущества может рассматриваться и как обязанность осуществлять свое право собственности в соотношении с общим благом. Таким образом, то, что является обязанностью для собственника, может служить доказательством добросовестности давностного владельца в объективном смысле. Отсюда следует, что содержанием объективной добросовестности в давностном владении могут служить конкретные действия по: защите имущества, поддержанию его состояния, преумножению полезных свойств (расширение, перестройка строений, рекультивация земли и тому подобное).

В частности, в одном из дел, рассмотренных СКГД ВС РФ, добросовестность владения доказывалась в том числе исполнением всех обязанностей члена СНТ (как уплату взносов за участок, так и платежей на содержание общего имущества) на протяжении длительного срока [9]. Действия по содержанию имущества, тем не менее, не могут быть фрагментарными; при общем запустении недвижимости (например, ее аварийность) отдельные вложения не ведут к добросовестности [6].

Конечно же, границы поведения добросовестного давностного владельца и собственника не совпадают. Давностный владелец совершает те действия по несению бремени, которые он может осуществить исходя из своего уязвимого правового статуса (так, к бремени содержания имущества относят действия по регистрации имущества, уплате налогов, чего фактический владелец по смыслу института приобретательной давности сделать не может). При этом, возможность приобретения по давности не прекращается в случаях, когда часть расходов на имущество продолжает нести титульный собственник (обозначенная выше уплата налогов) [10].

Проведенные изменения в понимании добросовестности были противоречиво встречены цивилистическим сообществом. Часть исследователей выражает сомнение в позициях, выработанных практикой СКГД ВС РФ и КС РФ, отдавая предпочтение защите собственника, вне зависимости от его рачительности или бесхозяйности по отношению к имуществу. Расширение условия о добросовестности владельца может повлечь за собой увеличение случаев недобросовестного поведения последних, на что неоднократно обращали внимание ряд авторов, в частности, А.Д. Рудоквас [16, с. 46]. Тенденции объективизации добросовестности, придания этому понятию оценочного характера, сторонниками субъективного подхода видятся как размытие единообразного понимания добросовестности в вещном праве, единая трактовка которой сдерживала главный риск, связанный с институтом приобретательной давности – риск легализации злоупотреблений и самозахватов, связанных с имуществом. К.И. Скловский замечал, что изменения в понимании добросовестности без указания ясного юридического состава приведут к произволу при ее применении судами [17, с. 72], что может лишить собственников уверенности в прочности и незыблемости своих прав на имущество [3, с. 81]. Расширение возможности фактических владельцев для приобретения права собственности, исходя из данных рассуждений, может восприниматься как поощрение безответственности последних.

Можно встретить и другие выводы. В частности, Л.В. Щенникова, рассматривая функции института приобретательной давности (в том числе экономическую, социальную), приходит к выводу о необходимости отхода от субъективного стандарта добросовестности как обременительного с точки зрения доказывания [19, с. 719]. А.С. Подмаркова справедливо утверждает, что конструкция правового института, его смысловое наполнение зависит от поставленных перед ним целей, которые, в свою очередь, можно сформулировать по-разному [11, с. 115]. Судебная практика высших судов, выстраивая понимание условия о добросовестности, старается учитывать отечественный экономико-правовой ландшафт: так, Конституционный Суд при разрешении вопросов давностного владения, напрямую указывает на роль состояния «общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан» [14]. Беря во внимание рассмотренное выше, можно утверждать, что целью института приобретательной давности на современном этапе его су-

ществования является защита стабильности гражданского оборота. Она реализуется путем возвращения вещей в гражданский оборот через признание (легализацию) фактического положения дел. Такое признание, в свою очередь, происходит посредством замещения собственника, фактически устранившегося от вещи, на давностного владельца.

Верховный и Конституционный суды РФ привели понимание добросовестности в соответствии с целями, поставленными перед институтом приобретательной давности, что, несмотря на наличие дискуссионных моментов в аргументации высших судов, может положительно сказаться на состоянии гражданского оборота.

По нашему мнению, разграничение добросовестности для целей приобретательной давности и ограничения виндикации помогает лучше учитывать специфику отдельных правоотношений, а возможность объективной оценки критерия добросовестности позволяет применить гибкость к вопросу о возникновении права собственности вследствие приобретения по давности владения.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1) В судебной практике, сформированной Верховным и Конституционным судом за последнее десятилетие, имеет место дифференциация общего понятия добросовестности применительно к отдельным институтам вещного права;

2) Целью института приобретательной давности на современном этапе его существования, согласно рассмотренной судебной практике, является защита стабильности гражданского оборота.

3) Произошла объективизация условия о добросовестности в приобретательной давности, которую можно описать как процесс трансформации понимания добросовестности от извинительного незнания о фактических обстоятельствах к оценке фактических действий собственника на соответствие их определенному стандарту поведения на протяжении всего срока приобретательной давности.

4) Новый «объективный» подход к определению добросовестности предполагает установление двух критериев: отсутствия нарушения чьих-либо прав и соответствия поведения давностного владельца некоему усредненному «стандарту поведения собственника» на протяжении всего срока приобретательной давности. При отсутствии одного из критериев владелец должен быть признан недобросовестным.

Список литературы:

[1] Арыкова К.А. Форма дереликции в отношении недвижимого имущества // Юрист. – 2025. – № 6. – С. 9-14.

[2] Гражданское право: учебник. В 3 томах. Т. 1 / под редакцией А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 1040 с.

[3] Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 7. – С. 67-111.

[4] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07.10.2009 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11. – С. 6-99.

[5] Мартынова А.А. Содержание критериев приобретательной давности в доктрине и правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 121-130.

[6] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2026 N 88-17494/2026. // Первый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/ (дата обращения: 07.09.2026).

[7] Определение СКГД ВС РФ от 20.03.2018 N 5-КГ18-3. // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/ (дата обращения: 07.09.2026).

[8] Определение СКГД ВС РФ от 22.10.2019 N 4-КГ19-55. // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22102019-n-4-kg19-55-2-5982018/ (дата обращения: 07.09.2026).

[9] Определение СКГД ВС РФ от 13.05.2025 N 49-КГ25-4-К6. // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13052025-n-49-kg25-4-k6-uid-03rs0001-01-2023-001641-10/ (дата обращения: 07.09.2026).

[10] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.07.2026 N 88-14299/2026. // Шестой кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases (дата обращения: 07.09.2026).

[11] Подмаркова А. С. Условия приобретательной давности и необходимость их реформирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 109-137.

[12] Постановление КС РФ от 22.06.2017 N 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_218686/ (дата обращения: 07.09.2026).

[13] Постановление КС РФ от 26.11.2020 N 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369276/ (дата обращения: 07.09.2026).

[14] Постановление КС РФ от 28.05.2026 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Иваньковой Ольги Константиновны». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_535197/ (дата обращения: 07.09.2026).

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 7. С. 27-44.

[16] Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография. – М.: Закон, 2011. – 304 с.

[17] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве (6-е изд., испр. и доп.). – М.: Статут, 2023. – 895 с.

[18] Тузов Д.О. Об эксклюзивности и добросовестности владения как условиях приобретения по давности долей в общей собственности // Вещное право: вчера, сегодня, завтра: сборник статей к 50-летию А.О. Рыбалова / под ред. Г.А. Гаджиева, Д.О. Тузова, А.Д. Рудокваса [и др.]. – М.: Статут, 2023. – С. 186–219.

[19] Щенникова Л.В. Институт приобретательной давности: законодательство, доктрина, судебная практика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 4. – С. 706-723.

References:

[1] Arykova K.A. A Form of Dereliction Regarding Immovable Property // Yurist (The Jurist). – 2025. – No. 6. – pp. 9–14.

[2] Civil Law: Textbook. In 3 volumes. Vol. 1 / ed. by A.P. Sergeyev. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2020. – 1040 p.

[3] Opinion of the Department of Civil Law of St. Petersburg State University on the Draft Amendments to the Section on Property Rights in the Civil Code of the Russian Federation // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. – 2020. – No. 7. – pp. 67–111.

[4] Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation, dated October 7, 2009 // Herald of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11. – pp. 6–99.

[5] Martynova A.A. The Content of Criteria for Acquisitive Prescription in Legal Doctrine and Law Enforcement Practice // Current Problems of Russian Law. – 2022. – No. 12. – pp. 121–130.

[6] Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated July 15, 2026, No. 88-17494/2026 // First Cassation Court of General Jurisdiction. URL: https://1kas.sudrf.ru/ (accessed: September 7, 2026).

[7] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 20, 2018, No. 5-KG18-3 // UIS Legalact. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/ (accessed: 07.09.2026).

[8] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.10.2019, No. 4-KG19-55. // Legalacts Legal Information System. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22102019-n-4-kg19-55-2-5982018/ (accessed: 07.09.2026).

[9] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.05.2025, No. 49-KG25-4-K6. // Legalacts Legal Information System. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13052025-n-49-kg25-4-k6-uid-03rs0001-01-2023-001641-10/ (accessed: 07.09.2026).

[10] Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 20.07.2026, No. 88-14299/2026. // Sixth Cassation Court of General Jurisdiction. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases (accessed: 07.09.2026).

[11] Podmarkova A. S. Conditions for Acquisitive Prescription and the Need for Their Reform // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – No. 2. – pp. 109–137.

[12] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 22, 2017, No. 16-P “On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provision of Clause 1 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with a Complaint by Citizen A. N. Dubovets.” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218686/ (accessed: 07.09.2026).

[13] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 26, 2020, No. 48-P “On the Case Concerning the

Review of the Constitutionality of Clause 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with a Complaint by Citizen V. V. Volkov." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369276/ (accessed: 07.09.2026).

[14] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 28, 2026, No. 35-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Clause 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with a Complaint by Citizen Olga Konstantinovna Ivankova." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_535197/ (accessed: 07.09.2026).

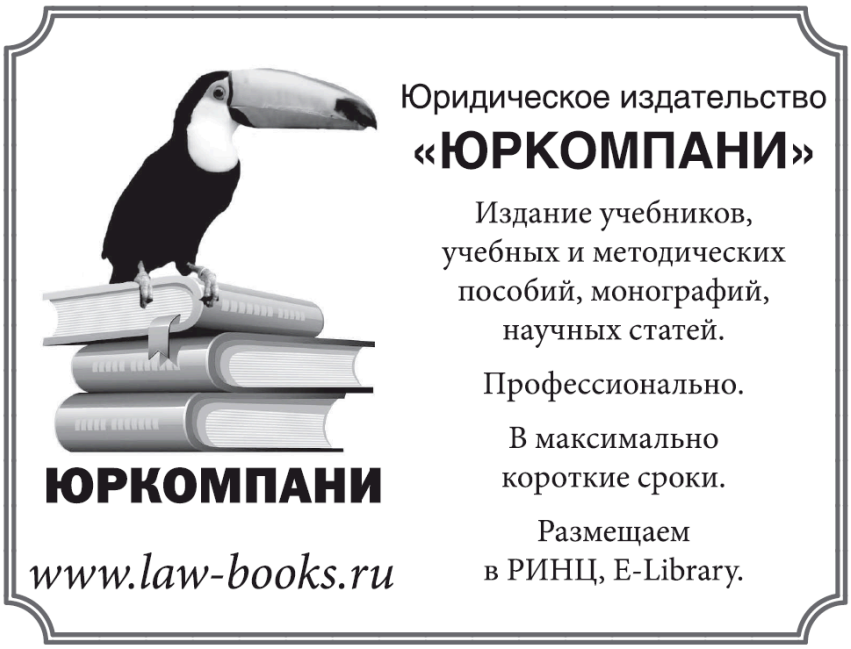
[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 dated April 29, 2010, "On Certain Issues Arising in Judicial Practice Regarding the Resolution of Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Real Rights" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2010. – No. 7. – pp. 27–44.

[16] Rudokvas A.D. Contested Issues in the Theory of Acquisitive Prescription: A Monograph. – Moscow: Zakon, 2011. – 304 p.

[17] Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law (6th ed., revised and supplemented). – Moscow: Statut, 2023. – 895 p.

[18] Tuzov D.O. On the Exclusivity and Good Faith of Possession as Conditions for Acquiring Shares in Common Ownership via Prescription // Real Rights: Yesterday, Today, Tomorrow: A Collection of Articles Dedicated to the 50th Birthday of A.O. Rybalov / ed. by G.A. Gadzhiev, D.O. Tuzov, A.D. Rudokvas [et al.]. – Moscow: Statut, 2023. – pp. 186–219.

[19] Shchennikova L.V. The Institution of Acquisitive Prescription: Legislation, Doctrine, and Judicial Practice // Perm University Herald. Juridical Sciences. – 2024. – No. 4. – pp. 706–723.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-615-622
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

МАТВЕЕНКО Андрей Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), ORCID 0009-0007-0009-6427, e-mail: anmatveenko@mail.ru

Научный руководитель:
ЮДИН Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), e-mail: mail@law-books.ru

РЕШЕНИЯ О ПРИСУЖДЕНИИ В ДЕЛИКТНЫХ ПАТЕНТНЫХ СПОРАХ

Аннотация. *Целью статьи является исследование деликтных правоотношений в патентном праве с позиции материального и процессуального права. Исследуются проблемы, связанные с тенденцией отказа в удовлетворении исковых требований о возмещении вреда, причиненного признанными впоследствии недействительными решениями Роспатента. Автором формулируется самостоятельная категория деликтных патентных споров по основанию возникновения обязательств. Исследуется проблема разрешения публичных деликтных споров по правилам искового производства, что предопределяет необходимость доказывания истцом (а не публичным органом) четырехэлементного состава правонарушения. В конце статьи формулируются выводы и предложения, связанные с митигацией негативных последствий признания патентов недействительными по основаниям несоответствия объектов патентных прав признакам патентоспособности.*

Ключевые слова: *патентное право, цивилистический процесс, решения о присуждении, деликтный спор, патентный спор, Роспатент.*

Для цитирования: *Матвеенко А. С. Решения о присуждении в деликтных патентных спорах // Образование и право. 2026. № 10. С. 615–622.*

MATVEENKO Andrey Sergeyevich,
Postgraduate Student, Department of Civil and Arbitration Procedure and Law Enforcement Activity, Russian State Academy of Intellectual Property (RSAIP)

Academic Supervisor:
YUDIN Andrey Vladimirovich,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Civil and Arbitration Procedure and Law Enforcement Activity, Russian State Academy of Intellectual Property (RSAIP)

AWARD DECISIONS IN TORT PATENT DISPUTES

Annotation. *The purpose of the article is to study tort legal relations in patent law from the perspective of substantive and procedural law. The problems associated with the tendency to refuse to satisfy claims for damages caused by subsequently invalidated decisions of Rospatent are being investigated. The author formulates an independent category of tort patent disputes on the basis of*

obligations. The article examines the problem of resolving public tort disputes according to the rules of claim proceedings, which determines the need for the plaintiff (and not the public authority) to prove the four-element composition of the offense. At the end of the article, conclusions and suggestions are formulated related to the mitigation of the negative consequences of invalidating patents on the grounds of non-compliance of objects of patent rights with the criteria of patentability.

Key words: *patent law, civil procedure, award decisions, tort dispute, patent dispute, Rospatent.*

For citation: *Matveenko A. S. Award decisions in tort patent disputes. Education and law. 2026; (10):615–622. (In Russ.).*

Введение

В отечественной науке вопросы, посвященные деликтным правоотношениям, рассматриваются преимущественно в сфере публичного права [1; 2; 3], оставаясь едва затронутыми в сфере гражданского права и его подотраслей. Особый интерес в этой связи вызывает существование деликтных обязательств в патентном праве, сочетающем в себе публичные и частные элементы. Данное обстоятельство предопределяет возможность возникновения деликтных обязательств между участниками патентных правоотношений на всех стадиях и между различными субъектами (в процессе патентования, в процессе реализации правообладателем исключительного права).

Цель исследования заключается в формировании понятия деликтного патентного спора, изучения вопросов вынесения судами решений о присуждении в таких спорах, выявления схожих и различных элементов в публичных деликтных спорах и в частных деликтных спорах.

Основное исследование

Стоит отметить, что под деликтными в юридической науке следует понимать правоотношения, складывающиеся в результате причинения нарушителем (делинквентом) вреда (ущерба, убытков) личности или имуществу гражданина или юридического лица (потерпевшему). Указанные обязательства возникают *вне договорных отношений* и регламентированы главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Следует согласиться с позицией А. Л. Маковского, отмечавшего, что нарушение исключительного права по своему характеру представляет собой бездоговорное использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации и представляет собой деликт, поскольку вред причиняется имущественному праву [4]. Указанное умозаключение следует развить и заметить, что в патентном праве (и в целом в праве интеллектуальной собственности) деликтные обязательства возникают как вследствие нарушения *имущественных прав*, так и вследствие нарушения *личных неимущественных прав*.

Деликты имеют место и в *частных правоотношениях* (то есть в горизонтальных отношениях, где участники являются фактически и юридически равноправными, не подчиняются друг другу), и в *публичных правоотношениях* (то есть в вертикальных и управленческих отношениях, в которых стороной выступает орган власти, выполняющий функции публичной администрации).

Частные деликтные споры происходят преимущественно после возникновения исключительного права (когда речь идет о нарушении имущественного права), но могут возникать и в процессе патентования (когда нарушается личное неимущественное право).

Публичным деликтным спорам присуще наличие административного элемента, поскольку возникновение исключительного права зависит от установления уполномоченным органом соответствия технического решения условиям патентоспособности (параграф 5 главы 72 ГК РФ). Еще один признак *публичности* проявляется в возможности ограничения Правительством Российской Федерации абсолютного права патентообладателя, заключающееся в издании решения об использовании изобретения в интересах национальной безопасности (ст. 1360 ГК РФ) или для производства лекарственного средства в целях его экспорта в соответствии с международным договором (ст. 1360.1 ГК РФ). Деликтные обязательства, возникающие в отношениях с органами публичной власти, регламентируются специальным деликтом, предусмотренным ст. 1069 ГК РФ.

Указанное позволяет констатировать следующее: *деликтные патентные споры* представляют собой внедоговорные споры, возникающие вследствие нарушения патентных прав. Общие основания ответственности за причинение вреда (ст. 1064 ГК РФ) нашли своё развитие в создании *особых составов ответственности* применительно к частным деликтным спорам.

Так, если имело место нарушение исключительного права, ст. 1252.1 и ст. 1406.1 ГК РФ предусматривают возможность для потерпевшего лица выбора между взысканием убытков или выплатой компенсации. Защита личных неимущественных прав регламентируется ст. 1251 ГК РФ, согласно

которой потерпевшее лицо вправе обратиться за компенсацией морального вреда (параграф 4 главы 59 ГК РФ).

Для публичных деликтных споров патентное право не предусматривает отдельных составов, поэтому руководствоваться необходимо специальным деликтом, предусмотренным ст. 16, ст. 1069 ГК РФ.

Следует заметить, что частные деликтные споры, с учетом специфики каждого дела, тем не менее, разрешаются достаточно единообразно, что нельзя сказать о публичных деликтных спорах.

Судебная практика свидетельствует о *тенденции к отсутствию решений о присуждении* в публичных деликтных спорах. Связано это, на наш взгляд, с негативными последствиями для государственного бюджета, поскольку возмещение вреда осуществляется за счет казны РФ, субъекта или муниципального образования (ст. 1069 ГК РФ). Если частные деликтные споры в своём большинстве разрешаются между частными и юридическими лицами, не выполняющими функции публичной власти, и решение о присуждении (если в исковом требовании было заявлено возмещение убытков, выплата компенсации или возмещение морального вреда) влияет на финансовое состояние тяжущихся, то в публичных деликтных спорах ошибка органа может стоить государству нескольких миллионов убытков. Постараемся раскрыть данный вопрос более подробно.

Сперва оговоримся о подходе, закрепленном в постановлении Пленума ВС РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [5]. Так, абзац 3 пункта 37 содержит следующее положение: «моральный вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, нарушающих права гражданина, исходя из норм статьи 1069 и пункта 2 статьи 1099 ГК РФ, рассматриваемых во взаимосвязи, **компенсации не подлежит.** Вместе с тем моральный вред подлежит компенсации, если оспоренные действия (бездействие) повлекли последствия в виде нарушения **личных неимущественных прав граждан**» (выделено полужирным – автором). Далее в указанном абзаце перечисляются примеры, среди которых – случаи реализации гражданами права на получение мер социальной защиты, социальных услуг в рамках социального обслуживания и социальной помощи, и иные случаи, являющиеся предметом *права социального обеспечения*. Вместе с тем, полагаем, что возможность взыскания морального вреда за нарушение личных неимущественных прав автора *существует* и при вынесении Роспатентом незаконного ненормативного правового акта, который впоследствии будет признан недействительным, при *условии доказанности* всех оснований ответственности (ст. 15 ГК РФ).

Однако проблемы на практике возникают и с, казалось бы, более тривиальной категорией - взысканием вреда за нарушение имущественных прав. Как отмечается в научной литературе К. А. Лебедем, судебное решение о присуждении не всегда соответствует иску того же вида [6, с. 197], указанное обстоятельство имеет место как раз в случае отказа судом в удовлетворении исковых требований.

Так, в деле N СИП-593/2022 истцом был предъявлен *иск о присуждении*, предметом которого являлось возмещение убытков, причиненных действиями Роспатента. Истец выступал лицензиатом по договору о предоставлении права использования на изобретение, которое впоследствии было признано недействительным. В период действия патента истец выплатил патентообладателям роялти в размере 170 070 025 рублей, поскольку заключение лицензионного договора было вынужденным шагом для осуществления предпринимательской деятельности. Отсутствие заключенного договора (необходимость его заключения императивно предусмотрена ст. 1369 ГК РФ) повлекло бы нарушение исключительного права патентообладателей.

После признания выданного патента недействительным истец предпринял вполне логичный шаг и обратился за возмещением убытков: если патент не должен был быть выдан изначально в силу несоответствия технического решения условиям патентоспособности, то Роспатент должен *понести соразмерную ответственность за допущенные ошибки*, которые привели к имущественным потерям добросовестного участника рынка, положившегося на государственную регистрацию объекта патентных прав уполномоченным органом. Следует оговориться, что впоследствии, на этапе рассмотрения кассационной жалобы по указанному делу, решения Роспатента и суда первой инстанции о признании недействительным патента были признаны не соответствующими требованиям закона и на Роспатент была возложена обязанность восстановить действие патента.

Иск о возмещении убытков был ожидаемо отклонен. Вместе с тем, сама аргументация, содержащаяся в постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 09.03.2023 N С01-150/2023 по делу N СИП-593/2022 [7], видится достаточно спорной, и обсуждения заслуживают два тезиса, нашедших отражение в текстах судеб-

ных актов.

Первый тезис связан с тем, что патент, который в дальнейшем был признан недействительным, не является следствием *виновных действий* Роспатента. Как отмечал А. П. Сергеев, в отдельных случаях вина Роспатента может отсутствовать, например, при проведении экспертизы заявок на товарные знаки Роспатент не проверяет обозначение на соответствие всем требованиям, предусмотренным ст. 1483 ГК РФ [8]. Аналогичное может быть сказано в отношении объектов патентных прав, поскольку подпункт 5 пункта 1 ст. 1398 ГК РФ предусматривает возможность признания недействительным патента, если он выдан с указанием в качестве автора или патентообладателя лица, не являющегося таковым. В остальных же случаях, если патент был аннулирован по причине несоответствия его признакам патентоспособности (что устанавливается и проверяется на стадии экспертизы соответствующим отделом Роспатента), речь может идти лишь о выполнении экспертами *недостаточной проверки*.

Следует заметить ошибочность выводов А.П. Сергеева о том, что наличие вреда и причинной связи в публичных деликтных спорах с Роспатентом *презюмируются* и не требуют доказывания со стороны потерпевшего лица [8]. К указанным выводам А.П Сергеев приходит из систематического толкования п. 5 ст. 200 АПК РФ и п. 1 ст. 249 ГПК РФ (в ред. от 06.04.2015), содержавших положения о распределении обязанностей по доказыванию *по делам, возникающим из публичных правоотношений*. Данный подход А.П. Сергеева можно рассматривать исключительно с позиции de lege ferenda, однако de lege lata процессуальное законодательство устанавливает совершенно другие правила. Для публичных деликтных споров предусмотрена *исковая форма производства* (что само по себе, на наш взгляд, является противоречащим здравой логике). Такой выбранный подход лишает (заявителя) тех самых гарантий, предусматривающих презумпцию виновности публичного органа. Указанный порядок прямо предусмотрен п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» [9], а также абзацем 2 п. 2, п. 28 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (далее - Постановление Пленума ВС РФ N 21) [10]. Исковые требования из деликта *не рассматриваются* в порядке производства по делам из публичных отношений (гл. 24 АПК РФ), несмотря на возможность одновременного рассмотрения Судом по интеллектуальным правам требования об оспаривании ненормативного акта и требования о возмещении вреда, что закреплено абзацем 6 п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [11].

П. 33 Постановления Пленума N 21 [10] дополнительно содержит положения, согласно которым Суд по интеллектуальным правам вправе рассматривать имущественные (деликтные) требования в одном иске с требованием об оспаривании ненормативных правовых актов, но по правилам искового производства.

Совершенно иные правила действуют в КАС РФ, где суд, при наличии в административном исковом заявлении требований, подлежащих рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, оставляет заявление без движения, если при этом отсутствуют основания для отказа или возвращения в соответствующей части (п. 28 постановления Пленума N 21). Если же разделение требований невозможно, то административное исковое заявление подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства (ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ). По нашему мнению, с учетом такой специфики КАС РФ, совмещение требований о признании решений Роспатента недействительными и о возмещении вреда можно не рассматривать в качестве связанных между собой, разделение которых было бы невозможно. Аналогичной позиции придерживается и Р. О. Опалев [12]. Полагаем, что указанное может иметь значение и для арбитражного процесса, в котором, тем не менее, законодатель предусмотрел возможность объединения требований и рассмотрения их в одном процессе, с учетом правил отдельных производств, с целью процессуальной экономии.

Следует отметить еще одно обстоятельство: пунктом 2 Постановления Пленума N 21 также предусмотрено, что суды при рассмотрении дел по правилам главы 22 КАС РФ, главы 24 АПК РФ по итогам рассмотрения дел о законности ненормативных правовых актов могут принять решение о возврате излишне уплаченных платежей, выплаты компенсации за незаконные решения, действия (бездействие) органов и лиц, наделенных публичными полномочиями, если это необходимо *с целью восстановления нарушенных прав* гражданина, организации. Вместе с этим закрепляется следующее положение: «Требования, **не вытекающие из публичных правоотношений**, включая требования о возмещении вреда, причиненного принятием незаконных решений, совершением действий (допущенным бездействи-

ем), могут быть отдельно предъявлены […] **в порядке гражданского, арбитражного судопроизводства**» (выделено полужирным – автором). Исковые требования о присуждении убытков в случае причинения вреда ненормативным правовым актом, носят, безусловно, имущественный характер. Однако возникает вопрос: в связи с чем требования о возмещении вреда, причиненного принятием незаконных решений, приравнены к требованиям, *не вытекающим из публичных правоотношений*? Указанный довод видится серьезным логическим противоречием. Публичные органы при издании ненормативных правовых актов выступают в качестве *публичной администрации и только таким образом*. В этой связи, полагаем, указанный подход Верховного Суда и в целом законодателя связан исключительно с тем, что рассмотрение публичных деликтных споров в порядке административного судопроизводства повлекло бы предоставление истцам (заявителям) тех же гарантий, которые существуют при оспаривании ненормативных правовых актов (в первую очередь, переложение на публичный орган бремени доказывания). Изменение производства по указанным спорам повлекло бы волну судебных решений о присуждении, что, безусловно, возымело бы негативный эффект на казну. Вместе с этим, указанная проблематика *не должна оставаться незамеченной и требует проработки*, в связи с чем адекватным и соответствующим реальным для возможностей бюджета государства решением видится повышение эффективности отделов экспертизы Роспатента. В первую очередь, необходимо направить усилия на создание условий для проведения более детальных проверок экспертами с целью исключения возможностей оспаривания патентов по основаниям несоответствия объектов патентных прав условиям патентоспособности.

Второй тезис связан с тем, что Президиум Суда по интеллектуальным правам поддержал довод, изложенный судом первой инстанции в деле N СИП-593/2022: «при должной степени разумности и осмотрительности […] **могло до заключения лицензионных договоров с патентообладателями заказать проведение патентно-технического исследования** на предмет соответствия изобретения условиям патентоспособности и в случае выявления несоответствия обратиться с возражением против выдачи спорного патента. Однако такие действия общество не совершило, следовательно **не предприняло необходимые меры для исключения несения расходов**, связанных с выплатой лицензионных платежей в пользу патентообладателей» (выделено полужирным – автором). Указанная позиция ставит под сомнение статус Роспатента как компетентного органа, уполномоченного осуществлять регистрацию объектов патентных прав. В соответствии с п. 5.8 Постановления Правительства РФ от 21.03.2012 N 218 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» [13], к полномочиям Роспатента отнесено осуществление государственной регистрации объектов патентных прав с выдачей на них патентов. Согласно п. 144 Приказа Роспатента от 11.12.2020 N 163 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» [14], Роспатент (с привлеченным подведомственным ему согласно п. 9 данного приказа ФИПС) осуществляет проверку соответствия изобретения требованиям и условиям патентоспособности, а также осуществляет проверку на соответствие заявленного технического решения требованиям, установленным п. 4 ст. 1349 ГК РФ.

Вывод суда о том, что в действиях лицензиата отсутствовали должная степень разумности и осмотрительности, поскольку он не осуществил дополнительный патентный поиск, видится нам *неверным*. Во-первых, лицо, полагающееся на государственные реестры объектов патентных прав, исходит из того, что техническое решение, перед его государственной регистрацией, было должным образом исследовано компетентным публичным органом, которому за проведение экспертизы и выдачу патента была уплачена соответствующая патентная пошлина. Во-вторых, указанный довод влечет необходимость проведения проверки в отношении абсолютно всей интеллектуальной собственности, возникновение которой обусловлено её регистрацией. Указанное ставит под сомнение полномочия Роспатента, влечет необходимость пересмотра аккредитации, наделения ей другого органа, поскольку такой подход негативным образом влияет на общественные экономические отношения, складывающиеся в связи с использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Полагаем, что данный довод имеет место исключительно для целей обоснования отсутствия вины Роспатента в причинении вреда гражданам и организациями при принятии ненормативного правового акта, признанного впоследствии недействительным.

На текущий момент, с учетом экономического потенциала государства, задача в справедливом установлении вины Роспатента в публичных деликтных спорах видится явно второстепенной и отчасти утопической. Автором настоящей ста-

тьи считается, что все предлагаемые изменения должны носить адекватный и соответствующий возможностям законодателя характер. Митигировать негативные последствия для всех участников экономического оборота предлагается озвученными выше решениями: усилением работы отдела экспертизы Роспатента, что в перспективе позволит сократить случаи оспаривания патентов.

Результаты исследования

Указанное исследование видится возможным изложить в виде следующих выводов:

1. Деликтные патентные споры составляют самостоятельную категорию споров в патентном праве. Частные и публичные деликтные споры являются видами общей родовой категории, признаком разграничения служит наличие административного элемента, выступающего в качестве органа публичной администрации.

2. Определено, что иски о присуждении в частных и публичных патентных спорах *неоднородны*, и решения о присуждении выносятся преимущественно в частных спорах, поскольку присуждение убытков (компенсации) не затрагивает государственный бюджет.

3. Выявлена ошибочная позиция в научной доктрине, согласно которой вина Роспатента в публичных деликтных спорах считается *презюмируемой*. Доказано, что публичные деликтные споры с Роспатентом разрешаются в арбитражном процессе по правилам искового производства, что свидетельствует о необходимости доказывания истцом всех заявленных требований, а также оснований ответственности за вред, причиненный изданием публичным органа ненормативного правового акта, признанного впоследствии недействительным.

4. Делается вывод о необходимости повышения эффективности функционирования отдела экспертизы технических решений, заявленных на регистрацию в качестве объектов патентных прав, с целью минимизации случаев возникновения публичных деликтных споров, в которых потерпевшему лицу, с учетом сложившейся практики, не удается добиться присуждения убытков.

Список литературы:

[1] Джафарова, Н. Т. К вопросу о разграничении административных и уголовных деликтов в сфере информационных технологий / Н. Т. Джафарова // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 09 июня 2023 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 86-90.

[2] Стахов, А. И. Новые подходы к пониманию административного деликта в системе административных правоотношений / А. И. Стахов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4(127). – С. 84-92.

[3] Черняков, Ю. П. Административный проступок как категория административного деликта / Ю. П. Черняков // Актуальные вопросы современной цифровой науки: теория, практика, инноватика : Материалы международной научно-практической конференции, Ставрополь, 24 апреля 2025 года. – Краснодар: Российское энергетическое агентство, 2025. – С. 222-228.

[4] Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского ; Исслед. центр частного права. М. : Статут, 2008. 715 с.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения 11.10.2026).

[6] Лебедь, К. А. Виды судебных решений в гражданском процессе / К. А. Лебедь // Российское правосудие. – 2016. – № S1. – С. 196-205.

[7] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 09.03.2023 N С01-150/2023 по делу N СИП-593/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=107678 (дата обращения 11.10.2026).

[8] Сергеев, А. П. Возмещение убытков, причиненных незаконными решениями Роспатента / А. П. Сергеев // Закон. – 2023. – № 5. – С. 26-36.

[9] Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/43471.html (дата обращения 11.10.2026).

[10] Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (дата обращения 11.10.2026).

[11] Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения 11.10.2026).

[12] Опалев, Р. О. Предмет судебной за-

щиты в административном судопроизводстве / Р. О. Опалев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 4. – С. 18-22.

[13] Постановление Правительства РФ от 21.03.2012 N 218 (ред. от 29.05.2025) "О Федеральной службе по интеллектуальной собственности" // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127617/ (дата обращения 11.10.2026).

[14] Приказ Роспатента от 11.12.2020 N 163 "Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377209/ (дата обращения 11.10.2026).

References:

[1] Dzhafarova, N. T. On the Issue of Distinguishing Between Administrative and Criminal Offenses in the Sphere of Information Technology / N. T. Dzhafarova // Administrative-Legal Regulation of Law Enforcement Activity: Theory and Practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 9, 2023. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – pp. 86–90.

[2] Stakhov, A. I. New Approaches to Understanding the Administrative Offense within the System of Administrative Legal Relations / A. I. Stakhov // Russian Law Journal. – 2019. – No. 4(127). – pp. 84–92.

[3] Chernyakov, Yu. P. The Administrative Misdemeanor as a Category of Administrative Offense / Yu. P. Chernyakov // Topical Issues of Modern Digital Science: Theory, Practice, and Innovation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Stavropol, April 24, 2025. – Krasnodar: Russian Energy Agency, 2025. – pp. 222–228.

[4] Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (Chapter-by-Chapter) / ed. by A. L. Makovsky; Research Center for Private Law. – Moscow: Statut, 2008. – 715 p.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022, No. 33 "On the Practice of Courts Applying Provisions Regarding Compensation for Moral Harm" // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (accessed October 11, 2026).

[6] Lebed, K. A. Types of Judicial Decisions in Civil Procedure / K. A. Lebed // Russian Justice (Rossiyskoye Pravosudiye). – 2016. – No. S1. – pp. 196–205.

[7] Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated March 9, 2023, No. C01-150/2023, in case No. SIP-593/2022 // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=107678 (accessed October 11, 2026).

[8] Sergeyev, A. P. Compensation for Damages Caused by Unlawful Decisions of Rospatent / A. P. Sergeyev // Law (Zakon). – 2023. – No. 5. – pp. 26–36.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015, No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I, Part One, of the Civil Code of the Russian Federation" // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/43471.html (accessed October 11, 2026).

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022, No. 21 “On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation” // “ConsultantPlus” Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (accessed October 11, 2026).

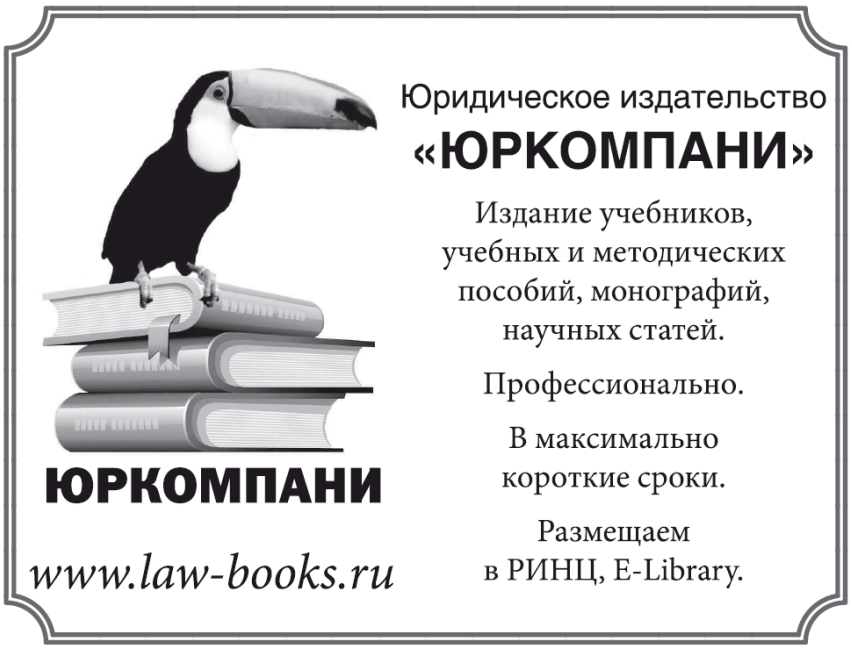
[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019, No. 10 “On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” // “ConsultantPlus” Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (accessed October 11, 2026).

[12] Opalev, R. O. The Subject Matter of Judicial Protection in Administrative Court Proceedings / R. O. Opalev // Arbitration and Civil Process. – 2021. – No. 4. – pp. 18–22.

[13] Decree of the Government of the Russian Federation dated March 21, 2012, No. 218 (as amended on May 29, 2025) “On the Federal Service for Intellectual Property” // “ConsultantPlus” Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127617/ (accessed October 11, 2026).

[14] Order of Rospatent dated December 11, 2020, No. 163 "On Approval of the Administrative Regulation for the Provision by the Federal Service for Intellectual Property of the Public Service for the State Registration of an Invention and the

Issuance of a Patent for an Invention, or a Duplicate Thereof" // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377209/ (accessed October 11, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-623-628
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

БАЛЕЕВСКАЯ Татьяна Андреевна,
Магистрант Юридического факультета,
Гатчинский государственный университет,
e-mail: tatyanabaleevckaya@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕСТО ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. *В настоящей статье на основе анализа доктрины и судебной практики исследуется правовая природа и место добросовестности в системе современного гражданского права России. Рассмотрены различные подходы к пониманию добросовестности в доктрине гражданского права. Анализируется возможность отнесения категории добросовестности к одному из классических структурных элементов системы права. Работа позволяет глубже понять механизм правового регулирования добросовестности.*

Ключевые слова: *добросовестность, объективный стандарт, принцип права, презумпция добросовестности, структурная единица.*

Для цитирования: *Балеевская Т. А. Правовая природа и место добросовестности в системе гражданского права // Образование и право. 2026. № 10. С. 623–628.*

BALEEVSKAYA Tatyana Andreevna,
Master's Student Faculty of law
Gatchina State University

THE LEGAL NATURE PLACE OF GOOD FAITH IN THE CIVIL LAW SYSTEM

Annotation. *This article examines the legal nature and place of good faith within the modern Russian civil law system, based on an analysis of legal doctrine and judicial practice. Various approaches to understanding good faith in civil law doctrine are considered. The article analyzes the possibility of classifying the category of good faith as one of the classical structural elements of the legal system. The study provides a deeper understanding of the mechanism of legal regulation regarding good faith.*

Key words: *good faith, objective standard, legal principle, presumption of good faith, structural unit.*

For citation: *Baleevskaya T. A. The legal nature place of good faith in the civil law system. Education and law. 2026;(10):623–628. (In Russ.).*

Динамичное развитие и усложнение общественных отношений представляют собой условия, при которых возрастает необходимость развития универсальных принципов, способных обеспечить защиту прав граждан и юридических лиц в ситуациях, когда законодательство еще не выработало конкретную правовую норму. Таким регулятором является добросовестность.

Категория добросовестности в современном российском гражданском праве занимает особое место в понятийном аппарате. По частоте упоминания она сопоставима с фундаментальными конструкциями, формирующими его каркас, позволяющими регулировать имущественные и личные неимущественные отношения, обеспечивая стабильность и предсказуемость гражданского оборота. Тем не менее, легального определения термина «добросовестность», как и однозначного понимания её места в системе права в качестве структурной единицы нет ни в законодательстве, ни в науке. Соответственно, чем чаще употребляется понятие «добросовестность», тем менее определенной становится её юридическая природа. Таким образом, одна из наиболее востребованных категорий гражданского права остается в то же время одной из наименее формализованных.

В этой связи заметим, что, с**трого говоря, добросовестность не вписывается в классическую «пирамиду» источников права романо-**

германской системы, к которой принадлежит правовая система России. Это не норма, установленная государством, а **оценочная категория**, идея, которая помогает праву быть гибким, корректирует применение закона в конкретных случаях, когда его буква ведёт к несправедливости.

Анализ гражданско-правовых норм указывает на явное наличие добросовестности на нескольких уровнях: во-первых, это принцип, во-вторых, презумпция, в-третьих, субъективное состояние. Более того, добросовестность выступает в роли и объективной характеристики, и субъективной, что в том числе не позволяет отнести её к регулятору однородных групп отношений.

Принцип добросовестности можно описать как сквозной, он не имеет однозначной связи с отдельными структурными единицами системы права, а наполняет их конкретным содержанием при правоприменении.

Принцип добросовестности имеет долгую историю становления. Развитие добросовестности в римском праве указывает на возможность трансформации нравственно-этической идеи в самостоятельный правовой механизм. Истоками категории добросовестности является концепция fides, возникшая в архаичный период развития римского права и выражавшая глубокое чувство причастности к общине (civitas), верность её традициям и осознание долга перед семьёй (familia). Это было внутреннее обязательство, основанное на традициях предков. Нарушение fides влекло не судебное наказание, а общественное порицание и утрату репутации, что считалось самым тяжким наказанием. С развитием общества, ростом торговли и усложнением общественных отношений fides постепенно проникла в право, трансформировавшись в ключевой правовой принцип **bona fides** («добрая совесть»). Со временем сформировалось современное понимание добросовестности как о принятом социально одобряемом поведении людей.

В дореволюционной цивилистике добросовестность традиционно рассматривалась как субъективное состояние лица, когда он не знал и не мог знать об обстоятельствах, влекущих за собой правовые последствия. Видным сторонником такого понимания добросовестности являлся Г.Ф. Шершеневич. Он относил добросовестность к субъективному отношению лица к своему собственному поведению без опоры на установленные в законе стандарты. Это может быть как осознание лицом произошедшего, так и незнание фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение [3, с. 450].

Иной подход к пониманию добросовестности изложил И.Б. Новицкий, обосновавший необходимость разграничения понятий объективной и субъективной добросовестности. В работе «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права» И.Б. Новицкий отмечает объективную сторону добросовестности как мерило, которое используется судом, как внешний стандарт, которому должны следовать участники гражданских правоотношений. Субъективная добросовестность, по И.Б. Новицкому, — это определённое психическое состояние лица: его незнание (неведение) тех или иных обстоятельств, с которыми закон связывает юридические последствия его действий, что им рассматривалось как «извинительное заблуждение» [2].

В советском законодательстве принцип добросовестности как предписание к поведению участников гражданского оборота отсутствовал. Основной причиной тому была причина идеологическая, влияние которой на правовую доктрину было определяющим. Добросовестность **рассматривалась как буржуазный пережиток,** несовместимый с принципами социалистического общества. Так, В.П. Грибанов отмечал, что принцип доброй совести характерен для буржуазного гражданского законодательства, допускающего возможность субъективного, произвольного его толкования буржуазным судом [3, с. 248].

Уже в первом советском Гражданском кодексе РСФСР 1922 года, в статье 1 просматривалась попытка замещения принципа добросовестности идеологическими ценностями общества. В ней говорилось, что гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально - хозяйственным назначением. Ясно, что принципу добросовестности при такой трактовке охраны прав места нет.

Тот же подход демонстрировал и Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. В ст. 1 закреплялось положение о регулировании имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений в целях создания материально-технической базы коммунизма, а ст. 5 требовала при осуществлении прав «уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества». Однако полностью исключить категорию добросовестности (и её противоположности – недобросовестности) из Гражданского кодекса не удалось. Она использовалась в регулировании приобретения имущества (ст. ст. 152, 154, 155), сделок, совершенных под условием (ст. 61), возврата неосновательно приобретенного имущества (ст. 474).

Таким образом, советский период характеризуется двойственностью: на доктринальном уровне и уровне общих положений принцип доб-

росовестности отрицается, на уровне отдельных институтов действовавшего законодательства эта категория сохранялась. Во многом невозможность полного отказа от принципа добросовестности предопределила его возвращение в современное гражданское право России. Проведенный анализ указывает на то, что добросовестность не была статичной структурной единицей, она меняет содержание и по отношению к субъекту – участнику правоотношений, и по отношению к социуму – ценностей и социальных устоев общества. Кроме того, с пониманием природы добросовестности, а также принятой в обществе идеологии менялся и статус конструкции, и наличие её в законодательстве как объективного начала гражданского права. Вместе с тем исторический анализ не позволяет дать определенный ответ о природе добросовестности и её месте в системе права.

В качестве правовой конструкции добросовестность в настоящее время наиболее явно проявляется в гражданском праве, однако не ограничивается его пределами, а приобретает межотраслевой характер, охватывая такие отрасли российского законодательства как налоговое, семейное, трудовое, административное, процессуальное.

Принципиально важно разграничить добросовестность как принцип и как презумпцию. В п. 3 и 4 ст. 1 ныне действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), добросовестность закреплена в качестве одного из основных начал, а значит и принципов гражданского законодательства, который пронизывает всю отрасль, отражает его сущность и наиболее существенные свойства. Можно сказать, что добросовестность выступает ориентиром (вектором) поведения, это требование, распространяющееся на всех участников гражданских правоотношений. В Постановлении Пленума Верховного Суда России № 25 от 23.06.2015 указывается, что добросовестность как ожидаемое поведение является критерием оценки действий сторон. Таким образом, в настоящее время исследуемое понятие в рамках российского законодательства и правоприменительной практики представляет собой диалектическое единство субъективного и объективного начал.

Категория добросовестности в Гражданском кодексе представляет собой не только принцип, но и презумпцию, закрепленную в п. 5 ст. 10 ГК РФ. В отличие от добросовестности как принципа здесь добросовестность выступает как предположение, характеризующее действия участников гражданских правоотношений. Проще говоря, закон исходит из того, что люди и юридические лица действуют добросовестно и разумно, пока не доказано обратное. Тем самым, добросовестность приобретает процессуальное значение.

Несмотря на различия, оба понятия добросовестности находятся в системном единстве. Ключевым звеном, связывающим принцип и презумпцию, выступает частичный или полный отказ в защите прав лица, нарушившего требования добросовестности.

Методом случайной выборки нами были проанализированы 15 опубликованных постановлений судов общей юрисдикции, содержащих ссылку на статью 10 ГК РФ, либо применявших логику её действия. Выборка не является репрезентативной, однако отражает актуальные тенденции и подходы применения презумпции добросовестности. Проведенный анализ правоприменения позволяет выделить две функциональные особенности презумпции добросовестности: охранительную и контрольную.

Охранительная функция презумпции выступает в роли «процессуального щита» для добросовестной стороны, которая освобождается от бремени доказывания своей честности. Доказательства, указывающие на злоупотребление правом (недобросовестность), обязана представить сторона, заявившая о недобросовестности, при этом пока не доказано иное, суд учитывает действие презумпции разумности и добросовестности участников [12]. Данный подход наиболее часто прослеживается в спорах о неосновательном обогащении [4], договорных [6] и кредитных спорах [7].

Контрольная функция презумпции заключается в том, что при наличии доводов о злоупотреблении суд проверяет их, и в случае наличия доказательств, свидетельствующих об отклонении поведения от принятого стандарта добросовестности, отказывает в защите права. Наиболее явно данная функция проявляется в спорах о признании мнимой сделки недействительной, поскольку предполагает определение и оценку субъективной направленности действий сторон сделки – их воли и добросовестности. Например, в решении Алапаевского городского суда Свердловской области № 2-492/2025 от 13.02.2026 ответчики заявляли о своей добросовестности несмотря на то, что была совершена мнимая сделка с продажей автомобиля и дальнейшей перепродажей с недобросовестной целью – сокрытия имущества, подлежащего конфискации [9]. Именно благодаря установлению фактической цели сделки, была установлена недобросовестность покупателей и продавца. Аналогичный подход прослеживается в делах об оспаривании договоров, в том числе дарения [10], в спорах об использовании договорных конструкций для исключения административной ответственности [5], спорах по банкротству [8].

Судебной практикой предъявляется высокий

стандарт доказывания при опровержении презумпции добросовестности. Для доказательства недобросовестности одной из сторон необходимо предоставить не просто одно или два доказательства, а целую совокупность фактов, которые бы свидетельствовали о ненадлежащем поведении. При этом эти факты должны иметь определённую достаточность и взаимную связь в их совокупности, поскольку факт, рассмотренный изолированно от других, может быть объяснен добросовестными мотивами, в то время как их совокупность указывает на явную недобросовестность. Данное требование закреплено в ч. 3 ст. 67 ГПК РФ и ч. 2 ст. 71 АПК РФ). Важность учёта его при рассмотрении споров в суде проиллюстрировано в Постановлении Президиума ВАС РФ от 18.12.2001 № 1322/01. Суть дела состояла в том, что истец-налогоплательщик требовал признать уплату налога состоявшейся, поскольку деньги были списаны с его расчётного счёта. Суды нижестоящих инстанций согласились с налогоплательщиком, однако Президиум ВАС РФ отменил состоявшиеся решения, указав, что суды не дали оценки обстоятельствам в их взаимной связи:

- расчётный счёт в банке был открыт незадолго до спорных операций (при том, что у налогоплательщика имелись счета в других банках);

- сразу после открытия счёта были заключены кредитные договоры с тем же банком;

- операции по кредитным договорам проводились одновременно с направлением в банк платёжных поручений на уплату налога.

Все эти операции производились при отсутствии денежных средств на корреспондентском счёте банка — то есть деньги фактически в бюджет не поступали. Каждый факт по отдельности мог иметь добросовестное объяснение: открыть новый счёт — нормальное деловое решение; получить кредит в том же банке — распространённая практика; направить платёжное поручение — исполнение налоговой обязанности. Но в совокупности эти обстоятельства указывали на согласованную схему: налогоплательщик и банк намеренно создали ситуацию формального наличия средств на счёте, чтобы получить видимость уплаченного налога, не перечислив реальных денег в бюджет.

Таким образом, добросовестность как презумпция и как принцип имеют неразрывную взаимосвязь. При правоприменении суды рассматривают их в единой системе, однако категорию добросовестности как конструктивную единицу гражданского права невозможно определить как правовую норму, это более широкое понятие. По природе своего содержания добросовестность может выступать как субъективная и объективная категории [11].

Субъективная добросовестность — это внутреннее состояние человека, его осведомлённость (или неосведомлённость) о каких-то юридически важных фактах. Ключевая формула здесь: **«не знал и не должен был знать»**. То есть речь об *извинительном незнании*. Если человек, действуя разумно и осмотрительно, объективно не мог получить информацию о каком-то обстоятельстве (например, о том, что продавец вещи не имел права её отчуждать), и из-за этого совершил сделку — его могут признать действовавшим добросовестно.

Объективная добросовестность — это не внутренние переживания, а оценка поведения человека со стороны: соответствует ли то, как он поступил, неким внешним, общепринятым стандартам честного и разумного поведения в подобных ситуациях. То есть вопрос в том, действовал ли участник правоотношения так, как от любого разумного и честного участника оборота ожидали бы в сопоставимых обстоятельствах. В российском праве это, в частности, закреплено в п. 3 ст. 307 ГК РФ и прокомментировано в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 года, в котором указывается, что при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, устанавливать, учитывались ли права и законные интересы другой стороны, оказывалось ли ей содействие, в том числе в получении необходимой информации [1].

Как субъективная, так и объективная добросовестность не исключают друг друга, а часто переплетаются. При оценке ситуации суд может сначала посмотреть на поведение объективно (соответствует ли оно стандарту), и уже в рамках этого анализа разобраться, было ли у человека реальная возможность узнать о каких-то фактах (то есть перейти к субъективному аспекту). Например, если человек утверждает, что не знал о пороке сделки, суд проверит: а должен ли он был проявить должную осмотрительность и узнать об этом? Получается - субъективная добросовестность отвечает на вопрос «что было в голове у человека?», а объективная — «как его поступки выглядят со стороны и соответствуют ли они принятым нормам?».

Таким образом, многогранность и дуализм добросовестности проявляются на всех уровнях этой категории. Объективный стандарт выступает инструментом проверки субъективного состояния, который в свою очередь конкретизирует объективную добросовестность.

Проведенный анализ категории добросовестности позволяет сделать следующие выводы

о её правовой природе и месте в системе права:

Добросовестность не является нормой права, по форме выражения, она существует в трех плоскостях правового регулирования: в качестве принципа, презумпции, субъективного состояния, каждая из которых имеет собственную функцию и механизм действия.

Добросовестность невозможно представить в виде института права, который призван регулировать однородную группу отношений.

Добросовестность не ограничивается только оценочной функцией, а обладает нормативным закреплением, имеет механизмы применения.

Принцип добросовестности носит надотраслевой характер в то время, как презумпция добросовестности и субъективная добросовестность являются исключительно гражданско-правовыми категориями.

Принцип добросовестности работает в разных отраслях права, но не одинаково — в каждой он приобретает свою специфику, а его содержание конкретизируется через отраслевые нормы и судебную практику.

Таким образом, категория добросовестности не может быть сведена лишь к одной их своих форм, они находятся в постоянном взаимодействии, ни одна из них не исчерпывает содержание категории, а лишь отражает грань, в то время как добросовестность остается целостным правовым феноменом.

Список литературы:

[1] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статус. – 2020. – С. 41.

[2] Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=20421 (дата обращения: 05.08.2026).

[3] Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. (Антология мысли). Особенная часть / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — С. 22.

[4] Решение Кировского районного суда г. Томска по делу № 2-618/2026 (2-3346/2025) от 17.03.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: https://судебныерешения.рф/94754126 (дата обращения: 05.08.2026).

[5] Решение Верховного Суда Республики Татарстан по делу № 77-201/2025 от 12.03.2025 // Судебные решения Российской Федерации. URL: https://судебныерешения.рф/88626706 (дата обращения: 05.08.2026).

[6] Апелляционное определение Брянского областного суда по делу № 33-153/2026 от 26.02.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: https://судебныерешения.рф/94099395 (дата обращения: 05.08.2026).

[7] Апелляционное определение Калужского областного суда по делу № 33-448/2026 от 24.02.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: https://судебныерешения.рф/94774464 (дата обращения: 05.08.2026).

[8] Апелляционное определение Иркутского областного суда по делу № 33-2305/2026 от 24.02.2026 // Иркутский областной суд. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74470294&case_uid=09d2c1e0-7403-4379-8717-18e07f22786a&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 05.08.2026).

[9] Решение Алапаевского городского суда Свердловской области по делу № 2-9/2026 (2-492/2025) от 13.02.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: https://судебныерешения.рф/89357739 (дата обращения: 05.08.2026).

[10] Апелляционное определение Верховного Суда Чеченской Республики по делу № 33-132/2026 от 12.02.2026 // Верховный Суд Чеченской Республики. URL: https://vs--chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2991136&case_uid=96d76747-f00b-4a40-bfc3-c29603f4ff7d&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 05.08.2026).

[11] Решение Замоскворецкого районного суда по делу № 02-304/2026 от 30.01.2026 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/00029fe1-9d4d-11f0-b949-c1eecd112e07?caseNumber=02-304/2026 (дата обращения: 05.08.2026).

[12] Решение Ленинского районного суда г. Нижний Новгород по делу № 2-15/2026 (2-1974/2025) от 23.01.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: https://судебныерешения.рф/88937943 (дата обращения: 05.08.2026).

References:

[1] Gribanov V.P. Exercise and Protection of Civil Rights. – Moscow: Status. – 2020. – p. 41.

[2] Novitsky I.B. The Principle of Good Faith in the Draft Law of Obligations // Herald of Civil Law. – 1916. – No. 6. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=20421 (accessed: 05.08.2026).

[3] Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law (in 2 volumes). Volume 2: Special Part. —

Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. — p. 22.

[4] Judgment of the Kirovsky District Court of Tomsk in case No. 2-618/2026 (2-3346/2025) dated March 17, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: https://судебныерешения.рф/94754126 (accessed: 05.08.2026).

[5] Judgment of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan in case No. 77-201/2025 dated March 12, 2025 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: https://судебныерешения.рф/88626706 (accessed: 05.08.2026).

[6] Appellate Ruling of the Bryansk Regional Court in Case No. 33-153/2026 dated February 26, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: https://судебныерешения.рф/94099395 (accessed: August 5, 2026).

[7] Appellate Ruling of the Kaluga Regional Court in Case No. 33-448/2026 dated February 24, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: https://судебныерешения.рф/94774464 (accessed: August 5, 2026).

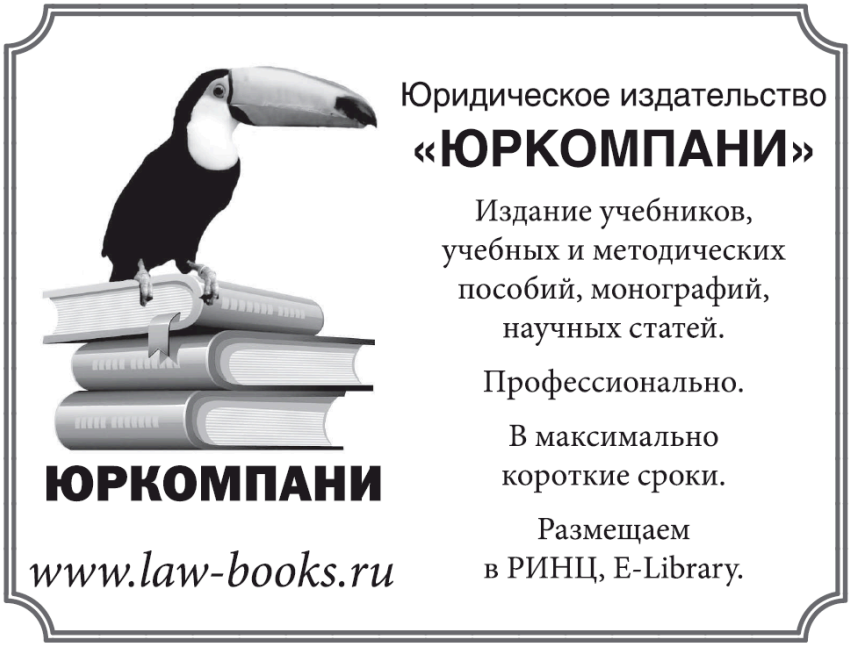
[8] Appellate Ruling of the Irkutsk Regional Court in Case No. 33-2305/2026 dated February 24, 2026 // Irkutsk Regional Court. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74470294&case_uid=09d2c1e0-7403-4379-8717-18e07f22786a&result=1&delo_id=5&new=5 (accessed: August 5, 2026).

[9] Decision of the Alapayevsk City Court of the Sverdlovsk Region in Case No. 2-9/2026 (2-492/2025) dated February 13, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: https://судебныерешения.рф/89357739 (accessed: 05.08.2026).

[10] Appellate Ruling of the Supreme Court of the Chechen Republic in case No. 33-132/2026 dated 12.02.2026 // Supreme Court of the Chechen Republic. URL: https://vs--chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2991136&case_uid=96d76747-f00b-4a40-bfc3-c29603f4ff7d&delo_id=5&new=5 (accessed: 05.08.2026).

[11] Decision of the Zamoskvoretsky District Court in case No. 02-304/2026 dated 30.01.2026 // Official Portal of the Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/00029fe1-9d4d-11f0-b949-c1eecd112e07?caseNumber=02-304/2026 (accessed: 05.08.2026).

[12] Decision of the Leninsky District Court of Nizhny Novgorod in case No. 2-15/2026 (2-1974/2025) dated 23.01.2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: https://судебныерешения.рф/88937943 (accessed: 05.08.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-629-632
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: andreytso@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОЦИАЛЬНО-УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ В РОССИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Аннотация. *В статье рассматривается ряд правовых проблем, связанных с различными аспектами защиты прав социально-уязвимых категорий. Автор анализирует имеющиеся исследования по проблеме, обращается к практике работы органов государственной власти и общественных организаций. Рассмотрены проблемы защиты прав женщин и мигрантов. Материалы исследования базируются на региональном опыте. Даны рекомендации связанные с противодействием дискриминации в отношении исследуемых категорий. Предлагается как совершенствование правовой базы, так и изменения в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *права человека, государственные органы, дискриминация.*

Для цитирования: *Андрейцо С. Ю. Проблемы защиты прав социально-уязвимых категорий в России и направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики (на материалах Санкт-Петербурга) // Образование и право. 2026. № 10. С. 629–632.*

ANDREITCO Sergej Yuryevich,
PhD, Law, Associate Professor of the Department of public law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF SOCIALLY VULNERABLE CATEGORIES IN RUSSIA AND AREAS OF IMPROVING LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE (BASED ON MATERIALS FROM ST. PETERSBURG)

Annotation. *The article examines a number of legal issues related to various aspects of protecting the rights of socially vulnerable categories. The author analyzes the available research on the problem, refers to the practice of the work of state authorities and public organizations. The problems of protecting the rights of women and migrants are considered. The research materials are based on regional experience. Recommendations related to countering discrimination in relation to the studied categories are given. It is proposed both to improve the legal framework and changes in law enforcement practice.*

Key words: *human rights, state bodies, discrimination.*

For citation: *Andreitco S. Yu. Problems of protecting the rights of socially vulnerable categories in Russia and areas of improving legislation and law enforcement practice (based on materials from St. Petersburg). Education and law. 2026;(10):629–632. (In Russ.).*

Одной из актуальных проблем остается воплощение в нормотворчестве и, тем более, реализации международных стандартов, в частности касающихся прав социально-уязвимых категорий (женщин, детей, иностранных граждан, заключённых, инвалидов). Ключевой аспект защиты прав исследуемой категории – противодействие дискриминации. Имеется ряд исследований, включающих анализ механизмы защиты отдельных категорий [1-8].

Под дискриминацией понимается любое ограничение прав и обязанностей человека по определенному признаку. На рынке труда дискриминация проявляется в ограничении доступа к отдельным видам работ и сферам занятости, оплате труда, условиях труда.

Дискриминация определяется в юриспруденции через неравный доступ к праву как мере свободы равнозначных субъектов. Виды дискриминации - неравенства в праве - требуют отдельного освещения.

Так, можно сделать вывод, что на сегодняшний день дискриминация женщин на рынке труда - все еще довольно распространенное явление, крепко связанное с все еще существующими традиционными установками в отношении женских и мужских ролей. У женщин не всегда есть возможность получить значительное повышение и подняться по карьерной лестнице. Конечно же, иногда это деловых качеств женщины действительно может быть недостаточно для того, чтобы занимать высокие посты. Но, определенно, до сих пор существует стереотип, что женщине не место на ведущей руководящей должности. И если в отказе в повышении играют такие факторы, как наличие семьи, характер, возраст и тому подобное, то речь явно идет о дискриминации.

К одной из наиболее социально уязвимых категорий женщин относятся жертвы домашнего насилия. В большинстве случаев они не решаются открыто заявить о жестоком и бесчеловечном обращении со стороны близких. Часто лишь страх за свою жизнь и за жизнь своих детей вынуждает их обратиться за помощью. По экспертным оценкам, более 70% женщин, страдающих от домашнего насилия, за помощью не обращаются, и только 3% таких случаев доходит до суда. На проблему насилия в отношении женщин обращает внимание ВОЗ, по сведениям которой каждая третья женщина (35%) в мире на протяжении своей жизни подвергается физическому или сексуальному насилию со стороны интимного партнера либо сексуальному насилию со стороны другого лица [2; 3].

Одним из существенных препятствий по обеспечению эффективной правовой защиты потерпевших от домашнего насилия является отсутствие специального (отдельного) законодательства, в котором отражался бы системный подход к преодолению этого негативного социального явления.

В сфере защиты прав людей с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов) за прошедшее время органами законодательной и исполнительной власти Российской Федерации проделана значительная работа по приведению законодательства и правоприменительной практики в соответствие с положениями международно-правовых документов. Были приняты нормативные правовые акты в сферах социальной защиты, образования, трудовых отношений и пр.

В ежегодных докладах Уполномоченных по правам человека, в частности в Санкт-Петербурге неоднократно отмечались проблемы, связанные с необеспечением условий доступности для маломобильных групп населения (отсутствие элементов доступной среды, несоблюдение технических нормативов при обеспечении условий доступности, «мнимая доступность» и др.). Основной причиной нарушения прав является низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников, отвечающих за обеспечение доступности как при проектировании, проведении строительных работ, приемке в эксплуатацию, так и при итоговой оценке уровня доступности объектов.

Ниже можно внести ряд рекомендаций органам государственной власти.

Правительству РФ следует определить перечень вопросов, по которым государственными органами и иными организациями принимаются решения с учетом мнения общественных организаций инвалидов.

Минтруду России разработать порядок согласования с мер по обеспечению доступности мест предоставления услуг инвалидам.

Действующее в России законодательство в сфере миграции не затрагивает всех проблем, связанных с иммиграцией, а отдельные его положения противоречат друг другу. Также осуществляется не надлежащий контроль над выполнением принятых законов.

Для Петербурга свою особую актуальность имеют проблемы, связанные с реализацией принципа равенства на межнациональном и межкультурном уровнях, что связано с защитой такой категории социально-уязвимых лиц как мигранты [4; 5].

В сфере защиты прав мигрантов для реализации принципа равенства и противодействия дискриминации на территории нашего города необходимо разрешение ряда проблем:

низкий уровень адаптации и интеграции иностранных граждан в городскую среду Санкт-

Петербурга;

формирование интолерантного отношения наших сограждан к иностранным гражданам;

девиктимизация мигрантов как потенциальных жертв преступлений в контексте региональной и общероссийской преступности;

низкая вовлеченность молодежи органов государственной власти в интегративные процессы по отношению к представителям иностранных государств.

В свою очередь, на территории Санкт-Петербурга действуют национально-культурные объединения, способствующее реализации национальной и миграционной политики РФ. Совместно с аппаратом Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге, органами исполнительной власти данного субъекта РФ, при содействии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в России городские власти добились снижения уровня ксенофобии и этнофобии среди горожан.

В бюджет Санкт-Петербурга ежегодно поступают миллиарды рублей от уплаты иностранными гражданами авансовых платежей по НДФЛ за право осуществления трудовой деятельности. Но велики и риски, связанные с миграцией.

В связи с чем, сохраняется теневого рынка использования труда мигрантов. Данный факт имеет отрицательное значение в сфере реализации трудовых прав иностранцев в виде занижения им заработной платы по сравнению со среднерыночными ценами за оказание однородных услуг, так и охраны труда в целом, выражающееся в отсутствии медицинской страховки, предоставления жилья, гарантий государственной защиты их прав в случае их нарушения со стороны работодателя.

Для частичного преодоления данных трудностей Правительством Санкт-Петербурга планируется внедрение Электронной карты мигранта, в которой будет концентрироваться вся значимая информация об иностранном гражданине, находящемся на территории города. В ее число будет входить:

паспортные данные;

ИНН;

трудовой патент;

свидетельство о регистрации;

отпечатки пальцев;

иные документы, регламентирующие правовой статус иностранных граждан.

Интересен факт, что выпуск данной карты поддерживают как правозащитные организации, так и Правительство города. По нашему мнению, единство мнений в данной ситуации обеспечивает реализацию интереса каждого актора внутренней политики.

Для Правительства города немаловажным фактором, ускоряющим процесс продвижения данной инициативы, является возможность увеличения бюджетных активов за счет вывода в свет большей части труда с использованием иностранной рабочей силы.

Для правозащитников первоочередным результатом введения Электронной карты мигранта будет являться снижение количества обманов мигрантов при осуществлении ими трудовой деятельности, за счет практически 100%-й достоверности факта заключения с мигрантами именно по своей форме трудового договора, а не гражданско-правового соглашения. Так как именно трудовая оболочка отношений, связывающих работодателя и мигранта, наделяет последнего комплексом прав по защите его здоровья в процессе трудовой деятельности, а также не оставляет нечестным работодателям шанса избежать выплат по заработной плате наемному персоналу.

С 2014 года запущена программа «Создание условия для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге», которая объединила в себе комплекс воспитательных усилий по формированию гражданственности и полиэтничности петербуржцев и приезжего населения. Основной мыслью данной программы, ее целью выступает образование толерантного отношения горожан к потребностям и нуждам других людей независимо от их пола, раса, национальности, отношения к социальной группе.

Вместе с тем, фактическая доля финансовых расходов городского правительства, направленных на формирование толерантной среды в сфере взаимодействия коренного населения и иностранных граждан, в рамках реализации Программы по созданию условий для общественного согласия в Санкт-Петербурге крайне мала.

Список литературы:

[1] Абашидзе А. Х. Международная универсальная система защиты прав человека: вызовы и перспектива // Обозреватель. 2023. № 1(396). С. 115–136.

[2] Батюкова В.Е. Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами Современное право. 2024. № 4. С. 111-115.

[3] Бурчик С.С., Еремицкая Д.В., Никульшин Я.Д. Противодействие домашнему насилию в РФ: проблемный анализ Теория и практика современной науки. 2020. № 7 (61). С. 43-52.

[4] Галас М. Л. Миграция в условиях кризисного развития мирового сообщества и ее риски в России. М.: Прометей, 2020. 406 с.

[5] Колобов А.В. Международно-правовые акты и законодательство РФ в сфере социально-

правовой защиты беженцев и вынужденных переселенцев // Аграрное и земельное право. – М.: Право и государство пресс, 2013, № 3 (99). – С. 90–96.

[6] Корабельникова Ю.Л. О роли гражданского общества в конституционном развитии России // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 2-1. С. 321.

[7] Похлебаева А.В. Понятие миграции и ее классификация // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 3. С. 3–6.

[8] Спирин А. С. Управление трудовой миграцией в регионе (на примере ЕАО) // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 81–84.

References:

[1] Abashidze A. Kh. The Universal International System for the Protection of Human Rights: Challenges and Prospects // Obozrevatel. 2023. No. 1(396). pp. 115–136.

[2] Batyukova V. E. Combating Domestic Violence through Criminal Law Means // Sovremennoe Pravo (Modern Law). 2024. No. 4. pp. 111–115.

[3] Burchik S. S., Eremitskaya D. V., Nikulshin Ya. D. Combating Domestic Violence in the Russian Federation: A Problem Analysis // Teoriya i Praktika Sovremennoy Nauki (Theory and Practice of Modern Science). 2020. No. 7 (61). pp. 43–52.

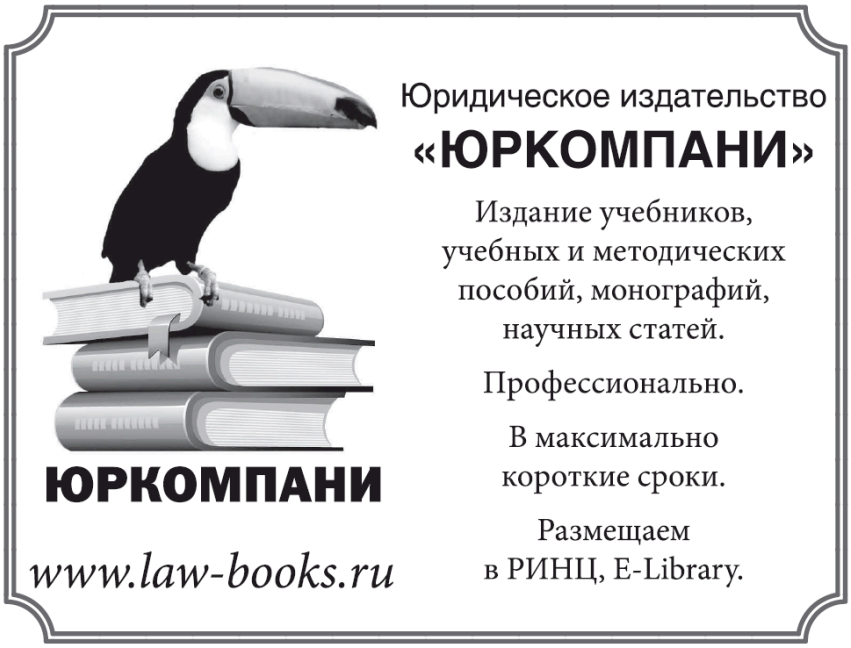
[4] Galas M. L. Migration Amidst the Crisis-Driven Development of the Global Community and Its Risks for Russia. Moscow: Prometey, 2020. 406 p.

[5] Kolobov A. V. International Legal Acts and the Legislation of the Russian Federation Regarding the Social and Legal Protection of Refugees and Internally Displaced Persons // Agrarnoe i Zemelnoe Pravo (Agrarian and Land Law). Moscow: Pravo i Gosudarstvo Press, 2013, No. 3 (99). pp. 90–96.

[6] Korabelnikova Yu. L. On the Role of Civil Society in the Constitutional Development of Russia // Voprosy Rossiyskogo i Mezhdunarodnogo Prava (Issues of Russian and International Law). 2019. Vol. 9. No. 2-1. p. 321.

[7] Pokhlebaeva A. V. The Concept of Migration and Its Classification // Zhurnal Mezhdunarodnogo Prava i Mezhdunarodnykh Otnosheniy (Journal of International Law and International Relations). 2005. No. 3. pp. 3–6.

[8] Spirin A. S. Management of Labor Migration in a Region (A Case Study of the Jewish Autonomous Oblast) // Intellectual Potential of the 21st Century: Stages of Cognition. 2014. No. 25. Pp. 81–84.



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-633-640
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ВИЛЬДАНОВА Марина Михайловна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: vildanovamarina@ mail.ru

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ОПАСНЫХ ОБЪЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье автор рассматривает правовое регулирование обязательного и добровольного страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов. Особо анализируется специальное законодательство, поскольку такое страхование имеет специфику субъектов, участвующих в страховых правоотношениях. Установленная на уровне закона обязанность заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности владельца опасного объекта направлена на обеспечение важнейшей цели – защиты имущественных прав потерпевших лиц в результате аварии.*

В работе рассматриваются особенности регулирования в законодательстве за рубежом вопросов обязательного и добровольного страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов, в которых устанавливается принцип «загрязнитель платит». В России действие Федерального закона от 27.06.2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» не распространяется на причинение вреда окружающей природной среде. Понятие экологического страхования предусмотрено в статье 18 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», в которой установлено право предприятий страховать имущественные интересы на случай экологических рисков и указывается, что в Российской Федерации может осуществляться обязательное государственное экологическое страхование. Но на практике оно остается преимущественно добровольным.

В статье предлагается рассмотреть возможность введения на уровне закона обязательного страхования экологического ущерба в зависимости от уровня потенциальной опасности аварий в отношении опасных производственных объектов, в частности чрезвычайно высокой опасности (1 класс опасности) и высокой опасности (II класс опасности).

Ключевые слова: *обязательное страхование, добровольное страхование, гражданская ответственность, экологическое страхование, страховые случаи, объекты повышенной опасности, имущественные интересы пострадавших, аварии, возмещение вреда, страховые премии*

Для цитирования: *Вильданова М. М. О совершенствовании страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов в Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 633–640.*

VILDANOVA Marina Mikhailovna,
PhD in Law, Leading Researcher at the
Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation

ON IMPROVING CIVIL LIABILITY INSURANCE FOR OWNERS OF HAZARDOUS FACILITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the legal regulation of compulsory and voluntary civil liability insurance for operators of hazardous facilities. Particular attention is paid to specialized legislation, given the specific nature of the parties involved in these insurance legal relationships. The statutory*

obligation to conclude a contract for the compulsory civil liability insurance of a hazardous facility operator is aimed at achieving a crucial objective: protecting the property rights of persons who suffer loss or damage as a result of an accident.

This paper analyzes the regulation of mandatory and voluntary civil liability insurance for operators of hazardous facilities in foreign jurisdictions, where the "polluter pays" principle is applied. In Russia, the scope of Federal Law No. 225-FZ of June 27, 2010, "On Compulsory Civil Liability Insurance for Owners of Hazardous Facilities for Harm Caused by Accidents at Such Facilities," does not extend to environmental damage. The concept of environmental insurance is provided for in Article 18 of Federal Law No. 7-FZ, "On Environmental Protection," which affirms the right of enterprises to insure property interests against environmental risks and indicates that compulsory state environmental insurance may be implemented in the Russian Federation; however, in practice, it remains predominantly voluntary.

The article proposes considering the introduction—at the legislative level—of mandatory environmental damage insurance for hazardous production facilities, based on the potential severity of accidents, specifically for those classified as posing extremely high danger (Hazard Class I) and high danger (Hazard Class II).

Key words: *compulsory insurance, voluntary insurance, civil liability, environmental insurance, insured events, high-risk facilities, property interests of injured parties, accidents, compensation for harm, insurance premiums.*

For citation: *Vildanova M. M. On improving civil liability insurance for owners of hazardous facilities in the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):633–640. (In Russ.).*

Внедрение новых и совершенствование действующих механизмов страхования гражданской ответственности на объектах повышенной опасности – это эффективный инструмент защиты имущественных интересов как пострадавших, так и лиц, причинивших вред.

Основой страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов является глава 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также специальное законодательные и иные нормативные правовые акты в сфере страхования. В соответствии со статьей 2 Закона Российской Федерации от 27.11.1992 г. № 4015-1 (ред. от 10.06.2026 г.) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» под страхованием понимаются отношения по защите интересов физических и юридических лиц, при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков.

В настоящее время к обязательному страхованию в силу закона относится страхование гражданской ответственности владельцев опасных производственных объектов. В частности, о**бъектом страхования являются** имущественные обязательства владельца объекта по возмещению вреда, причиненного в результате аварии жизни, здоровью или имуществу потерпевших. Добровольное страхование (к примеру, в целях обеспечения финансирования мероприятий, предусмотренных планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов) встречается довольно редко.

Федеральный закон от 27.06.2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (далее - Закон об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта) предусматривает, что обязательному страхованию подлежат:

- опасные производственные объекты, такие как заводы, котельные, склады химикатов;
- гидротехнические сооружения, которые подлежат регистрации в Российском регистре гидротехнических сооружений (дамбы, плотины, водохранилища);
- автозаправочные станции жидкого моторного топлива;
- бытовые технические объекты: лифты, эскалаторы (за исключением эскалаторов в метрополитенах) и движущиеся пешеходные дорожки [1].

Действие указанного закона не распространяется на отношения, возникающие на объектах атомной энергетики, которые регулируются Федеральным законом от 21.11.1995 г. № 170 «Об использовании атомной энергии».

В соответствии с Федеральным законом от 21.07.1997 г. № 116 - ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» под понятием промышленная безопасность опасных производственных объектов понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий таких

аварий. В приложение к закону указаны характеристики опасных производственных объектов, на которых получаются, используются, хранятся, транспортируются опасные вещества таких видов, как воспламеняющиеся вещества, окисляющие вещества; вещества, поддерживающие горение, вызывающие воспламенение и (или) способствующие воспламенению других веществ в результате окислительно - восстановительной экзотермической реакции; горючие вещества - жидкости, газы, способные самовозгораться, а также возгораться от источника зажигания; токсичные вещества - вещества, способные при воздействии на живые организмы приводить к их гибели; вещества, характеризующиеся в водной среде показателями острой токсичности и иные объекты, предусмотренные в данном нормативном правовом акте.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 30.07.2004 г. № 401 (ред. от 14.04.2026 г.) Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (далее – Ростехнадзор) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере технологического надзора, функции по контролю/надзору в сфере безопасного ведения работ, связанных с пользованием недрами, промышленной безопасности, безопасности электрических и тепловых установок и сетей (кроме бытовых установок и сетей), безопасности гидротехнических сооружений (за исключением судоходных и портовых гидротехнических сооружений), безопасности производства, хранения и применения взрывчатых материалов промышленного назначения.

Опасные производственные объекты подлежат регистрации в Государственном реестре опасных производственных объектов (далее – Государственный реестр) в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Присвоение класса опасности опасному производственному объекту осуществляется при его регистрации в Государственном реестре. Опасные производственные объекты в зависимости от уровня потенциальной опасности аварий на них для жизненно важных интересов личности и общества подразделяются на четыре класса опасности:

I класс опасности - опасные производственные объекты чрезвычайно высокой опасности;

II класс опасности - опасные производственные объекты высокой опасности;

III класс опасности - опасные производственные объекты средней опасности;

IV класс опасности - опасные производственные объекты низкой опасности.

Ввод опасного объекта в эксплуатацию без договора обязательного страхования строго запрещен, и Ростехнадзор вправе приостановить работу объекта до устранения нарушений. Руководитель организации, эксплуатирующей опасные производственные объекты, несет ответственность за полноту и достоверность сведений, представленных для регистрации в Государственном реестре.

Организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, обязана организовывать и осуществлять производственный контроль за соблюдением требований промышленной безопасности в соответствии с требованиями, устанавливаемыми Правительством Российской Федерации.

В постановлениях Правительства Российской Федерации урегулированы порядок формирования Государственного реестра с учетом цифровизации (Постановление Правительства Российской Федерации № 1363 от 3.09.2025 г.), а также правила расследования причин аварий и инцидентов в электроэнергетике (Постановление Правительства Российской Федерации № 1489 от 29 сентября 2025 г.).

Приказами Ростехнадзора регламентируются вопросы безопасности на опасных производственных объектах, в том числе Приказом Ростехнадзора от 12.09.2023 г. Об утверждении «Руководства по безопасности «Методика установления допустимого риска аварии при обосновании безопасности опасных производственных объектов нефтегазового комплекса»; Приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому надзору от 12.09.2025 г. № 318 Об утверждении «Руководства по безопасности «Проведение аудита системы управления промышленной безопасностью в организациях, эксплуатирующих опасные производственные объекты» (далее – Руководство по безопасности) и др.

Руководство по безопасности содержит рекомендации по постановке целей и определению критериев аудита систем управления промышленной безопасностью (далее – СУПБ), порядку формирования группы по проведению аудита, по подготовке и проведению аудита, по подготовке итогового отчета и по разработке корректирующих мероприятий по устранению выявленных в ходе аудита СУПБ нарушений обязательных требований.

Указанное выше многогранное правовое регулирование, а также действенные меры, принимаемые Ростехнадзором, безусловно положительно сказываются на предупреждении причинения вреда на опасных производственных объектах. При этом важно отметить, что риски причине-

ния вреда в результате аварий на предприятиях могут быть снижены, если указанные выше принципы ведения риск-ориентированного регулирования с учетом действия системы управления рисками, внутреннего контроля и внутреннего аудита, а также СУПБ будут объединены в рамках комплексного внешнего независимого аудита опасных объектов, включающего финансовый, налоговый, операционный (управленческий), технический аудит и правовой аудит в рамках надзорно-контрольной деятельности, т.е. созданием таких правовых и организационных механизмов, которые обеспечат привлечение аккредитованных экспертных организаций для проведения независимой оценки объектов соответствия обязательным требованиям безопасности.

Ростехнадзор вправе налагать административные штрафы на владельцев опасных производственных объектов и иных поднадзорных объектов в соответствии с Главой 9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также вправе одновременно штрафовать как само юридическое лицо, так и конкретного руководителя или инженера, ответственного за безопасность (как должностное лицо). Возможна замена штрафа приостановкой деятельности юридического лица (например, трещины в оборудовании под давлением, отказ автоматики). При этом если из-за нарушений на опасном производственном объекте произошла авария с тяжким вредом здоровью или гибелью людей, то возможно возбуждение уголовного дела по статье 217 Уголовного кодекса Россисйкой Федерации.

В целом действующая на сегодня система обязательного страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов является эффективной и выступает важнейшим финансово-правовым инструментом защиты граждан и имущественных интересов хозяйствующих субъектов. Как следует из опубликованных данных Ростехнадзора в 2025 году произошло 115 аварий на объектах повышенной опасности, что свидетельствует о снижении числа техногенных аварий за последние 5 лет на опасных производственных объектах на 22,3% по сравнению с предшествующим периодом [2].

Социальное значение обязательного страхования проявляется в обеспечении гарантированных компенсационных выплат потерпевшим за вред, причиненный жизни, здоровью, имуществу или условиям жизнедеятельности; а также в снижении нагрузки на бюджет Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в связи с ликвидацией последствий техногенных аварий и выплатой компенсаций пострадавшим.

Вместе с тем, в практике применения обязательного страхования выявлены некоторые проблемы, ограничивающие эффективность этого механизма. В частности, определенной проблемой является недостаточная гибкость тарифов, так как методика расчетов страховых премий не всегда способна точно отразить специфические технологические риски уникальных и инновационных производств. Кроме того, лимиты ответственности за ущерб имуществу часто не покрывают реальных убытков предприятий. Поскольку в компетенцию Банка России входит определение предельных максимальных и минимальных значений страховых тарифов, то представляется важным доработать Указание Банка России от 28.05.2025 г. № 7067-У «О страховых тарифах по обязательному страхованию гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» с учетом института перестрахования.

В настоящее время все страховые компании, осуществляющие обязательное страхование рисков, обязаны передавать в Акционерное общество «Российская Национальная Перестраховочная Компания» (далее – РНПК), акционером которого является Банк России, фиксированную долю (не менее 50%) от всех рисков, подлежащих перестрахованию. Риски по договорам добровольного перестрахования на коммерческой основе осуществляются также с участием РНПК. Наряду с вышеуказанным развитие перестрахования путем создания дополнительных добровольных пулов страховщиков в области страхования ответственности владельцев опасных объектов, в связи с имеющимися экологическими рисками, было бы полезным.

Если сравнить особенности страхования гражданской ответственности в России и за рубежом, то можно отметить следующие отличия. Так, в законодательстве США об экологической ответственности предусматривается так называемая «неограниченная объективная солидарная ответственность, имеющая обратную силу, за нарушение требований широкого спектра видов деятельности, способных причинить серьезный экологический ущерб (например, эксплуатация подземных резервуаров, объектов удаления опасных отходов и др.)» [3].

В Европе защита от техногенных катастроф основывается на Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2004/35/EU «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранении его последствий» [4], в которой устанавливается принцип «загрязнитель платит». Полис, как правило, покрывает вред жизни/здоро-

вью людей; вред имуществу; расходы на рекультивацию экологии. Для покрытия катастрофических рисков (например, крупных нефтехимических взрывов) формируются национальные и международные страховые пулы, распределяющие риски между рядом компаний. Директива не распространяется на экологический ущерб или потенциальную угрозу такого ущерба, возникшего вследствие действия вооруженного конфликта, военных действий или мятежа; а также вследствие природного феномена исключительного и непреодолимого характера.

В России действие Закона об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта не распространяется на причинение вреда окружающей природной среде. Экологический ущерб страхуется отдельно и на добровольной основе.

Понятие экологического страхования предусмотрено в статье 18 **Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», в которой** устанавливается право предприятий страховать имущественные интересы на случай экологических рисков и указывается, что в Российской Федерации может осуществляться обязательное государственное экологическое страхование. Но на практике оно остается преимущественно добровольным.

Несмотря на попытки внедрения в российскую природоохранную практику обязательные формы экологического страхования хозяйственной деятельности, вопрос пока не решен. Так, в 1997 году Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был отклонен проект федерального закона № 96700535-2 «Об обязательном экологическом страховании», внесенный группой депутатов Государственной Думы [5].

Природоохранные органы предъявляют многочисленные иски, минимизируя причинение ущерба окружающей среде. Известным примером может служить взыскание 146 177 467 227 руб. 96 коп. с АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» в качестве возмещения вреда окружающей среде из-за разгерметизации резервуара и разлива нефтепродуктов 29.05.2020 г. в реках Далдыкан, Амбарная и в озере Пясино. Решение о крупнейшей компенсации за экологический ущерб в российской истории принял 05.02.2021 г. суд Красноярского края [6]. Как было отмечено Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации, «восстановление экосистемы займет от 10 лет после аварии» [7]. При наличии обязательного страхования экологических рисков восстановительные процедуры могли бы начаться раньше и ущерб, причиненный окружающей среде, был бы не столь катасрофическим.

В 2022-2025 гг. имели место масштабные разливы нефтепродуктов вблизи поселка городского типа Карабаш Бугульминского района на территории цеха добычи нефти и газа № 1, принадлежащего НГДУ «Лениногорскнефть»; разлив нефтесодержащих продуктов в Республике Коми на Южно-Ошском месторождении; разлив дизельного топлива на складе временного хранения ГСМ, принадлежащем компании ООО «Енисейэнергоком»; прорыв обводненных песчано-глинистых масс на месторождении АО «Покровский рудник» [8] и др. Как отмечалось Ростехнадзором, причинами аварий являлись высоких износ основных фондов, нарушения правил проведения ремонтных работ, а также слабый производственный контроль. К сожалению, резонансные судебные процессы не привели к закреплению в законодательстве обязательного экологического страхования.

Конечно в условиях введенных экономических санкций в отношении ряда секторов экономики, отдельных предприятий Российской Федерации внедрение дополнительных мер по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев опасных объектов, в том числе обязательному экологическому страхованию, довольно сложно. Однако отказ от принятия таких мер вряд ли оправдан. Предлагается поставить введение обязательного экологического страхования в зависимость от степени воздействия на окружающую среду хозяйственной деятельности с учетом международной практики правового регулирования.

В качестве правовой модели, опосредующей внедрение механизмов страхования, в том числе обязательного, гражданской ответственности за причинение ущерба (вреда) и института независимого аудита безопасности может быть рассмотрена концепция, предусмотренная Модельным законом «Об экологической безопасности (новая редакция)» [9], утвержденным постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 14.04.2023 г. № 55-4 (далее – Модельный закон).

Целью Модельного закона является гармонизированное с нормами международного права регулирование отношений в области экологической безопасности, являющейся ссоставной частью национальной безопасностью. В статье 28 Модельного закона под страхованием гарантий экологической безопасности понимается вид экологического страхования гражданско-правовой ответственности организаций и индивидуальных предпринимателей от вероятной реализации неучтенных угроз экологической безопасности, возникших при обстоятельствах непреодолимой силы природного и техногенного характера,

повлекших за собой вред окружающей среде и здоровью человека, а также имуществу физических и юридических лиц. При этом в процедурах страхования гарантий экологической безопасности могут использоваться методы и практика как обязательного, так и добровольного экологического страхования.

Обязательное экологическое страхование гарантий экологической безопасности применяется для субъектов экологического права, хозяйственная и иная деятельность которых связана с экологическими рисками возникновения угроз экологической безопасности в результате их хозяйственной и иной деятельности, за исключением обстоятельств непреодолимой силы. Добровольное экологическое страхование гарантий экологической безопасности осуществляется в соответствии общей практикой страхования гражданско-правовой ответственности в случае реализации угроз экологической безопасности, предусмотренных в договоре страхования.

Владельцы организаций, независимо от форм собственности, осуществляющих хозяйственную и иную деятельность, связанную с экологическими рисками, обязаны осуществлять внутренний контроль и проводить внутренний аудит. В Модельном законе вводятся правовые конструкции независимого внешнего экологического контроля в области экологической безопасности и незвивисимого внешнего экономического аудита хозяйственной деятельности, под которым понимается независимая, комплексная, документированная оценка соблюдения субъектом хозяйственной и иной деятельности требований национального законодательства, нормативов и стандартов в области экологической безопасности, а также требований международных нормативов, нормативных документов и стандартов, подготовка заключений о состоянии и рекомендаций по улучшению такой деятельности.

Следует отметить, что в ряде зарубежных правопорядках дружественных стран активно используется институт обязательственного экологического страхования. Так, в Законе Республики Казахстан от 13.12.2005 г. № 93-III «Об обязательном экологическом страховании» (в ред. закона № 259-VIII от 16.01.2026 г.) [10] под обязательным экологическим страхованием понимается комплекс отношений по имущественной защите законных интересов физических и (или) юридических лиц (застрахованных) при наступлении гражданско-правовой ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения экологического ущерба в результате аварии. Обязательному экологическому страхованию подлежит гражданско-правовая ответственность физических и (или) юридических лиц, осуществляющих экологически опасные виды хозяйственной и иной деятельности. Перечень экологически опасных видов хозяйственной и иной деятельности определяется уполномоченным органом.

Основными принципами обязательного экологического страхования в Республике Казвахстан являются:

- возмещение экологического ущерба в объеме и порядке, которые установлены законом;
- обеспечение исполнения сторонами своих обязательств по договору обязательного экологического страхования;
- экономическое стимулирование предотвращения причинения экологического ущерба.

При этом следует отметить, что закон не распространяется на правоотношения, урегулированные Законом Республики Казахстан № 580-II от 7.07.2004 г. «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев объектов, деятельность которых связана с опасностью причинения вреда третьим лицам», в котором предосмотрено страхование от вредного воздействия опасных производственных факторов, возникающих в результате аварий, инцидентов на опасных производственных объектах, на персонал, население, окружающую среду.

С учетом международного опыта совершенствование в России обязательного и добровольного страхования гражданской ответственности риска причинения вреда охраняемым законом ценностям крайне важно, поскольку это будет способствовать развитию инновационных направлений в природоохранной деятельности и снижении негативного воздействия на окружающую среду.

Целесообразно рассмотреть возможность введения на уровне закона обязательного страхования экологического ущерба в зависимости от уровня потенциальной опасности аварий в отношении опасных производственных объектов, в частности чрезвычайно высокой опасности (I класс опасности) и высокой опасности (II класс опасности). На первом этапе может быть введен экспериментальный правовой режим обязательного экологического страхования указанных выше объектов, оказывающих значительное воздействие на окружающую среду. Кроме того, в системе обязательного и добровольного страхования гражданской ответственности представляется также необходимым учитывать вопрос расширения спектра рисков, в частности, расширить страховое покрытие с отдельных опасных объектов предприятия на ответственность всего промышленного комплекса.

В юридической литературе анализировались проблемы, связанные со сложностью внед-

рения экологического страхования, и высказывались предложения, которые следует рассмотреть и сегодня. Так, Гренбенщиков С.Э. обращал внимание на следующее: «поскольку экологические риски со всей их сложной спецификой и непредсказуемостью трудно разместить на открытом рынке, они часто и даже преимущественно передаются кэптивным компаниям – то есть страховым компаниям, принадлежащим или аффилированным с нефтяными, энергетическими, металлургическими или многопрофильными корпорациями, промышленно-финансовыми группами, в составе которых находятся многочисленные опасные объекты» [11]. Данный подход безусловно интересен, тем более что он уже десятилетиями используется в России. При этом для комплексного решения вопросов страхования было бы целесообразно как привлечение кэптивных компаний, так и дальнейшее развитие интитута перестрахования.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.06.2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.09.2026).

[2] 115 аварий на ОПО за 2025 год: статистика Ростехнадзора и где предприятия ошибаются чаще всего // «НПИ» Недра URL: https://nedra-nhi.ru/novosti/115-avariy-na-opo-v-2025-godu-statistika-rostehnadzora (дата обращения: 19.09.2026).

[3] Новикова Е.В. Институт экологического страхования как элемент безопасности // Экологическое право, 2018 № 6; 2019 № 1. С. 14-20.

[4] Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2004/35/EU «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранении его последствий» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.09.2026).

[5] Проект федерального закона № 96700535-2 «Об обязательном экологическом страховании» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 19.09.2026).

[6] Значимые экологические споры // Legal Insight. URL: https://legalinsight.ru/articles/znachimye-ekologigischeskie-spory (дата обращения: 19.09.2026).

[7] Крупные экологические аварии 2023 года // Агентство нефтегазовой информации. URL: https://angi.ru/news/291289-Крупные%экологические%20аварии%202023520 (дата обращения: 19.09.2026).

[8] В Минприроды сочли, что после аварии на ТЭЦ восстановление экосистемы займет от 10 лет // ИНТЕРФАКС. URL: https://www.interfax.ru/russia/711805 (дата обращения: 19.09.2026).

[9] Модельный закон «Об экологической безопасности» (новая редакция) // АО Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/901898830 (дата обращения: 19.09.2026).

[10] Закон Республики Казахстан от 13 декабря 2005 года № 93-III «Об обязательном экологическом страховании» // НЦПС "Әділет". URL: https://adilef.zam.kz/rus/docs/z050000093_ (дата обращения: 19.09.2026).

[11] Гребенщиков С.Э. Экологические риски при страховании опасных производственных объектов // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет, 2011, № 8.

References:

[1] Federal Law No. 225-FZ of June 27, 2010, "On Compulsory Civil Liability Insurance for Owners of Hazardous Facilities for Harm Caused by Accidents at Such Facilities" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru (accessed: September 19, 2026).

[2] 115 Accidents at Hazardous Production Facilities in 2025: Rostekhnadzor Statistics and Common Pitfalls for Enterprises // "NPI" Nedra. URL: https://nedra-nhi.ru/novosti/115-avariy-na-opo-v-2025-godu-statistika-rostehnadzora (accessed: September 19, 2026).

[3] Novikova E.V. The Institution of Environmental Insurance as an Element of Safety // Environmental Law, 2018, No. 6; 2019, No. 1, pp. 14–20.

[4] Directive 2004/35/EC of the European Parliament and of the Council on Environmental Liability with Regard to the Prevention and Remedying of Environmental Damage // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru (accessed: September 19, 2026).

[5] Draft Federal Law No. 96700535-2 "On Compulsory Environmental Insurance" // SOZD (Legislative Process Support System). URL: https://sozd.duma.gov.ru (accessed: September 19, 2026).

[6] Significant Environmental Disputes // Legal Insight. URL: https://legalinsight.ru/articles/znachimye-ekologigischeskie-spory (accessed: 19.09.2026).

[7] Major Environmental Accidents of 2023 // Oil and Gas Information Agency (ANGI). URL: https://angi.ru/news/291289-Крупные%экологические%20аварии%202023520 (accessed: 19.09.2026).

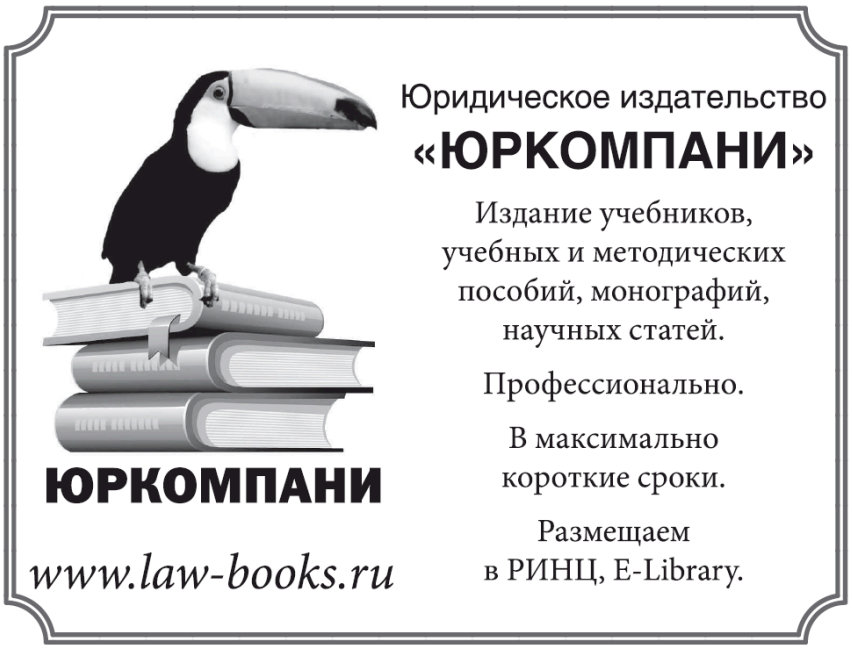
[8] Ministry of Natural Resources Estimates Ecosystem Recovery After TPP Accident Will Take

at Least 10 Years // INTERFAX. URL: https://www.interfax.ru/russia/711805 (accessed: 19.09.2026).

[9] Model Law "On Environmental Safety" (New Edition) // JSC Kodeks. URL: https://docs.cntd.ru/document/901898830 (accessed: 19.09.2026).

[10] Law of the Republic of Kazakhstan No. 93-III of December 13, 2005, "On Mandatory Environmental Insurance" // NCPS "Adilet". URL: https://adilef.zam.kz/rus/docs/z050000093_ (accessed: 19.09.2026).

[11] Grebenshchikov S.E. Environmental Risks in the Insurance of Hazardous Industrial Facilities // Financial Bulletin: Finance, Taxes, Insurance, Accounting, 2011, No. 8.



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-641-646

ХАНУКАЕВ Григорий Сергеевич,
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП),
Москва, Россия,
тел.: +7-967-117-55-53,
e-mail: Khanukaev1995@gmail.com

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Аннотация. *В статье представлены результаты комплексного анализа коррупционной преступности в страховой сфере Российской Федерации на основе официальной статистики, а также авторского социологического исследования (n=120). Показано, что коррупция в страховании является масштабной и системной проблемой, охватывающей все сегменты рынка, но проявляющейся с различной интенсивностью. Выявлена значительная региональная дифференциация коррупционных практик. Определены наиболее коррупционно-опасные профессиональные группы и распространённые типы коррупционных схем. Обоснована необходимость отраслевой дифференциации мер противодействия коррупции в страховании.*

Ключевые слова: *коррупция в страховании, страховое мошенничество, коррупционная преступность, статистика преступлений, региональная дифференциация, социологическое исследование, страховой рынок.*

Для цитирования: *Ханукаев Г. С. Коррупция в сфере страхования: современное состояние и эмпирические данные // Образование и право. 2026. № 10. С. 641–646.*

HANUKAEV Grigory Sergeevich,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation (ILCL), Moscow, Russia

CORRUPTION IN INSURANCE: CURRENT STATE AND EMPIRICAL EVIDENCE

Annotation. *The article presents the results of a comprehensive analysis of corruption crimes in the insurance sector of Russia based on official statistics of the Ministry of Internal Affairs and the All-Russian Union of Insurers, as well as the author's sociological research (n=120). It is shown that corruption in insurance is a large-scale and systemic problem that covers all market segments, but manifests itself with varying intensity. Significant regional differentiation of corruption practices has been revealed. The most corrupt and dangerous professional groups and common types of corruption schemes have been identified. The necessity of sectoral differentiation of anti-corruption measures in insurance is substantiated.*

Key words: *corruption in insurance, insurance fraud, corruption crime, crime statistics, regional differentiation, sociological research, insurance market.*

For citation: *Hanukaev G. S. Corruption in insurance: current state and empirical evidence. Education and law. 2026;(10):641–646. (In Russ.).*

Масштаб коррупции в страховой сфере Российской Федерации подтверждается как официальной статистикой, так и данными исследований страховых компаний. По данным МВД России, в 2023 г. было зарегистрировано 36,4 тыс. преступлений коррупционной направленности [13], что на 3 % превышало показатель 2022 г. [14]. В 2024 г. их число достигло 38,5 тыс. (+8 %), а по итогам 2025 г. увеличилось еще на 12,3 % [3; 12]. Следовательно, в 2023-2025 гг. сохранялась восходящая динамика регистрируемой коррупционной преступности; при её оценке, однако, необходимо учитывать

влияние активности правоохранительных органов и высокую латентность соответствующих деяний.

Отраслевые данные подтверждают устойчивость соответствующих рисков в страховании. Так, в 2023 г. служба безопасности ПАО СК «Росгосстрах» предотвратила ущерб более чем на 1 млрд руб. и направила свыше 560 заявлений о преступлениях [1]; по данным всероссийского союза страховщиков, ущерб от страхового мошенничества составил 3,3 млрд руб. [2], а за 2018-2023 гг. – более 31,4 млрд руб. [4]. В ноябре 2024 г. заявленный страховщиками ущерб достигал 3 млрд руб. [8], а по итогам года оценивался примерно в 3,9 млрд руб.; за девять месяцев 2025 г. он составил 3,2 млрд руб., что на 7 % больше сопоставимого периода 2024 г. [5].

Структура риска также меняется. Если ранее в заявлениях страховщиков доминировало ОСАГО, а заметную долю составляли КАСКО, имущественное и личное страхование [15, с. 2], то за девять месяцев 2025 г. число выявленных эпизодов по ОСАГО в целом стабилизировалось, по автоКАСКО выросло на 49 %, по страхованию жизни и здоровья – на 7 %, а по страхованию имущества и гражданской ответственности снизилось на 23 % [5]. Средний мошеннический убыток по ОСАГО удерживался около 320 тыс. руб., тогда как по КАСКО достиг 3,2 млн руб. (+28% к предыдущему году); эта динамика продолжает отмеченный в 2024 г. рост средней суммы заявляемых убытков [11].

Наиболее актуальные сведения подтверждают сохранение проблемы. В I квартале 2026 г. страховщики направили 1 767 обращений о страховом мошенничестве на общую сумму 1,41 млрд руб., а доля возбужденных по ним уголовных дел выросла с 28 % до 35 % [7]. Мониторинг Банка России на 1 апреля 2026 г. выявил 84,9 тыс. «токсичных» убытков по признаку неоднократности; их доля достигла 4,9 % урегулированных событий, при этом к красной зоне риска были отнесены Республика Ингушетия и Новосибирская область [6, с. 3, 5]. В первом полугодии 2026 г. региональная неоднородность сохранялась: в отдельных субъектах убыточность ОСАГО превышала 100 %, тогда как усиление межведомственного взаимодействия позволяло снижать отдельные мошеннические показатели [7]. В совокупности данные 2023-2026 гг. показывают не исчезновение проблемы, а её перераспределение между сегментами и регионами на фоне роста стоимости отдельных мошеннических убытков. Межисточниковый подход к оценке коррупционных процессов согласуется с позицией Р. Б. Осокина, который, анализируя современные информационно-аналитические материалы по противодействию коррупции, подчеркивает научно-практическую значимость систематизации разнородных данных о применении антикоррупционного законодательства и юридической ответственности [9, с. 41; 10, с. 118].

Для дополнения официальной статистики проведено авторское социологическое исследование: в январе-апреле 2025 г. опрошены 120 участников страхового рынка. Выборка включала сотрудников страховых компаний (n=45), страховых агентов и брокеров (n=35), представителей правоохранительных органов (n=25) и экспертов в области страхования (n=15).

Исследование охватило 12 регионов восьми федеральных округов: Москву, Московскую и Тверскую области; Санкт-Петербург и Ленинградскую область; Краснодарский и Ставропольский края; Республику Татарстан; Нижегородскую, Свердловскую и Новосибирскую области; Приморский край. Такая стратификация позволила сопоставить профессиональные и территориальные оценки коррупционных рисков.

Высоким или очень высоким уровень коррупции в страховании назвали 78 % респондентов; наиболее критичны показатели в отношении страховых агентов и брокеров (84 %). При оценке изменений за последние пять лет 43 % опрошенных отметили улучшение ситуации, 31 % – ухудшение, 26 % – отсутствие существенных сдвигов. Расхождение оценок связано с одновременным сокращением традиционных коррупционных практик вследствие цифровизации и контроля, а также возникновением новых рисков организационного и экономического характера.

Оценка распространенности коррупции зависит от профессиональной принадлежности опрошенных. Высокий либо очень высокий её уровень отметили 69 % работников страховых организаций, 76 % представителей правоохранительных органов и 80 % экспертов. Различия могут быть обусловлены степенью осведомлённости о противоправных практиках, профессиональной вовлечённостью и характером доступной информации.

Наибольшую коррупционную уязвимость респонденты связывают с автострахованием (87 %), страхованием имущества юридических лиц (68 %) и добровольным медицинским страхованием (57 %). Далее следуют страхование жизни (45 %), ответственности (42 %), сельскохозяйственное страхование (35 %) и перестрахование (28 %). Полученные оценки указывают на преобладание рисков в автостраховании и наличие возможных латентных нарушений в иных сегментах рынка.

Территориальная и организационная принадлежность респондентов влияет на оценку отраслевых рисков. В регионах с высокой убыточностью ОСАГО, включая Северный Кавказ, автостра-

хование выделили 96 % опрошенных; в Центральном федеральном округе – 82 %. Риски корпоративного страхования отметили 75 % представителей крупных федеральных страховщиков и 59 % работников региональных компаний. Последние чаще указывали на нарушения в автостраховании.

Среди выявленных практик наиболее высокие оценки распространённости получили неофициальные платежи за ускоренное урегулирование убытков (4,6 из 5 баллов), завышение ущерба при участии экспертов (4,4), вознаграждения за направление на ремонт (4,3), занижение страховой премии за неофициальную плату (4,1) и оформление страхового случая задним числом (4,0). Подкуп при заключении государственных страховых контрактов и коммерческий подкуп в закупочных процедурах оценены соответственно в 3,9 и 3,8 балла. В открытых ответах упоминались фиктивное посредничество и манипуляции агентским вознаграждением и перестрахованием.

Оценки отдельных коррупционных практик различаются по профессиональным группам. Представители правоохранительных органов чаще указывали на подкуп при оформлении страхового случая задним числом (4,5 балла), агенты и брокеры – на вознаграждения за направление клиентов на ремонт (4,7). Работники страховых организаций выделяли манипуляции медицинской документацией в добровольном медицинском страховании, с процедурами которого непосредственно связана их деятельность.

Наиболее существенными факторами респонденты признали непрозрачность урегулирования убытков (4,7 балла), недостатки мотивации персонала (4,5), контроля посредников (4,4), корпоративной культуры (4,3) и механизмов выявления нарушений (4,2). Следовательно, значительная часть коррупционных рисков связана с организацией внутренних процедур страховщиков.

Более низкие оценки получили недостаточная регламентация оценки ущерба (4,0 балла), финансовая неграмотность страхователей (3,9) и ограниченность общественного контроля (3,8). Значимость этих обстоятельств неодинаково оценивается представителями разных профессиональных групп. Сотрудники страховых компаний склонны придавать большее значение регуляторным факторам (средний балл 4,3), в то время как эксперты в области страхования и представители правоохранительных органов выше оценивают роль организационно-управленческих факторов (4,6 и 4,5 соответственно).

Региональный анализ выявил устойчивую неоднородность: наиболее высокие оценки коррупционных рисков получили территории Северного Кавказа, Приморский и Забайкальский края; средние – значительная часть Центрального, Уральского и Сибирского округов; относительно низкие – Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Республика Татарстан. Следовательно, территориальная специфика выступает самостоятельным фактором коррупционного риска в страховании.

Характерно, что в регионах с высоким уровнем коррупционных рисков наиболее распространены такие практики как подкуп сотрудников для оформления полисов «задним числом» и фальсификация обстоятельств страховых случаев, в то время как в регионах с низким уровнем рисков преобладают более «мягкие» формы коррупции, такие как «откаты» при направлении клиентов в сервисные центры и неофициальные платежи за ускорение процедур. Респонденты из регионов с высоким уровнем коррупционных рисков чаще указывают на системный характер проблемы и вовлеченность в коррупционные схемы представителей правоохранительных органов и регулирующих структур. В регионах с низким уровнем рисков коррупция носит более локальный характер и чаще связана с деятельностью отдельных недобросовестных сотрудников.

Наибольшему коррупционному риску, по мнению респондентов, подвержены эксперты по оценке ущерба (83 %), сотрудники урегулирования убытков (76 %), страховые агенты и брокеры (71 %), руководители региональных подразделений (65 %) и андеррайтеры (59 %); ниже оценены риски руководителей среднего звена (48 %) и топ-менеджеров (37 %).

Эта иерархия коррупционных рисков отражает как возможности, так и мотивы участия в коррупционных схемах. Эксперты-оценщики занимают первое место, поскольку их профессиональная деятельность связана с непосредственной оценкой ущерба и принятием решений о выплатах, что создаёт широкие возможности для злоупотреблений. Сотрудники отделов урегулирования убытков имеют высокие риски, так как они принимают финальные решения о размере выплат. Страховые агенты и брокеры подвержены рискам из-за финансовой заинтересованности в объёме продаж и комиссионной системе вознаграждения. Руководители региональных подразделений имеют возможности для манипулирования процедурами в своих подразделениях.

Что касается социально-демографических характеристик, то, по мнению большинства респондентов (63 %), возраст не является определяющим фактором склонности к коррупционному поведению. Однако 52 % опрошенных считают, что сотрудники со стажем работы от 5 до 10 лет наиболее подвержены коррупционным рискам. Это

объясняется тем, что такие сотрудники обладают достаточным опытом для реализации сложных схем, но еще не достигли высокого положения и уровня дохода, который снижал бы мотивацию к противоправным действиям.

Доминирующим мотивом участия в коррупционных схемах является материальная заинтересованность (93 %). Давление руководства или коллектива отметили 47 % опрошенных, установку «так принято» – 42 %, отсутствие страха наказания – 39 %, низкую корпоративную культуру – 36 %. При этом 58 % считают, что участники многих схем не воспринимают свои действия как противоправные, квалифицируя их как неформальные деловые практики.

Наиболее эффективной мерой противодействия признаны цифровизация и автоматизация урегулирования убытков (4,8 балла; 81 % респондентов назвали их приоритетными). Далее следуют усиление внутреннего контроля и аудита (4,2), повышение прозрачности (4,1), совершенствование нормативной базы (3,9) и ответственности (3,7). Таким образом, технологические решения рассматриваются как ядро, но не как замена организационным и правовым мерам. Данный вывод корреспондирует позиции Ю. В. Трунцевского и А. К. Есаяна: ффективность корпоративной системы противодействия коррупции определяется не формальным наличием локальных актов, а риск-ориентированным построением соответствующих процедур, их регулярным пересмотром, проведением аудита и систематическим обучением персонала [16, с. 71].

Представители различных профессиональных групп по-разному оценивают эффективность антикоррупционных мер. Так, представители правоохранительных органов выше оценивают роль усиления ответственности и совершенствования нормативно-правовой базы, в то время как сотрудники страховых компаний придают большее значение внедрению технологий и улучшению системы мотивации. Страховые агенты и брокеры отмечают важность повышения уровня финансовой грамотности клиентов, что связано с их интересом в снижении количества спорных ситуаций при урегулировании убытков.

Сопоставление официальных данных и результатов авторского опроса подтверждает общее доминирование автострахования в контексте коррупциогенности, но выявляет различия в масштабе и структуре риска. По данным опроса, на коррупционные риски в автостраховании указали 87 % респондентов, в страховании имущества юридических лиц – 68 %, в добровольном медицинском страховании – 57 %. В статистике за девять месяцев 2025 г. зафиксирован рост выявленных эпизодов по КАСКО на 49 %, по страхованию жизни и здоровья – на 7 % при стабилизации их числа по ОСАГО [5]. Таким образом, при сохранении высокой уязвимости автострахования риск противоправных практик распространяется на другие сегменты; отдельные нарушения в корпоративном и личном страховании остаются вне уголовно-правового учёта.

Сопоставление статистики с результатами опроса указывает на латентность коррупционных практик в страховании: официальному учёту подлежат выявленные и процессуально оформленные эпизоды, тогда как участники рынка сообщают также о неофициальных платежах, конфликтах интересов и манипуляциях. Поэтому рост числа заявлений или возбужденных дел нельзя механически отождествлять с ростом фактической коррупции; он может одновременно свидетельствовать об повышении эффективности ее выявления. В этой связи представляет интерес вывод Ю. В. Трунцевского и С. Н. Матулиса о превентивном потенциале внутренних сообщений о коррупции и неправомерных действиях: применительно к страховым организациям это обосновывает развитие защищенных и доступных каналов информирования для работников и посредников как элемента внутреннего контроля [17, с. 146, 159].

Региональная дифференциация коррупционных проявлений в страховании, выявленная в исследовании, имеет важные практические последствия. В регионах с высоким уровнем коррупционных рисков необходимо усилить контроль и надзор, развивать специализированные программы обучения сотрудников страховых компаний, укреплять взаимодействие с правоохранительными органами. В регионах с низким уровнем рисков можно сосредоточиться на профилактике и предупреждении появления новых форм коррупции.

Выявленная иерархия коррупционных рисков по профессиональным группам указывает на необходимость дифференцированного подхода к противодействию коррупции. Наибольшее внимание должно быть уделено экспертам-оценщикам и сотрудникам отделов урегулирования убытков, так как они имеют наибольшие возможности для манипуляций. Необходимо разработать специальные программы контроля и аудита деятельности этих категорий сотрудников, внедрить системы ротации кадров, усилить требования к их квалификации и этическому поведению.

Проведенное исследование позволяет заключить, что коррупция в страховании сохраняет системный и преимущественно латентный характер, но ее проявления неоднородны. Данные 2024-2026 годов не опровергают исходные результаты авторского опроса: автострахование остает-

ся ключевой зоной риска, одновременно растут стоимость мошеннических убытков по КАСКО и значение отдельных личных видов страхования [5; 7]. Наиболее обоснованным направлением противодействия является сочетание автоматизации, цифрового следа операций, внутреннего аудита и контроля посредников с регионально ориентированным взаимодействием страховщиков, Банка России и правоохранительных органов. Тем самым актуализированные данные усиливают главный вывод: эффективность антикоррупционной политики в страховании зависит не от единой универсальной меры, а от отраслевой и региональной дифференциации профилактики, выявления и пресечения злоупотреблений.

Список литературы:

[1] В 2023 году службе безопасности «Росгосстраха» удалось предотвратить ущерб компании более чем на 1 млрд рублей // Официальный сайт компании «Росгосстрах». 2023. URL: https://www.rgs.ru/about/news/v-2023-godu-sluzhbe-bezopasnosti-rosgosstrakha-udalos-predotvratit-ushcherb-kompanii-bolee-chem-na-1 (дата обращения: 11.08.2026).

[2] В 2023 году сумма ущерба от действий страховых мошенников составила 3,3 млрд рублей, что на 10,81% меньше, чем в 2022 году // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/21316413 (дата обращения: 11.08.2026).

[3] В Генпрокуратуре раскрыли данные о коррупции в РФ // Московский комсомолец. 2025. 16 июня. URL: https://www.mk.ru/incident/2025/06/16/v-genprokurature-raskryli-dannye-o-korrupcii-v-rf.html (дата обращения: 11.08.2026).

[4] ВСС: мошенники с 2018 года причинили страховщикам ущерб на более 31,4 млрд руб. // Прайм. 2024. URL: https://1prime.ru/20240709/moshenniki-849952059.html (дата обращения: 11.08.2026).

[5] Игорь Фатьянов: за 9 месяцев 2025 года страховщики заявили в МВД ущерб от мошеннических действий на сумму 3,2 млрд рублей // Зетта Страхование. 2025. 20 ноября. URL: https://zettains.ru/company/info/news/3934070/ (дата обращения: 11.08.2026).

[6] Мониторинг региональных рисков недобросовестных действий в ОСАГО. № 27. На 01.04.2026 // Банк России. 2026. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/62079/monitoring_OSAGO_2026-27.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

[7] Мошенничество с ОСАГО: после Новосибирска взялись за Челябинск // Агентство страховых новостей. 2026. 6 августа. URL: https://www.asn-news.ru/news/92326 (дата обращения: 11.08.2026).

[8] Общий заявленный ущерб в связи со страховыми мошенничествами оценивается в 3 млрд рублей с начала года – ВСС // Финмаркет. URL: https://www.finmarket.ru/news/6290630 (дата обращения: 11.08.2026).

[9] Осокин Р. Б. Информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции» (2022). Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2023. № 6. С. 41–44.

[10] Осокин Р. Б. Рецензия на информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции (2023)» // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 118–120.

[11] Растет средняя сумма убытков, заявленных страховыми мошенниками // Российская газета. 2024. 15 ноября. URL: https://rg.ru/2024/11/15/rastet-sredniaia-summa-ubytkov-zaiavlennyh-strahovymi-moshennikami.html (дата обращения: 11.08.2026).

[12] Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России. 2026. 19 марта. URL: https://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/79360 (дата обращения: 11.08.2026).

[13] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 11.08.2026).

[14] Статистика по коррупции в 2022 году // Общероссийская общественная организация содействия реализации гражданских антикоррупционных инициатив «Комиссия по борьбе с коррупцией». URL: https://komiss-korrup.ru/статистика-по-коррупции-в-2022-году/ (дата обращения: 11.08.2026).

[15] Страховое мошенничество: вызовы и ответные меры // Конференция «Барьер-2023». URL: https://www.insur-info.ru/Barrier/2023/presantations/1/Fatyanov.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

[16] Трунцевский Ю. В., Есаян А. К. Об эффективности корпоративных антикоррупционных процедур // Вестник Югорского государственного университета. 2020. Вып. 4 (59). С. 66–71.

[17] Трунцевский Ю. В., Матулис С. Н. Защита лиц, сообщающих о фактах коррупции в организациях: правовые и технологические аспекты // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 146–160.

References:

[1] In 2023, the security department of Rosgosstrakh succeeded in preventing

losses to the company exceeding 1 billion rubles // Official website of Rosgosstrakh. 2023. URL: https://www.rgs.ru/about/news/v-2023-godu-sluzhbe-bezopasnosti-rosgosstrakha-udalos-predotvratit-ushcherb-kompanii-bolee-chem-na-1 (accessed: 11.08.2026).

[2] In 2023, the total losses resulting from the actions of insurance fraudsters amounted to 3.3 billion rubles, a decrease of 10.81% compared to 2022 // TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/21316413 (accessed: 11.08.2026).

[3] The Prosecutor General's Office has disclosed data on corruption in the Russian Federation // Moskovsky Komsomolets. 2025. June 16. URL: https://www.mk.ru/incident/2025/06/16/v-genprokurature-raskryli-dannye-o-korrupcii-v-rf.html (accessed: 11.08.2026).

[4] All-Russian Insurance Association (VSS): since 2018, fraudsters have caused losses to insurers exceeding 31.4 billion rubles // Prime. 2024. URL: https://1prime.ru/20240709/moshenniki-849952059.html (accessed: 11.08.2026).

[5] Igor Fatyanov: In the first 9 months of 2025, insurers reported losses from fraudulent activities totaling 3.2 billion rubles to the Ministry of Internal Affairs // Zetta Insurance. November 20, 2025. URL: https://zettains.ru/company/info/news/3934070/ (accessed: August 11, 2026).

[6] Monitoring of Regional Risks of Unfair Practices in Compulsory Motor Third-Party Liability Insurance (OSAGO). No. 27. As of April 1, 2026 // Bank of Russia. 2026. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/62079/monitoring_OSAGO_2026-27.pdf (accessed: August 11, 2026).

[7] OSAGO Fraud: After Novosibirsk, Focus Shifts to Chelyabinsk // Insurance News Agency (ASN). August 6, 2026. URL: https://www.asn-news.ru/news/92326 (accessed: August 11, 2026).

[8] Total Reported Losses from Insurance Fraud Estimated at 3 Billion Rubles Since the Beginning of the Year – All-Russian Insurance Association (VSS) // Finmarket. URL: https://www.finmarket.ru/news/6290630 (accessed: August 11, 2026).

[9] Osokin R. B. Information and Analytical Bulletin "Countering Corruption" (2022). Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation // Legal Education and Science. 2023. No. 6. pp. 41–44.

[10] Osokin R. B. Review of the information-analytical bulletin "Countering Corruption (2023)" // Education. Science. Scientific Personnel. 2024. No. 3. pp. 118–120.

[11] Average amount of losses claimed by insurance fraudsters is on the rise // Rossiyskaya Gazeta. November 15, 2024. URL: https://rg.ru/2024/11/15/rastet-sredniaia-summa-ubytkov-zaiavlennyh-strahovymi-moshennikami.html (accessed: August 11, 2026).

[12] Extended meeting of the Board of the Prosecutor General's Office // President of Russia. March 19, 2026. URL: https://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/79360 (accessed: August 11, 2026).

[13] State of crime in the Russian Federation, January–December 2023 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (accessed: August 11, 2026).

[14] Corruption statistics for 2022 // All-Russian Public Organization for the Promotion of Civil Anti-Corruption Initiatives "Commission for Combating Corruption." URL: https://komiss-korrup.ru/статистика-по-коррупции-в-2022-году/ (accessed: August 11, 2026).

[15] Insurance Fraud: Challenges and Countermeasures // "Barrier-2023" Conference. URL: https://www.insur-info.ru/Barrier/2023/presantations/1/Fatyanov.pdf (accessed: 11.08.2026).

[16] Truntsevsky Yu. V., Esayan A. K. On the Effectiveness of Corporate Anti-Corruption Procedures // Bulletin of Yugra State University. 2020. Issue 4 (59). pp. 66–71.

[17] Truntsevsky Yu. V., Matulis S. N. Protection of Individuals Reporting Corruption within Organizations: Legal and Technological Aspects // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 5. pp. 146–160.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-647-652
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

РАССОХОВ Игорь Ростиславович,
аспирант Кафедры конкурентного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ НА ТОВАРНЫХ РЫНКАХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы правового обеспечения конкуренции на товарных рынках лекарственных препаратов в Российской Федерации. Рассматриваются особенности государственного регулирования фармацевтического рынка и роль Федеральной антимонопольной службы в обеспечении его устойчивого функционирования. Особое внимание уделяется совершенствованию антимонопольного контроля в условиях цифровизации государственного управления, в том числе перспективам применения инструментов СМАРТ-контроллинга, риск-ориентированного подхода и технологий анализа данных. Анализируются отдельные проблемы правоприменения, связанные с определением взаимозаменяемости лекарственных препаратов, оборотом воспроизведенных лекарственных средств и соотношением антимонопольного регулирования с защитой патентных прав. На основе анализа российского и зарубежного опыта сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования конкуренции на фармацевтическом рынке.*

Ключевые слова: *конкуренция, фармацевтический рынок, лекарственные препараты, антимонопольное регулирование, Федеральная антимонопольная служба, СМАРТ-контроллинг, государственный контроль, взаимозаменяемость лекарственных препаратов, патентные права, государственные закупки.*

Для цитирования: *Рассохов И. Р. Обеспечение конкуренции на товарных рынках лекарственных препаратов: проблемные аспекты // Образование и право. 2026. № 10. С. 647–652.*

RASSOKHOV Igor Rostislavovich,
postgraduate student at the Department of Competition Law,
Kutafin Moscow State Law University

ENSURING COMPETITION IN PHARMACEUTICAL PRODUCT MARKETS: CHALLENGING ASPECTS

Annotation. *The article examines current issues of legal support for competition in the pharmaceutical product markets of the Russian Federation. It considers the specific features of state regulation of the pharmaceutical market and the role of the Federal Antimonopoly Service in ensuring its stable functioning. Particular attention is paid to improving antimonopoly control in the context of the digital transformation of public administration, including the prospects for using SMART controlling tools, risk-based approaches, and data analytics technologies. The article analyzes certain law enforcement issues related to the interchangeability of medicinal products, the circulation of generic medicines, and the relationship between antimonopoly regulation and patent protection. Based on an analysis of Russian and foreign experience, proposals are formulated for improving the legal regulation of competition in the pharmaceutical market.*

Key words: *competition, pharmaceutical market, medicinal products, antimonopoly regulation, Federal Antimonopoly Service, SMART controlling, state control, interchangeability of medicinal products, patent rights, public procurement.*

For citation: *Rassokhov I. R. Ensuring competition in pharmaceutical product markets: challenging aspects. Education and law. 2026;(10):647–652. (In Russ.).*

Одной из глобальных задач любого демократического государства является обеспечение здоровья его граждан, независимо от их физиологических, психологических, возрастных характеристик, религиозных, общественных и политических убеждений. Именно поэтому здравоохранение принадлежит к стратегическим сферам государственного устройства, от состояния которой зависит насколько успешно развивается данный общественно-политический институт. Российская Федерация в этом отношении не является исключением, что задекларировано на высшем государственном уровне в основном законе страны [1], стратегических документах планирования [4], а также в федеральных, региональных и локальных нормативных правовых актах [2; 3; 6]. Вместе с тем, при безусловном наличии позитивных тенденций в реализации запланированных мероприятий, направленных на выполнение законодательных установлений, указанный процесс характеризуется определенными проблемами и трудностями организационно-правого характера, что, безусловно определяет актуальность вопросов, которые будут рассмотрены ниже в рамках настоящей статьи.

Прежде всего, экспертами фиксируется тенденция активного развития рынка фарминдустрии. За последние пять лет (2001-2025г.г.) он составил в среднем 65% [7; 12].

В этой связи, следует отметить очевидность действенности такого инструмента регулирования исследуемой отрасли, как реализация функционала Федеральной антимонопольной службы (далее по тесту ФАС России) [5]. С момента образования и до настоящего времени ведомством проводится активная политика, направленная на обеспечение устойчивости сферы здравоохранения. При реализации полномочий применяется единообразная методика, основанная на реальных экономических параметрах. Использование комплексного подхода, в свою очередь, позволяет производить объективный анализ ценообразования на лекарственные препараты, в том числе, применяемые в жизненно необходимых и важнейших случаях.

Так, например, по итогам 2025 года анализу подверглись цены на более чем 11 тыс. таких материальных субстратов (11428), согласовано же, в свою очередь, было 85% (9677), в том числе приведены в необходимое соответствие (путем снижения) цены на 712 товарных наименований лекарств [8]. Таким образом были созданы необходимые условия для конкуренции цен производителей соответствующей продукции при государственных (муниципальных) закупках, а также обеспечена доступность к ней рядовых потребителей в аптечной сети.

Помимо прочих факторов, устойчивое состояние рынка лекарственных препаратов достигается за счет процедуры перерегистрации предельных отпускных цен на дефектурные лекарства (с согласованием в ФАС России). В отчетном периоде подобная процедура произведена специалистами ведомства более 1,2 тыс. раз (1283), что позволило обеспечить их дальнейшее производство и поставки на российский рынок, а также стимулировать развитие конкуренции среди отечественных производителей.

Вместе с тем, следует отметить, что современные реалии, в частности действующие международные санкции в отношении Российской Федерации предполагают активизацию политики импортозамещения в стратегически важных государственных областях, куда относится и охрана здоровья граждан. В этой связи, обеспечение конкуренции на товарных рынках лекарственных препаратов приобретает особое значение и требует новых подходов в сфере антимонопольного регулирования фарминдустрии, где ведущая роль принадлежит ФАС России.

Прежде всего, считаем, что деятельность Федеральной антимонопольной службы нуждается в реформировании в виде внедрения в процесс реализации функций ведомства инструментов современной модели CMART-контроллинга, основанной на цифровых технологиях, аналитике данных и превентивном управлении рисками. В настоящее время последняя активно адаптируется к сфере публичного сектора (Минфин России, Федеральное казначейство). Процесс этот сталкивается с рядом сложностей, однако в научном сообществе и среди практических работников важность и востребованность указанных инноваций не вызывает сомнения [10; 13; 22].

Полагаем, что факторами, которые предопределяют необходимость применения подобной системы в сфере деятельности ФАС России являются:

– внедрение риск-ориентированных подходов к контрольной деятельности. Данное обстоятельство предполагает обработку большего объёма сведений об объектах контроля, в том числе выявления потенциально возможных угроз и нарушений антимонопольного законодательства. Последнее диктует необходимость создания соответствующей единой электронной системы данных учёта;

– усиление предупредительной функции ФАС России. Направленность указанных манипуляций призвана способствовать повышению прозрачности конкуренции и обоснованности политики, проводимой разработчиками и производителями;

– оцифровка системы государственного

управления и экономики.

В качестве проблемного аспекта отметим также выраженную структурную неравномерность распределения исследуемого сегмента здравоохранения. По данным к*омпании «Альфа ресерч и маркетинг», специализирующейся на предоставлении и создании аналитических баз данных* по всем сегментам фармацевтического рынка России, практически половину в стоимостном выражении (55%) здесь составляют закупки, необходимые для функционирования медицинских учреждений, в том числе относящиеся к льготной категории [21]. Очевидно, что подобные предпосылки предопределяют формирование олигополистического рынка фарминдустрии, большую часть которого контролируют отдельные производители товаров. Эксперты отмечают также, что производство значительного количества данных материальных субстратов зависит от зарубежного сырья Изложенное требует выработки и реализации действенного превентивного механизма антимонопольного контроля, ввиду недопустимости формирования различных форм монополистического сговора.

Следует согласиться с исследователями, полагающими, что совершенствование процесса обеспечения конкуренции на рынке фарминдустрии может быть достигнуто за счет адаптации зарубежного опыта, применяемого в некоторых странах Европейского Союза (Германия, Испания) и США [19]. Антимонопольная политика данных государств сочетает в себе наличие таких составляющих как: жесткий контроль цен; централизация торгов; меры поощрения национальных производителей. В качестве целевого приоритета избран индивидуальный подход при выработке и использовании рычагов преференциальной политики закупок фармацевтической продукции. Одним из эффективных сбалансированных инструментов, безусловно, является закрепленная на государственном уровне обязательность соответствующего соглашения о распределении рисков, заключаемого между разработчиками лекарств, их производителями и государством. К действенным рычагам регулирования национального фармацевтического рынка, а также средством превенции недобросовестной конкуренции выступает также легальная дифференциация уровней локализации лекарственных средств. Это способствует поддержке отечественных разработчиков и производителей лекарств, что для Российской Федерации в условиях международных санкций и политики импортозамещения является более чем актуальным.

Отметим также и пробелы в антимонопольном законодательстве в части толкования определения взаимозаменяемости лекарственных препаратов. Анализ правоприменительной практики за последние пять лет (2020-2025г.г.) показывает, что ФАС России, зачастую занимает противоречивую правовую позицию и пытается реализовать возложенные на ведомство функции за счет расширительного толкования своих полномочий, что предполагает риски для интересов добросовестных участников рынка (производителей оригинальных формул и дженериков, а также потребителей). Так, например, следствием административного ограничения оборота дженериков в системе государственных закупок путем издания ФАС России разъяснительных писем [14; 15; 16], стали многочисленные обращения заинтересованных лиц в судебные органы. И только постепенная выработка единообразной судебной практики по данному вопросу, (которая формируется по сей день), позволяет корректировать проблему и решать ее в рамках действующего правового поля [13].

В рамках исследуемых вопросов безусловный интерес представляет точка зрения некоторых авторов, предлагающих законодательно обязать заявителя гарантировать патентную чистоту при прохождении процедуры авторизации воспроизведенного лекарственного средства на фармацевтическом рынке [12, с. 38; 9; 23]. В этой связи, на наш взгляд логически верным будет также модернизация федерального закона «О защите конкуренции» в части внесения изменений, касающихся обязательного признака недобросовестности конкурирующих действий, в том числе на фармацевтическом рынке. Полагаем обоснованным считать их таковыми только в том случае, когда имеется вступившее в законную силу судебное решение о нарушении патентных прав. Считаем, что предлагаемые изменения будут способствовать оптимизации указанного процесса и позволят добиться большей прозрачности взаимоотношений между производителями исследуемых материальных субстратов.

В заключение отметим, что выделенный нами в рамках данного исследования перечень проблем, безусловно, не является ограничительным и требует дальнейшей разработки в рамках научных исследований. Очевидным является то, что их оперативное решение выступает в качестве неотъемлемого условия совершенствования процесса обеспечения конкуренции на рынке фарминдустрии.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://www.pravo.

gov.ru.

[2] Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010г. № 61-ФЗ // «Российская газета» от 14 апреля 2010 г. № 78.

[3] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3434.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: // «Российская газета» № 159 от 22.07.2020г.

[5] Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» // «Российская газета» от 31 июля 2004 г. № 162.

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2020 г. № 17718 «Об утверждении особенностей государственного регулирования предельных отпускных цен производителей на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, и внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации». №е 45 от 9 ноября 2020 г., статья 7129.

[7] Гайдин Т.Ю. Антимонопольное регулирование фармацевтической отрасли в условиях санкций // «Современная конкуренция», 2026. Т. 20. № 1. С. 73-89.

[8] Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2025г. // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы России. URL: https:// fas.gov.ru/ (дата обращения: 29.08.2026).

[9] Захарова Л. Патенты и госзаказ: отклонять ли заявки? Размышления на полях писем ФАС России // Прогосзаказ.рф. 2025. № 3. С. 54-61.

[10] Зуева А. С. К вопросу о формировании системы СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере // Экономика строительства. – 2024. – № 12. – С. 46-49.

[11] Кугач А.А., Кугач В.В. Механизмы организации закупок лекарственных средств: зарубежный опыт // «Вестник фармацеи». 2022. № 2(96). С.5-16.

[12] Лапина М.А. Антимонопольное регулирование фармацевтического рынка в России: анализ правоприменения // «Мониторинг правоприменения». № 1 (28). 2026. С. 33-38.

[13] Лысенко А. А., Сокольникова В.И. Формирование концептуальной модели СМАРТ-контроллинга в экономических субъектах государственного и корпоративного секторов экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 10-2. С. 237. 236-241.

[14] Письмо ФАС России от 24.01.2025 № МШ/5676/25 «По вопросу рассмотрения заявок участников закупок, предложивших к поставке лекарственный препарат с использованием активного вещества Дапаглифлозин» // Справочно- информационные материалы ФАС России за 2025г.

[15] Письмо ФАС России от 24.01.2025 № МШ/5675/25 «По вопросу рассмотрения заявок участников закупок, предложивших к поставке лекарственный препарат с использованием активного вещества Руксолитиниб» // Справочно- информационные материалы ФАС России за 2025 г.

[16] Письмо ФАС России от 24.01.2025 № МШ/5449/25 «По вопросу рассмотрения заявок участников закупок, предложивших к поставке лекарственный препарат с использованием активного вещества Осимертиниб» // Справочно- информационные материалы ФАС России за 2025 г.

[17] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2025 № 13АП-21163/2025 по делу № А56-23981/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.09.2026).

[18] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.01.2026 № 08АП-7746/2025 по делу № А75-171/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.09.2026).

[19] Пономарева Д.В. Обзор актуального зарубежного законодательства в области обеспечения государственных закупок лекарственных средств на национальном рынке // Lex Genetica (МГЮА), выпуск № 83. С. 101-123.

[20] Решение Арбитражного суда Самарской области от 12.02.2026 по делу № А55-13071/2025. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.09.2026).

[21] Справочно-информационные данные Компании «Альфа ресерч и маркетинг». // URL: pharm.ru/ (дата обращения: 12.09.2026).

[22] Чхутиашвили Л. В. Искусственный интеллект в государственном контроле // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: Сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции. М.: Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 268-269.

[23] Чулакова О.Ю. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании отношений, возникающих в связи с обеспечением граждан лекарственными препаратами // Хозяйство и право. 2025. № 7. С. 109 -122.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020). URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Federal Law No. 61-FZ of April 12, 2010, "On the Circulation of Medicines" // *Rossiyskaya Gazeta*, April 14, 2010, No. 78.

[3] Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006, "On Protection of Competition" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, July 31, 2006, No. 31 (Part I), Art. 3434.

[4] Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 21, 2020, "On National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030" // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 159, July 22, 2020.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation No. 331 of June 30, 2004, "On Approval of the Regulation on the Federal Antimonopoly Service" // *Rossiyskaya Gazeta*, July 31, 2004, No. 162.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1771 of October 31, 2020, "On Approval of the Specifics of State Regulation of Manufacturers' Maximum Selling Prices for Medicinal Products Included in the List of Essential and Vital Medicines, and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 45, November 9, 2020. ..., year, Article 7129.

[7] Gaydin T.Yu. Antitrust Regulation of the Pharmaceutical Industry Under Sanctions // *Modern Competition*, 2026, Vol. 20, No. 1, pp. 73–89.

[8] Report on the State of Competition in the Russian Federation for 2025 // Official website of the Federal Antimonopoly Service of Russia. URL: https://fas.gov.ru/ (accessed: August 29, 2026).

[9] Zakharova L. Patents and State Procurement: Should Bids Be Rejected? Reflections on Correspondence from the Federal Antimonopoly Service of Russia // *Progoszakaz.rf*, 2025, No. 3, pp. 54–61.

[10] Zueva A. S. On the Development of a SMART-Control System in the Financial and Budgetary Sphere // *Economics of Construction*, 2024, No. 12, pp. 46–49.

[11] Kugach A.A., Kugach V.V. Mechanisms for Organizing the Procurement of Medicinal Products: International Experience // *Bulletin of Pharmacy*, 2022, No. 2(96), pp. 5–16.

[12] Lapina M.A. Antitrust Regulation of the Pharmaceutical Market in Russia: An Analysis of Law Enforcement // *Monitoring of Law Enforcement*, 2026, No. 1 (28), pp. 33–38.

[13] Lysenko A. A., Sokolnikova V.I. Developing a Conceptual Model of SMART-Controlling for Economic Entities in the Public and Corporate Sectors // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and...* ...Law. 2024. No. 10-2. pp. 236–241.

[14] Letter of the Federal Antimonopoly Service (FAS) of Russia dated January 24, 2025, No. MSh/5676/25 “On the Review of Bids from Procurement Participants Offering a Medicinal Product Containing the Active Substance Dapagliflozin” // Reference and Information Materials of the FAS of Russia for 2025.

[15] Letter of the Federal Antimonopoly Service (FAS) of Russia dated January 24, 2025, No. MSh/5675/25 “On the Review of Bids from Procurement Participants Offering a Medicinal Product Containing the Active Substance Ruxolitinib” // Reference and Information Materials of the FAS of Russia for 2025.

[16] Letter of the Federal Antimonopoly Service (FAS) of Russia dated January 24, 2025, No. MSh/5449/25 “On the Review of Bids from Procurement Participants Offering a Medicinal Product Containing the Active Substance Osimertinib” // Reference and Information Materials of the FAS of Russia for 2025.

[17] Ruling of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated December 26, 2025, No. 13AP-21163/2025, in Case No. A56-23981/2025 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: September 11, 2026).

[18] Ruling of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated January 30, 2026, No. 08AP-7746/2025, in Case No. A75-171/2025 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: 11.09.2026).

[19] Ponomareva D.V. Overview of Current Foreign Legislation on Public Procurement of Medicinal Products in the National Market // Lex Genetica (MSAL), Issue No. 83, pp. 101–123.

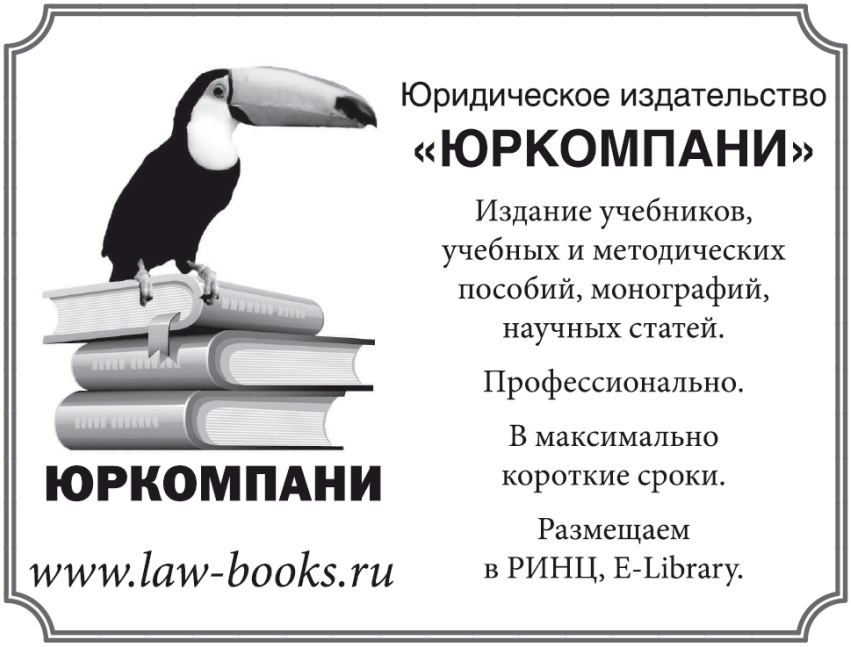
[20] Decision of the Arbitration Court of the Samara Region dated 12.02.2026 in Case No. A55-13071/2025 // SudAkt. URL: https://sudact.ru/ (accessed: 11.09.2026).

[21] Reference and Information Data from the Company "Alpha Research & Marketing" // URL: pharm.ru/ (accessed: 12.09.2026).

[22] Chkhutiashvili L.V. Artificial Intelligence in State Control // Legal Support for Russia’s Sovereignty: Problems and Prospects: Collection of Papers from the XXIV International Scientific and Practical Conference. Moscow: Publishing Center of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2024, pp. 268–269.

[23] Chulakova O.Yu. The Balance Between Private and Public Interests in the Legal Regulation of Relations Arising from the Provision of Medicinal

Products to Citizens // Economy and Law (Khozyaystvo i pravo), 2025, No. 7, pp. 109–122.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-653-657
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ШИКУЛА И.Р.,
профессор кафедры прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований
факультета «Высшая школа прикладной юриспруденции»
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет»,
доктор юридических наук, доцент;
Член экспертного совета комитета Государственной
Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства
и детства,
Академик РАЕН,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗЫКОВА А.О.,
студент 3 курса магистратуры
факультета «Высшая школа прикладной юриспруденции»
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ МАРКИРОВКИ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ УЧАСТНИКОВ РЕКЛАМНОЙ ЦЕПОЧКИ

Аннотация. *В статье авторами исследуются проблемы распределения административной ответственности за нарушение требований маркировки интернет-рекламы между рекламодателем и рекламораспространителем. На основе анализа действующего законодательства и складывающейся правоприменительной практики предлагается трехэлементная модель разграничения ответственности участников рекламной цепочки. Научная новизна публикации состоит в разработке критериев разграничения ответственности –функционального, договорного и критерия осведомленности, –позволяющих устранить правовую неопределенность в данной сфере.*

Ключевые слова: *интернет-реклама, маркировка рекламы, ERID, ЕРИР, ОРД, рекламодатель, рекламораспространитель, административная ответственность, КоАП РФ.*

Для цитирования: *Шикула И. Р., Зыкова А. О. Ответственность за нарушение маркировки интернет-рекламы участников рекламной цепочки // Образование и право. 2026. № 10. С. 653–657.*

SHIKULA I.R.,
Professor, Department of Applied Legal Studies
and Interdisciplinary Legal Research,
Higher School of Applied Jurisprudence,
Russian State University for the Humanities (RSUH),
Doctor of Law, Associate Professor;
Member of the Expert Council of the State Duma Committee
on the Protection of the Family, Paternity, Maternity, and Childhood;
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)

ZYKOVA A.O.,
3rd-year Master's student,
Higher School of Applied Jurisprudence,
Russian State University for the Humanities (RSUH)

LIABILITY OF ADVERTISING CHAIN PARTICIPANTS FOR VIOLATIONS RELATED TO INTERNET ADVERTISING LABELING

Annotation. *This article examines the distribution of administrative liability between advertisers and advertising distributors for violations of internet advertising labeling requirements. Based on an analysis of current legislation and emerging law enforcement practice, the authors propose a three-element model for delineating the liability of participants within the advertising chain. The scientific novelty of this work lies in the development of criteria for distinguishing liability—specifically, functional, contractual, and awareness-based criteria—which help to resolve legal uncertainty in this area.*

Key words: *internet advertising, advertising labeling, ERID (unique advertising identifier), ERIR (Unified Register of Internet Advertising), ORD (advertising data operator), advertiser, advertising distributor, administrative liability, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (KoAP RF).*

For citation: *Shikula I. R., Zykova A. O. Liability of advertising chain participants for violations related to internet advertising labeling. Education and law. 2026;(10):653–657. (In Russ.).*

Введение

С 1 сентября 2022 года в России вступила в силу статья 18.1 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», обязав всех участников рынка интернет-рекламы соблюдать требования об обязательной маркировке рекламного контента. Согласно новым правилам, каждое рекламное объявление в сети Интернет должно содержать пометку «реклама», сведения о рекламодателе и уникальный идентификатор рекламы – ERID (токен), присваиваемый операторами рекламных данных (ОРД) и вносимый в Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР) под контролем Роскомнадзора. С 1 сентября 2023 года за нарушение этих требований введена административная ответственность по статье 14.3 КоАП РФ: для юридических лиц размер штрафа составляет от 200 000 до 500 000 рублей. [2, ст. 2.1, 2.9, 14.3]

Между тем правовое регулирование маркировки создает серьезную практическую проблему: современная рекламная кампания в сети Интернет реализуется, как правило, не напрямую рекламодателем, а через цепочку посредников – агентства, рекламные платформы, блогеров. Ни Федеральный закон «О рекламе», ни Постановления Правительства РФ, регулирующие взаимодействие с ОРД, не содержат четких критериев разграничения ответственности между участниками цепочки, что порождает правовую неопределенность и противоречивую правоприменительную практику. [3]

Цель настоящей статьи – на основе анализа законодательства и правоприменительной практики сформулировать критерии разграничения ответственности за нарушения маркировки интернет-рекламы применительно к двум ключевым субъектам: рекламодателю и рекламораспространителю.

1. Правовая основа маркировки и субъектный состав ответственности

Статья 18.1 Федерального закона «О рекламе» закрепляет трех возможных субъектов обязательств по маркировке: рекламодателя, рекламораспространителя и оператора рекламной системы. При этом закон допускает договорное перераспределение обязанностей по получению ERID и передаче данных в ЕРИР между ними. Это порождает то, что в доктрине обозначается как система «делегированной ответственности»: любой из участников цепочки может принять на себя исполнение технических требований маркировки по договору. [12]

Постановление Правительства РФ от 25.05.2022 № 948 [4] устанавливает критерии отнесения участников рекламного рынка к лицам, обязанным передавать информацию в Роскомнадзор, однако не разграничивает ответственность между несколькими субъектами в рамках одной рекламной кампании. Статья 14.3 КоАП РФ в редакции Федерального закона от 24.06.2023 № 274-ФЗ называет в качестве субъектов правонарушения рекламодателя, рекламопроизводителя и рекламораспространителя без указания на приоритет одного из них при наличии нескольких виновных лиц.

Исследователи обращают внимание на пробельность законодательства в части ответственности при многоуровневых договорных конструкциях: когда рекламодатель поручает маркировку агентству, а агентство – рекламной платформе, установить «надлежащего нарушителя» на практике крайне затруднительно. [6] На данное обстоятельство указывает и анализ цифровых рекламных отношений применительно к таргетированной рекламе. [9]

2. Типология нарушений и их субъектная

привязка

Для правильного разграничения ответственности принципиально важна типология нарушений. Маркировка интернет-рекламы предполагает выполнение трех последовательных обязанностей: (1) размещение пометки «реклама» и сведений о рекламодателе в рекламном материале; (2) получение ERID от ОРД и его интеграция в рекламный контент; (3) передача статистики о размещенной рекламе в ОРД и далее в ЕРИР. Каждая из этих обязанностей имеет собственного «естественного» исполнителя.

Обязанность по размещению пометки «реклама» логично возлагается на рекламораспространителя – лицо, которое непосредственно публикует рекламный материал и обладает техническим контролем над его отображением. [8] Именно ФАС России возбуждает дела по данному составу, и именно рекламораспространители привлекаются к ответственности за отсутствие пометки в подавляющем большинстве случаев.

Обязанность по получению ERID, напротив, формально может исполняться любым участником цепочки, заключившим договор с ОРД. На практике при самостоятельном размещении рекламы рекламодатель, как правило, взаимодействует с ОРД напрямую; при работе через агентство – эта функция делегируется агентству по условиям агентского договора. Отсутствие ERID влечет ответственность того, кто был обязан его получить. [7]

Отдельную проблему представляет ситуация «технического» нарушения – когда ERID был получен, но не отобразился в объявлении вследствие сбоя на рекламной платформе. Анализ доктрины свидетельствует о том, что в данном случае вина субъекта должна оцениваться с учетом принципа виновной ответственности юридического лица (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ): при наличии объективной невозможности исполнить обязанность надлежащим образом оснований для привлечения к ответственности не возникает. Представляется, что в ряде случаев допустимо применение статьи 2.9 КоАП РФ о малозначительности правонарушения.

3. Трехэлементная модель разграничения ответственности

На основании проведенного анализа предлагается трехэлементная модель разграничения ответственности участников рекламной цепочки, включающая функциональный критерий, договорный критерий и критерий осведомленности.

А. Функциональный критерий. Ответственность несет тот участник цепочки, в «операционной зоне» которого возникло нарушение. Если пометка «реклама» не размещена – ответственность несет рекламораспространитель как субъект, осуществляющий техническую публикацию. Если ERID не получен – ответственность несет субъект, обязанный заключить договор с ОРД. Если данные не переданы в ЕРИР – ответственность несет ОРД либо участник, принявший эту функцию по договору.

Б. Договорный критерий. Если договором между участниками обязанность по маркировке явно и однозначно делегирована одному из них, именно он несет первичную ответственность. Прочие участники несут субсидиарную ответственность только при условии, что они не могли обнаружить нарушение и не имели возможности его предотвратить. Данный подход соответствует гражданско-правовой модели ответственности информационных посредников по ст. 1253.1 ГК РФ [5] и должен быть закреплен законодательно путем дополнения ст. 18.1 Федерального закона «О рекламе» нормой о договорном перераспределении публично-правовых обязанностей.

В. Критерий осведомленности. Субъект не должен привлекаться к ответственности, если он объективно не знал и не мог знать о нарушении, допущенном иным участником цепочки. Рекламодатель, передавший агентству корректные исходные данные и лишенный технического доступа к рекламной платформе, не может нести ответственность за то, что агентство не интегрировало ERID в объявление. Этот критерий прямо вытекает из принципа виновности, закрепленного в ст. 2.1 КоАП РФ, и согласуется с позицией исследователей рекламного права. [13]

Применение предложенной модели позволяет устранить неопределенность при множественности субъектов нарушения, обеспечить соответствие правоприменения принципу виновной ответственности, стимулировать участников рынка детально распределять обязанности по маркировке в договорах об оказании рекламных услуг. [11]

Заключение

Действующее законодательство о маркировке интернет-рекламы создает ситуацию «размытой» ответственности, когда при наличии нескольких участников рекламной цепочки ни закон, ни подзаконные акты не устанавливают четких критериев привлечения к ответственности конкретного субъекта. Складывающаяся правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к привлечению рекламодателя как «конечного выгодоприобретателя» даже в случаях, когда исполнение технических обязанностей по маркировке было договорно делегировано агентству или рекламораспространителю, – что представляется несовместимым с принципом виновной ответственности.

Предлагаемая трехэлементная модель –

функциональный, договорный критерии и критерий осведомленности – позволяет системно разграничить ответственность между рекламодателем и рекламораспространителем. Законодательное закрепление данных критериев в ст. 18.1 Федерального закона «О рекламе» и корреспондирующее уточнение диспозиции ст. 14.3 КоАП РФ позволят создать предсказуемую и соразмерную систему публично-правовой ответственности в данной сфере, отвечающую реалиям многоуровневого рынка цифровой рекламы.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[3] Постановление Правительства РФ от 28.05.2022 № 974 «Об утверждении Правил взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с операторами рекламных данных» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 23. Ст. 3816.

[4] Постановление Правительства РФ от 25.05.2022 № 948 «Об утверждении критериев отнесения рекламодателей, рекламораспространителей, операторов рекламных систем к лицам, обязанным предоставлять информацию о рекламе в Роскомнадзор» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 23. Ст. 3813.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024): ст. 1253.1 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

[6] Голубкина К. В. Правовое регулирование рекламной деятельности в России: анализ действующего законодательства // Право и экономика. 2024. № 5. С. 42–51.

[7] Баринов А. Г. Проблемы правового регулирования цифровой рекламы // Цивилист. 2024. № 1. С. 67–78.

[8] Тюпа В. С. Маркировка рекламы. Как складывается судебная практика // ГАРАНТ.РУ. 2024. URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/tyupa_vsevolod/1760873/ (дата обращения: 20.05.2026).

[9] Ксенофонтов О. М. E-Commerce: аспекты правового регулирования таргетированной рекламы в России // Право цифровой экономики: Ежегодник-антология / под ред. М. А. Рожковой. М.: Статут, 2020. С. 217–244.

[10] Орлова В. А. Правовое регулирование рекламной деятельности в сети Интернет: постановка проблемы // КиберЛенинка. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-rasprostraneniya-reklamy-v-seti-internet-postanovka-problemy (дата обращения: 22.05.2026).

[11] Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 636 с.

[12] Короткова Е. А. Нормативное правовое и договорное регулирование рекламы в сети Интернет в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. URL: https://www.dissercat.com/content/normativnoe-pravovoe-i-dogovornoe-regulirovanie-reklamy-v-seti-internet-v-rossiiskoi-federat (дата обращения: 25.05.2026).

[13] Дударова Б. О., Пузыревский С. А. Правовое регулирование рекламной деятельности: курс лекций. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 160 с.

[14] Маркировка рекламы в интернете – 2024: ключевые требования // Аналитические статьи ГАРАНТ.РУ. 2024. URL: https://www.garant.ru/article/1660666/ (дата обращения: 28.05.2026).

References:

[1] Federal Law No. 38-FZ of March 13, 2006, "On Advertising" (as amended on December 29, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 12. Art. 1232.

[2] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on February 26, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation No. 974 of May 28, 2022, "On Approval of the Rules for Interaction Between the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media and Advertising Data Operators" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 23. Art. 3816.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation No. 948 of May 25, 2022, "On Approval of Criteria for Classifying Advertisers, Advertising Distributors, and Advertising System Operators as Entities Obliged to Submit Information on Advertising to Roskomnadzor" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 23. Art. 3813.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of December 18, 2006 (as amended on July 22, 2024): Art. 1253.1 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part 1). Art. 5496.

[6] Golubkina K. V. Legal Regulation of Advertising Activity in Russia: An Analysis of Current Legislation // Law and Economics. 2024. No. 5. pp.

42–51.

[7] Barinov A. G. Issues in the Legal Regulation of Digital Advertising // Tsivilist [Civilist]. 2024. No. 1. pp. 67–78.

[8] Tyupa V. S. Advertising Labeling: How Judicial Practice Is Taking Shape // GARANT.RU. 2024. URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/tyupa_vsevolod/1760873/ (accessed: 20.05.2026).

[9] Ksenofontov O. M. E-Commerce: Aspects of the Legal Regulation of Targeted Advertising in Russia // Law of the Digital Economy: Yearbook-Anthology / ed. by M. A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2020. pp. 217–244.

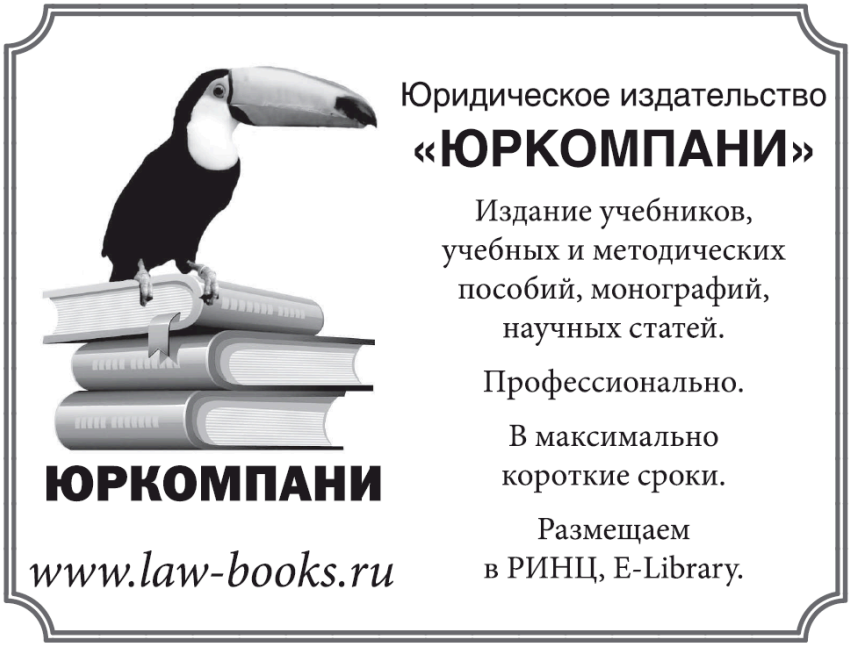
[10] Orlova V. A. Legal Regulation of Advertising Activity on the Internet: Defining the Problem // CyberLeninka. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-rasprostraneniya-reklamy-v-seti-internet-postanovka-problemy (accessed: 22.05.2026).

[11] Saveliev A. I. E-Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Statut, 2016. 636 p.

[12] Korotkova E. A. Regulatory and Contractual Regulation of Advertising on the Internet in the Russian Federation: Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2024. URL: https://www.dissercat.com/content/normativnoe-pravovoe-i-dogovornoe-regulirovanie-reklamy-v-seti-internet-v-rossiiskoi-federat (accessed: May 25, 2026).

[13] Dudarova B. O., Puzyrevsky S. A. Legal Regulation of Advertising Activity: A Course of Lectures. Moscow: Norma; INFRA-M, 2018. 160 p.

[14] Labeling of Internet Advertising – 2024: Key Requirements // GARANT.RU Analytical Articles. 2024. URL: https://www.garant.ru/article/1660666/ (accessed: May 28, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-658-664
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ВЕНИНА Ольга Алексеевна,
старший специалист по социальной работе группы социальной работы с осужденными и пенитенциарной пробации ФКУ ИК-3 УФСИН России по Владимирской области, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: olgadavidvenina@gmail.com

ОГОРОДНИКОВ Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления и организации деятельности УИС Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ogorodnikowv.i.@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ПРОГРАММ ПРОБАЦИИ

Аннотация. *В 2023 году был принят закон Российской Федерации о пробации, который вступил в силу в 2024 году, и ввел новую модель уголовно-исполнительной политики. Основываясь на нормативной базе и правоприменительной практике о раннем этапе функционирования системы пробации с 2024 по 2026 год, в данной статье анализируется совместная организация психологических и социальных подразделений в процессе проведения оценки нуждаемости на этапе пенитенциарной пробации. Исследование показало, что психологическая работа зарекомендовала себя как эффективное направление ресоциализации, однако действующее законодательство содержит ряд дискуссионных положений, в части проведения оценки индивидуальной нуждаемости лица, обратившегося за оказанием психологической помощи в пробации, поскольку в настоящий момент в критериях оценки нуждаемости перечисляются лишь виды такой помощи, без наименования и методики ее оценивания. Специалисты психологических служб отмечают также отсутствие в положениях закона порядка организации данной работы и возможности ее анализа. В работе предлагается внедрить «индивидуальный план оценки нуждаемости» в качестве основного элемента для координации совместных действий социальных и психологических служб на этапе пенитенциарной пробации.*

Ключевые слова: *пробация, психологические службы, социальные работники, уголовно-исполнительная система, межведомственное взаимодействие.*

Для цитирования: *Венина О. А., Огородников В. И. Исследование и организация сотрудничества психологических и социальных служб при внедрении программ пробации // Образование и право. 2026. № 10. С. 658–664.*

VENINA Olga Alekseevna,
Senior Specialist in Social Work, Social Work with Convicts and Penitentiary Probation Group, Correctional Colony No. 3 (IK-3) of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Vladimir Region, Vladimir, Russian Federation

OGORODNIKOV Vladimir Ivanovich,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of Management
and Organization of the Penal System,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Ryazan, Russian Federation

RESEARCH AND ORGANIZATION OF COOPERATION BETWEEN PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL SERVICES IN THE IMPLEMENTATION OF PROBATION PROGRAMS

Annotation. *In 2023, the Russian Federation adopted a law on probation, which entered into force in 2024, introducing a new model for penal policy. Based on the regulatory framework and law-enforcement practice during the initial phase of the probation system's operation (2024–2026), this article analyzes the collaborative organization of psychological and social units during the assessment of individual needs within the framework of penitentiary probation. The study demonstrates that psychological intervention has proven to be an effective approach to resocialization; however, current legislation contains several contentious provisions regarding the assessment of the specific needs of individuals seeking psychological support within the probation system. Specifically, the existing criteria for assessing needs merely list the types of assistance available, without defining the specific interventions or the methodologies for evaluating the necessity of such support. Specialists from psychological services also note that the provisions of the law lack a procedure for organizing this work and a mechanism for analyzing it. The paper proposes implementing an "individual needs assessment plan" as a key element for coordinating the joint efforts of social and psychological services during the stage of penitentiary probation.*

Key words: *probation, psychological services, social workers, penal system, interagency cooperation.*

For citation: *Venina O. A., Ogorodnikov V. I. Research and organization of cooperation between psychological and social services in the implementation of probation programs. Education and law. 2026;(10):658–664. (In Russ.).*

Современный процесс гуманизации уголовно-исполнительного законодательства в отечественном праве выработал новую стратегию в предотвращении совершения рецидива преступлений ранее осужденными лицами, а именно разработал на государственном уровне Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» [1]. Институт пробации в современном государстве воплощает в своем «широком» значении возможность достигнуть поставленных целей благодаря работе с личностью осужденного, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. В институт пробации входят комплекс мер, способных помочь осужденному лицу стать полноправным членом общества. Закон закрепляет основные инструменты для оказания помощи в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации при помощи разработки на каждого лица, нуждающегося в помощи индивидуальной программы пробации; устанавливает межведомственное взаимодействие учреждений и органов УИС с субъектами и иными участниками пробации; предусматривает несколько видом помощи в пробации, в зависимости от вида уголовного наказания (как в местах лишения свободы, так и без изоляции от общества) - оказание помощи на исполнительном, пенитенциарном и постпенитенциарном этапе; обеспечивает контроль и наблюдение за процессом выполнения мероприятий пробации и др.

Федеральное законодательство в качестве **целей пробации** выделяет: - коррекцию социального поведения; - ресоциализацию; - социальную адаптацию; - социальную реабилитацию.

Выделение таких целей, как *коррекция социального поведения* и *ресоциализация*, в качестве одного из главных векторов развития пенитенциарной системы в работе с личностью осужденного, особенно важна в условиях исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы. Принципиально имеет значение, когда осужденные находятся в изоляции от общества и нуждаются в позитивном изменении своего мышления и образа жизни. Данная деятельность подразумевает наличие определенных направлений и задач. К **направлениям** относятся: преодоление личностных деформаций, интеллектуальное, духовное и физическое развитие; формирование правопослушного поведения, которое способствует успешной социаль-

ной адаптации после освобождения; профилактика рецидивной преступности; восстановление позитивного мышления и развития грамотной гражданско позиции; укрепление личностно-волевых качеств, поднятия силы духа, вры и надежды на «второй шанс»; возможность социального искупления и внутреннего раскаяния [2, с. 194].

В процессе работы с личностью осужденного, стоит стремиться к достижению следующих **задач**: - обеспечение индивидуальной и дифференцированный работы с учетом степени общественной опасности личности и социально-педагогической запущенности осужденных; - создание условий для самосовершенствования и самообразования, работы над собой по осознанию вины и причиненного вреда, совершенным преступлением; - искоренение среди осужденных традиций и обычаев, противоречащих правовым и моральным нормам общества и государства; - формирование новых форм реализации личности, раскрытие внутреннего потенциала [3, с. 49].

Законодатель предусмотрел несколько видов применения пробации в зависимости от вида уголовной санкции преступника, т.е. исполнительную - не связанную с изоляцией от общества; пенитенциарную - работа с осужденными к лишению свободы, а также осужденным к принудительным работам; постпенитенциарную - реализация пробационных мер после освобождения из мест лишения свободы или от принудительных работ.

В нашем исследовании мы предлагаем подробно рассмотреть реализацию пенитенциарной пробации в исправительном учреждении. Итак, правовая позиция пенитенциарной пробации заключается в возможности воздействовать на личность осужденного с помощью совместной деятельности из числа основных сотрудников учреждения: психологов, социальных работников, воспитателей, медицинских работников и иных отделов и служб при необходимости. Перечисленные специалисты имеют огромную роль на первоначальном этапе поступления осужденного лица в исправительное учреждение. Как правило по прибытию в учреждение осужденный помещается в карантинное отделение до 15 суток для того, чтобы адаптироваться к условиям отбывания наказания и режиму содержания, изучить нормативно-правовую базу, ознакомиться со своими правами и обязанностями. Весь период в карантине осужденный общается с сотрудниками учреждения, которые на каждого осужденного заполняют социальную диагностику, составляют психологический портрет, выявляют социально-правовые проблемы, а также проверяют состояние медицинского здоровья и т.д.

Методичность в работе психологических служб в пенитенциарной системе направлена на коррекцию поведения осужденных, их социальную адаптацию и подготовку к жизни после освобождения, раскрывали в своих трудах многие отечественные учены, а именно М.Г. Дебольский, в своей работе «Научно-методические предпосылки психокоррекционной работы с осужденными в исправительных учреждениях» глубоко анализирует методические основы такой работ, подчеркивая необходимость комплексного подход, включающего диагностику личностных особенностей, коррекцию деструктивных поведенческих стратегий и формирование социальных навыков [4, с. 194].

К.Е. Игошев, выделил две группы факторов, затрудняющих процесс адаптации в условиях лишения свободы: 1) неблагоприятные материальные, бытовые и духовные условия; 2) другие обстоятельства, мешающие приспособиться к среде исправительного учреждения [5, с. 205]. В.Ф. Пирожков, исследовал особенности адаптации осужденных, подчеркивая, что ее успешность напрямую зависит от типа направленности личности [6, с. 390]. Механизм адаптации, по его мнению, связан с формированием новых привычек, убеждений, установок и даже черт характера, которых у человека не было ранее.

В.М. Поздняков, в своих исследованиях прослеживает историю развития пенитенциарно-психологических идей в России, показывая, как постепенно формировался методический подход исправлению и подготовке осужденных к жизни на свободе [7, с. 123]. А.В. Шамис, разрабатывал психологические методы изучения личности и среды осужденных, что напрямую связано с методическим обеспечением работы психологов, «...без тщательной диагностики невозможно выстроить ни одну коррекционную программу...» и другие [8, с. 60].

Преобладание взаимного сотрудничества специалиста по социальной работе и сотрудников психологической лаборатории в исправительном учреждении в контексте пенитенциарной пробации представляет собой интегративный подход к процессу реабилитации и социализации осужденых лиц. Данное сотрудничество основывается на комплексном анализе и последующем формировании индивидуальных программ, направленных на коррекцию девиантного поведения, развитие социальных компетенций и преодоление психологических барьеров.

Ключевой аспект работы двух специалистов основан на проведении детальной диагностики социально-психологического профиля осужденных, т.е. данный этап реализуется при использовании специалистами служб мультидисциплинарных методов диагностики, которые помогают выявить ос-

новные проблемы и потребности, в последующем формируя персонализированные реабилитационные программы в работе с указанной категорией лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

На основании результатов диагностики возможно разработать комплексные программы, которые включают в себя как индивидуальные, так и групповые формы работы. Программный комплекс оснащен набором средств, направленных на коррекцию поведенческих паттернов, развитие коммуникативных навыков и преодоление психологических трудностей. Применение данных программ зависит от различных видов деятельности: когнитивно-поведенческих техник, тренингов социальной адаптации, образовательных мероприятий, и иных видов в работе, направленных на повышение уровня компетентности осужденных.

Важным элементом взаимной работы социального работника и психолога является проведение регулярных консультаций и терапевтических сессий. Сотрудник психолог, используя различные психотерапевтические подходы, работает с эмоциональными и когнитивными аспектами личности осужденных. Специалист по социальной работе с осужденными оказывает поддержку в решении социальных проблем, таких как восстановление семейных связей, поиск возможности для трудоустройства, решение бытовых проблем, оказание помощи в получении социальных пособий и пенсионных выплат, нуждаемой категорией лиц, составляет индивидуальные планы работы на лиц, нуждающихся в социальной помощи, а также проводит работу по подготовке к освобождению в рамках плана «Курсов подготовки к осуждению», а также реализует мероприятия по адаптации и ресоциализации после освобождения.

Мониторинг эффективности проводимых совместно реабилитационных мероприятий осуществляется на постоянной и регулярной основе. Тем самым, специалисты проводят комплексную оценку прогресса осужденных, что позволяет своевременно вносить коррективы в программы реабилитации, что в свою очередь способствует достижению более эффективной работы с трудными случаями, позволяет выявлять сильные и слабые стороны применяемых подходов и своевременно вносить необходимые изменения и улучшения в применяемые программы.

Таким образом, комплексная работа социального работника и психолога в рамках пенитенциарной пробации является ключевым компонентом системы ресоциализации и реабилитации осужденных, способствующим их успешной интеграции в общество и снижению вероятности рецидива.

Важно отметить, что актуальность исследуемой темы подтверждается рядом научных работ, проводимых некоторым научными деятелями, например в рамках анализа М.А. Яковлевой, автор указывал, что «...ведомственная психологическая служба в настоящее время руководствуется в своей деятельности приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 12 декабря 2005 г. № 238 «Инструкция по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы», приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Порядок оказания психологической помощи осужденным предусмотрен в приложении 2 к последнему приказу...» [9, с. 277]. К сожалению, на практике при совместном оказании помощи в рамках пенитенциарного этапа пробации, специалисты по социальной работе и психологи психологической лаборатории сталкиваются с некоторыми трудностями в выполнении своей деятельности, а именно на этапе проведения оценки индивидуальной нуждаемости осужденного лица, обратившегося за оказанием психологической помощи. Наблюдается некая «размытость» психологической работы, поскольку положения Приказа № 350 лишь перечисляют только виды такой помощи без ее наименований и явной конкретики. Каждый вид помощи на местах в учреждениях и органах УИС разъясняется методическими рекомендациями. Фактическое осуществление пенитенциарной пробации по линии работы психологической лаборатории нигде не отражается. Справедливо возникает вопрос: «Каким образом следует организовать работу психологов УИС на этапе проведения оценки нуждаемости, и каким образом необходимо анализировать эту работу?».

Проблематика работы психологических подразделений УИС в части реализации Приказа № 350, основывается на полученных результатах опроса «Эффективность психологической работы на этапе пенитенциарной пробации с осужденными, обратившимися за оказанием помощи в пробации, проводимых с период с марта по июнь 2026 года. Опрос осуществлялся среди 11 сотрудников психологических подразделений, проходящих службу в УФСИН России по Владимирской области и осуществляющих свою деятельность в ИУ, УФИЦ.

В ходе опроса было выявлено, что более 100 осужденных подвергаются применению пенитенциарной пробации в течение всего периода

пребывания в ИУ или УФИЦ, однако только 1% от данного количества обращаются с заявлением об оказании психологической помощи. Для работы с обратившимися осужденными в рамках оказания психологической помощи по пробации, более половины опрошенных психологических работников, в основном руководствуются ведомственными методическими рекомендациями, разработанными ФСИН России, в части разъяснения и конкретизации положений Приказа Минюста России № 350. Опрошенные не подтвердили утвержденного бланка или карты оценки индивидуальной нуждаемости осужденного в психологической помощи в рамках пробации, чаще всего оценка проводиться в свободной форме, либо разработана на уровне учреждения. На вопрос «Какие методы используются при оценке нуждаемости», результат представлен следующим образом: 17% - клиническая беседа; 16% - биографический метод (анамнез); 31% - психодиагностические методики (тест, опросники); 20% - наблюдение; анализ документов (личное дело, характеристики); 16% - опрос сотрудников (начальник отряда, социальный работник, медицинский работник, сотрудник безопасности). На вопрос «Каким образом происходит оформление полученных результатов проводимой оценки нуждаемости», ответы распределились следующим образом: 6% - составляю карту психологического обследования; 0% - провожу заключение по результатом оценки в ГИС «Пробация»; 10% - вношу запись в журнал учета обращений; 73% формирую данные в ведомственной АИС психологической службы.

В качестве основных трудностей на этапе проведения оценки нуждаемости, сотрудники психологических лабораторий выделили: 26% - недостаток времени (высокая нагрузка); 35 % - отсутствие унифицированного инструментария (множество ведомственных НПА); 29% - нежелание осужденных раскрываться и добровольно обращаться за психологической помощью в рамках пробации (даже если выявлен высокий риск повторного совершения преступлений); 10% - субъективизм при интерпретации данных. При этом психологические сотрудники оценивают высокую роль в проведении оценки нуждаемости при взаимодействии с социальными работниками, а также отмечают эффективность в проведении совместной работы по определению критериев индивидуальной нуждаемости лица, обратившегося с заявлением в рамках пробации. На вопрос «Что, на ваш взгляд, необходимо для улучшения системы оценки нуждаемости», респонденты выбрали два наиболее аргументирующих ответа: разработка единообразного бланка оценки нуждаемости на уровне ФСИН, обеспечить обучение психологов стандартизированным методам оценки нуждаемости в рамках пробации.

Таким образом, исследование данного вопроса показывает, что внедрение «индивидуального плана оценки нуждаемости» сможет стать ключевым элементом для координации условий социальных и психологических служб в рамках пенитенциарной пробации, на основании следующих выводов:

«Индивидуальный план оценки нуждаемости» - это инструмент, объединяющий психологическую и социальную службы в пенитенциарной пробации. Психологическая служба фиксируется на внутренних изменениях личности, а социальная - на внешних условия жизни. Без единого документа эти направления развиваются отдельно, снижая эффективность работы.

«Индивидуальный план оценки нуждаемости» разграничивает функции: психолог оценивает необходимость помощи и разрабатывает план работы, в социальный работник - определяет потребности в поддержке и шаги для их удовлетворения. План согласует очередность мероприятий: психологичная коррекция поведения может быть приоритетной до трудоустройства, а восстановление документов - первоочередной задачей вне зависимости от психологического состояния.

«Индивидуальный план оценки нуждаемости» обеспечивает преемственность и отслеживаемость работы служб. Единый план позволяет следить за состоянием осужденного, фиксировать выполнение мероприятий и корректировать программу пробации. Это важно при подготовке к освобождению, требуя синхронизации усилий психолога, социального работника и региональных органов социальной защиты, служб занятости и НКО.

Внедрение «индивидуального плана оценки нуждаемости» соответствует Федеральному закону № 10-ФЗ о пробации, поскольку образует первичный диагностический уровень программы, на котором формируется основа для последующих мероприятий. Это обеспечивает связь между оценкой и реализацией пробационных мер.

Для эффективного внедрения механизма потребуется: - утверждение единой формы плана на ведомственном уровне; - разработка методических рекомендаций; - обучение психологов и социальных работников совместной оценочной деятельности; - возможность фиксации плана в электронных системах, включая ГИС «Пробация». К сожалению, без эти условий возможность фиксации план может стать формальностью и не выполнять координирующую функцию.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что внедрение «индивидуально-

го плана оценки нуждаемости» важно для организации взаимодействия психологических и социальных подразделений в УИС. Этот инструмент структурирует межпрофессиональное сотрудничество, сохраняя специфику каждой службы и следует единой стратегии, ориентированной на потребности осужденного, способствуя достижения целей ресоциализации, адаптации и снижению рецидивов.

Список литературы:

[1] О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 917.

[2] Голодов, П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. – 2022. – № 2 (58). – С. 194–203.

[3] Фазилов, И. Ю. Пробация – эффективная система ресоциализации лиц, совершивших преступление // Наука, техника и образование. – 2019. – № 8 (61). – С. 49–52.

[4] Дебольский, М. Г. Научно-методические предпосылки психокоррекционной работы с осужденными в исправительных учреждениях // Психологическое обеспечение деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Минюста России (теория и практика). – М.: Томск, 2004. – С. 32-36.

[5] Игошев, К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения: учебное пособие. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1974. – С. 205-210.

[6] Пирожков, В. Ф. Психологические основы перевоспитания осужденных в воспитательно-трудовых колониях: Учебное пособие. Всесоюзный Научно-исследовательский институт профессионально-технического образования. – М.: Издательство Юридическая литература, 1988. – С. 390-399.

[7] Поздняков, В. М. Пенитенциарная психология: психологическая работа с осуждёнными, отбывающими наказание в виде лишения свободы : учебник для вузов / под общ. ред. В. М. Позднякова. – М.: Юрайт, 2026. – С. 123-125.

[8] Шамис, А. В. Психологические методы изучения личности и среды осуждённых : учебно-методическое пособие / В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков, В. Г. Козюля и др. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1995. – С. 60-63.

[9] Яковлева М. А. Психологическая работа как эффективное направление ресоциализации осужденного // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 277–286.

[10] Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12 декабря 2005 г. № 238. // StudFile. – URL: https://studfile.net/preview/6177528/ (дата обращения: 23.09.2026).

[11] О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (вместе с «Порядком исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации», «Порядком осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лише- ния свободы, оказания им психологической помощи», «Порядком оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве», «Критериями и методикой оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Порядком подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Индивидуальной программой ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации») : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 (зарег. в Минюсте России 30.11.2023, № 76172) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (дата обращения: 23.09.2026).

References:

[1] On Probation in the Russian Federation: Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 (as amended on February 6, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 6. – Art. 917.

[2] Golodov, P. V. Probation in the Russian Federation: Some Issues Regarding Content and Legal Regulation // Penitentiary Science. – 2022. – No. 2 (58). – P. 194–203.

[3] Fazilov, I. Yu. Probation: An Effective System for the Resocialization of Offenders // Science, Technology, and Education. – 2019. – No. 8 (61). – P. 49–52.

[4] Debolsky, M. G. Scientific and Methodological Prerequisites for Psychological Correction Work with Convicts in Correctional

Institutions // Psychological Support for the Activities of Institutions and Bodies of the Penal System of the Ministry of Justice of Russia (Theory and Practice). – Moscow–Tomsk, 2004. – P. 32–36.

[5] Igoshev, K. E. Typology of the Offender's Personality and Motivation of Criminal Behavior: A Study Guide. – Gorky: Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1974. – P. 205–210.

[6] Pirozhkov, V. F. Psychological Foundations of the Re-education of Convicts in Educational-Labor Colonies: A Study Guide. All-Union Research Institute of Vocational-Technical Education. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publishing House, 1988. – P. 390–399.

[7] Pozdnyakov, V. M. Penitentiary Psychology: Psychological Work with Convicts Serving Sentences of Deprivation of Liberty: Textbook for Higher Education Institutions / Ed. by V. M. Pozdnyakov. – Moscow: Yurayt, 2026. – P. 123–125.

[8] Shamis, A. V. Psychological Methods for Studying the Personality and Environment of Convicts: Educational and Methodological Manual / V. P. Golubev, Yu. N. Kudryakov, V. G. Kozyulya et al. – Moscow: VNII MVD RF, 1995. – P. 60–63.

[9] Yakovleva, M. A. Psychological Work as an Effective Direction for the Resocialization of Convicts // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3 (103). – P. 277–286.

[10] On the Approval of the Instruction on Organizing the Activities of the Psychological Service of the Penal Enforcement System: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 238 dated December 12, 2005. // StudFile. – URL: https://studfile.net/preview/6177528/ (accessed: September 23, 2026).

[11] On the Resocialization, Social Adaptation, and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in Accordance with Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation" (including the "Procedure for the Exercise of Duties and Rights by Institutions Executing Sentences of Compulsory Labor or Imprisonment, and by Penal Enforcement Inspections in the Sphere of Probation"; the "Procedure for Conducting Social and Educational Work with Convicts Serving Sentences of Compulsory Labor or Imprisonment, and Providing Them with Psychological Assistance"; the "Procedure for Assisting Convicts Released from Institutions Executing Sentences of Compulsory Labor or Imprisonment in Obtaining Social Assistance and Securing Employment and Housing"; the "Criteria and Methodology for Assessing Individual Needs for Resocialization, Social Adaptation, and Social Rehabilitation"; the "Procedure for Preparing an Individual Program for Resocialization, Social Adaptation, and Social Rehabilitation"; and the "Individual Program for Resocialization, Social Adaptation, and Social Rehabilitation"): Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 350 dated November 29, 2023 (registered with the Ministry of Justice of Russia on November 30, 2023, No. 76172) // "ConsultantPlus" Legal Reference System. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (accessed: September 23, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-665-671
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ВИКТОРОВ Артем Олегович,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
тел.: 8 (999) 218-02-28,
e-mail: viktorovguap@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ УИС ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАВЕНСТВА ОСУЖДЁННЫХ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аннотация. *Предмет исследования составляет профессиональное правовое поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы при обеспечении равенства совершеннолетних осуждённых с инвалидностью, отбывающих лишение свободы. Рассматривается противоречие между единообразием режимных требований и необходимостью учитывать препятствия к получению юридически значимой информации и участию в процедурах. Цель работы состоит в определении условий, при которых индивидуализация действий сотрудника обеспечивает равенство и сохраняет законную цель установленного требования. Использованы формально-юридический метод, системное толкование норм, сопоставление научных подходов и правовое моделирование. Две модельные ситуации служат проверке аргументации и не представляются материалами судебной практики. Разграничены инвалидность как юридически установленный статус, состояние здоровья и фактическая потребность в помощи при совершении определённого действия. Обосновано, что применение специальной гарантии по прямо названному в законе признаку предшествует оценке потребности в индивидуальном приспособлении. При разрешении вопроса о взыскании необходимо установить, были ли требование и способ его исполнения доступны осуждённому; само неисполнение не доказывает виновного нарушения. Предложены четыре критерия правомерной индивидуализации: соответствие адресату и основанию гарантии, связь меры с конкретным препятствием, достаточность способа обеспечения участия, сохранение самостоятельности осуждённого и проверяемость решения. Их назначение ограничено правовой оценкой отдельного решения: они не образуют эмпирической шкалы правовой культуры. Показано, что профессиональная правовая культура проявляется в согласовании применимой нормы с установленными обстоятельствами и компетенцией сотрудника, но не заменяет организационные и материальные условия доступности. Сформулированы предложения по документированию помощи и обучению сотрудников с разграничением действующих обязанностей и рекомендуемых способов их исполнения.*

Ключевые слова: *профессиональная правовая культура; уголовно-исполнительная система; осуждённые с инвалидностью; равенство перед законом; недискриминация; доступность информации; разумное приспособление; индивидуализация; дисциплинарная ответственность; достоинство личности.*

Для цитирования: *Викторов А. О. Профессиональная правовая культура сотрудников УИС при обеспечении равенства осуждённых с инвалидностью // Образование и право. 2026. № 10. С. 665–671.*

VIKTOROV Artem Olegovich,
Lecturer, Department of Civil Law
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF PENITENTIARY STAFF IN ENSURING EQUALITY OF CONVICTS WITH DISABILITIES

Annotation. *The study examines the professional legal conduct of penitentiary staff in ensuring equality for adult convicts with disabilities serving prison sentences. It addresses the*

tension between uniform prison rules and the need to account for barriers to legally significant information and participation in procedures. The purpose is to identify the conditions under which individualized staff action ensures equality while preserving the lawful purpose of a requirement. The study uses doctrinal legal analysis, systematic interpretation of legal provisions, comparison of scholarly approaches, and hypothetical legal scenarios. Two scenarios test the argument and are not presented as actual court cases. The analysis distinguishes legally recognized disability status, a person's health condition, and their actual need for assistance with a specific action. It argues that a special safeguard based on a characteristic expressly identified by law must be applied before the need for individual accommodation is assessed. Before imposing a disciplinary sanction, the decision-maker must establish whether the requirement and the means of compliance were accessible to the convict; non-compliance alone does not establish a culpable breach. Four criteria of lawful individualization are proposed: consistency with the safeguard's scope and legal basis, a connection between the measure and a specific barrier, adequacy of the means provided for participation, and preservation of the convict's autonomy together with the reviewability of the decision. These criteria assess a particular decision and do not constitute an empirical scale of legal culture. Professional legal culture is expressed in aligning the applicable rule with established circumstances and staff authority, while organizational arrangements and material resources remain necessary for accessibility. Recommendations address the documentation of assistance and staff training, distinguishing existing duties from proposed methods of implementation.

Key words: *professional legal culture; penal system; convicts with disabilities; equality before the law; non-discrimination; information accessibility; reasonable accommodation; individualization; disciplinary liability; human dignity.*

For citation: *Viktorov A. O. Professional legal culture of penitentiary staff in ensuring equality of convicts with disabilities. Education and law. 2026;(10):665–671. (In Russ.).*

Введение

Одинаковое сообщение требования и одинаковый способ участия в процедуре не всегда дают осуждённым равную возможность понять предписание и действовать в соответствии с ним. Для человека с нарушением слуха устное объявление может остаться недоступным; для осуждённого, использующего кресло-коляску, помещение на верхнем этаже может оказаться препятствием к личному приёму. Решение сотрудника связывает общий порядок с фактическими условиями осуществления права. На этом уровне возникает вопрос о профессиональной правовой культуре.

В литературе равенство осуждённых исследуется через достаточность гарантий и пределы режимных ограничений [1]. Содержательный подход С. Фредман позволяет учитывать неблагоприятное положение, стереотипы и возможность участия [2, с. 51–52]. Применительно к УИС необходима конкретизация: сотрудник связан законом, компетенцией и требованиями безопасности. Ранее при анализе взаимодействия с адвокатами правовая культура рассматривалась через правомерность и проверяемость служебных решений [3]. Здесь поставлен иной вопрос: когда препятствие к действию изменяет юридическую оценку неисполнения требования и выбор способа участия в процедуре.

Цель работы состоит в определении условий правомерного учёта индивидуальных ограничений при обеспечении доступности информации и процедур. Проверяется гипотеза: профессиональная правовая культура проявляется в способности сотрудника выявить юридически значимое препятствие, установить применимую гарантию и обеспечить её действие в пределах компетенции. Исследование ограничено совершеннолетними осуждёнными, отбывающими лишение свободы в исправительных учреждениях. Используются формально-юридический метод, системное толкование, сопоставление научных позиций и правовое моделирование.

Равенство осуждённых с инвалидностью: пределы единообразия и правовой дифференциации

Статьи 19 и 21 Конституции Российской Федерации закрепляют равенство перед законом и охрану достоинства. Часть 3 ст. 55 допускает ограничение прав федеральным законом в необходимой мере для конституционно значимых целей. Статьи 8 и 10 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (далее: УИК РФ) сочетают равенство с дифференциацией и индивидуализацией исполнения наказаний и сохраняют права осуждённого с установленными законом изъятиями. По ст. 82 УИК РФ режим обеспечивает также реализацию прав и законных интересов. Поэтому индивидуальный способ осуществления права сам по себе не противоречит ни равенству, ни режиму.

Нужно различать три обстоятельства. Инвалидность является устанавливаемым в преду-

смотренном порядке статусом, с которым закон связывает специальные гарантии. Состояние здоровья характеризует возможности человека, которые изменяются и не исчерпываются группой инвалидности. Потребность в помощи определяется применительно к действию и условиям его совершения. Осуждённые одной группы могут по-разному воспринимать информацию или передвигаться. Препятствие может возникнуть и без установленной инвалидности: тогда помощь обосновывается применимыми общими нормами, без присвоения специального статуса решением сотрудника.

Д. В. Сатторова описывает сочетание препятствий, обусловленных здоровьем, оборудованием мест труда и обучения и отношением к деятельности [4, с. 218–220]. Н. Н. Алигаева выявляет различия отношения к болезни у обследованных осуждённых с разным уровнем ситуативной тревожности [5, с. 651–653]. Эти результаты не позволяют заранее признать конкретного человека беспомощным, недобросовестным или неспособным понять требование. Юридическая оценка опирается на обстоятельства данного случая; психологическая характеристика не является готовым основанием взыскания.

По ст. 3.1 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» дискриминация связана с различием, исключением или ограничением по причине инвалидности, целью либо результатом которого становится умаление равного осуществления прав. Отсутствие намерения ущемить человека не снимает вопроса о таком результате. Вместе с тем неудобство само по себе ещё не доказывает дискриминации. Устанавливаются затронутое право, связь препятствия с инвалидностью и основание решения. Для ответственности конкретного сотрудника дополнительно оцениваются его обязанности, осведомлённость, возможности действовать и вина.

Международную основу составляет Конвенция о правах инвалидов от 13.12.2006, ратифицированная Российской Федерацией Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ и действующая для неё с 25.10.2012. Статья 2 определяет разумное приспособление через необходимые в конкретном случае изменения, не создающие несоразмерного или неоправданного бремени. Статьи 5 и 9 связывают равенство с приспособлением и доступностью, а п. 2 ст. 14 распространяет соответствующие гарантии на лишённых свободы. Сопоставление международных механизмов у А. В. Деменевой показывает необходимость различать содержание обязательств и способы защиты [6]. Юридической опорой настоящей работы служит сама Конвенция; научные оценки и рекомендации международных органов к её нормам не приравниваются.

Общая доступность предполагает организацию среды и процедур для заранее учитываемого круга потребностей; индивидуальное приспособление отвечает на сохраняющееся у конкретного человека препятствие. Доступное помещение не исключает потребности в переводе на русский жестовый язык. Индивидуальная помощь не освобождает учреждение от устранения повторяющегося барьера. Анализ жилищно-бытовых условий у Ю. М. Заборовской показывает значение устройства среды [7]. Однако необходимость её переоборудования не оправдывает отсрочку доступного информирования или помощи при составлении объяснения до завершения капитальных работ.

Круг адресатов специальных гарантий определяется точно. По ч. 2 ст. 103 УИК РФ инвалиды I и II групп привлекаются к труду по желанию. По ч. 7 ст. 117 запрет помещения в штрафной изолятор и перевода в помещения камерного типа и единые помещения камерного типа распространяется на инвалидов I группы. Общее равенство не устраняет этого различия. От инвалида I группы нельзя требовать доказать невозможность перенести взыскание, уже исключённое законом. При применении предусмотренных ч. 4 ст. 117 мер обязательны медицинский осмотр и заключение о возможности нахождения в соответствующем помещении по состоянию здоровья. Сотрудник не подменяет эту оценку собственной.

Обеспечение доступности прав в повседневных решениях сотрудников УИС

По ч. 1 ст. 12 УИК РФ администрация обязана предоставлять сведения о правах, обязанностях, порядке и условиях отбывания наказания и об их изменениях. Статья 14 Закона № 181-ФЗ гарантирует доступ к информации. Системное прочтение норм предполагает возможность воспринять сообщение. Подпись об ознакомлении при обоснованном указании на барьер не подтверждает автоматически доступности содержания. Проверке подлежат способ сообщения, учёт известной потребности, возможность задать вопрос и выразить возражение.

Письменная форма может быть достаточной для глухого человека, но это нельзя выводить только из вида нарушения слуха. Учитываются владение письменной речью, сложность сообщения и предпочтительный способ общения; при необходимости используются помощь переводчика русского жестового языка и предусмотренные законом средства. При нарушении зрения возможны подходящий размер шрифта, чтение текста, допустимые технические средства. Т. Бялек и

М. Шлангер связывают эффективную коммуникацию с индивидуальным выбором средств и недопустимостью взыскания за недоступное сообщение [8, с. 165–166]. Их предложения для США используются здесь при постановке вопроса, разрешаемого по российскому праву.

Приложение № 2 к приказу Минюста России от 04.07.2022 № 110, зарегистрированному 05.07.2022 № 69157, содержит Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее: ПВР ИУ). Пункт 463 отсылает при обеспечении равных возможностей к Закону № 181-ФЗ. Пункты 466–468 предусматривают условия, время и необходимые мероприятия для реализации индивидуальной программы, а п. 469 сохраняет возможность иметь при себе технические средства реабилитации, в том числе при предусмотренных им перемещениях в изоляторы и камерные помещения. При этом разрешение иметь средство реабилитации не отменяет запрета соответствующего взыскания для его адресата.

По ст. 11 Закона № 181-ФЗ индивидуальная программа реабилитации и абилитации обязательна для соответствующих органов и организаций, но рекомендательна для самого инвалида. Он вправе отказаться от отдельного мероприятия либо программы в целом. Последствия отказа относятся к исполнению программы в установленном законом объёме и не означают отказа от достоинства, информации и защиты своих интересов. Поэтому добровольность реабилитации нельзя превращать в условие предоставления иных гарантий. Программа учитывается наряду с конкретными обстоятельствами; сотрудник не дополняет её собственными медицинскими назначениями.

Первая модельная ситуация. Осуждённому с выраженным нарушением слуха сообщают об изменении времени обязательного мероприятия только через громкоговоритель. Он не прибывает и поясняет, что объявления не слышал. Известный администрации доступный способ сообщения не использован. Самой неявки недостаточно для вывода о виновном нарушении. Проверяются способ и время объявления, возможность восприятия, осведомлённость из других источников, объяснение осуждённого и иные причины неявки.

Часть 1 ст. 117 УИК РФ требует учитывать обстоятельства нарушения, личность и предшествующее поведение осуждённого и соотносить взыскание с тяжестью и характером нарушения. До его наложения берётся письменное объяснение; при невозможности представить его письменно администрация оказывает содействие. Такая помощь уже является обязанностью. Неспособность записать текст нельзя оформлять как отказ от объяснения без выяснения причины и предоставления помощи. Сотрудник содействует изложению позиции, сохраняя её содержание. Осуждённому должна быть доступна проверка записанного от его имени.

Возражение о возможном использовании инвалидности для уклонения от обязанностей обосновывает проверку обстоятельств, но не презумпцию недобросовестности всей категории. Если требование своевременно сообщено доступным способом, осуждённый мог его исполнить, а заявленная причина не подтверждена, взыскание рассматривается на общих основаниях с соблюдением специальных гарантий. Если неисполнение обусловлено неустранённым препятствием, вывод о виновности лишь по факту неявки подменяет оценку поведения оценкой результата. Инвалидность не исключает ответственности автоматически, но требует проверить возможность соблюсти правило.

Вторая модельная ситуация. Осуждённый, использующий кресло-коляску, просит о личном приёме. Приём назначен в помещении за недоступной для него лестницей. Предложение ждать реконструкции или обращаться через другого осуждённого не разрешает вопроса о личном участии. Необходимо проверить возможность провести приём в другом помещении с сохранением порядка и безопасности, организовать сопровождение либо иной предусмотренный законом способ участия. Сотрудник, не уполномоченный изменить место приёма, действует через компетентное должностное лицо; отсутствие полномочия не делает обращение разрешённым.

Пункт 465 ПВР ИУ регулирует размещение инвалидов I и II групп на первых этажах и доступ в места общего пребывания; п. 471 разрешает инвалидам I и II групп передвигаться по территории вне строя. Эти нормы не позволяют любому осуждённому с затруднением передвижения самостоятельно менять маршрут или распорядок. Вне установленного круга адресатов решение обосновывается иными применимыми нормами и конкретной потребностью. При этом этаж размещения и порядок передвижения ещё не подтверждают доступности кабинета приёма: условия каждого действия проверяются самостоятельно.

Помощь другого осуждённого может поддерживать общение, но не должна становиться обязательным посредничеством при реализации прав. Предложения Д. В. Сатторовой о шефстве сотрудника, наставничестве и разъяснительных беседах направлены на адаптацию [9, с. 6–7]. В юридически значимой процедуре сохраняются свободное выражение позиции, конфиденциальность и ответственность администрации за доступность. Наличие помощника не доказывает неспособно-

сти человека принимать решения. Навязанная помощь, раскрывающая третьему лицу жалобу или сведения о здоровье, способна создать дополнительное препятствие.

Недостаток ресурсов следует отличать от невозможности определённого решения. Статья 15 Закона № 181-ФЗ предусматривает варианты обеспечения доступа при невозможности полного приспособления существующего объекта до реконструкции. Материальное ограничение требует оценки законных альтернатив. Одновременно сотрудник не вправе обещать оснащение вне своей компетенции, определять медицинские противопоказания или игнорировать подтверждённую угрозу безопасности. Необходимы проверка альтернатив и обращение к уполномоченному лицу. Ссылка на режим без указания препятствующего условия не объясняет отказ.

Профессиональная правовая культура как условие обоснованной индивидуализации

Профессиональная правовая культура проявляется в переводе знания нормы в обоснованное действие. Доброжелательная помощь может нарушить самостоятельность человека; буквальное применение общего требования может расходиться со специальной гарантией. М. Шлангер рассматривает индивидуальную оценку как трудную для учреждений с общими правилами, но необходимую часть обеспечения прав людей с инвалидностью [10, с. 302–304].

Первый критерий правомерной индивидуализации состоит в соответствии основанию и адресату гарантии. Проверяется, обусловлена ли мера группой инвалидности, индивидуальной программой, медицинским заключением либо общим правом на доступную процедуру. Для категорической гарантии достаточно предусмотренного нормой основания: сотрудник не добавляет условие нуждаемости. В вопросе, оставленном для индивидуального решения, устанавливаются применимая норма и компетенция должностного лица. Так исполнение обязанности отделяется от необоснованного преимущества.

Второй критерий предполагает связь препятствия с конкретным действием: что требуется сделать, какое ограничение мешает и как влияет обстановка. Группа инвалидности не заменяет этой оценки. Учитываются объяснение осуждённого, известный способ общения, наблюдаемый барьер и документы. Медицинская оценка необходима там, где её требует вопрос о здоровье или специальная норма. Требование нового медицинского заключения для чтения вслух недоступного текста способно само создать лишний барьер. Сотрудник устанавливает служебно значимые факты, сохраняя границы профессиональной компетенции.

Третий критерий относится к достаточности способа участия. Мера должна устранять препятствие, сохраняя содержание процедуры: доступное разъяснение оставляет в силе требование, другое помещение сохраняет возможность личного обращения. Преимущества, не связанные с препятствием, нуждаются в самостоятельном основании. Учитываются безопасность, права других лиц и равно эффективные альтернативы. Оговорка о несоразмерном бремени при разумном приспособлении не позволяет отменять прямо установленные гарантии или ссылаться на недостаток средств без оценки доступных решений.

Четвёртый критерий объединяет самостоятельность осуждённого и проверяемость решения. Человек должен иметь возможность сообщить о потребности, выразить предпочтение и проверить запись своей позиции. Сведения фиксируются в объёме, достаточном для объяснения решения, без избыточного распространения данных о здоровье. При отказе от предложенной помощи выясняются причина и наличие альтернативы: отказ от способа не равнозначен отказу от права. Для контроля значимы установленное препятствие, предложенная помощь, позиция осуждённого и мотивы решения.

Критерии служат правовой проверке решения, но не являются валидированной методикой измерения правовой культуры. Правильное действие может определяться указанием руководителя; ошибка может быть вызвана недостатком сведений, организацией работы или сознательным игнорированием обязанности. Выбор объяснения требует доказательств. Нарушение права, системный недостаток и виновное поведение сотрудника исследуются раздельно. Организационная причина не снимает обязанности восстановить право, однако сама по себе не доказывает ответственности того, кто непосредственно общался с осуждённым.

Предлагаемый подход допускает три практические меры. Первая относится к исполнению действующих обязанностей: доступному информированию по ст. 12 УИК РФ и содействию в подготовке объяснения по ч. 1 ст. 117. Организационным улучшением станет краткая фиксация способа сообщения, затруднения и помощи в уже используемых документах. Это не новая гарантия. Запись должна отражать фактическое действие; дополнительная подпись на типовом бланке сама по себе не подтверждает доступности.

Вторая мера является организационным предложением: включать в служебную подготовку задачи, различающие адресатов гарантий, недоступность сообщения и отказ от исполнения. Оцениваются правовое основание, установленные об-

стоятельства и допустимость помощи. Это позволяет разбирать ошибки без присвоения сотруднику общего ярлыка «низкой правовой культуры». Эффективность обучения требует последующей проверки и из предложенной модели не следует.

Третья мера имеет нормативный характер: конкретизировать в ПВР ИУ фиксацию помощи при невозможности самостоятельно подготовить письменное объяснение и проверку осуждённым его содержания. Следует уточнить, кто оказывает помощь, как отражаются форма общения и замечания к записи. Предлагается детализация существующей обязанности по ст. 117 УИК РФ, без введения нового основания взыскания или обязательного посредничества другого осуждённого. До изменения Правил действующая обязанность исполняется непосредственно.

Заключение

Единообразное требование обеспечивает равенство при надлежащем круге адресатов и реальной возможности понять его, исполнить и выразить свою позицию. Юридически значимое препятствие может потребовать различия способов действия при общей цели. Специальная гарантия, адресат которой определён законом, применяется без добавленных сотрудником условий. Такая последовательность исключает произвольное расширение исключений и отказ в гарантии под видом оценки нуждаемости.

Результат исследования состоит в обосновании проверки доступности требования и участия до оценки виновности неисполнения, с разграничением категорических гарантий и решений по конкретной потребности. Критерии индивидуализации позволяют объяснить основание различий в действиях администрации. Гипотеза получила нормативное обоснование в пределах анализа отдельных решений. Причинная зависимость между уровнем правовой культуры и доступностью прав эмпирически не установлена. Поведение сотрудника имеет значение наряду с устройством процедур, распределением полномочий и ресурсами учреждения; эти факторы не заменяют друг друга.

Список литературы:

[1] Адоевская, О. А. Реализация принципа равенства и гарантирование прав осужденных / О. А. Адоевская // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 25–30.

[2] Фредман, С. Возвращаясь к вопросу о содержательном равенстве / С. Фредман // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1 (116). С. 37–63.

[3] Викторов, А. О. Правовая культура сотрудников УИС при взаимодействии с адвокатами и представителями осужденных / А. О. Викторов // Образование и право. 2026. № 7. С. 843–848.

[4] Сатторова, Д. В. Характеристика проблем, возникающих у осужденных инвалидов в процессе их адаптации к условиям лишения свободы / Д. В. Сатторова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 1. С. 216–221.

[5] Алигаева, Н. Н. Внутренняя картина болезни осужденных-инвалидов как фактор адаптации к местам лишения свободы / Н. Н. Алигаева // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1–4), № 4. С. 648–659.

[6] Деменева, А. В. Защита прав инвалидов в практике Европейского Суда по правам человека и Комитета ООН по правам инвалидов: параллельные пути или точки соприкосновения? / А. В. Деменева // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 84–98.

[7] Заборовская, Ю. М. Проблема реализации прав инвалидов на улучшенные жилищно-бытовые условия в местах лишения свободы / Ю. М. Заборовская // Политика и общество. 2018. № 1. С. 90–96.

[8] Bialek, T. Effective Communication with Deaf, Hard of Hearing, Blind, and Low Vision Incarcerated People / T. Bialek, M. Schlanger // The Journal of Gender, Race & Justice. 2023. Vol. 26, № 1. P. 133–221.

[9] Сатторова, Д. В. Исследование адаптации осужденных инвалидов к условиям лишения свободы на основании диагностики влияющих на нее психологических факторов / Д. В. Сатторова // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 3. Статья 18PSMN320.

[10] Schlanger, M. Prisoners with Disabilities / M. Schlanger // Reforming Criminal Justice. Vol. 4: Punishment, Incarceration, and Release / ed. by E. Luna. Phoenix, AZ: Academy for Justice, 2017. P. 295–323.

References:

[1] Adoevskaya, O. A. Implementation of the Principle of Equality and Guaranteeing the Rights of Convicts / O. A. Adoevskaya // Legal Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 7, No. 3. pp. 25–30.

[2] Fredman, S. Revisiting Substantive Equality / S. Fredman // Comparative Constitutional Review. 2017. No. 1 (116). pp. 37–63.

[3] Viktorov, A. O. Legal Culture of Penal System Personnel in Their Interactions with Lawyers and Representatives of Convicts / A. O. Viktorov // Education and Law. 2026. No. 7. pp. 843–848.

[4] Sattorova, D. V. Characteristics of Challenges Faced by Convicts with Disabilities During Their Adaptation to Conditions of Imprisonment /

D. V. Sattorova // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2021. Vol. 27, No. 1. pp. 216–221.

[5] Aligaeva, N. N. The Internal Perception of Illness Among Convicts with Disabilities as a Factor in Their Adaptation to Penal Institutions / N. N. Aligaeva // Man: Crime and Punishment. 2022. Vol. 30 (1–4), No. 4. pp. 648–659.

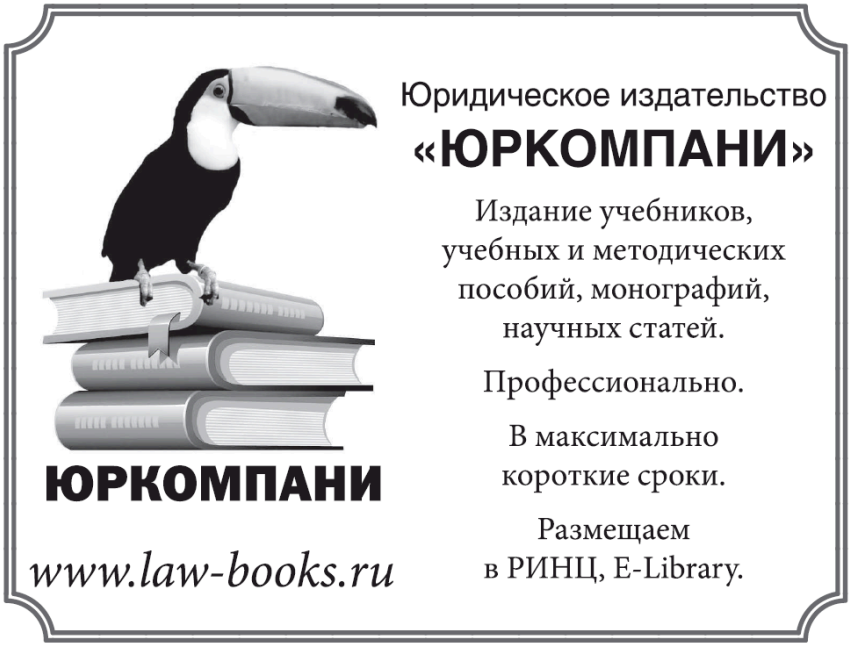
[6] Demeneva, A. V. Protection of the Rights of Persons with Disabilities in the Practice of the European Court of Human Rights and the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities: Parallel Paths or Points of Intersection? / A. V. Demeneva // International Justice. 2016. No. 4 (20). pp. 84–98.

[7] Zaborovskaya, Yu. M. The Problem of Realizing the Rights of Persons with Disabilities to Improved Living Conditions in Places of Deprivation of Liberty / Yu. M. Zaborovskaya // Politics and Society. 2018. No. 1. pp. 90–96.

[8] Bialek, T. Effective Communication with Deaf, Hard of Hearing, Blind, and Low Vision Incarcerated People / T. Bialek, M. Schlanger // The Journal of Gender, Race & Justice. 2023. Vol. 26, No. 1. pp. 133–221.

[9] Sattorova, D. V. A Study of the Adaptation of Incarcerated Persons with Disabilities to Conditions of Deprivation of Liberty, Based on an Assessment of Influencing Psychological Factors / D. V. Sattorova // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2020. Vol. 8, No. 3. Article 18PSMN320.

[10] Schlanger, M. Prisoners with Disabilities / M. Schlanger // Reforming Criminal Justice. Vol. 4: Punishment, Incarceration, and Release / ed. by E. Luna. Phoenix, AZ: Academy for Justice, 2017. pp. 295–323.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-672-680
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

МАРУХА Егор Романович,
аспирант Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва, Россия,
e-mail: egor.maru@mail.ru

Научный руководитель:
ЛЕСКОВА Юлия Геннадьевна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского,
трудового и корпоративного права ИПНБ РАНХиГС,
тел. кафедры: +7 (499) 956-06-29,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ГОЛОСА ЧЛЕНА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КРЕДИТНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КООПЕРАТИВА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ИСКЛЮЧЕНИЮ

Аннотация. *Исследуется временное приостановление осуществления права голоса члена сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива как теоретическая альтернатива исключению за продолжительное неучастие в хозяйственной деятельности. Разграничены членство, принадлежность права голоса и его осуществление. Раскрыты условия соразмерного ограничения, пределы затрагиваемых прав и гарантии от произвольного отстранения от управления. Особое внимание уделено сохранению имущественных интересов члена, возможности возобновления участия и последствиям приостановления для определения большинства.*

Ключевые слова: *сельскохозяйственный кредитный потребительский кооператив; членство; равенство голосов; участие в хозяйственной деятельности; корпоративные обязанности; право голоса; приостановление осуществления права; исключение; соразмерность.*

Для цитирования: *Маруха Е. Р. Приостановление осуществления права голоса члена сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива как альтернатива исключению // Образование и право. 2026. № 10. С. 672–680.*

MARUKHA Egor Romanovich,
Postgraduate Student, Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
LESKOVA Yulia Gennadyevna,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Entrepreneurial,
Labor, and Corporate Law,
Institute of Law and National Security (ILNS), RANEPA

TEMPORARY SUSPENSION OF A MEMBER'S VOTING RIGHT IN AGRICULTURAL CREDIT CONSUMER COOPERATIVES AS AN ALTERNATIVE TO EXPULSION

Annotation. *The article examines temporary suspension of a member's voting rights in agricultural credit consumer cooperatives as a theoretical alternative to expulsion for prolonged non-participation in economic activities. It distinguishes membership status, entitlement to vote and the exercise of voting rights. The analysis addresses proportionality, safeguards against arbitrary exclusion from decision-making, preservation of property interests and the possibility of resuming active membership. Special attention is given to the consequences for quorum and majority formation.*

Key words: *agricultural credit consumer cooperative; membership; equal voting rights; economic participation; membership duties; suspension of voting rights; expulsion; proportionality; voting majority.*

For citation: *Marukha E. R. Temporary suspension of a member's voting right in agricultural credit consumer cooperatives as an alternative to expulsion. Education and law. 2026;(10):672–680. (In Russ.).*

Введение

В сельскохозяйственном кредитном потребительском кооперативе (далее – СКПК) каждый член обладает одним голосом на общем собрании независимо от размера пая, суммы предоставленных кооперативу средств и объема полученных займов. Равенство голосов позволяет всем членам участвовать в управлении кооперативом. Однако особый интерес представляет положение лица, которое продолжительное время не пользуется взаимопомощью, иными услугами СКПК и не выполняет возложенные на него обязанности по участию в хозяйственной деятельности, но сохраняет членство и право участвовать в принятии решений на общем собрании.

Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (далее – Закон № 193-ФЗ) допускает исключение члена потребительского кооператива, который не участвует в его деятельности в течение одного года (подп. 6 п. 1 ст. 17). Исключение прекращает членство и влечет имущественные расчеты. Между тем длительное отсутствие операций не всегда означает окончательный отказ от участия в деятельности кооператива. Возникает вопрос, возможно ли обосновать временное ограничение осуществления права голоса как менее строгое последствие нарушения членской обязанности и альтернативу исключению.

Предлагаемая конструкция должна учитывать и особенности исключения пайщиков: п. 1 ст. 17 Закона № 193-ФЗ допускает его по окончании текущего финансового года, а п. 1.1 той же статьи запрещает применять указанное основание к гражданам, призванным на военную службу по мобилизации.

Равенство голосов и участие в деятельности кооператива

Принцип «один член кооператива – один голос» означает, что размер финансовых вложений члена сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива в капитал не определяет степень его участия в управлении. Необходимо установить, почему законодатель признает равными голоса членов, которые могут существенно различаться по величине внесенных паев, объему предоставленных кооперативу денежных средств и интенсивности пользования его услугами. Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях экономических отношений, для организации которых создается кооператив.

В хозяйственном обществе размер вложенного участником имущества, по общему правилу, служит основанием для степени влияния на решения и определения объема его корпоративных прав. Потребительский кооператив имеет иное назначение. Его члены объединяют имущество не ради извлечения дохода от участия в капитале как самостоятельной цели, а для организации совместной деятельности, направленной на удовлетворение их хозяйственных потребностей. Поэтому увеличение паевого взноса одного из членов не предоставляет ему преимущество при определении порядка деятельности кооператива, услугами которого пользуются и остальные участники. В противном случае член, располагающий наибольшими финансовыми ресурсами, мог бы определять деятельность организации преимущественно в собственных интересах.

Подобное понимание управления кооперативом имеет давнюю историю теоретической разработки. Еще М.И. Туган-Барановский в работе «Социальные основы кооперации» связывал отличия кооператива от капиталистического предприятия прежде всего с характером обслуживаемых им хозяйственных интересов. Рассматривая

потребительские общества, он выделял среди особенностей их устройства «равное право голоса всех членов, независимо от числа паев» [8, с. 116]. Особое значение имеет проведенное им сопоставление кредитного кооператива с обществом взаимного кредита. Автор отмечал, что обе организации могут предусматривать равное количество голосов независимо от паевых взносов, но одного такого сходства недостаточно для признания их одинаковыми по своей природе. Различие он усматривал в направленности их деятельности на удовлетворение потребностей соответствующих групп участников [9, с. 115–117].

Следовательно, уже в дореволюционной теории кооперации равенство голосов рассматривалось как один из способов обеспечить управление объединением в интересах лиц, ради хозяйственных потребностей которых оно создавалось. Применительно к современным СКПК этот подход позволяет объяснить, почему размер паевого взноса не должен определять количество голосов: предметом совместного интереса членов является сама деятельность кредитного кооператива, а принцип «один член – один голос» обеспечивает возможность участия каждого члена в определении условий финансовой взаимопомощи.

Однако такое обоснование равенства голосов предполагает обязательное наличие тесной связи между членом и кооперативом. Если назначение кооператива заключается в обслуживании хозяйственных потребностей его членов, то возникает вопрос, в какой мере лицо, не участвующее в его деятельности, сохраняет ту заинтересованность, ради защиты которой ему предоставлено равное право на управление. Иначе говоря, необходимо выяснить, является ли участие в хозяйственной деятельности только самостоятельной обязанностью члена кооператива либо оно имеет более глубокую связь с реализацией его права голоса в процессе принятия корпоративных решений.

В силу п. 1 ст. 4 и п. 2 ст. 13 Закона № 193-ФЗ сельскохозяйственный потребительский кооператив предполагает обязательное участие его членов в хозяйственной деятельности. В.В. Устюкова и З.С. Беляева специально обращают внимание на то, что применительно к сельскохозяйственным потребительским кооперативам участие в их деятельности не может ограничиваться внесением паевых и иных денежных взносов. В обоснование своей позиции авторы указывают как на обязанность членов пользоваться результатами совместной хозяйственной деятельности, так и на предусмотренную законом возможность исключения члена, который в течение года не участвует в деятельности кооператива [10, с. 5]. Таким образом, член сельскохозяйственного потребительского кооператива должен рассматриваться не только как лицо, сформировавшее часть его имущества, но и как участник хозяйственной деятельности, для осуществления которой это имущество объединялось.

Необходимо разграничивать права, возникающие непосредственно из членства в кооперативе, и права, приобретаемые при вступлении в конкретные имущественные отношения с ним. Т.В. Сойфер, исследуя правовое положение членов потребительских кооперативов, выделяет общие корпоративные права, в числе которых основное значение имеет право на участие в управлении, и права на получение предоставляемых кооперативом благ, возникновение которых может быть связано с заключением договоров, принятием решений органов кооператива и другими юридическими фактами [6]. Применительно к СКПК это означает, что договор займа выступает основанием возникновения соответствующего обязательственного правоотношения, но не является основанием возникновения корпоративного права на участие в управлении кооперативом.

Полагаем, что право голоса принадлежит члену в силу самого статуса членства как юридического факта [2]. Однако возможность его осуществления зависит от соблюдения установленных законом условий. Так, п. 3 ст. 24 Закона № 193-ФЗ исключает участие в голосовании члена, не внесшего в установленном порядке паевой взнос, п. 4 той же статьи предусматривает случаи неучастия в голосовании по вопросам, затрагивающим интересы самого члена. Дополнительные ограничения могут следовать из специального статуса (например, ассоциированного членства) и правил о конфликте интересов (ст. 38 Закона № 193-ФЗ).

Подпункт 6 п. 1 ст. 17 Закона № 193-ФЗ предусматривает возможность исключения из потребительского кооператива члена, который не участвует в его деятельности в течение одного года. Исключение требует соблюдения предусмотренного законом и уставом порядка. Кроме того, отсутствие участия в хозяйственной деятельности должно быть установлено с учетом конкретных обстоятельств, включая причины, по которым член не пользовался услугами кооператива. Например, отказ самого кооператива в предоставлении займа не может без дополнительной оценки рассматриваться как доказательство того, что член добровольно уклоняется от участия в его деятельности.

Именно здесь возникает проблема реализации принципа «один член кооператива – один голос». Если право голоса предоставляется каждому члену независимо от его имущественного участия, то увеличение числа членов способно

изменить соотношение голосов в кооперативе без соответствующего изменения круга лиц, действительно пользующихся его услугами. Особенно заметным это становится при вступлении нескольких юридических лиц, находящихся под общим контролем. Формально каждое из них является самостоятельным субъектом права и в случае приобретения членства получает отдельный голос. Однако если такие лица не имеют самостоятельной потребности в услугах СКПК, не намерены участвовать в его хозяйственной деятельности и вступают в кооператив преимущественно для обеспечения нужного результата голосования. В такой ситуации принцип равенства голосов начинает служить достижению цели, внешней по отношению к кооперативу и перестает защищать интересы его членов. Риск состоит не в самом принципе и не в статусе юридического лица как члена, а в том, что членство в подобной ситуации приобретает инструментальный характер: оно используется как средство контроля, а не как выражение реального участия в финансовой взаимопомощи.

При этом сама по себе аффилированность членов или совпадение их позиции при голосовании не свидетельствует о нарушении принципа. Несколько связанных между собой сельскохозяйственных товаропроизводителей могут обладать самостоятельными хозяйственными потребностями и правомерно пользоваться услугами одного СКПК, принимая участие в голосовании. Следовательно, правовое значение должны иметь как корпоративные связи между вступившими лицами, так и соблюдение требований к членству, характер их участия в деятельности кооператива, обстоятельства приема и цели соответствующих действий.

Таким образом, проблема заключается не в самом принципе равенства голосов, а в возможности использования права голоса лицами, членство которых не сопровождается предусмотренным законом и доктриной участием в хозяйственной деятельности. Правило «один член – один голос» обосновано до тех пор, пока оно обеспечивает участие в управлении кооперативом лиц, объединённых целью финансовой взаимопомощи. Если же большинство голосов формируется за счёт лиц, не связанных с кооперативом соответствующей хозяйственной деятельностью, возникает противоречие между формальным соблюдением правила голосования и его назначением. Разрешение этого противоречия требует обращения прежде всего к требованиям о приобретении и сохранении членства, пределам осуществления корпоративных прав и предусмотренным законом способам защиты интересов кооператива и его членов.

Проблемы исключения как единственного последствия неисполнения обязанностей члена

Проблема действующего регулирования заключается в том, что Закон № 193-ФЗ предусматривает исключение из кооператива в качестве специальной меры реагирования на длительное нарушение члена по выполнению обязанности участвовать в хозяйственной деятельности, но не устанавливает промежуточных ограничений, например, приостановления права голоса по этому основанию. Как отмечает В.В. Устюкова, члены кооператива, прекратившие участие в его хозяйственной деятельности, но сохранившие членство, продолжают обладать правом голоса, хотя обоснованность такого положения вызывает вопросы [9, с. 104–105].

Недостаток такого подхода состоит, во-первых, в том, что он не позволяет своевременно устранить влияние на управление лиц, длительное время не участвующих в деятельности кооператива или потерявших интерес к нему. Предположим, что из пятнадцати членов СКПК семеро регулярно пользуются его услугами, тогда как восемь остальных – нет. Несмотря на это, последние сохраняют большинство голосов и могут определять состав органов управления и принимать решения, затрагивающие интересы членов, продолжающих пользоваться услугами кооператива. При этом даже установление годичного периода отсутствия участия в хозяйственной деятельности не влечет утраты права голоса: исключение допускается по окончании текущего финансового года и требует соблюдения установленной процедуры. Таким образом, сохранение членства позволяет лицам, фактически не участвующим в деятельности кооператива, продолжать определять принимаемые им решения. Само по себе такое голосование не является незаконным, однако возникает вопрос о соответствии подобного положения назначению принципа «один член кооператива – один голос».

Во-вторых, исключение может оказаться несоразмерным характеру нарушения. Отсутствие участия в хозяйственной деятельности не всегда свидетельствует об утрате интереса к кооперативу или намеренном уклонении от исполнения членских обязанностей. Например, сельскохозяйственный товаропроизводитель может временно не нуждаться в займах вследствие сокращения производства, но сохранять заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве. В таком случае прекращение членства лишит его не только права голоса, но и возможности пользоваться услугами кооператива в качестве его члена в будущем без прохождения процедуры повторного вступления. Между тем совершенно иная ситуация складыва-

ется, когда лицо длительное время не участвует в деятельности СКПК и не намерено возобновлять соответствующие отношения. Применение к столь различным случаям одной меры в виде исключения не позволяет в полной мере учитывать причины неисполнения обязанности и не обеспечивает возможности их устранения.

В-третьих, исключение может создавать неблагоприятные последствия для самого кооператива. Согласно п. 14 ст. 40.1 Закона № 193-ФЗ число членов кредитного кооператива не может быть менее пятнадцати граждан и (или) пяти юридических лиц. Поэтому исключение даже одного участника из СКПК, состоящего из пятнадцати граждан, приведет к нарушению требования о минимальной численности членов. Кроме того, исключение связано с необходимостью расчетов с выбывающим членом в порядке ст. 18 Закона № 193-ФЗ, что может повлечь сокращение имущества кооператива. Получается, что применение меры, направленной на обеспечение исполнения членских обязанностей, в отдельных случаях способно отрицательно повлиять на устойчивость самого СКПК. В то же время сохранение членства исключительно ради соблюдения минимальной численности не решает проблему фактического неучастия соответствующих лиц в его деятельности.

Таким образом, предусмотренное законом исключение не позволяет в полной мере согласовать обязанность участвовать в хозяйственной деятельности кооператива с принципом равенства голосов. До прекращения членства лицо сохраняет возможность участвовать в принятии решений независимо от исполнения рассматриваемой обязанности, тогда как исключение полностью прекращает его корпоративные права и может причинить вред как самому члену, так и кооперативу. Возникает необходимость в более гибком регулировании последствий неисполнения обязанности участвовать в хозяйственной деятельности, которое учитывало бы причины и продолжительность неучастия, возможность возобновления отношений с кооперативом и интересы остальных членов.

Приостановление осуществления права голоса: правовая природа и границы

Действующее законодательство знает случаи несовпадения круга членов кооператива и лиц, участвующих в конкретном голосовании. Так, п. 3 ст. 24 Закона № 193-ФЗ исключает из голосования члена, не внесшего паевой взнос в установленном порядке, а п. 4 той же статьи предусматривает ограничение на участие члена в голосовании по отдельным вопросам, непосредственно затрагивающим его положение. Однако указанные ограничения установлены законом только для определенных случаев. По аналогии из них нельзя вывести полномочие органов СКПК отстранять от голосования любого члена, нарушившего свои обязанности.

Предлагаемая в настоящем исследовании теоретическая конструкция состоит во временном приостановлении осуществления права голоса по ограниченному кругу вопросов, если установлен факт продолжительного неисполнения обязанности участвовать в хозяйственной деятельности СКПК. При этом членство, имущественные права и сама обязанность участия сохраняются, а возможность голосовать восстанавливается после устранения нарушения или наступления предельного срока приостановления.

По правовой природе приостановление можно рассматривать как специальную меру корпоративного воздействия: оно влечет неблагоприятное последствие нарушения обязанности члена кооператива, но не направлено на лишение его членского статуса. От исключения мера отличается временным характером. Введение временных ограничений на использование корпоративных прав известно науке. Так, например, А.А. Кузнецов в своих исследованиях применительно к хозяйственным обществам исследовал временный запрет осуществлять корпоративные права как возможную обеспечительную меру в споре об исключении участника из ООО [5, с. 116].

Почему в качестве объекта ограничения предлагается именно голосование? Посредством голоса член участвует в формировании решений, обязательных для кооператива и остальных участников. А.И. Бибиков отмечает, что последствия решений собраний распространяются в том числе на лиц, которые за них не голосовали [1, с. 32–33].

При продолжительном нарушении обязанности участвовать в совместной хозяйственной деятельности теоретически возможно обсуждать временное ограничение влияния нарушителя на принятие общих решений. Необходимо установить, что член мог исполнить обязанность, был предупрежден о последствиях нарушения, а иные способы воздействия не дали результата. Запрет пользоваться услугами СКПК препятствовал бы возвращению к деятельности, а лишение информации затрудняло бы защиту пая. Поэтому полагаем, что приостановление голосования может рассматриваться лишь как обоснованная альтернатива исключению.

Существует принципиальное возражение: Е.А. Суханов подчеркивает, что традиционная модель кооперации не допускает «права членства без голоса», подобного владению неголосующей акцией [7, с. 91]. В предлагаемой конструкции пра-

во голоса сохраняется за членом, а его осуществление возобновляется после прекращения основания ограничения. Но обратимость меры еще не означает отсутствия последствий: принятые без участия члена решения способны влиять на его положение и после восстановления возможности голосовать. Поэтому теоретическая допустимость приостановления зависит также от круга затрагиваемых вопросов.

Приостановление отличается и от ассоциированного членства. Пункт 4.1 ст. 14 Закона № 193-ФЗ в отдельных случаях допускает переоформление членства физического лица в ассоциированное по решению общего собрания потребительского кооператива. При этом меняется правовое положение лица: ассоциированный член освобождается от обязанности участия в хозяйственной деятельности (п. 6 ст. 14), а его право голоса осуществляется в специальном порядке (п. 7 ст. 14). Как отмечает В.В. Устюкова, прекращение участия в хозяйственной деятельности не означает автоматического возникновения ассоциированного статуса [9, с. 101–104]. Предлагаемое приостановление, напротив, не изменяет членского статуса и предполагает последующее восстановление голосования без переоформления типа членства.

Кроме того, переоформление членства направлено на изменение статуса лица. Предлагаемая мера рассматривается как последствие установленного нарушения, когда член сохраняет намерение исполнить прежние обязанности и продолжить участие в кооперативе.

Сравнительный пример дает испанский Закон от 16 июля 1999 г. № 27/1999 «О кооперативах» [13]: п. 4 ст. 18 предусматривает временное приостановление некоторых членских прав за неисполнение экономических обязанностей либо неучастие в деятельности кооператива при сохранении имущественных прав и права на информацию. Вместе с тем кредитные кооперативы Испании регулируются специальными нормами, а применение к ним Закона № 27/1999 ограничено его ст. 104. Поэтому данный опыт показывает лишь принципиальную возможность разграничивать прекращение членства и ограничение осуществления отдельных прав.

Условия применения и защита сохраняющихся прав члена

Приостановление нельзя связывать только с истечением определенного периода отсутствия участия в хозяйственной деятельности. Для его обоснования необходимо установить содержание нарушенной обязанности, причины ее неисполнения, возможность восстановления хозяйственных отношений и последствия ограничения для члена и кооператива. Для СКПК такая проверка особенно важна ввиду длящегося характера заемных и сберегательных отношений.

Прежде всего следует исследовать отношения между членом и кооперативом. Если ранее заключенный договор займа продолжает исполняться или член сохраняет переданные кооперативу средства, участие в хозяйственной деятельности может продолжаться и без заключения новых договоров. Должны учитываться также фактическое пользование услугами и характер исполнения существующих обязательств.

Важно установить причины отсутствия новых операций: обращался ли член за займом, получал ли обоснованный отказ, нуждался ли в финансировании, препятствовали ли участию сезонные или иные объективные обстоятельства. Отсутствие участия в хозяйственной деятельности нельзя выводить только из отсутствия новых договоров либо платежей, когда существующие отношения финансовой взаимопомощи продолжаются.

Особое значение имеет поведение самого кооператива. Если член обращался за доступной финансовой услугой, но получил необоснованный отказ, созданное кооперативом отсутствие операций не должно вменяться члену как нарушение. Иначе органы управления могли бы сначала препятствовать хозяйственному участию конкретного лица, а затем использовать это обстоятельство для ограничения его голоса. Вывод о неучастии должен основываться на совокупной оценке договоров, фактического поведения, причин отсутствия операций и реальной возможности пользоваться услугами СКПК.

Показателен спор об исключении члена производственного кооператива, рассмотренный Арбитражным судом Костромской области по делу № А31-3557/2024 [14]. Суд признал недоказанными некоторые из названных кооперативом оснований исключения, включая отсутствие установленного периода трудового участия в хозяйственной деятельности, однако отказал в иске, поскольку было подтверждено другое основание, предусмотренное уставом. Доводы о злоупотреблении правом суд счел недоказанными. Хотя дело относится к производственному кооперативу, оно подтверждает необходимость самостоятельной проверки каждого основания ограничения членских прав.

Соразмерность приостановления предполагает последовательную оценку обстоятельств. Сначала необходимо установить наличие условий, при которых закон позволяет ставить вопрос об исключении за отсутствие исполнения обязанности по участию в хозяйственной деятельности. Затем проверить, мог ли член исполнить обязан-

ность, был ли предупрежден и получил ли возможность устранить нарушение. Наконец, следует определить, способны ли уведомление, доступ к услугам и другие меры, не затрагивающие голосование, восстановить участие. Если этого достаточно, приостановление неприменимо. Даже при сохраняющемся нарушении необходимо учитывать намерение члена продолжить сотрудничество и его имущественные интересы.

Отдельного разрешения требует вопрос о компетенции органа, принимающего решение о приостановлении. В потребительском кооперативе порядок исключения определяется уставом (п. 3 ст. 17 Закона № 193-ФЗ), однако из этого положения не следует действующее право устава устанавливать новое ограничение голосования. В рамках предлагаемой модели окончательное решение представляется обоснованным отнести к общему собранию членов кооператива. Наблюдательный совет с учетом контрольных полномочий по ст. 30 Закона № 193-ФЗ мог бы предварительно проверять обстоятельства нарушения исполнения обязанности члена по участию в хозяйственной деятельности и представлять заключение. Такая проверка не гарантирует беспристрастности, особенно перед собранием с конфликтной повесткой. Член должен заблаговременно знать предъявленные основания и иметь возможность представить объяснения и документы; до вступления решения в силу его право голоса сохраняется.

О рисках недостаточно определенных оснований исключения пишут Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова. На примере производственных кооперативов авторы показывают, что расплывчатые формулировки обязанностей и оснований исключения затрудняют оспаривание принятого решения [4, с. 43]. Применительно к предлагаемому приостановлению это означает необходимость заранее определенных и проверяемых условий, мотивированного решения и возможности независимой проверки его обоснованности, например, посредством привлечения саморегулируемой организации, в которой состоит СКПК. Иначе мера может использоваться для ограничения голосования членов, не поддерживающих руководство.

Значение процессуальных гарантий подтверждается делом № А63-7418/2024 [15; 16]. Суды признали недействительными решения собрания сельскохозяйственного производственного кооператива, в том числе об исключении ассоциированных членов, установив нарушения порядка принятия решений и недостаточность подтверждения оснований исключения. Выводы по существу спора оставлены в силе кассацией. Хотя дело не касается приостановления голосования в СКПК, оно показывает, почему решение об ограничении членских прав требует надлежащего уведомления, возможности представить возражения и проверки установленных оснований.

Если основания приостановления будут выражены оценочными формулировками, мера может использоваться против неугодных членов. Особенно высок этот риск непосредственно перед собранием, когда известны кандидаты и предполагаемое распределение голосов. Поэтому одинаковые обстоятельства должны исследоваться по единым критериям и за один и тот же период в отношении всех членов, находящихся в сопоставимом положении.

Продолжительность приостановления должна соотноситься с характером нарушения и возможностью возобновить участие. Неограниченное по времени продление приостановления фактически превращало бы временную меру в лишение одного из основных членских прав. Допустимость и пределы такого ограничения требуют основания в федеральном законе, а устав может лишь конкретизировать предусмотренную законом процедуру. Восстановление возможности голосовать следует связывать с устранением нарушения либо истечением предельного срока без необходимости повторного решения по усмотрению руководства.

В теоретической модели приостановление может распространяться лишь на голосование по ограниченному кругу вопросов, связанных с организацией текущей деятельности СКПК, например, при избрании органов управления. За членом должны сохраняться права на информацию, участие в обсуждении собрания, получение услуг, защиту пая и выход из кооператива. Возможность голосовать необходимо сохранить по вопросам изменения имущественных обязанностей и членского статуса, пересмотра самой меры, реорганизации и ликвидации. В противном случае последствия решений будут затрагивать лицо, лишенное возможности участвовать в их принятии.

Приостановление права голоса и формирование большинства

Следует различать общий численный состав СКПК, кворум собрания и круг лиц, имеющих право голосовать по конкретному вопросу. Численный состав важен для соблюдения минимального количества членов кредитного кооператива. Пункт 1 ст. 24 Закона № 193-ФЗ связывает кворум с числом членов, имеющих право голоса, и устанавливает минимальное число лично присутствующих членов для малочисленных кооперативов. Пункт 2 той же статьи регулирует принятие решений большинством голосов, если закон или устав не требует иного. В предлагаемой модели голоса членов с приостановленным правом не учитываются при определении большинства по соответствующему

вопросу. Однако это допустимо лишь при наличии прямого указания в федеральном законе и при условии соблюдения установленных требований к кворуму.

Ю.Ю. Заказнов исследует лишение права голоса и предлагает рассматривать его как средство защиты корпорации и ее участников от неправомерного приобретения и осуществления контроля [2; 3]. Предлагаемая модель решает иную задачу - реагирование на неисполнение членской обязанности. Однако она порождает сходный по значимости вопрос: не может ли приостановление, задуманное как альтернативная мера, само превратиться в инструмент выборочного отстранения членов и изменения состава голосующих? Ответ должен учитывать особенности равенства голосов и законные требования к правомочности собрания.

Предположим, в СКПК состоят пятнадцать граждан, а осуществление права голоса семерых по вопросу текущего управления временно приостановлено. Если остальные восемь участвуют в собрании, для принятия решения простым большинством по предлагаемой модели достаточно пяти голосов при выполнении всех иных требований. Все пятнадцать лиц сохраняют членство, а временно отстраненные – имущественные и прочие не затронутые приостановлением права.

Принятие решения небольшим числом членов не нарушает принципа равенства: п. 1 ст. 24 Закона № 193-ФЗ допускает кворум малочисленного кооператива при присутствии не менее пяти членов. Особый риск приостановления связан с тем, что часть членов исключается из голосования специальным решением, хотя сохраняет членство. Поэтому необходимо проверять, не применяются ли ограничения выборочно к известным оппонентам и не позволяют ли они заранее сформировать выгодное отдельной группе большинство. Если совокупное применение мер направлено на подобное изменение состава голосующих, оно не соответствует требованию соразмерности.

Кворум и большинство следует оценивать самостоятельно, поскольку изменение круга голосующих не позволяет произвольно снижать установленные законом или уставом пороги. При определении допустимости нового приостановления необходимо учитывать уже действующие ограничения и возможность принять такое решение. Если их соблюдение оказывается невозможным, следует пересматривать обоснованность ограничений, а не изменять способ подсчета голосов.

Заключение

Временное приостановление осуществления права голоса члена СКПК может быть теоретически обосновано как самостоятельная мера корпоративного воздействия и менее строгое последствие нарушения обязанности участвовать в хозяйственной деятельности, чем исключение. Для ее допустимости необходимы обстоятельства, позволяющие поставить вопрос об исключении, доказанность нарушения, предупреждение члена и невозможность добиться возобновления участия иными средствами. Членство, имущественные права, доступ к услугам и информации, а также голосование по вопросам, непосредственно изменяющим статус или имущественные обязанности, должны сохраняться. Решение о приостановлении требует надлежащей процедуры и проверки возможного влияния ограничений на формирование большинства на собрании. Предлагаемая конструкция нуждается в самостоятельном основании в федеральном законе; действующее законодательство не позволяет СКПК вводить ее по собственному усмотрению.

Список литературы:

[1] Бибиков А.И. Решения собраний как гражданско-правовой акт // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18). С. 31–34.

[2] Заказнов Ю.Ю. Лишение участника корпорации права голоса: осмысление проблемы (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 9. // Zakon. URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11304?ysclid=mvjj2i5ajc241907722 (дата обращения: 11.09.2026).

[3] Заказнов Ю.Ю. Лишение участника корпорации права голоса: осмысление проблемы (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 10. // Zakon. URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11327?ysclid=mvjj3fv6my906400244 (дата обращения: 11.09.2026).

[4] Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Незаслуженно забытый? (К вопросу о правовом статусе производственного кооператива) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 6. С. 34–43.

[5] Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. 141 с.

[6] Сойфер Т.В. Права и обязанности членов потребительского кооператива: некоторые особенности содержания и реализации // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сб. науч.-практ. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 апреля 2016 г.) / под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2016. С. 100–110.

[7] Суханов Е.А. Сравнительное корпоратив-

ное право. М.: Статут, 2014. 456 с.

[8] Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации // Туган-Барановский М.И. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 51–530.

[9] Устюкова В.В. Правовое положение ассоциированных членов сельскохозяйственных кооперативов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7 (286). С. 100–110.

[10] Устюкова В.В., Беляева З.С. Проблемы совершенствования правового положения сельскохозяйственных кооперативов // Аграрное и земельное право. 2016. № 9 (141). С. 4–8.

[11] Ley 27/1999, de 16 de julio, de Cooperativas // Boletín Oficial del Estado. 1999. Núm. 170. 17 de julio. Ref. BOE-A-1999-15681.

[12] Решение Арбитражного суда Костромской области от 19.05.2025 по делу № А31-3557/2024. // Закон РФ. URL: https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-1e15d951-3729-58d1-afd3-7565ecaf521f/ (дата обращения: 11.09.2026).

[13] Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.09.2025 № 16АП-1679/2025 по делу № А63-7418/2024. // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/66637087/ (дата обращения: 11.09.2026).

[14] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.11.2025 № Ф08-7209/2025 по делу № А63-7418/2024. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=215688 (дата обращения: 11.09.2026).

References:

[1] Bibikov A.I. Decisions of Meetings as a Civil-Law Act // Eurasian Advocacy. 2015. No. 5 (18). pp. 31–34.

[2] Zakaznov Yu.Yu. Depriving a Corporate Participant of Voting Rights: Conceptualizing the Issue (Part 1) // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. No. 9. // Zakon. URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11304?ysclid=mvjj2i5ajc241907722 (accessed: 11.09.2026).

[3] Zakaznov Yu.Yu. Depriving a Corporate Participant of Voting Rights: Conceptualizing the Issue (Part 2) // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. No. 10. // Zakon. URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11327?ysclid=mvjj3fv6my906400244 (accessed: 11.09.2026).

[4] Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Undeservedly Forgotten? (On the Legal Status of a Production Cooperative) // Moscow University Law Bulletin. Series 11. Law. 2018. No. 6. pp. 34–43.

[5] Kuznetsov A.A. Expulsion of a Participant from a Limited Liability Company. Moscow: Statut, 2014. 141 p.

[6] Soyfer T.V. Rights and Obligations of Consumer Cooperative Members: Certain Aspects of Their Content and Exercise // Current Issues in Entrepreneurial and Corporate Law in Russia and Abroad: Collection of Papers. ...scientific and practical papers from the 3rd International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 25, 2016) / ed. by S.D. Mogilevsky, M.A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2016. pp. 100–110.

[7] Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law. Moscow: Statut, 2014. 456 p.

[8] Tugan-Baranovsky M.I. Social Foundations of Cooperation // Tugan-Baranovsky M.I. Selected Works. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. pp. 51–530.

[9] Ustyukova V.V. Legal Status of Associated Members of Agricultural Cooperatives // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 7 (286). pp. 100–110.

[10] Ustyukova V.V., Belyaeva Z.S. Issues Regarding the Improvement of the Legal Status of Agricultural Cooperatives // Agrarian and Land Law. 2016. No. 9 (141). pp. 4–8.

[11] Law 27/1999 of July 16, 1999, on Cooperatives // Official State Gazette (Boletín Oficial del Estado). 1999. No. 170. July 17. Ref. BOE-A-1999-15681.

[12] Decision of the Arbitration Court of the Kostroma Region dated May 19, 2025, in Case No. A31-3557/2024 // Law of the Russian Federation. URL: https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-1e15d951-3729-58d1-afd3-7565ecaf521f/ (accessed: 11.09.2026).

[13] Ruling of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated 15.09.2025, No. 16AP-1679/2025, in case No. A63-7418/2024. // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/66637087/ (accessed: 11.09.2026).

[14] Ruling of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 14.11.2025, No. F08-7209/2025, in case No. A63-7418/2024. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=215688 (accessed: 11.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-681-686
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПО КОНКУРСУ

Аннотация. *Целью исследования явились современные особенности законодательного регулирования порядка замещения должностей в уголовно-исполнительной системе по конкурсу. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные и учебно-методические публикации, касающиеся порядка и процедуры организации и проведения конкурса на замещение должности в УИС. В настоящее время создана и модернизируется правовая база, определяющая порядок, условия и процедура замещения вакантных должностей в УИС. Ее составляют ТК РФ, Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ, Приказ ФСИН России от 18.06.2024 г. № 439, Приказ Минюста России от 05.08.2021 г. № 132. Приоритетной целью рассматриваемого замещения должностей в УИС по конкурсу является получение максимально объективной оценки профессионального уровня и компетенций претендентов на должности. Их соответствия установленным квалификационным требованиям к должности в УИС. Законодатель определил категории граждан и условия, при которых конкурс при назначении на должность в УИС не проводится. Закон предусмотрел возможность отказа претенденту на замещение вакантной должности в УИС в допуске к участию в конкурсе при наличии оснований: несоответствие квалификационным требованиям к должности в УИС; ограничениями, устанавливаемыми законодательством РФ для поступления на службу в УИС и ее прохождения. При этом за претендентом закреплено право обжаловать решение об отказе в допуске к конкурсу в установленном законом порядке. Организация проведения конкурса на замещение должности в УИС включает в себя создание конкурсной комиссии учреждения или органа УИС, в соответствии с законодательством и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Вопросы проведения конкурса на замещение вакантной должности в УИС весьма подробно и основательно освещены в законодательстве Российской Федерации. Подобный подход законодателя к правовой регламентации порядка и условий назначения на службу в УИС по конкурсу, несомненно оказывает позитивное влияние на формирование профессионального ядра служб и подразделений УИС, научных и образовательных организаций ФСИН России квалифицированными кадрами.*

Ключевые слова: *законодательное регулирование, замещение должностей по конкурсу, уголовно-исполнительная система, учреждения и органы, исполняющие наказания, научные и образовательные организации ФСИН России, сотрудники, преподаватели, научные сотрудники.*

Для цитирования: *Ковалев О. Г., Мельникова О. В. Современные особенности законодательного регулирования замещения должностей в уголовно-исполнительной системе по конкурсу // Образование и право. 2026. № 10. С. 681–686.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of of Psychological Sciences, Professor,
Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines,
Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary
Service of Russia

MODERN FEATURES OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF THE REPLACEMENT OF POSITIONS IN THE PENAL SYSTEM BY COMPETITION

Annotation. *The purpose of the study was the modern features of the legislative regulation of the procedure for filling positions in the penal system by competition. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. Legislative and departmental legal acts, scientific and educational publications concerning the procedure and procedure for organizing and conducting a competition for a position in the UIS were analyzed. Currently, a legal framework has been created and is being modernized that defines the procedure, conditions and procedure for filling vacant positions in the management System. It consists of the Labor Code of the Russian Federation, Federal Law No. 197-FZ dated 07/19/2018, Order No. 439 of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 06/18/2024, Order No. 132 of the Ministry of Justice of Russia dated 08/05/2021. The priority goal of the considered replacement of positions in the management system according to the competition is to obtain the most objective assessment of the professional level and competencies of applicants for positions. Their compliance with the established qualification requirements for a position in the management System. The legislator has defined the categories of citizens and the conditions under which a competition for appointment to a position in the penal System is not held. The law provided for the possibility of denying an applicant to fill a vacant position in the penitentiary system admission to participate in the competition if there are grounds for: non-compliance with the qualification requirements for a position in the penitentiary system; restrictions established by the legislation of the Russian Federation for admission to service in the Penitentiary System and its passage. At the same time, the applicant has the right to appeal the decision to refuse admission to the competition in accordance with the procedure established by law. The organization of a competition for a position in the penitentiary System includes the creation of a competition commission for an institution or body of the penitentiary system, in accordance with the legislation and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. The issues of holding a competition to fill a vacant position in the Management System are covered in great detail and thoroughly in the legislation of the Russian Federation. Such an approach by the legislator to the legal regulation of the procedure and conditions for appointment to service in the penitentiary system by competition undoubtedly has a positive impact on the formation of the professional core of the services and departments of the Penitentiary System, scientific and educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia by qualified personnel.*

Key words: *legislative regulation, competitive job placement, penal enforcement system, institutions and bodies executing punishments, scientific and educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, staff, teachers, researchers.*

For citation: *Kovalev O. G., Melnikova O. V. Modern features of the legislative regulation of the replacement of positions in the penal system by competition. Education and law. 2026;(10):681–686. (In Russ.).*

Введение. Одним из актуальных в настоящее время механизмом эффективной организации кадровой работы в органах исполнительной власти, правоохранительных органов является замещение сотрудниками должностей, которое можно рассматривать как временное или постоянное выполнение обязанностей по определенной рабочей позиции.

В национальном трудовом праве закреплены виды оформления замещения: временный перевод, совмещение (исполнение обязанностей) и внешнее совместительство или срочный договор [1]. Порядок оформления процесса регулируется статьями 60.2 и 72.2 Трудового кодекса Российской Федерации.

Особым порядком замещения должностей и заключения трудового договора в соответствии со статьями 16 и 18 ТК РФ, при котором возникают трудовые отношения на основании избрания претендента конкурсной комиссией, выступает замещение должностей по конкурсу. Национальное трудовое законодательство (статьи 332 и 336 ТК РФ) обязывает работодателя осуществлять конкурсный отбор следующих категорий:

научных работников;

педагогических работников;

государственных и муниципальных служащих;

коммерческих организаций.

Процедура проведения конкурса, порождающая возникновение трудовых отношений между работником и работодателем отражена в статье 18 ТК РФ [2]. Она включает четыре основных этапа проведения конкурса:

публикация объявления, размещаемая за 30 дней до начала конкурса с указанием требований к должности, условий работы и перечня необходимых документов;

подача документов, перечень которых установлен законом;

оценка кандидатов конкурсной комиссией с помощью тестирования на знание Конституции РФ, законодательства о госслужбе, научной и педагогической деятельности, русского языка и профильных тем;

вынесение решения конкурсной комиссией.

Указанные правила замещения должностей по конкурсу распространяются и на службу в уголовно-исполнительной системе (далее УИС), обуславливая эффективность ее осуществления, руководящую роль в этом вопросе ФСИН России [3, с. 2-5].

Актуальность и значение правового регулирования порядка замещения должностей в УИС по конкурсу предопределили выбор темы настоящего теоретико-правового исследования, результаты которого изложены в данной научной статье.

Методы и принципы исследования. Для изучения современных особенностей законодательного регулирования порядка замещения должностей в уголовно-исполнительной системе по конкурсу. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные и учебно-методические публикации, касающиеся порядка и процедуры организации и проведения конкурса на замещение должности в УИС.

Основные результаты. Порядок и процедура замещения должностей в УИС по конкурсу определены статьей 25 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также в ведомственных нормативных правовых актах Минюста и ФСИН России, а также ведомственными нормативными правовыми актами (Приказами Минюста и ФСИН России).

Отдельные должности в УИС, замещение которых осуществляется по конкурсу, определены соответствующим Перечнем, утвержденным Приказом Минюста России от 05.08.2021 г. № 132 «Об организации прохождения службы в УИС». Указанный нормативный правовой акт указал, что в образовательных организациях высшего образования и научно-исследовательских институтах ФСИН России назначение по конкурсу осуществляется на должности: начальника кафедры; заместителя начальника кафедры; профессора; доцента; старшего преподавателя; преподавателя, главного научного сотрудника; ведущего научного сотрудника; старшего научного сотрудника [4].

Порядок и условия проведения конкурса на замещение вакантной должности в УИС регламентирован Приказом ФСИН России от 18.06.2024 г. № 439 [5].

Таким образом, на основании ТК РФ, Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ, Приказа ФСИН России от 18.06.2024 г. № 439, Приказа Минюста России от 05.08.2021 г. № 132 осуществляется замещение должностей научного и педагогического состава образовательных и научных организаций, подведомственных ФСИН России сотрудниками, проходящими службу в УИС.

Необходимо отметить главную цель рассматриваемого замещения должностей в УИС по конкурсу, которая состоит в максимально объективной оценке профессионального уровня и компетенций претендентов на должности. Их соответ-

ствия установленным квалификационным требованиям к должности в УИС.

Законодатель справедливо и обоснованно определил категории граждан и условия, при которых конкурс при назначении на должность в УИС не проводится:

при назначении на должности руководителей (начальников), назначение на которые и освобождение от которых осуществляется Президентом Российской Федерации [6, с. 686-690];

при заключении с сотрудником срочного контракта (в порядке статьи 22 ФЗ 2018 г. № 197;

при назначении сотрудника на иную должность в УИС в случаях, предусмотренных частями 5 и 7 статьи 30, частями 1-3 статьи 36 ФЗ 2018 г. № 197 [7, с. 32-36];

при назначении на должность в УИС сотрудника, состоящего в кадровом резерве в соответствии с ФЗ 2018 г. № 197, за исключением назначения на должность педагогического работника образовательной организации, подведомственной ФСИН России [8, с. 180-186].

Закон предусмотрел возможность отказа претенденту на замещение вакантной должности в УИС в допуске к участию в конкурсе при наличии следующих оснований:

несоответствие квалификационным требованиям к должности в УИС;

ограничениями, устанавливаемыми законодательством РФ для поступления на службу в УИС и ее прохождения. При этом претендент может обжаловать решение об отказе в допуске к конкурсу в установленном законом порядке.

Организация проведения конкурса на замещение должности в УИС включает в себя создание конкурсной комиссии учреждения или органа УИС, в соответствии с законодательством и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. В ее состав входят уполномоченный руководитель или определенные им сотрудники; сотрудники кадрового и правового подразделения, а также подразделения, в котором проводится конкурс на замещение вакантной должности в УИС; представитель органа по управлению государственной службой; члены общественных советов при ФСИН России и ее территориальных органов с правом совещательного голоса. При этом должны быть исключены возможные ситуации возникновения конфликта интересов в работе комиссии.

В соответствии с частью 7 статьи 25 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ в состав конкурсной комиссии для проведения конкурса на замещение вакантной должности в УИС, исполнение служебных обязанностей по которой связано с использованием сведений, составляющих государственную тайну, формируется с учетом положений законодательства Российской Федерации о государственной тайне [9].

Во исполнение Приказа ФСИН России от 18.06.2024 г. № 439 «О некоторых вопросах поступления на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», утвердившим Положение о конкурсной комиссии учреждения УИС, реализуются порядок и условия проведения конкурса.

Часть 10 статьи 25 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ наделяет претендента на замещение вакантной должности в УИС правом обжаловать решение конкурсной комиссии в соответствии с нормами указанного закона [10].

Таким образом вопросы проведения конкурса на замещение вакантной должности в УИС весьма подробно и основательно освещены в законодательстве Российской Федерации. Подобный подход законодателя к правовой регламентации порядка и условий назначения на службу в УИС по конкурсу, несомненно, оказывает позитивное влияние на формирование профессионального ядра служб и подразделений УИС, научных и образовательных организаций ФСИН России квалифицированными кадрами [11, с. 34-37].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики

современной России на состояние женской преступности»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС»;

Межрегиональном круглом столе «Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи», состоявшемся 24.04.2024 года в Вологодском институте права и экономики ФСИН России с докладом на тему: «Теоретико-методические аспекты патриотического воспитания курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России».

Заключение. В настоящее время создана и модернизируется правовая база, определяющая порядок, условия и процедура замещения вакантных должностей в УИС. Ее составляют ТК РФ, Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ, Приказ ФСИН России от 18.06.2024 г. № 439, Приказ Минюста России от 05.08.2021 г. № 132.

Приоритетной целью рассматриваемого замещения должностей в УИС по конкурсу является получение максимально объективной оценки профессионального уровня и компетенций претендентов на должности. Их соответствия установленным квалификационным требованиям к должности в УИС.

Законодатель определил категории граждан и условия, при которых конкурс при назначении на должность в УИС не проводится. Закон предусмотрел возможность отказа претенденту на замещение вакантной должности в УИС в допуске к участию в конкурсе при наличии оснований: несоответствие квалификационным требованиям к должности в УИС; ограничениями, устанавливаемыми законодательством РФ для поступления на службу в УИС и ее прохождения. При этом за претендентом закреплено право обжаловать решение об отказе в допуске к конкурсу в установленном законом порядке.

Организация проведения конкурса на замещение должности в УИС включает в себя создание конкурсной комиссии учреждения или органа УИС, в соответствии с законодательством и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Вопросы проведения конкурса на замещение вакантной должности в УИС весьма подробно и основательно освещены в законодательстве Российской Федерации. Подобный подход законодателя к правовой регламентации порядка и условий назначения на службу в УИС по конкурсу, несомненно оказывает позитивное влияние на формирование профессионального ядра служб и подразделений УИС, научных и образовательных организаций ФСИН России квалифицированными кадрами.

Список литературы:

[1] Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.П. Орловского Москва. 2014. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=212652&ysclid=mvinn0y2ex317838602 (дата обращения 07.07.2026).

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=mvino03pyy633554514 (дата обращения 07.07.2026).

[3] Ковалев О.Г., Майдыков А.А. Регламентирование деятельности ФСИН России: современное состояние и пути совершенствования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6. С. 2-5.

[4] Приказ Министерства юстиции РФ от 05.08.2021 г. № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/401601658/?ysclid=mvinoevniq108345589 (дата обращения 07.07.2026).

[5] Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 18.06.2024 г. № 439 «О некоторых вопросах поступления на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Фе-

дерации (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/409323712/?ysclid=mvinp755it699124045 (дата обращения 07.07.2026).

[6] Ковалев О.Г. Правовые вопросы соотношения службы в уголовно-исполнительной системе с другими видами государственной службы в Российской Федерации // Образование и право. № 4. С. 686-690.

[7] Майдыков А.А., Ковалев О.Г. Регламентирование деятельности ФСИН России как организационно-правовая основа функционирования этой службы // Российский следователь. 2009. № 21. С. 32-36.

[8] Ковалев О.Г. Особенности правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 180-186.

[9] Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/10102673/?ysclid=mvinpwfywb789918037 (дата обращения 07.07.2026).

[10] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/71992738/?ysclid=mvinqmx53c550905322 (дата обращения 07.07.2026).

[11] Ковалев О.Г. Комплектование учреждений уголовно-исполнительной системы квалифицированными сотрудниками как важнейшее условие обеспечения пенитенциарной безопасности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023. № 4 (38). С. 34-37.

References:

[1] Commentary on the Labor Code of the Russian Federation / Ed. by Yu.P. Orlovsky. Moscow, 2014. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=212652&ysclid=mvinn0y2ex317838602 (accessed 07.07.2026).

[2] Labor Code of the Russian Federation // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=mvino03pyy633554514 (accessed 07.07.2026).

[3] Kovalev O.G., Maydykov A.A. Regulation of the Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia: Current State and Ways to Improve It // Penal System: Law, Economics, Management. 2009. No. 6. pp. 2–5.

[4] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated August 5, 2021, No. 132 “On the Organization of Service in the Penal System of the Russian Federation” (as amended and supplemented) // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/401601658/?ysclid=mvinoevniq108345589 (accessed 07.07.2026).

[5] Order of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation dated June 18, 2024, No. 439 "On Certain Issues Regarding Entry into Service within the Penal Enforcement System of the Russian Federation (as amended and supplemented)" // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/409323712/?ysclid=mvinp755it699124045 (accessed July 7, 2026).

[6] Kovalev O.G. Legal Issues Concerning the Relationship Between Service in the Penal Enforcement System and Other Types of Public Service in the Russian Federation // Education and Law. No. 4. pp. 686–690.

[7] Maydykov A.A., Kovalev O.G. Regulation of the Activities of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia as an Organizational and Legal Basis for the Functioning of This Service // Russian Investigator. 2009. No. 21. pp. 32–36.

[8] Kovalev O.G. Specifics of the Legal Regulation of Service in the Penal Enforcement System at the Current Stage of Its Development // International Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 180–186.

[9] Law of the Russian Federation dated July 21, 1993, No. 5485-1 "On State Secrets" (as amended and supplemented) // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/10102673/?ysclid=mvinpwfywb789918037 (accessed July 7, 2026).

[10] Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018, “On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation ‘On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment’” // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/71992738/?ysclid=mvinqmx53c550905322 (accessed July 7, 2026).

[11] Kovalev O.G. Staffing Penal Enforcement System Institutions with Qualified Personnel as a Crucial Condition for Ensuring Penitentiary Security // Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (38). pp. 34–37.

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-687-695
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

МЕГРАБЯН Артём Казаросович,
аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: artmeg1000@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПОРТЕ И ЕГО ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ: ОТ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ К ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ

Аннотация. *В статье исследуется историческая эволюция представлений о спорте и формирование механизмов его правового регулирования от античного периода до современной цифровой эпохи. Рассматривается трансформация нормативной организации спортивной деятельности: от обычаев, ритуалов и сословных требований к унифицированным правилам соревнований, деятельности спортивных организаций и государственному регулированию спортивных отношений. Анализируется становление спорта как самостоятельного объекта правового регулирования и его межотраслевой характер, обусловленный взаимодействием норм гражданского, трудового и публичного права. Особое внимание уделяется современным изменениям, связанным с цифровизацией спортивной деятельности, развитием компьютерного и фиджитал-спорта. Рассматриваются вопросы нормативного определения новых форм спорта, обеспечения равенства участников соревнований, использования технологических средств и регулирования профессионально значимых данных спортсменов. На примере компьютерного спорта выявляется изменение содержания и структуры спортивных правоотношений под воздействием цифровых технологий. Делается вывод о том, что развитие новых форм спортивной деятельности сопровождается трансформацией существующих правовых конструкций и возникновением новых направлений правового регулирования.*

Ключевые слова: *спортивное право, правовое регулирование спорта, спортивные правоотношения, история спорта, цифровизация спорта, компьютерный спорт, киберспорт, фиджитал-спорт, спортивное законодательство, цифровые данные спортсмена.*

Для цитирования: *Меграбян А. К. Эволюция представлений о спорте и его правовом регулировании: от античной традиции к цифровой эпохе // Образование и право. 2026. № 10. С. 687–695.*

MEGRABYAN Artyom Kazarosovich,
Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

THE EVOLUTION OF CONCEPTS OF SPORT AND ITS LEGAL REGULATION: FROM ANTIQUITY TO THE DIGITAL ERA

Annotation. *This article examines the historical evolution of concepts of sport and the development of mechanisms for its legal regulation, spanning from antiquity to the modern digital era. It explores the transformation of the normative framework governing sports activities—evolving from customs, rituals, and class-based requirements toward standardized competition rules, the operations of sports organizations, and state regulation of sports-related relations. The study analyzes the emergence of sport as a distinct object of legal regulation, characterized by its interdisciplinary nature, which involves the interplay of civil, labor, and public law. Particular attention is paid to contemporary shifts driven by the digitalization of sports, including the rise of esports and "phygital" (physical-digital) sports. The article addresses issues such as the legal definition of new forms of sport, ensuring equality among competitors, the use of technological tools, and the regulation*

of data pertinent to professional athletes. Using esports as a case study, the author highlights how digital technologies are altering the content and structure of legal relations within the sports domain. The article concludes that the development of new forms of sports activity entails both the transformation of existing legal constructs and the emergence of new areas of legal regulation.

Key words: *sports law, legal regulation of sport, sports-related legal relations, history of sport, digitalization of sport, esports, cyber-sport, phygital sport, sports legislation, athlete digital data.*

For citation: *Megrabyan A. K. The evolution of concepts of sport and its legal regulation: from antiquity to the digital era. Education and law. 2026;(10):687–695. (In Russ.).*

Спорт представляет собой сложный социально-культурный феномен, содержание и общественное значение которого изменялись на протяжении исторического развития человечества. Возникая в тесной связи с физической подготовкой, воинскими практиками, религиозными обрядами и воспитанием, спортивная деятельность постепенно приобрела самостоятельное значение и стала неотъемлемой частью общественной и культурной жизни. Изменение ее форм и функций сопровождалось трансформацией представлений о соотношении физического и духовного развития человека, о назначении спортивной деятельности и ее роли в формировании личности и общества.

В начале XX века М.А. Богданова, обращаясь к социально-философскому осмыслению спорта, приводит высказывание М. Шелера: «Вряд ли какой другой феномен в мире заслуживает сегодня в такой же степени глубокого социально-философского и психологического изучения, как спортивная деятельность. Спорт безмерно вырос в своем значении, но изучению смысла спорта не уделяется должного внимания» [7, с. 3].

Современное развитие технологий и цифровизация различных сфер общественной жизни существенно трансформируют представления о спорте как социально-культурном институте. Если ранее спорт преимущественно связывался с физическим совершенствованием человека, то сегодня техника и виртуальные пространства меняют саму форму состязания [12; 19]. Вместе с этим меняется и нормативная сторона спорта: на примере компьютерного спорта особенно заметно, что новые практики требуют определения правил участия, критериев равенства соперников и границ того, что государство и спортивные организации готовы признавать спортом [8; 9].

В этой связи особый интерес представляет рассмотрение исторической эволюции представлений о спорте — от античных идеалов гармонии тела и духа до современных концепций, связанных с цифровизацией и виртуализацией спортивной деятельности. Такой подход позволяет проследить не только изменение философского содержания спорта, но и движение от обычая, ритуала и правил отдельного состязания к формализованным нормам спортивных организаций и государственному правовому регулированию [11; 14; 20].

Феномен спорта в древнем мире представлял собой не просто вид физической активности, а фундаментальную часть культурной системы, в которой соединяются идеалы тела, духа и гражданского долга.

Уже в Древней Греции физическое воспитание рассматривалось как важный элемент формирования личности, а спортивные состязания – как средство утверждения общественных ценностей и социальной иерархии. Спортивные практики базировались на идеале калокагатии, соединявшем физические и нравственные достоинства, и одновременно существовали в достаточно устойчивом порядке: участие в состязаниях предполагало соблюдение принятых правил, ритуалов и условий допуска. Понятие агональности обозначало сам принцип состязательности, который позднее станет одним из признаков спорта как особым образом организованной деятельности [23]. Поэтому уже на античном этапе спорт нельзя рассматривать как полностью свободную от норм сферу, хотя речь, разумеется, еще не идет о спортивном праве в современном значении [6; 23].

Античные представления о гармонии и состязательности позднее были восприняты Пьером де Кубертеном при формировании олимпизма. Он связывал спорт с развитием характера, нравственных сил, инициативности и стойкости [1]. В этом смысле олимпизм оказывается частью более широкого перехода к спорту модерна. В. Нишуков, анализируя концепцию А. Гуттмана, связывает современный спорт с олимпийским движением и такими признаками, как равенство условий, рационализация, специализация, количественный учет и бюрократическая организация [11; 20]. Эти черты предполагают уже не только ценностное содержание спорта, но и устойчивый порядок проведения состязаний.

Не менее важной была позиция Кубертена относительно материальных наград и победы «любой ценой». Использование спорта для неспортивных целей он считал несовместимым с идеей олимпизма [5, с. 56]. В современной организации спорта подобные требования существуют уже наряду с формальными правилами. Нишуков

отмечает, что один из подходов к определению спорта связывает его сущность с формальными правилами конкретного вида, тогда как контекстуальный подход учитывает также социальные конвенции, включая этос fair play [20, с. 187-188].

В культуре Римской империи спорту уделялось меньше внимания в сравнении с греческой традицией. Древнеримские философы усматривали в нем прежде всего физическую силу и зрелище [28]. Вместе с тем массовые состязания уже существовали как организованные публичные практики, предполагавшие определенный порядок проведения и участия [3].

В китайской цивилизации физические и боевые практики также были связаны с формированием личности, однако их нормативная основа складывалась прежде всего внутри религиозно-философских учений и школ. Восточные единоборства заимствовали положения даосизма, буддизма и конфуцианства, связывая телесную подготовку с дисциплиной поведения и нравственным развитием [15, с. 342-346]. В данном случае правило еще трудно отделить от традиции и мировоззрения, но именно такая связь характерна для ранних форм организации спортивной деятельности.

Античные философские воззрения о спорте как о воплощении неких идеалов и принципов в человеческой жизни сменяются средневековыми идеями.

Если в античности спортивные практики базировались на идеалах калокагатии и гражданского совершенства, сопровождаясь устойчивыми правилами состязаний и религиозными ритуалами, то в Средневековье их смысловое наполнение и круг участников изменились. Христианство в значительной мере предопределило отношение к телесности, а спортивные практики стали сильнее зависеть от сословного положения человека и от правил той социальной группы, к которой он принадлежал [3; 18; 27].

В поздней Римской империи и особенно в Средневековье христианство относилось к спорту резко негативно по ряду весомых мотивов. Главным из них были этические соображения, а также принципиально иное, нежели в античной мысли, понимание дуализма духа и тела. «Роль телесного в бытии христианина, в целом, оценивалась как отрицательная, обусловленная греховной природой человека» [3, с. 10].

Лишь в эпоху Возрождения отношение к телесности постепенно смягчается. Наиболее заметным исключением еще в позднем Средневековье оставалась рыцарская культура: турнир сохранял военное происхождение, но превращался в зрелищное состязание, для которого устанавливались требования к участникам и порядок проведения [18, с. 649]. Поэтому именно турнир показывает, как спортивная практика начинает приобретать более формализованные правила, хотя эти правила еще имели сословный и корпоративный характер, а не характер общего спортивного законодательства.

Значение спорта в Средневековье поэтому определялось социальным положением индивида. Для духовенства физические упражнения могли сводиться к гигиене тела или осуждаться, для аристократии они входили в систему образования и боевой подготовки, а среди крестьян сохранялись преимущественно как традиционные состязательные практики. Различие статусов означало и различие допустимых форм физической активности, то есть регулирование здесь оставалось сословным и локальным [3, с. 10].

Особое значение для изучения спорта от античности до Средневековья имеют идеи Йохана Хейзинги, нидерландского теоретика культуры. В работе «Homo Ludens» («Человек играющий») он показывает, что в архаической, античной и средневековой культурах состязания были тесно связаны с культом и религиозными праздниками и обладали сакральным значением [27].

Таким образом, спорт в Средневековье не исчезает, но существует в особых религиозных, сословных и корпоративных формах. Норма поведения спортсмена или участника турнира еще не отделена от обычая и статуса, однако именно через такие правила постепенно формируется представление о состязании как деятельности, которая должна проходить по заранее известному порядку [10; 18].

После длительной эволюции представлений о спорте мысль Нового времени вновь обращается к физической активности как к проявлению достоинства, свободы и воспитания человека. Одновременно спорт начинает выходить за пределы локального обычая: появляются более устойчивые формы организации занятий и состязаний, а сама физическая культура все чаще связывается с общественным воспитанием и порядком [3; 11].

С наступлением Нового времени постепенно уходят в прошлое средневековые формы военной подготовки. Фехтование, верховая езда и другие практики все чаще воспринимаются не только как сословная обязанность, но и как самостоятельное состязание. Постепенное развитие спорта модерна сопровождалось унификацией условий соревнования, рационализацией и формированием устойчивых организационных структур [11; 20].

Северное Возрождение, Реформация и гуманистическая традиция изменили представление о теле и воспитании. На место средневекового аскетизма постепенно приходит идея всесторон-

него развития человека, что расширяет социальную базу физической культуры и делает физическое воспитание предметом систематической организации [13].

Определяющую роль в развитии европейской физкультуры сыграли теоретики Просвещения. Дж. Локк связывал здоровье с благополучием и деятельностью человека [13, с. 117], Й.Г. Песталоцци рассматривал физическое воспитание вместе с умственным и нравственным развитием [13, с. 139], а Ж.-Ж. Руссо видел в физическом развитии условие гармонического воспитания [13, с. 137]. Общим для этих подходов становится понимание физического воспитания как общественно значимой и организуемой деятельности.

Хотя просветители нередко трактовали физиологические и социальные явления упрощенно, они способствовали не только признанию ценности массовой физической культуры, но и созданию практических методик тренировок [3, с. 13]. По мере формирования спорта модерна все большее значение получают единые правила, сопоставимость результатов и устойчивые формы организации соревнований [11; 20].

Дальнейшее развитие спорта в XIX–XX веках постепенно выводит его за пределы исключительно философской и педагогической проблематики. Состязания унифицируются, появляются спортивные клубы, союзы и федерации, а правила отдельных видов спорта получают устойчивую письменную форму. Характеристики современного спорта, которые Гуттман связывает с рационализацией, специализацией, количественным учетом и бюрократической организацией [11; 20], одновременно означают усложнение его нормативного порядка. Для права это принципиально: спорт становится сферой, в которой внутренние правила организаций сосуществуют с государственным регулированием [14].

В XX веке философия спорта начинает складываться как самостоятельное направление исследования, но сам спорт к этому моменту уже существует как развитый общественный институт. Профессионализация соревнований, деятельность федераций, отношения спортсменов и клубов приводят к тому, что спортивные отношения затрагивают нормы трудового, гражданского и публичного права. Именно межотраслевой характер этих отношений лежит в основе современной дискуссии о спортивном праве [14].

Й. Хёйзинга в труде 1938 года, напротив, критически оценивал современный ему спорт, полагая, что в нем уменьшается значение игрового элемента [27, с. 424]. Для настоящего исследования важна сама поставленная им проблема: превращаясь в организованный институт, спорт приобретает устойчивые процедуры и правила, но одновременно отдаляется от первоначальной свободной игры.

Хёйзинга также уделяет внимание состязательности. Понятие «агонального инстинкта» описывает стремление человека к соревнованию и конкуренции [24, с. 123]. В современном спорте эта состязательность существует внутри заранее установленной нормативной конструкции: определяются участники, спортивная дисциплина, правила, судейство и порядок определения результата, то есть спортивное отношение приобретает формализованный характер [14].

Иными словами, вопрос о природе состязательности постепенно дополняется вопросом о формах ее организации. К концу XX – началу XXI века спорт становится самостоятельным объектом правового регулирования: отношения в этой сфере затрагивают сразу несколько отраслей права, а внутренние нормы федераций взаимодействуют с государственными правилами. В отечественной литературе поэтому возникает дискуссия о месте спортивного права; Е.Ю. Коваленко, Н.В. Тыдыкова и О.А. Шавандина, например, рассматривают его как комплексную отрасль [14]. Российский Закон о спорте также закрепляет уже юридическое определение спорта через соревнования и специальную практику подготовки к ним [29].

Традиционно спорт рассматривается как сфера культивации человеческого тела. Однако в цифровую эпоху технологии становятся частью самой спортивной практики, поэтому меняется не только философское понимание телесности, но и критерии допустимого спортивного поведения. Как отмечает Н.В. Никитин, технологическая трансформация ставит под вопрос классические концепции телесности [19, с. 167]. Для спортивного регулирования тот же процесс означает необходимость соотносить новые технологии с формальными правилами конкретного вида спорта и принципом сопоставимости условий состязания [14; 20].

В эпоху цифровых технологий спорт перестает быть исключительно физическим занятием, привязанным к традиционной площадке. Техника, виртуальные пространства и медийные форматы порождают новые типы состязаний, а вместе с ними — новые правила проведения соревнований и новые категории участников [22; 9]. Поэтому вопрос о том, что считать спортом, становится одновременно философским и юридическим: научное понятие спорта уже не всегда полностью совпадает с его нормативной квалификацией [20; 9].

Философско-антропологический вопрос об идентичности человека и его тела [17, с. 42] в

спортивной сфере соприкасается с вопросом о равенстве условий соревнования. Если результат зависит не только от подготовки человека, но и от цифровой системы, оборудования или алгоритма, формальные правила вида спорта приобретают особое значение. Само понимание спорта через сочетание правил и социального контекста позволяет рассматривать технологическое преимущество не только как техническую, но и как нормативную проблему [20, с. 187-188].

Цифровизация спорта создает и феномен «неорганического тела». К.П. Базарин, С.И. Барцев и В.Н. Ковалев рассматривают возможность использования нейросетевых моделей для прогнозирования физиологических реакций спортсмена [4, с. 413]. Подобные инструменты позволяют точнее строить тренировочный процесс, но одновременно увеличивают объем профессионально значимых данных о спортсмене. Правовое значение таких данных особенно заметно в компьютерном спорте, где цифровой профиль может включать игровую статистику, профессиональные показатели и иные сведения [21].

Фитнес-трекеры, системы мониторинга и иные цифровые средства усиливают рационализацию спорта, о которой пишет А.Д. Дьяконов [12, с. 43]. Эта тенденция продолжает более общий процесс количественного учета и рационализации, который Гуттман относил к признакам современного спорта [11]. Чем точнее измеряется результат и состояние спортсмена, тем большее значение получают единообразные условия контроля и формальные правила соревнования [20].

Наиболее заметно эта трансформация проявляется в киберспорте. С.В. Лаврентьева описывает его как гибридный телесно-технологический комплекс, где действия человека неразрывно связаны с виртуальной средой [16, с. 104], а В.А. Плешаков рассматривает цифровизацию и фиджитализацию как новую форму спортивного опыта [22, с. 30]. В российском праве философский спор о том, можно ли считать такую деятельность спортом, уже получил практическое разрешение: компьютерный спорт официально признан видом спорта и включен во Всероссийский реестр. После такого признания на него распространяется общий механизм спортивного регулирования — правила соревнований, деятельность федерации, квалификационные и организационные требования [8; 2; 30; 31; 32].

Сходным образом фиджитал-спорт соединяет физический и цифровой опыт в одном процессе. В.А. Плешаков характеризует такой синтез как возникновение нового качества, а не простое сложение «реального» и «виртуального» [22, с. 30]. Эта идея уже получает организационное выражение и в российской спортивной системе: фиджитал-форматы включаются в официальные спортивные мероприятия. Тем самым граница между физической и цифровой практикой становится предметом не только научной дискуссии, но и конкретных решений спортивных органов [33].

В этом отношении вновь актуальна концепция Гуттмана. Он не рассматривал цифровые технологии в современном смысле, однако выделенные им рационализация, количественный учет, специализация и бюрократическая организация спорта [11, с. 84] хорошо объясняют, почему цифровые технологии так легко встраиваются в спортивную среду. Одновременно эти характеристики помогают увидеть и правовую сторону современного спорта: его институционализация сопровождается развитием системы источников, субъектов и правил спортивных правоотношений [14].

Изначально связанные с секуляризацией и рационализацией спорта процессы сегодня продолжаются в алгоритмическом мониторинге спортсменов [19, с. 171]. Однако цифровой учет уже касается не только результата соревнования, но и самого спортсмена, его тренировочных показателей, игровой статистики и иных профессионально значимых данных [21]. Поэтому проблема выходит за пределы философии телесности и затрагивает правовой режим информации, связанной со спортивной деятельностью.

В условиях трансформации культурно-технической среды исследование спорта становится междисциплинарным [17, с. 38]. Это особенно заметно на примере компьютерного спорта, где спортивная деятельность одновременно связана с трудом, цифровыми платформами и обработкой данных. А.Р. Пархомчик рассматривает цифровой профиль киберспортсмена как совокупность профессиональных данных, игровой статистики, контент-активов и медиаприсутствия [21]. Поэтому цифровизация меняет не только способы тренировки, но и юридическое положение спортсмена как носителя информации, имеющей профессиональное значение.

Некоторые современные исследователи связывают изменения спорта с переходом от идеалистического понимания тела к его восприятию как управляемого и измеримого объекта [17, с. 50]. В спортивной практике это выражается в том, что тело и действия спортсмена все чаще представлены в виде показателей, рейтингов и цифровых следов. Для компьютерного спорта подобная совокупность данных уже рассматривается в юридической литературе через категорию цифрового профиля спортсмена [21].

Отсюда возникает уже не только философско-этическая, но и нормативная проблема: где

проходит граница между допустимым использованием технологии и изменением условий состязания настолько, что нарушается равенство участников. Такой вопрос логически вытекает из самого понимания спорта как деятельности, существующей в рамках формальных правил и определенного социального контекста [20], а в киберспорте дополнительно осложняется сочетанием публично-правового спортивного регулирования и частноправовых отношений вокруг видеоигры [9].

Цифровая современность поэтому меняет и способы самопредставления спортсмена. Е.О. Самойлова и Ю.М. Шаев отмечают превращение тела в своеобразный социальный «бренд» [25, с. 37], а в киберспорте к этому добавляются аккаунт, статистика, медиаприсутствие и иные цифровые характеристики [21]. В результате спортивная идентичность все сильнее зависит от данных и цифровой инфраструктуры, а ее регулирование выходит далеко за пределы собственно правил матча.

В киберспортивных дисциплинах традиционная физическая нагрузка действительно выражена слабее, однако большое значение имеют скорость реакции, точность, сенсомоторные и когнитивные навыки. Исследования показывают, что их соотношение различается в зависимости от конкретной игровой дисциплины [26, с. 67]. Юридически компьютерный спорт при этом рассматривается именно как особая форма соревновательной деятельности в виртуальной среде, а его нормативное регулирование охватывает порядок проведения соревнований и статус участников [9].

Таким образом, в цифровую эпоху вопрос о границах спорта уже невозможно решать только через противопоставление «физического» и «виртуального». Технологии меняют способы подготовки, среду соревнования и положение спортсмена, а право приспосабливает к этим изменениям традиционные конструкции вида спорта, спортивной дисциплины, правил соревнований и статуса участника [14; 9]. Параллельно цифровизация формирует новые правовые вопросы, связанные с профессионально значимыми данными спортсмена [21]. Именно в этом проявляется современный этап эволюции представлений о спорте: изменение его содержания сопровождается изменением способов нормативной организации.

Подводя итоги проведенному исследованию, стоит отметить, что эволюция представлений о спорте отражает одновременно изменение понимания человека и постепенное усложнение организации самой состязательной деятельности. В античности и Средневековье правила спорта существовали преимущественно в форме обычая, ритуала и сословных требований; в Новое и Новейшее время унификация соревнований, появление клубов и федераций превратили спорт в устойчивый общественный институт, а затем и в самостоятельный объект правового регулирования.

Современная цифровая трансформация продолжает эту линию. Компьютерный и фиджитал-спорт показывают, что новые формы состязания могут значительно отличаться от традиционной физической практики, но при их институционализации право закрепляет привычные элементы спорта: правила, участников, судейство, соревнование и порядок определения результата. Одновременно возникают новые вопросы о цифровых данных спортсмена, технологическом преимуществе и границах допустимого вмешательства техники.

Поэтому философская и правовая стороны спорта сегодня не должны рассматриваться отдельно друг от друга. Представления о состязательности, телесности и человеческом участии объясняют содержание спорта, а правовые нормы и правила спортивных организаций закрепляют конкретные формы, в которых это содержание существует. Цифровая эпоха не отменяет историческую логику развития спорта, а делает эту связь между идеей состязания и ее нормативным оформлением особенно заметной.

Список литературы:

[1] Аксенов Г.М. Педагогические идеи Кубертена и их современное значение: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003.

[2] Атаева Н.М., Халиков О.М. Актуальные проблемы государственно-правового регулирования киберспорта // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. Т. 40, № 1. С. 109–115.

[3] Бабюк М.И. История спорта и спортивной коммуникации: учеб.-метод. пособие (бакалавриат). М.: Факультет журналистики МГУ, 2018. 68 с.

[4] Базарин К.П., Барцев С.И., Ковалев В.Н. О возможности управления тренировочным процессом с использованием прогностических моделей на основе искусственного интеллекта // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 410–416.

[5] Богданова М.А. Культурное содержание олимпизма: от античности к современности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 55–59.

[6] Богданова М.А. Парадигма смысловых регулятивов олимпийского движения в античной Греции // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 44–47.

[7] Богданова М.А. Теоретико-методологические основания исследования спор-

тивной деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 3–6.

[8] Воскресенская Е.В., Лойко А.Н. Правовое регулирование киберспорта (компьютерного спорта) в Российской Федерации // Colloquium-journal. 2019. № 13 (37). С. 176–178.

[9] Гапанович А.В., Гапанович И.В. Киберспорт vs компьютерный спорт: к вопросу о понятийном аппарате // Юрист. 2023. № 3. С. 29–33.

[10] Головачев И.В. История развития рыцарского турнира // Мировая наука. 2020. № 7 (40). С. 160–165.

[11] Гуттман А. От ритуала к рекорду: природа современного спорта. М.: РИПОЛ классик, 2018. 320 с.

[12] Дьяконов А.Д. Цифровая трансформация в сфере физической культуры и спорта // Экономика и управление в спорте. 2023. Т. 3, № 1. С. 39–50.

[13] Коменский Я.А., Локк Дж., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1987. 416 с.

[14] Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А. Спортивное право в системе отраслей российского права // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5, № 2. С. 174–181.

[15] Козлов А.М. Религиозно-философские, нравственно-этические и психофизические основы боевых искусств Востока // Вестник Тамбовского университета. 2013. № 9. С. 342–346.

[16] Лаврентьева С.В. Телесные навыки в виртуальной среде (на материале киберспорта) // Человек. 2023. Т. 34, № 2. С. 101–106.

[17] Лановский М.Ф. Философия спорта и философское постижение человека: опыт XX и перспективы XXI века // Философия и общество. 2021. С. 35–56.

[18] Марухин А.П., Брюхачев Е.Н. Роль спорта в Средневековой Европе // Вестник науки. 2024. № 9 (78). Т. 4. С. 648–654.

[19] Никитин Н.В. Спорт как «вторая природа»: телесность в условиях технологической трансформации // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2025. № 3 (55). С. 165–176.

[20] Нишуков В. Понятие спорта // Логос. 2014. № 3 (99). С. 181–190.

[21] Пархомчик А.Р. Цифровой профиль спортсмена в сфере компьютерного спорта // Трудовое право в России и за рубежом. 2026. № 1. С. 18–21.

[22] Плешаков В.А. Спортивная фиджиталогия как ответ на вызовы цифровой трансформации физкультурно-спортивной сферы // Российский журнал информационных технологий в спорте. 2025. Т. 2, № 4. С. 23–44.

[23] Плетников В.В. Агональность как тип состязательности: характеристика и сущностные черты // Социум и власть. 2017. № 4 (66). С. 114–121.

[24] Плетников В.В. Культурно-исторические формы агональности. Базальные характеристики культуры, лежащие в основе форм агональности // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 121–131.

[25] Самойлова Е.О., Шаев Ю.М. Тело и телесность в контексте визуальных практик постинформационного общества // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1 (57). С. 35–40.

[26] Стрельникова Г.В., Стрельникова И.В., Янкин Е.Л. Особенности сенсомоторной и когнитивной сфер киберспортсменов, выступающих в разных дисциплинах // Наука и спорт: современные тенденции. 2016. № 12. С. 67.

[27] Хейзинга Й. Homo Ludens (Человек играющий). В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 461 с.

[28] Ямщиков Ю.Н. Спорт как социально-культурное явление: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2010. 25 с.

[29] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

[30] Приказ Минспорта России от 29.04.2016 № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта...» (зарегистрирован в Минюсте России 03.06.2016 № 42407). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199135/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 16.09.2026).

[31] Приказ Минспорта России от 14.07.2025 № 554 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «компьютерный спорт»» (зарегистрирован в Минюсте России 21.08.2025 № 83261). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513017/2fba5c23027adb4cfa363373b6e76cb58adbf2fe/ (дата обращения: 16.09.2026).

[32] Приказ Минспорта России от 26.02.2026 № 149 «Об утверждении примерной дополнительной образовательной программы спортивной подготовки по виду спорта «компьютерный спорт»» (зарегистрирован в Минюсте России 07.04.2026 № 85914). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_531363/2ff7a8c72de3

994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 16.09.2026).

[33] Приказ Минспорта России от 28.12.2023 № 1112 «Об утверждении правил вида спорта „фиджитал спорт (функционально-цифровой спорт)“». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470139/ (дата обращения: 16.09.2026).

References:

[1] Aksenov G.M. Coubertin's Pedagogical Ideas and Their Contemporary Significance: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Moscow, 2003.

[2] Atayeva N.M., Khalikov O.M. Current Issues in the State and Legal Regulation of Esports // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2025. Vol. 40, No. 1. pp. 109–115.

[3] Babyuk M.I. History of Sport and Sports Communication: A Teaching and Methodological Manual (Bachelor's Level). Moscow: Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 2018. 68 p.

[4] Bazarin K.P., Bartsev S.I., Kovalev V.N. On the Possibility of Managing the Training Process Using Predictive Models Based on Artificial Intelligence // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2025. No. 2. pp. 410–416.

[5] Bogdanova M.A. The Cultural Content of Olympism: From Antiquity to the Present Day // Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 336. pp. 55–59.

[6] Bogdanova M.A. The Paradigm of Meaning-Based Regulators of the Olympic Movement in Ancient Greece // Bulletin of Tomsk State University. 2012. No. 356. pp. 44–47.

[7] Bogdanova M.A. Theoretical and Methodological Foundations for the Study of Sports Activity // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2012. Vol. 12, no. 2. pp. 3–6.

[8] Voskresenskaya E.V., Loyko A.N. Legal Regulation of Esports (Computer Sports) in the Russian Federation // Colloquium-journal. 2019. No. 13 (37). pp. 176–178.

[9] Gapanovich A.V., Gapanovich I.V. Esports vs. Computer Sports: On the Issue of Conceptual Framework // Yurist (The Jurist). 2023. No. 3. pp. 29–33.

[10] Golovachev I.V. History of the Development of the Knightly Tournament // Mirovaya Nauka (World Science). 2020. No. 7 (40). pp. 160–165.

[11] Guttmann A. From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports. Moscow: RIPOL Classic, 2018. 320 p.

[12] Dyakonov A.D. Digital Transformation in the Sphere of Physical Culture and Sports // Economics and Management in Sports. 2023. Vol. 3, no. 1. pp. 39–50.

[13] Comenius J.A., Locke J., Rousseau J.-J., Pestalozzi J.H. Pedagogical Heritage. Moscow: Pedagogika, 1987. 416 p.

[14] Kovalenko E.Yu., Tydykova N.V., Shavandina O.A. Sports Law within the System of Branches of Russian Law // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 5, No. 2. pp. 174–181.

[15] Kozlov A.M. Religious-Philosophical, Moral-Ethical, and Psychophysical Foundations of Eastern Martial Arts // Bulletin of Tambov University. 2013. No. 9. pp. 342–346.

[16] Lavrentyeva S.V. Bodily Skills in a Virtual Environment (Based on Esports) // Chelovek (Human Being). 2023. Vol. 34, No. 2. pp. 101–106.

[17] Lanovsky M.F. Philosophy of Sport and the Philosophical Comprehension of the Human Being: The Experience of the 20th Century and Prospects for the 21st Century // Philosophy and Society. 2021. pp. 35–56.

[18] Marukhin A.P., Bryukhachev E.N. The Role of Sport in Medieval Europe // Bulletin of Science. 2024. No. 9 (78). Vol. 4. pp. 648–654.

[19] Nikitin N.V. Sport as a "Second Nature": Corporeality in the Context of Technological Transformation // Humanitarian Bulletin of the L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University. 2025. No. 3 (55). pp. 165–176.

[20] Nishukov V. The Concept of Sport // Logos. 2014. No. 3 (99). pp. 181–190.

[21] Parkhomchik A.R. The Digital Profile of an Athlete in the Field of Esports // Labor Law in Russia and Abroad. 2026. No. 1. pp. 18–21.

[22] Pleshakov V.A. Sports Phygitalogy as a Response to the Challenges of Digital Transformation in the Physical Culture and Sports Sphere // Russian Journal of Information Technologies in Sports. 2025. Vol. 2, No. 4. pp. 23–44.

[23] Pletnikov V.V. Agonality as a Type of Competitiveness: Characteristics and Essential Features // Society and Power (Sotsium i vlast). 2017. No. 4 (66). pp. 114–121.

[24] Pletnikov V.V. Cultural-Historical Forms of Agonality: Foundational Cultural Characteristics Underlying Forms of Agonality // Society and Power (Sotsium i vlast). 2019. No. 1 (75). pp. 121–131.

[25] Samoylova E.O., Shaev Yu.M. The Body and Corporeality in the Context of Visual Practices in a Post-Information Society // Society: Philosophy, History, Culture. 2019. No. 1 (57). pp. 35–40.

[26] Strelnikova G.V., Strelnikova I.V., Yankin E.L. Specifics of the Sensorimotor and Cognitive

Spheres of Esports Athletes Competing in Different Disciplines // Science and Sport: Current Trends. 2016. No. 12. p. 67.

[27] Huizinga J. Homo Ludens; In the Shadow of Tomorrow. Moscow: Progress; Progress-Akademiya, 1992. 461 p.

[28] Yamshchikov Yu.N. Sport as a Socio-Cultural Phenomenon: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences. Krasnoyarsk, 2010. 25 p.

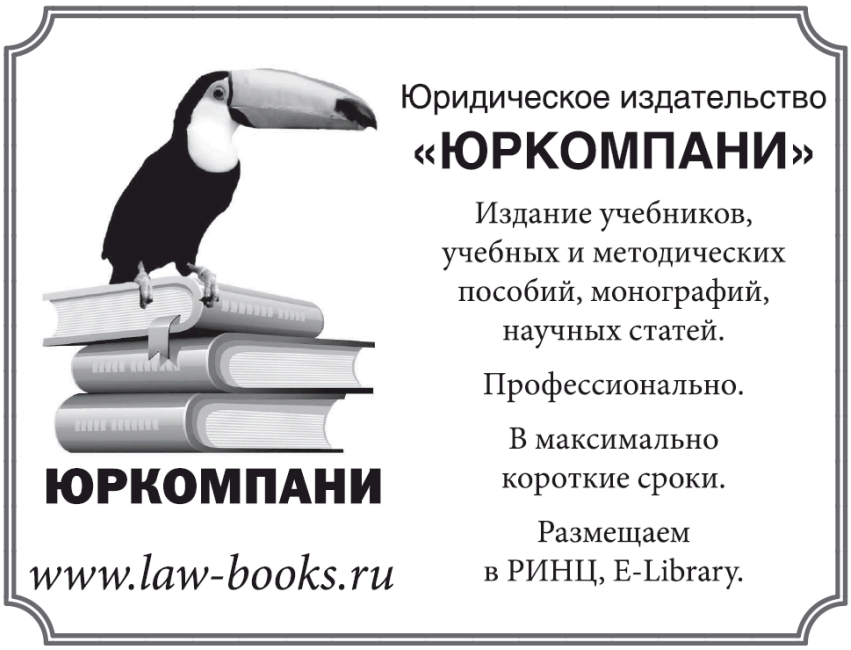
[29] Federal Law No. 329-FZ of December 4, 2007 (as amended on August 4, 2026) "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 50. Art. 6242.

[30] Order of the Ministry of Sports of Russia No. 470 of April 29, 2016, "On the Recognition and Inclusion of Sports Disciplines and Types of Sports in the All-Russian Register of Sports, and on Amending the All-Russian Register of Sports..." (registered with the Ministry of Justice of Russia on June 3, 2016, No. 42407). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199135/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (accessed: September 16, 2026).

[31] Order of the Ministry of Sports of Russia No. 554 of July 14, 2025, "On Approval of the Federal Standard for Sports Training in the Sport of 'Computer Sports'" (registered with the Ministry of Justice of Russia on August 21, 2025, No. 83261). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513017/2fba5c23027adb4cfa363373b6e76cb58adbf2fe/ (accessed: September 16, 2026).

[32] Order of the Ministry of Sports of Russia dated February 26, 2026, No. 149 “On Approval of the Model Supplementary Educational Program for Sports Training in the Sport of ‘Computer Sports’” (registered with the Ministry of Justice of Russia on April 7, 2026, No. 85914). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_531363/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (accessed: September 16, 2026).

[33] Order of the Ministry of Sports of Russia dated December 28, 2023, No. 1112 “On Approval of the Rules for the Sport of ‘Phygital Sports (Functional-Digital Sports)’”. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470139/ (accessed: September 16, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-696-708

СМИРНОВ Владислав Андреевич,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
член совета молодых учёных,
e-mail: javelin.vlad.01@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СПОРТСМЕНОВ-ИНВАЛИДОВ КАК СУБЪЕКТОВ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются особенности правового статуса спортсменов-инвалидов как субъектов права социального обеспечения в Российской Федерации. Обосновывается, что правовой статус спортсменов-инвалидов носит комплексный характер и не может рассматриваться исключительно посредством общих норм законодательства об инвалидах либо законодательства о физической культуре и спорте.*

В ходе исследования была выявлена недостаточная системность правового регулирования в области социальных гарантий спортсменов-инвалидов, что обусловлено отсутствием единого нормативного механизма, учитывающего специфику спортивной деятельности таких лиц, повышенные профессиональные риски, возможность наступления инвалидности и необходимость последующего продолжения спортивной деятельности.

Автором были сформулированы предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации в целях обеспечения комплексной и эффективной системы социального обеспечения спортсменов-инвалидов.

Ключевые слова: *спортсмен-инвалид, правовой статус, социальное обеспечение, социальная защита, социальные гарантии, адаптивный спорт, инвалидность, обязательное социальное страхование, пенсионное обеспечение, реабилитация, абилитация.*

Для цитирования: *Смирнов В. А. Особенности правового статуса спортсменов-инвалидов как субъектов права социального обеспечения // Образование и право. 2026. № 10. С. 696–708.*

SMIRNOV Vladislav Andreevich,
Postgraduate Student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Member of the Council of Young Scientists

SPECIFICS OF THE LEGAL STATUS OF ATHLETES WITH DISABILITIES AS SUBJECTS OF SOCIAL SECURITY LAW

Annotation. *The article examines the specific features of the legal status of disabled athletes as subjects of social security law in the Russian Federation. It is substantiated that the legal status of disabled athletes is of a complex nature and cannot be considered solely through the general provisions of the legislation on disabled persons or the legislation on physical culture and sports.*

The study revealed an insufficient level of systematization in the legal regulation of social guarantees for disabled athletes, which is due to the absence of a unified regulatory mechanism that takes into account the specifics of the sporting activities of such individuals, the increased professional risks, the possibility of disability, and the need to continue sporting activities subsequently.

The author formulated proposals for improving the legislation of the Russian Federation in order to ensure a comprehensive and effective system of social support for disabled athletes.

Key words: *athlete with a disability, legal status, social security, social protection, social guarantees, adaptive sports, disability, compulsory social insurance, pension provision, rehabilitation, habilitation.*

For citation: *Smirnov V. A. Specifics of the legal status of athletes with disabilities as subjects of social security law. Education and law. 2026;(10):696–708. (In Russ.).*

Право каждого человека на социальное обеспечение относится к числу фундаментальных социальных прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации. В соответствии со ст. 39 каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Конституционное закрепление данного права предполагает формирование государством правовых, организационных и экономических механизмов, обеспечивающих социальную защиту граждан с учетом характера соответствующих социальных рисков и особенностей их правового положения [8, с. 102-108].

Особое место в системе социального обеспечения занимают лица с инвалидностью [12, с. 250-258]. Инвалидность представляет собой социальный риск, наступление которого обусловливает необходимость предоставления комплекса мер социальной защиты, направленных на компенсацию или устранение ограничений жизнедеятельности, обеспечение доступа к медицинской помощи, реабилитации и абилитации, образованию, занятости и иным общественным благам [12, с. 250-258].

Развитие физической культуры и спорта обусловливает формирование особых категорий субъектов, правовое положение которых не может быть в полной мере охарактеризовано посредством норм одной отрасли законодательства [1; 2; 7]. К их числу относятся спортсмены-инвалиды, осуществляющие спортивную деятельность с учетом имеющихся ограничений жизнедеятельности и участвующие в системе адаптивной физической культуры и адаптивного спорта.

Особенность данной категории лиц обусловлена сочетанием нескольких юридически значимых обстоятельств [2]. С одной стороны, спортсмен-инвалид обладает статусом инвалида и является субъектом отношений по социальной защите инвалидов. С другой стороны, он осуществляет спортивную деятельность, которая может носить профессиональный либо иной характер и связана с систематическими тренировочными нагрузками, участием в соревнованиях, необходимостью медицинского сопровождения и использованием специальных средств спортивной подготовки. В случаях, предусмотренных законодательством, спортсмен одновременно приобретает статус работника, в связи с чем на него распространяются специальные нормы трудового законодательства.

Таким образом, правовое положение спортсмена-инвалида формируется на пересечении законодательства о социальной защите инвалидов, физической культуре и спорте, труде, обязательном социальном страховании, пенсионном обеспечении, медицинской помощи, реабилитации и абилитации, а также законодательства субъектов Российской Федерации [2; 12, с. 250-258]. При этом сочетание указанных правовых статусов обусловливает наличие у данной категории лиц специфических потребностей в сфере социального обеспечения, которые не всегда могут быть реализованы посредством применения общих норм.

Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Закон о социальной защите инвалидов) определяет основы государственной политики в сфере социальной защиты инвалидов и предусматривает систему экономических, правовых и социальных мер, направленных на обеспечение равных возможностей участия инвалидов в жизни общества. Современный подход к социальной защите инвалидов предполагает не только компенсацию последствий инвалидности, но и создание условий для полноценного участия лиц с инвалидностью в различных сферах общественной жизни [2; 7; 12, с. 250-258; 15, с. 91-106]. Одной из таких сфер является физическая культура и спорт. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон о физической культуре и спорте) предусматривает развитие физической культуры и спорта лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов.

В соответствии с действующим законодательством адаптивная физическая культура и адаптивный спорт связаны с физической реабилитацией и абилитацией, социальной адаптацией и интеграцией лиц с инвалидностью в общество.

Данные положения имеют существенное значение для определения правового статуса спортсменов-инвалидов. Спортивная деятельность для данной категории лиц не сводится исключительно к физической активности или досугу. В зависимости от ее характера спорт может выступать профессиональной сферой деятельности, источником дохода, средством социальной реализации, поддержания физического состояния и общественной интеграции [1]. В связи с этим возникает вопрос о достаточности и системности существующих механизмов социального обеспечения спортсменов-инвалидов.

Проблема заключается в том, что россий-

ское законодательство содержит значительное количество норм, регулирующих правовое положение спортсменов, инвалидов, работников и участников адаптивного спорта, однако соответствующее регулирование осуществляется посредством различных нормативных правовых актов и затрагивает отдельные элементы складывающихся правоотношений [2]. В результате особенности спортсмена-инвалида именно как субъекта права социального обеспечения не получают комплексного нормативного выражения.

В научной литературе вопросы социальной защиты спортсменов, тренеров и иных участников спортивного движения исследовались в рамках развития законодательства о социальном обеспечении, трудового законодательства и спортивного права. Существенное значение в данной сфере имеют труды С.В. Алексеева [1], Н.В. Антоновой [2; 4; 13; 15, с. 15, с. 91-106], Д.А. Басангова [4;7; 15, 48-55] и других ученых. Вместе с тем спортсмен-инвалид как специальный субъект права социального обеспечения нуждается в дополнительном самостоятельном исследовании.

1. Спортсмен-инвалид как специальный субъект права социального обеспечения.

Для определения особенностей правового статуса спортсменов-инвалидов, прежде всего, необходимо обратиться к категории «субъект права социального обеспечения» [12, с. 250-258].

В общей теории права субъектом права признается лицо, обладающее правоспособностью, дееспособностью и иными юридически значимыми характеристиками, позволяющими ему вступать в соответствующие правоотношения. В праве социального обеспечения круг субъектов определяется особенностями регулируемых общественных отношений и наличием предусмотренных законодательством юридических фактов, с которыми связывается возникновение права на конкретный вид социального обеспечения [8, с. 132-135].

Следовательно, наличие у лица статуса субъекта права социального обеспечения обусловлено не только его принадлежностью к определенной социальной группе, но и наличием обстоятельств, признаваемых законодателем социальными рисками либо иными основаниями предоставления социальных благ. В этой связи спортсмен-инвалид обладает одновременно несколькими юридически значимыми характеристиками.

Во-первых, он является физическим лицом – гражданином, которому в установленном законодательством порядке установлена инвалидность. Во-вторых, он относится к категории лиц, осуществляющих физкультурно-спортивную деятельность. В-третьих, в зависимости от характера осуществляемой деятельности спортсмен может состоять в трудовых отношениях со спортивной организацией и обладать специальным трудоправовым статусом спортсмена. В-четвертых, при участии в адаптивном спорте он может выступать субъектом специальных отношений, возникающих в связи с организацией спортивной подготовки, соревнований, реабилитации и социальной адаптации [1; 15, с. 3-11].

Таким образом, правовой статус спортсмена-инвалида нельзя свести к простой сумме двух статусов – инвалида и спортсмена. Их взаимодействие порождает особое правовое положение, при котором реализация социальных прав осуществляется с учетом специфики спортивной деятельности.

Общая система социальной защиты инвалидов направлена на компенсацию либо устранение ограничений жизнедеятельности и обеспечение равных возможностей участия в общественной жизни [2]. Однако спортсмен-инвалид, в отличие от лица с инвалидностью, не участвующего в профессиональной или соревновательной спортивной деятельности, сталкивается с дополнительным комплексом обстоятельств. К их числу относятся: необходимость регулярных тренировочных нагрузок; участие в спортивных соревнованиях; прохождение спортивной подготовки; необходимость специализированного медицинского сопровождения; использование специальных технических средств и оборудования; риск получения спортивной травмы; необходимость восстановления после физических нагрузок; возможное изменение спортивной квалификации вследствие состояния здоровья; риск прекращения либо временного приостановления спортивной деятельности; необходимость сохранения возможности трудовой и спортивной реализации после наступления дополнительных ограничений здоровья.

Следовательно, социальное обеспечение спортсмена-инвалида должно учитывать не только сам факт наличия инвалидности, но и характер деятельности, которую он осуществляет [2; 3].

В этом отношении заслуживает внимания законодательное регулирование адаптивного спорта. Закон о физической культуре и спорте предусматривает, что спорт лиц с инвалидностью направлен в том числе на социальную адаптацию, физическую реабилитацию и абилитацию. Тем самым законодатель фактически признает спортивную деятельность одним из средств реализации государственной политики в отношении лиц с инвалидностью. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение. Если спорт рассматривается государством как средство социальной адаптации и реабилитации, то обеспечение возможно-

сти заниматься спортом должно рассматриваться не исключительно как факультативная мера поддержки, а как элемент более широкой системы обеспечения равных возможностей [2; 6].

При этом спортсмен-инвалид нуждается не только в доступности спортивной инфраструктуры. Для него имеют значение сохранение дохода, медицинское сопровождение, обеспечение лекарственными препаратами и техническими средствами реабилитации в предусмотренных законом случаях, возможность получения образования, профессиональной подготовки и переподготовки, а также сохранение социальных гарантий при изменении состояния здоровья. Именно поэтому категория «спортсмен-инвалид» должна рассматриваться в системе права социального обеспечения комплексно [2; 4; 5; 7].

Соотношение статуса инвалида и статуса спортсмена.

Особенность рассматриваемого субъекта заключается, прежде всего, в сочетании двух самостоятельных правовых состояний.

Статус инвалида возникает в связи с установлением инвалидности в предусмотренном законом порядке. Он обусловливает возникновение комплекса социальных прав и гарантий, установленных Законом о социальной защите инвалидов и иными нормативными правовыми актами. Статус спортсмена связан с осуществлением физкультурно-спортивной деятельности и регулируется прежде всего Законом о физической культуре и спорте, а для спортсменов, состоящих в трудовых отношениях, – также нормами главы 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации.

Вместе с тем данные статусы имеют различную юридическую природу. Инвалидность относится к обстоятельствам, с которыми законодатель связывает предоставление социальных гарантий. Спортивная деятельность представляет собой вид общественно полезной деятельности, который в зависимости от ее характера может осуществляться как профессионально, так и на иных основаниях. Именно поэтому не каждый инвалид является спортсменом, равно как не каждый спортсмен является инвалидом. Спортсмен-инвалид представляет собой категорию, возникающую в результате пересечения двух различных сфер правового регулирования [1; 2; 15, с. 91-106].

Это пересечение порождает вопрос: какие нормы должны иметь приоритет при определении объема социальных гарантий? Представляется, что данный вопрос не может решаться путем выбора исключительно одного нормативного массива. Применение только законодательства о социальной защите инвалидов не позволяет в полной мере учитывать специфику спортивной деятельности. В свою очередь, применение только законодательства о физической культуре и спорте не обеспечивает необходимого объема социальных гарантий, связанных с инвалидностью. Следовательно, правовой статус спортсмена-инвалида должен формироваться на основе комплексного применения соответствующих правовых норм. При этом особое значение приобретает принцип равенства.

Конституционное требование равенства прав и свобод человека и гражданина не исключает установления специальных мер социальной поддержки для лиц, объективно нуждающихся в дополнительной защите [8, с. 563-569; 5; 6; 9]. Напротив, предоставление дополнительных гарантий может выступать средством обеспечения фактического равенства возможностей. В отношении спортсменов-инвалидов это означает необходимость создания таких правовых условий, при которых наличие инвалидности не становилось бы препятствием для продолжения спортивной деятельности, получения профессионального дохода и участия в спортивной жизни. Особенно важным является недопущение ситуации, при которой лицо вынуждено выбирать между получением необходимых социальных гарантий и продолжением спортивной карьеры.

Спортивная деятельность может иметь для спортсмена-инвалида не только профессиональное, но и реабилитационное, социальное и психологическое значение. Поэтому государственная политика в данной сфере должна быть направлена не на ограничение спортивной активности вследствие инвалидности, а, напротив, на создание условий для ее безопасного и устойчивого продолжения. В этой связи представляется обоснованным рассматривать спортсмена-инвалида как специального субъекта права социального обеспечения, поскольку особенности его правового положения обусловлены совокупностью юридических обстоятельств, имеющих значение для возникновения, изменения и прекращения соответствующих правоотношений.

Как уже было отмечено, особое значение для рассматриваемой темы имеет регулирование адаптивной физической культуры и адаптивного спорта [16]. Его развитие связано с социальной адаптацией, интеграцией лиц с инвалидностью в общество и созданием условий для реализации их спортивного потенциала. Такой подход соответствует современной концепции социальной защиты, согласно которой инвалидность не должна рассматриваться исключительно через призму ограничений. Социальная защита должна обеспечивать человеку возможность самостоятельно реализовывать свои способности и участвовать в

общественной жизни. В данном контексте спорт становится одним из механизмов такой реализации [1; 11; 15, с.48-55; 16].

Для спортсмена-инвалида возможность участвовать в спортивной деятельности может означать одновременно возможность: поддерживать физическое состояние; проходить социальную адаптацию; получать профессиональную квалификацию; формировать самостоятельный источник дохода; участвовать в общественной жизни; представлять Российскую Федерацию на международных и иных спортивных соревнованиях; сохранять профессиональную идентичность. Следовательно, законодательное стимулирование адаптивного спорта имеет непосредственное отношение к реализации социальных прав лиц с инвалидностью.

Вместе с тем действующее регулирование преимущественно устанавливает общие организационные основы развития адаптивной физической культуры и спорта [16]. Специальные вопросы социального обеспечения спортсменов-инвалидов регулируются уже иными нормативными актами [2; 6; 9]. Именно здесь возникает проблема нормативной разобщенности. Например, вопросы инвалидности регулируются законодательством о социальной защите инвалидов; вопросы трудовых отношений спортсменов – Трудовым кодексом; обязательное социальное страхование – специальными федеральными законами; пенсионное обеспечение – пенсионным законодательством; медицинская помощь – законодательством об охране здоровья граждан и обязательном медицинском страховании. Каждый из указанных нормативных массивов выполняет собственную функцию. Однако спортсмен-инвалид взаимодействует со всеми этими правовыми механизмами одновременно. Поэтому эффективность его социального обеспечения зависит не только от содержания отдельных норм, но и от того, насколько согласованно они функционируют в совокупности. Именно комплексный характер рассматриваемого статуса позволяет говорить о необходимости дальнейшего развития законодательства [13; 14; 17].

Особое место занимают спортсмены-инвалиды, для которых спортивная деятельность является профессиональной. Трудовой кодекс Российской Федерации содержит специальные нормы, регулирующие труд спортсменов и тренеров [1; 15, с. 66-90]. Наличие специального регулирования обусловлено особым характером труда в сфере спорта, который отличается режимом рабочего времени, тренировочными нагрузками, участием в соревнованиях, необходимостью регулярных медицинских обследований и повышенным риском получения травм. При этом инвалидность спортсмена не исключает автоматически возможности осуществления профессиональной деятельности. Напротив, принцип равенства и законодательство о социальной защите инвалидов предполагают создание условий для реализации трудового потенциала лица с инвалидностью.

В результате профессиональный спортсмен-инвалид может одновременно выступать: субъектом права социального обеспечения как лицо с инвалидностью; субъектом трудового права как работник; субъектом спортивного права как спортсмен; участником отношений в сфере адаптивного спорта [1; 2; 7; 12, с. 250-258; 15; 16]. Такое сочетание статусов требует особенно внимательного определения правовых последствий наступления различных социальных рисков. Например, заболевание или травма спортсмена может одновременно иметь значение: как основание для временной нетрудоспособности; как основание для медицинской помощи; как спортивная травма; как обстоятельство, влияющее на возможность продолжения спортивной деятельности; в определенных случаях – как основание для установления или изменения инвалидности [10; 13]. В зависимости от юридической квалификации одного и того же фактического обстоятельства могут изменяться основания и объем предоставляемого обеспечения. Следовательно, для спортсмена-инвалида вопрос правильной квалификации социального риска приобретает повышенное значение [10]. Особенно это проявляется при травмах, полученных во время тренировочного процесса или соревнований.

Законодательство об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний предусматривает специальный механизм обеспечения застрахованных лиц при наступлении соответствующего страхового случая. Однако применение данного механизма непосредственно связано с установлением юридически значимых обстоятельств получения травмы и ее связи с трудовой деятельностью [6; 10]. Для профессионального спортсмена это может иметь принципиальное значение, поскольку спортивная травма не всегда автоматически означает страховой случай в системе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве. Следовательно, обеспечение спортсмена-инвалида требует не только наличия соответствующих социальных гарантий, но и четкого механизма их практической реализации [2; 3].

2. Система социальных гарантий спортсменов-инвалидов в Российской Федерации.

Правовой статус спортсмена-инвалида реализуется посредством системы социальных га-

рантий, предоставляемых при наступлении предусмотренных законодательством обстоятельств. При этом данные гарантии не объединены в единый специальный нормативный акт, а регулируются совокупностью правовых норм, устанавливающих различные основания и условия социального обеспечения. К основным механизмам относятся обязательное социальное страхование, пенсионное и медицинское обеспечение, социальная защита инвалидов, реабилитация и абилитация, государственная социальная поддержка, а также меры, устанавливаемые субъектами Российской Федерации.

Особенность спортсмена-инвалида состоит в возможности одновременного возникновения права на социальное обеспечение по нескольким основаниям [2; 3]. Установление инвалидности влечет предоставление соответствующих социальных гарантий, наличие трудовых отношений обусловливает участие в системе обязательного социального страхования, а спортивная деятельность формирует дополнительные потребности в медицинском сопровождении, восстановлении и профилактике травматизма. Таким образом, социальные гарантии спортсмена-инвалида имеют многоуровневый характер. Федеральное законодательство устанавливает базовые гарантии, региональное – может дополнять их различными мерами поддержки. Отдельные гарантии также могут предоставляться работодателями и спортивными организациями. Вместе с тем многоуровневость системы сопровождается проблемой недостаточной согласованности отдельных норм.

2.1. Обязательное социальное страхование, пенсионное обеспечение, обязательное медицинское страхование, реабилитация и абилитация спортсменов-инвалидов.

Одним из основных механизмов социальной защиты работающего спортсмена-инвалида является обязательное социальное страхование [2]. Его особенность состоит в том, что предоставление соответствующего обеспечения связано с наступлением предусмотренного законом страхового случая. Профессиональная спортивная деятельность предполагает значительные физические нагрузки, регулярные тренировки и участие в соревнованиях, что объективно связано с риском получения травм. Для спортсмена-инвалида последствия нового повреждения здоровья могут быть особенно значимыми, поскольку способны привести не только к временной нетрудоспособности, но и к снижению спортивной квалификации либо прекращению спортивной деятельности [11; 17].

В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» обязательному социальному страхованию подлежат лица, работающие по трудовому договору при наличии установленных законом условий. Страховое обеспечение предоставляется при наступлении несчастного случая на производстве или профессионального заболевания. Для профессионального спортсмена важным является установление связи полученной травмы с выполнением трудовых обязанностей. Тренировочный процесс и участие в соревнованиях являются элементами профессиональной деятельности, поэтому квалификация травмы должна осуществляться с учетом содержания трудовой функции спортсмена, условий трудового договора и иных юридически значимых обстоятельств [1]. При наступлении страхового случая законодательство предусматривает обеспечение в связи с временной нетрудоспособностью, утратой профессиональной трудоспособности, необходимостью медицинской, социальной и профессиональной реабилитации, а также возмещение предусмотренных законом расходов [1].

Особое значение имеет статья 348.10 Трудового кодекса Российской Федерации, устанавливающая дополнительные гарантии спортсменам при временной нетрудоспособности вследствие спортивной травмы или заболевания, связанных с профессиональной деятельностью [15, с. 66-90]. Однако данные гарантии преимущественно ориентированы на профессиональных спортсменов, состоящих в трудовых отношениях. Между тем спортсмен-инвалид может заниматься адаптивным спортом, участвовать в соревнованиях и проходить спортивную подготовку, не имея статуса работника. Следовательно, трудоправовые механизмы не охватывают всех спортсменов-инвалидов. Таким образом, объем социальных гарантий зависит не только от состояния здоровья и спортивной деятельности, но и от организационно-правовой формы ее осуществления. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства [1; 11].

Пенсионное обеспечение является самостоятельным направлением социальной защиты спортсменов-инвалидов [1; 2]. Инвалидность относится к числу социальных рисков, с наступлением которых законодатель связывает возможность предоставления пенсионного обеспечения. Для спортсмена-инвалида данная гарантия имеет особое значение, поскольку спортивная карьера ограничена во времени, а травма или ухудшение состояния здоровья могут привести к ее досрочному прекращению. При этом спортсмен может одновременно нуждаться в дополнительных расходах на медицинское сопровождение, реабилитацию и

специализированное оборудование.

Действующее пенсионное законодательство в основном предусматривает общие основания пенсионного обеспечения по инвалидности и не формирует самостоятельной федеральной пенсионной системы именно для спортсменов-инвалидов. Такой подход соответствует принципу универсальности социальной защиты, поскольку инвалидность является самостоятельным основанием предоставления социальных гарантий независимо от профессии [2]. Вместе с тем специфика спортивной деятельности может учитываться посредством иных социальных механизмов. Российское законодательство предусматривает дополнительные меры материального обеспечения граждан, имеющих выдающиеся достижения в спорте, в том числе олимпийских, паралимпийских и сурдлимпийских чемпионов [2]. Однако такие выплаты имеют преимущественно стимулирующий характер и не могут рассматриваться как замена системе социального обеспечения спортсменов-инвалидов [13]. Необходимо разграничивать предоставление социальных гарантий в связи с наступлением социального риска и меры поддержки в связи с выдающимися спортивными достижениями [2]. Следовательно, пенсионное обеспечение и государственное стимулирование спортивных результатов являются взаимосвязанными, но самостоятельными элементами правового статуса спортсмена-инвалида.

Для спортсменов-инвалидов особое значение имеют медицинская помощь, реабилитация и абилитация, поскольку состояние здоровья непосредственно влияет на возможность осуществления спортивной деятельности и участия в общественной жизни [11]. Законодательство о социальной защите инвалидов предусматривает комплекс мероприятий, направленных на устранение или компенсацию ограничений жизнедеятельности, восстановление либо формирование способностей человека к самостоятельной деятельности и его социальную интеграцию. В данном контексте реабилитация и абилитация выступают не только как формы медицинской помощи, но и как важнейшие элементы обеспечения социальной самостоятельности лица с инвалидностью.

Особое значение указанным механизмам придает законодательство о физической культуре и спорте. В соответствии с нормами Закона о физической культуре и спорте адаптивная физическая культура и адаптивный спорт связаны с физической реабилитацией и абилитацией лиц с инвалидностью, а также с их социальной адаптацией и интеграцией [16]. Следовательно, для спортсмена-инвалида медицинская реабилитация и спортивная деятельность находятся в тесной взаимосвязи. При этом спортивная подготовка не может подменять медицинскую реабилитацию, поскольку имеет иное правовое и функциональное назначение. Вместе с тем занятия адаптивным спортом способны дополнять реабилитационные мероприятия, способствуя поддержанию физических возможностей, социальной активности и самостоятельности человека [16].

Закон о физической культуре и спорте предусматривает участие органов государственной власти в развитии адаптивной физической культуры и спорта, создании соответствующих условий и организации спортивных мероприятий для лиц с инвалидностью. Реализация данных положений предполагает обеспечение не только формальной, но и фактической доступности спортивной деятельности. Для спортсменов-инвалидов такая доступность может требовать специального спортивного оборудования, адаптированной инфраструктуры, медицинского сопровождения и участия специалистов, обладающих необходимой квалификацией в сфере адаптивного спорта [16]. Поэтому равенство возможностей в рассматриваемой сфере не может сводиться исключительно к отсутствию запретов на участие в спортивной деятельности. Оно предполагает создание условий, позволяющих лицу с инвалидностью реально реализовывать свои спортивные способности. Таким образом, социально-обеспечительный статус спортсмена-инвалида включает не только право на денежные выплаты, но и комплекс медицинских, реабилитационных, абилитационных и социальных мер, обеспечивающих возможность поддержания здоровья, социальной активности и участия в спортивной деятельности [2; 7; 13].

Обязательное медицинское страхование (далее – ОМС) является одним из элементов системы социальных гарантий спортсменов-инвалидов. Его значение обусловлено необходимостью получения медицинской помощи, в том числе при заболеваниях, травмах и иных состояниях, способных влиять на возможность продолжения спортивной деятельности. Специфика профессионального спорта предполагает регулярное медицинское наблюдение, профилактику травматизма, восстановительные мероприятия и иные формы медицинского сопровождения. В отношении профессиональных спортсменов законодательство предусматривает дополнительные гарантии, связанные с охраной их жизни и здоровья, в том числе страхование жизни и здоровья и дополнительное медицинское страхование [11]. При этом необходимо разграничивать ОМС и добровольное медицинское страхование (далее – ДМС). ОМС является частью государственной системы гарантий медицинской помощи, тогда как ДМС ос-

новано на договорных отношениях и направлено на предоставление дополнительных медицинских услуг в объеме, определяемом соответствующим договором.

Особенность правового положения спортсмена-инвалида заключается в том, что объем некоторых специальных медицинских гарантий может зависеть не только от состояния здоровья и характера спортивной деятельности, но и от наличия трудовых отношений [1; 2]. В частности, специальные гарантии, установленные трудовым законодательством для профессиональных спортсменов, непосредственно связаны с осуществлением ими трудовой деятельности. В результате спортсмен-инвалид, осуществляющий профессиональную деятельность в рамках трудовых отношений, и спортсмен-инвалид, занимающийся спортом вне трудовых отношений, могут обладать различным объемом дополнительных медицинских гарантий, несмотря на сопоставимый характер спортивных нагрузок и рисков. Представляется, что данное обстоятельство требует дальнейшего совершенствования правового регулирования с учетом необходимости обеспечения равных возможностей доступа спортсменов-инвалидов к медицинской помощи и восстановительным мероприятиям. При этом различия в объеме гарантий должны быть обусловлены объективными юридическими основаниями, а не исключительно формой организации спортивной деятельности.

Для спортсмена-инвалида наступление спортивной травмы, заболевания или иного ухудшения состояния здоровья может иметь последствия, выходящие за пределы временной нетрудоспособности. Продолжительный перерыв в тренировочном процессе способен привести к снижению спортивной формы, утрате квалификации и ограничению возможности участия в соревнованиях [1; 2; 16]. Для спортсмена-инвалида последствия ухудшения состояния здоровья могут быть еще более существенными, поскольку способны одновременно затронуть его социальное положение, возможность осуществления трудовой деятельности и дальнейшего участия в спорте. В связи с этим реабилитационные мероприятия должны рассматриваться не только с позиции восстановления здоровья, но и с точки зрения сохранения, насколько это объективно возможно, способности человека к дальнейшей спортивной или профессиональной деятельности.

Такой подход предполагает комплексный характер реабилитации, включающей медицинское восстановление, физическую и психологическую подготовку, адаптацию к изменившимся условиям деятельности, обеспечение необходимыми техническими и спортивными средствами, а при невозможности продолжения прежней деятельности – профессиональную переподготовку и содействие дальнейшей занятости.

Особое значение в данном случае приобретает принцип непрерывности социального обеспечения [2; 4; 11; 15; 16]. Его содержание применительно к спортсменам-инвалидам заключается в необходимости учитывать не только момент наступления социального риска, но и последующий период восстановления, адаптации и определения дальнейшей жизненной и профессиональной траектории лица. В этой связи социальное обеспечение спортсмена-инвалида должно выполнять не только компенсационную, но и восстановительную функцию. Его задача заключается не исключительно в возмещении последствий инвалидности, заболевания или травмы, но и в создании условий для максимально возможного сохранения социальной активности, спортивного потенциала и профессиональной самостоятельности человека. Именно такой подход позволяет рассматривать реабилитацию спортсмена-инвалида как самостоятельный элемент его социально-обеспечительного статуса и как один из механизмов обеспечения непрерывности социальной интеграции при изменении состояния здоровья [16].

2.2. Государственная социальная поддержка спортсменов-инвалидов.

Помимо обязательного социального страхования и пенсионного обеспечения, существенное значение имеют меры государственной социальной поддержки, предоставляемые за счет бюджетных средств [2]. Федеральное законодательство предусматривает отдельные меры поддержки граждан, имеющих высокие спортивные достижения, включая олимпийских, паралимпийских и сурдлимпийских чемпионов. Наличие таких гарантий свидетельствует о признании государством общественной значимости спортивных достижений лиц с инвалидностью. Однако данные меры не охватывают всех спортсменов-инвалидов и не могут заменить общую систему социальной защиты. Большинство лиц, занимающихся адаптивным спортом, не получают специальных выплат за выдающиеся достижения. Поэтому государственная поддержка должна учитывать не только спортивный результат, но и необходимость обеспечения самой возможности заниматься адаптивным спортом. В данном контексте следует разграничивать стимулирующую и социально-защитную функции государства [2; 8, с. 24-31]. Стимулирующие меры направлены на поощрение высоких спортивных результатов, тогда как социально-защитные обеспечивают реализацию социальных прав независимо от спортивных достижений.

Региональные меры социальной поддержки.

Социальная поддержка и принцип равных возможностей.

Субъекты Российской Федерации играют существенную роль в обеспечении спортсменов-инвалидов [2]. Региональное законодательство может предусматривать денежные выплаты, премии, стипендии, компенсации расходов, поддержку спортивных организаций, обеспечение участия в соревнованиях и иные меры. Однако наличие регионального регулирования обусловливает территориальную дифференциацию социальных гарантий [2]. Спортсмены-инвалиды с одинаковым федеральным статусом могут получать различный объем дополнительной поддержки в зависимости от места проживания. С одной стороны, это является следствием федеративного устройства государства и самостоятельности субъектов Российской Федерации в реализации социальной политики. С другой, – чрезмерные различия способны затрагивать принцип равенства социальных прав. Представляется целесообразным сформировать два уровня гарантий: первый, предусматривающий единый федеральный минимум социальных гарантий для спортсменов-инвалидов; второй, – дополнительные региональные меры, расширяющие федеральные гарантии. Такая модель позволит сочетать единство основных социальных прав с самостоятельностью субъектов Российской Федерации.

Одной из целей законодательства о социальной защите инвалидов является обеспечение равных возможностей их участия в жизни общества [17]. В отношении спортсменов-инвалидов данный принцип предполагает не только формальное признание права на занятие физической культурой и спортом, но и создание условий для его фактической реализации. Социальная поддержка спортсменов-инвалидов в этой связи должна быть направлена на устранение экономических и организационных барьеров, препятствующих участию в спортивной деятельности [17]. К числу таких условий относятся доступность спортивных объектов, обеспечение специальным оборудованием, адаптация тренировочного процесса, медицинское сопровождение и иные меры, учитывающие индивидуальные потребности спортсмена. Особое значение имеет межведомственное взаимодействие, поскольку эффективное развитие адаптивного спорта невозможно обеспечить исключительно средствами спортивной политики [15]. Реализация принципа равных возможностей требует согласованного участия органов и организаций, осуществляющих деятельность в сфере социальной защиты, здравоохранения, образования и физической культуры и спорта. Таким образом, применительно к спортсменам-инвалидам принцип равных возможностей должен рассматриваться как требование к содержанию государственной социальной поддержки, направленной на обеспечение реальной, а не только формальной возможности заниматься спортом и участвовать в общественной жизни [2; 7; 15; 17].

2.3. Добровольное страхование жизни и здоровья спортсменов-инвалидов.

Добровольное страхование жизни и здоровья представляет собой дополнительный механизм защиты спортсменов-инвалидов, позволяющий обеспечить страховое покрытие рисков, связанных со спортивной деятельностью [2]. В отличие от обязательного социального страхования, добровольное личное страхование осуществляется на договорной основе и может учитывать специфику конкретного вида спорта, характер тренировочных нагрузок и индивидуальные страховые риски [8, с. 32-38]. Для спортсменов-инвалидов значение такой защиты обусловлено сочетанием уже имеющихся ограничений здоровья с рисками спортивных травм и иных неблагоприятных последствий интенсивной физической деятельности. Вместе с тем добровольное страхование не заменяет государственные социальные гарантии, а дополняет их. Особого внимания заслуживает вопрос доступности страховой защиты для спортсменов, участвующих в адаптивном спорте. Содержание страховых договоров и условия страхования должны учитывать специфику соответствующей спортивной деятельности и характер возможных рисков. Таким образом, добровольное страхование может рассматриваться как дополнительный элемент социально-обеспечительного статуса спортсмена-инвалида, однако его наличие не освобождает государство от обязанности обеспечивать предусмотренный законодательством уровень социальных гарантий [17].

3. Основные проблемы правового регулирования социального обеспечения спортсменов-инвалидов.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить ряд проблем, препятствующих формированию целостной системы социального обеспечения спортсменов-инвалидов.

Прежде всего, отсутствует единый подход к определению правового положения спортсмена-инвалида как специального субъекта права социального обеспечения. Соответствующие права и гарантии регулируются различными нормативными правовыми актами, относящимися к законодательству о социальной защите инвалидов, физической культуре и спорте, труде, обязательном социальном страховании, пенсионном обеспечении и охране здоровья [2; 15; 17]. При этом возможность реализации отдельных социальных

гарантий зависит от юридического основания их предоставления. Для одних мер определяющим является наличие инвалидности, для других – осуществление трудовой деятельности, участие в спортивной деятельности, получение спортивных достижений либо иные предусмотренные законом обстоятельства.

Особую проблему представляет различие в объеме гарантий профессиональных спортсменов-инвалидов и лиц с инвалидностью, занимающихся спортом вне трудовых отношений [1]. Специальные гарантии, установленные трудовым законодательством для профессиональных спортсменов, непосредственно связаны с наличием трудового договора [15, с. 66-90]. В результате спортсмены с сопоставимыми спортивными нагрузками и рисками могут обладать различным объемом дополнительной социальной защиты исключительно в зависимости от организационно-правовой формы осуществления спортивной деятельности.

Отдельного внимания требует правовая квалификация спортивных травм и заболеваний. Наступление неблагоприятных последствий для здоровья в процессе тренировок или соревнований не во всех случаях может быть автоматически отнесено к страховым случаям в системе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Существенное значение имеет наличие юридически подтвержденной связи соответствующего события с трудовой деятельностью спортсмена [1; 15, с. 66-90: 17]. Еще одной проблемой является территориальная дифференциация дополнительных мер социальной поддержки [2]. Субъекты Российской Федерации вправе устанавливать собственные меры поддержки спортсменов и лиц с инвалидностью, вследствие чего объем дополнительных гарантий может различаться в зависимости от территории проживания. Наконец, недостаточно разработан вопрос социального сопровождения спортсмена после завершения спортивной карьеры, особенно в случаях, когда ее прекращение связано с состоянием здоровья [5; 17]. Для данной категории лиц существенное значение имеют профессиональная ориентация, переподготовка, содействие занятости и адаптация к изменившимся условиям жизнедеятельности [16; 17].

Таким образом, основными проблемами являются отсутствие комплексного подхода к правовому статусу спортсмена-инвалида, зависимость части специальных гарантий от наличия трудовых отношений, недостаточная определенность правовых последствий спортивных травм и заболеваний, территориальная дифференциация дополнительных мер поддержки и отсутствие устойчивого механизма социального сопровождения после завершения спортивной карьеры.

4. Предложения по совершенствованию законодательства.

Выявленные особенности обуславливают необходимость комплексного подхода к правовому регулированию социального обеспечения спортсменов-инвалидов. Такой подход предполагает взаимосвязанное регулирование денежных выплат, пенсионного и медицинского обеспечения, реабилитации и абилитации, социальных услуг, страховой защиты, содействия занятости, доступа к адаптивному спорту и региональных мер социальной поддержки [2; 11; 13; 15; 17]. При этом отдельные элементы системы должны рассматриваться не изолированно, а с учетом их функциональной взаимосвязи. Например, реабилитационные мероприятия должны обеспечивать не только восстановление здоровья, но и, насколько это возможно, возвращение к спортивной деятельности либо последующую профессиональную адаптацию. Медицинское обеспечение должно учитывать специфику спортивных нагрузок и рисков, а меры содействия занятости – возможность перехода спортсмена к иной профессиональной деятельности при невозможности продолжения спортивной карьеры [1; 15; 16].

Представляется, что такой подход позволяет расширить понимание социального обеспечения спортсменов-инвалидов: его целью является не только компенсация последствий наступления социального риска, но и сохранение либо восстановление способности человека к социальной, спортивной и профессиональной активности [15]. Следовательно, социально-обеспечительный статус спортсмена-инвалида должен реализовываться на протяжении различных этапов его жизненной и спортивной траектории – от периода активной спортивной деятельности и восстановления после травм или заболеваний до завершения спортивной карьеры и последующей социальной и профессиональной адаптации [1; 15; 16].

С учетом выявленных проблем представляется целесообразным совершенствовать законодательство Российской Федерации по следующим основным направлениям. Прежде всего необходимо обеспечить более четкое нормативное отражение особенностей правового положения спортсменов-инвалидов как специальной категории субъектов в сфере социальной защиты и социального обеспечения, физической культуры и спорта [2; 4; 7; 17]. При этом речь не обязательно должна идти о создании полностью обособленной системы социального обеспечения, поскольку значительная часть существующих государственных гарантий уже распространяется на лиц с инвалидностью и спортсменов. Более обоснованным представляет-

ся установление специальных положений, обеспечивающих взаимодействие соответствующих механизмов [2].

В этой связи целесообразно рассмотреть возможность дополнения Закона о физической культуре и спорте положениями об основных направлениях государственной поддержки спортсменов-инвалидов. К числу таких направлений могут быть отнесены: обеспечение доступности спортивной подготовки; медицинское сопровождение спортивной деятельности; профилактика спортивного травматизма; реабилитация и абилитация; социальная и профессиональная адаптация; поддержка при временной либо стойкой утрате способности продолжать спортивную деятельность; содействие профессиональной переподготовке при невозможности продолжения прежней спортивной деятельности; дополнительные меры социальной поддержки при завершении спортивной карьеры вследствие состояния здоровья.

Особое внимание следует уделить правовому положению профессиональных спортсменов-инвалидов и взаимодействию норм трудового законодательства с законодательством о социальной защите инвалидов [1; 15, с. 66-90; 17]. Наличие инвалидности само по себе не должно рассматриваться как безусловное препятствие для продолжения профессиональной спортивной деятельности, если ее осуществление соответствует установленным медицинским требованиям и иным предусмотренным законом условиям.

Отдельного совершенствования требует механизм документирования и юридической квалификации спортивных травм [1]. Для спортсмена-инвалида установление характера травмы и ее связи со спортивной либо трудовой деятельностью имеет непосредственное значение для определения соответствующих социальных и страховых гарантий. В связи с этим целесообразно обеспечить более четкое нормативное регулирование порядка фиксации и оценки последствий повреждений здоровья, полученных при осуществлении спортивной деятельности.

Представляется обоснованным также формирование минимального федерального уровня социальных гарантий спортсменов-инвалидов [1; 2]. Такой подход позволил бы обеспечить единые базовые гарантии независимо от места проживания, сохранив за субъектами Российской Федерации возможность устанавливать дополнительные меры социальной поддержки с учетом региональных возможностей. Особое место должно занимать социальное сопровождение спортсмена после завершения спортивной карьеры [5]. В отношении лиц, которые в силу состояния здоровья не могут продолжать прежнюю спортивную деятельность, целесообразно предусмотреть механизмы профессиональной ориентации, переподготовки и содействия занятости. Это позволит уменьшить риск социальной дезадаптации и обеспечить преемственность социальных гарантий при изменении жизненной и профессиональной ситуации [15; 17].

Таким образом, совершенствование законодательства должно быть направлено на формирование взаимосвязанного механизма социальных гарантий, учитывающего специфику спортсмена-инвалида как специального субъекта права социального обеспечения. Такой механизм должен охватывать не только период активной спортивной деятельности, но и восстановление после наступления социального риска, возможность продолжения спортивной деятельности, а при ее прекращении – последующую профессиональную и социальную адаптацию [4; 7; 12; 16; 17].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что спортсмен-инвалид представляет собой особого субъекта права социального обеспечения, правовой статус которого определяется сочетанием статуса лица с инвалидностью и статуса спортсмена. Спортивная деятельность обусловливает дополнительные социальные риски и потребности, связанные с физическими нагрузками, спортивными травмами, медицинским сопровождением, реабилитацией и необходимостью сохранения возможности продолжения спортивной деятельности.

Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает для спортсменов-инвалидов различные социальные гарантии, включая обязательное социальное страхование, пенсионное обеспечение, медицинскую помощь, реабилитацию и абилитацию, меры социальной защиты и региональную поддержку. Вместе с тем соответствующие положения содержатся в различных нормативных правовых актах, что затрудняет реализацию механизмов социальной защиты и социального обеспечения таких лиц. Особенно значимым является разграничение положения профессиональных спортсменов и лиц, не состоящих в трудовых отношениях, поскольку объем предоставляемых им социальных гарантий может различаться. В связи с этим формальный статус спортсмена не всегда обеспечивает равный уровень социальной защиты.

Совершенствование законодательства в заданной области общественных отношений целесообразно осуществлять на основе комплексного подхода, предусматривающего: учет специфических социальных рисков спортивной деятельности, обеспечение равенства возможностей, непрерывность реабилитационного и социального со-

провождения, сочетание федеральных и региональных мер поддержки, а также создание условий для продолжения спортивной деятельности и профессиональной адаптации после завершения спортивной карьеры.

Список литературы:

[1] Алексеев С. В. Спортивное право. Трудовые отношения в спорте: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» / С. В. Алексеев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 647 с.

[2] Антонова Н. В. Правовое регулирование социальной защиты и социального обеспечения спортсменов, тренеров и других участников спортивного движения: общее состояние и перспективы развития / Н. В. Антонова // Образование и право. – 2025. – № 7. – С. 445-458.

[3] Антонова Н. В., Астаева М. Г. Оценочные понятия в праве социального обеспечения (теоретико- правовой аспект) // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений : Сборник научных трудов, Москва, 25 сентября 2019 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. – С. 241-246.

[4] Антонова Н. В., Басангов Д. А. Развитие массового спорта в Российской Федерации: перспективное направление государственной политики // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2024. – № 1. – С. 34-40.

[5] Антонова Н. В., Еремина О.Ю. Постоянный посторонний уход: правовые вызовы / Н. В. Антонова, О. Ю. Еремина // Социальное и пенсионное право. – 2025. – № 2. – С. 23-33.

[6] Антонова Н. В., Чирикова О. А. Правовой обычай в отношениях по социальному обеспечению: вопросы теории и практики // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9, № 1(37). – С. 43-49.

[7] Басангов Д. А. Зарубежный опыт реализации государственной политики в сфере массового спорта / Д. А. Басангов // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2024. – № 2. – С. 6-14.

[8] Галаганов, В. П. Право социального обеспечения : Учебник / В. П. Галаганов, Н. В. Антонова. – 3-е изд., перераб. и доп.. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2021. – 612 с.

[9] Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации / А. Н. Савенков, М. А. Камболов, И. А. Дроздов [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2024. – 430 с.

[10] Основы социального страхования: становление, развитие и правовое регулирование : Научно-практическое пособие / Е. Г. Азарова, Н. В. Антонова, Ю. В. Воронин [и др.]. – Москва : ООО "Научно-издательский центр Инфра-М", 2025. – 440 с.

[11] Правовая политика государства в сфере общественного здоровья / Н. В. Путило, Н. В. Антонова, Н. С. Волкова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 224 с.

[12] Проблемы Общей части права социального обеспечения / М. И. Акатнова, Н. В. Антипьева, Е. В. Астраханцева [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2017. – 416 с.

[13] Социальные выплаты в Российской Федерации: межотраслевой подход к правовому регулированию : Научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, А. В. Белякова, О. Ю. Еремина [и др.]. – Москва : Издательство Проспект, 2021. – 192 с.

[14] Судебная практика и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении : научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, С. В. Каменская, Т. Ю. Коршунова [и др.]. – Общество с ограниченной ответственностью "Юридическая фирма Контракт". – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. – 248 с.

[15] Спортивное право / Н. В. Антонова, М. Г. Астаева, Д. А. Басангов [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 232 с.

[16] Филиппов С.А. Стратегические направления развития адаптивного спорта в Российской Федерации: организационные, финансовые и правовые аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. – 2026. – № 3. – С. 122-128.

[17] Жаворонков, Р. Н. Социальная защита инвалидов: вчера, сегодня, завтра (правовые аспекты) / Р. Н. Жаворонков. – Москва : У Никитских ворот, 2020. – 248 с.

References:

[1] Alekseev S. V. Sports Law. Labor Relations in Sports: A Textbook for University Students Enrolled in "Jurisprudence" and "Physical Culture and Sports" Programs / S. V. Alekseev. – Moscow: UNITY-DANA, 2015. – 647 p.

[2] Antonova N. V. Legal Regulation of Social Protection and Social Security for Athletes, Coaches, and Other Participants in the Sports Movement: Current Status and Prospects for Development / N. V. Antonova // Education and Law. – 2025. – No. 7. – pp. 445–458.

[3] Antonova N. V., Astaeva M. G. Evaluative Concepts in Social Security Law (Theoretical and

Legal Aspect) // The Language of Law-Making in the Context of the Digitalization of Social Relations: Collection of Scientific Papers, Moscow, September 25, 2019. – Moscow: INFRA-M Scientific Publishing Center LLC, 2019. – pp. 241–246.

[4] Antonova N. V., Basangov D. A. Development of Grassroots Sports in the Russian Federation: A Promising Direction of State Policy // Black Holes in Russian Legislation. – 2024. – No. 1. – pp. 34–40.

[5] Antonova N. V., Eremina O. Yu. Permanent Outside Care: Legal Challenges / N. V. Antonova, O. Yu. Eremina // Social and Pension Law. – 2025. – No. 2. – pp. 23–33.

[6] Antonova N. V., Chirikova O. A. Legal Custom in Social Security Relations: Theoretical and Practical Issues // Economics. Law. Society. – 2024. – Vol. 9, No. 1(37). – pp. 43–49.

[7] Basangov D. A. Foreign Experience in Implementing State Policy in the Sphere of Grassroots Sports / D. A. Basangov // Black Holes in Russian Legislation. – 2024. – No. 2. – pp. 6–14.

[8] Galaganov V. P. Social Security Law: Textbook / V. P. Galaganov, N. V. Antonova. – 3rd ed., revised. and supplementary material... – Moscow: KnoRus Publishing House LLC, 2021. – 612 p.

[9] Interdisciplinary Protection of Labor and Social Rights in the Context of Social Transformation / A. N. Savenkov, M. A. Kambolov, I. A. Drozdov [et al.]. – Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – 430 p.

[10] Fundamentals of Social Insurance: Formation, Development, and Legal Regulation: A Scientific and Practical Handbook / E. G. Azarova, N. V. Antonova, Yu. V. Voronin [et al.]. – Moscow: Infra-M Research and Publishing Center LLC, 2025. – 440 p.

[11] State Legal Policy in the Sphere of Public Health / N. V. Putilo, N. V. Antonova, N. S. Volkova [et al.]. – Moscow: Prospekt LLC, 2023. – 224 p.

[12] Issues Concerning the General Part of Social Security Law / M. I. Akatnova, N. V. Antipieva, E. V. Astrakhantseva [et al.]. – Moscow: Prospekt LLC, 2017. – 416 p.

[13] Social Benefits in the Russian Federation: An Interdisciplinary Approach to Legal Regulation – A Scientific and Practical Handbook / N. V. Antonova, A. V. Belyakova, O. Yu. Eremina [et al.]. – Moscow: Prospekt Publishing House, 2021. – 192 p.

[14] Judicial Practice and the Development of Labor and Social Security Legislation: Scientific and practical handbook / N. V. Antonova, S. V. Kamenskaya, T. Yu. Korshunova [et al.]. – "Legal Firm Contract" Limited Liability Company. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2024. – 248 p.

[15] Sports Law / N. V. Antonova, M. G. Astaeva, D. A. Basangov [et al.]. – Moscow: INFRA-M, 2024. – 232 p.

[16] Filippov S. A. Strategic Directions for the Development of Adaptive Sports in the Russian Federation: Organizational, Financial, and Legal Aspects // Legal Policy and Legal Life. – 2026. – No. 3. – pp. 122–128.

[17] Zhavoronkov, R. N. Social Protection of Persons with Disabilities: Yesterday, Today, Tomorrow (Legal Aspects) / R. N. Zhavoronkov. – Moscow: U Nikitskikh Vorot, 2020. – 248 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-709-714

НИКИТИНА Л.М.,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

САБИРЗЯНОВА Ф.Ф.,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ШЕРШУНОВА В.Н.,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ХАСАНЗЯНОВ И.И.,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЗАНСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам физического воспитания студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в Казанском федеральном университете. Определена значимость физической активности для социальной адаптации и укрепления здоровья студентов с ОВЗ. Представлены результаты анкетирования, выявлены мотивирующие и демотивирующие факторы, влияющие на занятия физкультурой. Выявлены недостатки в организации таких занятий и сформированы предложения для разработки отдельной программы адаптивной физической культуры (АФК), учитывающей потребности студентов с ОВЗ.*

Ключевые слова: *адаптивная физическая культура, студенты с ОВЗ, инклюзия, мотивация, социальная адаптация, психоэмоциональное состояние.*

Для цитирования: *Никитина Л. М., Сабирзянова Ф. Ф., Шершунова В. Н., Хасанзянов И. И. Формирование системы адаптивной физической культуры в Казанском федеральном университете: перспективы // Образование и право. 2026. № 10. С. 709–714.*

NIKITINA L.M.,
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

SABIRZYANOVA F.F.,
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

SHERSHUNOVA V.N.,
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

KHASANZYANOV I.I.,
Kazan Federal University,
Kazan, Russia

DEVELOPMENT OF AN ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION SYSTEM AT KAZAN FEDERAL UNIVERSITY: PROSPECTS

Annotation. *The article is devoted to the problems of physical education of students with disabilities in Kazan Federal University. The significance of physical activity for social adaptation and health promotion of students with disabilities is determined. The results of questionnaire survey are presented, motivating and demotivating factors influencing physical education activities are revealed. The shortcomings in the organization of such classes are revealed and proposals for the development of a separate program of adaptive physical culture (AFC), taking into account the needs of students with disabilities are formed.*

Key words: *adaptive physical training, students with disabilities, inclusion, motivation, social adaptation, psycho-emotional state.*

For citation: *Nikitina L. M., Sabirzyanova F. F., Shershunova V. N., Khasanzyanov I. I. Development of an adaptive physical education system at Kazan Federal University: prospects. Education and law. 2026;(10):709–714. (In Russ.).*

Введение

Каждый год около 14% студентов, поступающих в вузы России, оказываются в специальной медицинской группе, на основании полученных диагнозов. Возрастание инвалидности среди обучающихся обуславливается неблагоприятной экологической обстановкой, усложнением производственных процессов [12, с. 18].

Проблема физической активности среди студентов с ограниченными возможностями здоровья в современных условиях приобретает особое значение, поскольку эти студенты нуждается в специализированных подходах и программах для поддержания здоровья и укрепления социальной адаптации в условиях учебного процесса. Согласно исследованию Зубкова А.Е. и Беспаловой Н.А., физическая активность является одним из ключевых факторов, положительно влияющих на общее психоэмоциональное состояние людей с ОВЗ. Физическая активность приносит не только пользу для здоровья, но и способствует повышению самооценки, снижению уровня стресса, улучшению настроения, повышению социального статуса [3, с. 448]. Все это особенно важно для молодых людей с особыми потребностями.

«Первые упражнения для людей с ограниченными возможностями начали разрабатываться во время Второй мировой войны. В Нидерландах в 1946 году появилась первая группа занятий для людей с ограниченными возможностями, а уже в середине 1950-х годов в США появились первые спортивные секции для детей с инвалидностью» [5, с. 1311]. В России развитие адаптивной физической культуры стало набирать популярность в последние десятилетия, с учетом внедрения международного опыта и улучшения инклюзивных практик в образовательных учреждениях [10].

Значимость адаптивной физической культуры возрастает, так как она позволяет организовать процесс физической подготовки с учетом особенностей здоровья каждого студента, обеспечивая доступность занятий и повышая их мотивацию к поддержанию физической формы [4, с. 9]. Большое внимание уделяется внедрению инновационных подходов в занятия адаптивной физкультурой, таких как использование «носимых» технологий и специальных приложений для индивидуального мониторинга состояния здоровья и мотивации [1, с. 114].

«В настоящее время государство разработало различные программы и формы для внедрения и доступности инклюзивного образования для студентов с ОВЗ, и возложило на высшие учебные заведения ответственность за исполнение внедрения инклюзии» [7, с. 70]. Такие программы способствуют социализации и вовлечению студентов с ограниченными возможностями здоровья в активную жизнь университета. Способствуют развитию определенных черт характера (воля, настойчивость, чувство общности, организации, активности, мужества и т. д.), стимулируют умственное развитие и формирование личности инвалида. Развивается внимание, память и изобретательность, совершенствуется ориентация, развивается интеллект [2, с. 277]. В свою очередь, инклюзивный подход создает позитивное восприятие физической активности в студенческой среде и укрепляет социальные связи, что повышает общую удовлетворенность процессом обучения и позволяет всем студентам ощущать себя полноправными членами университетского сообщества [6].

Актуальность

На сегодняшний день в Казанском федеральном университете отсутствует отдельная программа по адаптивной физической культуре. Занятия для студентов с ОВЗ организованы в рамках стандартных дисциплин «Физическая культура и спорт» и элективных курсов. Эти дисциплины не

всегда обеспечивают полный учет специфических потребностей студентов с ОВЗ, что подчеркивает необходимость разработки специализированной программы по АФК.

Целью данного исследования является изучение состояния и возможностей развития адаптивной физической культуры в Казанском федеральном университете, а также выявление факторов, способствующих улучшению мотивации студентов с ОВЗ к участию в физической активности. Планируется рассмотреть методы, способные усилить инклюзивные аспекты адаптивной физической культуры в КФУ, а также выделить ключевые направления для дальнейшего совершенствования условий физического воспитания студентов, способствующих их социальной адаптации и поддержке здоровья.

Методика

Для достижения цели исследования применялись количественные и качественные методы, направленные на выявление уровня мотивации, удовлетворенности и потребностей студентов с ограниченными возможностями здоровья в сфере физического воспитания. Основным методом стало анкетирование, проведенное среди 100 студентов с ограниченными возможностями здоровья в возрасте от 18 до 22 лет, обучающихся в Казанском федеральном университете, и 5 преподавателей, работающих с данными студентами по дисциплине «Физическая культура». Анкета включала вопросы, направленные на изучение восприятия физической активности, оценку мотивирующих и демотивирующих факторов, а также предложения по улучшению программы. Дополнительно был выполнен анализ содержания и эффективности текущей программы физического воспитания для адаптивных групп, чтобы оценить их актуальность и влияние на студентов.

Результаты и их обсуждение

Программа по дисциплине «Физическая культура» для студентов с ограниченными возможностями здоровья и особыми образовательными потребностями, предлагаемая в КФУ, основывается на принципах адаптивной физической культуры (АФК). Ее цель – создать условия для развития и поддержания физической активности студентов с различными ограничениями по здоровью, а также способствовать их социальной адаптации. Преподаватели используют адаптивные методики, позволяющие частично учитывать потребности студентов с ОВЗ. Основное внимание уделяется разработке индивидуальных реабилитационных программ, комплексам физической активности, учитывающим особенности каждого студента, включая профилактическую гимнастику, лёгкую атлетику, адаптивные подвижные и спортивные игры. Программа включает методики психоэмоциональной поддержки и саморегуляции, обучение техникам правильного дыхания и релаксации, что помогает студентам достигать гармонии между физическими и духовными силами [11].

Опрос студентов Казанского федерального университета, зачисленных по состоянию здоровья в специальное отделение (специальная группа 1 и специальная группа 2 или ЛФК), выявил их отношение к текущим занятиям, а также мотивирующие и демотивирующие факторы. На первый вопрос, касающийся их общего восприятия и значимости программы адаптивной физической культуры, 85% студентов ответили, что занятия положительно влияют на их здоровье и физическое самочувствие. Этот показатель подтверждает, что большинство студентов ценят данные занятия как способ поддержания здоровья и повышения общей выносливости. Только 15% респондентов заявили, что занятия не имеют для них значительного влияния, что может свидетельствовать о необходимости более индивидуализированного подхода или модернизации программы для удовлетворения различных потребностей.

Следующий вопрос касался факторов, которые мотивируют студентов к занятиям физической культурой. В числе самых популярных ответов студенты отметили: улучшение здоровья (72%), социальная адаптация и возможность общаться с другими студентами (53%), повышение самооценки (49%) и снижение стресса (42%). Эти результаты показывают, что основные мотивирующие факторы, связанные со здоровьем и социальным взаимодействием, играют важную роль в вовлечении студентов с ограниченными возможностями здоровья в физическую активность. Интересно, что повышение самооценки и снижение стресса также оказались важными, указывая на психологический аспект занятий и их роль в укреплении эмоционального состояния участников.

Студентам был также задан вопрос о том, какие аспекты текущей программы требуют улучшения. Наиболее часто упоминаемыми проблемами стали однообразие упражнений (60%) и недостаточное внимание к индивидуальным потребностям (27%). Также, 60% респондентов указали на необходимость обновления инвентаря и улучшения условий для занятий, включая доступ к специализированному оборудованию. Эти данные подчеркивают необходимость модернизации программы и оборудования, а также увеличения индивидуализации тренировочного процесса, что позволит сделать занятия более привлекательными и эффективными.

Еще один вопрос – о барьерах, которые мешают студентам активно участвовать в програм-

ме. Среди ключевых препятствий были названы нехватка времени (39%), физические ограничения (35%) и отсутствие специальных условий для занятий (30%). Эти ответы указывают на то, что даже при высокой мотивации значительное количество студентов сталкивается с объективными трудностями, связанными с организацией и оснащением занятий.

Отдельно, студенты отмечали вариативность форматов обучения – очные занятия и электронное обучение, которое поддерживается цифровыми образовательными ресурсами (ЦОР). Дистанционные курсы на базе ЦОР позволяют студентам с особыми потребностями получать доступ к материалам и учебным занятиям в удобное время и без необходимости посещать кампус. Это особенно важно для студентов с ограниченной подвижностью, ослабленным зрением или слухом, а также для тех, кому требуется гибкость в расписании из-за состояния здоровья. ЦОР включает в себя учебные курсы на базе MOODLE, видеолекции, интерактивные модули, а также элементы обратной связи. Удаленный формат обучения позволяет КФУ интегрировать инклюзивные методы и улучшать образовательную адаптацию студентов, делая обучение более доступным и продуктивным для всех.

Опрос преподавателей, проводящих учебные занятия с обучающимися по направлению «специальная медицинская группа «А» с индивидуализацией параметров нагрузок, соответствующих уровню физической подготовленности и показателями здоровья студентами Казанского федерального университета, предоставил ценные данные о восприятии существующих программ и необходимых улучшениях. В опросе приняли участие 5 преподавателей, которые имеют опыт работы с студентами с ограниченными возможностями здоровья.

На вопрос о том, насколько они оценивают текущие программы по адаптивной физической культуре, 3 из 5 преподавателей высказали мнение о том, что программы являются удовлетворительными, но нуждаются в доработке. Преподаватели отметили, что программы часто не учитывают индивидуальные особенности студентов, и необходимо больше внимания уделять адаптации занятий к физическим возможностям и потребностям учащихся. Два преподавателя сочли программы недостаточно эффективными, указывая на отсутствие современных методик и материалов, что затрудняет процесс обучения и уменьшает заинтересованность студентов.

Важным аспектом обсуждения стала необходимость повышения квалификации преподавателей по адаптивной физической культуре. Четыре респондента подчеркнули, что для эффективного обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья важно проходить дополнительные курсы повышения квалификации. Преподаватели отметили, что современные подходы к адаптивной физической культуре развиваются достаточно быстро, и их знания требуют актуализации, чтобы соответствовать требованиям времени. Более того, трое опрошенных указали на необходимость обмена опытом с коллегами из других вузов, что позволит внедрить лучшие практики и обогатить собственные методические наработки.

Преподаватели также выделили несколько предложений по улучшению программ. Было высказано мнение о необходимости интеграции в программу новых технологий, таких как онлайн-тренировки, что сделает занятия более доступными для студентов с различными ограничениями. Также было предложено расширить программу за счет специализированных мероприятий и соревнований для студентов с ограниченными возможностями. Преподаватели считают, что это позволит не только повысить интерес к занятиям, но и создать более инклюзивную атмосферу в вузе.

На основе результатов опросов студентов и преподавателей Казанского федерального университета можно выделить несколько ключевых направлений для дальнейшего развития адаптивной физической культуры, которые не только соответствуют потребностям студентов с ограниченными возможностями здоровья, но и создают более инклюзивную образовательную среду.

Как отмечено в исследовании Улеевой Н.Г., важным фактором успешной реализации адаптивной физкультуры для студентов с различными категориями инвалидности становится разнообразие персонализированных программ и оборудования. Например, для студентов с ограниченной подвижностью необходимы тренажеры, настроенные на развитие верхних конечностей, а также специализированные лестницы для тренировок по перемещению по неровной местности. Для студентов с нарушениями слуха или зрения программы требуют дополнительного сенсорного оборудования, адаптированных визуальных и слуховых материалов, а также интеграции игровых упражнений для повышения вовлеченности [9].

Поэтому, прежде всего, необходимо обеспечить студентов дополнительным инвентарем и оборудованием, что поможет не только улучшить качество занятий, но и сделать их более разнообразными и интересными для студентов.

Вторым важным шагом является повышение доступности и качества инфраструктуры учебных заведений. Необходимо создать комфортную среду для студентов с ОВЗ: обеспечить доступ-

ность учебных помещений и спортивных объектов. Например, предусмотреть наличие специальных пандусов, лифтов и других удобств, улучшить освещение и звукоизоляцию в спортивных залах. Подобные изменения не только упростят доступ к занятиям, но и создадут более комфортную атмосферу, способствующую улучшению физического состояния и психологического благополучия студентов.

Также, был отмечен недостаточный уровень индивидуального подхода. «Для большей мотивации студентов следует обратить внимание на их предпочтения в виде содержания и формы занятия» [8, с. 258]. В отличие от многих других вузов, где для студентов с особыми потребностями создаются персонализированные программы, в КФУ существует проблема с возможностью такой индивидуализации из-за общего расписания и численности студентов.

Перспективным направлением для инклюзии студентов в спортивную жизнь вуза представляется проведение специализированных спортивных мероприятий и активностей. Нужно чаще организовывать соревнования и культурные мероприятия, направленные на привлечение студентов с ограниченными возможностями здоровья. Это будет способствовать не только развитию спортивных навыков, но и укреплению социальной адаптации студентов, формированию духа соперничества и командной работы. К проведению таких мероприятий можно привлекать студентов-волонтеров, чтобы создать поддержку для участников и развить среди них чувство общности и взаимопомощи.

Стоит обратить внимание на организацию тренировок на открытом воздухе и поездок, которые не только разнообразят занятия, но и предоставят студентам возможность отдохнуть от учебной рутины. Выездные тренировки могут стать не только источником физической активности, но и возможностью для студентов обменяться опытом, развить уверенность в своих силах и укрепить дружеские связи.

Таким образом, учитывая выявленные недостатки, можно сделать вывод, что основной проблемой становится отсутствие отдельной программы адаптивной физической культуры в Казанском федеральном университете. Это ограничивает возможность создания индивидуальных траекторий обучения для студентов с ОВЗ.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены ключевые аспекты, способствующие развитию адаптивной физической культуры в Казанском федеральном университете. Опросы студентов и преподавателей выявили достоинства и недостатки текущей программы в КФУ, а также предложили конкретные направления для их оптимизации. Обеспечение современным инвентарем, повышение доступности инфраструктуры, большое разнообразие инклюзивных программ и проведение специализированных мероприятий станут важными шагами для создания инклюзивной образовательной среды. Таким образом, была определена важность разработки программы адаптивной физической культуры, которая позволит учесть выявленные недостатки. Эти меры не только повысили бы интерес студентов с ограниченными возможностями здоровья к занятиям физической культурой, но и способствовали бы их социальной интеграции и улучшению общего состояния здоровья, что в конечном итоге обогатит учебный процесс и укрепит сообщество университета.

Список литературы:

[1] Алексеева О.П. Технологические инновации в области адаптивной физической культуры // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 2. – С. 114-119.

[2] Ермолаев О.А., Сень С.В. Адаптивная физическая культура в вузах России // Молодой ученый. – 2024. – № 28. – С. 277-279.

[3] Зубков А.Е., Беспалова Н.А. Физическая активность людей с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и продвижение // Молодой ученый. – 2022. – № 50. – С. 447-449.

[4] Кошкина Т.В. Роль адаптивной физической культуры в организации физического воспитания студентов вуза // Вектор науки ТГУ. – 2022. – № 2. – С. 9-13.

[5] Кравченко Д.А., Кучерявых А.А. Адаптивная физическая культура и ее особенности // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2023. – № 6. – С. 1310-1313.

[6] Митрохин Е.А., Кольга В.В. Практика внедрения инклюзивного обучения в вузе по дисциплине физическая культура // Russian Journal of Education and Psychology. – 2022. – № 1. – С. 7-31.

[7] Митрохин Е.А. Современные формы занятий по физической культуре в вузах для студентов с ограниченными возможностями здоровья // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 6. – С. 70-75.

[8] Никитин С.В., Никитина Л.М., Зайцев В.А., Петрова В.И., Сабирзянова Ф.Ф., Рихтер И.К. Воспитание мотивации студентов КГЭУ и КФУ к учебным занятиям по дисциплине «Элективные курсы по физической культуре и спорту» // Образование и право. – 2024. – № 9. – С. 254–258.

[9] Улеева Н.Г. Адаптивная физическая культура в высших учебных заведени-

ях для студентов, обучающихся в университете [Электронный ресурс] / Н.Г. Улеева. – URL: https://na-journal.ru/5-2024-fiz-kultura-sport/11670-adaptivnaya-fizicheskaya-kultura-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-dlya-studentov-obuchayushchihsya-v-universitete (дата обращения: 06.11.2024).

[10] Устыменко О.Н. Актуальные проблемы и перспективы развития адаптивной физической культуры в вузе // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма. – 2021. – № 1. – С. 477-481.

[11] Учебная программа дисциплины «Физическая культура» (дополнительный раздел): для студентов с ограниченными возможностями здоровья и особыми образовательными потребностями по дисциплине «Физическая культура»: всех специальностей и направлений подготовки очной формы обучения / Е.В. Фазлеева, А.С. Шалавина, В.Г. Двоеносов. – Казань: КФУ, 2014. – 14 с.

[12] Федоров В.А., Карева Г.В. Перспективы внедрения адаптивной физической культуры и спорта в вузе // Академика. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – № 1. – С. 18-19.

References:

[1] Alekseeva O.P. Technological Innovations in the Field of Adaptive Physical Education // Modern Pedagogical Education. – 2022. – No. 2. – pp. 114-119.

[2] Ermolaev O.A., Sen S.V. Adaptive Physical Education in Russian Universities // Young Scientist. – 2024. – No. 28. – pp. 277-279.

[3] Zubkov A.E., Bespalova N.A. Physical Activity for People with Disabilities: Challenges and Promotion // Young Scientist. – 2022. – No. 50. – pp. 447-449.

[4] Koshkina T.V. The Role of Adaptive Physical Education in Organizing Physical Education for University Students // TSU Science Vector. – 2022. – No. 2. – pp. 9-13.

[5] Kravchenko D.A., Kucheryavykh A.A. Adaptive Physical Education and Its Characteristics // International Scientific Journal "Bulletin of Science". – 2023. – No. 6. – pp. 1310-1313.

[6] Mitrokhin E.A., Kolga V.V. The Practice of Implementing Inclusive Education in University Physical Education Courses // Russian Journal of Education and Psychology. – 2022. – No. 1. – pp. 7-31.

[7] Mitrokhin E.A. Modern Forms of Physical Education Classes for University Students with Disabilities // International Research Journal. – 2020. – No. 6. – pp. 70-75.

[8] Nikitin S.V., Nikitina L.M., Zaitsev V.A., Petrova V.I., Sabirzyanova F.F., Rikhter I.K. Fostering Student Motivation for "Elective Courses in Physical Education and Sports" at KGEU and KFU // Education and Law. – 2024. – No. 9. – pp. 254–258.

[9] Uleeva N.G. Adaptive Physical Education in Higher Education Institutions for University Students [Electronic resource] / N.G. Uleeva. – URL: https://na-journal.ru/5-2024-fiz-kultura-sport/11670-adaptivnaya-fizicheskaya-kultura-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-dlya-studentov-obuchayushchihsya-v-universitete (accessed: 06.11.2024).

[10] Ustymenko O.N. Current Issues and Development Prospects for Adaptive Physical Education in Higher Education // Promising Directions in the Field of Physical Education, Sports, and Tourism. – 2021. – No. 1. – pp. 477–481.

[11] Curriculum for the Discipline "Physical Education" (Supplementary Section): For Students with Disabilities and Special Educational Needs – Applicable to All Majors and Fields of Study (Full-Time) / E.V. Fazleeva, A.S. Shalavina, V.G. Dvoenosov. – Kazan: KFU, 2014. – 14 p.

[12] Fedorov V.A., Kareva G.V. Prospects for Implementing Adaptive Physical Education and Sports in Higher Education Institutions // Akademika. Series: Psychology and Pedagogy. – 2021. – No. 1. – pp. 18-19.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-715-719
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КЛОЧКОВА Анна Валентиновна,
кандидат социологических наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова, юридический факультет,
заведующая лабораторией социально-правовых исследований
и сравнительного правоведения юридического факультета,
Москва, Россия,
e-mail: annaklochkova17@yandex.ru

ЗАХАРЕНКО Надежда Андреевна,
кандидат социологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова,
юридический факультет, старший научный сотрудник,
Москва, Россия,
e-mail: k_nadejda@mail.ru

НЕЙРОСЕТЕВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Аннотация. *Развитие технологий на основе искусственного интеллекта заметно меняет традиционную логику образовательного процесса, а также требования к формируемым в учебных заведениях навыкам и транслируемым знаниям. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в 2026 году на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, в ходе которого изучалось отношение преподавателей и студентов к использованию инструментов генеративного искусственного интеллекта в образовательном процессе. В работе проанализированы цели и частота применения указанными группами ИИ, выявлены ключевые риски и оценены изменения в методике преподавания, связанные с распространением нейросетевых технологий. Результаты демонстрируют поляризованное, но преимущественно умеренно позитивное восприятие новых технологий в академической среде. Использование их субъектами образовательного процесса стало значимым фактором трансформации подходов к преподаванию.*

Исследование выполнено в рамках финансирования государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, учебный процесс, юридическое образование, эмпирическое исследование, студенческая молодежь, социологическое исследование, методика преподавания.*

Для цитирования: *Клочкова А. В., Захаренко Н. А. Нейросетевые инструменты в академических практиках // Образование и право. 2026. № 10. С. 715–719.*

KLOCHKOVA Anna Valentinovna,
Candidate of Sociological Sciences,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law,
Head of the Laboratory for Socio-Legal Research
and Comparative Law, Faculty of Law,
Moscow, Russia

ZAKHARENKO Nadezhda Andreevna,
Candidate of Sociological Sciences,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law,
Senior Research Fellow,
Moscow, Russia

NEURAL-NETWORK TOOLS IN ACADEMIC PRACTICES

Annotation. *The development of AI-based technologies is significantly changing the established logic of the educational process, as well as the requirements for the skills formed and the knowledge conveyed in educational institutions. The article presents the results of a sociological study conducted in 2026 at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, which examined the attitudes of teachers and students towards the use of generative artificial intelligence tools in the educational process. The paper analyses the purposes and frequency of AI use by these groups, identifies key risks, and assesses the changes in teaching methodology associated with the spread of neural network technologies. The results demonstrate a polarised, but predominantly moderately positive, perception of the new technologies in the academic environment. Their use by students has become a significant factor in transforming teaching approaches.*

Key words: *artificial intelligence (AI), educational process, legal education, empirical research, student youth, sociological study, teaching methodology.*

For citation: *Klochkova A. V., Zakharenko N. A. Neural-network tools in academic practices. Education and law. 2026;(10):715–719. (In Russ.).*

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

Интеграцию генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) в высшее образование следует считать переломным моментом в образовательных технологиях, так как коренным образом меняется подход субъектов образовательной деятельности к процессу трансляции и приобретения профессиональных знаний и навыков. Широкое внедрение ИИ-инструментов в академической среде неизбежно приводит к противоречию: появляются новые возможности в учебной и образовательной деятельности, при этом формируется вызов когнитивной самостоятельности и вовлеченности субъектов.

Вузы повсеместно проводят социальные исследования, выясняя отношение, как студентов, так и преподавателей, к технологиям, созданным на базе генеративного ИИ, а также определяя сложившиеся практики его применения. На Юридическом факультете МГУ в 2026 году проведены опросы преподавателей и учащихся на тему использования ИИ-инструментов в образовательном процессе. По стандартизированным анкетам было опрошено 114 студентов и 70 представителей профессорско-преподавательского состава Юридического факультета МГУ.

Отношение студентов к использованию ИИ-технологий в образовательной деятельности

Основная задача опроса студентов (4 курс, отделение бакалавриата) заключалась в выявлении уровня интенсивности и определении целей применения ИИ, а также в оценке рисков, формирующихся в результате использования нейросетевых инструментов в ходе учебы. По полученным данным, доля студентов, использующих ИИ для подготовки к семинарским занятиям — более 90%, и только 6% не используют указанные технологии в повседневной учебной практике. Анализ позволил выявить наиболее распространенные в среде учащихся цели использования ИИ: обработка информации (анализ данных), структурирование и упрощение сложного материала, объяснение сложных тем (функционал репетитора), генерирование идей и планов. Для генерации готовых текстов и повышения их уникальности студенты используют ИИ нечасто, но, возможно, имеет место и попытка скрыть применение ИИ в качестве замещающего инструмента.

По данным опроса, чаще всего студенты прибегают к ИИ для подготовки к семинарским занятиям, немногим реже — в ходе подготовки к зачетам и экзаменам, и заметно реже — при написании итоговых квалификационных работ. При этом две трети студентов (65,2%) используют бесплатные ИИ-сервисы, почти треть (28,6%) комбинируют их с платными, а небольшая доля (6,3%) применяет в ходе учебы только платные программы, обеспечивающие более качественный контент.

Важный показатель сформированности цифровой грамотности — критическое отношение к результатам работы ИИ. Практически все студенты (99,1%) осуществляют проверку информации, полученной с помощью ИИ, то есть никто полностью не доверяет сгенерированным данным. Кроме того, студенты ключевые риски связывают именно с недостоверностью информации, хотя выражены и опасения так называемых «личных когнитивных последствий» (снижения уровня аналитического мышления, формирование привычки полагаться на готовые решения).

Анализ оценок респондентов влияния ИИ на успеваемость и на усвоение материала, указывает на две сложившиеся в студенческой среде модели — «конъюнктурную», когда молодые люди ориентированы в большей степени на получение оценки, и «стратегическую», когда у учащихся доминирует желание в первую очередь, прибегая к ИИ-инструментам, лучше развить профессиональные навыки.

Согласно результатам опроса, наиболее се-

рьезными рисками использования ИИ в учебном процессе, по мнению обучающихся, являются:

- фактические ошибки (респонденты чаще всего отмечали этот риск как один из ключевых);
- использование «галлюцинаций» (система создает сфабрикованные ссылки, цитирует несуществующих авторов, использует недостоверные данные и др.);
- снижение аналитических способностей у использующих ИИ.

Эти риски воспринимаются респондентами как наиболее критичные, поскольку они влияют непосредственно на качество образования и формирование профессиональных компетенций. Менее значимыми, но также существенными, студенты считают риски, связанные с формированием привычки полагаться на готовые решения, последствиями использования неуникальных текстов, утратой навыков работы с информацией и со сложностью развития исследовательских компетенций. Студенты осознают возможные риски, в том числе, актуализируя широко обсуждаемый в академической среде вопрос о «разграничении «допустимой помощи» со стороны ИИ (например, при поиске источников или редактировании текста) и полной «подмены» вклада автора» [1, с. 63].

Более половины студентов (60,7%) уже применяют ИИ для решения конкретных юридических задач (чаще всего для поиска и анализа судебных прецедентов и решений, нормативно-правовых актов, анализа договоров и контрактов и подготовки проектов юридических документов), что подтверждает востребованность навыков работы с ИИ. Не имеют опыта использования ИИ в деятельности, напрямую связанной с развитием профессиональных навыков, по данным исследования, 39,3% опрошенных.

Большая доля студентов (42,5%) указывают на необходимость включения тематики ИИ в образовательный процесс в виде дополнительных блоков, интегрированных в уже существующие курсы. Треть (32,7%) считает нужным ввести отдельные дисциплины, связанные с практическим использованием ИИ в юриспруденции. Четверть респондентов (24,8%) уверены, что изменения в учебном плане не требуются, поскольку при желании соответствующие знания и навыки можно получить самостоятельно. Согласно полученным данным, запрос на формирование навыков работы с ИИ в вузе у большинства обучающихся уже сложился, и подтверждается мнениями преподавателей различных вузов [2; 3].

Отношение преподавателей к использованию ИИ-технологий в профессиональной деятельности

Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что большинство преподавателей в своей профессиональной деятельности обращаются к помощи искусственного интеллекта. ИИ уже не воспринимается как экспериментальная технология, его функциональные возможности значительно облегчают как преподавательскую, так и научную деятельность. По результатам опроса представителей профессорско-преподавательского состава 16 вузов, 83% респондентов используют в своей работе нейросети, 66% из них делают это на регулярной основе [4].

По данным исследования, проведенного на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2026 году, регулярно используют ИИ в своей профессиональной деятельности лишь 22,5% преподавателей, при этом вообще не прибегают к помощи нейросетей 43,7% из числа опрошенных [5]. То есть расхождение с данными представленного выше опроса трехкратное, несмотря на то, что в числе респондентов были и представители МГУ. В чем причина такого расхождения?

Показательным является убеждение сопоставимого числа преподавателей (40%) в том, что нельзя интегрировать ИИ в учебный процесс без ущерба для профессиональной квалификации обучающихся.

Возможности использования ИИ студентами в процессе обучения снижают мотивацию на саморазвитие в конкуренции с потенциалом нейросетей и стремление оптимизировать распределение времени на те или иные задачи. Основную опасность преподаватели видят в снижении уровня аналитического и критического мышления (79,1%). У студентов подсознательно появляется желание сберечь свои ресурсы, так как можно делегировать трудоемкие и времязатратные задачи нейропомощнику. В результате, по мнению преподавателей, с неизбежностью происходит деградация исследовательских компетенций обучающихся (26,9%) и ухудшение практических навыков работы с информацией (25,4%). У студентов, постоянно обращающихся к помощи нейросетей, формируется привычка полагаться на готовые решения (22,4%), что способствует росту стремления получить оценку, без усилий, затраченных на усвоение сложного и объемного материала (11,9%).

Среди основных рисков использования студентами ИИ в учебном процессе большинство преподавателей отметили фактические ошибки, неточности, требующие проверки (так называемые «галлюцинации») (58,2%). Также обращает на себя внимание увеличение риска плагиата в письменных работах (26,9%) и, соответственно, снижение уникальности текстов студенческих работ.

Распределение ответов на вопрос о степени влияния ИИ на повышение эффективности

обучения студентов характеризуется отсутствием однозначно доминирующей позиции. Выраженная вариативность оценок проявляется, в первую очередь, в наибольшей доли нейтральных ответов по шкале от -5, характеризующей наивысшую степень снижения эффективности («0» — 19,3%), до +5, свидетельствующей о наивысшей позитивной оценке, что может свидетельствать о восприятии ИИ как инструмента, эффект которого зависит от конкретных условий применения.

При этом суммарная доля отрицательных оценок (-5...-1) составляет 42,3%, а положительных (+1...+5) — 38,4%, что указывает на некоторое преобладание критических представлений над позитивными. Среди отрицательных значений наиболее часто выбиралась крайняя позиция «-5» (16,5%), тогда как среди положительных наибольшая частота приходится на значение «+2» (13,7%) и, в меньшей степени, «1» (9,5%). Это позволяет сделать вывод о том, что респонденты в целом склонны к сдержанной, неоднозначной оценке влияния ИИ на учебную эффективность. При этом, по мнению профессорско-преподавательского состава, использование ИИ студентами в учебном процессе возможно для оптимизации работы по определенным направлениям.

Что касается профессорско-преподавательского состава, то респонденты преимущественно применяют ИИ для подготовки учебно-методических материалов и поиска информационных ресурсов. Наиболее часто используется ИИ для подготовки презентаций (32,5%), что указывает на широкое использование ИИ как инструмента визуализации и структурирования учебного материала. Высокие процентные показатели зафиксированы по позициям подбора нормативных правовых актов и судебной практики по теме занятия и поиска литературы, составления библиографии (по 27,5%). Проверка студенческих работ на плагиат и перевод иностранных источников также востребованы преподавателями (по 25%).

Достаточно значимые показатели отмечены и для таких неотъемлемых направлений преподавательской деятельности, как актуализация лекций (22,5%) и генерация идей для научной работы, лекций/материалов (20%), что свидетельствует об использовании ИИ не только как вспомогательного, но и как креативно-аналитического инструмента. Следует отметить, что для генерации тестовых заданий, кейсов и контрольных работ нейросети востребованы лишь каждым восьмым респондентом. Наименее распространенной сферой применения является автоматизация проверки выполненных студентами заданий что, вероятно, связано с необходимостью личного преподавательского контроля.

В условиях широкого использования студентами ИИ в учебном процессе преподавателям приходится перестраивать систему контроля знаний и усиливать требования к самостоятельности выполнения заданий. Около половины опрошенных отметили, что наиболее распространенной практикой стало изменение форматов контроля на аудиторных занятиях (46%) в связи с ростом рисков формального выполнения письменных работ с привлечением ИИ. Достаточно значимая доля респондентов указала на введение элементов обучения студентов критическому анализу сгенерированной ИИ информации (30,2%). То есть почти каждый третий преподаватель вместо запретительных мер стремится развить у обучающихся навыки осмысленного взаимодействия с цифровыми инструментами с применением элементов критического анализа. Двое из пяти опрошенных преподавателей фокусируются на более сложных заданиях с нестандартными вводными с целью снизить возможность их автоматизированного решения.

Значительно реже респонденты отмечают отказ от письменных домашних работ (20,6%), исключение формата докладов (17,5%), а также использование формата письменных работ с обязательной проверкой на применение ИИ (15,9%). Санкции за нарушение правил использования ИИ применяет каждый десятый из числа опрошенных. Чуть большая доля преподавателей, напротив, вводит в учебный процесс задания, предполагающие обращение к ИИ. При этом каждый пятый из респондентов выбрал вариант ответа «методика не изменилась». То есть постепенно происходит адаптация методики преподавания к новым условиям, в которых представители профессорско-преподавательского состава усматривают необходимость в обучении использованию ИИ в преподавательской деятельности.

Полученные данные отражают поляризованный, но умеренно позитивный характер восприятия ИИ в образовательной среде. Наличие значительной доли нейтральных ответов позволяет предположить, что эффект использования ИИ студентами не воспринимается как универсально положительный либо отрицательный и, вероятно, определяется спецификой учебных задач, уровнем цифровой компетентности и формой интеграции ИИ в образовательный процесс.

Результаты исследования показывают, что ИИ в преподавательской деятельности чаще всего применяется для решения задач, связанных с подготовкой, обновлением и сопровождением учебного контента, а также с поиском и обработкой профессиональной информации. Это позволяет рассматривать ИИ как инструмент повышения эф-

фективности преподавательского труда, прежде всего в части сокращения временных затрат на рутинные и информационно-аналитические операции.

Данные свидетельствуют о том, что использование студентами ИИ стало значимым фактором трансформации преподавательской практики. Основные изменения связаны с усилением очных форм контроля, усложнением заданий и развитием критического отношения к ИИ-генерируемому контенту.

Таким образом, ИИ становится все более значимым элементом образовательного процесса, игнорировать который нельзя. Студенты активно используют ИИ как вспомогательный инструмент, при этом сохраняя критическое отношение к генерируемым данным. Преподаватели проявляют осторожность, более скептически оценивая влияние ИИ на качество подготовки обучающихся, опасаясь снижения их аналитических и исследовательских компетенций. В целом результаты указывают на необходимость сбалансированного подхода к интеграции ИИ в образовательный процесс, с опорой на развитие цифровых компетенций.

Список литературы:

[1] Бакулина Р.А. Искусственный интеллект как инструмент академического мошенничества: правовые и этические аспекты // Политика и Общество. 2025. № 3. с. 61-74. С. 63.

[2] Лукашенко Д.В. Роль генеративного искусственного интеллекта в обучении студентов-юристов в ведомственных вузах ФСИН России // Международный вестник, 2026, № 5. С. 458-461.

[3] Старостин В.С., Долгополов Д.В. Анализ формирования отношения к технологиям искусственного интеллекта среди специалистов высшего образования // Муниципальная академия, 2025, № 6. С. 182-189.

[4] Исследование Центра научной коммуникации ИТМО, Яндекс Образования и Центра технологий. Респонденты – специалисты по техническим, естественным, гуманитарным и социальным наукам: 149 человек из 16 вузов, среди которых МГУ, ИМТО, НИУ ВШЭ, СПбГУ, МИСИС, МГПУ и др. // ИТМО News. URL: https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/14757/ (дата обращения: 18.08.2026).

[5] Исследование «Отношение преподавателей к использованию ИИ в профессиональной деятельности» проведено межкафедральной лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения, Юридический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова. Респонденты: 70 представителей профессорско-преподавательского состава (1/2 - доценты, 1/4 - профессора) // ИСТИНА. URL: https://istina.msu.ru/download/14966029/1eVhpN:NByr34m3EpjFFQGnOVXISWgEKdw/ (дата обращения: 18.08.2026).

References:

[1] Bakulina R.A. Artificial Intelligence as a Tool for Academic Dishonesty: Legal and Ethical Aspects // Politics and Society. 2025. No. 3. pp. 61–74. P. 63.

[2] Lukashenko D.V. The Role of Generative Artificial Intelligence in the Education of Law Students at Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // International Bulletin, 2026, No. 5. pp. 458–461.

[3] Starostin V.S., Dolgopolov D.V. Analysis of the Formation of Attitudes Toward Artificial Intelligence Technologies Among Higher Education Professionals // Municipal Academy, 2025, No. 6. pp. 182–189.

[4] A study by the ITMO Center for Science Communication, Yandex Education, and the Center for Technologies. Respondents included specialists in technical, natural, humanities, and social sciences: 149 individuals from 16 higher education institutions, including Lomonosov Moscow State University (MSU), ITMO University, the Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg State University (SPbU), MISIS, and the Moscow City University (MCU), among others // ITMO News. URL: https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/14757/ (accessed: August 18, 2026).

[5] A study titled "Faculty Attitudes Toward the Use of AI in Professional Practice," conducted by the Interdepartmental Laboratory for Socio-Legal Research and Comparative Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. Respondents: 70 faculty members (1/2 associate professors, 1/4 full professors) // ISTINA. URL: https://istina.msu.ru/download/14966029/1eVhpN:NByr34m3EpjFFQGnOVXISWgEKdw/ (accessed: 18.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-720-728
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ОРЕШНИКОВА Ксения Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права,
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: oreshnikova.ksenia@guap.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем функционирования цифрового механизма реализации права на высшее образование в Российской Федерации и определению основных направлений его дальнейшего развития. Обосновывается положение о том, что цифровизация высшего образования представляет собой не только технологическое преобразование образовательного процесса, но и изменение способа реализации конституционного права на образование. Анализируются положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», законодательства об информации и персональных данных, а также Правил применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678. Исследуются электронная информационно-образовательная среда, информационные системы образовательных организаций, государственные информационные системы, цифровые образовательные ресурсы, системы идентификации и аутентификации и цифровые сервисы взаимодействия участников образовательных отношений. Выявляются проблемы фрагментарности правового регулирования, технологической разобщенности информационных систем, зависимости реализации образовательных прав от устойчивости цифровой инфраструктуры, защиты персональных данных, информационной безопасности, определения юридической значимости цифровых действий и распределения ответственности между образовательными организациями и операторами информационных систем. На основании проведенного анализа предлагаются направления совершенствования законодательства, направленные на обеспечение цифровой доступности, непрерывности образовательного процесса, юридической определенности цифровых действий, совместимости информационных систем, формирования цифрового профиля обучающегося и возможности эффективного обжалования цифровых решений.*

Ключевые слова: *высшее образование, право на образование, цифровизация образования, цифровая трансформация, цифровой механизм, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, электронная информационно-образовательная среда, информационные системы, цифровой профиль обучающегося, персональные данные, информационная безопасность, искусственный интеллект, образовательные правоотношения, публично-правовое регулирование.*

Для цитирования: *Орешникова К. С. Проблемы и перспективы функционирования цифрового механизма реализации права на высшее образование // Образование и право. 2026. № 10. С. 720–728.*

ORESHNIKOVA Ksenia Sergeyevna,
Lecturer, Department of Public Law,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE DIGITAL MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION

Annotation. *The article examines the problems of functioning of the digital mechanism for implementing the right to higher education in the Russian Federation and identifies the main directions for its further development. The author argues that the digitalization of higher education is not merely*

a technological transformation of the educational process but also a transformation of the means through which the constitutional right to education is exercised. The article analyzes the Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation", legislation on information and personal data, and the Rules for the Use of E-Learning and Distance Educational Technologies approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1678 of October 11, 2023. The article examines electronic information and educational environments, information systems of educational organizations, state information systems, digital educational resources, identification and authentication systems, and digital services for interaction between participants in educational relations. Problems related to fragmented legal regulation, technological fragmentation of information systems, dependence of educational rights on the stability of digital infrastructure, personal data protection, information security, legal significance of digital actions, and allocation of responsibility between educational organizations and information system operators are identified. Based on the analysis, directions for improving legislation are proposed, aimed at ensuring digital accessibility, continuity of the educational process, legal certainty of digital actions, interoperability of information systems, creation of a student's digital profile, and effective appeal against digital decisions.

Key words: *higher education, right to education, digitalization of education, digital transformation, digital mechanism, e-learning, distance educational technologies, electronic information and educational environment, information systems, student's digital profile, personal data, information security, artificial intelligence, educational relations, public-law regulation.*

For citation: *Oreshnikova K. S. Problems and prospects of the digital mechanism for implementing the right to higher education. Education and law. 2026;(10):720–728. (In Russ.).*

Введение

Конституционное право на образование относится к числу основных социальных прав человека и гражданина. В соответствии с частью 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование, а государством гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования в государственных или муниципальных образовательных организациях [1]. Реализация данного права традиционно связывалась с деятельностью образовательных организаций, наличием преподавательского состава, материально-технической базы, образовательных программ и механизмов государственного финансирования.

Однако цифровая трансформация общества приводит к изменению содержания и способов реализации образовательных правоотношений. Существенная часть действий обучающегося и образовательной организации осуществляется посредством информационных систем, электронных образовательных ресурсов, личных кабинетов, цифровых платформ и государственных информационных систем. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет возможность применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, а статья 16 закона предусматривает создание образовательными организациями электронной информационно-образовательной среды [2].

В научной литературе цифровизация высшего образования также рассматривается не только как внедрение отдельных технических решений, но и как процесс преобразования способов организации образовательной деятельности. Так, М.Г. Успаева и А.М. Гачаев отмечают, что цифровизация высшего образования является глобальным трендом, создающим новые возможности для повышения «качества и доступности обучения», одновременно сопровождаясь определенными вызовами и ограничениями [12]. Представляется, что именно данное сочетание возможностей и ограничений позволяет рассматривать цифровизацию не исключительно как технологическую модернизацию, а как фактор трансформации механизма реализации субъективного права на образование.

Таким образом, цифровая инфраструктура постепенно приобретает значение не только вспомогательного средства образовательного процесса, но и самостоятельного условия реализации образовательного права. При этом действующее законодательство не содержит целостного определения цифрового механизма реализации права на высшее образование. Соответствующие нормы распределены между законодательством об образовании, информации, персональных данных, электронной подписи, информационной безопасности и государственном управлении. Возникает необходимость определить, каким образом совокупность указанных норм, информационных систем и организационных процедур обеспечивает фактическую реализацию права на высшее образование, а также какие правовые риски возникают

вследствие цифровизации образовательных отношений. Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных проблем функционирования цифрового механизма реализации права на высшее образование и разработке предложений по его совершенствованию.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод использован при исследовании нормативных правовых актов, регулирующих применение цифровых технологий в сфере образования; системный метод позволил рассмотреть цифровой механизм как совокупность взаимосвязанных правовых, организационных и технологических элементов; структурно-функциональный метод применен для определения роли отдельных информационных систем и цифровых сервисов в реализации образовательных правоотношений.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678, а также распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р [1-8].

Особое значение имеет постановление Правительства Российской Федерации № 1678, утвердившее Правила применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ. Правила регулируют применение соответствующих технологий при проведении учебных занятий, практик, текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации, а также предусматривают использование информационных систем при реализации образовательных программ [7].

Существенное значение для дальнейшего развития цифрового механизма имеет распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р, которым утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года. Документ предусматривает развитие цифровых экосистем, интеграцию информационных систем и информационных ресурсов, формирование общих информационных моделей, использование сквозных цифровых технологий и искусственного интеллекта, а также повышение цифровой зрелости организаций высшего образования [8].

Научная литература последних лет также показывает, что цифровая трансформация высшего образования должна рассматриваться как комплексный процесс, затрагивающий организационную структуру университетов, управление образовательным процессом, компетенции педагогических работников, качество образования и правовые основы функционирования цифровой среды [9-13]. В частности, Ю.Я. Еленева, А.А. Можаровская и Д.И. Демушкин связывают достижение цифровой зрелости образовательной организации с необходимостью изменения внутренних процессов управления и перехода к управлению, основанному на данных. Авторы специально выделяют технологические, организационные и экономические риски цифровой трансформации и указывают на необходимость их системного учета при развитии цифровой среды вуза [9]. Тем самым цифровая трансформация предстает как институциональное изменение, затрагивающее не отдельные информационные сервисы, а организационную модель деятельности образовательной организации.

Сходную позицию применительно к правовой составляющей цифровой образовательной среды занимают Н.Н. Жадобина и Е.В. Лукиянчина. Исследуя практику двух образовательных организаций, авторы обращают внимание на необходимость совершенствования «правовых основ цифровой образовательной среды на федеральном уровне» [11]. Данный вывод имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку показывает, что проблема цифровизации образования не может быть исчерпана разработкой локальных информационных систем и локальных нормативных актов. При отсутствии единого федерального правового каркаса цифровая среда образовательных организаций развивается неоднородно, что непосредственно затрагивает принцип юридического равенства обучающихся.

Е.Б. Абарникова, анализируя проблемы цифровой трансформации высшего образования, обращает внимание на недостаточную взаимосвязь различных образовательных субъектов, сохранение традиционных подходов к преподаванию и недостаточный уровень цифровых компетенций преподавателей высшей школы [10]. В этой связи цифровая трансформация должна оцениваться не только по количеству внедренных информационных систем, но и по способности образовательной организации обеспечить эффективное

взаимодействие субъектов образовательных правоотношений посредством цифровых инструментов. Иными словами, технологическое оснащение само по себе не свидетельствует о сформированности полноценного цифрового механизма реализации права на образование.

А.Л. Дрондин также связывает цифровую трансформацию с проблематикой качества высшего образования. По его мнению, необходимо обеспечить «гармоничное включение дистанционного формата в учебный процесс» и шире использовать возможности цифровой трансформации при оценке качества образования [13]. Данное положение позволяет дополнить традиционное понимание доступности образования: цифровая форма должна не просто обеспечивать возможность получения образовательного контента, но и сохранять качество образовательной деятельности, полноценность обратной связи и возможность реализации предусмотренных законом образовательных процедур.

Проведенное исследование позволяет определить цифровой механизм реализации права на высшее образование как совокупность взаимосвязанных правовых, организационных и технологических средств, посредством которых обеспечиваются возникновение, осуществление, изменение, защита и прекращение образовательных правоотношений с использованием информационных технологий. Данное понятие следует отличать от цифровой инфраструктуры. Если инфраструктура характеризует преимущественно технологическую основу цифрового взаимодействия, то механизм включает нормы права, субъектов, юридические процедуры, полномочия, способы фиксации цифровых действий и гарантии защиты прав. В его структуре можно выделить нормативный, институциональный, технологический, процедурный и гарантийный элементы. Нормативный элемент образуют законодательные и подзаконные нормы, регулирующие электронное обучение и цифровое взаимодействие; институциональный представлен образовательными организациями, государственными органами, операторами информационных систем и иными субъектами; технологический включает электронную информационно-образовательную среду, информационные системы, цифровые образовательные ресурсы, средства идентификации и коммуникационные технологии; процедурный определяет порядок совершения цифровых действий, проведения образовательных процедур и предоставления информации; гарантийный обеспечивает защиту персональных данных, информационную безопасность, возможность проверки цифровых действий и обжалования решений. Именно совокупность указанных элементов позволяет говорить о механизме, а не просто о цифровизации отдельных процессов.

Предложенное понимание в определенной степени развивает существующие научные подходы. Если в исследованиях Ю.Я. Еленевой, А.А. Можаровской и Д.И. Демушкина основное внимание уделяется достижению цифровой зрелости образовательной организации и управлению рисками [9], а Н.Н. Жадобина и Е.В. Лукиянчина акцентируют необходимость совершенствования правовых основ цифровой образовательной среды [11], то в рамках настоящего исследования предлагается соединить указанные направления в единой публично-правовой конструкции. Цифровая зрелость организации в таком случае должна оцениваться не только по уровню технологического оснащения, но и по способности информационной системы гарантировать реализацию субъективных образовательных прав.

Одной из наиболее существенных проблем является фрагментарность правового регулирования. В настоящее время различные аспекты цифровых образовательных отношений регулируются нормативными актами различной отраслевой принадлежности. Федеральный закон № 273-ФЗ определяет основы электронного обучения и дистанционных образовательных технологий; Федеральный закон № 149-ФЗ устанавливает общие правила использования информационных технологий и защиты информации; Федеральный закон № 152-ФЗ регулирует обработку персональных данных; законодательство об электронной подписи определяет условия использования электронной подписи; иные нормативные акты устанавливают требования к информационной безопасности и функционированию государственных информационных систем. Каждый из указанных нормативных массивов регулирует определенную часть общественных отношений, однако цифровое образовательное правоотношение возникает на пересечении всех этих сфер.

Необходимость комплексного подхода подтверждается и результатами исследования Еленевой, Можаровской и Демушкина, которые указывают на многоаспектность цифровой трансформации образовательных организаций и необходимость учета одновременно технологических, организационных и экономических рисков [9]. Следовательно, фрагментарное регулирование отдельных компонентов цифровой среды не позволяет в полной мере обеспечить юридическую устойчивость образовательного процесса.

Так, проведение промежуточной аттестации с использованием информационной системы одновременно связано с нормами образовательного

права, требованиями к обработке персональных данных, идентификацией обучающегося, информационной безопасностью, хранением результатов обучения и возможностью доказывания факта совершения конкретного действия. В результате существенная часть вопросов передается на уровень локальных нормативных актов образовательных организаций. Такой подход позволяет учитывать специфику конкретного университета, однако он не должен приводить к тому, чтобы локальные акты фактически определяли содержание и пределы субъективных образовательных прав. Представляется необходимым установить на федеральном уровне минимальные требования к цифровой реализации образовательных отношений, оставив образовательным организациям возможность регулировать организационные вопросы в пределах установленной компетенции.

Второй системной проблемой является технологическая разобщенность информационных систем. Современная образовательная организация может использовать одновременно системы управления образовательным процессом, электронный документооборот, электронную библиотеку, систему дистанционного обучения, кадровые и бухгалтерские системы, личные кабинеты обучающихся, сервисы видеоконференц-связи и различные государственные информационные системы. При отсутствии унифицированных требований к их взаимодействию возникает ситуация, при которой одна и та же информация многократно вводится в различные системы, а обучающийся вынужден использовать несколько самостоятельных цифровых сервисов.

Данное обстоятельство непосредственно связано с проблемой цифровой зрелости. Еленева, Можаровская и Демушкин выделяют среди ключевых направлений цифровой трансформации пользователей и сервисы, данные и информационные технологии, а также необходимость перестройки бизнес-процессов образовательных организаций [9]. Поэтому технологическая интеграция должна рассматриваться не как самостоятельная техническая задача, а как условие рациональной организации образовательных правоотношений.

Это снижает эффективность цифровизации и увеличивает риск ошибок. Проблема приобретает особое значение при формировании сведений об образовательной траектории обучающегося, поскольку информация о зачислении, освоенных дисциплинах, результатах промежуточной аттестации, индивидуальных достижениях и иных юридически значимых обстоятельствах может находиться в разных системах. Актуализированное в 2025 г. стратегическое направление цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года ориентирует государственную политику на создание цифровых экосистем, интеграцию информационных систем и информационных ресурсов, а также осуществление информационного обмена на основе общих информационных моделей [8]. Следовательно, стратегическая задача уже определена, однако для ее полноценной реализации необходим переход от рекомендательных и программных положений к унифицированным требованиям, определяющим минимальный уровень совместимости информационных систем образовательных организаций.

Еще одной проблемой становится зависимость реализации образовательных прав от технического функционирования цифровой среды. В традиционной модели образовательных отношений техническая неисправность, как правило, не имела самостоятельного юридического значения. В цифровой модели сбой информационной системы способен непосредственно повлиять на права обучающегося. Невозможность подачи заявления, прохождения промежуточной аттестации, получения образовательного материала или совершения иного действия может привести к пропуску установленного срока или возникновению иных неблагоприятных последствий.

На существование подобных рисков указывают Еленева, Можаровская и Демушкин, выделяя технологические риски, связанные в том числе со сбоями цифровых систем, ошибками программного обеспечения и уязвимостями информационной безопасности [9]. Однако с точки зрения публично-правового механизма недостаточно лишь констатировать наличие таких рисков. Необходимо определить их юридические последствия для образовательных правоотношений.

При этом статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ предусматривает создание образовательными организациями условий для функционирования электронной информационно-образовательной среды [2]. Следовательно, обязанность обеспечить работоспособность цифровой среды уже вытекает из образовательного законодательства, однако отсутствует универсальное правило о последствиях технического сбоя. Представляется необходимым закрепить положение, согласно которому невозможность совершения обучающимся юридически значимого цифрового действия вследствие подтвержденной неисправности информационной системы не может влечь для него неблагоприятных последствий. В зависимости от обстоятельств образовательная организация должна предоставить дополнительный срок, альтернативный способ совершения действия либо восстановить возможность совершения соответствующей процедуры. Такой подход соответствует

общему принципу приоритета защиты права обучающегося и позволяет перенести технологический риск на лицо, ответственное за организацию функционирования цифровой среды.

Самостоятельное значение приобретает вопрос юридической значимости цифровых действий. В цифровой образовательной среде существенная часть правоотношений реализуется посредством электронных записей: подачи заявления, выбора образовательной дисциплины, подтверждения ознакомления с документом, прохождения аттестации, направления задания, получения результата и иных действий. Для правоприменения важно установить не только содержание действия, но и субъект, время и обстоятельства его совершения. Поэтому цифровой механизм должен обеспечивать достоверную идентификацию пользователя и возможность последующего воспроизведения последовательности юридически значимых действий.

В данном контексте представляется значимым общий подход, согласно которому цифровая трансформация должна сопровождаться переходом к управлению данными и перестройкой внутренних процессов образовательной организации [9]. Если данные становятся основанием для принятия управленческих и образовательных решений, то должны существовать правовые гарантии их достоверности, целостности и возможности проверки. Следовательно, цифровая запись в образовательной системе должна рассматриваться не только как технический результат обработки информации, но и как потенциальный элемент юридического доказательства.

Представляется целесообразным нормативно закрепить понятие «юридически значимого цифрового действия в образовательных отношениях» и определить минимальный состав сведений, подлежащих фиксации информационной системой. К таким сведениям могут относиться идентификатор субъекта, содержание действия, дата и время его совершения, использованный информационный ресурс и сведения о подтверждении действия. Особое значение имеет защита соответствующих записей от несанкционированного изменения. При возникновении образовательного спора такие сведения способны выполнять доказательственную функцию и позволять установить фактическую последовательность событий. Тем самым цифровой механизм должен обеспечивать не только возможность совершения действия, но и его юридическую воспроизводимость.

Отдельный комплекс проблем связан с обработкой персональных данных и обеспечением информационной безопасности. Цифровая образовательная среда предполагает обработку значительного объема сведений об обучающихся, включая данные об образовательной траектории, результатах обучения, индивидуальных достижениях, посещаемости и иных обстоятельствах образовательной деятельности. Общие требования к обработке персональных данных устанавливаются Федеральным законом № 152-ФЗ, однако интеграция большого числа информационных систем объективно увеличивает количество субъектов и технических компонентов, участвующих в обработке информации. В этой связи необходимо обеспечить не только формальное соблюдение требований законодательства о персональных данных, но и организационное разграничение доступа к сведениям.

Еленева, Можаровская и Демушкин непосредственно относят безопасность данных к числу процессов, необходимых для достижения цифровой зрелости образовательной организации, подчеркивая необходимость защиты персональных данных при использовании цифровых технологий [9]. Таким образом, информационная безопасность в образовательной среде должна рассматриваться как самостоятельная гарантия реализации права на образование, поскольку нарушение режима обработки данных способно повлечь не только информационные, но и образовательные последствия.

Представляется обоснованным применение принципа функциональной достаточности доступа, согласно которому субъект получает только тот объем информации, который необходим ему для выполнения конкретных полномочий или реализации конкретного права. Особое внимание должно уделяться отношениям образовательной организации с внешними операторами цифровых сервисов. Передача технических функций сторонней организации не должна означать переноса ответственности перед обучающимся. Внешний оператор может обеспечивать техническую эксплуатацию системы, однако образовательная организация как непосредственный участник образовательных отношений должна сохранять ответственность за организацию реализации образовательных прав в пределах установленной законом компетенции.

Существенным ограничением цифрового механизма остается проблема цифрового неравенства. Формальная доступность электронного образовательного ресурса не означает его фактической доступности для каждого обучающегося. Реализация цифрового права зависит от наличия соответствующего оборудования, устойчивого интернет-соединения, цифровых компетенций и возможности использовать конкретный интерфейс. В связи с этим цифровая трансформация способ-

на одновременно расширять доступ к высшему образованию и формировать новые формы социального неравенства.

Вывод Успаевой и Гачаева о том, что цифровизация создает новые возможности для повышения качества и доступности обучения, одновременно с этим сопровождаясь вызовами и ограничениями [12], позволяет сформулировать важное для настоящего исследования положение: доступность цифрового образования должна оцениваться не по самому факту наличия цифрового сервиса, а по возможности конкретного обучающегося реально воспользоваться им для реализации предусмотренного законом права.

Особое внимание должно уделяться лицам, проживающим в территориях с недостаточно развитой цифровой инфраструктурой, а также обучающимся, которым необходимы специальные условия обучения. Так, принцип доступности образования в цифровой среде должен включать требование о наличии альтернативных способов получения юридически значимой информации и совершения определенных действий в тех случаях, когда использование цифровой системы объективно невозможно. В противном случае цифровизация может привести к парадоксальной ситуации, при которой технология, предназначенная для расширения доступности образования, становится препятствием для реализации соответствующего права.

Представляется, что перспективная модель цифрового механизма реализации права на высшее образование должна строиться по следующей логике: идентификация обучающегося - определение его цифровых полномочий - доступ к соответствующей процедуре - совершение юридически значимого действия - фиксация действия - формирование цифрового результата - возможность проверки - возможность обжалования.

Такая последовательность позволяет обеспечить взаимосвязь технологического и юридического аспектов образовательных отношений. Особое значение приобретает закрепление правила о том, что цифровая система не может самостоятельно устанавливать дополнительные ограничения образовательных прав, не предусмотренные законодательством или надлежащим образом принятым локальным нормативным актом. Иными словами, информационная система должна выполнять функцию средства реализации права, но не превращаться в самостоятельный источник его ограничения. Это положение представляется принципиальным для формирования правового режима цифрового образования, поскольку технический алгоритм не может обладать большей юридической силой, чем нормативное регулирование, на основании которого соответствующая образовательная процедура осуществляется.

Перспективным является также формирование единого реестра информационных систем, используемых образовательной организацией для реализации образовательных отношений. Такой реестр позволил бы определить назначение каждой системы, категории обрабатываемых данных, ответственных лиц, порядок межсистемного взаимодействия и правила резервирования информации. Для обучающегося наличие такого механизма создало бы дополнительную прозрачность цифровой среды. Он должен иметь возможность понимать, какая информационная система используется для конкретной образовательной процедуры, какие данные в ней обрабатываются и каким образом можно обжаловать действие или решение, совершенное посредством этой системы. В более долгосрочной перспективе целесообразно формирование единого федерального подхода к цифровой архитектуре высшего образования, при котором образовательные организации сохраняют организационную и академическую автономию, но функционируют в рамках совместимых стандартов цифрового взаимодействия.

Таким образом, анализ научных подходов позволяет установить, что современная доктрина уже сформировала несколько взаимодополняющих направлений исследования цифровой трансформации высшего образования. Одни авторы акцентируют организационные и технологические риски цифровизации [9], другие - необходимость совершенствования правовых основ цифровой образовательной среды [11], третьи - влияние цифровых технологий на качество и доступность образования [12; 13]. Их объединение позволяет сделать вывод о необходимости перехода от понимания цифровизации как совокупности технических мероприятий к ее рассмотрению как нового способа реализации публично гарантированного субъективного права на образование.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровой механизм реализации права на высшее образование в Российской Федерации находится на стадии формирования. Законодательство уже создало базовые предпосылки его функционирования: Федеральный закон № 273-ФЗ закрепляет электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, предусматривает электронную информационно-образовательную среду, а постановление Правительства Российской Федерации № 1678 устанавливает специальные правила применения цифровых технологий при реализации образовательных программ [2-7]. Одновременно современное

регулирование остается преимущественно функциональным и фрагментарным. Оно определяет отдельные элементы цифрового образовательного процесса, однако не формирует единой системы правовых гарантий цифровой реализации образовательных правоотношений. Основными проблемами являются отсутствие единого понятийного аппарата, технологическая разобщенность информационных систем, неопределенность юридической значимости цифровых действий, зависимость образовательных прав от технической исправности информационной инфраструктуры, риски обработки персональных данных, цифровое неравенство и недостаточная определенность правовых последствий применения искусственного интеллекта.

Представляется необходимым нормативно закрепить понятия цифровой реализации образовательных отношений, цифрового профиля обучающегося и юридически значимого цифрового действия, установить минимальные требования к информационным системам образовательных организаций, предусмотреть механизм восстановления прав при технических сбоях и обеспечить совместимость цифровых систем. Особое значение имеет закрепление положения о том, что техническая неисправность информационной системы не может сама по себе влечь неблагоприятные последствия для обучающегося, если невозможность совершения соответствующего действия возникла по причинам, не зависящим от него.

Цифровая инфраструктура должна рассматриваться как средство реализации конституционного права на образование, а не как самостоятельный источник ограничений данного права. В результате дальнейшая цифровая трансформация высшего образования должна осуществляться одновременно в технологическом и правовом направлениях.

Только при таком подходе возможно формирование устойчивого цифрового механизма, обеспечивающего не только удобство получения образовательных услуг, но и юридически гарантированную реализацию права гражданина на высшее образование.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. - 1993. - 25 дек.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2012. - № 53 (ч. I). - Ст. 7598.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (ч. I). - Ст. 3448.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (ч. I). - Ст. 3451.

[5] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 15. - Ст. 2036.

[6] Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 472-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 1 (ч. I). - Ст. 34.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2023. - № 42. - Ст. 7500.

[8] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. - 2025. - 5 июля.

[9] Еленева Ю. Я., Можаровская А. А., Демушкин Д. И. Цифровая трансформация образовательных организаций высшего образования: современное состояние, задачи, риски // Экономика, предпринимательство и право. - 2024. - Т. 14, № 4. - С. 1149-1170.

[10] Абарникова Е. Б. Цифровая трансформация высшего образования: реальные проблемы и возможные пути решения // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. - 2021. - № 5. С. 36-51.

[11] Жадобина Н. Н., Лукиянчина Е. В. Цифровая образовательная среда: проблемы и их решения в вузе // Современные проблемы науки и образования. - 2024. - № 6. С. 27-32.

[12] Успаева М. Г., Гачаев А. М. Цифровая трансформация высшего образования в России // Управление образованием: теория и практика. - 2024. - Т. 14, № 12-2. - С. 91-98.

[13] Дрондин А. Л. Цифровая трансформация и качество высшего образования // Бизнес. Образование. Право. - 2024. - № 1 (66). - С. 457-461.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – Dec. 25.

[2] Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (Part I). – Art. 7598.

[3] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

[4] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3451.

[5] Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011, "On Electronic Signatures" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 15. – Art. 2036.

[6] Federal Law No. 472-FZ of December 30, 2021, "On Amendments to the Federal Law 'On Education in the Russian Federation' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 1 (Part I). – Art. 34.

[7] Decree of the Government of the Russian Federation dated October 11, 2023, No. 1678 “On Approval of the Rules for the Use of E-Learning and Distance Educational Technologies by Organizations Engaged in Educational Activities in the Implementation of Educational Programs” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2023. - No. 42. - Art. 7500.

[8] Directive of the Government of the Russian Federation dated July 5, 2025, No. 1805-r “On Approval of the Strategic Direction for the Digital Transformation of the Science and Higher Education Sector up to 2030” // Official Website of the Government of the Russian Federation. - 2025. - July 5.

[9] Eleneva Yu. Ya., Mozharovskaya A. A., Demushkin D. I. Digital Transformation of Higher Education Institutions: Current State, Challenges, and Risks // Economics, Entrepreneurship and Law. - 2024. - Vol. 14, No. 4. - pp. 1149–1170.

[10] Abarnikova E. B. Digital Transformation of Higher Education: Real-World Problems and Potential Solutions // Information Society: Education, Science, Culture, and Technologies of the Future. - 2021. - No. 5. pp. 36–51.

[11] Zhadobina N. N., Lukiyanchina E. V. Digital Educational Environment: Challenges and Solutions in Higher Education Institutions // Modern Problems of Science and Education. - 2024. - No. 6. pp. 27–32.

[12] Uspaeva M. G., Gachaev A. M. Digital Transformation of Higher Education in Russia // Education Management: Theory and Practice. - 2024. - Vol. 14, No. 12-2. - pp. 91-98.

[13] Drondin A. L. Digital Transformation and the Quality of Higher Education // Business. Education. Law. - 2024. - No. 1 (66). - pp. 457-461.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-729-734
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

БАРАНОВ Даниил Александрович,
старший преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: Dann89818061715@yandex.ru

ПРИНЦИП ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию принципа технологической нейтральности в публично-правовом регулировании реализации права на высшее образование. Рассматриваются содержание технологической нейтральности, ее отличие от технологической неопределенности и принципа функциональной эквивалентности, а также пределы применения данного подхода в условиях цифровизации образовательных отношений. Анализируются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», законодательство об информации, персональных данных и электронной подписи, стратегические документы цифрового развития и подзаконное регулирование электронного обучения. Обосновывается положение о том, что нейтральность должна относиться прежде всего к выбору конкретного технологического средства, тогда как юридически обязательными должны оставаться функциональный результат, доступность, безопасность, идентифицируемость и возможность защиты права. Предлагается модель технологически нейтрального регулирования цифровой реализации права на высшее образование и направления ее нормативного закрепления.*

Ключевые слова: *технологическая нейтральность, право на высшее образование, цифровизация образования, публично-правовое регулирование, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, функциональная эквивалентность, цифровая доступность, информационные системы.*

Для цитирования: *Баранов Д. А. Принцип технологической нейтральности в публично-правовом регулировании реализации права на высшее образование // Образование и право. 2026. № 10. С. 729–734.*

BARANOV Daniil Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Department of Public Law,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE PRINCIPLE OF TECHNOLOGICAL NEUTRALITY IN PUBLIC-LAW REGULATION OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION

Annotation. *The article examines technological neutrality as a principle of public-law regulation of the exercise of the right to higher education. The content of technological neutrality, its distinction from technological uncertainty and functional equivalence, and the limits of its application in the digitalization of educational relations are analyzed. The Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation", legislation on information, personal data and electronic signatures, strategic digital-development documents and rules on e-learning are considered. The author argues that neutrality should primarily concern the choice of a specific technological tool, while legally binding requirements should concern functional results, accessibility, security, identifiability and effective protection of rights. A model of technology-neutral regulation for the digital exercise of the right to higher education and directions for its normative development are proposed.*

Key words: *technological neutrality, right to higher education, digitalization of education, public-law regulation, e-learning, distance educational technologies, functional equivalence, digital accessibility, information systems.*

For citation: *Baranov D. A. The principle of technological neutrality in public-law regulation of the right to higher education. Education and law. 2026;(10):729–734. (In Russ.).*

Цифровизация высшего образования приводит к постоянному обновлению программных решений, способов идентификации, средств коммуникации и электронного документооборота. Правовое регулирование, рассчитанное на конкретную технологию, неизбежно сталкивается с проблемой устаревания: техническое средство может быть заменено другим значительно раньше, чем изменится нормативный акт. В этой связи принцип технологической нейтральности приобретает значение инструмента, позволяющего формулировать правовые требования так, чтобы они сохраняли действие при изменении технических средств.

Право на образование имеет конституционную природу. Часть 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на образование, а государство гарантирует общедоступность и бесплатность образования в установленных Конституцией пределах [1]. Федеральный закон № 273-ФЗ развивает эту гарантию и предусматривает электронное обучение и дистанционные образовательные технологии [2]. Следовательно, государство должно одновременно обеспечивать цифровое развитие образования и сохранять юридически гарантированный уровень доступности образовательного процесса.

В научной литературе технологическая нейтральность не имеет единственного универсального содержания. В.А. Болдырев отмечает, что категория используется в разных сферах и требует контекстуального определения ее содержания и границ [9]. К. Рид показывает, что технологически нейтральное законодательство позволяет не привязывать правовую норму к конкретной технологии, однако это не устраняет необходимости определять юридически значимые функции [10]. Для образовательного права такое различие имеет принципиальное значение.

Цель исследования заключается в раскрытии содержания принципа технологической нейтральности применительно к реализации права на высшее образование и разработке предложений по его использованию в публично-правовом регулировании цифровой образовательной среды. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы. Нормативную основу образуют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ, законодательство об информации, персональных данных и электронной подписи, стратегические документы цифрового развития и подзаконные акты об электронном обучении [1; 8].

Под технологической нейтральностью предлагается понимать такой способ нормативного регулирования, при котором юридическое требование не связывается без необходимости с конкретным техническим решением, если различные технологии способны обеспечить один и тот же юридически значимый результат. Закон устанавливает функцию, процедуру и гарантии, а выбор технического средства оставляет субъекту в пределах компетенции. Нейтральность поэтому не означает отсутствие регулирования: обязательным остается правовой результат.

Технологическая нейтральность связана с функциональным подходом. Если образовательная организация обязана обеспечить идентификацию обучающегося, фиксацию действия и возможность проверки результата, закон не всегда должен требовать применения одной платформы. Юридически значимым является выполнение соответствующих функций. Подобная логика используется в регулировании электронных подписей, где юридическое значение связано с идентификацией и выражением воли, а не исключительно с конкретной технической реализацией [10; 11].

Нейтральность нельзя отождествлять с технологической неопределенностью. Формула о применении «современных технологий» без минимальных требований к доступности, безопасности и идентификации создает чрезмерное усмотрение. В образовательных отношениях это способно привести к неодинаковым условиям реализации права в разных вузах. Поэтому нейтральная норма должна содержать описание юридической функции, минимального результата и гарантий его достижения.

Не следует понимать нейтральность и как обязательное равенство всех технологий. Закон может исключать техническое решение, которое не обеспечивает требуемую безопасность или доступность. Следовательно, нейтральность действует в пределах функциональной и юридической сопоставимости. Этот вывод соответствует подходу В.А. Болдырева, указывающего на необходимость определять содержание категории в конкретном контексте правового регулирования [9].

Федеральный закон № 273-ФЗ закрепляет электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, а статья 28 устанавливает автономию образовательной организации в вопросах организации образовательной деятельности [2]. Закон не закрепляет единую цифровую платформу для всех вузов, что в целом соответствует

нейтральной модели. Университет может выбирать информационную систему с учетом своих задач, но должен обеспечивать установленные законом права и образовательные результаты.

Статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ и постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678 конкретизируют порядок применения электронного обучения и дистанционных технологий [2; 7]. При дальнейшем развитии регулирования важно избегать избыточной привязки к конкретным программным продуктам: нормативный акт должен переживать смену платформ и способов коммуникации. Поэтому требования целесообразно формулировать через функции и гарантии.

Технологическая нейтральность должна сочетаться с автономией образовательной организации. Университету необходима возможность выбирать систему управления обучением, средства видеоконференц-связи, инструменты контроля знаний и электронного документооборота. Однако автономия не должна означать возможность снижать уровень доступности или безопасности. Иначе технические различия между вузами превращаются в различия в фактическом объеме образовательного права.

Особое значение имеет статья 79 Федерального закона № 273-ФЗ, устанавливающая специальные условия получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами [2]. Нейтральная норма в этой сфере должна требовать результата — возможности полноценно воспринимать информацию и участвовать в образовательной процедуре, — а не предписывать единственную ассистивную технологию. Такой подход позволяет использовать новые средства доступности без постоянного изменения законодательства.

Стратегические документы цифрового развития ориентируют систему высшего образования на развитие цифровых экосистем, интеграцию информационных систем и применение сквозных технологий. Технологическая нейтральность в этой ситуации повышает устойчивость правового регулирования: появление новой платформы не должно автоматически требовать изменения федерального закона, если она выполняет установленные юридические функции [6; 7].

Первым пределом является защита конституционных прав. Если техническое решение препятствует реализации права на образование, образовательная организация не может ссылаться на свободу выбора технологии как на достаточное основание. Статья 43 Конституции Российской Федерации требует обеспечить право на образование, поэтому технологическая свобода реализуется в пределах конституционной гарантии [1].

Вторым пределом выступает информационная безопасность. Федеральный закон № 149-ФЗ устанавливает общие требования в сфере информации и ее защиты, а Федеральный закон № 152-ФЗ регулирует обработку персональных данных [3; 4]. Нейтральность означает возможность выбирать различные технические средства при условии соблюдения обязательных требований безопасности. Если технология не обеспечивает необходимый уровень защиты, ее применение в соответствующей процедуре может быть исключено.

Третьим пределом является юридическая значимость цифрового действия. Необходимо установить, кто совершил действие, когда оно совершено, какое содержание имело и какой результат повлекло. Федеральный закон № 63-ФЗ регулирует электронную подпись, но не каждое образовательное действие требует квалифицированной электронной подписи [5]. Поэтому технологически нейтральное регулирование должно задавать требуемый уровень достоверности и идентификации, а не всегда предписывать конкретный способ аутентификации.

Четвертым пределом является доступность. Если образовательная процедура может быть реализована только через определенное устройство, программное обеспечение или устойчивое соединение, часть обучающихся может оказаться фактически исключенной из процесса. Поэтому нейтральность должна сопровождаться альтернативным способом совершения юридически значимого действия при объективной недоступности основного цифрового канала.

Пятым пределом является юридическая определенность. Информационная система не должна самостоятельно устанавливать ограничения образовательных прав, если они не имеют нормативного основания. Алгоритм может обеспечивать процедуру, но не должен становиться самостоятельным источником юридической обязанности или запрета. Этот вывод особенно важен при автоматизированном контроле и принятии решений, затрагивающих права обучающегося.

Функциональная эквивалентность является одним из механизмов практической реализации технологической нейтральности. Ее содержание состоит в сопоставлении традиционного и цифрового действия по выполняемой функции. Электронная запись может быть признана эквивалентной бумажному документу, если обеспечивает идентификацию, целостность, доступность и возможность воспроизведения информации. Такой подход позволяет регулировать юридически значимые свойства результата, а не физическую

форму.

В сфере высшего образования функциональная эквивалентность может применяться к заявлению обучающегося, подтверждению ознакомления, выбору дисциплины, сдаче работы, получению результата и другим действиям. Законодатель не обязан для каждой операции устанавливать одну технологию. Вместо этого целесообразно закреплять набор функций: идентификация субъекта, фиксация содержания, дата и время, подтверждение результата и возможность проверки.

К. Рид показывает, что технологически нейтральное законодательство может обеспечивать устойчивость норм при технологических изменениях, однако его эффективность зависит от точности определения регулируемых функций [10]. В.А. Болдырев также указывает на контекстуальный характер технологической нейтральности и необходимость определения ее границ [9]. Для образовательного права это означает, что нейтральность должна быть связана с конкретными правами и процедурами.

Чем выше юридическая значимость образовательного действия, тем более определенными должны быть требования к идентификации, фиксации и защите результата. При этом конкретное программное средство может оставаться на уровне локального регулирования образовательной организации. Такое разграничение позволяет сохранить технологическую свободу без снижения уровня правовых гарантий.

Представляется возможной следующая модель: федеральный уровень устанавливает право, юридически значимую функцию и минимальный результат; ведомственный уровень определяет нейтральные требования к совместимости, безопасности и доступности; образовательная организация выбирает конкретные цифровые средства; локальный акт определяет порядок их применения; обучающемуся гарантируются проверка и обжалование цифрового результата. Такая конструкция сочетает единообразие правовых гарантий и технологическую автономию вузов.

На нормативном уровне целесообразно дополнить статью 16 Федерального закона № 273-ФЗ положением о том, что применение электронного обучения и дистанционных технологий осуществляется независимо от конкретного вида информационной системы при условии обеспечения образовательных результатов, идентификации участников, сохранности информации и возможности защиты прав. Такая формула не требует закрепления конкретного программного продукта и сохраняет устойчивость нормы.

На подзаконном уровне необходимо установить минимальные функциональные требования: совместимость систем, резервный доступ, журналирование юридически значимых действий, восстановление данных, доступность интерфейса и возможность передачи результатов между системами. Конкретные программные решения при этом должны оставаться открытыми для выбора образовательной организации.

На локальном уровне университет должен определить перечень используемых информационных систем, их назначение, категории обрабатываемых данных, порядок идентификации пользователей, сроки хранения цифровых записей и действия при техническом сбое. Такой реестр сохраняет автономию и одновременно делает цифровую среду понятной для обучающегося.

Особое значение приобретает использование искусственного интеллекта. Нейтральное регулирование не требует заранее перечислять конкретные модели. Вместо этого должны быть установлены требования к результату: возможность проверить основания решения, получить сведения о существенных параметрах автоматизированной процедуры, инициировать человеческий пересмотр в юридически значимых случаях и обжаловать решение. При такой модели закон сохраняет актуальность при смене технологий.

Технологическая нейтральность непосредственно связана с цифровым неравенством. Формально нейтральная норма может приводить к различным фактическим результатам, если образовательные организации располагают разными ресурсами. Поэтому нейтральность должна сопровождаться минимальными публичными гарантиями цифровой доступности. Государство может не выбирать конкретную технологию за вуз, но должно определить минимальный уровень доступности образовательной процедуры.

Особое значение имеет доступность для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Требование о специальном условии должно быть ориентировано на возможность полноценного участия обучающегося в образовательной процедуре, а не на конкретное техническое средство. Аналогично при техническом сбое должен быть предусмотрен альтернативный канал или восстановление срока, если основной цифровой способ объективно недоступен.

Во-первых, целесообразно нормативно закрепить понятие технологической нейтральности применительно к цифровой реализации образовательных отношений как недопустимость необоснованного предпочтения конкретной технологии при установлении юридически значимых функций и результатов. Во-вторых, следует закрепить функциональную эквивалентность электронных и традиционных способов совершения образова-

тельных действий, если электронный способ обеспечивает идентификацию, достоверность, целостность и воспроизводимость результата.

В-третьих, необходимо установить минимальные федеральные требования к цифровой доступности: резервный способ совершения юридически значимого действия при подтвержденном техническом сбое, доступность ресурсов для лиц с ограниченными возможностями здоровья и возможность получить информацию о цифровом решении, затрагивающем права обучающегося. В-четвертых, следует разграничить федеральное и локальное регулирование: федеральный уровень определяет гарантии, а вуз выбирает технологии и устанавливает организационные процедуры.

Технологическая нейтральность в сфере высшего образования может быть определена как правовой режим, при котором государство не связывает реализацию образовательного права с конкретным технологическим решением, но устанавливает обязательные функциональные, процедурные и гарантийные требования к результату. Такой подход отличается как от технологической предписательности, так и от отсутствия нормативных требований.

Нейтральность должна применяться с учетом конституционной гарантии права на образование, требований информационной безопасности, защиты персональных данных, доступности для лиц с ограниченными возможностями здоровья и юридической определенности цифровых действий [1; 7]. Поэтому она не является абсолютной: ее пределы определяются необходимостью обеспечить права участников образовательных отношений.

Для цифровой образовательной среды целесообразна модель, при которой законодатель закрепляет юридически значимые функции и минимальные результаты, ведомственные акты устанавливают нейтральные требования к безопасности и совместимости, а образовательные организации выбирают конкретные технологии. Обучающемуся должны предоставляться возможности проверки, обжалования и восстановления нарушенного права.

Таким образом, принцип технологической нейтральности способен стать одним из элементов устойчивого публично-правового механизма реализации права на высшее образование. Его применение позволяет сохранять нормативную стабильность при быстром изменении технологий, не отказываясь от обязательных гарантий доступности, безопасности и юридической определенности. Перспективное регулирование должно быть ориентировано не на конкретную технологию, а на гарантированный законом результат ее использования.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

[5] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

[6] Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 42. – Ст. 7500.

[8] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 г. № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361746/ (дата обращения: 16.09.2026).

[9] Болдырев В. А. Технологическая нейтральность норм как юридический концепт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 21–34.

[10] Рид К. Стороны в вопросе технологического нейтралитета // SCRIPT-ред. – 2007. – Т. 4. – Вып. 3. – С. 263–284.

[11] Ярова А. К., Гутникова А. С., Мальцева С. В., Элин В. М. Законодательная поддержка принципа технологического нейтралитета в информационных системах // Бизнес-информатика. – 2012. – № 4 (22). – С. 25–32.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – Dec. 25.

[2] Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (Part I). – Art. 7598.

[3] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

[4] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3451.

[5] Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011, "On Electronic Signatures" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 15. – Art. 2036.

[6] Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017, "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 20. – Art. 2901.

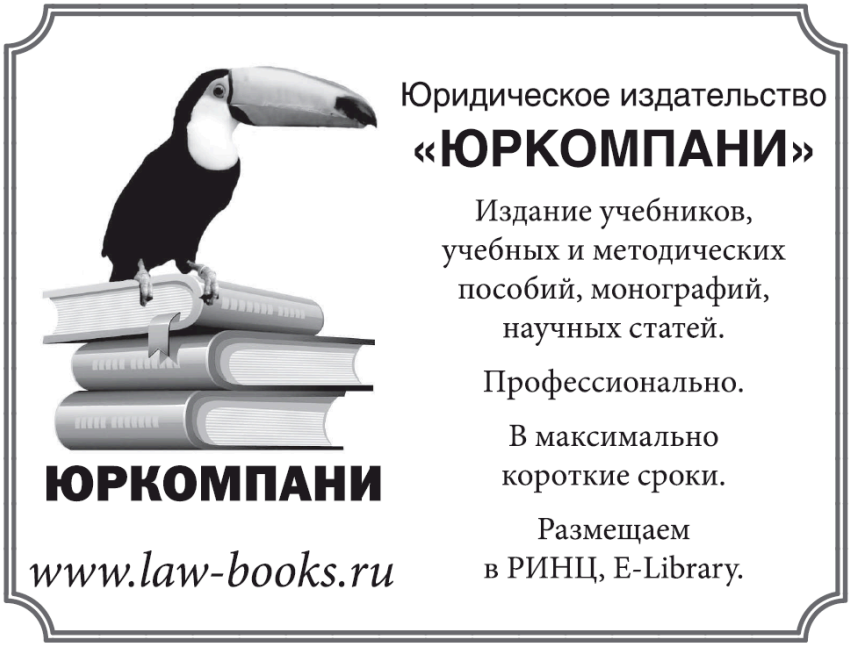
[7] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1678 dated October 11, 2023, “On Approval of the Rules for the Use of E-Learning and Distance Educational Technologies by Organizations Engaged in Educational Activities in the Implementation of Educational Programs” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 42. – Art. 7500.

[8] Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 1011 dated August 13, 2020, “On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor’s Degree Program in the Field of Study 40.03.01 Jurisprudence” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361746/ (accessed: September 16, 2026).

[9] Boldyrev V. A. Technological Neutrality of Norms as a Legal Concept // RUDN Journal of Law. – 2026. – Vol. 30. – No. 1. – pp. 21–34.

[10] Reed C. Taking Sides on Technological Neutrality // SCRIPT-ed. – 2007. – Vol. 4. – Issue 3. – pp. 263–284.

[11] Yarova A. K., Gutnikova A. S., Maltseva S. V., Elin V. M. Legislative Support for the Principle of Technological Neutrality in Information Systems // Business Informatics. – 2012. – No. 4 (22). – pp. 25–32.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-735-742
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЛИНЬКОВ Виктор Владимирович,
кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры инклюзивного образования и сурдопедагогики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»,
e-mail: vv.linkov@mpgu.su

ШИРЯЕВА Светлана Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»,
e-mail: sv.shiryaeva@mpgu.su

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Статья направлена на реализацию цели выявления сущности и особенностей применения комплексного подхода в теории и практике развивающейся образовательной деятельности. Уточняется содержание понятия комплексный подход и связанных с ним терминов, характеризующих специфику и условия реализации этого подхода в образовании. В качестве основы научных исследований при реализации комплексного подхода рассматриваются конкретные виды комплексности, типология которых разработана и представлена в статье. В практике образования выделена направленность комплексного подхода на достижение сбалансированного развития личности, осуществление оптимальной смены разных видов практической деятельности в процессе обучения и на использование разнообразных и взаимодополняющих методов и приемов в структуре педагогических технологий. Определено соотношение комплексного подхода с другими педагогическими подходами исследовательской и практической деятельности, допускается сочетание этих подходов. Представлен опыт реализации этого подхода в исследовании правового образования с учетом тенденций изменения целей и содержания образования в широком социальном и политико-правовом контексте отечественной истории. Комплексный подход рассматривается как условие и средство повышения объективности теоретического освещения педагогических процессов и качества практической деятельности в сфере воспитания и образования.*

Ключевые слова: *комплексный подход, комплексный анализ, комплексный аспект, теория образования, практика образования, правовое образование, комплекс, педагогический комплекс, комплексность, виды комплексности, педагогический подход, воспитание.*

Для цитирования: *Линьков В. В., Ширяева С. В. Комплексный подход в теории и практике образования // Образование и право. 2026. № 10. С. 735–742.*

LINKOV Viktor Vladimirovich,
PhD in Philosophy,
Professor at the Department of Inclusive Education and Deaf Pedagogy of the Institute of Childhood, of the Moscow Pedagogical State University

SHIRYAEVA Svetlana Valentinovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of Chair of Theory and History of State and Law
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University

A COMPREHENSIVE APPROACH IN THE THEORY AND PRACTICE OF EDUCATION

Annotation. *This article aims to identify the essence and specific features of applying a comprehensive approach within the theory and practice of evolving educational activities. It clarifies the concept of a "comprehensive approach" and related terms that define the specifics and conditions for its implementation in education. The article proposes a typology of various types of "complexity," which serves as a foundation for scientific research when employing a comprehensive approach. In educational practice, this approach focuses on fostering the balanced development of the individual, ensuring an optimal transition between different types of practical activities during the learning process, and utilizing diverse, complementary methods and techniques within pedagogical frameworks. The relationship between the comprehensive approach and other pedagogical approaches—both in research and practice—is examined, with the possibility of integrating these various approaches acknowledged. The article also presents the application of this approach to the study of legal education, taking into account shifts in educational goals and content within the broader social, political, and legal context of Russian history. The comprehensive approach is framed as both a prerequisite for and a means of enhancing the objectivity of theoretical discourse on pedagogical processes, as well as improving the quality of practical work in the fields of upbringing and education.*

Key words: *comprehensive approach, comprehensive analysis, comprehensive aspect, theory of education, educational practice, legal education, complex, pedagogical complex, complexity, types of complexity, pedagogical approach, upbringing.*

For citation: *Linkov V. V., Shiryaeva S. V. A comprehensive approach in the theory and practice of education. Education and law. 2026;(10):735–742. (In Russ.).*

Коренные изменения в сфере образования, необходимость анализа динамичных разнонаправленных тенденций педагогической деятельности, важность понимания и учета конкретных условий работы учителей определяют необходимость, целесообразность и актуальность применения комплексного подхода в исследованиях развивающейся и многофакторной педагогической действительности. Комплексный подход важен для объективного понимания развития предметных областей исследований и практики образовательной деятельности, для повышения качества и реальной эффективности образовательной деятельности.

Проблема исследования отражает необходимость решения противоречия между практической потребностью использования комплексного подхода для повышения уровня эффективности исследовательской и образовательной деятельности с одной стороны, а с другой стороны, недостаточно четким и полным отражением существенных характеристик и особенностей применения комплексного подхода в теории педагогической деятельности. Недостаточная полнота теоретического осмысления существенных характеристик и возможностей комплексного подхода в сфере образования становится особенно явной и заметной при редукции направленности комплексного подхода к одному из возможных вариантов комплексности. Цель статьи заключается в раскрытии сущности, особенностей и условий применения комплексного подхода в теории и практике развивающейся образовательной деятельности. Основу методологии исследования применения комплексного подхода в образовании составляют комплексно-деятельностный и дифференциально-аналитический принципы изучения, реализующиеся на основе ряда взаимодополняющих методов: анализа, синтеза и систематизации категориальных различий комплексного подхода и смежных исследовательских подходов; структурирования и различения дефиниций понятий комплекса, комплексности и комплексного подхода; типологизации и дифференциации видов комплексности; обобщения представлений о различиях и взаимосвязи педагогических подходов; конкретизации условий и возможностей применения комплексного подхода в исследовании нравственных и правовых норм в практике воспитания и правового образования.

При рассмотрении проблемы использования

комплексного подхода в образовании важно прояснить смысл основных терминов: речь идет о понятии «комплексный подход» и связанных с ним понятий «комплекса» и «комплексности». В педагогическом исследовании комплексный подход направлен на раскрытие и анализ взаимосвязей разных элементов и разных граней в структуре и динамике развития педагогического процесса, что позволяет изучать и понимать объект педагогического исследования в его сложности и многомерности. Фактически комплексный подход помогает подняться над «партикулярным знанием» и стихийным опытом созерцания, ко «всеобщему знанию» и обобщающему представлению, а такой подъем, как показал еще Г. В. Ф. Гегель, достигается «благодаря многообразию знаний самих по себе» и составляет основу образования [1, с. 62–64]. Комплексный аспект в педагогике определяет такой ракурс изучения, который позволяет анализировать разные типы реальных образовательных отношений, разные их качества и характеристики с учетом их взаимосвязанности в рамках заданной системы или вне контекста становления системы. Благодаря многомерному и объективированному представлению комплексная аналитика чужда тенденциозности и позволяет рассматривать объект в реальности его бытия как структурированный и развивающийся комплекс.

В наиболее общем смысле термин «комплекс» можно определить как объект, обладающий внутренне дифференцированной целостностью динамично связанных между собой частей или конкретных элементов, которые образуют реальное, хотя, возможно, и временное единство, которое конструируется, моделируется и репрезентируется в соответствии с исследовательской целью или с учетом определенной практической задачи управления. В более конкретном смысле в педагогике используется понятие «образовательный комплекс», обозначающее особый вид образовательных организаций, которые созданы на основе объединения нескольких ранее автономных образовательных учреждений, как правило, реализующих программы разных уровней образования (детские сады, школы, в некоторых случаях колледжи). Понятие «педагогический комплекс» может использоваться как более общее название не только объединенных образовательных организаций (своего рода образовательных холдингов), но и интегрированных педагогических технологий практической работы специалистов в различных образовательных организациях. Понятие «учебно-методический комплекс» обозначает набор педагогической документации по определенной учебной дисциплине, отражающий содержание и планируемые результаты изучения, средства и методы обучения, формы контроля и способы оценивания.

Комплексность как особое свойство объекта представляет собой взаимосвязанность его отдельных частей, не утрачивающих свою специфику и структуру, но находящихся в постоянном, циклическом или эпизодическом взаимодействии, обеспечивающем их относительную целостность, сочетаемость и взаимодополнительность. Комплексность как особая характеристика исследовательской и образовательной деятельности заключается в многостороннем, полиаспектном, многомерном изучении с учетом разных актуальных тенденций и возможных направлений последовательного, континуального, закономерного развития познаваемого предмета.

В педагогических исследованиях, разумеется, могут быть выделены разные виды комплексности, каждый из этих видов комплексности может стать основой исследования при реализации комплексного подхода. Аспектная комплексность означает изучение предмета в его разных качествах и отношениях, причем эти отношения могут быть связаны не только с разными областями исследования и научными отраслями, но и с разными научными подходами, правильное сочетание которых в одном исследовании является особой методологической задачей. Контентная комплексность предусматривает объединение разных дидактических единиц или элементов в содержании обучения в практике освоения темы, раздела или программы курса в целом. Технологическая комплексность предполагает соединение разных технологий в решении познавательных или практических задач, рациональное сочетание педагогических средств, методов и отдельных приемов в рамках данного педагогического исследования. Аксиологическая комплексность отражает возможность экспликации, сравнения и соотнесения ценностей в единой структуре личностных ориентаций, определяющих направленность, содержание и формы просветительской учебной и ценностно ориентированной воспитательной деятельности, личностного познания и самопознания. Когнитивная комплексность связана с изучением и развитием познавательных процессов, их свойств, качеств и различных форм проявления; этот тип комплексности предполагает в учебном процессе опору не только на ощущения, восприятие, внимание и память, но и на мышление, воображение, творческое познание с учетом динамики, закономерностей и соотносительности этапов в развитии каждой познавательной функции. Интерактивная комплексность указывает на решение конкретной педагогической задачи в процессе взаимодействия специалистов разного профиля

в определенной образовательной организации. Комплексно могут изучаться не только существующие проблемы и явления, но и определяющие будущее тенденции, которые в своей динамике и взаимосвязях могут быть предметом прогностического вида комплексности. Что касается прошлых событий, генезиса образовательных систем в контексте изменений социальных условий, то изучение последовательности и динамики их развития выражает и осуществляет принцип исторического вида комплексности. Различие видов комплексности должно корректно и достаточно четко отражаться в понимании направленности и условий применения комплексного подхода.

Определение комплексного подхода исключительно как взаимодействия специалистов разного профиля в работе с обучающимся, конечно, является узким определением этого подхода, так как дано с учетом только одного интерактивного вида комплексности, не учитывает многомерность комплексного изучения педагогических отношений и практических условий деятельности. В связи с этим существует риск поспешного обобщения и ошибочных выводов о том, что комплексный подход не применим в образовании обучающихся с проблемами развития или о том, что необходимо отказаться от взаимодействия специалистов в практике учебной работы. Важно помнить: любой педагогический подход в исследовательской или в практической сфере может применяться правильно и эффективно или неправильно и с серьезными издержками. Правильность применения педагогического подхода в практике зависит не только от понимания специфики этого подхода, но и от совпадения профессиональных и личных установок в деятельности специалистов, от уровня их компетентности в решении конкретных проблем, от субъективной мотивации и объективных условий организации деятельности.

Комплексный подход может применяться не только в общей педагогике [2; 3], но и в специальной педагогике в рамках ее предметных областей и фундаментальных направлений. В частности, в специальной педагогике получают развитие комплексная диагностика, комплексная коррекция и реабилитация [4; 5]. В практике специально-педагогической деятельности нередко возникает потребность в комплексной помощи обучающимся, например, «многим учащимся, сталкивающимся с трудностями в обучении, требуется когнитивная коррекция в сочетании с коррекцией речевого развития» [6, с. 58]. Ясно, что для эффективного развития познавательных процессов необходимо сочетание объективного изучения особенностей развития познавательных функций с поэтапной реализацией задач активизации познавательной деятельности и коммуникативно-речевого развития.

Особенности комплексного подхода становятся очевидными и могут быть достаточно четко выделены при его сопоставлении с другими научными подходами. К примеру, в исследовании процесса научного убеждения на основе комплексного подхода могут раскрываться ведущие обстоятельства, определяющие характер и эффективность этого процесса, в то время как с помощью системного подхода должно осуществляться выявление и рассмотрение всего многообразия «факторных и контекстных обстоятельств проведения процесса убеждения, влияющих на его результативность» [7, с. 747]. Если системный подход требует рассмотрения объекта изучения или преобразования как развивающейся и структурно целостной системы с последовательным описанием всех ее компонентов, всех существующих между ними типов взаимодействия, всех уровней организации и структуры данного системного объекта, то комплексный подход позволяет анализировать разные дополняющие друг друга элементы объекта, функции и способы его существования, которые наиболее значимы для рассмотрения в аспекте решения конкретной исследовательской или практической задачи, поэтому комплексный подход предоставляет возможность решать проблемы целенаправленно с учетом степени их сложности и при этом позволяет в ходе исследования или в процессе управления экономить ресурсы и время.

Иногда комплексный подход связывают с всестороннем изучением конкретного объекта, с установлением всех взаимосвязей явления с учетом всех внешних факторов и воздействий [8, с. 43], но такое определение сужает область применения этого подхода, так как речь идет только о варианте системной комплексности, и в этом случае комплексный подход становится неотделимым и по сути неотличимым от системного подхода. Разумеется, комплексность может выступать в качестве одного из признаков системности, но все же комплексность относится не только к отдельным системам, их структурным подсистемам и всей совокупности внешних факторов, воздействующих на них. Комплексно можно изучать отношения разных систем, внесистемные явления и характеристики, разнообразные события и тенденции становления и изменения среды, не образующие устойчивых систем. В педагогической деятельности необходимо различать системную и несистемную комплексность при изучении и характеристике явлений и процессов.

Комплексный подход хорошо сочетается со многими другими педагогическими подходами

(в частности, с аксиологическим, деятельностным, дифференцированным подходами). Вместе с тем в отличие от других подходов, предусматривающих однонаправленное действие, монокомпонентное определение цели педагогической работы, комплексный подход допускает отражение в определении цели, задач, проблем, а также и результатов исследования разных граней изучаемого предмета.

Особо следует отметить, что междисциплинарный подход не является альтернативой комплексному подходу и не может полностью заменить его. Указанные подходы не являются взаимоисключающими: сам по себе междисциплинарный подход, в сущности, является частным вариантом реализации комплексного подхода в педагогическом исследовании или в практике учебной деятельности. Дело в том, что междисциплинарный подход предусматривает опору на представления, методы, концепции и теории из разных областей развивающейся системы научных знаний, из опыта практического их применения, а значит, опирается на комплекс сциентизированных знаний и выстраивает на их основе комплексные представления.

Если говорить о специфике использования комплексного подхода в теории образования, то такой подход открывает возможность многоаспектного изучения педагогического процесса или события с перспективой построения интегрированного представления и достижения взвешенного объективированного понимания структуры и динамики образовательных отношений без излишнего схематизма, без чрезмерной детализации и односторонности в изучении. Комплексный подход не ограничивается только анализом формирования опыта деятельности, заданного набором компетенций, а предусматривает рассмотрение соотнесенности когнитивных и аксиологических, эмоциональных и волевых, деятельностных и предпосылочных аспектов развития с учетом ценностных установок, нормативных установлений и практики их поэтапной реализации. В теоретическом исследовании комплексный подход позволяет осуществить анализ, синтез и репрезентацию изучаемого объекта как динамичной целостности, включающей связанные и соотносительные компоненты, выделение которых может быть определено задачами их изучения или практического преобразования.

Специфика применения комплексного подхода в практике образования состоит в направленности на сбалансированное развитие способностей, качеств и ценностей личности, оптимальную смену разных видов деятельности обучающихся, использование разнообразных методов и технологических моделей организации образовательной деятельности и взаимодействия субъектов в динамичном учебном процессе. Комплексный подход в практике образования может быть реализован не только при взаимодействии многих специалистов, но и в процессе деятельности одного учителя на конкретном уроке при условии последовательного решения комплекса взаимосвязанных задач развития, причем не столько на основе организации репродуктивной деятельности учащихся по восприятию и воспроизведению готового знания, сколько на основе создания условий для продуктивной творческой деятельности, для открытия, создания, конструирования, проектного развития и применения знаний, для выработки осознанного ценностного отношения к познавательной деятельности, для достижения единства обучения и воспитания.

Как известно, в процессе воспитания идет трансляция, передача и последовательное усвоение социальных норм, в частности, норм этических и правовых. В исследовании этих норм и процесса их усвоения применение комплексного подхода желательно и целесообразно, потому что правильное понимание этических и правовых норм часто становится возможным лишь при комплексном, интегрированном рассмотрении разных аспектов их применения.

Комплексное понимание этических норм включает условия и обстоятельства их действия, реализации, конкретность их интерпретации. Только в конкретных условиях абстрактные предписания этических норм обретают определенный смысл. Например, действие этического правила справедливости неоднозначно, смысл данного правила зависит от понимания справедливости и ряда привходящих обстоятельств, что было основательно показано еще у Платона [9, с. 83–129, 205–207]. В процессе воспитания этические нормы комплексно могут быть представлены только с учетом их исторических и аксиологических предпосылок, контекста и условий реализации.

Предмет нравственного воспитания обладает качеством комплексной предметности, так как включает разные элементы, развитие которых необходимо изучать и учитывать вместе и в соотношении между собой. В структуре предмета нравственного воспитания выделяются взаимосвязанные компоненты сознания и поведения: индивидуальное нравственное сознание включает нравственные представления в формах знаний и убеждений, выражающих нормы, идеалы и принципы, которые могут выступать в виде принятых ценностей и источников нравственного интереса; вместе с тем нравственное поведение включает

действия в виде привычки, традиции или поступка, и отношения, выступающие в формах разных видов оценок и определяющие нравственную позицию человека (В. В. Линьков) [10, с. 474–479]. На уровне личности к структуре предмета нравственного воспитания относятся нравственные качества, на уровне коллектива – моральный климат [10, с. 481–483]. С учетом этого ясно, что применение комплексного подхода в исследовании вопросов образования должно включать анализ разных компонентов единого предмета нравственного воспитания, а не выделение и изолированное рассмотрение только одного компонента.

Комплексные исследования правовых норм связаны не только с анализом их структуры и соотношения с другими нормами закона или определенного нормативного акта, но и с анализом условий применения данной нормы, исторических условий ее введения, утверждения, действия или отмены. Только комплексное изучение смысла, значения и исторических предпосылок этих норм дает содержательно правильное понимание практики их осуществления. Предметом изучения может стать комплексная правовая норма, которая, обладая определенной структурой, включающей, как известно, гипотезу, диспозицию и санкцию, имеет в то же время значение не только элемента нормативного акта в рамках кодифицированной правовой системы, но и функцию поведенческого регулятива, основы правового поведения, как показано в исследовании В. Н. Кудрявцева [11]. Правовые нормы всегда применяются в определенных обстоятельствах исторической, культурной, ментальной действительности, поэтому важно комплексное рассмотрение этих норм с учетом конкретных культурно-этологических, политико-правовых, морально-нравственных факторов в рамках определенных этапов и основополагающих тенденций социально-исторического развития.

В правовом образовании комплексный подход позволяет рассматривать в единстве исторические истоки, научные предпосылки и современные процессы в развитии содержания и технологии педагогической работы. Исторический анализ становления системы правового образования в России наглядно демонстрирует, что понимание современного состояния этой сферы невозможно без комплексного учета ее исторических этапов, каждый из которых характеризовался особыми социально-политическими условиями, целями и задачами. Так, в XVIII веке, с принятием первого Устава школы в 1786 году, в гимназиях достаточно детально и основательно изучалось законоведение, происходило последовательное знакомство обучающихся с правовыми нормами и установками, а предписания государственной власти должны были соблюдаться и приниматься во внимание обучающимися. В XIX веке образование становилось более прагматичным, что было связано со стремительным развитием промышленности и научно-техническими достижениями, и потребность в изучении правовых дисциплин заметно возросла; на рубеже XIX–XX веков система правового образования начала свое формирование, была достаточно последовательно определена структура теории права, направленная на изучение и познание государства, освещались формы человеческого общежития, нормы, порядки. Однако события начала XX века сформировали неоднозначное отношение социума к правовым явлениям: идеологи революционных движений настойчиво отстаивали идеи субъективного понимания права, вера в силу права была подорвана, общественность уже не допускала, что правовые нормы могут защитить от произвола. В 1937 году появилась учебная дисциплина «Конституция СССР», но ее изучение было подчинено узким задачам политического воспитания (С. В. Ширяева) [12, с. 352–353].

В середине 1950-х годов объем материала для изучения права постепенно сокращается, из образовательных программ стали уходить вопросы теории права, а образовательная деятельность базировалась на изучении текстов юридических документов с опорой на примеры из жизни. XX съезд КПСС заметно изменил отношение к правовому образованию: больше внимания стало уделяться модели правомерного поведения, программное содержание включало связи между компонентами правовых знаний, что помогало осмыслить роль законов в урегулировании общественных отношений. В 1970-е годы стратегическим направлением государственных органов выступает правовое воспитание граждан, формируется идея создания системы правового образования, включающей просвещение при изучении основ наук, при этом отбор содержания был направлен на реализацию партийно-государственного заказа по воспитанию законопослушного гражданина. В начале 1990-х годов была заложена новая концепция гражданского образования, пристальное внимание уделялось формированию правовой культуры, изучению Конституции, основных прав и свобод граждан. Однако в конце XX века проявились и проблемы: преобладание эмпирического подхода, введение курсов без должной экспериментальной проверки, отсутствие единых требований, несоответствие некоторых курсов возрастным особенностям, противоречия между идеями правового и гражданского образования (С. В. Ширяева) [12, с. 353–355].

Данный исторический обзор убедительно показывает, что правовое образование в России прошло сложный путь от детального изучения законоведения в XVIII веке до узкополитизированных курсов в советский период и формирования современных концепций гражданского образования. Этот путь характеризуется постоянными изменениями целей, содержания и методов правового обучения, что делает применение комплексного подхода не просто желательным, а необходимым условием для объективного понимания современного состояния правового образования и выявления перспектив его развития. Только учитывая в единстве исторические истоки, научные предпосылки, социально-политический контекст и современные процессы, можно разработать эффективные педагогические технологии правового образования, которые находятся на стыке педагогики и юриспруденции и требуют грамотного подбора комбинации педагогических методик для наиболее успешного усвоения правовой информации и формирования полноценной правовой компетенции обучающихся (С. В. Ширяева) [12, с. 355].

Правовая компетенция по существу имеет комплексное содержание, может рассматриваться как комплексный феномен. В процессе подготовки студентов развитие у них правовой компетенции и других видов профессиональных компетенций целесообразно изучать и анализировать в свете применения и реализации комплексного подхода. В основе комплексного понимания компетенции лежит анализ перехода от овладения знаниями и умениями к формированию готовности и способности к их практическому применению, к приобретению опыта деятельности.

Итак, можно сделать общий вывод о том, что комплексный подход обладает значительным потенциалом в практике решения конкретных образовательных задач и в исследовании общих проблем и закономерностей развития образовательного процесса. При использовании этого подхода важно учитывать различия типов комплексности, поэтому целесообразно четко идентифицировать тип комплексности изучаемых явлений. Комплексный подход связан с другими педагогическими подходами, его использование позволяет оптимально комбинировать различные по содержательной направленности педагогические подходы для создания согласованных и непротиворечивых знаний о предмете педагогической деятельности и образовательной действительности.

Список литературы:

[1] Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет в 2 томах. Т. 2. – Москва: Мысль, 1971. – С. 7–209.

[2] Красин М. С., Шаронова Н. В. Комплексный подход как необходимое условие развития методологической культуры обучающихся // Школа будущего. – 2020. – № 6. – С. 24–31.

[3] Воронцов П. Г. Комплексный подход в педагогике с позиции научной картины мира // Философия образования. – 2016. – № 69. – С. 118–127.

[4] Орлова О. С., Эстрова П. А. Инновационные технологии в комплексной реабилитации лиц с нарушениями голоса и речи // Актуальные проблемы образования лиц с ограниченными возможностями здоровья: Материалы научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 19–21 апреля 2018 г. – Москва: МПГУ, 2018. – С. 126–130.

[5] Кривихина А. В. Комплексная реабилитация и образование детей с нарушенным слухом // Образование лиц с нарушением слуха: достижения и актуальные проблемы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: МПГУ, 2019. – С. 154–157.

[6] Линьков В. В. Методология когнитивных исследований и ее значение для развития специальной педагогики // Актуальные проблемы образования лиц с ограниченными возможностями здоровья: Материалы научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 19–21 апреля 2018 г. – Москва: МПГУ, 2018. – С. 255–261.

[7] Линьков В. В. Возможности применения системного подхода к исследованию предпосылок убедительности научного знания // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей. Научн. ред. и сост. И. Т. Касавин, Н. А. Ястреб, Л. В. Шиповалова. – Москва: Изд-во РОИФН, 2024. – С. 745–748.

[8] Мартюшов Л. Н. Основы научно-исследовательской деятельности: учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б. и.], 2017. – 115 с.

[9] Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. Москва: Мысль, 1993. С. 79–420.

[10] Линьков В. В. Предмет нравственного воспитания с философской точки зрения // Научные труды МПГУ. Серия: Психолого-педагогические науки. Сборник статей. – Москва: «Прометей» МПГУ, 2006. – С. 472–484.

[11] Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология // Избранные труды по социальным наукам в 3 томах. Т. 1. – Москва: Наука, 2002. – 566 с.

[12] Ширяева С. В. Развитие системы правового образования в России: историко-педагогические аспекты // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается). Сборник на-

учных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор О. В. Моисеева. – Тамбов, 2021. – С. 351–355.

References:

[1] Hegel G. W. F. Philosophical Propaedeutic // Works of Various Years (in 2 volumes). Vol. 2. – Moscow: Mysl, 1971. – pp. 7–209.

[2] Krasin M. S., Sharonova N. V. A Comprehensive Approach as a Necessary Condition for Developing the Methodological Culture of Learners // School of the Future. – 2020. – No. 6. – pp. 24–31.

[3] Vorontsov P. G. A Comprehensive Approach in Pedagogy from the Perspective of a Scientific Worldview // Philosophy of Education. – 2016. – No. 69. – pp. 118–127.

[4] Orlova O. S., Estrova P. A. Innovative Technologies in the Comprehensive Rehabilitation of Individuals with Voice and Speech Disorders // Current Issues in the Education of Individuals with Disabilities: Proceedings of a Scientific-Practical Conference with International Participation, Moscow, April 19–21, 2018. – Moscow: MPSU, 2018. – pp. 126–130.

[5] Krivikhina A. V. Comprehensive Rehabilitation and Education of Children with Hearing Impairments // Education of Individuals with Hearing Impairments: Achievements and Current Issues: Proceedings of an All-Russian Scientific-Practical Conference. – Moscow: MPSU, 2019. – pp. 154–157.

[6] Linkov V. V. Methodology of Cognitive Research and Its Significance for the Development of Special Education // Current Issues in the Education of Persons with Disabilities: Proceedings of the Scientific and Practical Conference with International Participation, Moscow, April 19–21, 2018. – Moscow: Moscow State Pedagogical University (MSPU), 2018. – pp. 255–261.

[7] Linkov V. V. Possibilities for Applying a Systems Approach to the Study of the Foundations of the Persuasiveness of Scientific Knowledge // Science, Technology, and Values in an Unstable World: A Collection of Scientific Articles. Eds. and compilers: I. T. Kasavin, N. A. Yastreb, L. V. Shipovalova. – Moscow: ROIFN Publishing, 2024. – pp. 745–748.

[8] Martyushov L. N. Fundamentals of Research Activity: A Textbook / Ural State Pedagogical University. – Yekaterinburg: [n. pub.], 2017. – 115 p.

[9] Plato. The Republic // Collected Works in 4 Volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl, 1993. pp. 79–420.

[10] Linkov V. V. The Subject of Moral Education from a Philosophical Perspective // Scientific Works of the Moscow State Pedagogical University (MSPU). Series: Psychological and Pedagogical Sciences. A Collection of Articles. – Moscow: "Prometey" (MSPU), 2006. – pp. 472–484.

[11] Kudryavtsev V. N. Legal Behavior: Norm and Pathology // Selected Works on Social Sciences (in 3 volumes). Vol. 1. – Moscow: Nauka, 2002. – 566 p.

[12] Shiryaeva S. V. Development of the Legal Education System in Russia: Historical and Pedagogical Aspects // The Formation and Development of the Legal Profession: The Legacy of Generations (Dedicated to the Memory of Jurists Who Served at the Front). Collection of Scientific Papers from the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ed. O. V. Moiseeva. – Tambov, 2021. – pp. 351–355.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-743-748

ТЫКЫЛ-ООЛ Айдыс Сергеевич,
кандидат юридических наук, партнер МГКА «Курчин, Либриус и партнеры»,
Москва, Россия,
тел. +7(925)777-74-33,
e-mail: aidys@yandex.ru

О ПРАВОВЫХ ФОРМАХ УЧАСТИЯ РОДИТЕЛЯ В ВОСПИТАНИИ РЕБЕНКА ПО РОССИЙСКОМУ СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *Целью статьи является анализ актуальных правовых проблем в сфере участия родителей в воспитании детей и раскрытие главных юридических форм такого участия через совместное проживание с ребенком, через общение с ним и через участие в решении важных и повседневных вопросов жизнедеятельности ребенка.*

Действующее российское семейное законодательство толкуется таким образом, что суды определяют место жительства детей только с одним из родителей, лишая отдельно проживающего родителя возможности полноценно участвовать в воспитании ребенка.

В связи с этим, единственно доступным и эффективным способом разрешения вопросов воспитания является заключение соглашений, определяющих место жительство детей и порядок общения родителя с детьми и осуществления им своих родительских прав.

На основе анализа семейного и гражданского законодательства, а также судебной практики автором обоснованы предложения по изменению норм Семейного кодекса РФ.

Ключевые слова: *воспитание, родительские права, место жительство детей, равенство, семейные споры.*

Для цитирования: *Тыкыл-Оол А. С. О правовых формах участия родителя в воспитании ребенка по российскому семейному законодательству и судебной практике // Образование и право. 2026. № 10. С. 743–748.*

TYKYL-OOL Aidys Sergeevich,
PhD in Law, Partner of Kurchin Librius and Partners Law Firm,
Moscow, Russia

THE LEGAL FORMS OF JOINT PARENTING UNDER RUSSIAN FAMILY LAW AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *This article aims to examine current legal issues regarding parental child-rearing and the primary legal forms of shared parenting.*

Current Russian family law is interpreted in such a way that courts determine a child's place of residence with only one parent, thereby depriving the other parent—who lives apart—of the opportunity to fully participate in the child's upbringing.

Consequently, the only accessible and effective way to resolve matters concerning a child's upbringing is to enter into agreements determining the child's place of residence and the procedure for exercising parental rights.

Based on an analysis of Russian family and civil legislation as well as judicial practice, the author substantiates proposals for amending the provisions of the Family Code of the Russian Federation.

Key words: *upbringing, parental rights, children's place of residence, equality, family disputes.*

For citation: *Tykyl-Ool A. S. The legal forms of joint parenting under Russian family law and judicial practice. Education and law. 2026;(10):743–748. (In Russ.).*

Воспитание детей – не из простых задач, и, вероятно, немало родителей находятся в поиске ключей к решению многих сложных вопросов воспитания.

Еще более затруднительная ситуация у тех родителей, которые по тем или иным причинам проживают раздельно (когда семейная пара распалась или не создавалась вовсе) и пытаются участвовать в воспитании детей.

В российской действительности аксиоматичному приоритету семейного воспитания детей противостоит проблема разрешения вопросов воспитания в случае расторжения брака их родителями или изначального раздельного проживания родителей.

Несомненно, современный уровень развития информационных технологий и средств связи позволяет отдельно проживающему родителю поддерживать общение, хоть и не «живое», с ребенком, однако непосредственное участие такого родителя в воспитании остается важным и необходимым.

В связи с терминологическими особенностями российского семейного права автор намеренно не использует распространенное в зарубежных юрисдикциях понятие «совместная опека» (joint custody), означающее совокупность прав и обязанностей, которыми родители обладают в отношении ребенка, а использует более емкое понятие «воспитание».

Семейный кодекс РФ, не давая легального определения понятию «воспитание», содержит ряд норм, регулирующие порядок воспитания родителями своих детей (п. 3 ст. 1 СК РФ, п. 2 ст. 31 СК РФ, п. 2 ст. 54 СК РФ, п. 1 ст. 63 СК РФ, п. 1 и 2 ст. 65 СК РФ и п. 1 ст. 66 СК РФ).

Как отмечается в педагогической литературе, цель воспитания – всестороннее и гармоническое развитие личности [1, с. 11].

Реализация права родителя на воспитание ребенка осуществляется посредством определения места жительства ребенка, установления порядка общения с ним и участия родителя в решении важных и повседневных вопросов жизнедеятельности ребенка.

Участие родителя в развитии ребенка как личности может осуществляться как при совместном проживании, так и без такого проживания. При этом, воспитание охватывает решение как вопросов, связанных с образованием, так и иных важных вопросов – этим и обусловлено наименование настоящей статьи.

***

«Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты любой из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат только матери» [2, с. 61-62] – так заключает Ф. Энгельс, рассматривая парную семью, наряду с другими ступенями семьи: кровнородственная семья (первая ступень семьи), семья «пуналуа» и патриархальная семья, основанная на моногамии [2, с. 49-76].

Казалось бы, прошло несколько столетий с тех пор, когда развилась парная семья, а такая догма о принадлежности детей только матери продолжает активно проявлять себя в современной судебной практике нашей страны.

В российской юридической литературе отмечается, что приоритет определения места жительства ребенка с матерью [3, с. 96; 10, с. 56-57] можно относить к правовым обычаям [4, с. 19].

Между тем, психолог А.С. Спиваковская отмечала травматичность развода родителей для детей, особенно в условиях конфликтного развода, что может проявляться продолжительное время» [5, с. 160], в связи с чем, важно сохранить гармоничные, стабильные отношения ребенка как с матерью, так с и отцом, независимо от того, поддерживают ли они отношения между собой.

Согласно Эриху Фромму, материнская любовь проявляется в двух аспектах – в заботе и ответственности, необходимой для сохранения жизни, с одной стороны, и в привитии ребенку жизнелюбия, с другой стороны [6, с. 87].

По мнению Э. Фромма, первый аспект любви (заботу и надежность) способны давать ребенку большинство матерей, но второй аспект (любовь к жизни) – немногие, поскольку любовь матери к жизни или ее тревожность оказывают существенное влияние на личность ребенка. Впрочем, материнская любовь всегда рассматривается в качестве высочайшего типа любви и самой священной из эмоциональных уз ввиду альтруистического (бескорыстного) характера» [6, с. 88-89].

Вероятно, российские суды, определяя в большинстве случае место жительства ребенка с матерью, исходят из постулата, сформулированного Эрихом Фроммом и так понятного для всех по настоящее время.

Однако, в ряде стран развито движение по борьбе за права отцов, за возможность отцов участвовать в воспитании детей [7, с. 18 – 23] (например, движение «маскулинизма», представители которого считают, что даже после расторжения брака и раздельного проживания родителей дети нуждаются, как в матери, так и в отце, в связи с чем, отцы должны обладать практической возможностью реализовывать свои родительские права [8; 9]).

Критический характер судебных споров по поводу воспитания и общения с детьми, а также определения места жительства детей проявляется, помимо прочего, в том, что при их разрешении

затрагиваются практически все принципы семейного законодательства, установленные в ст. 1 СК РФ.

Кроме того, базовым принципом, которым должны руководствоваться суди при рассмотрении семейных споров, является конституционный принцип равенства.

Достаточно хорошо закрепленный в конституционных нормах принцип равноправия граждан [9, с. 21] получил продолжение принципе равноправия мужчин и женщин в семейном законодательстве России (п. 3 ст. 1 СК РФ), но получивший сравнительно декларативных характер в судебной практике по разрешению семейных споров.

Так, М.Л. Шелютто указывает, что физиологические различия между мужчинами и женщинами не должны оправдывать гендерную дискриминацию в детско-родительских отношениях [10, с. 56-57].

Некоторые специалисты в семейном праве [3, с. 101] предлагают решать вопрос дискриминации отцов как родителей и проблему прерывистого и эпизодичного общения отцов с детьми путем определения места жительства детей на совместной, равноправной основе, что может удовлетворить потребность детей в общении с отцами, которая со временем только усиливается.

Автор настоящей статьи полагает, что необходимость соблюдения равенства прав родителей в отношении детей обуславливается собственными потребностями ребенка, как это описано Эрихом Фроммом о необходимости ребенку безусловной любви и заботы матери – как в физическом, так и в психологическом смысле. Ребенок старше шести лет начинает нуждаться в любви отца, в его авторитете и руководстве. Функция матери – окружить ребенка заботой, функция отца – учить его, наставлять в решении тех проблем, с которым ребенок сталкивается в том обществе, в котором родился [6, с. 76-77].

На наш взгляд, участие в воспитании ребенка обоих родителей приведет к всестороннему и гармоничному развитию ребенка как личности, в связи с чем, целесообразно внести изменения в семейное законодательство РФ и скорректировать правоприменение.

Место жительство ребенка как главный фактор воспитания

Очевидно, что совместно проживающий с ребенком после расторжения брака родитель имеет объективно больше возможностей в определении направлений воспитания ребенка. Как правило, такой родитель единолично разрешает все важные вопросы, касающиеся ребенка, что создает, в том числе предпосылки для возникновения споров между родителями относительно воспитания ребенка.

В отсутствие соглашения родителей место жительства ребенка определяется судом с учетом конкретных обстоятельств (п. 2 ст. 54, п. 1 ст. 55 п. 3 ст. 65 СК РФ, п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»).

Судебная практика свидетельствует о нераспространенных случаях определения места жительства детей с отцами при наличии следующих исключительных обстоятельств:

устойчивая эмоциональная привязанность к отцу, подтверждённая экспертизой (см. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 27.01.2026 г. по делу № 33-1487/2026, Апелляционное определение Воронежского областного суда от 09.04.2019 по делу № 33-1690/2019, Апелляционное определение Верховного Суда Республики Ингушетия от 02.07.2025 г. по делу № 33-54/2026);

учёт мнения ребёнка, достигшего 10 лет и изъявившего желание проживать с отцом, и фактическое проживание ребенка с отцом (см. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 09.04.2019 по делу № 33-1690/2019, Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 10.01.2024 г. по делу № 33-531/2024);

длительное фактическое проживание ребёнка с отцом и отсутствие участия матери в воспитании или длительное отсутствие общения матери с ребенком (см. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2022 по делу № 33-11895/2022, Апелляционное определение Московского областного суда от 06.10.2025 по делу № 33-37617/2025, Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 30.08.2024 г. по делу № 33-6925/2024);

фактическое проживание ребенка с отцом и выражение ребенком желания проживать с отцом, несмотря на определение ранее места жительства ребенка с матерью, (см. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.05.2023 г. по делу № 8Г-13890/2023);

наличие у матери ребенка диагностированного алкоголизма или психического расстройства (см. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 по делу № 88-10253/2022, Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 22.09.2016 по делу № 33-11039/2016).

Иными словами, определение места жительства детей с отцом –исключение, а преобладающее правило – поскольку место жительство ребенка можно определить только с одним из ро-

дителей, следует его определять с матерью (см. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 18-КГ17-181).

На наш взгляд, норма абз.2 п. 3 ст. 65 СК РФ позволяет определить при определенных условиях место жительство с обоими родителями, но для «подталкивания» российских судов к принятию таких решений полагаем возможным дополнить п. 3 ст. 65 СК РФ абзацем четвертым следующего содержания:

«При рассмотрении спора о месте жительства детей суд вправе установить совместное проживание ребенка с каждым из родителей с определением времени и иных условий такого проживания».

Такая норма способствовала бы всестороннему и гармоничному развитию личности детей, поскольку обеспечила бы участие в воспитании детей обоих родителей, а также, вероятно, может привести к снижению количества споров о детях и «подтолкнет» родителей к разрешению вопросов воспитания соглашением.

Определение порядка общения с ребенком как способ реализации права на воспитание

Юридическим средством участия отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка является установление порядка общения с ним и порядка осуществления родительских прав, ведь через общение, в конечном итоге, родитель может участвовать в воспитании.

Норма ст. 66 СК РФ и разъяснения, содержащиеся в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10, смоделированы таким образом, что не сподвигают родителей приходить к соглашению относительно общения отдельно проживающего родителя с ребенком, участия в воспитании и решении вопросов получения ребенком образования, в связи с чем, количество судебных споров по данным вопросам традиционно велико.

При этом, судебная практика исходит из необходимости учета, помимо прочего, следующих обстоятельств:

учёт привязанности ребёнка и постепенное восстановление общения (контакта) с родителем (см. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 02.08.2024 г. по делу № 33-12022/2024);

учёт возраста, режима дня и адаптационного периода (до 7 лет) (см. Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 01.09.2023 г. по делу № 33-6596/2023);

учёт психологического состояния ребёнка (см. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 22.06.2023 г. по делу № 33-11218/2023).

Очевидно, что в случае раздельного проживания родителей максимально возможное участие каждого родителя в воспитании ребенка может быть достигнуто только путем заключения соглашения, определяющего место проживания ребенка, порядок общения с ним и осуществления родителями своих прав.

Полагаем возможным дополнить п. 2 ст. 66 СК РФ абзацем 3 следующего содержания:

«Требование об определении порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, может быть заявлено родителем в суд только после получения отказа в заключении соглашения либо неполучения ответа в тридцатидневный срок».

Вопросы воспитания – вне судебного контроля?

В российской судебной практике имеется подход, согласно которому вопросы семейного воспитания (вопросы, связанные с личными и семейными аспектами) в целом находятся за рамками судебного урегулирования (см. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2025 по делу № 8Г-24380/2025, Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2024 по делу № 88-11960/2024, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2025 по делу № 88-39566/2024, Апелляционное определение Амурского областного суда от 12.09.2025 г. по делу № 33АП-3057/2025).

Однако, некоторые суды признают за отдельно проживающими родителями право требовать детализированный, поэтапный порядок осуществления родительских прав, включая право на телефонное общение, участие в образовательных и медицинских вопросах, механизмы обеспечения взаимодействия родителей (обмен контактами, уведомления о медицинских и образовательных событиях).

Так, суд указал, что право на общение включает не только личные встречи, но и средства связи, участие в образовательных и медицинских вопросах — это неотъемлемая часть родительских прав. Препятствование общению со стороны матери является нарушением прав отца и интересов детей (см. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2025 г. по делу № 8Г-9620/2025).

По мнению автора, действующее семейное законодательство РФ не содержит препятствий для определения судом порядка осуществления прав родителей по воспитанию детей – напротив, судебные органы должны принять более актив-

ную позицию в этом вопросе в интересах детей (см. например, Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 19.08.2025 г. по делу № 33-7182/2025).

Воспитывать – право, а не обязанность?

Несмотря на то, что Конституцией РФ и СК РФ установлено, что воспитание – одновременно и право, и обязанность родителей, судебная практика в стране пошла по пути ограничительного толкования:

право на общение родителя с ребенком (через которое реализуется право/обязанность воспитывать) носит добровольный характер и не подлежит принудительному исполнению (см. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 20.03.2023 г. по делу № 33а-3296/2023, Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 14.03.2024 г. по делу № 33а-1412/2024);

невозможно понудить ребёнка к общению с родителем вопреки его желанию (см. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2023 г. по делу № 8а-38310/2023 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2024 г. по делу № 8а-4815/2024).

В связи с таким правоприменением девальвируется значение воспитания ребенка обоими родителями, что, на наш взгляд, не только не гармонизирует Конституции РФ, но и не отвечает интересам детей и требует внесения изменений в семейное законодательство РФ, например, путем дополнения ст. 65 СК РФ пунктом пятым следующего содержания:

«5. По заявлению одного из родителей суд вправе обязать другого родителя общаться с ребенком».

В заключение следует отметить, что принципы действующего семейного и гражданского законодательства РФ позволяют соглашением родителей детально определить порядок осуществления родительских прав, что может обеспечить отдельно проживающему родителю значительное участие в воспитании ребенка.

Кроме того, закон позволяет устанавливать соглашением проживание ребенка с каждым из родителей по определенному графику, но для «подталкивания» родителей к заключению таких соглашений следует внести выше предложенные изменения в семейное законодательство РФ.

Таким образом, договорный порядок урегулирования вопросов места проживания детей, общения с ними и реализации родительских прав позволяет каждому из вовлеченных родителей полноценно участвовать в воспитании детей, что особенно актуально и предпочтительно с учетом достаточно неоднозначной практики рассмотрения соответствующих судебных споров.

Список литературы:

[1] Азаров Ю.П. Искусство воспитывать. М.: Просвещение, 1985. С. 11.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. с. 61-62.

[3] Зыков С.В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // "Право. Журнал Высшей школы экономики", 2018, № 1. С. 96.

[4] Панарина М.М. Правовой обычай как источник семейного права // Семейное и жилищное право. 2016. № 1. С. 19.

[5] Спиваковская А.С. Как быть родителям: (О психологии родительской любви). М.: Педагогика, 1986. С. 160.

[6] Эрих Фромм. Искусство любить. М.: Издательство АСТ. 2021. С. 87.

[7] Мохов А.А. Отцовство как феномен и его правовая охрана // Цивилист. 2024. N 3. С. 18-23.

[8] Николаева Я.Г. Отцовство после развода: обзор исследования зарубежных ученых // Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т.А. Гурко.- М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 173.

[9] Авакьян С.А. Статус человека и гражданина: необходимы конституционные уточнения // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 21.

[10] Шелютто М.Л. Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. 2013. N 12. С. 56 – 57.

References:

[1] Azarov Yu.P. The Art of Upbringing. Moscow: Prosveshcheniye, 1985. P. 11.

[2] F. Engels. The Origin of the Family, Private Property and the State. Partizdat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1937. Pp. 61–62.

[3] Zykov S.V. Joint Physical Custody or Determining a Child's Place of Residence on a Parity Basis? // Law. Journal of the Higher School of Economics, 2018, No. 1. P. 96.

[4] Panarina M.M. Legal Custom as a Source of Family Law // Family and Housing Law, 2016, No. 1. P. 19.

[5] Spivakovskaya A.S. How Parents Should Act: (On the Psychology of Parental Love). Moscow: Pedagogika, 1986. P. 160.

[6] Erich Fromm. The Art of Loving. Moscow: AST Publishers, 2021. P. 87.

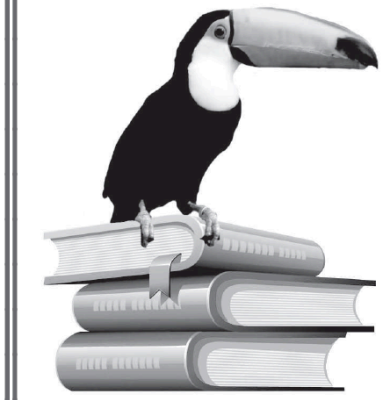
[7] Mokhov A.A. Fatherhood as a Phenomenon

and Its Legal Protection // Tsivilist, 2024, No. 3. Pp. 18–23.

[8] Nikolayeva Ya.G. Fatherhood After Divorce: A Review of Research by Foreign Scholars // Current Problems of Families in Russia / Ed. by T.A. Gurko. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2006. P. 173.

[9] Avakyan S.A. The Status of a Person and a Citizen: Constitutional Clarifications Are Needed // Constitutional and Municipal Law, 2023, No. 8. P. 21.

[10] Shelyutto M.L. Implementation of the Constitutional Principles of Family Law in Russian Legislation // Journal of Russian Law. 2013. No. 12. Pp. 56–57.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-749-755

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье на основе историко-правового и формально-юридического методов исследуется эволюция воспитания и образования несовершеннолетних осужденных в России с середины XIX века до современности. Выделены четыре модели государственной политики: доинституциональная опекунско-карательная; приютско-педагогическая, нормативно оформленная актами 1866 и 1909 годов; советская коллективно-трудовая; современная правозащитная модель образовательной ресоциализации. Установлено, что развитие системы не было линейным: периоды приоритета педагогических средств сменялись усилением режимной и производственной функций. К устойчивым элементам отечественной традиции отнесены раздельное содержание несовершеннолетних и взрослых, соединение общего и профессионального обучения, индивидуализация воздействия, участие семьи и общественности, подготовка воспитанника к самостоятельной жизни. Обосновано, что в современных условиях образование должно рассматриваться не как вспомогательное средство режима, а как системообразующий компонент исполнения наказания. Предлагается закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве принцип непрерывности образования несовершеннолетнего осужденного, индивидуальную образовательную траекторию, защищенный цифровой доступ к образовательным ресурсам, межведомственную передачу образовательного портфолио и сопровождение обучения после освобождения. Сформулированы правовые критерии разграничения подлинно воспитательной деятельности и дисциплинарных практик, формально обозначаемых как воспитание.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные; воспитательные колонии; образование; воспитание; исправительные приюты; пенитенциарная педагогика; ресоциализация; уголовно-исполнительное право.*

Для цитирования: *Майстренко Г. А. Воспитание и образование несовершеннолетних осужденных в России: историко-правовая эволюция и современная модель образовательной ресоциализации // Образование и право. 2026. № 10. С. 749–755.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law,
Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

UPBRINGING AND EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION AND THE CONTEMPORARY MODEL OF EDUCATIONAL RESOCIALIZATION

Annotation. *The article applies historical-legal and formal-legal methods to examine the evolution of upbringing and education of juvenile convicts in Russia from the mid-nineteenth century to the present. It identifies four models of public policy: the pre-institutional custodial-punitive model; the shelter-based pedagogical model legally shaped by the acts of 1866 and 1909; the Soviet collective-labour model; and the contemporary rights-based model of educational resocialization. The development was not linear: periods prioritizing pedagogical measures were repeatedly replaced by stronger security and production functions. The stable elements of the Russian tradition include*

separation of juveniles from adults, a combination of general and vocational education, individualized treatment, family and civil-society participation, and preparation for independent life. The article argues that education should be treated not as an auxiliary element of prison discipline but as a system-forming component of juvenile sentence enforcement. It proposes statutory recognition of educational continuity, an individual learning pathway, secure digital access to educational resources, inter-agency transfer of an educational portfolio, and continued learning support after release. Criteria are formulated for distinguishing genuine educational work from disciplinary practices merely labelled as upbringing.

Key words: *juvenile convicts; juvenile correctional facilities; education; upbringing; correctional shelters; penitentiary pedagogy; resocialization; penal enforcement law.*

For citation: *Maistrenko G. A. Upbringing and education of juvenile convicts in Russia: historical and legal evolution and the contemporary model of educational resocialization. Education and law. 2026;(10):749–755. (In Russ.).*

Введение

Воспитание и образование несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, образуют самостоятельную уголовно-исполнительную проблему на стыке истории права, пенитенциарной педагогики и образовательной политики. Для подростка обучение имеет правовую, возрастную и компенсаторную природу: реализует право на образование, восполняет школьную неуспешность и формирует легальные способы самореализации. Поэтому оно не может быть факультативным приложением к режиму, а должно определять содержание исполнения наказания.

Современное право исходит из особого статуса ребенка и обязанности государства учитывать его наилучшие интересы [1; 2]. Международные правила требуют предоставлять каждому несовершеннолетнему, лишенному свободы, образование, соответствующее его потребностям и способностям, по возможности вне места содержания и по программам, обеспечивающим продолжение обучения после освобождения [3]. Российский законодатель закрепляет единый учебно-воспитательный процесс в воспитательных колониях [12], однако его юридические параметры раскрыты неполно. Не урегулированы непрерывность образовательной траектории при переводе и освобождении, содержание цифровой образовательной среды, порядок межведомственной передачи учебных результатов и гарантии последующего сопровождения.

Цель исследования — выявить закономерности историко-правовой эволюции воспитательно-образовательной функции учреждений для несовершеннолетних и определить направления ее правовой конкретизации. Научная новизна состоит в периодизации этой эволюции по доминирующему пониманию исправления и в обосновании модели образовательной ресоциализации, центром которой является непрерывная индивидуальная траектория подростка. Использованы историко-правовой, формально-юридический, системный и сравнительно-хронологический методы.

1. Предпосылки специальной воспитательно-образовательной политики

До второй половины XIX века российское право не создавало самостоятельной системы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних. Возраст учитывался прежде всего при решении вопроса о вменении и мере ответственности, тогда как содержание подростков оставалось производным от общей тюремной практики, семейной власти, церковного попечения и благотворительности. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривало возможность передачи малолетнего родителям, опекунам или родственникам «для вразумления и наставления» [4]. Государство тем самым признавало воспитательную специфику детского возраста, но возлагало ее реализацию на среду, которая нередко сама являлась источником безнадзорности.

Доинституциональная модель имела три взаимосвязанных недостатка. Несовершеннолетний воспринимался преимущественно как объект опеки либо смягченного наказания, а не как самостоятельный субъект образовательного права. Обучение не включалось в юридическое содержание уголовно-правовой меры. Наконец, отсутствовало гарантированное отделение подростков от взрослых заключенных, вследствие чего тюремная среда усиливала криминальную социализацию. Переход к специальным приютам и колониям был вызван не только гуманизацией наказания, но и осознанием того, что исправление подростка требует другой институциональной технологии: длительного педагогического воздействия, школьного обучения, труда, семейного режима и последующего патронажа.

2. Приютско-педагогическая модель Российской империи

Нормативным рубежом стало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета

от 5 декабря 1866 года «Об исправительных приютах» [5]. Учреждать приюты и земледельческие колонии могли государственные, земские, общественные, духовные и частные структуры. Их задача связывалась с нравственным исправлением несовершеннолетних, приучением к труду и предоставлением элементарного образования. В отличие от обычной тюрьмы приют должен был воспроизводить педагогически организованную микросреду: небольшие группы, постоянный надзор наставников, школьные занятия, ремесленное или сельскохозяйственное обучение, религиозно-нравственное воспитание.

Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних 1909 года систематизировало накопленный опыт и закрепило само наименование «воспитательно-исправительное заведение» [6]. Законодатель стремился соединить охрану общества с подготовкой воспитанника к честной самостоятельной жизни. Образование включало начальное обучение и профессиональную подготовку, выбор которой зависел от пола, возраста, местных условий и хозяйственного профиля учреждения. Исследования дореволюционных заведений показывают, что ремесленная школа была не второстепенной хозяйственной функцией, а способом придать выпускнику устойчивый социальный статус [17, с. 10–14].

Сильной стороной модели являлась педагогическая индивидуализация: наблюдение за поведением, поощрения, постепенное расширение доверия, связь с попечителями, помощь после выпуска. Вместе с тем система сохраняла сословные, конфессиональные и гендерные различия, зависела от благотворительного финансирования и не обеспечивала равномерной территориальной доступности. Труд мог приобретать хозяйственно-эксплуатационный характер, а нравственное воспитание — превращаться в дисциплинарную риторику. Следовательно, историческое значение приютов состоит не в идеализации их практики, а в закреплении принципа: несовершеннолетний правонарушитель нуждается в специально организованной образовательной среде, отличной от взрослой тюрьмы.

3. Советская коллективно-трудовая модель: достижения и противоречия

Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» отменил суды и тюремное заключение для несовершеннолетних и передал дела комиссиям, ориентированным на медико-педагогические меры [7]. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года развил идею специальных учреждений, соединив обучение, воспитание и общественно полезный труд [8]. В раннесоветской концепции правонарушение подростка объяснялось социальной запущенностью, а коллектив должен был стать средством перевоспитания. Это создавало пространство для педагогического эксперимента, самоуправления, производственного обучения и включения воспитанника в социально значимую деятельность.

В 1930-е годы гуманистическая направленность уступила место административно-репрессивной централизации. Положение о трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних 1935 года закрепило режимную организацию колонии, обязательный труд и школьное обучение [9]. Производственная результативность нередко становилась фактическим критерием исправления. Коллективистская педагогика обладала значительным социализирующим потенциалом, но при подчинении ведомственной отчетности допускала обезличивание подростка, приоритет дисциплины над развитием и смешение воспитательного воздействия с принуждением.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 года оформил относительно устойчивую систему воспитательно-трудовых колоний [10; 16]. В ней действовали общеобразовательные школы и профессионально-техническое обучение, применялись отрядная организация, культурно-массовая работа, соревнование, шефство предприятий и общественных организаций. Достижением стало признание обучения постоянным элементом исполнения наказания. Однако образовательная траектория определялась прежде всего возможностями учреждения, а не способностями и планами воспитанника. Связь с обычной школой, колледжем и рынком труда после освобождения оставалась слабой. Тем самым советская модель институционализировала образование, но не обеспечила его персональной и межведомственной непрерывности.

4. Постсоветская правовая модель и ее нормативные пределы

Современный этап характеризуется переходом от идеологии исправительно-трудового воздействия к правовой модели, в которой несовершеннолетний сохраняет конституционные и образовательные права. Уголовный кодекс Российской Федерации требует учитывать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и влияние старших лиц [11]. Уголовно-исполнительный кодекс предусматривает отбывание лишения свободы в воспитательных колониях и закрепляет единый учебно-воспитательный процесс [12]. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» гарантирует получение общего образования лицами, находящимися в исправительных учреждениях, и регулирует особенности организации обучения [13].

Совместный приказ Минюста России и Минобрнауки России устанавливает порядок получения начального общего, основного общего и среднего общего образования осужденными [14], а приказ Минюста России 2020 года регулирует профессиональное обучение и среднее профессиональное образование [15]. Нормативное разделение образовательных полномочий между уголовно-исполнительной системой и органами образования позволяет сохранять государственные стандарты и выдавать документы установленного образца. Вместе с тем режимные ограничения, неодинаковая материальная база учреждений, кадровый дефицит и ограниченность программ сужают реальный выбор подростка.

Главная юридическая проблема состоит в том, что формула единого учебно-воспитательного процесса описывает цель, но не создает измеримого механизма. Закон не требует оформлять индивидуальную образовательную траекторию, сопоставляющую исходный уровень знаний, особые образовательные потребности, срок наказания, профессиональные интересы и план освобождения. Не установлен единый цифровой формат образовательного портфолио, которое следовало бы передавать школе или колледжу по месту жительства. Не определен субъект, отвечающий за восстановление обучения непосредственно после освобождения. В результате подросток может успешно учиться в колонии, но потерять достигнутые результаты на межведомственном переходе.

5. Образовательная ресоциализация как современная уголовно-исполнительная модель

Исторический анализ позволяет разграничить четыре модели: опекунско-карательную, приютско-педагогическую, коллективно-трудовую и правозащитную образовательную. Последняя пока сформирована лишь частично. Ее отличие состоит в том, что образование рассматривается не как награда за дисциплину, не как средство занятости и не как обслуживающая функция производства, а как самостоятельное право и основной ресурс снижения криминогенных рисков. Воспитательная работа при этом должна соединять учебный успех с развитием правосознания, навыков общения, финансовой и цифровой грамотности, способности планировать жизнь и разрешать конфликты ненасильственными способами.

Принцип непрерывности образования следует понимать в четырех измерениях. Институциональная непрерывность означает сохранение обучения при перемещении между следственным изолятором, воспитательной колонией и образовательной организацией после освобождения. Содержательная предполагает зачет освоенных модулей и исключение необоснованного повторения программы. Цифровая требует защищенного доступа к электронным библиотекам, образовательным платформам и дистанционным курсам без свободного выхода в сеть. Социальная непрерывность выражается в участии семьи, наставника, комиссии по делам несовершеннолетних, органов образования и службы занятости в едином плане ресоциализации.

Индивидуализация не должна сводиться к характеристике поведения. Для каждого осужденного целесообразно формировать образовательный профиль: фактический уровень грамотности, перерывы в учебе, когнитивные и коммуникативные особенности, профессиональные интересы, имеющиеся документы, достижения и ограничения. На его основе утверждается индивидуальная траектория с академическими и социальными результатами. Ее выполнение оценивается не администрацией единолично, а междисциплинарной группой с участием педагогов и психологов. Такой подход переводит исправление из сферы оценочных суждений в область проверяемых позитивных изменений.

Особое значение имеет участие общественных объединений, способных расширять образовательное предложение, обеспечивать наставничество, профориентацию и сопровождение после освобождения. Современные исследования подтверждают востребованность устойчивого взаимодействия воспитательных колоний с некоммерческими организациями и волонтерскими объединениями [18, с. 100–105]. Однако такое участие должно строиться на стандартах допуска, защите персональных данных, педагогической компетентности и оценке результатов, а не зависеть исключительно от разовых благотворительных инициатив.

6. Предложения по совершенствованию законодательства

Представляется целесообразным дополнить статью 141 УИК РФ нормой следующего содержания: «Организация учебно-воспитательного процесса в воспитательной колонии основывается на принципе непрерывности образования несовершеннолетнего осужденного и осуществляется в соответствии с его индивидуальной образовательной траекторией, обеспечивающей преемственность обучения при переводе и после освобождения». Такая формула не дублирует законодательство об образовании, а закрепляет специальную уголовно-исполнительную гарантию, обусловленную изоляцией и повышенной уязвимостью подростка.

На подзаконном уровне необходимо установить обязательное электронное образовательное

портфолио, содержащее сведения об освоенных программах и модулях, результатах диагностики, профессиональных пробах, достижениях и рекомендациях. Доступ к нему должен предоставляться только уполномоченным субъектам и самому несовершеннолетнему с соблюдением законодательства о персональных данных. Не позднее чем за шесть месяцев до предполагаемого освобождения требуется разрабатывать межведомственный план продолжения обучения, определять конкретную образовательную организацию, порядок зачисления, необходимые документы, меры социальной поддержки и ответственного координатора.

Следует нормативно закрепить минимальный состав защищенной цифровой образовательной среды воспитательной колонии: федеральные информационные ресурсы, электронные учебники, тренажеры, дистанционные консультации преподавателей и возможность прохождения отдельных программ организаций среднего профессионального и высшего образования. Режим информационной безопасности может обеспечиваться «белыми списками» ресурсов, идентификацией пользователя, журналированием доступа и исключением неконтролируемых коммуникаций. Полный отказ от цифровых форм обучения создает новое неравенство и снижает конкурентоспособность выпускника.

Критерии эффективности воспитательной колонии также нуждаются в изменении. Наряду с режимными показателями должны оцениваться доля подростков, восстановивших обучение, получивших квалификацию, продолживших образование в течение трех месяцев после освобождения, трудоустроенных по освоенной профессии и не совершивших повторного преступления. Образовательные результаты не следует механически превращать в основание поощрения или взыскания: они должны использоваться для улучшения программ и распределения ресурсов. Иначе право на образование вновь окажется подчиненным дисциплинарной логике.

Заключение

История воспитания и образования несовершеннолетних осужденных в России демонстрирует не последовательную гуманизацию, а конкуренцию педагогической, режимной и производственной рациональностей. Дореволюционные приюты впервые институционально отделили подростка от взрослой тюрьмы и связали исправление со школой и профессией. Советская система сделала обучение постоянной частью деятельности колоний, но подчинила его коллективно-трудовой организации и ведомственным задачам. Современное законодательство признало права несовершеннолетнего и государственные образовательные стандарты, однако не гарантировало непрерывность индивидуальной траектории.

Перспективное развитие должно быть связано с моделью образовательной ресоциализации. Ее основными элементами являются индивидуальный образовательный профиль, преемственность обучения на всех этапах уголовного процесса и после освобождения, защищенная цифровая среда, межведомственное сопровождение, участие семьи и общественности, а также оценка учреждения по устойчивым образовательным и социальным результатам. Исторический опыт позволяет сформулировать принципиальный критерий: воспитательной является лишь такая практика, которая расширяет самостоятельность несовершеннолетнего, его знания и законные жизненные возможности; дисциплинарное подчинение без развития этим критериям не отвечает.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[2] Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[3] Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы: приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 18.06.2026).

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. — [4], IV, 898, XVII с.

[5] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об исправительных приютах» от 5 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отд. II. № 43949.

[6] Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних от 19 апреля 1909 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. № 31727.

[7] О комиссиях для несовершеннолетних: декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 8.

[8] Об утверждении Исправительно-трудово-

го кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

[9] Положение о трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних от 29 июля 1935 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 103. Л. 51–51 об.

[10] Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 18 декабря 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[12] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

[13] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[14] Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы: приказ Минюста России № 274, Минобрнауки России № 1525 от 6 декабря 2016 г. (ред. от 20 декабря 2018 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208878/5b9e428baa3cf1aa35e1fdc3c6dee6a7ce98a54e/ (дата обращения: 18.06.2026).

[15] Об утверждении Порядка организации профессионального обучения и среднего профессионального образования лиц, осужденных к лишению свободы: приказ Минюста России от 24 марта 2020 г. № 59. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349994/ (дата обращения: 18.06.2026).

[16] Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир: Издательство Владимирского государственного университета, 2008. 428 с.

[17] Бикчурина Э. З. Организация пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков (на примере Казанского воспитательно-исправительного ремесленного приюта) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3 (53). С. 8–17.

[18] Кузнецова Е. В., Кочанова В. С. Содействие общественных объединений воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к лишению свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 1 (69). С. 98–107.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 (including amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4.

[2] Convention on the Rights of the Child: adopted by the UN General Assembly on November 20, 1989 // Collection of International Treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.

[3] United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty: adopted by UN General Assembly resolution 45/113 on December 14, 1990 // UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (accessed: June 18, 2026).

[4] Code of Criminal and Correctional Punishments. — Saint Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. — [4], IV, 898, XVII p.

[5] Opinion of the State Council "On Correctional Shelters," approved by the Emperor on December 5, 1866 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XLI. Section II. No. 43949.

[6] Regulation on Educational-Correctional Institutions for Minors, dated April 19, 1909 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XXIX. No. 31727.

[7] On Commissions for Minors: Decree of the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR, January 14, 1918 // *Gazette of the Provisional Workers' and Peasants' Government*. 1918. No. 8.

[8] On the Approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK), October 16, 1924 // *Collection of Enactments of the RSFSR*. 1924. No. 86. Art. 870.

[9] Regulation on the NKVD Labor Colony for Minors, July 29, 1935 // State Archive of the Russian Federation. Fond 9401, Series 12, File 103, Sheets 51–51v.

[10] Correctional Labor Code of the RSFSR: Approved by the Law of the RSFSR, December 18, 1970 // *Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1970. No. 51. Art. 1220.

[11] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on June 10, 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.

[12] Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997 (current version) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 2. Art. 198.

[13] On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on April 25, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.

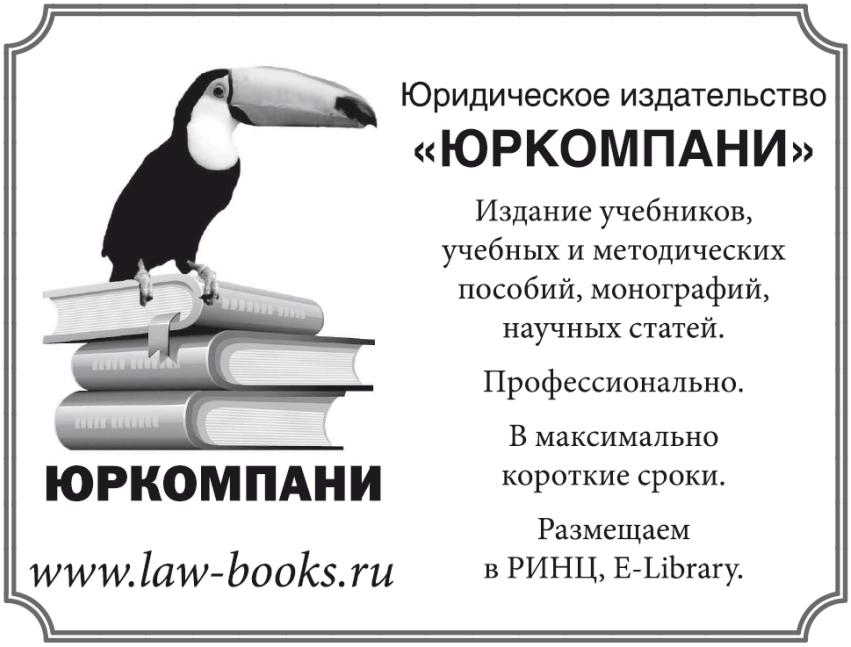
[14] On Approval of the Procedure for Organizing the Provision of Primary General, Basic General, and Secondary General Education to Persons Serving Sentences of Imprisonment: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 274 and the Ministry of Education and Science of Russia No. 1525 dated December 6, 2016 (as amended on December 20, 2018) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208878/5b9e428baa3cf1aa35e1fdc3c6dee6a7ce98a54e/ (accessed: June 18, 2026).

[15] On Approval of the Procedure for Organizing Vocational Training and Secondary Vocational Education for Persons Sentenced to Imprisonment: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 59 dated March 24, 2020 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349994/ (accessed: June 18, 2026).

[16] Ashin A. A. Juvenile Correctional Colonies: History and the Present Day. Vladimir: Vladimir State University Publishing House, 2008. 428 p.

[17] Bikchurina E. Z. Organization of Penal Institutions for Juveniles in the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (A Case Study of the Kazan Educational and Correctional Vocational Shelter) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 3 (53). pp. 8–17.

[18] Kuznetsova E. V., Kochanova V. S. The Role of Public Associations in the Educational Work with Juveniles Sentenced to Imprisonment // Penitentiary Science. 2025. Vol. 19. No. 1 (69). pp. 98–107.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-756-760

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ: АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Аннотация. *В публикации представлены результаты ревизии и анализа средств, используемых в воспитательной работе по формированию профессионально-важных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России, осуществленной авторским коллективом ФКУ НИИ ФСИН России в 2022 году. Ключевой акцент сделан на необходимости создания целостной системы воспитания, способной выполнять организующую и формирующую функцию по отношению к личности курсанта. Именно такая система, выстроенная с учетом возрастных, гендерных, национальных и религиозных особенностей, уровня общекультурного и профессионального развития, социальных навыков обучающихся, позволяет целенаправленно формировать у будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы корпоративную и организационную культуру, патриотизм, традиционные духовно-нравственные ценности и навыки здорового образа жизни. Организующая и формирующая воспитательная среда выступает действенным механизмом профилактики девиантного, делинквентного, аддиктивного и противоправного поведения, а также противодействия распространению экстремистских и поликультурных идей в курсантской среде. В образовательных организациях пенитенциарной системы сосредоточена будущая основа кадрового потенциала уголовно-исполнительной системы. Публикация посвящена анализу специфики организации воспитательной работы с курсантами, проведенному посредством изучения практики пенитенциарной психологической и воспитательной работы, мнений исследователей, экспертного мнения пенитенциарных сотрудников и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций. Посредством ревизии и анализа определены лучшие образцы средств, используемые образовательными организациями и территориальными органами ФСИН России, а также инновационные материалы (ноу-хау) в сфере воспитательной работы. Анализ показывает, что, несмотря на общие характеристики проводимой работы, содержание трудов имеет различия: каждый из представленных материалов обладает инновационностью, оригинальностью, авторским выражением, национально-культурными особенностями и направленностью. Представлены общие практические рекомендации по организации данного направления воспитательной работы с курсантами.*

Ключевые слова: *курсанты, ведомственные образовательные организации, профессионально-важные качества, воспитательная работа, профилактика, духовно-нравственное воспитание, система воспитания, формирующая воспитательная среда.*

Для цитирования: *Казберов П. Н. Духовно-нравственное воспитание курсантов образовательных организаций ФСИН России: анализ средств воспитательной работы // Образование и право. 2026. № 10. С. 756–760.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of psychological sciences

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF CADETS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: ANALYSIS OF EDUCATIONAL TOOLS

Annotation. *The publication presents the results of the audit and analysis of the tools used in educational work on the formation of professionally important qualities of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, carried out by the team of authors of the FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2022. The key emphasis is placed on the need to create an integral system of education capable of performing an organizing and formative function in relation to the cadet's personality. It is precisely such a system, built taking into account age, gender, national and religious characteristics, the level of general cultural and professional development, and social skills of students, that makes it possible to purposefully form in future employees of the penitentiary system a corporate and organizational culture, patriotism, traditional spiritual and moral values and healthy lifestyle skills. The organizing and formative educational environment acts as an effective mechanism for the prevention of deviant, delinquent, addictive and illegal behavior, as well as for counteracting the spread of extremist and multicultural ideas among cadets. The educational organizations of the penitentiary system concentrate the future basis of the human resources potential of the penitentiary system. The publication is devoted to the analysis of the specifics of the organization of educational work with cadets, carried out by studying the practice of penitentiary psychological and educational work, the opinions of researchers, the expert opinion of penitentiary employees and the teaching staff of educational organizations. Through the audit and analysis, the best examples of tools used by educational organizations and territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as innovative materials (know-how) in the field of educational work, were identified. The analysis shows that, despite the general characteristics of the work carried out, the content of the works has differences: each of the presented materials has its own innovativeness, originality, author's expression, national and cultural characteristics and focus. General practical recommendations on the organization of this area of educational work with cadets are presented.*

Key words: *cadets, departmental educational organizations, professionally important qualities, educational work, prevention, spiritual and moral education, education system, formative educational environment.*

For citation: *Kazberov P. N. Spiritual and moral education of cadets in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: analysis of educational tools. Education and law. 2026;(10):756–760. (In Russ.).*

Введение. Формирование профессионализма у персонала остается одним из не теряющих своей актуальности направлением кадровой политики всех силовых ведомств России. Профессионализм в современных научных источниках определяется не только как достижение достаточного для эффективного выполнения обязанностей триединтва знаний умений и навыков но и развития личности профессионала – духовно-нравственных качеств, культурных ценностей и т.д. И здесь особого умения требует воспитание и развитие молодежи, а именно курсантов образовательных организаций ФСИН России (далее – ОО ФСИН России), что обусловлено особыми условиями их подготовки, а так де требованиями к их личностным и нравственным качествам, как к будущему ядру профессионалов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Качественное сопровождение обучения курсантов включает не только отбор, адаптацию и обучения, но и создания преобразующей и формирующей профессионала среды, путем как учебно-методических методов, так и широкого внедрения информационно-коммуникативных средств, инноваций в области методов воспитательной работы, создания эффективной системы комплексной профилактики развития среди курсантов девиантного, делинквентного, аддиктивного, противоправного поведения, противодействию возникновению в среде курсантов экстремистских и поликультурных идей, что подразумевает привитие им корпоративной и организационной культуры, патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей, формирования навыков здорового образа жизни и т.д. Одновременно с этим внедрение своевременных методов и средств воспитательной работы будут способствовать не только развитию у курсантов профессионально-важных качеств, но одновременно и распространению в образовательных сообществах и затем в пенитенциарных учреждениях знаний о наиболее действенных формах и методах работы с молодежью, профилактики и предотвращению имеющихся угроз в обществе.

Цель статьи – раскрытие дефиниции организации и проведения воспитательной работы с курсантами.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что эффективность формирования профессионально-важных качеств и духовно-нравственных ценностей курсантов образова-

тельных организаций ФСИН России существенно повышается при условии создания целостной системы воспитания, выполняющей организующую и формирующую функцию и обеспечивающей системное внедрение инновационных информационно-пропагандистских и просветительских средств, учитывающих возрастные, национальные, религиозные и гендерные особенности обучающихся, а также специфику будущей профессиональной деятельности.

Задачи исследования:

1. Провести ревизию и анализ средств, используемых в воспитательной работе по формированию профессионально-важных качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России.

2. Изучить современные научные подходы к духовно-нравственному воспитанию курсантов ведомственных образовательных организаций.

3. Выявить и систематизировать лучшие образцы информационно-пропагандистских и просветительских средств, применяемых территориальными органами и образовательными организациями ФСИН России.

4. Определить инновационные материалы (ноу-хау) в сфере воспитательной работы с курсантами.

5. Разработать практические рекомендации по организации воспитательной работы с курсантами с использованием инновационных средств.

Использованные методы: ревизия и анализ средств информационно-пропагандистской и просветительской работы, проводимой с курсантами ведомственных образовательных организаций, экспертный опрос профессорско-преподавательского состава, непосредственно реализующих данные методы.

Проблематика духовно-нравственного воспитания курсантов образовательных организаций ФСИН России в последние годы активно разрабатывается в научной литературе. Так, А.В. Вилкова и Ю.Н. Строгович в работе 2025 года рассматривают проблемы возвращения к традиционным духовно-нравственным ценностям в контексте профессиональной подготовки личного состава УИС, подчеркивая, что духовно-нравственное воспитание является неотъемлемой частью профессиональной подготовки, обеспечивающей формирование высокой профессиональной культуры сотрудников [1].

Системный подход к организации воспитательной работы с сотрудниками и курсантами уголовно-исполнительной системы представлен в публикации автора с соавторами 2024 года, где нами обосновывают необходимость комплексного воздействия на личность курсанта с учетом специфики будущей профессиональной деятельности [2]. В работе А.В. Вилковой, с соавторами (2023 г.) рассматриваются вопросы воспитания у курсантов ведомственных образовательных учреждений профессионально значимых качеств, в том числе через призму духовно-нравственного развития [3]. Профессор Т.В. Кириллова акцентирует внимание на роли преподавателя в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей у обучающихся, подчеркивая значение воспитания ответственности за свои поступки и формирования умения соотносить свои действия с нормами общества [4]. Л.В. Ковтуненко рассматривает традиционные ценности как нравственный ориентир развития личностного потенциала курсантов образовательных организаций ФСИН России, анализируя эффективные формы и методы воспитания [5].

В исследовании Камбалиной П.А, кураторство представлено как педагогический инструмент формирования духовно-нравственных ценностей курсантов и, выделены ключевые функции куратора и разработана структура индивидуального плана воспитательной работы [6]. Таким образом, современные исследования подтверждают необходимость системного подхода к духовно-нравственному воспитанию курсантов, интеграции усилий профессорско-преподавательского состава, кураторов и воспитательных структур.

Проведенный анализ информационно-пропагандистских и просветительских средств (далее – ИППС), используемый в воспитательной работе с курсантами ведомственных образовательных организаций (далее – курсантами) показывает, что профессорско-преподавательсским составом используется значительное число педагогических методов и средств направленных как на формирование профессиональных компетенций, так и формирующих духовно-нравственные качества и ценности у молодежи [7].

Использования ИППС в воспитательной работе с курсантами значительно возрастает в современных условиях что приводит к необходимости распространения лучших практик, разработке мониторинга и оценки применяемых ИППС при формировании ПВК сотрудников. В учреждениях и органах ФСИН России воспитательная работа и морально-психологическое обеспечение курсантов организуется исходя из характеристик актуальной информационной оперативной обстановки [8]. Это определяет зависимость воспитательной работы от эффективности используемых ИППС. В ФСИН России используются как традиционные ИППС (тематические плакаты, широкоформатные фотографии, видеофильмы, учебные пособия, баннеры, стенгазеты, информационные видеоэкраны), так и ИППС инновационного харак-

тера.

Под ИППС понимается не только инструментарий массового, группового и индивидуального информационного воздействия на КВОО, но и совокупность органов публичной передачи информации. В направлении воспитательной работы с курсантами используются в основном типичные методы, формы и ИППС. Между тем анализ материалов лучших трудов территориальных органов и образовательных организаций ФСИН России позволил определить, что характер содержания трудов имеет различия. Каждый из представленных лучших трудов обладает оригинальностью, авторским выражением и направленностью, в которой тот или иной ТО или ОО особо успешен.

Обобщая представленные в материалах подходы, можно выделить ряд ключевых направлений формирования организующей и формирующей воспитательной среды. К ним относятся: создание и поддержание мемориально-исторической среды, обеспечивающей трансляцию профессиональных традиций и преемственности поколений сотрудников УИС; организация информационно-просветительской среды, направленной на гражданское самоопределение и профессиональное становление курсантов; формирование ценностно-ориентированной среды, способствующей укреплению традиционных семейных и духовно-нравственных ценностей; построение интерактивно-коммуникативной среды с использованием современных технических средств и цифровых ресурсов; развитие социально-партнерской среды через взаимодействие с региональными общественными организациями и институтами гражданского общества. Каждое из указанных направлений реализуется в конкретных территориальных органах и образовательных организациях с учетом региональной специфики, национально-культурных особенностей и накопленного практического опыта. Именно это разнообразие подходов при единстве целевых установок обеспечивает целостность и эффективность формирующей воспитательной среды в масштабах всей ФСИН России.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что, несмотря на общие характеристики проводимой ТО и ОО ФСИН России работы, характер содержания трудов имеет различия. Каждый из представленных материалов обладает инновационностью, оригинальностью, авторским выражением и направленностью, в которой тот или иной ТО или ОО особо успешен. Сборник трудов «Лучшие информационно-пропагандистские и просветительские средства, используемый в воспитательной работе по формированию ПВК курсантов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» будет способствовать унификации проводимой воспитательной работы, то есть использованию всеми ТО и ОО ФСИН России лучших ИППС [7].

Представленные материалы позволяют ознакомить читателей с особенностями проведения воспитательной работы информационно-пропагандистскими и просветительскими средствами, учитывающими механизмы, лежащие в основе воспитания молодежи. Эти механизмы будут способствовать не только развитию у курсантов профессионально-важных качеств, но и выработке и распространению в образовательных профессиональных сообществах знаний о наиболее действенных формах и методах работы с молодежью по профилактике и предотвращению имеющихся угроз в обществе.

Список литературы:

[1] Вилкова А.В., Строгович Ю.Н. О некоторых проблемах на пути возвращения к традиционным духовно-нравственным ценностям // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2025. – № 1. – С. 7-11.

[2] Вилкова А.В., Казберов П.Н. Система воспитательной работы с сотрудниками и курсантами уголовно-исполнительной системы // Образование и право. – 2024. – № 5. – С. 517-521.

[3] Вилкова А.В., Фадеева С.А., Лукашенко Д.В. Воспитание у курсантов ведомственных образовательных учреждений профессионально значимых качеств // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2023. – № 1. – С. 24-28.

[4] Кириллова Т.В. Отдельные аспекты работы преподавателей образовательных организаций ФСИН России по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей у обучающихся // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. – 2024. – С. 106-112.

[5] Ковтуненко Л.В. Традиционные ценности как нравственный ориентир развития личностного потенциала курсантов образовательных организаций ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 1. – С. 43-47.

[6] Камбалина П.А. Кураторство как инструмент формирования духовно-нравственных ценностей курсантов образовательных организаций ФСИН России // Вестник психологии и педагогики. – 2026. – С. 101-113.

[7] Лучшие информационно-пропагандистские и просветительские средства, используемые в воспитательной работе по формированию профессионально значимых качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / А.В. Вилкова, С.В. Кулакова, П.Н. Казберов [и др.]. – Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022.

– 82 с.

References:

[1] Vilkova A.V., Strogovich Yu.N. On Certain Challenges in Returning to Traditional Spiritual and Moral Values // Penal System: Law, Economics, Management. – 2025. – No. 1. – pp. 7–11.

[2] Vilkova A.V., Kazberov P.N. A System of Educational Work with Staff and Cadets of the Penal System // Education and Law. – 2024. – No. 5. – pp. 517–521.

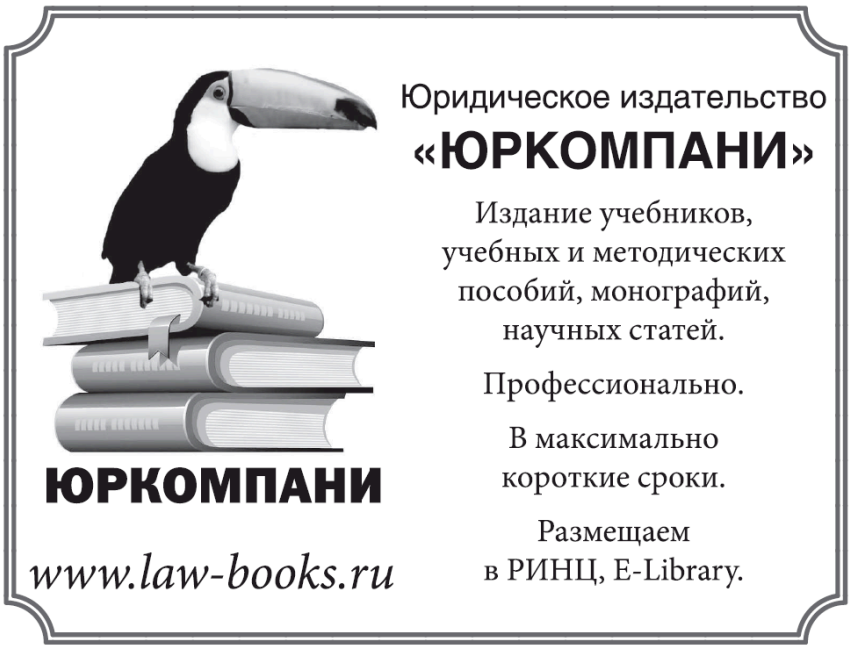
[3] Vilkova A.V., Fadeeva S.A., Lukashenko D.V. Fostering Professionally Significant Qualities in Cadets of Departmental Educational Institutions // Penal System: Law, Economics, Management. – 2023. – No. 1. – pp. 24–28.

[4] Kirillova T.V. Selected Aspects of the Work of Educators in Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia Regarding the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values Among Students // Scientific Works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2024. – pp. 106–112.

[5] Kovtunenko L.V. Traditional Values as a Moral Guideline for Developing the Personal Potential of Cadets in Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia // Bulletin of the Penal System. – 2024. – No. 1. – pp. 43–47.

[6] Kambalina P.A. Mentorship (Curatorship) as a Tool for Shaping the Spiritual and Moral Values of Cadets in Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia // Bulletin of Psychology and Pedagogy. – 2026. – pp. 101–113.

[7] The Best Information, Propaganda, and Educational Tools Used in Developmental Work to Shape Professionally Significant Qualities in Personnel of the Penal System of the Russian Federation / A.V. Vilkova, S.V. Kulakova, P.N. Kazberov [et al.]. – Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. – 82 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-761-768
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ОРЕШНИКОВА Ксения Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права,
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: oreshnikova.ksenia@guap.ru

ЦИФРОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию цифровой инфраструктуры как самостоятельного элемента современного механизма реализации конституционного права на высшее образование в Российской Федерации. Рассматривается развитие нормативно-правового регулирования электронного обучения, дистанционных образовательных технологий и электронной информационно-образовательной среды образовательных организаций.*

Особое внимание уделяется структуре цифровой инфраструктуры высшего образования, включающей информационные системы образовательных организаций, электронные информационно-образовательные среды, цифровые образовательные ресурсы, системы идентификации и аутентификации, государственные информационные системы и цифровые сервисы взаимодействия участников образовательных отношений. Обосновывается, что современное законодательство регулирует отдельные технологические элементы цифрового образования, однако пока не формирует целостной публично-правовой модели цифровой реализации права на высшее образование.

В заключение сформулированы направления совершенствования законодательства, связанные с формированием единой архитектуры цифровой реализации права на высшее образование, установлением требований к совместимости информационных систем, правовым статусом цифрового профиля обучающегося, регулированием юридически значимых цифровых действий и определением ответственности образовательной организации и оператора информационной системы.

Ключевые слова: *высшее образование, право на образование, цифровая инфраструктура, цифровая трансформация, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, электронная информационно-образовательная среда, информационные системы, цифровой профиль обучающегося, персональные данные, информационная безопасность, цифровые образовательные ресурсы, публично-правовое регулирование, цифровизация образования.*

Для цитирования: *Орешникова К. С. Цифровая инфраструктура реализации права на высшее образование в Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 761–768.*

ORESHNIKOVA Ksenia Sergeyevna,
Lecturer, Department of Public Law,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

DIGITAL INFRASTRUCTURE FOR THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines digital infrastructure as an independent element of the modern mechanism for implementing the constitutional right to higher education in the Russian Federation.*

Particular attention is paid to the structure of the digital infrastructure of higher education, including information systems of educational organizations, electronic information and educational environments, digital educational resources, identification and authentication systems, state information systems and digital services for interaction between participants in educational relations.

It is argued that current legislation regulates individual technological elements of digital education but does not yet establish a comprehensive public-law model for the digital implementation of the right to higher education.

The conclusion formulates directions for improving legislation, including the creation of a unified architecture for the digital implementation of the right to higher education, establishing interoperability requirements for information systems, defining the legal status of a student's digital profile, regulating legally significant digital actions and determining the liability of educational organizations and information system operators.

Key words: *higher education, right to education, digital infrastructure, digital transformation, e-learning, distance educational technologies, electronic information and educational environment, information systems, student's digital profile, personal data, information security, digital educational resources, public-law regulation, digitalization of education.*

For citation: *Oreshnikova K. S. Digital infrastructure for the implementation of the right to higher education in the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):761–768. (In Russ.).*

Введение

Конституционное право на образование относится к числу основных социальных прав человека и гражданина. В соответствии с частью 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование, а государством гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования в государственных или муниципальных образовательных организациях [1]. Реализация указанного права в современных условиях все в большей степени зависит не только от наличия образовательных организаций, преподавателей, образовательных программ и материально-технической базы, но и от состояния цифровой инфраструктуры, посредством которой осуществляется значительная часть образовательных и административных процессов.

Цифровая трансформация высшего образования в данном отношении отличается от простой компьютеризации образовательного процесса. Использование отдельных электронных ресурсов или проведение занятий посредством видеоконференц-связи само по себе не образует полноценной цифровой инфраструктуры. Современная инфраструктура предполагает наличие взаимосвязанных информационных систем, обеспечивающих идентификацию участников образовательных отношений, доступ к образовательным ресурсам, формирование и хранение информации об обучении, проведение текущего контроля и промежуточной аттестации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников, предоставление государственных и университетских услуг, а также защиту информации и персональных данных.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет возможность применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий и возлагает на образовательные организации обязанность создавать условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды [2]. В действующей редакции статьи 16 закона такая среда включает информационные технологии, технические средства, электронные информационные ресурсы и электронные образовательные ресурсы и должна обеспечивать освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места их нахождения.

Таким образом, цифровая инфраструктура уже получила нормативное признание, однако ее правовое содержание остается распределенным между различными нормативными правовыми актами. Это обусловливает необходимость исследования не отдельных цифровых сервисов, а совокупности организационных, технологических и правовых механизмов, посредством которых цифровая инфраструктура обеспечивает реализацию права на высшее образование.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод использован для анализа положений законодательства, определяющих содержание электронного обучения, дистанционных образовательных технологий и электронной информационно-образовательной среды. Системный метод позволил рассмотреть цифровую инфраструктуру как совокупность взаимосвязанных элементов, выполняющих различные функции в механизме реализации образовательного правоотношения.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», постанов-

ление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678, а также распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р, которым утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года [3–7].

Особое значение имеет постановление Правительства Российской Федерации № 1678. Правила, утвержденные данным постановлением, регулируют применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, в том числе при проведении учебных занятий, практик, промежуточной и итоговой аттестации. В актуальной редакции Правил предусмотрено понятие «цифровое индивидуальное портфолио обучающегося», а для реализации программ высшего образования образовательная организация вправе использовать государственную информационную систему «Современная цифровая образовательная среда» [7].

В научной литературе цифровая трансформация высшего образования рассматривается как комплексный процесс, затрагивающий не только образовательные технологии, но и управление образовательной организацией, компетенции преподавателей, организационные процессы и качество образования. Так, Ю. Я. Еленева, А. А. Можаровская и Д. И. Демушкин выделяют состояние цифровой зрелости образовательной организации в качестве одного из центральных вопросов цифровой трансформации высшей школы [8]. Е. Б. Абарникова обращает внимание на проблемы взаимосвязи различных образовательных систем и недостаточный уровень цифровых компетенций преподавателей, что позволяет рассматривать человеческий фактор как один из элементов цифровой инфраструктуры высшего образования [9]. Следовательно, цифровая инфраструктура должна исследоваться одновременно в трех взаимосвязанных измерениях: технологическом, организационном и правовом. Исключение любого из них приводит к неполному пониманию механизма цифровой реализации права на высшее образование.

Одним из основных результатов проведенного исследования является вывод о том, что цифровая инфраструктура высшего образования представляет собой не отдельную информационную систему, а многоуровневую систему взаимодействующих компонентов.

Первый уровень образуют базовые технические средства: серверная инфраструктура, вычислительные мощности, телекоммуникационные сети, оборудование для доступа к информационным ресурсам, средства хранения данных и программное обеспечение. Без данного уровня невозможно обеспечить непрерывность образовательного процесса в цифровой среде.

Второй уровень составляют информационные системы образовательных организаций. К ним относятся системы управления образовательным процессом, электронные журналы и ведомости, личные кабинеты обучающихся, системы дистанционного обучения, электронные библиотеки, системы электронного документооборота, сервисы видеоконференц-связи и другие информационные решения. Их совокупность образует электронную информационно-образовательную среду конкретного университета.

Третий уровень представлен цифровыми образовательными ресурсами. В него входят электронные учебно-методические материалы, онлайн-курсы, цифровые библиотеки, базы данных, мультимедийные материалы, тестовые системы и иные ресурсы, используемые для освоения образовательной программы.

Четвертый уровень составляют государственные и межорганизационные информационные системы. Их назначение заключается в обеспечении взаимодействия образовательной организации с государством и иными субъектами образовательных отношений. В частности, законодательство предусматривает возможность использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для предоставления обучающимся сведений из зачетной книжки посредством личного кабинета при наличии соответствующего согласия [7].

Пятый уровень связан с идентификацией, аутентификацией и информационной безопасностью. В цифровой образовательной среде необходимо установить достоверную связь между конкретным обучающимся и совершаемыми им юридически значимыми действиями: подачей заявления, выбором дисциплины, прохождением аттестации, получением документа, ознакомлением с локальным актом или подтверждением факта выполнения задания. Именно на этом уровне возникает принципиально новая для образовательного права проблема. В традиционной модели образовательных отношений юридически значимое действие, как правило, имеет документальную форму. В цифровой модели такое действие может выражаться в совокупности электронных данных: записи в информационной системе, временной отметки, результата идентификации, электронного документа, журнала событий и иных цифровых следов. Законодательство должно обеспечивать возможность установить факт совершения действия, его содержание, субъект и время совершения.

В настоящее время Федеральный закон № 273-ФЗ закрепляет отдельные элементы такой инфраструктуры, но не формирует общего режима юридической значимости цифровых действий участников образовательных отношений. В результате правовой статус информационных систем различных вузов может существенно различаться, а порядок подтверждения определенных обстоятельств зависит от локального регулирования конкретной образовательной организации.

Указанная проблема особенно актуальна в связи с расширением применения дистанционных образовательных технологий. В соответствии со статьей 16 Федерального закона № 273-ФЗ электронное обучение определяется через использование информации, содержащейся в базах данных, информационных технологий, технических средств и информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих взаимодействие обучающихся и педагогических работников [2].

Следовательно, цифровая инфраструктура непосредственно включена законодателем в механизм реализации образовательной деятельности. При этом законодательство исходит из функционального подхода: оно устанавливает, какие возможности должна обеспечивать электронная информационно-образовательная среда, но в значительно меньшей степени регулирует архитектуру взаимодействия составляющих ее информационных систем.

Это обстоятельство имеет существенное значение для реализации конституционного права на высшее образование. Право становится зависимым от способности цифровой инфраструктуры обеспечить непрерывное получение образования. Если информационная система недоступна, происходит технический сбой, отсутствует возможность идентификации обучающегося либо не обеспечивается передача образовательного материала, возникает вопрос о последствиях такого обстоятельства для участника образовательных отношений.

В традиционном образовательном процессе технический сбой локального характера обычно не препятствует установлению юридически значимых обстоятельств. В цифровой модели техническая неисправность способна непосредственно повлиять на права обучающегося: невозможность подключиться к аттестации может привести к неполучению оценки; сбой системы подачи документов может повлечь пропуск установленного срока; недоступность личного кабинета может препятствовать получению юридически значимой информации.

Следовательно, обеспечение непрерывности цифровой инфраструктуры следует рассматривать как одно из условий реализации права на образование.

Научные исследования подтверждают, что цифровая трансформация образовательных организаций сопровождается не только положительными эффектами, но и рисками. Ю. Я. Еленева, А. А. Можаровская и Д. И. Демушкин выделяют среди актуальных задач цифровой трансформации достижение цифровой зрелости образовательной организации и необходимость учета соответствующих рисков [8].

Аналогичная проблема рассматривается Н. Н. Жадобиной и Е. В. Лукиянчиной, которые исследуют цифровую образовательную среду вузов и обращают внимание на необходимость совершенствования ее правовых основ на федеральном уровне [10].

Таким образом, цифровая инфраструктура высшего образования одновременно является технологической системой и объектом публично-правового регулирования.

Отдельного рассмотрения требует вопрос защиты персональных данных. В процессе цифровой реализации образовательных отношений обрабатывается значительный объем сведений об обучающемся: персональные и контактные данные, сведения об образовании, результаты текущего контроля и аттестации, сведения о посещаемости, индивидуальных образовательных достижениях, документах и иных обстоятельствах образовательной деятельности. Их обработка должна осуществляться с соблюдением требований Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» [5].

Федеральный закон № 149-ФЗ, в свою очередь, устанавливает общие правовые основы использования информационных технологий и защиты информации [4]. В совокупности эти нормативные акты формируют общую правовую рамку функционирования цифровой образовательной среды. Вместе с тем образовательное законодательство должно конкретизировать применение общих информационно-правовых требований применительно к особенностям образовательных правоотношений.

Особого внимания заслуживает вопрос совместимости информационных систем. Современный университет использует множество цифровых решений, которые могут иметь разных разработчиков и различные форматы хранения данных. Если такие системы не способны обмениваться информацией, возникает дублирование данных и необходимость многократного ввода одной и той же информации. Это увеличивает административную нагрузку и одновременно повышает риск ошибок.

Проблема информационной разобщенности особенно существенна для обучающегося. В идеальной модели цифровой инфраструктуры студент должен иметь единый доступ к образовательным, административным и государственным сервисам. При этом информация о его образовательной траектории не должна искусственно дробиться между множеством несвязанных информационных систем.

В этой связи представляется обоснованным развитие концепции цифрового профиля обучающегося. Его содержание может включать сведения о зачислении, образовательной программе, освоенных дисциплинах, результатах промежуточной и итоговой аттестации, индивидуальных достижениях, документах об образовании, цифровом портфолио и иных юридически значимых данных.

При этом цифровой профиль не должен превращаться в средство автоматизированного контроля за обучающимся. Его назначение должно заключаться прежде всего в обеспечении доступности информации, необходимой для реализации образовательных прав, а также в сокращении административных процедур.

Перспективность такого подхода подтверждается развитием российского законодательства. В Правилах, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации № 1678, уже используется категория «цифровое индивидуальное портфолио обучающегося», под которым понимается структурированный набор данных о персональных достижениях, компетенциях, документах об образовании и обучении и документах, подтверждающих освоение онлайн-курса [7].

Следующим направлением развития цифровой инфраструктуры является обеспечение доступности образования. Электронная информационно-образовательная среда, согласно статье 16 Федерального закона № 273-ФЗ, должна обеспечивать освоение образовательных программ независимо от места нахождения обучающегося [2].

Однако формальное наличие такой нормы не означает автоматического обеспечения цифрового равенства. Доступность образования зависит от наличия оборудования, качества интернет-соединения, цифровых компетенций, адаптации интерфейсов для лиц с ограниченными возможностями здоровья и способности образовательной организации обеспечить альтернативные способы получения информации при технических сбоях.

Поэтому цифровая инфраструктура должна оцениваться не только по количеству внедренных систем, но и по способности этих систем обеспечивать фактическую доступность образовательных прав.

Особое значение в данном отношении имеет стратегическое направление цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р утверждена актуализированная стратегическая модель цифровой трансформации отрасли. Документ предусматривает создание условий для инновационного развития науки и высшего образования, совершенствование управления и информационного обмена и упрощение ряда процедур предоставления государственных услуг в соответствующей сфере [11].

Следовательно, государственная политика постепенно переходит от внедрения отдельных цифровых решений к формированию более целостной цифровой архитектуры отрасли.

При этом сохраняется принципиальное различие между цифровизацией отдельных процессов и цифровой реализацией права на образование. Первая предполагает перевод уже существующих действий в электронную форму. Вторая требует перестройки самого механизма образовательного правоотношения таким образом, чтобы цифровая среда обеспечивала гарантированную реализацию прав и исполнение обязанностей субъектов.

Представляется, что цифровая инфраструктура реализации права на высшее образование должна отвечать как минимум пяти требованиям.

Во-первых, доступность. Обучающийся должен иметь реальную возможность получить доступ к образовательным ресурсам и юридически значимой информации.

Во-вторых, непрерывность. Технические сбои не должны автоматически приводить к утрате образовательных прав.

В-третьих, идентифицируемость. Должна существовать возможность достоверно установить лицо, совершившее юридически значимое цифровое действие.

В-четвертых, проверяемость. Должна сохраняться возможность установить содержание и последовательность юридически значимых действий в информационной системе.

В-пятых, обжалуемость. Обучающийся должен иметь возможность оспорить решение или действие, принятое либо зафиксированное посредством информационной системы.

Последнее требование приобретает особое значение в условиях распространения автоматизированных информационных систем и технологий искусственного интеллекта. Цифровая инфраструктура постепенно становится средой, в которой формируются рекомендации, рейтинги, результаты анализа образовательных данных и иные информационные решения. При этом окон-

чательное решение, затрагивающее образовательные права обучающегося, должно сохранять необходимую степень человеческого контроля.

В научной литературе отмечается, что цифровая трансформация высшего образования связана с изменением традиционной модели управления образовательным процессом и развитием персонализированных цифровых инструментов [11]. Вместе с тем технологическая модернизация не должна приводить к подмене образовательных и правовых решений исключительно техническими алгоритмами.

С правовой точки зрения это означает необходимость разграничения технической и юридической ответственности. Если информационная система принадлежит образовательной организации, ответственность за ее функционирование должна возлагаться на организацию в пределах установленной законом компетенции. Если отдельные элементы инфраструктуры передаются внешнему оператору, договорное распределение обязанностей не должно лишать обучающегося возможности защитить свои права перед образовательной организацией.

Таким образом, субъектом, ответственным перед обучающимся за организацию реализации образовательных отношений, должна оставаться образовательная организация, даже если отдельные технические функции переданы внешнему оператору.

Важным направлением совершенствования законодательства является также установление минимальных требований к совместимости информационных систем. Такие требования должны включать единые правила идентификации пользователей, обмена данными, хранения юридически значимой информации, журналирования событий и обеспечения информационной безопасности.

Представляется целесообразным дополнить Федеральный закон № 273-ФЗ специальным регулированием цифровой реализации образовательных отношений. В частности, в законодательстве может быть закреплено понятие «цифровая инфраструктура реализации образовательных отношений» как совокупности информационных систем, информационных технологий, цифровых сервисов, технических средств и организационно-правовых механизмов, используемых для реализации, обеспечения и защиты прав и обязанностей участников образовательных отношений.

Кроме того, необходимо нормативно определить минимальные требования к электронной информационно-образовательной среде образовательной организации. Такие требования должны распространяться не только на наличие технических средств, но и на обеспечение совместимости систем, резервирования данных, журналирования юридически значимых действий, восстановления информации и непрерывности доступа.

Отдельно необходимо урегулировать последствия технического сбоя. Если обучающийся не смог совершить юридически значимое действие вследствие подтвержденной неисправности информационной системы, такой факт не должен автоматически рассматриваться как нарушение установленного срока со стороны обучающегося. В подобных случаях образовательная организация должна предоставить возможность повторного совершения действия либо иной эквивалентный способ реализации права.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая инфраструктура становится самостоятельным элементом механизма реализации права на высшее образование в Российской Федерации. Ее значение выходит за пределы технического обеспечения образовательного процесса. Посредством информационных систем сегодня реализуются образовательные, административные и информационные действия, непосредственно связанные с возникновением, изменением и прекращением образовательных правоотношений.

Действующее законодательство уже содержит значительный массив норм, регулирующих электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. Статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет обязанность создавать электронную информационно-образовательную среду, а постановление Правительства Российской Федерации № 1678 детализирует порядок применения цифровых технологий и предусматривает возможность использования государственной информационной системы «Современная цифровая образовательная среда» при реализации образовательных программ высшего образования [2; 7].

Вместе с тем существующее регулирование остается фрагментарным. Отдельные вопросы цифровой инфраструктуры регулируются образовательным, информационным законодательством и законодательством о персональных данных, тогда как единый правовой режим цифровой реализации образовательных отношений пока не сформирован.

Для дальнейшего развития системы представляется необходимым перейти от регулирования отдельных цифровых технологий к формированию единой правовой модели цифровой инфраструктуры высшего образования. Такая модель должна включать требования к совместимости информационных систем, идентификации участ-

ников образовательных отношений, юридической значимости цифровых действий, защите данных, журналированию событий, резервному хранению информации и непрерывности цифровых сервисов.

Особое значение имеет формирование цифрового профиля обучающегося. Он способен объединить юридически значимую информацию об образовательной траектории студента и обеспечить более эффективное взаимодействие между обучающимся, образовательной организацией и государственными информационными системами. При этом использование цифрового профиля должно осуществляться с соблюдением законодательства о персональных данных и принципа минимизации обрабатываемой информации.

Наконец, цифровая инфраструктура должна рассматриваться как средство обеспечения, а не ограничения конституционного права на образование. Техническая неисправность, отсутствие совместимости информационных систем или ошибка цифрового сервиса не должны сами по себе приводить к утрате обучающимся права на участие в образовательном процессе.

Таким образом, дальнейшая цифровая трансформация высшего образования требует не только технологических инвестиций, но и формирования специального публично-правового режима цифровой реализации образовательных отношений. Именно такой подход позволит перейти от совокупности разрозненных цифровых сервисов к единой инфраструктуре, ориентированной на гарантированную реализацию права каждого человека на высшее образование.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

[5] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

[6] Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (ч. I). – Ст. 4223.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 42. – Ст. 7500.

[8] Еленева Ю. Я., Можаровская А. А., Демушкин Д. И. Цифровая трансформация образовательных организаций высшего образования: современное состояние, задачи, риски // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 1149–1170.

[9] Абарникова Е. Б. Цифровая трансформация высшего образования: реальные проблемы и возможные пути решения // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2021. – № 5. С. 36-51.

[10] Жадобина Н. Н., Лукиянчина Е. В. Цифровая образовательная среда: проблемы и их решения в вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 6. С. 27-32.

[11] Успаева М. Г., Гачаев А. М. Цифровая трансформация высшего образования в России // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 12-2. – С. 91–98.

[12] Успаева М. Г., Гачаев А. М. Цифровая трансформация системы высшего образования в России: инновационные подходы к управлению образовательным процессом // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 12-2. – С. 83–90.

[13] Дрондин А. Л. Цифровая трансформация и качество высшего образования // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 1 (66). – С. 457–461.

[14] Васильева О. Н. К вопросу о цифровизации российских университетов: правовой аспект // Евразийская адвокатура. – 2024. С. 104-107.

[15] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года». // Библиотека нормативных документов. URL: https://npalib.ru/2025/07/05/rasporyazhenie-

1805-r-id565739/?ysclid=mvij8tvtpf593363369 (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – Dec. 25.

[2] Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (Part I). – Art. 7598.

[3] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

[4] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

[5] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3451.

[6] Federal Law No. 242-FZ of July 21, 2014, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Clarification of the Procedure for Processing Personal Data in Information and Telecommunication Networks" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 30 (Part I). – Art. 4223.

[7] Decree of the Government of the Russian Federation dated October 11, 2023, No. 1678 “On Approval of the Rules for the Use of E-Learning and Distance Educational Technologies by Organizations Engaged in Educational Activities in the Implementation of Educational Programs” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 42. – Art. 7500.

[8] Eleneva Yu. Ya., Mozharovskaya A. A., Demushkin D. I. Digital Transformation of Higher Education Institutions: Current State, Challenges, and Risks // Economics, Entrepreneurship and Law. – 2024. – Vol. 14, No. 4. – pp. 1149–1170.

[9] Abarnikova E. B. Digital Transformation of Higher Education: Real-World Problems and Potential Solutions // Information Society: Education, Science, Culture, and Technologies of the Future. – 2021. – No. 5. – pp. 36–51.

[10] Zhadobina N. N., Lukiyanchina E. V. Digital Educational Environment: Challenges and Solutions in Higher Education Institutions // Modern Problems of Science and Education. – 2024. – No. 6. – pp. 27–32.

[11] Uspaeva M. G., Gachaev A. M. Digital Transformation of Higher Education in Russia // Education Management: Theory and Practice. – 2024. – Vol. 14, No. 12-2. – pp. 91–98.

[12] Uspaeva M. G., Gachaev A. M. Digital Transformation of the Higher Education System in Russia: Innovative Approaches to Managing the Educational Process // Education Management: Theory and Practice. – 2024. – Vol. 14, No. 12-2. – pp. 83–90.

[13] Drondin A. L. Digital Transformation and the Quality of Higher Education // Business. Education. Law. – 2024. – No. 1 (66). – pp. 457–461.

[14] Vasilyeva O. N. On the Issue of the Digitalization of Russian Universities: A Legal Perspective // Eurasian Advocacy. – 2024. – pp. 104–107.

[15] Order of the Government of the Russian Federation dated July 5, 2025, No. 1805-r “On the Approval of the Strategic Direction for the Digital Transformation of the Science and Higher Education Sector up to 2030.” // Library of Regulatory Documents. URL: https://npalib.ru/2025/07/05/rasporyazhenie-1805-r-id565739/?ysclid=mvij8tvtpf593363369 (accessed: 05.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-769-773

МАРЧУК Светлана Азатовна,
Уральский Государственный университет путей сообщения,
Екатеринбург, Россия,
тел.: +79045475656,
e-mail: Wish59@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТРАНСПОРТНОГО ВУЗА НА ОСНОВЕ МОНИТОРИНГА ПРИКЛАДНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ

Аннотация. *Цель исследования – проанализировать лонгитюдные исследования прикладных физических качеств у студентов транспортного вуза на разных курсах обучения на основе мониторинга. В ходе педагогического эксперимента с использованием информационно-аналитической компьютерной программы выявлены отстающие профессионально-важные физические качества у студентов, отмечена положительная динамика по отдельным исследуемым показателям с переходом на другой курс обучения. Оперативная мониторинговая информация позволила своевременно внести корректировки в образовательный процесс, тем самым повысить его эффективность по профессионально-прикладной физической подготовке студентов.*

Ключевые слова: *транспортный вуз, физическая подготовка, прикладные физические качества, лонгитюдный мониторинг, компьютерная программа.*

Для цитирования: *Марчук С. А. Повышение эффективности психофизической подготовки студентов транспортного вуза на основе мониторинга прикладных физических качеств // Образование и право. 2026. № 10. С. 769–773.*

MARCHUK Svetlana Azatovna,
Ural State University of Railway Transport,
Yekaterinburg, Russia

IMPROVING THE EFFICIENCY OF PSYCHOPHYSICAL TRAINING OF STUDENTS OF A TRANSPORT UNIVERSITY BASED ON MONITORING APPLIED PHYSICAL QUALITIES

Annotation. *The purpose of the study – was to determine the dynamics of changes in applied physical qualities in students at a transport university on based longitudinal studies. During a pedagogical experiment using an information-analytics computer program, students identified lagging professionally important physical qualities, and observed positive dynamics in certain indicators as they transitioned to a different course of study. Real-time monitoring information enabled timely adjustments to the educational process, thereby increasing its effectiveness in promoting students' professional and applied physical training.*

Key words: *transport university, physical training, applied physical qualities, longitudinal monitoring, computer program.*

For citation: *Marchuk S. A. Improving the efficiency of psychophysical training of students of a transport university based on monitoring applied physical qualities. Education and law. 2026; (10):769–773. (In Russ.).*

Актуальность исследования. Физическая готовность студентов транспортного вуза к будущей профессиональной деятельности – актуальная задача на современном этапе развития общества.

Особенности профессиональной деятельности в транспортной отрасли, в частности железной дороге, предъявляют особые требования к функциональным и психофизическим возможностям организма человека. Физическая культура и спорт в вузе являются основным инструментом профессионально-прикладной физической подго-

товки будущих работников железнодорожных специальностей для успешного выполнения трудовых действий [1; 3]. Изучение научной литературы указывает на низкую прикладную физическую подготовленность студентов по таким профессионально важным качествам как выносливость, сила, быстрота [2; 4; 5]. Так же выявляется проблема в недостаточной мониторинговой информированности студентов по показателям их физической подготовленности к профессиональной деятельности. Наличие своевременной объективной информации о психофизическом состоянии студентов позволит оперативно применять коррекционные мероприятия по улучшению процесса психофизической подготовки в вузе.

Цель исследования: проанализировать лонгитюдные исследования прикладных физических качеств у студентов транспортного вуза на разных курсах обучения на основе мониторинга.

Методы и организация исследования. Методы исследования: анализ научно-методической литературы по исследуемой проблеме; двигательные тесты, определяющие профессиональные физические качества студентов; анализ данных мониторинга; обработка результатов мониторинга с помощью компьютерной программы.

Педагогический эксперимент проводился на базе кафедры физического воспитания Уральского Государственного университета путей сообщения (УрГУПС). К мониторингу были привлечены студенты I–3 курсов (n=156), из них 96 юношей и 60 девушек, занимающихся по программе элективные курсы «Общефизическая подготовка».

На первом этапе констатирующего эксперимента (сентябрь-октябрь) проведен мониторинг исходного уровня развития физических качеств у студентов, на втором этапе фиксировались промежуточные результаты тестирования (май, июнь). По мере прохождения тестирования данные мониторинга вносились в информационную базу для их обработки. Лонгитюдные исследования на протяжении трех лет в графическом изображении отражали индивидуальные результаты каждого студента и средние показатели учебных групп.

На заключительном этапе проводился сравнительный анализ мониторинговых результатов, с целью выявления отстающих профессионально важных психофизических качеств на уровне студента и учебной группы.

С целью повышения эффективности образовательного процесса, своевременной информированности студентов и преподавателей, выявления отстающих физических качеств была предложена модель мониторинга подготовленности студентов (рисунок 1).

Рисунок 1. Модель мониторинга физического развития и подготовленности студентов с использование информационно-аналитической компьютерной программы.

Для качественного анализа профессиональной прикладной физической подготовленности студентов предложена уровневая шкала оценивания: отличный, хороший, удовлетворительный, неудовлетворительный (состояние пограничное с профессиональной физической непригодностью) уровни.

Для более объективной оценки и своевременного внесения изменений в учебный процесс мониторинг необходимо проводить с периодичностью: сентябрь, декабрь, май.

Информационная модель основных понятий мониторинга подготовленности студентов представлена на рисунок 2.

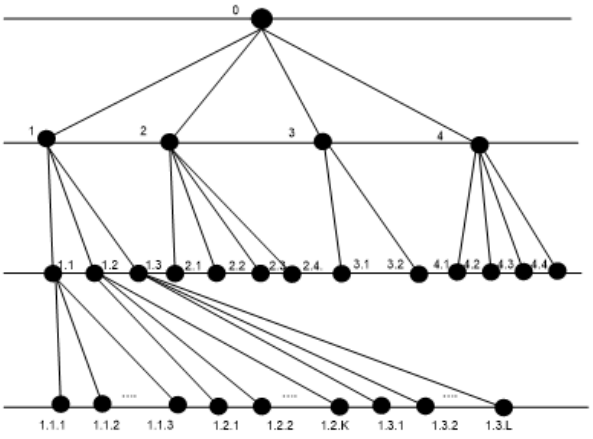


Рисунок 2. Тезурус основных понятий мониторинга подготовленности студентов, где: 0 – мониторинг подготовленности студента, 1 – диагностика качеств, 2 – уровни подготовленно-

сти, 3 – периоды мониторинга, 4 – этапы исследования, 1.1 – оценка физического развития, 1.2 – оценка физической подготовленности, 1.3 – оценка функциональной подготовленности, 2.1 - высокий, 2.2 - средний, 2.3 - низкий, 2.4 - очень низкий, 3.1 – сентябрь-декабрь, 3.2. – декабрь-май, 4.1. – студент, 4.2. – учебная группа, 4.3. – курс, 4.4. – факультет, Обязательные тесты: 1.1.1 – 100 м; 1.1.2 – 2000 (д), 3000 м (юн), 1.1.3 – подтягивание, отжимание, 1.2.1, 1.2.2, … , 1.2. Дополнительные тесты - челночный бег, прыжки через скакалку, поднимание ног из виса (юн) и др., 1.3.1, 1.3.2, … , 1.3.L - тесты, оценивающий функциональное состояние.

Результаты исследования и их обсуждение. Разработанная модель мониторинга позволила провести исследования физической подготовленности студентов, получить сравнительные результаты тестирования с 1 по 3 курс обучения у юношей (таблица 1) и девушек (таблица 2).

При сравнительном анализе силовой выносливости (сгибание и разгибание рук в висе на высокой перекладине) результаты тестирования указывают на то, что у студентов на первом и третьего курсе обучения данное качество ниже, чем на втором курсе. Результаты контрольного упражнения – поднимание ног из виса на перекладине, также показывает отрицательную динамику и соответствует оценке неудовлетворительно.

Изучение мониторинга показателей в беге на 3000 м выявило, что у первокурсников средне групповой результат составил 15:59, что соответствует неудовлетворительному уровню выносливости, на втором (14:49) и третьем (14:26) году обучения – оценка удовлетворительно.

Сравнительные результаты указывают на некоторое улучшение выносливости у юношей на старших курсах.

Таблица 1. Сравнительный мониторинг физической подготовленности юношей

№ п/п	Наименование норматива	Курс		
		1 курс (M±m)	2 курс (M±m)	3 курс (M±m)
1	Бег на 100 м (с)	14,02±0,14	14,11±0,09	13,98±0,19
2	Подтягивание на высокой перекладине (кол-во раз)	8,56±1,8	10,62±2,0	8,67±2,4
3	Отжимание, из упора лежа (кол-во раз)	29,20±2,4	33,25±4,6	32,62±3,9
4	Прыжок в длину (см)	245,60±2,1	235,95±3,8	223,11±4,5
5	Пресс из положения, лежа за 1 мин (кол-во раз)	44,20±2,4	50,12±2,0	51,67±1,2
6	Челночный бег (с)	7,34±0,05	7,37±0,09	7,23±0,07
7	Скакалка (кол-во раз)	122,3±14,5	130,4±10,2	133,11±16,1
8	Поднимание ног из виса до касания перекладины (кол-во раз)	10,7±1,6	9,57±2,0	8,56±1,2
9	Бег 3000 м (мин, с)	15,59±2,08	14,49±3,12	14,26±2,14

Таблица 2. Сравнительный мониторинг физической подготовленности девушек

№ п/п	Наименование норматива	Курс		
		1 курс (M±m)	2 курс (M±m)	3 курс (M±m)
1	Бег 100 м (с)	17,67±0,10	17,75±0,16	17,67±0,08
2	подтягивание на низкой перекладине (кол-во раз)	14,05±2,6	14,9±0,8	15,5±1,5
3	Отжимание (кол-во раз)	10,33±2,6	10,5±1,8	13,25±4,2
4	Прыжок в длину (см)	170,86±2,4	180,7±4,6	177,88±6,6
5	Пресс из положения, лежа за 1 мин (кол-во раз)	40,14±1,8	42,12±2,5	45,08±1,6
6	Скакалка за 30 с (кол-во раз)	65,67±8,2	70,5±10,6	76,88±12,2
7	Бег 1000 м (мин, с)	4,78±0,06	4,83±0,09	4,98±0,12
8	Бег 2000 м (мин, с)	10,99±2,12	10,97±2,23	10,87±2,03

Возможно, снижение отдельных силовых показателей студентов на третьем курсе связаны с сокращением количества учебных часов по физкультуре, согласно учебному планированию. Помимо этого, необходимо отметить, что у юношей занятия по элективному курсу «ОФП» на протяжении всего учебного года (с сентября по май) преимущественно проводятся на улице (спортивный

стадион), что так же может повлиять на динамику развития отдельных физических качеств, в частности силы.

Тестирование физических качеств девушек показывает, что по таким показателям, как бег на 100 м, 1000 м и 2000 м, прыжок в длину с места отсутствует положительная динамика с переходом с курса на курс (табл. 2). При этом необходимо отметить повышение результатов силовой выносливости мышц плечевого пояса и брюшного пресса.

Можем предположить, что показатели силы у девушек достигают наиболее высокого уровня развития, в сравнении с юношами, благодаря большему количеству занятий, проводимых в спортивном зале с тренажерными устройствами.

Для более объективной оценки состояния профессионально важных физических качеств, в исследованиях проведен мониторинг не только на уровне учебных групп и курсов, но также на уровне каждого студента. Полученные данные по физическому состоянию были внесены в электронную базу, что позволило с помощью компьютерной программы построить графики и проанализировать индивидуальную динамику развития физических качеств. Фрагмент мониторинга быстроты (бег на 100 м) и общей выносливости (бег на 3000 м) на уровне студента (юноши) в течение двух лет обучения представлен на рисунках 3 и 4.

Сравнительный анализ динамики изменения показателей на уровне студента, представленный наглядно на графиках, дает возможность получить более объективную информацию и своевременно внести корректировки по развитию отстающих качеств.

На основании мониторинговых исследований в процессе учебных занятий студентам предложено самостоятельно проанализировать свое физическое здоровье и внести предложения по его улучшению.

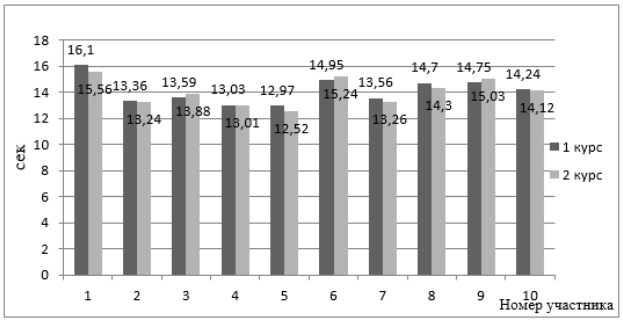


Рисунок 3. Мониторинг показателей бега на 100 (с).

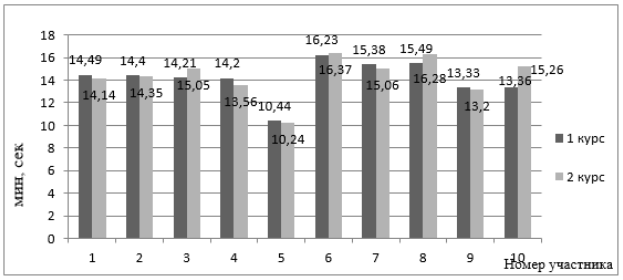


Рисунок 4. Мониторинг показателей бега на 3000 м, мин (с).

Выводы. Лонгитюдные исследования на основе мониторинга индивидуальных и средне групповых показателей выявили наличие отстающих прикладных физических качеств, в большей степени на первом курсе. С переходом на второй и третий курсы обучения отмечается достоверная положительная динамика по некоторым тестируемым показателям, как у юношей, так и у девушек (таблица 1, 2).

Определены факторы, которые могли повлиять на низкий уровень развития профессионально важных физических качеств у студентов в период обучения в вузе такие как:

– более 30% абитуриентов, поступающих в транспортный вуз, изначально имеют низкий уровень функциональных возможностей организма, физического развития и физической подготовленности;

– отсутствие должной мотивации к занятиям физкультурой и спортом, что отражается на регулярности посещения учебно-тренировочных занятий. Как показал опрос, в приоритете у большинства стоит желание лишь получить зачет, отсутствует ориентир на развитие жизненно и профессионально важных качеств;

– недостаточная эффективность использования средств и методов при организации учебно-тренировочных занятий;

– нехватка спортивных залов для занятий с тренажерами.

Опрос студентов и анализ их самостоятельной работы показал, что мониторинг физических качеств и наглядная информация в виде графиков является положительным стимулом для занятий физкультурой и спортом, и более ответственного отношения к своему здоровью.

Список литературы:

[1] Греков Ю. А. Динамика основных показателей физической подготовленности студентов транспортного вуза / Ю.А. Греков, Е.В. Плеханова // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. – № 12. – С. 3–8.

[2] Марчук В. А. Физическая подготовленность студентов транспортного вуза / В.А. Марчук // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024.– № 9. – С. 96–99.

[3] Марчук С. А. Современные средства обучения в физическом воспитании студентов / С.А. Марчук // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 2 (228). – С. 109–113.

[4] Марчук С. А. Анализ развития профессиональных физических компетенций у студентов транспортного вуза / С.А. Марчук Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. – № 1. – С. 125-128.

[5] Садовский В. А. Динамика двигательной готовности к профессиональной деятельности студентов института тяги и подвижного состава / В.А. Садовский, А.В. Гаськов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. – № 13. – С. 170–173.

References:

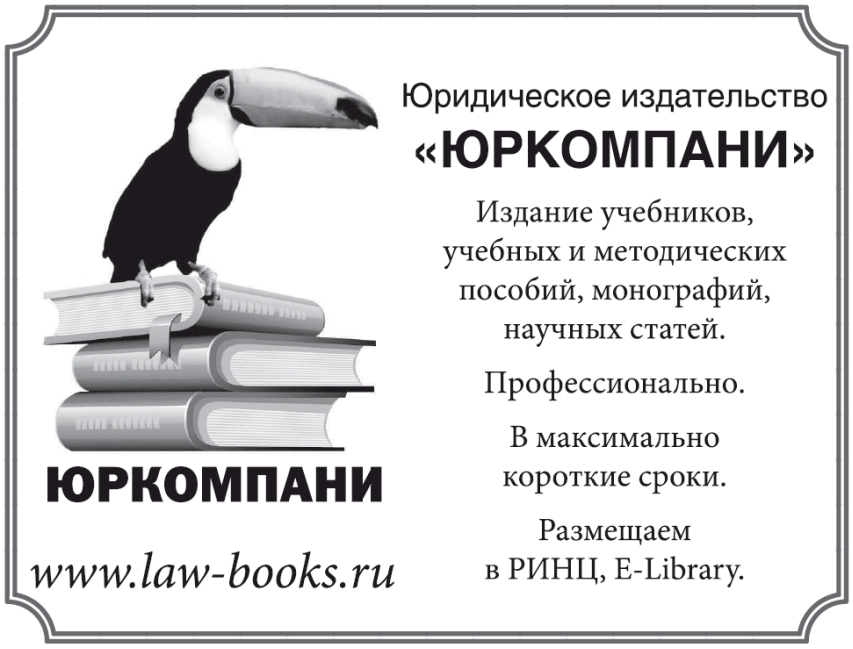
[1] Grekov Yu. A. Dynamics of key physical fitness indicators among students of a transport university / Yu.A. Grekov, E.V. Plekhanova // Bulletin of Tula State University. Physical Culture. Sport. 2021. – No. 12. – P. 3–8.

[2] Marchuk V. A. Physical fitness of transport university students / V.A. Marchuk // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2024. – No. 9. – P. 96–99.

[3] Marchuk S. A. Modern teaching aids in student physical education / S.A. Marchuk // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2024. No. 2 (228). – P. 109–113.

[4] Marchuk S. A. Analysis of the development of professional physical competencies among transport university students / S.A. Marchuk // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. – No. 1. – P. 125–128.

[5] Sadovsky V. A. Dynamics of motor readiness for professional activity among students of the Institute of Traction and Rolling Stock / V.A. Sadovsky, A.V. Gaskov // Bulletin of Buryat State University. 2012. – No. 13. – P. 170–173.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-774-778
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

СМИРНОВА Ольга Михайловна,
Казанский государственный медицинский университет,
Казань, Россия,
e-mail: smirnova_olga06@mail.ru

ИБРАГИМОВА Елена Михайловна,
Казанский Федеральный (Приволжский) университет,
Казань, Россия, тел.: +7-843-292-26-23,
e-mail: Elena.Ibragimova@kpfu.ru

ЗИННАТУЛЛИНА Алсу Наилевна,
Казанский государственный аграрный университет,
Казань, Россия, тел.: +7-917-228-71-51,
e-mail: zinnatullina21@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *Настоящее исследование посвящено существующим проблемам в регламентации социальных гарантий работников образовательных организаций. Для повышения престижности профессии и привлечения новых кадров необходимо совершенствовать существующую систему социальных гарантий. Термин «социальные гарантии» активно используется в законодательстве, однако его содержание не раскрывается, в доктрине права также отсутствует единый подход относительно этой дефиниции. Поэтому авторы исследуют сложившиеся позиции по данному вопросу и формулируют авторское определения содержания понятия «социальные гарантии». Особое внимание уделяется значимости гарантий: обеспечение стабильности и привлекательности профессии; охрана труда и здоровья работников образовательной организации; стимулирование профессионального роста. Предметно рассматриваются существующие виды гарантий для данной профессиональной группы и выявляются пробелы и коллизии в правовой регламентации. Также исследуется аспект региональной дифференциации в вопросе социальных гарантий для работников образовательных организаций. Авторы обосновывают необходимость унификации определенных положений, закрепление данных стандартов на федеральном уровне.*

Ключевые слова: *социальные гарантии, педагогические работники образовательных организаций, социальное государство, охрана труда, охрана здоровья, право на длительный отпуск, федеральное и региональное законодательство.*

Для цитирования: *Смирнова О. М., Ибрагимова Е. М., Зиннатуллина А. Н. К вопросу о правовых проблемах регулирования социальных гарантий работников образовательных организаций // Образование и право. 2026. № 10. С. 774–778.*

SMIRNOVA Olga Mikhailovna,
Kazan State Medical University,
Kazan, Russia

IBRAGIMOVA Elena Mikhailovna,
Kazan Federal (Volga Region) University,
Kazan, Russia

ZINNATULLINA Alsou Nailevna,
Kazan State Agrarian University,
Kazan, Russia

ON THE LEGAL ISSUES REGARDING THE REGULATION OF SOCIAL GUARANTEES FOR EMPLOYEES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Annotation. *This study addresses current issues regarding the regulation of social guarantees for employees of educational organizations. To enhance the prestige of the profession and attract new personnel, it is necessary to improve the existing system of social guarantees. Although the term "social guarantees" is widely used in legislation, its content is not explicitly defined, and legal scholarship lacks a unified approach to this concept. Consequently, the authors examine prevailing views on the matter and propose their own definition of "social guarantees". Particular attention is paid to the significance of these guarantees: ensuring the profession's stability and attractiveness, protecting the health and safety of educational staff, and fostering professional growth. The study provides a detailed analysis of the existing types of guarantees for this professional group and identifies gaps and inconsistencies in the legal framework. It also examines regional variations in social guarantees for educational staff. The authors argue for the necessity of unifying certain provisions and establishing these standards at the federal level.*

Key words: *social guarantees, teaching staff of educational organizations, social state, occupational safety, health protection, right to extended leave, federal and regional legislation.*

For citation: *Smirnova O. M., Ibragimova E. M., Zinnatullina A. N. On the legal issues regarding the regulation of social guarantees for employees of educational organizations. Education and law. 2026;(10):774–778. (In Russ.).*

Сегодня государственные социальные гарантии для педагогических работников приобретают особую значимость: данные меры позволяют обеспечить стабильность их профессиональной деятельности.

Конституция РФ в статье 7 закрепляет: Россия – социальное государство [1]. Политико-правовые учения начала 21 века в понятие «социального государства» включали положения общего характера: высокий уровень благосостояния и благополучия человека и гражданина в обществе, обязательная защита минимального уровня социальных благ для граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Центральной категорией теории социального государства являются социальные гарантии.

Дискуссионна тема регулирования социальных гарантий участников педагогического процесса. Старший научный сотрудник Сектора социологий профессий и профессиональных групп Института социологии РАН, кандидат социологических наук Е.Н. Колесникова верно подмечает, что педагоги, как профессиональная группа, характеризуется определенным набором проблем. Это и низкая оплата труда, и, к сожалению, низкий социальный статус и т.д. [2].

С.В. Дегтярев определяет социальные гарантии в следующем содержании: во-первых, как правовой механизм, действующий на протяжении длительного времени, во-вторых, это обязательство государства, зафиксированное легально, перед гражданами. В-третьих, они всегда продолжают реализацию конституционных норм-принципов [3].

Экономический взгляд предполагает, что гарантии социального благополучия человека и гражданина произрастают из уровня экономического развития государства; экономические возможности определяют уровень потребления не только минимального, но и возможного – с точки зрения объёма существующих невозобновляемых экономических благ. Все это создает благополучие общества. Так видит социальные гарантии Е.И. Холостова [4].

Учитывая многообразие научных подходов, сформулируем содержание понятия «социальные гарантии» так: это комплекс разнообразных мер, которые направлены на обеспечение соответствующих работников условиями для того, чтобы они эффективно выполняли свои рабочие функции.

Социальные гарантии для педагогических работников крайне разнообразны. Так, в ч. 5 ст. 47 ФЗ «Об образовании в РФ» закреплено, что одной из гарантий является право педагога получить к основному образованию дополнительное профессиональное – обязательно по профилю педагогической деятельности; временной интервал не реже чем один раз в три года, однако законодатель не определяет, что стоит понимать под профилем педагогической деятельности.

Важной вехой становления российского образовательного законодательства в 90-е годы 20 века стало появление гарантий педагогическому работнику на удлинённый оплачиваемый отпуск: законодатель предусмотрел временную относительность – до года. По смыслу нормы предоставляется одновременно и право выбора, которое в новых условиях современной образовательной системы является продолжением наметившейся общемировой тенденции социального законода-

тельства, утверждающего не патерналистические управленческие решения, а автономию личности как главную доминанту взаимоотношений между человеком и государством. Несомненно, законодателю сегодня необходимо сформулировать порядок реализации данной нормы, так как неурегулированность правового механизма её реализации создаёт препятствия в возможности воспользоваться данной гарантией [5; 6; 7].

К сожалению, и в ст. 47 ФЗ «Об образовании», и в ст. 335 ТК РФ не регламентируется механизм применения данной гарантии.

В современной российской действительности характер трудовых отношений между работником и работодателем определяется рыночным механизмом: наличие определённого процента свободной рабочей силы (безработных) – это естественное условие развития конкурентноспособной среды для трудовых ресурсов. Но сфера образования – одна из важнейших функций государства. Образовательная политика должна реализовываться исходя из стратегического планирования на несколько поколений вперёд: именно педагоги создают общественное благо в социальном государстве. Молодой учитель – это не просто «трудовой ресурс», это – носитель культуры, истории, традиций, передаваемых из поколения в поколение. Его огромная интеллектуально-духовная жизнь, способствующая формированию мировоззренческих ценностей общества, требует самоотверженного труда. Поэтому педагогу очень важно знать, что государство ему гарантирует досрочный выход на пенсию. Но новый закон «О страховых пенсиях» [8] не обозначает автоматического для всех, по достижению выслуги в 25 лет, выхода на пенсию: анализ данного положения свидетельствует о том, что если право на досрочную пенсию у педагога возникло в 2025 г., то пенсия ему будет предоставлена лишь спустя 5 лет. Поэтому норма о наличии стажа работы в качестве педагога в течение 25 лет для получения досрочной страховой пенсии является по своей сути, к сожалению, правовой фикцией.

В 2024 г. депутатом Я.Е. Ниловым предпринималась попытка расширить круг педагогов, имеющих право на досрочную пенсию. Он обосновывал свое предложение тем, что российская система образования претерпела много изменений, период обучения в общеобразовательной школе также увеличился, следовательно, увеличился и возраст лиц, которые поступают в образовательные организации среднего профессионального образования. Следовательно, педагоги в таких случаях несправедливо лишены возможности досрочно выйти на пенсию [9].

Данный законопроект не нашел своей поддержки и был отклонен.

Законодатель обозначил право педагогов, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, улучшить свои жилищные условия, используя договор социального найма. Данная норма, изложенная в ФЗ «Об образовании в РФ», так и не стала социальной гарантией. При этом она не коррелирует и с положениями Жилищного кодекса (далее – ЖК РФ) [5; 10].

Вместе с тем, Конституционный суд РФ в Определении от 09 февраля 2017 г. № 215-О указал, что ЖК РФ не предусматривает предоставление педагогам жилого помещения по договорам социального найма вне очереди [11]. Поэтому на сегодняшний день педагоги имеют право на заключение договора социального найма жилого помещения на общих условиях.

Указ Президента РФ от 07 сентября 2010 № 1099 регламентирует основания и порядок присвоения звания «Заслуженный учитель РФ» [12]. Однако он не регулирует размер денежной доплаты к заработной плате. Указ предусматривает принятие данного законодательства на уровне субъекта РФ (например, в Татарстане при наличии такого звания полагается надбавка в виде 7 % от должностного оклада, тогда как в Москве – 50 % от должностного оклада).

Необходим унифицированный подход в регламентации вышеуказанного вопроса: на федеральном уровне должен быть закреплен минимальный размер доплаты (при наличии звания «Заслуженный учитель России»), который, на наш взгляд, составит не менее 15 % от оклада. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2005 г. № 850 (в редакции от 26 апреля 2024 г.) [13] устанавливает надбавку за классное руководство, и размер такой надбавки определяется исходя из статуса населённого пункта, в котором работает педагог, к примеру, педагог получит надбавку в размере 10 тыс. рублей, если осуществляет свою деятельность в населённом пункте с населением менее 100 тыс. человек (некоторые регионы РФ устанавливают также и дополнительные надбавки, к примеру, в Москве такая надбавка составляет 12 500 р. в месяц, тогда как в Татарстане следующая формула: 550 рублей + 80 рублей за каждого ученика). В части 8 ст. 47 ФЗ «Об образовании в РФ» установлено, что педагогические работники в сельской местности имеют право на компенсацию жилищно-коммунальных расходов. Для работников федеральных образовательных организаций данная компенсация установлена на уровне 1 200 рублей, что, на наш взгляд, недостаточно в современных условиях ежегодного повышения тарифов ЖКХ.

Проанализировав действующее законода-

тельство в сфере предоставления социальных гарантий работникам образовательных организаций в РФ, можно сделать следующие выводы.

Гарантия в виде длительного отпуска до 1 года на практике практически не востребована, поэтому необходимо исследовать причины данного упущения.

Расширить применение гарантии на досрочную пенсию: она должна распространяться не только на лиц, осуществляющих педагогическую деятельность в общеобразовательных организациях не менее 25 лет, но и на лиц, осуществляющих педагогическую деятельность во всех видах образовательных организаций и независимо от возраста обучающегося.

Социальная гарантия в п. 6 ч. 5 ст. 47 ФЗ «Об образовании» в части предоставления «вне очереди социального жилья в найм» не работает фактически, поэтому региональным и федеральным законодателям необходимо выработать механизм реализации данной нормы с целью привлечения в сферу образования молодых педагогических кадров.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31. — Ст. 4473.

[2] Колесникова Е. М. Педагоги частного и государственного дошкольного образования: статус группы и перспективы развития // Социологический журнал. – 2016. – №. 1. – С. 114-132.

[3] Дегтярев, С. В. Социальные стандарты и гарантии в системе социальной политики государства // Экономическая теория в условиях глобализации экономики : Тезисы докладов и выступлений XI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Донецк, 13–14 марта 2019 года / Общая редакция Л.И. Дмитриченко. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. – С. 55-57.

[4] Российская энциклопедия социальной работы: энциклопедия / под ред. Е.И. Холостовой. – 3-е изд. – М.: Дашков и К, 2018. – 1032 с.

[5] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.

[6] Постановление Правительства РФ от 03.04.2024 № 415 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473897/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 07.09.2026).

[7] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1.

[8] Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 07.09.2026).

[9] В Госдуме разработан законопроект, призванный помочь ряду педагогов досрочно выйти на пенсию : [новость] // Российская газета. — 2024. — 15 января.

[10] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 07.09.2026).

[11] Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2017 N 215-О // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=492060 (дата обращения: 07.09.2026).

[12] Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 22.12.2025) "О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104589/ (дата обращения: 07.09.2026).

[13] Постановление Правительства РФ от 30.12.2005 N 850 (ред. от 26.04.2024) "О ежемесячном денежном вознаграждении педагогическим работникам федеральных государственных образовательных организаций, выполняющих функции классного руководителя (куратора)" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57540/ (дата обращения: 07.09.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during an all-Russian vote on July 1, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31. — Art. 4473.

[2] Kolesnikova, E. M. Educators in Private and Public Preschool Education: Group Status and Development Prospects // Sociological Journal. – 2016. – No. 1. – pp. 114–132.

[3] Degtyarev, S. V. Social Standards and Guarantees within the State's Social Policy System // Economic Theory in the Context of Economic Globalization: Abstracts and Presentations from the 11th International Scientific and Practical Conference

of Students and Young Scientists, Donetsk, March 13–14, 2019 / Ed. by L. I. Dmitrichenko. – Donetsk: Donetsk National University, 2019. – pp. 55–57.

[4] Russian Encyclopedia of Social Work / Ed. by E. I. Kholostova. – 3rd ed. – Moscow: Dashkov i K, 2018. – 1032 p.

[5] Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012, No. 273-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2012. — No. 53 (Part 1). — Art. 7598.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation dated April 3, 2024, No. 415 "On Annual Basic Extended Paid Leave" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473897/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed: 07.09.2026).

[7] Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of December 30, 2001 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1.

[8] Federal Law "On Insurance Pensions" No. 400-FZ of December 28, 2013 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (accessed: 07.09.2026).

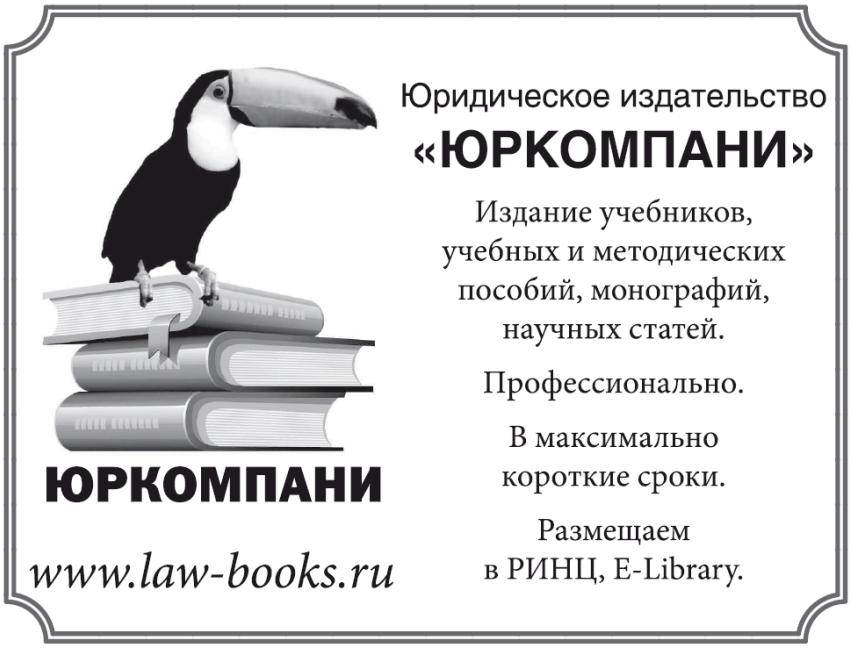
[9] A bill has been drafted in the State Duma designed to help certain educators retire early : [news item] // Rossiyskaya Gazeta. — 2024. — January 15.

[10] Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ of December 29, 2004 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (accessed: 07.09.2026).

[11] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 215-O of February 9, 2017 // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=492060 (accessed: 07.09.2026).

[12] Decree of the President of the Russian Federation No. 1099 dated September 7, 2010 (as amended on December 22, 2025) "On Measures to Improve the State Awards System of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104589/ (accessed: 07.09.2026).

[13] Resolution of the Government of the Russian Federation No. 850 dated December 30, 2005 (as amended on April 26, 2024) "On Monthly Monetary Remuneration for Pedagogical Staff of Federal State Educational Organizations Performing the Functions of a Class Teacher (Curator)" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57540/ (accessed: 07.09.2026).



ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-779-783

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
ФКУ НИИ ФСИН России,
Москва, Россия,
тел.: +7-926-590-63-08,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *В статье анализируется разрыв между нормативным требованием к регулятивным универсальным учебным действиям и фактическим устройством цифровой образовательной среды общеобразовательной школы. Осуществлен подход к выявлению проблемы правового обеспечения достижения метапредметных результатов при использовании цифровых образовательных технологий. На материале эмпирических публикаций 2022–2026 годов показано, что осознанная саморегуляция учебной деятельности связана с успешностью проектной работы (r = 0,23; N = 187), субъективным благополучием школьников (N = 718) и цифровой грамотностью (r = 0,37), однако цифровая поддержка усиливает преимущественно фазу исполнения, а не целеполагания (g = 0,57 против g = 0,40). Обоснован контур дидактических требований, при котором среда не снимает с обучаемого регуляторные решения. Обозначены возможности адаптации предложенных дидактических требований к профессиональной подготовке сотрудников ФСИН России и экспертизе цифровых учебных материалов в ведомственных образовательных организациях.*

Ключевые слова: *осознанная саморегуляция; цифровая образовательная среда; теория обучения; дидактические условия; формирующее оценивание; цифровая грамотность; общее образование, ФСИН России.*

Для цитирования: *Лукашенко Д. В. Правовое обеспечение достижения метапредметных результатов общего образования в цифровой образовательной среде // Образование и право. 2026. № 10. С. 779–783.*

LUKASHENKO Dmitriy Vladimirovich,
Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

LEGAL SUPPORT FOR ACHIEVING METASUBJECT OUTCOMES IN GENERAL EDUCATION WITHIN A DIGITAL LEARNING ENVIRONMENT

Annotation. *The paper examines the gap between statutory demands for regulatory learning actions and the actual design of the digital educational environment in general school. An approach has been taken to identify the problem of legal support for achieving metasubject results when using digital educational technologies. Empirical publications of 2022–2026 show that conscious self-regulation of learning is related to project performance (r = 0.23; N = 187), students' subjective well-being (N = 718) and digital literacy (r = 0.37), while digital support mainly boosts the performance phase rather than goal setting (g = 0.57 vs g = 0.40). The outline of didactic requirements is substantiated, under which the environment does not relieve the learner of regulatory decisions. The possibilities of adapting the proposed didactic requirements to the professional training of employees*

of the Federal Penitentiary Service of Russia and to the examination of digital educational materials in departmental educational organizations are outlined.

Key words: *conscious self-regulation; digital educational environment; learning theory; didactic conditions; formative assessment; digital literacy; general education, FSIN of Russia*

For citation: *Lukashenko D. V. Legal support for achieving metasubject outcomes in general education within a digital learning environment. Education and law. 2026;(10):779–783. (In Russ.).*

Введение

Регулятивные универсальные учебные действия – целеполагание, планирование, контроль, коррекция, оценка – зафиксированы в требованиях к метапредметным результатам общего образования раньше, чем школа получила относительно устойчивый набор цифровых платформ. В нормативных формулировках это действия ученика. На уроке они все чаще выглядят иначе: темп задает карточка задания, правильность закрывает автоматическая проверка, следующий шаг предлагает адаптивный тренажер. Расхождение между нормой и устройством среды и составляет предмет дальнейшего разбора.

Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» и государственная информационная система «Моя школа» изменили не перечень технических средств, а саму дидактическую ситуацию. Педагог присутствует прерывисто. Часть той регуляции, которую раньше держали взгляд, пауза, устный критерий, перешла к интерфейсу. Если ученик не умеет ставить цель и сверять черновик с рубрикой, платформа не «помогает учиться» – она закрывает задачу за него либо уводит в кликовую имитацию занятости.

Т. Н. Носкова описывает обратную сторону того же процесса как расширение выбора. Цитата здесь нужна не для украшения, а потому что в ней уже заложена педагогическая цена свободы: «Расширение пространства образовательного выбора и связанной с ним ответственности способствует осознанной самостоятельности в обучении, переходу обучающегося из позиции объекта управления со стороны педагога в позицию субъекта со-управления, самоуправления учебной деятельностью» [5, с. 48]. Выбор без ответственности – это не субъектность. Ответственность без инструмента оценить результат – тоже. Цифровая среда дает первое охотнее, чем второе.

Проблема формулируется так: при каких дидактических требованиях к содержанию, методам и оцениванию цифровая образовательная среда развивает осознанную саморегуляцию учения, а не замещает ее? Цель работы – собрать эти требования в связный контур для общего образования

Изложение основного материала статьи

Саморегуляция учения: два языка описания и один дидактический критерий

В отечественной психологии осознанная саморегуляция – не синоним самоконтроля. «Актуальность исследований осознанной саморегуляции обусловлена повышением неопределенности существования человека в изменяющемся мире» [3, с. 57]. Цифровая среда школы как раз и есть такая неопределенность: источников больше, маршрут нелинеен, обратная связь почти мгновенна и часто обезличена. Вывод той же работы задает методический масштаб понятия: «Осознанная саморегуляция является управляющим метаресурсом, включающим универсальные и специальные регуляторные компетенции, обеспечивающие осознанное выдвижение целей и управление их достижением» [3, с. 57]. Определение, данное позднее Т. Г. Фоминой, Е. В. Филипповой и В. И. Моросановой, удобно держать рядом с уроком: «Осознанная саморегуляция рассматривается как многоуровневая и динамическая система процессов, свойств и состояний, являющаяся инструментом инициации, поддержания произвольной активности и управления ею» [6, с. 156]. Самоконтроль – один слой. Метаресурс – другой.

Международная линия self-regulated learning, идущая от циклической модели Б. Циммермана, режет тот же контур на фазы обдумывания, исполнения и саморефлексии. Сводить один язык к другому бессмысленно. Ресурсный подход дает интегративный уровень: саморегуляция опосредует влияние мотивации и вовлеченности на результат и благополучие [3; 4; 6]. Фазовая схема удобна как карта урока и платформенного сценария. Если оставить только фазы, методика схлопывается в чек-лист приемов. Если оставить только «общий уровень саморегуляции», исчезает конкретный ход на 6-м уроке темы.

Связка проявляется в проектной работе. «Общий уровень развития осознанной саморегуляции характеризует универсальные ресурсы выполнения индивидуального проекта и положительно связан со всеми экспертными критериями выполнения проектно-исследовательской работы» [4, с. 47]. Рядом: «Специальными регуляторными ресурсами выступают моделирование значимых условий и оценивание результатов действий» [4, с. 47]. Не «самостоятельность» как характер, а два действия, которым можно учить. Мотивировать «на проект» недостаточно, пока нет критерия: в той же работе показана «медиаторная роль ре-

гуляторной компетенции оценивания результатов во взаимосвязи академической мотивации и итоговой оценки по проекту» [4, с. 47].

Возраст ломает прямой перенос. Систематический обзор А. Фазы и И. А. Лестари (121 публикация) собран преимущественно по высшей школе. Стратегии названы прямо: «Key SRL strategies include goal setting, cognitive and metacognitive processes, time management, self-reflection, help-seeking, and monitoring» [7, p. 23]. Барьеры – тоже: «Challenges involve limited access to digital resources, technical issues, resistance to change, and inadequate instructor training» [7, p. 23]. Для 6–8 класса последний барьер звучит иначе, чем для вуза. Подросток еще только собирает регуляторный контур; на переходах 7–9 классов вовлеченность может снижаться [6]. Вузовский пакет стратегий без возрастной правки дает либо внешний контроль «прошел / не прошел», либо видимость автономии.

Цифровая среда: конструкты, роль педагога, цена «умной» опоры

Описывать среду списком сервисов уже недостаточно. «Педагогическими конструктами цифровой среды обучения являются три типа цифровых педагогических ресурсов: информационные, коммуникационные, управления учебно-познавательной деятельностью» [5, с. 45]. Связка трех типов и есть образовательная система. Разъехались – остается хранилище файлов, чат и журнал отметок. Носкова уточняет, за счет чего вообще может вырасти самостоятельность: «Такое разнообразие может достигаться повышением меры свободы образовательных действий обучающихся не только через расширение пространственно-временных рамок деятельности, но и через возможности выбирать глубину, функциональность решения задачи, ситуацию ее решения за счет вариативности информационных и коммуникационных действий в цифровой среде» [5, с. 47]. Свобода без вариативности задачи – пустой лозунг. Вариативность без последующей оценки выбора – тоже.

М. Е. Вайндорф-Сысоева и М. Л. Субочева прямо связывают цифровую дидактику с готовностью педагога: «определяются риски для участников образовательного процесса и требования к педагогам и их готовности к организации эффективного взаимодействия в новых условиях» [1, с. 160]. Из этого следует неприятная для «внедрения платформы» вещь. Саморегуляция не появляется от факта подключения сервиса. Она появляется – или не появляется – от того, оставляет ли взрослый ученику планирование и возвращает ли вопрос о критерии готовности вместо машинного балла. Цифровой след попыток, о котором пишут авторы [1], полезен, когда по нему разбирают процесс. Как журнал посещаемости он снова делает регуляцию внешней, только уже безличной.

Д. В. Литвин и Л. А. Мангасарова смещают критерий качества среды с «гладкости прохождения трека» на порождение движения самим учеником. «Формирование развивающей цифровой образовательной среды должно осуществляться с обязательным акцентом на субъект-генерируемые характеристики среды» [2, с. 41]. И дальше, уже про компетенцию педагога: «деятельность педагога по формированию развивающей среды цифровыми средствами, придание ей развивающих функций связаны с педагогической компетенцией по наполнению среды соответствующим ситуационно-событийным контентом, способствующим генерации сред в образовании самими обучающимися» [2, с. 48]. Если контент не порождает ситуацию выбора и события оценки, «развивающая» среда остается этикеткой.

Отдельный риск дает связка грамотности и регуляции. Трехуровневый метаанализ М. Ланя, Х. Лю и Ц. Пань по 31 количественному исследованию: «the results reveal a moderate yet statistically significant correlation between DL and SRL (r = .37)» [8]. Коэффициент слишком велик, чтобы считать грамотность соседним модулем информатики. И слишком скромен, чтобы ждать саморегуляции от умения переключать вкладки. Ученик может быть ловок на экране и при этом не удерживать учебную цель. Значит, грамотностные пробы (план поиска, отказ от источника, различение цитаты и вывода, устройство рабочего окна) должны стоять внутри предметного урока, а не «до» него.

Контур дидактических требований

Психолого-педагогическое условие здесь понимается не как пожелание «создать атмосферу», а как требование к содержанию, методу, общению и оцениванию, без которого механизм осознанной саморегуляции не держится. Требования связаны. Выполнить одно и выключить соседнее можно, эффект тогда легко обращается в противоположный.

Поле выбора должно быть ограниченным, а не бесконечным. Логика [5] требует вариативности глубины, функциональности, ситуации решения – и одновременно рамки. В 6–7 классе безграничный каталог маршрутов дает потерю цели, а не субъектность. Практический минимум скромен и проверяем: в тематическом блоке ученик до автоматической проверки письменно фиксирует, что будет считать выполненным заданием. Со-управление, о котором пишет Носкова [5], начинается с этой фиксации, а не с «свободного плавания» по платформе.

Оценивание результата приходится делать

отдельным учебным действием. Иначе машинный балл опережает понимание критерия. Сначала рубрика, самооценка, короткий взаимный комментарий. Затем сверка с автоматическим результатом. Расхождение между самооценкой и баллом полезнее «идеального совпадения»: оно запускает рефлексивную фазу. Формирующее оценивание в этой точке не конкурирует с отметкой и не дублирует ее – оно возвращает контрольно-корректировочное действие, без которого, по [4], мотивация не доходит до итога проекта.

Грамотность и регуляция не выстраиваются очередью «сначала кнопки, потом рефлексия». Коэффициент 0,37 [8] это запрещает. Короткая проба на уроке предмета: план поиска по двум источникам и отказ от третьего; помета, где чужая формулировка, где свой вывод; закрытое отвлекающее окно как элемент моделирования условий. Иначе информатика и «обычный» урок живут в разных регистрах, и связь, найденная метаанализом, в конкретной школе так и не собирается.

Эмоциональный контур нельзя отдавать «на потом». Обзоры фиксируют перекос к когниции [7], практика знает его без обзоров. Ученик, который боится ошибки, либо не входит в задачу, либо жмет подсказку до появления «правильного» текста. Обратная связь тогда должна читаться как информация для следующего шага, а не как приговор способности. Не всякая попытка публична. Связанность, значимая для исходного уровня саморегуляции [9], держится учебным диалогом, не рейтингом активности. Без этого куска предыдущие требования работают с уже благополучными детьми и молчат на остальных.

Помощь интеллектуальной системы допустима и, по [10], дает измеримый эффект. Полное делегирование регуляции – нет. Опора видима и со временем снимается. Три формулировки цели – выбор и обоснование остаются за учеником. Указание типа ошибки – без готового текста на первых витках освоения способа. Цифровой след – материал разбора процесса [1], не суррогат посещаемости. Иное устройство снова выносит регуляцию вовне.

Отсюда следует не «авторская технология урока», а набор вопросов к уже существующей практике. Где ученик выбирает. Где оценивает сам. Какие грамотностные действия встроены в предмет. Как защищен тот, кто ошибся. Какая опора будет снята через две недели. Нет ответа хотя бы на один – среда, скорее всего, повышает удобство и оставляет регуляторную компетентность на прежнем уровне. «Установлено, что уровень развития осознанной саморегуляции и уровень школьной вовлеченности вносят значимый вклад в поддержание субъективного благополучия обучающихся в образовательной среде» [6, с. 156]. Игнорировать этот вклад при приемке очередного сервиса – значит оценивать школу только по внешнему продукту.

Предложенные дидактические требования могут быть адаптированы к профессиональной подготовке сотрудников ФСИН России. При использовании цифровых учебных модулей целесообразно сохранять за обучающимся самостоятельный анализ служебной ситуации, выбор способа действия и оценку принятого решения. Автоматизированную подсказку в таком случае следует использовать после первоначальной попытки решения, чтобы она помогала выявить ошибку и скорректировать ход рассуждения.

Еще одним направлением применения результатов в образовательных организациях ФСИН России может стать экспертиза цифровых учебных материалов: позволяют ли задания самостоятельно планировать работу, обосновывать решения и сопоставлять результат с установленными критериями.

Выводы

Полученные результаты позволяют рассмотреть вопрос о правовом обеспечении развития самостоятельности обучающихся при использовании цифровых образовательных технологий. Представляется целесообразным конкретизировать в локальных нормативных актах образовательных организаций требования к применению автоматизированного оценивания и интеллектуальных помощников, предусматривая сохранение за обучающимся действий целеполагания, планирования и самооценки, педагогическую проверку результатов автоматизированного оценивания и понятный порядок их пересмотра.

Список литературы:

[1] Вайндорф-Сысоева, М. Е. Дидактика цифровой эпохи: некоторые аспекты развития / М. Е. Вайндорф-Сысоева, М. Л. Субочева. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 490. – С. 160–168.

[2] Литвин, Д. В. Субъект-генерируемые среды как основа формирования личностно-развивающей цифровой образовательной среды / Д. В. Литвин, Л. А. Мангасарова. – Текст : электронный // Педагогика и просвещение. – 2023. – № 1. – С. 41–55.

[3] Моросанова, В. И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям / В. И. Моросанова. – Текст : непосредственный // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 57–82.

[4] Моросанова, В. И. Осознанная саморегуляция и академическая мотивация как ре-

сурсы выполнения обучающимися проектно-исследовательской работы / В. И. Моросанова, Е. В. Филиппова, Т. Г. Фомина. – Текст : электронный // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 47–61.

[5] Носкова, Т. Н. Цифровая образовательная среда: методологический аспект запуска инноваций / Т. Н. Носкова. – Текст : электронный // Информатика и образование. – 2023. – Т. 38, № 6. – С. 45–51.

[6] Фомина, Т. Г. Осознанная саморегуляция и школьная вовлеченность как ресурсы субъективного благополучия обучающихся / Т. Г. Фомина, Е. В. Филиппова, В. И. Моросанова. – Текст : электронный // Психолого-педагогические исследования. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 156–173.

[7] Faza, A. Self-regulated learning in the digital age: a systematic review of strategies, technologies, benefits, and challenges / A. Faza, I. A. Lestari. – Text : electronic // International Review of Research in Open and Distributed Learning. – 2025. – Vol. 26, no. 2. – P. 23–58.

[8] Lan, M. Unpacking the digital literacy – self-regulated learning nexus: a systematic review and a three-level meta-analysis / M. Lan, H. Liu, Q. Pan. – Text : electronic // Educational Research Review. – 2025. – Vol. 48. – Art. 100713.

[9] Lee, S. Exploring the dynamics of self-regulated learning in online courses / S. Lee, Y. Lee, S. Y. Park, E. H. Ham. – Text : electronic // Education and Information Technologies. – 2025. – Vol. 30. – P. 16861–16891.

[10] Xu, J. AI support in self-regulated learning: a decade of technological evolution and meta-analysis / J. Xu, Y. Luo [et al.]. – Text : electronic // British Journal of Educational Technology. – 2026. – Vol. 57, no. 5. – P. 1191–1220.

References:

[1] Vayndorf-Sysoeva, M. E. Didactics of the Digital Age: Some Aspects of Development / M. E. Vayndorf-Sysoeva, M. L. Subocheva. – Text : electronic // Bulletin of Tomsk State University. – 2023. – No. 490. – pp. 160–168.

[2] Litvin, D. V. Subject-Generated Environments as a Basis for Forming a Personality-Developing Digital Educational Environment / D. V. Litvin, L. A. Mangasarova. – Text : electronic // Pedagogy and Enlightenment. – 2023. – No. 1. – pp. 41–55.

[3] Morosanova, V. I. Psychology of Conscious Self-Regulation: From Origins to Contemporary Research / V. I. Morosanova. – Text : direct // Theoretical and Experimental Psychology. – 2022. – Vol. 15, No. 3. – pp. 57–82.

[4] Morosanova, V. I. Conscious Self-Regulation and Academic Motivation as Resources for Students' Project-Based Research Work / V. I. Morosanova, E. V. Filippova, T. G. Fomina. – Text : electronic // Psychological Science and Education. – 2023. – Vol. 28, No. 3. – pp. 47–61.

[5] Noskova, T. N. Digital Educational Environment: Methodological Aspect of Launching Innovations / T. N. Noskova. – Text : electronic // Informatics and Education. – 2023. – Vol. 38, No. 6. – pp. 45–51.

[6] Fomina, T. G. Conscious self-regulation and school engagement as resources for students' subjective well-being / T. G. Fomina, E. V. Filippova, V. I. Morosanova. – Text: electronic // Psychological-Pedagogical Research. – 2024. – Vol. 16, No. 3. – pp. 156–173.

[7] Faza, A. Self-regulated learning in the digital age: a systematic review of strategies, technologies, benefits, and challenges / A. Faza, I. A. Lestari. – Text: electronic // International Review of Research in Open and Distributed Learning. – 2025. – Vol. 26, No. 2. – pp. 23–58.

[8] Lan, M. Unpacking the digital literacy – self-regulated learning nexus: a systematic review and a three-level meta-analysis / M. Lan, H. Liu, Q. Pan. – Text: electronic // Educational Research Review. – 2025. – Vol. 48. – Art. 100713.

[9] Lee, S. Exploring the dynamics of self-regulated learning in online courses / S. Lee, Y. Lee, S. Y. Park, E. H. Ham. – Text: electronic // Education and Information Technologies. – 2025. – Vol. 30. – pp. 16861–16891.

[10] Xu, J. AI support in self-regulated learning: a decade of technological evolution and meta-analysis / J. Xu, Y. Luo [et al.]. – Text: electronic // British Journal of Educational Technology. – 2026. – Vol. 57, No. 5. – pp. 1191–1220.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-784-789

УНАТЛОКОВ Вячеслав Хаутиевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова,
e-mail: mail@law-books.ru

ЕЖОВА Олеся Николаевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

НИКАНДРОВ Эдуард Юрьевич,
преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,
Доцент Института Академии ФСИН России кафедра физической подготовки и спорта, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, д.1,
e-mail: mail@law-books.ru

АНКУШИН Андрей Викторович,
преподаватель кафедры огневой и физической подготовки ФКОУ ВО Пермского института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы педагогической подготовки курсантов ведомственных образовательных организаций ФСИН России. Анализируется специфика образовательного процесса, обусловленная интеграцией профессиональной и педагогической составляющих в подготовке будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы. Выделяются ключевые противоречия: между преимущественно юридической направленностью обучения и необходимостью владения педагогическими компетенциями для работы с осужденными; между теоретическим характером педагогических дисциплин и практико-ориентированным характером будущей служебной деятельности. Обосновывается необходимость усиления педагогической компоненты в профессиональной подготовке курсантов. Предлагаются пути решения выявленных проблем, включающие интеграцию педагогических знаний в специальные дисциплины, использование активных методов обучения, развитие наставничества и практико-ориентированных форм занятий.*

Ключевые слова: *педагогическая подготовка, курсанты, ведомственные вузы, ФСИН России, уголовно-исполнительная система, профессиональная компетентность, пенитенциарная педагогика, практико-ориентированный подход.*

Для цитирования: *Унатлоков В. Х., Ежова О. Н., Никандров Э. Ю., Крапивин О. В., Анкушин А. В. Педагогическая подготовка курсантов ведомственных вузов ФСИН России: проблемы и пути решения // Образование и право. 2026. № 10. С. 784–789.*

UNATLOKOV Vyacheslav Khautievich,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Kabardian-Circassian Language and Literature, Institute of Social Sciences and Humanities, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

EZHOVA Olesya Nikolaevna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Legal Psychology, Pedagogy, and Organization of Educational Work with Convicts, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

NIKANDROV Eduard Yuryevich,
Lecturer at the Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor at the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department of Physical Training and Sports

ANKUSHIN Andrey Viktorovich,
Lecturer at the Department of Firearms and Physical Training, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PEDAGOGICAL TRAINING OF CADETS AT FSIN RUSSIA DEPARTMENTAL HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Annotation. *The article examines current issues regarding the pedagogical training of cadets at departmental educational institutions of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia. It analyzes the specific nature of the educational process, shaped by the integration of professional and pedagogical components in the training of future penal system personnel. Key contradictions are identified: the tension between a predominantly legal focus in training and the need for pedagogical competencies when working with convicts, and the disparity between the theoretical nature of pedagogical disciplines and the practice-oriented nature of future service duties. The article substantiates the need to strengthen the pedagogical component of cadet training and proposes solutions to the identified problems, including integrating pedagogical knowledge into specialized disciplines, employing active teaching methods, and fostering mentorship and practice-oriented training formats.*

Key words: *pedagogical training, cadets, departmental higher education institutions, FSIN of Russia, penal system, professional competence, penitentiary pedagogy, practice-oriented approach.*

For citation: *Unatlokov V. Kh., Ezhova O. N., Nikandrov E. Yu., Krapivin O. V., Ankushin A. V. Pedagogical training of cadets at FSIN Russia departmental higher education institutions: challenges and solutions. Education and law. 2026;(10):784–789. (In Russ.).*

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации характеризуется гуманизацией пенитенциарной политики, расширением применения альтернативных лишению свободы мер, усилением воспитательной и ресоциализирующей работы с осужденными. Концепция развития УИС на период до 2030 года определяет в качестве приоритетных задач обеспечение безопасности, совершенствование воспитательной работы с осужденными и повышение эффективности их исправления. Решение этих задач невозможно без качественной подготовки сотрудников, обладающих не только правовыми знаниями, но и глубокими педагогическими компетенциями.

Ведомственные образовательные организации ФСИН России осуществляют подготовку специалистов для пенитенциарной системы, однако анализ образовательного процесса показывает, что педагогическая составляющая в структуре профессиональной подготовки курсантов остается недостаточно выраженной. Это порождает противоречие между требованиями практической деятельности, предполагающей активное использование педагогических методов в работе с осужденными, и содержанием образовательных программ, ориентированных преимущественно на юридическую подготовку. Целью настоящей статьи является выявление и систематизация проблем педагогической подготовки курсантов ведомственных вузов ФСИН России и обоснование путей их решения.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы по своему содержанию является полифункциональной и включает, наряду с охранительной, режимной и оперативной составляющими, значительный воспитательный и педагогический компонент. Квалификационные требования к выпускникам ведомственных вузов ФСИН России, утвержденные приказом ведомства, прямо предусматривают такие аспекты профессиональной деятельности, как проведение воспитательной работы с осужденными, предотвращение рецидивов, оказание содействия в получении социальной помощи. Реализация этих функций требует владения методами педагогического воздействия, понимания психолого-педагогических механизмов исправления и ресоциализации.

Специфика будущей профессиональной деятельности курсантов ФСИН России заключается в необходимости работы с особой категорией граждан — лицами, отбывающими уголовные наказания. Эффективность этой работы напрямую зависит от способности сотрудника устанавливать педагогически целесообразные отношения, применять методы убеждения, стимулирования, индивидуального подхода с учетом особенностей личности осужденных. Как отмечается в научной литературе, профессиональная готовность выпускника вуза ФСИН России представляет собой интегративную личностную характеристику, обеспечивающую адаптацию и дальнейшую реализацию специалиста в пенитенциарной деятельности.

Анализ образовательной практики ведомственных вузов ФСИН России позволяет выделить ряд проблем в области педагогической подготовки курсантов.

Первая проблема — дисбаланс между юридической и педагогической составляющими профессиональной подготовки. Образовательные программы специалитета и бакалавриата, реализуемые в ведомственных вузах, ориентированы преимущественно на формирование правовых знаний и профессиональных навыков в области правоохранительной деятельности. Педагогические дисциплины занимают в учебных планах незначительный объем и зачастую воспринимаются курсантами как второстепенные. Между тем, именно педагогическая компетентность во многом определяет эффективность воспитательной работы с осужденными, которая является одним из ключевых направлений деятельности сотрудника УИС.

Вторая проблема — разрыв между теоретическим содержанием педагогических дисциплин и практическими потребностями служебной деятельности. Преподавание педагогики в ведомственных вузах нередко осуществляется в отрыве от реальных условий работы в исправительных учреждениях. Курсанты изучают общие закономерности педагогического процесса, дидактические принципы и методы воспитания, однако не получают достаточного опыта их применения в специфических условиях пенитенциарной системы. Исследования показывают, что курсанты демонстрируют слабую психологическую и практическую готовность к профессиональной деятельности, что требует более активного использования практико-ориентированного подхода в обучении.

Третья проблема — недостаточная мотивация курсантов к освоению педагогических знаний. Ведомственные вузы ФСИН России готовят специалистов по направлениям «Правоохранительная деятельность» и «Юриспруденция», что формирует у курсантов установку на преимущественно правовой характер будущей профессии. Педагогическая деятельность воспринимается как дополнительная, а не органичная составляющая профессиональной роли. Между тем, как показывают исследования мотивации познава-

тельной деятельности курсантов, именно интерес к содержанию обучения и понимание его связи с будущей профессией являются ключевыми факторами успешного освоения учебного материала.

Четвертая проблема — кадровое обеспечение педагогической подготовки. Преподаватели педагогических дисциплин в ведомственных вузах не всегда имеют практический опыт службы в учреждениях УИС, что затрудняет демонстрацию прикладного значения педагогических знаний. В научной литературе отмечается, что подготовка преподавателей для образовательных организаций ФСИН России должна предполагать наличие у них профильного практического опыта, без которого невозможно эффективное решение стоящих перед уголовно-исполнительной системой задач.

Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, затрагивающего содержание, методы и организационные формы образовательного процесса.

Интеграция педагогической компоненты в специальные дисциплины. Целесообразно не ограничиваться преподаванием педагогики как отдельной дисциплины, но последовательно включать педагогический материал в курсы уголовно-исполнительного права, криминологии, психологии служебной деятельности. Такой подход позволяет курсантам осознать органическую связь педагогических знаний с их будущей профессиональной деятельностью. Положительный опыт такой интеграции накоплен в ряде ведомственных вузов, где практикуется включение педагогических аспектов в содержание специальных курсов.

Использование активных и практико-ориентированных методов обучения. Лекционные формы занятий должны дополняться практикумами, деловыми играми, анализом конкретных ситуаций, моделирующих педагогические аспекты работы с осужденными. Исследования показывают, что практико-ориентированные занятия, включая выездные занятия в исправительные учреждения, способствуют более глубокому пониманию курсантами специфики профессиональной деятельности и формированию устойчивого интереса к ней. Эффективным является опыт организации учебных занятий в форме соревнований и конкурсов, позволяющих курсантам продемонстрировать применение теоретических знаний в квазипрофессиональных ситуациях.

Развитие наставничества и ролевых моделей. Личность преподавателя ведомственного вуза играет ключевую роль в профессиональном становлении курсантов. Преподаватель выступает не только транслятором знаний, но и примером профессионального поведения, наставником, мотиватором. Целесообразно привлекать к преподаванию педагогических дисциплин действующих сотрудников УИС, имеющих практический опыт воспитательной работы с осужденными, а также организовывать встречи курсантов с опытными сотрудниками исправительных учреждений.

Усиление практической подготовки в области пенитенциарной педагогики. Учебные и производственные практики курсантов должны включать задания педагогической направленности: наблюдение и анализ воспитательных мероприятий, проводимых с осужденными, разработку и апробацию фрагментов воспитательных занятий, изучение опыта работы сотрудников воспитательных отделов исправительных учреждений. Такая практика позволяет курсантам не только закрепить теоретические знания, но и сформировать первичные педагогические умения.

Формирование ценностного отношения к педагогической составляющей профессиональной деятельности. Решение этой задачи требует целенаправленной воспитательной работы, разъяснения курсантам значимости педагогических компетенций для успешного выполнения служебных обязанностей, демонстрации примеров эффективной воспитательной работы с осужденными. Важно, чтобы педагогическая подготовка воспринималась не как формальная необходимость, а как неотъемлемая часть профессионального становления сотрудника УИС.

Педагогическая подготовка курсантов ведомственных вузов ФСИН России представляет собой актуальную проблему, решение которой имеет существенное значение для повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы. Современные требования к сотрудникам УИС предполагают владение не только правовыми знаниями и профессиональными навыками, но и педагогическими компетенциями, необходимыми для организации воспитательной работы с осужденными, их исправления и ресоциализации.

Выявленные проблемы — дисбаланс юридической и педагогической составляющих подготовки, разрыв между теорией и практикой, недостаточная мотивация курсантов, кадровые ограничения — носят системный характер и требуют комплексного решения. Предложенные пути преодоления этих проблем включают интеграцию педагогического содержания в специальные дисциплины, использование активных методов обучения, развитие практико-ориентированных форм занятий, усиление наставничества и формирование ценностного отношения к педагогической деятельности.

Реализация этих мер будет способствовать подготовке выпускников ведомственных вузов

ФСИН России, обладающих целостной профессиональной компетентностью, включающей педагогическую готовность к работе с осужденными, что в конечном счете отвечает целям гуманизации уголовно-исполнительной политики и повышения эффективности исправления осужденных.

Список литературы:

[1] Колесов, В. И. Формирование нравственной устойчивости осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях: научная монография / В. И. Колесов. – Москва: ИП Колупаева Е.В., 2024. – 290 с.

[2] Ruseikina, M. A. The role of the penal system of the Russian Federation in the mechanism for ensuring life safety / M. A. Ruseikina, A. M. Chernyaev // Fire and emergency safety: Collection of materials of the XX International scientific and practical conference dedicated to the 35th anniversary of the formation of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Ivanovo, November 13–14, 2025. – Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief”, 2025. – P. 985-989.

[3] Tseluiko, A. V. On the main measures to protect the population in a special military operation / A. V. Tseluiko // Civil defense to guard peace and security: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference dedicated to World Civil Defense Day. In 5 parts, Moscow, February 28, 2025. – Moscow: Academy of State Fire Service, 2025. – P. 283-287.

[4] Current issues of organizing management in RSChS: Collection of scientific papers / Compiled by S.V. Gorinova. Volume Issue 5. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief", 2020. - 79 p.

[5] Biryukova, E. R. Features of interaction between institutions and bodies of the penal system and local governments in the field of protecting the population and territories from natural and man-made emergencies / E. R. Biryukova // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2019. – No. 2(20). – pp. 12-17.

[6] Kashibadze, A. G. Improving the training of employees of the penal system for actions in emergency situations / A. G. Kashibadze, A. P. Semikina // Legal science and practice: Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, February 01 – 01, 2020. Volume Issue 8 Part 1. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. – P. 118-122.

[7] Life safety: basic terms, concepts and definitions. – Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. – 44 p.

[8] Fundamentals of security psychology in the penal system: textbook / B.V. Aleksandrov, M.V. Komarov, N.N. Tavtilova, O.S. Tron. – Ryazan: IP Kolupaeva E.V., 2026. – 106 p.

References:

[1] Kolesov, V. I. Formation of moral stability of convicts serving sentences in penitentiary institutions: scientific monograph / V. I. Kolesov. – Moscow: IP Kolupaeva E.V., 2024. – 290 p.

[2] Ruseikina, M. A. The role of the penal system of the Russian Federation in the mechanism for ensuring life safety / M. A. Ruseikina, A. M. Chernyaev // Fire and emergency safety: Collection of materials of the XX International scientific and practical conference dedicated to the 35th anniversary of the formation of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Ivanovo, November 13–14, 2025. – Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief”, 2025. – P. 985-989.

[3] Tseluiko, A. V. On the main measures to protect the population in a special military operation / A. V. Tseluiko // Civil defense to guard peace and security: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference dedicated to World Civil Defense Day. In 5 parts, Moscow, February 28, 2025. – Moscow: Academy of State Fire Service, 2025. – P. 283-287.

[4] Current issues of organizing management in RSChS: Collection of scientific papers / Compiled by S.V. Gorinova. Volume Issue 5. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief", 2020. - 79 p.

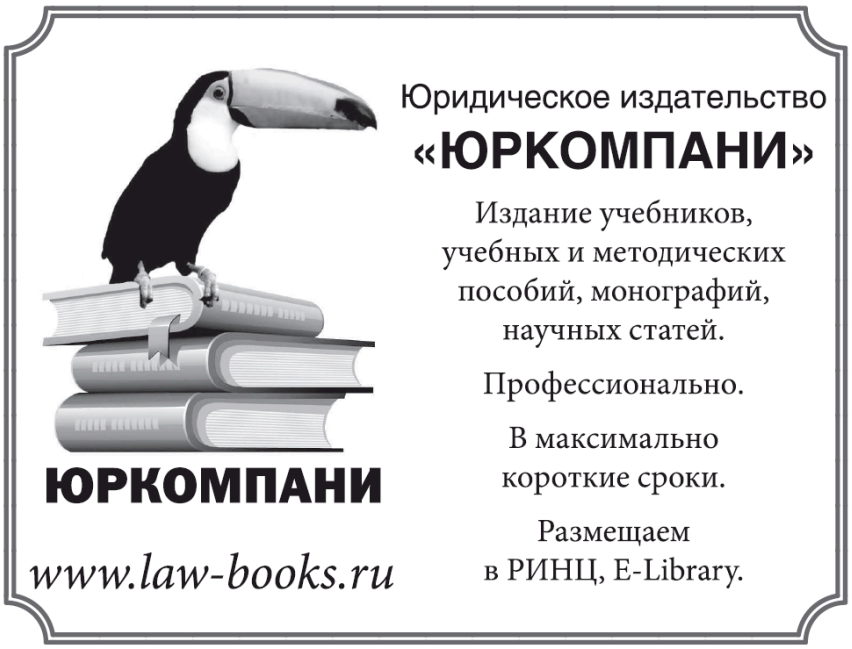
[5] Biryukova, E. R. Features of interaction between institutions and bodies of the penal system and local governments in the field of protecting the population and territories from natural and man-made emergencies / E. R. Biryukova // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2019. – No. 2(20). – pp. 12-17.

[6] Kashibadze, A. G. Improving the training of employees of the penal system for actions in emergency situations / A. G. Kashibadze,

A. P. Semikina // Legal science and practice: Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, February 01 – 01, 2020. Volume Issue 8 Part 1. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. – P. 118-122.

[7] Life safety: basic terms, concepts and definitions. – Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. – 44 p.

[8] Fundamentals of security psychology in the penal system: textbook / B.V. Aleksandrov, M.V. Komarov, N.N. Tavtilova, O.S. Tron. – Ryazan: IP Kolupaeva E.V., 2026. – 106 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-790-795

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДОВ

Аннотация. *В статье речь идет о принципах и методах педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных, которые предают нравственную направленность любому воспитательному процессу.*

Ключевые слова: *принципы, методы, взаимодействие, воспитание, процесс, педагогика, исправление, осужденные.*

Для цитирования: *Дмитриев Г. Г., Бодяков В. Н. Педагогическое воздействие на несовершеннолетних осужденных как взаимодействие принципов и методов // Образование и право. 2026. № 10. С. 790–795.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher of the Office of the Academic Secretary,
Adjuncts, and Doctoral Students Federal State Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

PEDAGOGICAL INFLUENCE ON JUVENILE OFFENDERS AS AN INTERACTION OF PRINCIPLES AND METHODS

Annotation. *This article discusses the principles and methods of pedagogical influence on juvenile offenders, which impart a moral orientation to any educational process.*

Key words: *principles, methods, interaction, upbringing, process, pedagogy, rehabilitation, offenders.*

For citation: *Dmitriev G. G., Bodyakov V. N. Pedagogical influence on juvenile offenders as an interaction of principles and methods. Education and law. 2026;(10):790–795. (In Russ.).*

Принципы исправления осужденных – это руководящие идеи, исходные методологические положения, вытекающие из сущности, особенностей и закономерностей исправления, определяющее как содержание и направленность самого процесса, так и педагогическую деятельность его субъектов. [14, с. 42]

Принципы предают нравственную направленность любому воспитательному процессу.

В ходе развития пенитенциарной педагогики и изменения условий в стране они подверглись преобразованиям и в современном виде могут быть представлены следующим образом: [14, с. 43]

1. Принципы, определяющие содержание и направленность процесса исправления осужденных:

- целенаправленность процесса исправления воспитанников колонии;
- соответствие способов, форм и методов воздействия, гуманистической, нравственной направленности исправительного процесса;
- связь процесса исправления осужденных с жизнью;
- соблюдение законности в процессе исправления осужденных;

2. Принципы, определяющие педагогическую деятельность сотрудников колонии:

- включение осужденных в активную общественно полезную деятельность; формирование в среде осужденных коллективных отношений;
- создание требовательности к осужденным с гуманным и справедливом отношении к ним;
- опора на положительные качества осужденных;
- дифференцированный и индивидуальный подход к осужденным в процессе исправления их личности.

Непременным условием эффективности действия принципов исправления в воспитательном процессе является их взаимодействие. Ни один из принципов взятых отдельно, без связи его с другими, не может дать положительного эффекта в воспитании несовершеннолетних осужденных. Кроме того, используя систему принципов исправления осужденных, необходимо учитывать психологические и возрастные особенности подростков, их взаимоотношения, микросреду колонии, уровень педагогической и криминальной запущенности личности.

Принципы определяют содержание процесса исправления, его формы и методы.

Под методом педагогического воздействия понимают путь (способ) при помощи которого реализуются как общие цели воспитания, которые ставит общество, так и конкретные задачи, решаемые воспитательным процессом.

Педагогические явления очень сложны и противоречивы, поэтому трудно найти единое логическое основание для классификации методов.

В отечественной истории педагогики можно выделить несколько классификаций методов педагогического воздействия на личность воспитуемого.

Одна из классификаций выделяет в качестве методов воспитания убеждение, упражнение, поощрение и наказание (Н.И. Болдырев, Н.К. Гончарав, Ф.Ф. Королев и др.). От этой классификации несколько отличается группа методов воспитания, предложенная Т.А.Ильиной и И.Т. Огородниковым. Она включает в себя методы убеждения, методы организации деятельности, методы стимулирования поведения. В классификации И.С.Марьенко названы такие группы методов, как объяснительно-репродуктивные, проблемно-ситуационные, методы приучения и упражнения, стимулирования торможения, руководство самовоспитанием. Бабанский Ю.К. выделяет методы формирования сознательности личности (беседы, лекции, диспуты, метод примера); метод организации деятельности и формирования опыта общественного поведения (педагогическое требование, общественное мнение, приучение, упражнение, создание воспитывающих ситуаций); методы стимулирования поведения и деятельности (соревнование, поощрение, наказание).

Методы педагогического воздействия определяют характер деятельности воспитателей и воспитуемых, зависят от целей и содержания воспитательного процесса, правильного понимания противоречивости этого процесса, его сущности и принципов.

Методы педагогического воздействия имеют психологическое обоснование. Глубокое понимание мотивов поведения и деятельности воспитуемых, их отношений и свойств позволяет найти более эффективные способы воздействия на личность.

Теория методов педагогики различает еще и такие понятия, как прием и средство. Прием воспитания понимается как частное выражение метода, актуализирующее его действие в данных конкретных обстоятельствах. В трудовом процессе, например, часто прибегают к приему показа трудового действия, раскрывающего точность производственных операций.

При разграничении понятий «метод» и «средство» следует иметь ввиду то, что когда говорится о средстве, имеется ввиду, что используется для решения той или иной задачи, когда говорится о методе, то имеется ввиду, как используется то или иное средство.

Применение различных методов педагогического воздействия зависит от особенностей личности человека, мастерства и авторитета воспитателя, сложившейся конкретной педагогической ситуации.

В колонии в процессе реализации различных методов необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, процесс исправления осуществляется в учреждениях закрытого типа, с людьми, лишенными свободы, имеющими педагогическую и криминальную зараженность. Во-вторых, деятельность осужденных детально урегулирована нормами исправительного законодательства. В-третьих, микросреда осужденных неблагоприятна с точки зрения воспитания: в ней осуществляют деятельность малые группы отрицательной направленности, существуют негативное общение и взаимоотношения. И, наконец, осужденные ограничены в связях с семьей, родителями, родственниками, общественными и государственными организациями. В воспитательном процессе в колонии применяются многообразные методы. Важнейшими из них являются методы убеждения, приручения, принуждения, доверия. Каждый из названных методов имеет свою педагогическую характеристику, т.е. рассчитан на определенный воспитательный эффект. Залогом успеха в педагогической работе является гибкое применение всех методов воспитания в комплексе, в системе. Жизнь показывает, что одним каким-то методом нельзя решить всех педагогических задач.

Метод убеждения является основным в воспитании. Ведущая роль убеждения объясняется тем, что с помощью этого метода формируется самое важное – сознание человека.

Известны две разновидности этого метода: убеждение словом и убеждение делом.

Убеждение словом чаще всего применяется в воспитательной работе в форме доклада, диспута, лекций, занятий по правовой пропаганде, бесед и т.п.

Перечисленным выше формам исправления личности осужденных присущи такие приемы словесного убеждения, как разъяснение, объяснение, доказательство, опровержение. Их эффективность зависит от содержания фактического материала, подготовленности сотрудника, методики организации и проведения этих приемов.

Разъяснение используется в случае, когда необходимо довести до сознания осужденных нормы и правила поведения, их конкретные действия в той или иной ситуации, режимные требования в колонии.

Объяснение применяется в том случае, когда нужно добиться осознанного восприятия окружающей действительности, нравственно-правовых требований общества, правильного поведения, отношений, общения и деятельности.

Доказательство необходимо в процессе установления истины, виновности или невиновности личности в совершении преступления, степени ответственности за то или иное поведение и деятельность осужденных.

Опровержение – это эффективное указание на то, что данная позиция, система взглядов личности ложная и не соответствует нравственно-правовым нормам, существующим в обществе.

Применяя приемы словесного убеждения необходимо сохранять чувство меры с тем, чтобы они не превращались в уговаривание, назидание, морализование.

Убеждение словом должно сочетаться с убеждением делом, то есть с убеждением на примере воспитателей, других людей, на личном опыте осужденных. Значение этого вида убеждения очень велико. В основе примера лежит психологический механизм подражания, здесь велико значение личного примера воспитателя, его отношение к работе.

Убеждение словом и убеждение делом должны применяться в единстве и взаимосвязи. Важным условием эффективности метода убеждения является личная убежденность сотрудника колонии. Сотрудник должен быть убежден в том, что говорит. Но мало быть самому убежденным в чем-либо. Необходимо еще владеть техникой убеждения других. Для этого, прежде всего, сотруднику нужно уметь четко и ясно излагать свои мысли, вести дискуссию, подбирать аргументы, знать взгляды и убеждения личности. Следует учитывать также настроение отдельных лиц и коллектива, а также свое собственное. Человек, находящийся в состоянии раздражения, гнева, печали, – плохой собеседник. Иногда, прежде чем, убеждать его в чем-либо следует выяснить причину его плохого настроения, постараться изменить его.

Важное значение имеет умение воспитателя учитывать особенности различных категории осужденных. Одно дело, например, убеждать добросовестно заблуждающегося в чем-то человека и совершенно иное – злостного нарушителя, тунеядца, носителя воровских традиций. В первом уместен доверительный тон; во втором случае необходима доброжелательная наступательность.

Сотрудник должен уметь гибко применять различные формы, способы и приемы убеждения. Это требует от него больших знаний в различных областях науки и жизни, систематического накопления фактов, широкой эрудиции.

Одним из условий эффективности метода убеждения является умение сотрудников колонии

строить правильные профессионально грамотные взаимоотношения с осужденными. В этом случае убеждение исходит от авторитетного, уважаемого человека и сила убеждения возрастает, вызывает у осужденных чувство стыда, раскаяния в своем преступлении, стремление выполнить порученное задание.

Педагогическая практика подтверждает, что сотрудник колонии по-настоящему может владеть методом убеждения только тогда, когда он в каждом осужденном видит оступившегося человека, любит профессию, творчески осуществляет свое дело, не допускает разрыва между словом и делом. Об этом наглядно свидетельствует педагогическая деятельность А.С. Макаренко. В результате своего многолетнего педагогического опыта он пришел к такому выводу: «Никто так не вредил, никто не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы, как плохой воспитатель, не умеющий владеть методом убеждения».

Метод приучения заключается в организации правильного поведения осужденных, в воспитании правильных привычек. Человеку мало знать, каким образом следует поступать, необходимо еще приобрести опыт социально значимого поведения. Для этого у него должны быть воспитаны морально-волевые качества и выработаны соответствующие привычки. К.Д. Ушинский называл привычки нравственным капиталом, с которого всю жизнь растут проценты. А.С. Макаренко подчеркивал, что нужно «не только воспитывать к себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но и еще воспитывать правильные привычки, то есть такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что, если и подумали, а потому, что иначе не мы не могли, потому что мы так привыкли. И воспитание этих привычек – гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания.

Основными разновидностями приучения являются: требование, поручение, упражнение.

Требование в большинстве своем выражается в слове. Оно вызывает или тормозит вполне определенные действия, поступки. Результаты требования проявляются в конкретной деятельности человека.

Требование может быть:

прямым непосредственным (например, не опаздывать на развод);

косвенным непосредственным, когда оно исходит от воспитателя, но выступает в виде совета, просьбы, намека (было бы неплохо организовать в отряде соревнование);

косвенным опосредованным, когда в качестве субъекта, предъявляемого требования выступает коллектив.

Под поручением понимается задание отдельному осужденному или группе осужденных, исходящее от сотрудника колонии. Поручения должны нести общественную нагрузку, быть посильными, разнообразными. Каждое новое поручение должно быть все сложнее и ответственнее. Выполнение поручений должно тщательно контролироваться.

Упражнение – это организация постоянно повторяющихся действий осужденных с целью накопления ими опыта правильного поведения, выработки морально-волевых качеств. А.С.Макаренко подчеркивал, что без постоянного упражнения воспитанника в нравственных поступках невозможно организовать воспитательный процесс. Он писал, что необходимо создать такую цепь упражнений, цепь трудностей, которые надо преодолеть и благодаря которым выходит хороший человек. Упражнения должны организовываться с учетом индивидуальных особенностей личности. Упражнение должно быть понятным. Организуя упражнения, необходимо иметь ввиду, чтобы осужденный не подозревал, что оно носит специальный воспитательный характер. Оно должно выглядеть как естественно возникшая деятельность в повседневной коллективной жизни. Важную роль в упражнении играют режим, строгое соблюдение режима, четкий распорядок дня, которые требуют от осужденных постоянно повторяющихся действий. Повторяясь изо дня в день, эти действия приобретают силу привычки.

Важным методом педагогического воздействия является метод принуждения. Совокупность принудительных способов воздействия и властных полномочий, с помощью которых сотрудники колонии и коллектив осужденных побуждают личность к определенным действиям и конкретным положительным поступкам, а также пресекают проявления отрицательных действий, качеств личности и привычек, называется методом педагогического принуждения.

Принуждение применяется к тем лицам, которые не внимают доводам разума, нарушают требования режима. Принуждение не преследует цель оскорбления и унижения личности осужденного. Оно призвано обеспечить выполнение требований режима и создает условия для применения метода убеждение и приучения.

Разновидностью метода принуждения является наказание. А.С. Макаренко писал: «Наказание должно быть объявлено такой же естественной, простой и логически вместимой мерой, как и всякая другая мера. В противном случае наказание не достигает своей цели, то есть уничтожая один конфликт, создает другой».

Наказание требует огромного педагогического такта и мастерства воспитателя. Основными требованиями к наказанию являются:

Оно не должно преследовать цель причинения физических страданий. Если оно воспринимается как кара, то закономерной реакцией на нее будет обида, озлобление, месть.

Наказание должно восприниматься как особая форма общественного требования. При этом наказание будет эффективным, если оно исходит от коллектива. Большая часть здесь принадлежит общественному мнению.

Применяя ту или иную форму наказания, впредь учитывать индивидуальные особенности личности осужденного, его отношение к совершенному преступлению.

Всякое наказание должно быть обоснованным и соответствовать степени вины и тяжести совершенного поступка. Однако в первую очередь следует использовать более мягкие виды наказания, оставляя в резерве строгие. Когда воспитатели увлекаются без надобности максимальными мерами наказания осужденные перестают реагировать на более мягкие. А.С. Макаренко предостерегал воспитателей от чрезмерного увлечения наказанием. «В таком случае они не приносят никакой пользы, только нервируют коллектив, а вследствие своего большого количества даже не могут быть приведены в исполнение». В то же время он подчеркивал, что даже мелкие поступки не должны оставаться без реагирования.

Наказание обязательно должно сопровождаться осуждением, внушением, порицанием, предупреждением. В противном случае оно теряет воспитательное значение.

Одним из методов педагогического воздействия является метод доверия. Метод доверия состоит в поручении осужденному какого-то дела с целью активизации положительных качеств личности. Доверие должно сочетаться с требовательностью. Доверие может сопровождаться поощрением.

Условия поощрения: заслуженность, соответствие поощрения поступку, соблюдение чувства меры, разнообразие, своевременность и оперативность.

Следует отметить, что все методы педагогического воздействия связаны между собой. Применение их зависит от особенностей личности, ситуации и поведения осужденных.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В

сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[14] Исправительная (пенитенциарная) педагогика, Рязань: РВШ МВД РФ, 1993г. С. 42-43.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming Deviant Behavior in Juvenile Offenders / In: *Spiritual and Moral Education of the Individual in the Penitentiary System: Pedagogical and Socio-Psychological Aspects*. A collection of scientific articles based on the proceedings of an All-Russian scientific-practical round table dedicated to the memory of penitentiary scholars—Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov, and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. V. Sochivko. Ryazan, 2026, pp. 23–29.

[2] Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Educational Work in the Training of High-Level Personnel within the Federal Penitentiary Service / *Anthropogogika*. 2026, No. 1(21), pp. 5–19.

[3] Iskandarov R. R., Fastovtsov G. A., Vilkova A. V., Dikopoltsev D. E. / *Voprosy Narkologii* (Issues of Narcology). 2026, Vol. 38, No. 1, pp. 79–99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the Professional Readiness of Specialists in the Penal System of the Russian Federation to Implement Penitentiary Probation / *Vedomosti Ugolovno-Ispolnitelnoy Sistemy* (Bulletin of the Penal System). 2026, No. 3(286), pp. 45–51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Ya. N. Approaches to Studying Aggressiveness within the Framework of Penitentiary Psychology / *Obrazovanie i Pravo* (Education and Law). 2026, No. 1, pp. 214–218.

[6] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V. The Specifics of Scientific Creativity and the Characteristics of Science as a Social Institution / Law and Management. 2026. No. 3. pp. 146–150.

[7] Tishchenko Yu. Yu., Vilkova A. V. Expungement of a Criminal Record: Prospects for Legislative Improvement / Law and Management. 2026. No. 3. pp. 210–215.

[8] Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Youth within the Structure of Scientific Personnel / Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1(111). pp. 169–172.

[9] Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. The Role of a Research Team as an Agent in the Professional Development of a Young Scientist / In: The Penal System Today: The Interaction Between Science and Practice. Proceedings of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. pp. 253–256.

[10] Vilkova A. V. Spiritual and Moral Values of Juvenile Offenders and the Characteristics of the Socio-Educational Environment / A. V. Vilkova // In: Pedagogy and Modern Education. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference for Postgraduate Students, Degree Candidates, Doctoral Candidates, Academic Supervisors, and Young Scientists Specializing in the Field of Education. "Postgraduate Student's Library" Series. Saint Petersburg, 2022. pp. 32–36.

[11] Litvishkov V. M. Aspects of Business Communication / A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov // In: Scientific Works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. A quarterly scientific-practical publication. Moscow, 2020. pp. 131–144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent Behavior as a Type of Deviant Behavior / A. V. Vilkova, S. A. Fadeeva // In: Scientific Works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. A quarterly scientific-practical publication. Moscow, 2019. pp. 66–68.

[13] Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Socio-Pedagogical Neglect Among Juvenile Convicts // In: The Penal System: Legislation, Theory, and Practice. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference (with international participation) dedicated to the memory of the Russian penologist, Honored Jurist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. pp. 87–93. Collection of round-table papers. Tver, 2025. pp. 93–96.

[14] Correctional (Penitentiary) Pedagogy. Ryazan: Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. pp. 42–43.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-796-802
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КУЖУГЕТ Артыш Аракчааевич,
доцент кафедры медико-биологических основ физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: kartysh84@mail.ru

ПУГАЧЕВ Роман Валерьевич,
лаборант кафедры методики преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: roman.pugachyov.00@mail.ru

ЛОЗОВАЯ Алёна Ивановна,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, e-mail: cherepanova_9898inbox.ru

ВЛИЯНИЕ МИОФАСЦИАЛЬНОГО РЕЛИЗА НА КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ОРГАНИЗМА СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются корреляционные взаимосвязи между адаптационными и реовазографическими показателями студентов 1–2 курсов в возрасте 18–20 лет с различным уровнем двигательной активности. Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязей между показателями вариационной пульсометрии и периферического кровообращения. В исследовании использовались методы вариационной пульсометрии и реовазографии. Для выявления взаимосвязей применялся корреляционный анализ по Пирсону. Установлено, что у обучающихся основной медицинской группы взаимосвязь между состоянием вегетативной регуляции и периферическим кровообращением выражена сильнее. Повышение регуляторного напряжения сопровождалось изменениями сосудистого тонуса, периферического сопротивления и венозного оттока. У спортсменов выраженных корреляционных связи меньше, что характеризует большую самостоятельность и устойчивость функциональных систем организма. После применения модуля миофасциального релиза у спортсменов усилилась связь парасимпатической активности с венозным оттоком, сопровождавшаяся улучшением венозного возврата и снижением сосудистого напряжения. У обучающихся основной медицинской группы отмечалась положительная динамика отдельных показателей периферической гемодинамики. Полученные результаты подтверждают целесообразность комплексной оценки адаптационных и реовазографических показателей при изучении функционального состояния студентов с различным уровнем двигательной активности.*

Ключевые слова: *корреляционный анализ, миофасциальный релиз, вариационная пульсометрия, реовазография, студенты, спортсмены.*

Для цитирования: *Кужугет А. А., Пугачев Р. В., Лозовая А. И. Влияние миофасциального релиза на корреляционные взаимосвязи функциональных параметров организма студентов с различным уровнем двигательной активности // Образование и право. 2026. № 10. С. 796–802.*

KUZHUGET Artysh Arakchaayevich,
Associate Professor of the Department of Medical and Biological Foundations of Physical Culture and Life Safety, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

PUGACHEV Roman Valeryevich,
Laboratory Assistant of the Department of Methods of Teaching Sports Disciplines and National Sports, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

LOZOVAYA Alena Ivanovna,
Senior Lecturer Department of Physical Education and Sports, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev,

THE EFFECT OF MYOFASCIAL RELEASE ON THE CORRELATIONS BETWEEN FUNCTIONAL PARAMETERS OF THE BODY IN STUDENTS WITH VARYING LEVELS OF PHYSICAL ACTIVITY

Annotation. *This article examines the correlations between adaptive and rheovasographic indicators in first- and second-year students (aged 18–20) with varying levels of physical activity. The study aimed to investigate the relationships between heart rate variability (HRV) metrics and peripheral circulation parameters. Methods included HRV analysis and rheovasography, with Pearson correlation analysis used to identify associations. It was found that students in the "main" medical group (those cleared for standard physical education) exhibited a stronger relationship between autonomic regulation and peripheral circulation. Increased regulatory strain was accompanied by changes in vascular tone, peripheral resistance, and venous outflow. Athletes showed fewer pronounced correlations, indicating greater independence and stability of the body's functional systems. Following a myofascial release intervention, athletes demonstrated an intensified link between parasympathetic activity and venous outflow, accompanied by improved venous return and reduced vascular tension. Students in the main medical group showed positive changes in specific peripheral hemodynamics indicators. The results confirm the value of a comprehensive assessment of adaptive and rheovasographic parameters when evaluating the functional status of students with varying levels of physical activity.*

Key words: *correlation analysis, myofascial release, heart rate variability analysis, rheovasography, students, athletes.*

For citation: *Kuzhuget A. A., Pugachev R. V., Lozovaya A. I. The effect of myofascial release on the correlations between functional parameters of the body in students with varying levels of physical activity. Education and law. 2026;(10):796–802. (In Russ.).*

Введение

Современный образовательный процесс предъявляет повышенные требования к функциональному состоянию студентов. Учебная нагрузка, недостаточная двигательная активность и различия в уровне физической подготовленности оказывают влияние на адаптационные возможности организма и состояние периферического кровообращения. В связи с этим актуальным является изучение функциональных показателей обучающихся с различным уровнем двигательной активности [2].

Для оценки функционального состояния организма применяются методы, позволяющие определить особенности вегетативной регуляции и периферической гемодинамики. Одним из таких методов является вариационная пульсометрия, которая позволяет оценить состояние регуляторных механизмов по показателям частоты сердечных сокращений, стресс-индекса и спектральных компонентов сердечного ритма [1]. Реовазография, в свою очередь, характеризует состояние периферического кровообращения и позволяет оценить сосудистый тонус, венозный отток и другие показатели гемодинамики.

Особый интерес представляет изучение не только отдельных показателей, но и взаимосвязей

между ними [10]. Сопоставление данных вариационной пульсометрии и реовазографии позволяет выявить особенности взаимодействия механизмов регуляции сердечного ритма и периферического кровообращения у обучающихся с различным уровнем двигательной активности. При этом у студентов, занимающихся спортом, и обучающихся, отнесённых к основной медицинской группе, характер таких взаимосвязей может различаться [6].

В качестве средства физкультурно-оздоровительной направленности в исследовании рассматривается миофасциальный релиз. Его применение в образовательном процессе направлено на улучшение функционального состояния организма и периферического кровообращения. Представляет интерес оценка того, сопровождается ли включение миофасциального релиза изменением характера взаимосвязей между адаптационными и реовазографическими показателями у обучающихся с различным уровнем двигательной активности [7].

Цель и задачи работы

Цель - изучить корреляционные взаимосвязи между адаптационными и реовазографическими показателями студентов 1–2 курсов с различным уровнем двигательной активности.

Задачи:

Оценить функциональное состояние обучающихся 1–2 курсов в возрасте 18–20 лет с различным уровнем двигательной активности на основе показателей вариа

Выявить и сравнить взаимосвязи между адаптационными и реовазографическими показателями у обучающихся ОМГ и спортсменов.

Оценить влияние модуля миофасциального релиза на характер взаимосвязей между адаптационными и реовазографическими показателями обучающихся с различным уровнем двигательной активности.

Методы

В работе применялся метод вариационной пульсометрии, с целью оценки функционального состояния организма обучающихся 1–2 курсов с различным уровнем двигательной активности (18–20 лет). Запись электрокардиаграммы производили с помощью аппарата электрокардиографии ВНС «МИКРО». Методика регистрации и исследования, электрических полей, образующихся при работе сердца, проходила следующим образом. На верхние и нижние конечности крепятся электроды, испытуемый занимает удобное сидячее положение и не двигается, запись ведется в течение 5 минут, по итогам исследования проводится анализ полученных данных [3].

Анализировали следующие показатели:

Стресс индекс Баевского (SI) характеризует степень централизации управления ритмом сердца. У здоровых людей ИНБ составляет 80–140 ед. При увеличении симпатического тонуса возрастает значение ИНБ, и, наоборот, при ваготонии он уменьшается;

• **HF** —отражает активность парасимпатического отдела вегетативной нервной системы;

• **LF** —отражает активность симпатических отдела вегетативной нервной системы;

• **VLF** —отражает действие центральных эрготропных и гуморально-метаболических механизмов регуляции.

Метод реовазографии относится к инструментальным неинвазивным способам функциональной диагностики и основан на регистрации изменений электрического сопротивления тканей при прохождении через них слабого переменного тока высокой частоты [4]. Исследование проводилось в состоянии относительного покоя, в положении испытуемого лёжа на спине, после 10–15 минутной адаптации к условиям обследования [5]. Электроды накладывались симметрично на исследуемые сегменты конечностей (в нашем случае на бедро, голень и стопу) в соответствии с общепринятой методикой биполярной записи реограммы [8].

В исследовании реовазографические показатели использовались для оценки состояния регионарного кровообращения нижних конечностей, а именно:

Амплитуда систолической волны (АСВ), по данному показателю оценивают интенсивность артериального притока крови и общее состояние периферического кровообращения;

Модуль упругости (МУ) характеризует состояние сосудистой стенки и ее способность к растяжению;

Венозный отток (ВО) отражает эффективность удаления крови из исследуемого сегмента;

Дикротический индекс (ДИ) используют для оценки тонуса мелких артерий и выраженности периферического сосудистого сопротивления.

Индекс периферического сопротивления (ИПС) характеризует степень сопротивления кровотоку на уровне периферического сосудистого русла.

Занятие с использованием модуля миофасциального релиза проводился три раза в неделю (понедельник, среда, пятница). На протяжении всего исследования контрольная подгруппа занималась традиционной программе физической подготовки вуза, а экспериментальная дополнительно с использованием развивающий модуля с физкультурно-оздоровительной направленностью на основе миофасциального релиза. Структура

модуля включала три специализированных комплекса упражнений, выполнявшихся после общей разминки либо в заключительной части учебного занятия. Продолжительность одного комплекса составляла 15–20 минут [9].

Результаты

Оценивали взаимосвязь адаптационных и реовазографических показателей обучающихся 1–2 курсов с помощью корреляционного анализа по Пирсону, направленного на выявление взаимосвязей между показателями вариационной пульсометрии и реовазографии. Данный этап исследования позволил уточнить, как состояние вегетативной регуляции связано с особенностями периферического кровообращения у обучающихся с различным уровнем двигательной активности.

Корреляционный анализ по Пирсону в рамках данного исследования он использовался для выявления взаимосвязей между адаптационными показателями, отражающими состояние вегетативной регуляции организма, и реовазографическими показателями, характеризующими особенности периферического кровообращения. Применение корреляционного анализа позволило установить, как изменения частоты сердечных сокращений, стресс-индекса Баевского и показателей вариабельности сердечного ритма связаны с амплитудой систолической волны, венозным оттоком, модулем упругости и другими параметрами реовазографии.

Таблица 1. Данные корреляционного анализа адаптационных и реовазографических показателей ОМГ контрольной подгруппы на контрольном этапе

Показатели	ЧСС, уд/мин	SI, усл. ед	%VLF	%LF	%HF	АСВ, мОм	МУ, %	ВО, %	ДИ, усл. ед	ИПС, усл. ед
ЧСС, уд/мин	1,00	0,80*	0,03	0,19	-0,16	-0,44	0,50	-0,11	0,27	0,31
SI, усл. ед	0,80*	1,00	0,42	0,02	-0,40	-0,58*	0,17	-0,25	0,10	0,12
%VLF	0,03	0,42	1,00	-0,28	-0,72*	-0,23	-0,07	-0,06	-0,23	-0,27
%LF	0,19	0,02	-0,28	1,00	-0,46	-0,29	0,05	0,29	0,04	0,02
%HF	-0,16	-0,40	-0,72*	-0,46	1,00	0,42	0,02	-0,16	0,19	0,24
АСВ, мОм	-0,44	-0,58*	-0,23	-0,29	0,42	1,00	0,07	0,23	-0,24	-0,23
МУ, %	0,50	0,17	-0,07	0,05	0,02	0,07	1,00	0,17	0,42	0,49
ВО, %	-0,11	-0,25	-0,06	0,29	-0,16	0,23	0,17	1,00	-0,29	-0,34
ДИ, усл. ед	0,27	0,10	-0,23	0,04	0,19	-0,24	0,42	-0,29	1,00	0,96*
ИПС, усл. ед	0,31	0,12	-0,27	0,02	0,24	-0,23	0,49	-0,34	0,96*	1,00

*Примечание: * - достоверная корреляционная зависимость при p<0,05.*

В контрольной подгруппе ОМГ между адаптационными и реовазографическими показателями наблюдалась слабая взаимосвязь (табл. 1.). Частота сердечных сокращений имела обратную связь с амплитудой систолической волны, r=-0,44, и прямую связь с модулем упругости, r=0,50. Это показывает, что при увеличении ЧСС снижалось пульсовое кровенаполнение исследуемого сегмента и возрастало напряжение сосудистой стенки. Стресс-индекс Баевского имел обратную связь с амплитудой систолической волны, r=-0,58. Следовательно, рост напряжения регуляторных механизмов сопровождался снижением артериального притока. Показатель %HF был прямо связан с амплитудой систолической волны, r=0,42, что отражает положительную роль парасимпатической регуляции в поддержании периферического кровообращения.

Таблица 2. Данные корреляционного анализа адаптационных и реовазографических показателей ОМГ экспериментальной подгруппы на контрольном этапе

Показатели	ЧСС, уд/мин	SI, усл. ед	%VLF	%LF	%HF	АСВ, мОм	МУ, %	ВО, %	ДИ, усл. ед	ИПС, усл. ед
ЧСС, уд/мин	1,00	0,68*	-0,30	0,02	0,29	-0,04	0,89*	-0,25	0,29	0,31
SI, усл. ед	0,68*	1,00	0,14	-0,08	-0,07	0,06	0,71*	-0,35	0,33	0,38
%VLF	-0,30	0,14	1,00	-0,47	-0,60*	-0,16	-0,12	-0,12	-0,17	-0,18
%LF	0,02	-0,08	-0,47	1,00	-0,42	0,25	-0,08	0,17	0,16	0,22
%HF	0,29	-0,07	-0,60*	-0,42	1,00	-0,07	0,20	-0,03	0,02	-0,01
АСВ, мОм	-0,04	0,06	-0,16	0,25	-0,07	1,00	-0,21	-0,08	0,14	-0,02
МУ, %	0,89*	0,71*	-0,12	-0,08	0,20	-0,21	1,00	-0,17	0,35	0,43
ВО, %	-0,25	-0,35	-0,12	0,17	-0,03	-0,08	-0,17	1,00	-0,51*	-0,47
ДИ, усл. ед	0,29	0,33	-0,17	0,16	0,02	0,14	0,35	-0,51*	1,00	0,94*
ИПС, усл. ед	0,31	0,38	-0,18	0,22	-0,01	-0,02	0,43	-0,47	0,94*	1,00

*Примечание: * - достоверная корреляционная зависимость при 0,05*

По данным таблицы 2, в экспериментальной подгруппе ОМГ после применения развивающего модуля, наиболее выраженные связи выявлены между частотой сердечных сокращений и модулем упругости, r=0,89, а также между стресс-индексом Баевского и модулем упругости, r=0,71. Эти данные указывают на высокую зависимость состояния сосудистой стенки от уровня функционального напряжения организма. Стресс-индекс Баевского также имел обратную связь с венозным оттоком, r=-0,35, прямую связь с дикротическим индексом, r=0,33, и индексом периферического

сопротивления, r=0,38. Это свидетельствует о том, что повышение регуляторного напряжения сопровождалось усилением сосудистого сопротивления и снижением эффективности венозного оттока.

Таблица 3. Данные корреляционного анализа адаптационных и реовазографических показателей спортсменов контрольной подгруппы на контрольном этапе

Показатели	ЧСС, уд/мин	SI, усл. ед	%VLF	%LF	%HF	АСВ, мОм	МУ, %	ВО, %	ДИ, усл. ед	ИПС, усл. ед
ЧСС, уд/мин	1,00	0,77*	-0,21	0,48	-0,26	0,16	0,25	-0,28	0,13	0,12
SI, усл. ед	0,77*	1,00	0,03	0,26	-0,25	0,19	0,36	-0,38	0,14	0,01
%VLF	-0,21	0,03	1,00	-0,29	-0,54*	-0,09	-0,02	0,29	-0,10	0,04
%LF	0,48	0,26	-0,29	1,00	-0,65*	-0,34	0,26	-0,19	0,47	0,34
%HF	-0,26	-0,25	-0,54*	-0,65*	1,00	0,37	-0,21	-0,07	-0,34	-0,33
АСВ, мОм	0,16	0,19	-0,09	-0,34	0,37	1,00	0,04	-0,29	0,11	0,01
МУ, %	0,25	0,36	-0,02	0,26	-0,21	0,04	1,00	-0,09	0,36	0,32
ВО, %	-0,28	-0,38	0,29	-0,19	-0,07	-0,29	-0,09	1,00	-0,63*	-0,50
ДИ, усл. ед	0,13	0,14	-0,10	0,47	-0,34	0,11	0,36	-0,63*	1,00	0,90*
ИПС, усл. ед	0,12	0,01	0,04	0,34	-0,33	0,01	0,32	-0,50	0,90*	1,00

*Примечание: * - достоверная корреляционная зависимость при p <0,05*

В контрольной подгруппе спортсменов связи между адаптационными и реовазографическими показателями были преимущественно слабыми и умеренными. Стресс-индекс Баевского имел прямую связь с модулем упругости, r=0,36, и обратную связь с венозным оттоком, r=-0,38. Это показывает, что повышение напряжения регуляторных механизмов сопровождалось увеличением сосудистого тонуса и ухудшением венозного возврата. Также выявлены связи между %LF и дикротическим индексом, r=0,47, %LF и индексом периферического сопротивления, r=0,34, а также между %HF и амплитудой систолической волны, r=0,37. Полученные данные отражают участие симпатических и парасимпатических влияний в регуляции сосудистого сопротивления и пульсового кровенаполнения.

Таблица 4. Данные корреляционного анализа адаптационных и реовазографических показателей спортсменов экспериментальной подгруппы на контрольном этапе

Показатели	ЧСС, уд/мин	SI, усл. ед	%VLF	%LF	%HF	АСВ, мОм	МУ, %	ВО, %	ДИ, усл. ед	ИПС, усл. ед
ЧСС, уд/мин	1,00	0,28	0,39	0,23	-0,56*	-0,12	0,48	-0,05	0,25	0,31
SI, усл. ед	0,28	1,00	0,43	-0,06	-0,39	-0,12	0,35	-0,08	-0,09	0,04
%VLF	0,39	0,43	1,00	-0,38	-0,72*	0,08	0,43	-0,42	0,20	0,22
%LF	0,23	-0,06	-0,38	1,00	-0,37	-0,26	-0,06	-0,12	-0,12	0,07
%HF	-0,56*	-0,39	-0,72*	-0,37	1,00	0,11	-0,39	0,51*	-0,11	-0,28
АСВ, мОм	-0,12	-0,12	0,08	-0,26	0,11	1,00	0,15	-0,14	0,15	0,33
МУ, %	0,48	0,35	0,43	-0,06	-0,39	0,15	1,00	-0,09	0,34	0,41
ВО, %	-0,05	-0,08	-0,42	-0,12	0,51*	-0,14	-0,09	1,00	-0,11	-0,32
ДИ, усл. ед	0,25	-0,09	0,20	-0,12	-0,11	0,15	0,34	-0,11	1,00	0,91*
ИПС, усл. ед	0,31	0,04	0,22	0,07	-0,28	0,33	0,41	-0,32	0,91*	1,00

*Примечание: * - достоверная корреляционная зависимость при 0,05*

В экспериментальной подгруппе спортсменов после применения развивающего модуля на основе миофасциального релиза были выявлены более функционально благоприятные связи. Частота сердечных сокращений имела прямую связь с модулем упругости, r=0,48. Показатель %VLF был прямо связан с модулем упругости, r=0,43, и обратно связан с венозным оттоком, r=-0,42. Наиболее значимой стала прямая связь между %HF и венозным оттоком, r=0,51. Это указывает на то, что усиление парасимпатической активности сопровождалось улучшением венозного возврата. Обратная связь между %HF и модулем упругости, r=-0,39, показывает, что повышение восстановительных влияний вегетативной нервной системы связано со снижением сосудистого напряжения.

Полученные результаты показывают, что взаимосвязь между адаптационными и реовазографическими показателями определяется исходным уровнем двигательной активности обучающихся. У обучающихся ОМГ выявлена более выраженная зависимость периферического кровообращения от напряжения регуляторных механизмов. Повышение ЧСС и стресс-индекса Баевского сопровождалось увеличением модуля упругости, ростом периферического сопротивления и снижением венозного оттока. Такая картина отражает меньшую функциональную готовность сердечно-сосудистой и вегетативной систем к адаптационным. Рост регуляторного напряжения сильнее отражался на состоянии сосудистого русла. Это связано с более низким уровнем двигательной активности, меньшей тренированностью мышечной системы и

менее выраженной адаптацией периферического кровообращения к нагрузкам. При таких условиях повышение активности симпатического отдела вегетативной нервной системы сопровождается увеличением сосудистого тонуса, снижением эластичности сосудистой стенки (МУ) и затруднением венозного возврата крови.

У спортсменов выраженные корреляционные связи между адаптационными и реовазографическими показателями практически не наблюдались. Это объясняется систематическими занятиями спортом, высоким уровнем физической подготовленности и сформированными механизмами функциональной адаптации. Регулярная двигательная деятельность способствует экономизации работы сердечно-сосудистой системы, стабилизации вегетативной регуляции и повышению устойчивости периферического кровообращения к нагрузкам [27].

Отсутствие выраженных корреляционных связей у спортсменов указывает на относительную самостоятельность изучаемых показателей. Изменение одного параметра не сопровождалось закономерным изменением других показателей, что свидетельствует о более устойчивой и сбалансированной работе функциональных систем организма. Такая особенность отражает высокий уровень адаптационных резервов, при котором сердечный ритм, сосудистый тонус, периферическое сопротивление и венозный отток сохраняют функциональную независимость в пределах изучаемых значений.

После применения развивающего модуля на основе миофасциального релиза у спортсменов усилилась связь между парасимпатической активностью и венозным оттоком, за счёт чего снизилось сосудистое напряжения и улучшился возврат крови по венам. Это объясняется тем, что у обучающихся с высоким уровнем двигательной активности уже сформированы механизмы сердечно-сосудистой и мышечной адаптации. На этом фоне миофасциальный релиз улучшил работу восстановительных процессов, снизил мышечно-фасциальное напряжение и благоприятно повлиял на условия для периферического кровотока.

У обучающихся ОМГ эффект миофасциального релиза был умеренным. Это связано с более низким исходным уровнем физической подготовленности и меньшей адаптационной пластичностью сосудистого русла. Вместе с тем положительная динамика показывает, что применение миофасциального релиза способствует снижению мышечно-фасциального напряжения, улучшению условий для венозного возврата крови и нормализации отдельных показателей периферической гемодинамики.

Результаты корреляционного анализа показали, что у обучающихся ОМГ связь между адаптационными и реовазографическими показателями выражена сильнее, чем у спортсменов. В данной группе повышение регуляторного напряжения сопровождалось изменением сосудистого тонуса и венозного оттока. Это отражает менее устойчивую работу периферической гемодинамики при функциональной нагрузке и указывает на зависимость сосудистых реакций от состояния регуляторных механизмов. У спортсменов выраженных корреляционных связей между изучаемыми показателями почти не выявлено. Это связано с систематическими занятиями спортом, более высоким уровнем физической подготовленности и сформированными морфофункциональными резервами организма. Изменение одного показателя у данной группы не вызывало обязательного изменения других параметров. Следовательно, адаптационные и сосудистые реакции у спортсменов характеризуются большей самостоятельностью, устойчивостью и меньшей зависимостью от колебаний отдельных функциональных показателей.

Заключение

Проведённое исследование показало, что взаимосвязь между адаптационными и реовазографическими показателями зависит от уровня двигательной активности обучающихся. У студентов ОМГ выявлена более выраженная взаимосвязь между состоянием вегетативной регуляции и показателями периферического кровообращения. У спортсменов корреляционные связи были менее выраженными, что отражает большую устойчивость и самостоятельность функциональных систем организма.

Применение модуля на основе миофасциального релиза повлияло на изменение функциональных параметров и корреляционные связи. У спортсменов усилилась связь парасимпатической активности с венозным оттоком, что сопровождалось снижением сосудистого напряжения и улучшением венозного возврата. У обучающихся ОМГ положительная динамика проявлялась в улучшении отдельных показателей периферической гемодинамики.

Полученные результаты подтверждают целесообразность комплексного исследования параметров вариационной пульсометрии и реовазографии для оценки функционального состояния обучающихся с различным уровнем двигательной активности. Использование модуля миофасциального релиза способствует благоприятным изменениям адаптационных и реовазографических показателей.

Список литературы:

[1] Баевский, Р. М. Вариабельность сердечного ритма: теоретические аспекты и возможности клинического применения / Р. М. Баевский, Г. Г. Иванов // Ультразвуковая и функциональная диагностика. – 2001. – № 3. – С. 108–127.

[2] Бароненко, В. А. Здоровье и физическая культура студента: учебное пособие / В. А. Бароненко, Л. А. Рапопорт. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 336 с.

[3] Вариационная пульсометрия в спортивно-педагогической практике: учебно-методическое пособие / сост. А. А. Кужугет, Р. В. Пугачев. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2023. – 72 с.

[4] Иванов, Л. Б. Лекции по клинической реографии / Л. Б. Иванов, В. А. Макаров. – Москва: Научно-медицинская фирма МБН, 2000. – 320 с.

[5] Клиническая функциональная диагностика: учебное пособие / под ред. Е. В. Мироновой. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023. – 416 с.

[6] Комплексная оценка функционального состояния студентов средствами физической культуры: монография / Е. В. Николаева, М. С. Павлов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 224 с.

[7] Основы миофасциального релиза в физической культуре и спорте: учебно-методическое пособие / сост. Е. В. Лебедева, А. Н. Фролов. – Москва: Спорт, 2022. – 96 с.

[8] Реовазография в функциональной диагностике периферического кровообращения: учебно-методическое пособие / сост. Н. В. Коваленко, Е. А. Морозова. – Санкт-Петербург: Лань, 2021. – 112 с.

[9] Физическая реабилитация и восстановительные технологии в спорте: учебное пособие / под ред. Л. В. Шапковой. – Москва: Спорт, 2024. – 312 с.

[10] Функциональные методы исследования периферического кровообращения: учебное пособие / сост. Е. А. Морозова, А. П. Ковалев. – Санкт-Петербург: Лань, 2023. – 168 с.

References:

[1] Baevsky, R. M. Heart Rate Variability: Theoretical Aspects and Possibilities for Clinical Application / R. M. Baevsky, G. G. Ivanov // Ultrasound and Functional Diagnostics. – 2001. – No. 3. – pp. 108–127.

[2] Baronenko, V. A. Student Health and Physical Education: A Textbook / V. A. Baronenko, L. A. Rapoport. – Moscow: INFRA-M, 2023. – 336 p.

[3] Variational Pulsometry in Sports and Pedagogical Practice: A Teaching Manual / Compiled by A. A. Kuzhuget, R. V. Pugachev. – Krasnoyarsk: V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2023. – 72 p.

[4] Ivanov, L. B. Lectures on Clinical Rheography / L. B. Ivanov, V. A. Makarov. – Moscow: MBN Scientific-Medical Firm, 2000. – 320 p.

[5] Clinical Functional Diagnostics: A Textbook / Ed. by E. V. Mironova. – Moscow: GEOTAR-Media, 2023. – 416 p.

[6] Comprehensive Assessment of the Functional State of Students Through Physical Education: A Monograph / E. V. Nikolaeva, M. S. Pavlov. – Moscow: INFRA-M, 2021. – 224 p.

[7] Fundamentals of Myofascial Release in Physical Education and Sports: A Teaching Manual / Compiled by E. V. Lebedeva, A. N. Frolov. – Moscow: Sport, 2022. – 96 p.

[8] Rheovasography in the Functional Diagnostics of Peripheral Circulation: A Teaching and Methodological Manual / compiled by N. V. Kovalenko, E. A. Morozova. – Saint Petersburg: Lan, 2021. – 112 p.

[9] Physical Rehabilitation and Recovery Technologies in Sports: A Textbook / edited by L. V. Shapkova. – Moscow: Sport, 2024. – 312 p.

[10] Functional Methods for Investigating Peripheral Circulation: A Textbook / compiled by E. A. Morozova, A. P. Kovalev. – Saint Petersburg: Lan, 2023. – 168 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-803-809

РОДИОНОВА Марина Семеновна,
доцент кафедры математики,
Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
e-mail: vka@mil.ru

ШАХОВА Екатерина Анатольевна,
доцент кафедры математики,
Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
e-mail: vka@mil.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКЕ В ВУЗАХ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема, обусловленная тем, что искусственный интеллект всё активнее встраивается в образовательный процесс и становится одним из ключевых факторов его трансформации. Он предоставляет преподавателям и студентам различные инструменты для персонализации обучения, адаптивной поддержки, автоматической проверки усвоенных заданий, интеллектуального анализа учебных данных и расширения доступа к учебным ресурсам. В результате образование делается более гибким, инклюзивным и ориентированным на индивидуальные запросы обучающихся. В статье освещаются преимущества и вызовы внедрения искусственного интеллекта в образовательную среду, а также методы его эффективного использования для обучения высшей математике.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, высшая математика, преподавание, цифровые образовательные технологии, нейросеть*

Для цитирования: *Родионова М. С., Шахова Е. А. Применение искусственного интеллекта в обучении высшей математике в вузах // Образование и право. 2026. № 10. С. 803–809.*

RODIONOVA Marina Semenovna,
Associate Professor of the Department of Mathematics,
Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky

SHAKHOVA Ekaterina Anatolyevna,
Associate Professor of the Department of Mathematics,
Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING HIGHER MATHEMATICS IN UNIVERSITIES

Annotation. *The article addresses the problem arising from the fact that artificial intelligence is increasingly being integrated into the educational process and becoming one of the key factors driving its transformation. It provides teachers and students with various tools for personalizing learning, providing adaptive support, automatically checking completed assignments, conducting intelligent analysis of learning data, and expanding access to educational resources. As a result, education becomes more flexible, inclusive, and focused on the individual needs of students. The article highlights the advantages and challenges of introducing artificial intelligence into the educational environment, as well as methods for its effective use in teaching higher mathematics.*

Key words: *artificial intelligence, higher mathematics, teaching, digital educational technologies, neural network*

For citation: *Rodionova M. S., Shakhova E. A. Application of artificial intelligence in teaching higher mathematics in universities. Education and law. 2026;(10):803–809. (In Russ.).*

В течение последних десятилетий развитие вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий носило устойчивый и кумулятивный характер. Совершенствование вычислительных платформ, рост объёмов цифровых данных, общий прогресс в области различных алгоритмов и моделей обработки информации, а также широкое распространение сетевых технологий создали основу для формирования и развития технологий искусственного интеллекта [6; 14; 18; 26 и др.]. Благодаря достижениям в области математики стало возможным создание сложных интеллектуальных систем, позволяющих решать широкий спектр практических задач. Для системы высшего образования, и, в частности, для преподавания математических дисциплин, это означало появление принципиально новых инструментов, способных не только автоматизировать отдельные операции, но и поддерживать адаптивное, персонализированное и аналитически обоснованное обучение.

Обучение высшей математике традиционно сопряжено с существенными трудностями, обусловленными абстрактным характером и широким спектром её разделов, что предполагает глубокое усвоение материала и высокий уровень логической подготовки. Применение нейросетевых технологий частично снимает эти ограничения и расширяет дидактические возможности: индивидуализацию образовательной траектории, автоматизацию вычислительных процедур, обработку больших массивов данных и наглядное представление сложных математических конструкций. Кроме того, необходимость персонализации обучения математике обусловлена спецификой самого предмета, предполагающего поэтапное формирование понятий, способов действий и логических операций. Различия в уровне подготовки обучающихся и темпе освоения учебного материала особенно ярко проявляются, поскольку несформированность отдельных элементов учебной деятельности может приводить к накоплению затруднений и ошибок.

Технологии искусственного интеллекта не только автоматизируют рутинные операции – проверку вычислений, генерацию типовых задач, построение графиков и обработку результатов, – но и создают предпосылки для качественного изменения традиционных педагогических подходов [1; 12; 16; 21 и др.]. Интеллектуальные обучающие системы способны выявлять пробелы в подготовке студентов, предлагать персонализированные траектории освоения учебного материала, обеспечивать немедленную обратную связь и визуализировать абстрактные математические объекты. Это расширяет доступность математического знания: студенты с разным уровнем подготовки и разными образовательными потребностями получают дополнительные возможности для освоения сложного теоретического и практического материала. Вместе с тем, эффективность подобных решений зависит от методически обоснованного внедрения, критического осмысления результатов, предлагаемых искусственным интеллектом, и готовности преподавателей работать в новых условиях.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» искусственный интеллект – это определенный комплекс технологических решений, включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, воспроизводящий когнитивные функции человека и обеспечивающий при решении конкретных задач результаты, не уступающие результатам интеллектуальной деятельности человека либо превосходящие их [23].

Согласно трактовке Н.А. Фатыхова, искусственный интеллект в обучении представляет собой цифровые системы, которые анализируют запрос обучающегося, разъясняют учебный материал, приводят примеры и проверяют корректность рассуждений. Такие системы (в отличие от интернет-поиска) функционируют в диалоговом режиме: обучающийся может уточнить отдельный шаг, запросить более простое объяснение или рассмотреть альтернативный способ решения [22].

Исследователи В.Л. Латышева, Ю.Н. Тимофеева, Е.А. Федина определяют искусственный интеллект как «технологию, наделяющую компьютеры и машины способностью имитировать человеческий интеллект в таких областях, как обучение, решение задач, принятие решений, творчество и др.» [11, с. 85].

Н.А. Комарова и Т.С. Сагацкая подчёркивают, что математика имеет первостепенное значение для анализа возможностей и ограничений современных подходов в области искусственного интеллекта [20].

Результаты современных исследований по использованию искусственного интеллекта в процессе обучения отражены в работах таких авторов, как М.Ю. Вирцев, Д.М. Даньчишин, А.С. Жданов, А.Р. Карагачан, Г.Н. Кимаковская, А.В. Коровай, С.С. Лосев, А.И. Мачульский, А.В. Морозов, В.О. Фоменко и др. [5-7; 9; 15; 25 и др.]. Исследователи выделяют различные преимущества использования данной технологии, а именно:

повышение эффективности обучения [7];

персонализация материалов [3-10; 22; 25];

автоматизация рутинных задач [4-7; 24];

повышение мотивации обучающихся [4; 10];

расширение ассортимента инструментов для эффективной работы с учениками, анализа, прогноза успеваемости и адаптации обучающихся [2; 5; 6; 9; 25];

геймификация процесса обучения [9; 19].

Однако, наряду с преимуществами выделяются и ограничения использования искусственного интеллекта, такие как:

проблемы интерпретации [9; 25];

дополнительные затраты на внедрение и обучение персонала [7];

уменьшение ценности личного взаимодействия между преподавателем и учеником [9; 22];

ограниченное понимание контекста [25];

зависимость от подсказок и готовых решений (снижение качества самостоятельной работы) [2; 9].

Вопросам использования искусственного интеллекта в процессе обучения математике посвящено большое количество научных трудов: А.А. Баяхметовой, Е.А. Бельской, В.И. Брусовой, Ю.И. Приваловой, Т.А. Флориной, В.О. Фоменко и др. авторов [3-5; 8 и др.].

С.А. Ильясова и Д.Н. Магомедов рассматривают искусственный интеллект как вспомогательный инструмент математического образования, который поддерживает преподавателя и обеспечивает персонализированный характер обучения [8].

В системе цифровых дидактических средств, по мнению А.В. Басхановой и В.А. Матвеевой, искусственный интеллект не является универсальным или автономным средством обучения. Его применение предполагает педагогическое проектирование, в рамках которого именно педагог определяет цели, содержание и способы взаимодействия обучающихся с интеллектуальными инструментами. В этом качестве искусственный интеллект выступает инструментом расширения дидактических возможностей обучения. При этом, эффективность искусственного интеллекта, как средства персонализации, обусловлена методически обоснованным его использованием, ориентированным на развитие самостоятельности и математического мышления [2].

В.И. Брусова выделяет следующие ИИ-технологии в обучении математике:

адаптивные платформы (диагностика знаний, индивидуальные задания, восполнение пробелов, обобщение данных о потребностях студентов);

интеллектуальные обучающие системы (анализ поведения, выявление типовых ошибок, персонализированные рекомендации);

виртуальные ассистенты (интерактивные объяснения сложных тем);

автоматизированные системы проверки (оценка решений, рекомендации по исправлению, высвобождение времени преподавателя);

персонализированная обратная связь (указание ошибок и способов их коррекции, фокус на слабых местах) [4].

К основным преимуществам использования технологий искусственного интеллекта в обучении математике относятся:

создание интерактивных образовательных игр, приложений и программ, повышающих мотивацию, интерес и эффективность обучения;

применение виртуальных ассистентов (чат-ботов), обеспечивающих немедленную обратную связь и возможность задавать вопросы в любое удобное для пользователя время [6; 25].

По мнению исследователей А.Р. Карагачана, Г.Н. Кимаковской и А.В. Коровай встраивание указанных технологий в математическое образование имеет существенное значение, поскольку позволяет не только сохранить достоинства традиционных методик, но и компенсировать их основные недостатки. Создание гибридных образовательных программ и специальная подготовка преподавателей к деятельности в изменившихся условиях открывают возможность перехода к современным моделям обучения при сохранении базовых основ математического образования [9].

Определяющим условием успешного развития и внедрения вузовских образовательных программ по технологиям искусственного интеллекта выступает кадровый потенциал: наличие высококвалифицированных преподавателей, обеспечивающих преподавание соответствующих дисциплин [5; 17].

В работах В.О. Фоменко выделяются следующие ограничения использования искусственного интеллекта в обучении математике:

сложность интерпретации абстрактных математических концепций, теорем и доказательств;

раннее применение калькулятора препятствует развитию навыков устного счёта;

использование программных средств ведёт к поверхностному усвоению математических принципов;

привычка полагаться на вычислительные средства затрудняет решение задач без помощи искусственного интеллекта;

ограниченное понимание контекста, особенно при сложных или разреженных данных, снижает точность выводов и решений [25].

А.А. Баяхметова и Т.А. Флорина относят к преимуществам искусственного интеллекта в изучении и преподавании высшей математики:

автоматизацию сложных вычислений;

адаптивное обучение, персонализирующее уровень, задания и обратную связь;

автоматическое доказательство теорем;

моделирование и визуализацию абстрактных объектов;

поддержку научных исследований – поиск методов решения и проверку гипотез.

К основным направлениям применения искусственного интеллекта в обучении высшей математике относятся адаптивные обучающие системы, автоматизированная проверка решений, интерактивное обучение, а также помощь в изучении сложных понятий [24].

Проведенный нами анализ научно-педагогической литературы позволил выделить возможности применения искусственного интеллекта в обучении высшей математике в вузе:

На этапе объяснения нового материала технологии искусственного интеллекта могут применяться как средство усиления наглядности и дифференциации обучения; к таким инструментам относятся интерактивные средства визуализации (например, графический калькулятор Desmos).

На этапе первичного закрепления материалы искусственного интеллекта применимы для проведения кратких тренировочных заданий с постепенным возрастанием сложности и своевременной обратной связью.

Использование для подбора и генерации серий заданий по определенным заданным параметрам (например, использование текстовых ИИ-помощников (ChatGPT, DeepSeek) для составления комплекта задач в рамках одной темы, различающихся формулировками при сохранении математического содержания.

На этапе контроля: повышение контроля за учебной деятельностью каждого студента предполагает наличие точных данных о динамике его прогресса. В математическом образовании особую значимость приобретает своевременная обратная связь, позволяющая обучающимся осознать допущенные ошибки, уточнить ход рассуждений и скорректировать способы действий (например, приложение Photomath распознает запись задания и предлагает пошаговую схему решения – ресурс самопроверки в изучении математики).

Важным преимуществом использования искусственного интеллекта на занятиях по высшей математике является пошаговый разбор задач. Высшая математика требует соблюдения строгой последовательности: запись условия, выбор метода, преобразования, проверка ответа, вывод. Следовательно, оптимален формат, где искусственный интеллект не выдаёт готовое решение, а помогает через подсказки и вопросы, выполняя роль виртуального консультанта, а не средства списывания.

Вместе с тем применение технологий искусственного интеллекта в обучении высшей математике в вузах, в настоящее время, сопряжено с рядом ограничений:

недостаточная материально-техническая оснащённость образовательных организаций (отсутствие компьютеров, интерактивных досок, проекторов, стабильного доступа к сети Интернет);

недостаточный уровень сформированности у преподавателей навыков работы с ИИ-ресурсами;

риск получения недостоверной информации, генерируемой искусственным интеллектом, что может негативно отразиться на качестве знаний обучающихся;

отсутствие методических рекомендаций по внедрению искусственного интеллекта в образовательный процесс при обучении высшей математике.

Проведённый анализ позволяет сделать обоснованный вывод о том, что технологии искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для качественной трансформации образовательного процесса. К числу наиболее существенных преимуществ их применения следует отнести:

персонализацию обучения, обеспечивающую учёт индивидуальных особенностей, темпа и уровня подготовки обучающихся;

расширение доступности образовательных ресурсов, в том числе, за счёт цифровых платформ и интеллектуальных сервисов;

повышение эффективности как самого процесса обучения, так и системы оценивания результатов за счёт оперативной обратной связи, автоматизации рутинных операций и анализа образовательных данных.

Кроме того, технологии искусственного интеллекта могут выступить действенным инструментом в арсенале современного педагога, позволяя более гибко адаптировать содержание и формы учебной работы к потребностям гетерогенных групп обучающихся, а также открывая дополнительные возможности для педагогических инноваций и методического творчества [13].

В сфере математического образования применение технологий искусственного интеллекта приобретает особую значимость, поскольку способствует разработке новых методических решений, ориентированных на более глубокое и осознанное освоение математического содержания. Такие решения создают предпосылки для формирования у студентов необходимых предметных, исследовательских и профессиональных компе-

тенций, а также для совершенствования культуры математического мышления и навыков самостоятельной учебной деятельности.

Список литературы:

[1] Аверин А.В., Бошно С.В., Бунина С.Г. [и др.]. Искусственный интеллект vs Учитель и Юрист: проблемы и риски применения генеративного ИИ: Коллективная монография в форме экспертно-аналитического доклада. – М.: Фонд «Консалтинга и правовой защиты населения», 2026. – 136 с.

[2] Басханова А.В., Матвеева В.А. Технологии искусственного интеллекта как средство персонализации обучения математике // В сборнике: Шамовские чтения // Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. – М.: Научная школа управления образовательными системами, 2026. – С. 581-586.

[3] Бельская Е.С., Привалова Ю.И. Обучение высшей математике с применением возможностей искусственного интеллекта // В сборнике: Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе // Материалы XIII Всероссийской научно-методической конференции. – Омск, 2024. – С. 7-10.

[4] Брусова В.И. Дифференцированное обучение математике с использованием искусственного интеллекта // В сборнике: Профессиональное образование: актуальные проблемы и пути их решения. материалы VII Региональной научно-практической интернет-конференции. – Орёл: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2026. – С. 45-48.

[5] Вирцев М.Ю., Мачульский А.И. Внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс вузов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 9 (179). – С. 183-190.

[6] Даньчишин Д.М., Лосев С.С. Искусственный интеллект в образовании: обучение и использование // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 4. – С. 59-67.

[7] Жданов А.С. Использование искусственного интеллекта в процессе обучения: сравнительный анализ эффективности обучения с использованием ИИ и без него // В сборнике: Прикладная электродинамика, фотоника и живые системы – 2023 // Материалы X Международной молодежной научно-технической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Казань, 2023. – С. 685-686.

[8] Ильясова С.А., Магомедов Д.Н. Искусственный интеллект в обучении математики // В сборнике: Неделя науки – 2025 // Сборник материалов 46 итоговой научно-технической конференции преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов ДГТУ. – Махачкала: Дагестанский государственный технический университет, 2025. – С. 281-282.

[9] Кимаковская Г.Н., Коровай А.В., Карагачан А.Р. К вопросу о соотношении традиционных методов обучения с возможностями искусственного интеллекта // В сборнике: Актуальные проблемы теории и практики обучения физико-математическим и техническим дисциплинам в современном образовательном пространстве // Сборник избранных статей IX Международной научно-практической конференции. – Курск: КГУ, 2025. – С. 73-77.

[10] Красноштанова В.А. Возможности использования технологии искусственного интеллекта в процессе обучения иностранным языкам на старшем этапе обучения // Ratio et Natura. – 2026. – № 1 (17).

[11] Латышева В.Л., Федина Е.А., Тимофеева Ю.Н. ИИ-технологии в преподавании иностранного языка // Казанская наука. – 2026. – № 3. – С. 85-87.

[12] Матвеева И.П., Морозов А.В., Небродовская-Мазур Е.Ю. Технологии «искусственного интеллекта»: перспективы развития и социально-психологические угрозы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2025. – № 3 (19). – С. 58-64.

[13] Морозов А.В. Креативность преподавателя высшей школы // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 64-68.

[14] Морозов А.В. О пользе и вреде внедрения «искусственного интеллекта» в систему современного образования // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: психология, педагогика, экономика, управление и право // Сборник научных трудов II Ежегодной международной научно-практической конференции и Международных научно-практических конференций. – М.: МПСУ, 2024. – С. 541-547.

[15] Морозов А.В. Современное образование через призму технологий «искусственного интеллекта» // Человеческий капитал. – 2025. – № 12 (204). – С. 124-130.

[16] Морозов А.В. Тенденции и перспективы использования технологий «искусственного интеллекта» в современной цифровой образовательной среде // В сборнике: Интеграция педагогической науки и практики в контексте вызовов XXI века // Сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Калуга: КГУ, 2026. – С. 507-512.

[17] Морозов А.В. Цифровые технологии в современном образовании: искусственный интеллект «за» и «против» // В сборнике: Ценностные ориентации молодёжи в условиях модернизации современного общества // Материалы Между-

народной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2026. – С. 17-22.

[18] Нагорнова А.Ю., Шерайзина Р.М., Хачатурова К.Р. [и др.]. Искусственный интеллект в образовании: варианты применения. – Ульяновск: Изд-во «Зебра», 2024. – 188 с.

[19] Полякова А.В., Морозов А.В. Синергия геймификации и искусственного интеллекта: образовательные перспективы // Педагогическая информатика. – 2024. – № 2. – С. 383-392.

[20] Сагацкая Т.С., Комарова Н.А. Искусственный интеллект и современная математика // В сборнике: Кооперация науки и практики – путь модернизации и образования // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2025. – С. 209-211.

[21] Терещенко А.Ю., Морозов А.В. Влияние технологий искусственного интеллекта на современное образование // Человеческий капитал. – 2024. – № 4 (184). – С. 104-110.

[22] Фатыхов Н.А. Эффективность искусственного интеллекта в изучении высшей математики // В сборнике: Физико-математические, естественно-научные и социальные аспекты современного развития науки, техники и общества // Материалы VI Всероссийской молодежной научной конференции с международным участием. – Казань: ИП Сагиев А.Р., 2026. – С. 234-236.

[23] Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336 (дата обращения 22.09.2026).

[24] Флорина Т.А., Баяхметова А.А. Возможности искусственного интеллекта в изучении высшей математики // In the World of Science and Education. – 2024. – № 1. – С. 65-69.

[25] Фоменко В.О. Использование технологий искусственного интеллекта в процессе обучения математике // В сборнике: Эвристика и дидактика математики // Материалы XIII Международной научно-методической дистанционной конференции-конкурса молодых ученых, аспирантов и студентов. – Донецк: ДНУ, 2024. – С. 193-195.

[26] Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V., Evdokimova A.I., Apsite M.A. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – vol. 156. – Pp. 159-162.

References:

[1] Averin A.V., Boshno S.V., Bunina S.G. [et al.]. Artificial Intelligence vs. Teacher and Lawyer: Challenges and Risks of Using Generative AI: A Collective Monograph in the Form of an Expert-Analytical Report. – Moscow: Foundation for Consulting and Legal Protection of the Population, 2026. – 136 p.

[2] Baskhanova A.V., Matveeva V.A. Artificial Intelligence Technologies as a Means of Personalizing Mathematics Instruction // In: Shamov Readings: Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference. – Moscow: Scientific School of Educational Systems Management, 2026. – pp. 581–586.

[3] Belskaya E.S., Privalova Yu.I. Teaching Higher Mathematics Using the Capabilities of Artificial Intelligence // In: Current Issues in Teaching Mathematics at Technical Universities: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Methodological Conference. – Omsk, 2024. – pp. 7–10.

[4] Brusova V.I. Differentiated Mathematics Instruction Using Artificial Intelligence // In: Vocational Education: Current Issues and Solutions – Proceedings of the VII Regional Scientific and Practical Internet Conference. – Oryol: Turgenev Oryol State University, 2026. – pp. 45–48.

[5] Virtsev M.Yu., Machulsky A.I. Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the University Educational Process // Regional Problems of Economic Transformation. – 2025. – No. 9 (179). – pp. 183–190.

[6] Danchishin D.M., Losev S.S. Artificial Intelligence in Education: Instruction and Application // Man. Socium. Society. – 2024. – No. 4. – pp. 59-67.

[7] Zhdanov A.S. The Use of Artificial Intelligence in the Learning Process: A Comparative Analysis of Educational Effectiveness With and Without AI // In: Applied Electrodynamics, Photonics, and Living Systems – 2023 // Proceedings of the 10th International Youth Scientific and Technical Conference for Young Scientists, Postgraduate Students, and Undergraduates. – Kazan, 2023. – pp. 685-686.

[8] Ilyasova S.A., Magomedov D.N. Artificial Intelligence in Mathematics Education // In: Science Week – 2025 // Proceedings of the 46th Annual Scientific and Technical Conference of Faculty, Staff, Postgraduate Students, and Undergraduates of DSTU. – Makhachkala: Dagestan State Technical University, 2025. – pp. 281-282.

[9] Kimakovskaya G.N., Korovay A.V., Karagachan A.R. On the Relationship Between Traditional Teaching Methods and the Capabilities of Artificial Intelligence // In: Current Issues in the Theory and Practice of Teaching Physics, Mathematics,

and Technical Disciplines in the Modern Educational Space // Selected Papers from the 9th International Scientific and Practical Conference. – Kursk: KSU, 2025. – pp. 73-77.

[10] Krasnoshtanova V.A. Potential Applications of Artificial Intelligence Technology in Foreign Language Instruction at the Advanced Level // Ratio et Natura. – 2026. – No. 1 (17).

[11] Latysheva V.L., Fedina E.A., Timofeeva Yu.N. AI Technologies in Foreign Language Teaching // Kazanskaya Nauka (Kazan Science). – 2026. – No. 3. – pp. 85-87.

[12] Matveeva I.P., Morozov A.V., Nebrodovskaya-Mazur E.Yu. "Artificial Intelligence" Technologies: Development Prospects and Socio-Psychological Threats // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. – 2025. – No. 3 (19). – pp. 58-64.

[13] Morozov A.V. Creativity of a Higher Education Instructor // Higher Education Today. – 2004. – No. 3. – pp. 64-68.

[14] Morozov A.V. On the Benefits and Harms of Implementing "Artificial Intelligence" in the Modern Education System // In the collection: Current Problems of Modern Science: Psychology, Pedagogy, Economics, Management, and Law // Proceedings of the 2nd Annual International Scientific-Practical Conference and International Scientific-Practical Conferences. – Moscow: MPSU, 2024. – pp. 541-547.

[15] Morozov A.V. Modern Education Through the Lens of "Artificial Intelligence" Technologies // Human Capital. – 2025. – No. 12 (204). – pp. 124-130.

[16] Morozov A.V. Trends and Prospects for the Use of Artificial Intelligence Technologies in the Modern Digital Educational Environment // In: Integration of Pedagogical Science and Practice in the Context of 21st-Century Challenges // Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. – Kaluga: KSU, 2026. – pp. 507–512.

[17] Morozov A.V. Digital Technologies in Modern Education: Artificial Intelligence — Pros and Cons // In: Value Orientations of Youth in the Context of the Modernization of Contemporary Society // Materials of the International Scientific and Practical Conference. – Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2026. – pp. 17–22.

[18] Nagornova A.Yu., Sherayzina R.M., Khachaturova K.R. [et al.]. Artificial Intelligence in Education: Applications. – Ulyanovsk: Zebra Publishing House, 2024. – 188 p.

[19] Polyakova A.V., Morozov A.V. The Synergy of Gamification and Artificial Intelligence: Educational Perspectives // Pedagogical Informatics. – 2024. – No. 2. – pp. 383–392.

[20] Sagatskaya T.S., Komarova N.A. Artificial Intelligence and Modern Mathematics // In: Cooperation Between Science and Practice: A Path to Modernization and Education // Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. – Cheboksary: "Center for Scientific Cooperation 'Interactive Plus'" LLC, 2025. – pp. 209–211.

[21] Tereshchenko A.Yu., Morozov A.V. The Impact of Artificial Intelligence Technologies on Modern Education // Human Capital. – 2024. – No. 4 (184). – pp. 104–110.

[22] Fatykhov N.A. The Effectiveness of Artificial Intelligence in the Study of Higher Mathematics // In the collection: Physical-Mathematical, Natural-Scientific, and Social Aspects of the Modern Development of Science, Technology, and Society // Proceedings of the VI All-Russian Youth Scientific Conference with International Participation. – Kazan: Individual Entrepreneur Sagiev A.R., 2026. – pp. 234–236.

[23] Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026, "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336 (accessed September 22, 2026).

[24] Florina T.A., Bayakhmetova A.A. Capabilities of Artificial Intelligence in the Study of Higher Mathematics // In the World of Science and Education. – 2024. – No. 1. – pp. 65–69.

[25] Fomenko V.O. The Use of Artificial Intelligence Technologies in the Process of Teaching Mathematics // In the collection: Heuristics and Didactics of Mathematics // Proceedings of the XIII International Scientific-Methodological Remote Conference-Competition for Young Scientists, Postgraduate Students, and Undergraduates. – Donetsk: DNU, 2024. – pp. 193–195.

[26] Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V., Evdokimova A.I., Apsite M.A. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis Press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – Vol. 156. – pp. 159–162.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-810-814

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия,
тел.: +7-926-590-63-08,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ И УЧЕБНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ В ГИБРИДНОЙ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ (НАПРАВЛЕНИЯ ФСИН РОССИИ)

Аннотация. *В статье уточняется психодиагностическая структура связей между когнитивной нагрузкой, учебной саморегуляцией и академическим благополучием студентов гибридного обучения. Задачи: сопоставить внутреннюю, внешнюю и полезную нагрузку со звеньями осознанной саморегуляции и переживаниями в учебной деятельности; выделить профили адаптации к цифровой образовательной среде; оценить вклад указанных переменных в принятие среды и благополучие; проверить короткий цикл психолого-педагогического сопровождения. Обследованы 624 студента бакалавриата четырех вузов (18–25 лет; M = 20,37; SD = 1,81). Применены шкала когнитивной нагрузки, опросник стиля саморегуляции поведения, методика переживаний в деятельности, шкала оценки цифровой образовательной среды университета, показатели мотивации, благополучия и успеваемости. Выделены четыре профиля адаптации. Внешняя нагрузка, удовольствие, планирование и оценивание результатов объясняют 47 % дисперсии академического благополучия. После восьми недель сопровождения внешняя нагрузка снизилась (d = 0,62), благополучие возросло (d = 0,48). Диагностический комплекс может применяться для скрининга цифровой дезадаптации в вузе, в том числе при проектировании гибридных курсов ведомственных образовательных организаций ФСИН России. Практическая ценность состоит в разделении перегрузки работающего контура и учебного выключения, что меняет адрес вмешательства.*

Ключевые слова: *цифровая образовательная среда; когнитивная нагрузка; учебная саморегуляция; психодиагностика; академическое благополучие; ФСИН России.*

Для цитирования: *Лукашенко Д. В. Психологическая диагностика когнитивной нагрузки и учебной саморегуляции студентов в гибридной цифровой образовательной среде (направления ФСИН России) // Образование и право. 2026. № 10. С. 810–814.*

LUKASHENKO Dmitriy Vladimirovich,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS OF COGNITIVE LOAD AND ACADEMIC SELF-REGULATION IN STUDENTS WITHIN A HYBRID DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT (FOCUS AREAS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA)

Annotation. *The paper specifies the psychodiagnostic structure of links among cognitive load, academic self-regulation and academic well-being of students in hybrid learning. The tasks were to compare intrinsic, extraneous and germane load with conscious self-regulation and activity-related experiences; to extract adaptation profiles; to estimate their contribution to environment acceptance and well-being; and to test a short support cycle. The sample comprised 624 undergraduates from four universities (aged 18–25; M = 20.37; SD = 1.81). Four adaptation profiles were identified. Extraneous load, pleasure, planning and result evaluation accounted for 47% of the variance in*

academic well-being. After eight weeks of support, extraneous load decreased (d = 0.62) and well-being increased (d = 0.48). The diagnostic battery may be used for screening digital maladaptation, including in hybrid courses of departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia).

Key words: *digital educational environment; cognitive load; academic self-regulation; psychodiagnostics; academic well-being; FSIN of Russia.*

For citation: *Lukashenko D. V. Psychological diagnostics of cognitive load and academic self-regulation in students within a hybrid digital educational environment (focus areas of the Federal Penitentiary Service of Russia). Education and law. 2026;(10):810–814. (In Russ.).*

Введение

Гибридное обучение держит студента сразу в нескольких контурах. Нужно удерживать предмет, переключаться между платформой, почтой и синхронной встречей и самому решать, когда включаться в работу. На этом фоне психодиагностика цифровой образовательной среды перестает быть сервисом «удобства LMS»: речь идет о развивающем потенциале среды и о цене, которую платит регуляция обучающегося.

Шкалы удовлетворенности платформой этот узел почти не разбирают. Низкая оценка среды может означать перегруженный интерфейс, неясный критерий оценивания или неумение программировать собственные действия. Снаружи звучит одинаково. Педагогическое следствие разное. Поэтому диагностический пакет собирался так, чтобы нагрузка, саморегуляция и учебные переживания читались совместно.

Международные работы последних лет прямо связывают когнитивную нагрузку с циклами саморегулируемого учения. Сознательный контроль сам расходует ресурс рабочей памяти; внешняя нагрузка, порожденная дроблением материала и лишними переключениями, бьет по качеству мониторинга [4; 5]. На выборке 111 студентов в компьютерной среде различимы носители полезной нагрузки («knowledge builders») и те, у кого высокая внутренняя и внешняя нагрузка почти не переходит в построение схем [6]. Для гибрида это означает: мотивированный студент с сохранной регуляцией все равно «ломается» на ориентировке, если среда требует лишней навигации.

Отечественные обследования смещают акцент с черт личности на протекание самой деятельности. На материале 1582 студентов вузов России и Беларуси показано: «основными факторами являются не личностные черты обучающегося, а те переживания, которые он испытывает во время учебной деятельности и некоторые структурные компоненты саморегуляции» [1, с. 33]. Там же фиксируется рабочая формула принятия среды: «переживание удовольствия при отсутствии переживаний усилия и пустоты приводит к принятию цифровой образовательной среды» [1, с. 33]. Барьеры принятия при этом не жесткие: при поддержке они частично снимаются [2].

Благополучие сюда подключается не как общий фон настроения. Цифровые предикторы удовлетворенности жизнью у молодежи связаны с самоуправлением повседневностью и отношением к технологиям, а не с часами экрана как таковыми [3]. В гетерогенной университетской среде «студенты, обучающиеся в условиях изменчивости и разнообразия, значимо более высоко оценивают личностный рост и цели в жизни, чем те, кто обучается в традиционной модели бакалавриата» [10]. Одновременно типология ментальных барьеров самостоятельного учения описывает информационную перегрузку, иллюзию знания и цифровой перфекционизм как сбои конкретных фаз регуляторного цикла, а не как ярлыки характера [8].

Цель работы: выявить структуру связей когнитивной нагрузки, учебной саморегуляции и академического благополучия у студентов гибридного обучения и проверить, различаются ли на этой основе профили адаптации с разным педагогическим адресом. Предполагалось, что внешняя нагрузка связана с принятием среды и благополучием отрицательно, полезная нагрузка и звенья планирования и оценивания – положительно; что вклад переживаний и саморегуляции выше вклада нейротизма; что перегрузка и отстраненность не совпадают; что короткий цикл сопровождения сдвигает именно внешнюю нагрузку и оценивание результатов, а не «мотивацию вообще».

Материалы и методы исследований

Двухэтапный дизайн. Сначала поперечный срез с кластерным и регрессионным анализом, затем квазиэксперимент на подвыборке риска. Сбор – 2024/25 учебный год. Протокол одобрен локальным этическим советом; участие добровольное, без влияния на аттестацию. Ответы кодировались случайным идентификатором.

Результаты и обсуждение

Внутренняя нагрузка умеренно высока (M = 5,82; SD = 1,64 по десятибалльной метрике), внешняя более разбросана (M = 4,91; SD = 1,89), полезная занимает середину (M = 5,14; SD = 1,71). Сводить «цифровую нагрузку» к одному числу здесь нельзя. У части студентов высокая внутренняя нагрузка шла вместе с высокой полезной:

сложность предмета оплачивалась построением схем. У другой – высокая внешняя при низкой полезной: усилия уходили в навигацию. Общий индекс саморегуляции (M = 29,1; SD = 5,4) близок к студенческим нормам, но планирование выражено сильнее оценивания результатов, а моделирование условий слабее программирования. Список дел составляется охотнее, чем выясняется, какие условия нужны, чтобы дело вообще можно было сделать.

Принятие ЦОС умеренно положительное (M = 3,41; SD = 0,72), что совпадает с крупными опросами, где среда не отвергается и не переживается как комфортная по умолчанию [1; 2]. Благополучие чувствительнее GPA: связь композита с оценками ρ = 0,29 (p < 0,001), с принятием среды ρ = 0,44. Держащийся балл ценой истощения службой сопровождения, ориентированной только на успеваемость, не виден.

Внешняя нагрузка связана с принятием ЦОС отрицательно (ρ = –0,46) и с благополучием так же (ρ = –0,41). Полезная – положительно (ρ = 0,33 и 0,38). Внутренняя дала слабую отрицательную связь с благополучием (ρ = –0,17; p = 0,002); с принятием среды после поправки Холма связь не удержалась. Сложность предмета среду не делает враждебной. Враждебной ее делает организация. Сопоставимый рисунок описан при росте сложности задачи: нагрузка поднимается на ориентировке и оценке, но результат не обречен, если регуляция сохраняется [7].

Из звеньев саморегуляции с принятием среды теснее связаны моделирование условий (ρ = 0,39) и оценивание результатов (ρ = 0,36), затем планирование (0,31) и программирование (0,28). Самостоятельность и гибкость слабее (0,19 и 0,22). Рисунок близок к [1], хотя там не было прямой меры нагрузки. Удовольствие: ρ = 0,52 с принятием среды, 0,57 с благополучием; смысл 0,41 и 0,49; пустота –0,48 и –0,53. Усилие неоднозначно (–0,14 и –0,21): рядом с удовольствием оно входит в продуктивный контур, рядом с пустотой – в истощающий. Нейротизм слабее переживаний (с внешней нагрузкой 0,29, с благополучием –0,31). Цифровая компетентность с принятием среды дала только 0,24. Умение нажимать кнопки и принятие среды как учебного пространства расходятся.

Иерархическая регрессия благополучия: пол, курс, формат, GPA; затем нейротизм и цифровая компетентность; затем три вида нагрузки; затем планирование, моделирование, оценивание, удовольствие, пустота. Итог: F(14, 609) = 38,6; p < 0,001; скорректированный R^2 = 0,47. Прирост на шаге нагрузки 0,16, на шаге регуляции и переживаний еще 0,18. В уравнении остались внешняя нагрузка (β = –0,21), полезная (0,12), оценивание (0,14), планирование (0,11), удовольствие (0,27), пустота (–0,19); нейротизм –0,09. Компетентность и GPA на последнем шаге незначимы. VIF ≤ 2,4. Для принятия ЦОС R^2 = 0,44; здесь сильнее моделирование условий, а полезная нагрузка по модулю сопоставима с внешней. Принять среду и чувствовать себя в ней благополучно – разные точки приложения. Инструктаж по функциям LMS повышает лояльность и не сдвигает благополучие, если календарь по-прежнему рваный.

Кластер k = 4 устойчивее соседних решений (силуэт 0,31 против 0,27 и 0,24). Названия рабочие, не клинические. Адаптивно-продуктивный (n = 196; 31,4 %): внешняя нагрузка z = –0,74, полезная 0,68, саморегуляция 0,71, удовольствие 0,82, пустота –0,77, GPA M = 4,31. Усилие среднее, оно оплачивается смыслом. Перегруженно-напряженный (n = 174; 27,9 %): внутренняя 0,81, внешняя 0,92, полезная около нуля, GPA 3,92 при уже сниженном благополучии. Планировать «еще лучше» здесь бесполезно: проседает оценивание и остановка лишней активности, а не составление списков, что совпадает с описанием цифрового перфекционизма и информационной перегрузки [8]. Отстраненно-избегающий (n = 138; 22,1 %): полезная –0,86, пустота 0,94, GPA 3,41. Это не перегрев, а выключение. Давление дедлайнами поднимает внешнюю нагрузку и не возвращает полезную. Компенсаторно-тревожный (n = 116; 18,6 %): внешняя 0,71, планирование повышено, оценивание снижено, GPA 4,02 при сниженном благополучии. Следы всех действий в гибриде (просмотрено / не просмотрено) кормят контрольную тревогу. Еще один планировщик этому профилю противопоказан.

С форматом связь слабая ($\chi^2(6)$ = 22,4; p = 0,001; V = 0,13): в дистанте больше отстраненного профиля (29,3 % против 18,8 % в гибриде), в плотном гибриде – перегруженного. Приговор дистанту из этого не следует. К 3–4 курсу адаптивный профиль чуть чаще, что согласуется с транзиторностью части барьеров [2], но сдвиг мал. Внутренняя нагрузка выше у инженеров (H = 18,7; p < 0,001), внешняя между направлениями не различается (H = 4,1; p = 0,25). Рваный календарь бьет одинаково.

После восьми недель в экспериментальной группе внешняя нагрузка снизилась с 6,21 (SD = 1,44) до 5,18 (SD = 1,51), d = 0,62; взаимодействие группа × время F(1, 166) = 14,8; p < 0,001; η^2_p = 0,08. В контрольной сдвиг незначим. Благополучие: d = 0,48; F = 9,7; p = 0,002. Полезная нагрузка выросла слабее (d = 0,29), внутренняя не изменилась (p = 0,44). Оценивание результатов d = 0,41, планирование 0,17 (p = 0,11). Через шесть недель эффект частично удерживался (внешняя нагрузка d = 0,39, благополучие 0,31) и без правки кален-

даря курса начал оседать. Индивидуальный навык снова упирается в архитектуру среды [4; 5].

В протоколах как источник внешней нагрузки чаще всего назывались три параллельных канала с несовпадающими дедлайнами; видео без оглавления длиннее 40 минут; критерий оценивания, появляющийся после срока сдачи. После расчистки каналов выступал другой слой: страх пропустить скрытое требование и перечитывание вместо восстановления схемы по памяти. Часть внешней нагрузки сидит уже не в интерфейсе, а в тревожном способе им пользоваться.

Отдельно – возможность использования полученного комплекса в системе профессиональной подготовки кадров ФСИН России. Ведомственные вузы службы давно совмещают очные ограничения режима с электронными курсами и сетевыми формами; нагрузка курсанта складывается из учебной платформы, служебной переписки и отчетности практики. Психодиагностика, различающая внешнюю и полезную нагрузку, здесь уместнее общего индекса «цифровой грамотности», тем более что в работах сотрудников НИИ ФСИН России благополучие в цифровой образовательной среде уже ставится как самостоятельная диагностическая задача [9]. Перенос касается пакета шкал и логики профилей, а не механического копирования студенческих нормативов гражданской выборки.

Вторая точка приложения в контуре ФСИН России – программы дополнительного профессионального образования действующих сотрудников и методическое сопровождение тех педагогов ведомственных образовательных организаций, которые ведут гибридные курсы. Если диагностика показывает перегруженно-напряженный профиль, наращивать объем электронных заданий бессмысленно: сначала сводятся каналы и публикуются критерии. Если отстраненно-избегающий – нужны восстановление полезной нагрузки и короткие ясные шаги, а не штрафной дедлайн. Такая адресность совпадает с общей логикой психологического сопровождения обучающихся в условиях цифровой среды, описанной применительно к задачам ведомственной науки [9], и не требует ломки служебного учебного плана.

Выводы

Адаптация к гибридной цифровой образовательной среде читается не как лояльность к платформе, а как конфигурация нагрузки, звеньев саморегуляции и качественных переживаний деятельности. Внешняя нагрузка и пустота связаны со снижением принятия среды и благополучия; полезная нагрузка, удовольствие, планирование и оценивание – с их ростом. Нейротизм дает небольшой самостоятельный вклад и основной дисперсии не объясняет.

Четыре профиля требуют разной техники. Смешение перегруженного и отстраненного в формулу «не справляется с цифрой» путает гипервключение с выключением. Восьминедельный цикл дает умеренный сдвиг и не заменяет переустройство курса. Для скрининга достаточны три вида нагрузки, ключевые звенья саморегуляции, удовольствие и пустота, индекс принятия среды. Средние по вузу профили смазывают.

Список литературы:

[1] Радчикова, Н. П. Психологические факторы отношения студентов к цифровой образовательной среде (на примере российских и белорусских вузов) / Н. П. Радчикова, М. А. Одинцова, М. Г. Сорокова, Н. В. Козырева, А. П. Лобанов. – DOI 10.15507/1991-9468.110.027.202301.033. – Текст : электронный // Интеграция образования. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 33–49.

[2] Одинцова, М. А. Психологические барьеры принятия цифровой образовательной среды студентами российских университетов / М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова, М. Г. Сорокова, Е. Н. Полянская, Д. Н. Чернов, Н. Н. Васягина, Н. В. Ходякова. – DOI 10.26907/ESD.18.4.11. – Текст : электронный // Образование и саморазвитие. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 141–156.

[3] Солдатова, Г. У. Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина. – DOI 10.11621/LPJ-25-04. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2025. – Т. 48, № 1. – С. 78–100.

[4] Wang, T. How does cognitive load interact with self-regulated learning? A dynamic and integrative model / T. Wang, S. P. Lajoie. – DOI 10.1007/s10648-023-09794-6. – Text : electronic // Educational Psychology Review. – 2023. – Vol. 35. – Article 69.

[5] Seufert, T. The interplay of cognitive load, learners' resources and self-regulation / T. Seufert, V. Hamm, A. Vogt, V. Riemer. – DOI 10.1007/s10648-024-09890-1. – Text : electronic // Educational Psychology Review. – 2024. – Vol. 36. – Article 50.

[6] Wang, T. Cognitive load patterns affect temporal dynamics of self-regulated learning behaviors, metacognitive judgments, and learning achievements / T. Wang, S. Li, C. Tan, J. Zhang, S. P. Lajoie. – DOI 10.1016/j.compedu.2023.104924. – Text : electronic // Computers & Education. – 2023. – Vol. 207. – Article 104924.

[7] Li, S. Examining students' cognitive load in the context of self-regulated learning with an intelligent tutoring system / S. Li, J. Zheng,

S. P. Lajoie. – DOI 10.1007/s10639-022-11357-1. – Text : electronic // Education and Information Technologies. – 2023. – Vol. 28. – P. 5697–5715.

[8] Петрин, А. И. Ментальные барьеры самостоятельного обучения в условиях цифровизации: типология и механизмы формирования / А. И. Петрин. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 5. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/122PSMN525.pdf (дата обращения: 06.10.2026).

[9] Лукашенко, Д. В. Психологическое благополучие студентов в цифровой образовательной среде: психодиагностические подходы и педагогические перспективы / Д. В. Лукашенко. – Текст : электронный // International Journal of Medicine and Psychology. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 110–115. – URL: https://ijmp.ru (дата обращения: 06.10.2026).

[10] Федина, Л. В. Психологическое благополучие студентов в гетерогенной среде университета / Л. В. Федина, Г. В. Кухтерина, Г. Г. Саитгалиева, Т. В. Семеновских, Е. А. Соловьева. – Текст : электронный // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 6. – URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2023_n6/Fedina_et_al (дата обращения: 06.10.2026).

References:

[1] Radchikova, N. P., Odintsova, M. A., Sorokova, M. G., Kozyreva, N. V., & Lobanov, A. P. (2023). Psychological factors influencing students' attitudes toward the digital educational environment (based on the example of Russian and Belarusian universities). *Integration of Education*, 27(1), 33–49. DOI: 10.15507/1991-9468.110.027.202301.033..

[2] Odintsova, M. A., Radchikova, N. P., Sorokova, M. G., Polyanskaya, E. N., Chernov, D. N., Vasyagina, N. N., & Khodyakova, N. V. (2023). Psychological barriers to the adoption of the digital educational environment among students at Russian universities. *Education and Self-Development*, 18(4), 141–156. DOI: 10.26907/ESD.18.4.11.

[3] Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., & Ilyukhina, S. N. Digital predictors of the psychological well-being of young people in the real and virtual worlds. *Moscow University Psychology Bulletin (Series 14: Psychology)*. DOI: 10.11621/LPJ-25-04. – 2025. – T. 48, No. 1. – P. 78–100.

[4] Wang, T. How does cognitive load interact with self-regulated learning? A dynamic and integrative model / T. Wang, S. P. Lajoie. – DOI 10.1007/s10648-023-09794-6. – Text: electronic // Educational Psychology Review. – 2023. – Vol. 35. – Article 69.

[5] Seufert, T. The interplay of cognitive load, learning' resources and self-regulation / T. Seufert, V. Hamm, A. Vogt, V. Riemer. – DOI 10.1007/s10648-024-09890-1. – Text: electronic // Educational Psychology Review. – 2024. – Vol. 36. – Article 50.

[6] Wang, T. Cognitive load patterns affect temporal dynamics of self-regulated learning behaviors, metacognitive judgments, and learning achievements / T. Wang, S. Li, C. Tan, J. Zhang, S. P. Lajoie. – DOI 10.1016/j.compedu.2023.104924. – Text: electronic // Computers & Education. – 2023. – Vol. 207. – Article 104924.

[7] Li, S. Examining students' cognitive load in the context of self-regulated learning with an intelligent tutoring system / S. Li, J. Zheng, S. P. Lajoie. – DOI 10.1007/s10639-022-11357-1. – Text: electronic // Education and Information Technologies. – 2023. – Vol. 28. – P. 5697–5715.

[8] Petrin, A. I. Mental Barriers to Independent Learning in the Context of Digitalization: Typology and Formation Mechanisms / A. I. Petrin. – Text : electronic // World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2025. – Vol. 13, No. 5. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/122PSMN525.pdf (accessed: 06.10.2026).

[9] Lukashenko, D. V. Psychological Well-being of Students in a Digital Educational Environment: Psychodiagnostic Approaches and Pedagogical Perspectives / D. V. Lukashenko. – Text : electronic // International Journal of Medicine and Psychology. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – P. 110–115. – URL: https://ijmp.ru (accessed: 06.10.2026).

[10] Fedina, L. V. Psychological Well-being of Students in a Heterogeneous University Environment / L. V. Fedina, G. V. Kukhterina, G. G. Saitgalieva, T. V. Semenovskikh, E. A. Solovyeva. – Text : electronic // Psychological Science and Education. – 2023. – Vol. 28, No. 6. – URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2023_n6/Fedina_et_al (accessed: 06.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-815-821

РОМАНЕНКО Екатерина Сергеевна,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических кадров
Академии Академии ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КУРСАНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема совершенствования психологической модели профессионального потенциала курсантов-психологов в образовательных организациях ФСИН России. Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к специалистам психологической службы пенитенциарной системы, необходимостью не только отбора профессионально пригодных кандидатов, но и целенаправленного развития их потенциала в период обучения. На основе анализа ресурсного подхода к пониманию профессионального потенциала обосновывается необходимость перехода от статической модели, ориентированной преимущественно на диагностику и отбор, к динамической модели, направленной на взращивание и развитие потенциала. Предлагается трёхмерная процессная модель, включающая развитие профессиональной идентичности, формирование рефлексивно-практической способности и становление адаптивной жизнестойкости. Определяются направления дальнейших эмпирических исследований и практической апробации модели.*

Ключевые слова: *профессиональный потенциал, психологическая модель, курсанты-психологи, ФСИН России, образовательные организации, пенитенциарная психология, профессиональная идентичность.*

Для цитирования: *Романенко Е. С. К вопросу развития психологической модели профессионального потенциала курсантов-психологов в образовательных организациях ФСИН России // Образование и право. 2026. № 10. С. 815–821.*

ROMANENKO Ekaterina Sergeyevna,
Postgraduate Trainee, Faculty for the Training
of Research and Teaching Staff, Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE DEVELOPMENT OF A PSYCHOLOGICAL MODEL OF THE PROFESSIONAL POTENTIAL OF PSYCHOLOGY CADETS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE (FSIN)

Annotation. *The article addresses the issue of refining the psychological model of professional potential for cadet psychologists within the educational institutions of the Russian Federal Penitentiary Service (FSIN). The study's relevance stems from the increasing demands placed on psychological service specialists in the penitentiary system and the need not only to select professionally suitable candidates but also to purposefully develop their potential during their training. Drawing on an analysis of the resource-based approach to professional potential, the authors substantiate the need to shift from a static model—focused primarily on assessment and selection—to a dynamic model aimed at cultivating and developing potential. A three-dimensional process model is proposed, encompassing the development of professional identity, the formation of reflexive-practical capabilities, and the emergence of adaptive resilience. Directions for future empirical research and the practical testing of the model are outlined.*

Key words: *professional potential, psychological model, cadets specializing in psychology, FSIN of Russia, educational organizations, penitentiary psychology, professional identity.*

For citation: *Romanenko E. S. On the development of a psychological model of the professional potential of psychology cadets in educational institutions of the Russian Federal Penitentiary Service (FSIN). Education and law. 2026;(10):815–821. (In Russ.).*

Образовательные организации Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН России) выполняют особую миссию в системе подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы. Психологический факультет ведомственных вузов обеспечивает формирование специалистов, призванных решать сложные задачи психологического сопровождения сотрудников и осуждённых, профилактики деструктивных явлений, коррекции отклоняющегося поведения, психологической помощи лицам, отбывающим наказание, и подготовки их к ресоциализации. Качество профессиональной подготовки курсантов-психологов непосредственно определяет эффективность функционирования психологической службы исправительных учреждений.

Однако анализ современной практики подготовки психологов для пенитенциарной системы позволяет выявить существенное противоречие. С одной стороны, требования к специалистам психологической службы становятся всё более дифференцированными и сложными. Пенитенциарный психолог должен обладать не только глубокими теоретическими знаниями и владеть широким репертуаром психодиагностических и психокоррекционных методик, но и демонстрировать эмоциональную устойчивость, способность противостоять манипулятивному поведению, сохранять профессиональные границы в условиях закрытого учреждения, а также психологическую готовность к длительному контакту с лицами, совершившими тяжкие преступления. Как отмечается в исследованиях, «в мотивации к профессиональной деятельности будущего специалиста особую роль играет содержание духовного мира, от степени сформированности которого зависит морально-психологическое состояние, готовность работать в непосредственном контакте с осуждёнными». С другой стороны, существующая система подготовки и оценки курсантов-психологов в значительной степени ориентирована на решение задач отбора и диагностики на начальных этапах обучения, тогда как механизмы целенаправленного развития профессионального потенциала в процессе всего периода обучения остаются недостаточно разработанными [1, с. 69-72].

Одной из ключевых задач образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России является формирование и развитие профессионального потенциала курсантов-психологов, что требует четкого понимания его структурных компонентов и критериев развития. Профессиональный потенциал в данной сфере определяется как совокупность личностных и профессиональных качеств, знаний, умений и навыков, позволяющих эффективное выполнение профессиональных обязанностей в условиях, связанных с работой с лицами, находящимися в местах лишения свободы.

Структурные компоненты профессионального потенциала курсантов-психологов можно условно разделить на несколько ключевых категорий: когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный, коммуникативный, и деятельностный компоненты.

Первый компонент — «когнитивный» — включает в себя интеллектуальные способности и профессиональные знания, которые курсант должен приобрести в процессе обучения. Это понимание теоретических основ психологии, владение методами психологической диагностики и коррекции, навыками анализа и интерпретации данных. Развитие когнитивного компонента требует систематической образовательной работы, участия в научно-исследовательской деятельности, и применения полученных знаний на практике.

Эмоционально-волевой компонент характеризует способность к саморегуляции, стрессоустойчивость, развитые эмоциональные и волевые качества личности, которые позволяют работать в условиях высокой психологической нагрузки. Курсант должен хорошо понимать как свои, так и чужие эмоции, обладать эмпатийными навыками, уметь справляться с эмоциональным выгоранием. Для его развития необходимы тренировки по эмоциональной регуляции, участие в психотренингах, регулярная супервизия и психотерапевтическая поддержка.

Мотивационно-ценностный компонент основан на внутренних и внешних мотиваторах, значимых для профессиональной деятельности. Это — профессиональные установки, ориентация на помощь другим, морально-нравственные ориентиры, интерес к психологии и стремление к профессиональному росту. Вопрос мотивации имеет особое значение, так как работа в системе ФСИН сопряжена с высокими моральными и этическими требованиями. Поэтому необходимо создание мотивирующей образовательной среды, поддержание интереса курсантов к профессии через при-

меры из практики, участие в профессиональных конкурсах и конференциях.

Коммуникативный компонент отражает способность к эффективному межличностному взаимодействию. Важно владеть навыками общения, как с коллегами, так и с лицами, находящимися в местах лишения свободы, уметь устанавливать и поддерживать доверительные отношения, разрешать конфликты и обладать высоким уровнем культурной и профессиональной коммуникации. Развитие данного компонента осуществляется на базе спецкурсов и семинаров по теории и практике профессионального общения, тренингов по межличностному взаимодействию и практических занятий.

Деятельностный компонент включает навыки и умения, которые обеспечивают реализацию знаний и профессионального потенциала на практике. Это способность организовывать и проводить психологические консультации, диагностические и коррекционные мероприятия, оценивать и улучшать психоэмоциональное состояние подопечных. Этот компонент важен для непосредственного взаимодействия с клиентами и коллегами, и его развитие предполагает активное участие курсантов в практикумах, стажировках и профессиональной деятельности под руководством опытных наставников.

Критериями оценки развития профессионального потенциала курсантов-психологов в образовательных организациях ФСИН России могут служить: уровень освоения теоретических знаний и практических навыков, степень развития личностных качеств и профессиональных компетенций, успешность в преодолении профессиональных и личностных трудностей, удовлетворенность обучением и мотивация к профессиональному росту.

Методы оценки включают тестирование, систематические наблюдения, анкетирование, оценочные листы и кейс-методы. Регулярные оценки помогут корректировать образовательные процессы, предлагая курсантам релевантную и своевременную поддержку для повышения их профессионального потенциала. Интеграция различных методов оценки позволяет получить более полную и объективную картину уровня развития каждого курсанта [2, с. 137-140].

Таким образом, структурные компоненты и критерии развития профессионального потенциала курсантов-психологов — это система, которая требует комплексного подхода и постоянного внимания со стороны педагогов и специалистов. Обеспечение условий для всестороннего развития профессионального потенциала направлено на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных эффективно справляться с психологическими задачами в условиях служб исполнения наказаний.

Профессиональный потенциал курсантов-психологов образовательных организаций ФСИН России формируется и развивается в особых условиях, существенно отличающих его от потенциала студентов гражданских вузов. Эти условия определяются несколькими факторами.

Фактор организационной среды. Ведомственные образовательные организации функционируют в режиме полувоенной организации с чёткой дисциплинарной структурой, иерархией, регламентацией повседневной жизни и обязательным несением службы. Как показывают исследования, «закрытая, строгая система правил и приоритет протоколов безопасности» определяют специфику образовательного процесса в пенитенциарных учреждениях, ограничивая диапазон доступных педагогических инструментов и организацию взаимодействия обучающихся. Данная среда сама по себе является мощным фактором социализации, который может как способствовать формированию профессионально значимых качеств, так и создавать риски для развития психологической гибкости и рефлексивности.

Фактор двойной профессиональной идентичности. Курсант-психолог ФСИН России находится в ситуации фундаментального идентичностного напряжения: он одновременно осваивает роль сотрудника уголовно-исполнительной системы (носителя государственной функции принуждения) и роль психолога-практика (агента помогающей профессии). Ценностные основания этих ролей не совпадают автоматически: дисциплинарная логика акцентирует субординацию, контроль и поддержание границ, тогда как психологическая логика предполагает эмпатию, доверие и определённую степень «прозрачности» границ. Формирование профессиональной идентичности в таких условиях не может быть спонтанным процессом, оно требует специально организованной педагогической поддержки.

Фактор нереализованности на момент обучения. Значительная часть профессионального потенциала курсанта-психолога по объективным причинам не может быть актуализирована в период обучения. Будущий специалист не сталкивается в полном объёме с теми ситуациями, которые составят содержание его профессиональной деятельности: длительный контакт с осуждёнными, работа с лицами с расстройствами личности, профессиональная деформация, вторичная травматизация, конфликт между требованиями режима и психологической этикой. Следовательно, оценка потенциала на основе актуально демон-

стрируемых компетенций принципиально неполна. Более того, нереализованный потенциал не является «дефицитом» — он представляет собой ресурс развития, направление которого задаётся ценностно-мотивационной структурой личности.

Таким образом, профессиональный потенциал курсанта-психолога ФСИН России не может рассматриваться как статическая характеристика, поддающаяся исчерпывающей диагностике на этапе отбора. Он обладает выраженной динамичностью, ситуативной чувствительностью и значительным нереализованным компонентом.

Современная практика работы с профессиональным потенциалом курсантов-психологов в образовательных организациях ФСИН России в значительной степени воспроизводит логику диагностико-отборочной модели. Психологическое сопровождение образовательного процесса традиционно включает мероприятия по профессиональному психологическому отбору, текущей диагностике профессионально важных качеств, оценке адаптации к условиям обучения, а также факультативные и тренинговые формы работы, направленные на «раскрытие внутреннего потенциала личности». При этом функциональная нагрузка диагностических процедур преимущественно связана с идентификацией «пригодных» и «непригодных» кандидатов либо с оценкой текущего состояния курсанта, тогда как задача целенаправленного развития потенциала остаётся на периферии внимания.

Такая модель имеет ряд ограничений. Во-первых, она опирается на предположение о том, что профессионально значимые качества и способности являются относительно стабильными характеристиками, поддающимися надёжному измерению в условиях, отличных от реальной профессиональной ситуации. Это предположение уязвимо в отношении пенитенциарной психологической практики, ключевые компетенции которой — устойчивость к манипуляции, сохранение профессиональных границ, способность к рефлексии собственных эмоциональных реакций — проявляются в специфических, стрессогенных и потенциально травматичных ситуациях. Прогностическая валидность традиционных психодиагностических процедур в отношении таких компетенций ограничена.

Во-вторых, диагностико-отборочная модель не отвечает на вопрос о том, как именно образовательная среда и педагогические технологии могут способствовать развитию профессионального потенциала. Даже при точной идентификации курсантов с высоким потенциалом остаётся нерешённой задача создания условий, при которых нереализованный потенциал получит возможность актуализации. Спонтанное «раскрытие» потенциала не гарантировано; напротив, как показывает практика, многие выпускники ведомственных вузов «испытывают сложности в реализации имеющихся знаний, умений и навыков, зачастую обнаруживают, что имеющиеся у них знания недостаточно соотносятся с реалиями профессиональной деятельности».

Исходя из изложенного, представляется обоснованным смещение акцента с диагностико-отборочной на процессно-развивающую модель профессионального потенциала курсантов-психологов ФСИН России. Такая модель должна отвечать на вопрос: какие процессы и механизмы обеспечивают развитие профессионального потенциала в период обучения и какие педагогические условия необходимы для их запуска?

В качестве концептуального ядра такой модели предлагается трёхмерная структура, включающая следующие компоненты.

Профессиональная идентичность как процесс, а не состояние.
В отличие от традиционного понимания профессиональной идентичности как результата (осознание себя профессионалом, принятие профессиональных ценностей), процессная модель рассматривает её как непрерывное движение в поле напряжения между двумя профессиональными позициями: сотрудника УИС и психолога-практика. Цель развития — не достижение «чистой» идентичности, а формирование способности к осознанной ролевой дифференциации: умения различать ситуации, в которых необходимо действовать с позиции представителя администрации исправительного учреждения, и ситуации, требующие позиции психолога-помощника, а также удерживать границу между ними без вытеснения одной позиции другой. Данный процесс не завершается в период обучения; однако образовательная среда должна создать условия для его осознанного запуска. Содержательно это означает включение в учебные курсы и воспитательную работу рефлексивных практик, направленных на анализ собственных ценностных оснований, обсуждение этических дилемм профессиональной деятельности пенитенциарного психолога, знакомство с «живым» опытом практикующих специалистов, в том числе через механизмы наставничества и супервизии.

Рефлексивно-практическая способность как метакомпетенция. Традиционно когнитивный компонент профессионального потенциала психолога связывается с объёмом знаний, аналитическими способностями и владением методическим инструментарием. Однако специфика пенитенциарной психологической работы состоит в том, что её эффективность в решающей степени за-

висит от способности специалиста к рефлексии собственных эмоциональных реакций, распознаванию манипулятивных стратегий, осознанию психологических последствий своей властной позиции и работе с вторичной травматизацией. Эти способности имеют выраженную неявную природу и с трудом формируются в рамках традиционного лекционно-семинарского обучения. Процессная модель предполагает их целенаправленное развитие через специально организованные формы: супервизионные группы, рефлексивные дневники, анализ случаев, ролевые игры и симуляции. Ключевой характеристикой таких форм является создание безопасной среды для столкновения с потенциально трудным и эмоционально затратным материалом, что позволяет формировать рефлексивную способность без риска деструктивного воздействия.

Адаптивная жизнестойкость как воспитуемое качество. Традиционно адаптационный потенциал рассматривается как относительно стабильная характеристика, позволяющая прогнозировать успешность адаптации к новым условиям. Однако в контексте процессной модели целесообразно сместить акцент с диагностики адаптационного потенциала на его развитие. Жизнестойкость психолога ФСИН России — это не только способность выдерживать стресс, но и способность сохранять профессиональную эффективность и психологическое благополучие в условиях хронического стресса, эмоционально насыщенного взаимодействия и институционального давления. Формирование такой способности требует не «тренировки» в виде отдельных упражнений, а систематического опыта совладания с умеренными трудностями при наличии поддержки и рефлексивного осмысления этого опыта. Образовательная среда ведомственного вуза, сочетающая структурированность и определённый уровень требований с возможностью получения поддержки, потенциально обладает значительным ресурсом для такого развития, однако этот ресурс нуждается в целенаправленной актуализации.

В образовательных организациях ФСИН России становятся все более актуальными вопросы совершенствования психологической модели профессионального развития курсантов-психологов. Это связано с возросшими требованиями к профессиональной компетентности и личностным качествам специалистов, работающих в системе уголовно-исполнительной системы. В этом контексте перспективы совершенствования данной модели рассматриваются с учетом современных психологических, педагогических и методологических подходов.

Первой перспективой является интеграция междисциплинарного подхода, предполагающего сочетание знаний и методов из различных областей науки. Это позволит формировать у курсантов широту восприятия и понимания специфики работы в уголовно-исполнительной системе. Например, курсанты могут изучать не только психологические дисциплины, но и основы права, криминологии, социологии, что создаст у них более целостное представление о своей будущей профессиональной деятельности.

Следующей важной перспективой является использование современных методов и технологий обучения. В частности, виртуальная и дополненная реальность, симуляционные тренажеры могут быть внедрены в образовательный процесс для моделирования различных ситуаций, с которыми может столкнуться психолог в процессе работы. Такие технологии позволяют проводить учебные практикумы максимально приближенными к реальным условиям, что существенно повышает качество подготовки курсантов [4, с. 80-81].

Одним из ключевых направлений совершенствования профессиональной модели является акцент на развитие эмоционального интеллекта курсантов. Эмоциональный интеллект включает в себя способность понимать и управлять своими эмоциями, а также умение понимать и влиять на эмоции других людей. Это качество особенно важно для работы в уголовно-исполнительной системе, где психологи сталкиваются с эмоционально сложными ситуациями. Повышение уровня эмоционального интеллекта может быть достигнуто через специальные тренинговые программы, групповые обсуждения, супервизии и рефлективные практики.

Важной составляющей совершенствования профессиональной модели является развитие навыков самоорганизации и саморегуляции. Психолог в уголовно-исполнительной системе должен уметь эффективно планировать свое время, ставить и достигать цели, справляться с высоким уровнем стресса. Внедрение специальных курсов по тайм-менеджменту, стресс-менеджменту и развитию личной эффективности поможет курсантам овладеть этими важными навыками.

Необходимо также усилить акцент на развитии коммуникативных навыков и профессиональной этики. Психологи в системе ФСИН часто работают в условиях, требующих высокой степени взаимодействия с различными субъектами: осужденными, их родственниками, коллегами, руководством. Умение эффективно и корректно проводить коммуникацию способствует успешному выполнению профессиональных задач. Этому может способствовать введение дополнительных курсов по психологии общения, этнопсихологии и конфлик-

тологии.

Нельзя обойти вниманием и аспект личностного роста курсантов. В условиях работы в уголовно-исполнительной системе психологи сталкиваются с различными моральными и этическими дилеммами. Для подготовки к таким ситуациям важно, чтобы курсанты развивали в себе высокие моральные и этические стандарты, а также умение критически мыслить и оценивать собственные действия.

Кроме того, значительное внимание должно уделяться психофизиологической подготовке курсантов. Работа в уголовно-исполнительной системе требует высокого уровня психофизиологической устойчивости и выносливости. Занятия спортом, регулярные физические тренировки, занятия по релаксационным техникам и йоге могут значительно повысить общий тонус и настроение курсантов, а также их готовность к выполнению служебных обязанностей в экстремальных условиях [3, с. 23-25].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Профессиональный потенциал курсантов-психологов образовательных организаций ФСИН России представляет собой динамическую самоорганизующуюся систему, развитие которой не может быть обеспечено исключительно процедурами диагностики и отбора. Существующая диагностико-отборочная модель, будучи необходимой на начальных этапах, не отвечает задачам целенаправленного развития потенциала в процессе обучения и сталкивается с ограничениями прогностической валидности в отношении ключевых профессиональных компетенций пенитенциарного психолога. Переход к процессно-развивающей модели предполагает переосмысление профессиональной идентичности как процесса, рефлексивно-практической способности как метакомпетенции и адаптивной жизнестойкости как воспитуемого качества.

Дальнейшая разработка предложенной модели требует решения ряда исследовательских задач. Во-первых, необходима эмпирическая операционализация выделенных измерений и разработка диагностического инструментария, чувствительного к динамике развития (а не только к межиндивидуальным различиям). Во-вторых, требуется проектирование и апробация педагогических технологий, направленных на развитие каждого из трёх измерений в условиях образовательной среды ведомственного вуза. В-третьих, актуальным остаётся вопрос о том, в какой степени организационная культура самой уголовно-исполнительной системы поддерживает или подавляет потенциал, сформированный в период обучения. Ответ на этот вопрос выводит проблематику профессионального потенциала за рамки педагогики и требует междисциплинарного — психолого-организационного — подхода.

Список литературы:

[1] Павлова А. М. Графическая систематика слагаемых профессионально-личностного потенциала индивида // Образование и наука. 2004. № 4 (1). С. 68–82.

[2] Новиков А. В. Образовательные интервенции в уголовно-исполнительной системе Англии: структурные кризисы реализации проектов в пенитенциарной педагогике // Педагогический журнал. 2026. Т. 16. № 3А. С. 135–142.

[3] Панова О. Б., Чернозем Я. В. К вопросу об актуальности формирования образа будущей профессии у курсантов-психологов в воспитательном процессе вуза ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 1 (16). С. 16–25.

[4] Кириченко Р. В., Кобзенко И. К. Профессиональный потенциал специалиста: ресурсный подход // Межрегиональные Приднепровские социологические чтения. 2013. С. 78–82.

[5] Чертовикова, А. С. Общая психология. Субъект познания : Учебное пособие / А. С. Чертовикова, М. С. Коданева. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – 199 с.

[6] Барышева, А. В. Профориентация осужденных / А. В. Барышева, О. Е. Куренкова; Федеральная служба исполнения наказаний Вологодский институт права и экономики. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – 161 с.

[7] Ковальчук И. А., Сочивко Д. В. Интеллектуально-личностный потенциал будущих специалистов ФСИН России на этапе первичной подготовки к службе и обучению // Психология и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 204–218.

[8] Антропогогика. 2022. № 3 (7). С. 29–38.

References:

[1] Pavlova A. M. Graphical Systematization of the Components of an Individual's Professional and Personal Potential // Education and Science. 2004. No. 4 (1). pp. 68–82.

[2] Novikov A. V. Educational Interventions in the Penal System of England: Structural Crises in Project Implementation within Penitentiary Pedagogy // Pedagogical Journal. 2026. Vol. 16. No. 3A. pp. 135–142.

[3] Panova O. B., Chernozem Ya. V. On the Relevance of Forming an Image of a Future Profession among Psychology Cadets within the Educational Process at a Higher Education Institution

of the Federal Penitentiary Service of Russia // All-Russian Scientific and Practical Journal of Social and Humanitarian Research. 2025. No. 1 (16). pp. 16–25.

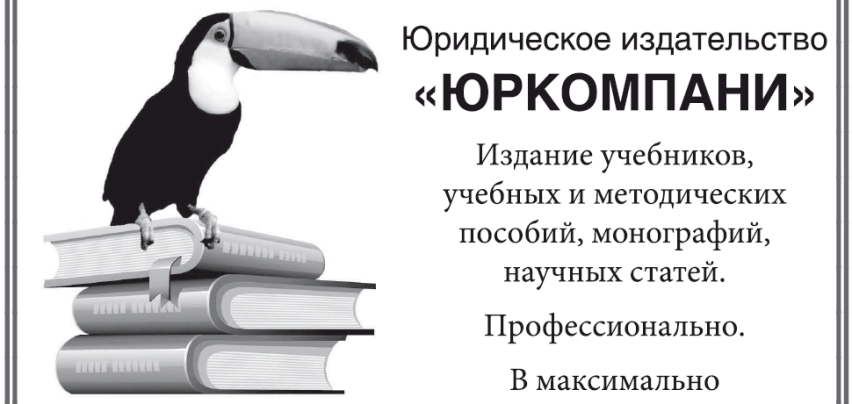
[4] Kirichenko R. V., Kobzenko I. K. A Specialist's Professional Potential: A Resource-Based Approach // Interregional Dnieper Sociological Readings. 2013. pp. 78–82.

[5] Chertovikova A. S. General Psychology. The Subject of Cognition: A Textbook / A. S. Chertovikova, M. S. Kodaneva. – Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2022. – 199 p.

[6] Barysheva A. V. Vocational Guidance for Convicts / A. V. Barysheva, O. E. Kurenkova; Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. – Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. – 161 p.

[7] Kovalchuk I. A., Sochivko D. V. Intellectual and Personal Potential of Future Specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia at the Stage of Initial Training for Service and Education // Psychology and Law. 2018. Vol. 8. No. 4. pp. 204–218.

[8] Anthropogogika [Anthropogogics]. 2022. No. 3 (7). pp. 29–38.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-822-831
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

АБРАМОВА Надежда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета АНО ВО «Московский гуманитарный университет»; старший преподаватель кафедры международного и публичного права юридического факультета, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», e-mail: mrs.abramova.nadezhda@yandex.ru

КОНОВАЛОВА Евгения Геннадиевна,
магистрант 3-го курса, АНО ВО «Московский гуманитарный университет», e-mail: insorro@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Как в российском, так и в зарубежном научном сообществе неоднократно поднимались вопросы, связанные с существенными пробелами в законодательных механизмах, обеспечивающих реализацию прав работников. В работе рассматривается один из аспектов актуальной проблемы трудовых правоотношений в Российской Федерации – проблема социальной ответственности в гражданском судопроизводстве в контексте восстановления нарушенных трудовых прав работников.*

Ключевые слова: *конституционные права граждан, социальная ответственность государства, судебная защита прав работников, иски о восстановлении на работе, реальное исполнение решений судов по трудовым спорам, работник, работодатель.*

Для цитирования: *Абрамова Н. В., Коновалова Е. Г. Эффективность правовых гарантий: обеспечение трудовой занятости в рамках социальной политики государства // Образование и право. 2026. № 10. С. 822–831.*

ABRAMOVA Nadezhda Vladimirovna,
Ph.D. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law, Faculty of Law, Moscow University for the Humanities (ANO VO); Senior Lecturer, Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

KONOVALOVA Evgeniya Gennadievna,
3rd-year Master's student, Moscow University for the Humanities (ANO VO)

THE EFFECTIVENESS OF LEGAL GUARANTEES: ENSURING EMPLOYMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE STATE'S SOCIAL POLICY

Annotation. *Both in the Russian and in the foreign academic community, questions have repeatedly been raised regarding significant gaps in legislative mechanisms ensuring the implementation of workers' rights. The paper examines one aspect of an urgent problem of labor relations in the Russian Federation — the problem of social responsibility in civil proceedings in the context of restoring violated labor rights of workers.*

Key words: *constitutional rights of citizens, social responsibility of the state, judicial protection of workers' rights, claims for reinstatement at work, actual enforcement of court decisions in labor disputes, employee, employer.*

For citation: *Abramova N. V., Konovalova E. G. The effectiveness of legal guarantees: ensuring employment within the framework of the state's social policy. Education and law. 2026; (10):822–831. (In Russ.).*

Прежде чем говорить об эффективности правовых гарантий с точки зрения обеспечения трудовой занятости в рамках социальной политики государства, стоит прежде всего остановиться на проблеме правового регулирования и практике применения законодательства в целом.

Оговорим, что основу учения о механизме правового регулирования и правоприменительных ситуациях заложил в своих работах один из ведущих авторов современной правовой российской системы – профессор С.С. Алексеев [1]. В частности, в его фундаментальном труде – «Проблемы теории права» (Курс лекций 1972 – 1973 гг.), была впервые разработана концепция пробельности законодательства, где С.С. Алексеев разделял отсутствие нормы правоотношений и преодоление пробелов в законе через аналогию права и аналогию закона.

Впоследствии проблему пробельности в законодательстве, в контексте правовой политики развивал заслуженный деятель науки Российской Федерации профессор А.В. Малько, который отмечал в том числе важность преодоления различных «дефектов» правоприменения, обусловленных необходимостью обеспечения реализации прав граждан при неполноте или несовершенстве действующего законодательства [2].

В более ранней работе А.В. Малько в соавторстве с Н.И. Матузовым – «Теория государства и права» исследователи определяют пробел в праве как отсутствие или неполноту нормы, регулирующей отношение, уже находящееся в сфере правового воздействия. Ученые разграничивают устранение пробела (правотворчество) от его преодоления (аналогия закона и аналогия права) [3].

Можно предположить, что наличие некой пробельности в законодательных конструкциях в целом говорит о необходимости постоянной модернизации правовых механизмов и способствует совершенствованию законодательства.

Так, например, выявленные в судебной практике сложности, с которыми сталкиваются как работники, так и работодатели при реальном восстановлении нарушенного права лица, работающего по трудовому договору, в том числе свидетельствуют об отсутствии полной интеграции трудовых споров в систему гражданского процессуального и исполнительного законодательства в Российской Федерации.

Прежде всего речь идёт о проблеме восстановления работников, оспоривших своё незаконное увольнение в судебном порядке. Практике уже известны случаи, когда работник, получив вступившее в силу решение суда, в котором суд обязывает работодателя восстановить его на работе в прежней должности, сталкивается со сложностями: упразднение должности в связи с изменением организационной структуры юридического лица [4]. Сам процесс реструктуризации юридических лиц (особенно в крупных и средних компаниях), обычно сопряжён с проблемой оптимизации расходов и вызван прежде всего экономической целесообразностью.

Несмотря на то, что подобные ситуации носят закономерный и циклический характер в организациях, то есть фактически являются «повседневными» ситуациями – этот неизбежный жизненный процесс в организации юридических лиц может стать реальной проблемой для рядовых сотрудников, работающих в них по трудовому договору.

В частности, процесс реструктуризации юридического лица может в том числе создать некий барьер для исполнения судебных решений. В связи с чем и у общества, и даже в определённом смысле у государства возникает закономерный вопрос об эффективности защиты права таких сотрудников и необходимости разработки иных законодательных алгоритмов, которые должны быть применимы к подобным ситуациям.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена в том числе и необходимостью обеспечения соблюдения и защиты прав граждан, а также социальной значимостью института обеспечения трудовой занятости для гражданского общества.

В России принципы обеспечения и защиты прав граждан, права на достойное качество жизни,

право на судебную защиту прямо закреплены в ст. ст. 2, 7, 18, 46 Конституции Российской Федерации. Можно с достаточной степенью обоснованности предположить, что подобного рода вопросы возникают не только в России, но и в любом современном государстве, проводящем прогрессивную социально-демократическую политику. Стоит оговорить, что сжатые рамки этого исследования не позволяют проанализировать данный вопрос на примере иностранных государств. Авторы статьи остановились лишь на российской практике.

Проблема построения социального и демократического государства на современном уровне развития человечества является одной из важнейших в научном дискурсе в России. В условиях глобализации и развития информационных технологий, вопрос сопряжён с адаптацией всего государственного аппарата к новым технологическим возможностям XXI века. И проблема соблюдения и восстановления прав граждан тесно связана с проблемой занятости населения и эффективности социальной политики государства.

Сложно не согласиться с позицией одного из ведущих идеологов концепции социального государства в России – Н.С. Бондаря, утверждающего, что судебная власть не просто применяет закон, а выступает гарантом конституционной ценности достоинства личности. При этом, именно достойное качество жизни граждан, становится главным критерием оценки эффективности всей системы государственных органов [5].

В целом такие существенные конституционные гарантии прав граждан России как свобода труда и право на труд являются в том числе общепризнанными принципами и одновременно являются нормами международного права, о чем прямо говорится в ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ).

Имплементация конституционных принципов в трудовые правоотношения – это современный демократический правовой механизм, который гарантирует работникам соблюдение их прав в рамках исполнения ими их трудовых функций при соблюдении ими их обязанностей перед работодателем.

Напомним, что первая гарантия – право на труд – закреплена, например, в ст. 23 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [6]. Вторая – свобода труда – в том числе, в конвенциях Международной организации труда (далее – МОТ), таких, например, как Конвенция № 29 «О принудительном или обязательном труде» (1930 г.) [7], Конвенция № 87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» (1948 г.) [8]. Все это призвано способствовать конституционному закреплению понятия социального государства и реализации на практике принципов равенства прав и возможностей работников, обеспечению права каждого работника на справедливые условия труда, своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы и т.д.

По сути, государственные гарантии в Российской Федерации всегда направлены на обеспечение достойного труда. Вспомним, что, например, профессор А.М. Лушников определял государственные гарантии как «минимальный порог трудовых прав». Он отмечал, что государственные гарантии как правовой институт имеют закрепление и в международных правовых стандартах, фактически являясь приоритетными целями внутриполитического курса любого демократического социального государства [9].

Исследуя проблему обеспечения трудовой занятости в рамках социальной политики государства, авторы статьи приходят к выводу: в современных российских условиях необходимо обратить внимание на принцип безусловного выполнения органами власти государственных социальных гарантий и обязательств. Этот принцип прямо следует из ст. 1 ТК РФ, устанавливающей государственные гарантии трудовых прав и свобод граждан. Отметим, что указанный принцип имеет ключевое значение для трудовых правоотношений.

Защита законных интересов граждан, в частности работников, т. е. лиц, работающих по трудовому договору, является обязанностью органов власти, социальная ответственность которых играет значимую роль не только как факт законности судебных решений, но и как факт ответственности за возможные социальные негативные последствия в процессе реализации этих решений.

Положения, содержащие нормы трудового законодательства и принудительного исполнения исполнительных документов, в целом, отражают подход, ориентированный на устранение правонарушений в трудовых спорах.

Формулировки трудового законодательства, гражданского процессуального законодательства, положения Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229 – ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ № 229 от 02.10.2007 г.) в части признания увольнения работника незаконным и восстановления на работе в судебном порядке, основаны на системном единстве материальных норм ТК РФ и процессуальных механизмов исполнительного производства.

Отчасти исключение из общих правил составляет норма ст. 210 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ), о немедленном исполнении решений о восстановлении на

работе. Данное положение направлено на минимизацию негативных последствий незаконного лишения возможности трудиться. При этом на практике обнаруживаются некие законодательные пробелы в правовой защите прав работников. Так, например, ст. 396 ТК РФ регулирует исполнение решений о восстановлении на работе: решение о восстановлении на работе незаконно уволенного работника, о восстановлении на прежней работе работника, незаконно переведённого на другую работу, подлежит немедленному исполнению. Нормы п. 1 ст. 106 ФЗ № 229 от 02.10.2007 г. закрепляют положение о том, что содержащееся в исполнительном документе требование о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведённого работника считается фактически исполненным, если взыскатель допущен к исполнению прежних трудовых обязанностей и отменен приказ (распоряжение) об увольнении или о переводе взыскателя. Таким образом, нормы трудового законодательства и нормы, касающиеся исполнения содержащегося в исполнительном документе требования о восстановлении на работе и последствия его неисполнения, абсолютно равнозначны с точки зрения закона.

К сожалению, выявленная в ходе данного исследования судебная практика свидетельствует о несовершенстве инструментов правового регулирования. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример: если должность, которую занимал работник до увольнения, исключена из штатного расписания, работодатель обязан вернуть работника в ранее занимаемое правовое положение обратно и внести её в штатное расписание.

Можно обоснованно полагать, что изменение структуры организации не может служить инструментом уклонения от исполнения судебного акта. Устранение правовых последствий незаконного увольнения, в свою очередь, подразумевает именно восстановление на работе и допуск к реализации трудовой функции. Так, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 г. № 18-КГ23-90-К4 по трудовому спору о восстановлении на работе [10] подтверждает следующий тезис: структурные изменения компании не снимают обязанности с работодателя восстановить работника на работе посредством отмены приказа, а именно: восстановление в прежней должности.

Высказанная Верховным Судом Российской Федерации позиция в указанном Определении, отчасти выполняет и функцию формирования обязательных ориентиров, неких критериев для профессионального юридического сообщества, трансформируя единичный случай в общее правило поведения. Значимость актов Верховного Суда РФ для практики признается и государством, и обществом. В том числе значимость единства судебной практики и единообразия применения законодательства закреплена Федеральным конституционным законом от 04.08.2026 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ № 3 от 04.08.2026 г.) [11]. Таким образом, акты Верховного Суда РФ, в том числе Постановления Пленума Верховного Суда РФ носят обязательный руководящий характер для всей судебной системы Российской Федерации. То есть, государство на законодательном уровне признает за Верховным Судом РФ право давать разъяснения по вопросам применения закона и обобщения судебной практики, тем самым обеспечивая единообразие применения законодательства.

Необходимо также отметить, что ещё до законодательного закрепления сущности актов Верховного Суда РФ для российской судебной системы учёные и юристы-практики неоднократно поднимали вопрос о роли нормативно-правовых актов Верховного Суда РФ. Данный аспект был предметом горячих дискуссий и предметом обсуждения в обществе. Среди исследователей, которые изучали природу актов Верховного Суда РФ, стоит упомянуть В.В. Лазарева [12], П.В. Коршунову [13], А.А. Петрунину [14]. В своих работах упомянутые учёные, фокусировались на проблеме изучения процессуально-правового механизма обеспечения единства судебной практики.

Не лишним будет напомнить, что одним из первых проблему роли актов Верховного Суда РФ обозначил российский правовед – доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова – профессор М.Н. Марченко [15].

В своих исследованиях М.Н. Марченко показывал и убедительно доказывал, что, в целом, юридическая природа нормативно-правовых актов, таких как, например, издаваемых Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации должна определяться в соответствии с их реальной социальной значимостью для государства и фактическим следованием им нижестоящими судами.

Возвращаясь к проблеме эффективности правовых гарантий работников в Российской Федерации, обозначим, что в случаях, когда суд защитил нарушенные права граждан – истцов –

сотрудников организаций, где произошла реструктуризация и реорганизация, такие лица зачастую сталкиваются с различными препятствиями, не позволяющими восстановить их нарушенное право в полном объёме, в процессе исполнения судебных актов.

По мнению другого исследователя, к.ю.н., доцента кафедры трудового права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации – Л.А. Чернышевой, проблемой является то, что механизм немедленного исполнения работодателем решения о восстановлении на работе не предусмотрен. Исследователь отмечает наличие противоречий между теорией и практикой в части восстановления работника на прежнем месте работы. В связи с чем, по мнению Л.А. Чернышевой, судебные решения данной категории относятся к одним из самых трудноисполнимых [16]. Авторы статьи разделяют приведённое мнение, обоснованно полагая, что в настоящий момент в нашем законодательстве есть некое несовершенство правовых механизмов, которое должно быть исправлено законодателем с опорой на практику.

В определённом смысле, анализ проблем эффективности правовых гарантий в части обеспечения трудовой занятости в рамках социальной политики государства, выявленных судебной практикой, это попытка нащупать возможные пути решения для последующей их законодательной реализации.

Авторы статьи ставят проблему фактического восстановления прав субъектов трудовых правоотношений и предлагают широкому кругу заинтересованных лиц задуматься и подключиться к обсуждению так называемой процессуальной «безупречности». Ведь вопрос исполнимости судебных решений – это не только предмет научного дискурса и предмет горячих споров юристов-практиков, но и острая социально-политическая проблема в любом государстве на любом этапе его развития.

В качестве иллюстрации обозначенной проблемы приведём пример из судебной практики. Речь идёт о трудовом споре, рассмотренном судом первой инстанции, в котором истицей выступает работница, уволенная компанией в сентябре 2020 г., и восстановленная в должности в соответствии с судебным решением, которое было принято по итогам рассмотрения дела по существу в сентябре 2021 г. [4].

Исследование материалов, а также анализ развития дальнейшего прохождения дела по различным судебным инстанциям, достаточно однозначно позволяет говорить о том, что признание работодателем за работником права на восстановление на работе в силу судебного решения носит фактически формальный характер и вступает в диссонанс с процессом реализации в рамках признаваемой государством и закреплённым в Конституции РФ принципом социальной ответственности судебной и исполнительной ветвей власти.

В ходе судебного рассмотрения, в рамках указанного дела по существу, судом было установлено, что возглавляемый работницей отдел и её должность были упразднены работодателем соответствующими приказами ещё до её увольнения, признанного судом незаконным, а обязанности были распределены между другими сотрудниками. Следовательно, восстановление в должности происходило исключительно на бумаге и носило формальный характер, не подтверждаемый практикой.

Таким образом, в разрезе социальной ответственности государства перед гражданами России и в рамках ответственности работодателя перед своими работниками, возникла непростая, даже неразрешимая на сегодняшний день ситуация. С одной стороны, суд защитил право истицы – работницы, с другой стороны, на практике исполнить работодателем решение суда фактически невозможно, так как для полноценного исполнения решения суда надо опять вносить изменения в структуру организации работодателя, и не может быть уверенности в том, что это не затронет прав какого-то другого сотрудника. Фактически решение суда в данном конкретном случае стало поводом для «условного восстановления», что также является нарушением положений действующего трудового законодательства в Российской Федерации. Так как с точки зрения закона не может быть условного восстановления – такого института у нас нет.

С целью исполнения судебного решения работодатель издал приказ об отмене увольнения сотрудницы и на этом процедура восстановления на прежнем рабочем месте закончилась. Данный вариант решения проблемы с позиции работодателя является «безупречным», так как речь идёт о формальном соблюдении предписания суда и, значит, о формальном соблюдении законодательства Российской Федерации. Однако на практике при таком подходе со стороны работодателя работница просто не имеет физической возможности исполнять свои трудовые обязанности, т. е. она не может реально приступить к работе с целью выполнения трудовой функции, что влечёт фактическое недопущение её до работы со стороны работодателя. Представляется, что в этой ситуации работодатель отчасти злоупотребляет своими правами, так как сотрудник фактически лишён

возможности исполнять свои должностные обязанности, что противоречит трудовому законодательству в целом.

Исходя из сказанного, можно предположить, что в данном конкретном случае усматривается некое системное разночтение между законодательным исполнением судебного акта, как обязанности работодателя издать приказ об отмене увольнения, и его фактической неисполнимостью, – отсутствие у работника возможности трудиться ввиду упразднения должности работодателем.

Полагаем, здесь необходимо отметить, что данный случай очень наглядно демонстрирует «слабость» сотрудников по отношению к работодателю. Ведь суды и доктрина признают работника так называемой «слабой стороной» трудовых правоотношений [17], что предполагает особо пристальное внимание законодателя в лице государства к выработке и совершенствованию механизмов правовой защиты трудовых прав работников, в том числе в рамках судебных споров. Подчеркнём, что исполнение судебных решений осуществляется в порядке, установленном ФЗ № 229 от 02.10.2007 г., возложившим на службу судебных приставов обязанности по обеспечению реализации судебных актов.

В свою очередь прослеживается некая цикличность исполнительного производства, продолжавшаяся до 2024 года, по рассматриваемому трудовому спору, которая привела упомянутую истицу, работницу, в суд уже с иском к службе судебных приставов. Речь идет об административном деле № 02а-0090/2023, рассмотренном Симоновским районным судом г. Москвы от 07.11.2023 г., где истица требует признания действий службы судебных приставов незаконными, ввиду их бездействия и неоднократного окончания исполнительного производства при отсутствии допуска к трудовым обязанностям [18].

Анализ материалов Апелляционного определения по делу № 33а-4150/2024 от 15.05.2024 г. [19], судебной коллегии Московского городского суда на решение суда первой инстанции № 02а-0090/2023 от 07.11.2023 г. [18], рассмотревшей текущий спор, можно сделать вывод что, позиция работницы была построена на следующей аргументации: если нет трудовой функции, значит, требование исполнительного документа (решения суда) «восстановить», – не исполнено. В обоснование своей позиции истица ссылается на то, что её трудовые обязанности были распределены работодателем между другими сотрудниками на основании распоряжений (приказов). Истица указывала на то, что окончание исполнительного производства по п. 1 ч. 1 ст. 47 ФЗ № 229 от 02.10.2007 г., по сути, было преждевременным и поэтому не могло привести к желаемому результату – реальному восстановлению в должности.

Отметим, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 47 ФЗ № 229 от 02.10.2007 г., основанием для окончания исполнительного производства является фактическое исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе. Однако на практике требование не было исполнено, а лишь формально выполнено – издание приказа работодателем об отмене увольнения сотрудницы не запустило в полной мере саму процедуру восстановления работника на прежнем рабочем месте. В рамках этого дела приказ работодателя являлся неким конечным действием работодателя, которое не могло и не может в рамках новой структуры организации восстановить работницу в прежней должности с целью выполнения подлежащей ей рабочей функции.

По мнению авторов статьи, подобное исполнение решения не может быть признано законным, так как истица как бы исключена из рабочих процессов организации, присутствуя в ее уже несуществующей структуре лишь на бумаге – приказе работодателя об отмене увольнения сотрудника.

Стоит оговорить, что по данному трудовому спору кассационная инстанция поддержала апелляционное определение и решение суда первой инстанции, позиция которых была абсолютно верна с точки зрения соблюдения норм права [20].

Отметим, что в целом, выводы судов, рассматривавших указанный трудовой спор, базировались на разграничении компетенций службы судебных приставов – исполнителей, в полномочия которых не входит оценка организационно – штатной структуры предприятия. Установив, что работодатель предоставил приказ об отмене приказа об увольнении, судебный пристав не имел законных оснований для привлечения работодателя к административной ответственности, а также для отмены постановления об окончании исполнительного производства. Упразднение должности работника в подобных случаях остаётся вне рамок служебной проверки судебных приставов – исполнителей. Суд исходил из того, что издание приказа об отмене увольнения, подготовка рабочего места и отсутствие препятствий доступа к месту расположения работодателя – это достаточное доказательство того, что работодатель не нарушает запрет на увольнение. Тот факт, что работница находилась в состоянии вынужденного прогула более четырёх лет, при вступившем в силу решении суда о восстановлении на работе, судебными органами было оценено как надлежащее исполнение закона.

Стоит оговорить, что именно при описанном

выше разрезе проблемы и возникает вопрос социальной ответственности государства, ведь служба судебных приставов ограничена в инструментах воздействия на корпоративную культуру работодателя. Работодатель же фактически злоупотребляет своим правом, прекрасно осознавая масштаб сложившейся ситуации и не предпринимая никаких действенных мер для реального восстановления сотрудницы, но при этом действуя строго в рамках закона. Законодательное требование о необходимости отмены незаконного увольнения не влечёт за собой в данном конкретном случае восстановление в должности и, соответственно, сотрудник не допущен работодателем к выполнению им своей трудовой функции, так как сам механизм побуждения работодателя к изменению структуры в интересах одного сотрудника противоречит логике бизнес-процессов, что накладывает на истицу, сотрудницу этой организации, бремя доказывания отсутствия фактической реализации решения суда первой инстанции о восстановлении её на работе через новые иски для защиты своих прав, что представляется достаточно сложным и обременительным процессом для физического лица, чьё право было нарушено. Нарушение прав истицы было установлено судом, что по логике должно было положить конец этому затянувшемуся по объективным причинам трудовому спору.

Следует подчеркнуть, что в юридической литературе ранее уже поднимался вопрос о функциональной роли суда в России и его правомочий при рассмотрении трудовых споров о восстановлении на работе. Например, М.А. Драчук, рассматривая проблемы исполнения судебных решений по трудовым спорам и роли норм исполнительного права при разрешении трудовых споров, исследовала вопрос о допустимости расширения полномочий суда с целью наделения стороны обязанностью совершения конкретных действий, которые возложены на службу судебных приставов. По мнению авторов статьи, указанный подход мог бы быть признан рациональным при внесении корректировок в нормы трудового законодательства [21]. Он видится достаточно верным, однако для его реализации требуются значимые усилия со стороны законодателя. И, несомненно, что постоянный процесс модернизации российского законодательства разрешит и указанную проблему реализации прав уволенного работника.

Таким образом, стоит сделать вывод о том, что в силу требований российского законодательства решение суда по трудовому спору, предполагающее восстановление на работе работника ввиду незаконного увольнения, должно обязывать работодателя исполнить его на практике, а не на бумаге, что, скорее всего, может потребовать в том числе корректировки и структурных изменений компании, действия которой были признаны судом незаконными и необоснованными.

Вероятнее всего, в подобных случаях (наличие исполнительного документа о восстановлении на работе) судебным инстанциям и органам, реализующим принудительное исполнение судебных актов, предстоит выработать некую согласованную правовую позицию и единый подход к оценке обстоятельств.

Авторы статьи полагают, что исполнительный документ о восстановлении на работе должен рассматриваться комплексно уполномоченными на то инстанциями, в том числе как императивное требование о прекращении неправомерного лишения возможности трудиться.

Таким образом, в целом, анализ механизма восстановления на работе на примере судебной практики показывает некий разрыв между нормами материального права и административной практикой исполнения судебных решений. При этом правомерные действия государственных органов в рамках процессуальных шагов, как бы сводят на «нет» значимые социальные задачи государства – возвращение работника к труду.

Для судов и службы судебных приставов отмена приказа об увольнении тождественна факту восстановления, в то время как сотрудник, чьё увольнение было признано незаконным, не может реально приступить к выполнению своих трудовых обязанностей в рамках своей должности, так как его обязанности были перераспределены в рамках изменения структуры организации, что противоречит трудовому законодательству. Возникшие «ножницы» указывают на необходимость правового регулирования данного аспекта с целью недопущения на практике подобных ситуаций.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что для изменения ситуации потребуется, например, уточнение в части возможного расширения полномочий Федеральной службы судебных приставов – от формальной проверки отмены приказов до реальной проверки фактического допуска восстановленного сотрудника к исполнению им трудовых обязанностей, а также усиление контроля со стороны судебных инстанций за доказательствами реальной работы в рамках возложенных трудовых функций.

Изложенные варианты решения не могут считаться единственно возможными. Цель авторов статьи – привлечь внимание государства и общества к этому достаточно редко встречающемуся на практике случаю при разрешении трудовых споров. Однако данная проблема является актуальной. Достаточно жёсткие требования экономической целесообразности и оптимизации, а

также проблема рентабельности компаний и организаций фактически ставят вопрос о жизнеспособности юридического лица. Одним из способов оптимизации бизнеса является процесс реструктуризации и реорганизации – всё это неизбежно затрагивает интересы отдельных сотрудников.

В целом, проблема исполнения решений по трудовым спорам представляет значимый аспект в регулировании отношений между государством и обществом, так как речь идёт прежде всего об эффективной защите прав обычных граждан, работающих по трудовому договору и обращающихся за защитой в суд в случае их нарушения.

Полагаем, что важность и необходимость единства конституционной стратегии государства и императивных исполнительных механизмов в сфере защиты прав работников не вызывают сомнений и требуют укрепления и развития всей правовой системы, в том числе для восстановления трудовых прав участников трудовых правоотношений в соответствии с установленными нормами права и принципами справедливости.

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2–х т. – Т. 1. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т. 642 с.

[2] Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 252 с.

[3] Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е изд. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. – 528 с.

[4] Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 16 сентября 2021 г. по делу № 02-0809/2021 // СудАкт: [сайт]. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 19.09.2026).

[5] Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М.: Формула права, 2012. – С. 6.

[6] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.), ст. 23 // КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 19.09.2026).

[7] Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (дата обращения: 19.09.2026).

[8] Конвенция N 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» (принята в г. Сан-Франциско 09.07.1948 на 31-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // КонсультантПлюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121088/ (дата обращения: 19.09.2026).

[9] Лушников А.М., Лушникова М.В., Монография «Трудовые права в XXI веке. Современное состояние и тенденции развития» – М.: Проспект, 2015. С. 26.

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 августа 2023 г. № 18-КГ23-90-К4 // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=778165 (дата обращения 16.09.2026).

[11] Федеральный конституционный закон от 04.08.2026 № 3-ФКЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/53556 (дата обращения: 18.09.2026).

[12] Лазарев В.В., Монография Пробелы в праве и пути их устранения [Текст] // Репр. изд. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 183 с.

[13] Коршунова П.В., «Обеспечение единства судебной практики высшими судебными органами Российской Федерации» // Электронный научный журнал «Online-Science». 2024. № 4. URL: https://onlinescience.ru/userfiles/file/sbornik___4__2024__2__chmp1uwfzz.pdf (дата обращения: 12.10.2026).

[14] Петрунина А.А. «Единство судебной практики как фактор совершенствования российского законодательства»: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / [Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.]. – Саратов, 2016. – 30 с.

[15] Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2011. – С. 108-115.

[16] Чернышева Л.А. Восстановление работника на работе: Проблемы теории и практики // КриминалистЪ. 2014. № 2 (15). С. 101-105.

[17] Вишнева У.И. Работник как более слабая сторона трудового спора // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2025. № 2. С. 68-72.

[18] Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 07.11.2023 по делу № 02а-0090/2023 // Электронное правосудие: портал. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases (дата

обращения: 19.09.2026).

[19] Апелляционное определение Московского городского суда от 15.05.2024 г. по делу № 33а-4150/2024 // [сайт]. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil?_cb=1754398787.0245 (дата обращения: 19.09.2026).

[20] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2024 г. № 88а-32183/2024 // Гарант. URL: https://base.garant.ru/344537014/?ysclid=mvl9pvw923199506913 (дата обращения: 19.09.2026).

[21] Драчук М.А. Дефекты юридического механизма исполнения судебных решений по отдельным категориям трудовых споров // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2009. № 2. С. 77-86.

References:

[1] Alekseev S.S. Problems of the Theory of Law: A Course of Lectures in 2 Volumes. Vol. 1. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute. 642 p.

[2] Malko A.V. Preferential and Incentive Legal Policy. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2004. 252 p.

[3] Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: Textbook. 5th ed. Moscow: Delo Publishing House, RANEPA, 2024. 528 p.

[4] Decision of the Simonovsky District Court of Moscow dated September 16, 2021, in Case No. 02-0809/2021 // SudAkt: [website]. URL: https://sudact.ru/ (accessed: 19.09.2026).

[5] Bondar N.S. Russian Judicial Constitutionalism: An Introduction to Research Methodology. "Judicial Constitutionalism Library" Series, Issue 1. Moscow: Formula Prava, 2012. P. 6.

[6] Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by Resolution 217 A (III) of December 10, 1948), Art. 23 // ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (accessed: 19.09.2026).

[7] International Labour Organization Convention No. 29 "Concerning Forced or Compulsory Labour" (adopted in Geneva on June 28, 1930, at the 14th session of the ILO General Conference) // ConsultantPlus: [website] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (accessed: September 19, 2026).

[8] International Labour Organization Convention No. 87 "Concerning Freedom of Association and Protection of the Right to Organise" (adopted in San Francisco on July 9, 1948, at the 31st session of the ILO General Conference) // ConsultantPlus: [website] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121088/ (accessed: September 19, 2026).

[9] Lushnikov A.M., Lushnikova M.V., Monograph "Labour Rights in the 21st Century: Current State and Development Trends" — Moscow: Prospekt, 2015, p. 26.

[10] Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 28, 2023, No. 18-KG23-90-K4 // ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=778165 (accessed: September 16, 2026).

[11] Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of August 4, 2026, “On Amendments to Article 19 of the Federal Constitutional Law ‘On the Judicial System of the Russian Federation’ and Article 5 of the Federal Constitutional Law ‘On the Supreme Court of the Russian Federation’” // President of Russia: [website]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/53556 (accessed: September 18, 2026).

[12] Lazarev V.V., *Gaps in Law and Ways to Eliminate Them* [Monograph] // Reprint ed. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2019. – 183 p.

[13] Korshunova P.V., “Ensuring the Uniformity of Judicial Practice by the Highest Judicial Bodies of the Russian Federation” // Electronic Scientific Journal “Online-Science”. 2024. No. 4. URL: https://onlinescience.ru/userfiles/file/sbornik___4__2024__2__chmp1uwfzz.pdf (accessed: October 12, 2026).

[14] Petrunina A.A., “Uniformity of Judicial Practice as a Factor in Improving Russian Legislation”: Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.01 / [Defense institution: Saratov State Law Academy]. – Saratov, 2016. – 30 p.

[15] Marchenko M.N., *Judicial Law-Making and Judge-Made Law*: A Textbook. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2011. – pp. 108–115.

[16] Chernysheva L.A. Reinstatement of an Employee: Theoretical and Practical Issues // Kriminalist. 2014. No. 2 (15). pp. 101–105.

[17] Vishneva U.I. The Employee as the Weaker Party in a Labor Dispute // Science. Education. The Present. 2025. No. 2. pp. 68–72.

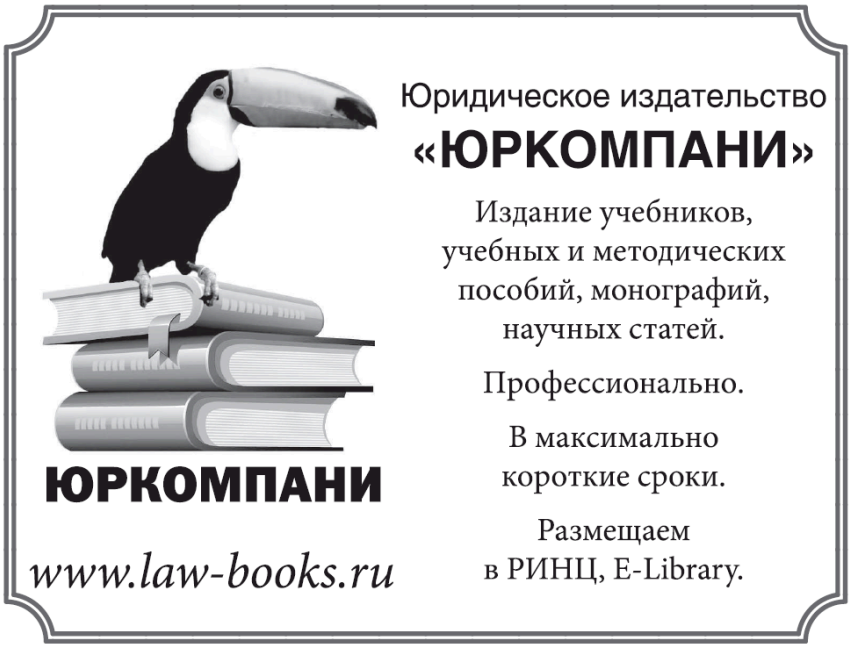
[18] Decision of the Simonovsky District Court of Moscow dated November 7, 2023, in Case No. 02a-0090/2023 // Electronic Justice Portal. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases (accessed: September 19, 2026).

[19] Appellate Ruling of the Moscow City Court dated May 15, 2024, in Case No. 33a-4150/2024 // Official Portal of the Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil?_cb=1754398787.0245

(accessed: September 19, 2026).

[20] Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December 18, 2024, No. 88a-32183/2024 // Garant. URL: https://base.garant.ru/344537014/?ysclid=mvl9pvw92319506913 (accessed: 19.09.2026).

[21] Drachuk M.A. Defects in the Legal Mechanism for Enforcing Court Judgments in Certain Categories of Labor Disputes // Herald of Omsk University. Series: Law. 2009. No. 2. pp. 77–86.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-832-835
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ШЛЕНЧАК Виктор Викторович,
аспирант 3 года обучения кафедры отраслей права
Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов,
e-mail: viktor22041984@yandex.ru

ЛИЗИНГ РАБОЧЕЙ СИЛЫ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ДОГОВОРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье исследуется становление лизинга персонала как особого способа организации занятости и анализируются особенности его правового оформления в Российской Федерации. Рассматриваются различные распространенные модели предоставления работников, определяется их содержание и выявляются основные различия между ними. Отдельное внимание уделено вопросу о месте лизинга персонала в системе гражданско-правового и трудового регулирования, поскольку используемые при этом договорные конструкции не всегда позволяют в полной мере учитывать фактический характер складывающихся отношений. При этом, автор обосновывает необходимость специального правового регулирования, способного согласовать интересы работника, принимающей организации и субъекта, предоставляющего персонал.*

Ключевые слова: *лизинг персонала, заемный труд, предоставление персонала, трудовые отношения, трудовое право, гражданско-правовое регулирование, кадровое агентство, аутстаффинг, аутсорсинг, временная занятость, гибкость занятости, правовое регулирование, гарантии трудовых прав.*

Для цитирования: *Шленчак В. В. Лизинг рабочей силы как особая форма договорного взаимодействия в сфере трудовых отношений // Образование и право. 2026. № 10. С. 832–835.*

SHLENCHAK Viktor Viktorovich,
3rd-year postgraduate student, Department of Branches of Law,
Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

WORKFORCE LEASING AS A SPECIFIC FORM OF CONTRACTUAL INTERACTION IN LABOR RELATIONS

Annotation. *The article examines the emergence of staff leasing as a distinct method of organizing employment and analyzes the specifics of its legal structuring in the Russian Federation. It reviews various common models of worker provision, defines their content, and identifies the key differences between them. Particular attention is paid to the position of staff leasing within the framework of civil and labor law regulation, given that the contractual arrangements employed do not always fully reflect the actual nature of the relationships involved. Furthermore, the author substantiates the need for specific legal regulation capable of balancing the interests of the worker, the host organization, and the entity providing the staff.*

Key words: *staff leasing, borrowed labor, provision of personnel, labor relations, labor law, civil law regulation, recruitment agency, outstaffing, outsourcing, temporary employment, employment flexibility, legal regulation, guarantees of labor rights.*

For citation: *Shlenchak V. V. Workforce leasing as a specific form of contractual interaction in labor relations. Education and law. 2026;(10):832–835. (In Russ.).*

Развитие глобальных экономических процессов и возрастающая гибкость рынка труда побуждают работодателей все чаще использовать нетрадиционные способы организации занятости. Одной из таких форм стало использование труда работников через специализированные организации и агентства занятости. Подобная модель, получившая широкое распространение в различных странах, в том числе государствах СНГ, получила в отечественной литературе различные обозначения, среди которых наиболее употребительными являются «лизинг персонала», «аренда персонала» и «заемный труд». Ее сущность заключается в том, что организация-работодатель формирует трудовой ресурс за счет привлечения работников, а затем направляет их для выполнения трудовой функции в интересах другого хозяйствующего субъекта, испытывающего потребность в специалистах соответствующей квалификации [5, с.10].

Для работодателя подобная организация труда прежде всего означает повышение мобильности используемой рабочей силы. Если первоначально подобные отношения были характерны преимущественно для отдельных сфер деятельности и профессий, например, работы моряков, вахтовой занятости или некоторых видов творческой деятельности, то впоследствии область их применения значительно расширилась. При изменении объемов производства, колебаниях спроса или возникновении краткосрочной потребности в определенных специалистах работодатель получает возможность оперативно корректировать численность персонала без существенных организационных издержек. Такая гибкость позволяет учитывать производственную необходимость, сокращать затраты и одновременно поддерживать экономическую устойчивость организации.

Однако рост гибкости занятости не всегда сопровождается усилением гарантий для работников. Экономические преимущества заемного труда получают участвующие в таких отношениях организации, тогда как работник сталкивается с неопределенностью условий занятости, ее прекращения и способов защиты нарушенных прав. В этой связи возрастает роль механизмов представительства работников, включая профсоюзную защиту, которая при недостаточном правовом регулировании нередко остается одним из немногих средств отстаивания их трудовых интересов.

Лизинг персонала имеет длительную историю развития. Первые подобные формы занятости возникли в США в начале XX века и первоначально были связаны с стремлением работодателей сократить расходы на оформление трудовых отношений, обязательные платежи и социальные отчисления. В 1940-е годы предоставлением работников стали заниматься специализированные кадровые агентства, превратившие эту практику в самостоятельное направление деятельности.

В 1950–1960-е годы американский рынок лизинга персонала быстро расширялся. Существенный вклад в этот процесс внесли Kelly Girl Services, Adecco и Manpower, благодаря которым привлечение работников через посреднические организации получило широкое распространение. Постепенно лизинг персонала закрепился как один из способов гибкого регулирования потребности работодателей в рабочей силе.

В европейских государствах рынок лизинга персонала начал складываться позднее, чем в США. До 1960-х годов эта форма занятости практически не применялась в европейской практике. Существенным этапом ее распространения стало открытие компанией Manpower в 1956 году офиса в Лондоне. Это создало условия для последующего продвижения соответствующих услуг на европейский рынок и их постепенного распространения за пределами Великобритании.

В последующие пятнадцать лет крупнейшие кадровые агентства начали формировать собственную сеть представительств в ведущих европейских деловых центрах, прежде всего в Лондоне, Париже и Амстердаме. Расширение деятельности таких организаций сопровождалось увеличением числа работодателей, использующих заемный труд, и постепенной институционализацией соответствующей модели занятости. В результате к числу государств, в которых рынок лизинга персонала получил наиболее заметное развитие, наряду с США стали относиться Великобритания, Франция и Дания. Именно опыт этих стран впоследствии оказал существенное влияние на формирование современных подходов к использованию труда работников, предоставляемых работодателю через специализированные организации [2, с.69].

Рынок труда делает тему лизинга персонала прикладной. В 2025 году безработица в России сохранялась на крайне низком уровне: в марте она составляла 2,3%, а в мае снизилась до 2,2%; в январе 2026 года показатель остался на том же уровне [3, с.166]. Современные работодатели нуждаются в инструментах, которые позволяют быстро закрывать краткосрочные кадровые потребности, связанные с сезонным ростом нагрузки или выполнением отдельных проектов, не увеличивая при этом постоянный штат. В этом отношении лизинг персонала выступает инструментом кадрового менеджмента, повышающим гибкость занятости и снижающим затраты на подбор, оформление и администрирование работников.

Вместе с тем в научной литературе и прак-

тике управления персоналом нет единого понимания содержания термина «лизинг персонала». Его признаки зависят от срока привлечения работников, характера их деятельности и целей работодателя. Поэтому обычно выделяют несколько сходных по механизму, но различающихся по содержанию моделей использования рабочей силы.

Под staff leasing обычно понимается такая форма отношений, при которой кадровое или рекрутинговое агентство заключает трудовой договор с работником от собственного имени, после чего направляет его для выполнения трудовой функции в организацию-заказчика. Как правило, речь идет о достаточно продолжительном периоде, который может составлять от нескольких месяцев до нескольких лет. Подобная модель востребована в тех случаях, когда работодателю необходимо регулярно привлекать специалиста определенной квалификации, однако постоянное включение соответствующего работника в собственный штат по тем или иным причинам не является целесообразным.

Иной характер имеет temporary staffing, предполагающий предоставление временного персонала для выполнения краткосрочных задач. Продолжительность такой занятости может варьироваться от одного дня до нескольких месяцев и определяется конкретными обстоятельствами деятельности заказчика. На практике данная форма применяется при проведении выставок, конференций, маркетинговых мероприятий и рекламных акций, а также для временного замещения работников, отсутствующих в связи с болезнью, отпуском или по иным причинам. Таким образом, ее основная особенность состоит в оперативном удовлетворении кратковременной потребности организации в дополнительных трудовых ресурсах.

При outstaffing механизм взаимодействия имеет иное содержание. Кадровое агентство не осуществляет самостоятельный подбор работников для последующего направления их заказчику, а принимает в собственный штат уже сформированный персонал организации-клиента. При этом работники фактически сохраняют прежнее место выполнения трудовой функции, продолжают исполнять свои обязанности и участвовать в деятельности той же организации. Меняется преимущественно формальная сторона трудовых отношений, связанная с их работодателем.

Наконец, outsourcing предполагает передачу внешней организации не отдельных работников, а определенного вида деятельности или конкретной функции. В данном случае заказчик приобретает не труд конкретного сотрудника, а результат выполнения соответствующей работы или комплекс услуг, предоставляемых сторонней организацией. Поэтому аутсорсинг по своему содержанию следует отличать от моделей, основанных непосредственно на предоставлении персонала, поскольку в первом случае предметом взаимодействия выступает услуга, а не рабочая сила конкретного человека [4, с.12].

Не смотря на такое широкое использование заемного труда, отношения, возникающие в связи с использованием лизинга рабочей силы, в российском трудовом законодательстве не получили самостоятельного и детального правового регулирования. Вместе с тем сама конструкция договора лизинга закреплена в гражданском законодательстве Российской Федерации. Это обстоятельство позволяет рассматривать лизинг персонала в контексте уже существующих правовых механизмов, одновременно учитывая принципиальное различие между передачей имущества и предоставлением труда работников [6, с.316].

На федеральном уровне договор лизинга регулируется, в частности, Федеральным законом от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [1]. Согласно положениям указанного Закона, лизинг представляет собой вид инвестиционной деятельности, связанной с приобретением имущества и его последующей передачей физическим или юридическим лицам на основании договора за установленную плату, на определенный срок и на согласованных сторонами условиях, предусматривающих, в соответствующих случаях, возможность выкупа имущества лизингополучателем. Таким образом, законодатель первоначально сформировал конструкцию лизинга применительно к имущественным отношениям, а не к предоставлению рабочей силы.

Развитие лизинговых отношений в имущественной сфере во многом определяется общими условиями государственной инвестиционной политики. На экономическую привлекательность таких сделок влияют налоговые механизмы и правила начисления амортизации. Однако в отличие от имущественного лизинга объектом лизинга персонала выступает не имущество, а трудовая деятельность человека. Поэтому перенесение традиционной гражданско-правовой конструкции лизинга на трудовую сферу без учета ее специфики представляется необоснованным. Здесь необходим самостоятельный подход, основанный на природе трудовых отношений и гарантиях прав работников.

Отсутствие специального и системного регулирования заемного труда создает комплексную проблему на стыке трудового и гражданского права. Она связана прежде всего с участием нескольких субъектов, между которыми распределяются права, обязанности и фактические функции. В

связи с этим требуется правовая конструкция, способная сбалансировать интересы работника, организации, использующей его труд, и кадрового агентства, предоставляющего персонал.

Одним из возможных решений может стать смешанная договорная модель, сочетающая элементы договора о предоставлении персонала и трудового договора. При этом следует сохранить самостоятельность трудовых отношений работника с его работодателем и одновременно учесть, что трудовая функция фактически осуществляется в интересах и под руководством организации-заказчика. Такой подход позволит определить статус каждого участника и обеспечить правовое регулирование заемного труда.

В связи с этим целесообразно дополнить Трудовой кодекс Российской Федерации специальными нормами, регулирующими отношения по предоставлению заемного труда. В соответствующих нормах целесообразно определить основания и порядок привлечения работников через специализированные организации, закрепить права и обязанности работника, организации-работодателя, предоставляющей персонал, и организации, фактически использующей его труд, а также установить особенности ответственности указанных субъектов. Особое внимание при этом следует уделить сохранению установленного трудовым законодательством уровня гарантий работников, поскольку гибкость рассматриваемой модели занятости не должна приводить к снижению объема их трудовых прав.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О финансовой аренде (лизинге)» // Российская газета, N 211, 05.11.1998.

[2] Белозерова, С. В. Лизинг персонала: история и перспективы развития / С. В. Белозерова, И. И. Белозеров // Kant. – 2011. – № 3. – С. 68-70.

[3] Ворникова, М. Лизинг персонала: российская и зарубежная практика / М. Ворникова // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 6-2. – С. 166-169.

[4] Сафарова, Е. Ю. Аутстаффинг, аутсорсинг, лизинг персонала: новые технологии в бизнесе: простыми словами о сложных материях / Е. Ю. Сафарова; Е. Ю. Сафарова. – Москва: Эксмо, 2010. – 208 с.

[5] Тимофеев, Ю. Н. Опыт использования заемного труда (лизинга рабочей силы) / Ю. Н. Тимофеев // Металлург. – 2006. – № 12. – С. 10-12.

[6] Чутчева, О. Г. Актуальные проблемы правового регулирования лизинга рабочей силы / О. Г. Чутчева, К. В. Лефтер // Проблемы права: теория и практика. – 2023. – № 61. – С. 310-319.

References:

[1] Federal Law No. 164-FZ of October 29, 1998 (as amended on April 28, 2023) "On Financial Lease (Leasing)" // Rossiyskaya Gazeta, No. 211, November 5, 1998.

[2] Belozerova, S. V., & Belozerov, I. I. (2011). Personnel leasing: History and development prospects. Kant, (3), 68–70.

[3] Vornikova, M. (2026). Personnel leasing: Russian and international practice. Humanitarian Scientific Journal, (6-2), 166–169.

[4] Safarova, E. Yu. (2010). Outstaffing, outsourcing, and personnel leasing: New business technologies — explaining complex matters in simple terms. Moscow: Eksmo, 208 p.

[5] Timofeev, Yu. N. (2006). Experience with the use of borrowed labor (workforce leasing). Metallurg, (12), 10–12.

[6] Chutcheva, O. G., & Lefter, K. V. (2023). Current issues in the legal regulation of workforce leasing. Problems of Law: Theory and Practice, (61), 310–319.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-836-839
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

АМИРОВА Зарема Буттаевна,
руководитель Центра практической подготовки и трудоустройства;
аспирант кафедры Гражданского и уголовного права и процесса,
АНОВО «Московский международный университет,
e-mail: praktika@mmu.ru

К ВОПРОСУ ПРОФИЛАКТИКИ ПОБОЕВ И ИСТЯЗАНИЙ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В публикации автором рассматриваются криминологические и виктимологические проблемы профилактики побоев и истязаний, детерминирующие факторы побоев и истязаний, акцентируется внимание на то, что действующая законодательная регламентация уголовной ответственности за побои и истязание представляется несовершенной, что вызывает определенные сложности при квалификации указанных деяний.*

Ключевые слова: *профилактика, побои, истязания, виктимологические и криминологические проблемы, жертвы насилия.*

Для цитирования: *Амирова З. Б. К вопросу профилактики побоев и истязаний: криминологические и виктимологические аспекты // Образование и право. 2026. № 10. С. 836–839.*

AMIROVA Zarema Buttaevna,
Head of the Center for Practical Training and Employment;
Postgraduate student at the Department of Civil and Criminal Law and Procedure,
Moscow International University (ANOVO)

ON THE ISSUE OF PREVENTING BEATINGS AND TORTURE: CRIMINOLOGICAL AND VICTIMOLOGICAL ASPECTS

Annotation. *In this publication, the author examines criminological and victimological issues related to the prevention of beatings and torture, as well as the determining factors behind such acts. The author draws attention to the fact that the current legislative regulation of criminal liability for beatings and torture appears to be imperfect, which creates certain difficulties in classifying these acts.*

Key words: *prevention, beatings, torture, victimological and criminological issues, victims of violence.*

For citation: *Amirova Z. B. On the issue of preventing beatings and torture: criminological and victimological aspects. Education and law. 2026;(10):836–839. (In Russ.).*

Насилие является одной из наиболее острых социальных проблем, поскольку оно не только отражается непосредственно на самих жертвах, но и дестабилизирует общество в целом, несет угрозу социальному порядку. Распространенной формой насилия выступает бытовое (домашнее) насилие в отношении женщин и детей, которое деструктивно влияет на институт семьи и нравственное состояние общества [15]. Статистика фиксирует положительную динамику этого страшного явления. По данным Росстата, число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи, в 2018 году составило 33 235 потерпевших, их них 23 518 женщин [17]. По данным Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского, на деле подвергаются избиениям со стороны непосредственно родителей порядка 2,5 млн детей до 14 лет, около

50 тыс. из них убегают из дома, чтобы избежать очередного нападения. Кроме того, около 30–40 % преступлений происходят внутри семьи, 50 % из них затрагивают детей (дети становятся жертвами или свидетелями преступлений) [18].

Действующая законодательная регламентация уголовной ответственности за побои и истязание представляется несовершенной, что вызывает определенные сложности при квалификации указанных деяний. Так, статьи 116 и 1161 УК РФ умалчивают о том, что именно следует понимать под иными насильственными действиями, для которых многократность обычно не указывается в качестве условия наступления ответственности. Не определены критерии оценки физических или психических страданий, о которых идет речь в статье 117 УК РФ и которые сегодня по большей части выясняются на основе анализа фактических обстоятельств содеянного.

Соответственно, прямой задачей научного сообщества является предложение оптимальных путей выхода из этой затруднительной ситуации. Корректировка уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за побои и истязание, позволит избежать неоднозначности в понимании данных преступлений, облегчит процесс квалификации побоев и истязания, сведет к минимуму ошибки, формализм и шаблонный подход со стороны правоприменителя.

Побои и истязание имеют ряд общих не только уголовно-правовых, но и криминологических признаков, обусловленных общностью их детерминации, характеристик лиц, их совершающих, и, соответственно, схожестью мер предупреждения, которые, в свою очередь, позволяют объединять данные деяния в самостоятельный криминологический феномен.

В настоящее время практику предупреждения побоев и истязаний в стране вряд ли можно назвать эффективной, что связано с нежеланием и боязнью потерпевших обращаться за помощью в правоохранительные органы, недостатками и упущениями в работе самих правоохранительных органов по профилактике указанных преступлений, слабым предупредительным потенциалом уголовного наказания за такие деяния.

В этих условиях необходимы разработка и реализация новых, более эффективных предупредительных мер воздействия на названные преступления, что позволит сократить не только количество побоев и истязаний, но и насильственных преступлений в стране в целом [15].

Побои и истязания характеризуются многими однородными криминологическими признаками, позволяющими объединить их в самостоятельный объект криминологического исследования. К числу таких признаков относятся личностные особенности преступников, ситуационный и семейно-бытовой характер, детерминация преступлений, а также время, место, способы их совершения, что, в свою очередь, обусловливает применение единых мер по предупреждению побоев и истязаний.

Названные преступления за период 2020-2025 гг. характеризуются рядом особенностей и тенденций развития: в частности, им принадлежит достаточно устойчивая доля в структуре как насильственной преступности (свыше 30%), так и всей преступности в стране (около 4%), они имеют тенденцию к снижению (-29%) и отличаются высоким уровнем латентности.

Большинство таких преступлений по результатам исследования Матушкина П.А. (87,1%) совершается в местах проживания граждан, связанных с их семейно-бытовой деятельностью (в доме, квартире, даче); в осенне-зимний период (52,8%); в вечернее и ночное время (87,0%), 45,1% потерпевших от таких преступлений — супруги или сожители виновных; 20,6% — их дети, с которыми они состояли в длительном конфликте.

Основные способы совершения побоев и истязаний связаны с применением виновным мускульной силы: нанесение ударов в различные части тела руками — 44,3%; нанесение ударов в различные части тела руками и ногами — 29,8%; нанесение ударов в различные части тела бытовыми предметами (молотками, палками, бутылками, ремнями) — 12,2%. Абсолютное большинство таких преступлений (95,3%) носит ситуационный характер.

Криминологический «портрет» личности преступников, по результатам нашего исследования, совершающих побои и истязания, — это лица мужского пола (89,8%), в возрасте от 30 до 50 лет (45,9%), со средним образовательным уровнем (75,5%), без определенного рода деятельности и занятий (64,2%), состоящие в семейно-брачных отношениях (71,4%), жители городов (59,1%), совершившие впервые одно из изученных преступлений (72,4%), в одиночку (95,9%). 39,8% таких лиц совершили рассматриваемые преступления в совокупности с иными уголовно-наказуемыми деяниями. Основными мотивами их преступных действий были стремление наказать потерпевшего, не желающего выполнять их требования (35,7%), ревность (26,2%) и месть (23,8%).

Такие лица отличаются неуравновешенным и конфликтным характером (79,6%), пристрастием к спиртным напиткам (37,8%). 85,0 % из них ранее систематически применяли насилие к другим лицам, 24,4% — привлекались к административной ответственности за различные правонарушения. Они представлены следующими типами личности

преступника: 1) постоянно-конфликтный (40,0%); 2) ситуационно-конфликтный (50,0%); 3) случайно-конфликтный (10,0%).

Детерминирующими факторами побоев и истязания являются *общие* (характерные для преступности в целом и насильственных преступлений в частности), среди которых наибольший криминогенный потенциал несут: экономические причины и условия, формирующие у многих граждан состояние неудовлетворенности своим социальным положением, безысходности, раздражительности, конфликтности, что, в свою очередь, ведет к совершению преступлений, в том числе насильственных, таких как побои и истязания; б) духовно-нравственные причины и условия, связанные с распространенностью в обществе насилия, жестокости, алкоголизма и наркомании, обесцениванием человеческой жизни; *специфические,* характерные для побоев и истязаний: недостатки законодательного определения преступности и наказуемости данных деяний; межличностные конфликты; незащищенность потерпевших от домашнего насилия; проблемы, связанные с лечением от алкоголизма и наркомании, и некоторые другие; *индивидуальные,* обусловленные недостатками личностного характера, присущими конкретным преступникам, совершающим побои и истязания: их низкий образовательный уровень, алкогольная и наркотическая зависимость, психические заболевания и отклонения, агрессивность и жестокость как типичные черты характера, аморальность и противоправность предшествующего поведения.

Условия, способствующие побоям и истязаниям, заключаются в недостатках профилактической работы сотрудников правоохранительных органов по таким преступлениям (ограниченность принимаемых профилактических мер, незнание основ психологии и конфликтологии), а также в виктимном поведении самих потерпевших.

Под предупреждением побоев и истязаний следует понимать системную деятельность государственных и общественных органов, отдельных граждан, направленную на минимизацию причин и условий преступлений данного вида, воздействующую на лиц, их совершающих, а также обеспечивающую защиту потенциальных жертв от подобных преступлений. Такая деятельность должна осуществляться на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

В качестве общесоциальных мер предупреждения побоев и истязаний предлагаются: разработка и принятие целевых программ, направленных на оказание помощи и поддержки гражданам, оказавшимся в кризисной ситуации: «О ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», «О предупреждении домашнего насилия»;

В рамках специально-криминологического предупреждения побоев и истязаний предлагаются разработка и совершенствование мер их виктимоло-гической профилактики. С этой целью необходимо внесение изменения в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», статью 15 которого следует дополнить частью 3 следующего содержания: *«Виктимологическая профилактика правонарушений направлена на выявление лиц и групп лиц, которые могут стать жертвами правонарушений, и разработку мер их защиты от противоправных посягательств».*

Список литературы:

[1] Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт. // МГИМО. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/41a/Rostovskaya,%20Bezverbnyi_78- 88.pdf (дата обращения: 04.10.2026).

[2] Предупреждение побоев и истязаний : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Матушкин Павел Анатольевич; [Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.]. — Саратов, 2017. — 22 с.

[3] Содержание и методика проведения профилактических бесед с лицами, состоящими на учете в органах внутренних дел. // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhaniei-metodika-provedeniya-profilakticheskih-besed-s-litsami-sostoyaschimi-na-uchete-v-organahvnutrennih-del (дата обращения: 21.08.2021).

[4] Статистика домашнего насилия в России. // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Статистика_домашнего_насилия_в_России (дата обращения: 04.10.2026).

[5] Статистика насилия над детьми в России. // met365.ru. URL: https://met365.ru/statistikanasiliya-nad-detmi-v-rossii/ (дата обращения: 04.10.2026).

References:

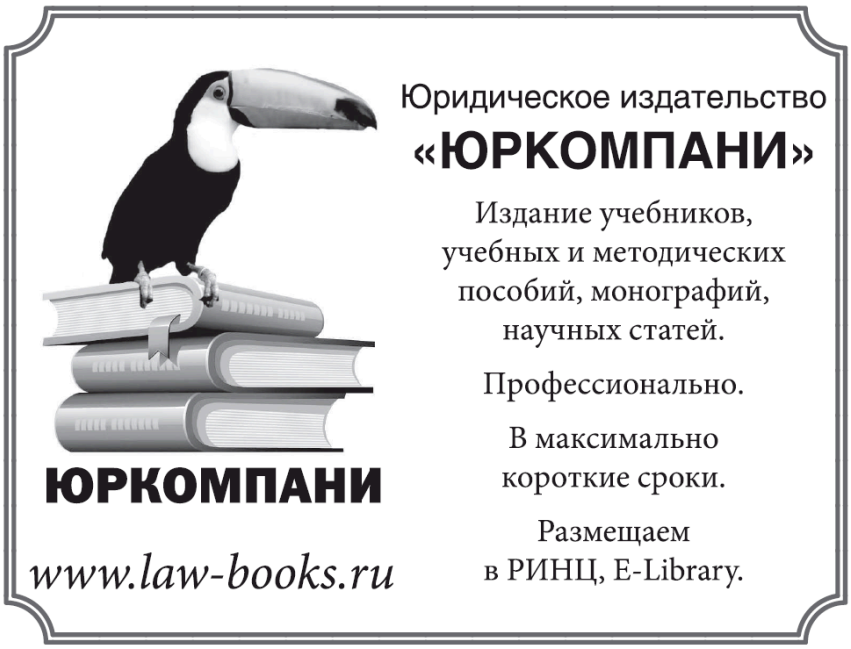
[1] Prevention of Violence as a Factor in Family Security: The Russian and Kazakhstani Experience. // MGIMO. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/41a/Rostovskaya,%20Bezverbnyi_78- 88.pdf (accessed: 04.10.2026).

[2] Prevention of Battery and Torture: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.08 / Pavel Anatolyevich Matushkin; [Defense Institution: Saratov State Law Academy]. — Saratov, 2017. — 22 p.

[3] Content and Methodology of Preventive Conversations with Individuals Registered with Law Enforcement Agencies. // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhaniei-metodika-provedeniya-profilaktich eskih-besed-s-litsami-sostoyaschimi-na-uchete-v-organahvnutrennih-del (accessed: 21.08.2021).

[4] Statistics on Domestic Violence in Russia. // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Статистика_домашнего_насилия_в_России (accessed: 04.10.2026).

[5] Statistics on Violence Against Children in Russia. // met365.ru. URL: https://met365.ru/statistikanasiliya-nad-detmi-v-rossii/ (accessed: 04.10.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-840-848
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
ORCID: 0009-0004-9220-7638,
e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ЦИФРОВАЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА: ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье исследуется взаимосвязь уровня правовой грамотности населения в сфере цифровых технологий с результативностью и эффективностью мер профилактики, реализуемых в рамках антитеррористического законодательства Российской Федерации, в том числе Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 годы. На основе анализа данных Национального антитеррористического комитета, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации, криминологической статистики и научной литературы раскрываются проблемы реализации мер противодействия идеологии терроризма в условиях цифровизации образования. Цель работы состоит в подготовке предложений по совершенствованию виктимологической модели профилактики. Обосновывается необходимость модернизации образовательных программ с включением модулей цифровой безопасности и антитеррористической грамотности. Научная новизна состоит в комплексном подходе к анализу двух взаимосвязанных проблем: дефицита правовой грамотности в цифровой сфере и результативности антитеррористической профилактики, рассматриваемых через призму виктимологической парадигмы. Практическая значимость работы заключается в возможности использования авторских предложений в совершенствовании профилактической деятельности.*

Ключевые слова: *цифровая виктимология, профилактика терроризма, правовое просвещение, образовательные практики, несовершеннолетние, виктимизация, Комплексный план противодействия идеологии терроризма, информационная безопасность.*

Для цитирования: *Тарасов А. А. Цифровая виктимологическая профилактика терроризма: правовое просвещение и образовательные практики // Образование и право. 2026. № 10. С. 840–848.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

DIGITAL VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF TERRORISM: LEGAL EDUCATION AND EDUCATIONAL PRACTICES

Annotation. *The article examines the relationship between the level of legal literacy among the population in the field of digital technologies and the effectiveness and efficiency of preventive measures implemented within the framework of the anti-terrorism legislation of the Russian Federation, including the Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism for 2024–2028. Based on the analysis of data provided by the National Anti-Terrorism Committee, the Investigative Committee of the Russian Federation, the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, and the Ministry of Education of the Russian Federation, as well as criminological statistics and academic literature, the paper identifies the challenges associated with the*

implementation of measures to counter the ideology of terrorism in the context of the digitalisation of education.

The objective of the study is to develop proposals for improving the victimological model of prevention, which integrates educational, legal, and technical measures. The paper substantiates the need to modernise educational programmes by incorporating modules on digital security and anti-terrorism literacy.

The scientific novelty lies in the comprehensive approach to analysing two interrelated issues — the deficit of legal literacy in the digital sphere and the effectiveness of anti-terrorism prevention — considered through the lens of the victimological paradigm.

The practical significance of the research consists in the potential applicability of the proposed model for enhancing preventive activities in educational institutions.

Key words: *digital victimology, terrorism prevention, legal education, educational practices, minors, victimization, Comprehensive Plan for Countering Terrorism Ideology, information security.*

For citation: *Tarasov A. A. Digital victimological prevention of terrorism: legal education and educational practices. Education and law. 2026;(10):840–848. (In Russ.).*

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным ростом преступлений террористической и экстремистской направленности в Российской Федерации. Трансформацией механизмов вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность в условиях цифровизации коммуникационного пространства. Цифровая среда стала основным каналом распространения радикальной идеологий. По оценкам экспертов, более 60% преступлений террористической и экстремистской направленности среди молодежи связаны с Интернетом, социальными сетями, мессенджерами и игровыми сообществами [1].

Цель исследования состоит в выработке на основе результатов анализа современных научных исследований, статистических данных профильных ведомств и накопленного практического опыта предложений по совершенствованию системы мер профилактики терроризма. В качестве задач автором определены: систематизация научных публикаций по теме цифровой виктимологической профилактики терроризма; анализ статистических данных МВД России, НАК, ФСБ России, Следственного комитета РФ и АТЦ СНГ; рассмотрение нормативной правовой базы противодействия терроризму в цифровой среде, включая Комплексный план противодействия идеологии терроризма в РФ на 2024–2028 годы; выявление недостатков в работе системы по противодействию терроризму; 5) разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), сравнительно-правовой метод, статистический метод, а также метод контент-анализа научных публикаций и нормативных правовых актов.

Проблема виктимологической профилактики терроризма получила освещение в работах ряда отечественных исследователей. Так, П. Н. Фещенко обосновал важное место виктимологической профилактики в учебных заведениях в системе мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, предложив привлекать студентов юридических вузов к подготовке и проведению мероприятий по виктимологической профилактике и правовому просвещению среди школьников [2].

Е. С. Фоминых исследовала проблему цифровой виктимизации детей и подростков, систематизировав виды нарушений информационной безопасности подрастающего поколения в цифровой среде. В своем эмпирическом исследовании, основанном на опросе 148 родителей, воспитывающих детей в возрасте 7–18 лет, ученый установила, что степень выраженности цифровой виктимизации современных детей и подростков варьирует от 26 до 47%; негативное воздействие деструктивной информации и кибербуллинг характерны для каждого третьего несовершеннолетнего [3].

Е. Д. Черявко и Э. Т. Майборода предложили интегративную модель виктимологии терроризма, включающую психологический, социально-психологический и информационно-коммуникативный уровни анализа факторов виктимности [4]. По их мнению, эффективная виктимологическая профилактика терроризма возможна только при комплексном учете психологических, социальных и информационных факторов, влияющих на процесс виктимизации потенциальных жертв.

Система виктимологического противодействия, которую предложил А. В. Майоров, существенно раскрывает проблематику виктимности в сфере киберпреступлений, объединяя подходы из разных областей науки. [5]. Вместе с тем, ее практическое применение требует совершенствования межведомственного взаимодействия, направленного на повышение эффективности выявления скрытых цифровых угроз.

В. А. Мазуров и М. А. Стародубцева вскрыли проблемы противодействия идеологии террориз-

ма и кибертерроризма в России. По их мнению, Интернет активно используется для распространения деструктивных идеологий, особенно среди молодежи, а российская контрпропаганда в киберпространстве пока развита слабо. Исследователи отмечают терминологический пробел в законодательстве о кибертерроризме, без устранения которого сложно выстроить международное сотрудничество. Аргументируют, что борьба с терроризмом, в том числе в киберпространстве, не может сводиться к ужесточению наказаний. Важно понимать механизмы их совершения и вовремя выявлять источники угроз. В работе исследователей сформулированы рекомендации по совершенствованию системы противодействия кибертерроризму [5].

В. А. Мазуров и М. А. Стародубцева в своих работах уделили отдельное внимание вопросам кибербезопасности, возможностям искусственного интеллекта и применению новых технологий в борьбе с преступностью. Затрагивается и человеческий фактор: опытные сотрудники старшего поколения нередко предпочитают традиционные методы и сопротивляются внедрению новых подходов [6].

В. С. Овчинский исследовал практические аспекты оперативно-розыскной работы в условиях цифровой трансформации. Акцентировал внимание на новых вызовах для правоохранительных органов, связанных с ростом киберпреступности, использовании злоумышленниками шифрования и анонимизирующих технологий. Отметил транснациональный характер угроз, сложность сбора и фиксации цифровых доказательств совершения преступлений с использованием цифровых технологий [7].

Следует отметить, что статистические данные МВД России демонстрируют устойчивую тенденцию к росту преступлений террористического характера. В 2023 году зарегистрировано 2382 преступления террористического характера (рост на 6,7% по сравнению с 2022 годом), в 2024 году — 3714 преступления (рост на 55,9%) [8]. Количество зарегистрированных терактов выросло с 127 в 2022 году до 410 в 2023 году и 1191 в 2024 году — почти в три раза [9].

За первые девять месяцев 2025 года зарегистрировано 4467 преступлений террористического характера, что на 75% превышает показатель аналогичного периода 2024 года (2600). В целом за 2025 год, согласно отчету МВД России, зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера (рост 59,4% к 2024 году), из которых 3091 — совершены в текущем году [10]. 394 преступления пресечены на стадии приготовления и покушения (рост 38,2%) [10]. Преступлений экстремистской направленности в 2025 году зарегистрировано 2241 (увеличение на 30,4%), из них 705 квалифицированы по ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к экстремизму, совершенные в интернете) [10]. Число преступлений, квалифицированных как публичное оправдание терроризма с использованием информационно-коммуникационных технологий (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ), в 2025 году составило 1367 (рост 52,2%) [10].

За январь–ноябрь 2025 года российские суды рассмотрели 1626 уголовных дел о преступлениях террористической направленности, признав виновными 1921 подсудимого [11].

По данным НАК, в 2024 году скоординированными действиями силовых структур на стадии подготовки предотвращено 190 терактов, из которых 6 готовились участниками запрещенных и признанных в РФ террористическими организациями «Маньяки Культ Убийц» и «Колумбайн» в учебных заведениях и местах массового пребывания людей [12]. Всего нейтрализовано 38 и задержано более 1700 террористов и их пособников. Пресечено около 2700 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Изъято свыше 100 тысяч единиц огнестрельного оружия и более 5500 взрывных устройств [12]. Заблокированы счета более 6000 лиц, причастных к финансированию терроризма, на общую сумму свыше 230 млн рублей [12]. Заблокировано 67 000 и удалено 334 000 материалов, оправдывающих террористическую деятельность либо призывающих к ее осуществлению. Ежегодно проводимые в рамках мер профилактики антитеррористические акции объединяют порядка 15 млн человек, более 10 млн из них — студенческая молодежь и школьники [13].

Результаты анализа показывают, что наиболее тревожная современная тенденция — это катастрофический рост вовлечения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность. По данным МВД России, в 2024 году число несовершеннолетних, совершивших преступления экстремистской направленности, увеличилось на 86,5% (с 52 до 97), а совершивших деяния террористического характера — на 122,7% (с 44 до 98). Количество особо тяжких криминальных проявлений со стороны несовершеннолетних выросло на 40,4% [14].

Комментирую выявленную динамику, генеральный прокурор Российской Федерации А. Гуцан отметил, что за 2025 год общее число несовершеннолетних, причастных к терроризму и экстремизму, возросло вдвое. По его словам, в большинстве случаев вербовка проводилась дистанционно с использованием сети Интернет [15]. Председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин указал, что число несовершенно-

летних, совершивших преступления террористического характера, выросло на 178%, а вовлеченных в диверсионную деятельность — примерно на 200% [16]. Руководитель Антитеррористического центра СНГ Е. Сысоев заявил, что в 2025 году 391 ребенок участвовал в преступлениях террористического и экстремистского характера в России [17].

По данным ФСБ России, с июля 2025 года в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других регионов было задержано порядка пятидесяти подростков и молодых людей в возрасте от 12 до 22 лет, которых вербовщики склоняли к диверсиям и терактам через интернет-сервисы знакомств, используя обман, шантаж и психологическое давление [16].

Результаты анализа правового регулирования показал, что ключевым элементом нормативной базы в рассматриваемой сфере является Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями на 28 февраля 2025 года), который устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним [18].

Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закрепляет основные направления профилактики, включая защиту личности от противоправных посягательств и повышение уровня правовой грамотности граждан, однако понятие «виктимологическая профилактика» в его тексте не используется, что, по мнению исследователей, представляется не вполне оправданным [19].

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 года № 1105-р утверждена Концепция информационной безопасности детей, прямо указывающая на риски вовлечения детей в террористическую и экстремистскую деятельность через цифровые коммуникации [20]. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 утвердил Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые стали концептуальной базой Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы. Указанный нормативно-правовой акт направлен на формирование у населения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей неприятия идеологии терроризма и устойчивости к ее пропаганде [21]. В качестве основы террористической идеологии в нем обозначены идеи радикального псевдоислама, украинского национализма, неонацизма, а также субкультуры массовых убийств [22]. План включает шесть блоков: меры общей профилактики, адресной профилактики, индивидуальной профилактики, информационно-пропагандистского характера, кадрового и методического обеспечения, а также координации и контроля. Непосредственно в образовательной сфере предусмотрены: актуализация учебно-методических материалов по формированию стойкого неприятия идеологии терроризма; проведение мониторингов психологического климата в образовательных организациях и активности виртуальных деструктивных сообществ; реализация программ повышения квалификации руководителей образовательных организаций по выявлению и профилактическому сопровождению студентов, подверженных воздействию террористической идеологии [21].

Проведенный в данной работе анализ научных публикаций, статистических данных и действующих нормативных правовых актов позволяет выделить ряд системных недостатков в механизме противодействия терроризму в цифровой среде.

Прежде всего, законодательно не закреплено понятие «цифровая виктимологическая профилактика» ни в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений», ни в иных нормативных актах. Несмотря на то, что ст. 6 названного закона упоминает среди направлений профилактики «выявление лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми», а ст. 17 предусматривает форму «помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми», эти формулировки охватывают лишь общий контур виктимологической работы, не выделяя её цифровую составляющую как самостоятельное направление. П. Н. Фещенко справедливо полагает, что исключение виктимологической профилактики из перечня самостоятельных направлений «не вполне оправдано» [19]. Думается, что в условиях массовой вербовки несовершеннолетних через интернет этот пробел нуждается в устранении — как минимум на уровне подзаконного акта, конкретизирующего применение ст. 6 и 17 Закона № 182-ФЗ к цифровой среде.

Серьёзной проблемой остается отсутствие правового регулирования, устанавливающего минимальный возраст использования социальных сетей. Законодательные инициативы, предлагавшие запрет на регистрацию в соцсетях для детей до 14 лет и ограничение экранного времени для подростков 14–16 лет, обсуждались в Госдуме с конца 2025 г., однако Минцифры в августе 2026 г. официально заявило, что не планирует вводить такие ограничения [11]. Между тем формальные возрастные ограничения, устанавливаемые самими платформами (как правило, с 13 лет), не

служат реальной преградой. Дети указывают ложные данные при регистрации и получают неограниченный доступ к контенту, в процессе которого могут подвергаться психологическому давлению и вербовке. Следует учитывать результаты опрос Совета по правам человека, который показал, что 53% россиян поддерживают ограничительные меры. При этом власти предпочитают возлагать ответственность на родителей, что на практике оказывается недостаточным.

Не менее остро стоит вопрос о цифровой и правовой грамотности несовершеннолетних. Эмпирические данные подтверждают недостаточный уровень критического восприятия интернет-контента среди молодёжи; наблюдается латентная подверженность экстремистской пропаганде; выявлены случаи участия молодых людей в группах деструктивной направленности без осознания противоправности своих действий. По данным МВД России, в 2024 г. число несовершеннолетних, совершивших преступления экстремистской направленности, увеличилось на 86,5%, а совершивших действия террористического характера — на 122,7%. Каждый четвёртый несовершеннолетний сталкивается в сети с пропагандой суицида и распространением наркотических средств, а 33% — с противозаконной и вредоносной информацией [23].

Эти показатели трудно признать удовлетворительными, и они свидетельствуют о том, что правовое просвещение в образовательных организациях, предусмотренное Комплексным планом противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 гг., носит преимущественно декларативный характер. Как отмечают исследователи, эффективная профилактика невозможна без цифровой контрпропаганды, развития медиаграмотности и регулярного мониторинга интернет-активности обучающихся, однако эти компоненты не получили достаточного институционального закрепления [24]. Несмотря на то, что пункт 5.6 Комплексного плана предписывает мониторинг качества воспитательной работы, конкретные методики такого мониторинга в публичном пространстве до настоящего времени не представлены.

Отдельного внимания заслуживают пробелы в правовом регулировании удаленной вовлечения в террористическую деятельность. Вербовщики активно используют мессенджеры, онлайн-игры, сервисы знакомств и закрытые чаты для вовлечения несовершеннолетних. Маскировка вовлечения в тяжкие преступления под безобидное общение, «лёгкий заработок» или «геройство» не получает должного правового противодействия на этапе, предшествующем совершению преступления [16].

Безусловно, Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ внесены существенные изменения в УК РФ. Так, возраст уголовной ответственности за ряд преступлений диверсионно-террористической направленности снижен до 14 лет, а за вербовку несовершеннолетних в террористическую или диверсионную деятельность предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. Тем не менее эти нормы носят репрессивный, а не превентивный характер. Они вступают в действие уже после того, как вовлечение в террористическую деятельность уже состоялась. Правовые механизмы, позволяющие пресекать вербовочное общение на ранних стадиях, до момента, когда действия вербовщика образуют состав преступления, предусмотренный ст. 205.1 или 281.1 УК РФ, в законодательстве фактически отсутствуют.

До настоящего времени не решен и вопрос об оценке эффективности профилактических мероприятий. Исполнители Комплексного плана ориентированы аппаратом НАК на необходимость оценки эффективности каждого проводимого профилактического мероприятия [22]. В частности, п. 5.11 Комплексного плана на 2024–2028 гг. предписывает «осуществлять анализ и оценку эффективности реализации общепрофилактических, адресных, индивидуальных и информационно-пропагандистских мероприятий с учётом результатов проводимых социологических исследований». Однако унифицированные критерии и методики такой оценки в публичном пространстве не представлены, что затрудняет объективный анализ результативности и не позволяет сравнивать данные между субъектами Федерации. На заседании НАК в декабре 2025 г. Бортников вновь акцентировал внимание на «необходимости выработки и реализации действенных мер реагирования на всех уровнях государственного управления», но конкретные показатели эффективности названы не были.

Наконец, недостаточная межведомственная координация остается хронической проблемой. Рекомендации Росмолодежи прямо указывают на необходимость межведомственного взаимодействия, однако на практике координация между образовательными организациями, органами внутренних дел, психологическими службами и родительской общественностью часто носит формальный характер [24]. Координационные функции возложены на НАК и антитеррористические комиссии в субъектах РФ (п. 6.1 Комплексного плана), но между этими структурами и профильными ведомствами — Минпросвещения, Минцифры, Росмолодёжью — устойчивые рабочие связи, насколько можно судить по открытой информации,

выстроены слабо. Каждый субъект профилактики работает преимущественно в рамках своей вертикали, обмен данными о террористической вербовочной активности в конкретных платформах и сообществах не систематизирован, а совместные мероприятия организуются точечно, чаще всего по факту уже выявленных правонарушений.

Таким образом, несмотря на заметное ужесточение уголовного законодательства в ноябре 2025 г. и наличие Комплексного плана на 2024–2028 гг., система противодействия терроризму в цифровой среде сохраняет существенные пробелы — преимущественно превентивного и организационного характера. Устранение этих недостатков требует не точечных поправок, а системной работы по конкретизации действующих норм и налаживанию реального межведомственного взаимодействия.

Для устранения выявленных пробелов предлагается комплекс мер, разграниченных по уровням правового регулирования.

Прежде всего, по мнению автора, целесообразно закрепить понятие «виктимологическая профилактика» в ст. 2 Закона № 182-ФЗ, определив её как деятельность по снижению риска вовлечения граждан в противоправную деятельность и минимизации последствий виктимизации — в том числе в интернете. Конкретные меры (мониторинг, просвещение, контрпропаганда) следует детализировать в подзаконном акте. Включать это понятие в Закон № 35-ФЗ нецелесообразно, так как профильное регулирование профилактики закреплено в Законе № 182-ФЗ.

Далее, с учётом того, что ст. 6 Закона № 182-ФЗ уже охватывает киберсоставляющую (п. 19), рационально не расширять перечень направлений, а конкретизировать формы работы. Поэтому предлагается дополнить ст. 17 Закона новой формой — «цифровая виктимологическая профилактика». Она должна включать мониторинг цифрового пространства для выявления вербовочной активности в отношении несовершеннолетних, информирование родителей и образовательных организаций о рисках, а также развитие цифровой и правовой грамотности.

Предлагается нормативно закрепить возрастной ценз для самостоятельной регистрации несовершеннолетних в социальных сетях, мессенджерах и на игровых платформах. Мировой опыт уже сформировал ориентиры. Так, Австралия запретила регистрацию до 16 лет, Франция — до 15, Бразилия — до 16, Турция вводит запрет с октября 2026 г. В России, как отмечалось выше, Минцифры пока занимает выжидательную позицию [11]. При этом представляется обоснованным установить полный запрет на самостоятельную регистрацию до 14 лет (возраст получения паспорта), а для подростков 14–16 лет — режим «родительского контроля» с обязательной верификацией, ограничением экранного времени и фильтрацией контента. Ответственность за нарушение предлагается возложить на платформы по аналогии с австралийской моделью (штрафные санкции к оператору, а не к родителям).

В части обязанностей владельцев платформ действующая редакция п. 5 ч. 1 ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» уже обязывает владельцев социальных сетей осуществлять мониторинг и выявлять информацию, «направленную на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий». Дублировать эту обязанность не следует. При этом необходимо не только блокировать выявленные запрещенные материалы, а еще передавать по компетенции в правоохранительные органы для оперативного реагирования. Так, предлагается дополнить ст. 10.6 Закона № 149-ФЗ пунктом, обязывающим платформы при выявлении экстремистского контента в течение 24 часов направлять сведения (включая метаданные аккаунта) в ФСБ или МВД России. Эта мера отчасти восполнила бы отсутствие превентивных механизмов, о которых шла речь выше и способствовала бы созданию канала передачи информации о террористической активности позволило бы пресекать ее до того, как действия кибертеррористов образуют составы преступлений, предусмотренных ст. 205.1 или 281.1 УК РФ.

Предлагается разработать и утвердить унифицированную методику оценки эффективности цифровой виктимологической профилактики терроризма. Индикаторы целесообразно разделить на превентивные (доля обучающихся, охваченных профилактическими программами; уровень медиаграмотности по результатам тестирования; количество образовательных организаций, внедривших модуль цифровой безопасности) и результативные (динамика числа несовершеннолетних, вовлечённых в преступления террористической и экстремистской направленности; количество пресечённых вербовочных контактов; доля обучающихся, продемонстрировавших изменение отношения к экстремистскому контенту по результатам социологических опросов). Такой подход позволил бы отделить показатели охвата от криминологических показателей, зависящих от внешних факторов, и создал бы унифицированный оценочный инструментарий.

Список литературы:

[1] Лукьянова Ю. Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений террористического характера в цифровую эпоху // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1 (33). С. 194–207.

[2] Фещенко П. Н. Место и роль виктимологической профилактики в учебных заведениях в системе мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 108–118.

[3] Фоминых Е. С. Нарушения информационной безопасности в контексте цифровой виктимизации детей и подростков // Виктимология. 2024. Т. 11, № 1. С. 69–77.

[4] Черявко Е. Д., Майборода Э. Т. Интегративная модель виктимологии терроризма: междисциплинарный подход // Психология и право. 2026. Т. 16, № 1. С. 223–239.

[5] Майоров А. В. Виктимологическое противодействие цифровой виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую и террористическую деятельность // Виктимология. 2025. Т. 12, № 3. С. 363–374.

[6] Мазуров В. А., Стародубцева М. А. Проблемы противодействия идеологии терроризма и кибертерроризма в современной России : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. 94 с.

[7] Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва : ИНФРА-М, 2024. 630 с.

[8] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. 2024. 20 янв. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 15.09.2026).

[9] В России число зарегистрированных терактов выросло почти в три раза // Фонтанка.ру. 2025. 13 июля. URL: https://www.fontanka.ru/2025/07/13/75718793/ (дата обращения: 15.09.2026).

[10] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России : [сайт]. – 2024. – 20 янв. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 15.09.2026).

[11] Халтурин В. Д., Эмирова И. Е. Угрозы экстремистской агитации детям в социальных сетях и тактические приемы их устранения силами правоохранительных органов // Научный Лидер. 2026. № 37 (290). URL: https://scilead.ru/article/12931-ugrozi-ekstremistskoj-agitatsii-detyam-v-sot (дата обращения: 15.09.2026).

[12] В России в 2024 году предотвратили 190 терактов // ТАСС. 2024. 10 дек. URL: https://tass.ru/proisshestviya/22626405 (дата обращения: 15.09.2026).

[13] О новом Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы : интервью с Заместителем Директора ФСБ России - руководителем аппарата Национального антитеррористического комитета И. Г. Сироткиным // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета : [сайт]. – 2024. – 30 июня. – URL: nac.gov.ru (дата обращения: 15.09.2026).

[14] Дети и опасность онлайн: экстремизм и терроризм. Будьте бдительны! : типовой сценарий Всероссийского родительского собрания / ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», Минпросвещения России ; при участии МВД России, СК России. – Москва : Центр защиты прав и интересов детей, 2025. – 32 с. – URL: tatar.ru (дата обращения: 15.09.2026).

[15] Генпрокурор заявил о двукратном росте числа причастных к терроризму подростков // РИА Новости : информационное агентство : [сайт]. – 2026. – 15 апр. – URL: https://expert.ru/news/genprokuror-rf-chislo-podrostkov-prichastnykh-k-terrorizmu-vozroslo-vdvoe (дата обращения: 15.09.2026).

[16] Вовлечение подростков в терроризм: как это происходит и как защитить ребенка // РИАМО : Региональное информационное агентство Московской области : [сайт]. – 2026. – 25 авг. – URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/vovlechenie-podrostkov-v-terrorizm-kak-eto-proishodit-i-kak-zaschitit-rebenka/ (дата обращения: 15.09.2026).

[17] В России в 2025 году 400 подростков участвовали в террористических преступлениях // ТАСС : информационное агентство : [сайт]. – 2026. – 9 июня. – URL: tass.ru (дата обращения: 15.09.2026).

[18] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 15.09.2026).

[19] Фещенко П. Н. Виктимологический аспект социальной напряженности // Виктимология. 2015. № 2 (4). С. 36–41.

[20] Российская Федерация. Правительство. Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации : [утв. распоряжением Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р] // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – 2023. – 5 мая. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305050026 (дата обращения: 15.09.2026).

[21] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы : утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/ (дата обращения: 15.09.2026).

[22] О новом Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы // Антитеррор. Университет Тюмени. 2024. URL: https://antiterror.utmn.ru/materialy/1246207/ (дата обращения: 15.09.2026).

[23] Правовые аспекты борьбы с проявлениями киберэкстремизма и терроризма в молодежной среде : сборник материалов Всероссийского круглого стола (памяти почетного профессора Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева В. В. Бычкова, 29 мая 2026 г.) / под ред. Е. И. Бычковой. – Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, 2026. – 184 с.

[24] Методические рекомендации по организации работы в области профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде / Федеральное агентство по делам молодежи // ФГБУ «Роспатриотцентр». Москва, 2025. URL: https://rospatriotcentr.ru/upload/iblock/c43/0hbpda4p6p983pzvnudsl6npgl311kqw.pdf (дата обращения: 15.09.2026).

References:

[1] Lukyanova Yu. Current Issues in the Detection and Investigation of Terrorist-Related Crimes in the Digital Age // Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025. No. 1 (33). pp. 194–207.

[2] Feshchenko P. N. The Place and Role of Victimological Prevention in Educational Institutions within the System of Measures to Ensure the National Security of the Russian Federation // Victimology. 2022. Vol. 9, No. 1. pp. 108–118.

[3] Fominykh E. S. Information Security Breaches in the Context of the Digital Victimization of Children and Adolescents // Victimology. 2024. Vol. 11, No. 1. pp. 69–77.

[4] Cheryavko E. D., Mayboroda E. T. An Integrative Model of the Victimology of Terrorism: An Interdisciplinary Approach // Psychology and Law. 2026. Vol. 16, No. 1. pp. 223–239.

[5] Mayorov A. V. Victimological Counteraction to the Digital Victimization of Minors Recruited into Extremist and Terrorist Activities // Victimology. 2025. Vol. 12, No. 3. pp. 363–374.

[6] Mazurov V. A., Starodubtseva M. A. Challenges in Countering the Ideology of Terrorism and Cyberterrorism in Modern Russia: A Monograph. Barnaul: Altai University Press, 2021. 94 p.

[7] Operational-Investigative Activity in the Digital World: A Collection of Scientific Papers / ed. by V. S. Ovchinsky. Moscow: INFRA-M, 2024. 630 p.

[8] Brief Overview of the Crime Situation in the Russian Federation for January–December 2023 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Jan. 20. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (accessed: Sept. 15, 2026).

[9] Number of Registered Terrorist Attacks in Russia Has Nearly Tripled // Fontanka.ru. 2025. July 13. URL: https://www.fontanka.ru/2025/07/13/75718793/ (accessed: Sept. 15, 2026).

[10] Brief Overview of the Crime Situation in the Russian Federation for January–December 2023 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia: [website]. – 2024. – Jan. 20. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (accessed: Sept. 15, 2026).

[11] Khalturin V. D., Emirova I. E. Threats of Extremist Agitation Targeting Children on Social Media and Tactical Approaches for Law Enforcement to Counteract Them // Nauchny Lider (Scientific Leader). 2026. No. 37 (290). URL: https://scilead.ru/article/12931-ugrozi-ekstremistskoj-agitatsii-detyam-v-sot (accessed: Sept. 15, 2026).

[12] 190 Terrorist Attacks Prevented in Russia in 2024 // TASS. 2024. Dec. 10. URL: https://tass.ru/proisshestviya/22626405 (accessed: Sept. 15, 2026).

[13] On the New Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028: Interview with I. G. Sirotkin, Deputy Director of the FSB of Russia and Chief of Staff of the National Anti-Terrorism Committee // Official Website of the National Anti-Terrorism Committee : [website]. – 2024. – June 30. – URL: nac.gov.ru (accessed: Sept. 15, 2026).

[14] Children and Online Dangers: Extremism and Terrorism. Stay Vigilant! : Model Scenario for an All-Russian Parents' Meeting / Center for the Protection of Children's Rights and Interests (Federal State Budgetary Institution), Ministry of Education of Russia ; with the participation of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Investigative Committee of Russia. – Moscow : Center for the Protection of Children's Rights and Interests, 2025. – 32 p. – URL: tatar.ru (accessed: Sept. 15, 2026).

[15] Prosecutor General Reports a Twofold Increase in the Number of Adolescents Involved in Terrorism // RIA Novosti : News Agency : [website]. – 2026. – Apr. 15. – URL: https://expert.ru/news/genprokuror-rf-chislo-podrostkov-prichastnykh-k-terrorizmu-vozroslo-vdvoe (accessed: Sept. 15, 2026).

[16] The Recruitment of Adolescents into

Terrorism: How It Happens and How to Protect a Child // RIAMO (Regional Information Agency of the Moscow Region) : [website]. – 2026. – Aug. 25. – URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/vovlechenie-podrostkov-v-terrorizm-kak-eto-proishodit-i-kak-zaschitit-rebenka/ (accessed: Sept. 15, 2026).

[17] In 2025, 400 Adolescents in Russia Were Involved in Terrorist Offenses // TASS (News Agency) : [website]. – 2026. – June 9. – URL: tass.ru (accessed: Sept. 15, 2026).

[18] Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006, "On Countering Terrorism" (as amended on May 25, 2026) // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (accessed: Sept. 15, 2026).

[19] Feshchenko P. N. The Victimological Aspect of Social Tension // Victimology. 2015. No. 2 (4). pp. 36–41.

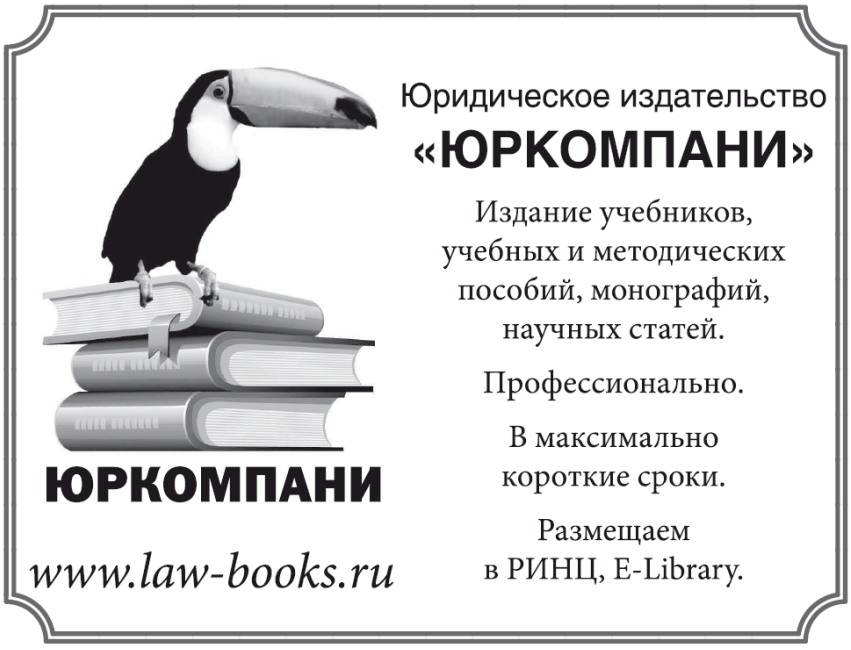
[20] Russian Federation. Government. Concept for the Information Security of Children in the Russian Federation : [approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 1105-r dated April 28, 2023] // Official Internet Portal of Legal Information : [website]. – 2023. – May 5. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305050026 (accessed: 15.09.2026).

[21] Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028: approved by the President of the Russian Federation on December 30, 2023, No. Pr-2610 // "Garant" Legal Information System. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/ (accessed: 15.09.2026).

[22] On the New Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028 // Anti-Terror. University of Tyumen. 2024. URL: https://antiterror.utmn.ru/materialy/1246207/ (accessed: 15.09.2026).

[23] Legal Aspects of Combating Manifestations of Cyber-Extremism and Terrorism Among Youth: Proceedings of the All-Russian Round Table (in memory of V. V. Bychkov, Honorary Professor of the A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee; May 29, 2026) / ed. by E. I. Bychkova. – Moscow: A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026. – 184 p.

[24] Methodological Recommendations for Organizing Work on the Prevention of Extremism and Terrorism Among Youth / Federal Agency for Youth Affairs // Federal State Budgetary Institution "Rospatriottsentr". Moscow, 2025. URL: https://rospatriotcentr.ru/upload/iblock/c43/0hbpda4p6p983pzvnudsl6npgl311kqw.pdf (accessed: 15.09.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-849-852

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
тел.: 8 - 960-233-80-64,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация. *Автор в своей научной статье проводит анализ закономерностей распространения экстремистских материалов в сети Интернет и обусловленная этим деятельность сотрудников оперативных и следственных подразделений по их обнаружению.*

Ключевые слова: *безопасность, Интернет, маргинальная среда, терроризм, экстремизм, противодействие, законодательство, государство.*

Для цитирования: *Бровкин Д. В. К вопросу о противодействии экстремистской деятельности в сети Интернет: формы и методы распространения и способы пресечения // Образование и право. 2026. № 10. С. 849–852.*

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor, Department of Specialized and Automotive Equipment,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD in Law

ON THE ISSUE OF COUNTERING EXTREMIST ACTIVITY ON THE INTERNET: FORMS AND METHODS OF DISSEMINATION AND METHODS OF SUPPRESSION

Annotation. *In his scientific article, the author analyzes the patterns of distribution of extremist materials on the Internet and the resulting activities of employees of operational and investigative units to detect them.*

Key words: *security, Internet, marginal environment, terrorism, extremism, counteraction, legislation, state.*

For citation: *Brovkin D. V. On the issue of countering extremist activity on the internet: forms and methods of dissemination and methods of suppression. Education and law. 2026;(10):849–852. (In Russ.).*

Различные убеждения, насильственного и деструктивного характера в качестве взглядов, на современном этапе проявляются в молодёжной среде под влиянием различных факторов: социальных, политических, а также экономических и др.

Современная молодежь, как инструмент преступных действий, используются применяются в террористической и экстремистской деятельности, при этом происходит агитация, в своих целях как подростков-иностранцев, так и российских граждан.

Подростковый и молодёжный возраст характеризуется своими психологическими особенностями, стремлением к самовыражению, внутренним протестом, который люди данного возраста стремятся показать окружающим для того, чтобы почувствовать свою значимость.

Главные особенности экстремизма в молодежной среде:

- экстремизм формируется в маргинальной среде;

- экстремизм подкрепляется неустойчивыми взглядами на жизнь молодого человека, неопределенностью его положения:

- экстремизм проявляется в ситуациях, для которых характерно отсутствие нормативов, установок, способствующих законопослушности;

- экстремизм проявляется в группах и коллективах, участники которых имеют низкую самооценку;

- экстремизм проявляется в группах и коллективах, в которых игнорируются права личности;

- экстремизм характерен как для общества с «низким уровнем культуры», так и имеющим деформированную культуру, искаженную, с отсутствием целостности;

- экстремизм характерен для групп, принявших и поддерживающих идеологию насилия, пропагандирующих различные средства в достижении своих целей (в том числе и убийства, теракты).

Основными причинами возникновения экстремистских явлений в молодежной среде, могут быть следующие:

1. разрушение установленных норм в социальной молодежной среде;

2. рост преступности в различных сферах общественной жизни;

3. деструктуризация жизненных, ценностных ориентаций;

4. увеличение национализма и сепаратизма и иных девиантных поведений в молодежной среде на различных негативных «почвах» насильственного характера;

5. нелегальная агитация посредствам совершения экстремистских действий;

6. применение психологических факторов, как методик воздействия, в целях совершения противоправных действий;

7 активное использование интернет площадки, для реализации преступных целей.

Экстремистские проявления связаны между собой, так что разделение их на политические, национальные и религиозные – условность, и выделить в каждом конкретном случае одну – определенную зачастую невозможно. Однако даже если и учитывать данный факт, стоит все же перечислить основные существующие виды.

1. Религиозный экстремизм проявляется в агрессивной позиции последователей любой религии, которая пропагандирует резкое отрицание и непринятие идей других религий, жестокое истребление и ненависть в отношении приверженцев иных религий, «истинность» и незыблемость определенного вероучения.

Также данный вид экстремизма включает себя и борьбу внутри одной конфессии, может использоваться и чаще всего используется в борьбе религиозных организаций против светского государства и за получение власти одного из представителей определенной организации.

Целью религиозного экстремизма является не только пропаганда своей идеологии, но и создание и укрепление образований на государственном и административном уровнях, чтобы данная религия получила статус официальной, преобладающей.

2. Политический экстремизм - незаконная деятельность представителей политических движений и партий, лиц, исполняющих должностные обязанности, а также простых граждан, направленная на изменение имеющегося в настоящее время государственного строя, и несущая в себе насильственные действия по уничтожению имеющихся государственных структур и установлению тоталитарного режима, а также разжигание конфликтов на почве национальной принадлежности. Последнее – включение в политический вид черт националистического экстремизма.

3. Религиозно-политический экстремизм включает в себя черты как религиозного, так и политического (и частично – националистического) экстремизма и представляет собой насильственные действия по изменению государственного строя и/или захвату власти, разобщение по национальной принадлежности и разжигание вражды и ненависти на религиозной и национальной почве, приводящие к нарушению территориальной целостности государства, нарушению суверенитета.

4. Националистический экстремизм – вид экстремистской идеологии, включающий в себя черты и элементы политического и религиозного видов. Общим для всех этих видов является разобщение, внесение смуты и разжигание вражды между разными народностями для достижения разлада в устое определенного государства.

Террористические и экстремистские группировки используют всевозможные способы и методы для внушения обществу ощущения страха, распространения своей идеологии: пропаганды своих целей, ценностей, и привлечения как можно большего числа новых последователей и сторонников. Сеть Интернет в настоящее время является крупной платформой, содержащей в себе всевозможные новостные сайты и блоги, которые и без непосредственной связи с экстремистскими организациями разделяют и распространяют их идеологию, тем самым оказывая огромную поддержку подобным организациям.

Сайты, занимающиеся пропагандой, зачастую по несколько раз за сутки меняют адреса, чтобы было невозможно отследить местонахождение пользователей-создателей, и помогают им в этом специалисты.

В большинстве случаев это молодые программисты, хорошо подкованные во владении современными программами, умеющие писать коды для усовершенствования защиты сайтов, разделяющих террористическую идеологию, а также обладающие умениями «хакерства», что помогает им взломать любую защиту, обойти множество ограничений и безнаказанно распространить запрещенные материалы.

Вместе с тем общественно-политическая деятельность не должна и не может быть ограничена только юридическими полномочиями, для решении данного вопроса, так как для этого нужен комплексный подход, который должен, по нашему мнению, содержать в себе несколько направлений по сдерживанию и нейтрализации вредоносных основ распространения экстремистской пропаганды на сознание молодежи, таких как:

- совершенствование национальной политики в области образования молодежи;
- разработка программ по реализации национальной идеологии в образовании подрастающего поколения;
- повышение юридической и правовой грамотности общества;
- удаление повышенного внимания нравственному воспитанию молодежи;
- популяризация семьи и семейных традиций;
- совершенствование системы молодежной политики через разработку проектов по благоустройству культурно-досуговой деятельности молодежи, и внедрению программ по реализации масштабного плана трудоустройства молодежи;
- воспитание молодежи через толерантность к людям, обществу и стране;
- совершенствование образовательных программ для учреждений образования;
- разработка и реализация проекта патриотического воспитания в образовании;
- повышение уровня сотрудничества общества и государства, а также религиозных концессий по противодействию распространению экстремистских идеологий;
- совершенствование государственной политики по борьбе с терроризмом и экстремизмом;
- контроль и мониторинг социальных «сетей».

Кроме того, средства массовой информации, как один из источников информирования населения не должны осуществлять влияние на человека на уровне инстинктов и наводить страх посредством распространения недостоверной информации и усугублять ситуацию, потому что во внушении страха населению для формирования формальной угрозы экстремизма и терроризма в сознании людей и заключается целю идеологии экстремистских организаций, поскольку посредствам таких методов и происходит быстрое распространение и внедрение террористической и экстремистской идеологии.

И хотя назвать точное число сайтов, связанных с террористическими организациями, в наше время довольно трудно в связи с тем, что отследить личные страницы и аккаунты пользователей, занимающихся вербовкой молодых людей, бывает сложно по рядам причин, эта цифра все равно остается огромной.

В заключение хотелось бы констатировать, что для решения проблемы распространения среди молодежи экстремистской идеологии, необходимо принятие дополнительных мер, а не руководствуясь только применяющимися в практике на современном этапе законными и наказуемыми мерами, поскольку в целях преодоления основной причины, по которой молодые люди подвергаются влиянию экстремистских настроений и ощущения отчуждённости и одиночества, им необходимо определиться с ориентирами жизненных ценностей и установок.

Список литературы:

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2024).

[2] Панасенко В.Н. Экстремизм в подростково-молодежной среде: объективные и субъективные причины /В.Н. Панасенко // В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: С.А. Буткевич, И А. Петрожицкая, А.В. Гончарова [и др.], под общей редакцией С.А. Буткевича. Краснодар, 2022. С. 230-234.

[3] Харитонова А.Д. Экстремизм в молодежной среде: причины и угрозы в современном мире / А.Д. Харитонова // В сборнике: XXXV международные плехановские чтения. Сборник статей участников. В 4-х томах. - 2022. - С. 324-328.

[4] Кобец П.Н. Противодействие молодежному экстремизму: опыт и проблемы /П.Н. Кобец, К.А. Краснова // В сборнике: Вектор развития криминологии в XXI веке. Материалы всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Российской криминологической ассоциации. Владимир – Суздаль, 2022. - С. 229-238.

[5] Калиева Г.С. Причины возникновения религиозного экстремизма /Г.С. Калиева // В сборнике: Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Сборник статей XII

Международной научно-практической конференции. г. Петрозаводск, 2021. - С. 205-209.

References:

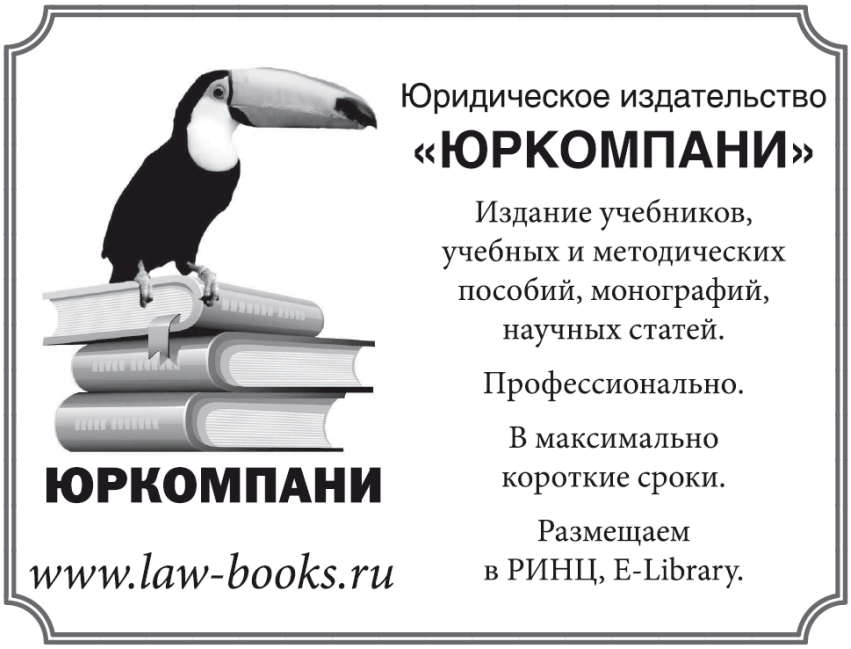
[1] On Counteracting Extremist Activity: Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 // "ConsultantPlus" legal reference system (accessed: April 10, 2024).

[2] Panasenko V.N. Extremism Among Adolescents and Youth: Objective and Subjective Causes / V.N. Panasenko // In: Ensuring Public Safety and Combating Crime: Tasks, Challenges, and Prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Editorial Board: S.A. Butkevich, I.A. Petrozhitskaya, A.V. Goncharova, et al.; edited by S.A. Butkevich. Krasnodar, 2022. pp. 230–234.

[3] Kharitonova A.D. Extremism Among Youth: Causes and Threats in the Modern World / A.D. Kharitonova // In: XXXV International Plekhanov Readings. Collection of Participants' Articles. In 4 volumes. 2022. pp. 324–328.

[4] Kobets P.N., Krasnova K.A. Counteracting Youth Extremism: Experience and Challenges / P.N. Kobets, K.A. Krasnova // In: The Development Trajectory of Criminology in the 21st Century. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference marking the 30th anniversary of the Russian Criminological Association. Vladimir–Suzdal, 2022. pp. 229–238.

[5] Kalieva G.S. Causes of the Emergence of Religious Extremism / G.S. Kalieva // In the collection: Fundamental and Applied Science: State and Development Trends. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2021. — pp. 205–209.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-853-861

ДОЛЕВА Ольга Андреевна,
соискатель,
e-mail: olya.doleva@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются меры противодействия использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений. Отмечается, что цифровизация преступной деятельности существенно трансформирует институт соучастия: организатор получает возможность дистанционного руководства, что повышает латентность и распространенность преступлений. Объектом исследования выступают общественные отношения, охраняемые уголовным законом, в сфере противодействия использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений. Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Российской Федерации, предусматривающие ответственность за организацию преступлений, а также практика их применения. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания. Проведен анализ положений Общей и Особенной частей УК РФ, выявлены соответствующие недостатки. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, объединяющего законодательные, правоприменительные, профилактические и международные меры в целях эффективного противодействия исследуемого вида преступности.*

Ключевые слова: *информационно-телекоммуникационные технологии, организация преступления, организатор преступления, соучастие в преступлении, уголовно-правовые меры, противодействие преступности, профилактика, предупреждение.*

Для цитирования: *Долева О. А. Противодействие использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступления // Образование и право. 2026. № 10. С. 853–861.*

DOLEVA Olga Andreevna,
applicant

COUNTERING THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN ORGANIZING A CRIME

Annotation. *The article examines measures to counteract the use of information and telecommunications technologies in organizing crimes. It is noted that the digitalization of criminal activity significantly transforms the institution of complicity: the organizer gains the ability to provide remote guidance, which increases the latency and prevalence of crimes. The object of the study is the social relations protected by criminal law in the field of countering the use of information and telecommunications technologies in organizing crimes. The subject of the study is the norms of the criminal legislation of the Russian Federation that provide for liability for organizing crimes, as well as the practice of their application. The methodological basis of the study consisted of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal) methods of cognition. An analysis was carried out of the provisions of the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation, and the relevant shortcomings were identified. It was concluded that a comprehensive approach is needed, combining legislative, law-enforcement, preventive, and international measures to effectively counter the type of crime under study.*

Key words: *information and telecommunications technologies, crime organization, crime organizer, complicity in a crime, criminal law measures, crime counteraction, prevention, warning.*

For citation: *Doleva O. A. Countering the use of information and telecommunication technologies in organizing a crime. Education and law. 2026;(10):853–861. (In Russ.).*

Современный этап развития общества характеризуется масштабной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, что закономерно влечет за собой трансформацию как правомерного, так и противоправного поведения. На сегодняшний день информационно-телекоммуникационные технологии выступают не только распространенным средством коммуникации и обмена данными, но и высокоэффективным инструментом при совершении преступлений.

Согласно Статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, уголовно-правовая статистика демонстрирует устойчивый рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В частности, в 2025 г. зарегистрировано 675 372 преступления, тогда как в 2019 г. их количество составляло 294 409. Таким образом, за шестилетний период число указанных преступлений увеличилось на 129,4%, что свидетельствует о стремительной цифровизации преступной деятельности и повышении общественной опасности рассматриваемых посягательств.

В юридической литературе предложены различные классификации информационно-телекоммуникационных технологий применительно к преступной деятельности [1, с. 49–52; 2, с. 229–236]. Отдельного внимания заслуживает классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, которая зависит от стадии преступной деятельности. В зависимости от этапа реализации преступного умысла выделяются:

способы подготовки к совершению преступления;

способы непосредственного совершения преступного деяния.

К первой группе относится, например удаленный доступ к устройствам потерпевшего, позволяющий провести анализ их уязвимости, установка специальных программ, предназначенных для анализа защищенности устройств жертвы от внешних угроз, установление контакта с потенциальной жертвой посредством социальных сетей, электронной переписки и иных средств коммуникации; получение и анализ персональных данных и иной личной информации о потенциальной жертве с использованием скомпрометированных баз данных (в том числе государственных сервисов).

При этом, как показывает анализ судебной и следственной практики, информационно-телекоммуникационные технологии все чаще применяются как исполнителями преступлений, так и организаторами.

Наглядной иллюстрацией служит деятельность мошеннических центров, использующих генеративные нейросети и автоматизированных чат-ботов. В таких схемах исполнители вступают в контакт с потерпевшими через IP-телефонию или мессенджеры, применяя заранее сгенерированные алгоритмами сценарии обмана, тогда как организатор осуществляет дистанционное управление всей преступной инфраструктурой. Он внедряет алгоритмы, которые посредством Telegram-ботов или голосовых ИИ-ассистентов вербуют подставных лиц для обналичивания похищенных средств, автоматически распределяет задания между соучастниками, учитывая их загруженность и место нахождения, а также использует систему контроля, отслеживающую выполнение задач и направляющую напоминания, угрозы или поощрения.

В этой связи указанная выше классификация может быть дополнена такой классификационной группой как способ организации преступлений. Если для исполнителей преступлений информационно-телекоммуникационные технологии, как правило, выступают способом непосредственного воздействия на охраняемые уголовным законом общественные отношения, в частности при неправомерном доступе к компьютерной информации, хищении денежных средств с использованием электронных средств платежа, распространении запрещенных материалов, то для организаторов они приобретают значение универсального инструмента, обеспечивающего реализацию всех стадий организационной деятельности: от постановки цели и разработки плана преступных действий для ее достижения до иных активных действий по объединению усилий других соучастников и направлению их совместной преступной деятельности в стадии подготовки и (или) совершения преступления (покушения на исполнение).

Посредством телекоммуникационных сетей организатор преступления получает возможность дистанционно вовлекать новых участников, проводить их инструктаж, определять задачи и контролировать их исполнение, избегая непосредственного физического контакта с соучастниками. Применение средств шифрования, VPN-сервисов, анонимных сетей и иных технологий анонимиза-

ции позволяет существенно снизить риск идентификации личности организатора и, как следствие, повысить латентность его преступной деятельности.

Таким образом, использование информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений трансформирует традиционную модель соучастия, придавая организационной преступной деятельности трансграничный, дистанционный и высоколатентный характер. Организатор приобретает возможность руководить соучастниками, находясь вне места совершения преступления, оперативно корректировать преступные планы с учетом изменения обстановки, а также привлекать специалистов узкого профиля, не устанавливая с ними личных контактов. Указанные обстоятельства существенно повышают общественную опасность деяния, поскольку усложняют выявление и раскрытие организованного дистанционно преступления, установление роли каждого участника и, в особенности, доказывание вины организатора. Это, в свою очередь, обусловливает необходимость разработки мер профилактического характера, направленных на нейтрализацию указанных рисков и обеспечение неотвратимости ответственности.

Говоря о тенденциях криминализации, мы неизбежно касаемся вопросов российской уголовно – правовой политики, сохранившей наследие советского периода, характеризующегося превалированием концепции самостоятельной теории ответственности соучастников. Э.Ф. Побегайло определял уголовную политику как направление специальной деятельности государства в области борьбы с преступностью [3, с. 464–465].

В научной литературе на сегодняшний день не утихают споры относительно сущности действующей в нашем государстве уголовной политики. Некоторые ученые придерживаются позиции усиления ее репрессивности [4, 144 с.; 5, с. 310–314], другие же настаивают на необходимости ее либерализации [6, с. 38–39; 7, с. 108; 8, с. 125]. В целом, в данном вопросе очевидно единство мнений относительно неудовлетворительного качества российской уголовной политики [9, с. 44–45; 10, 352 с.; 11, 208 с; 12, 320 с.; 13, с. 185–197; 14, с. 9-13; 15, с. 38–41].

Еще Г. Гегель обращал внимание на то обстоятельство, что «если положение самого общества шатко, тогда закону приходится посредством наказания устанавливать пример» [16, с. 23], подразумевая, что криминализация тех или иных деяний, а также строгость наказания находятся во взаимосвязи с текущим состоянием общества.

Вопросы, касающиеся борьбы с организованной преступностью, в настоящее время не менее актуальны, чем и 20 лет назад. Так, по итогам проведенного в мае 2006 года Координационного совещания руководителей федеральных правоохранительных органов сделан вывод о том, что «размеры организованной преступности в России приобретают характер национальной угрозы». Как сообщает «Российская газета» от 16 мая 2006 года, организованная преступность «поразила практически все сферы – политическую, экономическую, социальную».

Очевидная на сегодняшний день глобализация мировых процессов выводит преступность за рамки государственных границ на транснациональный уровень, при этом непосредственно организационная преступная деятельность являет собой реальную угрозу национальной безопасности нашего государства. «Усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека» гласит п. 8 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, буквально указывая на нарастающие угрозы, связанные, в том числе, с масштабированием транснациональной организованной преступной деятельности.

Спустя более 15 лет с момента проведения в мае 2006 года Координационного совещания (о котором указано выше), ситуация в корне не изменилась, и уже в июне 2022 года Генеральным прокурором Российской Федерации в рамках аналогичного совещания также отмечена необходимость борьбы с организованной преступностью, подчеркнуто, что «поскольку подавляющее большинство преступлений, совершаемых в организованных формах, составляют мошенничества и незаконный оборот наркотиков, необходимы системные и в то же время адресные меры, учитывающие широкое криминальное использование информационных технологий». Кроме того, Генеральным прокурором Российской Федерации отмечена актуальность борьбы с организацией незаконной миграции, перемещением оружия и боеприпасов.

Такое положение дел детерминировало потребность принятия законодателем комплекса мер, включающих, в том числе, криминализацию отдельных, самостоятельных составов преступлений в сферах, вызывающих особую озабоченность.

Современная уголовная политика Российской Федерации в качестве одного из приоритет-

ных направлений определяет противодействие преступности. Данный термин активно используется в законодательстве и в научной литературе, однако его содержание по-прежнему остается дискуссионным [17, с. 128–132].

Как отмечалось ранее, применительно к сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений система противодействия приобретает ряд особенностей, обусловленных трансграничным, дистанционным и высоколатентным характером организаторской деятельности.

Большинство научных работ ориентированы на исследование отдельных вопросов компьютерной преступности, мошенничества с использованием электронных средств платежа, однако организационные аспекты использования информационно-телекоммуникационных технологий в механизме преступного поведения остаются недостаточно изученными.

Применительно к сфере противодействия организационной функции при совершении преступлений с использованием информационных средств данная категория приобретает особое значение. Цифровая трансформация преступности существенно расширяет круг потенциальных потерпевших и затрудняет применение традиционных уголовно-правовых механизмов. Это требует переосмысления границ охранительного воздействия уголовного закона, уточнения объектов уголовно-правовой охраны и разработки новых нормативных конструкций, адекватных современным вызовам.

Указанное предопределяет необходимость углубленного исследования уголовно-правовых мер противодействия использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений.

Уголовное право, с одной стороны, охраняет наиболее значимые общественные отношения от преступных посягательств, с другой – регулирует поведение граждан посредством установления запретов и предписаний. Действующее уголовное законодательство Российской Федерации содержит ряд норм, которые в своей совокупности образуют правовую основу противодействия рассматриваемому виду преступности, которые могут быть дифференцированы на несколько групп в зависимости от их функционального назначения.

Первую группу составляют положения Общей части УК РФ, регламентирующие институт соучастия и определяющие правовой статус организатора преступления, прежде всего, это ч. 3 ст. 33 УК РФ. Уголовный закон выделяет организатора как самостоятельную фигуру соучастия, отличающуюся наибольшей степенью общественной опасности, поскольку именно его действия определяют возникновение, развитие и направленность преступной деятельности. Организатор не просто участвует в преступлении, а зачастую инициирует его, объединяет усилия других соучастников, распределяет роли, обеспечивает координацию и контроль.

Данная норма не содержит прямого указания на возможность использования информационно-телекоммуникационных технологий при выполнении организаторских функций, однако ее толкование в правоприменительной практике позволяет распространять действие на случаи дистанционных организации и руководства. В этой связи закономерно возникает вопрос, насколько нормы действующего уголовного законодательства отвечают цифровой реальности и обеспечивают надлежащим образом охранительную функцию уголовного закона, сводя ее к применению мер уголовной ответственности за совершенное преступление, а также оказывая превентивное воздействие уголовно-правовых норм на сознание и поведение граждан [18, с. 26].

Наряду с этим важное значение имеют положения ст. 35 УК РФ, устанавливающие признаки организованной группы и преступного сообщества. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при создании и функционировании таких объединений не меняет их юридической сущности, однако существенно влияет на способы установления устойчивости, сплоченности и иерархичности, что требует дополнительного доктринального осмысления.

К этой же группе следует отнести обстоятельства, отягчающие наказание, предусмотренные п. «т» и «ф» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Пункт «т» признает отягчающим обстоятельством совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), а п. «ф» – совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Применительно к организаторской деятельности данные нормы позволяют учитывать цифровой характер совершаемых действий при назначении наказания, однако их формулировки ориентированы на конкретные способы использования информационно-телекоммуникационных технологий и не охватывают всех возможных форм дистанционного организаторства.

Вторую группу образуют нормы Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за деяния, непосредственно связанные с органи-

зацией преступной деятельности, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В частности, положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию преступлений отдельных видов (ч. 1, 3 ст. 279, ч. 4 ст. 2051, ч. 4 ст. 2811 УК РФ); положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию преступной деятельности (ст. 1102, ст. 1733, ч. 1 ст. 2055, ч. 1 ст. 2822, ч. 2 ст. 3303, ст. 353 УК РФ); положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию преступных групп, организаций, сообществ (ч. 1 ст. 2054, ст. 208, ст. 209, ст. 210, ч. 1 ст. 2813, ч. 1 ст. 2821 УК РФ); положения Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за организацию действий, являющихся по своей природе непреступными до их организации, но признаваемых противоправными, аморальными или опасными (ст. 1712, ст. 1722, ч. 1, 2 ст. 239, ст. 212, ст. 232, ст. 241, ч. 3 ст. 2841, ст. 3221 УК РФ).

Следует отметить, что перечисленные составы Особенной части УК РФ устанавливают ответственность за сам факт их создания, руководства или участия в них независимо от совершения иных преступлений. При их применении ссылка на ч. 3 ст. 33 УК РФ не требуется, поскольку данные деяния признаются оконченными с момента выполнения организационных действий.

Третью группу составляют иные меры уголовно-правового характера, среди которых особое значение имеет конфискация имущества (ст. 1041 УК РФ). В условиях цифровизации преступной деятельности конфискации могут подлежать не только традиционные виды имущества, но и цифровые активы: криптовалюта, электронные денежные средства, доменные имена, а также технические средства, использованные для организации преступления. Вместе с тем правовое регулирование конфискации цифровых активов остается недостаточно разработанным, что снижает эффективность данной меры применительно к рассматриваемой категории деяний.

Помимо уголовно-правовых мер противодействия исследуемого вида преступности, на наш взгляд, особое внимание необходимо уделить общим и специальным профилактическим мерам.

Важнейшим документом стратегического планирования в рассматриваемой сфере является Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – Концепция), утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р. Концепция определяет принципы, цели, задачи и функции государственной системы противодействия, а в качестве основных задач называет: обеспечение защищенности российского общества от противоправных посягательств в информационном пространстве; развитие цифровой грамотности населения и правосознания граждан; повышение результативности расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Согласно Концепции, одной из важнейших частей государственной системы должна стать специализированная цифровая платформа, обеспечивающая оперативный обмен информацией между правоохранительными органами, Центральным банком, кредитными организациями и операторами связи. Создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, является одним из показателей достижения национальной цели развития «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Институциональный уровень противодействия представлен деятельностью специализированных подразделений по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий в структуре МВД России, а также взаимодействием правоохранительных органов с Банком России, кредитными организациями и операторами связи.

Профилактическое направление противодействия, в соответствии с Концепцией, предполагает развитие цифровой грамотности населения, формирование правосознания граждан и их ответственного отношения к использованию информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе культуры поведения в цифровом пространстве. Профилактика должна быть ориентирована не только на потенциальных жертв, но и на лиц, склонных к вовлечению в преступную деятельность через сеть Интернет.

Наряду с этим, важнейшим элементом системы противодействия рассматриваемому виду преступности выступает международное сотрудничество и гармонизация уголовного законодательства. Необходимость данного направления обусловлена трансграничным характером организаторской деятельности, осуществляемой с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Территориальная разобщенность организатора, исполнителей и потерпевших, находящихся в разных юрисдикциях, существенно усложняет применение национальных уголовно-правовых мер. В таких условиях эффективное

уголовное преследование возможно только при условии тесного взаимодействия компетентных органов различных государств.

Одним из ключевых направлений такого взаимодействия является обмен оперативной информацией о готовящихся и совершаемых преступлениях, а также о лицах, причастных к их организации. Оперативность и полнота информационного обмена позволяют своевременно выявлять преступные схемы, устанавливать всех соучастников, включая организаторов, и принимать меры по предотвращению преступных посягательств. Для этих целей используются каналы Интерпола, органов внутренних дел, а также двусторонние соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью.

Не менее значимым является взаимодействие, предполагающее согласованную деятельность правоохранительных органов нескольких государств по сбору доказательств, установлению обстоятельств преступления и привлечению виновных к ответственности. Применительно к использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений особое значение приобретает возможность получения электронных доказательств, находящихся за пределами национальной территории: данных о соединениях, переписке в мессенджерах, информации о транзакциях в криптовалюте, сведений о серверах и доменных именах. Отсутствие эффективных механизмов трансграничного доступа к таким доказательствам существенно затрудняет доказывание организаторской роли, особенно в условиях, когда преступники используют анонимные сети и средства шифрования.

Важную роль играет также экстрадиция лиц, обвиняемых в организации преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Однако практика показывает, что различия в национальных правовых системах, отсутствие единых определений киберпреступлений и разный подход к квалификации действий организаторов могут служить препятствием для выдачи. В этой связи особую актуальность приобретает гармонизация уголовного законодательства, направленная на выработку общих подходов.

Существенное значение имеет и правовая помощь по уголовным делам, включающая допросы свидетелей, производство обысков, наложение ареста на имущество и цифровые активы, а также передачу вещественных доказательств. Развитие институтов взаимного признания судебных решений позволило бы упростить процедуры наложения ареста на криптовалютные кошельки и иные цифровые активы, используемые организаторами преступлений. Однако на сегодняшний день международно-правовая база в данной сфере остается фрагментарной, что требует дальнейшей работы по заключению универсальных и региональных соглашений.

Таким образом, международное сотрудничество и гармонизация законодательства представляют собой необходимое условие эффективного противодействия использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений. Без решения вопросов трансграничного взаимодействия и сближения уголовно-правовых норм национальные меры, как бы они ни были совершенны, не смогут в полной мере обеспечить неотвратимость ответственности организаторов, действующих в глобальном цифровом пространстве. Поэтому совершенствование международно-правовых механизмов должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений уголовной политики в рассматриваемой сфере.

Важным элементом системы противодействия использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений является взаимодействие государства с субъектами частного сектора, прежде всего с разработчиками программного обеспечения, операторами связи, провайдерами хостинга и платежными системами. Такое партнерство объективно обусловлено тем, что значительная часть цифровой инфраструктуры находится в частной собственности, и без участия ее владельцев невозможно обеспечить эффективный мониторинг преступной активности. Взаимодействие может выражаться в обмене данными о новых угрозах и уязвимостях, совместной разработке инструментов для выявления аномальной сетевой активности, создании механизмов оперативного уведомления правоохранительных органов о фактах использования соответствующих сервисов для подготовки или совершения преступлений.

Кроме того, перспективным направлением является заключение соглашений, регламентирующих порядок предоставления технических данных, необходимых для установления организаторов и иных соучастников, при соблюдении требований законодательства о защите персональных данных. Эффективность такого сотрудничества напрямую зависит от нормативного закрепления обязанностей и стимулов для технологических компаний, а также от наличия доверительных каналов взаимодействия, исключающих злоупотребления и непропорциональное ограничение прав граждан.

Государство в лице правоохранительных органов должно активно применять современные технологические инструменты для мониторинга

и анализа информационного пространства, включая технологии искусственного интеллекта.

Изложенное подтверждает, что развитие информационно-телекоммуникационных технологий, выступая неотъемлемым условием цифровой трансформации общества, одновременно порождает новые виды преступности, в которых организационная функция приобретает особое значение. Использование информационно-телекоммуникационных технологий на этапе подготовки, планирования, координации и руководства преступной деятельностью существенно трансформирует традиционную модель соучастия, придавая ей дистанционный, трансграничный и высоколатентный характер. Организатор, действующий через зашифрованные каналы связи, анонимные сети и автоматизированные алгоритмы, получает возможность управлять преступной группой без личного контакта с исполнителями, что значительно затрудняет установление его роли и привлечение к ответственности. Указанные обстоятельства объективно требуют переосмысления сложившихся уголовно-правовых подходов и разработки адекватных мер реагирования, соответствующих современным технологическим реалиям.

Изучение действующего уголовного законодательства показывает, что система норм, направленных на противодействие использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений, меняется, реагируя на новые вызовы и угрозы. Положения Особенной части, предусматривающие ответственность за организационную деятельность, хотя и охватывают широкий круг деяний, не образуют единой системы, а их соотношение с общими нормами о соучастии остается коллизионным.

Учитывая трансграничный характер рассматриваемых преступлений, особое значение приобретает развитие международного сотрудничества. Взаимодействие компетентных органов различных государств должно охватывать обмен оперативной информацией, проведение совместных расследований, экстрадицию и оказание правовой помощи.

Важным компонентом системы противодействия должно стать публично-частное партнерство с технологическими компаниями. Взаимодействие государства с разработчиками программного обеспечения, операторами связи и платежными системами способно обеспечить обмен данными о новых угрозах, создание инструментов мониторинга сетевой активности и оперативное уведомление правоохранительных органов. Такое сотрудничество требует нормативного закрепления взаимных обязанностей и гарантий, исключающих непропорциональное ограничение прав граждан, но его потенциал в выявлении организаторов преступлений значителен.

Таким образом, противодействие использованию информационно-телекоммуникационных технологий при организации преступлений представляет собой комплексную задачу, решение которой возможно лишь при условии согласованного развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики, международного сотрудничества, публично-частного партнерства и профилактической деятельности. Только системный подход, объединяющий указанные направления, позволит нейтрализовать риски, порождаемые цифровой трансформацией преступности, и обеспечить надлежащую уголовно-правовую охрану общественных отношений. Обозначенные научные исследования в данной области могут быть дополнены в сфере реализации уголовно-процессуальных механизмов по разработке конкретных законодательных предложений, методик доказывания организаторской роли в цифровой среде и оценке эффективности применяемых мер, что будет способствовать формированию действенной системы противодействия высокотехнологичной преступности.

Список литературы:

[1] Полянская Е.П. Классификация способов использования информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений // Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 49–52.

[2] Сысенко А.В., Горденко А.С. Классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2. С. 229–236.

[3] Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: концептуальный подход // Противодействие преступности: уголовно-правовые криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы III Рос. Конгресса уголовного права (29–30 мая 2008 г.). М., 2008. С. 464–465.

[4] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. 144 с.

[5] Смирнов А.М. К вопросу о чрезмерном гуманизме российской уголовной политики // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 11 (46). С. 310–314.

[6] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 38–39.

[7] Гилинский Я.И. Уголовная политика и человек // Уголовная политика и правоприменени-

тельная практика: сб. статей по материалам VI Международной науч.-практ. конференции. СПб., 2019. С. 108.

[8] Мелихов А.А. Реализация уголовной политики в современной России // Наука сегодня: задачи и пути их решения: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. В 2 ч. Ч. 2. Краснодар, 2018. С. 125.

[9] Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского ун-та. Серия «Право». 2015. № 1. С. 44–55.

[10] Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 352 с.

[11] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: монография. М.: Юрлит-информ, 2020. 208 с.

[12] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен. М.: Юрлитинформ, 2023. 320 с.

[13] Дагель П.С. Основания установления уголовной наказуемости деяний // Ученые записки ДВГУ. 1961. Вып. 3. С. 185–197.

[14] Наумов А.В. О состоянии и перспективах отечественного уголовного законодательства («Камо грядеши?») // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конференции 21–22 января 2021 г. М.: Проспект, 2021. С. 9–13.

[15] Гилинский Я.И. Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. науч.-практ. конференции 29–30 января 2015 г. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 38–41.

[16] Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. § 1. С. 23.

[17] Майоров А.В. Противодействие преступности – приоритетное направление в уголовной политике государства // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 34. С. 128–132.

[18] Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего // Автореф. дисс.... док. юрид. наук. М. – 2015. С. 26.

References:

[1] Polyanskaya E.P. Classification of Methods for Utilizing Information and Telecommunication Technologies in the Commission of Crimes // Business Security. 2025. No. 2. pp. 49–52.

[2] Sysenko A.V., Gordenko A.S. Classification of Methods for Committing Crimes Using Information and Telecommunication Technologies // Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. No. 2. pp. 229–236.

[3] Pobegaylo E.F. Criminal Policy in Modern Russia: A Conceptual Approach // Combating Crime: Criminal Law, Criminological, and Penal Aspects: Proceedings of the III Russian Congress of Criminal Law (May 29–30, 2008). Moscow, 2008. pp. 464–465.

[4] Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegaylo E.F. Russian Criminal Policy: Overcoming the Crisis. Moscow, 2006. 144 p.

[5] Smirnov A.M. On the Issue of Excessive Humanism in Russian Criminal Policy // Education and Science in Russia and Abroad. 2018. No. 11 (46). pp. 310–314.

[6] Babayev M.M., Pudovochkin Yu.E. Russian Criminal Policy of the 21st Century: A Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2020. pp. 38–39.

[7] Gilinsky Ya.I. Criminal Policy and the Individual // Criminal Policy and Law Enforcement Practice: Collection of Articles Based on the Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2019, p. 108.

[8] Melikhov A.A. Implementation of Criminal Policy in Modern Russia // Science Today: Challenges and Solutions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Part 2. Krasnodar, 2018, p. 125.

[9] Lopashenko N.A. Criminal Policy Based on the Principle of "At Your Service?", or Criminal Law as a Means to Solve All Problems // Bulletin of Moscow University. Series "Law". 2015, No. 1, pp. 44–55.

[10] Lopashenko N.A. Reflections on Criminal Law. Criminal Policy. An Author's Course: A Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2025, 352 p.

[11] Babayev M.M., Pudovochkin Yu.E. Russian Criminal Policy in the 21st Century: A Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2020, 208 p.

[12] Babayev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminal Policy and Crime: Transformation in an Era of Social Change. Moscow: Yurlitinform, 2023, 320 p.

[13] Dagel P.S. Grounds for Establishing Criminal Liability for Acts // Scholarly Notes of the Far Eastern State University (DVGU). 1961, Issue 3, pp. 185–197.

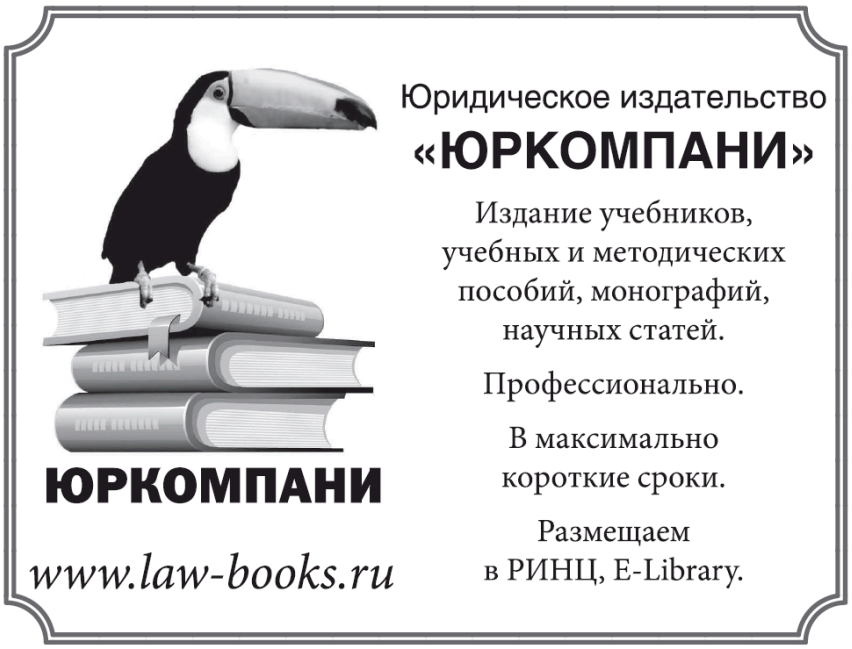
[14] Naumov A.V. On the State and Prospects of Domestic Criminal Legislation ("Quo Vadis?") // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the 18th International Scientific and Practical Conference. ...conference held on January 21–22, 2021. Moscow: Prospekt, 2021. pp. 9–13.

[15] Gilinsky Ya.I. Criminal Legislation in Modern Russia: Critical Notes // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, January 29–30, 2015. Moscow: RG-Press, 2015. pp. 38–41.

[16] Hegel G. Philosophy of Right. Moscow: Mysl, 1990. § 1. p. 23.

[17] Mayorov A.V. Combating Crime as a Priority Area of State Criminal Policy // Issues of Modern Jurisprudence. 2014. No. 34. pp. 128–132.

[18] Martynenko N.E. Criminal Law Protection of the Victim // Abstract of a Doctoral Dissertation in Law. Moscow, 2015. p. 26.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-862-867
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КУХТЯЕВА Е.А.,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), e-mail: mail@law-books.ru

АБДУЛКЕРИМОВА М.Ш.,
магистрант Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ НАКАЗАНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ

Аннотация. *В настоящей статье проводится всесторонний анализ принципа соразмерности наказания как фундаментального требования, предъявляемого к уголовному правоприменению. Рассматриваются теоретические основы принципа, его значение для обеспечения справедливости, правовой определенности и защиты прав человека. Особое внимание уделяется анализу конституционных гарантий соразмерности, выраженных в международных и национальных правовых актах, а также позициям ведущих ученых в данной области. Исследуются основные критерии и подходы к оценке соразмерности наказания, рассматриваются проблемы его реализации в судебной практике и предлагаются пути совершенствования правоприменительного механизма назначения наказания с учетом принципа соразмерности наказания.*

Ключевые слова: *принцип соразмерности, уголовное наказание, конституционные требования, справедливость, правовая определенность, права человека, судебная практика, международные стандарты, законодательство.*

Для цитирования: *Кухтяева Е. А., Абдулкеримова М. Ш. Принцип соразмерности наказания: конституционные требования и их реализация в уголовном наказании // Образование и право. 2026. № 10. С. 862–867.*

KUKHTYAEVA E.A.,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

ABDULKERIMOVA M.Sh.,
Master's Student, North Caucasus Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY OF PUNISHMENT: CONSTITUTIONAL REQUIREMENTS AND THEIR IMPLEMENTATION IN CRIMINAL PUNISHMENT

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the principle of proportionality of punishment as a fundamental requirement for criminal law enforcement. The theoretical foundations of the principle, its significance for ensuring justice, legal certainty and the protection of human rights are considered. Particular attention is paid to the analysis of constitutional guarantees of proportionality expressed in international and national legal acts, as well as the positions of leading scientists in this field. The main criteria and approaches to assessing the proportionality of punishment*

are examined, the problems of its implementation in judicial practice are considered, and ways to improve the law enforcement mechanism for sentencing are proposed, taking into account the principle of proportionality of punishment.

Key words: *the principle of proportionality, criminal punishment, constitutional requirements, justice, legal certainty, human rights, judicial practice, international standards, legislation.*

For citation: *Kukhtyaeva E. A., Abdulkerimova M. Sh. The principle of proportionality of punishment: constitutional requirements and their implementation in criminal punishment. Education and law. 2026;(10):862–867. (In Russ.).*

Центральное место в системе уголовно-правового регулирования занимает принцип соразмерности наказания. По своему содержанию данный принцип предполагает, что тяжесть назначенного наказания должна соответствовать общественной опасности преступления, личности виновного и иным заслуживающим внимания обстоятельствам. Исследуемый принцип имеет глубокие корни в правовых традициях различных государств, получает отражение на конституционном уровне, отражая по своей сути фундаментальные представления о справедливости и гуманизме. В свою очередь предусмотренные в Конституции Российской Федерации требования к соразмерности наказания призваны предотвратить произвольное и чрезмерное применение карательных мер, гарантировать предсказуемость правоприменения и защитить граждан от необоснованного ограничения их прав и свобод [1].

В условиях постоянного развития уголовного законодательства и правоприменительной практики, а также под влиянием международных стандартов осмысление и совершенствование механизма реализации принципа соразмерности наказания приобретает особую актуальность. А между тем соблюдение принципа соразмерности в уголовном праве России является важным фактором для достижения справедливости и защиты прав и интересов всех сторон — осужденных, потерпевших и общества в целом [9].

Принцип соразмерности наказания известен в правовой доктрине под различными названиями: в частности, в качестве его синонима употребляются термины «принцип пропорциональности», «принцип адекватности». Общим критерием для данных понятий является идея о необходимости достижения баланса между целями уголовного наказания и ограничениями, которые оно налагает на осужденного.

Содержательный аспект принципа соразмерности наказания подлежит анализу в системе таких правовых ценностей, как справедливость и гуманизм. Соразмерность наказания содеянному выступает обязательным атрибутом институциональной справедливости. Чрезмерно строгая реализация уголовной ответственности и наказания, не соответствующая характеру и степени содеянного, девальвирует (ослабляет) легитимность институтов правосудия, подрывая доверие населения к судебной власти. По этому поводу А. В. Наумов писал, что «принцип соразмерности наказания выражается в соответствии наказания характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновного, а также обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание» [11]. Он рассматривает его как проявление справедливости и один из основополагающих принципов уголовного права [11].

В правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) указывается на связь принципа соразмерности с целями наказания, отмечая, что «меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинён в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению» [12]. Действительно, тяжесть наказания должна быть адекватна не только общественной опасности преступного деяния, но и целям, которые ставятся перед уголовным наказанием: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Значение принципа соразмерности наказания содеянному трудно переоценить, соразмерность предполагает, что правонарушитель может предвидеть последствия своих действий, понимая, какое наказание может быть назначено за определенное преступление. Это способствует предотвращению преступности и формированию правосознания и правовой культуры граждан. В исследованиях молодых учёных подчёркивается, что соразмерное наказание, отвечающее целям исправления и предупреждения, более эффективно способствует достижению задач уголовной политики, чем чрезмерное или, наоборот, недостаточное [5].

Принцип соразмерности детерминирует гуманистические начала уголовного права и подразумевает недопустимость применения карательн-

ных мер, превышающих степень общественной опасности деяния или носящих характер жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.

В доктрине уголовного права акцентируется внимание на конституционном значении исследуемого принципа. В частности, отдельные авторы рассматривают принцип соразмерности наказания как: «гарантию от произвола и основу для ограничения государственной власти в сфере уголовного преследования» [14].

Конституционализация принципа соразмерности направлена на минимизацию рисков субъективного и избыточного государственного принуждения, обеспечение прогнозируемости правоприменительных актов, а также гарантирование недискриминационного характера ограничения прав и свобод граждан. По этому поводу О.С. Гузеева считает, что «конституционные требования к соразмерности наказания проявляются, прежде всего, в необходимости соблюдения баланса между интересами общества и правами личности. Наказание не должно нарушать фундаментальные права и свободы человека, за исключением случаев, строго предусмотренных законом» [6]. Т.Р. Сабитов пишет: «Принцип соразмерности является одним из основных конституционных принципов, лежащих в основе уголовного права и процесса. Его реализация гарантирует, что наказание не будет являться самоцелью, а будет лишь инструментом достижения правомерных целей уголовной политики» [13]. Хотя в самом тексте Конституции РФ [1] принцип соразмерности прямо не вынесен в качестве самостоятельной статьи, однако он отражен в правовых позициях КС РФ. Согласно сложившейся правовой доктрине КС РФ, «принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и её дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причинённого ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при применении взыскания» [12].

Формально-юридическим обоснованием данной позиции выступает ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [1], ограничивающая допустимость сужения прав и свобод граждан критериями необходимости защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Конституционные основы принципа соразмерности наказания находят своё отражение как в национальном законодательстве, так и в международных правовых актах, ратифицированных большинством государств. Так, Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) в статье 5 запрещает подвергать кого-либо пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию [2]. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) в статье 7 закрепляет аналогичный запрет. Кроме того, статья 15 гласит, что «никто не может быть наказан за преступление, за которое он не был осуждён по закону, действовавшему в момент совершения преступления, или за преступление, за которое не было предусмотрено наказания по закону, действовавшему в момент совершения преступления. Не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения преступления» [3]. Это напрямую связано с принципом соразмерности, запрещая применение наказания, которое не соответствовало законодательству на момент совершения деяния. Изложенное позволяет заключить, что принцип соразмерности прямо не сформулирован и в международном законодательстве, но он имплицитно (косвенно) содержится в запрете чрезмерности.

В уголовном законодательстве принцип соразмерности отчасти находит нормативное закрепление в ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [4] через принцип справедливости, ибо что справедливо, то, как правило, и соразмерно. Как следует из ст. 6 УК РФ справедливость соотнесена с критериями следующего порядка: характер и степени общественной опасности, обстоятельства совершения деяния и данных о личность виновного.

Реализация принципа соразмерности наказания в уголовном правоприменении сталкивается с рядом проблем, которые требуют постоянного внимания и поиска оптимальных решений.

В практике назначения наказаний оценка соразмерности наказания вызывает значительные сложности, так как принятие окончательного решения о соразмерном наказании требует учета целого ряда факторов. Анализ материалов уголовных дел позволяет выделить примерный их перечень: характер общественной опасности преступления, тяжесть причиненного вреда, степень общественной опасности содеянного; личность виновного, его мотивы, цели, предшествующая преступная деятельность, поведение до и после совершения преступления, наличие или отсутствие рецидива, семейное положение, возраст, состояние здоровья и другие индивидуальные особенности; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, предусмотренные в уголовном законодательством, непосредственно влияющие на степень вины и, соответственно, на соразмерность наказания; подлежит учету также потенци-

альная возможность достижения целей: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Статья 60 УК РФ [4] содержит примерный перечень критериев, которые надлежит оценивать при назначении наказания, однако руководствуясь свободой судейского усмотрения в практике при назначении наказания могут быть учтены множество маркеров, влияющих на его назначение как в сторону ужесточения, так и смягчения.

Категория «судейское усмотрение» вызывает едва ли не самые жаркие дискуссии в научной среде. Так, Т.Р. Сабитов подчеркивает, что «соразмерность наказания – это не просто механическое соответствие, а результат взвешенного судейского усмотрения, основанного на всестороннем анализе обстоятельств дела и личности виновного» [13]. Важно, чтобы суд не только формально учитывал все факторы, но и мог обосновать свой выбор. С позиций А.И. Коробеева: «широкое судейское усмотрение при назначении наказания, хотя и необходимо для индивидуализации, может приводить к чрезмерному разбросу в санкциях за аналогичные преступления, что подрывает принцип правовой определённости» [7]. Отсутствие исчерпывающих формализованных критериев оценки качественных параметров опасности деяния, с точки зрения А.В. Шеслер существенно повышает вероятность субъективизации правоприменительного решения. Более того, свобода судейского усмотрения иногда в «громких» уголовных делах может оказаться под давлением общественного мнения [15]. В известной степени общественное мнение, подогреваемое СМИ, может оказывать нежелательное давление на суд, побуждая его к назначению более строгого наказания.

Отдельной проблемой в практике судов является недостаточная эффективность применения смягчающих обстоятельств. Достаточно часто суды не в полной мере учитывают наличие смягчающих обстоятельств, что приводит к назначению более сурового несоразмерного наказания, чем это было необходимо.

Сложность реализации принципа соразмерности связывается также установлением в законодательстве слишком широких пределов санкций, что дает судьям слишком большую свободу выбора, или, напротив, фиксирует слишком высокие минимальные пределы, ограничивая возможности для назначения более мягкого наказания. Наличие в уголовном законе относительно-определенных санкций с широким интервалом минимального и максимального пределов, либо безальтернативных санкций повышенной строгости, ограничивает возможности судов по индивидуализации ответственности. Поэтому С.Н. Кузнецовой обращается внимание на возможность использования международных стандартов при оценке соразмерности, отмечая, что «практика Европейского суда по правам человека может служить ориентиром для национальных судов в вопросах определения пределов допустимого наказания» [8]. Нам представляется, что необходимо поддержать мнение В.Б. Малинина по этой проблеме, который предлагает «разработать более детальные формализованные критерии для оценки общественной опасности и личности виновного, что позволит свести к минимуму субъективизм в процессе назначения наказания» [10].

Принцип соразмерности наказания является неотъемлемым элементом правового государства, гарантирующим справедливость, гуманизм и правовую определенность в сфере уголовного правоприменения. Конституционные требования к соразмерности, подкрепленные международными стандартами, служат барьером против произвольного и чрезмерного применения карательных мер.

Повышение эффективности реализации принципа соразмерности предполагает дальнейшую унификацию и сужение интервалов санкций уголовно-правовых норм, внедрение формализованных ориентиров назначения наказания, снижение доли безальтернативных жестких санкций.

Для эффективной реализации принципа соразмерности необходима системная работа, направленная на совершенствование как законодательной базы, так и правоприменительной практики. Этой деятельностью охватывается нормативное регулирование, повышение профессионального уровня судей, усиление контроля за соблюдением принципов назначения наказания (включая принцип соразмерности), а также активное применение международных стандартов в практике. Только таким образом можно обеспечить, чтобы уголовное наказание служило своей основной цели – восстановлению социальной справедливости, а не превращалось в инструмент произвола и ограничения прав и свобод граждан.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.10.2026).

[2] Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.10.2026).

[3] Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. // Официальный сайт ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 04.10.2026).

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.10.2026).

[5] Бажанов, А. А. Соразмерность как условие справедливости санкции / А. А. Бажанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2017. — Т. 21, № 4. — С. 486–507.

[6] Гузеева, О. С. Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания / О. С. Гузеева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 73–81.

[7] Коробеев, А. И. Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере правотворчества: эмпирико-аналитическое исследование / А. И. Коробеев // Государство и право. — 2024. — № 8. — С. 43–58.

[8] Кузнецова, С. Н. Свобода усмотрения в практике Европейского Суда по правам человека: границы допустимого и пределы уступчивости / С. Н. Кузнецова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2016. — № 6. — С. 130–136.

[9] Кузнецова, А. О. Соразмерность совершенного преступления и назначаемого наказания в уголовном праве российского законодательства / А. О. Кузнецова // Вестник науки. — 2023. — Т. 1, № 6 (63). — С. 512–524.

[10] Малинин, В. Б. Балльная система назначения наказания — альтернатива судейскому усмотрению / В. Б. Малинин // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2013. — № 2 (2). — С. 61–66.

[11] Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. — 7-е изд. — Москва : Проспект, 2024. — 816 с.

[12] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2008. — № 4. — URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision19724.pdf (дата обращения: 04.10.2026).

[13] Сабитов, Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сабитов Тимур Рашидович. — Москва, 2022. — 54 с.

[14] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — Москва : ИНФРА-М : КОНТРАКТ, 2022. — С. 18–19.

[15] Шеслер, А. В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом значении общественной опасности личности преступника / А. В. Шеслер, С. С. Шеслер, М. А. Слободенюк // Вестник Сургутского государственного университета. — 2026. — Т. 14, № 1. — С. 125–132.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993; with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020 // ConsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: October 4, 2026).

[2] Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948 // Official UN website. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed: October 4, 2026).

[3] International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by UN General Assembly Resolution 2200 A (XXI) on December 16, 1966 // Official UN website. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed: October 4, 2026).

[4] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026) // ConsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: October 4, 2026).

[5] Bazhanov, A. A. Proportionality as a Condition for the Fairness of a Sanction / A. A. Bazhanov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. — 2017. — Vol. 21, No. 4. — pp. 486–507.

[6] Guzeeva, O. S. Constitutional Principles of Commensurability and Proportionality of Criminal Punishment / O. S. Guzeeva // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — No. 3. — pp. 73–81.

[7] Korobeev, A. I. Trends in the Criminal Law Policy of Modern Russia in the Sphere of Law-Making: An Empirical-Analytical Study / A. I. Korobeev // State and Law. — 2024. — No. 8. — pp. 43–58.

[8] Kuznetsova, S. N. Margin of Appreciation in the Practice of the European Court of Human Rights: Boundaries of Admissibility and Limits of Deference / S. N. Kuznetsova // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. — 2016. — No. 6. — pp. 130–136.

[9] Kuznetsova, A. O. Commensurability Between a Committed Crime and the Imposed Punishment in Russian Criminal Law / A. O. Kuznetsova // Bulletin of Science. — 2023. — Vol. 1, No. 6 (63). — pp. 512–524.

[10] Malinin, V. B. A Point-Based System for Sentencing: An Alternative to Judicial Discretion / V. B. Malinin // Library of Criminal Law and Criminology. — 2013. — No. 2 (2). — pp. 61–66.

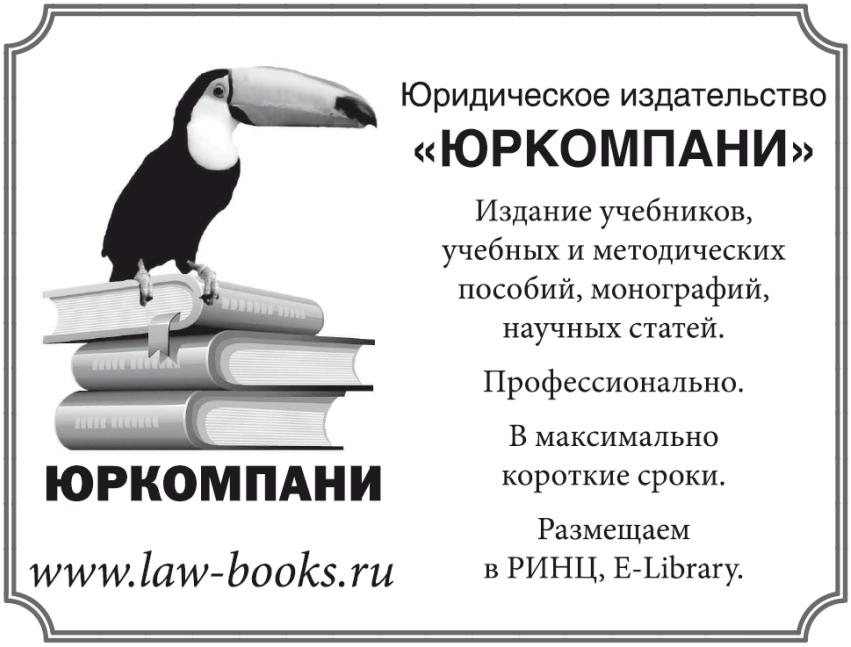
[11] Naumov, A. V. Russian Criminal Law. General Part: A Course of Lectures / A. V. Naumov. — 7th ed. — Moscow: Prospekt, 2024. — 816 p.

[12] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 27, 2008, No. 8-P “On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provision of Part 1 of Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with a Complaint by Citizen M. A. Aslamazyan” // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. — 2008. — No. 4. — URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision19724.pdf (accessed: 04.10.2026).

[13] Sabitov, T. R. Criminal Law Principles: Concept, System, and Types: Abstract of a Doctoral Dissertation in Law (Specialty 12.00.08) / Timur Rashidovich Sabitov. — Moscow, 2022. — 54 p.

[14] Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook / Ed. by L. V. Inogamova-Khegay, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev. — Moscow: INFRA-M: KONTRAKT, 2022. — pp. 18–19.

[15] Shesler, A. V. On the Issue of the Criminal Law and Criminological Significance of the Public Danger Posed by an Offender’s Personality / A. V. Shesler, S. S. Shesler, M. A. Slobodenyuk // Bulletin of Surgut State University. - 2026. - T. 14, No. 1. - P. 125–132.



Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-868-873
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

БАРАНОВ Даниил Александрович,
старший преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: Dann89818061715@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию уголовно-правовой охраны права на образование в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации образовательных отношений. Анализируются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Уголовный кодекс Российской Федерации, законодательство об информации, персональных данных и электронной подписи. Рассматриваются коррупционные посягательства, преступления против личности, мошенничество и подделка документов, а также компьютерные преступления, способные нарушать условия реализации права на образование. Особое внимание уделено неправомерному доступу к образовательным информационным системам и незаконному обращению с персональными данными обучающихся. Обосновывается необходимость согласования уголовно-правовых средств с цифровой организацией образовательного процесса, совершенствования фиксации цифровых следов, профилактики преступлений и восстановления нарушенных образовательных прав.*

Ключевые слова: *право на образование, уголовно-правовая охрана, преступления в сфере образования, цифровизация образования, коррупция, компьютерные преступления, персональные данные, мошенничество, электронные документы, информационная безопасность.*

Для цитирования: *Баранов Д. А. Уголовно-правовая охрана права на образование в условиях цифровой трансформации // Образование и право. 2026. № 10. С. 868–873.*

BARANOV Daniil Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Department of Public Law,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

CRIMINAL-LAW PROTECTION OF THE RIGHT TO EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. *The article examines the criminal-law protection of the right to education in the Russian Federation under conditions of digital transformation of educational relations. The Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation", the Criminal Code of the Russian Federation, and legislation on information, personal data and electronic signatures are analyzed. The article considers corruption offences, crimes against the person, fraud and document forgery, as well as computer-related offences that may interfere with the exercise of the right to education. Particular attention is paid to unlawful access to educational information systems and unlawful handling of students' personal data. The author substantiates the need to coordinate criminal-law instruments with the digital organization of education, improve the recording of digital traces, strengthen prevention and provide mechanisms for restoring violated educational rights.*

Key words: *right to education, criminal-law protection, crimes in education, digitalization of education, corruption, cybercrime, personal data, fraud, electronic documents, information security.*

For citation: *Baranov D. A. Criminal-law protection of the right to education in the context of digital transformation. Education and law. 2026;(10):868–873. (In Russ.).*

Конституционное право на образование относится к числу основных социальных прав человека и гражданина. В соответствии с частью 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование, а государством гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования в государственных или муниципальных образовательных организациях [1]. Реализация этого права предполагает не только организацию образовательного процесса, но и обеспечение безопасности обучающихся, педагогических работников и иных участников образовательных отношений. Уголовно-правовая охрана в данном случае выступает одним из механизмов публичной гарантии образования.

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит самостоятельной главы о преступлениях против общественных отношений в сфере образования. Соответствующие посягательства квалифицируются по различным нормам Особенной части УК РФ в зависимости от объекта, способа совершения, субъекта и последствий. Такой подход позволяет охватывать коррупцию, преступления против личности, собственности, порядка обращения документов и компьютерную преступность, но одновременно затрудняет системное восприятие образования как самостоятельной сферы публичной безопасности [3]. Исследователи отмечают высокую латентность преступности в образовательной среде и разобщенность применяемых составов [8; 9].

Цифровая трансформация дополнительно меняет условия уголовно-правовой охраны. Поступление, идентификация, электронное обучение, аттестация, хранение сведений об успеваемости и выдача документов все чаще связаны с информационными системами. Федеральный закон № 273-ФЗ закрепляет электронное обучение и дистанционные образовательные технологии [2], а законодательство об информации и персональных данных определяет режим обращения соответствующих сведений [4; 5]. Поэтому вмешательство в цифровую инфраструктуру способно непосредственно повлиять на возможность осуществления субъективного образовательного права.

Цель настоящего исследования состоит в определении основных направлений уголовно-правовой охраны права на образование в условиях цифровой трансформации, выявлении наиболее характерных групп преступных посягательств и разработке предложений по профилактике и правовой оценке соответствующих деяний. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы.

Право на образование имеет сложную структуру и включает возможность поступления, обучения, прохождения предусмотренных законом процедур, получения документа об образовании и защиты нарушенных прав. Федеральный закон № 273-ФЗ связывает предмет своего регулирования с реализацией права на образование и обеспечением государственных гарантий [2]. Следовательно, преступное посягательство может нарушать как непосредственно образовательную процедуру, так и условия ее безопасного и равноправного осуществления.

Уголовно-правовая охрана не подменяет административные, гражданско-правовые и дисциплинарные способы защиты. Уголовная ответственность возможна только при наличии состава преступления. Это особенно важно для образовательных конфликтов, поскольку нарушение локального акта, ошибка работника или спор о порядке организации обучения сами по себе не превращаются в преступление. Уголовное право применяется к наиболее общественно опасным формам поведения, а образовательное законодательство определяет специальные обязанности организаций и права обучающихся.

Системно можно выделить коррупционные преступления, преступления против личности, преступления против собственности, преступления, связанные с документами, а также компьютерные преступления и незаконный оборот персональных данных. Непосредственные объекты этих составов различаются, однако последствия способны выражаться в нарушении одного публично значимого интереса — возможности безопасно и достоверно реализовать право на образование.

Коррупционные посягательства способны непосредственно нарушать равенство обучающихся. Получение или дача взятки могут быть связаны с изменением оценки, предоставлением преимущества при аттестации, содействием при поступлении, переводе или иных действиях с использованием служебного положения. Ю.П. Стребков, исследовавший коррупционные преступления в сфере образования, обращает внимание на необходимость учитывать особенности образовательных отношений при квалификации таких деяний [7].

Общественная опасность коррупции в образовании не ограничивается имущественным аспектом. Неправомерное вознаграждение способно поставить юридически значимый результат в зависимость от платежеспособности участника, исказить результаты обучения и нарушить принцип равного доступа. Цифровые технологии могут

повысить прозрачность процедур за счет журналирования действий, но одновременно создают новые способы сокрытия контактов, передачи денег и изменения электронных результатов.

При этом цифровой способ совершения коррупционного преступления не образует самостоятельного состава. Электронное сообщение, цифровой перевод или изменение записи в информационной системе имеют значение как способ, средство или обстоятельство преступления. Квалификация должна основываться на фактическом поведении и признаках соответствующей нормы УК РФ [3].

В цифровой образовательной среде особое значение имеют статьи 272–274.1 УК РФ. Они охватывают неправомерный доступ к компьютерной информации, незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные, создание и распространение вредоносных программ и другие посягательства на информационную инфраструктуру [3]. Для вузов это имеет практическое значение, поскольку информационные системы содержат сведения об обучающихся, преподавателях, результатах обучения, документах и иных юридически значимых обстоятельствах.

Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ в УК РФ введена статья 272.1, предусматривающая ответственность за незаконные использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а также за создание информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения или распространения [3]. Для образовательной организации это означает необходимость рассматривать персональные данные не только как объект административного режима, но и как информацию, уголовно-правовая охрана которой усиливается при наличии признаков соответствующего преступления [5].

Не каждое нарушение законодательства о персональных данных является преступлением. Для применения статьи 272.1 УК РФ необходимо установить признаки состава, включая предмет посягательства, способ обращения с информацией, субъект и субъективную сторону. Такое разграничение сохраняет принцип законности и препятствует превращению уголовного закона в универсальный способ реагирования на любые недостатки организации обработки данных.

Неправомерный доступ к электронному журналу, системе приема документов или личному кабинету может повлечь последствия для права на образование. Если в результате вмешательства изменены оценки, уничтожены сведения или заблокирована процедура, возникает вопрос о совокупности преступлений и о характере причиненного вреда. Решение должно приниматься по общим правилам квалификации, исходя из конкретных действий и последствий, а не только из того, что использовалась информационная технология.

Прокуратура Российской Федерации относит к распространенным формам киберпреступности неправомерный доступ, вредоносное вмешательство в информационные системы и мошенничество [10]. Для образовательных организаций это означает необходимость сочетать техническую защиту с юридической фиксацией инцидентов: разграничением доступа, резервным копированием, журналированием действий и сохранением цифровых следов.

Цифровизация поступления и обучения не устраняет мошенничество, а изменяет его способы. В информационной среде могут распространяться предложения о продаже ответов, «гарантированном» поступлении или подделке результатов. Прокуратура указывала на схемы, при которых сайты и группы в социальных сетях предлагают подобные услуги, после чего злоумышленники получают денежные средства или персональные данные граждан [11].

Мошенничество в образовательной сфере может затрагивать право на образование непосредственно, когда потерпевший передает имущество под влиянием обмана, рассчитывая поступить в вуз, получить документ или приобрести иной юридически значимый результат. При квалификации необходимо устанавливать содержание умысла, способ обмана и фактическое завладение имуществом. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 51 ориентирует суды на установление конкретных обстоятельств мошенничества и разграничение его с иными преступлениями [12].

Самостоятельное значение имеет подделка документов. Диплом, свидетельство или иной документ, предоставляющий права либо освобождающий от обязанностей, может быть изготовлен или использован с целью создания ложного представления о наличии образования. В зависимости от обстоятельств применяется статья 327 УК РФ, а при наличии дополнительных признаков возможна совокупность с иными преступлениями [3,12]. Электронная форма документа не отменяет требований к установлению его происхождения и достоверности.

Федеральный закон № 63-ФЗ устанавливает правовой режим электронной подписи [6]. При расследовании преступления, связанного с электронным документом, значение приобретают сведения о пользователе, времени создания, способе подписания, целостности записи и последу-

ющих изменениях. Следовательно, информационная система должна обеспечивать возможность последующей проверки юридически значимых действий.

Уголовно-правовая охрана права на образование невозможна без защиты жизни, здоровья, свободы и достоинства участников образовательных отношений. Е.Г. Быкова и Е.З. Сидорова исследуют случаи неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью или смерти при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей работниками образовательной сферы и обращают внимание на применение частей 2 статей 109 и 118 УК РФ [9].

Связь таких преступлений с правом на образование проявляется через нарушение безопасных условий обучения. Однако образовательная характеристика потерпевшего не должна автоматически вести к расширительному толкованию уголовного закона. Квалификация определяется соответствующим составом, а обязанность образовательной организации по созданию безопасной среды устанавливается Федеральным законом № 273-ФЗ [2; 3].

В цифровой среде добавляются угрозы, связанные с незаконным распространением персональных данных и иными противоправными действиями в сети. Их уголовно-правовая оценка зависит от конкретного содержания информации, способа воздействия, возраста потерпевшего и иных обстоятельств. Поэтому профилактика должна включать доступные процедуры фиксации инцидента и обращения в компетентные органы.

Главная проблема квалификации состоит в пересечении образовательного, информационного и уголовного законодательства. Нарушение Федерального закона № 273-ФЗ или локального акта само по себе не образует преступления. Необходимо установить все элементы состава, предусмотренные УК РФ [3]. Вместе с тем нарушение образовательных процедур может быть важным контекстом, позволяющим установить мотив, цель, способ и последствия преступления.

Цифровые следы приобретают доказательственное значение. Электронные журналы событий, данные о входе в личный кабинет, сведения о передаче файла, электронная переписка, данные об электронной подписи и резервные копии способны подтверждать последовательность действий. Их доказательственная ценность зависит от возможности установить происхождение и целостность информации. Поэтому образовательной организации необходимы процедуры хранения журналов событий и предоставления информации уполномоченным органам при соблюдении законодательства о персональных данных [4; 6].

Отдельный вопрос - распределение ответственности между образовательной организацией и внешним оператором информационной системы. Передача технических функций подрядчику не означает автоматического освобождения образовательной организации от обязанностей перед обучающимся. Ответственность конкретного лица устанавливается с учетом фактической роли, полномочий и признаков соответствующего состава преступления.

Создание самостоятельной главы УК РФ о преступлениях в сфере образования не является единственным способом развития охраны. Более системным представляется согласование уголовного, образовательного и информационного законодательства. Важно сформировать единый понятийный аппарат для информационных систем образования, электронных документов и юридически значимых цифровых действий, чтобы правоприменитель мог точно соотносить цифровое событие с действующими уголовно-правовыми нормами.

Приоритетным направлением является повышение защищенности персональных данных. После введения статьи 272.1 УК РФ появился специальный уголовно-правовой инструмент реагирования на незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные [3]. Его практическая эффективность зависит от способности вузов своевременно фиксировать инциденты, сохранять цифровые следы и разграничивать доступ к данным.

Вторым направлением выступает профилактика коррупции. Цифровые процедуры должны обеспечивать разделение полномочий, автоматическую фиксацию значимых операций и возможность последующего контроля. При этом автоматизация не заменяет антикоррупционные меры, а лишь создает дополнительные средства прозрачности [7].

Третьим направлением является обеспечение достоверности электронных результатов. В информационных системах следует фиксировать источник записи, время операции и факт последующего изменения. Обучающийся должен иметь возможность получить сведения, необходимые для защиты права, а уполномоченный орган — проверить последовательность цифровых действий. Это одновременно повышает устойчивость образовательного процесса и облегчает расследование преступлений.

Четвертым направлением является профилактика киберпреступности: обучение работников и обучающихся безопасному использованию цифровых сервисов, аудит прав доступа, резервное копирование, регулярная проверка защиты ин-

формационных систем и наличие алгоритма реагирования на инциденты. Прокурорские разъяснения показывают, что элементарные меры информационной безопасности имеют значение для предупреждения мошенничества и иных преступлений [10; 11].

Уголовно-правовая охрана права на образование представляет собой совокупность уголовно-правовых запретов, применяемых к общественным отношениям в образовательной сфере. Ее содержание раскрывается через коррупционные преступления, преступления против личности и собственности, посягательства на достоверность документов и компьютерные преступления. Общим признаком является способность соответствующего деяния нарушить условия безопасной, равной и достоверной реализации права на образование [3; 7].

Цифровая трансформация усиливает значение компьютерных преступлений и незаконного оборота персональных данных. Статья 272.1 УК РФ расширяет возможности уголовно-правовой охраны в отношении компьютерной информации, содержащей персональные данные [3]. Одновременно сохраняют значение традиционные нормы о взяточничестве, мошенничестве, подделке документов и преступлениях против жизни и здоровья. Цифровая форма должна учитываться как способ или средство преступления, но не подменять установление состава.

Перспективная модель должна соединять предупреждение преступлений, фиксацию цифровых следов и восстановление нарушенных образовательных прав. Уголовно-правовые меры применяются только при наличии состава преступления, тогда как образовательные и информационные способы защиты должны действовать независимо от решения вопроса об уголовной ответственности. Такое сочетание обеспечивает баланс публичной безопасности и защиты субъективного права на образование.

Таким образом, дальнейшее развитие правового механизма реализации права на образование требует согласования уголовно-правовых запретов с цифровой организацией образовательного процесса. Информационная система должна быть не только объектом защиты, но и средством профилактики, фиксации юридически значимых действий и восстановления нарушенных прав. При этом уголовно-правовая охрана должна сохранять принцип законности и точного разграничения различных видов юридической ответственности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

[5] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

[6] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

[7] Стребков Ю. П. Информационные коррупционные преступления в сфере образования // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2010. – Вып. 2. – Т. 5. – С. 180–190.

[8] Стребков Ю. П. Коррупционные преступления в сфере образования : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2012. – 22 с.

[9] Сидорова Е. З. Об особенностях политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде // Академическая мысль. – 2024. – № 3 (28). – С. 55-58.

[10] Быкова Е. Г., Сидорова Е. З. Некоторые проблемы правовой оценки и предупреждения неосторожных преступлений в сфере образования, совершенных при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей // Российский следователь. – 2023. – № 10. – С. 46–50.

[11] Прокуратура Республики Ингушетия. Прокурор разъясняет: «Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий» [Электронный ресурс] // Официальный сайт прокуратуры Республики Ингушетия. – 2023. – 28 апр. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_06/activity/legal-education/explain/e113073/. (дата обращения: 15.09.2026).

[12] Прокуратура города Москвы. Осторожно, мошенники создают сайты и группы в соцсетях, где предлагают продажу ответов на ЕГЭ и ОГЭ и «гарантированную» помощь на экзамене [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – 20 мая.

– URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_77/mass-media/news/main/e5810400/?ysclid=mvfb74mee9167267984. (дата обращения: 15.09.2026).

[13] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 2.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – Dec. 25.

[2] Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (Part I). – Art. 7598.

[3] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[4] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

[5] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3451.

[6] Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011, "On Electronic Signatures" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 15. – Art. 2036.

[7] Strebkov, Yu. P. Corruption-Related Information Crimes in the Sphere of Education // Yearbook of Russian Educational Legislation. – 2010. – Issue 2. – Vol. 5. – pp. 180–190.

[8] Strebkov Yu. P. Corruption-Related Crimes in the Sphere of Education: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow, 2012. – 22 p.

[9] Sidorova E. Z. On the Specifics of Policy Regarding Crime Prevention in the Educational Environment // Academic Thought. – 2024. – No. 3 (28). – pp. 55–58.

[10] Bykova E. G., Sidorova E. Z. Certain Issues Concerning the Legal Assessment and Prevention of Negligent Crimes in the Sphere of Education Committed Through the Improper Performance of Professional Duties // Russian Investigator. – 2023. – No. 10. – pp. 46–50.

[11] Prosecutor's Office of the Republic of Ingushetia. The Prosecutor Explains: "Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies" [Electronic resource] // Official Website of the Prosecutor's Office of the Republic of Ingushetia. – 2023. – Apr. 28. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_06/activity/legal-education/explain/e113073/. (accessed: Sept. 15, 2026).

[12] Prosecutor's Office of the City of Moscow. Beware: Fraudsters Are Creating Websites and Social Media Groups Offering the Sale of Answers to Unified State Exams (EGE) and Basic State Exams (OGE), as Well as "Guaranteed" Assistance During Exams [Electronic resource] // Official Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – 2025. – May 20. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_77/mass-media/news/main/e5810400/?ysclid=mvfb74mee9167267984. (accessed: 15.09.2026).

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2007, No. 51 "On Judicial Practice in Cases Involving Fraud, Misappropriation, and Embezzlement" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2008. – No. 2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-874-879

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МОЛОДОМ ВОЗРАСТЕ, И ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме формирования правомерного поведения лиц, совершивших преступления в юном возрасте и отбывающих уголовное наказание, в контексте реализации Концепции профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних до 2036 года. Анализируются современные криминогенные тенденции в молодежной среде и обосновывается необходимость совершенствования системы профилактической работы с несовершеннолетними осужденными. Особое внимание уделяется формированию правосознания и законопослушного поведения данной категории лиц. Авторы приходят к выводу о необходимости повышении роли института семьи, образовательных организаций и наставничества в период отбывания наказания лицами молодого возраста. На основе анализа указанной Концепции, а также Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года, предлагаются конкретные направления совершенствования профилактической работы с осужденными молодого возраста в учреждениях уголовно-исполнительной системы России.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, правомерное поведение, правосознание, законопослушное поведение, уголовно-исполнительная система, профилактика правонарушений, молодежь, исправительное учреждение, уголовно-исполнительная инспекция, исправительный центр.*

Для цитирования: *Ковалев О. Г., Мельникова О. В. Актуальные вопросы формирования законопослушного поведения лиц, совершивших преступления в молодом возрасте, и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2026. № 10. С. 874–879.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU
Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines,
Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary
Service of Russia

CURRENT ISSUES OF DEVELOPING LAW-ABIDING BEHAVIOR AMONG PERSONS WHO COMMITTED CRIMES AT A YOUNG AGE AND ARE SERVING SENTENCES IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article addresses the problem of forming lawful behavior among persons who committed crimes at a young age and are serving criminal sentences, in the context of implementing the Concept for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency until 2036. It analyzes current criminogenic trends among young people and substantiates the need to improve the system of preventive work with juvenile convicts. Special attention is paid to the formation of legal consciousness and law-abiding behavior in this category of persons. The authors conclude that it is necessary to enhance the role of the family, educational institutions, and mentoring during the period of serving sentences by young offenders. Based on the analysis of the said Concept, as well as the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation until 2030, specific directions for improving preventive work with young convicts in correctional institutions of the Russian penal system are proposed.*

Key words: *juvenile convicts, lawful behavior, legal consciousness, law-abiding behavior, penal system, crime prevention, youth, correctional institution, criminal enforcement inspection, correctional center.*

For citation: *Kovalev O. G., Melnikova O. V. Current issues of developing law-abiding behavior among persons who committed crimes at a young age and are serving sentences in correctional institutions of the penal system. Education and law. 2026;(10):874–879. (In Russ.).*

Введение. Обеспечение благополучного и безопасного детства является одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации. Основной закон нашей страны гласит: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному,
интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» (ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации).

В последнее десятилетие защита прав каждого ребенка и создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей определены ключевыми задачами Десятилетия детства [1, с. 293]. Отдельное внимание уделяется сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей всех граждан страны (Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809).

Особую тревожность вызывает проблема формирования законопослушного поведения у лиц, совершивших преступления в молодом возрасте и отбывающих наказание, по следующим причинам. Во-первых, достаточно часто преступления данными лицами совершаются повторно, особенно среди состоящих на учете уголовно-исполнительной инспекции (УИИ), и по своей характеристике они являются более тяжкими [2, с. 6]. Во-вторых, возрастает влияние негативного контента в сети Интернет, способствующее росту противоправных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [3, с. 215; 4, с. 14]. В-третьих, значительно увеличилась численность несовершеннолетних, ставших участниками преступлений террористического и экстремистского характера [6, с. 166]. В-четвертых, в последние годы фиксируется большее количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых лицами в молодом возрасте.

Методы и принципы исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания. Применение системного подхода позволило рассмотреть формирование законопослушного поведения осужденных молодого возраста как комплексную проблему, находящуюся на стыке профилактической и пенитенциарной практик. С помощью формально-юридического метода были проанализированы положения Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года (Концепция-2036) и Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (Концепция-2030). Методы анализа и синтеза использовались для обработки статистических данных, выявления криминогенных тенденций и обобщения предложений по совершенствованию профи-

лактической работы с осужденными молодого возраста.

Основные результаты. Исследуемая категория молодежи требует особого внимания со стороны государства и общества, так как именно в этот период закладываются основы их дальнейшей социализации, ресоциализации и интеграции в общество [7, с. 68]. Криминогенная ситуация в сфере преступности несовершеннолетних обусловливает необходимость дальнейшего интенсивного развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в свете принятия Концепции-2036.

Анализ статистических данных, представленных в данной Концепции, позволяет выделить ряд тревожных тенденций. В 2025 году несовершеннолетними и при их соучастии совершено 29,1 тыс. преступлений, при этом число особо тяжких преступлений выросло с 2,3 тыс. в 2022 году до 6,2 тыс. в 2025 году. Участниками преступлений стали 22,2 тыс. несовершеннолетних.

Особого внимания заслуживает динамика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, количество которых возросло с 2,1 тыс. в 2022 году до 5,5 тыс. в 2025 году. Также значительно увеличилось число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения.

Вызывает обеспокоенность рост числа несовершеннолетних участников преступлений террористического характера – с 30 человек в 2022 году до 249 в 2025 году, и экстремистской направленности – с 87 до 142 человек соответственно.

На конец 2025 года на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел состояли 97,4 тыс. несовершеннолетних. При этом сохраняется криминальная активность подростков младших возрастных групп.

Особую проблему представляет повторная преступность. В 2025 году из числа несовершеннолетних, состоявших на учете в УИИ, 11,52% ранее привлекались к уголовной ответственности. В 11 воспитательных колониях содержались 1,03 тыс. человек, осужденных к лишению свободы.

Развитие правосознания, формирование законопослушного поведения лиц, совершивших преступления в молодом возрасте, является комплексной задачей исправительных учреждений (ИУ), УИИ и исправительных центров (ИЦ, УФИЦ), решение которой требует системного подхода и постоянной модернизации имеющихся механизмов профилактической работы со спецконтингентом [8, с. 353].

Вышеназванные концепции направлены на формирование законопослушного поведения молодежи, уважения к закону и правопорядку, а также на ресоциализацию и социальную адаптацию лиц молодого возраста, отбывающих уголовные наказания в местах лишения либо без изоляции от общества, что создает основу для их взаимодополнения и детального изучения с целью последующего правоприменения. Концепцию-2036 и Концепцию-2030 объединяет единый принцип индивидуального подхода к каждому несовершеннолетнему правонарушителю.

Основные направления развития системы профилактики включают: совершенствование нормативно-правового регулирования, межведомственного взаимодействия, кадрового обеспечения, общей профилактической работы и мер раннего предупреждения, своевременное реагирование на актуальные риски, реабилитацию и ресоциализацию, работу с родителями, формирование поддерживающего социально-психологического климата, развитие наставничества, профилактику потребления психоактивных веществ, а также обеспечение информационной безопасности. По мнению авторов вопросы цифровой трансформация УИС требуют отдельного внимания, так как информационные технологии в современном мире развиваются достаточно быстро, появляются новые способы DDoS-атак, информационные угрозы. Сказанное подтверждается в трудах современных ученых и практиков, которые изучают кибербезопасность в УИС, цифровые технологии [9; 10 с. 155-170].

Начиная с 2022 года дополнительным источником угроз для УИС выступают события, связанные с проведением специальной военной операцией, отражающиеся на увеличении случаев вовлечения молодежи представителями недружественных стран в террористическую, экстремистскую и иную противоправную деятельность.

Изложенное свидетельствует о необходимости повышения эффективности системы профилактики подростковой преступности, антиобщественного и противоправного поведения лиц молодежного возраста.

В соответствии с действующими Концепциями определим ключевые аспекты формирования законопослушного поведения молодых лиц, которые совершили преступление и отбывают наказание в условиях ИУ, ИЦ, УИИ.

1. Раннее предупреждение и индивидуальная профилактическая работа.

Данное направление деятельности предполагает усиление роли института семьи, повышение эффективности государственной поддержки семьи, формирование единой воспитательной среды, а также принятие мер по раннему выявлению и профилактике девиантного поведения.

Индивидуальная профилактическая работа

с лицами молодого возраста является основой и предусматривает разработку предложений по установлению комплексных показателей результативности профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, в том числе в воспитательных колониях, УИИ.

2. Реабилитация и ресоциализация.

Концепция профилактики-2036 предусматривает совершенствование деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, разработку и реализацию комплексных социально-психологических программ, направленных на реабилитацию и ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей, в том числе состоящих на учете в УИИ. Целевым показателем является увеличение до 90% доли несовершеннолетних осужденных, состоявших на учете в УИИ, которым оказано содействие в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

В Концепции УИС-2030 отмечается, что отбывание наказания в условиях изоляции от общества влечет ослабление социальных связей, потерю навыков жизни в обществе. Данные условия влияют на формирование дезадаптивной направленности в поведении молодых лиц и, как следствие, на совершение повторных преступлений. Как было отмечено выше, в прошлом году практически 12% несовершеннолетних, состоявших на учете в УИИ, ранее привлекались к уголовной ответственности. В связи с этим развитие системы пробации рассматривается как необходимое условие снижения рецидивной преступности.

Также особое значение для развития правосознания и становления законопослушной личности в молодом возрасте имеет совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленной на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам и правилам человеческого общежития [11, с. 25-26]. Это включает организацию профессионального обучения, трудовую занятость, развитие производственной базы, проведение культурно-массовых и спортивных мероприятий в учреждениях УИС.

3. Работа с родителями (законными представителями).

О важности работы с родителями (законными представителями) несовершеннолетних говорится в Концепции профилактики-2036. В качестве основных мероприятий данного направления называются: реализация просветительских программ и проектов для родителей, направленных на развитие навыков конструктивного взаимодействия с детьми, разработка дополнительных мер поддержки родительских инициатив, а также методических рекомендаций по безопасному использованию сети Интернет.

Концепция УИС-2030 в этом контексте устанавливает особенности содержания женщин с детьми, а также иных категорий осужденных, имеющих несовершеннолетних детей. В настоящее время законодателем расширены возможности применения института отсрочки отбывания наказания. Право на отсрочку предоставлено не только женщинам, но и мужчинам, являющимся единственными родителями несовершеннолетних детей. Эти меры направлены на сохранение детско-родительских связей и создание условий для воспитания ребенка в семье в условиях изоляции.

4. Развитие системы наставничества.

Институт наставничества на протяжении всей истории развития отечественной системы профилактики правонарушений неизменно оставался одним из наиболее действенных инструментов социализации подрастающего поколения [12, с. 320-323]. В современных условиях роста деструктивных влияний и криминогенных рисков в молодежной среде развитие системы наставничества в системе профилактики правонарушений позволит не только сформировать позитивные нравственные ориентиры, но и установки для законопослушного поведения в обществе.

Планом мероприятий Концепции профилактики-2036 на период ближайшего десятилетия предусмотрено экспертное и методическое сопровождение, обобщение и тиражирование эффективных моделей взаимодействия наставников с несовершеннолетними, формирование реестра наставников. В пенитенциарной практике активно используются формы шефства и наставничества над осужденными со стороны ветеранов, представителей общественных и религиозных организаций. Распространение этих практик на работу с осужденными молодого возраста как в период отбывания наказания, так и после освобождения, представляется крайне полезным для их ресоциализации.

5. Формирование поддерживающего социально-психологического климата.

На 2027 год Концепцией профилактики-2036 запланирована разработка программ психолого-педагогической помощи и реабилитации несовершеннолетних, пострадавших от физического (психического) насилия либо вовлеченных в деятельность организаций, деятельность которых на территории на территории нашей страны запрещена или признана нежелательной.

В целях снижения психологической напряженности и формирования позитивных социальных связей у осужденных молодого возраста Концепцией УИС-2030 предусмотрено создание

условий содержания с учетом международных стандартов, улучшении условий для инвалидов, обеспечении безопасности спецконтингента и пресечения фактов применения к ним недозволенных методов воздействия.

6. Профилактика в информационной среде.

Среди основ профилактики в сфере информационных ресурсов называются следующие:

1) разработка межведомственного алгоритма выявления и реагирования на факты распространения в сети Интернет информации, склоняющей или вовлекающей несовершеннолетних в совершение антиобщественных или противоправных действий (Концепция профилактики-2036);

2) совершенствование взаимодействия с органами внутренних дел по вопросам профилактики противоправных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий лицами, содержащимися в учреждениях УИС (Концепция УИС-2030);

3) в рамках цифровой трансформации планируется создание единого защищенного информационного пространства, внедрение систем сбора и обработки данных на основе искусственного интеллекта для обеспечения безопасности и прогнозирования поведения осужденных (Концепция УИС-2030).

7. Система пробации как связующее звено.

Ключевым элементом, объединяющим усилия системы профилактики и УИС, является создание и развитие системы пробации. В настоящее время пробация в деятельность пенитенциарного ведомства внедрена. В 2023 году принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации». Для осужденных молодого возраста система пробации имеет особое значение, поскольку позволяет сохранить и восстановить социальные связи, получить необходимую психологическую и правовую помощь, а также содействие в трудоустройстве и получении образования. Это напрямую способствует становлению правомерного поведения, формированию законопослушных установок и снижению рецидива.

Заключение. Таким образом, анализ положений Концепции профилактики-2036 и Концепции УИС-2030 позволяет сделать вывод о том, что формирование законопослушного поведения лиц, совершивших преступления в молодом возрасте и отбывающих наказание, является одной из приоритетных задач государственной политики. Обе концепции предлагают комплексный подход, включающий совершенствование нормативно-правового регулирования, межведомственного взаимодействия, кадрового обеспечения, а также внедрение новых технологий и методов профилактической и пенитенциарной работы.

Особое значение имеют меры по реабилитации и ресоциализации, развитию системы наставничества, работе с родителями и формированию поддерживающего климата. Ключевым связующим звеном выступает система пробации, обеспечивающая преемственность социальной, воспитательной и психологической работы на всех этапах – от раннего предупреждения до постпенитенциарного сопровождения. Реализация Концепций позволит к 2030-2036 годам достичь значительного снижения уровня преступности среди несовершеннолетних, в том числе повторной, а также повысить эффективность их ресоциализации и интеграции в общество.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Профилактика повторных преступлений несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и пенитенциарной практики // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 290-295.

[2] Мельникова О.В. Профилактическая работа с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях: практические рекомендации. 2-е издание, исправленное и дополненное. Псков: Псковский филиал Университета ФСИН России, 2023. 26 с.

[3] Исследование актуальных проблем уровня и формирования правосознания и правовой культуры современной студенческой молодежи. Том 2 / Г.Б. Власова, А.М. Дроздова, В.В. Ковалев [и др.]: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2022. 260 с.

[4] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[5] Ковалев О.Г., Казберов П.Н. Профилактика криминальной субкультуры несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 13-16.

[6] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[7] Вилкова А.В., Лукашенко Д.В. Социально-педагогическая характеристика несовершеннолетних осужденных // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. Выпуск 1. Москва: ФКУ Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2026. С. 66-71.

[8] Ковалев О.Г. Правовые и психолого-пе-

дагогические вопросы исполнения наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних осужденных // Образование и право. 2024. № 9. С. 352-356.

[9] Тюртюбек Г.А. Противодействие DDoS-атакам и веб-угрозам в сегменте официальных интернет-ресурсов уголовно-исполнительной системы // Молодой ученый. 2026. № 30 (633). С. 49-51.

[10] Деструктивное воздействие на несовершеннолетних: теория и практика противодействия / С.М. Воробьев, С.В. Пестов, А.М. Бычкова [и др.]: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2023. 179 с.

[11] Вилкова А.В., Антипов А.Н., Строгович Ю.Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[12] Мельникова О.В., Сапогов В.М. Административные правонарушения и противоправное поведение несовершеннолетних: вопросы профилактики, правового просвещения и правового информирования в РФ // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 314-326.

References:

[1] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Prevention of Recidivism Among Juvenile Offenders: Theoretical and Penitentiary Practice Issues // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 290–295.

[2] Melnikova O.V. Preventive Work with Juvenile Offenders in Correctional Colonies for Minors: Practical Recommendations. 2nd edition, revised and supplemented. Pskov: Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. 26 p.

[3] A Study of Current Issues Regarding the Level and Formation of Legal Consciousness and Legal Culture Among Contemporary University Students. Vol. 2 / G.B. Vlasova, A.M. Drozdova, V.V. Kovalev [et al.]. Moscow: Infra-M Scientific Publishing Center LLC, 2022. 260 p.

[4] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The Influence of Digital Technologies on Unlawful Behavior Among Young Adult Offenders // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 255–261.

[5] Kovalev O.G., Kazberov P.N. Prevention of Criminal Subculture Among Juvenile Offenders // Penal System: Law, Economics, Management. 2022. No. 6. pp. 13–16.

[6] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Challenges in Organizing Educational Work within Correctional Institutions for the Purpose of Preventing Unlawful Behavior Among Inmates // Perspectives of Science. 2024. No. 3 (174). pp. 160–167.

[7] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Socio-pedagogical characteristics of juvenile offenders // Scientific Works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: a scientific-practical quarterly publication. Issue 1. Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2026. pp. 66–71.

[8] Kovalev O.G. Legal and psychological-pedagogical issues regarding the execution of sentences for juvenile offenders that do not involve isolation from society // Education and Law. 2024. No. 9. pp. 352–356.

[9] Tyurtyubek G.A. Counteracting DDoS attacks and web threats within the segment of official online resources of the penal system // Young Scientist. 2026. No. 30 (633). pp. 49–51.

[10] Destructive influence on minors: theory and practice of countermeasures / S.M. Vorobyev, S.V. Pestov, A.M. Bychkova [et al.]: Infra-M Scientific Publishing Center LLC, 2023. 179 p.

[11] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of rehabilitating convicts in the current context // Penal System: Law, Economics, Management. 2026. No. 1. pp. 22–26.

[12] Melnikova O.V., Sapogov V.M. Administrative Offenses and Unlawful Behavior Among Minors: Issues of Prevention, Legal Education, and Legal Information Provision in the Russian Federation // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2022. Vol. 47, No. 2. pp. 314–326.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-880-885
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал)
ВГУЮ РПА Минюста России,
кандидат психологических наук,
ORCID:0000-0002-3852-3128,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ЗИНИНА Нелли Александровна,
консультант Департамента психологической работы,
Министерство обороны РФ, 123001, Российская Федерация,
г. Москва, Садовая-Кудринская улица, 26/40,
e-mail: zinina.nel@yandex.ru

ЛИЧНОСТЬ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. *В статье анализируются вопросы формирования духовно-нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных.*

Ключевые слова: *духовно-нравственная ответственность, самооценка, убежденность.*

Для цитирования: *Полякова Я. Н., Зинина Н. А. Личность в исправительном учреждении // Образование и право. 2026. № 10. С. 880–885.*

POLYAKOVA Yanina Nikolaevna,
leading researcher, Federal State Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation; Candidate of Psychological Sciences

ZININA Nelly Aleksandrovna,
Consultant of Psychological Work Department,
Ministry of Defense of the Russian Federation

THE FORMATION OF MORAL RESPONSIBILITY IN PRISON

Annotation. *In this article analyzes the issues of formation of spiritual and moral responsibility of juvenile offenders.*

Key words: *spiritual and moral responsibility, self-esteem, confidence.*

For citation: *Polyakova Ya. N., Zinina N. A. The formation of moral responsibility in prison. Education and law. 2026;(10):880–885. (In Russ.).*

Духовно-нравственная ответственность является ведущей составной духовно-нравственного развития личности.

Осознание духовно-нравственной ответственности — одна из самых важных и решающих ценностей, предопределяющих социальное становление и развитие личности. Человек нарушает закон и становится преступником главным образом потому, что в силу различных причин у него отсутствует или искажено понимание и осознание своей духовно-нравственной ответственности перед другими людьми и государством. Духовно-нравственная ответственность — это внутреннее состояние человека, связанное с проблемами его

смысла жизни.

Проблема формирования духовно-нравственной ответственности отвечает не только принципу историзма, но и современным представлениям о человеке, социально-политической ситуации в стране. История человечества свидетельствует о том, что те члены общества, которые по тем или иным причинам были безответственны перед собой, государством и окружающими и совершали безнравственные поступки и действия, в конце концов становились представителями социального дна: бомжами, нищими, проститутками. Многие из них включаются в разнообразные асоциальные структуры: воровские шайки, мафиозные банды, компании алкоголиков, наркоманов, картежных шулеров. Эти, по существу, антиобщественные явления выталкивают человека из нормальной среды обитания, обрывают его нравственные связи.

В современных условиях назрела настоятельная потребность дополнить понятие ответственности с духовно-нравственным содержанием, раскрыть ее структуру, особенности проявления в пенитенциарной системе, способы формирования в условиях воспитательной колонии для несовершеннолетних.

Огромное значение для теоретической и практической разработки проблемы духовно-нравственной ответственности имеют труды А. С. Макаренко, который первым выдвинул идею ответственности коллектива за поступки каждого его члена и индивида за свои действия перед коллективом. Определяя возможности коллектива, учёный рассматривал его как базу для развития и формирования нравственной ответственности. А.С. Макаренко писал: «Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме. И, наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив». Этот принцип давал педагогу возможность, изменяя положение человека в коллективе, оказывать существенное формирующее влияние на нравственную ответственность личности, причем таким образом, что сам воспитанник и не подозревал, что он является объектом и субъектом воспитания.

Специальной работы, посвященной воспитанию ответственности, у А.С. Макаренко нет, но в своих статьях и книгах он затрагивает разные аспекты этой проблемы. Так, он выделяет понятия «ответственная зависимость», «общая ответственность», «строгая ответственность», «принцип ответственности», «чувство ответственности перед коллективом». Ученый подходит к нравственной ответственности с разных сторон, рассматривая ее то как чувство, переживание личности, то как свойство или характеристику субъекта деятельности, то как функцию органов управления. Главным и системообразующим среди этих понятий выступает «ответственная зависимость».

Одним из направлений исследования духовно-нравственной ответственности является воспитание у человека гражданственности. Ярким представителем такого подхода является В.А. Сухомлинский. Он писал: «Гражданственность — это, прежде всего, ответственность, долг — та высшая ступень в духовной жизни человека, на которой он отдает себя служению идеалу». Поскольку гражданственность, то есть осознание своих прав и обязанностей по отношению к государству, есть понятие, относящееся к личности, то и ответственность В.А. Сухомлинским понимается как личная, персональная ценность. Ответственность, прежде всего, должна быть перед своей совестью, перед этим «беспокойным и строгим стражем разума», по его выражению.

Благодаря тому, что В.А. Сухомлинскому удается органически соединить гражданственность, ответственность и совесть, ответственность выступает у него в своей высшей форме. Во-первых, она характеризует способность личности самостоятельно формулировать нравственные обязанности, требовать от себя их выполнение и осуществлять самооценку и самоконтроль. Во-вторых, существенно расширяется сфера вмешательства личности в окружающий мир и утверждается идея личной ответственности за всё, созданное нашим народом.

С идеями В.А. Сухомлинского связана позиция Б.П. Басовой, которая считает, что нравственная ответственность — это способность личности осознавать и выполнять те требования, обязательства и обязанности, которые приняты в обществе. При этом формирование нравственной ответственности предполагает такую организацию жизни подростков, которая развивала бы у них гражданское самосознание.

Являясь выражением свободы личности, духовно-нравственная ответственность несовместима с конформизмом как одной из форм уклонения от ответственности. Исследования отечественных ученых (Л.И. Божович, .В.Э. Чудновского, А.В. Петровского и др.) показали, что конформизм означает отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование любому образцу, обладающему наибольшей силой давления (мнение большинства, признанный авторитет, традиции и др.).

Духовно-нравственная ответственность (в отличие от конформизма) предполагает гораздо

большую роль личности, которая является не только объектом, но и субъектом ответственности, самостоятельно и добровольно выполняющим свой долг перед обществом. Она определяет способ ориентации в системе общественных норм, жизненную позицию, при которой поведение индивида детерминируется общественно полезными целями. О достаточно высоком уровне духовно-нравственной ответственности свидетельствует нравственный иммунитет к отрицательным влияниям, обусловливающий способность человека даже в неблагоприятно сложившихся обстоятельствах действовать в соответствии с принятыми в обществе нормами и правилами поведения. В связи с этим задача духовно-нравственного воспитания заключается в том, чтобы, воздействуя на человека извне, сформировать у него способность избирательно относиться к внешним влияниям, научить его критически оценивать собственные поступки и действия других людей на основе духовно-нравственных норм и принципов и выработать у него стремление к самовоспитанию и самосовершенствованию. Способность человека сохранять и реализовывать свои духовно-нравственные позиции в различных жизненных ситуациях, преодолевая при этом как внешние трудности, так и внутренние противоречия, и составляет суть духовно-нравственной ответственности.

Из этого вытекает, что главное направление формирования личности как субъекта активной деятельности состоит в воспитании человека, способного независимо от воздействия окружающих условий, порой вопреки им, усваивать и воплощать в поведении те духовно-нравственные нормы, которые обладают наивысшей социально полезной ценностью. Только в этом случае человек приобретает духовно-нравственную ответственность, а его поведение регулируется внутренней убежденностью.

Формирование духовно-нравственной ответственности существенно зависит от особенности усвоения социально значимого опыта, которое происходит в процессе самореализации человека, то есть его стремления «осуществить, выполнить себя». В этой связи можно выделить три вида самореализации личности:

самореализация, при которой происходит концентрация человека на собственных узко личностных интересах и потребностях. Такой вид самореализации приводит к потере власти над обстоятельствами, безответственности и антиобщественной направленности личности;

самореализация, при которой не происходит относительной эмансипации от внешних обстоятельств, мнение других людей является абсолютным ориентиром поведения человека. Такая самореализация ведет к безответственности личности, конформизму и неадекватной ее самооценке;

самореализация, в которой преобладает стремление человека найти свое место в общественной жизни, реализовать себя, отдавая силы и способности на благо других людей. Именно этот вид самореализации в наибольшей степени ведет к саморазвитию духовно-нравственной ответственности личности и ее убежденности в правильности выбора своего поведения, поступка. Этот вид самореализации личности выступает как задача формирования духовно-нравственной ответственности у осужденных в воспитательной колонии, поскольку именно отсутствие у них общественной направленности, адекватной самооценки, убежденности в правильности своих действий приводит к безответственности, асоциальному поведению и в конечном счете к повторным преступлениям.

Формирование духовно-нравственной ответственности осужденных есть сложный процесс, предполагающий воспитание у них нравственной самоорганизации, которая возникает тогда, когда воспитанник ориентируется в большей степени не на «внешнюю опору» (санкции администрации, оценка ближайшего окружения), а на выработанные или усвоенные, внутренние критерии и нравственные нормы. При этом одним из недостатков деятельности колонии, сдерживающим развитие духовно-нравственной самоорганизации воспитанников, является чрезмерный акцент воспитателей на жесткую регламентацию поведения осужденных извне. Регулятором поведения в данном случае выступают не духовно-нравственные образцы, ценности, а контроль со стороны воспитателей. Такая излишняя ориентация поведения на «внешнюю опору» создает трудности при формировании духовно-нравственной ответственности осужденных.

Эффективность формирующего воздействия достигается в большей степени за счет включения внутренних механизмов самоорганизации, которая не нуждается в дополнительных воздействиях, приводящих их в рабочее состояние; направлена на саморазвитие элементов духовно-нравственной ответственности (убежденности, адекватной самооценки, общественной направленности) и активизацию их в реализации положительных поступков до того, как неблагоприятные внешние факторы окажут негативное воздействие.

В Российской педагогической энциклопедии нравственная ответственность рассматривается как качество личности и категория этики, отражающая, с одной стороны, способность человека отвечать за свои поступки, а с другой — возможность

для общества подвергать эти действия моральной оценке.

В целом, соглашаясь с таким подходом к определению нравственной ответственности, следует отметить, что это не только качество личности, но и сложное психолого-педагогическое образование, важнейшая ее ценность духовно-нравственной сферы, в которой определяющее место занимают нравственная убежденность, общественная направленность и адекватная самооценка.

Убежденность предполагает высокий уровень развития духовно-нравственной ответственности, благодаря которой у индивида вырабатывается способность отстаивать свои взгляды, идеалы, мировоззренческие позиции. Это в свою очередь делает его независимым от отрицательного влияния окружающей среды, побуждает вступать в борьбу за отстаивание своих убеждений, не избегая при этом трудностей и конфликтов. Убежденность в духовно-нравственной ответственности за содеянное обусловливает понимание воспитанником того, что у него действительно имеются недостатки в сознании и поведении, которые необходимо устранить путем воспитания и самовоспитания. Признав это, осужденный поднимается на новую ступень ответственности за свое поведение, критического отношения к себе, осознания чувства вины в совершенном преступлении и необходимости исправления своей личности. Убеждения являются содержательной стороной духовно-нравственной ответственности, главным источником нравственной самоорганизации личности.

Убеждения, осознанная потребность личности, побуждающая действовать в соответствии со своими ценностными ориентациями. Содержание потребностей, выступающих в форме убеждения, отражает определенное понимание природы и общества. Образуя упорядоченную систему взглядов совокупность убеждений выступает как мировоззрение человека. Однако знания не переходят в убеждения автоматически. Для формирования убеждений необходимо единство знаний и особого отношения к ним, как к тому, что бесспорно отражает действительность и должно определять поведение.

У несовершеннолетних осужденных проявляется зависимость безответственного поведения от слабого развития общественно значимых убеждений. Объясняется это своеобразием индивидуального жизненного опыта таких лиц, у которых наравне с положительными развивались отрицательные мотивы, взгляды, отношения. При этом можно выделить две категории воспитанников с разными по уровню и степени осознанности и прочности отрицательно направленных убеждений. Одни из них не замечают, не осознают собственных отрицательных убеждений, в то время как другие отдают себе отчет о характере их проявлений и стараются их оправдать. Есть основания предполагать, что у первой группы воспитанников содержание отрицательных убеждений сформировалось в раннем периоде онтогенеза, когда самосознание еще достаточно не было развито. У второй же группы осужденных искажение личностных убеждений произошло, вероятно, в колонии, хотя предпосылки соответствующей деформации уже создавались на предшествующих стадиях. Именно у таких лиц, старающихся замаскировать отрицательные убеждения, негативные черты и качества менее укоренились в структуре нравственной ответственности личности и, предположительно, легче могут быть переориентированы.

У несовершеннолетних правонарушителей преобладают три основных типа направленности: 1) аморальная, связанная с нарушением моральных норм общества; 2) антисоциальная, которой обладают лица, совершившие незначительные кражи, хулиганские действия, злоупотребляющие алкогольными напитками и наркотиками; 3) преступная, угрожающая условиям общественного бытия — грабежи, кражи в особо крупных размерах, нанесения тяжких телесных повреждений, убийства. На развитие этих типов направленности влияет не один какой-либо фактор, а целая группа, нередко комплекс отрицательных воздействий. Реакция на эти воздействия постепенно приобретает все более негативно активный характер; неблагоприятные условия развития выступают регулятором проявления данной закономерности. Естественно, что такие типы направленности личности у правонарушителей выражены по-разному: ее устойчивость нередко пропорциональна сроку и активности влияния негативных факторов. Наиболее устойчива отрицательная направленность у повторно осужденных (рецидивистов). Именно у этой категории осужденных поведение носит отпечаток уголовного профессионализма. Преступление они совершали сознательно, готовились к нему, распределяли роли.

Общественная направленность, как элемент общепедагогической структуры духовно-нравственной ответственности, определяется интеграцией интересов личности осужденного и потребностей общества Она служит основой устойчивости суждений и позиций личности, ответственности ее за порученное дело, требовательности к себе и окружающим. Несовершеннолетние осужденные с достаточным уровнем развития общественной направленности обращаются к соци-

ально ценным средствам и способам достижения цели в реализации духовно-нравственной ответственности.

В целях изучения духовно-нравственной ответственности у несовершеннолетних осужденных нами был проведен констатирующий эксперимент. Обследовались 300 воспитанников колонии. Анализ полученных данных позволил установить, что адекватная самооценка несовершеннолетних осужденных, как правило, неразвита, узко фрагментарна. Ее объектом чаще всего выступают те качества личности, которые обусловлены аффектно-волевой сферой. Так, частота указанных подростками нежелательных либо вредных черт своего характера оказалась следующей: несдержанность — 87,7%, вспыльчивость — 75,8%, слабоволие — 62%, отсутствие самообладания — 55%. Кроме того, вне самооценки оказались интеллектуальные, эстетические, трудовые черты личности.

Вместе с тем адекватная самооценка в общепедагогической структуре нравственной ответственности личности должна быть представлена правильной, соответствующей действительности оценкой индивидом своих способностей и возможностей, свойств и качеств, отдельных поступков и деятельности в целом. Воспитать у несовершеннолетнего осужденного адекватную самооценку — значит научить его критически относиться к себе и окружающим, правильно реагировать на меры воспитательного воздействия, побудить к самовоспитанию и самосовершенствованию, помочь ему избрать посильный, отвечающий его склонностям вид деятельности, актуализировать поиск, своего места в жизни.

Неадекватная самооценка (завышенная или заниженная) приводит личность к дезориентации и безответственности в поведении, постоянным конфликтам с окружающими и самим собой. Так, завышенная самооценка способствует развитию гипертрофированного самолюбия, стремлению к лидерству, самоутверждению любыми путями и способами; заниженная — порождает неуверенность в собственных силах, зависимость от «авторитетных» осужденных, слепое исполнение их воли.

Список литературы:

[1] Вилкова А.В., Экстремальные психогенные факторы, действующие на сотрудников пенитенциарных учреждений при чрезвычайных ситуациях // А.В. Вилкова Образование и наука в России и за рубежом. 2017. № 5 (34). С. 66.

[2] Вилкова А.В. Воспитание несовершеннолетних девочек как духовно-нравственный аспект // А.В. Вилкова В сборнике: Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики материалы Международной научно-практической межведомственной конференции. Под общей редакцией А.А. Вотинова. 2016. С. 126.

[3] Вилкова А.В. Воспитаниеустойчивости личности несовершеннолетних правонарушителей-девочек в воспитательных колониях // Вилкова А.В. Глобальный научный потенциал. 2016. № 8 (65). С. 9-11.

[4] Вилкова А.В. гендерный аспект // Вилкова А.В. Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 9. С. 61-63.

[5] Вилкова А.В. Формирование духовно-нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных женского пола // Вилкова А.В.Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 9. С. 29-32.

[6] Вилкова А.В. К вопросу о педагогических условиях риторического совершенствования сотрудников органов внутренних дел в процессе обучения на курсах повышения квалификации // А.В. Вилкова Сибирский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 59-64.

[7] Вилкова А.В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных женского пола // А.В. Вилкова Перспективы науки. 2016. № 8 (83). С. 54-57.

[8] Вилкова А.В. Проблема формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола // А.В. Вилкова Перспективы науки. 2016. № 8 (83). С. 54-57.

[9] Вилкова А.В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных женского пола // А.В. Вилкова Перспективы науки. 2016. № 8 (83). С. 54-57.

[10] Дивитаева О.А.Убийство матерью новорожденного ребенка // Вилкова А.В., Дивитаева О.А.В сборнике: Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации Сборник материалов международной научно-практической конференции. Научный редактор: А.Н. Ежов. Главный редактор: А.Е. Кальсин. 2015. С. 109-114.

[11] Спасенников Б.А. Принцип законности в уголовном праве // Вилкова А.В., Спасенников Б.А. В сборнике: Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации Сборник материалов международной научно-практической конференции. Научный редактор: А.Н. Ежов. Главный редактор: А.Е. Кальсин. 2015. С. 114-115.

[12] Шерайзина Р.М. Духовно-нравственные ценности подростков как педагогический феномен // А.В. Вилкова, Р.М. Шерайзина В сборни-

ке: Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. 2016. С. 240-244.

[13] Шерайзина Р.М. Гендерный аспект духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних девочек // Вилкова А.В., Шерайзина Р.М. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 10 (173). С. 8-12.

References:

[1] Vilkova A.V., Extreme Psychogenic Factors Affecting Penitentiary Institution Staff During Emergency Situations // A.V. Vilkova, *Education and Science in Russia and Abroad*, 2017, No. 5 (34), p. 66.

[2] Vilkova A.V., The Upbringing of Juvenile Girls as a Spiritual and Moral Aspect // A.V. Vilkova, in: *The Penal System at the Present Stage: The Interaction Between Science and Practice* (Proceedings of the International Scientific-Practical Interdepartmental Conference), ed. A.A. Votinov, 2016, p. 126.

[3] Vilkova A.V., Fostering Personal Resilience in Juvenile Female Offenders in Correctional Colonies // A.V. Vilkova, *Global Scientific Potential*, 2016, No. 8 (65), pp. 9–11.

[4] Vilkova A.V., The Gender Aspect // A.V. Vilkova, *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2016, No. 9, pp. 61–63.

[5] Vilkova A.V., The Formation of Spiritual and Moral Responsibility in Juvenile Female Convicts // A.V. Vilkova, *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice (Series: Humanities)*, 2016, No. 9, pp. 29–32.

[6] Vilkova A.V., On the Pedagogical Conditions for Enhancing the Rhetorical Skills of Internal Affairs Personnel During Professional Development Training // A.V. Vilkova, *Siberian Pedagogical Journal*. 2016. No. 3. pp. 59–64.

[7] Vilkova A.V. Spiritual and Moral Values of Female Juvenile Offenders // A.V. Vilkova, *Perspectives of Science* (*Perspektivy nauki*). 2016. No. 8 (83). pp. 54–57.

[8] Vilkova A.V. The Problem of Forming Spiritual and Moral Values in Female Juvenile Offenders // A.V. Vilkova, *Perspectives of Science* (*Perspektivy nauki*). 2016. No. 8 (83). pp. 54–57.

[9] Vilkova A.V. Spiritual and Moral Values of Female Juvenile Offenders // A.V. Vilkova, *Perspectives of Science* (*Perspektivy nauki*). 2016. No. 8 (83). pp. 54–57.

[10] Divitaeva O.A. Murder of a Newborn Child by the Mother // Vilkova A.V., Divitaeva O.A. In: *Points of Growth in the Eurasian Economic Union: Business, Investments, Innovations* — Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Scientific Editor: A.N. Ezhov. Editor-in-Chief: A.E. Kalsin. 2015. pp. 109–114.

[11] Spasennikov B.A. The Principle of Legality in Criminal Law // Vilkova A.V., Spasennikov B.A. In: *Points of Growth in the Eurasian Economic Union: Business, Investments, Innovations* — Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Scientific Editor: A.N. Ezhov. Editor-in-Chief: A.E. Kalsin. 2015. pp. 114–115.

[12] Sherayzina R.M. Spiritual and Moral Values of Adolescents as a Pedagogical Phenomenon // A.V. Vilkova, R.M. Sherayzina. In: *Theoretical-Methodological and Applied Aspects of Social Institutions of Law, Economics, Management, and Education: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation*. Humanities and Social Institute, 2016. pp. 240–244.

[13] Sherayzina R.M. The Gender Aspect of the Spiritual and Moral Upbringing of Adolescent Girls // Vilkova A.V., Sherayzina R.M. *Bulletin of the Penal System* (Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy). 2016. No. 10 (173). pp. 8–12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-886-892

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник НИИ ФСИН России,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЁННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

Аннотация. *В статье рассматривается профессиональное самоопределение несовершеннолетних осуждённых с учётом образовательных трудностей, ограниченного трудового опыта и условий отбывания наказания. На основании российских исследований показано, что признание значимости профессии часто не сопровождается готовностью продолжить обучение и получить необходимую квалификацию. Раскрыто содержание педагогического сопровождения. Отдельное внимание уделено семейной ситуации, возможностям образовательных организаций по месту будущего проживания и передаче подростка специалистам после освобождения. Рассмотрены методы подготовки к трудоустройству и условия согласованной работы сотрудников воспитательной колонии.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осуждённые, профессиональное самоопределение, педагогическое сопровождение, профориентация, воспитательная колония, профессиональные пробы, профессиональный маршрут.*

Для цитирования: *Фиалковская Е. В. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения несовершеннолетних осуждённых в воспитательной колонии // Образование и право. 2026. № 10. С. 886–892.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
candidate of Pedagogical Sciences,
senior Researcher at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

PEDAGOGICAL SUPPORT OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF JUVENILE CONVICTS IN AN EDUCATIONAL COLONY

Annotation. *The article examines the professional self-determination of juvenile convicts, taking into account educational difficulties, limited work experience and conditions of serving a sentence. Based on Russian research, it has been shown that recognition of the importance of a profession is often not accompanied by a willingness to continue studying and obtain the necessary qualifications. The content of pedagogical support is revealed. Special attention is paid to the family situation, the possibilities of educational organizations in the place of future residence and the transfer of the teenager to specialists after release. Methods of preparation for employment and conditions of coordinated work of the staff of the educational colony are considered.*

Key words: *juvenile convicts, professional self-determination, pedagogical support, career guidance, educational colony, professional tests, professional route.*

For citation: *Fialkovskaya E. V. Pedagogical support of professional self-determination of juvenile convicts in an educational colony. Education and law. 2026;(10):886–892. (In Russ.).*

Выбор профессии относится к числу центральных задач подросткового и раннего юношеского возраста. Представления о будущей работе постепенно связываются с образованием, материальной самостоятельностью и образом взрослой жизни. Для несовершеннолетнего, отбывающего лишение свободы, решение этой задачи осложняется социальной изоляцией и ограниченным доступом к профессиональному опыту.

Часть воспитанников поступает в колонию после перерывов в обучении, с пробелами в знаниях и опытом школьной неуспешности. Их

профессиональные интересы могут оставаться неопределёнными либо основываться на поверхностном представлении о труде.

Уголовно-исполнительное законодательство включает получение профессии и подготовку к самостоятельной жизни в содержание единого учебно-воспитательного процесса. Статья 108 УИК РФ предусматривает профессиональное обучение или среднее профессиональное образование осуждённых, у которых отсутствует пригодная для трудоустройства специальность [1]. Наличие программы в учреждении решает вопрос доступа к подготовке. Соответствие этой программы интересам воспитанника, его уровню образования и ситуации после освобождения требует отдельной педагогической работы. Цель статьи состоит в определении содержания такой работы и критериев её результативности.

Исследование 150 воспитанников семи колоний, проведённое А.В. Барышевой, выявило разрыв между признанием важности профессии и готовностью действовать. Развёрнуто объяснить значение профессионального выбора смогли только 10 человек из опрошенных. Продолжение общего образования включали в планы от 9 до 53% опрошенных в разных учреждениях, до 20% ещё не рассматривали вопрос о дальнейшей учёбе [2].

По данным исследования Л.И. Кундозеровой, более половины воспитанников не смогли определить профессию, которую хотели бы освоить в колонии. Наиболее престижными они считали направления, связанные с экономикой и программированием либо с правом и медициной. Для собственного будущего подростки эти профессии обычно не рассматривали, поскольку низко оценивали свою учебную подготовку и сомневались в возможности получить необходимое образование [3].

Отметим, что для обучающихся название желаемой профессии не соотносится с готовностью следовать выбранному пути. Решение приобретает практическое содержание после соотнесения профессионального интереса с уровнем образования и доступными способами получения квалификации [4; 5; 6]. Изменение выбранной профессии оценивается с учётом его причины. Пересмотр после изучения условий поступления означает уточнение решения. Смена намерения без новой информации указывает на отсутствие устойчивого выбора [4].

Отметим, что количество оконченных классов не отражает фактическую готовность продолжать образование. Пробелы в знаниях могут затруднить освоение теоретических дисциплин и прохождение аттестации. Негативный школьный опыт нередко приводит к отказу от учёбы даже при достаточных способностях. По этой причине при построении профессионального маршрута оцениваются текущие образовательные результаты и способность воспитанника регулярно выполнять учебные задания.

У большинства осуждённых подростков трудовой опыт отсутствует либо ограничивается кратковременной неофициальной занятостью. Представления о профессии в подобных случаях строятся вокруг предполагаемого дохода и внешних признаков статуса. Повседневные обязанности специалиста и требования к качеству его работы остаются неизвестными. До 86% опрошенных А.В. Барышевой связывали труд прежде всего с заработком. Производственный и общественный результат деятельности упоминался значительно реже [2].

Преобладание мотива заработка само по себе не свидетельствует об отрицательном отношении к труду. Проблема возникает, когда подросток не видит связи между уровнем оплаты и продолжительностью подготовки. Для проверки этих представлений ему можно предложить вакансии начального уровня и объявления, в которых требуется подтверждённая квалификация. Сопоставление показывает, какие возможности появляются после обучения и накопления опыта. Мотив заработка в таком случае становится основанием для обсуждения профессиональной подготовки. Исследования профессионального консультирования подтверждают значение обсуждения ценностей, а программы поиска работы дают более выраженный результат при сочетании практических навыков с поддержанием мотивации [7; 8].

При работе с подростками педагог обычно выясняет, какое влияние семья оказывает на профессиональный выбор. В случае несовершеннолетних осуждённых семейную поддержку нельзя считать гарантированным ресурсом. Педагогу требуется установить, сможет ли подросток проживать с семьёй во время обучения и готова ли она обеспечить его основные расходы. При отсутствии этих условий заранее определяется организация, которая продолжит сопровождение после освобождения. Для поступления устанавливается связь с конкретным колледжем, для начала трудовой деятельности согласовывается обращение в службу занятости.

Перечень профессий, доступных в воспитательной колонии, ограничен действующими учебными программами. Воспитанник, поступивший после комплектования групп, может начать обучение только при наличии свободного места. Если освобождение или перевод происходят до итоговой аттестации, подросток покидает учреждение

без документа о квалификации [2]. По этой причине получаемая специальность иногда отражает организационные возможности колонии, а интересы воспитанника учитываются в пределах доступного выбора.

Профессиональный план проверяется с учётом места будущего проживания. Педагог устанавливает, в какой образовательной организации можно получить выбранную квалификацию и когда начинается приём документов. При обучении в другом городе заранее уточняются условия предоставления общежития. Если подросток планирует работать сразу после освобождения, анализируются вакансии начального уровня в его населённом пункте. Отдельной проверки требуют возрастные ограничения и медицинские противопоказания. Отсутствие подходящей программы или доступных вакансий выявляется до освобождения, чтобы сохранить время для выбора другого маршрута.

Педагогическое сопровождение представляет собой последовательную помощь подростку в исследовании профессиональных вариантов и построении реалистичного маршрута. Разовая диагностика интересов даёт ограниченный материал, который может быть тесно связан с настроением подростка и его готовностью участвовать в обсуждении. Серия бесед позволяет сконцентрироваться на устойчивых предпочтениях.

Содержание сопровождения охватывает расширение представлений о профессиях, изучение интересов и способностей, развитие навыков принятия решений и подготовку к продолжению образования. Готовность к профессиональному самоопределению включает знания, мотивы, отношение к труду и способность строить личный профессиональный план [6]. В работе с подростками, имеющими опыт девиантного поведения, значимы системность, непрерывность и доверительное взаимодействие [9]. Для воспитательной колонии добавляется согласование плана со сроком освобождения и возможностями будущего места жительства.

Педагог не выбирает профессию за воспитанника. Он предоставляет проверенную информацию и организует профессиональные пробы, после которых вместе с подростком разбирает полученные результаты. Окончательное решение остаётся за воспитанником даже при небольшом числе доступных вариантов. Навязанный выбор обычно сохраняется только под внешним контролем и после освобождения редко переходит в самостоятельные действия.

Если выбранная профессия требует подготовки, которой у подростка пока нет, педагог устанавливает конкретный объём недостающих знаний и оценивает сроки обучения. Долгосрочная цель может быть сохранена через промежуточный образовательный этап. При объективной недоступности выбранного пути рассматриваются смежные специальности с другими требованиями к подготовке. Реалистичность определяется выполнимостью каждого этапа и наличием понятного порядка действий. Выбор самой простой профессии эту задачу не решает.

В модели А.В. Барышевой были объединены целевой, содержательно-организационный и диагностический блоки. Диагностический блок используется в начале работы и повторно после получения новых сведений о воспитаннике. Содержательно-организационный блок охватывает профессиональную информацию, формирование целей и подготовку личного плана [6; 10].

Первичное заключение должно включать только те сведения, которые действительно важны для профессионального выбора подростка. Его собственные представления о будущей работе сопоставляются с учебными результатами и тем, как он справляется с практическими заданиями. По мере работы первоначальные выводы могут уточняться. Диагностика в данном случае продолжается на протяжении всего сопровождения и помогает отслеживать, насколько выбранное направление соответствует возможностям и интересам воспитанника.

Подобный подход использовался в программе «Ключи», апробированной в Костромской воспитательной колонии. Работа строилась так, чтобы полученная подростком информация о профессиях постепенно переходила в более конкретный профессиональный план. В экспериментальной группе из 18 человек доля воспитанников с высоким уровнем осознанности такого плана выросла с 34,5% до 83,5% [10].

Отдельное значение имеют профессиональные пробы. Их применение изучалось преимущественно среди обучающихся и подростков из семей, находящихся в социально опасном положении [11; 12], тогда как данных по воспитательным колониям пока немного. В условиях учреждения профессиональная проба может быть организована через самостоятельное выполнение конкретной трудовой операции.

Одного выполнения задания недостаточно для оценки профессионального интереса. После первой попытки мастер разбирает допущенные ошибки и предлагает повторить проблемную операцию. Улучшение результата после объяснения показывает, что первоначальные трудности были связаны с отсутствием опыта. Сохранение интереса после замечаний также имеет значение для дальнейшего выбора. Если подросток отказывает-

ся от направления после знакомства с реальным содержанием работы, полученный результат используется для пересмотра маршрута [11; 12].

Выбор дальнейшего направления начинается с проверки того, может ли подросток получить интересующую его профессию с учётом имеющегося образования и других обязательных требований. После этого рассматриваются доступные варианты подготовки. В результате должен появиться понятный подростку маршрут. Опрос сотрудников 16 воспитательных колоний показал недостаточную согласованность профориентационной работы и отсутствие чётко закреплённой ответственности за неё [6]. Основываясь на этом, мы предполагаем, что ведение профессионального маршрута целесообразно закреплять за конкретным специалистом, который сможет сопровождать подростка от выбора профессии до подготовки к поступлению или трудоустройству.

Методы работы определяются конкретной задачей, которую решает педагог на данном этапе. В программе А.В. Барышевой «Ключи» воспитанники выполняли письменные задания, работали в парах и микрогруппах, участвовали в деловых играх. Задания касались выбора профессии, поиска информации о рынке труда, самопрезентации и планирования дальнейших действий. Цикл был рассчитан на 46 часов, а сложность материалов менялась с учётом образовательной подготовки подростка [13].

Другой вариант практической работы представлен в программе Р.В. Чиркиной, разработанной для воспитанников, готовящихся к освобождению. Подросток заполнял «Ресурсную карту», где определял ближайшие задачи, возможные препятствия и организации, в которые сможет обратиться. Подготовка к трудоустройству включала составление резюме и разыгрывание собеседования. Запись просматривала группа, после чего участник повторял задание с учётом полученных замечаний. Подобная форма даёт возможность отработать конкретное поведение до обращения к работодателю [14].

Эффективность структурированного профессионального консультирования изучалась К.Р. Аллен и Л. Брэдли на выборке из 22 несовершеннолетних правонарушителей. После прохождения программы участники экспериментальной группы показали более высокую профессиональную зрелость и уверенность в способности принять карьерное решение по сравнению с контрольной группой [15].

Более широкие данные получены в метаанализе 57 исследований профессионального консультирования, охватившем 7364 участника. Наиболее значимые результаты были связаны с поддержкой консультанта, письменной проработкой решения и разъяснением порядка выбора профессии. Вклад также вносило обсуждение профессиональных ценностей. Информирование о ситуации на рынке труда давало положительный эффект, однако уступало работе, в которой подросток получал обратную связь [7].

Составление резюме и тренировочное собеседование следует включать ближе к освобождению. Их применение обосновывает метаанализ 47 программ поиска работы. Участники таких программ трудоустраивались в 2,67 раза чаще представителей контрольных групп. Результат появлялся при сочетании обучения практическим действиям с поддержанием мотивации. Из этого следует, что объяснения правил составления резюме недостаточно. Воспитаннику требуется самостоятельно подготовить документ, пройти пробное собеседование и исправить обнаруженные ошибки [8].

Профессиональное сопровождение требует согласованной работы разноплановых специалистов. Педагог оценивает фактический уровень знаний и возможность продолжить образование. Мастер производственного обучения видит, способен ли подросток соблюдать технологию и исправлять допущенные ошибки. Психолог помогает разобраться в причинах отказа от выбранного направления или, напротив, чрезмерной уверенности в его доступности. Сотрудник группы социальной защиты проверяет обстоятельства, от которых будет зависеть реализация плана после освобождения.

Методические рекомендации относят к продуктивным формам межведомственной работы консилиумы и ведение случая одним куратором [16]. Значение куратора состоит в сохранении последовательности сопровождения. Он собирает результаты работы специалистов и проверяет, выполнены ли принятые решения.

Переход к сопровождению по месту жительства начинается до освобождения. Согласно статье 180 УИК РФ администрация учреждения не позднее чем за шесть месяцев сообщает органам местного самоуправления и службе занятости сведения о предстоящем освобождении, наличии жилья, трудоспособности и полученных специальностях осуждённого [1]. В отношении несовершеннолетнего к работе подключается комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Она организует проверку условий проживания и передаёт запрос в орган управления образованием либо службу занятости в зависимости от намеченного маршрута [16].

Очевидно, что мы не можем оценить преемственность только по факту отправки уведомления. До освобождения требуется определить

специалиста, который продолжит работу, и согласовать первое обращение подростка. Передаваемые материалы должны содержать актуальный профессиональный план, сведения об уже полученной подготовке и вопросы, которые остаются нерешёнными. После выхода из колонии маршрут корректируется с учётом фактических условий жизни. Федеральный закон № 10-ФЗ предусматривает включение помощи в получении образования и трудоустройстве в индивидуальную программу пробации [17]. Завершённой передачу сопровождения можно считать после состоявшегося контакта подростка с принимающим специалистом.

Отдельно отметим одну из основных проблем профориентации — её формализацию. Иногда в качестве достаточного результата рассматривают просто участие осуждённого подростка в программе. Полагаем, что этого недостаточно. Результативность можно оценить только по изменениям в профессиональном плане. К тому же нельзя отрицать влияние условий колонии, из-за которых подросток может озвучивать профессию, которую одобряют сверстники или сотрудники. Ввиду этого озвученные намерения необходимо сравнивать с поведением и проявленным интересом.

Следующая сложность заключена в оценке доступности выбранной профессии. Ориентация исключительно на программы колонии искусственно сужает выбор, а поддержка любой заявленной цели оставляет без внимания требования к подготовке. Нам кажется крайне важным разделять специальность, осваиваемую во время отбывания наказания, и долгосрочное направление.

Профессиональная информация требует регулярной проверки. Перечень программ и условия поступления могут измениться до освобождения. Предположение о невозможности трудоустройства из-за судимости также не должно приниматься без проверки. Ограничения устанавливаются применительно к конкретной должности. Одновременно уточняется, допускается ли труд несовершеннолетнего и соответствует ли его квалификация требованиям работодателя.

Оценить результаты сопровождения возможно только к моменту освобождения. Подросток должен объяснить основания своего выбора и назвать способ получения необходимой квалификации. В плане указывается действие, которое он выполнит первым, и организация, куда ему потребуется обратиться. Наличие резервного варианта показывает, что подросток понимает возможные ограничения и готов корректировать первоначальное решение.

Дальнейшие результаты можно оценить только после освобождения. Сначала проверяется, состоялся ли контакт с принимающим специалистом и было ли подано заявление в выбранную организацию. Позднее учитывается фактическое начало обучения или трудовой деятельности. Сохранение занятости в течение последующего периода свидетельствует о выполнимости маршрута. Подобные результаты зависят также от семейной ситуации и состояния регионального рынка труда, поэтому их нельзя использовать для оценки работы педагога без учёта внешних условий.

Итак, профессиональное самоопределение несовершеннолетних осуждённых осложняется сочетанием возрастной неопределённости и объективных ограничений. Педагогическое сопровождение связывает профессиональный интерес с конкретным способом получения квалификации. К моменту освобождения воспитанник должен понимать, почему он выбрал определённое направление и какое образование ему потребуется. Наличие такого плана и готовность подростка самостоятельно продолжить его реализацию выступают основными критериями результативности педагогического сопровождения.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ : ред. от 11.02.2026 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 11.08.2026).

[2] Барышева А.В. Педагогический анализ проблем сформированности профессионального самоопределения несовершеннолетних в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2016. — № 1 (33). — С. 80–85.

[3] Кундозерова Л.И., Чириков А.Г., Бабушкин М.М. Формирование профессионального самоопределения осужденных подростков в воспитательных колониях // Вестник Самарского юридического института. — 2019. — № 1 (32). — С. 120–126.

[4] Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения : учебное пособие. — 4-е изд., стер. — Москва : Издательский центр «Академия», 2010. — 304 с.

[5] Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика : учебное пособие. — Москва : Издательский центр «Академия», 2008. — 320 с.

[6] Барышева А.В. Готовность несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, к профессиональному самоопределению как проблема современной педагогической науки // Вестник института: преступление, наказание, исправление.

— 2018. — № 2 (42). — С. 133–140.

[7] Whiston S.C., Li Y., Goodrich Mitts N., Wright L. Effectiveness of Career Choice Interventions: A Meta-Analytic Replication and Extension // Journal of Vocational Behavior. — 2017. — Vol. 100. — P. 175–184.

[8] Liu S., Huang J.L., Wang M. Effectiveness of Job Search Interventions: A Meta-Analytic Review // Psychological Bulletin. — 2014. — Vol. 140, № 4. — P. 1009–1041.

[9] Никитская Е.А. Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением // Психология и право. — 2017. — Т. 7, № 1. — С. 25–33.

[10] Барышева А.В. О разработке и реализации педагогической модели профориентации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2017. — № 1 (37). — С. 96–101.

[11] Печерская С.Ю., Фомичев Р.С. Профессиональные пробы как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2019. — № 1 (33). — С. 89–94.

[12] Финогенова О.Н., Шаламаев В.Н. Профессиональные пробы как форма педагогической поддержки социализации подростков из семей в социально опасном положении // Социальная педагогика. Технология и практика. — 2020. — № 1. — С. 46–57.

[13] Барышева А.В. Использование тетради на печатной основе в профориентационной деятельности сотрудников группы социальной защиты осужденных в воспитательной колонии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2015. — № 1 (29). — С. 62–67.

[14] Чиркина Р.В. Программа социально-психологического тренинга подготовки к выходу на свободу детей из воспитательной колонии (продолжение) // Вестник практической психологии образования. — 2007. — Т. 4, № 3. — С. 78–83.

[15] Allen K.R., Bradley L. Career Counseling With Juvenile Offenders: Effects on Self-Efficacy and Career Maturity // Journal of Addictions & Offender Counseling. — 2015. — Vol. 36, № 1. — P. 28–42.

[16] Методические рекомендации по межведомственному взаимодействию органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам оказания помощи осужденным несовершеннолетним, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, и несовершеннолетним, освобождающимся из мест лишения свободы / под ред. Н.В. Сероштановой. — Москва : АНО «ЦНПРО», 2016. — 81 с.

[17] О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ : ред. от 23.07.2025 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения: 11.08.2026).

References:

[1] Penal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997 (as amended on February 11, 2026) // ConsultantPlus: legal reference system. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (accessed: August 11, 2026).

[2] Barysheva A.V. Pedagogical analysis of issues regarding the development of professional self-determination among minors in juvenile correctional facilities // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. — 2016. — No. 1 (33). — pp. 80–85.

[3] Kundozerova L.I., Chirikov A.G., Babushkin M.M. Formation of professional self-determination among adolescent convicts in juvenile correctional facilities // Bulletin of the Samara Law Institute. — 2019. — No. 1 (32). — pp. 120–126.

[4] Klimov E.A. Psychology of Professional Self-Determination: A Textbook. — 4th ed., stereotyped. — Moscow: Publishing Center "Akademiya", 2010. — 304 p.

[5] Pryazhnikov N.S. Professional Self-Determination: Theory and Practice: A Textbook. — Moscow: Publishing Center "Akademiya", 2008. — 320 p.

[6] Barysheva A.V. Readiness for Vocational Self-Determination Among Minors Sentenced to Imprisonment as an Issue in Modern Pedagogical Science // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. — 2018. — No. 2 (42). — pp. 133–140.

[7] Whiston S.C., Li Y., Goodrich Mitts N., Wright L. Effectiveness of Career Choice Interventions: A Meta-Analytic Replication and Extension // Journal of Vocational Behavior. — 2017. — Vol. 100. — pp. 175–184.

[8] Liu S., Huang J.L., Wang M. Effectiveness of Job Search Interventions: A Meta-Analytic Review // Psychological Bulletin. — 2014. — Vol. 140, No. 4. — pp. 1009–1041.

[9] Nikitskaya E.A. Forms of Psychological and Pedagogical Work Aimed at Overcoming Negative Factors in the Vocational Self-Determination of Adolescents with Deviant Behavior // Psychology and Law. — 2017. — Vol. 7, No. 1. — pp. 25–33.

[10] Barysheva A.V. On the Development and Implementation of a Pedagogical Model for

Vocational Guidance for Minors Sentenced to Imprisonment // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. — 2017. — No. 1 (37). — pp. 96–101.

[11] Pecherskaya S.Yu., Fomichev R.S. Vocational Trials as a Factor in the Personal and Professional Self-Determination of Students // Vocational Education in Russia and Abroad. — 2019. — No. 1 (33). — pp. 89–94.

[12] Finogenova O.N., Shalamaev V.N. Professional trials as a form of pedagogical support for the socialization of adolescents from families in socially dangerous situations // Social Pedagogy: Technology and Practice. — 2020. — No. 1. — pp. 46–57.

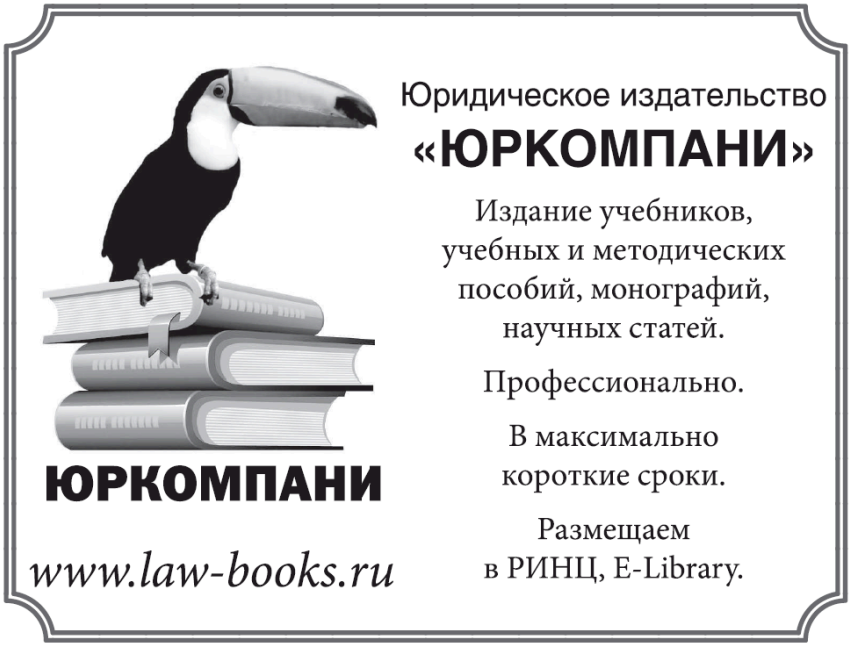
[13] Barysheva A.V. The use of a printed workbook in the career guidance activities of social protection staff working with juvenile offenders in a correctional colony // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. — 2015. — No. 1 (29). — pp. 62–67.

[14] Chirkina R.V. A socio-psychological training program to prepare juveniles for release from a correctional colony (continued) // Bulletin of Practical Psychology of Education. — 2007. — Vol. 4, No. 3. — pp. 78–83.

[15] Allen K.R., Bradley L. Career Counseling With Juvenile Offenders: Effects on Self-Efficacy and Career Maturity // Journal of Addictions & Offender Counseling. — 2015. — Vol. 36, No. 1. — pp. 28–42.

[16] Methodological recommendations on interagency cooperation among bodies and institutions within the system for the prevention of juvenile neglect and delinquency, regarding the provision of assistance to juvenile offenders serving non-custodial sentences and those being released from places of confinement / ed. by N.V. Seroshtanova. — Moscow: ANO "TsNPRO", 2016. — 81 p.

[17] On Probation in the Russian Federation : Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 : as amended on July 23, 2025 // ConsultantPlus : legal reference system. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (accessed: August 11, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-893-897
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

БИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И РАСПОЗНАВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности применения технологий компьютерного зрения и анализа позы человека для раннего выявления ситуаций, связанных с повышенным риском нарушения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Обосновывается, что автоматизированное выделение ключевых точек тела, оценка взаимного расположения головы, корпуса, рук и ног, анализ углов в суставах, направления взгляда, дистанции между лицами, скорости и резкости движений могут использоваться для формирования ориентирующих сигналов о потенциально опасной ситуации. К таким ситуациям относятся конфликтное сближение, подготовка к физическому столкновению, резкое изменение траектории, попытка преодоления инженерного заграждения, нахождение в нетипичной позе, падение, длительная неподвижность либо групповое взаимодействие, требующее внимания сотрудника. Показано, что система автоматического анализа позы на основе искусственного интеллекта не способна достоверно установить намерение лица или предсказать конкретное нарушение; ее результат должен иметь ориентирующий характер и использоваться только для направления сотрудника к дополнительной проверке. Отдельное внимание уделяется правовым ограничениям обработки видеоданных и биометрических персональных данных, необходимости валидации моделей в условиях конкретного учреждения, защите информации, запрету автоматизированного принятия юридически значимых решений без участия человека и обеспечению возможности проверки неблагоприятного вывода.*

Ключевые слова: *анализ позы человека, прогнозирование угроз безопасности, учреждения УИС, компьютерное зрение, видеоаналитика, машинное обучение, распознавание действий, биометрические персональные данные, правовые ограничения.*

Для цитирования: *Царькова Е. Г. Биометрический анализ и распознавание поведения для прогнозирования угроз безопасности в учреждениях УИС: технологические возможности и правовые ограничения // Образование и право. 2026. № 10. С. 893–897.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences,
associate professor, leading Researcher
of the Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

BIOMETRIC ANALYSIS AND BEHAVIOR RECOGNITION FOR PREDICTING SECURITY THREATS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS: TECHNOLOGICAL CAPABILITIES AND LEGAL RESTRICTIONS

Annotation. *The article examines the possibilities of using computer vision technologies and human posture analysis to detect situations associated with an increased risk of security violations in institutions of the penal system of the Russian Federation at an early stage. It is substantiated that automated identification of key body points, assessment of the relative positions of the head, torso,*

arms, and legs, analysis of joint angles, gaze direction, distance between faces, and the speed and sharpness of movements can be used to generate indicative signals about a potentially dangerous situation. Such situations include a conflict-driven approach, preparation for a physical confrontation, a sudden change in trajectory, an attempt to overcome an engineered barrier, being in an atypical posture, a fall, prolonged immobility, or group interaction requiring the officer's attention. It has been shown that an automatic posture analysis system based on artificial intelligence is not capable of reliably determining a person's intent or predicting a specific violation; its results should be of an indicative nature and used only to direct the officer to conduct an additional check. Special attention is paid to the legal restrictions on the processing of video data and biometric personal data, the need to validate models within the specific institutional context, information protection, the prohibition of automated decision-making that has legally significant consequences without human involvement, and ensuring the possibility of verifying an adverse conclusion.

Key words: *analysis of human posture, prediction of security threats, penal institutions, computer vision, video analytics, machine learning, action recognition, biometric personal data, legal restrictions.*

For citation: *Tsarkova E. G. Biometric analysis and behavior recognition for predicting security threats in penitentiary institutions: technological capabilities and legal restrictions. Education and law. 2026;(10):893–897. (In Russ.).*

Система охраны учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) традиционно основывается на инженерно-технических средствах, постах, обходах, видеонаблюдении и непосредственном наблюдении личного состава [1, с.113; 2, с.57]. Вместе с тем современная система видеонаблюдения формирует непрерывный и значительный объем визуальной информации, который оператор не всегда способен одновременно и полноценно оценивать. Наиболее сложными остаются быстро развивающиеся ситуации: конфликтное сближение нескольких лиц, попытка нападения, падение, внезапная потеря устойчивости, длительная неподвижность, резкое изменение направления движения либо действия вблизи периметра и инженерных сооружений [3, с.63].

Автоматизированный анализ позы способен дополнить действующие механизмы охраны и надзора. Его назначение состоит не в установлении внутреннего психического состояния человека и не в автоматическом признании лица опасным, а в выявлении наблюдаемых пространственно-временных признаков движения, статистически связанных с ситуациями, требующими оперативного внимания. При корректном применении система сокращает время между появлением визуального признака опасности и передачей сигнала сотруднику, однако не заменяет его профессиональную оценку.

Технологии оценки позы извлекают из изображения или видеопоследовательности координаты анатомических ориентиров тела: головы, плеч, локтей, запястий, таза, коленей, лодыжек и других точек. Последовательность таких координат образует упрощенную скелетную модель, на основе которой можно определить положение корпуса, углы в суставах, амплитуду, скорость и ускорение движений, направление разворота, устойчивость человека, особенности его взаимодействия с окружающими лицами и изменение положения тела во времени. Исследования систем видеонаблюдения используют подобные скелетные представления для обнаружения аномального поведения и признаков физического насилия, анализируя не только отдельный кадр, но и динамику ключевых точек тела во временной последовательности.

В данной случае объектом прогнозирования является не преступное намерение, не агрессивность как свойство личности и не виновность конкретного осужденного. Алгоритм оценивает вероятность наступления наблюдаемой опасной ситуации на кратком временном горизонте, например, в ближайшие секунды или минуты, исходя из последовательности поз, траекторий и пространственных отношений между людьми. Такой подход методологически более обоснован, поскольку система работает с доступными ей внешними данными – изображением тела и динамикой движения, а не с недоступными непосредственному наблюдению мотивами человека [4, с.330; 5, с.120].

Сигнал для оператора может формироваться при быстром или повторном сближении двух и более лиц, устойчивом сокращении дистанции между ними, резких замаховых движениях рук, ускоренном приближении, направленном развороте корпуса, толчке, попытке захвата или иной конфигурации движений, напоминающей начало физической конфронтации. Контроль может быть необходим при хаотичном групповом перемещении у дверного проема, контрольно-пропускного участка, инженерного ограждения либо иной точки повышенного риска. Анализ позы также способен выявлять действия, потенциально связанные с

попыткой преодоления препятствия: подъем по ограждению, нехарактерный наклон к техническому элементу, длительные манипуляции у периметра или движение, выходящее за пределы установленной виртуальной зоны.

Отдельным направлением является выявление падения, лежачего положения, потери устойчивости и продолжительной неподвижности. Такие признаки могут указывать как на возможное самоповреждение, так и на внезапное ухудшение состояния здоровья, последствия конфликта или необходимость оказания помощи. Система может отмечать и резкое изменение траектории передвижения, если оно сочетается с активными движениями рук и корпуса либо с взаимодействием нескольких лиц. Однако любое автоматическое срабатывание должно описывать лишь наблюдаемую конфигурацию: «вероятное конфликтное взаимодействие», «возможное падение», «нетипичная двигательная активность у периметра». Оно не должно содержать вывода о намерении совершить нападение, побег или иное нарушение [6, с.8; 7, с.12].

Даже сочетание быстрого сближения, резких движений рук и поворота корпуса может иметь альтернативное объяснение: спортивное упражнение, бытовое взаимодействие, реакция на неожиданную опасность, оказание помощи упавшему человеку. Поэтому технология анализа позы применима как инструмент раннего предупреждения, но не как средство доказывания вины или самостоятельное основание для ограничительной меры.

При этом внедрение технологии анализа позы в учреждениях УИС связано не только с технической возможностью обработки видеопотока, но и с правовым режимом такой обработки. В зависимости от цели и способа применения система может работать с видеоданными, персональными данными и биометрическими персональными данными. Если поза анализируется обезличенно для обнаружения падения, нахождения за виртуальной линией или скопления людей без установления личности, правовой риск связан прежде всего с соразмерностью и объемом видеонаблюдения [8; 9]. Если же результаты сопоставляются с профилем конкретного осужденного, используются для отслеживания его перемещений либо накапливаются в индивидуальной истории поведения, такая обработка может затрагивать режим биометрических персональных данных.

Биометрическими признаются сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых может быть установлена его личность, если оператор использует их именно в целях идентификации. Поэтому правовая квалификация зависит не только от типа фиксируемой информации, но и от цели обработки. Анализ абстрактной скелетной модели для обнаружения падения не равнозначен созданию или использованию индивидуального биометрического профиля. Вместе с тем привязка позы, движений, силуэта или траектории к конкретному человеку требует повышенных гарантий законности, безопасности и контролируемости обработки [10, с.313].

Применение технологии должно быть ограничено конкретными, заранее определенными и законными целями. Такими целями могут являться своевременное обнаружение падения, потенциально опасного сближения, действий у периметра, несанкционированного нахождения в охраняемой зоне либо иной непосредственно наблюдаемой угрозы. Недопустимо заменять данные цели неограниченным мониторингом повседневной активности осужденных или формированием неопределенного поведенческого рейтинга, не имеющего прозрачных критериев и понятной связи с безопасностью.

Необходимы минимизация собираемой информации и пространственное ограничение обработки. Анализ позы целесообразно применять в тех помещениях и зонах, где он объективно служит задаче предотвращения конкретных инцидентов: у периметра, на контрольно-пропускных пунктах, в коридорах с регулируемым движением, в прогулочных дворах и иных участках повышенного риска. Следует регламентировать сроки хранения видеозаписей, извлеченных координат, скелетных шаблонов, метаданных и журналов срабатываний; круг лиц, имеющих доступ к этим данным; порядок их передачи, архивирования и уничтожения; а также меры криптографической и организационной защиты.

Особое значение имеет запрет на автоматизированное принятие юридически значимых решений. Алгоритмический сигнал о нетипичной позе, вероятном конфликтном взаимодействии или аномальной активности не доказывает факт дисциплинарного проступка, подготовки нападения или иной вины. Он не должен самостоятельно влечь постановку на профилактический учет, дисциплинарное взыскание, ограничение перемещения, ухудшение условий содержания либо иную неблагоприятную меру. Сигнал должен рассматриваться как ориентирующая информация, подлежащая обязательной проверке сотрудником с учетом полной видеозаписи, объяснений участников, медицинских обстоятельств, показаний иных технических средств и фактических результатов проверки.

До начала эксплуатации требуется обяза-

тельная валидация модели в среде конкретного учреждения. Алгоритм, обученный на открытых наборах видео, в общественных пространствах или на специально постановочных сценах, не обязательно будет корректно работать в камере, коридоре, производственном помещении либо прогулочном дворе. На результат влияют ракурс и качество камер, освещенность, плотность людей, перекрытие фигур, одежда, особенности планировки, условия передвижения и характерные действия лиц. Поэтому необходимо оценивать чувствительность, специфичность, точность, устойчивость системы и число ложноположительных и ложноотрицательных срабатываний для конкретной инфраструктуры. Исследования методов видеоаналитики насилия также демонстрируют зависимость результатов от качества данных, способов извлечения позы и условий наблюдения.

Должны быть обеспечены документирование и проверяемость алгоритмических срабатываний. Для каждого сигнала необходимо фиксировать номер камеры, время, технические признаки, на основании которых он сформирован, версию алгоритма, степень уверенности модели и результаты последующей проверки сотрудником. Если вывод системы учитывается при принятии решения, затрагивающего положение осужденного, он и его защитник должны иметь возможность оспорить такое решение, поставить вопрос о полноте фактической проверки и заявить доводы о возможной ошибочности алгоритмической оценки. Такая процедура особенно важна ввиду вероятностного характера моделей компьютерного зрения и риска ошибочного толкования нейтральной активности как угрозы.

Анализ позы человека может стать полезным компонентом системы раннего предупреждения угроз безопасности в учреждениях УИС. Однако технология не способна достоверно установить мотивы, агрессивное намерение или виновность человека. Ее обоснованная функция заключается в выявлении визуальных признаков ситуации, требующей внимания: потенциально опасного сближения, падения, продолжительной неподвижности, резких движений, действий у периметра или иных нетипичных двигательных паттернов. Результат анализа должен использоваться исключительно как ориентирующий сигнал для последующей оценки сотрудником, без автоматического ухудшения правового статуса осужденного. Для правомерного внедрения технологии в служебную деятельность необходимо четко определить цели обработки, ограничения объема и зон наблюдения, способы защиты информации, предварительной валидации алгоритма в реальных условиях учреждения, документировании его ошибок и сохранении решающей роли человека. При соблюдении этих условий технология компьютерного зрения может повысить оперативность реагирования на угрозы, не подменяя требования законности, соразмерности и защиты прав осужденных.

Список литературы:

[1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[2] Царькова Е.Г. Учебная аналитика в дистанционном обучении: особенности применения и перспективы развития // Прикладная психология и педагогика. 2022, Т. 7, № 3. С. 54-66.

[3] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.

[4] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[5] Курдюкова Е.А., Романченко М.Д. Искусственный интеллект в деятельности уголовно-исполнительной системы // Современное право. 2023. № 10. С. 119–121.

[6] Андреева Е.А., Беляев А.К., Еремин Ю.М., Царькова Е.Г. Методы биометрической идентификации на основе применения нейросетевых технологий // Информационные технологии в УИС. 2019. № 3. С. 2-10.

[7] Чураков Д.Ю., Царькова Е.Г., Беляев А.К. Точный расчет: возможности автоматизации при проведении оценки эффективности системы безопасности охраняемых объектов УИС // Информационные технологии в УИС. 2020. № 2. С. 10-21.

[8] Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.

[9] Churakov D.Y., Tsarkova E.G., Grechishnikov E.V., Marchenko N.D. Analysis of methods of processing of expert information by optimization of administrative decisions / // Journal of Physics: Conference Series, Voronezh, 18–20 декабря 2017 года. Vol. 973. – Voronezh: Institute of Physics Publishing, 2018. P. 012030.

[10] Зорина Н.С., Царькова Е.Г. Правонарушения в сети Интернет: классификация, возникающие риски и меры предотвращения // Евразийский юридический журнал. 2024.

№ 6(193). С. 313-314.

References:

[1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. The Use of Personal Identification Systems to Ensure Security at High-Security Facilities within the Penal System // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, No. 4. pp. 113–119.

[2] Tsarkova E. G. Learning Analytics in Distance Education: Application Features and Development Prospects // Applied Psychology and Pedagogy. 2022, Vol. 7, No. 3. pp. 54–66.

[3] Shinyaev K. A., Morozov A. S. Modern Digital Technologies in the Surveillance System of Pre-trial Detention Centers within the Penal System of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, No. 4 (65). pp. 62–66.

[4] Pekareva V. V., Frolovskaya Yu. I. Artificial Intelligence in the Penal System // Law and State: Theory and Practice. 2024, No. 10. pp. 329–331.

[5] Kurdyukova E. A., Romanchenko M. D. Artificial Intelligence in the Operations of the Penal System // Modern Law. 2023, No. 10. pp. 119–121.

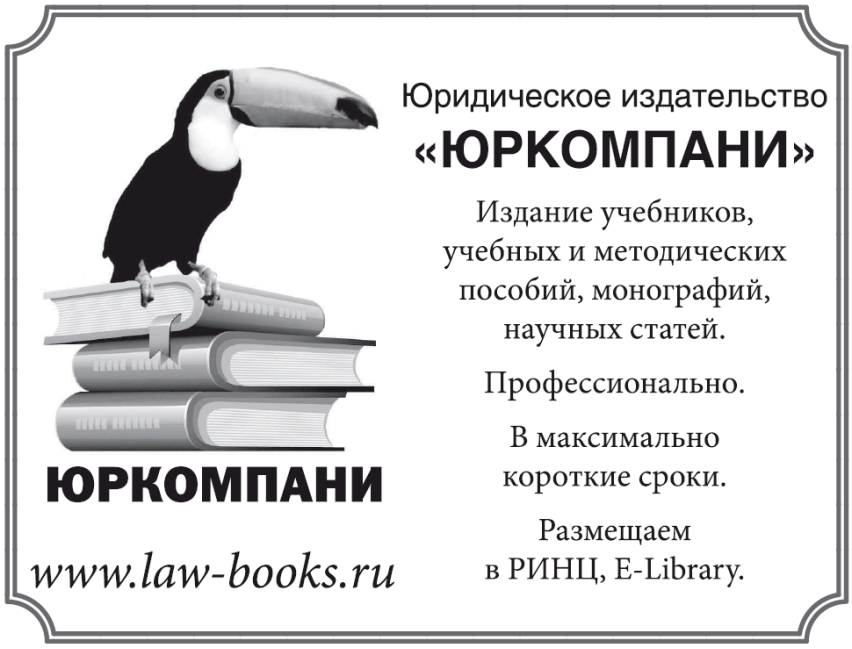
[6] Andreeva E. A., Belyaev A. K., Eremin Yu. M., Tsarkova E. G. Biometric Identification Methods Based on Neural Network Technologies // Information Technologies in the Penal System. 2019, No. 3. pp. 2–10.

[7] Churakov D.Y., Tsarkova E.G., Belyaev A.K. Precise Calculation: Automation Capabilities for Assessing the Effectiveness of Security Systems at Penal System Facilities // Information Technologies in the Penal System. 2020. No. 2. pp. 10–21.

[8] Talapina E.V. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18. No. 3. pp. 4–27.

[9] Churakov D.Y., Tsarkova E.G., Grechishnikov E.V., Marchenko N.D. Analysis of Methods for Processing Expert Information to Optimize Administrative Decisions // Journal of Physics: Conference Series, Voronezh, December 18–20, 2017. Vol. 973. – Voronezh: Institute of Physics Publishing, 2018. P. 012030.

[10] Zorina N.S., Tsarkova E.G. Offenses on the Internet: Classification, Emerging Risks, and Prevention Measures // Eurasian Law Journal. 2024. No. 6(193). pp. 313–314.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-898-903

РАМХЕН Алексей Андреевич,
аспирант Московского финансово-юридического университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ДИНАМИКА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФССП РОССИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗА 2021–2025 ГОДЫ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу статистических показателей исполнительных производств неимущественного характера, находившихся на исполнении в Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации в 2021–2025 годах. На основе официальных данных статистической отчётности по форме Ф № 1-1 выявлены основные тенденции изменения количества производств в разрезе отдельных категорий: жилищных споров, административного выдворения иностранных граждан, исполнения в сфере защиты прав детей, назначения обязательных работ, приостановления деятельности юридических лиц. Установлено, что общая динамика неимущественных производств характеризуется умеренной нисходящей тенденцией при значительной дифференциации отдельных составляющих. Определены нормативные и социальные факторы, обусловившие выявленные изменения. Результаты могут использоваться при совершенствовании правовой регламентации исполнительного производства.*

Ключевые слова: *исполнительное производство, неимущественные требования, ФССП России, принудительное исполнение, административное выдворение, жилищные права, права ребёнка, обязательные работы, приостановление деятельности.*

Для цитирования: *Рамхен А. А. Динамика исполнительных производств неимущественного характера в деятельности ФССП России: статистический анализ за 2021–2025 годы // Образование и право. 2026. № 10. С. 898–903.*

RAMKHEN Alexey Andreevich,
Postgraduate Student, Moscow University of Finance and Law

DYNAMICS OF NON-PROPERTY ENFORCEMENT PROCEEDINGS WITHIN THE ACTIVITIES OF THE FSSP OF RUSSIA: A STATISTICAL ANALYSIS FOR 2021–2025

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of statistical indicators concerning non-property enforcement proceedings handled by the Federal Bailiff Service of the Russian Federation (FSSP of Russia) between 2021 and 2025. Based on official statistical reporting data (Form F No. 1-1), the study identifies key trends in the volume of proceedings across specific categories, including housing disputes, the administrative expulsion of foreign nationals, the protection of children's rights, the imposition of compulsory labor, and the suspension of the activities of legal entities. It is established that the overall trend for non-property enforcement proceedings is moderately downward, though with significant variation among individual categories. The regulatory and social factors driving these observed changes are identified. The findings may be utilized to improve the legal regulation of enforcement proceedings.*

Key words: *enforcement proceedings, non-property claims, FSSP of Russia, compulsory enforcement, administrative expulsion, housing rights, children's rights, compulsory labor, suspension of activities.*

For citation: *Ramkhen A. A. Dynamics of non-property enforcement proceedings within the activities of the FSSP of Russia: a statistical analysis for 2021–2025. Education and law. 2026; (10):898–903. (In Russ.).*

Введение

Исполнительное производство является заключительной и ключевой стадией реализации судебной защиты права: без эффективного принудительного исполнения судебные акты утрачивают практическое значение. В структуре деятельности Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (ФССП России) исполнительные производства неимущественного характера занимают особое место, поскольку направлены на реализацию требований, не связанных с взысканием денежных средств или обращением взыскания на имущество, но нередко затрагивающих конституционные права граждан: право на жилище, право на воспитание детей, право на труд.

Нормативной основой исполнения таких требований служат статьи главы 13 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 229-ФЗ). Вместе с тем в исследуемый период (2021–2025 гг.) был принят ряд значимых изменений в смежном законодательстве – КоАП РФ, жилищном законодательстве, миграционном законодательстве, – что не могло не сказаться на динамике соответствующих показателей.

Целью настоящей статьи является анализ динамики основных показателей исполнительных производств неимущественного характера по данным официальной статистики ФССП России за 2021–2025 годы, выявление факторов, обусловивших наблюдаемые тенденции, и формулирование теоретических и практических выводов.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили данные официальной статистической отчётности ФССП России по форме Ф № 1-1 за период 2021–2025 годов, содержащей сведения об исполнительных производствах в разрезе отдельных категорий требований. При проведении исследования применялись следующие методы: сравнительно-правовой анализ, статистические методы (расчёт абсолютных и относительных изменений, динамических рядов), метод контент-анализа нормативных правовых актов, системный метод.

Совокупность анализируемых производств охватывает десять видов неимущественных требований, прямо предусмотренных статьями 105–109.4 Закона № 229-ФЗ: о предоставлении жилья, об освобождении незаконно занимаемых помещений, о выселении, о сносе самовольных построек, о вселении, о приостановлении деятельности, об административном выдворении иностранных граждан, об обязательных работах, о действиях (бездействии), связанных с воспитанием и защитой прав ребёнка, о розыске ребёнка.

Общая динамика неимущественных производств

За исследуемый период общее количество исполнительных производств неимущественного характера продемонстрировало умеренную нисходящую тенденцию. В 2021 году на исполнении находилось 1 095 912 таких производств, тогда как к 2025 году их число сократилось до 1 028 723, что составляет снижение на 6,1% (рис. 1). При этом общий портфель всех исполнительных производств, напротив, за тот же период вырос с 119 999 785 до 130 973 726 (+ 9,1%), что свидетельствует о сокращении удельного веса неимущественных производств в структуре нагрузки службы.

Максимальное значение показателя зафиксировано в 2022 году – 1 114 339 производств, что, по всей видимости, связано с запаздывающим отражением судебных решений, принятых в период пандемийных ограничений, а также с активизацией правоприменительной практики в первый год после снятия большинства ограничений. Последующее планомерное сокращение отражает как реализацию государственных программ, влекущую исчерпание оснований для обращения взыскания, так и нормативные изменения, сузившие круг лиц, в отношении которых применяются отдельные меры принудительного исполнения.

Таблица 1. Общая динамика неимущественных исполнительных производств ФССП России, 2021–2025 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	Δ 2025/2021, %
Всего ИП (тыс.)	119 999	131 744	126 933	126 920	130 974	+9,1%
Неимущественные ИП	1 095 912	1 114 339	1 092 794	1 068 718	1 028 723	−6,1%
Меры в обеспечение иска	26 764	27 441	27 532	26 589	25 764	−3,7%

Источник: ФССП России, форма Ф № 1-1.

Жилищный блок

Жилищная группа неимущественных производств включает требования о предоставлении жилья (в том числе в пользу детей-сирот и военнослужащих), о выселении, о вселении, а также об освобождении незаконно занимаемых помещений. За 2021–2025 годы все показатели данного блока продемонстрировали устойчивое снижение, что, согласно данным, содержащимся непосредственно в анализируемой статистике, обусловлено реализацией государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утверждённой постановлением Пра-

вительства РФ от 30.12.2017 № 1710.

Таблица 2. Жилищный блок неимущественных ИП ФССП России, 2021-2025 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	Δ %
О предоставлении жилья (всего)	45 186	46 025	41 117	35 510	30 675	−32,1%
в т.ч. в пользу детей-сирот	36 707	38 084	34 041	28 697	24 060	−34,5%
в т.ч. в пользу военнослужащих	46	24	28	29	20	−56,5%
О выселении	34 148	30 884	30 866	29 759	27 919	−18,2%
О вселении	3 313	2 875	2 918	2 768	2 712	−18,1%
Об освобождении (юр. лица)	297	235	204	241	192	−35,4%
Об освобождении (физ. лица и ИП)	1 065	820	777	835	830	−22,1%

Источник: ФССП России, форма Ф № 1-1.

Снижение производств о предоставлении жилья детям-сиротам на 34,5% (с 36 707 до 24 060) является наиболее значимым как с количественной, так и с правозащитной точки зрения. Данная тенденция может интерпретироваться двояко: либо как свидетельство постепенного исполнения накопленных обязательств государства перед данной категорией граждан, либо – в части отдельных регионов – как следствие нарастания долга, не отражённого в судебных актах. Количество производств о сносе самовольных строений (физические лица: 10 499 → 9 767; юридические лица: 606 → 547) сохраняет стабильность с тенденцией к естественному убыванию, что может быть обусловлено превентивным действием сложившейся правоприменительной практики.

Административное выдворение иностранных граждан

Наиболее резкие изменения в анализируемом периоде претерпели показатели исполнения требований об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации (ст. 109.1 Закона № 229-ФЗ): рост с 9 898 производств в 2021 году до 94 429 в 2024 году, то есть в 9,5 раза. К 2025 году показатель несколько снизился – до 70 737, оставаясь, тем не менее, в 7,1 раза выше уровня 2021 года.

Ключевыми правовыми факторами, определившими данную тенденцию, являются: последовательное ужесточение миграционного законодательства посредством Федерального закона от 05.12.2022 № 479-ФЗ о внесении изменений в КоАП РФ; Федерального закона от 25.12.2023 № 649-ФЗ о внесении изменений в КоАП РФ; а также административные меры, принятые после теракта в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, резко усилившие миграционный контроль. По данным ФССП России, за весь 2024 год было принудительно выдворено более 87–94 тысяч иностранных граждан в 66 государств – почти вдвое больше, чем в 2023 году. Снижение в 2025 году с пиковых значений объясняется частичной нормализацией миграционной обстановки и адаптационным эффектом от ужесточения контрольно-надзорного режима.

Таблица 3. Динамика ИП об административном выдворении иностранных граждан

2021	2022	2023	2024	2025	Δ 2025/2021
9 898	30 223	50 380	94 429	70 737	+614,7%

Источник: ФССП России, форма Ф № 1-1.

Исполнение требований в сфере защиты прав детей

Производства, связанные с защитой прав несовершеннолетних (ст. 109.3 Закона № 229-ФЗ), демонстрируют принципиально разнонаправленные тенденции в зависимости от вида требования.

Таблица 4. Динамика «детского» блока неимущественных ИП, 2021–2025 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	Δ %
Об отобрании / возвращении ребёнка	777	997	1 031	905	834	+7,3%
Об определении места жительства ребёнка	591	378	63	28	17	−97,1%
О порядке общения с ребёнком	11 789	12 639	13 588	13 888	14 108	+19,7%
О розыске ребёнка	65	55	56	61	50	−23,1%

Источник: ФССП России, форма Ф № 1-1.

Устойчивый рост производств о порядке общения с ребёнком (+19,7% за пять лет, с 11 789 до 14 108) отражает усиливающуюся конфликтность постразводных отношений между родителями и возрастающее число обращений за судебной защитой права на общение с ребёнком. Эта тенденция коррелирует с общероссийской статистикой роста числа разводов и свидетельствует о недостаточной эффективности медиативных инстру-

ментов урегулирования семейных конфликтов в данной сфере.

Напротив, снижение производств об определении места жительства ребёнка практически до нуля (–97,1%: с 591 до 17) обусловлено не сокращением числа таких споров, а трансформацией юрисдикционных механизмов: в исследуемый период практика складывалась так, что суды всё чаще включали условие об определении места жительства непосредственно в мировые соглашения или в решения, не требующие принудительного исполнения через ФССП, а также расширилось применение нотариального оформления соглашений о порядке воспитания детей.

Обязательные работы и приостановление деятельности

Таблица 5. Динамика ИП об обязательных работах и приостановлении деятельности

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	Δ %
Об обязательных работах	614 422	608 705	552 013	493 437	488 726	−20,4%
О приостановлении деятельности	10 038	5 535	4 195	5 267	5 614	−44,1%

Источник: ФССП России, форма Ф № 1-1.

Производства об исполнении наказания в виде обязательных работ (ст. 109.2 Закона № 229-ФЗ) формируют наиболее многочисленную категорию неимущественных производств: их удельный вес в совокупности неимущественных производств составлял в 2021 году 56,1%, а к 2025 году достиг 47,5%. Системный спад на 20,4% обусловлен прежде всего изменениями в Федеральный закон от 06.06.2019 № 136-ФЗ, скорректировавшими абзац 2 ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ и определившими закрытый перечень лиц, которым может назначаться данный вид наказания, а также признанием практики обязательных работ как недостаточно эффективной меры воздействия.

Производства о приостановлении деятельности организаций (ст. 109 Закона № 229-ФЗ) показали наиболее волатильную динамику: пиковое значение 2021 года (10 038) сменилось резким спадом до 4 195 в 2023 году, после чего последовало частичное восстановление до 5 614 в 2025 году. Спад 2021–2023 годов непосредственно связан с введением моратория на плановые проверки субъектов малого предпринимательства постановлением Правительства РФ от 30.11.2020 № 1969, а также его продлением до 2030 года постановлением Правительства РФ от 10.03.2023 № 372. Некоторый рост в 2024–2025 годах отражает увеличение числа внеплановых проверок по отдельным основаниям, не подпадающим под действие моратория.

Выводы

Проведённый анализ официальной статистики ФССП России за 2021–2025 годы позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Общая динамика. Неимущественные исполнительные производства демонстрируют умеренное снижение (–6,1%) на фоне роста общего портфеля исполнительных производств, что свидетельствует о сокращении их удельного веса в нагрузке службы и не может быть интерпретировано как свидетельство улучшения добровольного исполнения неимущественных требований.

2. Жилищный блок. Нисходящая тенденция (–32,1% по производствам о предоставлении жилья) носит преимущественно позитивный характер и отражает реализацию государственной жилищной программы, однако требует дифференцированной оценки в разрезе регионов ввиду существенной неравномерности их участия в программе.D

3. Миграционный блок. Рост производств об административном выдворении в 9,5 раза является наиболее значимым трендом периода, обусловленным законодательным ужесточением и резким усилением правоприменения в 2024 году. Данное направление требует отдельного исследования с точки зрения обеспечения прав лиц, в отношении которых осуществляется выдворение.

4. Детский блок. Рост производств о порядке общения (+19,7%) при стагнации производств об отобрании ребёнка указывает на системную проблему неисполнения судебных решений о графиках общения с ребёнком и свидетельствует о необходимости совершенствования механизма ответственности за уклонение от их исполнения.

5. Обязательные работы. Системный спад (–20,4%) является закономерным следствием законодательного сужения сферы применения данного вида наказания. Сохраняющийся значительный объём таких производств (более 488 тыс. в год) требует оценки их фактической эффективности.

6. Приостановление деятельности. Снижение в 2021–2023 годах носило нормативно обусловленный характер (мораторий на проверки); постепенное восстановление в 2024–2025 годах отражает частичное возвращение к стандартному режиму контрольно-надзорной деятельности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 2025 г.) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

[2] Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286800/ (дата обращения: 06.09.2026).

[3] Постановление Правительства РФ от 30.11.2020 № 1969 «Об особенностях формирования ежегодных планов проведения плановых проверок» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369317/ (дата обращения: 06.09.2026).

[4] Постановление Правительства РФ от 10.03.2023 № 372 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=605974512&page=1&rdk=0 (дата обращения: 06.09.2026).

[5] Федеральный закон от 05.12.2022 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/ (дата обращения: 06.09.2026).

[6] Федеральный закон от 25.12.2023 № 649-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465511/ (дата обращения: 06.09.2026).

[7] Федеральный закон от 06.06.2019 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 3.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326256/ (дата обращения: 06.09.2026).

[8] ФССП России. Итоги работы за 2025 год. // Официальный сайт ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru (дата обращения: 06.03.2026).

[9] ФССП России. Статистические данные по форме Ф № 1-1 за 2021–2025 гг. (первичные данные). // Официальный сайт ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru (дата обращения: 06.03.2026).

[10] Аристов Д.В. О результатах деятельности ФССП России в 2024 году // Выступление в Совете Федерации Федерального Собрания РФ. – 02.04.2025. // Официальный сайт ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb3b6e/02025/03_2025/2025_02_28__Stenogramma.pdf?ysclid=mvk3b3uvnf773877920 (дата обращения: 06.03.2026).

References:

[1] Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007, "On Enforcement Proceedings" (as amended in 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 41. – Art. 4849.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1710 of December 30, 2017, "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Provision of Affordable and Comfortable Housing and Utility Services to Citizens of the Russian Federation'" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286800/ (accessed: September 6, 2026).

[3] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1969 of November 30, 2020, "On Specifics of Developing Annual Plans for Scheduled Inspections" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369317/ (accessed: September 6, 2026).

[4] Decree of the Government of the Russian Federation No. 372 of March 10, 2023, "On Amendments to Decree of the Government of the Russian Federation No. 336 of March 10, 2022" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=605974512&page=1&rdk=0 (accessed: September 6, 2026).

[5] Federal Law No. 479-FZ of December 5, 2022, “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/ (accessed: September 6, 2026).

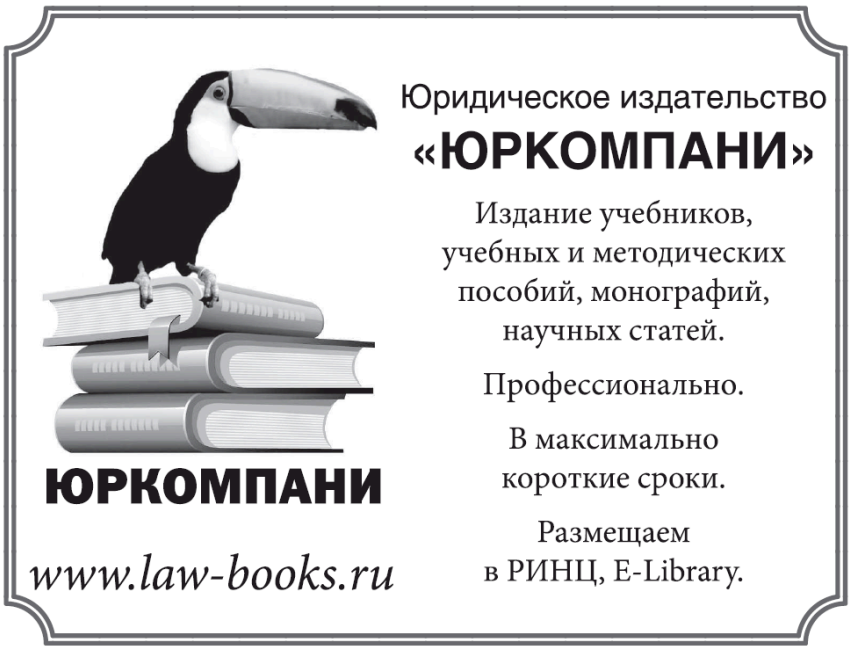
[6] Federal Law No. 649-FZ of December 25, 2023, “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465511/ (accessed: September 6, 2026).

[7] Federal Law No. 136-FZ of June 6, 2019, “On Amendments to Article 3.13 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326256/ (accessed: September 6, 2026).

[8] Federal Bailiff Service of Russia (FSSP of Russia). Results of operations for 2025. // Official website of the Federal Bailiff Service of Russia. URL: https://fssp.gov.ru (accessed: March 6, 2026).

[9] Federal Bailiff Service of Russia (FSSP of Russia). Statistical data (Form F No. 1-1) for 2021–2025 (raw data). // Official website of the Federal Bailiff Service of Russia. URL: https://fssp.gov.ru (accessed: March 6, 2026).

[10] Aristov D.V. On the Results of the Activities of the FSSP of Russia in 2024 // Address to the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. – April 2, 2025. // Official website of the FSSP of Russia. URL: https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb3b6e/02025/03_2025/2025_02_28__Stenogramma.pdf?ysclid=mvk3b3uvnf773877920 (accessed: March 6, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-904-909

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал)
ВГУЮ РПА Минюста России,
кандидат психологических наук,
ORCID:0000-0002-3852-3128,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК СИСТЕМНЫЙ И ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. *В статье речь идет об организации процесса самовоспитания, саморазвития осужденных, основанной на понимании и реализации в поведении, отношениях и деятельности духовно-нравственных ценностей, а так как педагогический процесс воспитательной колонии имеет цель исправления осужденных, то система исправления в воспитательных колониях является целесообразной и оправданной, с точки зрения духовно-нравственного становления личности в том случае, если предполагаемая преемственность от накопленного в процессе исправления базиса к последующему, от этапа к этапу, организуется в рамках соответствующей воспитательной системы, ориентированной на духовно-нравственной ценности личности определенного возрастного периода.*

Ключевые слова: *личность, исправление, несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, пенитенциарная педагогика, общение, раскаяние, осознание вины.*

Для цитирования: *Полякова Я. Н. Формирование личности как системный и целенаправленный процесс в исправительном учреждении // Образование и право. 2026. № 10. С. 904–909.*

POLYAKOVA Yanina Nikolaevna,
leading researcher, Federal State Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

CORRECTION AS A SYSTEMATIC AND TARGETED PROCESS OF PERSONALITY FORMATION

Annotation. *The article discusses the organization of the process of self-education and self-development of convicts, which is based on the understanding and implementation of spiritual and moral values in their behavior, relationships, and activities. Since the pedagogical process in a correctional colony aims to correct the convicts, the system of correction in correctional colonies is appropriate and justified from the perspective of the spiritual and moral development of the individual. This is possible if the proposed continuity from the accumulated basis of correction to the subsequent stages is organized within the framework of an appropriate educational system that focuses on the spiritual and moral values of the individual at a certain age.*

Key words: *personality, correction, juvenile convicts, educational colony, penitentiary pedagogy, communication, repentance, awareness of guilt.*

For citation: *Polyakova Ya. N. Correction as a systematic and targeted process of personality formation. Education and law. 2026;(10):904–909. (In Russ.).*

Понятия «исправление» и «перевоспитание» часто употребляются вместе, ибо они связаны между собой. Но между ними есть и различия. Видеть эти различия особенно важно для правильной организации процесса в исправительных учреждениях. Существуют различные точки зрения на эти понятия. В различных концепциях исправление трактуется преодоление отдельных негативных свойств и качеств, приведших осужденных к преступлению. При исправлении происходит не коренная ломка и изменения в сознании осужденного, а лишь частичная ее поправка, корректировка: формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общения, стимулирование правопослушного поведения; изменение человека в положительную сторону [1].

Перевоспитание рассматривается как коренное преобразование, изменение, переориентация всей личности, всей совокупности внутренних отрицательно направленных качеств, убеждений, мотивов; процесс совместной деятельности объекта и субъекта воспитания [2].

В Большом энциклопедическом словаре исправление определяется, как противоречивый процесс ломки сложившихся стереотипов сознания и поведения осужденных, предполагающий собой целенаправленное, а иногда жесткое управление их жизнедеятельностью [3]. Перевоспитание рассматривается как двусторонний процесс, включающий педагогическую работу воспитателей, по организации системы исправительных воздействий и самих осужденных по усвоению этих воздействий (т.е. исправление) [4]. Результат такого взаимодействия – диалектическое единство перестройки сознания и поведения личности. Исправление, таким образом, выступает как цель и результат перевоспитания.

Такое понятие исправления и перевоспитания в историческом плане существует уже несколько десятков лет. Однако практические результаты деятельности пенитенциарной системы весьма скромные. Достаточно сказать, что рецидивная преступность в стране достаточно высокая/

Наши исследования утверждают, что такое положение связано с недостаточной организацией процесса самовоспитания, саморазвития осужденных, основанного на понимании и реализации в поведении, отношениях и деятельности духовно-нравственных ценностей.

В связи с этим возникает проблема формирования духовной и нравственной личности воспитанников, проблема содержательного обновления их духовно-нравственных ценностей в воспитательных колониях, переориентация процесса исправления преступника с жесткой правовой ориентации на духовное становление и развитие самосознания воспитанников.

И тогда исправление можно рассматривать как системный и целенаправленный процесс формирования личности человека, обладающего определенных духовно-нравственным потенциалом, высоким уровнем духовно-нравственных ценностей, потребностью духовного саморазвития и самосовершенствования. Стратегия современного исправления, развитие и саморазвитие личности воспитанника, умеющего свободно ориентироваться в сложности социокультурных обстоятельствах, при этом способны противостоять, как внешним негативным обстоятельствам, так и внутренним трудностям исправления.

О результатах исправления следует судить по состоянию внутреннего мира личности (идеалы, ценности, ценностные ориентации, потребности и др.) и внешнему выражению (показатели результатов) субъективной деятельности в той или иной момент времени, поскольку сами процессы исправления, воспитания и развития и становления личности динамичны.

Система исправления в воспитательных колониях является целесообразной и оправданной, с точки зрения духовно-нравственного становления личности в том случае, если предполагаемая преемственность от накопленного в процессе исправления базиса к последующему, от этапа к этапу, организуется в рамках соответствующей воспитательной системы, ориентированной на духовно-нравственной ценности личности определенного возрастного периода.

Педагогический процесс воспитательной колонии имеет цель исправления осужденных. В связи с этим встает вопрос, по каким признакам, критериям следует определять его исправленность. Это важно при предоставлении осужденного к условно досрочному освобождению, при предоставлении ему льгот, при переводе из одних условий отбывания наказания в другие в одной и той же колонии и т.д.

Таким образом, критерии исправления являются ведущим понятием, категорией пенитенциарной педагогики.

Критерии исправления рассматриваются, как мерило, при помощи которого определяется вопрос о признании осужденного полностью или частично исправленным. Показателями такого критерия могут быть поступки и действия конкретной личности, в которых отражаются изменение ее внутреннего мира.

В основе критериев исправления осужденного лежит система основных отношений, выража-

ющая сущность личности с учетом её индивидуальных психологических особенностей, проявляющихся в совокупности поступков и действий. Эта система должна включать отношения:

к окружающему миру, и в первую очередь к обществу;

к общественно полезному труду;

к различным видам собственности;

к сотрудникам колонии;

к другим людям;

к правилам, законам и требованиям морали;

к совершенному преступлению и наказанию;

к самому себе;

к средствам исправления.

Такое трактование критерия исправления отражает традиционный подход к его понятиям. При этом мы не находим изначальный базисный ориентир, который задает этому понятию соответствующий способ организации поведения отношений и жизнерадостности несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих уголовное наказание в воспитательных колониях и затрагивающих их основные ценности. Таким изначальным базисным ориентиром в нашем исследовании выступает нравственность и духовность человека, его духовно-нравственные ценности.

Духовно-нравственная сфера является ведущим ориентиром исправления и воспитания личности. Воспитанник, имеющий высокий уровень развития духовно-нравственной сферы обладает иммунитетом по отношению к отрицательным влияниям окружающей среды. В его поведении и деятельности, определяющими являются духовно-нравственные ценности, на которые он ориентируется.

Представленные выше категориальные понятия, с точки зрения задач нашего исследования имеют несколько иной аспект, и ценностно-смысловое содержание. Так смысловое понятие исправления изменяется в зависимости от конечного результата поведения осужденного, его отношений, общения и деятельности с учетом духовно-нравственных ценностей личности. Поэтому очевидна необходимость такой системы исправления, которая оказывает влияние на духовно-нравственное воспитание лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свобод. Такая система должна быть обращена к сознанию человека и его самосознанию в качестве объекта исправления духовно-нравственной ценности.

Понятие ценность широко используется в философской, социологической, юридической и педагогической литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. По существу, все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве предметных и духовно-нравственных ценностей или объектов ценностного отношения, то есть, оценивается в плане доброты, зла, истины или не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или не справедливого.

Понятие ценностей в психолого-педагогической и юридической литературе характеризуются многопланово. Одни исследователи ее представляют, как средство удовлетворения потребности (В. П. Тугаринов) [4], другие как интересы, обособившиеся в ходе развития общества (А. Г. Здравомыслов) [5], третьи как мыслительные программы социальной деятельности, являющиеся превалирующими в социальных действиях (В. А. Ядов) [6], четвертые как поведенческие нормативы и регуляторы поведения (Н. И. Лапин) [7]. Духовно-нравственные ценности раскрывают содержание функционирующих в общественном сознании норм морали. На профессионально-групповом уровне ценности представляют собой идеи, представления, правила, требования, регулирующие воспитательную деятельность в рамках общества. Данные ценности являются ориентирами в педагогической деятельности различной групп воспитателей.

Проблема формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных в пенитенциарной педагогике, как в теоретическом, так и практическом плане, в полном объеме не ставилась и не рассматривалась. Целевые установки воспитательного процесса были представлены общей глобальной целью – исправление осужденных. Основы духовно-нравственного воспитания составляет аксиологический компонент.

Особое значение для воспитания несовершеннолетних осужденных, их развитие, исправление отрицательных свойств и качеств имеют духовно-нравственные ценности, к которым относится: чувство долга, ответственность за свое поведение, самостоятельность в определении собственной позиции, следование принципам доброты и гуманизма во всех отношениях с другими людьми, стремление к деятельности и др.

По отношению к нравственным и правовым ценностям в плане исправления личности несовершеннолетнего осужденного особое значение имеет его ответственность за свое поведение и деятельность. Осознание духовно-нравственных ценностей является одним из самых важных факторов, предопределяющих социальное становление и исправление личности. Человек нарушает закон и становится преступником главным образом потому, что в силу различных причин у него

отсутствует или искажено понимание или осознание своей духовно-нравственной ответственности перед другими людьми и государством.

Духовно-нравственные ценности (ориентиры) – добро, справедливость, бескорыстие, совесть, долг, благородство, альтруизм, раскаянность в совершенном преступлении, осознание своей вины, переживание осужденными наказания, осознание добра и зла, осознание вины, чувства стыда и угрызения совести.

С этих позиций мы и рассматриваем понятие духовно-нравственное развитие несовершеннолетних осужденных, будучи по природе социально-педагогическим образованием, оно является одним из определяющих способов ориентации личности в системе духовно-моральных ценностей, в которой проявляется убежденность воспитанников колонии в общественно-направленной линии поведения, на основе адекватной самооценки и выражающееся в переживании ими уголовного наказания, осознании вины перед обществом и государством, раскаяние в совершенном преступлении.

Десять заповедей или повелений бога: не убий; не воруй; почитание родителей; уважительное отношение к окружающим; пожелание здоровья людям; молитва за живых; покаяние - раскаяние, осознание вины; совесть, свобода, в отношении преступников ценности: любовь, добро, справедливость.

Аксиологический подход – это знание духовно нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных, необходимые условия исправления их личности. Избирая в качестве предмета такого исследования ценности, мы исходим из объективной фиксации этого феномена и проверки фактическими делами и поступками воспитанниками колонии.

В процессе изучения проблемы нужно было выбрать те духовно-нравственные ценности, которые являются:

1. Осознанием своей вины пред людьми и обществом.

2. Раскаянием в совершенном преступлении.

Эти ценности у воспитанников колонии искажены, деформированы или имеют асоциальную направленность.

Осознание духовно-нравственных ценностей является одним из самых важных и решающих факторов, предопределяющих социальное становление и исправление несовершеннолетних осужденных.

Ценности по определению современных исследователей – это идеалы, обращенные в нравственные ориентиры воспитания и обучения: истина, добро, личность, польза, свобода, любовь, творчество, выбор и др.

Ценности, как предпочтение (или отвержение) идеалов диктуются чувствами и принимаются сознанием. Они определяют то, к чему следует стремиться, относится с уважением, признанием, почтением. Соединение чувств и смысла в ценностях определяют способы поведения человека. Таким образом, утверждают ученые, ценностная основа образования должна быть в равной мере ориентирована на чувство и смысл (С. В. Кульневич) [8].

Поэтому ориентации подрастающего поколения на общечеловеческие, гражданские нравственные ценности, необходимо уделять особое внимание.

Ценности личности и ценности общественного сознания не всегда совпадают. Для того, чтобы общественные ценности стали стимулами и побуждениями необходимо, чтобы они осознавались и принимались человеком, были его личными ценностями. Мы согласны с положением о том, что ценность должна иметь побудительную силу мотива деятельности, быть внутренне необходимой, интериоризованной, в этом случае она будет способствовать саморазвитию, самосовершенствованию и активности личности.

Отсюда возникает необходимость социального воспитания, как организованного процесса интериоризации ценностей и общего, превращающего социальные ценности в высшие психические функции человека и формирующего тем самым его мировоззрение, гражданскую позицию, нравственную культуру.

Как показали исследования И. В. Огарковой [9] проблема ценностей актуальна на протяжении всей истории развития человеческого общества. Ценностная проблематика встречается в трудах античных философов Сократа, Платона, Аристотеля.

В Древней Греции были разработаны представления о триаде ценностей, состоявляющих основание культуры и духовности: добро, истина, красота.

В эпоху Возрождения сформировалось понятие о гармонично-раскрепощенной творческой личности, как высшем начале бытия (Петрарка, Жд. Бруно).

Таким образом, в один ряд с истинной, добром и красотой был поставлен человек и его внутренний мир. Деятели эпохи просвещения (Д. Дидро, Дж. Лох, Ж.-Жак Руссо) высшей ценностью провозгласили истинное значение, преодоление заблуждения. Необходимыми компонентами достойного существования человека становится равенство, свобода личности, справедливость.

В конце XIX века проблема ценностей была предметом исследования видных отечественных философов (Булгаков, Словенский и др.).

Органической составной частью этого историко-культурного феномена, является не только его культурно образовательное пространство – школьные и внешкольные учреждения, высшая школа и наука, которые осуществляли важную функцию – социализацию детей, молодежи и взрослого населения Российской диаспоры, но и ценностные ориентации в их воспитании и образовании.

Исследователи творчества Н. О. Лосского философ А. И. Титаренко [10] с полным правом называет его учение – классической этикой абсолюта. Этика Лосского делает упор на иерархию ценностей в системе нравственных отношений. В этой иерархии Бог – самая высшая ценность. Затем идет «Тварная личность» неповторимый идеализм, который не заменим ни какой иной ценностью. После этого следуют такие безличные ценности: истина, нравственная добродетель, свобода, красота. Они являются составными частями абсолютного блага полноты жизни. Если деятель направляет свою любовь, на какую-нибудь ценность без учета ее иерархии, то это выражение себялюбия, поскольку, прежде всего, он должен любить Бога и других существ, в том числе и себя самого. Нарушение этой иерархии приводит к грехопадению. В мире нет ни чего, что было бы лишь средством, все ценности абсолютны и объективны, общезначимы, так как нет изолированного обособившегося бытия. Осуществление ценностей по Н. О. Лосскому обуславливается свободной волей деятелей.

В результате социально-экономической и политических реформ в России крушение прежних ценностных ориентиров и недостаточной определенностью новых, снижение нравственной культуры общества, образовался духовный вакуум. Эгоизм, отсутствие моральных устоев, жестокость становятся принципами жизни молодых людей. В современных условиях развития российского общества, формирование у подростков ценностных ориентаций является одной из наиболее важных задач образования. Обращение к богатейшему наследию мировой педагогической мысли поможет найти пути наиболее успешного решения данной проблемы. Нельзя не упомянуть в этой связи успешные попытки создания четкой системы ценностей, как основы гуманного воспитания, предпринятые В. А. Караковским, Н. Д. Никандровым, З. И. Равкиным и другими.

В нашем исследование система духовно-нравственных ценностей обращена к осознанию «Я» и принимается личностью в качестве внутреннего ориентира своего поведения, деятельности и отношений, направленного на исправление деформированного сознания и самосознания.

Такими духовно-нравственными ценностями является осознание ответственности, переживание наказания, раскаяние в совершенном преступлении. Осознание своей вины перед государством, осознание ущербности своего бытия и духовности являются тем внутренним побуждением, которое заставляет правонарушителя переосмыслить свое назначение в обществе, окунуться в его мир настоящих человеческих ценностей.

Духовно-нравственное воспитание – это процесс организованного, целенаправленного воздействия воспитателя на духовно-нравственную сферу личности по средствам приобщения ее к высоким ценностям бытия в условиях субъектной, общественно-полезной деятельности и нравственного поведения.

Воспитание характеризуется как процесс целенаправленного формирования ценостно-ориентированной личности со средствами исправления, закрепленными в УИК РФ.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[2] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва. 2018. 89 с.

[3] Большой энциклопедический словарь; гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, СПб: Норинт, 1997. – 1456 с.

[4] Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л. 1960. 156 с.

[5] Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат. 1986. 221 с.

[6] Ядов В. А. Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? / Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. Выпуск 9. – М.: новый Хронограф, 2010. С. 20-23.

[7] Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28-36.

[8] Кульневич С.В., Лакоценина

Т. П. Педагогика нового времени. Научно-практическое пособие. Ростов –н/Д: Изд-во Учитель. 2004. 288 с.

[9] Огаркова И. В. Формирование гуманистических ценностных ориентаций у старшеклассников: на материале общеобразовательной многонациональной школы Северо-Кавказского региона: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01. – Пятигорск, 2003. – 21 с.

[10] Титаренко А. И. Структура нравственного сознания. М., 1974. 277 с.

References:

[1] Vilkova A. V. Spiritual and Moral Values of Juvenile Offenders and Characteristics of the Socio-Educational Environment. In: *Pedagogy and Modern Education: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference for Postgraduate Students, Doctoral Candidates, Academic Supervisors, and Young Scholars Specializing in the Field of Education*. "Postgraduate Student's Library" Series. Saint Petersburg, 2022, pp. 32–36.

[2] Vilkova A. V. *Psychological and Pedagogical Study and Socio-Psychological Characteristics of the Personality of Juvenile Offenders*. Moscow, 2018, 89 p.

[3] *Great Encyclopedic Dictionary*; Editor-in-Chief A. M. Prokhorov. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya; Saint Petersburg: Norint, 1997, 1456 p.

[4] Tugarinov V. P. *On the Values of Life and Culture*. Leningrad, 1960, 156 p.

[5] Zdravomyslov A. G. *Needs, Interests, Values*. Moscow: Politizdat, 1986, 221 p.

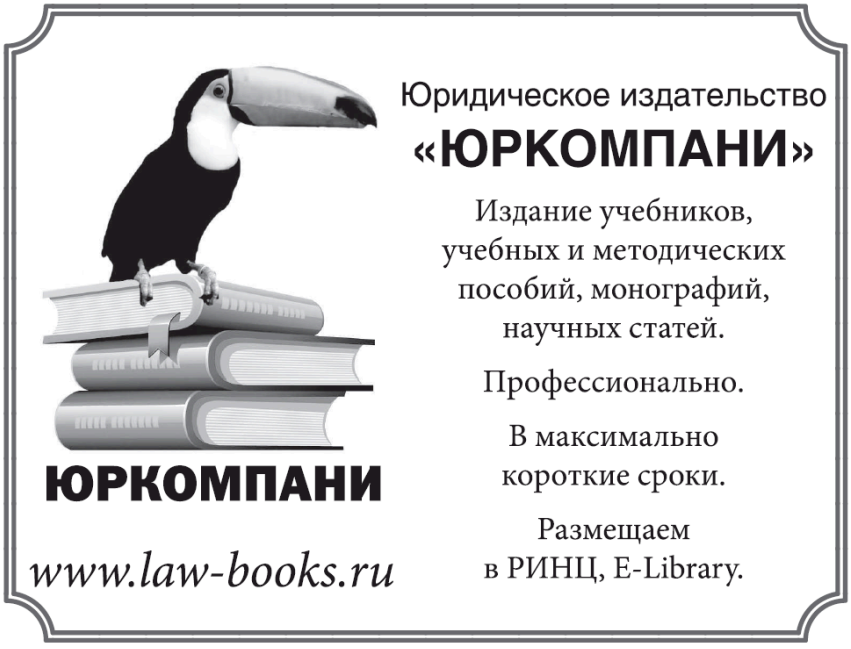
[6] Yadov V. A. Which Theoretical Approaches Are Useful for Understanding and Explaining the Social Realities of Russian Society and Russia? In: *Russia in Reform: Yearbook – 2010*, Issue 9. Moscow: Novy Khronograf, 2010, pp. 20–23.

[7] Lapin N. I. Functionally-Orienting Clusters of Basic Values Among the Population of Russia and Its Regions. *Sociological Studies*, 2010, No. 1, pp. 28–36.

[8] Kulnevich S. V., Lakotsenina T. P. Pedagogy of the New Era: A Scientific and Practical Handbook. Rostov-on-Don: Uchitel Publishing House, 2004. 288 p.

[9] Ogarkova I. V. Formation of Humanistic Value Orientations in High School Students: A Case Study of a Multiethnic General Education School in the North Caucasus Region. Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences (specialty 13.00.01). Pyatigorsk, 2003. 21 p.

[10] Titarenko A. I. The Structure of Moral Consciousness. Moscow, 1974. 277 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-910-912

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. *В статье рассматривается природа системы отношений как важное психологическое понятие (доверие), являющееся основой формирования эффективных отношений среди осужденных, отбывающих наказание; проблема отношений между людьми, т.е. важная составляющая эффективных взаимоотношений среди осужденных.*

Ключевые слова: *система отношений, взаимодействие, межличностное общение, личность.*

Для цитирования: *Дмитриев Г. Г. Основа формирования эффективных отношений осужденных в исправительном учреждении // Образование и право. 2026. № 10. С. 910–912.*

DMITRIEV Grigory Gennadyevich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher at Research Center-2,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

THE BASIS FOR DEVELOPING EFFECTIVE RELATIONSHIPS AMONG CONVICTS IN A CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. *The article examines the nature of a system of relationships—specifically the concept of trust—as a fundamental psychological element in the development of effective relationships among individuals serving sentences in a correctional institution. It also addresses the broader issue of interpersonal relations, which constitutes a key component of effective interaction among convicts.*

Key words: *system of relationships, interaction, interpersonal communication, personality.*

For citation: *Dmitriev G. G. The basis for developing effective relationships among convicts in a correctional institution. Education and law. 2026;(10):910–912. (In Russ.).*

Зарубежные исследователи выделяют такое важное психологическое понятие как доверие, являющееся основой формирования эффективных отношений среди осужденных, отбывающих наказание (Роберт Брюс Шо). С одной стороны, доверие – это проблема отношений между людьми, т.е. важная составляющая эффективных взаимоотношений среди осужденных. Но с более широкой точки зрения, доверие – это мощная универсальная сила, влияющая практически на все, что происходит внутри организации и в отношениях между осужденными [1].

Для создания здоровых отношений среди осужденных необходимо уделять существенное внимание формированию доверия среди осужденных – чувству безопасности и комфорта в межличностных отношениях.

В учреждении доверие проявляется и формируется через позитивное и последовательное поведение всех его членов. Когда осужденные стремятся к сотрудничеству, выслушивают предложения, обдумывая их и действуя в соответствии с ними, если предложения разумны. Поведение, подобное этому является основой доверительных отношений в учреждении.

Уровень доверия будет высоким, и будет становиться все выше, пока продолжается позитивное поведение всех его членов. Конечным результатом является здоровый климат в учреждении, когда у осужденных есть свобода думать, расти и

вообще вносить существенный вклад в жизнедеятельность учреждения, даже совершать ошибки без страха наказания. В подобном учреждении осужденные обычно больше удовлетворены, и сами стремятся к достижению целей, даже тех, которые трудно достичь [2; 3].

Поведение осужденных должно быть позитивным, они должны ценить: сотрудничество; признание значимости других; сотрудничество на основе уважения; заботу о потребностях и чувствах; создание в коллективе возможности учиться, расти и развиваться; справедливость по отношению ко всем осужденным; последовательность поведения.

Когда в учреждении начинают предъявлять большие, но нереалистичные требования к осужденным, когда они становятся менее чувствительным, менее эмпатичным и менее озабоченным потребностям
к другим осужденным и начинают демонстрировать негативное поведение по отношению друг к другу, можно ждать снижения уровня доверия в коллективе. Следующие особенности поведения осужденных свидетельствуют о снижении доверия в учреждении: угрозы и наказания при редких похвалах; ценится мало или не ценится вообще сделанная работа; обрывание других – снижение самооценки; публичная критика; персональная критика; поддержание атмосферы страха; отсутствие интереса к предложениям; обращение с осужденными как неумными или тупыми; низкое уважение осужденных т.п.

Последствия такого поведения катастрофичны для учреждения: неопределенность, неразбериха, постоянный конфликт. Основным негативом организации становится распространяющийся хаос, который разрушает доверие к коллективу [4].

Перечисленные выше особенности негативного поведения обычно свидетельствует о периоде борьбы между осужденными. Так у осужденных формируется страх и недоверие друг к другу, чувство уязвимости и незащищенности.

Таким образом, доверие является наиболее важной составляющей частью деятельности учреждения. Когда существует доверие, учреждение должно стремится всеми силами сохранить его. Если же доверие теряется, нужно прилагать самые большие усилия, чтобы восстановить его. Это особенно важно для сегодняшнего организационного климата.

Следовательно, для улучшения организационного климата необходимо создавать программы для осужденных с целью формирования доверия и взаимопонимания.

Разрабатывая психологические рекомендации по улучшению эффективности отношений в среде осужденных, мы исходим из того, что основу позитивного организационного климата составляет чувство доверия между осужденными.

С целью создания оптимальных условий формирования эффективных отношений в среде осужденных в процессе отбывания наказания мы предлагаем программу «Формирование эффективных отношений». Данная программа проводилась с шестью осужденными, отбывшими наказание менее года и отличающиеся от остальных менее эффективными способами взаимодействия (экспериментальная группа). В качестве контрольной группы были отобраны также шесть осужденных, отбывших наказание менее года, но не принимающие участие в данной программе [5; 6].

Целью воздействия является получение изменений в построении эффективных отношений среди осужденных с окружающими их людьми.

Действия участников программы, будут направлены на изменение параметров ситуации, принимаемые решения апробируются в безопасных условиях, что должно снизить уровень импульсивности в реальном поведении. В групповой работе участники будут обучаться, наблюдая поведение друг друга, они получают возможность практически немедленно осознавать происходящие в группе эффекты. Это позволит заменять неэффективные установки и способы поведения более эффективными.

Данная программа проходила в течение месяца. Занятия проводились два раза в неделю по 4 часа в комнате психологической разгрузки.

На заключительном этапе программы мы провели опрос участников тренинга о результатах. Большинство участников высказались, что по началу им было очень трудно приходить на эти занятия, они стеснялись играть в детские игры, однако на третье-четвертое занятие уже возникло желание, а у некоторых потребность поучаствовать, пообщаться, а многие восприняли эти занятия как методы релаксации и отдыха от условий исправительного учреждения. Были высказаны пожелания о необходимости почаще проводить с ними аналогичные занятия.

Для проверки эффективности тренинга «Формирование эффективных отношений» мы использовали анкету для изучения особенностей формирования навыков и умений у осужденных при формировании эффективных отношений. Полученные результаты свидетельствуют о том, что между контрольной и экспериментальной группой существуют различия в оценке личностных навыков и умений у осужденных при формировании отношений с окружающими их людьми.

Сравнивая оценки личностных умений, навыков в формировании системы отношений осуж-

денных до и после эксперимента экспериментальной и контрольной групп, мы можем выдвинуть следующие утверждения. Оценки стали более высокими в экспериментальной группе и практически не изменились оценки в контрольной группе осужденных.

Таким образом, мы можем утверждать, что используемая нами программа будет способствовать формированию наиболее эффективных отношений осужденных в процессе отбывания наказания.

По итогам проведенной программы мы можем утверждать, что регулярное применение данной программы или ее аналогов будет способствовать формированию эффективных отношений среди осужденных в процессе отбывания ими наказания.

Итак, чтобы получить пользу от тренинга осужденный как минимум должен: получить представление о сущности эффективного общения, разнообразных стратегиях и технологиях в общении; сформировать к разнообразным стратегиям и технологиям общения личностное отношение, то есть пристрастно выбрать те, которые больше подходят именно ему; отработать конкретные техники, необходимые для общения в разнообразных обстоятельствах, опробовать различные стратегии поведения и, наконец, самое главное – прожить самые разные ситуации общения с другими участниками в «живой ткани» тренинга.

Список литературы:

[1] Наприс А.В. Теоретические и методические исследования личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста, - Рязань, 2003. 256 с.

[2] Ломов Б.Ф. Методические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 444 с.

[3] Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. - М., 1982. 200 с.

[4] Поршнев Б.Ф.Социальная психология и история. - М., 1979. 131 с.

[5] Вилкова А.В. Профессиональная подготовка личного состава УИС: духовно-нравственное воспитание // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2018. - № 4. - С. 7-8.

[6] Фасоля А.А., Гузеев М.С., Григорьева М.А. О влиянии деструктивного поведения на личностный выбор индивида // Человеческий капитал. Научно-практический журнал. - 2019. - № 5 (125). - С. 141-147.

References:

[1] Napris A.V. Theoretical and Methodological Studies of Personal Life Plans and Their Influence on the Behavior of Young Convicts. Ryazan, 2003. 256 p.

[2] Lomov B.F. Methodological and Theoretical Problems of Psychology. Moscow, 1984. 444 p.

[3] Bodalev A.A. The Perception and Understanding of One Person by Another. Moscow, 1982. 200 p.

[4] Porshnev B.F. Social Psychology and History. Moscow, 1979. 131 p.

[5] Vilkova A.V. Professional Training of Penal System Personnel: Spiritual and Moral Upbringing // Penal System: Law, Economics, Management. 2018. No. 4. pp. 7–8.

[6] Fasolya A.A., Guzeev M.S., Grigoryeva M.A. On the Influence of Destructive Behavior on an Individual's Personal Choices // Human Capital (Scientific and Practical Journal). 2019. No. 5 (125). pp. 141–147.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-913-918

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, доцент,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
ID orcid.org // 0000-0002-0045-6062,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье представлены результаты по итогам проведенного корреляционного анализа по виктимным параметрам, набравшим наибольшее количество корреляционных связей по «Методике экспертной оценки предрасположенности работника к несчастному случаю (к виктимному поведению) при исполнении профессиональных обязанностей в экстремальных ситуациях деятельности» (авт. А.И. Папкин, И.А. Папкин).*

Ключевые слова: *виктимность, конфликтность, детерминанты.*

Для цитирования: *Лукашенко Д. В., Бодяков В. Н. Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование профессиональной виктимности сотрудников ФСИН России // Образование и право. 2026. № 10. С. 913–918.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Doctor of Psychology, Associate Professor,
Chief Researcher at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor at the Department of
Criminal Procedure Law and Criminalistics, Faculty of Law,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL VICTIMIZATION AMONG PERSONNEL OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *This article presents the results of a correlation analysis concerning victimization parameters that exhibited the highest number of correlations, based on the "Expert Assessment Methodology for Evaluating an Employee's Predisposition to Accidents (Victim-like Behavior) During the Performance of Professional Duties in Extreme Situations" (developed by A.I. Papkin and I.A. Papkin).*

Key words: *victimization, conflict-proneness, determinants.*

For citation: *Lukashenko D. V., Bodyakov V. N. Socio-psychological determinants influencing the development of professional victimization among personnel of the Federal Penitentiary Service of Russia. Education and law. 2026;(10):913–918. (In Russ.).*

Для выявления социально-психологических детерминант, оказывающих влияние на формирование виктимного поведения у сотрудников УИС мы провели корреляционный анализ.

Сотрудники, проявляющие доверчивость к людям, в основном являются представителями женского пола (0,41), склонны к индивидуальной панике (0,52), не склонны проявлять жестокость (-0,42), им свойственно умение распределять и концентрировать внимание (-0,50) , для них не характерна ригидность или стереотипность мышления (-0,44), ответственны (-0,47), проявляют организованность (-0,39) и выдержанность (-0,41), несамонадеянны (-0,57), моральны (-0,42), отсутствует халатность (-0,52), у них есть сочувствие и сострадание к другим лицам (-0,49), не склонны к самоповреждающему поведению (-0,39). Такие лица добросовестно относятся к выполнению своих служебных обязанностей, проявляют организованность и выдержанности при исполнении своих задач. Несамонадеянны, видят опору не только в себе, но и охотно полагаются на товарищей. Готовы к изменениям в соответствии с возникновением новых требований, при этом умеют правильно распределить и сконцентрировать свое внимание на поставленной задаче. Отсутствует готовность к реализации саморазрушающего поведения и склонность к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях [1].

Сотрудники, не проявляющие доверчивость к людям, в основном являются представителями мужского пола (-0,41), не склонны к индивидуальной панике (0,52), склонны проявлять жестокость (-0,42), им свойственно неумение распределять и концентрировать внимание (-0,50), для них характерна ригидность или стереотипность мышления (-0,44), безответственны (-0,47), не организованны (-0,39), не выдержанны (-0,41), агрессивны (0,56), самонадеянны (-0,57), аморальны (-0,42), беспечны (-0,52), у них отсутствует сочувствие и сострадание к другим лицам (-0,49), склонны к самоповреждающему поведению (-0,39). Для них характерно отрицательное отношение к нормам морали и нравственности, в выполнение служебных обязанностей неорганизованны, безответственны, допускают халатность. При решении каких-либо вопросов полагаются только на себя. Склонны проявлять жестокость, склонны к риску, выраженной потребности в острых ощущениях.

Обращает на себя внимание тот факт, что 30 % сотрудников из числа обследованных не склонны к проявлению доверчивости, а, следовательно, имеют индивидуально-психологические характеристики, предрасполагающие к формированию виктимного поведения.

Сотрудники, проявляющие жестокость оценивают свою карьеру как скорее неудачную (0,46), недоверчивы (-0,42), недостаточно внимательны (0,43), неорганизованны (0,68), агрессивны (0,55), отсутствует преобладание мотива избегания неудач в работе (-0,41), грубы (0,49), эгоистичны (0,58), корыстны (0,43), отсутствует сочувствие и сострадание к другим лицам (0,42), нравственно неустойчивы, морально распущенны (0,49), самоуверенны (0,43), конформны (0,48), склонны к самоповреждающему поведению (0,47), общительны (0,49), незастенчивы (-0,41), экстраверты (0,46), стараются быть среди людей (0,46), испытывают потребность быть принятыми (0,49). Общительны, испытывают потребность быть принятыми остальными и принадлежать им, конформны, но при этом отсутствует сочувствие и сострадание другим лицам. Морально распущены, не отдают отчета своим словам и действиям. Агрессивны по отношению к окружающим, эгоистичны, склонны проявлять грубость. При выполнении служебных задач отсутствует мотив избегания неудач, неорганизованны и невнимательны. В случае столкновения с незнакомыми обстоятельствами проявляют смелость, решительность. Склонны к риску.

Сотрудники, *не склонные к проявлению жестокости*, доверчивы (-0,42), внимательны (0,43), организованны (0,68), неагрессивны (0,55), присутствует преобладание мотива избегания неудач в работе (-0,41), не грубы (0,49),не эгоистичны (0,58), не корыстны (0,43), проявляют сочувствие и сострадание к другим лицам (0,42), нравственно устойчивы, отсутствует моральная распущенность (0,49), не конформны (0,48), не склонны к самоповреждающему поведению (0,47), не общительны (0,49), застенчивы (-0,41), интроверты (0,46), стараются избегать людей (0,46), предпочитают общаться с малым количеством людей (0,49). Такие лица стремятся к видам деятельности, не связанной с широким общением, стараются сохранять дистанцию во взаимоотношениях, проявляют сочувствие и сострадание по отношению к другим лицам. Большое внимание они уделяют работе, видят в этом смысл жизни, ценят профессионализм и мастерство, рассматривают хорошо выполненную работу как личную награду. Следуют моральным принципам, характерна способность сохранять и реализовывать свои нравственные

позиции в различных жизненных ситуациях [2].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что только лишь 7 % курсантов склонны к проявлению жестокости, а, значит, для них характерна предрасположенность к формированию виктимного поведения.

Сотрудники, *склонные к индивидуальной панике,* в основном являются представителями женского пола (0,38), доверчивы (0,52), имеют повышенную тревожность (0,42), склонны к проявлению страха (0,45), неэгоистичны (-0,42), несамонадеянны (-0,41), нелегкомысленны (-0,38), несамоуверенны (-0,42), склонны к аддиктивному (0,38) и самоповреждающему (0,43) поведению, не уравновешенны (-0,40). Для них характерно сильное переживание каких-либо моментов по незначительным поводам, склонны к проявлению страха. Во взаимоотношениях с коллегами могут полагаться на их помощь, не ставят свои интересы выше других. При выполнении служебных обязанностей не легкомысленны, прежде чем выполнить поручение, тщательно его обдумают схему его выполнения. Не уравновешенны, склонны к аддиктивному и самоповреждающему поведению.

Сотрудники, *не склонные к индивидуальной панике,* в основном являются представителями мужского пола (-0,38), не доверчивы (0,52), не тревожны (0,42), не склонны к проявлению страха (0,45), эгоистичны (-0,42), самонадеянны (-0,41), легкомысленны (-0,38), самоуверенны (-0,42), не склонны к аддиктивному (0,38) и самоповреждающему (0,43) поведению, уравновешенны (-0,40). Такие лица не доверчивы во взаимоотношениях с людьми, зачастую ставят свои интересы выше других. Несерьезны, беззаботны, беспечны. Уверенны в своих силах, что помогает им успешно справляться со своими служебными обязанностями. Не склонны к аддиктивному и самоповреждающему поведению, а также проявлению страха.

Следует отметить, что в нашей выборке только 17 % из числа всех обследованных сотрудников проявляют склонность к индивидуальной панике, а, следовательно, имеют предрасположенность *к формированию виктимного поведения.*

Сотрудники, *проявляющие вспыльчивость,* конфликтны (0,48), не растерянны (-0,39), не выдержанны (0,47), склонны к аффективному реагированию (0,71), не застенчивы (-0,47), агрессивны (0,50), эмоционально неуравновешенны (0,56), склонны к агрессии и насилию (0,42), преобладает маскулинизм (0,49). Для данного типа характерно решений спорных вопросов конфликтным путем, склонны к вспышкам гнева. Во взаимоотношениях с коллегами эмоционально неуравновешенны, проявляют вспыльчивость и раздражительность, не умеют владеть собой. При выполнении служебных обязанностей не постоянны, не терпеливы, не выдержанны. Смелы, предприимчивы, стремятся к самоутверждению, склонны к риску, к быстрым, решительным действиям без достаточного их обдумывания и обоснования. Они стараются избегать сложных, запутанных ситуаций, плохо разбираются в истинных мотивах своего и чужого поведения, снисходительно относятся к своим слабостям, любят чувственные удовольствия.

Сотрудники, *не проявляющие вспыльчивость,* не конфликтны (0,48), растерянны (-0,39), выдержанны (0,47), не склонны к аффективному реагированию («взрывается») (0,71), застенчивы (-0,47), не агрессивны (0,50), эмоционально уравновешенны (0,56), не склонны к агрессии и насилию (0,42), присутствует феминимизм (0,49). В выполнении служебных обязанностей проявляют упорство, бесстрастие и терпеливость. Возникшие проблемы решают мирным путем, умеют владеть собой. Не агрессивны по отношению к окружающим, эмоционально уравновешенны. Чувствительны, склонны к волнениям, мягки, уступчивы, скромны в поведении, но не в самооценке. У них широкие разнообразные, слабо дифференцированные интересы, развитое воображение, тяга к фантазированию и эстетическим занятиям. Они проявляют заинтересованность в философских, морально-этических и мировоззренческих проблемах и временами демонстрируют чрезмерную озабоченность личными проблемами, склонность к самоанализу и самокритике. У них повышен интерес к людям и к нюансам межличностных отношений, им доступно понимание движущих сил человеческого поведения. В поведении им не хватает смелости, решительности и настойчивости. Они избегают соперничества, легко уступают, принимают помощь и поддержку. Они способны точно чувствовать других людей, умеют эмоционально излагать свои мысли, заинтересовывать других людей своими проблемами, мягко, без нажима, склонить их на свою сторону [3].

Обращает на себя внимание тот факт, что 30 % сотрудников из числа обследованных склонны к проявлению вспыльчивости, а, следовательно, имеют индивидуально-психологические характеристики, предрасполагающие к формированию виктимного поведения.

Сотрудники, склонные к проявлению конфликтности, оценивают свою карьеру как неудачную (0,61), проявляют спонтанность в агрессии (0,50), раздражительны (0, 46), проявляют реактивную агрессивность (0,61), старается брать на себя ответственность (0,49), вспыльчивы (0,48), свойственна ригидность или стереотипность мышления (0,53), мнительны (0,49), склон-

ны к психической дезадаптации (0,49), проявляют авантюризм в поведении (0,38), невыдержанны (0,75), склонны к аффективному реагированию (0,60), проявляют агрессивность (0,67), грубость (0,60), эгоистичность (0,55), самонадеянность (0,54), отсутствует сочувствие и сострадание к другим лицам (0,53), эмоциональная неуравновешенны (0,55), свойственна игровая роль жертвы (0,48), склонны к агрессии и насилию (0, 42). Такие лица склонны к непостоянству, уклоняются от выполнения своих обязанностей, игнорируют общепризнанные правила, не прилагают усилий к соблюдению общественных требований и культурных норм, пренебрежительно относятся к моральным ценностям, ради собственной выгоды способны на нечестность и ложь. Равнодушны к похвале и наказаниям, пренебрегают обязанностями и морально-этическими нормами. Отличительной чертой является большая любовь к чувственным наслаждениям и удовольствиям, а также тяга к наслаждениям и острым ощущениям. Критику и замечания в свой адрес воспринимают как посягательство на личную свободу. Испытывают враждебные чувства по отношению к тем лицам, которые хоть в какой-то мере пытаются управлять их поведением, заставляют их держаться в социально допустимых рамках. Предпочитают сами управлять и манипулировать людьми. Несмотря на бурные аффекты при возникновении желаний и на активность в получении удовлетворения, их желания нестойки. Быстро наступает пресыщение с чувством скуки и раздражения. В коллективе стараются брать на себя ответственность, соединенную с ведущей ролью.

Сотрудники, не склонные к конфликтности, не проявляют спонтанность в агрессии (0,50), не раздражительны (0, 46), не проявляют реактивную агрессивность (0,61), избегают ответственности (0,49), не вспыльчивы (0,48), для них не характерна ригидность или стереотипность мышления (0,53), не мнительны (0,49), не склонны к психической дезадаптации (0,49), не проявляют авантюризм в поведении (0,38), выдержанны (0,75), не склонны к аффективному реагированию (0,60), не агрессивны (0,67), не грубы (0,60), не эгоистичны (0,55), не самонадеянны (0,54), проявляют сочувствие и сострадание к другим лицам (0,53), эмоциональная уравновешенны (0,55), не свойственна игровая роль жертвы (0,48), не склонны к агрессии и насилию (0, 42). Для них характерны такие черты, как чувство ответственности, добросовестность, стойкость моральных принципов. В своем поведении они руководствуются чувством долга, строго соблюдают этические стандарты, всегда стремятся к выполнению социальных требований. Они с уважением относятся к моральным нормам, точны и аккуратны в делах, во всем любят порядок, уважают законы, на нечестные поступки не идут, даже если это не грозит никакими последствиями. Высокая добросовестность обычно сочетается с высоким контролем и стремлением к утверждению общечеловеческих ценностей. Во взаимоотношениях с коллегами конформны, уступчивы, легко соглашаются с властью и авторитетом, всегда готовы выслушать и принять совет от более старшего или опытного лица. В деятельности им не хватает напористости и упорства, особенно в достижении сугубо личных целей.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что только лишь 7 % курсантов склонны к проявлению конфлитности, а, значит, для них характерна предрасположенность к формированию виктимного поведения.

Сотрудники, проявляющие физическую слабость, в основном являются представителями женского пола (0,56), состоят в браке (0,42), невротичны (0,59), депрессивны (0,58), раздражительны (0,41), склонны к болезненному состоянию здоровья (0,74), склонны к психической дезадаптации (0, 42), характерна повышенная тревожность (0,41), склонны к проявлению страха (0,50), растерянны (0,52), не решительны (0,41), безответственны (0,46), проявляют пассивность в действиях (0, 47), не выдержанны (0,42), застенчивость (0,40), проявляют формализм в работе (0,53), свойственно чувство вины (0,67), беспокойство (0, 43), характерна игровая роль жертвы (0,39) и социальная роль жертвы (0,43).

Сотрудники, не проявляющие физическую слабость, не состоят в браке (0,42), не невротичны (0,59), не депрессивны (0,58), не раздражительны (0,41), не склонны к болезненному состоянию здоровья (0,74), не склонны к психической дезадаптации (0,42), для них не характерна повышенная тревожность (0,41), не склонны к проявлению страха (0,50), не растерянны (0,52), решительность (0,41), ответственны (0,46), не проявляют пассивность в действиях (0, 47), выдержанны (0,42), не застенчивы (0,40), не проявляют формализм в работе (0,53), им не свойственно чувство вины (0,67), беспокойство (0, 43), для них не характерна игровая роль (0,39) и социальная роль (0,43) жертвы.

Следует отметить, что в нашей выборке только 17 % из числа всех обследованных сотрудников проявляют физическую слабость, а, следовательно, имеют предрасположенность *к формированию виктимного поведения.*

Сотрудники, склонные проявлять тревожность, не оценивают свою карьеру как успешную (-0, 59), невротичны (0,55), не общительны (-0,54), не уравновешенны (-0,48), склонны к ин-

дивидуальной панике (0,42), для них характерно болезненное состояние здоровья (0, 52), склонны к проявлению страха (0,76), растерянны (0,39), нерешительны (0,56), застенчивы (0,40), неуверенны (0,58), испытывают беспокойство (0,74), чувство вины (0,42), свойственна низкая устойчивость к стрессу (0, 56), характерна игровая (0,38) и социальная роль (0,47) жертвы, конформны, свойственна повышенная склонность к компромиссам (0,88), склонны к самоповреждающему поведению (0,63).

Сотрудники, не склонные проявлять тревожность, для них не характерна невротичность (0,55), общительны (-0,54), не уравновешенны (-0,48), не склонны к индивидуальной панике (0,42), не свойственно болезненное состояние здоровья (0, 52), не склонны к проявлению страха (0,76), не растерянны (0,39), решительны (0,56), не застенчивы (0,40), уверенные (0,58), отсутствует беспокойство (0,74), чувство вины (0,42), высокая устойчивость к стрессу (0, 56), не характерна игровая (0,38) и социальная роль (0,47) жертвы, не конформны, для них не характерна повышенная склонность к компромиссам (0,88), не склонны к самоповреждающему поведению (0,63).

В нашем исследовании 13% сотрудников склонны к проявлению тревожности, а, значит, они имеют индивидуально-психологические характеристики, предрасполагающие к формированию виктимного поведения.

Сотрудники, склонные к проявлению несдержанности, воспитывались в неполной семье (0,44), склонны к проявлению спонтанной агрессивности (0,56), реактивной агрессивности (0,50), раздражительны (0,60), эмоционально лабильны (0,46), не доверчивы (-0,41), вспыльчивы (0,47), проявляют жадность (0,42), конфликтны (0,75), экстраверты (0,61), склонны к психической дезадаптации (0,71), мнительны (0,51), склонны к проявлению страха (0,42), проявляют пассивность в действиях (0,41), агрессивны (0,71), грубы (0,70), эгоистичны (0,56), аморальны (0,52), корыстны (0,44), склонны к подмене профессиональных целей личными (0,46), отсутствует сочувствие и сострадание к другим лицам (0,60), нравственно неустойчивы, морально распущенны (0,42), эмоционально неуравновешенны (0,50), недисциплинированны (0,49), характерна игровая роль жертвы (0,57).

Сотрудники, не склонные к проявлению несдержанности, воспитывались в полной семье (0,44), не склонны к проявлению спонтанной агрессии (0,56), реактивной агрессии (0,50), не раздражительны (0,60), эмоционально нелабильны (0,46), доверчивы (-0,41), не вспыльчивы (0,47), не проявляют жадность (0,42), не конфликтны (0,75), интроверты (0,61), не склонны к психической дезадаптации (0,71), не мнительны (0,51), не склонны к проявлению страха (0,42), не проявляют пассивность в действиях (0,41), не агрессивны (0,71), не грубы (0,70), не эгоистичны (0,56), не корыстны (0,44), им не свойственна подмена профессиональных целей личными (0,46), проявляют сочувствие и сострадание к другим лицам (0,60), нравственно устойчивы, морально не распущенны (0,42), эмоционально уравновешенны (0,50), дисциплинированны (0,49), не характерна игровая роль жертвы (0,57).

Необходимо обратить внимание на тот факт, что только лишь 7 % курсантов склонны к проявлению невыдержанности, а, значит, для них характерна предрасположенность к формированию виктимного поведения.

Сотрудники, склонные к нарушению правовых норм, правил деятельности и запретов, в основном воспитывались в неполной семье (0, 50), спонтанны в агрессии (0,44), депрессивные (0,43), для них свойственно неумение распределять и концентрировать внимание (0,48), рассеянны (0,41), неосторожны, неосмотрительны (0,47), безответственны (0,64), проявляют авантюризм в поведении (0,40), беспечны (0,40), склонны к тормозным реакциям (0,46), свойственно чувство вины (0,45), нравственно неустойчивы, морально распущенны (0,46), характерен статус жертвы (0, 60), склонны давать социально желаемые ответы (0,70).

Сотрудники, не склонные к нарушению правовых норм, правил деятельности и запретов, в основном воспитывались в полной семье (0, 50), не проявляют спонтанность в агрессии (0,44), депрессивность(0,43), умеют распределять и концентрировать внимание (0,48), не рассеянны (0,41), осторожны, осмотрительны (0,47), ответственны (0,64), не проявляют авантюризм в поведении (0,40), не склонны к тормозным реакциям (0,46), им не свойственно чувство вины (0,45), нравственная устойчивы, морально не распущенны (0,46), не характерен статус жертвы (0, 60), не склонны давать социально желаемые ответы(0,70).

17% из нашей выборки имеют склонность к нарушению правовых норм, правил деятельности и запретов, а значит, для них характерно проявление виктимного поведения, так как они имеют предрасполагающие характеристики.

Сотрудники, склонные к недисциплинированности, в основном воспитывались в неполной семье (0,55), раздражительны (0,51), экстраверты (0,44), депрессивны (0,40), проявляют спонтанную агрессию (0,65), авантюризм в поведении (0,63), не умеют распределять и концентрировать вни-

мание (0,40), импульсивны в действиях (сначала сделают, потом подумают) (0,57), неосторожны (0,43), безответственны (0,62), невыдержанны (0, 49), эгоистичны (0,53), самонадеянны (0,51), аморальны (0,50), склонны к нарушению правовых норм, правил деятельности и запретов (0,79), легкомысленны (0,59), характерно слабое знание типовых опасных ситуаций деятельности (0,54), игровая роль жертвы (0,49), склонны давать социально желаемые ответы (0,64).

Сотрудники, не склонные к нарушению дисциплины, в основном воспитывались в полной семье (0,55), не раздражительны (0,51), интроверты (0,44), не проявляют депрессивность (0,40), спонтанность в агрессии (0,65), авантюризм в поведении (0,63), умеют распределять и концентрировать внимание (0,40), не импульсивны в действиях (0,57), осторожны (0,43), ответственны (0,62), невыдержанны (0,49), не эгоистичны (0,53), не самонадеянны (0,51), склонны к нарушению правовых норм, правил деятельности и запретов (0,79), не легкомысленны (0,59), хорошо знают типовые опасные ситуации деятельности (0,54), не характерна игровая роль жертвы (0,49), не склонны давать социально желаемые ответы (0,64).

Обращает на себя внимание тот факт, что 30 % сотрудников из числа обследованных не склонны к проявлению недисциплинированности, а, следовательно, имеют индивидуально-психологические характеристики, предрасполагающие к формированию виктимного поведения [4].

Анализ полученных результатов показывает, что чаще всего с показателями виктимного поведения сотрудников УИС коррелируют следующие их индивидуально-психологические качества: жестокость, конфликтность, вспыльчивость, недисциплинированность, физическая слабость, невыдержанность, нарушение правовых норм, тревожность, депрессивность, индивидуальная паника и такие социально-демографические параметры, как пол, состав семьи, семейное положение. Таким образом, полученные результаты означают, что разработать единый алгоритм для профилактики всех компонентов виктимного поведения не представляется возможным. В данном направлении деятельности необходим индивидуальный подход.

Список литературы:

[1] Одинцова, М. А. Многоликость «жертвы», или немного о великой манипуляции / М. А. Одинцова. –М. : Флинта, 2010. – 256 с.

[2] Папкин, И. А. Профессиональная виктимология (современное состояние и перспективы развития) : монография / И. А. Папкин. – М., 2009. – 160 с.

[3] Полубинский, В. И. Правовые основы учения о жертве преступления / В. И.Полубинский. – Горький, 1979. – 83 с.

[4] Полубинский, В. И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. – М., 1980. – 83 с.

References:

[1] Odintsova, M. A. The Many Faces of the "Victim," or A Few Words on the Great Manipulation / M. A. Odintsova. – Moscow: Flinta, 2010. – 256 p.

[2] Papkin, I. A. Professional Victimology (Current State and Prospects for Development): A Monograph / I. A. Papkin. – Moscow, 2009. – 160 p.

[3] Polubinsky, V. I. Legal Foundations of the Study of Crime Victims / V. I. Polubinsky. – Gorky, 1979. – 83 p.

[4] Polubinsky, V. I. Victimological Aspects of Crime Prevention. – Moscow, 1980. – 83 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-919-925
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ВИКТОРОВ Артем Олегович,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
тел.: 8 (999) 218-02-28,
e-mail: viktorovguap@gmail.com

ВНЕСЛУЖЕБНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ УИС: ПРЕДЕЛЫ ЕГО ОЦЕНКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *В статье исследуются пределы оценки внеслужебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы, имеющих специальные звания. Проблема заключается в смешении нравственного неодобрения поступка, его юридической квалификации и вывода о профессиональной правовой культуре личности. Цель исследования состоит в определении условий, при которых переход между этими оценками может считаться обоснованным. Использованы формально-юридический анализ, системное толкование, понятийное разграничение и анализ правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации по сходному основанию увольнения из органов внутренних дел. Разграничены внеслужебное время, характер поступка и защищаемая сфера частной жизни. Установлено, что связь поведения со специальным статусом может следовать из прямо действующей внеслужебной обязанности и не сводится к использованию должности. Показано различие формулировок запрета публичных высказываний в Законе № 197-ФЗ и Кодексе этики 2025 года. На двух модельных ситуациях исследовано значение авторства публикации, полноты записи и цели обращения к служебным возможностям. Предложены четыре критерия оценки: нормативная относимость, доказанность и контекст, связь со специальным статусом, предел допустимого обобщения. Обосновано, что поступок, достаточный для обязательного увольнения при установленной квалификации, может быть недостаточен для вывода об устойчивой деформации правовой культуры. Учет обстоятельств при квалификации не означает свободы заменить увольнение более мягким взысканием после установления основания по пункту 9 части 3 статьи 84 Закона № 197-ФЗ. Сформулированы предложения по мотивировке решений, разъяснительной работе и согласованию нормативных требований. Сделан вывод о необходимости оценивать правовую культуру сотрудника и качество решения руководителя раздельно, сохраняя гарантии частной жизни и самостоятельное значение законных интересов службы.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, внеслужебное поведение, специальный правовой статус, профессиональная правовая культура, служебная этика, частная жизнь, порочащий проступок, служебная проверка, публичные высказывания, пределы оценки.*

Для цитирования: *Викторов А. О. Внеслужебное поведение сотрудников УИС: пределы его оценки в контексте профессиональной правовой культуры // Образование и право. 2026. № 10. С. 919–925.*

VIKTOROV Artem Olegovich,
Lecturer, Department of Civil Law
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

OFF-DUTY CONDUCT OF PENAL SYSTEM OFFICERS: LIMITS OF ITS ASSESSMENT IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL LEGAL CULTURE

Annotation. *The article examines the limits of assessing the off-duty conduct of penal system officers holding special ranks. The problem lies in conflating moral disapproval of an act, its legal classification, and an assessment of an individual's professional legal culture. The study aims to identify the conditions under which the transition between these assessments is justified. The methods comprise formal legal analysis, systematic interpretation, conceptual differentiation, and analysis of a Constitutional Court of the Russian Federation position on a comparable ground for dismissal from the internal affairs bodies. Off-duty time, the nature of an act, and the protected sphere of private life are distinguished. The connection between conduct and special legal status may arise from an obligation expressly applicable outside duty and is not confined to the use of official position. The article identifies differences between the restrictions on public statements in Federal Law No. 197-FZ and the 2025 Code of Ethics. Two hypothetical situations illustrate the relevance of publication authorship, the completeness of a recording, and the purpose of invoking official resources. Four assessment criteria are proposed: normative relevance, established facts and context, connection with special legal status, and the limits of permissible generalization. An act sufficient to require dismissal once the relevant legal ground is established may nevertheless be insufficient to demonstrate a persistent deformation of professional legal culture. Considering the circumstances when classifying an act does not allow dismissal to be replaced with a lesser penalty once the ground under Article 84, Part 3, Clause 9 of Federal Law No. 197-FZ has been established. Proposals address reasoned decisions, explanatory training, and the alignment of regulatory requirements. The study concludes that officers' legal culture and the quality of managerial decisions must be assessed separately, while preserving privacy safeguards and recognizing the legitimate interests of the service.*

Key words: *penal system, off-duty conduct, special legal status, professional legal culture, service ethics, private life, conduct discrediting an officer's honour, internal inquiry, public statements, limits of assessment.*

For citation: *Viktorov A. O. Off-duty conduct of penal system officers: limits of its assessment in the context of professional legal culture. Education and law. 2026;(10):919–925. (In Russ.).*

Введение

Внеслужебный поступок сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) может стать предметом нравственного обсуждения, служебной проверки и суждения о профессиональной правовой культуре. Эти оценки имеют разные предметы. Нравственное неодобрение выражает отношение к поведению. Юридическая квалификация устанавливает нарушение конкретного требования и его последствия. Вывод о правовой культуре характеризует отношение сотрудника к праву и способ его реализации. Переход от одной оценки к другой нуждается в самостоятельном обосновании.

В. П. Сальников и М. В. Сальников рассматривают правовую культуру во взаимосвязи ценностей, правосознания, законодательства и правомерного поведения [1]. Этот подход не позволяет отождествлять культуру личности с оценкой одного события. Е. О. Ананьева и А. М. Бобров раскрывают права сотрудника УИС и требования к его поведению [2, с. 465–467; 3, с. 51–53]. И. А. Фирсова и О. В. Кочкина исследуют взаимодействие права и морали при увольнении за проступок, порочащий честь сотрудника [4, с. 569–571]. Остается уточнить, какой объем выводов о правовой культуре допустим после установления юридической значимости поступка.

Цель статьи состоит в определении пределов такой оценки. Задачи исследования: разграничить внеслужебное время и частную жизнь, установить условия применения статусных требований и границы обобщения фактов. Анализ относится к сотрудникам со специальными званиями; их статус не распространяется на гражданских служащих, работников учреждений или членов семьи. Используются формально-юридический анализ, системное толкование, понятийное разграничение и анализ позиции Конституционного Суда Российской Федерации по сходному основанию увольнения из органов внутренних дел. Две модельные ситуации не являются описанием судебных дел.

Проверяемая гипотеза связывает обоснованность оценки с установлением применимого требования, обстоятельств собственного поведения сотрудника, связи со специальным статусом и допустимого объема вывода. Такая связь не обязательно предполагает исполнение полномочий: отдельные обязанности действуют вне службы в силу закона.

Внеслужебное поведение в системе прав и обязанностей сотрудника УИС

Правовой статус сотрудника не прекращается с окончанием рабочего дня. Часть 1 статьи 13 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ

«О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» прямо распространяет требования к поведению на служебную деятельность и внеслужебное время. Вместе с тем это указание следует читать с учетом содержания каждого требования. Исполнение должностной обязанности, запрет использовать служебное положение для решения личного вопроса и обязанность соблюдать профессиональную этику имеют различные предметы регулирования.

Время поступка, его характер и затронутая сфера прав не совпадают. Исполнение обязанностей по вызову за пределами обычного графика не становится внеслужебным поведением. Личный имущественный спор не превращается в служебную деятельность вследствие упоминания места работы. Частная жизнь охватывает защищаемую сферу личных отношений и сведений, но не все происходящее вне учреждения. Для квалификации необходимо выяснить, что делал сотрудник и какое правило распространялось на его действия.

Специальный статус действует в системе конституционных гарантий достоинства, частной жизни, личной и семейной тайны, свободы мысли и слова, судебной защиты. Статьи 21, 23, 24, 29, 46 и 55 Конституции Российской Федерации не позволяют выводить неограниченную компетенцию работодателя из факта службы. Е. О. Ананьева относит защиту частной жизни и персональных данных к правам сотрудника УИС [2, с. 466]. Повышенные требования к поведению поэтому нуждаются в правовом основании и не означают общего согласия на исследование семейных отношений или переписки.

Однако требование непосредственной связи каждого нарушения с должностью чрезмерно сужает предмет оценки. Пункты 5, 7, 9 и 10 части 1 статьи 13 Закона № 197-ФЗ предусматривают соблюдение профессиональной этики, вежливость и тактичность, недопущение конфликтных ситуаций, способных повредить репутации сотрудника или авторитету учреждения, запрет служебного влияния при решении личных вопросов. Отсутствие формы, удостоверения или публичного обозначения ведомственной принадлежности не освобождает от этих требований.

Юридическое значение этического предписания зависит от способа его закрепления. А. М. Бобров характеризует требования статьи 13 как обязывающие нормы, связанные с ведомственным регулированием [3, с. 51, 53]. Комментарий относится к прежней редакции; действующий Кодекс этики и служебного поведения сотрудников УИС утвержден приказом ФСИН России от 24 октября 2025 г. № 874 и вступил в силу 4 января 2026 г. Обязательность требований предусмотрена пунктом 3 Кодекса. Этическое содержание не исключает юридического значения нормы, но ссылка на Кодекс не заменяет установления нарушенного предписания и основания ответственности.

Р. Г. Апресян различает профессиональные моральные нормы, размышление об их основаниях и институты обеспечения их действия [5, с. 172–173]. Это полезно для разграничения морального ожидания и обязанности, обеспеченной властным решением. В. А. Цвык связывает профессиональные кодексы также с защитой прав самих специалистов [6, с. 158]. Следовательно, правовая культура служебной среды проявляется и в способе оценки сотрудника.

Запрет участия в конфликтах с гражданами и коллегами в пункте 5 Кодекса следует толковать системно, во взаимосвязи с Конституцией и пунктом 9 части 1 статьи 13 Закона № 197-ФЗ. Он не может означать запрета предъявлять потребительскую претензию или обращаться в суд. Оценке подлежат собственные действия сотрудника и способ разрешения разногласия. Иначе сохранение статуса зависело бы от отказа защищать право при любом несогласии другой стороны.

Пределы юридической и профессионально-этической оценки внеслужебных поступков

Исходным для юридической оценки является установленное деяние. Жалоба или запись могут требовать проверки, но не подтверждают сами по себе все изложенные обстоятельства. Отсутствие предварительного подтверждения не обесценивает обращение: иначе повод для проверки требовалось бы доказать тем способом, ради которого она назначается. Следует различать сообщение о событии, проверенные факты и квалификацию.

Статья 54 Закона № 197-ФЗ требует объективного и всестороннего установления обстоятельств и вины, исключает заинтересованного проверяющего, закрепляет возможность представлять заявления, ходатайства и документы, обжаловать действия проверяющих и знакомиться с заключением с учетом охраняемой законом тайны. Порядок проведения служебных проверок утвержден приказом Минюста России от 6 мая 2025 г. № 98. Решение принимает компетентный руководитель. Обязанность давать письменные объяснения имеет исключение, связанное со свидетельствованием против самого себя; его использование не доказывает вину.

Профессионально-этическое нарушение и проступок, порочащий честь сотрудника, не взаи-

мозаменяемы. Последняя квалификация требует объяснить несовместимость виновного поведения с требованиями к сотруднику и продолжением службы. Ущерб авторитету также нуждается в раскрытии: количество возмущенных комментариев не устанавливает действия сотрудника и их правовой смысл. Утрата доверия является самостоятельным основанием по пункту 14 части 3 статьи 84 и статье 85 Закона № 197-ФЗ. Личное недоверие руководителя не заменяет предусмотренных ими условий.

И. А. Фирсова и О. В. Кочкина предлагают учитывать обстоятельства, мотив и форму вины; для внеслужебных проступков, не затрагивающих должностные полномочия, они выделяют только умысел [4, с. 570–571]. Последнее положение требует оговорки: закон не исключает неосторожность из всех таких случаев. Форму вины необходимо устанавливать применительно к нарушенной обязанности. Доктринальное предложение нельзя использовать как действующее основание освобождения от оценки.

По пункту 9 части 3 статьи 84 Закона № 197-ФЗ при совершении проступка, порочащего честь сотрудника, контракт подлежит расторжению, а сотрудник увольнению. Учет обстоятельств относится прежде всего к доказанности и квалификации деяния. После установления этого основания нельзя сохранить квалификацию, произвольно заменив обязательное увольнение замечанием или выговором. Ошибочны и автоматическое признание любого этического отступления порочащим проступком, и представление о свободном выборе взыскания после такой квалификации.

П. Н. Шабанов отмечает несогласованность этических мер и дисциплинарных взысканий для прокурорских работников [7, с. 221–222]. Общность проблемы не позволяет переносить прокурорские меры на УИС. Здесь действует собственная законодательная конструкция, и сопоставление подтверждает необходимость разграничения последствий, а не единого режима ответственности.

Сходную конструкцию Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел в определении от 17 февраля 2015 г. № 278-О по жалобе П. А. Демина. Уволенный в 2013 г. сотрудник органов внутренних дел оспаривал пункт 9 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, также предусматривающий обязательное расторжение контракта за порочащий проступок. Суд связал допустимость оценочного понятия с объективной оценкой деяния и судебной проверкой увольнения. В принятии жалобы отказано; законность конкретного увольнения по существу не разрешалась. Сходство норм позволяет учитывать аргумент против произвольной квалификации, но не заменять им анализ статуса сотрудника УИС.

Отсутствие обвинительного приговора не исключает установления нарушения служебной обязанности, но проверяющий не вправе объявлять сотрудника виновным в преступлении. Подпункт 1 пункта 4 Порядка № 98 запрещает указывать в заключении наличие виновности либо невиновности в преступлении или административном правонарушении при проверке в связи с возбуждением соответствующего дела. Необходимо учитывать предмет производства, установленные факты и основание прекращения дела. Отсутствие состава не всегда означает отсутствие самих действий; истечение срока давности не тождественно оправданию. Самостоятельная служебная оценка не позволяет отрицать факты, имеющие обязательное судебное значение. Пункты 7 и 9 части 3 статьи 84 содержат разные основания увольнения и требуют отдельной проверки.

В первой модельной ситуации сотрудник спорит о качестве бытового ремонта и сообщает исполнителю о работе в УИС. Одного сообщения недостаточно для вывода об использовании положения. Значение имеют содержание требований, демонстрация удостоверения, угроза задействовать должностных лиц, цель и предпринятые действия. Представление по просьбе собеседника и гражданско-правовое требование возврата денег отличаются от обещания давления через служебные связи. Подтверждение последнего создает предмет оценки по пункту 10 части 1 статьи 13 Закона № 197-ФЗ. Если сохранилась только фраза о месте работы, недостает сведений о способе влияния и контексте. Наличие имущественного спора само по себе не характеризует добросовестность сотрудника.

Во второй модельной ситуации третье лицо публикует фрагмент записи с частного мероприятия. Изображенный поступок, создание материала, управление аккаунтом и распространение следует разграничить. Нахождение в кадре не доказывает авторства публикации. Необходимы сведения о времени, происхождении, полноте и подлинности записи, предшествующих событиях. Признаки монтажа требуют дополнительных материалов, при необходимости специального исследования. Подлинная запись независимо от личности распространителя может подтверждать неправомерное поведение сотрудника. Правомерное участие в мероприятии, напротив, не становится проступком из-за обвинительного текста к публикации.

Если установлено собственное публичное размещение, применяется пункт 14 Кодекса, охва-

тывающий личные страницы. Ограничение касается фотографий и видеозаписей, позволяющих определить персональные данные сотрудников, включая принадлежность к УИС, а также сведений о служебной деятельности с предусмотренными исключениями. Оно не сводится к наличию формы в кадре. Следует назвать конкретный материал и применимое предписание. При распространении третьим лицом без участия сотрудника вменять ему публичное размещение без самостоятельного фактического основания нельзя.

Пункт 6 части 1 статьи 13 Закона № 197-ФЗ запрещает публичные высказывания, суждения и оценки в отношении перечисленных субъектов, включая граждан, если это не входит в служебные обязанности. Пункт 14 Кодекса о публичном размещении информации использует признак негативного содержания, отсутствующий в законе. Поэтому из Кодекса не следует разрешение всех нейтральных и положительных высказываний. Публичное размещение также необходимо отличать от адресного обращения за защитой права. Широта законодательного текста требует точной квалификации коммуникации и учета конституционных пределов ограничения свободы слова. Ведомственное разъяснение не вправе изменять охват федеральной нормы.

Законность получения записи и ее доказательственное значение различаются. Х. Ниссенбаум связывает защиту приватности с контекстом и правилами передачи информации [8, с. 137–140]. С. Уоррен и Л. Брандейс разграничивали общественно значимые сведения и подробности без оправданной связи с публичной ролью лица [9]. Это теоретические ориентиры, а не источники российского служебного права. Доступность материала в сети не делает любой способ его сбора и использования правомерным. Статьи 23 и 24 Конституции требуют основания для вмешательства в защищенную сферу; интерес службы сам по себе не разрешает доступ к переписке, устройствам и семейной информации. Даже законно полученный фрагмент недостаточен для вывода, если не установлен его контекст.

Внеслужебное поведение как основание выводов о профессиональной правовой культуре

Для оценки предлагаются четыре взаимосвязанных критерия. Нормативная относимость требует установить предписание, адресованное сотруднику и действовавшее в момент поступка. Доказанность и контекст предполагают отделение его действий от поведения других лиц и проверку альтернативных объяснений. Связь со специальным статусом выражается в использовании служебных возможностей либо следует из обязанности, действующей вне службы. Предел обобщения означает соответствие вывода тем проявлениям отношения к праву, которые подтверждаются обстоятельствами.

Критерии не образуют числовой шкалы и не дополняют закон новыми элементами ответственности. Они служат проверке обоснования решения и научного суждения.

В. Е. Лапшин и Т. В. Галич при исследовании воздействия тюремной субкультуры на молодых сотрудников УИС различают знание ее элементов, отношение к ним и их использование [10, с. 332–333]. Для нашей темы значимо различение осведомленности, принятия ценности и поведения. Знание жаргона не доказывает одобрения криминальных норм; отдельная фраза без контекста не раскрывает устойчивой позиции. Данные авторов не позволяют диагностировать конкретного сотрудника по фотографии или публикации.

Единичный поступок тем не менее может иметь самостоятельное значение. Доказанное использование служебного влияния для незаконного давления по личному вопросу выявляет пренебрежение правами другого лица. При наличии законных признаков одного эпизода достаточно для увольнения. Вывод о несовместимости поступка с продолжением службы, однако, не тождествен утверждению об устойчивой деформации всех компонентов правовой культуры или моральной несостоятельности личности.

Вывод об устойчивой установке требует дополнительных оснований: повторяемости сопоставимых действий, их осознанности, объяснения выбора, отношения к устранению нарушения. Эти обстоятельства нуждаются в проверке. Несогласие с обвинением не свидетельствует само по себе об отсутствии раскаяния, а использование защиты не подтверждает правового нигилизма. Предшествующая добросовестная служба помогает ограничить характеристику личности, но не отменяет императивного последствия установленного основания увольнения.

Правомерность необходима, но не исчерпывает характеристики правовой культуры. Добровольное возмещение вреда, уважительное обсуждение разногласия, отказ от должностных преимуществ могут свидетельствовать о принятии правовых ценностей. Вместе с тем общественная активность и помощь другим людям остаются добровольными, если закон не устанавливает обязанности. Положительный пример не дает основания отрицательно оценивать всех, кто его не повторил, создавая дополнительные внеслужебные повинности.

Отдельной оценки требует деятельность руководителя. Пункт 4 Дисциплинарного устава УИС,

утвержденного приказом Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202, связывает дисциплину с обоснованным применением мер и уважением чести и достоинства подчиненных. Игнорирование объяснений, выборочное реагирование на сходные поступки, замена фактов репутационной риторикой характеризуют качество управленческого решения. Однако процессуальное нарушение руководства само по себе не доказывает правомерности первоначального поступка. Правовая культура сотрудника и лица, принимающего решение, имеют самостоятельные основания оценки.

Первая предлагаемая мера касается мотивировки заключения: связывать факты с нарушенным требованием, рассматривать существенные объяснения и раскрывать квалификацию. Это исполнение существующей обязанности объективной проверки. Организационным способом ее обеспечения могут стать методические примеры по четырем критериям. Они не должны предопределять результат или превращаться в перечень обязательных сведений о частной жизни.

Вторая мера состоит в разборе на служебной подготовке различий между сообщением должности и использованием положения, собственной публикацией и распространением третьим лицом, квалификацией и характеристикой личности. Это организационное предложение. Третья мера предполагает нормативное согласование пункта 6 части 1 статьи 13 Закона № 197-ФЗ и пункта 14 Кодекса с уточнением предмета запрета высказываний. Изменение охвата федерального ограничения требует законодательной корректировки; ведомственного разъяснения недостаточно. До изменения различия формулировок должны разъясняться, а не устраняться пересказом Кодекса как полного содержания закона.

Заключение

Предел оценки внеслужебного поведения определяется содержанием действующего требования, доказанными обстоятельствами и предметом вывода. Специальный статус позволяет оценивать отдельные поступки вне исполнения обязанностей, сохраняя конституционные гарантии личной сферы. Репутационный интерес учреждения не заменяет правового основания и не расширяет сам по себе компетенцию проверяющего.

Результат исследования состоит в обосновании разного объема юридического и культурологического выводов. Поступок, достаточный для обязательного увольнения при установленной квалификации, может быть недостаточен для суждения об устойчивой деформации правовой культуры. Добровольное уважение чужих прав, напротив, значимо для ее характеристики и за пределами специальной обязанности. Четыре критерия позволяют проверить переход от сведений о событии к квалификации и обобщению, не заменяя законной процедуры. Их применимость ограничена качеством и законностью получения исходных данных.

Список литературы:

[1] Сальников, В. П. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании / В. П. Сальников, М. В. Сальников // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 13–19.

[2] Ананьева, Е. О. К вопросу о правах сотрудников уголовно-исполнительной системы / Е. О. Ананьева // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 465–467.

[3] Бобров, А. М. Комментарий к Федеральному закону от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (постатейный) / А. М. Бобров ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь : ПГНИУ, 2019. 260 с.

[4] Фирсова, И. А. К вопросу об увольнении со службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации за совершение проступка, порочащего честь сотрудника / И. А. Фирсова, О. В. Кочкина // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1–4), № 4. С. 567–571.

[5] Апресян, Р. Г. Вид на профессиональную этику / Р. Г. Апресян // Ведомости прикладной этики. 2004. Вып. 25. С. 166–187.

[6] Цвык, В. А. Профессиональная этика: проблемы теории и методологии / В. А. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 3. С. 148–161.

[7] Шабанов, П. Н. Профессиональная этика и антикоррупционные стандарты деятельности прокурора / П. Н. Шабанов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 219–224.

[8] Nissenbaum, H. Privacy as Contextual Integrity / H. Nissenbaum // Washington Law Review. 2004. Vol. 79, No. 1. P. 119–158.

[9] Warren, S. D. The Right to Privacy / S. D. Warren, L. D. Brandeis // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4, No. 5. P. 193–220.

[10] Лапшин, В. Е. Распространение тюремной субкультуры как фактор деструктивного воздействия на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы / В. Е. Лапшин, Т. В. Галич // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2. С. 328–339.

References:

[1] Salnikov, V. P., & Salnikov, M. V. (2014). Legal culture and legal tradition: A categorical relationship and conceptual understanding. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, (3(37)), 13–19.

[2] Ananyeva, E. O. (2024). On the rights of personnel in the penal enforcement system. *Law and State: Theory and Practice*, (12(240)), 465–467.

[3] Bobrov, A. M. (2019). *Commentary on Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018, "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation 'On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment'" (article-by-article commentary)*. Perm State National Research University. Perm: PSNRU. 260 p.

[4] Firsova, I. A., & Kochkina, O. V. (2020). On the dismissal of personnel from the penal enforcement system of the Russian Federation for committing an act that discredits the honor of an officer. *Human: Crime and Punishment*, 28(1–4), No. 4, 567–571.

[5] Apresyan, R. G. (2004). A perspective on professional ethics. *Bulletin of Applied Ethics*, (25), 166–187.

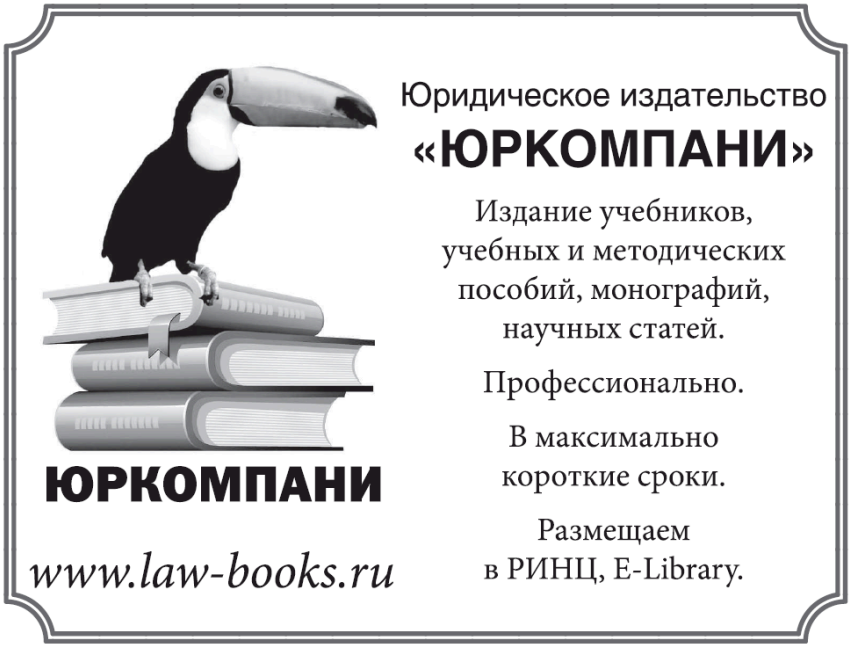
[6] Tsvyk, V. A. Professional Ethics: Problems of Theory and Methodology / V. A. Tsvyk // RUDN Journal of Philosophy. 2012. No. 3. pp. 148–161.

[7] Shabanov, P. N. Professional Ethics and Anti-Corruption Standards in the Activities of a Prosecutor / P. N. Shabanov // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 4 (47). pp. 219–224.

[8] Nissenbaum, H. Privacy as Contextual Integrity / H. Nissenbaum // Washington Law Review. 2004. Vol. 79, No. 1. pp. 119–158.

[9] Warren, S. D. The Right to Privacy / S. D. Warren, L. D. Brandeis // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4, No. 5. pp. 193–220.

[10] Lapshin, V. E. The Spread of Prison Subculture as a Factor of Destructive Influence on the Personality of Young Employees of the Penal System / V. E. Lapshin, T. V. Galich // Penitentiary Science. 2021. Vol. 15, No. 2. pp. 328–339.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-926-931
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА И СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ

Аннотация. *В статье изложены результаты исследования актуальных вопросов предупреждения преступлений среди лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества и состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций (УИИ). Актуальность темы обусловлена последовательной гуманизацией уголовной политики Российской Федерации, следствием которой стал значительный рост числа осужденных данной категории, увеличение рецидивной преступности, а также дополнительной нагрузки на сотрудников УИИ. Целью исследования стало выявление правовых, организационных и социально-психологических проблем, препятствующих эффективной профилактике повторных преступлений, и формулирование предложений по их устранению. Для реализации поставленной цели использовались диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). В ходе исследования проанализированы историко-правовые аспекты становления профилактики преступлений, теоретические подходы к определению данного понятия, а также современное состояние правового регулирования деятельности УИИ. Особое внимание уделено анализу факторов, детерминирующих совершение повторных преступлений осужденными, включая социально-экономические условия, особенности личности правонарушителей и недостатки в организации работы инспекций. В рамках исследования изучены официальные статистические данные ФСИН России о динамике преступлений, совершенных лицами, состоящими на учете УИИ, за 2024-2025 гг., а также отчеты Уполномоченного по правам человека в РФ, касающиеся соблюдения прав осужденных без изоляции от общества. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и организационных основ деятельности УИИ, направленных на повышение эффективности предупредительной работы.*

Ключевые слова: *предупреждение преступлений, профилактика, уголовно-исполнительная инспекция, наказания без изоляции, рецидивная преступность, условное осуждение, факторы преступности, межведомственное взаимодействие, Федеральная служба исполнения наказаний.*

Для цитирования: *Ковалев О. Г., Мельникова О. В. Актуальные вопросы предупреждения преступлений среди лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества и состоящих на учете уголовно-исполнительной инспекции // Образование и право. 2026. № 10. С. 926–931.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU
Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines,
Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary
Service of Russia

TOPICAL ISSUES OF CRIME PREVENTION AMONG PERSONS SERVING SENTENCES WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY AND REGISTERED WITH PENAL ENFORCEMENT INSPECTORATES

Annotation. *This article is devoted to the study of topical issues of crime prevention among persons serving sentences without isolation from society and registered with penal enforcement inspectorates. The relevance of the topic is conditioned by the consistent humanisation of the criminal policy of the Russian Federation, which has resulted in a significant increase in the number of convicts in this category, a rise in recidivism, and an additional workload on penal enforcement inspectorate staff.*

The objective of the study is to identify legal, organisational, and socio-psychological problems hindering the effective prevention of repeated offences, as well as to formulate proposals for their elimination. To achieve this objective, the dialectical method of cognition, general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, generalisation), and specific legal methods (formal-legal, comparative-legal, and the method of interpreting legal norms) were employed. The study analyses the historical and legal aspects of the development of crime prevention, theoretical approaches to defining this concept, as well as the current state of legal regulation of the activities of penal enforcement inspectorates. Particular attention is paid to the analysis of factors determining the commission of repeated offences by convicts, including socio-economic conditions, personality traits of offenders, and shortcomings in the organisation of the inspectorates' work.

Within the framework of the study, official statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia on the dynamics of crimes committed by persons registered with penal enforcement inspectorates in 2024–2025, as well as reports of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation concerning the observance of the rights of convicts without isolation from society, were examined. Based on the results of the research, proposals are formulated for improving legislation and the organisational foundations of the activities of penal enforcement inspectorates, aimed at enhancing the effectiveness of preventive work.

Key words: *crime prevention, prevention, penal enforcement inspectorate, punishments without isolation, recidivism, conditional sentence, crime factors, interdepartmental interaction, Federal Penitentiary Service of Russia.*

For citation: *Kovalev O. G., Melnikova O. V. Topical issues of crime prevention among persons serving sentences without isolation from society and registered with penal enforcement inspectorates. Education and law. 2026;(10):926–931. (In Russ.).*

Введение. Расширение практики применения альтернативных лишению свободы видов наказаний относится к числу ключевых направлений современной уголовной и уголовно-исполнительной политики РФ. Как отметил председатель Верховного Суда России Игорь Краснов в своем выступлении на совещании судей общей юрисдикции, арбитражных и военных судов, по итогам прошлого года только 26% осужденных были приговорены к реальному лишению свободы [1]. Данная тенденция, безусловно, соответствует общепризнанным международным стандартам и принципам гуманизма, однако она же порождает и новые вызовы для правоприменительной системы. Значительное увеличение численности лиц, отбывающих наказания без изоляции (условно осужденные, осужденные к обязательным, исправительным, принудительным работам, а также к

ограничению свободы), неизбежно ведет к росту нагрузки на уголовно-исполнительные инспекции, выступающие основным субъектом контроля и профилактической работы с данной категорией осужденных.

Историко-правовой анализ показывает, что идея приоритета предупреждения преступлений над карательной политикой не является новой. Мыслители античности, такие как Платон и Аристотель, а впоследствии Ш.-Л. Монтескье и Ч. Беккариа, обосновывали необходимость создания эффективного законодательства, способного предотвратить преступные деяния. Ч. Беккариа, в частности, утверждал, что «лучше предотвращать преступления, чем наказывать за них» [2, с. 74]. Эта аксиома сохраняет фундаментальное значение и в наши дни, выступая основой для законодательства России, стремящегося к сокращению рецидивной преступности [3, с. 18].

Вместе с тем, эффективность предупредительной работы УИИ сегодня сталкивается с рядом системных проблем. Сложность трудоустройства осужденных, низкий уровень их жизни, устойчивые антисоциальные установки, а также существенная перегруженность сотрудников инспекций – все это создает благоприятную среду для совершения повторных преступлений [4, с. 174]. По данным официальной статистики ФСИН России, в 2025 году количество преступлений, совершенных лицами, состоящими на учете УИИ, сохранилось на высоком уровне, что требует пересмотра подходов к организации индивидуальной профилактической работы. В этой связи тема настоящего исследования приобретает особую остроту, а ее решение находится в области комплексного совершенствования правовых и организационных механизмов предупреждения преступлений.

Методы и принципы исследования. Для изучения актуальных вопросов предупреждения преступлений среди лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества, использовался комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть исследуемые правовые и социальные явления в развитии, выявить причинно-следственные связи между проводимой государственной политикой и состоянием рецидивной преступности. Методы анализа и синтеза применены при изучении теоретических концепций предупреждения преступности, анализе действующего законодательства и правоприменительной практики. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления различных подходов к определению понятий «предупреждение», «профилактика» и «пресечение» преступлений. Формально-юридический метод позволил провести толкование правовых норм, регламентирующих деятельность УИИ. Кроме того, использовался статистический метод для анализа официальных данных о состоянии преступности и результатах деятельности УИИ, что позволило объективизировать выводы об эффективности существующих профилактических мер. Метод обобщения применен при формулировании выводов и предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Основные результаты. Проведенное исследование позволяет выделить несколько ключевых блоков проблем, препятствующих эффективному предупреждению преступлений среди лиц, отбывающих наказания без изоляции.

Во-первых, исследование показало отсутствие единообразного понимания терминологического аппарата. Понятия «борьба с преступностью», «противодействие преступности», «предупреждение», «профилактика» и «пресечение» зачастую используются как синонимы, хотя имеют различное содержание [5, с. 94].

В целях настоящего исследования под предупреждением преступности понимается деятельность общества и государства, направленная на снижение криминогенных факторов и устранение условий, способствующих правонарушениям. Профилактика рассматривается как система мер, реализуемых до совершения преступления с целью его предотвращения, а пресечение – как деятельность правоохранительных органов на этапе покушения или подготовки к преступлению [6; 7, с. 353]. Такая дифференциация важна для определения приоритетов в работе УИИ: акцент должен делаться именно на профилактику, как наиболее гуманную и эффективную меру.

Во-вторых, выявлены основные причины и условия, способствующие совершению повторных преступлений осужденными. Среди них: социально-экономическая нестабильность, сложность с трудоустройством, низкий уровень жизни, социальное неравенство, распространение криминогенных стереотипов в обществе. Особую роль играет необоснованно широкое применение судами условного осуждения без должного учета индивидуальных особенностей личности, что ослабляет контроль за осужденными и позволяет им сохранять криминальные связи [8, с. 77]. Согласно результатам выборочных исследований, проведенных в 2024-2025 гг., наибольший риск рецидива характерен для мужчин в возрасте 18-39 лет, с неполным средним или средним специальным образованием, не состоящих в браке и не имеющих постоянной работы. Данные лица чаще всего осуждаются за кражи и обладают устойчивыми антисоциальными установками, что ставит под со-

мнение эффективность применяемых к ним мер уголовно-правового характера.

В-третьих, установлены организационные проблемы в деятельности УИИ. Основной из них является перегрузка сотрудников. Проведенное сравнение показало, что в начале 2000-х годов нагрузка на одного городского инспектора в России достигала 212 осужденных (на районного - 260). Хотя в последующие годы ситуация несколько улучшилась, рекомендуемая зарубежными нормативами нагрузка в 50 осужденных на одного сотрудника остается недостижимой [9, с. 205]. Сегодня средняя нагрузка на одного инспектора составляет около 90-110 человек, при этом значительное время уходит не на профилактическую работу, а на ведение учета и отчетности. В зависимости от региона в отдельных инспекциях нагрузка может достигать 200 человек на одного инспектора [10, с. 99]. Это приводит к тому, что на индивидуальную работу с каждым осужденным в год у сотрудника остается не более 30-40 минут, что делает такую работу формальной.

Кроме того, исследование выявило недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников УИИ в сфере педагогики и психологии, а также слабое межведомственное взаимодействие с органами внутренних дел, социальной защиты и службами занятости. Это не позволяет своевременно выявлять лиц, склонных к совершению новых преступлений, и оказывать на них действенное профилактическое воздействие.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России, с докладом на тему «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты», 07.12.2023 во Владимирском юридическом институте ФСИН России с докладом на тему «Организация исполнения наказаний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;

Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, 11.01.2024 в Самарском юридическом институте ФСИН России с докладом на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;

Научно-практической конференции «Пенитенциарная наука: история и современность», посвященная 25-летию образования НИИ ФСИН России, состоявшейся 25.04.2024 с докладом на пленарном заседании тему: «Современные векторы развития пенитенциарной науки».

Заключение. Проведенное исследование актуальных вопросов предупреждения преступлений среди лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества и состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

В условиях последовательной гуманизации уголовной политики и расширения применения альтернативных лишению свободы видов наказаний именно эффективная профилактика становится ключевым фактором обеспечения общественной безопасности и достижения целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ [11, с. 72].

На сегодняшний день система предупреждения преступлений среди подучетных УИИ лиц сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем правового, организационного и кадрового характера. Высокая нагрузка на инспекторов, дефицит времени на индивидуальную профилактическую работу, недостаток психолого-педагогических знаний и навыков, а также слабое межведомственное взаимодействие нивелируют потенциальный эффект от применения наказаний без изоляции. Одной из системных проблем является неэффективность механизмов контроля за поведением условно осужденных и лиц, в отношении которых применены иные меры уголовно-правового характера [12, с. 227]. Это напрямую коррелирует с выводами настоящего исследования о необходимости оптимизации нагрузки на сотрудников УИИ и расширения их полномочий по применению профилактических мер.

Исследование подтвердило, что социально-экономические факторы (безработица, низкий уровень жизни, социальная несправедливость, отсутствие жилья) выступают мощными детерминантами рецидивной преступности [13, с. 306]. В этой связи предупреждение преступлений не может сводиться исключительно к контрольно-надзорным мероприятиям. В соответствии с Концепцией развития УИС до 2030 года, важней-

шим направлением является социальная адаптация осужденных. Однако в правоприменительной практике реальные механизмы трудоустройства освобождаемых лиц не всегда применяются.

Особая роль в системе профилактики должна принадлежать воспитательной и психологической работе с осужденными [14, с. 351]. Применение методов убеждения, коррекция антисоциальных установок, формирование правопослушного поведения должны стать приоритетными направлениями деятельности инспектора наряду с контролем. В этой связи целесообразно законодательно закрепить обязанность УИИ проводить с подучетными лицами занятия по социально-правовому информированию, привлекать к этой работе психологов, общественные организации, в том числе религиозные конфессии, что подтверждает и практика УФСИН (ГУФСИН) по ряду субъектов РФ.

Для повышения эффективности предупредительной работы требуется оптимизация кадрового обеспечения УИИ, а также увеличение размера финансирования. Представляется необходимым пересмотреть штатную численность инспекций в сторону увеличения с целью доведения нагрузки на одного сотрудника до научно обоснованных показателей (не более 50–60 осужденных). Кроме того, требуется усилить психолого-педагогическую и правовую подготовку сотрудников УИИ в рамках ведомственного образования [15, 249-252].

Важным шагом на пути совершенствования системы профилактики является развитие цифровых технологий и информационного обмена. Как отмечается в разделе XIV вышеупомянутой концепции внедрение единой базы данных (ЕАИС) с интеграцией с МВД, судами и органами соцзащиты позволит более оперативно выявлять лиц, склонных к рецидиву, а также отслеживать их социальный статус. Считаем необходимым ускорить реализацию внедрения систем сбора и анализа данных с применением искусственного интеллекта, а также цифровизацию отдельных процессов в деятельности учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний.

Подводя итог, следует констатировать, что предупреждение преступлений среди лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества, является сложной, многогранной задачей, требующей комплексного подхода и консолидации усилий всех ветвей власти и институтов гражданского общества. Только системное совершенствование правового регулирования, организационных механизмов и кадрового потенциала УИИ позволит реализовать потенциал альтернативных наказаний и обеспечить снижение уровня рецидивной преступности в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] ВС: за 2025 год только четверть осужденных была приговорена к лишению свободы. // Российское агентство правовой и судебной информации – РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260219/311612879.html?ysclid=mqq6nkpoo0507845321 (дата обращения: 22.06.2026).

[2] Яковлева М.А., Марченко Е.М. Исторические предпосылки правового регулирования профилактики преступлений, реализуемой органами внутренних дел России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2. С. 72-81.

[3] Пенитенциарная криминология. Личность несовершеннолетнего осужденного: учебник для вузов / под редакцией О.В. Мельниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. 107 с.

[4] Ковалев О.Г. Организационно-правовые и психолого-методические основы служебной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Право и управление. 2024. № 8. С. 173-177.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Серела Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[6] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Средства предупреждения противоправного поведения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 113-3. С. 50-52.

[7] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Использование современных информационных и цифровых технологий для предупреждения повторных преступлений осужденных молодежного возраста, отбывающих наказания без изоляции от общества // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 348-354.

[8] Ковалев О.Г. К вопросу привлечения к ответственности условно-осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Право и управление. 2026. № 2. С. 76-80.

[9] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Международные стандарты в сфере обеспечения безопасности осужденных в пенитенциарных учреждениях развитых зарубежных государств // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 2. С. 203-208.

[10] Грушин Ф.В. Уголовно-исполнительные инспекции: пределы прочности // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 97–101.

[11] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[12] Ковалев О.Г. Совершенствование исполнения условного осуждения (организационно-правовые и психологические аспекты) // Право и управление. 2024. № 8. С. 223-228.

[13] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Историко-правовой анализ регулирования рецидива в отечественном законодательстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 303-307.

[14] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Использование современных информационных и цифровых технологий для предупреждения повторных преступлений осужденных молодежного возраста, отбывающих наказания без изоляции от общества // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 348-354.

[15] Ковалев О.Г. Основные направления взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества в сфере патриотического воспитания работников УИС // Право и управление. 2024. № 11. С. 247-252.

References:

[1] Supreme Court: In 2025, only a quarter of convicted individuals were sentenced to imprisonment. // Russian Legal Information Agency (RAPSI). URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260219/311612879.html?ysclid=mqq6nkpoo050 7845321 (accessed: June 22, 2026).

[2] Yakovleva M.A., Marchenko E.M. Historical Background of the Legal Regulation of Crime Prevention Carried Out by the Internal Affairs Bodies of Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. pp. 72–81.

[3] Penitentiary Criminology. The Personality of the Juvenile Offender: A Textbook for Higher Education Institutions / Ed. by O.V. Melnikova. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. 107 p.

[4] Kovalev O.G. Organizational-Legal and Psychological-Methodological Foundations of Professional Training for Personnel of the Penal System // Law and Management. 2024. No. 8. pp. 173–177.

[5] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Serela E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[6] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. Means of preventing unlawful behavior among juvenile convicts serving sentences without isolation from society // Trends in the Development of Science and Education. 2024. No. 113-3. pp. 50–52.

[7] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The use of modern information and digital technologies to prevent recidivism among young adult convicts serving sentences without isolation from society // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 348–354.

[8] Kovalev O.G. On the issue of holding individuals with suspended sentences, who are registered with penal enforcement inspectorates, accountable // Law and Administration. 2026. No. 2. pp. 76–80.

[9] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. International standards for ensuring the safety of convicts in penitentiary institutions of developed foreign states // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. No. 2. pp. 203–208.

[10] Grushin F.V. Penal Enforcement Inspections: Limits of Resilience // Criminal Justice. 2024. No. 24. pp. 97–101.

[11] Criminal Law of Russia. Special Part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[12] Kovalev O.G. Improving the Execution of Suspended Sentences (Organizational-Legal and Psychological Aspects) // Law and Management. 2024. No. 8. pp. 223–228.

[13] Kovalev O.G., Semenova N.V. Historical-Legal Analysis of the Regulation of Recidivism in Domestic Legislation // Innovations. Science. Education. 2021. No. 33. pp. 303–307.

[14] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The Use of Modern Information and Digital Technologies for the Prevention of Repeat Offenses by Young Convicts Serving Non-Custodial Sentences // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 348–354.

[15] Kovalev O.G. Key Directions for Interaction Between Penal System Institutions and Civil Society Organizations in the Sphere of Patriotic Education for Penal System Personnel // Law and Management. 2024. No. 11. pp. 247–252.

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-932-938
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник НИИ ФСИН России,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПРЕПЯТСТВИЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме цифрового неравенства как фактора, препятствующего ресоциализации несовершеннолетних осужденных в условиях цифровизации всех сфер жизни. Обосновывается, что цифровая изоляция в период отбывания наказания создает устойчивые барьеры для социальной интеграции после освобождения, которые не учитываются в существующих программах ресоциализации. Рассматриваются основные направления ресоциализации несовершеннолетних осужденных в российской пенитенциарной системе: психолого-педагогическое сопровождение, образовательные программы, социальная поддержка после освобождения, правовая помощь.*

Анализируются механизмы влияния цифрового неравенства на способность несовершеннолетних интегрироваться в общество: ограничения в трудоустройстве, разрыв социальных связей, «культурный шок» при возвращении в стремительно меняющуюся цифровую среду. Особое внимание уделяется специфике несовершеннолетних осужденных как поколения, выросшего в цифровую эпоху, для которого онлайн-среда была естественной средой обитания. Резкий разрыв с привычным миром переживается ими не как временное неудобство, а как утрата идентичности.

Обобщается зарубежный опыт цифрового включения в пенитенциарных учреждениях, показывающий, что даже ограниченный доступ к цифровым технологиям снижает стресс при освобождении и повышает шансы на успешную адаптацию. Предлагаются направления преодоления цифрового неравенства: пересмотр нормативных ограничений на использование цифровых технологий в воспитательных колониях, включение цифровой грамотности в образовательные программы, создание условий для поэтапного знакомства с цифровой средой перед освобождением, постпенитенциарное сопровождение в восстановлении цифровых навыков. Делается вывод, что без учета цифрового измерения ресоциализация несовершеннолетних осужденных остается неполной и малоэффективной, а цифровое неравенство выступает системным барьером, требующим комплексного решения на нормативном, образовательном и организационном уровнях.

Ключевые слова: *цифровое неравенство, ресоциализация, несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, цифровая изоляция, цифровая грамотность, социальная интеграция, пенитенциарная система.*

Для цитирования: *Фиалковская Е. В. Цифровое неравенство как препятствие ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Образование и право. 2026. № 10. С. 932–938.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Researcher at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

DIGITAL INEQUALITY AS AN OBSTACLE TO THE RESOCIALIZATION OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. *The article addresses the problem of digital inequality as a factor hindering the resocialization of juvenile convicts in the context of the digitalisation of all spheres of life. It is substantiated that digital isolation during imprisonment creates persistent barriers to social integration after release, which are not taken into account in existing resocialization programmes. The main directions of resocialization of juvenile convicts in the Russian penitentiary system are examined: psychological and pedagogical support, educational programmes, social support after release, and legal assistance.*

The mechanisms of digital inequality's influence on the ability of juvenile convicts to integrate into society are analysed: employment restrictions, disruption of social ties, "cultural shock" upon returning to the rapidly changing digital environment. Special attention is paid to the specificity of juvenile convicts as a generation raised in the digital era, for whom the online environment was a natural habitat. The abrupt break with their familiar world is experienced not as a temporary inconvenience, but as a loss of identity.

Foreign experience of digital inclusion in penitentiary institutions is summarised, showing that even limited access to digital technologies reduces stress upon release and increases chances of successful adaptation. Directions for overcoming digital inequality are proposed: revision of regulatory restrictions on the use of digital technologies in educational colonies, inclusion of digital literacy in educational programmes, creation of conditions for gradual familiarisation with the digital environment before release, and post-penitentiary support in restoring digital skills. It is concluded that without taking the digital dimension into account, the resocialization of juvenile convicts remains incomplete and ineffective, and digital inequality acts as a systemic barrier requiring a comprehensive solution at the regulatory, educational and organisational levels.

Key words: *digital inequality, resocialization, juvenile convicts, educational colony, digital isolation, digital literacy, social integration, penitentiary system.*

For citation: *Fialkovskaya E. V. Digital inequality as an obstacle to the resocialization of juvenile convicts. Education and law. 2026;(10):932–938. (In Russ.).*

Введение

Цифровые технологии сегодня пронизывают буквально все: образование, работу, общение с государством, повседневные контакты между людьми. Без базовой цифровой грамотности человеку все труднее найти свое место в обществе и на рынке труда. Но есть категория людей, для которых этот процесс оказывается закрытым – те, кто отбывает наказание в местах лишения свободы. Исправительные учреждения остаются своего рода «цифровыми пустынями»: доступ к интернету и современным устройствам там либо прямо запрещен, либо сведен к минимуму. Получается парадокс: общество уходит в цифровую эпоху все дальше, а пенитенциарная система от этого процесса все больше отстает.

Для несовершеннолетних осужденных эта проблема стоит особенно остро. Нынешние подростки выросли в цифровой среде – она для них не дополнительный инструмент, а привычное пространство жизни. И когда они попадают в колонию, то оказываются вырванными из этого пространства. Они больше не могут переписываться с друзьями в мессенджерах, листать соцсети, учиться на онлайн-платформах, осваивать навыки, которые понадобятся им для работы. А ведь человек, выходящий из мест лишения свободы, и без того сталкивается с массой трудностей. Если к ним добавляется еще и неумение пользоваться интернетом, электронными госуслугами, онлайн-банкингом, сайтами по поиску работы – эти трудности становятся почти непреодолимыми. Цифровой разрыв превращается в новую форму социальной изоляции, которая накладывается на старые барьеры – низкую квалификацию, судимость, стигматизацию – и всерьез мешает возвращению к нормальной жизни.

В Российской Федерации цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы в последние годы активно обсуждается на уровне стратегических документов [10]. В рамках национальных проектов и государственных программ, таких как «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» и «Информационное общество», предусматривается внедрение цифровых технологий в деятельность ФСИН России. Однако анализ показывает, что меры направлены преимущественно на усиление контроля и надзора, а не на расширение возможностей заключенных для образования, профессиональной подготовки и поддержания социальных связей. Внедрение цифровых технологий в пенитенциарной практике, как правило, служит интересам безопасности, а не реабилитации.

Парадоксально, но даже в тех странах, где предпринимаются попытки цифрового включения заключенных, реализация сталкивается с серьезными препятствиями. В Испании, например, коро-

левским декретом 2022 года предусмотрели поэтапное внедрение информационно-коммуникационных технологий в тюремный режим – вплоть до доступа к библиотечным сетям и использования компьютеров в обучении [14]. Но на практике эти нормы так и остались в основном на бумаге: внутренние регламенты тюрем не поменяли, интернета заключенные не получили. Показательный случай – попытка организовать для женщин в тюрьме Алькала-Меко курс по работе с интернетом для получения госуслуг. Провести занятия в обычном формате не удалось; спаслись только тем, что создали специальный симулятор интернета – он имитировал реальные сайты, но без настоящего подключения к сети. Так женщинам и удалось дать базовые цифровые навыки [14]. Этот случай наглядно демонстрирует, что даже при наличии политической воли и правовых оснований реальное цифровое включение остается сложной задачей.

Вместе с тем, исследования ресоциализации несовершеннолетних осужденных в отечественной науке традиционно фокусируются на трудовой адаптации [7], образовательных программах [6], психолого-педагогическом сопровождении [2], правовой и социальной поддержке после освобождения [11]. Проблемы режимных ограничений, препятствующих подготовке к жизни на свободе, также находят отражение в работах А. В. Орлова и О. А. Вениной [5]. Однако цифровой аспект ресоциализации остается практически не исследованным. В имеющейся литературе отсутствует анализ того, каким образом цифровая изоляция в период отбывания наказания сказывается на способности несовершеннолетних осужденных интегрироваться в современное общество после освобождения. Этот пробел представляется существенным, особенно с учетом того, что несовершеннолетние, в отличие от старших возрастных групп, выросли в цифровую эпоху и воспринимают онлайн-среду как естественную и неотъемлемую часть жизни.

Материалы и методы

Цель настоящей работы – теоретически обосновать, что цифровое неравество является значимым и недооцененным препятствием для ресоциализации несовершеннолетних осужденных, и предложить направления преодоления этого барьера. Для достижения цели предстоит решить следующие за-дачи: проанализировать современное состояние ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях; выявить сущность и проявления цифрового неравенства в пенитенциарной системе; определить механизмы, через которые цифровое неравенство препятствует успешной реинтеграции; обобщить зарубежный опыт цифрового включения в пенитенциарных учреждениях; разработать рекомендации по преодолению цифрового неравенства в контексте ресоциализации.

Результаты

В российской науке проблема ресоциализации несовершеннолетних осужденных рассматривается в нескольких ключевых аспектах, однако цифровое измерение остается практически не затронутым.

Психолого-педагогические ориентиры ресоциализации подробно анализирует П. Н. Казберов. В своих работах автор подчеркивает, что ресоциализация в воспитательной колонии должна представлять собой комплексный поэтапный процесс, включающий диагностический, коррекционный и адаптационный этапы [2]. На каждом из них необходимо учитывать индивидуальные психологические особенности осужденного, его ценностные ориентации и уровень социальной дезадаптации. П. Н. Казберов отдельно подчеркивает: нужны совместные усилия всех, кто участвует в воспитательном процессе – педагогов, психологов, сотрудников колонии, иначе устойчивого исправительного эффекта не добиться [3]. Но в его модели цифровая сторона социализации почти не отражена, а в сегодняшних условиях это уже заметное упущение.

А. Н. Сухов разрабатывает социально-психологические основы ресоциализации. Он делает акцент на том, что нужно восстанавливать социальные связи осужденных, формировать у них приемлемые установки, преодолевать деформации ценностно-нормативной системы [8]. Ученый уверенно утверждает: без изменения внутренней позиции человека, его самооценки и отношения к другим ресоциализация невозможна. Если посмотреть на цифровую изоляцию через эту логику, видно, что она только усиливает социальную отчужденность – подросток теряет один из главных каналов поддержания связей и получения информации о том, что происходит вокруг.

Стратегии ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей предлагают В. А. Тимофеенко, Ю. А. Сердюкова и И. Н. Самойлова. Они выделяют несколько направлений: образовательное, трудовое, психокоррекционное и социально-реабилитационное [9]. Много внимания уделено дифференцированному подходу – в зависимости от педагогической запущенности, характера правонарушения и личностных особенностей подростка. Но цифровые компетенции авторы самостоятельным направлением не считают – они остаются в рамках традиционных образовательных программ.

Образовательные программы как средство

ресоциализации анализируют Е. П. Радченко и Н. С. Зорина. Они подчеркивают: если человек получает образование, пока отбывает наказание, шансы на успешную интеграцию после освобождения заметно растут [6]. Но программы сегодня ориентированы в основном на привычные формы обучения, а цифровые компетенции – без которых трудоустройство в современном мире проблематично – остаются в стороне. В другой работе те же авторы показывают, что трудовая адаптация помогает формировать социально полезные навыки и снижает риск рецидива, но ее эффективность напрямую зависит от того, сможет ли человек найти работу после освобождения [7].

Постпенитенциарный период подробно разбирают А. Н. Белоусова и С. А. Буданов. Они пишут: после освобождения несовершеннолетние сталкиваются с целым комплексом проблем – нужно восстановить документы, найти жилье и работу, справиться со стигматизацией [1]. Эти барьеры становятся во много раз серьезнее, если человек не умеет пользоваться цифровыми инструментами: не может искать работу на онлайн-платформах, записаться на госуслуги через портал, даже просто пообщаться в соцсетях, которые для молодежи давно стали основным каналом поиска работы.

Ф. М. Фейзуллаев рассматривает актуальные вопросы ресоциализации после выхода из воспитательной колонии и делает акцент на социальном сопровождении, помощи в адаптации к свободе [11]. Он подчеркивает: успех во многом зависит от того, есть ли система поддержки – социальные службы, центры занятости, общественные организации. Но и в этой работе цифровой компонент отдельно не выделяется, хотя цифровая неграмотность вполне может стать непреодолимым барьером – ведь многие из этих служб сегодня работают онлайн.

Проблемы режимных ограничений в воспитательных колониях анализируют А. В. Орлов и О. А. Венина. Они показывают: режимные требования, которые обеспечивают безопасность и порядок, одновременно мешают полноценно готовить осужденных к жизни на свободе [5]. Запрет на цифровые устройства и интернет, пусть и обоснованный соображениями безопасности, лишает подростков возможности осваивать технологии, без которых в современном мире никуда. Авторы говорят о необходимости искать баланс между режимными требованиями и задачами ресоциализации.

Э. В. Лядов анализирует практику замены лишения свободы более мягким наказанием. По его мнению, этот институт помогает ресоциализации, потому что осужденный остается в социальной среде и не теряет связей [4]. Но и здесь цифровое неравенство никуда не исчезает: у тех, кто находится под домашним арестом или на исправительных работах, доступ к цифровым технологиям тоже может быть ограничен – а значит, появляются дополнительные барьеры для интеграции в общество.

Цифровую трансформацию уголовно-исполнительной системы рассматривает А. Г. Упоров. Он анализирует, как в деятельность УИС внедряются цифровые технологии: «цифровой профиль» осужденного, электронный документооборот, системы видеонаблюдения [10]. Но, как замечает сам автор, эти меры в первую очередь усиливают контроль и повышают эффективность управления, а не расширяют возможности осужденных учиться и получать профессию. Упоров прямо говорит: цифровая трансформация УИС пока не касается вопросов цифрового включения заключенных – и это создает перекос, когда технологии работают на надзор, а не на реабилитацию.

Если обобщить все, что написано в отечественной литературе, видно: проблема ресоциализации несовершеннолетних осужденных изучена довольно широко. Но цифровая сторона почти везде остается за скобками. Как отмечает К. Маккей, цифровые технологии в тюрьмах часто используются для усиления контроля [12]. Между тем, как показывают зарубежные исследования, отсутствие доступа к интернету и цифровым технологиям в период отбывания наказания создает дополнительный барьер на пути ресоциализации [16]. Воспитание в цифровой изоляции дезориентирует подростков, которые после освобождения оказываются неспособными ориентироваться в стремительно меняющейся цифровой среде [15]. Этот пробел требует восполнения, особенно с учетом того, что несовершеннолетние правонарушители относятся к поколению, выросшему в условиях тотальной цифровизации.

Цифровое неравенство в пенитенциарной системе проявляется в нескольких аспектах, каждый из которых создает препятствия для ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

В российских исправительных учреждениях использование интернета и мобильной связи запрещено. Приказ Минюста России от 17 июня 2013 г. № 94 регламентирует техническое оснащение воспитательных колоний, но цифровое оборудование в нем прописано минимально. Как отмечает А. Г. Упоров, цифровая трансформация УИС направлена в основном на контроль, а не на образование осужденных [10]. Получается, что даже те технические возможности, которые в учреждениях появляются, идут на надзор, а не на обучение и развитие цифровых навыков у подростков.

Кроме того, осужденные теряют те цифровые навыки, которые у них были, и не приобретают новых. Многие подростки до заключения активно сидели в соцсетях, переписывались в мессенджерах, играли в онлайн-игры. В условиях изоляции эти навыки не только не развиваются – они атрофируются. Восстановить их после освобождения непросто: у бывшего заключенного есть более насущные задачи – найти работу, жилье, восстановить документы [1]. А цифровая среда за это время успевает измениться: появляются новые платформы, обновляются интерфейсы, меняются правила. Все это создает дополнительный стресс и ощущение, что ты отстал от сверстников.

В условиях изоляции у подростков падает интерес к технологиям, которые им все равно недоступны. Если нет возможности применять цифровые навыки на практике, они перестают восприниматься как что-то важное. Для несовершеннолетних это особенно опасно – у них еще не сформировалась устойчивая учебная мотивация. П. Н. Казберов пишет, что ресоциализация требует позитивной мотивации к изменению поведения и образа жизни [2]. Но если подросток не связывает свое будущее с цифровыми компетенциями, он просто не видит смысла их осваивать.

Каждый из этих аспектов создает конкретные препятствия для ресоциализации. Без цифровых навыков сложнее найти работу – большинство современных работодателей требуют хотя бы базовой цифровой грамотности [13]. Выпадение из цифровой коммуникации разрывает социальные связи, которые могли бы поддержать человека после освобождения. В. А. Тимофеенко, Ю. А. Сердюкова и И. Н. Самойлова подчеркивают важность социальной поддержки для успешной ресоциализации, а цифровые каналы сегодня – важнейший ее элемент [9]. И наконец, долгое пребывание вне цифровой среды порождает «культурный шок» при возвращении в общество [15]: подросток сталкивается с технологиями, которые за время его отсутствия изменились, и чувствует себя неуверенно.

Для несовершеннолетних эта проблема особенно болезненна. Взрослые осужденные еще помнят жизнь без интернета, а подростки выросли в цифровую эпоху. Для них онлайн-среда – не дополнительный инструмент, а естественная среда обитания. Резкий разрыв с ней переживается как потеря привычного мира, а не как временное неудобство. Исследование И. Вирго показывает: даже частичное знакомство с цифровой средой перед освобождением снижает стресс и помогает быстрее адаптироваться [15]. Без такой подготовки бывшему заключенному еще сложнее – дополнительный барьер на пути к нормальной жизни.

Цифровое неравенство – это системный барьер, который мешает ресоциализации и в период отбывания наказания, и после освобождения. Если его игнорировать, программы ресоциализации остаются неполными и малоэффективными, а многие подростки снова совершают правонарушения просто потому, что не могут адаптироваться к цифровому обществу.

Чтобы преодолеть цифровое неравенство, нужны изменения сразу в нескольких сферах. На нормативно-правовом уровне необходимо пересмотреть запреты на использование цифровых технологий в воспитательных колониях – хотя бы в образовательных целях. А. Г. Упоров отмечает, что цифровая трансформация УИС пока работает на контроль, а не на реабилитацию [10]. Изменить этот перекос – обязательное условие для цифрового включения осужденных.

В образовательной сфере нужно включить цифровую грамотность в программы обучения и профессиональной подготовки в воспитательных колониях. Это могут быть как отдельные курсы по работе с компьютером и интернетом, так и интеграция цифровых технологий в существующие программы. П. Н. Казберов говорит о необходимости поэтапного подхода к ресоциализации – цифровая подготовка вполне может стать частью адаптационного этапа перед освобождением [3].

На организационном уровне важно создать условия для постепенного знакомства с цифровой средой перед выходом на свободу. Это могут быть специальные классы с компьютерами, доступ к образовательным онлайн-платформам в контролируемом режиме, обучение работе с порталом «Госуслуги» и другими социально значимыми ресурсами. Также важно рассмотреть возможность сопровождения человека в восстановлении цифровых навыков и доступа к технологиям – помогать восстановить цифровую идентичность, завести электронную почту, освоить платформы для поиска работы.

Заключение

Цифровое неравенство – значительное, но недооцененное препятствие для ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Отечественные исследования традиционно сосредоточены на трудовой адаптации, образовании и психолого-педагогическом сопровождении, а цифровая сторона остается вне поля зрения. При этом зарубежные данные говорят: без доступа к цифровым технологиям в период отбывания наказания человек сталкивается с серьезными барьерами при трудоустройстве, социальной адаптации и восстановлении связей после освобождения. Цифровая изоляция не только лишает его возможности осваивать нужные навыки, но и усиливает социальную

отчужденность, которая и без того характерна для этой категории.

Чтобы преодолеть цифровое неравенство, нужны изменения на нескольких уровнях. На нормативно-правовом – пересмотр запретов на цифровые технологии в воспитательных колониях хотя бы в образовательных целях. На образовательном – включение цифровой грамотности в программы обучения и профессиональной подготовки. На организационном – создание условий для постепенного знакомства с цифровой средой перед освобождением. На постпенитенциарном – сопровождение в восстановлении цифровых навыков и доступа к технологиям. Без учета цифрового измерения ресоциализация несовершеннолетних осужденных в современном обществе останется неполной и малоэффективной.

Список литературы:

[1] Белоусова, А. Н. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступление / А. Н. Белоусова, С. А. Буданов // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 1. – С. 115–121.

[2] Казберов, П. Н. Психолого-педагогические ориентиры ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях / П. Н. Казберов // Образование и право. – 2025. – № 3. – С. 481–485.

[3] Казберов, П. Н. Поэтапная ресоциализация несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии в аспекте комплексного психолого-педагогического взаимовоздействия / П. Н. Казберов // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 4(169). – С. 74–77.

[4] Лядов, Э. В. Практика реализации института замены лишения свободы более мягким видом наказания и ресоциализация осужденных / Э. В. Лядов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 12(199). – С. 414–416.

[5] Орлов, А. В. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних осужденных, связанные с обеспечением режимных функций в воспитательных колониях / А. В. Орлов, О. А. Венина // Профессиональное юридическое образование и наука. – 2024. – № 3(15). – С. 43–46.

[6] Радченко, Е. П. Образовательные программы как средство ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Е. П. Радченко, Н. С. Зорина // Образование и право. – 2025. – № 7. – С. 479–484.

[7] Радченко, Е. П. Эффективность процесса ресоциализации несовершеннолетних, отбывающих наказание, посредством трудовой адаптации / Е. П. Радченко, Н. С. Зорина // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 194–198.

[8] Сухов, А. Н. Социально-психологические основы ресоциализации осужденных / А. Н. Сухов // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 1. – С. 39–42.

[9] Тимофеенко, В. А. Стратегии ресоциализации несовершеннолетних, совершивших правонарушение / В. А. Тимофеенко, Ю. А. Сердюкова, И. Н. Самойлова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 4(191). – С. 459–460.

[10] Упоров, А. Г. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы: современные тенденции и перспективы / А. Г. Упоров // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 3. – С. 411–417.

[11] Фейзуллаев, Ф. М. Актуальные вопросы ресоциализации несовершеннолетних осужденных после их освобождения из воспитательной колонии / Ф. М. Фейзуллаев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 250–253.

[12] McKay, C. The Carceral Automaton: Digital Prisons and Technologies of Detention / C. McKay // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 100–119.

[13] Reisdorf, B. C. Locked out and left out: the digital exclusion of formerly incarcerated people / B. C. Reisdorf, J. R. DeCook // Information, Communication & Society. – 2022. – Vol. 25, No. 14. – P. 2091–2107.

[14] Romero-Seseña, P. The use of online tools and Internet access in prisons: insights from Catalonia / P. Romero-Seseña, A. Marsol-Gutiérrez, J. M. Tamarit-Sumalla // European Journal of Criminology. – 2025.

[15] Virgo, I. Living in prison, studying on campus: digital challenges for students in a UK open prison / I. Virgo // Social Inclusion. – 2026. – Vol. 14. – Article 12678.

[16] Zivanai, E. Digital inclusion as a pathway to social reintegration of juvenile and convicted offenders: a systematic literature review / E. Zivanai, S. Dube, G. Mahlangu // Cogent Social Sciences. – 2026. – Vol. 12, No. 1. – Article 2649446.

References:

[1] Belousova, A. N. Problems of Resocialization of Juveniles Who Have Committed Crimes / A. N. Belousova, S. A. Budanov // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2021. – No. 1. – pp. 115–121.

[2] Kazberov, P. N. Psychological and Pedagogical Guidelines for the Resocialization of Juvenile Convicts in Correctional Colonies / P. N. Kazberov // Education and Law. – 2025. – No. 3. – pp. 481–485.

[3] Kazberov, P. N. Phased Resocialization of Juvenile Convicts in a Correctional Colony: An Aspect

of Comprehensive Psychological and Pedagogical Interaction / P. N. Kazberov // Global Scientific Potential. – 2025. – No. 4(169). – pp. 74–77.

[4] Lyadov, E. V. The Practice of Implementing the Substitution of Imprisonment with a Lighter Form of Punishment and the Resocialization of Convicts / E. V. Lyadov // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 12(199). – pp. 414–416.

[5] Orlov, A. V. Problems in the Resocialization of Juvenile Convicts Related to the Enforcement of Institutional Regime Requirements in Correctional Colonies / A. V. Orlov, O. A. Venina // Professional Legal Education and Science. – 2024. – No. 3(15). – pp. 43–46.

[6] Radchenko, E. P. Educational Programs as a Means of Resocializing Juvenile Offenders / E. P. Radchenko, N. S. Zorina // Education and Law. – 2025. – No. 7. – pp. 479–484.

[7] Radchenko, E. P. The Effectiveness of the Resocialization Process for Juveniles Serving Sentences through Labor Adaptation / E. P. Radchenko, N. S. Zorina // International Scientific Bulletin. – 2026. – No. 3. – pp. 194–198.

[8] Sukhov, A. N. Socio-Psychological Foundations of the Resocialization of Convicts / A. N. Sukhov // Psychology and Pedagogy of Professional Activity. – 2024. – No. 1. – pp. 39–42.

[9] Timofeenko, V. A. Resocialization Strategies for Juveniles Who Have Committed Offenses / V. A. Timofeenko, Yu. A. Serdyukova, I. N. Samoylova // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 4(191). – pp. 459–460.

[10] Uporov, A. G. Digital Transformation of the Penal System: Current Trends and Prospects / A. G. Uporov // Law: History and Modernity. – 2025. – Vol. 9, No. 3. – pp. 411–417.

[11] Feyzullaev, F. M. Current Issues in the Resocialization of Juvenile Offenders Following Their Release from a Juvenile Correctional Facility / F. M. Feyzullaev // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 6(234). – pp. 250–253.

[12] McKay, C. The Carceral Automaton: Digital Prisons and Technologies of Detention / C. McKay // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2022. – Vol. 11, No. 1. – pp. 100–119.

[13] Reisdorf, B. C. Locked out and left out: the digital exclusion of formerly incarcerated people / B. C. Reisdorf, J. R. DeCook // Information, Communication & Society. – 2022. – Vol. 25, No. 14. – pp. 2091–2107.

[14] Romero-Seseña, P. The use of online tools and Internet access in prisons: insights from Catalonia / P. Romero-Seseña, A. Marsol-Gutiérrez, J. M. Tamarit-Sumalla // European Journal of Criminology. – 2025.

[15] Virgo, I. Living in prison, studying on campus: digital challenges for students in a UK open prison / I. Virgo // Social Inclusion. – 2026. – Vol. 14. – Article 12678.

[16] Zivanai, E. Digital inclusion as a pathway to social reintegration of juvenile and convicted offenders: a systematic literature review / E. Zivanai, S. Dube, G. Mahlangu // Cogent Social Sciences. – 2026. – Vol. 12, No. 1. – Article 2649446.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-939-945

ЧАБАН Антон Олегович,
студент магистратуры
Высшей школы государственного аудита (факультет)
МГУ им. М.В.Ломоносова,
e-mail:Anton77aa@mail.ru

НАЛОГОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ФОРМАТ «БЕСКОНТАКТНОГО» КОНТРОЛЯ В ПЕРИОД ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЛИЯНИЕ НА МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС

Аннотация. *В статье рассматривается налоговый мониторинг как инновационная форма налогового контроля, основанная на принципах «бесконтактного» взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков в условиях цифровой трансформации экономики. Анализируются правовые основы функционирования данного института, закрепленные в главе 14.5 Налогового кодекса РФ, и тенденции его развития, включая планируемое расширение критериев доступа. Особое внимание уделяется перспективам участия в налоговом мониторинге организаций малого и среднего предпринимательства, а также связанным с этим преимуществам и ограничениям. На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики выявляются системные барьеры, препятствующие масштабированию налогового мониторинга, и предлагаются направления совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *налоговый мониторинг, бесконтактный налоговый контроль, цифровизация налогового администрирования, малый и средний бизнес, АИС «Налог-3», мотивированное мнение, риск-ориентированный подход.*

Для цитирования: *Чабан А. О. Налоговый мониторинг как формат «бесконтактного» контроля в период цифровизации: перспективы и влияние на малый и средний бизнес // Образование и право. 2026. № 10. С. 939–945.*

CHABAN Anton Olegovich,
Master's student
Higher School of State Audit (faculty)
Lomonosov Moscow State University

TAX MONITORING AS A FORM OF «CONTACTLESS» CONTROL IN THE ERA OF DIGITALIZATION: PROSPECTS AND IMPLICATIONS FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS

Annotation. *The article examines tax monitoring as an innovative form of tax control based on the principles of "contactless" interaction between tax authorities and taxpayers in the context of the digital transformation of the economy. The legal framework for the functioning of this institution, established in Chapter 14.5 of the Tax Code of the Russian Federation, is analyzed, as well as trends in its development, including the planned expansion of access criteria. Particular attention is paid to the prospects for the participation of small and medium-sized enterprises in tax monitoring, as well as to the related advantages and limitations. Based on an analysis of scholarly literature and law enforcement practice, systemic barriers impeding the scaling-up of tax monitoring are identified, and directions for improving the legislation are proposed.*

Key words: *tax monitoring, contactless tax control, digitalization of tax administration, small and medium-sized business, AIS "Nalog-3", motivated opinion, risk-based approach.*

For citation: *Chaban A. O. Tax monitoring as a form of «contactless» control in the era of digitalization: Prospects and implications for small and medium-sized business. Education and law. 2026;(10):939–945. (In Russ.).*

Введение

Цифровая трансформация налогового администрирования в Российской Федерации является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере экономики. В условиях перехода к цифровой экономике налоговые органы сталкиваются с необходимостью адаптации форм и методов налогового контроля к новым реалиям, характеризующимся увеличением объемов обрабатываемых данных, усложнением хозяйственных связей и ростом требований бизнеса к прозрачности и предсказуемости налогового регулирования.

Как справедливо отмечают исследователи, в современных реалиях осуществления контрольной деятельности налоговыми органами происходят изменения форм и методов налогового контроля, переход от традиционных налоговых проверок к более эффективному контролю — налоговому мониторингу, который доказывает свою результативность и востребованность у налогоплательщиков в условиях онлайн-взаимодействия между участниками налоговых отношений на доверительной основе [9, с. 14].

Налоговый мониторинг представляет собой форму налогового контроля, при которой налоговый орган получает в режиме реального времени доступ к информационным системам налогоплательщика, что позволяет осуществлять контрольные мероприятия без отрыва субъекта от хозяйственной деятельности и без проведения традиционных камеральных и выездных проверок. Данный институт был введен в российское налоговое законодательство в 2015 году и изначально задумывался как инструмент облегчения коммуникаций между налоговыми органами и крупнейшим бизнесом [2].

Однако в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к расширению круга потенциальных участников налогового мониторинга, что актуализирует вопрос о перспективах использования данной формы контроля субъектами малого и среднего предпринимательства (МСП). Целью настоящей работы является анализ современных тенденций развития налогового мониторинга, оценка его перспектив для сектора МСП и выявление правовых и организационных барьеров, препятствующих его масштабированию.

1. Правовая природа и эволюция налогового мониторинга в Российской Федерации

Налоговый мониторинг как форма налогового контроля имеет специфическую правовую природу, отличающую его как от традиционных камеральных и выездных проверок, так и от иных форм налогового контроля. Правовое регулирование данного института закреплено в главе 14.5 Налогового кодекса Российской Федерации (статьи 105.26–105.31 НК РФ) [1].

Отличительными признаками налогового мониторинга являются: добровольность участия, предоставление налоговому органу доступа к информационным системам налогоплательщика в режиме реального времени, отказ от проведения выездных налоговых проверок (за исключением отдельных случаев), а также возможность получения налогоплательщиком мотивированных мнений налогового органа по вопросам исчисления и уплаты налогов.

Как отмечается в научной литературе, налоговый мониторинг представляет собой элемент цифровой трансформации контрольной работы налоговых органов и метод углубленного информационного обмена между налогоплательщиками и налоговыми органами [12].

При подключении к налоговому мониторингу сотрудники налоговых органов в режиме реального времени получают доступ к данным учетных регистров и массиву информации налогоплательщика, выложенных им «на витрину» мониторинга [12].

Анализ эволюции налогового мониторинга в России позволяет выделить пять фаз его развития: концептуализация, практическая апробация, цифровая трансформация, системные ограничения, налоговая синергия. Данные фазы четко коррелируют с этапами нормативно-правового и практического внедрения данного института [11, с. 195].

Важнейшим технологическим условием функционирования налогового мониторинга является интеграция информационных систем налогоплательщика с автоматизированной информационной системой ФНС России АИС «Налог-3». Данная система создает удобную платформу, через которую происходит обмен между налогоплательщиками и ФНС России. Начиная с 2014 года, чтобы участвовать в налоговом мониторинге, налогоплательщик в обязательном порядке должен интегрироваться в систему АИС «Налог-3» [4].

Для осуществления доступа к информационным системам участников налогового мониторинга ФНС России утвержден соответствующий порядок, а в рамках законопроектной работы предусматривается утверждение дополнительных требований к информационным системам участников [5].

2. Условия и критерии участия в налоговом мониторинге

Участие в налоговом мониторинге носит добровольный характер. В соответствии с пунктом 3 статьи 105.26 НК РФ, право на переход к данному режиму имеют организации, соответствующие

трем суммовым критериям:

1. общая сумма налогов (НДС, акцизы, налог на прибыль организаций, НДФЛ, НДПИ, страховые взносы), подлежащих уплате за календарный год, предшествующий году, в котором подается заявление о проведении налогового мониторинга, составляет не менее 80 млн рублей;

2. суммарный объем полученных доходов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности за календарный год, предшествующий году, в котором подается заявление о проведении налогового мониторинга, составляет не менее 800 млн рублей;

3. совокупная стоимость активов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности на 31 декабря календарного года, предшествующего году, в котором подается заявление о проведении налогового мониторинга, составляет не менее 800 млн рублей [1].

Однако для некоторых категорий налогоплательщиков НК РФ допускает возможность вступления в налоговый мониторинг без выполнения вышеуказанных условий. К таким категориям относятся резиденты территорий опережающего социально-экономического развития, резиденты особых экономических зон, участники соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) и ряд иных [1, 10].

Кроме соответствия суммовым критериям, организация должна иметь систему внутреннего контроля и быть готовой обеспечить налоговому органу доступ к своим информационным системам и данным учета через подключение к АИС «Налог-3». При этом индивидуальные предприниматели не могут участвовать в налоговом мониторинге, даже если соответствуют установленным критериям [3].

На практике налоговый мониторинг в настоящее время применяется ограниченным кругом налогоплательщиков. По данным ФНС России, в 2025 году налоговый мониторинг проводится в отношении 737 компаний, что на 30% больше, чем в 2024 году. В основном это представители нефтегазового, энергетического и торгового секторов. На 2026 год запланировано присоединение еще 147 организаций из свыше 20 отраслей.

3. Перспективы расширения налогового мониторинга: от крупного к среднему бизнесу

В «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов» Минфин России обозначил цель дальнейшего увеличения числа налогоплательщиков, перешедших на налоговый мониторинг, в том числе за счет компаний среднего бизнеса [8].

Ключевой мерой, направленной на достижение данной цели, является планируемая корректировка критериев доступа. Согласно законопроекту, который прошел публичное обсуждение в 2025 году, предполагается отменить требование об обязательном соответствии кандидатов всем трем установленным критериям. Компании будет достаточно удовлетворять одному из трех требований: либо по сумме уплаченных налогов (80 млн рублей), либо по объему доходов (800 млн рублей), либо по стоимости активов (800 млн рублей) [10].

Как отмечают эксперты, после внесения соответствующих изменений круг потенциальных участников налогового мониторинга существенно расширится. Директор консалтинговой группы Kept по оказанию услуг в области управления налогообложением Екатерина Кириллова оценивает, что их число может вырасти до десятков тысяч организаций — ранее, при снижении порогов с 2025 года, потенциал составлял более 7 тыс. компаний [16].

При этом важно подчеркнуть, что запланированные изменения не были приняты в первоначальном виде в Федеральном законе от 28.11.2025 № 425-ФЗ [2]. Указанным законом, вступающим в силу с 1 сентября 2026 года, были внесены иные изменения в регулирование налогового мониторинга, включая положения о правопреемстве при реорганизации, новые основания для досрочного прекращения мониторинга, а также расширение прав налоговых органов на проведение осмотра территорий и помещений участников. Однако предполагавшееся изменение критериев доступа (переход от необходимости соблюдения всех трех критериев к соблюдению хотя бы одного) в окончательную редакцию закона не вошло [2].

Тем не менее эксперты и представители власти продолжают обсуждать возможность дальнейшего смягчения требований для доступа к налоговому мониторингу. Партнер и руководитель направления налогового мониторинга аудиторской компании ДРТ Юлия Орлова считает, что мотивацией для среднего бизнеса станет снижение административной нагрузки от проверок, количество которых растет, а суммы доначислений увеличиваются [18].

4. Преимущества и риски налогового мониторинга для субъектов МСП

4.1. Ключевые преимущества

Для субъектов малого и среднего предпринимательства переход на налоговый мониторинг может предоставить ряд существенных преимуществ.

Во-первых, освобождение от проведения выездных налоговых проверок. В научной литерату-

ре отмечается, что в результате налогового мониторинга снижается частота выездных налоговых проверок, снижается административная нагрузка налогоплательщика на подготовку документации в ответ на требования налоговых органов [12].На практике нередко складывались ситуации, когда предприятия фактически прекращали работу по основному виду деятельности из-за того, что все сотрудники занимались только подготовкой документов, запрошенных налоговым органом в ходе выездной налоговой проверки [12]. Налоговый мониторинг позволяет избежать подобных издержек.

Во-вторых, возможность получения мотивированного мнения налогового органа по сложным вопросам налогообложения. Данный институт является примером конструктивного партнерства между бизнесом и налоговыми органами: компании получают квалифицированную консультацию от налоговой службы, а налоговая служба — возможность сократить трудозатраты на осуществление налогового администрирования будущих проверок [12].

В-третьих, снижение рисков налоговых доначислений и штрафных санкций. Наличие и соблюдение мотивированного мнения налогового органа исключает вину налогоплательщика и освобождает его от штрафа и пени [10].

4.2. Риски и ограничения

Вместе с тем, участие в налоговом мониторинге сопряжено с определенными рисками и ограничениями, которые приобретают особое значение для субъектов МСП.

Значительные затраты на подготовку к переходу на налоговый мониторинг. Как отмечает Екатерина Кириллова, необходимы значительные затраты на подготовку, включая интеграцию с АИС «Налог-3» [16]. Для малых и средних предприятий такие инвестиции могут быть неподъемными.

Расширение полномочий налоговых органов. Как указывает партнер юридической компании «МЭФ Legal» Сергей Челышков, налоговый мониторинг сопровождается расширением полномочий ФНС, включая проведение допросов и осмотра территории, что может нивелировать преимущества цифрового контроля «без традиционных форм взаимодействия с инспекцией» [16].

Невозможность оспаривания мотивированного мнения в судебном порядке. Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в определениях № 305-ЭС25-3153 от 13 мая 2025 года и № 305-ЭС24-21197 от 18 ноября 2024 года, мотивированное мнение не имеет признаков ненормативного правового акта, который может быть оспорен в судебном порядке [6,7]. Единственный путь для налогоплательщика, не согласного с мотивированным мнением, — неисполнение с последующей выездной проверкой и судебным разбирательством, но издержки часто слишком высоки.

Технологические риски интеграции ИТ-систем и защиты данных. Как отмечает А.А. Паккарь, систематизация научных публикаций позволяет выявить устойчивые системные проблемы налогового мониторинга, включая технологические риски интеграции ИТ-систем и защиты данных, а также структурный дисбаланс доступности для бизнеса (особенно среднего) [11, с. 208].

5. Зарубежный опыт и перспективы развития налогового мониторинга

Институт налогового мониторинга известен не только российской, но и зарубежной правовой системе. В зарубежной практике данная форма контроля получила наименование «горизонтальный мониторинг». Как отмечает А.А. Паккарь, концепция горизонтального мониторинга предполагает переход от вертикальных (властно-подчиненных) отношений между налоговыми органами и налогоплательщиками к партнерским отношениям, основанным на взаимном доверии, прозрачности и превентивном урегулировании налоговых споров [11, с. 200].

Наиболее развитые модели горизонтального мониторинга существуют в Нидерландах, Австралии, США и ряде других стран. При этом ключевым вызовом для развития данного института является преодоление дефицита доверия и создание методик оценки эффективности [9, с. 209].

В России развитие налогового мониторинга сопряжено с реализацией масштабного технологического проекта ФНС России — «Интеграционной платформы». К концу 2026 года планируется завершение данного проекта, направленного на создание прямого канала для постоянного взаимодействия ФНС России с налогоплательщиками. С его помощью станет возможным передавать данные в неограниченных количествах, что не только упростит процесс «удаленного контроля», но и откроет новые возможности для развития налогового мониторинга.

Платформа, которую разрабатывает ФНС России в рамках проекта, станет основой для внедрения повсеместного автоматического контроля и будет носить общеобязательный характер. Исключение человеческого фактора, упрощение налогового учета и снижение ошибок при расчете налогов сделают систему более эффективной.

Однако, снижение в последние годы количества выездных налоговых проверок породило мнение, что в будущем налоговые органы могут полностью отказаться от проверок с личным присутствием налогового инспектора. Такая тенденция может создать новые риски, связанные с техническими

ошибками и возможностью манипулирования информацией и документацией, предоставляемой в онлайн-доступе налоговому органу. Следовательно, выездные налоговые проверки по-прежнему будут необходимы для выявления и подтверждения подобных ошибок и получения достоверных данных о налогоплательщике до момента наращивания необходимых автоматизированных мощностей ФНС России в масштабах страны.

6. Системные барьеры и направления совершенствования законодательства

Резюмируя проведенный анализ, следует выделить комплекс системных барьеров, препятствующих масштабированию налогового мониторинга на сектор малого и среднего бизнеса, и предложить направления совершенствования законодательства.

Как обобщает А.А. Паккарь на основе анализа научной литературы, ключевыми системными проблемами налогового мониторинга являются: правовая неопределенность статуса, технологические риски интеграции ИТ-систем и защиты данных, структурный дисбаланс доступности для бизнеса (особенно среднего), дефицит доверия и критериев оценки эффективности [11, с. 208].

Для преодоления указанных барьеров представляются необходимыми следующие меры законодательного и организационного характера.

6.1. Снижение пороговых значений для доступа к налоговому мониторингу

Необходимо продолжение работы по снижению суммовых критериев для доступа к налоговому мониторингу с целью включения в круг потенциальных участников большего числа организаций среднего бизнеса. Перспективным представляется переход от требования соблюдения всех трех критериев к соблюдению хотя бы одного из них, что позволит существенно расширить круг потенциальных участников.

При этом важно учитывать, что резкое увеличение числа участников налогового мониторинга может создать дополнительную нагрузку на инфраструктуру ФНС России. Устойчивая динамика роста числа компаний актуализирует вопрос о совершенствовании инфраструктуры для хранения и обработки растущих объемов данных без увеличения нагрузки на бюджет.

6.2. Разработка упрощенных моделей налогового мониторинга для субъектов МСП

Учитывая ограниченность ресурсов малых и средних предприятий, представляется целесообразным разработать упрощенные (облегченные) версии налогового мониторинга для различных категорий субъектов МСП. Такие модели могли бы предполагать меньший объем передаваемых данных, упрощенные требования к системе внутреннего контроля и сниженные затраты на интеграцию с АИС «Налог-3».

6.3. Совершенствование института мотивированного мнения

Необходимо законодательное урегулирование вопроса о возможности оспаривания мотивированного мнения налогового органа. Как показывают правоприменительная практика и экспертные оценки, невозможность судебного обжалования мотивированного мнения создает риски для налогоплательщиков и снижает привлекательность налогового мониторинга [10].

Одновременно с этим целесообразно создание внутриведомственной электронной базы данных мотивированных мнений, доступной для поиска по отраслям и ключевым показателям, которая может быть разработана в виде подсистемы программного комплекса АИС «Налог-3». Представляется, что это значительно упростит взаимодействие между инспекциями, например, при оценке сделок, характерных для определенной отрасли.

6.4. Правовое регулирование использования АИС «Налог-3» в рамках налогового мониторинга

Требуется дальнейшее совершенствование правового регулирования использования АИС «Налог-3» в рамках налогового мониторинга. В частности, необходимо законодательное закрепление требований к информационным системам участников налогового мониторинга, порядка проверки их соответствия установленным требованиям, а также сроков получения доступа к информационным системам участников.

Заключение

Налоговый мониторинг представляет собой инновационную форму налогового контроля, соответствующую вызовам цифровой экономики и принципам «бесконтактного» взаимодействия между государством и бизнесом. За десять лет своего существования в России данный институт доказал свою эффективность и востребованность у крупнейших налогоплательщиков.

Вместе с тем, системные барьеры — правовые, технологические и организационные — препятствуют масштабированию налогового мониторинга на сектор малого и среднего предпринимательства. Преодоление указанных барьеров требует комплексного подхода, включающего дальнейшее снижение пороговых значений для доступа, разработку упрощенных моделей мониторинга для субъектов МСП, совершенствование института мотивированного мнения и развитие технологической инфраструктуры ФНС России.

Налоговый мониторинг доказал свой трансформационный потенциал в сфере администрирования, но его дальнейшее развитие сдерживается комплексом системных барьеров. Ключе-

выми задачами являются преодоление законодательных пробелов (за счет совершенствования НК РФ), разработка дифференцированных моделей доступа, создание методик оценки эффективности, решение технологических проблем и формирование институтов доверия для реализации потенциала партнерской модели.

Решение указанных задач будет способствовать не только расширению круга участников налогового мониторинга, но и повышению качества налогового администрирования в целом, снижению административной нагрузки на бизнес и созданию более благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

[2] Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 48 (часть I). — Ст. 6082.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 21.02.2020 № 381-р «Об утверждении Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 9. — Ст. 1128.

[4] Приказ ФНС России от 03.04.2017 № ММВ-7-2/278 (ред. от 22.08.2025) «Об утверждении перечней правовых актов и их отдельных частей (положений), содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении Федеральной налоговой службой государственного контроля (надзора)». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215122/ (дата обращения: 12.09.2026).

[5] Письмо ФНС России от 13.03.2024 № СД-4-23/2854 «О представлении в ФНС России документов, используемых при подготовке к переходу на налоговый мониторинг». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472384/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (дата обращения: 12.09.2026).

[6] Определение Верховного Суда РФ от 13.05.2025 № 305-ЭС25-3153 по делу № А40-305119/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=854531 (дата обращения: 12.09.2026).

[7] Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2024 № 305-ЭС24-21197 по делу № А40-306027/2023 // Legalacts.ru. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18112024-n-305-es24-21197-po-delu-n-a40-3060272023/ (дата обращения: 12.09.2026).

[8] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов : утв. Минфином России // Официальный сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ (дата обращения: 12.09.2026).

[9] Гашенко И. В., Зима Ю. С. Результативность налогового контроля в условиях цифровой экономики // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). — 2025. — № 5. — С. 12–16.

[10] Козлова С. А. Интеграция контрольных процедур налогового мониторинга в систему управления финансовыми рисками организации в условиях применения риск-ориентированного подхода // Фундаментальные исследования. — 2025. — № 2. — С. 42–48.

[11] Паккарь А. А. 10 лет налогового мониторинга в России: обобщение теоретического опыта // Финансы и кредит. — 2025. — № 12. — С. 193–212.

[12] Леонов Е.М., Коваленко Н.С. Налоговый мониторинг: итоги 2021 года и перспективы развития // Налоговед. — 2022. — № 1. — С. 34–41.

[13] Попонова Н. А. Современные тенденции в развитии налогового контроля : монография. — М. : Научный консультант, 2019. — 230 с.

[14] Синельников-Мурылев С., Милоголов Н., Берберов А. Цифровизация налогового администрирования в России: возможности и риски // Экономическая политика. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 8–33.

[15] Таранова И. В. Государственный контроль налогообложения как инструмент обеспечения экономической и финансовой безопасности региона // Экономические науки. — 2023. — № 5. — С. 352–356.

[16] Минфин планирует расширить доступ к налоговому мониторингу для компаний // Ведомости. — 2025. — 29 сентября. (Интервью Е. Кирилловой и С. Челышкова). URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 12.09.2026).

[17] Налоговый мониторинг и мотивированные мнения: риски и стратегии налогоплательщика // Клерк.Ру. — 2025. — 15 октября. — URL: https://www.klerk.ru/. (дата обращения: 12.09.2026).

[18] Смягчение условий перехода на налоговый мониторинг // Inc. Russia. — 2025. — 29 сентября. URL: https://incrussia.ru/ (дата обраще-

ния: 01.08.2026).

References:

[1] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended on February 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1998. — No. 31. — Art. 3824.

[2] Federal Law dated November 28, 2025, No. 425-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2025. — No. 48 (Part I). — Art. 6082.

[3] Directive of the Government of the Russian Federation dated February 21, 2020, No. 381-r “On Approval of the Concept for the Development and Functioning of a Tax Monitoring System in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 9. — Art. 1128.

[4] Order of the Federal Tax Service of Russia dated April 3, 2017, No. MMV-7-2/278 (as amended on August 22, 2025) “On Approval of Lists of Legal Acts and Their Individual Parts (Provisions) Containing Mandatory Requirements, Compliance with Which Is Assessed During Control Activities Carried Out by the Federal Tax Service in the Exercise of State Control (Supervision)” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215122/ (accessed: September 12, 2026).

[5] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 13, 2024, No. SD-4-23/2854 “On the Submission to the Federal Tax Service of Russia of Documents Used in Preparation for the Transition to Tax Monitoring.” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472384/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (accessed: September 12, 2026).

[6] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 13, 2025, No. 305-ES25-3153 in Case No. A40-305119/2023 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=854531 (accessed: September 12, 2026).

[7] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 18, 2024, No. 305-ES24-21197 in Case No. A40-306027/2023 // Legalacts.ru. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18112024-n-305-es24-21197-po-delu-n-a40-3060272023/ (accessed: September 12, 2026).

[8] Main Directions of the Budget, Tax, and Customs-Tariff Policy of the Russian Federation for 2026 and the Planning Period of 2027 and 2028 : approved by the Ministry of Finance of Russia // Official website of the Ministry of Finance of Russia. URL: https://minfin.gov.ru/ (accessed: 12.09.2026).

[9] Gashenko I. V., Zima Yu. S. Effectiveness of Tax Control in the Digital Economy // Vestnik IPB (Bulletin of Professional Accountants). — 2025. — No. 5. — pp. 12–16.

[10] Kozlova S. A. Integration of Tax Monitoring Control Procedures into an Organization’s Financial Risk Management System within the Framework of a Risk-Based Approach // Fundamental Research. — 2025. — No. 2. — pp. 42–48.

[11] Pakkar A. A. 10 Years of Tax Monitoring in Russia: A Synthesis of Theoretical Experience // Finance and Credit. — 2025. — No. 12. — pp. 193–212.

[12] Leonov E. M., Kovalenko N. S. Tax Monitoring: Results of 2021 and Prospects for Development // Nalogoved. — 2022. — No. 1. — pp. 34–41.

[13] Poponova N. A. Modern Trends in the Development of Tax Control : a monograph. — Moscow : Nauchny Konsultant, 2019. — 230 p.

[14] Sinelnikov-Murylev S., Milogolov N., Berberov A. Digitalization of Tax Administration in Russia: Opportunities and Risks // Economic Policy. — 2022. — Vol. 17, No. 2. — pp. 8–33.

[15] Taranova I. V. State Control of Taxation as a Tool for Ensuring the Economic and Financial Security of a Region // Economic Sciences. — 2023. — No. 5. — pp. 352–356.

[16] Ministry of Finance Plans to Expand Access to Tax Monitoring for Companies // Vedomosti. — 2025. — September 29. (Interview with E. Kirillova and S. Chelyshkov). URL: https://www.vedomosti.ru/ (accessed: 12.09.2026).

[17] Tax Monitoring and Reasoned Opinions: Risks and Strategies for Taxpayers // Klerk.Ru. — 2025. — October 15. — URL: https://www.klerk.ru/ (accessed: 12.09.2026).

[18] Easing the Conditions for Transitioning to Tax Monitoring // Inc. Russia. — 2025. — September 29. URL: https://incrussia.ru/ (accessed: 01.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-946-952

СКОБИЛЕВА Ирина Вячеславовна,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия,
тел.: +79242511883,
e-mail: skobileva.iv@dvfu.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРЕИМУЩЕСТВА, РИСКИ И ПУТИ АДАПТАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются правовые основы цифровизации нотариальной деятельности в Российской Федерации, а также проводится комплексный анализ положительных и отрицательных аспектов внедрения информационных технологий в нотариальную практику. Проанализирована действующая нормативно-правовая база, регулирующая функционирование Единой информационной системы нотариата (ЕИС), совершение удаленных нотариальных действий и удостоверение дистанционных сделок. В работе выделены основные преимущества цифровизации и сопутствующие ей риски. На основе проведенного исследования сформулированы практические предложения по адаптации нотариального сообщества к новым цифровым условиям.*

Ключевые слова: *нотариат, цифровизация, Единая информационная система нотариата (ЕИС), электронный документ, усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП), система межведомственного электронного взаимодействия, киберпреступность, цифровая грамотность.*

Для цитирования: *Скобилева И. В. Цифровизация нотариальной деятельности в Российской Федерации: правовые основы, преимущества, риски и пути адаптации // Образование и право. 2026. № 10. С. 946–952.*

SKOBILEVA Irina Vyacheslavovna,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

DIGITALIZATION OF NOTARIAL ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL FOUNDATIONS, BENEFITS, RISKS, AND PATHWAYS TO ADAPTATION

Annotation. *This article examines the legal foundations for the digitalization of notarial activities in the Russian Federation and provides a comprehensive analysis of the positive and negative aspects of integrating information technologies into notarial practice. It analyzes the current regulatory framework governing the operation of the Unified Notary Information System (UNIS), the performance of remote notarial acts, and the certification of transactions conducted remotely. The study highlights the key benefits of digitalization and the associated risks. Based on the findings, practical proposals are formulated to help the notarial community adapt to the new digital environment.*

Key words: *notary system, digitalization, Unified Notary Information System (UNIS), electronic document, enhanced qualified electronic signature (EQES), interagency electronic interaction system, cybercrime, digital literacy.*

For citation: *Skobileva I. V. Digitalization of notarial activities in the Russian Federation: legal foundations, benefits, risks, and pathways to adaptation. Education and law. 2026;(10):946–952. (In Russ.).*

Глобальная цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, коренным образом меняет современные правовые институты, в том числе институт нотариата, который выступает одним из ключевых звеньев формирования безопасной цифровой среды. Цифровизация современного российского нотариата обусловлена необходимостью обеспечения высокой скорости гражданского оборота при сохранении незыблемости принципа правовой определенности. Внедрение Единой информационной системы нотариата (ЕИС), легитимация дистанционных и электронных нотариальных действий, использование биометрической идентификации и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта превращают нотариат в высокотехнологичный институт превентивного правосудия. Однако стремительное развитие технологий опережает теоретическое осмысление правовой природы цифровых нотариальных актов, вопросов ответственности нотариуса в цифровой среде и обеспечение нотариальной тайны при использовании облачных сервисов и других технологий. Данные обстоятельства предопределяют выбор темы и актуальность настоящего исследования. Целью работы является комплексный теоретико-правовой анализ состояния и перспектив развития цифровых технологий в деятельности российского нотариата, а также разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства в данной сфере. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: раскрыть понятие и сущность цифровизации нотариальной деятельности в современных условиях; проанализировать правовой статус Единой информационной системы нотариата как фундамента цифрового нотариата; изучить специфику совершения электронных нотариальных действий и совершения сделок двумя и более нотариусами.

Круг проблем, нуждающихся в исследовании, включает в себя вопросы обеспечения конфиденциальности при совершении электронных нотариальных действий, а также поиск баланса между технологическим упрощением процедур и необходимостью установления реального волеизъявления граждан при совершении нотариальных действий. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (диалектический, логический, системно-структурный) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования).

Масштабная интеграция информационных технологий в общественные отношения выступила объективным фактором, предопределившим трансформацию института нотариата. В системе гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина институт нотариата занимает особое место, поскольку нотариальная деятельность выступает одним из ключевых механизмов реализации статьи 48 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Процесс цифровой трансформации нотариальной деятельности в Российской Федерации опирается на комплексную нормативно-правовую базу, которая в данный момент проходит путь формирования целостной системы «электронного нотариата» - это, безусловно, обусловливает необходимостью гармонизации традиционных принципов нотариальной деятельности с новыми технологическими реалиями цифровой экономики.

Основополагающим нормативно-правовым актом в данной сфере являются «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате», утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1. Ключевое значение имеет глава VII, введенная Федеральным законом от 21.12.2013 № 379-ФЗ, установившая правила совершения нотариальных действий в электронной форме и закрепившая правовой статус Единой информационной системы нотариата (ЕИС). Согласно ст. 34.1 Основ «единой информационной системой нотариата признается автоматизированная информационная система, принадлежащая на праве собственности Федеральной нотариальной палате и предназначенная для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия (обмена)». ЕИС выполняет роль «единого источника», обеспечивая мгновенный доступ к юридически значимой информации. Ключевым элементом ЕИС являются электронные реестры, среди которых особое значение имеют Реестр уведомлений о залоге движимого имущества и Реестр распоряжений об отмене доверенностей. Данные инструменты позволили существенно снизить риски мошенничества, обеспечив публичную достоверность сведений для неограниченного круга лиц в режиме реального времени.

Дальнейшее развитие законодательства, в частности принятие Федерального закона от 27.12.2019 № 480-ФЗ, позволило внедрить такие инновационные институты, как дистанционное удостоверение сделок двумя и более нотариусами, а также совершение ряда нотариальных действий в удаленном формате. Центральное место в правовом регулировании цифровизации занимают понятия «электронного документа» и «электронной подписи», содержание которых раскрывается через отраслевое законодательства.

Согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального зако-

на «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ электронный документ определяется как «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». В нотариальной деятельности электронный документ рассматривается не просто как цифровая копия бумажного носителя, а как полноценная форма юридического акта. Нормативное закрепление механизма удостоверения равнозначности электронного документа бумажному и наоборот (ст. 103.8, 103.9 Основ) — позволило обеспечить интеграцию цифровых данных в гражданский оборот с сохранением их неоспоримой доказательственной силы.

Алгоритм передачи изготовленного нотариусом электронного документа предполагает выдачу файла заявителю на флеш-носителе или по почте, который затем чаще всего предоставляет его другому нотариусу для удостоверение равнозначности документа на бумажном носителе, однако в целях ускорения оборота в нотариальной практике всё чаще возникает вопрос: вправе ли нотариус по просьбе заявителя направить документ напрямую другому нотариусу через Единую информационную систему нотариата, и не нарушает ли это права субъекта персональных данных? Согласно п. 2 ст. 5 ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ «обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных», поэтому, если целью заявителя является предоставление документа другому конкретном нотариусу, то прямая передача полностью соответствует этой цели. Кроме того, в отличие от электронной почты и публичных сервисов Mail.ru, Gmail и др., ЕИС является защищенным контуром с сертифицированными средствами шифрования, поэтому нотариус обеспечивает более высокий уровень безопасности, передавая данные напрямую через ЕИС, чем если бы он отправил файл на незащищенный почтовый ящик клиента, где доступ к данным могут получить администраторы сервера или злоумышленники. Однако у заявителя остается право на контроль своих данных – он имеет право знать, куда и как передаются его персональные сведения, поэтому при передаче электронного документа другому нотариусу через ЕИС, необходимо убедиться, что заявитель осознает отсутствие необходимости получения документа на личную электронную почту. И все же, по-нашему мнению, когда нотариус отправляет файл другому нотариусу напрямую через ЕИС, он фактически лишает заявителя (субъекта данных) возможности распорядиться своим документом самостоятельно. В ряде случаев это может привести к нарушению принципа автономии воли заявителя: он может передумать предоставлять документ второму нотариусу, либо решить предоставить его в иной орган или организацию, но доступ к файлу уже будет «заблокирован» на стороне второго нотариуса.

Технологическим гарантом достоверности и неизменности нотариального документа в цифровой среде выступает электронная подпись. Правовой режим её использования регламентирован Федеральным законом «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. Для совершения нотариальных действий закон устанавливает необходимость применения усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) нотариуса. УКЭП является цифровым аналогом личной подписи и гербовой печати нотариуса, выполняя три фундаментальные функции. Во-первых, УКЭП позволяет с абсолютной точностью подтвердить личность нотариуса, совершившего юридически значимое действие, и его полномочия на момент подписания. Во-вторых, криптографический алгоритм гарантирует обнаружение любого изменения, внесенного в электронный документ после его удостоверения, что исключает возможность фальсификации содержания нотариального акта. В-третьих, именно УКЭП позволяет реализовать механизм удостоверения равнозначности электронного документа бумажному и наоборот, обеспечивая мгновенную передачу юридически значимых данных на любые расстояния без потери их доказательственной силы.

Кроме того, УКЭП является ключом к интеграции нотариата в систему межведомственного электронного взаимодействия. Использование квалифицированной подписи позволяет нотариусу в режиме реального времени направлять документы на регистрацию в Росреестр, подавать сведения в ФНС и взаимодействовать с Единой информационной системой нотариата (ЕИС), что создает защищенный контур передачи данных, где УКЭП нотариуса выступает гарантией достоверности информации, поступающей в государственные реестры. На мой взгляд, развитие механизмов использования УКЭП нотариуса является залогом дальнейшего укрепления правовой безопасности личности и бизнеса в виртуальной среде.

В свою очередь, система межведомственного электронного взаимодействия обеспечивает достоверность данных в государственных инфор-

мационных ресурсах и является фундаментом для реализации принципа «одного окна» в нотариальной практике. Граждане и юридические лица получают возможность совершать юридически значимые действия, обращаясь только к нотариусу, что существенно сокращает временные и финансовые издержки, минимизирует бюрократические барьеры и повышает клиентоориентированность нотариальных услуг. Внедрение СМЭВ многократно повысило уровень правовой безопасности и достоверности гражданского оборота. Доступ к актуальным и верифицированным сведениям из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) и других ресурсов позволяет нотариусу оперативно проверять юридическую чистоту сделок, идентифицировать личности участников и исключать факты мошенничества, что усиливает превентивную функцию нотариата. Автоматизированный обмен информацией способствует формированию единого информационного пространства, где все участники гражданского оборота могут быть уверены в актуальности и легитимности нотариально удостоверенных фактов. Для самого нотариуса система становится незаменимым инструментом для повышения собственной правовой компетенции за счет доступа к широкому спектру официальных данных.

Что касается правового регулирования межведомственного электронного взаимодействия, то стоит обратить внимание на статью 15 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, которая закрепляет право нотариуса запрашивать и получать от физических и юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления сведения, необходимые для совершения нотариальных действий. Кроме того, статья 55 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате обязывает нотариуса после удостоверения договора, на основании которого возникает право на недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, незамедлительно представить в электронной форме заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы в орган регистрации прав, если стороны сделки не возражают против подачи такого заявления. Осуществление государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании нотариально удостоверенного документа также регламентировано статьей 59 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ.

Согласно нормам налогового законодательства (п. 6 ст. 85 НК РФ), на нотариусов, осуществляющих частную практику, возложена обязанность по представлению в налоговые органы информации о фактах выдачи свидетельств о праве на наследство и нотариального удостоверения договоров дарения в отношении объектов налогообложения. Передача данных сведений также осуществляется посредством использования электронных средств коммуникации и информационных систем. Кроме того, на сегодняшний день в рамках СМЭВ нотариат активно взаимодействует с Федеральной налоговой службой, направляя в электронном виде документы на регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в частности, ст. 13.2) также предоставляет нотариусам право получать сведения из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния в электронной форме.

Таким образом, правовую основу цифровизации нотариата составляет как специальное законодательство о нотариате, так и отдельные федеральные законы. Такое многоуровневое регулирование позволяет обеспечить высокий стандарт защиты прав участников гражданских правоотношений в цифровом пространстве.

В рамках процесса цифровизации нотариата в Российской Федерации подверглось изменениям основополагающее требование нотариальной деятельности – обязательность личной явки к нотариусу лица, обратившегося за совершением нотариальных действий. С принятием Федерального закона от 27.12.2019 № 480-ФЗ были закреплены два новых технологических формата: дистанционное удостоверение сделок и совершение нотариальных действий в удаленном формате. Дистанционный формат предполагает удостоверение сделки двумя и более нотариусами без совместного присутствия сторон, что позволяет субъектам гражданского оборота существенно минимизировать временные и транспортные издержки при сохранении высокого уровня правовой безопасности. Стороны договора обращаются к разным нотариусам, как правило, находящимся в разных субъектах РФ, которые осуществляют взаимодействие в режиме реального времени через защищенные каналы Единой информационной системы нотариата. Согласно ст. 53. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате проект сделки создается нотариусами в электронной форме посредством единой информационной системы нотариата в соответствии с условиями, согласованными участниками сделки, каждый участник сделки в присутствии нотариуса подписывает экземпляр сделки в электронной форме простой электронной подписью, а сами нотариусы удостоверяют сделку своими квалифицированны-

ми электронными подписями. Закон также устанавливает особенности несения ответственности в случае удостоверения сделки двумя и более нотариусами. По общему правилу, при признании сделки недействительной по вине нотариусов, они несут солидарную ответственность. Тем не менее, если основанием недействительности послужило неисполнение одним из нотариусов установленных законом требований, таких как установление личности гражданина, проверка их дееспособности, правоспособности, наличия волеизъявления или полномочий представителей, то на данного нотариуса возлагается полная имущественная ответственность за причиненный вред.

Нотариальные действия, совершаемые в удаленном формате, в отличие от дистанционных сделок, вообще не требуют личной явки заявителя к нотариусу. Взаимодействие происходит полностью в виртуальном пространстве через портал «Госуслуги» или личный кабинет на сайте Федеральной нотариальной палаты. Порядок совершения данных действий регламентирован статьей 44.3 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Заявитель направляет электронное заявление, подписанное УКЭП, к которому прилагаются необходимые документы. Нотариус, получив заявку через единую информационную систему, совершает нотариальное действие и направляет заявителю готовый электронный документ. Перечень действий, доступных в данном формате, строго ограничен законом и включает те процедуры, которые не требуют выяснения реального волеизъявления лица ввиду отсутствия риска совершения сделки под давлением. К ним относятся свидетельствование верности перевода; передача электронных документов физических и юридических лиц иным лицам; принятие в депозит денежных средств и ценных бумаг; совершение исполнительных надписей; обеспечение доказательств в сети Интернет; выдача выписки из реестра уведомлений о залоге движимого имущества и из реестра распоряжений об отмене доверенностей и др.

Положительное влияние цифровых технологий на нотариальную деятельность носит системный характер. По нашему мнению, цифровизация не подменила собой личную ответственность и профессионализм нотариуса, а предоставила ему принципиально новые инструменты для эффективного выполнения своих публичных функций. Основными результатами этих изменений можно считать прозрачность, определенность, скорость, безопасность и доступность. Таким образом, современный российский нотариат является примером успешного внедрения высоких технологий в устоявшуюся, строго формализированную правовую среду, обеспечивая баланс между технологическим прогрессом и фундаментальными гарантиями защиты прав участников гражданско-правового оборота.

Несмотря на все положительные аспекты влияния цифровых технологий на нотариальную деятельность, стоит помнить, что любая масштабная трансформация какого-либо правового института сопряжена с возникновением потенциальных угроз, что требует детального анализа возникающих дефектов правового регулирования и практических рисков. Во-первых, стоит отметить, что создаваемые нотариусом документы в электронной форме без предварительного фиксирования их на бумажном носителе могут стать мишенью для киберпреступности. Несмотря на высокую степень защиты усиленной квалифицированной электронной подписи, остается актуальным риск кражи ключей или несанкционированного доступа к носителю электронной подписи. В отличие от собственноручной подписи, электронную невозможно подвергнуть графологической экспертизе в традиционном понимании. Во-вторых, стоит говорить о проблеме оценки «порока воли» при совершении нотариальных действий в удаленном и дистанционном форматах: при личном присутствии заявителя нотариус оценивает не только дееспособность, но и реальное волеизъявление лица (отсутствие давления, угроз, введения в заблуждение), а при совершении удаленных действий нотариус лишен возможности оценить обстановку, в которой находится заявитель.

Сегодня нотариус критически зависим от стабильности работы Единой информационной системы и Системы межведомственного электронного взаимодействия. Некорректная работа государственных реестров (Росреестра, ФНС) или сбои в работе СМЭВ блокируют деятельность нотариуса. В условиях цифровизации «техническая пауза» какого-либо органа означает фактическую невозможность совершения нотариального действия, что может привести к срыву дорогостоящих сделок и убыткам клиентов. Кроме того, существует риск технологического устаревания форматов: если бумажный документ сохраняет читаемость веками, то, например, через 50 лет чтение современного файла или проверка подписи, сертификат которой давно истек, может стать неразрешимой технической задачей.

Еще одной серьезной проблемой, по нашему мнению, может стать цифровой разрыв и социальное исключение. Пожилые люди, лица с ограниченными возможностями или жители отдаленных регионов с нестабильным интернетом могут оказаться фактически лишены доступа к современным нотариальным услугам. Навязывание

цифровых форматов как приоритетных создает риск дискриминации лиц, не обладающих достаточной цифровой грамотностью или техническими средствами. Данные негативные аспекты цифровизации нотариата указывают на то, что технологии не должны становиться самоцелью. Основные риски связаны с дегуманизацией и формализацией совершения нотариальных действий, а также абсолютизацией технической подлинности в ущерб проверке истинного волеизъявления. Цифровизация должна служить инструментом в руках нотариуса, а не подменять собой его контрольные функции, нивелируя интеллектуальную составляющую.

На наш взгляд, такой динамичный характер цифровой трансформации нотариальной деятельности диктует необходимость пересмотра традиционных подходов к квалификационному профилю нотариуса. В условиях, когда технологические информационные системы (ЕИС, СМЭВ) и алгоритмы криптографической защиты обновляются значительно быстрее, чем классические доктрины права, непрерывное обучение становится не просто факультативным преимуществом, а обязательным условием профессиональной пригодности. Необходимость постоянного повышения квалификации нотариуса обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, сегодня современный нотариус должен обладать глубоким пониманием механизмов работы усиленной квалифицированной электронной подписи, принципов функционирования блокчейн-реестров (в перспективе их внедрения) и систем биометрической идентификации. Отсутствие актуальных знаний в этой области ведет к риску совершения технических ошибок, которые в цифровой среде могут привести к мгновенному нарушению прав неограниченного круга лиц и повлечь за собой полную имущественную ответственность нотариуса.

Во-вторых, в условиях цифровизации нотариус превращается в держателя критически важной информации, что делает его приоритетной мишенью для кибератак. Обучение методам противодействия социальной инженерии, фишингу и понимание принципов обеспечения информационной безопасности являются необходимыми мерами превенции правонарушений. Профессиональная компетенция сегодня включает в себя не только знание гражданского права, но и высокий уровень «цифровой гигиены».

В-третьих, появление новых форм нотариальных действий, таких как сделки в дистанционном формате, требует от нотариуса освоения новых технических навыков, а также психологической адаптации к работе в удаленной среде, где традиционные процедуры установления и оценки дееспособности должны дополняться цифровыми методами проверки данных. Институциональная роль Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов в этом процессе должна заключаться в создании гибкой системы образовательных программ, ориентированных на практическое освоение ИТ-новаций, что будет включать в себя цифровое право и кибербезопасность.

Таким образом, можно утверждать, что сегодня цифровая грамотность нотариуса становится неотъемлемой частью его правовой квалификации. Эффективность института нотариата в цифровую эпоху напрямую связана со способностью профессионального сообщества к оперативной образовательной адаптации, обеспечивающей совокупность базовых юридических знаний и передовых технологических компетенций.

Список литературы:

[1] Гонгало, Б. М. Нотариат и нотариальная деятельность : учебное пособие для курсов повышения квалификации нотариусов / Б.М. Гонгало, Москва : Издательство Волтерс Клувер, 2009. 636 с.

[2] Иванова С.А. Цифровизация нотариата в России и Китае: сравнительный анализ и тенденции развития / С.А. Иванова // Образование и право. 2026. № 1. С. 97-103.

[3] Скиданюк М.С. Международный опыт правового регулирования цифровизации нотариата / М.С. Скиданюк // Universum: экономика и юриспруденция. 2026. № 4 (138). С. 8-11.

[4] Тарасова Е.А. Современный нотариат = электронный нотариат? (цифровизация нотариальной деятельности) / Е.А. Тарасова // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 337-344.

[5] Тихенко А.И. С трудом, но российские нотариусы пробиваются к европейским стандартам / А.И. Тихенко // Нотариальный вестник. 1997. № 3. С. 6-7.

[6] Ярков, В. В. От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) / В.В. Ярков // Нотариат, государственное и гражданское общество: современное состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 15–16 февраля 2007 г. Москва : Изд-во ФРПК, 2007. С. 109–116.

References:

[1] Gongalo, B. M. The Notariat and Notarial Activity: A Study Guide for Notary Professional Development Courses / B. M. Gongalo. Moscow: Wolters Kluwer, 2009. 636 p.

[2] Ivanova, S. A. Digitalization of the Notariat in Russia and China: A Comparative Analysis and

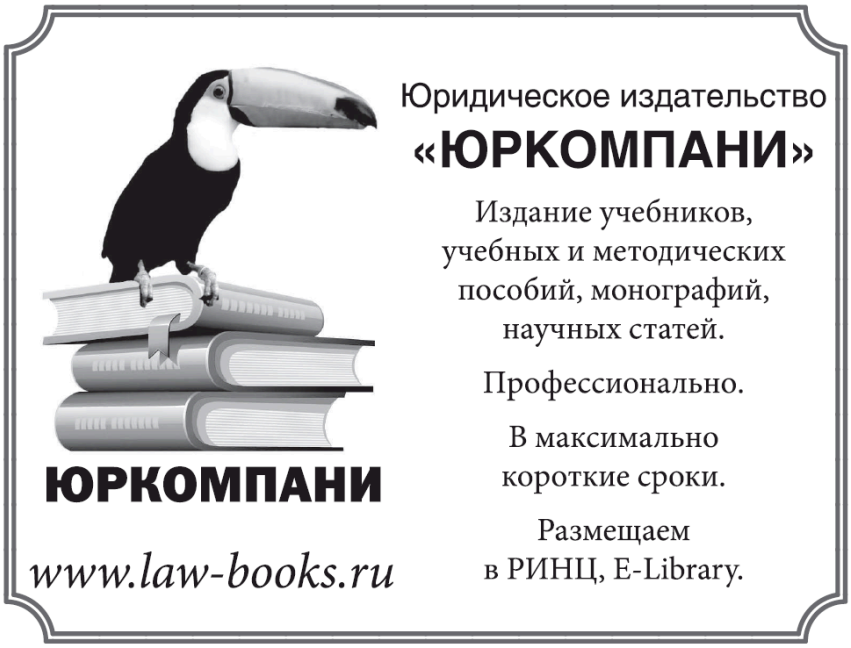
Development Trends / S. A. Ivanova // Education and Law. 2026. No. 1. pp. 97–103.

[3] Skidanyuk, M. S. International Experience in the Legal Regulation of the Digitalization of the Notariat / M. S. Skidanyuk // Universum: Economics and Law. 2026. No. 4 (138). pp. 8–11.

[4] Tarasova, E. A. Is the Modern Notariat Equivalent to an Electronic Notariat? (Digitalization of Notarial Activity) / E. A. Tarasova // Perm Legal Almanac. 2019. No. 2. pp. 337–344.

[5] Tikhenko, A. I. With Difficulty, Russian Notaries Are Moving Toward European Standards / A. I. Tikhenko // Notarial Bulletin. 1997. No. 3. pp. 6–7.

[6] Yarkov, V. V. From a Bureaucratic to an Active Notariat (Current Issues in Notarial Law) / V. V. Yarkov // The Notariat, the State, and Civil Society: Current Status and Prospects: Proceedings of an All-Russian Scientific-Practical Conference. conf., Moscow, February 15–16, 2007. Moscow: FRPK Publishing House, 2007. pp. 109–116.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-953-959

МНЫХ Павел Сергеевич,
магистрант 1-го курса факультета экономики и финансов,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Россия; юрист частной практики в сфере банкротства,
Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +7-981-938-48-68,
e-mail: lawyer_psm@bk.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ

Аннотация. *Рассматриваются частноправовые последствия применения генеративного искусственного интеллекта при оказании юридических услуг. На основе анализа российского права, судебной практики и зарубежных материалов обосновывается невозможность автоматического переноса ответственности с исполнителя на алгоритм. Выявляются пределы передачи клиентских сведений внешним цифровым сервисам и предлагается дифференцированный стандарт проверки результатов искусственного интеллекта в зависимости от юридической значимости задачи. Сделан вывод о необходимости договорной определенности и обязательного человеческого контроля при подготовке юридически значимых документов.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, юридические услуги, договорная ответственность, право, судебная практика, добросовестность, арбитражный процесс, гражданский процесс.*

Для цитирования: *Мных П. С. Искусственный интеллект в юридической деятельности: ответственность, добросовестность и достоверность // Образование и право. 2026. № 10. С. 953–959.*

MNYKH Pavel Sergeevich,
First-year master's student, Faculty of Economics and Finance,
North-West Institute of Management, RANEPA,
Russia; private practice lawyer specializing in bankruptcy,
Saint Petersburg, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROVISION OF LEGAL SERVICES: CONTRACTUAL LIABILITY, GOOD FAITH, AND RELIABILITY OF LEGAL INFORMATION

Annotation. *This article examines the private law implications of using generative artificial intelligence in the provision of legal services. Based on an analysis of Russian law, judicial practice, and foreign legal materials, it argues that liability cannot be automatically shifted from the legal service provider to an algorithm. The article identifies the limits of disclosing client information to external digital services and proposes a differentiated standard for verifying AI-generated outputs depending on the legal significance of the task. It concludes that contractual clarity and mandatory human oversight are essential when preparing legally significant documents.*

Key words: *artificial intelligence, legal services, contractual liability, law, judicial practice, good faith, commercial litigation procedure, civil procedure.*

For citation: *Mnykh P. S. Artificial intelligence in the provision of legal services: contractual liability, good faith, and reliability of legal information. Education and law. 2026;(10):953–959. (In Russ.).*

Введение

Широкое распространение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в 2026 году меняет способы подготовки юридических заключений, договоров, процессуальных документов и обзоров судебной практики. Возникает частноправовая проблема распределения рисков между заказчиком юридической услуги, ее исполнителем и поставщиком цифровой технологии.

Исследователи отмечают влияние цифровизации на правовую коммуникацию и регулирование [1; 2], но предостерегают от отождествления связного текста модели с профессиональным юридическим суждением [3]. Проблемы правовой природы искусственного интеллекта рассматриваются и в отечественной доктрине [4]. Цель исследования — определить возможные частноправовые пределы использования ИИ в юридической работе (работа в судах, в частных юридических компаниях, составление документов для частных лиц) и обосновать требования к проверке его результатов. Применяются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы и анализ судебной практики. Научная новизна состоит в предлагаемой модели дифференцированного контроля, учитывающей юридические последствия ошибки, проверяемость машинного вывода и конфиденциальность исходных данных.

1. Создание ИИ и его значение в юридической науке

В 1950 г. Алан Тьюринг в своей статье «Computing Machinery and Intelligence» («Вычислительные машины и разум») поставил вопрос о машинном мышлении, предложив исследовать его с помощью имитационной игры [5]. Термин artificial intelligence (дословно — «искусственный интеллект») получил распространение благодаря Дартмутскому проекту 1956 г., подготовленному Дж. Маккарти и его соавторами [6]. Одним из ранних примеров применения ИИ к юридическим задачам стала экспертная система TAXMAN, исследованная Л. Т. Маккарти в 1977 г. Она моделировала применение правил американского налогового права к формализованным случаям корпоративных реорганизаций [7]. В отличие от современных языковых моделей такие системы действовали преимущественно в рамках заданных правил.

Такие модели способны суммировать документы и предлагать аргументацию, но их ответы строятся вероятностным способом. Эксперименты демонстрируют ошибки даже при работе с относительно простыми юридическими правилами [8]. Поэтому оценивать их следует исходя из последствий использования непроверенного результата, а не убедительности изложения.

Для целей настоящего исследования следует различать вспомогательную деятельность — стилистическую правку обезличенного текста, подготовку структуры документа — и формирование юридически значимого вывода: определение применимой нормы, расчет срока, оценку доказательств, формулирование требований или анализ судебной практики. Такое разграничение позволяет связать техническую функцию системы с конкретной обязанностью исполнителя перед доверителем либо заказчиком.

2. Как разделить ответственность за использование ИИ

Правовые отношения между юристом и клиентом могут иметь различную договорную конструкцию. В зависимости от обстоятельств к ним применяются положения об обязательствах, договоре возмездного оказания услуг и иные относимые нормы. При судебном представительстве требования к образованию и профессиональному статусу представителя определяются соответствующим процессуальным кодексом; поэтому нельзя считать обязательным наличие высшего юридического образования у любого представителя по каждому гражданскому делу.

В силу ст. 309 ГК РФ обязательство должно исполняться надлежащим образом, а положения ст. 779 и 783 ГК РФ имеют значение для квалификации отношений по оказанию услуг. Сам по себе выбор программного инструмента не изменяет сторону обязательства: обязанным перед клиентом остается согласованный исполнитель.

Ошибочное заключение либо ссылка на несуществующий судебный акт требуют оценки действий самого исполнителя. Статьи 15 и 393 ГК РФ предусматривают возмещение убытков при установлении необходимых условий ответственности, включая нарушение обязательства и причинную связь. Использование цифрового инструмента не исключает оценки поведения исполнителя по ст. 401 ГК РФ. Следует разграничивать: (1) редакционную помощь ИИ при самостоятельной проверке смысла и источников; (2) использование правовой позиции без проверки; (3) передачу модели принятия юридически значимого решения, повлекшую пропуск срока, ошибку в требованиях либо раскрытие сведений клиента. Степень фактической проверки и характер наступивших последствий могут существенно влиять на оценку качества исполнения.

У большинства ИИ имеется возможность планирования действий, данная функция дает возможность возложить на ИИ список дел, которые необходимо выполнить в определенные сроки, и нельзя не оставить без внимания, что человек может забыть и такой задаче, и изготовленные таким образом документы, могут быть использованы

без проверки.

Предлагается исходить из принципа функциональной ответственности: юридическое значение имеет не указание в договоре факта использования ИИ, а то, какую профессиональную функцию фактически делегировали программе, какие разумные меры проверки были доступны и имелась ли причинная связь между их непринятием и вредом. Согласие клиента на использование технологии само по себе не означает согласия на ошибки и не устраняет императивные пределы ограничения ответственности, включая положения п. 4 ст. 401 ГК РФ.

В большинстве случаев, при заключении между исполнителем в лице юриста и заказчика на оказание юридических услуг будет отсутствовать какое-либо упоминание о возможности использования искусственного интеллекта.

3. Конфиденциальность клиентской информации и правомерность передачи данных

При использовании общедоступного цифрового сервиса юрист рискует раскрыть не только персональные данные, но и коммерческие сведения, содержание переговоров, финансовую информацию, материалы внутреннего расследования и стратегию судебного спора.

Обработка персональных данных регулируется Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Статья 6 устанавливает основания обработки и условия ее поручения иному лицу; ст. 19 предусматривает меры по обеспечению безопасности данных. Передача информации ИИ требует самостоятельной оценки роли поставщика сервиса, целей обработки, правового основания, мер защиты и условий дальнейшего использования информации. Общедоступность сервиса не является разрешением передавать в него персональные данные клиента.

Использование иностранной платформы требует отдельной оценки положений ст. 12 Закона № 152-ФЗ о трансграничной передаче и ч. 5 ст. 18 о требованиях к базам данных при сборе персональных данных граждан Российской Федерации. Наличие согласия клиента не во всех случаях заменяет соблюдение иных предусмотренных законом условий, а «обезличивание» должно оцениваться по фактической возможности повторной идентификации. Необходимо учитывать, что исключение имени и фамилии из текста договора не обязательно устраняет идентифицируемость по сочетанию иных реквизитов.

При наличии установленного режима коммерческой тайны применяется Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». Его ст. 10 связывает охрану конфиденциальности с определенными организационными мерами обладателя информации. Для адвоката дополнительно действует специальный режим ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокатскую тайну составляют сведения, связанные с оказанием юридической помощи доверителю. Однако распространять этот специальный режим автоматически на каждого юриста без статуса адвоката неправильно. В остальных случаях значимы договорные условия, нормы о персональных данных и предусмотренные законом охраняемые тайны.

Предлагается применять принцип минимально необходимой передачи. До обращения к модели определяются цель обработки, правовое основание, получатели и состав данных, условия хранения и повторного использования. Для общедоступного сервиса предпочтительны обезличенные вводные, исключающие идентификацию клиента и раскрытие стратегии спора; при работе с охраняемыми сведениями требуется подходящий правовой и технический режим. Полученное от клиента согласие не отменяет обязанности соблюдать другие применимые требования закона и договора.

4. Добросовестность ИИ: критерии проверки результата

В настоящее время ИИ может создавать убедительно сформулированные, но недостоверные ссылки на нормы и судебные решения: вымышленные акты, ошибочные реквизиты, несуществующие цитаты и ссылки на устаревшее регулирование. Исследования подтверждают наличие юридических «галлюцинаций» [9] и в системах, специально предназначенных для правового поиска [10]. Однако результаты таких исследований зависят от изученных моделей и тестов; их нельзя без проверки переносить на российские условия.

За последние годы сложилась практика, что ИИ может быть как полезен, так и нести вред для пользователя.

Характерным примером негативных последствий использования ИИ служит дело Mata v. Avianca, Inc. (678 F. Supp. 3d 443, S.D.N.Y., 2023). Определением от 22 июня 2023 г. (№ 22-cv-1461, Document 54) Федеральный суд Южного округа Нью-Йорка установил факт представления адвокатами несуществующих судебных решений и цитат, сгенерированных ChatGPT, и назначил штраф в размере 5 000 долл. США солидарно двум адвокатам и юридической фирме. Санкция была связана не с фактом обращения к ИИ как таковым, а с представлением недостоверных материалов и последующим поведением представителей.

В 2024 г. в Австралии было рассмотрено

одно из интереснейших дел относительно вовлеченности юриста в действия ИИ при разрешении судебного спора.

В Австралии в деле Dayal [2024] FedCFamC2F 1166 Федеральный окружной и семейный суд Австралии (Отделение 2) 27 августа 2024 г. рассмотрел вопрос о профессиональном поведении солиситора (в странах англо-саксонского права так называют юристов занимающихся консультированием клиентов, представительством в судах). Юрист представил список судебных решений и их краткое содержание, подготовленные с помощью ИИ-инструмента, встроенного в используемое им юридическое программное обеспечение. В действительности указанные решения не существовали. Солиситор признал, что не проверил результат работы системы, принёс суду безусловные извинения и добровольно возместил другой стороне расходы, связанные с заседанием 19 июля 2024 г.

Суд распорядился направить материалы о поведении солиситора в Office of the Victorian Legal Services Board and Commissioner — орган, осуществляющий профессиональное регулирование юридической деятельности в штате Виктория. Сам судебный акт от 27 августа 2024 г. не устанавливал ограничения права на практику: этот вопрос позднее разрешил регулятор.

19 августа 2025 г. Victorian Legal Services Board изменил условия допуска указанного юриста к практике. В частности, он утратил право вести практику в качестве руководителя, распоряжаться доверительными средствами и самостоятельно управлять фирмой; ему предписано работать только в качестве наёмного солиситора под надзором в течение двух лет. Эти меры подтверждены официальным сообщением регулятора от 2 сентября 2025 г.

Указанная выше практика указывает, что ответственность может возникнуть вследствие отсутствия или недостаточности контроля юриста за подготовкой им или подконтрольных ему специалистов при использовании ИИ.

Российская судебная практика 2026 г. позволяет сопоставить требования к достоверности представляемых суду сведений и раскрытию факта применения ИИ. В пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» прямо указано, что участвующие в деле лица, представившие суду сведения о фактах, полученные с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду. Разъяснение относится к происхождению сведений о фактах в гражданском процессе и само по себе не устанавливает обязанности обозначать любую стилистическую правку процессуального документа с использованием ИИ.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, хотя прямо и не выделяют принцип добросовестности, но как минимум в совокупности с другими принципами обязывает сторон действовать добросовестно.

Далее указана практика отражающая как раз таки недобросовестность стороны при подготовке процессуальных документов для суда и сторон.

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа определением от 14 мая 2026 г. № Ф04-5138/2026 по делу № А27-7831/2025 наложил на ООО «ЦСС» судебный штраф 50 000 руб. за проявление неуважения к суду. Кассационная жалоба общества содержала ссылки на несуществующие судебные акты и цитаты, отсутствовавшие в реальных решениях. Суд указал, что ответственность за содержание жалобы несёт участвующее в деле юридическое лицо, от имени которого документ подписан представителем (ч. 2 ст. 9, ст. 41, ч. 5 ст. 119 АПК РФ). Ссылки на использование ИИ не освобождают от обязанности проверять представляемые суду материалы.

В данном случае, штраф судом был наложен на организацию, а не лично на представителя стороны, представляющего интересы и занимавшегося подготовкой процессуального документа.

Вместе с тем часть 5 статьи 119 АПК РФ допускает наложение судебного штрафа за неуважение к суду и на представителя лично при наличии соответствующих оснований. Следовательно, при определении субъекта процессуальной ответственности значение имеют конкретное нарушение, совершившее его лицо и процессуальные обстоятельства, а не только факт использования ИИ.

Особого внимания заслуживает определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 301-ЭС21-23756(4) по делу № А82-22452/2018. Представитель кредитора — общества «Норд» — Иринин А. Е. сослался в отзыве на пункт 15 постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48, хотя указанное постановление состоит лишь из 14 пунктов. Верховный Суд расценил использование несуществующей правовой позиции как попытку ввести суд в заблуждение и передал в суд первой инстанции вопрос о наложении судебного штрафа лично на представителя, а также отдельно на общество. Сам Верховный Суд штраф не назначил. При этом в определении не установлено, что недостоверная ссылка была создана с помощью ИИ. Следовательно, данный акт уместно использовать как пример персональной процессуальной ответственности представителя за содержание

документа, а не как доказанный случай применения генеративного ИИ.

Указанная судебная практика делает акцент на различиях между обычным раскрытием происхождения фактических сведений и ответственностью за недостоверные сведения. В арбитражном процессе вопрос о штрафе решается с учетом состава нарушения и субъекта ответственности; использование ИИ само по себе не признается правонарушением. Для частноправовых отношений между клиентом и юристом это дополнительно обосновывает необходимость проверяемой процедуры профессионального контроля.

Применительно к российскому правопорядку предлагается двухэтапная содержательная проверка: сначала проверяется существование и актуальность источника в официальных или надежных правовых базах, затем — правильность юридического вывода из источника применительно к установленным обстоятельствам дела. Юрист должен использовать собственную стратегию поиска, а не принимать отсутствие результата в модели за отсутствие правового источника. Дополнительно необходимо проверять арифметику, даты, наименования сторон и соотношение процессуальных требований с действующими правилами судопроизводства.

Достоверность информации имеет временное измерение. Ответ модели, основанный на прежней редакции закона, способен быть формально логичным и одновременно юридически непригодным. Поэтому фиксация даты проверки, редакции нормативного акта и реквизитов использованного судебного решения составляет часть воспроизводимого профессионального анализа, особенно в делах о банкротстве, корпоративных конфликтах и процессуальных спорах, где фактические и правовые обстоятельства быстро изменяются.

5. Зарубежные подходы и пределы их заимствования

Зарубежный опыт показывает, что регулирование юридического использования ИИ преимущественно строится вокруг обязанностей человека. В США Американская ассоциация юристов в Formal Opinion 512 от 29 июля 2024 г. рассмотрела компетентность юриста, конфиденциальность, взаимодействие с клиентом, разумность гонорара и проверку результатов систем ИИ. Подобные вопросы профессиональной этики исследуются и в научной литературе [11]. Хотя зарубежные профессионально-этические стандарты непосредственно в России не действуют, они позволяют сопоставить варианты организации контроля.

Для настоящего исследования существенна логика американского подхода: обязанность профессиональной проверки не устраняется технической новизной инструмента. Указанный документ не обосновывает изречение, будто любое использование ИИ обязательно должно сопровождаться отдельным согласием клиента; характер раскрытия информации и необходимость согласования зависят от рисков и применимых профессиональных правил.

Регламент Европейского союза 2024/1689 (AI Act) применяет риск-ориентированный подход. Приложение III данного Регламента предусматривает особые требования к отдельным системам, предназначенным для содействия судебным органам в установлении фактов и применении права. Это не означает отнесения любого юридического текстового помощника к высокорисковым системам. Защита персональных данных в ЕС регулируется также GDPR (Регламент 2016/679).

Для российского частного права эти материалы полезны прежде всего при разработке договорных процедур и стандарта разумной осмотрительности, а не в качестве оснований для прямого применения иностранных санкций или переноса иностранных профессиональных кодексов.

6. Предлагаемый стандарт профессионального использования ИИ

С учетом рассмотренных рисков предлагается дифференцированный стандарт обращения с результатами запроса, направленного ИИ. Его исходная предпосылка состоит в том, что юридически значимый результат нельзя оценивать только по тому, был ли текст создан человеком или машиной. Требуется соотнести предмет задачи с вероятностью причинения клиенту вреда и с возможностью независимой проверки.

Первый уровень — низкий риск: стилистическая правка обезличенного текста и техническое форматирование; проверяются сохранность смысла и состав раскрываемых сведений. Второй — средний риск: аналитические справки, подбор аргументов, проекты договоров; необходимы сверка нормативных источников и фактов. Третий — высокий риск: процессуальные сроки, документы для суда, расчеты, оценка перспектив спора, работа с конфиденциальным досье; требуются полная проверка норм, судебных актов, фактов, расчетов и утверждение результата юристом.

Дифференциация строится на трех критериях: (1) возможные последствия ошибки; (2) самостоятельность вывода модели; (3) наличие защищаемой информации. Предлагаемый алгоритм таков: квалифицировать исходные данные и выбрать допустимый сервис; ограничить передаваемые сведения; независимо подтвердить факты, нормы и судебные акты; зафиксировать существенные проверки; утвердить окончательный

документ. Это авторское предложение об организации договорного исполнения, а не единая установленная законом процедура. Его достоинство — возможность впоследствии оценить разумность действий исполнителя при споре о качестве юридической услуги.

Также немаловажно рассмотреть возможность утверждения на законодательном уровне в Российской Федерации более строгих санкций за использование ИИ при подготовке к судебным заседаниям.

Возможно стоит перенять опыт юридических сообществ из иностранной практики, вплоть до лишения определенного статуса, приостановления деятельности за подлог данных, отраженных в процессуальных документах, не соответствующих принципу добросовестности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в настоящее время ИИ для юридического сообщества следует рассматривать лишь как инструмент, помогающий в упрощении небольших юридических задач. Вопрос об ответственности перед клиентом разрешается по общим и специальным нормам, регулирующим конкретное обязательство, с учетом нарушения, причинной связи и иных юридически значимых условий.

Во-вторых, достоверность правовой информации требует независимой проверки судебных актов, цитат и действующей редакции закона. Российская практика 2026 г. подтверждает, что использование ИИ не устраняет процессуальную ответственность за недостоверные сведения; при этом указание на применение ИИ по п. 42 постановления Пленума ВС РФ № 15 обязательно в связи с представлением полученных с его помощью сведений о фактах, но не при любой стилистической обработке документа.

В-третьих, для организации юридической практики предлагается своеобразный стандарт контроля, связывающий глубину проверки с тяжестью последствий ошибки, самостоятельностью машинного вывода и чувствительностью сведений. Эта конструкция может использоваться при разработке договоров юридических услуг, внутренних регламентов и при оценке обстоятельств возможного ненадлежащего исполнения.

Следовательно, нельзя говорить о полном запрете использования искусственного интеллекта в юридическом сообществе, а обеспечивать проверяемость юридически значимого результата. Окончательное профессиональное суждение и ответственность за составленный и направленный в суд, сторонам документ не могут быть переложены на алгоритм, и ответственность непосредственно лежит на пользователе-юристе.

Список литературы:

[1] Разуваев Н. В. Право цифрового общества: актуальные проблемы и пути развития // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 3. С. 9–20.

[2] Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

[3] Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35. No. 4. P. 1305.

[4] Morkhat P. M. Iskusstvennyi intellekt: pravovoi vzglyad: nauchnaya monografiya [Artificial intelligence: a legal perspective: a scientific monograph]. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p.

[5] Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.

[6] McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27. No. 4. P. 12–14.

[7] McCarty L. T. Reflections on “Taxman”: An Experiment in Artificial Intelligence and Legal Reasoning // Harvard Law Review. 1977. Vol. 90. No. 5. P. 837–893.

[8] Blair-Stanek A., Holzenberger N., Van Durme B. Can GPT-3 Perform Statutory Reasoning? // Proceedings of the 19th International Conference on Artificial Intelligence and Law. 2023. P. 22–31.

[9] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. 2024. Vol. 16. No. 1. P. 64–93.

[10] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22. No. 2. P. 216–242.

[11] Walters E. The Model Rules of Autonomous Conduct: Ethical Responsibilities of Lawyers and Artificial Intelligence // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35. No. 4. P. 1073.

References:

[1] Razuvaev N. V. Law of the Digital Society: Current Issues and Paths for Development // Russian Journal of Legal Studies. 2021. Vol. 8. No. 3. pp. 9–20.

[2] Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects // Journal of Russian Law. 2018. No. 2. pp. 5–17.

[3] Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review.

2019. Vol. 35. No. 4. p. 1305.

[4] Morkhat P. M. Artificial Intelligence: A Legal Perspective (Scientific Monograph). Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p.

[5] Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. pp. 433–460.

[6] McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27. No. 4. pp. 12–14.

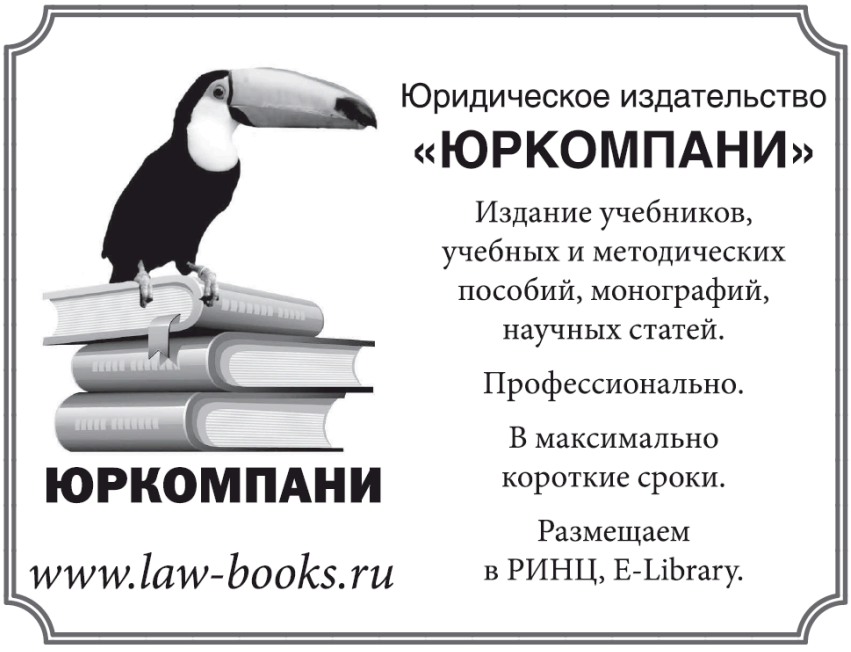
[7] McCarty L. T. Reflections on “Taxman”: An Experiment in Artificial Intelligence and Legal Reasoning // Harvard Law Review. 1977. Vol. 90. No. 5. pp. 837–893.

[8] Blair-Stanek A., Holzenberger N., Van Durme B. Can GPT-3 Perform Statutory Reasoning? // Proceedings of the 19th International Conference on Artificial Intelligence and Law. 2023. pp. 22–31.

[9] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. 2024. Vol. 16.No. 1. P. 64–93.

[10] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22.No. 2. P. 216–242.

[11] Walters E. The Model Rules of Autonomous Conduct: Ethical Responsibilities of Lawyers and Artificial Intelligence // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35.No. 4. P. 1073.



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-960-965

КАЛИНИНА Елена Владимировна,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Россия,
тел.: +7-920-506-06-44,
e-mail: kalinina_ev@lspu-lipetsk.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕХАНИЗМЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются возможности применения искусственного интеллекта при урегулировании частно-правовых споров и использования зарубежного опыта в российской медиации. Цель исследования состоит в разработке правовой модели включения ИИ в процедуру медиации при сохранении самостоятельности волеизъявления сторон. Рассмотрены зарубежные цифровые сервисы и российская практика онлайн-медиации. Обоснована необходимость разграничения согласия на использование ИИ и принятия сформированных с его помощью предложений. Особое внимание уделено конфиденциальности, проверке результатов работы цифровых систем и распределению ответственности за ошибки. Сделан вывод о допустимости выборочного использования функций ИИ при их соответствии характеру спора, требованиям российского права и договорной природе медиации.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, медиация, частно-правовой спор, автономия воли, медиативное соглашение, конфиденциальность, цифровое урегулирование споров, зарубежный опыт.*

Для цитирования: *Калинина Е. В. Искусственный интеллект в механизме урегулирования частно-правовых споров посредством медиации // Образование и право. 2026. № 10. С. 960–965.*

KALININA Elena Vladimirovna,
Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MECHANISM FOR THE SETTLEMENT OF PRIVATE-LAW DISPUTES THROUGH MEDIATION

Annotation. *The article examines the potential use of artificial intelligence in resolving private law disputes and the applicability of international experience to mediation in Russia. The study aims to develop a legal framework for integrating AI into mediation while preserving the parties' autonomy in decision-making. It considers international digital dispute resolution services alongside Russian practices of online mediation. The article argues for a clear distinction between consent to the use of AI and acceptance of proposals generated with its assistance. Particular attention is paid to confidentiality, verification of AI-generated outputs, and the allocation of responsibility for errors. It concludes that selected AI functions may be incorporated into mediation provided that their use is appropriate to the nature of the dispute and complies with Russian law and the consensual nature of mediation.*

Key words: *artificial intelligence, mediation, private-law dispute, party autonomy, mediated settlement agreement, confidentiality, online dispute resolution, foreign practices.*

For citation: *Kalinina E. V. Artificial intelligence in the mechanism for the settlement of private-law disputes through mediation. Education and law. 2026;(10):960–965. (In Russ.).*

Использование искусственного интеллекта при урегулировании частно-правового спора ставит вопрос о юридическом значении действий, посредством которых стороны вырабатывают текст соглашения. Для медиации существенное значение имеет источник предлагаемых условий, возможность их свободного обсуждения и достоверность сведений, учитываемых при принятии решения. Все это свидетельствует о том, что оценка применения ИИ должна учитывать его влияние на волеизъявление сторон, распределение обязанностей между участниками процедуры и юридические последствия достигнутого результата. С каждым годом ИИ все более активно используется при проведении процедуры медиации. Сопоставление зарубежного опыта с российской практикой позволяет определить условия их использования при сохранении договорной природы урегулирования спора.

В отечественных исследованиях цифровизации внесудебного урегулирования дистанционное взаимодействие разграничивается с заменой медиатора программной системой. Скептическая оценка ИИ связывается со значением непосредственного психологического взаимодействия участников и недостаточной развитостью соответствующей практики [1, с. 475–477]. Вместе с тем вопрос об автоматизации всей процедуры не исчерпывает проблему допустимости отдельных аналитических функций. В зарубежной литературе разграничиваются средства коммуникации и системы содержательной поддержки урегулирования [2, с. 211–240]; предлагаются модели, объединяющие предварительную оценку спора, информационную поддержку, содействие в выборе решения и подготовку документов [3, с. 807–809]. Такое разграничение позволяет соотнести каждую функцию программы с полномочиями участника, использующего соответствующую систему.

Цель исследования заключается в определении условий использования наиболее успешных зарубежных практик применения ИИ в российской медиации. Сравнительно-правовой и формально-юридический методы используются для анализа функций цифровых сервисов и юридических последствий их применения. Основное внимание уделяется имущественным, в т.ч. семейно-имущественным, спорам. К инструментам на основе ИИ отнесены системы, использующие машинное обучение либо формализованные правила вывода для анализа материалов спора и подготовки предложений по его урегулированию; расчётные алгоритмы рассматриваются как смежный опыт. Критериями оценки выступают проверяемость сведений о применении технологии, сохранение автономии сторон, защищённость информации и совместимость решения с российским правом.

Австралийская система amica показывает значение согласования исходных данных: предложение о разделе имущества формируется с использованием ИИ после подтверждения пользователями фактических сведений, не является обязательным и может обсуждаться сторонами; сервис не рекомендуется при подозрениях на семейное насилие. Для российской практики важны предварительная оценка допустимости цифрового взаимодействия и разграничение согласия с исходными данными и согласия с предложенным вариантом. В Smartsettle One описано урегулирование в Великобритании спора об оплате обучения на сумму около 2 тыс. фунтов стерлингов: сопоставление предложений сторон, включая конфиденциальные пределы уступок, позволило достичь соглашения менее чем за час. Этот пример подтверждает использование алгоритма для согласования денежного требования, но не позволяет судить об общей эффективности технологии. Юридическое значение достигнутого совпадения должно определяться заранее согласованными условиями процедуры.

Dyspute.ai, согласно сведениям разработчика, использует большую языковую модель для анализа материалов, формирования предложений и подготовки проекта соглашения; пользователь определяет, какие документы и сведения становятся доступны другой стороне. При этом сервис не адаптирован к законодательству отдельных юрисдикций, поэтому подготовленный документ нуждается в самостоятельной юридической проверке, а независимые данные о результативности системы отсутствуют. Presolv360 предусматривает алгоритмический подбор медиатора, дистанционное взаимодействие и электронное оформление договорённостей. Здесь цифровые средства сочетаются с профессиональным посредничеством, а алгоритмический подбор специалиста не означает передачи программе содержательных функций медиатора.

Российская практика демонстрирует преимущественно организационное использование цифровых средств. Проект Центра медиации при РСПП и ООО «Сбер Лигал» сочетал профессиональное посредничество с техническим и юридическим обеспечением дистанционного взаимодействия; в 2023 г. сообщалось об онлайн-медиации между банком и предпринимателем с использованием «СберЮриста». Эти материалы подтверждают опыт дистанционного урегулирования, но не доказывают применения ИИ при выработке условий соглашения. Дополнительно следует учитывать зависимость доступности цифровой медиации от цифровой грамотности и защиты инфор-

мации [4, с. 1122–1123]. Поэтому оценке подлежат не только функции программы, но и организация услуги, включая помощь пользователю, проверку исходных данных и исправление ошибок.

Приемлемость ИИ зависит от характера выполняемой функции. В исследовании, проведённом в США на основе интервью и 152 анкет, выявлены различия в отношении респондентов к использованию ИИ для подготовительных операций и непосредственно во взаимодействии участников, а также значение доверия к ответственному применению технологии медиатором [5, с. 223–238]. Эти данные характеризуют восприятие технологии, но не эффективность медиации. Они подтверждают целесообразность раздельного согласования функций ИИ: согласие на дистанционное взаимодействие не означает согласия на передачу системе конфиденциальной информации или получение сформированных ею предложений. Следовательно, оцениваться должна конкретная функция ИИ вместе с условиями её осуществления и юридическими последствиями.

В российском праве исходные условия определяются Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», закрепляющим добровольность процедуры, возможность согласования порядка её проведения, требования к медиатору, конфиденциальность и ответственность. Требования ст. 15 к возрасту и дееспособности медиатора предполагают осуществление посредничества физическим лицом. Поэтому обозначение иностранного сервиса как «ИИ-медиатора» не определяет его юридическую квалификацию. Процедура без участия медиатора, в которой программа содействует согласованию условий, может рассматриваться как автоматизированная форма переговоров, а её результат – оцениваться по правилам о соответствующих сделках. Само наименование цифрового сервиса медиатором специальных последствий медиативного соглашения не создаёт.

При сохранении участия медиатора применение ИИ может быть предусмотрено согласованным сторонами порядком процедуры. Юридическая оценка зависит от того, кто использует систему и для какой задачи. Программа, помогающая стороне определить приемлемые условия рассрочки, формирует её переговорную позицию; аналогичный расчёт, используемый медиатором при совместном обсуждении, должен соответствовать требованиям к нейтральному посредничеству. Если оператор сервиса самостоятельно формирует и направляет сторонам условия урегулирования, распределение функций и обязанностей меняется. Следовательно, одна технологическая операция может использоваться в различных по юридической природе отношениях, что исключает единый подход к допустимости всех форм применения ИИ.

Согласование функций ИИ и определение правовых оснований обработки информации являются самостоятельными вопросами. Ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» предусматривает различные основания обработки данных и условия поручения их обработки, а ч. 1 ст. 9 требует оформлять согласие субъекта отдельно от иных подписываемых им документов и информации. Поэтому соглашение о проведении медиации может определять способы применения ИИ и условия обращения к внешнему сервису, но не заменяет предусмотренные законом основания обработки персональных данных, включая данные третьих лиц. При исключительно автоматизированном решении, затрагивающем права и законные интересы субъекта, должны учитываться требования ст. 16 о письменном согласии либо специальном законном основании, разъяснении порядка принятия решения и возможности возражения. При использовании зарубежного сервиса дополнительно учитываются правила трансграничной передачи и места обработки данных; заимствование зарубежной модели при этом может быть реализовано посредством российского программного решения.

Особое значение имеет ч. 5 ст. 11 Федерального закона о медиации: медиатор не вправе вносить предложения об урегулировании спора, если стороны не договорились об ином. Согласие на использование ИИ для анализа документов не означает разрешения медиатору доводить до сторон сформированные системой варианты уступок. Направление такого варианта через используемый медиатором сервис должно оцениваться с учётом того же ограничения, иначе его можно было бы обойти изменением способа формирования предложения. В то же время сторона вправе самостоятельно подготовить предложение с использованием ИИ и представить его от своего имени. Юридическое значение имеет поэтому не только содержание результата, но и субъект, включающий его в переговорный процесс.

Конфиденциальность должна охватывать и результаты обработки, позволяющие восстановить сведения, непосредственно не раскрытые другой стороне. Ст. 5 Федерального закона о медиации устанавливает общий режим конфиденциальности, а ст. 6 допускает передачу медиатором полученных от одной стороны сведений другой стороне только с согласия их предоставившего лица. ИИ может косвенно раскрыть закрытую пере-

говорную позицию через сформированную рекомендацию, например точный предел допустимой уступки. Поэтому защита должна распространяться на результаты, позволяющие восстановить содержание конфиденциальной информации. В соглашении о проведении медиации целесообразно определять доступ системы к материалам и порядок использования результатов. Само использование конфиденциальных сведений для поиска соглашения не является разглашением; юридически значима возможность другой стороны установить содержание ранее не раскрытой информации.

Беспристрастность зависит и от организации цифрового взаимодействия. Исследования систем урегулирования показывают влияние заложенных в них целей и критериев результата на положение участников, а технологическую компетентность связывают с механизмами ответственности [6, с. 49–64]. Отсутствие у программы эмоций не делает систему нейтральной: инструмент, рассчитанный на максимизацию взыскания, отличается от системы сопоставления согласованных сторонами пределов уступок. Риски усиливаются неравным доступом к аналитическим возможностям и затруднениями части пользователей [7, с. 339–342]. Поэтому необходимы разъяснение принципов формирования предложений, техническая помощь и возможность продолжить переговоры без инструмента, вызывающего возражения одной из сторон.

На завершающей стадии следует разграничивать подготовку проекта соглашения и его юридическое оформление. Нотариальное удостоверение медиативного соглашения обеспечивает возможность принудительного исполнения [8, с. 490–495]. Согласно ч. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона о медиации, внесудебное медиативное соглашение по гражданско-правовому спору является гражданско-правовой сделкой и после нотариального удостоверения приобретает силу исполнительного документа. Ст. 59.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате предусматривает обязательное участие медиатора при удостоверении такого соглашения. Ст. 160 и 434 ГК РФ допускают письменную форму сделки с использованием электронных средств при возможности воспроизвести содержание и достоверно установить лицо, выразившее волю. Поэтому цифровая подготовка проекта не препятствует юридическому оформлению, но не заменяет необходимых юридически значимых действий; согласие сторон должно относиться к определённой окончательной редакции документа.

Использование ИИ при подготовке проекта не изменяет профессиональных границ деятельности медиатора. Согласно п. 2 ч. 6 ст. 15 Федерального закона о медиации, ему запрещается оказывать юридическую, консультационную или иную помощь какой-либо стороне. Поэтому содействие в изложении достигнутых договорённостей и проверку арифметических расчётов необходимо отличать от индивидуальной оценки юридической или экономической выгодности сделки, которая может быть поручена независимому специалисту. Автоматизированная подготовка соглашения не расширяет полномочий медиатора; при её использовании должны быть заранее определены пределы технической проверки, посреднического содействия и юридического консультирования.

Последствия ошибок ИИ требуют дифференцированной оценки. Неточность расчёта может быть исправлена до заключения соглашения, нарушение конфиденциальности способно повлечь самостоятельное требование о защите права, а существенное искажение представлений стороны – поставить вопрос о действительности волеизъявления. Ст. 178 и 179 ГК РФ предусматривают основания оспаривания сделок, включая существенное заблуждение, обман, насилие и угрозу. Само использование ИИ или последующее недовольство результатом таких оснований не образуют. Необходимо учитывать содержание ошибочных сведений, обстоятельства их доведения и влияние на решение о заключении сделки, разграничивая техническую ошибку и намеренное введение стороны в заблуждение.

Ответственность участников цифровой процедуры определяется законом и договором. В исследованиях онлайн-урегулирования отмечается, что условия цифровых сервисов нередко ориентированы на ограничение ответственности поставщика и недостаточно подробно регулируют оказание услуги [9, с. 305–306]. Ст. 17 Федерального закона о медиации устанавливает гражданско-правовую ответственность медиаторов и организаций, обеспечивающих проведение процедуры, за причинённый участникам вред. Технический поставщик не становится медиатором только вследствие предоставления программного обеспечения. Поэтому договор должен разграничивать обязанности по сохранности информации, проверке результатов и устранению ошибок. Отсутствие гарантии достижения соглашения или его экономической выгодности не освобождает обязанное лицо от ответственности за нарушение конкретного обязательства.

Ориентиры для конкретизации обязанностей содержатся в стандартах AAAi по использованию ИИ в альтернативном урегулировании споров, предусматривающих человеческий контроль, защиту данных, проверку точности, прозрачность и ответственность профессиональных участников.

Эти стандарты не обязательны в российском праве, но могут учитываться при разработке регламентов и договорном оформлении процедур. Необходимо определить лицо, ответственное за проверку результата, доступный ему объём материалов и порядок действий при обнаружении недостатков. Формальное одобрение автоматически подготовленного проекта без возможности проверить исходные сведения и расчёты не обеспечивает надлежащего контроля, тогда как техническая проверка не подменяет самостоятельного волеизъявления сторон.

Отдельного регулирования требует последующее использование материалов процедуры. В теории цифрового урегулирования рассматривается предупреждение споров на основе анализа накопленных данных [10, с. 83–84]. Однако согласие на обработку сведений для урегулирования конкретного спора не распространяется автоматически на их использование для обучения модели ИИ. Обезличивание персональных данных также не прекращает требований конфиденциальности в отношении коммерческих условий и содержания переговоров. Поэтому следует заранее определять правовые основания и сроки хранения информации, разграничивая технические данные, необходимые для проверки сервиса, и полные записи конфиденциального взаимодействия.

Проведённое исследование позволяет предложить модель раздельного согласования способов применения ИИ в медиации. На организационном уровне должны определяться состав обрабатываемых материалов, порядок доступа и исправления ошибок; при использовании ИИ непосредственно в переговорах дополнительно согласуются формирование и представление предложений, а также работа с конфиденциальной информацией. Юридическое оформление результата осуществляется по правилам, установленным для соответствующей сделки. Каждая функция ИИ должна оцениваться отдельно с точки зрения правового основания её использования и обязанностей ответственного лица. Такая модель может закрепляться в медиативном регламенте и соглашении о проведении конкретной процедуры.

Практическое применение модели предполагает, что сторона до начала использования соответствующего инструмента понимает его назначение, состав передаваемых данных и последствия сформированного результата, а медиатор и оператор цифрового сервиса заранее разграничивают собственные обязанности. Такой подход позволяет оценивать технологию применительно к конкретной стадии и конкретной юридически значимой операции.

Таким образом, использование зарубежного опыта ИИ в медиации должно строиться на выборочном заимствовании отдельных способов обработки информации и содействия формированию предложений. Наличие документированных примеров применения технологии не доказывает её допустимость и эффективность в российском правопорядке. Оценке подлежат роль медиатора, автономия воли сторон, режим информации и юридическое значение результата. Предлагаемая модель связывает каждую допустимую операцию с правовым основанием, порядком доступа к сведениям и ответственным лицом, позволяя использовать цифровые средства при сохранении самостоятельности волеизъявления сторон и надлежащего оформления достигнутых договорённостей. Необходимость специальных законодательных изменений должна определяться наличием гарантий, которые объективно невозможно обеспечить действующими нормами и договорным регулированием процедуры.

Список литературы:

[1] Добряков Д.А., Каса И., Сухоставская Ю.В. Применение цифровых технологий в судопроизводстве и внесудебном урегулировании споров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 2. С. 461–481.

[2] Carneiro D., Novais P., Andrade F., Zeleznikow J., Neves J. Online dispute resolution: an artificial intelligence perspective // Artificial Intelligence Review. 2014. Vol. 41. No. 2. P. 211–240.

[3] Zeleznikow J. Using Artificial Intelligence to provide Intelligent Dispute Resolution Support // Group Decision and Negotiation. 2021. Vol. 30. No. 4. P. 789–812.

[4] Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 4. С. 1113–1124.

[5] Choi Y. Using AI in My Disputes? Clients' Perception and Acceptance of Using AI in Mediation // Conflict Resolution Quarterly. 2025. Vol. 43. No. 2. P. 223–238.

[6] Wing L., Martinez J.K., Katsh E., Rule C. Designing Ethical Online Dispute Resolution Systems: The Rise of the Fourth Party // Negotiation Journal. 2021. Vol. 37. No. 1. P. 49–64.

[7] Alessa H. The role of Artificial Intelligence in Online Dispute Resolution: A brief and critical overview // Information & Communications Technology Law. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 319–342.

[8] Бегичев А.В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // Вест-

ник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 485–500.

[9] Ebner N., Zeleznikow J. No Sheriff in Town: Governance for Online Dispute Resolution // Negotiation Journal. 2016. Vol. 32. No. 4. P. 297–323.

[10] Katsh E., Schwartz-Maor T., Rabinovich-Einy O. AI and the Future of Disputing: Naming, Blaming, Claiming, and Preventing // Conflict Resolution Quarterly. 2025. Vol. 43. No. 1. P. 79–89.

References:

[1] Dobryakov D.A., Kasa I., Sukhostavskaya Yu.V. The Use of Digital Technologies in Judicial Proceedings and Out-of-Court Dispute Resolution // RUDN Journal of Law. 2021. Vol. 25. No. 2. pp. 461–481.

[2] Carneiro D., Novais P., Andrade F., Zeleznikow J., Neves J. Online dispute resolution: an artificial intelligence perspective // Artificial Intelligence Review. 2014. Vol. 41. No. 2. pp. 211–240.

[3] Zeleznikow J. Using Artificial Intelligence to provide Intelligent Dispute Resolution Support // Group Decision and Negotiation. 2021. Vol. 30. No. 4. pp. 789–812.

[4] Gronik I.A. Transformation of Digital Dispute Resolution Methods in India // RUDN Journal of Law. 2023. Vol. 27. No. 4. pp. 1113–1124.

[5] Choi Y. Using AI in My Disputes? Clients' Perception and Acceptance of Using AI in Mediation // Conflict Resolution Quarterly. 2025. Vol. 43. No. 2. pp. 223–238.

[6] Wing L., Martinez J.K., Katsh E., Rule C. Designing Ethical Online Dispute Resolution Systems: The Rise of the Fourth Party // Negotiation Journal. 2021. Vol. 37. No. 1. pp. 49–64.

[7] Alessa H. The role of Artificial Intelligence in Online Dispute Resolution: A brief and critical overview // Information & Communications Technology Law. 2022. Vol. 31. No. 3. Pp. 319–342.

[8] Begichev A.V. The Role of Digitalization in the Interaction Between Judicial and Notarial Bodies in the Application of Conciliation Procedures // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 2. Pp. 485–500.

[9] Ebner N., Zeleznikow J. No Sheriff in Town: Governance for Online Dispute Resolution // Negotiation Journal. 2016. Vol. 32. No. 4. Pp. 297–323.

[10] Katsh E., Schwartz-Maor T., Rabinovich-Einy O. AI and the Future of Disputing: Naming, Blaming, Claiming, and Preventing // Conflict Resolution Quarterly. 2025. Vol. 43. No. 1. Pp. 79–89.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-966-969

БОБРОВА Ирина Анатольевна,
старший преподаватель кафедры
специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат психологических наук, доцент,
тел.: 8960-233-80-64,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам административной ответственности в цифровой сфере.*

Автор разбирает наиболее распространенные виды правонарушений в интернете, анализирует трудности, с которыми сталкиваются правоприменители при их квалификации, и предлагает конкретные меры по обновлению законодательства и систематизации профилактической работы в этой области.

Ключевые слова: *информационное пространство, противоправность, информационная среда, ответственность, законодательство, правовое регулирование, правоохранительные органы, интернет, правоотношение, киберпространство.*

Для цитирования: *Боброва И. А. К вопросу о проблемных аспектах правовой квалификации интернет-правонарушений: подходы к совершенствованию нормативного регулирования // Образование и право. 2026. № 10. С. 966–969.*

BOBROVA Irina Anatolyevna,
Senior Lecturer, Department of
Specialized and Automotive Equipment,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD in Psychology, Associate Professor

ON THE ISSUE OF PROBLEMATIC ASPECTS OF THE LEGAL QUALIFICATION OF INTERNET OFFENSES: APPROACHES TO IMPROVING REGULATORY FRAMEWORKS

Annotation. *This article examines current issues of administrative liability in the digital sphere.*

The author examines the most common types of online offenses, analyzes the challenges law enforcement faces in classifying them, and proposes specific measures to update legislation and systematize preventive work in this area.

Key words: *information space, illegality, information environment, responsibility, legislation, legal regulation, law enforcement agencies, Internet, legal relationship, cyberspace.*

For citation: *Bobrova I. A. On the issue of problematic aspects of the legal qualification of internet offenses: approaches to improving regulatory frameworks. Education and law. 2026; (10):966–969. (In Russ.).*

В настоящее время среди проблемных аспектов квалификации административных правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет, выделяют прежде всего качество административного законодательства, включая динамику его обновления, недостаточную четкость формулировок, допускающих различное их толкование, конкуренцию норм либо, напротив, пробелы в правовом регулировании отдельных правоотношений [1].

В условиях повсеместной цифровизации общественных отношений и трансформации противоправной активности в киберпространстве повышение эффективности административной юрис-

дикции в деятельности органов внутренних дел требует не отдельных корректировок, а реализации научно обоснованного комплекса системных мер.

Ключевым направлением реформирования должна стать адаптация механизмов квалификации административных правонарушений к технологической специфике Интернет-среды, обеспечивающая баланс между оперативностью реагирования, законностью и защитой прав участников цифровых правоотношений.

Одной из наиболее острых проблем квалификации является использование в диспозициях статей оценочных понятий, содержание которых не раскрывается ни в самом КоАП РФ, ни в подзаконных актах, ни в официальных разъяснениях высших судебных инстанций. К числу таких понятий применительно к правонарушениям, совершаемым с использованием сети Интернет, относятся неприличная форма (ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ), заведомо недостоверной информации (ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ), явное неуважение к обществу (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ) и др.

Сложности квалификации нередко возникают и вследствие конкуренции нескольких составов административных правонарушений, которыми может быть охвачено одно и то же деяние. Наиболее ярким примером является конкуренция между:

- ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление, совершенное публично с использованием сети Интернет;

- ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за распространение в сети «Интернет» информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации;

- ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за распространение в сети Интернет информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

Разграничение указанных составов требует установления дополнительных квалифицирующих признаков: направленности умысла на унижение чести и достоинства конкретного лица (ст. 5.61 КоАП РФ); наличие признака явного неуважения к обществу (ст. 20.1 КоАП РФ); распространения информации в СМИ либо в информационно-телекоммуникационных сетях при отсутствии признаков адресованности конкретному лицу (ст. 13.15 КоАП РФ).

Особого внимания заслуживает проблема определения места совершения правонарушения с использованием сети Интернет. В отличие от правонарушений, место совершения которых привязано к конкретной географической точке и может быть установлено с достаточной степенью определенности, рассматриваемые деликты могут быть совершены из любой точке мира, а их последствия проявиться в иной юрисдикции.

По общему правилу, местом совершения административного правонарушения является место совершения противоправного действия независимо от места наступления его последствий, а если такое деяние носит длящийся характер, – место окончания противоправной деятельности, ее пресечения; если правонарушение совершено в форме бездействия, то местом его совершения следует считать место, где должно было быть совершено действие, выполнена возложенная на лицо обязанность [2].

Л.В. Иванова и Г.В. Пережогина определяют место совершения преступления в цифровом пространстве как место ввода информации и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть с последующей реализацией из этого места преступного деяния, независимо от места наступления общественно опасных последствий [3]. Представляется, что данная дефиниция применима и к правонарушениям, совершаемым с использованием сети Интернет.

Отсутствие в КоАП РФ специальных коллизионных норм порождает споры о подсудности и, как следствие, отказы в привлечении к ответственности по формальным основаниям. Статья 1.8 КоАП РФ устанавливает общий территориальный принцип, согласно которому лицо подлежит ответственности за правонарушение, совершенное на территории Российской Федерации, однако не раскрывает механизма локализации территориальности в условиях трансграничного сетевого взаимодействия. В отличие от уголовного законодательства, детализирующего основания экстерриториального действия норм (ст. 11-13 Уголовного кодекса РФ [4]), административно-деликтное право сохраняет подход, не учитывающий распределенный характер информационных потоков, облачную архитектуру хранения данных и возможность одновременного доступа к контенту с территории множества юрисдикций.

В теории права и правоприменительной практике выработано несколько альтернативных

подходов к определению юрисдикции применительно к правонарушениям, совершаемым с использованием сети Интернет:

1) по месту наступления последствий. Данный подход предполагает признание юрисдикции государства, на территории которого наступили последствия противоправного деяния, независимо от места совершения действия. Применительно к рассматриваемым деликтам это означает, что местом совершения правонарушения может быть признано место нахождения потерпевшего либо место, где противоправная информация была доступна пользователям;

2) по месту выявления правонарушения. Следует отметить, что судьей Верховного Суда РФ С. Кузьмичевым предложено использовать данный подход в качестве основного, закрепив в ст. 29.5 КоАП РФ положение о том, что дела о соответствующих правонарушениях подлежат рассмотрению по месту их выявления [5];

3) по месту нахождения серверного оборудования. Согласно данному подходу, юрисдикция государства распространяется на правонарушения, совершенные с использованием серверного оборудования, физически расположенного на территории этого государства. В частности, Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» [6] установил требование о локализации баз данных с персональными данными российских граждан на территории Российской Федерации.

Однако распространение данного подхода на все виды административных правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет, представляется проблематичным, поскольку:

- техническая инфраструктура Интернета устроена таким образом, что информация может передаваться через серверы, расположенные в различных государствах, без осознанного выбора пользователя;

- владелец цифровой платформы (социальной сети, мессенджера) может самостоятельно определять местонахождение серверного оборудования, что ставит юрисдикцию в зависимость от воли третьего лица;

4) по месту жительства (нахождения) потерпевшего. Данный подход ориентирован на максимальную реализацию права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда, однако нуждается в дополнительных гарантиях против злоупотреблений, например, в случаях, когда потерпевший намеренно изменяет место своего проживания для выбора конкретного судебного органа.

В этой связи представляется целесообразным дополнить КоАП РФ новой ст. 29.5.1 «Место совершения административного правонарушения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» следующего содержания:

1. Местом совершения административного правонарушения, объективная сторона которого полностью или частично реализуется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, признается место нахождения лица, разместившего информацию, при условии его установления.

2. В случае невозможности установления места нахождения лица, разместившего информацию, местом совершения административного правонарушения признается:

а) место наступления наиболее тяжких последствий, в том числе место жительства (нахождения) потерпевшего;

б) при отсутствии потерпевшего либо невозможности установления места наступления последствий – место выявления правонарушения уполномоченным должностным лицом.

В заключении исследования, целесообразно отметить, что подобного рода комплекс мер по квалификации административных правонарушений в сети Интернет является концептуальной основой для дальнейшей нормотворческой работы и переход от реагирования на свершившиеся факты к проактивной модели квалификации, основанной на принципах пропорциональности и технологической нейтральности, позволит повысить эффективность правоприменительной практики, регулирование цифрового пространства, способствует соблюдению правопорядка в соответствии с актуальными вызовами и государственными приоритетами в сфере информационно-телекоммуникационной безопасности.

Список литературы:

[1] Денисенко В.В., Денисенко С.Г. Проблемы квалификации административных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 2 (68). С. 81-86.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6; 2026. № 1.

[3] Иванова Л.В., Пережогина Г.В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений // Вест-

ник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 4 (24). С. 155-171.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2026. № 15. Ст. 1843.

[5] Бурнов В. Подсудность и цифровизация: судья ВС РФ рассказал о необходимых изменениях КоАП. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/33758/?ysclid=mo7grtesjz709431646 (дата обращения: 01.04.2026).

[6] Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4243; 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 79.

References:

[1] Denisenko V.V., Denisenko S.G. Issues in the Classification of Administrative Offenses Committed Using Information and Communication Technologies // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (68). pp. 81–86.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2005, No. 5 "On Certain Issues Arising for Courts in the Application of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" (as amended on December 9, 2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. No. 6; 2026. No. 1.

[3] Ivanova L.V., Perezhogina G.V. The Digital Space as a Locus of Crime Under Conditions of Global Restrictions // Bulletin of the University of Tyumen. Socio-Economic and Legal Research. 2020. Vol. 6, No. 4 (24). pp. 155–171.

[4] Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954; 2026. No. 15. Art. 1843.

[5] Burnov V. Jurisdiction and Digitalization: A Supreme Court Judge Discusses Necessary Amendments to the Code of Administrative Offenses // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/33758/?ysclid=mo7grtesjz709431646 (accessed: 01.04.2026).

[6] Federal Law No. 242-FZ of July 21, 2014, “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Clarification of the Procedure for Processing Personal Data in Information and Telecommunication Networks” (as amended on December 31, 2014) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 30 (Part 1). Art. 4243; 2015. No. 1 (Part 1). Art. 79.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-970-975
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КОВАЛЬКОВА Елена Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Казань, Россия,
тел.: +7-917-273-22-87,
e-mail: ekovalkova@yandex.ru

АЛЕМПЕЕВ Георгий Сергеевич,
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Казань, Россия,
тел.: +7-987-187-90-97,
e-mail: georgyalempeev@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЛАЧНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы гражданско-правового регулирования применения систем искусственного интеллекта (ИИ) в облачных экосистемах. Авторы анализируют структуру облачных сервисов (IaaS, PaaS, APM, Cloud Security, Big Data и ИИ), определяют место ИИ в цепочке договорных связей между предпринимателем, облачным провайдером и провайдером СУБД. Особое внимание уделяется проблеме определения субъекта гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый автономными системами ИИ. Исследуется зарубежный опыт и положения Европейского закона об ИИ (AI Act). Обосновывается необходимость применения риск-ориентированного подхода к регулированию ИИ, а также предлагается признать ИИ, задействованный в облачных экосистемах, источником повышенной опасности с внесением соответствующих дополнений в п. 1 ст. 1079 ГК РФ.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, облачные экосистемы, облачный провайдер, СУБД, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, риск-ориентированный подход, AI Act.*

Для цитирования: *Ковалькова Е. Ю., Алемпеев Г. С. Гражданско-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в облачных экосистемах организаций // Образование и право. 2026. № 10. С. 970–975.*

KOVALKOVA Elena Yuryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Kazan branch of the Federal State Budget-Funded
Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"
(the city of Kazan), Kazan, Russia

ALEMPEEV Georgy Sergeyevich,
Kazan branch of the Federal State Budget-Funded
Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"
(the city of Kazan), Kazan, Russia

CIVIL LAW REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CLOUD ECOSYSTEMS

Annotation. *The article deals with the current issues of civil law regulation of the use of artificial intelligence (AI) systems in cloud ecosystems. The author analyzes the structure of cloud services (IaaS, PaaS, APM, Cloud Security, Big Data and AI) and determines the place of AI in the chain of contractual relations between an entrepreneur, a cloud provider and a DBMS provider. Particular attention is paid to the problem of determining the subject of civil liability for harm caused by autonomous AI systems. The foreign experience is studied, in particular, the case Ruby Lowe v. Cerner Corporation and the provisions of the European AI Act. The necessity of applying a risk-based approach to AI regulation is substantiated, and it is proposed to recognize AI used in cloud ecosystems as a source of increased danger with corresponding amendments to paragraph 1 of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Key words: *artificial intelligence, cloud ecosystems, cloud provider, DBMS, civil liability, source of increased danger, risk-based approach, AI Act.*

For citation: *Kovalkova E. Yu., Alempeev G. S. Civil law regulation of the use of artificial intelligence in cloud ecosystems. Education and law. 2026;(10):970–975. (In Russ.).*

Введение

В настоящее время стремительными темпами развивается цифровизация, а особенно системы на базе искусственного интеллекта (далее – ИИ). Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 71476-2024 даёт следующее определение: «система ИИ: техническая система, использующая одну или несколько моделей ИИ, которая порождает такие конечные результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора определённых человеком целей».

Вступивший в силу с 1 сентября 2026 г. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [8] (далее – 243-ФЗ) дает уже более развернутое и современное определение: ИИ - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая способность самостоятельно совершенствовать свои функции, повышать точность решений за счет анализа новых данных и выполнять поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Оцифровка документов, развитие электронных коммуникационных сетей, стремление к сокращению производственных издержек приводят к появлению так называемых облачных экосистем.

Облачные экосистемы представляют собой набор сервисов, документов, корпоративных порталов, мессенджеров, хранилищ и т.п., а также сторонних независимых разработчиков ПО, взаимосвязанных между собой с целью упрощения создания и интеграции бизнес-решений. Ключевыми элементами подобных баз данных являются: 1) IaaS – инфраструктура и вычислительные ресурсы, непосредственно облачное хранилище, а также сетевые инфраструктуры (VPC, CDN); 2) PaaS – реляционные и нереляционные базы данных, очереди сообщений, бессерверные вычисления; 3) APM – комплекс инструментов, использующихся для отслеживания и дальнейшего анализа производительности систем, CD и CI платформы; 4) Cloud Security – контроль прав пользователей, сервисов, средства шифрования и т.д.; 5) Big Data и ИИ.

Степень научной разработанности темы. Вопросы правового регулирования ИИ и облачных технологий рассматривались в работах Т. В. Батуры, Ф. А. Мурзина, Д. Ф. Семич [1], а также в аналитических отчётах Gartner [2] и практических руководствах [3]. Однако комплексный анализ гражданско-правовой ответственности за деятельность ИИ именно в облачных экосистемах остаётся недостаточно изученным, что обусловливает актуальность настоящего исследования.

Цель и задачи исследования

Целью работы является выявление особенностей гражданско-правового регулирования использования ИИ в облачных экосистемах и определение оптимальной модели ответственности за причинение вреда такими системами.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: проанализировать структуру облачных экосистем и роль ИИ в них; исследовать договорные связи между участниками облачных отношений; изучить существующие концепции ответственности за вред, причинённый ИИ; обосновать применение риск-ориентированного подхода и необходимость признания ИИ источником повышенной опасности.

Методы исследования

В работе использованы общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой ме-

тод (при сопоставлении российского и европейского законодательства), а также метод кейс-стади (при рассмотрении судебного дела Ruby Lowe v. Cerner Corporation).

Результаты исследования

Важно отметить, что в облачных сценариях ИИ представляет собой не просто чат-бот, который организации внедряют в цифровую структуру, а элемент аналитической системы. Интеграция ИИ непосредственно с CRM открывает доступ к данным с информацией о клиентах, перепискам, историям заказов, что позволяет ему самостоятельно сформировать предложение и отправить его клиенту. Более того, ИИ способен не только анализировать уже имеющиеся данные, но и прогнозировать новые. Имея доступ к базе данных, хранилищу, ИИ приступает к созданию аналитической сводки, на основании которой создаёт документ, отправляемый в мессенджер. В таком сценарии использования представляется резонным наделять его статусом «электронного агента». Перечень задач, выполняемых ИИ в облачных экосистемах, обширен, вследствие чего некорректно разделять его на генеративный, аналитический и рекомендательный. Так, генеративный может быть полезен в составлении SQL-запросов, аналитический, в свою очередь, способен анализировать продажи, находить аномалии, а генеративный предлагает экономически и юридически оптимальное дальнейшее действие.

Помимо клиентов и контрагентов, предприниматель заключает договор с облачным провайдером, предоставляющим вычислительные ресурсы, программное обеспечение, хранение данных, доступ к ИИ и т.д. Облачный провайдер – это не одно конкретное физическое лицо, а целая организация, предоставляющая системы хранения данных, вычислительные ресурсы, средства информационной безопасности. Понятие облачного вычисления Gartner определяет следующим образом: «Это стиль вычислений, при котором масштабируемые и эластичные ИТ-возможности предоставляются как услуга внешним клиентам с использованием интернет-технологий» [2].

Представляется важным отметить, какое место занимает провайдер в облачной экосистеме. Выделяются три основных направления: 1) предоставление инфраструктуры, т.е. различные сети, дисковое пространство, виртуальные серверы; 2) предоставление платформы как услуги, т.е. уже готовая среда для вычислений; 3) программное обеспечение, т.е. клиент приобретает уже готовую программу.

Обобщая, работу облачного провайдера можно представить следующим образом: организация обращается к нему как к некоторой замене недостающих ресурсов (серверы, дата-центры, соответствующие специалисты для их обслуживания), весь перечень недостающих ресурсов и услуг осуществляет провайдер и размещает готовые данные в облаке.

Казалось бы, предприниматель заключает с облачным провайдером договор возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ), а в случае ненадлежащего выполнения услуг по договору заказчик в соответствии с нормами ГК РФ и Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» имеет право требовать: безвозмездного устранения, соразмерного уменьшения стоимости услуг, повторного выполнения, возмещения своих расходов, отказа от договора. Однако в начале нашего исследования не просто так был затронут вопрос о роли ИИ в облачных экосистемах.

Современные тенденции таковы, что в облачные экосистемы активно внедряются системы управления базой данных (далее – СУБД), с которыми именно ИИ взаимодействует через API [3]. СУБД представляют собой комплексную систему, позволяющую анализировать, создавать, хранить информацию, находящуюся в базе данных. Три года назад Gartner опубликовал аналитический отчёт «2023 Magic Quadrant for Cloud DBMS (CDBMS)» [2], в котором был изучен рынок аналитических и транзакционных баз данных, функционирующих в облаках. Уже тогда прослеживалась тенденция расширения перечня функций СУБД (управление данными, история данных, безопасность данных) и пролеживался потенциал взаимодействия с уже имеющимися системами.

В настоящее время СУБД обретают новый виток развития, теперь они не просто подразделяются на модели, работающие с аналитикой и транзакцией отдельно, сегодня разрабатываются модели, совмещающие в себе эти функции одновременно. Системы обладают встроенным механизмом ИИ, способным оптимизировать сложные структурированные запросы, самостоятельно прогнозировать сбои [4].

Таким образом, получая доступ к базам данных, ИИ в процессе своей деятельности начинает апеллировать корпоративными данными организации, куда входит личная информация о сотрудниках, агентах, контрагентах. В такой ситуации возникают вопросы, связанные с передачей нематериальных благ, в частности информации о частной жизни, в пользование ИИ, а также гражданско-правовой ответственности в случае правонарушений. Сложность ситуации заключается в том, что информация, предоставляемая гражданином, попадает в структуру деятельности ИИ не напрямую, а через предпринимателя, облачного провайдера, систему управления базой данных.

Необходимо разобрать, какие гражданско-правовые отношения возникают между компанией и провайдерами ИИ. Основополагающим договором в данной ситуации выступает договор на облачное оказание услуг, который по своей природе является смешанным договором возмездного оказания услуг с элементами аренды или лицензионного соглашения. Он может включать в себя точную информацию о модели сервиса, соглашение об уровне сервиса и, что не менее важно, условия обработки персональных данных и метрики потребителя. В системе B2B (business-to-business – «бизнес для бизнеса») данный договор заключается между юридическим лицом или ИП с организацией, предоставляющей услуги облачного провайдера. Важно отметить, что на этом «цепочка договоров» не заканчивается. В конечном итоге получается следующая цепочка договоров: предприниматель – облачный провайдер – провайдер СУБД – разработчик ИИ.

Возникает вопрос об определении гражданско-правовой ответственности. В первую очередь стоит упомянуть концепцию, согласно которой ответственность за системные сбои и ошибки в работе системы должны нести сотрудники, круг которых определяется корпоративным договором организации. Вследствие чего необходимо обратиться ко второй концепции, согласно которой гражданско-правовую ответственность за правонарушения, совершённые системой на базе ИИ, несёт лицо, на тот момент курировавшее её деятельность. В пример можно привести дело Ruby Lowe v. Cerner Corporation, No. 20-2270 (4th Cir. 2022) [5]. Организацией Cerner было разработано программное обеспечение для медицинского оборудования. Врачом было внесено назначение на беспрерывный контроль уровня кислорода в крови пациента, однако программа дала сбой, в результате чего пациент получил повреждение мозга. Истец предъявил требования разработчику программного обеспечения, аргументируя это тем, что система имела недочёты в проектировании. В конечном итоге апелляционный суд пришёл к выводу о множественности причин, заключив, что истец должен учитывать возможную ответственность врача или больницы. При этом немаловажен тот факт, что система обладает долей автономности, что усложнит процесс определения виновного лица. Стоит обратиться к европейскому опыту, а именно к Закону Европейского союза об ИИ (Artificial Intelligence Act, далее – AI Act) [6], где отмечается, что правовая ответственность за деятельность ИИ может быть наложена не на первоначального поставщика системы, а на дистрибьюторов или импортёров.

Для решения вопроса о гражданско-правовой ответственности следует учитывать квалификацию систем на базе ИИ, состоящую из 4 категорий:

1. Системы неприемлемого риска, которые представляют серьёзную угрозу безопасности и правам граждан. К ним относятся системы биометрической идентификации, манипулятивные системы, системы социального рейтинга.

2. Системы высокого риска, то есть программы, управляющие движением транспортных средств, использующиеся в прогностической деятельности в медицине. Они требуют строгого надзора и находятся под наибольшим контролем.

3. Системы ограниченного риска, к которым относятся чат-боты, приложения, использующие ИИ, виртуальные помощники и т.д. При их использовании тщательный надзор не требуется, однако разработчики должны убедиться, как ИИ взаимодействует с пользователями.

4. Системы минимального риска. Ими выступают программы, использующиеся для развлечений, как правило, в компьютерах для увеличения производительности в играх. Контроля они не требуют и не попадают под большинство нормативных требований, выдвигаемых Законом об ИИ.

Определение системы позволяет решать вопрос правового регулирования деятельности ИИ в облачных экосистемах. Как уже отмечалось ранее, система насчитывает множество сотрудников, так или иначе взаимодействующих с ИИ, поэтому определить конкретное лицо, виновное в правонарушении программы, вряд ли представляется возможным. Наиболее целесообразным видится наделить ИИ, использующийся в облачных экосистемах и СУБД, новым статусом программы повышенной опасности, что потребует её специальной регистрации. Таким образом, регистрируя программу, организация подтверждает, что осознаёт опасность и рискованность применения подобной системы, следовательно, по нашему мнению, в случае правового нарушения ответственность будут нести провайдеры, непосредственно работающие с ИИ, то есть провайдер облачной экосистемы и провайдер СУБД.

Необходимо дополнить п. 1 ст. 1079 ГК РФ, признав ИИ, задействованный в облачных экосистемах, источником повышенной опасности, так как его ошибки и неисправность могут привести к утечке большого количества личных данных. По нашему мнению, это необходимая мера в условиях стремительного развития и внедрения облачных сервисов в отечественные платформы [7], например, такие системы, как Yandex Cloud, VK Cloud, Cloud.ru, существуют уже более 7 лет. Системы управления базами данных, созданные Яндексом – YDB и ClickHouse, уже включают в

себя ИИ-ассистентов и MCP [4], из чего можно сделать вывод, что современные технологии ушли далеко вперёд.

Подводя итоги, считаем, что наиболее применимой моделью для правового регулирования деятельности ИИ в облачных экосистемах является риск-ориентированный подход. Суть его в том, что правила и строгость регулирования зависят от уровня риска, который несёт конкретная ИИ-система (минимальный риск, ограниченный, высокий, недопустимый), и для каждой устанавливается свой набор требований. Там, где риск минимален, правила мягче (акцент на прозрачности), а для систем высокого риска (например, в здравоохранении, управлении критической инфраструктурой, правосудии) вводятся более жёсткие нормы: обязательная оценка рисков, детальная документация, мониторинг, отчётность об инцидентах. В частности, Европейский AI Act – яркий пример риск-ориентированного подхода. Он как раз закладывает основу для регулирования ИИ, в том числе в облачных сценариях: требования к логированию, объяснимости решений, управлению рисками встраиваются в архитектуру облачных решений. Российский 243-ФЗ тоже движется в этом направлении: закон сфокусирован на больших фундаментальных моделях (от 1 млрд параметров) и сочетает стимулирующие меры с точечными требованиями безопасности и суверенитета.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, использование ИИ в облачных экосистемах порождает сложную цепочку договорных связей, в которой определение виновного лица затруднено ввиду автономности систем и множественности участников (облачный провайдер, провайдер СУБД, разработчик ИИ). Во-вторых, существующие концепции ответственности (ответственность сотрудников, ответственность курирующего лица) не в полной мере учитывают специфику облачных ИИ-систем. В-третьих, наиболее эффективным представляется риск-ориентированный подход, реализованный в AI Act и частично в российском 243-ФЗ. В-четвёртых, обоснована необходимость признания ИИ, задействованного в облачных экосистемах, источником повышенной опасности с внесением дополнений в п. 1 ст. 1079 ГК РФ, что позволит возложить ответственность на провайдеров, непосредственно работающих с ИИ.

Список литературы:

[1] Батура Т. В., Мурзин Ф. А., Семич Д. Ф. Облачные технологии: основные модели, приложения, концепции и тенденции развития // Программные продукты и системы. 2014. № 3 (107). С. 64–66.

[2] Gartner. 2023 Magic Quadrant for Cloud Database Management Systems. // Gartner. URL: https://www.gartner.com (дата обращения: 01.10.2026).

[3] Ловцов В. API от Ф до Я (теория и практика). // Хабр. URL: https://habr.com/ru/articles/768752/ (дата обращения: 01.10.2026).

[4] Skillbox Media. SQL-запросы: основные команды для управления базами данных. // Skillbox Media. URL: https://skillbox.ru/media/code/sqlzaprosy-osnovnye-komandy-dlya-upravleniya-bazami-dannykh/ (дата обращения: 01.10.2026).

[5] U.S. Court of Appeals for the Fourth Circuit. Ruby Lowe v. Cerner Corporation, No. 20-2270 (4th Cir. 2022). // United States Law :: U.S. Law :: Justia. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca4/20-2270/20-2270-2022-11-29.html (дата обращения: 02.10.2026).

[6] SentinelOne. The EU AI Act, Demystified. // SentinelOne. URL: https://www.sentinelone.com/lp/eu-ai-act-guide/ (дата обращения: 01.10.2026).

[7] Бондаренко П. ТОП-5 лучших облачных провайдеров России в 2026 году // Server Space. URL: https://serverspace.ru/about/blog/top5-cloudproviders-2026/ (дата обращения: 01.10.2026).

[8] Федеральный закон N 243-ФЗ "О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 2026. - № 30. – Ст. 4089.

References:

[1] Batura T. V., Murzin F. A., Semich D. F. Cloud Technologies: Basic Models, Applications, Concepts, and Development Trends // Software Products and Systems. 2014. No. 3 (107). pp. 64–66.

[2] Gartner. 2023 Magic Quadrant for Cloud Database Management Systems. // Gartner. URL: https://www.gartner.com (accessed: 01.10.2026).

[3] Lovtsov V. APIs from A to Z (Theory and Practice). // Habr. URL: https://habr.com/ru/articles/768752/ (accessed: 01.10.2026).

[4] Skillbox Media. SQL Queries: Basic Commands for Database Management. // Skillbox Media. URL: https://skillbox.ru/media/code/sqlzaprosy-osnovnye-komandy-dlya-upravleniya-bazami-dannykh/ (accessed: 01.10.2026).

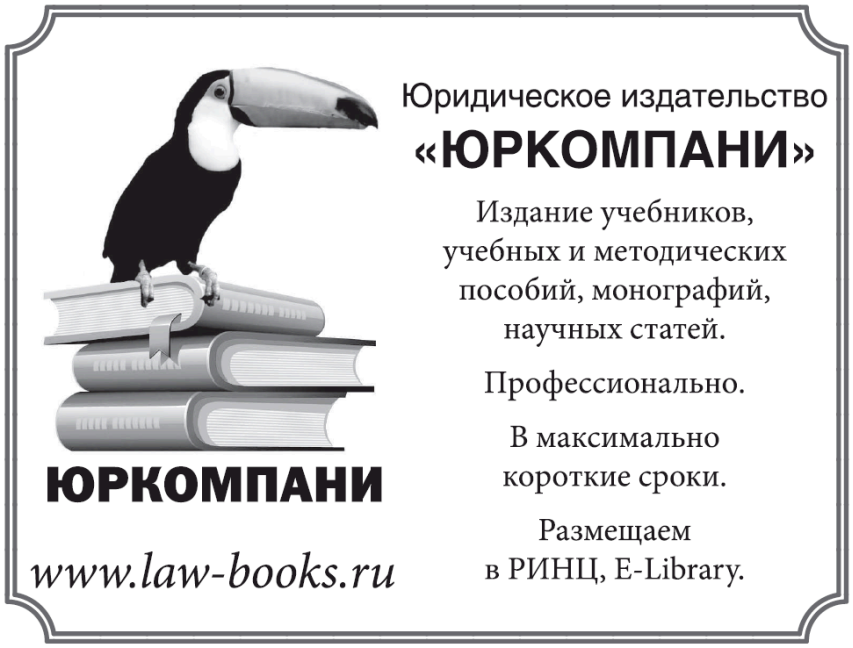
[5] U.S. Court of Appeals for the Fourth Circuit. Ruby Lowe v. Cerner Corporation, No. 20-2270 (4th Cir. 2022). // United States Law :: U.S. Law :: Justia. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca4/20-2270/20-2270-2022-11-29.html (accessed: 02.10.2026).

[6] SentinelOne. The EU AI Act, Demystified. //

SentinelOne. URL: https://www.sentinelone.com/lp/eu-ai-act-guide/ (accessed: 01.10.2026).

[7] Bondarenko P. Top 5 Best Cloud Providers in Russia in 2026 // Server Space. URL: https://serverspace.ru/about/blog/top5-cloudproviders-2026/ (accessed: 01.10.2026).

[8] Federal Law No. 243-FZ "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2026. – No. 30. – Art. 4089.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-976-982

КАРПЕНКО Мария Сергеевна,
студент магистрант,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2,
e-mail: 241170@edu.fa.ru

СМАРТ-КОНТРАКТЫ И ТОКЕНИЗАЦИЯ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования смарт-контрактов и токенизации недвижимости в Российской Федерации. Исследуется соотношение норм Гражданского кодекса Российской Федерации и специального законодательства о цифровых финансовых активах, выявляются правовые пробелы, препятствующие полноценной интеграции технологии в оборот недвижимости, формулируются предложения по совершенствованию нормативной базы. Особое внимание уделяется Концепции платформы коммерческих смарт-контрактов Центрального банка Российской Федерации и Концепции токенизации активов реального сектора Министерства финансов Российской Федерации. На основе анализа доктринальных подходов и действующего законодательства предлагается классификация правовых рисков и система мер по их минимизации.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, токенизация недвижимости, цифровые финансовые активы, цифровой рубль, правовое регулирование, государственная регистрация недвижимости.*

Для цитирования: *Карпенко М. С. Смарт-контракты и токенизация недвижимости в Российской Федерации: правовой статус, риски и перспективы регулирования // Образование и право. 2026. № 10. С. 976–982.*

KARPENKO Mariia Sergeevna,
Master's student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

SMART CONTRACTS AND REAL ESTATE TOKENIZATION IN RUSSIAN FEDERATION: LEGAL STATUS, RISKS AND REGULATORY PROSPECTS

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regulation of smart contracts and real estate tokenization in the Russian Federation. The relationship between the norms of the Civil Code of the Russian Federation and special legislation on digital financial assets is examined, legal gaps preventing the full integration of the technology into real estate circulation are identified, and proposals for improving the regulatory framework are formulated. Special attention is paid to the Concept of the Platform of Commercial Smart Contracts of the Central Bank of the Russian Federation and the Concept of Tokenization of Real Sector Assets of the Ministry of Finance of Russian Federation. Based on the analysis of doctrinal approaches and current legislation, a classification of legal risks and a system of measures for their minimization are proposed.*

Key words: *smart contract, real estate tokenization, digital financial assets, digital ruble, legal regulation, state registration of real estate.*

For citation: *Karpenko M. S. Smart contracts and real estate tokenization in Russian Federation: legal status, risks and regulatory prospects. Education and law. 2026;(10):976–982. (In Russ.).*

Введение

Цифровизация гражданского оборота затронула практически все сферы экономики, но рынок недвижимости долго оставался одним из самых консервативных сегментов с точки зрения внедрения новых технологий. Объяснение вполне очевидное: недвижимость требует государственной регистрации перехода права (статья 131 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»), а сделки с ней сопряжены с высокими рисками для участников оборота. За последние несколько лет ситуация начала заметно меняться.

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» создал первоначальную правовую основу для выпуска и обращения цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). Изменения, внесённые в Гражданский кодекс РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ, ввели в оборот категорию «цифровые права» (статья 141.1 ГК РФ), а статья 128 ГК РФ включила цифровые права в перечень объектов гражданских прав. Тогда же была закреплена возможность автоматизированного исполнения обязательств без дополнительного волеизъявления сторон (абзац 2 статьи 309 ГК РФ). В феврале 2026 года Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию токенизации активов реального сектора, разработанную Министерством финансов РФ совместно с Центральным банком РФ, а в июне 2026 года Центральный банк РФ опубликовал Концепцию платформы коммерческих смарт-контрактов. С 1 сентября 2026 года действует Федеральный закон от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», который ввёл цифровые депозитарии и разрешил учитывать цифровые права на адресах-идентификаторах. Принципиально важно, что 282-ФЗ не отменяет 259-ФЗ, а развивает и детализирует его положения: формируется двухуровневая система, в которой базовые нормы о ЦФА сохраняются, а новые институты (цифровые депозитарии, адреса-идентификаторы, четыре категории цифровых прав) наслаиваются на существующую конструкцию.

Эти нормативные акты формируют новый правовой ландшафт, в котором смарт-контракты и токенизированные активы постепенно проникают в сферу недвижимости. Однако, как показывает анализ, действующее законодательство содержит ряд пробелов и противоречий, которые препятствуют данному процессу и создают риски для участников рынка. Настоящая статья ставит задачу систематизировать эти риски и предложить пути их преодоления.

Правовой статус смарт-контракта: доктринальные подходы и нормативное закрепление

Российское законодательство не содержит легального определения смарт-контракта. Тем не менее ряд норм ГК РФ формирует правовую основу для их применения. Ключевое значение имеет абзац 2 пункта 1 статьи 309 ГК РФ, согласно которому условиями сделки может быть предусмотрено исполнение её сторонами возникающих из неё обязательств при наступлении определённых обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путём применения информационных технологий, определённых условиями сделки. Пункт 1 статьи 160 ГК РФ приравнивает письменную форму сделки к совершению лицом сделки с помощью электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки. Статья 434 ГК РФ конкретизирует, что договор в письменной форме может быть заключён путём составления одного документа, в том числе электронного.

В доктрине вопрос о правовой природе смарт-контракта остаётся дискуссионным, и позиции исследователей заметно расходятся. Часть авторов трактует смарт-контракт как договор в электронной форме. Другая группа учёных делает акцент на его технологической функции: с этой точки зрения смарт-контракт не порождает самостоятельных обязательств, а служит инструментом автоматизированного исполнения обязанностей, вытекающих из традиционного договора. В частности, Д. О. Налимов подчёркивает, что смарт-контракт выступает формой оформления и реализации договорных условий, а не обособленным видом договора [6].

Отдельного внимания заслуживает позиция А. В. Сальниковой, которая определяет смарт-контракт как алгоритм действий по обмену правами и имуществом: он обеспечивает автоматическое исполнение обязательств вне зависимости от волеизъявления должника [8]. При этом разнообразие трактовок во многом обусловлено тем, что действующее законодательство не закрепляет единого понятия «смарт-контракта», а норма абзаца 2 статьи 309 ГК РФ лишь допускает автоматизированное исполнение, не раскрывая его правовой конструкции.

Пожалуй, наиболее приемлемой для российского правопорядка является модель, при которой смарт-контракт выступает способом автома-

тизированного исполнения обязательств, возникающих из традиционного договора. Эта модель позволяет сочетать скорость и надёжность автоматизации с гибкостью классического договорного права. Как справедливо отмечается в литературе, заключение договора только в форме программного кода может повлечь признание его незаключённым, поскольку не позволяет достоверно установить волю сторон в случае спора [1].

Обращает на себя внимание подход Центрального Банка РФ, изложенный в Концепции платформы коммерческих смарт-контрактов (далее – ПКСК), опубликованной в июне 2026 года. Документ определяет смарт-контракт как программу, которая автоматически выполняет условия договора при наступлении заранее определённых событий. Концепция предполагает, что ПКСК станет отдельным компонентом платформы цифрового рубля, а на первом этапе оператором выступит сам Центральный банк РФ. Участники рынка (банки, технологические компании) смогут разрабатывать собственные смарт-контракты и размещать их в специальной витрине после проверки проверяющими организациями. По состоянию на 1 июня 2026 года на платформе цифрового рубля уже функционирует 37 400 смарт-контрактов. Среди потенциальных сценариев использования Концепция прямо называет резервирование денег покупателя недвижимости до появления записи о новом собственнике в государственном реестре [3].

Принципиальная особенность российской модели состоит в том, что смарт-контракт не заменяет договор. Даже при автоматическом исполнении сделка опирается на обычную юридическую конструкцию: условия обязательства, порядок подтверждения события, правила ответственности и механизм разрешения споров. В этом проявляется отличие российского подхода от классической блокчейн-модели, где смарт-контракт рассматривается как самостоятельное децентрализованное соглашение. Российский законодатель пошёл по пути интеграции технологии в существующую правовую систему, а не создания параллельного правопорядка.

Вместе с тем отсутствие легального определения порождает неопределённость. В правоприменительной практике смарт-контракт рассматривается не как самостоятельный институт, а как технологический инструмент [9]. Это создаёт трудности при разрешении споров: если код сработал не так, как стороны понимали свою сделку, суду приходится квалифицировать отношения, опираясь на общие нормы об обязательствах, не учитывающие специфику автоматизированного исполнения.

Интерес в этом контексте представляет Модельный закон о цифровых правах, принятый Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ (далее – МПА СНГ) (постановление № 55-12 от 14 апреля 2023 года). Статья 3 этого документа определяет смарт-контракт как «основанный на заранее сформированном алгоритме действий способ заключения соглашения, позволяющий автоматически обеспечить и исполнить обязательство в информационной системе, а в случаях, установленных в правилах информационной системы, также разрешить возникший спор, установить юридические факты или совершить иные действия» [5]. Примечательно, что статья 16 Модельного закона содержит положение об ответственности оператора информационной системы перед пользователями независимо от вины. Хотя этот документ носит рекомендательный характер и не имеет обязательной силы для Российской Федерации, он задаёт ориентир, к которому может двигаться отечественный законодатель при формировании норм об ответственности участников экосистемы смарт-контрактов.

Токенизация недвижимости: правовые модели и ограничения

В современной правовой литературе термин «токенизация» употребляется в разных значениях, что создаёт терминологическую неопределённость. Под токенизацией недвижимости понимается преобразование имущественных прав на объект в цифровую форму с использованием технологии распределённых реестров, при котором запись в информационной системе (токен) удостоверяет определённое право владельца [2]. Согласно п. 15 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, удостоверяющие денежные требования, права из эмиссионных ценных бумаг, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать предоставления эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых прав и изначально возникли в качестве цифровых прав. При этом принципиально важно разграничивать два правовых режима: вещное право собственности, подлежащее государственной регистрации в едином государственно реестре недвижимости (далее – ЕГРН), и цифровое право (токен), удостоверяющее, как правило, обязательственное право требования к эмитенту. Сам по себе токен не является вещным правом и не заменяет запись в государственном реестре – это различие лежит в основе всех последующих правовых ограничений.

Как отмечает М. М. Панарина, на практике это разграничение часто не осознаётся инвесто-

рами: при приобретении токенов на недвижимость на специализированных площадках у обладателя может складываться обманчивое впечатление о приобретении права собственности на жилое помещение, тогда как на деле он получает лишь обязательственное право требования к эмитенту [7]. Поскольку токен удостоверяет не вещное, а обязательственное право, в случае банкротства эмитента или оператора его обладатель занимает положение обычного кредитора: токены не приравниваются к залогу и не дают преимущественного права на удовлетворение требований за счёт объекта недвижимости.

Исследование правового режима цифровых прав на недвижимость показывает, что российский правопорядок, в отличие от некоторых зарубежных юрисдикций, не позволяет инвестору приобретать вещные права на объект через токен, ограничиваясь обязательственными правами требования к эмитенту [2]. Это принципиальное ограничение, обусловленное самой конструкцией российской системы государственной регистрации прав. Именно эта логика лежит в основе подходов, закреплённых в актуальной регуляторной повестке: в феврале 2026 года Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию токенизации активов реального сектора, разработанную Минфином России совместно с Банком России [4]. Документ вводит понятие «цифрового титула», то есть правовой финальности записи, которая определяет, какая именно запись признаётся титульной при возникновении споров, арестов, банкротств и взысканий. Для имущественных прав Концепция прямо требует внешней верификации: описание объекта, проверку обременений, подтверждение полномочий отчуждателя и доступ к государственным источникам данных [4].

При этом принципиально, что недвижимость в перечень активов для первоочередной токенизации не вошла именно потому, что сделки с ней подлежат государственной регистрации. На ближайшую перспективу прямая токенизация права собственности остаётся за пределами правового поля. Однако сама логика документа, с его акцентом на внешний верификатор и правовую финальность записи, создаёт методологическую базу, на которую можно опереться, если в будущем вопрос расширят.

Правовые риски

Главный системный риск состоит в том, что смарт-контракт не имеет легального определения ни в ГК РФ, ни в специальном законодательстве. Статья 309 ГК РФ закрепляет принцип автоматизированного исполнения, но не использует термин «смарт-контракт». Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» регулирует цифровые права, но не определяет правовой статус алгоритма, обеспечивающего их исполнение. Отсутствие легального определения создаёт трудности при квалификации отношений в судебном процессе. Если стороны заключили сделку с использованием программного кода и одна из сторон оспаривает исполнение, суд должен определить, какое именно волеизъявление сторон имело место и какие нормы применять.

Для исполнения смарт-контракта необходим внешний источник данных, который подтверждает наступление определённого события. В технической терминологии такие источники называются оракулами. Применительно к недвижимости оракулом может выступать запись в ЕГРН о регистрации перехода права собственности. Концепция ПКСК Банка России предусматривает три вида источников внешних данных: доверенные поставщики, открытые источники информации и иные источники [3].

Проблема состоит в том, что в случае передачи оракулом некорректных данных (например, запись в реестре внесена ошибочно или в результате мошеннических действий), смарт-контракт автоматически исполнится на их основании. Стороны не смогут приостановить исполнение, поскольку в классической блокчейн-модели код не предусматривает механизма экстренной приостановки либо иного способа блокирования операций. В научной литературе отмечается, что для изменения условий смарт-контракта необходимо заранее закодировать условие, в соответствии с которым он будет обращаться к внешней информации; техническое изменение условий не происходит, но процесс исполнения обязательств может меняться в зависимости от полученных данных [1].

Применительно к недвижимости этот риск особенно серьёзен. Запись в ЕГРН может быть оспорена в судебном порядке, но смарт-контракт, уже исполненный на основании этой записи, отменить технически невозможно без специальных механизмов. Возникает ситуация, когда юридическое основание исполнения отпало, а его последствия сохраняются.

Если смарт-контракт исполнен с ошибкой (разработчик допустил неточность в программном коде, которая привела к неправильному исполнению обязательства), возникает вопрос о распределении ответственности. Кто должен возмещать убытки: разработчик кода, проверяющая организация, оператор платформы или стороны сделки?

Концепция ПКСК Банка России описывает модель платформы, но не содержит окончательного решения вопроса об ответственности участников. Документ лишь обозначает риски: высокую

нагрузку на инфраструктуру из-за неоптимального кода, размещение контрактов с уязвимостями недобросовестными разработчиками, ошибки в коде или сбои подключённых источников данных [3]. До принятия итоговой модели нельзя считать, что платформа автоматически решит проблему споров и убытков.

При токенизации недвижимости права фиксируются в двух несинхронизированных системах учёта: право собственности на объект зарегистрировано в ЕГРН, а права инвесторов (обязательственные требования к эмитенту) учитываются в информационной системе оператора ЦФА. Если собственник объекта меняется в результате сделки, судебного решения или наследования, это не отражается автоматически на статусе токенов. И наоборот, передача токенов от одного инвестора к другому не влияет на запись в ЕГРН.

Анализ зарубежного опыта показывает три модели токенизации недвижимости: прямую (токен закрепляет вещное право), косвенную (токен представляет финансовый инструмент, обеспеченный недвижимостью) и модель ограниченных токенов (цифровой двойник, фиксирующий ограниченный набор прав) [2]. В Российской Федерации, по существу, используется косвенная модель, но без чёткого законодательного закрепления механизма связи между токеном и базовым активом. Это создаёт правовую неопределённость для инвесторов, которые не всегда понимают, что именно они приобретают.

Направления совершенствования правового регулирования

Первым и необходимым шагом должно стать закрепление в ГК РФ легального определения смарт-контракта. Речь идёт не о введении нового вида договора, а о фиксации смарт-контракта как способа автоматизированного исполнения обязательств, возникающих из сделки, заключённой в письменной (в том числе электронной) форме. Такой подход соответствует логике абзаца 2 статьи 309 ГК РФ и не вступает в противоречие с принципом свободы договора (статья 421 ГК РФ). Определение должно содержать указание на ключевые признаки: наличие алгоритма, автоматический характер исполнения, зависимость от внешних данных и возможность оспаривания результатов исполнения в судебном порядке. Без этого пункта правовое регулирование останется фрагментарным, а суды будут вынуждены каждый раз квалифицировать отношения с нуля.

Второе направление связано с устранением проблемы двойного контура прав. Необходимо создать механизм синхронизации между информационной системой оператора ЦФА и ЕГРН. При изменении записи о праве собственности в ЕГРН информация должна автоматически передаваться в информационную систему, где учитываются токены, обеспеченные данным объектом недвижимости. Это потребует внесения изменений в Федеральный закон № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах». Концепция токенизации активов реального сектора Минфина России прямо указывает на необходимость «привязки токена к праву и активу» и требует внешней верификации с доступом к государственным источникам данных. Этот принцип должен быть закреплён на законодательном уровне, а не оставаться в рамках концептуального документа.

Третий блок вопросов касается распределения ответственности. Концепция ПКСК Банка России предусматривает проверку смарт-контрактов перед публикацией, но не устанавливает ответственности проверяющих организаций за пропуск уязвимостей. Целесообразно ввести презумпцию ответственности разработчика за ошибки в коде, если не доказано, что ошибка возникла вследствие действий сторон или внешних факторов, не зависящих от разработчика. Проверяющая организация должна нести ответственность за ненадлежащую проверку, но в ограниченных пределах, чтобы не снижать мотивацию к участию в процессе верификации. Модельный закон о цифровых правах МПА СНГ, как уже отмечалось, закрепляет ответственность оператора независимо от вины. Этот подход заслуживает внимания, хотя переносить его в российское законодательство следует с осторожностью, учитывая специфику национальной системы.

Четвёртое направление – расширение экспериментального правового режима (далее – ЭПР) в сфере цифровых инноваций на сделки с недвижимостью, обеспеченные смарт-контрактами. В рамках ЭПР можно протестировать интеграцию смарт-контрактов с ЕГРН, механизм использования цифрового рубля для расчётов по сделкам с недвижимостью и процедуру оспаривания сделок, исполненных с помощью смарт-контрактов. Позитивный опыт ЭПР в других сферах показывает, что такая модель позволяет выявить правовые пробелы до их закрепления в постоянном законодательстве. Применительно к недвижимости ЭПР мог бы действовать на ограниченном круге объектов, например, на вновь возводимых жилых комплексах, где правообладатели ещё не сложились и риски нарушения их интересов минимальны.

Наконец, пятое направление – интеграция смарт-контрактов с платформой цифрового рубля и механизмом эскроу. Концепция ПКСК Банка

России прямо предусматривает сценарий, при котором покупатель недвижимости резервирует средства до появления записи о новом собственнике в государственном реестре. Для реализации этого сценария необходимо устранить действующие ограничения. Лимит операций с цифровым рублём, установленный Банком России, может быть недостаточным для сделок с недвижимостью. Кроме того, действующее законодательство не предусматривает эскроу в цифровых рублях применительно к сделкам с недвижимостью. Внедрение такого механизма позволило бы объединить расчёты и регистрацию перехода права в едином автоматизированном процессе, что существенно снизило бы риски для сторон и сократило бы сроки проведения сделок.

Заключение

Анализ действующего законодательства и доктринальных подходов приводит к выводу, что правовое регулирование смарт-контрактов и токенизации недвижимости в России находится на этапе становления. Базовые нормы ГК РФ (статьи 128, 131, 141.1, 160, 309, 421, 434) и Федерального закона № 259-ФЗ создают правовую основу, но не образуют завершённой системы. Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов Банка России и Концепция токенизации активов реального сектора Минфина России задают вектор развития, но остаются на уровне программных документов.

Реализация предложенных мер позволит не просто легализовать технологию, но и встроить её в правовую систему таким образом, чтобы автоматизация не снижала, а повышала уровень защиты прав участников оборота недвижимости. Технология ускоряет процессы, но экономический и правовой эффект определяется качеством нормативной базы, а не совершенством программного кода. Пока же наблюдается характерная для переходного периода ситуация: технологии развиваются быстрее права, концепции опережают законы, а участники рынка вынуждены действовать в условиях правовой неопределённости, принимая на себя риски, которые в устоявшейся правовой системе несло бы государство.

Список литературы:

[1] Дашин, А. В. Смарт-контракты как новая форма исполнения обязательств: проблемы правового регулирования / А. В. Дашин, Г. А. Сальников // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 108-109.

[2] Комбарова, Е. И. Правовые аспекты токенизации недвижимости: опыт других стран / Е. И. Комбарова // Юридический вестник Самарского университета. – 2026. – № 2. – С. 49-57.

[3] Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов : [документ на официальном сайте] // Центральный банк Российской Федерации. – Москва, июнь 2026. – URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 30.09.2026).

[4] Концепция токенизации активов реального сектора : утверждена Правительством Российской Федерации 11 февраля 2026 года / Министерство финансов Российской Федерации. – Москва, 2026.

[5] Модельный закон «О цифровых правах» : принят на пятьдесят пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 55-12 от 14 апреля 2023 г., г. Санкт-Петербург) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. – 2023. – № 78 (часть 2).

[6] Налимов, Д. О. Смарт-контракт как предмет правового регулирования в России / Д. О. Налимов // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 7. – С. 258-266.

[7] Панарина, М. М. Токенизация недвижимости: новые формы инвестирования и сопутствующие правовые риски / М. М. Панарина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 10. – С. 69-73.

[8] Сальникова, А. В. Правовое регулирование заключения смарт-контрактов / А. В. Сальникова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – № 2(30). – С. 13-15.

[9] Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 78-105.

References:

[1] Dashin, A. V., & Salnikov, G. A. (2025). Smart contracts as a new form of obligation fulfillment: Issues of legal regulation. *Law and State: Theory and Practice*, (6), 108–109.

[2] Kombarova, E. I. (2026). Legal aspects of real estate tokenization: The experience of other countries. *Legal Bulletin of Samara University*, (2), 49–57.

[3] Concept for a commercial smart contract platform [Document on the official website]. Central Bank of the Russian Federation. Moscow, June 2026. URL: https://www.cbr.ru/ (accessed September 30, 2026).

[4] Concept for the tokenization of real-sector assets. Approved by the Government of the Russian Federation on February 11, 2026. Ministry of Finance of the Russian Federation. Moscow, 2026.

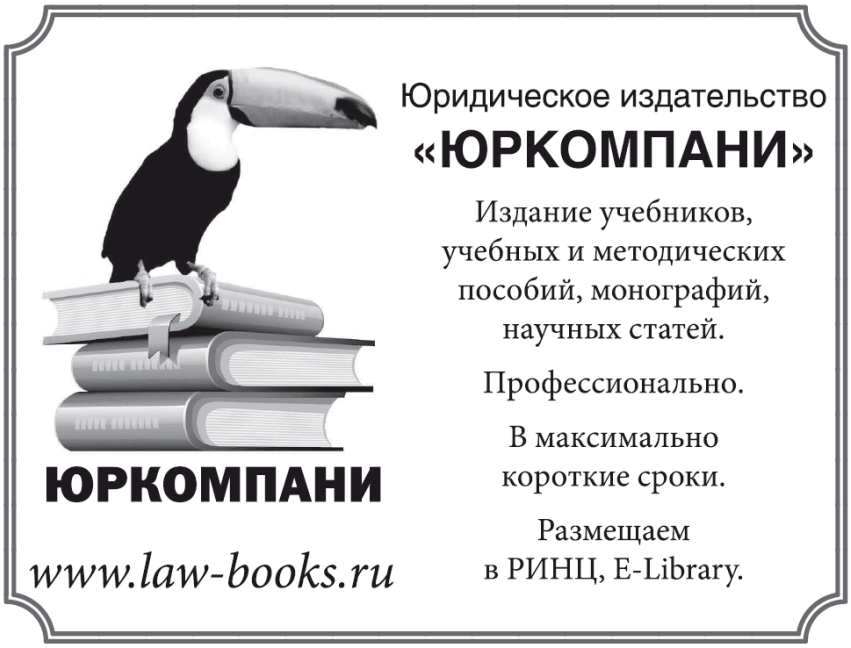
[5] Model Law "On Digital Rights." Adopted at the 55th plenary session of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States (Resolution No. 55-12, April 14, 2023, St. Petersburg). *Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States*, (78), Part 2, 2023.

[6] Nalimov, D. O. The smart contract as a subject of legal regulation in Russia. *Issues of Russian Justice*. – 2020. – No. 7. – pp. 258–266.

[7] Panarina, M. M. Tokenization of Real Estate: New Forms of Investment and Associated Legal Risks / M. M. Panarina // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2025. – No. 10. – pp. 69–73.

[8] Salnikova, A. V. Legal Regulation of the Conclusion of Smart Contracts / A. V. Salnikova // Bulletin of Penza State University. – 2020. – No. 2(30). – pp. 13–15.

[9] A Comparative Analysis of Doctrinal Concepts Regarding the Legal Regulation of Smart Contracts in Russia and Foreign Countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – No. 4. – pp. 78–105.



Дата поступления рукописи в редакцию: 24.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-983-986

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
тел.: 8 - 960-233-80-64,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДАХ И СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *Автор в своей научной статье проводит анализ регулярность распространения экстремистских материалов в информационном пространстве и вызванные этими явлениями, меры противодействия принимаемые в своей деятельности сотрудниками оперативных и следственных подразделений по их своевременному обнаружению и устранению.*

Ключевые слова: *информация, противодействие, закон, полиция, пропаганда, идеология, ответственность, интернет, профилактика, сеть.*

Для цитирования: *Бровкин Д. В. К вопросу о технологических методах и средствах противодействия и нейтрализации деструктивного контента в цифровой среде // Образование и право. 2026. № 10. С. 983–986.*

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
Associate Professor, Department of Specialized and Automotive Equipment,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law)

ON THE ISSUE OF TECHNOLOGICAL METHODS AND MEANS OF COUNTERING AND NEUTRALIZING DESTRUCTIVE CONTENT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *In his scientific article, the author analyzes the regularity of the spread of extremist materials in the information space and the counteraction measures taken in their activities by the staff of operational and investigative units to detect and eliminate them in a timely manner.*

Key words: *information, counteraction, law, police, propaganda, ideology, responsibility, Internet, prevention, network.*

For citation: *Brovkin D. V. On the issue of technological methods and means of countering and neutralizing destructive content in the digital environment. Education and law. 2026;(10):983–986. (In Russ.).*

Пропаганда противоправной идеологии в кратчайшие сроки формируют психологический портрет собеседника, вступившего в общение с ними на форуме, чате или мессенджере. Затем к потенциальному вербуемому находят индивидуальный подход и устанавливают возможные способы его применения в рамках деятельности экстремистской организации и определенный контингент, совершенно даже не замечая этого, оказываются вовлеченными в преступную деятельность и в большей его численности, это молодежь и в силу их возраста характерен юношеский максимализм, чем часто пользуются экстремистские силы, устремляя подростка в деструктивное русло радикализма.

Распространение и внедрение террористической и экстремистской идеологии происходит достаточно быстро и хотя назвать точное число сайтов, связанных с террористическими организациями, в наше время довольно трудно в связи с

тем, что отследить личные страницы и аккаунты пользователей, занимающихся вербовкой молодых людей, бывает сложно по рядам причин, эта цифра все равно остается огромной.

Поскольку отсутствует прямой контакт между экстремистами и пользователями социальных платформ, преступниками могут без ограничений использоваться все необходимые инструменты манипулятивной техники, с помощью которой обеспечивается неосознанность действий большинства вовлекаемых, их непонимание своего участия в экстремистской деятельности.

Завербованный привлекается к определенному виду противоправной деятельности и применяются манипуляции направленные в привлечении внимания и возбуждении интереса к размещенной информации,

После того, как контакт с объектом установлен, в целях его закрепления активно применяются специальные коммуникативные способы воздействия, включающего логико-психологические и организационные техники.

Это может быть персональное обращение, которое составлено с учетом выявленных на предыдущем этапе психологических особенностей вербуемого, в его начале присутствуют открытый протест и заявления сепаратистского характера, основанные на собственной трактовке произошедших исторических и политических событий, затем приводится уличение правительственных структур в масштабной недостоверной информации и изложение собственной версии происходящего, дискредитирующей официальную власть и направленного на конкретные противоправные действия против личности и государственных структур для установления справедливости.

В целях противодействия влиянию и новейшим информационным и технологическим возможностям и ресурсам, активно применяющимся экстремистскими организациями и радикальными группировками, государство на современном этапе должно уметь применять эффективные методы ведения контрпропаганды в сети Интернет и действовать не только в режиме реакции на действия экстремистов, но и на опережение.

Однако в данной проблеме не все так просто, как может показаться , потому что серьезность проблемы заключается в том, что у общественности есть опасения на счет использования на территории Российской Федерации новых законопроектов чиновниками в качестве средства по борьбе с невыгодными им людьми, поскольку в различных регионах России аргументированная критика местных властей, обоснованная реальными фактами, а сроки уголовной ответственности, назначающаяся тем, кто высказал это недовольство, иногда используется как средство борьбы с определенными гражданами.

Безусловно, понятно, что в борьбе с информационным терроризмом помимо юридических мер должно быть еще что-то, что помогло бы в решении данной проблемы, даже, несмотря на адекватность и эффективность принятых нормативных актов, поскольку в настоящее время при нынешних событиях Российская Федерация сталкивается не только с отдельными аморальными экстремистскими террористическими организациями, а с государством, которое, будучи поддерживаемым в своем антироссийском настрое, несущем в себе и ультранационалистические и террористические идеологии, а также использующие активные действия, обладает чрезвычайно мощными возможностями пропагандировать подобный настрой в средствах массовой информации и информационном пространстве.

Для начала следует вызвать интерес у основных возрастных групп пользователей сети Интернет, а именно – молодежи и пожилых людей, необходимо задействовать их в борьбе с экстремисткой идеологией и представителей различных религиозных конфессий, чтобы молодежь соблюдала уважение к представителям традиционных религий и самим традиционным религиям в целом, путем обращения к гражданам и доведении правильных и истинных ценностей и озвучат свою позицию в отношении терроризма, национализма и экстремизма, их идеологии.

Истинная социальная цель в антитеррористической борьбе и в борьбе с экстремизмом заключается, в первую очередь, в формировании сопротивления, отрицания и ярого осуждения этой идеологии в обществе, а в особенности среди молодого населения.

Причина появления новых проблем в настоящее время – появление и развитие сети Интернет, создание различных социальных сетей и технологий. Новая и глобальная проблема, которая непосредственно связана с данным развитием технологий - распространение экстремистов, их идеологии, целей и движений в сети. Экстремисты - это отдельные лица, группы и организации, придерживающиеся крайних взглядов, позиций и мер в общественной деятельности, стремящиеся к созданию «идеального» государства на месте ныне существующего, с его новыми устоями, более безопасного и благополучного.

В настоящее время сеть Интернет стала подходящей платформой для распространения отдельных идей среди широкой аудитории. По результатам проведенных исследований выявлено, что на протяжении нескольких последних лет

в сети значительно увеличилось количество экстремистского контента, что не может не вызвать серьезную обеспокоенность правоохранительных органов и экспертов в области кибербезопасности в том числе и для того, чтобы эффективно выявлять и устранять экстремистский контент, важно знать два метода его распространения в сети Интернет: открытые и закрытые.

Эффективное выявление и борьба с распространением экстремистских материалов в сети Интернет требует применения различных методов и технологий, так что использование алгоритмов машинного обучения, искусственного интеллекта, для автоматического сканирования контента открытых платформ может помочь выявить подозрительный контент и предотвратить его дальнейшее распространение.

Административно-территориальная и юрисдикционная деятельность ОВД является очень важным фактором в их работе. Это важно в первую очередь из-за большого количества административных нарушений, совершенных за всю историю противоправной деятельности. Эксперты по административному праву отмечают также и то, что одна из причин, по которой они придают большое значение административно-правовой деятельности правоохранительных органов, заключается в сокращении сферы надзора в Уголовном кодексе Российской Федерации.

В заключении проведенного исследования, целесообразно отметить, что в решении исследованной проблемы, для достижения поставленной задачи важно участие и государства в целом и практический всех общественно-политических институтов, в том числе необходимость разработки различных согласованных и совместных мер, включая правовые, экономические, образовательно-пропагандитские и воспитательные.

Кроме того, государство и социум в целом, должны не только заботиться о безопасности страны и граждан, для дальнейшего перспективного развития будущего его социального общества, но и формировать и в полной мере внедрять и реализовывать различные эффективные способы и средства для противодействия и предотвращения преступлений террористического и экстремистского характера и прикладывать свои усилия и возможности для обеспечения надежной защиты и безопасности молодежи, подростков от негативного воздействия на их подсознание экстремистской и террористическая пропаганды.

В том числе необходимо воспитать в сердцах молодежи патриотизм к своей стране, формировать иммунитет и отвращение к нацистской идеологии, бытующей в мировом обществе и недопущения вовлечения в их пространство.

Список литературы:

[1] Экстремизм представлен в основном возрастной группой. Молодежный экстремизм как одна из наиболее актуальных социально – политических проблем в России. // Not-Not. URL: https://not-not.ru/eda/ekstremizm-predstavlen-v-osnovnom-vozrastnoigruppoi.html (дата обращения: 12.05.2024).

[2] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ от 28 нояб. 2014г. № Пр-2753) // Правовая база. URL: http://www.scrf.gov.ru (дата обращения: 12.05.2024).

[3] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 10.04.2024).

[4] Панасенко В.Н. Экстремизм в подростково-молодежной среде: объективные и субъективные причины /В.Н. Панасенко // В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: С.А. Буткевич, И А. Петрожицкая, А.В. Гончарова [и др.], под общей редакцией С.А. Буткевича. Краснодар, 2022. С. 230-234.

[5] Харитонова А.Д. Экстремизм в молодежной среде: причины и угрозы в современном мире / А.Д. Харитонова // В сборнике: XXXV международные плехановские чтения. Сборник статей участников. В 4-х томах. - 2022. - С. 324-328.

[6] Кобец П.Н. Противодействие молодежному экстремизму: опыт и проблемы /П.Н. Кобец, К.А. Краснова // В сборнике: Вектор развития криминологии в XXI веке. Материалы всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Российской криминологической ассоциации. Владимир – Суздаль, 2022. - С. 229-238.

[7] Арамисов А.А. международный терроризм и экстремизм: тенденции развития и опыт противодействия сотрудников ОВД Российской Федерации Евразийский юридический журнал. 2025. - № 7 (206). - С.494-495.

References:

[1] Extremism is primarily associated with a specific age group. Youth extremism as one of the most pressing socio-political issues in Russia. // Not-Not. URL: https://not-not.ru/eda/ekstremizm-predstavlen-v-osnovnom-vozrastnoigruppoi.html (accessed: May 12, 2024).

[2] Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025 (approved by the President of the Russian Federation on Nov. 28, 2014,

No. Pr-2753) // Legal Database. URL: http://www.scrf.gov.ru (accessed: May 12, 2024).

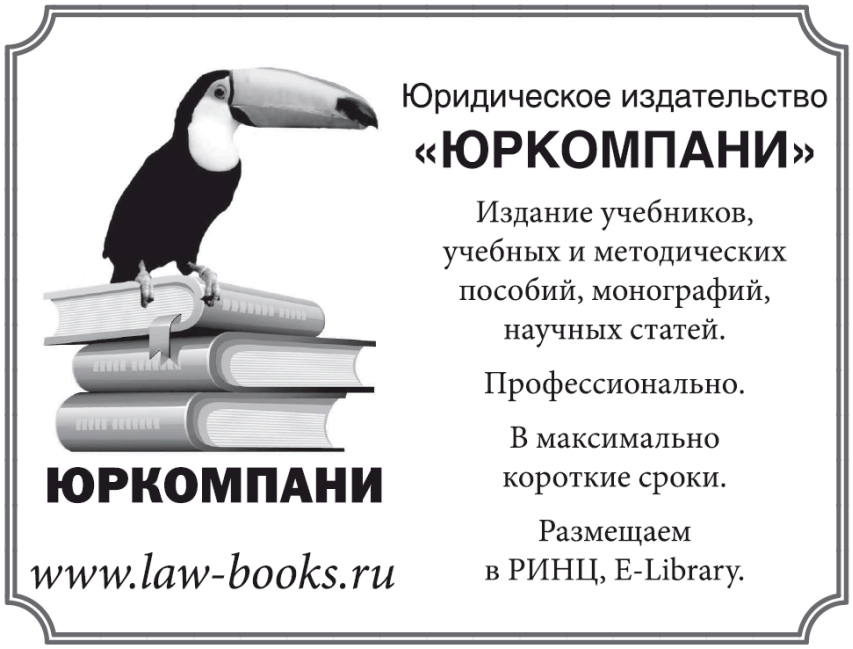
[3] On Countering Extremist Activity: Federal Law of July 25, 2002, No. 114-FZ // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (accessed: April 10, 2024).

[4] Panasenko V.N. Extremism among adolescents and youth: objective and subjective causes / V.N. Panasenko // In the collection: Ensuring Public Safety and Countering Crime: Tasks, Challenges, and Prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Editorial Board: S.A. Butkevich, I.A. Petrozhitskaya, A.V. Goncharova [et al.]; edited by S.A. Butkevich. Krasnodar, 2022. pp. 230–234.

[5] Kharitonova A.D. Extremism Among Youth: Causes and Threats in the Modern World / A. D. Kharitonova // In: XXXV International Plekhanov Readings: Collection of Participants' Papers. In 4 volumes. – 2022. – pp. 324–328.

[6] Kobets P. N., Krasnova K. A. Countering Youth Extremism: Experience and Challenges // In: The Development Vector of Criminology in the 21st Century: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Russian Criminological Association. Vladimir–Suzdal, 2022. – pp. 229–238.

[7] Aramisov A. A. International Terrorism and Extremism: Development Trends and the Experience of Law Enforcement Officers of the Russian Federation in Countering Them // Eurasian Law Journal. – 2025. – No. 7 (206). – pp. 494–495.



ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-987-993
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

АЛЕКСАНДРОВ Илья Андреевич,
Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия,
тел.: 8(8482)44-93-95,
e-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

ИВАНОВ Александр Александрович,
Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия,
тел.: 8(8482)44-93-95,
e-mail: ale_iv@mail.ru

ПОЗИТИВНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ НАЛОГ

Аннотация. *В данной статье рассматривается ряд вопросов, которые касаются экологического налогообложения. Актуальность исследования обусловлена ролью экологической функции государства в современном мире и важностью надлежащего финансового обеспечения экологической безопасности. При проведении исследования использовались как общенаучные методы, так и частноправовые методы. В том числе важную роль играет формально-юридический метод, который позволяет детальнее прояснить разнообразные формулировки соответствующих нормативных положений. В ходе данного исследования дается общая характеристика понятий «позитивная экологическая ответственность» и «экологический налог», а также затрагиваются вопросы, касающиеся соотношения экологического налога с рядом неналоговых платежей, в том числе с платой за негативное воздействие на окружающую среду.*

Ключевые слова: *экологический налог, позитивная экологическая ответственность, экологическая безопасность, окружающая среда, Российская Федерация.*

Для цитирования: *Александров И. А., Иванов А. А. Позитивная экологическая ответственность и экологический налог // Образование и право. 2026. № 10. С. 987–993.*

ALEXANDROV Ilya Andreevich,
Togliatty State University,
Togliatty, Russia

IVANOV Alexandr Alexandrovich,
Togliatty State University,
Togliatty, Russia

POSITIVE ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY AND ENVIRONMENTAL TAX

Annotation. *This article discusses a number of issues related to environmental taxation. The relevance of this research is due to the role of the state's environmental function in the modern world and the importance of proper financial support for environmental security. Both general scientific methods and special legal methods are used. In addition, the formal-legal method plays an important role, as it allows for a more detailed clarification of the various formulations of relevant normative legal acts. This research provides a general description of the concepts of "positive environmental responsibility" and "environmental tax", and affects issues related to correlation environmental tax and a number of non-tax payments, including the payment for negative environmental impact.*

Key words: *environmental tax, positive environmental responsibility, environmental safety, environment, Russian Federation.*

For citation: *Alexandrov I. A., Ivanov A. A. Positive environmental responsibility and environmental tax. Education and law. 2026;(10):987–993. (In Russ.).*

Введение

Говоря о сохранении и восстановлении различных природных систем как об одной из основных функций современного правового и социального государства, представляется актуальным затронуть вопрос реализации позитивной экологической ответственности в контексте экологического налогообложения. В настоящее время в Налоговом кодексе РФ нет такого понятия, как «экологический налог», но при этом существуют налоги, а также некоторые другие платежи, которые можно было бы отнести к названной категории. Соответственно, целью данной работы является оценка возможности введения в законодательство о налогах и сборах категории «экологический налог» и его влияния на социально ответственное поведение в рамках экологических правоотношений.

В рассматриваемой области можно встретить разноплановые научные исследования, которые касаются тех или иных аспектов экологического налогообложения и соответствующей ответственности. Например, И.А. Алешкова, Г.Н. Семенова, А.И. Серкова в своих работах затрагивают вопросы введения экологических налогов в зарубежных государствах, в частности, в Швеции, Канаде, Франции, Германии, странах ЕАЭС [1; 2; 3]. О классификациях экологических налогов и сборов по различным критериям, помимо прочего, речь идет в статьях Т.Р. Балабашиной, А.А. Беловой, А.Р. Есиной, Л.С. Самоделко [4; 5]. Последняя из вышеназванных авторов совместно с М.В. Карп также уделяет определенное внимание принципам и функциям экологического налогообложения (например, «загрязнитель платит», «бюджетная нейтральность») [6]. Н.М. Бобошко обращается к небезынтересному вопросу о роли экологического налога в обеспечении экологической безопасности [7]. Варианты определений понятий «природная рента» и «экологический налог» упоминаются Л.В. Иванченковой [8]. Ряд проблем, связанных с платой за негативное воздействие на окружающую среду, в том числе с приданием данному платежу целевого характера, рассматривается Е.В. Марьиным [9]. В свою очередь, различные предложения, касающиеся трансформации платы за негативное воздействие на окружающую среду в экологический налог, излагаются М.О. Ивановым [10].

Применительно к вопросу о позитивной экологической ответственности определенный интерес представляют исследования Е.Я. Виттенберга, в том числе рассматривающего социальную ответственность российского бизнеса в контексте уплаты налогов [11]. Т.Ф. Тарасова, А.В. Жосан, В.Я. Башкатова наряду с экономической, социально-трудовой и нормативно-правовой обращают внимание на экологическую составляющую социальной ответственности предприятий [12]. Ю.Н. Зеленов, О.В. Косолапов также затрагивают экологическую ответственность недропользователей, социально ответственный подход к освоению недр [13].

Основная часть

Позитивную юридическую ответственность, в частности, экологическую, обобщенно можно охарактеризовать как обеспеченную государством правовую обязанность тех или иных субъектов по соблюдению требований юридических норм, которая реализуется в правомерном поведении, влекущем одобрение, поощрение. При этом формирование социально ответственного подхода к использованию природных ресурсов требует поддержки как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества [13, с. 96]. Представляется, что проецирование идеи позитивной юридической ответственности на область экологического налогообложения позволяет раскрыть довольно специфическую правовую природу экологического налога, которая существенным образом отличается от иных налогов, а также сборов или штрафов. Говоря о выделении позитивного и негативного аспектов юридической ответственности (хотя и не все исследователи согласны с выделением аспекта «ответственности за будущее поведение»), также уместно отметить границу между этими двумя аспектами. Так, негативная ответственность в сфере природоохраны требует, чтобы к лицу, причинившему вред окружающей среде, были применены определенные меры юридического воздействия, которые, как правило, носят имущественный характер (штраф, компенсация ущерба). Соответственно, совершение конкретных противоправных деяний в такой ситуации оценивается государством как недопустимое.

В свою очередь, в рамках позитивной ответственности мы сталкиваемся с ситуацией, когда прямого запрета осуществлять соответствующую деятельность нет, однако данная деятельность объективно сопряжена с воздействием на природу, что предполагает обязанность субъектов этой деятельности с самого начала включать экологические издержки в свои расчеты. Таким образом,

экологический налог расценивается как легализованная, нормативно закрепленная форма принятия на себя бремени за негативное воздействие, которое не является противоправным, т.е. соответствующий субъект платит налог не за деликт, а за сам процесс использования природных ресурсов в рамках дозволенного.

Как легко увидеть в данном случае, на практике возможно смысловое смешение негативного и позитивного аспектов юридической ответственности в области природоохраны – соответствующий субъект также изначально может закладывать в свой бюджет необходимость заплатить экологические штрафы в будущем. Однако указанное сходство свидетельствует, скорее, не о недостатке позитивной юридической ответственности, а об ошибочности некоторых подходов и излишней гуманизации, которые были применены при определении мер негативной ответственности, что выходит за рамки нашего исследования. Если уплата штрафа представляет собой ответственность за прошлое, то уплата рассматриваемого налога может рассматриваться как инвестиция в будущее посредством бюджетного процесса, форма активного участия в поддержании экологического правопорядка.

Конечно, позитивная ответственность будет немыслима без стимулов. Стимулом в данном случае является то, что экологический налог, будучи обременением, создает прямую экономическую мотивацию к снижению облагаемой базы (выбросов, сбросов) [10, с. 42, 43]. Например, предприятие, внедряя наилучшие доступные технологии, не просто избегает штрафа за превышение установленных нормативов. Оно также сокращает свои налоговые обязательства. Это – правовая конструкция, которая поощряет проактивное, социально ответственное поведение. Субъект правоотношений отвечает не потому, что его уличили, а потому, что он стремится соответствовать более высокому стандарту деятельности. Экологический налог здесь выступает правовой формой, «конвертирующей» этическое долженствование в экономический расчет, оставаясь в поле позитивной юридической ответственности.

Поэтому экологический налог может рассматриваться в качестве института, при помощи которого государство закрепляет позитивную экологическую ответственность бизнеса как нормативное требование к экономической деятельности, оценивая не вину, как при негативной ответственности, а сам факт использования общего блага. Это – ответственность, связанная со статусом субъекта, являющегося пользователем природными ресурсами, поэтому она может быть обозначена в качестве статусной юридической ответственности.

Введение экологического налога подчеркивает нормативное признание того факта, что определённые виды хозяйственной деятельности (сжигание топлива, выбросы загрязняющих веществ, размещение отходов) являются экологически опасными и их продолжение допустимо только при условии компенсации причиняемого вреда публичным интересам. Экологический налог создаёт презумпцию облагаемости и некоторого рода упречности определённых операций. При этом вопрос о виновности плательщика здесь не решается, он не доказывает свою невиновность, а обязан уплатить налог в силу самого факта осуществления деятельности.

Указанное положение идет несколько в разрез с природой института юридической ответственности, при этом не в полном объеме могут выполняться также функции природоохраны (продолжать платить соответствующий налог может быть проще, чем, например, совершенствовать производство, снижая степень экологических рисков) и восстановления нарушенной окружающей среды (в связи с тем, что собранные средства «смешиваются» с иными доходами бюджета и, в результате, могут использоваться нецелевым образом).

Возможным выходом из этой ситуации является создание экологического целевого фонда, в который зачисляются все поступления от экологического налога. Такой фонд существовал в России в 1990-е годы (Федеральный экологический фонд) и был упразднён с 1 января 2001 года с переходом на современный бюджетный порядок. Восстановление соответствующего фонда на новой правовой основе – с учетом направленности расходов собираемых денежных средств, а также с обязательной публичной отчётностью, контролем Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и участием общественных экологических советов – позволило бы реализовать принцип «загрязнитель платит» в его полном объёме.

Что касается определения понятия «экологический налог», то, к примеру, можно встретить следующие варианты данной дефиниции: «обязательство, возложенное государством на тех, кто использует окружающую среду, за такое использование»; «налог, налоговой базой которого служит физическая характеристика объекта, влияние которого на окружающую среду признается негативным, или связанного с ним другого объекта» [3, с. 274]; «налог, который берется с производителя товара, если этот товар или продукт можно характеризовать как экологически опасный»; «налог за производство, за продажу и даже за потребление экологически небезопасного продук-

та» [8, с. 69]. Согласно Методическим указаниям по формированию счета экологических налогов и платежей (утверждены Приказом Федеральной службы государственной статистики от 31 декабря 2020 г. № 872) экологический налог – «это налог, исчисляемый на базе показателя (измеряемого в натуральных или заменяющих их единицах), отражающего явление, имеющее доказанное специфическое негативное влияние на окружающую среду». При этом в названном документе экологические налоги подразделяются на 4 категории: «налоги на энергоносители; транспортные налоги; налоги на загрязнение окружающей среды; налоги на природные ресурсы». В литературе можно встретить и иные точки зрения по поводу перечня экологических налогов, например, к ним предлагается причислять плату за негативное воздействие на окружающую среду, утилизационные и экологические сборы [14, с. 13]. По иному мнению к экологическим относятся налоги, сборы и платежи за пользование природными ресурсами, доходы от уплаты акцизов на дизельное топливо, на моторные масла для дизельных и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей, автомобильный бензин, прямогонный бензин, подлежащие распределению между бюджетами субъектов РФ и местными бюджетами с учетом установленных дифференцированных нормативов отчислений в местные бюджеты, а также транспортный налог [15, с. 3, 4].

Обращаясь к действующему отечественному законодательству, следует упомянуть о термине «экологический сбор», в том числе используемом в Федеральном законе от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». Данный сбор относится к неналоговым доходам федерального бюджета и уплачивается производителями товаров, импортерами товаров при ввозе товаров, в том числе товаров в упаковке [4, с. 40]. Кроме того, в действующем законодательстве фигурируют утилизационный сбор (уже упомянутый ФЗ «Об отходах производства и потребления»), который уплачивается «в целях обеспечения экологической безопасности, в том числе для защиты здоровья человека и окружающей среды от вредного воздействия эксплуатации транспортных средств, с учетом их технических характеристик и износа», а также плата за негативное воздействие на окружающую среду (Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»), которая будучи зачисленной в бюджеты бюджетной системы РФ, «направляется на выявление объектов накопленного вреда окружающей среде и (или) организацию ликвидации накопленного вреда окружающей среде в случае наличия на территории субъекта Российской Федерации (муниципального образования) объектов накопленного вреда окружающей среде, а в случае их отсутствия – на иные мероприятия по предотвращению и (или) снижению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности».

В публичном дискурсе эти два платежа часто смешивают с экологическим налогом. Но, если сравнивать, например, утилизационный сбор с экологическим налогом, мы видим отличие как по основаниям взыскания (для сбора – сам факт введения в оборот соответствующего товара, для налога – фактический объём выбросов/сбросов/отходов), по связи с причиняемым окружающей среде вредом (для сбора данная связь косвенная, для налога – прямая, с повышением вреда растет и налог), по периодичности (сбор – разовый, а налог – периодичный), при этом экологический налог обладает определенным стимулирующим эффектом, проявляющимся, например, в уже упоминавшемся экономическом интересе для предприятия уменьшать размер соответствующих выбросов, утилизационный же сбор подобного стимулирующего эффекта не имеет.

Действующая плата за негативное воздействие на окружающую среду фактически обладает некоторыми признаками налога, установленными ст. 8 Налогового кодекса РФ: она обязательна, индивидуально безвозмездна, взимается в форме отчуждения денежных средств. Однако её статус одного из неналоговых доходов бюджета (согласно статье 57 Бюджетного кодекса РФ, посвященной неналоговым доходам бюджетов субъектов РФ) создаёт определенную правовую коллизию: будучи схожа по своим экономическим характеристикам с налогом, она не подпадает под налоговый режим администрирования и, что важнее, не связана с налоговой ответственностью по ст. 122 Налогового кодекса РФ. Это порождает неравенство режимов обложения экологически значимых видов деятельности.

Поэтому сегодня плата за негативное воздействие на окружающую среду и экологический налог, о возможном введении которого идет речь, – это два разных института, различающиеся по правовой природе и механизму регулирования (плата – неналоговый платеж компенсационного характера, регулируемый экологическим законодательством, налог – налоговый платеж, который должен регулироваться Налоговым кодексом), кругу плательщиков (плату вносят юридические лица и индивидуальные предприниматели, деятельность которых сопровождается выбросами или сброса-

ми загрязняющих веществ, размещением отходов производства и потребления, экологический налог предполагался к уплате всеми, кто осуществляет хозяйственную или иную деятельность, причиняющую вред окружающей среде, включая физических лиц), целям (цель платы – компенсация негативного воздействия деятельности человека на окружающую среду, цель же налога – не только компенсация вреда, но и финансовое обеспечение реализации экологической функции государства, стимулирование бизнеса к более бережному отношению к окружающей среде) и порядку администрирования (плату администрирует Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, экологический налог должна администрировать Федеральная налоговая служба). Кроме того, порядок применения понижающих и повышающих коэффициентов при осуществлении платы и соответствующих вычетов при уплате налога также будет различным. Таким образом, хотя оба института связаны с экологическим регулированием, они имеют принципиальные различия в правовом статусе, механизме функционирования и целях.

Небезынтересно отметить, что в 2018 году Министерство финансов РФ уже готовило законопроект, предполагающий включение в Налоговый кодекс РФ экологического налога [7, с. 121]. В пояснительной записке к названному проекту ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минфином России, ID проекта 02/04/08-18/00083016, текст по состоянию на 13.08.2018 г.) данный налог сопоставлялся с платой за негативное воздействие на окружающую среду. Вместе с тем в ряде источников (в частности, в разъяснении Минфина России от 14.08.2018 г. «По законопроекту об экологическом налоге») говорилось, что экологический налог заменит также уже упоминавшийся экологический сбор. Но, так или иначе, как отмечается в литературе, кризис, наступивший в связи с эпидемией COVID-19, и последующая сложная геополитическая обстановка, так и не дали возможности реализации данного проекта [2, с. 220]. С учетом сказанного можно сделать вывод, что формально-юридический базис применительно к введению экологического налога создан еще не полностью. Если в материально-экономическом смысле объект, база, плательщики нового налога уже понятны де-факто, в формально-юридическом смысле требуется принятие федерального закона, который не только ввел бы новую главу в Налоговый кодекс РФ, но и решил три системные проблемы: устранение дублирования с рассматривавшимися платой за негативное воздействие на окружающую среду, утилизационным и экологическим сборами; создание механизма целевого зачисления средств; установление налоговых вычетов за экологически ответственное поведение (формирование института позитивной экологической ответственности). Без этого введение экологического налога рискует остаться лишь переименованием существующих платежей без качественного изменения правового режима.

Здесь будет уместным подчеркнуть, что Конституционным Судом РФ, в частности, в постановлении от 27 мая 2003 г. был сформулирован принцип определённости налоговой обязанности, в соответствии с которым налоги «могут считаться законно установленными лишь при условии, что в законе четко определены объекты налогообложения, налогооблагаемая база, суммы налоговых платежей, категории налогоплательщиков и иные существенные элементы налоговых обязательств, и только при соблюдении указанного условия на налогоплательщика может быть возложена закрепленная статьей 57 Конституции Российской Федерации обязанность и, следовательно, ответственность за ее неисполнение».

К тому же необходимо разграничивать правовые режимы разных налогов – так, традиционный подход к налогу на прибыль не может механически распространяться на имущественные налоги и, тем более, на экологический налог. Публично-правовая цель последнего из названных налогов определяет особый порядок его взыскания. Для экологического налога такой целью является финансирование восстановления нарушенной окружающей среды. Следовательно, законодатель должен предусмотреть иммунитет экологического налога от «распыления» в консолидированном бюджете.

Заключение

С позиции системного толкования экологический налог должен занять особое место в иерархии налогов: он не может быть отнесён ни к прямым (поскольку не привязан к доходу или имуществу), ни к косвенным налогам (не включается автоматически в цену товара). Если же говорить о делении налогов на общие и целевые, то с учетом вышеизложенного предлагаемый экологический налог, сочетающий фискальную и регулирующую функции, уместно назвать целевым налогом. Его правовой режим предполагает:

- обязательность зачисления в целевой бюджетный фонд (или обособленный счёт);

- недопустимость снижения ставки ниже экономически и экологически обоснованного минимума (принцип возмещения вреда);

- связь с налоговыми вычетами при внедрении наилучших доступных технологий.

Представляется также, что возможна диф-

ференциация ставок экологического налога в зависимости от наличия у плательщика комплексного экологического разрешения и применения им наилучших доступных технологий. Для предприятий, внедривших названные технологии, ставка может устанавливаться на минимальном уровне (в пределах норматива), а для предприятий без комплексного экологического разрешения – с повышающим коэффициентом (кратно). Это позволит реализовать сущность позитивной экологической ответственности на практике.

При этом развитие института экологического налога может способствовать изменению и других отраслей российского права. Например, при продаже недвижимого имущества, использующегося для экологически опасной деятельности, возможно будет включать в договор условия об экологической ответственности продавца и информации о проведённых (непроведённых) природоохранных мероприятиях, то есть фиксировать соответствующее экологическое обременение передаваемого по договору имущества.

Список литературы:

[1] Алешкова И.А. Экологические налоги как средство достижения устойчивого развития: поиск оптимальной модели равновесия экологических и экономических принципов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 3. С. 94 – 108.

[2] Семенова Г.Н. Введение экологического налога в России в сравнении с зарубежными странами, его достоинства и недостатки // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4. № 12. С. 219 – 226.

[3] Серкова А.И. Экологические налоги на примере Германии и стран ЕАЭС // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 270 – 279.

[4] Балабашина Т.Р., Белова А.А., Есина А.Р. Роль экологических налогов и сборов промышленных предприятий в охране окружающей среды // Управленческий учет. 2024. № 11. С. 36 – 43.

[5] Самоделко Л.С. Классификация налогов и сборов как метод систематизации экологического налогообложения в Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 3. С. 135 – 143.

[6] Самоделко Л.С., Карп М.В. Значение и принципы экологического налогообложения // Вестник университета. 2020. № 11. С. 141 – 147.

[7] Бобошко Н.М. Экологический налог в системе обеспечения экологической безопасности // Вопросы региональной экономики. 2018. № 4. С. 121 – 126.

[8] Иванченкова Л.В. Природная рента и экологический налог // Экономика пищевой промышленности. 2013. № 1. С. 68 – 70.

[9] Марьин Е.В. Плата за негативное воздействие на окружающую среду: новые подходы и старые проблемы // Epomen. Global. 2022. № 28. С. 193 – 198.

[10] Иванов М.О. О трансформации платы за негативное воздействие на окружающую среду в экологический налог // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6. С. 31 – 44.

[11] Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 76 – 115.

[12] Тарасова Т.Ф., Жосан А.В., Башкатова В.Я. Оценка социальной ответственности предприятия: критерии и показатели // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 2. С. 120 – 126.

[13] Зеленов Ю.Н., Косолапов О.В. Экологическая ответственность предприятий при недропользовании // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. № 4. С. 94 – 96.

[14] Коростелева В.В. Экологические налоги в свете фискального федерализма // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 10. С. 13 – 17.

[15] Палкина Д.С. Экологические налоги и отраслевая специализация в регионах РФ: анализ взаимосвязи // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2. С. 1 – 13.

References:

[1] Aleshkova I.A. Environmental Taxes as a Means to Achieve Sustainable Development: Searching for an Optimal Model to Balance Environmental and Economic Principles // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law. 2021. No. 3. pp. 94–108.

[2] Semenova G.N. The Introduction of Environmental Taxes in Russia in Comparison with Other Countries: Advantages and Disadvantages // Economics and Management: Problems, Solutions. 2023. Vol. 4. No. 12. pp. 219–226.

[3] Serkova A.I. Environmental Taxes: The Case of Germany and EAEU Member States // Issues of Russian Justice. 2020. No. 6. pp. 270–279.

[4] Balabashina T.R., Belova A.A., Esina A.R. The Role of Environmental Taxes and Levies on Industrial Enterprises in Environmental Protection // Management Accounting. 2024. No. 11. pp. 36–43.

[5] Samodelko L.S. Classification of Taxes and Levies as a Method for Systematizing Environmental Taxation in the Russian Federation // University

Bulletin. 2023. No. 3. pp. 135–143.

[6] Samodelko L.S., Karp M.V. The Significance and Principles of Environmental Taxation // University Bulletin. 2020. No. 11. pp. 141–147.

[7] Boboshko N.M. Environmental Taxes within the System for Ensuring Environmental Safety // Issues of Regional Economy. 2018. No. 4. pp. 121–126.

[8] Ivanchenkova L.V. Natural Resource Rent and Environmental Tax // Economics of the Food Industry. 2013. No. 1. pp. 68–70.

[9] Maryin E.V. Fees for Negative Environmental Impact: New Approaches and Old Problems // Epomen. Global. 2022. No. 28. pp. 193–198.

[10] Ivanov M.O. On the Transformation of Fees for Negative Environmental Impact into an Environmental Tax // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 6. pp. 31–44.

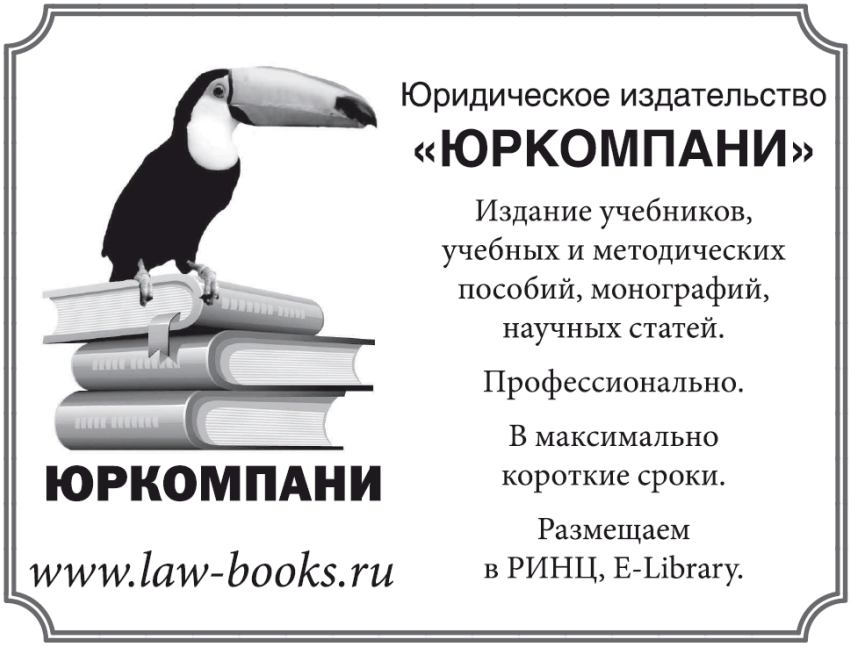
[11] Wittenberg E.Ya. Social Responsibility of Russian Business in Times of Crisis // Bulletin of the Institute of Sociology. 2017. Vol. 8. No. 1. pp. 76–115.

[12] Tarasova T.F., Zhosan A.V., Bashkatova V.Ya. Assessing the Social Responsibility of an Enterprise: Criteria and Indicators // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2014. No. 2. pp. 120–126.

[13] Zelenov Yu.N., Kosolapov O.V. Environmental Responsibility of Enterprises in Subsoil Use // News of the Ural State Mining University. 2016. No. 4. pp. 94–96.

[14] Korosteleva V.V. Environmental Taxes in the Context of Fiscal Federalism // Issues of Sustainable Development of Society. 2021. No. 10. pp. 13–17.

[15] Palkina D.S. Environmental Taxes and Industrial Specialization in the Regions of the Russian Federation: An Analysis of the Relationship // Territorial Development Issues. 2023. Vol. 11. No. 2. pp. 1–13.



Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-994-998

БУЛАТОВ Тимур Рашидович,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67,
лит. А.,
тел.: +7(981)-735-49-92,
e-mail: bulatov_t64@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам правовой охраны атмосферного воздуха, анализу конституционных норм и иного действующего экологического законодательства, обоснованию и формулированию существующих проблем в этой сфере. На основании изложенного материала делается вывод о необходимости совершенствования норм экологического законодательства и необходимости повышения эффективности мер по охране атмосферного воздуха в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, экологическое законодательство, окружающая среда, атмосферный воздух, топливо, экологически класс топлива, стандарты топлива, топливный кризис.*

Для цитирования: *Булатов Т. Р. Актуальные проблемы экологического законодательства в сфере охраны атмосферного воздуха в Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 10. С. 994–998.*

BULATOV Timur Rashidovich,
Candidate of Legal Sciences,
Lecturer at the Department of Public Law,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

CURRENT PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION IN THE FIELD OF AIR QUALITY PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to current issues related to the legal protection of atmospheric air, the analysis of constitutional norms and other existing environmental legislation, and the justification and formulation of existing problems in this area. Based on the material presented, the conclusion is drawn that it is necessary to improve the norms of environmental legislation and to increase the effectiveness of measures to protect atmospheric air in the Russian Federation.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, environmental legislation, environment, atmospheric air, fuel, environmentally friendly fuel class, fuel standards, fuel crisis.*

For citation: *Bulatov T. R. Current problems of environmental legislation in the field of air quality protection in the Russian Federation. Education and law. 2026;(10):994–998. (In Russ.).*

Введение

На сегодняшний день в Российской Федерации наблюдается развитие топливного кризиса, связанного с проведением специальной военной операции, а также экономическими санкциями со стороны Евросоюза и НАТО. В первую очередь, поставки топлива на автомобильных заправочных станциях (далее АЗС) по всей стране, в особенности в крупные регионы (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар и др.), осложняются в связи с подрывом работы нефтеперерабатывающих заводов (далее НПЗ) в результате беспилотных атак украинского

режима. Во-вторых, импорт бензина из соседних стран (Белоруссии, Казахстана), не способен обеспечить все потребности рынка, а увеличить темпы собственного производства в данный момент не представляется возможным. Эти факторы заставили Россию временно разрешить выпуск, импорт и продажу автомобильного бензинового и дизельного топлива экологических классов К2, К3 и К4 (соответствуют стандартам Евро-2, Евро-3 и Евро-4) для недопущения дефицита бензина в стране.

Действующее экологическое законодательство Российской Федерации закрепляет обязательный переход стандарт топлива маркировки К5 (Евро-5) с 1 января 2016 года, что закреплено в Техническом регламенте Таможенного союза ТР ТС 013/2011 «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту», утвержденном Решением Комиссии Таможенного союза № 826 от 18 октября 2011 года [8] (введен в действие в Российской Федерации с 1 января 2015 года). Однако, в связи с настоящей экономической ситуацией, было принято решение о принятии Постановление Правительства Российской Федерации от 5 августа 2026 г. № 976 «О реализации мер, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 24 июля 2026 г. № 509 «О некоторых мерах по повышению надежности топливообеспечения в Российской Федерации» [9], в котором закрепляется норма позволяющая НПЗ производить бензиновое и дизельное топливо экологических классов ниже К5, а также импортировать в Россию такое топливо на внутренний рынок, пренебрегая техническим регламентом таможенного союза.

Данная мера хоть и призвана решить экономические проблемы, связанные с топливно-кризисным положением России, но также порождает множество новых экологических проблем, решение которых необходимо продумать и законодательно урегулировать.

Цель и задачи исследования

Целью нашего исследования является исследование проблемы загрязнения атмосферного воздуха в Российской Федерации. Данная цель продиктована тем, что в 2026 году было принято Постановление Правительства, регламентирующее реализацию мер по предотвращению топливного кризиса, путем производства и импорта топлива экологического класса ниже (К2, К3, К4). Взяв во внимание текущее положение загрязнения атмосферного воздуха в РФ, данные меры, по нашему мнению, противоречат конституционным началам и не согласуются с действующим экологическим законодательством. Задачами нашего исследования является: проанализировать конституционные положения, гарантирующие экологические права и иные нормы экологического законодательства; сформулировать проблемы, связанные с загрязнением атмосферного воздуха и предложить пути их решения.

Методология

Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ положений Конституции РФ, гарантирующей право на благоприятную окружающую среду, а также экологического законодательства о охране атмосферного воздуха; системное толкование норм, определяющих пределы допустимости загрязнения атмосферного воздуха, экономическую основу охраны атмосферного воздуха и перечень загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования. Дополнительно применялась аналитическая интерпретация позиций российских ученых, выраженная в различных научных трудах, что позволило соотнести трактование экологического законодательства с теоретико-правовыми позициями авторов.

Содержательная часть

В последние годы показатели загрязнения атмосферного воздуха в Российской Федерации сильно выросли. Так, в 2025 году количество зафиксированных в России случаев высокого и экстремально высокого загрязнения атмосферного воздуха увеличилось на 41% по сравнению с 2024 годом [10]. В частности, эксперты отмечают высокое содержание в атмосфере бензапирена, что содержится в выхлопных газах автомобилей, а также при работе НПЗ. Вещество относится к 1-му классу опасности (с чрезвычайно высоким опасным воздействием на окружающую среду), что вызывает еще большие опасения за принятые меры по предотвращению топливного кризиса.

В Российской Федерации правовая охрана атмосферного воздуха реализуются через нормативно-правовые акты различного уровня [6, с. 164]. В первую очередь, — это реализация конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии [11].

Основообразующим в этой сфере является Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [12], который закрепляет: предельно допустимые выбросы (ПДВ); временно разрешённые выбросы (ВРВ); предельно допустимые нормативы физических воздействий (шум, вибрация, электромагнитное излучение); государственный учет: организации с источниками выбросов обязаны проводить инвентаризацию таких источников; требования получать специальные разрешения на выбросы, а также

комплексные экологические разрешения; инструменты контроля и экономические стимулы для снижения загрязнения.

Ключевыми подзаконными актами являются Постановление Правительства РФ от 9 декабря 2020 г. № 2055 «Об утверждении Положения о предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах физических воздействий на атмосферный воздух» [13] и Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2023 № 2909-р [14], которые утверждают Положение о ПДВ, ВРВ и предельно допустимых нормативах физических воздействий, а также перечень загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования.

На региональном и местном уровнях эти вопросы регулируются соответствующими нормами, которые адаптированы под различные особенности регионов [4, с. 288].

Такое обилие нормативно-правовых источников, регулирующих вопросы охраны атмосферного воздуха и экологии не случайно. При несоблюдение соответствующих норм могут произойти экологические катастрофы, воздух в регионе может стать непригодным для проживания и т.д. [5, с. 108].

Загрязнение атмосферного воздуха является серьезной проблемой, ставшей предметом спора многих ученых. Так, Быковский В.К. считает, что тот уровень загрязнение воздуха, который наблюдается сейчас в России может привести к сокращению жизни населения и состоянию здоровья граждан [1, с. 49]. Ерузалимова К.С. отмечает, существенной проблемой является санкционная мера по приостановлению нарушений экологического законодательства – административное приостановление деятельности. Это объясняется тем, что данная мера является «срочной» и позволяет добиться лишь временного результата, однако по истечению ее срока предприятие может продолжить работу, не устраняя нарушения [3, с. 114-115]. Плачинда М.Д. говорит о проблеме выбросов из стационарных источников и утверждает, что проблема носит транснациональный характер [7, с. 42].

Комплексность и многогранность проблем в этой сфере обусловлена в том числе и размерами территорий Российской Федерации, на охрану атмосферного воздуха выделяется более 100 млрд рублей в год. Однако, отмечая какие последствия могут быть для населения страны, в случае превышения установленных норм и учитывая текущее состояние загрязнения атмосферы, по нашему мнению, следует увеличить бюджетные расходы на охрану атмосферного воздуха.

Как мы ранее говорили, сейчас в России были введены временные меры, которые разрешают выпуск, импорт и продажу автомобильного бензинового и дизельного топлива стандартов Евро-2, Евро-3 и Евро-4 для недопущения дефицита бензина в стране. Данная мера хоть и продиктована необходимостью предотвращения топливного кризиса, тем не менее законодатель не учел последствия для экологии страны, в том числе как это отразится на степени загрязненности атмосферного воздуха.

В первую очередь, следует отметить тот факт, что данное решение законодателя не согласуется с действующими конституционными и экологическими нормами. Право граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, которое гарантируется Конституцией РФ, является базовым (естественным) правом и не может нарушаться даже в силу ситуационной необходимости [2, с. 183]. Во-вторых, Основной закон страны провозглашает права и свободы граждан высшей ценностью, что также подтверждает наше утверждение. Меры, предусматривающие производство и импорт топлива экологическим классом ниже К5 (Евро-5) повлекут за собой еще более загрязнение атмосферного воздуха и без контрмер по охране окружающей среды эти конституционно закрепленные гарантии экологических прав человека будут нарушены. Поэтому, в первую очередь, законодатель должен предусмотреть способы ликвидации последствий данного решения и обеспечить законодательную базу, финансирование и тщательный контроль в этом направлении.

Заключение

Таким образом, экологическая проблема загрязнения атмосферного воздуха является актуальной и требует дополнительного внимания законодателя. Предупреждение нарушений норм, устанавливающих пределы загрязнения атмосферы, должны стать первостепенной задачей. Меры по охране атмосферного воздуха необходимо в нужной степени профинансированы и отрегулированы на законодательном уровне. В противном случае мы можем столкнуться с экологическими последствиями, способными подорвать национальную безопасность страны.

Список литературы:

[1] Быковский В. К. Законодательство об охране атмосферного воздуха как отрасль законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 3 (103). С. 48-54.

[2] Габитов Р. Х. Теоретические проблемы правовой охраны атмосферного воздуха // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.

С. 183-184.

[3] Ерузалимова К.С. О совершенствовании правового регулирования деятельности по охране атмосферного воздуха в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 3. С. 113-116.

[4] Кощаева А. Е. Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха в условиях изменения климата // Молодой ученый. — 2026. — № 4 (607). — С. 287-289.

[5] Курамшина Н. Г., Муратова А.Р. Особенности экологического права в области загрязнения атмосферного воздуха в городах РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 11-1(86). – С. 105-111.

[6] Недоконцев А. В. Правовая охрана атмосферного воздуха // Молодой исследователь Дона. – 2020. – № 2(23). – С. 163-165.

[7] Плачинда М.Д. Правовое регулирование внедрения и использования наилучших доступных технологий в сфере охраны атмосферного воздуха // Юридическое образование и наука. 2024. № 9. С. 41-45.

[8] Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 013/2011 «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту». Утв. Решением Комиссии Таможенного союза № 826 от 18 октября 2011 года // Законодательство России. URL: https://docs.cntd.ru/document/902307833 (жата обращения: 19.09.2026).

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 5 августа 2026 г. № 976 "О реализации мер, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 24 июля 2026 г. № 509 "О некоторых мерах по повышению надежности топливообеспечения в Российской Федерации" // СЗ РФ. 10.08.2026. № 32. Ст. 4572.

[10] Эксперты сообщили о рекордном росте числа сильных загрязнений воздуха // URL: https://www.rbc.ru/society/16/03/2026/69afdda39a794769a0b76696 (дата обращения 19.09.2026).

[11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008, № 7ФКЗ, от 05.02.2014, № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1 ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

[12] Федеральный закон от 4 мая 1999 г. N 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // СЗ РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2222.

[13] Постановление Правительства РФ от 9 декабря 2020 г. № 2055 Об утверждении Положения о предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах физических воздействий на атмосферный воздух" // СЗ РФ. 21.12.2020. № 51. Ст. 8444.

[14] Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2023 № 2909-р // СЗ РФ. 30.10.2023. № 44. Ст. 7912.

References:

[1] Bykovsky V. K. Legislation on the Protection of Atmospheric Air as a Branch of Legislation // O. E. Kutafin University Bulletin. 2023. No. 3 (103). pp. 48–54.

[2] Gabitov R. Kh. Theoretical Issues in the Legal Protection of Atmospheric Air // Gaps in Russian Legislation. 2008. No. 1. pp. 183–184.

[3] Eruzalimova K. S. On Improving the Legal Regulation of Atmospheric Air Protection Activities in the Russian Federation // Siberian Law Review. 2017. No. 3. pp. 113–116.

[4] Koshchaeva A. E. Legal Regulation of Atmospheric Air Protection in the Context of Climate Change // Young Scientist. 2026. No. 4 (607). pp. 287–289.

[5] Kuramshina N. G., Muratova A. R. Specifics of Environmental Law Regarding Atmospheric Air Pollution in Russian Cities // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 11-1 (86). pp. 105–111.

[6] Nedokontsev A. V. Legal Protection of Atmospheric Air // Young Researcher of the Don. 2020. No. 2 (23). pp. 163–165.

[7] Plachinda M. D. Legal Regulation of the Implementation and Use of Best Available Techniques in the Sphere of Atmospheric Air Protection // Legal Education and Science. 2024. No. 9. pp. 41–45.

[8] Technical Regulation of the Customs Union TR CU 013/2011 "On Requirements for Automotive and Aviation Gasoline, Diesel and Marine Fuel, Jet Fuel, and Fuel Oil." Approved by Decision of the Customs Union Commission No. 826 dated October 18, 2011 // Legislation of Russia. URL: https://docs.cntd.ru/document/902307833 (accessed: 19.09.2026).

[9] Decree of the Government of the Russian Federation dated August 5, 2026, No. 976 "On the Implementation of Measures Provided for by the Decree of the President of the Russian Federation dated July 24, 2026, No. 509 'On Certain Measures to Enhance the Reliability of Fuel Supply in the Russian Federation'" // Collected Legislation of the Russian Federation (SZ RF). August 10, 2026. No. 32. Item 4572.

[10] Experts report a record increase in the number of instances of severe air pollution // URL:

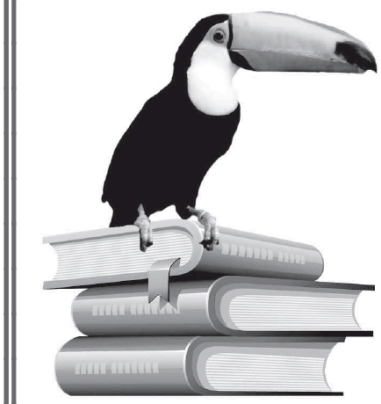
https://www.rbc.ru/society/16/03/2026/69afdda39a794769a0b76696 (accessed September 19, 2026).

[11] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008, No. 6-FKZ; December 30, 2008, No. 7-FKZ; February 5, 2014, No. 2-FKZ; July 21, 2014, No. 11-FKZ; and March 14, 2020, No. 1-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation (SZ RF). March 16, 2020. No. 11. Item 1416.

[12] Federal Law dated May 4, 1999, No. 96-FZ "On the Protection of Atmospheric Air" // Collected Legislation of the Russian Federation (SZ RF). May 3, 1999. No. 18. Item 2222.

[13] Decree Decree of the Government of the Russian Federation dated December 9, 2020, No. 2055, "On Approval of the Regulation on Maximum Permissible Emissions, Temporarily Permitted Emissions, and Maximum Permissible Limits for Physical Impacts on Atmospheric Air" // Collected Legislation of the Russian Federation (SZ RF). December 21, 2020. No. 51. Item 8444.

[14] Directive of the Government of the Russian Federation dated October 20, 2023, No. 2909-r // Collected Legislation of the Russian Federation (SZ RF). October 30, 2023. No. 44. Item 7912.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-999-1004
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

НЕКРАСОВА Карина Иоскаевна,
старший преподаватель
ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,
магистрант и аспирант ФГАОУ ВО УрГПУ,
e-mail: melindochka@yandex.ru

СТЕПАНОВ Роман Иванович,
доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,
кандидат педагогических наук,
e-mail: ramanist89@mail.ru

ПОДВИГИНА Лариса Николаевна,
доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,
кандидат филологических наук,
e-mail: L.unique@mail.ru

ЛАЗУКИНА Надежда Юрьевна,
преподаватель
ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: nlazukina@mail.ru

ЯКУШЕВА Марина Евгеньевна,
учитель
В МАОУ АСОШ № 6 им. Героя Советского Союза В.А. Шутова
магистрант ФГАОУ ВО УрГПУ,
e-mail: yakusheva1983@bk.ru

СТРАХИ БУДУЩИХ МАТЕРЕЙ И ПРИЧИНЫ ОТЛОЖЕННОГО МАТЕРИНСТВА. СПЕЦИФИКАЦИЯ СТРАХА БЕРЕМЕННОСТИ И РОДОВ У ЖЕНЩИН

Аннотация. *В статье рассматриваются тенденции развития современной семьи, ситуация добровольного отказа от материнства, страхи будущих матерей и их причины. Период ожидания рождения ребенка, а также его планирование или отказ от планирования анализируются как источник возникновения страхов беременности и родов. Обсуждается спецификация страха беременности и родов у женщин.*

Ключевые слова: *современная семья, беременность, страх беременности и родов, стресс, диадический пренатальный стресс, пренатальный период, страх быть матерью, отказ от материнства.*

Для цитирования: *Некрасова К. И., Степанов Р. И., Подвигина Л. Н., Лазукина Н. Ю., Якушева М. Е. Страхи будущих матерей и причины отложенного материнства. Спецификация страха беременности и родов у женщин // Образование и право. 2026. № 10. С. 999–1004.*

NEKRASOVA Karina Ioskaevna,
Senior Lecturer,
Ural State Agrarian University;
Master's and postgraduate student,
Ural State Pedagogical University

STEPANOV Roman Ivanovich,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University;
Candidate of Pedagogical Sciences

PODVIGINA Larisa Nikolaevna,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University;
Candidate of Philological Sciences

LAZUKINA Nadezhda Yuryevna,
Lecturer,
Ural State Agrarian University

YAKUSHEVA Marina Evgenyevna,
Teacher,
V. A. Shutov Secondary General Education School No. 6
(named after the Hero of the Soviet Union V. A. Shutov);
Master's student,
Ural State Pedagogical University

FEARS OF FUTURE MOTHERS AND THE CAUSES OF DELAYED MOTHERHOOD. SPECIFICATION OF THE FEAR OF PREGNANCY AND CHILDBIRTH IN WOMEN

Annotation. *The article presents some modern family development trends. Expecting-a-baby period is analysed as a source of fears of pregnancy and childbirth. The specification of the women's fear of pregnancy in childbirth is discussed.*

Key words: *modern family, pregnancy, fear of pregnancy and childbirth, stress, dyadic prenatal stress, prenatal period, fear of being a mother, refusal of motherhood, rejection of motherhood.*

For citation: *Nekrasova K. I., Stepanov R. I., Podvigina L. N., Lazukina N. Yu., Yakusheva M. E. Fears of future mothers and the causes of delayed motherhood. Specification of the fear of pregnancy and childbirth in women. Education and law. 2026;(10):999–1004. (In Russ.).*

В России государственная политика активно продвигает многодетность как символ сплоченности, при этом материально помогая только малоимущим многодетным семьям, так как единое пособие рассчитано только на них. Необходимо отличать добровольный отказ и вынужденную бездетность. Мы проанализировали, какие страхи сейчас бытуют в обществе, откуда у женщины страх быть матерью и с какими явлениями чаще всего они связаны.

Экономическая нестабильность, жилищный кризис и неустойчивая международная обстановка формируют у молодых людей ощущение неопределенности будущего, и в этом контексте мы отмечаем отказ от деторождения, который может восприниматься как этический выбор – нежелание приводить новую жизнь в мир, который сам находится в кризисе. Это сближает движение «чайлдфри» с философией антинатализма, которая утверждает, что создание новой жизни является морально проблематичным актом.

В подтверждении данных выводов приведем ответ, данный в рамках нашего анонимного опроса, проведенного в сентябре 2026 года среди студентов колледжа УрГАУ на вопрос: «Откуда у женщины страх быть мамой?»:

Ж. 19 лет: «В современном мире слишком много неопределенностей. Войны, обесценивание любви, дружбы, семьи и ее ценностей. В нынешнее время нет никакой стабильности, если твои

родители не подсуетились в нужное время, то тебе придется очень тяжело. Никакой помощи от государства мы не имеем, а если что-то и есть, то это всегда долговая яма. На партнёра нет никакого смысла полагаться, просто нет достойных парней (на что зачастую влияет неправильное воспитание).

Очень страшно жить в наше время, я не знаю, каким будет мое завтра, про будущее я вообще молчу. Я не представляю, как я должна хотя бы (или любая девушка) захотеть родить. Я не хочу приносить в эту жизнь новую «жизнь», чтобы она мучилась».

Сухарева Н. Ф. и Шелепнева А. А. в своей статье «Страхи матерей в пренатальный и ранний постнатальный период развития ребенка» справедливо отмечают, что: «Изучение страхов матерей в пренатальный и ранний постнатальный период развития ребенка представляется весьма актуальным как в теоретическом плане – для научного осмысления данной, недостаточно хорошо разработанной, проблематики, так и в практическом отношении – для дальнейшей разработки психопрофилактических программ работы с родителями» [1].

Сухарева Н. Ф. и Шелепнева А. А. далее небезосновательно замечают, что: «Тревога и волнение при беременности – нормальные и естественные чувственные проявления, которые вытекают из психологических особенностей человека. Людей волнует, тревожит и пугает все неизвестное и неопределенное. Беременность относится к подобным событиям» [1].

Данные исследователи также справедливо констатируют, что: «Чрезмерная молодость (до 17 лет) или возраст после 30 лет усиливает степень переживания. Страхи и тревогу обостряют стереотипы в социуме, страх из-за возможностей своего организма» [1].

Так, отвечая на вопрос, поставленный нами в рамках анонимного опроса, «Откуда у женщины страх быть мамой?», 17-летняя студентка отмечает следующие страхи, которые мы процитируем в авторской редакции: «Страх перед ответственностью, боязнь не справиться с воспитанием. Также влияет отсутствие финансов. Сомнения в условиях жизни (неправильный человек рядом, не подходящие условия в доме, нет своего жилья, плохой ремонт). Волнение за его будущее и сомнения в самой себе, готова ты или нет. Также влияет отсутствие стабильности (доход, место жительства). Многие боятся, что просто не справятся с трудностями и воспитанием. Также влияет боязнь самих родов (боль и т.д.)».

Студентка 18 лет выражает свою мысль на этот счет следующим образом: «Я считаю, страх может быть обусловлен изначальным страхом перед ответственностью не только за свою жизнь, но и за детскую. Также в современном мире не смотря на различные льготы на содержание ребенка довольно затратно, и не у всех есть финансовая возможность обеспечивать кого-то помимо себя. Также я считаю, что должно быть время, которое женщина уделяет только ребенку, в том плане, что не работает и сидит с ребенком. Ученым в сфере психологии были доказаны различные факторы, влияющие на тип привязанности у ребенка, а первичные формируются вплоть до одного года. Поэтому крайне важно быть чуткой, незамедлительно реагировать и правильно трактовать сигналы ребенка, а это достаточно сложно.

Некоторые женщины боятся рожать из-за негативного опыта и его последствий во взрослой жизни: плохие отношения со своей мамой, уход от отца из семьи и т.д. Но это может наоборот стать стимулом изменить всё и не позволить ребенку столкнуться с подобным. В целом рождение ребенка – это психологически трудный процесс, и любой страх полностью оправдан, но важно его переосмыслить и сделать выбор, не опираясь на него».

В проведенном опросе приняли участие 130 студентов колледжа УрГАУ в г. Екатеринбурге в возрасте 17-20 лет, и все без исключения отметили, что страхи есть и их большое количество.

В исследовании, поддержанном Министерством высшего образования и науки FZEW-2020-0005 «Пренатальный диадический стресс как контекст страха беременности и родов», Одинцова О. А., Барабошин А. Т., Крюкова Т. Л. отмечают: «Очевидно, что страхи беременности и родов многолики и сконцентрированы на личности самой женщины, ее партнера / супруга и будущего ребенка. Прослеживается комплекс переживаний, сосредоточенный на страхе предстоящих родов. Отметим, что иностранные публикации чаще всего посвящены страху родов (fear of childhood, FOC). Наиболее актуальная проблематика исследований находится в контексте связи пренатальных страхов и прерывания беременности, избегания естественной родовой деятельности, применения обезболивающих препаратов (эпидуральной анестезии), стремления к родоразрешению с помощью кесарева сечения, неблагоприятных исходов родов и рождения недоношенного ребенка. Популярным ресурсом рассмотрения страхов беременности и родов является роль социальной поддержки и супружеских отношений в их редукции [Brandao].» [5, с.131].

Одинцова О. А., Барабошин А. Т., Крюкова Т. Л. перечисляют основные страхи: «К настоящему времени страхи беременности и родов

столь разнообразно описаны, что, не претендуя на полный перечень, упомянем страх боли в процессе родов; страх потери ребенка из-за неблагополучного течения родов; страх преждевременных родов; страх негативного отношения врачей и медицинского персонала; страх формирования негативных личностных черт у ребенка; страх в отношении собственного здоровья и здоровья будущего ребенка; страх потери привлекательности, карьеры и саморазвития, ухудшения взаимоотношений с супругом, страх предстоящих трудностей ухода за ребенком и пр.» [5, с.131].

Большинство этих страхов упомянули и наши респонденты, отвечая на вопрос: «Откуда у женщины страх быть мамой?», причем ни один из перечисленных страхов не преобладает по количеству ответов.

Многие исследователи ранее отмечали, какие есть страхи у будущих матерей. Так, к.п.н. Черных Н. А. в своей статье «Материнство как социально-обусловленный феномен. Эмпирическое исследование тревожности беременных» приводит следующие типичные страхи беременных (особенно первородящих): «…«страх непривлекательности» для мужа; страх потери ребенка («невынашивания»), страх кардинальной перемены в жизни; «страх быть плохой матерью»». [7, с.95]

Все эти страхи были отмечены в нашем исследовании большинством респондентов, и подтверждают, тот факт, что вышеперечисленные страхи действительно широко распространены.

В выводах своей статьи «Пренатальный диадический стресс как контекст страха беременности и родов» Одинцова О. А., Барабошин А. Т., Крюкова Т. Л. отмечают: «Страх беременности и родов связан с переживанием тревоги и депрессии (перинатальной и постнатальной), но не обусловливает их, оставаясь автономной реалией, вместе с тем может присутствовать как один из компонентов их структуры» [5, с.132].

Д.А. Мазур, Н.С. Бурлакова в своей статье «Отложенное материнство как феномен современного родительства» считают, что: «… отложенное (отсроченное) материнство можно рассматривать как относительно новый феномен, выступающий в качестве репродуктивной стратегии. Филиппова пишет, что репродуктивное поведение детерминируется тремя основными факторами: социальным, индивидуальным и эволюционным. Для его реализации необходимо достижение репродуктивной зрелости, включающей как физическую готовность к деторождению (в среднем 16—18 лет), так и психологическую готовность к материнству. В условиях отложенного материнства именно психологический компонент нередко оказывается уязвимым: женщины могут субъективно воспринимать свое физическое состояние как более соответствующее молодому возрасту, чем их фактический биологический возраст. Дополнительное влияние на этот феномен оказывают такие факторы, как стремление к профессиональной самореализации, приоритет личностного развития, неудовлетворенность качеством партнерских отношений, завышенные требования к условиям жизни и к процессу воспитания ребенка. Как следствие, нередко наблюдается смещение приоритетов в сторону карьеры и личностного роста, что затрудняет планирование деторождения» [8].

В заключение отметим, что, если рассматривать отказ от материнства ввиду страха по тем или иным причинам, как формирующуюся норму, важно понимать его долгосрочные перспективы, т.к. демографически это означает дальнейшее снижение рождаемости и старение населения, что создает нагрузку на пенсионные системы и рынок труда. Данный феномен может привести к увеличению налогов, к социальной трансформации семейных структур: увеличению числа домохозяйств без детей, росту «свободных от детей» пространств и сервисов и увеличению бюджетных средств, направленных на поддержку будущих матерей и т.д. Однако даже сейчас единого пособия, которое мы выше уже упомянули, и которое назначается только тем, кто имеет низкий доход и не имеет недвижимости сверх нормы, недостаточно и вряд ли нынешняя государственная поддержка может удовлетворить потребности и снизить страх в нехватке денег у будущих матерей.

Было б упрощением видеть в этом феномене только кризис. Отказ от материнства будущими молодыми матерями – это также индикатор расширения репродуктивной автономии и признании права человека на свой собственный осознанный жизненный выбор. Добровольно бездетные женщины в зрелом возрасте во всем мире в наше время редко сожалеют о своем выборе, и сообщают о высоком уровне удовлетворенности жизнью. Благополучие и низкий уровень сожаления характерен для child free женщин из разных стран.

Таким образом, отказ от материнства в современных реалиях, связанный в большинстве своем с вышеуказанными страхами – это не столько «норма» в смысле массового поведения, сколько легитимная и всё более принимаемая альтернатива традиционному жизненному сценарию. Его распространение отражает глубокие изменения в ценностях, гендерных отношениях и восприятии будущего. Общество, которое признает данное право, но продолжает стигматизировать выбор, находится в состоянии болезненного, но неизбежного перехода к новой модели социальной органи-

зации.

Нельзя не подчеркнуть необходимость дальнейших междисциплинарных исследований для комплексного изучения как биологических, так и психологических и социальных аспектов отложенного материнства. Когнитивные науки сталкиваются с этикой: как балансировать между правом современной женщины на репродуктивный выбор и вопросами о долгосрочных последствиях для ребенка.

Как отмечают Д.А. Мазур, Н.С. Бурлакова в своей статье «Отложенное материнство как феномен современного родительства»: «Результаты таких исследований могут способствовать разработке эффективных программ психологической поддержки женщин, прибегающих к ВРТ, а также информированию общества о реалистичных ожиданиях и возможных рисках позднего родительства» [8].

Список литературы:

[1] Сухарева Н.Ф., Шелепнева А.А. Страхи матерей в пренатальный и ранний постнатальный период развития ребенка // Проблемы современного педагогического образования. № 66-4. 2020. С. 360-363.

[2] Brandao T. Dyadic coping, marital adjustment and quality of life in couples during pregnancy: an actor-partner approach, T. Brandao [et. al]. Journal of Reproductive and Infant Psychology, 2020, vol. 38, pp. 49-59.

[3] The Neurobiological Impact of Postpartum Maternal Depression. Child and Adolescent Psychiatric Clinic, 2016, vol. 25, pp. 179-200.

[4] Braren S.H. Maternal psychological stress moderates diurnal cortisol linkage in expectant fathers and mothers during late pregnancy, S.H. Braren [et al.]. Psychoneuroendocrinology, 2020, vol. 111.

[5] Одинцова О.Ю., Крюкова Т. Л., Барабошин А.Т. Пренатальный диадический стресс как контекст страха беременности и родов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 127-133.

[6] Юрчук, В. В. Современный словарь по психологии / В. В. Юрчук. – М. Элайда, 2000. – 704 с.

[7] Черных Н.А. Материнство как социально-обусловленный феномен. Эмпирическое исследование тревожности беременных // Вестник Костромского государственного университета. Серия: педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. № 2, Т. 22. С. 94-99.

[8] Мазур, Д.А., Бурлакова, Н.С. (2025). Отложенное материнство как феномен современного родительства. Современная зарубежная психология, 14(4), 146–154.

[9] Paksi, V., Nagy, B., Tardos, K. (2022). Perceptions of barriers to motherhood: Female STEM PhD students' changing family plans. Social Inclusion, 10(3), 149—159.

[10] Pettersson, M.L., Nedstrand, E., Bladh, M., Svanberg, A.S., Lampic, C., Sydsjö, G. (2020). Mothers who have given birth at an advanced age — health status before and after childbirth. Scientific reports, 10(1), Article 9739.

[11] Robertson, J.A. (2014). Egg freezing and egg banking: Empowerment and alienation in assisted reproduction. Journal of Law and the Biosciences, 1(2), 113—136.

[12] Rybińska, A., Morgan, S.P. (2019). Childless expectations and childlessness over the life course. Social Forces, 97(4), 1571—1602.

References:

[1] Sukhareva N.F., Shelepneva A.A. Mothers' fears during the prenatal and early postnatal periods of a child's development // Problems of Modern Pedagogical Education. No. 66-4. 2020. pp. 360-363.

[2] Brandao T., et al. Dyadic coping, marital adjustment, and quality of life in couples during pregnancy: an actor-partner approach. Journal of Reproductive and Infant Psychology, 2020, vol. 38, pp. 49-59.

[3] The Neurobiological Impact of Postpartum Maternal Depression. Child and Adolescent Psychiatric Clinics, 2016, vol. 25, pp. 179-200.

[4] Braren S.H., et al. Maternal psychological stress moderates diurnal cortisol linkage in expectant fathers and mothers during late pregnancy. Psychoneuroendocrinology, 2020, vol. 111.

[5] Odintsova O.Yu., Kryukova T.L., Baraboshin A.T. Prenatal dyadic stress as a context for the fear of pregnancy and childbirth // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2020. Vol. 26, No. 2. pp. 127-133.

[6] Yurchuk V.V. Modern Dictionary of Psychology. Moscow: Elaida, 2000. 704 p.

[7] Chernykh N.A. Motherhood as a socially conditioned phenomenon: An empirical study of anxiety in pregnant women // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2016, No. 2, Vol. 22, pp. 94–99.

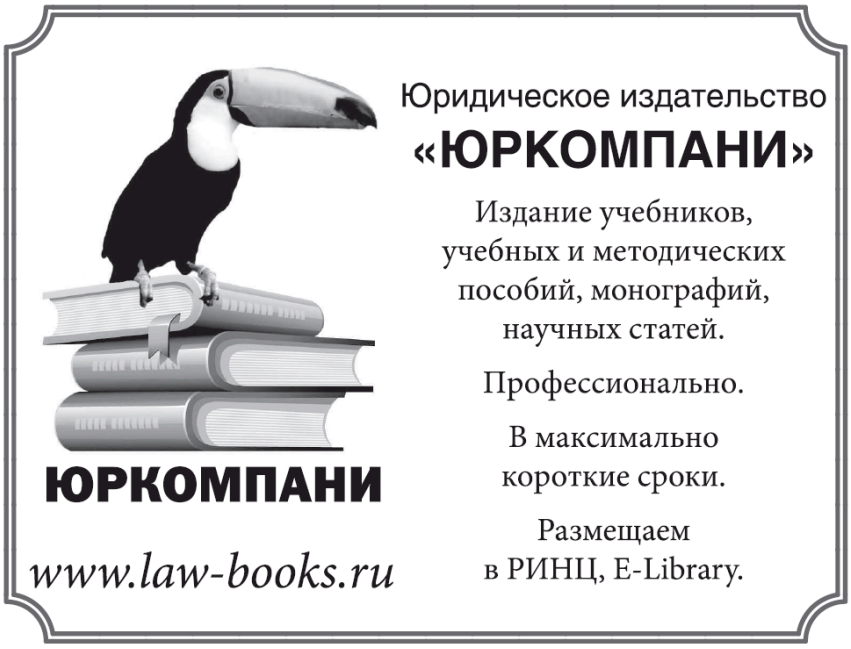
[8] Mazur, D.A., Burlakova, N.S. (2025). Delayed motherhood as a phenomenon of contemporary parenthood. Journal of Modern Foreign Psychology, 14(4), 146–154.

[9] Paksi, V., Nagy, B., Tardos, K. (2022). Perceptions of barriers to motherhood: Female STEM PhD students' changing family plans. Social Inclusion, 10(3), 149–159.

[10] Pettersson, M.L., Nedstrand, E., Bladh, M., Svanberg, A.S., Lampic, C., Sydsjö, G. (2020). Mothers who have given birth at an advanced age — health status before and after childbirth. Scientific Reports, 10(1), Article 9739.

[11] Robertson, J.A. (2014). Egg freezing and egg banking: Empowerment and alienation in assisted reproduction. Journal of Law and the Biosciences, 1(2), 113–136.

[12] Rybińska, A., Morgan, S.P. (2019). Childless expectations and childlessness over the life course. Social Forces, 97(4), 1571–1602.



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-1005-1009
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КУЛИЕВ Джамали Тофикович,
доцент кафедры юриспруденции,
Российский университет кооперации,
кандидат юридических наук,
e-mail: kulievdt@gmail.com

ПРИЧИНЫ СОВЕРШЕНИЯ ГРЕХОВ СОГЛАСНО ПОЛОЖЕНИЯМ ШАРИАТА

Аннотация. *В настоящей статье автор рассуждает о причинах совершения грехов согласно шариату. Так, автор приходит к выводу, что основной причиной совершения человеком грехов является состояние его души — чем ниже уровень духовного развития у человека, тем больше его душа приближает его к совершению греховных действий. То, что окружает человека, тоже может пробудить в нём желание совершить грех; шайтан так же отдаляет человека от совершения благих действий в пользу грехов. Однако, первичной причиной является угасание духовности в человеке. В работе автор также говорит о том, что такая концепция свойственна не только исламу, но и другим религиям, например, христианству. В то же время согласно христианской этике, человек уже рождается с грехом в силу того, что он человек, а ислам предполагает, что каждый человек рождается безгрешным.*

Ключевые слова: *ислам, шариат, Коран, Сунна, грех, нафс.*

Для цитирования: *Кулиев Д. Т. Причины совершения грехов согласно положениям шариата // Образование и право. 2026. № 10. С. 1005–1009.*

KULIEV Dzhamali Tofikovich,
associate professor of the department of jurisprudence,
Russian University of Cooperation,
candidate of law

THE REASONS FOR THE COMMISSION OF THE SINS ACCORDING TO THE PROVISIONS OF SHARIA

Annotation. *In this article, the author discusses the reasons for committing sins according to Sharia. Thus, the author comes to the conclusion that the main reason for committing sins is the state of a person's soul — the lower the level of spiritual development of a person, the more their soul brings them closer to committing sinful actions. What surrounds a person can also awaken in them the desire to commit sin; Shaitan also distances a person from performing good actions in favour of sins. However, the primary reason is the state of the human soul. In the work, the author also says that such a concept is peculiar not only to Islam, but also to other religions, for example, Christianity. At the same time, according to Christian ethics, a person is already born with sin due to the fact that they are human beings, while Islam assumes that every person is born sinless.*

Key words: *Islam, Sharia, the Quran, Sunnah, sin, nafs.*

For citation: *Kuliev D. T. The reasons for the commission of the sins according to the provisions of sharia. Education and law. 2026;(10):1005–1009. (In Russ.).*

Введение

В целом в любой науке, на любой стадии развития человечества, в той или иной степени, под тем или иным углом рассматривается вопрос следующего характера: почему люди совершают поступки, которые осуждаются большей частью людей не потому, что они (люди) придерживаются иных моральных, политических, религиозных и других взглядов, а потому, что совершаемые поступки либо нарушают права (интересы) других людей (антиобщественные), либо причиняют вред самому совершаемому индивиду (антиличные), либо и то и другое вместе? То есть, какова причина совершения соответствующих действий?

Правильный ответ на поставленный выше вопрос, сопровождающийся конкретными действиями по искоренению выявленных причин, позволит, хотя и не в полной мере пресечь соответствующие поступки, минимизировать их, в том числе позволит создать условия для предупреждения (профилактики) таких деяний.

Достижение указанного результата, связанного с корректным определением причин совершения такого рода поступков, возможно только при разностороннем исследовании вопроса, то есть при рассмотрении причин антиобщественного и антиличного поведения с позиций различных областей науки.

В настоящем исследовании автор анализирует причины антиобщественного и антиличного поведения (поступков) с позиций шариатской концепции причин совершения человеком (не только мусульманином) греховных деяний.

По мнению исследователя, определение причин совершения людьми греховных деяний, которые в большей своей части являются также и правонарушениями, поспособствует искоренению (или как минимум выработке правильной позиции по искоренению) соответствующих поступков людей не только в «религиозной» жизни, но и в «общественной».

Причины совершения греховных деяний по шариату

Анализ предписаний Корана (например, 29:45, 57:16-17 и др.) и Сунны Пророка Мухаммада (например, Муслим – 2748, ат-Тирмизи – 2449 и др.) позволяет сделать вывод, что в установлениях шариата уделяется большое внимание причинам совершения мусульманами и не мусульманами деяний, которые запрещены Всевышним и вызывают Его гнев.

Учение ислама исходит из того, что причиной совершения греховного деяния мусульманином является в первую очередь ослабление в его душе веры в Творца (ослабление *имана*), не говоря уже о том, что, если такая вера и вовсе отсутствует. Пророк Мухаммад говорил, что «*Когда прелюбодей прелюбодействует, и когда (кто-нибудь) пьёт вино, и когда вор ворует (грабитель грабит), то не являются они верующими, так остерегайтесь же делать это!*» (аль-Бухари – 5578). Положения Корана (10:57, 83:13-15 и др.) свидетельствуют о том, что возникновение помыслов, будь они греховными или наоборот праведными, происходит в сердце (душе) человека, то есть именно душа отвечают за эту «функцию». Подтверждением этому являются и слова, сказанные Посланником Аллаха, о том, что, когда Всевышний хочет даровать благо (*баракат*) человеку, то Он дает ему понимание религии (шариата) (Муслим – 5578).

Из предписаний Корана (например, 4:1, 14:51, 35:45, 58:11, 75:36 и др.) мы можем вывести, что Аллах постоянно наблюдает за поведением людей и это является одной из причин по которой каждый истинно верующий мусульманин старается сторониться всего греховного. Ослабление веры мусульманина к этим положениям Корана приводят к кризису духовности. В свою очередь, упадок веры является следствием деформации исходной природы каждого человека, которая основывается на том, что человек рождается безгрешным.

Стоит отметить, что обусловленность совершения грехов указанными причинами характерна не только для ислама, но также и для христианства. Например, в одном из документе, который был выпущен Русской Православной Церковью в 2000 году, говорилось, что: «*Главными источниками правонарушающего поведения людей является не что иное, как помраченное состояние души, а именно из души (сердца) исходят греховные мысли… (Мф. 15. 19)*» [7]. Вместе с тем ислам и христианство по-разному решают проблему искоренения дурных мыслей из «*помраченной души*». Так, адепты христианства исходят из того, что Творец создал человека по своему образу, а также даровал человеку власть над всем сущим на земле. Совершение первым человеком, который был создан Богом, греха воспринимается христианами как то, что опорочило саму человеческую природу, это явилось причиной отдаления человека от Бога, возникновению между ними «пропасти». Именно с момента совершения Адамом греха, каждое последующее человеческое поколение появляется с грехом, то есть человек рождается не «чистым», у него уже деформирована его природа [3, с. 151].

Отсюда мы можем сделать вывод, что христианское учение формулируют теорию о двуединой сущности греха. Первое заключается в том, что греховность каждого человека детерминирована его подверженности личному греху, то есть греху, который он совершает сам по тем или иным причинам. Второе исходит из того, что греховность каждого человека детерминирована его принадлежностью к человеческому роду, то есть человек рождается уже с грехом.

Относительно факта и причин совершения Адамом греха нет противоречий между предписаниями Корана и Библии. Но исламское учение не рассматривает проживание (существование) людей на Земле как наказания за совершение Адамом греха. В Коране упоминается, что Аллах простил Адама, когда Тот покаялся (20:122). Более того, ислам рассматривает человека в качестве наместника Творца на Земле (Коран, 2:30). Чело-

век был сотворен для выполнения определённой ответственной и почетной миссии, от которой отказались «небеса, земля и горы», когда Аллах предложил им эту ответственность (Коран, 33:72), что также подтверждает, что человек является венцом божественного творения.

Из вышесказанного мы можем заключить, что шариат категорически отрицает теорию «*первородного*» греха, на которой настаивают приверженцы христианства. Идея о том, что грехи одних людей могут быть возмещены другими людьми, а также, что грех Адама распространяется на всех людей, так же противоречат исламскому учению ввиду того, что в Коране установлено, что «*ни одна душа не понесет чужого бремени*» (35:18). Отсюда следует, что ослушание Адамом Аллаха рассматривается в шариате как его индивидуальный грех, который не имеет никакого отношения к человеческой природе. Посланник Аллаха говорил, что «*Каждый человек рождается с чистой душой…*» (аль-Бухари – 441). Вместе с тем положения Корана устанавливают, что человек является «*скупым, нетерпеливым, преступает границы дозволенного и др.*» (70:19-20, 96:6 и др.) и для того, чтобы преодолеть все эти пороки, не впасть в заблуждение и найти истинный путь, человек должен следовать божественному руководству (6:125, 39:37 и др.).

Стоит добавить, что шариат рассматривает и другие причины совершения человеком греховных деяний, к которым относится несовершенство человеческого вида, выражающееся в склонности человека к несправедливости, неблагодарности, жадности, а также неумение контролировать свои страсти, потребности и др. (Коран, 4:28, 32; 14:34; 17:12; 70:19; 80:17, 100:6 и др.). Слабость человека к страстям детализируется в аяте 14 суре 3 Корана, в котором говорится, что для человека приукрашена любовь к удовольствиям, получаемым от женщин, сыновей, золотом, серебра, конями, скотиной и нивами.

Анализ Корана позволяет нам прийти к выводу, что в зависимости от того, какие желания (праведные или греховные) в определённый момент времени завладевают сердцем человека, ему соответствует определенное состояние его души:

1.«*нафс аль-аммара*» (Коран, 12:53) – упорствующая (непослушная) душа. Самая низкая стадия духовно-нравственного развития человека, когда над душой властвует не сам человек, а его животные инстинкты, которым он не в силах сопротивляться и подчиняется им, что приводит его к совершению греховного (преступного);

2.«*нафс аль-лаввама*» (Коран, 75:2) – обвиняющая, попрекающая душа. Душа человека так же подвержена страстям, потребностям и животным инстинктам, но после совершения греха (преступного деяния) человек раскаивается и осознает, что совершил запрещённое, что в результате приводит к тому, что человек больше не совершает грехи;

3.«*нафс аль-мутмаинна*» (Коран, 89:27) – успокоившаяся душа. Высшая стадия духовно-нравственного развития человека, когда душа человека свободна ввиду того, что она не совершает предосудительного и не хочет этого совершать [2, с. 76].

Также причиной совершения человеком грехов является «подстрекательство» шайтана (сатаны, дьявола). В шариате уделено большое внимание этому вопросу. Коран предписывает, что «*шайтан является врагом для человека*» (12:5, 20:117). Ислам, так же, как и иные мировые религии, исходит из того, что душа каждого человека подвластна силам дьявола, который внушает человеку греховные помыслы и принуждает совершать запрещенное.

Вместе с тем ислам не только предостерегает человека от «дружбы» с шайтаном, но также и повествует о приемах, которыми пользуется дьявол для воздействия на человека. Так, положения Корана гласят, что «*алкогольные напитки и азартные игры являются причинами возникновения смуты, вражды и не совершения религиозных обязанностей*» (5:91). Эта мысль дублируется в словах Пророка Мухаммада, который говорил, что «*Иблис никогда не оставит надежды посеять смуту между мусульманами, сбивать мусульман с истинного пути*» (Ахмад – 3/29, 76).

Еще одним способом, при помощи которого дьявол воздействует на человека, является обман, а более точно: преподнесение не соответствующего действительности в качестве истины, то есть попытки предать греховному деянию богоугодное качество. Сказанное подтверждается повествованием в Коране истории о том, как при помощи лжи и обмана сатана вынудил Адама приблизиться к запретному дереву, сорвать и съесть его плод (20:120-122). Комментируя этот аят, Насафи, виднейший представитель ханафитского мазхаба, писал, что «*Иблис, описав дерево, которое дарует неимоверную силу, власть и вечную жизнь, сумел своими словами ввергнуть Адама в грех*» [2, с. 76-77].

Согласно положениям шариата, еще одной причиной, по которой человек совершает греховное, является окружающая его среда. Указанной проблеме шариат уделяет немалое внимание, что подтверждается количеством посвященных этой теме аятов и хадисов. Так, в Коране предписано, что мусульманину не стоит заводить дружбу или брать себе в помощники неверующего человека,

ибо он может сбить его с верного пути и привести к совершению греховных поступков, к неверию (5:51, 8:73, 25:27-29 и др.). Пророк Мухаммед говорил, что «*Пусть не водится с тобой никто, кроме верующего, и пусть не ест твою еду никто, кроме богобоязненного!*» (абу Дауд – 4832), также Посланнику Аллаха принадлежат следующие слова: «*Человек исповедует религию своего друга, и в связи с этим пусть каждый из моей общины обратит пристальное внимание на того, кто является его другом пристальное внимание*» (ат-Тирмизи – 2378).

Один из величайших исламских ученых имам аль-Хаттаби, давая толкование этим хадисам, говорил, что «*Суть слов Посланника Аллаха заключается в том, что дружить нужно с тем, с кем у человека совпадают представления о духовности, нравственности, праведности и других ценностях. Твой друг, в любом случае, будь то сознательно или бессознательно, будет пропагандировать те морально-нравственные ценности, которые близки его сердцу, и, в связи с этим, не подвергай себя опасности, надеясь на крепость своего имана*» [1, с. 56].

Как мы видим, представленные причины совершения греховных деяний согласно положениям шариата по сути своей являются субъективными. В то же самое время, Коран и Сунна Пророка Мухаммада не игнорируют и уделяют внимание и объективным причинам соответствующего поведения человека. Так, в Коране повествуется, что бедность и нищета могут спровоцировать человека на совершение греховного деяния: воровства или убийства своих детей из-за опасения того, что они не смогут их прокормить, но вместе с тем, Аллах предостерегает человека от совершения этих грехов (Коран, 2:155, 5:38, 6:151, 8:28, 65:7 и др.). Также стоит отметить, что Посланник Аллаха говорил своим последователям, чтобы те всегда просили у Всевышнего защиты от бедности и нищеты (Ахмад – 2/305).

Как мы полагаем, хоть объективные причины совершения греховных деяний и являются важными, но все же играют вспомогательную роль, интенсифицируя грехи, но не возбуждая их. Одну и ту же ситуацию каждый человек воспринимает по-разному и поэтому реакция может быть различной. Не каждый человек, в какой бы сложной жизненной ситуации он ни оказался, пойдет на совершение греха. Отсюда мы можем заключить, что основные причины греховного поведения человека кроются в его «внутреннем мире», то есть это религиозные, нравственные, моральные, психологические, психические и иные свойства человека.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что согласно положениям шариата, основной причиной совершения человеком (мусульманином или не мусульманином) греховного является ослабление в его душе веры во Всевышнего Аллаха.

Вместе с тем предписания Корана и Сунны Пророка Мухаммада не игнорируют и уделяют внимание и объективным причинам соответствующего поведения человека, например, отрицательное влияние общества. Как мы полагаем, хоть объективные причины преступности и являются важными, но все же играют вспомогательную роль, способствуя совершению греха, но не возбуждая его.

Список литературы:

[1] Аль Халас Ашраф. Понятие преступления по уголовному праву Иордании: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 56.

[2] Аушев Х.О. Преступление и наказание в Коране и Сунне: философско-религиоведческий анализ. Дис. ... канд. филос. наук. М., 2018. С. 76-77.

[3] Капилупи С. Концепция первородного греха на Западе и Востоке // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. № 2. Т. 12. С. 150-159.

[4] Коран / Перевод с арабского и комментарии М.-Н.О. Османова. СПб.: ДИЛЯ, 2018. 976 с.

[5] Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 1. С. 13-25.

[6] Муснад имама Ахмада. // Энциклопедия хадисов. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/musnad-imama-axmada/ (дата обращения: 07.01.2024).

[7] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. // Сергиевский храм г. Воскресенска. URL: http://www.voskresensk.prihod.ru/pravoslavnyjj_kabinet/view/id/1180592 (дата обращения: 01.01.2024).

[8] Сахих аль-Бухари. // Энциклопедия хадисов. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/saxix-al-buxari/ (дата обращения 07.01.2024).

[9] Сахих Муслим. // Энциклопедия хадисов. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/saxix-muslim/ (дата обращения 07.01.2024).

[10] Сунан Абу Дауд. // Энциклопедия хадисов. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/sunan-abu-daud/ (дата обращения 07.01.2024).

[11] Сунан ат-Тирмизи. // Энциклопедия хадисов. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/sunan-at-tirmizi/ (дата обращения 07.01.2024).

References:

[1] Al-Khalas, Ashraf. The Concept of Crime

under Jordanian Criminal Law: Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2003, p. 56.

[2] Aushev, Kh. O. Crime and Punishment in the Quran and Sunnah: A Philosophical and Religious Studies Analysis: Candidate of Philosophical Sciences Dissertation. Moscow, 2018, pp. 76–77.

[3] Kapilupi, S. The Concept of Original Sin in the West and the East // Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities. 2011, Vol. 12, No. 2, pp. 150–159.

[4] The Quran / Translated from Arabic with commentary by M.-N. O. Osmanov. St. Petersburg: Dilya, 2018, 976 p.

[5] Kuliev, D. T. Sharia and Fiqh: Concept, Sources, and Relationship // Islamic Studies. 2020, Vol. 11, No. 1, pp. 13–25.

[6] Musnad of Imam Ahmad // Encyclopedia of Hadiths. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/musnad-imama-axmada/ (accessed: 07.01.2024).

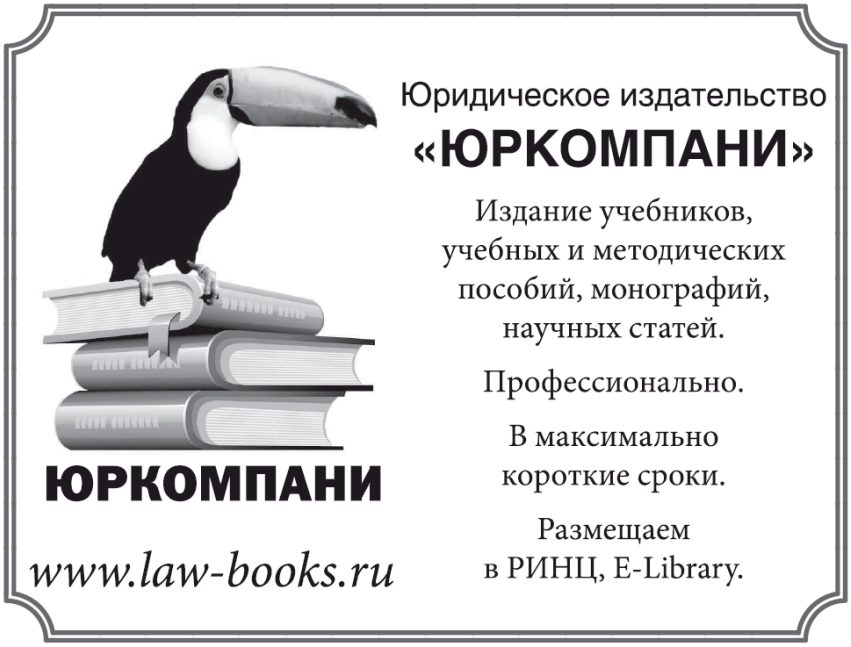
[7] The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church // St. Sergius Church, Voskresensk. URL: http://www.voskresensk.prihod.ru/pravoslavnyjj_kabinet/view/id/1180592 (accessed: 01.01.2024).

[8] Sahih al-Bukhari. // Encyclopedia of Hadith. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/saxix-al-buxari/ (accessed 07.01.2024).

[9] Sahih Muslim. // Encyclopedia of Hadith. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/saxix-muslim/ (accessed 07.01.2024).

[10] Sunan Abu Dawood. // Encyclopedia of Hadith. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/sunan-abu-daud/ (accessed 07.01.2024).

[11] Sunan at-Tirmidhi. // Encyclopedia of Hadith. URL: https://hadis.uk/sborniki-xadisov/sunan-at-tirmizi/ (accessed 07.01.2024).



ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-1010-1015
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КОТОВА Елена Сергеевна,
аспирант 3-го курса образовательной программы «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»,
e-mail: kotovaelena83@mail.ru

СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ ПРАВА В ТЕОРИИ ВИНОГРАДОВА

Аннотация. *Правопонимание выдающегося русского историка и правоведа Павла Гавриловича Виноградова наиболее полно изложено в его фундаментальном труде «Очерки по теории права» (1915 год). Его концепция формировалась на стыке исторической школы юриспруденции, социологического подхода и неокантианства, что позволило ученому создать глубокую, свободную от догматизма теорию. Виноградов понимал право не как застывший свод правил (догму), а как «социальную силу», которая кристаллизуется из обычаев, судебной практики и общественных потребностей. Правогенез в его трактовке – это живой исторический процесс, где юридические формы постепенно адаптируются к усложняющейся психической и социальной жизни человечества.*

Ключевые слова: *Павел Гаврилович Виноградов, правопонимание, теория права, правогенез, историческая школа юриспруденции, социологический подход, неокантианство.*

Для цитирования: *Котова Е. С. Сущность, цели и функции права в теории Виноградова // Образование и право. 2026. № 10. С. 1010–1015.*

KOTOVA Elena Sergeyevna,
Third-year postgraduate student in the educational program "Theory and History of Law and the State; History of Legal and Political Doctrines" at the Moscow Pedagogical State University

THE ESSENCE, GOALS, AND FUNCTIONS OF LAW IN THE THEORY OF VINOGRADOFF

Annotation. *The legal philosophy of the prominent Russian historian and legal scholar Paul Gavrilovich Vinogradoff (Vinogradov) is most comprehensively articulated in his fundamental work, *Outlines of Historical Jurisprudence* (1915). His conceptual framework emerged at the intersection of the historical school of jurisprudence, the sociological approach, and Neo-Kantianism—a synthesis that enabled him to develop a profound theory, entirely free from dogmatism. Vinogradoff did not conceive of law as a static body of rules (dogma), but rather as a "social force" that crystallizes out of customs, judicial practice, and societal needs. In his interpretation, the genesis of law is a dynamic historical process in which legal forms gradually adapt to the increasingly complex psychological and social life of humanity.*

Key words: *Paul Gavrilovich Vinogradoff, legal philosophy, theory of law, genesis of law, historical school of jurisprudence, sociological approach, Neo-Kantianism.*

For citation: *Kotova E. S. The essence, goals, and functions of law in the theory of Vinogradoff. Education and law. 2026;(10):1010–1015. (In Russ.).*

Главными источниками, в которых Виноградов последовательно и детально обосновывал этот социологический и исторический взгляд на правогенез, выступают следующие фундаментальные труды:

«Исследования по социальной истории Англии в Средние века» (1887) [1] и связанный с ними классический труд «Вилланство в Англии» (*Villainage in England*, 1892) [5] – фундаментальные историко-социологические исследования, на примере которых Виноградов продемонстрировал, как обычное право и социальная структура общины (манора) исторически предопределили эволюцию государственных и правовых институтов.

«Римское право в средневековой Европе» (1910) – работа, в которой исторический взгляд на правогенез раскрывается через процессы рецепции (заимствования) римского права западноевропейскими обществами и адаптации юридических норм к новым социально-экономическим условиям [12].

В своих более ранних работах, в которых Виноградов постепенно формулирует суть права, как он ее понимает и осознает под воздействием своих исследований и исследований крупнейших авторитетов того времени в мире.

Будучи профессором кафедры сравнительного правоведения в Оксфорде, Виноградов активно развивал идеи исторической школы права. В своих англоязычных курсах лекций, позднее опубликованных, «Common Sense in Law» и [19]. и многотомном незавершенном труде «Outlines of Historical Jurisprudence» [20], он подробно описывал концепцию правогенеза как органического социального процесса. Труд закрепил за Виноградовым статус одного из крупнейших теоретиков права своего времени. Книга до сих пор используется учеными для анализа того, как эволюция человеческого сознания и социальных институтов влияла на формирование современных правовых систем. В России отдельные части этой работы переиздавались в рамках научных серий (например, под редакцией профессора В. А. Томсинова в издательстве «Зерцало») [18]

В более ранней работе «Исследования по социальной и правовой истории Англии». посвящённой конкретно-историческому материалу (английскому средневековому феодализму), она служит главным практическим доказательством его теории. На примере эволюции английского обычного права Виноградов наглядно показывает, как меняющиеся экономические нужды классов и общества трансформировали юридические обычаи без всякого вмешательства «извне» или указов королей.

Наконец, в «Учебнике правоведения для средних учебных заведений» (1908 год), доступным языком сформулировал свою социологическую концепцию. Он объяснял, что человеческое общежитие невозможно без компромиссов и координации интересов. Соответственно, правовые нормы зарождаются как инструмент выживания и адаптации самого социума, развиваясь и усложняясь вместе с развитием экономических и духовных потребностей людей.

Павел Гаврилович Виноградов рассматривал право, как сложный, динамичный феномен, тесно связанный с обществом, его структурой и эволюцией. Его концепция объединяла социологический позитивизм и элементы теории естественного права, что позволило создать целостное понимание правовой системы.

Виноградов определял право, как социальный институт, возникающий и развивающийся в рамках общества. Его ключевыми тезисами были следующие:

Право – продукт общества. «Как отмечал П. Г. Виноградов в своих „Очерках по теории права“, правовые институты не навязываются социуму извне силой государственного приказа, а представляют собой продукт естественной эволюции общественных отношений и согласования взаимных интересов [5, с. 38–42; 45]».

Динамичность права. «Согласно правопониманию П. Г. Виноградова, правовые нормы неизбежно динамичны, поскольку они отражают уровень нравственного сознания конкретной эпохи. Право, по его мнению, не может оставаться статичным и просто фиксировать существующий порядок – оно является проводником социального прогресса, постоянно двигаясь от фактических условий к нравственному идеалу [20, с. 24–28]».

Связь права и морали. Учёный отмечал «срединное положение» права между нормами, обеспечивающими социальный порядок, и нормами, регулирующими социальное общение. Срединное положение права: в работе «Очерки по теории права» П. Г. Виноградов указывает, что человеческое поведение регулируется нормами разного рода: одни создают базовый каркас безопасности (социальный порядок), другие – регулируют повседневные межличностные отношения (социальное общение). Правовые нормы находятся на стыке этих двух задач, связывая государственную стабильность с этическими границами. Связь с моралью: из-за этого «срединного» статуса, по мнению Виноградова, правоведение ближе всего соприкасается именно с наукой о морали (этикой), а закон опирается на нравственный долг и понятие справедливости.

Многоуровневость права. Виноградов разли-

чал право на несколько уровней:

Первый уровень – Позитивное право (объективное, писаное право): Его автор определяет его как систему формально определенных правил и норм, признаваемых и поддерживаемых государством в конкретный исторический период. Позитивное право у него тесно связано с главой о законодательстве и государственной волей [5, с. 46].

Второй уровень – уровень «предправа» (социально-психологический уровень): ученый подчеркивает, что позитивное право не возникает из ниоткуда. Оно вырастает из социальных обычаев, межличностного общения и психологического одобрения норм самим обществом.

Третий уровень – идеальный уровень (естественное право / справедливость): Позитивное право постоянно соотносится с высшими этическими идеалами общества [21].

«Теоретический тезис об исторической обусловленности правовых институтов и их зависимости от социальной эволюции сформулирован П. Г. Виноградовым в его “Очерках по теории права” (1915), где автор критикует аналитический позитивизм за отрыв юридических догм от их исторического контекста».

Цели права

Цели права Виноградов определяет, в частности, в своем фундаментальном труде «Очерки по теории права»: цель права заключается в установлении и поддержании общественной связи, порядка и норм поведения через правила о том, что следует делать и от чего нужно воздерживаться [5, с. 39].

Ключевыми аспектами понимания цели права П. Г. Виноградовым являются:

Установление правил поведения: Виноградов определял цель права как создание обязательных правил, определяющих распределение и осуществление власти (мощи) над людьми и вещами, так называемая ближайшая цель [19].

Опора на разум и справедливость или подчинение индивида воле организованного общества (конечная социальная цель): Право выступает как инструмент коллективного разума, который координирует воли отдельных людей ради выживания и стабильности всей общины. Результат достигается комбинацией и взаимным согласованием человеческих воль [5, с. 39].

Обеспечение существования общества: Право устанавливает «минимум нравственности и обязанностей», необходимых для выживания и совместной жизни людей, исполнение которых поддерживается и вынуждается силой общества или государства [5, с. 39].

Связь с идеями свободы: Опираясь на философскую традицию (в частности, И. Канта), Виноградов рассматривал движение права как путь к обеспечению условий для проявления свободы отдельной личности в рамках организованного общественного порядка [5, с. 39].

В современном изложении высказываний Виноградова, право служит достижению нескольких взаимосвязанных целей:

Обеспечению социального порядка. Основная функция права – установление и поддержание стабильных отношений в обществе. Право создаёт рамки, в которых разрешаются конфликты и координируются действия людей [5, с. 39].

Защите интересов индивида и общества. Право балансирует между интересами личности и коллектива. Оно должно гарантировать свободу и безопасность индивида, не допуская при этом анархии.

Реализации справедливости. Справедливость – не абстрактный идеал, а практический критерий оценки законов. Право должно соответствовать представлениям общества о справедливом и должном.

Содействию социальному прогрессу. Правовые нормы способствуют развитию общества, закрепляя новые формы отношений и институтов. Например, расширение личной свободы в средневековой Англии было связано с осознанием её экономической и нравственной целесообразности [5].

Гармонизация интересов. Право разрешает противоречия между различными социальными группами, находя компромиссные решения, приемлемые для большинства.

Функции права

Виноградов выделял следующие ключевые функции права:

Регулятивную. Право устанавливает правила поведения, обязательные для всех членов общества. Эти правила охватывали:

экономические отношения (собственность, договоры);

политические институты (власть, управление);

социальные связи (семья, община) [5].

Охранительную. Право защищает существующий порядок от нарушений. Это достигается через:

систему санкций;

механизмы разрешения споров (суды, арбитраж).

Интегративную. Право объединяет общество, создавая общие нормы и ценности. Оно способствует формированию коллективной идентичности и солидарности.

Трансляционную. Право передаёт социальный опыт от поколения к поколению. Например,

римское право, по словам Виноградова, «не угасло с римской государственной организацией, а перешло в средние века», став основой для новых правовых систем [5].

Адаптивную. Право адаптируется к изменениям в обществе, обновляя нормы и институты. Виноградов иллюстрировал это на примере эволюции манора в средневековой Англии: от простой хозяйственной единицы до сложного правового института, регулирующего отношения лорда и крестьян [5].

Ценностно-ориентирующую. Право закрепляет и распространяет ключевые ценности общества (свобода, равенство, справедливость), влияя на сознание и поведение людей.

Концепция права Виноградова отличалась:

комплексным подходом – сочетанием позитивистского анализа и ценностных критериев;

историзмом – рассмотрением права как продукта эволюции общества;

системностью – пониманием взаимосвязи права с экономикой, политикой и моралью.

Подводя итог исследованиям П. Г. Виноградова сущности, цели и функции права, необходимо уточнить в каком окружении рождались эти исследования. Частично механизм формирования и выработка теории и методологии правовой науки, приведших ученого к подобным выводам, рассмотрен в предыдущей главе. Сформулировав тезис, что «Цель права — подчинение индивида воле организованного общества» [Виноградова, 39].

Формируя свой взгляд на право, как на инструмент разграничения, распределения и согласования воль и интересов в обществе, он прямо и косвенно оппонировал двум ключевым направлениям. Первое направление -- сторонники теории «разграничения интересов», видевшие основную цель права в разграничении интересов», защите практической пользы и простом балансе интересов, настаивая на приоритете сочетания и комбинации коллективной и индивидуальной *воль*. Рудольф фон Иеринг – крупнейший ученый, продвигавший идею, что право является результатом борьбы, то второй -- Николай Михайлович Коркунов, -- дал определение права, не как совокупность приказов государства, а инструмент «разграничения интересов» людей и их сообществ. Он вошел в историю науки как один из пионеров социологического и психологического подходов к праву. Различия в подходах представлены в таблице.

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов к праву

Критерий сравнения	**Рудольф фон Иеринг (Германия)**	**Николай Михайлович Коркунов (Россия)**	**Павел Гаврилович Виноградов (Россия/Великобритания)**
Основное направление	Социологическая юриспруденция (ранний этап), реализм.	Социолого-психологическая теория права.	Историко-сравнительный метод, неовикторианская историческая школа.
Сущность права (что есть право?)	**Защищенный государством интерес** и инструмент достижения социальных целей.	**Разграничение интересов**. Право не создает интересы, а лишь устанавливает их границы.	**Социальный порядок и справедливость**, вырастающие из обычаев и исторического опыта общества.
Движущая сила развития	**Борьба**. Право рождается в столкновении интересов («В борьбе обретешь ты право свое»).	**Психическая общность** людей и осознание зависимости индивидуального блага от общего порядка.	**Органическая эволюция** общества, постепенное признание и закрепление обычаев.
Роль государства	**Определяющая**. Государство обладает монополией на принуждение, без которого право мертво.	**Ограниченная**. Государство — лишь один из органов разграничения интересов, подчиненный праву.	**Взаимная**. Государство оформляет право, но само право коренится глубже — в народной жизни и судах.
Ключевой элемент системы	**Цель** (практическая польза и социальная целесообразность).	**Субъективное сознание** (психологическое отношение человека к долгу и силе).	**Обычай и прецедент** (исторически сложившиеся нормы общежития).

Представителями второго направления были Павел Иванович Новгородцев и Лев Иосифович Петражицкий. Они выводили цель права из абсолютных этических ценностей, идеала личности или внутренней психики человека. Виноградов же жестко разделял право и мораль по их целям: если нравственность стремится подчинить человека его собственной совести, то право преследует внешнюю цель — организацию социального общения через подчинение общей воле.

П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий и П. Г. Виноградов представляют три важнейших направления в российской правовой мысли конца XIX – начала XX века: неокантианство (естественное право), психологическую теорию права и историко-сравнительное правоведение. Их взгляды на целеполагание в праве (зачем существует право и к какому идеалу оно стремится) имели принципиальные различия.

Ниже представлена таблица, сопоставляющая их позиции по ключевым аспектам правового целеполагания.

Таблица 2.

Критерий сравнения	Павел Иванович Новгородцев	Лев Иосифович Петражицкий	Павел Гаврилович Виноградов
Высшая цель права	**Нравственный идеал** и свободное гармоничное развитие личности.	**Психическое совершенствование** человечества и очищение человеческой психики.	**Социальный порядок**, баланс интересов и практическое регулирование жизни общества.
Источник целей права	**Абсолютные этические ценности** и разум человека (возрождение естественного права).	**Эмоции и психика** индивида (императивно-атрибутивные правовые переживания).	**Исторический опыт**, традиции и объективные потребности конкретного общества.
Отношение к идеалу	Идеал автономен и служит **критерием для оценки** действующего (позитивного) права.	Идеал — это **конечная точка эволюции** человеческой психики (воспитание идеального характера).	Идеал относителен; право должно решать **насущные задачи** эпохи, а не искать абстрактный абсолют.
Роль государства в целеполагании	Государство обязано стремиться к **реализации прав человека** и справедливости.	Государство лишь **унифицирует и закрепляет** официальное право, подстраиваясь под психику масс.	Государство является **главным инструментом** упорядочивания социальных сил и воли народа.
Фокус внимания	**Должное** (каким право должно быть с точки зрения морали и идеала справедливости).	**Сущее в психике** (как правовые эмоции реально мотивируют поведение человека).	**Сущее в истории** (как право развивалось на практике в разных культурах и эпохах).

Опираясь на плечи единомышленников и оппонентов, П. Г. Виноградов работал над формированием своей правовой концепции. Его идеи оказали влияние на развитие сравнительного правоведения и социологии права, поскольку позволили разработать методологию, актуальную и сегодня.

Список литературы:

[1] Виноградов П. Г. Исследования по социальной и правовой истории Англии: Вилланство в Англии. – М.: А. А. Левенсон, 1892. – 463 с.

[2] Виноградов, П. Г. Исторические розыскания в итальянских архивах и библиотеках / П. Г. Виноградов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1879. – Февраль. – Часть 201. – С. 151-158.

[3] Виноградов, П. Г. Очерки западноевропейской историографии / П. Г. Виноградов // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. № 8. С. 390–408 ; № 9. С. 160–182 ; № 10. С. 371–385 ; № 11. С. 176–198 ; № 12. С. 485–498 ; 1884. № 1. С. 237–250 ; № 2. С. 433–443 ; № 6. С. 310–331 ; № 7. С. 172–185 ; № 8. С. 414–428 ; № 11. С. 183–193.

[4] Виноградов, П. Г. Очерки исторической юриспруденции / П. Г. Виноградов ; пер. с англ. под ред. М. В. Антонова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. – 380 с.

[5] Виноградов П. Г. Очерки по теории права. – М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. – 153 с.

[6] Виноградов, П. Г. Очерки по теории права ; Римское право в средневековой Европе / П. Г. Виноградов ; под ред. У. Э. Батлера, В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2010. — 279 с.

[7] Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии / Соч. Павла Виноградова. – Санкт-Петербург : тип. В.С. Балашева, 1880. – [348] с. разд. паг.; 24.

[8] Виноградов, П. Г. Письма к В. И. Герье. 1875–1903 гг. / П. Г. Виноградов // Средние века. – Москва : Наука, 1962. – Вып. 22. – С. 267–282.

[9] Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии / Соч. Павла Виноградова. – Санкт-Петербург : тип. В.С. Балашева, 1880. – [348] с. разд. паг.; 24.

[10] Виноградов, П. Г. Римское право в средневековой Европе / П. Г. Виноградов. – М. : Дело, 1910. – 102 с.

[11] Виноградов, П. Г. Римское право в средневековой Европе. Здравый смысл в праве / П. Г. Виноградов. – М. : Территория будущего, 2010. – 528 с.

[12] Виноградов, П. Г. Римское право в средневековой Европе. Очерки по теории права / П. Г. Виноградов. – М.: Издательство Юрайт, 2018. 208 с.

[13] Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии: Очерки по социальной истории Англии в средние века. – М.: Наука, 1980. – 340 с.

[14] Виноградов П. Учебное дело в нашем университете // ВЕ. 1901. № 10. С. 537–573.

[15] Виноградов П. Г. Юридические нормы. Очерки по теории права. // Сайт : Виртуальный учебно-методический кабинет. URL: https://virmk.ru/read/v/Vinogradov.htm (дата обращения: 18.08.2026).

[16] Виноградов П. Г. // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 1897-1904 / П. Г. Виноградов. - СПб. Б.и., 1904. – С. 351.

[17] Виноградов, П. Г. 17 октября 1905 г. / П. Г. Виноградов // Слово. — 1905. — 27 ноября. С. 255-264.

[18] Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 2. М.: Зерцало-М, 2015. — (серия «Русское юридическое наследие»). — 472 с.

[19] Vinogradoff P. Common Sense in Law. – London: Williams and Norgate, 1913. – 256 p.

[20] Vinogradoff P. Villainage in England. Essays in English Mediaeval History // Project Gutenberg. URL: https://www.gutenberg.org/files/38876/38876-h/38876-h.htm (дата обращения: 18.08.2026).

[21] Гараева Г. Ф. Особенности обоснования интегративного подхода к праву в трудах П. Г. Виноградова // Общества: политика, эконо-

мика, право. 2018. № 11(64) // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obosnovaniya-integrativnogo-podhoda-k-pravu-v-trudah-p-g-vinogradova (дата обращения: 18.08.2026).

References:

[1] Vinogradoff, P. G. *Studies in the Social and Legal History of England: Villeinage in England*. – Moscow: A. A. Levenson, 1892. – 463 p.

[2] Vinogradoff, P. G. "Historical Inquiries in Italian Archives and Libraries." *Journal of the Ministry of Public Education*, February 1879, Part 201, pp. 151–158.

[3] Vinogradoff, P. G. "Essays on Western European Historiography." *Journal of the Ministry of Public Education*, 1883, No. 8, pp. 390–408; No. 9, pp. 160–182; No. 10, pp. 371–385; No. 11, pp. 176–198; No. 12, pp. 485–498; 1884, No. 1, pp. 237–250; No. 2, pp. 433–443; No. 6, pp. 310–331; No. 7, pp. 172–185; No. 8, pp. 414–428; No. 11, pp. 183–193.

[4] Vinogradoff, P. G. *Essays in Historical Jurisprudence*; translated from English, edited by M. V. Antonov. – St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2024. – 380 p.

[5] Vinogradoff, P. G. Essays on the Theory of Law. – Moscow: A. A. Levenson Printing House, 1915. – 153 p.

[6] Vinogradoff, P. G. Essays on the Theory of Law; Roman Law in Medieval Europe / P. G. Vinogradoff; ed. by W. E. Butler, V. A. Tomsinov. — Moscow: Zertsalo, 2010. — 279 p.

[7] Vinogradoff, P. G. The Origin of Feudal Relations in Lombard Italy / By Pavel Vinogradoff. – Saint Petersburg: V. S. Balashev Printing House, 1880. – [348] p. (variously paginated); 24 cm.

[8] Vinogradoff, P. G. Letters to V. I. Guerrier, 1875–1903 / P. G. Vinogradoff // The Middle Ages (Srednie veka). – Moscow: Nauka, 1962. – Issue 22. – pp. 267–282.

[9] Vinogradoff, P. G. The Origin of Feudal Relations in Lombard Italy / By Pavel Vinogradoff. – Saint Petersburg: V. S. Balashev Printing House, 1880. – [348] p. (variously paginated); 24 cm.

[10] Vinogradoff, P. G. Roman Law in Medieval Europe / P. G. Vinogradoff. – Moscow: Delo, 1910. – 102 p.

[11] Vinogradoff, P. G. *Roman Law in Medieval Europe. Common Sense in Law*. Moscow: Territoriya budushchego, 2010. 528 p.

[12] Vinogradoff, P. G. *Roman Law in Medieval Europe. Essays on the Theory of Law*. Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. 208 p.

[13] Vinogradoff, P. G. *The Medieval Manor in England: Essays on the Social History of England in the Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1980. 340 p.

[14] Vinogradoff, P. "Academic Affairs at Our University." *Vestnik Evropy* (VE), 1901, no. 10, pp. 537–573.

[15] Vinogradoff, P. G. "Legal Norms: Essays on the Theory of Law." In: *Virtual Educational and Methodological Cabinet*. URL: https://virmk.ru/read/v/Vinogradov.htm (accessed: August 18, 2026).

[16] Vinogradoff, P. G. In: Vengerov, S. A. *Critical-Biographical Dictionary of Russian Writers and Scholars (1897–1904)*. St. Petersburg, 1904, p. 351.

[17] Vinogradoff, P. G. "October 17, 1905." *Slovo*, November 27, 1905, pp. 255–264.

[18] Tomsinov V. A. Russian Legal Scholars of the 18th–20th Centuries: Essays on Their Lives and Work. In 3 volumes. 2nd, expanded edition. Vol. 2. Moscow: Zertsalo-M, 2015. — (Series: "Russian Legal Heritage"). — 472 p.

[19] Vinogradoff P. Common Sense in Law. – London: Williams and Norgate, 1913. – 256 p.

[20] Vinogradoff P. Villainage in England. Essays in English Mediaeval History // Project Gutenberg. URL: https://www.gutenberg.org/files/38876/38876-h/38876-h.htm (accessed: 18.08.2026).

[21] Garaeva G. F. Specifics of the Justification of an Integrative Approach to Law in the Works of P. G. Vinogradoff // Societies: Politics, Economics, Law. 2018. No. 11(64) // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obosnovaniya-integrativnogo-podhoda-k-pravu-v-trudah-p-g-vinogradova (accessed: 18.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.10.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-1016-1020
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

РЫЖОВА Юлия Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
e-mail: julia1806@yandex.ru

РОЛЬ ИНСТИТУТА ДВОРЦОВОГО КОМЕНДАНТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ИМПЕРАТОРА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция институтов дворцовых комендантов в контексте обеспечения безопасности главы государства в позднеимперской России. Анализируется нормативно-правовая база, регламентировавшая деятельность данного должностного лица, а также исследуется трансформация его полномочий под влиянием политических реалий конца XIX – начала XX века. Делается вывод о том, что к началу XX века фигура дворцового коменданта приобрела черты ключевого субъекта системы физической охраны императора, что было обусловлено как усложнением террористических угроз, так и бюрократизацией имперского управления.*

Ключевые слова: *дворцовый комендант, обеспечение безопасности императора, политический сыск, дворцовая полиция, Министерство императорского двора, охрана императора.*

Для цитирования: *Рыжова Ю. В. Роль института дворцового коменданта в обеспечении безопасности императора в конце XIX – начале XX вв // Образование и право. 2026. № 10. С. 1016–1020.*

RYZHOVA Yulia Valeryevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Legal,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia

THE ROLE OF THE PALACE COMMANDANT'S INSTITUTE IN ENSURING THE EMPEROR'S SECURITY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Annotation. *The article examines the evolution of the institution of palace commandants in the context of ensuring the security of the head of state in late imperial Russia. The regulatory and legal framework that governed the activities of this official is analysed, and the transformation of their powers under the influence of the political realities of the late 19th – early 20th century is examined. It is concluded that by the beginning of the 20th century, the figure of the palace commandant had acquired the characteristics of a key subject in the system of the emperor's physical protection, which was due both to the growing complexity of terrorist threats and to the bureaucratisation of imperial administration.*

Key words: *palace commandant, ensuring the emperor's safety, political investigation, palace police, Ministry of the Imperial Court, emperor's protection.*

For citation: *Ryzhova Yu. V. The role of the palace commandant's institute in ensuring the emperor's security in the late 19th – early 20th centuries. Education and law. 2026;(10):1016–1020. (In Russ.).*

Институт дворцовых комендантов занимает особое место в истории отечественных органов государственной охраны. В отличие от широко изученных структур, таких как Отдельный корпус жандармов, Департамент полиции Министерства внутренних дел деятельность дворцового коменданта часто остается на периферии историко-правовых исследований. Между тем, именно это должностное лицо в конце XIX – начале XX века являлось связующим звеном между военной администрацией императорской главной квартиры и органами политического сыска. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного осмысления исторического опыта организации безопасности первых лиц государства, что имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

Правовой статус дворцового коменданта определялся рядом подзаконных актов, в первую очередь «Учреждением Министерства Императорского Двора» [7]. Должность, учрежденная еще в 1801 году, первоначально носила преимущественно хозяйственно-распорядительный характер. Вместе с тем к концу XIX века, после серии покушений на Александра II и Александра III функции дворцового коменданта претерпевают существенную трансформацию. Например, согласно сложившейся к 1880-м годам практике, дворцовый комендант отвечал за «непосредственное охранение Высочайшего двора и безопасность пребывания Императора в пределах дворцовых зданий и пригородных резиденций. Юридически эта формула закрепляла за ним функции общего руководства полицейскими силами, находящимися в ведении дворцового ведомства, а не общей полиции.

Важным этапом стало создание в 1881 году Дворцовой полиции. Хотя формально она подчинялась обер-полицмейстеру, на практике оперативное руководство ею осуществлял дворцовый комендант. Это создавало уникальную ситуацию «двойного подчинения», которая была несовершенна, но позволяла оперативно решать задачи безопасности без излишней бюрократической волокиты.

К началу XX века, особенно после назначения на должность дворцового коменданта П.П. Гессе (1905 г.) и последующего периода, роль этого института резко возрастает. Это было связано с изменением тактики революционного террора: если ранее угроза исходила преимущественно от одиночек, то теперь речь шла об организованных боевых группах, использовавших технические новшества (метательные снаряды).

На основании принятого 4 сентября 1905 г. «Положения о дворцовом коменданте», «начальник императорской охраны переходит в непосредственное подчинение министра Императорского Двора с сохранением своих функций» [2, с. 10].

Принятым 23 апреля 1906 г. «Положением о дворцовом коменданте» были значительно расширены его полномочия «по взаимодействию с подведомственной ему частями императорской охраны…» [2, с. 11].

Именно на этот период времени происходит институциональное сближение дворцового коменданта с Отдельным корпусом жандармов. Дворцовый комендант получает право напрямую запрашивать агентурные данные у начальника Петербургского охранного отделения, минуя Департамент полиции.

Особый интерес представляет вопрос о разграничении компетенции между дворцовым комендантом и дворцовым градоначальником (в период, когда эта должность вводилась). Основным критерием являлась территориальность, когда комендант отвечал за «внутренний периметр» (здания, парки, периметр ограды). Однако на практике, в условиях передвижения императора по стране (железнодорожные поездки, поездки в Финляндию, в Крым и др.), дворцовый комендант брыла на себя функцию главного координатора всех силовых структур на маршруте следования, что фактически ставило его выше местных губернаторов и жандармских управлений в оперативном отношении.

Нормативная основа института дворцового коменданта представляла собой многоуровневую совокупность источников, которые условно можно разделить на три группы:

- законодательные акты общего характера, акты ведомственного правотворчества и закрытые инструкции оперативного характера.

Первую группу составляли акты, определявшие собой статус дворцового ведомства и его место в системе государственного управления Российской империи. Базовым источником здесь выступало «Учреждение Министерства Императорского Двора», включенного в Свод законов Российской империи. Этот законодательный акт закреплял подчиненность дворцового ведомства непосредственно императору, а также определял общие начала организации полицейской службы в пределах дворцовых резиденций.

Вторую группу образуют акты, непосредственно регламентировавшие статус дворцового коменданта и подчиненных ему структур. Центральное место среди них занимает «Положение о дворцовом коменданте», утвержденное Николаем II 25 апреля 1906 года [8]. Обращение к тексту данного Положения позволяет выявить, что оно закрепляло за комендантом функцию общего

наблюдения за безопасностью императорских резиденций и надзора за безопасностью пути во время Высочайших путешествий. Также Положение устанавливало обязательность исполнения требований дворцового коменданта всеми министерствами Империи. Особого внимания заслуживает институт охранной агентуры, переданный в ведение дворцового коменданта из Департамента полиции. Это свидетельствовало, что режим охраны императора включал и агентурно-осведомительную составляющую.

Третью группу составляли ряд закрытых инструкций. Так, в конце XIX, начале XX в. и в годы первой мировой войны были приняты:

- Инструкция чинам общей полиции для охраны императорских поездов [9];

- Инструкция начальникам охраны по организации наружных наблюдений [10].

При П.П. Гессе (1905-1913) произошло дальнейшее расширение компетенции. Так, дворцовый комендант получил право непосредственно взаимодействовать с начальниками губернских жандармских управлений по вопросам обеспечения безопасности Высочайших путешествий. Надо отметит, что это было принципиальным новшеством: ранее такая коммуникация могла осуществляться только через Департамент полиции, что замедляло реакцию на реальные угрозы. В это же время была установлена практика предварительного осмотра маршрута следования императора силами дворцового ведомства, что фактически означало распространение всех режимных мер на всю территорию Империи.

Однако, наиболее значительная трансформация института дворцового коменданта была связана с деятельностью В.Н. Воейкова (1913-1917). Его назначение совпало с нарастанием угрозы Первой мировой войны и обострением внутриполитической ситуации. Именно В.Н. Воейков сосредоточил в своих руках беспрецедентный объем полномочий: руководство Дворцовой полицией, координацию секретной агентуры, управление дворцовым хозяйством, а также право доклада императору, выходившими за пределы охранной деятельности[1].

Серьезным вызовом для института дворцового коменданта стала Первая мировая война. Находясь в Ставке Верховного Главнокомандующего, Николай II нуждался в постоянном обеспечении безопасности. Дворцовый комендант (с 1913 года-В.Н. Воейков) совмещал функции руководителя охраны с обязанностями по управлению огромным дворцовым хозяйством, что вызывало критику в Государственной Думе. Оппозиция указывала на недопустимость концентрации столь широких полномочий в руках одного лица, приближенного к монарху.

А.И. Спиридович, занимавший должность начальника охранной агентуры при дворцовом коменданте с 1906 г. оставил развернутые характеристики самого института дворцового коменданта в записках жандарма [4], в книге «Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960-1962[5], а также в стенографических отчетах допросов Чрезвычайной следственной комиссии, опубликованных в 1917 г. и позднее переизданных в сборниках «Падение царского режима» (Л., 1924-19127. М., 1990-е гг.[6].

Спиридович подчеркивал, что дворцовый комендант персонально отвечал за физическую защиту императора, но не располагал собственным аппаратом политического сыска. Все агентурные сведения ему должны были предоставлять директор Департамента полиции и начальник охранного отделения. В его освещении дворцовый комендант предстает, прежде всего, как администратор и распорядитель, ответственный за физическую охрану и организацию безопасности. Показания Спиридовича являются ценным источником для историко-правового анализа института дворцового коменданта, поскольку исходят от лица непосредственно включенного в систему охраны императора и наблюдающего ее изнутри.

Свидетельства А.И. Спиридовича цены не только фактологией, но и тем, как он описывает институт дворцового коменданта изнутри. Так, из свидетельств Спиридовича вырисовывается трехзвенная конструкция, сложившаяся к 1906 году: дворцовый комендант, дворцовая полиция, охранная агентура. Например, свидетельства А.И. Спиридовича демонстрируют, что эффективность охраны императора во многом зависела от личных качеств дворцового коменданта, его способности выстраивать отношения с Министерством внутренних дел, Департаментом полиции и военным командованием.

О системе охраны императора, о роли в этой системе дворцового коменданта свидетельствуют и воспоминания А.А. Мосолова, занимавшего должность начальника Канцелярии Министерства императорского двора. Его роль в системе охраны была опосредованной, но системообразующей: он не командовал подразделениями и нес прямой ответственности за физическую защиту монарха, однако именно он выступал неформальным посредником между дворцовым ведомством, полицией и военным командованием. Мосолов подтверждает в своих воспоминаниях персонализацию режима охраны императора, отмечая, что ее эффективность во многом зависела от личных качеств дворцового коменданта и его способностью взаимодействовать с канцелярией [3].

К 1917 году система, выстроенная вокруг дворцового коменданта, продемонстрировала свою главную уязвимость: она была эффектна против внешнего террора, но оказалась бессильной против внутреннего политического кризиса. Дворцовый комендант, обладая значительными полномочиями в сфере охраны, не имел правовых рычагов для влияния на политическую ситуацию в Империи в целом. Февральские события 1917 года показали, что охрана Зимнего дворца и Александровского дворца в Царском Селе не могла быть обеспечена силами исключительно дворцового ведомства при нейтралитете или переходе на сторону восставших армейских частей Петроградского гарнизона.

Обобщая изложенное можно сделать ряд выводов.

Во-первых, институт дворцовых комендантов в конце XIX – начале XX вв. прошел путь от хозяйственно-административной должности до ключевого элемента системы государственной безопасности.

Во-вторых, правовое регулирование деятельности дворцового коменданта носило разрозненный характер: отсутствовал единый нормативный акт, четко определявший его полномочия в сфере политического сыска, что компенсировалось административной практикой и личными связями с императором.

В-третьих, основной функцией дворцового коменданта в начале XX века стало оперативное руководство Дворцовой полицией и координация действий жандармерии и армейских подразделений при передвижениях императора.

Кризис института дворцового коменданта в 1917 году был обусловлен не столько недостатками его организации, сколько общим крахом государственного механизма Российской империи, продемонстрировавшим пределы эффективности любой узковедомственной системы охраны в условиях системного политического кризиса. Более того, этот кризис носил системный, а не персональный характер.

Институт дворцового коменданта не был органов политического сыска в чистом виде, ни военной структурой, ни хозяйственным ведомством. Уникальность данного института состояла в том, что он сочетал в себе признаки всех трех, что делает его изучение необходимым для понимания того, как в Российской империи решалась проблема межведомственной координации в сфере, требовавшей максимальной оперативности и секретности. Именно в институте дворцового коменданта обнаруживаются многие истоки организации государственной охраны: сочетание тайных и негласных методов, централизация управления, оперативность действий. Изучение института дворцового коменданта позволяет глубже понять причины крушения российской империи. Кризис этого института в 1917 году не был случайностью или следствием чьих-то персональных ошибок. Он был закономерным результатом того, что режим охраны, выстроенный для противодействия реальным террористическим угрозам, оказался принципиально неспособен реагировать на угрозы системного характера. Таким образом, изучение института дворцового коменданта позволяет не только реконструировать малоизвестные страниц в истории отечественных органов государственной охраны, но и по-новому взглянуть на механизмы обеспечения охраны верховной власти и пределы правового регулирования в условиях политического кризиса. Именно поэтому данная тема не может считаться исчерпанной и требует дальнейшего исследования в историко-правовой науке.

Список литературы:

[1] Воейков В.Н. С царем и без царя. М.: Терра, 1994. 432 с.

[2] Гучетль А.А. Институт государственной охраны Российской империи 1881-1917 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 10-11.

[3] Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. 262 с.

[4] Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. 268 с.

[5] Спиридович А.И. «Великая война и Февральская Революция 1914-1917 гг. Нью-Йорк, 1962. 364 с.

[6] Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства М. – Л. 1924-1927. / ред. П.Е. Щеголева. Т. III: Допросы и показания А.В. Герасимова, А.И. Спиридовича, В.Н. Воейкова и др. 506 с.

[7] Учреждение Министерства императорского двора // СЗ. 1892. Т. 1.4.1. Ст. 308-342.

[8] Положение о дворцовом коменданте // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXY. Отд. № 1. № 26710.

[9] Инструкция чинам общей полиции для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности и для наблюдения за населением, проживающим у полосы, отчужденной под железные дороги. С-Пб., 1883.

[10] Инструкция начальникам охраны по организации наружных наблюдений // Приложение № 12 «Из партийных материалов». С-Пб., 1908.

References:

[1] Voeikov, V. N. *With the Tsar and Without the Tsar*. Moscow: Terra, 1994. 432 p.

[2] Guchetl, A. A. *The Institution of State Protection in the Russian Empire, 1881–1917 (A Historical-Legal Study)*: Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2014. pp. 10–11.

[3] Mosolov, A. A. *At the Court of the Last Emperor*. St. Petersburg, 1992. 262 p.

[4] Spiridovich, A. I. *Notes of a Gendarme*. Moscow, 1991. 268 p.

[5] Spiridovich, A. I. *The Great War and the February Revolution, 1914–1917*. New York, 1962. 364 p.

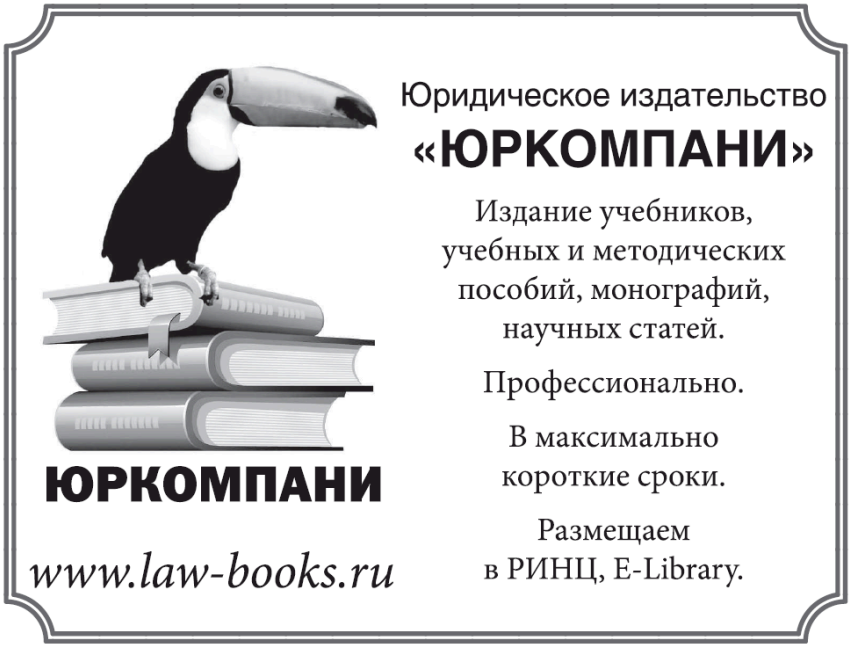
[6] *The Fall of the Tsarist Regime: Stenographic Records of Interrogations and Testimonies Given in 1917 to the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government*. Moscow–Leningrad, 1924–1927. Edited by P. E. Shchegolev. Vol. III: Interrogations and Testimonies of A. V. Gerasimov, A. I. Spiridovich, V. N. Voeikov, et al. 506 p.

[7] "Establishment of the Ministry of the Imperial Court," in *Digest of Laws (Svod Zakonov)*, 1892, Vol. 1, Part 1, Articles 308–342.

[8] "Regulations on the Palace Commandant," in *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, 3rd Series, Vol. XXV, Section... No. 1. No. 26710.

[9] Instructions for General Police Personnel Regarding the Protection of High-Priority Emergency Trains and the Surveillance of the Population Residing Near Railway Rights-of-Way. St. Petersburg, 1883.

[10] Instructions for Heads of Security Units Regarding the Organization of Field Surveillance // Appendix No. 12, "From Party Materials." St. Petersburg, 1908.



Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-1021-1026
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

САВИНА Елена Александровна,
аспирант отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства,
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации (ИЗиСП)»,
Ведущий специалист-эксперт отдела законодательства,
Главного управления Минюста России по Москве,
Член ассоциации историков права,
e-mail: elena.sa93@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В. В. ЛАЗАРЕВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу концептуальных идей профессора В. В. Лазарева в контексте современной трансформации правовой системы. Рассматриваются вопросы интегративного правопонимания, преодоления пробелов в праве и ограничения законодательного усмотрения как фундаментальных условий успешной модернизации. Автор обосновывает, что наследие В. В. Лазарева позволяет сформировать антропоцентрическую модель правового развития, сочетающую стабильность доктрины и динамизм законодательных реформ.*

Ключевые слова: *В. В. Лазарев, модернизация законодательства, правопонимание, пробелы в праве, правоприменение, правовое государство.*

Для цитирования: *Савина Е. А. Теоретико-правовые основы модернизации законодательства: взгляд через призму научного наследия В. В. Лазарева // Образование и право. 2026. № 10. С. 1021–1026.*

SAVINA Elena Aleksandrovna,
Postgraduate Student, Department of Theory of Law
and Interdisciplinary Studies of Legislation,
Federal State Research Institution “Institute of Legislation
and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation” (ILCL),
Leading Specialist-Expert, Legislation Department,
Main Directorate of the Ministry of Justice
of the Russian Federation for Moscow,
Member of the Association of Legal Historians

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF MODERNIZATION OF LEGISLATION: A LOOK THROUGH THE PRISM OF V. V. LAZAREV'S SCIENTIFIC HERITAGE

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the conceptual ideas of Professor V. V. Lazarev in the context of the modern transformation of the legal system. The issues of integrative legal understanding, overcoming gaps in law, and limiting legislative discretion as fundamental conditions for successful modernization are considered. The author substantiates that the heritage of V. V. Lazarev allows for the formation of an anthropocentric model of legal development, combining the stability of the doctrine and the dynamism of legislative reforms.*

Key words: *V. V. Lazarev, modernization of legislation, legal understanding, gaps in law, law enforcement, rule of law.*

For citation: *Savina E. A. Theoretical and legal foundations of modernization of legislation: a look through the prism of V. V. Lazarev's scientific heritage. Education and law. 2026;(10):1021–1026. (In Russ.).*

Введение

Современный этап развития государственности требует не просто обновления нормативного массива, а глубокой качественной модернизации законодательства. Теоретическим фундаментом этого процесса выступают труды выдающегося правоведа Валерия Васильевича Лазарева. Его научная школа акцентирует внимание на том, что закон - это не только воля власти, но и воплощение объективных потребностей общества.

Современное состояние российского законодательства характеризуется периодом беспрецедентной динамики и глубокой структурной трансформации. Реформы 2024–2025 годов разворачиваются в условиях формирования нового многополярного миропорядка, что диктует необходимость не просто точечных правок, а комплексного обновления правовой материи. Текущий этап развития характеризуется усилением регуляторного воздействия в сфере цифровых технологий, обеспечением технологического суверенитета и закреплением в нормативных актах традиционных ценностей как элементов публичного порядка. Однако высокая скорость законотворчества неизбежно порождает риски десистемы, возникновения юридических коллизий и «законодательного инфляционизма» [16, с. 9].

В этой связи особое значение приобретает обращение к фундаментальному научно-теоретическому наследию профессора В. В. Лазарева. Его идеи становятся тем концептуальным фильтром, который позволяет отсекать конъюнктурные решения от стратегически выверенных векторов правового развития. Проблема теоретико-правовых основ модернизации законодательства традиционно находится в фокусе внимания отечественной юриспруденции. Фундаментальный вклад в разработку этой темы внесли представители классической школы теории права: С. С. Алексеев, Н. И. Матузов, А. В. Малько, а также непосредственно В. В. Лазарев, чьи работы по пробелам в праве и интегративному правопониманию заложили методологический базис для современных реформ. Непосредственно концептуальные основы интегративного правопонимания и теории пробелов, ставшие базой для данной статьи, разработаны в фундаментальных работах В. В. Лазарева. Так, В.В. Лазарев отмечал, что «говорить о восполнении пробела посредством акта применения права и об измене и и и таким образом сферы действия правовых норм. Все это в известной мере напоминает оправдание попыток исправления законодательной воли в ходе правоприменения, что, разумеется, несовместимо с принципом социалистической законности» [7, с. 15].

На современном этапе (2023-2025 гг.) вопросы трансформации правовой системы активно обсуждаются в следующих направлениях:

- Методология интеграции. В работе Р.Р. Палеха [12, с. 115] (2020), а также в работе А.А. Юрицина [17], рассматривается интегративное правопонимание как «фильтр» против избыточного и некачественного нормотворчества.

- Динамика правовой формы. В работе А.А. Завгородней [3] (2022) анализируется гибкость правовых конструкций и механизмы преодоления пробелов в регулировании искусственного интеллекта и цифровых активов.

- Социальная ценность права. В работах Т.Я. Хабриевой [16, с. 5] (2023) подчёркивается необходимость антропоцентрического подхода к реформам, что напрямую развивает тезис В. В. Лазарева о праве как мере свободы и справедливости.

- Судебная модернизация. Исследования Е. В. Виноградовой [2] (2023) акцентируют внимание на роли Конституционного Суда РФ в выявлении «неправовых законов», что подтверждает практическую значимость лазаревской теории судебного правоприменения.

Целью данной работы является комплексный анализ теоретико-правового наследия В. В. Лазарева как методологического фундамента для современной модернизации законодательства. Научная новизна статьи заключается в авторском переосмыслении процесса модернизации законодательства не как технико-юридического обновления норм, а как комплексной трансформации правовой среды на основе интегративного подхода В. В. Лазарева.

Основные элементы новизны:

Пересмотр критериев эффективности реформ. Доказано, что в рамках наследия В. В. Лазарева «успешность» модернизации определяется не количеством принятых актов, а степенью их конвергенции (сближения) с идеалами справедливости и реальными социальными потребностями [14].

Концептуализация «правового фильтра». Обосновано, что «интегративное правопонимание выступает в роли доктринального фильтра, позволяющего на стадии законотворчества отсекать «неправовые законы», противоречащие сущностным принципам права» [13, с. 36].

Расширение роли правоприменителя. Впервые в контексте модернизации подчёркивается, что по Лазареву судебное усмотрение и преодоление пробелов являются не признаками дефекта системы, а легитимным механизмом «оперативной модернизации» права, обеспечивающим его жизнеспособность до вмешательства законодателя [8, с. 20].

Антропологический вектор. Выявлено, что «особенностью лазаревской школы является признание личности как главного бенефициара и соавтора законодательных перемен, что требует перехода от государственно-центричной к человекоцентричной модели реформ» [7, с. 14].

Интегративное правопонимание как методология реформ. В системе научного наследия В. В. Лазарева интегративное правопонимание выступает не только как гносеологическая концепция, но и как прикладная методология реформирования правовой системы. В условиях современной модернизации законодательства, характеризующейся высокой динамикой и цифровизацией, данный подход позволяет преодолеть ограниченность узконормативного (легистского) восприятия права.

Традиционный подход к реформам зачастую сводится к «законодательному волюнтаризму» - убеждению, что любое социальное изменение может быть разрешено путём издания нового нормативного акта. Интегративная методология В. В. Лазарева, напротив, требует синтеза нормативного, естественного и социологического подходов. Как справедливо отмечает Р.Р. Палеха, центральное место в методологии современных реформ занимает именно интеграция, позволяющая видеть в праве «многомерный социокультурный феномен», а не просто приказ государства [7, с. 85]. Это обеспечивает глубину модернизации, так как закон меняется не только формально, но и содержательно, адаптируясь к ценностным установкам общества.

Ключевым элементом лазаревской методологии является проверка каждой законодательной инновации на предмет её «правового содержания». Модернизация признается успешной лишь тогда, когда новая норма проходит через аксиологический (ценностный) фильтр. По мнению Р.Р. Палеха «интегративное правопонимание позволяет сегодня формировать симбиоз классических теорий, что необходимо для сохранения гуманистического стержня права в эпоху тотальной цифровизации и алгоритмизации социальных процессов» [12, с. 116]. В этом контексте модернизация законодательства - это не процесс «умножения норм», а деятельность по приведению позитивного права в соответствие с идеалами справедливости и свободы.

Методология реформ «по Лазареву» подразумевает, что право реально лишь в его осуществлении (социологический аспект). Лазарев предлагает не противопоставлять друг другу основные школы права, а объединять их сильные стороны:

- юридический позитивизм: признание важности закона, чётких норм и государственного принуждения (порядок и стабильность);

- естественное право: акцент на правах человека, справедливости и моральных ценностях (содержательная легитимность реформ);

- социологическая школа: учёт того, как право реально действует в обществе (эффективность реализации).

Следовательно, индикатором необходимости реформы выступает не только политическая воля, но и правоприменительная практика. Практическое применение интегративного подхода В. В. Лазарева позволяет выявлять и корректировать «неправовые законы» - акты, которые по форме являются законными, но по содержанию противоречат принципам справедливости и правам человека [18, с. 45]. Ниже приведены примеры реализации данной методологии в современной правовой системе:

1. Механизм судебного фильтра (Конституционный контроль). Наиболее ярким примером коррекции неправовых норм является деятельность Конституционного Суда РФ. Опираясь на доктрину Лазарева, суд оценивает не только букву, но и «дух» закона. Например, признание неконституционными норм, которые допускали неопределённость в начислении выплат или ограничивали доступ к правосудию. Как отмечает современная литература, «интегративное правопонимание позволяет суду выступать гарантом правового содержания закона, предотвращая превращение легальности в произвол» [8, с. 20].

2. Преодоление пробелов через аналогию права. Когда законодатель не успевает за развитием технологий (например, в сфере цифровых активов или ИИ), возникает ситуация «нормативного вакуума». Например, регулирование споров о принадлежности цифровых данных до принятия профильных законов. Суды используют принципы гражданского права (добросовестность, равенство), что Лазарев называл «живым правом». «В условиях цифровой трансформации наследие В. В. Лазарева помогает обосновать применение общеправовых принципов там, где позитивное право ещё не сформировано» [10, с. 185].

3. Исправление дефектов через «социологическое измерение». Иногда закон формально безупречен, но социально разрушителен или невыполним. Примером может служить «модернизация

законодательства о защите прав потребителей в 2024 году. «Изначально некоторые нормы ограничивали профессиональные объединения в праве обращения в суд, что создавало дисбаланс. Корректировка таких норм на основе обратной связи от правоприменителей - это реализация лазаревского тезиса о праве как «социальной связи»» [1].

В материалах конференции «Эволюция права - 2024» подчёркивается, что «интегративная методология позволяет использовать общеправовые принципы (добросовестность, разумность) для регулирования новых цифровых отношений ещё до того, как законодатель сформулирует жёсткую позитивистскую норму».

Методологическое преимущество данного подхода заключается в том, что он созвучен зарубежной доктрине «живой конституции», где право адаптируется к изменениям общества, не теряя своей ценностной идентичности.

То, что В. В. Лазарев называет «интегративным правопониманием», в зарубежной практике проявляется через концепции правового плюрализма и неоконституционализма [10, с. 187].

Практика ЕСПЧ. Европейский суд по правам человека в своих решениях (например, по делам о цифровой приватности) использует методологию, идентичную лазаревской: он не просто применяет текст Конвенции, а интерпретирует его как «живой инструмент», соединяя позитивную норму с изменяющимися моральными ценностями общества.

Германия. Федеральный конституционный суд ФРГ активно применяет теорию «объективного порядка ценностей». «Модернизация законодательства здесь идёт по пути Лазарева: закон признается ничтожным, если он противоречит «духу» Основного закона, даже если формально он безупречен» [15, с. 115].

Теория пробелов и «живая» модернизация. Проблема «пробельности» права в наследии В.В. Лазарева занимает центральное место, выступая не свидетельством «бессилия» законодателя, а объективным индикатором динамики правовой системы. В эпоху стремительной трансформации общественных отношений его концепция преодоления пробелов приобретает статус инструмента «оперативной» или «живой» модернизации. В. В. Лазарев одним из первых в отечественной доктрине обосновал, что пробельность - это не всегда техническая ошибка, а закономерный результат развития социума.

Для В.В. Лазарева преодоление пробела - это не юридический произвол, а реализация «духа права». Интегративный подход позволяет судье в ситуации отсутствия нормы обращаться к принципам справедливости и равенства. Как обозначил В.В. Лазарев «судья, восполняющий пробел, выступает не как конкурент законодателя, а как инженер правовой ткани, восстанавливающий логическую целостность системы» [18, с. 75].

Современная доктрина Р.Р. Палеха развивает этот тезис, указывая, что «интегративное видение требует, чтобы заполнение пробела соответствовало общей «правовой парадигме» и ценностным установкам общества, исключая механическое заимствование чуждых норм» [12].

Модернизация через официальное устранение пробелов также имеет границы. Лазарев предостерегал от «законодательного волюнтаризма», подчёркивая, что «новая норма должна органично вписываться в существующую правовую систему, а не разрушать её внутреннюю логику» [6, с. 17]. «Живая» модернизация, по Лазареву, - это всегда баланс между инновацией законодателя и стабильностью судебной практики.

За рубежом теория пробелов Лазарева находит своё отражение в дискуссии о судебном правотворчестве. Так, англо-саксонская система (США, Великобритания). Здесь концепция Лазарева о «достраивании» права судом является повседневной реальностью. В условиях 2024 года, когда законодатель не успевает за технологиями ИИ, суды используют Common Law аналогию права для защиты интеллектуальной собственности. Это прямо подтверждает тезис Лазарева о суде как «инженере правовой ткани».

Китай. В рамках модернизации правовой системы КНР (программа «Верховенство закона - 2025») Верховный народный суд КНР начал издавать «руководящие дела». Это механизм заполнения пробелов, который идеологически близок к лазаревской концепции: если закон молчит, высшая судебная инстанция задаёт вектор, который позже закрепляется законодателем [18, с. 28].

Так, глобальным воплощением этой идеи стал «тест на пропорциональность», применяемый судами Германии, Канады и Израиля. Модернизация законодательства в этих странах базируется на лазаревском принципе: законодательное усмотрение не может быть абсолютным и подлежит судебной верификации на предмет «правового содержания» [19]. В эпоху цифровизации это ограничение служит барьером против технократического произвола [10, с. 185].

Ограничение законодательного усмотрения. Модернизация эффективна лишь при установлении чётких пределов властного усмотрения. В. В. Лазарев последовательно отстаивает тезис о «связанности» законодателя правом. Ограничение усмотрения сегодня реализуется через судебный контроль, который, по мнению Е. В. Виноградовой, выступает наиболее эффективным механизмом преодоления «законодатель-

ного эгоизма» [7, с. 28]. «В цифровую эпоху это ограничение должно базироваться на сохранении «человеческого измерения» в законе, предотвращая диктат технократических алгоритмов» [20].

В. В. Лазарев последовательно отстаивает идею о том, что законодатель не является абсолютным демиургом правовой реальности [9]. В своих классических трудах он подчёркивал, что произвол власти ограничивается самой сущностью права: «законодатель не волен в своём творчестве; он детерминирован природой вещей, общественными потребностями и правами человека, которые стоят выше закона и предопределяют его содержание» [4].

Анализ научного наследия В. В. Лазарева в контексте зарубежной практики позволяет выявить поразительное созвучие его идей с ведущими мировыми правовыми школами. Хотя терминология может различаться, сущностные аспекты его концепций (интеграция, преодоление пробелов, ограничение усмотрения) находят прямое отражение в деятельности высших судов и законодательных органов стран Запада и Востока.

Таким образом, научное наследие В. В. Лазарева - это не застывшая догма, а живой методологический аппарат, созвучный лучшим мировым практикам, которое служит «ценностным компасом» для современного законодателя. Сочетание его идей с современными инструментами правового мониторинга позволяет строить систему «умного» законодательства, где в центре реформ остаётся человек, а инструментом выступает разумный и справедливый закон [11].

Список литературы:

[1] Виноградова Е. В. К вопросу о федерализме как принципе территориального устройства современной России // Образование и право. 2024. № 2. С. 62-65.

[2] Виноградова Е. В. Конституционно-правовые основы формирования в России эффективного систематизированного законодательства // Образование и право. .2023. № 11. С. 136-140.

[3] Завгородняя А. А. Динамический подход в современных правовых реалиях правопонимания // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 3 URL: https://inter-legal.ru/dinamicheskij-podhod-v-sovremennyh-pravovyh-realiyah-pravoponimaniya (дата обращения: 12.02.2026).

[4] Залоило М. В. Современные юридические технологии в законотворчестве: науч.-практ. пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М.: Норма: ИЗиСП, 2025. 184 с.

[5] Канищев В. П., Палеха Р. Р. Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 165-170.

[6] Лазарев В. В. Избранное последнего десятилетия / В. В. Лазарев. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2020. 760 с.

[7] Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.

[8] Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 15–28.

[9] Лазарев В. В. Персоналистские размышлизмы, навеянные воспоминаниями о жизни Института законодательства советского времени // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 147–153.

[10] Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Русский Закон. 2013. № 2. С. 181-191.

[11] Липень С.В. Валерий Васильевич Лазарев и его полемические вопросы развития общей теории права и государства. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 11. С. 32-39.

[12] Палеха Р. Р. Интегративный подход в правопонимании: история зарождения идей и современное состояние // Правосудие. 2020. Т. 2. № 1. С. 115-130.

[13] Пашенцев Д. А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Серия: 14. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 35-49.

[14] Синицын С. А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях системных вызовов: ценности и технологическое развитие // Журнал российского права. 2021. № 1. С.8-15.

[15] Тихомиров Ю. А. Законы общества и окружающего мира : монография / Ю.А. Тихомиров — Москва : Проспект, 2023. 135 с.

[16] Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации: самобытность стабильность и развитие (к 30-и летию Основного Закона России) // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 5–21.

[17] Юрицин А.А. К вопросу о природе и структуре интегративного понимания права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 20, № 3. С. 16–25.

[18] Современные теоретические ориентиры правовой науки: сб. материалов к 85-летию проф. В. В. Лазарева / под ред. Н. Н. Черногора. М.: Норма, 2024. С. 28-75.

[19] Марченко, М. Н. Сравнительное право-

ведение : учебник / М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2021. С. 156.

[20] Эволюция права — 2024: сб. тезисов науч. конф. / под ред. А. С. Мартынова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024. С. 156.

References:

[1] Vinogradova E. V. On the Issue of Federalism as a Principle of the Territorial Organization of Modern Russia // Education and Law. 2024. No. 2. pp. 62–65.

[2] Vinogradova E. V. Constitutional and Legal Foundations for the Formation of Effective, Systematized Legislation in Russia // Education and Law. 2023. No. 11. pp. 136–140.

[3] Zavgorodnyaya A. A. A Dynamic Approach to the Understanding of Law within Modern Legal Realities // Electronic Journal "International Legal Courier". 2022. No. 3. URL: https://inter-legal.ru/dinamicheskij-podhod-v-sovremennyh-pravovyh-realiyah-pravoponimaniya (accessed: 12.02.2026).

[4] Zaloilo M. V. Modern Legal Technologies in Lawmaking: A Scientific and Practical Handbook / ed. by D. A. Pashentsev. Moscow: Norma: IZiSP, 2025. 184 p.

[5] Kanishchev V. P., Palekha R. R. An Integrative Approach to the Understanding of Law as a Progressive Type of Legal Thinking // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. pp. 165–170.

[6] Lazarev V. V. Selected Works of the Last Decade / V. V. Lazarev. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2020. 760 p.

[7] Lazarev V. V. Gaps in Law and Ways to Eliminate Them. Moscow: Yurid. lit., 1974. 184 p.

[8] Lazarev V. V. Interpretation of Law: Classicism, Modernism, and Postmodernism // Journal of Russian Law. 2016. No. 8 (236). pp. 15–28.

[9] Lazarev V. V. Personalist Musings Inspired by Memories of Life at the Institute of Legislation During the Soviet Era // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 4. pp. 147–153.

[10] Lazarev V. V. Legal Science: Current State, Challenges, and Prospects (Reflections of a Theorist) // Russian Law. 2013. No. 2. pp. 181–191.

[11] Lipen S. V. Valery Vasilyevich Lazarev and His Polemical Questions Regarding the Development of the General Theory of Law and State // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2025. No. 11. pp. 32–39.

[12] Palekha R. R. An Integrative Approach to the Understanding of Law: The Origins of the Ideas and Their Current State // Justice (Pravosudie). 2020. Vol. 2. No. 1. pp. 115–130.

[13] Pashentsev D. A. Specifics of Law Enforcement in the Context of the Digitalization of Social Relations // Vestnik of Saint Petersburg University. Series 14: Law. 2020. Vol. 11. No. 1. pp. 35–49.

[14] Sinitsyn S. A. Civil Law Amidst Modern Socio-Economic Conditions and Systemic Challenges: Values and Technological Development // Journal of Russian Law. 2021. No. 1. pp. 8–15.

[15] Tikhomirov, Yu. A. *Laws of Society and the Surrounding World*: A Monograph / Yu. A. Tikhomirov. — Moscow: Prospekt, 2023. 135 p.

[16] Khabrieva, T. Ya. The Constitution of the Russian Federation: Distinctiveness, Stability, and Development (On the 30th Anniversary of Russia's Fundamental Law) // *Journal of Russian Law*. 2023. No. 12. pp. 5–21.

[17] Yuritsin, A. A. On the Nature and Structure of an Integrative Understanding of Law // *Herald of Omsk University. Series "Law"*. 2023. Vol. 20, No. 3. pp. 16–25.

[18] *Modern Theoretical Orientations in Legal Science*: A Collection of Materials Dedicated to the 85th Birthday of Prof. V. V. Lazarev / Ed. by N. N. Chernogor. Moscow: Norma, 2024. pp. 28–75.

[19] Marchenko, M. N. *Comparative Law*: A Textbook / M. N. Marchenko. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2021. p. 156.

[20] *The Evolution of Law — 2024*: A Collection of Abstracts from a Scientific Conference / Ed. by A. S. Martynov. Moscow: Moscow University Press, 2024. p. 156.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-1027-1034
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

АЛЮКОВ Илья Денисович,
аспирант,
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ilya.alyukov@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КРИТЕРИЕВ СУЩЕСТВЕННЫХ ДЕФЕКТОВ С ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Статья посвящена историко-правовому и философско-теоретическому исследованию эволюции категории существенного дефекта в отечественном праве со второй половины девятнадцатого века по настоящее время. Обосновывается тезис о том, что трансформация представлений о недостатках промышленной продукции прошла путь от метафизического восприятия вещи и органолептического контроля до метрологической регламентации. Проанализированы исторические этапы формирования судебной практики от дореволюционного Правительствующего Сената до современных судов общей юрисдикции и арбитражных институтов в контексте преодоления вольного толкования термина «дефект». Особое внимание уделено историко-правовому генезису метрологического обеспечения и роли законодательства в области обеспечения единства измерений в современной квалификации существенных недостатков. Указывается, что юридическое признание дефекта существенным неотделимо от соблюдения обязательных методик измерений и нормативных требований.*

Ключевые слова: *история государства и права, существенный дефект, онтология брака, философия существенности, судебная практика.*

Для цитирования: *Алюков И. Д. Эволюция критериев существенных дефектов с девятнадцатого века по настоящее время: историко-правовой анализ // Образование и право. 2026. № 10. С. 1027–1034.*

ALYUKOV Ilya Denisovich,
Postgraduate Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

THE EVOLUTION OF CRITERIA FOR MATERIAL DEFECTS FROM THE NINETEENTH CENTURY TO THE PRESENT: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *This article presents a historical, legal, philosophical, and theoretical study of the evolution of the "material defect" category in Russian law from the second half of the nineteenth century to the present. The paper argues that the conceptualization of industrial product defects has evolved from a metaphysical perception of the object and organoleptic inspection to metrological regulation. It analyzes the historical stages in the development of judicial practice - from the pre-revolutionary Governing Senate to modern courts of general jurisdiction and arbitral tribunals — in the context of overcoming arbitrary interpretations of the term "defect." Particular attention is given to the historical and legal genesis of metrological assurance and the role of legislation on ensuring the uniformity of measurements in the contemporary legal qualification of material defects. The study concludes that the legal recognition of a defect as material is inseparable from adherence to mandatory measurement procedures and regulatory requirements.*

Key words: *history of state and law, essential defect, ontology of marriage, philosophy of essentiality, judicial practice.*

For citation: *Alyukov I. D. The evolution of criteria for material defects from the nineteenth century to the present: a historical and legal analysis. Education and law. 2026;(10):1027–1034. (In Russ.).*

Введение. Исследование историко-правовой природы и динамики развития категории существенного дефекта представляет собой одну из наиболее сложных задач. Вопросы квалификации производственного дефекта, несоответствия товаров заявленным свойствам и нарушения условий договоров на протяжении полутора веков находились в центре внимания отечественной цивилистики и правоприменительной практики [1]. Если на начальных этапах индустриализации внимание исследователей привлекал преимущественно сам факт внешнего повреждения вещи, то по мере усложнения материального мира и технологических процессов возникла объективная необходимость теоретического осмысления онтологической природы дефекта и критериев его существенности в условиях фабричного производства [2].

Актуальность историко-правового анализа данной проблемы обусловлена тем, что современное гражданское законодательство и судебная практика сталкиваются с попытками вольного толкования понятий дефекта и неустранимых недостатков в обход установленных нормативных требований и метрологических методик [3]. Между тем, категория существенного дефекта не является исключительно технической категорией, т.к. она представляет собой правовую конструкцию, затрагивающую баланс имущественных интересов субъектов товарооборота [4]. Предпринятые попытки оценить критический дефект без учета показателей качества приводит к судебным ошибкам [5].

Кроме того, научная и практическая значимость данной проблематики усиливается междисциплинарной природой категории существенного недостатка. Оценка степени недостатка товара приводит правоприменителя в плоскость публичного права, требуя обращения к государственным стандартам и метрологическим правилам [8]. На стыке частных интересов и публичных императивов возникает необходимость определить ту грань, за которой обычное снижение потребительской ценности превращается в непригодность товара к использованию по назначению, предоставляя покупателю безусловное право на расторжение правоотношений.

Анализ эволюции рассматриваемых критериев позволяет проследить сдвиг в отечественной правовой доктрине от абстрактных моделей, характерных для дореформенного права, к техническому регулированию. На протяжении девятнадцатого и двадцатого веков законодатель и суды сталкивались с проблемой перевода физических свойств материального объекта на язык права [9].

Целью настоящей статьи является комплексное историко-правовое и философско-теоретическое исследование эволюции критериев существенных недостатков промышленных изделий в отечественном праве начиная со второй половины девятнадцатого века по настоящее время. Для достижения указанной цели в исследовании решаются задачи по выявлению философских истоков понятия несовершенства вещи, анализу дореволюционной и советской судебной практики, а также по определению роли современного метрологического законодательства в преодолении субъективизма при оценке качества [6].

Материалы и методы. Анализ научной литературы и нормативных документов проводился с использованием систематического подхода к отбору и обработке информации. Объектами исследования были нормативно-правовые акты, государственные стандарты, учебные пособия, монографии, научные статьи и другие литературные источники, характеризующие философскую и правовую природу категории дефекта, критерии его существенности, а также регламентирующие применение инструментальных и метрологических методов определения показателей качества промышленной продукции.

В работе использовались историко-правовой, формально-юридический, диалектический, аналитический, сравнительный методы, методы обобщения и синтеза, а также опосредованно-описательный и герменевтический.

Результаты и обсуждения. Учение о качестве и её цели был заложены в метафизических трудах Аристотеля. Согласно его учению, любая материальная вещь представляет собой единство пассивной материи и активной формы. Форма задает внутреннюю цель существования объекта, его предназначение. С данной точки зрения, дефектность вещи понималась античными мыслителями как неспособность материи в полной мере воплотить заданную форму [10].

Дальнейшее развитие категории качества, количества и меры получили в немецкой философии, представителем которой стала диалектическая логика Гегеля. В своем учении философ определил качество как тождественную с бытием определенность. Это означает, что пока вещь обладает своим качеством, она остается самой собой [11]. Как только количественные изменения накапливаются и выходят за границы установлен-

ной меры, происходит диалектический скачок [12].

Отечественная правовая сущность второй половины девятнадцатого века столкнулась с необходимостью конвертировать абстрактное понятие материального дефекта в юридический факт нарушения обязательства. Судам и правоведам предстояло определить, при каких именно условиях физический изъян вещи влечет за собой возникновение правовых последствий в виде расторжения договора или возмещения убытков [13].

Трансформация философской категории существенного недостатка в правовую конструкцию потребовала отказа от физического понимания брака. Юридическая доктрина пришла к выводу, что наличие трещины в деревянном изделии или отклонение в составе химического лака не является юридическим фактом существенного недостатка. Правовое значение имеет не физическое повреждение как таковое, а его влияние на способность вещи удовлетворять потребность, ради которой она была приобретена [14].

Таким образом, вещь признается существенно дефектной только в том случае, если выявленные изъяны делают невозможным ее использование по назначению. Царапина на поверхности изделия снижает его эстетические свойства и рыночную стоимость, что подлежит компенсации через соразмерное уменьшение покупной цены, однако она не уничтожает товар как предмет мебели. В то же время внутреннее структурное напряжение древесины, ведущее к разрушению несущих опор, является тем самым диалектическим переходом за границу меры, когда вещь перестает быть самой собой [15].

Классификация видов дефектов по причине возникновения на производственные и эксплуатационные составляет основу разрешения споров о качестве материальных объектов. Данная классификация основывается не только на технических параметрах, но и на хронологическом моменте возникновения недостатка, который неразрывно связан с юридическим моментом перехода риска случайной гибели или повреждения имущества [16].

Производственный дефект представляет собой изначальный сбой на стадии изготовления продукции. Он выражается в нарушении технологического процесса или использовании ненадлежащих материалов. В данном случае создатель объекта не способен наделить материю правильной формой и заданными свойствами [17]. В правовом смысле наличие производственного недостатка, в особенности имеющего скрытый характер, возлагает бремя ответственности на продавца или изготовителя. Сущность данной ответственности заключается в том, что вещь была обременена пороком еще до ее введения в гражданский оборот.

Эксплуатационный дефект, напротив, возникает после передачи вещи приобретателю и является следствием его собственных действий. С философской точки зрения это разрушение объекта по причине выхода пользователя за установленные пределы дозволенного воздействия. Производитель передает вещь в надлежащем и целостном состоянии, однако потребитель нарушает правила использования или хранения, тем самым самостоятельно разрушая сущность приобретенного блага [18]. Юридически установление эксплуатационного характера повреждения исключает ответственность продавца или изготовителя, перенося имущественные последствия на собственника имущества.

Механический дефект представляет собой пространственное разрушение формы, нарушение целостности материального объекта под воздействием внешней или внутренней силы. Акт передачи продукции исторически выступает той юридической границей, которая отсекает ответственность производителя и переносит риск случайной гибели или повреждения имущества на приобретателя [17]. Если покупатель принял товар без замечаний к его внешнему виду, в гражданском праве запускается презумпция вины потребителя за все последующие пространственные нарушения формы. Следовательно, правовая природа спора трансформируется из вопроса о качестве в исследование хронологии и причинно-следственных связей.

Особым случаем в гносеологии дефектов, требующим отдельного философско-правового анализа, выступает пространственное перемещение вещи, а именно этап транспортировки. Транзит представляет собой темпоральную зону неопределенности, где материальный объект изымается из-под контроля изготовителя, но еще не переходит в полное владение приобретателя. Именно в этот промежуток форма вещи наиболее уязвима перед внешними механическими воздействиями.

Разрешение подобного спора юридическими или логическими методами заходит в тупик. Развитие отечественной цивилистики привело к пониманию того, что механический характер повреждения не исключает изначальной вины производителя [19]. Правовой механизм защиты в данном случае требует от покупателя опровергнуть презумпцию собственной вины и доказать, что внешнее воздействие находилось в пределах допустимой меры, а разрушение произошло из-за внутренней ущербности вещи, объективно недоступной для обнаружения в момент подписания акта приемки.

Экспертное исследование изломов, микротрещин и векторов приложения силы позволяет научно установить механизм и хронологию разрушения материала. Например, характер повреждения полимерных или композитных соединений, наличие следов динамического удара на внешнем защитном коробе при полном отсутствии следов вскрытия транспортной упаковки представляют возможным доказать транспортное происхождение дефекта [20].

Правоприменительная практика опирается на выводы экспертов, которым удается доказать, что механическое повреждение компонента произошло не вследствие ударной нагрузки со стороны потребителя, а в результате развития скрытой усталостной трещины, заложенной еще на этапе формирования изделия на заводе [20]. Тем самым преодолевается разрыв между внешним проявлением дефекта и его подлинной сущностью.

В процессе усложнения промышленного производства в двадцатом веке в технической и правовой доктрине возникла объективная необходимость формирования количественно-качественной градации дефектов. Данная дифференциация, первоначально сформировавшаяся в сфере технического регулирования и стандартизации, со временем институционализировалась в виде императивной правовой конструкции, определяющей соразмерность мер защиты нарушенного права [21].

Начальной ступенью данной градации выступает малозначительный дефект. С философской точки зрения он представляет собой такое нарушение формы, которое не затрагивает внутреннюю цель и утилитарную сущность предмета. Подобный изъян носит преимущественно эстетический или поверхностный характер. Юридическим последствием данного порока выступает не расторжение правоотношений, а лишь восстановление экономического равновесия через соразмерное уменьшение покупной цены [22].

Второй ступенью является значительный дефект. На данном этапе количественные изменения материи вплотную приближаются к границе философской меры, существенно затрудняя использование вещи по прямому назначению. Правовая система реагирует на значительный дефект предоставлением покупателю права требовать безвозмездного ремонта, сохраняя тем самым саму сделку и спасая предмет материального мира от преждевременного уничтожения.

Главным в рассматриваемой иерархии выступает критический дефект, который в современной цивилистической доктрине служит синонимом существенного недостатка. Критический дефект означает полное и необратимое разрушение материальной и целевой сущности вещи. В данных условиях правоприменитель констатирует невозможность эксплуатации вещи по назначению [23]. Ответом на критический дефект становится аннулирование обязательства и возмещение убытков.

Одним из ключевых критериев, определяющих правовые последствия выявления производственного брака, выступает возможность возвращения вещи ее первоначального качества. В правоприменительной практике сформировалось разделение недостатков на устранимые и неустранимые. Данное разграничение имеет философский смысл, поскольку оно отвечает на вопрос о том, является ли разрушение формы обратимым процессом, либо материя подверглась окончательной деградации [24].

Устранимый дефект представляет собой такое физическое состояние объекта, при котором утраченная полезность может быть восстановлена посредством применения технологических операций, направленных на восстановление показателей качеств до изначального состояния. В юридическом смысле устранимость оценивается через призму разумности затрат времени и материальных ресурсов. Если замена отдельной детали или корректировка технологического узла возвращает вещи ее эталонные свойства без чрезмерного экономического бремени, недостаток признается устранимым. В данном случае правовой механизм направлен на сохранение имущественного оборота, и законодатель предоставляет продавцу или изготовителю возможность произвести безвозмездное устранение недостатка, восстанавливая тем самым нарушенный баланс интересов сторон [25].

Неустранимый дефект означает нарушение материальной структуры, при котором возвращение вещи к исходному состоянию объективно невозможно или экономически нецелесообразно. Неустранимость выступает признаком существенности недостатка. Правоприменительная практика квалифицирует порок как неустранимый не только в случаях полной физической гибели объекта, но и тогда, когда стоимость ремонтных работ приближается к цене нового изделия или превышает ее. В подобной ситуации попытка восстановления утрачивает экономический смысл, так как воссоздание первоначальной формы потребует фактического создания новой вещи [26].

Таким образом, граница между устранимым и неустранимым дефектом становится тем рубежом, на котором выводы эксперта трансформируются в судебное решение. Инструментальное подтверждение невозможности восстановления вещи служит юридическим основанием для расторжения договора, поскольку сохранение правоот-

ношения, предметом которого выступает безвозвратно утративший свою сущность объект, противоречит требованиям гражданского права.

Историко-правовой анализ

В дореформенной правовой доктрине Российской империи первой половины XIX века качество продукции не являлось объектом специального технико-юридического контроля. Отношения продавца и покупателя строились на принципах осмотрительности, а главным инструментом проверки выступало субъективное человеческое восприятие - органолептический метод. Правоприменительная практика того времени исходила из презумпции, что риск принятия вещи с очевидными недостатками всецело ложится на неосмотрительного покупателя [27].

Однако усложнение мануфактурного производства обнажило проблему скрытых дефектов, проявляющихся лишь в процессе длительной эксплуатации. Первичный визуальный осмотр оказался недостаточным для установления истинной природы дефекта, что потребовало привлечения в суды сведущих лиц (мастеров) и постепенного перехода к инструментальным методам измерения параметров, независимым от особенностей человеческого зрения [28].

Качественный скачок в классификации дефектов и методах их обнаружения произошел в советский период. Переход к плановой экономике превратил выпуск ненадлежащей продукции из локальной проблемы сторон в угрозу интересам всего государства [29]. Это инициировало создание централизованной системы технического регулирования. Начиная с учреждения Комитета по стандартизации в 1925 году и заканчивая формированием комплекса стандартов в конце 1960-х годов, были закреплены эталонные характеристики объектов и обязательные алгоритмы контрольных измерений [30]. С данного момента юридическое понятие качества оказалось связано с метрологией.

Современный этап правовой квалификации дефектов характеризуется строгой привязкой к государственной метрологической системе, основу которой составляет Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» [7, 36]. В цивилистике и судебной экспертизе метрологическое обеспечение выступает главной процессуальной гарантией достоверности [35]. Экспертное заключение о наличии критического дефекта утрачивает статус допустимого доказательства, если измерения проводились неповеренными приборами или с нарушением аттестованных методик [34]. Дефект юридически не существует до тех пор, пока он не зафиксирован в соответствии с регламентом [35]. Таким образом, установление правовой судьбы продукции окончательно переведено из плоскости отвлеченных рассуждений в сферу инструментальной достоверности и объективной экспертизы.

Заключение. Проведенное историко-правовое, философско-теоретическое и формально-юридическое исследование эволюции категории существенного дефекта в отечественном праве позволило комплексно установить эволюцию представлений о качестве промышленной продукции начиная со второй половины девятнадцатого века по настоящее время. Полученные результаты указывают на то, что квалификация производственного дефекта прошла путь от метафизического восприятия вещи и субъективного органолептического контроля до метрологической регламентации.

В работе обоснован вывод о том, что онтологическая природа существенного недостатка не исчерпывается внешним физическим повреждением материального объекта. Опираясь на философские категории формы и материи, а также на диалектическое учение о качестве и мере, установлено, что юридически значимый существенный дефект представляет собой критический изъян, который приводит к безвозвратной утрате потребительских свойств продукции и невозможности их восстановления. Разграничение между малозначительными, значительными и критическими дефектами образует иерархическую конструкцию, определяющую соразмерность мер защиты нарушенных имущественных прав.

Историко-правовой анализ отечественной практики указывает на смену парадигм правоприменения. Если в дореформенный период доминировали патриархальные принципы осмотрительности и презумпция ответственности приобретателя за явные недостатки, то индустриализация и создание советской системы стандартизации привели к институционализации обязательных нормативных требований. Возникновение органов стандартизации ознаменовало переход от свидетельских показаний и субъективного усмотрения к алгоритму, применяемому в процессе проведения судебной экспертизы.

Список литературы:

[1] Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юридическая литература, 1975. – 880 с.

[2] Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – 10-е изд. – М. : Изд. бр. Башмаковых, 1912. – 951 с.

[3] Свит, Ю. П. Понятие и критерии существенного недостатка товара / Ю. П. Свит // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 2. –

С. 15–21.

[4] Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2011. – 847 с.

[5] Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – М. : Норма, 2020. – 576 с.

[6] Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2002. – 552 с.

[7] Об обеспечении единства измерений : Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 26. – Ст. 3021.

[8] Алексеев, С. С. Общая теория права : В двух томах. Том первый / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1981. – 360 с.

[9] Тарасов, Н. Н. Истина в юридическом исследовании / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 1998. – № 1. – С. 15–24.

[10] Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М. : Эксмо, 2015. – 448 с.

[11] Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1999. – 1072 с.

[12] Керимов, Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М. : Аванта+, 2000. – 560 с.

[13] Муромцев, С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1879. – 240 с.

[14] Мейер, Д. И. Русское гражданское право. Чтения, изданные по запискам слушателей / Д. И. Мейер. – 8-е изд., испр. и доп. – СПб. : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1902. – 800 с.

[15] Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юридическая литература, 1974. – 351 с.

[16] Майлис, Н. П. Трасология и трасологическая экспертиза : Курс лекций / Н. П. Майлис. – М. : РГУП, 2015. – 344 с.

[17] Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е. Р. Россинская. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 736 с.

[18] Свит, Ю. П. Понятие и критерии существенного недостатка товара / Ю. П. Свит // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 2. – С. 15–21.

[19] Сергеев, А. П. Гражданское право. Том второй / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – М. : Проспект, 1997. – 784 с.

[20] Николаева, М. А. Теоретические основы товароведения : учебник для вузов / М. А. Николаева. – М. : Норма, 2007. – 448 с.

[21] Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2000. – 411 с.

[22] Гавзе, Ф. И. Обязательственное право: общие положения / Ф. И. Гавзе. – Минск : Изд-во БГУ, 1968. – 128 с.

[23] Тархов, В. А. Гражданское право. Общая часть : курс лекций / В. А. Тархов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1997. – 331 с.

[24] Шерстобитов, А. Е. Гражданско-правовые вопросы охраны прав потребителей / А. Е. Шерстобитов. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 144 с.

[25] Суханов, Е. А. Гражданское право : В четырех томах. Том третий: Обязательственное право / Е. А. Суханов. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 800 с.

[26] Садиков, О. Н. Гражданское право Российской Федерации. Обязательственное право / О. Н. Садиков. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 895 с.

[27] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. – 2012. – 11 июля (№ 156).

[28] Жижина, М. В. Основы судебно-товароведческой экспертизы : учебное пособие / М. В. Жижина. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 216 с.

[29] Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства / К. П. Победоносцев. – СПб. : Синодальная типография, 1896. – 749 с.

[30] Шершеневич, Г. Ф. Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1893. – 244 с.

[31] Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. – М. : Госюриздат, 1950. – 416 с.

[32] Козлов, Ю. М. Управление народным хозяйством СССР. Часть первая / Ю. М. Козлов. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 184 с.

[33] Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е. Р. Россинская. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 736 с.

[34] Свиридов, В. А. Правовые основы обеспечения единства измерений в Российской Федерации / В. А. Свиридов // Законодательство и экономика. – 2012. – № 4. – С. 25–30.

[35] Орлов, Ю. К. Заключение эксперта как источник судебных доказательств в советском гражданском процессе / Ю. К. Орлов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1986. – 161 с.

[36] Ухов, В. А. Метрологическое обеспечение судебных экспертиз / В. А. Ухов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 1. –

С. 44–50.

[37] Зинин, А. М. Судебная экспертиза : учебник / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. – М. : Право и закон, 2002. – 320 с.

References:

[1] Ioffe, O. S. Law of Obligations / O. S. Ioffe. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1975. – 880 p.

[2] Shershenevich, G. F. Textbook of Russian Civil Law / G. F. Shershenevich. – 10th ed. – Moscow: Bashmakov Brothers Publishing, 1912. – 951 p.

[3] Svit, Yu. P. The Concept and Criteria of a Material Defect in a Product / Yu. P. Svit // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2010. – No. 2. – pp. 15–21.

[4] Braginsky, M. I. Contract Law. Book One: General Provisions / M. I. Braginsky, V. V. Vitryansky. – Moscow: Statut, 2011. – 847 p.

[5] Rossinskaya, E. R. Forensic Expert Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings / E. R. Rossinskaya. – Moscow: Norma, 2020. – 576 p.

[6] Nersesyants, V. S. General Theory of Law and the State / V. S. Nersesyants. – Moscow: Norma, 2002. – 552 p.

[7] On Ensuring the Uniformity of Measurements: Federal Law No. 102-FZ of June 26, 2008 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 26. – Art. 3021.

[8] Alekseev, S. S. General Theory of Law: In Two Volumes. Volume One / S. S. Alekseev. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1981. – 360 p.

[9] Tarasov, N. N. Truth in Legal Research / N. N. Tarasov // Russian Law Journal. – 1998. – No. 1. – pp. 15–24.

[10] Aristotle. Metaphysics / Aristotle. – Moscow: Eksmo, 2015. – 448 p.

[11] Hegel, G. W. F. Science of Logic / G. W. F. Hegel. – Moscow: Mysl, 1999. – 1072 p.

[12] Kerimov, D. A. Methodology of Law: Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law / D. A. Kerimov. – Moscow: Avanta+, 2000. – 560 p.

[13] Muromtsev, S. A. Definition and Fundamental Division of Law / S. A. Muromtsev. – Moscow: A. I. Mamontov Printing House, 1879. – 240 p.

[14] Meyer, D. I. Russian Civil Law: Lectures Published Based on Students' Notes / D. I. Meyer. – 8th ed., rev. and exp. – St. Petersburg: D. V. Chichinadze Printing House, 1902. – 800 p.

[15] Khalfina, R. O. General Doctrine of Legal Relations / R. O. Khalfina. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1974. – 351 p.

[16] Mailis, N. P. Trasology and Trasological Expertise: A Course of Lectures / N. P. Mailis. – Moscow: RGUP, 2015. – 344 p.

[17] Rossinskaya, E. R. Forensic Expertise in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings: A Monograph / E. R. Rossinskaya. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. – 736 p.

[18] Svit, Yu. P. The Concept and Criteria of a Substantial Defect in a Product / Yu. P. Svit // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2010. – No. 2. – pp. 15–21.

[19] Sergeyev, A. P. Civil Law. Volume Two / A. P. Sergeyev, Yu. K. Tolstoy. – Moscow: Prospekt, 1997. – 784 p.

[20] Nikolayeva, M. A. Theoretical Foundations of Commodity Science: A Textbook for Higher Education Institutions / M. A. Nikolayeva. – Moscow: Norma, 2007. – 448 p.

[21] Gribanov, V. P. The Exercise and Protection of Civil Rights / V. P. Gribanov. – Moscow: Statut, 2000. – 411 p.

[22] Gavze, F. I. Law of Obligations: General Provisions / F. I. Gavze. – Minsk: BSU Publishing House, 1968. – 128 p.

[23] Tarkhov, V. A. Civil Law. General Part: A Course of Lectures / V. A. Tarkhov. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1997. – 331 p.

[24] Sherstobitov, A. E. Civil Law Issues Regarding the Protection of Consumer Rights / A. E. Sherstobitov. – Moscow: MSU Publishing House, 1993. – 144 p.

[25] Sukhanov, E. A. Civil Law: In Four Volumes. Volume Three: Law of Obligations / E. A. Sukhanov. – Moscow: Wolters Kluwer, 2005. – 800 p.

[26] Sadikov, O. N. Civil Law of the Russian Federation. Law of Obligations / O. N. Sadikov. – Moscow : INFRA-M, 2004. – 895 p.

[27] On the Adjudication by Courts of Civil Cases Involving Consumer Rights Protection Disputes : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 dated June 28, 2012 // Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – July 11 (No. 156).

[28] Zhizhina, M. V. Fundamentals of Forensic Commodity Expertise : Study Guide / M. V. Zhizhina. – Moscow : Yurlitinform, 2012. – 216 p.

[29] Pobedonostsev, K. P. Course on Civil Law. Part Three: Contracts and Obligations / K. P. Pobedonostsev. – St. Petersburg : Synodal Printing House, 1896. – 749 p.

[30] Shershenevich, G. F. The Science of Civil Law in Russia / G. F. Shershenevich. – Kazan : Printing House of the Imperial University, 1893. – 244 p.

[31] Novitsky, I. B. General Doctrine of Obligations / I. B. Novitsky, L. A. Lunts. – Moscow : Gosyurizdat, 1950. – 416 p.

[32] Kozlov, Yu. M. Management of the National

Economy of the USSR. Part One / Yu. M. Kozlov. – Moscow : Moscow State University Press, 1971. – 184 p.

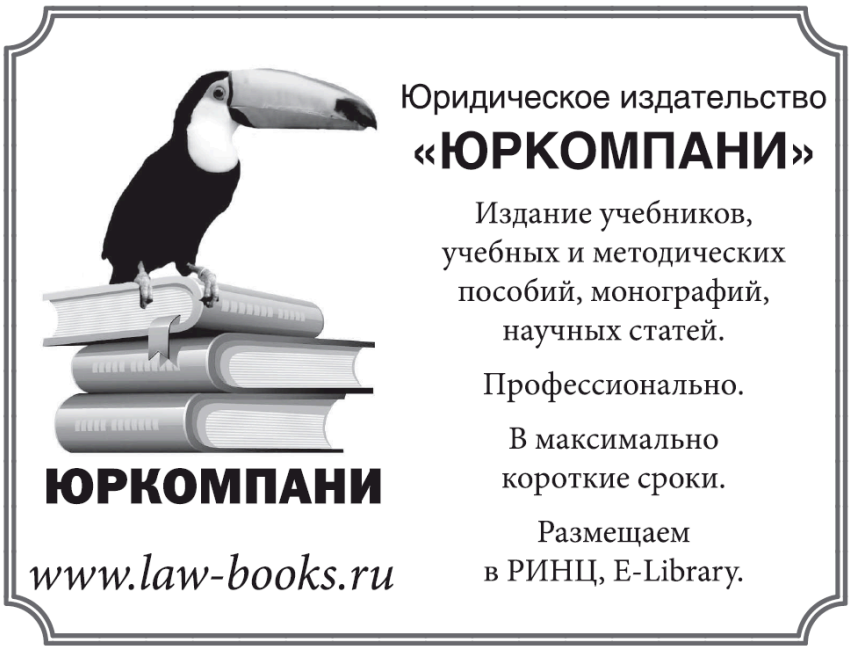
[33] Rossinskaya, E. R. Forensic Expert Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings: A Monograph / E. R. Rossinskaya. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. – 736 p.

[34] Sviridov, V. A. Legal Foundations for Ensuring the Uniformity of Measurements in the Russian Federation / V. A. Sviridov // Legislation and Economics. – 2012. – No. 4. – pp. 25–30.

[35] Orlov, Yu. K. The Expert's Opinion as a Source of Judicial Evidence in Soviet Civil Proceedings / Yu. K. Orlov. – Saratov: Saratov University Press, 1986. – 161 p.

[36] Ukhov, V. A. Metrological Support for Forensic Expert Examinations / V. A. Ukhov // Theory and Practice of Forensic Expert Examination. – 2015. – No. 1. – pp. 44–50.

[37] Zinin, A. M. Forensic Expert Examination: A Textbook / A. M. Zinin, N. P. Mailis. – Moscow: Pravo i Zakon, 2002. – 320 p.



ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 30.10.2026.
Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 129,375.
Тираж 100 экз. Заказ № 46.
Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом «Академик»
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.